

ИСТОРИЧЕСКІЙ  
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ ХСІ.



ИСТОРИЧЕСКІЙ  
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

---

ТОМЪ ХСІ

1903



С.-ПЕТЕРБУРГЪ  
ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1903







ИСТОРИЧЕСКІЙ  
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-  
ЛИТЕРАТУРНЫЙ  
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЯНВАРЬ, 1903

# СОДЕРЖАНІЕ.

ЯНВАРЬ, 1903 г.

	СТРАВ.
I. Военные мужики. (Романъ). I—VIII. Графа <b>Е. А. Салиаса</b> . . . . .	7
II. Изъ записокъ графа <b>А. X. Бенкендорфа</b> . . . . .	37
III. Къ двадцатипятилѣтню освобожденія Болгарин. Заключение пемремири въ Адрианополѣ 19 января 1878 года. <b>А. П. Нелидова</b> . . . . .	66
IV. Роковая спѣвка. (Разсказъ). <b>Н. Н. Потапенко</b> . . . . .	82
V. Подвѣка назадъ. (Отрывокъ изъ воспоминаній). <b>Г. К. Градовскаго</b> . . . . .	103
VI. Изъ записокъ петербургскаго полицеймейстера <b>Ф. Ф. Дубисса-Крачака</b> . Гл. I—V. . . . .	118
VII. Воспоминанія о Сперанскомъ. <b>Н. П. Баснина</b> . . . . .	152
VIII. Двухсотлѣтне русской печати. (1703—1803). I—V. <b>Н. А. Энгельгардта</b> . . . . .	174
IX. <b>Ф. М. Достоевскій</b> въ Семипалатинскѣ. <b>А. В. Скандина</b> . . . . .	200
<p><b>Иллюстраціи:</b> 1) Фѣдоръ Михайловичъ Достоевскій. — 2) Деревянная казарма, одинаковая по вышнему виду съ казармой, сгорѣвшей въ 1881 году, гдѣ несъ солдатскую службу <b>Ф. М. Достоевскій</b>. — 3) Изба (бывшее караульное помѣщеніе), гдѣ бывалъ въ караулѣ <b>Ф. М. Достоевскій</b>. — 4) Зданіе, гдѣ жилъ командиръ баталіона, у котораго часто бывалъ <b>Ф. М. Достоевскій</b>. — 5) Домъ Лепухинныхъ, гдѣ <b>Ф. М. Достоевскій</b> жаль офицеромъ, съ женою, до своего отъѣзда изъ Семипалатинска.</p>	
X. По Маринской системѣ. (Путевые наброски). I—V. <b>Н. Ф. Тюменева</b> . . . . .	226
<p><b>Иллюстраціи:</b> 1) Схематическій планъ системъ: Вышневолоцкой, Тихвинской и Маринской. — 2) Церковь Михаила Архангела близъ чугуныхъ заводовъ въ Пезербургѣ. — 3) Преображенская церковь и зданіе фарфороваго завода въ Петербургѣ. — 4) Церковь въ селѣ Александровскомъ. — 5) Село Рыбачкое. (Видъ с. Рыбачкаго съ Невы отъ Доковой рощи. Портретъ Слѣпушкина. Домъ Слѣпушкина на устьѣ рѣки Славянки). — 6) Памятникъ въ Усть-Ижорѣ. — 7) Красныя сосны. — 8) Мыза Пелла. — 9) Благовѣщенскій соборъ въ Шлиссельбургѣ. — 10) Ладожское озеро и Кошкинскій рейдъ.</p>	
XI. Какъ я поступила въ Смольный монастырь. <b>Л. Л. Снѣгиревой</b> . . . . .	266
XII. Императоръ Александръ I въ селѣ Чумырѣ въ 1824 году. <b>М. С.</b> . . . . .	271
XIII. Памяти <b>К. А. Вернера</b> . <b>С. П. Васюкова</b> . . . . .	277
<p><b>Иллюстрація:</b> Константинъ Антоновичъ Вернеръ.</p>	
XIV. Изъ исторіи сношеній Россіи съ православнымъ Востокомъ въ XIX вѣкѣ. <b>И. С.</b> . . . . .	293
XV. Столѣтіе Юрьевского университета. (1802—1902). <b>Д. З.</b> . . . . .	307
XVI. Критика и библиографія . . . . .	315

1) Student's History of the Greek Church. By the rev. A. H. Nore. M. A. Trinity College, Oxford. 1902. С.—2) В. И. Ясевичъ-Вородаевская. Сектанство въ Киевской губерніи. Баптисты и малеванцы. Сиб. 1902. С.—3) Московскій архивъ министерства юстиціи. Архивное дѣло въ Россіи. Книга 1-ая. Современное русское архивное настроеніе. Книга 2-я. Прошедшая, настоящая и будущая постановка архивнаго дѣла въ Россіи. Управляющій архивомъ Д. Я. Самоковсовъ. 1852—1902. Июль. М. 1902. щ.—4) Троицкая Голландія. Пять лѣтъ на островѣ Явѣ. Съ шестью картами. М. М. Вакунина. Сиб. 1902. и. н. з.—5) Памяти **Л. Н. Майкова**. Сборникъ. Сиб. 1902. п. щ.—6) Сборникъ законовъ объ устройствѣ крестьянъ и поселеніи внутреннихъ губерній Россіи, составилъ Г. Г. Савичъ. Изданіе неофициальное. Сиб. 1903. ии. ни. об.—7) Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ за сто лѣтъ его существованія (1802—1902). Томъ I: первый и второй періоды (1802—1865). Историческій очеркъ **Е. В. Пѣтухова**, ординарнаго профессора Императорскаго Юрьевского университета. Съ фототипическими приложеніями. Юрьевъ. 1902. Статистическія таблицы и личные списки по императорскому Юрьевскому, бывшему Дерптскому, университету (1802—1902). Приложеніе къ историческому очерку **Е. В. Пѣтухова**: «Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій университетъ» etc. Юрьевъ. 1902. Д. з.—8) Щукинскій сборникъ. Выпускъ I. М. 1902. ии.—9) Историко-филологическій факультетъ. (Семейный университетъ **Ф. С. Комарскаго**. Сборникъ популярныхъ лекцій для самообразованія). Выпускъ I. Сиб. 1903. п. н.—аго.—10) В. Якимовъ. По слѣдамъ голода. Сиб. 1903. А. Фаресова.—11) Н. Н. Вангышъ-Каменскій. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 годъ). Часть четвертая.

См. слѣд. стр.

(Пруссия, Франция и Швеция). Съ указателемъ ко всѣмъ 4 частямъ. Изданіе комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ при Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Москва. 1902. А. Никитинскаго. — 12) Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. А. Ефремова. Изданіе А. С. Суворина. 1903. Тома I, II, III. П. щ. — 13) Записки общества исторіи, филологіи и права при императорскомъ Варшавскомъ университетѣ. Вып. I. Варшава. 1902. П. К.—аго. — 14) Гоголь на родинѣ. Альбомъ художественныхъ фототипій и гелиографюръ, относящихся къ памяти Н. В. Гоголя. Изданіе I. Хмелевскаго въ Полтавѣ. 1902. С. ш. — 15) Очерки покоренія Кавказа. Съ рисунками и картами. Служивый. Спб. 1902. Н.—ича. — 16) Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссіи. Томъ второй. Кишиневъ. 1902. В. Руданова. — 17) Исторія Иркутскаго драгунскаго полка. Составилъ Евгений Альбовскій. Минскъ. 1902. И. Н. З.—18) И. Божеряновъ. Невскій проспектъ. 1703—1903. Культурно-историческій очеркъ С.-Петербурга за два вѣка. Юбилейное изданіе А. И. Вильборга. Томъ II. Спб. 1902. Вл. Б.—19) Художественныя сокровища Россіи. Ежемесячный сборникъ, издаваемый императорскимъ обществомъ поощренія художествъ. Спб. 1902 №№ 7—11. Вл. Б.—20) Н. В. Никитинъ. Преступный міръ и его защитники. Съ 11-ю портретами. Спб. 1902. Бор. Городецкаго.—21) И. П. Замотинъ. Три романтическихъ мотива въ произведенияхъ Гоголя. Къ характеристикѣ Гоголевскаго идеала. Варшава. 1902. П. щ.—22) П. Ильенко. Закаспійская область. Очеркъ. Москва. 1902. А. Никитинскаго.

## XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи . . . . . 354

1) Народные праздники въ древней Франціи. — 2) Горійская тайна. — 3) Переписка Людовика XIII съ Ришелье. — 4) Петръ Великій въ Донкирихенъ. — 5) Людовикъ XVI и Франсуа Гамэнъ. — 6) Амьенскій миръ. — 7) Нѣмецкая печать во времена Наполеона. — 7) Воспитаніе герцога Рейхштадтскаго. — 8) Двое похоронъ.

## XVIII. Смѣсь . . . . . 380

1) Суворовскіе памятники. — 2) Памятники Севастопольской обороны. — 3) Диспутъ М. М. Богословскаго. — 4) Высочайшее посѣщеніе музея и раскопки въ Херсонесѣ. — 5) Древніе памятники христіанства въ Крыму. — 6) Московское историческое общество. — 7) С.-Петербургское археологическое общество. — 8) Общество археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. — 9) Археологическій институтъ. — 10) Библиологическое общество. — 11) Географическое общество. — 12) Тверской музей. — 13) Археологическія раскопки въ Орловской губерніи. — 14) Городище каменнаго вѣка.

## XIX. Некрологи . . . . . 403

1) Аскназій, И. Л. — 2) Врангель, В. Л. — 3) Грабовскій, П. А. — 4) Дружининъ, Я. А. — 5) Ефимовъ, В. В. — 6) Кангакузинъ, кн. Г. Л. — 7) Карасевичъ, Н. Л. — 8) Климентовъ, П. С. — 9) Кривошеинъ, А. К. — 10) Мещерскій, А. И. — 11) Назимовъ, П. Н. — 12) Прудентовъ, Н. Д. — 13) Путятинъ, кн. В. Д. — 14) Справинскій, Ф. И. — 15) Сухановъ, И. И. — 16) Тихъевъ, И. И. — 17) Фалькъ, Э. Г. — 18) Фортинскій, Ф. Я. — 19) Ясаковъ, Т. А.

## XX. Замѣтки и поправки . . . . . 415

I. По поводу статьи г-жи Визюкиной: «Н. И. Бухаровъ и его дворецкія Данилчъ». Е. Н. Тиранъ и А. Н. Скобельцыной. — II. О качествѣ матеріаловъ при изготовленіи панорамы Севастопольской обороны. А. Заюнчиковскаго.

## XXI. Объявленія.

**ПРИЛОЖЕНІЯ:** 1) Двѣ любви. (Via crucis). Романъ изъ исторіи второго крестоваго похода. **Моріона Кровфорда.** Переводъ съ англійскаго. Часть первая. Гл. I—V. — 2) Федоръ Михайловичъ Достоевскій. (Съ рѣдкой литографіи, принадлежащей г. Бахиреву).

# Сочиненія Е. Е. Голубинскаго,

заслуженнаго ординарнаго профессора Московской духовной академіи:

1. Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской, — цѣна безъ пересылки 2 р. 75 к., съ пересылкой 3 р.,

2. Исторія русской церкви, томъ I, первая половина, второе изданіе, — цѣна безъ пересылки 5 р., съ пересылкой 6 р.

3. Исторія русской церкви, томъ II, первая половина, — цѣна безъ пересылки 4 р. 50 к., съ пересылкой 5 р.,

4. Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви, изданіе второе, — цѣна безъ пересылки 3 р. 50 к., съ пересылкой 4 р.,

въ Москвѣ продаются у Сергѣя Алексѣевича Бѣлокурова въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, на углу Воздвиженки и Моховой, также въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ; иногородными выписываются отъ С. А. Бѣлокурова по сейчасъ указанному адресу.





О ПОДПИСКѢ  
НА  
**„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“**  
въ 1903 году

(ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ).

**„Историческій Вѣстникъ“** будетъ издаваться въ 1903 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе двадцать три года (1880—1902).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора **„Историческаго Вѣстника“** въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“**, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одесѣ** и **Саратовѣ**, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени“**.

# ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, МОСКВА, ХАРЬКОВЪ, ОДЕССА и САРАТОВЪ)

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

## ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО.

Четвертое изданіе, дополненное и исправленное,

съ 80 портретами и иллюстраціями.

Настоящее четвертое изданіе историческихъ очерковъ и рассказовъ С. Н. Шубинскаго существенно отличается отъ первыхъ трехъ (первое изданіе напечатано въ 1869 году, второе въ 1871 году и третье въ 1893 году). Въ него включены двѣнадцать новыхъ статей, а прежнія тщательно пересмотрѣны. Кромѣ того, число портретовъ и рисунковъ увеличено до 80 (вмѣсто 56 третьяго изданія); всѣ они воспроизведены, большею частью, съ рѣдкихъ оригиналовъ.

Книга заключаетъ въ себѣ 570 страницъ убористаго шрифта; кромѣ того, къ ней приложенъ «Указатель личныхъ именъ».

ЦѢНА 3 рубля 50 коп.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году.—Петръ Великій въ Делфтѣ.—Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика.—Вѣнценосный хирургъ.—Императорскій титулъ.—Первые бабы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтнія Петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.—Московскій маскарадъ 1722 года.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.—Березовскіе ссыльные.—Дочь Бирона.—Убійство Синьдера.—Холмогорская старина.—Императрица Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Исторія Мѣднаго Всадника.—Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто.—Столѣтіе кончины князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чужакъ XVIII столѣтія.—Вельможа Екатерининскаго времени.—Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ.—Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Жена Суворова.—Пѣвица Габриелли.—Аристократка Александровскаго времени.—Молодость графа Аракчеева.—Сынъ Аракчеева.—Подпоручикъ Федосѣевъ.—Семейное преданіе.—Забитый филантропъ.—Послѣдній графъ Головкинъ.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Дуэль Новосильцова съ Черновымъ.—Кирьяново, дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году.—Мнимое завѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература.

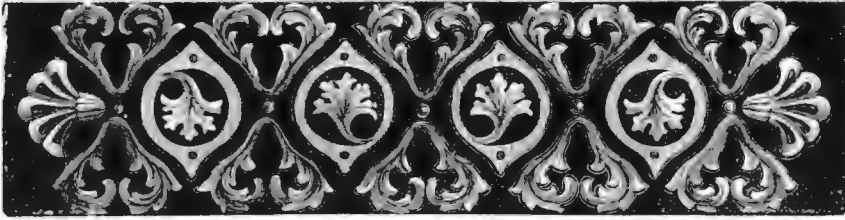




ФЕДОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ДОСТОЕВСКІЙ.  
Съ рѣдкой литографіи принадлежащей г. Бахиреву.

дозв. ценз. 20 декабря 1902 г. спб.





## ВОЕННЫЕ МУЖИКИ.

Романъ.

—  
I.



**И**СЛОВѢКЪ, умный на мелочи въ обиходѣ жизни, но собственно ограниченный и бездарный, стоящій у кормила правленія и при этомъ полновластный—великое зло для государства. Полновластіе, иногда всемогущество, соединенное со скудоуміемъ, было, по счастью, въ Россіи явленіемъ рѣдкимъ. Однимъ изъ таковыхъ, одаренныхъ скудно разумомъ и щедро самолюбіемъ, былъ, и цѣлыхъ четверть столѣтія, знаменитый или пресловутый графъ Аракчеевъ.

Будучи собственно только военнымъ министромъ, онъ правилъ Россіей, потому что пользовался любовью, уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ двухъ русскихъ монарховъ, благодаря лишь одному особому дару, конечно, не Божьему,—дару, заключавшему въ себѣ смѣсь лукавства, вкрадчивости и лести. Даръ этотъ отводитъ глаза, заставлялъ во всемъ вѣрить себѣ, заставлялъ думать на его ладъ, доходилъ до того, что ограниченный человѣкъ заставлялъ иныхъ истинно умныхъ людей вѣрить и въ его государственный умъ, коего не было и тѣни.

Замѣчательнымъ явленіемъ было то, что помимо двухъ императоровъ не было почти ни единого человѣка во всей Россіи, который бы относился къ Аракчееву равнодушно. Всѣ, отъ мала до велика, сверху донизу, отъ невскихъ береговъ до глухихъ закоулковъ Россіи, одинаково ненавидѣли временщика.

И хорошіе, и дурные люди относились къ всемогущему временщику съ одинаковымъ озлобленіемъ. Хорошіе люди не выносили его жестокости, безсердечія, надменности и самолюбія, дурные люди глубоко его ненавидѣли за безоцадныя крутыя проявленія единственнаго его качества, разумѣется, качества условнаго, относительнаго—прямолинейную честность служебную.

Аракчеевъ былъ честный человѣкъ въ эпоху процвѣтанія вѣточничества и административнаго грабительства, въ эпоху, когда казнокрадство, ловкое и искусное, ставилось чуть не въ добродѣтель. Временщику, который былъ богачемъ по милости двухъ монарховъ, конечно, самому лично не надобилось пользоваться казенными деньгами, но, разумѣется, онъ могъ бы отнестись равнодушно къ окружающему чиновничьему разбою, а между тѣмъ былъ грозою мздоимцевъ и лихоимцевъ. Искоренить, вырвать съ корнемъ вѣсковое ядовитое растеніе было трудно, а онъ какъ будто задался этой цѣлью...

Если въ этомъ отношеніи Аракчеевъ былъ полезнымъ государственнымъ мужемъ, то во всемъ другомъ, кромѣ вреда, онъ ничего своей родинѣ не принесъ. Въ головѣ ограниченнаго и самолюбиваго человѣка постоянно рождалось много плановъ и проектовъ, маленькихъ, большихъ и огромныхъ, и многіе изъ нихъ приводились въ исполненіе полновластной рукой.

Одинъ изъ самыхъ громадныхъ и злополучныхъ проектовъ былъ нелѣпой выдумкой, вполне доказывающей полную умственную несостоятельность того, кому онъ пришелъ на умъ. Всѣ великіе люди что либо свое измыслили и создали,—какъ же можно было графу Аракчееву не обезсмертить себя въ Россіи и на землѣ гениальнымъ твореніемъ?

Однажды временщикъ додумался до простаго способа сдѣлать Русское государство самымъ сильнымъ, самымъ могущественнымъ во всемъ мірѣ. Онъ рѣшилъ, что всякій россиянинъ, изъ края въ край, долженъ быть воиномъ, защитникомъ родины отъ врага. Всякій, слѣдовательно, крестьянинъ, отъ пятнадцати и шестнадцатилѣтняго парня до пятидесяти—шестидесятилѣтняго старика, оставаясь пахаремъ, долженъ быть и искуснымъ солдатомъ, но натасканнымъ на военное дѣло, какъ натаскиваютъ для охоты лягавыхъ собакъ. Методъ—жестокость, средство—битье. При этомъ человѣкъ, какъ и лягавая собака, если вынесетъ обученіе, то станетъ дѣло разумѣть.

Это великое преобразованіе государства многимъ показалось, дѣйствительно, хитроумнымъ, быть можетъ, имѣющимъ громадное будущее. И Александръ Павловичъ дозволилъ любимцу начать его великое дѣло, а въ видѣ пробы тотчасъ же осуществить его невдалекѣ отъ столицы.

И чрезъ шесть лѣтъ послѣ взятія Москвы Бонапартомъ, поближе къ второй новой столицѣ, а именно около Новгорода и Ста-

рой Руссы, появились такъ называемыя «военныя поселенія». Во вновь выстроенныхъ слободахъ, съ домиками по новому плану, былъ поселенъ гренадерскій пѣхотный корпусъ, состоявшій изъ трехъ дивизій, по шести полковъ въ каждой.

По двумъ берегамъ рѣки Волхова разселились три полка: австрійскаго императора полкъ, короля прусскаго полкъ и третій, какъ бы равнаго монархамъ, графа Аракчеева полкъ. Для созданія такихъ военныхъ мужиковъ на первыхъ порахъ было придумано смѣшеніе каждой роты съ такимъ же количествомъ простыхъ крестьянъ. Мужики играли роль тѣста, солдаты — роль дрожжей.

Первая же мѣра по отношенію къ военнымъ поселянамъ очень обрадовала настоящихъ рядовыхъ и опечалила мужиковъ. Разрѣшивъ всѣмъ женатымъ солдатамъ немедленно на казенный счетъ выписать своихъ женъ и дѣтей къ себѣ, изъ какихъ бы дальнихъ краевъ ни пришлось имъ ѣхать, строго было приказано холостымъ рядовымъ жениться на мѣстныхъ крестьянскихъ дѣвушкахъ по своему выбору, не прося на это согласія ихъ родителей, а лишь согласія командировъ.

Послѣдствіемъ этого явилось много браковъ, не такихъ, какіе всегда бываютъ въ русскомъ народѣ, гдѣ въ большинствѣ случаевъ мужу двадцать лѣтъ, а женѣ шестнадцать. Теперь появились брачныя четы, гдѣ женѣ было шестнадцать и семнадцать лѣтъ, а мужу за сорокъ и пятьдесятъ. При этомъ, конечно, родственники женъ, не только братья, но и отцы, даже дѣды бѣлоголовые, попали подъ команду навязаннаго зятя. Простой капральный унтеръ-офицеръ могъ безъ доклада по начальству нещадно наказывать своего тестя по малѣйшему поводу или изъ простой прихоти.

Вдобавокъ, въ мѣстности было много старообрядцевъ, которые волей-неволей все-таки увидѣли своихъ дочерей и сестеръ замужемъ за вѣроотступниками, къ тому же насквозь пропитанными дьяволовымъ зельемъ—табачищемъ, не говоря уже объ ихъ грѣховномъ перстосложеніи.

Слободы, вновь выстроенныя, были красивы, по расчету не менѣе шестидесяти дворовъ. Каждый домъ раздѣлялся коридоромъ на двѣ части, которыя соединялись подъ одной крышей. Кровь связывалъ двѣ совершенно разныя половины, и отсюда явилось новое названіе. Постройки не назывались избами или домами, а назывались «связями».

Изъ двухъ комнатъ, выходившихъ на фасъ или на улицу, въ одной жилъ солдатъ семьянинъ, а въ другой помѣщалась вся военная амуниція и оружіе. Во второй части, задней, обращенной во дворъ, было тоже двѣ комнаты, изъ которыхъ въ одной жили осолдаченные мужики, а въ другой были полевыя орудія и все касающееся до земледѣлія и сельскаго хозяйства вообще.



Во всякой слободѣ посрединѣ высилось двухъэтажное зданіе съ каланчей и шпилемъ, а въ немъ была квартира ротнаго командира. Тутъ же помѣщалась его канцелярія, сарай съ пожарными инструментами и манежъ для зимнихъ военныхъ занятій. Во второмъ этажѣ была небольшая церковь и школа для дѣтей.

Разумѣется, церковь была настолько маленькая, что въ ней едва вмѣщалось около полсотни человѣкъ, а поэтому не всегда можно было достигнуть того, чтобы помолиться Богу.

Несмотря на то, что лишь половина военныхъ поселенцевъ была солдатами, а половина мужиками, — дисциплина, какъ военная, такъ и хозяйственная, была введена строжайшая... Съяли, косили, жали по командѣ... Но и это было ничѣмъ въ сравненіи съ самымъ порядкомъ сутокъ и, стало быть, существованія. Приѣмъ пищи, сонъ, отдыхъ и многое иное личное, семейное, производилось такъ же, какъ и шагистика, строевое ученіе или ружейные приѣмы. Если не по командѣ, то по указу. Если требовалось въ ротномъ ученіи въ извѣстный моментъ вытянуть лѣвую ногу на воздухъ и держать ее въ пространствѣ, стоя на одной правой столько времени, сколько пожелаетъ начальство, ротный командиръ, фельдфебель или капральный унтеръ, то требовалось одинаково обѣдать въ извѣстный часъ, начиная и оканчивая ѣду въ извѣстное время. Относительно опредѣленія времени сна или отдыха было еще строже. Въ извѣстную минуту огонь во всѣхъ «связяхъ» долженъ былъ гаснуть...

Военный мужикъ, замѣченный въ томъ, что не въ урочный часъ шелъ къ сосѣду или у себя гостей принялъ, получалъ выговоръ и наставленіе или же совѣтъ:

— Грѣха тутъ нѣтъ, да не велѣно. Дѣлай что ль такъ, чтобы не видно было.

За отсутствіе мундирной пуговицы полагалось минимумъ розогъ пятьдесятъ.

За серьезный проступокъ, какъ дерзость начальству, унтеру, полагалось пятьсотъ розогъ.

Максимума не было, указывалось: «перестать, когда удостовѣрено будетъ присутствующимъ врачемъ, что время», а то помретъ.

Въ исторіи русской осталось аракчеевское изреченіе, употребившееся въ его приказахъ: «наказать безъ врача!». Это значило, послѣ наказанія живого, продолжать хлестать по трупу, ради лишь обущенія счисленію и снятія мяса съ костей.

Герцогу Бирону далеко до Аракчеева!

## II.

Шель 1831 годъ, былъ конецъ мая.

Красивая и широкая поселенная слобода Рускино оживилась, пестрѣла, шумѣла.

Былъ праздничный день, да, кромѣ того, все лѣто было жаркое, за весь май особенная духота и засуха, заставлявшая служить молебны о дождѣ, а день выдался сравнительно прохладный, благодаря нѣсколько облачному небу. Всѣ хозяева подѣльнѣе приободрились, взирая на сѣрое небо: авось-то и дождика можно будетъ дождаться, думалось имъ.

Вся улица поселенія была полна народу. Всѣ обыватели, принарядившись ради праздника, сидѣли у воротъ своихъ домовъ, или сновали по улицѣ, ходили другъ къ другу. Если на ротномъ дворѣ было немало гостей у командира Дасаева, то и во многихъ большихъ связяхъ были тоже гости.

Почти на краю слободы была большая, на видъ почище и по-свѣжѣе, «связь» ротнаго фельдфебеля. По протекціи командира, онъ занималъ весь домъ одинъ, безъ проживающаго поселенина мужика. Здѣсь, ради праздника, было больше гостей, да и всегда въ свободное время у хозяина, Ѳерапонта Петрова, бывали гости чаще и въ большемъ количествѣ, чѣмъ у другихъ.

Причинъ на это было много. Во-первыхъ, Петровъ былъ сравнительно богатый человекъ, и хотя на видъ угрюмый, но добродушный и хлѣбосоль, у котораго всегда бывало угощеніе. Во-вторыхъ, Петровъ былъ лучшимъ фельдфебелемъ. Ротный командиръ Дасаевъ, пожилой, очень тучный, котораго и звали всѣ «нашъ пузанъ», былъ тяжелъ на подъемъ, лѣнивъ и въ движеніяхъ, да и въ мысляхъ, а состоящій при немъ фельдфебель Ѳерапонтъ Ильичъ, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, былъ бодрый, трудолюбивый, распорядительный, немножко грамотный. И такъ какъ увѣряли, будто фельдфебель имѣетъ большое вліяніе на ротнаго командира, то, слѣдовательно, Петровъ пользовался и извѣстнымъ уваженіемъ во всемъ Рускинѣ.

Наконецъ, была еще причина, по которой народъ относился къ Ѳерапонту Ильичу Петрову нѣсколько иначе, чѣмъ къ другимъ. Хозяйка его была не только извѣстна хорошо всѣмъ и въ Рускинѣ и въ сосѣднихъ поселеніяхъ, но, какъ говорили, была извѣстна и въ Старой Руссѣ, и въ Новгородѣ всему начальству.

Жена фельдфебеля, по имени Марѳа, но по прозвищу «Митриха», данному Богъ вѣсть когда, стала извѣстна, во-первыхъ, потому, что была исключительно красива и была истая, коренная новгородка, статная, высокая и полная. Густыя косы цвѣта соломы,

умные большіе синіе глаза, маленькій носикъ и пухлыя розовыя губы—все было въ ней привлекательно. Наконецъ, надо было дивиться и тому, что женщина такихъ монументальныхъ размѣровъ могла все-таки отличаться красивымъ станомъ.

Но если Митриха поражала всякаго, выдавшаго ее въ первый разъ, силой и мощью своего стана, то вмѣстѣ съ тѣмъ немало могла удивить и мощью душевной, т.-е. своимъ умомъ и особенно своей рѣшительностью. Однажды, какое-то начальственное лицо въ Новгородѣ, побывавшее случайно въ Рускинѣ и увидѣвшее Митриху, о которой оно уже слыхало, обмолвилось однимъ новымъ прозвищемъ для этой женщины.

Прозвище это ничего не сказало обывателямъ Рускина, за исключеніемъ мѣстнаго начальства, хотя и оно было не очень грамотно. Чиновникъ, повидавъ Марѳу, выразился:

— Марѳа она? Такъ и прозываться ей слѣдуетъ. Сушяя она, поглядѣть, Марѳа Посадница.

И только сама красавица, услыша это странное прозвище, пожелала, конечно, узнать, что за «Посадница» такая. Когда же, спустя, быть можетъ, нѣсколько мѣсяцевъ, кто-то объяснилъ ей, какъ обозвалъ ее чиновникъ губернской, Марѳа ухмыльнулась, закинула немножко голову назадъ, что было ея привычкой и придавало ей особенно горделивый видъ, и сказала:

— Что же? Будь теперь иныя времена какія, можетъ, я и впрямь въ посадницы попала бы.

Если люди пожилые и старики любили бывать у фельдфебеля и бесѣдовать съ нимъ, то, съ другой стороны, немало молодежи, всякаго рода поселянъ и солдатъ льнули тоже ко двору Ферапонта Ильича изъ-за красавицы Марѳы. Было же это потому и тѣмъ паче, что про красавицу ходили слухи, будто она плохо соблюдаетъ супружескую вѣрность и не сдерживаетъ себя въ своихъ притомничествахъ.

Къ тому же фельдфебель женился, когда ему было полстолѣтія на плечахъ, а женѣ еще не минуло и семнадцати, и теперь, когда мужу было шестьдесятъ, она была еще совершенно молодой женщиной, на видъ которой и двадцати семи нельзя было дать. Однако, шутники говорили, что если одѣтъ Марѳу мужчиной да поглядѣть на нее сзади, то, судя по одному ея стану, можно подумать, что она богатырь.

— Кабы бабы,—рѣшилъ тоже какой-то шутникъ,—росли всю свою жизнь, то развѣ только къ пятидесяти годамъ могли бы вырастать въ такія здоровенныя.

Фельдфебеля Петрова, стараго служаку, уже замореннаго солдатчиной, соединила брачными узами съ шестнадцатилѣтней красавицей не любовь взаимная, не соглашеніе родителей обѣихъ сторонъ, а прихоть временщика Аракчеева и приказъ ротнаго командира.

Крѣпостной мужикъ Петровъ, сданный когда-то въ солдаты по пустому поводу, грубому слову своему барину, сталъ рядовымъ въ восемнадцать лѣтъ и потянулъ ляжку. За четверть столѣтія этой ляжки изъ здороваго и сильнаго молодца очень высокаго роста, съ молодецкой грудью, попавшаго ради внѣшности въ гвардейскій полкъ, сдѣлался худой, сухопарый и уже болѣзненный человѣкъ. Негодный среди бравыхъ молодцовъ-преображенцевъ, онъ былъ переведенъ въ пѣхотный гренадерскій короля прусскаго полкъ.

При возникновеніи военныхъ поселеній, очутившись въ новой слободѣ, Петровъ, уже съ чиномъ унтеръ-офицера, оказался не въ порядкѣ. Начальство заявило, что его положеніе не вполне законное: онъ долженъ быть семейнымъ. А такъ какъ Петровъ никогда женатъ не былъ, то ему было указано немедленно выбрать себѣ подругу жизни изъ мѣстныхъ крестьянокъ.

Пожилому унтеръ-офицеру было совершенно безразлично, жениться или нѣтъ и на комъ жениться. И произошелъ случай, быть можетъ, не исключительный, но единственный за это время...

По приказу своего начальника, Петровъ долженъ былъ жениться на дѣвушкѣ очень молоденькой и замѣчательно красивой. Ея отцу противиться браку было совершенно излишне. При его согласіи дѣло должно было сбойтись однимъ вѣнчаніемъ въ церкви, при его несогласіи свадьба распалась бы на два отдѣленія: на вѣнчаніе и на его наказаніе розгами.

Мужикъ, умный старообрядецъ, пробовалъ бороться, прося выдать дочь за другого, болѣе подходящаго солдата. Сама дѣвушка, оказавшаяся крайне энергичной, тоже пробовала бороться, обѣщала удавиться и утопиться, обѣщала даже ближнимъ людямъ ухлопать своего будущаго стараго хрыча—мужа. Но, тѣмъ не менѣе, все обошлось хорошо и тихо—и вѣнчаніе, и супружеская жизнь. Казалось со стороны, что, по пословицѣ, стерпѣлось—слюбилось.

Супружеская жизнь Марѳы была счастливая, по мнѣнію всѣхъ. Мужъ ее любилъ, никогда пальцемъ не тронулъ и не только не командовавъ надъ ней, но даже, какъ увѣряли, во многомъ повиновался ей. Общественное положеніе дочери бѣднаго крестьянина было теперь блестящее: она стала фельдфебельшей. Ею не гнушались офицерши, ее принимала, какъ равную, даже жена капитана Костырева, ротнаго командира.

Въ дѣйствительности же Марѳа была несчастна. Ея жизнь была гнетомъ, въ особенности первые два—три года. Добрый, но старый Петровъ былъ ей въ тягость. Мужъ и жена были до такой степени не парой, что Марѳа добродушнѣе относилась къ Оерапонту Ильичу въ тѣ дни, когда онъ бывалъ особенно озабоченъ дѣлами по должности и мало обращалъ на нее вниманія. И

особенно тяжело было молодой женщи́нѣ, съ особенной ненавистью относилась она къ своему хозяину, когда онъ «лѣзъ миловаться».

И за десять лѣтъ брачной жизни Марѳа, вопреки пословицѣ о томъ, что всегда «стерпится», не примирилась со своей злой судьбой.

### III.

У Петрова въ большой передней комнатѣ, на улицу съ двумя окнами, было нѣсколько человѣкъ, пришедшихъ въ гости, и шла оживленная бесѣда мѣстныхъ руски́нскихъ «разумниковъ».

Самъ хозяинъ, очень высокій, чуть-чуть повыше жены, худощавый, живой въ движеніяхъ, но старый лицомъ, угощалъ гостей чаемъ съ патокой и баранками, купленными на базарѣ въ Старой Руссѣ. Онъ, по своей привычкѣ, только слушалъ и помалкивалъ, изрѣдка вставляя свое слово. Но слово это было всегда къ дѣлу, слово нужное, или поясняющее, или твердо подтверждающее, или нѣсколько властно отрицающее слова собесѣдниковъ.

Хозяйка недолго сидѣла съ гостями. Она заявила:

— Все-то вы старую канитель тяните! Надоѣло это до смерти, да и поминаете-то вы все такую дрянь, что лучше бы про нее вамъ всё и забыть.

И, надѣвъ на голову шелковый платокъ, она собралась уходить.

— Куда ты? — спросилъ Петровъ.

— Почему я знаю! — небрежно отозвалась она, не глядя ни на кого. — Куда глаза глядятъ! Это вамъ, старикамъ, въ такую погоду да въ праздникъ охота въ горницѣ торчать.

Но затѣмъ она болѣе радушно прибавила, обращаясь къ гостямъ:

— Вы кушайте на здоровье. Я прикажу Егорьевнѣ другой самоваръ поставить, а сама не замѣшкаюсь.

И женщина вышла изъ комнаты, но пошла не на улицу, а во дворъ, направляясь на задворки и огородъ, за которымъ начиналось поле.

Между гостями продолжалась та же бесѣда, про которую Марѳа выразилась: «все та же канитель и та же дрянь!» Они вспоминали бывшее и очень недавнее, порядки своихъ военныхъ поселеній.

Воспоминанія и розказни о тяжеломъ пережитомъ времечкѣ были какъ бы слабой струной всёхъ пожилыхъ обывателей, въ особенности же стариковъ. Во всякой кучкѣ собесѣдниковъ, если появлялся какой либо молодой 20-лѣтній парень, находились сейчасъ же говоруны, которымъ было имя «увѣщеватели». Богъ вѣсть, кто выдумалъ это слово, но оно, какъ прозвище, было мѣтко. Между обывателями, молодыми и пожилыми, тѣмъ паче стариками, былъ какой-то странный расколъ. Молодежь тяготилась настоящимъ, старики находили настоящее время золотымъ сравнительно съ тѣмъ, что они помнили и что пережили. И въ разговорахъ съ молодежью всегда преобладало

увѣщаніе и стараніе убѣдить, что теперешнее время—рай небесный сравнительно съ тѣмъ, что было при графѣ Аракчеевѣ.

Въ горницѣ сидѣло человѣкъ восемь, но говорили только старикъ солдатъ съ двумя медалями, по имени Миняй, затѣмъ аудиторскій писарь Морозовъ, мѣстный грамотей, служившій на ротномъ дворѣ письмоводителемъ, человѣкъ лѣтъ сорока. Онъ выглядывалъ двадцатипятилѣтнимъ, а рассуждалъ, какъ старикъ — степенно, медленно и твердо. Онъ былъ изъ всѣхъ самый близкій пріятель хозяина — фельдфебеля.

Бесѣда зашла о прежнемъ времени, потому что въ числѣ пришедшихъ въ гости было трое молодыхъ: военный поселянинъ Барановъ, родственникъ хозяйки, тоже молодой человѣкъ Горшковъ, лишь недавно произведенный въ унтеръ-офицеры, и Поляковъ, недавно разжалованный изъ этого званія за пьянство. Молодежь была изъ числа недовольныхъ житьемъ-бытьемъ. Между ними, однако, было въ эту минуту лишь одно общее: они были гостями фельдфебеля. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ между ними не было ничего общаго. Поляковъ, страшный силачъ, былъ крайне простоватъ, тихій и смиренный обыкновенно, онъ во хмелю становился звѣремъ. Барановъ былъ красавецъ, большой франтъ, большой говорунъ и человѣкъ богатый. Горшковъ же былъ таковъ, что его всѣ звали не иначе, какъ «Горшокъ корявый». Онъ былъ малъ ростомъ, тщедушенъ, съ лицомъ, изрытымъ оспой, рыжеватый и къ тому же слегка, но очень смѣшно заикался, широко разѣвалъ ротъ, прежде чѣмъ вымолвить слово.

И если Барановъ былъ благодушный, не очень далекій и легкомысленный малый, то Горшковъ былъ очень умный, но завистливый, казалось, ненавидѣвшій весь міръ кругомъ, завидовавшій всѣмъ. И отчасти онъ былъ правъ, такъ какъ судьба ему не дала ничего, кромѣ ехидной смекалки и умѣнья огрызаться.

Самымъ краснорѣчивымъ собесѣдникомъ на этотъ разъ былъ старикъ Миняй, который поддерживалъ Морозова, а изрѣдка вставлялъ свое слово подтвержденія и хозяинъ-фельдфебель.

— Молодо-зелено!—говорилъ Миняй.—Цыплята вы, вчера изъ яичка вылупились, на ногахъ не стонте. Теперь, Господу благодареніе, мы живемъ, какъ у Христа за пазухой, а вы, молокососы, только балуетесь, съ жиру бѣситесь!

И Миняй подробно вспоминалъ о многомъ изъ времени влѣтвованія «всесвѣтнаго злыдня», графа Алексѣя Андреевича. Что Аракчеевъ, что антихристъ, было для всѣхъ, пережившихъ тяжелое время, одно и то же. Были старики, которые твердо вѣрили, что антихристъ въ міръ пришелъ, а имя ему—графъ Аракчеевъ..

На все, что рассказывалъ старикъ Миняй, часто то Барановъ, то Горшковъ повторяли, махая руками:

— Знаемъ, знаемъ, слышали! Тысячу разовъ слышали!

— И опять послушайте!—твердо отзывался Миняй.—Ваше теперь какое дѣло? Пустяки! Вотъ уже пять годовъ, шестой, что у васъ благодать пришла, когда отобрали у всѣхъ военную амуницію и ружья. А каково было намъ? Не то ты мужикъ, не то ты солдатъ. Въ киверѣ да въ ранцѣ, сѣи да коси и все то по командѣ. Пахать, жать, косить или снопы связывать, копны складывать, борозду прокладывать, все по-военному: «Слушай! смирно! Разъ, два, три!»... А если ты гдѣ сорвешься, хоть бы на чуточку, тамъ тебѣ розги. Вотъ хоть бы я, сколько я на себя принялъ розогъ, самый умный человѣкъ да грамотный—и тотъ никогда бы не счелъ. Бывало, соберемся какъ по тревогѣ и маршъ въ поле, ну, хоть бы на сѣнокосъ; а тамъ не прошелъ часъ, команда: ворочай домой, да во всю мочъ. А прискакалъ домой, команда: одѣвайся во всю амуницію военную и маршъ на плацъ, на военный артикулъ. Сейчасъ ты былъ съ сохой, а сейчасъ съ ружьемъ. И нужно тебѣ быть и мужикомъ-то самымъ отличнымъ, да и солдатомъ тоже самымъ отличнымъ. Плохо пропахалъ или плохо засѣялъ—розги. Плохо промаршировалъ, плохо ружьемъ вывернулъ—тоже розги.

— Розги—что!... А вотъ шпицрутены: смерть что за выдумка,—замѣтилъ писмоводитель Морозовъ.

— Мнѣ какъ-то оное все немудрено далось,—продолжалъ Миняй.—Я и въ строю былъ ничего, да и насчетъ хозяйскихъ мужицкихъ дѣловъ былъ не плохъ, а пуще всего меня, скажу вамъ, заѣдали эти самые распорядки, что были при графѣ. Жисть онъ намъ тяжелую указалъ.

— Да, правду сказать, мудреная жисть была!—подтвердилъ, сурово проворчавъ, самъ хозяинъ.

— Вѣдь этакъ-то, родные мои,—ровно и медленно продолжалъ ораторствовать Миняй,—нигдѣ во всемъ-то мѣрѣ никто не жывалъ, да и жить не будетъ. Мнѣ умный человѣкъ, новгородскій стрекулистъ, сказывалъ, что этакая жисть была выдумана самимъ графомъ, а что нигдѣ этакого на свѣтѣ не было и не будетъ. Можетъ ли человѣкъ на свѣтѣ жить по часамъ? Вѣдь вотъ у обѣдни стоишь, молишься Богу, ну, и бываетъ грѣхъ, вдругъ начнешь думать о чемъ постороннемъ,—кто въ этомъ не грѣшенъ? А вѣдь это что же такое было! Въ такой-то часъ вставай, столько-то времени убирайся, Богу молись, въ такое-то время полдничай, въ такое-то время ужинай, въ такое-то время, хочешь не хочешь, спать ложись. Не нуженъ тебѣ огонь, все-таки зажигай. А нуженъ онъ тебѣ, коли запоздалъ ты малость съ какой своей работой, и вотъ еще бы четверть часика тебѣ, полчаса—и живо бы ты все покончилъ... Анъ нѣтъ! Туши огонь и ложись спать, а не то за твой же трудъ да тебѣ же будутъ опять розги. Не даромъ же сказывали, что какъ-то разъ графъ Алексѣй Андреевичъ проѣз-

жалъ по слободѣ Викулинской невзначай и увидѣлъ, что какой-то солдатъ, у окошка стоя, свою бабу цѣлуетъ. Остановился, разспросилъ, кто да что. Тотъ, перепугавшись на смерть, пояснилъ, что онъ вотъ тутъ живетъ съ женой, и что коли онъ точно ее цѣловалъ, то на это его супружеская должность. И вотъ сказываютъ, что якобы графъ Алексѣй Андреевичъ по прїѣздѣ къ себѣ въ Грузино сочинилъ указъ, чтобы мужья женъ цѣловали только въ положенное время, а коли то приключится въ неурочное время, то давать имъ по десятку розогъ за каждый разъ. Сказываютъ, что якобы государь Александръ Павловичъ съ этимъ новымъ графскимъ указомъ согласиться никакъ не захотѣлъ. Такъ дѣло и осталось. Можетъ, вралъ люди, а, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ правда такой случай былъ. Аракчеевъ тебѣ могъ приказать даже чхать въ положенное время, а коли у тебя зудить носъ чихнуть, терпи, куда этого самый часъ не придетъ.

Собесѣдники разсмѣялись шуткѣ.

— Да, теперь-то смѣшно,—подхватилъ старикъ Миняй,—а тогда-то это было смертельно. Какъ еще это все пережилось? Сколько разъ бывало, что приходилось, по поговоркѣ, «ложись да помирвай».

— Ну, а самое-то первое время? Корчеваніе?—спросилъ Морозовъ.—Я-то его не видалъ, а вѣдь ты, дѣдушка, небось, руки-то обломалъ?

— Еще бы! Сколько мы годовъ-то надъ этимъ натручивались! Съ 15-го марта по 15-е октября мы изъ лѣса ни ногой. А какіе тутъ были дремучіе лѣса, гдѣ вы теперь пашете, вамъ и во снѣ не видать. Все вотъ тутъ за Волховомъ стѣной стояло—сосны, ели, осины и что прикажешь. И весь этотъ край мы вотъ руками вычистили, и тамъ, гдѣ одинъ волкъ да медвѣдь гулялъ — теперь хлѣбъ. Сколько я одинъ деревъ порубилъ, сколько корней изъ земли повытаскалъ—не счесть! И какъ мы этотъ край изъ дремучихъ лѣсовъ обратили въ хлѣбныя поля,—это не опишешь! Повѣрить трудно! Сами потомъ, проѣзжая, не вѣрили своимъ глазамъ, точно ли тутъ были дремучіе лѣса, или это такъ во снѣ привидѣлось.

— Да, времена были! Слава тебѣ, Господи, прошли!—сказалъ Петровъ. — Государь Николай Павловичъ насъ отъ графа избавилъ. Какъ вступилъ на престолъ, такъ его сейчасъ по боку. Не нуженъ ты, молъ, мнѣ. А, можетъ, царь и зналъ, какъ его, Аракчеева, не любили за жестокосердіе.

— Жестокосердіе само по себѣ,—горячо заявилъ старикъ Миняй. — А злодѣйское лукавство, шельмовство какое-то, высокому званію не подходящее,—вотъ что насъ заѣдало.

— Сказываютъ, переодѣвался онъ въ разные виды, чуть не мужикомъ и ходилъ, подглядывать? —спросилъ Тязоковъ.—Врутъ люди.



— Нѣтъ, не врутъ, милый мой! — отвѣтилъ Морозовъ. — Это и въ столицѣ господамъ генераламъ и штабъ и оберъ-офицерамъ было извѣстно. Графъ рядился и ряженный сыщика изображалъ, выглядывалъ, вынюхивалъ. А тамъ, запримѣтя безпорядокъ какой, на утро люто наказывалъ, говоря, что ему донесли.

Старикъ Миняй разсмѣялся и, махнувъ рукой, выговорилъ:

— Правда. Да. Онъ у меня,—важнѣющій генералъ и графъ,—метлу укралъ! А мнѣ за безпорядокъ сто розогъ за это дали.

И по просьбѣ всѣхъ рассказать диковинный случай Миняй объяснилъ, что однажды ввечеру, подметая улицу, онъ поставилъ метлу на минуту у своей калитки, а самъ вошелъ во дворъ. И видѣлъ онъ, что прошелъ въ это время мимо двора «рябчикъ», не то писарь, не то вотъ фельдшеръ. А метла згинула. А это онъ самъ, графъ, и былъ, вѣстимо, ряженный.

Гости гулко и весело расхохотались.

— Про него, что про чорта, прибаутокъ не оберешься,—замѣтилъ хозяинъ фельдфебель.

#### IV.

Въ то же время Марѳа, выйдя во дворъ, кликнула бабу, прислуживавшую въ домѣ, Егорьевну, и приказала ей поставить второй самоваръ для гостей. Егорьевна откликнулась изъ коровника и на приказаніе о самоварѣ отвѣтила, оправляя заткнутый подолъ:

— Хозяюшка, а у Маши-то мурло-то горячее...

— Ладно! Ужъ третій день ты это сказываешь! — отозвалась Марѳа.

— Оно точно. Только-что вотъ сама погляди. Почитай, много горячѣе.

— Ну, что же изъ этого?

— Да, ничего, а такъ, стало быть, сказываю.... А окромя того, глаза пялить.

— Ну, такъ что же?

— Да ничего...

— Вѣдь такъ-то здорова?

— Да такъ-то оно точно, здорова,—протянула Егорьевна. — А вотъ только-что утрось молочка какъ бы и поменьше дала.

— Да немного меньше-то?

— Оно точно, что немногимъ...

— Ну, ладно! Пойди-ка самоваромъ займись!—приказала Марѳа и двинулась къ небольшой калиткѣ, за которой былъ большой огородъ.

— И глаза тоже пялить!—почти крикнула ей вслѣдъ баба.

— Ладно, ладно, ступай!—нетерпѣливо отозвалась хозяйка.

Женщина, дѣйствительно, уже третій день заявляла своей хозяйкѣ, что корова какъ будто прихварываетъ чуть-чуть. Въ окрестности были случаи падежа скота, а въ стадѣ, въ которомъ паслась корова Марѳы, былъ уже тоже одинъ случай. Однако, Марѳа объясняла себѣ толки о начинающемся падежѣ пословицей, что у страха глаза велики. Завсегда бываетъ, что скотинадохнетъ, и нѣсколько случаевъ во всей окрестности ничего не доказываютъ.

Пройдя огородъ, за которымъ на полянѣ виднѣлись мелкіе кусты, въ иныхъ мѣстахъ довольно густые, Марѳа остановилась и стала озираться. Въ ту же минуту направо, изъ-подъ густого орѣшника появилась фигура въ формѣ военныхъ поселеній въ сѣромъ полукафтанѣ и съ солдатской фуражкой на головѣ. Это была молодая поселеница Русаковъ, красивый, чернородый молодецъ съ энергичнымъ лицомъ.

Марѳа стояла, не двинувшись. Онъ медленными шагами подошелъ къ ней и протянулъ руку. Она стояла, скрестивъ руки, не шелохнулась, не подала руки и вымолвила:

- Ладно... Безъ глупостей!
- Что-жъ, и руки ужъ взять нельзя?
- Знаемъ, дашь руку, лизаться полѣзешь... Говори, что тебѣ нужно? Зачѣмъ вызывалъ опять?
- Нужно, вѣстимо. Нужно.
- Ну, говори, что?
- Да, вотъ хотѣлъ я сказать,— началъ Русаковъ и, оглянувшись, прибавилъ:— первымъ дѣломъ, хорошо ли намъ на голомъ мѣстѣ калякать? Завидитъ кто. Праздникъ, вѣдь, вездѣ народъ бродить...

— Пускай видятъ! — суровымъ голосомъ снова отрѣзала Марѳа.— На ворѣ шапка горитъ, а я не воровала.

И красавица разсмѣялась особеннымъ, сухимъ и будто пренебрежительнымъ смѣхомъ:

- Вы лучше сѣли бы вонъ тамъ!
- Въ кусты прятаться не полѣзу! Еще хуже, найдетъ кто въ кустахъ, подумаетъ, что я съ любезнымъ. Говорю тебѣ, пускай видятъ, мнѣ таяться нечего. На ворѣ шапка горитъ, а я тебѣ сказываю толкомъ, не воровала.

— Знаемъ, что не воровала,— опуская глаза и отчасти грустно произнесъ Русаковъ.— Да, не воровала... со мной!..

— Чего?! Что?!

Онъ молчалъ.

— Ты что сказываешь?

— Со мной, сказываю, а съ кѣмъ другимъ...

— А коли съ кѣмъ другимъ, то не твоего ума дѣло!—разсмѣялась нѣсколько добродушнѣе Марѳа.

— Сказывай, зачѣмъ просилъ прійти? Я, по правдѣ сказать, сначала-то и не поняла. Мальчишка твой дурашный какой-то, и имя твое перевралъ. Я догадалась ужъ послѣ, что это ты зовешь. Развѣ ради праздника отлучился и верхомъ прискакалъ?

— Нѣтъ, я не прискакалъ. Я опять здѣсь въ Рускинѣ поселился, у дяди Авдеича.

— Что такъ?

— Да повздорилъ тамъ. Но это все пустое. А ты вотъ скажи, наше-то дѣло какъ?

— Наше дѣло? То-есть, какое же такое наше дѣло?

И Марѳа умышленно приняла удивленный видъ.

— Да все то же, Марѳуша... Знаешь вѣдь.

— Ну, вотъ что: буде лясы точить! Говори, что тебѣ нужно?

— Такъ сядемъ, что ли, хоть тутъ.

Марѳа опустила на траву, Русаковъ сѣлъ около нея и опять потянулся къ ней, чтобы взять ее за руку. Женщина отмахнулась и ударила его по рукѣ.

— Охъ, ужъ и бьешь же ты!—отозвался онъ.—Баба молодая, а вдарилъ, почитай, ражій мужикъ. Поди, вотъ синякъ будетъ.

— Ну, говори свое! Лепартуй, какъ сказываютъ на ротномъ дворѣ! Да поскорѣй! И отлепарговавъ убирайся. Что тебѣ нужно?

— Да все то же, Марѳуша... А только вотъ я надумалъ такое, что мнѣ изъ этихъ краевъ придется уходить... Только ты одна меня тутъ и держишь.

— Я-то держу?! Ошалѣлъ ты!—разсмѣялась женщина.

— Да, держишь, потому что видѣть тебя хочется, и все надежду имѣю. Ты вотъ мнѣ скажи теперь, что нечего мнѣ всякія мысли имѣть. Я ужъ тогда махну рукой и пропадомъ пропаду отсюда.

— Ну, вотъ и хорошее дѣло! И пропадай пропадомъ.

— Стало быть, не будетъ николи ничего? Что было, тому не бывать?

— И чудѣнъ, ей Богу, народъ, вы всѣ, особливо же ты,—заговорила Марѳа.—Всѣ вы, молодцы, на одинъ покрой. Во всемъ ты уменъ, кажись, а въ одномъ — дуракъ отпѣтый. Ну, вспомни ты самъ, сколько разовъ ты эту канитель заводилъ? Сколько ты разовъ у меня спрашивалъ, бывать ли, не бывать ли тому, что зря приключилось? И сколько разовъ я тебѣ отвѣчала, что ты мнѣ пуще горькой рѣдьки надоѣлъ одними этими спросами. Вѣдь знаешь ты самъ, что приключилось это давно, приключилось зря, точно будто спьяну. Не знаю, гдѣ у меня голова была, гдѣ глаза были? И впрямь надо сказать, была я какъ есть шалая, должно быть. Въ тотъ же разъ, помню хорошо, сама себя послѣ опрашивала: я это, или не я? И что это такое вышло, и какимъ способомъ? Будь я поглупѣй, то прямо стала бы думать, что ты меня либо дурманомъ опоилъ, либо взялъ колдовствомъ какимъ. А тамъ, въ одинъ часъ времени,

все твое колдовство разсыпалось вдруг мелкимъ бисеромъ, вотъ какъ дьявольское навожденіе отъ креста и молитвы.

— Слыхалъ я это сто разовъ!—отчасти досадливо перебилъ Русаковъ.

— Вѣрно! Я тоже говорю, что сто разовъ и твое слыхала. Ты все жъ опять лѣзешь, опять допрашиваешь. Что же мнѣ дѣлать? Я въ сто первый и должна сказывать: вышло навожденіе, протянулось нѣкоторое время и всего-то нѣсколько часовъ, даже и не нѣсколько дней. Такъ нешто можно про этакое сказывать, что, молъ, было или былое. Какое же это, чортъ, былое? Такъ зряшное приключительство! Никогда ты мнѣ любъ не былъ ни до прежде того, ни послѣ.

— Нѣтъ, Марѳуша, ужъ коли мы съ тобой послѣдній разъ объ этомъ бесѣдуемъ, то я тебѣ скажу правду. Не то, что ты болтаешь, а истинную правду...

— Какая же это твоя правда?

— А вотъ какая! Ты забыла, а я-то хорошо помню. На третій день послѣ нашего приключительства мы сидѣли у дѣдушки Миняя, а тамъ на улицу вышли, и ты мнѣ сама назначила быть опять вотъ тутъ въ твоемъ огородѣ около полуночи... И я былъ, а ты не пришла...

— Ну, такъ что же?

— Погоди, не перебивай! А черезъ день, два ли, я узналъ, что питерскій молодецъ, незадолго передъ тѣмъ проявившійся у насъ, состоитъ въ твоихъ любезныхъ. Ты его повстрѣчала, почитай, въ тотъ же день. Не проявился онъ здѣсь, такъ, можетъ, ты бы въ огородъ-то и пришла. Знаешь, сказывается, бываетъ въ жисти человѣческой незадача, ну, вотъ она самая, голубушка, меня давно канаешь, и, полагаю, кончится дѣло тѣмъ, что и доканаешь.

— Лжешь ты!..—воскликнула Марѳа, а красивые синіе глаза ея, какъ бывало въ минуту гнѣва, шире раскрылись, вспыхнули, и какая-то особенная сила, даже будто отвага сказалась во взглядѣ.

Не даромъ въ такія минуты при такомъ взглядѣ ея мужъ всегда, добродушно отмахнувшись отъ нея, произносилъ:

— Ну, ну, Богъ съ тобою!.. Уймися!

И онъ тотчасъ же уходилъ изъ комнаты. Онъ не любилъ этихъ вспышекъ въ женѣ, которую обожалъ, и объяснялъ ей, что въ такія мгновенія въ ней будто какой звѣрь сидитъ. «Прямо бѣсноватая, какъ сказано въ Священномъ Писаніи», говорилъ онъ.

И эти вспышки, этотъ рѣшительный взглядъ красивыхъ глазъ одинаково дѣйствовали на всѣхъ. Всякій уступалъ Марѳѣ.

— Что же, не сердчай!—тихо и нѣжнѣе проговорилъ Русаковъ.— Я правду сказываю... Ты думаешь, я болтать буду? Не буду! Никогда до сихъ поръ ни одному человѣку и на ушко-то не сказалъ этого, а ужъ какъ ты справляешься, чтобы никто не зналъ, такъ

я, скажу по правдѣ, диву даюсь. Ужъ больно ловка ты! Вѣдь вотъ поди, опроси весь околотокъ про тебя, какая ты супружница у Ферапонта Ильича, и всякій-то человѣкъ разумный охаетъ, руками разводитъ и сказываетъ: «а кто же ихъ знаетъ!» Ни одинъ-то не скажетъ ничего навѣрное, всякій руками разводитъ. Не то правда, не то врутъ люди. Глядя на тебя, сказываютъ: «знаетъ кошка, чье мясо съѣла», сидитъ, облизывается и умывается, а гдѣ, что и какъ покушала—неизвѣстно. Сказать, что у тебя, прости за слово, полюбовниковъ переводу нѣтъ—нельзя, а подумать, что оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ,—можно. Есть люди, что думаютъ про твоего Ферапонта Ильича, что онъ и самъ все знаетъ, да помалкиваетъ, потому что съ тобой сладу нѣтъ. И потому опять, что знаетъ, что за нимъ своя вина, зачѣмъ въ полъ-ста лѣтъ на тебѣ, дѣвчонкѣ, женился.

— Ферапонтъ Ильичъ знаетъ!—воскликнула Марѳа и размѣялась презрительно.—Остолопы! Рохли! По себѣ судятъ! Узнай что фельдфебель Ферапонтъ Петровъ про свою жену, такъ у него топоръ-отъ недалеко, а ножикъ и того ближе.

— Ну, стало быть, ничего не знаетъ!—тихо отвѣтилъ Русаковъ.

— А потому, что и знать нечего.

— Нечего?.. Ну, а хоть бы наше, какъ ты сказываешь, зряшное приключительство.

— Этакое было одинъ разъ, дьявольскимъ навожденіемъ.

— Ахъ, полно ты, Марѳуша! И охота болтать! Вѣдь знаешь, что не повѣрю... Вѣдь знаешь, что мнѣ все извѣстно, потому что я со злости, что ли, или по зависти, за тобой какъ сыщикъ какой приглядываю вотъ ужъ которое время.

— Вонъ оно какъ! Спасибо, сказалъ!

— Да что же тебѣ до этого? Я разбалтывать того, что знаю, не пойду, а теперь, сказываю, и совсѣмъ изъ этихъ краевъ собираюсь. А только вотъ что, прежде чѣмъ уходить, я хотѣлъ тебѣ сказать: хочешь, я тебя одолжу?

— Какъ же это такъ одолжишь?

Русаковъ хотѣлъ отвѣчать и, повидимому, объяснять что-то довольно сложное, но вдругъ до слуха его и Марѳы долетѣлъ громкій голосъ Петрова, кликавшего жену. Марѳа быстро поднялась.

— Зря звать не станетъ. Стало, что нужно.

— Когда же я тебя повидаю?—спросилъ Русаковъ угрюмо.

— Зачѣмъ? Лясы точить?—отозвалась она небрежно.

— Нужно, Марѳа Митревна, нужно. Вотъ Богъ.

— Ну, завтра. А то подошло кого сказать кое время.

V.

Въ огородѣ Марѳа не нашла никого, а, войдя во дворъ, увидѣла мужа, стоящаго въ дверяхъ коровника вмѣстѣ съ Егорьевной.

— Чего ты?—удивилась она.—Гостей бросилъ, объ коровѣ встрелся. Да еще и меня кличешь.

— Какіе гости? Гости ушли! Побѣжали!—отвѣтилъ Терапонтъ Ильичъ.—Ты слушай-ка, что стряслось! За дѣдушкой Миняемъ мальчугана присылали, у нихъ коровка на боку лежитъ, а вчера здорова была. А вотъ Егорьевна сказала мнѣ, что нашей коровушкѣ уже третій день неладно. А ты мнѣ ни слова. Хозяйка тоже!

— Да вѣрно ли, не врутъ ли?—отозвалась Марѳа, помолчавъ мгновеніе.—Можетъ, корова-то у Миняя давно хвора?

— Сказываютъ тебѣ толкомъ, вчера здорова была,—нетерпѣливо отвѣтилъ фельдфебель и шагнувъ вошелъ въ коровникъ, Марѳа послѣдовала за нимъ. Корова стояла спокойно, но не оглянулась на нихъ, когда они вошли, что дѣлала всегда. При этомъ она стояла какъ-то странно, разставивъ ноги. Казалось, что если бы она ихъ поставила обычнымъ образомъ, то не удержалась бы на нихъ. Она стояла точно на четырехъ подпоркахъ.

— Вона! Нехорошо... — проворчалъ Петровъ. — Надо мурло ощупать.

— Чего мурло?—сказала Марѳа.—И такъ видать—неладно.

Однако, фельдфебель обошелъ корову, оглядѣлъ ея носъ, ощупаль и вымолвилъ:

— Горить!

— Хвораеть!.. замѣтила Егорьевна.—Прямо видать.

— И какъ же это ты не досмотрѣла?—обернулся Петровъ къ женѣ.

— А какъ же это я буду досматривать?—слегка разсердилась Марѳа.—Что же я могу сдѣлать?

— Сказывала тебѣ Егорьевна. Ты бы мнѣ сказала, а ты молчишь. Да и она, дура, ничего мнѣ не говоритъ. Знай, заладила, боюсь хозяина. Вотъ тебѣ и боюсь... Дура! Вотъ что, Марѳуша, дойди-кась ты къ барынѣ командиршѣ, потолкуй съ ней, можетъ, она знаетъ, что надо сдѣлать. А я пойду къ Миняю, провѣдаю у нихъ что.

— Нѣтъ, ужъ ты лучше ступай на ротный дворъ, а я сбѣгаю къ Миняю, а оттуда зайду къ Аннѣ Ивановнѣ. Она хозяйка не въ примѣръ нашей командиршѣ Дасаевой, всякое дѣло смыслить.

— Ну, ладно, да поживѣй!

И черезъ нѣсколько минутъ фельдфебель бодро шагаль на ротный дворъ, а Марѳа принарядилась по-праздничному, надѣвъ все лучшее, что у нея было. Если бы фельдфебель не вышелъ со двора раньше, то, конечно, очень бы удивился тому, что жена дѣлаетъ.

Бѣжать узнавать о томъ, что предпринять съ заболѣвшей коровой, и выѣтъ съ тѣмъ рядиться, конечно, показалось бы ему очень страннымъ.

Пройдя почти всю улицу, фельдфебель вошелъ на крыльцо большого дома съ каланчей и, встрѣтивъ въ коридорѣ кантониста, парня лѣтъ пятнадцати, спросилъ:

— Отдыхаетъ командиръ или кушаетъ?

— Покушалъ, а отдыхать не ложился, да и не собирается, — отвѣтилъ кантонистъ.

— Что такъ?

— Кажись, хочетъ иттить.

— Куда?

— Не знаю... на улицу. Прибѣгали сюда, сказывали чтой-то ему. Онъ изъ стола вставалъ и общался прійти. Видно, дѣло какое.

— Ну, вотъ что, Гриша, поди-ка ты, доложи ему, что я пришелъ тоже съ дѣломъ.

Кантонистъ осторожно и какъ бы бережно пріотворилъ одну изъ дверей и скрылся за ней. По его манерѣ видно было, что онъ въ этомъ домѣ, прислуживая, ходитъ по стрункѣ. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ появился снова и почему-то заявилъ не громко, а шепотомъ:

— Иди, дяденька! Сказалъ: пуцай идетъ.

— Къ нему, стало быть, въ комнату?—спросилъ Петровъ.

— Къ нему, стало быть! Сказалъ: пуцай сюда идетъ. Онъ, стало быть, обувается, босоногъ сидитъ.

Фельдфебель, къ которому обыкновенно командиръ Дасаевъ всегда выходилъ въ коридоръ для переговоровъ, колебался нѣсколько мгновеній, боясь, что кантонистъ все перевралъ, но затѣмъ, сообразивъ ту подробность, что командиръ мѣняетъ обувь, онъ смѣло двинулся.

Войдя въ небольшую спальню командира, Петровъ, вытянувшись руки по швамъ, какъ бы выпалилъ:

— Здравія желаю, ваше благородіе!

Командиръ, дѣйствительно, былъ занятъ своимъ туалетомъ и былъ не только босоногъ, но въ одномъ нижнемъ бѣльѣ. Это былъ человѣкъ средняго роста, уже пожилой, въ дѣйствительности лѣтъ пятидесяти, но на видъ много болѣе того, благодаря своей крайней тучности. Не даромъ всѣ его звали «нашъ пузанъ».

— Чего тебѣ?—спросилъ удивленно Дасаевъ.—Бѣдовое что принесъ въ докладъ?

Петровъ хотѣлъ отвѣтить, но Дасаевъ продолжалъ:

— Коли въ праздникъ лѣзешь съ докладомъ, то, стало быть, бѣда какая?

— Оно точно, ваше благородіе. Я доложить пришелъ, что у Миняя Степанова корова захворала, да, по правдѣ сказать, и у

меня моя не въ порядкѣ. А такъ какъ въ Вознесенскомъ селѣ, слышно, шибче пошелъ падежъ, то вотъ я такъ и полагаю... Меня догадка взяла...

— Какая тутъ, чортъ, догадка! У Миняя, говоришь, хвораетъ, у тебя тоже, а я вотъ ѣду къ Журавскому. У него въ ротѣ пять коровъ заразъ свалились. И меня вызываетъ вишь на совѣщаніе, будто я докторъ ему...

— Да, вотъ оно какъ!—удивился Петровъ.

— Такъ что же тебѣ надо?

— Да ничего, ваше благородіе. Доложить счелъ долгомъ... Да, по правдѣ сказать, думалъ, можетъ, барыня, по милости своей, мнѣ что посовѣтуетъ.

— Барыня? Что же тутъ барыня можетъ? Фельдшера надо. Моя жена не Анна Ивановна Костырева. Та знахарствовать выдумала.

Дасаевъ, надѣвъ носки, сталъ было надѣвать сапогъ, но бросилъ его, потянулся, зѣвнулъ, протяжно завывая, и выговорилъ:

— А вотъ что, Ильичъ, больно ужъ мнѣ не охота по духотѣ маршировать. Я прилягу все-таки. Коли эти самые часы я пропрыгаю, цѣлыхъ три дня хворать буду. Благо, ты пришелъ, то доѣзжай къ Журавскому, да не сказывай, что я вмѣсто себя тебя послалъ. А разунай стороной, что тамъ творится: пали его скотинки или хворають? Да съ отвѣтомъ-то приходи черезъ два часа. Коли нужно, я тогда и поѣду.

— Слушаю-съ!—отвѣтилъ фельдфебель и, повернувшись по военному налево кругомъ, вышелъ изъ комнаты.

Капитанъ Журавскій, командиръ роты тоже Прусскаго полка, жилъ въ другомъ поселеніи, дальше Рускина, верстахъ въ шести. Фельдфебель ворчалъ на «пузана» за порученіе въ праздникъ, свалившееся ему неожиданно на голову.

— Самъ напросился,—ворчалъ онъ.—Чего полѣзъ къ нему съ докладомъ. Вотъ и влетѣлъ...

Петровъ, вернувшись домой, заложилъ съ помощью Егорьевны лошадь въ телѣгу и выѣхалъ, уже ругая начальника вслухъ.

Въ тѣ же самыя минуты на крыльцѣ дома капитана Дасаева появился слегка горбатенькій, вѣрнѣе кособокій, уже пожилой человекъ, въ мундирѣ, по имени Шницъ. И ротному командиру или «пузану» все-таки не пришлось въ этотъ день отдохнуть, какъ слѣдуетъ послѣ обѣда. Не прошло и получаса, какъ онъ легъ и храпѣлъ во всю, когда къ нему на квартиру пришелъ этотъ горбунъ, рыжеватый, совершенно плѣшивый, съ красноватымъ лицомъ и въ золотыхъ очкахъ. Дасаевъ озлившись послалъ его къ чорту, но все-таки выслушалъ, а затѣмъ, отпустивъ, старался тщетно опять заснуть.

Это была личность, которую очень не любили во всемъ батальонѣ. Во-первыхъ, за то, что это былъ нѣмецъ, который ломалъ



русскій языкъ, а, во-вторыхъ, за то, что былъ дѣйствительно злочій и ехидный человекъ. Карлъ Карловичъ Шпицъ, уроженецъ какого-то мелкаго герпогства, подданный такого монарха, у котораго государство было меньшихъ размѣровъ, чѣмъ вотчина иного богатаго русскаго дворянина, былъ батальоннымъ докторомъ.

Съ юношескихъ лѣтъ очутившись въ Россіи, Шпицъ сильно не долюбивалъ, даже чистосердечно презиралъ и русскихъ и все русское. Онъ не говорилъ этого, но оно сквозило во всемъ, а болѣе всего, когда онъ молча улыбался. Глазъ на глазъ женѣ своей онъ все объяснялъ двумя словами, язвительно ухмыляясь или пожимая плечами. Онъ произносилъ два слова:

— Was? Russland!

О какомъ либо безобразіи, мошенничествѣ или даже о чемъ либо безобидномъ и вполне естественномъ, но не нравящемся нѣмцу, онъ отзывался все также. «Русляндъ»—было объясненіе всему.

Фамилія нѣмца была отчасти подходящая къ его злочелу лицу, къ его страсти всякаго кольнуть и шипящей манерѣ говорить. Добродушный майоръ Яцковскій—его прямой начальникъ, знавшій отлично, что Шпица не любятъ, острилъ на его счетъ.

— Что мудренаго, что онъ всѣмъ здѣсь не угодилъ? Знай, всѣхъ шпыняеть. А не виновать. Онъ по прозванію своему дѣйствуетъ.

Въ качествѣ главнаго доктора, начальника всей медицинской части въ батальонѣ, нѣмецъ приходилъ въ соприкосновеніе со всѣмъ околоткомъ—и съ солдатами, и съ поселянами. И, казалось, что въ околоткѣ и начальство, т.-е. офицеры съ семьями, и солдаты, и простые поселяне, только въ одномъ были единодушны—въ не любви къ Шпицу.

Нѣмецъ это отлично зналъ, но ему было не только безразлично, а даже какъ будто нравилось, что этотъ дикій народъ дикой страны, въ которой онъ живетъ, его ненавидитъ.

Быть можетъ, нѣмецъ и уѣхалъ бы давно къ себѣ на родину, такъ какъ уже сколотилъ кое-какія деньги, но оно было не выгодно по одной причинѣ. Онъ сталъ докторомъ—и военнымъ, не имѣя никакого диплома. Въ Россіи онъ, конечно, нигдѣ не учился, а нѣмецкій документъ, который онъ себѣ досталъ, уже будучи лѣтъ двадцати пяти, въ какомъ-то университетскомъ городѣ Германіи, не имѣлъ никакого значенія на родинѣ, ибо былъ почти поддѣланъ.

Шпицъ лѣчилъ, однако, довольно успѣшно, хотя иногда случались такіе казусы, что не одни темные люди, а и начальство поговаривало о томъ, не уморилъ ли «дохтуръ» больного по незнанію полному своего дѣла.

Ради бѣльшей наживы Шпицъ брался за все: онъ былъ и зубодеръ, и хирургъ, и акушеръ, и, наконецъ, ветеринаръ. Людямъ онъ особенно любилъ пускать кровь, но въ этомъ, конечно, былъ не виновать, такъ какъ и свѣтила медицины еще считали—сред-

ство XVIII вѣка—кровопусканіе спасительнымъ средствомъ во всѣхъ болѣзняхъ.

Одинъ несчастный случай съ одной роженицей года съ два назадъ послужилъ въ пользу Шпица. Онъ сдѣлалъ докладъ по начальству, и начальство поручило ему наблюденіе, чтобы во всемъ околоткѣ, гдѣ былъ расположенъ батальонъ короля Прусскаго полка, повитухи не смѣли дѣлать свое дѣло безъ его вѣдома и разрѣшенія.

И Шпицъ сталъ являться повсюду, гдѣ ожидался ребенокъ, и хотя иногда являлся на нѣсколько минутъ, какъ бы на инспекторскій смотръ, тѣмъ не менѣе получалъ что нибудь. И эта статья была очень доходная.

## VI.

Послѣ уѣзда мужа, красавица Марѳа не спѣша занялась собой и принарядилась, надѣла новый цвѣтной ярко пестрый сарафанъ съ позументомъ и повязалась красивымъ пунцовымъ платкомъ. Выйдя на улицу, она двинулась тихой походкой, степенно, мягко и красиво ступая. Эта мѣрная, неспѣшная поступь, благодаря вдобавокъ ея монументальному сложенію, казалась важной, горделивой.

Многіе во всей окрестности говорили:

— Вотъ Митриха ходитъ, что тебѣ генеральша! Да и генеральшамъ далеко до нея. Никто такъ не ходитъ.

А какой-то шутникъ однажды прибавилъ:

— Да, кабы ее на улицѣ повстрѣчалъ Бова Королевичъ, онъ коня-то бы приостановилъ, чтобы поглядѣть, какъ она шествуетъ. Прямо тоже будто королевна.

Идя улицей, жена фельдфебеля, при встрѣчѣ съ кѣмъ либо, не здоровалась первая, а ждала поклона или привѣтствія и затѣмъ уже отвѣчала кивкомъ головы легкимъ, замедленнымъ, какъ бы ласково-милостивымъ. Она будто дарила поклономъ.

Дойдя до связи старика Миняя, Марѳа хотѣла войти въ домъ, но увидѣла его самого и всю его семью съ кучей внучатъ во дворѣ. Миняя и его старшая дочь встрѣтили гостью охами. Оказалось, что одна изъ коровъ Миняя уже пала.

— Стряслась у насъ бѣда! — сказалъ Миняя. — И не у меня одного! Сейчасъ сказывали, что у батюшки, отца Василя, какъ разъ то же самое. И фельдшеръ у него. А вѣдь попадья его не намъ чета. У нея за коровкой какой уходъ.

— Да. Ужъ если у отца Василя приключилось, то дѣло изрядное у насъ. Бѣда! — замѣтила Марѳа.

— Быть падежу. Вотъ что! — сказалъ кто-то.

Виды грустные и озабоченныя лица и плачущую хозяйку — дочь Миняя, а съ другой стороны уже исполнивъ порученіе мужа, Марѳа тотчасъ же распростилась. Нѣсколько быстрѣе, будто нетерпѣливо, направилась она назадъ, но, пройдя нѣсколько дворовъ, вошла въ большой домъ. Здѣсь временно жилъ капитанъ Костыревъ, командиръ другой роты, покуда его домъ въ другомъ поселеніи заново передѣлывался и подновлялся. Хотя Марѳа давно знала Костыреву, но почти не бывала у нея и только за лѣто послѣ переѣзда капитанши въ Рускино стала бывать чаще. Такъ какъ капитанша очень полюбила ее, ласково относилась къ ней, сажала, пила чаемъ съ вареньемъ, то Марѳа бывала у нея не только въ праздники, но и въ будни и засиживалась подолгу. Причина этого сближенія была серьезная, но невѣдомая капитаншѣ. Только Марѳа одна знала, почему она стала часто бывать и ухаживать за капитаншей, стараясь ей понравиться.

На этотъ разъ оказалось именно то, что красавица и предполагала. У Костыревой были гости. Тутъ былъ батальонный командиръ, майоръ Яцковскій, съ женой, и подпоручикъ Монаховъ, мѣсяца съ три назадъ назначенный завѣдывающимъ ротнымъ хлѣбнымъ магазиномъ.

Марѳа вошла въ гостиную, но остановилась у дверей и поклонилась почти въ поясъ, а затѣмъ стала, какъ бы и не собираясь приближаться. Костырева, пожилая уже, но бодрая и живая женщина, быстро поднялась съ мѣста и, расцѣловавшись со своей любимицей, взяла ее за руку, потянула и усадила за столъ, гдѣ кипѣлъ самоваръ. Марѳа была, конечно, единственная женщина во всемъ поселеніи, которая, будучи женой простого фельдфебеля, садилась при офицерахъ.

— Мы тутъ вотъ толкуемъ насчетъ бѣды?—сказала Костырева.—Слышала ты, небось?

— Какъ же, какъ же! Сейчасъ была во дворѣ стараго Миняя,—отозвалась Марѳа,—да и у меня-то неладно тоже.

И разговоръ пошелъ снова о томъ же: о внезапной болѣзни скота.

— Перекинуло откуда нибудь! Надо было ждать. Въ округу-то давно уже падежъ,—заявилъ майоръ Яцковскій.

Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, маленькаго роста, худощавый, тщедушный, уроженецъ Литвы, онъ отличался типическимъ лицомъ, далеко не славянскимъ: смуглый, съ черной курчавой головой, съ легкой просѣдью, горбоносый, съ большими черными глазами безъ всякаго выраженія. Прежде всего бросались въ глаза его совершенно впалая грудь и большой носъ почти крючкомъ. Въ этомъ лицѣ было бы нѣчто ястребиное, если бы глаза не были какіе-то стеклянные, а взглядъ черезчуръ простоватъ.

Говорилъ майоръ по-русски странно, хотя и безъ акцента. Если въ немъ и была польская кровь, то была и добрая частица еврейской. Считался онъ человѣкомъ хорошимъ, добрымъ, командиромъ, какихъ давай Богъ, держался всегда тихо, почти скромно, любилъ больше слушать, чѣмъ говорить.

Наоборотъ, жена его, по имени Агнія Болеславовна, считалась важной барыней, спуску никому не дающей. Женщина, много моложе своего мужа, была бойкая, разбитная, съ рѣзкими, угловатыми движеніями и съ рѣзкимъ голосомъ. Она будто не говорила, а отрѣзывала, и что бы ни произносила, все бывало сказано, какъ бы какая команда.

Когда она говорила: «погода хороша», то казалось, что она командуетъ: «смирно». Если она что предлагала, то нельзя было не согласиться. Вообще въ женщинѣ преобладала большая бойкость, дерзость и самоувѣренность. Она твердо знала и была глубоко убѣждена, что умнѣе ея, можетъ, и есть кто, но надо поискать.

При этомъ, будучи свѣтло-бѣлокурой съ сѣроватыми большими глазами, курносый носомъ, который выгнулся внутрь, обратно пропорціонально тому, какъ выгнулся носъ ея мужа наружу, она была собственно некрасива, а вдобавокъ и тѣмъ, что именуется «бѣлобрысая». Однако майорша умѣла нравиться какой-то дерзостью, назойливостью во взглядѣ и улыбкѣ. Разумѣется, она допускала возможность того, что жена простого фельдфебеля садилась около нея и пила чай только изъ уваженія къ Костыревой. Зная Марю давно и часто встрѣчаясь съ ней у Костыревой, она ее никогда, однакъ, къ себѣ не позвала, такъ какъ все-таки считала это совершенно невозможнымъ.

Къ тому же майорша съ давнихъ поръ, почти съ ранней юности своей, глубоко ненавидѣла всѣхъ красивыхъ дѣвушекъ и женщинъ. Видѣть красавицу—ее совершенно разстроивало, сначала озлобляло, а затѣмъ какъ-то ослабляло. Злобное волненіе переходило въ прихварываніе. На всякую красавицу Яцковская смотрѣла съ какимъ-то негодованіемъ, иногда съ презрѣніемъ, иногда же будто глубоко возмущенная тѣмъ, что она видитъ.

## VII.

Третій гость Костыревой, Монаховъ, былъ двадцатипятилѣтній брюнетъ, извѣстный въ околоткѣ всѣмъ поселянамъ своей ласковостью, отсутствіемъ малѣйшей офицерской или барской гордости, но еще болѣе былъ извѣстенъ женской половинѣ народонаселенія своей внѣшностью.

Подпоручикъ Монаховъ былъ прямо, что называется, писанный красавецъ, и въ числѣ всѣхъ офицеровъ округа онъ былъ

отмѣтнымъ соболемъ. Все въ немъ было иное и иначе. И фигурой своей онъ былъ щеголеватѣе всѣхъ, и держался, и ходилъ какъ-то иначе, чѣмъ другіе. Его матовое лицо, удивительно правильныя черты лица, большіе прекрасные, синеватые глаза съ чудными бровями и густые черные вороноваго крыла вьющіеся кудри—все бросалось сразу въ глаза и все было далеко не русское.

И дѣйствительно, человекъ съ фамиліей Монаховъ назывался Давидъ Иракліевичъ. Русскій по отцу, онъ былъ коренной и истый грузинъ, портретъ своей матери, которая еще и теперь, живя въ Тифлисъ, считалась красавицей, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ.

Попалъ Монаховъ въ Новгородскіе края и завѣдывающимъ хлѣбнымъ магазиномъ совершенно случайно и на время. Говорили, что онъ долженъ вскорѣ, съ помощью какого-то дяди въ столицѣ, получить гораздо болѣе видное назначеніе. Съ самаго появленія Монахова въ населеніи его всѣ полюбили: мужчины—за его добродушіе, какую-то странную, необычную вѣжливость и ласку даже со всякимъ мужикомъ, и женщины, конечно, за бросающуюся въ глаза внѣшность, красивую и щеголеватую

Мѣсяца съ два назадъ, встрѣтившая его случайно на улицѣ. Марѳа сразу замедлила шагъ, почти приостановилась. Еще немного она бы попятилась. Женщина зоркимъ, будто опытнымъ глазомъ сразу увидѣла передъ собой человекъ, какихъ ей еще не случалось видѣть.

Таковые, можетъ быть, мерещатся женщинамъ. Таковой, можетъ быть, и ей снился во снѣ или представлялся въ минуты грезъ, но она, конечно, давно рѣшила, что въ дѣйствительности таковыхъ не бываетъ. Самый красивый въ округѣ былъ—Иванъ Барановъ, и что же онъ? Хуже иного некрасиваго. Что-то у него въ смазливомъ лицѣ и въ глазахъ сахарное или паточное, будто женское, дѣвичье... Монахова же Марѳа опредѣлила сразу:

«Орелъ!»—подумалось ей.

И послѣ этой встрѣчи Марѳа не только цѣлый день, но и дня три подрядъ все думала объ офицерѣ, котораго встрѣтила, а имя котораго, конечно, разузнала тотчасъ же. И иногда, сидя цѣлые часы задумавшись, она думала собственно объ этомъ «орлѣ», а затѣмъ, придя въ себя, трясла головой, будто отвѣчала на свои тайные вопросы и отвѣчала отрицательно.

Однако, вскорѣ же она постаралась сдѣлаться любимицей Костыревой, такъ какъ Монаховъ довольно часто бывалъ у капитанши.

Грузинъ молодой, пылкій отъ природы, скучающій въ Рускинѣ, конечно, съ своей стороны, замѣтилъ красавицу фельдфебельшу, которая въ околоткѣ отличалась отъ всѣхъ остальныхъ женщинъ

точно такъ же, какъ онъ самъ отличался отъ всѣхъ офицеровъ. Встрѣчая ее у Костыревыхъ и изрѣдка на улицѣ, онъ однако держалъ себя съ красавицей такъ ласково, какъ и со всѣми, только нѣсколько иначе заглядывалъ ей въ глаза, будто пытая о чемъ-то.

Когда Марѳа умышленно и искусно стала любимицей Костыревой, стала бывать у нея раза по два и по три въ недѣлю, то почти каждый разъ являлся Монаховъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ красавецъ поручикъ сталъ бывать у добродушной капитанши уже почти всякій день, вѣроятно, ради того, чтобы она не замѣтила его всегдашняго появленія одновременно съ ея любимицей.

Такъ прошло недѣли три. Монаховъ и Марѳа близко познакомились и были уже «благопріятели», какъ выражалась капитанша. И подъ этимъ словомъ она не разумѣла ничего худого. Монаховъ велъ себя любезно, ласково и сдержанно съ Марѳой, но какъ будто не съ женщиной, а будто относился къ ней, какъ къ хорошему малому, который по общественному положенію или чину ниже его, но во всемъ остальномъ ему равенъ. Не простой солдатъ, рядовой, а какъ бы юнкеръ изъ дворянъ.

Марѳа тоже вела себя по отношенію къ офицеру безукоризненно: дружелюбно, но будто съ извѣстной долей уваженія, какъ бы говоря:

— Я не забываю, что вы — офицеръ, а я — жена фельдфебеля.

И добродушная капитанша видѣла ясно и понимала, что отношенія красавца-офицера и красавицы-фельдфебельши, которые были въ извѣстномъ смыслѣ вполнѣ парой и другъ друга стоили, были безукоризненно дружескими. Въ ихъ отношеніяхъ все было благоприлично. О чемъ худомъ впредь и подумать нельзя.

Съ своей стороны, Монаховъ и Марѳа ясно видѣли, ясно понимали и, конечно, еще яснѣе чуяли, что при всей этой обоюдной сдержанности и при всемъ «благоприличіи», какъ думала капитанша, они давно, быть можетъ, съ первыхъ же двухъ свиданій у нея въ домѣ влюблены и любимы взаимно.

Монаховъ вскорѣ сталъ въ этомъ убѣжденъ. Марѳа же надѣялась, но боялась надѣяться... Порою ей казалось, что ея грѣзы — дѣйствительность. Порою она отчаивалась и соображала, что такой человекъ-орелъ можетъ только обратить нѣкоторое вниманіе на такую солдатку-красавицу, какъ она, но никоимъ образомъ не можетъ полюбить. Если что и можетъ явиться съ его стороны, то развѣ одна только прихоть, мимолетная шалость. А подобнаго она допустить по отношенію къ себѣ никакъ не могла.

«Полюбить отъ всего сердца, — думалось Марѳѣ, — онъ сможетъ только равную себѣ, дочь офицерскую или барышню-помѣщицу, и, конечно, ради женитьбы на ней. И всякая пойдетъ за такого орла. А что ему солдатка-мужичка, хоть бы и красивая... Потѣшиться... Да. И кабы этой потѣхѣ дать сроку годикъ... Ну, хоть бы и малость меньше... то я бы не стерпѣла, пошла и на этакое. Одинъ годикъ въ

жизни былъ бы свѣженькій, дорогой, красный... А если недѣлю... ну, хоть мѣсяцъ побалуется и бросить! Избави Богъ! Лучше ничего. И, конечно, не изъ-за гордости, что, молъ, насмѣялся, пошалилъ. Нѣтъ, какая тутъ гордость,.. А каково-то мнѣ будетъ, какъ послѣ одного мѣсяца райскаго я опять останусь одинёхонька... Вѣдь не перетерпишь горя, руки на себя наложишь съ тоскованья по миломъ дружкѣ, который вотъ былъ, а вотъ и нѣту. Страшное дѣло! И не смерть страшна, а тоскованіе это по немъ страшно, напередъ. Сказываютъ про деньги люди: лучше не имѣть, чѣмъ имѣть да потерять. Что деньги! Богъ съ ними! А вотъ любовь потерять! Ужъ, вѣстимо, лучше и не видать ее совсѣмъ».

Иногда Марѣѣ представлялось, что Монаховъ можетъ полюбить глубоко и настолько, что связь продлится годы... Но послѣ такихъ мыслей она вдругъ, будто проснувшись отъ сна, озиралась и говорила съ горечью:

— Дура! Точно махонькая. Всякая ахинея въ голову лѣзетъ, а тебѣ кажется, что и впрямь этакое можетъ приключиться. Дура! Умъ за разумъ взходитъ! Онъ царевичъ. А ты?.. Что ты?.. Рѣжая баба.

И она прибавила уже съ грустью:

— Одно вѣрно—взяла бы и померла сейчасъ. Чего мнѣ жить, на что нужна мнѣ жизнь? Ничего-то у меня нѣту. Ничего, ничего... и не было и не будетъ никогда.

И Марѣа кончила разсужденіемъ или предложеніемъ судьбы: дать ей Давида Иракліевича на одинъ годъ, а затѣмъ люто казнить на дозорной площади плетями, съ наложенъемъ клейма на лицо, съ ссылкой въ каторгу.

— Сейчасъ на все этакое пойду!—воскликнула женщина восторженно.

## VIII.

Обоюдная сдержанность, проистекавшая изъ обоюднаго сомнѣнія, боязни или недовѣрія, затянула развязку почти на мѣсяцъ. И только однажды на Фоминой недѣлѣ, когда снѣгъ сошелъ, повѣяло весной, набухли почки на деревьяхъ, и весь міръ оживалъ, а въ полѣ исчезли чуть не саженные сугробы, — въ яркій весенній день, Марѣа, сидя въ сумерки у доброй капитанши, тщетно ожидала, что явится Монаховъ.

Почему-то особенное нетерпѣніе увидѣть на этотъ разъ Монахова перешло въ страстное волненіе. На душѣ была тревога и смутно, точно будто ея чувство, которое за послѣднее время все разгоралось, дошло теперь до своего крайняго напряженія. Будто стало не въ моготу молчать и выжидать, то надѣяться, то отчаиваться.

Видя, что солнце уже скоро зайдетъ, Марѳа стала прощаться. Капитанша хотѣла еще задержать любимицу, говоря, что скоро придетъ Давидъ Иракліевичъ. Въ Марѳѣ вспыхнулъ вдругъ гнѣвъ любви или злобный пылъ страсти. Въ ней возникла потребность отпущенія. Она простилась и вышла изъ дома, но едва только очутилась на улицѣ, какъ ей захотѣлось уйти куда нибудь подальше, выйти въ поле, остаться на нѣсколько мгновеній одной и разобратъся въ своей душевной бурѣ... или рѣшить что нибудь.

Явилась даже потребность не видѣть хоть бы часть — два своего постылаго двора, постылаго старика-мужа и даже глуповатой, лупоглазой Егорьевны. А можно бы было, такъ ушла бы она и за десятокъ верстъ, въ поле, гдѣ нѣтъ ни души, гдѣ только небо и земля. А еще лучше въ дремучій лѣсъ, гдѣ можно укрыться отъ всего и всѣхъ...

И, не думая ни минуты, Марѳа повернула въ противоположную сторону отъ своего дома, прошла до края слободы и повернула къ Волхову.

«Посижу на берегу! — подумалось ей. — Погляжу, какъ батюшка-Волховъ идетъ, бѣжитъ и уходитъ, покуда мы, люди, сидимъ все на одномъ мѣстѣ и мыкаемся, тоскуемъ»...

И отъ какого-то новаго чувства, тоскливо-бурнаго, и отъ новаго сильнѣйшаго прилива этого чувства у молодой женщины вдругъ показались слезы на глазахъ. Она сама удивилась.

— Что же это? — произнесла она шепотомъ. — Съ ума, что ли, я спятила? Плакать-то о чемъ же? Да вѣдь ему до меня нѣтъ никакого дѣла. Я измываюсь, а онъ и ухомъ не ведетъ. И не примѣчаетъ даже. Такъ оно есть, да такъ и быть должно! Мало, что дура-баба о себѣ вздумаетъ... Вишь, какая въ самомъ дѣлѣ королева! Что же впрямь, что ли, Марѳа Посадница, какъ сказывалъ тотъ баринъ? Фельдфебельша, солдатка, неграмотная, косолапая, да еще и ростомъ съ силача-мужика. Вѣдь это разнымъ Ферапонтамъ Ильичамъ кажется красотой, а для дворянина и офицера такая, какъ я, ражая бабица, сажень въ обхватъ, можетъ казаться уродищемъ, огороднымъ пугаломъ! Барышни дворянки всегда махонькія.

Быстрой походкой, почти бѣгомъ, не ради спѣшности, а ради волненія, Марѳа минутъ черезъ пять ходьбы была уже на берегу широкаго бурливаго Волхова и сѣла на песокъ, пригрѣтый за день весеннимъ солнцемъ. Послѣ сильнаго возбужденія и страстнаго порыва, она почувствовала вдругъ слабость, точно будто прошла нѣсколько верстъ, и рада была присѣсть, будто отдохнуть отъ долгой ходьбы. И тотчасъ же она задумалась... А мысли были, конечно, все тѣ же, все о томъ же и все о немъ же...

Сколько прошло времени, Марѳа не знала. Она вдругъ очнулась. Или оттого, что послѣдній ярко-малиновый лучъ заходящаго



за гладкимъ полемъ солнца потухъ, или иное что нибудь разбудило ее... И вбродитѣ, что именно что-то иное. Она не стала смотрѣть на пылавшій еще горизонтъ, а пристально глянула въ противоположную сторону по глади уходящаго и заворачивающаго вправо Волхова...

Что-то вдалькѣ виднѣлось на сѣрой зеркальной глади... Она не понимала, что это можетъ быть какъ разъ посреди рѣки, но ей казалось, что она будто давно видитъ это, и что именно этотъ темный предметъ ее и привелъ въ полное сознание, будто разбудилъ.

И она стала смотрѣть... Любовная пытка, и волненіе, и горечь— все будто перебродило, стихло, улеглось. Она была спокойна, но еще болѣе чувствовала въ себѣ утомленіе, какъ если бы положительно прошла пѣшкомъ версть двадцать. Устали ноги, устало все тѣло... Истоме сказывалась равно и въ головѣ, и въ груди, и во всѣхъ членахъ. Она собралась вставать, чтобы тихонько итти домой, но сидѣла и пристально приглядывалась невѣдомо зачѣмъ, все къ той же темной точкѣ среди широкаго Волхова, которая, казалось, увеличивалась, какъ будто приближалась.

Не прошло минутъ трехъ-пяти, какъ эта точка обрисовалась больше. Это была лодка, въ которой виднѣлась фигурка, а по бокамъ будто крылья махали и блестяли серебромъ два весла.

«Откуда и кто это?»—подумалось Марѣ.

Во всемъ Рускинѣ было не болѣе четырехъ лодокъ, изъ которыхъ двѣ служили исключительно для переправы на другой берегъ и отъ своихъ мѣстъ никогда не отлучались. Кромѣ того, была лодка въ распоряженіи ротнаго командира Дасаева, но она, какъ говорилъ Ферапонтъ Ильичъ, разохлась, худая, лежитъ на ротномъ дворѣ, и ее еще собираются везти чинить. Была еще лодка у священника, отца Василя, который любилъ кататься, а главное рыбу удить.

«Должно быть, онъ?»—подумалось Марѣ.

Но, приглядѣвшись пристальнѣе, она увидѣла, что фигура, сидѣвшая къ ней спиной, не только не священникъ въ рясѣ, но и не военный поселенинъ. Это былъ офицеръ. И вдругъ бессмысленная мечта или надежда мелькнула и взволновала ее.

«А если это онъ?»...

Но тотчасъ же молодая женщина, почти разсердившись на самое себя, поднялась съ мѣста. И будто въ наказаніе себя за то, что всякій вздоръ приходитъ ей въ голову, она рѣшила немедленно уходить, не дожидаясь, кто такой гребетъ и скоро поравняется съ ея мѣстомъ.

И она двинулась и пошла медленной поступью, но, сдѣлавъ не болѣе десятка шаговъ, обернулась и снова присмотрѣлась къ лодкѣ. Затѣмъ она снова пошла, но снова черезъ нѣсколько шаговъ обернулась, остановилась и стала опять смотрѣть. Приглядѣ-

внись внимательно, она вдруг вздрогнула и слегка вспыхнула... Офицеръ, который гребъ большими сильными взмахами, случайно повернулся въ профиль, и ей показалось... Нѣтъ, она была увѣрена, что это именно онъ—Монаховъ. Сердце шибко забилось въ женщинѣ. Она быстрой походкой пошла отъ берега къ ближайшимъ домамъ слободы, потомъ замедлила шагъ, потомъ остановилась и повернулась. И сразу такой же быстрой походкой, а затѣмъ почти бѣгомъ бросилась къ тому мѣсту, гдѣ только что сидѣла. Но она не спускала глазъ съ приближающагося Монахова и страстно желала, даже молила Бога, чтобы онъ не обернулся и не увидѣлъ ее бѣгущей къ берегу.

Да, она искренно и горячо просила Бога, чтобы Монаховъ увидѣлъ ее только тогда, когда она будетъ уже сидѣть, якобы спокойно задумавшись на берегу рѣки. И, должно быть, Господь Богъ услышалъ молитву, если все на свѣтѣ происходитъ по его волѣ, какъ сказываетъ народъ.

Мароа уже сидѣла на томъ же пескѣ, когда Монаховъ, равняясь съ этимъ мѣстомъ, увидѣлъ ее. Весла, взмахнувъ и блеснувъ, замерли въ воздухѣ. Онъ пересталъ сразу грести какъ бы застывъ въ движеніи.

И черезъ нѣсколько мгновеній сидящая на берегу Мароа сильно вспыхнула, потому что весла окунулись въ воду, а лодка, повернувшись носомъ къ ея берегу, быстро двинулась и чрезъ мгновеніе врѣзалась, какъ-то шипя, въ песокъ. Стукнули весла, брошенные въ лодку, а Монаховъ, ловко выпрыгнувъ, шелъ къ ней.

— Мароа Дмитриевна, вотъ удача-то! Вотъ счастье-то! И за что это Господь смилостивился надо мной?—произнесъ онъ, уже стоя надъ ней.

И такъ какъ женщина сидѣла, опутивъ глаза, и промолчала, онъ вымолвилъ тише и отчасти будто робѣя:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!—едва слышно отозвалась Мароа.

— Ужъ вы не сердитесь ли, что я вышелъ и подошелъ?

— Нѣтъ...—еле двигая губами, шепнула снова Мароа.

— Если прикажете, я сейчасъ же уйду! Я не хочу, ни за что не хочу, чтобы вы на меня гнѣвались... Довольно мнѣ и того, что теперь творится... И такъ намучился я отъ неизвѣстности, не зная, что вы думаете, какъ вы судите обо мнѣ... Знаете ли вы, что у меня на сердцѣ творится уже вотъ давно? Или не знаете совсѣмъ? Коли не знаете, такъ вотъ сейчасъ я вамъ скажу. Всю душу выложу на ладонь!.. А коли знаете, догадались, такъ отвѣчайте!.. Да и отвѣтъ простой будетъ... Скажите вотъ сейчасъ: оставаться мнѣ здѣсь на берегу, хоть на полчаса, съ вами, въ первый-то разъ безъ постороннихъ и какъ бы по волѣ Божіей, отъ случайности? Или же прикажете сейчасъ уйти? Отвѣчайте!..

Монаховъ говорилъ съ паузами, иногда умолкая на нѣсколько секундъ, какъ бы ожидая чего либо въ отвѣтъ, хотя бы одного слова, но Марѳа сидѣла недвижно, опустивъ глаза, чуть не зажмурившись, и не отозвалась ни разу. Когда онъ кончилъ, она осталась въ той же позѣ, не шелохнувшись и молчала попрежнему.

— Одно слово, Марѳа Дмитриевна! Или позвольте мнѣ сѣсть около васъ или прикажите сейчасъ же убираться въ лодку. И я буду знать... И всему будетъ конецъ! Наскучивать вамъ чѣмъ бы то ни было я, конечно, не буду. Даже у Костыревой перестану бывать, куда захожу только изъ-за одной васъ... Ну-съ, что же?— шепотомъ прибавилъ Монаховъ послѣ довольно долгой паузы, и голосъ его слегка дрогнулъ отъ волненья.

Марѳа медленно подняла на него глаза, хотѣла что-то сказать, но только шевелила губами, и не произнесла ни единого слова. Она была не смущена, а потрясена и чувствовала себя такъ, какъ еще не бывало съ ней и знать не могла, что подобное можетъ въ человѣкѣ приключиться. Развѣ только въ предсмертный часъ! Что-то невѣдомое ей вспыхнуло, горѣло и бушевало въ груди, оглушая ее... А передъ ней все заволочло туманомъ, въ которомъ сверкали и прыгали серебристыя и золотыя мушки.

Въ дѣйствительности Марѳа, поднявшая глаза на офицера, стоявшаго передъ ней на фонѣ розоваго заката, смотрѣла сквозь крупныя слезы, брызнувшія изъ глазъ...

Монаховъ увидѣлъ ихъ, понялъ, какъ отвѣтъ, и, тихо ахнувъ, медленно опустился на песокъ около нея.

Какъ уже стемнѣло совсѣмъ, женщина не пошла домой, а почти пошатываясь, какъ опьянѣвшая и поддерживаемая имъ, сѣла къ нему въ лодку.

— Хорошо ли?... Онъ будетъ ждать... Разбранить тебя,—говорилъ Монаховъ.

— Ахъ, пускай... Пусть хоть убьетъ,—тихо отозвалась она.

— Такъ говорится только, Марѳуша.

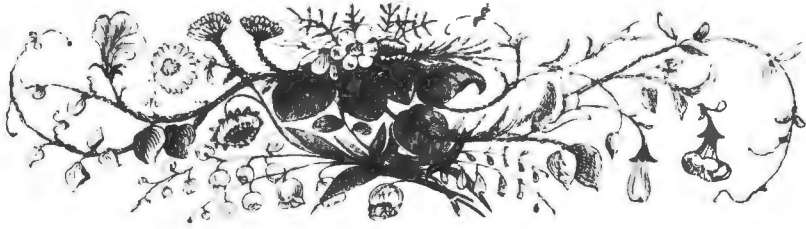
— Нѣтъ, нѣтъ. Я не зря болтаю. Дай мнѣ годикъ, одинъ. Не бросай! А тамъ, бросишь, я сама подъ ножъ его себя подведу, чтобы зарѣзалъ скорѣе.

И только поздно, предъ полночью, вернулась Марѳа домой, легла и всю ночь напролетъ не могла сомкнуть глазъ. Сонъ пропалъ и не приходилъ.

Зато съ этого дня начался для нея другой сонъ, чудный, волшебный, отъ котораго человѣкъ боится проснуться.

Графъ Е. Салиасъ.

*(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).*



## ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА А. Х. БЕНКЕНДОРФА <sup>1)</sup>.



**ВЪ НАЧАЛѢ** весны 1835 года государь разсудилъ ѣхать въ Москву. Отправившись туда 26-го апрѣля, мы по дорогѣ останавливались: въ Колпинѣ для обозрѣнія основаннаго тамъ Петромъ Великимъ и во многомъ улучшеннаго императоромъ Николаемъ завода; въ одномъ изъ прежнихъ военныхъ поселеній, обращенномъ теперь въ казармы для Гродненскаго гусарскаго полка; въ Новгородѣ—для осмотра гвардейскихъ драгунъ и, наконецъ, во вновь учрежденномъ иждивеніемъ графа Аракчеева и названномъ по его имени кадетскомъ корпусѣ, гдѣ государь присутствовалъ при ужинѣ воспитанниковъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ насъ, пріѣхали также въ Москву сперва императрица съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, а потомъ великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, восхитившіе народъ особенно тѣмъ, что они выѣзжали одѣтые въ національномъ костюмѣ.

Время стояло прекрасное, и 1-го мая, въ день гулянья подъ Сокольниками, императорская фамилія смотрѣла на стеченіе экипажей и пѣшеходовъ изъ павильона, выстроеннаго для этого случая въ серединѣ рощи, а потомъ сама каталась въ экипажахъ по аллеямъ, при радостномъ «ура» толпы.

Прямо съ этого гулянья дворецъ переселился на дачу, купленную государемъ у графини Орловой, откуда открывался очаровательный

---

<sup>1)</sup> Этотъ отрывокъ изъ любопытныхъ записокъ графа Бенкендорфа сообщенъ намъ покойнымъ директоромъ Императорской Публичной бібліотеки Н. К. Шильдеромъ.

видъ на Москву рѣку, на орошаемые ею луга и на весь городъ. Обширность дома и его пристроекъ позволила и всѣмъ намъ тутъ же помѣститься; только, къ сожалѣнію, съ слѣдующаго дня начались холода, вѣтеръ, дожди и даже снѣгъ, заставившіе насъ пожалѣть о рановременномъ переѣздѣ изъ Кремля. При такой погодѣ жизнь на дачѣ не представляла никакихъ удовольствій, и потому ихъ старались возмѣстить балами, спектаклями и большими или меньшими собраніями у императрицы.

Между тѣмъ время у государя шло въ Москвѣ своимъ порядкомъ. Высочайшее вниманіе было обращено въ особенности на кадетскій корпусъ, на университетъ, на украшеніе города и на поправленіе отставшаго нѣсколько въ выправкѣ и движеніяхъ армейскаго корпуса, подъ командою князя Хилкова. Кромѣ того, государь каждое утро ѣздилъ въ Кремль для приѣма военнаго генераль-губернатора съ бумагами и прочихъ, лицъ, имѣвшихъ къ нему доклады, а потомъ въ часъ сходилъ на площадь передъ дворцомъ, для присутствованія при разводѣ. Здѣсь государя забавляло ставить трехъ младшихъ сыновей своихъ на линію вмѣсто офицеровъ, къ большому наслажденію публики, ежедневно собиравшейся сюда во множествѣ, въ экипажахъ и пѣшкомъ. Императрица съ своей стороны часто посѣщала и подробно осматривала Воспитательный Домъ и дѣвичьи институты, перешедшіе въ ея благодѣтельное завѣдываніе по наслѣдству отъ покойной императрицы матери.

Въ это же время наступилъ въ Москвѣ срокъ публичной выставки мануфактурныхъ и фабричныхъ издѣлій, которая была устроена съ большимъ вкусомъ и изяществомъ въ домѣ Дворянскаго собранія, при единодушномъ стремленіи всѣхъ фабрикантовъ отличиться передъ своимъ царемъ. Императорская чета нѣсколько разъ съ величайшимъ вниманіемъ осматривала всю выставку, спрашивая производителей о каждой мелочи и ободряя ихъ своимъ поощреніемъ.

Наконецъ государь, чрезвычайно довольный видѣннымъ, призвалъ къ себѣ всѣхъ главныхъ экспонентовъ и, изъявивъ имъ свою благодарность за успѣхи ихъ производствъ, прибавилъ, что теперь, когда промышленность получила надлежащее направленіе и можетъ лишь итти къ дальнѣйшему еще развитію, необходимо и правительству и фабрикантамъ обратить свое вниманіе на такой предметъ, при отсутствіи котораго самыя фабрики скорѣе будутъ зломъ, нежели благомъ. Это, продолжалъ онъ, попеченіе о рабочихъ, которые, ежегодно возростая числомъ, требуютъ дѣятельнаго и отеческаго надзора за ихъ нравственностію, безъ чего эта масса людей постепенно будетъ портиться и обратится наконецъ въ сословіе столько же несчастное, сколько опасное для самихъ хозяевъ. Въ заключеніе онъ сослался на примѣръ двухъ фабрикан-

товъ, находившихся тутъ же въ числѣ прочихъ и особенно отличавшихся обращеніемъ своимъ съ рабочими, прибавивъ, что велить доносить себѣ о всѣхъ тѣхъ, которые послѣдуютъ этому примѣру, чтобы имѣть удовольствіе явить имъ за то знаки своего благоволенія.

Когда погода нѣсколько поправилась, императорская фамилія изъявила желаніе посѣтить нѣкоторыя окрестныя дачи. Министръ двора князь Волконскій удостоился чести принять ее къ обѣду, въ своей прекрасной подмосковной, верстахъ въ 20-ти отъ города. По убранству дома и содержанію садовъ можно было подумать, что хозяинъ всегда въ ней живетъ, тогда какъ, напротивъ, въ продолженіе сорока лѣтъ служебныя обязанности позволили ему провести тамъ всего лишь нѣсколько дней. Такимъ же образомъ имѣлъ счастье принять императорскую фамилію въ неподобной своей «мельницѣ» постоянный московскій житель, князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, пользовавшійся особеннымъ высочайшимъ благорасположеніемъ. Сверхъ того государь почтилъ своимъ посѣщеніемъ подмосковную графа Шереметева, уже 50 лѣтъ остававшуюся необитаемою и, несмотря на то, все еще сохранявшую слѣды прежняго великолѣпія и богатства. Государя въ особенности заняло находящееся въ тамошнемъ домѣ, или, лучше сказать, дворцѣ, многочисленное собраніе портретовъ вельможъ и сановниковъ вѣка Петра Великаго и Елисаветы, и онъ велѣлъ князю Волконскому спросить согласіе настоящаго владѣльца, въ то время флигель-атъютанта его величества, на снятіе копій съ нѣкоторыхъ изъ этихъ портретовъ, недостававшихъ въ эрмитажной и дворцовыхъ коллекціяхъ.

Осмотрѣвъ такимъ образомъ нѣсколько частныхъ дачъ, государь пожелалъ взглянуть и на свои собственныя. Онъ посѣтилъ сперва Царицыно, не удовлетворившее его, впрочемъ, ни своимъ мѣстоположеніемъ, ни остатками сооруженнаго тамъ нѣкогда Екатериною II и впослѣдствіи полуразвалившагося дворца, почему онъ предположилъ выстроить вмѣсто него, со временемъ, или казарму, или какое нибудь училище; потомъ Коломенское съ оставшеюся отъ древнихъ его зданій только одною дворцовою церковью. Взойдя по довольно высокой лѣстницѣ въ бесѣдку, построенную въ новѣйшее время на мѣстѣ старинныхъ царскихъ чертоговъ, государь былъ пораженъ открывшимся изъ нея восхитительнымъ видомъ на Москву и ея окрестныя села и деревни. «Вотъ, — сказалъ онъ, — гдѣ я поставлю дворецъ: рожденіе въ этомъ мѣстѣ Петра Великаго и неподобный видъ на древнюю столицу достаточно говорятъ, что здѣсь слѣдуетъ быть царскому жилью». Спустившись оттуда, государь вмѣстѣ съ императрицею вошелъ въ древнюю церковь и, увидѣвъ тамъ три четы, которыхъ бракъ благословлялся въ это время, приказалъ мнѣ потребовать

ихъ на слѣдующее утро въ Кремлевскій дворецъ. Здѣсь императрица лично вручила молодымъ разные подарки, а я роздалъ имъ отъ имени государя нѣсколько сотъ рублей.

Пробывъ въ Москвѣ около мѣсяца, дворъ возвратился въ лѣтнія свои жилища окрестъ Петербурга.

Государь уѣхалъ прежде императрицы, въ ночь съ 21-го на 22-е мая, и по дорогѣ осматрѣлъ войска сначала въ Твери, а потомъ въ Торжкѣ. По прибытіи въ Новгородъ, онъ пересѣлъ на пароходъ военныхъ поселеній, и мы отправились въ Юрьевъ монастырь. Здѣсь настоятелемъ въ то время былъ архимандритъ Фотій, прославившійся благоговѣйнымъ уваженіемъ, которое онъ умѣлъ внушить къ себѣ добродѣтельной графинѣ Орловой-Чесменской, уже нѣсколько лѣтъ посвящавшей огромныя свои богатства на украшеніе этой обители. Никто не ожидалъ пріѣзда государя; въ монастырѣ все было тихо, и мы, не встрѣтивъ ни души, вошли въ главный его соборъ; тамъ молился одинъ монахъ. Государь, также помолившись, осматрѣлъ великолѣпныя ризы и оклады на иконахъ, и только при выходѣ его изъ собора разнеслась по монастырю вѣсть, что въ стѣнахъ его—императоръ.

Фотій пришелъ навстрѣчу его величеству и, несмотря на все желаніе казаться совершенно спокойнымъ, былъ въ крайнемъ замѣшательствѣ отъ этого неожиданнаго пріѣзда. Къ большому нашему изумленію, вслѣдъ за нимъ явилась и графиня Орлова, совершенно счастливая высочайшимъ посѣщеніемъ такой обители, которой она была благодѣтельницею и почти начальницею. Присутствіе женщины въ мужскомъ монастырѣ могло бы казаться соблазнительнымъ, если бы репутація графини не ставила ее выше всякаго подозрѣнія. Она сопровождала государя въ больницу и по всѣмъ церквамъ, какъ бы сама официально принадлежала къ этому монастырю. Фотій съ своей стороны такъ растерялся, что позабылъ о всѣхъ почестяхъ, воздаваемыхъ въ подобныхъ случаяхъ главѣ государства и церкви.

По возвращеніи нашемъ въ Петербургъ, государь велѣлъ вытребовать его въ Невскую лавру для наученія впредь лучше исполнять свои обязанности.

Дворъ, проведя нѣсколько дней на Елагиномъ острову, переѣхалъ въ Петергофъ, гдѣ для государя начались обычныя лѣтнія его занятія: поѣздка въ Кронштадтъ и въ Красносельскій лагерь, въ 1835 году тѣмъ болѣе привлекавшій его вниманіе, что великій князь Михаилъ Павловичъ былъ, для поправленія своего здоровья, на Карлсбадскихъ водахъ, и гвардейскимъ корпусомъ временно командовалъ вмѣсто него достойный, но израненный генералъ Бистромъ, которому не доставало силъ поддерживать строгость заведеннаго великимъ княземъ уорядка.

Въ Петергофъ въ это лѣто пріѣхали и оставались тамъ во все продолженіе пребыванія царской фамиліи сестра императрицы съ

супругомъ своимъ, принцемъ Фридрихомъ Нидерландскимъ, и герцогъ Нассаускій. Праздникъ 1-го іюля былъ еще великолѣпнѣе обыкновеннаго. Потомъ начались большіе маневры, въ которыхъ мы доходили до Гатчины.

Пока Петербургъ веселился и наслаждался самымъ безмятежнымъ спокойствіемъ, въ Парижѣ приготовлено было цареубійство, и дѣло шло о смертныхъ казняхъ. Извѣстный замыселъ Фіески, не достигшій настоящей своей цѣли, но стоившій однако жизни престарѣлому и храброму маршалу Мортъе, испугалъ Францію и, возмущивъ своею дерзостью остальную Европу, былъ какъ бы новымъ призывомъ для всѣхъ правительствъ вооружиться противъ гнуснаго скопища, поклявшагося ниспровергнуть троны и разрушить общественный порядокъ. Теперь было необходимѣе, чѣмъ когда либо, чтобы сѣверные кабинеты гласно заявили свѣту единство началъ, связывавшихъ ихъ союзъ, тѣмъ болѣе, что кончина Франца I-го вдохнула революціонерамъ новыя надежды и вселила общій страхъ въ правительства.

Рѣшенъ былъ новый сѣздъ трехъ монарховъ, но на этотъ разъ долженствовавшій сопровождаться всѣмъ блескомъ военныхъ торжествъ, достойнымъ воспоминаній совокупныхъ побѣдъ 1813 и 1814 годовъ, изъ числа соучастниковъ которыхъ оставался на престолѣ уже одинъ только король Прусскій.

Мѣстомъ свиданія съ нимъ нашего государя избрали городъ Калишъ, какъ ближайшій пунктъ къ границамъ Пруссіи. Для сего послано было туда заблаговременно, на присоединеніе къ корпусу, стоявшему въ царствѣ Польскомъ, по взводу отъ каждаго гвардейскаго кавалерійскаго полка<sup>1)</sup>, что составило вмѣстѣ три эскадрона, въ прибавку къ которымъ слѣдовалъ еще изъ южныхъ военныхъ поселеній кирасирскій принца Альберта Прусскаго полкъ. Два баталіона гвардіи, составленные изъ всѣхъ пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ, 4 орудія отъ 3-хъ артиллерійскихъ бригадъ гвардейскаго корпуса, гренадерскій полкъ имени короля Прусскаго и 1 баталіонъ гренадерскаго полка имени наслѣднаго принца Прусскаго были собраны въ Ораніенбаумъ для отправленія моремъ въ Данцигъ.

14-го іюля, послѣ напутственнаго молебствія, подъ открытымъ небомъ, передъ Ораніенбаумскимъ дворцомъ, государь самъ повелъ всѣ знамена къ своему катеру, и въ то же время всѣ войска этого отряда направились, по отдѣленіямъ, къ шлюпкамъ, которыя должны были доставить ихъ къ назначеннымъ для ихъ перевозки пароходамъ. Это движеніе было исполнено съ чрезвычайною точностью, и видъ длиннаго ряда судовъ, наполненныхъ сверкающими шты-

<sup>1)</sup> Рукою императора Николая написано:

«Les premiers pelotons des grenadiers et les premières compagnies de carabniers».



ками и постепенно, въ опредѣленныхъ интервалахъ, отдѣлявшихся отъ берега въ направленіи каждаго къ своему пароходу, представляяль безподобное зрѣлище, котораго красоту увеличивало ярко сіявшее солнце.

Король Прусскій съ своей стороны также велѣлъ образовать отряды изъ всѣхъ полковъ своей гвардіи и вмѣстѣ съ кирасирскимъ имени императора Николая полкомъ расположить ихъ лагеремъ неподалеку отъ Калиша.

1-го августа, государь съ императрицею, великою княжною Ольгою Николаевною, принцемъ Фридрихомъ Нидерландскимъ съ его супругою, герцогомъ Нассаускимъ и маленькимъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, носившимъ титулъ генералъ-адмирала, отправились на пароходѣ «Геркулесъ» также въ Данцигъ. Графъ Орловъ и я удостоились чести быть на одномъ съ ними суднѣ, а остальная свита: дамы и кавалеры, поѣхала въ одно съ нами время на пароходѣ «Ижора». Князь П. М. Волконскій, назначенный сопровождать императрицу во время ея путешествія по Германіи, уѣхалъ впередъ сухимъ путемъ.

Нашъ переѣздъ, благопріятствуемый прекраснымъ временемъ, былъ истинною прогулкою, и одинъ только герцогъ Нассаускій пролежалъ всѣ пять дней въ морской болѣзни. Мѣстами къ намъ подходили фрегаты или бриги, отряженные отъ нашего флота для принятія приказаній государя, если бы такія понадобились, а миляхъ въ 20-ти отъ прусскихъ береговъ весь флотъ пришелъ намъ навстрѣчу на всѣхъ парусахъ и по отсалютованіи императорскому флагу повернулъ назадъ для сопровожденія «Геркулеса»; но при ослабшемъ между тѣмъ вѣтрѣ нашъ пароходъ вскорѣ оставилъ за собою парусныя суда. Къ закату солнца открылись данцигскія колокольни, и мы убавили ходъ, чтобы войти въ каналъ, начинающійся въ пяти или шести верстахъ передъ городомъ. Оба берега этого канала были заняты любопытными, а у пристани ожидали власти, военныя и гражданскія, подъ красивымъ шатромъ, устроеннымъ для приѣма ихъ величествъ, возлѣ котораго стояли почетный караулъ и приготовленные для нихъ экипажи.

Солнце уже сѣло, огонь орудій съ данцигскихъ укрѣпленій рисовался въ темнотѣ, и гулъ выстрѣловъ величественно смѣшивался со звономъ колоколовъ и съ кликами толпы. Но шатеръ былъ устроенъ такъ неискусно, что нашъ «Геркулесъ» едва не опрокинулъ его своимъ колесомъ, и почти невозможно было сойти тутъ на берегъ. Вслѣдствіе того государь съ императрицею и своими спутниками сѣхалъ въ катеръ и, обнявъ принца Прусскаго, высланнаго королемъ ему навстрѣчу, отправился къ отведенному для нихъ помѣщенію. Городъ былъ иллюминованъ, и все его населеніе радостно привѣтствовало государя и августѣйшую дочь своего короля. Это былъ первый русскій монархъ, который со временъ Петра

Великаго явился въ стѣнахъ Данцига, столько разъ испытывающаго силу нашего оружія и въ 1806 году такъ мужественно отстояннаго нашими войсками противъ полчищъ Наполеона.

На слѣдующій день, послѣ обѣда, императрица съ своимъ братомъ отправились въ Берлинъ, а государь съ принцемъ Нидерландскимъ и Нассаускимъ герцогомъ поѣхалъ въ Калишъ. Въ Торнѣ, незадолго до нашего проѣзда, загорѣлся большой мостъ, и мы, проѣзжая по немъ, видѣли еще сторожившихъ его солдатъ. Зажигатели остались неоткрытыми; въ этой злонамѣренной попыткѣ подозрѣвали, можетъ быть, не безъ основанія поляковъ, думавшихъ воспользоваться беспорядкомъ для какого нибудь покушенія противъ особы государя. На границѣ царства Польскаго онъ отпустилъ приготовленный для него конвой, и мы поѣхали до Калиша краемъ, еще кипѣвшимъ горькою ненавистью къ Россіи, совершенно одни.

Фельдмаршалъ Паскевичъ принялъ его величество во главѣ генераловъ, командовавшихъ разными частями расположенныхъ въ лагерь войскъ, стоя у праваго фланга почетнаго караула передъ дворцомъ, убранномъ со вкусомъ для короля Прусскаго и сестеръ императрицы: принцессы Нидерландской и гротъ-герцогини Мекленбургской. Для этого пребыванія отдѣляли также заново городской театръ, выстроили огромную залу, въ которой удобно могли помѣститься за обѣденными столами 300 человекъ, и въ флигеляхъ дворца, равно какъ и во многихъ частныхъ домахъ, отвели квартиры для принцевъ и другихъ особъ, приглашенныхъ или испросившихъ позволеніе присутствовать при калишскихъ маневрахъ. Къ большому изумленію тамошнихъ жителей, государь, безъ всякой свиты, обошелъ пѣшкомъ по всѣмъ приготовленнымъ для знатнѣйшихъ особъ помѣщеніямъ, стараясь, чтобы все въ нихъ было удобно и прилично. Потомъ онъ осматрѣлъ два лагеря, раскинутые за городомъ, одинъ для пѣхоты и другой для кавалеріи. Первый, заключавшій внутри себя пустое мѣсто для ожидаемыхъ прусскихъ войскъ, былъ расположенъ по гребню огромной отлогости, господствовавшей надъ городомъ и всѣми окрестностями. Влѣво отъ оставленной пустоты находились палатки для государя и для Прусскаго короля съ ихъ свитами, а внутри лагеря возвышался убранный оружіями и трофеями деревянный шатеръ, въ которомъ находилась обширная зала для обѣдовъ; съ устроеннаго надъ нимъ бельведера былъ очаровательный видъ на лагерь и всю окружающую мѣстность.

Государь сдѣлалъ предварительный смотръ войскамъ, въ видѣ приготовленія къ тому, къ которому ожидались Прусскій король и столько иностранныхъ принцевъ и генераловъ. Потомъ онъ забавлялся ученіемъ конно-мусульманскаго полка, составленнаго изъ магометанъ, обитающихъ въ Закавказскомъ краѣ. Эти воины, числомъ около 500, были богато одѣты, по образцу персіянъ, въ

разноцвѣтныя одежды, что придавало имъ чуждый для остальной Европы видъ азіатскаго войска. Раздѣлившись на двѣ партіи, они начали нападать другъ на друга съ необыкновенною ловкостью и удалью, но постепенно до того разгорячились, что государь призналъ нужнымъ положить конецъ ихъ стычкѣ и велѣлъ всѣмъ собраться вокругъ ихъ знамени. Партія, находившаяся насупротивъ знамени, вообразивъ, что приказано его схватить, бросилась на него съ такою стремительностію, что произошла очень серіозная ошибка; знаменщикъ, сбитый съ лошади, вмѣстѣ съ своими товарищами совсѣмъ не въ шутку защищалъ ввѣренную ему святыню; посыпались сабельные удары, съ той и съ другой стороны полилась кровь, и государь, кинувшись между сражавшихся, едва успѣлъ, съ нашею помощію, разогнать и усмирить враждебныя партіи. Послѣ того они прошли мимо государя церемоніальнымъ маршемъ, съ криками «ура» и съ видомъ величайшаго самодовольства <sup>1)</sup>).

По окончаніи этихъ предварительныхъ распоряженій, государь поѣхалъ въ Лигницъ въ Силезію, гдѣ его ожидали императрица, король Прусскій, принцы прусскаго дома, эрцъ-герцогъ австрійскій Фердинандъ съ дядею своимъ эрцъ-герцогомъ Іоганномъ, наслѣдныи герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій съ супругою своею, сестрою нашей императрицы, и нѣсколько другихъ еще принцевъ, которые всѣ собрались поклониться русскому императору и присутствовать при сборѣ прусскаго корпуса. Туда же прибылъ изъ своей поѣздки по Германіи и Михайлъ Павловичъ.

Прусскій лагерь находился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, и на другой день послѣ нашего приѣзда стоявшій корпусъ, числомъ около 20.000 человекъ, былъ выведенъ на парадъ; но отъ многочисленнаго стеченія любопытныхъ, верхами, въ экипажахъ и пѣшкомъ, которые, несмотря на всѣ подтвержденія, даже со стороны самого короля, очень мало обращали вниманія на соблюденіе порядка, церемоніальный маршъ такъ разстроился, что парадъ сдѣлался похожъ больше на какую-то сумятицу.

Въ числѣ иностранцевъ, съѣхавшихся отовсюду въ Лигницъ, находился также австрійскій генералъ, принцъ Ваза. Онъ заставилъ о позволеніи прибыть туда написать жену свою къ императрицѣ, а когда ея письмо осталось безъ отвѣта, то сказалъ князю Меттерниху, что считаетъ это молчаніе за знакъ согласія, и, несмотря на отзывъ Меттерниха, что съ императоромъ Николаемъ

---

<sup>1)</sup> Императоръ Николай, читая записки графа Бенкендорфа, сдѣлалъ противъ этого мѣста замѣтку:

«C'est un poème! Cela ne fut pas si sérieux et il n'y eût heureusement ni coups de sabre, ni sang, mais c'en fut bien près et ce n'est qu'avec peine que je parvins à les calmer».

опасно играть въ пословицы, все-таки прїѣхалъ въ Лигницъ. Прусскій кабинетъ, находившійся не менѣ нашего въ тѣсныхъ связяхъ съ шведскимъ королемъ Карломъ-Юганномъ, былъ столько же раздосадованъ этимъ прїѣздомъ, какъ и нашъ государь. Одинъ изъ адъютантовъ короля шведскаго, находившійся также въ Лигницѣ и приглашенный въ Калишъ, пришелъ сказать мнѣ, что онъ будетъ въ тяжкой необходимости отказаться отъ этой чести, если принцъ Ваза получитъ приглашеніе тамъ присутствовать, и даже найдется въ необходимости выѣхать изъ Лигница, такъ какъ во всемъ лицамъ, состоящимъ въ шведской службѣ, строго приказано избѣгать встрѣчи съ претендентомъ на шведскій престолъ. Государь поручилъ мнѣ объяснить эрцъ-герцогу Фердинанду, что сколько его величеству ни непріятно отклонить прїемъ въ своихъ владѣніяхъ генерала, носящаго австрійскій мундиръ и возбуждающаго сочувствіе своими несчастіями, однако онъ вынуждается къ тому политическими отношеніями и искренностью своего союза съ королемъ шведскимъ; въ то же время велѣно было сказать шведскому адъютанту, что государь проситъ его остаться въ Лигницѣ и беретъ это на свою отвѣтственность передъ его монархомъ, которому и изложилъ все дѣло въ письмѣ къ графу Сухтелену, нашему посланнику при шведскомъ дворѣ. Кончилось тѣмъ, что шведскій офицеръ былъ чрезвычайно польщенъ такою милостивою любовью государя, а принцъ Ваза, поставленный своею опрометчивостью въ самое непріятное положеніе, воротился въ Вѣну изливаться въ жалобахъ передъ тамошними дамами, которыхъ онъ былъ любимцемъ.

Въ Лигницѣ король ежедневно собиралъ у себя всѣхъ принцевъ и знатныхъ иностранцевъ на большіе обѣды и вечера; городъ далъ балъ, довольно плохонькій и худо освѣщенный, а войско угостило насъ подготовленнымъ заранѣе ученьемъ, послѣ котораго пошло къ Доманзе въ Силезіи, гдѣ стоялъ лагеремъ другой прусскій корпусъ, и куда всѣ мы также поѣхали. Государь съ императрицею были тамъ помѣщены въ старинномъ замкѣ графа Бранденбурга, лежащемъ въ очаровательной мѣстности и окруженномъ прекрасными видами, а король поселился въ другомъ частномъ замкѣ, въ пяти верстахъ отъ Доманзе и въ двухъ отъ лагеря. Всѣ окрестные дома были заняты принцами и свитою, что придало этому красивому краю особенное оживленіе. Большая галлерей близъ жилища короля служила столовою для всѣхъ королевскихъ гостей, число которыхъ увеличивалось приглашавшимися къ столу дамами и окрестными помѣщиками. Въ лагерѣ былъ устроенъ большой баракъ, внутри драпированный, въ которомъ корпусъ офицеровъ далъ балъ всемъ августѣйшимъ особамъ, присутствовавшимъ при этомъ военномъ сборищѣ. Иногда король прїѣзжалъ также обѣдать къ нашему государю въ Доманзе, куда въ такихъ случаяхъ звали

столько гостей, сколько позволяло мѣсто. По вечерамъ собирался тамъ лишь самый небольшой кружокъ, почти исключительно состоявшій изъ семейства императрицы и немногихъ лицъ, составлявшихъ свиту ея и государеву. Утро проводили на ученіяхъ, смотряхъ и маневрахъ.

28-го августа, нашъ императорскій домъ перебрался въ Калишъ, куда государь пріѣхалъ въ 2 часа пополудни, а императрица, принявшая еще на пути балъ, данный ей городомъ Бреславлемъ, въ 8 часовъ вечера.

На слѣдующій день прибыли туда и иностранные принцы, а 30-го числа, въ день тезоименитства наслѣдника цесаревича, послѣ церковнаго парада и богослуженія въ походной церкви, государь въ 3 часа отправился на границу царства, для встрѣчи августѣйшаго своего тестя, съ которымъ и возвратился часа черезъ два въ Калишъ. Здѣсь, на дворцовомъ дворѣ, ожидалъ почетный караулъ, съ стоящими на правомъ его флангѣ: великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, фельдмаршаломъ Паскевичемъ и всѣми генералами. Пройдя передъ фронтомъ, король былъ встрѣченъ на дворцовой лѣстницѣ августѣйшею своею дочерью, которая провела почтеннаго старца въ приготовленные для него покои, тѣ самые, гдѣ онъ жилъ въ 1813 году, когда изгнаніе французовъ изъ нашихъ предѣловъ и пораженіе ихъ нашими побѣдоносными войсками предвѣщало Пруссіи и остальной Европѣ близкое освобожденіе, — тѣ самые покои, гдѣ за 22 года передъ симъ Александръ I, предавая забвенію совокупное дѣйствіе Пруссіи съ Наполеономъ противъ Россіи, протягивалъ Фридриху-Вильгельму III руку помощи и подписывалъ союзъ съ Пруссіею противъ ея притѣснителя. Король, глубоко тронутый этими воспоминаніями давно минувшихъ дней, столь многозначительныхъ въ судьбѣ обоихъ государствъ, былъ еще болѣе растроганъ нѣжною попечительностью къ нему любимой дочери и могущественнаго зятя и пріемомъ этихъ славныхъ невиданныхъ имъ съ Парижа русскихъ войскъ, которыя приводили ему на память опасности и побѣды 1812-го и 1814-го годовъ.

Вечеромъ, передъ закатомъ солнца, всѣ находящіеся въ Калишѣ и въ лагерѣ генералы и офицеры собрались въ полной парадной формѣ на площади передъ дворцомъ, а за ними стали въ густыхъ колоннахъ полковые музыканты, барабанщики, флейтчики и горнисты, числомъ слишкомъ полторы тысячи. Какъ только король показался на балконѣ, его привѣтствовали единодушнымъ «ура», и музыка заиграла маршъ, сочиненный имъ самимъ, въ бытность его еще наслѣднымъ принцемъ, и потомъ національный нашъ гимнъ. Грандіозность этой сцены поразила всѣхъ присутствовавшихъ столько же, сколько тронула доблестнаго сотоварища и друга императора Александра.

На слѣдующее утро прусскія войска присоединились у Калиша къ нашимъ, и король верхомъ ожидалъ на правомъ ихъ флангѣ государя, который пріѣхалъ вмѣстѣ съ императрицею, бывшею также верхомъ. Пруссаки приняли ихъ величества съ криками «ура», заимствованными отъ нашихъ войскъ въ 1813-мъ и 1814-мъ годахъ.

Въ свитѣ царской, кромѣ названныхъ уже выше прусскихъ принцевъ, австрійскихъ эрцъ-герцоговъ, герцога Нассаускаго и Нидерландскаго и Мекленбургъ-Шверинскаго, находились еще: герцогъ Кумберландскій, наслѣдныя принцы Гессенъ-Дармштадтскій и Гессенъ-Кассельскій, принцъ Фридрихъ Виртембергскій, принцы Карлъ и Фридрихъ Шлезвигъ-Голстинскіе и множество иностранныхъ генераловъ и офицеровъ. Сверхъ того, прибыла въ Калишъ и сунруга Прусскаго короля, княгиня Лигницъ.

Пока вся эта блестящая свита слѣдовала за обоими монархами передъ фронтомъ прусскаго корпуса, наши войска выстроились впереди своего лагеря, такимъ образомъ, что между двумя образованными ими стѣнами оставался широкій проходъ; потомъ государь со своимъ штабомъ сталъ на лѣвомъ флангѣ пѣхоты, а императрица заняла мѣсто на правомъ флангѣ у Кавалергардскаго взвода, и король повелъ свой корпусъ къ центру лагеря. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ между рядами нашихъ войскъ, знамена и штандарты преклонялись, и крики нашихъ солдатъ смѣшались съ звуками музыки и пушечною пальбою, сопровождающею это торжественное шествіе. Дойдя до назначеннаго для нихъ мѣста, пруссаки, въ свою очередь, выстроились въ двѣ линіи, и наши войска, подъ предводительствомъ государя и съ императрицею на флангѣ кавалергардовъ, прошли между ихъ рядами, пріѣтствуемыя такими же изъявленіями, какими прежде встрѣчали пруссаковъ. Въ этомъ соединеніи войскъ двухъ сильныхъ націй и вообще во всемъ этомъ приѣмѣ было что-то рыцарское и могучее, расшевелившее всѣ сердца. Солдаты цѣловались между собою, какъ братья, офицеры пріязненно жали другъ другу руки, и оба монарха обнялись въ виду обѣихъ армій.

Все было приготовлено въ лагерѣ для обильнаго продовольствія прусскихъ солдатъ и для стола и для удобствъ офицеровъ. Послѣднихъ угощали въ большой залѣ, устроенной посреди лагеря, наши гвардейскіе офицеры, а принадлежавшіе къ свитамъ короля и принцевъ, равно какъ и прочіе иностранцы, обѣдали за роскошнымъ гофмаршалскимъ столомъ въ залѣ возлѣ дворца. Вечеромъ всѣмъ раздавались даровые билеты на нѣмецкій спектакль, для котораго, чтобы не лишить короля любимаго и ежедневнаго его развлечения, была выписана труппа изъ Берлина.

Слѣдующій день, 1-ое сентября, падалъ на воскресенье. Сперва всѣ собрались къ православному богослуженію въ походной церкви, устроенной посреди лагеря, вокругъ которой наши войска были

разставлены въ огромныхъ карре; потомъ, всѣ перешли нѣсколько сотъ шаговъ далѣе, къ мѣсту, гдѣ прусскія войска, такимъ же образомъ разставленныя, слушали проповѣдь лютеранскаго пастора и пѣли свои церковныя гимны. Такое сліяніе двухъ вѣроисповѣданій, двухъ богослуженій, въ одномъ лагерѣ, въ присутствіи двухъ монарховъ, стоявшихъ въ главѣ этихъ двухъ различныхъ церквей, служило живымъ символомъ обоюдной ихъ вѣротерпимости, тѣмъ болѣе поразительнымъ, что все это происходило въ краѣ, исповѣдующемъ римско-католическую вѣру, которая отличается своею нетерпимостію и фанатизмомъ.

Покажѣсть въ лагерѣ отправлялась божественная служба, на широкой равнинѣ передъ нимъ собраны были мусульманскій полкъ, черкесы и кавказскіе линейные казаки. Вокругъ нихъ образовался огромный амфитеатръ изъ солдатъ обѣихъ націй, передъ которыми тѣснились верхомъ и пѣшкомъ всѣ иностранныя офицеры, жаждавшіе полюбоваться никогда не виданнымъ ими зрѣлищемъ. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ, возлѣ артиллерійской батареи, сталъ царственный хозяинъ со всѣми своими августѣйшими гостями, и по данному имъ сигналу началось ристаніе. Татары, черкесы и казаки, въ разнообразныхъ и богатыхъ своихъ нарядахъ, пустили вскачь своихъ лошадей, нападаая одни на другихъ и увертываясь отъ ударовъ съ свойственными имъ ловкостію и быстротою. То летя впередъ, то уклоняясь, какъ молнія, въ сторону, то толпою, то поодинокѣ, то наконецъ стоя на лошадахъ и въ этомъ положеніи стрѣляя изъ ружей и пистолетовъ, наконецъ, по одному знаку своихъ офицеровъ, строясь и разсыпаясь съ одинаковымъ проворствомъ, они всѣхъ изумили и своими атлетическими формами, и стремительностію своихъ лошадей, и собственною своею удалію. Соединивъ въ себѣ Европу съ Азіею, этотъ праздникъ напомнилъ собою времена крестовыхъ походовъ.

Слѣдующіе дни Калишскаго съѣзда были посвящены парадамъ, ученьямъ и маневрамъ, на которыхъ блистательная выправка и точность движеній нашихъ войскъ вызвали общее удивленіе иностранцевъ.

Давались также большіе обѣды и другія празднества разнаго рода. При одномъ изъ нихъ, данномъ нашимъ монархомъ отъ лица всего лагеря, 2.000 музыкантовъ исполнили королевскій маршъ и слишкомъ 600 полковыхъ пѣвчихъ пропѣли куплеты въ честь короля, сочиненныя простымъ солдатомъ и положенныя на музыку моимъ адъютантомъ Львовымъ, съ акомпанементомъ выстрѣловъ изъ 18-ти орудій. Въ заключеніе великолѣпнаго фейерверка бомбардировался нарочно выстроенный за лагеремъ городокъ съ высокими минаретами. Его зажгли гранатами, постепенно взрывающимися фугасы, состоявшіе изъ безчисленнаго множества ракетъ. Это было точно изверженіе огнедышащей горы.

Простившись съ нашими генералами и офицерами въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, король оставилъ Калишъ 10-го сентября. Государь проводилъ его до границы царства. Велѣдъ затѣмъ выступилъ изъ лагеря прусскій отрядъ, а потомъ началось обратное движеніе и нашихъ войскъ. При послѣднемъ прощаніи государь собралъ вокругъ себя всѣхъ офицеровъ и благодарилъ ихъ такъ мило, что они въ слезахъ бросились цѣловать ему руки и колѣни. При общемъ натискѣ лошадь его едва могла устоять на ногахъ.

Возвратившись, въ сопровожденіи Паскевича, ко дворцу, передъ которымъ стояла въ караулѣ рота Орловскаго егерскаго полка, государь приказалъ солдатамъ привѣтствовать новаго своего шефа — князя Варшавскаго, которымъ этотъ полкъ былъ сформированъ въ 1810 году. Милость сія была для всѣхъ совершенною неожиданностію.

Утромъ на другой день императрица отправилась въ Теплицъ, а государь послѣдовалъ за нею днемъ позже, и въ Бреславлѣ остановился отужинать съ королевскою фамиліею.

На австрійской границѣ ожидалъ государя князь Лихтенштейнъ, а въ Нейшольцѣ встрѣтилъ его богемскій оберъ-бургграфъ, графъ Хотекъ. Касательно лошадей австрійцы такъ безопасно распорядились, что хорошихъ едва доставало подъ государеву коляску, а во всѣ прочіе экипажи запрягали крестьянскихъ, съ негодною упряжью и дрянными кучерами, что въ этихъ гористыхъ мѣстахъ грозило ежеминутною опасностію. Къ ночи мы прибыли въ какой-то маленькій городокъ, гдѣ въ довольно плохой гостиницѣ рѣшился переночевать государь, а Лихтенштейнъ, Хотекъ и я должны были удовольствоваться какою-то харчевнею, гдѣ едва нашли чего поѣсть. Свита государева нагнала насъ уже на слѣдующее утро.

За двѣ станціи до Теплица ожидалъ придворный экипажъ, и Хотекъ умолялъ меня убѣдить государя остановиться тутъ на нѣкоторое время, чтобы онъ, Хотекъ, могъ предупредить своего императора, желавшаго выѣхать навстрѣчу нашему. Его величество слышать о томъ не хотѣлъ и, переодѣвшись въ полковничій мундиръ венгерскихъ гусаровъ, поспѣшилъ отправиться съ княземъ Лихтенштейномъ. Я съ Хотекомъ въ другой коляскѣ выѣхалъ нѣсколько ранѣе, и хотя послѣднему велѣно было ѣхать впередъ, однако государь скоро обогналъ нашихъ крестьянскихъ лошадокъ, и мы потеряли его изъ вида. Хотекъ совершенно растерялся, кричалъ, бранился, сулилъ огромные трингельды, а я, смѣясь внутренно надъ забавнымъ отчаяніемъ моего спутника, старался утѣшить его тѣмъ, что императоръ австрійскій вѣрно проститъ ему замедленіе, происшедшее единственно по винѣ нашего государя. «Если бы императоръ и простилъ меня, — отвѣчалъ онъ, — то мнѣ все-таки страшно достанется отъ князя Меттерниха!»



Мы добрались до Теплица уже полчаса послѣ того, какъ оба монарха встрѣтились тамъ на улицѣ. Помѣщеніе нашей императорской четвѣ было отведено въ домѣ князя Клари, вмѣстѣ съ австрійскою; но послѣдняя занимала бельэтажъ, а первую помѣстили въ верхнемъ этажѣ, точно будто бы гостями тутъ были австрійцы.

Постепенно прибыли въ Теплицъ и всѣ калишскіе наши гости, бывшіе уже прежде въ Лигницѣ и въ Доманзе, въ томъ числѣ и Прусскій король. Однажды, сидя въ этомъ обществѣ за обѣдомъ у Австрійскаго императора, я испнулъ гроссъ-герцогинѣ Мекленбургской, что мы — точно труппа странствующихъ актеровъ, переряжающихся по мѣрѣ прибытія въ каждый городъ.

Впрочемъ общество наше въ Теплицѣ увеличилось еще нѣсколькими новопріѣзжими: эрцъ-герцогомъ Карломъ, княземъ Меттернихомъ, нашимъ посломъ при вѣнскомъ дворѣ Татищевымъ, графомъ Колловратомъ и нѣсколькими нѣмецкими принцами съ ихъ свитами. Городъ былъ набитъ биткомъ. Вѣнцы съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ и даже страхомъ ожидали этой встрѣчи обоихъ императоровъ, опасаясь за сравненіе.

Контрастъ былъ, въ самомъ дѣлѣ поразителенъ. Рядомъ съ однимъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ въ мірѣ, исполненнымъ силы нравственной и физической, являлось какое-то слабенькое существо, тщедушное и тѣломъ и духомъ, какой-то призракъ монарха, стоявшій по осанкѣ и рѣчи ниже самыхъ рядовыхъ людей. Нужна была вся вѣжливость и ласковая привѣтливость императора Николая, чтобы утаить отъ зоркихъ глазъ австрійцевъ, сколько онъ изумленъ этою фигурою; но его обращеніе съ Фердинандомъ, всегда предупредительное, дружеское и даже почтительное, вскорѣ привлекло къ нему сердца всей австрійской свиты и, въ особенности, молодой императрицы, которая оцѣнила съ благодарностію трудное положеніе нашего государя. Можно смѣло сказать, что его австрійскій сотоварищъ былъ высшей ничтожностію и какъ бы совѣтъ не существовалъ. Онъ едва даже могъ удерживать въ памяти наши фамиліи и на все, что мы ни старались говорить ему съ видомъ, будто бы не примѣчаемъ совершенной его ограниченности, отвѣчалъ лишь полусловами, совѣтъ не клеившимися съ предметомъ разговора.

Но тѣмъ благороднѣе и величественнѣе было зрѣлище, даваемое свѣту австрійскою націею и управлявшими ею министрами. Все благоговѣло передъ тронемъ, почти празднымъ; все соединялось вокругъ власти, представлявшей одинъ призракъ монарха. Всѣ управленія и начальства слѣдовали по пути, указанному покойнымъ Францемъ, котораго боготворимая память парила, какъ благотворная тѣнь надъ ихъ рѣшеніями и дѣйствіями. Князь Меттернихъ продолжалъ всемъ руководить, раздѣляя заботы правленія съ графомъ Колловратомъ, болѣе занимавшимся

финансовою частью, и съ графомъ Кламмомъ, завѣдывавшимъ военными дѣлами. Этотъ триумвиратъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ истинную императорскую власть; всѣ про него знали, и всѣ, однако же, скрывали это отъ самихъ себя, давая видъ, что повинуются только волѣ императора.

Тѣмъ же самымъ высокимъ духомъ почтенія и преданности къ его особѣ дышали всѣ сословія, начиная отъ членовъ царственнаго дома и до послѣдняго крестьянина: слыша ихъ слова и видя усердіе, можно бы подумать что ими управляетъ человекъ, вполне достойный стоять въ главѣ ихъ прекрасной страны. Но сколько это ни представлялось почтеннымъ и достойнымъ удивленія, такой порядокъ вещей ничѣмъ ни упрочивался въ настоящемъ, и гроза висѣла надъ его будущимъ.

Меттернихъ, эрцъ-герцоги Юганнъ и Карлъ и молодая императрица обратились къ благородному и твердому характеру нашего государя, ища въ немъ покровительственной опоры, и предались ему съ безграничною и самою чистосердечною довѣренностью. Императоръ Николай свято помнилъ данное имъ Францу обѣщаніе быть попечителемъ его сына и оплотомъ его имперіи. Онъ съ обычною ревностною своею дѣятельностію выслушивалъ все повѣряемое ему австрійскими министрами и отъ искренняго сердца помогалъ имъ своими совѣтами. Для него уже не существовало тайнъ въ австрійской администраціи, и всѣ радовались этому благодатному и могущественному покровительству.

Въ Теплицѣ собирались къ обѣду почти всегда у Австрійскаго императора, который, принимая у себя, скорѣе походилъ на мебель, чѣмъ на хозяина. Вечеромъ иногда бывали въ театрѣ, а потомъ день оканчивался всегда въ салонѣ водъ танцами или концертами въ присутствіи всѣхъ монарховъ и принцевъ, императрицъ и принцессъ, кромѣ только Фердинанда, рѣдко тутъ появлявшагося. Однажды вечеромъ, когда и онъ тамъ показался, я побѣждалъ доложить о томъ государю, разговаривавшему съ кѣмъ-то поодаль. Его величество тотчасъ поспѣшилъ навстрѣчу Фердинанду и привѣтствовалъ его глубокимъ поклономъ; но бѣдный юродивый, незнакомый даже съ обыкновенными свѣтскими приличіями, или чуждавшійся ихъ изъ неодолимой робости, отвѣчалъ государю однимъ, едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы, въ ту же минуту отвернулся отъ него. Сама императрица наша, сколько ни старалась пріучить его къ себѣ, никакъ не могла въ томъ успѣть.

Подъ Теплицемъ собраны были гусарскій полкъ имени императора Николая, одинъ уланскій полкъ, нѣсколько баталіоновъ пѣхоты и немного артиллеріи. Послѣ римско-католической обѣдни, отправленной въ палаткѣ, среди очаровательной долины близъ города, этимъ войскамъ сдѣланъ былъ смотръ. Фердинанда посадили на лошадь со всѣми предосторожностями, употребляемыми для ка-

кой нибудь трусливой дамы. Онъ поѣхалъ впередъ шагомъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на русскаго императора. Потомъ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ передъ нимъ и передъ обѣими императрицами, сидѣвшими вмѣстѣ въ коляскѣ. Нашъ государь ѣхалъ впереди своего полка и, отсалютовавъ, какъ простой полковникъ, подскакалъ къ Австрійской императрицѣ съ почетнымъ рапортомъ.

Нѣсколько дней позже было произведено, въ честь нашего государя, въ двухъ миляхъ отъ Теплица, нѣчто въ родѣ ученья-маневровъ, при которыхъ австрійскій императоръ не присутствовалъ.

Въ другой разъ императоръ Николай, въ блестящемъ венгерскомъ мундирѣ, училъ свой гусарскій полкъ на Кульмскомъ полѣ, гдѣ за двадцать одинъ годъ передъ тѣмъ гвардія его брата положила первую основу дальнѣйшихъ успѣховъ союзниковъ. Къ этому ученью пріѣхали обѣ императрицы, августѣйшія сестры государыни и Прусскій король, и государь представилъ свою супругу полку, разговаривая и шутя съ простыми гусарами, къ крайней ихъ радости. Фердинандъ, заставивъ себя съ полчаса дожидаться, явился наконецъ въ коляскѣ, и приближеннымъ лишь съ большимъ трудомъ удалось уговорить его сѣсть на лошадь, чтобы проѣхать передъ фронтомъ и принять честь отъ полковника, что, впрочемъ, онъ сдѣлалъ, тоже не обращая вниманія на этого полковника-императора. Но когда полкъ развернулся, чтобы пройти передъ Фердинандомъ церемоніальнымъ маршемъ, онъ вдругъ удалился, и ничто уже не могло убѣдить его вернуться. Государю пришлось провести полкъ передъ императрицами, возлѣ которыхъ сталъ король Прусскій. Позднее прибытіе Фердинанда къ ученью, уклоненіе потомъ сѣсть на лошадь и, наконецъ, непостижимый капризъ, увлекшій его съ мѣста въ ту самую минуту, когда его присутствіе тутъ было всего необходимѣе, крайне огорчили и смутили неподобныхъ австрійцевъ, еще болѣе страдавшихъ отъ нелѣпостей своего монарха при сравненіи его съ нашимъ императоромъ.

Покойный Францъ еще въ 1813 году предположилъ воздвигнуть на Кульмскомъ полѣ памятникъ въ воспоминаніе одержанной тамъ побѣды, но исполненіе этого намѣренія отчего-то замедлилось. Теперь Меттернихъ приготовилъ торжество, долженствовавшее осуществить эту мысль, и для котораго не могло быть выбрано пристойнѣйшей минуты. На мѣстѣ, гдѣ предназначалось воздвигнуть памятникъ, поставили модель его въ настоящихъ размѣрахъ, а вокругъ собрали всѣ находившіяся въ окрестностяхъ войска. Къ предстоящему торжеству стеклось все теплицкое населеніе и явились вмѣстѣ священники римско-католическій, лютеранскій и одинъ православный <sup>1)</sup>, а также выписанные изъ

<sup>1)</sup> Подчеркнутыя слова замараны императоромъ Николаемъ, и противъ нихъ написано: «C'est faux».

Петербурга дворцовые гренадеры изъ числа сражавшихся и раненыхъ въ Кульмскомъ боѣ. Въ назначенный часъ прѣхали и помѣстились въ красивой бесѣдкѣ всѣ три монарха, обѣ императрицы и всѣ принцы и принцессы. Чудеснѣйшая погода благопріятствовала празднику, на которомъ изъ участниковъ славнаго тройственного союза присутствовали уже одинъ только Прусскій король. Совершена была панихида по положившихъ свой животъ въ этой достопамятной битвѣ<sup>1)</sup>; наши старые гренадеры, отдавая честь памяти своихъ сотоварищей, заливались слезами, и всѣ присутствовавшіе были глубоко растроганы. Церемонія окончилась закладкою фундамента для памятника. Три ружейные и пушечные залпа огласили при этомъ долину и повторились эхомъ окрестныхъ горъ и лѣсовъ.

Государь въ тотъ же день послалъ андреевскія ленты подвижникамъ Кульмскаго боя: графу Остерману и Ермолову, давно уже оставившимъ поприще служебной дѣятельности и, конечно, никакъ не воображавшимъ, чтобы русскому монарху, въ далекомъ уголкѣ Богеміи, пришли на память прежнія ихъ заслуги.

Во время нашего пребыванія въ Теплицѣ князь Меттернихъ старался еще болѣе со мною сблизиться и показывалъ мнѣ возможные знаки довѣрія. Съ годъ передъ тѣмъ я послалъ въ Германію одного изъ моихъ чиновниковъ, съ цѣлью опровергать посредствомъ дѣльныхъ и умныхъ газетныхъ статей грубыя нелѣпости, печатаемыя за границую о Россіи и ея монархѣ и вообще стараться противодѣйствовать революціонному духу, обладавшему журналистикою. Последнее обстоятельство очень интересовало и князя Меттерниха. Увѣряя, что у него нѣтъ чиновника способнѣе къ этому моего, который имѣлъ случай сдѣлаться ему лично извѣстнымъ, онъ просилъ прислать его на жительство въ Вѣну, чтобы имъ работать тамъ соединенными силами на пользу Россіи и Австріи и на распространеніе добрыхъ монархическихъ началъ. Я тѣмъ охотнѣе на это согласился, что мнѣ не хотѣлось возбуждать подозрѣнія объ участіи въ семъ дѣлѣ нашего правительства, слишкомъ высоко стоявшаго для борьбы съ журналами. Вслѣдствіе того мой чиновникъ, разтѣжавшій по Германіи, какъ совершенно частное лицо, поселился въ Вѣнѣ въ такой же роли. Сверхъ того, князь Меттернихъ, постоянно обращающій особенное вниманіе на дѣла высшей или тайной полиціи, предложилъ мнѣ прислать въ Вѣну одного изъ нашихъ жандармскихъ офицеровъ, чтобы ознакомить его со всѣмъ движеніемъ этой части въ Австріи и, введя его во всѣ подробности ея механизма, черезъ то самое согласить наши

<sup>1)</sup> Подчеркнутыя слова замазаны, и противъ нихъ написано императоромъ Николаемъ: «C'est faux; il y eût consécration d'après le rite catholique de la première pierre du monument à élever».

обоюдныя мѣры противъ поляковъ. И на это предложеніе я также съ удовольствіемъ согласился и, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, тотчасъ же командировалъ въ Вѣну подполковника Озерецковскаго, который былъ принятъ тамъ со всею ласкою и предупредительностью.

Мы оставили Теплицъ, пробывъ въ немъ какую нибудь недѣлю. Государь съѣлъ съ императрицею, а я слѣдовалъ за ними въ государевой коляскѣ. Въ крѣпости Терезіенштадтъ, назначенной для ночлега ихъ величествъ, мы нашли эрцъ-герцога Іоганна, который, въ качествѣ начальника инженеровъ, принялъ государя и поднесъ ему всѣ планы укрѣпленій. На другое утро мѣстный гарнизонъ былъ выведенъ на ученіе съ пальбою, а между тѣмъ открыли шлюзы, чтобы наполнить водою крѣпостныя рвы, и государь, въ сопровожденіи эрцъ-герцога съ генералами и офицерами, подробно осмотрѣлъ всѣ крѣпостныя работы и строенія. Оттуда мы въ прелестную погоду поѣхали въ Прагу, видъ которой издалика поразилъ всѣхъ насъ сходствомъ съ Москвою.

Государя съ императрицею везли придворныя лошади, а я слѣдовалъ непосредственно за ними на почтовыхъ, но при подъемѣ на гору въ Градчину мои лошади запутались въ постромкахъ, и я отсталъ. Главная лѣстница къ замку была наполнена зрителями, и у нижнихъ ея ступеней ожидали князь Меттернихъ и Татищевъ, а на верхнихъ Австрійскій императоръ съ своею супругою, эрцъ-герцогами и дворомъ. Я выскочилъ изъ коляски и спросилъ, гдѣ нашъ государь, Меттернихъ отвѣчалъ мнѣ тѣмъ же самымъ вопросомъ. Дѣло было въ томъ, что государя привезли другою дорогою, и всему австрійскому двору пришлось отправиться въ крайнемъ смущеніи на поискъ тѣхъ августѣйшихъ гостей, для пріема которыхъ онъ собственно и собрался.

Я, съ моей стороны, также довольно сконфуженный одиночнымъ появленіемъ моей персоны, вмѣшался въ толпу и пошелъ отыскивать назначенный мнѣ для квартиры домъ, который оказался окруженнымъ высокими стѣнами, совершенно заслонявшими всякій видъ. Вообще все отзывалось безпорядкомъ, царствовавшимъ при австрійскомъ дворѣ вслѣдствіе отрицательнаго положенія ея монарха. Такъ, на примѣръ, пріѣхавъ въ Прагу именно для пріема и угощенія императорской четы, забыли бездѣлицу: приготовить для нея комнаты! Только за нѣсколько часовъ до прибытія нашего государя князь Меттернихъ, пожелавъ лично удостовѣриться, все ли устроено, какъ слѣдуетъ, съ ужасомъ увидѣлъ, что ничего не сдѣлано, и въ досадѣ прибѣжалъ къ своей императрицѣ доложить о томъ. Тогда она поспѣшила выбраться съ супругомъ изъ собственныхъ покоевъ и уступить ихъ своимъ августѣйшимъ гостямъ.

Постепенно собралась въ Прагу и большая часть принцевъ и принцессъ, слѣдовавшихъ за нами съ самаго Лигница. Всѣ, больше

или меньше, подверглись такимъ же недосмотрамъ и промахамъ въ отношеніи къ ихъ помѣщенію. Король Прусскій сюда не пріѣхалъ и отправился ожидать государя съ императрицею въ Силезію.

Прага была всякій вечеръ великолѣпно иллюминована, а утро проходило въ смотрахъ и ученіяхъ тамошняго гарнизона. Императоръ Николай со всевозможною предупредительностью занималъ вездѣ второе мѣсто, кромѣ ученій, на которыя Фердинандъ не отваживалъ своей тщедушной особы. Нашъ государь, въ венгерскомъ мундирѣ, восхищалъ всѣхъ многочисленныхъ зрителей, отовсюду стекавшихся посмотрѣть на него. При парадномъ спектаклѣ, въ театрѣ оба императора съ своими супругами находились вмѣстѣ въ одной ложѣ; но нашъ сѣлъ позади, такъ что всѣ, обращенныя къ нему, рукоплесканія имѣли видъ, будто бы относятся къ Фердинанду, отвѣчавшему на нихъ неловкимъ киваніемъ головы. Большой балъ при дворѣ былъ очень многолюденъ, и все, что Прага и ея окрестности могли выставить изъ общества дамъ, съѣхалось сюда щегольнуть своими брильянтами и богатствами Богеміи. Наша 13-ти-лѣтняя великая княжна Ольга Николаевна, впервые явившаяся при этомъ случаѣ въ публикѣ, сіяла красотою и граціею. Достойною спутницею ея на балѣ была прелестная и живая дочь эрцъ-герцога Карла, вступившая впоследствии въ супружество съ королемъ Неаполитанскимъ.

Послѣ четырехдневнаго пребыванія въ Прагѣ всѣ августѣйшіе гости начали готовиться къ отъѣзду, и мы собирались отправиться въ Силезію, какъ вдругъ утромъ, когда уже поданы были экипажи, государь, подойдя къ Фердинанду, сказалъ ему: «у меня есть до васъ просьба; позвольте мнѣ съѣздить въ Вѣну, чтобы засвидѣтельствовать мое почтеніе вдовствующей императрицѣ, вашей матушкѣ и вдовѣ друга брата моего Александра и моего». Этотъ неожиданный вызовъ очень тронулъ бѣднаго Фердинанда, который принялъ его съ живою радостію и благодарностію <sup>1)</sup>. Затѣмъ государь попросилъ у князя Меттерниха письма къ его женѣ, и мы немедленно покатали въ Вѣну. Императрица же направилась къ Фишбаху, замку дяди своего, принца Вильгельма.

Тайна поѣздки въ Вѣну не была повѣрена никому, кромѣ меня, и лишь наканунѣ уже вечеромъ я послалъ впередъ фельдъегеря заказывать лошадей на мое имя. Только по утру, въ день отъѣзда,

---

<sup>1)</sup> Подчеркнутыя слова замазаны, и противъ нихъ написано императоромъ Николаемъ:

«C'est faux; nous revenions de l'exercice à tir d'artillerie en calèche, quand je lui demandais ses ordres pour Vienne; il me répondit comme si la chose était tout ordinaire, qu'il me chargeait de ses compliments à l'impératrice-mère, et ce ne fut que quand l'impératrice régnante marqua sa surprise, qu'il comprit qu'il y avait quelque chose sortant de l'ordinaire».

было сообщено о нашемъ планѣ Татищеву, и онъ вручилъ мнѣ ключи отъ вѣнскаго своего кабинета, такъ какъ государь намѣревался остановиться въ посольскомъ домѣ.

Князь Лихтенштейнъ, готовившійся садиться въ коляску, чтобы слѣдовать за нами въ Силезію, узналъ о перемѣнѣ маршрута, къ крайнему своему изумленію, только въ самую минуту отъѣзда. Всѣ были въ восторгѣ отъ этой любезной внимательности государя.

Благодаря огромнымъ тринкельдамъ, которыми я щедро надѣлялъ почтальоновъ, и рвенію князя Лихтенштейна, всѣми средствами старавшагося оживить хладнокровную флегму почтосодержателей, которымъ еще никогда не приходилось видѣть такихъ спѣшныхъ путешественниковъ, мы мчались съ обычною нашею быстротою и въ дорогѣ немало тѣшились строгимъ инкогнито государя, ѣхавшаго въ качествѣ моего адъютанта. Я принималъ возможно серьезный видъ и по временамъ дѣлалъ молодымъ офицерамъ моей свиты выговоры за ихъ шумъ и громкій смѣхъ, а на одной станціи, пригласивъ отужинать съ собою почтосодержателя, мы очень забавлялись его кислымъ расположеніемъ духа.

Переѣздъ былъ совершенъ всего въ однѣ сутки,—неслыханная скорость для этого края, гдѣ ни почтальоны, ни ихъ лошади, ни сами проѣзжіе никогда не торопятся.

Подъѣзжая къ Вѣнѣ, государь взялъ къ себѣ въ коляску князя Лихтенштейна, а я сѣлъ съ молодымъ адъютантомъ послѣдняго, и мы поѣхали, моя коляска впереди, прямо къ посольскому дому, не обративъ на себя вниманія прохожихъ, кромѣ нѣсколькихъ только лицъ, узнавшихъ меня и казавшихся удивленными моему внезапному появленію. Ворота дома были заперты, и когда я выскочилъ изъ коляски, швейцаръ, при видѣ русскаго генерала, за которымъ слѣдовалъ еще другой экипажъ, такъ сильно разволновался, что слуги и чиновники сбѣжались со всѣхъ сторонъ, какъ бы по набату. Одинъ изъ лакеевъ узналъ меня и повелъ по парадной лѣстницѣ, не замѣчая, кто идетъ за мною, а когда я спросилъ, гдѣ кабинетъ посла, показалъ ключъ отъ него, то и этотъ лакей и всѣ прочіе посмотрѣли на меня съ удивленіемъ. Тутъ государь, шедшій позади меня, обратился съ вопросомъ къ другому лакею, родомъ русскому, не видывалъ ли онъ когда нибудь его фигуры на петербургскихъ улицахъ, и этотъ вопросъ поразилъ всѣхъ, точно электрическій ударъ. Я едва успѣлъ велѣть затворить снова ворота и никого не впускать, какъ вся улица была полна народомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, только что заложили посольскій экипажъ, государь, переодѣвшись, поѣхалъ въ Шенбрунъ къ императрицѣ-матери. Вѣсть о его пріѣздѣ разнеслась по городу съ быстротою молніи, и мнѣ вскорѣ принесли записку отъ княгини Меттернихъ,

упрашивавшей меня прїѣхать къ ней; между тѣмъ мои комнаты наполнились чиновниками посольства и лицами, присланными отъ разныхъ властей столицы, чтобы удостовѣриться въ справедливости этой вѣсти. Князь Эстергази, австрійскій посоль при англійскомъ дворѣ, только за день передъ тѣмъ видѣвшій государя въ Прагѣ и увѣренный, что онъ теперь въ Силезіи, прїѣхавъ въ Вѣну черезъ три часа послѣ насъ, былъ пораженъ общимъ движеніемъ на улицахъ и, не давая никакой вѣры извѣстію, которымъ встрѣтили его домашніе, поспѣшилъ тотчасъ въ нашъ посольскій домъ, гдѣ мы вмѣстѣ съ нимъ поохотали надъ его изумленіемъ.

Княгиня Меттернихъ бросилась мнѣ на шею, когда я объявилъ ей, что государь послѣ обѣденнаго стола у императрицы прїѣдетъ лично вручить ей письмо отъ князя.

Любезная внимательность, оказанная государемъ черезъ прїѣздъ его въ Вѣну вдовѣ императора Франца, о которомъ память была еще такъ жива въ этой столицѣ, расположила къ нему всѣхъ, отъ членовъ императорскаго дома и до самыхъ низшихъ сословій. Дамы толпами стояли на лѣстницѣ и въ сѣняхъ посольскаго дома, чтобы взглянуть на Николая; на улицахъ народъ бѣжалъ за его каретою. Въ слѣдующее утро государь, во фракѣ, прохаживался съ княземъ Лихтенштейномъ<sup>1)</sup> по городу, зашелъ по дорогѣ въ нѣсколько магазиновъ и накупилъ тамъ подарковъ для августѣйшей своей супруги; потомъ по возвращеніи домой онъ поѣхалъ съ княземъ же, въ простой извозчичьей каретѣ, въ монастырь, гдѣ покоится прахъ императора Франца. Двери въ склепъ имъ отворилъ монахъ, который былъ свидѣтелемъ трогательнаго благоговѣнія, выразившагося на лицѣ государя въ минуту, когда онъ приблизился къ завѣтной гробницѣ. Это поклоненіе останкамъ монарха, обожаемаго австрійцами, еще болѣе увеличило энтузіазмъ вѣнскихъ жителей къ императору Николаю, а везшій его извозчикъ сдѣлался предметомъ общаго любопытства и множества эстамповъ, появившихся въ магазинахъ.

Княгиня Меттернихъ, ошастливленная пріемомъ у себя государя, умоляла меня убѣдить его повторить еще разъ свой визитъ къ ней вечеромъ. Опасаясь, можетъ быть, остаться наединѣ съ прелестнѣйшею женщиною, самымъ обворожительнымъ образомъ предававшеюся увлеченію своей радости, государь взялъ съ собою меня; но оказалось, что и она, движимая, вѣроятно, тѣмъ же страхомъ уединенной бесѣды съ красивѣйшимъ мужчиною въ Европѣ, вооружилась противъ него присутствіемъ двухъ замужнихъ своихъ падчерицъ. Свиданіе было чрезвычайно любезно съ обѣихъ сторонъ, но нѣсколько принужденно.

Тотчасъ послѣ нашего прїѣзда отправили курьера за эрцъ-герцогомъ палатиномъ. Онъ на другой день прїѣхалъ къ августѣйшему

<sup>1)</sup> Рукою императора Николая написано: «Non, veul».



своему шурина, котораго видѣлъ только однажды въ Петербургѣ, и то двухлѣтнимъ ребенкомъ, въ то время когда сочетался бракомъ съ великою княжною Александрою Павловною<sup>1)</sup>.

Вѣнскіе сановники домогались чести быть представленными нашему императору, и войска также непремѣнно желали явиться передъ нимъ; но мнѣ уже впередъ дано было приказаніе отклонить всѣ подобныя просьбы, объявляя, что государь пріѣхалъ только засвидѣтельствовать свое почтеніе императрицѣ и на слѣдующій день долженъ ѣхать. Изъятіе было сдѣлано только для чиновниковъ нашего посольства и еще для нѣкоторыхъ русскихъ, находившихся въ ту минуту въ Вѣнѣ. Государь былъ съ визитомъ у графини Чернышевой<sup>2)</sup>, жены нашего военного министра, отъ которой послалъ курьера передать ея мужу въ Россіи вѣсть о появленіи своемъ въ столицѣ Австріи.

Послѣ обѣда мы отправились обратно тѣмъ же путемъ. Почто-содержатели и почтальоны, зная въ этотъ разъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, принимали насъ вездѣ съ радостными лицами, смѣясь сами надъ мистификаціею, въ которую были введены. Ровно черезъ сутки государя уже встрѣчали въ Прагѣ супруга Фердинанда и даже самъ онъ изъявленіями живѣйшей благодарности за посѣщеніе ихъ столицы; я съ моей стороны занялся сборами къ нашему отъѣзду, назначенному въ тотъ же вечеръ.

Въ это время зашелъ ко мнѣ князь Меттернихъ, который, исполненный восторга отъ милостей нашего государя къ его женѣ, прочелъ мнѣ ея письмо и еще другое, въ такомъ же духѣ, отъ эрцъ-герцога Людвига, и сверхъ того оставилъ въ моихъ рукахъ на память слѣдующее донесеніе, только что полученное имъ отъ вѣнскаго генераль-губернатора Оттенфельса:

«Со времени послѣдняго донесенія моего вашему сіятельству отъ 7-го октября (н. с.) мы были очевидцами событія, столь чрезвычайнаго и столь неожиданнаго, что никогда не повѣрили бы ему безъ свидѣтельства собственныхъ нашихъ глазъ. Когда вчера, въ 2 часа пополудни, мнѣ прибѣжали сказать, что въ Вѣну пріѣхалъ русскій императоръ, и что онъ остановился въ домѣ своего посольства, я счелъ принесшаго мнѣ эту вѣсть за лунатика. Но мое изумленіе и невѣріе вскорѣ превратилось въ чувство благоговѣйнаго умиленія, когда императоръ Николай поѣхалъ въ Шенбрунъ для изъявленія своихъ пріязненныхъ чувствъ нашей вдовствующей императрицѣ. Не берусь передавать вашему сіятельству подробностей кратковременнаго пребыванія его величества въ нашей столицѣ. Вы изволите прочесть ихъ въ письмѣ вашей супруги, имѣвшей честь дважды принять у себя августѣйшаго гостя. Но не могу

<sup>1)</sup> Рукою императора Николая написано: «Et un moment á Heidelberg, au quartier général de l'empereur Alexandre, l'année 1815».

<sup>2)</sup> Императоромъ Николаемъ приписано: «Et chez la princesse Liechtenstein-mère».

умолчать о томъ въ высшей степени благоприятномъ впечатлѣніи, которое великодушная мысль русскаго монарха и образъ ея исполненія произвели на здѣшнюю публику. Это событіе одно громче и положительнѣе всѣхъ самыхъ краснорѣчивыхъ дипломатическихъ актовъ свидѣтельствуешь о тѣсномъ союзѣ, связывающемъ оба августѣйшіе дома».

Въ полночь, простившись съ австрійскимъ дворомъ, мы сѣли въ коляску и поѣхали черезъ Траутенау въ Фишбахъ, куда прибыли къ обѣду. Король съ императрицею, дочерью и нѣсколькими принцами своего дома ожидали насъ въ прекрасномъ готическомъ замкѣ принца Вильгельма, куда собралось и много окрестныхъ владѣльцевъ. Здѣсь государь простился съ королемъ и съ своею супругою, которая отсюда возвратилась прямо въ Царское Село.

Въ полночь съ 1-го на 2-е октября мы отправились въ царство Польское и 4-го октября, по вечеру, прибыли въ Лазенскій дворецъ, который нашли иллюминированнымъ, какъ бывало въ 1830 году въ вѣрной еще намъ Польшѣ. Фельдмаршалъ просилъ о дозволеніи представить на слѣдующее утро городскую депутацію, долженствовавшую поднести приготовленный заранѣе адресъ, выражавшій самую благоговѣйную преданность. Государь соизволилъ на принятіе депутаціи, но отозвался, что говорить будетъ не она, а самъ онъ.

Рано утромъ была введена въ залу эта депутація, и я озабочился, чтобы при ея приѣмѣ не было никого, кромѣ князя Паскевича и варшавскаго военнаго генералъ-губернатора Панкратьева.

Государь говорилъ такъ сильно и ясно, что рѣчь его не могла не произвести самага глубокаго впечатлѣнія на слушателей. Видя, какъ оно выражалось на ихъ лицахъ, и не сомнѣваясь, что всѣ газеты немедленно заговорятъ объ этой достопамятной рѣчи, я попросилъ Панкратьева тотчасъ положить ее на бумагу, чтобы передачею въ истинномъ видѣ словъ государя въ печати парализовать всѣ могущіе возникнуть вымыслы и преувеличеніе.

Эта рѣчь дѣйствительно и появилась во всѣхъ современныхъ журналахъ въ томъ самомъ видѣ, какъ была записана Панкратьевымъ подъ моимъ наблюдениемъ. Она произвела огромное дѣйствіе на поляковъ, которые, находя ее строгою, однакоже во всѣхъ частяхъ правдивою, ласкали себя надеждою, что слова ихъ монарха предвѣщаютъ конецъ заслуженной ими опалы 1). И хотя

1) Приводимъ здѣсь рѣчь, сказанную императоромъ Николаемъ депутатамъ Варшавы.

«Я знаю, господа, что вы хотѣли обратиться ко мнѣ съ рѣчью; я даже знаю ея содержаніе, и именно для того, чтобы избавить васъ отъ лжи, я желаю, чтобы она не была провознесена предо мною. Да, господа, для того, чтобы избавить насъ отъ лжи, ибо я знаю, что чувства ваши не таковы, какъ вы меня въ томъ хотите увѣрить.

«И какъ мнѣ имѣ вѣрить, когда вы мнѣ говорили то же самое наканунѣ революціи? Не вы ли сами, тому пять лѣтъ, тому восемь лѣтъ, говорили мнѣ о

наши враги и либералы всѣхъ странъ успѣли выставить эти слова, какъ живое доказательство враждебнаго духа, гнѣздящагося еще въ Польшѣ противъ ея царя, и какъ выраженіе продолжающагося въ немъ самомъ раздраженія и чувства мести противъ

вѣрности, о преданности и дѣлали мнѣ такія торжественныя завѣренія (протестаціи) преданности? Нѣсколько дней спусти, вы нарушили свои клятвы, вы совершили ужасы.

«Императору Александру I, который сдѣлалъ для васъ болѣе, чѣмъ русскому императору слѣдовало, который осыпалъ васъ благодареніями, который покровительствовалъ (vous a favorisés) вамъ болѣе, чѣмъ своимъ природнымъ подданнымъ, который сдѣлалъ изъ васъ націю самую цвѣтущую и самую счастливую,— императору Александру I вы заплатили самою черною неблагодарностью.

«Вы никогда не хотѣли довольствоваться самымъ выгоднымъ положеніемъ и кончили тѣмъ, что сами разрушили свое счастье. Я вамъ говорю правду, чтобы уяснить наше взаимное доложеніе, и для того, чтобы вы хорошо знали, чего держаться, такъ какъ я вижу васъ и говорю съ вами въ первый разъ послѣ смуть.

«Господа, нужны дѣйствія, а не слова. Надо, чтобы раскаяніе имѣло источникомъ сердце; я говорю съ вами не горячася, вы видите, что я спокоенъ; я не злопамитенъ и буду вамъ дѣлать добро вопреки васъ самихъ. Фельдмаршалъ, находящійся здѣсь, приводитъ въ исполненіе мои намѣренія, содѣйствуетъ примѣненію моихъ возврѣній и также печется о вашемъ благосостояніи. (При этихъ словахъ члены депутаціи кланяются фельдмаршалу).

«Господа, что же доказываютъ эти поклоны? Прежде всего, надо выполнять свои обязанности и вести себя, какъ слѣдуетъ честнымъ людямъ. Вамъ предстоитъ, господа, выборъ между двумя путями: или упорствовать въ мечтахъ о независимой Польшѣ, или жить спокойно и вѣрноподанными подъ моимъ правленіемъ.

«Если вы будете упрямо дѣлать мечту отдѣльной національности, независимой Польши и всѣ эти химеры, вы только накликаете на себя большія несчастія. По повелѣнію моему воздвигнута здѣсь цитадель, и я вамъ объявляю, что при малѣйшемъ возмущеніи я прикажу разгромить вашъ городъ, я разрушу Варшаву, и ужъ, конечно, не я отстрою ее снова.

«Мнѣ тяжело говорить это вамъ,—очень тяжело государю обращаться такъ съ своими подданными; но я говорю это вамъ для вашей собственной пользы. Отъ васъ, господа, зависѣтъ будетъ заслужить забвеніе прошедшаго. Достигнуть этого вы можете лишь своимъ поведеніемъ и своею преданностью моему правительству.

«Я знаю, что ведется переписка съ чужими краями, что сюда присылаютъ предосудительныя сочиненія, и что стараются развращать умы. Но при такой границѣ, какъ ваша, наилучшая полиція въ мірѣ не можетъ воспрепятствовать тайнымъ сношеніямъ. Старайтесь сами замѣнить полицію и устранить зло.

«Хорошо воспитывая своихъ дѣтей и внушая имъ начала религіи, вѣрность государю, вы можете пребыть на добромъ пути.

«Среди всѣхъ смуть, волнующихъ Европу, и среди всѣхъ ученій, потрясающихъ общественное зданіе, Россія одна остается могущественною и неприкосновенною.

«Повѣрьте мнѣ, господа, принадлежать Россіи и пользоваться ея покровительствомъ есть истинное счастье. Если вы будете хорошо вести себя, если вы будете выполнять всѣ свои обязанности, то моя отеческая попечительность распространится на всѣхъ, васъ и, несмотря на все происшедшее, мое правительству будетъ всегда заботиться о вашемъ благосостояніи.

«Помните хорошенько, что я вамъ сказалъ».

поляковъ, однако люди благоразумные и безпристрастные видѣли въ рѣчи императора Николая, напротивъ, отголосокъ благородной искренности и твердости монарха, который, не обращаясь къ обыденнымъ фразамъ милости и обѣщаній, предпочитаетъ имъ, какъ въ бесѣдѣ отца, слова неприкрашенной, вразумляющей дѣтей его истины.

Послѣ этой аудіенціи государь, въ коляскѣ съ княземъ Паскевичемъ, поѣхалъ по варшавскимъ улицамъ и осмотрѣлъ Александровскую цитадель, которая уже была не только почти совсѣмъ устроена, но и вооружена орудіями, направленными на Варшаву, въ подтвержденіе словъ государя о грозящей городу, въ случаѣ новой дерзкой попытки, неизбѣжной карѣ. Посреди цитадели уже возвышался и тотъ памятникъ, котораго сооруженіе императору Александру предназначено было народнымъ представительствомъ въ 1830 году, за нѣсколько мѣсяцевъ до безразсуднаго приговора, произнесеннаго тѣмъ же самымъ собраніемъ о сверженіи съ престола преемника благодѣтеля Польши.

Слѣдующую ночь мы провели въ Новогеоргіевскѣ, гдѣ государь осмотрѣлъ войска и всѣ укрѣпленія, также уже почти оконченныя, и присутствовалъ на одномъ изъ крѣпостныхъ валовъ при опытахъ надъ новыми ракетами, которыми, мнѣе чѣмъ въ полчаса, были разрушены широкія апроши, вооруженныя осадными орудіями. Потомъ, отобѣдавъ наскоро, мы отправились въ Брестъ-Литовскій, становившійся также первостепенною крѣпостію, и послѣ трехъ дней, посвященныхъ осмотру и маневрированію корпуса генерала Крейца, поѣхали въ Кіевъ.

Вслѣдствіе посланнаго мною туда впередъ приказанія не дожидаться государя, если онъ будетъ позже 9-ти часовъ вечера, мы, приѣхавъ уже почти въ полночь, застали иллюминацію потухающею, площадь передъ Печерскою лаврою совершенно безлюдною и самую церковь запертою. Вся обитель, эта колыбель русскаго иночества, которую намъ никогда не случалось видѣть иначе, какъ кипящую народомъ, была погружена въ сонъ и безмолвіе. Мнѣ едва удалось отыскать монаха, который намъ отперъ двери собора. Пока онъ зажигалъ нѣсколько мѣстныхъ свѣчей, только одна лампада, тускло теплившаяся передъ иконою, освѣщала наши шаги подъ этими древними сводами. Государь запретилъ сказывать о своемъ прибытіи митрополиту и кому либо изъ братіи и, припавъ на колѣни, болѣе четверти часа провелъ въ уединенной, благоговѣйной молитвѣ о своей семьѣ и своемъ царствѣ. Въ таинственномъ полумракѣ этого величественнаго храма, пережившаго столько вѣковъ, вызывавшаго въ душѣ столько религіозныхъ и историческихъ воспоминаній, насъ было всего лишь трое, и я не помню, чтобы мнѣ случалось когда нибудь въ жизни молиться съ такимъ умиленіемъ. Ночь и окружавшая насъ ти-

шина еще болѣе располагали къ благочестивымъ думамъ, чѣмъ торжественность церковнаго обряда и стеченіе народа.

Государь остановился у генераль-губернатора графа Гурьева, и утромъ вновь осмотрѣлъ, въ числѣ другихъ публичныхъ заведеній, университетъ св. Владимира, въ аудиторіи котораго уже начинало стекаться значительное число уроженцевъ западныхъ губерній.

Укрѣпленія вокругъ Кіева замѣтно подвинулись впередъ съ послѣдняго посѣщенія нами этого города, и огромная оборонительная казарма уже была подведена подъ крышу. Она особенно порадовала государя тѣмъ, что для ея цоколя былъ употребленъ камень, не уступавшій въ красотѣ граниту и даже походившій на лабрадоръ, который отыскивали по личнымъ его указаніямъ, вопреки общему мнѣнію, утверждавшему, что въ этомъ краѣ не существуетъ камня. Между тѣмъ выпавшій уже въ довольно большомъ количествѣ снѣгъ значительно затруднялъ переходы наши по необитаемымъ пустырямъ, по которымъ мы пробирались къ укрѣпленіямъ съ дѣятельною живостью, отличавшею императора Николая, особенно во всемъ, касавшемся до инженерной части. По осмотрѣ этихъ укрѣпленій и потомъ небольшого отряда войскъ государь возвратился домой и вскорѣ вышелъ къ собравшимъ, по его приказанію, въ залахъ графа Гурьева университетскимъ студентамъ и воспитанникамъ другихъ учебныхъ заведеній, которыхъ милостиво увѣщевалъ хорошо себя вести, старательно учиться и въ особенности прилежать къ русскому языку, исключенному дотолѣ глухимъ польскимъ патріотизмомъ изъ круга домашняго воспитанія.

Среди этой толпы молодыхъ людей вдругъ явился англійскій посольскій лордъ Дургамъ, отправившійся къ своему петербургскому посту черезъ Константинополь и Одессу, чтобы увѣриться собственными глазами въ отношеніяхъ Россіи къ Портѣ и въ приготовленіяхъ нашихъ на Черномъ морѣ, въ которыхъ англійское министерство все еще доискивалось чего-то непріязненнаго противъ Турціи. Дургамъ на дѣлѣ убѣдился въ противномъ. Съ одной стороны султанъ, въ приемной своей аудіенціи, поручилъ ему кланяться императору Николаю, какъ великодушному своему союзнику и покровителю, а съ другой, для опроверженія неосновательныхъ опасеній лондонскаго кабинета, государь просилъ Дургамъ послать въ наши черноморскіе порты англійскаго морского офицера, принадлежавшаго къ посольской свитѣ, пригласивъ двухъ другихъ офицеровъ той же свиты сопровождать себя въ дальнѣйшемъ пути и присутствовать при осмотрахъ войскъ; и то и другое Дургамъ принялъ съ благодарностію.

Онъ былъ пораженъ всѣмъ, дотолѣ имъ встрѣченнымъ въ Россіи, въ особенности же качествами нашихъ высшихъ мѣстныхъ

чиновниковъ, по сравненію съ тѣми, которымъ обыкновенно вѣдряется мѣстное управленіе въ Англии. Все, что ни видѣлъ онъ у насъ, говорило въ нашу пользу и совершенно уничтожало предубѣжденія, вывезенныя Дургамомъ съ собою изъ своего отечества; гдѣ онъ ожидалъ найти произволъ и бѣдность, тамъ ему представлялись, напротивъ, порядокъ, безопасность и довольство, и онъ продолжалъ свой путь къ нашей столицѣ, исполненный чувствъ удивленія къ благородному характеру императора Николая и къ огромнымъ средствамъ его державы.

Послѣ прекраснаго обѣда у графа Гурьева мы поѣхали ночевать къ графинѣ Браницкой въ Бѣлую Церковь, въ окрестностяхъ которой были собраны 4-й корпусъ подъ командою генерала Кайсарова и 1.600 человекъ безсрочно отпускныхъ, которые послѣ 20-ти лѣтъ, проведенныхъ во фронтѣ, доживали остальные пять лѣтъ своей срочной службы въ отпуску въ сосѣдственныхъ губерніяхъ. Этотъ классъ людей созданъ былъ по личной мысли императора Николая, наперекоръ сильнымъ возраженіямъ многихъ лицъ, въ томъ числѣ и моимъ.

Я находилъ въ этой новой мѣрѣ лишь однѣ невыгоды для арміи въ томъ, что она теряла заслуженнѣйшихъ своихъ воиновъ, посѣдѣвшихъ подъ оружіемъ и въ военной дисциплинѣ, а для государства въ томъ, что въ немъ образовывалось новое сословіе, могущее обратиться ему въ тягость и угрожать, при беспорядкахъ, опасностію общественному спокойствію.

Государь, напротивъ, видѣлъ въ этихъ людяхъ, на случай войны, резервы къ укомплектованію своихъ войскъ, а въ мирное время разсадникъ для замѣщенія разныхъ должностей по домашнему хозяйству и въ казенныхъ заведеніяхъ и считалъ справедливымъ, чтобы солдатамъ, утомленнымъ двадцати-лѣтнею службою и отличавшимся неукоризненнымъ поведеніемъ, дана была возможность отдохнуть отъ трудовой жизни, пользуясь спокойнымъ бытомъ на родимомъ пепелищѣ. Число этихъ людей, не получавшихъ во время отпуска ни жалованья, ни пайковъ, но только сохранявшихъ мундиры и шинели, въ это время простиралось во всемъ государствѣ уже тысячъ до шестидесяти. Изъ нихъ упомянутые 1.600 человекъ еще впервые были собраны къ смотру, и изъ всего ихъ числа не явились только трое, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ.

Для принятія начальства надъ сформированными изъ нихъ временными командами созваны были офицеры, находившіеся въ тѣхъ же губерніяхъ, въ годовомъ отпуску, и, по снабженіи безсрочно-отпускныхъ оружіемъ и всею нужною амунициею, они образовали изъ себя два баталіона, три эскадрона и артиллерійскую полуроту.

Государь былъ восхищенъ бодрымъ видомъ и отличною выправкою этихъ людей, представлявшихъ осуществленіе одной изъ

любимыхъ его идей. Распуская ихъ снова по домамъ, онъ щедро всѣхъ наградилъ.

Корпусъ Кайсарова удовлетворилъ государя менѣе осмотрѣнныхъ имъ въ Калишѣ и Брестъ-Литовскѣ корпусовъ Ридигера и Крейца, и его величество поручилъ фельдмаршалу преимущественно заняться этимъ войскомъ, которое должно было вскорѣ смѣнить въ царствѣ корпусъ Ридигера, переходившій во внутреннія губерніи.

Проведя четыре дня въ Александріи, въ имѣніи графини Браницкой, государь отправился въ Новую Прагу, гдѣ графъ Виттъ показалъ ему заведенія и запасы кирасирскаго принца Альберта Прусскаго полка, изумившіе своимъ богатствомъ бывшихъ съ нами англійскихъ офицеровъ, а оттуда мы продолжали нашъ путь черезъ Полтаву и Харьковъ въ Чугуевъ, главный пунктъ 1-го корпуса поселенной кавалеріи, находившейся подъ командою генерала Никитина. Здѣсь государь остался совершенно доволенъ сколько фронтовымъ образованіемъ собранныхъ къ смотру полковъ, столько и обученіемъ кантонистовъ и всѣми хозяйственными заведеніями и сожалѣлъ, что позднее время года, при оставшемся еще намъ довольно продолжительномъ объѣздѣ, не позволяло ему долѣе оставаться съ такимъ превосходнымъ войскомъ.

21-го октября, мы прибыли въ Курскъ. Эта губернія съ нѣкотораго времени была довольно худо управляема, и хотя послѣдній губернаторъ ея, богачъ Демидовъ, сыпалъ деньги, чтобы поправить ея положеніе, однако, при слабомъ характерѣ и маломъ знаніи дѣла, онъ этими деньгами немного принесъ губерніи пользы. Преемникъ его былъ генералъ Муравьевъ<sup>1)</sup>, человекъ очень дѣятельный, очень строгій и ненавидимый всѣми за жестокость его обхожденія и крутой нравъ. Дѣла шли лучше, но неудовольствіе на него господствовало всюду. По представленію Муравьева было смѣщено нѣсколько чиновниковъ, и ни въ одной губерніи меня не осыпали такимъ огромнымъ числомъ просьбъ и жалобъ на имя государя, какъ въ Курскѣ.

Въ Орлѣ ожидала насъ 2-я дивизія драгунскаго корпуса. Здѣсь уже выпалъ глубокій снѣгъ, и стояли сильные морозы. Въ ту минуту, какъ я скакалъ за государемъ, проѣзжавшимъ передъ фронтомъ, моя лошадь, поскользнувшись, упала со всего размаха, и, прежде чѣмъ я успѣлъ подняться, лошади государевой свиты пронеслись черезъ меня и такъ помяли, что я принужденъ былъ сѣсть въ коляску и вернуться домой. Къ счастью, все кончилось нѣсколькими шишками и синяками.

<sup>1)</sup> Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, впоследствии министръ государственныхъ имуществъ, вилочскій генералъ-губернаторъ и графъ.

На другой день, послѣ ученья, мы пустились въ путь по страшной погодѣ и по такой же погодѣ прибыли въ Тулу <sup>1)</sup>.

Этотъ городъ, за три года передъ тѣмъ, весь выгорѣлъ, и правительство оказало жителямъ его значительныя денежныя пособія деньгами и даровало имъ разныя льготы. Хотя Тула начинала снова возникать изъ пепла, и, между прочимъ, оружейный заводъ возобновилъ прежнюю свою дѣятельность, однако слѣды пожара видны еще были почти повсемѣстно. Государь объѣхалъ всѣ улицы, указывая разныя улучшения и даруя новыя пособія, при благодарныхъ кликахъ бѣжавшаго за нимъ народа.

По мѣрѣ приближенія къ концу нашего странствованія, нетерпѣніе государя свидѣться съ императрицею все больше и больше возростало, и находя, что мы не довольно скоро подвигаемся впередъ, онъ выѣхалъ изъ Тулы въ перекладныхъ пошевняхъ, взятыхъ со станціи, за которыми я слѣдовалъ въ другихъ такихъ же. Но едва онъ тронулся съ мѣста, какъ крики топы испугали лошадей, и онѣ понесли вдоль улицы, образовавшей здѣсь довольно крутой спускъ. При видѣ явной опасности я совсѣмъ растерялся; но государь, ставъ на ноги въ пошевняхъ, схватилъ вожжи и своею атлетическою силою скоро успѣлъ сдержать лошадей.

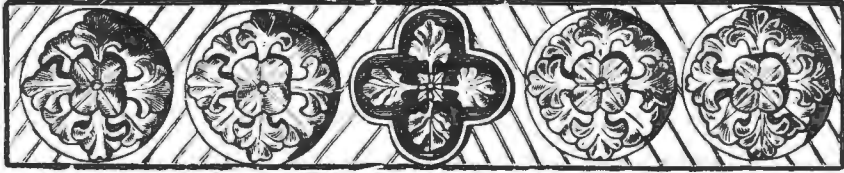
Проѣхавъ нѣсколько станцій далѣе, мы встрѣтили высланныя къ намъ государевы сани и по чудесной первопуткѣ перелетѣли 140 верстъ, отдѣляющія Тулу отъ Москвы, въ 7 часовъ. Изъ Москвы до Царскаго Села мы промчались всего въ 38 часовъ, хотя, по случаю еще не вездѣ установленной зимней дороги, должны были нѣсколько разъ пересаживаться изъ саней въ коляску.

Графъ А. Х. Бенкендорфъ.



<sup>1)</sup> Рукою императора Николая написано: «Durant l'exercice le chasse neige devint si fort, que deux loups s'égarèrent et se trouvèrent entre deux lignes».





## КЪ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЮ ОСВОБОЖДЕНІЯ БОЛГАРИИ.

Заключеніе перемирія въ Адрианополѣ 19 января 1878 года.



БОЛГАРИЯ готовится торжественно праздновать 25-ю годовщину своего освобожденія, считая днемъ возрожденія своего къ новой, самостоятельной жизни 19-е февраля, когда подписанъ былъ Санъ-Стефанскій договоръ.

Въ этотъ знаменательный въ современной исторіи день Болгарія дѣйствительно получила опредѣленные условія полунезависимаго существованія, торжественно признанныя Турціей. Хотя затѣмъ искажено было на Берлинскомъ конгрессѣ созданное въ Санъ-Стефано цѣлокупное государство,—общія основы его жизни были намѣчены.

Но собственно возрожденіе Болгаріи, первое отреченіе отъ многовѣковаго надъ нею господства турокъ состоялось мѣсяцемъ раньше, а именно 19-го января при подписаніи въ Адрианополѣ перемирія, въ силу котораго военныя дѣйствія были прекращены, вслѣдствіе принятія турками основаній будущаго мира. А однимъ изъ главныхъ условій этого мира было образованіе полунезависимаго Болгарскаго княжества съ воспрещеніемъ туркамъ держать тамъ свои войска.

Подробности этого историческаго событія прошли тогда, при быстромъ ходѣ военныхъ и политическихъ происшествій, почти незамѣченными и скоро были забыты. А между тѣмъ онѣ заслуживаютъ вниманія, почему и рѣшился я, оставшись теперь одинъ въ живыхъ изъ пяти лицъ, непосредственно участвовавшихъ въ заключеніи Адрианопольскаго перемирія, представить краткое его описаніе, извлеченное изъ моихъ воспоминаній о войнѣ 1877—1878 гг., въ теченіе которой я занималъ при великомъ князѣ главнокомандующемъ должность директора дипломатической канцеляріи.

Первое извѣстіе о желаніи турокъ заключить миръ было получено въ Ловчѣ, 28-го декабря 1877 года. Великій князь главнокомандующій и его штабъ переѣхали туда наканунѣ изъ Бюгата, гдѣ главная квартира находилась съ половины октября. На этотъ день назначена была рѣшительная атака генерала Радецкаго противъ турокъ, занимавшихъ Шипкинскія высоты, прежде чего генералъ Скобелевъ и князь Святополкъ-Мирскій должны были обойти турецкія позиціи съ фланговъ. Великій князь хотѣлъ находиться по близости событій, чтобы тотчасъ послѣ занятія Шипки сдѣлать надлежащія распоряженія относительно дальнѣйшаго направленія военныхъ дѣйствій.

Въ день 28-го декабря, послѣ обычнаго ранняго обѣда у главнокомандующаго, весь штабъ стоялъ на дворѣ передъ домомъ, занимаемымъ его высочествомъ, въ тревожномъ ожиданіи извѣстій съ Шипки, гдѣ, какъ знали, шелъ съ утра упорный бой, когда спѣшно прошелъ къ великому князю начальникъ телеграфныхъ сообщеній, генералъ Сталь-фонъ-Гольштейнъ. Всѣ бросились къ нему съ вопросомъ, какія извѣстія онъ принесъ, но генералъ отказывался давать какія либо объясненія, говоря, что извѣстія самыя невѣроятныя.

Среди этихъ разговоровъ одинъ изъ адъютантовъ главнокомандующаго позвалъ меня къ его высочеству, и это ясно указало, что содержаніе депеши, принесенной начальникомъ телеграфовъ, было не военнаго, а политическаго свойства.

Великій князь передалъ мнѣ телеграмму изъ Перы, подписанную Реуфъ-пашей, бывшимъ тогда военнымъ министромъ. Онъ просилъ главнокомандующаго назначить мѣсто, гдѣ турецкіе уполномоченные могли бы встрѣтиться съ нашими для переговоровъ о перемиріи, по поводу котораго Порты уже сносилась съ Петербургомъ, но получила указаніе обратиться въ главную квартиру.

Желаніе турокъ остановить военныя дѣйствія не было для насъ неожиданностью. Еще до паденія Плевны, когда ясно стало, что осажденная турецкая армія не могла ни откуда получить подкрѣпленій или припасовъ и должна была въ болѣе или менѣе короткій срокъ или сдаться или сдѣлать тщетную попытку, чтобы прорваться сквозь окружавшія ее со всѣхъ сторонъ превосходныя силы, — мною поднятъ былъ вопросъ о томъ, какъ надо будетъ отнестись къ болѣе чѣмъ вѣроятному послѣ того ходатайству турокъ о мирѣ. Вопросъ этотъ былъ, черезъ посредство генерала Милютина, представленъ государю императору, и его величеству угодно было приказать мнѣ набросать главныя основы возможныхъ условій мира. Онѣ были доложены мною въ особомъ совѣщаніи подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя въ Порадимѣ, откуда его величество приказалъ мнѣ лично отвезти ихъ въ Бухарестъ и представить государственному канцлеру, князю Горчакову. Мало

измѣненныя по существу, но оформленныя по указаніямъ канцлера барономъ Жюмини, предложеніи мои были мною привезены обратно въ Порадимъ, куда вызванъ былъ для участія въ ихъ разсмотрѣніи и находившійся въ Россіи генералъ Игнатъевъ. Окончательная ихъ редакція сообщена была тогда союзнымъ съ Россіей императорамъ германскому и австрійскому при письмахъ государя, которыя лично передалъ имъ, посланный нарочно изъ главной квартиры въ Вѣну и Берлинъ, состоявшій при особѣ императора Вильгельма, генералъ-адъютантъ Рейтернъ. Нѣсколько дней позже, послѣ взятія Плевны и наканунѣ отъѣзда изъ Болгаріи императора Александра II и его свиты, вопросъ о мирѣ и перемиріи еще разъ разсмотрѣнъ былъ въ Порадимѣ подъ предсѣдательствомъ его величества при участіи великаго князя главнокомандующаго, графа Адлерберга, генераловъ Непокойчицкаго, Милютина и Игнатъева, А. Ѳ. Гамбургера и моемъ, и рѣшено было, что переговоры съ турками должны происходить въ главной квартирѣ; что на перемиріе можно согласиться только по принятіи турками основаній мира, выработанныхъ въ главной квартирѣ и сообщенныхъ союзнымъ императорамъ, и что условія эти, облеченныя въ окончательную форму, присланы будутъ великому князю изъ Петербурга, чтобы служить ему полномочіями для переговоровъ, техническое веденіе которыхъ было государемъ поручено мнѣ.

Хотя ожидавшіяся нами инструкціи еще не были получены, но, основываясь на принятыхъ въ Порадимѣ рѣшеніяхъ, мы отвѣтили Реуфъ-пашѣ, что переговоры могутъ быть ведены только въ главной квартирѣ главнокомандующаго, а перемиріе заключено не иначе, какъ по согласіи турокъ на основныя условія будущаго мира.

Между тѣмъ телеграмма о занятіи Шипкинскаго перевала и плѣненіи арміи Вейсель-паша была получена только вечеромъ, когда великій князь, утомленный долгимъ и тревожнымъ ожиданіемъ, лежалъ почти больной. Вѣсть о блестящей побѣдѣ разомъ подняла духъ и силы его высочества и, переходя изъ устъ въ уста быстро, разлилась по Ловчѣ громкимъ «ура», восторженно повтореннымъ на вѣру, прежде чѣмъ стало извѣстно, что собственно служило поводомъ къ этимъ радостнымъ крикамъ.

Великій князь тотчасъ же распорядился, чтобы на слѣдующее утро главная квартира двинулась въ Сельви (Севліево), а оттуда въ Габрово и Казанлыкъ съ цѣлью быть вблизи передоваго отряда. Тщетны были представленія мои, подкрѣпленныя отчасти генераломъ Непокойчицкимъ, о томъ, что въ виду начатыхъ уже мирныхъ переговоровъ важно было бы остаться въ постоянныхъ телеграфныхъ сношеніяхъ съ Европой и Петербургомъ, тогда какъ изъ-за Балканъ это будетъ крайне затруднительно и невѣрно. Главнокомандующій отвѣчалъ мнѣ, что онъ чувствуетъ необходи-

мость лично быть во главѣ арміи, чтобы, пользуясь впечатлѣніемъ, произведеннымъ на турокъ потерей Шипки, принять мѣрѣ къ ихъ безостановочному преслѣдованію.

Главная квартира дѣйствительно перенесена была 29-го декабря въ Сельви, 30-го въ Габрово, а 31-го утромъ двинулась черезъ Шипку въ Казанлыкъ. На всѣхъ остановкахъ получались телеграммы, касавшіяся перемирія, которое турецкіе генералы, въ нетерпѣніи своемъ остановить наступленіе нашей арміи, представляли стоявшимъ противъ нихъ русскимъ начальникамъ уже заключеннымъ, прося прекращенія военныхъ дѣйствій, а иногда и отказываясь отвѣчать на выстрѣлы. Изъ Перы извѣщали насъ, что уполномоченными назначены генералы Мехмедъ-Али и Сулейманъ-паша, и спрашивали, куда имъ ѣхать. Мы отвѣчали, что главная квартира переносится въ Казанлыкъ, гдѣ и должны происходить переговоры.

По приходѣ нашемъ туда тотчасъ стали прибывать отъ начальниковъ различныхъ отрядовъ запросы о томъ, какъ слѣдуетъ относиться къ заявленіямъ турокъ, будто перемиріе уже заключено, и военныя дѣйствія должны быть приостановлены. Имъ, разумѣется, внушали, что наступленіе должно еще дѣятельнѣе продолжаться, но при этомъ происходили и довольно забавныя недоразумѣнія. Такъ генералъ Гурко извѣщаль, что Сулейманъ-паша прислалъ ему своего адъютанта съ письмомъ о перемирії, и спрашиваль, что съ нимъ дѣлать. Ему было отвѣчено отправить его, т.-е. письмо, въ главную квартиру. Въмѣсто того въ Казанлыкъ потащили несчастнаго адъютанта Зекки-бея (нынѣшняго начальника артиллеріи), очень милаго и образованнаго офицера, воспитывавшагося въ Германіи. Онъ былъ крайне удивленъ, когда генералъ Непокойчицкій и я спросили его, зачѣмъ онъ пріѣхаль, и вмѣсто отвѣта поставилъ намъ вопросъ, для какой цѣли его потребовали въ Казанлыкъ. Изъ Филиппополя пріѣхаль парламентаромъ еврейско-нѣмецкій докторъ, который очевидно только имѣлъ въ виду выбраться изъ арміи, и когда ему объявили, что война продолжается, сталъ просить, чтобы его не отсылали обратно, а отправили въ Россію или въ Константинополь.

Между тѣмъ ожидаемая нами инструкція были получены, а турецкіе уполномоченные (такowymi были вмѣсто генераловъ назначены паша: Серверъ и Намыкъ) выѣхали изъ Константинополя. Они встрѣтились около станціи Германлы (на соединеніи желѣзнодорожныхъ вѣтвей изъ Филиппополя и Ямболи) съ передовымъ отрядомъ генерала Скобелева, попавшаго на аррьергардъ арміи Сулейманъ-паши, который спѣшилъ изъ Шумлы на помощь Филиппополю. Тутъ же очутились и бѣженцы изъ долины Марицы, спасавшіеся отъ наступленія генерала Гурко, и картина этого сраженія, въ которое вмѣшались женщины, дѣти и мирные жители.

произвела на султанскихъ посланцевъ глубокое впечатлѣніе. Придерживаясь преданій о прежнихъ мирныхъ переговорахъ съ нами, они выѣхали изъ столицы въ сопровожденіи многочисленной прислуги и огромнаго обоза. Желая, какъ они увѣряли, придать ихъ посольству какъ можно больше блеска, султанъ отправилъ съ ними нѣсколько придворныхъ поваровъ, въ виду предполагавшихся роскошныхъ обѣдовъ, для которыхъ съ ними была послана богатая посуда, серебро и даже большой столъ, такъ какъ сомнительно было, чтобы таковой нашелся въ разоренномъ Казанлыкъ. Всѣ эти излишнія тяжести оставлены были въ Германлы, откуда подъ охраною кавалерійскаго конвоя отправлены были въ Казанлыкъ въ коляскахъ только сами уполномоченные съ сопровождавшими ихъ чиновниками и лично прислугой; собственный же ихъ багажъ слѣдовалъ на волахъ. Дороги, вслѣдствіе начавшейся уже оттепели, стали очень тяжелы, и поѣздъ пашей двигался медленно, а наступленіе генерала Гурко на Филиппополь и генерала Струкова на Адрианополь шло съ такою быстротой, что къ пріѣзду турокъ въ Казанлыкъ оба эти города были уже въ нашихъ рукахъ.

Навстрѣчу султанскимъ уполномоченнымъ, прибывшимъ въ Казанлыкъ 7-го января въ 4 часа, посланъ былъ въ Ески-Загру состоявшій при главной квартирѣ бывшій генеральный консулъ въ Константинополь Хитрово. У входа въ приготовленный для нихъ домъ, одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ отъ разоренія, ихъ встрѣтилъ бывшій 2-й драгоманъ константинопольскаго посольства Мокѣевъ, состоявшій при великомъ князѣ въ качествѣ переводчика. Тотчасъ по полученіи извѣщенія о прибытіи пашей я отправился въ ихъ помѣщеніе, чтобы привѣтствовать ихъ отъ имени его высочества и условиться насчетъ программы переговоровъ, которая была мною заранѣе выработана и утверждена великимъ княземъ.

Съ Серверъ-пашей я былъ знакомъ въ Константинополѣ, гдѣ онъ занималъ до войны должность предсѣдателя государственнаго совѣта. Это былъ по-европейски образованный человекъ, только что назначенный министромъ иностранныхъ дѣлъ, но бывшій послѣ парижскаго конгресса повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ. Онъ имѣлъ хорошее положеніе во дворцѣ, такъ какъ былъ женатъ на дочери извѣстнаго въ свое время любимца и зятя султана Абдуль-Меджида, Халиль-паши, который послѣ войны 1828—1829 годовъ ѣздилъ съ чрезвычайнымъ порученіемъ въ Петербургъ, былъ тамъ очень обласканъ и слылъ за горячаго сторонника Россіи.

Не могу не упомянуть здѣсь о странномъ обстоятельстве, вызвавшемъ подозрѣніе, что Халиль-паша былъ по происхожденію русскій. Когда турецкое посольство на пути въ Петербургъ остановилось въ Смоленскѣ, къ послу явилась старая тамошняя помѣ-

щица, г-жа М., съ тѣмъ, чтобы просить его способствовать отысканію ея сына, который совершенно молодымъ мальчикомъ участвовалъ въ войнѣ 1810—1811 годовъ и пропалъ безъ вѣсти. Она была увѣрена, что онъ живъ и находится въ плѣну, а потому просила посла навести о немъ справки. Халиль-паша, глубоко потрясенный этой просьбой, принялъ весьма ласково г-жу М. и обѣщаль ей сдѣлать все, отъ него зависящее. Но еще болѣе посла потрясена была просительница. Онъ нашла пашу до такой степени схожимъ съ ея сыномъ и соответствующимъ его лѣтамъ, росту и примѣтамъ, что ей казалось видѣть передъ собою собственное дѣтище. Дочь г-жи М., бывшая фрейлина императрицы Маріи Ѳеодоровны, была замужемъ въ Петербургѣ за адмираломъ С. Возвратившись домой съ параднаго спектакля, который данъ былъ въ Эрмитажѣ въ честь султанскаго посольства, адмиралъ сказалъ своей женѣ, что онъ былъ пораженъ сходствомъ Халиль-паши съ ея братомъ, пропавшимъ безъ вѣсти во время турецкой войны. Состоявшіе при послѣ русскіе увѣряли, что онъ понимаетъ по-русски. Но подозрѣніе это прошло незамѣченнымъ, и я узналъ о немъ, четверть вѣка спустя, въ домѣ адмирала С., когда ни его, ни его жены уже не было въ живыхъ. Когда я послѣ того находился при посольствѣ въ Константинополѣ, вопросъ этотъ пришелъ мнѣ на память, и я постарался выяснитъ, кто былъ Халиль-паша, тогда уже умершій. Въ Турціи, вслѣдствіе строя мусульманской семьи, весьма трудно добитися точныхъ свѣдѣній о происхожденіи лицъ. Мнѣ удалось, однако, узнать, что Халиль-паша былъ рабъ, а затѣмъ любимецъ и пріемный сынъ вліятельнаго при султанѣ Махмудѣ, Хозревъ-паши, тоже слышанаго въ свое время за сторонника Россіи. Будучи уже въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, Хозревъ-паша принесенъ былъ въ 1853 году въ большой совѣтъ-диванъ, на которомъ рѣшался вопросъ о войнѣ съ Россіей, и съ жаромъ увѣщеваль султана и его совѣтниковъ не слушаться внушеній Запада и не вступать въ борьбу съ могущественнымъ московскимъ сосѣдомъ. Онъ умеръ вскорѣ послѣ объявленія войны.

Возвращаюсь къ характеристикѣ другого турецкаго уполномоченнаго, Намыкъ-паши. Онъ восьмидесятилѣтній старикъ, въ своей молодости одинъ изъ первыхъ турокъ, посланныхъ для образованія во Францію, во время Реставраціи. Въ 1826 году Намыкъ-паша присутствовалъ на Аккерманскихъ переговорахъ, занималь съ тѣхъ поръ разныя высокія должности, между прочимъ морскаго и военнаго министра, а въ 1860 году былъ губернаторомъ Джедды, когда тамъ произошло избіеніе христіанъ, за которымъ послѣдовала рѣзня въ Дамаскѣ и на Ливанѣ. Намыкъ-паша былъ смѣненъ по требованію Наполеона III и съ тѣхъ поръ проживаль въ Стамбулѣ, гдѣ слылъ за крайняго фанатика. Я его ниразу не встрѣчалъ, но слышалъ про него, что онъ избѣгалъ сношеній съ иностранцами

и даже отказывался говорить по-французски, увѣряя, что совершенно забылъ.

Войдя въ большую, обставленную по турецкому обычаю диванами вдоль стѣнъ, гостиную, гдѣ помѣщались турецкіе уполномоченные, я засталъ Намыкъ-пашу стоящимъ на одномъ изъ дивановъ на колѣняхъ лицомъ къ юго-востоку и совершающимъ вечернюю молитву—намазъ. Онъ продолжалъ молиться, несмотря на мое появленіе и натянуто-любезный пріемъ, сдѣланный мнѣ Серверъ-пашей. Оба уполномоченныхъ одѣты были въ домашнія короткія шубки турецкаго покроя, покрытыя коричневымъ болгарскимъ сукномъ (шпаякъ), и извинялись въ томъ, жалуясь на замедленіе въ перевозѣ ихъ багажа и выражая опасенія насчетъ его цѣлости.

Серверъ-паша началъ съ разныхъ лестныхъ для меня заявленій, жалуясь на генерала Игнатьева, который будто бы былъ виновникомъ этой злосчастной войны. Я возразилъ ему, что вина всецѣло падаетъ на стоявшихъ у власти турецкихъ государственныхъ людей и особенно на Мидхатъ-пашу, которые, несмотря на константинопольскую конференцію, не хотѣли понять даннаго имъ Европой предостереженія. «Я самъ,—прибавилъ я,—наканунѣ разрыва и отъѣзда изъ Константинополя, уговаривалъ тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ Сафветъ-пашу не отказывать въ уступкѣ Черногоріи незначительныхъ герцеговинскихъ округовъ, вмѣсто которыхъ Турція будетъ теперь вынуждена отдавать цѣлыя провинціи».

Намыкъ-паша, съ достоинствомъ турка старыхъ временъ и въ изысканныхъ выраженіяхъ на французскомъ языкѣ, отъ употребленія котораго онъ очевидно отвыкъ, началъ съ того, что заговорилъ о Россіи, о своемъ тамъ пребываніи въ 30-хъ годахъ, объ уваженіи, которое онъ питалъ къ императору Николаю I. «Передайте великому князю,—сказалъ онъ,—что я зналъ и почиталъ его родителей. Это были высокія историческія личности. Я увѣренъ, что онъ выкажетъ себя достойнымъ ихъ и великодушнымъ относительно насъ». «А вы,—продолжалъ Намыкъ-паша, обращаясь ко мнѣ,—вы знаете насъ, вы ѣли нашъ хлѣбъ, вы пили нашу воду, вы не можете желать намъ зла и должны быть стоворчивы и стараться облегчить всѣ затрудненія. Но прежде всего,—заключилъ онъ,—просите великаго князя, чтобы онъ остановилъ Струкова. Мы видѣли, какъ убивали женщинъ и дѣтей. Это—напрасное и жестокое истребленіе. Государь вашъ, который миролюбивъ и великодушенъ, не можетъ желать напрасныхъ убійствъ и разореній. Война окончена. Мы пришли просить мира. Всякое дальнѣйшее кровопролитіе излишне».

Серверъ-паша въ свою очередь, нервный и раздраженный, старался серьезнѣе подойти къ вопросу и пытался узнать отъ меня, каковы будутъ условія, которыя мы поставимъ для заключенія перемирія.

Я отвѣчалъ ему, какъ было условлено съ великимъ княземъ, что рѣшенія константинопольской конференціи должны быть значительно расширены и усилены. Полунезависимыя Балканскія государства, принимавшія участіе въ войнѣ, должны получить вознагражденіе, а самой Россіи имѣютъ быть возмѣщены убытки, причиненные ей войной, которая была вызвана упрямотомъ Порты.

Видя, что имъ не удастся достигнуть прекращенія военныхъ дѣйствій прежде подписанія основаній мира, уполномоченные стали просить о немедленномъ началіи переговоровъ, но изъясняли только опасеніе, какъ бы отсутствіе у нихъ мундировъ и приличнаго платья не послужило тому препятствіемъ.

Я обѣщаль доложить великому князю, и пріемъ у него былъ назначенъ на слѣдующій же день въ 11 часовъ утра.

Турецкіе уполномоченные приняты были главнокомандующимъ съ полнымъ почетомъ. Вся свита его высочества была разставлена вдоль дороги отъ входа въ садъ, въ которомъ находился домъ, занимаемый великимъ княземъ, до крыльца. У воротъ былъ поставленъ почетный караулъ, и такъ какъ они были очень низки, то, чтобы войги, паши должны были нагнуться. Я встрѣтилъ ихъ тутъ, и мнѣ невольно пришло на память, какъ древніе римляне проводили побѣжденныхъ подъ ярмомъ.

Главнокомандующій, около котораго стоялъ начальникъ штаба, принялъ турокъ со своею обычною открытою любезностью. Онъ вспомнилъ о своемъ пребываніи въ Константинополѣ, восхищался храбростью и стойкостью турецкихъ войскъ и увѣрялъ пашей въ искреннемъ желаніи государя заключить прочный миръ, который позволилъ бы намъ жить съ турками, какъ добрымъ сосѣдямъ и друзьямъ. «Васъ подбили къ войнѣ наши общіе враги,—сказалъ онъ.—Они пользуются нашими ссорами, извлекая изъ нихъ свои выгоды. Неслушайте ихъ, имѣйте довѣріе къ государю, и вы увидите, что никто не будетъ въ состояніи насъ смутить». «Мы чувствуемъ,—отвѣчали турки,—что сдѣлали большую ошибку, начавъ войну, и желаемъ тоже прочнаго мира. Но для этого нужно, чтобы его условия не были для насъ слишкомъ обременительны и не подтачивали ни силы ни достоинства Оттоманской имперіи. Турція истощена. Населеніе наше понесло неисчислимыя потери, его постигли огромныя бѣдствія; будьте великодушны къ намъ»...

Когда мы усѣлись вокругъ стола, гдѣ, кромѣ великаго князя, уполномоченныхъ и меня, занялъ мѣсто и генералъ Непокойчицкій, главнокомандующій, слѣдуя полученнымъ изъ Петербурга предписаніямъ, спросилъ турокъ, какія предложенія они ему привезли.

Серверъ-паша отвѣчалъ, что они никакихъ особыхъ инструкцій по этому предмету не получали. Имъ заявлено было изъ Петербурга, что только по принятіи основаній мира возможно бу-



детъ прекратить военныя дѣйствія. Они присланы выслушать, чего отъ нихъ требуютъ.

Намыкъ-паша прервалъ своего товарища. «Исторія повѣствуетъ,—сказалъ онъ,—что, когда Александръ Знаменитый (le fameux—онъ говорилъ про Александра Великаго) покорялъ Азію, къ нему привели плѣннаго царя, войско котораго онъ разбилъ, владѣнія завоевалъ, сокровища захватилъ. «Какъ хочешь ты, чтобы я съ тобой обошелся?»—спросилъ Александръ.—«Ты отнялъ у меня владѣнія, богатства, войско,—отвѣтилъ царь.—Обращайся со мной, какъ съ побѣжденнымъ». Александръ возвратилъ ему сокровища и владѣнія и сдѣлалъ его самымъ вѣрнымъ своимъ союзникомъ. Ваше высочество! Мы пришли къ вамъ, какъ побѣжденные. Поступите съ нами, какъ Александръ!»

Этотъ разсказъ въ восточномъ вкусѣ произвелъ на насъ сильное впечатлѣніе. Но Намыкъ-пашѣ было отвѣчено, что тутъ дѣло идетъ не о простой ссорѣ между двумя сосѣдями и не о завоеваніяхъ. Война была предпринята для освобожденія угнетеннаго населенія, въ судьбѣ котораго вся Европа приняла участіе, признавъ за нимъ извѣстныя права. Султанъ долженъ понять необходимость исполнить это требованіе.

— «Въ такомъ случаѣ,—вставилъ Серверъ-паша,—мы могли бы принять за основаніе переговоровъ рѣшенія Константинопольской конференціи, которыя были тогда отвержены Портою. Они достаточно обезпечиваютъ судьбу этихъ населеній».

— «Но то, что могло считаться достаточнымъ до войны,—сказалъ я,— не можетъ быть признано удовлетворительнымъ послѣ всѣхъ принесенныхъ нами жертвъ, за которыя мы тоже должны получить вознагражденіе».

Послѣ этого предварительнаго разговора великій князь приказалъ мнѣ прочесть присланныя намъ основанія мира, первая статья которыхъ постановляла, что Болгарія, въ составѣ мѣстностей, гдѣ большинство населенія болгарское, и никакъ не менѣе того, что было постановлено Константинопольскою конференціей, — будетъ возведена въ самостоятельное княжество, платящее дань (tributaire), съ народнымъ правительствомъ и мѣстнымъ ополченіемъ. Оттоманское же войско тамъ не будетъ пребывать <sup>1)</sup>. Остальными статьями признавалась независимость Черногоріи съ прирѣзкой къ ней мѣстностей, равныхъ тѣмъ, которыя заняты черногорцами. Установлялась независимость Сербіи и Румыніи съ земельнымъ возна-

<sup>1)</sup> Подлинный текстъ 1-й статьи гласитъ: «La Bulgarie, dans des limites déterminées par la majorité de la population Bulgare et qui en aucun cas ne sauraient être moindre que celles indiquées par la conférence de Constantinople, sera érigée en principauté autonome tributaire, avec un gouvernement national, chrétien et une milice indigène. L'armée turque n'y séjournera plus».

гражденіемъ; постановлялось введеніе автономнаго управленія въ Босніи и Герцеговинѣ и подобныхъ же реформъ въ другихъ христіанскихъ областяхъ Турецкой имперіи. Наконецъ, Порта обязывалась вознаградить Россію деньгами или землею за причиненные убытки и вступить съ императорскимъ правительствомъ въ переговоры какъ для обезпеченія его интересовъ въ проливахъ, такъ и для заключенія окончательнаго мира. А между тѣмъ турецкія войска должны были очистить Рущукъ, Видинъ, Силистрію и Эрзерумъ и установить, по соглашенію съ нашими, демаркаціонную линію.

Не скрою, что при чтеніи этихъ условій я не могъ воздержаться отъ глубокаго волненія, особенно когда шла рѣчь о выдѣленіи изъ плотнаго состава Оттоманской имперіи такой обширной и богатой провинціи, какъ Болгаріи, служившей основаніемъ султанскихъ владѣній въ Европѣ. На уполномоченныхъ оно произвело удручающее впечатлѣніе. «Это разрушеніе Турціи,—сказалъ съ горечью Серверъ-паша.—Что остается намъ послѣ всего, что вы у насъ отымаете?»—«Напротивъ того,—возразилъ великій князь,—это ея спасеніе и единственное средство установить на прочныхъ основаніяхъ наши дружескія сношенія».—«Но мы безъ того уже разорены,—замѣтилъ Намыкъ-паша,—а вы требуете еще военнаго вознагражденія. Наши средства истощены, откуда возьмемъ мы деньги, чтобы вамъ заплатить?» Ему было возражено, что замѣня денегъ можно будетъ найти другіе способы удовлетворенія, какъ, напри- мѣръ, земельныя уступки...

Однако на попытки турокъ начать переговоры и склонить насъ къ снисхожденію, а въ особенности просить немедленнаго прекращенія военныхъ дѣйствій, имъ было заявлено самымъ рѣшительнымъ образомъ, что предъявленныя имъ условія предписаны изъ Петербурга и не могутъ быть нами ни измѣнены, ни смягчены. Только по ихъ принятіи наступленіе нашихъ войскъ будетъ остановлено. «Рѣшайтесь скорѣй,—убѣждалъ ихъ великій князь.—Каждый день измѣняетъ наше взаимное положеніе въ ущербъ вамъ, и это отразится на демаркаціонной чертѣ, которая будетъ проведена между обѣими арміями. Если вы будете затягивать дѣло, я обязанъ потребовать указаній изъ Петербурга, и весьма вѣроятно, что новыя условія, которыя я получу, будутъ строже тѣхъ, которыя я вамъ предъявляю теперь. Вы окажете услугу султану, покончивъ дѣло тотчасъ, разъ вы имѣете на то полномочія».

Въ такомъ же смыслѣ говорили генералъ Непокойчицкій и я. Турки все не рѣшались, и послѣ болѣе чѣмъ часового засѣданія мы рѣшили, какъ о томъ было условлено между нами заранѣе, дать имъ двадцатичетырехчасовой срокъ на обсужденіе. Но они были предупреждены, что если ихъ рѣшеніе будетъ неблагопріятно, то переговоры будутъ прерваны, а главная квартира перенесена будетъ впередъ, еще ближе къ Адрианополю.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда уполномоченныхъ главнокомандующій получилъ извѣстіе о занятіи генераломъ Струковымъ Адрианополя и поручилъ г-ну Мокѣеву сообщить туркамъ это мало утѣшительное извѣстіе, которое, казалось бы, должно было сдѣлать ихъ сговорчивѣе.

Занятіе Адрианополя состоялось по просьбѣ самого населенія города, который былъ оставленъ турецкими властями и войсками. Во главѣ ихъ стоялъ собственный сынъ Намыкъ-паши, Джемиль-паша. Видя приближеніе русскаго передового отряда, передъ которымъ бѣжало войско и населеніе, и сознавая тщетность всякой попытки обороны, Джемиль-паша при уходѣ изъ Адрианополя передалъ управление города мѣстнымъ старшинамъ всѣхъ исповѣданій и самъ посовѣтовалъ имъ, въ предупрежденіе безпорядковъ, тотчасъ послать депутацію къ генералу Струкову, чтобы просить его безъ замедленія занять городъ. Это было единственное средство спасти его отъ анархій, грабежа и разоренія. И дѣйствительно, Адрианополь, куда мы вступили 14-го января, показался намъ послѣ Богота, Казанлыка и Ески-Загры цвѣтущимъ и благоустроеннымъ городомъ, гдѣ можно было найти всѣ удобства жизни, которыхъ мы такъ долго были лишены.

На слѣдующее утро, получивъ свой багажъ, турки явились уже въ черныхъ официальныхъ сюртукахъ съ орденами, но видъ ихъ обѣщаль мало хорошаго. Они прочли составленный ими отвѣтъ на наши предложенія, которыя всѣ принимались съ оговорками, а относительно первой статьи, касающейся Болгаріи, дѣлались предложенія о введеніи реформъ, не достигавшія даже и рѣшеній Константинопольской конференціи. Имъ тотчасъ же было объявлено, что мы не можемъ входить ни въ какіе переговоры, а обязаны требовать полнаго и немедленнаго принятія всѣхъ нашихъ условій. «Мы соглашаемся на нихъ,—говорилъ Серверъ-паша,—но возведеніе Болгаріи въ полунезависимое княжество есть нарушеніе цѣлости Оттоманской имперіи. Послѣ этого власть султана на Босфорѣ не будетъ имѣть залоговъ существованія, и намъ останется уйти въ Азію».

Тщетно старался главнокомандующій убѣдить ихъ въ неизбѣжности, послѣ всего происшедшаго, существенно измѣнить условія положенія христіанскаго населенія Европейской Турціи. Уполномоченные настаивали на томъ, что требованіе нами реформъ для всѣхъ христіанскихъ областей наносило мусульманскому господству смертельный ударъ.

— «Но если вы не согласитесь на наши предложенія,—сказалъ великій князь, — войска мои будутъ безостановочно идти до Константинополя. Внутреннее движеніе, подобное тому, которое привело насъ въ Адрианополь, можетъ открыть намъ и ворота вашей столицы, власть султана будетъ окончательно поколеблена, и имперія очутится въ опасности»...

— «Пусть же она погибнетъ,— воскликнулъ съ отчаяніемъ Намыкъ-паша.—Лучше намъ пасть отъ насилія, чѣмъ подписать самимъ наше собственное униженіе!»

— «Мы не уполномочены согласиться на автономію Болгаріи,— прервалъ болѣе спокойнымъ тономъ Серверъ-паша.— Наши инструкціи не предвидѣли подобнаго требованія».

— «Оно, однако, было совершенно естественнымъ послѣдствіемъ совершившихся событій»,—возразилъ великій князь.

Уполномоченные просили дать имъ время, чтобы испросить инструкцій въ Константинополѣ, говоря, что не могутъ принять такой отвѣтственности.

— «Есть важныя историческія минуты,—замѣтилъ имъ великій князь,—когда государственнй человѣкъ долженъ имѣть смѣлость взять на себя большую тяжкую отвѣтственность, если подобный подвигъ гражданскаго мужества способенъ спасти его отечество отъ гибели»...

Турки не рѣшались и испросили себѣ два часа на окончательное размышленіе и тщательное изученіе своихъ инструкцій. Въ четыре часа они явились, но по угрюмому ихъ виду ясно было, что они нисколько не измѣнили своихъ рѣшеній. Они объявили, что никакъ не могутъ принять первой статьи, касающейся Болгаріи, а должны донести султану и просить новыхъ указаній.

Вслѣдствіе этого отказа имъ было отвѣчено, что въ такомъ случаѣ переговоры на прежнихъ основаніяхъ прерваны, и рѣшенія наши будутъ имъ сообщены черезъ часъ. Послѣ совѣщанія между великимъ княземъ, генераломъ Непокойчицкимъ и мною, постановлено было заявить туркамъ, что по военнымъ соображеніямъ главнокомандующій обязанъ перенести впередъ свою главную квартиру, но разрѣшаетъ уполномоченнымъ слѣдовать за нимъ и отправить нарочнаго въ Константинополь. Великій князь донесетъ съ своей стороны о происшедшемъ государю императору и испроситъ его приказаній. Такъ какъ быстрый ходъ военныхъ событій можетъ еже часно измѣнить совершенно военное положеніе, то его высочество предупреждаетъ ихъ, что даже если они получаютъ отъ султана безусловное согласіе на наши прежнія предложенія,—весьма возможно, что мы уже не захотимъ заключить перемиріе на этихъ условіяхъ, а поставимъ другія.

12-го (24-го) января, рано утромъ, мы выѣхали изъ Казанлыка въ Ески-Загру; на слѣдующій день прибыли въ Тырново Сейменли, а 14-го подъ вечеръ великій князь, пріѣхавъ изъ Германлы по желѣзной дорогѣ, совершилъ торжественный свой въѣздъ въ Адрианополь, восторженно встрѣченный всѣмъ христіанскимъ населеніемъ съ духовенствомъ во главѣ. Только греческій митрополитъ Діонисій, бывший впослѣдствіи патриархомъ, не захотѣлъ выйти на встрѣчу его высочеству. Турецкіе уполномоченные слѣдовали за главной квартирой и прибыли въ Адрианополь днемъ позже.

На пути безпрестанно получались извѣстія о новыхъ успѣхахъ нашихъ войскъ, еще болѣе смущавшія насъ относительно рѣшенія по поводу заключенія перемирія. Передовой отрядъ генерала Скобелева достигъ уже Аюле-Бургаса, а генераль Струковъ со своею летучей колонной былъ уже около Чорлу, и легкіе разѣзды его доходили до укрѣпленной линіи Чатальджи. Чтобы обезпечить наше наступленіе на турецкую столицу, былъ высланъ отрядъ и по направленію къ Галлиполи. А между тѣмъ части войскъ, спускавшихся изъ Филиппополя по долинѣ Марицы, направленные къ югу, стали появляться и у береговъ Эгейскаго моря.

При такихъ условіяхъ весьма естественно являлось у всѣхъ желаніе не останавливать столь блестящихъ успѣховъ и довести дѣло до конца, то-есть дойти до Константинополя и тамъ развязать или разсѣчь гордіевъ узелъ восточнаго вопроса. Но вмѣстѣ съ этимъ возникало и сознаніе чрезмѣрной усталости и постепеннаго ослабленія побѣдоносной арміи, которая, по мѣрѣ приближенія къ Востфору, все уменьшалась отъ потери людей какъ вслѣдствіе безпрестанныхъ битвъ, такъ и отъ различныхъ болѣзней, всегда неразлучныхъ съ окончаніемъ кампаній, особенно зимнихъ.

Къ тому же рѣшеніе было уже не въ нашихъ рукахъ. Мы представили положеніе дѣлъ въ Петербургъ и ждали оттуда приказаній. А тамъ тоже настроеніе мѣнялось, смотря по тому, приходили ли воодушевляющія извѣстія изъ главной квартиры о блестящихъ побѣдахъ, одерживаемыхъ нашими войсками, или получались тревожныя свѣдѣнія изъ-за границы о возрастающей враждебности Англій и Австріи и объ угрожающей опасности вооруженнаго съ ними столкновенія.

Приѣхавъ въ Адрианополь на другой день послѣ прибытія туда главной квартиры, турецкіе уполномоченные тотчасъ же обратились чрезъ мое посредство къ главнокомандующему съ просьбой позволить имъ послать въ Константинополь особаго нарочнаго чрезъ наши аванпосты, чтобы ускорить полученіе отвѣта. Имъ было это разрѣшено, но уже на слѣдующій день получены были по телеграфу отвѣты изъ Петербурга на вопросы, поставленные великимъ княземъ вслѣдствіе переговоровъ съ турками въ Казанлыкѣ. Государь приказывалъ дать имъ трехдневный срокъ для полученія инструкцій отъ султана и принятія условій, а затѣмъ, въ случаѣ неудовлетворительнаго или запоздалаго отвѣта, объявить переговоры прерванными и отправить пашей обратно въ Константинополь. Въ самихъ же основаніяхъ мира никакихъ измѣненій произведено не было.

Я только что собирался сообщить уполномоченнымъ это рѣшеніе государя и назначить имъ срокъ для подписанія условій, какъ и на ихъ имя пришла длинная телеграмма, вслѣдствіе которой они

тотчасъ же попросили у великаго князя аудиенціи, и она была имъ назначена на полдень 18-го января.

Его высочество помѣщался въ конакѣ (губернаторскомъ домѣ) Адрианополя, обширные, пустынные и пыльные коридоры котораго временно оживлены были теперь безпрестаннымъ движеніемъ и бряцаніемъ оружія ежеминутно пріѣзжавшихъ офицеровъ и ординарцевъ. Турецкіе уполномоченные явились туда мрачные и удрученные, но съ видомъ людей, готовыхъ подчиниться неотвратимому рѣшенію судьбы и той силѣ обстоятельствъ (называсмой въ мусульманскомъ мірѣ арабскимъ словомъ «меджбуріетъ»), предъ которой даже Коранъ велитъ преклоняться, какъ передъ нагляднымъ проявленіемъ воли Всевышняго.

— Что принесли вы мнѣ? — спросилъ вошедшихъ пашей великій князь.

— Ваше высочество, — отвѣтилъ взволнованнымъ голосомъ Намыкъ-паша. — Мы получили приказанія султана. Ихъ смыслъ можетъ быть выраженъ въ короткихъ словахъ: вы побѣдители, ваше честолюбіе удовлетворено. Турція уничтожена!

— Она спасена! — возразилъ великій князь. — Вы избѣгаете огромной опасности. Мои разъѣзды у стѣнъ вашей столицы. Если бы вы еще медлили, дѣло приняло бы совершенно иной оборотъ, и я, признаюсь, удивляюсь, что послѣ одержанныхъ нами въ эту недѣлю успѣховъ въ Петербургѣ еще согласились не измѣнять основныхъ условій мира.

Разъ прекращеніе военныхъ дѣйствій было рѣшено, и мы лишили себя возможности дойти до Константинополя, заключеніе перемирія становилось желательнымъ въ возможно скорѣйшемъ времени, такъ какъ никакіе успѣхи нашего оружія не могли уже измѣнить условій будущаго мира.

Мы тотчасъ же принялись за дѣло. Вся работа по изготовленію политическаго акта была предоставлена мнѣ, и я немедленно вошелъ въ сношеніе съ турецкими делегатами. Одновременно съ этимъ приступлено было и къ составленію военной конвенціи о взаимномъ расположеніи войскъ, демаркаціонной линіи, путяхъ сообщенія и о передачѣ намъ условленныхъ крѣпостей, занятіе которыхъ должно было служить обезпеченіемъ точнаго исполненія принятыхъ турками обязательствъ. Работа эта поручена была главнокомандующимъ начальнику штаба генералу Непокойчицкому, подъ руководствомъ котораго исполнялъ ее помощникъ его генералъ Левицкій и мой помощникъ по дипломатической канцеляріи К. Э. Аргиропуло. Трудъ этотъ, весьма длинный и кропотливый, выполненъ былъ самымъ блестящимъ образомъ. Проектъ конвенціи, составленный генераломъ Левицкимъ и переведенный на французскій языкъ г. Аргиропуло, можетъ служить образцомъ актовъ подобнаго рода. Онъ принятъ былъ турками безъ особыхъ затрудненій. Только въ

демаркаціонной чертѣ они долго отстаивали укрѣпленную линію Чатальджи, гдѣ находился ключъ обороны Констанстинополя. Мы требовали передачи этихъ укрѣпленій въ наши руки. Турки рѣшительно отказывались, и соглашеніе состоялось только, когда мы обѣщали не занимать чатальджинской позиціи, но потребовали, чтобы и турецкія войска были изъ нея выведены и удалены на то же разстояніе, на которомъ будутъ находиться наши.

Наконецъ, въ четвергъ 19-го января, въ 6 часовъ вечера, актъ о перемиріи съ обозначеніемъ основаній будущаго мира былъ подписанъ великимъ княземъ и уполномоченными султана Серверъ-пашей и Намыкъ-пашей. Присутствовали при этомъ генералъ Непокійчицкій и я. Минута была торжественна. Тутъ собственно рѣшалась судьба значительной части христіанскаго населенія Европейской Турціи. Рождалась Болгарія!

Когда, подписавъ первымъ свое имя, великій князь передалъ перо Серверъ-пашѣ, и послѣ него очередь дошла до Намыкъ-паши, то старикъ едва могъ побороть свое волненіе. Онъ дрожащею рукой взялъ перо, какъ будто медилъ, и наконецъ невѣрнымъ почеркомъ начерталъ свое имя, а горькая слеза текла по старческой его щекѣ. Великій князь дружески потрепалъ его по плечу, но Намыкъ-паша не могъ выговорить ни слова и только съ чувствомъ пожалъ протянутую ему его высочествомъ руку.

Подписаніе военной конвенціи затянулось еще около часу. Она была очень длинна, надо было провѣрить на картѣ бездну названій, а между тѣмъ главнокомандующій и собравшіеся въ конакѣ офицеры, чувствовавшіе, что происходитъ что-то важное, съ нетерпѣніемъ ожидали окончанія. Въ концѣ коридора уже приготовленъ былъ аналой, и походный причтъ собирался служить благодарственный молебенъ.

Наконецъ все было подписано. Турки уѣхали, и великій князь, выйдя въ коридоръ, звучнымъ голосомъ объявилъ собравшимся о прекращеніи военныхъ дѣйствій и подписаніи перемирія. Громкое, горячее, чистосердечное ура было отвѣтомъ на простыя, но глубоко-прочувствованныя слова главнокомандующаго. Кликъ этотъ подхватили стоявшіе на дворѣ конака солдаты, оттуда онъ перешелъ на улицу и быстро разлился радостнымъ гуломъ до дальнѣйшихъ окраинъ города, прежде чѣмъ турецкіе уполномоченные успѣли еще доѣхать до своего помѣщенія.

Началось молебствіе; всѣ отъ души благодарили Бога за успѣшное, блестящее окончаніе войны, и всѣ стали мечтать о возвращеніи на родину, объ отдыхѣ, о радостяхъ жизни, о всемъ, чего такъ долго были лишены. Но въ глубинѣ сердца чувствовалась какая-то горечь, разочарованіе. Дѣйствительность, какъ ни была она блестяща, не достигала размѣровъ мечтаній и вождельнѣй, которымъ положенъ былъ предѣлъ. Основная задача не была разрѣ-

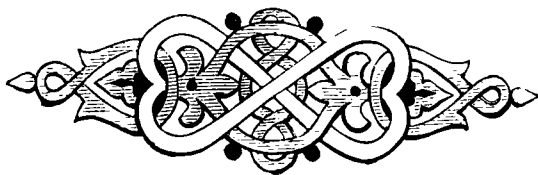
пена; хотѣлось большаго, независимо отъ того, было ли оно возможно и полезно.

Полное удовлетвореніе могли ощущать, когда они о томъ узнали, только болгаре. Имъ создавалось отечество. Они становились самостоятельнымъ народомъ. Мусульманское иго съ нихъ было снято. Турецкія войска удалялись изъ будущаго княжества.

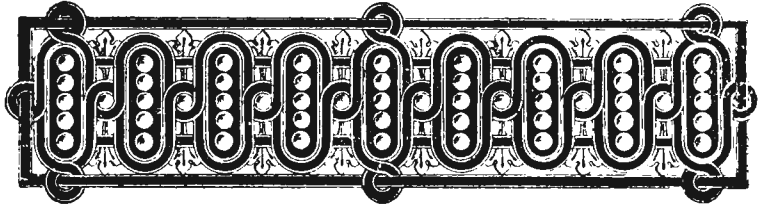
И теперь, когда четверть вѣка спустя, народъ этотъ живетъ самостоятельною жизнью со всѣми ея трудностями, радостями и увлеченіями, когда передъ нимъ широко раскрыта будущность, и судьба его, съ собственныхъ его рукахъ, зависитъ главнымъ образомъ отъ умѣнья направлять, умѣрять и уравнивать свои силы, развивая ихъ подъ сочувственнымъ покровительствомъ тѣхъ, кто понесъ безкорыстныя жертвы за его освобожденіе, теперь болгаре должны съ благодарностью вспоминать о памятномъ днѣ, когда зародилось и впервые признано было ихъ самостоятельное существованіе при подписаніи въ Адрианопольскомъ конакѣ перемирія 19—31 января 1878 года.

**А. Нелидовъ.**

Римъ. Ноябрь 1902 г.







## РОКОВАЯ СПѢВКА.

(Разсказъ).



**И**ТОБЫ постигнуть эту исторію, надо разсказать другую, которая ей предшествовала. Но объ исторіи такъ тѣсно между собой связаны, что одна безъ другой не могли бы случиться.

Если бы не умеръ старый регентъ архіерейскаго хора въ губернскомъ городѣ К., то не былъ бы назначенъ новый. Съ другой стороны, если ужъ пришлось назначить новаго, то, значить, съ старымъ что нибудь случилось. А что могло случиться съ старымъ регентомъ такого, чтобы онъ пересталъ быть старымъ регентомъ и уступилъ бы мѣсто другому?

Дѣйствительно, это такъ и было. Это случилось съ мѣсяцъ тому назадъ. Старый регентъ былъ всему городу извѣстный человѣкъ. Онъ сталъ регентомъ въ тѣ времена, когда самые старые обыватели города были еще молодыми людьми. Само собою разумѣется, что и онъ тогда былъ молодымъ человѣкомъ.

Но раньше этого у него былъ прекрасный басъ, и вдругъ онъ потерялъ его отъ совершенно неизвѣстныхъ причинъ. Иные объясняли это несчастье тѣмъ, что, будучи на праздникѣ Пасхи вмѣстѣ съ хоромъ съ поздравленіемъ у городского головы, купца Вареникова, когда хозяиномъ было предложено хору выпить и закусить, онъ употребилъ во зло какую-то крѣпкую настойку, и ему захотѣлось во что бы то ни стало доказать, что онъ можетъ пѣть не только басомъ, но и теноромъ; и дѣйствительно онъ доказалъ

это, онъ пѣлъ теноромъ, но это ему очень дорого обошлось. Онъ потерялъ басъ, но тенора себѣ не приобрѣлъ.

А такъ какъ онъ былъ хорошии пѣвчій и превосходно зналъ партесное пѣніе и все, что къ нему относится, то и занялъ важный постъ регента, который какъ разъ тогда былъ свободенъ, и съ тѣхъ поръ съ честью отправлялъ эту должность до сѣдѣхъ волосъ.

Безъ сомнѣнія, это не все, что можно сказать про стараго регента. Скоро послѣ потери баса онъ женился и сталъ просить архіерея, чтобъ ему дали дьяконское мѣсто. Для этого не было никакихъ основаній, такъ какъ онъ не прошелъ, какъ слѣдуетъ, даже и перваго класса семинаріи. Но, снисходя къ его музыкальнымъ способностямъ, а также и къ тому, что онъ, женившись, началъ стремительно размножаться, архіерей уважилъ его просьбу, сдѣлалъ его дьякономъ и, чтобы не удалять его отъ собора, назначилъ сверхштатнымъ при соборной церкви. Такимъ образомъ, онъ изъ Пимена Артамоновича, каковымъ былъ до тѣхъ поръ, тогда превратился въ отца Пимена и таковымъ оставался до своей кончины.

Вотъ и вся исторія стараго регента. Можно еще прибавить, что во время его управленія архіерейскимъ хоромъ хоръ этотъ пѣлъ всегда стройно и сладкогласно, а также и то, что при немъ въ губерніи перемѣнилось семь архіереевъ, а въ соборной церкви пять настоятелей, да и многое, очень многое во время его регентства перемѣнилось въ губерніи, а, можетъ быть, и во всей Россіи, а, чего добраго, и во всемъ мірѣ; только онъ этого не зналъ, потому что міровыми вопросами не интересовался, а зналъ лишь то, что относилось къ губернскому городу. А онъ при всѣхъ этихъ перемѣнахъ устоялъ незыблемо, продолжая занимать мѣсто сверхштатнаго дьякона при соборѣ и важный постъ регента архіерейскаго хора.

Послѣднее званіе ему какъ нельзя болѣе шло. Можетъ быть, благодаря долготѣнному пребыванію въ немъ, онъ удивительно приспособился къ нему. Регентъ архіерейскаго хора не такая уже простая должность, какъ, можетъ быть, многіе думаютъ. Онъ представляетъ собою цѣлый хоръ.

Когда на клиросѣ, гдѣ не очень-то много мѣста, всѣ хористы, прижавшись другъ къ другу, стоятъ въ кучѣ, такъ что не разберешь, гдѣ басы, гдѣ тенора, гдѣ дисканты, гдѣ альты, то регентъ выступаетъ впереди всѣхъ, отдѣльно отъ хора, и его можетъ видѣть всякій. И потому недостаточно задавать тонъ и махать руками, давая тактъ; надо еще, чтобы это маханіе не портило церковнаго благолѣпія.

И регентъ отецъ Пименъ махалъ рукою какъ-то необыкновенно благолѣпно. Въ особенности въ мѣстахъ чувствительныхъ его ма-

ханіе какъ бы дополняло собою стройное пѣніе хора и, казалось, не будь здѣсь на видномъ мѣстѣ отца Пимена, и не давай онъ руки, которая, заключенная до кисти въ узенькій рукавъ полукафтаныя, граціозно выступала изъ широкаго рукава рясы, при каждомъ взмахѣ руки ловко подкатывавшагося кверху, а при опусканіи руки опять спускавшагося книзу, — хора какъ бы и не существовало.

Въ случаѣ быстрого пѣнія, напримѣръ, когда исполнялось какое нибудь аллегро въ концертѣ, рука его дѣлала совсѣмъ короткіе размахи, такъ что замѣтить ихъ могли только пѣвчіе, а самъ онъ стоялъ при этомъ неподвижно, какъ будто это былъ не живой человѣкъ, по мановенію котораго хоръ пѣлъ на разные голоса и съ многоразличными перерывами, а высокій свѣтильникъ, въ которомъ горитъ толстая восковая свѣчъ.

Но опять же это еще не все; было у стараго регента отца Пимена еще качество, которое сильно увеличивало значеніе архіерейскаго хора при разныхъ требахъ, куда приглашали его богатые купцы и другого званія именитые люди города.

Когда хоръ призывали пѣть на похоронахъ, онъ, конечно, исполнялъ и соответствующія этому случаю скорбно-торжественныя пѣснопѣнія; но нужно было видѣть въ этихъ случаяхъ стараго регента отца Пимена. Лицо его, обыкновенно добродушное, принимало и печать глубокой скорби, и вся его осанка, величественная и въ то же время грустная, какъ бы говорила: «памятуй всякъ человѣкъ, что рано или поздно ты станешь добычею смерти и превратишься въ прахъ».

И до самаго конца похоронъ, на улицѣ, когда несли покойника, на кладбищѣ, надъ свѣжей могилой, отецъ Пименъ сохранялъ этотъ видъ, и этого нельзя было не цѣнить, и именитые граждане цѣнили, ибо всякій разъ, заплативъ ему условленную сумму на весь хоръ, изъ которой онъ, какъ регентъ, отбиралъ себѣ, разумѣется, львиную часть, ему совали еще отдѣльно красненькую или хоть синенькую бумажку и говорили: «это собственно вамъ, отецъ Пименъ, за благолѣшіе».

Когда же хоръ призывали пѣть на вѣнчаньѣ, тутъ было нѣчто совсѣмъ другое. Отецъ Пименъ смотрѣлъ весело, ясно, улыбался, да такъ, что, глядя на него, и всякій другой хотѣлъ улыбаться. Весь его внѣшній видъ, осанка и все прочее, выражали удовольствіе, счастье, праздникъ. И пріятно было родственникамъ новобрачныхъ и самимъ новобрачнымъ смотрѣть на него, и ему за это, какъ за скорбный видъ на похоронахъ, тоже давали прибавку собственно на его долю.

Ошибочно было бы думать, что у отца Пимена былъ какой нибудь расчетъ, что онъ дѣлалъ все это преднамѣренно. Боже сохрани! Отецъ Пименъ никогда ничего не дѣлалъ преднамѣренно;

а просто у него было такое сочувственное сердце, что онъ очень легко проникался чужою скорбью и чужою радостью. Правда, это у него очень скоро проходило: скорбь — тотчасъ послѣ того, какъ опустили въ землю гробъ, а радость — немедленно послѣ того, какъ женихъ и невѣста поцѣловались и вышли изъ церкви, а въ обоихъ случаяхъ (такъ какъ это всегда совпадало), когда распорядитель радостнаго или печальнаго торжества вручалъ ему ленту.

Но все же мы имѣемъ полное основаніе сказать, что отецъ Пименъ дѣлалъ это безъ всякаго расчета, отъ души. Если же ему за это платили особо, и онъ принималъ, то не могъ же онъ, согласитесь сами, не могъ онъ, будучи разумнымъ человѣкомъ, отказаться отъ того, что уже лежало у него въ рукѣ. Скажите, развѣ вы знаете такого человѣка, который добровольно отказался бы отъ того, что у него лежитъ въ рукѣ? Можетъ быть, и есть такой на свѣтѣ, но намъ не случалось встрѣчать его.

Нельзя не упомянуть еще и о томъ обстоятельстве, что старый регентъ, отецъ Пименъ, при которомъ, какъ мы знаемъ, перемѣнилось семь архіереевъ, сумѣлъ своимъ искуснымъ управленіемъ и хорошимъ пѣніемъ угодить всѣмъ имъ одинаково. А вы думаете, это легко? Нѣтъ, это очень трудно. Архіереи всегда бываютъ добрые и терпѣливые люди, но насчетъ церковнаго пѣнія у нихъ очень строгія требованія. Одинъ, напримѣръ, любитъ, чтобы пѣніе было протяжное, чтобы концы затягивались, а другой подгоняетъ, чтобы оно было быстрое, энергичное, и чтобы концы обрывались. Одинъ добивается, чтобы въ хорѣ непремѣнно была низкая октава, которая сопровождала бы басовъ на всѣхъ путяхъ ихъ и, мало того, когда уже басъ замолчитъ, чтобы она затягивала еще концы. А другой этого терпѣть не можетъ. Отецъ Пименъ все это принималъ въ расчетъ, и всѣ архіереи были довольны.

Скажутъ, что, кромѣ архіереевъ, были еще при немъ пять настоятелей? Но это обстоятельство не имѣетъ никакого значенія, ибо въ соборѣ губернскаго города, гдѣ все подчинено вкусамъ архипастыря, въ дѣлахъ хороваго пѣнія настоятели не имѣютъ никакого голоса. Они много значатъ при дѣлежѣ церковнаго дохода и получаютъ свою часть; они также говорятъ проповѣди, когда это нужно, но до хора не касаются. Поэтому старому регенту, отцу Пимену, не было никакого дѣла до того, какое пѣніе имъ нравится. Протяжное или скорое, съ октавой или безъ октавы.

И вотъ, старый регентъ, отецъ Пименъ, умеръ. Это стало немолчимымъ фактомъ: онъ умеръ, и хоръ остался безъ регента.

Въ первую минуту и хористы и лица, стоящія близко къ этому дѣлу, не находя во главѣ хора отца Пимена, даже растерялись. Такъ привыкли всѣ видѣть отца Пимена на его опредѣленномъ мѣстѣ, что, казалось, съ той минуты, какъ его на этомъ мѣстѣ не будетъ, и хора не будетъ. Какъ будто и голоса всѣ

замерли. И представлялось непонятнымъ, какимъ образомъ теперь первый теноръ, котораго, несмотря на то, что у него было благозвучное имя Филиппъ и фамилія Воздыхаевъ, никто такъ не называлъ, а во вниманіе къ тому, что онъ обладалъ на головѣ и бородѣ волосами огненно-рыжаго цвѣта, всѣ называли «Неопалимой купинѣй», а для краткости просто—«рыжій чортъ», да, такъ представлялось непонятнымъ, какимъ образомъ этотъ теноръ будетъ теперь выводить свое соло. И совершенно не допускали мысли, что октавистъ Федоръ Криволюпаткинъ теперь такъ же, какъ и прежде, будетъ пускать свою крупную картечь, которая подъ высокими сводами соборнаго храма отдавалась, какъ доброе рычаніе царя пустыни, когда онъ сытъ.

Но это было только въ первое время. Когда же, послѣ того, какъ отца Пимена похоронили, было назначено архіерейское служеніе, и осиротѣлый хоръ по долгу службы все-таки стоялъ на клиросѣ, и всѣ занимали свои мѣста, то дѣло вдругъ наладилось само собой, и при томъ самымъ неожиданнымъ образомъ.

Вѣдь собственно давать тонъ и махать рукой не такая уже мудреная вещь, чтобы ее не могъ дѣлать обыкновенный смертный. Другое дѣло разучить что нибудь новенькое, совсѣмъ неизвѣданное. Для этого требуется уже множество талантовъ, которыми всѣмъ обладалъ отецъ Пименъ. Что же касается даванія тона и маханія руками, то для этихъ дѣйствій требуется прежде всего смѣлость. И вотъ въ то время, когда хоръ былъ въ безвыходномъ положеніи, между тѣмъ архіерей уже входилъ въ церковь, и дьяконы, а также иподьяконы, встрѣчали его у порога съ дымящимися кадилами и горящими свѣчами, и хоръ во что бы то ни стало долженъ былъ встрѣтить его торжественнымъ пѣніемъ, безъ чего встрѣча архіерея и сама служба были бы лишены всякаго благолѣпія,—вдругъ хористы услышали среди себя тоненькій тихій голосъ: «до-ми-соль-до-соль-ми-до». И затѣмъ увидѣли также изъ ихъ среды вознесшуюся надъ ихъ головами длинную руку, и всѣ разомъ совершенно согласно запѣли: «ис полла эти деспота», и такимъ образомъ встрѣча архіерея была спасена.

И только, когда уже это было пропѣто, и хористы и другія лица, стоявшія неподалеку отъ клироса, а также по обязанности службы проходившія мимо, разглядѣли, что и тонъ давалъ и рукой махалъ не кто иной, какъ второй теноръ, по фамиліи Словотвердовъ, высокій и тонкій дьячекъ въ узенькомъ полукафтаны, съ странной головой, которая на макушкѣ и ниже, до линіи ушей, была совершенно лысая, а тутъ вдругъ окаймлялась, какъ бы вѣнцомъ сіянія, торчащими въ сторону густыми шелковистыми кудрями. У него нашлась смѣлость дать тонъ и махнуть рукой, и онъ сталъ давать тонъ и махать рукой. И вотъ, сраженный его смѣлостью, хоръ подчинился ему и сталъ пѣть по этому тону и подъ маханіе его руки.

И нужно сказать, что обѣдня отъ начала до конца сошла какъ нельзя лучше, то-есть совсѣмъ безъ запинки. Правда, Словотвердовъ, хотя и былъ очень смѣль, но не рѣшился исполнить какойнибудь сложный концертъ, а пропѣлъ всего только кондакъ; но требовать еще этого было бы уже слишкомъ.

Всѣ были удивлены тѣмъ обстоятельствомъ, что у Словотвердова оказались такія способности. Въ хорѣ онъ ничѣмъ не выдавался. Тенорокъ у него былъ совсѣмъ плохенькій, и пѣлъ онъ, слѣдуя за другими, но пѣлъ давно, лѣтъ уже пятнадцать, и зналъ наизусть рѣшительно все, что пѣлось за эти пятнадцать лѣтъ; а, присмотрѣвшись и прислушавшись къ отцу Пимену, научился и тонъ давать и рукой махать. Но это, говоримъ мы, сумѣлъ бы сдѣлать всякій другой пѣвчій, только у Словотвердова оказалась смѣлость, а у другихъ этого качества не было.

Самъ преосвященный полюбопытствовалъ узнать, кто это управляетъ хоромъ, и, когда узналъ, что это Словотвердовъ, про котораго ему было извѣстно только одно, что онъ любитъ выпить и за это нерѣдко подвергается выговорамъ и штрафамъ, то промолвилъ:

— Ну, скажите ему, что онъ молодецъ!

Разумѣется, Словотвердову это сказали, и онъ, помимо того, что былъ польщенъ, еще основалъ на этомъ пастырскомъ поощреніи нѣкоторыя надежды.

Собственно теперь мы уже почти пришли къ началу нашего разсказа, такъ какъ, хотя хронологически начинается онъ нѣсколько позже, но зерно, изъ котораго получилась трагедія, было посажено именно въ этой надеждѣ, которую Словотвердовъ возложилъ на архіерейское поощреніе, въ надеждѣ, скажемъ мы, недостаточно обоснованной. Изъ этого зерна все и выросло.

Дѣло было такъ. Справившись благополучно съ обѣдней, Словотвердовъ наканунѣ слѣдующаго праздника уже съ нѣкоторымъ правомъ во время всенощной сталъ на мѣстѣ регента и давалъ тонъ и махалъ рукой, не вызывая почти ни въ комъ никакого удивленія. Только иподьяконы, люди молодые и потому вообще отличающіеся веселостью и насмѣшливымъ нравомъ, подмигивали на него и говорили тихонько:

— Гляди, какъ размахался нашъ Словотвердовъ, словно онъ и въ самомъ дѣлѣ чтонибудь понимаетъ!

Потомъ на другой день отошла и обѣдня, Словотвердовъ давалъ тонъ и махалъ рукой; а на недѣлѣ, когда пѣвчіе въ среду, по обыкновенію, собрались въ архіерейскомъ дворѣ на спѣвку, Словотвердовъ, уже вполне войдя въ роль регента, явился уже съ нѣкоторымъ опозданіемъ, что искони составляло регентское право, и сѣлъ за длинный столъ, на скамью, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, бывало, сиживалъ отецъ Пимень.

Пѣвчіе, видя, такъ сказать, роковую необходимость, покорились, собрались вокругъ стола и пѣли подъ руководствомъ Словотвердова. Надо сказать, однако, что пѣли они все старыя вещи, давно изученныя при покойномъ отцѣ Пименѣ, и потому никакихъ особенныхъ эпизодовъ не произошло.

А когда прошло двѣ недѣли со времени кончины стараго регента, Словотвердовъ ходилъ уже козыремъ и требовалъ для себя всѣхъ почестей, присвоенныхъ регенту, а также осуществлялъ всѣ права, принадлежащія этой должности, а именно: октависта Федора Криволюпаткина, человѣка смирнаго и безотвѣтнаго, сталъ называть «ты», а дискантовъ и альтовъ безъ всякаго повода съ ихъ стороны началъ драть за уши и щипать за затылокъ.

И все было бы хорошо, если бы одно не было плоховато. До сихъ поръ со стороны архіерея не послѣдовало никакого не только приказа о бытіи ему регентомъ, но даже простого мнѣнія на этотъ счетъ не было выражено, и вообще высшія сферы молчали. Это безпокоило Словотвердова.

Дѣло въ томъ, что, помимо самолюбія, которое этимъ, разумѣется, изрядно было задѣто, у него была еще довольно многочисленная семья, и потому изрядный доходъ, выпадавшій на долю регента, съ которымъ не могла итти въ сравненіе жалкая доля, получаемая вторымъ теноромъ, сильно соблазнялъ его.

И вотъ, чтобы разрѣшить это недоумѣніе, Словотвердовъ послѣ спѣвки отправился къ отцу эконому, іеромонаху, который зналъ, конечно, всѣ дѣла лучше самого архіерея.

— А, — сказалъ экономъ, увидѣвъ его, — Словотвердовъ! Очень пріятно! Что же, продолжаете управлять хоромъ?

— Отчего же мнѣ не продолжать, отецъ экономъ! Сами видите, дѣло идетъ, какъ по маслу. Вѣдь даже и преосвященный владыка похвалилъ, — сказалъ, что я молодецъ!

— Вѣрно, похвалилъ, я самъ и передавалъ вамъ это.

— Какъ же, я знаю, отецъ экономъ; а только я... я хотѣлъ просить у васъ совѣта...

— Что-жъ, я готовъ, чѣмъ могу...

— Да вотъ собственно насчетъ этого самаго, насчетъ регентства!

— А что же именно?

— Какъ то-есть мнѣ быть теперь? Сами говорите, и преосвященный сказалъ, что молодецъ тамъ и прочее... А распоряженія никакого нѣтъ...

— Какого же вамъ распоряженія? Вы управляете хоромъ, вотъ и все...

— Такъ нельзя. Какое же это управленіе, когда никакого приказа... Если ты регентъ, такъ надо, чтобы назначеніе было, а то теперь мнѣ всякій можетъ сказать: на какомъ основаніи ты, молъ,

тонъ задаешь? Какой ты, дескать, регентъ? Этакъ и я могу рукой замахать, такъ и я буду регентъ... Такіе охотники найдутся, сколько угодно!

— А вы, Словотвердовъ, какъ же воображаете? Вы думаете, что и останетесь регентомъ?

— Почему же мнѣ и не остаться, отецъ экономъ? Дѣло идетъ хорошо...

— Я и не говорю, что худо. Только, видите ли, Словотвердовъ, какой же вы собственно регентъ?

— Какъ же это, отецъ экономъ? Почему же я не регентъ? Хоръ поетъ, всѣ слышали, что поетъ онъ безъ запинки! А управляетъ не кто другой, какъ я... Слѣдовательно, почему же я не регентъ?

— Да оттого именно вы не регентъ, Словотвердовъ, что вы не регентъ! Вѣдь вы-жъ никогда этому не учились.

— Бываетъ, что иной учится, да ничего изъ этого не выходитъ, а другому отъ Бога дается. Я хочу васъ вотъ о чемъ просить, отецъ экономъ: какъ бы это вы мнѣ устроили, чтобы я могъ преосвященному владыкѣ докладъ сдѣлать!..

— Устроить это можно, Словотвердовъ, но только это будетъ напрасно.

— Отчего же напрасно?

— А оттого напрасно, что, по распоряженію преосвященнаго владыки, уже давно, на другой день послѣ того, какъ скончался отецъ Пимень, регентъ выписанъ изъ Петербурга, изъ капеллы!

— Выписанъ?—промолвилъ Словотвердовъ, и глаза его какъ-то остановились и уперлись въ отца эконома. — Какъ же это такъ? Зачѣмъ же выписанъ регентъ?

— Очень просто: такъ какъ регентъ старый умеръ, то новаго выписали изъ капеллы.

— Изъ капеллы!.. Гм!.. Изъ капеллы!—задумчиво сказалъ Словотвердовъ, и послѣ этого сообщенія, которое къ тому же лишило его всякой энергіи, онъ нашелъ излишнимъ продолжать переговоры съ отцомъ экономомъ. Онъ только прибавилъ:—ну, такъ прощайте, отецъ экономъ!—и отошелъ.

Онъ пошелъ домой, но всю дорогу не могъ ни о чемъ другомъ думать, какъ только о новости, которую сейчасъ узналъ: «изъ капеллы! изъ капеллы!»—твердилъ онъ самъ себѣ, и это слово производило на него странное впечатлѣніе: оно казалось ему страшнымъ, въ родѣ такихъ словъ, какъ ядъ, отравы, змѣя, вѣдьма, и пугало его.

Въ сущности Словотвердовъ, хотя и не совершенно ясно, но все представлялъ себѣ, что такое капелла. Онъ зналъ, что это—учрежденіе, въ которомъ люди учатся разнымъ музыкальнымъ познаніямъ, и изъ котораго выходятъ регенты. И тѣмъ не менѣе самое слово для его слуха заключало въ себѣ что-то отталкивающее.



Онъ пошелъ домой и сильно затосковалъ. Извѣстіе такъ сразило его, что въ первое время онъ даже хорошенько не могъ сообразить своего положенія.

Но черезъ два дня послѣ этого событія стало извѣстно, что дѣйствительно изъ капеллы пріѣхалъ новый регентъ. Многіе хористы уже его видѣли, хотя онъ еще не вступилъ въ отправленіе своей должности, и всѣ были недовольны его наружностью. Онъ былъ совѣтъ еще молодой человѣкъ, съ едва пробивающимися усиками, безбородый, бѣлобрысый, съ чрезвычайно кроткимъ выраженіемъ лица, съ тихими спокойными голубыми глазами. Роста онъ былъ небольшого, худенькій и весь какой-то миниатюрный.

Одежда его не представляла ничего замѣчательнаго, но по сравненію, напримѣръ, съ октавистомъ Федоромъ Криволюпаткинымъ онъ, конечно, былъ настоящимъ франтомъ. Въ то время, какъ Криволюпаткинъ носилъ узенькія коротенькія брючки и какой-то совершенно невѣроятнаго фасона пиджакъ, края котораго вовсе не сходились на груди, хотя онъ не былъ толстъ, новый регентъ былъ одѣтъ въ весьма приличную пиджачную пару, на головѣ носилъ тоже вполне приличнаго фасона котелокъ, а для торжественныхъ случаевъ привезъ съ собою также и черный сюртукъ. Фамилія его была Полупудовъ. Ничего особеннаго не заключалось въ этой фамиліи, ни дурного, ни хорошаго, но пѣвчіе, которые сразу отнесли къ нему неодобрительно и съ перваго же свиданія дали ему прозвище «паршивенькаго регента», нашли въ этой фамиліи матеріалъ для своего остроумія и говорили, что онъ «не полупудовъ, а только всего полупунтовъ».

Регентъ заявился эконому и представился архіерею, и, казалось, послѣ этого губернскому городу надлежало бы только радоваться, что во главѣ хора архіерейскаго стоитъ лицо компетентное, присланное изъ капеллы.

Можетъ быть, губернской городъ и въ самомъ дѣлѣ радовался, но не весь. По крайней мѣрѣ, можно сказать съ увѣренностью, что одинъ человѣкъ изъ числа обывателей этого города не только не радовался, а даже злобствовалъ. Это, конечно, былъ Словотвердовъ.

Когда онъ взглянулъ на Полупудова, то почему-то съ величайшимъ убѣжденіемъ сказалъ:—Нѣтъ, онъ не можетъ. Не можетъ онъ управлять хоромъ! Гдѣ ему противъ меня!

Трудно рѣшить, что служило Словотвердову основаніемъ для такого убѣжденія. Но вѣрно, что онъ дѣйствительно былъ убѣжденъ въ томъ, что Полупудовъ противъ него не можетъ, и что регента изъ него не выйдетъ.

Это обстоятельство значительно поощрило его. Умъ его, не задолго передъ этимъ сильно подавленный сообщеніемъ отца эконома, теперь вдругъ воспрянулъ и началъ ковать ковы. Словотвердовъ рѣшилъ во всякомъ случаѣ не сидѣть, сложа руки, и

обдумалъ цѣлый планъ агитаціи. Однако-жъ не пускалъ въ ходъ своихъ подкоповъ, такъ какъ, основываясь на глубокомъ убѣжденіи, что Полупудовъ «не можетъ», онъ ждалъ, что вновь назначенный регентъ самъ собой падеть.

Мы можемъ засвидѣтельствовать, что убѣжденіе это было дѣйствительно вполнѣ искренно, и основывалось оно главнымъ образомъ на томъ, что Полупудовъ—такой маленькій, незначительный, что его можно сбить однимъ щелчкомъ и ногтемъ раздавить.

Между тѣмъ Полупудовъ вступилъ въ должность. Вступленіе его пока не было ознаменовано никакими торжественными дѣйствіями, но все же хористамъ стало извѣстно, что онъ замышляетъ нѣкоторыя нововведенія. Такъ, онъ тщательно осмотрѣлъ скрипку, на которой столько лѣтъ игралъ отецъ Пиментъ, и нашелъ, что струны на ней никуда не годятся, потребовалъ, чтобы были куплены новыя, а также забраковалъ и смычекъ. Но этого мало. Его страсть къ нововведеніямъ грозила превзойти всякія границы. Онъ объявилъ эконому, что одной скрипкой обходиться ему затруднительно, и что ему нужна еще фисгармонія.

— Какая еще тамъ фисгармонія?—сказалъ экономъ, который терпѣть не могъ всякихъ излишнихъ расходовъ.

— Фисгармонія—совершенно необходимый инструментъ!—очень серьезно объяснилъ Полупудовъ.—Теперь она введена во всѣхъ порядочныхъ хорахъ.

— Да вѣдь скрипка же у васъ есть, зачѣмъ же вамъ еще этотъ инструментъ?

— Одной скрипки недостаточно. На скрипкѣ я могу показать одному, двумъ голосамъ, а фисгармонія даетъ мнѣ возможность разомъ изображать цѣлый хоръ.

— Гм! По-моему, это совершенно лишнее. Во всякомъ случаѣ я не могу самъ разрѣшить этотъ расходъ, придется доложить преосвященному.

И экономъ съ довольно кислой миной отправился къ преосвященному, чтобы доложить о требованіяхъ новаго регента. Къ его полному неудовольствію, преосвященный сейчасъ же понялъ и одобрилъ это требованіе и разрѣшилъ произвести расходъ. Онъ любилъ музыку, и его даже порадовало, что новый регентъ такъ заботливо относится къ своему дѣлу.

Словотвердовъ узналъ обо всемъ этомъ раньше другихъ. Онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ архіерейскимъ келейникомъ, молодымъ человѣкомъ въ черномъ полукафтанѣ, чрезвычайно гордившимся своими необычайными шелковистыми кудрями. Келейникъ имѣлъ большой успѣхъ среди соборныхъ прихожанокъ, и мѣщанскія дѣвицы, молясь въ соборной церкви, въ то же время вздыхали и по его адресу. Какъ бы то ни было, а Словотвердовъ, узнавъ о новшествахъ, предложенныхъ новымъ регентомъ, и о томъ,

что архіерей отнесся къ нимъ благосклонно, ясно увидѣлъ, что Полупудовъ видимо укрѣпляется въ своей должности.

Наконецъ, произошла пробная спѣвка; такъ какъ Словотвердовъ до этихъ поръ еще не пускалъ въ ходъ свои подковы, то она въ сущности прошла недурно. Но все же произошли нѣкоторыя вещи, которыя, хотя и не касались лично хористовъ, тѣмъ не менѣе вызвали въ ихъ средѣ глухое недовольство.

Полупудовъ, желая просто испробовать хоръ и не задаваясь никакими широкими планами, на этотъ разъ попросилъ спѣть самое простое пѣснопѣіе, которое поется обыкновенно на всенощной, и хоръ спѣлъ ему: «Благослови, душе моя, Господа».

Хоръ спѣлъ отъ начала до конца, и Полупудовъ ни разу не остановилъ его, но только внимательно вслушивался, а затѣмъ сказалъ:

— Хоръ хорошій. Пѣіе стройное и голоса недурные... А только поется это неправильно.

И началъ объяснять, въ чемъ заключается неправильность, и какъ собственно надо пѣть. И выходило такъ, что тамъ, гдѣ хоръ пѣлъ пьяно, надо пѣть форте, и наоборотъ — тамъ, гдѣ онъ пѣлъ форте, надо пьяно.

— А почему же оно такъ?—спросилъ Словотвердовъ въ то время, когда весь хоръ молчалъ.

— А это я вамъ объясню,—кратко отвѣтилъ Полупудовъ и началъ объяснять. Онъ объяснялъ дѣло по существу, и именно тамъ, гдѣ выражалось чувство сильное и торжественное, онъ требовалъ, чтобы пѣіе было громкое; тамъ же, гдѣ чувства были болѣе нѣжныя или грустныя, надо было пѣть тихо. Все это было убѣдительно, но, какъ всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, никого не убѣдило. Все-таки хоръ былъ недоволенъ.

Разумѣется, недовольство это стало выражаться уже, когда спѣвка кончилась, и когда Полупудова не было въ средѣ хористовъ. Вспоминали объ отцѣ Пименѣ и говорили:

— Гм! Вотъ тоже нашелся нововводитель... Ужъ, кажется, отецъ Пименъ былъ человѣкъ понимающій, а между прочимъ этого не находилъ... При немъ двадцать пять лѣтъ пѣли все одинаково, и никто ничего не говорилъ, а этотъ вдругъ изъ капеллы приѣхалъ, такъ ужъ думаетъ, что можетъ все перевернуть...

Но суть недовольства заключалась не въ этомъ, а главнымъ образомъ въ томъ, что у Полупудова едва только пробивались усики, а бороды совсѣмъ не было, а ростомъ онъ былъ маленькій, и выраженіе лица у него было кроткое. И это была единственная причина, почему басы смотрѣли на него исподлобья, а тенора, хотя и оказывали ему почтительность, при встрѣчѣ съ нимъ уступая дорогу и лѣтя ему на словахъ, но дѣлали это неискренно, въ душѣ питая противъ него недовольство.

Послѣ этой спѣвки Словотвердовъ пришелъ къ заключенію, что дальше такъ сидѣть, сложа руки, нельзя, что Полупудовъ можетъ окончательно укрѣпиться, и тогда ему уже не будетъ никакого хода. Поэтому онъ прежде всего началъ давать дурные отзывы о своемъ соперникѣ. Онъ презрительно говорилъ о фисгармоніи, которую уже принесли и поставили въ спѣвочной, о новыхъ струнахъ. — Что же это за регентъ, который безъ фисгармоніи не можетъ? И опять же выходитъ, что онъ только на новыхъ струнахъ играть умѣетъ, а на старыхъ нѣтъ...

Затѣмъ онъ приступилъ уже къ дѣйствіямъ. Агитація его была, такъ сказать, частичная; онъ очень хорошо понималъ, что ввести въ свой заговоръ весь хоръ опасно, да и бесполезно. Поэтому онъ ограничился тѣмъ, что на первое время зазвалъ къ себѣ въ гости октависта Федора Криволюпаткина и второго тенора. Зазвалъ онъ къ себѣ ихъ безъ всякой причины, просто такъ, поболтать и предложилъ имъ выпивку и закуску. Оба были охотниками до этого дѣла, и Словотвердовъ, конечно, это имѣлъ въ виду.

Разумѣется, Словотвердовъ сейчасъ же началъ разговоръ про новаго регента, стараясь вызвать въ нихъ сочувствіе къ самому себѣ и недовольство къ нему. Онъ говорилъ:

— Позвольте! мы, кажется, люди взрослые! тебѣ, напримѣръ, Федоръ, за сорокъ лѣтъ, а и мнѣ не меньше, и вдругъ намъ даютъ какого-то мальчишку... Мы ему, можно сказать, въ отцы годимся, а выходитъ, что онъ нами управлять будетъ. Вѣдь, это прямо обидно! Что онъ можетъ понимать? На скрипкѣ пилить? эка важность! или тамъ на этой фисгармоніи наяриваетъ!. Нѣтъ, ты вотъ безъ скрипки обучи хоръ, такъ это я понимаю. Это дѣйствительно значить человѣкъ съ толкомъ, а со скрипкой да съ фисгармоніей всякій сумѣетъ!

Ни октавистъ, ни второй теноръ не возражали ему, а напротивъ усердно поддакивали. Дѣло въ томъ, что октавистъ всегда и во всемъ соглашался съ тѣмъ человѣкомъ, который съ нимъ говорилъ. Есть люди, удивительные люди, во всѣхъ отношеніяхъ обойденные природой. Наружность у нихъ нелѣпая, ума никакого, талантовъ ни малѣйшихъ, и пропали бы они безслѣдно, если бы природа въ возмѣщеніе всѣхъ этихъ обидъ не дала имъ какой нибудь особенный даръ, съ перваго взгляда даже ничего не стоящій, но при особыхъ обстоятельствахъ весьма пригодный. Этотъ даръ они и пускаютъ въ ходъ, онъ ихъ и кормить и поить, и только, благодаря ему, они получаютъ право на мѣсто въ природѣ.

Таковъ былъ октавистъ Федоръ Криволюпаткинъ. У него былъ тоже даръ. Никто бы не сказалъ, что у него есть голосъ. Пѣть что бы то ни было тѣмъ голосомъ, которымъ онъ обладалъ, не было никакой возможности; но глотка его была такъ странно устроена, что онъ могъ зарываться въ какіе угодно самыя безконечныя низы

и копать тамъ, издавая рычаніе. Отдѣльно это было невыносимо, но въ хорѣ представляло пріятное дополненіе. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ это былъ человѣкъ вполнѣ незначительный.

Что же касается второго тенора, то онъ соглашался съ Словотвердовымъ не такъ ужъ попросту, а имѣя въ виду нѣкоторый планъ, именно—онъ надѣялся, что въ случаѣ, если Словотвердовъ выиграетъ дѣло, то онъ сдѣлается изъ второго первымъ теноромъ.

Были выпиты по порядку первая, вторая и третья рюмки, и до этого момента разговоръ имѣлъ общій характеръ, но послѣ четвертой рюмки онъ принялъ отгѣнокъ болѣе интимный, и потому содержаніе той части разговора, которая была послѣ четвертой рюмки, мы не считаемъ себя въ правѣ обнародовать. Можно только сказать, что произошло соглашеніе, и что октавистъ и второй теноръ вышли отъ Словотвердова его сторонниками, готовыми оказывать ему содѣйствіе.

Но этимъ нельзя было ограничиться, ибо, кромѣ басовъ и теноровъ, существовали еще альты и дисканты. Словотвердовъ поималъ на соборномъ дворѣ игравшаго въ бабки альта Панибратова, величайшаго сорванца, который давно уже былъ на худомъ счету у начальства. Къ нему онъ приступилъ прямо.

— Хочешь орѣховъ?—спросилъ онъ у него.

Тотъ, разумѣется, хотѣлъ, тотчасъ же оставилъ бабки и побѣждалъ вслѣдъ за Словотвердовымъ, а Словотвердовъ еще прибавилъ:

— Я тебѣ еще и пять копеекъ дамъ!

Послѣ этого всѣ симпатіи Панибратова были уже на сторонѣ Словотвердова. Поэтому, когда Словотвердовъ спросилъ его: а регентъ новый тебѣ нравится? то Панибратовъ, хотя и несовѣмъ увѣренно, отвѣтилъ: н-нѣтъ!.. не нравится!—хотя ему было все равно, и онъ объ этомъ даже не думалъ до сихъ поръ.

Словотвердовъ призвалъ его къ себѣ въ домъ, далъ ему орѣховъ и пять копеекъ, и затѣмъ между ними послѣдовалъ тоже интимный разговоръ. Отпуская его, Словотвердовъ сказалъ:

— А ты поговори еще съ Булкинымъ, онъ тоже славный мальчикъ, я тоже и ему пять копеекъ дамъ...

Булкинъ былъ дискантъ, по характеру подходилъ къ Панибратову, и Словотвердовъ все это имѣлъ въ виду и выбиралъ людей съ толкомъ.

Вторая спѣвка подъ управленіемъ новаго регента была назначена въ пятницу. Всѣ собрались и заняли свои мѣста.

Спѣвочная помѣщалась посрединѣ архіерейскаго двора. Это было совершенно отдѣльное небольшое зданіе, выстроенное очень давно для неизвѣстной цѣли и оказавшееся очень пригоднымъ для спѣвокъ. Оно состояло всего изъ одной большой комнаты съ широчайшимъ венеціанскимъ окномъ, которое выходило въ садъ, съ очень высокимъ потолкомъ. Отъ двери почти до самаго окна тя-

пулся длинный узкій столъ. Вдоль его сидѣли альты и дисканты, со стороны окна тенора, а со стороны двери занимали мѣста басы. Противъ мальчиковъ всю длинную скамейку занималъ регентъ, то есть онъ занималъ только небольшое мѣсто на этой скамейкѣ, но на остальныхъ мѣстахъ уже никто не могъ садиться, она вся принадлежала ему. Передъ нимъ лежала партитура и скрипка со смычкомъ. А за спиной его, прислоненная къ стѣнѣ, стояла фисгармонія, на которую всѣ смотрѣли съ недоумѣніемъ и недоувѣріемъ, такъ какъ никто изъ хористовъ до сихъ доръ не видалъ такого инструмента.

Можно было замѣтить, что передъ спѣвкой Словотвердовъ находился въ какомъ-то нервномъ оживленіи, все куда-то посматривалъ, кому-то подмигивалъ, очень много говорилъ и смѣялся. Ѳедоръ Криволюпаткинъ смотрѣлъ какъ-то стыдливо, точно только что передъ этимъ сдѣлалъ что нибудь непозволительное. Второй теноръ сохранялъ на лицѣ выраженіе непроницаемости. Онъ все-таки далеко не былъ увѣренъ въ томъ, что кампанія удался, и потому на всякій случай не проявлялъ напередъ никакихъ чувствъ. Что же касается до альты Панибратова и дисканта Булкина, который не отказался отъ пяти копеекъ, то они все время перемгивались между собой.

Словотвердовъ съ лицемѣрно почтительной улыбкой обратился къ Полупудову и спросилъ:

— Какія ноты прикажете взять? Что будемъ пѣть?

Полупудовъ подумавши объяснилъ ему, что намѣренъ предложить повтореніе «Милость мира» № 3. Пѣснопѣніе это давно было извѣстно пѣвчимъ. Они его знали наизусть, тѣмъ не менѣе Словотвердовъ роздалъ всѣмъ ноты. Вообще, къ удивленію пѣвчихъ, онъ былъ чрезвычайно услужливъ и всячески старался облегчить новаго регента.

Начали пѣть. Сперва все шло, какъ слѣдуетъ, но на седьмомъ тактѣ вдругъ сильно зарѣзнилъ теноръ.

Полупудовъ застучалъ по столу камертономъ и остановилъ хоръ. Онъ взялъ скрипку и сыгралъ на ней теноровую партію въ этомъ мѣстѣ. Потомъ начали пѣть дальше; не протянулось и три такта, какъ дисканты заколебались и вдругъ свернули куда-то въ сторону. Пришлось опять остановиться. Полупудовъ поднялся, подошелъ къ дискантамъ и надъ самыми ихъ ушами наигралъ на скрипкѣ ихъ партію. Когда же опять начали пѣть, то оказалось, что октавистъ заѣхалъ куда-то совсѣмъ не въ то мѣсто, сбиль басовъ, и они всѣ въѣхали въ другой тонъ. Всѣ разомъ остановились.

Полупудовъ положилъ скрипку и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на всѣхъ хористовъ.

— Вы развѣ никогда не пѣли этого?—спросилъ онъ.

— Какъ не пѣли?—отвѣтили ему:—тысячу разъ пѣли и даже наизусть.

— Странно...

Начали опять сначала. На этотъ разъ альты сбились, пришлось опять остановиться. Полупудовъ присаживался къ фисгармоніи, игралъ за цѣлый хоръ, опять начинали, и опять то альтъ, то дискантъ, то теноръ, то басъ сбивалъ всѣхъ съ тона. У Полупудова уже потъ появился на лбу. Онъ бился добрыхъ три часа и ничего не добился.

Спѣвку пришлось кончить. Полупудовъ ушелъ совершенно разстроенный.— Вотъ такъ регентъ!— говорилъ послѣ его ухода Словотвердовъ.— Съ такимъ регентомъ и «Господи помилуй» не споешь! Это, должно быть, онъ своими новыми струнами сбиваетъ, либо вотъ этой фисгармоніей!

Надо, однако, сказать, что эти выходки со стороны Словотвердова не встрѣтили сочувствія у другихъ хористовъ. Тѣ очень хорошо понимали, что тутъ дѣло не чисто. Очень ужъ извѣстное пѣснопѣніе было выбрано. И недавно еще, даже подъ управленіемъ Словотвердова, оно было пропѣто безъ малѣйшей ошибки.

Но Словотвердовъ торжествовалъ. Онъ вышелъ во дворъ, увидѣлъ тамъ эконома, подошелъ къ нему и сейчасъ же заговорилъ о регентѣ.

— Я говорилъ, отецъ экономъ, что этотъ вашъ молокососъ изъ капеллы никуда не годится!

— А что такое?—спросилъ экономъ.

— Да такъ. Вотъ сейчасъ на спѣвкѣ начали пѣть «Милость мира» № 3. Никакъ не идетъ! Три часа бились и не могли спѣться. Какой же это регентъ? А еще со скрипкой да съ фисгармоніей...

— Этого не можетъ быть!— сказалъ экономъ.— Я знаю, что Полупудовъ хорошій регентъ. Его рекомендовало намъ одно важное лицо въ Петербургѣ.

— Э, важное лицо... Да вѣдь важное лицо въ этомъ дѣлѣ понимать не можетъ. А тутъ всякій видитъ, выходитъ дѣло или не выходитъ. Вѣдь вотъ у меня пѣли безъ запинки, а у него сейчасъ же и сбились...

Въ это время изъ дома вышелъ Полупудовъ, который временно жилъ въ архіерейскомъ домѣ. Можно было замѣтить, что въ Словотвердовѣ сейчасъ же произошла перемѣна. Онъ почтительно приподнял шляпу и даже безъ всякой нужды, такъ какъ только что видѣлся съ регентомъ, поклонился ему.

— Что у васъ тамъ вышло?— обратился къ Полупудову экономъ.— Пѣвчіе сбиваются, что ли?

— Да, неудача...

— Маленько сбились!— совсѣмъ почтительно присовокупилъ Словотвердовъ и прибавилъ:— Э, да ничего, это обойдется. Конечно, на первое время. Мы привыкли къ отцу Пимену. А затѣмъ привыкнемъ и къ вамъ,

Въ воскресенье была обѣдня, и хоръ подь управленіемъ Полупудова пѣлъ вполне исправно до херувимской пѣсни. Но какъ только начали пѣть эту пѣсню, Словотвердовъ незамѣтно подмигнулъ альту, и сейчасъ же произошло замѣшательство. Альтъ Панибратовъ потянулъ всѣхъ своихъ товарищей въ верхній тонъ, альты пагубно повліяли на дискантовъ, и херувимскую пѣсню еле-еле кончили.

Результатомъ этого было то, что въ этотъ день Полупудовъ былъ призванъ къ архіерею.

— Что такое значитъ? — спрашивалъ архіерей. — Никогда мои пѣвчіе прежде не сбивались.

— Я не понимаю, что это значитъ! — отвѣтилъ Полупудовъ, который въ самомъ дѣлѣ никакъ не могъ объяснить себѣ этого несчастья.

Тогда были призваны первый басъ и первый теноръ, архіерей ихъ спрашивалъ, но и они отозвались непониманіемъ. Пришлось окончательное рѣшеніе отложить до слѣдующаго случая. Но архіерею начала приходить мысль о томъ, что, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Полупудовъ, какъ регентъ, никуда не годится.

И вотъ въ это время къ архіерею пришелъ экономъ и сказалъ:

— Я полагаю, ваше преосвященство, что тутъ дѣло несовѣсѣмъ чисто.

— Какъ не чисто? — спросилъ архіерей.

— Полагаю я, что дѣло идетъ со стороны Словотвердова. Очень ужъ онъ хулилъ мнѣ новаго регента, и думаю я, что были мѣропріятія.

— Какія же это мѣропріятія?

— Умышленность, ваше преосвященство! Умышленно сбиваются, подговоръ!

— Ты думаешь, онъ на это способенъ?

— Да отчего же? Ему хочется быть регентомъ. Регентомъ быть лучше, чѣмъ вторымъ теноромъ.

— Это правдоподобно...

И архіерей, принявъ это къ свѣдѣнію, однако жъ съ своей стороны пока не принялъ никакихъ мѣръ. На слѣдующей недѣлѣ произошла та роковая спѣвка, которая собственно и служитъ предметомъ настоящаго повѣствованія. Полупудовъ, желая провѣрить и свои способности и познанія хора, взялъ ту же самую херувимскую пѣсню, на которой пѣвчіе сбились въ воскресенье. Словотвердовъ, разумѣется, не дремалъ и весьма тонкими взглядами поощрялъ соучастниковъ своего заговора, и пѣвчіе начали на каждомъ шагу сбиваться. Провозившись больше часу, Полупудовъ вдругъ положилъ передъ собой скрипку и смычекъ и сказалъ какимъ-то необыкновенно кроткимъ и въ то же время подавленнымъ голосомъ, выразившимъ полную покорность судьбѣ.



— Что жъ, видно, я дѣйствительно никуда не гожусь! Въ капеллѣ я управлялъ хоромъ въ восемьдесятъ человѣкъ, когда главный регентъ отсутствовалъ, а тутъ, видно, не гожусь!

И такъ трогательно звучалъ его голосъ, когда онъ говорилъ эти слова, что октавистъ Ѳедоръ Криволюпаткинъ почувствовалъ, какъ у него внутри что-то дрогнуло, и чуть было не сказалъ:

— Господинъ Полупудовъ! погодите! не уходите! Вѣдь это я сбиль всѣхъ въ херувимской пѣснѣ, да вотъ еще теноръ Бороздухинъ, да альтъ Панибратовъ, да дискантъ Булкинъ...

Но онъ этого не сказалъ, потому что Словотвердовъ въ это время смотрѣлъ на него такимъ крѣпкимъ и выразительнымъ взглядомъ, который могъ бы сдержать и не такую слабую волю, какая была у октависта.

Полупудовъ вышелъ изъ спѣвочной, а пѣвчіе всѣ замерли въ молчаніи. Но прошло съ минуту, и всѣ заговорили: — Нѣтъ, это что жъ, это даже безсовѣстно! — глухо говорили басы: — вѣдь это явно нарочно дѣлается! Вѣдь это всякаго можно сбить.

— Кто его сбиваетъ?—возражалъ на это Словотвердовъ.—Самъ онъ сбиваетъ всѣхъ, а не его сбиваютъ.

Архіерей какъ разъ въ это время гулялъ во дворѣ, что онъ дѣлалъ довольно часто; но сегодня онъ нарочно вышелъ какъ разъ въ то время, когда происходила спѣвка. Полупудовъ, удрученный сознаниемъ своей неспособности, направился къ нему съ самыми рѣшительными намѣреніями.

— Ваше преосвященство, — сказалъ онъ, — прошу васъ отпустить меня обратно!

— Это почему?—спросилъ архіерей.

— Такъ, ничего не выходитъ... Пѣвчіе у меня сбиваются... Должно быть, я плохой регентъ, ваше преосвященство.

— Ну, погоди еще... Это мы посмотримъ... Вотъ я пойду въ спѣвочную и посмотрю, будутъ ли они и при мнѣ сбиваться.

И вотъ, въ то время, когда пѣвчіе, довольно долго недоумѣвавшіе, какъ имъ поступить, готовы были уже разойтись, вдругъ въ спѣвочную вошелъ самъ архіерей, а позади его шелъ и Полупудовъ.

— Ну, пусть-ка пропоютъ херувимскую!—сказалъ архіерей:— я хочу послушать. Я знаю, что у меня былъ хорошій хоръ, а теперь вижу, что онъ испортился, сбиваться сталъ; такъ вотъ я и хочу самъ послушать...

Полупудовъ опять занялъ свое мѣсто, задалъ тонъ; пѣвчіе взяли ноты въ руки, выпрямились, и у всѣхъ были необыкновенно внимательныя и даже нѣсколько поблѣднѣвшія лица. Всѣ боялись архіерея, и каждому казалось, что онъ, присутствуя здѣсь, смотритъ прямо въ его душу и видитъ все. Раздались тихіе протяжные звуки. Полупудовъ управлялъ, а хоръ пѣлъ и пѣлъ великолѣпно и допѣлъ

всю херувимскую пѣсню до конца безъ малѣйшей запинки. И ни одинъ изъ заговорщиковъ не рѣшился въ присутствіи архіерея срѣзаться.

— Ага!—сказалъ преосвященный, когда пѣніе было кончено:— выходить, что хоръ хорошъ, да и регентъ недуренъ... А слѣдовательно въ стадѣ овецъ завелись волки... Ну, это надо разслѣдовать!..

И такъ строго звучалъ его голосъ,—потому что онъ дѣйствительно былъ возмущенъ, — что у мальчиковъ дрожали ноги отъ страха, и вдругъ среди глубокаго молчанія раздался плачь дисканта Будкина, который, чувствуя себя виновнымъ, струсилъ больше всѣхъ.

— Это я не отъ себя, ваше преосвященство! — молвилъ Будкинъ:—это меня Панибратовъ научилъ!

— Вотъ и великолѣбно! — сказалъ преосвященный: — а Панибратова кто научилъ?

— А меня Словотвердовъ научилъ!—сказалъ Панибратовъ, которому казалось, что этимъ онъ снимаетъ съ себя всякую вину.

— И это прекрасно!—промолвилъ архіерей.—Ну, а еще кто желаетъ откликнуться?

— Ваше преосвященство!—вдругъ низайшей громовой октавой выпалилъ Федоръ Криволаткинъ, который теперь уже не могъ бороться съ угрызениями совѣсти,—виновать. Это дѣйствительно было подстроено! Словотвердовъ подстроилъ это! и я участвовалъ!.. По его просьбѣ, ваше преосвященство...

Положеніе Словотвердова было ужасно. Онъ стоялъ блѣдный и дрожащій и, если бы даже у него нашлись какія нибудь слова въ свое оправданіе, то онъ не былъ бы въ состояніи произнести ихъ отъ страха.

— Словотвердовъ! ступай за мной!—строго сказалъ архіерей.

И повернулъ къ выходу, а Словотвердовъ, чувствуя себя ни живымъ ни мертвымъ, неровно и сбивчиво шевеля ногами, пошелъ вслѣдъ за нимъ.

И думалъ онъ, слѣдуя за архіереемъ въ его покои: «теперь все кончено, всѣ надежды погибли!» А надеждъ у него было много. Регентство, это—одно, а потомъ рассчитывалъ онъ, по примѣру покойнаго отца Пимена, ставъ регентомъ, хлопотать о дьяконствѣ; это было очень важно.

И вотъ онъ стоитъ передъ архіереемъ, лицомъ къ лицу; архіерей смотритъ на него строго и говорить:

— Ну, теперь ты скажи, что же мнѣ съ тобой дѣлать? Какъ могу я наказать тебя за твою вину?

Словотвердовъ молчалъ. Архіерей продолжалъ укорять его, а онъ все молчалъ и молчалъ.

— Почему жъ ты молчишь? говори что нибудь! Можетъ быть, у тебя есть какія нибудь оправданія? можетъ быть, я ошибаюсь?

— Ваше преосвященство!—сказалъ наконецъ Словотвердовъ,— какія же тутъ могутъ быть оправданія? Всякому человѣку хочется лучшаго...

И при этомъ Словотвердовъ заплакалъ. Тогда архіерей махнулъ на него рукой и сказалъ:

— Экій ты глупый человѣкъ! До того ты глупъ, что даже и наказывать тебя какъ-то рука не подымается...

И отпустилъ его. Въ хорѣ между тѣмъ съ этихъ поръ стали пѣть, какъ слѣдуетъ. Только положеніе Словотвердова сдѣлалось отвратительнымъ. Тѣ самые хористы, которые недавно еще раздѣляли его мнѣніе насчетъ новаго регента и сочувствовали ему, теперь не пропускали случая, чтобы посмѣяться надъ нимъ, сказать какую нибудь колкость. Вообще люди никогда не пропускаютъ случая ударить лежачаго. А Словотвердовъ теперь несомнѣнно былъ лежачій.

Словотвердовъ первое время огрызался, но потомъ какъ-то вдругъ замолкъ, и въ немъ очевидно созрѣвала какая-то мысль. И мысль эта наконецъ созрѣла.

Это была странная мысль, если взять во вниманіе всѣ предшествующія обстоятельства, которыя намъ извѣстны; тѣмъ не менѣе въ головѣ Словотвердова она вытекала логически изъ какихъ-то ему только одному извѣстныхъ соображеній. Но результатомъ этого было слѣдующее.

Однажды онъ привелъ себя въ наиболѣе благопристойный видъ и отправился къ архіерею. Такъ какъ келейникъ былъ его пріятелемъ, то ему не трудно было добиться аудіенціи. Архіерей принялъ его, но въ то же время очень удивился его посѣщенію.

— Что скажешь, Словотвердовъ? Можетъ быть, пришелъ раскаяться въ своемъ поступкѣ?

— Я уже давно раскался, ваше преосвященство; а теперь я пришелъ къ вамъ съ великой просьбой.

— Какая же твоя просьба?

— Прошу я, ваше преосвященство, сдѣлать меня дьякономъ!

— Что-о? По какому же это поводу? какія же у тебя есть для этого основанія?

— Основанія, ваше преосвященство, у меня большія. Первое, что, какъ вѣдомо вамъ, былъ я одно время регентомъ, двѣ недѣли управлялъ я хоромъ, и всякій видѣлъ это, и всѣ такъ уже и считали, что Словотвердовъ есть регентъ, и, значить, было это для меня возвышеніе. А потомъ вдругъ вашему преосвященству угодно было отъ регентства меня отставить и другого изъ капеллы петербургской выписать. Конечно, я былъ преступенъ. Но вѣдь и сердце тоже у меня есть, задѣтъ я былъ очень, ваше преосвященство, ибо человѣкъ я и слабъ... Но теперь, ваше преосвященство, мнѣ каждый въ лицо смѣется, каждый въ лицо мнѣ говоритъ: вотъ былъ

регентомъ, а теперь опять второй теноръ и дьякъ и не болѣе того... Вотъ основанія, выше преосвященство!

— Ну, это, мой другъ, весьма шаткія основанія!

— Есть и другое, ваше преосвященство. Человѣкъ я семейный, жена у меня и дѣти. Доходъ получаю самый ничтожный... А способности мои вамъ самымъ благоугодно было похвалить. Когда управлялъ я хоромъ, ваше преосвященство изволили передать черезъ отца эконома, что Словотвердовъ молодець.

— Такъ, такъ... А только все-таки основаній у тебя никакихъ нѣтъ. Не могу я тебя сдѣлать дьякономъ! Нѣтъ, не могу...

Такъ твердо сказалъ это архіерей, что Словотвердову только оставалось поклониться и уйти, что онъ и сдѣлалъ. И пошелъ онъ домой гораздо болѣе печальный, чѣмъ былъ въ тотъ моментъ, когда вышелъ изъ дома.

Но случилось такъ, что вскорѣ послѣ ухода Словотвердова къ архіерею явился благочинный съ докладомъ. И явился какъ разъ въ то время, когда архіерей ходилъ по комнатамъ и думалъ: «а вѣдь правда, въ самомъ дѣлѣ непріятно это, когда человѣку въ глаза смѣются и говорятъ: вотъ ты былъ возвышенъ, а теперь опять униженъ! Непріятно это, обидно это».

И когда благочинный вошелъ, то архіерей, не обращая вниманія на его докладъ, какъ бы продолжая свои мысли, прямо сказалъ ему:

— Вотъ, отецъ благочинный, какъ ты думаешь, не имѣется ли у дьяка Словотвердова какихъ нибудь достоинствъ, за которыя его слѣдовало бы сдѣлать дьякономъ?

— Нѣтъ, ваше преосвященство, у Словотвердова никакихъ достоинствъ нѣтъ, и дьяконства онъ не заслуживаетъ...

— Такъ, такъ!—сказалъ архіерей,—но вотъ въ чемъ дѣло: если бы онъ заслуживалъ, такъ я бы тебя и не спрашивалъ, а такъ, самъ бы сдѣлалъ его дьякономъ. А дѣло въ томъ, что вѣдь мы его обидѣли.

— Чѣмъ же, ваше преосвященство, мы обидѣли его?

— А вотъ какъ, я тебѣ это поясню! Вотъ я, напримѣръ, архіерей, и вдругъ мнѣ шлютъ приказъ изъ синода: быть тебѣ настоятелемъ, скажемъ, кладбищенской церкви...

— Невозможно!—сказалъ благочинный.

— Или ты, напримѣръ,—продолжалъ архіерей, не слушая его,—благочинный, а вдругъ мнѣ, твоему начальству, придетъ фантазія: быть тебѣ сельскимъ священникомъ или, напримѣръ, протодіакономъ...

— Сельскимъ священникомъ...—смирненно сказалъ благочинный:—конечно... на то воля вашего преосвященства, а протодіакономъ невозможно!

— Я говорю къ тому, что было бы это и мнѣ и тебѣ непріятно. Обидно было бы... Такъ и ему, Словотвердову. Надо было воспре-

тить ему регентствовать въ первый же день, тогда другое дѣло, тогда мы были бы съ тобой правы. Но послѣ того, какъ онъ возвысился, оставить его въ прежнемъ званіи—уже для него униженіе... Да и скажи ты мнѣ, ради Бога, отецъ благочинный, противъ какой заповѣди мы съ тобой погрѣшимъ, если сдѣлаемъ его дьякономъ? Есть ли такая заповѣдь?

— Нѣтъ, ваше преосвященство, такой заповѣди нѣтъ.

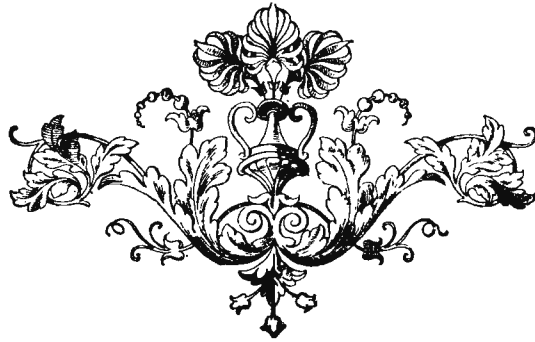
— Ну, такъ я полагаю, что мы сдѣлаемъ его дьякономъ...

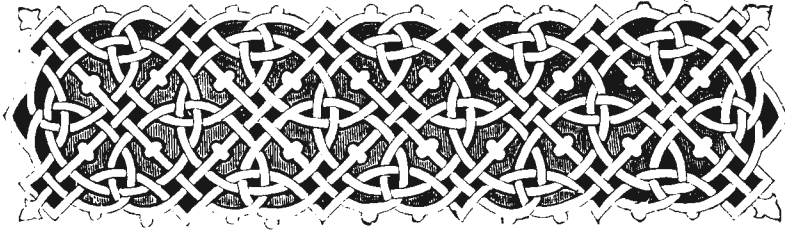
Дальнѣйшее легко себѣ представить. Легко вообразить себѣ радость Словотвердова въ тотъ моментъ, когда благочинный извѣстилъ его о милости архіерея, и торжество его, когда въ воскресенье, во время обѣдни, его изъ дьяка превращали въ дьякона.

Но самое большое удовлетвореніе получилъ онъ оттого, что, по распоряженію архіерея и въ силу обстоятельствъ, ему пришлось занять то самое мѣсто сверхштатнаго дьякона при соборѣ, которое занималъ старый регентъ отецъ Пимень.

Остается сказать, что послѣ той роковой спѣвки, которая чуть было не погубила Словотвердова, а вмѣсто того возвысила его, хоръ подъ управленіемъ Полупудова пѣлъ стройно и вполне исправно, и никогда никто въ немъ не рѣзнилъ.

**И. Потапенко.**





## ПОЛВѢКА НАЗАДЪ.

### I.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).



СПОМИНАЯ царствованіе императора Александра II, хотѣлось бы прежде сказать кое-что о предшествовавшей эпохѣ, въ разгаръ которой пишущій эти строки родился и прожилъ дѣтскіе, впечатлительные годы.

До исхода десятилѣтняго возраста я жилъ безвыѣздно въ деревнѣ, подъ родительскимъ кровомъ, въ старомъ, деревенскомъ помѣщичьемъ домѣ, въ которомъ было не менѣе 14-ти комнатъ, съ двумя половинами, мужской и женской, съ балкономъ въ старый, запущенный садъ, занимавшій 20 десятинъ, съ вѣковыми липами, грушами и кленами, бѣлыми акаціями, сиреневыми бесѣдками и множествомъ вишенъ, съ фигурчатыми цвѣтниками передъ домомъ.

У насъ, то-есть у отца и матери моихъ, была старая, прадѣдовская усадьба, а у дяди, верстахъ въ двухъ, была новая усадьба, имъ самимъ устроенная, послѣ полюбовнаго раздѣла, съ новымъ англійскимъ садомъ, съ оранжереей, множествомъ фруктовыхъ деревьевъ, ягодныхъ кустовъ и новыхъ цвѣтовъ, розъ, георгинъ и проч., выписываемыхъ изъ Риги.

Отецъ былъ отставной кирасиръ принца Альберта Прусскаго полка (бѣлый мундиръ съ зеленымъ воротникомъ и золотымъ приборомъ). Тогда въ арміи кавалерія предпочиталась пѣхотѣ, а

въ кавалеріи первыми, такъ сказать, аристократичными войсками считались кирасиры; за ними слѣдовали гусары, потомъ уланы, и послѣ нихъ уже, на четвертомъ мѣстѣ, драгуны, какъ болѣе близкіе къ «пѣхтурѣ» и менѣе взрачные по мундиру, по выпушкамъ и петличкамъ. Артиллерія стояла особнякомъ, занимая среднее мѣсто, и принадлежала къ ученому войску. Въ кавалеріи хотя и служили образованные, свѣтскіе и богатые люди, но учености не требовалось, и можно было обходиться даже «домашнимъ» образованіемъ. Мой отецъ кончилъ курсъ гимназіи, былъ большой любитель и знатокъ лошадей, умѣлъ отлично строить дома, хозяйственныя службы, конюшни, амбары и даже мельницы и молотилки, нигдѣ этому не учившись; любилъ общество, карты, дворянскія собранія и выборы. Въ какомъ нибудь критическомъ случаѣ, надо ли было купить лошадь, дрожки, или сдѣлать какую нибудь постройку, дядя обращался за помощью къ отцу; но у отца всегда были долги, всегда его кто нибудь надувалъ; наоборотъ, у дяди долговъ не было, онъ никуда, кромѣ насъ, не выѣзжалъ и, увлекаясь садоводствомъ, былъ аккуратнѣйшій человекъ, съ самыми строгими правилами. Въ уѣздѣ нашемъ дядя былъ своего рода рѣдкостью. Онъ окончилъ Харьковскій университетъ кандидатомъ словеснаго (филологическаго) факультета, служилъ въ Одессѣ чиновникомъ особыхъ порученій при графѣ Воронцовѣ, былъ членомъ англійскаго клуба; но, получивъ чинъ надворнаго совѣтника, вдругъ вышелъ въ отставку и 20 лѣтъ безвыѣздно прожилъ въ деревнѣ, занимаясь своимъ садомъ и записывая каждый день погоду (барометръ и температуру) — въ предшество, должно быть, Н. А. Демчинскаго (съ которымъ, кстати замѣтить, мнѣ пришлось быть въ весьма дружескихъ отношеніяхъ).

У дяди была прекрасная библіотека, такъ какъ, закабалившись въ деревню и сиднемъ сидя въ ней 20 лѣтъ, онъ «книги сталъ читать». Онъ выписывалъ, конечно, «Отечественныя Записки», «Современникъ», какую нибудь газету и отдѣльныя книги на русскомъ и французскомъ языкахъ. Читая самъ, дядя любилъ читать громко намъ, то-есть отцу и матери, и кому нибудь, кто жилъ у насъ. Въ долгіе, зимніе вечера дядя пріѣзжалъ къ намъ съ новой книгой или журналомъ и читалъ русскіе или переводные романы. Лѣтъ 7—8 и мы, дѣти, слушали это чтеніе. Благодаря дядѣ, я съ дѣтства полюбилъ книгу; въ 12 лѣтъ сталъ читать газеты, въ томъ числѣ «Indépendance Belge». Вліянію и примѣру дяди обязанъ я и тѣмъ, что меня отвезли въ Харьковъ, отдали въ гимназію и поставили мнѣ идеаломъ университетъ, хотя я всегда любилъ военную службу и не могъ равнодушно видѣть войсковой строй. Изъ своихъ дѣтскихъ впечатлѣній укажу еще на холеру, которая разразилась въ концѣ сороковыхъ годовъ. Помню, какъ часто раздавался погребальный перезвонъ на колокольнѣ нашей церкви;

помню, какъ отецъ ѣздилъ къ крестьянамъ нашимъ и сосѣднимъ, чтобъ ихъ оттирать щетками и перцовкой (настоя краснаго стручковаго перца на крѣпкой водкѣ). У насъ жилъ кто-то въ родѣ лѣкаря, не настоящій врачъ, но и выше фельдшера. Съ нимъ и ѣздилъ отецъ по избамъ. Дыни, арбузы, огурцы въ то лѣто были уничтожены и къ великому огорченію не подавались къ столу. У насъ былъ особый шкафъ, именовавшійся аптечкой, и въ немъ всегда имѣлись разныя лѣкарственныя снадобья, начиная отъ липоваго цвѣта, сушеной малины, разныхъ пластырей и кончая каплями отъ кашля и желудочнаго расстройства. Когда собаки искушали мнѣ ногу и руку (у отца была охота, то-есть гончія и борзья собаки), то довольно глубокія и кровоточивыя раны были заживлены домашними средствами; но когда я заболѣлъ воспаленіемъ желудка, то меня возили въ уѣздный городъ, и мы въ немъ жили мѣсяца два.

---

Въ концѣ августа 1852 года (полвѣка назадъ), когда мнѣ былъ десятый годъ на исходѣ, меня отвезли въ Харьковъ.

Ѣхали мы въ четырехмѣстной каретѣ, запряженной шестерикомъ сѣрыхъ битюковъ, съ фореиторомъ и лакеемъ, дѣлая отъ 60-ти до 70-ти верстъ въ день, двумя упряжками. Ѣхали большой, почтовой дорогой, на Кременчугъ и Полтаву. Не только о желѣзныхъ дорогахъ и телеграфахъ, но даже о шоссе въ нашихъ мѣстахъ въ то время и понятія не имѣли. Только послѣ Крымской войны увидѣлъ я въ первый разъ телеграфъ, а нѣсколько лѣтъ спустя и шоссе, которое доведено было до Харькова отъ Москвы; но у Харькова и застряло, далѣе не пошло. Строителемъ этого шоссе былъ знаменитый Дьяченко, болѣе удачный драматургъ, нежели инженеръ, авторъ «Гувернера» и другихъ въ свое время очень любимыхъ пьесъ. А между тѣмъ почтовая дорога отъ Харькова на Югъ была главнѣйшимъ нашимъ сообщеніемъ и представляла громаднѣйшую важность въ военномъ отношеніи, что и сказалось съ особою силою въ войну 1853—1855 годовъ. Въ мирное время это былъ важнѣйшій промышленный и торговый путь. По этой большой почтовой дорогѣ тянулись безконечныя валки (какъ тогда говорили) обозовъ, въ одну лошадь или тройками; тащились и пароволовые возы, съ чумаками въ залитыхъ дегтемъ рубахахъ. Чумаки везли соль изъ Крыма, а конныя подводы изъ Велико-россиіи были нагружены всевозможнымъ товаромъ, желѣзнымъ, посуднымъ, стекломъ, мануфактурой, бакалейей. Бывало, по виду возовъ и по упряжкѣ можно было узнать, откуда и что везутъ. Въ ночное время, въ хорошую погоду, эти возы не заѣзжали въ трактиры, во множествѣ расположенные по сторонамъ дороги, а останавливались прямо на ней, кормили лошадей или воловъ, рас-



кладывали костры и варили себѣ пищу. Во имя интересовъ этихъ-то ямщиковъ, наша отсталость и боязливость долгое время открещивались, какъ чортъ отъ ладана, отъ такихъ новшествъ, какъ желѣзныя дороги, пароходы, телеграфы.

На этой хорошо знакомой, по 13-лѣтней ѣздѣ, большой дорогѣ случалось мнѣ опрокидываться 15-ть разъ счетомъ на протяженіи 20-ти верстъ, во время мятели и зимнихъ сугробовъ; случалось наѣзжать на встрѣчную почтовую телѣгу въ облакахъ пыли, настолько густой во время продолжительнаго бездождія, что даже колокольчика подъ дугой («даръ Валдая») нельзя было слышать далѣе двухъ-трехъ саженъ.

На этой государственной дорогѣ въ темную, дождливую, воровиную ночь, когда молнія ослѣпляла, а мгновеніе спустя наступалъ непроглядный мракъ, случалось незамѣтно повернуть назадъ и проѣхать нѣсколько верстъ къ той почтовой станціи, откуда выѣхалъ. По этимъ примѣрамъ можно судить, въ какомъ положеніи находились наши второстепенные пути сообщенія, и что творилось на нихъ во время суровой зимы или въ распутицу, когда можно было потонуть въ грязи.

Въ Крымскую войну наше херсонское дворянство пожертвовало нѣсколько тысячъ подводъ для надобностей военнаго вѣдомства. Изъ отцовской деревни были снаряжены двѣ воловьи подводы и одна троечная, лошадиная, съ тремя погонцами. Изъ Крыма вернулся только одинъ изъ нихъ, который и былъ у насъ долго кучеромъ. Волы, лошади, возы и два человѣка безслѣдно пропали. Вернувшійся передавалъ, что онъ возилъ снаряды и сухари изъ Симферополя въ Севастополь, а изъ Севастополя тащилъ раненыхъ, «пока кони не подошли»... Что случилось съ его товарищами, — онъ не знаетъ, такъ какъ воловьи парки дѣйствовали особо.

Но я упреждаю событія. Въ Харьковѣ меня отдали къ учителю французскаго языка 1-й гимназіи (тогда ихъ было двѣ) Августу Степановичу Менжо (Maingeaud), человѣку доброму, не особенно свѣдущему, но все же имѣвшему библиотечный шкафъ, наполненный французскими книгами, которыя мнѣ и удалось прочесть отъ первой до послѣдней, въ теченіе шестилѣтняго пансіонерства. Менжо былъ добрымъ сыномъ и содержалъ своихъ родителей, которые прибыли въ Россію съ «великой арміей». Отецъ Менжо былъ въ этой арміи не то барабанщикомъ, не то циркульникомъ. Въ мое время онъ дѣлалъ парики, которые и носилъ самъ, являясь то брюнетомъ, то сѣдымъ. По-русски онъ не умѣлъ даже ругаться. Это служило въ пользу нашей практики во французскомъ языкѣ. А. С. Менжо пригласилъ нѣсколько учителей, своихъ товарищей по гимназіи, давать мнѣ уроки. Я тосковалъ по родинѣ, переболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, но все же весной 1853 года сдалъ очень легко экзамень въ второй классъ той же первой (университетской) гим-

нази. Въ ней преподавались тогда латинскій и греческій языки; но ни тотъ ни другой не были обязательны. Оба языка учили только тѣ, кто шелъ на филологическій факультетъ; въ остальные факультеты требовался только латинскій, а кто не желалъ поступать въ университетъ, тотъ и не учился древнимъ языкамъ. Въ этомъ отношеніи было свободно. Можно было и въ университетѣ сдать экзаменъ по латинскому языку, не учившись ему въ гимназіи. Требованія были скромныя, хотя на медицинскомъ факультетѣ истори болѣзней писались по-латыни, и иные профессора обращали болѣе вниманія на слогъ, нежели на содержаніе этихъ сочиненій.

Лѣто, какъ всегда и послѣ, во время своего ученія, я провелъ въ деревнѣ, а осенью вернулся въ Харьковъ и сталъ посѣщать гимназію. Ученикомъ былъ я среднимъ, не попадая ни на красную, ни на черную доску, легко переходя изъ класса въ классъ. Въ 16½ лѣтъ кончилось мое гимназическое ученіе, и я поступилъ (въ 1859 г.) въ университетъ, на юридическій факультетъ. Въ гимназіи у меня никогда не было репетитора, а къ переводнымъ экзаменамъ я всегда готовился съ кѣмъ нибудь изъ товарищей. Было всегда весело и свободно во время этихъ подготовокъ: своему учителю французу я много обязанъ тѣмъ, что онъ не надоѣдалъ мнѣ своей опекой и придирчивостью. Я вволю читалъ, абонируясь въ единственной тогда въ Харьковѣ частной библиотекѣ, кажется, за 5 рублей въ годъ.

Гимназія наша находилась на углу Московской улицы, у моста черезъ рѣку Харьковъ; а домъ, въ которомъ я жилъ у Менжо, стоялъ противъ большой площади или плаца, между церквями Михайловской и Вознесенской. Упоминаю объ этомъ потому, что вскорѣ по вступленіи моемъ въ гимназію мимо нашихъ оконъ потянулись войска. Проходили они по Московской улицѣ, такъ какъ она служила тогда (до устройства шоссе) продолженіемъ большой дороги. По этой же улицѣ въѣзжали въ Харьковъ государи, скакали фельдъегери и возили почту; и на площади производились войсковые смотры, ученія харьковскому гарнизону и устраивались качели и другія увеселенія на Свѣтлой недѣлѣ. Все это доставляло неопишное развлеченіе и удовольствіе, послѣ того наслажденія, которое получалось отъ чтенія и товарищескихъ игръ, большею частью въ мячъ, на обширномъ дворѣ нашего дома.

Если не ошибаюсь, войска начали проходить черезъ Харьковъ съ осени 1853 года (для занятія Дунайскихъ княжествъ, нынѣшней Румыніи). Бывало, сидимъ въ классѣ, вдругъ раздаются мѣрные удары турецкаго барабана, звуки военной музыки или захватская солдатская пѣсня, съ присвистомъ, съ звономъ тарелокъ. Всѣ не только мы, ученики, но часто учитель, бросаемся къ окнамъ и любимся молодцовато двигающимися рядами пѣхоты. Года два продолжалось это шествіе войскъ. Шли пѣхотные полки въ ка-

скалъ, тянулась артиллерія, звеня своими орудіями и громыхая зарядными ящичками; красиво проходили кавалерійскіе полки, гусары, уланы, драгуны. Потомъ промелькнули казаки, донцы и уральцы. Подъ конецъ шли уже дружины, уже безъ музыки, съ барабанами и визгливыми рожками, плохо и нестройно, въ формѣ, похожей на нынѣшнюю, съ крестами на шапкахъ и надписью: «За вѣру, царя и отечество». У пѣхоты нашей были кремневые самопалы, а у этихъ ратниковъ были такія ружья, которыя и для ручной драки были мало пригодны. Рассказывали тогда, что курское ополченіе, очутившись на севастопольскихъ бастіонахъ, болѣе работало топорами, нежели прикладами, которые разсыпались въ щепы, или штыками, которые гнулись отъ одного удара.

Проходившія войска всегда имѣли въ Харьковѣ дневку, и на плацу имъ часто производились смотры. Все это было красиво и парадно. Но затѣмъ уже никто не шелъ на югъ, а отъ него замѣнъ потянулись къ сѣверу подводы съ больными, увѣчными, ранеными. Многіе дома на той же Московской улицѣ превращены были кое-какъ въ больницы. Зрѣлища и впечатлѣнія стали пельнѣе и печальнѣе.

Доходили до Харькова и плѣнные. Мой учитель всегда приглашалъ челоуѣкъ 10—12 своихъ компатріотовъ къ обѣду по воскресеньямъ. Помню хорошо, что эти французы, подкутивши, показывали приемы борьбы и рассказывали, какъ они били русскихъ. Я не выдержалъ и сказалъ одному изъ нихъ, болѣе крикливому.

— Ну, а теперь покажите, какъ васъ взяли въ плѣнъ?

Осенью, кажется, того же 1853-го года, проѣзжалъ черезъ Харьковъ императоръ Николай Павловичъ, по пути въ Николаевъ. Это было его послѣднее пугешествіе. Помню хорошо, что въ числѣ нѣсколькихъ товарищей я долго стоялъ на плацу, мимо котораго пролегла Московская улица; моросилъ мелкій дождикъ. Наконецъ послышалось «ура». Государь ѣхалъ въ открытой, дорожной коляскѣ. Съ нимъ сидѣлъ какой-то генералъ. Ыхали по городу не особенно скоро, и мы отлично видѣли царя и въ свою очередь, снявъ шапки, крикнули «ура», не щадя горла. Государь повернулся въ нашу сторону и приложилъ руку къ козырьку.

Сколько я помню, въ этотъ проѣздъ государь не останавливался въ Харьковѣ. Но, будучи разъ въ Харьковѣ (какъ рассказывали мнѣ), Николай Павловичъ заѣхалъ къ нашу гимназію и прошелъ прямо въ больницу. Перепуганные ученики, смотрѣвшіе въ окна на проѣздъ государя, бросились къ кроватямъ и перепутали свои мѣста. Государь вошелъ, сталъ спрашивать, кто чѣмъ

боленъ, и замѣтилъ, что надписи на кроватяхъ не совпадали съ отвѣтами. Государь разгнѣвался и сдѣлалъ выговоръ директору. Въ это время выступилъ гимназическій врачъ, старикъ Рейпольскій, и началъ оправдываться:

— Осмѣлюсь доложить...

— Ты кто таковъ? — рѣзко спросилъ государь.

— Вашего царскаго величества надворный совѣтникъ и св. Анны 3-й степени всадникъ, — отвѣтилъ Рейпольскій.

— Посадить этого всадника на гауптвахту, — произнесъ государь и вышелъ изъ больницы.

Старикъ Рейпольскій принадлежалъ къ числу тѣхъ славянофиловъ, которые упорно хотѣли избѣгать всякихъ иностранныхъ словъ и говорили шарокасть, а не бильярдъ, мокроступы вмѣсто калоши и всадникъ вмѣсто кавалеръ. Зиму и лѣто Рейпольскій ходилъ неизмѣнно въ одномъ вицъ-мундирѣ, съ открытой манишкой, не носилъ перчатокъ и т. п. Старикъ дожилъ до глубокой старости, и его зналъ весь городъ.

Въ концѣ февраля 1855 года, во время уроковъ, раздался рѣзкій звонокъ, означавшій всегда пріѣздъ начальства. Черезъ нѣсколько минутъ входитъ въ нашъ классъ, ближайшій къ приемной, директоръ, блѣдный, разстроенный. Вынувъ фуляровый платокъ изъ кармана, директоръ приложилъ его къ глазамъ и, заикаясь, объявилъ:

— Приготовьтесь къ печальной, горестной вѣсти!.. Не стало нашего отца-благодѣтеля, осиротѣла Россія. Богу угодно было призвать къ Себѣ нашего государя...

Затѣмъ, всхлипывая, директоръ обратился къ инспектору съ приказаніемъ вести насъ въ церковь, къ панихидѣ и къ присягѣ тѣхъ изъ насъ, кто достигъ 12-лѣтняго возраста.

Слѣдуя примѣру директора, многіе расплакались, но всѣмъ вообще понравилось, что уроковъ въ этотъ день уже не будетъ, и что мы будемъ присягать.

Въ числѣ имѣвшихъ право на присягу новому государю, царю-освободителю, находился и я, ибо мнѣ было тогда 12<sup>1</sup>/<sub>2</sub> лѣтъ. Съ умиленіемъ принесъ я эту присягу.

Передавали, что одинъ изъ учителей, услышавъ печальную вѣсть отъ директора, воскликнулъ:

— Пропала Россія! — и грохнулся на полъ въ обморокъ.

Многіе такъ думали тогда, сознавая, въ какомъ печальномъ положеніи была Россія. Можно представить, что почувствовали севастопольскіе герои, узнавъ о смерти государя.

Но Россія не пропала. Хотя кровавая борьба, по инерціи, продолжалась еще, но съ осени уже открылись пути къ миру. Тяже-

лый, непривычный былъ этотъ миръ, выразившійся въ Парижскомъ трактатѣ, но съ этой поры началось возрожденіе Россіи, возможное наведеніе долговременной отсталости.

Зимою вздумалось моему учителю-французу поѣхать въ Одессу, поближе къ театру войны, и онъ взялъ меня съ собою, полагая завести меня въ нашу деревню и прогостить у насъ часть рождественскихъ каникулъ. Мы выѣхали на почтовыхъ и по хорошей зимней дорогѣ быстро доѣхали до Полтавы; но далѣе невозможно было двинуться. Два дня мы прожили на станціи, тщетно ожидая лошадей. Станція была наполнена офицерами. Даже ѣхавшіе по казенной надобности ожидали очереди по два, по три дня Чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ долѣе становились задержки. Намъ совѣтовали нанять лошадей и ѣхать на долгихъ. Это нарушило всѣ расчеты. Пришлось вернуться назадъ, въ Харьковъ. Тутъ насъ выручилъ изъ бѣды одинъ раненый въ руку офицеръ, морякъ, ѣхавшій курьеромъ въ Петербургъ. Онъ взялъ насъ въ кибитку и довезъ до Харькова.

Были почтовые станціи, съ которыхъ убѣгали смотрители. Всѣмъ имъ дали право на 14-й классъ, чтобъ возвысить отвѣтственность за рукоприкладство, какъ выражается М. И. Драгомировъ. Проѣзжіе гонялись за ними.

Лошади выбились изъ силъ, и иные переѣзды приходилось дѣлать на волахъ—такова была распутица.

Въ царствованіе Николая Павловича въ Харьковѣ было генераль-губернаторство, распространявшееся на три губерніи: Харьковскую, Полтавскую и Черниговскую. Во время Крымской войны при мнѣ генераль-губернаторомъ былъ генераль-адъютантъ Кокоскинъ. Онъ же былъ, по тогдашнему обычаю, и попечителемъ учебнаго округа. Генерала Кокоскина ставили въ одинъ рядъ съ Закревскимъ и Бибиковымъ (московскимъ и кievскимъ генераль-губернаторами). Къ Закревскому онъ подходилъ, но ему было далеко до государственнаго ума Д. Г. Бибикова. Это былъ хорошій оберъ-полицмейстеръ—не болѣе. Для Харькова, какъ говорили, Кокоскинъ много сдѣлалъ въ смыслѣ внѣшняго благоустройства. Но, вѣроятно, этихъ успѣховъ можно было достигнуть и помимо него и при посредствѣ менѣе крутыхъ мѣръ. Когда городской голова, купецъ Рудаковъ, осмѣлился проявить кое-какую самостоятельность, Кокоскинъ промолчалъ; но недѣлки черезъ двѣ къ дому Рудакова подѣзжаетъ тройка съ жандармами, и городского голову увозятъ въ Пермь, не давъ ему одуматься, проститься съ семьей. Эта ссылка продолжалась три года.

Какъ попечителя, мы никогда не видѣли Кокоскина; но разъ въ годъ, подъ Свѣтлый праздникъ, отъ каждаго класса наряжали по два ученика христосоваться и разговляться съ генералъ-губернаторомъ. Въ числѣ этихъ избранниковъ случилось и мнѣ быть. Помню, что мы долго стояли, вытянувшись въ струнку, въ какой-то проходной комнатѣ генералъ-губернаторскаго дома. Мимо насъ проходили всевозможные чины, военные и гражданскіе. Было нѣсколько плѣнныхъ офицеровъ, въ томъ числѣ англичанъ, въ красивыхъ красныхъ мундирахъ. Наконецъ, къ намъ подошелъ маленькій, невзрачный, черномазый генералъ и быстро сталъ подставлять свои нарумяненные щеки для поцѣлуевъ. Потомъ насъ подвели къ особому столу и очень гостепріимно угостили. Объ этихъ парадныхъ розговинахъ сохранилось у меня очень хорошее впечатлѣніе, такъ что лично ничего, кромѣ благодарности, я къ Кокоскину не имѣлъ. Но знаю, что всѣ радовались и вздохнули свободно въ Харьковѣ, когда генералъ-губернаторство было упразднено, и Кокоскинъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ и умеръ отъ какого-то несчастнаго случая.

Изъ Москвы взяли Закревскаго. Это были предвѣстники освободительной эпохи.

## II.

Въ раннемъ дѣтствѣ, помню, гостила у насъ въ деревнѣ родственница, которую внушили мнѣ особенно почитать, какъ извѣстную писательницу. Это была Марковичъ, писавшая подъ псевдонимомъ Марко-Вовчекъ. Прабабушка моя съ материнской стороны, Марья Ивановна Ангелова, помнившая времена Павла I и умершая въ глубокой старости во второй половинѣ 60-хъ годовъ, была урожденная Марковичъ. Кромѣ этихъ голыхъ фактовъ, ничего не знаю или не помню объ этой писательницѣ.

Гораздо цѣльнѣе мои впечатлѣнія о другомъ литературномъ знакомствѣ. Это было въ первую мою поѣздку на каникулы. За мною прислали троечный тарантасъ, съ кучеромъ и старымъ слугою, Даниломъ, служившимъ еще дѣду и котораго я любилъ, какъ родного. По моей просьбѣ, еще задолго до 19-го февраля ему дарована была воля и усадьба, лучшая въ нашемъ селѣ, напротивъ церкви. Но въ 1853 году это былъ еще крѣпостной слуга, везшій барчука, или, какъ у насъ называли, панича (отъ слова панъ), въ родную имъ обоимъ деревню. Выѣхавъ изъ Харькова, мы свернули съ почтовой дороги, шедшей кружно на г. Валки, и остановились на ночлегъ въ сел. Перекопъ. Не успѣлъ я разглядѣть иконы и лубочныя картинки, украшавшія стѣны лучшей горницы постоялаго двора, какъ въ нее вошли помѣщикъ въ соломенной шляпѣ и въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ и довольно зрѣлая уже на видъ дама.

Ласково поздоровавшись со мною, разспросивъ, кто я и куда ѣду, посѣтителѣ пригласили меня на прогулку съ ними. Мы ходили по какимъ-то валамъ и старымъ, заброшеннымъ землянымъ укрѣпленіямъ. Помѣщикъ показывалъ это своей спутницѣ и объяснялъ, что село Перекопъ являлось когда-то крѣпостью, сооруженной противъ татаръ. Здѣсь была граница Русской земли, и на югъ, за этимъ землянымъ валомъ или перекопомъ, тянулась уже пустынная степь, по которой совершались набѣги крымскихъ татаръ. Весьма понятно, съ какимъ любопытствомъ слушалъ я эти объясненія. Въ концѣ прогулки мои любезные спутники проводили меня на постоянный дворъ. Тогда я позволилъ себѣ спросить, съ кѣмъ я имѣлъ удовольствіе встрѣтиться, чтобъ знать, кому я обязанъ доставленнымъ удовольствіемъ. Помѣщикъ назвалъ себя—Абаза.

— А эта дама,—добавилъ онъ,—г-жа Ишимова.

— Ишимова!..—невольнo воскликнулъ я:—сочинительница прелестныхъ книгъ?

Оказалось, что это была дѣйствительно знаменитая въ свое время писательница для дѣтей. Она видимо была довольна и моимъ восторженнымъ восклицаніемъ и той широкой извѣстностью, которой пользовалось ея имя даже среди дѣтей. Ишимова разспросила, что я читалъ изъ ея сочиненій, и, похваливъ меня, пожелаала мнѣ счастливаго ученія въ гимназіи и университетѣ.

Лѣтъ двадцать спустя, въ Петербургѣ пожаловала однажды ко мнѣ весьма почтенная старушка, чтобы выразить сочувствіе по поводу какой-то моей статьи. На мой вопросъ, кому я обязанъ этимъ привѣтомъ, послѣдовалъ отвѣтъ:

— Я—Ишимова.

— Боже мой!.. Позвольте въ такомъ случаѣ возобновить старое знакомство и представиться въ качествѣ вашего ученика и почитателя...

И я напомнилъ Ишимовай нашу встрѣчу и прогулку въ Перекопѣ. Маститая писательница растрогалась и прослезилась. На другой или третій день Ишимова прислала мнѣ свои книги, которыя пришлось читать уже моимъ дѣтямъ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ.

Въ декабрѣ 1881 года, праздновалось 50-лѣтіе литературной дѣятельности Ишимовай. Мнѣ пришлось быть въ составѣ тѣхъ депутацій, которыя поздравляли маститую писательницу. И опять въ третій разъ я представлялся ей въ качествѣ усерднаго ученика.

— Помню, хорошо помню!—отвѣчала она.

Происходило это въ небольшомъ деревянномъ домикѣ на Коломенской улицѣ.

Въ другой разъ, по пути изъ Харькова въ Полтаву, на почтовой станціи Оедоровка, встрѣтился я съ семьей Гулакъ-Артемовскаго. Онъ былъ когда-то ректоромъ Харьковскаго университета и извѣстнымъ малороссійскимъ писателемъ. Кромѣ ласковаго обращенія и угощенія чаемъ изъ дорожнаго погребца, ничего другого не помню изъ этой встрѣчи.

Въ Харьковѣ въ то время были и другіе литераторы или эмбрионы ихъ, но въ весьма ограниченномъ числѣ.

Въ числѣ ихъ были уже упомянутый мною драматургъ Дьяченко, водевилистъ военнаго быта Турбинъ и Григорій Петровичъ Данилевскій. Изъ нихъ только съ Г. П. Данилевскимъ мнѣ пришлось познакомиться и часто встрѣчаться въ Петербургѣ, когда авторъ «Мировича» былъ помощникомъ, а потомъ редакторомъ «Правительственнаго Вѣстника».

Съ самаго вступленія моего въ гимназію меня преслѣдоваль вопросъ: «не родственникъ ли мнѣ Николай Дмитриевичъ Градовскій?» и всякій разъ я объяснялъ, что это воронежскіе уроженцы, а я херсонскій, и родства между нами нѣтъ. Только гораздо позже я узналъ, что мы приходимъ отъ общаго рода.

Съ Николаемъ Дмитриевичемъ Градовскимъ мнѣ пришлось познакомиться только въ Петербургѣ, какъ съ авторомъ книги по еврейскому вопросу (если не ошибаюсь). Съ меньшимъ братомъ его Александромъ, впоследствии извѣстнымъ публицистомъ, ученымъ и профессоромъ государственнаго права, я познакомился въ Харьковскомъ университетѣ. Онъ былъ старше меня на два курса; но я помню хорошо его худенькаго, съ всегдашней иронической усмѣшкой на устахъ, съ блестящими, умными глазами. Въ университетѣ всѣ тогда поклонялись профессору международнаго права Д. И. Каченовскому, краснорѣчивому оратору и западнику.

Д. И. Каченовскій принадлежалъ къ числу нашихъ англомановъ, прекрасно зналъ англійскую литературу, восхищался англійскимъ консервативно-либеральнымъ укладомъ и даже во внѣшнемъ своемъ обликѣ старался напоминать англійскаго джентльмена. Лекціи Каченовскаго всегда посѣщались, а иной разъ его аудиторию наполняли студенты всѣхъ факультетовъ.

Были, однако, и скептики, не раздѣлявшіе господствовавшаго увлеченія Каченовскимъ. Эти скептики появлялись среди смутно зарождавшихся тогда націоналистовъ и социалистовъ.

Александръ Дм. Градовскій, сколько помню, не принадлежалъ къ числу поклонниковъ Каченовскаго, вѣроятно же всего, подъ влияніемъ прогрессивнаго славянофильства, къ вождямъ котораго принадлежали въ то время И. С. Аксаковъ, Юр. О. Самаринъ и другіе. Тѣмъ не менѣе, первые публицистическіе труды А. Д. Градовскаго появлялись въ англоманскомъ и западническомъ журналѣ, каковымъ былъ въ первые годы «Русскій Вѣстникъ»



М. Н. Каткова, и гдѣ участвовали тогда такія литературныя и ученые силы, какъ Тургеневъ, Левъ Толстой, Ал. Толстой, Салтыковъ (Щедринъ), Кавелинъ, Безобразовъ и другіе. Всѣ они постепенно отошли отъ Каткова, по мѣрѣ его превращенія въ Ѳаддея Булгарина новѣйшаго изданія; отошелъ и А. Д. Градовскій. Въ славянофильскихъ изданіяхъ онъ не участвовалъ, за исключеніемъ развѣ «Русской Рѣчи» Навроцкаго, но статьи его иной разъ были не чужды славянофильскихъ вѣяній. Тутъ нѣтъ ничего страннаго и предосудительнаго. Каждый человѣкъ, а тѣмъ болѣе выдающійся ученый и публицистъ, слагается постепенно, беретъ свое добро въ разныхъ лагеряхъ и вырабатываетъ свою самостоятельную личность. Катковъ и Аксаковъ были совершенныя противоположности; насколько англomanъ и западникъ мѣнялся и превращался въ доморощеннаго самодура и нахлѣбника, настолько славянофиль и приверженецъ «свободы духа и слова» упорно и недвижно стоялъ на своемъ «назадъ и домой», въ московскую Русь. Однако на дѣлѣ оба вождя очень часто сходились и болѣе разрушали, нежели созидали. Оба они, Аксаковъ и Катковъ, не могли простить Ал. Д. Градовскому сочиненіе «органическаго устава» для освобожденной Болгаріи, хотя это сочиненіе было сдѣлано по приглашенію правительства. Сочиненіе это оказалось настолько жизненнымъ, что его пришлось возстановить и удержать послѣ всѣхъ тѣхъ узурпацій, которыя происходили въ Болгаріи подъ поощрительнымъ одобреніемъ или вліяніемъ означенныхъ умственныхъ вождей нашихъ, или попросту въ силу рабскихъ привычекъ, вынесенныхъ изъ многовѣковаго турецкаго ига.

Какъ самостоятельный ученый и публицистъ, Ал. Д. Градовскій не могъ уложиться въ узкія рамки той или другой газеты или журнала; эта самостоятельность замѣчалась въ немъ еще во времена студенчества.

Знакомство мое съ нимъ возобновилось въ Петербургѣ, во время совмѣстнаго сотрудничества въ «Голосѣ», но затѣмъ мы разошлись во взглядахъ на нѣкоторыхъ дѣятелей (какъ, напримѣръ, М. Г. Черняева) и на правѣ современниковъ судить о нихъ. Ал. Д. полагалъ и даже печатно утверждалъ, что право это принадлежитъ лишь исторіи. Мнѣ это ограниченіе казалось страннымъ, особенно для публициста. Безъ сомнѣнія, окончательный судъ принадлежитъ исторіи, но и исторія не только можетъ, но и неизбежно спроситъ современниковъ, какъ они относились къ тѣмъ или другимъ дѣятелямъ, вопросамъ и событіямъ. Если современники только молчатъ или льстятъ и потакаютъ тому, что вредно и не заслуживаетъ одобренія, то исторія ихъ за это не похвалитъ. Расходясь въ этихъ взглядахъ, я, конечно, всегда признавалъ ученые заслуги и литературный талантъ своего знаменитаго однофамильца и отчасти товарища.

Очень жаль, что смерть такъ рано унесла этого выдающагося ученаго и публициста.

Хочется мнѣ сказать еще объ одной харьковской знаменитости, но съ другой стороны. Я разумѣю Заруднаго. Онъ принадлежалъ къ очень хорошей помѣщичьей фамилии. Сестра его была замужемъ за княземъ Ф. Г. Голицынымъ, попечителемъ 1-ой харьковской гимназіи и предводителемъ дворянства. Нѣкоторое время я пользовался покровительствомъ этого попечителя (какъ товарища отца по военной службѣ) и помню его дочь, Матильду, бывшую потомъ замужемъ за генераломъ Духовскимъ (начальникъ штаба кавказскаго корпуса въ войну 1877—1878 года и впоследствии генералъ-губернаторъ на Амурѣ и въ Туркестанѣ). Г-жа Духовская, какъ извѣстно, была не чужда литературѣ.

Но возвращаюсь къ Зарудному. Это былъ первый слетокъ изъ числа тѣхъ дворянъ, которые признали, что эмансипація обрекаетъ ихъ не только на оскудѣніе, но и на всякаго рода дѣятельность, при которой менѣе всего надо быть разборчивымъ въ средствахъ. Будучи въ долгу, какъ въ шелку, не умѣя работать, эти господа рѣшили зачислиться въ дѣльцы свободной Россіи. Иные стали торговать, другіе пустились въ учредительство, пытались попасть въ концессионеры, въ директора акціонерныхъ банковъ и т. п.

Зарудный вздумалъ заняться увеселительными развлечениями. Онъ устроилъ въ Харьковѣ нѣчто въ родѣ «Минеральныхъ водъ» Излера или «шато-кабакъ», какъ теперь выражаются. Въ увеселительномъ саду Зарудный показывалъ Юлію Пастрану (женщину съ бородой, походившую на обезьяну) и извѣстныхъ сіамскихъ близнецовъ, жгли фейерверки и танцевали на эстрадѣ. Зимой танцы и ужины переносились въ комнаты этого увеселительнаго заведенія. Въ концѣ концовъ, Зарудный прогорѣлъ и очутился въ Петербургѣ, гдѣ явился учредителемъ увеселительной печати, такъ называемой «малой прессы». Плоды этого газетнаго учредительства стали пожинать послѣдователи Заруднаго; онъ же кончилъ свои предпринимательскія походы весьма плохо.

---

Къ ряду первыхъ литературныхъ знакомствъ и впечатлѣній слѣдуетъ отнести и тѣ отношенія, которыя мнѣ удалось приобрести со стороны старшаго учителя математики и физики въ 1-ой харьковской гимназіи, Валеріана Ильича Дементьева.

По виду, это былъ сухой, аккуратнѣйшій, не пропускавшій ни одного урока педантъ и холостякъ; на дѣлѣ же онъ являлся сердечнѣйшимъ человѣкомъ, никому и никогда ни малѣйшаго зла не причинившимъ. Всѣ ученики его любили и уважали, и преподавать и заохотить умѣлъ онъ такъ, что даже самые тупые и лѣнныя усвоивали необходимое изъ математической «суши». Никто не несъ наказанія черезъ В. И. Дементьева, и всѣ у него исправно пере-

ходили изъ класса въ классъ. Никогда и никого онъ не ловилъ въ незнаніи урока, чѣмъ занимались обыкновенно другіе учителя и злорадствовали, когда эта ловля или охота удавалась. Дементьеву можно было смѣло сказать, что къ уроку не готовился, и онъ начиналъ тогда повторять свои объясненія. Въ высшихъ классахъ онъ слѣдовалъ такой системѣ: три недѣли онъ преподаетъ, объясняетъ, втолковываетъ намъ, а послѣднюю недѣлю каждого мѣсяца назначалъ для репетицій. Тутъ ужъ каждый долженъ былъ отвѣчать, но по своей охотѣ, въ тотъ день, когда подготовился. Въ періодъ этихъ репетицій можно было просить новыхъ объясненій, и Валеріанъ Ильичъ охотно давалъ ихъ. Двери его квартиры всегда были открыты для учениковъ.

Особымъ вниманіемъ и любовью В. И. Дементьева пользовался нашъ классъ. Когда Дементьевъ получилъ должность инспектора и былъ переведенъ во 2-ю гимназію, то онъ ни за что не хотѣлъ бросить насъ и передать въ руки новаго и незнакомаго учителя. Онъ безвозмездно продолжалъ свое преподаваніе и довелъ насъ до университета, исхлопотавъ на это особое разрѣшеніе.

Среди любимаго класса, у вполне безпристрастнаго и справедливаго Валеріана Ильича были избранные, особенно любимые ученики. Это не были первые по балламъ ученики, но способные и развитые. Въ число этихъ избранныхъ имѣлъ счастье попасть и я. Бывало Валеріанъ Ильичъ зазоветъ насъ 3—4-хъ къ себѣ, въ свою чистенькую и скромную квартирку, угоститъ чаемъ и разными сладостями; но главное удовольствіе этихъ вечеровъ заключалось въ чтеніи и въ оживленной, свободной и добродушной бесѣдѣ по поводу этого чтенія. Валеріанъ Ильичъ выписывалъ два-три журнала, изъ которыхъ и выбиралъ какую нибудь выдающуюся статью для прочтенія намъ. Мнѣ особенно дороги были эти чтенія, напоминавшія мнѣ деревню. Такимъ образомъ поощрялась и развивалась привычка къ самостоятельному чтенію и осмысливанію прочитаннаго.

Въ одинъ изъ такихъ незабвенныхъ вечеровъ Валеріанъ Ильичъ сообщилъ намъ, что въ Петербургѣ учреждается общество, имѣющее цѣлью помогать литераторамъ и ученымъ, что это общество организуется по примѣру англійскаго «Литературнаго фонда», что каждый просвѣщенный человѣкъ долженъ поддержать это общество, и что онъ поступилъ уже въ его члены.

Прощаясь со мною въ этотъ вечеръ, Дементьевъ шутливо замѣтилъ:

— Не забудьте поступить въ члены «Литературнаго фонда».

Изъ всѣхъ моихъ товарищей мнѣ одному удалось осуществить совѣтъ добрѣйшаго учителя и истиннаго наставника-друга.

Безъ сомнѣнія, я не воображалъ даже тогда, что съ 1870 года, черезъ 11 лѣтъ послѣ означеннаго назиданія, мнѣ придется быть

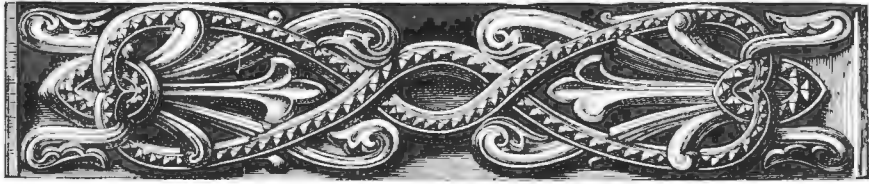
въ Петербургѣ, вступить въ число членовъ «Литературнаго фонда» и принимать болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ его задачахъ въ теченіе около 30-ти лѣтъ.

Одно время меня укоряли во враждѣ и даже въ попыткахъ погубить «Литературный фондъ»; но я возставалъ лишь противъ бездѣятельности, застоя и превращенія благихъ цѣлей этого общества въ ту банальную филантропію, которая обличена была еще Диккенсомъ, и затѣмъ и у насъ Григоровичемъ. Мнѣ больно было за тѣхъ, кому выдавались жалкія, ничтожныя подачки, на почвѣ всевозможныхъ случайностей, не исключая даже настроенія духа благотворителей, да еще и весьма часто съ худо скрытымъ пренебреженіемъ къ благотворимымъ, къ тѣмъ несчастнымъ, которые попали въ бѣдственное положеніе, вызываемое иной разъ независящими обстоятельствами.

Поскольку «Литературный фондъ» былъ чуждъ подобной филантропіи, постольку я любилъ, уважалъ и по мѣрѣ силъ поддерживалъ это учрежденіе. Да процвѣтаетъ и разрастается оно во вѣки вѣковъ на пользу родной литературы и русскаго народа!

Г. К. Градовскій.





ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПЕТЕРБУРГСКАГО ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРА  
Θ. Ф. ДУБИССА-КРАЧАКА <sup>1)</sup>.

I.



Въ 1858 году, 8-го декабря, я поступилъ 16-ти лѣтъ юнкеромъ во 2-й Кронштадтскій линейный баталіонъ. Интересенъ при этомъ слѣдующій эпизодъ. Въ то время въ Кронштадтѣ было два линейныхъ баталіона: 1-й и 2-й; оба они были такъ названы послѣ образованія ихъ изъ финляндскихъ баталіоновъ и состояли въ прикомандированіи къ отдѣльному гвардейскому корпусу, въ штабъ котораго я выдержалъ экзаменъ, и мнѣ было объявлено, что черезъ нѣсколько дней послѣдуетъ приказъ о моемъ опредѣленіи на службу.

Я ждалъ нѣсколько дней, живя въ Галерной гавани, какъ въ одинъ злосчастный вечеръ застучалъ въ прихожей ружейный прикладъ, и предо мной предсталъ большущій солдатъ въ каскѣ и съ сумкой черезъ плечо и спросилъ: «здѣсь ли недоросль изъ дворянъ

<sup>1)</sup> Послѣ смерти бывшаго петербургскаго полицеймейстера, отставнаго генералъ-майора Θомы Фердинандовича Дубисса-Крачака, умершаго въ 1900 году, остались обширныя и весьма любопытныя записки, обнимающія время службы его въ петербургской полиціи при градоначальникахъ: Треповѣ, Козловѣ, Зуровѣ, Барановѣ и Грессерѣ. Записки эти, ярко рисующія тогдашній столичный бытъ и отношеніе полиціи къ разнообразнымъ общественнымъ явленіямъ, освѣщающія многія происшествія и характеризующія личность и дѣятельность градоначальниковъ, не могутъ быть, по понятнымъ причинамъ, обнаружены теперь полностью. Благодаря разрѣшенію владѣльца этихъ записокъ, мы получили возможность напечатать лишь отрывки изъ нихъ, гдѣ описываются первые годы службы Θ. Ф. Дубисса-Крачака, сначала въ Кронштадтѣ, въ полку, а затѣмъ въ петербургской полиціи, при О. О. Треповѣ.

такой-то», т.-е. я? Здѣсь. «Получите конвертъ». Получилъ я конвертъ, а въ немъ заключалось слѣдующее извѣщеніе: «Штабъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи извѣщаетъ васъ, что его высокопревосходительство г. корпусный командиръ не соизволилъ изъявнть согласіе на опредѣленіе васъ юнкеромъ во 2-й Кронштадтскій линейный баталіонъ впредь до личнаго осмотра его высокопревосходительствомъ этого баталіона». Вотъ такъ загвоздка! Когда еще этотъ осмотръ состоится, и къ какому заключенію его высокопревосходительство придетъ, а всѣ мои ресурсы пришли къ концу, и буквально негдѣ было жить, и нечего было ѣсть, а ночлежныхъ пріютовъ въ то время еще не было. Жилъ со мною въ одной комнатѣ, пріѣхавшій со мною изъ Витебска, отставной майоръ Хитрово, хлопотавшій о возвращеніи ему ненеси за время бытности подъ судомъ и принимавшій участіе во мнѣ; съ нимъ начались совѣщанія, какъ поступить въ такомъ трудномъ случаѣ, и такъ какъ майоръ былъ человѣкъ бывалый, то и придумалъ средство. На другой день онъ отправился въ квартиру его высокопревосходительства съ задняго хода и при помощи всепокрушающаго металла узналъ, что у грознаго корпуснаго командира, генераль-адъютанта фонъ-деръ-Лауница, есть дядя старикъ, сенаторъ, добрѣйшая душа, и къ нему-то майоръ направилъ свои стопы. Сенаторъ принялъ раненаго майора (еще въ Венгерскую кампанію, и онъ вездѣ рекомендовался раненымъ и руку носилъ на черной повязкѣ), выслушалъ его и, по разсказу Хитрово, на ломаномъ русскомъ языкѣ отвѣтилъ ему: «хорошо, я сегодня буду у него и скажу ему, какъ ему не стыдно закрывать дорогу бѣдному молодому человѣку». Дѣйствительно, добрѣйшая душа былъ старикъ сенаторъ. На третій день послѣ этого фортеля вновь я услышалъ стукъ ружейнаго приклада и опять получилъ пакетъ недорослю изъ дворянъ, а внутри стояло, что его высокопревосходительство изъявило согласіе на мое опредѣленіе, и потому я долженъ явиться въ мѣсто служенія. Скоро, справедливо и милостиво. И явился я, началъ служить и забылъ о фортелѣ, но не забылъ о немъ генералъ и, запомнивъ, вѣроятно, мою фамилію, каждый разъ, когда на смотру приближался ко мнѣ, спрашивалъ тоже на ломаномъ русскомъ языкѣ: «какъ ваша фамилія?» и послѣ моего отвѣта грозилъ мнѣ пальцемъ, но ничего не говорилъ.

8 декабря 1860 года, т.-е. чрезъ два года, я долженъ былъ быть произведеннымъ въ прапорщики, но, помня генеральскій угрожающій палецъ, предчувствовалъ, что добраго нельзя ждать, такъ какъ до производства въ офицеры нужно было представляться лично въ Петербургѣ корпусному командиру, и ожидалъ, что вмѣсто производства я могу встрѣтить лишь тотъ же палецъ и ждать до второго пришествія, вѣрнѣе, до уществія съ должности генерала, вздумавшаго мстить ничтожному юнкеру.

Въ этихъ соображеніяхъ я устроилъ такъ, чтобы мое представленіе состоялось послѣ экзамена, который нужно было держать передъ производствомъ, и думалъ я себѣ, что, если не будетъ никакихъ законныхъ препятствій къ представленію меня въ офицеры, то не станетъ же онъ самовольничать. Но мои опасенія сбылись блистательно: послѣ уже экзамена, выдержаннаго мною удовлетворительно, привели меня въ пріемную залу, биткомъ набитую чающими лицедрѣть генерала, собравшимися со всѣхъ концовъ Россіи, и, какъ самага младшаго, поставили на лѣвый флангъ, въ солдатскомъ 12-ти-фунтовомъ киверѣ, и стоялъ я на вытяжку болѣе часа, пока приблизился ко мнѣ корпусный командиръ. Глаза у меня налились кровью, ноги затекли, а страхъ дополнялъ остальное; въ такихъ эмоціяхъ я ждалъ, что изрекутъ генеральскія уста, и въ ушахъ у меня раздались слѣдующія слова: «у васъ взглядъ не хорошъ; если у васъ будетъ такой взглядъ, я никогда не произведу васъ въ офицеры; ступайте вонъ». До смерти буду помнить эти слова, а тогда они до того огорошили меня, что, несмотря на категорическое приказаніе: «ступайте вонъ», я не могъ двинуться съ мѣста, и добрѣйшій начальникъ штаба, генераль Веймарнъ, видя мое состояніе, взялъ меня за рукавъ и вывелъ изъ залы, а въ коридорѣ, когда я опомнившись спросилъ у него, что же мнѣ дѣлать, онъ ласково отвѣтилъ: «поѣзжайте въ Кронштадтъ и привезите о себѣ рекомендацію отъ баталіоннаго командира и не безпокойтесь». Ободренный добрымъ человѣкомъ, я поспѣшилъ по его указанію, ибо производились въ то время юнкера только разъ въ годъ, въ сентябрьской трети, и если бы меня не произвели, т.-е. не представили къ производству до 1 января 1861 года, пришлось бы ждать цѣлый годъ, а въ годъ много воды утечетъ.

Пріѣхалъ я въ Кронштадтъ въ 11 часовъ вечера, замерзшій въ солдатской шинелишкѣ, и, прямо отправившись на квартиру къ баталіонному командиру, добрѣйшему человѣку, подполковнику Николаю Степановичу Цитовичу, рассказалъ ему мою одиссею. Добрѣйшій командиръ милостиво выслушалъ меня; видно было, что онъ сдерживалъ себя, чтобы не высказаться, сейчасъ же написалъ что-то, положилъ въ конвертъ, велѣлъ отдать оный полковому писарю, а тому принести переписанную бумагу, которую обѣщаль мнѣ передать въ тотъ же день, вѣрнѣе ночь (дѣло было 29 декабря), и сказалъ мнѣ, чтобы я къ утру 30 декабря доставилъ бумагу къ начальнику штаба. Обрадованный такимъ оборотомъ дѣла, на дурную аттестацію я не рассчитывалъ, ибо занималъ должность фельдфебеля въ юнкерской командѣ, состоявшей изъ 30 юнкеровъ, между которыми были молодцы и по 30 лѣтъ и немало между ними отпѣтыхъ, что называется, молодцовъ, и если мнѣ, 18-лѣтнему юношѣ, довѣрялась эта команда, очевидно, не дурную аттестацію заслуживалъ я, что такъ и оказалось. Когда 30 декабря

я вручилъ конвертъ генералу Веймарну, онъ прочелъ бумагу и сказалъ мнѣ: «поѣзжайте обратно, ждате вамъ нечего, съ этой аттестаціей васъ въ фельдмаршалы произведутъ».

Возликовалъ я и, окрыленный надеждой, уѣхалъ въ Кронштадтъ ожидать офицерскихъ эполетъ, столь опьяняющихъ, но преслѣдованія фонъ-деръ-Лауница не кончились еще.

12 января 1861 года, высочайшимъ приказомъ я былъ произведенъ въ прапорщики, но радость мою омрачало предстоящее явленіе къ корпусному командиру, и оно состоялось при слѣдующихъ обстоятельствахъ: выпшелъ командиръ, посмотрѣлъ на меня и глухимъ голосомъ (онъ прикидывался, какъ говорили, глухимъ) сказалъ: «я примирюсь съ вами, только смотрите—уваженіе къ начальству, уваженіе къ начальству. Иначе сейчасъ въ армію переведу».

Этой угрозой окончились мои испытанія; вскорѣ корпуснаго командира, наводившаго ужасъ на подчиненныхъ, назначили командующимъ войсками Харьковскаго военного округа, и тамъ, производя смотръ войскамъ, онъ упалъ съ лошади, получилъ поврежденія при паденіи и умеръ. Да будетъ и ему миръ! Можетъ быть, у меня и дѣйствительно взглядъ нехорошъ, но послѣдующіе мои начальники такихъ замѣчаній мнѣ не дѣлали, а у нѣкоторыхъ пользовался особымъ расположеніемъ, хотя всегда отъ начальства сторонился съ особенною тщательностью, боясь прослыть милостивцемъ и быть на особыхъ правахъ.

## II.

Началась моя офицерская служба не очень удачно, что называется «первый блинъ комомъ», а главное, что съ первыхъ же шаговъ я услышалъ укоризну моему происхожденію, хотя повода къ тому ни малѣйшаго не подавалъ, ибо окружало меня все русское, съ поляками вовсе знакомъ не былъ и, казалось, былъ офицеръ, какъ офицеру и быть подобаетъ.

Дѣло въ томъ, что баталіонъ, въ которомъ я служилъ, занимался, между другими своими военными дѣлами, отбываніемъ караульной службы въ крѣпости Кронштадтѣ, и вотъ меня, по прибытіи изъ Петербурга, назначили въ караулъ въ арестантскія роты. Особенность этого караула состояла въ томъ, что послѣ пробитія вечерней зари ворота во дворъ запирались на замокъ, ключъ отдавался старшему караульному унтеръ-офицеру, и безъ его вѣдома никто во дворъ проникнуть не могъ.

Въ дежурной комнатѣ была страшная жара, воздухъ спертый и, просидѣвъ цѣлый день въ тепломъ пальто, къ вечеру я почувствовалъ головокруженіе, а вдобавокъ изъ носа пошла кровь, и не столько для облегченія себя, сколько изъ боязни запачкать



новенькое пальто, оно же было и единственное, рассчитывая, что въ случаѣ прїѣзда начальства позовутъ унтеръ-офицера отпереть ворота, а тѣмъ временемъ я успѣю одѣться,—въ такихъ соображеніяхъ снялъ я пальто и прилегъ на диванѣ. Почувствовавъ облегченіе, я быстро уснулъ и притомъ самымъ прапорщицкимъ сномъ, а на мою бѣду прїѣхалъ дежурный по карауламъ, мой же ротный командиръ, капитанъ Строльманъ, и унтеръ-офицеръ, услышавъ зовъ часового у воротъ: «старшаго съ ключемъ», сунулся ко мнѣ въ комнату, крикнулъ: «ваше благородіе, дежурный по карауламъ прїѣхаль», и, полагая, что я услышу его окликъ, побѣжалъ отворять ворота, а я ничего не слышалъ и спалъ сномъ 19-ти-лѣтняго юноши, крѣпкимъ и блаженнымъ.

Вошелъ въ комнату капитанъ Строльманъ, посмотрѣлъ, вѣроятно, злорадно на картину спящаго караульнаго офицера; унтеръ-офицеръ ринулся было будить меня, но капитанъ не дозволилъ, сказавъ: «не тронь, не тронь его», и уѣхалъ.

Спустя часа два послѣ посѣщенія дежурнаго по карауламъ, я проснулся и, узнавъ о случившемся, впалъ въ превеликое отчаяніе; главнымъ образомъ меня мучила мысль, что капитанъ доложитъ баталіонному командиру, моему благодѣтелю, и я вмѣсто того, чтобы примѣрною службою оправдать его расположеніе ко мнѣ, въ первомъ же караулѣ отличился, какъ сапожникъ. На снисхожденіе Строльмана я рассчитывать не могъ уже и потому, что всѣ знали о расположеніи ко мнѣ Н. С. Цитовича, а это вѣрнѣйшій способъ къ подвохамъ. Такъ и сбылось: на другой день я явился къ баталіонному съ повинною, ибо узналъ, что ему было уже доложено; стыдъ грызъ мое самолюбіе, а когда Цитовичъ сказалъ нѣчто въ родѣ того: такъ-то вы, батюшка (у него была привычка говорить «батюшка», и притомъ онъ плохо выговаривалъ букву т), принялись за службу,—я впалъ въ такое уныніе и грусть, что и до сихъ поръ могу себѣ ясно представить тогдашнее свое душевное состояніе. Кончилось тѣмъ, что я былъ назначенъ на 12 лишнихъ очередей въ караулъ, но откараулилъ только 8, остальные очереди прощены. Этотъ первый урокъ былъ памятенъ для меня и, можетъ быть, послужилъ къ тому, что во всю послѣдующую службу я ни разу не подвергался ни выговору, ни взысканію за неисполненіе служебныхъ обязанностей. Впослѣдствіи я узналъ, что капитанъ Строльманъ (превеликая дурачина, между прочимъ финляндецъ, до старости не научившійся говорить по-русски, крайне неразвитой притомъ) на вопросъ Цитовича, когда онъ доложилъ ему о моемъ снѣ: почему же вы не разбудили его?—отвѣтилъ: «я боялся, Николай Степановичъ, онъ полякъ, а поляки всѣ такіе дерзкіе». И Цитовичъ могъ думать, хотя и безъ основанія, что я былъ пьянъ и потому уснулъ.

Затѣмъ служба пошла своимъ чередомъ: ученье, грамота съ солдатами, опять ученье, опять грамота и больше ничего. Времени

свободнаго пропастъ, и сталъ я вдумываться, что такъ жить невозможно, что образованіе мое очень и очень маленькое, и съ нимъ вѣдь трудно прожить съ успѣхомъ, а потому надо пополнить свои знанія и, поступивъ въ Константиновское училище (тогда можно было прикомандировываться къ училищу на годъ для подготовки въ военную академію), приготовить себя къ поступленію въ военную академію. Чтобы привести въ исполненіе такія свои мечты, записался я членомъ въ Кронштадтскую морскую бібліотеку, полагаю, единственную послѣ публичной, и сталъ учиться тамъ наукамъ, какія были необходимы для экзамена. Съ большимъ восторгомъ я вызубривалъ цѣлыя руководства, и время шло весело въ увлеченіи, въ надеждахъ, окрылявшихъ мою юную голову.

Такъ прошло болѣе года, а въ 1862 году я отправился въ Петербургъ, не говоря никому ни слова, въ томъ предположеніи, что въ случаѣ отказа на мою просьбу о прикомандированіи меня къ Константиновскому военному училищу не могъ быть осмѣяннымъ. Въ робкой нерѣшимости и съ замираніемъ сердца направился я къ главному начальнику военно-учебныхъ заведеній. Сильно хотѣлось мнѣ достигнуть задуманной мною цѣли, и къ моему невыразимому удовольствію главный начальникъ весьма ласково принялъ мою просьбу и обѣщалъ исполнить, только замѣтилъ я, что бывшій вблизи него генераль какъ-то недружелюбно посмотрѣлъ на меня. Не дурной ли взглядъ мой опять не понравился, подумалъ я, но, не придавъ большого значенія генеральскому недружелюбію при ласковости главнаго начальника, съ волнующимся сердцемъ, окрыленный самыми радужными надеждами, я возвратился въ баталіонъ и заранѣе наслаждался впечатлѣніемъ, какое произведетъ на сослуживцевъ извѣстіе о прикомандированіи меня къ Константиновскому училищу. Не долго пришлось мнѣ ждать; не больше какъ черезъ недѣлю командиръ первой роты, прекрасный человекъ, очень серьезный и вдумчивый, мой доброжелатель А. Ф. Горнбургъ, встрѣтивъ меня, сказалъ:

— А вы хотѣли прикомандироваться къ Константиновскому военному училищу?

— И теперь хочу,—отвѣтилъ я,—а откуда вы узнали о моемъ желаніи?

— Получена бумага въ канцеляріи отъ штаба военно-учебныхъ заведеній, но вамъ отказъ.

Великій ударъ причинилъ мнѣ добрѣйшій Горнбургъ. Я отправился въ канцелярію, адъютантъ далъ мнѣ бумагу, и въ ней дѣйствительно стояло: «На прикомандированіе ваше къ Константиновскому военному училищу главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній не соизволилъ изъяснить согласія». Такимъ образомъ, дѣло было проиграно, и оставался вопросъ, что дѣлать дальше. Служить рядовымъ офицеромъ и тянуть лямку съ 19 лѣтъ до мо-

гилы безъ просвѣта въ тусклыхъ сумеркахъ—это ужасно, къ тому же свободнаго отъ службы времени было много, и не тратить же его въ трактирахъ и за картами, какъ то дѣлало большинство офицеровъ. Читать, но читать только для развлечения—безплодно, и положеніе мое отъ того нисколько не измѣнялось, а жить на жалованье въ 92 рубля въ треть трудно. Такъ разсуждая и не видя исхода, я рѣшилъ, при помощи Кронштадтской морской библіотеки, продолжать самообразование въ томъ соображеніи, что хотя участь моя горькая и не перемѣнится, но зато для души пріятнѣе, и пригодятся на что нибудь добытыя мною познанія.

Въ чтеніи разныхъ книгъ я наткнулся и на Добролюбова; сначала чтеніе критики показалось тоскливымъ, но я пересилилъ себя, и такъ полюбилъ мнѣ этотъ незабвенный для меня писатель, ставшій моимъ нравственнымъ учителемъ, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ я только и занимался изученіемъ всѣхъ критическихъ статей Добролюбова, и это изученіе привело меня къ благотворнымъ результатамъ: я почерпнулъ прямой, честный взглядъ на отношенія людей, мнѣ данъ былъ этими статьями какъ бы указатель къ пониманію литературныхъ произведеній, т.-е. къ уразумѣнію ихъ достоинствъ, и я былъ гарантированъ отъ чтенія разной дребедени, дѣйствующей тлетворно на умъ и сердце.

Заручившись такимъ руководителемъ, я уже сознательно подвизался на избранномъ мною пути и въ этомъ-то поступательномъ движеніи засталъ меня 1863 годъ, въ который разразилось давно подготовлявшееся польское возстаніе.

Газетъ ежедневныхъ я тогда не читалъ, хотя почитывалъ «Колоколь», обязательно доставлявшійся мнѣ полковымъ докторомъ Полуектовымъ, а потому и не былъ освѣдомляемъ своевременно о событіяхъ дня. Однажды, послѣ утреннихъ занятій въ ротѣ, въ казармахъ, зашелъ я въ дежурную офицерскую комнату, чтобы повидать нужныхъ товарищей и взглянуть на получавшуюся какую-то газету, вѣроятно, «Русскій Инвалидъ», какъ встрѣтилъ тамъ Полуектова, и онъ спросилъ меня:

— Зачѣмъ вы здѣсь?

Полагая, что онъ говоритъ о томъ, зачѣмъ я пришелъ въ дежурную комнату, я отвѣтилъ, что зашелъ по окончаніи ученья.

— Не о томъ я спрашиваю у васъ,—продолжалъ назидательно докторъ.

— Тогда я не понимаю, о чемъ вы спрашиваете меня.

— Я хочу сказать, что ваше мѣсто не здѣсь, а тамъ, гдѣ проливаютъ кровь ваши земляки за родину.

— Здѣсь я узналъ, что въ «Русскомъ Инвалидѣ» было извѣстіе о вспыхнувшемъ возстаніи и о стычкѣ русскихъ войскъ съ повстанцами. Отлично помню, что извѣстіе это произвело на меня крайне тягостное дѣйствіе. Будучи въ центрѣ, такъ сказать, рус-

ской военной мощи, зная безъ прикрасть о военномъ могуществѣ государства, съ другой стороны получая въ обществѣ отъ порядочныхъ людей самые радушные авансы, я скорбѣлъ вдвойнѣ, ибо видѣлъ, что возстаніе кончится гибельно для возставшаго народа, и поляки теряютъ то выдающееся положеніе, которымъ они пользовались въ русскомъ обществѣ и въ русской государственной службѣ. Только злой врагъ могъ надумать неизвѣстныхъ мнѣ руководителей къ начатію видимо пагубнаго предпріятія; но пришлось смириться и нести еще горшую участь, чѣмъ та, которая повела меня къ самообразованію. Что касается моего міросозерцанія по случаю возстанія, то я разсуждалъ такъ: прежде всего я русскій офицеръ, принявшій присягу, слѣдовательно въ качествѣ такового могу быть только подъ русскими военными знаменами, если бы и прельщала меня мысль стать за идею, то нужно было оставить службу, сдѣлаться свободнымъ человѣкомъ и тогда располагать собою. Но оставлять службу значило радикально мѣнять свою судьбу безъ всякихъ къ тому основаній. Во-первыхъ, я не полякъ, а уроженецъ Бѣлоруссіи, въ которой хотя и есть поляки и хотѣли бы сдѣлать край польскимъ, но прежде нужно было возстановить самую Польшу, а пока ея нѣтъ, нечего и толковать объ ополяченіи Бѣлоруссіи. Во-вторыхъ, если бы, думалъ я, Бѣлоруссія и стала принадлежать возрождавшейся Польшѣ, то было ли бы оттого лучше бѣлоруссамъ? Хотя я былъ и очень несвѣдущимъ въ жизни юношей, но видѣлъ польскую интеллигенцію, т.-е. зажиточныхъ польскихъ людей, и мнѣ они не очень понравились; можетъ быть, у меня вкусъ не достаточно былъ развитъ, но я не чувствовалъ никакого тяготѣнія къ владычеству въ Бѣлоруссіи польскаго панства... И самое царство Польское меня мало занимало: я тамъ никогда не былъ, никого тамъ не зналъ, даже не имѣлъ точнаго понятія о характерѣ чистокровныхъ поляковъ; польской же идеи, которая могла бы быть выставлена на знамени возстанія, взамѣнъ русской,—идеи «владычества» я не зналъ и потому съ твердою убѣжденностью въ правотѣ своего мышленія продолжалъ исполнять мои служебныя обязанности, не смущаясь разными теченіями и теоріями.

Въ то время моя сестра жила въ Витебской губ., и оттуда я получилъ письмо отъ неизвѣстнаго мнѣ дотолѣ Вериго; въ письмѣ этомъ Вериго рекомендовалъ себя побывавшимъ на конѣ и подъ конемъ, длинно излагалъ обязанность каждаго заботиться о присныхъ своихъ, о землякахъ, о родинѣ и высказывалъ, что навѣрно и я такихъ же убѣжденій и сумѣю исполнить свои обязанности. Понявъ это письмо, какъ призывъ въ ряды повстанцевъ, и желая разъ навсегда отдѣлаться отъ такихъ приглашеній, вовсе не согласовавшихся съ моими убѣжденіями и свѣдѣніями, я отвѣтилъ Вериго, что, во-первыхъ, считаю себя слишкомъ ничтожной вели-

чиной, чтобы разыграть роль какого-то руководителя (и объ этомъ что-то говорилось въ письмѣ), и, во-вторыхъ, дѣйствительно каждый имѣетъ свои обязанности, и я имѣю ихъ и полагаю въ моей настоящей службѣ. Больше приглашеній я не имѣлъ отъ Вериго, отвѣта не получилъ и письмо его порвалъ недавно, при разборѣ давнишней переписки.

Пошли приготовленія въ Кронштадтѣ къ встрѣчѣ французовъ и англичанъ; начали вооружать форты, а солдаты пить водку, ибо на казенныхъ работахъ на морѣ всегда дается водка. Военное начальство усиленно заботилось о благонадежности состава офицеровъ въ крѣпости, и потому полковому командиру, нѣмцу Штольценвальду, послѣдовалъ запросъ: терпимы ли офицеры католики, служащіе въ его полку, и не нужно ли ихъ перевести?

На эту бумагу благородный тевтонъ отвѣтилъ, что служащіе у него въ полку 5 человекъ офицеровъ-католиковъ не только терпимы, но необходимы въ полку; къ тому же онъ принимаетъ на личную свою отвѣтственность этихъ офицеровъ. Въ числѣ 5 человекъ были: полковой адъютантъ (Ходоровичъ), библиотечаръ и завѣдывающій полковой швальней, я, два ротныхъ командира и одинъ субалтернъ-офицеръ. Итакъ, мы, католики, 5 человекъ, благодаря рыцарству К. Г. Штольценвальда, не были выброшены изъ полка—и это важное нравственное удовлетвореніе.

### III.

Когда Кронштадтъ вооружился, всѣ солдаты и офицеры нашего полка были на багареяхъ, я же, какъ занимавшій не фронтową должность, былъ въ городѣ, и однажды, когда случилось мнѣ проходить по Господской улицѣ, меня обогналъ на своей лошади полковой командиръ; замѣтивъ его, я приложился къ козырьку, а онъ остановилъ лошадь, знакомъ подозвалъ меня къ себѣ и, указавъ на дрожки, сказалъ: «садитесь». Полковникъ былъ замѣчательно неразговорчивъ, и къ его малословію всѣ офицеры привыкли; тѣмъ не менѣе, получивъ такое молчаливое приглашеніе и не догадываясь о поводѣ къ нему, я былъ озадаченъ: ужъ не подъ арестъ ли онъ везетъ меня, волновался я. Подъѣхали къ подъѣзду командирскаго дома, полковникъ знакомъ же пригласилъ меня сойти съ дрожекъ, потомъ рукой указалъ на входную дверь, и мы очутились въ прихожей, а затѣмъ въ столовой, гдѣ m-me Штольценвальдъ приготовляла чай (дѣло было около 2 час. дня)—«Rekomendoję, to pan bibliotekarz»,—обратился полковникъ къ женѣ, указывая на меня, и мое удивленіе увеличивалось; я и не подозрѣвалъ, что Штольценвальдъ говоритъ по-польски, не зналъ, что жена его полька, а, кромѣ всего этого, все же не понималъ, зачѣмъ меня такъ внезапно онъ остановилъ и привелъ на реко-

мендацію. Вскорѣ выяснилось, что полковникъ хотѣлъ ввести меня въ свой домъ частнымъ знакомымъ и для этого употребилъ описанный маневръ. Изъ всѣхъ офицеровъ полка только одинъ баталіонный командиръ (подп. Ланге) и полковой адъютантъ бывали у командира въ качествѣ знакомыхъ, стало быть, сдѣланное мнѣ отличіе было большимъ авансомъ для меня, но этотъ авансъ скорѣе былъ мнѣ тягостенъ, чѣмъ льстилъ моему самолюбію.

Дѣло въ томъ, что отъ юности моей больше всего я любилъ независимость, и эта любовь въ то время какъ разъ совпадала съ моими занятіями и настроеніемъ; знакомство же съ командиромъ вызвало посѣщенія его по вечерамъ, игру въ карты и т. д., словомъ налагало на меня обязанности, исполняя которыя я долженъ былъ непроизводительно тратить дорогое для меня время. А время было дѣйствительно дорогое. Тогда былъ періодъ полного разгара въ журналистикѣ, публицистикѣ и литературѣ; появился романъ Чернышевскаго «Что дѣлать?», и всѣ кронштадтскія морскія дамы почувствовали равнодушіе къ своимъ мужьямъ, до того казавшимся имъ совершенно подходящими. Каждую книжку «Современника» я ожидалъ, какъ пріятнѣйшаго гостя, и съ упоеніемъ читалъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» Корша «Незнакомца» (Суворина).

Знакомство съ командиромъ не производило на меня хорошаго впечатлѣнія еще и потому, что я тщательно избѣгалъ всякаго повода къ обвиненію меня въ заѣздахъ къ начальству, и если товарищи узнаютъ про сдѣланный мнѣ авансъ, пойдутъ разные суды-пересуды, и напрасно сталъ бы я кого либо изъ нихъ увѣрять въ томъ, что въ случившемся я столько же повиненъ, какъ и каждый изъ нихъ; мнѣ не повѣрили бы и прославили бы меня подлипалой, милостивцемъ и т. д., а такія клички были невыносимы для моего самолюбія: я находился въ тревожномъ настроеніи. Вдобавокъ я былъ очень застѣнчивъ въ обществѣ, находилъ, что я послѣдній и вовсе не интересный человѣкъ, а это не льстило моему самолюбію, и потому предпочиталъ въ уединеніи просвѣщать себя и пополнять пробѣлы своего образованія елико возможно, такъ какъ, оборвавшись на Константиновскомъ училищѣ, я мечталъ приготовиться къ поступленію въ военную академію непосредственно, хотя къ этому было очень мало шансовъ, и поистинѣ то были мечты.

Моя тревога не обманула меня, и вскорѣ Штольценвальдъ, призвавъ меня въ полковую канцелярію, предложилъ занять вакантную должность полкового адъютанта. Опять горе: съ должностью сопряжены немалыя занятія; нужно время на это, стало быть, мои мечты окончательно должны улетучиться, но я все же рассчитывалъ на свободные вечера, жертвуя дни службѣ; однако-жъ и эти мои расчеты были парализованы командиромъ. Въ тотъ же день, уходя изъ канцеляріи, онъ пригласилъ меня къ обѣду и добавилъ: «каждый день, пожалуйста». Горе и горе... Пошелъ я къ

обѣду, а послѣ обѣда ералашъ, затѣмъ чай и опять ералашъ, и домой вернулся я въ 12 часовъ ночи. «Прощай мои мечты, прощай свѣтлыя надежды», какъ говорить въ «Доходномъ мѣстѣ» Жадовъ. На другой день я опять пошелъ къ обѣду и опять вернулся домой въ 12 часовъ ночи... Думалъ, хватить у меня силы смириться, подчиниться обстоятельствамъ и принимать жизнь такую, какъ она дается, но не хватило, и на третій день къ обѣду не пошелъ. Разумѣется, я предвидѣлъ, что отъ такой моей дерзости ничего добраго для меня не произойдетъ, и дѣйствительно, когда командиръ спросилъ у меня о моемъ отсутствіи, я прямо отвѣтилъ, что для меня просто невозможно цѣлые дни проводить внѣ дома, а обѣдать я привыкъ въ 2 часа дня, у него же обѣдали въ 5—6 часовъ.—Да, вамъ не удобно,—замѣтилъ молчаливый полковникъ и больше къ обѣду меня не звалъ, а чрезъ недѣлю прибылъ къ намъ въ полкъ новый офицеръ, Сергѣй Ивановичъ Атряскинъ; Штольценвальдъ предложилъ ему должность полкового адъютанта, мотивируя это предложеніе тѣмъ, что я имѣлъ свои прямыя обязанности и былъ только исправляющимъ должность. Такому обороту дѣла я крайне обрадовался, хотя съ того времени Штольценвальдъ сталъ еще молчаливѣе въ отношеніи меня, но къ себѣ все же звалъ, и я изрѣдка бывалъ у него.

Въ то время гвардія готовилась въ походъ противъ польскихъ повстанцевъ, и въ полкахъ недоставало офицеровъ. Помню, какъ вмѣстѣ съ полковымъ адъютантомъ Ходоровичемъ (Атряскинъ вскорѣ ушелъ изъ полка) мы были у Штольценвальда; онъ только что возвратился изъ Петербурга и рассказывалъ, что былъ у начальника главнаго штаба, генерала графа Гейдена, особымъ вниманіемъ котораго онъ пользовался, и что Гейденъ спрашивалъ его, нѣтъ ли достойныхъ для перевода въ гвардію офицеровъ, вслѣдствіе чего Штольценвальдъ предложилъ мнѣ и Ходоровичу быть прикомандированными къ гвардейскимъ полкамъ для перевода впослѣдствіи въ эти полки; но тогда было особое у всѣхъ настроеніе и особое время; уравниеніе чиновъ въ гвардіи и арміи считалось столь непреложнымъ, а существовавшее преимущество гвардіи столь возмутительнымъ, что оба мы отказались отъ предложенія, хотя нѣсколько лѣтъ тому назадъ всякій армейскій офицеръ подобное предложеніе принялъ бы за счастье. Какое время—такія и птицы.

— Тогда, — продолжалъ Штольценвальдъ, — если не хотите въ гвардію, то я предложу вамъ командировку для сформированія мѣстныхъ резервныхъ баталіоновъ; меня просилъ начальникъ мѣстныхъ войскъ, генералъ Швевъ, рекомендовать ему надежныхъ офицеровъ, и я обѣщалъ, а потому не отказывайтесь, пробудете тамъ полгода и по сформированіи возвратитесь, — закончилъ добродетельный командиръ.

Ходоровича удерживали домашнія дѣла въ Кронштадтѣ, и потому онъ попросилъ уволить его отъ командировки, а я, какъ совершенно свободный, согласился, и послали меня въ г. Опочку для сформированія 6-го пѣхотнаго резервнаго баталіона, куда я вскорѣ и прибылъ.

Пріѣхалъ я въ Опочку зимой, остановился въ гостиницѣ. Въ 7 часовъ вечера въ городѣ этомъ водворяется такая тишина, что каждый шорохъ слышенъ; тоска убійственная; сижу въ номерѣ и думаю: «занесть же вражій духъ меня на распроклятую квартиру». Слышу за стѣной харканье, шаги, отплевываніе, и черезъ нѣкоторое время раздается голосъ моего сосѣда: «Милостивый государь, вы пріѣзжіе?»—«Пріѣзжіе».—«Не въ баталіонъ ли къ намъ пріѣхали?»—«Въ баталіонъ».—«Я баталіонный докторъ, прошу ко мнѣ пожаловать, и потолкуемъ отъ скуки, — моя фамилія Церпицкій».—«Благодарю»,—отвѣчаю я и направляюсь по зову, душевно обрадованный, что хоть поговорить придется. Докторъ Церпицкій, среднихъ лѣтъ мужчина, здоровый и румяный, какъ впоследствии оказалось, отличный малый, принялъ меня радостно, познакомилъ заочно съ офицерами баталіона и командиромъ оваго, старымъ ветераномъ, подполковникомъ Мравчинскимъ, а въ концѣ бесѣды вынулъ изъ печки судокъ съ оставшимся мясомъ отъ обѣда и предложилъ закусить: вполне по-офицерски.

На другой день я представился командиру, засталъ его въ черномъ дубленомъ полушубкѣ, съ длинной трубкой въ зубахъ; открытый и радушный стараго закала армейскій офицеръ. Было 10 час. утра, командиръ пригласилъ меня позавтракать и тутъ же объявилъ, что назначаетъ меня завѣдывающимъ хозяйственною частью, т.-е. поручаетъ вѣдать денежнымъ и вещевымъ довольствіемъ наличныхъ людей и заготовкой обмундированія на 1.000 рекрутъ, имѣющихъ прибыть послѣ набора въ баталіонъ.

Закипѣла работа, пошла постройка и пристройка къ мѣсту, такъ какъ ничего не было приспособлено ни для канцеляріи, ни для швальни, а къ веснѣ, къ марту, баталіонъ имѣлъ быть въ полномъ составѣ и со всей обмундировкой. Вскорѣ пріѣхалъ генералъ Швевъ смотрѣть баталіонъ, назначилъ смотръ кадру, и Мравчинскій долженъ былъ произвести ученье; но такъ какъ Мравчинскій въ теченіе года ни на одномъ ученѣ не былъ, то многое позабылъ и, командуя на смотре ружейные приемы, сбился въ командѣ. Швевъ, видимо уже ранѣе неблагопріятно относившійся къ Мравчинскому, закричалъ: «Довольно, довольно, ступайте прочь. Вы лишняя пѣшка (произносилъ пѣшка) въ баталіонѣ».

Разсерженный на смотре, Швевъ пріѣхалъ повѣрять баталіонныя суммы, отчетностью по которымъ завѣдывалъ я; деньги хранились у командяра на квартирѣ, и хотя нѣсколько разъ я пред-



лагалъ ему завести казенный сундукъ для денегъ и держать таковой въ казначействѣ, онъ все откладывалъ это дѣло, и пришлось ему вынуть деньги изъ своего комода въ присутствіи Швебса. Тотъ саркастически разсмѣялся и, когда Мравчинскій сталъ оправдываться, серьезно сказалъ: «нѣтъ, нѣтъ, я ничего, если деньги цѣлы, я ничего».

Поѣхалъ генералъ въ швальню, осмотрѣлъ подробно всю обмундировку и запасъ обмундировочныхъ матеріаловъ; мѣрилъ, прикидывалъ, нюхалъ; все оказалось въ порядкѣ и должнаго качества, послѣ чего, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «я доволенъ, я вижу труды, благодарю васъ», — и уѣхалъ изъ швальни, а вскорѣ и изъ Опочки, отказавшись отъ обѣда, предложеннаго ему Мравчинскимъ.

Провожалъ Швебса, вѣрнѣе являлся къ нему передъ отъѣздомъ, только одинъ командиръ и, по отъѣздѣ начальства, сказалъ мнѣ, что онъ обращался къ генералу съ просьбою о переводѣ меня въ баталіонъ, на что Швебсъ отвѣтилъ: «этого я не могу сдѣлать, онъ католикъ».

«Я самъ католикъ»,—возразилъ Мравчинскій, но Швебсъ не унялся и пояснилъ: «это другое дѣло, вы кровью заслужили».

Такой разговоръ Мравчинскаго ошеломилъ меня: ужъ если въ 6-мъ пѣхотномъ резервномъ баталіонѣ, въ г. Опочкѣ, въ такомъ образцовомъ захолустѣ, нельзя служить католику-офицеру, то гдѣ-жъ можно служить? Куда дѣваться?

Сдалъ я свою должность, получилъ квитанцію и отправился въ свой полкъ, размышляя: «поѣду въ свой полкъ родной, тамъ находили, что я—въ числѣ офицеровъ, не только терпимыхъ, но и необходимыхъ».

Принять я былъ въ полку дружелюбно и командиромъ и товарищами; всѣ радовались, что я возвратился; дали мнѣ первую роту во 2-мъ баталіонѣ и, узнавъ въ Кронштадтѣ, что въ полкахъ и во всѣхъ воинскихъ частяхъ установленъ процентъ католиковъ-офицеровъ, что настало для сихъ паріевъ время, когда находящійся на горѣ не долженъ спускаться съ нея, а подъ горою—не долженъ подыматься на гору,—я весь предался службѣ, зарылся въ книги и въ нихъ блаженство почерпалъ въ часы, свободные отъ ротныхъ занятій. Была и въ этомъ своя поэзія; много пережилъ и свѣтлыхъ минутъ и горькихъ ощущеній; объ этомъ послѣ напишу, а теперь скажу, что съ 1865 года, когда возвратился изъ Опочки, и по 1870 годъ я командовалъ 5-ю ротой; принялъ ее подпоручикомъ и сдалъ капитаномъ.

Назначили Штольценвальда начальникомъ обмундировальной мастерской въ Москву; вмѣсто него явился полковникъ Панпушко, про котораго, подражая Устрялову, можно сказать «и едва ли не изъ солдатъ». Любилъ онъ и больше всего обращалъ вниманіе на

маршировку; въ бытъ офицерскій вовсе не входилъ, думая, вѣроятно, что всякій о себѣ, а Богъ обо всѣхъ: жалованье получилъ и живи, какъ знаешь; «не о хлѣбѣ единомъ будетъ живъ человѣкъ»... этого онъ, повидимому, не разумѣлъ, а лично мнѣ на ученѣе постоянно замѣчалъ: «подпоручикъ Крачакъ, что вы колѣнко гнете (на маршировкѣ); ходите точно помѣщикъ». Угадалъ; я теперь дѣйствительно, хоть маленькій, а все же помѣщикъ.

Недолго командовалъ полкомъ этотъ оракуль; вскорѣ куда-то его перевели, а на мѣсто его назначили полковника фонъ-Тальберга, и иной жизнью повѣяло въ полку.

На первыхъ порахъ со мною приключился слѣдующій казусъ.

Новый начальникъ всегда присматривается къ офицерамъ, чтобы опредѣлить, на кого положиться можно, и въ такихъ случаяхъ, разумѣется, только на время получаютъ фаворъ офицеры, почему либо раньше знакомые начальству; чрезъ нихъ прибывшій узнаетъ, по ихъ рассказамъ, разумѣется, объ офицерахъ и, конечно, иногда получаетъ ошибочныя представленія; но бываетъ часто такъ, что, пока солнышко взойдетъ, роса глаза выѣстъ. Такимъ фаворитомъ у Тальберга на первыхъ порахъ оказался баталіонный командиръ, майоръ Молдавскій, бывшій дажурный корпусный офицеръ. Молдавскій считалъ себя и красавцемъ, и умницей, и непогрѣшимымъ, а меня не долюбивалъ за то, что я не признавалъ за нимъ всѣхъ присвоенныхъ имъ себѣ качествъ, вдобавокъ считался въ полку заступникомъ молодыхъ офицеровъ. Дѣйствительно около меня всегда группировалась молодежь, и въ случаѣ какой обиды я всегда выступалъ защитникомъ и толкователемъ ошибокъ юношей, а баталіоннымъ командирамъ эта роль моя не нравилась, въ особенности Молдавскому, и не безъ основанія я заключилъ, что новому командиру онъ поднесъ обо мнѣ рекомендацію не особенно дружескую, но какую именно — не зналъ.

Былъ у меня еще антагонистъ, поручикъ Иващенко, переведенный къ намъ изъ какого-то армейскаго полка, бывшаго на усмиреніи польскаго мятежа. Въ нашемъ полку служили все бѣдняки, съ трудомъ перебивавшіеся на жалованье, и если случалось зайти другъ къ другу въ гости, то, смотря по времени дня, давалось и угощеніе, но самаго дешеваго свойства; квартирная обстановка у каждаго состояла только изъ необходимаго.

Въ полкахъ всегда бываютъ одинъ — два офицера, около которыхъ группируются; иные живутъ дикими; иные предпочитаютъ трактирную жизнь. Иващенко, прибывъ въ полкъ, задумалъ составить собою центръ для группировки, съ каковою цѣлью устроилъ у себя вечеринку, пригласилъ офицеровъ по своему усмотрѣнію, въ томъ числѣ и меня. Обстановка квартиры новичка поразила всѣхъ и меня: на стѣнахъ и на полу недурные ковры, на стѣнныхъ коврахъ было развѣшано дорогое оружіе, а когда

подали чай на серебряномъ подносѣ въ серебряныхъ подстаканникахъ и все остальное соотвѣтственно этому, — гг. офицеры даже смутились: экій богачь!—видно было на лицѣ каждаго, и такъ бы Иващенко богачемъ и остался, но онъ, видя смущеніе гостей, въ торжествѣ своемъ и желая, вѣроятно, поразить своею храбростью, началъ разсказывать о своихъ подвигахъ при усмиреніи повстанцевъ и между прочимъ описалъ, какъ подъ Вильной, по приказанію Муравьева, было велѣно унычтожить мызу помѣщика Сестренцевича, очень богатаго мѣстнаго магната, за то, что на мызѣ той были спрятаны повстанцы.

«И вотъ, — повѣствовалъ торжествующій Иващенко, — пришелъ нашъ баталіонъ на мызу совершенно неожиданно, переполохъ ужасный. Сейчасъ же приказано было владѣльцу съ чадами и домочадцами удалиться, а мыза была отдана на разграбленіе баталіону; офицеры вошли въ домъ, а солдаты подъ домъ и около; въ домѣ богатство, оружіе, серебро, драгоценныя вещи»...

Всѣ гости стали поводить глазами то по оружію на стѣнахъ квартиры Иващенко, то на серебряные подстаканники и... Иващенко центра не составилъ.

Этотъ-то мужъ, не знаю почему, вообразилъ, что въ претерпѣнномъ имъ фiasco главнымъ виновникомъ былъ я; вдобавокъ онъ вздумалъ присвататься къ одной, хорошаго и достаточнаго дома, барышнѣ, питавшей ко мнѣ нѣкоторую слабость, и получилъ отказъ; это второе фiasco тоже было записано мнѣ на счетъ, и Иващенко видимо сталъ выражать неприязнь ко мнѣ.

Въ одинъ неблагополучный для меня день нашъ полкъ занималъ городскія казармы; по этому случаю всѣ 12 ротныхъ командировъ находились передъ казармами, осматривая одежду людей своихъ ротъ, вступившихъ въ казармы, и когда караулы разошлись, нѣсколько ротныхъ командировъ, въ томъ числѣ Иващенко и я, остались передъ казармами и, поговоривъ, хотѣли направиться по домамъ, но я увидѣлъ вдали ѣдущаго, направлявшагося въ казармы, полковника Тальберга. Зная, что полковые командиры любятъ видѣть въ казармахъ ротныхъ командировъ, и такъ какъ время было еще раннее, то я и обратилъ вниманіе товарищей на полковника, предложивъ отправиться въ казармы вмѣсто квартиръ. Всѣ согласились съ моимъ предложеніемъ и стали направляться каждый къ входнымъ дверямъ своей роты; только Иващенко отвѣтилъ мнѣ: «пусть идутъ въ казармы тѣ, кто распиваетъ чай у командира, а я пойду домой». Такъ какъ это была дерзость, направленная прямо ко мнѣ, и намекъ на мое знакомство съ Штольценвальдомъ, то я и отвѣтилъ: «ошибаетесь, я у командира полка чаевъ не распивалъ». — «Какъ вы смѣли мнѣ возражать!—вспылилъ Иващенко:—руку подъ козырекъ, подпоручикъ!».—Видя, что мой противникъ обезумѣлъ, и сознавая, что онъ поручикъ и, стало

быть, старше меня, я взялъ руку подъ козырекъ и сказалъ: «извольте, я возьму руку подъ козырекъ, а все же я сказалъ правду». Но Иващенко не успокоился и продолжалъ: «я въ Варшавѣ не воспитывался и вашихъ хитростей не понимаю». На это я возразилъ, что и я въ Варшавѣ не воспитывался и не понимаю безтактности его замѣчанія, непристойнаго даже и для солдата. Съ этими словами, крайне взволнованный незаслуженной обидой, я направился домой, а Иващенко въ казармы. Вскорѣ мой сожитель пришелъ изъ казармъ и сообщилъ мнѣ, что Иващенко пожаловался на меня полковому командиру, а тотъ, не разобравъ самъ дѣла, приказалъ собраться офицерскому суду, председателемъ коего былъ майоръ Молдавскій, говорившій съ Тальбергомъ, послѣ принесенія Иващенкою жалобы. Было ясно, что Молдавскій воздѣйствовалъ на рѣшеніе командира полка и еще яснѣе руководствовался при этомъ недружелюбными ко мнѣ чувствами: смиримъ, дескать, молодца.

#### IV.

Собрался судъ. Молдавскій смотрѣлъ торжественно и самодовольно; кромѣ него, судъ состоялъ изъ 3-хъ офицеровъ. Иващенко имѣлъ видъ блудливой кошки, и хотя председателемъ было разрѣшено ему изложить свое обвиненіе, но онъ отъ этого уклонился, предоставляя первое слово мнѣ.

Такая трусость Иващенко возмутила меня, и я выразилъ председателю свое недоумѣніе по поводу такого оборота дѣла: какъ же я могъ отвѣчать на обвиненіе, не зная самаго обвиненія? Но Молдавскій, видимо запрошенный Иващенкою и, какъ мелкая душонка, желая во что бы то ни стало насолить мнѣ, все же предложилъ мнѣ рассказать дѣло. Чувствуя, что, если не подчинюсь этому, хотя дикому, но властному произволу, меня обвинять въ неповиновеніи, я рѣшилъ повести дѣло напрямикъ и, начавъ съ того, что если судъ не знаетъ дѣла, а принесшій на меня жалобу теперь скрываетъ ее, то поневолѣ приходится комунибудь объяснить это дѣло, а это объясненіе начинаю я по приказанію председателя. И я объяснилъ, насколько могъ, въ юмористическомъ духѣ. Собравшіеся на судѣ офицеры во время моей рѣчи начали хихикать не въ пользу Иващенко; онъ замѣтилъ это, убоился провала и сталъ меня перебивать. Пришлось обратить вниманіе председателя на то, что если имъ предоставлено слово мнѣ, то и долженъ же я пользоваться этимъ правомъ, а если г. Иващенко не даетъ мнѣ говорить, то я умолкну. Председатель долго не рѣшался, какъ ему поступить, обращался и къ Иващенко и ко мнѣ съ увѣщаніями о чемъ-то, наконецъ просилъ Иващенко не перебивать меня, и я продолжалъ.

Заклучивъ изъ происшедшаго уже, что большинство офицеровъ на моей сторонѣ, и что махинаціи Молдавскаго ни къ чему, кромѣ его собственнаго посрамленія, не поведутъ, я почувствовалъ большую увѣренность въ хорошемъ исходѣ дѣла; эта увѣренность воодушевила меня, и мнѣ удалось поставить Иващенко съ его жалобой въ такое комическое положеніе, что при окончаніи моего разсказа всѣ офицеры разсмѣялись. Мой обвинитель, окончательно смутясь, началъ какой-то лепетъ, въ которомъ и просилъ извиненія у меня и будто бы въ то же время обвинялъ; много разъ заявлялъ, что онъ окончилъ рѣчь свою, потомъ опять начиналъ говорить, и дѣйствительный конецъ его ораторства былъ тотъ, что вызвалъ дружный хохотъ офицеровъ.

Дѣло было проиграно; Молдавскій злился, хотя тщательно скрывалъ столь нѣжныя ко мнѣ чувства, и приступилъ къ вопросу свидѣтелей. Всѣ бывшіе при упомянутомъ эпизодѣ единогласно показали, что я не подалъ ни малѣйшаго повода Иващенко причинить мнѣ неприятели, и что они понять не могли, чего ради этотъ офицеръ такъ озлобленно принялъ мое предложеніе, сдѣланное притомъ командирамъ, отправиться въ казармы, и находятъ, что не ему, Иващенко, а мнѣ слѣдуетъ считать себя обиженнымъ, а если Иващенко при всемъ томъ еще принесъ жалобу командиру, то такой его поступокъ служить отличной характеристикой его нравственнаго облика. Въ заключеніе, одинъ изъ судей, капитанъ Николаевъ, попросилъ предсѣдателя дозволить ему сказать слово и приблизительно сказалъ слѣдующее:

— Что тутъ, господа, говорить: Ѳому Фердинандовича я знаю съ юнкера, могу сказать: хорошій офицеръ, хорошій товарищъ! А г. Иващенко, кто его знаетъ, откуда онъ взялся, чего онъ хочетъ и зачѣмъ смуты между нами заводитъ?

И рѣшилъ: предложить поручику Иващенко оставить полкъ въ теченіе мѣсяца. Я былъ реабилитированъ, командиръ полка, волеиневолей, долженъ былъ узнать о томъ значеніи, какое я имѣлъ между офицерами, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не признать, что г. Молдавскій плохой просвѣтитель относительно качествъ полковыхъ офицеровъ, и роль его была спѣта. Что касается меня, то командиръ сдѣлалъ мнѣ нѣкоторый комплиментъ, не помню точныхъ словъ; но, возмущенный всей постановкой дѣла, я не только не придавалъ значенія этому комплименту, а выказалъ себя обиженнымъ превыше пустыхъ любезностей, что было и въ дѣйствительности; такую мою неугомонность командиръ наматалъ себѣ на усъ.

Разбитый въ своихъ вождедѣніяхъ, Иващенко не успокоился; онъ поѣхалъ въ Петербургъ въ штабъ мѣстныхъ войскъ, подалъ тамъ генералу Швобсу какой-то доносъ и, возвратившись, распустилъ между офицерами слухъ, что онъ полка не оставитъ, а напротивъ того меня уберутъ и всѣхъ поляковъ, отъ которыхъ де житья

русскимъ не стало, Оказалось, что храбрый поручикъ наговорилъ Швобсу, что въ полку поляки господствуютъ: полковой адъютантъ— полякъ, 2 ротныхъ командира-поляки, а у одного изъ нихъ (у меня) и фельдфебель полякъ (былъ и до меня фельдфебелемъ, когда я былъ еще юнкеромъ даже) и т. д. и т. д., словомъ, по извѣту этого артиста выходило, что Кронштадтскій полкъ чуть ли не возстаніе затѣваетъ.

Швобсъ, получивъ такое ужасное заявленіе, какъ человѣкъ бывалый, прежде чѣмъ предпринять что либо офиціальное, обратился къ своему знакомому генералу въ Кронштадтѣ, прося его частно разузнать все дѣло и ему сообщить. Генераль разузналъ и сообщилъ, а послѣдствія этого сообщенія были тѣ, что совершенно неожиданно лѣтомъ съ однимъ изъ кронштадтскихъ вечернихъ пароходовъ пріѣхалъ старикъ генераль въ Кронштадтъ и прямо направился въ полковыя казармы. Тотчасъ далъ знать полковнику Тальбергу; съ нимъ генераль обошелъ всѣ казармы, долго бесѣдовалъ въ канцеляріи, позвалъ къ себѣ и полкового адъютанта Ходоровича, благодарилъ его за службу и приказалъ передать обществу офицеровъ, что онъ очень доволенъ ими, что въ полку «хорошій духъ», хорошій духъ, повторилъ генераль: «я желаю, чтобы и всегда былъ такой духъ». — «Да попросите отъ меня, — продолжалъ растрогавшійся старикъ, — гг. офицеровъ, чтобы они согласились дать Иващенко 4-хъ-мѣсячный срокъ для перевода; онъ былъ у меня и жалѣлъ о своихъ глупостяхъ, онъ дурно поступилъ, простите его, но больше въ полкъ онъ не явится».

Такъ закончился печальный эпизодъ со мною при назначеніи командиромъ полка фонъ-Тальберга, — эпизодъ, причинившій мнѣ много горя и волненій и тѣмъ болѣе тягостный, что онъ указывалъ на возможность совершенно невѣроятныхъ явленій на почвѣ полонизма, а въ такомъ положеніи приходилось еще долго служить.

Что дѣлать—въ чужомъ пиру похмелье, а терпѣть надо, и я продолжалъ терпѣть, но ни на минуту не чувствовалъ себя побѣжденнымъ и сознавалъ себя внѣ всякой опасности, ибо никакихъ нелегальныхъ и нелойальныхъ мыслей мнѣ и въ умъ не приходило, а изъ ничего если и можно что либо создать, какъ то сдѣлалъ Иващенко, то и выйдетъ ничего. Такова сила правды и правой совѣсти.

А все же борьбы много пришлось выносить.

Спустя годъ по прибытіи въ полкъ Тальберга (въ 1868 году), имъ назначенъ былъ въ моей ротѣ смотръ ефрейторской команды для производства нѣсколькихъ ефрейторовъ въ унтеръ-офицеры. Въ командѣ этой былъ ефрейторъ, по фамиліи Полякъ; малый трезвый (и это было самое отличительное его качество), видный собой, исполнительный и хорошій фронтовикъ, но обладавшій пресквернымъ выговоромъ, какъ говорятъ—«каша во рту», и неособеннымъ умомъ.

Осмотрѣвъ команду, полковникъ Тальбергъ сталъ каждого разспрашивать, испытывая развитіе и познанія. Дошелъ до Поляка, спрашиваетъ: «ты изъ какихъ?»—«Изъ уніатовъ, ваше высокородіе».—«Какъ это изъ уніатовъ?»—удивился командиръ, бросивъ язвительный взглядъ на меня; Полякъ же, нимало ни смущаясь (простъ былъ до крайности), продолжалъ: «такъ точно, ваше высокородіе: какъ поляки были, то и унія та была, а какъ поляковъ забрали, то и уніатовъ перевернули», — отрапортовалъ ефрейторъ. Картина! Командиръ ко мнѣ: «Что это, капитанъ, у васъ въ ротѣ говорятъ? О забранномъ краѣ, объ уніатахъ? Что у васъ солдаты читаютъ?»—«То, что вами, г. полковникъ, утверждено и для чтенія преподано»,—отвѣтилъ я возмущенный, ибо могъ ли я, да и самъ полковникъ, предусмотрѣть, что взбредетъ на умъ ефрейтору?! Ничего подобнаго отъ Поляка я, конечно, не ожидалъ; въ столь интимные разговоры, разумѣется, не входилъ, а сказалъ онъ то, что слышалъ дома отъ стариковъ, и моя ли вина въ томъ, что ему преподали?

Разсердился полковникъ, бросилъ смотръ и ушелъ; разсердился и я и заявилъ баталіонному командиру А. Ф. Горнбургу, очень справедливому и честному человѣку, что послѣ такихъ вопросовъ командира, съ какими онъ ко мнѣ обратился, я оставаться въ полку не могу, и подалъ рапортъ объ отчисленіи. Горнбургъ успокоивалъ меня, но успокоиться я не могъ и, сказавъ, что, если полковой командиръ не загладитъ своей рѣзкости, я оставлю полкъ, ушелъ домой.

По заведенному порядку, вскорѣ послѣ печальнаго для меня эпизода, приходитъ мой фельдфебель съ вечернимъ рапортомъ и съ суточнымъ приказомъ по полку; читаю слѣдующее: «Сего числа я встрѣтилъ около полковыхъ казармъ мальчика и дѣвочку, которые на вопросъ мой, чего они ожидаютъ у казармъ, отвѣтили, что они ничего не ждуть, а стоятъ у казармъ потому, что имъ дѣться некуда, такъ какъ они сироты умершаго полкового фельдшера Волковойнова и пристанища не имѣютъ, равно и средствъ къ жизни; въ казармахъ же имъ даютъ хлѣбъ и пищу, что и заставляетъ ихъ приходиться сюда. Входя въ положеніе несчастныхъ сиротъ, я привелъ ихъ въ полковую канцелярію, чтобы собрать о нихъ справки, и тутъ же командиръ 2-го баталіона, подполковникъ Горнбургъ, изъявилъ согласіе взять дѣвочку-сироту къ себѣ на воспитаніе, а мальчикъ Гавріилъ названъ «сыномъ полка»; зачисляю его въ 5-ю роту, а командиру роты, капитану Дубиссъ-Крачаку, предписываю заняться его воспитаніемъ и образованіемъ. Командиръ полка полковникъ Тальбергъ».

Коротко и ясно! Понравилось мнѣ очень сдѣланное распоряженіе съ сиротами, и польстило моему самолюбію сдѣланное предпочтеніе мнѣ, холостому, предъ всѣми ротными командирами для

столь деликатнаго дѣла. Значить, подумалъ я, командиръ положилъ гнѣвъ на милость, не сердится. Ну, а я изъ кожи полѣзу, чтобы загладить воспоминаніе о глупости Поляка и доказать Тальбергу, что умѣю цѣнить человѣческое обращеніе и умѣю трудиться.

На другой день я познакомился со своимъ питомцемъ; хотѣлъ взять его къ себѣ на квартиру для совмѣстнаго жительства, но товарищи отсовѣтовали, да и правильно: во время моего отсутствія (а при Тальбергѣ приходилось дома только обѣдать да спать, остальное время все былъ на различныхъ ученьяхъ) надзора не будетъ, станетъ баловаться, а потому пристроили его въ казармахъ, въ фельдфебельской каморкѣ, и началось ученье.

Черезъ нѣсколько дней получаю отъ Тальберга записку: «прошу прійти ко мнѣ, къ обѣду, съ сыномъ полка». Совсѣмъ миръ!

Пришелъ съ сыномъ полка, приняли радушно, посадили рядомъ съ мальчикомъ, и за обѣдомъ мнѣ представился случай особенно понравиться полковнику: денщикъ-лакей подавалъ жаркое на блюдѣ, было много соуса, и по неумѣлости денщикъ накренилъ блюдо на хозяйку дома — командиршу; Тальбергъ, чрезвычайно вспыльчивый человѣкъ, замѣтилъ это и выругался; денщикъ еще пуще смѣшался, и вотъ-вотъ вся подливка была бы на платѣхъ кокетливо-милый командирши, а такой поворотъ испортилъ бы весь обѣдъ, и мое присутствіе вышло бы не къ добру и т. д. и т. д. Все это моментально подумалось мнѣ, подѣйствовало удручающе на меня, и я скомандовалъ денщику «на себя». Денщикъ моментально выправилъ блюдо; опасность миновала, и Тальбергъ былъ въ восторгѣ: молодець, храбрый капитанъ!—крикнулъ онъ, и наступило полное оживленіе, сразу установившее отношенія мои къ семейству. Послѣ обѣда оставили играть въ ералашъ, и первый визитъ кончился тѣмъ, что я почувствовалъ полное уваженіе и къ командиру и къ командиршѣ, чувствуя въ то же время, что и Тальбергъ не питаетъ ко мнѣ непріязни; онъ былъ все время внимателенъ ко мнѣ и наблюдателенъ.

При Тальбергѣ пошла такая жизнь въ полку, какой ни до него, ни послѣ него уже не было; этотъ человѣкъ имѣлъ рѣдкую способность заинтересовать офицеровъ службой, самъ показывая примѣръ, какъ служить слѣдуетъ. Посоздалъ онъ разныя команды, полковую школу, батальонную и ротную; унтеръ-офицерскія и солдатскія команды; заставилъ ротныхъ командировъ обращать вниманіе на солдатскую пищу и для того дежурить по кухнѣ по мѣсячно каждому, о чемъ до него намъ во снѣ не чудилось, при немъ же всѣ эти занятія интересовали насъ; службѣ мы отдались съ увлеченіемъ, соревновали другъ другу и, безъ низкихъ помысловъ подставить носку одинъ другому, придумывали возможно лучший приемъ для исполненія приказаній, съ цѣлью доставить удовольствіе умному и симпатичному командиру. Несмотря на то,



что отъ 8 часовъ утра до 9 часовъ вечера, кромѣ обѣденнаго времени отъ 1 до 3-хъ, приходилось быть въ казармахъ: то при занятіяхъ въ ротѣ, то въ учебныхъ командахъ, то на кухни или въ манежѣ, время шло такъ пріятно, что никто не жаловался на тягость службы, и подобной, можно сказать, непрерывной службы, я увѣренъ, не было ни въ одномъ полку. До сего времени вспоминаю о проведенныхъ въ полку, подѣ обаятельной командой Тальберга, двухъ годахъ службы, какъ о чемъ-то поэтическомъ, отрадномъ, ласкающемъ сердце и возвышающемъ умъ. Несмотря на столько занятій, нашлось время, все подѣ влияніемъ Тальберга же, для устройства домашнихъ полковыхъ спектаклей и съ благородной цѣлью: нужны были деньги для помѣщенія сына полка въ гимназію, куда по общему совѣту офицеровъ рѣшили отдать его. Въ началѣ, когда только-что задумали спектакли, не особенно-то клеились наши предварительныя собранія для выбора пьесъ, для назначенія ролей, но это продолжалось только до перваго спектакля. Давали «Доходное мѣсто» и «Что имѣемъ, не хранимъ, потерявши плачемъ».

Мнѣ выпала роль Жадова въ первой пьесѣ, спектакль прошелъ весьма удовлетворительно, и даже мѣстная газета похвалила, а это имѣетъ свое значеніе. Первый спектакль совершенно сроднилъ между собою актеровъ; на репетиціи мы ходили, какъ на любовныя свиданія, хотя и не безъ интрижекъ было между актерами. И такъ наслаждались мы: игравшіе доставляли удовольствіе и остальнымъ товарищамъ, — собрали деньги на опредѣленіе сына и помѣстили его въ гимназію Человѣколюбиваго общества, исполнивъ тѣмъ принятую на себя обязанность. Я, согласно приказа, все время наблюдалъ за сыномъ, но съ 3-го класса онъ сталъ лѣниться, а съ 4-го перешелъ (по неотложному его желанію) въ гатчинскій учительскій институтъ, вышелъ оттуда учителемъ и уѣхалъ въ Омскій округъ, а сестра его, бывшая тамъ же со своими воспитателями, вышла замужъ за артиллерійскаго офицера. Такъ кончился эксцентричный приказъ незабвеннаго Оттона Германовича фонъ-Тальберга.

## V.

За 10 лѣтъ до описываемаго мною времени, еще будучи юнкеромъ, я почувствовалъ нѣжную склонность къ сестрѣ моего товарища и вскорѣ рѣшилъ, что, при взаимности чувствъ, дѣло доведу до брака, но такъ какъ въ то время я не имѣлъ ни малѣйшаго основанія рассчитывать на непремѣнное достиженіе цѣли, то и таилъ свои чувства и надежды отъ всѣхъ. Эта склонность много придавала мнѣ охоты и энергіи къ возможно большому самообразованію, но когда яснымъ стало, что въ военномъ вѣдомствѣ я

не могъ достигъ улучшения моего благосостоянія, то рѣшилъ было навѣки затаить свое вождельніе, что крайне удручающе дѣйствовало на меня, и подъ наплывомъ такой скорби я встрѣтилъ праздники Рождества Христова въ 1869 году, сидя одинъ въ своей квартирѣ. Избѣгая такого же одиночества, офицеръ нашего полка, поручикъ Гаевскій, зашелъ ко мнѣ, и въ разговорѣ о непритягательности офицерскаго существованія, въ порывѣ откровенности я рассказалъ ему о своихъ сердечныхъ терзаніяхъ, что въ то время только нѣсколько облегчило меня, но почти послужило къ неожиданнымъ послѣдствіямъ.

Въ этомъ же году наши актеры задумали сыграть комедію Островскаго: «На всякаго мудреца довольно простоты»; мнѣ досталась роль Глумова, а для роли моей тетушки между знакомыми дамами не было подходящей актрисы, и братъ предмета нѣжной страсти предложилъ спросить сестру, жившую въ Петербургѣ, не возьметъ ли она на себя эту роль. Предложеніе было принято нашимъ режиссеромъ, а вѣроятный пріѣздъ изъ Петербурга новой актрисы приводилъ меня въ великую тревогу. Предложеніе было принято и въ Петербургѣ; актриса пріѣхала, и такимъ образомъ Гаевскій, этотъ роковой для меня Гаевскій, разыгралъ роль Мефистофеля. Почти по тѣмъ же чувствамъ, которыми руководился и настоящій Мефистофель, онъ выдалъ мой серіозный секретъ,— сцена сдѣлала остальное, и по окончаніи спектакля на другой день, провожая актрису по заливу въ Ораніенбаумъ, подъ наплывомъ невыразимаго счастья, я сознался ей въ чувствахъ, мною къ ней питаемыхъ; услышалъ если и не такого же подъема откликъ, то все же полное сочувствіе, и дальнѣйшая участь моя въ этомъ направленіи была рѣшена. О подробностяхъ этого событія въ моей жизни расскажу полнѣе, теперь же скажу, что вскорѣ Гальбергъ, наскучивъ, вѣрнѣе, не видя исхода своимъ несомнѣннымъ талантамъ на службѣ въ мѣстныхъ войскахъ, исходатайствовалъ себѣ переводъ въ полевые войска и получилъ назначеніе командиромъ Муромскаго пѣхотнаго полка. Осиротѣлъ нашъ полкъ Кронштадтскій. Холодомъ, скукой, безцѣльностью повѣяло въ казармахъ нашихъ, такъ недавно еще бывшихъ для насъ настоящимъ Эльдorado, и многіе задумали о переходѣ въ другія части войскъ и вообще о бѣгствѣ изъ полка. Рѣшилъ это бѣгство и я и тѣмъ сознательно, что, служа въ полку и получая 50 рублей въ мѣсяцъ жалованья, я никакъ не могъ осуществить моей мечты, касавшейся теперь уже не одного только меня.

Случай доставилъ мнѣ возможность представиться бывшему тогда с.-петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, пріобрѣтшему своей необычной дѣятельностью громкую репутацію, Ф. Ф. Трепову, и этотъ замѣчательный человѣкъ, хотя и не охотно, не давая никакихъ обѣщаній, принялъ мою докладную записку, а черезъ

мѣсяцъ, къ величайшей моей радости, я прочиталъ въ высочайшихъ приказахъ: «Кронштадтскаго крѣпостного полка капитанъ Дубисса-Крчака переводится въ штатъ с.-петербургской полиціи, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ».

«По армейской пѣхотѣ!» По тогдашнему моему понятію «по армейской пѣхотѣ» означало: итти на свои хлѣба, приобщиться къ жизни самостоятельной и вполне отвѣтственной, въ противоположность службѣ въ полку, гдѣ стоило только ходить исправно на ученіе да въ казармы, и можно было прослужить безъ всякаго таланта и усердія, хотя бы до гробовой доски, а при смиреніи и быть на счету отличнѣйшаго офицера; «состоять же по армейской пѣхотѣ» значило приобрести репутацію и повышеніе не отрицательными, а положительными качествами, иначе можно было и заплѣть: «не одна во полѣ дороженька пролегала!».

И вотъ началась служба въ полиціи. Помню, какъ (переводъ состоялся въ концѣ сентября 1870 года) въ одинъ холодный, октябрьскій вечеръ, по освѣщенному Невскому проспекту, на извозчичьихъ санкахъ, я подвигался со всѣмъ моимъ скарбомъ на Пески, на новую квартиру по мѣсту моего назначенія. Назначеніе же я получилъ въ качествѣ прикомандированнаго офицера къ 1-му участку Рождественской части.

Бдучи по Невскому проспекту, размышлялъ я о результатахъ моей почти 12-ти-лѣтней военной службы, и результаты эти были всѣ налицо: небольшой, кругленькій, обитый кожей баульчикъ, единственное наслѣдство отъ покойнаго отца, а въ этомъ баульчикѣ весь мой скарбъ. Немного,—пришелъ я къ заключенію, и съ тревогой и съ охлажденнымъ дѣйствительностью юношескимъ порывомъ поселился въ одной комнаткѣ, выходившей дверями подъ ворота дома, темной, холодной, мрачной, отдававшей въ наймы вдовой-чиновницей за 10 рублей въ мѣсяцъ; эта комната была свидѣтельница многихъ тяжелыхъ думъ и терзаній.

На другой день явился я къ своему приставу, полковнику Адольфу Ивановичу Бочарскому, бывшему гвардейскому офицеру, человѣку суровому на видъ, весьма представительному, съ манерами, внушавшими къ нему уваженіе и страхъ. Принялъ онъ меня вѣжливо и сказалъ: «вотъ комната,—при томъ столѣ будете заниматься, а чѣмъ заниматься, укажу я и время»; въ заключеніе подалъ руку и отпустилъ, наставивъ, что къ занятіямъ, кромѣ непредвидѣнныхъ случаевъ, нужно приходить ежедневно и въ будни и въ праздники отъ 9-ти до 2-хъ часовъ дня и отъ 8-ми до 12-ти часовъ вечера.

Началось хожденіе въ участокъ и искусь въ сидѣніи и изученіи разныхъ премудростей. Спустя недѣли три, я уже настолько приглядѣлся, что помощникъ пристава нашелъ возможнымъ чередоваться со мною въ сидѣніи въ участкѣ по вечерамъ и въ празд-

ничные дни, когда обыкновенныхъ текущихъ дѣлъ не бываетъ, а приходится только иногда составлять протоколы по разнымъ экстреннымъ дѣламъ. Помню, въ одно воскресенье, когда бываетъ торгъ лошадьми на Конной площади, пришелъ въ участокъ какой-то субъектъ, поразившій меня своею внѣшностью: это былъ высокій, лѣтъ 30-ти мужчина, съ бородкой; одѣтъ онъ былъ въ русскую поддевку синяго сукна, держалъ себя развязно и какъ бы не походилъ на простолюдина, хотя усиленно имитировалъ его. Этотъ субъектъ обратился ко мнѣ съ требованіемъ составить протоколъ объ обманѣ, которому онъ подвергся на Конной площади; я сталъ разспрашивать его объ обстоятельствахъ обмана, а онъ, отвѣчая на вопросы, къ великому моему удивленію, попросилъ дозволенія закурить папиросу. Въ нерѣшительности, что отвѣтить, я подумалъ, что если онъ позволяетъ себѣ просить о подобномъ разрѣшеніи, то, вѣроятно, имѣетъ на то данныя; вспомнилъ о Якушкинѣ. И мнѣ пришла мысль, что заявитель нѣчто въ этомъ родѣ, и дозволилъ ему курить. Когда же рѣчь дошла до званія субъекта, онъ назвалъ себя студентомъ Луканинымъ. Этотъ Луканинъ, впоследствии эмигрировавшій въ Америку, просвѣтилъ меня относительно эксцентричности своей одежды, сказавъ, что онъ презираетъ всѣ условности, считаетъ себя передовымъ человѣкомъ, и по этому случаю ему пришлось оставить университетъ, а теперь онъ занимается разными торговыми дѣлами и врагъ всякой власти, потому что она не дѣлаетъ людей счастливыми; далѣе преподалъ мнѣ, что онъ почувствовалъ ко мнѣ влеченіе и довѣріе, вслѣдствіе моего разрѣшенія на куреніе папиросы, а потому онъ посвящаетъ меня въ свои думы.

До сего времени, — продолжалъ Луканинъ, — онъ имѣлъ съ полицейскими чиновниками только непріятныя столкновенія, что много по этимъ случаямъ было составлено протоколовъ, и всякій разъ дѣло начиналось съ папиросы или съ несоблюденія Луканинымъ, по мнѣнію чиновниковъ, должнаго этикета. Такое откровеніе Луканина польстило усвоивавшемуся мною тогда служебному полицейскому такту, и такое мое самочувствіе еще болѣе подкрѣпилось, когда при передачѣ мною протокола приставу онъ двусмысленно улыбулся и сказалъ: «а, Луканинъ! Не было у васъ съ нимъ никакой непріятности?» — «Нѣтъ, не было». Приставъ удивленно посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «это хорошо».

Помню еще эпизодъ: обыкновенно въ теченіе ночи, да и дня, на улицахъ, въ трактирахъ и въ домахъ терпимости, при возникновеніи тамъ дракъ, забираютъ разныхъ пьяницъ и буяновъ, отправляютъ ихъ въ полицейскіе дома, а по утрамъ всю эту братію смотрители домовъ доставляютъ въ мѣстный участокъ. И вотъ первый участокъ Рождественской части, какъ расположенный въ зданіи части, всегда и въ особенности послѣ праздничныхъ дней

изобиловалъ этимъ балластомъ. Въ одно такое утро въ числѣ забранныхъ ночью буяновъ оказался православный священникъ; я, какъ новичокъ, съ ужасомъ замѣтилъ за рѣшеткой между разными оборванцами рясу священника, распорядился вывести его отсюда и попросилъ обождать рѣшенія его участи въ комнатѣ, гдѣ занимались служащіе, самъ же пошелъ доложить приставу о такомъ необыкновенномъ для меня казуѣ. Приставъ, что называется, бровью не повелъ — вышелъ къ священнику суровый, невозмутимый и началъ допрашивать, какъ онъ попалъ въ число козлицъ. Оказалось, что священникъ состоялъ въ духовной академіи, какъ вдовецъ, и, не выдержавъ искуса, отправился въ домъ терпимости, тамъ подкутилъ, затѣялась баталія между посѣтителеми, замѣшался и онъ; явился околоточный и всѣхъ участвовавшихъ въ безпорядкѣ (если въ такомъ мѣстѣ когданибудь можетъ быть порядокъ) отослалъ въ часть.

Я думалъ, что приставъ пригласитъ священника къ себѣ въ кабинетъ для разспроса, и тотъ фактъ, что допросъ былъ сдѣланъ при всѣхъ, и служащихъ и дворникахъ, коробилъ меня; вслѣдъ за разспросомъ, обратившись ко мнѣ, приставъ приказалъ: «отпишите его къ ректору духовной академіи и отправьте туда». — «Съ кѣмъ прикажете отправить?» — полюбопытствовалъ я. — «Съ городовымъ!» — былъ отвѣтъ, не допускавшій возраженій, и приставъ невозмутимо отправился въ свой кабинетъ. Но уходя приставъ оказался, что онъ остался мною недоволенъ и какъ бы хотѣлъ сказать мнѣ: «за такими пустяками и беспокоить меня».

Тѣмъ не менѣе я никакъ не могъ освоиться съ мыслью объ отправленіи священника съ городовымъ, и мое смущеніе еще болѣе усиливалось неотступной просьбой священника пощадить его санъ и всю карьеру, такъ какъ появленіе его въ академіи съ городовымъ и объясненіе въ официальной бумагѣ случившагося съ нимъ равносильно исключенію его изъ академіи, а о дальнѣйшей его участи и подумать страшно. Да, для меня все это было дѣйствительно страшно, и я обратился къ помощнику пристава съ просьбою, какъ бы облегчить участь священника и нельзя ли было обратиться за этимъ къ приставу, но помощникъ тоже хладнокровно возразилъ, что объ этомъ и говорить не стоитъ; приставъ своего приказанія не измѣнитъ, и оно должно быть въ точности исполнено. Не будучи въ силахъ помочь священнику и думая, что помощникъ болѣе восчувствуетъ положеніе священника, когда ему самому придется исполнить нравственную казнь надъ нимъ, сославшись на какое-то дѣло, я попросилъ помощника написать бумагу ректору и отослать священника, но помощникъ, ничтоже сумняся, также не поведя бровью, написалъ бумагу, позвалъ городского и приказалъ ему доставить священника по назначенію. До сего времени безъ содроганія не могу вспомнить о такой жестокости.

Еще образчикъ петербургско-полицейскихъ нравовъ. Было такое правило, по которому для уменьшенія не зарегистрированной проституціи, а, стало быть, и для уменьшенія зараженія, по праздничнымъ днямъ околоточные надзиратели обходили трактиры и забирали въ нихъ парочки, наводившія на блюстителей предположеніе, что парочки эти любовники между собою. Сколько здѣсь происходило безобразій, одному Богу извѣстно, а вотъ одно безобразіе, мною наблюдавшееся. Сижу я по обыкновенію въ воскресенье вечеромъ въ управленіи участка и въ 11 часовъ замѣчаю появленіе городскихъ съ разными лицами, преимущественно женщинами (забирали въ трактирахъ только женщинъ въ предупрежденіе скандаловъ въ участкѣ); городовые сдали ихъ дежурному околоточному надзирателю и сами удалились. Я не могъ сообразить, что это за пріемъ, спросить же казалось недовкимъ, чтобы не обнаружить своего незнанія порядковъ, почему ждалъ выясненія, и вскорѣ дѣло выяснилось отчаяннымъ воплемъ дѣвушки, приведенной городовымъ. Услышавъ этотъ невыносимый вопль, я спросилъ у городского, за что онъ привелъ дѣвушку, и получилъ въ отвѣтъ: «г. околоточный велѣлъ доставить, въ трактирѣ они задержали ее».—«Что же она тамъ сдѣлала?»—«Съ мужчиной значить была»,—рѣшилъ городской. По заведенному тогда порядку, всѣ околоточные должны были являться въ участокъ съ рапортомъ въ 12 час. ночи, т.-е. послѣ запора всѣхъ питейныхъ заведеній, и потому я рѣшилъ ждать околоточнаго, приславшаго женщину, чтобы спросить у него о причинѣ задержанія ея.

Но все отчаяннѣе и навзрыдъ плакавшая дѣвушка высказывала, что она ни въ чемъ дурномъ неповинна, что по неопытности согласилась пойти въ трактиръ съ своимъ знакомымъ, что она служить у господъ, и когда тѣ узнаютъ о бытности ея въ трактирѣ и въ участкѣ, то откажутъ отъ мѣста, и она—пропащая дѣвушка.

Мнѣ казалось, что несчастная попалась въ первый разъ, иначе и не убивалась бы она такъ сильно, что горе ея искренно, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ околоточнаго, чтобы разспросить его о дѣлѣ и скорѣе отпустить дѣвушку, такъ какъ выносить ея терзаній было невозможно.

Прибылъ околоточный и доложилъ мнѣ, что дѣвушку онъ задержалъ въ трактирѣ за развратъ, и что она подлежитъ отправленію во врачебно-полицейскій комитетъ для выдачи ей такъ называемаго желтаго билета. Вотъ такъ штука! Какъ же такъ,—думалъ я,—околоточный рѣшаетъ безповоротно дѣло о развратѣ дѣвушки? Такую мысль я высказалъ околоточному, а онъ преспокойно отвѣтилъ, что въ комитетѣ ее освидѣтельствуютъ, и если она окажется непорочною, то и отпустить.

Отвѣтъ околоточнаго мало удовлетворилъ меня и вовсе не утѣшилъ дѣвушку, когда я объяснилъ ей, что ее ожидаетъ, но, на-

противъ, мое объясненіе привело несчастную въ невыразимое отчаяніе. Удрученный ея терзаніями, я готовъ былъ сейчасъ же отпустить жертву, но сдѣлать этого не могъ, опасаясь, чтобы околоточный, обидѣвшись за непризнаніе его авторитета, не доложилъ пристава. При такомъ оборотѣ дѣла меня обвинили бы чуть ли не въ нигилизмъ, такіе примѣры я уже слышалъ, и потому воздержался и долженъ былъ отправить дѣвушку въ часть до утра, утѣшая себя надеждой, что утромъ, быть можетъ, мнѣ удастся уговорить помощника пристава освободить дѣвушку. Пришло утро, доставили изъ части всѣхъ ночевавшихъ въ ней, въ томъ числѣ и подозрѣвавшуюся въ развратѣ дѣвушку: она уже потеряла способность плакать и только немощно просила объ освобожденіи. Попробовалъ было я замолвить слово помощнику, но тотъ, страшно боясь пристава, и подумать не могъ о такой вольности и съ полнымъ усердіемъ написалъ бумагу и отослалъ будущую обладательницу желтаго билета въ ужасный комитетъ.

Приставъ Бочарскій былъ чистокровный полякъ, какъ уроженецъ царства Польскаго; вишностью онъ очень напоминалъ портреты Яна Собѣскаго; въ молодости офицеръ л.-гв. Литовскаго полка, онъ, переходя въ полицію, очевидно, разсчитывалъ двигаться по полицейской служебной лѣстницѣ елико возможно выше, но я засталъ его только приставомъ, хотя по тогдашнимъ, да и по теперешнимъ моимъ понятіямъ, Бочарскій былъ во всѣхъ отношеніяхъ выше трехъ полицеймейстеровъ того времени.

Не взлюбилъ его почему-то Треповъ, и въ этой немилости полицейскаго организатора тогдашняго штата слѣдуетъ искать причину, по которой на должности полицеймейстеровъ при преобразованіи полиціи были приглашены люди со стороны, а Бочарскій изъ слѣдственныхъ приставовъ попалъ только въ участковые и въ такой должности находился безъ надежды на повышение. Быть можетъ, у Трепова и были основанія къ оставленію Бочарскаго въ тѣни, быть можетъ, эти основанія таились въ личныхъ качествахъ полковника. Но послѣдній, какъ и большинство людей, не замѣчалъ дѣйствительной причины своихъ служебныхъ неудачъ, а отнесъ эту неудачу къ общей панацее—къ католицизму, и сдѣлался ренегатомъ. Бочарскій надѣялся, что при такомъ оборотѣ не будетъ препятствій къ повышенію по службѣ, т.-е. къ назначенію полицеймейстеромъ, но ошибся: рапортъ его Трепову о томъ, что, по глубоко созрѣвшему убѣжденію, онъ присоединился къ православію, никакого дѣйствія не возымѣлъ.

По случаю ренегатства Бочарскаго произошелъ слѣдующій эпизодъ. Причтъ Рождественской церкви на Пескахъ, справляя свой храмовой праздникъ, пригласилъ къ богослуженію бывшаго с.-петербургскаго генералъ-губернатора, князя Суворова; былъ въ церкви и Бочарскій, приглашенный, какъ сосѣдній приставъ, и вотъ, по оконча-

ніи литургіи, когда стали выходить изъ церкви, на паперти Суворовъ увидѣлъ Бочарскаго и, какъ бывшего подчиненнаго, спросилъ его такъ громко, что вопросъ былъ слышанъ многими бывшими на паперти: «скажите, батюшка, правда ли, что вы перешли въ православіе?». И на утвердительный отвѣтъ Бочарскаго заключилъ: «ну, хотя я и православный, а скажу вамъ, что такой подлости не сдѣлалъ бы».

Должно быть, и самъ Бочарскій сознавалъ, что такой подлости не слѣдовало дѣлать, потому что держалъ онъ себя не совсемъ обычно: всегда не только суровый, но и сумрачный (я никогда не видѣлъ улыбки на лицѣ его), склонный къ быстрому раздраженію при всякомъ противорѣчии, онъ, видимо, былъ чѣмъ-то удрученъ. Недолго прослужилъ Бочарскій и въ 1871 году вышелъ въ отставку, занялся эксплуатаціей щипинскихъ дилижансовъ, потерпѣлъ неудачу, отправился на турецкую войну съ княземъ Черкасскимъ въ Болгарію, во всю кампанію рѣшительно никакихъ прерогативъ не получилъ и, находясь въ крайности, вынужденъ былъ поступить на службу штабъ-офицеромъ въ какой-то сибирскій линейный баталіонъ, на службѣ въ которомъ и умеръ. Такъ-то иногда карьера и счастье убѣгаютъ отъ искателей, какъ лучъ солнечный отъ желающаго поймать его горстью.

Пока всего этого еще не случилось съ Бочарскимъ, я продолжалъ подвизаться на полицейскомъ поприщѣ подъ руководствомъ его и долженъ сказать, что хотя черствость Бочарскаго, быть можетъ, и напускная, производила на меня леденящее впечатлѣніе, тѣмъ не менѣе его знаніе службы и въ высшей степени серьезное отношеніе къ ней положили во мнѣ начало такого же отношенія къ моимъ обязанностямъ въ теченіе моей полицейской службы.

Бочарскій, какъ только впоследствии я понялъ, пробовалъ меня что называется на всѣ лады: онъ испытывалъ и мой характеръ, и мою способность къ повиненію, и находчивость и проч. и проч. Въ то же время, отдавая мнѣ явное предпочтеніе предъ своимъ помощникомъ, старымъ полицейскимъ офицеромъ, майоромъ Сенкевичемъ, тоже католикомъ, Бочарскій, здороваясь, подходилъ къ столу, за которымъ занимались помощникъ и я, подавалъ руку только мнѣ, что крайне шокировало меня и возбуждало сожалѣніе къ помощнику, положеніе же этого послѣдняго было невыносимо, но нужда и большое семейство заставляли его мириться съ невозможнымъ.

По прошествіи мѣсяца, въ одинъ день, утромъ, Бочарскій, выйдя изъ кабинета въ участокъ и подавая мнѣ повѣстку мирового судьи, сказалъ: «отправьтесь къ мировому по изложенному въ повѣсткѣ дѣлу». Сказано — сдѣлано, надо было идти. Но что я долженъ былъ дѣлать у мирового, по какому дѣлу имѣлъ представиться, — я ничего этого не зналъ, а помощникъ, къ которому



я обратился за указаніями, отдѣлался общими выраженіями; я совѣстился настаивать на большихъ подробностяхъ и пустился къ мировому на авось, не имѣя ни малѣйшаго понятія о моей мисси.

До этого случая мнѣ ни разу не приходилось быть ни у мирового, ни въ окружномъ судѣ, такъ какъ никакихъ частныхъ дѣлъ я не имѣлъ и только бывалъ въ военныхъ судахъ низшей инстанціи, а потому не имѣлъ понятія ни объ обстановкѣ мирового суда, ни о процедурѣ судоговоренія, да и о судебныхъ уставахъ имѣлъ весьма смутное понятіе.

Пришелъ я въ камеру судьи 13-го участка, извѣстнаго въ свое время всему Петербургу Трофимова, и, увидавъ его за рѣшеткой, на возвышеніи, сѣдого, сановитаго, съ золотою цѣпью, и предъ рѣшеткой на скамейкахъ сидящихъ чучекъ, салопницъ и прочій людъ, я сообразилъ, что мнѣ, какъ офицеру обвинителю, не мѣсто на скамейкахъ рядомъ съ разночинцами, и ничтоже сумняся, хотя и съ большой тревогой въ сердцѣ, повидимому же, храбро и развязно, подошелъ къ рѣшеткѣ; торчавшій при ней служитель отворилъ дверцу, и я, поклонившись мировому судѣ, занялъ одинъ изъ стульевъ, бывшихъ за рѣшеткой.

Въ это время шелъ разборъ какого-то дѣла по протоколу полиціи, за рѣшеткой же у стола стоялъ полицейскій чиновникъ и что-то объяснялъ мировому; я мысленно торжествовалъ побѣду: хорошо, думалось мнѣ, я сдѣлалъ, что вошелъ за рѣшетку, вотъ полицейскій офицеръ тоже за рѣшеткой, а не на скамейкахъ. Между тѣмъ Трофимовъ, хотя ничего мнѣ не сказалъ и отвѣтилъ на мой поклонъ, все же посматривалъ на меня, чѣмъ приводилъ меня въ большое смущеніе. Разыскивая причину постоянныхъ взглядовъ Трофимова, я осмотрѣлъ свой костюмъ, полагая, не пришло ли что либо въ безпорядокъ, но все было, какъ слѣдуетъ, а Трофимовъ вдумчиво осматривалъ меня. Наконецъ мой соратникъ кончилъ свои разговоры, Трофимовъ объявилъ рѣшеніе по разобранному безъ обвиняемаго дѣлу и возгласилъ: «приступаю къ разбору уголовного дѣла по обвиненію приставомъ 1-го уч. Рождественской части ломового извозчика Петрова въ неосторожной ѣздѣ». «Приставъ 1-го уч. Рождественской части!» — закончилъ Трофимовъ. Тогда я всталъ, догадавшись, что настало мое время, приблизился къ довольно объемистому судейскому столу, а Трофимовъ, наклонившись черезъ столъ, сидя въ креслѣ, вполголоса спросилъ меня: «вы, капитанъ, вѣроятно,—въ первый разъ въ судѣ?»—«Въ первый, г. судья»,—отвѣтилъ я съ невѣроятнымъ облегченіемъ, предчувствуя, что теперь-то и начинается объясненіе взглядовъ мирового, и дѣйствительно Трофимовъ продолжалъ: «я это замѣтилъ и потому ничего не сказалъ вамъ, когда вы вошли за рѣшетку, а теперь скажу, что за рѣшетку вы должны были

войти только вотъ теперь, когда я приступилъ къ разбору дѣла, по которому пригласилъ пристава 1-го участка Рождественской части, и котораго вы представляете». Что происходило со мною во время поученія великодушнаго человѣка, помню и теперь: я не находилъ словъ благодарности Трофимову за то, что онъ пощадилъ мое самолюбіе, что не оборвалъ меня въ то время, когда я по невѣдѣнію отворялъ дверцы рѣшетки, за то, что и замѣчаніе свое онъ сдѣлалъ въ такой отеческой, деликатной формѣ, такъ что, несмотря на наполненную камеру, никто и не подозрѣвалъ, какую оплошность я сдѣлалъ, а если кто и догадывался, то тактъ Трофимова все это сгладилъ.

Первый мой дебютъ скоро окончился, такъ какъ извозчикъ не былъ разысканъ, повѣстка ему не вручена, и, постановивъ сообщить о розыскѣ обвиняемаго, Трофимовъ объявилъ дѣло отложеннымъ, а меня свободнымъ. И пошелъ я въ участокъ и сконфуженный, и радостный, и вразумленный эпизодомъ, продолжавшимся недолго, но многому научившимъ меня.

Вскорѣ послѣ неудачно разыгранной мною роли обвинителя у мирового случился ночью пожаръ на 2-й улицѣ Песковъ. Стоявшій вблизи моей квартиры городской тотчасъ далъ мнѣ знать, и я, быстро одѣвшись, какъ на тревогу по-военному, побѣжалъ на мѣсто пожара; извозчика по дорогѣ не случилось, и я запыхавшись, еле переводя духъ, изъ боязни опоздать, бѣгомъ быстро явился, но, не зная въ точности своихъ обязанностей на пожарѣ, вбѣжалъ во дворъ горѣвшаго дома, съ радостью замѣтилъ, что никого изъ старшихъ меня на мѣстѣ нѣтъ, осмотрѣлся кругомъ, и въ это время пожарные, бывшіе на крышѣ, при крикѣ «полундра», сбросили пылавшее бревно.

Не зная, что такое обозначаетъ это кабалистическое полундра, полагая притомъ, что на пожарѣ прежде всего нужно тушить огонь, я бросился къ пылавшему бревну, сталъ ворочать его, чтобы унять огонь, и въ ажитациі не замѣтилъ, какъ сзади подошелъ ко мнѣ Треповъ и, видя мои усилія, сказалъ: «оставьте, оставьте, это и безъ васъ сдѣлаютъ». Смѣшавшись и сообразивъ, что спуделялъ и на этотъ разъ, принявшись не за свое дѣло, я направился къ воротамъ дома и тамъ замѣтилъ помощника; онъ, увидѣвъ меня, высказалъ свое удовольствіе по поводу моего присутствія на пожарѣ, такъ какъ, не видя меня на улицѣ, думалъ, что мнѣ не дали знать, мое отсутствіе могъ замѣтить приставъ, это ему не понравилось бы и могло воздѣйствовать на мою репутацію. Тутъ же помощникъ просвѣтилъ меня, что обязанность полиціи на пожарѣ не тушить огонь, а наблюдать за порядкомъ и за цѣлостью спасаемаго имущества, что я и принялъ къ исполненію и на опытѣ уразумѣлъ эту свою обязанность, притомъ при столь выдающемся для меня случаѣ.

Прошло всего мѣсяца три моего прикомандированія къ участку, а время тянулось, какъ вѣчность; я былъ въ полной неизвѣстности о своей пригодности къ полицейской службѣ и объ ожидавшемъ меня будущемъ, къ тому жъ назначенное мнѣ содержаніе по 33 рубля въ мѣсяць было недостаточно для моихъ расходовъ и меньше полкового, что меня шокировало и тѣмъ болѣе, что, просясь о переводѣ въ полицію, я по рассказамъ мечталъ о полученіи 100 рублей въ мѣсяць; этотъ кушъ приближалъ меня къ моей цѣли, а 33 рубля были едва достаточны, чтобы не умереть съ голоду. Меня терзала мысль, что сносную полковую обстановку я промѣнялъ на полное неизвѣстности будущее и долженъ былъ жить въ холодной, смрадной комнатѣ и питаться впроголодь; такое сознаніе не способно было навѣять радужныхъ мыслей. И не было этихъ радужныхъ мыслей, а одна скорбь овладѣла мною, и въ такомъ угнетенномъ состояніи сидѣлъ я въ участкѣ въ 12 часу ночи. Всѣ занимающіеся разошлись, лампа тускло освѣщала мрачную комнату, и я ждалъ, когда ударитъ полночь, чтобы отправиться на отдыхъ въ столь же мрачную свою келью, какъ въ этомъ сумракѣ раздался щелкъ замка въ дверяхъ приставскаго кабинета, и предо мною предсталъ Бочарскій, одѣтый въ пальто и съ фуражкой въ рукахъ. Засталъ онъ меня за чтеніемъ Треповскихъ приказовъ. Приказы эти писали двое умницъ: бывшій управляющій канцеляріей Христіановичъ (нынѣ умершій) и помощникъ его Турчаниновъ, и потому Треповскіе приказы являлись настоящимъ полицейскимъ талмудомъ, въ которомъ можно было почерпнуть все необходимое для полицейскаго служебнаго обихода.

«Пойдемте по участку»,—сказалъ Бочарскій, и я, быстро свернувъ полицейскій талмудъ, одѣлся и вышелъ съ необычнымъ компаніономъ ночного хожденія по улицамъ, не однажды уже мною практиковавшагося въ одиночествѣ. Обошли мы весь участокъ. Церемоніаль длился больше часа, и въ это время какъ бы въ разговорѣ для развлеченія Бочарскій предлагалъ мнѣ различные вопросы изъ полицейской премудрости, на которые мною давались довольно удачные отвѣты, кромѣ отвѣта о закускахъ, полагавшихся въ «питейныхъ домахъ»,

Истинной тарабарской грамотой были для меня всѣ эти ограниченія, смысла которыхъ я не могъ тогда себѣ уяснить съ достаточной ясностью. Совершивъ кругосвѣтное шествіе по участку, мы возвратились къ зданію части, и Бочарскій, милостиво распростившись со мною, направился въ свою квартиру, а я поплелся въ свой смрадный уголь въ раздумьѣ, что означала эта прогулка.

На другой день я рассказалъ помощнику о постигшемъ меня казусѣ, и онъ объяснилъ этотъ вольтъ пристава желаньемъ его дать обо мнѣ аттестацію, а отъ этой аттестаціи его будетъ зависеть мое дальнѣйшее поступательное или арьергардное движеніе

въ полиціи. Согласившись съ мнѣніемъ помощника, я сталъ ждать переѣмны своего незавиднаго и крайне удручающаго меня положенія, но переѣмна не приходила, а предсказанія другихъ полицейскихъ офицеровъ, такъ сказать, сверстниковъ по ожиданію, такихъ же горемыкъ, прикомандированныхъ, какъ и я, были совѣтъ иного содержанія: «Вы—католикъ?»—спросилъ меня одинъ изъ такихъ чающихъ. «Да, католикъ»,—отвѣчалъ я.—«Напрасно вы переходили въ полицію, ничего вы здѣсь не получите». И плакалъ я въ своей камерѣ, вспоминая такія мрачныя предсказанія.

Прошелъ еще мѣсяць, и утромъ въ приказѣ я прочелъ, что прикомандировываюсь къ 2-му участку Литейной части, гдѣ приставомъ былъ капитанъ Мироновичъ, пріобрѣтшій впоследствии громкую печальную извѣстность въ процессѣ объ убійствѣ еврейской дѣвушки Сарры Беккеръ, бывшей продавщицей въ касетъ сеудъ, принадлежавшей Мироновичу уже послѣ оставленія имъ службы въ полиціи.

Такое передвиженіе не утѣшило меня, а напротивъ того еще больше озадачило: или Бочарскій далъ неудовлетворительный отзывъ обо мнѣ, или мѣра испытанія, по мнѣнію Трепова, еще недостаточно ясно обрисовала ему мою личность, думалось мнѣ; или же онъ имѣлъ въ виду, какъ мнѣ говорилъ оракулъ мой, помощникъ Сенкевичъ, назначить меня вмѣсто Мироновича, фонды котораго у Трепова будто бы клонились къ исходу.

Явился я къ Мироновичу и былъ пораженъ контрастомъ между нимъ и Бочарскимъ: какъ послѣдній по внѣшнему виду былъ полнымъ джентльменомъ, такъ первый представлялся истымъ полицейскимъ ярыгой стараго закала, нѣсколько напоминавшимъ портретъ Мазепы, а такъ какъ онъ былъ полякъ (изъ царства Польскаго) и католикъ, при томъ былъ болтливъ и имѣлъ привычку съ первой встрѣчи съ тѣмъ, кто производилъ на него благоприятное впечатлѣніе, переходить сразу на «ты», то безъ всякихъ околнчностей, какъ компатріоту, онъ объявилъ мнѣ на выраженное мною мнѣніе, не уйти ли изъ полиціи въ виду видимой безцѣльности дальнѣйшаго моего пребыванія здѣсь: «что ты, что ты, братецъ, сохрани тебя Богъ, еще подумаютъ, что нарочно переходилъ сюда, чтобы узнать полицейскіе порядки и потомъ разгласить ихъ между нигилистами; служи, пока не прогонятъ».

Тутъ я впервые услышалъ такое примѣненіе слова нигилисты и поинтересовался у Мироновича о его понятіяхъ на этотъ счетъ, и онъ обязательно разъяснилъ мнѣ, что, по его понятію, во мнѣніи начальства, что полякъ, что нигилистъ, одно и то же, потому что оба неблагонадежны.

Безотрадное впечатлѣніе произвелъ на меня Мироновичъ и вся обстановка въ его участкѣ: въ помѣщеніи грязь, перяшество, за-

нимающіеся всё съ сизо-красными носами, оборванцы, полупыльные или съ видимаго похмелья, а участковый письмоводитель изображалъ собою какъ бы крысу, зарывшуюся въ бумагахъ, съ серебряными очками на кончикѣ остраго маленькаго носика, и надъ всёмъ этимъ царилъ зычный голосъ постоянно безпричинно волновавшагося и кричавшаго Мироновича, съ рябымъ отъ оспы лицомъ и съ ноздрей, точно вырванной, какъ это дѣлалось въ старину при ссылкѣ въ Сибирь за преступленія. Въ противоположность Бочарскому, самъ Мироновичъ никогда ничего не писалъ, и на письменномъ столѣ красовалась только пустая чернильница; онъ постоянно переходилъ отъ стола къ столу и, по моему мнѣнію, мѣшалъ занимающимся своими разговорами и рассказами алармистскаго настроенія. Впослѣдствіи я узналъ, что Мироновичъ интересовался службой лишь съ точки зрѣнія приносимой ею матеріальной ему пользы; онъ занимался дисконтомъ векселей, при посредствѣ какого-то армянскаго юноши, постоянно приходившаго въ участокъ и уединявшагося съ своимъ и нашимъ принципаломъ.

Въ такой обстановкѣ пріобрѣтенныя мною познанія и привычки у Бочарскаго показали Мироновичу рѣдкостными, и однажды въ воскресенье вечеромъ я составлялъ протоколъ о карманщикѣ, задержанномъ въ Знаменской церкви; предо мною стоялъ отъявленный нахаль, молодой парень въ щегольской шелковой рубашкѣ и серебрянымъ по ней поясомъ, и предерзко отвѣчалъ на мои вопросы, отрицая свою виновность; онъ видимо хотѣлъ вывести меня изъ терпѣнія, но я запримѣтилъ его намѣреніе, тогда вовсе для меня непонятное, и былъ вполне сдержанъ. Въ это время вошелъ въ комнату Мироновичъ, спросилъ, о чемъ я составлялъ протоколъ, и сталъ ходить по комнатѣ, слушая дерзкіе плутовскіе отвѣты воришки; временами онъ останавливался, вглядываясь въ мазурика, наконецъ съ озлобленіемъ взялъ его за рукавъ рубашки и со словами «поди-ка сюда» живо увлекъ куда-то жулика, оставивъ меня въ одиночествѣ.

Спустя нѣсколько минутъ, возвратился Мироновичъ, конвоируя жулика, тяжело дыша и повторяя: «ахъ, ты, мерзавецъ, я тебя выучу» и т. д., потомъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «вотъ вы теперь поговорите съ нимъ, ахъ, ты, мерзавецъ» и т. д.

Однако мерзавецъ послѣ уединенія съ Мироновичемъ былъ неузнаваемъ: рубашка его какъ-то утратила свой лоскъ, кудри растрепались, видъ получился угнетенный и смиренный, а на мои вопросы отвѣты давалъ вполне почтительные, хотя и запирался въ карманничествѣ попрежнему.

Наконецъ, я окончилъ протоколъ и передалъ его Мироновичу, а карманщика отправилъ по принадлежности. Прочитавъ протоколъ, Мироновичъ сказалъ: «не понимаю, зачѣмъ тебя прикоман-

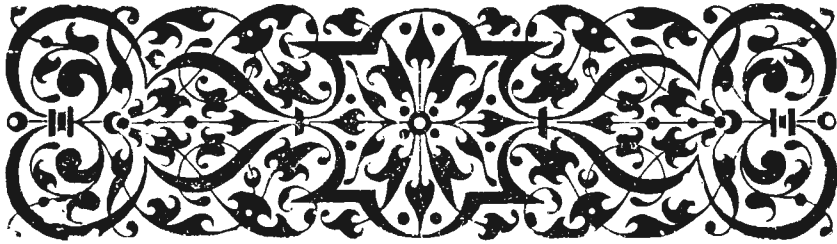
дировали сюда; тебя прямо нужно бы назначить приставомъ; развѣ, можетъ быть, назначать на мое мѣсто?»

Такое мнѣніе Мироновича и польстило моему служебному самолюбію и навѣяло грустныя мысли: жалко было видѣть человѣка, столь не увѣреннаго въ себѣ и ежеминутно ожидавшаго переменъ своего положенія; если такое будущее, думаль я, грозитъ и мнѣ,— мало отраднато.

**Ө. Ф. Дубисса-Крачака.**

*(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).*





## ВОСПОМИНАНІЯ О СПЕРАНСКОМЪ.



ОСЛѢ моего дѣда, умершаго въ 1851 году, ста четырехъ лѣтъ, остались любопытнѣйшіе «мемуары», названные имъ «меморіалами», которые я получилъ въ мое распоряженіе только недавно. Дѣдъ любилъ заносить въ тетрадь все, что считалъ интереснымъ и достойнымъ вниманія. По своему положенію, онъ занималъ очень важное мѣсто среди сибирскаго купеческаго мірка, имѣлъ званіе коммерціи совѣтника, ордена, нѣсколько золотыхъ медалей и пользовался правомъ ѣздить съ фореиторомъ и въ упряжкѣ имѣть ременные (а не веревочныя) постромки. Въ Петербургѣ дѣдъ бывалъ нѣсколько разъ, имѣлъ счастье представляться государямъ Александру Павловичу и Николаю Павловичу, былъ свидѣтелемъ войны 1812-го года, участвовалъ въ сибирскомъ ополченіи и удостоивался приглашенія, въ качествѣ представителя «именитаго купечества», на придворные балы. Многіе изъ сановниковъ тогдашняго времени были его искренними друзьями, особенно графъ Сперанскій, съ которымъ дѣдъ познакомился, когда Сперанскій жилъ въ Перми и не былъ «почитаемъ за государственнаго секретаря», т.-е. во время опалы и униженія. Дѣдъ постоянно навѣщалъ Сперанскаго, относился къ нему съ любовью и уваженіемъ и тѣмъ еще болѣе скрѣпилъ узы дружбы, связывавшія коммерціи совѣтника и государственнаго секретаря долгіе годы. Въ бытность Сперанскаго генераль-губернаторомъ Сибири, онъ часто «запросто» заходилъ къ дѣду «посидѣть въ садикѣ» и попить душистаго, ароматнаго, настоящаго кяхтинскаго чайку. Въ «мемуарахъ»

дѣда очень подробно описаны эти задушевные бесѣды, и нѣкоторыя изъ нихъ записаны съ стенографической точностью.

«Пріѣзжалъ сегодня,—сказано въ мемуарахъ,—ко мнѣ Михайлъ Михайловичъ. Долго разговаривали о старообрядцахъ и раскольникахъ. Онъ (Сперанскій) хвалитъ ихъ и хочетъ покровительствовать. Трезвый и усердный, рачительный они народъ. Благочестіе свято блюдутъ и къ труду всякому способны. Онъ ихъ противъ другихъ много выше ставитъ и въ примѣръ даже приводитъ. Я ему говорю: «Михайлъ Михайловичъ, въ Сибири немало достойнѣйшихъ людей проживаютъ и вашей защиты требуютъ, только ихъ вы не видите, и до васъ ихъ не допускаютъ». А онъ низко такъ голову опустилъ и сказалъ: «Правду вы, Петръ Тимоѣевичъ, говорите, кругомъ меня стѣну превыше китайской соорудили и отъ народа меня скрываютъ».

Такихъ бесѣдъ въ мемуарахъ находится нѣсколько, и всѣ онѣ рисуютъ Сперанскаго съ самой лучшей стороны, какъ человѣка и какъ чуткаго администратора, желавшаго принести добро, пользу огромному краю, въ которомъ чиновничій произволъ и насиліе свили прочное гнѣздо. Сперанскому съ первыхъ дней его дѣятельности пришлось вступить въ упорную борьбу съ вредоносными элементами и создать новыя правила административной жизни въ Сибири. Въ мемуары по этому поводу внесено немало замѣтокъ, изъ которыхъ видно, какія нечеловѣческія усилія пришлось употреблять Сперанскому, чтобы нѣсколько разсѣять тьму и удушющую атмосферу безправія и угнетенія слабыхъ сильными.

«Говорилъ мнѣ онъ, что предалъ суду и заключилъ въ острогъ кровопійцу Лоскутова (исправника) и его присныхъ. Не знаю, лучше ли будутъ новыя, устроятся ли они строгаго примѣра? Я отвѣчалъ ему, что трудно въ короткое время передѣлать то, что десятками годовъ создавалось, а унывать не слѣдуетъ, и на Бога надежду нужно имѣть.

«— Не унываю я, а своего безсилія боюсь. Кругомъ множество недоброжелателей, изверговъ, татей, убійць, а я одинъ, слабый по своему человѣчеству. Гдѣ я себѣ пособниковъ найду? Людей съ чистой душой, открытымъ сердцемъ не вижу.

«Успокоилъ и указалъ, что плоды уже видны, что дышать стало легче народу, и справедливость теперь можно найти и въ судахъ защиту отъ неправаго дѣда встрѣтить не въ рѣдкость. Онъ повеселѣлъ и точно пріободрился».

Интересный приведенъ въ запискахъ дѣда рассказъ Сперанскаго о видѣнномъ имъ снѣ.

«— Вижу я, что въ мой кабинетъ вошелъ какой-то высокій человѣкъ, съ длинной, сѣдой бородой и съ открытымъ лбомъ, какъ у государя (Александра Павловича). Я обернулся и спросилъ, будто бы, вошедшаго, кто онъ и что ему нужно. Но высокій чело-



вѣкъ ничего не отвѣчалъ, а только пристально смотрѣлъ на меня ясными, голубыми глазами. Смутился я, и въ мое сердце закрался страхъ. Вдругъ старикъ поманилъ меня къ себѣ, и я почувствовалъ, что ноги мои отдѣляются отъ земли, и я лечу невѣдомо куда. Передо мной равнина, покрытая блестящимъ снѣгомъ, и по ней нескончаемой вереницей тянутся люди. — Куда идете вы? — спрашиваю я идущихъ; они молчатъ и все продолжаютъ идти. Опять сдѣлалось мнѣ страшно, — страшно за людей; погибнуть всѣ; кругомъ снѣжная пустыня, и нигдѣ не видно челоувѣческаго жилья. Мнѣ захотѣлось спасти ихъ, указать имъ грозящую опасность, предупредить и вернуть назадъ. Но я не могъ сказать ни одного слова и только смотрѣлъ, какъ вдали исчезали толпы за толпами, какъ на смѣну скрывшихся являлись все новые люди, которые все шли и шли... Скрылась и равнина, и я увидалъ большой городъ. Въ этомъ городѣ не было живыхъ людей, а всюду лежали трупы и скелеты. Это былъ городъ мертвыхъ. Я почувствовалъ, какъ мое сердце усиленно стало биться, а потомъ замерло, и я сталъ умирать. И вижу я, что ко мнѣ склонился высокій старикъ, который прошепталъ только одно слово: «возроди». Я проснулся и долго размышлялъ надъ страннымъ сномъ».

Дѣдъ, записавъ разсказъ Сперанскаго очень подробно, говорить еще, что ему не разъ приходилось слышать отъ Сперанскаго и комментаріи къ этому сну весьма мистическаго характера, и, между прочимъ, Сперанскій указывалъ на то, что сонъ предвѣщалъ и сулилъ ему большія невзгоды и огорченія.

Любопытный эпизодъ изъ жизни Сперанскаго въ Сибири сообщаютъ тѣ же «меморіалы». Дѣло въ томъ, что Сперанскій любилъ прогуливаться по берегу рѣки Ангары и всегда эти прогулки совершалъ одинъ. Доходилъ онъ обыкновенно до поворота рѣки, садился на землю, снималъ свой знаменитый кожаный картузъ и, обнявъ колѣни руками, погружался въ задумчивость. Однажды Сперанскій пришелъ къ любимому мѣстечку нѣсколько раньше, чѣмъ всегда, и увидалъ, что оно уже занято какимъ-то старикомъ и дѣвочкой. Не желая спугивать ихъ, Сперанскій прошелъ немного дальше и остановился на берегу, у маленькаго домика, точно вросшаго въ землю. На скамейкѣ, поставленной у воротъ домика, сидѣлъ мальчикъ и игралъ съ собакой. Увидавъ незнакомаго челоувѣка, собака оцетинилась и стала ворчать; мальчикъ ее успокоивалъ, называя нѣжными именами. Сперанскій не испугался собаки, но подошелъ къ мальчику, ласково потрепалъ собаку, переставшую ворчать, и сѣлъ на скамью.

— Ты чей мальчикъ? — спросилъ Сперанскій.

— Ивана Петровича Лопухина сынъ, — отвѣчалъ, не смущаясь, мальчикъ.

— А кто твой отецъ?

— Учитель былъ, а теперь его нѣтъ, — умеръ онъ. Дѣдушка есть, онъ на берегу съ сестрой сидитъ. Дѣдушка нашъ слѣпой, его сестра водить.

— Домъ этотъ вашъ?

— Нашъ. Его дѣдушка купилъ. Раньше домъ былъ другой. Мама тоже у меня умерла.

Продолжая разговаривать съ мальчикомъ, «очень смышленнымъ и не по-дѣтски развитымъ», — какъ записано въ «меморіалахъ», — Сперанскій не замѣтилъ, какъ подошелъ старикъ съ дѣвочкой, очень удивившейся при видѣ незнакомаго человѣка, бесѣдующаго съ ея братомъ.

— Это кто? — шопотомъ спросила она у брата.

— Не знаю. Прохожій, должно быть.

— Нята, я на скамеечкѣ посижу, а ты ступай и чайникъ разогрѣй, — проговорилъ слѣпой старикъ.

— Нельзя, дѣдушка, не садись, пойдемъ въ избу, на скамейкѣ Петя сидитъ и еще кто-то, незнакомый.

— Садитесь, садитесь, я ухожу, пора домой, — сказалъ, вставая, Сперанскій.

— Не спѣшите, сударь, время погожее, воздухъ легкій, теплый, грѣшно дома сидѣть въ такую пору. Посидите, сударь, очень прошу васъ. Я давно ни съ кѣмъ не говорилъ, дайте случай побесѣдовать.

Сперанскій молча помогъ слѣпому сѣсть и помѣстился рядомъ съ нимъ.

Дѣти и собака убѣжали въ домъ.

— Вы въ городѣ живете? — спросилъ старикъ Сперанскаго.

— Да, я живу въ городѣ.

— Служите гдѣ?

— Да, служу.

— Позвольте васъ спросить, скоро Сибирь отъ враговъ освободится?

— Отъ враговъ? отъ какихъ враговъ?

— Отъ угнетателей нашихъ, отъ тѣхъ, кто творитъ неправду. Я вотъ ослѣпъ отъ слезъ, а сынъ мой въ могилу сошелъ. А кто тому виною? Разорители наши. Сынъ мой служилъ учителемъ, хорошо служилъ, а потомъ его преслѣдовать стали, богатею, сильному человѣку, его домишко понадобился, ну, черезъ приказныхъ все и оттягали, всего лишили. Жена сына не выдержала, согубила одному изъ приказныхъ, начальнику ихнему, ее въ тюрьму уволокли, тамъ она и душу Богу отдала, а сынъ мой все правды хотѣлъ добиться, воевалъ, добро свое отдавать не хотѣлъ и тоже въ тюрьму попалъ, да тамъ четыре года томился, не выдержалъ, чахотку схватилъ и въ острожной больницѣ и умеръ. Хотѣли и меня, старика, притянуть, да Господь отвелъ руку злодѣевъ, мо-

литвы дѣтей дошли до Бога, и меня только выселили съ внуками и приказали начальство не беспокоить. Я смирился, собралъ крохи, которыя отъ погрома остались, купилъ избушку и живу съ внуками. Да, живу пока, а что дальше будетъ? Деньжонки выходятъ, работать не могу,—ослѣпъ я, да и годами старъ, а дѣтишки еще малы. Всей семьей погибнуть должны. Вотъ, сударь, про какихъ я враговъ спрашивалъ.

— Кто же вашъ домъ оттягалъ? Какъ его зовутъ? Скажите мнѣ,—глухо проговорилъ Сперанскій.

— Зачѣмъ вы, сударь, спрашиваете? Помочь намъ не можете, а себѣ лишь врага наживете, — богатый и сильный онъ человѣкъ. Онъ въ ту пору только началъ силу забирать, а ужъ всѣми дѣлами ворочалъ, а теперь при новомъ генералъ-губернаторѣ находится. Могушественный человѣкъ. Лучше, сударь, и не допытывайтесь, а то, чего добраго, на себя большую бѣду накличете. Одно вамъ скажу, сударь, что хуже онъ Крылова, изволили, поди, слышать про этого кровопійцу? Такъ онъ хуже, — тотъ по озвѣрѣнію своему кровь проливалъ, а этотъ ради жадности, ради корысти, безвинныхъ людей морить и грабить. Да-съ, вотъ каковъ этотъ человѣкъ, а вы его имя знать хотите. Въ огражденіе васъ отъ злой напасти объ его имени умолчу, васъ подъ бѣду подводить не стану.

— Имя его, имя мнѣ нужно знать, — вскричалъ нервно Сперанскій.

— Не гнѣвайтесь, сударь, боязно мнѣ... какъ бы онъ и вамъ не навредилъ—сильный онъ человѣкъ, властный...

— Прошу васъ, скажите мнѣ его имя,—сказалъ Сперанскій.

Старикъ послѣ нѣкотораго колебанія сказалъ наконецъ, кто разорилъ семью его сына. Въ мемуарахъ дѣда, къ сожалѣнію, имя этого «могушественнаго человѣка» написано неразборчиво, почему я его и опускаю, но несомнѣнно Сперанскій хорошо зналъ то лицо, про котораго рассказывалъ старикъ, такъ какъ въ тѣхъ же мемуарахъ говорится, что Сперанскій «хорошо его зналъ и не разъ выслушивалъ его доклады по принятію различныхъ мѣръ по искорененію поголовнаго взяточничества и лихоимства».

— Послушайте,—прошепталъ Сперанскій,—я благодарю судьбу, давшую мнѣ возможность исправить нанесенное вамъ зло. Я самъ займусь вашимъ дѣломъ. Сироты и вы не погибнете. Нѣтъ, я не дамъ погибнуть, — волнуясь все болѣе и болѣе, вскричалъ Сперанскій.

— Кто же вы? Вы не тотъ ли храбрый воитель, что посланъ сюда государемъ съ неправдой сражаться? Не о васъ ли говоритъ весь народъ? Дѣти, дѣти!—закричалъ вдругъ старикъ,—дѣти, идите! Падайте ницъ передъ этимъ человѣкомъ, цѣлуйте его руки! Это—онъ, защитникъ нашъ.

Слѣпой упалъ на колѣни и старался поймать руку Сперанскаго, дѣти стояли въ недоумѣніи и смотрѣли на высокаго, блѣднаго чело-вѣка, поднимавшаго съ колѣнъ ихъ дѣдушку.

На Сперанскаго этотъ эпизодъ произвелъ глубокое впечатлѣ-ніе и сильно повліялъ на всю его дѣятельность, какъ «устроителя» Сибири. Его впечатлительный умъ сразу понялъ всю картину то-гдашняго строя сибирской жизни и полную необходимость въ ско-рѣйшей реорганизациі администраціи и суда. Началась усиленная работа, поглощавшая у Сперанскаго не только весь день, — онъ всегда работалъ и не признавалъ отдыха, — въ его худощавомъ, болѣзненнымъ тѣлѣ была желѣзная энергія и непреклонная воля.

Слову Сперанскаго вѣрили всѣ, къ нему шли старый и малый, бѣдный и богатый, и всѣ знали, что въ лицѣ его найдутъ спра-ведливость, защиту и помощь. Въ «меморіалахъ» дѣда описанъ приемъ Сперанскаго. Въ залѣ стоятъ люди разныхъ званій, сосло-вий и состояній, и всѣ ждутъ его выхода. Распахиваются двери, въ мундирномъ фракѣ, со звѣздой на груди, въ широкомъ бѣломъ галстухѣ, появляется генераль-губернаторъ и начинаетъ обходить просителей. Долго и внимательно бесѣдуетъ онъ съ каждымъ, и для всякаго у него находится привѣтливое слово, ободреніе и ласковая улыбка. Но этотъ кроткій, высокогуманный чело-вѣкъ превращался въ суроваго, грознаго, неумолимаго начальника края, когда онъ говорилъ съ казнокрадомъ, угнетателемъ и вообще съ людьми, за-маранными и обличенными въ нарушеніи закона и правды.

— Ты позволялъ себѣ забивать людей до смерти, — говорилъ онъ одному изъ сонма сибирскихъ Лоскутовыхъ, — такъ я тебя буду су-дить, какъ убійцу.

— Ты разорилъ честную семью, награбилъ взятками состоя-ніе, — сказалъ онъ разорителю слѣпому старика, — такъ я предамъ тебя суду, какъ вора, грабителя, какъ ночного разбойника.

— Что тебѣ нужно, дѣвочка? — спросилъ Сперанскій, обращаясь къ маленькой дѣвочкѣ, стоявшей среди просителей.

— Сирота я. Никого у меня нѣтъ. Меня къ вамъ прислали.

Сперанскій положилъ свою руку на голову дѣвочки, посмотрѣлъ ей въ глаза и позвалъ дежурнаго чиновника.

— Распорядитесь ее накормить, пусть поживетъ у меня; объ ея судьбѣ я позабочусь.

Дѣвочку увели и вскорѣ помѣстили, за личный счетъ Сперан-скаго, въ одно благотворительное учрежденіе. Такихъ сиротъ вос-питывалось очень много, и въ мемуарахъ дѣда приведены фамиліи нѣкоторыхъ изъ нихъ, при чемъ про нѣсколькихъ буквально ска-зано такъ: «Федорова вышла замужъ за кяхтинскаго купца Т. и те-перь богачиха. Арсеньева живетъ въ монастырѣ, имѣетъ свою келью».

Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Сибири Сперанскій часто навѣ-щалъ моего дѣда и просиживалъ у него довольно долго. Въ ме-муарахъ, хотя и упоминается объ этихъ визитахъ, но разговоръ

не приводится, и только въ одномъ мѣстѣ записано такъ: «Михаилъ Михайловичъ говорилъ, что онъ покоряется волѣ государя, но что оставляетъ край съ тяжелымъ сердцемъ. Я спросилъ, почему? Онъ отвѣчалъ, что не успѣлъ многое передѣлать, а паче всего судъ, гдѣ темноты осталось много, и не скоро она и исчезнуть можетъ, ибо люди, тамъ засѣдающіе, больше о себѣ заботятся, нежели о другихъ и правдѣ. Очищеніе суда оставляю на долю моего замѣстителя,—пусть онъ докончитъ начатое».

Отъѣздъ Сперанскаго огорчилъ многихъ, видѣвшихъ въ немъ честнаго бойца за правду и законность; зато подняли голову при молкнувшіе было «чиновничьи тати и лиходѣи» — на ихъ улицѣ былъ праздникъ, и преграда ихъ произволу въ лицѣ Сперанскаго исчезла. Дѣдъ пишетъ по этому поводу, «что рано покидаетъ Михаилъ Михайловичъ насъ, опять начнутся разныя пакостныя своеволия, и правду не скоро сыщешь». Прощаясь съ друзьями, Сперанскій крѣпко пожалъ имъ руки и съ нѣкоторыми расцѣловался.

— «Лихомъ не поминайте, простите, если обидѣлъ, — сказалъ онъ, садясь въ экипажъ, и снявъ дорожную шляпу. «Лошади помчались, и скоро нашъ благодѣтель скрылся изъ глазъ»,—заканчиваетъ дѣдъ свою запись объ отъѣздѣ Сперанскаго.

Въ мемуарахъ, но почему-то значительно послѣ этого эпизода, говорится о посѣщеніи имъ Сперанскаго, въ Перми, когда тотъ находился подъ строгимъ и оскорбительнымъ надзоромъ мѣстной администраціи.

«— Скорблю я,—говорилъ Сперанскій,—не о своей судьбѣ, а о людской несправедливости. Меня очернили въ глазахъ обожаемаго монарха, и я страдаю, что навлекъ гнѣвъ на себя того, кому всецѣло отдалъ всего себя. Совѣсть не удручаетъ меня, я спокоенъ, но сердце обливается кровью, когда вспомню свое послѣднее свиданье съ государемъ.

«Въ его глазахъ блестяли слезы, онъ былъ взволнованъ больше, чѣмъ я, и голосъ дрожалъ, когда говорилъ мнѣ, что долженъ разстаться со мною».

Пермская администрація всѣми силами старалась досадить Сперанскому и увеличить его горе,—къ нему съ трудомъ допускались посѣтители, и на нихъ смотрѣли съ недоувѣріемъ. Моему дѣду пришлось, какъ онъ пишетъ, сильно «раскошелиться и задобрить койкого», прежде чѣмъ онъ проникъ къ Сперанскому.

«— Едва пропустили,—сказалъ онъ опальному сановнику,—но я не могъ проѣхать мимо того, кто такъ честно служилъ своей родинѣ и не цожать ему руки». Сперанскій очень цѣнилъ такое безкорыстное вниманіе и не забылъ дѣда, когда находился уже въ Петербургѣ на верху своей славы. Дѣдъ, бывая въ Петербургѣ по своимъ торговымъ дѣламъ, посѣтилъ Сперанскаго, встрѣтившаго его съ распростертыми объятіями.

— Оставьте титуловать меня, дорогой другъ Петръ Тимоеевичъ, вы для меня не проситель, не чужой человѣкъ, а родной, близкій моей душѣ и сердцу.

Въ мемуарахъ говорится, что Сперанскій выхлопоталъ дѣду орденъ и званіе коммерціи совѣтника и именитаго купца. Дѣдъ встрѣчалъ Сперанскаго и на придворныхъ балахъ, куда дѣдъ удостоивался получать приглашенія.

«Я видѣлъ Михаила Михайловича среди придворныхъ и знатныхъ особъ,—пишетъ дѣдъ,—онъ остался все такимъ же, какимъ я его зналъ и въ Сибири. Привѣтливый, добрый и умный взглядъ, улыбка и отрывистая рѣчь. Я видѣлъ, какъ къ Михаилу Михайловичу обратился государь,—пишетъ дѣдъ,—и Михаилъ Михайловичъ точно просвѣтлѣлъ, государь милостиво бесѣдовалъ съ нимъ, а толпа стояла въ отдаленіи; послѣ этой бесѣды всѣ быстро окружили Михаила Михайловича и ловили каждый его взглядъ, прислушиваясь къ его словамъ; невольно вспомнилось мнѣ то время, когда Сперанскій сидѣлъ въ креслѣ въ маленькой комнаткѣ въ Перми, когда домикъ былъ окруженъ полицейскими солдатами, а квартальный надзиратель, не снимая шляпы, входилъ въ комнату и подозрительно осматривалъ всѣ углы. Я отчетливо помню, какъ Сперанскій при этомъ поблѣднѣлъ, стиснулъ ручки кресла и откинулъ голову назадъ. На мое счастье мнѣ выпало на долю увидать и торжество Сперанскаго, какъ разъ въ то время, когда получился отвѣтъ изъ Петербурга на запросъ: «какъ почитать присланнаго въ Пермь Сперанскаго?» Отвѣтъ гласилъ: «почитать, какъ государственнаго секретаря».

«Вдругъ все измѣнилось,—тотъ же квартальный дежурилъ у подъѣзда и трепеталъ, а всѣ мѣстныя власти были смущены и не знали, какъ и чѣмъ загладить свою непростительную оплошность и дерзость».

О пребываніи Сперанскаго въ Перми дѣдъ записалъ нѣсколько эпизодовъ и между прочимъ одинъ эпизодъ, имѣющій несомнѣнный интересъ, указывающій на доступность и отзывчивость Сперанскаго къ людямъ, къ какимъ бы они классамъ ни принадлежали. Къ сожалѣнію, дѣдъ нигдѣ не указываетъ, отъ кого онъ почерпнулъ эти свѣдѣнія, и кто такъ подробно и обстоятельно передалъ ему нижеслѣдующій разговоръ съ раскольничьимъ начетчикомъ, посланнымъ къ Сперанскому, несомнѣнно, вожаками зауральскаго раскола. Но дѣдъ не сталъ бы заносить въ свои «меморіалы» чтонибудь сомнительное или маловѣроятное. Нужно думать, что дѣду рассказывалъ объ этомъ эпизодѣ самъ Сперанскій, но дѣдъ по какимъ-то причинамъ не отмѣтилъ въ своихъ записяхъ объ источникѣ, такъ какъ, насколько мнѣ извѣстно, дѣдъ никогда не предназначалъ эти мемуары къ печати, почему и не особенно заботился объ указаніяхъ на источники.

Вотъ что записано у дѣда.

Пошелъ Михайлъ Михайловичъ прогуляться по берегу Камы и встрѣтился съ нѣкимъ человѣкомъ роста весьма невысокаго, сѣдинами убѣленнаго, въ черномъ духовномъ подрясникѣ, съ котомкою за плечами и съ посохомъ въ рукахъ.

— Кланяюсь тебѣ, правдивый мужъ, и благословляю тебя,—сказалъ маленькій старичекъ Сперанскому, благословляя его двумя перстнымъ крестомъ. Сперанскій снялъ свой картузъ и склонилъ голову.

— Ты страдалъ невинно, и теперь Господь вознаградить тебя сторицей, ибо ты не ропталъ и смиренно волѣ Божьей покорился. Слушай меня, праведный человѣкъ, слушай и внемли, ибо глаголю тебѣ сущую правду.

— Кто же ты?—спросилъ Сперанскій.

— Я,—смиранный служитель Бога, а имени своего не назову, не нужно, ибо имя мое ничтожно. Вотъ садись и слушай, что я тебѣ скажу. Предопредѣлено тебѣ быть вершителемъ судьбы многихъ людей, и ты свой трудъ исполнишь честно. Не гони ты и насъ, старой, истинной вѣры поборниковъ и ея сыновъ вѣрныхъ, не гони и не преслѣдуй. Мы молимся одному Богу и почитаемъ ту же святую, что и ты, но не хотимъ молиться такъ, какъ Никонъ и его приспѣшники указали. За что же насъ истязать, церкви наши разрушать и скиты уничтожать, куда мы отъ соблазна мірскаго уходимъ? И я когда-то въ міру жилъ и всякое мірское плотоугодіе испыталъ, насильничалъ, пакости дѣлалъ и бѣсовъ своими языческими игрищами тѣшилъ. Но Богъ ниспослалъ мнѣ видѣніе и спасъ меня нечестиваго отъ смерти духовно. Явился ко мнѣ во снѣ нѣкій свѣтлый мужъ и приказалъ итти въ церковь. Не послушался я и въ церковь не пошелъ, а всякимъ недостойнымъ дѣломъ занялся. Прошло съ того времени года два, и я забылъ о снѣ. Только сижу я съ присными кромѣшникамъ и бражничаю, какъ вдругъ отворяется дверь, и появляется въ горницѣ страшилище и прямо на меня бросается и подъ себя мнетъ. Ни кричать, ни шевельнуться не могу,—сердце обмерло, и разсудка я лишился. Очнулся я въ незнакомой избѣ и вижу незнакомыхъ людей, которые на колѣняхъ стоятъ и свѣчи держатъ, а кои у моего изголовья стоятъ и псалтырь читаютъ. Поднялъ я голову и смотрю, а самъ не понимаю, что такое со мной сотворилось. Одинъ изъ людей тогда подошелъ и говорить: «живъ ты, человѣче, а мы тебя хоронить начали». Живъ я, говорю, только пить дайте. Дали кислаго квасу испить и чѣмъ-то съ головой прикрыли, заснулъ я, и долго ли, коротко ли спалъ,—не знаю, а только очутился на своей постелѣ, въ собственномъ домѣ.

— Сонъ такой приснился, или же все наяву было?—спросилъ Сперанскій.

— Не знаю. Понялъ я только, что это свыше такъ сдѣлано со мной, чтобы я грѣховную жизнь бросилъ. И я бросилъ. Скрылся тихонько изъ дому, пошелъ грѣхи замаливать и пришелъ прямо въ скиты таганайскіе и оттуда нарочно сюда пробрался, чтобы тебя повидать, ибо мнѣ это было такъ настоятелемъ благословлено. Богъ и сподобилъ меня свидѣться съ тобой. Да, велика милость Господня и Его святая воля.

— Что же ты хочешь отъ меня?

— Заступы. Притѣсненіе большое намъ оказываютъ и въ полный раззоръ вводятъ.

— Кто же притѣсняетъ васъ?

— Игемоны ваши, чиновники. Нѣтъ отъ нихъ пощады. Заступитесь.

— Не въ моей власти дѣло это. Я ничего подѣлать не могу.

— Можешь. Я тебѣ одну грамотку передамъ. Ты ее прочти и все по ней исполни.

Старичекъ снялъ съ себя котомку и, порывшись въ ней, вынулъ бережно завернутую въ чистый холстъ бумагу, на которой славянскими буквами съ раскрашенными киноварью, золотомъ и синью заставками было написано длинное письмо, обращенное къ государю.

— Вотъ возьми и прочитай, а, когда прочтешь, доставь тому, на чье имя писано. Ну, благослови тебя Господь, прощай. Прими мое грѣшное благословеніе.

Старикъ благословилъ Сперанскаго раскольникимъ крестомъ, поклонился ему въ ноги и, надѣвъ котомку, пошелъ по дорогѣ къ лѣсу.

Въ мемуарахъ не говорится подробно о текстѣ письма, но дѣдъ несомнѣнно его видѣлъ, ибо въ записяхъ говорится: «написано письмо на цѣнной бумагѣ, очень гладкой и узкой, но длинной. Заставки выведены искусно и богато. Украшенія хитро сплетены и очень узорчаты, всюду сіяютъ восьмиконечные кресты и главы, позлащенные густо».

Свиданіе съ раскольникимъ начетчикомъ Сперанскаго случилось во время его генераль-губернаторства въ Сибири: онъ не преслѣдовалъ ожесточенно раскольниковъ, не уничтожалъ ихъ молеленъ и молитвенныхъ домовъ и не допускалъ поборовъ съ «семейскихъ» забайкальскихъ старообрядцевъ. У дѣда имѣются прямыя указанія на этотъ счетъ, при чемъ онъ говоритъ, что самъ Сперанскій утверждалъ, что взглянуть глубже на расколъ его подвинулъ «одинъ случай». Дѣдъ видимо не допытывался и не хотѣлъ узнавать о «случаѣ», такъ какъ въ его записяхъ не говорится и не поясняется, что подразумѣвалъ Сперанскій подъ этимъ словомъ—встрѣчу ли съ начетчикомъ, или же чтонибудь иное. Немало сдѣлано записей въ мемуарахъ о мнимой измѣнѣ Сперанскаго и слухахъ, ходившихъ въ иркутскомъ обществѣ и предшествовавшихъ появленію его въ качествѣ генераль-губернатора.



«Приѣзжалъ ко мнѣ Т. (фамилія не названа),—пишетъ дѣдъ,—и подѣ великой тайной сообщилъ, что онъ получилъ изъ Петербурга отъ племянника письмо, въ которомъ тотъ пишетъ, что назначенный сюда генераль-губернаторъ Сперанскій не очистился еще отъ измѣны, и что здѣсь ему только дадутъ очистительную присягу.

«— Какъ вы думаете, Петръ Тимоѳеевичъ, подѣ колоколами его присягать заставляютъ?»

«— Глупое вранье написалъ вашъ племянникъ.

«— Ему вѣрный челобѣкъ сказывалъ. Читайте сами».

Письмо, дѣйствительно, утверждало, что назначеніе Сперанскаго было обусловлено принятіемъ присяги «всенародно» и при полномъ соблюденіи всѣхъ «подобающихъ сему предмету кондицій и обычаевъ». Въ народѣ упорно ходилъ слухъ, что Сперанскій прощенъ въ половину, и что «править онъ будетъ четыре дня въ недѣлю, а три будетъ ходить въ кандалахъ». Утверждали также, что у Сперанскаго на лицѣ поставлены особые знаки «Наполеоновой печати», и что ходитъ онъ потому въ повязкѣ. Сперанскій нерѣдко проводилъ ночи за работой, почему въ его кабинетѣ свѣтился огонь. Въ народѣ говорили, что де онъ «по-своему» молится Богу и «свою вину искупляетъ». Но рядомъ съ этими вымыслами шли и другіе совершенно противоположныя,—такъ, напримѣръ, увѣрялось, что Сперанскій ходитъ переодѣтымъ по городу и провѣряетъ начальство, и что «многое тайное открылъ и многихъ въ желѣза заковывалъ, паче всего утѣснителей приказныхъ». Интересенъ по своей наивности слѣдующій рассказъ какого-то ссыльно-поселенца, названнаго въ мемуарахъ Иваномъ Морозовымъ.

— Сижу я въ кабакѣ,—говорилъ Морозовъ,—съ товарищами и уже изрядно захмелѣвши. Вдругъ въ кабакъ приходитъ высокій такой, въ шинели и въ родѣ того, какъ бы приказный. А мы пѣсни горланить и худыми словами перекидываемся, въ родѣ того, какъ бы ругаемся, значить. Вотъ высокій приказный къ намъ и подходитъ и явственно говоритъ намъ: «не хорошо». Мы вскинулись на приказнаго и дразнить принялись, крапивнымъ сѣменемъ называемъ и всякія такія слова говоримъ. Ничего приказнаго неиметь,—стоитъ у стола и только въ упоръ глядитъ. Зло насъ взяло,—что за мороза такая, въ кабакѣ пришелъ, вина не пьетъ и другимъ мѣшаетъ. Мы ему, значить, пригрозили, что и по шеѣ погладить можемъ, а онъ, хоть бы что, стоитъ, шары (глаза) вытаращилъ и молчитъ. Я тогда и говорю ему: «сдѣлай Божескую милость, отойди, не стой тутъ, отойди». А онъ поднялъ руку, погрозилъ мнѣ пальцемъ и сказалъ: «не хорошо, грѣшно, скверно», и былъ таковъ, ровно сквозъ землю провалился. Насъ оторопъ взяла, что, молъ, за притча такая, — былъ здѣсь, и сразу невидимкой сталъ, изъ глазъ пропалъ. Безпремѣнно это «онъ» былъ, «онъ» слово такое знаетъ, что можетъ въ парѣ обращаться. Мы

скорѣе шапки въ охапки, да на утекъ, потому «онъ» худыхъ словъ не любитъ и пьяныхъ не терпитъ.

Иванъ Морозовъ добавилъ, что «непремѣнно это былъ Сперанскій, не кто, какъ онъ; его многіе видали въ кабакахъ, «онъ» съ народомъ, нашимъ братомъ, голытьбой бесѣдуетъ и о нашихъ нуждишкахъ узнаетъ».

Ужъ не какъ слухъ, а какъ фактъ, дѣдъ заноситъ въ «меморіаль», что къ Сперанскому часто обращались бѣдняки съ просьбою быть у нихъ крестнымъ отцомъ и воспринимать отъ купели дѣтей, и что онъ никогда въ этомъ не отказывалъ. Приходили къ Сперанскому просить помощи всѣ, кто въ ней нуждался, приходили безъ страха и опасенія. Нерѣдко генераль-губернаторъ шелъ за гробомъ бѣдняка, провожалъ на кладбище, гдѣ усердно молился и оставался до послѣдней минуты — засыпки могилы. Дѣдъ пишетъ: «Буду я по Большой и вижу Михаила Михайловича, идетъ за гробомъ, который несутъ мужики. Слѣзъ и я и пошелъ рядомъ съ Михаиломъ Михайловичемъ. Спрашиваю его, почему онъ пошелъ провожать покойника? Зналъ онъ его развѣ? Нѣтъ, говоритъ, не зналъ, но онъ мнѣ братъ по Христу. Прохожіе видѣли насъ, удивлялись и присоединялись. Нашлись и хулители: онъ,—говорили они,—нарочито такъ поступаетъ, ибо славолюбивъ. Какіе неумники,—душа у Михаила Михайловича чистая, понятія высокія, благородныя, и не нужно ему брэнной славы». Кошелекъ Сперанскаго всегда былъ открытъ, и онъ щедро раздавалъ свои деньги. «Я доволенъ, сытъ,—нужно, чтобы и другіе были довольны и сыты», — отвѣчалъ Сперанскій на упрекъ, сдѣланный ему однимъ изъ близкихъ къ нему людей. Самымъ счастливымъ днемъ Сперанскій считалъ, когда ему удавалось, по званію генераль-губернатора, простить или понизить наказаніе преступнику. «Прощать—высшее благо человѣка, милосердіе—даръ Божій»,—говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ.

Въ записяхъ дѣда разсказано о томъ впечатлѣніи, которое производили на народъ такъ называемыя «торговья казни». Во времена генераль-губернаторства Сперанскаго сибирскіе нравы были значительно грубѣе, чѣмъ теперь, и число преступленій возрастало до огромной цифры, при чемъ попавшій въ руки правосудія преступникъ рѣдко выходилъ изъ суда оправданнымъ, то можно себѣ представить, какое количество торговыхъ казней совершалось на городскихъ площадяхъ. Наказывали розгами, плетью и шпигрутенами, при чемъ этотъ родъ наказанія практиковался преимущественно надъ солдатами, хотя не избѣгали этого же наказанія люди другихъ званій и сословій. Били не на животъ, а на смерть, и рѣдко съ «кобылы» или изъ «зеленой улицы» уходили живыми. Сперанскій зналъ растлѣвающее вліяніе публичныхъ казней и желалъ ихъ уничтоженія, но его попытки въ этомъ отношеніи разбивались о петербургскія канцеляріи, гдѣ взглянули на предста-

вленіе Сперанскаго весьма неодобрительно и Сперанскому дали понять, что «ломать строй законовъ возбраняется». Мой дѣдъ указываетъ, что совершенно случайно Сперанскому довелось видѣть торговую казнь, совершенную надъ старикомъ ссыльно-поселенцомъ, воромъ-рецидивистомъ. Сперанскій ѣздилъ по городу и, проѣзжая черезъ площадь, увидалъ толпу. Черезъ нѣсколько секундъ онъ услышалъ страшный крикъ о помощи. Безотчетно повинувшись чувству состраданія, Сперанскій велѣлъ подѣхать къ тому мѣсту, откуда раздавались крики. Кучеръ тронулъ лошадей, и коляска подѣехала къ эшафоту, на которомъ уже дѣйствовалъ палачъ. Сперанскій всталъ въ коляскѣ и закричалъ «стой!». Палачъ остановился, услужливыя власти, узнавъ Сперанскаго, поспѣшили убрать палача и жертву и доложить генералъ-губернатору, что «наказаніе кончено». Сперанскій платкомъ вытеръ потъ со лба, сильно поблѣднѣлъ и приказалъ ѣхать домой, гдѣ немедленно позвалъ правителя канцеляріи и заперся съ нимъ въ кабинетѣ. Результатомъ всего этого явился докладъ Сперанскаго о необходимости уничтоженія торговыхъ казней, но докладъ, какъ уже было упомянуто выше, потерпѣлъ полнѣйшій неуспѣхъ.

«Мнѣ говорилъ Михаилъ Михайловичъ, — пишетъ дѣдъ, — что онъ послалъ докладъ въ Петербургъ объ уничтоженія торговыхъ казней, что онѣ лишь «кровавыя, звѣрскія мысли у людей укрѣпляютъ», что де казни необходимо упразднить.—Развѣ можетъ человѣкъ научиться добру и понять тяжесть преступленія, когда на его глазахъ рвутъ тѣло и наносятъ зіяющія раны, во имя отмщенія?»—прибавляетъ дѣдъ, видимо цитируя слова Сперанскаго. По поводу торговыхъ казней въ «меморіалахъ дѣда» встрѣчаются замѣтки, наводящія на мысль, что даже въ то далекое отъ насъ время уже созрѣвала въ народѣ мысль, что не битье больно, а стыдъ, — мученія переносили стойчески, не кричали, когда плети впивались въ тѣло и рвали въ лоскутья кожу, но блѣднѣли и смотрѣли помутнѣвшими глазами на толпу, когда везли на казнь. Одинъ изъ вытерпѣвшихъ наказаніе рассказывалъ дѣду: «когда я муки мученическія претерпѣлъ, когда меня на позорище выставили,—мнѣ не плети были страшны, а было жутко, когда народъ на меня смотрѣлъ», — такъ сказано въ мемуарахъ дѣда, записаннаго подробно разговоръ съ однимъ изъ тѣхъ несчастныхъ, которые испытали на себѣ позоръ эшафота.

Торгово-промышленная жизнь Сибири во времена генералъ-губернаторства Сперанскаго была совершенно ничтожна и заключалась главнымъ образомъ въ кяхтинской чайной торговлѣ. Наши отношенія въ Китаю хотя и были дружественными, но китайцы принимали покровительственный тонъ при сношеніяхъ съ русскими купцами и позволяли себѣ, зачастую, оберегать только свои интересы, не заботясь о справедливости. Маймачинскій дваргучей, какъ

представитель китайскаго правительства, корчилъ изъ себя чуть не самого богдыхана и требовалъ себѣ отъ русскихъ купцовъ почестей, унизительныхъ для русскаго человѣка. Мой дѣдъ и еще нѣсколько коммерсантовъ энергично протестовали противъ такого порядка вещей и представили Сперанскому по этому поводу объемистую записку. «Михаилъ Михайловичъ мнѣ сказалъ, — пишетъ дѣдъ, — что онъ придаетъ запискѣ большое значеніе и находитъ, что мы слишкомъ много всѣмъ уступаемъ и когда нибудь расплатимся за это ненужное великодушіе». Слова Сперанскаго оказались пророческими, и намъ волей-неволей приходилось еще такъ недавно доказывать Китаю, что наше великодушіе имѣетъ свои предѣлы.

Сперанскій очень заботился о поддержкѣ кяхтинской торговли и выхлопатывалъ разныя льготы тѣмъ фирмамъ, что поставили свое дѣло на прочныя основанія. Дѣдъ имѣлъ съ Сперанскимъ много разговоровъ по этому вопросу, и Сперанскій выражалъ свой взглядъ всегда въ одной формѣ: «ведите дѣло честно, продавайте хорошіе товары и не обманывайте китайцевъ при расчетахъ. Пошатнуть дѣло очень легко, утратить довѣріе еще легче, а возстановить то и другое бываетъ часто невозможно». Сперанскій былъ безусловно правъ, совѣтуя вести дѣла съ китайцами честно до щепетильности, такъ какъ китайцы никогда не забываютъ и не прощаютъ обмана, и добиться у нихъ прежнихъ отношеній, если они поколеблены, почти не возможно. У дѣда разсказанъ такой случай: русскій коммерсантъ, — имя его не названо въ мемуарахъ, — вздумалъ надуть китайцевъ и скорѣе разбогатѣть, продавъ имъ синюю бумажную ткань, такъ называемую «дабу», не въ полныхъ кускахъ. Дабу китайцы принимали счетомъ кусковъ, а главное по вѣсу, не подозрѣвая, что на этомъ-то именно и создалъ коммерсантъ свой планъ. Партія по счету и вѣсу оказалась полной и превосходнаго качества, почему китайцы заплатили за нее высокую цѣну. Но прошелъ годъ, сидитъ коммерсантъ передъ своимъ домомъ и пьетъ чай въ обществѣ своихъ сотоварищей. Подходитъ одинъ изъ обманутыхъ китайскихъ купцовъ, хихикнулъ нѣсколько разъ и, проговоривъ: «худой, худой», снялъ самоваръ со стола и унесъ къ себѣ. Это была месть за то, что русскій коммерсантъ обернулъ дабой не деревянныя дощечки, а желѣзныя пластинки, что повысило вѣсъ дабы и превратило товаръ изъ низкаго сорта въ высшій. Къ чести купеческой кяхтинской колоніи нужно отнести, что она возмутилась поступкомъ коммерсанта и принудила его итти къ китайцамъ «выкупать самоваръ», что тотъ и исполнилъ, отдавъ китайцамъ всю лишнюю сумму, переплаченную покупателями. Самоваръ послѣ пилигримства въ Маймачинъ былъ торжественно принесенъ китайцемъ русскому купцу, поставленъ на столъ, при чемъ послѣдовало обильное угощеніе, превратившееся, по обыкновению, въ разгулъ со всѣми его послѣдствіями. Кяхта долгое время

была центромъ русско-китайской торговли, и въ ней совершались крупныя сдѣлки не только на чай, леденецъ и тому подобное, но и на ремень, марену, мануфактурный товаръ. Теперь почти все исчезло, и миллионныя обороты кяхтинскихъ купцовъ быстро спустились, сравнительно, до ничтожной цифры. Мой дѣдъ былъ въ числѣ немногихъ пионеровъ, завязавшихъ большія торговыя сношенія съ Якутской областью. Во времена Сперанскаго этотъ и понынѣ полудикій край етъ дѣйственными жѣсами, съ неисчерпаемыми ископаемыми богатствами, съ безчисленнымъ количествомъ пушного звѣря, представлялъ собою «невѣдомую землю», про которую ходили легендарныя разсказы. Дѣдъ рѣшился попытаться устроить нѣчто въ родѣ факторіи и даже, если возможно, пробраться въ устье великана-рѣки Лены, ниже Медвѣжьихъ острововъ, и снабжать весь край, отъ Качута-Верхоленска до послѣдней пристани на устьѣ, хлѣбомъ, солью, мануфактурой и тому подобнымъ. Попытка дѣда отчасти имѣла успѣхъ, и его баржи плавали далеко за Якутскъ и развозили по всему краю всевозможныя товары и припасы. Но, къ сожалѣнію, предприимчивость дѣда тормозилась и осложнялась разными непредвидѣнными обстоятельствами, а больше всего безконечными, надоѣдливыми, а подчасъ и тяжелыми придирками и нещадными поборами всевозможныхъ и безчисленныхъ приставовъ, смотрителей и тому подобной мелкой чиновничьей сошки, желавшей повсососать «соки изъ купца». Сперанскій, которому жаловался дѣдъ на разныхъ киренскихъ, верхоленскихъ и якутскихъ властей, посылалъ грозныя предписанія, вытребовалъ взяточниковъ къ себѣ и всѣми силами помогалъ выбраться дѣду изъ опутавшей его паутины, но «мошка одолѣла»,—какъ пишетъ дѣдъ,—и онъ бросилъ большое дѣло, не имѣя возможности его продолжать. «Пишетъ мнѣ Абрамовъ (довѣренный дѣда), что паузки и шитики (баржи и лодки) соляной приставъ задерживаетъ, а у меня подрядъ взять. Говорилъ Михаилу Михайловичу, онъ разсердился и послалъ эстафетой предписаніе. А когда она дойдетъ: Богу извѣстно,—теперь бездорожье, того и гляди, что внизу рѣка встанетъ, тогда все пропало» Якутская торговля, кромѣ сильнѣйшаго безпокойства и раздраженія, ничего не приносила дѣду, но онъ, желая исполнить обѣщаніе, данное Сперанскому, «терпѣть, но дѣла не бросать», посылалъ караванъ за караваномъ. Его даже не смутило, что во время сильнаго шторма одинъ караванъ разбился въ «Щекахъ» (скалистые берега Лены) и множество товара погибло,—дѣдъ, съ чисто съ сибирскимъ упрямствомъ, снаряжалъ баржи и опять отправлялъ ихъ въ далекое и небезопасное плаванье. Сперанскій очень цѣнилъ эту желѣзную настойчивость и нерѣдко высказывалъ дѣду въ самыхъ задушевныхъ выраженіяхъ, что и записано въ мемуарахъ. «Былъ Сперанскій и освѣдомлялся о моей неудачѣ въ «Щекахъ». Очень сожалѣлъ объ убыткахъ и ободрялъ. «Не унывайте, Петръ Тимо-

еевичъ, уповайте на Бога и покоритесь Его волѣ. Одна неудача не должна смущать васъ. Не служить ли она указаньемъ на многіе недочеты въ дѣлѣ, требующіе немедленнаго исправленія? Въ вашихъ стремленіяхъ оживить далекій край я вижу глубокой смыслъ,— работайте же, не покладая рукъ и не опуская головы, страхъ не долженъ поселиться въ васъ. Надѣйтесь на благость Божию и молитесь Ему, чтобы ваши силы окрѣпли. Во мнѣ же вы всегда найдете пособника,—честный трудъ ставлю превыше всего». Эти слова Сперанскаго, записанныя на разныхъ страницахъ дѣдовскихъ мемуаровъ, указываютъ, что Сперанскій ревниво смотрѣлъ на желанія дѣда выйти изъ предѣловъ «кяхтинскаго сидѣнья» и развить торговую жизнь въ другихъ мѣстностяхъ обширной Сибири.

Далекій и мало изслѣдованный Якутскій край служилъ предметомъ заботъ Сперанскаго, прозорливо видѣвшаго въ этой части Сибири скрытый запасъ колоссальныхъ богатствъ. Сперанскій въ бесѣдахъ съ иркутскимъ и кяхтинскимъ купечествомъ,—какъ это занесено въ дѣдовскихъ «меморіалахъ»,—высказывалъ мысль, что «краю еще не скоро суждено занять подобающее ему мѣсто, холодъ и сама рѣка, текущая съ юга на сѣверъ, безлюдье, служатъ главными препятствіями. Но нельзя, грѣшно и преступно опускать руки, нужно всѣми силами стремиться, чтобы заставить край жить и приносить пользу. Я буду счастливъ, если вы поймете мои слова, какъ приглашеніе къ дѣятельности въ этомъ краѣ, и обѣщаю свою поддержку. Работайте же дружно и старайтесь примѣнять свои силы къ полезному дѣлу». Но, увы, слова Сперанскаго въ большинствѣ случаевъ оставались гласомъ вопіющаго, тогдашніе капиталисты предпочитали держать деньги за голенищемъ или же заниматься питейнымъ дѣломъ, чѣмъ пускаться въ разныя предпріятія. На призывъ генераль-губернатора откликнулась небольшая группа лицъ, пожелавшихъ «испытать счастья» не на спаиваніи народа или же на чаяхъ: нашлось всего человѣкъ пять, шесть, начавшихъ оперировать на Ленскомъ бассейнѣ съ хлѣбомъ, солью и московскими товарами. Нужно прибавить, что попытка велась въ очень маленькихъ размѣрахъ и не доразвилась до крупнаго предпріятія. Тѣмъ не менѣе Сперанскій не ошибся, говоря о богатствѣ Якутскаго края, его слова и на этотъ разъ оказались пророческими: въ Олекминской тайгѣ было найдено золото, которое сдѣлало то, что даже Сперанскій съ его обширнымъ кругозоромъ не могъ предполагать, и пустынный и дикій край вдругъ началъ жить и развиваться безъ всякаго воздѣйствія съ чьей либо стороны—золото не замедлило своимъ магнетическимъ блескомъ привлечь въ глухую тайгу, съ непроходимыми топями, дремучими лѣсами, лютыми морозами, тысячи людей, желавшихъ попытать счастья и сдѣлаться богачами.

Сперанскаго давно уже не было въ Сибири, онъ уже сошелъ въ могилу и не видалъ, какъ сталъ просыпаться далекій край, какъ

туда потянулись, точно стаи перелетныхъ птицъ, золотоискатели, какъ начали основываться поселки, и пустынные берега красавицы-рѣки Лены, гдѣ ютились лишь дикіе звѣри, покрылись деревнями и селами, а по широкой рѣкѣ поплыли караваны, барки съ хлѣбомъ, живымъ скотомъ, желѣзомъ, спиртомъ и другими припасами, товарами и всѣмъ необходимымъ для сложнаго приискового хозяйства. А зимой, по той же рѣкѣ, потянулись длинной вереницей обозы, партіи рабочихъ, всѣ спѣшили на таинственный сѣверъ, гдѣ, по словамъ людской молвы, грудями лежитъ золото, гдѣ можно чуть не въ одно мгновеніе сдѣлаться богачемъ. Но оживленіе края было какое-то странное, все и вся существовали только ради золота, скрытаго въ нѣдрахъ земли, внѣ этого не было оживленія, нигдѣ не задымились заводскія трубы, и ничего, кромѣ, сравнительно, ничтожнаго количества соли и пушнины, край не доставлялъ, онъ только поглощалъ и поглощалъ лишь то, что ему привозили, не производя самъ ничего. Не этого ждалъ Сперанскій, его кругозоръ охватывалъ гораздо больше, и онъ хотѣлъ, чтобы Якутскій край сдѣлался производительной страной. «Рыбное богатство, лѣсное, ископаемое—вотъ что создастъ Якутскому краю благосостояніе»,—значится въ мемуарахъ дѣда, гдѣ онъ говоритъ о своихъ попыткахъ работать въ Якутской области. «Михайлъ Михайловичъ того мнѣнія, что Якутскій край—полная чаша, только нужно умѣть изъ нея черпать, но онъ слишкомъ уже впередъ смотреть, нѣтъ въ Сибири жителей, кто же будетъ покупать, а въ Москву не повезешь, тамъ и своего добра дѣвать некуда. А что край богатѣйшій—въ томъ спору нѣтъ, и всякаго вниманія онъ достоинъ. Михайлъ Михайловичъ очень имъ озабоченъ и что-то придумываетъ для его блага. Это хорошо, можетъ быть, и мы еще, не только наши потомки, плоды отъ трудовъ Михаила Михайловича и его заботъ вкусимъ».

Внимательно перечитывая «Записки» дѣда, иногда очень лаконичныя, а зачастую полныя интереснѣйшихъ подробностей, можно себѣ совершенно ясно представить безотраднѣйшую картину самоуправства и произвола, царившихъ по всей Сибири, во всѣхъ ея областяхъ и губерніяхъ. Такія личности, какъ Трескинъ, Пестель, Лоскутовъ, творили все, что хотѣли, не боясь никого и ничего. Сперанскій явился въ Сибирь, превосходно освѣдомленный о всемъ и уже заранѣе готовый вступить въ борьбу съ темными силами, завладѣвшими краемъ, благодаря печально сложившимся различнымъ обстоятельствамъ. Насколько было велико самовластіе сибирской администраціи, видно, напримѣръ, изъ дѣла «о выселеніи иркутскаго городского головы Михаила Сибирякова за явное властямъ неповиновеніе». Почетнѣйшаго человѣка, крупнаго капиталиста, избранника города, Трескинъ, иркутскій губернаторъ, выслалъ въ Баргузинъ, глухой городишко, затерявшійся въ забай-

кальской тайтѣ, гдѣ Сибиряковъ и умеръ. Дѣдъ пишетъ по этому поводу: «Трескинъ настоялъ на своемъ, и Сибирякова увезли, а намъ всемъ пригрозилъ и сказалъ, что хуже еще сдѣлаетъ, стгноить въ острогѣ». Другого почтеннаго человѣка, тоже именитаго купца, Николая Мыльникова, Трескинъ выслалъ въ Нерчинскъ, гдѣ Мыльниковъ и томился до прїѣзда въ Сибирь Сперанскаго, приказавшаго немедленно освободить «невинно заключеннаго». У дѣда въ мемуарахъ сказано объ этомъ инцидентѣ, что «Михаилъ Михайловичъ, какъ только узналъ, такъ и распорядился освободить Николая Мыльникова. Я ѣздилъ къ Михаилу Михайловичу и много рассказывалъ о Мыльниковѣ, все, что на днѣ сердца лежитъ, все безъ малѣйшей утайки сказалъ, какъ мы все противъ Сперанскаго сперва ратовали, а потомъ и противъ Лецано, и своего добились, какъ въ Петербургѣ ѣздили и правды добивались».

Сперанскій любилъ записывать на память многіе рассказы и сообщенія, слышанные имъ отъ разныхъ лицъ; нѣкоторыя записочки М. М. Сперанскаго долго, какъ святыня, хранились въ семьѣ иркутскаго купца Т—ва, но, къ несчастію, сдѣлались жертвою пожара. Мой дѣдъ видалъ такія записочки, и Сперанскій давалъ ему ихъ прочитывать, при чемъ всегда прибавлялъ: «Запишу—не забуду, если даже записка и затеряется». У дѣда вскользь упоминается въ мемуарахъ, что онъ читалъ «памятки» Михаила Михайловича, куда все заносилъ, «что за день достойнаго случится, и что необходимо въ памяти удержатъ. Мой разговоръ о продовольственныхъ магазинахъ по Якутскому краю и о заботѣ нашей о хлѣбѣ тунгусамъ и ороchonамъ тоже записанъ».

Дѣдъ въ своихъ мемуарахъ характеризуетъ Сперанскаго, не только какъ добраго, отзывчиваго человѣка, но прямо называетъ его гениальнымъ и преклоняется передъ его именемъ. Въ «Запискахъ» дѣда имѣются нѣсколько страницъ, гдѣ обликъ Сперанскаго выступаетъ чрезвычайно рельефно и невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе. «Что бы съ нами было, если бы сюда не назначили Михаила Михайловича, кости бы наши были разметаны, и не осталось бы отъ насъ даже и памяти. Благородный, возвышенный, простому смертному необъятный, прибылъ ты въ печальную, измученную Сибирь, и сразу просвѣтлѣло и тихимъ, теплымъ вѣтромъ повѣяло, точно ангелъ слетѣлъ съ неба и крыломъ своимъ въ движеніе привелъ воздухъ. Освободилъ ты изъ остроговъ невинныхъ страдальцевъ, отеръ слезы обиженныхъ, облегчилъ муки наши, и мы идемъ къ тебѣ съ полной вѣрой и надеждой на защиту, правду и милость». Въ другихъ мѣстахъ мемуаровъ говорится еще болѣе въ приподнятомъ тонѣ. «Годы пройдутъ, люди людей смѣнятъ, а память о великомъ человѣкѣ-народолюбцѣ никогда не исчезнетъ. И государь, въ заботахъ своихъ о его вѣрно-подданныхъ, послалъ къ намъ Михаила Михайловича для искоре-



ненія зла и неправды. И не было лучше у него слуги, вѣрнаго, безкорыстнаго и преданнаго. Сіяющій свѣтъ добра разлилъ нашь заступникъ, и мы духомъ воспряли и сердцемъ умилились».

Въ видѣ сравненія Сперанскаго съ прежними дѣятелями въ Сибири, дѣдъ говоритъ много о знаменитомъ слѣдователѣ Крыловѣ, зломъ гени, посланномъ въ Иркутскъ еще въ 1750 году. Конечно, дѣдъ говоритъ со словъ другихъ лицъ, главнымъ образомъ, потомковъ замученныхъ этимъ звѣремъ и приводитъ примѣры ужасающей жестокости. Въ особенности страшны были пытки нѣкоего Бичевина, богатаго и честнаго купца, истерзаннаго на дыбѣ. До сихъ поръ среди иркутянъ еще живы преданія объ этой вопіющей казни, и потомки Бичевина не перестаютъ молиться въ построенной ими «на костяхъ» церкви. А такихъ Бичевиныхъ было много, и даже позднѣйшіе сибирскіе администраторы въ родѣ Пестеля, Трескина не переставали страшно злоупотреблять своею властью. Весь періодъ до Сперанскаго, періодъ управления Сибирью и разоренія этой страны всевластнымъ Пестелемъ и его сподвижниками, очень подробно занесенъ въ мемуары дѣда, но, желая выдѣлить только личность Сперанскаго, приходится умолчать на этотъ разъ объ этой интересной эпохѣ въ исторической жизни Сибири. Чтобы использовать весь матеріалъ о Сперанскомъ, заключающійся въ запискахъ моего дѣда, необходимо упомянуть еще о нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ, записанныхъ дѣдомъ, хотя и касающихся Сперанскаго, но преимущественно съ легендарной стороны. Къ числу такихъ замѣтокъ слѣдуетъ отнести рассказъ близкаго пріятели дѣда, купца Т—ва, о «видѣніи», якобы представившемся Сперанскому. Дѣдъ пишетъ такъ: «Приходилъ Т—въ и рассказывалъ о видѣніи, кое Михаилу Михайловичу представилось. Константину Петровичу нельзя не вѣрить, ибо онъ человекъ правдивый и уста свои ложью никогда не осквернялъ и не осквернитъ,—ему я вѣру даю полную и сомнѣнія къ нему не питаю. Вотъ и въ семъ важномъ рассказѣ Константинъ Петровичъ прежде всего мнѣ сказалъ, что всю исторію онъ отъ постороннихъ лицъ слышалъ, и только чужія слова передаю, а не свои. Спрашивалъ я Михаила Михайловича,—онъ рукой глаза прикрылъ, тяжело, очень тяжело вздохнулъ, но въ отвѣтъ мнѣ ни слова не промолвилъ. Не посмѣлъ болѣе утруждать сими любопытственными вопросами, ибо оныя видимо ему тягостны, а можетъ быть, и того болѣе. Къ чему же я бы его душу смущать сталъ? Но лицо Михаила Михайловича яснѣе словъ говорило, что произошли событія важности необычайной, скрытыя подъ непроницаемой завѣсой невѣдомаго. Помолчавши немного, Михаилъ Михайловичъ отнялъ руки отъ лица и возвелъ глаза къ небу, и я видѣлъ, какъ по его лицу слезы покатались. Поднялся онъ съ кресла и простился со мной молча, чего прежде никогда не дѣлывалъ. Я очень смутился и даже огорчился, ибо полагалъ себя ви-

новнымъ въ огорченіи дорогого мнѣ Михаила Михайловича, и послалъ къ нему въ такомъ родѣ письмо. Отвѣтъ гласилъ, чтобы я не беспокоился, и ничѣмъ де я его не обидѣлъ и не потревожилъ. Все-таки чувствую въ душѣ смущеніе и нѣкоторую тягость. Т—въ меня успокоивалъ и совѣтовалъ не тревожиться, ибо сія исторія хотя и очень многозначительна, но возможна, и въ правдивости ея сомнѣваться трудно. Я попросилъ еще разъ мнѣ ее повторить, чтобы записать тщательно и безъ пропусковъ и невольныхъ добавленій». Разказъ Т—ва заключается въ слѣдующемъ. Сперанскій получилъ какія-то бумаги изъ Петербурга и долго сидѣлъ, разбирая ихъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Была уже ночь, на письменномъ столѣ горѣли свѣчи. Сперанскій углубился въ чтеніе бумагъ и писалъ на ихъ поляхъ замѣтки. Вдругъ свѣчи разомъ потухли, и въ комнатѣ на мгновеніе сдѣлалось темно, но вскорѣ кабинетъ озарился необыкновеннымъ свѣтомъ, и послышались чьи-то шаги. Пораженный наступившей внезапно темнотою, Сперанскій привсталъ съ кресла и хотѣлъ крикнуть, чтобы принесли огня, но голосъ его оборвался, и онъ снова опустился въ кресло. Въ это время къ столу тихо подошелъ старикъ въ платьѣ монашескаго покроя и отчетливо, ясно проговорилъ: «Посмотри на меня, узнаешь?» Невольно Сперанскій поднялъ глаза и увидалъ, что старикъ протягиваетъ ему свою руку. Оправившись отъ изумленія и испуга, Сперанскій спросилъ старика: «кто ты?» и старикъ тѣмъ же голосомъ отвѣчалъ: «я государь твой». Сперанскій откинулся на спинку кресла и уже пристально, прямо въ глаза старику, въ упоръ посмотрѣлъ на него и увидалъ хорошо ему знакомое лицо императора Александра Павловича, но обрамленное лишь длинной, сѣдой бородой. Видѣніе скрылось. Снова сами собой зажглись свѣчи, и Сперанскій, тяжело дыша, вышелъ изъ кабинета и, какъ увѣряетъ Т—въ, разказалъ своимъ близкимъ о видѣніи, со словъ которыхъ Т—въ и передалъ дѣлу то, что записано имъ въ мемуарахъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что достовѣрность этого разказа почти не подлежитъ сомнѣнію, почему я и счелъ возможнымъ воспользоваться этимъ интереснымъ эпизодомъ, нигдѣ до сихъ поръ не появлявшимся въ печатныхъ матеріалахъ о Сперанскомъ.

Просматривая внимательно «Записки» дѣда, я нашелъ въ разныхъ мѣстахъ немало помѣтокъ, такъ или иначе касающихся личности Сперанскаго, но, свѣряя ихъ съ печатными источниками, какъ, на примѣръ, съ сочиненіемъ В. И. Вагина и книгой барона Корфа, я нашелъ въ мемуарахъ дѣда лишь подтвержденіе того, что сказано въ этихъ книгахъ, почему и не привожу ихъ. Но, тѣмъ не менѣе, у дѣда записаны нѣкоторыя подробности, которыхъ нѣтъ въ названныхъ печатныхъ источникахъ. Къ числу такихъ «подробностей» я отношу разказы Сперанскаго о своей дочери, которую, какъ извѣстно, онъ

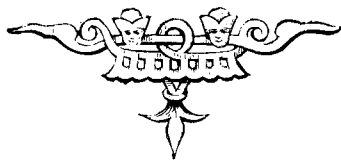
любилъ очень нѣжною любовью и не переставалъ дѣлиться съ нею тѣми впечатлѣніями, которыя онъ имѣлъ во время своего пребыванія въ Сибири.

«Вся жизнь моя въ ней,—говорилъ Сперанскій, когда его спрашивали о здоровьи Елизаветы Михайловны.—Мои мысли всегда съ ней, и я лишь тогда спокоенъ, когда получаю отъ нея письмо. Въ самыя трудныя минуты, когда я начинаю колебаться, она поддерживаетъ мой смутившійся разумъ и вселяетъ во мнѣ твердость и увѣренность въ себѣ. Я очень полюбилъ Сибирь и покидаю ее съ тяжелымъ чувствомъ, но видѣть мою Лизу, приласкать ее, составляетъ потребность моей души. Каждое ея письмо дышитъ любовью, и я читаю ихъ съ глазами, полными слезъ. Я не стыжусь этихъ слезъ,—это слезы радостной любви, оживляющей меня и дающей мнѣ силы выполнить то, что поручено мнѣ государемъ. Я не скрою, что часто изнемогалъ въ борьбѣ, малодушно падалъ духомъ, и каждый разъ въ такихъ случаяхъ вынималъ письма Лизы и перечитывалъ ихъ, находя при ихъ чтеніи снова бодрость и силы на борьбу съ тѣмъ, что составляетъ мою задачу и намѣренія». Въ книгѣ Вагина «Жизнь и дѣятельность Сперанскаго въ Сибири» приведены письма Сперанскаго къ его дочери: читая ихъ, можно повѣрить тому, что записано въ мемуарахъ дѣда, и что рассказываютъ современники Сперанскаго объ его отношеніяхъ къ дочери. Дѣдъ много разъ заноситъ въ мемуары свои разговоры съ Сперанскимъ объ его дочери и каждый разъ отмѣчаетъ, что «онъ умиляется при рассказахъ», и слышалъ ихъ «неоднократно». Невыразимо тяжелое впечатлѣніе произвела на друзей Сперанскаго вѣсть о его смерти. «Весь городъ,—пишетъ дѣдъ,—погрузился въ печаль; мы точно все растерялись и не хотѣли вѣрить,—намъ все казалось, что нашъ заступникъ и радѣтель не умеръ и по прежнему заботится о насъ. Даже враги его и тѣ поняли, кого потеряла Россія въ лицѣ такого государственнаго мужа,—они должны были признать, что Сперанскій былъ одаренъ геніемъ, и что они боролись съ нимъ, не сознавая его величія. Мое же личное горе не поддается описанію,—я цѣлыми днями брожу по комнатамъ и не сознаю своего существованія. Богъ не привелъ пролить слезу на его могилѣ, но, пока я живъ, память объ этомъ человѣкѣ никогда не изгладится изъ души моей. Въ немъ я потерялъ друга-благодѣтеля, нелицеприятнаго борца за правду, неустранимаго воина съ темными силами, покровителя сирыхъ и убогихъ. Взосхель онъ, какъ свѣтило, озарилъ насъ своимъ свѣтомъ и опять скрылся. Молитвы спасенныхъ имъ измученныхъ людей, радостныя слезы сиротъ, которымъ онъ замѣнялъ отца,—вотъ его награда. А моя родина, для которой онъ работалъ, не щадя своихъ силъ, она, отъ mala до велика, вознесетъ мольбы къ Творцу объ успокоеніи души того, кто жилъ ея жизнью, скорбѣлъ ея горемъ и радовался ея

радостями. Миръ и покой душѣ твоей, великій и милостивый человекъ, да будетъ тебѣ земля легкимъ покровомъ».

На этомъ я кончаю выписки изъ мемуаровъ дѣда, которые я позволилъ себѣ изложить въ пересказѣ, не прибавляя и не искажая фактической стороны. Сперанскій до сихъ поръ, къ сожалѣнію, еще не достаточно обрисованъ, какъ общественный дѣятель, почему смѣю думать, что мои выписки изъ мемуаровъ дѣда послужатъ нѣкоторую службу и дадутъ возможность судить о Сперанскомъ, не только какъ о государственномъ дѣятелѣ, но и какъ о высокогуманномъ человекѣ. Съ этой стороны, къ сожалѣнію, Сперанскій не почтенъ, какъ слѣдуетъ, и даже въ печатныхъ изслѣдованіяхъ о немъ встрѣчается мало сообщеній о его характерѣ и образѣ жизни. Между тѣмъ именно съ этой-то стороны личность Сперанскаго весьма интересна, и всякая замѣтка не должна проходить безслѣдно для историка Сибири, гдѣ Сперанскому пришлось не разъ выказывать положительныя стороны характера и проявлять высокій гуманизмъ. «Нигдѣ такъ не нуждаются въ милосердіи, какъ тамъ, гдѣ страдаютъ и терпятъ мученія. Не кара, не жестокость смягчаютъ душу человекъ, а только любовь, ласка и уваженіе». Вотъ формула, которой руководствовался Сперанскій, по словамъ дѣда, занесшаго эти изреченія въ мемуары, и которыя слѣдовало бы вырѣзать на памятникѣ Сперанскому, «обновителю» Сибири.

**П. П. Баснинъ.**





## ДВУХСОТЛѢТІЕ РУССКОЙ ПЕЧАТИ.

(1703—1803).

### I.



ИЩЕ въ 1827 г. въ «Московскомъ Телеграфѣ» С. Д. Полторацкимъ былъ поднятъ вопросъ «о приведеніи въ извѣстность начальной эры русской печатной періодической литературы», проще же о годѣ изданія первой русской газеты—«С.-Петербургскія Вѣдомости»<sup>1)</sup>. Библиографъ указывалъ противорѣчія изслѣдователей<sup>2)</sup>. Ему отвѣчалъ въ томъ же журналѣ А. Я. Булгаковъ, но толку отъ этого не вышло<sup>3)</sup>. Затѣмъ народилась по данному вопросу цѣлая специальная литература, и только въ 1855 г. онъ былъ рѣшенъ окончательно, когда Публичная библіотека перепечатала полный экземпляръ «Вѣдомостей» за 1703-й годъ. Этимъ изданіемъ первымъ днемъ русской періодической литературы опредѣляется 2-е января 1703 года. Однако и тутъ можно представить возраженія, такъ какъ указъ Петра объ изданіи первой русской газеты послѣдовалъ 16 декабря 1702 г., а 27 декабря вышелъ «Юрналъ, или поденная роспись, что въ мимошедшую осаду подъ крѣпостью Нотенбурхомъ чинилось».

Починъ, такимъ образомъ, принадлежитъ монарху. 16-го декабря 1702 г. указомъ Петра Великаго повелѣно было «печатать ку-

<sup>1)</sup> «М. Т.», ч. XIV, 321—324.

<sup>2)</sup> Сопикова, Кеппена, Свинына, Греча и Воейкова.

<sup>3)</sup> «М. Т.» 1827 г., ч. XVI, № 13, 5—13.

ранты и въ печатныхъ курантахъ вѣдомости». Повелѣніе это и было исполнено 2 января 1703 г., когда вышли: «Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ значенія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и во иныхъ окрестныхъ странахъ».

Эти «Вѣдомости» печатались по мѣрѣ надобности и накопленія матеріаловъ въ неопредѣленные сроки по 1728 годъ<sup>1)</sup>.

2 января 1728 года, являются уже «С.-Петербургскія Вѣдомости», издаваемые съ присовокупленіемъ ежемѣсячныхъ «примѣчаній» академіею наукъ, а 26 апрѣля 1756 года въ Москвѣ при университетѣ начинаютъ выходить и «Московскія Вѣдомости», при Елисаветѣ Петровнѣ.

«Изданіе Московскихъ Вѣдомостей,—говоритъ В. Коршъ,—началось въ годъ начала знаменитой Семилѣтней войны. Сто лѣтъ тому назадъ (писано въ 1856 г.), изданіе политическаго журнала не могло быть дѣломъ частныхъ лицъ; только правительство могло дать жизнь такому предпріятію, и оно создало «Московскія Вѣдомости» черезъ годъ по учрежденіи въ Москвѣ университета. «Московскія Вѣдомости» выходили постоянно два раза въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ. Онѣ печатались на небольшомъ листѣ толстой сѣрой бумаги, сложенной in quarto, безъ нумераціи страницъ. На заглавной страницѣ была виньетка, изображавшая крылатую трубящую славу»<sup>2)</sup>.

Итакъ, русская періодическая печать, русская газета возникли не по частному почину, а по высочайшему повелѣнію.

Первый русскій журналъ подъ редакціей Миллера «Ежемѣсячныя сочиненія», возникшій въ 1755 г., тоже является изданіемъ официальнымъ, академіи наукъ.

«Мысль объ изданіи печатныхъ политическихъ вѣдомостей для публики,—говоритъ Неустроевъ,—всецѣло принадлежитъ державной волѣ императора Петра I, который по всей справедливости и долженъ считаться не только основателемъ вѣдомостей, но и первымъ ихъ редакторомъ. Доказательствомъ служитъ то, что онъ самъ назначалъ карандашомъ для перевода и помѣщенія въ нихъ мѣста изъ голландскихъ газетъ, даже самъ занимался чтеніемъ корректуры». «Вѣдомостями» двухъ столицъ, «примѣчаніями» да журналомъ Миллера и исчерпывается вся періодическая печать первой половины XVIII-го столѣтія. Созданіе Петра и маленькаго кружка сподвижниковъ его, вся образованность этой эпохи не истекала изъ потребности народной, а являлась всецѣло починомъ свыше. Плоды этого почина—петровскія изданія не были потре-

<sup>1)</sup> А. Н. Неустроевъ. Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ. Спб. 1875 г., стр. XVIII—XIX.

<sup>2)</sup> Столѣтіе «Московскихъ Вѣдомостей» (1756—1856).

бляемы народомъ, не вызвали спроса, не нашли почти совсѣмъ читателей. Еще въ 1703 г., голландскій купецъ, торговавшій книгами, печатанными, по волѣ царя, въ Амстердамѣ, писалъ Петру Великому, что онъ въ убыткѣ отъ этой торговли, «понеже купцовъ и охотниковъ въ земляхъ вашего царскаго величества зѣло мало». Въ 1752 г., какъ это видно изъ дѣлъ, въ конторѣ московской синодальной типографіи накопилось разныхъ петровскихъ изданій такое множество, что синодальное начальство рѣшило или продать ихъ на бумажную фабрику, или же употреблять на обертки вновь выходящихъ книгъ. Такъ и поступали не одинъ разъ (въ 1752, 1769 и 1779 годахъ). Изъ описей видно, что нынѣ рѣдчайшія петровскія изданія лежали десятки лѣтъ въ типографіи, и покупателей не находилось. Петровскихъ изданій на обертку пошло на 7.412 р. 48 коп. Сумма для того времени весьма значительная. Источники образованности петровской эпохи—кіевская ученость, перенесенная изъ Польши, или, точнѣе, нѣсколько кіевскихъ ученыхъ, которые высшее образованіе получали у іезуитовъ въ Римѣ, для чего принимали католичество на время, «ради наукъ». Итакъ, основатели русской образованности были іезуиты. Что касается ученыхъ грековъ, то вѣдь даже Лихуды высшее образованіе получили не въ Константинополѣ, а въ западныхъ академіяхъ, т.-е. у тѣхъ же іезуитовъ. Затѣмъ источникомъ образованности является реальное знаніе, почерпнутое въ Голландіи и Германіи, отчасти въ Англіи, Франціи и Италіи. Это послѣднее, кромѣ самого Петра и двухъ—трехъ его приближенныхъ, выдающихся представителей въ Россіи не имѣло. Въ Москвѣ въ 1706 году, кромѣ переводчика латинскаго языка да двухъ молодыхъ подьячихъ, знающихъ иностранные языки, никого не было. Въ 1721 г. Неплюевъ былъ посломъ единственно по той причинѣ, что одинъ во всемъ Петербургѣ зналъ по-итальянски<sup>1)</sup>.

«Для переводу книгъ,—читаемъ въ указѣ Петра Великаго, отъ 23 января 1724 г.,—зѣло нужны переводчики, а особливо для художественныхъ, понеже никакой переводчикъ, не умѣя того художества, о которомъ переводить, перевести то не можетъ; того ради заранѣе сіе дѣлать надобно такимъ образомъ: которые умѣютъ языки, а художествъ не умѣютъ, тѣхъ отдать учиться художествамъ; а которые умѣютъ художества, а языку не умѣютъ, тѣхъ послать учиться языкамъ. Художества же слѣдующія: математическое хотя до сферическихкихъ триангуловъ, механическое, хирургическое, архитектуръ цивилисъ, анатомическое, ботаническое, милитарисъ и прочія тому подобныя».

Говоря о русскихъ переводахъ иностранныхъ сочиненій въ началѣ XVIII столѣтія, должно замѣтить, что многіе изъ нихъ оста-

<sup>1)</sup> См. у Пекарскаго. Наука и образ. при Петрѣ, т. I.

лись извѣстными только въ рукописи. Число ихъ кажется весьма значительнымъ особенно потому, что до второй половины XVII вѣка переводы замѣчательныхъ сочиненій очень рѣдки и извѣстны почти наперечетъ. При разсмотрѣннн рукописной нашей литературы той эпохи, съ удивленіемъ замѣчаешь внезапное появленіе переводовъ такихъ произведеній, которыя въ Европѣ XVII столѣтія были предвозвѣстниками послѣдовавшихъ тамъ потомъ преобразованій въ наукѣ и въ жизни (напримѣръ, Самуила Пуффендорфія «О законахъ естества и народовъ», Гуго Гроція «О законахъ брани и мира», Томаса Бурнета «Священная теорія земли» и др). Однако, кромѣ заказанныхъ Петромъ, большая часть рукописныхъ переводовъ по философіи, политикѣ, праву, исторіи принадлежали библиотекѣ князя Дмитрія Михайловича Голицына и ему «обязаны своимъ бытіемъ». Будучи губернаторомъ въ Кіевѣ, онъ поручалъ ученымъ и студентамъ академіи переводить для себя разныя творенія. Ректоръ академіи Теофанъ Прокоповичъ часто бывалъ у князя и по его совѣту тоже перевелъ нѣсколько сочиненій.

Итакъ, книги, изданныя Петромъ, не имѣли сбыта и читателя. Переводы, заказанные Голицынымъ, оставались въ рукописяхъ въ его библиотекѣ. Заботы о журналистикѣ Петра выразились и учрежденіемъ «Курантовъ» и подкупомъ западныхъ журналистовъ. Петръ Великій очень хорошо понималъ силу и значеніе общественнаго мнѣнія въ Европѣ и сознавалъ то вліяніе, которое имѣли на него даже и въ началѣ XVIII столѣтія журналистика и разныя политическія изданія. Ненависть и презрѣніе слышались въ сужденіи о Россіи западной журналистики того времени.

Петръ желалъ, чтобы журналисты и издатели были на его сторонѣ. «Полагали въ то время достаточнымъ нанять съ десятокъ голодныхъ журналистовъ и писателей, которые и обязывались писать статьи о Россіи въ извѣстномъ направленіи, сообразномъ съ видами правительства <sup>1)</sup>. Адвокатовъ за Россію изъ европейскихъ журналистовъ и писателей вербовали во всѣхъ государствахъ» (Пекарскій).

Петръ, однако, наслѣдовалъ отъ XVII столѣтія, кромѣ Кіевской и Московской академій съ іезуитскими воспитанниками—учеными, еще «печатный дворъ», такъ что типографія, заведенная имъ въ 1700 году въ Амстердамѣ не должна была печатать книгъ духовнаго содержанія, ибо «книги церковныя, славянскія и греческія, со исправленіемъ православнаго устава восточныя церкви, печатались въ царствующемъ градѣ Москвѣ». Старая струя схоластической образованности, которой, однако, практическій Петръ умѣлъ воспользоваться, такъ что у него ученики іезуитовъ, цер-

<sup>1)</sup> Агентъ Петра, баронъ Гюйссенъ (von Hüysen), нанялъ слѣдующія изданія расхваливать Россію: «Europäische Fama» и «Staats-Spiegel».



ковные проповѣдники, какъ, напримѣръ, Прокоповичъ и Бужинскій, были публицистами въ храмѣ, «пѣвцами Петровыхъ дѣлъ», защищали и прославляли реформы,—такъ эта схоластическая образованность смѣшалась съ реальной образованностью первыхъ купцовъ эпохи—голландцевъ <sup>1)</sup>.

На Московскомъ «печатномъ дворѣ» въ концѣ XVII столѣтія было 12 печатныхъ станковъ. Въ первой же четверти XVIII вѣка въ обѣихъ столицахъ—23 книгопечатныхъ и 2 гравировальныхъ стана. Стоимость принадлежностей книгопечатнаго производства въ Россіи тогда не превышала 17.000 рублей. Занято было типографнымъ дѣломъ до 300 человекъ. Но печатаніе шло крайне медленно. По вычисленіямъ изслѣдователей всѣ станки въ Россіи могли бы печатать на 20 тысячъ подписчиковъ періодическое изданіе, всего изъ 7—8 средней величины книжекъ въ годъ. Заработокъ типографскаго работника равнялся 3—5 коп. въ день. Но заработную плату часто задерживали, и рабочіе бѣдствовали. Къ денежному жалованью въ Петербургѣ прибавляли паекъ натурой—хлѣбомъ. Ни въ книгахъ, ни въ газетѣ потребности не было. «Разсужденія» Шафирова о войнѣ со шведами отпечатано было 20.000 экземпляровъ. А продано съ 1722 по 1725 годъ всего 50 экземпляровъ. Первые «Вѣдомости», въ продолженіе года, со 2 января 1703 по 2 января 1704, выпустили всего 39 номеровъ въ восьмушку отъ 2 до 7 листовъ. Сначала печатали «куранты» въ Москвѣ, а съ 1711 года, когда была учреждена въ Петербургѣ типографія, попеременно въ обѣихъ столицахъ. Номеръ «Вѣдомостей» стоилъ двѣ копейки, только покупателей не было. Изъ описи, составленной въ 1752 году, видно, что въ складахъ синодальной конторы накопилось 11.000 экземпляровъ курантовъ разныхъ годовъ. Велѣно ихъ брать на обертки и продавать на бумажныя мельницы. Очищеніе складовъ производилось еще въ 1769 и 1779 г.г. Такъ какъ «Вѣдомости» печатались всего въ количествѣ 1.000 экземпляровъ, то за 50 лѣтъ изданія четвертая часть осталась нераспроданной, т.-е. 12<sup>1</sup>/<sub>2</sub> лѣтъ изданія. Полный экземпляръ академическихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» состоитъ уже изъ 105 №№ <sup>2)</sup>.

Наполнялись куранты выписками изъ иностранныхъ газетъ, которыя присылались переведенными изъ посольскаго приказа, и реляціями да указами. 15 іюля 1719 года, директоръ Петербургской типографіи Абрамовъ запросилъ кабинетъ-секретаря Макарова: «Изволь ко мнѣ, мой государь, отписать: однѣ ль печатать чужестранныя вѣдомости, которыя изъ курантовъ и присылаются изъ посольской канцеляріи, или сообщать со оными и о своихъ

<sup>1)</sup> Изъ 20.000 судовъ тогдашней міровой торговли 16.000 принадлежали голландцамъ.

<sup>2)</sup> См. Неустровъ: Историческое разысканіе,

публичныхъ дѣлахъ и о строеніяхъ, которыхъ здѣсь довольно?» Отвѣчено: «понеже его царское величество указалъ въ типографію давать вѣдомости публичныя... къ тому опредѣляется переводчикъ Яковъ Снявичъ, который тѣ вѣдомости, по данному ему образцу, сочинять... исправлять и стараніе въ томъ прилагать имѣть. И когда изготovitъ, показывать совѣтникамъ и стараться ему провѣдывать о такихъ публичныхъ вѣдомостяхъ».

Итакъ, этотъ Яковъ Снявичъ, вступившій съ 1720 г. къ управленію этой обязанности, «провѣдывающій о публичныхъ вѣдомостяхъ и строеніяхъ» — первый русскій хроникеръ-репортеръ. Перу его принадлежатъ описанія придворныхъ пировъ, гуляній, катаній на яхтахъ и буерахъ, иллюминацій, фейерверковъ. Съ 1721 года всѣ типографіи поручены надзору «пѣвца Петровыхъ дѣлъ», проповѣдника Гавріила Бужинскаго. Проповѣдническая кафедра въ первой половинѣ XVIII вѣка была учрежденіемъ публицистическимъ, своего рода газетой, толковавшей о всемъ на свѣтѣ. Проповѣдники даже острили и рассказывали анекдоты по образцу іезуитскихъ ораторовъ—своихъ наставниковъ. Въ день восшествія на престолъ Анны Іоанновны Теофанъ Прокоповичъ сказалъ рѣчь, въ которой между прочимъ выразился такъ: «но и самое небо нынѣшнимъ коронаціи твоей опредѣленнымъ днемъ, тожде о тебѣ Божіе смотрѣніе, аки би нарочно, изобразуетъ: понеже по долгомъ, изъ утра туманномъ, помраченіи, какъ стала пора къ главному сему шествію, всечистымъ сіяніемъ просвѣтилась». Эта фраза проповѣдника стала потомъ неизмѣнною принадлежностью описаній официальныхъ торжествъ <sup>1)</sup>.

Въ 1723 году повелѣно: «Изо всѣхъ губерній и провинцій о цѣнахъ хлѣбу и прочему присылать въ камеръ-коллегію вѣдомости—изъ ближнихъ понедѣльно, а изъ дальнихъ—помѣсячно... а въ Петербургъ съ тѣхъ вѣдомостей печатать... также и иностранныя цѣны товарамъ... печатать и въ народное вѣдѣніе продавать, дабы знали, гдѣ что дешево или дорого» <sup>2)</sup>.

Со 2 января 1728 года выходятъ уже при академіи наукъ подъ редакціей адъютанта Миллера «С.-Петербургскія Вѣдомости», и къ нимъ (1728—1728—1742 г.г.) «Историческія, генеалогическія и географическія примѣчанія», гдѣ встрѣчаются уже и легкія статьи и стихотворенія.

Первый учено-литературный журналъ въ Россіи, «Ежемѣсячныя Сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія», вышелъ подъ редакціей того же Миллера въ 1755 году и существовалъ десять лѣтъ, читался съ жадностью русской публикой, расходъ его былъ

<sup>1)</sup> Слова и рѣчи Теофана Прокоповича, III, 47—51. П. Морозовъ. Теофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, стр. 354.

<sup>2)</sup> Полное собраніе законовъ. VII. № 4293.

по тому времени громадный—отъ 500 до 700 экземпляровъ. Печаталось съ 1758 года отъ 1250 до 2000 экземпляровъ. Сотрудниками были: Нартовъ (младшій), Рычковъ, Поповскій, Соймоновъ, Дубровскій, Сумароковъ, Тредьяковскій, Елагинъ, Херасковъ, Нарышкинъ, Измайловъ, Порошинъ и другіе.

Изъ академикова, кромѣ самого Миллера,—Ломоносовъ, Браунъ, Цейгеръ, Эпинусъ, Штелинъ, Кельрейтеръ, Фишеръ и Шреберъ. Переводчики были: Козицкій, Воронцовъ, Красильниковъ, Голубцовъ, Лебедевъ и другіе <sup>1)</sup>.

Великій Суворовъ помѣстилъ здѣсь два весьма характерные «разговора въ царствѣ мертвыхъ». Наибольшее число статей беллетристическихъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» почерпнуто въ знаменитыхъ англійскихъ журналахъ: «The Tatler», «The Spectator» и «The Guardian», предпринятыхъ Стилемъ и Аддисономъ въ 1709—1715 годахъ и послужившихъ образцами для многихъ изданій, сначала въ Германіи и Франціи, потомъ и у насъ, съ понятнымъ «опозданіемъ». Цѣль ихъ была—бичеваніе пороковъ и нравоученіе.

Изъ французской литературы въ журналѣ Миллера находимъ «Микромегаса» и «Задига», сатирическія сказки Вольтера, переводы изъ Фонтенеля и Флешье; много переводовъ изъ нѣмецкихъ журналовъ того времени <sup>2)</sup>.

13 марта 1759 года, академическій совѣтникъ Таубертъ требовалъ отъ Миллера объясненія по поводу анонимныхъ стиховъ танцовщицы Сакко (Sakko) въ февральской книжкѣ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» <sup>3)</sup>.

Стихи эти весьма не понравились при дворѣ, и Тауберта нарочно призвали туда, чтобъ узнать объ имени автора ихъ. Миллеръ отвѣчалъ: «Такъ какъ я, вѣчно сидѣвшій за своимъ рабочимъ столомъ, не посѣщаю здѣшняго придворнаго итальянскаго театра и никогда не слыхивалъ имени Сакко, то и предполагалъ, что эта госпожа принадлежитъ къ итальянскому театру въ Парижѣ, и что слѣдовательно стихи не оригинальные, а переведены съ французскаго».

Советъ танцовщицы Либерѣ Сакко принадлежалъ перу гвардейскаго унтеръ-офицера Ржевскаго. «Неприличные стихи» вырѣзали изъ журнала, но въ нѣкоторыхъ экземплярахъ они сохранились:

<sup>1)</sup> В. А. Милютинъ. Очерки русской журналистики. («Современникъ» 1851 г., т. т. XXV и XXVI). П. П. Пекарскій. «Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ». (Записки Имп. акад. наукъ, № 5, 1867 года, т. XII. Приложение). Неустроевъ. Историческое разысканіе, стр. 46 и дальше.

<sup>2)</sup> Изъ «Греифсвальдскихъ сочиненій» 1753 и 1754 года: изъ «Гамбургскаго патріота»; «Ганноверскихъ сочиненій»; изъ «Лейпцигскихъ сочиненій»; изъ «Бернскаго журнала»; изъ книгъ «Meisterstücke» и «Gesellschaftliche Erzählungen».

<sup>3)</sup> Стр. 191. «Советъ или мадригаль Либерѣ Саккѣ, актрисѣ итальянскаго вольнаго театра».

Когда ты, Либера, что въ драмѣ представляешь,  
 Въ часы тѣ, что къ тебѣ приходитъ плескъ во уши,  
 Отъ зрителей собѣ то знакомъ принимаешь,  
 Что въ нихъ ты красотой зажгла сердца и души.  
 Довольное число талантовъ истощила  
 Натура для теби, какъ ты на свѣтъ рождалась.  
 Она теби, она, о Сакко! наградила,  
 Чтобы на всѣ глаза пріятною казалась.  
 Небеснымъ пламенемъ глазъ твои блистають,  
 Тѣнь нѣжную лица черты намъ представляютъ,  
 Прелестенъ взоръ очей, осанка несравненна.  
 Хоть нѣкихъ дамъ языкъ клевететь ты жулоу,  
 Но служить зависть ихъ тебѣ лишь похвалоу:  
 Ты истинно плѣнять сердца на свѣтъ рождена <sup>1)</sup>.

Очевидно «нѣкія дамы» забили тревогу по выходѣ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» съ этими стихами.

Сонетъ для того времени весьма недуренъ. Въ немъ есть искреннее чувство и подъемъ лирической. Невѣдомый «унтеръ-офицеръ» довольно хорошо справился съ трудной формой сонета. Наконецъ, среди торжественныхъ одъ, это стихотвореніе восхищеннаго танцовщицей итальянкой юноши является какъ бы исходной точкой журналистики не официальной, а истекающей изъ потребности самого общества. Театръ, прекрасная танцовщица, озлобленіе соперницъ — «нѣкихъ дамъ», стихи влюбленнаго гвардіи «унтеръ-офицера», попавшіе въ тяжеловѣсный, ученый академическій журналъ — первая живая страничка въ исторіи періодической печати въ Россіи.

И годъ появленія сонета — 1759, является весьма знаменательной датой.

## II.

2-го января 1759 года, начало выходить составляемое молодежью Шляхетскаго корпуса въ Петербургѣ первое частное періодическое (еженедѣльное) и уже чисто-литературное изданіе: «Праздное время, въ пользу употребленное». Въ корпусѣ оно писалось, тамъ и печаталось. Въ томъ же году появилось и другое частное (ежемѣсячное) литературное изданіе А. П. Сумарокова: «Трудолюбивая пчела».

Такимъ образомъ періодъ съ 2 января 1703 года по 2 января 1759 года является совершенно законченнымъ и своеобразнымъ первымъ періодомъ русской печати, чисто официально-казеннаго почина и характера.

Второй періодъ, характеризуемый уже широкимъ развитіемъ частной предприимчивости и нарожденіемъ извѣстнаго спроса на

<sup>1)</sup> Историческая хрестоматія В. Покровскаго. Вып. XIII. М. 1897 года. Стран. 76 — 77.

печатные органы, обнимаетъ время съ 1759 по 1803 годъ и можетъ быть раздѣленъ на два неравномѣрные отдѣла отъ 1759 («Праздное Время») до 1791 года («Московскій Журналь») — первый отдѣлъ. Отъ 1791 года («Московскій Журналь» Карамзина) до 1802 («Вѣстникъ Европы» Карамзина).

На пространствѣ всей этой послѣдней половины XVIII-го столѣтія должно поставить слѣдующія хронологическія вѣхи:

1759 года—«Праздное Время» и «Трудолюбивая Пчела» (первыя частныя изданія въ Россіи). 1765 года—«Труды вольно-экономическаго общества» (первый сельско-хозяйственный журналь). 1769 года—«Всякая Всячина» (починъ Екатерины II). (Первый сатирический журналь, 1769—1774. Развитие сатирической журналистики). 1774 года—«Открываемая Россія» (первый художественный журналь). «Музыкальныя увеселенія» (первый музыкальный журналь). 1783 года—«Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова». Е. Р. Дашкова и Екатерина II—редакторы. Ода «Фелица», Державина. (Кружокъ Екатерининскихъ писателей). 1785 года—«Дѣтское Чтеніе для сердца и разума» (первый дѣтскій журналь). 1786 года—«Уединенный Пошехонецъ», въ Ярославлѣ (первое провинціальное изданіе). «Россійскій Театръ» (первое театральное изданіе). 1787 года—«Весѣды съ Богомъ» (первый духовный органъ). 1789 года—«Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену» въ Тобольскѣ, (первое сибирское изданіе). 1791 года—«Московскій Журналь», Карамзина (начало Карамзинской эпохи). «Магазинъ Аглицкихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ модъ» (первый модный журналь). 1792 года—«С.-Петербургскія Врачебныя Вѣдомости» (первый медицинскій журналь). 1795 года—«Карманная книга» (первый альманахъ). 1800 года—«Журналь Правовѣдѣнія» (первый юридическій органъ). 1802 года—«Вѣстникъ Европы», Карамзина.

Мы видимъ, что во второмъ періодѣ русской періодической печати наблюдается съ одной стороны дифференціація печати съ выдѣленіемъ специальныхъ органовъ, по мѣрѣ развитія въ нихъ потребности; видимъ эбміонъ провинціальной печати; видимъ наконецъ постепенное наростаніе независимой печати и народженіе типа писателя и публициста въ обществѣ, не состоящаго въ придворномъ хорѣ официальныхъ панегиристовъ. Печать, отъ «Всякой Всячины» начиная и кончая «Собесѣдникомъ», всецѣло вдохновлена и даже редактируется Екатериной Великой, какъ первая газета создана и редактируется Петромъ Великимъ. Но Карамзинъ уже не придворный, а совершенно частное лицо, писатель и журналистъ въ нашемъ смыслѣ этихъ словъ, также и изданія его—«Московскій журналь» и «Вѣстникъ Европы»—предпріятія совершенно частныя и литературныя въ строгомъ значеніи этого слова.

Разсматривая журналистику екатерининскаго времени, находимъ два источника, питающихъ ее: писательская и редакторская

дѣятельность самой государыни-вольтеріанки, желавшей дѣйствовать на общественное мнѣніе и управлять имъ; нравственно-реформаторская дѣятельность массоновъ — «друзей человѣчества». Эти двѣ питающія журналистику и литературу силы, сначала уживавшіяся миролюбиво и совмѣстно работавшія, не могли не столкнуться рано или поздно, и вступили въ борьбу, при чемъ внѣшняя побѣда осталась на сторонѣ Екатерины. И массоны и Екатерина преслѣдовали, возбуждая литературное движеніе, все же свои особья, внѣлитературныя цѣли. Но возбужденное ими умственное движеніе не могло ни остановиться, ни вѣчно быть рабомъ массонскихъ «прожекторовъ» или панегиристомъ «царства премудрой Астреи». Это движеніе скоро обрѣло свои самобытныя цѣли. Въ лицѣ Новикова, Радищева и Карамзина явился типъ издателя, писателя и журналиста независимаго. Все, что ни писали литераторы кружка «Собесѣдника», служило апологіей Екатерины, личнымъ ея цѣлямъ. Только «Путешествіе» Радищева и «Письма русскаго путешественника» Карамзина уже чужды всякаго подслуживанія двору.

«Я взглянулъ окрестъ меня, душа моя страданіями человѣческими уязвлена стала; обратилъ взоры во внутренность мою, и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка, и часто оттого только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь».

Да, въ лицѣ Радищева русская литература, русская журналистика, русскій писатель-публицистъ впервые «взглянули окрестъ себя» свободно, безъ предвзятаго взгляда, не сквозь очки, надѣтыя государствомъ, не съ точки зрѣнія государственнаго утилитаризма, а совершенно свободно, какъ духъ, опирающійся самъ на себя, самоцѣльный и самозаконный, широко открытыми глазами на все въ жизни, исторіи, твореніи! Въ лицѣ великаго подвижника и мученика русской литературы, Радищева, эта литература впервые обратила взоръ русскаго человѣка «во внутренность» своего сердца, ума, жизни частной и общественной. Въ произведеніи Радищева русская мысль и литература впервые «взираютъ прямо на окружающіе предметы». Литература и печать Петра и Екатерины оцѣнивала все съ точки цѣлей и задачъ этихъ двухъ реформаторовъ Россіи. Поэтому и Петръ, и Екатерина оба были вдохновителями, даже создателями и редакторами, даже прямыми сотрудниками этой печати. Но, разбудивъ мысль, они хотѣли вѣчно водить ее на помочахъ, вѣчно служить ихъ цѣлямъ, прославлять и оправдывать все, что имъ угодно было дѣлать, создавать атмосферу непрестаннаго славословія и въ Россіи, и внѣ ея Петру и Екатеринѣ, приведшимъ страну «отъ небытія въ бытіе».

Но мысль вдругъ возмужала и поднялась на ноги и орлинымъ взоромъ прямо и свободно поглядѣла «окрестъ», «во внутрен-

ность» и «на окружающіе предметы, и «страданіями челоувѣческими уязвлена стала». Екатерина почувствовала, что въ Радищевѣ народилась новая, неподкупная, прозорливая, судящая и требующая отчета свободная сила народной мысли. Она испугалась, вознегодовала и «препоручила» Шешковскому автора «Путешествія», она, пріятельница энциклопедистовъ, «богоподобная Фелица», торжественно объявляющая въ одѣ Державина счастливымъ подданнымъ:

Я вамъ даю свободу мыслить.

Массоны, повліявшіе на пробужденіе мысли и развитіе печати періодической и вообще книгопечатанія, однако тоже имѣли свои сепаратныя цѣли; если литература не могла быть «екатерининской», то не могла она быть и «массонской». Она стала «карамзинской». Такимъ образомъ въ разсматриваемый періодъ возбудителями литературнаго движенія въ трехъ его фазисахъ явились: а) массоны, въ тѣсной связи съ которыми стояла издательская дѣятельность Новикова; б) сатирическая журналистика Екатеринина почина («Всякая всячина») и кружка ея придворныхъ панегиристовъ-одослагателей («Собесѣдникъ»); в) Радищевъ и Карамзинъ съ личнымъ свободнымъ починомъ, а въ нихъ начало независимой литературы.

Еще въ 1741 году, въ торжественномъ собраніи англійскихъ массонскихъ ложъ, Джемсъ Кейтъ назначенъ былъ провинціальнымъ грессмейстеромъ для всей Россіи. Объ этомъ событіи русскіе массоны пѣли въ царствованіе Елисаветы въ ложахъ:

...свѣтомъ озаренный  
Кейтъ къ россиянамъ прибѣгъ  
И, усердемъ воспаленный,  
Огнь священный здѣсь возжегъ.

Но уже въ половинѣ пятидесятихъ годовъ XVIII столѣтія, послѣ отъѣзда Кейта на прусскую службу, во главѣ петербургскихъ массоновъ стоялъ русскій, Р. И. Воронцовъ — отецъ Екатерины Романовны Дашковой.

При Екатеринѣ въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія массонство уже представляло организованную силу съ центрами съ столицахъ и отдѣленіями въ провинціи. Органомъ массонскаго вліянія на литературу явилось «Дружеское ученое общество». Толчекъ, данный книжной торговлѣ Новиковымъ, за которымъ стоялъ союзъ массоновъ, желавшій распространять въ русскомъ обществѣ полезныя книги, содѣйствовалъ быстрому развитію печати вообще. Въ Москвѣ ея средоточіемъ стали устроенныя на Никольской лавки. Самъ Новиковъ продавалъ книги изъ университетской торговли. При

ней имъ была основана бібліотека. Торговля помѣщалась въ собственномъ домѣ Новикова. Библіотека была первою въ Москвѣ публичною бібліотекою. Обороты «Типографической компаніи», учрежденной Новиковымъ, И. П. Тургеневымъ, Лопухинымъ и др. въ 1784 г., съ капиталомъ 137.500 рублей, и «разрушенной» въ 1791 г., достигли очень крупныхъ по времени суммъ.

Но еще раньше, вмѣстѣ съ началомъ въ 1769 году издательства сатирическихъ журналовъ, рядъ которыхъ начать «Всякой Всячиной» самую Екатериною, «по сенатской привилегіи», открылась въ Петербургѣ первая частная типографія Гартинга; въ 1772 г. другая—Вейтбрехта, а въ 1776 г. третья—Шнора. По смыслу привилегій выпускъ книгъ изъ типографій не подлежалъ никакимъ ограниченіямъ, ни у кого не испрашивалось разрѣшенія на издательство. Въ семидесятыхъ годахъ стали образовываться многочисленныя издательскія товарищества. Однако журналы, вѣдомости и даже книги, изготовлялись не на рынокъ, а по заказу, на опредѣленное число подписчиковъ; если же собранныхъ денегъ было мало—испрашивали пособія отъ казны. Помѣщики открывали противозаконно собственныя типографіи въ селахъ. Началась типографско-издательская горячка, кончившаяся крахомъ. Вольныя типографіи и компаніи издателей не платили долговъ, переписывали векселя, запутались. Однако, по свидѣтельству Карамзина, въ самомъ началѣ XIX столѣтія 20 московскихъ книжныхъ лавокъ производили ежегодно оборотовъ на сумму около 200.000 рублей, а до Новикова «не продавали въ годъ ни на 10.000».

Это движеніе журналистики и книготорговли, начатое самой Екатериною, ею же было и ограничено. Такъ уже указъ 15-го января 1783 г. «о позволеніи во всѣхъ городахъ и столицахъ заводить типографіи и печатать книги на руссійскомъ и иностранныхъ языкахъ съ освидѣтельствованіемъ оныхъ отъ управы благочинія» устанавливалъ надъ книгопечатаніемъ цензуру этого полицейскаго учрежденія. Скоро потомъ Новикова подвергли «испытанію въ вѣрѣ». Въ декабрѣ 1785 г. описаны всѣ его книжныя лавки и запрещены многія изданія. Въ 1789 г. началась французская революція, а въ 1790 г. Радищевъ «въ Илимскѣ влечется». Скоро и Новиковъ на пятнадцать лѣтъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, не уличенный ни въ какомъ государственномъ преступленіи. А 16 сентября 1796 г. послѣдовалъ именной указъ сенату: «Въ прекращеніе разныхъ неудобствъ, которыя встрѣчаются отъ свободнаго и неограниченнаго печатанія книгъ, признали мы за нужное слѣдующія распоряженія: 1) Въ обоихъ престольныхъ городахъ нашихъ: С.-Петербургѣ и Москвѣ, подъ вѣдѣніемъ сената, въ губернскихъ же... подъ наблюденіемъ губернскихъ начальствъ учредить цензуру, изъ одной духовной и двухъ свѣтскихъ особъ составляемую. 2) Частными людьми заведенныя типографіи упразд-



нить... 3) Никакія книги, сочиняемыя или переводимыя въ государствѣ нашемъ, не могутъ быть издаваемы, въ какой бы то ни было типографіи, безъ осмотра отъ одной изъ цензуръ... и одобренія, что въ таковыхъ сочиненіяхъ или переводахъ ничего Закону Божию, правиламъ государственнымъ и благонравію противнаго не находится».

Въ журналистикѣ екатерининскаго времени высказалось извѣстное направленіе и получила начало «обличительная» литература. Исслѣдователями первый сатирической журналъ «Всякая Всячина» признается однимъ изъ лучшихъ, наравнѣ съ «Трутнемъ» и «Живописцемъ» Новикова. Издателемъ «Всякой Всячины», какъ полагаютъ многіе, былъ Григорій Васильевичъ Козицкій, воспитанникъ Кіевской духовной академіи, много путешествовавшій по Европѣ, лекторъ философіи и словесныхъ наукъ академіи, статсъ-секретарь Екатерины. Беря на себя починъ «обличительной» литературы, Екатерина тѣмъ самымъ ставила самое себя внѣ обличеній. Обыкновенно въ ея журналахъ видятъ матеріалъ для характеристики нравовъ и картины быта той эпохи. Однако исслѣдователи убѣдились, что образцомъ перваго нашего «обличительнаго» журнала былъ англійскій «Спектаторъ», изъ котораго черпалъ еще Шиллеръ. Почти всѣ статьи «Всякой Всячины», признаваемыя важными для исторіи нравовъ и быта екатерининскаго времени, заимствованы изъ англійскаго журнала, кромѣ выходовъ противъ подьячихъ и описаній стараго воспитанія помѣщичьихъ дѣтей. Взгляды «Всякой Всячины» на задачу и предѣлы сатиры не принадлежали самой Екатеринѣ, а всецѣло заимствованы изъ «славнаго англійскаго Спектатора». Еженедѣльные англійскіе журналы— «Болтунъ», «Зритель» и «Опекунъ», издававшіеся Стилемъ и Аддисономъ въ 1709—1714 г., вызвали довольно слабыя нѣмецкія подражанія въ періодъ съ 1721—1729 г. Въ это время издавались «Разсужденіе Живописца», «Живописецъ Нравовъ», «Патріотъ», «Разумныя Обличительницы», «Честный Человѣкъ». Начиная изданіе «примѣчаній» къ академическимъ «Вѣдомостямъ» 1728 г., Миллеръ въ предисловіи упоминаетъ эти изданія.

Однако «Всякая всячина» пользовалась французскимъ переводомъ «Зрителя», а не англійскимъ подлинникомъ. Англійскій языкъ въ то время былъ русскимъ писателямъ весьма мало извѣстенъ. Сопоставленіе русскаго перевода съ французскимъ и подлиннымъ англійскимъ изданіемъ «Спектатора» убѣждаетъ исслѣдователей въ томъ, что въ рукахъ издателей «Всякой Всячины» находился не англійскій подлинникъ, а французскій переводъ <sup>1)</sup>. Тогда же «Трутень» обличалъ «Всякую Всячину» въ томъ, что она «пере-

<sup>1)</sup> Le Spectateur ou le Socrate moderne. Traduit de l'anglais. Amsterdam. 1768.

крапываетъ на свой салтыкъ статьи изъ славнаго «Англинскаго зрителя» и называетъ ихъ произведеніемъ своего умоначертанія. «Всякая Всячина» сама въ этомъ созналась: «Скажутъ, что мы переводы списываемъ. Признаемся, что и сіе бываетъ». Въ чемъ состояло это «перекрапываніе»? Дѣйствіе переносилось изъ лондонскаго предмѣстья въ Замоскворѣчье, школьный учитель обращался въ понамаря, битва при Альмонзѣ замѣнялась цорндорфской баталіей и т. д. Сокращенія, передѣлки, руссификація, но въ основѣ французскій переводъ англійскаго подлинника. Нельзя, по мнѣнію изслѣдователей, указать почти ни одного явленія обыденной жизни, которое раньше не было бы отмѣчено «Спектаторомъ».

Начиная «Всякую всячину», издатель въ предисловіи говорилъ: «Я вижу безконечное племя всякія всячины. Я вижу, что за нею послѣдуютъ законныя и незаконныя дѣти: будутъ и уроды ея мѣсто со временемъ заступать. Но вижу сквозь облака добрый вкусъ и здравое разсужденіе, кои одною рукою прогоняютъ дурачество и вздоры, а другою доброе поколѣніе всякія всячины за руку ведутъ». Эти слова оказались пророческими. За «Всякой всячиной» дѣйствительно потянулась цѣлая вереница сатирическихъ журналовъ:

«Итоисе» (1769), «Нитонисе» (1769), «Поденщина» (1769), «Смѣсь» (1769), «Трутень» (1769—1770), «Адская почта» (1769), «Полезное съ пріятнымъ» (1769), «Парнасскій Щепетильникъ» (1770), «Пустомеля» (1770), «Трудолюбивый Муравей» (1771), «Старина и Новизна» (1772—1773), «Вечера» (1772), «Живописецъ» (1772), «Мѣшанина» (1773), «Кошелекъ» (1774). Сатирическое направленіе журналистики продолжалось и послѣ 1774 г., хотя и съ меньшей силою въ «Разсказчикѣ забавныхъ басенъ» (1781), «Почтѣ духовъ» (1789), «Зритель» (1792).

Въ извѣстной статьѣ Добролюбова «Отношеніе сатирическихъ журналовъ къ дѣятельности Екатерины II и къ явленіямъ общественной жизни» дана превосходная характеристика этой «обличительной» журналистики, во многомъ схожей съ «обличительнымъ» движеніемъ журналистики, современной Добролюбову, въ 1856—1858 г.г.

«Екатерина, — говоритъ Добролюбовъ, — прилагала всѣ старанія, чтобы своими распоряженіями привлечь къ себѣ сколько можно болѣе приверженцевъ. Однимъ изъ орудій ея въ этомъ дѣлѣ была литература». Зная, какое страшное вліяніе имѣлъ Вольтеръ, надѣялись, вѣроятно, что и въ Россіи сатира можетъ занять довольно почетное мѣсто въ ряду другихъ средствъ, служащихъ къ уничтоженію противниковъ благихъ мѣръ Екатерины. Но она очень не любила, когда подъ видомъ гласности въ литературѣ прокрадывались какія нибудь «предерзкія рѣчи». Вотъ почему, когда внутреннее спокойствіе было совершенно возстановлено, а конецъ первой

турецкой войны возвеличилъ имя Екатерины и въ Европѣ, когда остатки стараго недовольства и довѣрія къ ней стали ей уже не страшны, она охладѣла къ сатирѣ, какъ къ вещи, уже не нужной и могущей быть только вредною для ея спокойствія.

Журналы были живы, блестящи, эффектны, интересны, даже дерзки до тѣхъ поръ, пока имѣли дѣло съ остатками отжившаго порядка, противъ котораго шла сама Екатерина. Надъ этими остатками и потѣшались они въ теченіе пяти лѣтъ. Но мало-помалу люди стараго времени замѣнились людьми свѣжими, противники новаго направленія удалены, въ силу вошли его приверженцы. Если теперь и были въ администраціи и въ обществѣ недостатки, то недостатки эти уже нельзя было сваливать на старое время; нужно было говорить прямо противъ существующаго порядка. А этого-то и не могла тогдашняя сатира.

Сатира могла, напримѣръ, возставать противъ ужасовъ пытки, когда сама императрица неоднократно высказывала отвращеніе отъ этой ненавистной судебной мѣры. Но когда потомъ обстоятельства привели къ восстановленію тайной экспедиціи, и когда явился страшный Шешковскій, тогда, разумѣется, кричать противъ пытки стало не очень повадно.

### III.

Вотъ краткій очеркъ исторіи возникновенія русской періодической печати въ XVIII-мъ столѣтіи.

Это время характеризуется слѣдующими чертами:

1) Починъ исходитъ отъ Петра и Екатерины, такъ что журналистика является ихъ созданіемъ, служащимъ ихъ цѣлямъ.

2) Собственно газетная публицистика и газетное дѣло созданы Петромъ и раньше всякихъ другихъ формъ печати, но все столѣтіе видимъ газету съ малымъ числомъ потребителей и въ зародышѣ. Она остается официальнымъ вмѣстилищемъ указовъ, реляцій и внѣшнихъ свѣдѣній о иллюминаціяхъ и городскихъ событіяхъ.

3) Затѣмъ видимъ послѣ 1769 г. сильное развитіе періодической печати, такъ какъ вообще, при ограниченномъ кругѣ читателей, «подписка» и подписчикъ были необходимы. Книга готовилась всегда «на заказъ», а не «на рынокъ», всегда знала по имени того, къ кому шла.

4) Изъ общей массы печати дифференцируются во второй половинѣ XVIII столѣтія журналы специальные: хозяйственные, духовные, модные, дѣтскіе, медицинскіе и др., удовлетворяя специальнымъ потребностямъ, нарождающимся въ публикѣ.

5) Совершенно оригинальное явленіе представляетъ плеяда сатирическихъ обличительныхъ журналовъ (1769—1774 гг.), отвѣ-

чая юмористической, насмѣшливой складкѣ, свойственной въ высшей степени русскому уму.

6) Въ XVIII вѣкѣ создается и серьезный, «толстый» журналъ— «Ежемесячныя Сочиненія» Миллера; «Собесѣдникъ»—Дашковой «Московский Журналъ»—Карамзина.

7) Наконецъ характернымъ для этой эпохи является рожденіе самостоятельной, свободной публицистики (Новиковъ, Радищевъ, Карамзинъ), при чемъ пробужденное монархией движеніе мысли не хочетъ служить ей, ставить свои собственныя цѣли, и тогда Екатерина устремляется противъ него. Учреждена цензура.

Новый вѣкъ, послѣ мрачнаго царствованія Павла Петровича, открывается блестящей, либеральной эпохой «дней александровыхъ счастливаго начала».

Прежде, чѣмъ указать хронологическія даты исторіи періодической печати XIX-го столѣтія, укажемъ общія, характерныя черты этого періода.

1) Серьезная, наиболѣе литературная часть періодической печати сосредоточивается въ такъ называемыхъ «толстыхъ» ежемѣсячникахъ, при чемъ журналы издаются въ теченіе многихъ лѣтъ, а съ 1870-хъ годовъ являются въ опредѣленной окраскѣ либеральнаго, крайняго (хотя и цензурнаго)—радикальнаго, умѣренно-консервативнаго и неистово-ретрограднаго направленія.

2) Столѣтіе характеризуется постепеннымъ, но неудержимымъ, развитіемъ газетной публицистики, при чемъ газетная печать выдѣляетъ изъ себя такъ называемую «малую» прессу репортажа и театральнаго рецензентства. Въ газетной прессѣ замѣчается то же дѣленіе по направленіямъ, хотя до конца слабая партійная дифференцировка общественныхъ словъ придаетъ и органамъ печати неопредѣленный обликъ.

3) Во второй половинѣ XIX-го столѣтія развивается сильная провинціальная печать, и вмѣстѣ съ тѣмъ появляются органы инородческихъ интересовъ.

4) Наконецъ характерное явленіе послѣдней четверти вѣка—это рожденіе маленькой «четырёхрублевой» газетки, имѣющей уже свыше ста тысячъ подписчиковъ, въ то время какъ подписка на дорогую, большую не превышаетъ 60 тысячъ. Въ этой эволюціи, дифференціаци и группировкѣ печати замѣчается постепенность и законмѣрность, съ одной стороны обусловленная ростомъ потребности въ чтеніи и просвѣщенія вообще, съ другой стороны—воздѣйствіемъ на печать цензуры.

Печать неуклонно стремится завоевать себѣ духовную самостоятельность и ввести въ прессу представительство всѣхъ рѣшительно направленийъ мысли самостоятельными органами. Всѣ официальные, правительственныя и казенныя органы печати, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, всякія «Губернскія» и «Епархіальныя

Вѣдомости» влчатъ сѣрое и незамѣтное существованіе. Печать желаетъ быть свободнымъ органомъ мысли страны и народа, вмѣстилищемъ общественнаго мнѣнія. При этомъ руководство обществомъ, въ серединѣ столѣтія всецѣло принадлежавшее «толстымъ» ежемѣсячникамъ, въ послѣднюю четверть его явно переходитъ къ газетамъ.

Исторію періодической печати XIX-го столѣтія можно подраздѣлить на два періода.

Первый обнимаетъ царствованія Александра I и Николая I, съ «Вѣстника Европы» Карамзина въ 1802 г. по «Русскій Вѣстникъ» Каткова въ 1856 г.

Этотъ періодъ въ свою очередь можно подраздѣлить по главнѣйшимъ органамъ:

1) эпоха «Вѣстника Европы» Карамзина и Каченовскаго, «Русскаго Вѣстника» С. Н. Глинки и «Сына Отечества» Греча.

2) начало частнаго газетнаго дѣла въ Россіи: «Сѣверная Пчела» Булгарина;

3) эпоха «Московскаго Телеграфа» Полевого и «Библиотеки для Чтенія» Сенковскаго;

4) тридцатые и сороковые годы съ «Современникомъ» и «Отечественными Записками» и главенствомъ Бѣлинскаго въ средѣ избранной части русскаго общества.

Второй періодъ обнимаетъ время со смерти Николая I (1855) до конца столѣтія. Въ особыхъ хронологическихъ подраздѣленіяхъ изложеніе эволюціи періодической печати этого періода не нуждается.

Чрезвычайное оживленіе литературно-издательской дѣятельности въ первое десятилѣтіе XIX-го столѣтія выразилось появленіемъ свыше 60-ти журналовъ (по указателю русской періодической печати Н. М. Лисовскаго). Правда, что тогда большинство журналовъ издавалось не болѣе года, однако ежегодно печать представлялась 6—7 журналами. Въ печати появились уже партійныя теченія. Основываются замѣчательныя официальныя изданія. Въ 1803 г. министерство коммерціи издаетъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ газету «С.-Петербургскія Коммерческія Вѣдомости», а съ 1809 по 1820 г. министерство внутреннихъ дѣлъ издаетъ другую газету «Сѣверная Почта». Затѣмъ замѣчательно изданіе—«Періодическія сочиненія о успѣхахъ народнаго просвѣщенія» (1803—1809) и ежемѣсячный журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ: «Санктпетербургскій Журналъ» (1804—1809). Въ послѣднемъ изданіи помѣщались примѣчательнѣйшіе указы, доклады и отчеты министра внутреннихъ дѣлъ; неофициальный отдѣлъ заключалъ въ себѣ переводы и сочиненія, относящіяся до государственнаго управленія. Въ этомъ журналѣ отражались всѣ прогрессивныя стремленія десятилѣтія. Подобнаго официальнаго изданія потомъ уже не повторилось.

9-го октября 1801 г., въ № 81 «Московскихъ Вѣдомостей» появилось слѣдующее объявленіе Карамзина: «Съ будущаго января 1802 года намѣренъ я издавать журналъ, по имени «Вѣстникъ Европы», который будетъ извлеченіемъ изъ двѣнадцати лучшихъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ журналовъ. Литература и политика составятъ двѣ главныя части его. Первая часть украсится всѣми цвѣтами новыхъ произведеній ума и чувствъ въ Европѣ. Извлеченія изъ книгъ, повѣсти, любопытныя анекдоты, разныя открытія въ искусствахъ и наукахъ, входятъ въ планъ сего отдѣленія. Политическія извѣстія будутъ сообщаемы въ нѣкоторомъ систематическомъ порядкѣ и какъ можно скорѣе. Для нашей словесности и критики назначается особливая статья». Успѣхъ журнала былъ до тѣхъ поръ въ Россіи неслыханный. Болѣе 1.200 подписчиковъ явилось на первый годъ, такъ что первая книжка въ скорости была напечатана вторымъ изданіемъ. «Вѣстникъ Европы» для журналистики русской былъ такимъ же двигателемъ впередъ, какимъ за одиннадцать лѣтъ оказался «Московскій журналъ», издававшійся тѣмъ же Карамзинымъ.

«Вѣстникъ Европы» издавался въ продолженіе 29 лѣтъ, съ 1802 по 1830 г. включительно. Съ 1815 по 1830 г. онъ находился подъ редакціей М. Т. Каченовскаго.

Но особаго идейнаго значенія журналъ не имѣлъ. Сладенькій оппортунизмъ, гуманность словъ и обхожденія при примиренности съ крутой сущностью порядка вещей—вотъ его направленіе. Какъ смотрѣлъ журналъ на рабство? Здѣсь-то сказывалось покладливое приспособленіе къ обстоятельствамъ, *augea mediocritas*, которой руководился «пріятный» Карамзинъ. «Время подвигаетъ впередъ разумъ народовъ, но тихо и медленно: бѣда законодателю облетать его!.. Для истиннаго благополучія земледѣльцевъ нашихъ желаю единственно того, чтобы они имѣли добрыхъ господъ» («Письмо сельскаго жителя», № 17, 1803 г.). Особенно яркое явленіе въ журналистикѣ,—это споръ «шишковистовъ» съ «карамзинистами», въ которомъ уже таится зародышъ знаменитаго спора «славянофиловъ» съ «западниками» въ 1840-хъ годахъ.

Съ 1807 г. началась издательская дѣятельность Н. И. Греча, старѣйшаго журналиста XIX-го вѣка. Съ 1807 по 1809 г. онъ издавалъ «Геній Времени» вмѣстѣ съ Шредеромъ. Въ 1812 г. императоръ Александръ I призвалъ на русскую службу знаменитаго прусскаго государственнаго челоуѣка Штейна. Между прочимъ, Штейнъ внушилъ мысль воспользоваться журналистикой съ политическими цѣлями. «Нѣмецъ Гречъ избранъ издателемъ, и еженедѣльно сталъ появляться Сынъ Отечества» (Записки Вигеля). Во всякомъ случаѣ Гречъ былъ «русскій нѣмецъ»; отецъ его, коллежскій совѣтникъ, «служилъ около тридцати лѣтъ съ честью и умеръ въ крайней бѣдности», какъ свидѣтельствуеть баснописецъ А. Е. Измай-

ловъ: «4-го октября незабвеннаго 1812 года, спаситель отечества и Европы, благословенный монархъ нашъ, по докладу бывшаго въ то время министромъ народнаго просвѣщенія, покойнаго графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго, высочайше утвердить соизволилъ планъ изданія Сына Отечества и черезъ нѣсколько дней пожаловалъ издателю на первоначальныя издержки тысячу рублей. Съ легкой руки добраго нашего государя новый журналистъ вскорѣ разжился: въ короткое время вышло три изданія первыхъ 12 книжекъ его журнала (т. е. съ октября 1812 г. по 1813 годъ. Каждый разъ печаталъ онъ по полузаводу, т. е. по 600 экземпляровъ); всѣ съ жадностью читали Сына Отечества, а богатые патриоты и подписывались на него»<sup>1)</sup>.

«Сынъ Отечества» съ первой книжки помѣстилъ статью Арндта—извѣстнаго впоследствии нѣмецкаго патриота, автора знаменитой пѣсни о «нѣмецкомъ Рейнѣ». Изъ русскихъ людей въ своемъ «Русскомъ Вѣстникѣ» велъ патриотическую пропаганду безкорыстнѣйшій и честнѣйшій энтузіастъ С. Н. Глинка. За оживленіемъ литературы и журналистики въ первое десятилѣтіе XIX-го вѣка послѣдовало затишье, накануне 1820 года превратившееся въ совершенный застой. Однако въ двадцатыхъ годахъ вновь началось довольно бурное движеніе.

«Наши обветшалые и заплѣсневѣлые журналы того времени и патриархъ ихъ «Вѣстникъ Европы»,—говоритъ Бѣлинскій,—начали терять свое вліяніе и перестали со своими запоздалыми идеями быть оракулами читающей публики. Явилась новая публика съ новыми потребностями. Въ Петербургѣ въ это время явилось нѣсколько дѣятельныхъ писателей, которые тотчасъ привлекли къ себѣ общее вниманіе. Долго «Сынъ Отечества» былъ тамъ единственнымъ, умнымъ, живымъ, во многомъ образцовымъ журналомъ; съ 1822 года явился «Сѣверный Архивъ», ученый, дѣльный журналъ, отличавшійся литературнымъ характеромъ. При началѣ журнала, имя издателя его было совершенно неизвѣстно; но черезъ годъ или два имя Ѳ. В. Булгарина заслужило громкую извѣстность» (Записки Ксенофонта Полевого).

Въ 1823 году является «Полярная Звѣзда»—первый альманахъ, выведшій за собою цѣлую плеяду другихъ.

Двадцатые годы—эпоха расцвѣта юнаго генія Пушкина и борьбы «классицизма» съ «романтизмомъ»<sup>2)</sup>.

Въ 1825 году, сталъ выходить «Московскій Телеграфъ» Николая Полевого, при ближайшемъ участіи князя Вяземскаго, журналъ романтизма, отличавшійся энциклопедическимъ характеромъ

<sup>1)</sup> Письмо къ редактору «Вѣстника Европы» М. Т. К. о праздникѣ по случаю десятилѣтія Сына Отечества. Спб. Пески, 5-го октября 1822 г.

<sup>2)</sup> Подробную исторію этого десятилѣтія смотри въ нашей «Исторіи русской литературы XIX-го столѣтія», томъ первый, глава третья, стр. 232—292.

и шириной, новостью, смѣлостью взглядовъ. Успѣхъ былъ выдающійся. Съ третьей книжки онъ печатался уже въ 1200 экземплярахъ—по тогдашнему времени чрезвычайно значительная цифра. Въ это время петербургскіе журналисты — Гречъ и Булгаринъ — предприняли изданіе газеты «Сѣверная Пчела» и расширяли свои прежнія изданія: «Сынъ Отечества» и «Сѣверный Архивъ». Конечно, завелась журнальная перестрѣлка конкурирующихъ издателей, оживившая литературу хотя бы скандаломъ и взаимной руганью.

Мы еще не имѣемъ научно-беспристрастной оцѣнки литературно-публицистической дѣятельности Фаддея Венедиктовича Булгарина (1789—1859). Съ 1822 по 1828 годъ онъ издавалъ «Сѣверный Архивъ», учено-историческій журналъ; съ 1823 по 1824—«Литературные Листки» и альманахъ «Талию»; съ 1825 по 1857—газету «Сѣверная Пчела», окончательно прекратившуюся въ 1862 г. Долгое время онъ являлся, вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ Гречемъ (1787—1867), царемъ петербургской журналистики газетной.

Въ «Полярной Звѣздѣ» 1825 года, въ обзорѣниі словесности, А. Бестужевъ (Марлинскій) говоритъ:

«У насъ не доставало газеты для насущныхъ новостей, которая соединяла бы въ себѣ политическія и литературныя новости; г.г. Гречъ и Булгаринъ дали ее—это «Сѣверная Пчела», разнообразіемъ содержанія, быстротою сообщенія новизны, черезденнымъ выходомъ и самою формою она вполнѣ удовлетворяетъ цѣли». Грибоѣдовъ писалъ Булгарину 11 декабря 1826 г.: «Присылай мнѣ свою «Пчелу»... Здѣсь твои листочки такъ цѣнятся, что ихъ въ клочки рвутъ, и до меня не доходитъ ни строчки, хотя я членъ того клуба, который всякія газеты выписываетъ».

«Сѣверная Пчела» и является во всю вторую четверть XIX-го вѣка главнымъ органомъ газетной журналистики, наиболѣе читаемымъ.

Въ 1834 году вышла подъ редакціей Сенковского (знаменитый баронъ Брамбеусъ) первая книжка «Библиотеки для Чтенія» и пошла необыкновенно ходко, несмотря на пошлость содержанія, а, можетъ быть, потому именно.

Одновременно за непочтительный разборъ патріотической драмы Кукольника «Рука Всевышняго отечество спасла» былъ запрещенъ «Московскій Телеграфъ» Николая Полевого и кончился блестящій періодъ его публицистической дѣятельности. «Библиотека для Чтенія» достигла цифры 4.000 подписчиковъ. «Сѣверная Пчела» имѣла ихъ 2.500. А «Сынъ Отечества» въ тридцатыхъ годахъ былъ въ полномъ упадкѣ. Въ это же десятилѣтіе началась издательская дѣятельность А. Краевского, сначала «Литературными Прибавленіями къ Русскому Инвалиду». Января 1-го, 1839 года, вышла первая



книжка «Отечественныхъ Записокъ» Краевского, критикомъ которыхъ явился гениальный Бѣлинскій. Шестъ лѣтъ трудовъ Бѣлинскаго и его друзей доставили журналу господство въ литературѣ, а также и прекрасное матеріальное положеніе (4.000 подписчиковъ). Его направленіе, содержаніе, духъ—все представляло высшій уровень русской образованности, насколько она могла только тогда проявляться въ литературѣ.

Въ 1846 году «измученный» Бѣлинскій разошелся съ редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ», А. А. Краевскимъ, и въ 1847 г. сталъ выходить пушкинскій и плетневскій «Современникъ» подъ новою редакціей И. И. Панаева и Н. А. Некрасова, гдѣ явились Григоровичъ, Герценъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій. Бѣлинскій, перешедшій въ этотъ журналъ, медленно гаснулъ. Въ 6-мъ часу 26-го мая 1848 года не стало этого великаго подвижника мысли, рыцаря литературной чести, имя котораго для XIX-го столѣтія является такимъ же символомъ русской гражданственности, какъ имя Радицева для XVIII-го.

#### IV.

Вотъ главнѣйшіе факты и даты исторіи русской журналистики за первую половину XIX-го столѣтія. Они почти ее и исчерпываютъ, такъ въ сущности не богата была она явленіями, да и выдающимися личностями.

Главными дѣятелями печати—журналистами и издателями, въ этотъ періодъ были Карамзинъ, Н. И. Гречъ, М. Т. Каченовскій, Н. А. Полевой, Ѳ. В. Булгаринъ, О. Сенковскій, А. А. Краевскій, Н. А. Некрасовъ. «Вѣстникъ Европы», «Сынъ Отечества», «Сѣверная Пчела», «Московскій Телеграфъ», «Библіотека для Чтенія», «Отечественныя Записки», «Современникъ»—изданія, далеко не равноцѣнные, конечно, въ литературномъ и просвѣтительномъ отношеніи, но всѣ имѣвшія прочный успѣхъ, значительное по времени число подписчиковъ. Мы видимъ, что въ этотъ періодъ журналу принадлежало главенствующее положеніе въ литературѣ, и газета еще представляла нижній этажъ, почти подвалъ темный и душный, нашей литературы, гдѣ квартировалъ со своимъ особеннымъ «запахомъ» Ѳаддей Булгаринъ.

И всего ярче характеризуютъ эту эпоху, и русскій журналъ, и русскую газету, первой половины XIX-го столѣтія, именно два полюса русской литературы—свѣтлая личность Бѣлинскаго и темная личность Булгарина. Дѣло въ томъ, что журналъ, какъ имѣвшій дѣло съ болѣе образованной частью общества, подвергался одному только гнету цензуры. Журналъ рѣзали, чиркали, обезсвѣчивали, но, вынося гнетъ цензуры, писатель здѣсь не терялъ своей независимости. Газету же читаетъ толпа, газета живетъ злобой дня. И

вѣрный инстинктъ подсказывалъ цензурѣ, что если предоставить газетѣ свободу, она будетъ имѣть гораздо сильнѣйшее вліяніе на общество, чѣмъ мѣшкотный журналъ. Во главѣ ежемѣсячнаго журнала, безопаснаго именно высотой своихъ идей и интересовъ, занятаго вопросами науки, искусства, отвлеченными задачами, а потому доступнаго только сливкамъ общества, при «предварительной» цензурѣ можно было оставить Виссаріона Ъѣлинскаго. Но во главѣ ежедневной газеты, во главѣ «Пчелки», залетавшей во всѣ трактиры, «которую почитывали» русскія бородки и чуйки, читала улица, читала глухая провинція, читали въ полкахъ, читали и въ лакейскихъ, можно было допустить одного только Фаддея Булгарина.

Эти двѣ личности, какъ въ двухъ фокусахъ, соединили всю свѣтлую, и всю темную стороны русской печати первой половины XIX-го вѣка. Въ одномъ свободный, неподкупный, но заваленный могильной плитой цензурнаго гнета, вѣщій духъ ея; въ другомъ—лакейскій «запахъ» подлаживанія и прихвостничества.

Это—журналъ для немногихъ, газета для толпы. Будь у насъ начало книгопечатанія, Ъѣлинскаго только бы переписывали, а печатали бы одного Булгарина. Впрочемъ, это и было во вторую половину царствованія Александра I, когда вся настоящая литература стала рукописной.

Принципы, которыми руководился Ъѣлинскій, которымъ не могъ не слѣдовать, по сущности природы своей, стали завѣтомъ для всей русской литературы, закономъ писательской чести.

«Со всею охотою готовъ... принять на свою отвѣтственность разборы всѣхъ литературныхъ произведеній; только почитаю долгомъ объяснитьсь съ вами насчетъ одного пункта, очень для меня важнаго... я желаю сохранить вполне свободу моихъ мнѣній и ни за что въ свѣтѣ не рѣшусь стѣснять себя какими бы то ни было личными или житейскими отношеніями». «Давно не писалъ, руки чешутся, и статей въ головѣ много шевелится» <sup>1)</sup>.

«Я никакъ не могу согласиться не подписывать своего имени или не означать моихъ статей какою бы то ни было фирмою—нолемъ, зетомъ или чѣмъ вамъ угодно—потому что, не любя присвоивать себѣ ничего чужого ни худого, ни хорошаго, я не уступаю никому моихъ мнѣній, справедливы или ложны они, хорошо или дурно изложены... Еще одно: если я буду рецензентомъ, я готовъ преслѣдовать при каждомъ удобномъ случаѣ Сенковскаго, Греча и Булгарина, но только какъ людей вредныхъ для успѣховъ образованія нашего отечества, а не какъ литературную партію... Судя по первымъ №№ Литературныхъ Прибавленій и по впечатлѣ-

<sup>1)</sup> Отчетъ Императорской Публичной библіотеки, за 1889 г. Спб. 1893 г. Ъѣлинскій—Краевскому отъ 14-го января 1837 года.

нію, которое они произвели на Москву, г-ну Плюшару нельзя ожидать и тысячи подписчиковъ. Въ журналѣ главное дѣло направленіе, и направленіе вашего журнала можетъ быть совершенно справедливо, но публика требуетъ совсѣмъ не того, и мнѣ очень прискорбно видѣть, что Библиотекѣ опять остается широкое раздолье, что эта литературная чума, зловонная зараза, еще съ большею силою будетъ распространяться по Россіи... Вы не можете себя представить, что такое Москва: въ ней негдѣ строки помѣстить, и нельзя копейки выработать перомъ».

Сообщивъ петербургскому издателю, что въ Москвѣ «копейки нельзя выработать перомъ», Вѣлинскій совершенно спокойно продолжаетъ:

«Мнѣ будетъ очень грустно, если вашъ отвѣтъ покажетъ мнѣ, что я не сотрудникъ вашего журнала, потому что Богъ наказалъ меня самую задорною охотою высказывать свои мнѣнія о литературныхъ явленіяхъ и вопросахъ, да и виѣшнія мои обстоятельства очень плохи во всѣхъ отношеніяхъ, но, по моему мнѣнію, не только лучше молчать и нуждаться, но даже и сгинуть со свѣту, нежели говорить не то, что думаешь, и спекулировать на свое убѣжденіе. Вѣдный Пушкинъ! вотъ чѣмъ кончилось его поприще!»<sup>1)</sup>

Вѣдствія Вѣлинскаго достигаютъ вершины въ мартѣ 1841 г., когда онъ писалъ Краевскому:

«Мнѣ нельзя будетъ переѣхать на новую квартиру. Отъ старой я боленъ — давлюсь кашлемъ, исхожу мокротою, ибо и съ чаемъ, и со щами ѣмъ алебастровую пыль. Какое дѣйствіе произвела на меня очевидность не получить нужной мнѣ суммы, о которой я вамъ писалъ,— не говорю: это спокойствіе отчаянія... Я теперь въ такомъ положеніи, о которомъ лучше думать съ самимъ собою, а другимъ нечего и говорить».

Но нищета не можетъ покорить свободный духъ подвижника русской мысли. Нѣтъ и соблазновъ, могущихъ его прельстить. Такъ въ 1843 году онъ пишетъ:

«Недавно получилъ я предложеніе отъ одного богатаго и притомъ очень порядочнаго человѣка: онъ проситъ меня, какъ объ одолженіи, чтобы я поѣхалъ съ нимъ на два года за границу, въ его экипажѣ, и взялъ бы отъ него шесть тысячъ за эти два года. Предложеніе соблазнительно, и часа два я былъ въ лихорадкѣ отъ него; но тѣмъ, разумѣется, дѣло и кончилось... видитъ око, да зубъ нейметъ; хороша клубничка, да жена сторожить. А жена эта—старая, кривая, рябая, злая, глупая старуха, словомъ расейская литература, чортъ бы ее съѣлъ, да и подавился бы ею. Другой, на моемъ бы мѣстѣ, чтобъ только отъ нея убѣжать, бросился бы хоть

<sup>1)</sup> 4 февраля, 1837 г.

въ киргизскія степи, а я — Донъ-Кихоть нравственный, отказываюсь отъ поѣздки въ Италію, Францію, Германію, Голландію, на Рейнъ и проч., отказываюсь отъ чудесъ природы, искусства, цивилизціи, отъ здоровья... Такова уже моя натура».

## V.

«Если журналъ — поле, то онъ удобряется хорошимъ, а не навозомъ ослинымъ, какъ обыкновенныя поля», — говоритъ Бѣлинскій въ 1839 году.

Но кухмистеръ жирной ежемѣсячной стряпни, Сенковскій, и поставщикъ ежедневной, столь же пикантной стряпни, Булгаринъ, держались воззрѣнія обратно противоположнаго.

Наивысшаго успѣха «Сѣверная Пчела» достигла въ пятилѣтіе 1850 — 1855 годовъ, во время севастопольской катастрофы. Въ письмахъ этого времени Булгарина къ П. С. Усову онъ выясняетъ всѣ свои руководящія начала.

«Механика журнала, — говоритъ Фаддей, — какъ кухня, не должна быть видна». — «Газета! Помните, что «Пчела» газета!.. Большинство публики любитъ легкое». — «При недостаткѣ политики «Пчелу» можно поддержать только литературною и оригинальною болтовнею». — «Надобно разнообразить иностранную скуку своимъ дрянцомъ и какими нибудь разсказами». — «Помните, что заглавіе иногда, и даже часто, замѣняетъ дѣло». «Заглавія», «дрянцо», «болтовня», «легкое», «кухня»... какъ видимъ, «ослиный навозъ» въ полномъ ходу!

Еще характернѣе разсужденія Фаддея о политикѣ:

«Николай Ивановичъ Гречъ ничего не любитъ, что не пахнетъ Парижемъ и не смердитъ Берлиномъ, а для меня весьма интересны замѣтки даже о варшавскомъ театрѣ... Вы имѣли довольно времени узнать Николая Ивановича. Это честнѣйшій, благороднѣйшій, добрый, умный, свѣдущій человѣкъ, первый въ мірѣ знатокъ русскаго языка, но онъ человѣкъ, въ полномъ смыслѣ слова, кабинетный, и притомъ съ кабинетными привычками, превратившимся въ кабинетную натуру. Практической жизни онъ не знаетъ и не любитъ. Отмѣтитъ политику, переведетъ самъ, что нужно, пожалуй, и напишетъ что нибудь, когда придетъ охота, но бѣгать, хлопотать, собирать матеріалы и проч., безъ чего не можетъ существовать ежедневная газета, — онъ не въ состояніи, хотя бы ему обѣщали на землѣ миллионы червонцевъ и царство небесное по смерти. Въ жизни надобно брать дѣла и людей такъ, какъ они есть!»

«Публика наша любитъ только тогда политику, когда въ политикѣ таскають другъ друга за волосы и бьютъ по рылу. Абстрактъ

тивной политики, восхищающей Николая Ивановича, публика не любить и не понимаетъ».

Отъ 16 марта 1752 года: «Посылаю табличку выигрышей... Велите немедленно набрать... Подобныя извѣстія, какъ огонь, важны, когда новы и когда напечатаны у насъ первыхъ. Вотъ дѣло газетчика! Я уже трое сутокъ караулилъ у Юнкера».

«Въ «Пчелѣ» тщательно перепечатываются изъ «Journal de St.-Pétersbourg» надежды и увѣренія, что не будетъ войны съ Турціею. Эти надежды и увѣренія въ сохраненіи мира чрезвычайно вредны для «Пчелы». При каждомъ объявленіи войны прибывало по 1.500 и 2.000 подписчиковъ... Пока была война 1812—1814 годовъ, «Сынъ Отечества», издаваемый Гречемъ, имѣлъ нѣсколько тысячъ подписчиковъ. Послѣ войны... съ чѣмъ-то 600... Только надежды на войну могутъ поддержать насъ въ надеждѣ на подписчиковъ; это вѣрно, какъ аминь въ молитвѣ». Однако нельзя не отмѣтить, что Өаддей былъ не чуждъ и весьма благородныхъ движеній души. Такъ 12-го мая 1852 г. онъ писалъ: «Признаюсь, что цензура имѣла сильное вліяніе на быстрое развитіе моей болѣзни, которая едва, едва не свела меня въ могилу. Стыдно сказать, а въ душѣ еще не замерла юность... Статья о грамматикѣ Давыдова (Ив. Ив., члена русскаго отдѣленія академіи наукъ, котораго Никитенко называетъ «великимъ ловцемъ» чиновъ, орденовъ, пенсій и прочихъ благъ) запрещена княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ (министромъ народнаго просвѣщенія). Стыдъ и униженіе, что Россіею управляетъ Шихматовъ, вопреки высочайше утвержденному цензурному уставу, что намъ и пикнуть нельзя, что насъ учатъ люди безграмотные—все это перевернуло во мнѣ натуру вверхъ дномъ. Я сѣлъ на дрожки и едва доѣхалъ до Пассажа; меня вырвало три раза желчью».

Въ 1854 г. впервые «Сѣверная Пчела», по обилію военнаго и политическаго матеріала, стала выходить почти ежедневно въ 1½ и 2 листа, то-есть давать читателямъ 6 и 8 страницъ текста. Булгаринъ не доволенъ былъ потому, что расходы на печатаніе увеличились, а Гречъ (въ типографіи котораго печаталась газета) потому, что вечеромъ увеличилась корректурная работа. Отъ расширенія газеты число подписчиковъ стало прибывать тысячами и дошло до 9.000, небывалой еще цифры. Оба издателя успокоились.

Въ началѣ 1857 г. параличъ поразилъ правую сторону организма Булгарина. Въ теченіе всего 1858 г. Булгаринъ помѣстилъ въ газетѣ только 6 фельетоновъ, а въ 1859 г. только одинъ. Въ № 235 (25-го октября 1858 г.) онъ писалъ въ фельетонѣ: «тридцать четыре года я работалъ, споткнулся и боленъ». Въ № 190 «Сѣверной Пчелы» (4-го сентября 1859 г.) появилось слѣдующее извѣстіе: «1-го сентября, въ шесть часовъ пополудни, скончался въ Дерптѣ извѣстный нашъ писатель, дѣйствительный статскій со-

вѣтникъ, Ѡаддей Венедиктовичъ Булгаринъ, на семьдесятъ первомъ году отъ роду». И все.

Въ 1855 г. каждый изъ издателей «Пчелы» получалъ на свою долю по 24.000 р. с. чистаго дохода отъ газеты. Въ 1859 г. число подписчиковъ значительно сократилось, уменьшаясь постепенно съ 1856 г., со времени заключенія Парижскаго мира. При сведеніи счетовъ по окончаніи 1859 г., когда Ѡ. В. Булгаринъ уже лежалъ въ землѣ, чистой прибыли отъ изданія вовсе не оказалось. «Пчела» умерла съ Булгаринымъ, провлачивъ жалкое существованіе до 1862 г.

**Н. А. Энгельгардтъ.**

*(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).*





## Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ ВЪ СЕМИПАЛАТИНСКѢ.



ВАДЦАТЬ одинъ годъ тому назадъ —

Тяжелый для Руси ударилъ смертный часъ,  
И звукъ его въ сердцахъ болѣзненно раздался —  
Великій человекъ безвременно угасъ <sup>1)</sup>,  
Великихъ словъ потокъ безвременно прервался!

Угасъ человекъ, который всю жизнь бился за угнетенныхъ и униженныхъ, всю жизнь болѣлъ и страдалъ за исчезновеніе въ людяхъ правды и нравственнаго совершенства... Этотъ замѣчательный человекъ былъ дорогой русскому сердцу національный писатель — Федоръ Михайловичъ Достоевскій.

Проходя суровую школу невзгодъ, Достоевскій болѣе пяти лѣтъ провелъ въ Семипалатинскѣ.

Въ настоящей статьѣ я сообщаю свѣдѣнія о жизни Достоевскаго въ сибирской глуши, которыя мнѣ удалось собрать.

2-го марта 1854 года, Достоевскій, по окончаніи четырехлѣтняго срока каторжныхъ работъ въ городѣ Омскѣ, былъ зачисленъ, согласно высочайшей конфирмаціи, послѣдовавшей на докладѣ генераль-аудиторіата, рядовымъ въ Сибирскій № 7-й линейный баталіонъ, стоявшій въ то время въ Семипалатинскѣ.

Семипалатинскъ и въ настоящее время весьма небольшой городъ и въ сущности до сихъ поръ еще съ очень слабыми признаками культурной жизни, а почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ это было удручающее захолустье, затерянное въ глухой киргизской степи, недалеко отъ китайской границы.

<sup>1)</sup> «Проводы тѣла Ф. М. Достоевскаго и погребеніе», въ книгѣ: «Биографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ф. М. Д—скаго». Спб., 1883 г.

Жизнь въ такомъ городишкѣ, въ солдатской лямкѣ Николаевского режима, Ѳедору Михайловичу казалась отраднѣмъ просвѣтомъ послѣ тяжелой ужасной каторги, такъ ярко обрисованной въ «Запискахъ изъ мертваго дома».

Самъ онъ объ этомъ писалъ<sup>1)</sup> младшему брату своему Андрею Михайловичу:

... «Вотъ уже скоро десять мѣсяцевъ, какъ я вышелъ изъ каторги и началъ мою новую жизнь. А тѣ четыре года считаю я за время, въ которое я былъ похороненъ живой и закрытъ въ гробу. Чтò за ужасное было это время, не въ силахъ я рассказать тебѣ, другъ мой. Это было страданіе невыразимое, безконечное, потому что всякій часъ, всякая минута, тяготѣла, какъ камень у мѣня на душѣ. Во всѣ четыре года не было мгновенія, въ которое бы я не чувствовалъ, что я въ каторгѣ. Но что рассказывать! Даже если бы я написалъ къ тебѣ сто листовъ, то и тогда ты не имѣлъ бы понятія о тогдашней жизни моей. Это нужно, по крайней мѣрѣ, видѣть самому,—я не говорю—испытать. Но это время прошло, и теперь оно сзади меня, какъ тяжелый сонъ, такъ же, какъ выходъ изъ каторги представлялся мнѣ прежде, какъ свѣтлое пробужденіе и воскресеніе въ новую жизнь.

«... Но въ новой жизни моей встрѣтилось столько новыхъ заботъ и хлопотъ, что, право, я до сихъ поръ едва успѣлъ оглядѣться! Поступилъ я согласно съ конфирмаціею въ 7-й линейный баталіонъ. Тутъ началась для меня новая забота: служба. Здоровье и силы мои помогали мнѣ мало. Вышелъ я изъ каторги рѣшительно больной. А между тѣмъ надо было заняться фрунгомъ, ученьемъ, смотрами. Все лѣто я былъ такъ занятъ, что едва находилъ время спать. Но теперь немного привыкъ. Здоровье мое также стало лучше. И, не теряя надежды, смотрю я впередъ довольно бодро»...

Въ другомъ письмѣ<sup>2)</sup>, къ брату Михаилу Михайловичу, Ѳедоръ Михайловичъ писалъ:

«Пріѣхалъ я сюда въ мартѣ мѣсяцѣ. Фрунтовой службы почти не зналъ ничего и между тѣмъ въ іюлѣ мѣсяцѣ стоялъ на смотру на ряду съ другими и зналъ свое дѣло не хуже другихъ. Какъ я уставалъ, и чего это мнѣ стоило — другой вопросъ; но мною довольны—и слава Богу!.. Какъ ни чуждо все это тебѣ, но, я думаю, ты поймешь, что солдатство не шутка, что солдатская жизнь со всѣми обязанностями солдата не совсѣмъ-то легка для человѣка съ такимъ здоровьемъ и съ такой отвычкой, или, лучше сказать, съ такимъ полнымъ ничею незнаніемъ въ подобныхъ занятіяхъ. Чтòбъ пріобрѣсти этотъ навыкъ, надо много трудовъ. Я не ропщу: это мой крестъ, и я его заслужилъ»...

<sup>1)</sup> Письмо помѣчено: «Семипалатинскѣ, 6-го ноября, 1854 г.».

<sup>2)</sup> Помѣчено: «Семипалатинскѣ, 30-го іюля, 1854 г.».



По прибытіи въ Семипалатинскъ, Достоевскій былъ назначенъ въ 1-ю роту, которая занимала половину<sup>1)</sup> деревянной казармы, сгорѣвшей въ 1881 году. По плану и внѣшнему виду сгорѣвшая казарма совершенно одинакова съ казармой<sup>2)</sup>, находящейся въ настоящее время противъ зданія мужской прогимназіи. Мѣсто же, гдѣ стояла она,—противъ Знаменскаго собора, вправо и на одной линіи съ каменными крѣпостными воротами<sup>3)</sup>. Тутъ-то и жилъ первое время и несъ нелегкую солдатскую службу Ѳедоръ Михайловичъ.

Старожилъ Семипалатинска, Н. Ѳ. Кацъ, современникъ и сослуживецъ Достоевскаго по ротѣ, до сихъ поръ отчетливо помнитъ личность Ѳедора Михайловича и охотно дѣлится своими воспоминаніями. Съ его словъ, заслуживающихъ, по моему убѣжденію и по мнѣнію многихъ, хорошо его знающихъ лицъ, полного довѣрія, помѣщая здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія.

Достоевскій въ ротѣ спалъ на нарахъ, рядомъ и на одной кошмѣ съ Кацемъ, назначеннымъ въ томъ же году на дѣйствительную службу изъ пермскаго полубаталіона кантонистовъ. У Каца, тогда еще 17-ти-лѣтняго мальчика<sup>4)</sup>, положительно ничего не было: мундиръ и брюки замѣняли подушку, а шинель—одѣяло. Достоевскій въ это время тоже ужасно нуждался въ деньгахъ. Спустя немного времени, Кацъ портняжной работой (научился этому ремеслу, будучи кантонистомъ) началъ зарабатывать деньжонки и мало-по-малу обзаводиться всѣмъ необходимымъ для своего житья-бытья. Въ числѣ первыхъ пріобрѣтеній былъ самоваръ, доставившій Кацу, вмѣстѣ съ его сосѣдомъ по мѣсту Достоевскимъ, въ полномъ смыслѣ «пріятное съ полезнымъ». Пища для солдатъ въ то время была отвратительная, а поэтому чай служилъ незамѣнимымъ дополненіемъ и улучшеніемъ казеннаго стола... Принесутъ, бывало, большую деревянную чашку, наполненную «варевомъ безъ названія», вооружатся солдаты, въ томъ числѣ и Достоевскій, огромными деревянными ложками съ неимоверно-толстыми черешками, — и начнется скудный, далеко не сытный обѣдъ... Ѳедоръ Михайловичъ ѣлъ приготовленіе ротной кухни, но ѣлъ... мало. По этому поводу онъ частенько съ досадой говорилъ:

1) Другую половину занимала 2-я рота 7-го баталіона.

2) Фотографія этой казармы воспроизводится здѣсь.

3) Памятникъ отъ бывшей когда-то Семипалатинской крѣпости. Эти ворота, должно быть, кому-то мѣшаютъ: инженерное вѣдомство предполагаетъ, кажется, сломать ихъ.

4) Чтобы избавиться отъ тяжелой жизни въ полубаталіонѣ кантонистовъ, Кацъ скопленные имъ три рубля подарилъ одному изъ писарей, который устроилъ какимъ-то образомъ, что его, далеко еще не достигшаго установленнаго возраста, назначили на дѣйствительную службу.. Должно быть, хороша была жизнь кантониста, если онъ промѣнялъ ее на службу солдатскую!..

— Вотъ уже четыре слишкомъ года не могу, какъ слѣдуетъ, ѣсть по-человѣчески... Завидую аппетиту товарищей.

Чай пить любилъ помногу.

— «Какъ теперь, вижу передъ собой Федора Михайловича»,— передаю подлинныя слова Каца:—«средняго роста, съ плоской грудью; лицо съ бритыми, впалыми щеками казалось болѣзненнымъ и очень старило его. Глаза сѣрые. Взглядъ серьезный, угрюмый. Въ казармѣ никто изъ насъ, солдатъ, никогда не видѣлъ на его лицѣ полной улыбки. Случалось, что какой нибудь ротный весельчакъ для потѣхи товарищей выкинетъ забавную штуку, отъ которой положительно всѣ покатываются отъ смѣха, а у Федора Михайловича только слегка, едва замѣтно, искривятся углы губъ. Голосъ у него былъ мягкій, тихій, пріятный. Говорилъ не торопясь, отчетливо. О своемъ прошломъ никому въ казармѣ не рассказывалъ. Вообще онъ былъ мало разговорчивъ. Изъ книгъ у него было только одно евангеліе <sup>1)</sup>, которое онъ берегъ и, видимо, имъ очень дорожилъ. Въ казармѣ никогда и ничего не писалъ; да, впрочемъ, и свободнаго времени у солдата тогда было очень мало. Достоевскій изъ казармы рѣдко куда уходилъ, больше сидѣлъ задумавшись и особнякомъ».

Это подтверждается и его письмомъ <sup>2)</sup> къ брату Михаилу, которому онъ, между прочимъ, сообщалъ:

«...Живу я здѣсь уединенно; отъ людей по обыкновенію прячусь. Къ тому же я пять лѣтъ былъ подъ конвоемъ, и потому мнѣ величайшее наслажденіе очутиться иногда одному. Вообще каторга много вывела изъ меня и много привила ко мнѣ. Я, напримѣръ, уже писалъ тебѣ о моей болѣзни. Странные припадки, похожіе на падучую»...

Къ солдатской службѣ Достоевскій относился старательно. Это подтверждаетъ и его ротный командиръ, подполковникъ въ отставкѣ, Андрей Ивановичъ Бахиревъ <sup>3)</sup>, который аттестуетъ Достоевскаго такъ: «отличался молодцоватымъ видомъ и ловкостью пріемовъ, при вызовѣ карауловъ <sup>4)</sup> въ ружье. По службѣ былъ постоянно исправенъ и никакимъ замѣчаніямъ не подвергался».

<sup>1)</sup> Евангеліе было подарено Достоевскому въ Tobольскѣ женами декабристовъ (Муравьевой, Анненковой съ дочерью и Фонвизиной) при посѣщеніи острога, гдѣ помѣщены были до особыхъ распоряженій ссыльно-каторжные «петрашевцы».

<sup>2)</sup> Письмо отъ 30-го іюля 1854 г.

<sup>3)</sup> А. И. Бахиревъ живетъ и въ настоящее время въ Семипалатинскѣ, ему 83 года, но Достоевскаго помнитъ.

<sup>4)</sup> Въ ротѣ А. И. Бахиревъ не обращалъ вниманія на Достоевскаго («намъ не до Достоевскаго было: съ этой собачьей службой—цѣлые дни съ площади не сходили»,—правдиво и добродушно говорилъ этотъ почтенный николаевскій служака). Въ караулѣ же Бахиревъ, будучи дежурнымъ по карауламъ, всегда ревностно повѣрялъ знаніе обязанностей каждаго нижняго чина, въ томъ числѣ и Достоевскаго. Кромѣ того, Бахиревъ былъ долгое время въ командировкѣ въ г. Сергіополь (Аягузъ). Когда возвратился, то Достоевскій былъ уже офицеромъ и несъ службу въ ротѣ, кажется, А. И. Гейбовича.

Въ караулѣ аккуратность его доходила до того, что онъ не позволялъ себѣ отстегивать чешуйчатую застежку у кивера и крючки отъ воротника мундира или шинели даже и тогда, когда это разрѣшалось «уставомъ» (напримѣръ, въ ночное время при отдыхѣ нижнихъ чиновъ караула передъ заступленіемъ на часы).

Его и въ рядовомъ званіи освободили отъ нарядовъ на хозяйственныя работы, а въ караулѣ приказано было назначать только по недостатку людей въ ротѣ. Но такъ какъ въ то время шла большая заготовка дровъ для потребности баталіона и для продажи, а также строевого лѣса<sup>1)</sup> для инженернаго вѣдомства, для чего, конечно, требовалось много рабочихъ рукъ изъ нижнихъ чиновъ, то для обыкновенныхъ служебныхъ нарядовъ долгое время не доставало людей, слѣдовательно и *Θ. М.*—чу приходилось частенько бывать въ караулѣ.

Часовымъ Достоевскому пришлось стоять почти на всѣхъ постахъ того времени:

1) У окна арестантской камеры мѣстнаго лазарета<sup>2)</sup>.

2) У денежной кладовой казначейства (нынѣ складъ шанцеваго инструмента инженернаго вѣдомства) и порохового погреба (это старое крѣпостное зданіе нынѣ находится въ городскомъ саду)<sup>2)</sup>.

3) У продовольственнаго магазина (на мѣстѣ, гдѣ былъ этотъ магазинъ, въ данное время стоитъ деревянный сарай, въ которомъ хранится обозъ семипалатинскаго резервнаго баталіона по штату военного времени). Изба, гдѣ помѣщался тогда караулъ, и гдѣ слѣдовательно часто короталъ утомительно-длинные часы Достоевскій, сохранилась. Она—недалеко отъ сарая съ обозомъ, и въ ней теперь, кажется, хранится баталіонная известь<sup>2)</sup>...

4) На фронтѣ гауптвахты и тюрьмы, т.-е. у каменной казармы. Въ то время у этого зданія окна были маленькія и съ рѣшетками, да и планъ зданія (внутри) былъ нѣсколько не такой, какъ теперь. Тутъ помѣщались, кромѣ гауптвахты, тюрьма, музыкантская команда и артиллерія (кажется, нижніе чины 21-й батареи). Помѣщеніе для караула (кордегардія) было вправо отъ входа съ площади, гдѣ теперь классъ учебной команды резервнаго баталіона, а во время семейно-танцевальныхъ вечеровъ—столовая военного собранія. Въ этомъ караулѣ (на гауптвахтѣ) Достоевскій бывалъ чаще, чѣмъ въ другихъ<sup>2)</sup>.

1) Лѣсъ рубился солдатами въ 26—30 верстахъ отъ города Семипалатинска въ «Типъ-Кашинъ», гдѣ былъ баталіонный хуторъ. Оттуда лѣсъ сплавлялся солдатами же по Иртышу въ Семипалатинскъ и въ Омскъ для инженернаго вѣдомства. Въ то время 7-й баталіонъ занимался и дровами и лѣсомъ. Всѣ денежные расчеты по этимъ коммерческимъ операціямъ велись командиромъ баталіона, который являлся какимъ-то неограниченнымъ, безконтрольнымъ хозяиномъ.

2) Снимки съ этихъ зданій помѣщены здѣсь.

По отношенію къ своимъ сослуживцамъ-солдатамъ Ѳедоръ Михайловичъ былъ внимательный, отзывчивый. Помогалъ имъ, чѣмъ только могъ. Къ начальствующимъ нижнимъ чинамъ былъ почтителенъ<sup>1)</sup>. Приказанія исполнялъ безпрекословно и точно. На грубыя выходки ихъ не отвѣчалъ, отмалчивался. Казарменныя непріятности переносилъ терпѣливо.

Составъ нижнихъ чиновъ баталіона въ то время былъ очень плохой: много было сдаточныхъ отъ помѣщиковъ (народъ недобольный, озлобленный), много было и наемщиковъ... А кто не знаетъ, что за люди были эти наемщики? Это люди, прошедшіе огонь, воду и мѣдныя трубы, люди, которымъ было рѣшительно все равно—куда ни итти, что бы ни сдѣлать, хотя бы и преступленіе: терять имъ было нечего, стремиться домой (на родину) не къ кому и не зачѣмъ... Грубость и безграмотность были поголовныя. Со стороны же капраловъ (унтеръ-офицеровъ) «подзатыльники и зуботычины» щедро раздавались направо и налево, сопровождая каждый солдатскій шагъ... А отъ начальства изъ офицеровъ, кромѣ того, перепали (и тоже нескучно) и розги...

Стоны отъ розогъ и палокъ, невыносимая трехъэтажная ругань начальства, угрозы и проклятія потерпѣвшихъ и обиженныхъ не смолкаемо раздавались въ казарменномъ воздухѣ... Жизнь при такой обстановкѣ челоуѣку слабому, физически и нравственно надломленному, возможно было перенести только развѣ... послѣ ка-торги...

Ѳедоръ Михайловичъ къ Кацу относился всегда тепло, участливо, входилъ въ его положеніе, жалѣлъ его молодость<sup>2)</sup>, какъ старшій собратъ по солдатчинѣ. Кацъ, разумѣется, не зналъ, что это былъ писатель-мыслитель; ему и въ голову никогда не приходило, что этотъ его сосѣдъ по мѣсту, такъ хорошо къ нему относящійся,—будущая знаменитость, европейская извѣстность... Онъ только сознавалъ, чувствовалъ своимъ юнымъ сердцемъ, что этотъ молчаливый и чрезвычайно угрюмый рядовой Достоевскій—без-

<sup>1)</sup> Отставной шагабъ-трубачъ 7 баталіона, А. С. Сидоровъ (ему теперь далеко за 70 лѣтъ), проживающій въ настоящее время въ Семипалатинскѣ, рассказывалъ: «Ахъ, какой смиренный былъ онъ челоуѣкъ, старался всегда себя ставить ниже всѣхъ; идешь, бывало, а онъ тебѣ тянется, честь отдаетъ, и уваженіе должное оказываетъ, а заговоришь съ нимъ—отвѣчалъ учтиво, почтительно. Хорошій былъ челоуѣкъ... Вотъ книжечки-то его (при чемъ показалъ сочиненія Достоевскаго) и по сіе время читаю съ наслажденіемъ... Великаго ума былъ челоуѣкъ... Но тогда не знали мы этого, не понимали... Да и гг. офицеры-то не лучше насъ, солдатъ простыхъ, были, только мундиръ иной»...

<sup>2)</sup> Кацу, какъ самому молодому и несравненно выше другихъ солдатъ по развитію, доставалось огорченій немало. Особенно вспоминаетъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ, какъ ему приходилось осенью на Иртышѣ въ нестерпимо-холодной водѣ стоять по поясъ и выполнять непосильный для него трудъ по выгрузкѣ лѣса и дровъ (изъ плотовъ на берегъ). Не всякій охотно заходилъ въ воду, а его послали силой, угрозой...

предѣльно добрый, сердечный человѣкъ, а потому совершенно не похожъ на окружающую его среду, гдѣ Кацъ, кромѣ обидныхъ насмѣшекъ, грубыхъ понуканій, въ родѣ: «эй, школьникъ, кантонистъ, собачій сынъ, иди сюда!» ничего не слышалъ. Естественно, что онъ привязался къ Достоевскому и глубоко уважалъ его. Завѣтнымъ желаніемъ всегда у него было какъ можно больше услужить своему милому сосѣду. На дѣлѣ же, къ досадѣ Каца, частенько выходило наоборотъ... Что было причиной—трудно сказать теперь, но только рядовой мальчикъ изъ кантонистовъ невольно пользовался услугами рядового Достоевскаго: то Федоръ Михайловичъ приготовить самоваръ, то сходить за молокомъ, то вычистить аммуницію свою и его...

— «Спусти много лѣтъ», — привожу подлинныя слова Каца, — «я уже вышелъ въ отставку и жилъ на свободѣ, занимаясь своимъ ремесломъ, вдругъ далеко прогремѣло имя Федора Михайловича... Тогда только я узналъ, кто былъ Достоевскій. Какъ досадовалъ, какъ злился я на себя за то, что, живя бокъ-о-бокъ съ такимъ гениальнымъ человѣкомъ, я не только не умѣлъ оказывать ему самыхъ пустышныхъ услугъ въ солдатскомъ обиходѣ, но даже, стыдно вспомнить, самъ пользовался его услугами нерѣдко»...

Глубоко запечатлѣлась въ памяти Н. О. Каца одна экзекуція, а именно—наказаніе шпицрутенами <sup>1)</sup>, когда Достоевскій находился въ строю и, конечно, принужденъ былъ нанести и свой очередной ударъ по обнаженной спинѣ несчастнаго осужденнаго... Сзади строя въ это время злобще шагала фигура грознаго фронтовика-офицера Веденяева, больше извѣстнаго семипалатинцамъ-старожиламъ подъ прозвищемъ «Буранъ». Веденяевъ наблюдалъ за экзекуціей и зорко слѣдилъ, «не облегчаетъ ли кто удара»... Если же кто, по мнѣнію его, какъ большого специалиста этого дѣла, нанесъ ударъ «съ облегченіемъ», т.-е. слабо, тому на спинѣ тотчасъ же ставилъ мѣломъ крестъ... Это значило, что жалостливаго и подневольнаго палача-солдата ожидаетъ основательная порка «розгами» подъ благосклоннымъ руководствомъ Веденяева... «Розги» въ то время были употребительнымъ наказаніемъ, весьма любимымъ такими ревностными служаками, какъ незабвенный «Буранъ», имѣвшій свою исторію и оставившій неувядаемую славу въ этомъ направленіи...

<sup>1)</sup> Шпицрутены—сырыя тальниковыя палки въ 1½ аршина длиной и въ палецъ мужины толщиной. Наказаніе (рѣдко за разъ доводили до указанного числа ударовъ) продолжалось до тѣхъ поръ, пока несчастный не сунется съ ногъ, съ исполосованной спиной и потерей сознанія... Тогда уносили его въ лазаретъ «подлѣчить»; едва оправится изуродованный, какъ его снова ведутъ «сквозь строй», пока не выполнятъ назначеннаго судомъ числа ударовъ... Нечего и говорить, что бывали случаи, когда осужденные умирали во время экзекуціи между двумя шеренгами... Не легко было выдержать такое варварство.

Почти черезъ два года службы въ рядовомъ званіи Достоевскаго произвели въ унтеръ-офицеры <sup>1)</sup>. Кажется, что съ этого времени отношенія къ нему военнаго начальства рѣзко измѣнились къ лучшему. Онъ получилъ разрѣшеніе жить на частной квартирѣ. Отъ служебныхъ нарядовъ былъ окончательно освобожденъ, въ роту же ходилъ только на ученія, парады и смотры. Если же былъ необходимъ въ казармѣ по какому нибудь особому случаю, то за нимъ посылали солдата. Крикнетъ фельдфебель: «Кто желаетъ сходить къ Достоевскому съ приказаніемъ?» Желала чуть не вся рота. Оказалось, что Ѳедоръ Михайловичъ этимъ посланнымъ давалъ деньги: по 15 и по 20 коп. <sup>2)</sup>.

Съ этого же времени Достоевскій началъ бывать у командира баталіона, полковника Бѣлихова <sup>3)</sup>. Бѣлиховъ былъ простой, добродушный, холостой человекъ, любившій пожить... <sup>4)</sup>. Сначала командиръ баталіона требовалъ къ себѣ Ѳедора Михайловича для чтенія ему вслухъ газетъ и журналовъ, а затѣмъ сталъ оставлять его у себя обѣдать и даже при гостяхъ <sup>5)</sup>. Тутъ Достоевскій познакомился съ многими лицами, часто бывавшими у Бѣлихова.

Первая частная квартира Достоевскаго была въ домѣ Пальшиныхъ, у которыхъ онъ снималъ двѣ комнаты съ обѣдомъ <sup>6)</sup>. Къ своимъ домохозяевамъ онъ относился просто. Любилъ иногда съ ними и поговорить. На службу (въ роту) ходилъ рѣдко. Много читалъ и что-то писалъ. Въ гостяхъ у него почти никто не бывалъ; самъ же онъ частенько ходилъ къ командиру казачьей бригады Мих. Мих. Хоментовскому, командиру баталіона Бѣлихову, горному ревизору Ковригину и смотрителю провіантскаго магазина, интендантскому чиновнику Ордынскому <sup>7)</sup>. Особенно близкія

<sup>1)</sup> Въ унтеръ-офицеры Достоевскій произведенъ 15-го января 1856 года, что видно изъ его прошенія, подавнаго изъ Твери на высочайшее имя о разрѣшеніи ему жить въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ этомъ прошеніи онъ перечисляетъ, когда и какія были оказаны ему монаршія милости.

<sup>2)</sup> Въ это время у Д—скаго очень часто бывали деньги: присылалъ ему ихъ, по словамъ Пальшина, братъ Михаилъ Михайловичъ.

<sup>3)</sup> Бѣлиховъ жилъ тогда въ зданіи, гдѣ теперь помѣщается музыкантская команда семипалатинскаго резервнаго баталіона. Зданіе сфотографировано, и снимокъ приложенъ къ этому очерку.

<sup>4)</sup> При сдачѣ баталіона майору Денисову, полковникъ Бѣлиховъ, по словамъ Каца, застрѣлился.. Говорили, что причина—матеріальная недостача въ баталіонѣ, которую онъ не въ состояніи былъ пополнить.

<sup>5)</sup> Въ то время разстояніе между офицеромъ и солдатомъ было еще болѣе непроходимое, чѣмъ нынѣ, поэтому при гостяхъ имѣть у себя офицера въ гостяхъ нижняго чина было знакомъ особаго вниманія и участія...

<sup>6)</sup> Эти свѣдѣнія почерпнуты изъ разсказа П. М. Пальшина (живетъ въ настоящее время въ Семипалатинскѣ), помѣщеннаго въ замѣткѣ о Достоевскомъ Н. Яковлева (газета «Сибирь» № 80, 1887 г.).

<sup>7)</sup> Ордынскій—довольно образованный старичокъ изъ ссыльныхъ поляковъ-повстанцевъ, пожелавшихъ остаться въ Сибири.

отношенія въ это время у него были съ послѣднимъ: на квартирѣ у Ордынскаго Достоевскій иногда проводилъ цѣлые дни за своей работой. О жизни Ѳедора Михайловича отъ Пальшиныхъ ни полиція, ни военное начальство никогда не справлялись и никакихъ свѣдѣній не требовали<sup>1)</sup>. Припадки падучей болѣзни у Достоевскаго бывали часто и почти всегда по ночамъ, но продолжались недолго. Къ П. Л. Пальшину (сынъ хозяина дома), которому тогда было 14—15 лѣтъ, Достоевскій былъ ласковъ. Замѣтилъ какъ-то Ѳедоръ Михайловичъ, что мальчикъ недурно рисуетъ, и предложилъ устроить его, при помощи своего брата<sup>2)</sup>, въ Петербургѣ, но отецъ П. Л. Пальшина отъ этого уклонился.

У себя на квартирѣ Достоевскій не былъ такъ сдержанъ, остороженъ, какъ въ казармѣ. Случалось, что говорилъ и о своей прежней жизни и даже разъ рассказалъ о томъ, какъ его съ товарищами везли изъ крѣпости на казнь... Это былъ тяжелый, ужасный рассказъ... Въ концѣ этого рассказа онъ подчеркнул, что никому и никогда не повѣритъ, чтобы на казнь было возможно итти со спокойнымъ духомъ...<sup>3)</sup>.

Тогда же, кажется, Ѳедоръ Михайловичъ показалъ Пальшину хранившійся у него въ сундукѣ... бѣлый саванъ<sup>4)</sup>, въ которомъ стоялъ на эшафотѣ въ день казни и переживалъ страшныя минуты передъ смертью... пока не послѣдовало помилованіе...

На свою тяжелую судьбу Достоевскій никогда не жаловался, но былъ у него изъ казарменной жизни такой случай, про который онъ долго не могъ забыть... Рассказалъ же про этотъ печальный случай гнѣвно, при чемъ нервная дрожь пробѣгала по его худому тѣлу... Вотъ этотъ случай. Рядовой Достоевскій какъ-то замѣшкался и не тотчасъ же исполнилъ полученное имъ приказаніе отъ фельдфебеля, за что отъ послѣдняго получилъ сильный ударъ по головѣ («подзатыльникъ»).

А. С. Сидоровъ (отставной штабъ-горнистъ 7-го батал.) рассказывалъ слѣдующее. Офицеръ Веденяевъ (уже извѣстный чи-

<sup>1)</sup> Это доказываетъ, что надзора ни тайнаго, ни открытаго за Достоевскимъ не было.

<sup>2)</sup> Вѣроятно, черезъ Мих. Мих. Достоевскаго.

<sup>3)</sup> Нѣкоторые лица въ своихъ печатныхъ воспоминаніяхъ (напримѣръ, Пальмъ, Загуляевъ) увѣряютъ, что Достоевскій на эшафотѣ былъ бодръ, спокоенъ и даже рассказывалъ шопотомъ Пальму планъ одной повѣсти. Другіе же (Спѣшневъ) утверждаютъ, что Достоевскаго объялъ «мистическій ужасъ», онъ былъ блѣденъ и, казалось, не отдавалъ отчета во всемъ происходившемъ... Не легко разобраться въ этомъ.

<sup>4)</sup> Саванъ былъ на Достоевскомъ, когда онъ стоялъ на эшафотѣ (видно изъ письма его изъ крѣпости къ брату, это письмо написано въ день казни); какъ онъ попалъ съ нимъ въ Сибирь,—остается неизвѣстно. Можетъ быть, эти саваны, съ разрѣшенія, многіе петрашевцы (въ томъ числѣ и онъ) взяли на память объ этихъ «черныхъ минутахъ своей жизни».



Федоръ Михайловичъ Достоевскій.  
(Съ фотографіи, снятой въ Семипалатинскѣ въ 1858 г.).



тателю) состоялъ субалтернъ-офицеромъ во 2-й ротѣ, которая помѣщалась въ одной казармѣ съ 1-й, часто заглядывалъ по сосѣдству въ 1-ю роту и, какъ человѣкъ неугомонный, нерѣдко «подтягивалъ» и «разносилъ» унтеръ-офицеровъ за «непорядокъ»... Когда Достоевскій явился въ 1-ю роту, какъ изъ земли выросъ и Веденяевъ, который внушительно сказалъ фельдфебелю, указывая пальцемъ на Федора Михайловича, стоявшаго въ сторонѣ:

— Съ каторги сей человѣкъ... Смотри въ оба и поблажки не давай!..

Не послѣ ли такого строгаго наказа грозы-Веденяева рабски-исполнительный фельдфебель, придравшись къ мелочи, чтобы «не давать поблажки», по-своему вразумилъ Достоевскаго тяжелымъ подзатыльникомъ?...

Въ замѣткѣ Н. Яковлева (газ. «Сибирь», № 80, 1897 г.) приведенъ еще такой случай. Федоръ Михайловичъ былъ на «вечерѣ» у кого-то изъ знакомыхъ и вышелъ зачѣмъ-то въ переднюю, въ которую въ то же время вошелъ только-что приѣхавшій въ гости офицеръ. Увидѣвши въ передней солдата, офицеръ, молча, поставилъ ему свою спину—и... Достоевскій снялъ съ него шинель, помѣстилъ ее на вѣшалку и одновременно съ тѣмъ же офицеромъ вошелъ въ гостиную.

Почтенная семипалатинская обывательница, вдова Е. А. Мамонтова (въ дѣвицахъ Мельчакова), охотно сообщила мнѣ все, что знала о Достоевскомъ, при чемъ замѣтно оживилась и, видимо, съ удовольствіемъ въ своихъ воспоминаніяхъ переживала тѣ молодые годы (переполненные, нужно замѣтить, интереснѣйшими фактами и событіями изъ исторіи нашей пограничной полосы, которые совершались почти на ея глазахъ)<sup>1)</sup>, которые промелькнули давно и теперь находятся далеко, далеко позади...

Передаю слышанное ея же словами.

— «Мнѣ было лѣтъ 12, когда дядя, у котораго я тогда жила, пригласилъ въ качествѣ учителя для меня Достоевскаго. Федоръ Михайловичъ, въ общей сложности, занимался со мною нѣсколько болѣе года. Для ученія—не скрываю—я была малоспособная. Особенно мнѣ не давалась головоломная ариѳметика. Теперь я положительно удивляюсь терпѣнію своего учителя. Оно у него, вѣроятно, было неистощимое. Достоевскій ходилъ къ намъ на занятія въ разное время—очевидно, когда онъ былъ свободенъ. Урокъ продолжался часъ, иногда два, но не больше. Во время уроковъ Федоръ Михайловичъ почему-то часто сидѣлъ въ шинели<sup>2)</sup>. Разстегнуть во-

<sup>1)</sup> Многіе интересные рассказы я, конечно, здѣсь не помѣщаю, такъ какъ они не входятъ въ программу очерка.

<sup>2)</sup> Впослѣдствіи г-жа Мамонтова мнѣ конфузливо сообщила, что она догадывалась, почему Федоръ Михайловичъ сидѣлъ въ шинели: брюки тогда были бѣлыя, мундирчикъ короткій, «куцый»... Брюки за неимѣніемъ запаса другихъ слишкомъ скоро грязнились... Вотъ онъ и стѣснялся снимать шинель, чтобы скрыть невольную неисправность своего туалета.



Деревянная казарма, одинаковая по внешнему виду съ казармой, сгорѣвшей въ 1881 году, гдѣ несъ  
соддагекую службу Ф. М. Достоевскій.

ротникъ и только. Эта шинель отчетливо зарисовалась въ памяти, точно вотъ она сейчасъ передо мной... Спина изъ мелкихъ бориковъ... Не знаю, форма ли тогда такая была, или это его личный вкусъ, но только покрой съ спиной изъ бориковъ былъ довольно красивый... Теперь такихъ шинелей у военныхъ я не вижу. Во время уроковъ Ѳедоръ Михайловичъ часто и продолжительно кашлялъ. Дядя говаривалъ, что у него грудь не въ порядкѣ. При занятяхъ со мной былъ мягкій, ласковый, но въ требованіяхъ своихъ настойчивъ. Пришлось разъ подвергнуться и наказанію своего учителя. Это было такъ. Ѳедоръ Михайловичъ задалъ мнѣ ариѳметическую задачу и просилъ рѣшить ее къ слѣдующему уроку. Я задачу не рѣшила. Достоевскій заставилъ рѣшать ее при себѣ. Задача, на бѣду мою, упорно не давалась. Достоевскій ждалъ. Наконецъ я, глупая дѣвченка, потеряла самообладаніе, озлилась и сказала своему милому и доброму учителю дерзость: «Рѣшить я не могу: задача очень трудная... Сидите и рѣшайте сами, а я больше не буду...». Ѳедоръ Михайловичъ сказалъ объ этомъ моимъ роднымъ, сидѣвшимъ въ другой комнатѣ, а меня поставилъ за это въ уголъ, около печки и дверей. Долгонько я простояла въ углу. Достоевскій остался у насъ обѣдать. Послѣ обѣда прошло немало времени. Только въ сумерки, къ вечернему чаю позволили мнѣ оставить непріятное мѣсто. Мнѣ шепнули, чтобы я просила извиненія, но я заупрямилась. Достоевскій ушелъ. На другой день утромъ злополучная задача была все-таки рѣшена мною. Ѳедоръ Михайловичъ, просмотрѣвши рѣшеніе, подарилъ мнѣ, строптивой ученицѣ, коробку (корзиночка съ высокою ручкой) конфетъ.

«Достоевскій въ Семипалатинскѣ бывалъ во многихъ домахъ, въ томъ числѣ и у судьи Пѣшехонова, жившаго открыто и широко. На вечерахъ у него бывала всегда масса гостей, для которыхъ угощеніе было на славу. Танцы и карты процвѣтали. Въ этомъ домѣ танцевалъ и Достоевскій, особенно онъ былъ въ ударѣ передъ отъѣздомъ изъ Семипалатинска, и кажется мнѣ, что онъ былъ тогда во фракѣ, а не въ офицерскомъ мундирѣ...<sup>1)</sup>»

«Про обильную выпивку въ домѣ Пѣшехонова Достоевскій говаривалъ:

«— Э, другъ, если хочешь напиться, иди къ Пѣшехонову — будешь готовъ.

«Самъ же онъ почти не пилъ и всегда возмущался разнузданностью людей, частенько проявлявшеюся подъ влияніемъ обилія хмельного въ домѣ, гдѣ все лилось черезъ край, при чемъ выражался, кажется, такъ:

«— Кто пьетъ до безобразія, тотъ не уважаетъ человѣческаго достоинства ни въ себѣ, ни въ другихъ.

<sup>1)</sup> Очевидно, что былъ въ отставкѣ.



Изба (бывшее караульное помещеніе), гдѣ бывалъ въ караулѣ Ф. М. Достоевскій.

«Хорошо запомнилось мнѣ одно обстоятельство, да какъ-то боюсь, не рѣшаюсь его вамъ передать... Очень ужъ фактъ-то на первый взглядъ невѣроятный... Какъ бы не упрекнули меня въ лганьѣ Достоевскій одно время какъ-будто бы пристрастился къ азартной игрѣ <sup>1)</sup>. Играли же здѣсь тогда сильно. Однажды Ѳедоръ Михайловичъ утромъ зашелъ къ дядѣ <sup>2)</sup> и сообщилъ ему, что вчера онъ видѣлъ небывалую игру. Эта игра произвела на него сильное впечатлѣніе: онъ, рассказывая про нее, быстро ходилъ по комнатамъ и съ волненіемъ закончилъ:

«— Ухъ, какъ играли... жарко! Скверно, что денегъ нѣтъ... Такая чертовская игра — это омутъ... Вижу и сознаю всю гнусность этой чудовищной страсти... а, вѣдь, тянетъ, такъ и всасываетъ!»

Приближалась коронація императора Александръ II-го. У Достоевскаго мелькнула надежда на царскую милость. Онъ даже дѣлаетъ попытку въ такой удобный моментъ напомнить о себѣ. Такъ, напримѣръ, 23 марта 1856 года, къ барону А. Е. Врангелю <sup>3)</sup>, знакомому по Семипалатинску, гдѣ тотъ нѣкоторое время служилъ, Ѳедоръ Михайловичъ пишетъ горячее письмо, въ которомъ убѣдительно проситъ Врангеля побывать у Эд. Ив. Тотлебена <sup>4)</sup>, передать ему другое письмо и добиваться ходатайства его передъ государемъ о смягченіи его участи при коронаціи. Особенно желалъ Достоевскій перейти въ гражданскую службу съ 14-мъ классомъ и возвращенія въ Европейскую Россію, а главное разрѣшенія печатать свои произведенія.

Попытки Ѳедора Михайловича увѣнчались успѣхомъ, надежды его не обманули... Генералъ Тотлебенъ откликнулся и сталъ настойчиво хлопотать объ улучшеніи участи Достоевскаго. Въ этомъ принялъ горячее участіе и принцъ Ольденбургскій. Результатомъ всего была монаршая милость: 1-го октября 1856 года, унтеръ-

<sup>1)</sup> Это возможно. Ѳед. Мих. до ареста и ссылки одно время увлекался игрой на биллиардѣ. Впослѣдствіи за границей, въ Баденѣ, начинать было играть, но игра кончилась, разумѣется, горькой неудачей... Достоевскій самъ про этотъ временный азартъ говорилъ въ письмѣ къ поэту А. Майкову (16 августа 1867 г.), что «натура его подлая, страстная—вездѣ-то и во всемъ онъ до послѣдняго предѣла доходилъ, всю жизнь за черту переходилъ».

<sup>2)</sup> Соборный дьяконъ Синкинъ, бывший секретарь консисторіи, но по прихоти архіерея попалъ въ это званіе. У Синкина бывали многіе изъ офицеровъ, бывалъ и Достоевскій, какъ старый знакомый, запросто.

<sup>3)</sup> О баронѣ Врангелѣ Достоевскій 18 января 1856 г. писалъ поэту А. Н. Майкову: «письмо это доставитъ А. Е. Врангель, человекъ очень молодой, съ прекрасными качествами души и сердца, пріѣхавшій въ Сибирь прямо изъ лица съ великодушной мечтой узнать край, быть полезнымъ и т. д. Онъ служилъ въ Семипалатинскѣ; мы съ нимъ сошлись, и я подлюбилъ его очень».

Г-жа Мамонтова говоритъ, что Врангель состоялъ одно время по дипломатической части для сношеній съ Китаемъ, но настойчиво не утверждаетъ...

<sup>4)</sup> Генералъ-адъютантъ, извѣстный военный инженеръ и герой Севастополя, учившійся въ томъ же инженерномъ училищѣ, гдѣ кончилъ курсъ и Достоевскій.

офицеръ Достоевскій за отличіе по службѣ произведенъ въ прапорщики, съ оставленіемъ въ томъ же баталіонѣ.

Съ этого времени Федоръ Михайловичъ несетъ уже службу офицерскую и вливается, такъ сказать, въ эту среду... Среда же эта была крайне убогая... Офицеры были (за весьма немногими исключеніями) скудно образованные, мало развитые; встрѣчались даже и совсѣмъ малограмотные<sup>1)</sup>: это изъ солдатъ, севастопольскихъ героевъ, произведенныхъ за боевыя отличія въ прапорщики... Нѣкоторые изъ болѣе энергичныхъ такихъ прапорщиковъ держали, впрочемъ, особый «офицерскій экзаменъ» на право производства на службѣ въ слѣдующій чинъ. Но какой же для нихъ былъ экзаменъ?.. Конечно, баловали героевъ-стариковъ и... пропускали по добротѣ сердечной...

Для характеристики такихъ горе-офицеровъ привожу здѣсь фактъ, очень похожій на анекдотъ, записанный со словъ Н. Ѳ. Каца.

Изъ героевъ-севастопольцевъ въ № 7-мъ баталіонѣ служилъ Зубаревъ. Онъ, какъ сдавшій экзаменъ, былъ произведенъ въ подпоручики. Вскорѣ же послѣ производства въ этотъ чинъ ему пришлось заступить въ караулъ на гауптвахту. Въ составѣ чиновъ караула былъ и рассказчикъ Кацъ. Всѣ формальности приѣма были окончены, оставалась послѣдняя официальная сторона дѣла — это расписаться въ книгѣ или постовой вѣдомости (Кацъ точно не помнитъ). Зубаревъ (караульный начальникъ) сѣлъ за столъ, взялъ перо и... задумался. Старый начальникъ караула (какой-то прапорщикъ изъ молодыхъ), расписавшись еще заранѣе<sup>2)</sup>, уже давно увелъ смѣненный караулъ... А Зубаревъ все сидитъ, погруженный въ размышленія... Наконецъ, бросилъ на столъ перо и громко, раздраженно воскликнулъ:

— Ахъ, ты, чертъ возьми, какъ я было наловчился писать «прапорщикъ»... Произвели вотъ—и опять новое слово «подпоручикъ»... А какъ его написать?... Вотъ она служба-то!..

Вздохнулъ и подозвалъ къ себѣ Каца, какъ хорошо грамотнаго нижняго чина, и приказалъ ему подсказывать по порядку всѣ буквы мудренаго «новаго слова», а самъ толстыми заскорузлыми пальцами усердно царапалъ перомъ... Когда «подпоручикъ» былъ изображенъ на бумагѣ, то герой Севастополя, покраснѣвшій отъ напряженія, съ подъемомъ духа начальнически-милостиво ска- залъ:

<sup>1)</sup> То-есть читать-то умѣли, а писали только при помощи другихъ.

<sup>2)</sup> Обыкновенно практиковалось такъ: старый караульный начальникъ заготовить заблаговременно всѣ необходимыя для смѣны шаблонно-уставныя надписи; новому же караульному начальнику остается только фактически принять все, а въ книгѣ (или вѣдомости) черкнуть чинъ и фамилію.

— Иди, братецъ, на мѣсто—теперь больше не нуженъ... И тутъ же добавилъ уже совершенно добродушно:— фамилію-то свою я, и закрывши глаза, напишу...

Конечно, такіе офицеры рѣдкое исключеніе составляли и тогда, но образованные, въ полномъ смыслѣ этого слова, офицеры въ баталіонѣ были еще большимъ исключеніемъ.

Къ такому пріятному исключенію нельзя не отнести молодого въ то время Алексѣя Ив. Бахирева (брата командира 1-й роты Андрея Ив. Бахирева). Онъ, окончивши кадетскій корпусъ, много поработалъ надъ саморазвитіемъ и любилъ литературу: имѣлъ много дѣльныхъ книгъ, выписывалъ «Современникъ», а Некрасова зналъ наизусть. Словомъ, считался тогда не только въ баталіонной офицерской семьѣ, но и во всемъ семипалатинскомъ обществѣ въ числѣ передовыхъ людей. Достоевскій и Бахиревъ близко познакомились и даже одно время жили вмѣстѣ, на одной квартирѣ<sup>1)</sup>. Фѣдоръ Михайловичъ пользовался у Бахирева книгами и журналомъ. Когда же Ал. И. Бахиревъ поѣхалъ въ отпускъ, Достоевскій снабдилъ его рекомендательными письмами къ брату Михаилу Михайловичу, но Бахиревъ въ Москву, гдѣ былъ братъ Достоевскаго, не попалъ: пробылъ долгое время въ Варшавѣ и, должно быть, для Москвы отпуска и не хватило... Письма, по пріѣздѣ его въ Семипалатинскъ, имъ были возвращены Фѣдору Михайловичу.

Въ Варшавѣ Ал. И. Бахиревъ случайно купилъ портретъ Достоевскаго. Этотъ портретъ, насколько я знаю, нигдѣ не появлялся въ печати и относится, судя по молодости лица и спокойному выраженію глазъ, къ періоду до ареста и ссылки въ казарту<sup>2)</sup>.

Ал. Ив. Бахирева давно уже нѣтъ въ живыхъ... А немало, вѣроятно, онъ имѣлъ свѣдѣній о Достоевскомъ. Можетъ быть, въ числѣ этихъ свѣдѣній были и весьма цѣнные біографическіе матеріалы.

Въ домѣ командира баталіона Бѣлихова Достоевскій познакомился съ чиновникомъ особыхъ порученій Александр. Ив. Исаевымъ, злоупотреблявшимъ тогда спиртными напитками до горячки... Бывалъ частенько Фѣдоръ Михайловичъ и у Исаева<sup>3)</sup>. Вскорѣ

<sup>1)</sup> Дома этого, кажется, не существуетъ.

<sup>2)</sup> Портретъ этотъ (литографія) послѣ смерти Ал. И. Бахирева былъ въ числѣ прочихъ мелочей (писемъ, фотографій, орденовъ) высланъ изъ Катошь-Карагая, гдѣ служилъ Бахиревъ, въ Семипалатинскъ къ брату Андр. Ив. Бахиреву, сынъ котораго Ник. Андр. Бахиревъ любезно снабдилъ меня этимъ портретомъ (помѣщенъ въ этомъ очеркѣ) и сообщилъ свѣдѣнія о своемъ дядѣ, который былъ близко знакомъ съ Достоевскимъ.

<sup>3)</sup> Исаевъ квартировалъ въ домѣ дьячка Хлынова (послѣ домъ врача Гизлера), что недалеко отъ казармъ. До этого времени, когда Достоевскій жилъ въ казармѣ, въ этомъ домѣ у Хлыновой (жены дьячка), умершей 86 лѣтъ и хорошо



Здание, гдѣ жилъ командиръ баталіона, у котораго часто бывалъ Ф. М. Достоевскій.



Исаевъ былъ переведенъ изъ Семипалатинска въ Кузнецкъ, гдѣ и умеръ въ страшныхъ мученіяхъ, оставивъ послѣ себя вдову Марію Дмитріевну и дѣтей безъ всякихъ средствъ и съ долгами.

Достоевскій жалѣлъ Исаева. Его безобразную жизнь, нелѣпыя поступки оправдывалъ тѣмъ, что покойнаго черная злая судьба обильно надѣлила въ жизни лишь однѣми неудачами.

О матеріальной поддержкѣ вдовы Исаевой Федоръ Михайловичъ очень много хлопоталъ, доставая для нея деньги, что видно изъ цѣлага ряда писемъ къ барону Врангелю<sup>1)</sup>. Долго добивался и опредѣленія старшаго сына Исаевой—Павла, въ кадетскій корпусъ. Этого мальчика удалось устроить лишь впоследствии, когда Достоевскій былъ уже женатъ. Прошеніе, писанное рукой Фед. Мих. на имя командира баталіона (съ помѣткою 27-го іюля 1857 г.), объ исходатайствованіи у военнаго губернатора подорожной для доставленія девятилѣтняго пасынка Павла Исаева въ Сибирскій кадетскій корпусъ сохранилось до сихъ поръ въ дѣлахъ областного правленія.

Привожу здѣсь прошеніе это, напечатанное въ № 8 «Семипалатинскихъ Областныхъ Вѣдомостей» 1898 г.<sup>2)</sup>.

«Господину

«Командиру Сибирскаго линейнаго № 7 баталіона,

«подполковнику Бѣлихову

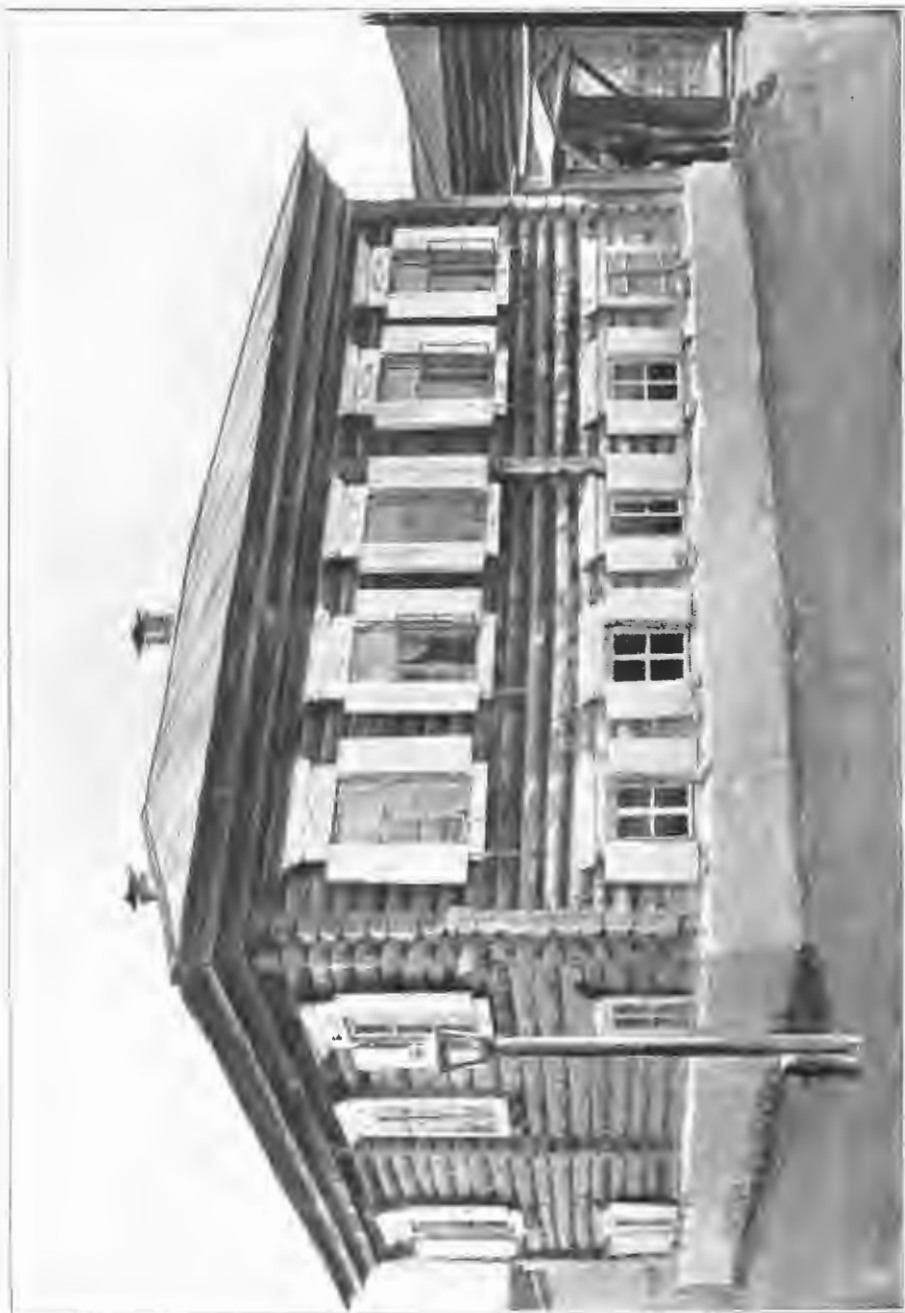
«Вчерашняго числа, возвратясь изъ двухмѣсячнаго отпуска, даннаго мнѣ для излеченія застарѣлой падучей болѣзни, въ форпостѣ Озерномъ, я получилъ отъ семипалатинской городской полиціи извѣщеніе, что пасынокъ мой, девятилѣтній Исаевъ, принятъ въ Сибирскій кадетскій корпусъ. Дежурство корпуснаго штаба извѣстило семипалатинскую городскую полицію отъ 17-го іюля 1857 г. за № 5207, что его высокопревосходительство, господинъ корпусный командиръ, изволилъ сдѣлать распоряженіе объ отпускѣ изъ тобольскаго окружнаго казначейства подъ расписку г-жи Исаевой (нынѣ жены моей Достоевской) прогонныхъ

---

помнившей Достоевскаго, Федоръ Мих. покупалъ часто молоко. «Достоевскій? А, какъ же, какъ же, помню этого солдатинку»,—говаривала эта старушка наразспросы интересовавшихся лицъ:—«чудной онъ былъ: то просить продать по дешевле, а то самъ заплатитъ за кринку вдвое дороже... Да еще и скажетъ, бывало: «спасибо, что молочкомъ кормишь»... Обходительный былъ... недаромъ, вѣдь, и до офицера дослужился».

<sup>1)</sup> Не имѣя денегъ, Достоевскій просилъ у Врангеля. Вдова Исаева терпѣла нужду ужасную. Въ одномъ изъ своихъ писемъ: «нужда руку толкала принять,—пишетъ она,—и приняла... подаяніе».

<sup>2)</sup> Прошеніе, написанное рукою Достоевскаго, съ помѣткою 27-го іюля 1857 года, сохранилось до сихъ поръ въ дѣлахъ областного правленія.



Домъ Ледушныхъ, гдѣ Ф. М. Достревскій жилъ офицеромъ, съ женою до своего отъѣзда изъ Семипалатинска.

денегъ и подорожной на доставленіе въ Сибирскій кадетскій корпусъ, къ 1-му августа сего года, сына ея, Исаева. Но такъ какъ жена моя, вступая со мной въ бракъ, переѣхала на жительство изъ г. Кузнецка Томской губерніи въ г. Семипалатинскъ, то г. начальникъ корпуснаго штаба, увѣдомленный о семъ обстоятельстве, уже просилъ Тобольскую казенную палату о выдачѣ прогонныхъ денегъ и подорожной на доставленіе Павла Исаева въ г. Омскъ изъ Семипалатинскаго окружнаго казначейства, по требованію матери его, г-жи Достоевской, бывшей въ первомъ бракѣ Исаевой.

«Имѣя честь почтительнѣйше увѣдомить о семъ обстоятельстве ваше высокоблагородіе, нахожусь вынужденнымъ присовокупить, что Семипалатинское окружное казначейство, безъ указа Тобольской казенной палаты, не можетъ выдать слѣдующія Павлу Исаеву деньги. И потому почтительнѣйше прошу извѣстить о семъ обстоятельстве его превосходительство, господина семипалатинскаго военного губернатора. Какъ вотчимъ Павла Исаева, я обязанъ распорядиться о доставленіи его въ Сибирскій кадетскій корпусъ непременно къ 1-му числу августа с. г., или, по крайней мѣрѣ, въ первыхъ числахъ того же мѣсяца Имѣя довѣреннаго человека для препровожденія Павла Исаева, именно почталіона семипалатинскаго почтамта Липухина<sup>1)</sup>, я, если уже не могу получить тотчасъ же прогонныхъ денегъ, непременно долженъ снабдить моего пасынка подорожной, чтобъ не было задержекъ въ дорогѣ. Имѣя честь почтительнѣйше изложить вашему высокоблагородію всѣ сіи обстоятельства, я осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше высокоблагородіе донести о семъ дѣлѣ его превосходительству, г. семипалатинскому военному губернатору, и исходатайствовать у его превосходительства подорожную по казенной надобности для доставленія въ Сибирскій кадетскій корпусъ Павла Исаева. Безъ нея я не могу распорядиться доставленіемъ его въ Омскъ въ первыхъ числахъ августа, и онъ, не явившись къ сроку, можетъ потерять право на поступленіе въ корпусъ»<sup>2)</sup>.

Къ вдовѣ Маріи Дмитріевнѣ Федоръ Михайловичъ былъ неравнодушенъ... Дѣло клонилось къ браку, но, прежде чѣмъ пожениться, они оба достаточно измучились отъ ревности (онъ въ Семипалатинскѣ, она въ Кузнецкѣ). Любовь эта для Достоевскаго была источникомъ и новаго для него счастья и... сильнѣйшихъ страданій... Федоръ Михайловичъ почему-то долгое время считалъ дѣйствительнымъ женихомъ Маріи Дмитріевны другое лицо... Му-

<sup>1)</sup> Въ домѣ Липухина, тогда только что отстроеномъ, Достоевскіе и наняли квартиру.

<sup>2)</sup> Это—точная копія съ прошенія. Прошеніе представляетъ собою типичнѣйшій видъ служебной бумаги офицера къ своему начальству.

чился, но все-таки жалѣлъ ее и искренно заботился объ ней. Въ письмѣ къ неизмѣнному А. Е. Врангелю, 21-го іюля 1856 г., онъ говорилъ:

«... Подумайте: въ ея положеніи такая сумма цѣлый капиталъ <sup>1)</sup>, а въ теперешнемъ положеніи ея—спасенье, единственный выходъ. Я трепещу, чтобъ она, не дождавшись этихъ денегъ, не вышла замужъ. Тогда, пожалуй (какъ я полагаю), ей еще откажутъ въ немъ. У него ничего нѣтъ, у ней тоже. Бракъ потребуетъ издержекъ, отъ которыхъ они оба года два не поправятся! И вотъ опять для нея бѣдность, опять страданіе»...

Вскорѣ послѣ этого все выясняется и улаживается окончательно, о чемъ Достоевскій восторженно пишетъ (21-го декабря 1856 г.) Врангелю:

«... Я до масленицы женюсь—вы знаете, на комъ. Она же любить меня до сихъ поръ... Она сама сказала мнѣ: да. То, что я писалъ вамъ объ ней лѣтомъ, слишкомъ мало имѣло вліянія на ея привязанность ко мнѣ. Она меня любитъ. Это я знаю навѣрно. Она скоро разувѣрилась въ своей новой привязанности. Еще лѣтомъ, по письмамъ ея, я зналъ это. Мнѣ было все открыто. Она никогда не имѣла тайнъ отъ меня. О, еслибъ вы знали, что такое эта женщина! Я вамъ пишу «навѣрно», что я женюсь»...

Спустя нѣкоторое время послѣ этого письма, Достоевскій взялъ 15-ти-дневный отпускъ и поѣхалъ въ Кузнецкъ, гдѣ и женился 6-го февраля 1857 года <sup>2)</sup>.

На возвратномъ пути въ городѣ Барнаулѣ съ Ѳедоромъ Михайловичемъ случился тяжелый припадокъ (эпилепсія), что серьезно озаботило его жену.

Въ Семипалатинскѣ Достоевскіе заняли квартиру въ домѣ почтаціона Лепухина. Домъ существуетъ и теперь (недалеко отъ женской прогимназіи), но хозяева его уже умерли.

Квартира состояла изъ четырехъ комнатъ: первая маленькая комната была столовой, рядомъ спальня, налѣво изъ первой комнаты гостиная—большая угловая комната, а изъ гостиной налѣво дверь въ кабинетъ. Меблированы комнаты были просто, но очень удобно: въ гостиной диванъ, кресла и стулья были обиты тисненымъ дорогимъ ситцемъ, съ красивыми букетами, передъ диваномъ стоялъ столъ, а возлѣ кабинетной двери налѣво диванчикъ въ видѣ французской буквы S и нѣсколько маленькихъ столиковъ. У углового окна стояло кресло, на которомъ любилъ сидѣть Ѳедоръ Михайловичъ, и близъ окна кустъ волкомеріи въ деревянной ка-

<sup>1)</sup> Говорится о пособіи (отъ казны въ 285 р.) Исаевой, какъ вдовѣ чиновника, умершаго на службѣ.

<sup>2)</sup> Письмо къ Врангелю отъ 9 марта 1857 года.

дочкѣ. На окнахъ и дверяхъ висѣли занавѣски; въ остальныхъ комнатахъ также было убрано мило, просто и уютно <sup>1)</sup>).

Прислугой у Достоевскихъ былъ одинъ денщикъ, по имени Василій, котораго они отдавали учить кулинарному искусству; въ продолженіе всей военной службы Достоевскаго, онъ былъ у нихъ поваромъ, лакеемъ и кучеромъ. Достоевскіе отзывались о немъ, какъ о человѣкѣ незамѣнимомъ. Во время болѣзни Ѳедора Михайловича, когда съ нимъ случались припадки эпилепсиі, Василій ходилъ за нимъ, какъ за ребенкомъ. Послѣ отъѣзда изъ Семипалатинска Достоевскихъ, Василій поступилъ къ А. И. Гейбовичу, у котораго прожилъ до 1865 года, почти ежедневно вспоминая о своихъ добрыхъ господахъ Достоевскихъ. Василій даже писалъ письма Достоевскимъ въ Тверь.

Ѳедоръ Михайловичъ, несмотря на то, что жилъ очень скромно, часто нуждался въ деньгахъ. Да и понятно: жалованье было незначительное, а литературнымъ трудомъ сталъ зарабатывать гораздо позднѣе: долго не разрѣшали печатать, хотя давно уже было кое-что готово у него къ печати. Жить же было надо, а обзаводиться пришлось, по словамъ самого Достоевскаго, начиная съ рубашекъ <sup>2)</sup>.. Пришлось еще выкупать нѣкоторыя вещи (даже образа) жены, бывшія въ закладѣ у дьячка Петра Вас. Хлынова, въ домѣ котораго Исаевы жили и были ему должны.

Чтобы поддерживать свое существованіе, Достоевскій взялъ впередъ подъ свой романъ у Каткова 500 р., часто тормозилъ брата Михаила, который, нужно сказать, никогда не отказывалъ ему въ деньгахъ, хотя и у самого съ папиросной фабрикой были дѣла шаткія; перехватилъ у родственника Куманина—600 рублей, и все это въ счетъ будущихъ благъ... На эти-то средства, совершенно ему не принадлежащія, Ѳедоръ Михайловичъ перебывался, пока не получилъ (по разрѣшеніи печатать) за повѣсть для «Русскаго Слова» отъ Кушелева 1.000 р.

Деньги Достоевскій расходовалъ, кромѣ своихъ домашнихъ нуждъ, очень умѣренныхъ, и на бѣдныхъ. Содержалъ долгое время слѣпого старика-татарина съ семействомъ. По словамъ З. А. Сытиной («Историч. Вѣстникъ», 1885 г., январь), Марія Дмитріевна нѣсколько разъ ѣздила съ ней отвозить мѣсячную провизію и деньги этому несчастному старику-слѣпцу. Не отказывалъ и другимъ совершенно несчастнымъ бѣднякамъ.

<sup>1)</sup> Это подлинныя слова Зинаиды Артемьевны Сытиной (дочери Артемія Ивановича Гейбовича—офицера и, кажется, командира роты, гдѣ служилъ офицеромъ Достоевскій). Съ Гейбовичемъ и всей семьей его Достоевскіе были въ дружескихъ отношеніяхъ, на что указываетъ письмо Достоевскаго Гейбовичу изъ Твери (23 октября 1859 г.), напечатанное въ «Ист. Вѣстн.» 1885 г., январь; въ этой же книжкѣ помѣщено нѣсколько страницъ о Достоевскомъ З. А. Сытиной.

<sup>2)</sup> Письмо Ѳ. М. Достоевскаго изъ Семипалатинска отъ 25 января 1857 г.

«У Ѳедора Михайловича,—пишетъ З. А. Сытина въ своихъ воспоминаніяхъ о Достоевскомъ:—было немало знакомыхъ изъ разныхъ слоевъ общества, и ко всѣмъ онъ былъ одинаково внимателенъ и ласковъ. Самый бѣдный человѣкъ, не имѣющій никакого общественнаго положенія, приходилъ къ Достоевскому, какъ къ другу, высказывалъ ему свою нужду, свою печаль и уходилъ отъ него обласканный. Вообще для насъ, сибиряковъ, Достоевскій личность въ высшей степени честная, свѣтлая; такимъ я его помню, такъ я о немъ слышала отъ моихъ отца и матери, и, навѣрно, такимъ же его помнятъ всѣ знавшіе его въ Сибири».

У Ѳедора Михайловича часто бывалъ вмѣстѣ со своей женой солдатъ-полякъ Нововейскій, тихій, скромный, болѣзненный человѣкъ. Жена его была изъ простыхъ. Достоевскіе были очень любезны съ ними: угощали чаемъ, оставляли обѣдать. Ѳедоръ Михайловичъ любилъ поговорить съ Нововейскими и всегда помогалъ имъ въ матеріальномъ отношеніи.

Достоевскій бывалъ у своихъ друзей и хорошихъ знакомыхъ, но большею частью проводилъ время дома за литературнымъ трудомъ. Писалъ онъ много, просиживалъ ночи напролетъ.

Кстати могу привести одинъ фактъ. Лѣтъ десять тому назадъ я слышалъ отъ кого-то изъ бывшихъ квартирантовъ дома Лепухиныхъ слѣдующее. Стѣны дома были покрыты обоями. Всякій разъ при оклейкѣ новыми обоями старые обои не удалялись... А такъ и наклеивались новые на старые. Съ годами образовался толстый слой (бумажная кора), который наконецъ совершенно отсталъ отъ стѣны. Пришлось всю эту гадость оборвать... что и было сдѣлано. Квартиранты замѣтили, что подъ первыми обоями <sup>1)</sup> были листы писчей бумаги, исписанные почеркомъ, очень похожимъ на почеркъ Достоевскаго... Обратились къ хозяйкѣ Лепухиной. Эта довольно пожилая и разговорчивая женщина разсѣяла всякія сомнѣнія, сообщивъ квартирантамъ, что у нея отъ Ѳедора Михайловича (котораго нерѣдко вспоминала съ удовольствіемъ, какъ хорошаго господина квартиранта) было много разной писанной бумаги... Бумага эта ей пригодилась для домашняго обихода: то кринки съ молокомъ обвертывали, вмѣсто покрывшекъ, то вотъ стѣны оклеивали...

Сами собой напрашиваются вопросы: что это за рукописи? и какъ онѣ попали въ руки простодушной хозяйки? Можетъ быть, ихъ далъ ей самъ Достоевскій, какъ ненужныя ему; но, можетъ быть, что случайно оставилъ ихъ при отъѣздѣ изъ Семипалатинска... Трудно правильно предположить. Во всякомъ случаѣ эти рукописи могли бы имѣть и другое примѣненіе... Но прошлаго не воротить.

<sup>1)</sup> Исписанными листами бумаги сначала оклеивались стѣны, а на эту бумагу уже наклеивали обои.

Основываясь на письмахъ Достоевскаго къ разнымъ лицамъ и по нѣкоторымъ другимъ точнымъ даннымъ, можно смѣло и безошибочно установить, что въ Семипалатинскѣ Ѳеодоромъ Михайловичемъ были написаны: «Село Степанчиково» для «Русскаго Вѣстника» и «Дядюшкинъ сонъ» для «Русскаго Слова». Здѣсь же обдумывались, вѣроятно, и «Записки изъ Мертваго дома».

О времени разрѣшенія печатать произведенія Достоевскаго точнаго указанія мнѣ нигдѣ найти не удалось. Изъ двухъ же писемъ къ брату Михаилу видно слѣдующее. Изъ перваго (отъ 1 апрѣля 1858 г.), что Ѳ. М. недоволенъ появленіемъ въ печати своей «Дѣтской сказки»<sup>1)</sup>, помѣщенной въ августовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», такъ какъ онъ предполагалъ ее капитально передѣлать. Изъ втораго письма (11 апрѣля 1858 г.), что Ѳ. М. получилъ отъ издателя «Русскаго Слова» Кушелева 1.000 рублей съ «похвалами» и ожидаетъ книжку «Русскаго Слова», гдѣ помѣщена повѣсть «Дядюшкинъ сонъ». Въ этомъ же письмѣ Ѳ. М. сообщаетъ: 1) объ отсылкѣ Каткову для «Русскаго Вѣстн.» романа, несравненно лучшаго, чѣмъ «Дядюшкинъ сонъ», и 2) о надеждѣ видѣть этотъ романъ въ августовской или сентябрьской книжкѣ. Несомнѣнно говорится о «Селѣ Степанчиковѣ».

Выводъ такой—Достоевскій, послѣ своей бѣды: ареста, крѣпости, каторги и солдатчины, началъ вновь печатать свои произведенія въ 1858 году, т.-е., когда жилъ и служилъ въ Семипалатинскѣ.

Въ томъ же 1858 году, государемъ Александромъ II-мъ Достоевскому было возвращено потомственное дворянское достоинство.

18 марта 1859 года, благодаря ходатайству генераль-адъютанта Э. И. Тотлебена, состоялся высочайшій приказъ объ увольненіи въ отставку по болѣзни прапорщика Достоевскаго съ награжденіемъ слѣдующимъ чиномъ<sup>2)</sup>.

19 мая того же года, командиромъ 2-й бригады было получено отъ начальника 24-й пѣхотной дивизіи (изъ г. Тобольска) предписание отъ 8 мая за № 2251. Это предписание сохранилось въ архивѣ штаба. Вотъ содержаніе этой бумаги.

«Дежурный генераль главнаго штаба его императорскаго величества 27 марта за № 318 увѣдомилъ, что высочайшимъ приказомъ, въ 18 день минувшаго марта состоявшимся, прапорщикъ Сибирскаго линейнаго № 7-го баталіона, изъ политическихъ пре-

<sup>1)</sup> «Дѣтская сказка» была написана или до ареста или, вѣрнѣе, въ крѣпости до ссылки. Не объ ней ли Ѳ. М. говорилъ Пальму, въ день казни, на эшафотѣ?

<sup>2)</sup> Изъ приказовъ въ Семипалатинскѣ удалось найти только приказъ по отдѣльному сибирскому корпусу отъ 29 апрѣля 1859 г., № 46, гдѣ говорится: «Высочайшимъ его императорскаго величества приказомъ, послѣдовавшимъ въ 18 день марта, увольняется отъ службы сибирскаго линейнаго баталіона № 7-го прапорщикъ Достоевскій, за болѣзнію, подпоручникомъ».

ступниковъ, Достоевскій уволенъ за болѣзнію отъ службы съ награжденіемъ слѣдующимъ чиномъ.

«Къ сему свиты его величества генераль-майоръ Герштенцвейгъ присовокупилъ, что объ учрежденіи за подпоручикомъ Достоевскимъ секретнаго надзора, по избранному имъ мѣсту жительства въ городѣ Твери, и о воспрещеніи ему въѣзда въ губерніи С.-Петербургскую и Московскую, вмѣстѣ съ симъ сообщено министру внутреннихъ дѣлъ, и управляющему III Отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи.

«Вслѣдствіе отзыва господина начальника штаба отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, отъ 28 минувшаго апрѣля, № 2586, имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство для свѣдѣнія. Подписано: начальн. дивиз. генераль-лейтенантъ Домете и начальн. дивиз. штаба, подполковн. Бабковъ».

Въ этой официальной бумагѣ говорится: «по избранному имъ мѣсту жительства въ городѣ Твери»... Въ дѣйствительности же Достоевскій въ своемъ прошеніи объ отставкѣ изъявилъ желаніе жить въ Москвѣ<sup>1)</sup>, но ему указали (безъ всякаго со стороны его желанія) мѣсто жительства въ Твери.

30 іюля 1859 года, Достоевскому былъ выданъ временный билетъ на проѣздъ до г. Твери.

Вскорѣ послѣ этого онъ и уѣхалъ изъ Семипалатинска.

А. В. Скандинъ.



<sup>1)</sup> Изъявлять желаніе жить въ столицахъ Достоевскій, конечно, не имѣлъ права; ему съ грѣхомъ пополамъ разрѣшено было съ выходомъ въ отставку жить въ Европейской Россіи.





## ПО МАРИНСКОЙ СИСТЕМѢ.

(Путевые наброски).

### I.

#### Изъ прошлаго.

На берегу пустынныхъ волнъ  
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,  
И вдалъ глядѣлъ.

Пушкинъ.



**И**УТЕШЕСТВУЯ по ВолгѢ и стараясь ближе ознакомиться съ великою русскою рѣкою, которая, помимо своего историческаго и этнографическаго значенія, представляетъ собою главную торговую артерію всей восточной и юго-восточной Россіи, мы съ товарищемъ рѣшили побывать и на Маринской системѣ, по которой съ низовыхъ пристаней направляются къ Петербургу громадныя волжскіе караваны съ миллионными грузами хлѣба и другихъ товаровъ.

Но прежде чѣмъ перейду къ описанію нашихъ странствованій, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о самой Маринской системѣ.

Изъ трехъ искусственныхъ водныхъ системъ, соединяющихъ Петербургъ съ Волгою, Маринская, по справедливости, считается наиболѣе удобною и безопасною, и въ то время, какъ соперницы ея, системы Вышневолоцкая и Тихвинская, клонятся къ совершенному упадку, она продолжаетъ процвѣтать и развиваться, благо-

даря ряду мѣропріятій, предпринимавшихся правительствомъ въ каждое царствованіе, начиная съ императора Александра I.

Проектомъ Маринской системы, равно какъ и двухъ остальныхъ, мы обязаны Петру Великому.

Основавъ на хладныхъ финскихъ берегахъ свой сѣверный «Парадизъ», Петръ не скрывалъ отъ себя всѣхъ неудобствъ мѣстоположенія своей новой столицы, воздвигнутой «изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ» въ суровомъ, бесплодномъ краю, на дальней окраинѣ государства. Онъ понималъ, какъ важно соединить новую столицу съ остальною, богатою запасами всякаго рода, хлѣбородною Россіей. Это соединеніе было необходимо, какъ въ видахъ продовольствія столичнаго населенія, такъ и для развитія торговли съ границею черезъ Петербургскій портъ. Наилучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли было проложеніе воднаго пути, какъ наиболѣе простаго и дешеваго, и Петръ, посредствомъ впадающей въ Волгу Тверцы, ея притока Цны, Вышневолоцкаго канала и Мсты, текущей въ озеро Ильмень (имѣющее сообщеніе съ Ладожскимъ озеромъ черезъ Волховъ), соединилъ воды Невы съ водами Волги.

Хотя цѣль и была достигнута, но Вышневолоцкая система далеко не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ. Тверца и Цна оказались въ лѣтнее время настолько мелководными, что суда, при всѣхъ усиліяхъ, могли подвигаться по нимъ лишь крайне медленно и съ большими затрудненіями, а впереди, на Мстѣ, пловцовъ ожидали грозные Боровицкіе пороги, которые, представляя, сами по себѣ, страшную опасность для плаванія, дѣлали совершенно невыносимымъ всякое обратное движеніе вверхъ по Мстѣ и, такимъ образомъ, отнимали у порожнихъ судовъ возможность возвратиться за новымъ товаромъ на Волгу. Вслѣдствіе этого, суда продавались въ Петербургѣ за безцѣнокъ на дрова, а стоимость ихъ приходилось раскладывать на товаръ, отъ чего, конечно, страдалъ покупатель.

Для обхода Боровицкихъ пороговъ было составлено нѣсколько проектовъ, но всѣ они такъ и остались не приведенными въ исполненіе. Петръ видимо разочаровался въ самой системѣ, и въ головѣ его уже возникали планы другихъ водныхъ путей въ столицу.

Одинъ изъ этихъ путей долженъ былъ проходить черезъ рѣки: Чагодоць, Валчину, Тихвинку и Сясь, впадающую въ Ладожское озеро (Тихвинская система), другой путь шелъ черезъ Шекну, устье которой находится противъ Рыбинска, носившаго въ тѣ времена названіе Рыбной слободы.

Этотъ путь, нынѣшняя Маринская система, былъ извѣстенъ еще древнимъ новгородцамъ: спустившись по Волхову въ Ладожское озеро, они поднимались Свирью до Онежскаго, въ которое впадаетъ небольшая рѣчка Вытегра. По Вытегрѣ они плыли до ея

верховьевъ, а затѣмъ перебирались волокомъ въ другую небольшую рѣку Ковжу, текущую въ Бѣлоозеро, а отсюда Шексною спускались въ Волгу.

Въ 1710 году Петръ послалъ англійскаго инженера Перри осмотрѣть и обмѣрить мѣстность, по которой пролегалъ этотъ путь, а самъ, по словамъ Голикова, «пользуясь тишиною ночей», сдѣлалъ проектъ канала между Вытегрою и Ковжею.

Нивеллировка Перри дала слѣдующіе результаты: склонъ отъ водораздѣльнаго пункта, между Ковжею и Вытегрою, составляетъ, по направленію къ Ладожскому озеру 445 футовъ, а въ сторону Волги—110 футовъ <sup>1)</sup>).

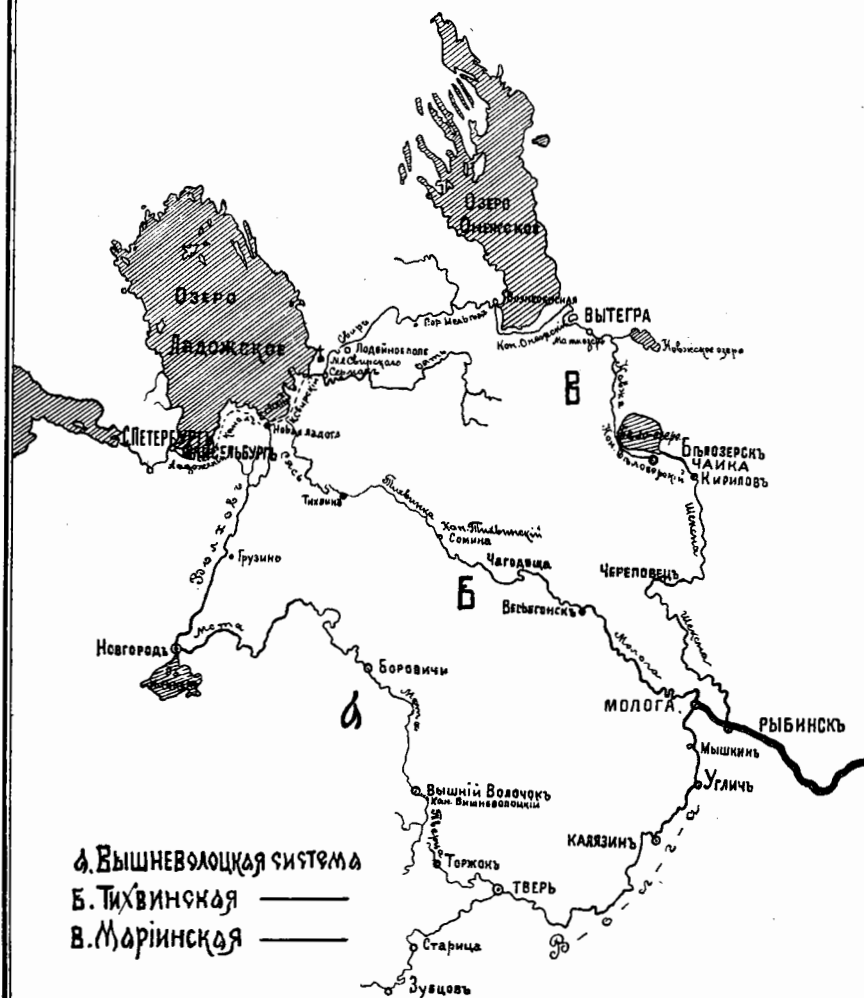
Въ своихъ запискахъ Перри рассказываетъ, что весь край этотъ оказался «самымъ низменнымъ, т.е. самымъ удобнымъ уровнемъ, представлявшимъ всего менѣе покатостей, такъ что тутъ требовалось наименьшее количество шлюзовъ. Рѣки Свирь и Шексна, и болѣе удобныя части рѣкъ Ковжи и Вытегры были уже судоходны для судовъ малаго размѣра, которые поднимаются и спускаются по нимъ въ теченіе цѣлаго года, за исключеніемъ того времени, когда рѣки замерзаютъ». «Поэтому,—продолжаетъ Перри:—въ донесеніи моемъ я указывалъ его царскому величеству на этотъ путь, какъ болѣе удобный для устройства предполагаемаго сообщенія».

Насколько водный путь интересовалъ Петра, видно изъ того, что онъ самъ лично посѣтилъ изслѣдованную Перри мѣстность между Вягинскою пристанью (на ручьѣ Вянгѣ, впадающемъ въ Вытегру) и селомъ Бадогамъ на Ковжѣ, гдѣ въ тѣ времена существовалъ сухопутный волокъ, и гдѣ требовалось устроить соединительный каналъ. Пробираясь лѣсными просѣками и вязкими болотами вдоль линіи намѣченнаго Перри канала, государь проводилъ ночи въ шалашѣ, сплетенномъ изъ древесныхъ вѣтвей. Память объ его посѣщеніи и трудахъ посейчасъ еще живетъ среди окрестнаго населенія, передаваясь изъ рода въ родъ, отъ прадѣдовъ правнукамъ.

Когда, въ концѣ XVIII столѣтія, въ этотъ край пріѣхалъ генералъ-директоръ водяныхъ сообщеній, графъ Сиверсъ, онъ засталъ еще въ живыхъ 115-ти-лѣтняго старика Пахома, который хорошо помнилъ и Петра, и Перри, и помощника Перри, Корчмина. Пахомъ указалъ мѣсто, гдѣ стоялъ шалашъ, въ которомъ Петръ отдыхалъ послѣ десятидневныхъ трудовъ. «А самъ батюшка осударь,—рассказывалъ старикъ:—былъ росту высокаго, всѣхъ людей выше цѣлою головою. Онъ часто встряхивалъ своими черными кудерьками, а пуще, когда случался въ раздумьѣ. Не гнушался онъ нашего житья-бытъя, кушивалъ нашу хлѣбъ-соль и пожаловалъ

<sup>1)</sup> Несмотря на быстроту, съ которою производилась нивеллировка Перри, она лишь въ немногомъ расходится съ болѣе точными измѣреніями позднѣйшаго времени, по которымъ паденіе отъ водораздѣла въ сторону Петербурга опредѣлено въ 429 футовъ, а къ Волгѣ—въ 144 фута.

# СХЕМАТИЧЕСКІЙ ПЛАНЪ СИСТЕМЪ ВЫШНЕВОЛОЦКОЙ ТИХВИНСКОЙ И МУРИНСКОЙ.



отцу моему серебряный полтинникъ». Перри, по его словамъ, былъ «тученъ и не могъ самъ ходить по болотамъ; его носили на жердяхъ, переплетенныхъ витвинами (вѣтвями), а за нимъ напивали мѣдное блюдо со сквозными рожками, которое онъ ставилъ на распорки и, прищурясь однимъ глазомъ, сматривалъ по волоскамъ, натянутымъ въ сквозныхъ рожкахъ, а по тѣмъ волоскамъ велѣлъ ставить отъ мѣста до мѣста шести и по тѣмъ шестамъ рубить просѣку». За «нѣмчиною» Пахому часто случалось носить длинное «сквозильце», т.-е. подзорную трубу, въ которую Перри съ высокихъ мѣстъ разсматривалъ окрестность. О Корчминѣ Пахомъ замѣтилъ, что тотъ былъ сухощавъ и часто курилъ табакъ. Корчминъ также посматривалъ и въ рожки, и въ сквозильце.

Война 1711 года отвлекла вниманіе Петра отъ устройства новой водной системы, но по заключеніи мира съ Турціей, иностранный инженеръ Перри, въ 1712 году, былъ приглашенъ въ сенатъ и, въ присутствіи государя, сдѣлалъ докладъ о своихъ изысканіяхъ и предположеніяхъ относительно новаго водяного сообщенія. Разсмотрѣвъ дѣло, сенатъ опредѣлилъ назначить въ распоряженіе Перри десять тысячъ человѣкъ рабочихъ съ потребнымъ количествомъ мастеровъ; но Перри, вслѣдствіе недоразумѣній по поводу задержки жалованья, въ чемъ онъ винитъ, главнымъ образомъ, Апраксина, покинулъ Россію, и дѣло остановилось за неимѣніемъ опытнаго и знающаго инженера. «Мистеръ Корчминъ,—пишетъ Перри,—назначенный моимъ помощникомъ для этой работы, отправленъ былъ для исполненія ея, безъ меня, съ помощію нѣкоторыхъ голландскихъ мастеровъ. Трудность дѣла испугала мистера Корчмина и отклонила его отъ принятія на себя этой отвѣтственности. Съ тѣхъ поръ эта работа и теперь еще не приведена въ исполненіе, такъ какъ никто не хочетъ предпринять ее».

Вопросъ о новой системѣ былъ возбужденъ снова лишь въ царствованіе Петра III. Въ апрѣлѣ 1762 года, въ высочайшемъ присутствіи, былъ рассмотрѣнъ «планъ новаго водяного сообщенія отъ мѣстечка Рыбной слободы до Петербурга», составленный, уже умершимъ тогда, генераль-фельдмаршаломъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ и представленный еще въ 1757 году. Государь одобрилъ проектъ и приказалъ исполнить работу съ вольнаго найма, а главное руководство надъ нею поручилъ генераль-лейтенанту Рязанову. Была учреждена особая канцелярія кратчайшаго водяного сообщенія между Волховомъ и Рыбной слободой, которая не подчинялась ни одной изъ коллегій и состояла подъ непосредственнымъ управленіемъ сената. Но дѣло и на этотъ разъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, было оставлено.

Хотя, въ царствованіе Екатерины II, не разъ возникала мысль о водномъ пути черезъ Вытегру, хотя неоднократно производились изслѣдованія и составлялись разнообразные проекты его направле-

нія, тѣмъ не менѣе всѣ эти предположенія откладывались и оставались на бумагѣ, пока, въ 1798 году, главный директоръ водяныхъ сообщеній графъ Сиверсъ не поднялъ вновь заглохшаго вопроса, и на этотъ разъ дѣло пошло успѣшнѣе.

Въ основу сооруженія новой системы былъ положенъ небольшой планъ Петра I, найденный въ императорскомъ кабинетѣ. Во-



Церковь Михаила Архангела близъ чугунныхъ заводовъ въ С.-Петербурѣ.

просъ о средствахъ для осуществленія проекта былъ рѣшенъ императрицей Маріей Феодоровной. 20-го января 1799 года, былъ изданъ указъ, въ которомъ сказано: «Императрица, какъ высшая представительница воспитательныхъ домовъ въ обѣихъ столицахъ, высочайше соизволила изъ сохранной кассы С.-Петербургскаго воспитательнаго дома ассигновать, въ видѣ займа, ежегодно по 400.000 рублей для скорѣйшаго окончанія Вытегорскаго канала. Будущимъ поколѣніямъ на память и въ знакъ благодарной признательности

за помощь, оказанную ея императорскимъ величествомъ, пусть новое сообщеніе носить названіе Маринскаго канала».

Главное управленіе всѣми работами было возложено на инженера, генераль-майора Деволанта, поступившаго изъ голландской службы на русскую въ 1787 году и уже извѣстнаго по своимъ инженернымъ работамъ на рѣкахъ Цнѣ, Сурѣ и Днѣпровскихъ порогахъ. Деволантъ энергично принялся за дѣло, и въ 1801 году соединительный каналъ былъ уже прорытъ, а на системѣ устроено восемь шлюзовъ. Въ 1807 году почти всѣ остальные шлюзы (болѣе двадцати) были готовы, а въ слѣдующемъ году изъ Ковжи въ Вытегру прошелъ первый галіотъ съ грузомъ, при осадкѣ въ 1 аршинъ 6 вершковъ.

21-го іюля 1810 года, навигація по всей системѣ была объявлена открытою, при чемъ на производство работъ по 21-е іюля 1810 года издержано, со включеніемъ содержанія строительнаго штата, 2.771.011 рублей 20 копеекъ. Въ слѣдующемъ году на системѣ было прибавлено еще три шлюза <sup>1)</sup>.

Указаніе относительно глубины тогдашней системы мы находимъ въ указѣ отъ 14-го февраля 1809 года, гдѣ нормою для осадки судовъ назначается 1 аршинъ 12 вершковъ, съ замѣчаніемъ, что, при случаѣ сильной засухи, контора водяныхъ сообщеній имѣетъ право сократить осадку до одного аршина съ четвертью.

Со времени устройства Маринской системы на ней, какъ мы упомянули выше, произведено много дополнительныхъ работъ, способствовавшихъ ея улучшенію въ смыслѣ безопасности, удобства скорости движенія: прокопаны новые каналы въ обходъ бурнаго Бѣлоозера и озеръ Онежскаго и Ладожскаго, на извилинахъ рѣкъ сдѣланы перекопы, выпрямляющіе и сокращающіе линію пути, устроены новые шлюзы, а большая часть старыхъ передѣлана и увеличена въ объемѣ. Работы эти производились вплоть до послѣдняго времени и закончены лишь въ 1896 году.

<sup>1)</sup> Насколько въ высшихъ сферахъ были довольны Деволантомъ и произведенными имъ работами, можно видѣть изъ письма великой княгини Екатерины Павловны, адресованнаго къ Деволанту, въ 1813 году, изъ Австріи, въ которомъ, между прочимъ, встрѣчаются слѣдующія строки: «Я въ Вѣнѣ слѣдила за всѣмъ по мѣрѣ моихъ силъ и замѣтила, и даже заставила сознаться въ томъ, что внутреннее судоходство, очищеніе рѣкъ, гидравлическія сооруженія тутъ въ дѣствѣ, или, лучше сказать, что эта часть тутъ вовсе не существуетъ. Есть, правда, нѣкоторыя частныя работы, вызванныя случаемъ и доказывающія искусство ихъ авторовъ. Я говорила о васъ, любезный генералъ, я ссылалась на ваши безсмертные труды, я обѣщала ихъ планы: я съ гордостью докажу міру, чѣмъ мы обладаемъ въ Россіи, чѣмъ мы вамъ обязаны. Прошу васъ велѣть мнѣ нарисовать всю систему Маринскаго канала для специалистовъ, съ профилями и т. д. Я увижу на-дняхъ брата (императора Александра I) и попрошу у него дозволенія поднести эти чертежи эрцгерцогу Іоанну, начальнику инженерной части, принцу, достойному ихъ оцѣнить. Вы бы не провели Нейштадтскаго канала и не построили бы Коморнскаго моста—такъ дурно работать вы не умѣете».

Преимущества Маринской системы передъ Вышневолоцкою и Тихвинскою не подлежатъ сомнѣнiю. Длина пути до Петербурга, принимая исходною точкою Рыбинскъ, по Вышневолоцкой системѣ составляетъ 1.309 верстъ, а по Маринской—1.071 версту; Тихвинская система, правда, еще короче верстъ на двѣсти, но осадка судовъ на ней, равно какъ и на Вышневолоцкой, не превышаетъ 12—14 вершковъ; а Маринская система изобилуетъ водою, и путь по ней представляетъ наибольшiя удобства, какъ въ смыслѣ безопасности, такъ и сокращенiя времени.

## II.

### На Невѣ.

Дѣла давно минувшихъ дней.

Пушкинъ.

Путешествiе свое по Маринской системѣ мы начали на извозчикѣ, такъ какъ рѣшили проѣхать до Шлиссельбурга сухимъ путемъ, чтобы ознакомиться съ лѣвымъ берегомъ Невы, не лишеннымъ интереса во многихъ отношенiяхъ. Извозчика мы наняли до Ижоры, а на остальную часть пути рассчитывали взять въ Ижорѣ почтовыхъ лошадей.

Изъ дома мы выѣхали въ девять часовъ утра и, проѣзжая по улицамъ Петербурга, уже почувствовали въ себѣ тотъ особый приливъ пылкости и любознательности, который является у каждаго путешественника. На петербургскiя улицы мы смотрѣли уже другими глазами, присматриваясь ко многому, на что въ другое время не обращали никакого вниманiя, а, проѣзжая мимо Невской лавры, не могли утерпѣть, чтобы не заѣхать въ нее.

Для подробнаго осмотра этого грандиознаго петербургскаго монастыря и, въ особенности, его замѣчательнаго, какъ по богатству, такъ и по историческимъ воспоминанiямъ, некрополя, потребовался бы, конечно, не одинъ день, а у насъ въ распоряженiи было не болѣе получаса, и потому мы направились въ соборъ, чтобы поклониться главной лаврской святынь, останкамъ св. Александра Невскаго, исконнаго защитника невскихъ береговъ, который, по нѣкоторымъ извѣстiямъ, разбилъ шведовъ будто бы именно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится лавра. Хотя лѣтописныя сказанiя прямо говорятъ, что битва происходила выше по Невѣ, на устьѣ рѣки Ижоры, но мѣстность, занимаемая теперь лаврою, еще въ Петровскiя времена носила названiе Виктори, т.-е. побѣды.

Въ высокомъ обширномъ соборѣ шли приготовленiя къ поздней обѣднѣ. Зажигали передъ иконами свѣчи, несли въ алтарь просфоры; послушникъ на клиросѣ читалъ часы, и голосъ его звонко разносился подъ сводами храма. По гладкимъ соборнымъ плитамъ



въ разныхъ направленияхъ двигались молящися: кто ставилъ свѣчи, кто прикладывался къ образамъ. День былъ будничнѣй, и народа было немного.

Мы прошли въ правый уголъ собора, гдѣ, на возвышеніи, въ серебряной ракъ покоятся мощи благовѣрнаго князя. Рака эта сооружена императрицею Елисаветою Петровною, въ 1752 году, изъ перваго серебра, добытаго въ Колыванскихъ рудникахъ, на что указываетъ стихотворная надпись на правой сторонѣ раки, составленная Ломоносовымъ:

Святѣй и храбрѣй князь здѣсь тѣломъ почиваетъ,  
 Но духомъ отъ небесъ на градъ сей призываетъ  
 И на брега, гдѣ онъ противныхъ побѣждалъ  
 И гдѣ невидимо Петру споспѣшествовалъ.  
 Являя дщерь его усердіе святое,  
 Сему защитнику воздвигла раку въ честь  
 Отъ перваго серебра, что нѣдро ей земное  
 Открыло, какъ на тронъ благоволила съестъ.

Не лишены интереса свѣдѣнія о перенесеніи мощей благовѣрнаго князя изъ Владимира, гдѣ онѣ прежде почивали.

Высочайшее повелѣніе о перенесеніи состоялось 29 мая 1723 года, при чемъ Петръ, повидимому, рассчитывалъ, что къ 30 августа—дню годовщины заключенія Ништадтскаго мира—мощи могутъ прибыть въ столицу. Сопроводять ихъ до Петербурга былъ назначенъ настоятель Владимирскаго Рождественскаго монастыря (въ которомъ онѣ почивали), архимандритъ Сергій, «яко въ первостепенныхъ архимандритахъ Россійскихъ третій градусъ имѣющій», наблюденіе же за порядкомъ и благопристойностью во время шествія было поручено окольничему Михаилу Васильевичу Собакину. Согласно инструкціи, шествіе должно было совершаться безъ замедленія, но и безъ излишней поспѣшности. Между городами приказано было останавливаться «въ удобныхъ полевыхъ мѣстахъ и содержать ковчегъ со св. мощами въ шатрѣ подъ надлежащимъ присмотромъ и охраненіемъ»; при этомъ вблизи святыни строго воспрещалось всякое «сквернословіе» и «непотребныя дѣйства». Для раки со св. мощами былъ нарочно устроенъ особый деревянный ковчегъ съ балдахиномъ вышиною въ 5 аршинъ 10 вершковъ, шириною 7 аршинъ и длиною, вмѣстѣ съ носилками, 11 аршинъ съ четвертью.

Несмотря на то, что высочайшее повелѣніе состоялось въ маѣ, мощи, по неизвѣстнымъ причинамъ, были подняты изъ Владимира только 11 августа; ихъ провожало духовенство не только изъ всего города, но и изъ окрестныхъ монастырей. Вслѣдствіе высоты балдахина ковчегъ нельзя было пронести въ ворота, и пришлось разобрать часть монастырскаго стѣны. Сопровождаемое несмѣтною толпою народа, при звонѣ всѣхъ городскихъ колоколовъ, шествіе



Преображенская церковь и здание фарфорового завода въ С.-Петербурѣ.

тронулось изъ Владимира по направленію къ Москвѣ, куда и прибыло черезъ шесть дней, а именно 17 августа въ 8 часовъ вечера. Такъ какъ время было позднее, то, не входя въ самый городъ, раскинули шатеръ у пруда подъ Краснымъ селомъ, но жители Москвы уже съ вечера толпамн поспѣшили за городъ поклониться святынѣ. Молебное нѣніе продолжалось всю ночь. На слѣдующій день мощи съ торжествомъ внесли въ городъ и остановились на Красной площади, такъ какъ высота балдахина и размѣръ кавчега не дозволили внести его въ Кремль.

19 августа шествіе тронулось изъ Москвы дальше, черезъ Клинь, Тверь, Торжокъ и 31 числа прибыло въ Вышній-Волочекъ, всюду встрѣчаемое и провожаемое духовенствомъ и толпами окрестныхъ жителей. По прибытіи чрезъ Валдай въ Боровичи ковчегъ былъ поставленъ на яхту, и отъ Боровичъ до Новгорода шествіе совершалось водою. На озерѣ Ильменѣ святыню встрѣтили на лодкахъ архимандритъ и братія Юрьева монастыря, а въ Новгородѣ—астра-

ханскій епископъ Іоакимъ, воевода Хилковъ и все населеніе города. Останки благовѣрнаго князя были внесены въ Софійскій соборъ, въ которомъ онъ такъ горячо молился передъ отправленіемъ на бой со шведами. На слѣдующій день, 10 сентября, послѣ торжественной литургіи въ Софійскомъ соборѣ, шествіе тронулось далѣе, сопровождаемое всѣмъ новгородскимъ духовенствомъ до Антоніева монастыря. Путь отъ Новгорода до Ладоги былъ совершенъ водою, изъ Ладоги же шествіе снова тронулось сухимъ путемъ. Но 17 сентября сопровождавшій мощи архимандритъ Сергій получилъ высочайшій указъ, которымъ повелѣвалось, въ виду того, что, по дальности разстоянія, святыня не могла прибыть въ столицу къ 30 августа, шествіемъ не спѣшить и по прибытіи въ Шлиссельбургъ поставить раку со св. мощами въ соборной Благовѣщенской церкви до августа слѣдующаго 1724 года.

Въ Шлиссельбургѣ святыня пробыла болѣе десяти мѣсяцевъ и въ назначенное время тронулась водою въ столицу. Встрѣча была торжественная. На устьѣ Ижоры процессію ожидалъ самъ императоръ и, благоговѣнно перенесъ мощи на свою галеру, самъ занялъ мѣсто у руля, тогда какъ въ веслахъ помѣстились первые сановники государства. Подъ Петербургомъ шествіе было встрѣчено молодымъ русскимъ флотомъ съ историческимъ петровскимъ «ботикомъ» во главѣ, который, среди всеобщей привѣтственной пальбы, также салютовалъ своими маленькими пушками. Остановившись у монастырской пристани, Петръ, собственноручно, вмѣстѣ съ вельможами, внесъ св. мощи въ оконченный къ этому времени храмъ во имя Александра Невскаго, который и былъ торжественно освященъ въ это утро. Празднованіе продолжалось три дня, а государь, по словамъ Голикова, распорядился, чтобы ежегодно въ день 30 августа его ботикъ былъ приводимъ къ Невскому монастырю.

Поклонившись св. мощамъ, мы вышли изъ собора и мимо кладбища, на которомъ покоятся Ломоносовъ, Гнѣдичъ, Крыловъ, Глинка, Даргомыжскій и многіе другіе славные русскіе дѣятели, вернулись къ монастырскимъ воротамъ, гдѣ ожидалъ нашъ возница.

Отъ лавры мы повернули къ Невѣ и поровнялись съ линією большихъ лаврскихъ амбаровъ, одинъ изъ которыхъ, крайній къ Обводному каналу, обращенъ въ ночлежный пріютъ; у запертыхъ дверей пріюта стояло нѣсколько человѣкъ.

— Эти, должно быть, такъ стоятъ,—замѣтилъ извозчикъ,—а вотъ часовъ съ четырехъ, съ пяти начнутъ собираться, такъ-такъ рядами и стоятъ, ждуть очереди, пока впусять. По цѣлымъ часамъ стоятъ, точно въ Мариновскомъ театрѣ.

Впереди налѣво за Обводнымъ каналомъ виднѣлось высокое двойное зданіе судостроительнаго завода Серебренникова, а направо небольшая часовня. Мы выѣхали на Шлиссельбургскій, или,

правильнѣе, Архангельскій трактъ. Направо за часовней потянулись небольшіе домики, большею частью деревянные, а налѣво за заводомъ Серебренникова показалась часовня Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ Радости, съ чудотворною иконою, прославившеюся не такъ давно, во время грозы, разразившейся подѣ Петербургомъ. Икона эта, въ отличіе отъ другой чудотворной иконы того же наименованія, находящейся на Шпалерной улицѣ, назы-



Церковь въ селѣ Александровскомъ.

вается въ простонародьѣ «Скорбящею съ грошиками», такъ какъ во время грозы молнія, ударивъ въ стѣну часовни, разбила висѣвшую на ней кружку, при чемъ нѣсколько мелкихъ монетъ, разлетѣвшихся изъ кружки, были найдены приставшими къ иконѣ. Подлѣ невысокой, невзрачной часовни воздвигался (нынѣ уже оконченный) каменный храмъ въ русскомъ стилѣ.

За часовнею мы проѣхали пожарную часть и Рожковскіе продовольственные магазины. По обѣимъ сторонамъ дороги потянулись снова деревянные и каменные домики, небольшіе садки, длинные заборы лѣсныхъ, угольныхъ и дровяныхъ дворовъ, лавки, трактиры, харчевни, портерныя. Мимо насъ то и дѣло проходили взадъ и впередъ поѣзда паровой «конки».

По обѣимъ сторонамъ тракта сноваль народъ, принадлежавшій, по большей части, къ мѣстному фабричному населенію. Испитыя лица, изможденное тѣло, впаляя груди и при этомъ какой-то самоувѣренный, вызывающій видъ, производили впечатлѣніе далеко не отрадное. Нѣкоторые были уже совершенно пьяны и, раскачиваясь во всѣ стороны, писали мыслѣте по тротуару.

Лѣтъ сто двадцать назадъ вся эта мѣстность носила названіе Озерковъ и принадлежала Потемкину, который, въ 1779 году, построилъ здѣсь два стеклянныхъ завода, одинъ для отливки хрустальныхъ вещей, другой для изготовленія аптекарской посуды. Къ этимъ двумъ заводамъ, четыре года спустя, онъ прибавилъ третій, для производства зеркальныхъ стеколъ. Стеклянные заводы послѣ его смерти перешли въ собственность казны, а въ настоящее время стеклянное производство, какъ кажется, перенесено на фарфоровые заводы.

На своей роскошной дачѣ въ Озеркахъ свѣтлѣйшій князь Тавриды устраивалъ для своихъ друзей и знакомыхъ великолѣпныя празднества, изъ которыхъ особенно замѣчательнъ маскарадъ, данный 25 іюня 1779 года и почтенный присутствіемъ самой императрицы. На одномъ изъ озеръ былъ сожженъ блистательный фейерверкъ, заключавшій въ себѣ разныя новыя изобрѣтенія «прихотливаго воображенія». Для ужина была нарочно сооружена особая каменная пещера, убранная цвѣтами, миртами и лаврами. Въ нее былъ проведенъ настоящій живой ручей, низвергавшійся съ высоты и прохладявшій воздухъ своею серебристою пылью. Во время ужина хоръ, подъ звуки органа, въ нарочно сочиненныхъ для праздника стихахъ, прославлялъ дѣянія Екатерины. Роскошная иллюминація озера и сада продолжалась вплоть до утра.

Теперь напрасно было бы искать слѣдовъ не только волшебнаго каменнаго грота, но и самой Потемкинской дачи.

Навстрѣчу намъ, почти непрерывною линіей, съ шумомъ и грохотомъ о булыжную мостовую, тянулись въ городъ обозы ломовиковъ, нагруженные произведеніями мѣстныхъ заводовъ и фабрикъ. Особенно много везли какихъ-то ящичковъ съ загадочными буквами Н. С. Т., но буквы вскорѣ объяснились: возы выѣзжали изъ воротъ Невскаго стеариноваго товарищества.

Мы миновали церковь Смоленской Божіей Матери и подлѣ нея земское народное училище, а съ противоположной стороны: Александро-Невскую мануфактуру Паля, фабрику картонно-толеваго производства Наумана и лѣсопильный заводъ Громова. Между двумя послѣдними, почти наискось отъ земскаго училища, находится школа Смоленскаго приходскаго попечительства и при ней вторая читальня неvsкаго общества народныхъ развлеченій. За лѣсопильнымъ заводомъ Громова находятся Большая Петровская



Село Рыбацкое.

Внизу видъ с. Рыбацкаго съ Невы отъ Дюковой рощи. Въ кругѣ портретъ Слѣ-  
пушкина; вверху домъ Слѣпушкина на устьѣ рѣки Славянки.

бумагопрядильная и ткацкая мануфактура, а подлѣ нея мануфактура Спасская, замѣтная издали по своей массивной трубѣ стоящей противъ самаго поворота дороги. Всѣ эти фабрики расположены вдоль берега Невыhalbъ отъ тракта.

Впереди, какъ преддверіе металлическаго царства, показался справа чугунно-литейный заводъ «Вулканъ» и церковь св. Михаила Архангела, покровителя артиллеріи. За церковь, отдѣленные отъ нея небольшою рѣчкою, потянулись длинныя, казенной архитектуры зданія Александровскаго чугуннаго завода, окрашенныя по кирпичу въ красную краску, съ большими двуглавыми орлами на фронтонахъ.

Постройки на лѣвой сторонѣ прекратились, и картина Невы развернулась передъ нами во всей красотѣ. На томъ берегу, покрытомъ зеленою травой, тянулся веселый рядъ домиковъ, выстроенныхъ вдоль дороги; на второмъ планѣ зеленѣли рощи, а впереди вырѣзались силуэты суконной фабрики Торитона и за нею — писчебумажной Варгунина, находящихся уже противъ фарфоровыхъ заводовъ. По Невѣ медленно ползли грузныя, неповоротливыя барки, небольшой буксирный пароходъ бѣжалъ вверхъ по теченію, оставляя за собою густыя облака чернаго дыма; мелкія лодки и ялики сновали взадъ и впередъ, а спокойная красавица рѣка плавно катила мимо насъ свои сверкающія на солнцѣ воды.

Чугунный заводъ находился прежде на взморьѣ за Екатерингофомъ и перенесенъ сюда только послѣ большого наводненія 7 ноября 1824 года, повредившаго расположенныя близъ берега заводскія зданія. Въ прошломъ же столѣтіи на этой мѣстности находилось нѣсколько большихъ кирпичныхъ заводовъ, поставившихъ матеріалъ для сооруженія юной столицы. Заводы эти тянулись вплоть до нынѣшнихъ фарфоровыхъ, такъ что фарфоровская Преображенская церковь значилась по спискамъ церковью, «что при Невскихъ кирпичныхъ заводахъ». Эта церковь, которая уже виднѣлась впереди, была построена въ царствованіе Анны Іоанновны, при чемъ на ея постройку императрица пожертвовала сто рублей, графъ Головинъ — пять, князь Куракинъ (дача котораго находилась по близости) — три рубля, князь Одоевскій — два, Хитрово — рубль, а какой-то князь Иванъ Еруслановъ — 48 копеекъ, но зато простой обжигальщикъ кирпича, нѣкто Смирновъ, сдѣлалъ вкладъ на церковь, равный вкладу самой императрицы. Въ половинѣ нашего столѣтія церковь была перестроена.

Рядомъ съ Фарфоровымъ заводомъ находится большой тѣнистый садъ Невскаго общества для устройства народныхъ развлеченій, одну изъ читаленъ котораго мы проѣхали раньше. Общество это существуетъ съ 1885 года и теперь, благодаря энергіи своихъ интеллигентныхъ членовъ, завоевало себѣ общую признательность и уваженіе.

До половины восьмидесятыхъ годовъ десятки тысячъ мѣстнаго фабричнаго населенія были совершенно предоставлены себѣ и праздничное время почти поголовно проводили въ трактирахъ и кабакахъ. Молодежь или безцѣльно слонялась по улицамъ, или устраивала кулачные бои, играла въ орлянку, въ карты, при чемъ дѣло рѣдко обходилось безъ драки и скандаловъ, такъ что полиціи каждый праздникъ была масса хлопотъ съ пьяною, буйною толпою, безобразія которой давно уже надоѣли всѣмъ. И вотъ въ



Памятникъ въ Усть-Ижорѣ

апрѣлѣ 1885 года, по инициативѣ мѣстнаго пристава М. С. Агаѣнова и при дѣятельной поддержкѣ фабрикантовъ Варгуниныхъ образовался кружокъ для устройства народныхъ гуляній на трактѣ. Необходимая для начатія дѣла сумма была собрана по подпискѣ въ количествѣ 1.375 рублей, и 2 мая того же года было устроено первое народное гулянье въ селѣ Александровскомъ на пусто-порожномъ участкѣ, уступленномъ кружку во временное пользованіе правленіемъ пригородной конножелѣзной дороги. Посѣтителемъ за

«истор. вѣстн.», январь, 1903 г., т. хсі.

16



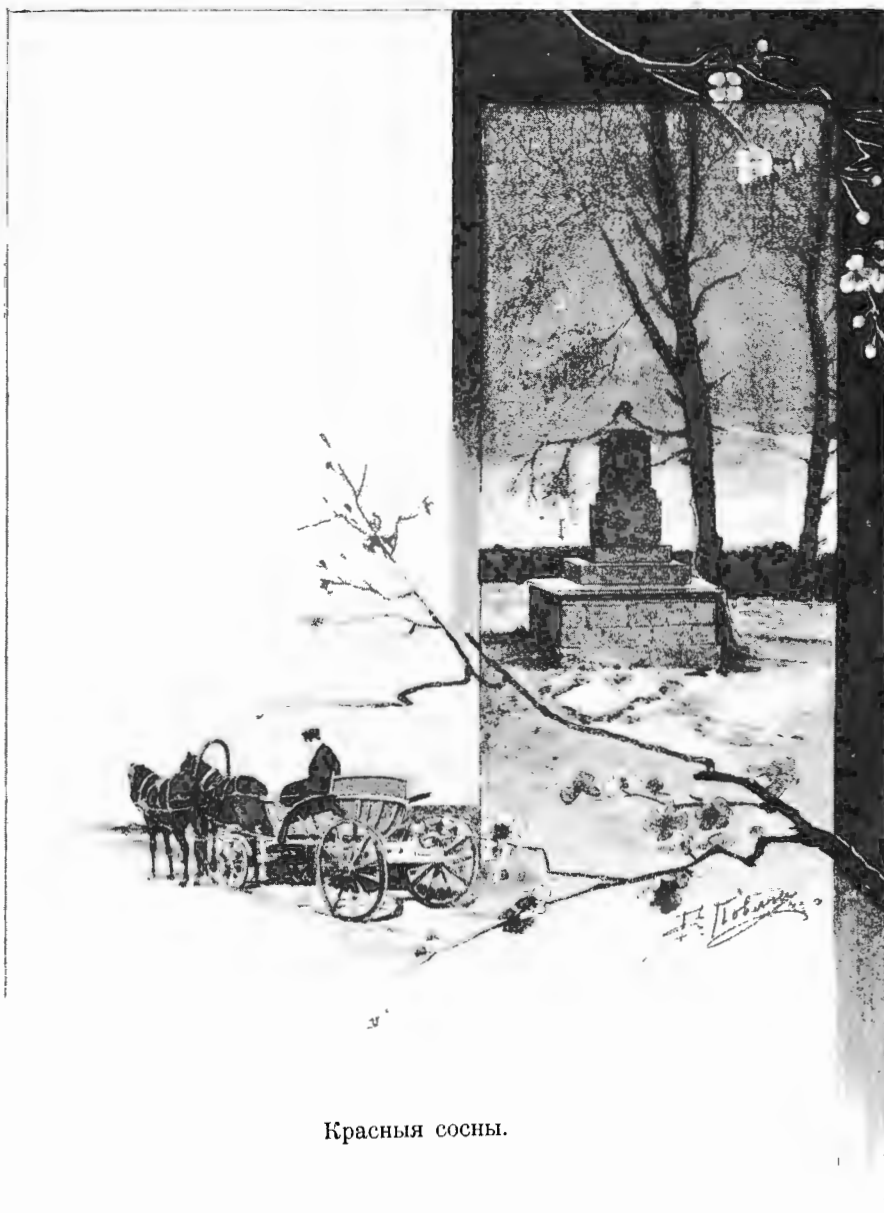
10-ти-копеечную входную плату былъ продолженъ военный оркестръ, хоръ солдатъ-пѣсенниковъ и балаганный дѣдъ-балагуръ. Кромѣ того, были устроены качели, гигантскіе шаги, мачты, гертящееся бревно и т. п. Съ половины лѣта была устроена особая эстрада для дивертиссементовъ, въ которыхъ выступали гимнасты, клоуны, рассказчики и исполнялись мелкія одноактныя пѣссы. Гулянья сразу же привлекли массу посѣтителей и, благодаря отсутствію крѣпкихъ напитковъ, отличались за исключеніемъ единичныхъ случаевъ полною благопристойностью. За лѣто 1885 г. кружкомъ было устроено 25 гуляній, на которыхъ перебывало 64 тысячи посѣтителей. Сумма пожертвованій на доброе дѣло возросла до 2.700 р., и кружокъ окончилъ сезонъ съ остаткомъ въ 1.390 р. 72 к. Также успѣшно шло дѣло и въ слѣдующихъ 1886 и 1887 годахъ, при чемъ на сценѣ за два сезона поставлено до 70 разныхъ пѣссы, въ числѣ которыхъ были и такія, какъ, напримѣръ, «Первый винокуръ» графа Л. Н. Толстого, «Бѣдность не порокъ» и «На бойкомъ мѣстѣ» Островскаго.

Послѣ трехлѣтняго существованія въ селѣ Александровскомъ кружокъ перенесъ свои гулянья на нынѣшнее мѣсто, заарендовавъ обширный садъ Калинкинской пивоварни, подлѣ Фарфороваго завода. Въ новомъ помѣщеніи за лѣто 1888 года перебывало 72.600 человекъ взрослыхъ и тринадцать съ половиною тысячъ дѣтей, при чемъ плата съ послѣднихъ отъ пяти до двѣнадцатилѣтняго возраста взималась по три копейки.

Въ слѣдующемъ году кружокъ рѣшилъ твердо стать на ноги, выхлопотать уставъ и образовать изъ себя солидное, правоспособное общество. Пока тянулись хлопоты съ утвержденіемъ устава, кружокъ при помощи займа приобрѣлъ арендуемый имъ садъ и четыре дома въ полную собственность. Въ одномъ изъ домовъ былъ впоследствии устроенъ небольшой зимній театръ.

9 сентября 1891 г. уставъ былъ утвержденъ, и скромный вначалѣ, небольшой кружокъ превратился въ «Невское общество для устройства народныхъ развлеченій». Въ слѣдующемъ году общество уже устроило 15 спектаклей, 3 концерта, 15 зимнихъ и 27 лѣтнихъ гуляній, на которыхъ перебывало въ общемъ болѣе 110,000 человекъ. Въ зимнемъ театрѣ спектакли ставились безвозмездно разными любительскими труппами, въ томъ числѣ безызвѣстною труппою Сидорова, а въ труппѣ г-жъ Поморской и Никитиной спектакли ставились подъ управленіемъ бывшаго тогда режиссера императорскихъ театровъ Е. П. Карпова, который немало потрудился здѣсь на пользу народнаго театра и составилъ очеркъ дѣятельности общества за первое десятилѣтіе.

Съ тѣхъ поръ дѣла общества развиваются все болѣе и болѣе, гулянья становятся все заманчивѣе и интереснѣе. На открытой сценѣ ставятся уже большія мелодрамы и серьезныя вещи Остров-



Красныя сосны.

скаго, Аверкіева, Мея, Фонвизина и Гоголя. Публики на гуляньяхъ бываетъ каждый разъ по нѣскольку тысячъ чело-  
вѣкъ. Для малолѣтнихъ посѣтителей устроены въ саду особый дѣтскій  
отдѣлъ съ гимнастикой, играми и небольшою сценою. Подлѣ сада  
воздвигается обширное зданіе большого зимняго театра, со всѣми

новѣйшими усовершенствованіями и приспособленіями. Кромѣ театральнаго дѣла, общество устроило на трактѣ двѣ народныхъ читальни и годъ отъ года продолжаетъ расширять свою дѣятельность. Этимъ блестящимъ результатомъ общество обязано тому обстоятельству, что члены его, отнюдь не преслѣдуя какихъ либо личныхъ цѣлей наживы, беззавѣтно отдаютъ весь свой трудъ и энергію на пользу общаго любимаго и плодотворнаго дѣла.

За садомъ Невскаго общества народныхъ развлеченій показались зданія Калининской пивоварни, а между ними и фарфоровскою церковью, смѣло выступившею въ самыя воды Невы, потянулось вдоль берега невысокое длинное зданіе императорскаго Фарфороваго завода. Несмотря на свою скромную внѣшность, заводъ этотъ извѣстенъ не только въ Россіи, но и за границей. Основанный императрицею Елисаветою Петровною, онъ былъ увеличенъ и усовершенствованъ при Екатеринѣ II, а въ нашемъ столѣтіи, благодаря прекраснымъ художникамъ и мастерству технического исполненія работъ, приобрѣлъ себѣ европейскую извѣстность.

Сдѣлавъ наброски завода и церкви съ дороги и берега (откуда видъ на церковь особенно красивъ), мы тронулись далѣе и вскорѣ миновали большой тѣнистый садъ такъ называемый Куракиной дачи, принадлежавшей въ прошломъ столѣтіи оберъ-гофмейстеру Борису Александровичу, а потомъ сыну его, вице-канцлеру Александру Борисовичу Куракину, сверстнику и другу цесаревича Павла Петровича. Съ 1837 года дача эта поступила въ вѣдѣніе Николаевскаго спротскаго института, и теперь на ней помѣщается такъ называемое малолѣтнее отдѣленіе.

За Куракиной дачей мы проѣхали Александровское земское народное училище въ память Н. А. Варгунина и очутились въ селѣ Александровскомъ, извѣстномъ въ прежнія времена своею мануфактурою.

Въ Елисаветинскія времена вся эта обширная мѣстность принадлежала князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому и перешла въ приданое за дочерью его Еленою къ генераль-прокурору Екатерининскаго времени, князю Александру Алексѣевичу Вяземскому. Вяземскій построилъ здѣсь роскошную дачу съ сахарнымъ и кожевеннымъ заводами, съ массою мелкихъ построекъ и службъ, раскинутыхъ на протяженіи цѣлой версты, такъ что, служившій одно время подъ начальствомъ Вяземскаго, Державинъ могъ съ полнымъ правомъ сказать объ этой мѣстности:

Природой были здѣсь мѣста пренебреженны,  
Искусствомъ и трудомъ теперь украшенны.

Но вотъ явился въ Россію польскій экономистъ, аббатъ Михаилъ Оссовскій, убѣдилъ кого слѣдуетъ въ пользѣ механическаго

пряденія хлопчатой бумаги, льна и шерсти, и на «украшенныхъ мѣстахъ» Екатерининскаго вельможи (умершаго года за два передъ тѣмъ) была основана, въ 1798 году, Александровская мануфактура, къ которой были приписаны три селенія: Рыбацкое, Усть-Ижора и Лѣсная заводская, съ народонаселеніемъ болѣе чѣмъ въ 3,000 человѣкъ. Оссовскій въ качествѣ теоретика оказался человѣкомъ болѣе слова, чѣмъ дѣла, и, взявъ изъ казны довольно крупную по тому времени сумму въ 80.000 рублей, не сдѣлалъ почти ничего, а вскорѣ затѣмъ и умеръ. Мануфактура была передана въ вѣдѣніе учрежденій императрицы Маріи и стараніями государыни приведена въ надлежащій порядокъ. Сначала на ней обрабатывался только хлопокъ, а съ 1821 года начато и механическое пряденіе льна, вмѣстѣ съ производ-



Мыза Пелла.

ствомъ ткацкихъ издѣлій; въ этихъ послѣднихъ мануфактура сдѣлала большіе успѣхи. Въ 1836 году, одинъ изъ мѣстныхъ мастеровъ, нѣкто Малинъ, выткалъ шелкомъ нѣсколько картинъ, въ томъ числѣ видъ академіи художествъ, петербургской биржи и портретъ императора Николая I, съ такимъ искусствомъ, что государь пожаловалъ ему серебряную медаль для ношенія на шеѣ.

Съ 1819 года, при мануфактурѣ стали изготовлять игральные карты, при чемъ изготовленіе ихъ составило монополію воспитательнаго дома. Въ половинѣ прошлаго столѣтія ежегодное производство картъ достигло до 1.800.000 колодъ, а въ 1893 году на фабрикѣ было выдѣлано 980.000 дюжинъ игръ. Что сказалъ бы при видѣ этихъ цифръ блаженной памяти государь Алексѣй Михайловичъ, повелѣвшій въ своемъ уложеніи 1649 года поступать съ игроками въ карты, какъ съ татями, т.-е. немилосердно бить ихъ кнутомъ и рубить имъ пальцы и руки?

Карточная фабрика существуетъ и теперь, тогда какъ Александровская мануфактура прекратила свое существованіе около 1863 года, когда на ея мѣстѣ компаніей Обухова, Путилова и Кудрявцева былъ устроенъ сталелитейный заводъ, получившій отъ своего строителя, горнаго инженера Обухова, названіе Обуховскаго и перешедшій въ 1886 году въ собственность морского министерства, при чемъ заводскіе пай, имѣвшіе номинальную стоимость въ 10.000 рублей, уплачивались министерствомъ отъ 45 до 60 тысячъ: такъ прекрасно было поставлено дѣло на заводѣ. И дѣйствительно, подъ управленіемъ А. А. Колокольцева заводъ въ какія нибудь двадцать лѣтъ настолько усовершенствовался, что занялъ почетное мѣсто во главѣ всего русскаго сталелитейнаго производства.

Въ Александровскомъ имѣются двѣ церкви. Одна изъ нихъ, круглая, съ приземистымъ куполомъ и пирамидальною колокольней, задумана еще Вяземскимъ, затѣявшимъ придать церкви форму кулича, а колокольнѣ—пасхи, при чемъ сама церковь должна была быть освящена во имя обновленія Храма Воскресенія въ Иерусалимѣ<sup>1)</sup>. Но, давъ идею церкви, князь, кажется, не потрудился дать средствъ на ея сооруженіе, такъ какъ по приказу Екатерины II церковь была выстроена на казенныя деньги и освящена въ 1790 году во имя св. Троицы. Съ устройствомъ Александровской мануфактуры, на которой работало нѣсколько тысячъ человѣкъ, Троицкая церковь уже не могла вмѣщать въ себѣ всѣхъ, желавшихъ помолиться, и императрица Марія Ѳеодоровна построила при мануфактурѣ другую церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла въ честь ангела своего супруга.

За селомъ Александровскимъ потянулась деревня Мурзинка, конечный пунктъ пригородной конножелѣзной дороги. Районъ

<sup>1)</sup> Такой праздникъ дѣйствительно есть и празднуется 13 сентября.

фабричной промышленности окончился. Затихли, мало-по-малу, заводскій шумъ и стукъ, перебранка, говоръ и крики, сопровождавшіе насъ отъ самаго Петербурга, и, подѣзжая къ селу Рыбацкому, находящемуся противъ Мурзинки, мы только теперь почувствовали себя за городомъ.

### III.

#### Село Рыбацкое и его поэтъ.

Я искусства не имѣю,  
Предъ судьями вкуса—нѣмъ.  
Хвалить?—Веселюсь душою.  
Хулить?—Не печалюсь тѣмъ.

С л ѣ п у ш к и н ѣ .

Видъ Рыбацкаго особенно красивъ съ Невы, отъ такъ называемой Дюковой рощи. Проѣзжая ранѣе по Невѣ до Шлиссельбурга, мы тогда еще сдѣлали его наброски въ свои путевые альбомы. Но и вблизи раскинутое на холмахъ, надъ самымъ устьемъ Славянки Рыбацкое, съ своею бѣлою двухъэтажною церковью, съ красивымъ видомъ на Неву, производитъ пріятное впечатлѣніе.

Жители Рыбацкаго — потомки рыбаковъ, переведенныхъ сюда Петромъ Великимъ изъ дворцовыхъ волостей съ Оки. Здѣсь же, въ петровскія времена, былъ построенъ первый кирпичный заводъ для каменныхъ построекъ зарождавшейся столицы и построенъ по частной инициативѣ посадскаго человѣка, нѣкоего Столбенскаго, лично извѣстнаго государю. Проѣзжая въ Шлиссельбургъ, Петръ нерѣдко останавливался у Столбенскаго и, въ знакъ своей милости, пожаловалъ ему большой участокъ земли съ разными угодьями. Нижній этажъ церкви въ Рыбацкомъ построенъ въ 1744 году при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, которая очень любила это село и пріѣзжала сюда охотиться. Здѣсь для нея былъ построенъ деревянный дворецъ, а по кособору надъ Невою имѣлся звѣринецъ.

Въ Рыбацкомъ мы остановились и пошли посмотреть церковь.

Поднявшись на пригорокъ, по которому раскинуто надъ Невою довольно обширное кладбище, мы вскорѣ разыскали сторожа, и онъ, сбѣгавъ въ сторожку за ключами, очень охотно и даже любезно показалъ намъ оба храма, верхній и нижній. Въ нижней церкви хранится указъ объ ея освященіи во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, подписанный 14-го января 1744 г. «смирненнымъ Никодимомъ, епископомъ санктъ-петербургскимъ и архимандритомъ Троицкаго Александро-Невскаго монастыря». Верхняя церковь, во имя Петра и Павла, построена уже при Екатеринѣ около 1792 года.

Изъ оконъ верхняго храма открывается прекрасный видъ на Неву и лежащую напротивъ Ново-Саратовскую колонію, заселен-

ную также при Екатеринѣ выходцами изъ Бранденбурга и Виртемберга.

Но для насъ самую интересною достопримѣчательностью Рыбацкаго была надгробная плита съ надписью: «Здѣсь почіеть, въ надеждѣ воскресенія и жизни вѣчныя, рабъ Божій, ктиторъ и благодотворитель сего храма Ѳедоръ Никифоровичъ Слѣпушкинъ. Умре на 13-е іюня 1848 года въ 2 часа пополночи на 62-мъ году отъ рожденія».

Даровитая личность «русскаго Гезіода» почти совѣмъ забыта въ наше время, и потому я позволю себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на этомъ цѣльномъ, здоровомъ русскомъ типѣ, одаренномъ крайне отзывчивыми чувствомъ и поэтической душою.

Ѳедоръ Никифоровичъ происходилъ изъ крестьянъ Ярославской губерніи и родился въ Романовскомъ уѣздѣ въ 1787 году<sup>1)</sup>. Онъ былъ крѣпостнымъ госпожи Новосильцевой, урожденной графини Орловой. Грамотѣ кое-какъ обучилъ его отецъ и умеръ, когда ребенку было всего девять лѣтъ отъ роду. Мальчика отдали въ сидѣльцы къ одному московскому лавочнику, но, когда онъ подросъ, снова вернули въ деревню и опредѣлили въ помощники къ мѣстному мельнику. Служа на мельницѣ, онъ чуть не лишился жизни, попавъ рукою въ шестерню, но съ помощью народныхъ средствъ самъ вылѣчилъ свою раздробленную руку. Въ деревнѣ Слѣпушкинъ женился и съ женою и тестемъ отправился въ Петербургъ, поселился на Невѣ въ Ново-Саратовской колоніи и открылъ здѣсь маленькую торговлю. Объясненіе съ нѣмцами представляло ему вначалѣ немалыя трудности, но, благодаря своей даровитой натурѣ, молодой ярославецъ быстро освоился съ нѣмецкимъ языкомъ и въ короткое время заслужилъ самую лестную репутацію не только среди колонистовъ, но и у жителей Рыбацкаго, которые не тяготились съѣздить за рѣку, чтобы только купить товаръ «у Зарѣцкаго лавочника», отличавшійся и доброкачествомъ и дешевизною. Прозвище Зарѣцкаго стало настолько популярнымъ во всей окружной мѣстности, что настоящая фимилія Ѳедора Никифоровича была даже мало кому извѣстна. Когда онъ, въ 1820 году, потерялъ свою первую жену и рѣшился изъ-за дѣтей,—которыхъ у него осталось семь человекъ,—вступить во второй бракъ съ крестьянскою дѣвушкой изъ Рыбацкаго, то молодая супруга только черезъ нѣсколько недѣль послѣ свадьбы узнала, что она Слѣпушкина, а на Зарѣцкая.

Жители Рыбацкаго настолько полюбили Ѳедора Никифоровича, что уговорили его переѣхать на свою сторону, къ немалой печали

---

<sup>1)</sup> Въ краткой біографіи Слѣпушкина, приложенной къ изданію его стихотвореній, годъ рожденія указанъ 1788-й, но этотъ годъ не согласуется съ надписью на надгробномъ камнѣ.



Благовѣщенскій соборъ  
въ Шлиссельбургѣ.

колонистовъ, которые, разставаясь съ этимъ любезнымъ, услужливымъ человѣкомъ, выдали ему аттестатъ объ его честности и безкорыстїи, скрѣпленный общею подписью и свидѣтельствомъ пастора.

Переселившись въ Рыбацкое, Слѣпушкинъ весело зажилъ съ молодою женою и здѣсь, отъ избытка чувствъ, началъ самоучкою писать стихи. Впрочемъ первымъ его стихотворнымъ опытомъ было надгробїе покойной женѣ, которую онъ очень любилъ и отца которой, прожившаго до 80-ти лѣтъ, держалъ при себѣ и окружалъ сыновними попеченїями.

Первыми стихотворенїями Слѣпушкина были: «Молитва Богу», «Весна», «Утро», «Имба», «Игра дѣтей», «Вечеръ», въ которомъ онъ изобразилъ видъ изъ Рыбацкаго на Неву, и многія другія. Въ стихотворенїи «Перевозъ», написанномъ около этого времени, изображено истинное происшествїе, случившееся съ Ѳедо-



ромъ Никифоровичемъ во время бури на Невѣ, когда онъ по своему добродушію и услужливости взялся перевезти нѣсколько человекъ, ѣхавшихъ въ городъ отъ пастора Фальборта.

Вотъ это стихотвореніе:

Былъ я побѣдѣе, былъ и посмѣлѣе,  
 Былъ тогда моложе, бѣгалъ поскорѣе.  
 Я вставалъ до солнца, въ полѣ—какъ батракъ;  
 Сталъ я подюжѣе,—все пошло не такъ.  
 Разъ, случилось, въ полночь съ добрыми гостями  
 Ъхалъ чрезъ Неву я, бурную волнами;  
 Вѣтеръ дулъ свирѣпый, небо крылось мглой,—  
 Не видать сквозь вьюгу, что и предъ собой.  
 Насъ тогда вздымало, какъ горой, волною,  
 То ударить въ бездну,—грянемся кормою!—  
 Гости съ мѣстъ упали, плачутъ и кричатъ:  
 — Помоги, любезный! помоги намъ, братъ.  
 Насъ спасешь отъ смерти,—все бери, что съ нами,  
 Лишь не дай погибнуть въ бурю подъ волнами!  
 — Ну, держитесь крѣпче!—я кричатъ имъ сталъ:  
 Кому жить,—живъ будетъ,—какъ умѣлъ спасалъ,—  
 Умереть, такъ вмѣстѣ, двухъ смертей не бойтесь.  
 Милосердъ Создатель,—вы же успокойтесь!  
 Только что я молвить слово имъ успѣлъ,  
 Вдругъ гальботъ, какъ птица, мимо пролетѣлъ,  
 И вода подъ нами пѣной закипѣла,  
 Смаху насъ, какъ вихремъ, быстро завертѣла.  
 Только что не вырвались весла вонъ изъ рукъ,  
 Вижу я—погибель!—но ретивъ былъ духъ.  
 Съ сердцемъ я ударилъ по валамъ веслами,  
 Расхлестнулъ и доплылъ къ берегу съ гостями.  
 Замертво лежали, но опомнясь тутъ  
 Другомъ называютъ, золота даютъ.  
 — Все при васъ,—сказалъ я:—ничего не надо.  
 Живы, слава Богу,—мнѣ и то награда.

Сочиняя самоучкою стихи, Слѣпушкинъ былъ, въ то же время, и художникомъ-самоучкою. Страсть къ рисованію проявилась въ немъ очень рано. Еще будучи по шестому году, онъ рисовалъ птицъ, избушки, мельницы, раскрашивая ихъ, за неимѣніемъ красокъ, сокомъ малины и черники. Въ зрѣлыхъ годахъ онъ занялся портретною живописью и писалъ портреты съ удивительнымъ сходствомъ не только съ натуры, но и по памяти, безденежно надѣляя ими своихъ друзей и знакомыхъ. Въ числѣ лицъ, имѣвшихъ съ нимъ торговыя дѣла, былъ купецъ Брюховъ, которому Федоръ Никифоровичу ссудилъ безъ всякаго документа, на честное слово, значительную сумму денегъ. Брюховъ утонулъ, купаясь въ Невѣ. Вдова его, узнавъ о займѣ, выплатила всѣ деньги до копейки, но при этомъ поставила условіемъ, чтобы Слѣпушкинъ написалъ по памяти портретъ ея покойнаго мужа.

Будучи крайне радушинымъ и гостепріимнымъ, Ѳеодоръ Никифоровичъ познакомился, между прочимъ, съ литераторомъ Свинынымъ, который одобрилъ его стихотворные опыты, посоветовалъ посвятить себя описанію сельской жизни и быта, и познакомилъ публику съ рыбацкимъ поэтомъ-крестьяниномъ въ своей статьѣ: «Прогулка въ Шлисесльбургъ», помѣщенной въ издававшихся имъ «Отечественныхъ Запискахъ».

Въ 1826 году вышла первая книжка стихотвореній Слѣпушкина. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, А. С. Шишковъ, обратилъ вниманіе на поэзію крестьянина самоучки и представилъ книжку государю Николаю Павловичу, который пожаловалъ Слѣпушкину богатый кафтанъ съ золотыми галунами, а государыня Александра Ѳеодоровна прислала ему золотые часы. Вдовствующая императрица, Марія Ѳеодоровна пожелала видѣть самого поэта, и Ѳеодоръ Никифоровичъ былъ ей представленъ Шишковымъ. Милостиво разспросивъ поэта объ его семействѣ, объ условіяхъ жизни, о стихотвореніяхъ, императрица вручила ему золотые часы. Слѣпушкинъ вернулся домой внѣ себя отъ восторга.

Мени средъ поселянъ друзей  
Въ одеждѣ блещущей покажутъ,  
Отнынѣ время жизни дней  
Часы златые мнѣ укажутъ.  
Туда вельможей я введу,  
Куда мнѣ не было дороги.  
И сельскій житель приглашенъ  
Царицей русскою въ чертоги. —

писалъ онъ въ стихотвореніи «Гласъ благодарности», сочиненномъ по возвращеніи въ Рыбацкое.

Академія наукъ наградила поэта золотою медалью, которая и была вручена ему Шишковымъ при слѣдующемъ собственноручномъ отзывѣ:

«Почтеннѣйшій крестьянинъ Ѳеодоръ Никифоровичъ! Россійская императорская академія въ засѣданіе свое сего генваря 23-го дня 1826 года слушала стихотворное сочиненіе твое, подъ названіемъ: «Досуги сельскаго жителя». Академія съ удовольствіемъ и не безъ удивленія къ природнымъ дарованіямъ твоимъ нашла оное весьма хорошимъ, какъ по изящному вкусу и благонавію, такъ равно по простому, но благородному слогу и чистому языку, сельскимъ описаніямъ приличному; а притомъ вѣдая, что ты, при должномъ попеченіи о семействѣ своемъ, не отставая никогда отъ занятій, состоянію твоему сродныхъ, научился также самоучкою живописному искусству и добрымъ поведеніемъ своимъ отъ многихъ заслужилъ похвалу, опредѣлила въ одобреніе за похвальную жизнь и труды твои награду, состоящую въ средней золотой медали съ подписью: «приносящему пользу русскому слову».

Этотъ отзывъ былъ помѣщенъ въ домѣ поэта на стѣнѣ, рядомъ съ портретомъ самого Шишкова, который написанъ Слѣпушкинымъ по памяти.

Княгиня Т. В. Юсупова собрала въ пользу Ѳедора Никифоровича 3.000 рублей и выкупила его на волю вмѣстѣ со всею семьею. Онъ приписался въ купцы, по 3-й гильдіи, и съ тѣхъ поръ, по собственнымъ словамъ, каждый разъ еле вѣрилъ самъ себѣ, когда, въѣзжая въ городъ, на вопросъ часового у заставы объ имени и званіи, отвѣчалъ: «купецъ Слѣпушкинъ».

Найдя въ полѣ пробный 16-фунтовый кирпичъ петровскихъ временъ, оставшійся отъ бывшаго кирпичнаго завода Столбенскаго, Ѳедоръ Никифоровичъ устроилъ за Рыбацкимъ собственный заводъ въ девять печей и поставлялъ въ столицу ежегодно до семи милліоновъ кирпичей.

Первое изданіе его стихотвореній, подъ названіемъ: «Досуги сельскаго жителя», появилось въ 1826 году, черезъ два года было напечатано второе изданіе, уже въ двухъ частяхъ, съ прибавленіемъ сорока новыхъ стихотвореній, одно изъ которыхъ, подъ названіемъ: «Конь и домовая», было написано на тему, данную А. С. Пушкинымъ. Въ 1830 году вышла поэма Ѳедора Никифоровича: «Четыре времени года»; въ 1834 г. за стихотвореніе на открытіе Александровской колонны ему была пожалована золотая медаль на Александровской лентѣ. Въ томъ же году вышли въ свѣтъ его «Новые досуги сельскаго жителя», а въ 1840 г. вторая книжка «Досуговъ», изданная академіей наукъ.

Домъ Слѣпушкина въ Рыбацкомъ находится направо отъ дороги, почти надъ самымъ устьемъ рѣки Славянки. Перейдя мостъ, мы сдѣлали наброски съ дома и послали свои карточки г. Слѣпушкину, внуку Ѳедора Никифоровича, съ цѣлью познакомиться, поразспросить объ его дѣдѣ и посмотреть портреты и другія вещи, оставшіяся послѣ покойнаго поэта, но, къ сожалѣнію, г. Слѣпушкинъ былъ въ городѣ, а супруга его, чувствуя себя несовсѣмъ здоровою, не могла принять насъ.

За Рыбацкимъ мы, впервые по выѣздѣ изъ Петербурга, увидѣли поле, кусты и болото.

— Вотъ когда наша матушка-деревня началась,—замѣтилъ извозчикъ.

— А гдѣ, по-твоему, лучше—въ деревнѣ или въ городѣ?—спросилъ я.

— Какъ вамъ сказать?...—задумался онъ.—Въ деревнѣ оно, пожалуй, и потруднѣе, да зато вольготнѣе,—легче жить, значить, а въ городѣ оно работать полегче, а жить тяжелѣе.

— Почему же?

— А полиція!.. Чуть маленько оплошалъ—штрафъ! На всякій шагъ у нихъ правила да предписанія, и столько этихъ правилковъ

теперь набралось, что всѣхъ и не упомнить. А ежели кто да еще вновь—совсѣмъ бѣда! Старики сказываютъ, прежде не въ примѣръ вольготнѣе жилось, проще было, а теперь строго!

Нева круто свернула отъ дороги влѣво. Между Рыбацкимъ и Усть-Ижорою она образуетъ такъ называемое Кривое колѣно.



Ладожское озеро. Кошкинскій рейдъ.

Если ѣхать въ этомъ мѣстѣ на пароходѣ, то получается впечатлѣніе, какъ будто бы рѣка уперлась въ тупикъ и прекратилась, а пароходъ идетъ прямо въ берегъ. Но черезъ нѣсколько десятковъ сажень открывается прикрытый берегомъ крутой заворотъ Невы, и, описавъ острый уголъ, она снова, плавною линіей, направляется къ устью р. Ижоры.

Мѣстность между Рыбацкимъ и Усть-Ижорою сильно изрыта бывшими здѣсь кирпичными заводами, которые не переводятся и до настоящаго времени.

Впередѣ показалась высокая устьижорская колокольня, заперстрѣли среди зелени домики, и вскорѣ мы вѣхали въ самое селеніе, состоящее, какъ гласила надпись на столбѣ, изъ 225 домовъ и 619 душъ.

## IV.

## Усть-Ижора и путь до Шлиссельбурга.

«Въ лѣто 6748. Придоша Свѣи в силѣ велицѣ, і Мурмане, і Сумь, і Ыль в кораблехъ множество много зѣло, Свѣи съ княземъ и съ пискуны своими, і сташа в Невѣ устье Ижеры, хотяче воспріяти Ладогу, просто же реку і Новгородъ і всю область Новгородскую».

Новгородская лѣтопись по Синодальному списку.

На устьѣ небольшой рѣчки, которую мы переѣхали, произошла, 15-го іюля 1240 года, знаменитая Невская битва. Обстоятельства, предшествовавшія этому событію и вызвавшія походъ шведовъ на Новгородъ, были слѣдующія: за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, въ финскій городъ Або былъ посланъ епископъ Томасъ, родомъ англичанинъ, человекъ жестокой и жадный до наживы. Своими поборами онъ настолько стѣснилъ новообращенныхъ финновъ, что они, подстрекаемые новгородцами, возмутились и начали ожесточенную борьбу противъ Томаса и его миссіонеровъ. Расправа съ проповѣдниками новой вѣры была крутая: имъ заливали горло растопленнымъ свинцомъ, выкалывали глаза, вбивали въ голову гвозди и истребляли всяческими способами. Узнавъ объ этомъ, папа Григорій IX приказалъ упсальскому епископу объявить крестовый походъ противъ финновъ и русскихъ, для водворенія у нихъ католичества вооруженною силою. Папская булла, обѣщавшая прощенье грѣховъ всѣмъ участникамъ похода, была обнародована въ декабрѣ 1237 года и особенно обрадовала королевскаго зятя Биргера, который, происходя изъ аристократическаго рода Фолькунговъ, владѣлъ наслѣдственнымъ въ этомъ родѣ высокимъ званіемъ ярла. Король былъ бездѣтенъ, и Биргеръ рассчитывалъ, съ помощью военныхъ подвиговъ, проложить себѣ путь къ престолу. Съ радостью ухватившись за мысль о крестовомъ походѣ, онъ началъ къ нему обширныя приготовленія, продолжавшіяся около двухъ лѣтъ. Наконецъ, лѣтомъ 1240 года, все было готово, и многочисленное шведское войско, съ епископами и духовенствомъ, при пѣніи священныхъ гимновъ, возшло на приготовленныя у берега суда и тронулось въ путь. Минуя финновъ, Биргеръ двинулся прямо на Русь; ближайшею цѣлью его была, повидимому, Ладога, захвативъ которую онъ думалъ обрушиться на самый Новгородъ.

Въ началѣ іюля шведскія шнеки вошли въ Неву, и непріятель, поднявшись до устья р. Ижоры, расположился здѣсь станомъ. Берегъ Невы заперстрѣлъ шведскими палатками, среди которыхъ

выдѣлялся шатеръ предводителя, украшенный золоченою маковицею. Биргеръ былъ настолько увѣренъ въ побѣдѣ, что послалъ въ Новгородъ сказать князю Александру Ярославичу: «Если можешь сопротивляться, выходи! Я уже здѣсь и плѣню твою землю». Въ Новгородѣ между тѣмъ ничего не знали о шведскихъ замыслахъ, и нашествіе ихъ было настолько внезапно, что Александръ не имѣлъ времени не только дать знать отцу о грозившей опасности, но даже и собрать войско, а между тѣмъ мѣшкать было нельзя. Горячо помолившись Богу въ храмѣ св. Софіи и ободривъ свою дружину замѣчаніемъ, что Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ, князь поспѣшилъ на берега Невы.

15-го іюля онъ уже былъ на мѣстѣ и съ такою силою ударилъ на шведовъ, что тѣ, несмотря на свое численное превосходство, были разбиты наголову. Сѣча длилась съ полудня до вечера. Лѣтописецъ-современникъ подробно описываетъ подвиги нѣкоторыхъ новгородцевъ, отличившихся въ этотъ день. Такъ, на примѣръ, нѣкто Сбыславъ Якуновичъ ворвался въ непріятельскіе ряды съ однимъ топоромъ и многихъ уложилъ на мѣстѣ; ловчій князя, Яковъ Полочанинъ, такъ усердно работалъ мечемъ во вражескихъ полкахъ, что заслужилъ особую похвалу отъ самого Александра Ярославича. Отличился также дружинникъ Ратмиръ, павшій на полѣ битвы отъ множества ранъ, и новгородецъ Миша, пустившій ко дну три непріятельскія шнеки. Одинъ изъ младшихъ дружинниковъ, Савва, добрался до златоверхаго шатра Биргера и, подрубивъ столбъ, повалилъ его на землю, что придало новое мужество новгородцамъ. Нѣкто Гаврило Олексиничъ наѣхалъ по берегу на шнеку и увидавъ, что на нее по сходнѣ уносятъ подъ руки королевича <sup>1)</sup>, помчался за нимъ на конѣ прямо по сходнѣ. Шведы вбѣжали на шнеку и, столкнувъ сходню, сбросили храбреца вмѣстѣ съ конемъ въ воду. Но Гаврило выплылъ и снова бросился въ схватку, гдѣ напалъ на воеводу Спиридона, который и былъ убитъ вмѣстѣ съ однимъ изъ епископовъ. Князь Александръ Ярославичъ также не уступилъ въ храбрости своимъ дружинникамъ; среди полчищъ враговъ онъ разыскалъ самого Биргера и «возложилъ ему на лицо печать острымъ своимъ копіемъ».

Наполнивъ двѣ шнеки тѣлами убитой знати и наскоро закопавъ остальныхъ, шведы въ ту же ночь, «не дождавшись свѣта понедѣльника», поспѣшили уплыть обратно.

Въ Петровскія времена здѣсь было небольшое укрѣпленіе и стоялъ путевой дворецъ, перенесенный сюда изъ Шлиссельбурга. Съ балкона этого дворца Петръ будто бы любилъ смотрѣть на Неву, любуясь двигавшимися по ней судами. Теперь отъ этого дворца ничего не осталось.

<sup>1)</sup> «И видѣ королевича мчаща подъ руку». Этотъ королевичъ не былъ ли однимъ изъ сыновей Биргера, котораго лѣтописецъ называетъ «королемъ»?

Извозчикъ остановился у почтовой станціи, сложилъ наши вещи на лавочку у воротъ и, простившись съ нами, тронулся шагомъ въ обратный путь.

Минуть черезъ десять почтовыхъ лошади были готовы. Зазвенѣли бубенцы, залился подъ дугою колокольчикъ, и мы, трясаясь и подпрыгивая въ грохочущемъ тарантасѣ, превратились въ заправскихъ путешественниковъ.

Вниманіе наше вскорѣ привлекъ памятникъ, стоявшій почти посрединѣ улицы. Точно такой же памятникъ мы видѣли и въ Рыбацкомъ.

Происхожденіе обоихъ этихъ монументовъ относится ко временамъ Екатерины II, именно къ шведской войнѣ, когда государыня переживала тяжелые дни волненій и постояннаго безпокойства. Въ русскомъ флотѣ, дѣйствовавшемъ противъ шведовъ, подъ командою Грейга, не хватало гребцовъ для гребной флотиліи. Узнавъ объ этомъ, крестьяне Усть-Ижоры и Рыбацкаго, по собственному почину, рѣшили послать гребцовъ во флотъ, на помощь матушкѣ-государынѣ, и она не осталась въ долгу передъ крестьянами.

Надпись на памятникѣ гласитъ:

«Сооруженъ повелѣніемъ благочестивѣйшей, самодержавнѣйшей великой государыни императрицы Екатерины Вторыя въ память усердія села Усть-Ижоры крестьянъ, добровольно нарядившихъ съ четырехъ пятого человѣка на службу ея величества и отечества во время свейской войны 1789 года, іюня 15-го дня».

За Усть-Ижорою мы проѣхали село Вознесенское (оно же и Корчино), принадлежавшее прежде графу Шереметеву, и раскинутый вдоль берега Невы саперный лагерь. На обширномъ полѣ, покрытомъ кустами, мелькали тамъ и сямъ бѣлыя блузы солдатиковъ, живущихъ здѣсь своею особою жизнью и составляющихъ какъ бы маленькое государство, предѣлы котораго распространяются на Усть-Тосну и село Ивановское.

Противъ Усть-Тосны ширина Невы равняется верстѣ, но за Ивановскимъ она суживается до ста сажень, и рѣка образуетъ здѣсь такъ называемые Пелльскіе пороги. Пороги эти отнюдь не опасны для плаванія, такъ какъ представляютъ собою скорѣе стремнины, чѣмъ дѣйствительные пороги. Въ XVIII столѣтіи здѣсь, правда, были камни, и Минихъ думалъ даже прокопать небольшой каналъ для обхода опаснаго мѣста, но съ тѣхъ поръ камни разбиты, фарватеръ расчищенъ, и въ настоящее время пороги не представляютъ никакой опасности.

На порогахъ, близъ мыса Святки, Екатерина II выстроила роскошный дворецъ, носившій названіе Пеллы. Происхожденіе этого названія объясняютъ различно. Одни говорятъ, что вся мѣстность будто бы названа Пеллою самимъ Петромъ Великимъ, по имени одного пролива на Ладожскомъ озерѣ, другіе утверждаютъ, что

такъ назвала ее Екатеринз II въ память рожденія перваго своего внука Александра, созвучнаго по имени съ Александромъ Македонскимъ, родившимся, какъ извѣстно, въ городкѣ Пеллѣ. Но если и считать это объясненіе болѣе вѣроятнымъ, то все-таки не слѣдуетъ забывать, что императоръ Александръ I получилъ имя въ честь покровителя Петербурга св. Александра Невского, и, во-вторыхъ, что онъ родился въ 1777 году, тогда какъ Пелла куплена императрицею лишь въ 1784 году, когда она, грустя послѣ смерти своего любимца Ланского, рѣшила покинуть на время столицу и уединиться среди пустынной, дикой природы.

Роскошный Пелльскій дворецъ былъ сооруженъ архитекторами Старовымъ и Козловымъ, но послѣ смерти государыни вся постройка была разобрана, и матеріалъ ея пошелъ на стѣны Михайловскаго дворца въ Петербургѣ. Отъ всей обширной постройки до нашего времени сохранилась только небольшая часть, но и эта часть даетъ возможность судить о грандіозности бывшаго здѣсь нѣкогда сооруженія.

За Пеллою мы миновали село Аннинское, красиво расположенное при устьѣ рѣки Мойки, вслѣдствіе чего оно же носить и названіе этой послѣдней, и даже болѣе извѣстно подъ именемъ Мойки, чѣмъ Аннинскаго. Селеніе основано здѣсь болѣе ста лѣтъ назадъ камергеромъ Рязановымъ и названо Аннинскимъ въ честь его супруги.

Противъ Аннинскаго, на томъ берегу Невы, раскинулась деревенька Пески—дачная мѣстность небогатыхъ и не особенно взыскательныхъ жителей столицы.

Миновавъ Аннинское, мы въѣхали въ лѣсъ, и Нева скрылась отъ насъ за деревьями.

— Далеко ли до Красныхъ сосенъ?—спросилъ я у ямщика.

— Теперь недалече,—отвѣчалъ онъ.

— Памятника тамъ не поправляли?

— Нѣтъ. Да и кому поправлять-то? Будь въ городѣ, тогда другое дѣло, а то стоитъ въ лѣсу, въ глуши, ну, и разваливается помаленьку.

— А знаешь ли, кому онъ поставленъ?

— Да, говорятъ, Петру Первому.

— Такъ почему же на этомъ мѣстѣ, а не въ городѣ?

— А кто ихъ знаетъ? Значить, зачѣмъ нибудь надо было, вотъ и поставили.

Впереди, съ лѣвой стороны, у самой дороги, показалась группа полувысохшихъ сосенъ и подъ нею сѣрая груда камня. Это и былъ памятникъ подъ Красными соснами, поставленный около 1847 года каменотесами, братьями Спиридоновыми, въ память великаго преобразователя.

Мы остановились и вышли изъ тарантаса.



Круглая, невысокая ограда мѣстами была совершенно разрушена. Отъ лѣстницы, спускавшейся къ Невѣ, почти не осталось и слѣда; вся она заросла кустами. Пристани на Невѣ, конечно, нѣтъ и въ поминѣ, а отъ самого памятника остался только одинъ пьедесталь, и горькимъ сарказмомъ отзывается теперь уцѣлѣвшая на немъ надпись: «Императору Петру I-му, отцу отечества, незабвенная память».

О преданіяхъ, связанныхъ съ Красными соснами, я распространяться не стану, такъ какъ уже сообщалъ ихъ ранѣе на страницахъ «Историческаго Вѣстника»<sup>1)</sup>, а теперь замѣчу только, что и самое названіе: Красныя сосны, скоро потеряетъ всякій смыслъ. Сосны всѣ вырублены, за исключеніемъ трехъ, образующихъ печальную группу надъ печальными остатками памятника. Одна изъ нихъ представляетъ собою сухой стволъ съ уныло торчащими голыми сучьями, другая, также высохшая, покрыта сѣрою, осыпающеюся хвоею, третья еще жива и шумитъ своими вѣтвями, но этотъ шумъ производитъ впечатлѣніе чего-то болѣзненнаго, такъ какъ, повидимому, и ея дни уже сочтены.

Долго сидѣли мы у памятника, глядя на широкую Неву, на заросшій песчаный спускъ, на пни срубленныхъ сосенъ, а осиротѣлая, одинокая ихъ подруга грустно шумѣла надъ нашими головами. Невеселыя думы тѣснились въ головѣ при мысли о тѣхъ скромныхъ, безвѣстныхъ труженикахъ, чье усердіе когда-то воздвигало эти каменные массы, и о «незабвенной памяти» великаго человека, которую они старались увѣковѣчить на этомъ мѣстѣ.—«Да и кому поправлять-то?»—припомнились мнѣ слова ямщика. Дѣйствительно, некому. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, высохнетъ и послѣдняя сосна; ее срубятъ вмѣстѣ съ двумя остальными, а камни памятника и ограды, подобно камнямъ пелльскаго дворца, пригодятся куда нибудь на постройку.

Черезъ полчаса мы были уже въ Шлиссельбургѣ и, дождавшись парохода, шедшаго на Свирь, отправились въ дальнѣйшій путь.

По берегу, мимо насъ, потянулась панорама скромнаго городка: Благовѣщенскій шлиссельбургскій соборъ, шлюзъ Петровскаго канала, набережная, часовня, въ которую перемѣщена икона Казанской Божіей Матери, и устье канала Александра II.

На набережной подлѣ пароходной пристани находится зданіе, въ которомъ хранится ботикъ Петра I и катеръ Александра II.

Въ ожиданіи парохода намъ удалось побывать въ этомъ зданіи и осмотрѣть хранящіяся въ немъ достопримѣчательности. Первымъ отъ входа стоитъ небольшой ботикъ, въ которомъ, какъ гласитъ надпись: «Его величество, государь императоръ Петръ Вели-

<sup>1)</sup> См. «По пути изъ варягъ въ греки», «Историческій Вѣстникъ», 1893 г., мартъ, стр. 808—811.

кій, изволилъ прослѣдовать въ сентябрѣ 1724 года по прорытому тогда кювету, по дну канала, отъ села Дубна къ Ладогѣ<sup>1)</sup>, какой ботикъ тянули мальчики, по-матросски одѣтые». Катеръ императора Александра II почти втрое больше петровскаго ботика; онъ имѣетъ по краю рѣзной, золоченый ободокъ и окрашенъ въ синюю краску. Въ этомъ катерѣ, согласно надписи: «Его императорское величество, государь Александръ Николаевичъ изволилъ открыть 1-го сентября 1866 года, для судоходства между Ладогой и Шлиссельбургомъ, новый каналъ, именуемый каналомъ императора Александра II». На четырехъ столбахъ зданія, поддерживающихъ крышу, находятся два знамени «баталіона Ладожскаго канала, учрежденнаго въ 1735 году, февраля 27 дня, расформированнаго въ 1810», и двѣ деревянныя лопаты. Первою изъ нихъ Петръ «собственноручно изволилъ разрывать перемычку готовой части канала, отъ Ладогои до 13-й версты, въ сентябрѣ 1724 года», а вторая служила цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ «при открытіи перемычки при селѣ Дубнѣ, въ 1725 году сентября 25 дня».

## V.

## На Ладожскомъ озерѣ.

По утру было ранымъ рано,  
 На зарѣ-то было на утренней,  
 На восходѣ красна солнышка,  
 Что не гуси, братцы, и не лебеди  
 Со лузей, озеръ поднимались,  
 Поднимались добрые молодцы,  
 Добрые молодцы, люди вольные,  
 Все бурлаки понизовые  
 На канавушку на Ладожску,  
 На работушку государеву.

Старинная пѣсня.

Медленно прошелъ пароходъ нашъ мимо потемнѣвшихъ, унылыхъ бастіоновъ Шлиссельбургской крѣпости, давно уже обращенной въ тюрьму и пробуждающей въ душѣ одни только грустныя воспоминанія.

Впереди широко раскинулась передъ нами зеркальная гладь Ладожскаго озера. На горизонтѣ сплошною линіей тянулись темныя очертанія галіотовъ и другихъ крупныхъ озерныхъ судовъ, которыя, въ виду огромной песчаной мели, образовавшейся передъ истокомъ Невы изъ озера, разгружались на мелкія суда, не доходя Шлиссельбурга. Налѣво темнѣла высокая башня Кошкинскаго маяка,

<sup>1)</sup> Село Дубно находится отъ Новой Ладогои въ 25-ти верстахъ.

а направо, вдоль озернаго берега, тянулись оба ладожскихъ канала—Петровскій и Александровскій, устья которыхъ мы только что миновали въ Шлиссельбургѣ.

Въ виду того, что оба эти канала входятъ въ составъ Вышневолоцкой, Тихвинской, а также и Маринской системы, я позволю себѣ ненадолго остановить на нихъ вниманіе читателя.

Ладожское озеро, простирающееся въ ширину на сто двадцать пять, а въ длину на двѣсти верстъ, давно уже извѣстно своими бурями, особенно въ весеннее и осеннее время, и недаромъ покойный Мей характеризовалъ его такими стихами:

Вихремъ Ладога-озеро, бурей обвѣяно  
И волнами, что хмелемъ бродливымъ засѣяно..  
Только вѣдаютъ волны-разбойнички,  
Да тонувше въ весну покойнички,  
Каково его сердце сердитое,  
О пороги, о берегъ раабитое.

Устроивъ для торговаго судоходства Вышневолоцкую систему, Петръ ясно видѣлъ, что, даже миновавъ Боровицкіе пороги, суда еще далеко не могутъ считать себя обезпеченными отъ крушенія, пока не прѣйдутъ бурнаго Нево, какъ встарину называлъ Ладогу лѣтописецъ.

И дѣйствительно, озерныя бури, съ которыми еле, еле справлялись хорошо оснащенные, крѣпкіе галіоты, для хрупкихъ, неповоротливыхъ рѣчныхъ барокъ представляли почти неминуемую гибель. По цѣлымъ недѣлямъ приходилось волжскимъ судамъ стоять въ устьѣ Волхова и выжидать благопріятной погоды, а тѣ изъ нихъ, которыхъ буря застигала на озерѣ, десятками разбивались объ его каменныя луды и песчаныя отмели. «Извѣстно,—говорится въ указѣ 1718 года,—какой великій убытокъ по вся годы числится отъ худыхъ судовъ, и что однимъ симъ лѣтомъ съ 100 судовъ пропало». И вотъ, чтобы обезпечить наше торговое судоходство отъ ярости бурнаго озера, Петръ рѣшилъ на грандіозное, по тому времени, предпріятіе—прокопать вокругъ него, между Ладогою и Шлиссельбургомъ обходной каналъ, длиною болѣе ста верстъ. На такую громадную работу требовались и рабочія руки и значительныя средства, но ни тѣхъ ни другихъ въ наличности не было: вся окружающая мѣстность представляла собою дикую, безлюдную пустыню, а казна была въ конецъ истощена долготѣною войною со шведами. Петръ прибѣгнувъ къ крайнимъ мѣрамъ. Онъ приказалъ собрать особую подать по 23 алтына и 2 деньги съ cadaго двора, а съ торговыхъ людей по 5 копеекъ съ рубля. Указъ о подати былъ объявленъ въ сентябрѣ 1718 г., а въ ноябрѣ вышелъ другой, коимъ повелѣвалось, чтобы рабочіе на Ладожскій каналъ были поставлены изъ всѣхъ крестьянскихъ дворовъ, какъ духовныхъ, такъ и част-

ныхъ владѣльцевъ, а равно и дворцовыхъ конторъ, но указъ этотъ, чуть ли не по настоянію князя Я. Ф. Долгорукаго, былъ вскорѣ отмѣненъ, и рабочіе хотя и приглашались со всей имперіи, но уже за плату «по своей свободной волѣ и безъ всякой для нихъ обиды». Вся работа была сдана подрядчикамъ и по условію должна была окончиться къ 1721 или, самое позднее, въ 1722 году. Для наблюденія за производствомъ работъ былъ назначенъ капитанъ-лейтенантъ Григорій Скорняковъ-Писаревъ, креатура Меншикова.

22-го мая 1719 г. Петръ лично началъ работы на каналѣ, трижды наполнивъ тачку землею и отвезя въ сторону, къ мѣсту будущей береговой насыпи.

Вначалѣ онъ очень заботился о новомъ каналѣ, но съ теченіемъ времени другія важныя государственныя дѣла отвлекли его вниманіе отъ этого сооруженія, а между тѣмъ, несмотря на массу рабочихъ рукъ и на затраченныя крупныя суммы, дѣла на каналѣ вовсе не подвигались впередъ. Сильный поддержкою Меншикова, Писаревъ хозяйничалъ тамъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Посылая въ Петербургъ ложныя донесенія о якобы успѣшномъ ходѣ работъ, онъ ровно ничего не дѣлалъ, а если что и дѣлалъ, то крайне неумѣло и безтолково. Основываясь на его донесеніяхъ, сенатъ, 16-го августа 1721 года, издалъ указъ, что Ладожскій каналъ будетъ, по всей вѣроятности, оконченъ къ слѣдующему году, и потому всѣ, желающіе плыть по нему, приглашались быть готовыми со своими судами, а между тѣмъ канала не было сдѣлано и четвертой части.

Въ 1723 году, вернулся изъ персидскаго похода Петръ и, полубольной, отправился, въ сопровожденіи Миниха (незадолго передъ тѣмъ поступившаго на русскую службу), осматривать работы на каналѣ. Каково же было его изумленіе, когда, пріѣхавъ на мѣсто, онъ увидѣлъ, что каналъ прокопанъ всего на протяженіи 12 верстъ и копанъ мелко, безъ кювета, а набросанный кое-какъ вдоль берега фашинникъ сползалъ въ воду и окончательно засаривалъ произведенную работу; а между тѣмъ, сколько здѣсь было непроизводительно загублено человѣческихъ жизней, о томъ свидѣтельствовала дамба, превратившаяся почти въ сплошное кладбище. Петръ въ горести сошелъ съ лошади и легъ на землю. Всѣ ожидали, что онъ своими руками прибьетъ Писарева, а самъ виновный даже желалъ этого, но государь только горько упрекнулъ его и велѣлъ нарядить надъ нимъ и техниками иностранцами строгое слѣдствіе. Писаревъ былъ сосланъ въ Сибирь, а работы на каналѣ поручены Миниху, и на этотъ разъ государь не ошибся.

Цѣлымъ рядомъ благоразумныхъ административныхъ мѣръ Минихъ въ короткое время поднялъ духъ рабочихъ, поставилъ дѣло на правильныя, въ техническомъ отношеніи, основанія и сумѣлъ привлечь на работы еще до 7.000 бурлаковъ, съ помощію которыхъ

дѣло быстро двинулось впередъ. Не прошло и года, какъ на каналѣ уже былъ выстроенъ первый бейшлотъ, и къ 12 верстамъ Писарева прибавлено 8 новыхъ верстъ, выкопанныхъ по всѣмъ правиламъ техники.

Петръ проѣхалъ по кювету новой части канала въ ботикѣ, который мы видѣли въ Шлиссельбургѣ, и собственноручно пробилъ перемышку, отдѣлявшую новую часть отъ старой. Онъ былъ въ восторгѣ, пошелъ обѣдать къ Миниху въ Дубно, нѣсколько разъ благодарилъ его и взялъ съ собою въ Петербургъ, куда явился значительно поздоровѣвшимъ и веселымъ. Въ Петербургѣ онъ велѣлъ Миниху явиться въ сенатъ, гдѣ съ большою похвалою представилъ его сенаторамъ, замѣтивъ, что прочитъ его на мѣсто начальника артиллеріи, и отпуская сказалъ на прощанье: «Постройте такой каналъ, который былъ бы единственнымъ въ свѣтѣ». Это были послѣднія слова, слышанныя Минихомъ отъ государя.

Полный энергіи и свѣтлыхъ надеждъ вернулся онъ на работы, но 29-го января 1725 г. государя не стало, и Меншиковъ, косо смотрѣвшій на Миниха, старался всѣми силами затормозить дѣло. Но энергичный нѣмецъ, даже среди неблагоприятныхъ обстоятельствъ, находилъ возможность продолжать работу, завѣщанную ему великимъ преобразователемъ, и, спустя четыре года послѣ паденія Меншикова, съ честью привелъ ее къ окончанію. 19-го марта 1731 года каналъ былъ открытъ на всемъ протяженіи, и устье Волхова соединено съ истокомъ Невы.

Когда была устроена Тихвинская система, сообщающаяся съ Ладожскимъ озеромъ посредствомъ рѣки Сяси, то устье этой послѣдней, находящееся въ 10 верстахъ отъ устья Волхова, было соединено съ нимъ также обходнымъ каналомъ, выкопаннымъ въ 1802 году, съ устройствомъ же Маринской системы и отъ устья Свири до Сяси былъ прокопанъ свой обходный каналъ на протяженіи 37½ верстъ, открытый въ 1810 году.

Между тѣмъ Ладожскій каналъ, несмотря на ремонты шлюзовъ и другихъ сооружений, пришелъ въ ветхость и засорился настолько, что для углубленія его и приведенія въ настоящій видъ потребовалась бы сумма въ два съ половиною милліона рублей. Но, кромѣ этой крупной затраты, возникало еще другое болѣе важное затрудненіе. Производство работъ въ лѣтнее время было немыслимо, такъ какъ остановило бы всю навигацію, слѣдовательно работать пришлось бы только раннею весною или позднею осенью въ сырость, слякоть, холодъ и стужу, но при такихъ условіяхъ ни одинъ подрядчикъ не соглашался работать. Въ виду этихъ затрудненій, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ министерствѣ путей сообщенія возникла мысль: не останавливая судоходства на старомъ каналѣ, прокопать параллельно ему новый каналъ вдоль озернаго берега, а въ предохраненіе отъ мелководья сдѣлать его открытымъ,

т.-е. имѣющимъ, посредствомъ прокоповъ въ дамбѣ, постоянное сообщеніе съ самимъ озеромъ. Мысль эта была приведена въ исполненіе въ 1866 году.

Новый каналъ копали въ продолженіе пяти лѣтъ, начиная съ 1861 г.; расходы по его устройству обошлись въ 5.000,000 рублей. Торжественное открытіе канала, которое почтилъ своимъ присутствіемъ императоръ Александръ II, состоялось 1-го сентября 1866 года. Когда благодарное купечество просило государя о дозволеніи назвать новый каналъ его именемъ, онъ далъ на это милостивое согласіе и тутъ же выразилъ желаніе, чтобы старый Ладожскій каналъ именовался впредь каналомъ императора Петра Великаго.

Вскорѣ и остальные два старыхъ канала, Сясьскій и Свирскій, въ виду развитія торговли и увеличенія судоходства, были признаны недостаточными и не удовлетворяющими, по причинѣ тѣсноты, быстрому и правильному движенію судовъ. Вслѣдствіе этого параллельно имъ были проведены два новыхъ канала, изъ которыхъ Сясьскій былъ открытъ въ 1880 году, а Свирскій—тремя годами позднѣе.

Такимъ образомъ теперь наше судоходство надолго обезпечено двойною линіею каналовъ отъ устья Свири до устья Невы, на протяженіи болѣе полутора ста верстѣ.

Пройдя узкій Кошкинскій фарватеръ, пароходъ нашъ вступилъ въ линію судовъ, стоявшихъ на рейдѣ. Здѣсь были и высокіе, красивые галіоты, напоминавшіе видомъ старинные голландскіе корабли, и широкобокія двухмачтовыя шкуны, и неуклюжія соймы. Одни изъ нихъ, повидимому, уже разгруженные, высоко сидѣли въ водѣ, другія еще разгружались, третьи ожидали очереди. Между ними сновали мелкія одномачтовыя суда. Тутъ же неподалеку разбѣзжали въ челнокахъ рыбаки, раскидывая сѣти. Солнце опускалось къ западу, поверхность озера искрилась золотыми блестками.

Мы миновали стоявшее на якорѣ, почти на самомъ фарватерѣ, небольшое судно съ надписью: брандвахта. На брандвахтѣ была выкинута мѣра—9 футовъ 6 дюймовъ.

— Это теперешняя глубина фарватера,—пояснилъ намъ капитанъ:—больше девяти почти никогда не бываетъ.

— А въ сухіе годы?

— А въ сухіе годы доходитъ и до пяти футовъ.

Мы оглянулись назадъ. Шлиссельбургъ почти уже слился съ темною линіею берега, и только крѣпость выдѣлялась еще узкою, сѣрватою полосою.

Вскорѣ и суда остались позади насъ; пароходъ вышелъ въ открытое озеро. Рулевой снялъ крышку съ компаснаго ящика и, покосившись на открытый компасъ, поставилъ руль на Nord-Nord-Ost.

Берега разступались все шире и шире, впереди показался маякъ Кареджи, на горизонтѣ широкая, спокойная гладь озера сливалась съ небомъ.

Отъ нечего дѣлать мы пошли бродить по пароходу.

Пассажировъ на палубѣ было не очень много. Всѣ они, по большей части, принадлежали къ мѣстному населенію; тутъ были крестьяне, рабочіе, приказчики, мелкіе торговцы. Среди нихъ оказался какой-то подрядчикъ, который въ качествѣ осѣдлаго петербуржца считалъ себя человѣкомъ привилегированнымъ и относился къ собесѣдникамъ нѣсколько свысока и въ наставительномъ тонѣ.

— А съ чего начинать надо?—раздавался по палубѣ его звучный голосъ.—Начинать надо съ основъ; вся сила въ этомъ. Прежде надо головы очистить да пополирвать.

Слушатели молчали.

— Возьмемъ, напримѣръ, деревенскую молодежь, которая приходитъ къ намъ въ Петербургъ на работы. Вѣдь онъ топора въ руки взять не разумѣетъ, узла на веревкѣ завязать не можетъ, а воспитывался въ деревнѣ. Ахъ, ты такой, сякой! Да ты въ гостинномъ дворѣ что ли выросъ? А чуть лишнее слово ему скажешь, сейчасъ расчетъ и идетъ къ другому. Просто бѣда нынче съ молодежью, избаловалась совсѣмъ. Поѣзжайте въ деревню. Что вы тамъ найдете? Вино, пѣсни, гармонія! Вотъ оно зло-то! Вотъ болѣзнь русскаго народа!...

Въ носовой части собралась публика «посѣрѣ». Толпа судоробочихъ столпилась въ кружокъ и слушаетъ чтеніе какой-то книжки духовно-нравственнаго содержанія.

— «Какая участь твоя, человѣкъ?—слышится среди окружающей тишины голосъ чтеца:—вотъ ты живешь, худо ли, хорошо ли, живешь; потомъ начнешь слабѣть, слабѣть, старѣть, наконецъ умрешь, истлѣешь, обратишься въ прахъ».

Чтецъ читаетъ очень медленно, остававливаясь передъ каждымъ словомъ и, повидимому, складывая его въ головѣ. Толпа кругомъ слушаетъ, понуривъ головы.

«Вотъ идутъ недѣли, мѣсяцы, годы послѣ твоей смерти,—продолжаетъ чтецъ:—твои родные, друзья, знакомые вспоминаютъ о тебѣ, говорятъ про тебя, и ты, какъ будто, все еще живешь на землѣ. Но вотъ проходятъ сотни лѣтъ, вотъ наступаютъ тысячелѣтія; твоихъ родныхъ, знакомыхъ, друзей нѣтъ уже на свѣтѣ, и домъ, въ которомъ ты жилъ, истлѣлъ, и могила твоя сравнялась съ землею, и ты забытъ, и о тебѣ некому вспомнить, и ты какъ будто никогда не жилъ на землѣ».

— Да чего объ насъ и вспоминать-то?—вполголоса замѣчаетъ одинъ изъ мужичковъ своему сосѣду:—жилъ да померъ, чего-жъ тутъ еще?

— Нѣтъ, постой,—отвѣчалъ сосѣдъ:—а ты слыхалъ въ церкви вѣчную память поють? Значить, такъ должно.

— Это богатымъ вѣчную-то память, а нашего брата чего помнить?

Между тѣмъ чтеніе продолжается:

— «...можетъ быть, вмѣсто домовъ выростутъ лѣса огромные, можетъ быть, вмѣсто людей дикіе звѣри будутъ топтать наши могилы. Все можетъ быть, слушатели, но не можетъ быть, чтобы объ насъ некому было вспомнить: насъ не забудетъ, насъ вспомнить въ своихъ молитвахъ наша святая православная церковь, а она будетъ пребывать на землѣ, доколѣ земля стоять будетъ»...

Сидящая неподалеку отъ чтеца старушка начинаетъ утирать глаза, головы слушателей въ раздумѣ опускаются еще ниже.

Въ это время подрядчикъ уже успѣлъ потребовать на палубу чаю и, когда мы возвращались въ каюту, угощалъ своихъ случайныхъ собесѣдниковъ, не переставая ораторствовать.

— Да вотъ вамъ случай изъ заграничной жизни, — поучалъ онъ тянувшихъ чаекъ приказчиковъ:—прусскому королю Фридриху понравилась мельница. Онъ призываетъ мельника. Такъ и такъ, молъ, продай, говоритъ. А тотъ: не хочу.—Продай!—Не продамъ.—Такъ я, говоритъ, ее у тебя и такъ отберу. А тотъ ему: а судъ-отъ на что? Вотъ и извольте съ нимъ толковать! А у насъ попробуйте. Развѣ въ нашихъ судахъ это возможно? Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одного завѣдомаго мошенника оправдали.

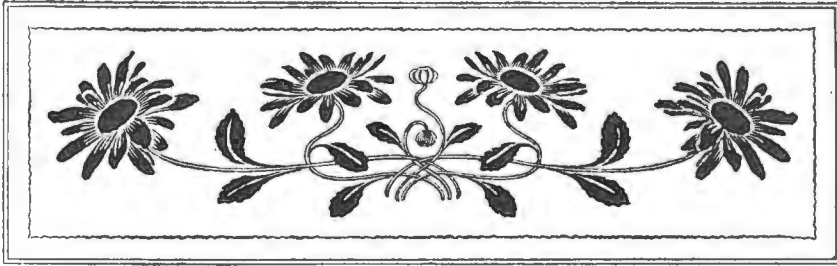
Маякъ Кареджи давно уже скрылся изъ вида. Солнце садилось въ тучку, обливая ея края точно расплавленнымъ золотомъ. Съ юга надвигались прозрачныя сумерки; наступала теплая лѣтняя ночь. Все кругомъ окуталось легкою, сѣрватою дымкою, а впереди, какъ звѣздочка, замелькалъ огонекъ маяка Сухо.

**И. Тюменевъ.**

*(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).*







## КАКЪ Я ПОСТУПИЛА ВЪ СМОЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ.



РАЗСКАЗЪ этотъ записанъ со словъ моей теперь уже покойной бабушки, Людмилы Лукиничны Снѣгиревой, рожденной Охочинской, и передается здѣсь отъ ея лица, такъ какъ въ немъ не сдѣлано никакихъ измѣненій противъ ея устнаго разсказа. А. Донаурова.

Я родилась въ 1817 году, въ деревнѣ Салтановкѣ, Калужской губерніи, Малоярославецкаго уѣзда. Отецъ мой, небогатый помѣщикъ, служилъ по выборамъ и имѣлъ девять человекъ дѣтей: троихъ отъ перваго и шестерыхъ отъ втораго брака; изъ послѣднихъ я, родившаяся въ 1817 году, была старшая. Мать мою четырнадцати лѣтъ выдали замужъ за моего отца, которому въ то время было 50 лѣтъ, и который имѣлъ троихъ дѣтей, бывшихъ старше матери. Не хотѣлось ей, навѣрное, такой молодой, почти ребенку, выходить за пятидесятилѣтняго, совершенно глухого старика, но она была сирота, воспитывалась у тетки, и ея мнѣнія никто не спросилъ.

Имѣніе наше, деревня Салтановка, находилось въ одной верстѣ отъ села Сѣтуни, извѣстнаго по исторіи 1812 года, и въ 10 верстахъ отъ села Полотняный Заводъ, имѣнія Гончарова, отца Наталіи Николаевны Пушкиной. Мать моя вышла замужъ въ 1814 году и до 1826 года имѣла шестерыхъ дѣтей. Тяжело ей было такой

молодой справляться и съ имѣніемъ, тѣмъ болѣе, что отецъ былъ очень безпечный и ни во что не вступался, и съ нами; да и взрослые падчерицы доставляли много горя. Но она была женщина энергичная и скоро все забрала въ руки. Она всегда говорила: «ничему я не завидую, ни красотѣ, ни богатству, ни знатности, завидую я только тѣмъ, кто можетъ дать своимъ дѣтямъ образованіе». Это была ея вѣчная забота. Средства были небольшія, связей въ Петербургѣ и слѣдовательно надежды опредѣлить насъ на казенный счетъ въ учебныя заведенія не было, приходилось что нибудь придумывать. Энергія и изобрѣтательность матери выручили ее и тутъ: она предложила нѣсколькимъ болѣе состоятельнымъ сосѣдямъ отдать за извѣстную плату ей своихъ дѣтей; на эти деньги она выписала изъ Москвы учителей, и я, и мои братья, и сестры учились вмѣстѣ съ дѣтьми сосѣдей. Мнѣ лично немного пришлось учиться въ этомъ своеобразномъ пансіонѣ, такъ какъ Богъ помогъ моей матери исполнить свое завѣтное желаніе дать намъ образованіе, и вотъ какъ это все вышло.

Мать моя была очень религіозная женщина и имѣла обыкновение каждое первое число служить на дому молебень съ водосвѣтіемъ. Такъ было и 1-го мая 1826 года. Когда отошелъ молебень, священникъ, разоблачаясь и собираясь по приглашенію матери итти закусить, сообщилъ ей, что помѣщица села Сѣтуні отправилась въ Малоярославецъ, чтобы увидать императрицу Марію Феодоровну, которая должна была тамъ проѣхать по дорогѣ въ Калугу, куда она ѣхала для свиданія съ возвращающейся изъ Таганрога императрицей Езисаветой Алексѣвной. Въ тѣ времена газетъ не было, извѣстія доходили медленно, и мать ничего не знала и очень огорчилась, что не успѣетъ туда поѣхать.

— Да вы, матушка, Настасья Петровна, поѣзжайте въ Семейкино: тамъ вы навѣрное еще застанете императрицу,—сказалъ священникъ.

Семейкино, почтовая станція, было въ 7 верстахъ отъ насъ. Мать тотчасъ велѣла запрягать лошадей, забрала отца и всѣхъ насъ, и мы отправились въ Семейкино.

Царскій поѣздъ только что прибылъ, когда мы подѣхали, но на крыльцѣ и около почтоваго дома, гдѣ остановилась императрица, была уже масса народу. По одну сторону встали окрестные помѣщики, по другую простонародье. Не желая стать сзади, мать поставила насъ на ту сторону, гдѣ стоялъ простой народъ. Узнали мы тутъ, что императрица будетъ въ Семейкинѣ обѣдать, и предводитель дворянства вышедши объявилъ, что желающіе могутъ подходить къ окнамъ и смотрѣть, какъ императрица будетъ кушать. Подошли и мы въ свой чередъ. Только отца не было съ нами, онъ пошелъ осматривать царскіе экипажи и лошадей да разговаривать со служителями. Во время обѣда статсъ-секретарь, Григорій Ива-

новичъ Виламовъ, вышелъ на крыльце за чѣмъ-то и обратилъ вниманіе на моего младшаго брата, бывшаго еще на рукахъ у няньки и который былъ прехорошенькій мальчикъ. Виламовъ приласкалъ его и далъ ему конфетъ.

Послѣ обѣда императрица отправилась на другую половину переодѣться, и всѣ мы видѣли, что, когда она проходила черезъ коридоръ, раздѣлявшій почтовый домъ на двѣ половины и выходявшій на крыльцо, гдѣ всѣ стояли, Виламовъ указалъ ей на насъ.

Черезъ нѣсколько времени императрица, въ черномъ суконномъ платьѣ со шнипомъ и плерезами, въ шляпѣ съ длиннымъ крепомъ, высокая и величественная, вышла на крыльцо и направилась прямо къ намъ, только поклонившись на другую сторону.

— Это все ваши дѣти?—обратилась она къ матери.

— Мои, ваше императорское величество,—отвѣтила мать.

Сопровождавшій государыню предводитель объяснилъ, что мы дѣти небогатаго помѣщика здѣшняго уѣзда.

— Уступите мнѣ свою старшую дочь,—сказала императрица:—я беру ее своей пансіонеркой въ Смольный монастырь, а когда подрастутъ другія дѣти, я и ихъ не оставлю.

Пораженная мать упала государынѣ въ ноги, а она, обратившись къ кому-то изъ своихъ приближенныхъ, сказала:

— Дайте апельсиновъ дѣтямъ Охочинскимъ.

Ей подали четыре апельсина, на что она, указывая на насъ, сказала:

— Это мало, дайте еще,—но ей доложили, что больше нѣтъ.

Затѣмъ государыня милостиво протянула для поцѣлуя руку матери и намъ, а моя младшая сестренка, бывшая на рукахъ у кормилицы, сама протянула ей ручку, и государыня ей ее поцѣловала.

Когда императрица сѣла въ карету, то опустила руку въ мѣшокъ и вынула еще два апельсина, которые велѣла тотчасъ же передать намъ, такъ какъ двоимъ не хватило.

Разумѣется, насъ сейчасъ же всѣ окружили и стали поздравлять съ такою милостію, а нѣкоторые пошли отыскивать и поздравлять моего отца, который ничего не видалъ и не слышалъ; но тотъ вообразилъ, что надъ нимъ смѣются, обидѣлся, и успокоился и повѣрилъ только тогда, когда увидѣлъ у насъ въ рукахъ апельсины, которые были въ нашемъ краю такую рѣдкостью, что мы, дѣти, видѣли ихъ въ первый разъ въ жизни.

Несмотря на всю неожиданность случившагося и на свое волненіе, мать обратилась къ императрицѣ съ вопросомъ, когда же ея величество прикажетъ привезти дочь въ Петербургъ: «Черезъ

годъ, а еще лучше въ мартѣ»,—отвѣтила государыня и, обратившись къ статсъ-секретарю Виламову, приказала ему записать это, а также мое имя, фамилію и званіе.

Вскорѣ до насъ дошли слухи о кончинѣ императрицы Елисаветы Алексѣевны, а также о томъ, что поѣздъ съ ея тѣломъ остановится на дневку въ Полотняномъ Заводѣ, гдѣ будетъ обѣдня и панихида. Отецъ съ матерью отправились туда и взяли меня съ собою. Тѣло императрицы стояло въ закрытомъ гробу подъ балдахиномъ; помню, тогда рассказывали, что въ гробъ былъ вставленъ градусникъ, и доктора, сопровождавшіе тѣло, все время слѣдили, чтобы температура была одна и та же.

Все лѣто меня возили по роднымъ прощаться, но въ то же время мною усиленно занимались, а въ концѣ января 1827 года мы отправились на долгихъ въ Петербургъ. Ъхали мы въ двухъ повозкахъ: въ одной—мать, отецъ и я, а въ другой—моя нянька, братъ Михаилъ, сестра Любовь и лакей.

Путешествіе длилось цѣлый мѣсяць; два раза въ день останавливались кормить лошадей и ночевать, и въ началѣ масленицы пріѣхали въ Петербургъ.

Отдохнувъ нѣсколько дней, мать отправилась въ Смольный; но каково было ея смущеніе и удивленіе, когда ей сказали тамъ, что имъ ничего неизвѣстно! Что дѣлать? Она рѣшилась отправиться къ Виламову. Когда она вошла въ его кабинетъ, назвала себя и напомнила, при какихъ обстоятельствахъ государыня приняла меня,—Виламовъ покачалъ головой.

— Напрасно вы пріѣхали такъ рано,—сказалъ онъ—теперь у насъ выпускъ, а пріемъ будетъ 1-го августа.

— Какъ же, ваше высокопревосходительство, сама императрица приказала пріѣхать въ мартѣ?

— Да,—сказалъ онъ,—это наша вина, приходите черезъ недѣлю, я доложу ея величеству.

Цѣлая недѣля прошла въ томительномъ ожиданіи. Въ назначенный день мать опять отправилась къ Виламову; результатомъ свиданія было слѣдующее: или мать получить прогоны за дорогу въ Петербургъ и обратно, или пусть отдастъ меня пока въ Маріинскій институтъ.

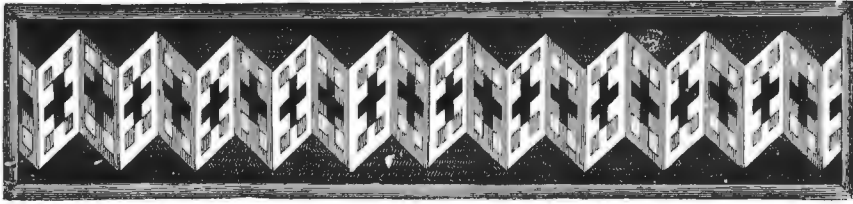
Что было дѣлать? Ъхать назадъ и везти меня опять въ августѣ при ея слабомъ здоровьѣ и большомъ семействѣ было очень затруднительно; отдать меня въ Маріинскій институтъ—страдало самолюбіе. Какъ, она всеѣмъ говорила, что ея дочь принята въ Смольный, и вдругъ приходится отдавать въ Маріинскій институтъ, куда тогда принимали дочерей разночинцевъ!

Но благоразуміе взяло верхъ, и 1-го мая мать уѣхала, помѣстивъ меня въ Маріинскомъ институтѣ, гдѣ я оставалась до 1-го августа, когда меня перевели въ Смольный, гдѣ я пробыла безвыходно 9 лѣтъ ученицею и 2 года пециньеркой.

Благодаря милости государыни, обѣ мои сестры были тоже приняты на казенный счетъ, братья—тоже. О поступленіи въ Смольный моей сестры Любви, которую мать уѣзжая оставила въ Петербургѣ у своей двоюродной сестры, вдовы вице-адмирала Карцева, и о моей жизни въ Смольномъ разскажу въ другой разъ.

Л. Л. Снѣгирева.





## ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I ВЪ СЕЛѢ ЧУМЫРѢ ВЪ 1824 ГОДУ <sup>1)</sup>.



СЕНЬЮ ПРОШЛАГО ГОДА мнѣ совершенно случайно пришлось побывать въ селѣ Чумырѣ, Сарапульскаго уѣзда. Я ѣхалъ изъ Ижевскаго завода въ Вятку и избралъ кратчайшій путь: на лошадахъ до станціи «Чепца» Пермь-Котласской желѣзной дороги, а затѣмъ по чугункѣ. Село Чумырѣ лежало какъ разъ на половинѣ моей дороги въ экипажѣ. Приѣхалъ я въ Чумырѣ поздно вечеромъ; ѣхать далѣе было совершенно невозможно вслѣдствіе темноты и дурной дороги; поэтому я и рѣшилъ переночевать въ селѣ Чумырѣ. Я ѣхалъ съ попутчикомъ, у котораго въ этомъ селѣ былъ родственникъ—протоіерей В. Р—скій. Попутчикъ предложилъ переночевать у о. протоіерея.

Когда мы подъѣзжали къ протоіерейскому дому, меня удивило то обстоятельство, что, несмотря на сравнительно еще непозднее время (около 9<sup>1</sup>/<sub>2</sub> часовъ), ни въ одной комнатѣ дома, кромѣ кухни, не было огня. Выѣжавшій на звуки колокольчиковъ работникъ сообщилъ, что о. протоіерей уже почиваетъ. Тѣмъ не менѣе работникъ растворилъ ворота и радушно предлагалъ намъ заѣхать, даже не узнавъ, кто мы такіе. Едва мы успѣли войти въ комнаты и раздѣться, какъ навстрѣчу намъ вышелъ и о. протоіерей, разбуженный шумомъ отворяющихся и затворяющихся дверей.

<sup>1)</sup> Замѣтка эта служить какъ бы дополненіемъ къ помѣщеннымъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (августъ, 1897 г.) «Разсказамъ очевидцевъ о проѣздѣ черезъ Ятуръ-Бодю въ 1824 году императора Александра I-го и наследника цесаревича Александра Николаевича въ 1837 году»—С. Моисеева.

О. протоіерей В. А. Р—скій оказался очень любезнымъ и гостепріимнымъ человѣкомъ. Несмотря на свой преклонный возрастъ (онъ уже отпраздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своего священства), онъ живо интересовался всѣмъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Видно было также, что и на окружающую его жизнь онъ смотрѣлъ глазомъ внимательнаго наблюдателя, находя въ ней матеріалъ для интересныхъ выводовъ и обобщеній. И—сравнительно рѣдкая черта въ такихъ людяхъ—онъ охотно готовъ былъ подѣлиться съ другими опытомъ своей долготѣйшей жизни.

Первое время прошло, конечно, во взаимныхъ рекомендаціяхъ и объясненіяхъ, а съ моей стороны и въ извиненіяхъ за безцеремонное вторженіе. Мой попутчикъ, подростокъ лѣтъ 16-ти, все время молчалъ, да и не былъ интересенъ для о. протоіерея. Хозяинъ нашъ все свое вниманіе обратилъ на меня. Говорили мы о томъ, о семъ; главнымъ же образомъ разговорились за чаемъ.

Между прочимъ, о. Р—скій совершенно неожиданно для меня сказалъ:

— А знаете, вѣдь этотъ домъ историческій.

— Какъ историческій?—встрепенулся я, ожидая услышать что либо любопытное.

— Да такъ. Въ этомъ домѣ останавливался и обѣдалъ императоръ Александръ Благословенный на пути изъ села Дебель въ Ижевской заводъ въ 1824 году <sup>1)</sup>. Когда составлялся сборникъ «Столѣтіе Вятской губерніи» <sup>2)</sup>, меня просили сообщить, что я знаю о проѣздѣ царя черезъ Чумырь, но я умолчалъ, сказалъ, что ничего не знаю, такъ какъ нахожу, что рассказывать то, что я знаю, не послужило бы къ чести нашей фамиліи.

Понятное дѣло, что слова о. Р—скаго затронули мое любопытство, и я сталъ упрашивать почтеннаго хозяина подѣлиться со мной своими свѣдѣніями. Послѣ нѣкоторыхъ упрасиваній о. Р—скій рассказалъ мнѣ слѣдующее.

— Этотъ домъ выстроенъ моимъ дѣдомъ еще въ 1800 году, такъ что въ немъ родился и мой отецъ. Хотя маршрутъ поѣздки государя былъ посланъ губернатору всего за два мѣсяца до выступленія царскаго поѣзда изъ Петербурга, губернское начальство еще за годъ

<sup>1)</sup> Императоръ Александръ I-й посѣтилъ Вятскую губернію въ 1824 году. Въ первый число октябры императоръ пріѣхалъ въ Вятскую губернію изъ Пермской: изъ села Дебель проѣхалъ въ Ижевской заводъ и оттуда снова вернулся въ Дессы, затѣмъ черезъ Глазовъ и Слободской прослѣдовалъ въ Вятку, откуда черезъ Орловъ выбылъ въ Вологодскую губернію.

<sup>2)</sup> «Столѣтіе Вятской губерніи. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи Вятскаго края» былъ изданъ въ 1880 году въ городѣ Вяткѣ въ двухъ объемистыхъ томахъ. Къ сборнику приложенъ томъ «Древнихъ актовъ». Въ статьѣ «Высочайшія посѣщенія Вятской губерніи» Н. П. Бехтеревъ рассказываетъ о посѣщеніи императоромъ Александромъ I-мъ Ижевскаго завода, но ничего не сообщаетъ о подробностяхъ поѣздки государя въ Ижевской заводъ.

готовилось къ приему царя, такъ какъ слухи о его посѣщеніи носились давно.

Нужно сказать, что и теперь еще наши дороги невозможны, а тогда мѣстность наша была болѣе богата лѣсами, и проселочная дорога на Сибирскій трактъ осенью представляла собой нѣчто совершенно невозможное. Для проѣзда государя устроили специальную дорогу отъ деревни Игры до села Якшурь-Бодья; изъ Якшурь-Бодьи дорога въ Ижевскъ идетъ уже сплошь лѣсомъ, и ее лишь расширили. Вновь устроенную дорогу взбугрили, обсадили березками; она еще и теперь, хотя уже заброшенная, представляетъ подобіе такъ называемаго «коммерческаго тракта».

По маршруту государь долженъ былъ проѣхать въ Ижевской заводъ изъ села Дебелъ, гдѣ онъ ночевалъ, черезъ наше село, пробить въ заводъ два дня и снова черезъ Чумырѣ вернуться на Сибирскій трактъ. Въ Чумырѣ была назначена остановка для обѣда<sup>1)</sup>. Такъ какъ государь долженъ былъ обѣдать въ нашемъ домѣ, то дѣдушка, человѣкъ очень простой, немало волновался, страхался предстать, какъ хозяинъ, предъ очи царя. Въ церкви другое дѣло. Мой отецъ, молодой человѣкъ, «философъ», недавно еще женившійся, вызывался встрѣтить государя и вести съ нимъ разговоръ, но начальство не пожелало этого и велѣло дѣдушкѣ самому принимать государя.

Народу къ встрѣчѣ государя собралась тьма-тьмуца. Вотъ наступилъ и день встрѣчи—3-е октября 1824 года. На колокольнѣ былъ поставленъ человѣкъ, который, завидя экипажъ, долженъ былъ дать звонарю сигналъ ко звону. Духовенство, чуть не съ полночи, стояло во всемъ облаченіи на паперти, ожидая дорогого гостя. Рано утромъ звонарь зазвонилъ вдругъ «во вся». Сердце у всѣхъ встрепенулось. Вотъ въ село во всю скачь внесся экипажъ; приближается къ церкви; духовенство уже пошло было навстрѣчу, но экипажъ прослѣдовалъ мимо церкви и остановился у дѣдушкина дома. Оказалось, что это былъ поваръ государя<sup>2)</sup>. Поваръ быстро выскочилъ изъ экипажа, вошелъ въ домъ и началъ распоряжаться людьми, торопясь съ приготовленіемъ обѣда, а дѣдушка съ діакономъ опять замерли на паперти.

Послѣ полудня приѣхалъ въ село и государь со свитой. Приложившись ко кресту и побывъ нѣкоторое время въ церкви, государь въ сопровожденіи свиты направился въ приготовленный для него

<sup>1)</sup> С. Моисеевъ въ своей статьѣ «Воспоминанія очевидца» etc. говоритъ, что въ передній путь государь обѣдалъ въ Якшурь-Бодьѣ. Не понимаемъ, на чемъ собственно основываетъ онъ свое предположеніе; надпись на доскѣ, сооруженной въ память остановки государя въ Якшурь-Бодьѣ, ясно указываетъ, что государь останавливался для отдыха въ Якшурь-Бодьѣ на обратномъ пути.

<sup>2)</sup> Поваръ по расписанію всегда ѣхалъ впереди государя за нѣсколько часовъ.



домъ. Въ домѣ уже былъ накрытъ столъ, но обѣдъ еще не былъ готовъ.

Государь со свитою прошелъ въ залъ. Дѣдушка былъ въ соседней комнатѣ, трепетно ожидая, что государь спроситъ его.

Спустя немного времени, государь дѣйствительно спросилъ:

— Кто хозяинъ этого дома?

Одинъ генералъ изъ свиты почтительно доложилъ, что хозяинъ дома— священникъ, встрѣтившій государя на паперти.

— Позовите его.

Дѣдушка предсталъ предъ очи государя. Государь милостиво отвѣтилъ на его поклонъ, а затѣмъ спросилъ, давно ли онъ священникомъ, какой у него приходъ, какое населеніе. Дѣдушка, какъ умѣлъ, отвѣтилъ на всѣ вопросы.

Помолчавъ нѣкоторое время, государь оглядѣлъ стѣны комнаты и, увидѣвъ литографію, изображавшую его и императрицу, нахмурился и сказалъ сурово:

— Зачѣмъ у тебя эта картина? Уберите ее отсюда.

Одинъ генералъ изъ свиты мигомъ взлѣзъ на стулъ, снялъ картину и вынесъ ее въ другую комнату.

Видно было, что на государя картина эта произвела неприятное впечатлѣніе. Но государь пересилилъ себя и постарался пріободрить дѣдушку, который при видѣ неудовольствія государя совсѣмъ упалъ духомъ.

Обративъ взоры свои на другую стѣну, на которой висѣлъ портретъ мѣстнаго преосвященнаго, государь спросилъ:

— Это кто?

— Епархіальный преосвященный Павелъ,— отвѣтилъ дѣдушка.

На третьей стѣнѣ висѣлъ, писанный масляными красками, портретъ нашего родственника— сельскаго священника. Государь заинтересовался узнать, кто тутъ изображень, и спросилъ:

— А здѣсь кто изображень?

— А это нашъ свать,—простодушно сказалъ дѣдъ.

Государь улыбнулся и сказалъ:

— Ступай, старичекъ.

Дѣдушку увели. Вскорѣ затѣмъ доложили, что обѣдъ готовъ, и государь сѣлъ за столъ.

Пообѣдавъ, государь приказалъ позвать хозяйку дома. Вышла моя матушка. Давъ ей поцѣловать свою руку и подаривъ 500 рублей, государь тотчасъ же, не отдыхая, поѣхалъ дальше.

На обратномъ пути государь въ Чумырѣ только перемѣнилъ лошадей.

---

Мой отецъ, несмотря на всѣ свои старанія, никакъ не могъ удостоиться чести разговора съ государемъ и долженъ былъ довольствоваться лишь тѣмъ, что наслаждался лицецрѣніемъ его величе-

ства изъ другой комнаты. Исторія съ картиной, возбудившей неудовольствіе императора, чрезвычайно заинтересовала отца. Нужно сказать, что картина эта была довольно плохенькая литографія, представлявшая императора Александра Благословеннаго и императрицу Елисавету Алексѣвну держащими другъ друга за руку. На государѣ былъ лавровый вѣнокъ, а на государыни дубовый. Внизу картины надпись: «Миръ Европы». Казалось бы, ничего особеннаго въ картинѣ нѣтъ, а между тѣмъ она возбудила сильное неудовольствіе государя. Отца это обстоятельство весьма заинтересовало, и онъ сталъ доискиваться причинъ его. Не знаю — гдѣ и какимъ образомъ, но только ему удалось выяснитъ слѣдующее.

По поводу отечественной войны и обстоятельствъ ея происхожденія въ обществѣ ходили разные слухи. Между прочимъ, изъ устъ въ уста передавалось, что при первомъ извѣстїи о вторженїи Наполеона въ Россїю императоръ Александръ I до того былъ пораженъ этимъ и такъ отчаивался спасти Россїю отъ непобѣдимаго завоевателя, что хотѣлъ бѣжать въ Англію и сообщилъ о своемъ намѣренїи императрицѣ. Но императрица рѣшительно воспротивилась этому и съ твердостью сказала, что если государь и покинетъ Россїю, то она во всякомъ случаѣ не оставитъ своего новаго отечества. Мужество, выказанное императрицею, привело государя въ восхищенїе, и онъ торжественно заявилъ, что не оставитъ Россїи и не помирится съ непрїятеlemъ, «пока у него останется хотя одна пядь земли».

Война кончилась. Врагъ былъ низвергнутъ.

— Твоими побѣдами, государь, спасена Европа,—сказала тогда императрица.

— Нѣтъ, твоимъ мужествомъ, любезная супруга, спасена и Европа, и Россїя,—возразилъ государь.

Неизвѣстный спекуляторъ выпустилъ послѣ войны литографію, изображающую государя въ лавровомъ вѣнкѣ — символѣ побѣды, и государыню въ дубовомъ — символѣ мужества. Видъ этой литографіи, напоминающей Александру I о выказанномъ имъ малодушіи, былъ ему крайне непрїятенъ, и онъ повелѣлъ изъять ее изъ употребленія.

Вотъ какъ разъяснили отцу этотъ эпизодъ. Существовалъ ли этотъ апокрифъ ранѣе, или возникъ послѣ того, какъ и свита и бывшіе въ домѣ замѣтили неудовольствіе государя на эту картину,—рѣшать не берусь...

---

Въ 1837 году село Чумырь посѣтилъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ проѣздомъ съ Сибирскаго тракта въ Ижевской заводъ. Въ Чумырь наслѣдникъ останавливался лишь на время, необходимое для перепряжки лошадей.

Приложившись ко кресту, наслѣдникъ, въ ожиданіи лошадей, велѣ бесѣду съ мѣстнымъ духовенствомъ, спрашивая, какое населеніе составляетъ большинство прихода. Узнавъ, что большая часть прихожанъ вотяки, наслѣдникъ рекомендовалъ духовенству утверждать ихъ въ православной вѣрѣ, а затѣмъ спросилъ:

— Когда были крещены вотяки здѣшной мѣстности?

Духовенство не успѣло отвѣтить, какъ изъ свиты уже дали отвѣтъ:

— При Екатеринѣ Второй.

— При Петрѣ Великомъ,—поправилъ второй.

— При Иоаннѣ Грозномъ,—выпалилъ третій.

Наслѣдникъ улыбнулся и ничего болѣе не спрашивалъ.

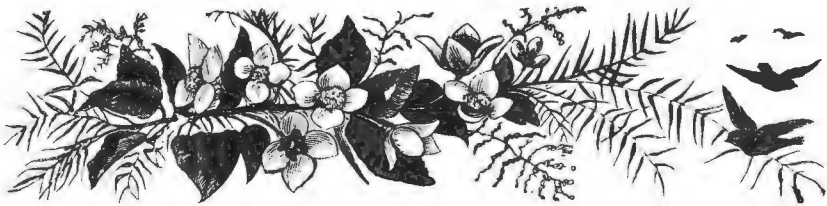
Когда экипажъ наслѣдника уже тронулся со станціи, подъ ноги лошадей бросилась бѣдно одѣтая женщина — «солдатская вдова Епишиха», съ крикомъ:

— Осударь, вольная голова, не прикажи казнить, прикажи слово молвить!

Наслѣдникъ велѣлъ остановить лошадей и, призвавъ къ себѣ Епишиху, спросилъ, о чемъ она просить. Оказалось, что ея сына, какъ солдатскаго, забрали въ кантонисты, и вдова просила возвратить его ей «для пропитанія ея старости». Наслѣдникъ сказалъ, что ничего не можетъ сдѣлать, и велѣлъ выдать опечаленной матери триста рублей.

М. С.





## ПАМЯТИ К. А. ВЕРНЕРА.



ВЪ МОСКВѢ, 31-го іюля 1902 года, скончался профессоръ сельско-хозяйственной экономіи Петровской земледѣльческой академіи (нынѣ института), Константинъ Антоновичъ Вернеръ.

Покойный кончилъ курсъ въ Петровской академіи, кончилъ экстерномъ послѣ войны 1877—1878 годовъ. «Вернеръ завоевалъ кафедру и ученую карьеру», говорили о немъ знакомые. Въ самомъ дѣлѣ, странная судьба этой недюжинной и талантливой личности, о которой послѣ смерти во всѣхъ специальныхъ органахъ появились статьи, некрологи, характеризовавшіе покойнаго со стороны только его ученой экономической дѣятельности. Въ общей литературѣ смерть человѣка, жившаго общественными интересами, пострадавшаго за нихъ, не была отмѣчена. Статья С. Ф. Фортунатова въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» была вступительной лекціей о К. А. Вернерѣ, кафедре котораго занялъ послѣ его смерти Фортунатовъ.

Съ покойнымъ профессоромъ я былъ знакомъ давно, съ 70-хъ годовъ, когда мы одновременно поступили съ нимъ въ студенты Петровской академіи: я—изъ горнаго института, онъ—изъ военной инженерной академіи<sup>1)</sup>. Отлично и теперь помню молодого офицера, полнаго энергіи, вѣры и отзывчивости на все благородное, человѣческое.

Помню, тогда удивлялись: зачѣмъ Вернеръ перемѣнилъ карьеру военнаго инженера на агронома? Но тогда... тогда были годы чи-

<sup>1)</sup> Раньше Вернеръ былъ въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ.

стыхъ увлеченій, когда о карьерѣ не думали и даже стыдились думать.

И вотъ съ самыхъ тѣхъ поръ наши близкія отношенія съ Вернеромъ не прекращались до самой смерти профессора. Вся его тревожная, безпокойная и трудовая жизнь прошла почти на моихъ глазахъ. Если онъ былъ ученый, то ученый особенный, никогда не отрывающійся отъ жизни, отъ ея всякихъ интересовъ, литературныхъ, общественныхъ и самыхъ обыденныхъ.

Связи, знакомство были у него огромныя. Его живую натуру, казалось, не удовлетворяли всякія дѣла и свои и чужія, и онъ рвался и искалъ себѣ потяжелѣе ноши.

Недолго пробылъ Вернеръ студентомъ Петровской академіи, директоромъ которой въ то время былъ нынѣ тоже покойный Ф. Н. Королевъ, не ладившій со студентами. Произошли безпорядки, совершенно впрочемъ семейнаго характера и безъ всякой политической подкладки, и Вернеръ, принимавшій въ нихъ участіе, былъ сосланъ въ городъ Глазовъ Вятской губерніи. Это было въ 1876 году. Но между нами и тогда были уже близкія, дружескія отношенія, и мы переписывались. Въ глуши Вернеръ не оставался безъ дѣла: онъ изучалъ слесарное и сапожное ремесла, составлялъ и завѣдывалъ крохотной библіотекой. Энергичный человѣкъ не унывалъ и писалъ мнѣ, что скоро увидимся. Между прочимъ онъ еще тогда началъ обращать вниманіе на нѣкоторыя особенности русской экономической жизни и сталъ думать о ихъ точномъ изученіи.

Началась русско-турецкая война. Письма отъ Вернера стали приходить рѣже и, наконецъ, совсѣмъ прекратились.

Возвращаясь однажды къ себѣ домой въ Петровско-Разумовское и подходя къ воротамъ, я увидѣлъ человѣка въ какомъ-то странномъ желтаго цвѣта пальто, чудной шапкѣ и съ длинными волосами. Станный человѣкъ, повидимому, кого-то искалъ. Я подошелъ ближе—это былъ Вернеръ!

Худой, усталый съ дороги, съ блестящими отъ радости глазами, передо мной дѣйствительно стоялъ дорогой товарищъ.

— Освободили... или?.. спросилъ я.

— Ёду на войну,—отвѣчалъ Константинъ Антоновичъ.

Онъ рассказалъ, что, подавъ на высочайшее имя просьбу о зачисленіи его въ дѣйствующую армію, былъ назначенъ въ Елизаветпольскій, 39 дивизіи, полкъ, въ отрядъ генерала Геймана ротнымъ командиромъ.

Итакъ—на войну... Помню, мнѣ казалось тогда страннымъ, что Вернеръ, совершенно мирнаго, нѣжнаго характера человѣкъ, поѣдетъ куда-то далеко, гдѣ льется кровь, творятся всякіе ужасы, и будетъ убивать турокъ. Такое дѣло не вязалось съ представленіемъ о характерѣ покойнаго.

— Ничего!..—говорилъ онъ.—Не убьютъ... война скоро кончится, я въ этомъ увѣренъ... Туркамъ съ ихъ разстроенными финансами долго не продержаться... Скоро увидимся, сдамъ по возвращеніи экзамень, а затѣмъ я намѣренъ заняться изслѣдованіями... Мы въ сущности мало знаемъ свой народъ, хотя говоримъ о немъ много, но все это теоретически, на шаткой почвѣ... надо изучать, наблюдать и изслѣдовать...

И, не думая о предстоящей побѣдѣ, Вернеръ увлекся, рассказывая мнѣ о своихъ будущихъ, послѣ войны, планахъ, о промыслахъ въ Вятской губерніи, объ удивительныхъ способностяхъ и терпѣніи русскаго кустаря, къ которому интеллигенція должна прийти на помощь.

Ссылка не произвела на него дурного вліянія. Напротивъ, передо мной находился человѣкъ рѣшительный, увѣжденный, человѣкъ, нашедшій для себя работу, въ которой видѣлъ благородную и широкую цѣль. Мы должны были повидаться съ хорошими знакомыми, но костюмъ ротнаго командира отчасти походилъ на нарядъ босяка, и я предложилъ ему переодѣться въ мой сюртукъ и даже упротилъ его снять фотографію, на что онъ согласился. Эта карточка цѣла у меня, и я ее храню, какъ память былого.

— Завтра пойдемте съ вами покупать полную обмундировку... Мнѣ надо спѣшить!.. говорилъ Вернеръ.

Быстро пролетѣли два дня, которые онъ провелъ въ Москвѣ, все время возбужденный, веселый и живой.

Передъ отъѣздомъ онъ облекся въ военное платье. Купили мы это платье, все—и сюртукъ и пальто и проч., на толкучкѣ, подержанное, и Вернеръ, кажется, заплатилъ 25 или 27 рублей. Только сабля и эполеты куплены новыя, при чемъ покойный говорилъ: «какъ только приѣду на мѣсто дѣйствія, сейчасъ замажу погоны грязью, чтобы турки не разглядѣли, а то они имѣютъ обыкновеніе цѣлиться въ офицеровъ, различая ихъ по блеску погонъ».

Не совсѣмъ правъ оказался покойный: война затянулась, и Вернеру пришлось выдержать трудную въ то время обязанность ротнаго командира. По своему возвращеніи изъ похода, Константинъ Антоновичъ много и живо рассказывалъ о военныхъ эпизодахъ, о взятіи Карса, о сраженіи подъ Деве-бойна, но больше говорилъ объ ужасахъ тифа, его эпидеміи, съ которою пришлось бороться всѣми способами. Этотъ непріятель былъ едва ли не страшнѣе турокъ и баши-бузуковъ. Вернеръ два раза перенесъ жестокій тифъ. «Этотъ завтра будетъ готовъ», слышалъ онъ заключеніе врача, остановившагося у его койки. «Штабсъ-капитанъ, ротный командиръ Вернеръ»,—сообщалъ фельдшеръ. «На томъ свѣтѣ будетъ ротой командовать», говорилъ докторъ и шелъ далѣе осматривать больныхъ, которыхъ было много, очень много.

— Представьте,—рассказывалъ послѣ Вернеръ,—каково было мнѣ слышать свой смертный приговоръ, когда хотѣлось такъ жить, хо-

тѣлось что нибудь сдѣлать тамъ, на волѣ, въ Россіи. Я былъ такъ слабъ, что не могъ пошевелиться и послѣ словъ доктора впалъ въ забытѣе... Но все-таки поправился...

Константинъ Антоновичъ говорилъ и вспоминалъ объ этомъ обстоятельстве съ нѣкоторымъ страхомъ, переживая тѣ тяжелыя минуты...

Но боевые эпизоды не вызывали въ немъ такого гнетущаго настроенія. Напротивъ, воспоминанія о разныхъ стычкахъ, бояхъ всегда оживляли бывшего офицера, и его рассказы о русскомъ солдатѣ, о его простомъ мужествѣ, или хитрой, прямо отчаянной выходкѣ, были настолько живы и типичны, что просились на бумагу въ рассказъ или эскизъ.

Онъ былъ раненъ, но легко. Солдаты любили своего ротнаго и охраняли его. Бывало, во время сильной перестрѣлки въ цѣпи ему кричатъ: «ваше благородіе, сюда, за камушекъ!». Солдаты звали своего командира «Вѣрнымъ».

Вернеръ не сторонился опасностей, его пылкую натуру тянуло испытать рискованныя положенія. Онъ вызывался «въ охотники», на рекогносцировки. Втроемъ или вчетверомъ въ темную ночь эти «охотники» отправлялись изслѣдовать непріятельскій лагерь, обыкновенно въ темнотѣ расходились, теряли другъ друга, и каждый своими собственными силами, своимъ остроуміемъ ориентировался, чтобы не попасться туркамъ и узнать о расположеніи непріятельскаго лагеря.

Будущему талантливому статистику и экономисту пришлось узнавать и добывать много цѣнныхъ свѣдѣній.

Такъ передъ извѣстнымъ сраженіемъ подъ Деве-бойна Вернеръ, бывши охотникомъ, заблудился и вблизи непріятельскаго лагеря ночью сталъ хорониться.

Утромъ грянулъ бой и засталъ ротнаго командира на ближайшихъ высотахъ, куда онъ долженъ былъ уйти отъ турокъ, и откуда онъ видѣлъ всѣ дѣйствія войскъ, какъ своихъ, такъ и непріятельскихъ,—послѣ онъ докладывалъ обо всемъ видѣнномъ командующему.

Много могъ бы я рассказать изъ того военнаго времени, въ событіяхъ котораго принималъ участіе покойный, но размѣры этого очерка не позволяютъ мнѣ останавливаться на подробностяхъ. Помню, особенно интересовался военными рассказами Вернера В. И. Орловъ, съ гордостью говорившій: «вотъ какіе у насъ статистики!.. Карсъ брали!.. Къ Эрзеруму подходили!»...

Война кончилась. Вернеръ вернулся, подалъ въ отставку и за сѣлъ приготовляться къ экзамену, который черезъ годъ онъ выдержалъ блестяще, получивъ степень кандидата агрономіи.

Съ того времени (1879 г.) Константинъ Антоновичъ всецѣло отдается дѣлу сельско-хозяйственной статистики, сначала въ качествѣ

ближайшаго сотрудника В. И. Орлова, а затѣмъ самостоятельно, какъ завѣдующій статистическимъ бюро Таврической губерніи.

Въ то время увлеченіе интеллигенціи статистикой было сильное, выборъ желающихъ работать обширный, и работы шли дружно, энергично. Рѣдко можно было видѣть въ другой какой нибудь сферѣ



Константинъ Антоновичъ Вернеръ.

то сознательное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, какое наблюдалось въ средѣ земскихъ статистиковъ того времени.

Мнѣ кажется, я не ошибусь, если назову то время «золотымъ временемъ статистики». Надо прибавить, что отношенія между завѣдующими и просто статистиками были совершенно товарищескія. Каждое земское статистическое бюро составляло дружную работа-



щую семью, семью, связанную общей цѣлью, одними стремленіями.

Среди земскихъ статистиковъ, какъ талантливый работникъ и какъ искренній и честный товарищъ, Вернеръ пользовался не только уваженіемъ, но и любовью.

Я смѣло пишу эти строки: живы еще его товарищи, которые поймутъ, что я выражаю въ отношеніи покойнаго ихъ чувства, ихъ мнѣнія.. Да и не одни статистики... Но постараюсь подробнѣе обрисовать эту интересную личность.

Я рѣдко встрѣчалъ такого работника, какъ Вернеръ. Заваленный статистическими выкладками, таблицами или карточками, онъ работалъ, не подкладая рукъ, работалъ съ утра до ночи, и мало ему было даже такой работы... Попутно онъ пишетъ журнальную статью, одно время увлекается живописью и пишетъ масляными красками картины. Завѣдуя въ Крыму статистическимъ бюро, онъ вмѣстѣ съ геологомъ-профессоромъ Головкинскимъ составляетъ путеводитель по Крыму, и какой путеводитель, цѣлый ученый трактатъ!..

Но, несмотря на постоянную, большую работу, несмотря на то, что онъ вѣчно былъ «занятъ по горло», Вернеръ принималъ у себя множество народа... Кого только у него не бывало!.. И земцы, и статистики, и журналисты, и писатели, и студенты, и студентки... Всѣ эти люди приходили по дѣлу, за совѣтомъ или просто перемолвиться словомъ съ живымъ и умнымъ человѣкомъ.

Да, человѣкомъ... все человѣческое не было ему чуждо. За работой, за содѣйствіемъ найти занятія или поступить на службу, обращались къ Константину Антоновичу, который бѣгалъ, писалъ по чужимъ дѣламъ письма, рекомендовалъ и вообще устраивалъ людей и.. былъ этими хлопотами доволенъ, особенно, когда они давали благопріятные результаты.

Такъ жилъ Вернеръ въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Крыму и въ Сибири, заводя вездѣ связи, интересуясь помимо своего дѣла людьми и вообще жизнью, въ чемъ бы послѣдняя ни проявлялась. Константинъ Антоновичъ былъ въ полномъ смыслѣ этого слова общественный человѣкъ. Онъ принадлежалъ къ такъ называемому народническому направленію, затѣмъ, какъ сильно увлекающійся человѣкъ, въ разгаръ «марксизма» примкнулъ къ этой экономической школѣ, но не совсѣмъ, до самой своей смерти оставаясь убѣжденнымъ сторонникомъ русской общины.

За Вернеромъ осталась вполне заслуженная слава талантливаго статистика и экономиста, цѣлые томы отчетовъ и статистико-экономическихъ трудовъ даютъ ему полное право на названіе выдающагося знатока этого дѣла. Во время его службы въ московскомъ земствѣ обратила на себя вниманіе книга Константина Антоновича по изслѣдованію частнаго хозяйства въ Московской губерніи, также многіе кустарные промыслы разслѣдованы Вернеромъ, и эти изслѣдованія изданы московскимъ земствомъ.

Какъ я уже упоминалъ, Вернера трудно было удовлетворить работой. Его натура рвалась и искала новыхъ путей и въ наукѣ и жизни. Онъ не могъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ. Вотъ человѣкъ, которому рутина была такъ же несвойственна, какъ вольной птицѣ клѣтка.

Жажда новыхъ впечатлѣній, интересъ къ новымъ условіямъ жизни заставили Константина Антоновича покинуть ласковые берега Чернаго моря и отправиться въ далекую, глухую и холодную Сибирь. Въ 1890 году, Вернеръ принимаетъ должность инспектора сельскохозяйственныхъ школъ въ Степномъ генераль-губернаторствѣ въ Сибири. Неугомоннаго экономиста страстно интересовало переселенческое дѣло, и онъ принялъ означенную должность, справедливо разсчитывая ознакомиться при разъѣздахъ съ условіями жизни переселенцевъ. Насколько удалось ему осуществить это желаніе, доказываетъ блестящій его докладъ о переселеніи крестьянъ въ Западную Сибирь, прочитанный по возвращеніи въ статистическомъ отдѣленіи московскаго юридическаго общества. Я помню, когда докладчикъ кончилъ, то предсѣдатель, профессоръ А. И. Чупровъ сказалъ: «Однако, Константинъ Антоновичъ, вы не только удивили насъ, но и поразили вашимъ прекраснымъ и интереснѣйшимъ сообщеніемъ... А мы до сихъ поръ думали, что удобныхъ земель видимо-невидимо въ Западной Сибири»...

Вернеръ на основаніи собственныхъ наблюденій надъ переселенцами въ Семирѣченской и Акмолинской областяхъ, а также благодаря знакомству съ условіями, какъ почвенными, такъ и климатическими тѣхъ далекихъ степей, доказалъ, что мѣстъ для поселенія переселенцевъ далеко не такъ много, какъ это думаютъ нѣкоторые. Главная причина этого—отсутствіе воды и другія чисто мѣстныя условія, предоставляющія развиваться и существовать киргизскому кочевому хозяйству, какъ исконно выработанному, согласно степныхъ условій. Жить тамъ, гдѣ посѣвы невозможны, кормить скотъ травой, которая уже лѣтомъ обращается въ твердую колючку, тоже нельзя, какъ нельзя жить безъ воды.

Вернеръ привелъ немало фактовъ, какъ переселенцы, не знакомые со всѣми этими неблагоприятными условіями, селились, строились, совершенно разорялись и бѣжали отъ прекраснымъ мѣстъ, куда глаза глядятъ. Изъ доклада мало-по-малу выяснилось, что дикое, кочевое хозяйство киргизовъ имѣетъ свой *raison d'être*. Между тѣмъ теоретически, «по бумагѣ» рѣшили и начали уже отнимать землю отъ киргизъ и передавать ее русскимъ.

Такова сущность доклада Константина Антоновича, который въ то время сильно былъ заинтересованъ переселенческимъ дѣломъ. Этотъ интересъ заставилъ его пойти на службу въ удѣльное вѣдомство, которымъ тогда управлялъ князь Вяземскій. Князь думалъ, пользуясь свободными землями удѣловъ, заселять ихъ кре-

стями на условіяхъ долгосрочной выплаты, но это предположеніе не состоялось, и Вернеръ ушелъ изъ удѣльнаго вѣдомства и поступилъ на службу въ только что преобразованное министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ на должность завѣдующаго основной статистикой въ отдѣлѣ сельской экономіи и сельскохозяйственной статистики.

Въ Сибири Вернеръ прожилъ два года, при чемъ большую часть этого времени провелъ въ разъѣздахъ. «Въ новыя для меня условія жизни,—писалъ онъ мнѣ изъ Омска,—я всматривался съ любопытностью стараго статистика и, признаюсь, не разъ становился втупикъ. Я, конечно, зналъ, что сибирякъ (коренной, а не переселенецъ) богатъ, что изба его просторна, что земля его плодородна, но богатства эти я представлялъ себѣ на русскій образецъ и мѣрилъ русскимъ масштабомъ (денежнымъ). Дѣйствительность сразу отнесла меня лѣтъ на 100—150 назадъ, въ самую глубину натурального хозяйства. Сибирскія деревни оказались некрасивыми, даже жалкими, избы мрачными, ненарядными, послѣдній бѣднякъ въ Богородскомъ уѣздѣ (Московской губерніи) живетъ въ болѣе красивой избѣ. \*Одѣвается сибирякъ какимъ-то чучеломъ, ѣсть что-то непонятное. Къ довершенію всего у него буквально ничего нѣтъ. Въ большомъ селѣ нельзя размѣнять рубля, а на пристаняхъ нужно имѣть мѣдныя копейки—съ двугривеннаго сдачи не дадутъ. Мнѣ почти было жалко сибиряка. Но оказывается, что онъ доволенъ, и ему можно позавидовать. Деревни его неприглядны, потому что у него нѣтъ излишнихъ стѣсненій, регламентацій, плановъ и взятокъ за нихъ. Онъ строится, какъ ему удобно, не заботясь о прямолинейности и о впечатлѣніи, которое произведетъ на проѣзжаго барина его постройка. Стройка его некрасива и кривобока, потому что онъ самъ ее строилъ. Но зато она удобна, невѣроятно чиста внутри и окружена цѣлой массой холостыхъ строеній. Въ одеждѣ, въ рѣчи, въ пищѣ, въ общемъ складѣ жизни, видно въ то же время и родное и чуждое намъ. Коренной сибирякъ—это крестьянинъ временъ царя Алексѣя Михайловича, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшій до нашего времени. Если онъ и измѣнился, то подъ другимъ вліяніемъ, чѣмъ наши крестьяне. Онъ не зналъ ни вліянія барской дворни, ни жидовъ, ни «купона». Даже городскіе рабочіе какіе-то другіе. Въмѣсто слова одежда они говорятъ лѣпотъ (на вѣрно древне-русское слово): Слово кухарка вызываетъ улыбку—нужно сказать: стряпка. Когда я спрашивалъ про каретный сарай для нашей будущей кибитки, то это считаютъ за шутку и прямо хохочутъ—нужно сказать: завозня. Дальше по Барнаулу слово прачка обидно—нужно говорить третъница (плату за стирку получаютъ по третямъ). Подобно языку, и понятія—какія-то уста-

рѣлыя, но въ этой устарѣлости я до сихъ поръ находилъ только все симпатичныя для меня черты дореформенной Россіи. Разговоры и сношенія съ простыми сибиряками производятъ на меня просто какое-то чарующее впечатлѣніе. Они навѣваютъ на меня просто какія-то неясныя, какъ сонъ, воспоминанія дѣтства. Точно жизнь не шла, и все осталось таковымъ, какимъ оно было во время моего дѣтства. Говорятъ, чиновный міръ совсѣмъ иной, но Богъ съ нимъ—нигдѣ онъ такъ не изолированъ, какъ здѣсь. Возвращаюсь къ сибирякамъ. Сколько въ нихъ добродушія, привѣтливости и простоты! Эти черты насъ болѣе всего поразили. Да и не могли не поразить насъ, озлобленныхъ, раздраженныхъ длинной дорогой. Иной разъ просто стыдно становилось, когда рѣзкая выходка на-скакивала на какое-то мягкое добродушіе и доброе, кроткое слово. И гдѣ это они берутъ такой запасъ добродушія—должно быть, это отъ общаго склада спокойной и сытой жизни — безъ заушинъ и сюрпризовъ. Вчера одинъ старичекъ жаловался мнѣ со слезами на жильца-офицера, который и не платитъ и обижаетъ его. Моего вопроса: почему онъ его не сгонитъ? онъ даже не понялъ, и разсказъ о томъ, что въ Москвѣ это дѣлается черезъ мирового судью, онъ, кажется, счелъ за вымыселъ. Невольно и не разъ я вспоминалъ здѣсь прекрасную сказочку Льва Толстого (Иванушка-дурачекъ, кажется). Та часть Сибири, которую я видѣлъ, это, право, царство Иванушки-дурачка, работниковъ, живущихъ натуральнымъ хозяйствомъ и не знающихъ, что, кромѣ рукъ, можно работать «головой», т.-е. купономъ. Я думаю, что здѣсь можно взять плугъ и пахать, и никто не скажетъ: «зачѣмъ пахешь? давай ренту!» Зато просто страшно, какъ подумаешь, что будетъ съ краемъ по проведеніи желѣзной дороги. Разорить она и высосетъ всѣ соки изъ края, и больше ничего!»

Таковы первыя впечатлѣнія Вернера въ Сибири!... А вотъ и еще письмо, помѣченное «Омскъ, 23 ноября 1890 г.»: «Интеллигенціи у насъ нѣтъ никакой. Учителя нашихъ многочисленныхъ учебныхъ заведеній менѣе всего могутъ считаться интеллигенціей. Напротивъ подобіе интеллигента открываешь неожиданно тамъ, гдѣ менѣе всего этого ожидалъ. Въ какомъ нибудь акцизномъ низшаго разряда и чуть ли не въ полицейскомъ... Это какой нибудь «гонимый», загнанный судьбой въ наши края и пристроившійся къ какому нибудь вѣдомству. Такого, напримѣръ, человѣчка встрѣтилъ я въ лицѣ акцизнаго надзирателя, чуть ли не «петрашевца», владѣтеля громадной библіотеки, куда онъ забивается на цѣлый день и знать никого не хочетъ. Не будь здѣсь отдѣла географическаго общества, гдѣ я, конечно, орудую, просто можно было бы задохнуться отъ недостатка умственныхъ интересовъ».

Въ чиновничьей средѣ Константина Антоновича поражаетъ честолюбіе. «Мундирными нашивочками, ленточками, орденами просто

чванятся не только другъ передъ другомъ, но даже предъ кучерами. Да и не мудрено, есть такіе гуси, которые за этимъ только да за чинами ѣздятъ на службу въ Сибирь. Взяткокъ, кажется, не берутъ; въ Омскѣ, вѣроятно, потому, что не съ кого — всѣ чиновники. Зато киргизъ обираютъ на законномъ основаніи. На счетѣ сборовъ съ нихъ даютъ пособія, строятъ театры, воспитываютъ чиновничьихъ дѣтей и т. д. Право, скоро «на киргизскій счетъ» будетъ означать то же, что у васъ на «шереметевскій счетъ».

Очень любопытно описываетъ Вернеръ сибирскую канцелярщину.

«Боже мой, сколько писцевъ, сколько скрипу перьевъ, и какъ мало дѣла! Здѣсь говорятъ: въ такой-то канцеляріи большое движеніе бумагъ, а въ такомъ-то управленіи бумаги мало двигаются. Оказывается, что «бумаги» могутъ двигаться, а «дѣла» стоятъ. Штука въ томъ, чтобы изъ каждаго дѣла выжать побольше бумажекъ для подписи начальству. Поступаетъ, напримѣръ, къ опытному чиновнику требованіе выработать типъ технического училища средняго разряда, но съ бюджетомъ не болѣе 15.000 рублей. Онъ не станетъ писать проектъ. Зачѣмъ!.. Онъ пошлетъ прежде всего запросы во всѣ думы, въ министерства и чортъ знаетъ куда. Полученные отвѣты онъ сгруппируетъ въ «доклады», «справки» и разошлетъ для дачи заключеній по подвѣдомственнымъ учрежденіямъ и т. д. На одного такого штукмейстера я просто любовался. Возьметъ онъ какое либо простое отношеніе, встряхнетъ голову, взъерошитъ волосы и приказываетъ 4-мъ своимъ столоначальникамъ заготовить кому запросъ, кому сообщеніе, у кого затребовать дополненіе. Словомъ, канцелярія съ почтеніемъ смотритъ, какъ изъ этого простого отношенія ударилъ цѣлый букетъ, цѣлый фейерверкъ канцелярскихъ бумагъ. Двѣ поступившихъ бумаги въ день даютъ работу всей канцеляріи на три дня. Управляющій канцеляріей наканунѣ доклада подписываетъ бумаги до 5-ти часовъ, а по закону механики (законъ зубчатыхъ колесъ) мелкіе винтики административной машины работаютъ и вертятся обратно пропорціонально ихъ окладамъ. Канцелярія изнашиваетъ, задыхается, а между тѣмъ дѣло не двигается».

Недурная картинка, не правда ли?

Работы у Вернера въ Сибири было много, работы такой, отъ которой получалось тяжкое впечатлѣніе. «У насъ, — пишетъ онъ мнѣ, — 6.000 переселенцевъ, голодъ и пятнистый тифъ. Частная благотворительность дала намъ 40.000 рублей, а чиновничье отношеніе къ дѣлу слѣдало то, что переселенцамъ отъ этого не легче. Цѣлый мѣсяць я писалъ докладъ, выяснялъ, долбилъ, гдѣ можно селить переселенцевъ и гдѣ не слѣдуетъ трогать киргизовъ, и теперь вижу результаты своей работы: уѣздные начальники получили новый источникъ поборовъ съ новоселовъ за отводъ мѣстъ...

Увѣряю васъ, Семенъ Ивановичъ, что послѣ созерцанія такой радости уйдешь съ головой въ китайщину».

Въ Сибири Вернеръ сталъ заниматься китайскимъ языкомъ, по своему обыкновенію увлекся этимъ занятіемъ и, какъ очень талантливый человѣкъ, сравнительно въ короткое время достигъ серьезныхъ результатовъ. «Этому языку,—пишетъ онъ мнѣ,—я удѣляю часа по 2—3 въ день. Это для меня отдыхъ. Мозгъ мой буквально утоляется односторонностью моихъ занятій. Право, я уже сталъ смотрѣть на всѣ явленія жизни съ земледѣльческой точки зрѣнія. Вотъ почему я не могу отдохнуть даже за романомъ, за повѣстью».

У меня сохранилось одно замѣчательно любопытное письмо Константина Антоновича о китайскомъ языкѣ, оно такъ интересно само по себѣ, что я нахожу удобнымъ сдѣлать изъ него нѣкоторыя выдержки:

«Что за прелесть китайская письменность! Вамъ, конечно, извѣстно, что у китайцевъ нѣтъ азбуки, что каждое слово, каждое понятіе у нихъ обозначается отдѣльнымъ знакомъ. Но вы, вѣроятно, не знаете, что, благодаря такой письменности, китайцы могли поглотить 15-ть царствъ и составить изъ нихъ одно цѣлое государство, не посягнувъ ни на языкъ, ни народность этихъ царствъ. Напримѣръ, слово человѣкъ въ одномъ мѣстѣ произносится «жень», въ другомъ—«рамъ», въ третьемъ—«цзжень» и въ четвертомъ—«ломча», а для обозначенія въ письмѣ знакъ этотъ одинаково обозначается не только во всемъ Китаѣ, но и въ Корей и Японіи. Словомъ китайская письменность—это идеальный волапоукъ для громадной части Азіи. Можно понимать китайскій языкъ и читать ихъ книги, какъ на родномъ языкѣ. Не зная ни слова по-китайски, я разбираю китайскія газеты и свободно читаю евангеліе, написанное китайскими буквами. Но вотъ чего вы не знаете навѣрно: китайскій письменный языкъ совершенно разошелся съ разговорнымъ, и если китаецъ будетъ китайцу громко читать книгу, то онъ ничего не пойметъ. Дѣло въ томъ, что китайскую книгу нужно читать глазами. Многіе гіероглифы прямо вызываютъ соотвѣтственное понятіе въ мозгу и не могутъ быть прочитаны звукомъ. Для выраженія соотвѣтственнаго понятія нужно сказать цѣлую фразу. Вотъ вамъ примѣръ: Нѣкоторый знакъ значитъ: безводная и безплодная пустыня. Хотя въ словарѣ противъ него и стоитъ звукъ «куань», но такихъ звуковъ десятки, и въ разговорной рѣчи одинъ этотъ звукъ не вызоветъ въ сознаніи соотвѣтствующаго представленія. Между тѣмъ на бумагѣ получается точное и опредѣленное понятіе—вотъ почему: если разложить этотъ гіероглифъ, то выходитъ: солнце, камни, скалы, желтая растительность, такъ что, глядя въ книгу, у меня является представленіе о пустынѣ, выжженной солнцемъ, каменистой и покрытой желтой растительностью. При нашей письменности возможно чтеніе механическое, безъ вся-

каго пониманія. У китайцевъ, наоборотъ, можно не умѣть прочесть слово, но можно знать его значеніе. Вотъ примѣръ: возьмемъ слово «эмоція». Каждый грамотный сумѣетъ его прочесть, но не каждый будетъ понимать его значеніе. У китайцевъ же, если написать это слово, то каждый водовозъ скажетъ: «какъ прочесть это слово, я не знаю, но знаю, что оно означаетъ какое-то душевное движеніе (потому что внизу знака ключъ сердца). Вотъ еще примѣръ: сегодня утромъ, читая китайскую газету, я увидѣлъ одно объявленіе о продажѣ. Что этотъ пиктограммъ значить, я не зналъ и въ лексиконѣ не нашель, но догадывался, что онъ обозначаетъ какую либо принадлежность княжеской власти и, можетъ быть, желтаго цвѣта, и что жъ? оказалось, что я правъ, это значить «жуань», т.-е. желтыя лаковые дощечки, съ которыми князья являються къ императорскому двору. Можете себѣ представить, какъ читаетъ китаецъ, если даже я могу догадываться о значеніи неизвѣстныхъ мнѣ знаковъ. Понятно, что письменный языкъ отличается изумительной краткостью и силой. Знаковъ препинанія, кромѣ точки, у китайцевъ нѣтъ».

Послѣ выхода въ отставку изъ Петровской академіи профессора сельско-хозяйственной экономіи А. Н. Шишкина, на освободившуюся кафедру приглашенъ былъ К. А. Вернеръ, который до самой смерти въ теченіе 6-ти лѣтъ былъ профессоромъ этого главнаго предмета въ академіи.

Его курсъ сельско-хозяйственной экономіи, выдержавшій нѣсколько изданій, составляетъ цѣнный и оригинальный трудъ, какъ агронома и экономиста. Постоянная и живая связь профессора со студентами немало способствовала интересу со стороны послѣднихъ къ лекціямъ Константина Антоновича, который, кстати сказать, былъ прекраснымъ и увлекавшимся лекторомъ.

Вернеръ былъ прекраснымъ профессоромъ, но этого было мало ему, онъ искалъ, желалъ еще работы, такой работы, которая поглотила бы совсѣмъ кипучую, энергичную натуру.

Ему было мало лекцій, всевозможныхъ засѣданій и журнальныхъ статей, надъ которыми онъ такъ быстро работалъ.

И Вернеръ, наконецъ, дождался такого дѣла, которое увлекло его совершенно, но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно приблизило къ могилѣ. Безнаказанно такъ работать, какъ Вернеръ, было невозможно...

Я имѣю въ виду первые женскіе сельско-хозяйственные курсы, открытые при Петровской академіи, директоромъ и душою которыхъ былъ Константинъ Антоновичъ, положившій на организацію

ихъ столько энергіи, труда... Инициаторомъ этихъ курсовъ несомнѣнно нужно считать И. А. Стебута, бывшаго профессора Петровской академіи и нынѣ предсѣдателя ученаго комитета министерства земледѣлія.

Эти-то курсы отчасти и погубили Вернера, на котораго былъ сдѣланъ доносъ, что не одни только спеціальныя знанія преподавались курсисткамъ, но нѣкоторые профессора, въ томъ числѣ и Вернеръ, читали, будто бы, лекціи, не подходящія къ программѣ... Доносъ, конечно, оказался неосновательнымъ, но, тѣмъ не менѣе, курсы въ Москвѣ на будущее лѣто не открылись, а были переведены въ Саратовъ.

Вотъ это-то обстоятельство и положило начало той болѣзни сердца, отъ которой профессоръ Вернеръ преждевременно скончался.

Послѣ этого инцидента Вернеръ заболѣлъ нервно, онъ не спалъ ночей, порывался ѣхать объясняться, откладывалъ, волновался... Блестящій опытъ первыхъ женскихъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ еще больше убѣдилъ покойнаго въ необходимости широкаго пути для развитія женской молодежи въ области сельско-хозяйственнаго воспитанія.

Въ то лѣто, когда были открыты женскіе курсы, мнѣ пришлось жить въ Петровско-Разумовскомъ и самому видѣть ту непрерывную, буквально съ утра до ночи, дѣятельность Константина Антоновича. Какія только должности онъ не исполнялъ: онъ былъ и директоромъ (предсѣдателемъ совѣта), и лекторомъ, и секретаремъ, и даже разсылнымъ. Онъ лично разносилъ профессорамъ недѣльное расписание лекцій, которое, впрочемъ, очень часто мѣнялось. По всякимъ, самымъ мелкимъ дѣламъ къ нему обращались, какъ профессора, такъ и курсистки, особенно послѣднія. Его квартира, постоянно полная народа, вечеромъ отличалась особымъ многолюдствомъ — это была штабъ-квартира женскихъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ. Считаю нужнымъ къ этому прибавить, что отъ всякаго вознагражденія за свою дѣятельность по женскимъ курсамъ Вернеръ отказался, какъ и нѣкоторые другіе профессора.

Всѣхъ курсистокъ было немного, всего 50 съ чѣмъ-то человекъ. Всѣ онѣ были со среднимъ образованіемъ, при чемъ большинство дочери землевладѣльцевъ, поступившія на курсы чисто съ практической цѣлью примѣнять добытыя сельско-хозяйственныя знанія у себя въ хозяйствахъ. Надо отдать полную честь этимъ дѣвушкамъ, которыя работали, не покладая рукъ. Совершенно сознательное, чуткое отношеніе къ лекціямъ придавало энергію и увлекало профессоровъ, которые жажду и внимательность курсистокъ къ научнымъ занятіямъ ставили выше такого отношенія студентовъ.

«По тѣмъ вопросамъ, которые курсистки предлагаютъ намъ во время и послѣ лекцій,—говорили профессора,—онѣ развитіе нашихъ студентовъ. Во всякомъ случаѣ, ни одна изъ нихъ не про-



явила казеннаго отношенія къ занятіямъ. Что и говорить, пріятно читать такой аудиторіи — самъ увлекаешься!»

Курсистки не только занимались теоретически, но для нихъ были открыты и практическія работы. Имъ были предоставлены опытные поля, скотный дворъ, также онѣ работали на поляхъ земледѣльческой школы, лѣтнее помѣщеніе которой недалеко отъ Петровско-Разумовскаго. Квартиры курсистокъ (интернатъ) находились какъ разъ между двумя означенными пунктами.

За недорогую цѣну — 25 рублей въ мѣсяцъ, курсистки имѣли столъ и квартиру. Хозяйственною частью въ интернатѣ завѣдывала г-жа Б., и нельзя сказать, чтобы между ней и курсистками существовали добрыя отношенія <sup>1)</sup>. Вернеру очень часто приходилось быть посредникомъ между «экономической» дамой и слушательницами курсовъ. Эти отношенія, къ сожалѣнію, въ послѣдніе дни курсовъ сильно обострились, но, благодаря такту и твердой настойчивости Константина Антоновича, никакихъ особенныхъ инцидентовъ не произошло.

Впослѣдствіи только, какъ я и упомянулъ, пострадать пришлось Вернеру, отдавшему столько времени и силъ живому и благородному дѣлу, которое кое-кому понадобилось загрязнить и запачкать!..

Но живы люди, стоявшіе ко всему этому близко и прекрасно знающіе, «у кого рыльце въ пушку».

Послѣ завѣдыванія женскими курсами, послѣ ихъ стройной организаціи и полного успѣха, курсы тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ удобства существованія ихъ въ Петровско-Разумовскомъ, были переведены въ Саратовскую губернію, и Вернеръ не могъ уже принимать въ нихъ никакого участія.

Тогда онъ совершенно погрузился въ кабинетную работу, начавъ обширный и серьезный трудъ, который, по обыкновенію, увлекъ его совершенно. Константинъ Антоновичъ началъ писать исторію русскаго сельскаго хозяйства, но, не окончивъ труда, преждевременно скончался.

«Начатый имъ трудъ по исторіи сельскаго мозаистча, — говорилъ на могилѣ Вернера г. Михайловскій, — представляетъ собою гениальную попытку создать единственное въ области науки зданіе. Къ сожалѣнію, трудъ этотъ ушелъ съ нимъ вмѣстѣ въ могилу, и врядъ ли найдется кто нибудь другой способный закончить его по тому же плану («Курьеръ», 1902 г., № 212).

<sup>1)</sup> Никакихъ лекцій г-жа Б. курсисткамъ не читала и никакихъ занятій съ ними не имѣла, хотя о ея, будто бы, научной (?) дѣятельности были напечатаны статьи въ журналѣ «Нива» и журналѣ «Для всѣхъ». Въ послѣднемъ точно указывался и предметъ: «г-жа Б. читаетъ курсъ сельско-хозяйственной администраціи — первый разъ въ Россіи», при чемъ вознагражденія этотъ лекторъ удивительнаго предмета за чтенія не беретъ! Можно ли практиковать такую рекламу!

Постепенно знакомясь съ источниками, добывая отъ букинистовъ и такъ случайно рѣдкія книги по исторіи сельскаго хозяйства, Вернеръ, не выходя изъ кабинета, работалъ безъ усталости, не жалѣя себя и не обращая никакого вниманія на свое здоровье.

Работа росла, матеріалы накопились, Вернеръ спѣшилъ, словно предчувствовалъ свою кончину.

«Неожиданная кончина Константина Антоновича,—читаемъ мы въ «Хозяинѣ»,—не только лишила насъ хорошаго человѣка съ общественнымъ темпераментомъ, но и лишила единственнаго работника въ области исторіи русскаго хозяйства, столь мало знакомой и столь необходимой для правильнаго развитія самосознанія среди сельскихъ хозяевъ».

«Немного у насъ дѣятелей, беззавѣтно служащихъ идеѣ, въ поискахъ за правдой забывающихъ о своей личной жизни, о своемъ благополучіи. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ чтить память такихъ свѣтлыхъ, такихъ оригинальныхъ людей, какъ покойный Константинъ Антоновичъ Вернеръ» («Курьеръ»). Впрочемъ нельзя сказать, чтобы къ смерти Вернера его товарищи отнеслись безучастно или безразлично «Московскіе агрономы собрали по подпискѣ деньги на постановку памятника на могилѣ К. А. Вернера и рѣшили учредить стипендію имени покойнаго агронома» (Б. В. № 320).

Не во время умеръ экономистъ Вернеръ, экономистъ особенный живой и тѣсно связанный съ народной жизнью. Вернеръ дѣйствительно, какъ никто, былъ знакомъ съ условіями русской народной экономической жизни. Онъ превосходно зналъ земельныя отношенія, понималъ всю сложность современной земельной путаницы и свободно могъ ориентироваться въ самыхъ мудреныхъ и сложныхъ вопросахъ крестьянскаго хозяйства.

Въ самомъ дѣлѣ, проведя почти всю свою жизнь среди народа, разтѣзая по деревнямъ, въ качествѣ статистика-ислѣдователя, знакомясь съ народной экономикой на мѣстѣ, талантливый, умный, наблюдательный, развѣ онъ не былъ практическимъ знатокомъ и экономистомъ?! Любилъ ли Вернеръ народъ?

Мнѣ кажется, этотъ вопросъ едва ли не лишній. Кто изъ насъ, семидесятниковъ, не отошедшихъ отъ дѣйствительной, русской жизни, не порвавшихъ со свѣтлыми традиціями годовъ, заложившихъ фундаментъ нашего міровоззрѣнія, кто не любитъ и не понимаетъ русскаго народа, этого земельного богатыря, постоянно связаннаго историческими сложными социальными путями, кто не видитъ его глубокой привязанности къ землѣ и стремленія къ лучшему земельно-общинному устройству?!.. Вернеръ все это видѣлъ и понималъ и работалъ всю свою жизнь именно для этого народа и вѣрилъ въ него, въ его свѣтлую будущность, въ его силу и хозяйственную талантливость...

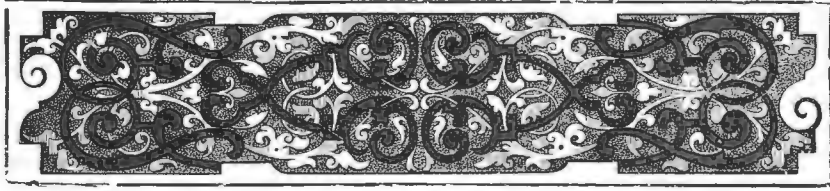
Развѣ такой человѣкъ не нуженъ былъ Россіи и русскому народу? Развѣ такой профессоръ не могъ дать яснаго, опредѣленнаго отвѣта на сложные вопросы даже въ смутное, критическое время?

Невольно приходятъ на память правдивыя слова великаго русскаго поэта:

«У счастливаго недруги мрутъ,  
У несчастнаго другъ умираетъ!»

**С. Васюковъ.**





## ИЗЪ ИСТОРИИ СНОШЕНІЙ РОССИИ СЪ ПРАВОСЛАВНЫМЪ ВОСТОКОМЪ ВЪ XIX ВѢКѢ.

### I.



МЕЖДУ ПРАВОСЛАВНЫМЪ востокомъ и нашимъ отечествомъ издавна заложены прочныя историческія и культурныя связи. На самой зарѣ русской исторіи мы уже встрѣчаемся съ весьма крупнымъ и важнымъ фактомъ духовнаго нашего общенія съ греками, въ корнѣхъ преобразовавшаго весь строй русской жизни на началахъ христіанской вѣры и приобщившаго русскій, дотолѣ варварскій, народъ къ семьѣ народовъ культурныхъ. Сѣмена истинной вѣры и доброй гражданственности, посѣянные греками, пали на почву воспримчивую и при условіяхъ благоприятныхъ и съ теченіемъ времени дали обильный плодъ въ различныхъ сферахъ русской церковно-общественной жизни. Литература и наука, школы и просвѣщеніе, искусства, строй жизни частной и общественной, церковной и гражданской — все это сложилось у насъ подъ тѣмъ или инымъ воздѣйствіемъ Византіи, носить на себѣ слѣды греческаго вліянія и духовнаго нашего общенія съ православнымъ востокомъ. Не только въ пору самостоятельнаго существованія Византіи (до 1453 года), но и послѣ, когда на развалинахъ нѣкогда славной и мощной христіанской державы водворилась имперія мусульманская, наши сношенія и связи съ востокомъ не прекращались и не прерывались, — только въ этотъ періодъ они получали иной характеръ и проявлялись, главнымъ образомъ, въ фактахъ политическаго и матеріальнаго содѣйствія со стороны могущественной Россіи слабымъ и угнетеннымъ нашимъ единовѣрцамъ. Въ

этотъ періодъ (турецкій въ греческой исторіи) Россія и русскій народъ старались какъ бы выплатить православному востоку и грекамъ тотъ громадный долгъ, который добровольно и свободно съ той и другой стороны былъ сдѣланъ въ періодъ византійскій.

Но, несмотря на давнія и глубокія историческія связи между греческимъ Востокомъ и нашимъ отечествомъ, мы, русскіе, еще недостаточно знаемъ православный востокъ. Особенно скудны наши свѣдѣнія по исторіи востока новѣйшаго, современнаго. Какъ ни страннымъ, быть можетъ, покажется съ перваго взгляда, но мы положительно утверждаемъ, что новѣйшая исторія православнаго востока намъ извѣстна менѣе, чѣмъ исторія древняя и даже средневѣковая—византійская. Попробуйте ознакомиться съ литературой турецкаго періода греческой исторіи, и вы будете поражены, съ одной стороны, крайней ограниченностью этой литературы, а съ другой—крайне неустойчивыми, неопредѣленными и прямо невѣрными свѣдѣніями о гражданскихъ правахъ грековъ подъ властью турокъ, о проявленіяхъ ихъ общественной жизни, о нравахъ и обычаяхъ, объ устройствѣ церковнаго управленія и т. д. На насъ, русскихъ, въ силу историческихъ причинъ, лежитъ прямой научный долгъ, по мѣрѣ возможности, освѣщать тотъ ужасный мракъ, коимъ объятъ нынѣ православный востокъ...

Въ виду этого нельзя не привѣтствовать выхода въ свѣтъ научныхъ русскихъ работъ, которыя освѣщаютъ такъ или иначе сложный и запутанный вопросъ о разнообразныхъ сношеніяхъ Россіи съ православнымъ востокомъ. Предъ нами—недавно вышедшій ученый трудъ профессора Ѳ. И. Титова, подъ заглавіемъ: «Преосвященный Кириллъ Наумовъ, епископъ мелитопольскій, бывшій настоятель русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ» (Кіевъ, 1902). Описывая дѣятельность одного изъ первыхъ пионеровъ русской идеи на греческомъ востокѣ, профессоръ Титовъ яркими чертами изображаетъ въ своей книгѣ и современное состояніе восточной церкви, ея нужды и запросы по отношенію къ единовѣрной Россіи, намѣчаетъ задачи русскаго дѣла въ Палестинѣ и вообще обстоятельно раскрываетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи сношеній нашего отечества съ православнымъ востокомъ. Особую цѣнность придаетъ книгѣ г. Титова то обстоятельство, что она составлена на основаніи архивныхъ матеріаловъ, извлеченныхъ ученымъ авторомъ изъ рукописныхъ хранилищъ свѣтѣйшаго синода и министерства иностранныхъ дѣлъ. Написанная къ тому же прекраснымъ литературнымъ языкомъ, книга профессора Титова вполне заслуживаетъ вниманія нашихъ читателей.

## II.

Преосвященный Кирилль, въ мѣрѣ Василий Николаевичъ Наумовъ, родился (въ 1823 году) въ семьѣ діакона Калужской губерніи, учился въ калужской духовной семинаріи, а потомъ въ петербургской духовной академіи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1847 году третьимъ магистромъ и тогда же постригся въ монахи. Тотчасъ по окончаніи ученія, преосвященный Кирилль, какъ человѣкъ талантливый и трудолюбивый, былъ назначенъ бакалавромъ въ петербургскую академію по каедрѣ нравственнаго богословія и быстро пошелъ здѣсь по служебной лѣстницѣ: въ 1851 году онъ былъ уже экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1855 году—докторомъ богословія, ординарнымъ профессоромъ и инспекторомъ той же академіи. Все, повидимому, указывало и въ будущемъ на блестящую карьеру ученаго архимандрита, въ короткое время достигшаго высокаго служебнаго положенія. Но Промыслу Божию угодно было вскорѣ назначить преосвященному Кириллу иное поприще для дѣятельности, вдали отъ родины, въ странѣ священныхъ для каждаго христіанина воспоминаній.

Въ 1857 году, святѣйшій синодъ рѣшилъ возстановить русскую духовную миссію въ Іерусалимѣ, закрытую въ 1853 году, вслѣдствіе начавшейся тогда русско-турецкой войны. Для большей представительности и вліянія этой миссіи постановлено было назначить ея начальникомъ епископа. Выборъ палъ на профессора Кирилла Наумова, который охотно и принялъ его, признавая это назначеніе весьма почетнымъ и важнымъ. «Душа мирна,—писалъ онъ по этому поводу своему родственнику, преосвященному Макарію Булгакову (впослѣдствіи митрополитъ московскій),—но поприще слишкомъ важно и очень страшно. Радуетъ все — и вниманіе правительства, и сочувствіе публики, и предварительныя условія помѣщенія въ Іерусалимѣ миссіи, признанной султаномъ и получившей, въ лицѣ своего начальника, право сношеній съ однимъ только патріархомъ іерусалимскимъ, внѣ всякой зависимости отъ духовенства святоградскаго, но отвѣтственность страшно велика, назначеніе слишкомъ многосторонне». Вскорѣ архимандритъ Кирилль былъ хиротонисанъ въ санъ епископа, съ титулярнымъ наименованіемъ мелитопольскаго, представился государю Александру Николаевичу, отъ котораго получилъ личныя указанія касательно предстоящей дѣятельности, въ дополненіе къ обширнымъ инструкціямъ святѣйшаго синода и министерства иностранныхъ дѣлъ, и 26 октября 1857 года отправился къ мѣсту новаго своего назначенія. Съ какою же цѣлью была учреждена вторая <sup>1)</sup> іерусалимская миссія, во главѣ съ преосвященнымъ Кирилломъ, и какими инструкціями она была снабжена?

<sup>1)</sup> Начальникомъ первой нашей миссіи въ Іерусалимѣ былъ архимандритъ Порфирій Успенскій.

## III.

Учрежденіе русской миссіи въ Иерусалимѣ подѣ начальствомъ епископа Кирилла находилось въ тѣсной связи съ печальнымъ для насъ исходомъ Крымской войны. Въ силу Парижскаго договора 1856 года, заключеннаго послѣ этой войны, Россія формально и окончательно отказывалась отъ своего историческаго и священнаго права—быть единственной покровительницей христіанъ православнаго востока, вынуждена была раздѣлить это право со всѣми западно-европейскими великими державами и единолично не могла ничего предпринимать въ пользу единовѣрныхъ своихъ братьевъ, такъ какъ всякое подобное ея дѣйствіе было бы нарушеніемъ договора ея съ западно-европейскими державами. Такимъ образомъ, Парижскій трактатъ нанесъ страшный ударъ исконной политикѣ Россіи на Востокѣ, гдѣ она издавна была единственной законной покровительницей и защитницей православныхъ подданныхъ султана и предѣ турецкимъ правительствомъ, и предѣ западно-европейскими державами съ ихъ католическими и протестантскими миссіями,—глубоко подорвалъ престижъ Россіи въ глазахъ восточнаго населенія и поколебалъ ея авторитетъ и вліяніе не только въ средѣ народа, но и въ сферахъ правящихъ. Необходимо было нѣсколько возстановить престижъ Россіи на Востокѣ, внѣдрить въ сознаніе мѣстнаго греческаго и арабскаго населенія прежнюю вѣру въ силу и могущество сѣверной православной державы. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій русскаго правительства, направленныхъ именно къ возстановленію поколебленнаго положенія Россіи на православномъ востокѣ, и было учрежденіе официальной духовной миссіи въ Иерусалимѣ, во главѣ съ епископомъ Кирилломъ. Эта миссія имѣла слѣдующія цѣли и задачи дѣятельности, намѣченныя въ особой инструкціи, которою она была снабжена изъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Миссія должна была поддерживать дружественныя сношенія съ греческимъ духовенствомъ въ Иерусалимѣ, оказывая всякое уваженіе намѣтникамъ греческаго патріарха Кирилла (самъ патріархъ жилъ тогда въ Константинополѣ) и не вмѣшиваясь ни въ какія противъ него интриги. Она обязана была постараться стать въ самыя лучшія отношенія съ католическими и протестантскими духовными властями, водворившимися въ Иерусалимѣ съ цѣлью иновѣрной пропаганды, — дабы путемъ непосредственныхъ сношеній узнавать о тайныхъ ихъ намѣреніяхъ противъ православія арабовъ и грековъ. Хорошія отношенія должны быть у миссіи и съ армянскимъ патріархомъ, дабы получить чрезъ это возможность возстановить благочиніе въ храмѣ Святого Гроба, гдѣ нерѣдко возникали распри между духовенствомъ греческимъ, латинскимъ и армянскимъ. Но главное вниманіе миссіи должно быть обращено на убогое духовенство арабское, которое въ совершенной

нищеть, какъ наемники, служить греческому въ городахъ и мало поддерживается въ селеніяхъ; въ этомъ дѣлѣ полезно было бы склонить іерусалимскаго патріарха избрать хотя бы одного епископа изъ арабовъ, снабдить необходимою церковною утварью убогіе арабскіе храмы, водворить въ нихъ богослужбное благолѣпіе и т. п. Миссія и сама должна была подавать примѣръ ревности церковной и благолѣпія въ богослуженіи; для этого необходимо совершать церковныя службы ежедневно и съ надлежащимъ благолѣпіемъ, какъ можно чаще служить литургію на Голгоѣѣ, у Святого Гроба и въ Геѳсиманіи, импонируя на мѣстное населеніе торжественностью и пышностью и избѣгая столкновеній и состязаній съ инославнымъ духовенствомъ. Начальникъ миссіи долженъ имѣть наблюденіе за нравственностью поклонниковъ, не возбуждать соблазна своимъ поведеніемъ, а въ случаѣ ихъ непокорности—сноситься съ русскимъ консуломъ. Начальникъ миссіи долженъ съ уваженіемъ принимать внушенія нашего генеральнаго консула по вопросамъ политическимъ, а иногда и церковнымъ, сообщая и ему свои замѣчанія, если что либо найдетъ не соответствующимъ общимъ цѣлямъ. Деньги и приношенія, какія будутъ посылаться изъ Россіи Святому Гробу и прочимъ святымъ мѣстамъ, должны, при посредствѣ генеральнаго консула, преимущественно итти чрезъ руки начальника миссіи, дабы этимъ поддержать добрыя сношенія съ греческимъ духовенствомъ. Миссія должна позаботиться объ улучшеніи греческаго и арабскаго училищъ въ Іерусалимѣ, объ учрежденіи арабской типографіи и библіотеки, о раздачѣ народу назидательныхъ книгъ, объ открытіи богадѣльни и иныхъ благотворительныхъ учреждений. Миссія не должна ограничивать свою дѣятельность патріархатомъ іерусалимскимъ, но и распространять свое вліяніе на патріархаты антиохійскій и александрійскій, а равно на Синай, гдѣ она также обязана разными мѣрами поддерживать православіе и просвѣщеніе и противодѣйствовать завоевательнымъ стремленіямъ католическихъ и протестантскихъ миссіонеровъ.

Инструкція, данная епископу Кириллу, отличалась весьма многими неясностями и противорѣчіями въ частныхъ своихъ положеніяхъ. Да и общій ея характеръ нѣсколько не соответствовалъ самому существу дѣла. Прежде всего, въ инструкціи весьма прозрачно выступаетъ возрѣніе на миссію, не какъ на духовно-церковное, а скорѣе какъ на гражданско-политическое учрежденіе, хотя она и имѣла своимъ начальникомъ епископа. А главное, инструкція предъявляла миссіи задачи и требованія, рѣшительно несоизмѣримыя съ крайне малымъ составомъ миссіи и ея средствами. Миссія состояла только изъ шести человекъ (два іеромонаха и три іеродіакона), а на все свое содержаніе получала лишь 14.650 рублей въ годъ. На эти деньги, да еще при указанномъ составѣ, миссія должна была поддерживать добрыя сношенія съ греческимъ духовенствомъ,



инославными христіанами и армянами, дѣйствовать преимущественно на арабскій элементъ, притѣсняемый греческимъ, заботиться всѣми средствами о пышности русскаго богослуженія, слѣдуя примѣру католиковъ, благодѣтельствовать мѣстной паствѣ посредствомъ богоугодныхъ учреждений, милостыни и просвѣтительныхъ мѣръ и, наконецъ, распространять подобную свою дѣятельность на всю Палестину, Сирію, Синай и Египеть... Независимо отъ этого, миссія имѣла особыя порученія и отъ святѣйшаго синода. Въ довершеніе всего, когда русское правительство хлопотало объ учрежденіи въ Іерусалимѣ миссіи, то оно сносилось по этому поводу и съ Портой, и съ патріаршими намѣстниками въ Іерусалимѣ, но самого іерусалимскаго патріарха Кирилла, жившаго въ Константинополѣ, а равно и патріарха константинопольскаго объ этомъ не спрашивало, хотя это и было вопреки даже церковнымъ правиламъ. Все это поставило миссію епископа Кирилла, особенно на первыхъ порахъ дѣятельности, въ крайне затруднительное положеніе.

#### IV.

Въ январѣ 1858 года преосвященный Кириллъ, вмѣстѣ съ членами миссіи, благополучно прибылъ въ Іерусалимъ. Здѣсь ему была оказана торжественная встрѣча. Дѣло въ томъ, что по дорогѣ въ святой городъ преосвященный Кириллъ заѣзжалъ въ Константинополь и въ теченіе почти мѣсячнаго здѣсь пребыванія сумѣлъ расположить въ свою пользу патріарховъ іерусалимскаго и константинопольскаго. Пребываніе епископа Кирилла въ Константинополѣ дало ему возможность ознакомиться и съ общимъ состояніемъ православной церкви на Востокѣ, а также съ той средой, въ которой ему предстояло дѣйствовать. Умный и образованный русскій епископъ внушилъ общее къ себѣ довѣріе и, въ сознаніи высокаго своего долга и мирнаго отношенія со стороны другихъ, спокойно приступилъ къ дѣятельности тотчасъ по пріѣздѣ въ Іерусалимъ.

Первые шаги дѣятельности епископа Кирилла въ Іерусалимѣ состояли преимущественно въ устройствѣ миссіи въ отношеніи помѣщенія и содержанія и въ упрядоченіи своихъ отношеній къ греческому духовенству. Но на первыхъ же порахъ ему пришлось испытать недостатокъ въ деньгахъ для убранства помѣщенія миссіи, такъ что онъ вынужденъ былъ пользоваться матеріальною помощью грековъ, чрезвычайно неприятной для представителя могущественной Россіи и великой русской церкви. Его просьба, обращенная въ министерство иностранныхъ дѣлъ относительно субсидіи въ 3.560 рублей осталась безъ отвѣта. Немало затрудненій пришлось испытать русскому епископу и въ дѣлѣ установленія правильныхъ, искреннихъ и дружелюбныхъ отношеній къ греческому духовенству. Хотя іерусалимскій патріархъ, во время пребы-

ванія епископа Кирилла въ Константинополѣ, повидимому, стали въ дружелюбныя къ нему отношенія, но вскорѣ, быть можетъ, подъ вліяніемъ окружавшихъ лицъ, а главное — подъ вліяніемъ возбужденнаго доходившими изъ Іерусалима вѣстями страха за уменьшеніе доходовъ іерусалимской патриархіи, въ зависимости отъ полнаго здѣсь водворенія русской духовной миссіи, эти отношенія измѣнились къ худшему. Дѣйствія начальника русской миссіи стали вызывать въ грекахъ недоувѣріе и подозрѣнія, патриархія стала какъ бы въ оборонительное къ нему положеніе, постоянно ожидая нападенія съ его стороны и видя въ каждомъ его словѣ уже начало этого нападенія; греки съ жалкою трусостью слѣдили за наблюденіями русскаго епископа, и достаточно было одного его слова, чтобы устранены были тѣ или иные неурядки, исправить которые прежде не могли никакія жалобы и просьбы. Епископъ Кириллъ замѣтилъ, что было принято за правило — мѣшать ему во всемъ, что могло имѣть тѣнь покушенія его утвердиться въ Іерусалимѣ, стать въ независимое положеніе, открыть способъ къ лучшему вспомоствованію здѣшнимъ христіанамъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что іерусалимскій патриархъ Кириллъ, въ виду возникшихъ опасеній и подозрѣній, рѣшился оставить Константинополь, еще съ XVI вѣка сдѣлавшійся мѣстомъ постояннаго пребыванія іерусалимскихъ патриарховъ, и въ іюнѣ 1858 года прибылъ въ Іерусалимъ, будучи лично настроенъ противъ русской духовной миссіи и особенно противъ ея начальника. Внезапный пріѣздъ патриарха и неосторожный образъ его дѣйствій подали поводъ нѣкоторымъ изъ его подчиненныхъ чуть не на площадяхъ Іерусалима кричать, что русская миссія теперь получить другой видъ, что между патриархіей и миссіей все уже кончено. Имена «русскихъ» и «русскихъ друзей», раньше звучавшія съ довѣріемъ и уваженіемъ, теперь повторялись съ различными угрозами и даже съ торжествующимъ хвастовствомъ. Съ начальникомъ русской миссіи патриархъ былъ вѣжливъ, но холоденъ, а одинъ разъ онъ позволилъ себѣ даже упрекнуть преосвященнаго Кирилла «домомъ, за который заплатилъ деньги», а въ другой разъ «недвусмысленно коснулся причинъ, отчего у него борода посѣдѣла прежде времени». Подъ покровомъ «взаимнаго вниманія и предупредительности», между патриархомъ и миссіей и послѣ продолжались антагонизмъ и недоувѣріе, но, впрочемъ, недолго. Просвѣщенный русскій епископъ сумѣлъ вновь возстановить довѣріе къ себѣ и дружбу, убѣдивъ своими дѣйствіями патриарха въ полной своей искренности и благонамѣренности.

## V.

Однимъ изъ важнѣйшихъ побужденій для русскаго правительства къ учрежденію въ Иерусалимѣ второй духовной миссіи было желаніе возстановить сколько нибудь поколебленное Крымскою войною положеніе Россіи на православномъ востокѣ. Выполняя эту задачу своей дѣятельности, епископъ Кириллъ, послѣ водворенія въ Иерусалимѣ, и долженъ былъ доложить нашему правительству свои наблюденія о томъ, каково было дѣйствительное положеніе Россіи на востокѣ послѣ войны 1853—1856 годовъ, и какъ востокъ въ то время относился къ намъ.

По наблюденіямъ епископа Кирилла, народонаселеніе православнаго востока въ своихъ мнѣніяхъ о Россіи дѣлилось на двѣ партіи, которыя обѣ находились тогда (въ 1858—1859 годахъ) въ напряженнѣйшемъ состояніи. Партія чисто русская въ исходѣ Крымской войны видѣла лучшее и сильнѣйшее доказательство могущества Россіи, какъ царства, котораго не могли побѣдить соединенными силами четыре государства. Эта партія пламенно желала и нетерпѣливо ждала, что Россія снова покажетъ свою силу и вліяніе на судьбы православнаго востока, заставитъ уважать свой авторитетъ, вѣковыми заслугами приобрѣтенный, первой и законной покровительницы православныхъ обитателей востока. Въ доказательство этихъ своихъ наблюденій преосвященный Кириллъ ссылался на энтузіазмъ, проявленный населеніемъ православнаго востока во время путешествія русской миссіи отъ Константинополя до Иерусалима, при чемъ въ иныхъ мѣстахъ народный энтузіазмъ обнаруживался съ такою силой, что русская миссія намѣренно должна была уклоняться отъ восторженнаго приѣма восточныхъ жителей. О горячихъ надеждахъ и сочувствіи нѣкоторой части православнаго населенія востока къ Россіи свидѣтельствуетъ и слѣдующій фактъ. Еще до прибытія русской миссіи въ Иерусалимъ турецкое правительство распорядилось устроить турецкій госпиталь на 120 кроватей на мѣстѣ дома, въ которомъ помѣщались кожевенные заводы. Вскорѣ по прибытіи миссіи въ Иерусалимъ, къ ея начальнику вдругъ приходятъ съ торжественной вѣстью, что кожевниковъ выгоняютъ изъ дома, и что толпы народа сбѣгаются смотрѣть на это, радуясь, что, наконецъ, русскіе выгнали кожевниковъ. Народъ былъ твердо убѣжденъ, что именно прибытіе русской миссіи въ Иерусалимъ было причиною давно желаннаго событія, и партію, расположенную къ Россіи, никто не могъ убѣдить въ случайномъ совпаденіи этихъ двухъ фактовъ. Вторая партія, враждебная къ Россіи, по наблюденіямъ епископа Кирилла, была убѣждена, что русская миссія имѣла весьма важныя и серіозныя намѣренія по отношенію къ Иерусалиму, и съ боязнью, плохо скрываемою,

ожидала, когда миссія обнаружить свои планы. Скромное положеніе и образъ дѣйствій русской миссіи не только не успокоивали сторонниковъ этой партіи, но какъ будто еще болѣе утрашали и раздражали. Вездѣ шли толки о русскихъ, со всѣхъ сторонъ употреблялись усилія проникнуть въ предположенія русской миссіи. Послѣдняя составляла предметъ всеобщаго вниманія, смѣлыхъ надеждъ со стороны одной половины населенія, боязливыхъ опасеній со стороны другой. «Обѣ половины,—писалъ въ своемъ отчетѣ 1858 года епископъ Кириллъ,—нетерпѣливо ждуть исхода, чтобы порѣшить, которая изъ нихъ права, и установить сколько нибудь правильныя взаимныя отношенія. Мы теперь на точкѣ отправленія и стоять на одномъ мѣстѣ не можемъ,—можемъ только двинуться — или впередъ, къ чести своего имени и ко благу православія, или назадъ—къ торжеству враговъ русскаго имени и славы православной церкви и вѣры. Остановить такое движеніе умовъ не въ нашей силѣ; даже ослабить видимое напряженіе здѣшнихъ надеждъ и опасеній нѣтъ возможности. Остается только ожидать (конечно, не сложа руки), что принесетъ востоку будущее: восторжествуетъ ли и утвердится, и получить ли преобладаніе партія руссофиловъ, или враги наши, воспользовавшись нашею слабостью, унизятъ насъ въ глазахъ нашихъ братьевъ и увлекутъ съ собою весь востокъ подъ сѣнь другого покровительства, на пастбище иновѣрное и враждебное православію» (стр. 237—239). Но, разумѣется, преосвященному Кириллу не суждено было дожидаться рѣшенія этого сложнаго и важнаго вопроса, который и теперь составляетъ еще задачу европейской дипломатіи.

Другимъ предметомъ заботъ и трудовъ преосвященнаго Кирилла было наблюденіе за русскими паломниками въ Святой Землѣ и улучшеніе ихъ быта. Когда миссія преосвященнаго Кирилла прибыла въ Иерусалимъ, она нашла здѣсь до 500 человекъ русскихъ паломниковъ, которые съ великою радостью и встрѣтили ее. Присматриваясь къ ихъ жизни и быту, преосвященный Кириллъ скоро замѣтилъ, какъ положительныя, добрыя, такъ и отрицательныя, печальныя стороны въ ихъ положеніи. Русскіе паломники отличались искреннимъ усердіемъ къ святынѣ, часто исповѣдывались и причащались, не вкушали мясной пищи во время пребыванія въ святомъ градѣ, проявляли глубокое религіозное чувство во время богослуженій и съ рѣдкимъ терпѣніемъ переносили разныя неудобства помѣщенія и жилья въ Иерусалимѣ. Но рядомъ съ этимъ наблюдались и грубыя, отрицательныя явленія. «Бываютъ минуты,—писалъ преосвященный Кириллъ,—когда страшно становится, и трепеть пробѣгаетъ по всему существу моему. Между душами, полагающими здѣсь благое начало покаянія и вступающими въ тѣснѣйшій таинственный союзъ съ Господомъ, распятымъ за насъ и воскресшимъ, сколько здѣсь бываетъ и такихъ, которые теряютъ

последнія крупинки вѣры, какія имѣли прежде, запасаются здѣсь пороками, какихъ не знали прежде! Печальнѣе и удивительнѣе всего то, что до подобнаго состоянія доходятъ чаще всего тѣ, которые долѣе другихъ остаются, или чаще другихъ бываютъ въ Иерусалимѣ. Такіе не только сами гибнутъ, но и другихъ увлекаютъ, пользуясь несчастными преимуществами своей опытности и правомъ руководства другихъ въ незнакомомъ краѣ». Нѣкоторые недостатки въ положеніи паломниковъ зависѣли отъ крайней тѣсноты и неудобства помѣщеній, въ коихъ они жили; бывали случаи, когда по четыре человекъ жили въ углу, достаточномъ для одного. Между паломниками былъ распространенъ порокъ пьянства, который развивается; между прочимъ, подъ вліяніемъ такъ называемаго «благословія св. Петра», т.-е. послѣ употребленія маленькой рюмки раки, которою угощали нашихъ паломниковъ при первомъ ихъ посѣщеніи патріархіи, въ присутствіи патріаршаго намѣстника: простодушные люди вѣрили, будто послѣ «благословія» нельзя не пить, и съ теченіемъ времени дѣлали въ этомъ значительные успѣхи. Паломники подвергались злоупотребленіямъ и со стороны завѣдывавшихъ святынями лицъ. Низшіе клирики греческой патріархіи—діаконы и послушники, обирали нашихъ паломниковъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто тотъ, кто унесетъ изъ Иерусалима назадъ хотя одну паричку въ карманѣ, будетъ нести на себѣ вѣчное и неизгладимое проклятіе. Игумены монастырей, въ коихъ жили поклонники, собирая деньги за помѣщеніе, настойчиво требовали себѣ прибавки «на молитвы», не менѣе рубля серебромъ и до полуимперіала. Наконецъ, и архіереи постоянно ходили по монастырямъ совершать елеосвященіе надъ здоровыми, иногда чрезъ діаконовъ приводили, часа въ два ночи, немывтыхъ и не одѣтыхъ поклонниковъ прямо съ постели въ церковь, мазали масломъ желающихъ и не желающихъ и отбирали за свой трудъ денежную плату. Преосвященный Кирилль, желая хотя нѣсколько освободить русскихъ поклонниковъ отъ систематическаго обирания греками, нанималъ на средства миссіи частные дома, въ которыхъ и помѣщалъ съ возможнымъ удобствомъ паломниковъ особенно въ періоды наибольшаго ихъ стеченія въ Иерусалимѣ. Затѣмъ, преосвященный Кирилль устроилъ русскую больницу на 10 кроватей, а главное представилъ нашему правительству обстоятельный отчетъ о нуждахъ русскаго паломничества въ Святой Землѣ, указавъ въ немъ и мѣры выхода изъ ненормальнаго положенія.

Наконецъ, дѣятельность епископа Кирилла, въ качествѣ начальника духовной миссіи, выразилась въ цѣломъ рядѣ фактовъ чисто церковнаго характера. Онъ ознакомился съ внутреннимъ состояніемъ православной церкви въ Палестинѣ и Сиріи, указавъ высшей русской власти мѣры и средства, при помощи коихъ воз-

можно улучшить положеніе церковныхъ дѣлъ на востокѣ и задержать быстрый завоевательный походъ здѣсь пропаганды католической и протестантской, принималъ участіе въ воссоединеніи сирійско-египетскихъ уніатовъ съ православною церковью, имѣлъ сношенія съ сиро-халдейскими несторіанами и абиссинцами по вопросу о единеніи ихъ съ православною церковью и т. п. Но преосвященный Кириллъ не успѣлъ закончить начатыхъ имъ дѣлъ, по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ. Вскорѣ у него начались прискорбныя столкновенія съ представителями другихъ вѣдомствъ русскаго правительства въ Іерусалимѣ, которыя сперва сильно парализовали его дѣятельность, а затѣмъ повели и къ отозванію его изъ Іерусалима.

## VI.

До прибытія русской миссіи, во главѣ съ епископомъ Кирилломъ, въ Іерусалимѣ, здѣсь не было никакого официальнаго представителя Россіи: генеральный російскій консулъ жилъ въ Бейрутѣ, а вице-консулъ въ Яфѣ. Начальникъ миссіи, въ первое время своего пребыванія въ Іерусалимѣ, былъ первымъ и единственнымъ представителемъ не только русской церкви, но и русскаго правительства въ святомъ градѣ и даже для трехъ православныхъ патріархатовъ: іерусалимскаго, антїохійскаго и александрійскаго. Разумѣется, отсутствіе русскаго консула въ Іерусалимѣ, гдѣ были консулы западно-европейскихъ державъ, было явленіемъ ненормальнымъ, значительно затруднявшимъ и дѣятельность начальника миссіи, которому, даже по инструкціи, иногда приходилось брать на себя консульскія обязанности. Въ виду этого и самъ преосвященный Кириллъ желалъ учрежденія особаго консульства въ Іерусалимѣ, надѣясь совмѣстными силами скорѣе возвысить русскій авторитетъ на Востокѣ и достигнуть общей пользы. Дѣйствительно, въ февралѣ 1858 года, по волѣ государя императора, въ Іерусалимѣ было учреждено русское консульство, съ которымъ было соединено и агентство «Русскаго общества пароходства и торговли». На обязанности консула (г. Дорогобужиновъ), какъ и агента общества, лежала, между прочимъ, забота объ улучшеніи быта русскихъ поклонниковъ. Кромѣ того, въ томъ же 1858 году въ Россіи былъ учрежденъ такъ называемый «Палестинскій комитетъ», также имѣвшій своей задачей возвысить русское вліяніе на востокѣ и благоустроить положеніе нашихъ паломниковъ. Онъ находился подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича и располагалъ значительными денежными средствами. Такимъ образомъ, въ теченіе самаго непродолжительнаго времени въ Іерусалимѣ явились три русскихъ учрежденія, которыя желали взять на себя заботы объ улучшеніи быта русскихъ

поклонниковъ. При этомъ «Палестинскій комитетъ» не былъ подчиненъ никакому начальству, начальникъ миссіи былъ въ зависимости отъ святѣйшаго синода и министерства иностранныхъ дѣлъ, русскій консулъ — отъ того же министерства и (какъ агентъ) отъ общества пароходства и торговли, а оба они — еще отъ «Палестинскаго комитета». Въ довершеніе всего, представители этихъ трехъ учреждений не имѣли точныхъ и ясныхъ инструкцій, опредѣленно разграничивавшихъ сферу ихъ обязанностей и полномочій, а епископъ Кириллъ остался съ той инструкціей, которою онъ былъ снабженъ при отъѣздѣ изъ Петербурга и въ силу которой онъ считался представителемъ на востокѣ и русской церкви, и государства. При такомъ положеніи дѣла открывалось широкое поле для прискорбныхъ столкновеній и разногласій, источникомъ которыхъ долженъ былъ служить самый принципъ, изъ-за котораго боролись представители различныхъ учреждений, а еще болѣе — то неопредѣленное положеніе, въ которое они были поставлены; эти столкновенія были выгодны врагамъ русскаго дѣла на востокѣ, которые старались раздуть ихъ, тѣмъ болѣе, что среди боровшихся не было ближайшаго начальника, который сразу могъ бы прекратить прискорбныя столкновенія.

Дѣйствительно, столкновенія между епископами Кирилломъ и консуломъ Дорогобужиновымъ начались уже въ концѣ 1858 года, сначала изъ-за поклонниковъ, потомъ изъ-за какихъ-то денегъ и т. д. Судя по письмамъ епископа Кирилла, вина въ разногласіяхъ падала на консула, а вѣрнѣе — на его друсмысленное и неопредѣленное положеніе. Однако, дѣло пошло далеко. Оба противника жаловались другъ на друга въ Петербургъ, а въ маѣ 1863 года изъ Іерусалима отъ консула К. поступило въ азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ офиціальное донесеніе «объ образѣ жизни» начальника іерусалимской духовной миссіи, въ которомъ рассказывались, большею частію, на основаніи слуховъ, факты изъ жизни и поведенія преосвященнаго Кирилла слишкомъ мрачнаго свойства, и вмѣстѣ съ тѣмъ набрасывалась сильная тѣнь на добрыя отношенія между греческимъ духовенствомъ и преосвященнымъ Кирилломъ. Донесеніе заканчивалось предложеніемъ замѣнить Кирилла новымъ начальникомъ въ санѣ архимандрита. Борьба производила на епископа Кирилла крайне удручающее впечатлѣніе. Онъ высоко ставилъ задачи своей миссіи и готовъ былъ пожертвовать всѣмъ въ интересахъ русскаго дѣла на Востокѣ. Но его положеніе постепенно и радикально измѣнялось къ худшему. Изъ единственнаго и главнаго представителя русской церкви и даже русскаго правительства во всей Палестинѣ, Сиріи и Египтѣ онъ долженъ былъ превратиться въ самага скромнаго настоятеля малочисленной миссіи, главная и почти единственная обязанность котораго заключалась въ нравственномъ наблюденіи за нашими по-

клонниками и совершени богослуженія. Преосвященному Кириллу было трудно, даже невозможно примириться съ такимъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что оно совершенно не соотвѣтствовало его высокому епископскому сану и устанавливалось не столько желаніемъ высшаго правительства, сколько дѣятельностью его низшихъ органовъ, дѣйствовавшихъ на мѣстѣ. Къ тому же преосвященный Кириллъ былъ одинокъ въ борьбѣ, а противники его многочисленны, имѣли сильныхъ покровителей и часто бывали въ Петербургѣ, гдѣ распространили о его жизни всевозможные слухи. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ іюнѣ 1863 года состоялось синодальное постановленіе объ отозваніи преосвященнаго Кирилла изъ Іерусалима.

Вѣсть объ этомъ глубоко поразила епископа Кирилла, который увидѣлъ въ распоряженіи высшей власти тяжкое для себя наказаніе, совершенно имъ не заслуженное. Въ виду этого, въ письмѣ къ синодальному оберъ-прокурору А. П. Ахматову отъ 22-го августа того же года епископъ Кириллъ просилъ, чтобы ему объявили, кто его обвинители и въ чемъ его обвиняютъ, чтобы ему предоставлено было право оправдаться въ взведенныхъ на него обвиненіяхъ, и притомъ «черезъ посредство восточныхъ патріарховъ и іерарховъ, бывшихъ свидѣтелями его шестилѣтней службы на ихъ глазахъ и имѣвшихъ возможность устроить правильный судъ на строгомъ основаніи церковныхъ правилъ, требующихъ изслѣдованія дѣла двѣнадцатью архіереями», чтобы ему было предоставлено право оставаться на востокѣ, «подъ кровомъ священныхъ патріаршихъ престоловъ, пока онъ не будетъ оправданъ законнымъ судомъ, и честь его, какъ епископа русскаго, будетъ ограждена», и чтобы, наконецъ, въ случаѣ рѣшительнаго увольненія его отъ должности начальника миссіи, ему была назначена достаточная пенсія, соотвѣтственно прежнимъ заслугамъ по службѣ въ Россіи и на востокѣ. Но на это письмо послѣдовалъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что «рѣшеніе правительства и распоряженія святѣйшаго синода ни въ какомъ случаѣ измѣнены быть не могутъ». Пріѣхавъ въ Россію, епископъ Кириллъ, въ силу синодальнаго распоряженія, поселился въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ въ Казани, гдѣ и скончался 10-го февраля 1866 года, 42-хъ лѣтъ отъ роду, до самой смерти не принимая никакого участія въ церковныхъ дѣлахъ.

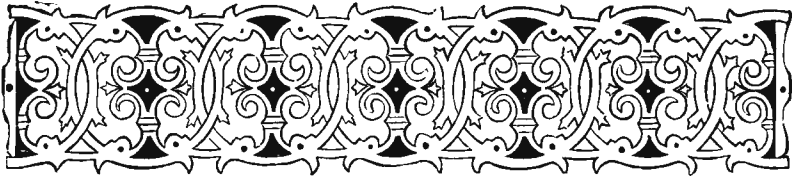
Такъ погибъ мученикомъ долга одинъ изъ доблестныхъ сыновъ русской церкви, — талантливый, просвѣщенный, энергичный. Чья вина въ этой преждевременной смерти? Безспорно, самъ преосвященный Кириллъ нисколько не повиненъ въ тѣхъ смутахъ, которыя вторглись въ правое русское дѣло на востокѣ, извратили подлинный его характеръ и заставили одного изъ вѣрныхъ борцовъ за русскую идею покинуть дорогое дѣло. Причина неуспѣха миссіи епископа Кирилла зависѣла отъ неумѣлаго ея руководства со стороны русской дипломатіи, отъ безпечнаго отношенія центральныхъ



учрежденій къ дѣлу живому и весьма важному, отъ привнесенія личныхъ и партійныхъ счетовъ въ церковно-государственные интересы высокой цѣнности. Невольно напрашивается на сравненіе отношеніе западно-европейскихъ державъ къ католическимъ и протестантскимъ миссіямъ на востокѣ. Почему съ ихъ стороны нѣтъ той поражающей небрежности, безпринципности и произвола, съ которыми знакомить насъ исторія русской миссіи епископа Кирилла? Почему миссіи иностранныя работаютъ на Востокѣ съ такимъ колоссальнымъ успѣхомъ, который намъ и не снился? Почему доброе русское имя постепенно отходитъ на Востокѣ въ область преданія, а туземное населеніе начинаетъ тяготѣть и къ Западу не менѣе, чѣмъ къ единовѣрной Россіи? Долго ли такъ будетъ продолжаться? Можетъ быть, печальная судьба епископа Кирилла, сдѣлавшаяся теперь достояніемъ исторіи, послужитъ нѣкоторымъ урокомъ въ дѣлѣ будущихъ нашихъ отношеній къ православному Востоку.

И. С.





## СТОЛѢТІЕ ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

(1802 — 1902 гг.).



РУССКАЯ университетская наука отпраздновала 12—13 декабря только что закончившагося года свой второй вѣковой юбилей. Если первый изъ этихъ юбилеевъ имѣлъ мѣсто въ самомъ сердцѣ Россіи, въ первопрестольной столицѣ Москвѣ, то второй судьба забросила на окраину. Извѣстно, что только исторія послѣдняго десятилѣтія рѣшила вопросъ, имѣтъ ли вѣковому юбилею Юрьевского (Дерптскаго) университета общероссійскій характеръ и интересъ, или только мѣстно-прибалтійскій.

Прошлое Юрьевской *almae matris* рѣзко отличается отъ исторіи прочихъ Россійскихъ университетовъ <sup>1)</sup>. Не говоря уже о внутреннемъ складѣ университетской жизни, о господствующихъ традиціяхъ и симпатіяхъ,—и внѣшнія судьбы Юрьевскаго университета являются совсѣмъ необычными для университетовъ Россіи. Скрывающееся въ глубинѣ XVII столѣтія начало, постепенныя метаморфозы изъ латино-шведскаго университета въ нѣмецкій, изъ нѣмецкаго въ русскій, невольныя переселенія изъ одного города въ другой,—ничего подобнаго исторія другихъ русскихъ университетовъ (исключая развѣ только Гельсингфорскій) не запомнить.

Въ разгаръ Тридцатилѣтней войны, въ лагерѣ подъ Нюренбергомъ, 30 іюня 1632 года, знаменитый шведскій государь Густавъ Адольфъ подписалъ декретъ о преобразованіи существовавшей въ

<sup>1)</sup> При дальнѣйшемъ изложеніи этого прошлаго мы пользуемся главнымъ образомъ вышедшимъ къ юбилею первымъ томомъ книги проф. Е. В. Пѣтухова «Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ за сто лѣтъ его существованія (1802—1902)», Юрьевъ, 1902.

Дерптѣ королевской гимназіи въ университетъ. «Воинственную Лифляндію нужно привести на путь добродѣтели и нравственности», — такъ выражался о задачахъ новаго университета первый канцлеръ его, шведскій генераль-губернаторъ Ските. 15-го октября того же года, университетъ былъ торжественно открытъ, а 6-го ноября славнаго основателя университета уже не стало: онъ былъ убитъ въ сраженіи при Люценѣ. Но дочь Густава, Христина, а потомъ шведскій король Карлъ X, не дали погибнуть новому университету, и послѣдній просуществовалъ безъ перерыва до 1656 года, когда Дерптъ мирно капитулировалъ передъ 40.000 войскомъ русскаго государя Алексѣя Михайловича. Профессора и студенты разошлись въ разныя стороны. Только университетская бібліотека и типографія были замурованы въ подвалѣ Маріинской церкви, откуда и добыты были въ 1688 году. Въ этотъ годъ, послѣ 32-лѣтняго перерыва, возникаетъ въ Лифляндіи «второй латино-шведскій университетъ», возобновленный сначала въ томъ же Дерптѣ, а потомъ перенесенный, во время войны съ Россією, въ г. Перновъ. Въ теченіе десяти лѣтъ (1699—1700) кое-какъ влачилъ свое жалкое существованіе Перновскій университетъ, пока окончательно не замеръ, что совпало со временемъ Сѣверной войны (1710 г.).

Авторъ юбилейной исторіи Юрьевскаго университета, профессоръ Е. В. Пѣтуховъ, подводитъ итоги исторіи этого лифляндскаго университета XVII столѣтія въ слѣдующихъ словахъ: «Въ обѣ половины своего существованія, раздѣленный тремя десятками лѣтъ войны или безпокойства, университетъ жилъ при одинаково неблагоприятныхъ условіяхъ: лишенный необходимыхъ матеріальныхъ средствъ, безъ крѣпкихъ связей со страной и безъ сочувствія къ нему мѣстнаго населенія, страдая въ своей внутренней жизни антагонизмомъ двухъ національностей <sup>1)</sup>, онъ едва могъ влачить свою незавидную долю. Двукратное прекращеніе его существованія, въ 1656 и 1710 годахъ, совпало съ успѣхами русскаго оружія возлѣ Дерпта и Пернова, но не русскіе виноваты были въ паденіи университета, лишеннаго той внутренней силы, которая была бы способна вдохнуть въ него жизнь послѣ тревожныхъ событій военнаго времени. Такимъ образомъ, университетъ въ Дерптѣ и Перновѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ былъ растеніемъ, посаженнымъ болѣе или менѣе случайно, чужою рукою, и не привившимся къ почвѣ, не пустившимъ въ нее глубокаго корня. Вліяніе его на страну было невелико, но все-таки было бы ошибочно совершенно отрицать это вліяніе. Болѣе полуторы тысячи молодыхъ людей воспользовались въ той или другой мѣрѣ средствами высшаго образованія въ Дерптѣ и Перновѣ, и хотя большая часть изъ нихъ были шведы, тѣмъ не менѣе многіе изъ воспитан-

<sup>1)</sup> Шведской и нѣмецкой.

никовъ университета оставались въ странѣ, занимая разныя общественныя и правительственныя должности. Наконецъ, университетъ, при всей его внутренней слабости и недостаткахъ, поддерживалъ въ странѣ идею высшаго образованія, которая продолжала жить позднѣе и не осталась безъ послѣдствій въ будущемъ для судебъ высшаго образованія въ Лифляндіи» (стр. 85—86).

Въ продолженіе XVIII столѣтія было нѣсколько попытокъ, главнымъ образомъ со стороны мѣстнаго дворянства, возобновить университетъ въ Лифляндіи, но всѣ эти попытки были неудачны. Только при императорѣ Павлѣ вопросъ получилъ движеніе. Извѣстно, что этотъ государь симпатизировалъ балтамъ, и въ первый же годъ своего царствованія даровалъ остзейскимъ губерніямъ значительную долю ихъ прежняго самоуправленія. Въ виду событій 1798 года, доступъ русскимъ юношамъ въ заграничныя университеты былъ запрещенъ (указомъ 9-го апрѣля), что увеличило потребность въ мѣстномъ университетѣ. Но среди балтійскаго дворянства возникли несогласія по вопросу о мѣстѣ для новаго университета. Особенно долго спорили Дерптъ и Митава. Послѣдняя совѣмъ было оказалась побѣдительницею: по указу императора Павла отъ 25-го декабря 1800 года университетъ учреждался въ Митавѣ. Но черезъ три съ небольшимъ мѣсяца этотъ государь скончался, а преемникъ его Александръ I, указомъ 12-го апрѣля 1801 года, основалъ университетъ въ Дерптѣ: «по причинѣ положенія онаго въ средоточіи трехъ губерній: Рижской, Ревельской и Курляндской, удобностей жизни, изобилія, обращенія государственной монеты и другихъ обстоятельствъ, не менѣе важныхъ», какъ говорилось въ указѣ 21-го апрѣля 1802 года, университетъ былъ торжественно открытъ, но находился въ вѣдѣніи мѣстнаго дворянства и сильно бѣдствовалъ. Новая эра для университета началась съ 12-го декабря того же года, когда, по ходатайству дерптскаго профессора Г. Ф. Паррота, государь подписалъ «актъ постановленія для императорскаго университета въ Дерптѣ». Университетъ былъ признанъ государственнымъ учрежденіемъ и получилъ отъ казны прочное матеріальное положеніе. «Какъ столь пріятно нашему сердцу привести сіе святилище наукъ въ цвѣтущее состояніе, то посему и пріемлемъ оный университетъ въ особенное наше покровительство и защиту», — читаемъ въ «актѣ постановленія». День подписи этого акта, давшаго университету, по выраженію Паррота, «новое бытіе», явившагося для него «залогомъ счастья, палладіумомъ свободы и документальной основой его правъ», — и празднуется ежегодно торжественнымъ актомъ, какъ день основанія университета.

На протяженіи своей вѣковой исторіи университетъ, вмѣстѣ съ городомъ Дерптомъ, «видѣлъ дни славы и униженія, силы и слабости, богатства и бѣдности, процвѣтанія и упадка». Самый бле-

стящій періодъ университетской жизни падаетъ на 20—40-е годы прошлаго вѣка. Особенно яркимъ выразителемъ этого процвѣтанія былъ существовавшій въ Дерптѣ около 12 лѣтъ (1826—1838) «Профессорскій институтъ». Лучшіе представители изъ числа студентовъ прочихъ русскихъ университетовъ систематически командировались въ Дерптъ для подготовки къ профессорскому званію. Этотъ «Профессорскій институтъ» далъ русскимъ университетамъ около двадцати хорошихъ профессоровъ, въ томъ числѣ знаменитаго хирурга и педагога Н. И. Пирогова.

Почти одновременно съ этимъ расцвѣтомъ своей научной производительности Дерптскій университетъ достигаетъ крайней точки въ своей обособленности—не только отъ Россіи, но и отъ Германіи, съ которою прежде поддерживались тѣсныя связи. Университетъ замыкается въ узкомъ кругѣ балтійской жизни и особенно сильно пропитывается балтійскими «предразсудками» (по выраженію графа Уварова). На этой почвѣ выросли такія личности, какъ профессоръ русской исторіи К. Ширренъ, открыто назвавшій Россію страной, которая «не знаетъ прошедшаго и не имѣетъ будущаго». Періодъ уваровской «руссификаціи», когда дѣйствительно приняты были нѣкоторыя мѣры къ распространенію въ Прибалтійскомъ краѣ и университетѣ русскаго языка и русскихъ убѣжденій,—періодъ этотъ явился для университета «временемъ наибольшаго успѣха въ мѣстно-патріотическомъ направленіи, когда, невзирая на «строгости» и «стѣсненія», шедшія отъ графа Уварова и Крафстрема <sup>1)</sup>, въ университетѣ и въ краѣ крѣпли основы внутренней связи» (Е. Пѣтуховъ, стр. 445—446).

Связь стараго Дерптскаго университета съ жизнію Россіи была вообще ничтожна. Проявлялась она почти исключительно во время войнъ Россіи, особенно во время войны съ Наполеономъ. И прежде очень любимый въ краѣ, императоръ Александръ I сдѣлался теперь предметомъ безграничнаго поклоненія; въ честь его писались мѣстными поэтами стихи, въ торжественныхъ рѣчахъ на празднествахъ по случаю побѣдъ нѣмецкіе профессора называли русскихъ «благородною націею, къ которой мы гордимся быть сопричислены». Два дерптскихъ профессора покинули въ 1812 году университетъ и поступили въ дѣйствующую армію; одинъ изъ нихъ, русскій, Кайсаровъ, погибъ въ сраженіи при Гайнау. Позднѣе, во время польскаго мятежа 1831 года, болѣе 200 дерптскихъ студентовъ зачислились волонтерами въ русскую армію. Но русскій языкъ въ университетѣ не пользовался большимъ уваженіемъ, и даже университетскій совѣтъ принужденъ былъ заслушать въ своемъ засѣданіи 8-го мая 1812 года предписаніе министра графа Разумов-

<sup>1)</sup> Тогдашній попечитель Рижскаго округа, поступившій «съ сѣдла на попечительство» и «фронтоникъ до мозга костей» (характеристики Н. И. Пирогова).

скаго—сноситься съ нимъ на болѣе правильномъ русскомъ языкѣ. Студентовъ за незнаніе русскаго языка сажали одно время въ карцеръ, но и это плохо помогало. Русскихъ профессоровъ, равно и студентовъ, въ Дерптѣ было очень мало; изъ первыхъ наиболѣе извѣстенъ Н. И. Пироговъ, изъ вторыхъ—лексикографъ и писатель В. И. Даль, поэтъ Языковъ, писатели графъ Соллогубъ, Боборыкинъ, врачи Манассеинъ, Вересаевъ и нѣкоторые другіе.

Новая эра для университета наступаетъ въ прошлое царствованіе, когда Дерптскій университетъ становится Юрьевскимъ и постепенно преобразуется по типу прочихъ университетовъ Россіи. Въ 1889 году въ Дерптъ назначено было нѣсколько русскихъ профессоровъ. Тогда же у университета отнято было право самоуправленія и самостоятельнаго суда. Въ 1894 году здѣсь вводится форменная студенческая одежда общаго образца. Въ 1897 году въ Дерптъ были допущены воспитанники духовныхъ семинарій, которые скоро сдѣлали здѣшній университетъ русскимъ и по преобладающему числу студентовъ. Полнаго преобразованія университета, впрочемъ, не достигнуто и теперь.

Студенческая жизнь стараго Дерпта представляетъ также много отличій по сравненію съ обычною жизнію русскаго студенчества. Почти одновременно съ основаніемъ университета здѣсь возникаютъ корпораціи, представляющія собою точныя копіи студенческихъ корпорацій въ университетахъ Германіи. Легальными дерптскія корпораціи сдѣлались лишь въ 1855 году, но онѣ существовали открыто и прежде и имѣли громадное вліяніе на жизнь студенчества: студенты—некорпоранты, такъ называемые дикіе (Wilde), въ сущности, не были полноправными членами студенчества. Между прочимъ, по почину поэта Н. М. Языкова, въ Дерптѣ возникла въ 1829 году и русская корпорація—«Рутенія». Дерптскія корпораціи издавна служили образцами для подобнаго же рода учрежденій и въ русскихъ университетахъ, въ частности—въ Петербургскомъ (см. «Истор. Вѣстникъ», 1880, № 4, стр. 781—802).

## II.

Еще за годъ до юбилея 12-го декабря стало извѣстно, что Православное Прибалтійское братство св. Исидора, согласно предложенію своего члена, бывшаго ректора Юрьевскаго университета А. Будиловича, рѣшило пожертвовать православной университетской церкви города Юрьева звонъ изъ восьми колоколовъ. Къ осени юбилейнаго года обѣщанные колокола были получены, и тогда же приступлено къ постройкѣ колокольни. Мѣстомъ для нея была избрана южная часть крыши и главнаго зданія университета. Такимъ образомъ, Юрьевскій университетъ оказался первымъ въ Россіи и пока

единственнымъ университетомъ, на главномъ зданіи котораго вышпается церковная колокольня.

А. Будиловичъ фігурально мотивировалъ свое предложеніе въ братствѣ тѣмъ, что колокола «будутъ благовѣстить въ Прибалтійскомъ краѣ православную вѣру».

Утромъ 12-го декабря, впервые зазвонили новые колокола на новой университетской колокольнѣ, приглашая вѣрующихъ къ торжественному богослуженію. Послѣднее совершалъ нарочно для того прибывшій изъ Риги преосвященный Агаангелъ. Нѣсколько позднѣе состоялось богослуженіе въ лютеранской университетской церкви. Въ Юрьевъ уже прибыли къ этому времени болѣе ста почетныхъ гостей, болшею частію делегатовъ отъ различныхъ ученыхъ и учебныхъ учреждений Россіи и отчасти Западной Европы. Отъ послѣдней было, впрочемъ, только два представителя—докторъ Бойеръ изъ Парижа и венгерскій археологъ Бела-де-Пуста изъ Клаузенбурга. Изъ сѣверной Америки прибыли на торжество двое любителей туристовъ.

Послѣ богослуженія и завтрака, предложеннаго отъ университета почетнымъ гостямъ, въ университетской актовѣ залѣ начался торжественный, юбилейный актъ. Открылъ его попечитель Рижскаго округа, камергеръ Извольскій, прочитавшій высочайшій рескриптъ, данный въ день столѣтней годовщины университета, 12-го декабря, императорскому Юрьевскому университету. Съ высоты престола были отмѣчены заслуги университета—юбиляра на пользу отечественнаго просвѣщенія и науки. «Обозрѣвая вѣковую службу университета, Намъ пріятно изъявить ему Нашу искреннюю признательность за все добро, имъ содѣянное, и выразить наше монаршее благоволеніе какъ ученому сословію университета, такъ и учащемуся въ немъ юношеству»,—читалось въ рескриптѣ. Въ отвѣтной рѣчи ректоръ университета, профессоръ А. Н. Филипповъ, выразилъ, отъ лица университетскаго совѣта, чувство глубокой преданности и признательности престолу. Въ залѣ трижды прогремѣло могучее «ура».

Далѣе, попечителемъ округа были объявлены высочайшія награды, данныя ко дню юбилея ректору, многимъ профессорамъ и другимъ служащимъ университета, а также извѣщеніе о томъ, что согласно многочисленнымъ просьбамъ университета министерство народнаго просвѣщенія возбудило рядъ соотвѣтствующихъ ходатайствъ объ отпускѣ Юрьевскому университету нужныхъ средствъ на ремонтъ и расширеніе зданій, на студенческія стипендіи, бібліотеку и столовую, на хозяйственныя и иныя нужды университета. Въ заключеніе, попечитель округа привѣтствовалъ университетъ съ замѣчательнымъ днемъ его столѣтней годовщины отъ лица министра народнаго просвѣщенія Зенгера, его товарища Лукьянова и отъ себя лично, выразивъ свои радостныя чувства по случаю присутствія на этомъ рѣдкомъ торжествѣ.

Ректоромъ университета произнесена была привѣтственная рѣчь присутствовавшимъ въ залѣ делегатамъ, послѣ чего начался пріемъ депутацій. Послѣднихъ было болѣе шестидесяти. Отъ имени рижской епархіи привѣтствовалъ университетъ адресомъ преосвященный Агаангелъ, отъ лица императорской академіи наукъ—князь Голицынъ вмѣстѣ съ академиками Чернышевымъ и Шмидтомъ, отъ города Юрьева—городской голова Гревингкъ. Почти всѣ русскіе университеты (исключая Варшавскій и Гельсингфорскій), спеціальныя высшія учебныя заведенія Россіи, громадное количество ученыхъ обществъ, общественное управленіе городовъ Петербурга и Пернова, среднія учебныя заведенія Прибалтійскаго края, какъ казенныя, такъ и частныя, прислали на университетскій праздникъ своихъ делегатовъ. При преобладающемъ количествѣ прочтанныхъ адресовъ на русскомъ языкѣ, было также до десяти адресовъ на латинскомъ и нѣсколько на французскомъ, нѣмецкомъ и и итальянскомъ. Въ адресахъ отдавалась дань удивленія и преклоненія передъ славнымъ прошлымъ университета-юбиляра, бывшаго нѣкогда (во время существованія здѣсь «Профессорскаго института») настоящимъ питомникомъ профессоровъ для всѣхъ университетовъ имперіи. Отмѣчая славныя въ исторіи науки имена Бэра, Пирогова, Струве, Эверса, братьевъ Шмидтовъ, Григоровича, Куторги, Овсяникова и многихъ другихъ знаменитыхъ воспитанниковъ и профессоровъ университета-юбиляра, адреса разныхъ научныхъ учрежденій указывали, что и эти учрежденія многимъ обязаны Юрьевскому университету: его воспитанники и профессора были здѣсь славными членами, тамъ—профессорами, тутъ—предсѣдательствующими. Много говорилось также о соединеніи въ лицѣ Дерптскаго Юрьевского университета «восточной и западной» культуры и науки, о его славной прошлой миссіи пересаживать на русскую почву западно-европейскую науку и о не менѣе славной будущей задачѣ—знакомить Западную Европу съ русскою наукою. Всѣ сходились въ пожеланіи университету столь же блестящаго будущаго, каково было его прошлое.

Отвѣтныя рѣчи держалъ ректоръ Филипповъ—одну на русскомъ языкѣ, другую на французскомъ. Онъ же объявилъ затѣмъ имена лицъ, избранныхъ совѣтомъ Юрьевского университета, ко дню юбилея, почетными членами и почетными докторами. Въ почетные члены избраны изъ русскихъ: министръ земледѣлія Ермоловъ, сенаторы Кобеко и Таганцевъ, графъ Левъ Н. Толстой, академики В. М. Бехтеревъ, М. С. Воронинъ, Н. П. Кондаковъ, В. И. Ламанскій, В. В. Латышевъ, Р. В. Овсяниковъ, А. Н. Пыпинъ, П. В. Никитинъ, Гр. Шмидтъ, членъ-корреспондентъ академіи И. И. Толстой, профессора Д. И. Менделѣевъ (присутствовавшій на празднествѣ), И. И. Мечниковъ, Н. В. Бугаевъ, Е. Е. Голубинскій, протоіерей Горчаковъ, В. С. Иконниковъ, И. М. Догель, И. П. Пав-



ловъ, И. В. Помяловскій, В. И. Герье, В. И. Сергѣевичъ, И. М. Съченновъ, Энгельманъ, бывший товарищъ министра финансовъ В. И. Ковалевскій и Б. Н. Чичеринъ. Изъ числа иностранныхъ ученыхъ избрано 29 лицъ. Степени почетнаго доктора (*honoris causa*) присуждены восьми лицамъ, въ томъ числѣ академику А. Н. Пыпину и сенатору Д. Ө. Кобеко.

Прочитать все множество полученныхъ университетомъ привѣтственныхъ телеграммъ не было никакой возможности. Часть ихъ была прочитана въ концѣ акта 12-го декабря, другая часть въ началѣ акта на слѣдующій день, но громадное количество ихъ осталось все-таки непрочитаннымъ. Отъ бывшихъ студентовъ университета телеграммы поступали сотнями; ихъ слали также почетные члены университета, министры, епископы, губернаторы, предводители дворянства, многія учебныя и ученыя учрежденія и общества. Много также получено было адресовъ, главнымъ образомъ изъ Западной Европы — на латинскомъ, нѣмецкомъ, чешскомъ и нѣкоторыхъ другихъ языкахъ.

По прочтеніи адресовъ, на актѣ 13 декабря произнесены были двѣ рѣчи. Авторъ юбилейной исторіи университета, профессоръ Пѣтуховъ, предложилъ очеркъ исторической жизни университета за истекшее столѣтіе; деканъ богословскаго факультета, Керстенъ, изложилъ на нѣмецкомъ языкѣ исторію научной дѣятельности богословскаго факультета. Чтеніе отчета о присужденіи премій студентамъ университета за ихъ научныя работы (присуждено 18 наградъ), годового отчета о жизни университета и русскій гимнъ закончили этотъ второй юбилейный актъ университета (13 декабря). Вечеромъ 12 и 13 декабря въ честь почетныхъ гостей даны были два обѣда, первый отъ университета, второй отъ города; на томъ и другомъ говорилось много рѣчей и еще болѣе произносилось тостовъ. Главное зданіе университета оба дня было роскошно иллюминировано.

Кромѣ не разъ упомянутой нами юбилейной исторіи университета, написанной профессоромъ Е. В. Пѣтуховымъ (вышелъ пока только первый изъ двухъ томовъ), въ скоромъ времени выйдетъ и второе юбилейное изданіе — «Биографическій словарь» профессоровъ университета за истекшее столѣтіе.

Д. З.





## КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

**Student's History of the Greek Church. By the rev. A. H. Nore,  
M. A., Trinity College, Oxford. 1902.**



ВЪ АНГЛІИ уже давно возникъ серьезный научный интересъ къ исторіи православной восточной церкви, поддерживаемый какъ чисто академическими задачами, такъ и практическими сношеніями мѣстной церкви съ восточной по мотивамъ уніональнымъ. Въ этомъ отношеніи любопытны результаты минувшаго столѣтія, когда просвѣщенные дѣятели англиканской церкви, стремясь къ достиженію вселенской истины въ области церковно-христіанской, обратили свой испытующій взоръ на церковь православную и, путемъ религіозно-богословскихъ сношеній, возбудили дѣло объ уніи. Извѣстны имена Пальмера, Ниля, Овербека, Биркбека, Станлея съ одной стороны и митрополитовъ Филарета и Антонія съ другой. Дѣло объ уніи поставлено было и на почву научную. Для взаимнаго религіознаго единенія необходимымъ условіемъ признано знаніе и пониманіе ученія церкви англиканской и православно-восточной. Церковное общеніе только тогда можетъ имѣть дѣйствительный смыслъ, если совершится сознательно и добровольно. Отсюда задача научнаго взаимнаго ознакомленія перешла въ настлѣдіе отъ столѣтія минувшаго къ настоящему. И нынѣ въ Англій, главнымъ образомъ въ стѣнахъ Оксфордскаго университета, идетъ живая работа въ интересахъ указаннаго церковнаго единенія. Одно изъ видныхъ мѣстъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ члену Троицкой коллегіи въ Оксфордѣ профессору Гору, который въ минувшемъ году издалъ, для указанной цѣли, отмѣченную выше исторію греческой церкви. Авторъ посвятилъ свою любопытную книгу государю императору Николаю II, съ соизволенія Его Величества.

Книга англійскаго ученаго Гора состоитъ изъ введенія, двухъ частей изслѣдованія, заключенія и приложений.

Въ введеніи (стр. 1—28) авторомъ предложена общая характеристика греческой церкви. Въ частности, авторъ говоритъ здѣсь о составѣ греко-восточной церкви, къ которой относятся различныя помѣстные православныя церкви, о ея автокефальности и православномъ вѣроученіи, о монашествѣ и центральномъ его пунктѣ—святой горѣ Аѳонской, описываетъ православный храмъ, богослужебныя одежды, указываетъ главные праздники, богослужебныя книги, составъ богослуженія, рассказываетъ о совершеніи таинствъ, сосредоточиваясь преимущественно на таинствѣ причащенія, по поводу коего онъ говоритъ и о пресуществленіи святыхъ даровъ и о литургіи вообще.

Во второй части (стр. 28—354) излагается исторія патріархатовъ Константинопольскаго, Александрійскаго, Антиохійскаго и Иерусалимскаго отъ временъ древнихъ до новѣйшихъ. Эта часть состоитъ изъ десяти главъ.

Въ главѣ первой (стр. 29—65) рѣчь идетъ о первомъ вселенскомъ соборѣ въ Никее (325 г.), причинахъ, его вызвавшихъ, и о вѣроученіи, на немъ выработанномъ, въ противовѣсъ аріанской догмѣ, рассказывается о дѣятельности защитниковъ православія, особенно Аѳанасія Александрійскаго, поражавшаго въ своихъ сочиненіяхъ различныя развѣтвленія еретической мысли, ведется рѣчь и о помѣстныхъ соборахъ (въ Тирѣ, Сардикѣ и Арлесѣ), созванныхъ вскорѣ послѣ перваго вселенскаго, и объ ихъ церковно-католической дѣятельности, а также объ отношеніи къ аріанамъ со стороны законоположника христіанской монашеской жизни, преподобнаго Антонія Великаго. Вообще, въ первой главѣ обстоятельно уясняется исторія узаконенія Никейскаго символа.

Во второй главѣ (стр. 66—89) говорится о торжествѣ церкви надъ аріанствомъ и о церковныхъ событіяхъ въ періодъ между первымъ и вторымъ вселенскими соборами, когда церкви пришлось бороться не только съ еретиками (аріанами и македоніанами), но и испытать отступничество императора Юліана, которое угрожало ей возвратомъ къ прежнему безправному положенію; но, къ счастью для церкви, отступникъ скоро погибъ, и церковь сохранила свое господство не только внѣшнее, но и внутреннее, послѣднее благодаря виднымъ ея представителямъ—отцамъ и учителямъ, во главѣ коихъ въ этотъ періодъ стоятъ три каппадокійца: Василій Великій, Григорій Богословъ и Григорій Нисскій.

Въ главѣ третьей (стр. 90—119) излагается исторія греческой церкви въ царствованіе императоровъ Граціана и Θεодосія I Великаго (376—395 г.). Центральнымъ пунктомъ служитъ второй вселенскій соборъ (381 г.), на которомъ имѣлись въ виду ученія Арія, Македонія и Аполлинарія, и состоялось новое подтвержденіе Никейскаго символа. Во второй половинѣ главы обстоятельно излагается исторія знаменитаго оратора христіанской древности, святого Іоанна Златоустаго, архіепископа константинопольскаго.

Въ четвертой главѣ (стр. 120—157) обозрѣвается споръ дифиситовъ и монофиситовъ, двухъ партій съ противоположными воззрѣніями на природу во Христѣ. Сначала возникло несторіанство, допускавшее полное раздѣленіе естества во Христѣ. Виновникомъ лжеученія былъ Несторій, архіепископъ кон-

стантинопольскій, а его главнымъ противникомъ Кириллъ Александрійскій. Споръ окончился осужденіемъ Несторія на третьемъ вселенскомъ соборѣ въ Ефесѣ (441 г.). Но дѣло этимъ не ограничилось: изъ несторіанства выросло монофиситство, ясно сформулированное Евтихіемъ и допускавшее только одно естество во Христѣ. Монофиситство было осуждено на четвертомъ вселенскомъ соборѣ въ Халкидонѣ (451 г.). На обстоятельствахъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ эти два собора, авторъ всецѣло и сосредоточивается въ разсматриваемой главѣ, характеризуя ихъ участниковъ, опредѣляя вѣроученіе, на нихъ составленное, и разсматривая каноническую дѣятельность.

Въ главѣ пятой (стр. 158—207) рѣчь идетъ о состояніи греческой церкви въ эпоху пятого (553 г.) и шестого (680 г.) вселенскихъ соборовъ, изъ коихъ первый имѣлъ дѣло съ монофиситствомъ, а второй съ моноелитствомъ. Въ этотъ періодъ церковь, по мнѣнію автора, управлялась по эдиктамъ императоровъ (начиная съ Зенона 474 г.), которые употребляли различныя мѣры для умиротворенія церкви. Авторъ послѣдовательно и обозрѣваетъ дѣятельность византійскихъ императоровъ въ отношеніи къ церкви, говоря больше всего о дѣятельности императора Юстиніана (VI в.). Въ концѣ главы говорится и о завоеваніи восточной части Византійской имперіи (Сиріи, Палестины и Египта) арабами и о вліяніи этого событія на строй мѣстной церковной жизни.

Въ шестой главѣ (стр. 208—228) говорится о неправославныхъ греческихъ общинахъ, отдѣлившись отъ восточной церкви по различнымъ причинамъ. Выясняя эти причины, авторъ сообщаетъ историческія свѣдѣнія о персидскихъ несторіанахъ, индійскихъ ѳомитахъ, іерусалимскихъ яковитахъ, о коптахъ, абиссинахъ и особенно армянахъ.

Въ седьмой главѣ (стр. 229—252) описывается седьмой вселенскій соборъ въ Никее (787 г.), утвердившій иконопочитаніе, и обозрѣваются церковныя событія до торжества православія включительно, которое относится авторомъ къ 842 году. Авторъ обстоятельно выясняетъ причины иконоборства и его отѣнки, описываетъ борьбу церкви съ этимъ лжеученіемъ, противъ котораго преимущественно возставалъ святой Феодоръ Студитъ, и слѣдитъ за проявленіями ереси послѣ седьмого вселенскаго собора вплоть до 842 года.

Въ восьмой главѣ (стр. 253—286) излагается исторія знаменитаго константинопольскаго патріарха Фотія (IX в.), при которомъ между востокомъ и западомъ возникли разногласія, вслѣдствіе незаконнаго вмѣшательства римскихъ папъ въ дѣла греческой церкви и властолюбивыхъ притязаній на такое же главенство, какимъ они пользовались на Западѣ. Разногласія продолжались и въ послѣдующее время и, наконецъ, завершились раздѣленіемъ церквей при патріархѣ Михаилѣ Керуларіи (1054 г.). Въ главѣ подробно и описываются обстоятельства отдѣленія церкви западной отъ единства церкви вселенной.

Въ главѣ девятой (стр. 287—329) излагается исторія греческой церкви отъ начала крестовыхъ походовъ въ концѣ XI вѣка и до завоеванія Константинополя турками въ 1453 году. Авторъ рассказываетъ о крестовыхъ походахъ, приведшихъ не къ освобожденію западными ополченіями Іерусалима изъ рукъ невѣрныхъ, какъ первоначально и имѣлось въ виду, но къ завоеванію Константинополя (1204 г.), гдѣ была учреждена Латинская имперія, а греки

удалились въ Никею, въ Малой Азіи, и основали здѣсь имперію, существовавшую до 1261 года, когда византійскій императоръ, Михаилъ Палеологъ, отнялъ Константинополь у латинянъ. Въ XIV и XV вѣкахъ имперія вела непрерывную борьбу съ турками. Бѣдствія Византіи не разъ побуждали императоровъ изъ видовъ политическихъ поднимать вопросъ о церковной уніи съ Римомъ. Извѣстны особенно уніи ліонская (1274 г.) и флорентійская (1439 г.). Но церковное единеніе между греками и латинянами не состоялось, такъ какъ не было взаимнаго довѣрія и расположенія. Внутренняя жизнь греческой церкви и въ это тревожное время шла своимъ чередомъ, какъ это видно изъ исторіи константинопольскихъ патріарховъ, описанной авторомъ. Характернымъ признакомъ эпохи были и движенія въ нѣдрахъ церкви: варлаамитское и исихастское.

Наконецъ, въ десятой главѣ (стр. 340—354) излагается исторія греческой церкви послѣ завоеванія Константинополя турками въ 1453 году. Авторъ рассказываетъ объ отношеніи турецкихъ султановъ къ церкви, устройствѣ этой послѣдней, о дѣятельности нѣкоторыхъ патріарховъ константинопольскихъ (Іереміи II, Кирилла Лукариса) и александрійскихъ (Мелетія Пига, Кирилла и Митрофана Критулула), которые входили въ сношенія съ протестантами и англиканами по вопросамъ церковнымъ. Эти сношенія описываются авторомъ до начала XVIII вѣка. Этимъ и заканчивается первая часть книги ученаго Гора.

Во второй части (355—463) излагается исторія русской церкви отъ ея возникновенія и до новѣйшихъ временъ. Въ этой части четыре главы.

Въ первой главѣ (стр. 355—363) излагается первоначальная исторія русской церкви, во второй (стр. 364—400) ея судьба отъ времени митрополита Θεопемпта (1036 г.) до водворенія у насъ патріаршества, въ третьей главѣ (стр. 401—430) описывается патріаршій періодъ русской церкви (1589—1700 г.), а въ четвертой (стр. 431—463) синодальный періодъ до восьмидесятыхъ годовъ минушаго столѣтія. Во второй половинѣ настоящей главы авторъ кратко говоритъ и о церквахъ грузинской, новогреческой, кипрской, болгарской и черногорской и о положеніи церкви въ Боснии и Герцеговинѣ.

Въ заключеніи (стр. 464—504) ведется любопытная рѣчь о попыткахъ къ соединенію церквей, происходившихъ въ теченіе XIX вѣка. Здѣсь рассказывается объ извѣстномъ старокатолическомъ движеніи, провозглашенномъ Делингеромъ послѣ ватиканскаго собора 1870 года, который объявилъ догматъ папской непогрѣшимости, о сношеніяхъ съ востокомъ Пальмера, о перепискѣ и сношеніяхъ, по вопросу о церковномъ единеніи между англиканской церковью и вселенскимъ патріаршимъ престоломъ, о дѣятельности конференцій въ Боннѣ и Люцернѣ, объ отношеніи къ вопросу о единеніи со стороны папскаго престола и объ условіяхъ возможнаго церковнаго единенія между англиканами и православными.

Въ приложеніи (стр. 505—514) помѣщены три документа изъ исторіи сношеній англиканской церкви съ православной, въ томъ числѣ письмо московскаго митрополита Филарета Пинкертову, автору книги о русской церкви.

Наконецъ, въ книгѣ ученаго Гора находятся — хронологическій указатель церковныхъ событій въ теченіе IV—XIX вѣковъ и указатель личныхъ именъ (стр. 515—531). Таково въ краткихъ чертахъ содержаніе книги.

Сочиненіе г. Гора написано съ цѣлью ознакомленія англійской публики съ исторіей греко-россійской православной церкви, въ виду существующихъ попытокъ къ соединенію церквей. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, книга англійскаго ученаго должна быть признана вполне удовлетворительной. Авторъ представляетъ здѣсь почти всю исторію греческой и русской церкви, отъ ихъ возникновенія вплоть до нашихъ дней. Здѣсь предъ читателемъ проходитъ почти вся многовѣковая жизнь православной церкви, въ ея существенныхъ и характерныхъ проявленіяхъ, все многообразное теченіе церковно-историческихъ фактовъ въ систематическомъ единствѣ. Авторъ избѣгаетъ излишнихъ подробностей и частныхъ, затемняющихъ дѣло, и отмѣчаетъ лишь такія явленія и факты, въ коихъ по преимуществу выражалась жизнь церкви въ тотъ или иной періодъ. А затѣмъ, крупными достоинствами англійской книги служатъ объективный ея тонъ, простота и ясность изложенія. Авторъ просто устанавливаетъ тотъ основной свой тезисъ, что греческая церковь никогда не уклонялась отъ изначальнаго православія. Что касается научной стороны, то и въ этомъ отношеніи книга г. Гора должна быть признана удовлетворительной. Авторъ старается вездѣ быть на высотѣ научныхъ требованій и предлагаетъ въ своей книгѣ, большею частію, послѣдніе выводы церковно-исторической науки. Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ она допускаетъ уклоненія отъ своего принципа. Такъ, годомъ торжества православія онъ попрежнему считаетъ 842, тогда какъ въ византологіи теперь установлена другая дата—843 годъ. Въ исторіи русской церкви можно найти такихъ уклоненій и еще больше (напримѣръ, въ главѣ о настоящемъ составѣ членовъ святѣйшаго синода, — стр. 436). Но, намъ думается, частные недосмотры и промахи не должны ставиться автору въ большую вину. Дѣло въ его благородной задачѣ—облегчить, по возможности, путь церковнаго союза между англиканами и православными, представивъ подлинную исторію грековосточной церкви, безъ прикрасъ и преувеличеній. Съ этой точки зрѣнія особенно интересной и важной представляется заключительная глава, въ коей обозрѣваются историческія попытки къ церковному единенію и намѣчаются пункты соприкосновенія между англійской и православной церквами. А затѣмъ, любопытенъ взглядъ англійскаго ученаго на Россію, какъ на естественную покровительницу греческой церкви, изнемогающей много вѣковъ подъ игомъ мусульманъ (стр. 434). Въ виду сказаннаго приходится лишь пожелать, чтобы книга Гора не осталась не замѣченной ни англійской, ни русской публикой, для которой церковные вопросы не перестали, какъ и слѣдуетъ, служить предметомъ живого интереса.

Σ.

**В. И. Ясевичъ-Бородаевская. Сектантство въ Кіевской губерніи. Балтисты и малеванцы. Спб. 1902.**

Русское сектантство представляетъ любопытное явленіе въ области церковно-общественной жизни нашего отечества. Религіозныя секты у насъ многочисленны и разнообразны, ихъ вѣроученіе очень сложно и характерно, а происхожденіе кроется въ нѣдрахъ туманной народной психики. Еще много

предстоитъ научнаго труда, чтобы съ успѣхомъ разобраться въ этомъ сложномъ явленіи, представить его истинную характеристику, выяснитъ подлинныя причины происхожденія и развитія и указать средства для устраненія изъ нашего народно-общественнаго самосознанія тѣхъ, во всякомъ случаѣ, ненормальныхъ элементовъ, которые создаютъ уродливыя формы религіознаго и соціальнаго мышленія, наблюдаемыя въ сектанствѣ. Въ этомъ случаѣ большое значеніе имѣетъ непосредственное изученіе сектанства на мѣстѣ, стремленіе, путемъ личнаго наблюденія, отмѣтить и выяснитъ характерныя особенности тѣхъ или иныхъ сектъ. Брошюра госпожи Яевичъ-Бородаевской и идетъ на встрѣчу отмѣченной научной потребности.

Авторъ останавливается здѣсь только на двухъ сектахъ, развившихся въ Кіевской губерніи, баптизмъ и малеванщинѣ, и знакомитъ читателя съ результатами своихъ личныхъ изслѣдованій о происхожденіи, вѣроученіи и обычаяхъ этихъ сектъ. Баптизмъ перешелъ въ Кіевскую губернію изъ Херсонской въ шестидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія, но именно въ Кіевской губерніи секта выразилась въ формѣ опредѣленнаго вѣроученія. Баптисты отрицаютъ православную церковь со всей ея іерархіей и обрядностью, взамѣнъ коей учредили свою церковь, якобы приближающуюся по своему устройству къ церкви апостольской. Они имѣютъ свою выборную духовную іерархію, которая и совершаетъ у нихъ «тайства» крещенія и причащенія. Безъ этихъ тайствъ, учатъ сектанты, церковь Христова существовать не можетъ. Источникомъ вѣроученія баптисты признаютъ только библію и евангеліе, а такъ называемое церковное преданіе отвергаютъ. Въ основѣ ихъ вѣроученія лежитъ ученіе объ оправданіи одною только вѣрой (безъ добрыхъ дѣлъ), и всякаго увѣровавшаго въ искупительное дѣйствіе страданій Христа баптисты считаютъ спасеннымъ сыномъ Божиимъ. Не признаютъ баптисты и крестнаго знаменія, для брака считаютъ достаточнымъ благословеніе родителей и старшаго брата, чтеніе евангелія и пѣніе стиховъ. Вступленіе въ общину производится послѣ предварительнаго и долгаго испытанія. Отъ вступившаго въ братство требуется весьма строгое отношеніе къ жизни. «Эта тѣсно сплоченная община, основанная на взаимномъ довѣрїи, поддерживаетъ всегда добрыя взаимныя отношенія». Здѣсь нравственной обликъ членовъ создается изъ совокупной работы всей общины, такъ какъ принадлежность къ общинѣ дѣлаетъ ея участниковъ органической, неразрывной частью цѣлаго. Новый порядокъ жизни не ограничивается сферой домашняго обихода и выходитъ въ сферу общности, внося и сюда нѣкоторыя измѣненія. Народный самосудъ замѣняется у баптистовъ судомъ религіозной общины, которая прибѣгаетъ лишь къ мѣрамъ нравственнымъ. Однако къ людямъ иныхъ религіозныхъ воззрѣній сектанты относятся нетерпимо и даже высокомерно. Грамотность у нихъ стоитъ очень высоко. Изъ жизненнаго ихъ обихода исключаются всякія развлеченія, дурно дѣйствующія на нравственность. Допускается лишь духовное пѣніе.

Малеванщина получила свое наименованіе отъ основателя секты Кондратія Малеванаго, жителя города Таращи, по ремеслу колесника. Малеванный сначала былъ ревностнымъ баптистомъ, потомъ перешелъ въ православіе. Будучи по природѣ мистикомъ, онъ съ особеннымъ усердіемъ занялся изученіемъ биб-

лейскихъ пророчествъ и откровений, которыя и понялъ крайне своеобразно. По его словамъ, библейскимъ пророчествамъ, въ частности о Христѣ, предстоитъ еще исполниться. Новый Заветъ есть лишь рядъ притчъ, жизнь Иисуса Христа, описанная въ евангеліи, еще впереди, такъ какъ евангельскій Иисусъ есть только синонимъ правды и истины; историческаго Христа, какъ Бога чело-вѣка, сына Божія по плоти, еще не было, онъ только еще долженъ явиться, притомъ теперь... Дѣло кончилось тѣмъ, что Малеваный именно себя и провозгласилъ первенцемъ-спасителемъ, а его ближайшіе послѣдователи объявлены евангелистами новаго ученія. Самого Кондратія одѣли въ бѣлыя одежды, къ нему началось стеченіе народа, желавшаго послушать новоявленнаго проповѣдника, въ его хату было принесено много подарковъ, къ пророку подходятъ на колѣняхъ, со слезами и вздохами. Однако, первенецъ Божій на землѣ, въ образѣ Малеванаго, былъ взятъ полиціей и заключенъ въ психіатрическую больницу въ Кіевѣ, а потомъ въ Казани. Но зерно сектантскаго ученія, имъ брошенное, не погибло, такъ какъ почва для него была уже подготовлена предыдущимъ реформаторскимъ движеніемъ среди баптистовъ, изъ коихъ преимущественно и образовалась новая сектантская община малеванцевъ. Ея вѣроученіе сложилось подъ воздѣйствіемъ самого Малеванаго, который въ изобиліи распространялъ среди послѣдователей свои писанія. Вѣроученіе малеванцевъ исходитъ изъ вдохновенія, облечено въ яносказательную форму, полно аллегорій и притчъ. Христось, по ихъ мнѣнію, добро, а разбойникъ—зло, правду Христа похоронили, а разбойника-зло освободили, и оно царитъ на землѣ. Необходимо отъ него обособиться. Обособленіе можно найти лишь въ средѣ избранниковъ Божіихъ малеванцевъ, которымъ данъ Богомъ новѣйшій заветъ, чрезъ посредство Духа Святого. У нихъ, малеванцевъ, и водворилось царство Божіе, другіе только не замѣчаютъ этого. Посему на землѣ еще нѣтъ славы Божіей, но она непременно водворится, при посредствѣ малеванцевъ, съ ихъ первенцемъ-сносителемъ, самимъ Малеванымъ во главѣ, и прочее. И такъ, баптисты еще ждутъ пришествія Христа, а малеванцы свидѣтельствуютъ о его пришествіи и водвореніи царства Божія на землѣ. Въ этомъ коренное различіе ученія тѣхъ и другихъ сектантовъ.

Брошюра госпожи Ясевичъ-Бородаевской есть докладъ, читанный въ засѣданіи этнографическаго отдѣла императорскаго географическаго общества. Рассматриваемый съ этой точки зрѣнія, трудъ госпожи Ясевичъ-Бородаевской долженъ быть признанъ удачнымъ. Здѣсь систематизированы свѣдѣнія, собранныя авторомъ на мѣстѣ путемъ непосредственнаго ознакомленія съ вѣро—и правоученіемъ сектантовъ, при чемъ авторъ предваряетъ свои замѣчанія историческимъ экскурсомъ касательно происхожденія обѣихъ сектъ, представляетъ подлинныя документы, въ видѣ писемъ Малеванаго, а въ заключеніи помещааетъ нотное переложеніе нѣкоторыхъ сектантскихъ псалмъ. Словомъ, со стороны автора, готовившаго лишь докладъ, сдѣлано для своей цѣли достаточно. Но докладъ госпожи Бородаевской, опубликованный потомъ и въ видѣ отдѣльнаго изданія, получилъ бы большее научно-литературное значеніе, если бы авторъ, прежде всего, дополнилъ скудныя историческія свѣдѣнія, находящіяся въ началѣ этюда, болѣе подробнымъ и отчетливымъ уясненіемъ причинъ, вызва-



вишихъ баптизмъ и малеванщину на югѣ Россіи во второй половинѣ минувшаго вѣка. Сравнительно позднее возникновеніе этихъ сектъ, стоящихъ нѣсколько особнякомъ въ своемъ вѣроученіи отъ другихъ нашихъ сектантскихъ движеній, указываетъ и на особія обстоятельства, ихъ породившія, а между тѣмъ въ брошюрѣ госпожи Ясевичъ-Бородаевской эти условія не отгѣнены. А затѣмъ изслѣдованію госпожи Бородаевской недостаетъ критическаго отношенія къ вопросу. Авторъ лишь систематизируетъ собранный матеріалъ, стремится установить связь между крайне разрозненными элементами сектантскаго ученія и объединить ихъ идеей. Все это хорошо, но было бы лучше, если бы былъ привнесенъ и критическій элементъ въ эту систематизацію, если бы госпожа Бородаевская объяснила читателю, что у сектантовъ, съ ея точки зрѣнія, хорошо, и что плохо. Тогда читателю, нуждающемуся и въ руководствѣ, не показалось бы, будто у сектантовъ все обстоитъ благополучно. Напримѣръ, «довольно нетерпимое и даже нѣсколько высокомѣрное» отношеніе баптистовъ къ людямъ иныхъ съ ними религіозныхъ воззрѣній (стр. 8) нельзя даже оправдать и ссылкой на слова апостола Павла (2 Кор. VI, 15 и 17), превратно толкуемыя сектантами, когда извѣстно, что въ основѣ взаимныхъ нравственныхъ отношеній людей, по ученію Христа, долженъ находиться великій принципъ любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ.

С.

**Московскій архивъ министерства юстиціи. Архивное дѣло въ Россіи. Книга 1-ая. Современное русское архивное нестроеніе. Книга 2-я. Прошедшая, настоящая и будущая постановка архивнаго дѣла въ Россіи. Управляющій архивомъ Д. Я. Самоквасовъ. 1852—1902. Іюль. М. 1902.**

Г. управляющій Московскимъ архивомъ министерства юстиціи Самоквасовъ прославился своимъ проектомъ основной архивной реформы въ Россіи, который имъ былъ предложенъ на кievскомъ археологическомъ съѣздѣ въ 1899 году. Какъ средство уничтожить современное архивное нестроеніе, г. Самоквасовъ проектировалъ централизацію мѣстныхъ архивовъ, учрежденіе государственнаго центральнаго архива и устройство особаго архивнаго департамента или, какъ выражается авторъ проекта, центральнаго органа архивнаго управленія въ Россіи. Частная инициатива совершенно уничтожается проф. Самоквасовымъ, и все дѣло передается въ руки архивныхъ чиновниковъ. На съѣздѣ проектъ г. Самоквасова вовсе не былъ встрѣченъ такъ единодушно, какъ это можно подуматъ по его сообщенію, и вызвалъ рѣзкую критику. И нашъ журналъ посвятилъ г. Самоквасову въ февральской книжкѣ за 1900 годъ статью Е. С. Шумигорскаго «Департаментъ бумагъ», къ которой мы отсылаемъ читателей, желающихъ познакомиться со всѣми подробностями и несуразностями проекта г. Самоквасова. Не останавливаясь, поэтому, на характеристикѣ его взглядовъ на архивную реформу, обратимся къ тому, что даютъ выпущенныя имъ двѣ книги объ архивномъ дѣлѣ.

Эти книги производят странное впечатлѣніе въсѣмъ своимъ содержаніемъ, начиная съ своего смутнаго заглавія, выше воспроизведеннаго буквально. Содержаніе крайне безпорядочно и безтолково. Въ первой книгѣ идетъ рѣчь о современномъ нестроеніи архивной службы въ Россіи. Въ введеніи отрывочныя замѣчанія о научной и практической цѣнности архивовъ. Все, что говоритъ здѣсь г. Самоквасовъ, старо и общеизвѣстно. Нѣсколько страннымъ, пожалуй, покажется его оригинальное мнѣніе, что университетскій вопросъ давнымъ давно былъ бы рѣшенъ, если бы въ Россіи были ученые архивисты. Въ первой главѣ г. Самоквасовъ рассказываетъ о дѣятельности петербургскаго археологическаго института и губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. Весь охваченный желаніемъ создать архивный департаментъ, г. Самоквасовъ съ уничтожающимъ отрицаніемъ относится къ дѣятельности и института и комиссій. Послѣднія (см. о нихъ ст. г. Рудакова въ «Ист. Вѣст.», декабрь, 1901-го) повинны передъ г. Самоквасовымъ въ разрушеніи архивныхъ фондовъ, хотя единственный выводъ, который можно сдѣлать на основаніи данныхъ г. Самоквасова, тотъ, что не будь комиссій, архивные фонды были бы не «разрушены», а просто уничтожены, и комиссіи являются спасительницами фондовъ. Во 2-й и 3-й главѣ г. Самоквасовъ сообщаетъ тоже отрывочныя замѣчанія о правительственной архивной службѣ и объ архивныхъ изданіяхъ. Академія наукъ предприняла три изданія документовъ Московскаго архива министерства юстиціи: это — доклады и приговоры сената, акты Московскаго государства и грамоты коллегии экономіи. Г. Самоквасовъ совершенно отрицательно относится къ академическимъ изданіямъ, которыя кажутся ему совершенно никуда негодными, потому что... не существуетъ архивнаго департамента. Но г. Самоквасовъ огласилъ переписку архива, управляющимъ котораго онъ состоитъ, съ академіей; на основаніи этой переписки можно составить небольшую, но поучительную исторію о томъ, какъ г. управляющій архивомъ систематически мѣшалъ дѣйствіямъ академіи по изданію грамотъ коллегии экономіи. А въ архивный департаментъ еще не учрежденъ: что же будетъ, когда онъ будетъ открытъ, а его начальникомъ будетъ назначенъ г. Самоквасовъ? Въ 4-й главѣ очень храбро передается исторія проектовъ архивной реформы въ Россіи, но главное, конечно, мѣсто отведено единоснасающему проекту автора книги. Въ 5-й главѣ г. Самоквасовъ вновь возвращается къ темъ, уже разъ затронутой: къ основамъ архивнаго нестроенія и къ разрушенію архивныхъ фондовъ. Всѣ эти замѣчанія опять таки носятъ хаотическій, случайный характеръ.

Во второй книгѣ изложеніе носитъ тотъ же смутанный характеръ, но здѣсь все-таки найдется и кое-что полезное. На 40 страничкахъ изложена въ общихъ чертахъ исторія архивнаго законодательства. Затѣмъ идутъ выдержки изъ положеній и свода законовъ, которыя объединены подъ общимъ заглавіемъ «дѣйствующее русское архивное законодательство». Въ третьей главѣ г. Самоквасовъ предлагаетъ свой детально разработанный проектъ реформы архивной службы: правительству остается только пригласить г. Самоквасова для приведенія въ исполненіе проекта, а отъ архивнаго нестроенія останется только память. Г. Самоквасовъ уже набросалъ, какія законодательныя мѣры должны быть приняты, опредѣлили порядокъ, въ которомъ должна быть про-

изведена реформа, и т. д. Вслѣдъ за этимъ читатель нѣсколько неожиданно встрѣчаетъ историческую справку о царскомъ контролѣ приказной службы въ XVII вѣкѣ. Вторая часть второй книги съ особымъ счетомъ страницъ имѣетъ слѣдующее заглавіе: «Дополненіе. Матеріалы для русской архивной статистики. Архивы при канцеляріяхъ дѣйствующихъ учреждений. Д. Я. Самоквасовъ» (?). Эта часть представляетъ сводку и извлеченіе изъ отвѣтовъ, присланныхъ на запросъ московскаго археологическаго общества о состояніи архивовъ при дѣйствующихъ учрежденияхъ. Далеко не всѣ архивы дали отвѣты, но и то, что теперь получено на основаніи запроса, имѣетъ безусловную цѣнность. Въ ученой литературѣ не было никакихъ свѣдѣній именно объ архивахъ дѣйствующихъ учреждений, разбросанныхъ по городамъ, уѣздамъ, даже селамъ. Правда, вопросы, разосланные обществомъ и составленные проф. Самоквасовымъ, редактированы довольно неумѣло и не вездѣ были, какъ слѣдуетъ, поняты, но все-таки напечатанные въ книгѣ отвѣты даютъ много свѣжихъ данныхъ объ архивахъ, объ ихъ содержаніи, дѣятельности и устройствѣ.

Въ книгахъ г. Самоквасова, лежащихъ передъ нами, эти матеріалы для русской архивной статистики представляютъ единственный полезный отдѣлъ, всѣ же остальные отдѣлы и главы, содержащія разбросанныя, тенденціозно подобранныя свѣдѣнія, врядъ ли могутъ представить какой либо интересъ. Отрицательное отношеніе г. Самоквасова къ современному положенію русскаго архивнаго дѣла имѣетъ основаніе, но его отрицанія слишкомъ преувеличены; къ сожалѣнію, предлагая свой проектъ организаціи дѣла, г. Самоквасовъ совершенно не счелъ нужнымъ углубляться въ то, насколько онъ осуществимъ — это первое, а второе — дѣйствительно ли онъ уничтожить разъ навсегда существующіе недостатки. И эти двѣ книги, наполненныя рѣзкостями по адресу всѣхъ несогласныхъ съ г. Самоквасовымъ, не достигаютъ той цѣли, для которой онѣ составлены: доказать необходимость совершенія архивной реформы именно по проекту г. управляющаго Московскимъ архивомъ министерства юстиціи.

Щ.

### **Тропическая Голландія. Пять лѣтъ на островѣ Явѣ. Съ шестью картами. М. М. Бакунина. Спб. 1902.**

Книга эта является результатомъ немалаго труда и интересныхъ наблюдений. Ея авторъ провелъ на Явѣ, въ качествѣ нашего консула, пять лѣтъ — съ 28 апрѣля 1894 года, — и время это для него не пропало даромъ: онъ не только вполне ознакомился съ «тропическою Голландіей» и изучилъ эту малоизвѣстную русской публикѣ страну, но еще и составилъ ея подробное и обстоятельное описаніе: его книга, занимающая 29 печатныхъ листовъ, живописуетъ растительныя и минеральныя богатства страны, «разношерстное населеніе» Батавіи, нравы хозяевъ страны, голландцевъ, и ихъ отношеніе къ коренному малайскому населенію и иностранцамъ, общественную жизнь въ Батавіи и ея нездоровыя климатическія условія, порождающія малярію, господствующія расы на Явѣ, экономическую систему управления голландцевъ, колониальный бюджетъ, культуры кофе, чая, сахарнаго тростника и табака, а также хив-

наго дерева, бамбука и пальмы и пр. Въ концѣ книги г. Бакунинъ описываетъ колониальныя войны и экспедиціи, а затѣмъ нѣкоторыя независимыя государства центральной Явы. Интересны также приведенныя въ послѣдней главѣ книги описанія нравовъ, обычаевъ, религіи и суевѣрій яванцевъ, ихъ литературы и древнѣйшей исторіи острова—по туземнымъ и китайскимъ источникамъ.

Въ книгѣ г. Бакунина встрѣчаются довольно цѣнныя замѣчанія, представляющія собою особый интересъ, въ виду недавно окончившейся войны буровъ съ англичанами, которые и тамъ, на островѣ Явѣ, остаются властною, гордою и въ высшей степени антипатичною націей. «Высокожѣрные, держащіеся особнякомъ англичане,—говоритъ авторъ,—обращаются съ туземнымъ населеніемъ грубо и презрительно, какъ съ низшею расою людей: для нихъ всякій «native» (туземецъ), гдѣ бы это ни было—въ Британской ли Индіи, въ Африкѣ, или въ Вестъ-Индіи,—не болѣе какъ презрѣнный «nigger», не заслуживающій мягкаго и человѣчнаго обхожденія. Англичанинъ никогда и ни подъ какимъ видомъ не вступитъ въ болѣе близкія отношенія даже со слівками туземнаго общества. Держатся англичане исключительно силою штыковъ и престижемъ, который почерпаютъ изъ солидарности всѣхъ бѣлыхъ между собою. О симпатіяхъ населенія они и не заботятся». И далѣе: «Англійская администрація, напримѣръ, Британской Индіи есть возмутительная и чисто хищническая эксплуатация всѣхъ рабочихъ силъ и жизненныхъ соковъ населенія. Свирѣпствующіе нынѣ въ Индіи голодъ и чума въ ужасающихъ, еще небывалыхъ размѣрахъ, лишній разъ свидѣтельствуютъ о томъ, что англичане заняты исключительно усиленнымъ лишь извлеченіемъ руды изъ этой злополучной страны». Вслѣдъ за этою совершенно вѣрною и мѣткою характеристикою просвѣщенныхъ мореплавателейъ авторъ говоритъ о роли на томъ же островѣ Явѣ голландцевъ: «Можно утверждать, что ихъ господство въ отличіе отъ англичанъ, имѣетъ основы болѣе прочныя, и что самый режимъ голландскій среди туземцевъ популяренъ настолько, насколько вообще у азиатцевъ и иныхъ цвѣтныхъ людей можетъ быть популяренъ бѣлый человѣкъ и его владычество. Какъ бы то ни было, я нигдѣ не замѣтилъ на Явѣ той злобы и безсильной ненависти къ поработителю, которая, силою да рядомъ, поражаетъ туриста въ Британской Индіи».

А вотъ, напримѣръ, какая интереснѣйшая страница въ книгѣ г. Бакунина, описывающая мѣстные нравы. Оказывается, Ява очень богата всякаго рода ядами и даже «славится» ими; эти яды—растительнаго свойства, и ихъ присутствіе въ желудкѣ, при вскрытіи, врачи не въ состояніи констатировать. «Туземныя женщины, страстныя и ревнивыя, отличаются особенною виртуозностью въ приготовленіи смертельныхъ яствъ и напитковъ. Онѣ изыскали оригинальный способъ держать въ страхѣ и кабалѣ своихъ бѣлыхъ любовниковъ или сожителей, которые отъ законнаго брака отвиливаютъ. Провѣдавъ, напримѣръ, что сожитель задумалъ вернуться въ Европу или съѣздить туда на годъ «въ отпускъ», но съ затаеннымъ намѣреніемъ тамъ и остаться, туземка предъ отъѣздомъ невѣрнаго подсыпаетъ ему въ кушанье медленно дѣйствующую отраву. Сожитель или любовникъ уѣзжаетъ, но съ каждою недѣлею, съ

каждымъ днемъ, проведеннымъ вдали отъ Явы, здоровье его все сильнѣе разстраивается: онъ хвораетъ, чахнетъ и видимо таетъ отъ невѣдомаго недомоганія, которое никакому лѣченію европейскихъ врачей не поддается... Пациентъ тогда понимаетъ, въ чемъ дѣло, и, если ему жизнь дорога, онъ поспѣшно возвращается къ своей коричневой Цирцеѣ и по собственному побужденію спѣшитъ приготовленіями къ законному браку. А той только того и нужно. Она даетъ своему возлюбленному извѣстное ей одной противоядіе, — и тотъ быстро начинаетъ поправляться. Черезъ мѣсяцъ по возвращеніи своемъ онъ снова совершенно здоровъ и сочетается, на этотъ разъ, уже вѣчными и законными узами со своею цвѣтною подругою жизни».

Въ книгѣ г. Бакунина имѣются, между прочимъ, чрезвычайно интересныя и цѣнныя указанія на пригодность нашего Закавказья и Батумской области для разведенія нѣкоторыхъ экзотическихъ культуръ, каковы, на примѣръ, хинное дерево, бамбукъ, ротанговая пальма, тиковое дерево и др. Въ доказательство авторъ ссылается на сдѣланныя уже попытки въ этомъ родѣ — на благоприятные результаты чайныхъ плантацій, воздѣлываемыхъ въ Чаквѣ, близъ Батума «по китайской методѣ». Г. Бакунинъ убѣжденъ, что въ Закавказь возможно также и разведеніе яванскаго сорта чая. Это, конечно, было бы гораздо проще и удобнѣе, чѣмъ, на примѣръ, учрежденіе нѣсколькихъ русскихъ чайныхъ фирмъ въ Коломбо на островѣ Цейлонѣ, о чемъ разсказывается въ той же книгѣ «Тропическая Голландія». Если все дѣло въ отсутствіи знающихъ дѣло рабочихъ, то и этотъ вопросъ разрѣшенъ уже, и довольно удачно, на упомянутыхъ плантаціяхъ въ Чаквѣ: тамъ почти всѣ рабочіе — китайцы, нарочито вывезенные изъ Китая, хорошо знакомые съ чайной культурой, т.-е. съ разведеніемъ чайнаго дерева, съ уходомъ за нимъ и съ самымъ сборомъ чая.

Книга г. Бакунина заключаетъ въ себѣ много и другихъ чрезвычайно цѣнныхъ описаній тропической страны, гдѣ ему довелось прожить такъ долго. Къ сожалѣнію, размѣры нашей библиографической замѣтки не позволяютъ болѣе пространныхъ указаній и выписокъ изъ этой интересной книги, — и мы отсылаемъ къ ней непосредственно всѣхъ тѣхъ, кто заинтересуется этимъ серьезнымъ и тщательнымъ трудомъ.

И. Н. З.

### Памяти Л. Н. Майкова. Сборникъ. Спб. 1902.

Наконецъ-то появился въ свѣтъ давно ожидаемый сборникъ, посвященный памяти Леонида Николаевича Майкова. Въ сборникъ, редактированный заботливой рукой Влад. Ив. Саитова, дали свои статьи «тѣ изъ молодыхъ ученыхъ, которые считаютъ себя такъ или иначе обязанными покойному, и другіе сверстники ихъ, хотя и не знавшіе лично Л. Н. Майкова, но относившіеся къ нему и его гуманно-просвѣтительной дѣятельности съ чувствомъ глубокаго уваженія» (слова предисловія, написаннаго В. И. Саитовымъ). И тѣ, и другіе имѣютъ между собою общее въ томъ, что въ своихъ статьяхъ остаются вѣрными тому методу изслѣдованія, котораго держался Л. Н. Майковъ. Они тщательно разрабатываютъ фактическую исторію и въ своихъ обобщеніяхъ крѣпко держатся

за факты, уклоняясь по временамъ даже отъ той субъективности, которую не только нельзя, но и не слѣдуетъ изгонять изъ ученыхъ работъ. Но зато достоинства метода закрѣпляютъ за статьями, касающимися иногда незначительныхъ вопросовъ, научное значеніе. И всѣ статьи сборника, за небольшими исключеніями, въ цѣломъ являются значительнымъ вкладомъ въ исторію русской литературы и достойной данью признательности учителю.

Сборникъ открывается портретомъ-гелиографіей Л. Н. Майкова, исполненной у Вильборга; первые листы предлагаютъ біо-и библиографическіе матеріалы о Л. Н. Майковѣ. Г. Симоновъ далъ тщательно составленный хронологическій списокъ учено-литературныхъ трудовъ и изданій Л. Н. Майкова (1857—1900) съ присоединеніемъ указаній на его некрологи, отмѣткою рецензій и содержанія наиболѣе важныхъ его работъ. Онъ же сообщил матеріалы «къ начальной исторіи учено-литературной дѣятельности Л. Н. Майкова»—два письменныхъ его отвѣта, данныхъ на магистерскомъ экзаменѣ Никитенкѣ—о драмѣ А. Пушкина и И. И. Срезневскому—о сочиненіяхъ преи. Нестора. Г. Кульманъ съ разрѣшенія его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича далъ выдержки изъ писемъ къ нему Л. Н. Майкова, «не имѣющія общаго интереса, но дорогія для близкихъ Леонида Николаевича лицъ».

Сферы исторической науки, которыя затрагивалъ въ теченіе своей дѣятельности Л. Н. Майковъ, весьма разнообразны: ему принадлежатъ изслѣдованія въ области собственно исторіи, народной словесности, древней письменности XVIII и XIX в.в. Наконецъ, въ послѣдніе годы его жизни, предметомъ его занятій былъ Пушкинъ. Разнообразные научные интересы Л. Н. Майкова находятъ отраженіе въ статьяхъ сборника, разнообразныхъ по содержанію и могущихъ быть приуроченными къ различнымъ областямъ историческихъ трудовъ Л. Н. Майкова. Въ области исторіи отмѣтимъ извлеченія, сдѣланныя г. Ловгинимъ «изъ голландскихъ библіотекъ и архивовъ», содержація небезынтересныя письма о Россіи, о русской азбукѣ, кнѣгахъ и т. п. 1596 года; документы, по которымъ можно рассказать о неудачной попыткѣ московскаго правительства совершить заемъ въ Голландіи въ 1688 году, и, наконецъ, любопытное извѣстіе о русскомъ стрѣлкѣ, нѣкоемъ московскомъ князѣ Тимоѣѣ Степановѣ (?), который, Богъ знаетъ, какимъ вѣтромъ былъ заброшенъ въ концѣ XVII в. въ Батавію и отсюда былъ отосланъ голландскимъ правительствомъ на родину. Г. Полевиковъ по свѣжимъ матеріаламъ Туринскаго архива рассказалъ о «проектѣ союза Россіи съ Сардинскимъ королевствомъ въ царствованіе императора Павла I».

Переходя къ историко-литературнымъ работамъ, отмѣтимъ статьи о памятникахъ древней письменности: замѣтку г. Прѣснякова, выясняющую значеніе Архивскаго лѣтописца и очеркъ г. Лопарева «Къ литературной исторіи Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ», устанавливающій хронологію и редакцію «сказанія». Изъ отдѣльныхъ писателей въ сборникѣ затронуты В. И. Майковъ, Востоковъ, А. Е. Измаиловъ, Великопольскій, Кошанскій, Полевой и Гоголь. Г. Чернышевъ въ своихъ «Замѣткахъ о языкѣ басенъ и сказокъ В. И. Майкова» сдѣлалъ тщательный и цѣнный подборъ особенностей языка и стиля баснописца,

но его общія разсужденія о развитіи литературнаго языка не полновѣсны: нельзя же допускать, что настанетъ время, когда русскій языкъ достигнетъ наивысшей степени совершенства, и развитіе его тогда кончится. Г. Кубасовъ, не такъ давно выпустившій очеркъ объ А. Е. Измайловѣ, далъ въ сборникѣ обширное къ нему добавленіе, основанное на неизданныхъ матеріалахъ и озаглавленное «Вицегубернаторство баснописца Измайлова въ Твери и Архангельскѣ» (съ 1827 по 1829 г.). Г. Кубасовъ считаетъ нужнымъ сказать въ защиту самостоятельнаго значенія своей работы, что «главнымъ ея содержаніемъ служатъ не столько біографическія подробности изъ жизни Измайлова, сколько разсказъ о бытѣ, нравахъ и особенностяхъ провинціальныхъ городовъ и обществъ». Но и этотъ аргументъ не снимаетъ съ автора упрека въ излишней подробности «этуда». В. И. Срезневскій далъ любопытную замѣтку о стихотвореніяхъ А. Х. Востокова, изданныхъ и неизданныхъ, касающихся его жизни. Между прочимъ, Востоковъ написалъ «Оду достойнымъ». Въ его дневникѣ подъ мартомъ 1801 г. встрѣчается замѣтка: «12-го рано поутру, проснувшись, слышу о смерти Павловой; радость—присяга; ода достойнымъ». «Эта замѣтка,—пишетъ г. Срезневскій,—заставляетъ предполагать, что достойными долженъ бы авторъ назвать тѣхъ, кто способствовалъ вступленію на престолъ императора Александра. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, стихотвореніе какъ бы указываетъ, что автору не по душѣ былъ переворотъ, хотя цѣль его казалась ему благородной».

Какъ и слѣдовало ожидать, наибольшее число статей сборника, такъ или иначе, относится къ Пушкину, который былъ послѣдней любовью Л. Н. Майкова. Въ этой группѣ статей мы найдемъ и очерки о лицахъ, съ которыми сталкивался Пушкинъ, и замѣтки о литературныхъ вліяніяхъ въ произведеніяхъ, и, наконецъ, общія характеристики. Послѣднія по научной цѣнности далеко уступаютъ всѣмъ другимъ статьямъ сборника: г. Сиповскій даетъ очень легкую и бѣглую характеристику Пушкина по его письмамъ, не имѣющую научнаго значенія, а г. Кульманъ на восьми страничкахъ тоже весьма легко-вѣсно очертилъ «Отношеніе Пушкина къ романтизму». Одною изъ самыхъ цѣнныхъ пушкинскихъ статей сборника нужно признать очеркъ г. Бояновскаго, дающій свѣдѣнія о новомъ, неизвѣстномъ еще издателямъ списокѣ поэмы «Кавказскій плѣнникъ». Г. Шефферъ сдѣлалъ убѣдительныя сопоставленія между «Русланомъ и Людмилой» и балладой Жуковскаго «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», а г. Чебышевъ въ своей замѣткѣ возвратился къ вопросу о вліяніяхъ въ «Скупомъ рыцарѣ». Оставивъ въ сторонѣ знаменитаго Ченстона, котораго изобрѣлъ Пушкинъ, г. Чебышевъ приводитъ параллели къ «Скупому рыцарю» изъ пьесы Мильтона «Фаціо», пьесы, до сихъ поръ не привлекавшейся къ сравненію. Приходится допустить, что Пушкинъ находился подъ ея вліяніемъ въ извѣстной сценѣ въ подвалѣ. Извѣстное значеніе для изученія Пушкина имѣетъ очеркъ г. Маленна, посвященный профессору лицея Н. Ф. Кошанскому и опредѣляющій способы преподаванія и содержаніе преподававшегося Кошанскимъ. Въ болѣе далекихъ отношеніяхъ стоятъ Пушкинъ къ другому своему современнику, И. Е. Великопольскому, одному изъ самыхъ неизвѣстныхъ нашихъ писателей. Разсказу о его жизни, трудахъ и злоключеніяхъ

посвятилъ г. Модзалевскій свой очеркъ, составленный по неизданнымъ матеріаламъ. Очеркъ написанъ очень литературно и весьма тщательно: онъ совершенно исчерпываетъ вопросы о Великопольскомъ, который, пожалуй, и не заслуживаетъ такой обстоятельной біографіи.

Чтобы окончательно исчерпать содержаніе сборника, упомянемъ о статьяхъ г. Ильинскаго («О нѣкоторыхъ именныхъ формахъ славянскаго мѣстоименія»), г. Перетца («Легенды о происхожденіи картофеля»), г. Козьмина («О шеллингизмѣ Полевого и его критическихъ приемахъ»), г. В. Майкова («О владыкѣ Михаилѣ, упомянутомъ въ Записи лицевой Псалтири 1397 г.»). Заключительная статья сборника принадлежитъ г. Ляценко и посвящена анализу мнѣнія о зависимости «Ревизора» Гоголя отъ комедіи Квитки «Пріѣзжіи изъ столицы». Въ послѣднее время это мнѣніе защищаль г. Волковъ въ своей брошюрѣ «Зависимость» и т. д. Г. Ляценко подвергаетъ рѣзкой критикѣ взгляды г. Волкова и на основанія анализа пьесъ Гоголя и Квитки приходитъ къ рѣшительному заключенію о томъ, что Гоголь о комедіи Квитки только слышалъ, но не читалъ ея.

Изъ нашего перечня статей сборника и краткихъ замѣтокъ о нихъ читатель можетъ видѣть, насколько разнообразенъ составъ сборника, насколько интересны темы большинства статей, и насколько значительный вкладъ въ ученую исторію представляетъ сборникъ «Памяти Леонида Николаевича Майкова». Съ внѣшней стороны изданіе, напечатанное въ академической типографіи, не оставляетъ желать ничего лучшаго: прекрасная бумага, четкій шрифтъ. Къ книгѣ приложенъ подробный указатель. Всѣ расходы по изданію сборника благоудбно было принять на себя августѣйшему президенту академіи наукъ, его императорскому высочеству великому князю Константину Константиновичу, разрѣшившему также всю сумму, вырученную отъ продажи экземпляровъ сборника, предназначить для образованія при академіи наукъ преміи имени покойнаго ея вице-президента за изслѣдованія по исторіи русской литературы.

Цѣну за сборникъ, объемомъ въ 40 печатныхъ листовъ, — три рубля — нельзя признать высокою. Внутреннія достоинства сборника обезпечиваютъ его успѣхъ, а цѣли изданія и его дешевизна — сбытъ. Пожелаемъ же книгѣ скорѣйшаго распространенія.

П. Ш.

**«Сборникъ законовъ объ устройствѣ крестьянъ и поселенъ внутреннихъ губерній Россіи», составилъ Г. Г. Савичъ. Изданіе неофициальное. Спб. 1903.**

Осенью минувшаго 1902 г. типографіею государственной канцеляріи выпущено было изъ печати, въ новой редакціи, «Особое приложение» къ т. IX Свода зак. Весьма значительныя редакціонныя измѣненія въ этомъ официальномъ изданіи лишили изданныя равнѣ г. Горемыкинымъ и снабженныя рядомъ разъясненій положенія о крестьянахъ и крестьянскихъ установленіяхъ того практическаго значенія, которое дѣлало эту книгу необходимою принадлежностью каждаго лица, имѣющаго дѣло съ этою отраслью законодательства. Указан-



ный пробѣлъ въ настоящее время восполненъ новымъ трудомъ г. Савича, названіе котораго приведено выше.

Сборникъ этотъ, заключающій въ себѣ узаконенія и правила, относящіяся къ крестьянскому дѣлу въ 47 внутреннихъ губерніяхъ, разбитъ на четыре слѣдующихъ отдѣла: I. Общее положеніе о крестьянахъ и Положеніе о выкупѣ крестьянами ихъ надѣловъ въ собственность; II. Положенія и правила о земельномъ устройствѣ крестьянъ и поселянъ; III. Положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ и мировыхъ посредникахъ съ присоединеніемъ къ нимъ постановленій о крестьянскихъ учрежденіяхъ области войска Донского и губерніи Архангельской и IV. Извлеченія изъ отдѣльныхъ частей Свода законовъ, Собранія узаконеній и распоряженій правительства, инструкцій и циркуляровъ, которыми дополняется содержаніе приведенныхъ выше Положеній.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ текстъ первыхъ трехъ отдѣловъ включены разъясненія правительствующаго сената и министерства внутреннихъ дѣлъ. Къ Сборнику приложено два указателя: 1) предметный и 2) сравнительный—статей Положенія изданій 1876 и 1902 гг. Краткій перечень содержанія этого изданія свидѣтельствуетъ о его полнотѣ, а принятая въ основаніе система размѣщенія узаконеній—объ удобствѣ пользованія имъ. Нѣтъ сомнѣнія, что достоинства труда г. Савича и своевременность выпуска его найдутъ ему широкое распространеніе.

Кн. Ник. Об.

**Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ за сто лѣтъ его существованія (1802—1902). Томъ I: первый и второй періоды (1802—1865). Историческій очеркъ Е. В. Пѣтухова, ординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета. Съ фототипическими приложеніями. Юрьевъ. 1902.**

**Статистическія таблицы и личные списки по Императорскому Юрьевскому, бывшему Дерптскому, университету (1802—1902). Приложение къ историческому очерку Е. В. Пѣтухова: «Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій университетъ» etc. Юрьевъ. 1902.**

Первая изъ названныхъ книгъ написана, какъ сообщается въ предисловіи къ ней, «по порученію избранной совѣтомъ императорскаго Юрьевскаго университета комиссіи для собиранія и изданія матеріаловъ по исторіи названнаго учрежденія ко дню столѣтія со времени его основанія въ 1802 году». Другими словами, это юбилейная «официальная» исторія университета. Но она менѣе всего подходитъ подъ обычный типъ такого рода официальныхъ изданій, являющихся чаще всего болѣе или менѣе пространными «формулярными списками» учебнаго заведенія. По самому тону, при своей вполнѣ научной основательности, книга написана не только литературно, но и живо, и читается легко и съ неослабѣвающимъ интересомъ. По содержанію, въ концѣ каждаго періода посвящаются особыя главы, такъ сказать, частной жизни университета, по частнымъ же источникамъ, какими являются главнымъ образомъ воспоминанія бывшихъ студентовъ и другихъ близко стоявшихъ къ университету

лиць. «Столь обширное учреждение, какъ университетъ, — говоритъ авторъ, впервые приступая къ такого рода частной исторіи,—заключавшее въ себѣ много разнообразныхъ элементовъ и поставленное въ различныя жизненные отношенія къ окружающей его средѣ, близкой и отдаленной, жило еще, конечно, и другой, внѣшней и внутренней жизнью, выходявшей за предѣлы прямыхъ обязанностей его членовъ, вырабатывало свои идеалы, создавало своеобразныя черты своего существованія, наполняло тѣмъ или другимъ содержаниемъ свою общественную и частную жизнь, отзывалось на событія современности» (стр. 257).

Въ этихъ главахъ «неофициальной» исторіи профессора фигурируютъ передъ нами, не какъ носители извѣстныхъ формулярныхъ списковъ, а какъ живые люди, талантливые или, что чаще, безталанные преподаватели, пользующіеся незаконными доходами за присужденіе ученыхъ степеней или даже прямо продающіе эти степени портнымъ и фабрикантамъ, какъ то случилось въ 1816 году и скандально прогремѣло на всю Европу. Здѣсь мы узнаемъ, что попечитель Рижскаго округа Фр. Клингеръ, извѣстный германскій писатель эпохи «бури и натиска», давшій эпохѣ самое имя своею драмою «*Sturm und Drang*», — тотъ самый Клингеръ, а вмѣстѣ съ нимъ и ректоръ Нарротъ, были того убѣжденія, что театръ «совершенно противенъ цѣли университета и въ разсужденіи нравственности, прилежанія и расточительности въ такомъ небольшомъ городѣ для студентовъ весьма предосудителенъ»..., и согласно съ такими убѣжденіями выхлопотали высочайшее повелѣніе, которымъ театръ въ Дерптѣ воспрещался. Здѣсь мы ярко видимъ будничную жизнь дерптскихъ студентовъ стараго времени, соперничающихъ съ профессорами по своей амбиціи и въ сущности свято вѣрящихъ въ душѣ мѣстной старой шуткѣ, по которой «на первомъ плавъ стоитъ Богъ, затѣмъ русскій царь, а непосредственно послѣ него — дерптскій студентъ». Съ очень небольшимъ умственнымъ багажемъ, не задумывающійся надъ вопросами жизни, которая представлялась ему веселымъ праздникомъ, — студентъ стараго Дерпта дрался на дуэляхъ (еще въ 1806 году убитъ былъ на поединкѣ одинъ буршъ, и подобные инциденты проходятъ потомъ черезъ всю исторію университета) и терроризировалъ скандалами мирныхъ бюргеровъ городка, гдѣ молодые «академическіе граждане» чувствовали себя настоящими господами. Жизнь студенческихъ кружковъ, литературныхъ и иныхъ, нашла себѣ также яркое, хотя и краткое отраженіе въ книгѣ проф. Пѣтухова.

Но изложеніе этой частной жизни университета — только одна и притомъ меньшая часть исторіи. Главное вниманіе автора обращено, конечно, на «официальную» жизнь университета, какъ внѣшнюю, такъ и особенно внутреннюю. Характеристика направленій въ высшихъ правительственныхъ сферахъ въ связи съ личною характеристикою министровъ народнаго просвѣщенія и попечителей Рижскаго округа, оказывавшихъ сильное вліяніе на ходъ университетской жизни въ Дерптѣ, подобная же характеристика ближайшихъ руководителей университета — ректоровъ, матеріальное положеніе университета, его юридическая организація, общее теченіе учебной жизни, студенческая жизнь въ широкомъ смыслѣ этого слова, — на всѣ эти вопросы находимъ въ книгѣ

проф. Пѣтухова яркіе отвѣты. Не вошло сюда, какъ о томъ предупреждаетъ читателя и самъ авторъ въ предисловіи, лишь болѣе подробное «изложеніе ученой и учебной дѣятельности какъ преподавательскаго персонала университета, такъ и его учебно-вспомогательныхъ учреждений». Эта задача будетъ выполнена другимъ юбилейнымъ изданіемъ: «Биографическимъ словаремъ» профессоровъ и преподавателей университета.

Самое изложеніе расположено по періодамъ, согласно смѣнѣ дѣйствовавшихъ въ университетѣ уставовъ. Первый періодъ жизни университета, подъ уставомъ 1803 года, простирается до 1820 года; второй обнимаетъ время съ 1820 по 1865 годъ. Изложеніе жизни третьяго и послѣдняго періода составитъ собою содержаніе второго тома. Отдѣльныя главы посвящены лагино-шведскому университету въ Дерптѣ и Перновѣ въ XVII и началѣ XVIII вѣка (стр. 48—86), вопросу объ университетѣ въ Лифляндіи въ XVIII вѣкѣ (стр. 86—99) и библиографическому обзору печатныхъ и рукописныхъ матеріаловъ по исторіи университета (стр. 1—48).

Главнымъ матеріаломъ для автора послужили архивныя данныя, а именно—дѣла и рукописи, хранящіяся въ университетскомъ архивѣ въ Юрьевѣ, въ архивѣ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа въ Ригѣ, въ архивѣ департамента народнаго просвѣщенія въ Петербургѣ и нѣкоторыхъ другихъ книгохранилищахъ Россіи. Впервые напечатаны письмо Паррота государю изъ Дерпта отъ 16 апрѣля 1803 года (стр. 156—157), гдѣ Парротъ оправдывается въ политическихъ обвиненіяхъ на него со стороны мѣстнаго дворянства, письмо рижскаго попечителя фонъ-Брадке императору Александру II о преемникѣ на попечительскій постъ (стр. 358) и нѣкоторыя другія архивныя находки.

Нельзя не отмѣтить также вполне научной объективности изложенія, соблюсти которую особенно трудно въ виду тенденціознаго направленія если не всѣхъ, то громадной массы печатныхъ матеріаловъ по исторіи университета, какъ и всего Прибалтійскаго края. Эту объективность признала даже мѣстная нѣмецкая печать (въ лицѣ юрьевской газеты «Nordlivländische Zeitung», высказавшейся по поводу печатавшихся въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» первыхъ главъ исторіи),—критикъ, въ данномъ случаѣ, какъ нельзя болѣе строгій.

Фототипическихъ приложений къ книгѣ два: главное зданіе университета и университетская бібліотека.

Вышедшія въ видѣ отдѣльнаго приложения къ книгѣ проф. Пѣтухова «Статистическія таблицы» сообщаютъ крайне интересный статистическій матеріалъ о числѣ студентовъ университета за истекшее столѣтіе, съ распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ, мѣсту рожденія, сословіямъ, вѣроисповѣданію и т. п. Начавшись съ 46 человекъ (1802 г.), цифра студентовъ постепенно растетъ, правда, не безъ колебаній, въ 1879 году впервые переступаетъ границы первой тысячи (1048 человекъ), достигая максимума въ прошломъ 1901 году (1876, изъ которыхъ 864—бывшіе воспитанники духовныхъ семинарій). Далѣе помѣщены подробныя статистическія таблицы съ числомъ

лицъ, получившихъ ученныя степени и званія въ университетѣ, а также списки почетныхъ членовъ и докторовъ, ректоровъ, проректоровъ и декановъ университета за истекшее столѣтіе.

Д. З.

### Щукинскій сборникъ. Выпускъ I. М. 1902.

Первый выпускъ Щукинскаго сборника посвященъ главнымъ образомъ матеріаламъ XIX вѣка. Новое изданіе г. Щукина отличается обычными достоинствами и недостатками. Въ сборникѣ разбросано много цѣнныхъ матеріаловъ, но пользоваться ими очень трудно, такъ какъ нѣтъ указателя именъ, и большинство заглавій—ничего не говоряція фамилія лицъ, которыя пишутъ письма, или которымъ пишутъ письма. Попадаются письма отъ неизвестныхъ. Зато цѣнныхъ матеріаловъ въ этомъ сборникѣ очень много, и перечисленіе ихъ заняло бы слишкомъ обширное мѣсто, а потому мы укажемъ на наиболѣе интересные.

Въ «Сборникѣ» между прочимъ упоминается о гр. Л. Н. Толстомъ въ запискѣ, которую Н. С. Лѣсковъ послалъ въ Москву К. А. Греве 7-го января 1889 г.: «Въ Москвѣ гостить у Л. Н. Толстого въ Долгохамовницкомъ пер. (№ 15) его и мой другъ Пав. Ив. Бирюковъ. Онъ морской офицеръ, опростившійся и ходящій по-мужички. Я просилъ его видѣться съ вами и переговорить объ одной моей повѣсти. Я полагаю, что онъ къ вамъ придетъ, а, можетъ быть, и не одинъ, а съ графомъ: это бывало. Предупреждаю васъ, чтобы не вышло недоразумѣнія съ мужиками. Они, конечно, не обидятся, но вамъ будетъ досадно»...

Интересна также «Характеристика Дюма», когда онъ ѣздилъ по Россіи, и попалъ въ Казань. Въ письмѣ изъ Казани такъ описывается пребываніе Дюма: «При встрѣчѣ его произошли разныя курьезности. Одни надулись, скорчили физиономіи строгихъ цѣнителей Дюма и подняли носъ. Другіе въ простотѣ душевной представлялись ему, представляли другихъ. Но во всякомъ случаѣ они были лучше первыхъ, потому что дѣйствовали, какъ имъ велѣла природа. Я тоже наткнулся на этого самаго Дюму. Въ прошлое воскресенье иду мимо нашего храма добра и истины и вижу нѣкоторое волненіе среди служителей. На мой вопросъ: чего ради?—Да на обсерваторіи самъ ректоръ съ пріѣзжимъ генераломъ... кому же другому показывать университетъ, если не генералу? О Русь!.. Одна дама, здѣшняя меценатка, у которой три раза былъ Дюма, говорила, что казанскіе профессора, бирюки и невѣжды, не пожелали представиться великому писателю, и показывала перо, которымъ Дюма писалъ ей въ альбомѣ какіе-то стихи. Дюма вообще велъ себя свободно и говорилъ сальности насчетъ русской жизни. Анекдотовъ и рисунковъ собралъ кучу»...

Замѣчательный типъ аристократки рисуетъ какой-то докторъ въ своемъ письмѣ къ пріятелю. Это—графиня, фрейлина, которая въ Петербургѣ «большую часть своихъ доходовъ тратитъ на подаванія, за семь питомокъ платитъ въ разныхъ женскихъ заведеніяхъ, сама переодѣвшись по грязнымъ кварталамъ Петербурга рыскаетъ и отыскиваетъ настоящую бѣдность. Человѣколюбивыя общества, монаховъ и подаванія на церкви ненавидитъ. Несмотря на гнѣвъ

государыни, отказалась торговать на аристократическомъ базарѣ». Эта фрейлина поселяется въ деревнѣ, гдѣ докторъ завѣдываетъ больницей, и скучаетъ... Въ одинъ жаркій день фрейлина смотрѣла, какъ мужики раскапывали и насыпали дорожки. Вдругъ фрейлина говоритъ, что ей моционъ полезенъ, беретъ заступъ и работаетъ имъ цѣлый часъ, какъ мужикъ между мужиками, несмотря на отчаянные возгласы родителей. Вечеромъ того же дня она пришла въ мою грязную, вонючую больницу, попла сама самыхъ отвратительныхъ больныхъ чаемъ, терла имъ лобъ одеколономъ и очень равнодушно отогнала пьянаго фельдшера, который сдуру кинулся къ ней съ крикомъ: «ваше сіятельство: это французская дурная болѣзнь, не извольте трогать». — «Отойди, мой другъ, прочь, я ничего не боюсь!» и эти визиты повторялись ежедневно по два раза, — то принесетъ подушекъ, то простынь, то корпию».

Большой интересъ представляютъ выписки изъ дѣлъ московскаго цензурнаго комитета за 1830—1855 гг. Въ этихъ выпискахъ проходитъ вся исторія суроваго Николаевскаго царствования. Въ революцію тридцатаго года были особенно натянуты струны цензуры, и, напримѣръ, цензоръ Сергѣй Глинка по высочайшему повелѣнію былъ посаженъ на гауптвахту на 2 недѣли за то, что пропустилъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» Погодина статью «Рекомендаціи министра» и въ Альманахѣ—«Денница» М. Максимовича стихи къ \*\*\*. «Первая изъ сихъ статей, кромѣ явнаго неирриличія, написана слогомъ площаднымъ, позорящимъ отечественную словесность; стихи же очевидно имѣютъ направленіе неблагонаправное». Ген.-ад. Бенкендорфъ обратилъ вниманіе на либерализмъ журналовъ «Телескопъ» и «Телеграфъ», издаваемые Надеждинымъ и Полевымъ. «Въ журналахъ сихъ часто помѣщаются статьи, писанныя въ духъ весьма неблагонаправленномъ и которыя особенно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ могутъ поселить вредное понятіе въ умахъ молодыхъ людей, всегда готовыхъ по неопытности своей принять всякаго рода впечатлѣнія. Поэтому ген. Бенкендорфъ предлагаетъ сдѣлать строжайшее подтвержденіе московскимъ цензорамъ о внимательномъ и неослабномъ наблюденіи за выходящими въ Москвѣ журналами. Въ случаяхъ неосмотрительности удалять цензоровъ отъ должности».

Въ то время особенно боялись даже невиннаго посягновенія на власть, а также всего, что напоминало бы разницу бѣднаго и богатаго. Въ этомъ отношеніи интересны двѣ конфиденціальныя бумаги, которыя слушались въ московскомъ комитетѣ по высочайшему повелѣнію. Первому повелѣнію, послѣдовавшему 11-го іюня 1878 г., подала поводъ вышедшая въ Москвѣ книга «Похожденія и приключенія гостинодворскихъ сидѣльцевъ!—Наши гуляютъ». Государь нашелъ эту книгу «вредной по нѣкоторымъ неумѣстнымъ выходкамъ» и велѣлъ предписать цензорамъ «обращать самое строгое вниманіе на мелкія сочиненія сего рода, не допуская ничего безнравственнаго и особенно могущаго возбуждать неприязнь или завистливое чувство однихъ сословій противъ другихъ».

Второе высочайшее повелѣніе вызвано фельетономъ въ № 21 «Сѣверной Пчелы», въ которомъ между прочимъ говорится, что, несмотря на существующую въ Царскомъ Селѣ такую, извозчики въ случаѣ дурной погоды не слѣдуютъ ей: «мы видѣли примѣры, что отъ станціи до дворца приходилось запла-

тить 40 коп. серебромъ. Это были женщины и дѣти, застигнутыя дождемъ, — что имъ было дѣлать?» Императору Николаю это не понравилось, и онъ замѣтилъ, что «цензору не слѣдовало допустить сей выходки», такъ какъ въ ней заключаются «косвенныя укоризны царскосельскому начальству», и оно «предано на общій судъ публики». Въ виду этого было сдѣлано общее распоряженіе по цензурѣ. «дабы впредь не было допущено никакихъ хотя бы и косвенныхъ порицаній дѣйствій или распоряженій правительства и установленныхъ властей, къ какой бы степени сіи послѣднія ни принадлежали».

Уже въ декабрѣ московскій цензоръ Лешковъ получилъ выговоръ за «порицаніе дѣйствій начальства». Этотъ цензоръ пропустилъ въ повѣсти Даля «Ворожейка», напечатанной въ 10 номерѣ «Москвитянина», слѣдующія слова: «Наконецъ, заявили начальству, тѣмъ, разумѣется, дѣло и кончилось», — намеки на обычное будто бы бездѣйствіе начальства ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало пропускать въ печать»...

Другой цензоръ получилъ соответственное вразумленіе за то, что въ вышедшемъ въ Москвѣ собраніи народныхъ пѣсень «Русскій Гудочникъ» пропустилъ стихотвореніе «Кузнецъ». Стихотвореніе это могло возбудить неприязненное и даже завистливое чувство въ низшемъ классѣ къ болѣе зажиточнымъ людямъ. Вотъ это стихотвореніе:

Богачъ золотомъ гордится  
И не терпитъ бѣдняка,  
А бѣднякъ день, ночь трудится  
Изъ насущнаго куска.  
Богачъ бѣднымъ богатѣеть.  
Знай, трудись, не говори,  
А, глядишь, не пожалѣеть,  
Хоть я съ голоду умри.

Большой скандалъ разыгрался съ брошюрой, изданной въ 1846 г. въ Москвѣ и называвшейся «Турусы на колесахъ». Московская публика скоро разгадала, что это сплошной пасквиль. Въ ней выведенъ между прочимъ бывшій городской голова Шестовъ. Выраженіе: «всякій Иванъ смотритъ только въ свой карманъ» — относятся, какъ намекъ на московскаго оберъ-полицеймейстера Лужина, подъ выраженіемъ же «записнаго плута оправдалъ» разумѣютъ дѣло купца Сонова, произведенное бывшимъ полицеймейстеромъ Брянчаниновымъ. Гр. С. Г. Строгоновъ донесъ объ этомъ пасквилѣ министру графу Уварову, и тотъ просилъ обратить вниманіе цензоровъ, чтобы они впредь наблюдали крайнюю осторожность при чтеніи рукописей съ двусмысленнымъ содержаніемъ.

Надѣлала тревоги и смерть Пушкина. Министръ графъ Уваровъ секретно писалъ тогдашнему попечителю Московскаго учебнаго округа, графу С. Г. Строгонову: «По случаю смерти А. С. Пушкина, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ помѣщаемы въ московскихъ повременныхъ изданіяхъ статьи о немъ. Желательно, чтобы при этомъ случаѣ какъ съ той, такъ и съ другой стороны соблюдена была надлежащая умѣренность и тонъ приличія. Я прошу ваше сіятельство обратить вниманіе на это и приказать цензорамъ не дозволять печатать ни одной изъ вышеписанныхъ статей безъ вашего предварительнаго одобренія».

Мы взяли лишь незначительную часть тѣхъ матеріаловъ, которые выписаны изъ дѣлъ московскаго цензурнаго комитета.

Вообще въ сборникѣ находится много интересныхъ подробностей изъ исторіи XIX вѣка. Напечатана обширная записка подполковника Василія Ивановича Рачинскаго о происшествіи 1820 г. въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку. Записка составлена очевидцемъ. Въ сборникѣ описанъ и другой бунтъ—военныхъ поселеній Новгородской губерніи, гдѣ преступниковъ числилось 1.365 человекъ. Ходъ суда изложенъ въ трехъ письмахъ ген.-ад. Клейнмихеля императору Николаю. Это было начало карьеры Клейнмихеля, но въ Щукинскомъ сборникѣ имѣется письмо и объ окончаніи ея. П. И. Лажечниковъ пишетъ А. К. Живневскому отъ 26-го октября 1855 г.: «Теперь спѣшу подѣлиться съ вами общей для Россіи радостью. Клейнмихель палъ. Всѣ въ Москвѣ и въ Петербургѣ поздравляютъ другъ друга съ этой вѣстью и обнимаютъ, какъ въ Свѣтлое Христово Воскресеніе. Какой урокъ для временщиковъ! Государь новый безъ шума, безъ грозы идетъ по твердому пути преобразованія. На югѣ онъ нашелъ ужасныя злоупотребленія и искореняетъ ихъ съ помощью великаго князя, брата своего Константина. Дай Богъ имъ успѣха. Гоненія на раскольниковъ, кромѣ вредныхъ сектъ, прекращены; въ Бѣлороссіи и Западныхъ губерніяхъ отъ бѣднаго до богатаго спѣшатъ украсить свои жилища портретами надежи государа, уже возлюбленнаго». Этимъ мы и заканчиваемъ наши выдержки изъ Щукинскаго сборника.

Ип.

**Историко-филологическій факультетъ. (Семейный университетъ Ф. С. Комарскаго. Сборникъ популярныхъ лекцій для самообразованія). Выпускъ I. Спб. 1903.**

Еще въ 1899 году Ф. С. Комарскій предпринялъ изданіе «Семейный университетъ», представлявшій собраніе популярныхъ лекцій для самообразованія, законченныхъ въ этомъ году. При всей трудности и сложности такого дѣла издателю удалось, однако, вполне добросовѣстно довести до конца предпринятое изданіе. То, что обѣщано, было дано, и читатель, дѣйствительно, получалъ общеобразовательный, систематическій курсъ лекцій, доступно и вполне научно изложенныхъ.

Теперь, въ виду дороговизны изданія, Ф. С. Комарскій рѣшилъ выпустить въ свѣтъ рядъ новыхъ изданій для самообразованія. Всего предполагено три факультета: историко-филологическій, юридическій и медицинскій. Каждый факультетъ будетъ состоять изъ 4-хъ выпусковъ, а всѣ изданія предполагено окончить въ теченіе 1903 года. Цѣна за каждый факультетъ недорогая—6 р. 50 коп.

Въ «Историко-филологическомъ факультетѣ» помѣщены въ первомъ выпускѣ лекціи: по психологіи, всеобщей исторіи, исторіи всеобщей поэзіи, исторіи русской словесности, исторіи сцены и эстетики.

Нѣкоторые курсы представляютъ собою новатореніе, въ сокращенномъ видѣ, напечатанныхъ въ «Семейномъ университетѣ» лекцій. Лекціи по психологіи составлены М. М. Филипповымъ, по всеобщей исторіи—проф. Трачев-

скимъ, по исторіи поэзіи—П. И. Вейнбергомъ, по исторіи русской словесности—проф.—Бороздинымъ, по исторіи сцены—П. О. Морозовымъ и эстетики—Л. А. Саккетти.

Въ первомъ выпускѣ напечатана вся древняя исторія до императорскаго періода въ Римѣ. Всеобщая исторія поэзіи доведена здѣсь до «Божественной комедіи» Данте, и представляетъ собою прекрасный курсъ, написанный изящно и широко. Лекціи по исторіи русской словесности заканчиваются въ настоящемъ выпускѣ анализомъ «Слова о полку Игоревѣ», читаются очень легко. Особенно интереснымъ обѣщаетъ быть курсъ по исторіи европейской сцены, составленный знатокомъ исторіи театра П. О. Морозовымъ. На русскомъ языкѣ это будетъ первый популярно-научный курсъ исторіи сцены. Пока, напечатаны четыре лекціи этого курса. Въ первой изъ нихъ выяснено зарожденіе драматической поэзіи въ древней Греціи и охарактеризовано значеніе греческаго театра. Вторая посвящена театру въ древнемъ Римѣ, третья—среднимъ вѣкамъ, четвертая—старинному театру въ Испаніи. Съ большимъ интересомъ будутъ прочитаны лекціи проф. Саккетти по эстетикѣ, такъ какъ вопросъ поставленъ авторомъ широко; много примѣровъ, интересныхъ сопоставленій, остроумныхъ цитатъ.

Стремленіе къ самообразованію, въ послѣднее время, несомнѣнно замѣчается. Но читатель поставленъ въ весьма тяжелыя условія, такъ какъ люди науки, пока, мало сдѣлали для него. Нѣтъ руководящихъ пособій, систематическихъ и доступныхъ. На этой почвѣ создаются такія изданія, какъ надѣлавшія шуму всякія «саморазвитія» и «самообразованія» г. Рамма, главная цѣль которыхъ собрать иногда послѣднія деньги отъ доверчиваго русскаго читателя. Изданіе Ф. С. Комарскаго уже пятый годъ добросовѣстно ведется. Въ немъ принимаютъ участіе хорошія силы, и оно можетъ сослужить добрую службу молодежи.

П. К.—ій.

### В. Якимовъ. По слѣдамъ голода. Спб. 1903.

Воспоминанія г. Якимова о голодѣ 1898—1899 годовъ въ Поволжьѣ и Прикамьѣ полны удручающихъ картинъ голода, тифа, цынги и малодушнаго поведенія мѣстныхъ администрацій, проявляющихъ одни и тѣ же приемы въ исторіи всѣхъ голодовокъ въ Россіи: сначала, замалчиваніе голода и маскированіе его подъ именемъ «недорода»; стремленіе показать обществу, что «все обстоитъ благополучно», что даровой казенный паекъ деморализуетъ населеніе; отверженіе частной блигтворительности или стѣсненіе ея; преслѣдованіе корреспондентовъ и увольненіе отъ мѣстъ должностныхъ лицъ, возбуждающихъ вопросы и т. д. Воздерживаясь отъ обобщеній и не пытаясь воспроизводить изъ тяжелой дѣйствительности художественныхъ типовъ, авторъ говоритъ только о фактахъ. А факты въ запискахъ г. Якимова останутся надолго поучительными, начиная съ тѣхъ, которыми голодъ даетъ о себѣ прежде всего знать, въ видѣ крестьянскихъ ходатайствъ передъ земскими управами «разобрать хлѣбные магазны» и мучительнаго сознанія земскихъ дѣятелей, что магазины слѣдовало бы поберечь до зимы, но что крестьяне пойдутъ на пре-



ступленіе и разобьютъ магазины силой, если послѣдуетъ отказъ въ удовлетвореніи ихъ просьбъ. Затѣмъ, лѣтотпись голодовокъ украшена авторомъ попытками крестьянъ помочь бѣдѣ «своимъ средствомъ»: обойти съ иконой изголодавшіяся стада, пригласить къ тифознымъ больнымъ колдуновъ съ наговоренной водой, на поля священника съ просительнымъ молебномъ и т. д.

Когда число голодныхъ, тифозныхъ и цынготныхъ продолжаетъ расти, тогда появляются «суррогаты», отъ которыхъ языкъ дѣлается дубовымъ и болтается во рту, какъ деревяшка, а въ желудкѣ—колики и тошнота. Эти «прекрасные суррогаты» суть лебеда, желудьева подмѣсь къ ржаной мукѣ, выжимки изъ-подъ льняного сѣмени (дурунда), мякина изъ льняного сѣмени, осинный листъ, опилки съ мукой и наконецъ воровство съ явной цѣлью быть пойманнымъ и понасть въ тюрьму, чтобы спастись отъ голода на волѣ...

Въ виду возрастающаго значенія подобныхъ фактовъ является всегда запоздалое официальное констатированіе голода и разрѣшеніе частнымъ лицамъ идти на помощь пострадавшимъ.

Съ большимъ уваженіемъ относится авторъ къ дѣятелямъ частной инициативы, говоря, что «честная молодежь шла въ деревню, шла въ глухія захолустныя мѣста; въ грязныя избы чувашъ, мордвы, башкиръ и вотяковъ, кормила ихъ, тряслась по отвратительнымъ дорогамъ, переѣзжая изъ селенія въ селеніе, просиживала ночи надъ тифозными, не роища, возилась съ смрадными цынготными, сама заражалась тифомъ, болѣла и даже умирала, умирала съ полнымъ сознаніемъ плодотворности своей работы. А ихъ мѣста занимали новые кадры молодежи, чтобы также надрываться надъ тяжелой работой».

Авторъ увѣренъ, что страшныя картины нужды будутъ служить руководящей идеей на всю жизнь этой молодежи. Онъ съ пафосомъ восклицаетъ: «Какими здоровыми и жизнерадостными казались эти молодые лица, когда они ѣхали въ деревню, и какія усталыя и утомленныя они были, когда покидали уѣздъ и разѣзжались съ голода въ разныя стороны!... Мѣсяцы тѣснаго общенія съ народной нуждой, отвѣтственныя для ихъ совѣсти заботы о вѣрнѣныхъ имъ людяхъ, налагали свою печать на ихъ лица и души. Многіе, конечно, какъ только вырвались изъ узкой деревенской сферы съ ея центральнымъ и исключительнымъ интересомъ—голодомъ и болѣзнями, старались скорѣе забыть ихъ и въ вихрѣ шумнаго міра скоро забывали о голодныхъ, тифозныхъ и цынготныхъ. Но зато другіе болѣе чуткіе и впечатлительные долго не забудутъ времени своего пребыванія въ голодающей деревнѣ, гдѣ они съ такой любовью и самоотверженіемъ трудились для мужика, и, я думаю, эти воспоминанія будутъ самыми свѣжими, самыми лучшими во всей ихъ остальной жизни».

Но преклоненіе автора предъ сострадательными людьми не мѣшало ему видѣть и въ ихъ числѣ самозванцевъ, которые стояли гораздо ниже тѣхъ требованій, которыя предъявляли къ нимъ обстоятельства. Авторъ говоритъ о тѣхъ изъ нихъ, которые создали изъ голодающихъ какой-то для себя модный спортъ, хвастаясь другъ передъ другомъ мнѣшными расходомъ на кормимыхъ и не заботясь о качествѣ пищи и потребности въ ней; о тѣхъ личностяхъ, которымъ поручалось изслѣдованіе на мѣстѣ вопроса о голодѣ, и которыя соби-

рали свѣдѣнія о голодающихъ по столбовымъ дорогамъ въ сопровожденіи исправниковъ и становыхъ. Наконецъ, авторъ упоминаетъ о множествѣ лицъ, которые сумѣли извлечь изъ голода свои выгоды, скуная за безцѣнокъ у крестьянъ скотъ, удерживая у себя въ экономіяхъ хлѣбъ въ ожиданіи повышения на него цѣнъ и, наконецъ, участвуя въ сборахъ пожертвованій и не давая до сихъ поръ отчета въ израсходованіи ввѣренныхъ имъ суммъ и т. д. Книга г. Якимова имѣетъ не только описательное значеніе голодовки въ восточныхъ губерніяхъ Россіи, но и практическое для всѣхъ тѣхъ случаевъ, когда растетъ народная нужда, и русское общество откликается на нее, какъ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, такъ и многочисленныхъ любителей ловить рыбу въ мутной водѣ...

А. Фаресовъ.

**Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 годъ). Часть четвертая. (Пруссія, Франція и Швеція). Съ указателемъ ко всѣмъ 4 частямъ. Изданіе комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ при Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Москва. 1902.**

Трудъ извѣстнаго нашего архивнаго историка составленъ имъ еще въ началѣ прошлаго столѣтія и тогда же высочайше одобренъ къ печатанію, но появился въ свѣтъ лишь очень недавно: первые три тома вышли въ 1894—1897 гг., выходъ послѣдняго еще болѣе замедлило составленіе приложеннаго къ нему обширнаго указателя, потребовавшаго кропотливой работы (но зато — отмѣтимъ кстати — составленнаго г. Богоявленскимъ очень добросовѣстно и полно). Четвертый выпускъ содержитъ переписку русскаго правительства съ дворами: прусскимъ (стр. 1—77), французскимъ (стр. 78—115) и шведскимъ (стр. 116—257). Сверхъ того, редакторомъ изданія, г. Бѣлокуровымъ (по инициативѣ котораго этотъ трудъ и напечатанъ), пополнены нѣкоторые, правда, немногочисленные пропуски дипломатическихъ лицъ, имѣвшихъ спеціальныя порученія или постоянно находившихся при томъ или другомъ дворѣ (стр. 258—265), и помѣщены подобныя же дополненія къ второй части (сношенія съ Данцигомъ, Любекомъ и Италіей, стр. 266—267).

Какъ и всѣ труды подобнаго рода, вмѣщающіе въ себѣ исключительно фактическій матеріалъ, и этотъ трудъ можно разсматривать со стороны полноты его содержанія, во-первыхъ, и со стороны интереса, представляемаго описываемой эпохой, во-вторыхъ. Съ послѣдней точки зрѣнія нечего и говорить, какое значеніе имѣютъ дипломатическіе акты за нѣсколько столѣтій; что же касается до полноты содержанія, то нельзя не отмѣтить, что авторъ, повидимому, использовалъ весь находившійся въ его распоряженіи матеріалъ; по крайней мѣрѣ, какъ выше было сказано, редакторъ изданія счелъ необходимымъ добавить лишь очень немногое къ подлинному тексту. Сама по себѣ, эта первая разработка огромнаго матеріала, хранящагося въ Московскомъ архивѣ, представляетъ большой интересъ, но, понятно, читатель не встрѣтитъ въ ней много новаго, что не было бы извѣстно ему раньше изъ общихъ исто-

рических трудов или отдельных монографий. В том же, чем ближе подвигается автор к современной (ему) эпохе, тем меньшее количество актов приводит; особенно это заметно в обзорѣ внѣшнихъ нашихъ сношеній съ Франціей; болѣе полно приведены акты, относящіеся къ Швеции и Пруссіи, и здѣсь, между прочимъ, встрѣчаемъ постоянное соглашеніе русскаго и прусскаго дворовъ «о вспоможеніи Польшѣ въ избраніи вольными голосами будущаго короля и о недопущеніи, дабы при жизни короля кто либо избираемъ быть могъ ему преемникомъ» (стр. 51, 66, 74 и др.). Современный историкъ, конечно, сильно расширилъ бы рамки «обзора», и остается лишь пожалѣть, что трудъ Бантыша-Каменскаго, несмотря на страстное желаніе самого автора увидѣть его въ печати, не вышелъ въ свое время, темъ болѣе, что Бантышъ-Каменскій, по его словамъ, хотѣлъ имъ «показать услугу занимающимся въ дипломатическомъ званіи особамъ» (изъ его письма къ гр. Н. П. Румянцеву въ 1813 г.—незадолго до смерти, которая посрепятетствовала Бантышъ-Каменскому и составить подобный же обзоръ сношеній Россіи съ Азиатскими государствами; отъ этого труда остались лишь матеріалы и немногочисленные черновые наброски). Во всякомъ случаѣ «Обзоръ» этотъ всегда будетъ цѣннымъ въ русской исторіи.

А. Никитинскій.

**Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. А. Ефремова. Изданіе А. С. Суворина. Томы I, II, III. Спб. 1903.**

Пушкинъ—краса и гордость русской литературы—до сихъ поръ не имѣть ни полной біографіи, ни достойнаго образцоваго критическаго изданія сочиненій. 1887-й годъ, пятидесятый съ года смерти поэта, вызвалъ среди множества всевозможныхъ изданій только два научныхъ и критическихъ. Одно изъ нихъ, болѣе извѣстное широкой публикѣ,—изданіе Литературнаго фонда подъ редакціей П. О. Морозова; другое—редактировано П. А. Ефремовымъ. Въ 1887 же году сдѣлалось извѣстнымъ, что академія наукъ рѣшила дать классическое изданіе сочиненій Пушкина, поручивъ редакцію Л. Н. Майкову. Быть можетъ, это извѣстіе остановило дѣятельность частныхъ лицъ, но 13 лѣтъ, прошедшія со дня пятидесятилѣтія смерти до дня столѣтія рожденія Пушкина, не дали ни одного оригинальнаго изданія, которое, подобно изданіямъ гг. Морозова и Ефремова, являлось бы результатомъ самостоятельной работы надъ текстомъ Пушкина. Только черезъ двѣнадцать лѣтъ въ 1899 году появился лишь первый томъ академическаго изданія; съ тѣхъ поръ прошло три года, редакторъ изданія Л. Н. Майковъ умеръ, и мы все еще ждемъ втораго тома. А между темъ въ новомъ критическомъ изданіи чувствуется настоятельная нужда: лучшія изданія подъ редакціей г. Морозова и Ефремова 1887 года вышли изъ обращенія и считаются рѣдкостью; за пятнадцатилѣтній періодъ накопилось много матеріаловъ для исторіи текста, но различными изданіямъ за это время были напечатаны и кое-какіе отрывки Пушкина, и письма его, такъ что изданія 1887 перестали удовлетворять требованіямъ изучающихъ и любящихъ Пушкина.

Извѣстный знатокъ русской литературы и вопросовъ пушкинскаго текста, редактировавшій не одно изданіе сочиненій Пушкина (въ 1880—изданіе Псакова, въ 1882—Анскаго, въ 1887—Комарова), маститый библиографъ П. А. Ефремовъ еще разъ примѣнилъ свои знанія и свою опытность въ дѣлѣ новаго, предпринятаго А. С. Сувориннымъ изданія Пушкина. Настоящее изданіе, первые три тома котораго лежатъ передъ нами, появляется очень кстати и изъ всѣхъ существующихъ, несомнѣнно, является лучшимъ. Не говоримъ объ академическомъ монументальномъ изданіи: послѣднее предназначено для всесторонняго, научнаго изученія Пушкина, да, кромѣ того, за медленностью изданія не можетъ въ настоящее время служить потребностямъ широкой массы.

Со стороны внѣшности, изданіе не оставляетъ желать лучшаго: прекрасная бумага, четкій прифѣтъ, каждое стихотвореніе на отдѣльной страницѣ, тщательная корректура. Къ поэмамъ, появившимся въ отдѣльномъ изданіи, къ Борису Годунову, приложены точные снимки съ заглавныхъ листовъ первыхъ изданій. Къ первому тому приложенъ портретъ, прекрасный офортъ, сдѣланный съ оригинала Тропинина художникомъ М. В. Рундалицевымъ; къ одному изъ слѣдующихъ томовъ будетъ приложенъ офортъ съ портрета Кириенскаго. Переходимъ къ внутреннимъ достоинствамъ цѣлаго изданія сочиненій Пушкина. «Въ нынѣшнемъ изданіи сочиненій А. С. Пушкина, — пишетъ почтенный редакторъ, — мы старались собрать все, появившееся до сихъ поръ въ печати съ его именемъ, достовѣрно ему принадлежащее, и все это провѣрить, исправить и дополнить, насколько намъ было доступно, по сохранившимся рукописямъ поэта или по спискамъ, о которыхъ было извѣстно, что они сдѣланы прямо съ подлинниковъ». Такую задачу ставилъ передъ собой П. А. Ефремовъ. Сравнительно съ прежними изданіями новое значительно полнѣе. Въ немъ напечатано нѣсколько произведеній, до сихъ поръ отсутствовавшихъ въ изданіяхъ Пушкина, и врядъ ли въ русской печатной литературѣ осталось еще что либо пушкинское, не использованное г. Ефремовымъ. (Говоримъ о лирическихъ стихотвореніяхъ и поэмахъ, вошедшихъ въ составъ первыхъ трехъ томовъ). Въ печатавшихся раньше произведеніяхъ мы найдемъ немало дополненій, которыя явились, или благодаря возможности замѣнить нѣсколько строчекъ точекъ текстомъ или благодаря большей прилежности при разборѣ рукописей. Тщательное изученіе доступныхъ г. Ефремову рукописей поэта дало возможность внести очень много исправленій въ текстъ произведеній Пушкина, даже тѣхъ, которыя вошли въ первый томъ заботливаго академическаго изданія. Г. Ефремову удалось исправить неточности въ такихъ пьесахъ, которыя перепечатывались безъ измѣненія почти пятьдесятъ лѣтъ. Напримѣръ, даже въ такой извѣстной элегии «Умолкну скоро я. Но если въ день печали задумчивой игрой мнѣ пѣсни отвѣчали» и т. д. г. Ефремовъ находитъ необходимымъ исправить «задумчивой игрой мнѣ струны отвѣчали». Въ «Борисѣ Годуновѣ» приведено пять поправокъ; одна изъ нихъ существенно важна прямо для смысла мѣста. Самозванецъ говоритъ: «Весь мой народъ, вся сѣверная церковь», а въ прежнихъ изданіяхъ печаталась непонятная фраза «Весь мой народъ, вся восточна церковь». Вообще, сравнительно съ прежними изданіями поправокъ и измѣненій въ новомъ изданіи довольно много. Нѣкоторыя изъ нихъ являются не совсѣмъ

понятными, но всё поправки и измѣненія будутъ объяснены въ примѣчаніяхъ, а примѣчанія войдутъ въ послѣдній томъ. Слѣдовательно детальный разборъ новаго изданія необходимо отложить до его окончанія. Но и теперь нужно сказать, что въ наиболѣе исправномъ и полномъ видѣ текстъ пушкинскихъ сочиненій представленъ въ новомъ изданіи. Быть можетъ, позволительно надѣяться на то, что трудъ, затраченный г. Ефремовымъ на новое собраніе сочиненій Пушкина, подвинетъ и ускоритъ появленіе остальныхъ томовъ академическаго предпріятія.

Разсчитывая, по выходѣ всѣхъ томовъ, вернуться къ этому изданію, добавимъ здѣсь, что въ этомъ изданіи принята пушкинская орѳографія: знатоки и любители оцѣнятъ это достоинство изданія. П. Ц.

### **Записки общества исторіи, филологіи и права при императорскомъ Варшавскомъ университетѣ. Вып. I. Варшава. 1902.**

Въ 1900 году былъ утвержденъ уставъ общества исторіи, филологіи и права при императорскомъ Варшавскомъ университетѣ. Въ первомъ собраніи общества товарищъ предѣдателя, проф. Н. Н. Любичъ, отмѣтилъ въ своей привѣтственной рѣчи то «широкое поле для разработки научныхъ вопросовъ», которое предстоитъ обществу, такъ какъ оно ставитъ себѣ цѣлью совмѣстную разработку научныхъ вопросовъ не только исторіи и филологіи, но также и юриспруденціи. Это — очень важное преимущество варшавскаго общества. При своемъ возникновеніи общество состояло изъ 21 члена-учредителя, принадлежавшихъ къ составу профессоровъ и преподавателей университета. Къ 1-му января 1902 г. всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ было 100, а всего — 120. Въ отчетѣ о состояніи бібліотеки указано то обстоятельство, что бібліотека усиленно пополняется поступленіемъ въ нее книгъ и изданій, присылаемыхъ отъ другихъ обществъ, университетовъ, редакцій, напримѣръ, императорское историческое общество въ С.-Петербургѣ выслало свыше 100 томовъ всѣхъ своихъ изданій. Въ теченіе 1901 г. общество собиралось 17 разъ: 10 разъ въ распорядительныхъ собраніяхъ и 7 — въ ученыхъ. Доложено было 12 рефератовъ и сообщеній, изъ нихъ часть была посвящена вопросамъ, связаннымъ съ реформой преподаванія.

Слѣдуетъ привѣтствовать новое общество и первый выпускъ его трудовъ, недавно вышедшій. Онъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Въ первомъ помѣщены — уставъ общества, сокращенные протоколы засѣданій общества и списокъ его членовъ. Во второмъ отдѣлѣ находимъ доклады, читанные въ обществѣ. Первый докладъ былъ прочитанъ проф. Н. Н. Любичемъ — о статистическомъ методѣ въ приложеніи къ исторіи (о немъ см. «Историч. Вѣстн.» 1902 г., ноябрь). Второй докладъ, помѣщенный въ «Запискахъ», Ф. В. Тарановскаго — «О сравнительномъ правовѣдѣніи въ концѣ XIX вѣка». Три доклада посвящены Гоголю. И. И. Замотинъ въ своей рѣчи разсмотрѣлъ «Три романтическихъ мотива въ произведеніяхъ Гоголя». Эти мотивы — религія, искусство и природа, на которыхъ Гоголь «отдыхалъ своею восторженной душою и къ которымъ подъ вліяніемъ эпохи отнесся романтически». Рѣчь П. А. Заболотскаго

посвящена Гоголю «въ эпоху творчества 1 го тома Мертвыхъ Душъ». П. Д. Малиновскій опубликовалъ нѣкоторые документы, найденные имъ въ семейномъ архивѣ изъ переписки Гоголя съ Дмитриемъ Константиновичемъ Малиновскимъ (преподаватель математики во 2 московскомъ кадетскомъ корпусѣ). Два письма Гоголя къ Малиновскому были напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ». Приведенныя шесть писемъ Малиновскаго характеризуютъ и автора, несомнѣнно романтика, занятаго вопроса этики и эстетики. Гоголь, видимо, охотно отвѣчалъ на запросы безпокойнаго юноши. Затѣмъ, приведены два отрывка изъ воспоминаній Малиновскаго о Гоголѣ, найденные неполными.

Два послѣднихъ доклада, напечатанные въ «Запискахъ», касаются области юриспруденціи (Д. В. Туткевичъ — «О введеніи нынѣ дѣйствующихъ судебныхъ установленій въ варшавскомъ судебномъ округѣ»; В. В. Есиновъ — «О преподаваніи права»).

Въ правилахъ объ изданіи «Записокъ» установлены три отдѣла. Пока, въ первомъ выпускѣ еще нѣтъ 3-го отдѣла («Материалы, издаваемые обществомъ, а также библиографическія и критическія замѣтки, сообщаемыя въ засѣданіяхъ общества»). Можно горячо пожелать, чтобы и третій отдѣлъ, не менѣе важный, въ дальнѣйшихъ выпускахъ «Записокъ» былъ представленъ.

П. К—ій.

### **Гоголь на родинѣ. Альбомъ художественныхъ фототипій и геліографюръ, относящихся къ памяти Н. В. Гоголя. Изданіе І. Хмѣлевскаго въ Полтавѣ. 1902.**

Полтавскому фотографу І. Хмѣлевскому пришла счастливая мысль сохранить для потомства, посредствомъ фотографіи, все связанное съ именемъ Гоголя, преимущественно въ предѣлахъ его родины. Съ этой цѣлью онъ посѣтилъ разныя мѣстности въ Полтавской губерніи, гдѣ жилъ или бывалъ великій писатель, а также его родныхъ и знакомыхъ, и воспроизвелъ все, что сохранилось отъ того времени и касается Гоголя. Сдѣланныхъ имъ снимковъ набралось около пятидесяти; присоединивъ къ нимъ портреты Гоголя и нѣкоторые другіе рисунки, г. Хмѣлевскій издалъ все это въ видѣ альбома, подъ заглавіемъ «Гоголь на родинѣ». Здѣсь находятся разнообразныя виды Яновщины, Косаровщины, Сорочинцевъ, Кибинцевъ, Ярьски, Миргорода, Диканьки, портреты родныхъ Гоголя, его друзей; Косаровскаго, Данилевскаго, Трутовскаго, Кулиша; слугъ: Петра и Настасьи Юрченко, Якимя Нимченко, факсимиле его рисунковъ и набросковъ, снимки съ сохранившихся вещей его, могилы и т. п. и семь его портретовъ въ разныя эпохи жизни. Все это воспроизведено въ альбомѣ превосходно исполненными фототипіями и геліографюрами. Всѣ лица, которымъ дорога память Гоголя, будутъ, безъ сомнѣнія искренно благодарны г. Хмѣлевскому за его прекрасное изданіе, тѣмъ болѣе, что назначенная имъ цѣна за альбомъ (12 р.), заключающій въ себѣ 42 листа рисунковъ большаго формата, весьма умѣренна. Предисловіе къ альбому написано знатокомъ мало-россійской литературы г. Горленкомъ.

С. Ш.

### Очерки покоренія Кавказа. Съ рисунками и картами. Служивый. Спб. 1092.

Эта книжка, заключающая въ себѣ всего 144 страницы крупнаго разгонастаго шрифта, не представляетъ ничего новаго и интереснаго въ смыслѣ повѣствованія о покореніи Кавказа: вся она составлена изъ обрывковъ и клочковъ, позаимствованныхъ у различныхъ авторовъ и соединенныхъ воедино безъ всякой послѣдовательности и системы. Эти свои позаимствования г. Служивый вздумалъ для чего-то раздѣлить на «періоды», обозначая ими смѣну старыхъ и назначеніе новыхъ намѣстниковъ. Нигдѣ въ текстѣ книжки не указаны ни источники, ни авторы: ея составитель рассказываетъ все какъ бы «своими словами», и лишь на послѣдней страничкѣ, въ концѣ, напечаталъ 10 строкъ подъ скромнымъ названіемъ—«источники». Далѣе. На тѣхъ же 144 страницахъ помѣщено зачѣмъ-то описаніе русско-турецкой войны 1877—1878 г.г. — «для полноты изложенія», какъ объясняетъ авторъ причину появленія этого ненужнаго плеяфа у его коротенькаго платья.... Это не избавляетъ книжку отъ массы самыхъ курьезныхъ и неизвиняемыхъ ошибокъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 5-й г. Служивый рассказываетъ, что Грузія поступила въ подданство Россіи при грузинскомъ царѣ Георгіи XII, а черезъ семь страницъ этотъ царь превращается уже въ Георгія XIII-го... Или, напримѣръ, желая, очевидно, сказать нѣсколько теплыхъ словъ по адресу бывшаго намѣстника князя Воронцова, авторъ говоритъ, да еще съ удивительнымъ апломбомъ, печатая курсивомъ свои слова: «Съ назначеніемъ на Кавказѣ князя Воронцова (курсивъ у г. Служиваго) прекратились безплодныя экспедиціи въ горы и война приняла характеръ постоянной блокады Чечни и Дегестана, съ очень осторожными (?) наступательными дѣйствіями» (стр. 9). Между тѣмъ, именно при немъ, при кн. Воронцовѣ, и происходили самыя неудачныя экспедиціи нашихъ отрядовъ въ глубь горъ и лѣсовъ Чечни, окончившіяся знаменитою, но своему трагизму, «сахарною» экспедиціей въ Дарго, надолго колебавшею обаяніе русскихъ побѣдъ на Кавказѣ.

Заговоривъ о Шамилѣ, авторъ утверждаетъ, что онъ выдалъ русскимъ, въ качествѣ аманата, «малолѣтняго племянника» своего, — не зная, очевидно, что къ намъ попалъ не племянникъ Шамиля, а его сынъ Джемаль-Эдинъ, воспитывавшійся потомъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ Петербурга и обмѣненный, зятьемъ, на плѣнныхъ княгинь Орбеліани и Чавчавадзе. Или: говоря объ осадѣ Ахульго и чудесномъ исчезновеніи Шамиля изъ этой, кругомъ обложеной русскими войсками, крѣпости, г. Служивый рассказываетъ, что Шамилъ, будто бы, прыгнулъ съ огромной скалы въ рѣку (!) Андійское Койсу, при чемъ переломилъ себѣ ногу (стр. 66), — да еще ссылается въ подтвержденіе этого вымысла, на «превосходное описаніе происходившихъ событій», составленное генераломъ Милютинымъ. Въ дѣйствительности же, спасеніе происходило иначе: онъ не прыгалъ «въ рѣку» и не ломалъ себѣ ноги, а просто спустился ночью, по веревкѣ, съ крутого обрыва къ рѣкѣ Койсу, имѣя при этомъ на плечахъ малолѣтняго сына (старшаго) Кази-Магому.

Такихъ неточностей въ книжкѣ г. Служиваго немало, и перечислять ихъ всё не стоитъ. Составлялась эта книжка, повидимому съ торговою цѣлью и человѣкомъ неумѣлымъ, мало знакомымъ съ исторіей покоренія Кавказа. Помѣщенные въ книжкѣ рисунки—алюмоваты и плохи, и можно лишь удивляться той цѣнѣ—1 рубль 75 копеекъ,—которая назначена за этотъ тощій и курьезный компилятивный «трудъ». Н—ичъ.

### Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссіи. Томъ второй. Кишиневъ. 1902.

Года два тому назадъ по поводу выхода въ свѣтъ перваго тома «Трудовъ» бессарабской архивной комиссіи мы обратили вниманіе, между прочимъ, и на то, что вся почти дѣятельность комиссіи и по разбору архивныхъ дѣлъ и по составленію статей для «Трудовъ» лежала на плечахъ одного ея секретари И. Н. Халишны. То же должны мы повторить и теперь, при обзорѣнн содержанія втораго тома «Трудовъ». Правда, тамъ имѣется еще и статья г. А. Крылова, при чемъ поставлена какъ бы во главѣ тома, подъ заглавіемъ: «Значеніе и поучительная сторона занятій археологіей», но о ней, чтобы не повторять своего прежняго мнѣнія, высказаннаго нами по поводу его же статей: «Краткія воспоминанія о моихъ занятіяхъ по археологіи», и исполнѣ соответствующаго и въ настоящемъ случаѣ, мы лучше умолчимъ, а остановимся, прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію написаннаго г. Халишною, на двухъ, замѣшавшихся среди его статей, сообщеніяхъ г. Щеглова.

Въ первомъ изъ нихъ авторъ говоритъ, на основаніи данныхъ, добытыхъ изъ архива мѣстной консисторіи, объ «Измаильскихъ монастыряхъ»—Успенскомъ и Николаевскомъ, «пришедшихъ ко времени присоединенія Бессарабіи къ Россіи въ крайній упадокъ и существовавшихъ больше по имени»; а во второмъ, озаглавленномъ: «Изъ прошлаго Бессарабіи», «воскрешаетъ въ памяти современниковъ одинъ довольно интересный архивный документъ, относящійся ко времени присоединенія Бессарабіи къ Россіи». Документъ этотъ—«секретное предписаніе» Кросно-Милашевича, предсѣдательствующаго въ диванахъ обоихъ княжествъ—Молдавіи и Валахіи, ревизору его штата, подполковнику Аркудинскому, въ которомъ онъ, въ виду распускаемыхъ молдавскими боярами слуховъ о намѣреніи русскаго правительства закрѣпостить все населеніе Бессарабіи и обложить новыми налогами и податями и въ виду начавшагося уже переселенія простаго народа за Прутъ, въ предѣлы Турціи,—въ общихъ выраженіяхъ рекомендуетъ «склонять и увѣщевать народъ» не вѣрять «внушеніямъ» бояръ, указываетъ на преимущества нахождения подъ владычествомъ русскаго императора и въ заключеніе совѣтуетъ прибѣгать къ аресту «внушителей» и переселенцевъ.

Самою крупною и довольно цѣнною въ научномъ отношеніи изъ всѣхъ трехъ статей г. И. Н. Халишны нужно признать его «Основныя историческія данныя о Бессарабіи». Разсказавъ, насколько позволяла имѣющаяся печатная литература, исторію Бессарабіи до 1812 г., авторъ затѣмъ



приводитъ цѣликомъ «Трактатъ, заключенный между Россією и Турцією въ Бухарестѣ 16-го мая 1812 года», по которому Турція уступала Россіи Бессарабію, а за нимъ—«Краткія свѣдѣнія о гражданскихъ и военныхъ губернаторахъ Бессарабіи, съ очеркомъ посѣщеній края высочайшими особами и перечнемъ другихъ важнѣйшихъ для Бессарабіи событій времени каждаго губернатора (1812—1890 гг.)».

Сообщаемыя имъ «свѣдѣнія» основаны, главнымъ образомъ, на данныхъ, извлеченныхъ изъ архивовъ губернскаго правленія и канцеляріи губернатора, и заключаютъ немало матеріала какъ для біографій гражданскихъ и военныхъ губернаторовъ, такъ и вообще для исторіи края. Подробнѣе г. Халиппа останавливается на губернаторѣ П. Ив. Федоровѣ (1834—1854), который «дѣйствительно совмѣщаль въ себѣ роли военнаго и гражданского начальника края: одинаково увлекался онъ и просвѣтительными дѣяніями, и устройствомъ военныхъ силъ страны... Почему двадцатилѣтнее управленіе Федорова составляетъ цѣлую эпоху въ исторіи Бессарабіи за русское время» (стр. 53); затѣмъ П. А. Антоновича (1863—1867), который, благодаря ревизіи своего предшественника П. О. Велію, оставившаго восемь огромныхъ фоліантовъ свѣдѣній объ обрѣзванныхъ имъ учрежденіяхъ, привелъ въ порядокъ дѣла, запущенныя преемниками Федорова; и Н. П. Шебеко (1871—1879). Въ приложеніи къ этой статьѣ авторъ въ алфавитномъ порядкѣ мѣстностей и предметовъ старины приводитъ, руководясь архивными дѣлами, весьма интересныя «Свѣдѣнія о древностяхъ Бессарабіи, собранныя военнымъ губернаторомъ П. И. Федоровымъ въ 1837—1838 гг.». Въ 1837 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Д. Н. Блудовъ затребовалъ отъ губернаторовъ «свѣдѣній касательно древнихъ зданій», во исполненіе чего Федоровъ предписалъ полицейскимъ мѣстамъ «доставить точныя и полныя свѣдѣнія о древнихъ зданіяхъ, съ означеніемъ настоящаго ихъ положенія и, если возможно, доставить рисунки таковымъ древностямъ и вкратцѣ изложить исторію существованія оныхъ, или преданія, кои на ихъ счетъ сохранились» (стр. 98).

Внимательно слѣдя за доставкою этихъ «свѣдѣній», Федоровъ нерѣдко требовалъ разъясненій, новыхъ подробностей и проч., и благодаря этому, дѣйствительно, помогъ, насколько возможно было, сохраненію свѣдѣній объ историческихъ и археологическихъ памятникахъ Бессарабскаго края.

Вторая, тоже довольно крупная и интересная по новизнѣ содержанія, статья г. Халиппы озаглавлена такъ: «Очеркъ исторіи народнаго образованія въ Бессарабіи въ первой половинѣ XIX вѣка».

«Съ присоединеніемъ Бессарабіи къ Россіи,—говоритъ г. Халиппа,—для культурной миссіи послѣдней открылось мало или почти вовсе невоздѣланное поприще. На всемъ пространствѣ новоприсоединенной области не было ни одной прочно организованной школы—народной ли, духовной или спеціальной какой либо»... «Весь XVIII вѣкъ румынской исторіи» былъ чуждъ какого бы то ни было «просвѣтительнаго увлеченія». «Возникшія отъ времени до времени греческія училища были мертворожденными дѣтищами князей фанариотовъ, мечтавшихъ привить въ княжествахъ эллинскую образованность», а кой-гдѣ встрѣчавшіяся при монастыряхъ школы имѣли лишь одну цѣль—

«обучить младшую братію церковному уставу, восточному осьмогласію и отчасти письму». Первымъ правильно организованнымъ учебнымъ заведеніемъ въ Бессарабіи была духовная семинарія, учрежденная въ г. Кишиневѣ въ 1813 году и отличающаяся отъ прочихъ семинарій тѣмъ, что доступъ въ нее былъ открытъ для всѣхъ сословій. Эта общесословность кишиневской семинаріи особенно поддерживалась со времени учрежденія (1816 г.) при ней «благороднаго пансіона», въ которомъ «природные нѣмецъ и французъ преподавали нѣмецкій и французскій языки», и который имѣлъ цѣлю «доставить краю способныхъ и полезныхъ людей и чиновниковъ, основательно знающихъ языки: російскій и молдавскій». Въ этомъ пансіонѣ, между прочимъ, въ качествѣ лектора нѣмецкаго языка и надзирателя-воспитателя пробылъ около двухъ лѣтъ (1823 — 1824) знаменитый Юрій Ивановичъ Веллингъ.

Одновременно съ духовною семинаріею стали развиваться въ краѣ приходскія и уѣздныя духовныя училища, а за ними и ланкастерскія школы, о которыхъ авторъ говоритъ болѣе подробно, пользуясь матеріалами, извлеченными изъ архива кишиневской духовной консисторіи. Первые ланкастерскія школы открылись въ 1824 г. въ Кишиневѣ, Бѣльцахъ и Измайлѣ, и только черезъ 9 лѣтъ послѣ этого появилась въ краѣ первая гимназія.

Заканчиваетъ эту свою статью г. Халипца сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о директорахъ училищъ Бессарабскаго края и, между прочимъ, до сихъ поръ считаетъ бывшаго директора бессарабскихъ училищъ, съ 1861 по 1871 годъ, Кир. Петр. Яновскаго попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа и благополучно здравствующимъ, тогда какъ онъ въ концѣ 1901 г. состоялъ уже членомъ государственнаго совѣта и скончался 12-го іюля этого года.

Наконецъ, въ третьей статьѣ: «Къ фамиліной исторіи дворянъ Аснашей», г. Халипца, на основаніи архивнаго дѣла, рассказываетъ довольно подробно объ отыскиваемомъ «нѣжинскимъ купцомъ Дементіемъ Семеновичемъ Аснашевымъ» наслѣдственномъ послѣ отца его имѣніи, состоящимъ въ рукахъ бояръ молдавскихъ (1808 г.).

Второй отдѣлъ разсматриваемаго нами второго тома «Трудовъ» Бессарабской архивной комиссіи составляютъ также во многихъ отношеніяхъ цѣнные «Документы XVII—XVIII вв., касающіеся вотчины села Бюканъ, нынѣ предмѣстія города Кишинева» (по большей части, грамоты господарей отъ 1608 до 1805 г.; всего 44 документа) и «Описаніе архива гг. сенаторовъ (россійскихъ), предсѣдательствовавшихъ въ диванахъ княжествъ Молдавіи и Валахіи съ 1808 по 1813 г.», появленію которыхъ въ свѣтъ мы обязаны неослабной энергіи и рѣдкому трудолюбію того же г. Н. Н. Халипцы. «Описаніе архива гг. сенаторовъ» уже начато имъ въ первомъ томѣ «Трудовъ» и охватываетъ только небольшую часть дѣлъ 1808 года. Настоящее продолженіе его (дѣла за май, іюнь и половину іюля) заключаетъ въ себѣ много весьма цѣннаго матеріала для ознакомленія съ внутренней жизнью края въ разностороннѣйшихъ ея проявленіяхъ, въ виду чего составитель «Описанія» по поводу многихъ дѣлъ приводитъ значительныя выдержки и поясненія. Укажемъ здѣсь хоть на бо-

лѣ крупнѣйшія «изложенія дѣлъ»: 1) «объ окончаніи о колодникахъ дѣлъ и о доставленіи о нихъ приговоровъ, прежде исполненія ихъ, къ предсѣдательствующему на утвержденіе»; 2) «о благосостояніи жителей Молдавіи и Валахіи и о поведеніи военнослужащихъ съ представленіемъ отъ полковъ и командъ квитанцій»; 3) «о разныхъ распоряженіяхъ по крѣпостямъ и форштатамъ комендантовъ и о положеніи, какія подати платитъ обывателямъ»; 3) «о претерпѣваемыхъ болгарскимъ народомъ отъ турокъ притѣсненіяхъ»; 5) «объ интригахъ бояръ въ Букарештѣ и о вистерникѣ Варлаамѣ»; 6) «объ образованіи и устройствѣ дивановъ молдавскаго и валахскаго» и 7) «О почтахъ въ Валахіи».

Замѣчательною частью тома «Трудовъ» являются составленные тѣмъ же г. И. Н. Халинцою «Протоколы засѣданій» комиссіи съ 4-го марта 1900 г. по 22 декабря 1901 г.; «Отчетъ» о ея дѣятельности за 1900—1901 гг. и «Алфавитный указатель личныхъ именъ», упоминаемыхъ въ ученой части II-го тома «Трудовъ».

В. Рудаковъ.

### **Исторія Иркутскаго драгунскаго полка. Составилъ Евгений Альбовскій. Минскъ. 1902.**

Наши полковые исторіографы, въ большинствѣ, излагаютъ въ исторіи своихъ полковъ почти только одни военныя дѣйствія, въ которыхъ участвовали ихъ полки. Трудъ г. Альбовскаго выгодно отличается отъ подобныхъ исторій тѣмъ, что въ немъ преобладаетъ бытовая сторона, наиболѣе для насъ интересная. Такъ, авторъ въ первой части своего труда («Исторія» состоитъ изъ двухъ частей) знакомитъ читателей съ тѣми любопытными условіями жизни далекаго Сибирскаго края, гдѣ впервые формировался Иркутскій полкъ, съ Сибирскою «линіею», пограничною съ Китаемъ, и съ тѣми кочующими народами, которые находились на этой линіи: киргизами, башкирами и калмыками, представлявшими собою довольно сомнительную и неважную охрану нашей границы съ Поднебесною имперіей на протяженіи слишкомъ трехъ тысячъ верстъ.

«Для сформированія Иркутскаго полка положено было отдѣлить половину существовавшаго уже въ той мѣстности Сибирскаго полка и дополнить до штата рекрутами, которыхъ для этой цѣли приказано было набрать въ губерніяхъ Сибири. Дѣло предстояло не легкое, изъясъ во вниманіе сибирскія разстоянія и то обстоятельство, что все необходимое для полка снаряженіе, вооруженіе и прочее надо было заказывать за тысячи верстъ въ Москвѣ, Тулѣ, Казани и другихъ городахъ и посылать за ними офицеровъ». Изъ Сибирскаго же полка пришло всего лишь 915 человекъ, въ томъ числѣ 70 рекрутъ изъ города Бійска. Это и образовало собственно ядро полка, первымъ командиромъ котораго былъ назначенъ полковникъ Астраханскаго драгунскаго полка Василій Байковъ, а его помощникомъ, т. е. младшимъ штабъ-офицеромъ, подполковникъ Нижегородскаго полка Нелидовъ. Затѣмъ, когда полкъ былъ окончательно сформированъ (въ іюлѣ 1790 года), то наличное число состоявшихъ въ немъ 46 офицеровъ распредѣлялось по происхожденію такъ: русскихъ дво-

рянь 21, иностранныхъ 4, оберъ-офицерскихъ дѣтей 13, солдатскихъ дѣтей 7 и духовнаго званія 1. Формулярные списки того времени не говорятъ, какую религію исповѣдывали офицеры; что же касается до ихъ общаго уровня образованія, то познанія большинства изъ нихъ—37 человекъ—ограничивались лишь тѣмъ, что они «по-россійски читать и писать умѣли». Нѣмецкій языкъ знали только четыре человекъ, «но въ заслугу имъ того поставить нельзя, такъ какъ онъ былъ ихъ природный, въ знаніи же ими русской грамоты есть основаніе сомнѣваться, ибо немало тогда было въ русской арміи офицеровъ, даже «высокаго генералитета», которые не могли подписать свою фамилію по-русски, а писали ее по-нѣмецки». Знаніе ариеметики между офицерами было въ то время большою рѣдкостью: изъ 46 человекъ ее знали лишь двое. Даже командиръ полка, начавшій свою службу въ гвардіи и бывший, затѣмъ, адъютантомъ въ штабѣ Потемкина, не зналъ четырехъ правилъ ариеметики. Только въ формулярѣ одного офицера, поручика Сорокина изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, говорится, что онъ зналъ геометрію, тригонометрію, фортификацію и рисованіе; да еще въ формулярѣ подпоручика фонъ-Винклера, «изъ иностранцевъ», значилось, что онъ «русскій, французскій и нѣмецкій языки, математику и прочія науки знаетъ». Состоятельныхъ офицеровъ въ полку было тоже немного: за командиромъ полка числилось 98 душъ, за однимъ майоромъ 10, да за отцомъ одного прапорщика 80 душъ. Всѣ же остальные жили на одно жалованье, о ничтожествѣ котораго даже и для того времени можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: командиръ полка получалъ въ годъ вмѣстѣ съ раціонами 864 рубля, подполковникъ 540 рублей, майоръ 394 рубля, капитанъ 284 рубля, поручикъ 192 рубля и прапорщикъ 148 рублей... Да еще надо было принять во вниманіе, что Иркутскій полкъ по сформированіи своемъ былъ расквартированъ въ такихъ глухихъ и отдаленныхъ мѣстностяхъ, гдѣ жизнь стояла несравненно дороже, чѣмъ въ людныхъ и населенныхъ городахъ: штабъ полка и два эскадрона были расположены въ крѣпости Усть-Каменогорскѣ, одинъ эскадронъ въ Семиналатномъ (?), одинъ въ Старой-Семиналатной крѣпости, одинъ въ городѣ Бійскѣ и одинъ въ Иркутской губерніи на китайской границѣ.

Доблестной боевой дѣятельности полка авторъ посвятилъ нѣсколько подробно составленныхъ главъ. Въ особенности, потери полка были чувствительны во время достословной битвы 26 августа 1812 года подъ Бородинымъ, когда полку пришлось атаковать непрятельскую пѣхотную колонну, стремившуюся занять высоту, на которой устроена была наша батарея; при этомъ, кавалерійская атака была такъ стремительна, что «принудила колонну (французовъ) къ отступленію», какъ выразился командиръ полка Южаковъ въ своемъ рапортѣ генераль-инспектору кавалеріи, великому князю Константину Павловичу, отъ 29 августа, т. е. черезъ три дня послѣ этой великой битвы.

Въ общемъ, исторія Иркутскаго полка читается съ интересомъ даже и неспециалистами военнаго дѣла: такъ живо, обстоятельно и, мѣстами, картинно она написана. Интересъ книги увеличивается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что именно въ этомъ полку прослужили нѣсколько лѣтъ во время наполеонов-

скихъ войскъ—безсмертный творецъ «Горя отъ ума», А. С. Грибоедовъ. Въ «Исторіи полка» приведено нѣсколько эпизодовъ изъ военной жизни этого писателя.

И. Н. З.

**И. Божемяновъ. Невскій проспектъ. 1703 — 1903. Культурно-историческій очеркъ С.-Петербурга за два вѣка. Юбилейное изданіе А. И. Вильборга. Томъ II. Спб. 1902.**

Намъ приходилось уже говорить объ этомъ прекрасномъ изданіи, занимающемъ первое мѣсто среди изданій, которыя порождены предстоящимъ юбилеемъ Петербурга. Настоящій выпускъ, посвященный царствованію Екатерины II, нисколько не уступаетъ предшествующимъ. Г. Божемяновъ, поставившій себя задачею дать бытовую исторію Петербурга, собралъ довольно много матеріала, на основаніи котораго можно до нѣкоторой степени нарисовать картину повседневней петербургской жизни «время очаковскихъ и покоренія Крыма». Начинается настоящій выпускъ описаніемъ коронаціи Екатерины II, а затѣмъ, въ хронологическомъ порядкѣ, идутъ одинъ за другимъ ея распоряженія, относящіеся къ жизни Петербурга, извлеченія изъ небогатой въ то время газетной хроникѣ, описанія отдѣльных, въ томъ или иномъ отношеніи характерныхъ, эпизодовъ общественной или придворной жизни. На соответственныхъ мѣстахъ текстъ иллюстрируется прекрасно исполненными портретами, снимками съ рѣдкихъ гравюръ, воспроизведеніями нѣкоторыхъ указовъ Екатерины, документовъ, медалей, монетъ. То тутъ, то тамъ мелькаютъ картинки будничной, уличной петербургской жизни и типы петербуржцевъ того времени. Эти иллюстраціи, хранившіяся до сихъ въ разнаго рода частныхъ и общественныхъ собраніяхъ, преимущественно въ собраніи П. Я. Дашкова, какъ бы воскрешаютъ передъ читателемъ времена давно минувшія и безусловно представляютъ большой интересъ.

Вл. Б.

**Художественныя сокровища Россіи. Ежемѣсячный сборникъ, издаваемый императорскимъ обществомъ поощренія художествъ. №№ 7—11. Спб. 1902.**

Выходящій подъ такимъ заглавіемъ уже второй годъ журналъ поставилъ себя задачею воспроизведеніе художественныхъ сокровищъ Россіи. Весьма богатыя и количественно и качественно сокровища эти хранятся въ далеко не всѣмъ доступныхъ «сокровищницахъ», открытыхъ для немногихъ, и до сихъ поръ почти не были воспроизводимы. Безспорно, отсутствіе такихъ воспроизведеній — чрезвычайно крупный пробѣлъ, невыгодно отражающійся прежде всего на изученіи самихъ художественныхъ памятниковъ, и журналу, взявшему на себя восполненіе этого пробѣла, большое спасибо. Лежащія передъ нами послѣдніе выпуски «Художественныя сокровища Россіи» посвящены описанію Петергофа въ XVIII в. (вып. 7—8), Московской оружейной палаты (вып. 9—10) и собранію недавно скончавшагося графа П. П. Шувалова (вып. 11). Описанія

вая подробно петергофскіе дворцы, рассказывая исторію отдѣльныхъ домовъ, зданій, комнатъ и отдѣльныхъ произведеній искусства, журналъ иллюстрируетъ эти описанія прекрасно исполненными снимками съ наиболѣе выдающихся произведеній искусства, хранящихся въ Петергофѣ. Перелистывая снимокъ за снимкомъ, читатель какъ бы проходитъ черезъ цѣлый рядъ художественно украшенныхъ залъ, вѣстибюлей, лѣстницъ, видитъ передъ собою не только снимки общихъ видовъ, но и воспроизведенія отдѣльныхъ деталей, отдѣльныхъ вещей. По такому же плану исполнено и описаніе оружейной палаты. Что касается собранія графа Шувалова, то оно въ такой степени разнообразно, что о немъ нельзя дать понятія въ бѣгломъ отзывѣ. Здѣсь собраны картины знаменитыхъ мастеровъ, какъ Рюисдаль, Поль Деларошъ, Буше, Грѣзъ и др., рѣдчайшія лиможскія эмали, антики, скульптуры, триптихи и т. п.; имѣется дѣлая столовая временъ Генриха IV, привезенная графомъ изъ Дижона, въ которой особенно замѣчательнъ камень; много рѣдчайшаго фаянса, старинныхъ серебряныхъ и оловянныхъ вещей, севрскихъ и саксонскихъ сервизовъ и т. п. Наболѣе рѣдкія картины и вещи превосходно воспроизведены въ журналѣ и снабжены объяснительнымъ текстомъ г. Смирнова.

Отъ души желаемъ «Художественнымъ сокровищамъ Россіи» успѣха и широкаго распространенія; они вполнѣ этого заслуживаютъ, такъ какъ представляютъ собою во всѣхъ отношеніяхъ лучшій художественный журналъ въ Россіи.

Вл. В.

### Н. В. Никитинъ. Преступный міръ и его защитники. Съ 11-ю портретами. Спб. 1902.

Выдающіеся уголовные процессы всегда нарасхватъ читаются публикой, и этимъ обстоятельствомъ очень ловко пользуются бульварные романисты, перекраивающіе изъ газетныхъ судебныхъ отчетовъ разныя «уголовныя хроники» со съ ногъ спшибательными заглавіями, а также издатели, лихвы ради предпринимающіе всякаго рода журналы и сборники со спеціальными названіями «судебныя», «уголовныя» драмы и т. п. Такимъ образомъ, всякій изъ ряда выходящій, или, какъ принято называть, «громкій» процессъ имѣетъ свою собственную литературу, ходко распространяющуюся по рукамъ любителей уголовщины.

Такой большой спросъ на подобныя книжки соблазнилъ, очевидно, и г. Никитина, который не такъ давно выпустилъ въ свѣтъ свой «Преступный міръ». Външній видъ этой книги довольно внушительный: печатной плотной бумаги въ ней 295 страницъ, портретовъ одиннадцать, красивая рельефная обложка. Цѣна доступная—1 рубль 50 копеекъ, и довѣрчивый покупатель, конечно, можетъ прельститься и легко раскупить ее. Но ему суждено будетъ разочароваться даже при бѣгломъ просмотрѣ содержанія ея. Въ краткомъ, неуклюже составленномъ предисловіи, г. Никитинъ говоритъ: «Въ данной книгѣ собраны, по возможности, наиболѣе выдающіеся уголовные процессы послѣдняго времени, во главѣ съ извѣстными представителями петербургской адвокатуры». Какъ неумѣло сложена эта фраза, такъ же неумѣло

проредактированы и самые процессы. Это не что иное, как перепечатка газетных отчетов по некоторым делам, разбиравшимся за последнее время в петербургском окружном суде. Перепечатка сплошная, так как в ней не исправлен даже отрывочный репортерский язык, свойственный газетным наскоро составляющимся заметкам. Процессов таких вкроено г. Никитиным счетом двадцать один. Заглавия им придуманы заманчиво-бульварныя: тутъ есть «Романъ крѣпостного права», «Смерть за измѣну», «Графиня-самозванка», «Жестокая месть», «Обманъ жены» и проч. Въ дѣйствительности это—излжеііе болѣе или менѣе напумѣвшихъ дѣлъ: Дмцова-Ефимьева, Трахтенберга, Коноваловой, объ убійствѣ Донберга, о пожарѣ дачи Краевского и др. Таковы—«процессы».

Представители адвокатуры, стоящіе «во главѣ» каждаго процесса, изображены въ 11-ти цинкографіяхъ, приложенныхъ на отдѣльныхъ листахъ съ сопровожденіемъ краткихъ рекламъ-біографій. Рекламъ—потому, что иначе эти біографіи назвать нельзя, ибо въ нихъ, кромѣ случайныхъ біографическихъ датъ, заключаются панегирики краснорѣчію ораторовъ и перечни дѣлъ, въ коихъ они выступали. Можно удивляться, что члены адвокатской корпораціи, всегда чуждой всякихъ рекламъ, допустили напечатать свои портреты въ такомъ рекламистомъ изданіи.

Бор. Городецкій.

### И. И. Замотинъ. Три романтическихъ мотива въ произведеніяхъ Гоголя. Къ характеристикѣ Гоголевскаго идеала. Варшава. 1902.

Романтизмъ этотъ захватилъ своимъ крыломъ творчество и жизнь Гоголя. Въ последнее время выдвинутъ вопросъ объ изученіи слѣдовъ романтическихъ вліяній въ произведеніяхъ великаго реалиста.

Г. Замотинъ доказываетъ, что романтизмъ и романтическіе мотивы живутъ въ творческой дѣятельности Гоголя на всемъ ея протяженіи въ его отношеніяхъ къ религіи, искусству и природѣ. Вотъ три романтическихъ мотива въ сочиненіяхъ Гоголя.

Тутъ кроется нѣсколько недоразумѣній. Во-первыхъ, г. Замотинъ смѣшиваетъ идеалистическія настроенія съ романтическими и отъ присутствія первыхъ заключаетъ къ присутствію послѣднихъ, а смѣшеніе врядъ ли поведетъ къ истинѣ историко-литературныхъ выводовъ г. Замотина. Во-вторыхъ, тѣ доказательства, которыми авторъ подтверждаетъ вліяніе романтизма на складъ отношеній Гоголя къ природѣ, какъ они выразились въ его сочиненіяхъ, ничего не доказываютъ. Г. Замотинъ задаетъ весьма наивный вопросъ, можно ли назвать лучшія картины природы у Гоголя реальными; отвѣчаетъ отрицательно и приводитъ отрывки картинныхъ, художественныхъ описаній.

Они оказываются нереальными: помилуйте, разсуждаетъ авторъ, развѣ реально существованіе неизмѣримаго голубого океана, подоблачныхъ дубовъ, тѣни, темной, какъ ночь и т. д.? Да вѣдь гоголевскія описанія не помѣщаются въ географіяхъ, а считаются художественными, а въ теоріи словесности разби-

раются тѣ средства, помощью которыхъ достигается художественность описанія, и совокушность которыхъ составляетъ поэтической стиль. Для того же, чтобы отдѣлнить изъ стилиа, общаго всѣмъ поэтамъ, особенности, созданныя эпохой романтизма, нужно глубокое изученіе романтическаго стилиа, стилиа романтической прозы и поэзіи. Пока этой работы не будетъ сдѣлано, до той поры разсужденія о манерѣ письма будутъ строиться на пескѣ или на субъективныхъ впечатлѣніяхъ. Только своими субъективными впечатлѣніями и ограничивается г. Замотинъ, разсуждая объ участіи романтизма въ созданіи гоголевскихъ идеаловъ; детальныхъ разсужденій онъ не дѣлалъ. Почти также обстоитъ дѣло и съ выясненіемъ вопроса о роли романтизма въ складѣ религиозныхъ настроеній Гоголя; и здѣсь отсутствіе точной соразмѣрности между религиознымъ чувствомъ, которое было въ Гоголѣ съ дѣтства и носило въ себѣ зачатки мистицизма, и тѣми отпечатками въ немъ, которые привносились эпохой романтизма! Нѣсколько лучше объяснено значеніе романтизма въ эволюціи взглядовъ Гоголя на искусство; тутъ вліяній не видно. Въ общемъ же статья г. Замотина вовсе не рѣшаетъ вопроса о романтическихъ мотивахъ въ произведеніяхъ Гоголя, а только весьма запутываетъ его рѣшеніе.

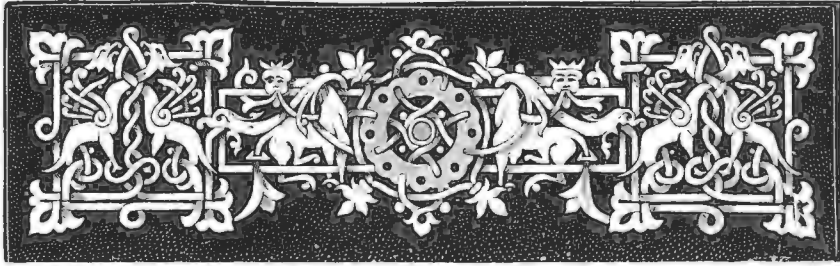
П. Ш.

#### И. Ильенко. Закаспійская область. Очеркъ. Москва. 1902.

Оглавленіе небольшой брошюры г. Ильенка не вполне отвѣчаетъ ея содержанію. Только первая глава (стр. 5—18) посвящена географическому положенію Закаспійской области, ея орошенію, климату, населенію, нравамъ и обычаямъ туркменъ, да въ нѣсколькихъ страничкахъ въ концѣ книги говорится о вліяніи русскаго владычества на экономическое положеніе присоединенной области. Все остальное (стр. 19—52) содержитъ исторію завоеванія Закаспійскаго края, при чемъ, естественно, главное мѣсто авторъ отводитъ экспедиціи Скобелева. Разсказана она довольно популярно, но все же самыя лучшія страницы ея составляетъ описаніе знаменитой рекогносцировки Скобелева подъ Геокъ-Теле, взятое, какъ оговаривается и самъ авторъ, непосредственно у А. В. Верещагина. Вѣдная содержаніемъ, компиляція эта непріятное впечатлѣніе производитъ и чрезмѣрнымъ оптимизмомъ автора (видимо, военнаго человѣка), когда онъ «процвѣтаніе и быстрый ростъ» области ставить въ заслугу «исключительно русской военной администраціи». Никакихъ отрицательныхъ сторонъ русскаго владычества въ области для г. Ильенка не существуетъ, быть можетъ, впрочемъ, потому, что за описаніемъ благотѣльныхъ сторонъ для первыхъ просто не хватило мѣста. И выходитъ по автору: была дикая, пропащая страна; пришли русскіе (о причинахъ русскаго историческаго движенія въ Среднюю Азію—ни слова), и страна «процвѣла». Совсѣмъ просто...

А. Никитинскій.





## ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.



**Н**АРОДНЫЕ праздники въ древней Франціи. Луи Соважъ рассказываетъ въ «Nouvelle Revue» о народныхъ празднествахъ старинной Франціи <sup>1)</sup>. Обыкновенно провинціи считались наивными, отсталыми архивами, питающимися лишь разъ принятыми традиціями, и ихъ несмѣлое, гнѣвное молчаніе принималось за полный застой мысли. Однако, оригинальныя празднества, устраиваемыя провинціями, служили прекрасной характеристикой сатирическаго остроумія народа, которое иногда настолько выступало изъ рамки, опредѣленной королевскою властью, что приходилось ихъ запрещать. Народныя празднества, свѣтскія и церковныя, всегда такъ перемѣшивались въ идеяхъ, что всякая классификація ихъ вполне произвольна. Въ рождественскихъ и пасхальныхъ празднествахъ, а также въ Пяновъ день зачинщицей являлась церковь, умѣвшая приравниваться къ латинскому характеру и приспособить свѣтскіе праздники къ своимъ догматамъ и мистеріямъ. Культъ святыхъ наследовалъ культу идоловъ, почитаніе Богоматери—поклоненію Прозерпины, а древніи Сатурналіи сдѣлались праздникомъ «Шутовъ», «Осла» или «Невинныхъ». Въ память царства Сатурна, римскіе рабы наслаждались разъ въ годъ своею свободою, и церковь также давала своимъ рабамъ кратковременное торжество, въ видѣ праздника «Шутовъ». Онъ заключался въ томъ, что осель, покрытый великолѣпной сброей, вводился въ соборъ при звонѣ колоколовъ,

<sup>1)</sup> Les divertissements populaires de l'ancienne France, par Louis-Frédéric Sauvage. La Nouvelle Revue. 15 novembre, 1902.

при чемъ его принималъ избранный «шутами» архіепископъ. Затѣмъ начиналась служба ослу, на шутовскомъ латинскомъ языкѣ, которую пѣли всѣ присутствующіе. вмѣсто ладана въ кадильницахъ зажигали кожу; алтарь превращали въ обыкновенный столъ, на которомъ разставлялись всевозможные съѣстные припасы, а внизу, возлѣ него, красовалась громадная бочка. Въ концѣ концовъ праздникъ переходилъ уже въ оргію. Несмотря на протесты нѣкоторыхъ архіепископовъ и буллы папы Иннокентія III, «Праздникъ шутовъ» все-таки не исчезъ до половины XVII вѣка. Справляемый 28-го декабря «праздникъ невинныхъ», а также «пляска канониковъ», существовавшія одинаково долго, были въ томъ же родѣ. Патеръ и его прихожане плясали всю ночь въ церкви и на кладбищѣ. Въ Реймсъ каноники, покидая соборъ, тащили каждый за собою на веревкѣ сеledку, стараясь раздавить ногою рыбу, влекомую другимъ каноникомъ, шедшимъ впереди. При этомъ толпа безумно смѣялась и кричала; процессія въ честь праздника: Тѣла Господня, св. Причастія—въ Амьенѣ, Страстей—въ Перпиньянѣ, представляли выдающіяся зрѣлища, послѣ которыхъ многочисленная толпа, собиравшаяся даже изъ дальнихъ мѣстностей, предавалась веселію. Языческія преданія въ то время еще были живы, и накануне подобныхъ процессій блестящія кавалькады проѣзжали по городу во главѣ съ языческимъ богомъ смѣха и граціи—Мимомъ, Меркуріемъ, Плутопомъ, Прозерпиной, окруженной фавнами и дриадами, Паномъ и Бахусомъ, Марсомъ, Минервой и Аполлономъ, сопровождавшимъ Савскую королеву. Всѣ направлялись въ церковь, и эта процессія составлялась по корпораціямъ: сначала шли ремесленники, затѣмъ ихъ ученики, а потомъ слѣдовали военные въ своихъ картинныхъ костюмахъ; праздникъ заканчивался пиромъ, предшествуемымъ театральнымъ представленіемъ, въ которомъ осмѣивались священники и городскія власти. Въ Руанѣ устраивались торжественныя процессіи передъ Вознесеніемъ, когда совершались три дня подъ рядъ публичныя мольбы о прощени и привлеченіи на поля небеснаго благословенія (*le jour des rogations*). При этомъ процѣли одного изъ осужденныхъ, по выбору городскихъ властей. Эту процессію породила одна легенда о драконѣ. *La Gargouille*, какъ его называли, прятался въ лѣсахъ Руврэ, приводя въ ужасъ окрестности. Тогда архіепископъ, въ сопровожденіи одного убійцы и одного вора, которымъ онъ обѣщалъ освобожденіе, загналъ чудовище въ его логовище, и съ помощью крестнаго знамени архіепископа имъ удалось захватить *La Gargouille* и привести въ городъ, гдѣ надъ нимъ свершилось правосудіе. Въ прочихъ городахъ устраивались процессіи въ честь другихъ чудовищъ. Такъ, въ Реймсъ чудовищемъ былъ «*la Kraula*», въ Тарасковѣ — «*Tagasque*», въ Пуатье — «*la Grand'Guele*», въ Провенѣ — «*la Lezarde* и т. д. Церемоніи вездѣ были въ одномъ и томъ же родѣ. Благодаря безконечному количеству святыхъ, въ честь которыхъ справлялись празднества, рабочіе теряли много времени, а потому большинство почитаемыхъ святыхъ понемногу исчезли. Между ними былъ св. Рабони, статуя котораго и теперь еще украшаетъ Монмартрскій холмъ. Ему приписывали свойство исправлять характеръ женщинъ. Министръ Кольберъ хотѣлъ, вообще, улегулировать всѣ эти празднества, ради пользы рабочихъ, но его проба оказалась не очень успѣшной. Вzego болѣе замѣтна критическая жилка народа во время карна-

валовъ. Старинные французы не очень-то любили посты, и, по словамъ одного хроникера, постъ былъ у нихъ чрезъ каждыя двадцать лѣтъ. Во время карнаваловъ молодые люди группами обходили городъ въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, которыхъ болѣе не увидишь во время современныхъ карнаваловъ. Въ продолженіе трехъ дней улицы принадлежали толпѣ. Въ Руанѣ главными распорядителями во время карнавала являлись компаніи: «рогоносцевъ», а въ Дижонѣ—«мать шутовъ». Въ сущности, эти компаніи служили манифестаціей противъ дурныхъ патеровъ и коей пристрастныхъ судей, злоупотребленія и ошибки которыхъ открыто и смѣло мила толпа. Всѣ городскіе скандалы объявлялись при трубныхъ звукахъ по улицамъ и переулкамъ. Въ 1541 году «рогоносцы» въ своей смѣлости дошли до того, что показали публично на колесницѣ Генриха VIII, Карла V и папу Павла III, въ сопровожденіи шута, подъ личиною Франциска I, оспаривавшихъ другъ у друга шаръ, представлявшій міръ. Всевозможные безпорядки провинціальной администраціи, правительственныя постановленія находили въ «рогоносцахъ» рѣзкихъ цензоровъ, которымъ громко сочувствовала толпа, не такая наивная, какъ ее считали. Во время голоднаго года были представлены похороны торговли, устроенныя «рогоносцами»; или въ особенности нападали на злоупотребленія, приводившія въ отчаяніе городъ, на снесь богатыхъ и на алчность патеровъ. Во время религіозной войны «рогоносцы» были уничтожены, но въ 1595 году они опять появились по желанію Генриха IV. Однако, несмотря на всеобщій ропотъ, кардиналъ Ришелье уничтожилъ ихъ, а также и «мать шутовъ» въ Дижонѣ. На масленицѣ въ старинныя времена повсюду бывали празднества и маскарады, а въ «непелную» среду (на первой недѣлѣ великаго поста) устраивались процессы великихъ людей подъ личиною осужденія карнавала. Церковь была представлена копченой селедкой и сухимъ хлѣбомъ, которые были живо растащены Плагиньяромъ — адвокатомъ больныхъ, Миньоти—адвокатомъ влюбленныхъ, Педулля—адвокатомъ убогихъ и Фальшивымъ бѣсомъ—адвокатомъ судей. Послѣ рѣчей религія наконецъ брала верхъ, и масленица приговаривалась къ ссылке. Во всѣхъ городахъ сущность церемоніи была одинакова—осужденіе масленицы, только въ Бретани ее сжигали, а не ссылали, и ея смерть служила поводомъ къ новому веселію. Но не одни «рогоносцы» и «мать шутовъ» отличались сатирическимъ направленіемъ: въ Артуа тождественны имъ были Guétifs (дозорные), а въ Дуэ Pimperlots, олицетворявшіе семейную стражу. Они особенно нападали на слабыхъ мужей, допускавшихъ себя бить женамъ и вообще находиться подъ ихъ башмакомъ. Предъ масленицей устраивалась процессія на ослѣ, на основаніи закона XIII вѣка, который приговаривалъ безхарактерныхъ мужей, для примѣра себѣ подобнымъ, садиться верхомъ на осла и вмѣсто повода держать его хвостъ. Въ Лионѣ подобныя церемоніи сопровождались большими празднествами. Каждый кварталъ избиралъ главу, называвшагося l'abbé de Malignevre, и организовалъ «зрѣлище мужей». Пышная кавалькада предшествовала колесницѣ мучениковъ, на которой сидѣли слабовольные мужья. Эта процессія пользовалась такимъ правомъ, что присудила совѣтника парламента, Жана Ольткура, къ штрафу въ 10 ливровъ за отказъ вести въ процессіи осла. Въ Линьи-ле-Шанель одинъ мужъ проигралъ процессъ

въ 1778 году, который онъ возбудилъ противъ своихъ палачей. Конечно, не надо забывать, что это было въ средніе вѣка, когда на женщину смотрѣли, какъ на подчиненное существо. Только въ одной деревнѣ Дювезэ въ Дубль мужъ не могъ бить жены въ маѣ мѣсяцѣ, въ противномъ случаѣ, его садили на осла и возили по деревнѣ, или три дня онъ разъѣзжалъ въ телѣжкѣ, питаясь только хлѣбомъ, сыромъ и водой. Въ остальные мѣсяца ему предоставлялось право бить жену. Помимо этихъ процессій устраивались также церемоніи въ честь горожанъ, чѣмъ либо прославившихъ свой городъ. Кромѣ того, извѣстны процессіи общества пьяницъ, которыя еще существуютъ по сію пору, а также различныхъ празднествъ, танцевъ, свадебъ, сбора винограда и жатвы; однимъ словомъ, во всѣхъ прежнихъ народныхъ карнавалахъ выражалась какая нибудь идея, и хотя разъ въ годъ народъ свободно высказывалъ свое мнѣніе и волю.

— Горійская тайна. Англійскій историкъ и критикъ Андру Лангъ, недавно разрѣшавшій таинственную сторону исторіи Маріи Стюартъ, теперь взялся за разоблаченіе неизвѣстнаго эпизода въ исторіи ея сына, шотландскаго короля Іакова VI <sup>1)</sup> англійскаго — Іакова I. Этотъ эпизодъ извѣстенъ подъ названіемъ Горійской тайны, и чрезвычайно простъ и не сложенъ. Дѣло заключается въ томъ, что шотландскій король Іаковъ VI, еще не достигнувъ англійскаго престола, поѣхалъ на охоту съ небольшою свитой въ Фалькландскаго дворца 5-го августа 1600 года; въ тотъ же вечеръ онъ вернулся, рассказавъ, что въ Пертѣ были убиты лордъ Гори и его братъ, юный владѣлецъ Рутвэна, которые покушались на его жизнь. Какъ произошло это событіе, до сихъ поръ оставалось неразъяснимымъ, и еще сто лѣтъ тому назадъ одна знатная шотландка говорила: «Волышимъ утѣшеніемъ для насъ служитъ увѣренность, что въ день страшнаго суда мы наконецъ узнаемъ всю правду о Горійской тайнѣ». Но Лангъ предупредилъ этотъ роковой срокъ и выяснилъ старинную историческую тайну, съ помощью неизвѣстныхъ доселѣ рукописей, находящихся въ рукахъ лорда Гаддингтона и маркиза Сальсбери, а равно въ государственномъ англійскомъ архивѣ. Кромѣ документовъ, впервые имъ найденныхъ, онъ руководствовался еще старинными планами дома лорда Гори, гдѣ произошла трагедія, который окончательно уничтоженъ въ 1807 году. Такимъ образомъ Лангъ доказалъ, что красавецъ Гори, владѣлецъ Рутвэна, и его братъ, лордъ Гори, составили заговоръ и пытались заманить въ силки короля Іакова, но попались въ нихъ сами. Вотъ какимъ образомъ Лангъ рассказываетъ таинственную исторію. Встрѣтивъ короля на охотѣ, владѣлецъ Рутвэна уговорилъ его отобѣдать у его брата, лорда Гори, въ Пертскомъ домѣ; король согласился и долго прождалъ обѣда, наконецъ, хорошо поѣлъ и порядочно выпилъ пива, такъ что у него зашумѣло въ головѣ. Послѣ обѣда оба брата проводили его для отдыха въ сѣверную башню, гдѣ ему была отведена особая комната, двери въ которую были старательно заперты. Тутъ-то и совершилась таинственная комедія, которая 302 года оставалась тайною. Король Іаковъ повѣдалъ парламенту, а его свита: Рамзай, Леноксъ и Моръ, засвидѣтельствовали въ судѣ, что онъ отворилъ окно и закричалъ изъ всей силы. На этотъ крикъ приближала свита, и

<sup>1)</sup> James VI and the Gowrie Mystrery. By Andrew Lang. London. 1902.

видя, что братья Гори хотят насильственно овладѣть королевѣмъ,—убили ихъ. Король прибавилъ, что братья не хотѣли его убить, но, какъ часто водилось въ тѣ времена, они намѣревались захватить его въ плѣнъ и лишить престола. Лангъ увѣряетъ, что всѣ документы вполне подтверждаютъ разсказъ короля, а вѣроятность его словъ явствуетъ изъ доказанной новыми документами ложности пяти писемъ, представленныхъ защитникамъ братьевъ Гори. Такимъ образомъ, Лангъ впервые вполне выяснилъ Горійскую тайну, насколько возможно сдѣлать это триста лѣтъ послѣ кровавой трагедіи.

— Переписка Людовика XIII съ Ришелье. Недавно появилась въ печати переписка Людовика XIII съ Ришелье <sup>1)</sup>, изданная графомъ Бошаномъ. Оказывается, что Людовикъ XIII былъ превосходнымъ журналистомъ и сотрудникомъ *Gazette de France*. Кроме того, авторъ выставляетъ его человекомъ съ большимъ умомъ, чего не хотѣлъ признавать народъ, и если его талантъ проходил незамѣченнымъ, то лишь благодаря тому обстоятельству, что у него былъ великій министръ, рядомъ съ которымъ онъ ступевывался. Графъ Бошанъ говоритъ, что достоинства этого короля такъ и остались неизвѣстными, хотя онъ усердно занимался администраціей государства, и Ришелье былъ настолько же его руководителемъ, насколько его помощникомъ, и Людовику XIII принадлежитъ не меньшая честь въ дѣлѣ величія Франціи. Письма короля къ министру весьма интересны и до сихъ поръ нигдѣ не были напечатаны, при этомъ они прекрасно иллюстрированы, и вообще этотъ трудъ изданъ съ королевской пышностью.

— Петръ Великій въ Дюнкирхенѣ. Недавнее посѣщеніе русской императорской четой Дюнкирхена вызвало появленіе интереснаго труда, напечатаннаго барономъ Жозефомъ дю-Тейль, относительно посѣщенія этого же города Петромъ Великимъ. Инициаторомъ появленія этого произведенія былъ мѣстный ученый М. Бушэ, собравшій всевозможные документы, относящіеся до посѣщенія Великаго Преобразователя, и поднесшій ихъ въ богатомъ переплетѣ императору Николаю II. Баронъ дю-Тейль воспользовался этими документами, дополнилъ ихъ различными подробностями, взятыми изъ архивовъ министерствъ—иностранныхъ дѣлъ и морского—и издалъ уже въ болѣе подробномъ видѣ <sup>2)</sup>. Эти документы служатъ образцемъ прежняго, церемоннаго officialнаго отношенія между административными лицами. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ нихъ говорится: «Его высочество, герцогъ Орлеанскій, далъ приказаніе найти въ Дюнкирхенѣ необходимыя кареты для пріѣзда одного иностраннаго вельможи, и за отсутствіемъ г. Бернье я обращаюсь къ вамъ, чтобы вы распорядились достать великолѣпныя кареты для двадцати лицъ и другія—попроше, какъ, напримѣръ, телѣжки и верховыхъ лошадей для его свиты; но такъ какъ можно добраться изъ Дюнкирхена въ Калэ въ одинъ день по каналу, то очень вѣроятно, что онъ предпочтетъ всѣмъ другимъ экипажамъ, какъ для себя такъ и для свиты, барки, которыя потащатъ лошади».

<sup>1)</sup> Louis XIII, d'après sa correspondance avec Richelieu, par le comte de Beauchamps.

<sup>2)</sup> Pierre le Grand à Dunkerque MDCCLXVII, par baron Joseph du Teil.

Однако, никто не предвидѣлъ, что царь останется въ Дюнкирхенѣ нѣсколько дней, рассчитывая, что онъ наскоро его осмотритъ въ одинъ день и даже нѣсколько часовъ. Положеніе Либуа, камергера короля, официального представителя придворнаго вѣдомства, было очень затруднительное, тѣмъ болѣе, что Петръ Великій мало заботился объ этикетѣ и не любилъ стѣсняться. Последнее обстоятельство видно изъ слѣдующаго документа. «Этотъ государь, довольно странный съ виду, казавшійся мягкимъ и пріятливымъ, не любилъ, чтобы его стѣняли, и самъ никого не беспокоилъ». Затѣмъ авторъ передаетъ путешествіе царя въ Парижъ.

— Людовикъ XVI и Франсуа Гамэнъ. Въ первыхъ декабрьскихъ книжкахъ «Revue hebdomadaire»<sup>1)</sup> извѣстный изслѣдователь французской революціи, Поль Голо, помѣстивъ любопытную статью о Людовикѣ XVI и слесарѣ Гамэнѣ. Въ XVIII вѣкѣ на версальскомъ королевскомъ бульварѣ находилась слесарня Гамэна, переходившая изъ рода въ родъ. Первый изъ Гамэновъ поселился тамъ во времена Людовика XIV, пожелавшаго избрать себѣ резиденцію подальше отъ безнокойной столицы. Съ этою цѣлью стали перестраивать бывшій охотничій домъ Людовика XIII, и Николай Гамэнъ находился при постройкѣ въ качествѣ слесаря. У него былъ сынъ, по имени Франсуа, родившійся 29-го августа 1751 г., которому онъ передать это доходное мѣсто тѣмъ болѣе, что еще ранѣе онъ довѣрялъ ему отвѣтственные работы во дворцѣ. Высокій, худой Франсуа былъ очень слабаго здоровья и не отличался умомъ, что не мѣшало ему знать прекрасно свое ремесло и прослыть ловкимъ слесаремъ. Однажды Людовикъ XVI увидѣлъ его за работой и воспылалъ желаніемъ поучиться у него слесарному ремеслу. Не желая подвергаться насмѣшкамъ, король устроилъ себѣ маленькую слесарную мастерскую надъ уединенной библіотеккой. Съ различными предосторожностями пронесли въ мастерскую двѣ наковальни. Въ эту тайну былъ посвященъ только слуга Дюрей, которому король вполнѣ довѣрялъ. На обязанности Дюрея лежала забота о порядкѣ въ мастерской и чисткѣ инструментовъ. Каждый разъ, когда королю удавалось вырваться изъ общества придворныхъ и даже самой королевы, съ какою радостью взбирался онъ въ свою мастерскую. Поработавъ не безъ труда и усилій на наковальнѣ, надъ какойнибудь сложной задвижкой или надъ особымъ замкомъ, король поднимался въ бельведеръ, находившійся надъ мастерской, гдѣ усаживался въ удобное кресло и, взявъ изъ рукъ Дюрея громадный телескопъ, смотрѣлъ, что дѣлается на дворѣ дворца и въ окрестностяхъ. Но тайна не могла оставаться долго не обнаруженной, и придворные не упустили случая критиковать вкусъ короля относительно Гамэна. Дѣйствительно послѣдній такъ вошелъ въ новую роль, что сталъ вести себя въ мастерской податливаго, добраго короля, какъ хозяинъ, обращаясь съ Людовикомъ грубо, какъ съ обыкновеннымъ ученикомъ. Но не одни придворные были удивлены; даже искренно пріявзанные къ королю люди, какъ его вѣрный лакей, Тьерри де-Вилль д'Оврэ, были сильно опечалены униженіемъ короля. Когда Людовикъ XVI однажды показалъ ему задвижку собственный

<sup>1)</sup> L'armoire de fer, par Paul Gaulot. «Revue hebdomadaire», 8 novembre—15 novembre 1902.

работы, спрашивая его мнѣнія, то первый отвѣчалъ: «Государь, когда короли занимаются работами народа, народъ овладѣваетъ должностью короля». Не только съ политической точки зрѣнія, но и чисто семейной занятія короля вызывали ропотъ, и Марія-Антуанета писала графу Ризенбергу-Орсини 17-го апрѣля 1775 г.: «Мои вкусы не тѣ, что у короля, который любить только охоту и механическія работы. Вы согласитесь, что я буду довольно неловка рядомъ съ наковальней, я не буду тамъ Вулканомъ, а роль Венеры можетъ ему не понравиться болѣе, чѣмъ мои вкусы, которыхъ онъ не порицаетъ». Когда исполнилось предсказаніе вѣрнаго слуги короля, Тьерри, и Людовика съ семьей перевезли въ Парижъ въ октябрь 1789 г. Версаль совершенно опустѣлъ. Въ особенности служащіе во дворцѣ были притѣсняемы. На несчастномъ Франсуа Гамэнѣ событія отразились прежде всѣхъ служащихъ. Мастерская его опустѣла; семья, состоявшая изъ жены и дочери, терпѣла нужду, заботы, опасеніе и голодъ, осложненные болѣзнью желудка, поколебали его безъ того слабое здорověе. Не видя другого исхода, Гамэнъ, чтобы совершенно покончить съ прежними отношеніями къ королю, сталъ громко высказывать революціонныя мысли и старался такимъ образомъ обратить на себя вниманіе кого слѣдуетъ. Но какво было его удивленіе, когда въ маѣ 1791 г. онъ увидѣлъ Дюрея, вошедшаго къ нему съ предложеніемъ отправиться въ Тюильри къ королю. Гамэнъ не рѣшился отказать, и оба поѣхали въ Парижъ. Дѣло было въ томъ, что Людовикъ послѣ смерти Мирабо ничего не могъ придумать лучшаго, какъ бѣжать. Но бѣгство представляло столько затрудненій, что было невозможно думать о захватѣ важныхъ документовъ, составлявшихъ его тайную политику и корреспонденцію, которую онъ усиленно велъ за послѣдніе 18 мѣсяцевъ. Надо было придумать, какъ ее сохранить, такъ какъ Людовикъ XVI считалъ, что она можетъ впоследствии послужить ему оправданіемъ и оружіемъ противъ враговъ. Тогда онъ вспомнилъ о Гамэнѣ, разсчитывая на его благодарность, и поручилъ Дюрею привезти слесаря, какъ можно скорѣе. По пріѣздѣ Гамена всѣ трое принялись тотчасъ за работу. Было рѣшено замуравить бумаги въ стѣнѣ. Мѣстомъ тайника послужилъ коридоръ, соединявшій комнаты короля и дофина. Извѣстно, что апартаменты королевской семьи находились въ лѣвой сторонѣ дворца, между центральнымъ павильономъ и павильономъ Флоры, выходившимъ на набережную. Стѣна была покрыта столярной работой, раскрашенной подъ камень. Связка камней изображалась темной краской. Въ этихъ-то темныхъ полоскахъ было вырѣзано отверстіе тайника. Но никакого желѣзнаго сундука тамъ не было, несмотря на то, что ему дали съ тѣхъ поръ названіе желѣзнаго шкафа. Было сдѣлано простое углубленіе въ стѣнѣ, выходящей въ Тюильрійскій садъ, и Дюрей исполнилъ эту работу. Это было просто безформенное отверстіе, неровное и шероховатое, два фута глубины (0 м 468) и пятнадцать вершковъ (0 м 408) въ діаметрѣ вначалѣ, далѣе оно суживалось. Затѣмъ Дюрей сложилъ оставшіеся камни въ салфетку и перебросилъ ихъ черезъ стѣну сада, а ночью бросилъ ихъ въ Сену. Такимъ образомъ онъ шесть разъ приходилъ за ними. Въ то время Гамэнъ, запасшись необходимыми принадлежностями, сдѣлалъ въ своей мастерской желѣзную дверь, чтобы закрыть отверстіе тайника. Она была около полутора квадратныхъ футовъ и за-

пиралась на ключъ. Гамэнъ сдѣлалъ ее въ три дня и три ночи, и когда она была готова, онъ перевезъ ее съ помощью Дюрея во дворецъ. Ее поставили на мѣсто въ присутствіи короля, съ большимъ вниманіемъ слѣдившаго за скрытіемъ тайника, въ качествѣ знатока этой работы. Когда столярная рѣзба была опять помѣщена на старое мѣсто, то операція оказалась такъ удачно сдѣланной, что никто не замѣтилъ бы существованія этого тайника. Работа была окончена 22-го мая. Вручивъ Гамэну свертокъ золота, король предложилъ ему стаканъ вина. Разгорячившійся отъ работы слесарь съ удовольствіемъ выпилъ его; затѣмъ онъ возвратился въ Версаль. Но его слабый желудокъ не могъ переварить вина, и у него сдѣлалась тошнота и рвота. Это обстоятельство, въ сущности незначительное, имѣло серіозныя послѣдствія. Когда наступилъ рѣшительный моментъ бѣгства короля, Марія-Антуанета вручила свои бумаги преданному другу, кавалеру Жоржею, и стала настаивать, чтобы король также принялъ необходимыя мѣры. Королева такъ неотступно приставала къ нему, что онъ для ея успокоенія наложилъ полный портфель бумагъ и передалъ ихъ г-жѣ Кампанъ, увѣривъ Марію-Антуанету, что въ шкафу болѣе ничего не осталось, хотя тамъ были еще бумаги. Нѣсколько дней спустя послѣ сверженія монархіи, королевская семья была заключена въ Тамплъ. Гамэнъ съ безпокойствомъ слѣдилъ изъ Версаля за ходомъ событій. Онъ продолжалъ разыгрывать революціонера и вызвалъ этимъ симпатію своихъ согражданъ, считавшихъ эту перемѣну искренней, такъ что онъ былъ избранъ въ члены главнаго совѣта версальской коммуны 7-го января 1792 г. Послѣ 10-го августа ему было довѣрено уничтожить всѣ памятники и надписи, которые могли бы напомнить деспотизмъ. Но всѣ эти почести не успокоивали Гамэна. Дворцы перешли теперь въ руки революціонеровъ, и его тревожилъ вопросъ, что станетъ съ тайникомъ, и не будетъ ли онъ, Гамэнъ, заподозрѣнъ въ заговорѣ съ королевемъ противъ народа. Подъ этимъ впечатлѣніемъ его здоровье ухудшалось; дѣла становились все хуже; нищета усиливалась, и ему приходилось лишать во многомъ себя и домашнихъ. Ослабнувъ физически и нравственно, онъ не выдержалъ и 20-го ноября 1792 г. отправился въ Парижъ и донесъ министру внутреннихъ дѣлъ, Ролану, о существованіи тайника. Тотчасъ же конвентъ назначилъ комиссію, и, не теряя минуты, она отправилась съ инспекторомъ построекъ, Гертъе, и Гамэномъ въ Тюильри. Проникнувъ въ королевскіе апартаменты, не заботясь о печатяхъ на дверяхъ, они заперлись въ комнатѣ короля и, спустя нѣсколько часовъ, они послали Гамэна задвумя портфелями. Чрезъ нѣсколько минутъ они вышли, сопровождаемые Гамэномъ, который несъ два портфеля, полные документовъ. На вопросъ различныхъ любопытныхъ онъ отвѣчалъ радостью. «Это—бумаги, спрятанныя королевемъ, я отыскалъ ихъ и несу въ конвентъ». Извѣстіе о находкѣ бумагъ облетѣло Парижъ. Но радость была фальшивая, и Петіонъ писалъ на другой день, что «просмотрѣли всѣ бумаги, которыя нашли вчера у бывшаго короля; въ нихъ ничего нѣтъ. Не понятно, что это значить; по всей вѣроятности, здѣсь кроется какая нибудь ловушка». Но если не совсѣмъ вѣрны были слухи о томъ, что въ тайникѣ хранятся очень важные документы, относительно преступныхъ сношеній короля съ иностранными дворами, тѣмъ не менѣе они послужили доказательствами интригъ короля съ нѣкоторыми важ-



ными лицами, какъ Мирабо, Дюмурье, Лафайетъ, аббатъ Морп, Гаря и проч., и другихъ отношеній двора съ эмигрантами и попытки подкупить газеты. Тамъ же находилась знаменитая Красная книга, въ которой были помѣчены суммы, розданныя королемъ аристократамъ. Кромѣ того, нѣкоторыя письма слишкомъ ясно доказывали, что Людовикъ XVI санкціонировалъ нѣкоторыя мѣры, вотивированныя собраніями, съ полнымъ рѣшимостью и твердой волей нарушить ихъ, какъ только оная добьется полной власти. Въ числѣ ихъ было письмо къ архіепископу Клермона, переписанное рукою короля: «Я посоветуюсь съ вами предъ причастіемъ, я хотѣлъ бы исполнить это чрезъ двѣ недѣли. Вы знаете, въ какихъ печальныхъ обстоятельствахъ нахожусь я, благодаря несчастному принятію декретовъ относительно духовенства. Я всегда считалъ это принятіе, какъ насильственное, твердо рѣшивъ, что, вернувъ свою власть, я восстановлю католическую вѣру». Но самые компрометирующіе документы были, безъ сомнѣнія, относительно Мирабо. Вотъ отрывокъ одного письма де-Лапорта къ королю: «Мирабо хочетъ имѣть обезпеченіе его будущности, будь это въ государственныхъ рентахъ или недвижимости; онъ не опредѣляетъ сумму дохода». Между прочимъ также обнаружались имена нѣкоторыхъ депутатовъ конвента, преданныхъ королевскому дому и имѣвшихъ съ нимъ сношенія, какъ, на примѣръ: Керсэнъ, Дюфрэнъ-Сенъ-Леонъ, Талонъ, и проч. Людовикъ XVI, запертый въ Тамплъ, совершенно не подозрѣвалъ измѣны Гамэна, когда начался его процессъ. Это незнаніе поставило его въ скверное положеніе, такъ какъ предательски оропешенный Барреромъ, предсѣдательствующимъ въ это время въ конвентѣ, онъ отвѣчалъ на его вопросы отрицаніемъ, чего не могъ поддержать въ дальнѣйшемъ теченіи процесса. Это было 11-го декабря, во вторникъ. Задавъ ему различные вопросы, касавшіеся подкуна и документовъ, находившихся въ тайникѣ, Барреръ въ концѣ концовъ спросилъ короля: «Заказывали ли вы шкафъ съ желѣзной дверью въ Тюильрійскомъ дворцѣ? и заперли ли вы тамъ бумаги?»—«Я ничего не знаю объ этомъ»,—продолжалъ отрицать король.—«Вы не признаете ни вашего писанія, ни подписи?»—«Нѣтъ».—«Ни печати съ гербомъ Франціи?»—«Многіе ее имѣютъ».—«Я не признаю ни одной изъ этихъ бумагъ». Онъ продолжалъ отрицать даже относительно найденнаго въ квартирѣ арестованнаго послѣ 10-го августа Тьерри—ключа, къ которому была приложена слѣдующая записка: «ключъ, врученный мнѣ королемъ въ Фейльянѣ 12-го августа 1792 г.». Былъ допрошенъ Гамэнъ, который признавалъ, что это—ключъ отъ желѣзнаго шкафа. Депутатъ Тюриэ предложилъ пригласить экспертовъ для провѣрки бумагъ. Напротивъ другой депутатъ, Дюруа, замѣтилъ: «комиссія увѣрена, что эти замѣтки сдѣланы рукою Луи Капета; его почеркъ легко узнать. Новая повѣрка бесполезна. Я требую, чтобы перешли къ очередному порядку». Такъ и сдѣлали. Защитникъ Людовика Капета, Сэзъ, сказалъ въ заключеніе «Людовикъ не былъ тамъ, когда захватили эти бумаги, онъ также не присутствовалъ на собраніи по этому случаю; онъ отсутствовалъ при повѣркѣ документовъ—значить, онъ имѣетъ право не признавать ихъ, и это не можетъ служить противъ него аргументомъ». «Политическія собранія, превращенныя въ трибуналы, не имѣютъ угроженія совѣсти, такъ было во всѣ времена,—говоритъ авторъ,—и Людовика XVI приговорили

къ смерти и казнили 21-го января 1793 г.». Казалось, этимъ былъ положенъ конецъ исторіи съ желѣзнымъ шкафомъ, но на самомъ дѣлѣ вышло иначе. За нѣсколько дней до этого, 13-го января, Гамэнъ, сдѣлавшись знаменитымъ патриотомъ, былъ назначенъ муниципальнымъ совѣтникомъ въ Версалѣ. Немного времени спустя, 21-го января, весь составъ муниципалитета, обвиненный въ нерадѣніи, былъ распущенъ. Такимъ образомъ Гамэнъ не могъ найти себѣ успокоеніе; это новое несчастіе еще болѣе усилило его нищету и совершенно помрачило его слабый умъ. Въ его больномъ воображеніи возникла мысль, что король положилъ яду въ стаканъ вина, съ цѣлью стереть съ лица земли лишняго свидѣтеля открытія документовъ. Нездоровье, вызванное сразу выпитымъ виномъ на голодный желудокъ, и при сильномъ утомленіи, превратилось въ его воображеніи въ картину отравленія, тѣмъ болѣе, что съ тѣхъ поръ онъ чувствовалъ себя хуже и хуже. Эти подозрѣнія раздувались услужливыми сосѣдями, которымъ онъ сообщилъ подробности своего послѣдняго посѣщенія короля. Въ это время законъ 17-го сентября 1793 г. объявилъ всѣхъ членовъ муниципалитета распущить или отрѣшить. Гамэнъ ради избѣжанія опасности рѣшился заявить о преступленіи Людовика Капета и этимъ обратить на себя благосклонное вниманіе конвента. Конвентъ съ удовольствіемъ принялъ его петицію 27-го апрѣля 1794 г., поданную прежнимъ конституціоннымъ патеромъ Фаллерона, Мюссэ, сдѣлавшимся депутатомъ докладчикомъ. Въ своей петиціи Гамэнъ указалъ, что Людовикъ призвалъ его въ Парижъ не въ маѣ 1791 г., а въ маѣ 1792 г. Въ объясненіяхъ же, данныхъ Дюреемъ, послѣдній указалъ на 1791 г. Такъ говоритъ и Эккартъ, допрашивавшій Дюрея въ 1800 г. и изучившій прекрасно всѣ вопросы, касавшіеся революціи. Кромѣ того, Дюрей не было интересно перепутывать года, тогда какъ Гамэнъ могъ возбудить подозрѣніе долгимъ срокомъ молчанія относительно правдивости обвиненія. Въ то же время это перепутываніе срока нельзя приписать недостатку памяти за такой сравнительно короткій срокъ. Дюрей показалъ, что Людовикъ XVI, рѣшивъ отправиться въ Версалѣ и не зная, кому довѣрить бумаги, которыя не хотѣлъ брать съ собою, заказалъ этотъ шкафъ. Ненависть къ Капету ослѣпила здравый смыслъ конвента, и, не задавъ вопроса, почему Гамэнъ, донеся о шкафѣ, ни словамъ не обмолвился объ отравленіи, конвентъ назначилъ ему пожизненную пенсію въ 1.200 ливровъ, какъ отравленному Луи Капетомъ. Наконецъ Ле-Руа въ своей «Histoire des rues de Versailles» говорить: «Въ концѣ 1813 г. мы были прикомандированы въ качествѣ учениковъ при версальскомъ госпиталѣ». Вуазенъ, одинъ изъ подписавшихся подъ свидѣтельствомъ Гамэна, сказалъ: «никогда Гамэнъ не былъ отравленъ. Ламейранъ и я долго лѣчили его отъ хронической болѣзни желудка, о чемъ мы довели въ свидѣтельствѣ, которое онъ у насъ выхлопоталъ, чтобы выпросить себѣ пенсію. Въ этомъ прошеніи мы упомянули о его болѣзни, но ничего не говорили объ отравленіи, которое существовало только въ его воображеніи». Вдова и дочь Гамэна также были допрошены Эккартомъ; онѣ сказали, что ухудшеніе его здоровья зависѣло отъ огорченій, по случаю разстройства денежныхъ дѣлъ, отъ всякаго рода лишеній, плохой пищи и кромѣ того, отъ страха, внушеннаго ему революціонерами. Недолго онъ пользовался обманомъ добытой пенсіей и умеръ 43 лѣтъ въ 1795 г.

— Амьенскій миръ. Извѣстный французскій историкъ, Альбертъ Сорель, помѣстилъ въ «Revue des deux mondes» любопытную статью <sup>1)</sup> относительно Амьенскаго мира. Этотъ миръ, заключенный въ торжественной формѣ 9-го апрѣля 1801 г. въ Люневилѣ, между австрійскимъ императоромъ и Французской республикой, призналъ за Франціей границы, завоеванныя ею на короткій срокъ въ 1792 г., затѣмъ потеряанныя въ 1793 г. и снова завоеванныя въ 1794 г., а впослѣдствіи уступленныя по частямъ или временно въ 1795, 1797 и 1798 гг. въ Баденѣ, Кампо-Форміо и Рапштадтѣ. Онъ давалъ возможность Франціи осуществить любимую мечту ея государственныхъ людей—превратить «Средиземное море во французское озеро». Никогда еще Франція не заключала, даже въ блестящія времена Людовика XIV, болѣе выгоднаго мира, который открывалъ для нея источникъ вліянія на Европу и предоставлялъ столько завоеванныхъ территорій. Но, какъ и въ 1797 г., послѣ Кампо-Форміо этотъ миръ былъ не чѣмъ инымъ, какъ только перемиріемъ, пока Англія не ратификовала его. Въ это время ей везло на морѣ, Антильскихъ островахъ и въ Индіи, какъ французамъ — на континентѣ. Несмотря на первенство ея флота, на ея колоніальныя завоеванія у Франціи и Голландіи, на уничтоженіе конкуренціи этихъ двухъ государствъ, на монополію торговли, выгодную контрабанду, вывозимую въ испанскую Америку, на успѣхи Веллеслея въ Индіи и громадную имперію, которая тамъ открывалась предъ ними, несмотря на взятіе Мальты и Египта,—алчущая Англія считала себя униженной успѣхами Франціи и невозможностью оставаться единственной хозяйкой Средиземнаго моря. Австрія склонялась къ полюбовной сдѣлкѣ съ Франціей, а Павелъ I—къ миру и согласію. Франціи оставалось лишь готовиться къ десанту, пугавшему такъ Англію. Впрочемъ, послѣдняя попробовала успокоить себя тѣмъ, что Бонапартъ могъ такъ или иначе исчезнуть, и она найдетъ у себя французскихъ шуавовъ, благопріятныхъ для нея, чтобы замѣнить Бонапарта. Но въ данный моментъ Бонапартъ былъ живъ и еще не свергнуть, а потому этотъ вопросъ все-таки оставался сложной задачей. Разсудокъ говорилъ, что въ данный моментъ, когда у французскаго народа еще возбуждены нервы революціей, было бы опасно сосредоточивать на себѣ его страсти и разумнѣе отсрочить свое удовлетвореніе, занявшись пока внутренними дѣлами страны: собрать доходы, эксплуатировать побѣды, заплатить долги, наполнить казну, посчитаться съ внутренними неприятелями, ожидать неизбежнаго недовольства Европы, завязать союзы, воспользоваться упадкомъ торговли на континентѣ и превосходствомъ англійской механики, чтобы заручиться громаднымъ сбытомъ на заграничные рынки. Послѣднее было ей необходимо, такъ какъ въ королевствѣ происходила широкая экономическая и социальная трансформация. Высшіе классы измѣнили уже сто лѣтъ назадъ земельное положеніе, а земельныя собственности, раздѣленные въ XVII вѣкѣ, они преобразовали въ бесполезныя и бездоходныя мѣста для удовольствій и прихотей, какъ, напримѣръ, въ парки, громадныя охоты и проч. Крупныя владѣльцы задавили мелкихъ, земледѣліе исчезло, а несчастные земле-

<sup>1)</sup> Le paix d'Amiens, par Albert Sorel. «La Revue des deux mondes», 1—15 août, 1902.

пашцы, оставшіеся безъ всякихъ занятій, разсѣялись по городамъ, въ надеждѣ найти заработки на фабрикахъ и заводахъ. Паровыя машины удесятирили могущество производства и, пользуясь силами угольныхъ копей, увеличили ихъ цѣнность. Подземныя силы Англіи открыли сокровища болѣе цѣнныя, чѣмъ все земледѣліе страны. Франція, любившая роскошь, могла сдѣлаться для нихъ лучшимъ рынкомъ для сбыта товаровъ, и, ловко воспользовавшись случаемъ, англичано могли обратить миръ въ доходную для нихъ спекуляцію. Мирный трактатъ, къ которому присоединился бы торговый, сторичею могъ замѣнить крупный доходъ, приносимый войною. Банкиры, купцы, фабриканты сразу это сообразили и потребовали мира. Мелкота громко взывала о немъ, изнемогая отъ безработицы. Но требовать мира значило ожидать отставки Питта, ни за что не желавшаго подписать трактата. Впрочемъ, миръ былъ бы его реваншемъ, такъ какъ, болѣзненный и усталый, запутанный въ долги, онъ жаждалъ отдыха, чтобы выжидать. 2-го февраля 1801 г. собрался парламентъ, и Питтъ произнесъ одну изъ своихъ сильныхъ рѣчей, послѣ которой подалъ въ отставку. Его замѣнилъ Аддингтонъ, а министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ Гоксбери. Этотъ министръ былъ совсѣмъ неизвѣстенъ Европѣ, которую, кстати, онъ и самъ не зналъ, а его министерство было, по словамъ Сореля, лишь послушнымъ орудіемъ народныхъ страстей и королевскихъ капризовъ. Однако министры все-таки оставались истыми англичанами и мечтали лишь о доходномъ мирѣ. Чтобы достигнуть его, они рѣшили смѣло двинуться впередъ и заняли, какъ это дѣлалъ Бонапартъ, наступательную позицію, разстраивая планы противника. Самымъ грознымъ изъ этихъ плановъ, послѣ десанта, была лига нейтральныхъ державъ, какъ предисловіе коалиціи континента, блокированіе Англіи, окруженной со всѣхъ сторонъ на своемъ островѣ, парализованной въ своемъ существѣ и угрожаемой разореніемъ въ производствѣ и торговлѣ. Павелъ I, согласно традиціямъ своей матери, Екатерины Великой, возобновилъ съ Даніей, Швеціей и Пруссіей знаменитую лигу 1780 г. Англіи предстояла задача убить ее въ корнѣ какимъ нибудь страшнымъ ударомъ. Флотъ былъ устроенъ Питтомъ, Аддингтонъ же отправилъ его въ Балтійское море, какъ только оно освободилсѣ. Такимъ образомъ Англія показала, какъ она думаетъ устроить и эксплуатировать миръ: владычествовать надъ морями посредствомъ своихъ кораблей и имѣть монополію на европейскомъ рынкѣ для своего производства. Въ то же время лордъ Гоксбюри писалъ 21-го марта французскому дипломату Отто, посланному въ Лондонъ, для обмѣна военнопленныхъ, «что Англія расположена открыть мирныя переговоры, если Франція имѣетъ тѣ же намѣренія». Что касается Франціи, лишенной флота, то ей нужно было взамѣнъ, чтобы нейтральная торговля была свободна, море открыто, и устья большихъ рѣкъ были закрыты для англичанъ. Средство для этого было одно и то же, что предлагалъ Бонапартъ въ 1801 г., имѣли въ виду въ 1793 г. зачинщики войны, и было выставлено Директоріей въ 1797 г. послѣ Кампо-Форміо, — десантъ въ Англію или коалиція континента противъ Англіи. Бонапартъ тоже попытался довести англичанъ до континентальнаго мира съ Франціей, для чего онъ 12 лѣтъ дѣлалъ всевозможные планы и попытки. Что интересомъ Бонапарта было заклю-

чить миръ, который можно эксплуатировать въ пользу Франціи, не подлежитъ сомнѣнію. Это были смыслъ и гарантія его правительства. По его мнѣнію, должны были царствовать повсюду: миръ общественный—посредствомъ гражданскихъ законовъ, душевный—съ помощью конкордата, а также преобразование труда, промышленности, торговли и кредита Франціи. Это была программа консульства и будущность консула. Франція потеряла флотъ и колоніи—одинъ миръ могъ позволить ей возстановить ихъ. Самой большой химерой Бонапарта была вѣра, что этотъ миръ возможенъ. Покончить войну въ глазахъ Бонапарта было то же, что покончить съ революціей. Онъ думалъ, что для этого не требуется ни большаго генія, ни времени, какое нужно для преобразования во Франціи администраціи, дорогъ, финансовъ, юстиціи и для окончанія редакціи гражданскихъ законовъ. Во всякомъ случаѣ для этого была необходима опора. Бонапартъ думалъ, что онъ найдетъ ее въ союзѣ съ Россіей. Онъ искалъ ее цѣлыя недѣли и, наконецъ, въ январѣ 1801 г., когда Питтъ покинулъ министерство, Бонапартъ получилъ отъ Павла I слѣдующее письмо: «Я готовъ выслушать васъ и переговорить съ вами». За курьеромъ слѣдовалъ уполномоченный, который долженъ былъ, по мнѣнію Бонапарта, пріѣхать черезъ четыре дня — слѣдовательно, черезъ десять дней могло состояться соглашеніе. Ему казалось, что все устроится по его желанію, и онъ уже переживалъ этотъ миръ и дисконтировалъ союзъ съ Россіей, котораго еще не заключалъ. Онъ мечталъ, что Франція уже первое государство въ свѣтѣ, «великая нація», представляющая древній Римъ, и въ этомъ «французскомъ мрѣ» Европы онъ представлялъ себя создателемъ его, регуляторомъ громадной машины, первымъ гражданиномъ вселенной. И въ двадцать четыре часа въ его головѣ промчались мысли, что «союзъ съ австрійскимъ императоромъ ничто въ сравненіи союза съ Россіей, который обуздаетъ Англію и сохранитъ французамъ Египетъ. Англичане покушаются высадиться въ Египтъ! Интересы же всѣхъ государствъ Средиземнаго моря такъ же, какъ и Чернаго, чтобы Египетъ остался за Франціей». Много мыслей въ этомъ же родѣ гнѣздились въ головѣ Наполеона. То же повторилъ Мюратъ русскому послу Колычеву. «Что касается Египта—это цѣна крови французовъ. Онъ единственное владѣніе, посредствомъ котораго Франція можетъ въ одинъ прекрасный день поколебать громадныя морскія права англичанъ въ Индіи. Что могутъ намъ противопоставить турки въ томъ истощеніи, въ какомъ они находятся? Мы сдѣлаемъ, что захотимъ»... Это было 28-го марта, но за четыре дня до этого Павелъ скончался, а 31-го марта «министръ новаго императора» писалъ Колычеву: «Его величество желаетъ, чтобы въ разговорѣ съ первымъ консуломъ вы оказали ему всевозможную вѣжливость, какъ первому лицу могущественнаго государства, однако не переступая въ малѣйшемъ вопросѣ принциповъ твердости, которые одни могутъ извлечь желательныя успѣхи изъ довѣренныхъ вамъ переговоровъ. Въ случаѣ отказа, уклончиваго или замедленнаго отвѣта, воздержитесь о чемъ бы то ни было вести переговоры съ французскимъ правительствомъ». Въ это время въ Петербургѣ партія англомановъ взяла перевѣсъ, и Англія грубо объявила, какъ она думаетъ внушать къ себѣ дружбу, нанеся ударъ нейтральной лигѣ. 2-го апрѣля Нельсонъ бомбардировалъ Копенгагенъ и, несмотря на отчаянное сопротивле-

ніе, принудилъ датчанъ сдаться на капитуляцію. Ударъ отразился въ Стокгольмѣ и Петербургѣ. Англія, чтобы принудить Бонапарта къ мирнымъ переговорамъ, блокировала его на континентѣ и уничтожила торговую конкуренцію нейтральной лиги. Съ своей стороны Бонапартъ, чтобы принудить англичанъ къ миру, укрѣпился на континентѣ, запретивъ ввозъ англійскихъ товаровъ и обязавъ нейтральную лигу державъ закрыть ихъ порты для Англіи.

Но надо было заручиться господствомъ надъ Италіей. Изъ уваженія къ Павлу I Бонапартъ воздерживался присоединить къ Франціи Пьемонтъ, что было неизбѣжно съ момента созданія Цизальпинской республики. 12-го апрѣля онъ узналъ о смерти Павла, а 13-го сдѣлалъ постановленіе, обозначенное заднимъ числомъ о мѣрахъ присоединенія Пьемонта 2-го апрѣля. Бонапарту не хватало только Антильскихъ острововъ, необходимой станицы, которую удержали англичане, но главное у французовъ не было свободнаго моря. Это былъ кульминаціонный моментъ для требованія мира, такъ какъ внутренній переворотъ въ Россіи не позволялъ болѣе Наполеону продиктовать его. 14-го сентября 1801 года Наполеонъ написалъ Талейрану, чтобы онъ подготовилъ англійскихъ министровъ къ переговорамъ. Это наскоро приготовленное обманчивое предварительное условіе, обѣщавшее короткое и обманчивое перемиріе, было подписано въ Лондонѣ 1-го октября 1801 года. Затѣмъ онъ принялся за испанцевъ и португальцевъ, результатомъ чего было закрытіе португальскихъ портовъ для Англіи и уступка ею же части Гвіаны, а Испаніей Лузіаны. Ничѣмъ не связанный Бонапартъ подготовилъ къ окончательному миру самыя важныя условія, какія только могъ предъявить, а 8-го октября онъ подписалъ въ Парижѣ съ новымъ русскимъ посломъ императора Александра, Морковымъ, трактатъ о мирѣ, который въ дѣйствительности былъ уже нѣсколько мѣсяцевъ возстановленъ съ Россіей. Бонапартъ допускалъ Александра до третейскаго суда относительно Германіи, хотя бы для виду, и обѣщаль вывести французскія войска изъ Неаполя, «какъ только опредѣлится судьба Египта». Относительно же Пьемонта онъ не хотѣлъ ничего слышать, ни о какомъ возвращеніи обратно, самое большее что онъ обѣщаль рассмотреть—вопросъ о вознагражденіи убытковъ «по хорошему, по взаимному соглашенію». Когда же Морковъ замѣтилъ, что вся Европа возстанетъ противъ такой узурпаціи, то онъ отвѣтилъ: «Ну, такъ что же, пусть беретъ его обратно». Извѣстіе о подготовительномъ мирномъ трактатѣ сильно обрадовало Англію, напуганную могущимъ случиться вторженіемъ французовъ. Теперь Англія могла—такъ она думала—спать спокойно и просыпаться безъ дрожи, что вотъ вотъ высадутся французскія войска. Французскій рынокъ платилъ за англійскіе товары такую премію, которая стоила самой высокой военной контрибуціи. Когда адъютантъ Бонапарта, полковникъ Борисовъ, прибылъ съ ратификаціей, то энтузіазмъ англичанъ дошелъ до безумія: народъ отпрягъ лошадей и везъ самъ его экипажъ. Крики: «Да здравствуетъ Бонапартъ!» раздавались повсюду. Народъ давилъ другъ друга, чтобы взглянуть «на республиканскаго офицера, близкаго человѣка къ великому миротворцу Франціи и всего міра». «Они не сознавали,—говоритъ Сорель,—всего позора этого трактата! Они рѣшились отдать Франціи Шальду и Антверпенъ, за котерые когда-то воевали цѣлыхъ сто лѣтъ!

Отдать имъ все! Наконецъ, къ довершенію, не упомянуть ни слова о торговлѣ, такъ что всѣ интересы заключеннаго мира, какъ завладѣніе континентальнымъ рынкомъ, исчезли. Бонапартъ дѣлался господиномъ и владыкой таможенныхъ и пакгаузныхъ правилъ». Дѣловые люди Англійи поняли и объявляли открыто, что они обмануты и лишены всѣхъ доходовъ, которые уже заранѣе дисконтировали. Англійскіе министры упали во мнѣніи народа. Въ то время одинъ русскій писалъ: «Англійскіе министры видѣли, что могущественныя державы, — которыя могли, какъ, напримѣръ, Австрія и Пруссія, заставить Францію войти въ свои прежнія границы, — только и думали о своей взаимной ненависти, объ увеличеніи территории, что Англія, невзирая на свои крупныя и безпрестанныя побѣды, не могла со стороны континента заставить французовъ войти въ свои границы, что «предмета» войны болѣе не существовало, и надо было ее окончить. Разсудокъ повторялъ то же, что и министры, но англичане не соглашались и говорили объ этомъ вопросѣ, «ощетинившись и готовые боксировать». «Только Франція пусть во зло не употребляетъ этого мира, — говорилъ Нельсонъ: — иначе Европа, я думаю, вооружится». Что же касается настроенія французовъ, то Морковъ доносилъ въ Петербургъ, что: «извѣстіе о мирѣ не произвело благопріятнаго впечатлѣнія на народъ». «Какъ бы ни былъ великолѣпенъ этотъ миръ, — замѣчаетъ Сорель, — онъ только тѣшилъ національную гордость. Ихъ умы въ то время были приподняты». «Миръ, посѣянный на такой почвѣ, не могъ дать другой жатвы, какъ новыя войны». Бонапартъ довѣрилъ вести переговоры своему брату Іосифу, великому «заключителю трактатовъ консульства». Онъ согласился принять этотъ трудъ на себя, хотя считалъ себя выше предстоящей задачи такъ же, какъ цѣнилъ себя «выше своего брата». Инструкціи, данныя ему Бонапартомъ, были положительныя. Іосифъ долженъ былъ подписать трактатъ и вести протоколъ переговоровъ. Бонапартъ руководилъ всѣмъ чрезъ Талейрана, и послѣдній составилъ подъ его диктовку планъ переговоровъ. Что касается Сардинскаго короля, за котораго стоялъ русскій кабинетъ, то Талейранъ повторилъ Іосифу: «Смотрите, французское правительство положительно не желаетъ слышать о сардинскомъ королѣ!» По поводу этого замѣчанія Кочубей написалъ Воронцову изъ Лондона: «Вы говорите о королѣ Сардиніи, но что же мы можемъ сдѣлать для него?.. Если французское правительство насъ совсѣмъ не слушаетъ, приходится это оставить». То же отвѣтилъ австрійскому посланнику Кобенцелю и Моркову англійскій уполномоченный лордъ Корнваллисъ. «Я спрашивалъ лорда Корнваллиса, — писалъ Морковъ, — дано ли ему расположеніе дѣйствовать въ пользу короля Сардиніи. Онъ отвѣтилъ, что оно было, но ему предписана большая осмотрительность». Такимъ образомъ не оставалось никакой надежды относительно Пьемонта. Разговоръ между лордомъ Корнваллисомъ и Бонапартомъ состоялся 28-го ноября, а уполномоченные держали предварительную конференцію 24-го. Затѣмъ переговоры были перенесены въ Амьенъ. Въ интересахъ Бонапарта было, «какъ можно скорѣе покончить съ этимъ вопросомъ», безъ вмѣшательства другихъ странъ. Напротивъ, прямой расчетъ англичанъ былъ усложнять дѣло, ожидать испанскаго уполномоченнаго, слушать, что говоритъ представитель Батавской республики, поддержи-

вать его требованія; однимъ словомъ всевозможнымъ образомъ оттягивать. Лордъ Корнваллисъ даже хотѣлъ пригласить португальскаго уполномоченнаго. Бонапартъ воспротивился. Затѣмъ поднялся споръ о дипломатическомъ языкѣ, какъ это бываетъ на всѣхъ конгрессахъ. Англичане, оттягивая подписаніе мира, рассчитывали на непредвидѣнные обстоятельства, какъ, напримѣръ, на государственный кризисъ, на покушеніе, на внезапную болѣзнь Бонапарта, отъ котораго зависѣло въ данномъ случаѣ все. Дипломаты другихъ континентальныхъ государствъ не пропускали случая распускать слухъ о внутреннихъ безпорядкахъ во Франціи. Дѣло затягивалось. Наконецъ уже образовалась Итальянская республика 26-го января, и Бонапартъ сдѣлался ея президентомъ, а миръ все еще былъ не подписанъ. Послѣ этого событія Наполеонъ опять вернулся къ Амьенскому миру. Но англичане, видя, что предлагаемыя Наполеономъ условія мира хуже войны, продолжали тянуть, и Бонапартъ мало-помалу сбавлялъ требованія. Сначала онъ хотѣлъ вернуть Мальту ордену, подъ протекціей и гарантіей Франціи, Великобританіи, Австріи, Россіи, Испаніи и Пруссіи, но теперь онъ уже сдавался и писалъ, что Англія можетъ удержать этотъ островъ еще шесть мѣсяцевъ, хотя продолжалъ диктовать ноту: «Средиземное море—для Франціи и Испаніи, согласно ихъ топографіи». Онъ болѣе не говорилъ уже о торговыхъ конторахъ въ Индіи, Гангѣ и Новой Землѣ. Точно также онъ болѣе не настаивалъ на новыхъ государствахъ Италіи, но предупреждалъ, что «Англія можетъ ихъ исключить изъ трактата, пусть будетъ такъ». Но, несмотря на то, что Наполеонъ торопился, англичане все тянули, и курьеры продолжали возить депеши изъ Амьена въ Парижъ и обратно. Бонапартъ началъ терять терпѣніе. Онъ мечталъ подписать миръ и 10-го марта поднести народу вмѣстѣ съ конкордатомъ. Онъ писалъ Юсефу 7-го марта: «Если лордъ Корнваллисъ добросовѣтный человѣкъ, то миръ долженъ быть подписанъ прежде 19-го вентоза (10-го марта). Если миръ не будетъ подписанъ немедленно, я не боюсь войны. Объясните это настойчиво, и чтобы 19-го (10-го марта), въ 12 час. утра, я зналъ, чего держаться. Такъ какъ, повидимому, англичане отдали приказъ въ Плимутѣ вооружаться, то слѣдуетъ принять предосторожности нашему флоту». На другой день онъ опять написалъ ему: «Даю вамъ полную свободу, чтобы миръ былъ подписанъ ночью. Сдѣлайте все возможное для его окончанія и подпишите... Если курьеръ, который привезетъ это извѣстіе, пріѣдетъ въ Парижъ 10-го, до 9 ч. утра, онъ получитъ 600 франковъ». Однако 10-е прошло безъ извѣстій. Наступалъ вечеръ 11-го марта, а извѣстій все нѣтъ. Въ это время въ Амьенъ прибыли рапорты изъ Лондона отъ французскаго посланника Отто, помѣченные 6-мъ и 8-мъ марта, которыми онъ извѣщалъ, что оппозиція въ парламентѣ обвиняетъ министровъ; приказы о вооруженіи разосланы во всѣ порты; газеты неистовствуютъ: онѣ напечатали письмо одного изъ участвующихъ въ переговорахъ, Мерри, который обвиняетъ Бонапарта въ нежеланіи мира. Заброшенный вопросами министръ Гоксбюри отвѣтилъ, что переговоры не могутъ тянуться долѣе, и правительство принуждено принять предосторожности. При этомъ Отто прибавлялъ, и «по мнѣнію вліятельныхъ людей, очень возможно, что война возобновится черезъ десять дней, развѣ только окончательный трактатъ будетъ



подписанъ въ теченіе этого времени». Бонапартъ почувствовалъ, что теряетъ почву. Къ довершенію, имъ овладѣло сомнѣніе относительно Моркова: Россія потихоньку отдалялась отъ него, отношенія становились натянутыми, съ ея стороны послѣдовали предостереженія, посылались угрозы. Пошли толки о заговорахъ въ арміи. Задержка съ трактатомъ роняла его въ глазахъ народа. Онъ все болѣе безнокоился и сталъ требовать, чтобы ему присылали двухъ курьеровъ въ день. Чтобы подстрекнуть англичанъ, онъ приказалъ напечатать 13-го, 14-го и 17-го марта въ «Moniteur» слѣдующее: «Ни одно могущественное государство не расположено поддерживать англичанъ; Итальянская республика признана напой, Австріей, Россіей и Пруссіей. Отвѣты русскаго императора удовлетворительны всѣхъ, и онъ соединилъ въ нихъ идею объ отдѣльномъ союзѣ». «Императоръ Александръ,—писалъ Наполеонъ брату въ Амьенъ,—болѣе чѣмъ когда либо расположенъ идти согласно съ Франціей во всѣхъ важныхъ дѣлахъ Европы». Однако въ подтвержденіе ничего подобнаго не нашлось въ бумагахъ Моркова, а также и австрійскаго и прусскаго посланниковъ. Наконецъ, 25 марта миръ былъ подписанъ. Содержаніе его заключалось въ сохраненіи Англіей Цейлона и Тринидада и возвращеніи другихъ колоній Франціи и ея союзникамъ: испанскому королю и Батавской республикѣ. Неприкосновенность Турціи гарантирована, принцъ Оранскій получилъ вознагражденіе, Мальта возвращалась ордену, нейтральному и независимому, подъ гарантіей великихъ державъ съ неаполитанскимъ гарнизономъ на годъ или болѣе, смотря по обстоятельствамъ. Англія же очиститъ островъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Франція очиститъ Тарентъ Римскія владѣнія. Англія очиститъ всѣ занятыя ею пункты на Адриатическомъ и Средиземномъ моряхъ. Конечно, Амьенскій миръ служилъ ореоломъ республикѣ, но въ сущности это была эффектная иллюзія. Впослѣдствіи Наполеонъ говорилъ: «Я искренно вѣрилъ, что судьба Франціи и моя опредѣлены... Я хотѣлъ предаться единственно администраціи Франціи и думалъ, что создамъ чудо. Я могъ сдѣлать нравственное завоеваніе Европы, какого я чуть было не сдѣлалъ съ оружіемъ въ рукахъ». Амьенскій миръ, какъ многіе другіе, былъ шаткимъ зданіемъ на зыбкомъ пескѣ. Въ сущности ни Франціи ни Англіи онъ не былъ выгоденъ. Попрежнему продолжалась война, но уже въ торговлѣ. Въ Англіи извѣстіе объ окончательномъ подписаніи мира было принято безъ всякихъ иллюзій: было ясно, что, если онъ не принесетъ ожидаемой пользы,—война неизбежна. Министры были увѣрены, что Наполеонъ подписалъ его съ цѣлью выиграть время для вооруженія флота, какъ своего, такъ испанскаго и голландскаго. Съ своей стороны Англія стремилась предупредить въ этомъ французовъ. Въ ожиданіи министръ попробовалъ завести коммерческія сношенія съ Франціей, имѣя цѣлью заинтересовать большую часть классовъ въ сохраненіи мира. Русскій посланникъ Воронцовъ писалъ: «Постыдный миръ теряетъ своихъ поклонниковъ; начинаютъ замѣчать, что онъ дурной». Нельсонъ отзывается въ томъ же родѣ: «Не важно, какъ ставятъ кочергу, но если Бонапартъ скажетъ: надо, чтобы она была поставлена такъ, мы должны тотчасъ же поставить ее иначе». Питтъ выразилъ мнѣніе, что никакой трактатъ съ Наполеономъ не можетъ быть надежнымъ. Все-таки хорошо сдѣлали, что заключили его. Англіи нуженъ от-

дыхъ, хотя бы короткій. «Но, хотя мнѣнія высказывались въ пользу мира, надо, чтобы въ нашей дипломатіи все имѣло видъ, какъ бы во время войны, и, главное, въ нашей арміи и флотѣ! Пусть Бонапартъ знаетъ, что Англія не потерпитъ ни оскорбленія, ни обиды, т.-е. ничто не должно повредить ни прямо, ни косвенно ея достоинству, чести, безопасности и ея истинному величію». Однако, несмотря на все, трактатъ былъ ратификованъ.

— Нѣмецкая печать во времена Наполеона. Два года тому назадъ, нѣмецкій писатель, Людвигъ Саломонъ, издалъ первый томъ исторіи нѣмецкой печати. Теперь появился второй томъ этого любопытнаго труда, посвященный эпохѣ Наполеоновской имперіи. Хотя Наполеонъ любилъ говорить громкія фразы о свободѣ и откровенности, но никто лучше его не умѣлъ наложить печать молчанія на общественное мнѣніе. Онъ ревниво контролировалъ всѣ выходящія во Франціи газеты и журналы, и при малѣйшемъ свободно высказанномъ мнѣніи онъ умѣлъ ихъ обуздать. Не менѣе деспотизма онъ выказалъ и относительно германской печати, при чемъ, какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, онъ не руководствовался какимъ либо правиломъ, а поступалъ лишь согласно своему капризу. Поэтому нѣмецкія и французскія газеты и журналы его эпохи не могутъ служить историческимъ документомъ общественнаго мнѣнія. Извѣстно, сколько было у Наполеона поклонниковъ въ началѣ его карьеры, пока онъ не развернулся окончательно. Сколько нѣмцевъ пріѣзжало въ Парижъ лишь съ цѣлью полюбоваться чертами лица «великаго челоуѣка»<sup>1)</sup>. Даже Шлегель и Гумбольдтъ, увидѣвъ впервые Наполеона, отзывались объ этой минутѣ, какъ о великомъ моментѣ въ ихъ жизни. Энтузіазмъ достигъ своего апогея. Когда Наполеонъ появился въ Германіи, подъ видомъ освободителя, Гёте, Мюллеръ и Гегель привѣтствовали его, какъ «душу всего свѣта». Но недолго длилось это очарованіе, и нѣмцы вскорѣ убѣдились, что они смѣнили одного деспота на другого. Эти мнѣнія стали высказываться вслухъ, и появились даже въ газетахъ. Однако Наполеонъ заставилъ ихъ замолчать, принявъ такія драконовскія мѣры противъ прессы, что, волей-неволей, она сдѣлалась его послушной балалайкой. Журналисты съ независимымъ направленіемъ молча предавались гнѣву: малѣйшее, неострожно высказанное искреннее мнѣніе стоило имъ тюремнаго заключенія на мѣсяцы и даже годы. Особенно строга была цензура по Рейну въ Кельнѣ, Майнцѣ и Боннѣ. Можно взять любую изъ мѣстныхъ газетъ той эпохи и быть увѣреннымъ, что тамъ не найдется малѣйшаго намека, хотя бы по одному политическому вопросу. Еще въ Парижѣ Наполеонъ заявилъ однажды французскому сенату, что онъ будетъ устраивать часто маскарады въ оперѣ, потому что они даютъ для газетъ пищу, какая именно ему по сердцу: «Пока они говорятъ объ этихъ балахъ,—сказалъ императоръ,—то не занимаются политикой, а этого-то я именно добиваюсь». Въ свою очередь того же дождались и нѣмецкія газеты: ихъ также просили писать о балахъ въ оперѣ. Подобный деспотизмъ отозвался на нѣмецкихъ газетахъ пагубнымъ образомъ: въ Майнцѣ, самая главная газета «Mainzer Zeitung» вскорѣ оказалась почти совсѣмъ безъ подписчиковъ, и въ 1809 году

<sup>1)</sup> Geschichte des deutschen Zeitungswesens, von L. Salomon.

ихъ было только 937. Въ слѣдующемъ году эта цифра упала до 786. Наконецъ въ 1811 году Наполеонъ отдалъ приказъ всѣмъ типографіямъ, чтобы съ этихъ поръ газеты печатались на двухъ языкахъ: по-французски и по-нѣмецки. То былъ для нихъ послѣдній ударъ: подписчики исчезли всѣ до одного, и газета перестала существовать. Въ Боннѣ дѣло было поставлено иначе; тамъ выходила газета ежедневно на нѣмецкомъ языкѣ, была наполнена анекдотами, афоризмами, извѣстіями о свадьбахъ, крестинахъ и похоронахъ. Относительно политики эта образцовая газета прямо перепечатывала статьи изъ «*Moniteur officiel*». Кромѣ того, она помѣщала *in extenso* всѣ рѣчи, восхвалявшія Наполеона. Городскія власти однѣ предъ другими соперничали въ подслуживаніи «великому освободителю», называя его «миротворцемъ всего свѣта», и даже сравнивали съ Атласомъ. Наполеонъ только подсмѣивался себѣ въ усъ надъ «*bonne litterature*». Въ Гамбургѣ императоръ натолкнулся на болѣе упорное сопротивленіе. Онъ никакъ не могъ переварить, что гамбургское общество относилось симпатично къ Англіи, съ которой оно вело во всѣ времена дѣятельную торговлю, и жить съ нею въ мирныхъ отношеніяхъ было его прямой выгодой. Нѣсколько разъ Наполеонъ пробовалъ вмѣшивать даже гамбургскій сенатъ въ дѣла прессы, съ цѣлью, заставить гамбургскія газеты печатать статьи, враждебныя Англіи. Наконецъ, когда онъ послалъ въ Гамбургъ Даву, съ приказаніемъ, какъ можно строже отнестись къ мѣстнымъ газетамъ, то послѣдній, безъ всякихъ разговоровъ, «взялъ да и запретилъ двѣ главныя газеты». Надъ любекской печатью висѣлъ тотъ же Дамокловъ мечъ. Каждый номеръ мѣстныхъ газетъ долженъ былъ оплачиваться пошлиной въ 3 сантима и посылаться съ французскою маркой. Такъ какъ чиновники, наклеивавшіе марки, имѣли пребываніе въ Гамбургѣ, то приходилось отправлять туда каждую напечатанную въ Любекѣ газету, прежде чѣмъ пустить ее въ продажу на мѣстѣ, и уплатить расходы по отправкѣ туда и обратно. Такимъ образомъ граждане Любека узнавали обо всѣхъ событіяхъ заднимъ числомъ. Тогда-то появился во всей Германіи оригинальный способъ передавать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ: каждое лицо, получившее изъ-за границы какое либо письмо, въ которомъ сообщалось то или другое событіе политическаго характера, передавало его друзьямъ, а они, въ свою очередь, пересылали своимъ знакомымъ и т. д. Такимъ образомъ, все-таки важныя политическія событія были извѣстны нѣмцамъ, несмотря на всѣ старанія Наполеона. Что касается до мѣстныхъ газетъ, то политическія извѣстія въ нихъ сообщались самыя ничтожныя, какъ, напримѣръ, о замѣщеніи испанскаго гарнизона французскимъ и т. д. «*Lübeckischer Anzeiger*» рассказывалъ серьезнымъ тономъ о томъ, что испанцы любятъ лукъ, чеснокъ и порей, и совѣтовалъ хозяевамъ ресторановъ поддѣлываться подъ вкусъ новѣйшихъ обстоятельствъ. Испанцы ввели въ моду курить сигаретки, и эта же газета, не имѣя возможности поднять голосъ противъ Наполеона, возставала въ своихъ статьяхъ противъ испанскаго обычая курить сигаретки. Наконецъ читателямъ надобла такая литература, и они придумали остроумный способъ развлеченія. Дѣло въ томъ, что городъ грабили французскіе отряды, и читатели стали помѣщать подъ рубрикой потерянныхъ вещей требованія возвратитъ украденныя солдатами вещи, обѣщая за это хорошія вознагражденія. Время отъ времени въ

нѣмецкой прессѣ удавалось проскальзывать довольно хитрымъ манифестаціямъ недовольства и возмущенія. Такъ «Hartung-Zeitung», издававшіеся въ Кенигсбергѣ, описывая деспотическое стѣсненіе прессы Наполеономъ, передала все, какъ бы дѣло шло о китайской печати, совершенно одинаково, какъ поступили французскія газеты во время второй имперіи. Последнія сказали неприятную правду о Юліи Цезарѣ, подразумевая подъ нимъ Наполеона. Впрочемъ, эта манера была довольно рѣдко примѣняема въ нѣмецкой прессѣ той эпохи, такъ какъ вообще въ то время въ нѣмецкихъ газетахъ были лишь слабые намеки на массовый патриотизмъ, и почти не проскальзывали особыя идеи. Даже такіе патриоты, какъ поэтъ Генрихъ Клейстъ, писавшій въ политическомъ отдѣлѣ одной изъ берлинскихъ газетъ, помѣстилъ, между прочимъ, слѣдующую фразу: «Французскія войска Андалузіи, Мурси и Гренады находятся, слава Богу, въ прекрасномъ санитарномъ положеніи». Это «слава Богу» было вызвано жаждой насущнаго хлѣба, но оно запятнало бессмертное имя въ Германіи. Зато ужъ и отомстили нѣмецкіе писатели Наполеону на другой день Лейпцигской битвы, когда счастье повернулось къ послѣднему спиною. Никто изъ нихъ сначала не могъ заставить себя вѣрить, что Наполеонъ находится въ бѣдѣ. Слишкомъ уже было много счастья для нихъ, чтобы это извѣстіе оправдалось. Только одинъ Гёте остался вѣренъ своему культу Наполеона и сказалъ нѣмецкимъ писателямъ, обрушившимся на побѣжденнаго героя: «Этотъ человекъ выше васъ всѣхъ!».

— Воспитаніе герцога Рейхштадтскаго. Недавно издана въ Штутгартѣ монографія герцога Рейхштадтскаго, въ которой авторъ ея, Э. Вертгеймъ, приводитъ интересныя подробности о воспитаніи несчастнаго сына Наполеона<sup>1)</sup>. Это изслѣдованіе составлено на основаніи документовъ, оставшихся послѣ воспитателей принца, и другихъ новыхъ данныхъ. Извѣстіе о рожденіи будущаго Римскаго короля, достигшее Вѣны 23-го марта 1811 года, было принято тамъ различно. Народъ, узнавъ объ этомъ событіи, выразилъ радость, аристократическое общество, или, вѣрнѣе, нѣкоторые аристократическіе салоны отнеслись къ нему съ нескрываемымъ неудовольствіемъ. Къ слухамъ о грубомъ обращеніи Наполеона съ Маріей-Луизой, распространеннымъ секретаремъ австрійскаго посольства въ Парижѣ, присоединились слухи объ открытыя измѣнахъ Наполеона. На большомъ приѣмѣ, состоявшемся 26 марта, изъ устъ въ уста, передавалось замѣчаніе одной остроумной придворной дамы, вырвавшейся у ней при извѣстіи о рожденіи Римскаго короля. «Черезъ нѣсколько лѣтъ мы увидимъ здѣсь этого римскаго короля нищимъ студентомъ». Предсказанія этой дамы сбылось: черезъ три года, 21-го мая 1814 года, въ 7 часовъ вечера, на аллеѣ Шенбрунскаго парка появились двѣ коляски. Изъ первой вышла Марія-Луиза, уже не императрица французовъ, а принцесса Пармская. Изъ второй — князь Траутмансдорфъ вынулъ что-то въ родѣ большого бѣлаго узла и передалъ графу Кинскому, который понесъ его въ большой залъ, гдѣ собрался весь дворъ. Этотъ узелъ былъ не что иное, какъ маленькій Римскій король. Придворные встрѣтили его съ энтузіазмомъ, о которомъ въ полицейскомъ рапортѣ

<sup>1)</sup> Der Herzog von Reichstadt, ein Lebensbild, von Vertheimer, Stuttgart 1902.

говорилось, что «при видѣ хорошенькаго, маленькаго принца всѣ выразили восторгъ; толпа кричала: «Да здравствуетъ принцъ Пармскій!» придворные, стоявшіе по обѣ стороны лѣстницы, тѣснили другъ друга, чтобы поцѣловать его ручки, такъ что Кинскій съ трудомъ могъ пробраться сквозь толпу». Одинъ Меттернихъ не раздѣлялъ этого восторга, и его вниманіе къ принцу выразилось лишь тѣмъ, что онъ далъ приказъ не впускать публику въ Шенбрунскій паркъ. Немедленно онъ принялся приводить въ исполненіе задуманный планъ, состоявшій въ томъ, чтобы совершенно уничтожить, какъ въ Маріи-Луизѣ, такъ и въ ея сынѣ, какія либо воспоминанія объ ихъ пребываніи во Франціи. Бывшая императрица должна была забыть о своемъ титулѣ государыни и даже, при отъѣздѣ въ Парму, принцессѣ не дали ея собственнаго портрета, на которомъ она снята въ костюмѣ императрицы. Францъ-Иосифъ обѣщалъ ей прислать другой въ обыкновенномъ туалетѣ и сдѣланный лучшимъ вѣнскимъ художникомъ. Что касается до принца Пармскаго, — какъ стали называть Римскаго короля, пока не отняли отъ него и этого титула, — то съ момента его появленія намѣренія Меттерниха были опредѣленны. Все сводилось къ тому, чтобы вполне искоренить мысль въ умѣ ребенка объ его настоящемъ званіи. Съ этою цѣлью предстояло отыскать воспитателя въ томъ именно духѣ, какого желалъ Меттернихъ. Наконецъ 26 іюня 1815 года баронъ Гагеръ указалъ ему на подходящую для этой роли личность барона Дитрихштейна, бывшаго при королѣ датскомъ во время Вѣнскаго конгресса. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, сражавшійся противъ французовъ подъ командою сначала Ласи, а потомъ Мака, а въ 1800 году попавшій къ французамъ въ плѣнъ, затѣмъ онъ покинулъ армію и женился. Дитрихштейнъ былъ образованъ, съ развитымъ вкусомъ, и въ его салонѣ собирались всѣ вѣнскіе артисты; въ особенности часто тамъ бывалъ Бетховенъ. Всѣ біографы Римскаго короля приписываютъ выборъ воспитателя Маріи-Луизѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это не правильно: съ нею даже не совѣтовались. «Я видѣла вчера моего сына, — писала она отцу 7-го іюля 1815 года, — онъ цѣлуетъ вамъ руки, здоровъ и уже познакомился съ графомъ Морицомъ Дитрихштейномъ. Мнѣ онъ достаточно нравится, въ особенности при условіяхъ, что вы его предоставили сыну временно, до тѣхъ поръ, пока онъ не уѣдетъ со мною въ Испанію, гдѣ я выберу другого воспитателя, такъ какъ графъ мнѣ совсѣмъ не подходитъ, хотя онъ превосходный человѣкъ». Со своей стороны и маленькій принцъ не выразилъ энтузіазма при первомъ знакомствѣ съ своимъ будущимъ воспитателемъ». «Я не хочу итти въ гостиную, упряился онъ, потому что тамъ воспитатель. Однако его увлекли туда силой. При видѣ Дитрихштейна мальчикъ съ презрѣніемъ сталъ окидывать его глазами съ головы до ногъ». «Я перенесъ весьма непріятное впечатлѣніе, — писалъ Дитрихштейнъ въ своемъ дневникѣ, — тѣмъ болѣе я убѣжденъ, что не добыть ничего, пока принцъ не будетъ совершенно переданъ мнѣ въ руки». Вскорѣ онъ добился этого, и принцъ вполне былъ въ его распоряженіи. Дитрихштейнъ выбралъ себѣ помощникомъ тирольскаго офицера, капитана Форести. На этотъ разъ, дѣйствительно, выборъ былъ сдѣланъ согласно желанію Маріи-Луизы. Форести былъ человѣкъ сердечный, умный, гуманность и горячій католикъ, покинувшій въ 1809 году армію, чтобы не

сражаться противъ своихъ соотечественниковъ, сдѣлавшихся итальянскими подданными. Въ 1816 году принцу былъ данъ еще одинъ наставникъ, Колленъ, профессоръ исторіи Вѣнскаго университета. Когда же онъ умеръ въ 1824 году, то его замѣнили Іосифомъ Обенау, прежнимъ воспитателемъ эрцгерцога Фердинанда. Хотя авторъ желаетъ доказать, что воспитатели молодого принца придерживались будто бы высказаннаго Меттерниху Францемъ Іосифомъ слѣдующаго желанія: «Я хочу, чтобы герцогъ чтить память своего отца; не скрывайте отъ него правды; прежде всего научите его восторгаться отцемъ и уважать», однако изъ оставленныхъ ими документовъ, а также изъ бумагъ полиціи, видно совершенно противное. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Дитрихштейнъ и Обенау были подъ вліяніемъ Меттерниха. Они руководились, главнымъ образомъ, двумя правилами—скрывать отъ мальчика его происхождение и прибѣгать къ такому методу воспитанія, который совершенно и навѣрно заглушилъ бы его способности. Напротивъ, Колленъ добросовѣстно относился къ своей обязанности преподавателя, стараясь развить умъ и вкусъ мальчика, не впутываясь, однако, въ политическую сторону воспитанія. Что касается Форести, то его отношенія къ юному развѣнчанному Римскому королю были вполне сердечны. Такъ, напримѣръ, въ 1816 году, прогуливаясь съ нимъ, мальчикъ спросилъ: Кто теперь царствуетъ во Франціи?—«Король»—отвѣтилъ Форести.—«Но я знаю,—замѣтилъ мальчикъ,—что до этого короля во Франціи царствовалъ императоръ: кто тогда былъ?»—«Вашъ отецъ,—отвѣтилъ Форести,—но неумѣренная любовь къ войнѣ заставила его потерять корону». Тогда принцъ признался ему, «подъ большимъ секретомъ», что въ одной книгѣ: «*Les fastes de la France*», которую ему теперь запретили давать, онъ читалъ обо всѣхъ сраженіяхъ Наполеона и прибавилъ: «Но если мой дорогой отецъ причинилъ столько зла, какъ увѣряютъ, такъ онъ уголовный преступникъ?»—«Намъ не подходитъ его судить!»—отвѣчала Форести:—«продолжайте любить вашего отца и молитесь за него». Если принять во вниманіе, что Дитрихштейнъ только послѣ многихъ колебаній и съ твердой увѣренностью, что онъ дѣлаетъ какое-то великодушное одолженіе, рѣшился дозволить принцу упоминать имя отца въ утреннихъ и вечернихъ молитвахъ,—этотъ отвѣтъ Форести особенно достоинъ похвалы. Послѣ разговора съ нимъ у мальчика замѣтно сдѣлалось легко на сердцѣ. И во все остальное время прогулки онъ былъ необыкновенно веселъ и все время прыгалъ и смѣялся, чего прежде съ нимъ никогда не бывало. Возвратившись въ замокъ, онъ бросился въ объятія Коллена и сказалъ: «Когда бы вы знали, сколько мы говорили о Франціи съ господиномъ Форести». Съ тѣхъ поръ онъ не переставалъ выражать Форести своей благодарности и нѣжности. Съ своей стороны послѣдній любилъ и сожалѣлъ отъ всего сердца герцога Рейхштадтскаго, какъ стали называть Римскаго короля. «Не могу выразить вамъ, писалъ онъ Дитрихштейну, 22 іюля 1832 года, въ какое отчаяніе привела меня его смерть». Въ тотъ же день Обенау, теперь сдѣлавшійся барономъ, записалъ въ своемъ дневникѣ: «Сегодня въ 4 часа утра принцъ умеръ въ Шенбрунѣ отъ чахотки, вслѣдствіе... столько разъ предсказываемой мною». Что подразумѣвалось подъ недонисаннымъ словомъ, такъ и осталось неизвѣстнымъ. Вотъ все, чѣмъ онъ выразилъ

свое впечатлѣніе по поводу смерти принца. Вертгеймеръ говоритъ, что на каждой страницѣ этого дневника красовались эпитеты: упрямый, угрюмый, непослушный, жестокий, приписываемые герцогу Рейхштадтскому. Согласно этому маѣню Обенау обращался съ принцемъ сурово. Что касается Дитрихштейна, онъ любилъ герцога по-своему и, смотря на него съ точки зрѣнія психіатра, хотѣлъ, во что бы ни стало, вырвать съ корнемъ все,—по его мнѣнію, вредное,—наслѣдованное мальчикомъ отъ отца. Съ своей стороны Меттернихъ добивался лишь одного—избавить Еврону отъ второго Наполеона, и предоставилъ Дитрихштейну исполнить эту задачу. Работа послѣдняго надъ преобразованіемъ нравственнаго облика герцога Рейхштадтскаго двигалась довольно усиленно, и если онъ не могъ вырвать совершенно у несчастнаго ребенка сердце и душу, замѣнивъ ихъ другими, то внѣшнее воспитаніе герцога не оставляло желать ничего лучшаго съ точки зрѣнія воспитателя. Такъ сначала его возмущало упорство, съ какимъ мальчикъ говорилъ: «Я не хочу быть нѣмцемъ... я не смѣю сказать отчего... Я хочу остаться французомъ»... Опеченный Дитрихштейнъ въ тотъ же вечеръ заносилъ въ свой дневникъ: «Это не можетъ длиться! Принцъ долженъ сдѣлаться нѣмцемъ до мельчайшихъ подробностей!»... И онъ потихоньку достигалъ своей цѣли, такъ какъ 17 сентября 1816 г. писалъ: «Въ продолженіе трехъ недѣль принцъ привыкъ говорить по-нѣмецки и дошелъ до того, что сталъ достаточно понимать этотъ языкъ. Ничего не можетъ быть на свѣтѣ болѣе утѣшительнаго!». Черезъ годъ онъ занесъ въ дневникъ: «принцъ уже говоритъ по-нѣмецки болѣе бѣгло, чѣмъ по-французски». Десять лѣтъ спустя, онъ уже сообщаетъ, что «принцъ дѣлаегъ мало успѣховъ во французскомъ языкѣ; онъ говоритъ довольно порядочно, но съ синтаксисомъ дѣло идетъ плохо; слишкомъ зимѣтно, что онъ думаетъ по-нѣмецки, а уже не по-французски. Его переводы съ нѣмецкаго на французскій совершенно нѣмецкаго оборота. Онъ совсѣмъ неспособенъ написать правильно письмо на французскомъ языкѣ». Такимъ образомъ Дитрихштейнъ добился своей цѣли. Но въ особенности онъ примѣнялъ «героическую» систему, состоящую въ томъ, что въ продолженіе 15 лѣтъ, не пропуская ни одного дня, противорѣчилъ желаніямъ воспитанника. Все, что любилъ мальчикъ съ первыхъ дней своей жизни,—было удалено. Когда онъ вспомнилъ о прежней роскоши, то воспитатель замѣчалъ ему: «Вы знаете только по рассказамъ; вы были въ то время слишкомъ юнымъ, чтобы запомнить это». Вскорѣ Дитрихштейнъ замѣтилъ, что его планъ преобразованія не удастся, пока около принца будутъ находиться лица, напоминавшія ему Францію. Прибѣгнувъ въ этомъ случаѣ къ Маріи-Луизѣ, онъ добился ея разрѣшенія удалить отъ мальчика французенку-гувернантку, г-жу Маршанъ, и маленькаго шестилѣтняго Эмиля Гоберо, сына лакея бывшей императрицы. Когда желаніе воспитателя было исполнено, онъ «былъ въ себя отъ радости». Съ этой минуты мальчикъ былъ окруженъ только нѣмцами. Онъ ничего не зналъ объ отцѣ, и когда Форести отвѣчалъ ему на вопросы о Наполеонѣ, то Дитрихштейнъ отдалъ распоряженіе, чтобы впредь онъ былъ сдержаннѣе и тихимъ, однако черезъ нѣсколько минутъ онъ принимался плакать во время урока и, схвативъ линейку, пускалъ ее въ голову профессора. Жадный до знанія онъ украдкой читалъ и

учился одинъ, преподаваемое же учителями онъ старался не слушать. Во время своихъ вснышекъ онъ продолжалъ думать объ отцѣ. Постороннихъ перестали допускать къ нему, и его можно было видѣть лишь пздали, въ театрѣ и на прогулкахъ. Только въ 1828 г. Дитрихштейнъ разрѣшилъ, чтобы наставники передали ему въ нѣсколькихъ словахъ исторію его отца, «жертвы ненасытной жажды побѣдъ». Онъ написалъ Обенау, что «между прочими предметамъ слѣдуетъ не сибшить изложеніемъ исторіи его отца». При этомъ онъ прибавляетъ: «какая жалость, что я не знаю ни одной книги, которую онъ безопасно могъ бы читать, которая не вызвала бы слишкомъ много комментаріевъ». Въ это время герцогу исполнилось 17 лѣтъ, и его сдѣлали капитаномъ императорскихъ стрѣлковъ. Несмотря на всю суровость къ нему Дитрихштейна, онъ выражалъ къ своему воспитателю расположеніе: «Ничто не можетъ изгладить изъ моего сердца благодарности, которую я питаю къ вамъ», писалъ онъ 23-го сентября 1831 года за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти. Деспотическая педагогія сдѣлала то, что изъ веселаго ребенка онъ превратился въ угрюмаго мальчика. Онъ уже бѣлѣе не пѣлъ и не прыгалъ, и все рѣже и рѣже слышенъ былъ его смѣхъ. Когда учителя говорили съ нимъ, онъ отворачивался и опускалъ глаза, и вмѣсто нѣжнаго ребенка, какимъ его нашелъ Форести, Обенау встрѣтилъ въ немъ въ 1824 г. «угрюмаго, злого и упрямаго». Тогда ребенокъ сталъ прибѣгать къ хитростямъ и каждый разъ, какъ Дитрихштейнъ говорилъ со слугами или посторонними, мальчикъ тайкомъ подслушивалъ, не говорятъ ли они о Наполеонѣ. Однажды за урокомъ исторіи онъ перебилъ Коллена: «Скажите мнѣ, пожалуйста, скажите правду, отчего меня называли Римскимъ королемъ?» — «Это было еще во времена, когда вашъ отецъ имѣлъ большое королевство». — «Развѣ Римъ принадлежалъ моему отцу?» — «Нѣтъ, Римъ принадлежалъ папѣ». — «А гдѣ же онъ теперь». — «Папа? Въ Римѣ». — «А мой отецъ, кажется, въ Индіи?» — «Совсѣмъ нѣтъ». — «Развѣ онъ въ Америкѣ?» — «Зачѣмъ ему быть въ Америкѣ?» — «Но, наконецъ, гдѣ же онъ въ самомъ дѣлѣ?» — «Я не могу вамъ этого сказать, отвѣтилъ Колленъ». — «Гувернантка французенка сказала мнѣ однажды, что онъ былъ въ Англіи, но его оттуда выгнали». — «Что ошибка. Вы сами знаете хорошо, принцъ, какъ часто случается, что вы не такъ понимаете сказанное вамъ». — «Да, это правда, простите!» — сказалъ мальчикъ. — «Могу васъ увѣрить, что вашъ отецъ никогда не былъ въ Англіи». — «Я также слышалъ, что онъ находится въ нищетѣ?» — «Какъ въ нищетѣ?» — «Да». — «Это не возможно и не вѣроятно?» При этихъ словахъ лицо ребенка просвѣтлѣло отъ счастья. «Это правда, — сказалъ онъ, — я думаю то же». И онъ перевелъ разговоръ на другой предметъ. Деспотизмъ, съ которымъ слѣдили за нимъ, доходилъ до того, что онъ не могъ свободно ни просыпаться, ни спать. Если онъ хотѣлъ играть въ солдатики, что было свойственно его возрасту, то въ этомъ заподозрѣвали пробужденіе «кровожаднаго наполеоновскаго демона». Эти вѣчные протесты его желаніямъ доводили мальчика до изступленія, и часто онъ выходилъ изъ себя. Но успокоившись говорилъ: «Полно, сегодня я хочу быть послушнымъ». Францъ-Иосифъ считалъ возможнымъ предоставить внуку нѣкоторую свободу, сдѣлавъ его офицеромъ. Дитрихштейнъ сильно воспротивился и сталъ добиваться, чтобы герцога не

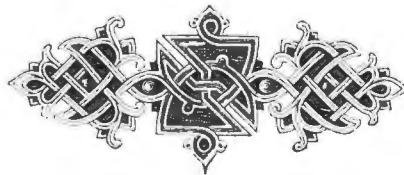


выпустили изъ клѣтки: «Моя совѣсть спокойна»,—писалъ онъ 12-го августа 1828 г., Обенау,—я сдѣлалъ все, что могъ. Но я не могу не пожалѣть о судьбѣ бѣднаго мальчика, если, несмотря на ваши совѣты, съ нимъ стануть обращаться, какъ съ обыкновеннымъ ребенкомъ, забывая, что онъ находится въ исключительномъ положеніи». Изъ этихъ словъ видно, какими принципами руководились въ дѣлѣ его воспитанія, и не даромъ Наполеонъ писалъ: «Я лучше хотѣлъ бы, чтобы съ моего сына содрали заживо кожу, чѣмъ видѣть его воспитаннымъ въ Вѣнѣ, какъ австрійскаго принца».

— Двое похоронъ. Въ послѣднее время все вниманіе Европы было обращено на двое похоронъ—Христофора Колумба и Фридриха Круиша. 21-го ноября происходило торжественное погребеніе въ пятый разъ—великаго мореплавателя. Онъ умеръ 20-го мая 1506 года въ монастырѣ св. Франциска въ Алья-долидѣ и сначала тамъ же похороненъ. Черезъ семь лѣтъ его тѣло было вынута изъ могилы и перенесено въ Картезіанской монастырь Ласъ-Куэвасъ, близъ Севильи. Въ 1536 году вспомнили, что умирая Колумбъ выразилъ желаніе, чтобы его останки покоились въ Санъ-Доминго, а потому ихъ перевезли по ту сторону Атлантическаго океана. Такимъ образомъ останки великаго мореплавателя покоились тамъ два съ половиною вѣка. Во время французской революціи, когда французы овладѣли половиною острова, кости Колумба были раздѣлены на двѣ части, изъ которыхъ одна осталась въ Санъ-Доминго, а другая перевезенана на Кубу и въ четвертый разъ погребена въ соборѣ Санъ-Яго. Однако и здѣсь останки знаменитаго генуэзца не успокоились. При завоеваніи Кубы американцами въ 1898 году Христофоръ Колумбъ былъ снова вынутъ изъ могилы и отвезенъ моремъ въ Испанію. Теперь въ пятый разъ они преданы землѣ въ Севильскомъ соборѣ.

Не столь торжественно, но съ официальными почестями и въ присутствіи германскаго императора похороненъ извѣстный король пушекъ, Фридрихъ Круишъ. Онъ происходилъ изъ семьи заводчиковъ и родился въ 1854 году. Не успѣвъ получить окончательнаго образованія, четырнадцатилѣтній Круишънаслѣдовалъ литейный заводъ отъ отца и дѣда. «Я долженъ былъ,—говорилъ онъ,—управлять заводомъ отъ имени матери, безъ всякихъ техническихъ свѣдѣній, безъ практическихъ знаній и безъ всякихъ средствъ, такъ какъ дѣла отца были въ очень разстроенномъ положеніи, и я сдѣлался въ такомъ раннемъ возрастѣ отцомъ семейства. Съ утра до вечера я работалъ и боролся со всякаго рода затрудненіями, а ночью не спалъ, тревожимый заботами. Я питался лишь картофелемъ, хлѣбомъ, масломъ и кофе. Говядина была для меня слишкомъ дорогой роскошью. Въ продолженіе 25 лѣтъ я велъ подобную жизнь, и только впоследствии мои дѣла поправились». Наконецъ, онъ сдѣлался крупнѣйшимъ поставщикомъ пушекъ и корабельной брони почти на весь свѣтъ. Что же касается Германіи, то она въ значительной степени обязана ему своимъ военнымъ могуществомъ. Онъ владѣлъ въ одной Германіи 547 угольными конями, а на его эссенскихъ сталелитейныхъ заводахъ работало до 15.000 человекъ. До 1-го января 1902 года онъ выпустилъ 39.876 орудій. Естественно, что Круишъ былъ богатѣйшимъ человекомъ въ Германіи, а, быть можетъ, во всей Европѣ. Онъ имѣлъ до двухсотъ милліоновъ состоянія, и его ежедневный до-

ходъ превышалъ на два милліона марокъ франкфуртскаго Ротшильда. Отличаясь крутымъ нравомъ, онъ, однако, хорошо обходился съ рабочими, давалъ высокую заработную плату и заботился объ ихъ матеріальномъ положеніи, но взамѣнъ требовалъ полной покорности и отрицалъ за ними право мыслить. Поэтому онъ былъ ярымъ врагомъ социаль-демократической партіи, которая платила ему тѣмъ же. Какъ человекъ, онъ былъ очень умѣренный во всѣхъ отношеніяхъ и жилъ чрезвычайно скромно, хотя принималъ на своей дачѣ, близъ Эссена, императора Вильгельма и почти всѣхъ германскихъ принцевъ. Недавно императоръ пожаловалъ ему дипломъ государственнаго совѣтника; не гнавшійся за титуломъ богачъ просилъ у императора позволенія не пользоваться принадлежащимъ этому титулу названіемъ: «ваше превосходительство». Единственнымъ его развлеченіемъ было пребываніе на Капри, гдѣ онъ проводилъ свое свободное время. Въ послѣдніе дни жизнь на Капри послужила причиной большого скандала. Въ главномъ органѣ ненавидѣвшей его социаль-демократической партіи, «Vorwärts» открылся ядовитый походъ противъ Круппа: его обвиняли въ чудовищномъ развратѣ на островѣ Капри. Дѣло въ томъ, что Круппъ имѣлъ вкусы чрезвычайно грубые и позволялъ себѣ издѣваться надъ католической религіей, окружая себя поселянами, переодѣтыми въ монашескія рясы. Они пѣли церковную службу въ гротѣ, устроенномъ въ видѣ скита; въ то же время они пьянствовали, плясали и позволяли себѣ разныя неприличныя выходки. Круппъ этимъ потѣшался и водилъ съ собою оркестръ музыки. Что касается до разврата, то онъ ничѣмъ не подтвержденъ, но очень вѣроятенъ, такъ какъ каприское женское населеніе отличается красотой и развратными нравами. «Vorwärts» клянется, что имѣетъ фактическія доказательства своихъ обвиненій. Это обстоятельство такъ подѣйствовало на Круппа, что онъ неожиданно умеръ; говорятъ даже, что онъ съ отчаянія отравился. Съ своей стороны императоръ Вильгельмъ пришелъ въ такую ярость, что произнесъ на могилѣ грозную рѣчь. Въ ней онъ упрекалъ «клеветниковъ» въ убійствѣ Круппа. Газета «Vorwärts» предана суду германскимъ правительствомъ. Что касается до наслѣдства Круппа, то оно перешло къ его дочери Бертѣ, опекуницей которой назначена ея мать.





## С М Ъ С Ь.



**СУВОРОВСКІЕ памятники.** 22-го и 23-го октября въ городѣ Тересполь и въ 3 — 6 верстахъ отъ него, состоялось торжественное открытіе и освященіе памятниковъ, сооруженныхъ по мысли гарнизона Брестъ-Литовской крѣпости въ память славнаго боя русскихъ войскъ подъ начальствомъ Суворова съ польскими войсками 8-го сентября 1794 года. На торжествѣ этомъ присутствовали весь гарнизонъ крѣпости, представители гражданскихъ властей во главѣ съ сѣдлецкимъ вице-губернаторомъ С. П. Воейковымъ и много публики. Сооруженные историческіе памятники представляются въ слѣдующемъ видѣ. Памятникъ на могилѣ русскихъ воиновъ въ 3 верстахъ отъ города Тересполя у деревни Полятыче имѣетъ видъ 4-хъ-угольнаго обелиска, вѣнчающагося поверху бѣлымъ мраморнымъ крестомъ; сложенъ изъ пяти гранитныхъ камней; весь памятникъ полированъ. Съ восточной стороны на фронтѣ помѣщена въ нишѣ барельефная икона Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ; день боя совпадалъ съ праздникомъ Рождества Пресвятой Богородицы. Модель для иконы сдѣлана председателемъ строительнаго комитета, генералъ-майоромъ Лишевымъ, и на его же средства отлита въ экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ. Надъ иконой высѣчена въ гранитѣ и позолочена надпись: «Памяти Суворовскихъ чудо-богатырей, навшихъ въ бою съ поляками 8-го сентября 1794 года».

Съ западной стороны памятника металлическая доска съ надписью:

«Воздвигнутъ въ 1902 году усердіемъ военнаго министерства, гарнизона крѣпости, войскъ 19-го армейскаго корпуса и полковъ, принимавшихъ участіе въ бою».

Съ южной стороны такая же доска, вмѣщающая въ себѣ вѣдомость потерь полкамъ, какъ это показано въ реляціи Суворова. Изъ вѣдомости выклю-

чены лошади, а канралы, вахмистры, каптенармусы, трубачи, кадеты, извозчики показаны общимъ числомъ въ числѣ рядовыхъ. На металлической доскѣ съ сѣверной стороны—надгробное слово, произнесенное Суворовымъ:

«Миръ вамъ, убитые! Царство небесное вамъ, христіолюбивые воины, за ма-тушку-царицу, за Русскую землю павшіе! Миръ вамъ, царство вамъ небесное! Богатыри-витязи, вы приняли вѣнецъ мученическій, вѣнецъ славный, молитте Бога о насъ! Господи, помяни рабовъ твоихъ, здѣсь лежащихъ».

По сторонамъ верхняго камня позолочены инициалы  $\begin{matrix} \text{Н} & \text{Е} \\ \text{П} & \text{П} \end{matrix}$  увѣнчанные императорскою короною. Вокругъ памятника поставлена ограда, состоящая изъ 8 врытыхъ въ землю чугуныхъ полупудовыхъ единороговъ, связанныхъ цѣпью. Цѣпь составлена изъ ручныхъ гранатъ — работа брестъ-литовской крѣпостной артиллеріи. Крѣпостная саперная рота во главѣ съ ея ротнымъ командиромъ подполковникомъ Вѣляевымъ, произвела работы по украшенію могильнаго кургана красивую звѣзду (штершпанецъ) изъ разноцвѣтной щебенки. Къ памятнику ведетъ дорожка, обсаженная акаціями. На братской могилѣ русскихъ и польскихъ воиновъ въ 6-ти верстахъ отъ города Тересполья у фольварка Кучина поставленъ бетонный, выкрашенный подъ мраморъ постаментъ — въ планѣ прямоугольнаго вида; въ основаніи стороны прямоугольника размѣрами 28 — 21 вершк.; высота постамента 2 аршина 6 вершковъ; на немъ желѣзныи крестъ высотой 3 аршина съ позолоченнымъ расятіемъ; по угламъ поставлены прислоненные къ памятнику четыре 12-ти фунтовыхъ чугуныя пушки (вѣсомъ 90 пудовъ каждая); съ восточной стороны памятника металлическая доска съ надписью:

«Братская могила русскихъ и польскихъ воиновъ, павшихъ въ битвѣ Суворова съ Сѣраковскимъ 8-го сентября 1794 года.

«Господи, помяни рабовъ Твоихъ, здѣсь лежащихъ!»...

Съ западной стороны такая же доска съ надписью, когда и къмъ сооруженъ памятникъ; съ двухъ другихъ сторонъ выдѣланы въ бетонѣ годъ сраженія и годъ сооруженія памятника. Бетонный обелискъ въ городѣ Тереспольѣ имѣеть въ общемъ видѣ кверху приподнятаго меча съ отломаннымъ остриемъ; высота его 6 аршинъ; съ лицевой стороны металлическая доска съ надписью:

«На семь мѣстѣ, послѣ брестскаго бою 8-го сентября 1794 года, 29 дней стоялъ лагеремъ со своими чудо-богатырями фельдмаршалъ австрійской и сардинской арміи, графъ священной Римской имперіи, грандъ Сардинскаго королевства, генералисимусъ русской арміи, свѣтлѣйшій князь Италійскій, графъ Александръ Васильвичъ Суворовъ-Рымнинскій».

Съ противоположной стороны такая же доска съ надписью, когда и къмъ сооруженъ памятникъ; съ двухъ другихъ сторонъ выдѣланы въ бетонѣ годъ сраженія и годъ сооруженія памятника; по угламъ вконаны 12-ти-фунтовыхъ чугуныя пушки. Кромѣ того, военными чинами пожертвованы цѣнныя иконы Александра Невскаго въ церкви Тереспольскую, Корошинскую и Добринскую, куда заходилъ послѣ боя Суворовъ, при чемъ иконы эти у подножья перваго памятника во время открытія были переданы настоятелямъ сказанныхъ церквей, засимъ съ крестнымъ ходомъ отнесены въ свои храмы.

**Памятники Севастопольской обороны.** Въ 1905 году исполнится полу-вѣковая годовщина Крымской войны, ознаменовавшейся одиннадцатимѣсячной геройской обороной Севастополя. Государь императоръ, желая увѣковѣчить въ памяти потомства мѣста, прославленныя непоколебимою стойкостью и безавѣтною храбростью русскихъ войскъ, высочайше соизволилъ возложить задачу эту на его императорское высочество великаго князя Александра Михайловича и учрежденный при его императорскомъ высочествѣ особый комитетъ, повелѣвъ отпустить изъ государственнаго казначейства средства, необходимыя для выполнения этого обширнаго дѣла въ главныхъ его чертахъ. По высочайше утвержденному проекту работъ предположено обозначить мѣста бывшей оборонительной лини, увѣковѣчить наименованія отличившихся частей войскъ и фамилій отдѣльныхъ лицъ, поставить памятники въ воспоминаніе наиболѣе выдающихся событій и надмогильные монументы воинамъ, доблестно погибшимъ при оборонѣ Севастополя. При наличности достаточныхъ средствъ имѣется, кромѣ того, въ виду устроить часовню въ башнѣ Малахова кургана, на мѣстѣ бывшей тамъ во время обороны, привести въ благоустроенный видъ тѣ кладбища подъ Севастополемъ, гдѣ покоятся останки храбрыхъ, для которыхъ не достало мѣста на стотысячномъ братскомъ кладбищѣ, дать посильное обезпеченіе виавшимъ въ нищету севастопольскимъ ветеранамъ и расширить учрежденную при Севастопольскомъ музеѣ ремесленную школу для сиротъ и пріютъ для инвалидовъ. Незабвенная въ исторіи Россіи оборона Севастополя, непререкаемое свидѣтельство мощи и духовной крѣпости русскаго народа, изумившихъ весь міръ, есть, наравнѣ съ Отечественной войной, не только достояніе русской арміи и флота, но и всего русскаго народа. А потому широкое увѣковѣченіе памяти обороны Севастополя, помощь престарѣлымъ ветеранамъ и надзоръ за мѣстами упокоенія усопшихъ, должны быть предметомъ попеченія для всей Россіи. Государю императору, по всеподданнѣйшему докладу августѣйшаго предѣдателя комитета, великаго князя Александра Михайловича, угодно было разрѣшить для сей дѣли всеобщую подписку, дабы предоставить возможность веѣмъ членамъ великой русской семьи удовлетворить своей душевной потребности участіемъ въ этомъ святомъ дѣлѣ. Съ высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 5-го октября сего года, августѣйшій предѣдатель комитета великій князь Александръ Михайловичъ доводитъ до свѣдѣнія лицъ, которыя пожелали бы оказать комитету посильное содѣйствіе въ дѣлѣ увѣковѣченія памяти Севастопольской обороны, что пожертвованія принимаются: 1) въ конторѣ двора великаго князя Александра Михайловича (С.-Петербургъ, Офицерская, 35); 2) въ редакціяхъ слѣдующихъ газетъ и журналовъ: «Русскаго Инвалида» (Лѣгкійный, 21), «Новаго Времени» и «Морского Сборника», и 3) въ музеѣ севастопольской обороны (Севастополь, Екатерининская улица). Желательно знать фамиліи жертвователей для включенія ихъ въ книги, которыя будутъ храниться въ музеѣ Севастопольской обороны.

**Диспутъ М. М. Богословскаго.** 22-го ноября въ актовомъ залѣ Московскаго университета приватъ-доцентъ М. М. Богословскій защищалъ диссертацию, написанную имъ для соисканія степени магистра русской исторіи на тему: Областная реформа Петра Великаго. Провинція 1719—1727 годовъ. Дис-

сертантъ родился въ Москвѣ въ 1867 году; по окончаніи курса въ Московской пятой гимназіи съ золотою медалью, онъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета и въ 1891 году, получивъ дипломъ 1-й степени, былъ оставленъ при университетѣ для приготвленія къ профессорскому званію; въ 1895 году сдалъ магистерскій экзамень, а съ 1898 года читаетъ въ качествѣ приватъ-доцента лекціи по кафедрѣ русской исторіи; кромѣ представленнаго въ качествѣ магистерской диссертациі сочиненія, имъ напечатанъ цѣлый рядъ статей. Въ своей вступительной рѣчи диссертантъ подробно охарактеризовалъ мотивы и схему своего высоко-интереснаго по темѣ труда, а также направленіе занятій и общее впечатлѣніе, вынесенное имъ при изслѣдованіи обильнаго матеріала, хранившагося до нашего времени по этому предмету. Офіціальныя оппоненты: экстраординарный профессоръ М. К. Любавскій и приватъ-доцентъ А. А. Кизеветтеръ, отмѣтивъ въ своихъ возраженіяхъ выдающіяся научныя достоинства представленнаго труда, обнаруживающія въ авторѣ широкій ученый кругозоръ и глубокую эрудицію, указали лишь на немногія неточности историко-географическихъ справокъ, касающихся преимущественно причинъ неудовлетворительности реформъ 1719 года. Неофіціальнымъ оппонентомъ выступилъ заслуженный профессоръ В. О. Ключевскій, представившій нѣсколько основательныхъ возраженій относительно общихъ идей реформъ Петра Великаго по единству военнаго, финансоваго и административнаго управленія государствомъ, не совсѣмъ правильно освѣщенныхъ въ изслѣдованіи диссертанта, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ высокое научное значеніе труда его, обогащающаго литературу этого предмета. Въ заключеніе диспута, продолжавшагося до шестого часа вечера, деканъ историко-филологическаго факультета профессоръ М. И. Соколовъ прочелъ обширное постановленіе факультета, единогласно удостоившаго М. М. Богословскаго степени магистра русской исторіи.

**Высочайшее посѣщеніе музея и раскопокъ въ Херсонесѣ.** Заимствуемъ изъ «Крымскаго Вѣстника» описаніе этого знаменательнаго для русской археологіи посѣщенія. 18-го сентября 1902 года въ 2 часа 10 минутъ дня ихъ императорскія величества государь императоръ и государыня императрица и его императорское высочество великій князь Михаилъ Николаевичъ, въ сопровожденіи министра императорскаго двора генераль-адъютанта барона Фредерикса, командующаго войсками одесскаго военнаго округа графа Мусина-Пушкина, генераль-адъютанта Гессе, въ должности гофмаршала двора графа Бенкендорфа, контръ-адмирала свиты Рождественскаго, лейбъ-хирурга Гирша, командира собственнаго его величества конвоя генераль-майора свиты барона Мейендорфа, протопресвитера Янышева, флигель-адъютантовъ его величества графа Гейдена и князя Оболенскаго, фрейлинъ ея величества княжны Оболенской и княжны Орбеліани, фрейлины великой княгини Ксеніи Александровны Евреиновой, командира императорской яхты «Штандартъ» капитана 1-го ранга Литвинова, севастопольскаго градоначальника контръ-адмирала Сипцаго, начальника севастопольскаго крѣпостнаго инженернаго управленія генераль-майора Маховича и севастопольскаго городского головы Максимова, въ экипажахъ по военному шоссе изволили прослѣдовать въ Херсонесъ мимо раскопокъ

нынѣшняго года, расположенныхъ при въѣздѣ въ древній городъ. Ровно въ 2 часа 30 минутъ, высочайшія особы и лица сняты, пробывъ около получаса въ соборѣ, прослѣдовали къ музею. Обзорѣніе ихъ императорскими величествами музея и раскопокъ продолжалось отъ 2 часовъ 30 минутъ до 4 часовъ 30 минутъ, слѣдовательно ровно два часа. Завѣдующій раскопками въ Херсонесѣ г. Костюшко-Валюжиничъ такъ описываетъ этотъ знаменательный визитъ: «На мою просьбу начать обзорѣніе музея съ главнѣйшихъ находокъ нынѣшняго года, разложенныхъ на окнѣ, его величество осчастливилъ меня, сказавъ, что читалъ мою докладную записку. Я: Это была памятная записка съ перечисленіемъ трехъ особенно важныхъ открытій, которыя ваше императорское величество не изволили еще обзорѣвать и, составляя записку, я не считывалъ на такое великое счастье, что ваше величество изволите читать ее. Затѣмъ слѣдовало объясненіе мною древностей, выставленныхъ на окнѣ: 1) часть образа, выпукло вырѣзаннаго изъ бѣлаго мрамора. Сохранились средняя часть большой благословляющей фигуры, держащей въ лѣвой рукѣ длинный крестъ, и верхняя часть малой фигуры съ распростертыми руками, стоящей подъ смоковницей. Особенный интересъ представляетъ сложенная для благословенія правая рука. (Снизу сохранился обломокъ съ греческой неразборчивой надписью; 2) обломокъ отъ плоскаго мраморнаго сосуда (?) съ выпуклыми головами грифона и овцы; 3) два обломка отъ каменнаго ковчега для храненія мощей, обычнаго типа въ видѣ саркофага; 4) энколпійонъ бронзовый большой, превосходной сохранности, интересный своими славянезировавшими надписями, доказывающими, что Херсонесъ-византійской эпохи исполняли заказы для нашихъ великокняжескихъ городовъ. Мысль эта, ваше императорское величество, принадлежитъ нашему извѣстному ученому, академику Кондакову, который по моему приглашенію пріѣзжалъ недавно въ Херсонесъ для осмотра открытаго храма и выяснилъ значеніе послѣдняго. При обзорѣніи этого храма вашимъ императорскимъ величествомъ, я буду имѣть счастье давать объясненія, основанныя на отзывахъ академика Кондакова. Г. Хаенко изъ Кіева, издавшій описаніе древностей Приднѣпровья, посѣтивъ недавно Херсонесъ, пришелъ къ тому же убѣжденію, какъ и академикъ Кондаковъ, что при изученіи нашихъ древностей необходимо начинать съ Херсонеса, какъ источника, откуда заимствованы нами христіанство и культура. Его величество, разсматривая энколпійонъ, изволилъ сказать, что только съ моими глазами можно замѣтить на крестѣ надписи; 5) обломокъ отъ образа съ вполне уцѣлѣвшей, сильно выпуклой, фигурой епископа, стоящей лицомъ къ зрителю и вырѣзанной изъ твердаго бѣлаго камня, служившаго матеріаломъ для приготовленія стѣнной мозаики; 6) 15 сортовъ стѣнной мозаики изъ стекловидной массы и изъ камня. Выяснено, что мозаика эта украшала алтарную нишу въ базиликахъ и кушоль въ крестообразныхъ храмахъ и баптистеріяхъ. Его величество изволилъ спросить, какъ я это опредѣлялъ. «Разсортировавъ всѣ найденные кусочки мозаики по цвѣтамъ, я выяснилъ, что голубой и синій цвѣта составляютъ около 70% всего количества»; 7) часть фресковаго образа, по мнѣнію г. Хаенко, евангелиста Луки; 8) обломки стѣнной штукатурки съ остатками греческихъ надписей отъ 8 разныхъ образовъ; 9) два большихъ куска стѣнной фрески съ

нижней частью стоящаго святого, съ окончаніемъ сокращенной греческой надписи съ правой стороны и съ надаранной внизу, виолнѣ сохранившейся грузинской надписью и 10) куски твердаго известняка и мергеля, содержащіе въ себѣ жидкую ртуть, и пузырьекъ съ этой ртутью. Во время ломки известковой скалы для фундамента бетонной постройки военнымъ вѣдомствомъ обнаружена жидкая ртуть. Его величество изволилъ замѣтить, что знаетъ объ этомъ, и спросить, гдѣ находится это мѣсто. «Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ музеемъ, ваше императорское величество. Это первый примѣръ въ Россіи. Ученые геологи, посѣтившіе Херсонесъ, недоумѣваютъ и говорятъ, что это явленіе противорѣчитъ указаніямъ науки. Единственно возможное объясненіе состоитъ въ томъ, что парообразная ртуть, подымаясь отъ центра земли и встрѣчая на своемъ пути трещины, осаждалась въ этомъ природномъ холодильнике и поэтому встрѣчается въ известнякѣ, то-есть тамъ, гдѣ наука не допускаетъ самородной ртути. Въ настоящее время, ваше императорское величество, къ музею уже съ двухъ сторонъ прилегаютъ крѣпостныя сооруженія, и поэтому, несмотря на то, что военное вѣдомство въ продолженіе 15 лѣтъ оказывало дѣлу раскопокъ возможное содѣйствіе, никогда ни въ чемъ его не стѣсняя, необходимо подумать о перенесеніи нынѣшняго музея на другое мѣсто, при чемъ было бы желательно, чтобы новое зданіе музея болѣе соответствовало тѣмъ научнымъ богатствамъ, которыя здѣсь хранятся». На это его величество изволилъ сказать, что подумаетъ о новомъ музеѣ, который, конечно, не можетъ быть такимъ сараемъ, какъ нынѣшній. «Мѣстнымъ инженеромъ составлены два проекта для новаго музея». Его величество изволилъ повелѣть передать оба проекта г. министру императорскаго двора. «При существованіи новаго музея, всѣ цѣнныя древности, которыя теперь опасно хранить въ этомъ зданіи, могли бы оставаться на мѣстѣ». На это его величество изволилъ отвѣтить утвердительно. Послѣ этого ихъ императорскія величества изволили милостиво принять поднесенные мною фотографическіе снимки, работы художника Протопопова, съ воротъ, стѣнъ и золотыхъ украшеній, найденныхъ въ 1899 году въ фамильномъ склепѣ архонта, а также подборъ необыкновенно красивыхъ морскихъ камешковъ, служащихъ матеріаломъ для бетона, изъ котораго сооружаются мѣстныя укрѣпленія, при чемъ его величество изволилъ припомнить, что покойный Айвазовскій присылалъ подобные камешки изъ Феодосіи. Послѣ этого ихъ императорскія величества изволили обозрѣвать всѣ древности, собранныя въ музеѣ, при чемъ его величество припомнилъ все то, что уже находилось здѣсь въ 1898 году. Его высочество великій князь Михаилъ Николаевичъ изволилъ обратить вниманіе на сходство греческихъ пивосовъ съ такими же сосудами для храненія вина на Кавказѣ. Особенное вниманіе ихъ императорскія величества изволили обратить: 1) на рѣзко деформированный черепъ алана, при чемъ его высочество изволилъ спросить, не вліяло ли такое измѣненіе формы черепа на умственныя способности. «Покойный профессоръ Кожевниковъ полагалъ, что не вліяло. Подобныхъ череповъ найдено много, и всѣ они отосланы разнымъ ученымъ обществамъ и университетамъ, но этотъ черепъ, на который обратилъ особенное вниманіе державный организаторъ херсонесскихъ раскопокъ, императоръ Александръ, оставленъ мною въ



музеѣ и на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ находился 10-го мая 1893 года»; 2) на два гроба изъ можжевельника; 3) на способъ обжиганія поливныхъ мисокъ византійской эпохи, примѣняемый и нынѣшними фабрикантами; 4) на чернолаковую гидрію изъ фамильнаго склена архонта; 5) на стеклянный флаконъ въ видѣ женской головки; 6) на присягу гражданъ Херсонесса; 7) на латинскую надпись времянь Коммода, въ связи съ раскопками его высочества великаго князя Александра Михайловича, при чемъ его высочество изволилъ сказать, что видѣлъ въ Ай-Тодорѣ кирпичи съ клеймами римскихъ легионовъ. «I и XI, ваше императорское высочество»; 8) на часть мраморной статуи, найденной въ стѣнѣ византійской эпохи; 9) на рога и кости, служившіе матеріаломъ для разныхъ издѣлій; 10) на двѣ черепицы и кирпичъ со слѣдами ногъ ребенка, собаки и козы; 11) на гребень костяной, складной; 12) на полную игру въ шашки; 13) на отборную коллекцію черепковъ глиняной поливной посуды; 14) на орудія каменнаго вѣка и 15) на окаменѣлости, найденныя въ Херсонесѣ и во время проведенія водопровода изъ Инкермана. Послѣ обзорѣнія древностей его императорское величество изволилъ осчастливить меня новою милостию, объявивъ мнѣ, что въ память посѣщенія Херсонеса нхъ величествами я теперь буду получать ежегодно на раскопки вмѣсто шести тысячъ десять тысячъ рублей. Когда ихъ императорскія величества изволили изъявить согласіе начертать имена въ книгѣ для посѣтителей, послѣ подписи его высокопреосвященства митрополита Антонія и трехъ епископовъ: Николая, Иннокентія и Антонія, бывшихъ въ музеѣ наканунѣ, — то я, вручая его величеству перо, сказалъ: «Это то самое перо, которымъ ваше императорское величество и государыня императрица изволили начертать имена въ книгѣ для посѣтителей музея 22-го августа 1898 года». Его величество, замѣтивъ открытую дверь въ мою рабочую комнату, изволилъ спросить, мой ли это кабинетъ. «Да, ваше императорское величество, здѣсь я работою». Ихъ величества изволили войти въ мою маленькую рабочую комнату, въ которой стоятъ два библиотечныхъ шкафа, этажерка съ книгами, письменный столъ, мраморный столъ съ коллекціей минераловъ и турецкій диванъ. По стѣнамъ висятъ прекрасный фотографическій портретъ его величества и 15 эстампажей и фотографій въ рамахъ, съ наиболѣе интересныхъ древностей. «Ваше императорское величество пожелали сдѣлать меня счастливейшимъ человекомъ въ мірѣ, и я не въ силахъ выразить свою благодарность за милостивое вниманіе вашего императорскаго величества и государыни императрицы». Какъ мнѣ потомъ передавали, его императорское высочество великій князь Михаилъ Николаевичъ также изволилъ посѣтить мою рабочую комнату. На вопросъ его величества, достаточно ли теперь у меня сторожей, я отвѣтилъ: «Нѣтъ, ваше императорское величество, городище и теперь не охраняется. Императорская археологическая комиссія за невмѣніемъ средствъ не могла дать денегъ на двухъ сторожей, и теперь министерство внутреннихъ дѣлъ обѣщало отпустить для этой цѣли 800 рублей». Его величество изволилъ на это сказать, что объ этомъ освѣдомленъ. Разрѣшивъ милостиво мѣстнымъ фотографамъ, ожидавшимъ у музея, снятіе группы, ихъ императорскія величества изволили прослѣдовать на площадь и занять, по моей просьбѣ, правый отъ входа уголь, красиво декорированный древними

мраморными колонами, обвитыми плющемъ. Затѣмъ его императорское величество изволилъ обозрѣвать мѣсто, гдѣ обнаружена ртуть, и гдѣ сооружается крѣпостная постройка, требующая перенесенія музея. «Число посѣтителей музея, ваше императорское величество, ежегодно увеличивается. Въ книгѣ для посѣтителей музея въ нынѣшнемъ году будетъ не менѣе 7.000 подписей». Его величество изволилъ полагать, что это за все время существованія музея. «Ваше императорское величество, это за одинъ этотъ годъ. Музей и раскопки приобрѣтаютъ громадное образовательное значеніе. Не могу только умолчать объ одномъ крупномъ недоразумѣніи, которое возникло отчасти по моей винѣ. По проекту особой комиссіи, высочайше одобренному въ 1887 году, все найденныя и имѣющія быть найденными древности должны храниться въ одномъ музеѣ, но такъ какъ съ 1888 по 1892 годъ въ моемъ распоряженіи не было сарая, построеннаго въ августъ 1892 года, то я не настаивалъ на передачѣ мнѣ тѣхъ древностей, которыя, какъ найденныя до 1888 года, хранились при монастырѣ. А теперь монастырь считаетъ ихъ своей собственностью, не подлежащей контролю императорской археологической комиссіи. Эти древности также должны храниться въ музеѣ послѣдней». Его величество изволилъ признать мои разсужденія правильными, при этомъ осчастливилъ меня вопросомъ, дѣйствительно ли нижній храмъ, надъ которымъ построенъ соборъ,—древній, христіанскій. «Да, ваше императорское величество, безспорно, но строителю новаго собора почему-то показалось нужнымъ прежнюю характерную поздне-византійскую кладку замѣнить циклопической, съ расшивкой швовъ цементомъ, и теперь стѣны этого христіанскаго храма напоминаютъ Трою или Микены». Направляясь къ коляскѣ, его величество изволилъ спросить меня, есть ли у меня экипажъ, на что его высочество великій князь Михаилъ Николаевичъ милостиво предложилъ мнѣ помѣститься въ его коляскѣ, императорская коляска оставовилась у большой фланговой башни при въѣздѣ въ древній городъ; и ихъ величества въ сопровожденіи нѣкоторыхъ лицъ свиты, спустившись черезъ ворота византійской эпохи внизъ, изволили подробно обозрѣвать башни, стѣны, калитки и сохранившіеся отъ древнѣйшаго города, у самой материковой скалы, колодцы, печи для обжиганія посуды и терракотъ и череничныя гробницы II вѣка до Р. Х. Мрачныя, удивительно сохранившіяся, стѣны съ башнями, воротами и калитками; множество расположившагося сверху народа, и внизу, на трехсаженной глубинѣ, ихъ величества съ лицами свиты, медленно шествующіе по той же улицѣ, которая съ V вѣка до Р. Х. служила единственнымъ путемъ для сообщенія съ городомъ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ стертый уголъ стѣны, на поворотѣ къ калиткѣ,— все это представляло величественное, единственное въ своемъ родѣ зрѣлище, и не хотѣлось вѣрить, что нѣсколько лѣтъ назадъ здѣсь видѣлись однѣ обглоданныя верхушки византійской стѣны и никто изъ мѣстныхъ жителей и многочисленныхъ посѣтителей Херсонеса, проходя здѣсь, не подозрѣвалъ, что подъ его ногами погребены такія научныя сокровища! И, находясь подъ чарующимъ впечатлѣніемъ минуты, я не могъ отказать себѣ въ счастья высказать его императорскому величеству, что если, благодаря успѣшнымъ результатамъ раскопокъ, Херсонесъ въ царствованіе императора Александра III называли русской Пом-

пеей, то теперь, благодаря его императорскому величеству, въ послѣдніе 3 года открыты русская Троя и русскій подземный Римъ съ его христіанскими катакомбами. Особенное вниманіе ихъ императорскія величества изволили обратитъ здѣсь на замѣчательную по красотѣ и прочности кладку нижней части стѣны, относящуюся ко 2-й половинѣ V в. до Р. X., на круглую башню той же эпохи, бывшую въ то время флаговой; на сводчатую калитку; на стертый отъ продолжительнаго сообщенія съ городомъ уголь стѣны у этой калитки; на небольшой участокъ некрополя, повидимому, отведенный городомъ для иностранцевъ, проживавшихъ въ Херсонесѣ; на печи и ямы для обжиганія амфоръ и приготовленія глины и на водопроводъ римской эпохи, который и проходилъ черезъ искусственную засыпь и черезъ древнюю стѣну надъ упомянутой калиткой. Черезъ эту калитку по современной лѣстницѣ ихъ императорскія величества изволили подняться въ верхній городъ, разслѣдованный только до уровня византійской эпохи, прослѣдовать вдоль внутренней стороны стѣны до древнихъ городскихъ воротъ, обозрѣвать двѣ громадныя каменные ямы для сѣпки зерна; гробницу египетской кладки, болѣе древнюю, чѣмъ ворота и стѣны V в.; греческіе и римскіе водостоки и замѣчательныя по сохранности ворота и черезъ послѣднія спуститься опять къ уровню древнѣйшаго города. У всѣхъ этихъ сооруженій ихъ императорскія величества изволили милостиво выслушивать подробныя объясненія, но особенно продолжительное время изволили оставаться у воротъ, отъ которыхъ берутъ начало 5 улицъ древнѣйшаго Херсонеса, и гдѣ дальнѣйшія раскопки задержаны монастырской стѣной, захватившей обширное пространство неразслѣдованнаго центра древняго акрополя. Здѣсь его императорское величество изволилъ спросить, что находится по ту сторону монастырской стѣны, а на высказанную мною необходимость продолжать раскопки вдоль древней стѣны и построить мостъ впереди св. воротъ— что, помимо научнаго интереса, придадо бы величественный видъ этой части городища,—его императорскому величеству благоугодно было выразить одобреніе; когда же я пояснилъ, что мостъ не обойдется дорого, его величество изволилъ сказать, что его могли бы построить мѣстные инженеры. Слѣдуя отъ воротъ по уровню древняго города V в. до Р. X., его императорское величество изволилъ припомнить, что фотографическіе снимки съ этой части стѣнъ находились на выставкѣ археологической комиссіи, но что снимковъ съ южной части не было. Ихъ императорскія величества изволили обозрѣвать большой фамилійный склепъ римской эпохи, II в. по Р. X., въ фамилійный же склепъ архонта, расположенный подъ стѣной, въ которомъ были найдены золотыя украшенія высоко-художественной работы, ихъ величества не изволили спускаться, такъ какъ входъ въ него очень низкій, а стѣны и полъ сырые. Красота и прочность шести нижнихъ рядовъ кладки древнегреческой оборонительной стѣны и морская вода, удержавшаяся здѣсь съ 1899 г. и опредѣляющая уровень моря, вызвали особенное вниманіе ихъ величествъ, при чемъ мною было объяснено, что, по мнѣнію нашего извѣстнаго ученаго академика Латышева, основанному на формѣ греческихъ буквъ, вырѣзанныхъ на камняхъ рабочими, возводившими стѣну, эта послѣдняя должна быть отнесена ко 2-й половинѣ V в. до Р. X. Отсюда ихъ императорскія величества и его высочество въ сопрово-

жденіи лицъ свиты, изволили прослѣдовать въ экипажахъ къ храму-памятнику, открытому въ этомъ году на одномъ изъ отдаленныхъ участковъ обширнаго некрополя. Его высокопревосходительство г. министръ императорскаго двора баронъ Фредериксъ, съ которымъ я имѣлъ честь ѣхать, поручилъ мнѣ разработать и лично представить ему въ Ливадію подробный проектъ благоустройства раскопокъ и охраненія открытыхъ уже памятниковъ. На новыхъ раскопкахъ ихъ императорскія величества были встрѣчены тремя епископами, преосвященными Николаемъ, Инокентіемъ и Антоніемъ. Я имѣлъ счастье давать краткое объясненіе, основанное на указаніяхъ академика Кондакова, что храмъ этотъ былъ сначала памятникомъ, сооруженнымъ въ V в. послѣ Р. X. надъ катакомбой, проходящей подъ нимъ и служившей усыпальницей, быть можетъ, одного изъ епископовъ, пострадавшихъ за христіанскую проповѣдь, и что уже потомъ онъ былъ обращенъ въ кладбищенскую церковь. Его императорское величество, разсматривая детальный планъ, составленный мною, изволилъ отыскать то мѣсто, гдѣ находились въ это время ихъ величества. Обозрѣвая подробно интересную половую мозаику самаго разнообразнаго рисунка, его величество изволилъ спросить, какъ теперь сохранить мозаику. «Полагаю, ваше императорское величество, что, не подымая стѣнъ храма до ихъ первоначальной высоты и преслѣдуя только одну цѣль спасти мозаику, можно было бы ограничиться конической кровлей и сторожкой рядомъ съ храмомъ. На все это потребуется не болѣе 2.000 рублей». На это его величество изволилъ сказать, что сумма эта будетъ мнѣ дана. Затѣмъ продолжалось обозрѣніе остатковъ стѣнной фрески, алтаря съ сопрестоліемъ и съ 4-мя базами отъ киворія и крестальни, пристроенной къ храму, при чемъ духовникъ его величества протопрескитеръ Янышевъ высказалъ мнѣніе, что устроенный внутри абсиды бассейнъ въ формѣ равносторонняго креста, который былъ выложенъ мраморомъ и куда вода проходила черезъ каналъ въ стѣнѣ изъ другого наружнаго бассейна, былъ не раковиной для омовенія рукъ и церковныхъ сосудовъ, но купелью. Послѣ храма ихъ императорскія величества изволили обозрѣвать колодець съ хорошей родниковой водой, къ которому ведетъ вѣтвь изъ катакомбы; расположенные подъ храмомъ и вокругъ него, вырубленные въ стѣнѣ въ разныхъ направленіяхъ, семейные склепы и гробницы римской эпохи, числомъ 58, изъ которыхъ нѣкоторые служили потомъ усыпальницами въ христіанскую эпоху; бассейнъ, помѣщающійся въ углу между абсидой крестальни и стѣной храма и снабжавшій водой крестообразную купель, и, наконецъ, большую христіанскую катакомбу, около 20-ти саж. протяженія, съ нишей у входа; съ прямоугольнымъ помѣщеніемъ, служившимъ гробницей, съ вѣтвью къ колодцу, въ стѣнѣ котораго прорублено отверстіе, чтобы черпать воду изъ колодца и съ 30-ю небольшими углубленіями, покрытыми копотью, въ которыхъ горѣли свѣтильники. Его императорское величество изволилъ спускаться въ катакомбу и обозрѣвать ту часть ея, куда не проникла родниковая вода, которая въ зависимости отъ прибыли и убыли воды въ бухтѣ повышается и опускается въ сѣверной части катакомбы. Ихъ императорскія величества изволили также обозрѣвать часовню впереди храма съ интересной абсидой съ 5-ю полукруглыми нишами вмѣсто обычнаго сопрестолія въ видѣ скамеекъ и, затѣмъ, обо-

гнувъ храмъ съ лѣвой стороны, спуститься внизъ къ тому мѣсту, гдѣ у ограды храма оканчивается большая христіанская катакомба. Здѣсь у сѣверной стѣны храма находится семейный склепъ, изъ котораго черезъ пробитыя въ христіанскую эпоху отверстія въ стѣнѣ можно пролѣзть еще въ три склена, которые расположены подъ храмомъ и въ дохристіанскій періодъ имѣли обычнаго устройства входы сверху, задѣланные плитами во время постройки храма и устройства мозаичнаго пола. Его императорское величество изволилъ спускаться въ этотъ интересный склепъ съ неудобнымъ низкимъ ходомъ, приспособленнымъ изъ древней гробницы. Подробно обозрѣвая, какъ этотъ, такъ и сосѣдній склепъ, его императорское величество изволилъ осчастливить надсмотрщика Григорія Талавирку, освѣщавшаго склепъ, милостивымъ вопросомъ, давно ли онъ служитъ при раскопкахъ. Выйдя изъ склена, его величество изволилъ спросить, все ли, достойное вниманія, осмотрѣно въ Херсонесѣ. «Все, ваше императорское величество». Его величество, милостиво подавая мнѣ руку, изволилъ благодарить меня за мои труды и пожелать успѣховъ въ будущемъ. Ея величество государыня императрица также осчастлививала меня, подавъ мнѣ руку. Многочисленная толпа, живой стѣной окружавшая храмъ, много вѣковъ пробывшій подъ землей и только наканунѣ высочайшаго пріѣзда оконченный раскопкой, восторженно проводила ихъ величества, и долго еще въ этой такъ недавно нѣмѣ не посѣщавшейся мѣстности раздавались радостные клики «ура!» и отдѣльныя группы лицъ весело обмѣнивались впечатлѣніями. Такъ закончился этотъ радостный день на развалинахъ древняго Херсонеса. Въ пятницу, 20-го, и въ субботу, 21-го сентября музей и раскопки храма изволили посѣтить августѣйшія дочери ихъ императорскихъ величествъ, и книга музея обогатилась еще тремя драгоценными подписями, которыя теперь приводятъ въ восторгъ многочисленныхъ посѣтителей Херсонеса.

**Древніе памятники христіанства въ Крыму;** У. Павловъ помѣстил въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» описаніе этихъ памятниковъ. Извѣстно, говоритъ онъ, что въ Крыму загорѣлся надъ Русью первый лучъ православія: здѣсь, въ Херсонесѣ (древней Корсуні), въ 988 году принялъ отъ грековъ крещеніе св. Владимиръ; здѣсь же, по преданію, произошло бракосочетаніе его съ православною византійскою принцессой Анной, и отсюда онъ взялъ въ Кіевъ священниковъ для крещенія Руси. Памятникомъ этого величайшаго событія русской исторіи служитъ великолѣпный храмъ св. Владимира на мѣстѣ древняго города Корсуні (въ 3-хъ верстахъ отъ Севастополя), освященный въ день празднованія 900-лѣтія крещенія Руси, 15 іюля 1888 года. Храмъ, въ строго византійскомъ стилѣ, находится на мѣстѣ развалинъ древняго храма, въ которомъ, по преданію, крестился св. Владимиръ. Стѣны этого древняго храма находятся внутри новаго храма. Но, кромѣ этого храма-памятника, въ Крыму много памятниковъ христіанства, относящихся къ болѣе еще отдаленнымъ временамъ. Древнѣйшимъ изъ такихъ памятниковъ является церковь св. Андрея Первозваннаго, находящаяся въ Инкерманскихъ пещерахъ (въ 12 верстахъ отъ Севастополя) и относящаяся ко II, а можетъ быть даже и къ I вѣку христіанства. Въ шестидесятыхъ годахъ перваго вѣка здѣсь проповѣдывалъ Евангеліе св. апостоль Андрей Первозванный. Въ 96 году въ Инкерманѣ былъ со-

сланъ императоромъ римскимъ Трояномъ <sup>1)</sup> въ заточеніе св. Климентъ, епископъ римскій. По сказанію лѣтописцевъ, онъ засталъ здѣсь, въ Инкерманскихъ пещерахъ, болѣе двухъ тысячъ христіанъ и усердно продолжалъ проповѣдь. Ко времени его мученической кончины (104 г.) въ Крыму было уже 73 христіанскія общины, имѣвшія свои храмы, высѣченные внутри горъ, дабы быть скрытыми отъ глазъ языческихъ. Древнѣйшій изъ такихъ храмовъ— Инкерманскій, сохранился до нашихъ дней. Въ 1852 году при храмѣ этомъ учреждена киноія; въ 1867 году археологомъ-художникомъ Д. Струковымъ, на средства москвича, П. П. Четверикова, произведена расчистка и реставрація храма, и устроенъ новый басменный иконостасъ. Въ 1880 году храмъ обновленъ неизвѣстными благотворителями, въ память посѣщенія Инкермана тогда цесаревной, нынѣ вдовствующею императрицей Маріей Феодоровной. Наконецъ, въ 1900 году освященъ древній престолъ св. Андрея Первозваннаго, высѣченный внутри скалы. Это древнѣйшій памятникъ христіанства на Руси. Кромѣ Инкермана, пещерные или «долбленные» (то-есть выдолбленные въ горахъ) храмы первыхъ вѣковъ христіанства сохранились еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ Крыма: въ Бахчисарафѣ, Мангунѣ Кале, Тепе-Керменѣ, Черкестъ-Керменѣ, Ай-Тодорѣ, Шульѣ и др. Извѣстный Георгіевскій монастырь (близъ Балаклавы) возникъ въ 891 году, то-есть существуетъ болѣе тысячи лѣтъ. А пещерный храмъ, при которомъ основался 1011 лѣтъ тому назадъ монастырь и который доселѣ существуетъ, принадлежитъ еще болѣе отдаленному времени. Храмовъ, существующихъ болѣе тысячи лѣтъ, сохранилось въ Крыму нѣсколько. Изъ нихъ особенно заслуживаетъ вниманія Судакскій храмъ (въ мѣстечкѣ Судака, древнемъ Сурожѣ). Здѣсь въ VIII вѣкѣ жилъ и скончался св. Стефанъ Сурожскій (епископъ), во имя котораго имѣется храмъ въ Кизилтагискомъ монастырѣ (въ 17 верстахъ отъ Судака). Сурожскій храмъ, современный св. Стефану, бывшему епископомъ въ Сурожѣ (нынѣшнемъ Судака), находится въ стѣнѣ, окружавшей древній городъ и еще въ началѣ XIX вѣка служилъ полковою церковью, нынѣ же находится въ разрушеніи и запустѣніи. Другой такой же храмъ находится въ Партенитѣ (между Гурзуфомъ и Алуштой), у подошвы горы Аю-Дагъ. Здѣсь въ VIII столѣтіи родился и жилъ святитель Іоаннъ, епископъ готѣйскій; здѣсь же онъ и погребенъ въ храмѣ, имъ построенномъ. Остатки этого древняго храма случайно открыты подъ дорогою въ 1871 году. Греческая надпись на камнѣ въ полу свидѣтельствуетъ, что храмъ сооруженъ былъ въ честь св. апостоловъ Петра и Павла «въ древнее время иже во святыхъ отцомъ нашимъ и архіепископомъ города Феодоро и всей Готеи Іоанномъ Исповѣдникомъ и возобновленъ въ 1422 году». Въ храмѣ имѣется каеэдра для епископа. Но онъ такъ и остается понынѣ въ развалинахъ. Возлѣ Алушты находятся двѣ скалы, Мутуль и Сераузь, съ остатками столь же древнихъ церквей и кладбищъ. Къ несчастью, всѣ эти драгоценные памятники древняго христіанства не только находятся въ полномъ разрушеніи, но и никѣмъ не охраняются, такъ что со временемъ легко могутъ и вовсе исчезнуть. О варварскомъ и безбожномъ, прямо кощунственномъ, отношеніи къ этимъ священнымъ

<sup>1)</sup> Въ то время Крымъ находился подъ властью Рима.

и дорогимъ памятникамъ, можно судить по слѣдующему примѣру: Въ двухъ-трехъ верстахъ отъ Инкерманской киновіи, подъ одною изъ Инкерманскихъ высотъ, сохранилась «долбленная» (пещерная) церковь, по всѣмъ даннымъ, столь же древняя, какъ и Инкерманская, то-есть относящаяся къ I или II вѣку христіанства. Вокругъ нея теперь устроены каменоломни, и, ненужная никому, церковь эта служитъ помѣщеніемъ для рабочихъ. На стѣнахъ, особенно въ алтарной части, мѣстами сохранились еще слѣды древняго письма. Среди нихъ сушится теперь на веревкахъ бѣлье, и въ самомъ алтарѣ устроены спальни семейныхъ рабочихъ. А чрезъ годъ-два, быть можетъ, даже чрезъ мѣсяць, церковь, выдолбленная внутри каменной горы, и совсѣмъ исчезнетъ, отколота я на камень для построекъ. Не станемъ уже говорить о религіозномъ чувствѣ. Но неужели эти древніе памятники не заслуживаютъ иного отношенія къ нимъ въ виду ихъ цѣнности въ смыслѣ церковно-археологическомъ и важности въ отношенія историческомъ? Неужели некому о нихъ позаботиться, нельзя и не должно охранять ихъ отъ разрушенія, уберечь отъ неизбѣжнаго исчезновенія?...

**Московское историческое общество.** Въ засѣданіи состоящаго при Московскомъ университетѣ историческаго общества Д. Н. Егоровъ прочелъ сообщеніе, касающееся политическихъ теорій Карла Великаго и ученія блаженнаго Августина, высказаннаго имъ въ трактатѣ «О градѣ Божіемъ». Эпоха Карла, говорилъ въ своей характеристикѣ изслѣдователь, есть время преобладанія государства надъ церковью. Власть Карла есть своего рода «цезаропанизмъ». Всѣ указанія на имперію, какъ на папскій даръ Карлу, на то, что величіе Карла есть только отраженіе папскаго величія, все это со стороны католическихъ писателей есть лишь замаскировка дѣйствительнаго факта. Характернѣе всего въ этомъ отношеніи только что вышедшая книга Кеттерера, трактующаго о вопросѣ объ отношеніи церкви къ государству при Карлѣ. «Эпоха Карла, говоритъ авторъ, наиблаженнѣйшее время брака церкви съ государствомъ». Карлъ сдѣлался «равнымъ папѣ». Пересмотру этого вопроса и посвящено изслѣдованіе докладчика. Фактъ вліянія Августина на Карла, любившаго за трапезой читать и спорить о Градѣ Божіемъ, бесспоренъ. Но дѣйствительное государственное построеніе сложилось у него далеко не по блаженному Августину. Вся схема Августина завершается не на землѣ, а на небесахъ—въ вѣчной обители. Идеальный христіанскій императоръ, говоритъ Августинъ, тотъ, кто по божьему управляетъ государствомъ. Противоположность благочестивыхъ и нечестивыхъ замѣнена была въ терминологіи Карла христіанами и варварами, при чемъ первымъ приписывается культурное превосходство. Между ними великая пропасть во взаимныхъ отношеніяхъ—принципальная вражда и безконечное единоборство. Языческій и вражій становятся синонимами, отсюда Священные войны. Это внѣшняя политика... Во внутренней политикѣ великая христіанская община представлялась не чѣмъ инымъ, какъ Франкскимъ государствомъ; отсюда необходимость всемірнаго владычества франковъ и патронатъ Карла надъ всѣми христіанами, будь они чужими подданными. Вообще точекъ соприкосновенія политической системы эпохи Карла со схемою Августина—чрезвычайно много. Поэтому, на первый взглядъ можно дѣйствительно подуматъ, что исторіографія права видѣть въ эпохѣ Карла своего

рода исполненіе предначертаній Августина; на самомъ же дѣлѣ это крупная ошибка. Фактическое положеніе Карловой монархіи было существенно другимъ, чѣмъ нарисовано Августиномъ. Августинъ рисуетъ образъ оцрквленія государства; эпоха Карла создала какъ разъ противоположное—огосударствленіе церкви. Не только высшая государственная власть была облечена всѣми атрибутами церковной власти, т.-е. папы, но и всѣ остальные государственныя свѣтскія власти получили такой же оттѣнокъ; съ другой стороны и высшія, и низшія церковныя власти перешли на положеніе простыхъ чиновниковъ въ государствѣ; на нихъ возлагались обязанности сборщиковъ податей, военачальниковъ, командировъ крѣпостей и пр. Все это чрезвычайно колебало авторитетъ духовныхъ лицъ. Кромѣ того, во всѣхъ чисто церковныхъ и серьезныхъ вопросахъ король сталъ обладать направляющею силой.

**С.-Петербургское археологическое общество; I.** Въ засѣданіи отдѣленія восточной археологіи, 31-го октября, подъ предсѣдательствомъ проф. барона В. Р. Розена, послѣ избранія изслѣдователя Тибета, Саратъ-Чандрадаса, въ иностранныя члены-сотрудники и прочтенія письма г. Григорьева о нѣкоторыхъ открытіяхъ въ Сибири, между прочимъ, о таинственныхъ письменахъ на скалѣ при рѣкѣ Смолянкѣ,—С. Θ. Ольденбургъ прочелъ рефератъ: «Легенда о Буддѣ въ буддійскомъ искусствѣ». Древнѣйшими извѣстными памятниками буддійскаго искусства являются памятники III—II вѣка до Р. Х.—эпохи расцвѣта буддизма въ Западной Индіи. Около Р. Х. появляется другая школа, подъ вліяніемъ искусства античнаго. Расцвѣтъ второй эпохи буддійскаго искусства относится уже къ I—VI вѣкамъ по Р. Х., съ этой эпохи начинается возрождаться національное средневѣковое искусство оказавшее вліяніе и внѣ Индіи. Какъ искусство религиозное, буддійское искусство, предметомъ изображеній имѣло легенды о Буддѣ—сцены изъ его земной жизни и его перерожденія. Но типъ Будды появляется уже во второй періодъ развитія искусствъ, въ первомъ Будда изображается лишь символически, часто, напримѣръ, въ формѣ отпечатка его ступней. Первоначальныя изображенія, гдѣ появляется типъ Будды, мало извѣстны, сцена смерти никогда среди нихъ не встрѣчается, дѣтство игнорируется; наиболѣе частою темою является проповѣдь Будды на небѣ. Позже устанавливается обычныя изображенія четырехъ сценъ изъ жизни Будды: 1) его чудеснаго рожденія; 2) искушенія его, т.-е. момента, когда онъ достигаетъ званія Будды; 3) Будда среди своихъ учениковъ, произносящій свою первую проповѣдь въ Бенаресѣ, и 4) смерть Будды Нирванни (у ногъ Будды плачущіе ученики). Позднѣйшее искусство даетъ уже длинную серію сценъ (IX вѣкъ по Р. Х.). Выдвинуть цѣлый рядъ новыхъ темъ, доминирующую роль среди которыхъ играютъ сцены борьбы Будды съ представителями другихъ религій. Вторымъ референтомъ выступилъ П. М. Меліоранскій, сдѣлавшій докладъ о возбудившихъ въ послѣднее время пренія въ ученomъ мѣрѣ турецкихъ словахъ «челебъ» и «челеби». Происхожденіе ихъ референтъ относитъ къ XIII вѣку по Р. Х., считая ихъ заимствованными изъ Малой Азіи. II. Въ засѣданіи русскаго отдѣленія 11-го ноября В. Н. Глазовъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ производящій по порученію общества раскопки кургановъ и другихъ могильныхъ насыпей въ Псковской губерніи, прочелъ докладъ о результатѣ своихъ изслѣдованій



лѣтомъ нынѣшняго года. Несмотря на дождливую погоду, докладчикъ произвелъ свои изысканія въ обширномъ, еще мало изслѣдованномъ районѣ двухъ уѣздовъ Псковской губерніи: Торонецкомъ и Холмскомъ. Главнымъ предметомъ изслѣдованія служили сравнительно позднія (XIII—XIV вѣка) жальничныя погребенія (въ низкихъ насыпяхъ). Они вообще встрѣчаются рѣдко, такъ какъ обыкновенно распахиваются мѣстными жителями. Кромѣ того, по наблюденію докладчика, въ Псковской губерніи очень сильно развито кладонискательство. Изслѣдованы были и курганы разнообразныхъ формъ — овалыныя и длинной формы. А. А. Спицынъ, резюмируя результаты работъ В. Н. Глазова, указать на огромную научную важность находокъ его нынѣшняго года. Предметы, найденныя изслѣдователемъ, даютъ при помощи аналогіи возможность опредѣленія періода, когда жило здѣсь то или другое изъ славянскихъ племенъ. Особенное значеніе имѣютъ длинные курганы. Эти курганы, приписываемые А. А. Спицынымъ смоленскимъ кривичамъ, указываютъ и на поселенія этого племени въ предѣлахъ указанныхъ выше уѣздовъ въ IX вѣкѣ. Торонецъ издавна былъ во владѣніи смоленскихъ князей. Но племя это жило, какъ показываютъ современныя изслѣдованія, и въ Витебской, Новгородской и Ярославской губ. (въ верховьяхъ Волги и на Мстѣ). По предложенію предсѣдателя, В. Н. Глазову за его неутомимые труды выражена была благодарность отдѣленія.

**Общество археологіи, исторіи этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ.** 29 ноября 1902 года состоялось общее собраніе общества. Въ числѣ текущихъ дѣлъ, предложенныхъ вниманію присутствующихъ, было заслушано извлеченіе изъ протокола совѣтскаго засѣданія общества, касающееся двадцать пятой годовщины послѣдняго; 18 марта 1903 года исполняется четверть вѣка со времени основанія общества, къ этому сроку имѣеть появиться въ печати общее оглавленіе издаваемыхъ обществомъ «Извѣстій» за все время ихъ существованія; подобная книга, конечно, нагляднѣе всяческихъ юбилейныхъ рѣчей покажетъ, каковы были заслуги общества по накопленію и обнародованію научнаго матеріала о прошломъ мѣстнаго края, а отчасти и соседнихъ областей. Трудъ составленія такого обзора принялъ на себя секретарь общества, Н. К. Горталовъ. Въ программу засѣданія было внесено пять научныхъ сообщеній, изъ которыхъ было прочитано четыре; пятое, за недостаткомъ времени, было отложено до слѣдующаго общаго собранія. Первый рефератъ, о. К. Ш. Прокопьева, озаглавленный «Новыя изысканія о бытѣ чувашъ. Бракъ чувашъ», представлялъ собою окончаніе доклада, начатаго въ предыдущемъ (октябрьскомъ) засѣданіи; референтъ подробно описалъ «свадьбу невѣсты», т. е. свадебные обряды, относящіеся къ невѣстѣ, а затѣмъ коснулся такъ называемыхъ краденыхъ свадебъ, т. е. умычки невѣстъ, до сихъ поръ практикующей у чувашъ, хотя въ большинствѣ случаевъ являющейся простымъ ритуальнымъ пережиткомъ прежняго фактическаго увоза невѣстъ. Затѣмъ членъ-сотрудникъ общества, К. В. Харламовичъ, сдѣлалъ докладъ «О первомъ опытѣ исторіи Казанской духовной семинаріи (1796 года)». Въ весьма рѣдкой книгѣ «Торжество Казанской Семинаріи, приносящей Высокопреосвященнѣйшему Амвросію, архіепископу Казанскому и Свіяжскому въ день тезоименитства Его высокопреосвященства усерднѣйшее поздравленіе 1795 года» напе-

чатаны краткія свѣдѣнія по исторіи Казанской семинаріи, почти неизвѣстные въ литературѣ по данному вопросу; референтъ сдѣлалъ попытку произвести практическую провѣрку сообщаемыхъ здѣсь извѣстій и въ результатѣ своей кропотливой и тщательной работы пришелъ къ заключенію, что данныя этого источника могутъ обогатить исторію семинаріи нѣсколькими новыми фактами. Въ виду этого обстоятельства, а также крайней рѣдкости брошюры «Торжество», послѣдняя будетъ перепечатана въ изданіи общества цѣликомъ, строка въ строку, съ приложеніемъ составленнаго г. Харламповичемъ комментарія. Слѣдующее сообщеніе касалось присланной г. Л. И. Люцинымъ копии съ рукописи, хранящейся въ архивѣ главнаго штаба и заключающей въ себѣ: «Описаніе бывшаго въ Башкирии замѣшанія въ 1755 году». Г. председатель общества, проф. Н. Ѳ. Катановъ, предложилъ напечатать этотъ документъ, касающійся извѣстнаго бунта Батырши, въ «Извѣстіяхъ» общества, съ его предисловіемъ, характеризующимъ личность Батырши и условія, способствовавшія начатому этимъ муллою движенію. Послѣдній рефератъ, о Г. Романова, озаглавленный «Чуваши въ Константинополѣ», ознакомилъ присутствовавшихъ съ весьма любопытной судьбой чувашской колоніи, въ 1860-хъ годахъ бѣжавшей изъ Россіи (изъ Саратовской губерніи) въ Турцію, гдѣ бѣглецы—магометане надѣялись найти болѣе благоприятныя условія для своей религіи. Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи жизнь въ Константинополѣ оказалась для нихъ болѣе удобной, нежели на родинѣ; но зато вся прочая обстановка ихъ въ столицѣ Турціи заставляеть ихъ по временамъ вздыхать о Россіи. Г. Романовъ приводилъ рассказы о житѣ-бытѣ чувашъ въ Константинополѣ изъ рукописи и устныхъ сообщеній одного чуваша, жительствоващаго въ Саратовской губерніи, но проѣздомъ въ Иерусалимъ и обратно дважды побывавшаго въ столицѣ Турціи. Простодушный, безхитростный тонъ повѣствованія не оставляетъ никакого мѣста сомнѣніямъ въ его полной достовѣрности, и потому остается только пожелать, чтобы общество поскорѣе ознакомило читателей «Извѣстій» съ интереснымъ рассказомъ.

**Археологическій институтъ.** 17-го ноября въ археологическомъ институтѣ В. Ф. Желѣзновымъ былъ прочитанъ весьма интересный рефератъ: «Оружіе русскихъ въ донетровскій періодъ». Тема эта привлекла въ аудиторію института много военныхъ всѣхъ родовъ оружія. Въ началѣ реферата докладчикъ обратилъ вниманіе слушателей на то, что со второй половины XIX вѣка оружіе начинаетъ изучаться въ исторіи искусства наравнѣ съ другими предметами. Между тѣмъ, и для исторіи и для археологіи изученіе это имѣетъ большое значеніе, такъ какъ оружіе съ самыхъ древнихъ временъ считалось всѣми народами важнѣе другихъ вещей; дѣлали его всегда лучшіе мастера, надъ изобрѣтеніемъ новыхъ видовъ и формъ оружія работали лучшіе умы. Всѣ народы Европы заимствовали оружіе съ Востока, но они видоизмѣняли его, сообразно своей національности. Въ Англіи въ 1896 г. возникъ всемірный кружокъ для изученія оружія; въ Россіи къ этому кружку принадлежатъ 5 учреждений и 12 лицъ. Лучшія коллекціи оружія въ Россіи находятся у графа Келера, графа Шереметева и черниговскаго земства (послѣднему коллекція пожертвована Тарновскимъ). Богатѣйшая коллекція древняго оружія въ московской Грано-

витой палатѣ, по словамъ докладчика, благодаря сырости помѣщенія и тому, что публика допускается къ осмотру палаты въ верхнемъ, часто мокромъ, платѣ и галошахъ, ржавѣтъ, портится. Если не будутъ приняты мѣры, то лѣтъ черезъ 20—25 коллекція эта можетъ исчезнуть. Разсматривая многочисленные образцы древняго русскаго оружія, г. Желѣзновъ пришелъ къ заключенію, что въ Россіи никогда не было національнаго типа оружія. До татарскаго нашествія мы имѣли оружіе, такъ называемое «франкское», которое чрезъ Новгородъ пріобрѣталось у западныхъ народовъ, норманновъ и нѣмцевъ. Послѣ татарскаго нашествія и до Петра I русскіе придерживаются оружія татаръ, такъ мечъ — оружіе западныхъ народовъ, замѣняется саблею, имѣющею восточное происхожденіе; до татаръ щиты у русскихъ были норманскіе, длинные, послѣ нашествія — они замѣняются круглыми татарскими. Къ оборонительному оружію нашихъ предковъ относились шлемы, шипаки, кольчуги, брони, щиты; къ наступательному — мечи, кинжалы, кошья, палицы, булавы и т. п. Иноземцы въ Россіи всегда имѣли оружіе своего образца. Прекраснымъ пособіемъ къ реферату были большіе рисунки древняго русскаго оружія, выполненные помощникомъ хранителя императорскаго эрмитажа барономъ Фелькерзамомъ. Докладъ г. Желѣзнова заинтересовалъ аудиторію и вызвалъ дружные аплодисменты слушателей. Менѣе интересенъ былъ рефератъ г. Васильченка «Время основанія Пскова». Референтъ изучилъ 18 лѣтописныхъ источниковъ, чтобы доказать, что «Псковъ былъ основанъ при князѣ Олегѣ, въ 882 г.». Однимъ изъ присутствующихъ было сдѣлано г. Васильченку мѣткое замѣчаніе, что историки скептической школы подвергаютъ сильному сомнѣнію существованіе и самого князя Олега; лѣтописные же источники имѣютъ мало значенія, такъ какъ до насъ дошла не первоначальная лѣтопись, а только списки съ нея.

**Библиологическое общество. I.** Въ обычномъ четверговомъ собраніи В. Ѳ. Боцяновскимъ сдѣланъ былъ докладъ о драмѣ А. С. Суворина «Царь Димитрій Самозванецъ». Докладчикъ изложилъ содержаніе драмы, при чемъ рельефно очертилъ оригинальную въ ней характеристику перваго самозванца. По мнѣнію докладчика, знаменитая загадка о Лжедмитріи I все-таки должна въ концѣ-концовъ считаться одинаково неразрѣшимой какъ для исторіи, такъ и для поэзіи. По поводу доклада Л. П. Лобовъ сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о постановкѣ въ свое время въ Петербургѣ драмы Чаева съ тѣмъ же сюжетомъ. Собраніе далѣе занималось обсужденіемъ вопроса о дѣятельности общества въ будущемъ году. Подготовлены матеріалы для задуманнаго въ обществѣ обширнаго труда по промышленной и экономической библиографіи. Организуются секціи при совѣтѣ для направленія дѣятельности общества въ области отдѣльныхъ научныхъ дисциплинъ. Вообще теперь имѣется въ виду узкую историко-литературную дѣятельность общества замѣнить библиологическою въ широкомъ смыслѣ слова. Справочное бюро общества, ютившееся до сихъ поръ въ помѣщеніи при библиотекѣ академіи наукъ, теперь переведено въ собственное помѣщеніе общества на Подольской ул. д. 11. Число членовъ общества продолжаетъ увеличиваться. II. 7-го ноября засѣданіе открылось рефератомъ президента А. М. Ловягина о книгѣ Завитневича «А. С. Хомяковъ» (Кіевъ, 1902). Затѣмъ А. I. Лященко сообщилъ о недавно вышедшемъ «Щукинскомъ сборникѣ». На

собраніи было сообщено о рѣшеніи ознаменовать юбилей періодической печати посвященіемъ ему декабрьской книжки «Литературнаго Вѣстника», въ которой предположено помѣстить статьи по исторіи русской журналистики. Справочное бюро, перемѣщенное недавно изъ академіи наукъ, начнетъ скоро дѣйствовать уже въ стѣнахъ собственнаго помѣщенія общества, при чемъ секретаремъ бюро избранъ А. В. Балдинъ. III. 7-е четверговое (обыкновенное) собраніе состоялось 14-го ноября въ помѣщеніи общества. Открылось оно интереснымъ сообщеніемъ А. Л. Липовскаго о вновь вышедшей книжкѣ Милюкова «Изъ исторіи русской интеллигенціи». Затѣмъ слѣдовалъ докладъ В. Θ. Бояновскаго о книгѣ «Жизнь Петра Ильича Чайковскаго», вызвавшій оживленный разговоръ объ извѣстномъ композиторѣ и о его музыкальной дѣятельности. Въ концѣ засѣданія членъ общества А. М. Филипповъ сдѣлалъ сообщеніе о своей поѣздкѣ (прошлую зиму) въ Копенгагенъ и о знакомствѣ съ молодымъ исландцемъ (студентомъ) Скули-Магнуссономъ, который въ теченіе 1½ года безъ помощи учителя довольно основательно изучилъ русскій языкъ. Г. Магнуссонъ по настоящее время переписывается съ г. Филипповымъ и въ послѣднемъ своемъ письмѣ, прочитанномъ на засѣданіи, предлагаетъ свои услуги библиологическому обществу въ качествѣ корреспондента для сообщенія свѣдѣній о датскихъ переводахъ русскихъ авторовъ. Общество рѣшило не порывать связи съ г. Магнуссономъ и принять съ благодарностью его предложеніе. Послѣ собранія состоялось засѣданіе совѣта общества. III. 8-е четверговое (обыкновенное) собраніе состоялось 21-го ноября въ помѣщеніи общества. Редакторъ «Литературнаго Вѣстника» А. І. Лященко познакомилъ присутствующихъ съ содержаніемъ статей, предположенныхъ къ напечатанію въ юбилейномъ номерѣ (къ 200-лѣтію періодической печати) журнала. Президентъ общества А. М. Ловягинъ сдѣлалъ сообщеніе съ изложеніемъ содержанія о вновь вышедшей книгѣ С. А. Бѣлокурова «Изъ духовной жизни московскаго общества XVII вѣка», подробно остановившись на интересной статьѣ «Юрій Крижаничъ въ Россіи». Затѣмъ Н. М. Лисовскій въ краткихъ словахъ далъ сочувственный отзывъ о рукописномъ трудѣ г. Лемке «Систематическій указатель статей, напечатанныхъ въ 27 періодическихъ изданіяхъ».

**Географическое общество.** I. 1-го ноября въ экстренномъ засѣданіи, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ П. П. Семенова, извѣстный шведскій ученый и путешественникъ Свенъ-Гединъ сдѣлалъ сообщеніе о своемъ путешествіи въ Центральную Азію, которое продолжалось 3 года, съ 1899 г. по 1902 г. Экспедиція была снаряжена на средства короля Оскара и въ некоторыхъ шведскихъ меценатовъ, при чемъ обошлась болѣе 40.000 р. Единственными помощниками Свенъ-Гедина явились четыре прикомандированныхъ къ нему русскихъ казака, о которыхъ онъ отзывается съ величайшей похвалой; они не только служили ему вѣрнымъ, преданнымъ конвоемъ, но дѣятельно помогали ему въ его научныхъ изысканіяхъ, дѣлая красивыя планомѣрныя съемки и производя очень тонкія наблюденія. Исходнымъ пунктомъ для путешествія былъ городъ Кашгаръ, откуда экспедиція двинулась по теченію рѣки Тарымъ до Лобъ-Нора, сдѣлавъ по ней такимъ образомъ 2.500 верстъ. Около озера Яни-Кель была устроена первая зимняя стоянка, откуда было совершено вѣ-

сколько сухопутныхъ экскурсій въ стороны, при чемъ изслѣдованы, главнымъ образомъ, озера, открытыя еще въ 1891 году генераломъ Пѣвцовымъ; озера эти образуются въ песчаныхъ углубленіяхъ береговъ Тарыма и не только по обыкновенію не питаютъ рѣки, но берутъ изъ нея воду, сильно истощая ее; озера эти передвигаются вверхъ, по теченію рѣки. Изъ главной квартиры экспедиціи, основанной въ Тетервикѣ, были произведены важнѣйшія экскурсіи на сѣверъ въ западную часть пустыни Гоби, въ Восточный, Средній и Западный Тибетъ, при чемъ удалось подойти довольно близко къ Хласѣ. Путешествіе черезъ Гоби, благодаря низкой температурѣ и отсутствію воды (приходилось питаться только хлѣбомъ и льдомъ), было очень трудно. Во время этого путешествія были сдѣланы очень интересныя раскопки по сѣверному берегу Лобъ-Нора, гдѣ встрѣтились развалины деревень и городовъ, въ которыхъ найдены были: различная посуда, китайскія монеты, прекрасно сохранившіяся, рѣзныя изображенія Будды, кости рыбъ тѣхъ же породъ, которыя мы встрѣчаемъ въ озерѣ Кара-Кошунъ, кости барановъ, зерна пшеницы и риса, деревянныя дощечки съ китайскими письменами и, наконецъ, обрывки рукописей, которые даютъ важныя открытія по отношенію къ историческимъ и физико-географическимъ свѣдѣніямъ объ этой странѣ; даты, встрѣчающіяся въ этихъ документахъ, относятся къ III вѣку по Р. Х. По сѣверному берегу Лобъ-Нора лежалъ, вѣроятно, почтово-караванный трактъ, жители занимались торговлей и земледѣльствомъ. Озеро Лобъ-Норъ на пути къ полному высыханію и лежитъ на одномъ уровнѣ съ Кара-Кошунъ, при чемъ послѣднее сокращается и передвигается къ сѣверу по направленію къ своему старому руслу. Весною 1901 г. Свенъ-Гединъ прошелъ на югъ по Тибету совершенно новымъ путемъ почти до озера Тенгри-Норъ, и намѣревался съ двумя своими спутниками, въ одеждахъ монгольскихъ богомольцевъ, проникнуть въ Хласу, но это, несмотря на всѣ хитрости, не удалось; путешественники были остановлены многочисленнымъ вооруженнымъ отрядомъ, посланнымъ далай-ламой, и силою возвращены на сѣверъ; пришлось повернуть на западъ и пройти по нагорью Тибета въ Кашмиръ. Свенъ-Гединомъ изъ этой поѣздки вывезенъ огромный картографическій и метеорологическій матеріалъ, на изданіе котораго потребуется около 40.000 рублей и богатая зоологическія и ботаническія коллекціи. II. Въ засѣданіи по отдѣленію географіи математической и физической 5-го ноября И. И. Толмачевъ сдѣлалъ сообщеніе: «Геологическая поѣздка въ Кузнецкій Алатау лѣтомъ 1902 года». Работая въ 1899 г. въ Алтайскомъ горномъ округѣ, Толмачевъ намѣтилъ много интересныхъ пунктовъ по геологическому и географическому матеріалу, въ особенности въ хребтѣ Алатау, для изслѣдованія котораго и былъ посланъ въ нынѣшнемъ году географическимъ обществомъ. Изслѣдованія его сосредоточились, главнымъ образомъ, на озерахъ, лежащихъ тамъ въ большомъ количествѣ, особенно на восточномъ склонѣ водораздѣла. Изслѣдованная мѣстность (по границѣ Томской и Енисейской губерній) является однимъ изъ безлюднѣйшихъ мѣстъ Сибири, благодаря трудностямъ путей. Тамъ не встрѣчается даже приисковъ. Перевалы достигаютъ до 2.000 метровъ, вездѣ слѣды ледниковаго періода, выражающіеся, главнымъ образомъ, въ моренахъ. Эти слѣды ледни-

ковъ встрѣчаются на вышинѣ отъ 1.000 до 1.800 метровъ. Озеро изслѣдовано и нанесено на карту 18, въ литературѣ же отмѣчено было до сихъ поръ всего два. Озера эти различны по типу, лежатъ на различныхъ высотахъ и срединены часто красивыми водопадами. Интересны они, главнымъ образомъ, по геологическому строенію своихъ береговъ. Глубина ихъ достигаетъ до 70 метровъ; многія изъ нихъ очень рыбны, рыба породъ сибирскихъ рѣкъ.

III. 25-го ноября вице-адмиралъ С. О. Макаровъ сдѣлалъ сообщеніе объ изслѣдованіи Сѣвернаго Ледовитаго океана при посредствѣ ледоколовъ. Обширный залъ собранія арміи и флота былъ переполненъ публикой. На докладѣ присутствовать министръ внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарь В. К. Плеве. Приступая къ настоящему сообщенію, адмиралъ Макаровъ указалъ на то, что главная цѣль его показать, насколько осуществилась и что можетъ обѣщать въ будущемъ его идея борьбы съ полярными льдами при помощи машинъ. Въ этихъ цѣляхъ былъ выстроенъ подъ его руководствомъ ледоколъ «Ермакъ», показавшій себя сразу крайне полезнымъ и быстро окупившій себя своею дѣятельностью въ Балтійскомъ морѣ. Въ 1899 г. адмиралъ Макаровъ двинулся на «Ермакъ» въ Ледовитый океанъ, введя такимъ образомъ въ его льды торговое желѣзное судно. Первый опытъ плаванія ледокола въ океанъ оказался не вполне удачнымъ, полярный ледъ, хотя и давалъ огромныя трещины отъ прикосновенія ледокола, но въ самыхъ точкахъ прикосновенія крѣпость его возрастала и обнаружилось мѣстное давленіе льда, подъ влияніемъ чего корпусъ ледокола съ трудомъ выдерживалъ напоръ льда, оказавшись для этого черезчуръ слабымъ. Пришлось вернуться назадъ и подкрѣпить ледоколъ, при чемъ носовую часть его рѣшено было совершенно передѣлать. Въ такомъ видѣ «Ермакъ» совершилъ въ 1901 г. второе путешествіе въ Ледовитый океанъ, оказавшееся гораздо успѣшнѣе перваго. «Ермакъ» выдерживалъ огромное давленіе, разбивая и подбирая подъ себя ледяныя глыбы, доходящія до 14-футовой толщины. «Ермакъ» два раза разными путями прошелъ отъ Новой Земли къ землѣ Франца-Иосифа. Правда, около Новой Земли ледоколъ былъ затертъ льдами въ теченіе трехъ недѣль, но произошло это, благодаря страшному наваливанію льдовъ на берегъ Новой Земли, происходящему отъ ностояннаго преобладанія тамъ южныхъ вѣтровъ, подъ влияніемъ которыхъ у береговъ нагромождаются глыбы льда до 60 футовъ вышины. Въ научномъ отношеніи экспедиція на «Ермакъ» дала огромную массу интереснаго матеріала. Во время плаванія ледокола жизнь кругомъ него кипѣла, его окружали стада птицъ, тюлени, бѣлые медвѣди, не обращавшіе на него никакого вниманія; ежедневное драгированіе доставляло изъ глубины водъ массу разнообразныхъ организмовъ, жизнь которыхъ тамъ очень обильна, особенно, гдѣ есть теченіе, организмы эти процвѣтаютъ въ водѣ съ температурой, соотвѣтствующей замерзанію, и представляютъ при этомъ собою часто формы, встрѣчающіяся подъ тропиками въ Атлантическомъ океанѣ. Самымъ отвратительнымъ животнымъ тамошнихъ водъ можно признать морского таракана, являющагося также монополистомъ Балтійскаго моря и пожирающаго все, попадающее на дно морское, чѣмъ собственно и объясняется, что ни одинъ трупъ погибшей «Русалки» не выплылъ на поверхность. Затѣмъ собрана была богатая бота-

ническая коллекція, при чемъ замѣчено, что микроскопическія водоросли имѣютъ огромное влияние на структуру льда. Изслѣдованіе самаго льда производилось тщательнымъ образомъ, что облегчалось тѣмъ, что глыбы льда или переворачивались самимъ «Ермакомъ» или подымались на его бортъ кранами; дѣлалось вычерчиваніе уровня моря посредствомъ мареграфа, тщательно измѣрялись температура и глубина воды, дѣлалась съемка земли фотографическимъ способомъ и многія другія научныя изслѣдованія. Такимъ образомъ вторую поѣздку «Ермака» въ Ледовитый океанъ надо считать вполне удачной, и если онъ былъ затертъ льдами на продолжительное время, то только благодаря неудачному сочетанію вѣтровъ, чего не можетъ произойти въ открытомъ океанѣ, гдѣ такое дѣйствіе вѣтровъ не продолжается болѣе 3, 4 дней и не можетъ повести за собой такого давленія льда, съ какимъ пришлось встрѣтиться «Ермаку» у береговъ Новой Земли. Съ большой увѣренностью можно сказать, что льды Ледовитаго океана поборимы съ помощью ледоколовъ, подобныхъ «Ермаку». Все это, по мнѣнію С. О. Макарова, настоятельно заставляетъ продолжать начатое дѣло и стремиться къ тому, чтобы ослабить холодность, съ которой относятся наши ученые къ осуществленію его мысли, проникнуть и изучить ту огромную страну, которая простирается на 2.500 верстъ въ длину и 1.500 въ ширину и которая извѣстна намъ менѣе обращенной къ намъ части луны; сдѣлать же это при несостоятельности всѣхъ уже испытанныхъ способовъ можно только съ помощью ледоколовъ, дающихъ, кромѣ того, прекрасную обстановку для научныхъ изслѣдованій. Во время сообщенія были показаны діапозитивы и кинематограммы, наглядно рисующіе толщю льда, который приходилось разбивать «Ермаку», и его движеніе среди полярныхъ льдовъ.

**Тверской музей.** Тверской городской музей, по обилію предметовъ, одинъ изъ богатѣйшихъ нашихъ музеевъ. Основанъ музей въ 1866 г., къ слову сказать, по инициативѣ тверского губернатора кн. Багратиона, того самаго, который позже, во время своего генераль-губернаторства въ Ригѣ, продалъ на фабрику множество драгоценныхъ для русской исторіи бумагъ тамошняго архива! Благодаря энергіи покойнаго А. К. Жизневскаго, музей имѣетъ около пятнадцати тысячъ предметовъ. Изъ нихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія: большой камень съ греко-славянскою надписью, вырытый Ѳ. Н. Глинкой въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, каменный крестъ XII (?) вѣка, вѣсомъ 57 пудовъ, изъ красноватаго песчаника, по древности надписи занимающій первое мѣсто послѣ знаменитаго тмутараканскаго камня, иконы св. Владимира и преп. Аркадія Новоторжскаго, одно изъ лучшихъ произведеній знаменитаго Симсона Ушакова, и икона преп. Ефрема, съ видомъ Торжка, рѣдчайшій змѣевикъ XII вѣка, большіе стѣнные часы работы извѣстнаго самоучки Т. С. Волоскова, серебряная цилиндрическая коробка съ эмалью и рисунками, цѣнное собраніе монетъ восточныхъ и русскихъ, отличная коллекція гравюръ великаго Уткина, рѣдкіе образцы живописи по стеклу XVI — XVII вѣка, автографы Александра I, Карамзина, Крылова и др. Въ настоящее время музей находится въ собственномъ помѣщеніи, въ зданіи губернаторскаго дома,

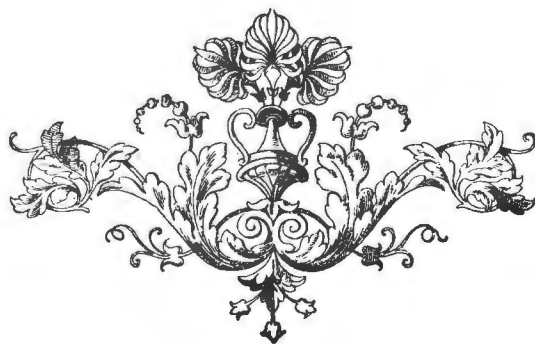
тогда какъ раньше номѣщался при гимназін. Но суммы, отпускаемыя на его содержаніе, попрежнему мизерны: 1.000 р. въ годъ даетъ министерство народнаго просвѣщенія, 300 р. земство и 200 р. городъ. Между тѣмъ музей заслуживаетъ полной поддержки.

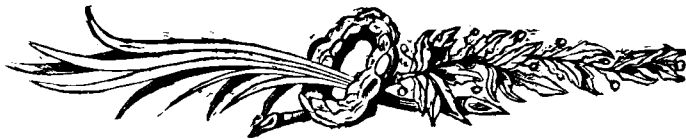
**Археологическія раскопки въ Орловской губерніи.** Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» сообщалось уже о произведенныхъ членомъ-сотрудникомъ петербургскаго археологическаго института В. Р. Апухтинымъ раскопкахъ— въ прошломъ году въ Орловской губерніи, а нынѣшнимъ лѣтомъ—на сѣверномъ Кавказѣ. Минувшею осенью г. Апухтинъ продолжалъ свои работы въ сѣверной части Орловской губерніи. Орловскій край только еще едва затронуть въ археологическомъ отношеніи. Раскопано 12 городищъ и 10 кургановъ; по типу фрагментовъ глиняной посуды, эти городища можно раздѣлить на два вида. Въ однихъ — обломки посуды изъ слабо-обожженной глины, съ примѣсью кварца и толченыхъ раковинъ, приготовлены ручнымъ способомъ безъ гончарнаго круга и покрыты примитивнымъ орнаментомъ. Найденныя орудія приготовлены лишь изъ кости и камня. Другія городища относятся къ болѣе поздней эпохѣ; черепки посуды, приготовленной на гончарномъ кругѣ, покрыты затѣйливымъ орнаментомъ и сопровождаются находками желѣзныхъ орудій. Большая часть кургановъ оказались съ обрядомъ сожженія, которое происходило внѣ кургана. Перегорѣлыя затѣмъ кости собирались въ погребальныя урны. Это подтверждаетъ слова лѣтописи о погребальномъ обрядѣ витичей, которые «сидѣли» по средней Окѣ, т.-е. сѣверной части нынѣшней Орловской губерніи и сосѣдней Калужской губерніи. Но всего интереснѣе—это находка трехъ неолитическихъ стоянокъ на песчаныхъ берегахъ притоковъ рѣки Оки (Нугръ, Вытебеть и др.). Съ этихъ стоянокъ собрано до 100 экземпляровъ каменныхъ орудій: изящно отбитыхъ наконечниковъ стрѣлъ и дротиковъ, полированныхъ и отбивныхъ топоровъ, молотковъ, долотъ, ножей и скребковъ. Фрагменты глиняной посуды покрыты сплошь углубленіями. Предполагаютъ, что жители каменнаго періода дѣлали это для того, чтобы жаръ черезъ углубленія легче проникалъ внутрь сосудовъ. Съ весны г. Апухтинъ предполагаетъ продолжать свои изслѣдованія по средней части Орловской губерніи.

**Городище каменнаго вѣка.** Въ Потемкинскомъ саду, въ Екатеринославѣ, по изслѣдованію профессора В. Б. Антоновича, имѣются остатки городища каменнаго вѣка неолитической эпохи. Производство общихъ изслѣдованій независимо даже отъ того, изъявить ли на это согласіе мѣстное дворянство, представляетъ, по словамъ «Приднѣпровскаго Края», то затрудненіе, что культурные пласты хотя и значительно глубоки, но перемѣшаны, благодаря производству разновременныхъ нивеллировокъ сада и проведенію въ немъ аллей. Въ теченіе непродолжительнаго времени, употребленнаго на обслѣдованіе сада, было найдено значительное число остатковъ сосудовъ каменнаго вѣка, небольшихъ черепочковъ съ весьма характернымъ орнаментомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, выяснилось, что во многихъ мѣстахъ сада были про-



изведены не существовавшія еще нѣсколько дней тому назадъ выемки, произведенныя, очевидно, кѣмъ-то послѣ послѣдняго археологическаго доклада въ научномъ обществѣ. Было бы нежелательно, основательно замѣчаетъ газета, чтобы всѣ случайныя находки передавались въ мѣстный музей, а также приняты были мѣры противъ самовольныхъ раскопокъ со стороны. Кромѣ того, былъ обследованъ и примыкающій къ архіерейскому саду оврагъ, въ которомъ найдены остатки пещеры.





## НЕКРОЛОГИ.



**А**СКНАЗИЙ, И. Л. Въ Москвѣ скончался 6-го декабря академикъ исторической живописи, Исаакъ Львовичъ Аскназій. И. Л., сынъ небогатыхъ родителей, родился въ г. Дриссѣ 16-го января 1856 г. Въ 1870 г. 14 лѣтъ онъ былъ принятъ вольнослушателемъ въ академію художествъ, а въ 1874 г. по выдержаніи экзаменовъ изъ учебнаго курса зачисленъ въ ученики. Въ академіи И. Л. быстро обратилъ на себя вниманіе профессоровъ своими талантливо исполненными этюдами и эскизами, за которые ему еще въ 1878 и 1879 гг. были присуждены двѣ золотыя медали. Въ 1880 г. И. Л. былъ отправленъ за границу на казенный счетъ. Поѣздка эта дала молодому художнику возможность изучить работы великихъ мастеровъ живописи. Въ 1880 г. въ Вѣнѣ имъ были исполнены эскизы для задуманныхъ имъ большихъ картинъ: «Іоаннъ Креститель въ ожиданіи палача, который спускается къ нему въ тюрьму съ блюдомъ и мечемъ», «Палачъ съ головой Іоанна Крестителя», «Смерть еврейскаго поэта Іегуды-бенъ-Галеви» (изъ стих. Гейне), и нѣсколько второстепенныхъ картинокъ. Въ Римѣ И. Л. приступилъ къ созданію своей извѣстной картины «Палачъ», пріобрѣтенной впоследствии академіей художествъ. Здѣсь же талантливый художникъ написалъ и свою вторую выдающуюся картину «Моисей въ пустынѣ», находящуюся теперь въ картинной галлерей Третьякова въ Москвѣ. Въ 1883 г. И. Л. принялся за начатыя ранѣе картины, которыя онъ представилъ академіи художествъ въ 1885 г. За эти картины «Игра въ кости» съ тремя этюдами: «Холодъ», «Головка итальянки» и «Женщина съ чулкомъ», И. Л. былъ удостоенъ званія академика. Въ дальнѣйшемъ И. Л. продолжалъ неуспынно работать. Почти ежегодно онъ выставялъ свои картины. Такъ въ 1887 г. имъ написана картина «Скорбныя вѣсти», въ 1888 г. «Канунъ субботы» (1899 г.). Вообще, И. Л. охотно и много писалъ изъ міра евреевъ, среду и бытъ которыхъ онъ прекрасно изучилъ. Его картины изъ еврейской жизни дышатъ глубокимъ проникновеніемъ. Кромѣ перечисленныхъ изъ быта евреевъ картинъ,

имъ написаны еще: «Женихъ талмудистъ, испытумый раввиномъ въ присутствіи родителей его и невѣсты» (1890 г.), «Родители Моисея» и др. (1892 г.). За свою картину «Канунъ субботы» П. Л. получилъ бронзовую медаль на всемірной парижской выставкѣ въ 1889 г. Черезъ 10 лѣтъ на ту же всемірную выставку онъ представилъ картину «Экклезіастъ», приобретенную академіей художествъ. Съ 1892 по 1899 г. П. Л. написалъ рядъ картинъ, въ числѣ которыхъ было много выдающихся. Таковы: «Утренній визитъ», «Въ раздумьѣ», «Юность и старость» и др. (Некрологъ его: «Сѣверо-Западное Слово», 1902 г., № 1451).

† **Грабовскій, П. А.** Въ Tobольскѣ скончался отъ чахотки Павелъ Арсеньевичъ Грабовскій, малорусскій поэтъ, издавшій въ Галиціи два тома стихотвореній. Сынъ священника Харьковской губ., П. А. по окончаніи семинаріи поступилъ въ Харьковскій университетъ, «но курса не окончилъ». Съ первыхъ же шаговъ студентства онъ почувствовалъ склонность къ литературѣ и съ первыхъ же шаговъ попалъ въ руки какого-то профессора, эксплуатировавшаго его труды и знанія по народному образованію для изданія солиднаго сочиненія по этой отрасли: П. А. отъ этого труда осталась одна честь совмѣстной съ профессоромъ работы. Поселившись въ Сибирь, онъ корреспондировалъ въ разныя газеты: въ «Степной Край», «Сибирскій Листокъ» и «Восточное Обозрѣніе». Въ этой газетѣ П. А. писалъ и стихи, и его послѣднее стихотвореніе было «Журавли». Поселившись въ Tobольскѣ, онъ принималъ живое участіе въ «Сибирскомъ Листкѣ», особенно первое время. Жилось ему трудно, приходилось браться за всякую работу, что при его распатанномъ здоровьѣ дешево давалось. (Некрологъ его: «Восточное Обозрѣніе», 1902 г., № 287).

† **Дружининъ, Я. А.** 12-го декабря скончался почетный опекунъ опекунскаго совѣта учрежденій императрицы Маріи по с.-петербургскому присутствію, генералъ-отъ-артилеріи Яковъ Александровичъ Дружининъ. Родился онъ въ 1830 году. Происходя изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи, образованіе Я. А. получилъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, гдѣ въ 1849 году, по выдержаніи экзамена, былъ произведенъ въ прапорщики, съ зачисленіемъ по артиллеріи и съ оставленіемъ при артиллерійскомъ училищѣ, для продолженія курса наукъ; по окончаніи же курса въ старшемъ офицерскомъ классѣ, въ 1851 году, по приказанію его императорскаго высочества наслѣдника цесаревича, главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, отчисленъ отъ училища на дѣйствительную службу л.-гв. 1-ю артиллерійскую бригаду, куда былъ переведенъ чрезъ годъ. Въ бригадѣ Я. А. оставался не долго: въ 1856 году онъ былъ прикомандированъ къ Пажескому его императорскаго величества корпусу на должность помощника инспектора классовъ. Съ этого времени почти всю службу покойный Я. А. провелъ по военно-учебному вѣдомству. Произведенный въ 1864 году въ полковники, онъ въ слѣдующемъ году былъ назначенъ инспекторомъ классовъ того же корпуса. На должности инспектора классовъ корпуса Я. А. оставался до 1873 года, когда былъ назначенъ начальникомъ приготовительнаго пансіона при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ. Въ томъ же году онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры съ оставленіемъ въ занимаемой должности и съ зачисленіемъ по полевой пѣшей артил-

леріи, а через пять лѣтъ (въ 1878 г.) — былъ назначенъ директоромъ того же пансіона, переименованнаго впоследствии въ Николаевскій кадетскій корпусъ. Директоромъ корпуса покойный Я. А. пребылъ до 1900 года, когда сперва былъ назначенъ состоять для порученій сверхъ штата при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, а потомъ — почетнымъ опекуномъ опекунскаго совѣта учрежденій императрицы Маріи и зачисленъ въ списки Николаевского кадетскаго корпуса. (Некрологъ его: «Русскій Инвалидъ», 1902 г., № 270).

† **Ефимовъ, В. В.** 4-го декабря, скончался ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, по кафедрѣ римскаго права, Василій Владимировичъ Ефимовъ. Покойный родился въ 1857 году и учился во 2-й петербургской гимназіи, а затѣмъ, съ 1876 года, на юридическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета. По окончаніи курса въ 1880 году со степенью кандидата и съ золотою медалью за сочиненіе на тему «О назначеніи наследника ex herede», онъ былъ оставленъ при томъ же университетѣ для приготовления къ профессорскому званію. Съ 1882 года молодой ученый по выдержаніи магистерскаго экзамена сталъ читать лекціи по исторіи римскаго права въ качествѣ приватъ-доцента. Въ 1885 году защитилъ магистерскую диссертацию «Очерки по исторіи древне-римскаго родства и наследованія» и съ того же года получилъ званіе экстраординарнаго профессора. Въ 1888 г. защитилъ диссертацию на доктора подъ заглавіемъ «Посильная отвѣтственность должника по римскому праву» и въ слѣдующемъ 1889 г. состоялъ ординарнымъ профессоромъ. Въ теченіе двадцатилѣтней своей ученой дѣятельности В. В. Ефимовъ напечаталъ слѣдующіе труды: «О мусульманскомъ бракѣ» («Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права», 1883 года), «Лекціи римскаго права» (С.-Петербургъ, 1884 года, 208 стр.), «Наслѣдованіе римлянъ въ завѣщанномъ имуществѣ» («Юридическая Лѣтопись», 1890 года), «Догма римскаго права» (С.-Петербургъ, 1898 года) и «Лекціи по исторіи римскаго права» (С.-Петербургъ, 1898 года). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1902 года, № 237).

† **Кантакузинъ, князь, Г. Л.** 2-го декабря въ Штуттартѣ скончался чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при дворѣ королевско-виртембергскомъ, гофмейстеръ двора его императорскаго величества, князь Г. Л. Кантакузинъ. Покойный родился въ 1843 году. Образование получилъ домашнее. Въ 1863 году поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, въ московскій главный архивъ, канцелярскимъ чиновникомъ. Въ слѣдующемъ году Г. Л. былъ назначенъ третьимъ переводчикомъ въ томъ же архивѣ. Въ 1865 году онъ былъ отчисленъ въ вѣдомство министерства иностранныхъ дѣлъ съ откомандированіемъ для занятій въ канцелярію министерства. Въ томъ же году покойный Г. Л. былъ назначенъ исполняющимъ должность третьяго секретаря той же канцеляріи. Въ 1867 году вступилъ на дипломатическую службу и назначенъ былъ и. д. младшаго секретаря посольства въ Вѣнѣ. Въ 1868 году князь всемилостивѣйше пожалованъ былъ въ званіе камеръ-юнкера высочайшаго двора. Въ 1872 году онъ былъ перемѣщенъ на должность младшаго секретаря посольства въ Парижѣ. Спустя три года, Г. Л. назначенъ былъ

вторымъ секретаремъ того же посольства. Въ 1878 году состоялъ первымъ секретаремъ посольства въ Вѣнѣ. Въ 1883 году Г. Л. переведенъ на должность совѣтника посольства въ Лондонѣ. Затѣмъ, черезъ два года всемиловѣйше пожалованъ былъ въ званіе камергера высочайшаго двора. Въ томъ же году назначенъ былъ совѣтникомъ посольства въ Вѣнѣ. Въ 1886 году произведенъ за отличіе по службѣ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ 1892 году Г. Л. высочайше повелѣно быть чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Въ слѣдующемъ году ему объявлена была высочайшая его императорскаго величества благодарность за успѣшное исполненіе возложеннаго на него отвѣтственнаго порученія по заключенію экстрадиціонной конвенціи между Россіей и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами. Затѣмъ въ 1895 году онъ былъ всемиловѣйше пожалованъ въ гофмейстеры высочайшаго двора и въ томъ же году назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при дворахъ королевско-виртембергскомъ и великогерцогско-баденскомъ, а въ 1897 году Г. Л. былъ уволенъ отъ должности чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при великогерцогско-баденскомъ дворѣ съ оставленіемъ въ той же должности при дворѣ королевско-виртембергскомъ. (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1902 года, № 334).

† **Карасевичъ, Н. Л.** 28-го ноября скончался послѣ тяжкой болѣзни помощникъ директора императорскаго сельско-хозяйственнаго музея Николай Леонтьевичъ Карасевичъ. Покойный пользовался извѣстностью знающаго агронома. Въ 1892 году былъ избранъ ученымъ секретаремъ Вольно-Экономическаго общества и принималъ въ его дѣятельности въ теченіе четырехъ лѣтъ видное и близкое участіе, редактируя между прочимъ «Труды» этого общества. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ научныхъ работъ и изслѣдованій, напечатанныхъ преимущественно въ специальныхъ изданіяхъ. Его трудъ по естественной исторіи пчелы отмѣченъ большой золотой медалью Вольно-Экономическаго общества. Н. Л. родился 30-го ноября 1839 года, образованіе получилъ въ кишиневской гимназій и въ Горыгорѣцкомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ, въ которомъ кончилъ курсъ со званіемъ агронома перваго разряда и съ золотой медалью. По окончаніи курса былъ оставленъ при институтѣ въ качествѣ приватъ-доцента, но вскорѣ переселился въ Петербургъ и читалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ агрономію въ бывшемъ Земледѣльческомъ, нынѣ Лѣсномъ институтѣ. Одновременно занималъ должность помощника директора сельско-хозяйственнаго музея, заботился о возможно лучшемъ оборудованіи этого только-что возникшаго учрежденія и преподавалъ политическую экономію и статистику въ Пажескомъ корпусѣ и Константиновскомъ военномъ училищѣ. Усиленные занятія въ Вольно-Экономическомъ обществѣ заставили его почти совсѣмъ прекратить преподавательскую дѣятельность. Въ качествѣ знатока сельскаго хозяйства Н. Л. былъ неоднократно избираемъ министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ делегатомъ на сельско-хозяйственныя и промышленныя выставки. Какъ общественный дѣятель, покойный пользовался среди знавшихъ его общимъ расположеніемъ. Всегда любезный, правдивый и готовый оказать посильную помощь, онъ оставилъ по себѣ хорошую память. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 года, № 9606).

† **Климентовъ, П. С.** 11 ноября скончался въ Томскѣ профессоръ Томскаго университета и предѣдатель юридическаго общества, состоящаго при университетѣ, Петръ Степановичъ Климентовъ. П. С. умеръ молодымъ, 28 лѣтъ; родился онъ въ 1877 г., кончилъ курсъ Московскаго университета въ 1898 г. Уже въ университетѣ онъ читалъ рефераты. Товарищи слушали его; ихъ поражала богатая эрудиція П. С., но сильнѣе всего у нихъ получалось одно впечатлѣніе: «какой хорошій человекъ!..» П. С. въ 1899 году былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, блестяще сдалъ въ 1901 году магистерскій экзаменъ и немедленно же былъ назначенъ профессоромъ финансоваго права въ Томскій университетъ, согласно ходатайству факультета.

Не уснѣлъ П. С. пробыть годъ профессоромъ въ Томскѣ, какъ его, молодого человека 28—29 лѣтъ, избрали предѣдателемъ юридическаго общества. Студенты его обожали, мѣстная печать неизмѣнно отзывалась о немъ съ большимъ уваженіемъ...

Гдѣ бы ни появлялся этотъ человекъ, всюду онъ завоевывалъ общее расположеніе. И не потому привлекалъ къ себѣ симпатіи покойный, что былъ безличенъ—ни холоденъ, ни горячъ. Нѣтъ, идеалы П. С. были очень опредѣленные, его общественные взгляды ясны и непоколебимы, его рѣчь часто звучала суровымъ осужденіемъ. Но всякій, въ комъ уцѣлѣла душа живая, невольно чувствовалъ, какъ безкорыстенъ, какъ чистъ, какъ искрененъ и свѣтелъ этотъ молодой ученый, молодой общественный дѣятель.

Блестящихъ способностей П. С., какъ ученаго, отрицать никто не рѣшится: богатая память, удивительное трудолюбіе, изумительное умѣніе обобщать—все это было въ распоряженіи П. С.

Какъ профессоръ, онъ общался еще больше, потому что былъ прекраснымъ ораторомъ, вдохновеніе котораго передавалось слушателямъ. Онъ умѣлъ разбудить интересъ къ наукѣ, умѣлъ «глаголомъ жечь сердца людей». Въ немъ воплотились и лучшія нравственныя традиціи Московскаго университета.

Пріѣхавъ въ Томскъ, П. С. въ своей вступительной лекціи сказалъ слушателямъ Томскаго университета: «Однимъ изъ васъ черезъ годъ, другимъ черезъ два, предстоитъ сдѣлаться культурными работниками въ нашей далекой окраинѣ... Запасайтесь же знаніемъ для того, чтобы работать на пользу культуры во всеоружіи просвѣщенной мысли. Берите изъ своей молодой *alma mater* все, что можно взять. Съ жаждой знанія вступайте въ храмъ и моея науки. По силѣ возможности я пойду навстрѣчу вашимъ научнымъ стремленіямъ». Прошлое лѣто П. С. прожилъ въ Петербургѣ и работалъ въ архивахъ министерства финансовъ, собирая матеріалы для своей предполагавшейся диссертациі, посвященной одному изъ видовъ косвеннаго обложенія.

И когда на дворѣ, купаясь въ солнцѣ, играть веселый день, и товарищи соблазняли Климентова «пріобщиться къ жизни», онъ прямо отстранялъ отъ себя эти соблазны и зарывался въ пыльныхъ документахъ—свидѣтеляхъ прошлаго, и въ своихъ книгахъ. И съ какимъ восторгомъ, съ какой радостью, возвращаясь ихъ архива домой, онъ рассказывалъ о тѣхъ неожиданныхъ открытіяхъ, которыя онъ сдѣлалъ въ «пыли вѣковъ»!

Это былъ ученый по призванію, не чиновникъ отъ науки и не приватъ-звонарь, мечтающій о карьерѣ. Какъ ребенокъ, наивный въ житейскихъ мело-

чахъ, онъ обнаруживалъ острый умъ и недюжинную критическую мысль въ вопросахъ, которые были связаны съ его научными занятіями, и которые онъ разрабатывалъ, примыкая къ прогрессивнымъ теченіямъ въ области современной науки.

(Некрологи его: «Сибирская Жизнь», 1902 г., № 248, 279; «Сибирскій Вѣстникъ» 1902 г., № 249; «Русскія Вѣдомости» 1902 г., № 315; «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1902 г., №№ 313 и 315).

† **Кривошеинъ, А. К.** Въ Могилевской губ., въ своемъ имѣніи Шкловъ скончался 12-го ноября послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни Аполлонъ Константиновичъ Кривошеинъ, бывший министръ путей сообщенія. Онъ происходилъ изъ дворянскаго рода. Дѣдъ его участвовалъ въ походахъ подъ начальствомъ Суворова. Покойный родился въ 1833 г., службу началъ офицеромъ артиллеріи, затѣмъ окончилъ курсъ въ Михайловской артиллерійской академіи и покинулъ военную службу, опредѣлившись вскорѣ дѣлопроизводителемъ департамента народнаго просвѣщенія. Въ 1866 г. вновь оставилъ службу, уѣхалъ на югъ, въ 1870-хъ годахъ былъ избранъ предводителемъ дворянства въ Ростовѣ-на-Дону, съ 1874 г. по 1877 г. былъ городскимъ головою въ этомъ городѣ. Въ 1885 г. причислился къ министерству внутреннихъ дѣлъ и участвовалъ въ качествѣ представителя отъ министерства во временномъ управленіи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ совѣтѣ по тарифнымъ дѣламъ и въ нѣсколькихъ комиссіяхъ по желѣзнодорожнымъ вопросамъ. Зимой 1891 г., въ моментъ кризиса продовольственнаго дѣла, былъ назначенъ директоромъ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. При немъ была принята коренная реформа статистики страхового и продовольственнаго дѣла. Въ слѣдующемъ году покойный былъ назначенъ управляющимъ министерствомъ путей сообщенія. Министерствомъ онъ управлялъ до 1895 г., когда и вышелъ въ отставку. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902 г., № 9590).

† **Мещерскій, А. И.** Въ ноябрѣ скончался Арсеній Ивановичъ Мещерскій, профессоръ пейзажной живописи, нѣкогда пользовавшійся большой популярностью въ художественномъ мірѣ Петербурга. Уроженецъ Тверской губерніи, Вышневолоцкаго уѣзда (родился 1834 г.), А. И. съ 1854 по 1857 г. учился въ академіи художествъ подъ руководствомъ сперва Бруни, а потомъ С. М. Воробьева и фонъ-Неффа. По полученіи первой серебряной медали за пейзажъ, бывший на академической выставкѣ 1857 года, «Утро въ окрестностяхъ Фридрихсгама», А. И. отправился на свой счетъ за границу. Поселившись въ Женевѣ, онъ учился у знаменитаго пейзажиста Калама и съ тѣхъ поръ оставался его вѣрнымъ послѣдователемъ. Въ 1858 году онъ просилъ совѣтъ академіи разрѣшить ему писать за границей на 2-ю золотую медаль: «Видъ въ Савойѣ», но ему было отказано въ этомъ, такъ какъ въ то время программы на медали, по академическимъ правиламъ, должны были писаться въ Петербургѣ. Въ 1859 г. А. И. прислалъ изъ-за границы для выставки «Швейцарскій видъ» (льды въ Ландекѣ) и получилъ за этотъ пейзажъ первую золотую медаль съ правомъ на заграничное пенсіонерство. Послѣдующіе четыре года онъ совершенствовался въ живописи на казенный счетъ. Тогда же онъ побывалъ въ Крыму. Но большую часть срока своего пенсіонерства онъ провелъ въ Швейцаріи, сбли-

зился съ Каламомъ и пользовался его совѣтами. Изъ произведеній его того времени на академическихъ выставкахъ находились: въ 1860 г.—«Видъ въ Оберландѣ въ Швейцаріи» и «Видъ Женевы», въ 1861 г.—«Закатъ солнца» и «Видъ на южномъ берегу Крыма», въ 1863 г.—пять швейцарскихъ видовъ, «Буря въ Альпахъ» и «Видъ въ Крыму». Вернувшись въ Петербургъ въ 1884 г., онъ былъ признанъ академикомъ пейзажной живописи за картины, бывшія на академической выставкѣ того года—«Утро на южномъ берегу Крыма» и «Видъ въ окрестностяхъ Луги», а въ 1876 г. ему дано было и званіе профессора. Съ 1872 г. А. И. выставялъ свои произведения въ академіи художествъ, за исключеніемъ 1885 г., когда два пейзажа его («Февральское утро» и «Утро въ Малороссіи») были на выставкѣ «Товарищества передвижныхъ выставокъ». Наиболѣе удавались ему горные пейзажи и зимніе мотивы. Красивыми эффектами освѣщенія отличаются его лѣсныя чащи. А. И. подготовилъ самъ немало послѣдователей, пишущихъ въ его манерѣ. Со времени учрежденія общества петербургскихъ художниковъ онъ былъ первымъ предсѣдателемъ его и постояннымъ экспонентомъ, а также не менѣе дѣятельнымъ членомъ и въ обществѣ «Понедѣльниковъ». Скончался А. И. отъ астмы. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9591).

† **Назимовъ, П. Н.** 10-го декабря скончался членъ адмиралтействъ-совѣта, адмиралъ Павелъ Николаевичъ Назимовъ, происходившій изъ древнерусской семьи псковскихъ дворянъ, которые почти всѣ служили во флотѣ. И дѣдъ, и отецъ покойнаго П. Н. умерли адмиралами. П. Н. родился 27-го іюня 1829 г., образованіе получилъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ и былъ произведенъ въ мичманы въ 1847 году. Въ этомъ же году П. Н. отправился въ первое кругосвѣтное путешествіе на парусномъ суднѣ. Около 45-ти лѣтъ покойный провель въ плаваніяхъ.

Второе свое кругосвѣтное путешествіе П. Н. совершилъ на крейсерѣ «Паллада», на которомъ находился также нашъ знаменитый романистъ П. А. Гончаровъ, охарактеризовавшій молодого мичмана, какъ симпатичнаго, даровитаго и трудолюбиваго моряка, милаго товарища, готоваго на всякія жертвы для своихъ сослуживцевъ и товарищей.

Въ 1854 году онъ былъ назначенъ командиромъ винтовой лодки «Буря»; въ томъ же году ему объявлено монаршее благоволеніе «за челолюбивый поступокъ, оказанный имъ при спасеніи двухъ крестьянъ съ погибаваго вольнаго судна»; съ 1858 по 1861 годъ состоялъ при російскомъ консулѣ въ Хакодате въ Японіи; по возвращеніи отсюда состоялъ нѣкоторое время старшимъ офицеромъ на фрегатѣ «Александръ Невскій», а затѣмъ въ 1863 году назначенъ состоять въ распоряженіи кораблестроительнаго департамента и завѣдующимъ гребнымъ портомъ въ С.-Петербургѣ; въ томъ же году назначенъ командиромъ ботика наслѣдника цесаревича «Увалень», въ 1865 году—командиромъ винтового клипера «Абрекъ», въ 1871 году—командаромъ винтового корвета «Витязь», въ 1876 году—командиромъ броненоснаго фрегата «Мининъ»; произведенный въ 1883 году въ контръ-адмиралы, П. Н. назначенъ въ 1884 году командующимъ шхернымъ отрядомъ судовъ практической эскадры, 1-го января 1886 года—младшимъ флагманомъ Балтійскаго флота; въ 1888 г.



онъ участвовалъ въ трудахъ комиссіи по разработкѣ устава о земскихъ повинностяхъ; въ 1889 году произведенъ въ вице-адмиралы и назначенъ старшимъ флагманомъ и начальникомъ эскадры въ Тихомъ океанѣ; послѣднею онъ командовалъ до августа 1891 года, а въ этомъ году назначенъ старшимъ флагманомъ второй флотской дивизіи; съ 1-го января 1892 года былъ начальникомъ главнаго гидрографическаго управленія. Въ этомъ же году избранъ непремѣннымъ членомъ общества любителей естествознанія и этнографіи по географическому отдѣленію и назначенъ членомъ конференціи Николаевской морской академіи. Покойный адмиралъ былъ въ плаваніи съ нынѣ благополучно царствующимъ государемъ императоромъ при его путешествіи на Востокъ. (Некрологи его: «Новости» 1902 г., № 373; «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1902 г., № 340).

† **Прудентовъ, Н. Д.** 3-го ноября скончался въ Саратовѣ архивариусъ мѣстной духовной консисторіи Николай Дмитріевичъ Прудентовъ. Н. Д. поступилъ на службу въ 1828 году, въ годъ открытія Саратовской епархіи, при первомъ епископѣ Моисеѣ и съ тѣхъ поръ 74 года не покидалъ консисторіи. Н. Д. былъ живою лѣтописью Саратова, и къ нему не разъ обращались за справками послѣдователи мѣстной епархіи, въ томъ числѣ П. С. Соколовъ, авторъ сочиненія «Расколъ въ Саратовскомъ краѣ». Во время пребыванія Н. И. Костомарова въ Саратовѣ, онъ жилъ на квартирѣ у Н. Д. и въ знакъ своего расположенія подарилъ ему енотовую шубу, которую покойный носилъ до самой смерти, называя ее «костомаровской». (Некрологъ его: «Саратовскій Дневникъ» 1902 г., № 188).

† **Путятинъ, кн. В. Д.** 10-го декабря въ клиникѣ Николаевского института скончался одинъ изъ участниковъ защиты Севастополя, отставной капитанъ 2-го ранга князь В. Д. Путятинъ. Покойный послѣ окончанія образованія поступилъ въ балтійскій флотъ. Во время осады Севастополя, покойный находился въ гарнизонѣ на бастіонѣ № 3 и участвовалъ въ вылазкахъ, при чемъ былъ раненъ пулею въ лѣвое ухо, затѣмъ контуженъ въ голову и лѣвыя пахъ осколками бомбы. Командуя батареей того же бастіона, снова былъ контуженъ въ правый бокъ и указательный палецъ лѣвой руки. За эту кампанію покойный награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени за храбрость и тѣмъ же орденомъ 3-й степени съ мечами. Въ 1860 г. кн. В. Д. вышелъ въ отставку въ чинѣ капитанъ-лейтенанта. Въ 1877 г. князь В. Д. Путятинъ опять былъ принятъ на дѣйствительную службу, въ которой и находился до 1885 г., когда былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга и, вслѣдствіе открытія ранъ, вышелъ въ отставку. Послѣдніе годы покойный принималъ участіе въ газетахъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «Котлинъ», помѣщая статьи по морскимъ вопросамъ. Покойный былъ рѣдкихъ душевныхъ качествъ человекъ, отъ души любилъ флотъ и до самой смерти интересовался всѣмъ, что касалось морского дѣла и многихъ общественныхъ вопросовъ. (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1902 г., № 342).

† **Стравинскій, Ф. И.** 21-го ноября скончался послѣ тяжелой болѣзни извѣстный артистъ императорской русской оперы, Феодоръ Игнатьевичъ Стравинскій. Покойный родился въ Черниговской губерніи 8-го іюня 1843 г., учился

въ университетѣ св. Владимира, изъ котораго перевелся въ Нѣжинскій лицей, гдѣ и окончилъ курсъ. Покойнаго Стравинскаго судьба случайно направила на артистическую дорогу. Прибытіе въ Петербургъ въ 1869 г. съ цѣлью поступленія на службу явилось для Стравинскаго рѣшающимъ моментомъ: его отличныя вокальныя средства обратили здѣсь на него вниманіе и побудили его, вмѣсто службы, поступить въ консерваторію. Занятія съ Віардо, Ренетто, Ниссенъ Саламонъ и Эверарди сдѣлали изъ Стравинскаго превосходнаго пѣвца, и въ 1873 г., тотчасъ же по окончаніи консерваторіи, мы видимъ его дебютирующимъ въ кievской оперѣ въ партіи Мефистофеля (Гуно), а затѣмъ работающимъ въ антрепризахъ Бергера и Сѣтова. Въ апрѣлѣ 1876 г. Стравинскій дебютируетъ въ Маріинскомъ театрѣ въ партіяхъ Мефистофеля (Гуно) и Фарлафа. Съ этихъ счастливыхъ для него дебютовъ Стравинскій остается до своей смерти неизмѣннымъ членомъ труппы Маріинскаго театра, держа высоко знамя своего искусства, которому онъ былъ преданъ всей душой и которому служилъ съ рѣдкой честностью. Дарованіе его было замѣчательно гибкое, разнообразное: съ одинаковымъ мастерствомъ онъ передавалъ роли драматическія, комическія, съ одинаковой же характерностью онъ воплощалъ лица историческія и изображалъ партіи бытовыя. Всѣ эти разнородныя характеры передавались имъ удивительно правдиво, законченно. Стравинскій съ большимъ вниманіемъ относился къ изученію ролей; для каждой роли имъ собственноручно изготовлялся всегда и обязательно, превосходно исполненный, порой во многихъ видахъ, рисунокъ—гримъ и костюмъ изучаемаго лица, а обширная бібліотека его можетъ засвидѣтельствовать и о той закулисной работѣ, результатъ которой доставлялъ столь высокаго художественнаго наслажденія. Идеальныя взгляды Стравинскаго на искусство вообще и свое призваніе въ частности не позволяли ему отдавать свои силы какому бы то ни было дѣлу, сопряженному съ матеріальными для художника выгодами, какъ только Маріинскому театру: такъ, Стравинскій никогда не продавалъ дорогого ему искусства частнымъ антрепризамъ, онъ никогда и нигдѣ не гастролировалъ. Но если онъ имѣлъ возможность способствовать своимъ искусствомъ достиженію художественныхъ цѣлей какими нибудь учрежденіями или же помочь благотворительнымъ обществамъ или учащейся молодежи, въ такихъ случаяхъ двери Стравинскаго были открыты для всѣхъ. Общество музыкальныхъ собраній было послѣднимъ частнымъ обществомъ, въ которомъ покойный *Θ. И.* выступилъ въ 1896 году въ партіи Варлаама оперы «Борисъ» Мусоргскаго, оставленной названнымъ обществомъ. Въ теченіе почти тридцатилѣтней дѣятельности Стравинскій создалъ 70 ролей болѣе чѣмъ въ пятидесяти операхъ и выступалъ на сценѣ до 1.500 разъ. Еще всѣмъ памяты его Фарлафъ, Варлаамъ, Еремка, Олофернъ, Грозный (Калашниковъ), Скула, Каспаръ (Фрейшютцъ), Сень-Бри, Мефистофель (Фаустъ), Джіакомо (Фра-Дьяволо), Спарифучиле (Риголетто) и мн. др. (Некрологъ его: «Новости», 1902 г., № 323).

† **Сухановъ, И. И.** Въ Тобольскѣ скончался помощникъ дѣлопроизводителя мѣстнаго губернскаго управленія *И. И.* Сухановъ, сибирскій общественный дѣятель и журналистъ. Окончивъ курсъ туринскаго уѣзднаго училища, *С.* въ 1879 г. поступилъ сельскимъ учителемъ въ с. Шерканьское, Березов-

скаго округа. Состоя въ этой должности, онъ возбудилъ вопросъ объ увеличеніи жалованья учителямъ въ связи съ улучшеніемъ училищной части, и хлопоты его увѣнчались успѣхомъ: въ 1881 г. жалованье учителей Томской и Тобольской губерній было увеличено. Постепенно повышаясь по скромной лѣстницѣ педагогической іерархіи, С. въ 1884 г. былъ назначенъ учителемъ русскаго языка березовскаго уѣзднаго училища, но былъ въ этой должности недолго: 12 апр. 1885 г. онъ былъ уволенъ за рѣчь, сказанную безъ разрѣшенія на годичномъ актѣ училища, гдѣ, между прочимъ, коснулся положенія учителей и необходимости увеличенія содержанія. Съ 7-го сентября 1885 г. по 9-е августа 1886 года состоялъ учителемъ русскаго языка, ариѳметики, геометріи и географіи бывшаго тобольскаго мореходнаго класса. Будучи выбранъ затѣмъ членомъ тобольской городской управы, С. недолго пробылъ въ этой должности... Въ короткое время онъ возбудилъ нѣсколько вопросовъ—подалъ записку о необходимости открыть городской ломбардъ (осуществили эту мысль затѣмъ другіе), составилъ проектъ общества попеченія о начальномъ образованіи (этотъ проектъ и вовсе постигла неудача). По волѣ судьбы онъ вынужденъ былъ пробыть три года въ Иркутской губ., гдѣ занимался сельскимъ хозяйствомъ и литературнымъ трудомъ. Онъ сотрудничалъ во многихъ сибирскихъ газетахъ: «Восточномъ Обзорѣніи», «Енисей», «Стеномъ Краѣ» и др. Временами литературная работа давала ему возможность сноснаго существованія, но вообще ему нерѣдко приходилось испытывать разныя лишенія и частыя голодовки. Покойный всегда старался по мѣрѣ силъ и умѣнья откликаться на тобольскія злобы дня и, помимо газетной работы, прочелъ нѣсколько докладовъ въ тобольскомъ губернскомъ музеѣ, членомъ котораго онъ состоялъ со времени его основанія. (Некрологъ его: «Сибирская Жизнь» 1902 г., № 250).

† **Тихѣевъ, И. И.** 15-го ноября скончался директоръ департамента государственныхъ земельныхъ имуществъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, тайный совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Тихѣевъ. Покойный родился въ 1841 году, образованіе получилъ въ Константиновскомъ межевомъ институтѣ, службу началъ подпоручикомъ корпуса межевыхъ инженеровъ. Вскорѣ былъ отправленъ за границу на два года для усовершенствованія въ знаніяхъ и посѣтилъ Германію, Бельгію и Францію. Вернувшись въ Россію, былъ назначенъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ членомъ въ разныя спеціальныя комиссіи и въ 1866 г.—членомъ ковенскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Затѣмъ былъ директоромъ ковенскаго незначительнаго комитета о тюрмахъ. Съ 1872 г. дѣятельность его сосредоточилась въ министерствѣ государственныхъ имуществъ. Онъ былъ управляющимъ государственными имуществами сперва въ Ковенской, затѣмъ въ Минской, Херсонской и Бессарабской губерніяхъ. Въ 1880-хъ годахъ былъ уполномоченнымъ министра государственныхъ имуществъ на Кавказѣ и членомъ кавказскаго статистическаго комитета. Въ 1890 г. перешелъ въ центральное управленіе министерства, будучи посѣдовательно директоромъ департаментовъ земледѣлія и сельской промышленности, общихъ дѣлъ и съ 1894 года — государственныхъ земельныхъ имуществъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902 г., № 9592).

† **Фалькъ, Э. Г.** 3-го декабря въ Петербургѣ внезапно скончался редакторъ-издатель «Сѣвернаго Края» Эдуардъ Германовичъ Фалькъ, пріѣхавшій въ Петербургъ по дѣламъ редакціи. Уроженецъ Ярославля, учившійся въ мѣстной гимназій и сдавшій экзамень при Демидовскомъ лицѣѣ на кандидата правъ, завѣдывавшій послѣ смерти своего отца основанной послѣднимъ самой обширной частной типографіей въ Ярославлѣ, покойный былъ истинный сынъ Ярославля и, горячо желая служить своему родному городу, четыре года тому назадъ основалъ газету «Сѣверный Край». Первый номеръ вышелъ перваго декабря 1898 года; почти ровно черезъ четыре года—3-го декабря угасть Эдуардъ Германовичъ, все время изданія газеты бывшій ея редакторомъ-издателемъ. Газета «Сѣверный Край» обслуживала главнымъ образомъ Ярославскую, Костромскую, Вологодскую и Архангельскую губерніи. Газета съ первыхъ же шаговъ пріобрѣла симпатіи интеллигентныхъ читателей своей выдержанностью и опредѣленнымъ отношеніемъ къ событіямъ какъ общерусской, такъ и областной жизни. Счастье продолжало улыбаться Э. Г., но по временамъ уже являлось сомнѣніе: ко всѣмъ ли случаямъ приложимы слова «нѣсть пророкъ въ отечествѣ своемъ», но это были только первые годы «Сѣвернаго Края»; послѣдующіе подтвердили глубокую жизненность евангельскаго изреченія. Въ Ярославлѣ не могли помириться съ самостоятельной газетой. Э. Г. продолжалъ оставаться вѣрнымъ лучшимъ завѣтамъ русскихъ журналистовъ и стойко охранялъ «Сѣверный Край» отъ «внѣредакціоннаго вліянія». На этой почвѣ и возникли «недоразумѣнія». Началась обычная исторія, были пущены въ ходъ обычные приемы; обычно примѣшались личные счеты. Яркимъ доказательствомъ можетъ служить рядъ корреспонденцій изъ Ярославля, помѣщенныхъ въ одной изъ московскихъ газетъ. Въ нихъ Э. Г. и его газета систематически обвинялись во всемъ, включительно до безвѣрія и стремленія все поколебать. Нередакціонныя осложненія слѣдовали одно за другимъ. Они вконецъ истрепали находившагося въ расцвѣтѣ силъ, пользовавшагося рѣдкимъ здоровьемъ Э. Г. Въ октябрь—ноябрь нынѣшняго года безъ боли невозможно было смотрѣть на его осунувшіяся, обезкровѣвшія щеки, впавшіе глаза, нервно-подергивающіяся руки. (Некрологи его: «Сѣверный Край», 1902 г., №№ 319, 321; «Владимирская Газета» 1902 г., № 10, «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1902 г., № 332).

† **Фортинскій, Ѳ. Я.** 12-го декабря, въ 9 часовъ утра, скончался послѣ непродолжительной тяжкой болѣзни заслуженный профессоръ университета св. Владимира, Ѳедоръ Яковлевичъ Фортинскій, занимавшій въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, съ 1-го августа 1890 года по 1-е августа 1902 года, должность ректора университета. Ѳ. Я. родился 15-го февраля 1846 года. Онъ сынъ священника села Шостки, Касимовскаго уѣзда, Рязанской губерніи. Первоначальное образованіе получилъ въ Рязанскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ въ Рязанской духовной семинаріи. За годъ до окончанія семинаріи, въ 1865 году, поступилъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета. По окончаніи въ 1869 году университета со степенью кандидата, Ѳ. Я. оставленъ былъ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію по каедрѣ всеобщей исторіи. Въ 1872 году защитилъ магистерскую диссертацию: «Титмаръ Мерзбургскій и его хроника», и послѣ защиты былъ из-

бранъ доцентомъ по кафедрѣ всеобщей исторіи въ Кіевскомъ университетѣ. Въ 1877 году, по зашитѣ диссертациі: «Приморскіе вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе Ганзейскаго союза», получилъ степень доктора всеобщей исторіи и тогда же былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ университета св. Владимира, а потомъ и секретаремъ историко-филологическаго факультета. Въ слѣдующемъ году былъ утвержденъ въ должности ординарнаго профессора. Въ университетѣ **Θ. Я.** читалъ курсъ средней исторіи и велъ практическія занятія со студентами въ историческомъ семинаріи. Кромѣ чтенія лекцій въ университетѣ, читалъ лекціи на высшихъ женскихъ курсахъ въ Кіевѣ и состоялъ завѣдывающимъ этихъ курсовъ. Въ теченіе своей продолжительной службы въ университетѣ св. Владимира **Θ. Я.** въ теченіе двухъ трехлѣтій исполнялъ обязанности секретаря историко-филологическаго факультета, а затѣмъ декана. Въ 1890 году назначенъ былъ ректоромъ, обязанности котораго несъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ. Ректорство это является самымъ продолжительнымъ за все время существованія университета св. Владимира. Въ ученомъ мірѣ имя покойнаго профессора пользовалось вполне заслуженной репутаціей. Неоднократно по порученію императорской академіи наукъ онъ писалъ рецензіи на разныя сочиненія, представленныя на преміи. Крупныхъ историческихъ сочиненій послѣ **Θ. Я.** не осталось, но имъ написано нѣсколько десятковъ монографій и критическихъ замѣтокъ о разныхъ сочиненіяхъ. Свою бібліотеку, заключающую прекрасный подборъ сочиненій по средней исторіи, покойный **Θ. Я.** завѣщалъ историческому семинарію при историко-филологическомъ факультетѣ университета св. Владимира. Практическимъ занятіямъ студентовъ въ этомъ семинаріи покойный придавалъ чрезвычайно важное значеніе, и всегда съ особенной готовностью руководилъ занятіями молодыхъ людей, обнаруживавшихъ стремленіе къ пополненію своихъ познаній внѣ официальныхъ программъ. Въ послѣдніе годы исполненіе обязанностей ректора было тяжкимъ бременемъ. Можно думать, что это нравственное бремя разстроило крѣпкое здоровье **Θ. Я.** (Некрологи его: «Кіевлянинъ», 1902 г., № 344; «Кіевское Слово», 1902 г., № 344).

† **Ясаковъ, Т. А.** Въ Сочи, Черноморской губерніи, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, на 34-мъ году жизни, скончался небезызвѣстный дѣятель по народному образованію въ уѣздахъ Московской и Тамбовской губерній Тимоѣей Архиповичъ Ясаковъ. Дѣлу народнаго образованія онъ отдался всею душой, и безъ преувеличенія можно сказать, что въ этомъ дѣлѣ онъ являлся подвижникомъ. Много труда положилъ онъ въ дѣлѣ устройства народныхъ бібліотекъ и читаленъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Тамбовской губерніи, гдѣ имя его пользуется извѣстностью энергичнаго и безкорыстнаго дѣятеля по народному образованію. Испытывая всевозможныя невзгоды и терпя нужду часто въ кускъ хлѣба, онъ въ цвѣтѣ лѣтъ надорвалъ свое здоровье, свои силы и заболѣлъ чахоткой. Остальные три года своей жизни онъ проживалъ въ Сочи, откуда и началъ работать въ газетѣ «Донская Рѣчь», помѣщая въ ней очерки, рассказы, а въ «Русской Мысли» за 1901 годъ помѣщенъ отрывокъ изъ его большой, оставшейся неоконченной, работы подъ названіемъ «Дѣтство». Покойный былъ очень симпатичный и искренній человѣкъ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1902 г., № 314).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

**По поводу статьи г-жи Бизюкиной: «Н. И. Бухаровъ и его дворецкій Данилычъ».**

Въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1902 годъ помѣщенъ, между прочимъ, рассказъ А. Ю. Бизюкиной «Н. И. Бухаровъ и его дворецкій Данилычъ». Въ рассказѣ этомъ встрѣчаются неточности, которыя мы, какъ дочери покойнаго и свидѣтельницы происходившаго въ то время, считаемъ нужнымъ исправить.

Личность «дворецкаго Данилыча» вымышлена; такого имени и званія никто изъ служащихъ въ домѣ нашего отца не носилъ. Рассказъ о запусѣвнн дома нашего отца послѣ крестьянской реформы, а также эпизодъ о потрясеніи, испытанномъ нашимъ отцомъ, который будто бы вскорѣ послѣ этого окончилъ жизнь «въ психіатрической больницѣ», — отъ начала до конца расхочится съ истиной. Отецъ нашъ умеръ 19-го октября 1859 года не въ психіатрической больницѣ, а окруженный семьей, въ своемъ имѣннн «Любенскомъ», находящемся въ Петербургской губерніи, въ 18-ти верстахъ отъ станціи «Плюсса», и похороненъ въ селѣ Вышгородѣ, недалеко отъ любимой имъ усадьбы Михалева, такъ картинно и вполне вѣрно описанной г-жей Бизюкиной.

Отецъ нашъ пользовался общей любовью и уваженіемъ, какъ видно изъ стиховъ Лермонтова, цитируемыхъ г-жей Бизюкиной, и въ которыхъ нѣтъ и помина о какомъ-то «дядкѣ»; его просвѣщенное и гуманное отношеніе къ крестьянамъ всѣмъ было извѣстно и, казалось бы, не давало повода къ сочиненію фантастическихъ эпизодовъ сильно драматическаго характера «съ равно фатальною развязкой какъ для помѣщика, такъ и для его бывшаго крѣпостнаго».

Что касается лица, исполнявшаго въ домѣ отца обязанности яко-бы «дворецкаго», то таковымъ былъ на самомъ дѣлѣ старшій служитель — Кондратій, который умеръ у насъ въ домѣ, раньше нашего отца: причиною же смерти его была старость при неумѣренномъ употребленнн спиртныхъ напитковъ.

Считаемъ лишнимъ останавливаться на другихъ неточностяхъ повѣствованія г-жи Бизюкиной, какъ, напримѣръ, объ оказавшемся безпорядкѣ въ домѣ помѣщика послѣ освобожденія крестьянъ, о стиркѣ будто бы его дочерьми воротничковъ, и тому подобныхъ несообразностяхъ, которыя не могли имѣть мѣста въ домѣ, гдѣ женой была наша мать, просвѣщенная иностранка. привыкшая къ опрятности, свойственной европейской культурѣ. Никакія реформы не могли вліять на измѣненіе домашняго строя, въ отношенн чистоты и порядка.

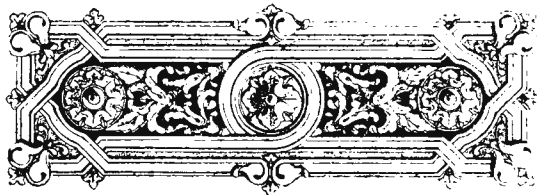
Е. Н. Тиранъ и А. Н. Скобельщина.

## II.

**О качествѣ матеріаловъ при изготовленіи панорамы Севастопольской обороны.**

Въ ноябрьской книжкѣ за 1902 годъ «Историческаго Вѣстника» Е. С. Шумигорскій въ своей статьѣ «Культурныя кладбища» выражаетъ любопытство насчетъ того, обусловлено ли качество красокъ для громадной панорамы Севастопольской обороны, которая заказана комитетомъ, учрежденнымъ для возстановленія ея памятниковъ. Спѣшу успокоить почтеннаго автора, что въ контрактѣ, заключенномъ съ художникомъ Рубо, вопросъ этотъ принятъ во вниманіе, и художникъ обязанъ написать панораму на лучшаго качества грунтовомъ бельгійскомъ холстѣ фабрики Mommen et fils въ Брюсселѣ и минеральными красками также лучшаго качества.

А. Заіончковскій.



# ДВЪ ЛЮБВИ

(Via crucis)

---

РОМАНЪ ИЗЪ ИСТОРИИ ВТОРОГО КРЕСТОВАГО ПОХОДА

---

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

**Моріона Кровфорда**

---

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ».

---



С.-ПЕТЕРБУРГЪ  
ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13  
1903









## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

### I.



**Б**ЫЛЪ полдень 5-го мая 1145 г. Въ небольшомъ саду, расположенномъ между виѣшней стѣною и рвомъ Стокъ-Режисскаго замка, медленно прогуливалась дама. Узкая аллея, по которой она шла, была окаймлена съ одной стороны длинною живою изгородью розовыхъ кустовъ, а съ другой—цвѣтникомъ. Послѣдній былъ раздѣленъ на множество маленькихъ квадратовъ, засаженныхъ попеременно цвѣтами и душистыми травами и окаймленныхъ фіалками. Линія, гдѣ окончивалось цвѣточное насажденіе, переходила въ колосистый тростникъ, беспорядочно росшій по берегу глубокихъ зеленыхъ водъ рва. Далѣе тянулся лужокъ, съ подстриженной бархатистой травой, затѣмъ виднѣлись большіе дубы, весенніе листья которыхъ давали незначительную тѣнь; а тамъ за ними пашни и долины развертывались длинными, зелеными волнами вспаханной земли и пастбищъ такъ далеко, какъ только могъ видѣть человѣческій глазъ.

Солнце закатилось; его перпендикулярные лучи окрашивали красноватымъ цвѣтомъ золотистые волосы дамы и воспламеняли нѣжность ея голубыхъ глазъ. Она шла волнистою походкой, полной непринужденности. Въ ея гибкихъ манерахъ виднѣлись разомъ сила и грація. Хотя она не была болѣе молодой женщиной, но никто не могъ бы утверждать, что она перешла зрѣлый возрастъ. Ея черты лица въ первые годы ея юности были холодной и рѣзкой правильности и могли сдѣлаться острыми въ старости, теперь же въ полномъ расцвѣтѣ ея жизни онѣ смягчались и округлялись.

Въ то время, какъ солнечное золото темнѣло въ тепломъ воздухѣ и окрашивало глаза и волосы дамы, въ ея лицѣ произошла

перемѣна, о которой она даже не подозрѣвала. Бѣлая мраморная статуя внезапно измѣнилась въ темную золотую, можетъ быть, все еще прекрасную, но выраженіе и смыслъ были уже не тѣ. Въ слишкомъ большомъ изобиліи драгоцѣннаго металла всегда есть что-то дьявольское. Это нѣчто есть символъ, внушающій идею алчности, добычи, выгоды, всего, что заставляетъ жить честолюбивыхъ безумцевъ—богачей. Между тѣмъ чаще всего однимъ только фактомъ уничтоженія золота или серебра выражаютъ достоинство и простоту, что вовсе не исключаетъ грандіозности.

Надъ закатывавшимся солнцемъ плыли тысячи маленькихъ облачковъ, легкихъ и волнистыхъ, какъ лебяжій пухъ. Одни были ослѣпительнаго блеска, другія окрашены розоватымъ цвѣтомъ, третьи—еще далеко на востокъ—уже пурпуровыя. Само небо было похоже на мистическую форму гигантскаго крыла, какъ будто какой нибудь громадный архангелъ виталъ на горизонтѣ, направляя украшенное драгоцѣнностями крыло къ земной тверди. Другой архангелъ, находившійся подъ нимъ, былъ невидимъ. Какъ разъ подъ перистой дубовой листвою, позади которой скользило солнце, длинныя красныя, желтыя и жгучаго цвѣта императорскаго пурпура полосы перерѣзали небо направо и налево. Надъ большимъ рвомъ легкія и гибкія стрекозы и мѣтыли, живущіе одинъ день, преслѣдовали другъ друга сквозь розоватый туманъ.

Когда закатившееся солнце бросило послѣдній прощальный взглядъ между дубами, расположенными на бугоркѣ, дама остановилась и обернулась къ свѣту. На ея лицѣ отражалось любопытство, ожиданіе и немного безпокойства, но не было видно нетерпѣнія. Прощель уже мѣсяць съ тѣхъ поръ, какъ Раймундъ Вардъ, ея мужъ, отправился съ полдюжиной своихъ оруженосцевъ и слугъ привѣтствовать императрицу Матильду. Правда, что дворъ этой принцессы былъ только подобіе двора, и въ дѣйствительности царствовалъ надъ всею страню Стефанъ, хотя несправедливо. Во всякомъ случаѣ еще находился тутъ и тамъ кое-какой рыцарь, упорствовавшій въ своей вѣрности Матильдѣ, но обязанный оказывать почести Стефану за свои земли, который, однако, считался бы вѣроломнымъ измѣнникомъ, если бы онъ не сдержалъ клятвы вѣрности относительно несчастной женщины, лишенной власти, своей законной государыни.

Однимъ изъ такихъ вѣрныхъ приверженцевъ былъ Раймундъ Вардъ, прадѣдъ котораго сопровождалъ Роберта Діавола въ Иерусалимъ и находился возлѣ него, когда онъ умеръ въ Никей. Его дѣдъ сражался въ самомъ жаркомъ бою при Гэстингсѣ съ Вильгельмомъ Нормандскимъ, за что получилъ въ награду земли и замокъ Стокъ-Режисъ въ Герфордскомъ графствѣ, и его имя фигурируетъ еще теперь на стѣнахъ мѣстнаго аббатства.

Въ продолженіе десяти лѣтъ Стефанъ де-Блуа царствовалъ въ Англіи съ неравнымъ счастіемъ, онъ былъ попеременно побѣдите-

лемъ и побѣжденнымъ и то удерживалъ своего сильнаго врага Роберта Глостера, въ качествѣ заложника и узника, то иногда, самъ подпадая подъ власть императрицы, былъ закованъ въ цѣпи и томился въ тюрьмѣ Бристольскаго замка. Однако въ послѣдствіи счастье повернуло къ нему, и хотя Глостеръ сохранилъ наружно военныя отношенія, въ интересахъ своей сведенной сестры—онъ сражался за нее, пока былъ живъ,—самая горячая гражданская война прошла; партизаны императрицы потеряли вѣру въ успѣхъ ея дѣла, которое увядало подъ сѣнью смерти. Англійская аристократія разобрала со дня смерти короля Генриха характеръ Стефана. Его считали храбрымъ воиномъ, неутомимымъ рубакой, милосерднымъ человѣкомъ и слабымъ правителемъ.

Сначала вельможи были мало расположены къ узурпатору, не обладавшему достаточнымъ гениемъ, чтобы зарекомендовать себя политической силою, чтобы поддержать свою блестящую храбрость. Ихъ первымъ движеніемъ было отказаться отъ подчиненія его авторитету и постыдно изгнать его, какъ самозванца. Только въ послѣдствіи, когда они были раздосадованы презрительной холодностью императрицы-королевы, то поняли, что управленіе Стефана гораздо пріятнѣе, чѣмъ служба Матильдѣ. Однако Глостеръ былъ могущественъ и со своими вѣрными вассалами, преданными слугами и съ горстью вѣрныхъ независимыхъ рыцарей былъ въ состояніи сохранить подъ авторитетомъ сестры Оксфордъ Глостеръ и большую часть сѣвернаго графства Беркъ.

Теперь въ началѣ весны 1145 г. графъ уѣхалъ со своей свитой, толпою каменщиковъ и работниковъ на постройку новаго замка. Его предполагали выстроить на высотахъ Фарингдона, гдѣ добрый король Альфредъ въ память своей побѣды вырѣзалъ большую бѣлую лошадь, снявъ дернъ на песчаной горѣ. Глостеръ широко и смѣло набросалъ наружную стѣну и бастіоны, вторую внутреннюю стѣну и громадную крѣпость, которая такимъ образомъ была защищена тройной оградой. Эту работу предстояло исполнить не въ мѣсяцы, а въ недѣли, и если было бы возможно скорѣе въ дни, чѣмъ въ недѣли. Все должно было составить сильный аванпостъ для новой кампаніи; для этого не берегли ни труда, ни денегъ. Глостеръ расположилъ лагерь сестры и свою собственную палатку на возвышенной лужайкѣ, лежавшей противъ замка. Оттуда онъ самъ руководилъ и командовалъ. Оттуда же императрица Матильда, сидя подъ поднятымъ флагомъ своей императорской палатки, могла видѣть сѣрые камни, поднимавшіеся одинъ надъ другимъ, рядъ надъ рядомъ, глыба надъ глыбой. Они выросли съ легкостью, напоминавшей ей тотъ восточный фокусъ, произведенный кудесникомъ въ тюрьбанѣ и видѣнный ею при дворѣ императора, когда фокусникъ изъ зерна выращивалъ цѣлое дерево съ листьями и спѣлыми плодами, пока пораженные придворные могли досчитать до пятидесяти.

Туда, какъ на мѣсто общаго свиданія, нѣсколько вѣрныхъ рыцарей и бароновъ, оставшихся преданными королевѣ, являлись засвидѣтельствовать свое почтеніе ихъ государынѣ и пожать руку самому храброму и благородному изъ воиновъ, попиравшему ногами англійскую землю. Раймундъ Вардъ отправился туда же вмѣстѣ съ другими. Онъ захватилъ съ собою единственнаго своего сына Жильберга, которому въ то время исполнилось восемнадцать лѣтъ; о немъ главнымъ образомъ говорится въ этой хроникѣ. Жена Раймунда, лэди Года, осталась въ замкѣ Стокъ-Режисъ, подъ охраной двѣнадцати вооруженныхъ слугъ. Это были, большею частію, солидные ветераны войнъ короля Генриха. Но болѣе дѣйствительную защиту для нея представляли нѣсколько сотъ сильныхъ виллановъ, а также милиціи, преданныхъ душою и тѣломъ, готовыхъ умереть за Раймунда и его семью. Во всемъ Гертфордскомъ, Эссекскимъ или Кентскимъ графствахъ ни одинъ нормандскій баронъ или графъ не былъ болѣе любимъ своимъ саксонскимъ народомъ, какъ владѣлецъ Стока. Такимъ образомъ, его жена чувствовала себя въ безопасности, несмотря на его отсутствіе, хотя очень хорошо знала, что только малая часть преданности относилась къ ней.

Есть люди, которые проходятъ жизнь съ выгодною для самихъ себя, а не другихъ, благодаря преданности, которую имъ расточаютъ близкіе ихъ родственники и самые дорогіе ихъ друзья. Они зависятъ отъ успѣха чести и репутаціи тѣхъ, кто ихъ нѣжно любить. Лэди Года приписывала своему личному достоинству вѣрную привязанность, которую саксонскіе вилланы ея мужа питали къ нему. Впрочемъ они были обязаны Варду этой привязанностью взаимнъ его неизмѣнной доброты и безпристрастной справедливости. Она перенесла на себя его заслугу, какъ это дѣлаютъ эгоисты, совершенно убѣжденная, что это ихъ долгъ, или, по крайней мѣрѣ, готовая думать такъ, вполне зная, что она этого не заслуживаетъ.

Она вышла замужъ за Раймунда Варда, не любя его, но тщеславясь его именемъ, почестями и будущностью, которая казалась блестящей во времена добраго короля Генриха. Она дала ему единственнаго сына, который обожалъ ее и въ своемъ ослѣпленіи питалъ къ ней рыцарскій культъ, почти дѣтскій, такъ какъ она предлагала ему взаимнъ материнское тщеславіе за его вѣшность. Онъ принималъ это чувство за любовь, хотя одно отъ другого было такъ же далеко, какъ преданность отъ эгоизма, скарденность отъ великодушія. Ей исполнилось только шестнадцать лѣтъ, когда она вышла замужъ. Она была самой младшей изъ многочисленныхъ сестеръ, оставшихся почти безъ приданаго, когда ихъ отецъ отправился въ Святую Землю, откуда уже не возвратился.

Раймундъ Вардъ полюбилъ ее за красоту, дѣйствительно существующую, и за ея характеръ, который былъ лишь созданиемъ его собственнаго воображенія. Онъ любилъ ее со своей спокойной и безсознательной самонадѣянностью, которая часто служитъ подкладкой характера людей простодушныхъ и честныхъ. Онъ упорно вѣрилъ со дня своей женитьбы, что любовь его жены, если не была очень глубока и возвышенна, то все-таки сосредоточивалась на немъ и Жильбертѣ. Человѣкъ менѣе искренній и прямодушный открылъ бы въ концѣ года безусловную тщетность этихъ вѣрованій.

Этотъ бракъ жестоко обманулъ ожиданія Годы относительно ея настоящихъ вкусовъ и ея тщеславія. Мечтавшая жить при дворѣ, она была осуждена существовать въ деревнѣ. Любя удовольствія, она была принуждена выносить скуку. Кромѣ того, владѣлецъ Стока былъ скорѣе силенъ, чѣмъ привлекателенъ, болѣе внушительный, чѣмъ очаровательный. Онъ никогда не думалъ прибѣгать къ лести, которой требуютъ, во что бы то ни стало, алчныя и недовольныя натуры, когда не удовлетворены ихъ тайныя стремленія. Въ ихъ природѣ—давать мало, также въ ихъ природѣ и ихъ счастье—требовать много и брать все, что имъ попадается подъ руку. Также случилось и съ Годой, принявшей сердечное великодушіе мужа и любовь сына за естественную дань, должную ей, но которая не могла удовлетворить громаднаго аппетита ея тщеславія. Впрочемъ, она брала все, дурное и хорошее, что попадалось на ея дорогѣ, особенно сердце рыцаря Арнольда Курбойля, двоюроднаго брата кантэръбурійскаго архіепископа, короновавшаго Стефана, какъ короля, послѣ того какъ первый принялъ присягу Матильдѣ.

Арнольдъ былъ вдовецъ. Сначала онъ слѣдовалъ примѣру двоюроднаго брата и поддерживалъ дѣло короля Стефана. Онъ получилъ отъ него большія земли, ферму и лѣсъ въ Гертфордскомъ графствѣ, которые граничили съ наслѣдственными имѣніями Варда. Во время безпорядка и хаоса продолжительной гражданской войны Раймундъ, не подозрѣвая того, не разъ предохранялъ маленькій замокъ отъ осады и возможнаго истребленія.

Вардъ въ порывѣ своей вѣрности законной государынѣ скорѣе избѣгалъ дружбы новаго приверженца, чѣмъ дѣлалъ авансы, чтобъ ея добиться. Но Раймундъ кончилъ тѣмъ, что сдѣлся на нѣсколько пассивнѣе настоянія жены и изъ чувства благодарности. Онъ открылъ, что во время различныхъ перипетій гражданской войны его сосѣдъ не разъ,—хотя они были противоположныхъ убѣжденій,—служилъ защитой для его виллановъ, скота и жатвы противъ разграбленія и уничтоженія. Раймундъ открылъ эти поступки добраго сосѣдства лишь при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Однажды во время соколиной охоты Варда съ женою и Жильбертомъ, въ то время настолько большого, что едва могъ держаться въ сѣдлѣ,

ихъ застала зимняя буря недалеко отъ владѣній сэра Арнольда. Послѣдній, возвращавшійся въ это время изъ путешествія, предложилъ имъ убѣжище въ своемъ маленькомъ замкѣ, находившемся поблизости. Тамъ онъ долженъ былъ ночевать, и туда слуги привезли къ нему маленькую дочь Беатрису. Раймундъ принялъ это предложеніе ради жены, и обѣ семьи соединились въ этотъ вечеръ у пылавшаго огня въ углу маленькой залы.

Предъ ужиномъ мужчины разговорились съ тою довѣрчивостью и веселостью, которая существуетъ почти всегда съ перваго раза между сосѣдями одинаковаго положенія. Лэди Года довольствовалась лишь тѣмъ, что отъ времени до времени вставляла словечко. Она сидѣла на стулѣ съ высокою спинкой и сушила свою свѣтло-голубую суконную юбку предъ трещащими дровами. Въ это время Жильбертъ, цвѣтъ волосъ котораго былъ, какъ у матери, а глаза, какъ у отца, вертѣлся вокругъ величественной маленькой дѣвочки съ смуглымъ лицомъ. Она сидѣла немного въ отдаленіи на табуретѣ, одѣтая въ зеленое суконное платье, покроя взрослой женщины. Двѣ короткія косы черныхъ волосъ висѣли позади маленькой шляпы, завязанной подъ подбородкомъ съ ямочкой. А въ это время маленькій мальчикъ въ своей алой курткѣ и въ зеленыхъ суконныхъ натянутыхъ штанахъ ходилъ взадъ и впередъ, останавливаясь, опять уходя и снова останавливаясь предъ нею, чтобы показать свой маленькій охотничій ножъ. Онъ то вынималъ его до половины изъ ноженъ, то глубже вбивалъ въ нихъ ловкимъ ударомъ ладони, и черные глаза дѣвочки слѣдили за его движеніями съ важнымъ и серьезнымъ любопытствомъ.

Брата у нея не было, у него же—сестры. Оба они воспитывались безъ товарищей, такъ что одинъ былъ новостью для другого. Когда Жильбертъ, повертываясь на одной ногѣ, подбросилъ свою круглую шапку до темнаго бревна потолка комнаты, освѣщенной огнемъ очага, маленькая Беатриса засмѣялась съ веселымъ видомъ. Это подѣйствовало на Жильберта, какъ бы приглашеніе. Онъ немедленно сѣлъ возлѣ нея на скамьѣ, держа свою шапку въ рукѣ, и началъ ее разспрашивать объ ея имени и о томъ, живетъ ли она круглый годъ въ замкѣ. Вскорѣ они сдѣлались добрыми друзьями и стали болтать объ яйцахъ ржанки и о гнѣздахъ зимородковъ, о томъ времени, когда у cadaго изъ нихъ будутъ свои собственные соколъ, лошадь, собака и слуга.

Ужинъ окончился. Служанка увела маленькую Беатрису спать въ комнату женщинъ. Управляющій фермой, его жена, стражи и слуги, ужинавшіе и пившіе въ концѣ залы, отправились всѣ въ свои помѣщенія, находившіяся во внѣшнихъ постройкахъ. Для Жильберта была сдѣлана постель въ углу близъ огромнаго камина, состоявшая изъ большого наполненнаго свѣжей соломой и положеннаго на сундукъ полотнянаго мѣшка, покрытаго простыней изъ тонкаго гол-

ландскаго полотна. Черезъ пять минутъ мальчикъ заснулъ, подѣ двумя толстыми шерстяными одѣялами. Тогда оба рыцаря и дама остались одни въ своихъ большихъ рѣзныхъ креслахъ. Но владѣлецъ Стока, будучи толстымъ и сильнымъ, много съѣлъ и много выпилъ за ужиномъ элю и гасконскаго вина; протянувъ свои ноги на каминную рѣшетку, положивъ локти на ручки кресель, соединивъ свои руки посредствомъ большихъ и безыменныхъ пальцевъ, онъ сблизилъ одинъ за другимъ остальные. Мало-по-малу музыкальный и лукавый голосъ жены и особенно нѣжный умильный голосъ хозяина, Арнольда Курбойля, перемѣшались и стали угасать, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда двери царства сновидѣній закрылись за нимъ.

Лэди Года, слишкомъ уставшая, чтобы возвратиться домой, въ этотъ вечеръ менѣе всего на свѣтѣ хотѣла спать. Напротивъ она глубоко заинтересовалась тѣмъ, что рассказывалъ ей сэръ Арнольдъ. Самъ же онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы говорить незначительныя вещи. Онъ рассказывалъ о дворѣ, о людяхъ, о высокопоставленныхъ лицахъ, часто посѣщаемыхъ имъ запросто, и съ которыми лэди Года такъ жаждала познакомиться. Отъ времени до времени онъ деликатно давалъ ей понять, что самая прославленная изъ красавицъ при дворѣ короля Стефана не могла бы сравниться съ нею, если бы ея мужъ допустилъ уговорить себя оставить вышедшіе изъ моды предрасудки и свою вѣрность королевѣ Матильдѣ.

Когда-то лэди Года была представлена императрицѣ, которая не обратила на нее большого вниманія, въ сравненіи съ интересомъ, оказываемымъ ею Раймунду. На банкетѣ, слѣдовавшемъ за официальнымъ пріемомъ, лэди Года была посажена между толстой нѣмкой, вдовою, и итальянскимъ аббатомъ, пріѣхавшимъ изъ Нормандіи. Они все время разговаривали на дурномъ латинскомъ языкѣ, что ей казалось грубымъ. Нѣмка ѣла куски паштета изъ дичи ножомъ, вмѣсто того, чтобы взять его пальцами, какъ должна была бы поступить воспитанная женщина до изобрѣтенія вилочекъ. На другое утро лэди Года отправилась домой со своимъ мужемъ, и ея жизненный опытъ при дворѣ окончился такъ внезапно.

Если бы великій графъ Робертъ Глостеръ соблаговолилъ обратиться къ ней съ словомъ, вмѣсто того, чтобы смотрѣть далеко отъ нея своими красивыми спокойными голубыми глазами на воображаемый пейзажъ,—ея впечатлѣніе о жизни при дворѣ императрицы было бы совсѣмъ иное. Тогда, можетъ быть, она одобрила бы добродушіе мужа. Но хотя она посвятила необычайный трудъ на убранство своихъ великолѣпныхъ золотистыхъ волосъ и дала съ такой силой пощечину неловкой парикмахершѣ, что у нея болѣла рука еще три часа спустя,—все-таки могущественный графъ обратилъ на нее вниманіе, какъ если бы она была простой саксонскою молодчицей.



Эта обида соединилась вмѣстѣ съ неудовольствіемъ, причиненнымъ неожиданнымъ открытіемъ, что сумочки, висѣвшія на поясѣ придворныхъ дамъ императрицы, были въ формѣ большихъ мандолинъ и при ходьбѣ почти волочились на своихъ шнурахъ, тогда какъ ея была стариннаго покроя. Это наполняло ея душу горечью противъ законной наслѣдницы короля Генриха и сдѣлало безусловно непреодолимой преграду между нею и мужемъ. Она одна сознавала ее, а Раймундъ даже не подозрѣвалъ о ней. Онъ не только ей докучалъ самъ, но даже допускалъ другихъ досаждать его женѣ. Съ этого дня у нея не осталось болѣе даже тѣни малѣйшаго расположенія къ нему.

Поэтому неудивительно, что она слушала съ трепающимъ восторгомъ все, что ей говорилъ сэръ Арнольдъ. Она была счастлива, замѣтивъ мѣняющіяся выраженія его нѣжнаго и гладкаго лица, которое было столь полнымъ контрастомъ съ смѣлыми, строгими чертами владѣльца Стока, заснувшего глубокимъ сномъ возлѣ нея.

Курбойль былъ польщенъ, какъ это случилось бы съ каждымъ мужчиной, если бы его слушала долго и внимательно красивая женщина. Онъ также видѣлъ, что ея красота была необычнаго рода и замѣчательна. Она была, правда, нѣсколько рѣзкая, слишкомъ холодная, слишкомъ похожая на мраморъ, несмотря на ея волосы почти черезчуръ золотого оттѣнка и на ея ротъ, похожій на маленькую красную ранку. Она обладала въ излишкѣ физическими качествами для того, чтобы это казалось естественнымъ, и однако не проявлялись ни недостатки, ни пятна. Она была слишкомъ полна жизнью, чтобы не удовлетворить вкуса утомленнаго удовольствіями мужчины той эпохи, видѣвшаго общества отъ Лондона до Рима и отъ Рима до двора Генриха V-го.

Лэди Года, со своей стороны, видѣла въ немъ типъ, къ которому ее повлекъ бы инстинктъ, если бы она была свободна выбрать себѣ мужа. Въ противоположность человѣку дѣла, говорящему мало и питавшему только сильныя чувства, онъ выказалъ себя свѣтскимъ человѣкомъ со всѣхъ точекъ зрѣнія. Одно его разнообразіе уже было очарованіемъ, а мысль объ его значительной опытности была для нея какъ бы таинственнымъ обаяніемъ. Сверхъ того, Арнольдъ Курбойль былъ тактичнымъ человѣкомъ, легко впечатлительнымъ, привыкшимъ къ тщеславію женщинъ и ловкимъ въ искусствѣ возбуждать это тщеславіе, никогда не удовлетворенное, что составляетъ основаніе большей части несовершенныхъ женскихъ характеровъ. Въ немъ не было никакой слабости, или, по крайней мѣрѣ, онъ былъ столь же храбръ, какъ большинство мужчинъ; кромѣ того, онъ ловче всѣхъ владѣлъ оружіемъ. Его маленькая рука, прекраснаго очертанія, оливковаго оттѣнка, умѣла нанести ударъ пшагой быстрѣе Раймунда Варда, и онъ также увѣренно достигалъ цѣли, хотя казался менѣе сильнымъ. На сдѣлѣ

онъ не обладалъ силою въ колѣнѣхъ и не могъ ужаснымъ давленіемъ заставить лошадь дрожать и стонать, но не многіе рыцари его времени были ловче въ искусствѣ представить посредственную лошадь въ выгодномъ для нея свѣтѣ. Онъ училъ хорошаго коня пользоваться своими силами до послѣдней степени. Когда Вардъ ѣздилъ на лошади шесть мѣсяцевъ, она была обыкновенно потеряна и разбита на переднія ноги, если не совсѣмъ мертва. Курбойль же ѣздилъ на той самой лошади въ два раза дольше и удваивалъ ея качества. Также было и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Съ одинаковыми шансами одинъ, казалось, растрчивалъ добро безъ выгоды для себя, другой же оборачивалъ все въ свою личную пользу.

Стоя Арнольдъ былъ едва средняго роста, но сидя онъ не былъ такъ малъ. Какъ большинство мужчинъ незначительнаго роста, онъ посвящалъ безпрестанныя тщательныя заботы своей личности, что въ результатѣ вознаграждало этотъ недостатокъ. Его темная борода была подрѣзана остроконечно и такъ заботливо причесана, что напоминала одно изъ тѣхъ гладко подстриженныхъ деревьевъ, представлявшихъ павлиновъ и драконовъ, которыя были гордостью итальянскихъ садовниковъ во времена Плинія. Волосы онъ носилъ полудлинные; ихъ шелковистыя пряди были заботливо раздѣлены проборомъ по срединѣ головы и отброшены назадъ густыми волнами. Было что-то почти раздражающее въ ихъ неестественномъ лоскѣ, въ совершенно прозрачномъ и здоровомъ оливковомъ цвѣтѣ лица этого человѣка, въ длинныхъ дугообразныхъ бровяхъ, въ совершенномъ довольствѣ самимъ собою и въ довѣрчивости, блестящей въ его красновато-карихъ, нѣсколько нахальныхъ глазахъ. Его шея, крѣпкая и круглая, довольно пропорціональная, хорошо расположенная на его плечахъ и гладкая, какъ его лобъ, выгодно выдѣлялась, благодаря восхитительной золотой вышивкѣ, окаймлявшей рубашку тончайшаго фламандскаго полотна. На немъ былъ кафтанъ въ обтяжку изъ прекраснаго алаго сукна, съ узкими рукавами, слегка отвороченными, чтобы оставить на виду его кисть. Великолѣпная португезя стягивала его кафтанъ на тальѣ. Она состояла изъ серебряныхъ, эмальированныхъ колецъ и пластинокъ работы искусства византійскаго артиста. На каждой пластинкѣ была изображена въ богатыхъ краскахъ одна изъ сценъ жизни Иисуса Христа и его Страстей. Длинная шпага съ крестообразной рукояткой-чашкой для руки была прислонена къ стѣнѣ, возлѣ большого камина. Кинжалъ же, чудо работы, висѣлъ на португезѣ; онъ былъ тѣмъ болѣе замѣчательнъ, что отличался чудной закалкой—тріумфъ восточнаго искусства, такъ какъ почти всѣ искусства были въ то время восточныя.

На солидной золотой рукояткѣ восьмисторонней и съ восьмью зарубками былъ вычеканенъ великолѣпный рисунокъ, глубоко усы-

панный неотдѣланными драгоценными камнями, усаженными съ искусной неправильностью. Чашка рукоятки состояла изъ стального диска съ золотою гравировкою и нарѣзками.

Длинное, какъ мужская рука, лезвее, отъ локтя до кисти, было выковано изъ серебра и стали дамасскимъ оружейникомъ. Оно было устойчиво, тонко, съ глубокими желобками для крови, выдолбленными по обѣимъ сторонамъ на разстояніи четырехъ пальцевъ отъ острія, которое могло прокалывать такъ деликатно, какъ иголка, или просверливать тонкую кольчугу, какъ гвоздь, вбиваемый тяжелымъ молоткомъ.

Его кафтанъ ниспадалъ мягкими складками до колѣнъ, и суконныя панталоны, очень натянутыя, были темно-коричневаго цвѣта. Сэръ Арнольдъ носилъ короткіе ботфорты пурпуроваго цвѣта кожи, вышитыя наверху тонкимъ алымъ снуркомъ. Привязи шпоръ были того же цвѣта, какъ и сапоги, а сами шпоры—стальные, маленькія, заостренныя, прекрасной чеканки.

Прошло шесть лѣтъ съ этого вечера и, однако, когда лэди Года закрывала глаза и мечтала объ Арнольдѣ, то видѣла его такимъ, какъ онъ представлялся ей тогда. Предъ нею оживали каждая черта его лица, каждая подробность его туалета, его поза, когда подъ горячими лучами камина онъ сидѣлъ возлѣ нея въ своемъ креслѣ, нѣсколько склонившись впередъ. Его голосъ могъ казаться тогда монотоннымъ для уха спящаго, но не для ея слуха. Между Вардомъ и Курбойлемъ состоялось знакомство почти насильно, благодаря обстоятельствамъ и взаимнымъ обязательствамъ, но оно никогда не доходило до близости и довѣрчивости со стороны Варда. Со стороны же сэра Арнольда это была ловкая комедія, скрывавшая разрастающуюся ненависть къ мужу лэди Годы. И она играла такъ же хорошо свою роль, какъ и онъ. Союзъ, въ которомъ честолюбіе занимаетъ мѣсто любви, не можетъ существовать, когда честолюбіе обмануто. Она не терпѣла своего мужа, уничтожившаго ея безумныя надежды. Она презирала его за то, что онъ не извлекъ ничего изъ своихъ многочисленныхъ качествъ и своихъ преимуществъ, за его привязанность къ устарѣлому и вышедшему изъ моды дѣлу. Она упрекала его, что онъ, много видя, ничему не научился. Это дѣлало богатыми его глаза и бѣдными—руки. Она ненавидѣла его потому, что онъ былъ неповоротливъ, обладалъ доброй натурой, добрымъ сердцемъ, былъ простакомъ для тѣхъ лицъ, которыя хотѣли отъ него чего нибудь добиться.

Она съ горечью размышляла, что если бы она обождала семь, восемь лѣтъ удачнаго случая, то для нея выпало бы счастье имѣть мужемъ вдовца Арнольда, двоюроднаго брата архіепископа кантэрибурійскаго. Она достигла бы фавора вмѣстѣ съ побѣдителями въ гражданской войнѣ и была бы соединена съ человекомъ, сумѣвшимъ польстить ея холодной натурѣ вымышленными чув-

ствами, вмѣсто того, чтобы растрчивалъ на нее уваженіе, почти преувеличенное, какимъ ее окружалъ со своей благородной страстью Раймундъ. Для большинства женщинъ это почтеніе становится въ концѣ необъяснимо надобдливимъ.

Сколько разъ въ теченіе этихъ шести лѣтъ она встрѣчалась съ сэромъ Арнольдомъ и бесѣдовала, какъ въ первый вечеръ. Однажды, когда императрица Матильда захватила въ плѣнъ короля Стефана, и дѣло приняло дурной оборотъ для его приверженцевъ, Вардъ настоялъ, чтобы его сосѣдъ пріѣхалъ въ Стокъ-Режисъ, болѣе надежный, чѣмъ его замокъ. Другой разъ, когда побѣда была на сторонѣ короля Стефана, и Раймундъ отчаянно сражался подъ начальствомъ Глостера, лэди Года отправилась со своимъ сыномъ, капелланомъ и нѣкоторыми изъ женщинъ просить защиты у Арнольда, бросивъ свой замокъ на произволь.

Сначала Курбойль безпрестанно дѣлалъ видъ, что восторгается физическими и нравственными качествами Варда, но мало-по-малу онъ съ тактомъ измѣнилъ мнѣніе и довель лэди Году до признанія, что она страдала, или воображала, что страдаетъ,—это для нѣкоторыхъ женщинъ одно и то же,—будучи связана на всю жизнь съ человѣкомъ, которому не удалось удовлетворить ея высокочестолюбивыхъ стремленій. Затѣмъ въ одинъ прекрасный день было произнесено великое слово «любовь», и они никогда не переставали надѣяться, что Вардъ умретъ преждевременно.

Въ продолженіе этого времени Жильбертъ сдѣлался изъ маленькаго мальчика молодымъ человѣкомъ. Онъ обожалъ свою мать, какъ высшее существо, но отца любилъ съ тѣмъ глубокимъ инстинктомъ взаимнаго согласія, которое дѣлаетъ любовь и ненависть ужасными между самыми близкими родственниками.

Съ теченіемъ времени Беатриса выросла, сдѣлалась гибкой и блѣдной. Жильбертъ и она любили другъ друга, что было естественно, такъ какъ они оба воспитывались безъ товарищей и часто находились вмѣстѣ въ продолженіе многихъ дней въ уединенномъ существованіи средневѣковаго замка.

Можетъ быть, Жильбертъ никогда не отдавалъ себѣ отчета, что его любовь къ матери была результатомъ добровольнаго разрѣшенія лэди Годы, чтобы онъ любилъ Беатрису. Но необходимость подготовить бракъ служила благовиднымъ предлогомъ для продолжительныхъ бесѣдъ хозяйки замка съ сэромъ Арнольдомъ. Онъ сдѣлался необходимой и самой важной частью въ жизни лэди Годы. Это способствовало, что визиты Арнольда и частыя встрѣчи во время сезона соколиной охоты казались естественными въ глазахъ Раймунда.

Охотясь съ сэромъ Арнольдомъ, Раймундъ не разъ счастливо отдѣлывался отъ опасности. Такъ, однажды, почти неожиданно онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ старымъ кабаномъ; когда онъ накло-

нилъ, чтобы нанести кабану ударъ снизу вверхъ, то его жена и Арнольдъ находились шагахъ въ двадцати позади него. Они всё трое отдѣлились отъ другихъ охотниковъ. Замѣтивъ положеніе мужа и окружавшее ихъ уединеніе, лэди Года обратила выразительный взглядъ на своего спутника. Секунду спустя, охотничье копые Арнольда направилось прямо, какъ стрѣла, въ спину Раймунда. Въ этотъ моментъ кабанъ бросился на Варда, но послѣдній отскочилъ и, упавъ на колѣна, исполосовалъ ножомъ животное. Охотничье копые Арнольда безвредно проскочило надъ головою Варда и затерялось въ сухихъ листьяхъ, въ двадцати метрахъ отъ того мѣста.

Другой разъ Раймундъ ѣхалъ на лошади съ соколомъ на рукѣ и по своему обыкновенію въ десяти шагахъ отъ другихъ всадниковъ. Онъ не замѣтилъ, что они отстали. Когда онъ слѣдовалъ по узкой лѣсной тропинкѣ и посмотрѣлъ вокругъ, то увидѣлъ, что находится одинъ. Онъ тотчасъ же повернулъ лошадь, чтобы присоединиться къ другимъ охотникамъ. Едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ внезапно три замаскированные человѣка, которыхъ онъ принялъ за воровъ, выскочили изъ чащи и бросились на него съ длинными ножами. По счастью разбойники плохо рассчитали разстояніе и время; когда они были довольно близко, чтобы ударить Варда, у него уже была въ рукахъ пшлага. Первый изъ напавшихъ упалъ мертвымъ; остальные скрылись, одинъ съ глубокой раной въ плечѣ, другой же не нанесъ ни одного удара. Раймундъ удалился, не получивъ ни малѣйшей раны и размышляя о превратности судьбы. Когда онъ приблизился къ своей женѣ и другу, онъ нашелъ ихъ сидѣвшими одинъ возлѣ другого на упавшемъ деревѣ и очень серьезно разговаривавшими въ полголоса, тогда какъ сокольничіе и слуги собрались небольшой группой въ отдаленіи.

Услышавъ его голосъ, лэди Года задрожала и слегка вскрикнула, лицо же Арнольда поблѣднѣло; но когда онъ подѣхалъ къ нимъ, они снова, повидимому, успокоились и улыбались. Они спросили его, не заблудился ли онъ; но Раймундъ ничего не рассказалъ о приключеніи, опасаясь подѣйствовать на нѣжныя нервы своей жены. Позже, на слѣдующую ночь, когда сэръ Арнольдъ былъ одинъ въ своей комнатѣ, блѣдный, какъ смерть, человѣкъ, ослабленный отъ потери крови, приподнялъ толстую занавѣсъ и сказалъ въ полголоса о приключеніи.

## II.

Такимъ образомъ, Раймундъ и его сынъ отправились въ графство Беркъ на постройку большого Фарингдонскаго замка. Сэръ Арнольдъ оставался въ своей крѣпости, откуда онъ очень часто ѣздилъ въ Стокъ и проводилъ долгіе часы съ лэди Годой въ залѣ и въ садикѣ, тянувшемся вдоль рва. Капелланъ, управляющій, войны

и привратникъ привыкли видѣть его часто тамъ, когда былъ Раймундъ: они не думали ничего дурного, такъ какъ онъ теперь приѣзжалъ, чтобы составить общество одинокой хозяйкѣ замка, а нравы того времени были просты.

Но, однажды утромъ, въ концѣ апрѣля туда прибылъ посланный короля Стефана съ приказаніемъ, чтобы всѣ графы, бароны, баронеты и рыцари со своими войнами подъ присягой вѣрности присоединились къ нему въ Оксфордѣ. Для формы посланный отправился въ Стокъ-Режисъ, не допуская, чтобы какой нибудь нормандскій рыцарь не былъ партизаномъ короля. Подъемный мостъ былъ опущенъ, и онъ проникъ чрезъ ворота и, протрубивъ три раза, передалъ порученіе. Тогда управитель съ глубокимъ поклономъ отвѣтилъ, что его господинъ отправился путешествовать, и посланный, повернувъ коня, уѣхалъ, ничего не выпивъ и не скусавъ.

Но, явившись въ замокъ Стортфордъ, онъ нашелъ сэра Арнольда, вручилъ ему приказъ короля съ большимъ торжествомъ и былъ принятъ съ обычнымъ гостепріимствомъ. Арнольдъ медленно одѣлся въ кольчугу, но не надѣлъ своего шлема, такъ какъ былъ необыкновенно жаркій день, и онъ предпочелъ путешествовать въ маленькой шапкѣ, чѣмъ въ тяжелой стальной каскѣ съ широкимъ забраломъ. Прежде чѣмъ прошелъ часть, онъ уже былъ на лошади во главѣ своихъ воиновъ и лакеевъ, идущихъ впереди и позади его по большой Гертфордской дорогѣ. Но онъ тайно отправилъ къ лэди Годѣ посланнаго съ извѣщеніемъ, что онъ отправился. И она не слышала болѣе о немъ въ продолженіе многихъ дней.

Ежедневно утромъ, послѣ обѣда и предъ закатомъ солнца, она отправлялась въ маленькій садъ къ западной стѣнѣ замка. Долго она смотрѣла тамъ на дорогу, но не потому, что желала возвращенія мужа, не потому, что озабочивалась возвращеніемъ Жильберта, но она знала, что ихъ возвращеніе будетъ вѣстникомъ конца войны. Тогда Арнольдъ будетъ также свободенъ вернуться домой.

5-го мая, когда зашло солнце, она оставалась неподвижна съ глазами, устремленными на дорогу, уже десятый разъ послѣ отъѣзда Курбойля. Она чувствовала свѣжесть сырого вечерняго воздуха, но что-то ее удерживало: необъяснимое предчувствіе, ожиданіе чего-то. Вдали, на верху гористой дороги, она замѣтила искру, маленькое пламя, танцовавшее, какъ фантастическіе огоньки, перебѣгающіе въ лѣтнюю ночь по могиламъ. Сначала она увидѣла одинъ, затѣмъ вдругъ три и множество. Потомъ темная и плотная масса выдѣлилась на красноватомъ небѣ. Огоньки походили на маленькія звѣздочки, поднимавшіяся и спускавшіяся на горизонтъ, и все надъ черными низкими облаками. Минуту спустя, западный вѣтерокъ донесъ до лэди Годы гармоничное пѣніе и удержалъ въ ея ушахъ нѣжныя высокія ноты молодыхъ голосовъ, опиравшіяся на богатомъ басѣ мужскихъ голосовъ.

Лэди Года взволновалась и, задержавъ дыханіе, слегка вздрогнула. Она такъ захватилась за розовый кустъ, находившійся вблизи ея, что иглы проникли чрезъ мягкій зеленый суконовый наручникъ и укололи ее до крови, хотя она ничего не почувствовала. Смерть носилась въ воздухѣ, смерть была въ движущихся огонькахъ, смерть— въ минорныхъ рыданіяхъ хора монаховъ. Въ первый моментъ, плохо сознавая, лэди Года подумала, что несутъ сэра Арнольда, убитаго въ сраженіи ея собственнымъ мужемъ или сыномъ. Это ей несли Арнольда, подумала она, къ ней, которая его любила, чтобы она омыла его раны своими слезами и осушила его влажный ликъ своими прекрасными волосами. Съ широко раскрытыми глазами и молчаливая, пока приближалась процессія, она двинулась ей навстрѣчу вдоль рва къ подъемному мосту. Она еще не понимала, но ни одно движеніе людей, ни одно колебаніе свѣта, ни одна нота заупокойнаго пѣнія не ускользнули отъ ея ослабѣвшихъ чувствъ.

Вдругъ она замѣтила, что впереди гроба шелъ Жильбертъ съ обнаженной головою, на половину завернутый въ черный плащъ, который волочился по травѣ. Когда она обогнула послѣдній бастионъ, прежде чѣмъ достигъ подъемный мостъ, погребальное шествіе подвигалось по вѣшнему берегу рва; и между нею и процессіей было только водяное пространство, отражавшее пламя восковыхъ свѣчей, темные капюшоны монаховъ и бѣлые стихари пѣвчихъ дѣтей. Они подвигались медленно, и лэди Года, какъ бы во снѣ, слѣдовала за ними тихими шагами по другой сторонѣ, пораженная, опасавшаяся и дрожавшая. Она то испытывала странное чувство освобожденія, то сдерживала рыданіе, наполовину нервное, наполовину искусственное, сжимавшее ей горло при мысли о покойникѣ, находившемся столь близко отъ нея.

Она жила съ нимъ и разыгрывала долгую комедію любви; ненавидя его въ сердцѣ, она улыбалась ему глазами двойственности и лжи; теперь же она была свободна выбирать и любить, — свободна сдѣлаться женою сэра Арнольда. Однако, она все-таки жила съ покойнымъ, и въ далекомъ прошедшемъ лэди Года отыскивала маленькіе просвѣты счастливой нѣжности, наполовину дѣйствительные, наполовину разыгранные, но никогда не забываемые, на которыхъ она научилась останавливать свои мысли съ нѣжностью и печалью. Она любила покойника въ первые дни ихъ брака, насколько ея холодная натура, еще не проснувшаяся, была способна любить, если не лично ради него, то, по крайней мѣрѣ, изъ за тщеславныхъ надеждъ, построенныхъ на его имени. Тайно она ненавидѣла его; она не питала бы къ нему столь искренней ненависти, если бы въ ея сердцѣ не было зерна любви, чтобы такъ страшно ожесточиться противъ него. Она не могла бы рѣшиться заставить свои глаза улыбаться такъ нѣжно, если бы когда-то она не улыбалась, чтобы нравиться ему. Такимъ образомъ, когда при-

несли мертвого къ дверямъ его дома, его жена имѣла еще въ запасѣ нѣсколько крошекъ воспоминанія, чтобы выказать хотя тѣнь огорченія.

Она вошла, слѣдуя чрезъ подземный выходъ, въ маленькую, круглую башню, помѣщавшуюся около воротъ. Лэди Года знала, что, если бы она вышла изъ-за опускной рѣшетки, то погребальное шествіе было бы какъ разъ на другой сторонѣ моста. Ширина маленькой сводчатой комнаты нижняго этажа башни была только въ четыре шага. Въ ней было почти темно, и лэди Года остановилась въ ней на минуту, прежде чѣмъ выйти навстрѣчу погребальному шествію. Стоя въ темнотѣ, она изо всей силы прижимала къ глазамъ свои руки въ перчаткахъ, какъ бы для того, чтобы собраться съ мыслями.

Затѣмъ она снова опустила ихъ, посмотрѣла въ темноту и почти засмѣялась; что-то въ глубинѣ ея сердца душило ее, какъ бы большая радость. Почти тотчасъ же она сдѣлалась спокойна и еще разъ прижала къ глазамъ свои руки въ перчаткахъ, но уже нѣжнѣе, какъ бы приготовляя ихъ къ тому, что они вскорѣ увидятъ.

Она открыла маленькую дверь и очутилась среди испуганной и возбужденной толпы мужчинъ и слугъ, въ то время, какъ послѣдняя нота похороннаго пѣнія прозвучала подъ глубокими сводами. Въ это время воздухъ пересѣкъ другой звукъ... звонкій лай большого дога, находившагося во дворѣ, на цѣпи, отъ восхода до заката солнца; лай перешелъ въ визгъ, визгъ въ вой, въ зловѣщій вой, раздражавшій уши. Прежде, чѣмъ онъ затихъ, одна изъ саксонскихъ рабынь громко вскрикнула, за нею повторила другая, затѣмъ другая и еще другая, подобно погребальному пѣнію. Всѣ камни темнаго замка, казалось, имѣли голосъ, и каждый изъ этихъ голосовъ оплакивалъ своего господина. Многія женщины падали на колѣни, а равно и мужчины, тогда какъ другіе, поднимая свои капюшоны, стояли, прислонившись къ толстой стѣнѣ, склонивъ голову и скрестивъ руку.

Медленно и торжественно внесли гробъ подъ средній сводъ и поставили тамъ. Тогда Жильбертъ Вардъ, поднимая голову, очутился лицомъ къ лицу съ матерью, но онъ посторонился, чтобы она могла видѣть своего мужа. Монахи и дѣти хора тоже разступились со своими восковыми свѣчами, которыя бросали колеблющіяся свѣтъ сквозь темныя сумерки. Лицо Жильберта было строго и блѣдно. Лэди Года тоже была блѣдна, и ея сердце билось, такъ какъ ей предстояло разыграть послѣдній актъ своей супружеской жизни предъ толпою слугъ, внимательно наблюдавшихъ за нею. Въ продолженіе момента она раздумывала про себя, колеблясь: вскрикнуть или упасть въ обморокъ въ честь умершаго мужа.

Затѣмъ съ инстинктомъ природной, безукоризненной актрисы, ея глаза съ безумнымъ видомъ переходили съ сына на прямию,



длинную массу, скрытую подъ покровомъ. Она поднесла руку ко лбу, откинула свои золотистые волосы назадъ на половину безумнымъ, на половину помраченнымъ жестомъ, сдѣлала два шага, какъ бы шатаясь, и упала на трупъ съ громкими криками и рыданіями. Затѣмъ она болѣе не двигалась.

Жильбертъ приблизился къ гробу и схватилъ руку, одѣтую въ перчатку, которою его мать закрыла свое лицо, которая неподвижно упала. Онъ приподнялъ черный суконный покровъ и, какъ можно болѣе, откинулъ его, не тревожа распростертой вдовы. Владѣлецъ Стока лежалъ въ кольчугѣ, такъ какъ онъ палъ въ минуту сраженія, со своимъ стальнымъ шлемомъ и тонкимъ забраломъ кольчуги, надвинутымъ на его лицо и подбородокъ. Черные шелковистые волосы, лежавшіе вокругъ лица мертвеца, имѣли страшно живой видъ. Но на глазахъ и лбу, подъ шлемомъ, была надѣта черная повязка; на его груди большія руки, закрытыя кольчугой, сжимали шпагу съ крестообразной рукояткой. Съ обнаженной головой и безъ оружія Жильбертъ созерцалъ съ минуту лицо отца; затѣмъ, вдругъ, поднявъ глаза, онъ обратился къ толпѣ, тѣснившейся подъ сводомъ, со слѣдующими словами:

«Люди Стока, вотъ тѣло сэра Раймунда Варда, вашего господина и моего отца. Онъ палъ въ сраженіи предъ Фарингдонскимъ замкомъ. Вотъ третій день, какъ онъ убитъ, но дорога была долгая, и намъ не позволили пройти безъ препятствій. Замокъ былъ построенъ лишь на половину, и мы расположились вокругъ него лагеремъ съ графомъ Глостеромъ, когда внезапно явился король съ большой арміей. Они неожиданно бросились на насъ очень рано утромъ, когда мы только что отправлялись къ мессъ, и большая часть изъ насъ была лишь отчасти вооружена или совсѣмъ не вооружена, такъ что мы сражались, какъ могли. Многіе изъ насъ были убиты, но немало пало отъ нашей руки. И я со шлемомъ на головѣ и съ кирасой, на половину застегнутой на моемъ тѣлѣ, и съ голыми руками сражался съ однимъ французомъ, вполне вооруженнымъ, который меня очень тѣснилъ. Но я ударилъ его въ шею, такъ что онъ пошатнулся и упалъ на колѣно. Въ этотъ самый моментъ я увидѣлъ нѣчто ужасное. Въ двадцати шагахъ предо мною встрѣтились лицомъ къ лицу сэръ Арнольдъ и мой отецъ. Внезапно и безъ предупрежденій ихъ шпаги поднялись для удара. Когда уже мой отецъ узналъ своего друга, онъ опустилъ шпагу, улыбаясь, и хотѣлъ удалиться, чтобы сражаться съ другимъ. Но сэръ Арнольдъ тоже улыбнулся и не опустилъ своей руки. Онъ ударилъ отца остриемъ, когда тотъ не принялъ предосторожностей, и однимъ ударомъ измѣннически вонзилъ лезвее сквозь забрало. Вотъ какъ мой отецъ, а вашъ господинъ, палъ мертвымъ, безъ исповѣди, отъ руки друга, и пусть проклятіе чедовѣка и осужденіе всемогущаго Бога падетъ на голову убійцы

теперь и потомъ, когда я убью его. Въ моментъ, когда я на него бросился, французъ, бывший только въ обморокъ, поднялся на ноги и поспѣшилъ снова со мной сражаться. Такимъ образомъ, въ моментъ, когда ему не хватало дыханія и свѣтъ угасъ въ его глазахъ, сэръ Арнольдъ удалился съ поля сраженія и былъ потерянъ для насъ. Тогда мы сдѣлали перемиріе, чтобы похоронить нашихъ мертвецовъ или унести ихъ».

Когда Жильбертъ говорилъ, было полное безмолвіе, длившееся много минутъ и прерываемое лишь безпрестанными рыданіями лэди Годы, пришедшей въ себя. Внутри двора и внѣ его, на мосту, небо сдѣлалось багровое, затѣмъ темное и пасмурное, такъ какъ солнце исчезло уже давно. Пламя восковыхъ свѣчей, поднимаясь, опускаясь и колеблясь отъ вечерняго вѣтра, становилось сильнѣе и желтѣе подъ сводами.

Монахи въ темномъ одѣяніи строго смотрѣли вокругъ себя, ожидая приглашенія войти въ часовню. Это были люди всевозможныхъ лѣтъ, розовые и блѣдные, худые и толстые, темноволосые и бѣлокурые, всѣ они имѣли на лицахъ нѣчто, отличавшее людей церкви во всѣ вѣка.

Жильбертъ стоялъ молча между ними и мертвымъ рыцаремъ, поникнувъ головою, съ опущенными глазами, блѣднымъ лицомъ и съ сжатыми губами. Онъ глядѣлъ на прекрасные волосы своей матери и на ея сжатые руки, прислушиваясь къ ея затрудненному дыханію, безпрестанно прерываемому тяжелыми рыданіями. Внезапно снова послышался ужасный, звонкій лай собаки, и въ то же время громкій, дрожащій голосъ раздался со двора чрезъ глубокіе своды:

— Сожжемъ убійцу! Въ Стортфордъ и сожжемъ его!

Жильбертъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ сквозь мглу, отыскивая, кто говорилъ. Онъ не видѣлъ, что при этихъ словахъ его мать задрожала, откинулась тѣломъ, опершись рукою и устремивъ глаза по тому же направленію, какъ и сынъ. Но прежде, чѣмъ Жильбертъ могъ отвѣтить, крикъ былъ повторенъ сотнею голосовъ.

— Сожжемъ измѣнника! Сожжемъ убійцу! Въ Стортфордъ! Хворосту и смолы!

Слова слѣдовали, то громкія и ясныя, то тихія и хриплыя, одни за другими, какъ дикое рычаніе. Тутъ и тамъ среди этихъ грубыхъ людей заблестѣли въ темнотѣ глаза, какъ у сабакъ.

Тогда среди сумятицы раздался звукъ отодвигаемыхъ засововъ и скрипъ дверныхъ петель: это конюха отворяли двери конюшенъ, чтобы вывести лошадей и осѣдлатъ для экспедиціи. Одинъ просилъ огня, другой предупреждалъ остерегаться ударовъ копытъ его лошади. Лэди Года поднялась, протянувъ руки къ сыну съ умоляющимъ видомъ, инстинктивно повернувшись къ нему въ первый разъ, какъ къ главѣ дома. Она также ему говорила, но онъ ничего

не видѣлъ и не слышалъ, такъ какъ въ глубинѣ его сердца возникъ новый ужасъ, въ сравненіи съ которымъ все случившееся раньше было ничто. Онъ подумалъ о Беатрисѣ.

— Остановитесь!—воскликнулъ онъ:—чтобы никто не двигался! Никто не выйдетъ отсюда, кто хочетъ сжечь Стортфордъ! Сэръ Арнольдъ Курбойль—подданный короля, а въ Англии царствуетъ король, такъ что, если мы сождемъ Стортфордъ сегодня вечеромъ, они сожгутъ завтра же замокъ Стокъ, вмѣстѣ съ моей матерью. Между Арнольдомъ Курбойлемъ и мною — смерть; завтра я отправлюсь его искать и убью въ честномъ бою, чтобы не было ни экспедиціи, ни грабежа, ни пожара. Не будемъ дѣйствовать, какъ дѣйствовали бы французскіе разбойники Стефана, или красноволосые шотландцы короля Давида. Подымите гробъ, а вы,—сказалъ онъ, оборачиваясь къ монахамъ и пѣвчимъ,—продолжайте свое пѣніе, чтобы мы могли поставить въ часовню тѣло моего отца и спѣть молитвы за упокой его души.

Лэди Года сначала прижала свою лѣвую руку къ сердцу, какъ бы испытывая опасеніе и страданіе, но пока Жильбертъ говорилъ, она опустила ее, и ея лицо сдѣлалось спокойно, прежде чѣмъ она вспомнила, что оно должно быть печально. До этого дня въ ея глазахъ сынъ былъ ребенкомъ, подчиненнымъ отцу, ей и старому капеллану замка, научившему его тому немногому, что онъ зналъ. Теперь онъ достигъ возмужалости и былъ силенъ; болѣе того: онъ былъ хозяиномъ въ домѣ отца, и по одному его слову войны и вилланы отправились бы моментально убивать любимаго ею чело-вѣка и сжигать и грабить все принадлежавшее ему. Она была ему благодарна, что онъ не произнесъ этого слова, и если Жильбертъ имѣлъ намѣреніе встрѣтить Курбойля въ поединкѣ, то она не опасалась за любовника, самаго ловкаго бойца на шпагахъ въ Эссекскомъ и Гартфордскомъ графствахъ. Она считала себя одинаково обезпеченной и относительно его репутаціи честнаго рыцаря, который не пожелаетъ убить противника, на половину моложе его.

Въ то время, какъ она думала обо всемъ этомъ, монахи снова начали похоронное пѣніе, на дворѣ прекратилась суматоха, конюхи подняли гробъ, и погребальное шествіе медленно направилось по широкому двору къ большой двери часовни.

Часъ спустя, тѣло сэра Раймунда было поставлено предъ алтаремъ, на которомъ горѣли многочисленныя восковыя свѣчи. На самой низшей ступени, сложивъ руки и поднявъ глаза къ небу, стоялъ на колѣняхъ одинъ Жильбертъ. Онъ снялъ длинную шпагу съ груди покойника, поставилъ ее стоймя, обнаженною противъ алтаря, края лезвья были зазубрены, и темныя пятна крови, оставшіяся на немъ, служили воспоминаніемъ послѣдней кровавой работы ея владѣльца.

Въ простотѣ вѣры того кроваваго вѣка, Жильбертъ Вардъ предъ алтаремъ Бога, божественнымъ тѣломъ Христа и предъ чтя-

мымъ имъ трупомъ его отца клялся всѣмъ дорогимъ для него и его домашнимъ, что, прежде чѣмъ лезвее будетъ снова вычищено, оно почернѣетъ отъ крови убійцы его отца.

Въ то время какъ онъ стоялъ тамъ на колѣняхъ, его мать, уже одѣтая вся въ черное, вошла въ часовню и медленно стала приближаться къ ступенямъ алтаря. Она намѣревалась опуститься на колѣни возлѣ сына, но, когда ее раздѣляли отъ него только три шага, ужасный страхъ ея собственной лжи снизошелъ въ ея сердце: она упала на колѣни посреди часовни.

### III.

Рано утромъ Жильбертъ ѣхалъ верхомъ по дорогѣ къ Ширингскому аббатству Стартфордскаго замка. На немъ былъ кафтанъ, штаны и коричневые, кожаные сапоги. Съ боку у него висѣла шпага отца, такъ какъ онъ не имѣлъ намѣренія убить своего врага, но драться съ нимъ на смерть въ честномъ, равномъ бою. Жильбертъ предполагалъ, что сэръ Арнольдъ долженъ былъ возвратиться изъ Фарингдона; если бы онъ встрѣтилъ его прогуливающимся по своимъ владѣнiямъ, то въ это майское утро онъ, не подозрѣвая ничего, былъ бы безъ кольчуги. Если они не встрѣтятся, то Жильбертъ дойдетъ до дверей замка, спроситъ барона и вѣжливо предложитъ ему отпавиться вмѣстѣ въ лѣсъ. Жильбертъ надѣялся, что могло случиться и такъ: вступивъ подъ своды воротъ, онъ, можетъ быть, увидитъ на минуту Беатрису.

По дорогѣ онъ никого не встрѣтилъ. Въ долинѣ же предъ замкомъ съ полдюжины саксонскихъ конюховъ въ открытыхъ грубыхъ и короткихъ кафтанахъ учили нѣсколькихъ большихъ нормандскихъ лошадей Курбойля. Они сказали Жильберту, что баронъ—дома. Проѣхавъ подъемный мостъ, Жильбертъ остановился, прежде чѣмъ войти въ ворота, и громко позвалъ привратника. Въ тотъ моментъ вмѣсто него на дворѣ появился самъ сэръ Арнольдъ. Онъ пришелъ, чтобы дать группѣ громадныхъ дворовыхъ собакъ сырой кровяной говядины, лежавшей въ деревянной чашкѣ, принесенной маленькимъ босымъ конюхомъ, съ густыми, почти безцвѣтными волосами и съ круглымъ краснымъ лицомъ. Жильбертъ снова позвалъ; рыцарь тотчасъ обернулся и приблизился къ юношѣ, отталкивая громадныхъ собакъ, бросившихся къ нему играя и пробовавшихъ заставить его отодвинуться.

Сэръ Арнольдъ былъ спокоенъ. Онъ улыбался и былъ, какъ всегда, старательно одѣтъ. Онъ приблизился со сложной улыбкой, въ которой гостепрiимство смѣшивалось ловко съ интересомъ и симпатiей. Жильбертъ, который тоже былъ настоящимъ нормандцемъ по инстинкту и по мысли, какъ ни одинъ изъ получившихъ земли отъ завоевателя, съ своей стороны сдѣлалъ все,

чтобы остаться спокойнымъ и учтивымъ. Онъ сошелъ съ лошади и сказалъ, что желаетъ говорить съ сэромъ Арнольдомъ по важному и секретному дѣлу. Утро было прекрасное, и онъ предложилъ ему отправиться на прогулку въ лѣсъ. Сэръ Арнольдъ выказалъ лишь легкое удивленіе и поспѣшно согласился. Жильбертъ, не отступая отъ своего плана, замѣтилъ, что у рыцаря нѣтъ при себѣ шпаги.

— Было бы хорошо, если бы вы взяли вашу шпагу, сэръ Арнольдъ,—сказалъ онъ съ нѣсколько загадочнымъ тономъ.—Никто не защищенъ отъ воровъ большихъ дорогъ въ это время.

Рыцарь встрѣтилъ глаза Жильберта, и оба молча смотрѣли пристально другъ на друга въ продолженіе момента. Затѣмъ Курбойль послалъ конюха за шпагой, находившейся въ большой залѣ. Самъ же онъ приблизился къ подъемному мосту и закричалъ одному изъ конюховъ, чтобы подали лошадь. Менѣ чѣмъ черезъ полчаса послѣ того, какъ Жильбертъ прибылъ въ замокъ, онъ и его непріятель ѣхали спокойно другъ возлѣ друга чрезъ свѣтлую лужайку Стортфордскаго лѣса. Жильбертъ натянулъ поводья и пустилъ шагомъ лошадь. Сэръ Арнольдъ тотчасъ сдѣлалъ то же. Тогда Жильбертъ заговорилъ:

— Сэръ Арнольдъ Курбойль, теперь уже прошло цѣлыхъ три дня, какъ вы измѣннически убили моего отца.

Сэръ Арнольдъ задрожалъ и полуобернулся на своемъ сѣдлѣ: его оливковая кожа сдѣлалась внезапно блѣдная отъ гнѣва; нѣжное и свѣжее лицо Жильберта не измѣнилось.

— Измѣннически?—повторилъ рыцарь съ негодованіемъ и вопросительнымъ тономъ.

— Подлымъ образомъ!—настаивалъ Жильбертъ совершенно спокойно.—Я былъ менѣ чѣмъ въ двадцати шагахъ отъ васъ, когда вы встрѣтились съ нимъ, и если бы мнѣ не помѣшалъ одинъ французъ изъ вашихъ, который безсмысленно медленно умиралъ, я спасъ бы жизнь отца или взялъ бы вашу, что сдѣлаю теперь.

При этихъ словахъ Жильбертъ остановилъ лошадь и приготовился сойти, такъ какъ газонъ былъ ровный, густой, и было довольно мѣста для поединка.

Сэръ Арнольдъ захохоталъ, оставаясь неподвижно на сѣдлѣ и оглядывая молодого человѣка.

— Такъ вы меня завлекли сюда, чтобы убить?—сказалъ онъ.

И его веселость прекратилась.

Нога Жильберта уже была на землѣ, но онъ остановился.

— Если эта мѣстность вамъ не нравится,—спросилъ онъ,—мы отправимся дальше.

— Нѣтъ, нѣтъ, я нахожу, что здѣсь очень хорошо,—возразилъ онъ.

Но, прежде чѣмъ окончить фразу, онъ снова разразился смѣхомъ.

Они привязали своихъ лошадей къ деревьямъ невдалекѣ, на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга. Жильбертъ первый занялъ позицію. На ходу онъ вынулъ изъ ноженъ шпагу отца, снялъ ножны съ пояса и бросилъ ихъ на траву. Сэръ Арнольдъ тотчасъ же всталъ противъ него, но лѣвая его рука была только положена на головку шпаги. Онъ все еще продолжалъ улыбаться, когда остановился предъ своимъ молодымъ противникомъ.

— Я ничего не возразилъ бы относительно поединка съ вами, если бы я убилъ вашего отца измѣннически, но я этого не сдѣлалъ. Я видѣлъ васъ, какъ вы меня. Вашъ французъ, какъ вы называли его, заслонялъ вамъ сцену; или вашъ отецъ былъ внѣ себя, въ своемъ пылу сраженья, или онъ не узналъ меня подъ моей кольчугой. Онъ склонилъ на секунду лезвее, затѣмъ бросился на меня, какъ бульдогъ, такъ что я могъ спасти себя, только убивъ его, противъ моего желанія. Я не буду сражаться съ вами, развѣ только вы принудите меня, и вы сдѣлаете лучше, воздержавшись отъ этого, такъ какъ, если вы будете упорствовать, то я уложу васъ въ два приѣма.

— Прекрасное совокупленіе хвастовства и лжи, — отвѣтилъ Жильбертъ, вставая въ позицію. — Вынимайте шпагу, прежде чѣмъ я сосчитаю три, или я распотрошу васъ, какъ курицу. Разъ... два...

Прежде чѣмъ послѣднее слово сошло съ его губъ, шпага сэра Арнольда появилась изъ ноженъ, столь же блестящая, какъ если бы она вышла изъ рукъ оружейника, и скрестилась съ зазубреннымъ и запятнаннымъ кровью лезвеемъ Жильберта.

Сэръ Арнольдъ былъ храбрый, но осторожный человѣкъ. Онъ ожидалъ увидѣть въ Жильбертѣ неловкаго новичка, хвастуна и смѣльчака, подвергавшагося опасности въ надеждѣ нанести хорошо направленный ударъ или начать отчаянное нападеніе. Вслѣдствіе этого онъ не пробовалъ привести въ исполненіе свою хвастливую угрозу, такъ какъ Жильбертъ былъ выше его, сильнѣе и моложе на двадцать лѣтъ. При томъ на немъ не было кольчуги, а только штаны и кафтанъ. Сильный ударъ шпаги взбѣшеннаго молодого человѣка могъ выбить его изъ позиціи и на половину заколотъ.

Но Курбойль отчасти ошибся, Жильбертъ, хотя молодой, былъ однимъ изъ тѣхъ фехтовальщиковъ, надѣленныхъ природнымъ даромъ, движенія кисти руки и плеча которыхъ безусловно одновременно съ сознаніемъ глаза; они не обдумываютъ каждаго своего движенія, заботясь о тактикѣ. Менѣе чѣмъ чрезъ полминуты сэръ Арнольдъ понялъ, что онъ сражается, защищая свою жизнь. Не прошло и минуты, какъ внезапно онъ почувствовалъ, что зазубренное лезвее шпаги Жильберта проникло въ большой мускулъ его правой руки, а его собственное лезвее выпало изъ его обезсиленной руки, скользя околото противника.

Въ то время не было постыднымъ нанести ударъ обезоруженному противнику въ поединкѣ на смерть. Когда сэръ Арнольдъ почувствовалъ, какъ грубая сталь была выдернута обратно изъ его раны, онъ понялъ, что слѣдующій ударъ будетъ для него смертельнымъ. Съ быстротою молніи лѣвой рукой онъ вынулъ длинный кинжалъ, висѣвшій у него съ боку, и Жильбертъ, поднявшій шпагу, чтобы нанести ударъ, получилъ впечатлѣніе, какъ будто холодъ пронзилъ его грудь; рука его задрожала, и онъ уронилъ шпагу. Красный туманъ спустился предъ его глазами; кровавая пѣна хлынула волной изъ его рта, и онъ навзничъ упалъ на зеленый газонъ.

Сэръ Арнольдъ попятился и посмотрѣлъ съ страннымъ любопытствомъ на распростертое тѣло, прищуриваясь, какъ это дѣлаютъ близорукіе. Затѣмъ, когда задышавшаяся грудь перестала вздыматься, а блѣдныя руки недвижно лежали на травѣ, сэръ Арнольдъ пожалъ плечами и сталъ заботиться о своей ранѣ. Съ помощью дубовой вѣтки онъ стянулъ вокругъ своей руки одинъ изъ кожаныхъ ремней, взятыхъ съ сѣдла Жильберта. Потомъ онъ сорвалъ лѣвой рукой горсть травы и попробовалъ держать кинжалъ въ правой, чтобы вычистить покраснѣвшую сталь. Но эта рука была безсильна, такъ что онъ, вставъ на одно колѣно возлѣ тѣла Жильберта, провелъ кинжаломъ два или три раза по подолу его темнаго кафтана, прежде чѣмъ положить оружіе въ ножны. Онъ поднялъ свою шпагу, и ему удалось вложить ее въ ножны. Затѣмъ онъ сѣлъ на лошадь, оставивъ коня Жильберта привязаннымъ къ дереву, бросилъ послѣдній взглядъ на неподвижную массу, распростертую на землѣ, и направился къ Стортфордскому замку.

#### IV.

Спустя два мѣсяца послѣ того, какъ сэръ Арнольдъ Курбойль оставилъ Жильберта Варда въ лѣсу, считая его мертвымъ, подъ темною тѣнью монастырскихъ галлерей, окружавшихъ садъ Шпрингскаго аббатства, шель высокій молодой человѣкъ, опираясь на плечи двухъ монаховъ «сѣраго братства». Онъ былъ такъ блѣденъ и худъ, что походилъ скорѣе на призракъ. Одинъ изъ братьевъ несъ коричневую кожаную подушку, а другой — кусокъ грубаго пергамента, служившаго вмѣсто вѣера. Когда они достигли первой каменной скамьи, они помѣстили больного, какъ можно удобнѣе.

Три монаха путешественника, возвращавшіеся изъ Гарло въ Шпрингское аббатство короткимъ путемъ, черезъ лѣсъ, нашли Жильберта плававшимъ въ своей крови, десять минутъ спустя послѣ отъѣзда рыцаря. Не зная, кто онъ былъ, они взяли его въ аббатство, гдѣ юношу тотчасъ же узнали монахи, составлявшіе

погребальное шествіе въ предыдущій вечеръ, и другія лица, которыя его также видали.

Братъ, на обязанности котораго лежало ухаживать за больными, былъ прежнимъ солдатомъ и имѣлъ шрамы отъ дюжины ранъ. Какъ недурной хирургъ, онъ объявилъ положеніе Жильберта почти безнадежнымъ и увѣрилъ аббата, что возвращеніе юноши въ его замокъ будетъ вѣрною смертью для молодого владѣльца Стока. Его положили на новую кровать въ высокой комнатѣ съ широкими полукруглыми окнами на западъ. Братъ ожидалъ, что Жильбертъ Вардъ вскорѣ отдастъ послѣдній вздохъ, и эта смерть положитъ конецъ его имени и роду. Аббатъ послалъ въ Стокъ-Режисъ посланнаго, чтобы увѣдомить лэди Году о положеніи ея сына. На другой день она явилась повидать Жильберта, но онъ ея не узналъ, такъ какъ у него была сильная горячка. Прошло три дня, она еще одинъ разъ возвратилась, но онъ спалъ, и больничный служитель не хотѣлъ его беспокоить. Затѣмъ она отправляла посланныхъ за справками о состояніи здоровья раненаго, но сама она больше не являлась. Это сначала удивило аббата и монаховъ, но позже они все поняли.

Жильбертъ пережилъ свои ужасныя раны, такъ какъ былъ молодъ, силенъ и имѣлъ чистую кровь.

Когда наконецъ ему позволили встать на ноги, онъ походилъ на тѣнь. Сначала на него надѣли монашескую одежду, такъ какъ ее было легче носить, но вскорѣ онъ былъ достаточно силенъ, чтобы выйти изъ своей комнаты и оставаться въ продолженіе часа на каменной скамьѣ монастырской галлерей. Въ этотъ день около него сидѣлъ одинъ только братъ-монахъ и медленно обмахивалъ его листомъ желтаго пергамента, похожаго на тотъ, которымъ монахи переплетали свои книги; другой братъ возвратился къ своей работѣ.

Жильбертъ откинулся назадъ и закрылъ глаза, упиваясь воздухомъ, согрѣтымъ солнцемъ, и запахомъ цвѣтовъ, росныхъ въ монастырскомъ саду. На него низошло то необъяснимое чувство мира, которымъ наслаждаются люди, вѣрванные у смерти, когда прошла опасность, и жизнь медленно къ нимъ возвращается. Невозможно, чтобы молодой человѣкъ съ впечатлительнымъ характеромъ и вѣрующей, проведя два мѣсяца въ большомъ монастырѣ, не почувствовалъ бы тяготѣнія къ монастырской жизни.

Лежа въ своей постели цѣлыми часами днемъ и въ безсонныя ночи одинъ, хотя который нибудь изъ братьевъ монаховъ всегда являлся на его первый зовъ, Жильбертъ слѣдилъ съ двойнымъ зрѣніемъ больного за существованіемъ двухсотъ монаховъ, живущихъ въ Ширингскомъ аббатствѣ. Онъ зналъ, что они встаютъ съ восходомъ солнца, что собираются въ темной часовнѣ аббатства для утренней молитвы, а затѣмъ идутъ на работу: братья



послушники и новички — въ поле, ученые отцы — въ бібліотеку и въ залъ для письма. Онъ могъ слѣдить за ними ежедневно во время молитвы и за работой: его сердце было вмѣстѣ съ ними. Истомленному и исхудалому, какимъ онъ былъ, жизнь въ сраженіяхъ и любви, казавшаяся ему когда-то единственно стойвшею труда существованія, теперь казалась невозможной и исчезала во мракѣ невозможности. Онъ не желалъ болѣе славы. Онъ имѣлъ тѣмъ менѣе успѣха въ своемъ первомъ большомъ кровавомъ бою; убійца отца былъ живъ, самъ же онъ едва избѣгнулъ смерти. Ему казалось, что его похудѣвшая и поблѣвшая рука, которая съ трудомъ могла надвинуть одѣяло на грудь, когда ему было холодно, никогда болѣе не будетъ въ состояніи сжать рукоятку шпаги или держать поводъ лошади. Въ этомъ полномъ истощеніи физическихъ силъ ему представлялось привлекательнымъ, чудно притягательнымъ его собственное изображеніе въ качествѣ монаха, молодого аскета или святого. Онъ заставилъ брата больничнаго научить себя молитвамъ изъ дневной и ночной церковной службы, и онъ повторялъ ихъ въ опредѣленные часы, думая, что такимъ образомъ дѣйствительно участвуетъ въ монастырскомъ существованіи. Мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ онъ лучше сознавалъ духъ монастыря, — евангеліе прощенія, камень преткновенія сражающихся, научило его, что забвеніе обидъ можетъ существовать, не безчестя прощающаго, и его рѣшеніе убить сэра Арнольда уступило мѣсто широкому раскаянію, что онъ желалъ даже отомстить ему.

Одно обстоятельство его постоянно тревожило, которое въ то же время было выше его понятія. Его мать, повидимому, забыла объ его существованіи, и онъ не помнилъ, видѣлъ ли онъ ее во время болѣзни. Онъ спрашивалъ о ней ежедневно и просилъ аббата увѣдомить лэди Году и попросить ее пріѣхать въ аббатство. Аббать улыбался, дѣлалъ знакъ головою и, казалось, общалъ; но если посланный бывалъ отправленъ, онъ никогда не могъ добиться отвѣта. Спустя нѣкоторое время, когда Жильберту дѣйствительно стало лучше, изъ Стокъ-Режиса болѣе никого не являлось справляться о немъ. Такъ какъ Жильбертъ считалъ свою мать высшимъ существомъ и такъ же, какъ его отецъ, ошибался, считая ее преданной, то по мѣрѣ того, какъ протекало время, и она безусловно пренебрегала имъ, въ немъ проснулось опасеніе. Ему представилось, что съ лэди Годой случилось что нибудь ужасное, неожиданное. Однако аббать ничего ему не говорилъ, тѣмъ менѣе ухаживавшіе за нимъ братья. Одно они знали утвердительно, что лэди Года совершенно здорова.

— Скоро, — отвѣчалъ Жильбертъ, — я буду въ состояніи возвратиться домой и самъ все увижу.

Тогда аббать улыбнулся и, поднявъ голову, заговорилъ о жаркой погодѣ.

Но въ этотъ именно день, такъ какъ Жильберту было позволено покинуть комнату, онъ рѣшился потребовать объясненія. Былъ еще часъ до полудневной трапезы, когда аббатъ пришелъ прогуляться на галерею, окружавшую монастырскій садъ. За нимъ слѣдовали на почтительномъ разстояніи два монаха, шедшіе рядомъ, опустивъ глаза и спрятавъ руки въ свои рукава; ихъ висѣвшіе веревочные поясы ритмично раскачивались, пока они шли. Когда они приблизились къ Жильберту, братъ больничный всталъ и спряталъ свои руки въ сѣрые шерстяные рукава.

Жильбертъ открылъ глаза при шумѣ шаговъ аббата и сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая встать, чтобы привѣтствовать величественнаго священнослужителя, часто посѣщавшаго юношу въ его комнатѣ. Жильбертъ чувствовалъ къ нему симпатію, естественную между людьми его расы и его воспитанія, такъ какъ Ламбертъ, аббатъ Ширинга, былъ членомъ большого нормандскаго дома Клэра, принадлежавшаго къ партіи короля Стефана, участвовавшей въ гражданской войнѣ, что не мѣшало аристократу аббату говорить съ мягкой ироніей, а иногда съ горькимъ сарказмомъ о суетности притязаній Стефана.

Онъ положилъ свою руку на рукавъ Жильберта, чтобы заставить его оставаться неподвижнымъ, и занялъ мѣсто возлѣ него на скамьѣ. По его знаку монахи удалились; они ушли на противоположную сторону галереи, гдѣ усѣлись въ молчаніи. Аббатъ, чловѣкъ деликатнаго сложенія, съ мужественными нормандскими чертами лица, съ выпвѣтшей бородой, когда-то бѣлокурой, и съ очень блестящими голубыми глазами, положилъ съ доброжелательностью одну изъ своихъ прекрасныхъ рукъ на руку Жильберта.

— Вы спасены, — сказалъ онъ съ счастливымъ видомъ. — Мы исполнили нашу роль; молодость и солнце сдѣлаютъ остальное; теперь вы очень скоро станете сильнымъ и чрезъ недѣлю потребуете у насъ вашу лошадь. Ее нашли возлѣ васъ, и о ней очень заботились.

— Такъ на будущей недѣлѣ я вернусь въ Стокъ, чтобы увидѣть мою мать? Но я думаю возвратиться сюда, чтобы жить среди васъ, если вы меня примете.

Жильбертъ улыбнулся, произнесъ послѣднія слова, но лицо аббата оставалось сурово, и брови его нахмурились, какъ будто онъ затруднялся высказаться.

— Лучше остаться съ нами сейчасъ же, — сказалъ онъ, поднявъ голову и отворачивая глаза.

Жильбертъ нѣсколько секундъ сидѣлъ неподвижно, какъ будто эти слова не произвели на него никакого впечатлѣнія; затѣмъ, давъ себѣ отчетъ, что они имѣютъ особое значеніе, онъ слегка задрожалъ и повернулъ свои усталые глаза къ аббату.

— Не ѣхать, чтобы повидаться съ моей матерью?

Его голосъ выражалъ сильное удивленіе.

— Нѣтъ... не теперь,— отвѣтилъ аббатъ, прижатый къ стѣнѣ положительностью вопроса.

Несмотря на свою слабость, Жильбертъ полуприподнялся съ своего мѣста, и его похудѣвшіе пальцы нервно схватили руку монаха. Онъ хотѣлъ говорить, но сильное волненіе овладѣло имъ, какъ будто онъ не зналъ, какой задать первый вопросъ, и прежде чѣмъ слова сложились на его губахъ, аббатъ сказалъ ему нѣжно, но авторитетно:

— Послушайте меня, сядьте спокойно возлѣ и слушайте, что я скажу вамъ, такъ какъ теперь вы мужчина, и лучше, чтобы вы узнали все немедленно и чрезъ меня, чѣмъ завтра или послѣ-завтра жестокосердно и изъ безсердечной несвязной болтовни братьевъ.

Онъ на минуту остановился, все еще держа руку молодого человѣка съ видомъ состраданія и чтобы заставить его не подниматься,

— Что такое? — спросилъ нервно Жильбертъ, полузакрывъ глаза. — Скажите мнѣ это скорѣе.

— Скверная вѣсть,— сказалъ монахъ:— печальная вѣсть, одна изъ тѣхъ, которыя мѣняютъ жизнь человѣка.

Жильбертъ снова задрожалъ еще сильнѣе и воскликнулъ съ выраженіемъ крайняго ужаса:

— Моя мать умерла?

— Нѣтъ, не это. Она внѣ опасности. Она хорошо поживаетъ, лучше, чѣмъ хорошо: она счастлива.

Жильбертъ посмотрѣлъ на аббата почти глупо, подозрѣвая менѣе всего на свѣтѣ, что онъ можетъ узнать, если все это было вѣрно, дурное извѣстіе относительно матери.

И, однако, казалось страннымъ, что аббатъ настаиваетъ на счастіи лэди Годы въ то время, какъ у двери Жильберта находилась смерть въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, и когда онъ зналъ, что матери неизвѣстно объ его выздоровленіи.

— Счастлива! — повторилъ онъ съ видомъ страннаго безумія.

— Слишкомъ счастлива, — отвѣтилъ прелатъ. — Ваша мать вышла замужъ, едва прошелъ мѣсяцъ послѣ вашего пріѣзда сюда.

Въ продолженіе минуты, послѣ того, какъ монахъ пересталъ говорить, Жильбертъ смотрѣлъ ему прямо въ лицо. Затѣмъ онъ откинулся къ стѣнѣ, находившейся позади его, издавая въ родѣ болѣзненнаго стопа. Одно слово заставило задрожать подъ его ногами землю, другое пронзило ему грудь.

— Кто ея мужъ? — спросилъ онъ задыхающимся голосомъ.

Прежде чѣмъ отвѣтить, рука аббата крѣпче и дружески сжала руку Жильберта, чтобы возбудить въ немъ храбрость выслушать отвѣтъ.

— Ваша мать вышла замужъ за сэра Арнольда Курбойля.

Жильбертъ вскочилъ, какъ будто его ударилъ по лицу непріятель. Моментъ назадъ онъ не могъ бы подняться безъ помощи; спустя минуту, онъ снова упалъ на руки аббата. Ничто испытанное имъ въ его кратковременное существованіе, ни радость, ни страхъ дѣтства, которое въ общемъ содержитъ самыя большія радости и самыя большія горести жизни, ни безпорядочныя воспоминанія перваго дня сраженія, ни потрясеніе при видѣ, какъ убиваютъ отца на его глазахъ, ни одно изъ этихъ волненій не могло сравниться съ тѣмъ, что онъ испытывалъ предъ этимъ откровеннымъ объявленіемъ о безчестіи, нанесенномъ его дому и отцу.

— Теперь, клянусь святой кровью...

Прежде чѣмъ онъ могъ произнести торжественную клятву отщепенія, поднявшуюся изъ его сердца къ губамъ, нѣжная рука аббата почти сдавила ему ротъ ладонью раскрытой, чтобы остановить эти слова.

— Арнольдъ Курбойль, клятвopреступникъ предъ Богомъ, невѣрный предъ королемъ, убійца своего друга, обольститель его жены, годится для моихъ молитвъ,—сказалъ монахъ,—а не для вашей шпаги. Не приносите клятвы убить его, еще менѣе клянитесь, что вы отомстите вашей матери; но если вы испытываете необходимость поклясться въ чемъ нибудь, то скорѣе дайте обѣтъ, что вы покинете ихъ на произволъ судьбы, и что вы не встанете добровольно поперекъ ихъ дороги. Въ самомъ дѣлѣ будете вы обѣщать или нѣтъ, надо, чтобы вы держались вдали отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока вы будете въ состояніи потребовать, что вамъ принадлежитъ, съ нѣкоторой надеждой получить обратно.

— Что мнѣ принадлежитъ!—воскликнулъ Жильбертъ.—Развѣ Стокъ не мой? Развѣ я не сынъ моего отца?

— Курбойль завладѣлъ Стокомъ обманомъ такъ же, какъ овладѣлъ вашей матерью. Какъ только онъ на ней женился, то повезъ ее въ Лондонъ; оба они представились королю Стефану, и лэди Года извинилась предъ дворомъ, такъ какъ ея первый мужъ былъ преданъ императрицѣ Матильдѣ. Она попросила короля даровать владѣнія Стокъ-Режисъ, замокъ и все принадлежащее къ нему сэру Арнольду Курбойлю, лишивъ васъ наслѣдства, васъ, ея сына, потому что вы вѣрны императрицѣ, и потому что, какъ она поклялась, вы хотѣли измѣнически убить сэра Арнольда, въ Стортфордскомъ лѣсу. Такимъ образомъ у васъ болѣе нѣтъ ни семьи, ни земли, ни имущества—ничего, кромѣ вашей лошади и шпаги; такъ вамъ лучшаго ничего не предстоитъ дѣлать, какъ остаться съ нами.

Послѣ того, какъ монахъ пересталъ говорить, Жильбертъ хранилъ молчаніе. Онъ казался жестоко подавленнымъ извѣстіемъ, что лишень наслѣдства; его руки неподвижно и слабо упирались на колѣни, выражая глубокое отчаяніе. Онъ поднялъ голову очень

медленно и уставилъ глаза на единственнаго друга, который ему остался въ его одиночествѣ.

— Такъ я отщепенецъ,—сказалъ онъ,—изгнанный, нищій...

— Или монахъ,—внушилъ ему улыбаясь прелать.

— Или искатель приключеній,—возразилъ Жильбертъ, тоже улыбаясь, но съ горечью.

— Большая часть нашихъ предковъ поступали такъ,—сказалъ аббатъ,—и они собрали этимъ прекрасные доходы, напримѣръ, Нормандію, Аквитанію, Гасконію... и Англію. Не дурное наслѣдство для горсти пиратовъ, полученное въ битвѣ противъ всего свѣта.

— Да, но эта горсть пиратовъ были нормандцами,—сказалъ Жильбертъ, какъ будто это одно должно объяснить побѣду надъ вселенной.—Но свѣтъ на половину побѣжденъ,—заключилъ онъ со вздохомъ.

— Еще осталось довольно для тѣхъ, кто сражается,—отвѣтилъ торжественно аббатъ.—Святая Земля еще даже и на половину не завоевана и до тѣхъ поръ, пока вся Палестина и Сирія будутъ христіанскими королевствами подъ управленіемъ христіанскаго короля, есть еще земли для попиранія нормандской ногой и мяса для нормандской сабли.

Выраженіе лица Жильберта нѣсколько измѣнилось, и въ его глазахъ заблестѣлъ свѣтъ.

— «Святая Земля», Іерусалимъ!...

Эти слова медленно сошли съ его губъ, какъ бы вызывая какое-то сновидѣніе.

— Но времена слишкомъ стары; кто пожелаетъ нынче проповѣдывать новый крестовый походъ?

— Человѣкъ, слова котораго — бичъ, сабля и корона... человекъ, который управляетъ свѣтомъ.

— Кто же это?—спросилъ Жильбертъ.

— Одинъ французъ,—отвѣтилъ аббатъ:—Бернардъ изъ Клэрво, самый великій человекъ, самый великій мыслитель, самый великій проповѣдникъ и самый великій святой въ наше время.

— Я слышалъ о немъ,—отвѣтилъ Жильбертъ, съ разочарованіемъ больного, думавшаго узнать что нибудь новое.

Затѣмъ онъ слабо улыбнулся.

— Если это творецъ чудесъ, то онъ найдетъ во мнѣ хорошаго субъекта.

— У васъ есть здѣсь домъ и друзья, Жильбертъ Вардъ,—сказалъ аббатъ съ суровымъ видомъ.—Оставайтесь, сколько хотите, и когда вы снова будете готовы къ мірской борьбѣ, вы найдете кольчугу, хорошую лошадь и кошелекъ съ золотомъ, чтобы снова начать вашу жизнь.

— Благодарю васъ,—сказалъ Жильбертъ слабымъ тономъ, но полнымъ признательности.—Мнѣ представляется, что жизнь моя не

начинается, а напротивъ кончилась. Въ одинъ часъ я потерялъ мое наслѣдство, мой замокъ и мою мать. Этого достаточно, такъ какъ это все, и вмѣстѣ съ этимъ у меня похитили даже любовь.

— Любовь?..

Аббатъ казался удивленнымъ.

— Можно ли жениться на дочери мужа матери?—спросилъ съ горечью и почти съ презрѣніемъ Жильбертъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ аббатъ,—этотъ случай входитъ въ запрещенныя степени свойства.

Долго Жильбертъ оставался погруженнымъ въ горькое молчаніе. Тогда аббатъ, видя, что онъ очень усталъ, позвалъ монаховъ, которые приблизились, и проводили выздоравливающаго въ его комнату. Но когда онъ ушелъ, ширинскій аббатъ началъ задумчиво шагать по галлерей, до тѣхъ поръ, пока въ трапезной не ударилъ колоколъ къ обѣду, и онъ услышалъ глухіе шаги двухсотъ проголодавшихся монаховъ, которые торопились къ трапезѣ по лѣстницамъ и отдаленнымъ коридорамъ.

## V.

На зарѣ одного осенняго утра, по песчаному берегу Дувра, съ сильнымъ приливомъ, сотня полураздѣтыхъ матросовъ тащили въ море длинное, черное, нормандское судно, катившееся по деревяннымъ подпоркамъ чрезъ низкіе прибой волнъ къ далекой сѣрой зыби. Маленькое судно спускалось на волны кормой посредствомъ брошенной цѣпи, прицѣпленной къ его бокамъ наравнѣ съ ватерлиніей. Длинный кабель, проходившій сквозь грубый, громадныхъ размѣровъ блокъ и примыкавшій къ кабестану, помещенному гораздо выше значка высокаго прилива, отшвартованнаго крючкомъ цѣпи къ якорю, закопанному въ песокъ до толстаго деревяннаго штока.

Высокій старикъ съ развѣвавшейся сѣдою бородою и съ пѣтомъ лица, похожимъ на соленую бычачью кожу, спускалъ съ барабана кабестана кабельтовъ, по мѣрѣ того, какъ судно медленно скользило по подпоркамъ, хорошо смазаннымъ саломъ. Отъ времени до времени оно произвольно останавливалось на короткій срокъ, отказываясь двигаться впередъ. Но двадцать дюжихъ матросовъ, погрузившись ногами на половину въ песокъ, заставляли усиліями и попеременными подпираніями качаться маленькое судно на килѣ и направляться съ берега къ водѣ, напирая въ его обшивныя доски своими широкими плечами и упираясь грубыми загорѣлыми руками въ бедра, какъ множество атлантовъ, поддерживающихъ міры.

На кормѣ судна стоялъ хозяинъ, готовый поставить на мѣсто длинный руль, какъ только судно будетъ въ водѣ. Впереди два человѣка взялись за конецъ кабеля, которымъ былъ брошенъ якорь

на пятьдесятъ футовъ гораздо далѣе, чтобы поддерживать его отвѣсно, когда судно покинетъ стапель. У подножья мачты, которая была на суднѣ только одна, стоялъ Жильбертъ Вардъ, наблюдая за всѣмъ, что дѣлалось, съ глубокимъ интересомъ невѣжды относительно морского дѣла. Вся эта процедура казалась ему слишкомъ медленной, и онъ спрашивалъ себя, почему человѣкъ съ большою бородой не отпустить всего кабеля, такъ чтобы судно могло само спуститься. И пока онъ пробовалъ разрѣшить эту задачу, случилось нѣчто сначала непонятное для него; хоръ дикихъ завываній раздался со стороны матросовъ, помѣщенныхъ по обѣимъ сторонамъ; хозяинъ, стоявшій около руля, поднялъ руку и громко вскрикнулъ: старикъ бросилъ всё и завылъ въ отвѣтъ; Жильбертъ услышалъ шумъ цѣпи. Внезапно судно задвигалось и пустилось, какъ стрѣла по прибою съ короткими волнами; затѣмъ пока два человѣка спереди, какъ безумные, съ руки на руку собирали концы кабеля, съ трудомъ переводя дыханіе, до тѣхъ поръ, пока наконецъ судно заколыхалось въ носовой части на сѣрой, покрытой бляками водѣ, и осталось спокойно на своемъ якорѣ.

Часъ спустя, благодаря двадцати весламъ, ритмически взмахивавшимся въ уключинахъ, и попутному вѣтру сѣверо-западному, ясно очерченное гребное судно было уже далеко въ Ламаншѣ. Ранѣе ночи при благопріятномъ и свѣжемъ вѣтрѣ хозяинъ бросилъ якорь въ Калэ почти подъ сѣнью замка графа фламандскаго.

Такимъ образомъ Жильбертъ покинулъ Англію авантюристомъ, лишеннымъ всего, что онъ долженъ наслѣдовать. И онъ обязанъ былъ Ламберту де-Клару, ширингскому аббату, всѣмъ, чѣмъ владелъ въ данную минуту: кольчугой и другими принадлежностями вооруженія, одеждой, какую необходимо было взять въ путешествіе молодому дворянину, двумя лошадьми и кошелькомъ, котораго хватить ему на нѣсколько мѣсяцевъ. Его слугою былъ молодой саксонецъ съ бѣлокурыми волосами, спасшійся изъ Стока въ Ширингъ. Онъ отказался покинуть Жильберта, на котораго смотрѣлъ, какъ на своего законнаго господина. Молодой человѣкъ имѣлъ при себѣ также лакея своихъ лѣтъ. Это былъ смуглый человѣкъ, найденнышъ, котораго монахи окрестили именемъ Дунстана — святого ихъ ордена. Воспитанный и обученный аббатомъ, повидимому, не знавшій ни отъ кого онъ родился, ни откуда онъ явился. Однако молодой человѣкъ не могъ согласиться вступить въ послушники, пока въ свѣтѣ было мѣсто для смѣлыхъ искателей приключеній.

Это былъ юноша съ дарованіями, быстро усвоивавшій и упорный на запоминанія. Онъ говорилъ по-латыни, и на нарѣчіяхъ франко-нормандскомъ, англо-саксонскомъ, какъ ни одинъ изъ монаховъ аббатства. Проворный на руку и легкій на ногу, съ черными, отважными глазами, въ которыхъ съ трудомъ можно было





# ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

## „ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки. пересылка же по разстоянію.



Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.



ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА: ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13





ИСТОРИЧЕСКІЙ  
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-  
ЛИТЕРАТУРНЫЙ  
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ФЕВРАЛЬ, 1903

# СОДЕРЖАНИЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1903 г.

	СТРАН.
I. Военные мужики. (Романъ). IX—XVI. (Продолженіе). Графа <b>Е. А. Саласа</b> . . . . .	417
II. Изъ записокъ графа <b>А. X. Бенкендорфа</b> . . . . .	447
III. Дѣдушкина тайна. (Разсказъ). Кн. <b>В. А. Щетинина</b> . . . . .	470
IV. Изъ записокъ петербургскаго полицеймейстера <b>Ф. Ф. Дубисса-Крачака</b> . Гл. VI—VIII. (Продолженіе) . . . . .	488
V. Чуваши въ Константинополь. <b>Ф. Р.</b> . . . . .	512
VI. Императрица Елисавета Петровна. (Опытъ характеристики). <b>Е. С. Шумигорскаго</b> . . . . .	527
VII. Двухсотлѣтіе русской печати. (1703—1903). VI—X. (Окончаніе). <b>Н. А. Энгельгардта</b> . . . . .	558
VIII. Изъ Манчжурскихъ воспоминаній. <b>С. П-аго</b> . . . . .	578
IX. Александръ Дюма въ «Орлиномъ гнѣздѣ». <b>А. П. Оленина</b> . . . . .	593
X. Въ Изосиминой пустынкѣ. <b>Д. М. Березкина</b> . . . . .	601
<p><b>Иллюстраціи:</b> 1) Островокъ, на которомъ расположена «Изосиминая пустынка.— 2) Бѣгунскій тайникъ: а) подпечникъ; в) доска печного фундамента, открывающая входъ въ подпечникъ; с) шарниръ, на которомъ ходитъ доска.— 3) Бѣгунскій тайникъ: а) отверстие яюка въ подпечникъ; в) люкъ съ планочками на стѣнахъ вѣнско лѣстницы; с) входъ въ подземный коридоръ.— 4) Подземные коридоры бѣгунскаго тайника.</p>	
XI. Гагры, Пицунда и Гудаутъ. <b>С. И. Васюкова</b> . . . . .	644
<p><b>Иллюстраціи:</b> 1) Гагры.— 2) Гостиница въ Гаграхъ.</p>	
XII. По Марининской системѣ. (Путевые наброски). VI—IX. (Продолженіе). <b>И. Ф. Тюменева</b> . . . . .	655
<p><b>Иллюстраціи:</b> 1) Сермакса. Слияніе Свири и Ояги.— 2) Александро-Свирскій монастырь; Преображенскій монастырь; Троицкій монастырь; крестъ по дорогѣ въ обитель.— 3) Александро-Свирскій монастырь; Покровская церковь и молитвенная келлія преподобнаго Александра.— 4) Лодейное Поле. Соборъ и памятникъ Петру Великому.— 5) Свирь. Село Подпорожье и Лисій порогъ.— 6) Свирь. Поворотъ къ Медвѣдцу и порогъ Медвѣдецъ.— 7) Старое Вознесенье и памятникъ на Онежскомъ каналѣ.— 8) Вытегра: видъ города издали; видъ отъ пароходной пристани.— 9) Вытегра: плотины и шлюзовъ св. Сергія и садъ Общественнаго собранія.</p>	
XIII. Народный театръ въ 1872 г. <b>И. Г. Иноземцева</b> . . . . .	694
XIV. Некрасовскіе дни. <b>В. Ф. Бодяновскаго</b> . . . . .	699
XV. Юбилей археологическаго института. <b>В. Р. Апухтина</b> . . . . .	725
XVI. Критика и библиографія . . . . .	730
<p>1) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ 112. Спб. 1902. <b>В. Т.</b> — 2) Правительство и общество въ ихъ отношеніи къ вѣншей торговлѣ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II. (Очеркъ по исторіи торговой политики). <b>Н. И. Фирсова</b>. Казань. 1902. <b>В. Грибовскаго</b>. — 3) Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. Предисловіе и примѣчанія <b>В. А. Вильбасова</b>. Томы 4, 5 и 6. Спб. 1902. <b>Ии.</b> — 4) Великорусскія народныя пѣсни. Изданы профессоромъ <b>А. И. Соболевскимъ</b>. Томъ VII. Спб. 1902. <b>Д. Зеленина</b>. — 5) Исторія русскаго права. Выпускъ первый. Литература исторіи русскаго права. Заслуженнаго ординарнаго профессора <b>Ф. И. Леонтовича</b>. Варшава. 1902. <b>В. Грибовскаго</b>. — 6) М. Протопоповъ. Критическія статьи. Москва. 1902. <b>Викт. I—нскаго</b>. — 7) П. Морозовъ. Минувшій вѣкъ. Литературныя очерки. Изданіе редакціи журнала «Образованіе». Спб. 1902. <b>п. щ.</b> — 8) <b>С. Г. Алексѣевъ</b>. Мѣстное самоуправленіе русскихъ крестьянъ XVIII—XIX вв. L'autonomie rurale des états d'Angleterre, de France, d'Allemagne et de Russie. Спб. 1902. <b>Гр—скаго</b>. — 9) Армянскіе ученые. <b>И. Г. Чавчавадзе</b>. Перевелъ съ грузинскаго <b>Н. Г. Алексѣевъ-Месхіевъ</b>. Тифлисъ. 1902. <b>Н—ича</b>. — 10) <b>Корниловъ, И. П.</b> Задачи русскаго просвѣщенія въ его прошломъ и настоящемъ. Сборникъ статей. Спб. 1902. <b>щ.</b> — 11) Единство въ устройствѣ вселенной. Общедоступныя лекціи <b>Н. П. Авбелева</b>, члена-учредителя русскаго астро-</p>	

См. слѣд. стр.

номического общества. Спб. 1902. П. фонъ-Ланга.—12) Исторія лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Его Величества полка. Составилъ поручикъ Н. Волынский. Спб. 1902. И. Н. З.—13) А. И. Киринчиковъ. Очерки по исторіи новой русской литературы. Т. I. Изд. 2-е, дополненное. М. 1903. П. щ.—14) К. Случевскій. Нѣсколько картинъ культуръ и искусствъ разныхъ народовъ. Спб. 1902. В. г.—15) Волжскій. Очерки о Чеховѣ. Спб. 1903. С.—16) В. В. Стасовъ. Миниатюры нѣкоторыхъ рукописей византійскихъ, болгарскихъ, русскихъ, джигатайскихъ и персидскихъ. Изданіе императорскаго общества любителей древней письменности. Спб. 1902. М.—17) Печатное Искусство. Ежемѣсячный иллюстрированный сборникъ (октябрь 1901—сентябрь 1902 г.). Первый годъ изданія. Редакторъ-издатель I. I. Леманъ. Спб. 1902. Бор. Городецкаго.—18) Борьба буровъ съ Англією. Воспоминанія бурскаго генерала Хр. Девена. Переводъ Е. Н. Половцовой. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1903. И. н. З.—19) Литературный Архивъ, издаваемый П. А. Картавовымъ. Спб. 1902. П. щ.—20) Старина Русской земли. Первая книга для чтенія по отечественной исторіи. Древняя Русь. Составилъ В. Соколовъ, инспекторъ классовъ Черныявскаго женскаго училища, и В. Хитровъ, преподаватель 5-й женской гимназии. Спб. М. 1903. А. х.—21) Засодимскій. Наслѣдіе вѣковъ. Первобытныя вѣстники и ихъ вліяніе на ходъ цивилизаціи. Спб. 1902. X. Y. Z.—22) Ю. Бѣляевъ. Актеры и пьесы. (Впечатлѣнія). Спб. 1902. Г—слаг.—23) Э. А. Рагозина. Древнѣйшая исторія востока. Исторія Халдеи съ отдаленнѣйшихъ временъ до возвышенія Ассиріи. Ея же. Исторія Ассиріи. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1902. П.—24) В. С. Кривенко. На окраинахъ.—Ялта.—Въ Стамбулѣ.—Прикаспійская дорога.—Нѣмой край. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1902. Бориса Тагъова.—24) В. Вундтъ. Введеніе въ философію. Переводъ съ нѣмецкаго С. С. Штейнберга и С. Д. Львова. Спб. 1902. И.—25) В. Г. Бѣлинскій. Полное собраніе сочиненій въ 12-ти томахъ, подъ редакцією и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томъ VI. Спб. 1903. П. щ.—26) Исслѣдованіе человѣческаго разумія. Давидъ Юмъ. Переводъ съ англійскаго С. И. Церетели. Изданіе М. В. Пирожкова. Спб. 1902. И. н. З.—27) Остія. Гавань Рима. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Съ планомъ Остіи. Д. Нагуевскаго, проф. императорскаго Казанскаго университета. Казань. 1903. А. н.—23) И. К. Канадзевъ. Очерки закавказской жизни. Томъ I. Спб. 1902. А. х.—29) Gedichte von Nikolai Alexejewitsch Nekrassow. Im Verlass des Originals von Friedrich Fiedler. Lpz. 1902. А. б.

## XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи . . . . . 775

1) Шестисотлѣтній юбилей битвы. — 2) Орлеанская дѣва. — 3) Расинъ и Буало. — 4) Жена Мольера. — 5) Вліяніе маркиза Помпадуръ на искусство. — 6) Теруанъ де-Меркуръ. — 7) Арестъ Наполеономъ англійскаго посланника. — 8) Мать Жоржъ-Зандъ. — 9) Бисмаркъ, какъ полицейскій. — 10) Академія Гонкуровъ. — 11) Памятникъ Эмилю Эркану. — 12) Смерть Сагасты, Махмудъ-паша, Бювица и Пьера Лафита.

## XVIII. Смѣсь . . . . . 804

1) Столѣтіе Пажескаго корпуса. — 2) Торжественное собраніе академіи наукъ. — 3) Варшавскіе памятники. — 4) С.-Петербургское археологическое общество. — 5) Московское археологическое общество. — 6) Общество археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. — 7) Археологическія раскопки. — 8) Биологическое общество. — 9) Географическое общество. — 10) Съѣздъ дѣятелей по практической геологіи и развѣдочному дѣлу. — 11) Митавское общество ревнигелей литературы и искусствъ.

## XIX. Некрологи . . . . . 832

1) Аксаковъ, А. Н.—2) Де-Бурдейль-де-Монтрезоръ, В. В.—3) Бѣлюзеровъ, А. А.—4) Воленсъ, В. П.—5) Гулевичъ, В. В.—6) Давыжа, В. Д.—7) Егоровъ, А. С.—8) Егоровъ, Н. Г.—9) Лавдовскій, М. Д.—10) Лемонюсъ, В. Х.—11) Лилленфельдъ-Тоаль, фонъ. П. Ф.—12) Мейснеръ, Ф. Я.—13) Мининъ, М. П.—14) Мирбахъ, Р. А., баронъ.—15) Модрахъ, К. А.—16) Протодіаконовъ, Александръ.—17) Пыльневъ, А. А.—18) Сазоновъ, Н. Ф.—19) Саловъ, И. А.—20) Суходольскій, П. А.—21) Тьртовъ, С. П.—22) Шемаевъ, В. Р.

## XX. Замѣтки и поправки . . . . . 847

1) Къ воспоминаніямъ П. Н. Захарыина. с—и—д—р—о. — 2) По поводу одного портрета. Ип. Ал—слаг.

## XXI. Объявленія.

**ПРИЛОЖЕНІЯ:** 1) Портретъ императрицы Елисаветы Петровны. — 2) Двѣ любви. (Via crucis). Романъ изъ исторіи второго крестоваго похода. Моріона Кровфорда. Переводъ съ англійскаго. Часть первая. Гл. VI—VII. (Продолженіе).



О ПОДПИСКѢ  
НА  
**ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ**  
въ 1903 году

(ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ).

**„Историческій Вѣстникъ“** будетъ издаваться въ 1903 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе двадцать три года (1880—1902).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора **„Историческаго Вѣстника“** въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“**, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одесѣ** и **Саратовѣ**, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени“**.





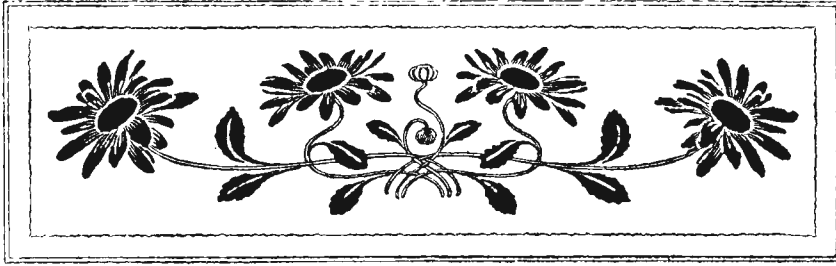


ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА

Съ портрета, писаннаго на пергаментъ разноцвѣтными карандашами и находящагося  
въ музеѣ П. И. Шуккина въ Москвѣ.

доз. ценз. 25 января 1903 г. спб.





## ВОЕННЫЕ МУЖИКИ <sup>1)</sup>.

Романъ.

### IX.



**II** АДЕЖЪ скота, породистаго, дорогого, да еще на половину казеннаго, былъ дѣломъ нешуточнымъ. Начальство поднялось на ноги.

Съ разрѣшенія ротнаго командира, докторъ Шпицъ тотчасъ же вмѣстѣ съ фельдшеромъ Ъздоковымъ отправился на дворъ старика Миняя. Въ семьѣ обрадовались прибытію помощи.

Шпицъ осмотрѣлъ лежащую корову, осмотрѣлъ и другую, и заявилъ, что онѣ обѣ хвораютъ и почти одинаково, хотя одна на ногахъ, а другая уже смахиваетъ на павшую.

— Ничефо, ми фотъ зичасъ будель коровъ здоровъ дѣлатъ,— заявилъ онъ, презрительно улыбаясь, такъ какъ иначе улыбаться не умѣлъ.

Онъ приказалъ принести воды и горшокъ и составилъ въ горшкѣ какое-то пойло, выливъ въ воду склянку, которая была съ нимъ; затѣмъ онъ приказалъ двумъ мужикамъ разинуть пасть лежащей коровы. Ей задрали голову назадъ, и Ъздоковъ вылилъ весь горшокъ ей въ горло. Корова стала отчаянно реветъ.

<sup>1)</sup> См. «Историческій Вѣстникъ», 1903 г., т. ХСІ, стр. 7.

«Истор. вѣстн.», февраль, 1903 г., т. хсі.

Шпицъ приготовился дѣлать вторую порцію. Старикъ Миняй, его сынъ и бабы стояли кругомъ. Миняй рѣшился доложить доктору:

— Ваше благородіе, эфта, можетъ, и не хвора я. Что же ее лѣчить-то?

— Глупый шеловѣкъ, дуракъ!—отозвался нѣмецъ.—Оба коровы больна! Зичасъ здорвь будетъ.

И на этотъ разъ онъ совѣтъ весело разсмѣялся. Еще устройтъ въ горшкѣ пойло, но выливъ въ воду какое-то другое лѣкарство, красноватое, докторъ приказалъ сдѣлать то же и съ другой коровой. И ей мужики разинули пасть, а Ъздоковъ вылилъ содержимое. Корова, которую старикъ считалъ здоровой, рванулась и шарахнулась такъ, что сѣла на заднія ноги. И тотчасъ же она начала мычать гораздо сильнѣе, нежели больная. А затѣмъ черезъ нѣсколько минутъ она хлопнулась о землю и начала страшно дергать ногами.

— Ну, фотъ!—заявилъ Шпицъ.—Теперь у васъ на дворъ все здоровъ!

Сдѣлавъ свое дѣло, докторъ ушелъ, приказавъ Ъздокову распорядиться и наблюсти за строгимъ исполненіемъ его приказа. Приказъ состоялъ въ томъ, чтобы немедленно, какъ издохнутъ обѣ коровы, и даже не дожидаясь этого, вывезти ихъ въ лѣсъ, вырыты глубокую яму, закопать и облить известью.

Когда докторъ ушелъ, Миняй обратился къ фельдшеру съ отчаяніемъ въ голосъ:

— Скажи на милость, что же вы творите? Вѣдь это не лѣкарство было?

— Что дѣлать, дѣдушка! Понятное дѣло — отравя, чтобы скорѣй подошли. Но я тебя утѣшу тѣмъ, что дѣйствительно обѣ твои коровки выжить бы не могли.

— Ну, что ты, человекъ безсовѣстный, сказываешь! Ну, эта вотъ, бурая, была при издыханіи, а эта же вѣдь здорова была?

— Нѣтъ, дѣдушка! Она съ ней вмѣстѣ была и не могла не зачумѣть.

— Да вѣдь не всякая захворавшая падаетъ, безсовѣстный человекъ!—въ отчаяніи кричалъ Миняй.

— Вѣстимо, дѣдушка, не всякая, а все-таки для осторожности приходится и сомнительную тварь уничтожать.

— Ахъ, вы, головорѣзы, разбойники! — закачалъ головой старикъ.

— Не горюй, дѣдушка! — усмѣхнулся Ъздоковъ. — Утѣшайся тѣмъ, что теперь пойдутъ вездѣ этакъ-то изводить всякую... Какъ только что запримѣтятъ, сейчасъ будутъ опаивать, чтобы дохла поскорѣй. А ты вотъ что лучше, распорядись помывше. Я по егъ приказу долженъ наблюсти.

Миняй, сынъ его и бабы, уже давно начавшія выть и причитать, поневолѣ принялись за дѣло. Черезъ часъ на двухъ телѣгахъ уже вывозили изъ Рускина въ лѣсъ двухъ палыхъ коровъ. Капитанъ Дасаевъ по докладу Шпица выслалъ въ лѣсъ четырехъ солдатъ, чтобы вырыть яму поглубже, а главное засыпать известкой.

На другой день по утру было приказано скотъ не выгонять на пастбище, а выгнать для осмотра на край слободы. Шпицъ съ тремя фельдшерами изъ другихъ ротъ осмотрѣлъ всѣхъ коровъ, но нашелъ только одну, съ которой поступилъ такъ же, какъ и съ коровами Миняя. Но оказалось, что изъ трехъ дворовъ и въ томъ числѣ со двора фельдфебеля Петрова коровъ не пригнали, такъ какъ онѣ еле стояли на ногахъ.

Нѣмецъ отправился въ обходъ на осмотръ. На первомъ дворѣ онъ влилъ коровѣ въ глотку то же пойло, но другого цвѣта, и опять заявилъ, что она можетъ и поправиться. На второмъ дворѣ заболѣвшую скотину онъ отравилъ такъ же, какъ и у Миняя, а отсюда Шпицъ съ Ёздоковымъ явился и къ фельдфебелю.

Петрова не было дома, и Марѳа приняла нѣмца.

— Здравствуйте!—сказалъ докторъ.—У фасъ корофъ больна?

— Хвораеъ, кажись, — заявила Марѳа.— Что же, вы опоить пришли?

— Надо фидаль!

— Фидаль, фидаль!—передразнила смѣясь она весело и повела доктора и фельдшера въ коровникъ. Шпицъ осмотрѣлъ животное и стоялъ какъ бы въ нерѣшительности.

— Надо тоже!—сказалъ онъ фельдшеру.—Онъ не карашо. Онъ завтра паль.

— До завтра мало что можетъ быть! — вступилась Марѳа.—А вы будьте добры, Карлъ Карловичъ, не спѣшите. Я вотъ вамъ обѣщаюсь сегодня же вечеромъ или завтра рано утромъ къ вамъ дослать, если коровѣ будетъ хуже. Отравить всегда успѣете. Будьте такъ добры! Можетъ, она и отойдетъ.

— Фи такой красавишь,—усмѣхнулся Шпицъ все-таки со злочей улыбкой,—что я не мошно фамъ отказаль. Карашо. Завтра я будель придти.

Марѳа, уже заранѣе знавшая о приходѣ доктора, держала руку въ карманѣ, гдѣ была приготовлена крупная взятка, рублевая бумажка. Когда фельдшеръ отвернулся, разглядывая глаза коровы, она протянула деньги нѣмцу.

— Карашо, карашо!—мягче проговорилъ этотъ, опуская бумажку въ карманъ.

Марѳа, женщина практическая, бывала всегда особенно любезна со всякимъ человѣкомъ, принадлежавшимъ къ начальству.

— На всякій случай надо!—объясняла она.

И она тотчасъ же предложила нѣмцу выкупать у нея чашку кофе.

— Кофе?!—удивился Шпицъ.—У фась есть?

— Есть!—нѣсколько самодовольно отвѣтила красавица.

— Фоть какъ!

— Да-съ! Изъ Новгорода, Карлъ Карловичъ. Мы сами не пьемъ, а вотъ иногда гостей угощаемъ.

— И знайтъ фи кофе дѣлать?

— Умѣю-съ! Вотъ увидите.

И черезъ нѣсколько мгновений Шпицъ уже сидѣлъ въ комнатѣ въ почетномъ углу, а Марѳа хлопотала около печки. Быстро сдѣлавъ кофе, она подала его доктору сама и на приглашеніе сѣсть сѣла около него.

Старый нѣмецъ не могъ оставаться равнодушнымъ и ехиднымъ въ присутствіи Марѳы. Она была слишкомъ красива, чтобы и на него не подѣйствовало очарованіе.

Коверкая русскій языкъ, Карлъ Карловичъ расхвалилъ кофе, похвалилъ и баранки старорусскія и сталъ разспрашивать женщину объ ея житѣ-бытѣ. Онъ, конечно, давно зналъ ее, часто встрѣчалъ, но лично почти не былъ знакомъ. Узнавъ, что у Марѳы нѣтъ дѣтей, онъ воскликнулъ:

— Ай, не карашо! Не карашо!

И затѣмъ началъ шутить, какъ какой нибудь озорной молодецъ въ родѣ Баранова.

«Ахъ, ты, старый хрычъ!—думала Марѳа.—Поганая гадина, а туда же!»...

Между тѣмъ Марѳѣ надо было сбыть съ рукъ нѣмца, такъ какъ она дослала утромъ мальчугана къ Русакову сказать, чтобы онъ приходилъ ввечеру, «какъ завсегда». Ей не терпѣлось и этого молодца такъ же, какъ и нѣмца, сбыть съ рукъ, но сбыть навсегда.

Отношенія съ Русаковымъ были тяжелыя и обидныя... именно «обидныя», какъ назвала ихъ Марѳа. Эти отношенія были невыносимыя для ея самолюбія женщины. Между ней и Русаковымъ случайно произошло нѣчто досадное и совершенно для нея не объяснимое.

Однажды, тому назадъ съ два мѣсяца, она, точно временно сошедшая съ ума, какъ говорится, «съ дуру», если не спяну, поддалась мгновенному порыву какой-то тяжелой истомы и душевной и тѣлесной. Она внезапно, неожиданно отдалась молодцу, давно влюбленному въ нее... Но затѣмъ тотчасъ же будто очнулась отъ сна и глубоко возмутилась на самое себя...

Но съ тѣхъ поръ Русаковъ преслѣдовалъ ее, и преслѣдовалъ именно въ тѣ дни, когда у нея на умѣ и на сердцѣ былъ одинъ «онъ»—Монаховъ.

## X.

Едва только Марѳа спровадила Шпица, какъ будто на смѣхъ пришелъ ея родственникъ, считавшійся двоюроднымъ братомъ, Барановъ. Молодецъ былъ тоже влюбленъ въ красавицу, но слегка на свой ладъ, ради одного самолюбія. Онъ бѣгалъ за всѣми женщинами всего Прусскаго поселеннаго полка и всегда съ успѣхомъ. Одна двоюродная сестрица Марѳа не поддалась, а даже обращалась съ нимъ презрительно.

Она звала Ивана Баранова «херувимчикъ» за его полное и румяное лице и объясняла прямо, что онъ для нея «будто баба какая», а не мужчина.

— Нешто можно этакого, какъ ты, полюбить!—говорила она смѣясь.—Вѣдь ты молодуха дѣвка, а не мужчина.

Петровъ одно время ревновалъ жену къ красивому родственнику, но затѣмъ убѣдившись, съ какимъ пренебреженіемъ жена относится къ Баранову, старикъ ошибочно рѣшилъ:

— Ужъ если этакій для нея — наплевать, такъ, стало быть, и впрямь она на молодцовъ вниманія не обращаетъ. Кабы пожелала завести любовника, то лучше не сыщешь!

Во всемъ околоткѣ дѣйствительно Иванъ Барановъ былъ такъ же извѣстенъ, какъ и подпоручикъ Монаховъ. Иначе говоря, онъ былъ извѣстенъ своимъ красивымъ франтовскимъ видомъ.

Барановъ былъ единственнымъ сыномъ зажиточной вдовы, унтеръ-офицерши, покойный мужъ которой сумѣлъ, конечно, всякими неправдами сколотить себѣ маленькія деньги. Поэтому вдова съ единственнымъ сыномъ жила теперь сравнительно богато. И домъ ихъ былъ побольше и почище другихъ, и во дворѣ было три коровы, двѣ лошади, свиньи и много птицы. При этомъ у нихъ былъ и батракъ для всякаго рода работъ, а молодой малый, красавецъ и франтъ, съ утра до вечера могъ ничего не дѣлать, а только попивать и ухаживать.

Онъ былъ извѣстенъ, какъ сердцеѣдъ, и два раза уже успѣлъ жестоко за это поплатиться. Одинъ разъ—болѣе года тому назадъ, а въ другой разъ, мѣсяца съ три назадъ, два ревнивыхъ мужа поучили франта Баранова. И если послѣдній разъ онъ былъ сильно избитъ, то въ первый разъ даже хворалъ цѣлый мѣсяцъ. Мѣстный фельдшеръ увѣрялъ его, что у него выломано одно ребро.

За Барановымъ водились, однако, два грѣха. Одинъ—простой и естественный, бывающій во всякой средѣ: онъ любилъ привирать и хвастать, рассказывалъ иногда цѣлыя исторіи про себя и про другихъ, въ которыхъ, оказывалось потомъ, не было ни единого слова правды.

Знакомые только дивились, откуда все это берется, и какъ можетъ человѣкъ разсказать цѣлое происшествіе въ малѣйшихъ подробностяхъ, коего въ дѣйствительности никогда не бывало.

— Просто диковина!—разсуждали умные и пожилые.—Скажутъ тебѣ потомъ, что все Барановъ навралъ—и не вѣришь, ужъ такъ-то онъ расписалъ, что, вотъ ей-Богу, все будто своими глазами видѣлъ. Откуда этакое можетъ въ человѣкѣ браться,—одному Богу извѣстно.

Другой грѣхъ, водившійся за Барановымъ, былъ уже совершенно необъяснимъ. Если нѣкоторые его сожители подозрѣвали Баранова въ этомъ грѣхѣ, иногда знали почти навѣрное, то большинство отказывалось вѣрить.

— Совѣмъ несуразное дѣло!—говорили многіе и при этомъ самые дѣльные.—Будь онъ человѣкъ бѣдный, а то вѣдь онъ, поди-ка, богаче многихъ. Зачѣмъ же ему на этакое итти?

Грѣхъ заключался въ томъ, что Барановъ былъ на руку нечистъ. Были случаи, въ которыхъ на него падало подозрѣніе въ кражѣ. При этомъ, однако, кража эта бывала такая, что объяснить ее не было никакой возможности. Молодой человѣкъ съ его достаткомъ, казалось бы, не могъ ее сдѣлать.

Однажды, у сосѣда Баранова пропала новая дуга. Пострадавшій случайно увидѣлъ эту дугу у поселянина верстъ за десять, и по всѣмъ признакамъ оказывалось, что она была продана чуть не за грошъ малымъ, который сильно походилъ на Баранова.

И на этотъ разъ, какъ и прежде, голоса раздѣлились, и самые дѣльные отрицали возможность подобнаго.

— Да вѣдь ему мать денегъ-то не жалѣетъ, даетъ, сколько влѣзетъ. Онъ тебѣ можетъ въ Новгородѣ дюжину дугъ купить, зачѣмъ же онъ пойдетъ дугу воровать? Врутъ все!

Тѣмъ не менѣе слухъ о порокѣ Баранова и объ увѣренности въ этомъ нѣкоторыхъ лицъ крѣпко держался.

Марѳа прежде прогнала бы Баранова не стѣняясь, но за послѣднее время она относилась къ нему осторожнѣе и даже ласковѣе, и даже иногда «заигрывала». Молодой малый имѣлъ большое вліяніе на свою мать, которая его обожала. А старуха была теперь нужна красавицѣ, нужна до зарѣза. Съ ней одной могла Марѳа ѣздить въ Руссу, а эти поѣздки теперь участились и имѣли иное значеніе, чѣмъ прежде. Тамъ въ городѣ она видѣлась на свободѣ съ нимъ, Давидомъ Иракліевичемъ, «съ милымъ Давидушкой».

Разумѣется, Барановъ приходя старался всегда найти Марѳу одну, а сидя съ ней заводилъ рѣчь все о томъ же—о своей любви къ ней.

— Много васъ такихъ, на меня зарящихся,—иногда отвѣчала красавица:— не перечесть. Взяла бы я васъ всѣхъ, собрала въ мѣшочекъ, да бухъ въ Волховъ! Вотъ котятъ топять безвинно. А вы --- хуже.



На этотъ разъ Барановъ «запѣлъ ту же пѣсенку», какъ говорила Марѳа, но женщиной было не до него, и она отчасти рѣзко выпроводила его, позволивъ притти въ вечеру.

Барановъ вышелъ, но къ досадѣ женщины направился въ ея огородъ и въ поле, куда она сама собиралась чрезъ полчаса.

Молодой малый дѣйствительно побродилъ по огороду Петровыхъ, раздумывая о красавицѣ, которая за послѣднее время была ласковѣе съ нимъ, а толку никакого не было. «Егозить, а не дается въ руки»,—думалось молодцу.—«Будь другая, деньгами бы взялъ, подарочками. А эта сама богатая. А что ты не безъ грѣха, за это я голову на отрѣзъ дамъ!»

Выйдя въ поле, Барановъ прогулялся и уже хотѣлъ было повернуть домой, когда вдругъ увидѣлъ на травѣ около куста унтеръ-офицера Русакова. Онъ сидѣлъ, скорчившись, пригнувшись,ковыряя траву и очевидно глубоко задумавшись.

Барановъ пошелъ прямо на него, приблизился и окликнулъ. Русаковъ, будто застигнутый, вздрогнулъ отъ неожиданности.

— Чего это ты тутъ разсѣлся на пекль? Здорово!

— Здорово!—отозвался Русаковъ.

— Чего это ты тутъ?

— Да такъ, болтался и присѣлъ. Итти некуда, дѣлать нечего... Лежу и раздумываю...

— О чемъ же?

— О чемъ? Мало ли мнѣ о чемъ можно раздумывать... Ну, что, какъ у васъ?—прибавилъ онъ.

— Ничего, слава Богу! Матка ѣдила въ Старую Руссу.

— Зачѣмъ такое? По дѣлу?

— По дѣлу-то, можетъ, и по дѣлу, да не по своему, а ради Митрихи.

— Марѳы Митревны?—встрепенулся Русаковъ.

— Да! У нея дѣло было, вишь, въ Руссѣ. Ну, а помимо матери съ кѣмъ же ей отправляться? Матка все-таки ей въ тетушкахъ состоитъ, хоть и не въ прямыхъ, близкихъ. Оерапонтъ Ильичъ завсегда любитъ, чтобы она одна не ѣдила. Вотъ матушка съ ней и снаряжается завсегда.

— А зачѣмъ же ей нужда была въ Руссѣ?—спросилъ Русаковъ.

— Не знаю... Да и матушка не знаетъ...

— Какъ такъ?!—изумился и даже выпрямился Русаковъ.

— Да такъ! Вѣдь ты знаешь Митриху. У ней голова-то кака! Нешто она простая какая баба. Влѣзь-ка ей въ голову-то! Не то что намъ съ тобой, а самъ-то Оерапонтъ Ильичъ, какъ мнѣ сдается, пробовалъ лазать-то ей въ голову, да не влѣзъ. Вотъ и опять теперь: пробыли они въ Руссѣ часовъ, мало сказать, восемь, а мать-то ее и не видѣла. Приѣхали на постоялый дворъ, мотнула она хвостомъ и только въ сумерки вернулась. И гдѣ была, и что дѣ-

лала — невѣдомо! А матушка, понятно, мнѣ сказала. А Петрову говорить не пойдетъ. Что его зря озлоблять? Вѣдь ужъ тамъ такъ ли, сякъ ли, а все-таки же за ней, надо сказать, этакое водится.

— Водится, водится! — пробурчалъ Русаковъ. — Слыхалъ я это сто разовъ и самъ даже сказывалъ. А такъ-то сказать, вѣдь это только говоръ одинъ, слухъ... А вѣдь такъ-то, вѣдомо ли что, было ли что воочию? Ты вотъ, къ примѣру, можешь ли ты что сказать?

— Я-то бы могъ сказать, да не слѣдуетъ... Надо про себя держать. А что оно, братецъ ты мой, промежъ насъ съ Митрихой дѣло такое было...

Русаковъ пристально взглянулъ въ глаза Баранова, котораго онъ зналъ давно и близко, и не только увидѣлъ, но почувствовалъ, что Барановъ лжетъ и тотчасъ же начнетъ цѣлую исторію собственнаго мгновеннаго сочинительства.

— Было это, братецъ ты мой, дѣло съ годъ тому назадъ, — началъ Барановъ, вдругъ какъ бы просіявъ и какимъ-то другимъ голосомъ пѣвчимъ, самодовольнымъ и какъ бы повѣствовательнымъ.

Но Русаковъ вдругъ дернулся и вскрикнулъ:

— Полно, полно! Не мнѣ твои турусы на колесахъ слушать. Говори кому другому, а я тебѣ впередъ скажу: все, что ты будешь говорить, все то будетъ одно вранье. Если и былъ когда у Митрихи какой полюбовникъ, и хоть бы даже и не одинъ, то не ты, голубчикъ ты мой. А кто — ей одной вѣдомо. А что болтають, то все однѣ выдумки, разныя предпологательства, для коихъ никакой улики нѣтъ.

— А коли зря я говорю... — началъ, какъ бы отчасти обидясь, Барановъ.

— Ну, и говори! А я все-таки свое скажу: вранье. Про тебя самого не говорятъ чегонибудь?

— Какъ такъ?

— Да такъ! Чего удивляешься? Про тебя не сказываютъ, что ты на руку нечистъ! — выпалилъ Русаковъ.

— Мало что! Народу ротъ не заткнешь!

— Ну, вотъ то-то и дѣло-то! Про это-то я и сказываю. И тебѣ тоже не заткнешь ротъ. А что не былъ ты никогда въ полюбовникахъ у Марѣы Митревны, за это я, братецъ ты мой, подъ присягу пойду, голову на плаху положу... Вотъ что!..

— Я не сказывалъ, что она въ моихъ пріятельницахъ состояла, а говорю, что было единожды, что вотъ самую еще чуточку...

— Самъ ты чуточка! — злобно вскрикнулъ Русаковъ. — Овесъ чуточку до луны не доросъ, кабы не морозъ. Вотъ отъ вранья и бахвальства такихъ-то горлодеровъ, какъ ты, слухи про Марѣу Митревну и ходятъ. Бить бы васъ за это, мерзавцевъ.

— Чего ты ругаешься? — возразилъ Барановъ. — Съ носомъ остался отъ нея, а на другихъ швыряешься.

— Вѣстимо, съ носомъ, какъ и ты, и другіе и прочіе. Много насъ. Уходи ты къ чорту, проваливай!

Барановъ не отвѣтилъ и, поднявшись, какъ-то робко собирался исполнить приказаніе Русакова, но одновременно раздался надъ обоими суровый голосъ, крикнувшій:

— Чего вы тутъ, шатуны!

Какъ изъ земли выросъ предъ ними капитанъ Дасаевъ.

Русаковъ вскочилъ съ земли, и оба вытянулись во фронтъ съ руками по швамъ.

— Нынѣ не праздникъ. Чего въ полѣ шатаетесь!—вскрикнулъ капитанъ, вспотѣвшій и усталый отъ ходьбы и, вѣроятно, обозленный на свою собственную тучность.—Пошли домой, да за дѣло. Вишь празднуютъ... чортовы именины.

Русаковъ и Барановъ послушно двинулись къ слободѣ, но, едва капитанъ скрылся за кустами, Русаковъ бѣгомъ вернулся на старое мѣсто, гдѣ ожидалъ прихода Марѳы по уговору.

## XI.

Спустя около получаса, высокая и горделивая при движеніи красавица показала изъ своего огорода и медленно приблизилась.

Лицо ея было холодно, насмѣшливо. Русаковъ глянулъ и уныло опустил глаза.

— Ну, вотъ она—я!—произнесла Марѳа.—Разъясняй скорѣе свою всякую безалаберщину и отпусти. Да въ послѣдній! Опять не выйду, хоть удавись у меня предъ огородомъ. Ну, говори...

— Сядемъ хоть. Что же этакъ?

Марѳа сѣла на траву, Русаковъ опустился около нея.

— Ну, живо... Трезвонь языкомъ. Мнѣ не время. Какое у тебя дѣло, да еще важное? Поясни.

— Пояснять совсѣмъ нечего. Одно слово скажу, и все поясненье будетъ.

— Какое слово?

— Хочешь ты счастливой сдѣлаться, свободной? Вдовой стать? Скажи только, что желаешь, и будешь.

— Вона какъ...

— Да. Твоя жизнь—каторжная, со старымъ хрычемъ. Десять лѣтъ твоихъ онъ уже заѣлъ у тебя. И еще десять и больше заѣстъ. Невѣдомо, сколько онъ еще протянуть можетъ. Помретъ, ты сама старая будешь, а тебѣ бы хотѣлось другой жизнью жить, хотѣлось бы избавиться отъ стараго мужа, заполучить молодого. Ну, ротъ желаешь ты, чтобы я доказалъ на дѣлѣ всю мою приверженность къ тебѣ, безумную мою любовь? Я для тебя на все пойду, душу свою загубить готовъ. Хочешь ты, я тебя освобожу отъ этого Ферапонта?

Марѳа пристально присмотрѣлась къ воодушевленному лицу Русакова и долго смотрѣла молча.

— Хочешь, что ли?—заговорилъ Русаковъ первый.

— Чего?..—еле слышно произнесла женщина.

— Освобожу... овдвою.

— Чего? Какъ? Его вдовымъ сдѣлаешь?—едва замѣтно усмѣхнулась она.

— Зауѣмъ его? Тебя освобожу! И уговоръ у насъ будетъ простой: годъ цѣлый послѣ этого должна ты со мной быть! Всего-то годъ, Марѳуша. Не Богъ вѣсть что! А тамъ либо выйдешь замужъ, за кого хочешь, либо свободной вдовой будешь. А я дѣло такъ обдѣлаю, что николи никто не узнаетъ.

— Стало быть, попросту сказать, мы моего Ферапонга Ильича укокошишь, а я къ тебѣ въ полюбовницы изъ благодарности иди?

— Вѣрно! Такъ именно я и сказываю.

— Однако, гусь ты!..

И Марѳа начала смѣяться.

— Смѣйся, смѣйся! А я то знаю, что ты притворяешься, знаю, что ты бы на это пошла. Ты десять годовъ какъ бы въ каторгѣ какой живешь. Хоть онъ и обожаетъ тебя и всячески ублажаетъ, на побѣгушкахъ у тебя, а все-таки онъ тебѣ въ тягость. Это тоже всѣ сказываютъ.

— Да, глупый ты человѣкъ, поразсуди!—заговорила Марѳа холодно и разсудительно.—Ну, давай сказывать по-твоему, что мнѣ взаправду тяжело, можетъ быть, даже тяжелѣе, чѣмъ сказываютъ, тяжелѣе, чѣмъ ты думаешь самъ. Можетъ, я одна знаю, каково мнѣ. Можетъ, я и топиться и давиться собиралась не разъ въ первые годы своего супружества? Да и теперь бываетъ подчасъ таково тошно, что готова вотъ, какъ ты, изъ этихъ краевъ пропадомъ пропасть. Но что же изъ этого? Итти на смертоубійство? Такъ на это баба сама должна итти, а не наемника брать. Чтобы въ такомъ дѣлѣ она одна и знала все и про себя таила. А ужъ когда двое знаютъ—дѣло плохо, все одно, что и десять человѣкъ. Да и потомъ, что же, ты меня за дуру пѣтую считаешь? Пойду я съ тобой на этакое лихое, то первымъ дѣломъ ты можешь попасться, тебя притянуть, ты и меня оговоришь, а второе, если ужъ ты такой искусникъ на убійство, почему я знаю, можетъ, ужъ и убиваль, то...

Русаковъ дернулся и махнулъ на нее рукой.

— Ладно, не отмахивайся! Такъ къ слову сказала... Чужая душа — потемки! Больно ужъ ты легко услужить просишься. Ну, положимъ, говорю, все ты обработаешь первымъ сортомъ, и затѣмъ я къ тебѣ должна на годъ въ кабалу итти. Пройдетъ годъ— что будетъ? Ну, отвѣчай!

— Что отвѣчать?

— Отвѣчай! Пройдетъ годъ — что будетъ? Отпустишь ты меня изъ кабалы-то? Захочу я замужъ, дозволишь ли? Захочу, чтобы ты провалился самъ сквозь землю съ моихъ глазъ долой, — захочешь ты этого?

— Такой у насъ уговоръ будетъ!

— Слышала! Мнѣ твой уговоръ вилами по водѣ писанъ... Не знаешь, что будетъ послѣ? Ну, такъ я тебѣ скажу. Когда годъ-то твой пройдетъ, ты мнѣ и скажешь: вотъ что, молъ, милая моя, дура глупая, сиди смирно, нишкни! А чуть слово, я сейчасъ же къ властямъ, — такъ и такъ, по подговору да по найму Марѣы Митревны, я, молъ, собственноручно съ ея подмогой фельдфебеля Петрова на тотъ свѣтъ спровадилъ. Вотъ мы съ тобой вмѣстѣ въ Сибирь и пойдемъ. Вотъ ты и будешь говорить: либо живи со мной смирно, либо иди въ каторгу. Выбирай! А мнѣ-то что же будетъ? Либо каторга съ тобой, либо каторга въ Сибири. И, пожалуй, каторга съ тобой-то тяжеле покажется. Съ нелюбимъ жить, со старымъ ли, молодымъ ли, я, голубчикъ мой, хорошо знаю, каково это... Сыта вотъ по сѣхъ поръ!..

И Марѣа рѣзкимъ жестомъ провела себѣ пальцемъ по горлу.

Наступило молчаніе и продолжалось долго. Русаковъ сидѣлъ, безсознательно рвалъ траву, выковыривалъ ямочку и отбрасывалъ землю. Марѣа сидѣла угрюмая, глубоко задумавшись, и какъ будто была далеко мыслями. Наконецъ, она пришла въ себя, увидѣла безсознательную работу молодца, улыбнулась дѣланной улыбкой и выговорила:

— Вишь что. Не рой другому яму, самъ попадешь! Ну, мнѣ пора, прости! Скажи только, зря ты болталъ или взаправду провалишься ты съ глазъ, уйдешь отъ насъ?

— Да, уйду!.. — совершенно другимъ, глухимъ голосомъ отвѣтилъ Русаковъ.

Казалось, что за эти нѣсколько минутъ молчанія въ немъ на душѣ произошло что-то. Марѣа поднялась. Онъ быстро поднялся тоже.

— Дайся на прощанье поцѣловать! — тихо произнесъ онъ.

— Да на прощанье ли?

— Тебѣ говорю, въ послѣдній. Никогда больше меня не увидишь.

— Ладно! Хорошо! Но знай, если ты меня обманешь, то въ слѣдующіе разы не смѣй уже со мной и заговаривать. А то я на всю улицу крикну: онъ, молъ, подлаживался ко мнѣ моего хозяина зарѣзать вмѣстѣ. За это я съ нимъ и не здороваюсь.

— Изволь! Говорю, ухожу. Николи не увидишь.

Русаковъ приблизился, обнялъ женщину, нѣсколько разъ поцѣловалъ ее въ лицо, и вдругъ глаза его стали влажны, и слезы выступили на щекахъ.

— Вишь что, гляди! — хрипливо говорилъ онъ. — Какъ парнишко малый, плачу. Али все же не повѣришь?

— Глупая голова, — угрюмо отозвалась Марѳа. — Вѣрить-то вѣрю, да ничего не могу. Грянься о землю, стукнись здорово да вскочи другимъ молодцомъ, переродись, какъ въ сказкѣ, изъ поганого въ королевича какого золотокафтаннаго. Тогда и рѣчь будетъ другая, а покуда ты таковъ, какъ ты есть, то сдѣлай милость... одолжи!..

Марѳа поклонилась въ поясъ и прибавила, смѣясь насмѣшливо:

— Ослобони ради Бога! Ужъ очень надоѣлъ своей канителью. Прямо пила!

Русаковъ махнулъ рукой, повернулся и быстро пошелъ въ поле, а черезъ нѣсколько мгновений уже бѣжалъ, какъ бы спасаясь отъ чего. Марѳа осталась на томъ же мѣстѣ и стояла, опустивъ глаза въ землю и сурово задумавшись.

«Да, что же? Правда, — думалось ей, — будь не ты, а другой, пошла бы на это. Сейчасъ бы пошла и съ ножомъ, и съ топоромъ, а то съ зельемъ какимъ отъ колдуньи, не любовнымъ, приворотнымъ! — усмѣхнулась она какъ бы съ озлобленіемъ: — зельемъ, ухаживающимъ постылыхъ въ гробъ».

## ХІІ.

Не вдалекѣ отъ Рускина, верстахъ въ пяти, было поселеніе Бронницы, гдѣ жилъ баталіонный командиръ.

Чета, мужъ и жена, Яцковскіе, были первыми лицами во всемъ околоткѣ: самъ Яцковскій, какъ майоръ и командиръ батальона Прусскаго полка, а жена, какъ самая образованная и важная дама изъ всѣхъ офицерскихъ женъ.

Яцковскій, по происхожденію невѣдомо кто, былъ настоящій россиянинъ и православный. Она же говорила плохимъ русскимъ языкомъ и была католичкой. Майоръ только разъ да еще въ молодости пробылъ одну недѣлю въ Люблинѣ, Варшавы никогда не видалъ, о Польшѣ зналъ только одно, что поляки — хитрый народъ, чѣмъ несказанно сердилъ свою жену.

Яцковская, наоборотъ, родилась и прожила всю жизнь до своего замужества въ Ковнѣ, на рубежѣ Европы, и даже однажды побывала за границей, т.-е. ѣздила на долгихъ съ остановками и ночевками для кормленія лошадей въ прусскій городъ Инстербургъ. Разумѣется, она понимала хорошо нѣмецкій языкъ и сама мараковала на немъ. вмѣстѣ съ тѣмъ она была настоящей полькой «заядлой» въ томъ смыслѣ, что обожала свое отечество, была ревностной богомолкой, даже ханжей, и конечно, какъ и быть слѣдовало, считала Пруссію первымъ государствомъ въ мірѣ, Россію — дикой страной.

Послѣ жизни въ Польшѣ молодой женщиной пришлось не сладко въ той глуши, гдѣ приходилось жить, благодаря службѣ мужа. И только теперъ, когда Яцковскій сталъ виднымъ начальникомъ,

главнымъ въ цѣломъ околоткѣ, первымъ офицеромъ послѣ командира полка, Яцковская отчасти примирилась съ своимъ положеніемъ, ибо гордилась званіемъ майорши и батальонной командирши.

Въ дѣйствительности она и была прямой командиршей батальона, такъ какъ мужъ ничего не дѣлалъ безъ ея разрѣшенія, а часто дѣлалъ многое по ея желанію и указанію, хотя бы оно нѣсколько и противорѣчило справедливости или даже здравому смыслу.

Въ нѣкоторомъ смыслѣ чета Яцковскихъ походила на чету Петровыхъ: во-первыхъ, разница лѣтъ между мужемъ и женой, во-вторыхъ, внѣшность обоихъ. Крайне некрасивый майоръ и довольно если не красивая, то вызывающе-кокетливая и вызывающая на ухаживаніе Агнія Болеславовна.

Между майоршей и фельдфебельшей было еще нѣчто общее: про обѣихъ ходили слухи, что ихъ нельзя похвалить за супружескую вѣрность. Но если по отношенію къ Марей все ограничивалось одними слухами, ни на чемъ не основанными, явившимися какъ бы результатомъ несоотвѣтствія лѣтъ супруговъ, то по отношенію къ майоршѣ это были не одни слухи.

Былъ на свѣтѣ только одинъ человѣкъ, знавшій навѣрное, или крѣпко убѣжденный, что Агнія Болеславовна примѣрная жена. Это былъ самъ майоръ. Всѣ же остальные обыватели, не только офицеры съ семьями, но и простые солдаты, знали навѣрное совершенно обратное. Но никто за это особенно не корилъ майоршу заглазно: ужъ очень былъ Яцковскій плоховать и хрычевать.

Будучи много моложе фельдфебеля Петрова, Яцковскій казался около него много старше. Петровъ хоть держался прямо, а Яцковскій стоялъ и ходилъ скорчившись и даже какъ-то скрючившись.

Яцковскіе появились въ мѣстности за годъ передъ тѣмъ. Вскорѣ послѣ того, что они поселились, мѣстное офицерство заподозрѣло майоршу въ очень близкихъ отношеніяхъ съ полякомъ же Юрковскимъ, военнымъ докторомъ сосѣдняго императора австрійскаго полка. Поговаривали даже, что батальонный командиръ, по наущенію, конечно, жены, хлопочетъ передъ начальствомъ о переводѣ Юрковскаго въ ихъ полкъ. Но затѣмъ, потому ли, что ходатайство не имѣло успѣха, или по какимъ инымъ причинамъ, но докторъ Юрковскій былъ вдругъ переведенъ по службѣ Богъ вѣсть куда и скрылся изъ вида.

И одновременно у Агнии Болеславовны сталъ часто бывать и сдѣлался другомъ дома подпоручикъ Альбрехтовъ. За послѣднее же время, начиная съ весны, Агнія Болеславовна стала приставать къ мужу о протекціи одному изъ офицеровъ ихъ батальона.

Офицеръ этотъ былъ подпоручикъ Монаховъ. Будучи завѣдывающимъ хлѣбнымъ магазиномъ въ Рускинѣ, онъ желалъ якобы быть завѣдывающимъ другимъ ротнымъ магазиномъ поближе отъ Яцковскихъ.

Майоръ общалъ, и такъ какъ дѣло не ладилось, а жена приставала и говорила, что подпоручикъ Монаховъ крайне опечаленъ неудачей, то майоръ однажды, встрѣтивъ Монахова, заговорилъ съ нимъ.

Онъ общалъ со временемъ удачу и успѣхъ и просилъ не падать духомъ, надѣяться, а главное вѣрить въ его готовность помочь.

И майоръ былъ очень удивленъ, увидѣвъ на лицѣ Монахова крайнее изумленіе.

— Помилуйте, господинъ майоръ, да я никогда объ этомъ и не просилъ! Кто нибудь ввелъ васъ въ заблужденіе, или, можетъ быть, это мой однофамилецъ какой!

И оба офицера разошлись крайне удивленные и озадаченные. Оба задавали себѣ почти тотъ же вопросъ:

— Что за дьяволъ?!

— Спятилъ онъ что ли? — спрашивалъ себя Монаховъ, мечтавшій о другомъ мѣстѣ въ большомъ городѣ.

— Не навралъ ли кто женѣ? — спрашивалъ себя Яцковскій. — А она по добротѣ своей сейчасъ и хлопотать...

Въ тотъ же вечеръ Монаховъ, пользуясь совершенно темной ночью, выѣхалъ въ лодкѣ.

Конечно, проѣхавъ мимо всей слободы, онъ причалилъ къ берегу, у того мѣстечка, которое и онъ и Марѳа полюбили съ того памятнаго обоемъ вечера, когда здѣсь невзначай встрѣтились, а затѣмъ объяснились.

Марѳа, по уговору, была уже на берегу. Разумѣется, Монаховъ тотчасъ же разсказалъ недоумѣвая случай и разговоръ съ батальоннымъ командиромъ.

— Глупый ты, — объяснила Марѳа. — Это не онъ самъ... И не по ошибкѣ. Сто разъ я тебѣ говорила, что Агнія эта отъ тебя безъ ума, безъ памяти. Это все она творить. Ну, и пускай себѣ. А я боюсь, что она нюхомъ дошла до всего того, что наше, а не ея дѣло. Другимъ и въ умъ не идетъ, благо мы умѣемъ глаза отводить. А она удивительно поглядываетъ всегда на насъ обоихъ. Меня даже иногда страхъ беретъ. Вотъ, вотъ знаетъ все...

Монаховъ смѣясь сталъ успокаивать женщину, говоря, что ей все только мерещится.

Марѳа дѣйствительно ошибалась, предполагая въ майоршѣ даръ провидѣнія или особую проникательность. Но зато ея ошибка оказалась своего рода провидѣньемъ, предсказаньемъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ объясненія Монахова съ Яцковскимъ и разговора съ Марѳой случилось нѣчто и повело къ роковымъ послѣдствіямъ.

Монаховъ, всегда степенный, сдержанный, будто замкнутый, вдругъ ясно сталъ замѣчать самъ заискиванія Яцковской и тотчасъ же началъ вести себя по отношенію къ супругѣ главнаго своего начальника, насколько только могъ и умѣлъ, еще болѣе осторожно.



Между тѣмъ Агнія Болеславовна все сильнѣе увлекалась красавцемъ грузиномъ, и чѣмъ онъ держалъ себя съ ней сдержаннѣе и осторожнѣе, тѣмъ болѣе разгоралась въ полькѣ если не страсть, то, конечно, сильное увлеченіе. Считаая себя очень красивой и умнѣе всѣхъ женщинъ на свѣтѣ, она самымъ наивнымъ образомъ недоумѣвала, какимъ образомъ Монаховъ не увлекается ею, какъ бывало съ другими, когда она этого желала. Надо отдать честь Яцковской, что это было первое ея разочарованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ и первое полученное ею доказательство, что иногда она можетъ и не нравиться.

Побывавъ еще разъ у Костыревой и снова встрѣтивъ тамъ Монахова, а одновременно и красавицу, жену фельдфебеля, Яцковская вдругъ что-то замѣтила. Какъ ни осторожно вела себя Марѳа, почти не разговаривая прямо съ Монаховымъ, почти ни разу не глянувъ ему прямо въ лицо, тѣмъ не менѣе Яцковской стало что-то мерещиться... Быть можетъ, чутьемъ ревности достигла она того, что было незамѣтно для глазъ.

Рыбакъ рыбака видитъ издалека. Влюбленная Яцковская поэтому почувяла сразу, что эта «фельдфебелиха», по прозвищу Митриха, тоже влюблена въ того же человѣка. Однако, ей ровно показалось, что Монаховъ къ этой Митрихѣ относится съ какой-то особенной, преувеличенной сдержанностью или холодностью.

Черезъ день послѣ этой встрѣчи хитрая и ловкая полька, не ограничиваясь одними подозрѣніями и ревностью, рѣшила непременно добиться правды. Средство на это было только одно—знать каждый шагъ Монахова, шпионить за нимъ.

Личность, которая могла бы исполнить роль искуснаго шпиона, была, какъ нарочно, подъ рукой. У Агнии Болеславовны была горничная, тоже полька, очень разбитная, умная и хитрая, слѣдовательно обладавшая всѣми качествами своей барыни майорши, за которыя она отчасти и сдѣлалась ея любимицей.

Горничная, Зинаида, даже обрадовалась порученію барыни. Такого рода дѣло было ей какъ-то особенно по душѣ. Однако, не сказавъ ни слова Яцковской, Зинаида взяла себѣ помощникомъ Горшкова, который былъ, въ качествѣ капральнаго унтеръ-офицера, частымъ посѣтителемъ дома и двора батальоннаго командира и ухаживалъ за горничной. Крайне невзрачный Горшковъ не могъ Зинаидѣ нравиться, однако изъ самолюбія горничная ему стала покровительствовать. Горшковъ былъ ненавидимъ своими прямыми подчиненными, съ которыми онъ обращался крайне жестоко. Жаловаться Яцковскому было на него напрасно, такъ какъ фаворитка за него заступалась предъ барыней. Горничная и унтеръ принялись за дѣло. Взялъ ли кого себѣ въ помощники Горшковъ,— было неизвѣстно Зинаидѣ такъ же, какъ неизвѣстно было ея барынѣ, что онъ состоитъ въ уговорѣ съ ней.

Однако, въ результатѣ былъ полный успѣхъ. За нѣсколько дней Агнія Болеславовна знала все, что дѣлалъ Монаховъ отъ зари до зари. Далѣе: когда онъ отлучался куда либо по сосѣдству, не только въ Старую Руссу, но даже и въ Новгородъ, за нимъ по пятамъ отправлялся Горшковъ.

И однажды, спустя нѣсколько дней, Горшковъ передалъ Зинаидѣ, а эта своей барынѣ, что въ Руссѣ одновременно въ одной гостиницѣ видѣли Монахова вмѣстѣ съ женой фельдфебеля. Они сидѣли, пили чай въ трактирѣ, а потомъ гуляли и заходили въ лавки на базарѣ. Митриха выѣхала въ сумерки домой, а Монаховъ остался до слѣдующаго утра.

Эти свѣдѣнія, собственно говоря, не имѣли ничего важнаго, это не могло быть уликой въ чемъ либо. Монаховъ и Марѳа могли встрѣтиться совершенно случайно и, въ качествѣ знакомыхъ, зайти въ трактиръ чай пить. Но для Яцковской и этого было достаточно. Ревность забушевала въ ней и дошла до такой злобы, что она сама себѣ удивлялась. И эта ревность заставила ее поступить рѣшительно и нѣсколько нелѣпо, заставила ее вмѣшаться въ чужое дѣло. Яцковская рѣшила, что она, выслѣдивъ еще Монахова и Марѳу чрезъ Зинаиду, сама поѣдетъ въ Руссу, а затѣмъ отомстить.

Планъ былъ простой: убѣдясь лично, она отправитъ Зинаиду въ слободу Рускино, чтобы вызвать къ себѣ фельдфебеля Петрова по важному дѣлу. Фельдфебель, несомнѣнно, крайне удивится, что за нимъ присылаетъ супруга батальоннаго командира, да еще по дѣлу, но, конечно, тотчасъ непремѣнно явится и узнаетъ про поведеніе жены отъ самой командирши всего батальона. Ему нельзя будетъ не повѣрить барынѣ-майоршѣ, а равно трудно будетъ посмотрѣть на все дѣло сквозь пальцы.

### XIII.

Прошло недѣли двѣ, и за это время Марѳа снова съѣздила два раза въ Старую Руссу съ теткой Барановой. Между тѣмъ въ Рускинѣ, послѣ нѣсколькихъ единичныхъ случаевъ, начался настоящій падежъ скота. Выгонять стадо на пастбище хотя и было запрещено, но было поздно. Дасаевъ съѣздилъ къ батальонному командиру на совѣщаніе, а затѣмъ были приняты всякаго рода дѣльныя мѣры.

На опушкѣ лѣса, недалеко отъ Рускина, было огорожено тыномъ большое мѣсто, которое все изрыли, приготовивъ заранѣе яму съ известкой на днѣ. Къ мѣсту приставлена была даже стража. Кромѣ того, въ самомъ поселкѣ былъ взятъ одинъ просторный дворъ, гдѣ хозяинъ умеръ, а наслѣдники еще не явились.

Къ этому двору приставили двухъ фельдшеровъ и отдали строжайшее приказаніе, чтобы всю больную скотину немедленно приводили въ этотъ коровій лазаретъ. Всѣмъ было объявлено, что ослушники будутъ строго наказываемы, и если у кого падетъ корова во дворе, на того будетъ налагаться денежный штрафъ и, конечно, въ прибавку розги.

Ежедневно въ эту коровью больницу стали приводить скоть и ежедневно по двѣ, по три коровы увозили на коровье кладбище. Для этого было назначено десять солдатъ для перевозки и зарыванія. Несмотря на строгое приказаніе приводить зачумленный скоть, все-таки оказались ослушники, и черезъ нѣсколько дней былъ устроенъ ежедневный обходъ дворовъ и осмотръ скотины.

Не прошло нѣсколькихъ дней, какъ стали раздаваться глухія жалобы, что фельдшера и капральные уводятъ съ дворовъ здоровую скотину и гонять ее въ лазаретъ. Но всѣ эти коровы, исчезая изъ лазарета, не попадаютъ, однако, на кладбище. У капральныхъ и у солдатъ-зарывальщиковъ появились порядочныя деньги, они ходили веселые, довольные и во хмелю, а однажды ввечеру совершенно замертво перенились въ своемъ лазаретѣ.

Явившійся Шпицъ и капральныхъ, и солдатъ отправилъ къ баталіонному командиру. Однихъ нещадно высѣкли, а другихъ посадили подъ арестъ. Капральный Горшковъ попался въ числѣ прочихъ, но что-то сгрубилъ, какъ говорили, самому майору Яцковскому и настолько, что его и Агнія Болеславовна не могла спасти. Онъ былъ наказанъ розгами такъ сильно, что его положили потомъ въ ротный лазаретъ.

Въ коровій лазаретъ были назначены другіе унтеръ-офицеры и другой десятокъ стариковъ и кантонистовъ для своза павшей скотины и зарыванія. Но слухи о мошенничествѣ самомъ нагломъ продолжали ходить.

И однажды, въ сумерки, къ фельдфебелю Петрову явился ротный письмоводитель Морозовъ ради важнаго дѣла и какъ къ другу. Но фельдфебель оказался вызваннымъ къ супругѣ баталіоннаго командира. Марѳа была дома одна и тревожилась, зачѣмъ мужъ понадобился майоршѣ.

— Экая обида!—воскликнулъ письмоводитель. — Дѣло особой важности у меня есть до Ферапонта Ильича.

— Приходи завтра поутру, найдешь его,—отвѣтила Марѳа.—А то хоть и нынче ввечеру.

— Завтра поутру будетъ мнѣ свободнѣе. Только одна обида, Марѳа Митревна,—объяснилъ Морозовъ.—Все-таки оттяжка. А дѣло больно нехорошее... Надо бы поскорѣй! Завтра онъ уже самъ могъ бы докладъ свой сдѣлать капитану.

— Да что тебѣ нужно-то?

— Да что нужно-то, Марѳа Митревна? Ты вотъ женщина умнѣющая, поди, умнѣ насъ, я тебѣ все объясню, а ты мужу скажи. Знаешь, чай, слыхала, что говорятъ про нашъ коровій лазаретъ, про то, что творять тамъ молодцы?

— А что?—спросила Марѳа.

— Какъ что? Чай, слыхала, что они здоровую скотину уводятъ со дворовъ?

— Слышала, да только, по правдѣ, не до того было, и не знаю, въ чемъ собственно ихъ заподозрѣли?

— Какъ въ чемъ, родная ты моя? Дѣло простое. Они уводятъ съ дворовъ здоровую корову, якобы больную. Въ тотъ же день,— и вѣдь запримѣтъ ты,—къ ночи, корова уже пала. Придетъ хозяинъ, а ему говорятъ—околѣла, и ужъ свезли на коровій погостъ. А все это обманъ. Коровушку-то, коли ночь свѣлая—запримѣтъ—зарѣжутъ, шкуру сдерутъ, мяса немножко себѣ оставятъ и пріятелямъ раздадутъ, а остальное везутъ на погостъ. А шкурка-то въ особое укрытое мѣсто идетъ, до времени. А, спустя мало, какъ наберется полдюжины, что ли, то эти самыя шкурки отправляются въ Руссу и въ Новгородъ въ продажу. Дѣлаютъ они то же, что и тѣ надурили. Тѣхъ передрали, а эти за то же принялись и теперь уже почище тѣхъ дѣйствуютъ, новое придумали. Коли ночь-то выдастся темная... запримѣтъ, темная,—они здоровую корову уведутъ со двора и ночью тихохонько, благо лазаретъ-то коровій на краю села, окольнымъ путемъ уводятъ въ Новгородъ, а тамъ продаютъ прямо въ мясныя лавки. Третѣвось, сказываютъ, обозъ шелъ, шесть коровъ заразъ въ Руссу увели такимъ способомъ. И самъ хозяинъ своей скотинки, Барановъ, повстрѣчалъ ихъ и увидѣлъ свою корову. Идетъ здоровехонька! Онъ было вступился, а его пригрозили до смерти избить. Онъ отъ нихъ и удралъ.

— Ну, вотъ началъ ты за здравіе, а светлъ за упокой!—усмѣхнулась Марѳа.

— Какъ такъ?

— Да такъ! Сталъ ты говорить, что мошенничаютъ тамъ. И оно, можетъ, и вѣрно, я тоже слыхала. А сейчасъ говоришь, что Барановъ видѣлъ свою корову... Нешто ты не знаешь, какой у Баранова языкъ? Кубаремъ вертится, покуда не устанетъ.

— Знаю, Марѳа Митревна, только вотъ я тебѣ добавлю. Прослышавъ это, я побывалъ у него и съ его матерью говорилъ. Она сама мнѣ и рассказала все. Она благо богата, какъ узнала, сейчасъ въ телѣжку да въ Руссу, да всѣ мясныя лавки и объѣхала. А въ одной-то лавкѣ узнала, что ея корова была продана здоровехонька, и мясо-то ея руссцы теперь ѣдятъ.

— Какъ же она узнала?

— Да не мудреное дѣло. Нешто не помнишь ты?... Корова-то ея была вся черная съ большущимъ, бѣлымъ пятномъ на спинѣ.

Такой во всей округѣ другой не было. Какъ же не узнать-то? Она въ этой лавкѣ магарычъ дала, ей шкуру-то и показали. Говорить—подъ присягу пойду, что шкура съ моей коровушки.

— Такъ что же тебѣ нужно? — спросила Марѳа. — Зачѣмъ къ мужу-то пришелъ? Я не пойму. Онъ-то при чемъ тутъ?

— А вотъ именно за тѣмъ пришелъ, чтобы просить его. Доложилъ бы онъ объ этомъ капитану...

Марѳа покачала головой.

— Что же?

Марѳа снова качнула головой и произнесла тихо:

— Не знаю... Мой совѣтъ будетъ ему не ходить, не въ свое дѣло не путаться.

— Какъ такъ? Почему то-есть?

— Да такъ, Егоръ Иванычъ. Зачѣмъ зря Ѳерапонту Ильичу въ чужія дѣла мѣшаться? Какъ разъ самъ до бѣды доживетъ. Фельдшера-то, поди, деньги большія зарабатываютъ, коли этакъ каждую ночь хоть бы и по одной коровѣ въ городъ уводятъ?

— Вѣстимо, большія! Большущія!...

— Ну, вотъ ты и разсуди. А что коли доходецъ-то идетъ главнымъ образомъ не имъ, а въ чей другой карманъ, а ты хочешь, чтобы мой мужъ шелъ съ доносомъ? Доносъ-то выйдетъ не на фельдшеровъ, а на кого другого.

— Да ты какъ же полагаешь, Карлъ Карловичъ, что ли, этакъ придумалъ попользоваться?

— Я этого не говорю. Можетъ, Шпицъ, можетъ, и другой кто. Я только такъ полагаю, что этакія деньги, каждую-то ночь корова, двѣ, а то, говоришь, три... Вѣдь это какія деньги! Что же это все двумъ фельдшерамъ идетъ да солдатамъ-зарывальщикамъ? Не можетъ этого быть, Егоръ Ивановичъ. По-моему, тутъ стряпня особливая. Тутъ ктонибудь почище, изъ вышнихъ, орудуетъ. Какъ же Ѳерапонту-то Ильичу идти на него доносить? Ну, буду я съ тобой прямо говорить, не выдашь ты меня?

— Что ты, Богъ съ тобой!

— И болтать не станешь?

— Да зачѣмъ, что ты?

— Ну, вотъ пойдетъ Ѳерапонтъ Ильичъ жаловаться капитану Дасаеву на мошенничество, на грабежъ. А грабитель-то главный, который деньги-то въ карманъ себѣ кладетъ, вдругъ окажется...

Марѳа запнулась.

— Нѣмецъ?—выговорилъ Морозовъ.

Марѳа разсмѣялась и выговорила тихо:

— А если самъ Пузанъ? И Пузану-то на Пузана — и жаловаться?

— Что ты?! — разинулъ ротъ и вытаращилъ глаза Морозовъ.

Скажи ему подобное кто либо другой, даже кто либо изъ умныхъ обывателей Рускина, Морозовъ прямо бы отвѣтилъ:

— Враки и глупости. И совѣмъ дѣло несурзное!

Но оно было сказано Митрихой, которую онъ такъ же, какъ и всѣ, считалъ чрезвычайно умной женщиной, чуть не умнѣе всего ихъ мѣстнаго начальства. Не даромъ ее зовутъ Марѳа Посадница. А Морозовъ зналъ, что значить Посадница. Это, стало быть, въ нѣкоемъ смыслѣ была такая царица въ Новгородѣ.

Предположеніе Марѳы такъ подѣйствовало на Морозова, что онъ нѣсколько минутъ сидѣлъ молча и затѣмъ выговорилъ:

— Скажи ради Создателя, сама ты это надумала или тебѣ кто сказалъ? Къ примѣру, хоть твой же мужъ?

— Сама надумала! Я же тебѣ сказывала, что про все это дѣло мелькомъ слышала и хорошенько ничего не знаю. Ты же мнѣ все сталъ рассказывать. Стало быть, я и не могла знать заранѣе, а вотъ сейчасъ на умъ пришло. А похоже ли оно на правду, я тебѣ скажу, что похоже, потому что нашъ капитанъ денежки ротныя утягивать любитъ, вообще на этакое падохъ. Да и придумать такую штуку, чтобы продавать здоровый скотъ въ Новгородѣ, фельдшера не могли, да и смѣлости у нихъ на это не хватило бы. А вотъ, если они знаютъ, что командиръ ротный дѣлу потакаеть, что они Шпицу, а Шпицъ Пузану денежки относить, то другое дѣло. А насчетъ того, что Дасаевъ на деньги падохъ и прямо роту ограбляетъ, это я узнала не такъ давно и узнала отъ военного человѣка. Прямо тебѣ скажу—отъ офицера. Но отъ кого—ужъ никоимъ способомъ тебѣ не скажу.

Морозовъ снова задумался, а затѣмъ заохалъ.

— Стало быть, докладывать Дасаеву итти нельзи? Хоть бы тогда баталіонному командиру доложилъ кто!

— Такъ ты хочешь, чтобы Өерапонтъ Ильичъ шелъ къ майору Яцковскому доносить на своего же ротнаго командира? Очухайся!

— Нѣтъ, какъ можно! Нешто я этакъ сказываю? Ну, что же дѣлать! Надо подумать, можетъ, другой кто пойдетъ...

— Къ Дасаеву?

— Нѣтъ, не къ Дасаеву, коли ты сказываешь—нельзя, а къ Яцковскому. Ну, прости!

— Прощай! Я мужу все расскажу, только впередъ тебѣ говорю: онъ не пойдетъ, да и я его на этакое не пошлю. А ты, Егоръ Иванычъ, помни, все это промежь насъ!

— Вѣстимое дѣло! Господь съ тобой! Нешто этакое можно болтать?

XIV.

Яцковская назначила Петрову быть въ такое время, когда ея мужа не было дома, и, позвавъ его въ столовую, заговорила съ нимъ ласково. Она объяснила, что хотя его не знаетъ лично, но слыхала о немъ, какъ объ очень хорошемъ служакѣ, котораго очень любить капитанъ Дасаевъ. Поэтому, можетъ быть, ея мужъ даже взялъ бы его къ себѣ, повысилъ по службѣ, но не хочетъ обижать Дасаева, отнимая у него лучшаго слугу. Однако, Яцковская дала тотчасъ понять фельдфебелю, что это повышение можетъ все-таки произойти въ недалекомъ будущемъ, такъ какъ собственно ея мужъ—начальникъ Дасаева.

Петровъ, конечно, былъ немало пораженъ, но и обрадованъ. Затѣмъ Агнія Болеславовна очень ловко перешла на разспросы объ его домашнемъ житьѣ-бытьѣ.

— Я хорошо знаю твою жену. Она совсѣмъ на солдатку и не похожа, точно офицерша!

— Покорнѣйше благодаримъ!—отозвался Петровъ, кланяясь.

— Ее Анна Ивановна Костырева прямо таки любитъ и обращается съ ней совсѣмъ, какъ бы съ равной, прямо какъ бы съ офицершей. Вѣдь она съ нами чай пьетъ, съ нами сидитъ.

— Какъ же, знаю-съ! Барыня очень добрая. Отъ этого и балуетъ Марѳушу.

— Давно ты женатъ?

— Давно-съ... Лѣтъ съ десятокъ.

— И дѣти есть!

— Нѣтъ, Богъ не далъ! Сказываютъ люди, что я тому причиною, ужъ больно мы много разны съ ней годами. Она бы мнѣ и въ дочери годилась.

— Но все-таки любить тебя?

Петровъ невольно двинулъ плечами, усмѣхнулся и не зналъ, что отвѣчать.

— Что же, не любить что ли?

— Да какъ, то-есть, вамъ, сударыня, ваше высокоблагородіе, на это отвѣтствовать? Мужъ я ей, ну, стало быть, должна любить.

— Должна, должна! — разсмѣялась нѣсколько ехидно Яцковская.—Ловко ты отвѣчаешь. Не говоришь—любить, а говоришь—должна любить. Стало быть, должна-то должна, а не любить?

— Нѣтъ, я этого не говорилъ, извините! Полагаю, что у Марѳы ко мнѣ должное уваженіе есть.

— И съ тѣхъ поръ, что она твоей женой состоитъ, ни въ кого-то она никогда не... ну, не втюрилась, какъ вы здѣсь по-своему сказываєте? Ну, въ кого бы, кто помоложе тебя?

Лицо фельдфебеля сразу потемнѣло. Онъ снова глянулъ исподлобья на майоршу и не отвѣтилъ ни слова, рѣшивъ, что и не будетъ въ такой разговоръ съ ней вступать.

— Что же не отвѣчаешь?  
 — Да что же? Это все пустое, ваше высокоблагородіе.  
 — Какъ же такъ—пустое?  
 — Вамъ не любопытно это...  
 — Коли спрашиваю, стало быть, любопытно,—оживилась непонятно Агнія Болеславовна.

— Не могу, извините, уразумѣть, что же до этого вамъ-то. Любить меня Марѳа, не любить, или на сторонѣ въ кого втюрилась, какъ вы сказываете. Вамъ-то что же? Не любопытно!

— Я же тебѣ повторяю, — уже другимъ голосомъ заговорила Яцковская нѣсколько рѣзко и будто даже раздражительно, — что мнѣ это любопытно. Можетъ быть, за этимъ я и послала за тобой, что мнѣ тебя жалко. Ты—человѣкъ почтенный, а твоя жена... Ну, не такъ она себя ведетъ, какъ бы слѣдовало! А ты, стало, ничего не видишь и не слышишь. А что ты скажешь, если тебѣ придутъ да объявятъ, что твоя жена тебя обманываетъ? Что ты тогда?!

— Сто разовъ сказывали! — рѣзко не выговорилъ, а отрѣзалъ Петровъ.—Виноватъ, ошибся! Не сто разъ... Тысячу разовъ сказывали! И сколько это полюбовниковъ перебивало у Марѳы по этимъ по сказамъ, такъ вотъ, сударыня, великъ манежъ у насъ въ Руссѣ, дивизионный, а врядъ ли всѣ ея полюбовники въ этотъ самый манежъ влѣзутъ.

— А, ты вотъ какъ!—расхоталась Яцковская ехиднымъ смѣхомъ, въ которомъ звучало одно крайнее презрѣніе къ фельдфебелю.—Ну, такъ извини! Хоть тебѣ и тысяча человѣкъ сказывали, и ты этой тысячѣ не повѣрилъ, а я тебѣ все-таки свое скажу. Твоя Марѳа Дмитріевна ведетъ себя совсѣмъ срамно и нахально. Были ли у нея прежде какіе разные пріятели, этого я не знаю. А вотъ кто у нея теперь состоитъ въ этихъ пріятеляхъ, я хорошо знаю и могу тебѣ назвать. Могу даже тебѣ сказать, гдѣ ты можешь жену вмѣстѣ съ любовникомъ видѣть или накрыть, какъ сказываютъ. Желаетъ ты этого?

Өерапонтъ Ильичъ помолчалъ мгновеніе и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не желаю, ваше высокоблагородіе!  
 — Это что же такое? Что же это значитъ?  
 — Извините. Значитъ, что не желаю знать.  
 — Да почему же?  
 — Да зачѣмъ мнѣ оно знать-то? Ну, вы скажете, а я не повѣрю. Такъ вотъ извольте говорить, называйте, кого вамъ угодно, а я впередъ сказываю, что не повѣрю.  
 — А если я тебѣ докажу это? Слышишь? Докажу?!



Петровъ стоялъ, не отвѣчалъ ни слова, и въ немъ происходила легкая борьба. Ему снова хотѣлось сказать, что онъ и доказательствамъ не повѣритъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, впервые въ немъ заговорило новое, почти незнакомое чувство.

До сихъ поръ военные поселяне, иногда простые крестьяне, бабы, солдатки, не разъ намекали ему о невѣрности жены, и онъ дѣйствительно относился къ этому, какъ къ простымъ сплетнямъ. Это было для него, какъ онъ называлъ, «пустобрешество». Теперь впервые о томъ же заговорила барыня, и важная, жена баталіоннаго командира. Ужъ если до нея дошли слухи, и она имѣетъ доказательства, то, стало быть, дѣло принимаетъ другой оборотъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ фельдфебель смекнулъ, что если подобнаго рода дѣло дошло до свѣдѣнія майорши, то человѣкъ этотъ, увлекшій Марю, долженъ быть непременно офицеръ. Не разъ видѣлъ Ѳерапонтъ Ильичъ, какъ и офицеры военныхъ поселеній заглядывались на Марю, не разъ и слыхалъ онъ, иногда даже въ лицо они сами говорили ему, что не ему, простому фельдфебелю изъ солдатъ и, стало быть, мужику, имѣть такую царевну въ женахъ.

Прошло нѣсколько мгновеній молчанія. Яцковская вымолвила:

— Стало быть, ты потворствуешь женѣ,—вотъ что я вижу!

— Что вы изволите говорить?—не понялъ фельдфебель.

— Потакаешь, сказать по-вашему, женѣ въ ея безпутномъ поведеніи?—грубо выговорила Агнія Болеславовна. — Нравится тебѣ, должно быть, что офицеры ласкаютъ твою жену? У всякаго, говорятъ, свой вкусъ. Иной вотъ деготь любить! Я сама видѣла, пальцемъ изъ-подъ колеса достанетъ и въ ротъ кладетъ.

И она снова разсмѣялась своимъ злобно-презрительнымъ смѣхомъ.

— Такъ что же, твое дѣло, потакай, коли нравится. Я хотѣла тебѣ услужить, сказать все, какъ и гдѣ ты можешь накрыть свою супругу. А не хочешь—не надо. Да, впрочемъ, если поѣдешь куда нибудь тайкомъ за женой, хотя бы въ Руссу, такъ и самъ увидишь, съ кѣмъ она въ Московскомъ трактирѣ чай распиваетъ, а потомъ пропадаетъ гдѣ-то за заставой. Ужъ это твое дѣло разыскать... гдѣ.

Фельдфебель стоялъ истуканомъ, но лицо его очень сильно измѣнилось и отчасти побѣлѣло. Онъ хотѣлъ заговорить, но чувство валъ, что у него будто пропалъ голосъ отъ внутренней бури, а выдать себя, показать майоршѣ, какое дѣйствіе произвели на него ея слова, онъ не хотѣлъ изъ самолюбія.

Промолчавъ нѣсколько мгновеній, онъ наконецъ произнесъ, но все-таки нѣсколько шипло:

— Ну, такъ ужъ будьте добры, одолжите! Назовите, кто таковъ офицеръ?

— Да зачѣмъ же, коли тебѣ оно все равно?—будто подсмѣиваясь, веселымъ голосомъ выговорила Агнія Болеславовна.

— Ужъ будьте добры, назовите!

— А что ты тогда сдѣлаешь? Я не желаю, чтобы ты что худое сдѣлалъ моему знакомому. И ему безчестіе, да и тебѣ сквозь строй черезъ тысячу шпицрутенонъ придется пройти на тотъ свѣтъ.

— Не извольте беспокоиться, его я не трону. Есть такая поговорка, не годно вамъ, барыня, сказывать, а что она съ изначала міра-вѣдомо. Въ этаконъ дѣлѣ всегда баба виновата, а не нашъ братъ. Стало быть, ужъ коли трогать мнѣ кого, такъ того, кто виновенъ. Вашъ офицеръ тутъ не причемъ, да и я ему—лицо подначальное. Ну, а жена у меня подъ началомъ.

— Если ты такъ умно рассуждаешь, то, изволь, я тебѣ скажу. Кто у насъ тутъ считается во всемъ округу первымъ красавцемъ?

— Нешто я могу, сударыня, знать? По мнѣ всѣ гг. офицеры изъ себя красавцы.

— Даже мой мужъ? Майоръ?—разсмѣялась Яцковская.

Петровъ промолчалъ и, пытливо глядя въ лицо барыни, уже нетерпѣливо ждалъ услышать имя.

— Первымъ красавцемъ считается у насъ здѣсь вездѣ, вплоть даже до города Новгорода, подпоручикъ Монаховъ. Такъ вотъ онъ и есть. Какъ видишь, выбрала твоя жена хорошо, не дрянъ какуюнибудь. Ну, что скажешь?

Фельдфебель не отвѣтилъ, стоялъ, молчалъ, и только какое-то легкое движеніе было чуть видно въ его лицѣ, въ скулахъ, какъ если бы онъ отъ злости и гнѣва сжималъ челюсти.

Приглядѣвшись пристальнѣе къ лицу фельдфебеля, Яцковская слегка измѣнилась въ лицѣ. Оно стало сумрачнѣе. Было мгновеніе—и она испугалась. Пожалѣла все сказанное и все, что направила.

«А что если бѣда будетъ?»—подумалось ей. Но затѣмъ, быть можетъ, ревность заговорила въ ней, и она мысленно прибавила: «Мнѣ-то что же? Лучше отмщеніе, чѣмъ ничего»...

Однако Агнія Болеславовна отпустила старика фельдфебеля, не рѣшившись прямо спросить, намѣренъ ли онъ чтонибудь предпринять.

А фельдфебель вышелъ, говоря мысленно:

— Экій дьяволъ полька! А вѣдь тоже безмозглая, и соврать-то не сумѣла!

## XV.

Наступилъ іюль мѣсяцъ.

Лихая бѣда, казнь Божья, уже съ мѣсяцъ, какъ нагрянула на столицу и ближайшія къ Петербургу губерніи. Страшное, новое, непонятное, не русское слово или прозвище бѣгало и обѣжало по-

немногу тысячу верстъ въ округу. Всѣ повторяли это новое слово и знали только одно... «Были бѣды на Руси, а эта изъ всѣхъ бѣдъ—бѣда».

Въ народѣ озадаченномъ, смущенномъ повторялось:

— Холера!

Чума, моровое повѣтріе, которое явилось бы вдругъ, менѣе испугало бы православныхъ. Чума бывала гостья и въ Москвѣ и въ сосѣднихъ съ ней городахъ. «Холера» никогда не бывала.

Въ іюнѣ уже были толки о холерѣ, но говорило лишь начальство объ ней, а до поселянъ доходило что-то обрывками.

— Хворость какая-то въ Питерѣ и по близости отъ него. Ну, и пуцай! Мало ли хворостей на свѣтѣ было завсегда!

Въ іюлѣ мѣсяцѣ сразу прибѣжали диковинныя вѣсти и стали набѣгать всякій день—однѣ хуже другихъ. Появились какіе-то «каранкины» на большихъ трактахъ, гдѣ людей задерживали, какъ подъ арестомъ, и окуривали. Зачѣмъ—невѣдомо. Эти караннины приближались и къ военнымъ поселеньямъ. По дорогѣ въ Старую Руссу было тоже наконецъ устроено окуриваніе пробѣзжихъ.

Розказней о «каранкинахъ» и «таракинахъ» было немало. Кто сказывалъ даже, что въ нихъ стряпаютъ холеру и въ мѣшкахъ развозятъ по селамъ и деревнямъ. Дураки вѣрили, но народъ поумнѣ, конечно, зналъ, что это хворость.

Сначала были слухи, что холера далече ходитъ, можетъ, и мимо пройдетъ, затѣмъ стали говорить, что холера идетъ и какъ будто ближе. Наконецъ, прошла вѣсть: «идетъ на насъ!» Верстахъ въ двадцати отъ поселенія Рускина за сутки сразу умерли одинъ солдатъ и жена капральнаго, болѣзненная и пожилая женщина. Въ Прусскомъ полку заволновались.

Въ Рускинѣ стало замѣчаться во всѣхъ обывателяхъ тоже какое-то смятеніе. Никто почти ничего не дѣлалъ. Кому нужно было отпраляться на работы въ поле,—сказывался хворымъ и оставался дома, а тѣ, у кого и во двору было дѣло, тоже ничего не дѣлали, бродили, ходили сосѣдъ къ сосѣду, опрашивая другъ друга. Но никто ничего не зналъ и ничего вѣрнаго сказать не могъ. Всѣ повторяли одно:

— Идетъ на насъ!

Однажды среди дня появился въ Рускинѣ извѣстный во всемъ околоткѣ силачъ и пьяница Поляковъ, простой солдатъ, разжалованный, однако, изъ капральныхъ. Будучи дальнимъ родственникомъ старика Миняя, онъ остановился у него. Слухъ о томъ, что Поляковъ проявился напатавшись и многое что видѣлъ, былъ въ самомъ Новгородѣ и всякое можетъ рассказать, молніей пробѣжалъ по всему Рускину.

Въ сумерки во дворѣ Миняя, крайнемъ, выходящемъ въ поле, безъ всякаго зова и безъ всякаго уговора, собралось чловѣкъ

пятнадцать и стариковъ, и молодыхъ. Оказалось, что дѣйствительно Поляковъ многое что видѣлъ и многое расскажетъ. Всѣ, сошедшіеся случайно, разѣлись во двору подъ навѣсомъ: кто на лежащихъ бревнахъ, кто просто на землѣ.

Вѣсти, привезенныя Поляковымъ, были простыя: въ разныхъ мѣстахъ мретъ народъ; и доподлинно извѣстно, что это дѣло рукъ враговъ россійскихъ.

— Никакой хворости таковой на свѣтѣ нѣтъ, отъ которой бы всякій могъ вдругъ помереть. Была такая хворость, называлась чумой, но теперь, слава Богу, чумы нѣтъ и быть не можетъ, а эта самая холера—выдумка вражеская, а она просто есть опаиваніе православнаго народа, отравленіе. И вотъ надо узнать, кто этимъ дѣломъ промышляетъ, да тѣхъ похерить, такъ и холерѣ, понятно, конецъ будетъ.

Въ числѣ явившихся къ Миняю былъ и похудѣвшій замѣтно, отчасти блѣдный, съ сурово озлобленнымъ выраженіемъ въ лицѣ капральный Горшковъ, только недавно оправившійся послѣ жестокаго наказанія розгами. Прислушиваясь къ разговорамъ Полякова и къ говору всѣхъ, онъ казался на этотъ разъ озлобленнѣе, чѣмъ когда либо. У него было совсѣмъ звѣрское или злодѣйское выраженіе лица.

Здѣсь же былъ совершенно случайно зашедшій къ Миняю по своему дѣлу и грамотей, аудиторскій цисарь Морозовъ.

Послѣ разсказней Полякова возникъ горячій споръ, такъ какъ всѣ сошедшіеся оказались разнаго мнѣнія и раздѣлились на двѣ партіи.

— Полно ты врать! Кому нужда православный народъ на тотъ свѣтъ отправлять?—сталъ убѣдительно объяснять Морозовъ.—Всю Россію не выморинишь, а помретъ хоть одна тысяча человекъ на всякую губернію, такъ нешто отъ этого будетъ какой прокъ врагамъ россійскимъ? Хворость эта давно ходила по свѣту, только въ Россіи не бывала. Есть такой «новый свѣтъ» — называется Вамерика, холера-то съ этой самой Вамерики и началась, а оттуда уже перескочила и къ намъ. Сначала гуляла по большимъ городамъ, а потомъ стала захватывать и уѣздныя, а тамъ ужъ и деревни. И вотъ теперь коли она была въ Новгородѣ да въ Руссѣ, то ей безпремѣнно надо и къ намъ пожаловать.

— Это точно! — воскликнулъ Барановъ.—А почему выдумали, что людей врагъ россійскій опаиваетъ, такъ это просто. Болѣсть-то эта сама приключается не въ головѣ либо въ поясницѣ, что ли, а всегда приключается въ животѣ. Вѣдь вотъ, когда объѣшься чего, животъ у тебя болитъ, и потому болитъ, что въ нутро твое попало что нибудь вредное. Ну, вотъ эта холера завсегда въ животѣ начинается, и выходитъ, какъ будто въ него что попало.

— Да что попало-то, дурень?—вскрикнулъ Горшковъ.—Попало-то что нибудь вѣдь негодное?

— Вѣстимо!

— А откуда?

— А кто жъ его знаетъ!—отвѣтилъ Барановъ.—Не ѣшь ничего и не пей, такъ и не захвораешь.

— Это точно!—заявилъ Морозовъ.—Пей воду да ѣшь малость хлѣбца, и никогда не захвораешь. Это я слышалъ отъ самого баталіоннаго командира, а барыня, майорша Яцковская, мнѣ сказывала и больше того: первое, говоритъ, дѣло—зеленыхъ ягодъ не ѣсть и зеленыхъ яблокъ, а тоже, избави Богъ, квасъ пить.

И, несмотря на серьезный голосъ Морозова, вся кучка сидѣвшихъ кругомъ громко расхохоталась.

## XVI.

— Отъ квасу?! Вретъ она, ракалія!—раздался голосъ съ порога. Всѣ обернулись. Это былъ Русаковъ, явившійся также въ гости.—Первое дѣло, ты, Морозовъ, не сообразилъ,—продолжалъ Русаковъ.—Кто она сама-то будетъ? Ась-ко?

— Офицерша!—отозвался Морозовъ.

— Вѣрно! Да откуда она, какой она вѣры-то? Ходитъ она въ нашъ храмъ? То-то!..

— Да, ужъ по правдѣ сказать,—вставилъ, наконецъ, свое словечко старикъ Миняй,—сказать этакое, что отъ ягодъ да яблокъ да отъ російскаго квасу да вдругъ холера приключится, это ужъ того!..

И старикъ Миняй началъ хохотать дряблымъ голосомъ, и ему вторили хоромъ всѣ собравшіеся.

— Да, похоже, похоже!—закричалъ Русаковъ.—Пили православные люди квасъ-то, почитай, сто лѣтъ...

— Какое сто лѣтъ? Больше!—раздались голоса.

— Да и больше!—подхватилъ Русаковъ.—Ну, тысячу лѣтъ пили россияне квасъ, и холеры не было, а теперь г-жа майорша нашла самую эту настоящую причину. А потому, собственно, она этакое болтаетъ, что сама-то, поди, можетъ въ числѣ прочихъ отравителей.

— Поляки да нѣмцы,—вотъ кто изводитъ православныхъ людей.

— Такъ-то такъ, да не совѣмъ!—крикнулъ Русаковъ.—А я вамъ вотъ что скажу... только, чуръ, Морозовъ, на меня не доносить! Грѣхъ будетъ! Я при тебѣ по душѣ вотъ тутъ все сказываю, а коли ты пойдешь, на меня донесешь командиру, то меня до смерти задерутъ, и грѣхъ будетъ на твоей душѣ. Я правду скажу и ради спасенія православныхъ христіанъ и ради нашего спасенія, насъ—здѣшнихъ поселянъ и обывателей. Знаю я вѣрно, что и начальство наше не безъ грѣха въ этомъ отравленіи.

— Какое начальство?—вскрикнулъ Морозовъ.—Что же Дасаевъ, что ли, отравляетъ? Такъ у насъ еще, славу Богу, никто отъ холеры не померъ.

— Теперича не Дасаевъ,— отвѣтилъ Русаковъ.— Теперича иные прочіе въ другихъ мѣстахъ начальственные этимъ дѣломъ занимаются, а вотъ погоди, пройдетъ мало времени, и наши примутся за то же. Во-первыхъ, примется за это дѣло майоръ Яцковскій, нашъ главный командиръ, и его супруга. А ужъ коли онъ примется, такъ другимъ-то командирамъ, ему подначальнымъ, и слѣдъ будетъ то же дѣлать. Прямо прикажетъ.

— Что ты путаешь! Ну, можно ли этакое брякнуть!— закачалъ головой Морозовъ.— Всякое грѣшное дѣло, преступленіе какое, все-таки творится ради выгоды какой, ну, хоть бы смертоубійство всегда творится ради грабежа либо воровства.

— А просто по злобѣ не бываетъ смертоубійства?! — воскликнулъ Русаковъ.

— Бываетъ! Это опять, коли два человѣка повздорятъ изъ-за чего, а какіе у насъ переговоры съ начальствомъ? Они приказываютъ, а мы исполняемъ. Какая имъ выгода насъ морить? Отъ нашей смерти имъ ни на грошъ пользы нѣтъ.

— А почему ты знаешь, умная голова?— заговорилъ Горшковъ.— А если вотъ какой нѣмецкій шпіонъ отвалитъ майору Яцковскому, да хоть бы и нашему Пузану Дасаеву, тысячу рублей, перемори, молъ, мнѣ тысячу человѣкъ православныхъ христіанъ. Какъ ты полагаешь, не возьметъ онъ эту тысячу?...

— Это точно! Безпремѣнно.

— Это вѣрно! Какъ же не взять, родимые?

— Именно такъ!— раздались голоса кругомъ.

— Золотое твое слово, Горшковъ! — выговорилъ Русаковъ.— Я это самъ хотѣлъ сказать, ты меня упредилъ. Въ этомъ-то вотъ все и дѣло, что если наше начальство начнетъ насъ морить, такъ это не потому, что послѣ насъ останутся для нихъ алтыны какіе. Дворами умершихъ они пользоваться не могутъ, скотъ передохъ, денегъ у насъ во дворахъ не ахти сколько, а выгода ихъ прямо та, что они какъ бы въ наймъ и за это жалованье получаютъ. Получить вотъ твоя майорша тысячу карбованцевъ и подрядится за нихъ коли не тысячу, такъ пятьсотъ человѣкъ уморить.

— Да какъ, какимъ способомъ возьмется-то она?— воскликнулъ сердито Морозовъ.— Вѣдь не можетъ же она по дворамъ ходить, намъ рты разѣвать да вливать, что ли, вотъ какъ съ коровами фельдшеръ орудовалъ: одинъ растянетъ глотку, а другой льетъ зелье. Какъ же она то сдѣлаетъ?

Никто не отвѣтилъ. Наступило молчаніе.

— Болтовня все это пустая!— продолжалъ Морозовъ!— Болѣзнь болѣзнью— и ничего подѣлать нельзя, а это ужъ такой обычай російскій— валить на кого бѣду какую. Вѣдь вотъ сказываютъ же на Руси, что меня де лукавый попуталъ, врагъ человѣческій толкнулъ. А мнѣ опять таки умный человѣкъ объяснилъ, что это пу-

стое. Не можеть сатана, прости Господи, человекѣ толкать! Самъ онъ натворить да на него сваливаетъ.

— Это что же тебѣ та же майорша сказывала?—насмѣшливо выговорилъ Русаковъ.

Морозовъ отмахнулся рукой и произнесъ угрюмо.

— Нечего мнѣ съ тобой разговаривать! Ты пустобрехъ, а я, братецъ мой, кое-чему учился.

— Знаемъ мы, что ты грамотей!—воскликнулъ Горшковъ.—Да тутъ грамотейство не причемъ. Ты тянешь руку начальства, потому ты самъ въ нѣкоторомъ родѣ начальство. Вотъ и Ферапонтъ Ильичъ тоже. Скажи ему что про Дасаева, такъ и вскинется, потому что самъ фельдфебель, а послушай-ка, какъ онъ съ Марою разговариваетъ, такъ не то услышишь! А со мной это было. Сидѣли они вечеркомъ у себя на огородѣ да калякали, было темно. Я къ нимъ подползъ ради баловства—ухнуть на нихъ, попужать. Подползъ тихохонько на брюхѣ да вмѣсто того, чтобы ихъ пужать, прикурнулъ да и сталъ ихъ слушать... И вотъ Ферапонтъ Ильичъ такое говорилъ, что я диву дался, фельдфебель ли нашъ это сказываетъ или другой кто? Такъ-то онъ разносилъ все свое начальство, что знай это Дасаевъ, сейчасъ бы его изъ фельдфебелей разжаловалъ да на ротномъ дворѣ задалъ бы ему порку, добрыхъ розогъ съ тысячу, чтобы на мѣстѣ остался.

— Это ты врешь!... — вскрикнулъ, вдругъ озлобившись, будто взбѣсившись, Русаковъ.— Врешь! Врешь! Все самъ измыслилъ! Не возможное дѣло, чтобы фельдфебель Петровъ сталъ свое начальство ругать, поносить. Они звѣри, и онъ звѣрь, какую они пѣсенку заведутъ, ту и онъ подтягиваетъ. Доподлинно извѣстно, что когда бывали какія взысканія, такъ Дасаевъ скажетъ—пятьдесятъ розогъ, а фельдфебель Петровъ станетъ говорить: ваше благородіе, маловато, дозвольте сто! А тотъ скажетъ: ну, ладно, сто! А коли майоръ назначить двѣсти, фельдфебель Петровъ дастъ чetyреста, да еще какихъ! Нешто неправду я говорю?

— Оно точно!—раздались голоса.—Бывало! Отъ Петрова милости не жди!

— А вѣдь вотъ сказываютъ,—вставилъ свое слово старикъ Миняй,—что фельдфебель дѣлаетъ, что жена укажетъ, а Марѳа-то вѣдь не злючая баба, а умница. Такъ какъ же?

— Оно точно!—сказалъ Русаковъ.—Ферапонтъ Ильичъ во многихъ дѣлахъ слушается жены, но только не по службѣ. Въ этомъ онъ ее слушать не станетъ. Сказываетъ—не твое бабѣ дѣло, а военное. Орудуй въ домѣ, во всѣхъ другихъ дѣлахъ, а какъ что военное, туда носа не суй. Это я вѣрно знаю.

— Да, оно точно!—подхватилъ Барановъ.—Я вамъ скажу, было разъ это, пришелъ я къ нему просить его насчетъ того, чтобы онъ замолвилъ словечко про меня ротному, а передъ этимъ-то я

забѣжалъ къ Марей Митревнѣ. Она мирволила особливо мнѣ и взялась...

Но Баранову договорить не пришлось, а тѣмъ менѣе рассказать, такъ какъ Русаковъ злобно разсмѣялся и выговорилъ:

— Ну, сейчасъ навретъ цѣлую кучищу всякихъ выдумокъ! Экій языкъ-то! хотъ бы урѣзалъ ты его себѣ. Да намъ этакое все и не любопытно. Мы не о томъ толкуемъ. Митриха баба не злая, это вѣрно. А мы про Терапошку рѣчь ведемъ. Онъ кровопійца. Да, кабы я вамъ сказалъ, что я про него знаю, такъ вы бы очумѣли. Изувѣръ онъ, самъ дьяволъ.

— А что? Что? Сказывай!—раздались голоса.

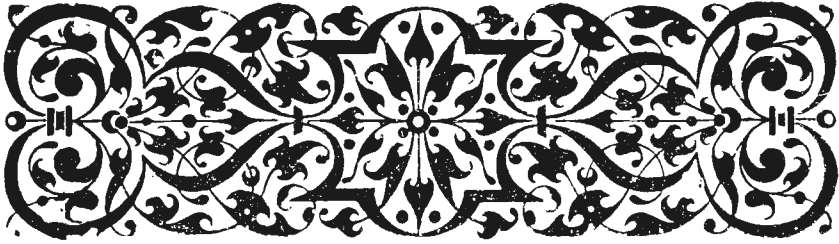
— И скажу, да не сейчасъ!—злобно вскрикнулъ Русаковъ.— Дайте срокъ, въ свое время все расскажу.

**Графъ Е. А. Саліасъ.**

*(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).*







ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА А. Х. БЕНКЕНДОРФА <sup>1)</sup>.



ВЪ ИМА 1837 года была въ Петербургѣ менѣе обыкновеннаго шумна. На праздникахъ и балахъ отозвалось еще не совсѣмъ возстановившееся здоровье государя, и всѣ гласно выражали единодушное желаніе, чтобы онъ по долѣе берегъ себя, какъ единственный оплотъ благоденствія Россіи и вмѣстѣ какъ страшилище для всѣхъ народныхъ волненій.

2-го марта, присутствуя въ засѣданіи комитета министровъ, я вдругъ почувствовалъ себя такъ дурно, что едва доѣхалъ оттуда къ себѣ и тотчасъ слегъ въ постель; жены и дѣтей моихъ я не засталъ дома, и когда они вернулись, на мнѣ уже не было лица. Послали за моимъ докторомъ, но онъ самъ лежалъ больной, и тогда пригласили Арендта. Онъ подалъ надежду, что не далѣе какъ въ нѣсколько дней поставитъ меня опять на ноги; но я отвѣчалъ, что онъ ошибается, и что я чувствую себя чрезвычайно дурно, хотя и не могу растолковать, чѣмъ страдаю. На слѣдующее утро я пригласилъ къ себѣ графа Орлова и просилъ его взять на себя исполненіе важнѣйшихъ дѣлъ, какія могли бы случиться по моему управленію, и едва успѣлъ отдать соотвѣтственныя тому приказанія начальникамъ подвѣдомственныхъ мнѣ частей, какъ ослабъ до такой степени, что жизнь моя уже висѣла на волоскѣ.

Узнавъ объ опасномъ моемъ положеніи, государь тотчасъ ко мнѣ пріѣхалъ; но, чтобы не напугать меня, показалъ видъ, будто

<sup>1)</sup> См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІ, стр. 37.

бы цѣлью его прїѣзда было только переговорить со мною о нѣкоторыхъ дѣлахъ; выходя же, накрѣпко запретилъ моимъ директорамъ вести со мною дѣловой разговоръ и даже входить ко мнѣ, а моего зятя, князя Бѣлосельскаго, послалъ за другимъ еще докторомъ, такъ что съ моимъ, между тѣмъ оправившимся, и съ двумя, которыхъ привезъ еще Арендтъ, этихъ господъ вышло пятеро. При видѣ такого многочисленнаго консиліума и всего, что вокругъ меня происходило, я догадался, что нахожусь въ отчаянномъ положеніи; но почти ни на минуту не лишался памяти и не ощущалъ безпокойства, свойственнаго умирающимъ. Меня трогало до слезъ попеченіе обо мнѣ всѣхъ окружавшихъ; но положеніе мое, несмотря на многократныя посѣщенія врачей, нисколько не улучшалось. Государь имѣлъ терпѣніе внимательно слѣдить за ихъ преніями, происходившими за двѣ комнаты отъ той, гдѣ я лежалъ, и всячески оживлялъ ихъ. Меня облѣпили испанскими мухами, горчишниками, пивками, заставляли глотать почти ежеминутно Богъ знаетъ какія микстуры, и я всему этому повиновался съ покорностію ребенка.

Наконецъ, спустя десять дней, опасность какъ будто бы миновала; но вторичный приступъ болѣзни—послѣдствіе слишкомъ шумнаго выраженія радости близкихъ ко мнѣ—еще болѣе приблизилъ меня къ могилѣ. Тогда государь, заѣзжавшій ко мнѣ каждое утро, а не рѣдко и по вечерамъ, еще строже запретилъ кого нибудь ко мнѣ впускать; самъ же онъ продолжалъ по часту сидѣть у моей постели, рассказывать о такихъ новостяхъ, которыя, по его мнѣнію, могли меня развлекать безъ обремененія моихъ умственныхъ силъ, въ особенности же объ участіи, которое возбудила моя болѣзнь во всѣхъ сословіяхъ, и о письмахъ, полученныхъ по случаю ея изъ разныхъ городовъ. Это общее участіе превзошло всѣ самыя тщеславныя мои надежды; домъ мой сдѣлался мѣстомъ сборища для бѣдныхъ и для богатыхъ, для знатныхъ и для людей, совершенно независимыхъ по своему положенію, для дамъ высшаго общества, какъ и для простыхъ мѣщанокъ: всѣ хотѣли знать, что со мною дѣлается; лѣстница была уставлена людьми, присылавшимися отъ своихъ господъ, а улица передъ домомъ—толпами народа, приходившими навѣдываться о моемъ здоровьѣ.

Государь, выходя отъ меня, лично удостоивалъ передавать имъ самыя свѣжія вѣсти.

Въ православныхъ церквахъ просили священниковъ молиться за меня; такія же молитвы произносились въ лютеранскихъ и армянскихъ церквахъ, даже въ магометанскихъ мечетяхъ и еврейскихъ синагогахъ.

Наконецъ, монархи прусскій, австрійскій и шведскій, равно какъ и высшее общество ихъ столицъ, осыпали меня лестными знаками своего вниманія.

Словомъ, я имѣлъ счастье заживо услышать себѣ похвальное надгробное слово, и это слово, величайшая награда, какой можетъ удостоиться человѣкъ на землѣ, состояло въ слезахъ и сожалѣніяхъ бѣдныхъ, сирыхъ, невѣдомыхъ, въ общемъ всѣхъ соболѣзновѣніи и особенно въ живомъ участіи моего царя, который своимъ сокрушеніемъ и нѣжными заботами являлъ мнѣ лучшій и высшій знакъ своего милостиваго благорасположенія. При той должности, которую я занималъ, это служило, конечно, самымъ блестящимъ отчетомъ за 11-ти-лѣтнее мое управленіе, и думаю, что я былъ едва ли не первый изъ всѣхъ начальниковъ тайной полиціи, котораго смерти страшились и котораго не преслѣдовали на краю гроба ни одною жалобою. Эта болѣзнь была для меня истиннымъ торжествомъ, подобнаго которому еще не испытывалъ никто изъ нашихъ сановниковъ. Двое изъ моихъ товарищей, стоявшіе на высшихъ ступеняхъ службы и никогда не скрывавшіе ненависти своей къ моему мѣсту, къ которой, быть можетъ, немного примѣшивалась и зависть къ моему значенію у престола, оба сказали мнѣ, что кладутъ оружіе передъ этимъ единодушнымъ сочувствіемъ публики, и съ тѣхъ поръ оказывали мнѣ постоянную пріязнь.

Но болѣе всѣхъ наслаждался этимъ торжествомъ государь, видѣвшій въ немъ одобреніе своего выбора и той твердости, съ которою онъ поддерживалъ меня и мое мѣсто противъ всѣхъ зложелательныхъ внушеній.

Недѣли черезъ три, когда меня перенесли изъ спальни въ залу, въ которой я лежалъ еще на диванѣ въ халатѣ, почтила меня посѣщеніемъ наша ангель-императрица, и наслѣдникъ цесаревичъ удостоивалъ навѣдываться ко мнѣ не одинъ разъ.

Мало-по-малу, съ теченіемъ времени, опасность миновала; но выздоровленіе шло чрезвычайно медленно, и, что главное, не возвращались силы. Врачи настаивали на поѣздкѣ въ чужіе края, но я рѣшительно объявилъ, что поѣду только въ любезный мой Фалль. Государь, располагая предпринять въ концѣ іюля продолжительное путешествіе на югъ имперіи и въ Закавказье и непременно желая имѣть меня съ собою, твердилъ мнѣ безпрестанно о принятіи всевозможныхъ мѣръ и предосторожностей въ теченіе лѣта, чтобы быть въ силахъ ему сопутствовать.

Наконецъ, 12-го мая, подвезли меня къ казенному пароходу, на которомъ я долженъ былъ совершить мой переѣздъ моремъ. Вся англійская набережная была усыпана зрителями и лицами, собравшимися взглянуть на меня и пожелать мнѣ добраго пути. Эти проводы были для меня очень трогательны, но истощили мои послѣднія силы. Многіе знакомые и даже люди посторонніе провожали меня до Кронштадта.

Такъ какъ петербургскіе мои врачи находили, что воздухъ Фалля, по возвышенности положенія моего имѣнія, можетъ въ первые дни быть для меня вреденъ, то государь приказалъ, чтобы на эти дни приготовили мнѣ въ Ревелѣ его Екатерининтальскій дворецъ. Когда меня привезли туда, тамъ уже ждалъ фельдъегерь, присланный отъ его величества освѣдомиться, какъ я совершилъ морское мое путешествіе.

Въ Фаллѣ силы мои стали видимо возвращаться, и черезъ нѣсколько недѣль мнѣ уже позволялось бродить, хотя все еще съ большою осторожностію, по неподобнымъ моимъ рощамъ и садамъ. Это былъ еще первый совершенный покой, которымъ дано было мнѣ наслаждаться послѣ 38-ми лѣтъ дѣятельной службы. Я собирался возвратиться въ Петербургъ къ 25-му іюня, дню рожденія государя, но онъ положительно мнѣ это запретилъ, требуя, чтобы я пріѣхалъ, какъ и прежде предполагалось, въ концѣ іюля. Почти ежедневно его величество присылалъ ко мнѣ нарочнаго курьера, и его письма сохраняются въ Фаллѣ, какъ драгоценное доказательство монаршаго ко мнѣ благоволенія.

12-го іюля, я оставилъ Фалль и, чтобы испытать мои силы, проѣхалъ до Петербурга не останавливаясь. Императорская фамилія была на маневрахъ въ Красномъ Селѣ, куда и я отправился. Императрица, увидѣвъ меня съ балкона своего дворца, позвала къ себѣ, а, нѣсколько минутъ спустя, вошелъ государь и заключилъ меня въ свои объятія. Мы ушли къ нему въ кабинетъ, и онъ сталъ разспрашивать о моемъ здоровьѣ; я съ сокрушеннымъ сердцемъ принужденъ былъ сознаться, что мои силы еще не позволяютъ думать о дальней и утомительной поѣздкѣ, и что вмѣсто какой нибудь пользы отъ меня могли бы послѣдовать въ ней лишь хлопоты и остановка. Онъ велѣлъ позвать Арендта, который объявилъ, что такое путешествіе убьетъ меня, и что мнѣ необходимо еще нѣсколько мѣсяцевъ покоя. Государь раздѣлялъ и самъ это мнѣніе и милостиво изъявилъ сожалѣніе свое о томъ, что не можетъ взять меня съ собою. Рѣшено было, что въ путешествіи мое мѣсто займуть графъ Орловъ. Онъ находился въ то время въ Лондонѣ, куда посланъ былъ поздравить молодую королеву Викторію съ восшествіемъ ея на престолъ; но его вскорѣ ждали обратно. Я съ моей стороны поѣхалъ въ Петербургъ осмотрѣться въ моихъ канцеляріяхъ, уже цѣлые пять мѣсяцевъ мною заброшенныхъ, и вступилъ въ исправленіе обычной моей должности.

31-го іюля, императрица отправилась въ Москву, гдѣ ее ожидалъ цесаревичъ, уже возвратившійся изъ Сибири. Государь въ тотъ же день поѣхалъ черезъ Цесковъ, Динабургъ, Ковно, Вильно, Бобруйскъ и Кіевъ въ Вознесенскъ, гдѣ впоследствии соединились съ нимъ императрица и цесаревичъ, а я вернулся въ Фалль, горюя о томъ, что мнѣ не удастся быть съ его величе-

ствомъ въ Грузіи, гдѣ я впервые началъ боевую службу, и въ Землѣ Войска Донскаго, посреди котораго оставалось еще столько храбрецовъ, моихъ сотоварищей на полѣ битвъ.

Императрица на пути своемъ изъ Москвы въ Вознесенскъ посѣтила Воронежъ и остановилась прямо у собора, въ которомъ почиваютъ мощи святителя Митрофанія; вечеромъ она съ великою княжною Маріею Николаевною и княземъ Волконскимъ вторично посѣтила соборъ, гдѣ провела цѣлый часъ въ уединенной молитвѣ, и наконецъ, на слѣдующее утро, передъ самымъ своимъ выѣздомъ, снова туда заѣхала. Вѣсть объ этомъ благочестивомъ поклоненіи императрицы новопрославленному святителю разнеслась по всѣмъ концамъ Россіи и исполнила радости сердца всего православнаго ея населенія.

Въ концѣ сентября я возвратился изъ Фалля, чтобы снарядить въ путь великихъ княженъ Ольгу и Александру Николаевнъ и трехъ младшихъ великихъ князей. Они ѣхали въ Москву для встрѣчи тамъ сначала ихъ августѣйшей родительницы, а потомъ родителя. Все это юное поколѣніе жило въ Царскомъ Селѣ и приняло меня съ тою радостію, съ какою молодость всегда привѣтствуетъ вѣсть о всякой поѣздкѣ. Мы отправились вмѣстѣ и спокойно ѣхали до Москвы цѣлыхъ шесть сутокъ. Для меня такой образъ путешествія былъ совершенною новостью. Тремя днями послѣ насъ прибыла въ Кремлевскій дворецъ и императрица.

При дворѣ въ это время крайне безпокоились о государѣ, зная, что онъ за Кавказомъ, откуда обратный путь его лежалъ черезъ горы, обитаемыя непріязненнымъ намъ населеніемъ. Одинъ я, которому были извѣстны нравы этихъ горцевъ, ихъ благоговѣніе къ имени русскаго царя, никогда не обвиняемаго ими въ злоупотребленіяхъ или строгости его чиновниковъ и, напротивъ, составляющаго единственную ихъ надежду на лучшую будущность,—одинъ я утверждалъ, что жизнь государя безопаснѣе между этими полудикими племенами, чѣмъ была бы въ образованныхъ странахъ Европы, гдѣ демагогія уже полвѣка какъ подрыла уваженіе къ коронованнымъ главамъ и готова посягнуть на того, который одинъ могущественною своею рукою охраняетъ и троны и спокойствіе народовъ.

Предвидѣніе мое оправдалось. 28-го октября, вечеромъ, государь благополучно прибылъ въ Москву вмѣстѣ съ августѣйшимъ своимъ наслѣдникомъ.

Государь принялъ меня необыкновенно милостиво и ласково, говоря, что онъ, несмотря на всю заботливость о немъ графа Орлова, на каждомъ шагу чувствовалъ мое отсутствіе. Потомъ его величество велѣлъ мнѣ быть у него на слѣдующее утро вмѣстѣ съ великимъ княземъ наслѣдникомъ и военнымъ министромъ, графомъ Чернышевымъ. Въ это утро, въ продолженіе трехъ часовъ,

3\*

потомъ опять вечеромъ съ 7-ми до 9-ти и наконецъ еще на слѣдующій день утромъ, отъ 8-ми до 11-ти, онъ разсказалъ намъ всю свою поѣздку, день за днемъ, съ необыкновенною ясностію, точностію и подробностію.

Возвратившись къ себѣ я поспѣшилъ положить его разсказъ на бумагу. Вотъ, но только въ краткомъ очеркѣ, сущность слышаннаго мною въ продолженіе этихъ восьми часовъ. Я ввожу здѣсь государя въ первомъ лицѣ, какъ будто бы разсказъ былъ имъ самимъ записанъ.

«Я остановился, за двѣ версты не доѣзжая Пскова, чтобы осмотрѣть строящіяся тутъ, вблизи шоссе, прекрасныя зданія полковыхъ штабовъ 2-й гренадерской дивизіи, а въ самомъ Псковѣ осматривалъ городскую больницу, тюремный замокъ, полубаталіонъ военныхъ кантонистовъ, гимназію съ принадлежащимъ къ ней пансіономъ и четыре баталіона 1-й пѣхотной дивизіи.

«Въ Динабургѣ, куда мы пріѣхали 2-го августа въ 6 часовъ вечера, я, кромѣ 2-й пѣхотной дивизіи и гренадерскаго сапернаго баталіона, подробно осмотрѣлъ вновь построенный арсеналъ, провіантскіе магазины и крѣпостныя работы. Все идетъ тамъ прекрасно; но весенніе разливы еще продолжаютъ много портить, а укрѣпленіе песчанаго грунта валовъ потребуетъ еще немало издержекъ и трудовъ. Шоссе, выходящее изъ тетъ-де-пона, безподобно и много краситъ мѣстность.

«Въ Ковно мы прибыли 4-го августа въ 2 часа утра, и я сдѣлалъ маневры собранному тамъ 1-му корпусу, которымъ остался очень доволенъ. Окрестности Ковна представляютъ превосходную мѣстность для смотровъ и ученій, довольно притомъ обширную и разнообразную, на которой можно маневрировать въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ.

«Тутъ случилось происшествіе, очень меня огорчившее, а все-таки прекрасное. Маневры заключились штурмомъ города, и голова колонны, подъ командою дивизионнаго начальника Мандерштерна, остановилась на самомъ берегу Нѣмана, отъ котораго прымы, чтобы придать всему больше сходства съ настоящею войною, отведены были къ противоположному берегу. Проѣзжая мимо этого отряда, я сказалъ въ шутку: «Ну, что жъ, только-то! Чего вы тутъ ждете?». И вдругъ Мандерштернъ, принявъ сказанное мною за приказаніе, далъ лошади шпоры и исчезъ въ глубинѣ рѣки, а за нимъ бросилась и вся первая рота. Съ большимъ трудомъ вытащили его изъ воды; къ счастью, никто не утонулъ; но бѣднякъ Мандерштернъ, уже безъ того страдавшій отъ старыхъ ранъ, схватилъ жестокою горячку. На другой день я пошелъ къ нему, чтобы освѣдомиться о его здоровьѣ и попенять за то, что онъ принялъ мои слова за серіозныя. Позднѣйшія извѣстія о немъ, благодаря Богу, совершенно успокоительны; но эта черта показываетъ челоуѣка!

«Оставивъ Ковно 9-го числа, осмотрѣвъ по пути бывшую греко-уніатскую, а теперь нашу православную Почаевскую лавру, я въѣхалъ въ Вильну въ 10 часовъ вечера. Всѣ улицы были наполнены народомъ, принявшимъ меня съ изъявленіями большой радости; это—вещь, которая не приказывается и которая все-таки хороша, хотя я не слишкомъ рассчитываю на привязанность ко мнѣ этихъ молодцовъ. Благодаря генераль-губернатору, князю Долгорукову, городъ много выигралъ относительно опрятности и вида довольства.

«Утромъ рано, помолясь въ соборѣ, я зашелъ въ католическій кафедральный соборъ, гдѣ ждали меня ксендзы съ крестомъ и святою водою, а потомъ смотрѣлъ два баталіона егерскаго князя Кутузова полка. Цитадель совершенно господствуетъ надъ городомъ, и мы поступили очень хорошо, поставивъ ее здѣсь, на случай если бы этимъ господамъ вздумалось опять зашалить.

«По осмотрѣ военнаго госпиталя, я принялъ гражданскихъ и военныхъ начальниковъ, дворянство и духовенство. Католическому архіерею я внушилъ строгимъ тономъ, какъ важны его обязанности, и какъ духовенство должно подавать собою прихожанамъ примѣръ доброй нравственности и преданности правительству. Съ дворянами я говорилъ и о прошедшемъ и о томъ, что будущее въ ихъ рукахъ, и что оно зависитъ отъ ихъ покорности и удаленія отъ себя нелѣпыхъ надеждъ на національную самобытность, возбуждаемыхъ, къ собственной ихъ гибели, преступными безумцами. Очень знаю тайныя объ этомъ мысли мѣстныхъ дворянъ, но были бы они только спокойны, а остальное придетъ, вѣроятно, съ слѣдующимъ поколѣніемъ.

«Видѣлъ я также бывший университетъ, преобразованный теперь въ медико-хирургическую академію, и нашелъ, что воспитанники имѣютъ надлежащій видъ и сдѣлали большіе успѣхи въ русскомъ языкѣ. Директоръ отлично ведетъ свое дѣло. Наконецъ, осматривалъ я еще обѣ гимназіи, больницу сестеръ милосердія, римско-католическую духовную академію, благородный пансіонъ и богоугодныя заведенія: все хорошо и въ порядкѣ.

Былъ приготовленъ парадный балъ, и всѣ чрезвычайно желали, чтобы я на немъ присутствовалъ и тѣмъ явилъ какъ бы забвеніе всего прошлаго; но мнѣ показалось, что послѣ всѣхъ надѣланныхъ ими гадостей это еще слишкомъ рано. Дамы, собиравшіяся соблазнить меня, очень огорчились моимъ отказомъ; но я долженъ сказать, что вообще принимали меня въ городѣ съ улыбающимися лицами, и народъ при всѣхъ моихъ выѣздахъ усердно вокругъ меня толпился.

Послѣ обѣда я отправился въ Бобруйскъ черезъ Минскъ, гдѣ остановился только у собора. Этотъ городъ нисколько не украшается и попрежнему скученъ и бѣденъ.

«До Бобруйска мы добрались поздно ночью. Утромъ 12-го августа я смотрѣлъ 5-ю пѣхотную дивизію и крѣпостныя работы. И здѣсь, и въ Динабургѣ я всегда люблюсь ими съ особеннымъ удовольствіемъ; все мною посаженное уже разрослось въ огромныя деревья, особенно итальянскіе тополи. Госпиталь меня взбѣсилъ. Представьте себѣ, что чиновники заняли для себя лучшую часть зданія, и то, что предназначалось для больныхъ, обращено въ залы г.г. зрителя и докторовъ. За то я коменданта посадилъ на гауптвахту, зрителя отрѣшилъ отъ должности и всѣхъ отдѣлалъ по-своему.

«На слѣдующій день, по осмотрѣ двухъ саперныхъ баталіоновъ и временнаго госпиталя, мы, отстоявъ обѣдню въ лагерѣ, пустились въ Черниговъ, гдѣ я только зашелъ въ соборъ, и 14-го августа въ 9 часовъ вечера вышли у Печерской лавры въ Кіевъ.

«Я побранилъ графа Гурьева, который вмѣсто того, чтобы встрѣтить передъ лаврою, дожидался у отведенной для меня квартиры, на правомъ флангѣ почетнаго караула. Мой выговоръ ему не полюбился, но онъ былъ заслуженный. Поутру я смотрѣлъ 3-й корпусъ, который вполне меня удовлетворилъ, слушалъ обѣдню въ лаврѣ, посѣтилъ возобновленный Софійскій соборъ, былъ въ Михайловскомъ Златоверховскомъ монастырѣ и объѣхалъ городъ. Последній улучшается съ каждымъ годомъ, и надо отдать справедливость графу Левашеву, въ управленіе котораго было пропасть сдѣлано къ его украшенію. Арсеналь, богато всѣмъ снабженный, есть, конечно, одно изъ красивѣйшихъ зданій въ своемъ родѣ.

«16-го августа, я дѣлалъ маневры 3-му корпусу и обозрѣвалъ работы по возведенію крѣпости, которая заключить въ себя весь Кіевъ, для охраненія тамошнихъ огромныхъ военныхъ запасовъ. Работы подвигаются, но медленно, за встрѣчающимися на каждомъ шагѣ мѣстными препятствіями; строятъ хорошо, и открытый мною камень лучше мрамора. Работа по постройкѣ постояннаго моста черезъ Днѣпръ представляетъ большія трудности и будетъ стоить громаднхъ суммъ; но нечего дѣлать: это предметъ первостепенной важности.

«Военные госпитали я нашель въ отличномъ состояніи; университетъ развивается; число студентовъ возрастаетъ, и русскій языкъ идетъ успѣшно; но случаются еще глупыя польскія выходки. У нѣсколькихъ студентовъ нашли пасквильные стишонки, и хотя этому ребячеству не придали очень справедливо большей важности, чѣмъ оно заслуживало, однако надо держать ухо востро. Попечитель хорошій человекъ, но не довольно энергическій; я приказалъ написать Уварову (министру народнаго просвѣщенія), чтобы онъ пріѣхалъ сюда лично на все взглянуть и дать всему должное направленіе. Впрочемъ у студентовъ порядочный видъ; они смотрѣли на меня съ удовольствіемъ, и многіе изъ нихъ русьютъ, что не слишкомъ нравится нѣкоторымъ изъ родителей.



«Послѣ обѣда, поклоняясь святымъ мощамъ въ пещерахъ, я отправился въ Вознесенскъ, куда прибылъ 17-го августа, въ 11-ть часовъ ночи, къ общему удивленію, потому что меня ждали пятью днями позже; зато и пріѣхалъ я первый изъ всѣхъ».

Прерву на минуту рассказъ государя, чтобы объяснить цѣль его пріѣзда въ Вознесенскъ. На огромной тамошней равнинѣ, орошаемой Бугомъ, предназначенъ былъ сборъ колоссальныхъ массъ кавалеріи. 1-й, 2-й и 3-й кавалерійскіе корпуса, сводный корпусъ изъ двухъ дивизій, принадлежавшихъ къ пѣхотнымъ корпусамъ, дивизія 40 эскадроновъ, образованныхъ изъ безсрочно-отпускныхъ восьми сосѣднихъ губерній, и резервные эскадроны всей кавалеріи собраны и расположены были съ принадлежащею къ нимъ артиллеріею въ окрестностяхъ Вознесенска.

Къ кавалеріи еще присоединились 12 резервныхъ баталіоновъ 5-го корпуса и 16 баталіоновъ съ 3-мя батареями артиллеріи, составленныхъ изъ безсрочныхъ тѣхъ же восьми губерній.

Неусыпными трудами графа Витга мѣстечко Вознесенскъ, до-тогдѣ лишь штабъ-квартира одного изъ кирасирскихъ полковъ, было менѣе, чѣмъ въ годъ, превращено въ настоящій городъ, съ дворцомъ для царской фамилии, обширнымъ садомъ, театромъ, около двухъ десятковъ большихъ домовъ для знатныхъ особъ и до полтораста меньшихъ для свиты и для приглашенныхъ на этотъ смотръ генераловъ и офицеровъ. Тутъ было соединено все, что только могло потребоваться для комфорта и даже для утонченной роскоши. Меблировка дворца представляла образецъ лучшаго вкуса, и изъ Одессы и Кіева были выписаны торговцы всѣхъ родовъ и лучшіе рестораторы. Для гостей было приготовлено до 200 экипажей и 400 верховыхъ лошадей. Прибавлю, что всѣ зданія были каменные и построены чрезвычайно прочно. Все имѣло видъ настоящаго волшебства!

Зрителями явились въ Вознесенскъ: изъ своихъ, кромѣ императрицы, наследника, великаго князя Михаила Павловича съ супругою и великой княжны Маріи Николаевны, множество корпусныхъ и дивизионныхъ командировъ изъ всей арміи, нѣсколько гвардейскихъ генераловъ и почти всѣ генералъ—и флигель-адъютанты; изъ иностранцевъ: австрійскій эрцъ-герцогъ Іоганнъ; прусскіе принцы Августъ и Адальбертъ; принцъ Фридрихъ Виртембергскій; герцогъ Бернгардъ Веймарскій съ своимъ сыномъ; герцогъ Лейхтенбергскій изъ Баваріи; австрійскій посолъ, графъ Фикельмонъ, и генералы австрійскіе: князь Виндишгрецъ и Гаммерштейнъ съ 24-мя офицерами, и прусскіе: Натцмеръ и Вирнеръ съ 8-ю офицерами, англійскій генералъ Арбутнотъ, два датскихъ офицера и отъ султана Муширь-Ахметъ-паша съ 6-ю офицерами.

Всѣ эти господа пріѣзжали постепенно, и для нихъ всѣхъ до-стало помѣщеній, экипажей и лошадей.

Этотъ огромный военный сборъ сильно занялъ чужестранные журналы и навелъ безпокойство на кабинеты парижскій и лондонскій, при вѣчной ихъ подозрительности къ Россіи. Австрія и Пруссія, хотя имъ ближе были извѣстны планы нашего правительства, тоже, однако, остались не совсѣмъ довольны показомъ съ нашей стороны такихъ силъ и, въ завистливости своей, всячески старались увѣрить и себя и другихъ, что тутъ гораздо менѣе войска, чѣмъ утверждаютъ, и что притомъ оно дурно обучено.

Одна Турція, вполнѣ довѣряя императору Николаю, какъ своему благодѣтелю и спасителю, не обнаруживала никакого неудовольствія противъ такого чрезвычайнаго сбора войскъ близъ ея границъ, а посолъ султана, съ многочисленною своею свитою, видѣлъ для Оттоманской Порты въ развитіи нашихъ военныхъ силъ скорѣе оплотъ, нежели какую либо опасность.

«Я не утерпѣлъ,—продолжалъ государь,—чтобы не взглянуть на собранныя войска тотчасъ же по прибытіи и на слѣдующее утро былъ уже среди нихъ. Безконечная долина казалась нарочно созданною для совокупленія на ней такой огромной силы, и не могу вамъ выразить, что я чувствовалъ, подѣхавъ къ ней. 350 эскадроновъ со 144-мя конными орудіями, вытянутые въ пять линій, представляли зрѣлище такое величественное и новое, что первую мою мыслию было возблагодарить вмѣстѣ съ ними Бога! Поразительно было смотрѣть на громадную массу всадниковъ, обнажившихъ головы для молитвы. Въ эту минуту я гордился принадлежать имъ и быть ихъ начальникомъ. Послѣ молебствія войска прошли передо мною церемоніальнымъ маршемъ; все блистало красотою и выправкою: люди, лошади, обмундировка, сбруя, все казалось вылитымъ по одному образцу. Я вполнѣ наслаждался, и видѣнное тутъ превзошло мои ожиданія. Духъ этого войска тоже превосходный, потому что такого блестящаго состоянія можно достигнуть только ревностнымъ и совокупнымъ усердіемъ начальниковъ и солдатъ. Они приняли меня съ восторгомъ, выразившимся на всѣхъ лицахъ. Мнѣ уже не было причины сомнѣваться относительно впечатлѣнія, которое этотъ сборъ войскъ произведетъ на иностранцевъ.

«19-го августа, я смотрѣлъ пѣхоту, и она хороша, а баталіоны безсрочныхъ—превосходны.

«На другой день я дѣлалъ маневры всей кавалеріи и боялся, что ея численность меня затруднить, но люди такъ хорошо выучены, а начальники такъ внимательны, что все шло въ совершенствѣ.

«Послѣ обѣда я осматривалъ госпитали, устроенные по случаю сбора такой массы людей въ одномъ мѣстѣ; найденный въ нихъ порядокъ не оставлялъ ничего желать лучшаго. Впослѣдствіи было немало больныхъ глазами, отъ пыли и жары.

«21-го августа, драгунскія дивизіи и артиллерійскія батареи производили въ моемъ присутствіи стрѣльбу въ цѣль. Видно, что онѣ надъ этимъ порядочно поработали: мишени были всѣ разстрѣляны.

«22-го августа, въ день моей коронаціи, я слушалъ обѣдню въ пѣхотномъ лагерѣ, а послѣ обѣда мнѣ показывали конскіе заводы поселенныхъ полковъ. Кобылы хороши, и есть нѣсколько замѣчательныхъ жеребцовъ; только въ породѣ для кирасиръ остается еще желать улучшенія.

«23-го августа, въ 8-мь часовъ утра, сидя у эрцъ-герцога Иоганна, я велѣлъ ударить тревогу, и менѣ чѣмъ въ полчаса все было въ строю и подъ ружьемъ.

«27-го августа, рано утромъ я выѣхалъ навстрѣчу къ императрицѣ, съ которою и вернулся въ Вознесенскъ. Насъ встрѣтили передъ городомъ, верхами, всѣ генералы и штабъ-офицеры, какъ изъ числа гостей, такъ и принадлежавшіе къ войскамъ, расположеннымъ въ лагерѣ, что составило огромнѣйшую свиту. Ночью пріѣхалъ и старшій мой сынъ, прямо изъ Сибири. Вы можете себѣ представить, какъ я радъ былъ съ нимъ увидѣться. Саша много выигралъ отъ этой поѣздки и совершенно возмужалъ.

«Жена моя присутствовала при большомъ парадѣ, который удался еще лучше перваго, сдѣланнаго мною въ видѣ ренетиціи. Иностранцы были изумлены красотою и выправкою нашихъ войскъ, которыя могли поспорить съ гвардіею, а въ отношеніи къ подбору и выѣздкѣ лошадей еще чуть ли не стояли выше ея. Потому были у насъ ученія и маневры».

Государь разсказалъ ихъ во всей подробности и при этомъ обнаружилъ удивительную память, передавъ всѣ ихъ частности.

«Наконецъ, пришлось разстаться съ Вознесенскомъ, гдѣ въ продолженіе двухъ недѣль я испытывалъ одни наслажденія; признаюсь, что разставаніе съ этимъ прекраснымъ и добрымъ войскомъ мнѣ было очень тяжело. Простившись со всѣми и поблагодаривъ графа Витта, который въ этомъ случаѣ выказался истиннымъ волшебникомъ, я 4-го сентября, въ полдень, выѣхалъ въ Николаевъ, а жена съ Мери <sup>1)</sup> отправились прямо въ Одессу.

«Въ Николаевѣ я началъ съ осмотра Минскаго пѣхотнаго полка, который нашелъ въ крайне дурномъ положеніи, въ такомъ дурномъ, что, благодаря Бога, уже давно ничего подобнаго не видывалъ. Николаевъ улучшился, и выстроенныя въ немъ новыя зданія очень хороши. Госпитали, казармы, гидрографическое депо, штурманское училище, кабинетъ моделей въ адмиралтействѣ, магазины и мастерскія—все это очень меня удовлетворило. На верфи строятся два линейныхъ корабля, одинъ 120-ти, другой 80-ти-пу-

<sup>1)</sup> Такъ императоръ Николай всегда называлъ свою дочь Марію Николаевну.

шечный, которые будутъ безподобны. При мнѣ спустили три транспортныхъ судна, и потомъ я присутствовалъ при посаженіи на суда двухъ сотенъ Азовскихъ казаковъ, которыхъ повезли на Кавказскій берегъ.

«По прибытіи изъ Николаева въ Одессу я 6-го сентября вмѣстѣ съ Сашею и братомъ Михаиломъ посѣтилъ соборъ, гдѣ жена моя уже была наканунѣ, послѣ чего смотрѣлъ на площади два баталіона Подольскаго егерскаго полка. Они оказались не лучше полка, видѣннаго мною въ Николаевѣ, за что досталось отъ меня не на шутку генералу Муравьеву <sup>1)</sup>).

«Одесса чрезвычайно украсилась со времени моего послѣдняго въ ней пребыванія, и меня поразило множество новыхъ, изящныхъ въ ней зданій. Не могу не отдать полной справедливости графу Воронцову: онъ сдѣлалъ просто чудеса. Я только не скрылъ отъ него, что остался не доволенъ полиціею: она совершенно бездѣйствуетъ, и тотчасъ видно, что не умѣетъ заставлять себя повиноваться. Вечеромъ городъ далъ намъ балъ, столько же изысканный и утонченный, какъ любой въ Петербургѣ.

«7-го сентября, я осмотрѣлъ въ подробности карантинъ, котораго устройство и порядокъ изумили иностранцевъ, и въ особенности эрцъ-герцога Юганна; это, конечно, одно изъ лучшихъ заведеній въ своемъ родѣ въ цѣлой Европѣ. Я поблагодарилъ и наградилъ карантинныхъ чиновниковъ <sup>2)</sup>). Осмотрѣвъ потомъ Дѣвичій институтъ благородныхъ дѣвицъ, которымъ управляетъ и который показывала мнѣ императрица, я обозрѣлъ еще тюремный замокъ, больницы и арестантскую роту.

«8-е сентября было посвящено осмотру учебныхъ заведеній. Ришельевскій лицей въ превосходномъ порядкѣ, и науки идутъ тамъ очень успѣшно; училища для евреевъ обоюго пола тоже хорошо содержатся.

«9-го сентября, въ 11 часовъ утра, императрица, Мери, наслѣдникъ и я вмѣстѣ съ нашими гостями отправились на пароходѣ «Сѣверная Звѣзда» въ Севастополь. Въ 25-ти миляхъ отсюда мы встрѣтили весь Черноморскій флотъ, вышедшій къ намъ навстрѣчу. Видъ былъ безподобный. Я велѣлъ судамъ сдѣлать нѣсколько построеній, которыя заключились общимъ салютомъ нашему пароходу, когда на немъ взвился императорскій флагъ.

«10-го сентября, мы ѣздили въ монастырь св. Георгія, выстроенный на отвѣсной скалѣ надъ моремъ, послѣ чего я инспек-

<sup>1)</sup> Николаю Николаевичу, командовавшему въ то время 5-мъ корпусомъ, вскорѣ потомъ оставившему службу, а впоследствии назначенному главнокомандующимъ на Кавказѣ и взявшему въ 1855 году Карсъ.

<sup>2)</sup> Противъ подчеркнутыхъ словъ императоръ Николай написалъ:

«Fort à tort, car grâce à leur négligence huit jours après la peste fut introduite dans la ville et, peu s'en est fallu, dans tout l'empire».

тировалъ часть пѣхоты 5-го корпуса, приходящую каждое лѣто въ Севастополь на крѣпостныя работы, и нашелъ ее столько же слабою по фронтовой части, какъ и представленную мнѣ въ Николаевѣ и Одессѣ. Это, поистинѣ, непростительно, и я не думалъ, что въ нашей арміи еще существуютъ подобныя войска.

«Работы въ гавани, быстро подвигающіяся впередъ, можно назвать исполинскими, и онѣ обратятъ Севастополь въ одинъ изъ первыхъ портовъ въ мірѣ, но еще много остается додѣлать. Теперь снимаютъ цѣлую каменную гору, чтобы выстроить тутъ адмиралтейство, казармы и прекрасную церковь. Водопроводъ для снабженія водою корабельныхъ доковъ есть также работа гигантская.

«Въ полдень я проводилъ мою жену на Сѣверную сторону, откуда она поѣхала въ Бахчисарай, а мы съ наслѣдникомъ осмотрѣли сперва Инкерманскую бухту,—часть того огромнаго залива, который образуетъ гавань, и въ которомъ было бы мѣсто укрыться всѣмъ европейскимъ флотамъ вмѣстѣ, а потомъ береговыя укрѣпленія. Милости просимъ теперь сюда англичанъ, если они хотятъ разбить себѣ носъ!

«12-го сентября, мы обошли сухопутные и морскіе госпитали, магазины и адмиралтейскія заведенія: все это такъ хорошо, какъ только позволяютъ то старыя и ветхія зданія.

«Утро 13-го сентября я употребилъ на подробный обзоръ флота и нашелъ его въ превосходнѣйшемъ положеніи касательно порядка, опрятности и выправки людей, но матеріальная часть еще отстала отъ Балтійскаго; есть суда старыя, но экипажи безподобны.

«Вечеромъ я поѣхалъ къ женѣ въ Бахчисарай. Находящійся здѣсь старинный ханскій дворецъ возобновленъ въ прежнемъ вкусѣ, и все убранство для него нарочно выписано изъ Константинополя. 14-го сентября, мы отправились все вмѣстѣ на южный Крымскій берегъ и, частью верхомъ, объѣхали этотъ край, прелестный и своими видами, и растительностью. Оконченное нами теперь шоссе—чудо: оно выровняло пропасти и головоломныя тропинки превратило въ спокойную дорогу, по которой ѣдутъ въ экипажахъ. Слѣдуя черезъ Артекъ, Массандру, Ялту и Оріанду, мы пріѣхали въ очаровательную Алупку графа Воронцова. Его замокъ еще не оконченъ, но онъ будетъ одною изъ прекраснѣйшихъ виллъ, какую только можно себѣ представить.

«Оставивъ тутъ у Воронцова мою жену, я самъ съ сыномъ въ Ялтѣ опять сѣлъ на «Сѣверную Звѣзду», которая повезла насъ къ азіатскимъ берегамъ. Вѣтеръ, уже и прежде довольно свѣжій, превратился почти въ бурю, и насъ ужасно качало. 21-го сентября утромъ мы, однакоже, добрались до Геленджика. Орудія изъ крѣпости и изъ лагеря генерала Вельяминова салютовали императорскому флагу и возвѣстили нашъ пріѣздъ Кавказскимъ горамъ, которыя еще впервые видѣли русскаго монарха. Вѣтеръ такъ вол-

новаль море, что мы съ большимъ лишь трудомъ могли спуститься въ шлюпку и причалить къ берегу; другая же шлюпка, которая везла нашихъ людей, принуждена была возвратиться къ пароходу <sup>1)</sup>.

«Мы отправились прямо въ лагерь, гдѣ войско ожидало насъ подъ ружьемъ. Но буря, все еще усиливавшаяся, такъ свирѣпствовала, что взводы въ буквальномъ значеніи шатались то взадъ, то впередъ; знамена держали по три, по четыре челоуѣка; даже я самъ, довольно, какъ вы знаете, сильный, едва могъ стоять на ногахъ и двигаться съ мѣста. Слѣдственно о церемоніальномъ маршѣ нельзя было и думать; за всѣмъ тѣмъ отрядъ представился прекрасно. Это—старые воины, съ воинственнымъ и внушающимъ довѣріе видомъ, и никогда ни одно войско не принимало меня лично съ такимъ восторгомъ; они замѣтно наслаждались при видѣ своего государя.

«Всѣ стихіи, повидимому, вооружились противъ насъ: вода, казалось, рвалась насъ поглотить, вѣтеръ дулъ съ невыразимою свирѣпостью, а тутъ еще въ прибавку надъ Геленджикомъ вспыхнуло пламя.

«Вельяминовъ тотчасъ поскакалъ на пожаръ, а за нимъ поѣхали мы.

«Горѣли провіантскіе магазины, а отъ нихъ занялось и сѣно, котораго было тутъ сложено нѣсколько милліоновъ пудовъ. Огонь и дымъ носились надъ артиллерійскимъ паркомъ, наполненнымъ порохомъ и заряженными гранатами. Мы ходили среди этого пламени, а солдаты съ величайшимъ хладнокровіемъ складывали снаряды въ свои шинели.

«Намъ захотѣлось ѣсть, но вѣтеръ опрокинулъ и обѣдъ и кухню. Вечеромъ я думалъ вернуться на пароходъ, но за бурю не представлялось къ тому никакой возможности. Надо было поневолѣ остаться съ голоднымъ желудкомъ и пережить въ дрянномъ, холодномъ домишкѣ, когда утихнетъ вѣтеръ.

«Я съѣздилъ осмотрѣть госпиталь и навѣстилъ генерала Штейбена (Steuben), опасно раненнаго въ одномъ изъ послѣднихъ дѣлъ противъ горцевъ. Боюсь, что мы потеряемъ этого храбраго офицера <sup>2)</sup>.

«Только на слѣдующій день, въ 5 часовъ послѣ обѣда, можно было возвратиться на пароходъ, который между тѣмъ также подвергался большой опасности. Я былъ радъ, что все это видѣлъ и мой сынъ, которымъ остался очень доволенъ при этомъ случаѣ.

«Въ 11 часовъ вечера мы бросили якорь передъ Анапою и 24

<sup>1)</sup> Императоръ Николай написалъ съ боку: «C'est faux».

<sup>2)</sup> «Je crois qu'il se trompe et que j'ai vu le général Steuben à Anapa». (Замѣтка императора Николая).

сентября съѣхали въ эту крѣпость, гдѣ я смотрѣлъ гарнизонъ и госпиталь. Въ 4 часа послѣ обѣда мы уже были въ Керчи. Этотъ городъ много выигрываетъ отъ каботажнаго судоходства и становится значительнымъ. Новая набережная въ немъ прекрасна, постоянно производимыя раскопки уже открыли много замѣчательныхъ предметовъ древности; музей все болѣе и болѣе наполняется, и нѣсколько любопытныхъ вещей будетъ отправлено въ Петербургъ, между прочимъ найденная въ одной гробницѣ золотая маска превосходной работы, изображающая женское лицо.

«Въ Керчи я простился съ Сашею. Онъ направился черезъ Алупку въ дальнѣйшее свое путешествіе по Россіи, а я на «Сѣверной Звѣздѣ» въ Редуть-Кале, куда прибылъ 27 сентября и гдѣ нашелъ главноуправляющаго барона Розена.

«Въ нѣсколькихъ верстахъ за этимъ гадкимъ, окруженнымъ болотами и нездоровымъ мѣстечкомъ, меня встрѣтилъ князь Дадіанъ, владѣтель Мингрели, съ многочисленною свитою. Его наружность и нарядъ были одинаково странны. При мѣстномъ своемъ костюмѣ онъ вздумалъ нахлобучить себѣ на голову нашу генеральскую шляпу.

«На ночлегъ мы прибыли въ селеніе Зугдиды, гдѣ приготовлено было для меня помѣщеніе во дворцѣ того же князя Дадіана, въ большой залѣ, раздѣленной красивыми занавѣсками на спальню и кабинетъ. Насъ приняла княгиня, жена владѣтеля, огромная и дюжая, на которую стоитъ только посмотреть, чтобы увѣриться, что распоряжается всѣмъ она, а не тщедушный ея сунругъ.

«Княгиня, впрочемъ, достойная женщина, оказавшая намъ большія услуги въ послѣднюю войну противъ турокъ, такъ что безъ нея, можетъ статья, поколебалась бы вѣрность къ Россіи ея мужа, на котораго дѣйствовали и Оттоманская Porta своими прельщеніями и нѣкоторые изъ его придворныхъ коварными совѣтами<sup>1)</sup>. Мингрельское дворянство приготовило для меня почетный караулъ, замѣчательный по нарядамъ и красотѣ людей. Они всѣ показали мнѣ большое усердіе и преданность, которыя въ этихъ племенахъ не могутъ быть притворными, и приняли меня съ добрымъ русскимъ «ура».

«На другой день князь Дадіанъ со всею его свитою проводилъ насъ до своихъ границъ, гдѣ ожидалъ меня управляющій Имеретіею съ своими князьями и дворянами, которые въ Кутаисѣ составили мой почетный караулъ. Ихъ наряды и вообще вся обстановка переносили меня въ сказочный міръ тысячи и одной ночи.

---

<sup>1)</sup> Подчеркнутыя слова замараны императоромъ Николаемъ и противъ нихъ написано:

«C'est faux».

«C'est du roman».

«29 сентября, рано утромъ, послѣ представленія мнѣ имеретинскаго архіепископа Софронія, митрополита Давида и разныхъ мѣстныхъ мелкихъ владѣльцевъ, я осмотрѣлъ госпиталь, уѣздное училище и казармы 10 линейнаго Черноморскаго баталіона, а въ 10 часовъ пустился въ дальнѣйшій путь, въ сопровожденіи всѣхъ этихъ князьковъ и дворянъ, ѣхавшихъ за мною до границы Грузіи.

«На Молицкомъ постѣ, гдѣ я ночевалъ, ждали грузинскій гражданскій губернаторъ и предводитель дворянства съ князьями и дворянами и съ окрестными почетными старшинами. Вся дорога отъ Редуть-Кале до Молицкаго поста, по которой въ прежнее время можно было пробираться съ трудомъ только пѣшеходу, вновь устроена стараніями барона Розена и, представляя совершенно удобный проѣздъ для экипажей, сблизила такимъ образомъ страны, хотя и смежныя, но не имѣвшія прежде между собою никакого сообщенія.

«30 сентября, мы приѣхали въ Сурамъ, а 1 октября въ 7 часовъ вечера въ Ахалцыхъ, прославившій нашего Паскевича. У «страшнаго окопа» меня привѣтствовали мѣстные беки и старшины переселенныхъ изъ Эрзерума армянъ. 2 октября, осмотрѣвъ городскія заведенія и мечеть, обращаемую въ православный соборъ, я отправился на ночь въ Ахалкалаки, а 3 въ Гумры, гдѣ приняли меня съ обычными привѣтствіями старшины армянъ, перешедшихъ сюда изъ Карса. Меня поразили огромныя работы, предпринятыя по сооруженію этой новой крѣпости, настоящаго оплота для Грузіи и пункта, откуда можно угрожать одновременно и Турціи и Персіи, которыхъ границы здѣсь почти сливаются. Мѣстоположеніе крѣпости единственное, на отвѣсной скалѣ, далеко господствующей надъ оттоманскими владѣніями. Каменная одежда уже вся окончена съ тою тщательностью, какую мы привыкли видѣть въ лучшихъ нашихъ крѣпостяхъ, и здѣсь надо было отдать полную справедливость барону Розену и инженеру, управлявшему работами, какъ за быстрогу возведенія послѣднихъ и превосходное ихъ очертаніе, такъ и за бережливость, почти невѣроятную, съ которою все это построено.

«Я пожелалъ лично положить первый камень въ основаніе церкви, которая будетъ сооружена во имя св. мученицы, царицы Александры, и перекрестилъ Гумры въ Александрополь.

«Въ этой ближайшей къ оттоманскимъ предѣламъ крѣпости нашей явился ко мнѣ эрзерумскій сераскиръ Магометъ-Аседъ-паша, присланный отъ султана съ привѣтствіемъ и съ богатыми дарами, состоявшими изъ лошадей, шалей и оружія. Онъ сказалъ мнѣ, что выбранъ для этой миссіи своимъ повелителемъ, какъ начальникъ смежныхъ турецкихъ областей, и присланъ за моими приказаніями.



«Въ деревнѣ Мастеры мы вступили въ Армянскую область. Ожидашіе меня тутъ армянскіе беки и мелики и курдскіе старшины сопровождали насъ до нашего ночлега въ Сардаръ-Абадѣ.

«Здѣсь край становится еще живописнѣе. Араратъ открывается во всемъ своемъ величіи, образуя задній планъ картины, и невольно переноситъ мысль къ воспоминанію о сѣдой старинѣ.

«Спустившись въ долину, я увидѣлъ передъ собою выстроенную къ бою неподобную конницу Кенгерли, въ однообразномъ одѣяніи и на чудесныхъ лошадяхъ; начальникъ ея Эсханъ-ханъ, подскакавъ ко мнѣ, отрапортовалъ по-русски, какъ бы офицеръ нашихъ регулярныхъ войскъ. Съ этою свитою я подѣхалъ къ знаменитому Эчміадзинскому монастырю, передъ которымъ встрѣтилъ меня армянскій патріархъ Іоанессъ—верхомъ. Сойдя съ лошади, онъ произнесъ рѣчь и потомъ опять, сѣвъ верхомъ, продолжалъ вмѣстѣ со мною шествіе къ стѣнамъ древней своей обители, этого капитолія армянской народности и религіи. Епископы и архимандриты, тоже всѣ верхами, придавали нашему поѣзду, что-то странное и почти театральное; лошадь патріарха вели подъ уздцы два шатира, или скорохода, а за нимъ ѣхало человѣкъ 50 почетной его стражи въ полумонашескомъ одѣяніи, и два духовныхъ сановника, одинъ съ его посохомъ, а другой съ хоругвей, что означало соединеніе въ лицѣ патріарха власти духовной съ свѣтскою и военною. Наконецъ, впереди всѣхъ патріаршіи конюшіи вель двухъ заводныхъ лошадей подъ богатыми попонами. Когда мы въ такой процессіи подѣхали къ стѣнамъ Эчміадзина, звонъ всѣхъ колоколовъ монастырскихъ и ближайшихъ церквей слился съ пѣніемъ духовныхъ стихиръ и съ криками народа, отовсюду сбѣжавшагося. Внѣ монастырской ограды стояли монахи, и два епископа во всемъ архіерейскомъ облаченіи поднесли мнѣ одинъ: приложиться чудотворную икону, а другой—хлѣбъ и соль. Патріархъ отдѣлился отъ меня у Сѣверныхъ воротъ собора, чтобы войти въ южныя и принять меня передъ алтаремъ, тоже въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ и со всѣмъ блескомъ своего сана. Здѣсь Іоанессъ произнесъ вторую привѣтственную рѣчь, и затѣмъ своды древняго храма огласились пѣніемъ стихиръ на срътеніе царя, не раздававшихся здѣсь въ теченіе семи вѣковъ. Приложась къ мощамъ, почивающимъ въ соборѣ болѣе тысячелѣтія, я все съ тою же многочисленною свитою обошелъ ризницу, синодальныя палаты, семинарію, типографію и трапезу, а потомъ зашелъ къ патріарху, который, призывая на меня и на мое потомство благословеніе Божіе, вручилъ мнѣ въ даръ часть живоворящаго креста Господня.

«По выходѣ изъ монастыря, своими богатствами не вполне отвѣтвшаго мнѣ ожиданіямъ, я сдѣлалъ смотръ конницы Кенгерли, которая сопровождала меня оттуда до Эривани. Здѣсь по-

молясь въ соборѣ <sup>1)</sup>, я удалился въ приготовленный для меня домъ, очень радуясь возможности наконецъ отдохнуть.

«6-го октября, я принялъ наследника персидскаго трона Валіята, дитя семи лѣтъ, при которомъ находился посоль отъ шаха. Посадивъ мальчика, очень хорошенькаго, къ себѣ на колѣни, я обратился къ послу съ весьма серьезною рѣчью, изъяснивъ ему, что всѣ его увѣренія прекрасны на словахъ, но что я не могу довѣрять имъ, пока Персія не только поощряетъ побѣги нашихъ солдатъ, но и образуетъ изъ нихъ особое войско, что я требую выдачи этихъ дезертировъ въ наискорѣйшемъ времени, безъ чего буду считать Персію въ непріязненныхъ къ намъ отношеніяхъ; наконецъ, что, строго наблюдая съ моей стороны всѣ трактаты, я сумѣю заставить и шаха къ точному ихъ исполненію. Впрочемъ мы разстались съ посломъ добрыми друзьями, и онъ подарилъ мнѣ отъ имени шаха прекрасныхъ лошадей, жемчугу и множество шалей.

«Переночевавъ въ этотъ день въ Чухлы, а 7-го въ Кади, а 8-го октября, въ 3 часа пополудни, имѣлъ торжественный въѣздъ въ Тифлисъ. Прибытіе мое было возвѣщено пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ; множество народа наполняло улицы и плоскія крыши домовъ, а разнообразіе богатыхъ одѣяній туземцевъ представляло прекрасный видъ. Не могу иначе изобразить вамъ радшіе сдѣланнаго мнѣ приема, какъ сравнивъ его съ встрѣчами, дѣлаемыми мнѣ всегда здѣсь, въ Москвѣ, и нельзя не дивиться, какъ чувства народной преданности къ лицу монарха не изгладились отъ того сквернаго управленія, которое, сознаюсь къ моему стыду, такъ долго тяготѣетъ надъ этимъ краемъ.

«Тифлисъ—большой и прекрасный городъ, съ азіатскою внутренностію, но съ предмѣстьями уже въ нашемъ вкусѣ и со многими домами, которые не обезобразили бы и Невскаго проспекта.

«Утромъ 9-го октября, помолясь въ Успенскомъ соборѣ, посреди огромнаго стеченія народа, я присутствовалъ при разводѣ отъ Эриванскаго карабинернаго полка, въ полдень принималъ хановъ и почетныхъ лицъ разныхъ горскихъ племенъ, собравшихся въ Тифлисъ къ моему приѣзду, и потомъ осматривалъ корпусный штабъ, больницу, арсеналъ, казармы Кавказскаго сапернаго баталіона, устроенную при немъ школу съ училищемъ для молодыхъ грузинскихъ дворянъ и тюрьму. Все оказалось въ отличномъ порядкѣ.

«10-го октября, я слушалъ обѣдню въ церкви св. Георгія и смотрѣлъ войска, составляющія тифлисскій гарнизонъ. Хороши, въ особенности артиллерія.

11-го октября, послѣ развода, бывшаго отъ своднаго учебнаго баталіона, и осмотра военнаго госпиталя, комиссаріатскаго депо и

<sup>1)</sup> «Que j'avais fait bâtir». (Замѣтка императора Николая).

шелкомотальной фабрики, я принялъ грузинскихъ князей и дворянъ, составлявшихъ мой конвой и теперь содержавшихъ караулъ передъ моею комнатою. Они явились верхомъ на лучшихъ своихъ коняхъ и въ богатѣйшихъ нарядахъ, и соперничали между собою въ скачкѣ и въ искусствѣ владѣть оружіемъ. Одинъ ловчѣе другого, и между ними было немало такихъ, которые свели бы съ ума нашихъ дамъ.

«Вечеромъ я присутствовалъ на довольно многолюдномъ балѣ. Дамы были большею частью въ національномъ костюмѣ, скрадывающимъ талью и вообще не слишкомъ граціозномъ, тогда какъ сами по себѣ многія изъ нихъ блестятъ истинно восхитительною красотою, чего нельзя сказать, по крайней мѣрѣ, въ массѣ обихъ умѣ.

«Видѣнное мною въ Грузіи вообще довольно меня удовлетворило. Положеніе дорогъ и Гумрійская крѣпость свидѣтельствуютъ о попечительности барона Розена, но въ администраціи есть разные закоренѣлые беспорядки, превосходящіе всякое вѣроятіе. Сенаторъ баронъ Ганъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ ревизующій этотъ край, открылъ множество вещей ужасныхъ, которыя, начавшись, впрочемъ, задолго до управленія барона Розена, должны были до крайности раздражить здѣшнее населеніе, сколько оно ни привыкло къ слѣпой покорности. Вездѣ страшное самоуправство и мошенничество. Въ числѣ прочихъ частей, и военные начальники позволяли себѣ неслыханныя злоупотребленія.

«Такъ князь Дадіанъ, зять барона Розена и мой флигель-адъютантъ, командовавшій полкомъ всего въ 16-ти верстахъ отъ Тифлисской заставы, выгонялъ солдатъ и особенно рекрутъ рубить лѣсъ и косить траву, нерѣдко еще въ чужихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и потомъ промышлялъ этою своею добычею въ самомъ Тифлисѣ, подъ глазами начальства; кромѣ того, онъ заставлялъ работать на себя солдатскихъ женъ и выстроилъ съ своими солдатами, вмѣсто казармы, мельницу, а въ отпущенныхъ ему на то значительныхъ суммахъ даже не подѣлился съ бѣдными нижними чинами; наконецъ этотъ молодчикъ сданныхъ ему 200 человекъ рекрутъ, вмѣсто того, чтобы обучать ихъ строю, заставилъ, босыхъ и необмундированныхъ, пасти своихъ овецъ, воловъ и верблюдовъ. Это было уже черезчуръ, и по дошедшему до меня о томъ первомъ свѣдѣніи я въ ту же минуту отправилъ на мѣста моего флигель-адъютанта Васильчикова, изслѣдованіемъ котораго все было раскрыто точно такъ, какъ я вамъ сейчасъ рассказалъ. Въ виду такихъ мерзостей надо было показать примѣръ строгаго взмеканія.

«У развода я велѣлъ коменданту сорвать съ князя Дадіана, какъ недостойнаго оставаться моимъ флигель-адъютантомъ, эксельбантъ и мой шифръ, а самого его тутъ же съ площади отправить въ Бобруйскую крѣпость для преданія неотложно военному суду.

«Не могу сказать вамъ, чего стоила моему сердцу такая строгость, и какъ она меня разстроила; но въ надеждѣ, поражая виновнѣйшаго изъ всѣхъ, собственнаго моего флигель-адъютанта и зятя главноуправляющаго, спасти прочихъ полковыхъ командировъ, болѣе или менѣе причастныхъ къ подобнымъ же злоупотребленіямъ, я утѣшался тѣмъ, что исполнилъ святой свой долгъ. Здѣсь это было бы дѣйствіемъ самовластнымъ, бесполезнымъ и предосудительнымъ; но въ Азіи, удаленной огромнымъ разстояніемъ отъ моего надзора, при первомъ моемъ появленіи передъ Закавказскою моею арміею, необходимъ былъ громовый ударъ, чтобы всѣхъ утѣшить и, вмѣстѣ, чтобы доказать храбрымъ моимъ солдатамъ, что я умѣю за нихъ заступиться. Впрочемъ, я вполнѣ чувствовалъ весь ужасъ этой сцены и, чтобы смягчить то, что было въ ней жестокаго для Розена, тутъ же подзвалъ къ себѣ сына его, преображенскаго поручика, награжденнаго Георгіевскимъ крестомъ за Варшавскій штурмъ, и назначилъ его моимъ флигель-адъютантомъ, на мѣсто недостойнаго его шурина.

«Я выѣхалъ изъ Тифлиса 12-го октября рано утромъ. Мнѣ дали кучера, который или не зналъ своихъ лошадей, или не умѣлъ ими править. Этотъ дуракъ началъ съ того, что сталъ ихъ стегать передъ спускомъ съ довольно большой крутизны, нѣсколько разъ прикасающейся къ краю бездонной пропасти. Вдругъ лошади понесли. Признаюсь вамъ, что минута была не шуточная. Опасность грозила очевидная, безъ всякаго средства спасенія; я всталъ въ коляскѣ, чтобы пособить кучеру сдерживать лошадей, однако напрасно; мнѣ пришла нелѣпная мысль выскочить изъ коляски, но Орловъ разумно догадался удержать меня. Мы уже видѣли передъ глазами смерть, какъ вдругъ сильнымъ толчкомъ опрокинулся экипажъ, и отбросило насъ въ сторону; я перекувыркнулся нѣсколько разъ и тѣмъ на этотъ разъ отдѣлался; Орловъ порядочно ушибся; коляска, опрокинувшись, легла на два пальца отъ пропасти, въ которую безъ этого паденія мы неминуемо были бы сброшены; а какъ коляска находилась близко отъ края дороги, доказательство вамъ то, что обѣ уносныя повисли надъ пропастью на однихъ недоузкахъ, удержанныя единственно тяжестью опрокинутаго экипажа. Мы встали на ноги, немножко ошеломленные нашимъ полетомъ, и возблагодарили Бога за чудесное спасеніе.

Между тѣмъ весь передокъ коляски былъ сломанъ. Такъ какъ у насъ въ Тифлисѣ имѣлась запасная, то я оставилъ на мѣстѣ Орлова распорядиться экипажами, а самъ продолжалъ путь верхомъ, на казачьей лошади, и упалъ всѣмъ, какъ снѣгъ на голову, въ Квишетъ, у подножія главнаго перевала Кавказскаго хребта.

«13-го октября, я сѣлъ опять на лошадь, чтобы переѣхать черезъ эту исполинскую цѣпь, отдѣляющую Европу отъ Азіи. Въ долину стояла еще прекрасная осень, а на горныхъ вершинахъ мы были

встрѣчены 6-ти-градуснымъ морозомъ, и наши лошади каждую минуту скользили. Дорога, проложенная черезъ эти горы, скалы и стремнины, есть одна изъ величайшихъ побѣдъ человѣческаго искусства съ природою. Вездѣ теперь можно ѣхать въ каретѣ четверкою въ рядъ, и только глазъ пугается окружающихъ ужасовъ.

«На ночлегѣ въ Владикавказѣ меня ожидали мой конвой черкесовъ и линейныхъ казаковъ, возвращавшихся изъ Петербурга по выслугѣ срока своей службы, и депутаты отъ разныхъ горскихъ племенъ. Надо бы видѣть взгляды, съ которыми мои молодцы казаки слѣдили за каждымъ движеніемъ этихъ господъ, изъ которыхъ, правда, у многихъ были настоящія разбойничьи рожи.

«Я растолковалъ депутатамъ, чего желаю отъ ихъ одноплеменниковъ, не для увеличенія могущества Россіи, а для собственнаго ихъ блага и для спокойствія ихъ семействъ; сказалъ имъ далѣе, что они, для удостовѣренія въ истинѣ моихъ словъ, могутъ спросить присутствующаго тутъ муллу, который, по моему повелѣнію, прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, чтобы учить магометанскому закону ихъ собратіи и дѣтей, вѣренныхъ моему воспитанію, наконецъ, заключилъ тѣмъ, что я требую только, чтобы они жили спокойно, наслаждаясь благами своей прекрасной родины, и не покушались бороться противъ неодолимой для нихъ силы русскаго оружія.

«Они, кажется, вразумились въ мои слова, и мы разстались пріятелями; притомъ всѣ изъявили желаніе проводить меня до Екатеринограда. Такимъ образомъ, въ моемъ конвоѣ было, по крайней мѣрѣ, вчетверо болѣе враговъ, чѣмъ своихъ, и всѣ усердствовали защищать меня противъ самихъ же себя. Все это представляло довольно любопытное зрѣлище. Нѣкоторые изъ отцовъ просили меня взять ихъ дѣтей на воспитаніе.

«Надо сказать, что до сихъ поръ мѣстное начальство принималось за свое дѣло совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ; вмѣсто того, чтобы покровительствовать, оно только утѣсняло и раздражало; словомъ, мы сами создали горцевъ, каковы они есть, и довольно часто разбойничали не хуже ихъ. Я много толковалъ объ этомъ съ Вельяминовымъ, стараясь внушить ему, что хочу не побѣдъ, а спокойствія; что и для личной его славы, и для интересовъ Россіи надо стараться пригнать горцевъ и привязать ихъ къ русской державѣ, ознакомивъ этихъ дикарей съ выгодами порядка, твердыхъ законовъ и просвѣщенія; что безпрестанныя съ ними стычки и вѣчная борьба только все болѣе и болѣе удаляютъ ихъ отъ насъ и поддерживаютъ воинственный духъ въ племенахъ, безъ того любящихъ опасности и кровопролитіе.

«Я самъ тутъ же написалъ Вельяминову новую инструкцію и приказалъ учредить въ разныхъ пунктахъ школы для дѣтей гор-

цевъ, какъ вѣрнѣйшее средство къ ихъ обрусѣнію и къ смягченію ихъ нравовъ. Надѣюсь, что Вельяминовъ меня понялъ, и впередъ дѣло пойдетъ лучше. Розенъ сдѣлалъ много хорошаго, но по слабости своей еще больше попустилъ безпорядковъ и злоупотребленій, такъ что зло беретъ верхъ надъ добромъ, и я велѣлъ Орлову присовѣтовать ему просить увольненія отъ должности. Надо позаботиться о немедленномъ его замѣщеніи, и я уже написалъ князю Паскевичу, чтобы онъ уступилъ мнѣ Головина.

«Осмотрѣвъ въ Владикавказѣ военный госпиталь и въ Пятигорскѣ, 16-го октября, все заведеніе минеральныхъ водъ, офицерскую больницу, казармы военно-рабочей команды, церковь и гулянья, я къ ночи переѣхалъ въ Георгіевскъ, гдѣ успѣлъ взглянуть на арсеналъ и госпиталь. Тутъ я принялъ депутацію закубанскихъ племенъ и сказалъ имъ почти то же самое, что прежде говорилъ другимъ депутатамъ въ Владикавказѣ.

«Я осмотрѣлъ находящіяся въ Ставрополѣ войска, а потомъ военный госпиталь, который размѣщенъ по частнымъ домамъ; при сильномъ движеніи черезъ этотъ городъ на линію и въ Грузію необходимо поскорѣе выстроить для военнаго госпиталя большое особое зданіе.

«До Ставрополя сопровождали меня мои черкесы и казаки, никакъ не согласившіеся уступить другимъ чести меня конвоировать; они собирались скакать еще и далѣе, но я не допустилъ ихъ до того и простился тутъ съ этими людьми, показавшими мнѣ истинно трогательную преданность.

«19-го октября, въ 3 часа пополудни, я прибылъ въ Аксайскую станицу на Дону, гдѣ ждалъ меня мой сынъ, въ качествѣ атамана всѣхъ казачьихъ войскъ. Остатокъ дня и всю ночь я чувствовалъ себя очень не хорошо, такъ что даже принужденъ былъ принять лѣкарство и провести все 20-е число въ Аксаѣ. На слѣдующій день мы отправились въ Новочеркасскъ, куда вѣехали верхами. У заставы насъ встрѣтилъ наказной атаманъ, весь израненный старикъ Власовъ, съ генералами своего штаба, множествомъ офицеровъ и толпою любопытныхъ, которые всѣ проводили насъ до собора. Тутъ стоялъ войсковой кругъ, съ войсковыми регаліями, посреди которыхъ архіерей и прочее духовенство встрѣтили меня съ крестомъ и святою водою.

«Выйдя изъ церкви, я взялъ изъ рукъ храбраго Власова атаманскую булаву и вручилъ ее наследнику, въ знакъ главнаго его начальствованія надъ всѣми казачьими войсками. Пальба изъ всѣхъ орудій города возвѣстила введеніе его въ должность.

«22-го октября, новый атаманъ представилъ мнѣ войска, собранныя подъ Новочеркасскомъ. Всего было въ конномъ строю до 18.000 человекъ. Кромѣ четырехъ гвардейскихъ эскадроновъ, полковъ атаманскаго и учебнаго и артиллеріи, все прочее—совершенная дрянь:

негодныя лошади, люди, дурно одѣтые, сами офицеры, плохо сидящіе на конѣ. Къ искреннему моему сожалѣнію, все это показалось мнѣ скорѣе толпою мужиковъ, нежели военнымъ строемъ. Продолжительный миръ и довольство обабили казаковъ: они обратились просто въ земледѣльцевъ, какъ иначе и быть не могло при отдаленности ихъ отъ границъ и отъ всякой опасности. Надо будетъ подумать о преобразованіи ихъ устройства.

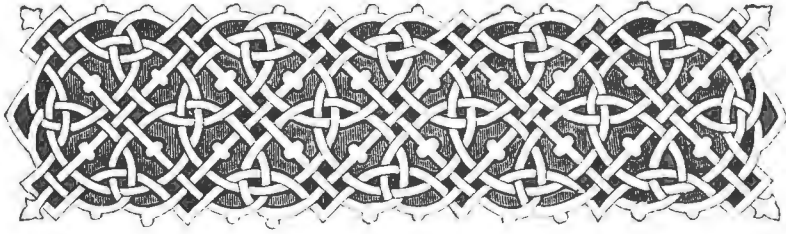
«За обѣдомъ у меня, къ которому были приглашены всѣ генералы и полковники, я откровенно высказалъ имъ мое мнѣніе. Старые усачи сами стыдились того плохого положенія, въ которомъ вывели передъ меня свое войско.

«Вечеромъ я былъ на балѣ и не могу сказать, чтобы дамы поразили меня своею красотою или изяществомъ своихъ манеръ; но устройство и роскошь праздника еще болѣе меня убѣдили, что казаки промѣняли прежнюю суровость своихъ нравовъ на утонченныя наслажденія образованности. Къ несчастію, для возстановленія прославленной ихъ удали нужна бы продолжительная война. Это послѣднее явленіе въ драмѣ моего путешествія не было утѣшительно.

«23-го октября, утромъ, мы выѣхали въ Воронежъ, куда прибыли 24-го, вечеромъ. Поблагодаривъ тамъ Бога и святого его угодника за благополучное совершеніе длиннаго и труднаго пути, я уже нигдѣ болѣе не останавливался до Москвы».

**Графъ А. Х. Бенкендорфъ.**





## ДѢДУШКИНА ТАЙНА.

(Разсказъ).



ВЪ ДОМѢ князей Курбатовыхъ царила необыкновенная тишина. Обитатели этого дома сновали по комнатамъ, какъ тѣни, чуть слышными шагами, и разговаривали между собой вполголоса, почти шопотомъ, въ которомъ чудилось что-то зловѣщее. У всѣхъ, не исключая прислуги, было написано на лицѣ тревожное, напряженное ожиданіе чего-то страшнаго, хотя въ то же время и неизбѣжнаго...

Быстро надвигались зимнія сумерки. Огромныя комнаты стараго барскаго дома выглядѣли уныло и пусто. Мрачно и тихо кругомъ, такъ тихо, что можно слышать малѣйшій шорохъ. Вотъ заскреблась гдѣ-то мышь, прохрипѣли стѣнные часы, потомъ выпорхнула откуда-то человѣческая фигура, прошмыгнула, почти не касаясь пола, и скрылась въ длинной анфиладѣ комнатъ.

И опять все смолкло.

А наверху, въ мезонинѣ, происходило что-то другое. Тамъ раздавались по временамъ довольно оживленные голоса, принадлежавшіе двумъ молодымъ князьямъ Курбатовымъ, Борису Владимировичу и Владимиру Владимировичу. Оба брата были студенты-юристы; старшій Борисъ—четверокурсникъ, младшій—второкурсникъ. Въ семьѣ ихъ называли Бобочка и Вовочка. Но между ними не было рѣшительно никакого сходства. Бобочка любилъ жуировать, посѣщалъ разныя увеселительныя мѣста, занимался всякаго рода спортомъ, игралъ въ карты, ухаживалъ за дамами и пре-



красно танцевалъ всѣ новѣйшіе танцы, въ особенности *pas d'Es-  
pagne*, въ который онъ влагалъ, по собственному признанію, всю  
свою душу.

Вовочка былъ гораздо серіознѣ брата. Онъ любилъ читать, ин-  
тересовался публичными лекціями, посѣщалъ ученыя засѣданія и  
довольно неряшливо одѣвался, въ противоположность щеголеватому  
Бобочкѣ, котораго онъ называлъ за франтовство иронической сту-  
денческой кличкой «бѣлоподкладчикъ».

Братья жили одни въ мезонинѣ и въ настоящую минуту вели  
между собою споръ.

— Женскій вопросъ! Много ты смыслишь въ женскомъ вопросѣ!  
Для тебя онъ только на паркетѣ существуетъ, иначе бы ты не  
рѣшился молотъ подобный вздоръ,—горячился Вовочка, все силь-  
нѣе и сильнѣе возвышая голосъ.

— Вздоръ-то ты мелешь, а не я,—защищался Бобочка, слегка  
картая букву «р».—Какая такая равноправность можетъ быть  
между различными полами? Это все либералы выдумали, и я со-  
вершенно согласенъ съ «Гражданиномъ», что женщинъ отнюдь не  
слѣдуетъ допускать въ университетъ, что ничего путнаго изъ этого  
не выйдетъ, одинъ только развратъ, и больше ничего.

— Возмутительно!—крикнулъ Вовочка и съ досадою отшвыр-  
нулъ стулъ, за спинку котораго все время держался обѣими ру-  
ками, сидя на своей постели.—Ну, какъ тебѣ не стыдно повторять  
пошлыя рѣчи журналиста, котораго дружно освистало все русское  
общество? Журналиста, который даже самъ публично покаялся въ  
неосторожно произнесенной фразѣ? Наконецъ, развѣ ты не пони-  
маешь, что быть солидарнымъ съ княземъ Мещерскимъ позорно  
для человѣка, носящаго званіе студента? Эхъ, ты, бѣлоподклад-  
чикъ!

Бобочка хотѣлъ возражать, но въ это время на лѣстницѣ по-  
слышались шаги ихъ матери, княгини Татьяны Львовны Курбато-  
вой, которая вошла къ нимъ съ недовольнымъ лицомъ.

— Дѣти! Развѣ можно такъ кричать? Опомнитесь!—сказала она  
строго.—Подумайте, какія мы переживаемъ минуты: вѣдь дѣдушка-то  
совсѣмъ при смерти, умираетъ...

— Умираетъ?—вдругъ спохватились юноши въ одинъ голосъ.

— Ну, да, а вы ведете себя, какъ посторонніе.

Молодымъ Курбатовымъ сдѣлалось страшно стыдно, и они оба  
густо покраснѣли. Въ самомъ дѣлѣ, какъ они могли упустить изъ  
виду, что нужно соблюдать тишину, хотя бы изъ приличія, если  
не по другимъ побужденіямъ? Вѣдь имъ хорошо было извѣстно  
теченіе болѣзни престарѣлаго дѣда, они знали, что со дня на день  
ожидаютъ его смерти, и еще утромъ слышали отъ отца, что боль-  
ного хотятъ соборовать. И вдругъ они все это забыли и увлеклись  
неумѣстнымъ споромъ?!

Страшно смущенные, они послѣшили спуститься внизъ вмѣстѣ съ матерью и тихонько пробрались въ комнату, смежную со спальней, гдѣ лежалъ умирающій.

Въ дверяхъ спальни показался въ это время докторъ, а за нимъ вышелъ оттуда и князь Курбатовъ, мужъ Татьяны Львовны.

— Ну, что?—обратилась она къ нимъ.—Очень плохо?

Докторъ безнадежно мотнулъ головой. Князь Курбатовъ вытеръ платкомъ заплаканные глаза и сказалъ:

— Папашѣ совѣмъ худо... Видно, послѣднія минуты... Сейчасъ вошелъ къ нему священникъ, не знаю, узналъ ли онъ его: кажется, да, потому что онъ что-то прошепталъ и даже хотѣлъ сдѣлать крестное знаменіе...

Прошло нѣсколько томительно долгихъ минутъ. Снова отворилась дверь изъ спальни, и вышелъ оттуда батюшка, благообразный старичекъ съ длинной сѣдой бородой, которая все время у него тряслась, потому что онъ безпрестанно жевалъ губами. Плывающей походкой подошелъ онъ къ князю Курбатову и со слезами на глазахъ сказалъ:

— Молитесь, Владимиръ Петровичъ, за своего папеньку, да помилуетъ Господь Богъ и спасетъ его многострадальную душу, ибо сотворилъ онъ въ своей жизни грѣхъ великій... Молитесь всѣ за него!

И батюшка обвелъ глазами всѣхъ присутствующихъ поочередно, потомъ сталъ благословлять каждого, подходившаго къ нему съ почтительнымъ наклоненіемъ головы, наконецъ, сдѣлалъ общій поклонъ и молча направился къ выходу.

А тамъ, за дверью спальни, уже тихо рѣялъ ангелъ смерти. Не слышно было ни звука въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла постель престарѣлаго князя Курбатова, и гдѣ еще нѣсколько секундъ назадъ билось и трепетало человѣческое сердце: оно умолкло навсегда...

Слова священника о какомъ-то великомъ грѣхѣ, который будто бы совершилъ покойный, крѣпко запали въ душу молодымъ князьямъ Курбатовымъ и заставили ихъ сильно призадуматься. Въ самомъ дѣлѣ, что могъ совершить такое ихъ дѣдъ? Правда, въ его жизни было много загадочнаго и таинственнаго. Такъ, онъ обладалъ въ молодости большимъ состояніемъ, служилъ въ военной службѣ, предавался кутежамъ и велъ разсѣянную жизнь. Но вотъ умеръ его отецъ, и онъ радикально измѣнилъ образъ жизни, поселившись въ деревнѣ, несмотря на то, что состояніе его сразу удесятерилось. А по прошествіи нѣкотораго времени съ нимъ произошла еще болѣе странная метаморфоза: онъ вдругъ сдѣлался филантропомъ и почти все состояніе свое роздалъ бѣднымъ. Вся его послѣдующая жизнь отличалась удивительной нравственной чистотою. Съ рѣдкой благожелательностью относился онъ ко всѣмъ людямъ вообще и не только никому не сдѣлалъ зла, но даже никого не

обидѣлъ какимъ либо неосторожнымъ словомъ. Это былъ высокій образецъ истиннаго христіанина. И вдругъ оказывается, что на душѣ его лежалъ какой-то тяжкій грѣхъ?! Нѣтъ, тутъ что-то не такъ.

Молодымъ Курбатовымъ страстно хотѣлось разгадать тайну, которую унесъ съ собой въ могилу дѣдъ, и вотъ они заподозрѣли, что родителямъ было кое-что извѣстно о ней, такъ какъ послѣдніе часто между собой перешептывались и многозначительно оглядывались въ ихъ сторону. Юноши попробовали приступить къ дѣлу прямо, безъ обиняковъ, и учинили настоящій допросъ сначала отцу, потомъ матери, однако ни отъ того, ни отъ другой не добились правды. Владимиръ Петровичъ давалъ уклончивые отвѣты, а Татьяна Львовна прямо отговаривалась незнаніемъ.

Однажды—это было дня черезъ три послѣ похоронъ—Вовочка засталъ ихъ обоихъ въ слезахъ. Передъ его приходомъ они читали что-то такое, что тщательно пытались теперь отъ него спрятать. Вовочка замѣтилъ это и упрекнулъ родителей за недовѣріе къ нему. Тогда они, видя, что застигнуты сыномъ врасплохъ, должны были ему выдать «тайну».

А тайна заключалась въ слѣдующемъ: разбирая бумаги покойнаго, Владимиръ Петровичъ отыскалъ старую тетрадь, всю исписанную старческой, дрожащей рукой отца. Это была его исповѣдь, которую Владимиръ Петровичъ съ жадностью принялся читать и, не отрываясь, прочиталъ до самаго конца. Вотъ что значилось въ рукописи:

### Моя исповѣдь.

Я убійца. Я совершилъ страшное, кровавое злодѣяніе, но по счастливой для меня случайности оно осталось не открытымъ. Я чувствую, что мнѣ нужно принести покаяніе предъ Богомъ и людьми. Я не хочу умереть безъ этого. Пусть тотъ, кому попадетъ въ руки моя исповѣдь, узнаетъ, какъ тяжело быть убійцей, какъ жестоко приходится страдать, какія испытывать муки отъ угрызеній совѣсти.

Это было очень, очень давно, въ началѣ сороковыхъ годовъ. Я былъ тогда легкомысленнымъ молодымъ гусаромъ, велъ разгульную жизнь, кутилъ, влюблялся и моталъ родительскія денежки направо и направо, благо отецъ присылалъ ихъ безъ счету: сколько потребуешь, столько бывало и пришлетъ изъ своего пензенскаго имѣнія. Отказа никогда. Впрочемъ кого же и баловать, какъ не единственнаго сына, въ которомъ миллионеръ-отецъ, какъ говорится, души не чаялъ? Самъ старый гусаръ, онъ съ восхищеніемъ и гордостью смотрѣлъ на меня, когда я пріѣзжалъ къ нему въ отпускъ изъ Москвы въ своей темно-зеленой, украшенной серебряными жгу-

тами венгеркѣ и малиновыхъ рейтузахъ. Онъ не сводилъ съ меня глазъ и все похваливалъ:

— Ну, молодчина! Настоящій князь Курбатовъ!

Разставался со мною, бывало, всегда съ горячими слезами. А какъ уѣдешь, такъ начнетъ бомбардировать нѣжными письмами. Рѣдкій мѣсяць проходилъ безъ родительскаго посланія, которое всегда привозилось съ нарочнымъ (желѣзныхъ дорогъ тогда не было) и заключало въ себѣ неизмѣнныя наставленія о томъ, какъ нужно беречь свое здоровье и остерегаться женщинъ. Всѣ письма безъ исключенія писались на французскомъ языкѣ, ибо, по обычаю того времени, отецъ владѣлъ имъ гораздо лучше, нежели русскимъ.

Матери моей не было въ живыхъ, и потому, вѣроятно, отецъ считалъ нужнымъ нѣжничать со мною вдвойнѣ, какъ бы за себя и за мать. И я такъ привыкъ къ его ласкамъ, что когда однажды не получилъ отъ него въ положенный срокъ письма, не на шутку встревожился. По мѣрѣ того, какъ проходило время, и я не получалъ отъ отца извѣстій, тревога моя все увеличивалась.

Между тѣмъ до меня донесся слухъ, что у отца появилась въ домѣ, въ качествѣ экономки, какая-то молодая женщина, которая совсѣмъ забрала его въ руки. Тогда мнѣ все стало ясно. Очевидно, что отецъ измѣнился ко мнѣ подъ ея влiяніемъ.

Страшная злоба вскипѣла во мнѣ противъ этой женщины, и я рѣшилъ немедленно ѣхать въ деревню, чтобы лично убѣдиться въ справедливости дошедшихъ до меня слуховъ.

«Посмотримъ, чья возьметъ!—думалъ я, летя на перекладныхъ, почти безъ отдыха, и днемъ и ночью. — Ужъ если на то пошло, такъ и я не уступлю никому своего права: я сынъ и долженъ быть отцу ближе всѣхъ. Я покажу ей... этой, что я такое!»

И я невольно сжалъ кулаки.

Не знаю, долго ли я ѣхалъ,—можетъ быть, недѣлю, а, можетъ быть, и больше, только я уже подѣзжалъ къ послѣдней станціи. Вотъ знакомый старичекъ-смотритель, еще съ дѣтства знавшій и даже носившій меня на рукахъ, выбѣжалъ ко мнѣ навстрѣчу и отвѣсилъ подобострастный поклонъ.

— Здравствуйте, Иванъ Егорычъ,—поздоровался я съ нимъ и дружески пожалъ ему руку.

— Добро пожаловать, батюшка, ваше сіятельство! Лошадокъ прикажете?

— Да, да, голубчикъ, и какъ можно скорѣе!

— Сію минуту.

Лошади дѣйствительно были готовы въ одну секунду, я сидѣлъ въ кибиткѣ, и знакомый ямщикъ Евстигней уже везъ меня по направленію къ родной Курбатовкѣ.

Вотъ потянулись пожелтѣвшія поля (дѣло было осенью), промелькнула деревушка съ двумя кособокими мельницами, возвышавшимися на пригоркѣ, блеснула зеркальная поверхность рѣчки, и показалось стадо овецъ, переходившихъ черезъ мостъ. А тамъ дальше, за рѣкою, чернѣлъ лѣсъ и высоко, высоко подъ облаками летѣла стая журавлей... Словомъ, я увидѣлъ давно знакомыя и милыя моему сердцу картины. Однако теперь, при видѣ ихъ, сердце мое какъ-то тоскливо сжалось.

Нѣкоторое время я молчалъ, наконецъ, не выдержалъ и обратился къ ямщику:

— Ну, что, Евстигней, какъ у насъ тамъ, все ли благополучно?

Евстигней полуобернулся и, пытливо скосивъ въ мою сторону глаза, не сразу отвѣчалъ:

— Все слава Богу, ваше сіятельство... Но-но, голубчики-и-и!..

И онъ взмахнулъ кнутомъ, слегка приподнимаясь на козлахъ. Тройка подхватила и лихо понеслась впередъ подъ неумолчный звонъ рыдающаго колокольчика.

— Ты мнѣ вотъ что, братецъ, скажи, — продолжалъ я допрашивать своего возницу: — я слышалъ, что отецъ взялъ къ себѣ въ домъ какую-то... госпожу, правда это?

Евстигней ухмыльнулся во весь ротъ.

— Госпожа и есть! — отозвался онъ съ ироніей. — На всю деревню страху напустила...

— Да кто жъ она такая?

— Мѣщанка городская, кузнецова дочь; была Мароушка, а теперьча, значить, Мароа Терентьевна стала, потому совсѣмъ, какъ настоящая барыня, люди-то даже княгиней величаютъ... И ужъ такая-то злющая—не приведи, Господи! Какъ что не по ней, такъ сейчасъ въ рыло. А сколько ужъ людей на конюшнѣ перепороли—страсть! Чисто, какъ хозяйка, командуетъ, даромъ что ключница...

— А давно она въ домѣ-то? — спросилъ я, глубоко возмущенный словами ямщика.

— Почитай, что съ полгода будетъ... Да такъ и есть: передъ самымъ Благовѣщеньемъ, кажись, она и поступила-то къ вашему папашѣ... Давно, чай!

Между тѣмъ изъ-за опушки лѣса показалась Курбатовка, раскинувшаяся по склону живописнаго холма. Еще версты полторы—и я вѣзжалъ въ свое родное гнѣздо. Вотъ огромный барскій домъ съ красивымъ бельведеромъ и изящными башенками въ мавританскомъ стилѣ, въ глубинѣ двора, обнесеннаго чугунной оградой со львами на воротахъ; вотъ чудный тѣнистый паркъ съ вѣковыми деревьями, вотъ цѣлая вереница службъ, а вотъ и знакомая пушка около параднаго подъѣзда. Съ внѣшней стороны, повидимому, ничто не измѣнилось, все осталось по-старому. Новымъ мнѣ показа-

лось лишь то, что никто не вышелъ меня встрѣчать, кромѣ стараго дворецкаго Тихона и двухъ молоденькихъ казачковъ, которые стремглавъ бросились къ моему чемодану.

«А прежде-то, бывало, — вспомнилъ я, — лишь только послышится вдали колокольчикъ, какъ уже вся дворня высыпаетъ навстрѣчу. Всѣ точно сердцемъ чуютъ, что ѣдетъ молодой баринъ. Бывало, еще издали видишь, какъ отецъ стоитъ на подъѣздѣ, окруженный домашними и дворовыми людьми, и радостно машетъ мнѣ платкомъ. Но гдѣ же онъ теперь? Отчего его не видно?»

Съ сильно бьющимся сердцемъ я вошелъ въ переднюю, думая, что ужъ здѣсь-то я навѣрное увижу отца. Но и тутъ его не было.

— Папенька у себя въ кабинетѣ! — объявилъ Тихонъ.

— Я тебя не спрашиваю... оселъ! — огрызнулся я на ни въ чемъ неповиннаго дворецкаго и быстрыми шагами направился въ кабинетъ, гдѣ отецъ сидѣлъ въ это время на турецкомъ диванѣ, поджавъ подъ себя ноги и держа въ рукѣ длиннѣйшій чубукъ. При моемъ появленіи онъ не только не выразилъ ни малѣйшей радости на лицѣ, но его даже слегка покорило. При этомъ онъ какъ-то весь вздрогнулъ отъ неожиданности, однако сохранилъ прежнюю позу.

— А! Петруша! — сказалъ онъ равнодушнымъ тономъ. — Какими это судьбами?

Ошеломленный такимъ холоднымъ пріемомъ, я стоялъ на мѣстѣ и не двигался.

— Здравствуй, голубчикъ! — попытался онъ меня ободрить, понявъ мое замѣшательство и протягивая мнѣ руку, которую я сухо поцѣловалъ и сейчасъ же сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Да ты ужъ, кажется, и обнять меня не хочешь, сынокъ? — промолвилъ отецъ нѣсколько обиженнымъ тономъ.

— Нѣтъ, раръ, это неправда, — горячо возразилъ я. — Я нисколько не измѣнился по отношенію къ вамъ, а вотъ вы, кажется... Вы даже перестали мнѣ писать...

— Ахъ, я такъ и зналъ, что ты будешь меня упрекать за это. Но послушай, мой милый, вѣдь я уже старъ, у меня стали болѣть глаза, и мнѣ трудно писать... Ну, да что говорить: не пристало отцу оправдываться передъ сыномъ! — закончилъ онъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ въ голосѣ и, порывисто вставъ съ дивана, сказалъ: — пойдемъ-ка лучше въ столовую, сейчасъ намъ подадутъ завтракать. Или ты, можетъ быть, хочешь пройти въ свою комнату и заняться туалетомъ?

— Да, мнѣ совсѣмъ не хочется ѣсть, — отвѣчалъ я, выходя вмѣстѣ съ отцомъ изъ кабинета.

Мы прошли гостиную, потомъ диванную, потомъ угловую комнату, потомъ еще какую-то, не имѣвшую ни названія, ни опредѣленнаго назначенія, и очутились въ столовой, гдѣ около накры-

таго стола хлопотала какая-то дама. Я взглянулъ на нее и остолбенѣлъ: такой красавицы я еще никогда въ жизни не встрѣчалъ. Это была высокая, стройная блондинка, лѣтъ двадцати пяти-шести, съ пышно развитымъ бюстомъ, съ большими, черными, огненными глазами, опущенными длинными бархатными рѣсницами. Двѣ дуги прекрасныхъ черныхъ бровей, мраморная бѣлизна кожи и нѣжный, почти дѣвственный румянецъ на щекахъ довершали очарованіе, которое производила эта женщина, одѣтая въ черное, шелковое платье, съ горностаевой пелеринкою на плечахъ, придававшей всей ея фигурѣ горделивую, даже величественную осанку. Что-то сильное и властное почудилось мнѣ въ ея пристально устремленномъ на меня, слегка насмѣшливомъ, взглядѣ и въ плотно сжатыхъ губахъ съ опущенными внизъ уголками. Я смотрѣлъ на нее и понималъ, что такая женщина легко можетъ подчинить своей власти всякаго.

— Это Марѳа Терентьевна,—указалъ на нее отецъ,—моя домоправительница... Прошу любить и жаловать!

Я близко подошелъ къ ней и чуть было не пожалъ ея руку, которую она мнѣ нерѣшительно протянула, но тотчасъ же опомнился и, отдернувъ свою руку назадъ, ограничился лишь кивкомъ головы. Потомъ обернулся къ отцу и сказалъ:

— Извините, раѳа, я пройду въ свою комнату.

Я видѣлъ, какъ сильно поморщился отецъ, а когда я вышелъ изъ столовой, до меня долетѣли слова Марѳы Терентьевны:

— Какой гордый князекъ! Даже руки не подалъ!

— Мальчишка!—злобно прошипѣлъ ей въ отвѣтъ мой отецъ.— Вотъ я его проучу!

Кровь бросилась мнѣ въ голову. Не знаю, какъ я удержался, не вернулся назадъ и не наговорилъ отцу дерзостей. Какъ въ туманѣ, прошелъ я огромный коридоръ, потомъ мимо дѣвичей, гдѣ сидѣло за пяльцами десятка полтора сѣнныхъ дѣвушекъ, повернулъ на верхъ по лѣстницѣ и, добравшись до своей комнаты, бросился въ постель ничкомъ...

Никогда еще въ жизни не было мнѣ такъ горько въ родительскомъ гнѣздѣ, никогда я не чувствовалъ себя такъ глубоко оскорбленнымъ, и слезы, горькія слезы неудержимо лились изъ моихъ глазъ...

Наплакавшись, я заснулъ, какъ убитый, а когда проснулся черезъ нѣсколько часовъ, то рѣшилъ немедленно итти къ отцу и объясниться съ нимъ. «Или я, или она,—говорилъ я себѣ мысленно,—пусть выбираетъ кого хочетъ!»

Съ отцомъ я столкнулся въ дверяхъ кабинета. Онъ имѣлъ хмурый, насушенный видъ.

— Я хочу серьезно поговорить съ вами, раѳа,—началъ я волнующимся голосомъ.

— Вотъ какъ!—усмѣхнулся отецъ.—А я было думалъ, что это мнѣ нужно съ тобой поговорить по поводу твоего поведенія, которое мнѣ очень не нравится.

— Что же я сдѣлалъ такое?

— То, что ты крайне неделикатенъ и невѣжливъ.

Я вспыхнулъ.

— А! понимаю!—сказалъ я.—Моя невѣжливость выражается въ томъ, что я не подалъ руки вашей экономкѣ? Извините, рарá, я не привыкъ здороваться съ прислугой за руку.

— Врешь!—грубо перебилъ меня отецъ.—Марѳа Терентьевна не прислуга, и я требую, чтобы ты уважалъ ее... Слышишь?

— Вы этого не дождетесь отъ меня, — отвѣчалъ я, возвысивъ голосъ.—Я привыкъ уважать только порядочныхъ женщинъ, а не какуюнибудь...

— Молчать, щенокъ!—закричалъ и затопалъ ногами отецъ, весь дрожа отъ злости.—Я задушю тебя своими руками, если ты скажешь о ней хоть одно дурное слово!

И онъ рванулся ко мнѣ, готовый, повидимому, привести въ исполненіе свою угрозу.

Я инстинктивно попятился назадъ и сталъ въ оборонительную позицію.

— Опомнитесь!—крикнулъ я въ свою очередь.—Я вѣдь не мальчишка, а офицеръ, состоящій на царской службѣ. Если вы хоть пальцемъ дотронетесь до меня, я за себя не отвѣчаю!...

— А вотъ ты какъ со мной говоришь!—продолжалъ отецъ неистовствовать, но уже нѣсколько сдержаннѣе.—Въ такомъ случаѣ я знать тебя не хочу, можешь уѣзжать изъ моего дома хоть сейчасъ...

— Конечно, я не останусь здѣсь ни одной минуты,—отвѣчалъ я съ достоинствомъ:—послѣ того какъ выяснилось, что между роднымъ сыномъ и экономкою вы выбираете экономку... Желаю вамъ лучшаго!

И я раскланялся съ нимъ издали, а черезъ полчаса уже ѣхалъ обратно въ Москву.

Съ тѣхъ поръ прошло года два. Я не имѣлъ отъ отца никакихъ извѣстій, хотя деньги высылались мнѣ изъ Курбатовки довольно аккуратно, изъ чего можно было заключать, что отецъ благополучно здравствуетъ. Такое положеніе дѣла могло бы, вѣроятно, продолжаться еще очень долго, если бы я не получилъ однажды депеши, въ которой было написано слѣдующее: «пріѣзжайте скорѣе, вашъ папенька при смерти. Марѳа Колечкина».

Извѣстіе это поразило меня, какъ громомъ. Я уже мысленно упрекалъ себя въ неблагодарности и черствости по отношенію къ отцу и не могъ простить себѣ, что до сихъ поръ не сдѣлалъ ни одного шага, чтобы помириться съ нимъ. А вдругъ онъ умретъ, и я не увижусь съ нимъ? Какъ будетъ мучить меня совѣсть!



Увы! такъ и случилось: я уже не засталъ отца въ живыхъ. Мало того, его даже похоронили дня за три до моего прѣзда, такъ что мнѣ оставалось лишь съѣздить на свѣже засыпантую могилу и поклониться его праху.

Вскорѣ послѣ этого я увидѣлъ Марю Тэрентьевну, и она показала мнѣ еще прекраснѣе, чѣмъ два года назадъ. Особенно хороши были ея чудные, глубокіе глаза: они свѣтились такой красивой печалью, что я втайнѣ любовался ими. И мнѣ было страшно досадно на самого себя, досадно, что вмѣсто того, чтобы быть строгимъ и неприступнымъ съ этой женщиной, изъ-за которой у меня вышла такая неприятная ссора съ отцомъ, я малодушно поддавался впечатлѣнію ея красоты. Я не могъ побѣдить своей слабости.

Въ сущности, мнѣ слѣдовало бы отказать ей отъ дому, но у меня не хватало духу это сдѣлать, а она, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжала исполнять свои обязанности, хотя всѣмъ своимъ существомъ выражала полную покорность судьбѣ.

Впрочемъ, на другой день послѣ моего прѣзда она лукаво посмотрѣла мнѣ въ лицо и спросила меня съ притворнымъ, какъ мнѣ показалось, смиреніемъ въ голосѣ:

— Какъ прикажете, ваше сіятельство: уйти мнѣ или остаться? Я такъ думаю, что не нужна я вамъ, такъ ужъ лучше уйти...

— Видите ли что, Марья Терентьевна, — отвѣчалъ я уклончиво:— я вѣдь не могу смотрѣть на васъ, какъ на прислугу: при жизни отца вы занимали въ домѣ совершенно исключительное положеніе, вы были почти хозяйкой...

— Что было, то прошло... А подневольной рабою я не хочу быть — вотъ вамъ и весь мой сказъ, — сказала она въ отвѣтъ и, гордо выпрямивъ станъ, стояла предо мной, какъ античная статуя.

— Но я не желаю, чтобы вы были подневольной рабою, — возразилъ я ей.— Напротивъ; изъ уваженія къ памяти отца я постараюсь сдѣлать такъ, чтобы вы сохранили въ домѣ полную самостоятельность.

— Да, ужъ я команды надъ собой не потерплю, — заявила она рѣшительно.— Ужъ это вы напередъ знайте, ваше сіятельство, а не то такъ—фюить! Поминайте, какъ звали... Потому въ людяхъ-то я не больно нуждаюсь. Меня всѣ будутъ искать, а ужъ я кланяться никому не стану, не таковская я!

— Какая вы, однако, гордая! — замѣтилъ я, глядя съ восхищеніемъ на ея волнующуюся изъ-подъ чернаго шелковаго лифа полную молодую грудь, на ея раскраснѣвшіяся щеки и мечущіе искры глаза.

— Да, ужъ какая есть: вся тутъ передъ вами!—бросила она мнѣ съ вызывающей улыбкой и даже слегка подбоченилась одной рукою.

— Послушайте, Марѳа Терентьевна, — началъ я, близко нагнувъ къ ней лицо, — я вижу теперь, за что любилъ васъ мой отецъ: вы замѣчательная женщина, вы... вы прелесть!

— Неужто? — произнесла она нараспѣвъ, слегка прищуривъ глаза и сверкнувъ бѣлыми зубами.

— Да, да, нельзя смотрѣть на васъ равнодушно, нельзя спокойно стоять около васъ, нельзя васъ не ласкать... Прелесть вы моя!

И, крѣпко обхвативъ руками ея талию, я прижалъ ее къ себѣ.

— Пустите, баловникъ... Да ну васъ!.. — отчаянно вырывалась она изъ моихъ объятій, наконецъ, съ силой оттолкнула меня отъ себя и убѣжала.

Весь этотъ день и слѣдующій Марѳа Терентьевна какъ-то сторонилась отъ меня, избѣгала встрѣчаться со мной наединѣ. Но я понялъ, что это было лишь кокетство съ ея стороны, маленькая женская хитрость.

«Какъ ты тамъ ни хитри, а все-таки будешь моею!» — рѣшилъ я мысленно, и моя настойчивость вскорѣ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Марѳа Терентьевна отдалась мнѣ со всею пыломъ бурной молодой страсти. Опьяненный ея ласками, я сразу почувствовалъ себя въ ея власти и, какъ мальчишка, готовъ былъ дѣлать все, что она прикажетъ. Я почти не разставался съ ней, я слѣдовалъ за нею по пятамъ и спѣшилъ исполнять каждое ея желаніе, каждую прихоть. Такъ, она страстно любила лошадей и требовала, чтобы я каждый день ѣздилъ съ ней кататься то верхомъ, то въ экипажѣ, — разумѣется, я не смѣлъ ей отказать и безропотно подчинился ея волѣ.

Незамѣтно летѣло время, и я не успѣлъ оглянуться, какъ уже дни разрѣшеннаго мнѣ отпуска подошли къ концу. Предстояло ѣхать обратно въ полкъ. Но я твердо рѣшилъ, что по пріѣздѣ въ Москву немедленно подамъ прошеніе объ увольненіи меня въ запасъ и вернусь опять въ Курбатовку.

Какъ трогательно было наше разставаніе, какъ горячи были ласки, которыя Марѳуша (я такъ называлъ ее теперь) расточала мнѣ передъ разлукой! Она душила меня въ объятіяхъ, цѣловала мои руки, обливая ихъ слезами и приговаривая:

— Смотри же, мой соколикъ, пріѣзжай скорѣй, а не то я съ ума сойду безъ тебя, желанный ты мой!

— Не плачь, Марѳуша, — утѣшалъ я ее, — скоро увидимся...

Признаюсь, мнѣ стоило большихъ усилій, чтобы тронуться въ путь, и до самой Москвы я чувствовалъ себя точно въ какомъ-то любовномъ чадѣ. Но странно: лишь только я очутился въ Бѣлокаменной, какъ весь этотъ чадъ пропалъ, и вдругъ отрезвился и даже пересталъ думать о Марѳушѣ.

Въ кругу товарищей-офицеровъ я нашелъ пріятное забвеніе и отдыхъ отъ чересчуръ знойныхъ объятій своей любовницы. Чув-

ственная страсть положительно пресытила меня, и я съ удовольствіемъ отдыхалъ душою въ мирной бесѣдѣ со своими пріятелями гдѣ нибудь въ театрѣ или въ ресторанѣ за бутылкой шампанскаго. Уходить въ запасъ я уже теперь не спѣшилъ и со дня на день откладывалъ этотъ вопросъ до тѣхъ поръ, пока не случилось одно обстоятельство, окончательно перевернувшее вверхъ дномъ всѣ мои планы и намѣренія.

Дѣло въ томъ, что на балу у одного изъ своихъ товарищей я познакомился съ молоденькой семнадцатилѣтней дѣвушкой, которая произвела на меня чарующее впечатлѣніе. Чѣмъ-то дѣвственно-чистымъ, какою-то недосыгаемой высокой, небесной поэзіей пахнуло на меня отъ этого прелестнаго, невиннаго существа, и я не покидалъ ее весь вечеръ, танцуя съ ней и кадрили, и легкіе танцы, и, наконецъ, мазурку. Не помню, какъ это вышло, но во время одной изъ фигуръ мазурки я сдѣлалъ ей предложеніе. Дѣвушка удивленно вскинула на меня свои большіе прекрасные глаза, думая, вѣроятно, что я шучу, но когда я настойчиво повторилъ свой вопросъ, она немедленно, хотя и робко, отвѣчала мнѣ согласіемъ.

Черезъ мѣсяцъ была назначена наша свадьба. Никогда еще въ жизни я не былъ такъ счастливъ. Невѣста моя представлялась мнѣ совершенствомъ, и мнѣ казалось, что я нашелъ въ ней свой идеалъ. Я безумно былъ влюбленъ въ нее и безъ ненависти и злобы не могъ подумать теперь о Марѳушѣ, которая стояла между мною и невѣстой, какъ какое-то страшилище, какъ грозный, безобразный призракъ. О, я былъ увѣренъ, что эта сильная, своенравная и властолюбивая женщина не проститъ мнѣ измѣны, что она будетъ всячески мстить мнѣ и помѣшаетъ моему счастью. Но что дѣлать? Какъ избавиться отъ нея? Какъ устранить ее со своего пути? Я ломалъ голову, придумывая одинъ способъ за другимъ...

И вдругъ адскій планъ началъ созрѣвать въ моемъ мозгу...

«Да, да, это будетъ лучше всего,—размышлялъ я, улыбаясь своимъ мыслямъ.—Другого выхода нѣтъ... Главное, лишь бы не было свидѣтелей, а въ такой обстановкѣ можно дѣйствовать безъ риску... Ну, что могутъ подумать? Вѣдь подобные случаи бывали не разъ, и всѣ они очень правдоподобны... Итакъ бояться нечего: нужно ѣхать и скорѣе приводить въ исполненіе свой замыселъ!»

Идея, пришедшая мнѣ въ голову, казалась настолько заманчивой, а осуществленіе ея до такой степени легкимъ, что я почувствовалъ приливъ необычайно радостнаго волненія, отъ котораго меня поминутно бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Какъ на крыльяхъ, полетѣлъ я къ своей невѣстѣ, объявилъ ей, что мнѣ нужно ѣхать въ деревню на короткое время, нѣжно простился съ ней, пообѣщавъ вернуться ко дню свадьбы во что бы то ни стало, и въ тотъ же день выѣхалъ въ Курбатовку.

Радость Марѳуши была безгранична, когда она вновь увидела меня около себя и попрежнему стала осыпать ласками. Однако переменна во мнѣ не могла ускользнуть отъ чуткаго сердца молодой женщины и сразу была замѣчена ею.

— Ты какъ будто совсѣмъ другой сталъ, мой соколикъ,—говорила она, пытливо всматриваясь мнѣ въ лицо.—Охъ, не узнаю я тебя что-то... Скажи, что у тебя на сердцѣ, какая тоска-кручина? Аль зазнобушка завелась? Смотри, князь,— узнаю все равно,—и ужъ тогда разлучницѣ моей не сдобровать: говори лучше сейчасъ! Не доводи до грѣха...

И что-то грозное, почти зловѣщее блеснуло въ ея жгучихъ глазахъ при этой послѣдней фразѣ. Я поспѣшилъ ее успокоить:

— Да ничего, Марѳуша... Полно, что ты выдумала такое? Видишь, я просто усталъ съ дороги...

И, поцѣловавъ ее съ притворной нѣжностью, я сейчасъ же заговорилъ о другомъ.

— Знаешь что, милая, я хочу сдѣлать тебѣ подарокъ въ честь своего приѣзда.

— Какой?—спросила она, повеселѣвъ.

— Хочу подарить тебѣ «Ястреба», ты будешь кататься на немъ въ шарабанѣ, вообще можешь распорядиться имъ, какъ угодно: я отдаю его тебѣ въ полную собственность.

«Ястребъ» былъ чистокровный орловскій рысакъ, темносѣрый въ яблокахъ, совсѣмъ еще молодой и даже почти не объѣзженный. Его нѣсколько разъ гоняли на кордѣ, потомъ поставили на конюшню, я забылъ о немъ, и онъ долгое время стоялъ безъ запряжки.

Марѳуша, страстно любившая лошадей, была очень довольна подаркомъ. Она принялась ходить за «Ястребомъ», нѣжить и холить его, какъ ребенка, приказывала поить и кормить его при себѣ, давала ему соли изъ рукъ, наконецъ, сама стала объѣзжать его, сначала съ кучеромъ, а потомъ и одна.

— Я ничего не боюсь, я храбрая!—заявляла она кучеру, когда онъ выражалъ опасеніе, какъ бы лошадь не разбила ея.

И дѣйствительно, когда она въ первый разъ вздумала проѣхать по усадьбѣ одна, Ястребъ вдругъ чего-то испугался и понесъ... Но Марѳуша совсѣмъ не потерялась: она крѣпко захватила вожжи въ руки и, круто повернувъ коня, направила его къ забору, гдѣ онъ и остановился, какъ вкопанный.

Я съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за Марѳушей, какъ она ловко справлялась съ горячимъ конемъ, и рѣшилъ, что пора «дѣйствовать».

— Вотъ что, Марѳуша,—сказалъ я ей,—ты поѣзжай сейчасъ по направленію къ роцѣ, а я тѣмъ временемъ съѣзжу верхомъ въ поле, посмотрю на жнитво и сейчасъ же полечу къ тебѣ; тамъ, около рощи, я тебя встрѣчу, и мы вмѣстѣ вернемся домой... Идетъ что ли?

— Ладно, — согласилась Марѳуша, не колеблясь ни одной секунды Я быстро вскочилъ на осѣдланнаго коня и поѣхалъ шагомъ рядомъ съ нею.

День былъ удушливо жаркій. Въ воздухѣ парило. На небѣ ни облачка. Во всемъ, даже въ стрекотаніи кузнечиковъ, нѣсколько монотонномъ и вяломъ, чувствовалась какая-то истома. Раскаленная солнечными лучами земля словно погрузилась въ дремоту и лежала, убаюканная, въ мягкой, зеленой колыбели.

Мы выѣхали со двора и незамѣтно очутились за околицей. Я повернулъ направо, гдѣ начиналась тропинка, ведущая въ поле, а Марѳуша держала путь прямо по проселочной дорогѣ, которая змѣйкою вилась до самой ольховой рощи. Когда Марѳуша отѣхала отъ меня на далекое разстояніе, я вдругъ остановилъ своего коня и сталъ смотрѣть ей вслѣдъ...

Вотъ она уже почти скрылась изъ глазъ, еще немного—и она совсѣмъ исчезнетъ подъ густымъ, зеленымъ покровомъ лѣса. Надо было спѣшить ей въ догонку. Инстинктивно нащупавъ кистень, спрятанный у меня за поясомъ, я судорожно сжалъ его рукой. Сердце мое сильно и неровно колотилось въ груди. Я чувствовалъ, что насталъ рѣшительный моментъ, что нельзя больше медлить, а между тѣмъ робость предательски закрадывалась въ мою душу. «А ну, какъ не удастся, помѣшаютъ или застанутъ на мѣстѣ преступленія? Вѣдь пропалъ тогда, совсѣмъ пропалъ!» «Пустое!—тотчасъ же утѣшалъ я самого себя.—Дѣло задумано чисто, не будетъ никакихъ слѣдовъ».

Хуже всего то, что я не ощущалъ въ своемъ сердцѣ настоящей, глубокой ненависти къ Марѳушѣ и лишь тщетно старался настроить себя на такой ладъ. Однако я считалъ, что отступать отъ намѣченнаго плана теперь уже и поздно и бессмысленно. Нѣтъ, надо рѣшиться... Надо, надо,—настойчиво твердилъ я про себя, стараясь вызвать въ своемъ воображеніи образъ отсутствующей невѣсты въ самыхъ заманчивыхъ, обольстительныхъ краскахъ. Мысль о ней разжигала и ободряла меня. Нѣтъ, надо рѣшиться, нечего малодушничать и трусить... Жребій брошенъ!»

И, прищпоривъ коня, я помчался галопомъ по направленію къ рощѣ. Когда я доскакалъ до нея, Марѳуша уже возвращалась назадъ.

— Стой, стой, Марѳуша!—крикнулъ я ей еще издали—Я хочу привязать лошадь къ дереву и прилечь на травку... И тебѣ совѣтую послѣдовать моему примѣру... Сейчасъ я помогу тебѣ вылѣзть изъ шарабана.

Не торопясь, я слѣзъ съ лошади и дрожащими руками привязалъ ее къ древесному суку, потомъ взялъ подъ уздцы Ястреба, подвелъ его къ другому дереву и продѣлалъ съ нимъ ту же операцію.

Мареуша между тѣмъ вышла изъ экипажа и первая легла на траву.

— А вѣдь и правда!—воскликнула она, нѣжась на мягкомъ, душистомъ, зеленомъ коврѣ и вытягиваясь всѣмъ тѣломъ,—какъ здѣсь хорошо полежать! Такъ хорошо, такъ хорошо — умирать не нужно...

При послѣднихъ словахъ ея я весь задрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и молча поспѣшилъ подойти къ ней сзади. Она запѣла какую-то пѣсню. У меня мурашки забѣгали по тѣлу, въ глазахъ показались темные круги. Я уже готовъ былъ колебаться, но образъ моей прелестной невѣсты опять всплылъ въ затуманившемся мозгу и наполнилъ сердце ненавистью къ Мареушѣ... Ждать нечего было. Я стремительно выхватилъ изъ-за пояса кистень и со всего размаху ударилъ имъ свою жертву по головѣ. Желѣзная гирька припала ей прямо въ лѣвый високъ, раздробила его, и алая струйка крови потекла по лицу несчастной женщины, которая едва успѣла лишь слабо вскрикнуть.

Я не знаю, что со мной сдѣлалось. Опьянилъ ли меня видъ крови, или другое что, но мнѣ показалось мало одного удара, и я съ какимъ-то непонятнымъ остервенѣниемъ принялся наносить убитой одинъ ударъ за другимъ, пока все лицо ея не превратилось въ кровавую массу. Тогда только я опомнился и началъ дѣйствовать съ бѣльшимъ хладнокровіемъ.

Прежде всего нужно было замести слѣды преступленія. Но какъ? На этотъ счетъ у меня былъ заранѣе выработанъ довольно хитроумный планъ. Вотъ что я сдѣлалъ: я поднялъ мертвое тѣло съ земли и положилъ его въ шарабанъ поперекъ, такъ, чтобы голова немного свѣшивалась внизъ; потомъ я взялъ вожжи и крѣпко обмоталъ ими руки убитой; послѣ этого я отвязалъ Ястреба, вывелъ его на дорогу и вдругъ изо всей силы ударилъ его хлыстомъ по бедрамъ: разъ, два! При этомъ еще пронзительно гикнулъ ему вслѣдъ...

Ястребъ, какъ шальной, рванулся впередъ, вытянулъ шею и, свернувъ съ дороги, бѣшено помчался, куда глаза глядятъ, по травѣ и по кочкамъ. Я видѣлъ издали, какъ тѣло несчастной Мареуши совсѣмъ спустилось внизъ, какъ оно долго волочилося по землѣ и билось головой о колеса экипажа...

Вѣсть о томъ, что «Мареу Терентьевну разбила лошадь», съ быстротою молніи разнеслась по Курбатовкѣ и ея окрестностямъ, а истинная причина трагической смерти молодой женщины такъ и осталась навсегда глубокой, непроницаемой тайной.

Что касается меня, то до самыхъ похоронъ Мареуши я чувствовалъ себя спокойно или, вѣрнѣе, ко всему, что происходило передо мной, относился съ какимъ-то тупымъ равнодушіемъ, но лишь только тѣло было предано землѣ, какъ меня начали грызть тоска и раскаяніе. Я какъ будто теперь только понялъ всю гнусность совер-

шеннаго мною злодѣянiя и ужаснулся того, что сдѣлалъ. Какъ я могъ дойти до этого? Какъ я могъ убить человѣка съ такимъ спокойствiемъ и кладнокровiемъ? Вѣдь, въ сущности, я не питалъ даже никакой особенной злобы къ этой женщинѣ, я просто боялся, что она помѣшаетъ моему счастью, животный эгоизмъ заговорилъ во мнѣ, и я рѣшилъ отъ нея избавиться: случайно мнѣ пришелъ въ голову наиболѣе безопасный способъ убiйства, и я воспользовался имъ.

Но теперь я не могъ вспомнить безъ содроганiя о томъ, что я сдѣлалъ. Какъ потерянный, бродилъ я по усадьбѣ, нигдѣ не находя себѣ мѣста. Мнѣ казалось, что я схожу съ ума... И странное дѣло: меня совѣтъ не тянуло въ Москву, къ покинутой мною невѣстѣ, ради которой я совершилъ ужасное злодѣянiе. Напротивъ, я старался даже не думать о ней.

Всѣ мои мысли были сосредоточены на убитой Марешѣ, образъ которой не давалъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. «Ахъ, Боже мой, что же я надѣлалъ такое?»—вдругъ вырывалось у меня громкое восклицанiе среди ночной тишины, и я вскакивалъ съ постели, весь покрытый холоднымъ потомъ. Иногда мнѣ начинало казаться, что всѣ знаютъ о моемъ преступленiи, но не хотятъ меня огорчить и притворяются незнающими. Нѣсколько разъ я пытливо всматривался въ выраженiе лица своего дворецкаго Тихона и, когда онъ однажды черезчуръ пристально на меня взглянулъ, я поспѣшилъ смущенно опустить глаза внизъ. Нервы мои до того были напряжены, что каждый малѣйшiй стукъ или шорохъ заставляли меня вздрагивать. Я точно ждалъ, что вотъ-вотъ придутъ сейчасъ и закуютъ меня въ кандалы. Колокольчикъ ли послышится вдали—у меня сейчасъ въ головѣ мысль: а не ѣдетъ ли становой приставъ съ понятыми? Я и смѣшонъ и жалокъ былъ самому себѣ. «Несчастный! Самъ устроилъ себѣ пытку... О, если бы я могъ предвидѣть послѣдствiя, если бы я только зналъ, какiя душевныя терзанiя придется мнѣ испытывать вскорѣ послѣ совершенiя преступленiя, конечно, я не совершилъ бы его никогда!»—мысленно признавался я самому себѣ и съ содроганiемъ думалъ о томъ, что теперь уже все кончено, что всю жизнь я буду носить въ душѣ позорное клеймо убiйцы.

«Всю жизнь меня будетъ мучить совѣсть!»—воскликнулъ я съ ужасомъ и подумалъ: «Да стоитъ ли жить послѣ этого? Не лучше ли покончить съ собой? Да, да, въ самомъ дѣлѣ: лишитъ себя жизни сейчасъ же, сiю минуту»...

И рука моя уже торопливо хваталась за пистолетъ, но какой-то голосъ изнутри явственно шепталъ мнѣ:

— Нѣтъ, ты не долженъ этого дѣлать, не смѣешь. Чего ты достигнешь тѣмъ, что убьешь себя? Ничего, кромѣ того, что сдѣлаешь новое, столь же тяжкое преступленiе! Наконецъ, лишитъ себя жизни—это черезчуръ уже легкiй выходъ изъ твоего положенiя. Напротивъ,

ты обязанъ жить, обязанъ страдать и мучиться, и чѣмъ сильнѣе будутъ твои страданія, тѣмъ лучше, ибо пусть хоть это будетъ вполне заслуженнымъ тобою возмездіемъ! Но у тебя есть еще другое средство, съ помощью котораго ты могъ бы, хоть отчасти, искупить свой грѣхъ. Ты богатъ, кто мѣшаетъ тебѣ весь остатокъ своей жизни, которую до сихъ поръ ты лишь безсмысленно прожигалъ, посвятивъ дѣятельности на пользу ближнихъ, помогать бѣднымъ, благотворить имъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ? Вотъ возьми, въ самомъ дѣлѣ, да и раздай имъ весь излишекъ отъ своего огромнаго богатства, а себѣ оставь лишь самое необходимое!

Неожиданная идея эта заставила радостно забиться мое сердце.

«Чудесная мысль! Надо осуществить ее, во что бы то ни стало,— тотчасъ же рѣшилъ я мысленно.—Бѣжать, бѣжать отсюда скорѣй.. Но куда? Въ Москву? Нѣтъ, лучше въ Петербургъ, чтобъ ничто не напоминало о прошломъ. Тамъ я начну совершенно иную, обновленную жизнь, займусь дѣломъ, а черезъ много лѣтъ, можетъ быть, уже подъ старость снова вернусь въ Бѣлокаменную, гдѣ доживу остатокъ дней».

Я такъ и сдѣлалъ. Немедленно собрался въ путь и уѣхалъ. Прѣзжая черезъ Москву, я послалъ невѣстѣ своей длинное, горячее письмо, въ которомъ просилъ ее великодушно простить меня за то, что я нарушилъ данное ей слово. «Я рѣшилъ никогда не жениться, — закончилъ я свое посланіе, — и, вѣроятно, уйду въ монастырь».

Судьба, однако, рѣшила не совѣмъ такъ, какъ я предполагалъ. Въ Петербургѣ я дѣйствительно прожилъ лѣтъ двадцать, но тамъ же я и женился, пожертвовавъ предварительно большую часть своего огромнаго состоянія на разныя благотворительныя дѣла.

Въ Москву я вернулся далеко еще не старымъ человѣкомъ, но уже сильно изломаннымъ жизнью, преждевременно состарившимся. Денегъ у меня было тысячъ пятьдесятъ, кромѣ того, я имѣлъ домъ на Пречистенкѣ, купленный еще покойнымъ моимъ отцомъ,—вотъ все, что осталось отъ моего прежняго богатства.

Теперь я уже дряхлый старикъ, и мнѣ недолго осталось жить. Съ тревогой оглядываюсь я на свое прошлое и думаю, что какъ я ни старался искупить свой тяжкій грѣхъ, едва ли я искупилъ его даже наполовину. Я все-таки умру великимъ грѣшникомъ.

И вотъ моя послѣдняя, предсмертная просьба: пусть всякій, кто прочтетъ то, что написано въ этой тетради, пожалѣетъ меня и помолится Богу о спасеніи моей многогрѣшной души.

---

Когда чтеніе рукописи было окончено, всѣ трое погрузились въ мрачное раздумье. У всѣхъ блеснули слезы на глазахъ, и никто не рѣшался заговорить. Вдругъ отворилась дверь, и вошелъ Бобочка



съ сіяющимъ, по обыкновенію, легкомысленно-безпечнымъ выраженіемъ лица. Когда онъ узналъ, что происходило безъ него, то съ своей стороны тоже захотѣлъ познакомиться съ дѣдушкиной рукописью, однако прочитавъ ее полѣнился и попросилъ рассказать ему содержаніе «исповѣди». Просьба его была уважена. Бобочка вздохнула и на минуту сдѣлался грустенъ. А Вовочка, какъ всегда, началъ философствовать.

— Въ сущности, меня больше всего интересуесть здѣсь юридическая сторона вопроса,—сказалъ онъ, обращаясь больше къ отцу, который былъ присяжнымъ повѣреннымъ.—Вотъ человекъ совершилъ преступленіе и даже такое страшное преступленіе, какъ убійство, а между тѣмъ формальнаго наказанія не понесъ. Ну, что же: зло это или благо съ точки зрѣнія правосудія? Вѣдь въ данномъ случаѣ вышло одно только хорошее: преступникъ остался равноправнымъ членомъ общества и имѣлъ, кромѣ того, возможность принести этому обществу огромную пользу...

— Ничего хорошаго не вышло, — пресерьозно возразилъ Бобочка. — Еслибъ дѣдушку сослали, то онъ не растратилъ бы своего состоянія, и мы были бы теперь милліонерами... Вотъ это я понимаю!

— Ну, да, ты только то и понимаешь, что тебя лично касается, потому что ты эгоистъ до мозга костей, — замѣтилъ Вовочка, но старшій братъ тотчасъ же огрызнулся въ отвѣтъ:

— А ты что такое? Альтруистъ? Пожалуй, на словахъ-то!

— Дѣти, дѣти, не ссорьтесь! Ахъ, какіе же вы! — упрекнула ихъ Татьяна Львовна и покачала головой.

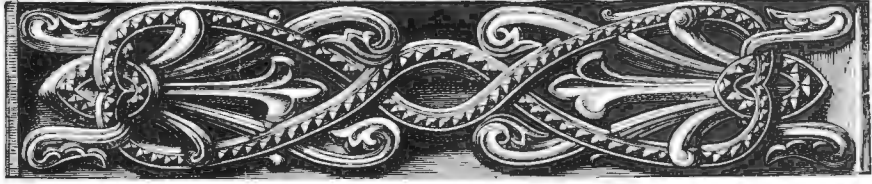
Въ это время заговорилъ Владимиръ Петровичъ.

— Разумѣется, карательныя мѣры не во всѣхъ случаяхъ могутъ быть полезны и пригодны, — началъ онъ авторитетнымъ тономъ, — но вѣдь не слѣдуетъ же отсюда, что уголовная репрессія совсѣмъ не нужна? Напротивъ, въ большинствѣ случаевъ наказаніе совершенно неизбѣжно, а когда оно является излишнимъ, или когда примѣнять его неудобно, долженъ указывать судъ общественной совѣсти...

И старшій юристъ долго еще разсуждалъ на эту тему, поучая молодыхъ.

Кн. Б. А. Щетининъ.





ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПЕТЕРБУРГСКАГО ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРА  
Ө. Ф. ДУБИССА-КРАЧАКА <sup>1)</sup>.

VI.



НЕРЕЗЪ нѣсколько дней послѣ прикомандированія меня къ участку Мироновича настала ранняя весна (въ мартѣ), и быстро началъ таять снѣгъ на улицахъ. Это время было при Треповѣ хлопотливое и опасное въ смыслѣ наказанія за неисполненіе распоряженій объ очисткѣ улицъ. Было приказано скалывать ледъ на улицахъ. Это—«Треповская весна», какъ тогда критиканы-домовладѣльцы называли Треповскую заботливость объ очисткѣ улицъ и объ исправномъ пути по нимъ.

Исполняя въ точности приказаніе пристава, я ежедневно въ 6 часовъ утра появлялся на улицахъ и понуждалъ дворниковъ къ работамъ, постоянно побаиваясь, какъ бы не получить замѣчанія за неуспѣшность работъ. Однажды, въ 8 часовъ утра, къ дому гробовщика Шумилова на Литейномъ проспектѣ подъѣхалъ полицеймейстеръ нашего отдѣленія, полковникъ Угрюмовъ (умершій въ 1872 году), вмѣстѣ съ Мироновичемъ; вошли они во дворъ дома Шумилова, куда Мироновичъ позвалъ и меня; начался осмотръ люковъ и деревянныхъ пролетовъ отъ сортировъ въ домѣ; осмотръ производился Угрюмовымъ по приказанію Трепова, вслѣдствіе доноса о томъ, что домъ содержится крайне грязно.

Доносъ вполне подтвердился, потребовалось составить протоколъ, околоточнаго надзирателя на мѣстѣ не было. Мироновичъ

<sup>1)</sup> Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1903 г., т. ХСІ, стр. 118.

самъ протоколовъ не составлялъ; не составлялъ ихъ, вѣроятно, и Угрюмовъ, и онъ, ни къ кому не обратясь, сказалъ: кто-жъ будетъ протоколъ писать? «Позвольте, я напишу»,— былъ мой отвѣтъ полковнику; тотъ сказалъ: пожалуйста,— и я, обученный Бочарскимъ, что о всякомъ дѣяніи полицейскаго чиновника, вызывающемъ потребность въ протоколѣ, протоколъ этотъ долженъ быть написанъ тѣмъ же полицейскимъ чиновникомъ собственноручно, досталъ письменныя принадлежности, и вскорѣ протоколъ былъ готовъ. Когда я прочиталъ протоколъ, Угрюмовъ былъ видимо очень доволенъ, похвалилъ меня за скорое и точное составленіе протокола и уѣхалъ съ докладомъ къ Трепову.

Это былъ первый мой дебютъ составленія протокола при начальствѣ, хотя до этого случая я много написалъ ихъ и нѣсколько понаторѣлъ, хотя и не былъ доволенъ собою.

Такъ тянулось время моего прикомандированія ко 2 участку Литейной части. Очистили улицы отъ зимней грязи, и къ 5 марта, какъ теперь помню, о снѣгѣ и помину не было, ѣздили на колесахъ, а 6-го марта, когда я былъ еще въ кровати, въ 7 часовъ утра вошелъ въ мою комнату Сенкевичъ и радостно заговорилъ: «кричите: Боже, царя храни!»—«Да что случилось?»—заволновался я.—«Кричите!»—настаивалъ Сенкевичъ, и я повторилъ кликъ.

Въ поясненіе пріема Сенкевича слѣдуетъ сказать, что еще въ Кронштадтѣ знакомый мой, капитанъ-лейтенантъ Піотровичъ, имѣлъ привычку произносить упомянутый возгласъ въ тѣхъ случаяхъ, когда особенно чѣмъ нибудь поражался; я перенялъ отъ него эту привычку и при сильныхъ душевныхъ движеніяхъ восклицалъ: «Боже, царя храни». Эту мою привычку уловилъ Сенкевичъ, и вотъ причина, по которой онъ, радуясь за меня, хотѣлъ примѣнить мою привычку при подходящемъ случаѣ. Вслѣдъ за тѣмъ Сенкевичъ подалъ мнѣ приказъ по полиціи, въ которомъ я прочелъ о назначеніи меня помощникомъ пристава 3-го участка Московской части.

Слава тебѣ, Господи! наконецъ-то кончились мои терзанія и неизвѣстность объ ожидавшей меня участи! Теперь я вступилъ въ колею, думалось мнѣ; это назначеніе давало мнѣ 125 рублей въ мѣсяцъ содержанія, а о большемъ я не могъ мечтать и не мечталъ.

Такимъ образомъ, моя горькая доля въ полиціи продолжалась отъ 28-го сентября 1870 года по 6 марта 1871 года, то-есть съ небольшимъ 5 мѣсяцевъ; нельзя не признать, что это очень короткій срокъ, и такое назначеніе породило много завистниковъ, такъ какъ были и такіе прикомандированные чиновники и офицеры, которые дожидались по два года и больше назначенія на такую же должность, но ожиданія не приводили къ цѣли. Были между ними и такіе, которые предсказывали мнѣ полную неудачу и удивлялись моему переводу изъ полка, и вдругъ такой, по милости Божіей, оборотъ!

Дѣйствительно, въ этомъ, какъ и въ послѣдующей моей службѣ и вообще въ жизни, я вижу только милость Божию, ибо никакой заступы у меня не было, а самъ я полагалъ такъ: если меня повысятъ помимо просьбъ, это дастъ мнѣ указаніе на мою пригодность къ службѣ, усилить мою энергію; если же я добьюсь повышения просьбами со стороны, то-есть протекціей, то и останусь въ неизвѣстности относительно своихъ личныхъ служебныхъ талантовъ, и этимъ соображеніемъ я руководствовался все время до оставленія мною службы, не только не заискивая для повышения, а напротивъ того, если видѣлъ, что требовалось только это заискиваніе, я начиналъ удаляться, чтобы сохранить возможную на службѣ независимость.

Простился со мною Мионовичъ очень дружески и радостно: «говорилъ же я тебѣ, что скоро назначать, вотъ и назначили!» — сказалъ онъ, пожелавъ мнѣ всякихъ успѣховъ, и я направился къ новому своему приставу.

Какъ въ Бочарскомъ я видѣлъ строгаго и суроваго службиста, человѣка порядка и непреклонной воли, такъ въ Мионовичѣ всѣ эти качества Бочарскаго находились въ полномъ отсутствіи: безалаберный, безъ всякихъ принциповъ и убѣжденій, склонный только къ увеличенію своего личнаго благосостоянія, падкій къ женщинамъ, что особенно было замѣтно, смотрѣвшій на службу, какъ на средство къ полученію всѣхъ нужныхъ ему благъ, къ тому же своенравный, вспыльчивый, нимало не искренній, — онъ производилъ на меня безотрадное впечатлѣніе, и какъ, оцѣнивая Бочарскаго, я думалъ, что мнѣ никогда не подняться до должности пристава, такъ при знакомствѣ съ Мионовичемъ я становился втупикъ относительно требованій, какія предъявляются Треповымъ къ офицерамъ, назначаемымъ на эту должность.

Я не могъ понять, какъ можно на одну и ту же должность назначать людей столь противоположныхъ качествъ, и только тѣмъ объяснялъ эту неравномѣрность, что тотъ и другой были получены Треповымъ въ наслѣдство отъ прежняго режима, и что Мионовичъ представлялъ собою послѣдняго изъ могиканъ; притомъ тогда я не понималъ трудности выбора полицейскихъ чиновниковъ.

Впослѣдствіи я убѣдился, что никакой равномѣрности и не можетъ быть при назначеніяхъ въ полицію, что выборъ на должности крайне затруднителенъ, что людей, вполне способныхъ и пригодныхъ къ дѣлу полицейской службѣ, такъ же трудно найти, какъ трудно между монахами указать на дѣйствительнаго подвижника, а дальнѣйшая моя служебная практика подсказала мнѣ, что настоящій полицейскій чиновникъ, если и не выше подвижника, то его синонимъ.

А, между прочимъ, я слышалъ рассказъ, что одинъ знакомый Трепова, назвавъ ему служившаго тогда (нынѣ умершаго) пристава,

спросилъ его: «Что вы, Ф. Ф., держите N.?—вѣдь онъ форменный подлецъ!»—«Э, батюшка, въ полициі и такіе годятся!»—былъ отвѣтъ Трепова; вотъ и разсуждай тутъ, какіе люди нужны въ полициі.

А я все-таки продолжаю думать, что суть остается вся въ томъ, что прискаты годнаго къ полицейской службѣ чловѣка и именно чловѣка при усвоенномъ взглядѣ на полицію такъ же трудно, какъ указать на дѣйствительнаго подвижника.

И сколько требуется качествъ отъ полицейскаго чиновника! Необходимо образованіе и чѣмъ выше, тѣмъ лучше, чтобы былъ психологомъ, понималъ бы жизнь не по наслышкѣ только, не изъ книгъ, съ каковыми познаніями поступилъ я, а въ дѣйствительности, чтобы обладалъ даромъ слова, имѣлъ бы благообразную внѣшность, чтобы былъ надѣленъ хорошимъ воспитаніемъ, крѣпкимъ здоровьемъ и вообще производилъ бы впечатлѣніе вполне порядочнаго чловѣка, а при всемъ томъ не былъ бы корыстолюбивъ, имѣлъ бы мягкое сердце и непреклонную волю и усвоилъ бы себѣ девизъ, что скромная и нравственная жизнь украшаетъ полиціанта, какъ цвѣты украшаютъ садъ...

И не перечислить мнѣ всѣхъ перловъ, присущихъ чловѣку, избравшему полицейскую службу, по сознанію той великой пользы, какую долженъ онъ приносить обществу, если только это сознаніе руководитъ его дѣйствіями,—въ противномъ случаѣ получается субъектъ, вполне антипатичный и возбуждающій къ себѣ именно ту брезгливость, какою и даритъ полиціанта общество.

Между тѣмъ добрыя отношенія общества къ полициі чрезвычайно важны во всѣхъ отношеніяхъ, въ особенности, когда въ обществѣ происходятъ всякія движенія. Мнѣ думается, что если бы въ обществѣ было больше довѣрія и симпатіи къ правящимъ вообще и къ полициі въ частности, то многія катастрофы конца 70-хъ годовъ не могли бы имѣть мѣста у насъ.

Но это сужденіе между прочимъ. Продолжу свои воспоминанія о томъ, какъ я отправился къ новому своему начальнику, приставу 3 участка Московской части, капитану Герасимову. Платонъ Панфиловичъ Герасимовъ былъ по специальности архитекторомъ, около 35 лѣтъ, небольшого роста, бѣлокурый, худощавый, съ умнымъ лицомъ, на которомъ выражалась какъ бы боязливость, точно онъ чувствовалъ, что каждую минуту надъ нимъ стряется какая нибудь бѣда. Принялъ меня Герасимовъ очень просто, дружелюбно, чѣмъ произвелъ на меня успокаивающее впечатлѣніе. Не было въ немъ сухости и абстрактности Бочарскаго, ни излишней безшабашности и фамильярности Мироновича; Герасимовъ всѣмъ существомъ своимъ сразу внушалъ къ себѣ расположеніе, не скажу—довѣріе, потому что упомянутое мною боязливое выраженіе его лица возбуждало сочувствіе къ нему или сожалѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе прійти къ нему на помощь въ невѣдомой его тревогѣ.

Все вмѣстѣ взятое возбудило во мнѣ радостное чувство; мнѣ представлялось, что я возродился и возвратился въ свой домъ, ничто меня не страшило въ этомъ симпатичномъ начальникѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалась потребность быть ему полезнымъ, при каковыхъ ощущеніяхъ я съ большимъ рвеніемъ принялся за свои обязанности.

Герасимовъ былъ человѣкъ вполне развитой; помимо того, что онъ зналъ службу и лично занимался всякимъ дѣломъ и письменнымъ, и по наружному надзору, онъ слѣдилъ и за умственнымъ движеніемъ въ обществѣ: читалъ газеты и разныя книги, каковыхъ наклонностей я впослѣдствіи мало замѣчалъ между полицейскими офицерами. Быть можетъ, и Бочарскій въ своей частной жизни имѣлъ такія же привычки, но я зналъ его только по службѣ и не могъ опредѣлить иныхъ его наклонностей; Герасимовъ же, какъ человѣкъ холостой, былъ болѣе доступенъ: очень часто, прочитавъ что нибудь занимательное, онъ звалъ меня въ свой кабинетъ и дѣлился впечатлѣніями. Такія отношенія ко мнѣ Герасимова дѣйствовали на меня примиряюще съ полицейскими обязанностями и заставляли забывать тѣ испытанія, какія мнѣ пришлось вынести отъ холодности и угрожавшей дѣловитости Бочарскаго и отъ полнаго разгильдяйства Мироновича; я служилъ съ полнымъ наслажденіемъ, благодаря судьбу и желая, чтобы такая моя служебная обстановка продолжалась возможно дольше.

Прослужилъ я съ Герасимовымъ отъ марта 1871 г. по сентябрь или октябрь того же года и ни разу ни словомъ, ни дѣломъ, а съ моей стороны ни помышленіемъ, между нами не произошло ни малѣйшаго неудовольствія. И не могло быть никакого повода къ тому, такъ какъ Герасимовъ относился къ службѣ крайне точно и открыто, если можно такъ сказать, т.-е. безъ малѣйшаго крючкотворства; къ публикѣ былъ привѣтливъ, сочувственъ; отъ меня и отъ всѣхъ подчиненныхъ требовалъ точно такого же отношенія къ службѣ, какое онъ самъ проявлялъ, и весь этотъ режимъ такъ согласовался съ моимъ взглядомъ на службу, что исполнить приказаніе Герасимова, заслужить его одобреніе, было моимъ пресердечнымъ желаніемъ.

Здѣсь будетъ кстати сказать о весьма щекотливомъ дѣлѣ, именно объ отношеніи полиціи къ обывателямъ-собственникамъ въ матеріальномъ отношеніи, т.-е. о взяткахъ, въ которыхъ полицію обвиняютъ поголовно.

Слышалъ такое обвиненіе и я, когда служилъ въ полку, почему питалъ къ полициі пренебреженіе и на полицейскаго чиновника смотрѣлъ, какъ на вмѣстилище всяческой нравственной гадости; мнѣ казалось, что полицейскій чиновникъ только и помышляетъ о томъ, какъ бы совершить каждому, кто съ нимъ столкнется, какую нибудь каверзу. Этотъ взглядъ на полицію, созданный отчасти

и тогдашнимъ направлениемъ литературы, долго удерживалъ меня отъ окончательнаго рѣшенія—искать исхода въ полицейской службѣ, и рѣшенію этому поспособствовала слава Трепова, которую онъ создалъ себѣ своими преобразованиями полиціи и личными качествами.

По переводѣ, будучи у Бочарскаго, хотя я и не могъ получать подтвержденія моего мнѣнія о зловредности полицейскаго чиновника, но все же сердце мое не лежало къ видѣнному мною; у Мироновича же я пришелъ къ тому заключенію, что все мною слышанное о полиціи въ невыгодномъ для нея свѣтѣ совмѣщается въ Мироновичѣ и въ обстановкѣ, имъ созданной; и только у Герасимова я увидѣлъ совсѣмъ иное поведеніе, не отгалкивавшее меня отъ полицейскаго чиновника, а заставлявшее съ большимъ интересомъ вдумываться въ жизнь невѣдомой мнѣ среды и понять смыслъ ея.

Пока я былъ прикомандированнымъ офицеромъ, функции котораго ограничиваются только исполненіемъ приказаній почти по каждому поручаемому дѣлу, я не могъ замѣтить отношеній обывателей къ приставу и его помощнику; чувствовалъ только инстинктивно, что у Мироновича дѣло велось нечисто, но точно и подробно относительно взятокъ ничего не зналъ. Дѣло въ томъ, что до Трепова петербургская полиція получала крайне ограниченное содержаніе; напримѣръ, бывшій квартальный надзиратель, почти то же, что нынѣшній приставъ, получалъ что-то около 16 рублей въ мѣсяцъ—не болѣе (а нынѣшній приставъ 200 рублей слишкомъ), и въ дополненіе къ столь скудному окладу былъ установленъ обычай: на Новый Годъ и на Пасху, принося поздравленіе, посылать извѣстныя денежныя подачки: квартальному надзирателю, частному приставу, полицеймейстеру и самому оберу-полицеймейстеру; обычай этотъ, какъ бы узаконенный, до того строго и точно соблюдался, что императоръ Николай I посылалъ праздничныя каждый разъ по 100 р. тому квартальному надзирателю, въ кварталѣ котораго находился Зимній дворецъ.

Преобразовывая полицію и соображая, что не можетъ полицейскій чиновникъ быть справедливымъ къ своимъ обывателямъ, если онъ зависитъ всецѣло отъ ихъ щедрости, Треповъ, установивъ столь приличное содержаніе, что на него въ то время можно было существовать безбѣдно, воспретилъ чинамъ полиціи принимать праздничныя деньги, хотя бы таковыя и добровольно присылались домовладѣльцами или разными промышленниками и торговцами, заинтересованными въ благорасположеніи полиціи. Такое распоряженіе Трепова было крайне не по вкусу старослуживымъ полицейскимъ чиновникамъ, ибо если новые оклады и обезпечивали жизнь ихъ, а для вновь поступающихъ въ полицію представлялись блаженствомъ, но сумма прежнихъ праздничныхъ въ населенныхъ и торговыхъ кварталахъ превышала въ 4—5 разъ окладъ новаго жа-

лованья, и потому старые квартальные, обратившіеся въ приста-  
вовъ, втихомолку, съ большой осторожностью, принимали прино-  
шенія, за что при обнаруженіи подвергались изгнанію безъ всякаго  
снисхожденія. Брали и пристава, и ихъ помощники, и околоточные,  
и полицеймейстры, даже и досужіе прикомандированные, и въ такой  
степени брали, что однажды, когда уже я былъ приставомъ, при  
общемъ представленіи Трепову всѣхъ чиновъ наружной полиціи,  
что происходило 3-го числа каждаго мѣсяца, онъ высказалъ: «ко  
мнѣ поступаютъ жалобы на вымогательства; теперь, пишутъ  
мнѣ, хуже, чѣмъ было прежде; прежде знали квартальнаго и при-  
става и несли имъ, а теперь и околоточному подай и помощнику  
пристава подай! Предупреждаю, чтобы этого не было, чтобы не  
было вымогательствъ». Замѣчательно, что и Треповъ съѣхалъ только  
на «вымогательствѣ»: не о запрещеніи принимать праздничныя,  
какъ то имъ же было указано вначалѣ, а только о вымогательствѣ  
рѣчь шла уже въ 1874 году, т.-е. спустя почти 10 лѣтъ послѣ  
реформы.

Очевидно и самъ Треповъ при его необычайной энергіи началъ  
снисходительно относиться къ натиску гидры, иначе жадѣ на-  
живы, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе завладѣвавшей обще-  
ствомъ. Треповъ имѣлъ много враговъ въ высшихъ сферахъ, ра-  
зумѣется, изъ зависти, такъ какъ пользовался большимъ довѣріемъ  
у императора Александра II и многое доводилъ до его свѣдѣнія  
такое, о чемъ многіе желали бы подчасъ и сами позабыть.

Такіе-то господа завистники всячески старались осуждать всѣ  
дѣйствія Трепова и косвенно возбуждать противъ него даже слу-  
жащихъ въ полиціи; такъ, въ 1876 году, одно высокопоставленное  
лицо, владѣвшее домами въ 3 уч. Спасской части, получивъ до-  
кладъ отъ своего управляющаго о томъ, что приставъ сказаннаго  
участка не принимаетъ праздничныхъ, распорядилось пригласить къ  
себѣ безсребренника.

Явился къ нему капитанъ Орловъ и услышалъ такую рѣчь са-  
новника: «такъ благодаренъ вамъ за ваше отношеніе къ моимъ  
домамъ, что желалъ бы поблагодарить васъ; между тѣмъ мой  
управляющій доложилъ мнѣ, что вы не приняли моего конверта;  
почему это, скажите?» Приставъ отвѣтилъ—почему, и добавилъ,  
что градоначальникъ строжайше запретилъ принимать праздничныя.  
«Что вашъ Треповъ!—возразилъ генераль.—Какое онъ имѣетъ  
право воспрещать мнѣ распоряжаться моимъ имуществомъ! Я прошу  
васъ принять отъ меня подарокъ, и притомъ за все то время, ко-  
торое вы состоите въ этомъ участкѣ приставомъ»,—и протянулъ  
приставу конвертъ, а въ томъ конвертѣ было вложено 300 рублей.

Вотъ объ этихъ-то праздничныхъ при назначеніи меня помощни-  
комъ пристава я имѣлъ смутное понятіе, и дѣятельность Гераси-  
мова, если бы таковая походила на обычаи квартальныхъ надзи-



рателей, несомнѣнно многое уяснила бы мнѣ; но ни разу я не замѣтилъ ни малѣйшаго явственнаго пристрастия къ обывателямъ; мало того, если бы въ участкѣ были приняты праздничные обычаи, то таковые отразились бы и на мнѣ; непременно какой нибудь добродушный домовладѣлецъ, улаживая пристава, вспомнилъ бы и обо мнѣ, но за все время моего служенія съ Герасимовымъ и съ другими приставами этого участка я ни отъ кого не получалъ никакой благодѣтельности. Разъ только, помню, послѣ моей женитьбы, участковый паспортистъ, старинный полиціантъ, подошелъ ко мнѣ и передалъ слѣдующе: «*О. Ф., у насъ въ участкѣ живетъ извѣстный парфюмеръ Рузановъ, домъ свой имѣетъ на Загородномъ,—такъ вотъ онъ узналъ, что вы женились, прислалъ свертокъ съ парфюмеріей и просилъ передать вамъ для молодой жены*». Это происходило уже послѣ Герасимова. Меня удивило такое предложеніе, совѣстно стало, и я отвергъ свертокъ, но старикъ паспортистъ сталъ доказывать мнѣ, что свертокъ и для меня не составляетъ интереса, тѣмъ болѣе для Рузанова, и если я отошлю даръ обратно, это очень обидитъ старика; послалъ же онъ духи свои потому, что лично съ вами не знакомъ, и самому поздравлять васъ было бы и того неумѣстнѣе, а онъ такой добрякъ, что любитъ услужить! Примите!» Выслушавъ я эти резоны и подумавъ, что въ нихъ есть основаніе; что отказомъ отъ духовъ я выкажу свою гордость и формализмъ, а потому рѣшилъ принять духи съ тѣмъ, чтобы больше не обращались ко мнѣ съ такими любезностями, такъ какъ оныя для меня крайне стѣснительны,—и не обращались.

Могу сказать — блаженствовалъ я съ Герасимовымъ и врачевалъ свои раны, полученныя на первыхъ порахъ своей новой службы; блаженство мое еще болѣе увеличилось тѣмъ, что съ полученіемъ новой должности я получилъ возможность довершить затѣяннае мною дѣло женитьбы, и 15 августа 1871 года въ церкви св. Станислава въ Коломнѣ былъ благословленъ союзъ мой съ незабвенной моей женой, Софьей Станиславовной, урожденной Войцеховской.

Такъ мирно, свѣтло, радостно тянулось время, весьма впрочемъ короткое; вскорѣ пошли разныя невзгоды и окончились печальной для меня катастрофой: 10 января 1872 года отъ преждевременныхъ родовъ жена моя умерла, и горю моему я не зналъ предѣловъ.

Къ этому кризису въ жизни моей подготавливали меня и дѣла служебныя.

Какъ ужъ я и говорилъ, Герасимовъ представлялся мнѣ лучшимъ изъ людей, а слѣдовательно и лучшимъ полиціантомъ, но очевидно и не знаю почему, не такого мнѣнія о немъ былъ Треповъ.

Случился какъ-то пожаръ въ участкѣ, и довольно сильный; пріѣхавъ на мѣсто и Треповъ; по обыкновенію, собралась толпа

любопытныхъ и въ такомъ количествѣ, что въ воротахъ горѣвшаго дома нельзя было свободно пройти Ф. Ф.; онъ разсердился, приставъ былъ внутри двора, гдѣ ему и быть надлежало, у дома онъ Трепова не встрѣтилъ, и когда потомъ подошелъ къ нему, то Треповъ раскричался на него, упрекая въ безпорядкѣ, на что Герасимовъ имѣлъ неосторожность возразить, что у него все въ порядкѣ. Этого возраженія довольно было, чтобы горячій, не всегда воздержный Ф. Ф. окончательно вышелъ изъ себя и, сказавъ Герасимову: «ахъ! у васъ все въ порядкѣ, все въ порядкѣ! такъ значитъ мнѣ здѣсь дѣлать нечего!»—уѣхалъ съ пожара. Герасимовъ передалъ мнѣ этотъ эпизодъ и свое предположеніе, что послѣ случившагося ему нельзя будетъ служить. Я протестовалъ противъ предчувствія, уговаривалъ его, самъ находясь въ полномъ отчаяніи отъ случившагося, но мои уговоры мало дѣйствовали на мнительнаго и недо-вѣрливаго Платона Панфиловича; онъ заключилъ наши дебаты предсказаніемъ, что я самъ увижу, насколько его предчувствіе справедливо.

Прошло нѣсколько времени послѣ этого злосчастнаго пожара, какъ ночью начальникъ сыскной полиціи Путиловъ лично (а это было событіемъ, такъ какъ для этихъ дѣлъ употреблялись чиновники сыскной полиціи) произвелъ провѣрку паспортовъ у рабочихъ одной мастерской и нашелъ 5 человѣкъ безпаспортныхъ. Такихъ безпаспортныхъ тогда и теперь во всякое время во многихъ мастерскихъ можно найти сколько угодно, но Треповъ нашелъ нужнымъ объявить объ этомъ случаѣ въ приказѣ по полиціи и, усматривая при томъ, что описанный случай доказываетъ плохой надзоръ за участкомъ пристава, нашелъ нужнымъ отчислить Герасимова отъ должности.

Хочу вѣрить, и, вѣроятно, у Трепова были свои основательныя соображенія къ отчисленію Герасимова, ибо чужая душа—потемки, но, когда въ день появленія приказа, проснувшись утромъ и взявъ приказъ (это я дѣлалъ во всю службу), прочиталъ статью объ отчисленіи Герасимова, слезы выступили изъ глазъ помимо моей воли. До того мнѣ было жаль Герасимова, и такъ я не могъ уяснить себѣ причины отчисленія его. Что же можно ожидать отъ службы полицейской, если такой прекрасный человѣкъ и служака, по моему мнѣнію, не можетъ быть увѣренъ, что, ложась спать приставомъ, на утро онъ встанетъ опшелоюваннымъ, лишеннымъ средствъ къ существованію, и притомъ по мотивамъ, вовсе ему неизвѣстнымъ или просто по капризу начальника. Это ужасно! это ужасно!—приговаривалъ я, плача и передавая женѣ о случившемся. Она была того же мнѣнія, такъ какъ знала Герасимова,—онъ бывалъ у насъ,—и была не менѣ моего поражена какъ бѣдой, постигшей уважаемаго нами человѣка, такъ и той участью, какой и я могъ подвергнуться независимо отъ своей воли.

## VII.

Назначенъ новый приставъ, капитанъ по армейской пѣхотѣ Э. В. фонъ-Ритчеръ. Большой разницы между бывшимъ и новымъ приставомъ я не нашелъ; Герасимовъ служилъ въ полици больше Ритчера и потому зналъ больше службу, но въ благородствѣ души трудно было отдать одному изъ нихъ предпочтеніе. Продолжалъ я свою службу попрежнему. Ритчеръ цѣнилъ мой трудъ, обращалъ на него вниманіе, и если бы не сожалѣніе о Герасимовѣ, какъ объ обиженномъ, по моему мнѣнію, я не почувствовалъ бы перемѣны въ лицахъ.

Вскорѣ послѣ назначенія Ритчера шелъ я однажды по Гороховой улицѣ, какъ вдругъ слышу сзади себя чей-то голосъ, зовущій меня по фамилии, обернулся и вижу полицеймейстера Угрюмова; я подошелъ къ нему, и онъ сказалъ мнѣ слѣдующее: «къ вамъ назначили новаго пристава; онъ—славный малый, но мало знаетъ службу, былъ все на Охтѣ, поддерживайте его и тѣмъ болѣе, что вамъ недолго придется тутъ служить, я хлопочу, чтобы васъ назначили приставомъ въ 1-мъ участкѣ Рождественской части».

Сказалъ и уѣхалъ такъ скоро, что я и не успѣлъ опомниться отъ неожиданности; мнѣ и въ голову не приходило, чтобы меня такъ скоро можно было назначить приставомъ; я не былъ еще и года на службѣ. Можно представить, какой радостью повѣяли на меня слова Угрюмова; я не мечталъ о повышеніи, а когда узналъ объ этой возможности, то струсилъ, считая себя недостаточно ознакомленнымъ со всѣми подробностями столь разнообразныхъ обязанностей, и невольно пожелалъ, чтобы чаша эта по возможности удалилась отъ меня; но я торжествовалъ въ душѣ, видя столь лестную оцѣнку своей кратковременной службы, и почувствовалъ къ Угрюмову великую благодарность и симпатію. Еще раньше, именно съ того времени, какъ мнѣ пришлось составлять протоколъ въ домѣ Шумилова, я пользовался вниманіемъ Угрюмова, но такого видимаго одобренія не ожидалъ. Само собою разумѣется, что о такомъ авансѣ никому, кромѣ жены, я не сообщилъ и съ трепетомъ ожидалъ, что авось прочитаю въ приказѣ свое назначеніе, и трусилъ, трусилъ безъ конца. Но Господь видимо руководилъ мною, что я неоднократно уже замѣчалъ, и на этотъ разъ назначеніе мое оттянулось, и, вѣроятно, потому, что добрѣйшій Иванъ Петровичъ Угрюмовъ умеръ въ началѣ 1872 года отъ скоротечной чахотки, полученной имъ на дежурствѣ у балагановъ на масленицѣ, гдѣ впоследствии было суждено и мнѣ много положить своего здоровья.

Въ началѣ 1872 года, вновь случилась перемѣна въ участкѣ: Ритчеръ былъ переведенъ въ 1-й участокъ Казанской части, а

вмѣсто него назначенъ бывшій уже приставомъ, но смѣщенный, служившій ранѣе полицеймейстеромъ гдѣ-то въ провинціи, штабсъ-капитанъ Зиновьевъ.

Это былъ экземпляръ совсѣмъ особый и не походилъ ни на одного изъ бывшихъ моихъ приставовъ.

Среднихъ лѣтъ, усвоившій себѣ особаго рода галантность общеармейскаго пошиба, Зиновьевъ былъ занятъ собой и до такой степени падохъ на женщинъ, что однажды вскорѣ по назначеніи, въ служебное время, зайдя неожиданно въ его служебный кабинетъ, я наткнулся на слѣдующую сцену: до меня въ кабинетъ Зиновьева вошла по дѣлу какая-то представительная и довольно элегантная еврейка, какъ показалось мнѣ, изъ низшаго полусвѣта, и въ занятіяхъ я не замѣтилъ, вышла ли эта дама обратно или еще у Зиновьева; отворивъ двери, я увидѣлъ, что Зиновьевъ, стоя посреди кабинета, цѣлуетъ израильтянку.

Былъ еще эпизодъ съ этимъ чудесникомъ: одинъ мой знакомый указалъ мнѣ на нѣкоего отставного писаря лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Данилова, какъ на производителя хорошихъ папиросъ; Даниловъ жилъ въ нашемъ участкѣ, и я началъ брать у него папиросы, платя по 4 рубля за тысячу, по какой цѣнѣ онъ приготавливалъ папиросы по старому знакомству офицерамъ Семеновскаго полка. Хотя мнѣ, какъ полицейскому офицеру, и слѣдовало знать, что продажа необандероленныхъ папиросъ воспрещается, но по неопытности и недавнему служенію я не зналъ этого закона и однажды угостилъ Зиновьева Даниловской папиросой; табакъ понравился ему, онъ спросилъ, гдѣ я покупаю папиросы и сколько плачу; подробно указавъ и адресъ Данилова, я совсѣмъ чистосердечно рекомендовалъ своего поставщика.

Прошло нѣсколько дней, я занимался въ участкѣ, какъ служитель доложилъ мнѣ, что жена Данилова желаетъ меня видѣть; удивленный такимъ неожиданнымъ желаніемъ и не понимая, чѣмъ оно вызвано, я вышелъ къ Даниловой, и она плача обратилась ко мнѣ: «О. Ф.! помогите! У насъ случилось несчастье! Г. приставъ сдѣлалъ у мужа обыскъ, нашелъ табакъ, папиросы и теперь составляетъ протоколъ». Чудесно. Что же я могъ сдѣлать? Я только тогда просвѣтился о всей несообразности своего поведенія и понималъ, что просить Зиновьева и вести разговоръ по этому дѣлу означало бы накликать на себя бѣду безъ всякой пользы для Данилова, и потому могъ только утѣшить жену его, сказавъ ей, что добрые люди не оставятъ безъ помощи ея мужа. И дѣйствительно, офицеры Семеновскаго полка, любя своего давнишняго поставщика, узнавъ о постигшемъ его несчастіи (конфисковано было много товара, да и штрафъ предстоялъ немалый), сложились и помогли ему не только покрыть убытки, но и уплатить штрафъ, а затѣмъ и открыть табачный магазинъ, въ которомъ Даниловъ

повелъ отличную торговлю и могъ вполне примѣнить къ себѣ по-словицу: «не быть бы счастью, да несчастье помогло!».

Другой анекдотъ еще лучше рисуется армейскаго Донъ-Жуана.

Въ одинъ злосчастный вечеръ, когда я занимался въ участкѣ, привели какого-то, состоявшаго на службѣ, унтеръ-офицера, пьянаго и натворившаго что-то, о чемъ нужно было непремѣнно составить протоколъ, что я и сдѣлалъ, распорядившись съ личностью провинившагося сына Марса. Это дѣяніе было въ моей компетенціи, и въ предварительномъ о томъ докладѣ Зиновьеву я не нуждался; но о случаѣ, по строгому требованію Трепова, должно было сейчасъ же послѣдовать и донесеніе ему, и это обстоятельство не поставило меня въ затрудненіе, такъ какъ всѣ докладныя записки о разныхъ происшествіяхъ въ участкѣ составлялъ, а нерѣдко и начисто переписывалъ, я самолично, что сдѣлалъ и въ этотъ разъ, но записку нужно было подписать приставу, такъ какъ помощники не были къ тому уполномочены Треповымъ, да и нелогично представлять главному начальству донесеніе отъ участка не за подписью главенствующаго въ участкѣ.

Какъ Герасимовъ и Ритчеръ постоянно находились въ участкѣ, кромѣ отлучекъ для наружнаго надзора по участку и вообще по службѣ, равно не вели знакомства съ обывателями участка, у нихъ не бывали и ихъ къ себѣ не принимали, такъ Зиновьевъ по прибытіи въ участокъ началъ съ того, что сдѣлалъ визиты всѣмъ выдающимся по богатству домовладѣльцамъ и высокопоставленнымъ по службѣ лицамъ, а затѣмъ весьма часто отлучался изъ участка неизвѣстно куда, посему и на тотъ разъ я спросилъ у слугителя, дома ли приставъ.

Служитель со свойственной въ такихъ случаяхъ солдатской улыбкой отвѣтилъ мнѣ, что «ихъ недавно пронесли по лѣстницѣ въ квартиру» (лѣстница была общая и для участковаго управленія и для пристава). Догадываясь, что въ болѣзненномъ состояніи трудно подписывать докладную записку такому пронизательному человѣку, какимъ былъ Треповъ, сознавая къ тому же, что посылка записки неизбѣжна, и промедленіе въ представленіи ея вызоветъ цѣлую бурю, а когда обнаружится истинная болѣзнь пристава, то послѣдуетъ и наказаніе, однако предвидя съ другой стороны, что, если записку подпишу я, за отсутствіемъ пристава, то опять же возбудится вопросъ объ этой отлучкѣ, и опять же наказанія не избѣгутъ... въ столь трудномъ фактѣ, не рѣшаясь рѣшить его, я обратился къ женѣ Зиновьева, Зинаидѣ Николаевнѣ, женщинѣ очень умной и истинному другу мужа.

Войдя въ кабинетъ, какъ было принято, я встрѣтилъ m-me Зиновьеву взволнованной; она подумала, что я видѣлъ торжественное перенесеніе мужа, но когда я объяснилъ дѣло, она пришла въ еще большее смятеніе. Стараясь успокоить бѣдную женщину, я заклю-

чиль свой разсказъ тѣмъ, что предоставилъ ея полному усмотрѣнію вопросъ, какъ поступить, и что она скажетъ, такъ я и сдѣлаю.

Было рѣшено, что на счастье подпишу записку я, какъ помощникъ, чтобы въ случаѣ возбужденія вопроса я могъ отговориться незнаніемъ, экстренностью дѣла, а еще предполагалось, что, быть можетъ, и счастье повезетъ, Треповъ не замѣтитъ отступленія отъ правила, и дѣло выгорить.

Но расчеты наши вышли невѣрными: Треповъ, прочитавъ записку, положилъ резолюцію: «А гдѣ г. приставъ?» Вотъ тебѣ и г. приставъ! Пришлось какъ-то изворачиваться Зиновьеву, и что онъ привелъ въ свое оправданіе (меня объ этомъ не спрашивали), не знаю, но финалъ вышелъ такой, что въ приказѣ было отдано объ арестѣ на три дня г. пристава; видно, Треповъ зналъ обычаи своихъ служащихъ.

Отсидѣлъ арестъ Зиновьевъ, прошло нѣсколько дней послѣ того, и участковый письмоводитель, очень порядочный и съ достоинствомъ, давно служившій старикъ Хонинъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «извѣстно ли мнѣ, какіе слухи обо мнѣ распускаетъ г. Зиновьевъ?» Я попросилъ г. Хонина разсказать объ этихъ слухахъ, и онъ просвѣтилъ меня, что Зиновьевъ въ желаніи обѣлить себя предъ сослуживцами оповѣстилъ между ними, что сидѣлъ онъ на гауптвахтѣ изъ-за меня, что я подвелъ его, какъ это и водилось зачастую: помощники приставовъ въ чаяніи назначенія на должность пристава старались дѣйствовать не къ общему благополучію въ участкѣ, а, напротивъ, выставляли на видъ всякія вольныя и невольныя прегрѣшенія своихъ принципаловъ, хотя почти всегда терпѣли фіаско въ своихъ стремленіяхъ и оставались вѣчными помощниками. Такой исходъ каверзныхъ стремленій помощниковъ очень естественный; дѣйствующій такъ помощникъ неминуемо обладалъ скверной душенкой; эта скверность не могла не проявиться и налагала скверную оцѣнку.

Услышавъ столь ужасныя для самолюбія и для достоинства моего новости, я спросилъ у Хонина, могу ли я указать Зиновьеву на него, какъ на вѣстника мрачной инсинуаціи, и къ величайшему своему удовольствію, даже къ удивленію, получилъ полное согласіе Хонина подтвердить свой разсказъ Зиновьеву и кому бы то ни было, такъ какъ онъ сильно возмущенъ такимъ поведеніемъ Зиновьева, платившимъ мнѣ вопіющей неблагодарностью за мои труды и успѣшное мое помощничество ему въ дѣлахъ службы.

Въ тотъ же день, по заведенному Зиновьевымъ обычаю, меня позвали въ его квартиру къ завтраку, и, принявъ зовъ, я рѣшился итти, но не завтракать, а для объясненій. Зиновьевъ по обыкновенію встрѣтилъ меня разными игривыми любезностями и пригласилъ откушать; то же повторила и жена его, но вмѣсто того, чтобы откушать, я попросилъ выслушать меня и разсказалъ все слы-

шанное мною отъ Хонина, умолчавъ объ источникѣ моихъ свѣдѣній.

Зиновьевъ торжественно и съ негодованіемъ отвергъ всѣ слухи, мною ему переданные, назвалъ ихъ полицейскими сплетнями, но когда я сказалъ, что для подтвержденія моихъ словъ могу указать на свидѣтеля и назвалъ Хонина, Зиновьевъ внезапно смутился; выразила немалое удивленіе и жена его. Нисколько не мѣшкая, я отворилъ дверь въ участковую канцелярію и, пригласивъ Хонина, попросилъ его передать свой рассказъ Зиновьеву. Хонинъ съ большимъ мужествомъ назвалъ тѣхъ полицейскихъ чиновниковъ, которые передавали слышанныя отъ Зиновьева инсинуаціи обо мнѣ. Играть комедію послѣ столь выразительнаго доказательства не приходилось, и, какъ только Хонинъ, рассказавъ все, удалился къ своимъ занятіямъ, Зиновьевъ, бросивъ притворство, прямо сознался, что онъ дѣйствительно подъ впечатлѣніемъ ареста высказывалъ обвиненія противъ меня и просилъ забыть этотъ непріятный эпизодъ, и когда я взволнованный и обиженный хотѣлъ итти, супруга силой удержала меня и заставила откушать, доказавъ тѣмъ, что я зла не помню и все предалъ забвенію.

Нечего было дѣлать, приходилось мириться съ дѣйствительностью, правда, горькою, служить съ такимъ неразборчивымъ на средства человѣкомъ, но иного исхода не было, и я продолжалъ служить, наблюдая крайнюю осторожность по отношенію къ своему принципалу.

Горькое то было время для меня: недавняя потеря жены угнетала меня нескончаемыми воспоминаніями; душа требовала пріятнаго окружающаго, а взамѣнъ этого я вращался въ обстановкѣ Мироновича, сглаженной нѣсколько армейскимъ шикомъ и лицемеріемъ, но Господь вскорѣ сжалился надо мною.

Въ одинъ декабрьскій вечеръ 1872 года я возвратился въ свою комнату послѣ вечернихъ занятій въ участкѣ и уже собирался лечь спать, какъ прислуга доложила, что какой-то господинъ изъ канцеляріи градоначальника хочетъ видѣть меня. Съ тревогой я приказалъ пригласить этого господина, и вошелъ субъектъ, назвавшій себя служащимъ въ упомянутой канцеляріи, и протянулъ мнѣ приказъ по градоначальству на слѣдующій день, обыкновенно печатаемый съ вечера, поздравилъ меня съ назначеніемъ на должность пристава во 2-й участокъ Литейной части, вмѣсто отчислившагося тѣмъ же приказомъ Мироновича.

Судьба...

И есть люди, философы, утверждающіе, что человѣкъ существо свободное, что никакой судьбы надъ нимъ быть не можетъ и т. д. Но какъ же назвать иначе все случившееся со мною въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ? Былъ у Мироновича прикомандированнымъ, и пришлось принимать отъ него должность! Перешелъ въ

полицію только для того, чтобы жениться, и это желаніе исполнилось, но когда предоставлена мнѣ лучшая доля, такъ какъ жизнь женатаго человѣка на 120 рублей въ Петербургѣ не большая же сладость,—той, которая по праву и по чувству должна бы раздѣлить со мною эту долю, что доставляло бы мнѣ величайшее удовольствіе, той, бывшей для меня еще такъ недавно мечтой, теперь уже не было на свѣтѣ!

Если бы неожиданное для меня назначеніе застало въ живыхъ мою жену, радости и конца бы не было, но назначеніе это въ моемъ скорбномъ одиночествѣ охватило меня не столь радостью, сколько страхомъ за будущее: въ службѣ я не былъ еще твердъ, путь служебный скользкій до послѣдней крайности и въ особенности для меня, недавно служащаго, стяжавшаго себѣ своимъ назначеніемъ бездну завистниковъ и злѣйшихъ недоброжелателей; одинъ, безъ всякой поддержки, безъ друга, съ которымъ можно было бы подѣлиться въ минуту жизни трудную, а имъ нѣсть числа въ службѣ полицейской, я взвѣсилъ все это и, благодаря Бога, нашелъ въ себѣ столько самообладанія, чтобы выше личной скорби доставить человѣческое достоинство и не посягнуть себя.

До этого назначенія я былъ очень мрачно настроенъ: постоянно хворалъ, ничто не занимало меня, обязанности свои могъ исполнять машинально и хотя все выходило не хуже, чѣмъ у другихъ, но про себя подумывалъ о томъ, что, вѣроятно, скоро придется прикончить съ жизнью; послѣ же назначенія, раздумавъ о той отвѣтственности, какая предстоитъ мнѣ въ новой должности, о томъ предпочтеніи, какое оказалъ мнѣ, молодому человѣку (мнѣ было 30 лѣтъ), мой высшій начальникъ Треповъ, я заставилъ себя овладѣть собою и во что бы то ни стало быть на высотѣ своего положенія.

Послѣ обычныхъ представленій (Треповъ сказалъ мнѣ: «служите, служите») я направился къ своему непрощенному пріятелю Мироновичу, и онъ встрѣтилъ меня тѣмъ же, что и при прощаньи: «ну, вотъ, я говорилъ тебѣ, что назначать, и назначили! А мнѣ надоѣла уже эта служба!». Однако жъ до понужденія Трепова со службы не уходилъ.

Прежде чѣмъ вспоминать прошлое изъ моего приставства, слѣдуетъ занести характерное отношеніе ко мнѣ Трепова послѣ смерти моей жены.

Въ томъ зданіи (городскомъ), гдѣ помѣстился 3-й участокъ Московской части, имѣлъ казенную квартиру старшій врачъ полиціи, докторъ Шабловскій, послѣдній изъ могиканъ бывшаго Виленскаго университета, и хотя я ни разу не говорилъ съ нимъ, даже и встрѣчать его не приходилось, почему я и въ лицо не зналъ его, старикъ почему-то обратилъ на меня свое вниманіе и, прослышавъ о постигшемъ меня несчастіи, о силѣ котораго онъ,



какъ человѣкъ проникательный, могъ вывести заключеніе и по наружному моему виду, — при случаѣ сказалъ обо мнѣ Трепову, совѣтуя уволить меня въ отпускъ, чтобы разсѣяться, и однажды совершенно неожиданно (обо всемъ этомъ дѣйствии Шабловскаго, — миръ праху его! — я узналъ много времени спустя) получилъ я телеграмму, приглашавшую меня явиться къ градоначальнику. Перепугался немало, а тѣмъ не менѣе явился, и Треповъ сказалъ мнѣ слѣдующія, характеризующія его слова: «а вы все хвораете, все хвораете! (онъ всегда говорилъ отрывисто, коротко и ясно) это нехорошо! Поѣзжайте въ отпускъ, поправляйтесь, скорѣй возвращайтесь! вы мнѣ нужны!».

Не могу выразить, какую отраду почувствовалъ я отъ столь отеческой заботливости столь прославившаго себя суровостью Трепова.

Мнѣ и въ мысль не приходило такое дерзновеніе, чтобы при столь недавнемъ служеніи, притомъ при столь скоромъ повышеніи по службѣ, да еще въ отпускъ проситься.

И вдругъ такое вниманіе, такая заботливость!

Не радость я встрѣтилъ при приѣмѣ участка отъ Мироновича. Судя по обстановкѣ, какую я нашелъ въ его управленіи, съ которой я уже отчасти былъ знакомъ, можно было заключить, что Мироновичъ свелъ все на нѣтъ, какъ бы доживая дни свои: кой-какая мебель въ участкѣ была поломана, канцелярскихъ принадлежностей для служащихъ почти не было; служебнаго кабинета у Мироновича не было, какъ и письменнаго стола для его занятій, а въ той комнатѣ, въ которой занимался письмоводитель, стоялъ тщедушный столикъ, на которомъ Мироновичъ иногда подписывалъ бумаги, для чего на столѣ стояла чернильница съ высохшими въ ней чернилами. Все это управленіе помѣщалось въ ветхомъ деревянномъ флигелькѣ во дворѣ дома, принадлежавшаго когда-то извѣстному доктору Шипулинскому, противъ Греческой церкви на Лиговкѣ. Домъ этотъ Мироновичъ держалъ въ арендѣ отъ наследниковъ Шипулинскаго и не желалъ, чтобы послѣ отчисленія его отъ должности въ арендуемомъ имъ домѣ помѣщался участокъ, о чемъ объявилъ мнѣ и добавилъ, что только ради меня онъ дозволяетъ пробить участку въ настоящей квартирѣ до новаго, то-есть 1873 года, и что для моего удобства онъ на это время предоставляетъ мнѣ помѣститься въ его квартирѣ, въ другомъ флигелѣ на томъ же дворѣ, самъ же онъ на праздники Рождества уѣзжаетъ съ женой въ свое имѣніе въ Гдовскомъ уѣздѣ, оставляя въ квартирѣ свою сестру, барышню, которая будетъ присматривать за квартирой и за удобствами для меня.

Хитроумно придумано, но тѣмъ не менѣе для меня не отрадно. Въ то время всѣ невзгоды вмѣстѣ съ повышеніемъ по службѣ сбрушились на меня: ежедневное пребываніе въ грязномъ помѣще-

ни, безъ всякихъ удобствъ и приспособленій для занятій, отталкивающій видъ служащихъ, видимое ихъ отчужденіе отъ меня и непріязнь, невозможность, въ особенности передъ праздниками, найти новую квартиру для участка, такъ какъ въ то время ни одинъ домовладѣлецъ не соглашался помѣстить въ своемъ домѣ участковое управленіе, боясь крика пьяныхъ, доставлявшихся въ управленіе, и стеченія разнаго чернаго народа. Къ этому затрудненію присоединялась боязнь впасть въ какую нибудь ошибку по службѣ, провалиться на первыхъ же порахъ, а при недружелюбій служащихъ это было весьма возможно; въ особенности враждебно, нимало того не скрывая, держалъ себя мой помощникъ, старый полиціантъ, прослужившій въ Москвѣ 20 лѣтъ и отличавшійся тамъ по сыскной части; эта старая полицейская крыса никакъ не могла примириться съ тѣмъ, что надъ нимъ, по его понятіямъ, неподражаемымъ знатокомъ полицейскаго дѣла и матерымъ полиціантомъ, поставленъ во главѣ почти неопитъ въ службѣ, нѣчто, по его оцѣнкѣ, въ родѣ мальчишки и щенка. Звали этого моего хулителя и недруга Катарскимъ; онъ всячески язвилъ и умалялъ значеніе водворявшихся мною порядковъ, и такъ какъ до меня не было никакого порядка, и эта сумятица была очень по сердцу Мироновичевскимъ молодцамъ, то, очевидно, всѣ они были на сторонѣ Катарскаго. Среди этого хаоса некуда было уйти съ своими душевными тревогами: знакомыхъ, тѣмъ менѣе друзей, я не имѣлъ, а покинутая Мироновичемъ барышня, ради соблюденія моихъ удобствъ, еще болѣе увеличивала мои тревоженія, такъ какъ и въ квартирѣ я не могъ уединиться, чтобы поразмыслить о своемъ положеніи и дать себѣ отчетъ во всемъ,—она караулила мой приходъ и не переставала проявлять свою заботливость тѣмъ, что не покидала меня въ одиночествѣ.

При иныхъ качествахъ этой особы такая ея заботливость могла бы повести къ инымъ результатамъ, но качество-то и не было: удивительно отталкивающей, злой наружности, озлобленная, не приученная къ добрымъ дѣламъ и не видѣвшая добрыхъ примѣровъ отъ брата, сестра его въ теченіе двухъ недѣль, проведенныхъ мною въ ея сообществѣ, вмѣсто сближенія, о чемъ, вѣроятно, мечталъ Мироновичъ, возбудила во мнѣ столь сильное отвращеніе, что я напрягъ всѣ силы, чтобы отыскать квартиру, и хотя найденная была не болѣе удобною, чѣмъ полученная мною въ наслѣдство, все-таки постарался убраться подальше отъ ненавистнаго мнѣ соглядатайства и съ новаго года перешелъ въ новое помѣщеніе, въ которомъ, кромѣ участка, была и для меня маленькая, изъ трехъ комнатъ, безъ кухни, квартира.

Предстояло выработать себѣ образъ дѣйствій съ окружающими меня: съ многими помощниками-служащими, жителями вообще и домовладѣльцами въ частности. Разсудилъ я такъ помимо видѣн-

ныхъ мною примѣровъ, что приставъ самъ должностное лицо, поставленное для предоставленія всяческой заботливости объ обывателяхъ безъ исключенія, и что я обязанъ всѣмъ, являющимся въ мое управленіе, оказывать быстрое и полное удовлетвореніе безъ различія званій и состояній; равно, насколько то въ силахъ человѣка, слѣдить, чтобы всѣ жители участка пользовались возможно лучшими удобствами, поскольку удобства эти зависятъ отъ полицейской власти и наблюденія, и, остановившись на этой программѣ, я, не пропуская ни малѣйшаго случая, сталъ требовать такого же отношенія къ службѣ и отъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ; что касается личнаго особаго знакомства съ домовладѣльцами и высокопоставленными лицами, то рѣшилъ ни къ первымъ, ни ко вторымъ не являться съ визитами, полагая, что равные мнѣ и имѣющіе нужду или желаніе въ знакомствѣ со мною могутъ сами сдѣлать первый шагъ, а старшіе въ служебной іерархіи, т.-е. высокопоставленныя особы, могутъ потребовать меня къ себѣ; если же ни тѣ ни другіе не найдутъ нужнымъ беспокоить меня, тѣмъ лучше для меня, ибо больше будетъ свободнаго времени для дѣла, а дѣла было много, очень много, и я рѣшился посвятить себя исключительно службѣ.

Это рѣшеніе совершенно совпадало и съ тогдашнимъ моимъ внутреннимъ міромъ: потерпѣвъ страшную неудачу на поприщѣ, такъ сказать, семейномъ, съ растерзаннымъ сердцемъ я не могъ и подумать о повтореніи сеанса, никакихъ иныхъ страстишекъ за мною не водилось, такъ какъ въ полку занимался только чтеніемъ и въ кутежахъ и картежныхъ играхъ не участвовалъ, то обиліе дѣла въ моей новой должности было мнѣ какъ разъ по душѣ.

Находясь постоянно въ занятіяхъ, я забывалъ свое горе, меня радовало, что добытыя мною самообразованіемъ свѣдѣнія могъ примѣнить съ пользой для дѣла, а когда, вникая ближе въ положеніе являющихся въ участокъ людей, я замѣтилъ, что къ полиціи въ большинствѣ случаевъ являются или мошенники, или «обремененные и страждущіе», и что послѣднимъ весьма легко подчасъ облегчить ихъ скорби, это открытіе доставило мнѣ неизсякаемый источникъ и размышленій, и поученій, и дѣятельной заботливости.

### VIII.

Вскорѣ по переходѣ на новую квартиру, гдѣ я могъ имѣть постоянный надзоръ какъ за возможною опрятностью участкаго помѣщенія, такъ и за исполненіемъ служащими моихъ требованій, бывший при Мионовичѣ письмоводитель, напоминавшій мнѣ мышъ въ очкахъ, безъ всякой видимой причины заявилъ мнѣ, что онъ

служить не желаетъ, и на другой день послѣ заявленія къ занятіямъ не явился, поставивъ меня въ очень затруднительное положеніе, изъ котораго я, впрочемъ, вскорѣ вышелъ, найдя новаго письмоводителя. Охотниковъ не только на эту, но и на гораздо меньшую должность (письмоводитель тогда получалъ 60 р. въ мѣсяцъ) всегда можно найти сколько угодно, такъ какъ въ Петербургѣ въ этомъ смыслѣ спрость ниже предложенія, но я интересовался узнать о причинѣ, побудившей бывшаго письмоводителя оставить должность, не допуская, чтобы онъ нашелъ болѣе выгодную службу; оказалось, что никакой службы онъ и не имѣлъ, а оставилъ должность, будучи не въ силахъ перенести моихъ требованій.

Когда я началъ анализировать свои требованія, желая проверить самого себя и въ томъ предположеніи, что при непомѣрности требованій могу остаться и безъ служащихъ, то пришелъ къ слѣдующему выводу: Мироновичъ никогда не разсматривалъ бумагъ, поступавшихъ по разнымъ дѣламъ (такъ называемая почта) въ участокъ, а предоставлялъ это дѣло письмоводителю, такимъ образомъ, отъ его усмотрѣнія зависѣло, какую бумагу исполнить раньше, какую позже, а иную и вовсе въ долгій ящикъ отложить, на основаніи того стариннаго, еще и понынѣ не отмѣненнаго закона, по которому дѣло, за нехожденіемъ по оному, производствомъ останавливается. Когда я принялъ затѣмъ въ соображеніе, что всякая бумага относится до какого нибудь лица, мнѣ стало яснымъ, что бумаги исполнялись письмоводителемъ не по времени поступленія ихъ, а по значенію и хожденію къ нему тѣхъ лицъ, до которыхъ бумаги касались, слѣдовательно, съ тѣхъ поръ, какъ вступающія бумаги я сталъ принимать лично, дѣлать на нихъ помѣтки объ исполненіи и слѣдить за точностью исполненія моихъ резолюцій, письмоводителю представилось мало интереса въ ходкости дѣла, ибо не ходкость эта занимала его, а количество полученной выгоды, и онъ не смогъ стерпѣть, какъ потери выгоды, такъ и подчиненія мнѣ, столь неопытному еще въ службѣ полицейской, и онъ оставилъ меня и благо для меня сотворилъ.

Замѣтилъ я вскорѣ, что весьма часто появлялись протоколы объ оскорбленіи городскихъ и въ особенности въ то время одного изъ нихъ, изъ крещеныхъ еврейскихъ кантонистовъ, Михайлова.

Просмотрѣвъ одинъ изъ протоколовъ, составленный околоточнымъ надзирателемъ объ оскорбленіи Михайлова, я пришелъ къ заключенію, что если бы самъ Михайловъ былъ сдержанъ и вѣжливъ съ оскорбившимъ его, то и оскорбленія не случилось бы, а потому, оставивъ этотъ протоколъ безъ движенія, я ждалъ слѣдующаго случая; но оставлять такой протоколъ безъ передачи его мировому судѣ было рискованно, такъ какъ оскорбленные городские слѣдили за этимъ движеніемъ или послѣдствіями протоко-

ловъ и, буде оныя безслѣдно исчезали, писали доносы Трепову, производилось разслѣдованіе, и, если доносъ подтверждался, съ пристава взыскивалось въ томъ предположеніи, что онъ или вошелъ въ сдѣлку съ оскорбителемъ, или не обращалъ вниманія на тотъ престижъ, который долженъ принадлежать полицейскимъ чинамъ, словомъ, получалось нѣчто неблагонадежное.

Вскорѣ, не больше какъ черезъ недѣлю, опять я получилъ отъ околоточнаго надзирателя протоколъ объ оскорбленіи того же Михайлова и тоже при обстоятельствахъ весьма неблагопріятныхъ для его служебной репутаціи, а потому, потребовавъ Михайлова къ себѣ, объяснилъ ему мой взглядъ на оскорбленія, т.-е. что большинство случаевъ, въ которыхъ полиція бываетъ оскорбляема, вызывается самими же полицейскими чинами, и что къ такимъ же случаямъ относятся и причиняемыя ему, Михайлову, оскорбленія, вслѣдствіе чего предложилъ ему такое условіе: какъ только послѣдуетъ еще протоколъ объ оскорбленіи его, чтобы вмѣстѣ съ протоколомъ онъ представилъ и прошеніе объ увольненіи его отъ службы, какъ непригоднаго къ ней. Условіе подѣйствовало: Михайловъ сдѣлался самымъ любезнымъ и предупредительнымъ къ публикѣ городовымъ, и объ оскорбленіяхъ его и помину не было.

Тожо интересный случай: въ началѣ же моего приставства, вечеромъ во время занятій въ участкѣ, входитъ въ мой кабинетъ какой-то представительный, въ лѣтахъ уже мужчина и рекомендуетъ, что онъ статскій совѣтникъ такой-го.

— Что прикажете?

— Вотъ что вышло: я проходилъ по Невскому проспекту и на углу Литейнаго замѣтилъ, что какихъ-то двое пьяныхъ пристають къ городовому, несмотря на то, что городской старался всячески отдѣлаться отъ назойливости неизвѣстныхъ; тѣ не унимались и стали ругать городского, а такъ какъ я видѣлъ всю эту сцену отъ самаго начала, и мнѣ стало жаль городского, то я обратился къ нему и, давъ свою визитную карточку, сказалъ ему, что я былъ свидѣтелемъ его невиновности, и чтобы онъ доложилъ объ этомъ своему приставу и отдалъ мою карточку. Что же сдѣлалъ городской? «Такъ пожалуйста и вы въ участокъ, господинъ»,—отвѣтилъ онъ мнѣ.—«Зачѣмъ же, братецъ? ты отдай мою карточку, я свидѣтель и больше ничего».—«Нѣтъ, пожалуйста въ участокъ». Явились дворники, забрали двухъ пьяныхъ, и я въ числѣ ихъ долженъ былъ явиться въ участокъ,—закончилъ статскій совѣтникъ.

Нечего и говорить, что я сгоралъ отъ стыда за своего городского, слушая этотъ рассказъ, извинился предъ статскимъ совѣтникомъ за дикость взглядовъ городского, и тотъ, повидимому, удовлетворенный, но взволнованный, ушелъ изъ участка, а городского Васильева, старослужащаго, я потребовалъ къ себѣ и спросилъ его:

— Ты знаешь, что доставленіе челоуѣка въ участокъ силою есть арестъ?

— Такъ точно.

— Какое же ты имѣлъ право арестовать человѣка, который за тебя же заступился и пожелалъ быть свидѣтелемъ, какъ тебя оскорбляли?

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, если я не имѣю права арестовать, то кто же имѣетъ право?

Картина.

Еще эпизодъ. Въ 11 часовъ вечера, передъ окончаніемъ занятій въ участковомъ управленіи, дежурный околоточный надзиратель, возвратившійся изъ квартиры своей, куда ходилъ ужинать, привелъ въ участокъ какого-то статскаго молодого человѣка и заявилъ мнѣ, что этотъ неизвѣстный назвалъ его, околоточнаго, неприличнымъ словомъ за то, что околоточный на улицѣ неприлично держалъ себя. Оказалось, что околоточный дѣйствительно позволилъ себѣ отправлять свою потребность среди улицы, слѣдовательно совершилъ двойное правонарушеніе, и какъ служащій, и какъ частный человѣкъ, и хотя такой поступокъ его не давалъ права прохожему дѣлать по этому поводу свои комментаріи, а въ особенности въ ругательной формѣ, но и околоточный не правъ, а потому, находя непристойнымъ представлять это дѣло на судъ, я повелъ свои объясненія такъ, что посторонній человѣкъ сознался въ неумѣстности своего поведенія и извинился предъ околоточнымъ надзирателемъ, а сей послѣдній извинился предъ постороннимъ, и, окончивъ дѣло миромъ, заперъ свой кабинетъ и отправился въ свою квартиру, оставивъ посторонняго человѣка въ мирной и шутиливой уже бесѣдѣ съ околоточнымъ.

На другой день утромъ спрашиваю у околоточнаго, есть ли арестованные, а онъ мнѣ отвѣтилъ, что, кромѣ вчерашняго человѣка, никого нѣтъ.

— Какого вчерашняго, да вѣдь я отпустилъ домой того человѣка, котораго вы привели?

— Такъ точно, онъ очень любезно разговаривалъ со мною при васъ (т.-е. при мнѣ), а когда вы ушли, онъ сталъ ругать меня, и я отправилъ его въ часть на ночь, а утромъ его доставили въ участокъ.

— Кто онъ такой?

— Служащій въ Третьемъ Отдѣленіи собственной его величества канцеляріи.

— Да вы съ ума сошли!—воскликнулъ я, предвидя, какая изъ этого случая выйдетъ баталія.

— Я не повѣрилъ ему, что онъ тамъ служить, господинъ представъ: я думалъ, что онъ лжетъ.

— Позовите его сюда.

Явился знакомый субъектъ, спрашиваю, за что его отправили въ часть, и онъ объяснилъ, что вчера послѣ моего ухода

околоточный началъ важничать, такъ какъ выпитое имъ за ужиномъ вино стало производить свое дѣйствіе, и, придравшись къ чиновнику, не взирая на заявленіе его о мѣстѣ служенія и на мое рѣшеніе дѣла миромъ, отправилъ секретнаго человѣка въ кутузку.

Что было дѣлать? Попробовалъ опять примирить самолюбія служака, и чиновникъ согласился все забыть во имя того, что околоточного за его поступокъ неминуемо уволятъ отъ службы, а это увольненіе повлечетъ наказаніе для ничѣмъ неповинной многочисленной семьи его, и подъ такимъ возвышеннымъ умозрѣніемъ оставилъ участокъ при томъ условіи, что я наложу взысканіе на провинившагося, не донося Трепову.

Но не стерпѣлъ чиновникъ и, придя на службу въ Третье Отдѣленіе, грозное когда-то отдѣленіе, рассказалъ товарищамъ о случаѣ съ нимъ, а тѣ небольшому начальству, а небольшое развлеченія ради—еще большему, и дѣло дошло до управляющаго канцеляріей Шульца.

По обыкновенію въ тотъ же день къ 11 часамъ утра пріѣхалъ Треповъ въ Третье Отдѣленіе, и Шулецъ рассказалъ ему о случаѣ съ своимъ чиновникомъ, намекнувъ, что, молъ, полиція безчинствуетъ, какъ бы въ укоръ Трепову и его прославленной строгости въ наблюденіи за своими служащими.

Въ тотъ же день въ 1-мъ часу дня получилъ я телеграмму отъ бывшаго управляющаго канцеляріей градоначальника, Христіановича, чтобы явиться къ нему сейчасъ же.

Было ясно, что случилась бѣда, такъ какъ объявлять хорошее никогда не торопятся, и съ трепетомъ отправился я по вызову.

— Былъ у васъ арестованъ въ Литейной части чиновникъ третьяго Отдѣленія?—спросилъ Христіановичъ (милѣйшій, умнѣйшій и добрѣйшій былъ человѣкъ).

— Былъ.

— За что?

Я рассказалъ.

— Почему же вы не донесли объ этомъ градоначальнику?

— Непріятно самому, что случилось у меня такое своеволие, да и околоточного пожалѣлъ, такъ какъ его могли уволить отъ службы, а онъ семейный человѣкъ.

Улыбнулся Христіановичъ и говорить:

— Ступайте къ генералу, онъ васъ ждетъ, — только вы не объясняйте вашихъ мотивовъ къ недонесенію о случаѣ, а скажите, что, помиривъ чиновника съ околоточнымъ, вы полагали дѣло приконченнымъ въ виду того, что оба они служатъ въ одномъ вѣдомствѣ.

Пошелъ я и такъ сказалъ, а Треповъ что-то буркнулъ, и вообще гроза прикончилась весьма благополучно, а въ заключеніе на слѣдующій день отдано было въ приказѣ объ арестѣ околоточного

на 7 дней, однако на службѣ онъ остался, и мнѣ реприманда не послѣдовало.

Въ одинъ зимній вечеръ, послѣ обильно выпавшаго снѣга, когда на улицахъ Петербурга появляются снѣжныя кучи, какъ курганы въ степи, покойный принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій слѣдовалъ по Невскому въ Павловскій институтъ, и на поворотѣ съ Невскаго на Знаменскую улицу кучеръ не замѣтилъ большой снѣжной кучи, которая не была освѣщена по обыкновенію фонаремъ, наѣхалъ на кучу, сани опрокинулись, а его высочество выпалъ изъ саней въ снѣгъ, но не ушибся, сѣлъ опять въ сани и былъ уже въ институтѣ, когда мнѣ дали знать объ этомъ. Я поспѣшилъ въ институтъ, справился у начальницы баронессы Ровенъ о здоровьѣ принца и получилъ въ отвѣтъ, что случай обошелся вполне благополучно, принцъ въ духѣ и только справлялся о кучерѣ, но и тотъ доложилъ, что ушибовъ не получилъ.

Заручившись столь благопріятными свѣдѣніями, все же въ страхъ за то, что снѣжная куча не была освѣщена, я прямо изъ института отправился съ докладомъ къ Трепову въ томъ соображеніи, что вечеромъ въ театрѣ можетъ быть государь, и Треповъ, при случаѣ, доложить о приключеніи принца, и не ошибся въ своемъ предположеніи. Дежурный чиновникъ отъ градоначальника сказалъ мнѣ, что генераль въ театрѣ, но не знаетъ, въ которомъ, вѣроятно же, въ Михайловскомъ, куда я и направился, но, не найдя тамъ Трепова, поѣхалъ въ Маріинскій, гдѣ онъ находился на своемъ мѣстѣ, въ партерѣ. Дождавшись антракта и выхода грознаго начальника въ коридоръ, я доложилъ ему о причинѣ моего появленія въ театрѣ (съ поступленія въ полицію ни разу не былъ ни въ одномъ театрѣ до этого случая); онъ выслушалъ меня молча, ничего не сказалъ и, идя во время моего доклада къ выходу, надѣлъ пальто (по обыкновенію въ одинъ рукавъ), сѣлъ въ сани и уѣхалъ, скомандовавъ кучеру — на Варшавскій вокзалъ. Я тоже ушелъ къ себѣ домой, размышляя, какъ истолковать молчаніе Трепова. Или очень большую грозу предвѣщаетъ оно, т.-е. гауптвахту, или же съѣхало.

Проведя тревожную ночь, чувствовалъ тревогу и въ теченіе слѣдующаго дня и на слѣдующее утро, пока не прочиталъ приказа по градоначальству, но такъ какъ въ приказѣ ни выговора, ни ареста не было, значитъ, сошло благополучно, и я благодарилъ Бога за удачу.

Уже во второмъ часу дня получилъ я телеграмму отъ бывшаго чиновника особыхъ порученій, Эдвина Александровича Зейдлица, слѣдующаго содержанія: «Приставамъ: у кого былъ случай съ каретой и принцемъ Ольденбургскимъ?». Отвѣчалъ: «у меня былъ случай съ принцемъ и санями, о чемъ мною лично доложено генералу».



«Пожалуйте къ генералу», продолжалъ неугомонный Зейдлицъ, и я отправился, успокоивая себя тѣмъ, что съ своей стороны все сдѣлалъ, и неужто заднимъ числомъ будетъ взысканіе.

Зейдлицъ встрѣтилъ меня въ большомъ волненіи (можетъ быть, и умышленно, такъ какъ эти господа любили страху нагонять) словами: «Идите скорѣй къ генералу, онъ ждетъ, не дожидется васъ, рветъ и мечетъ». — «Да въ чемъ же дѣло?» — спросилъ я. — «Генераль сердитъ, что вы не доложили ему о томъ, что принцъ выпалъ изъ кареты въ снѣжную кучу, ушибъ себѣ руку и сегодня, будучи у государя, сказалъ ему объ этомъ, а государь упрекнулъ генерала въ томъ, что онъ не сказалъ ему ничего о случаѣ съ принцемъ ни въ театрѣ, ни на Варшавской желѣзной дорогѣ, когда провожалъ государи на охоту».

Я сообразилъ, что Треповъ самъ забылъ доложить, а, быть можетъ, и не забылъ, а не доложилъ съ умысломъ, потому что и ему непріятно было докладывать о паденіи принца въ неосвѣщенную кучу снѣга, допустилъ, что Зейдлицъ нарочно пугаетъ меня генеральскимъ гнѣвомъ и, объяснивъ ему, въ чемъ дѣло, заявилъ, что пусть онъ самъ доложитъ Трепову, а я въ такой моментъ и по столь щекотливому дѣлу для объясненій къ Трепову не пойду.

— Да какъ же вы не пойдете?

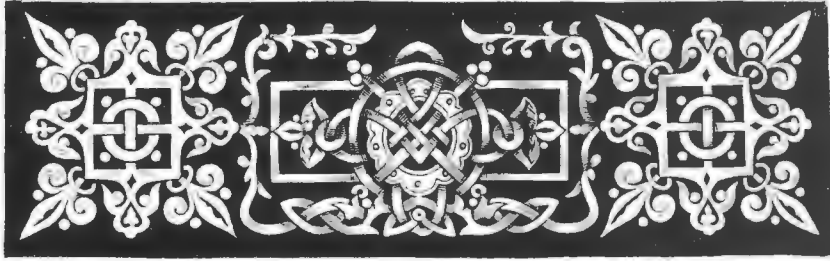
— Да такъ вотъ и не пойду, не сумасшедшій я, чтобы самому въ петлю лѣзть, ясно, что генераль теперь золь за свою собственную неудачу и злость сорветъ на мнѣ, да еще вдвойнѣ: и выругаетъ, т.-е. накричитъ, и въ приказѣ отдастъ выговоръ или арестъ, такъ пусть уже лучше послѣдуетъ одно взысканіе, а лично не явлюсь.

Зейдлицъ сдѣлалъ видъ удивленнаго и, предвѣщая мнѣ бѣды (вѣрнѣе, ему не хотѣлось самому докладывать), пошелъ къ Трепову и вскорѣ возвратясь на мой вопросъ: «что же сказалъ генераль?» — отвѣтилъ: «да ничего». Опять волненіе и тревожное ожиданіе до слѣдующаго утра грозили мнѣ, но въ приказѣ ничего не было, и случай этотъ тѣмъ и окончился.

*(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).*

**Ө. Ф. Дубисса-Крачакъ.**





## ЧУВАШИ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.



ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ годахъ прошлаго столѣтія, какъ извѣстно, замѣчалось сильное броженіе въ пользу магометанства среди волжско-камскихъ инородцевъ: крещеныхъ татаръ, чувашей, вотяковъ и другихъ, преимущественно среди татаръ и чувашей. Выходцы изъ Константинополя или непосредственно, или же посредствомъ русскихъ татаръ-магометанъ подстрекали и вооружали названныхъ инородцевъ противъ русскаго, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго правительства: распространяли ложный слухъ, что правительство русское хочетъ всѣхъ инородцевъ въ скоромъ времени сдѣлать русскими: одѣть ихъ—и мужчинъ и женщинъ—въ русскіе костюмы и заставить говорить по-русски и только по-русски, и что русское правительство дѣйствительно сдѣлаетъ ихъ, инородцевъ, русскими, если только они не успѣютъ во время обратиться въ магометанство; если же обратятся въ магометанство, то они останутся тѣми же, какими были и какіе есть, а только вѣра у нихъ будетъ другая—не русская, а мухаммеданская; что же касается вѣры, то единая истинная вѣра въ мірѣ это—вѣра пророка Мухаммеда. Здѣсь для униженія христіанства и возвышенія своего излюбленнаго ислама въ глазахъ довѣрчивыхъ инородцевъ фанатики употребляли всѣ тѣ средства, какія только могло измыслить мусульманское хитроуміе.

Результатомъ всей этой фанатической пропаганды и было броженіе инородческихъ умовъ. Броженіе это закончилось тѣмъ печальнымъ фактомъ, что наша православная церковь лишилась множе-

ства своихъ чадъ изъ среды названныхъ инородцевъ: инородцы открыто отказались отъ православія и приняли магометанство. Духовное наше правительство обратило на это вниманіе, но въ рукахъ его въ это время не было достаточнаго количества мирныхъ средствъ для удержанія крещеныхъ, но темныхъ инородцевъ въ православіи и для обращенія отпадшихъ; поэтому оно, духовное правительство, обратилось къ содѣйствію свѣтскаго правительства. Слѣдствіемъ этого было употребленіе со стороны свѣтскаго правительства мѣръ строгости, которыя въ большинствѣ случаевъ ни къ чему не привели, а только пробудили въ отпадшихъ большую, противъ прежней, ненависть къ русскимъ.

Такъ было, между прочимъ, въ Петровскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи среди чувашей, которыхъ тоже охватило означенное броженіе. По словамъ старожилонъ-чувашей Саратовской губерніи (среди которыхъ мнѣ пришлось жить годъ), когда власти стали стѣснять отпадшихъ чувашей въ исполненіи требованій магометанской вѣры и привлекать виновныхъ къ отвѣтственности по суду <sup>1)</sup>, тогда чувашаи обратились за совѣтомъ къ татарамъ-магометанамъ. Послѣдніе посовѣтовали чувашамъ одно изъ двухъ: или до послѣднихъ силъ, т.-е. до смерти, бороться съ кяфирами (невѣрными, т.-е. христіанами), за что татары обѣщали чувашамъ въ будущей жизни рай Магомета со всѣми его сладостями, или же отправиться въ Турцію и перейти въ подданство султана. «Тамъ, въ Турціи,—говорили татары чувашамъ,—съ объятіями приметъ васъ самъ падишахъ, который не дастъ васъ въ обиду невѣрнымъ, и вы найдете теплый пріютъ». Чувашаи послѣ долгихъ и мучительныхъ размышленій рѣшились на второе изъ предложенныхъ татарами средствъ—убѣжать, въ полномъ смыслѣ этого слова, въ Турцію. И дѣйствительно убѣжали: убѣжали цѣлыми семействами изъ трехъ уѣздовъ Саратовской губерніи—Петровскаго, Кузнецкаго и Хвалынскаго. Было три бѣгства: первое въ 1862—1863 г.г., второе спустя два года послѣ перваго, а третье черезъ годъ послѣ втораго. Въ первое бѣгство ушло 6 семействъ: 3 семейства изъ деревни Абдуловки, Петровскаго уѣзда, 2 семейства изъ деревни Шняева, Петровскаго же уѣзда, и 1 семейство изъ деревни Каменнаго Ключа, Хвалынскаго уѣзда; во второе бѣгство ушло около 7—8 семействъ: 3 семейства опять изъ деревни Абдуловки, нѣсколько семействъ изъ Шняева и 3 семейства изъ деревни Сосноваго-Врага, Кузнецкаго уѣзда; въ третье бѣгство ушло 1 семейство изъ деревни Сосноваго-Врага.

Послѣднее семейство имѣетъ для насъ, въ настоящемъ случаѣ, важное значеніе, потому что рѣчь должна идти ниже, преимуще-

<sup>1)</sup> Тогда въ Петровскомъ уѣздѣ возникло по отпаденію чувашей цѣлое судебное дѣло, которое кончилось тѣмъ, что чувашаи цѣлыми семействами высидѣли въ тюрьмѣ за свое отпаденіе отъ православія.

ственно, объ одномъ членѣ этого семейства съ его женой. Семейство это, когда оно бѣжало въ Турцію, состояло изъ 6-ти человекъ: самъ отецъ семейства Степанъ Ѳедоровъ, сынъ его Никаноръ съ женой и съ сыномъ и двѣ дочери (взрослыя). Третья дочь, Параскева, старше тѣхъ двухъ и моложе Никанора, незадолго предъ бѣгствомъ вышла замужъ за крестьянина деревни Каменный-Ключъ, Хвалынскаго уѣзда; поэтому она осталась въ Россіи и оказалась счастливейе своихъ сестеръ. Она жива до сего дня. Самъ Степанъ Ѳедоровъ, отецъ семейства, не добѣжалъ до Турціи, — умеръ въ Ростовѣ; а по приѣздѣ въ Турцію умерли одна дочь его и внукъ, сынъ Никанора. Такимъ образомъ, въ Константинополѣ остались живы Никаноръ съ своей женой и сестра его.

Спустя долгое время послѣ ихъ бѣгства, началась переписка между Никаноромъ и сестрой его Параскевой, случайно, выходямъ замужъ, оставшейся въ Россіи. Въ первомъ же письмѣ Никаноръ извѣщалъ свою сестру, что сестра ихъ, оставшаяся въ живыхъ, вышла замужъ, и что они остались только вдвоемъ съ женой. Послѣ этого переписка между Никаноромъ и Параскевой не прекращалась и не прекращается.

Переписка эта по своему содержанію особеннаго интереса не представляетъ, потому что она заключалась и заключается только въ томъ, что братъ и сестра освѣдомляются о здоровьѣ другъ друга, родныхъ и знакомыхъ, въ посыланіи поклоновъ и тому подобныхъ общихъ выраженіяхъ. По письмамъ Никанора судить, какъ о жизни его самого, такъ и другихъ константинопольскихъ чувашей совершенно нельзя. Между тѣмъ, намъ весьма интересно было узнать, какъ именно живутъ константинопольскіе чуваше, — взглянуть въ ихъ внутренній міръ, въ міръ религіозныхъ ихъ убѣжденій, которыя заставили ихъ совершить такой подвигъ, какъ бѣгство изъ родного государства въ другое. И вотъ предо мною лежитъ рукопись одного сельскаго учителя Архипова, подъ названіемъ: «Жизнь константинопольскихъ чувашей».

Архиповъ 5 лѣтъ учительствовалъ въ той самой деревнѣ, въ которой живетъ сестра Никанора Параскева, — въ д. Каменномъ-Ключѣ, Хвалынскаго уѣзда, Саратовской губерніи. Четыре года назадъ, т.-е. въ 1898 году, этотъ Архиповъ вздумалъ предпринять путешествіе въ Палестину съ паломническою цѣлью. А такъ какъ во время путешествія ему предстояло проѣзжать чрезъ Константинополъ, то онъ задался цѣлью разыскать тамъ саратовскихъ чувашей и узнать о ихъ жизни; къ тому же и сестра Никанора, Параскева, просила его отыскать въ Константинополѣ ея брата. Архиповъ взялъ у этой женщины адресъ, по которому писались отсюда письма Никанору, и по которому можно было отыскать его. Письма эти, по указанію самого Никанора, адресовались ему не непосредственно, а чрезъ одного купца, по имени Мирза-Салихъ, жи-

вущаго въ части Константинополя: «Кюркчэ-Ханъ-Махмудъ-паша-дэлэ»<sup>1)</sup>). Слѣдовательно, чтобы разыскать Никанора, предстояло раньше отыскать купца Мирзу-Салиха, живущаго въ названной части Константинополя, и уже просить его, Мирзу-Салиха, указать, гдѣ живетъ Никаноръ, по-магометански Динъ-Мухаммедъ, каковое имя Никанору было дано по переходѣ его въ магометанство.

Архиповъ, дѣйствительно, былъ въ Константинополѣ, разыскалъ Никанора, видѣлся и съ другими чувашами. По прїѣздѣ его изъ путешествія мнѣ пришлось видѣться съ нимъ, и онъ разсказалъ мнѣ подробно о своемъ свиданіи съ константинопольскими чувашами. Я просилъ Архипова въ общихъ чертахъ письменно изложить то, что онъ мнѣ разсказалъ на словахъ. Вышеозначенная рукопись и есть изложеніе Архипова. Изложеніе свое онъ по причинѣ недостаточнаго владѣнія литературнымъ русскимъ языкомъ составилъ на чувашскомъ языкѣ.

Я же, на основаніи этого изложенія Архипова и личныхъ разсказовъ его мнѣ, составилъ, отъ лица же Архипова, свое изложеніе, которое и предлагаю вниманію читателей.

Въ 10-мъ часу утра, 31-го мая (1898 г.) пароходъ нашъ вышелъ изъ Одессы. Вечеромъ 1-го іюня мы были уже въ Константинополѣ. Остановились мы, паломники, въ Пантелеймонскомъ подворьѣ. На другой день, по утру, одинъ изъ монаховъ повелъ насъ осматривать достопримѣчательности города, которыя представляютъ интересъ для паломниковъ: древніе монастыри, развалины монастырей, мѣста погребенія христіанскихъ мучениковъ и т. п. Дорогой я спросилъ нашего вожатаго: «знаете ли вы здѣсь мѣсто подъ именемъ «Кюркчэ-Ханъ-Махмудъ-паша-дэлэ»? — «Да, знаю, — сказалъ монахъ, — на обратномъ пути намъ придется пройти какъ разъ мимо этого мѣста, и я покажу вамъ его. А зачѣмъ вамъ нужно это мѣсто?» Я сказалъ: «Тутъ живетъ купецъ Мирза-Салихъ; его мнѣ нужно видѣть». Но на обратномъ пути монахъ торопился въ монастырь и сказалъ мнѣ, что не можетъ вести насъ мимо названнаго мѣста. Мнѣ показалось, что онъ потому не повелъ насъ нужнымъ мнѣ мѣстомъ, что заподозрѣлъ меня. Я не ошибся въ своемъ предположеніи.

Возвратились мы въ монастырь. Здѣсь монахи разспросили меня, зачѣмъ мнѣ нуженъ Мирза-Салихъ. Я имъ сказалъ, что мнѣ нужно видѣться съ однимъ человѣкомъ, по имени Никаноръ, который совратился въ магометанство и лѣтъ 35 назадъ бѣжалъ изъ Россіи въ Константинополь, и что его можно отыскать только чрезъ названнаго купца Мирзу-Салиха. Тогда они выразили опасеніе, что

---

<sup>1)</sup> По словамъ Архипова, этимъ именемъ называется собственно зданіе, въ которомъ турки хоронятъ своихъ государственныхъ сановниковъ; называется также и та часть города, которая расположена около этого зданія.

Никаноръ этотъ меня самого совратить въ магометанство, или же гурки могутъ ограбить или даже убить меня. «Вотъ недавно,—говорили монахи, — одинъ донской казакъ возвратился изъ города въ монастырь нагимъ». Тогда я просилъ монаховъ, чтобы они вмѣсто меня послали отыскивать Мирзу-Салиха кого либо изъ своей среды. Монахи согласились. Нанялъ я одного монаха за 40 коп., записалъ адресъ, по которому можно было отыскать Мирзу-Салиха, и монахъ отправился. Скоро посланецъ мой вернулся и вручилъ мнѣ мою же записку, на обратной сторонѣ которой я прочиталъ: «Мы такого человѣка въ Константинополѣ не знаемъ». Тогда я, скрѣпя сердце, рѣшилъ дѣло отысканія Никанора отложить на нѣкоторое время, а на обратномъ пути изъ Иерусалима во что бы то ни стало отыскать столь интересовавшаго меня человѣка.

По возвращеніи изъ Иерусалима въ Константинополъ я вновь сталъ просить монаховъ содѣйствовать мнѣ отыскать Никанора. Но монахи опять угрожали мнѣ, что меня самого совратить Никаноръ въ магометанство, если я отыщу его и вступлю съ нимъ въ разговоръ. Тогда я, убѣдившись, что бесполезно просить монаховъ, рѣшилъ итти отыскивать одинъ, и отправился.

Какъ только вышелъ изъ стѣнъ монастыря, встрѣтилъ я одного русскаго мужика, знающаго и по-турецки: онъ два года назадъ, проѣздомъ въ Святую землю, захворалъ въ Константинополѣ и остался жить тутъ, въ монастырѣ. Этотъ мужикъ оказался знающимъ мѣсто «Кюркчэ-Ханъ-Махмудъ-паша-дэлэ». Онъ взялся отыскивать со мной Никанора. Я ему обѣщаль за труды 50 к., и мы отправились отыскивать Никанора.

Перешли мы Золотой Рогъ и очутились въ Старомъ Константинополѣ <sup>1)</sup> (Истамбулѣ). Какъ только перешли Золотой Рогъ, мой вожатый указаль мнѣ въ сторону одного величественнаго зданія и сказалъ: «Вотъ Махмудъ-паша-дэлэ-Кюркчэ-Ханъ».

Скоры мы, по указанію встрѣтившихся турокъ, отыскали и купца Мирзу-Салиха, отъ котораго я надѣялся узнать, гдѣ живетъ Никаноръ. Мирза-Салихъ хорошо говоритъ по-русски <sup>2)</sup>. Онъ спросилъ, кто и откуда я. Я рассказалъ ему, но утаилъ свое учительское званіе,—назвался ему крестьяниномъ деревни Каменнаго Ключа, въ которой живетъ сестра Никанора, Параскева; назвалъ такъ для того, чтобы Мирза-Салихъ имѣлъ ко мнѣ больше довѣрія, безъ чего онъ, по моимъ соображеніямъ, могъ не сказать мнѣ о мѣстѣ жительства Никанора. «Такъ, зачѣмъ же нужень я вамъ?»—

<sup>1)</sup> Старый Константинополъ находится между Мраморнымъ моремъ и Золотымъ Рогомъ, а Новый (Европейскій) Константинополъ—между Чернымъ моремъ и Золотымъ Рогомъ.

<sup>2)</sup> Онъ оказался татаринъ,—уроженецъ деревни Евлей, Хвалынскаго уѣзда, Саратовской губерніи.

спросилъ потомъ Мирза-Салихъ. Я ему сказалъ, что въ Константинополѣ живутъ чуваши, переселившіеся изъ Россіи въ 1860-хъ годахъ, что одного изъ нихъ зовутъ Никаноромъ, по-магометански Динъ-Мухаммедъ, и что этотъ Никаноръ мнѣ и нуженъ. Мирза-Салихъ освѣдомился объ этомъ Никанорѣ точнѣе,—откуда онъ. Я сказалъ. Тогда онъ недовѣрчиво спросилъ меня: «Зачѣмъ вамъ нуженъ этотъ человѣкъ?» Я ему сказалъ: «Мнѣ хочется видѣться вообще съ здѣшними чувашами, и нужно передать имъ поклоны отъ ихъ родныхъ и знакомыхъ, живущихъ въ Россіи. Быть можетъ, здѣшніе чуваши и сами пошлютъ со мной поклоны въ Россію». Послѣ этихъ словъ мой собесѣдникъ рѣшительно сказалъ, что онъ никакого Никанора не знаетъ въ Константинополѣ. Я ему сказалъ: «Какъ же это вы не знаете? Вѣдь, Никаноръ въ третьемъ году самъ написалъ намъ письмо и просилъ насъ адресовать ему черезъ васъ; мы писали ему черезъ васъ, и онъ получилъ это письмо». Тогда Мирза-Салихъ нѣсколько сознался. «Да, кажется,—сказалъ онъ,—былъ такой человѣкъ, но не знаю хорошенько, гдѣ онъ теперь живетъ». Онъ назвалъ много мѣстъ, гдѣ можно надѣяться отыскать Никанора. И мы простились съ Мирзой-Салихомъ.

Напрасно разыскивали мы Никанора, по указанію Мирзы-Салиха, были съ разспросами во многихъ крупныхъ магазинахъ, во многихъ домахъ, но нигдѣ не сказали намъ, гдѣ живетъ Никаноръ. Намъ, понятно, то и дѣло приходилось обращаться съ разспросами къ туркамъ, которые, радушно встрѣчая насъ со словами «здравствуй урусъ, урусъ хорошъ», прикладывали свои правыя руки къ правой щекѣ, какъ военные отдають честь старшимъ.

Мы проходили почти цѣлый день. Къ вечеру опять вернулись къ Мирзѣ-Салиху,—сказали, что не нашли Никанора. Но Мирза-Салиха въ магазинѣ не было: сказали, что онъ вернется черезъ часъ. Приблизительно черезъ часъ Мирза-Салихъ дѣйствительно явился. Мы ему доложили, что не нашли Динъ-Мухаммеда. Тутъ я, будучи убѣжденъ, что Мирза-Салихъ знаетъ мѣстожительство Никанора, рѣшилъ притвориться племянникомъ Никанора (сыномъ сестры его). И сказалъ я Мирзѣ-Салиху: «Я бы такъ старательно не разыскивалъ этого Динъ-Мухаммеда, но онъ мой родной дядя; мать моя, отпуская меня въ Іерусалимъ, велѣла мнѣ непременно отыскать въ Константинополѣ дядю и узнать о его жизни и семейства его. Кромѣ того, мнѣ нужно передать ему гостинецъ, присланный матерью» <sup>1)</sup>. — «Такъ этотъ Динъ-Мухаммедъ будетъ вамъ дядя; да кто онъ такой?»—строго сказалъ мнѣ Мирза-Салихъ. Я

<sup>1)</sup> Никакого гостинца у меня не было, а я сказалъ это съ цѣлью подѣйствовать на Мирзу-Салиха—смягчить его сердце, въ чемъ я успѣлъ. Въ случаѣ, если бы Мирза-Салихъ спросилъ меня, что за гостинецъ привезъ я, я рѣшилъ показать ему старый серебряный рубль, бывшій тогда у меня въ карманѣ.

сказалъ ему вторично, что это крестьянинъ деревни Сосноваго-Врага, Саратовской губерніи, — крещеный, но отпавшій отъ православія и пришедшій изъ Россіи въ Константинополь, по-христіански Никаноръ. — «Здѣсь крещенаго такого нѣтъ!» — оборвалъ меня Мирза-Салихъ. Тогда я узналъ свою ошибку и сказалъ ему: «Для меня не важно, крещенъ онъ или нѣтъ, мнѣ важно только то, что онъ мой дядя, а магометанское имя его Динъ-Мухаммедъ». Послѣ этого Мирза-Салихъ подозвалъ къ себѣ семи-восьмилѣтняго мальчика и спросилъ его, знаетъ ли онъ, гдѣ живетъ Динъ-Мухаммедъ. Тотъ отвѣтилъ утвердительно. И мальчикъ, по указанію Мирзы-Салиха, повелъ насъ. Привелъ онъ насъ въ одну лавку съ готовымъ платьемъ. Я еще издали завидѣлъ хозяина и узналъ въ немъ чувашина, но только въ турецкомъ костюмѣ. Дѣйствительно хозяинъ лавки оказался чувашинъ, но только не Никаноръ, а изъ деревни Абдуловки, Петровскаго уѣзда, Саратовской губерніи. Абдуловскій чувашинъ произвелъ на меня весьма хорошее впечатлѣніе <sup>1)</sup>. Онъ скоро повелъ меня къ Никанору, а вожатый мой ушелъ въ монастырь. Я ему далъ обѣщанныя 50 копеекъ.

Мы застали Никанора въ его сапожной мастерской, находящейся въ ряду солидныхъ магазиновъ на одной изъ большихъ улицъ Константинополя. Въ мастерской было четверо: Никаноръ самъ, да три работника его <sup>2)</sup>. Я сразу узналъ Никанора, потому что въ Каменномъ-Ключѣ у сестры его имѣется фотографическая карточка съ него. Абдуловскій чувашинъ, представляя меня Никанору, сказалъ: «Вотъ я привелъ къ тебѣ дорогого для тебя гостя, сына твоей сестры изъ деревни Каменный-Ключъ; устрой теперь пиръ. Онъ прѣхалъ повидаться съ тобой, но замаялся, ища тебя»...

Если я раньше — Мирзѣ-Салиху и абдуловскому чувашину — назвался племянникомъ Никанора для отысканія послѣдняго, то теперь рѣшилъ и самому Никанору назваться его племянникомъ, изъ опасенія лишиться его и другихъ довѣрія къ себѣ: безъ этого довѣрія я не могъ бы узнать то, что я узналъ о константинопольскихъ чувашахъ.

Итакъ, я былъ представленъ Никанору, какъ его племянникъ. Никаноръ молча выслушалъ абдуловскаго чувашина, представившаго меня ему, а потомъ онъ, сидѣвшій на табуреткѣ лицомъ ко мнѣ, медленно отвернулся отъ меня въ противоположную сторону, не сказавъ ни одного слова ни мнѣ, ни представившему меня.

<sup>1)</sup> Какъ христіанскаго, такъ и магометанскаго имени этого чувашина мнѣ не пришлось узнать, Онъ женатъ на одной изъ трехъ дочерей крестьянина деревни Каменный-Ключъ (гдѣ я учительствую), тоже перешедшаго въ магометанство и со всѣмъ семействомъ переселившагося въ Константинополь.

<sup>2)</sup> Работники всѣ трое — татары, выходцы изъ Россіи.



Мнѣ показалось, что у Никанора появилось или чувство сомнѣнія и подозрѣнія ко мнѣ, или же чувство грусти при видѣ челоуѣка, пробудившаго въ немъ дорогія его сердцу воспоминанія о далекой его родинѣ съ родными и знакомыми,—родинѣ, гдѣ протекли самыя дорогіе дни его жизни <sup>1)</sup>. Онъ долго просидѣлъ молча. Въ это время я разговаривалъ съ татарами, работниками Никанора. Последніе, конечно, съ цѣлью испытать, стали спрашивать меня о россійскихъ родныхъ Никанора. Въ разговорѣ съ ними я то и дѣло, гдѣ только могъ, употреблялъ слово «дядя» по адресу Никанора, старался говорить съ чувствомъ грусти о далекихъ родныхъ его, перечислялъ поименно каждаго изъ нихъ. Все это я дѣлалъ съ цѣлью подѣйствовать на сердце Никанора, въ чемъ я и успѣлъ: онъ не могъ долѣе удержаться — навзрыдъ заплакалъ, на удивленіе всѣмъ присутствовавшимъ.

Выплакавши свою грусть, Никаноръ обратился ко мнѣ и спросилъ: «который сынъ моей сестры будешь ты, милый мой?» — «Я буду Григорій»,—сказалъ я.—«Я тебя, конечно, не видалъ,—сказалъ Никаноръ, — потому что ты родился уже послѣ меня; но я знаю имена всѣхъ васъ — дѣтей сестры — по письмамъ»... Итакъ, Никаноръ принялъ меня за своего родного племянника.

Скоро онъ повелъ меня на свою квартиру <sup>2)</sup>, а абдуловскій чувашинъ ушелъ къ себѣ, сказавъ намъ, что онъ придетъ къ намъ вечеромъ побесѣдовать. Жена Никанора, предупрежденная имъ обо мнѣ, радушно встрѣтила меня у крыльца дома. Я поздоровался съ ней, говоря: «здравствуй, тетя». Она поцѣловала меня. Никаноръ сказалъ ей: «это весьма дорогой нашъ гость: не знаю, съ неба ли онъ упалъ, или просто глазамъ нашимъ кажется; но только этотъ гость—сынъ моей родной сестры Параскевы». Послѣ этихъ словъ Никанора жена его (старуха) зарыдала, бросилась ко мнѣ на шею, обняла меня и поцѣловала еще. У нихъ живетъ свояченица, родная сестра его жены; у нея мужъ и всѣ дѣти перемерли, и она перешла жить къ сестрѣ <sup>3)</sup>. Она тоже подбѣжала, поцѣловала меня и зарыдала. Затѣмъ началась между нами прочувствованная бесѣда—разспросы и рассказы о родномъ краѣ. Никаноръ плохо говоритъ по-чувашски, жена его говоритъ хорошо, такъ что я удивился, что она можетъ такъ говорить на чувашскомъ языкѣ, несмотря на то, что совершенно почти не говорила на немъ въ продолженіе 34—35 лѣтъ. Сестра ея говоритъ не можетъ, но почти все понимаетъ. Я нашелъ нужнымъ все время, безъ исключенія, говорить съ ними не по-русски, а по-чувашски,

<sup>1)</sup> Никанору было около 80 лѣтъ, когда онъ ушелъ изъ Россіи.

<sup>2)</sup> Квартира его находится недалеко отъ берега Мраморнаго моря.

<sup>3)</sup> Родина этихъ двухъ сестеръ — деревня Илими-гора, Хвалынскаго уѣзда, Саратовской губерніи.

съ цѣлью узнать, какъ они говорятъ по-чувашски. Мои собесѣдники съ интересомъ, съ наслажденіемъ—то со слезами на глазахъ, то съ улыбкой на губахъ—слушали мою чувашскую рѣчь о дорогомъ для нихъ родномъ краѣ. Я видѣлъ по всему, какъ имъ было дорого не одно содержаніе моихъ словъ, но даже самыя слова,—самая рѣчь чувашская, родная для нихъ. Разспросили они меня о всѣхъ родныхъ своихъ и знакомыхъ, и въ частности лично обо мнѣ. Къ счастью моему, я близко знакомъ съ семействомъ сестры Никанора и потому знаю всю родню этого семейства; названіе и расположеніе чувашскихъ селеній, гдѣ живутъ родственники Никанора, мнѣ также хорошо извѣстны, потому что я состою учителемъ въ этой мѣстности уже девятый годъ: 4 года въ Кузнецкомъ, 5 лѣтъ въ Хвалынскомъ уѣздѣ. Что же касается разспросовъ обо мнѣ—женатъ ли я, на комъ женатъ, сколько дѣтей, какъ зовутъ ихъ, былъ ли я на военной службѣ и т. п.,—то я все то, что можно и нужно было говорить о дѣйствительномъ племянникѣ Никанора Григоріи, роль котораго я рѣшилъ разыгрывать, приписалъ я себѣ. Тутъ тоже могъ я не выдать себя, потому что очень хорошо знаю этого Григорія.

Наступила уже ночь. Мнѣ сказали, что меня хочетъ видѣть хозяйка дома, молодая турчанка, что она скоро придетъ, и что я долженъ буду соблюсти при встрѣчѣ съ ней извѣстную церемонію, которой предварительно научили меня. Какъ только турчанка вошла въ комнату, гдѣ мы находились, я всталъ на колѣно правой ноги; турчанка протянула мнѣ свою правую руку; я, поцѣловавъ руку, всталъ и сѣлъ на прежнее мѣсто. Турчанка долго бесѣдовала со мною чрезъ переводчицу, жену Никанора,—все разспрашивала о російскихъ родныхъ константинопольскихъ чувашей. Потомъ она подарила мнѣ поношенный шелковый платокъ, украшенный позументами по угламъ, и ушла.

По настойчивой просьбѣ хозяевъ, я рѣшилъ переночевать у нихъ, тѣмъ болѣе, что я имѣлъ въ мысли переговорить съ ними еще о многомъ,—поразспросить ихъ самихъ объ одномъ интересовавшемъ меня предметѣ, о томъ, какъ они тверды въ магометанской вѣрѣ. Пароходъ нашъ долженъ былъ выйти изъ Константинополя только на другой день, въ четыре часа по полудни. А ради этихъ чувашъ я рѣшилъ пожертвовать многими достопримѣчательностями г. Константинополя, которыя мнѣ хотѣлось видѣть.

Вечеромъ пришелъ къ Никанору мужчина лѣтъ 50-ти. Я его принялъ за турка, но ошибся: это былъ тоже чувашинъ, крестьянинъ дер. Вѣлой-Горы, Петровскаго уѣзда, Саратовской губерніи, тоже ушедшій въ Турцію въ 1860-хъ годахъ,—по имени Усманъ. О христіанскомъ же имени его я не посмѣлъ спросить; а въ обращеніяхъ мои хозяева называли его по магометанскому его имени — «Усманъ». Усманъ присидѣлъ до двухъ часовъ ночи.

По приходѣ Усмана вскорѣ предметомъ разговора какъ-то сдѣлалась вѣра. Между прочимъ, Усманъ сказалъ <sup>1)</sup> мнѣ: «Григорій, обратись въ магометанство и останься жить въ Константинополѣ; вѣдь, въ послѣдній день народы всего міра должны собраться на судъ въ Константинополъ; людямъ, приходящимъ послѣдніе дни свои доживать въ Константинополѣ и полагающимъ свои кости въ стѣнахъ его, будетъ тогда, въ день суда, великое облегченіе». Я на это сказалъ, обратившись ко всѣмъ присутствующимъ: «Почему не обратиться въ магометанство? Только дайте мнѣ разумѣть его: покажите мнѣ превосходство магометанства предъ христіанствомъ; если я увижу, что первое лучше, выше второго, то я теперь же приму его, магометанство, и останусь жить съ вами въ Константинополѣ». Услышавъ такія слова отъ меня, всѣ они очень обрадовались. Усманъ принялся доказывать превосходство магометанства предъ христіанствомъ. Прежде всего онъ коснулся нашихъ св. иконъ, сталъ осуждать иконопочитаніе. «У васъ, христіанъ,— началъ онъ,— множество боговъ — и дома и въ церкви, а у насъ, магометанъ, только одинъ Богъ (Аллахъ)». Я на это сказалъ: «Вы, магометане, такъ говорите по полному непониманію: мы, христіане, иконъ не почитаемъ за боговъ. Если вы хотите понять христіанъ, то послушайте меня: я вамъ объясню. Вотъ вы всѣ, конечно, слышали и вѣрите, что здѣсь, въ Константинополѣ, хранятся двѣ одежды пророка Мухаммеда, — одна шелковая, другая изъ верблюжьихъ волосъ, — и одинъ зубъ. Знаете, конечно, непосредственно, что одинъ разъ въ годъ, въ 15-й день мѣсяца Рамазана, бываетъ у васъ, здѣшнихъ магометанъ, торжество поклоненія означеннымъ предметамъ и цѣлованія ихъ: знатные цѣлуютъ шелковую одежду Мухаммеда, а незнатные — одежду изъ верблюжьихъ волосъ. Во время этого торжества возжигается предъ одеждами Мухаммеда деревянное масло; воду, которою омываютъ мѣста цѣлованія на одеждахъ, раздають магометанамъ, какъ цѣлебное средство отъ болѣзней. Правда все это или нѣтъ?»—«Правда»,—сказали мои слушатели и выразили удивленіе, откуда я могъ узнать то, что говорилъ. Я продолжалъ: «Такъ и мы почитаемъ предметы, оставшіеся отъ нашихъ святыхъ людей, и ихъ самихъ, преклоняясь предъ ихъ изображеніями на иконахъ и цѣлуя эти изображенія. Но намъ дороги изображенія не только святыхъ, а и простыхъ смертныхъ, близкихъ намъ людей. Вотъ, при встрѣчѣ съ вами я поцѣловалъ васъ и вы меня, и всѣ мы плакали. Теперь, дайте мнѣ каждый изъ васъ свои фотографическія карточки; я возьму эти карточки домой; по приходѣ домой или даже дорогой, по уходѣ отсюда, я, вѣдь, не стерплю не цѣловать ихъ и плакать, вспоминая васъ. По прибытіи же моемъ домой, мы, всѣ родные ваши,

---

<sup>1)</sup> Усманъ тоже плохо вато говорить по-чувашски.

непремѣнно соберемся, будемъ смотрѣть на ваши изображенія на этихъ карточкахъ, цѣловать ихъ и плакать, вспоминая васъ»... Послѣднія слова мои такъ тронули ихъ, что они при этихъ словахъ зарыдали, какъ ребенокъ. Ихъ слезы и меня тронули: и я заплакалъ вмѣстѣ съ ними, — почему-то и мнѣ стало грустно. Тутъ же Никаноръ полѣзъ въ сундукъ, досталъ оттуда свою карточку и далъ мнѣ.

Скоро послѣ этого пришелъ, почти въ полночь, абдуловскій чувашинъ, который меня привелъ къ Никанору въ мастерскую его. Онъ тоже вмѣшался въ разговоръ нашъ о вѣрѣ. Такъ же, какъ и Усманъ, началъ онъ убѣждать меня принять магометанство и остаться навсегда въ Константинополѣ, если я хочу спастись. Я сказалъ ему: «Для принятія магометанства необходимо мнѣ предварительно убѣдиться въ правотѣ его, въ превосходствѣ его предъ христіанствомъ, а пока изъ словъ вашихъ, какъ Усмана, такъ и твоихъ, я не могу убѣдиться въ этомъ, потому что какъ ты, такъ и Усманъ, еще ничего мнѣ не сказали въ пользу магометанства»... Я свелъ разговоръ на другой предметъ. Усману, повидимому, стало досадно, что онъ ничего не могъ мнѣ возразить противъ иконопочитанія, и онъ все время старался вновь начать разговоръ о вѣрѣ: сталъ говорить противъ божества Иисуса Христа и приводить неумѣстныя выраженія изъ корана. Я, къ счастью, довольно удачно опровергъ его основанія и спросилъ его: «Прочиталъ ли ты основательно коранъ?» Онъ сказалъ: «Читать-то читалъ, но только не прочиталъ». — «Въ такомъ случаѣ, — сказалъ я, обратившись ко всѣмъ, — оставимъ разговоръ о вѣрѣ, тѣмъ болѣе, что я пришелъ къ вамъ не для споровъ о вѣрѣ, а видѣться съ вами; кромѣ того, вамъ хорошо спорить со мной, потому что вы — у себя, въ своей землѣ, а я — чужестранецъ, христіанинъ, все же опасаясь говорить съ вами о предметахъ вѣры». На это всѣ они сказали мнѣ: «Здѣсь ничего не можетъ быть тебѣ, не бойся», и стали успокаивать меня. Потомъ самъ Никаноръ сказалъ: «Лучше перестаньте говорить о вѣрѣ». Жена его выразила удивленіе, какъ и откуда я могъ узнать магометанскую вѣру, чтобы такъ говорить о ней съ Усманомъ. Я сказалъ ей: «Я какъ-то разъ держался мысли перейти въ магометанство. Съ этой цѣлью сталъ ходить тайно къ одному муллѣ и просилъ его разъяснить мнѣ недоумѣнные вопросы относительно магометанства. Онъ не только не могъ разъяснить мнѣ, напротивъ, хуже прежняго запуталъ меня въ этихъ вопросахъ своими превратными толкованіями и молчаніемъ. Тогда я окончательно убѣдился въ истинѣ христіанства, превосходствѣ его предъ мухаммеданствомъ. А сегодняшняя наша бесѣда еще болѣе укрѣпила во мнѣ это убѣжденіе». Послѣ этихъ словъ жена Никанора сказала мнѣ: «Нѣтъ, Григорій, никогда не думай переходить въ магометанство, — не глупи. Вотъ я послѣ нашего

бѣгства изъ Мемликъ<sup>1)</sup> до сего времени не видѣла ни одного счастливаго дня. За это время пролила я столько слезъ, что дому этому не вмѣстить ихъ. Къ большому моему огорченію, въ одно время дядя твой прогналъ меня отъ себя и взялъ себѣ въ жены одну турчанку, съ которой жилъ цѣлыхъ 6 лѣтъ. А мы съ сестрой пропитывались за эти 6 лѣтъ стиркой, шитьемъ бѣлья и мытьемъ половъ. Онъ же всѣ свои заработанныя деньги прожилъ съ турчанкой и вотъ въ мѣсяцъ прошлаго Рамазана самъ же явился къ намъ съ плачемъ и сталъ просить насъ позволить ему жить вмѣстѣ съ нами. Если бы не обратилась въ магометанство и не бѣжала изъ Русской земли, я никогда не была бы такъ несчастна. У насъ на родинѣ мужа не прогоняли отъ себя женъ своихъ, не только преданныхъ и вѣрныхъ, но и злыхъ». Никаноръ, мужъ ея, не сказалъ ни слова противъ жены. Когда она кончила говорить, онъ сказалъ: «Было много, но что было, то было; забудемъ прошлое; оставимъ говорить объ этомъ. Вотъ что, милый мой», — обратился онъ ко мнѣ, — «расскажи мнѣ чтонибудь изъ жизни Алексія, Божяго человѣка; прежде, до своего отпаденія отъ христіанства, я очень любилъ слушать рассказы о жизни этого святого; что зналъ о немъ, теперь все забылъ». Я сталъ рассказывать; рассказывалъ медленно, внятно. Когда я сталъ говорить о томъ, что св. Алексій чрезъ нѣсколько лѣтъ опять вернулся въ домъ своихъ родителей, у которыхъ оставалась и жена его, что онъ не открывалъ имъ себя, и что жена его въ праздничные дни послѣ службы приносила ему — привратнику — ѣсть-пить, когда я сталъ говорить объ этомъ, мои слушательницы заплакали, заплакали за ними и слушатели. Я продолжалъ рассказывать; а они еще больше стали плакать; тогда меня охватило чувство грусти и сожалѣнія къ этимъ несчастнымъ, и я заплакалъ вмѣстѣ съ ними, такъ что мнѣ и не удалось кончить свой рассказъ. Со слезами на глазахъ легли мы и спать. Усманъ и абдуловскій чувашинъ, простившись со мною, ушли къ себѣ.

Долго мы говорили и послѣ того, какъ легли; но я больше отвѣчалъ на вопросы, чѣмъ самъ спрашивалъ, хотя мнѣ хотѣлось спросить и говорить обо многомъ: старался я говорить меньше не потому, что сонъ одолевалъ меня (мнѣ совершенно не хотѣлось спать), но потому, что каждую минуту, казалось, угрожала моей жизни опасность отъ турокъ: такъ я былъ напуганъ рассказами константинопольскихъ монаховъ объ этомъ народѣ.

Не долго мы лежали: рано утромъ явился къ намъ Усманъ. «Будетъ тебѣ, Григорій, спать, — сказалъ онъ, подошедши ко мнѣ, — напишись дома, хочется насмотрѣться на тебя и поговорить съ тобой». И мы встали. Во время завтрака какъ-то

---

<sup>1)</sup> Родная деревня ея въ Саратовской губерніи.

опять заговорили мы о вѣрѣ,—между прочимъ, о томъ, какъ они, чуваши, перешли въ магометанство. Убѣдившись изъ разговора, что своими словами успѣлъ въ нихъ пробудить чувство сожалѣнія объ оставленіи ими православія, я сказалъ имъ: «Какъ вы посоветуете — перейти мнѣ въ магометанство или нѣтъ?» На это всѣ разомъ сказали мнѣ: «Нѣтъ, и не думай переходить. Не глупи»...— «А что же вы сами обратились въ магометанство?»—спросилъ я.— «Мы обратились потому,—начали чуваши,—что насъ окрестить-то окрестили, но не учили, не наставляли въ христіанской вѣрѣ. Въ церковь мы не ходили, потому что совершенно не понимали, что тамъ дѣлалось, такъ какъ службы церковныя совершались на русскомъ языкѣ, котораго мы не знали. Если иногда въ большіе праздники, по настоянію священниковъ, и ходили въ церковь, то стояли мы въ ней, какъ столбы. Другія обязанности христіанскія исполняли мы только по требованію, по угрозѣ священника, или даже совѣмъ не исполняли, потому что не понимали смысла исполненія ихъ. Священниковъ мы, признаться, не только не любили, но и ненавидѣли, потому что они учить-то насъ не учили, а деньги брали. Намъ казалось, что они, просто, обманывали насъ и наживались на нашъ счетъ. Въ школы дѣтей своихъ мы не отдавали учиться, потому что дѣти наши тоже не понимали того, чему ихъ тамъ учили, такъ что пользы отъ грамоты мы не видали и не знали. Напротивъ, то, что говорили намъ татары, мы понимали все. И они, татары, постоянно хвалили свою вѣру, а христіанство осуждали и говорили намъ такъ: русскіе священники обманываютъ васъ; они любятъ только деньги брать съ васъ, учить же вѣрѣ не хотятъ, поэтому читаютъ и поютъ въ церкви по-русски, чтобы вы, чуваши, не понимали, потому что они знаютъ, что, если вы будете понимать, то непременно перейдете въ магометанство, такъ какъ вѣра ихъ не хорошая. Если бы тогда учили насъ такъ же понятно, какъ ты, вотъ, говоришь намъ, то мы никогда не обратились бы въ магометанскую вѣру»...

Разговоръ нашъ о вѣрѣ могъ продолжаться еще долго, но было уже два часа,—пора мнѣ отправляться на пароходъ, который, какъ я говорилъ, долженъ былъ выйти изъ Константинополя ровно въ 4 часа по полудни. Поэтому я сталъ собираться. Чуваши вручили мнѣ много подарковъ, какъ для меня лично, такъ и для передачи своимъ роднымъ въ Россіи. Жена Никанора дала два серебряныхъ кольца, платокъ, шелковый денежный мѣшечекъ, 25 коп. на дорогу. Сестра ея дала 50 коп. Хозяйка дома, турчанка, приходившая проститься со мной, дала 1 рубль 60 коп. Послѣднія слова ея были: «Приѣзжай еще, а въ слѣдующій разъ привези съ собой и мать свою». Самъ Никаноръ накупилъ съѣстныхъ припасовъ мнѣ на дорогу и въ гостинецъ роднымъ. Передъ самымъ моимъ выходомъ изъ дома его онъ снялъ съ пальца своей правой руки кольцо и,

вручая его мнѣ, сказалъ: «Какъ только прїѣдешь домой, это кольцо надѣнь на палецъ моей сестры Параскевы». Потомъ я простился со свояченицей Никанора и вышелъ, сопровождаемый имъ и женой его. Жена его не долго шла со мной,—она сказала мнѣ: «Ну, милый мой, я не могу итти съ тобой до моря: ноги мои устали, такъ что, если пойду на море, то не въ состоянїи буду вернуться; прощай, милый, больше едва ли увидимся мы съ тобой; намъ — и мнѣ и Никанору—не долго остается жить здѣсь, на землѣ». При послѣднихъ словахъ она зарыдала, какъ ребенокъ, и, обнявъ, крѣпко-крѣпко поцѣловала меня. Я успѣлъ только сказать ей: «Прощай, тетя», и неудержимо зарыдалъ, такъ мнѣ стало грустно и жаль ея. Она ушла домой, а мы пошли дальше съ Никаноромъ, который взялся проводить меня или до самаго монастыря, или прямо до парохода.

Чувство грусти у меня скоро прошло: меня страшно тревожила мысль, что, какъ только придемъ въ монастырь или прибудемъ на пароходъ, монахи и паломники, мои товарищи, непременно обступятъ меня и начнутъ спрашивать, называя меня по настоящему моему имени «Дмитрій» или «Дмитрій Архиповичъ», и что мой обманъ станетъ для Никанора яснѣе дня. Что мнѣ тогда дѣлать?—думалъ я всю дорогу, пока шелъ съ Никаноромъ, и ничего не придумалъ. По переходѣ чрезъ Золотой Рогъ мы рѣшили не итти въ монастырь, въ предположенїи, что мои товарищи уже находятся на пароходѣ, потому что было около 3-хъ часовъ: рѣшили нанять лодку до парохода прямо съ того мѣста морского берега, недалеко отъ котораго мы шли съ Никаноромъ. Никаноръ нанялъ. Когда мы стали садиться въ лодку, хозяинъ лодокъ потребовалъ отъ насъ заграничныхъ паспортовъ. Я досталъ свой паспортъ и показалъ. У Никанора, конечно, не было заграничнаго паспорта, поэтому ему сказали, что ему нельзя садиться въ лодку. При этихъ словахъ я почувствовалъ, что, какъ будто, спала съ меня какая-то громадная тяжесть, которая давила все время, какъ шли. Итакъ, я разыгралъ роль племянника Никанора, какъ нельзя лучше.

Я боялся въ послѣднія минуты быть открытымъ предъ Никаноромъ въ настоящемъ своемъ видѣ не за себя, потому что то расположенїе, какое онъ, Никаноръ, питалъ ко мнѣ, не позволило бы ему сдѣлать мнѣ какой бы то ни было вредъ, если бы даже онъ узналъ мой обманъ, но боялся я за самого Никанора,—жалѣлъ я его, этого несчастнаго, перестрадавшаго въ жизни старика, боялся огорчить, разстроить его неожиданнымъ открытїемъ себя, своего обмана. «Пусть думаетъ, что видѣлъ сына своей родной сестры, и утѣшается; совѣсть моя чиста, потому что иначе я не могъ поступить, тѣмъ болѣе, что я своимъ знанїемъ родныхъ Никанора, дѣйствительно, могъ замѣнить ему его племянника Григорїя: разсказалъ я ему объ этихъ родныхъ такъ же подробно, какъ это

сдѣлалъ бы и Григорій; а о жизни самого Никанора и другихъ чувашъ константинопольскихъ узналъ я и могу рассказать ихъ роднымъ несравненно больше и лучше этого Григорія», думалъ я.

Медлить было нельзя,—нужно было распроститься съ Никаноромъ. «Ну, прощай, дорогой мой дядя,—сказалъ я Никанору,—приведетъ ли Господь увидѣть тебя еще, не знаю; спасибо тебѣ и тетѣ за радушный приѣмъ вашъ; горе мнѣ и всѣмъ нашимъ домашнимъ, что ты и тетя—такіе близкіе намъ родные—находитесь въ такой дали отъ насъ и, притомъ, въ такой чужой землѣ, что совсѣмъ не приходится намъ видѣться съ вами. Меня Господь все-таки осчастливилъ видѣть васъ, а домашнимъ моимъ, особенно моей матери, безъ сомнѣнія, никогда не придется видѣть васъ. Прощай, дорогой дядя». При этихъ послѣднихъ словахъ Никаноръ повисъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, на мою шею и зарыдалъ хуже ребенка. И я заплакалъ,—плакалъ искренно: въ эту минуту мнѣ казалось, что Никаноръ—мой самый близкій родственникъ, съ которымъ мнѣ приходится разстаться навѣки. Долго онъ висѣлъ на моей шеѣ и я на его; долго онъ плакалъ... Наконецъ, онъ сказалъ: «Большой поклонъ всѣмъ роднымъ, особенно дорогой сестрѣ моей Параскевѣ», и опять зарыдалъ. Это были послѣднія его слова: онъ больше не могъ высказать, потому что дыханіе его захватывало.

Я сѣлъ въ лодку, и мы съ гребцомъ поплыли по проливу, по направленію къ корабельной пристани. Никаноръ все время стоялъ на берегу пролива и махалъ мнѣ своимъ платкомъ. Только послѣ того, какъ я сѣлъ на пароходъ, онъ взмахнулъ мнѣ платкомъ послѣдній разъ, повернулся и тихимъ, казалось, шагомъ отправился домой...

Ровно въ 4 часа пароходъ нашъ вышелъ изъ Константинополя въ Одессу.

По возвращеніи на мѣсто служенія въ Саратовскую губернію, я рассказалъ роднымъ Никанора все, что могъ сказать о немъ. Подарки роздалъ по назначенію. Подарки, назначенные имъ мнѣ лично, отдалъ дѣйствительному племяннику его Григорію, именемъ котораго я прикрывался.

Вскорѣ написали мы Никанору письмо, въ которомъ я, между прочимъ, извѣщалъ его и другихъ чувашъ о своемъ благополучномъ прибытіи домой. Въ письмѣ этомъ я также называлъ себя Григоріемъ: мы сочли неудобнымъ сказать Никанору правду. Не замедлили мы получить изъ Константинополя на наше письмо и отвѣтъ, въ которомъ Никаноръ извѣщалъ насъ о полученіи нашего письма и о томъ, что письмо это со слезами читалось въ общемъ собраніи константинопольскихъ чувашей.

**О. Р.**







## ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА.

(Опытъ характеристики).



ЛИЧНОСТИ и царствованію императрицы Елисаветы Петровны до сихъ поръ еще не отведено должнаго мѣста при изученіи русской исторіи XVIII в. Особенно не почастливилось Елисаветинскому времени въ сравненіи съ эпохой Екатерины II: объ Екатеринѣ и ея царствованіи существуетъ уже громадная литература, изданія памятниковъ и документовъ ея времени подавляютъ своимъ количествомъ и качественнымъ разнообразіемъ, хотя, конечно, и не исчерпываютъ еще всего матеріала, а правленіе дочери Петра Великаго, несмотря на свою продолжительность и особую важность свою для исторіи русскаго народа и правильнаго пониманія исторіи самой Екатерины, до сихъ поръ не привлекаетъ еще особаго вниманія изслѣдователей. Исторіи царствованія императрицы Елисаветы у насъ нѣтъ даже въ самомъ скромномъ видѣ: существуетъ лишь обзоръ ея правленія, писанный профессоромъ Ешевскимъ болѣе сорока лѣтъ тому назадъ и потому устарѣлый<sup>1)</sup>, и четыре тома (XXI—XXIV) «Исторіи Россіи» Соловьева, посвященныхъ времени Елисаветы и заключающихъ въ себѣ массу цѣнныхъ, но не вполне обработанныхъ матеріаловъ и много чрезвычайно важныхъ указаній покойнаго историка о значеніи дѣятельности Елисаветы. Попытки также покойныхъ уже М. И. Семевскаго и Н. И. Костомарова написать исторію Елисаветинскаго царствованія закончились на первыхъ же шагахъ<sup>2)</sup>. Изданія матеріаловъ за время правленія дочери Петра

<sup>1)</sup> Ешевскій: «Очеркъ царствованія Елисаветы Петровны», «Сочиненія по русской исторіи» Г. В. Ешевскаго въ посмертномъ изданіи, М., 1900.

<sup>2)</sup> М. И. Семевскій: «Елисавета Петровна» («Русское Слово», 1859 г.); Н. И. Костомаровъ: «Императрица Елисавета Петровна» («Вѣстникъ Европы», 1884 г.).

Великаго весьма рѣдки, можно сказать, случайны по своей спорадичности <sup>1)</sup>. Въ особенности мало сдѣлано по исторіи внутренней дѣятельности правительства Елисаветы, и изслѣдователи вынуждены главнымъ образомъ руководствоваться «Полнымъ собраніемъ законовъ», тогда какъ изъ «Описи Сенатскаго архива» Баранова видно, что за время съ 17-го октября 1740 года по 28-е іюня 1762 года даже подлинныхъ высочайшихъ указовъ и повелѣній вошло въ «Полное собраніе» только 538, а не вошло 3.742! Изслѣдованій по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи Елисаветинскаго царствованія существуетъ довольно много, но въ большинствѣ случаевъ они имѣли цѣлью разъяснить исторію Екатерины II въ великокняжескій періодъ ея жизни, касаясь Елисаветы мимоходомъ; въ то же время крупныя событія Елисаветинскаго царствованія: появленіе русской науки и литературы въ лицѣ Ломоносова, основаніе Московскаго университета и академіи художествъ, Семилѣтняя война, появляясь въ изложеніи русскихъ историковъ внѣ связи съ характеромъ Елисаветы и общимъ теченіемъ дѣлъ въ ея правленіе, оставляли въ тѣни личность императрицы, чуждавшейся шума и рекламы, заставляя думать, что все дѣлалъ въ ея царствованіе Бестужевъ-Рюминъ и Шуваловы. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что личность Елисаветы Петровны потонула въ лучахъ Екатерининской славы. Между тѣмъ еще осторожный въ своихъ заключеніяхъ Соловьевъ, изучавшій время Елисаветы по архивнымъ матеріаламъ, пришелъ къ выводу, что «много, внутри и извнѣ, приготовлено было для Екатерины Елисаветой»; къ этому должно прибавить еще, что личность Елисаветы въ ея достоинствахъ и недостаткахъ во многихъ отношеніяхъ могущественно отразилась на самой личности Екатерины.

Елисавета Петровна была народной русской царицей. Это было, вѣроятно, одной изъ причинъ, почему мы обходили ее въ историческихъ своихъ изысканіяхъ: переживая до сихъ поръ въ нѣкоторой части нашего общества періодъ подражанія и поклоненія ей, мы съ большимъ интересомъ изучали процессы «объевропеиванія» русскаго народа при Екатеринѣ и Александрѣ I, чтобы тѣмъ, такъ сказать, самимъ постоянно приобщаться Европѣ. Само собою разумѣется, что процессы эти мало, однако, интересуютъ самихъ европейцевъ, желающихъ изъ русской исторіи вынести ясно, отчетливое понятіе о сфинксѣ, называемомъ Россіей, и обладающихъ истинно научнымъ стремленіемъ уловить въ исторіи каждаго народа не

---

<sup>1)</sup> Таковы, напримѣръ, матеріалы «Архива князя Воронцова», «Семейства Разумовскихъ» Васильчикова; въ послѣднее время Императорское Русское Историческое Общество приступило къ печатанію переписки иностранныхъ представителей при дворѣ Елисаветы, начавъ съ переписки Шетарди, въ неполномъ видѣ давно изданной Пекарскимъ.

столько подражательныя, сколько присущія самому ему національныя черты. Этимъ стремленіемъ заправскихъ европейцевъ и объясняется появленіе въ послѣдніе годы за границей двухъ обстоятельныхъ біографій императрицы Елисаветы Петровны: одна изъ нихъ принадлежитъ перу англичанина Бена <sup>1)</sup>, другая, вышедшая въ прошломъ году, является завершеніемъ ряда талантливыхъ и усердныхъ работъ по исторіи Россіи XVIII вѣка г. Валишевскаго <sup>2)</sup> и выдержала уже три изданія <sup>3)</sup>. Оба автора съ большой симпатіей отзываются о національной политикѣ императрицы Елисаветы и о ея личности; г. Валишевскій находитъ даже, что въ своей дальновидной національной политикѣ Елисавета могла бы служить образцомъ для самой Екатерины. Чтеніе труда г. Валишевскаго побудило насъ воскресить, насколько это теперь возможно, образъ нашей «царь-дѣвицы» въ ея характеристическихъ чертахъ передъ читателями «Историческаго Вѣстника».

## I.

Дѣтствомъ и раннею своею юностью Елисавета Петровна принадлежитъ эпохѣ Петра Великаго. Общественное броженіе, вызванное дѣятельностью преобразователя, борьба старыхъ началъ съ новыми, необычайное смѣшеніе лицъ, положеній, племенъ, при встряскѣ, данной Петромъ общественному организму, поразительныя по своей сказочности событія, все это отозвалось на молодой цесаревнѣ со дня ея рожденія. Она родилась въ селѣ Коломенскомъ около Москвы, 18-го декабря 1709 года, въ тотъ день, когда Петръ праздновалъ въ Москвѣ свою побѣду подъ Полтавой. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Петръ сказалъ приближеннымъ: «Господь Богъ усугубилъ радость торжества въ честь Полтавской побѣды роженіемъ мнѣ дочери. Того ради, отложимъ празднество и поспѣшимъ поздравить со вшествіемъ въ міръ дочь мою, яко со счастливымъ предвозвѣщаніемъ вождѣннаго мира!» Въ Успенскомъ соборѣ совершено было молебствіе съ пушечною пальбою, а затѣмъ въ сопровожденіи всей своей свиты государь отправился въ Коломенское. Мать новорожденной, будущая императрица Екатерина I, простая ливонская крестьянка, еще не была въ это время въ законномъ бракѣ съ Петромъ, и малолѣтняя Ели-

<sup>1)</sup> О ней данъ былъ отчетъ читателямъ «Историческаго Вѣстника» 1900 г. въ статьяхъ В. А. Тимирязева.

<sup>2)</sup> К. Waliszewski: «La dernière Romanov. Elisabeth 1-re, impératrice de Russie». Paris. 1901.

совета, вмѣстѣ съ старшей сестрой своей, Анной Петровной, была «привѣнчана» при заключеніи брака своихъ родителей и такимъ образомъ узаконена лишь въ 1711 г. Всенародно о бракѣ Петра съ Екатериной объявлено было лишь 19-го февраля 1712 года, но еще ранѣе этого Анна и Елисавета Петровны назывались въ современныхъ документахъ не иначе, какъ «царевнами».

Обѣ дочери царя привезены были въ Петербургъ и помѣщены въ Зимнемъ дворцѣ въ особыхъ комнатахъ. Воспитаніе ихъ велось первоначально по старинному образцу, среди мамушекъ и нянюшекъ изъ мелкихъ дворянъ, карликовъ и карлицъ, шутовъ и шутихъ, подъ главнымъ смотрѣніемъ княжны Марьи Ѳедоровны Вяземской. Мамушками и нянюшками на первыхъ же порахъ наложена была русская печать на міросозерцаніе царевенъ: онѣ усвоили себѣ русскую рѣчь, обычаи, а также свойственные вѣку предрасудки. На восьмомъ году Елисавету началъ обучать грамотѣ, танцамъ и граціи французъ Рамбургъ, а затѣмъ, вмѣстѣ съ сестрой, она пріобрѣла знаніе языковъ французскаго, нѣмецкаго и итальянскаго <sup>1)</sup>. Самъ Петръ, постоянно отвлекаемый дѣлами правленія, не могъ руководить воспитаніемъ дочерей, но несомнѣнно слѣдилъ за нимъ. Заставъ однажды Елисавету за чтеніемъ французскихъ писемъ г-жи Ламбергъ, Петръ попросилъ ее перевести одну страницу и затѣмъ сказалъ: «Счастливы вы, дѣти, что васъ воспитываютъ, что въ молодыхъ годахъ пріучаютъ васъ къ чтенію полезныхъ книгъ... Въ своей молодости я былъ лишенъ и дѣльныхъ книгъ, и добрыхъ наставниковъ» <sup>2)</sup>. Уже изъ этихъ словъ Петра можно заключить, насколько справедливы позднѣйшіе рассказы, будто бы французскій языкъ Елисавета изучила лишь послѣ смерти Петра <sup>3)</sup> и до конца жизни «не знала, что Великобританія есть островъ» <sup>4)</sup>. Достоверно извѣстно, что съ 1716 года при царевнахъ находилась гувернанткой французенка, дворянка Ланнуа; въ историческихъ памятникахъ упоминаются рядъ образованныхъ лицъ, находившихся въ штатѣ цесаревны; не менѣе достоверно, что еще при Петрѣ велись переговоры о бракѣ Елисаветы съ королемъ французскимъ Людовикомъ XV, и она неоднократно бесѣдовала съ французскимъ посланникомъ. О географическихъ познаніяхъ Елисаветы можетъ свидѣтельствовать то обстоятельство, что она сама всегда слѣдила за ходомъ политическихъ дѣлъ, а послѣ удаленія А. П. Бестужева-Рюмина съ канцлерскаго поста непосредственно руководила иностранными сношеніями Россіи.

<sup>1)</sup> «Сборникъ историческихъ матеріаловъ» Михайлова, «Цесаревна Анна Петровна», ст. Петрова, 105—106.

<sup>2)</sup> Семевскій. «Русское Слово», 1859, II, 211.

<sup>3)</sup> «Фирсовъ: «Вступленіе на престолъ Елисаветы Петровны», Казань, 1887.

<sup>4)</sup> «Сочиненія кн. М. М. Щербатова», II, 196—197. Въ этомъ увѣрялъ Щербатовъ Д. В. Волковъ, извѣстный сторонникъ Петра III.

Въ 1721 году, послѣ заключенія Ништадтскаго мира, когда Петръ принялъ императорскій титулъ, царевны Анна и Елисавета получили титулъ цесаревенъ и, сопровождая мать свою, часто показывались двору и обществу на придворныхъ праздникахъ и ассамблеяхъ. Распущенность и грубость нравовъ того времени постоянно проявлялась на этихъ собраніяхъ. Въ комнатахъ, гдѣ танцовали царскія дочери, напивались до-пьяна, ссорились, бранились до неприличія, среди прочихъ, и первые сановники государства. На маскарадахъ происходили и болѣе непристойныя сцены. Даже на семейныхъ обѣдахъ Елисавета видѣла часто грубыя шутки самого царя-отца съ присутствовавшими гостями. Еще болѣе, при дворѣ отца и матери она должна была видѣть немало соблазнительныхъ сценъ или слышать о нихъ: дѣло Монса, напримѣръ, разыгралось на ея глазахъ, когда ей было уже 15 лѣтъ. По общему свидѣтельству современниковъ, цесаревна Елисавета отличалась уже въ это время замѣчательной красотой, а веселый, добрый, жизнерадостный характеръ увлекалъ ее къ наслажденію удовольствіями: танцы и наряды были ея страстью. Съ годами увлеченіе удовольствіями приняло у нея болѣе опасный характеръ, тѣмъ болѣе, что изъ русскихъ женщинъ того времени немногія умѣли противостать искушенію: теремная жизнь не пріучила ихъ къ борьбѣ со страстями. Между тѣмъ и общество, окружавшее Елисавету, не поощряло къ разборчивости: среди первыхъ сановниковъ имперіи она видѣла лицъ необразованныхъ, грубыхъ, вышедшихъ изъ самаго низкаго состоянія, какими были, напримѣръ, Меншиковъ, Девьеръ, гофмейстеръ двора цесаревенъ, Ягужинскій, и, наоборотъ, среди гвардейскихъ солдатъ были люди знатнаго происхожденія, съ болѣе утонченными, мягкими нравами. Между окружавшими ее комнатными дѣвушками и знатными придворными дамами ни по образованію, ни по нравамъ ихъ Елисавета также не видѣла разницы, да ея и быть не могло въ первомъ періодѣ реформы. Вотъ почему цесаревна Елисавета, впечатлительная и добродушная, съ раннихъ лѣтъ проявляла мало понятный теперь демократизмъ въ отношеніяхъ и во вкусахъ. Любя сестру свою Анну, отличавшуюся сосредоточеннымъ, серьезнымъ характеромъ, Елисавета въ дѣвическихъ своихъ шалостяхъ не находила себѣ въ ней подруги, а сошлась съ комнатной дѣвушкой своей сестры, Маврой Шепелевой, которая также отличалась бойкостью, веселостью нрава и, будучи старше цесаревны, до нѣкоторой степени могла въ первое время руководить ее своими совѣтами.

Незадолго до своей кончины Петръ Великій хлопоталъ о замужествѣ Елисаветы съ Людовикомъ XV или съ однимъ изъ французскихъ принцевъ. Послѣ его смерти Екатерина, увидавъ неуспѣшность этихъ переговоровъ, предположила выдать дочь за принца, епископа Любскаго, Карла-Августа, за двоюроднаго брата котораго,

герцога Голштинскаго, уже вышла старшая ея дочь Анна Петровна. Екатерина очень любила Елисавету и ей довѣряла читать для нея и подписывать государственныя бумаги и акты; вѣроятно, предполагалось, что Елисавета съ мужемъ останется въ Россіи. Принцъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ октябрѣ 1726 г. и успѣлъ понравиться цесаревнѣ. Но 1727 годъ былъ роковымъ въ жизни Елисаветы: въ этотъ годъ умерла мать ея, императрица Екатерина, а вслѣдъ за нею и нареченный женихъ, принцъ-епископъ; тогда же уѣхала съ мужемъ въ Голштинію цесаревна Анна Петровна, которая умерла тамъ въ слѣдующемъ году. 18-лѣтняя цесаревна осталась одинокой, безъ руководителей и друзей и безъ всякаго политическаго значенія, а, между тѣмъ, вокругъ трона завязалась борьба партій. Меншиковъ прочилъ ее за своего сына, Петръ II ухаживалъ за красавицей теткой. Юная, безпечная цесаревна старалась забыть о свѣтѣ, о своемъ высококомъ положеніи, о придворныхъ интригахъ и удалялась въ свое село Измайлово и въ принадлежавшую ей Александрову слободу. Въ особенности удалилась она отъ двора послѣ ссоры съ Петромъ II, когда она приблизила къ себѣ камергера своего двора А. Б. Бутурлина, какъ говорятъ, во время одного изъ путешествій своихъ пѣшкомъ въ Троицкую лавру. По приказанію Петра, Бутурлинъ посланъ былъ на службу въ Малороссію, но мѣсто его скоро занялъ сначала Семень Кирилловичъ Нарышкинъ, а затѣмъ прапорщикъ Семеновскаго полка Алексѣй Шубинъ, помѣстье котораго находились въ окрестностяхъ Александровской слободы<sup>1)</sup>. Въ это время Петру, поднавшему всецѣло вліянію Долгорукихъ, было не до тетки: онъ былъ помолвленъ на княжвѣ Долгорукой и, скоро послѣ помолвки, въ январѣ 1730 г. отдалъ Богу душу, простудившись на Крещенскомъ парадѣ.

Въ Александровской слободѣ цесаревна проводила время, какъ праздная помѣщица того времени, предаваясь всѣмъ деревенскимъ удовольствіямъ: охотѣ, верховой ѣздѣ, катанью съ горъ и въ пошевняхъ. Лѣтомъ съ дѣвушками она водила хороводы, пѣла пѣсни, зимою собирала ихъ къ себѣ на посидѣлки и затѣвала разныя игры. Ласковая, веселая, всегда одѣтая въ русское платье, цесаревна относилась къ своимъ разнокалибернымъ гостямъ одинаково привѣтливо, угощая всѣхъ сластями и лакомствами: пряниками, калеными орѣхами. вмѣстѣ съ ними же занималась цесаревна и рукодѣльями: вышивала по обѣщанію въ церковь пелены, плащаницы, ткала холсты. Въ то же время, страстная природа Елисаветы,

<sup>1)</sup> Камеръ-пажъ Шубинъ, упомянутый въ росписи лицъ, служащихъ при Елисаветѣ (Арх. кн. Воронцова, I), есть другое лицо, а не А. Я. Шубинъ, какъ думаютъ біографы Елисаветы: Алексѣй Шубинъ не могъ быть при дворѣ Елисаветы въ одно время съ «пѣвчимъ Алексѣемъ Разумовскимъ», упоминаемымъ въ той же росписи.

руководимая лишь чувствомъ, возбуждаемая постоянными искательствами и дурными примѣрами, требовала удовлетворенія: быть можетъ, это было отчасти родительское наслѣдство. Сама Елисавета, по словамъ Миниха <sup>1)</sup>, говорила своимъ приближеннымъ, что было довольна только тогда, когда влюблялась. Сохранился слѣдующій акростихъ сочиненія Елисаветы Петровны, писанный ею собственноручно:

«Сія удивленна нынѣ учинилась,  
 А что любовь сама во глупость вселила, тѣмъ ся уязвила,  
 Мыслила ту болѣе въ умъ вселити,  
 А анъ стала тая еще глупѣй быти,  
 Ревность пресильна въ вей пребываетъ и себя мертвитъ  
 И сама не знаетъ, кто ее умерщвляетъ,  
 На то уповаешь, что сама не знаетъ, въ безумствѣ забываетъ <sup>2)</sup>».

О настроеніи цесаревны можетъ дать понятіе слѣдующее письмо подруги ея Мавры Шепелевой изъ Киля, гдѣ она находилась въ камеръ-юнгферахъ при Аннѣ Петровнѣ: «Матушка цесаревна, какъ принцъ Орьдовъ (?) хорошъ! Истинно я не думала, чтобы онъ такъ хорошъ былъ, какъ мы видимъ; ростомъ такъ великъ, какъ Вутурлинъ, и такъ тонокъ, глаза такіе, какъ у насъ, цвѣтомъ и такъ велики, ресницы черныя, брови темнорусыя, волосы такіе, какъ у Семена Кирилловича (Нарышкина), бѣлъ немного почернея покойника Бышова (бишофа, т.-е. епископа Любскаго), асанка походитъ на государеву асанку» и т. д. О наружности самой Елисаветы дюкъ де-Лириа, къ ней не расположенный, даетъ въ это время такой отзывъ: «Она такая красавица, какихъ я не видывалъ. Цвѣтъ лица удивителенъ, глаза пламенные, ротъ совершенный, шея бѣлѣйшая и удивительный станъ. Она высока ростомъ и жива необыкновенно. Танцуетъ хорошо, ѣздитъ верхомъ безъ малѣйшаго страха. Въ обращеніи много пріятнаго». Одно возмущало дюка, какъ и другихъ иностранныхъ пословъ, — ея поведеніе. «Предаваясь наединѣ (т.-е. въ слободѣ) удовольствіямъ и наслажденіямъ, она дѣлаетъ это съ ужасной публичностью...», говоритъ Лириа. Возмущало его и то, что Елисавета по четыре мѣсяца не являлась ко двору, но ее удерживало отъ пріѣзда ухаживаніе за нею фаворита императора, кн. Ивана Долгорукаго, и сватовство разныхъ нѣмецкихъ принцевъ: супружество съ ними стало казаться ей ненавистнымъ.

19 января 1730 г. умеръ Петръ II, и вслѣдъ затѣмъ верховники, съ «кондиціями» въ рукахъ, избрали на престолъ герцогиню курляндскую Анну Иоанновну. Говорили не безъ основанія, что Елисаветѣ, какъ дочери Петра Великаго, стоило только явиться предъ

<sup>1)</sup> Записки Миниха, изд. С. Н. Шубинскаго, 88.

<sup>2)</sup> Арх. кн. Воронцова, I, 9 — 10. Прочитано по fac-simile, такъ какъ въ текстѣ передача не совсѣмъ вѣрна.

гвардіей, чтобы быть провозглашенной императрицей; говорят, что особенно побуждалъ ее на этотъ шагъ ея докторъ Лестокъ. Но Елисавета, всегда беззаботная, не обнаружила на этотъ разъ никакихъ честолюбивыхъ плановъ; по словамъ Екатерины II, она даже не могла въ то время прѣхать въ Москву изъ любимой своей слободы: «une fièvre tierce lui avoit rendu la taille fine»<sup>1)</sup>.

Быть можетъ, вполнѣдствіи Елисавета горко раскаивалась въ своей безпечности: новая императрица, женщина «порядка», характера суроваго, боялась совмѣстничества Елисаветы, тѣмъ болѣе, что Биронъ, привезенный ею изъ Митавы, возбуждалъ негодованіе всѣхъ русскихъ. Ударъ, нанесенный Елисаветѣ новой императрицей, былъ жестокой. По ничтожному доносу, фаворитъ цесаревны Шубинъ былъ схваченъ, посаженъ въ «каменный мѣшокъ» и послѣ пытокъ отправленъ сначала въ Ревель, а потомъ въ Сибирь. По отношенію къ самой Елисаветѣ императрица держала себя холодно: запретила ей являться къ себѣ безъ предварительной просьбы, давать ассамблеи, хотѣла даже, какъ говорятъ, заключить ее въ монастырь, но на этотъ разъ цесаревну спасъ Биронъ, въ надеждѣ со временемъ женить на ней своего сына. Золотые дни кончились для Елисаветы: ее держали подъ негласнымъ, но строгимъ надзоромъ. Послѣ гибели Шубина она возвратилась въ слободу подъ влияніемъ тяжкаго чувства скорби и большую часть времени проводила въ Слободскомъ дѣвичьемъ монастырѣ предъ иконой Знаменія Божіей Матери, ища утѣшенія въ религіи. Въ это время окрѣпла ея преданность православной церкви, въ это время врожденное чувство доброты претворялось въ милосердіе. Теперь нельзя было не тревожиться въ настоящемъ, не думать о будущемъ, такъ какъ каждый ложный шагъ цесаревны могъ стоить дорого и ей самой, и ея приближеннымъ.

Плодомъ тоски по Шубинѣ явилась составленная Елисаветою въ это время элегія:

«Я не въ своей мочи огонь утушить,  
Сердцемъ болѣю, да чѣмъ пособить?  
Что всегда разлучно и безъ тебя скучно.  
Легче-бъ ты не знати, нежели такъ страдати  
Всегда по тебѣ» и т. д.

Цесаревна отличалась всегда умомъ и развитымъ чувствомъ такта: даже враги ея, какъ, напримѣръ, Минихъ, отдавали ей справедливость въ этомъ отношеніи. Получивъ грозное предостереженіе, слободская помѣщица, беззаботная птичка-пѣвунья, хотя съ тяжелымъ чувствомъ, но сумѣла настолько опредѣлить свои отношенія къ новой обстановкѣ и такъ повести себя и своихъ домаш-

<sup>1)</sup> Дневникъ Храповицкаго, 132.



цевъ, что въ теченіе всего десятилѣтняго правленія Анны Иоанновны, несмотря на подозрительность императрицы, не представилось болѣе случая придратъся къ ней. Императрица старалась выказать высокоуміе по отношенію къ Елисаветѣ, иногда какъ бы вызывала ее на отпоръ, но гонимая дочь Петра какъ бы не замѣчала ничего. Чего стоило это поведеніе молодой, впечатлительной, привыкшей къ свободѣ дѣвушкѣ,—это другой вопросъ. Зато эта десятилѣтняя школа испытаній закалила характеръ Елисаветы и подготовила ее къ трону.

Съ переѣздомъ двора 1732 году въ Петербургъ, цесаревна должна была также перебраться туда. Здѣсь она поселилась въ небольшомъ, приобретенномъ ею отъ А. Л. Нарышкина, дворцѣ своемъ, на Красной улицѣ, нынѣ Царицынской, прилегающей къ Царицыну лугу; садъ ея выходилъ на нынѣ еще существующій Аптекарскій переулокъ у Круглаго рынка. Для лѣтняго пребыванія имѣла Смольный дворъ на мѣстѣ нынѣшняго Смольнаго собора. Жизнь въ Петербургѣ была для цесаревны также рядомъ страданій. При дворѣ она бывала только въ официальные дни и на парадныхъ торжествахъ, служа, впрочемъ, украшеніемъ всѣхъ празднествъ. Красота ея, живость нрава, спокойный, веселый характеръ производили на всѣхъ обаятельное впечатлѣніе, но всѣ знали, что цесаревна—въ опалѣ, и вся знать, всѣ высшіе сановники почтительно избѣгали ея. Цесаревна вела поэтому весьма скромной образъ жизни, окруженная своими родственницами Ефимовскими и Гендриковыми, которыхъ императрица Анна презирала за низкое происхожденіе, и небольшимъ штатомъ состоявшихъ при ней лицъ, изъ числа которыхъ не было ни одного, принадлежавшаго въ высшимъ классамъ общества: это были люди изъ средняго дворянства, какъ камеръ-юнкеръ Александръ и Петръ Шуваловы и Михаилъ Воронцовъ, или изъ простыхъ, «подлыхъ» людей, какъ камердинеръ Василій Чулковъ, пѣвчій Алексѣй Григорьевъ (Разумовскій), многія камеръ-юнгферы и всѣ музыканты и пѣвчіе. Мавра Егоровна Шепелева продолжала быть подругою цесаревны и не потеряла своего положенія, выйдя замужъ за Петра Шувалова: «Мавра, рассказываетъ Минихъ, посвящена во всѣ сокровенныя дѣла принцессы».

Главную роль среди окружавшихъ цесаревну лицъ началъ играть пѣвчій Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, простой казакъ по происхожденію, писанный красавецъ, плѣнившій Елисавету своимъ голосомъ на одной придворной обѣднѣ. Она перевела его въ свой штатъ, и въ скоромъ времени онъ сдѣлался близкимъ ей человекомъ. Нуждаясь въ развлеченіи и въ обществѣ, цесаревна охотно принимала къ себѣ гвардейскихъ солдатъ, обращавшихся къ ней съ своими нуждами, угощала ихъ изъ собственныхъ рукъ, крестила у нихъ дѣтей. Нельзя забывать, что солдаты эти всѣ были дво-

ряне, и что они понимали и положеніе дѣлъ въ государствѣ, и отношеніе къ цесаревнѣ Анны Іоанновны, Бирона и всей нѣмецкой партіи; за ними шла и масса народа. Ласковая «матушка государыня цесаревна» въ расположеніи къ себѣ нижнихъ чиновъ гвардіи пріобрѣтала прочную опору. Чѣмъ болѣе негодованія возбуждала къ себѣ въ русскихъ людяхъ нѣмецкая партія, тѣмъ болѣе гонимая дочь Петра Великаго вызывала къ себѣ сочувствіе: она стала наконецъ знаменемъ для всѣхъ русскихъ людей.

Популярность цесаревны, столь понятная для всѣхъ и въ то время, конечно, не улучшала отношеній къ ней императрицы. Принять рѣшительныя мѣры противъ нея не было основаній, тѣмъ болѣе, что и въ Голштиніи «жилъ чертушка», внукъ Петра Великаго, малолѣтній сынъ Анны Петровны. Елисавету окружили шпионами, руководство которыми принялъ на себя Минихъ, Левенвольде и Лопухины<sup>1)</sup>. Простыя отношенія Елисаветы къ низшимъ классамъ общества, знакомство ея съ солдатами, подавали поводъ нѣмецкой партіи говорить о вольной жизни цесаревны. Клеветы эти, однако, не достигали цѣли. Притомъ цесаревна стѣснена была въ финансовомъ отношеніи, живя только на доходы своихъ вотчинъ, и часто нуждалась. Какъ относилась Анна Іоанновна къ нуждамъ цесаревны, видно изъ того, что въ 1740 году одинъ изъ шутовъ ея получилъ въ награду за ревностную службу 3.000 р., и въ это же время управитель имѣніями цесаревны, Возжинской, докладывалъ ей, что на Смольномъ ея дворѣ у прислуги нѣтъ говядины, «а взять мнѣ негдѣ», прибавлялъ онъ. Воронцовы рассказывали впоследствии, что Елисаветѣ помогала займами мать Михаила Воронцова, урожденная сибирячка Сурмина. Когда послѣ смерти Анны Іоанновны Елисавета обратилась къ правительству съ просьбой объ уплатѣ долговъ, то ихъ оказалось на 43.000 р. Впрочемъ, и не въ цѣляхъ императрицы было давать Елисаветѣ финансовыя средства, такъ какъ они шли бы на усиленіе ея вліянія среди солдатъ и народа. Напротивъ, укрѣпляя престолонаслѣдіе въ родѣ царя Іоанна Алексѣевича путемъ брака племянницы своей Анны Леопольдовны съ принцемъ Антономъ-Ульрихомъ Брауншвейгскимъ, императрица Анна расположена была тѣснить Елисавету, такъ какъ главную опасность для осуществленія своихъ плановъ видѣла только въ ней.

Послѣ смерти Анны Іоанновны, императоромъ, по ея завѣщанію, провозглашенъ былъ младенецъ, сынъ Анны Леопольдовны, Іоаннъ VI, а регентомъ государства объявленъ былъ Биронъ. У

<sup>1)</sup> Минихъ ухитрился даже, по порученію императрицы, помѣстить въ самый домъ Елисаветы урядника Щегловитаго, въ качествѣ смотрителя за домомъ, и Щегловитый доносилъ, кто бывалъ у цесаревны и куда она выѣзжала. Не былъ ли этотъ Щегловитый родичемъ Шакловитаго царевны Софіи?

временщика этого, послѣ смерти императрицы Анны, въ сущности не было опоры, а, между тѣмъ, къ власти стремились другіе, болѣе талантливые нѣмцы: Минихъ, Остерманъ; съ родителями малолѣтняго императора, оскорбительно устраненными отъ естественной опеки надъ сыномъ, у него существовали дурныя отношенія; наконецъ, русскіе, за исключеніемъ придворной знати, въ одно и то же время и боявшейся его, и ждавшей отъ него подачекъ,—ненавидѣли его, какъ и всѣхъ нѣмцевъ, отъ всей души. Биронъ, какъ ловкій проходимецъ, думавшій только о своихъ выгодахъ, рѣшилъ сдѣлать Елисавету орудіемъ для укрѣпленія своего положенія и укрыться за ея именемъ. Неизвѣстно въ точности, что онъ предлагалъ Елисаветѣ: одни думаютъ, что онъ желалъ возвести ее на престолъ, выдавъ ее предварительно за старшаго своего сына; другіе предполагаютъ, что, помимо брачнаго проекта, Биронъ предлагалъ Елисаветѣ провозгласить императоромъ, подъ его регентствомъ, малолѣтняго герцога голштинскаго, племянника Елисаветы; быть можетъ, на самомъ дѣлѣ, Биронъ предлагалъ даже то и другое, испытывая мысли цесаревны. Несомнѣнно одно, что Елисавета, тоже привыкшая къ терпѣнію и уклончивой политикѣ, не давала ему никакого опредѣленнаго отвѣта, а между тѣмъ Биронъ назначилъ ей 50.000 р. ежегоднаго содержанія и оказывалъ всяческіе знаки уваженія, въ которыхъ отказывали ей при Аннѣ. Нѣмецкая партія понимала, какою страшною опасностію грозитъ ей имя Елисаветы, и Минихъ предлагалъ Бирону заключить ее въ монастырь. Уклончивый отвѣтъ регента убѣдилъ нѣмецкую партію, какую игру задумалъ Биронъ, и паденіе его совершено въ одну ночь. Слабость новой правительницы, принцессы Анны Леопольдовны, раздоры между главарями нѣмецкой партіи, дали приверженцамъ Елисаветы надежду на возможность переворота въ ея пользу. Между гвардейскими солдатами шли разговоры, что «коронованнаго отца дочь оставлена», а «нѣмцы правятъ Россіей». Когда у правительницы появился фаворитъ, саксонскій посланникъ Линаръ, то сердца всѣхъ сжались въ ожиданіи новаго Бирона. Представители иностранныхъ державъ, враждебныхъ Брауншвейгскому дому, державшемуся союза съ Австріей, также надѣялись на возможность переворота въ пользу цесаревны и предложили ей свою помощь. То былъ Шетарди, посолъ Франціи, исконной соперницы Австріи, и союзные съ Франціей шведы, надѣявшіеся воспользоваться смутами въ Россіи, чтобы вернуть себѣ провинціи, утраченныя по Ништадтскому миру. Шетарди вступилъ чрезъ Лестока въ сношенія съ Елисаветой и предложилъ ей денежную помощь; шведы рѣшились даже объявить войну правительству Анны Леопольдовны, утверждая, что они идутъ якобы на защиту русскихъ, утѣсняемыхъ имъ; чрезъ Шетарди они требовали отъ Елисаветы, чтобы она дала имъ письменное обязательство, на случай восшествія своего на престолъ, уступить Швеціи обратно всѣ завоеванія Петра Великаго.

Въ эти рѣшительныя минуты своей жизни Елисавета, лишенная всякихъ руководителей, проявила не одинъ только свой природный умъ и тѣ качества характера, которыя воспитаны были въ ней суровой школой жизни: въ ней сказала дочь великаго отца и, среди себялюбиваго круга проходимцевъ, торговавшихъ честью и пользою государства, оправдала слова врага своего Миниха, что она отъ природы одарена была высокими душевными качествами.

Она не дала себя увлечь просьбами приближенныхъ и преданныхъ ей гвардейцевъ: всегда спокойно, медлительно обдумывая важныя дѣла, цесаревна и здѣсь не сразу, вѣроятно, рѣшилась на переворотъ въ свою пользу. Быть можетъ даже, что честолюбивыя стремленія взяли въ ней верхъ лишь послѣ постоянныхъ представлений о «страданіяхъ отечества отъ нѣмцевъ» и вслѣдствіе боязни за участь свою и своихъ приближенныхъ, когда дѣло пропаганды, помимо ея воли, зашло слишкомъ далеко. Всѣ мухи, летавшія около Елисаветы въ это время: французскій посолъ Шетарди, докторъ, ганноверецъ Лестокъ, преображенскій солдатъ, выкрестъ изъ евреевъ, Грюнштейнъ, увѣряли всегда, что, только благодаря ихъ усердію, ихъ настояніямъ, Елисавета склонилась на мысль о переворотѣ; но вѣйдшіе историки, какъ, на примѣръ, Соловьевъ, считаютъ медлительность Елисаветы проявленіемъ ея женской слабости, выраженіемъ ея мысли, что движеніемъ долженъ руководить мужчина, какъ еще недавно арестомъ Бирона руководилъ Минихъ. Въ сущности, вѣроятно, не было ни того, ни другого: Елисавета давала назрѣть дѣлу, не отвергая въ то же время факторскихъ услугъ иностранныхъ авантюристовъ, стремившихся и на этотъ разъ лишь урвать факторскій процентъ за самозванное посредничество между русскимъ народомъ и дочерью Петра. Елисавета такъ же твердо увѣрена была въ гвардіи и народѣ, какъ и они въ ней; солдаты прямо обращались къ ней съ просьбами объ освобожденіи отъ нѣмцевъ. Когда однажды въ Лѣтнемъ саду цесаревну окружили гвардейскіе солдаты, и одинъ изъ нихъ сказалъ: «матушка, всѣ мы готовы, и только ждемъ твоихъ приказаній», то она отвѣтила: «ради Бога, молчите и опасайтесь, чтобы васъ не услышали; не дѣлайте себя несчастными, дѣти мои, не губите и меня. Разойдитесь, ведите себя смирно; минута дѣйствовать еще не наступила. Я васъ вѣлю предупредить» <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Пекарскій: «Маркизь де-ля-Шетарди въ Россіи», 264. Денеші этой нѣтъ въ «Сборникѣ И. Р. И. О.», ХСVI. — Слухи о замыслахъ Елисаветы, многочисленность ея приверженцевъ, неосторожность многихъ изъ нихъ, въ особенности легкомысленнаго Лестока, продолжительность времени выжиданія цесаревны,—все это вызываетъ удивленіе: куда же дѣвалась тайная канцелярія съ ея пыточныхъ дѣлъ мастеромъ, Ушаковымъ? Изъ шпионовъ, окружавшихъ Елисавету и намъ извѣстныхъ, нѣтъ ни одного, принадлежавшаго къ тайной канцелярії. До нѣкоторой степени, быть можетъ, объясняетъ эту странность из-

Чего же ждала Елисавета? Возможно, что сама по себѣ она не желала первая поднять руку и на правительницу, съ которой была вообще въ добрыхъ отношеніяхъ, и на младенца-императора; съ другой стороны, не питая лично честолюбивыхъ замысловъ, она ожидала, въ какихъ дѣйствіяхъ проявятся намѣренія новаго правительства. Но особенно долженъ былъ воздерживать ее отъ рѣшительнаго шага предложенный ей союзъ съ врагами Россіи. Она сомнѣвалась въ необходимости такого союза и вовсе не хотѣла жертвовать шведамъ интересами Россіи. Она рѣшительно отказывалась подъ всевозможными предлогами подписать требуемое отъ нея обязательство о возвращеніи Швеціи завоеваній Петра I <sup>1)</sup>, предлагала взамѣнъ денежное вознагражденіе и наконецъ прямо намекнула Шетарди, что Швеція «ея выгодами прикрываетъ свои собственныя». Это сознавала и русская армія: несмотря на полученный ею шведскій манифестъ, фельдмаршалъ Ласси разбилъ шведовъ и 23 августа взялъ Вильманстрандъ. Быть можетъ, не безъ цѣли уяснить себѣ политическое положеніе, Елисавета, за мѣсяцъ до переворота, 25 октября 1741 г., пріѣзжала на домъ къ Остерману, непременно хотѣла его видѣть, приказывала ему сказать, что имѣетъ крайнюю необходимость переговорить съ нимъ о весьма важномъ дѣлѣ. Проницательность Остермана, дѣйствовавшего въ это время рука объ руку съ принцемъ Антономъ во вредъ Елисаветѣ, на этотъ разъ измѣнила ему. На другой день цесаревна съ гнѣвомъ упрекала жену его, графиню Марю Ивановну: «скажи своему мужу,—говорила Елисавета,—чтобы онъ помнилъ это, скоро потужить, да ужъ поздно будетъ» <sup>2)</sup>).

Но минута дѣйствовать уже наступала. Ходили достовѣрные слухи, что Анна Леопольдовна готовится объявить себя импера-

---

нѣстіе, что Елисавета Петровна указывала Шетарди на генерала Ушакова, какъ на своего приверженца. Шетарди послалъ тогда Ушакову, по своему легкомыслию, приглашеніе пріѣхать къ нему, но старый птенецъ Петра даже не удостоилъ его отвѣтомъ. «Сборникъ И. Р. И. О.», ХСII, 428. — По вошествіи на престолъ Елисаветы Ушаковъ пользовался ея благоволеніемъ.

<sup>1)</sup> Елисавета прибѣгала при этомъ къ чисто женскимъ уловкамъ, выставляя себя даже дурочкой въ борьбѣ съ дипломатами. Шведскій посланникъ Нолькенъ убѣдительно представлялъ однажды Елисаветѣ, застигнувъ ее во дворцѣ правительницы, о необходимости имѣть отъ нея документъ (письменное удостовѣреніе), чтобы говорить за нее въ Швеціи «свободнѣе и съ большей увѣренностію». При этомъ онъ лукава говорилъ ей о неточной передачѣ секретаремъ предъявленныхъ ей въ копіи требованій. Елисавета отвѣчала, что она не помнитъ, о чемъ тогда шла рѣчь. Нолькенъ выразилъ ей удивленіе относительно ея забывчивости въ такомъ важномъ дѣлѣ и сказалъ, что ей доставлена копія уже три мѣсяца тому назадъ. Елисавета отозвалась, что она не знаетъ, гдѣ теперь эта копія. Тогда запасливый Нолькенъ вынулъ изъ кармана подлинникъ и предложилъ ей подписать его. Елисавета отказала въ этомъ, ловко сославшись на присутствіе камергера.—«Сборникъ», ХСVI, 162—163.

<sup>2)</sup> Семевскій: «Русское Слово», 1859, цитовано изъ рукописи Малиновскаго.

трицей, что фаворитъ ея, Линаръ, возвращается, изъ Саксоніи, что Остерманъ и принцъ Антонъ, имѣя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Шетарди и приверженцевъ цесаревны, добиваются заключенія ея въ монастырь. Наконецъ, заговорила и слабая правительница. 23-го ноября, наканунѣ Екатеринина дня, она имѣла объясненіе съ Елисаветой, сказала ей, что она не вѣритъ доносамъ на нее, но что она велитъ арестовать Лестока, не умѣвшего сдерживать своего языка, и что его допросятъ. Цесаревна сумѣла выдержать эту сцену, но по пріѣздѣ домой рассказала ее своимъ приближеннымъ, которые теперь единодушно просили ее не откладывать «дѣйства». Даже бывшій казакъ, теперь Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, ближайшій другъ, или, лучше сказать, «балованное дитя» Елисаветы, подалъ свой голосъ, хотя и невразумительнымъ языкомъ: «сія вещь не требуетъ законѣнія, но благополучнѣйшаго дѣйствія намѣреніемъ, а ежели продолжится до самаго злополучнаго времени, то чувствуетъ духъ мой великаго смятенія не токмо въ Россіи, но и во многихъ государствахъ по той претензіи, отъ чего сынове россійскія могутъ прійти въ крайнее разореніе и въ потерянiе отечества своего». — «Подлинно такъ, — заключила Елисавета, — и я не столько себя сожалею, какъ обѣданныхъ совѣтниковъ моихъ и всѣхъ подданныхъ» <sup>1)</sup>. Она предоставила Лестоку сообщить о своемъ рѣшеніи Грюнштейну, солдату Преображенскаго полка, стоявшему во главѣ преданныхъ ей гренадеръ, и сдѣлать нужныя приготовления. На слѣдующій день, 24-го ноября, утромъ, въ караулъ Зимняго дворца гобоисту Карцову, приверженцу Елисаветы, уже дано было знать, что въ ночь прибудетъ во дворецъ государыня цесаревна, и велѣно было ему слѣдить за всѣмъ, что происходитъ во дворцѣ.

Принцесса Анна по добродушію и неопытности поторопилась вскрыть Елисаветѣ свои карты, и, такимъ образомъ, объявленный на другой же день послѣ объясненія походъ гвардіи противъ шведовъ сталъ понятенъ Елисаветѣ: она увидѣла, что хотятъ удалить гвардію, чтобы лишить ее опоры. Мѣру эту предложилъ и провѣлъ Остерманъ, никакъ, разумѣется, не ожидая со стороны правительницы пагубной для нея откровенности. Между 11-ти и 12-ти часами ночи на 25-е октября, явилась къ цесаревнѣ депутація изъ 9-ти гренадеръ, съ Грюнштейномъ во главѣ, «по согласію и совѣту всей роты»; гренадеры объявили, что ихъ посылаютъ «заутро въ походъ». Слезно умоляли они: «не оставь насъ въ сиротствѣ, но защити материнскимъ своимъ соизволеніемъ онаго намѣренія», и «да идетъ съ ними своею державною персоною со единой гренадерскою ротою для взятія принцессы Анны и чадъ ея и супруга ея, а буде не благоволитъ, то одни ротою пойдутъ, и уже много

<sup>1)</sup> Пекарскій, 429.

кровопролитія минутъ не можно, а для лучшаго соблаговолила бы итти своею персоною» (Пекарскій, 431.—«Историческое описаніе» о восшествіи Елисаветы Петровны въ «Русск. Вѣстн.» 1842 г.). Много стоило Елисаветѣ ея рѣшимость: всего болѣе боялась она возможности кровопролитія. Она приказала собрать роту въ съѣзжую избу Преображенскаго полка и обѣщала пріѣхать вслѣдъ за ними. Говорятъ, что, прежде чѣмъ произнести рѣшительное слово, Елисавета бросилась на колѣни предъ иконою Спасителя <sup>1)</sup>, долго молилась и дала обѣтъ никому не подписывать смертныхъ приговоровъ. Во второмъ часу морозной ночи, когда весь Петербургъ спалъ, цесаревна съ лентой св. Екатерины чрезъ плечо выѣхала въ Михайломъ Воронцовымъ чрезъ одну изъ нынѣшнихъ Конюшенныхъ къ съѣзжей избѣ Преображенскаго полка, находившейся на «Невской перспективѣ» на мѣстѣ нынѣшняго Аничкова дворца <sup>2)</sup>; по другимъ извѣстіямъ, на запятки саней встали Лестокъ и музыкантъ Шварцъ или, можетъ быть, оба они еще ранѣе были на съѣзжей, упреждая цесаревну. Любопытно для характеристики Елисаветы и друга ея Алексѣя Григорьевича, что онъ въ эту страшную для Елисаветы ночь остался на цесаревнинѣ дворѣ на хозяйствѣ, вѣроятно, по «тихости нрава» и по желанію самой цесаревны: она, очевидно, берегла, какъ дитя, Алексѣя Григорьевича...

Около съѣзжей избы уже собралось въ тиши до 200 гренадеръ изъ преображенскихъ «свѣтлицъ» у Литейной. Подъѣхавъ къ избѣ, Елисавета вышла изъ саней съ крестомъ въ рукѣ и сказала солдатамъ: «ребята, вы знаете, чья я дочь: ступайте за мною!» Гренадеры закричали въ отвѣтъ: «матушка, мы готовы! мы ихъ всехъ перебьемъ!» Говорилось именно то, чего страшно боялась цесаревна. «Если вы будете такъ дѣлать,—сказала она,—то я съ вами не пойду». Затѣмъ она велѣла арестовать дежурившаго на съѣзжей и спокойно спавшаго офицера, разломать барабаны, стала на колѣни, подняла крестъ и сказала: «Клянусь этимъ крестомъ умереть за васъ; клянётесь ли вы умереть за меня?» — «Клянемся!»—закричали гренадеры и цѣловали крестъ. «Такъ пойдемъ же!»—произнесла Елисавета,—и будемъ думать только о томъ,

<sup>1)</sup> Икона эта находится въ одной часовнѣ въ Царскомъ Селѣ.

<sup>2)</sup> А не на Спасской площади, какъ думаютъ до сихъ поръ. У нынѣшняго собора Спаса-Преображенія находились казармы Преображенскаго полка, а не полковой дворъ его, куда поѣхала Елисавета. Указъ Елисаветы о постройкѣ собора въ память восшествія ея на престолъ относился первоначально именно къ мѣсту Аничкова дворца, а затѣмъ распоряженіе было измѣнено. См. Петрова: «Исторія С.-Петербурга», 445—447, прим. 588. Положеніемъ съѣзжей избы на Невской перспективѣ и объясняется тотъ фактъ, что гренадеры двигались къ Зимнему дворцу по нынѣшнему Невскому проспекту, тогда какъ со Спасской слѣдовало итти по Большой Милліонной чрезъ Лѣтній садъ.

чтобы сдѣлать наше отечество счастливымъ». Въ это время изъ «свѣтлицъ» и близъ расположенныхъ казармъ набѣжало еще до 100 гренадеръ, и Лестокъ образовалъ изъ нихъ партію для одновременнаго ареста важнѣйшихъ враговъ цесаревны, въ томъ числѣ Миниха, Остермана и Левенвольда. «По вооруженіи силою крестнаго и по испещеніи изъ казармы сія блаженная компанія утвердила слово: аще и всѣмъ до смерти пострадать и доколѣ душа въ тѣлѣ и жизнь при нихъ, намѣренія не отмѣнить и дѣйство исполнить, и изъ тое роты да ни единъ дерзнетъ нимало къ странѣ отлучиться, но прежде явить братіи своей, не явивый же закланъ будетъ». Цесаревна сопровождала роту въ саняхъ до конца Невскаго проспекта, а затѣмъ они подняли ее на руки и понесли во дворецъ.

Въ караульнѣ Елисавету Петровну встрѣтилъ гобоистъ Карцовъ, а гауптвахту она застала спящей и сама начала будить солдатъ. «Не бойтесь, друзья мои!—сказала она имъ:—хотите ли мнѣ служить, какъ отцу моему и вашему служили? Самимъ вамъ извѣстно, какихъ я натерпѣлась нуждъ и теперь терплю, и народъ весь терпитъ отъ нѣмцевъ. Онъ стонетъ подъ ихъ игомъ. Освободимся отъ нашихъ мучителей!»—«Матушка, всемилостивѣйшая государыня!»—отвѣтили радостно солдаты:—давно мы сего ожидали, и все, что намъ повелишь, то учинить готовы». Четыре офицера, бывшіе на гауптвахтѣ, колебались присоединиться къ своей командѣ. «Арестуйте ихъ, я вамъ приказываю, повинуйтесь мнѣ!»—воскликнула Елисавета. Солдаты, не колеблясь, бросились на офицеровъ, и Елисавета сама удержала ружье солдата, хотѣвшаго приколоть одного изъ нихъ. Всѣ проходы во дворцѣ заняты были затѣмъ крѣпкими караулами, а Елисавета съ нѣсколькими гренадерами поднялась въ псковой правительницы и лично арестовала ее и малолѣтняго императора, очевидно, боясь, что безъ нея присутствія этотъ арестъ произведенъ бы былъ въ самой грубой формѣ. Арестованные отправлены были въ дворецъ цесаревны, гдѣ со страхомъ ожидалъ конца дѣйства Разумовскій. Младенца-императора везла въ своихъ саняхъ сама Елисавета. Крики ура развеселили ребенка; онъ сталъ подпрыгивать, махать рученками, подражая этимъ крикамъ. «Бѣдняжка,—произнесла тронутая Елисавета:—ты не знаешь, что эти клики лишаютъ тебя короны!» Постепенно привезены были во дворецъ къ новой императрицѣ всѣ важные арестанты: принцъ Антонъ, Минихъ, Остерманъ и др. Раннимъ утромъ, еще въ темнотѣ, поспѣшили во дворецъ Елисаветы принести свои вѣрноподданническія поздравленія весь генералитетъ, сенатъ, члены синода. Улицы наполнены были ликующимъ народомъ. Тамъ и сямъ, по словамъ современника, дымились разведенные костры, вокругъ нихъ грѣлись солдаты, поздравляя другъ друга и распивая водку... Шумъ, говоръ, пѣсни, крики: «да здравствуетъ наша матушка, да



здравствуетъ Лизавета Петровна!» Сенаторы, генералы и придворные, прибывавшіе къ дворцу цесаревны, должны были выходить изъ экипажей и въ разволоченныхъ мундирахъ пробираться чрезъ народныя толпы. Въ самомъ дворцѣ новая государыня принимала присягу отъ сената и синода... Революція, какъ желала того Елисавета, была безкровная и народная: въ переворотѣ не участвовало ни одного офицера, ни одного лица, принадлежавшаго къ знати, ко двору, ниже подъячаго какой либо коллегіи. «Не пускаясь въ даль», какъ говорили въ старину, это лучший отвѣтъ на замѣчаніе Екатерины II: «Мое восшествіе не можетъ быть сравнено съ восшествіемъ Елисаветы Петровны: тутъ не было неустройства, но единодушіе»<sup>1)</sup>.

Въ три часа пополудни 25-го ноября въ большой «линеѣ» Елисавета оставила свой скромный цесаревнинъ дворецъ и переѣхала въ Зимній, какъ русская императрица.

## II.

Императрица Елисавета Петровна вступила на престолъ всего 32-хъ лѣтъ, въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ и красоты. Прежде чѣмъ указать на характеръ ея дѣятельности, какъ императрицы, отвѣтимъ сначала на вопросъ, возбуждаемый г. Валишевскимъ, была ли она подготовлена къ трону, имѣла ли «способности» къ управленію громадной своей имперіей.

Вопросъ этотъ вообще труденъ для правильнаго разрѣшенія: въ исторіи столько примѣровъ отсутствія обычной подготовки и у величайшихъ изъ государей міра; наоборотъ, самая тщательная подготовка именно по своей тщательности и, въ силу ея, нѣкоторой своей тенденціозности, искусственности, приводила весьма часто къ противоположнымъ результатамъ; конечно, дѣло не въ одной «подготовкѣ». Соловьевъ рѣшалъ вопросъ такимъ образомъ по отношенію къ Елисаветѣ Петровнѣ. «Полузатворническая жизнь, — говоритъ онъ о жизни ея при Аннѣ, — боязнь принимать живое участіе въ событіяхъ, боязнь сноситься съ важнѣйшими дѣятелями государственной жизни, да и самая невозможность сноситься съ ними, ибо, конечно, они почтительно удалялись отъ опальной и потому опасной цесаревны, — все это должно было препятствовать умственному развитію и энергіи Елисаветы: десять лѣтъ ей было предоставлено жить однимъ чувствомъ». Нѣсколькими страницами далѣе онъ, однако, говоритъ совсѣмъ иное, противоположное первому заключенію. «Опальное положеніе, уединенная жизнь

<sup>1)</sup> Дневникъ Храповицкаго. 82.

Елисаветы при Аннѣ послужили къ выгодѣ для цесаревны. Молодая, вѣтреная, шаловливая красавица, возбуждавшая разныя чувства, кромѣ чувства уваженія, исчезла. Елисавета возмужала, сохранивъ свою красоту, получившую теперь спокойный, величественный, царственный характеръ. Рѣдко въ торжественныхъ случаяхъ являлась она предъ народомъ прекрасная, ласковая, величественная, спокойная, печальная..., а тутъ еще слухи, что нѣтъ добрѣе и ласковѣе матушки-цесаревны Елисаветы Петровны». Нѣсколькими строками далѣе Соловьевъ называетъ цесаревну «женщиной, прошедшей столько лучшихъ лѣтъ жизни въ бездѣйствіи, робкой, загнанной, привыкшей униженной уклончивостію спастись отъ гнѣва и преслѣдованія сильныхъ»<sup>1)</sup>. Очевидно, въ этомъ рядѣ противорѣчій сужденій *ad hoc*, для доказательства какой либо мысли, что-то не ладится. Женщина «загнанная, робкая» не пошла бы совершать переворотъ, лично предводительствуя солдатами, какъ это сдѣлала Елисавета, «прекрасная, величественная и спокойная». Мужества не отрицали въ Елисаветѣ даже враги, ни прежде, ни послѣ. Несомнѣнно, что царствованіе Анны, тяжелая жизнь въ ея правленіе, по дѣйствовало на Елисавету отрезвляющимъ образомъ, указавъ ей пропасть, куда могло увлечь ее стремленіе къ веселой жизни, какъ это было въ Александровской слободѣ. Елисавета какъ бы замкнулась въ самой себѣ и, при наблюдательномъ умѣ, путемъ горькаго опыта, узнала хорошо людей, изучила искусство пользоваться ими при разнообразныхъ обстоятельствахъ и, пренебрегая мелочами, неуклонно слѣдовать къ разъ намѣченной цѣли, сохраняя всегда, въ самыхъ затруднительныхъ случаяхъ, спокойную энергію и присутствіе духа. Елисавета не имѣла завиднаго, въ глазахъ многихъ, счастья, какъ Екатерина, жить и дѣйствовать въ расцвѣтѣ дѣятельности энциклопедистовъ, и она не достигла высоты помысловъ французскихъ философовъ; но у нея было нѣчто большее: она знала свой народъ и жила съ нимъ всегда однимъ чувствомъ. Г. Валишевскій умѣлъ постигнуть въ Елисаветѣ эту рѣдкую въ государяхъ черту, дѣлающую ихъ неуязвимыми и при жизни, и въ памяти потомства. «Елисавета,—говоритъ онъ,—имѣла сознаніе о высокой важности своего сана. Въ болѣе позднее время Павелъ I говорилъ: «знатное лицо въ Россіи есть только то, съ кѣмъ я говорю, и пока я съ нимъ говорю», но, высказывая эту мысль, Павелъ повторялъ только слова Елисаветы. Говоря однажды о титулѣ «великаго» канцлера, который Бестужевъ приложилъ къ себѣ, разговаривая въ ея присутствіи, она выразилась такъ: «знайте, что въ моей имперіи только и есть великаго, что я да великій князь, но и величіе послѣдняго есть не что иное, какъ призракъ». И это чувство, весьма искреннее, было у нея еще менѣе личнымъ,

<sup>1)</sup> «Исторія Россіи» Соловьева, XXI, 98, 101—102.

чѣмъ у отца ея, Петра I. Она отождествляла себя съ своимъ народомъ, понимая его, какъ нѣчто высшее, сравнительно со всѣми частными, соизмѣримыми величинами, и смотря на самое себя, только какъ на олицетвореніе народа въ глазахъ всего свѣта. Но она понимала, что это тождество есть только временное, и поэтому не обнаруживала по отношенію къ будущему горделиваго равнодушія своего отца. Она постоянно занята была вопросомъ о престолослѣдїи и была въ отчаяніи, что не могла быть вполнѣ увѣренной въ его обезпеченіи. Съ меньшей гордыней она соединяла болѣе правильное пониманіе и своей роли, и своихъ обязанностей, а также болѣе прочувствованную любовь къ своей странѣ. Елисавета любила ее, гордилась ею и, несмотря на самыя ужасныя испытанія, оказалась неспособною измѣнить ея интересамъ»<sup>1)</sup>. Иностраные дипломаты при русскомъ дворѣ постоянно отмѣчали эти чувства въ своихъ донесеніяхъ. «Въ дѣйствительности,—говоритъ одинъ изъ нихъ, Фавье,—императрица любитъ только свой народъ, любитъ его почти до фанатизма и имѣетъ о немъ самое высокое мнѣніе, считая его величіе связаннымъ съ своимъ собственнымъ»<sup>2)</sup>. Это сознаніе Елисаветы о тѣсномъ ея единеніи съ народомъ являлось неисчерпаемымъ источникомъ силъ для государства. Только этимъ ея сознаніемъ, по справедливому мнѣнію г. Валишевскаго, можно объяснить явленіе, не поддающееся никакому историческому истолкованію,—политическое величіе Россіи, не умалившееся и даже возросшее среди обстоятельствъ, которыя, казалось, должны были разрушить его. Въ этомъ заключался неизсякаемый источникъ энергіи и устойчивости, который вопреки кажущейся путаницѣ, неурядицѣ и видимому безсилію государства, долженствовалъ повредить и разрушить всѣ существенныя органы его управленія, — не только поддержалъ и укрѣпилъ твореніе Петра Великаго, но до такой степени умножилъ его силы, что Россія оказалась способною нанести мощные удары, поколебавшіе Европу»<sup>3)</sup>. Указавъ далѣе на любовь Елисаветы къ удовольствіямъ и кажущуюся лѣность въ занятіяхъ государственными дѣлами, г. Валишевскій вновь возвращается къ открытой имъ для себя и западныхъ писателей Америкѣ. «Что же случилось съ имперіей при управленіи такой государыни?»—восклицаетъ онъ. «Именно въ это время она развила въ себѣ элементы силы, которые дѣлають ее до настоящаго времени одной изъ величайшихъ державъ земного шара; она слѣдовала, хотя съ нѣкоторою вялостію, но безостановочно по указанному Петромъ I пути цивилизаціи; въ концѣ концовъ, Россія вызвала опасенія Англии, сдѣлалась предметомъ ухажива-

<sup>1)</sup> Waliszewski, 86—87.

<sup>2)</sup> «Русская Старина», 1878, XXIII, 192. Ср. «Историческій Вѣстникъ», 1887, XXIX, 384—386.

<sup>3)</sup> Waliszewski, 88.

ній со стороны Франціи и Австріи. Какимъ чудомъ она достигла всего этого? Это была слѣдствіемъ источника жизненной энергіи, которая, будучи общей и государынѣ и ея подданнымъ и уравновѣшивая ихъ взаимные недостатки, сосредоточила около трона совокупность національнаго ума, воли и энергіи, способную поддерживать основной принципъ власти и управления» <sup>1)</sup>).

Елисавета не имѣла своей политической системы: она слѣдовала политикѣ своего отца: «это было мыслью или дѣломъ вашего отца блаженной памяти», говорили ей докладчики, когда замѣчали колебаніе императрицы утвердить ихъ докладъ. Стремленіе слѣдовать по стопамъ Петра I побуждало ее возстановить значеніе его учрежденій, смыслъ которыхъ утратился въ рядѣ переворотовъ, происходившихъ въ теченіе 17 лѣтъ послѣ его смерти, дорожить совѣтами тѣхъ изъ его «птенцовъ», которые не проявили, какъ Минихъ и Остерманъ, черной, въ глазахъ Елисаветы, неблагодарности къ семьѣ своего благодѣтеля. Она избѣгала какихъ либо новшествъ въ управленіи и тѣмъ даровала государству и народу то успокоеніе, котораго онъ не имѣлъ ни до нея, ни долгое время послѣ нея. Явилась увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, обнаружилось непрерываемое сознаніе, что государственннй и общественннй организмъ зажилъ собственною жизнію, появились признаки возстановлявшагося въ немъ правильнаго кровообращенія, усиленія питанія. Въ похвальной одѣ своей Елисаветѣ Петровнѣ Ломоносовъ чутко подмѣтилъ чувство успокоенія, охватившее общество со вступленіемъ ея на престолъ. «Возлюбленная тишина», — вотъ чему пѣлъ онъ пѣснь свою.

«Нѣтъ краше Елисаветы и тебя!»—говорилъ онъ тишинѣ, понимая ее, конечно, не такъ узко, какъ думаютъ то наши историки литературы.

Императрица не чуждалась нововведеній; напротивъ, именно въ ея царствованіе совершился, отчасти благодаря ея мѣрамъ, подъемъ русскаго просвѣщенія и развитіе гражданственности въ Россіи, которыми щеголялъ «вѣкъ Екатерины». Но эти нововведенія не были «преобразованиями» въ узкомъ смыслѣ этого слова, не были ломкой народныхъ костей, выкраиваніемъ русскихъ зипуновъ въ иноземные кафтаны. Всѣ новшества Елисаветы были слѣдствіемъ назрѣвшей государственной или народной потребности, постоянно проявлявшейся въ жизни, и удовлетвореніе ея казалось до такой степени существеннымъ, что многія елисаветинскія «новшества», каково бы значеніе ихъ ни было, какъ бы органически сами собою выросли на русскаго почвѣ, не вызывая поэтому по адресу Елисаветы «восторженныхъ похвалъ» просвѣщенныхъ историковъ. Между тѣмъ, каждая такая мѣра ея могла бы вызвать удивленіе

<sup>1)</sup> Waliczewski, 96.

она уничтожила смертную казнь въ Россіи, она создала единственный въ Россіи XVIII в. университетъ, единственную по сію пору академію художествъ; положила начало національному русскому театру, заселила степи Южной Россіи; наконецъ она незадолго до смерти,—правда, не читая ни Беккариа, ни Монтескье,—созвала комиссію для составленія новаго уложенія изъ выборныхъ со всей Россіи, слава созыва которой была потомъ всецѣло приписана Екатеринѣ II. Елисавета Петровна, какъ и подобало представительницѣ «возлюбленной тишины», незнакома была съ рекламой да и не нуждалась въ ней ни передъ кѣмъ: она была дочерью Петра Великаго.

Въ области внѣшней политики Елисавета Петровна держалась одного лишь принципа—пользъ русскаго народа. Къ части Финляндіи, пріобрѣтенной ея отцомъ, она присоединила отъ Швеціи новую неменьшую часть, введя и въ ней русское управленіе; на югѣ для защиты отъ татаръ Малороссіи и новыхъ на югѣ поселеній устроила кордонъ и крѣпость св. Елисаветы (нынѣ Елисаветградъ), презрительно отвѣтивъ на угрозы Турціи войной; наконецъ на западѣ, распростерши надъ Польшей крылья русскаго орла, она, черезъ ея голову, «сокращала» силы Пруссіи и Германіи: Фридрихъ II, по собственному признанію, спасся лишь вслѣдствіе внезапной смерти Елисаветы, и мы полтора ста лѣтъ спустя чувствовали и чувствуемъ теперь всю важность неоконченнаго ею дѣла. Елисавета пять лѣтъ вела войну съ Фридрихомъ, несмотря на отвращеніе свое къ войнѣ, и вела бы ее еще пять лѣтъ, если бы то оказалось нужнымъ, видя въ немъ «злодѣя» Россіи. Маколей, въ своемъ этюдѣ о Фридрихѣ Великому, замѣчаетъ по поводу кровопролитныхъ битвъ между русскими и пруссаками въ это время, что «славяне и нѣмцы дрались между собою со всѣмъ пыломъ ненависти, накопленной въ ихъ крови вѣками». Какъ далеки отъ истины были слова европейца—Карамзина объ Елисаветѣ въ «Запискѣ о древней и новой Россіи», написанной для друга европейца и друга Пруссіи, Александра I: «Царствованіе Елисаветы не прославилось никакими блестящими дѣяніями ума государственнаго (sic!). Нѣсколько побѣдъ, одержанныхъ болѣе стойкостію воиновъ, нежели дарованіемъ военачальниковъ, Московскій университетъ и ода Ломоносова остаются красивѣйшими памятниками сего времени». Между тѣмъ, по словамъ А. С. Хомякова, старики, помнившіе еще царствованіе Елисаветы, иначе отзывались о ней. Бывало, начинаютъ они рассказывать про мудрую государыню.—«Такъ вотъ какая была матушка—Екатерина!»—замѣчали слушатели.—«Какая Екатерина! Та мудреная, съ негодованіемъ отзывались старички <sup>1)</sup>».

<sup>1)</sup> «Русскій Архивъ», 1883, I, 289.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что Елисавета Петровна, возсѣвъ на трудный русскій тронъ, имѣла за собою, подобно одному изъ позднѣйшихъ своихъ преемниковъ, сознание, что она и Россія—одно и то же, въ минуты горя и радости неразрывное. Личный характеръ императрицы былъ также отраженіемъ русскаго народнаго характера. До конца жизни сохранила она живость и энергію; беззаботная веселость, характеризовавшая ее въ молодости и ослабѣвшая съ годами, подъ вліяніемъ перенесенныхъ испытаній,—никогда въ ней не исчезала совершенно: она простекала отъ добраго, впечатлительнаго сердца. По достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, Елисавета Петровна горько плакала при чтеніи реляцій о побѣдахъ надъ Фридрихомъ II, когда приводились данныя о количествѣ убитыхъ и раненыхъ: первый болѣзненный припадокъ, разстроившій ея здоровье, произошелъ послѣ чтенія извѣстія о потеряхъ русскихъ при побѣдѣ надъ пруссаками при Гроссѣ-Егерсдорфѣ; она съ негодованіемъ читала главу пытокъ составленнаго Шуваловымъ «Уложенія», «ужаснулась тиранству и, не подписавъ, велѣла передѣлывать»<sup>1)</sup>). Любила дѣтей и дѣтское общество, къ людскимъ слабостямъ вообще относилась снисходительно, и, по словамъ Екатерины Второй, относившейся всегда нѣсколько ревниво къ ея памяти, раздраженіе ея противъ любимцевъ, возбудившихъ ея неудовольствіе, быстро утихало, если они произносили: «виноваты, матушка». Фавориты Елисаветы, пользовавшіеся ея особымъ вниманіемъ и любовью долгое время, были всѣ безъ исключенія люди, по природѣ мягкіе и кроткіе; таковы Шубинъ, А. Разумовскій и Ив. Ив. Шуваловъ. Сама Екатерина долгое время пользовалась заботами императрицы, и когда Елисавета замѣтила ея интриги, то плакала при объясненіяхъ съ нею, вспоминая, что во время болѣзни Екатерины она ночи просиживала у ея постели; сомнительно даже, чтобы Екатерина осталась въ это время въ Россіи, если бы императрица не была склонна къ мягкимъ мѣрамъ относительно ея и ради нея самой, и ради сына ея Павла. Указываютъ на дѣло маркиза Ботта, во время котораго почти безъ основанія страшно пострадали графиня Бестужева и красавица Наталья Феодоровна Лопухина. Дѣйствительно, можно сказать, что это былъ послѣдній отблескъ Бироновской расправы, произведенной мастерами пыточныхъ дѣлъ его времени: Ушаковымъ и Трубецкимъ. Можно, впрочемъ, догадываться, что, съ одной стороны, дѣло самой Елисаветы не было такъ ясно, какъ теперь, и она желала отбить охоту къ заговорамъ; съ другой, несомнѣнно личное озлобленіе Елисаветы противъ Лопухиной, любовникъ которой Левенвольде, совмѣстно съ ея родными, шпионилъ за Елисаветой при Аннѣ. Быть можетъ, были причины и женскаго характера: Лопухина по

<sup>1)</sup> «Сочиненія кн. М. М. Щербатова», II, 218.

красотѣ считалась соперницей Елисаветы. Другой личный врагъ Елисаветы, подруга Анны Леопольдовны, Юліана Менгденъ, подверглась оригинальному наказанію: она сидѣла въ крѣпости восемь лѣтъ въ одномъ казематѣ съ бывшимъ адъютантомъ принца Антона, Геймбрукомъ, къ которому она питала физическое отвращеніе, и которому ранѣе она отказывала въ рукѣ<sup>1)</sup>.

Доброта Елисаветы поддерживалась также ея чрезвычайно развитымъ религіознымъ чувствомъ. Благочестіе ея, какъ и массы народа ея времени, главнымъ образомъ проявлялось во внѣшнихъ знакахъ почитанія православной церкви и ея угодниковъ. Она совершала пѣшкомъ паломничество въ Троицкую лавру и другіе монастыри, неуклонно присутствовала при богослуженіяхъ, строго держала посты<sup>2)</sup>, строила церкви, дѣлала богатые вклады. Чѣмъ болѣе предавалась она, по живости своей природы, удовольствіямъ: баламъ, танцамъ, маскарадамъ, тѣмъ болѣе старалась потомъ замаливать грѣховные свои помыслы и дѣянія. Замѣчаніе одного историка, что «она съ бала ѣздила къ заутренѣ», вполне умѣстно по отношенію къ ея образу жизни. Даже во время путешествій въ монастыри на поклоненіе св. угодникамъ Елисавета умѣла давать своимъ поѣздкамъ характеръ «parties de plaisir», въ особенности при посѣщеніи подмосковныхъ монастырей; между прочимъ, памятнымъ для современниковъ осталось ея путешествіе въ Саввинъ монастырь, во время котораго былъ представленъ ей Маврой Шуваловой Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Государыня, сопровождаемая громадной свитой, обыкновенно шла пѣшкомъ, отдыхая на станціяхъ или ночуя на нихъ; если она не успѣвала до наступленія вечера дойти до станціи, то пріѣзжала на нее въ каретѣ, но на слѣдующій день возвращалась обратно на мѣсто, гдѣ прервано было ея пѣшеходное странствованіе, и съ него продолжала свой путь. Разумѣется, духовенство при Елисаветѣ играло вліятельную роль, особенно духовникъ ея, священникъ изъ Малороссійской ея вотчины Понурицы, о. Ѳеодоръ Яковлевичъ Дубянский<sup>3)</sup>. Говорятъ, что именно онъ убѣдилъ императрицу для заглушенія укоровъ «робкой совѣсти» повѣнчаться съ А. Разумовскимъ, надѣясь имѣть въ немъ навсегда опору. Бракъ Елисаветы съ Разумовскимъ—весьма вѣроятенъ, но доказательствъ его нѣтъ, и едва ли они даже могутъ быть, если справедливо преданіе, что Разумовскій при Екатеринѣ самъ уничтожилъ брачные документы. Несомнѣнно одно, что при всѣхъ перипетіяхъ придворной жизни и колебаніяхъ чувствъ императрицы она всегда неизмѣнно оказывала ему даже публично всѣ видимые знаки вниманія и заботливости супруги.

<sup>1)</sup> «Записка Бирена». «Время», 1861, 12, 603.

<sup>2)</sup> Пуасонье, докторъ присланный Елисаветѣ Людовикомъ XV, писалъ незадолго до ея смерти, что «она предпочитаетъ скорѣе умереть, чѣмъ поѣсть въ постѣ бульону». Waliszewski, 46.

<sup>3)</sup> Предокъ покойнаго историка, Н. К. Шильдера.

Качества ума и характера императрицы Елисаветы Петровны лучше всего характеризуются тѣмъ, что при ней не было временщиковъ, и никто изъ ея приближенныхъ не могъ хвастаться особымъ на нее вліяніемъ; фавориты ея лично никогда не вмѣшивались въ управленіе. По словамъ Храповицкаго, Екатерина, закрывши на портретѣ нижнюю часть лица Петра I, находила въ немъ сходство съ Елисаветой Петровной, при чемъ говорила, что видъ его означаетъ умнаго человѣка <sup>1)</sup>). Отецъ передалъ ей свою самостоятельность сужденій, проницательность взгляда и насмѣшливый складъ ума. Императрица не всѣмъ дѣламъ оказывала равное вниманіе, но, изучивъ дѣло, она оказывалась дальновиднѣе своихъ министровъ; Бестужеву, который долгое время хлопоталъ предъ ней о заключеніи союза съ Англіей, она долго не давала согласія, предсказывая, что Англія въ рѣшительную минуту обманетъ Россію: велико было изумленіе опытнаго дѣльца и жестокъ ударъ, на него обрушившійся, когда оказалось, что черезъ нѣсколько дней послѣ заключенія трактата съ Россіей Англія вошла въ союзъ съ Фридрихомъ II; не менѣе прозорливости обнаружила она въ сношеніяхъ съ Франціей и Австріей. Современники, въ особенности дипломаты, жаловались на лѣность императрицы, говорили, что она, предаваясь удовольствіямъ, задерживаетъ рѣшеніе дѣлъ, и самъ Бестужевъ жаловался, что онъ не можетъ принудить ее подписывать бумаги своевременно. Обвиненія эти, вѣроятно, имѣютъ извѣстную долю основанія, но въ то же время доказываютъ, что, во-первыхъ, Елисавета ничего серьезнаго, при всей любви своей къ удовольствіямъ, власти министровъ не предоставляла, и, во-вторыхъ, что Елисавета часто не спѣшила тамъ, гдѣ многіе заинтересованы были въ возможной быстротѣ рѣшенія. Между тѣмъ, обстановка, въ которой дѣйствовала Елисавета, вовсе не располагала къ быстрому рѣшенію дѣлъ. Свидѣтельница царствованія своего отца, всѣхъ переворотовъ, происшедшихъ послѣ его смерти, жертва опалы въ царствованіе Анны Иоанновны, Елисавета имѣла время присмотрѣться и къ ходу дѣлъ въ Россіи, и къ людямъ, которые вершили ихъ, часто сообразуясь только съ личными своими интересами. Не имѣя желанія отдавать дѣла на чужія руки, какъ сданы они были при Петрѣ II Долгорукимъ и Остерману, при Аннѣ Иоанновнѣ Бирону, и не обладая государственною опытностію своего родителя, — Елисавета любила извѣдывать мысли приближенныхъ ей лицъ, начиная съ «великаго» канцлера и кончая старухами, чesавшими ей по старорусскому обычаю пятки на ночь. Чтобы выяснять истину, въ совѣтѣ своемъ и при дворѣ терпѣла она людей, державшихся различныхъ мнѣній и партій, и въ пользу однихъ не жертвовала другими, если только не были замѣчены въ важныхъ

<sup>1)</sup> Дневникъ Храповицкаго, 352.



винахъ. Въ сущности она не довѣряла никому, а въ тѣхъ дѣлахъ, которыя довѣрялись, имѣла потомъ поводы раскаиваться. Бестужевъ, призванный, по совѣту Лестока, какъ опытнѣйшій дѣлецъ, къ завѣдыванію иностранными дѣлами Россіи, извѣстенъ былъ императрицѣ еще ранѣе съ невыгодной стороны, какъ чело-вѣкъ фальшивый и честолюбивый до крайности. Лестокъ, думавшій по своему легкомыслію имѣть Бестужева союзникомъ во вліяніи на дѣла, былъ крайне удивленъ, когда, въ отвѣтъ на ходатайство, императрица сказала ему: «ты не думаешь о послѣдствіяхъ: ты самъ связываешь для себя пукъ розогъ». Она знала слабости и недостатки всѣхъ окружавшихъ ее лицъ, видѣла большею частію всѣ ихъ интриги, но терпѣла ихъ присутствіе, пока своими дѣйствіями они не выходили изъ опредѣленнаго для нихъ круга и явно не обманывали ея довѣрія. Въ этомъ отношеніи для императрицы всѣ были равны: подвергался опалѣ Лестокъ, затѣмъ врагъ его Бестужевъ, еще ранѣе Михаилъ Воронцовъ, который при Аннѣ управлялъ дворомъ опальной цесаревны, участвовалъ въ восшествіи ея на престолъ и, облагодѣтельствованный новой императрицей, обвинчанъ былъ съ ея двоюродной сестрой. Она знала притомъ продажность своихъ совѣтниковъ: всѣ они получали пенсіи или подарки отъ иностранныхъ дворовъ, хотя не всѣ дѣйствовали такъ искусно, какъ Бестужевъ, до сихъ поръ сохранившій и предъ потомствомъ, какъ предъ современниками, видъ безкорыстія: на принятіе подарковъ и займовъ онъ испрашивалъ разрѣшенія Елисаветы, но едва ли умѣлъ ее провести <sup>1)</sup>. У Елисаветы не было опытныхъ и надежныхъ людей, на которыхъ можно было опереться: нѣмецкое владычество въ Россіи не давало хода русскимъ людямъ; зато многихъ изъ нихъ на всѣхъ поприщахъ дѣятельности Елисавета оставила въ наслѣдство Екатеринѣ. Послѣ Бестужева завѣдываніе иностранными дѣлами попало въ руки ограниченному М. Воронцову, но императрица сама входила во всѣ подробности дипломатическихъ сношеній <sup>2)</sup>, оставляя ему какъ бы однѣ

<sup>1)</sup> Г. Валишевскій убѣдительно доказываетъ, что въ этомъ отношеніи Бестужевъ стоялъ своихъ коллегъ, хотя до послѣдняго времени честность Бестужева подчеркивалась изслѣдователями. Waliszewski, 112—123.

<sup>2)</sup> Это вызвало безсильную злобу въ «кузенѣ» Елисаветы, и, зная дурныя отношенія въ ней Екатерины, онъ мстил императрицѣ насмѣшками: «Однажды при дворѣ императрица очень долго разговаривала съ австрійскимъ посланникомъ, — рассказываетъ Екатерина, — между тѣмъ какъ онъ (Воронцовъ) и всѣ остальные не смѣли садиться и умирали отъ скуки. «Хотите держать пари, — сказалъ онъ мнѣ, — что она говоритъ однѣ пошлости?» — «Что вы это?» — отвѣчала я ему съ усмѣшкой. На это отвѣчалъ онъ мнѣ по-русски слѣдующія характеристическія слова: «*Она съ природою*... Наконецъ онъ ушелъ отъ меня, увѣрая въ своемъ усердіи, и на прощанье снова поцѣловалъ у меня руку». «Записки Екатерины», 252. Сама Екатерина нигдѣ не подтверждаетъ этого отъзвѣва Воронцова. Самого Воронцова, по восшествіи своемъ, она успѣшила замѣнить Н. И. Панинымъ, котораго дипломатическая дѣятельность отличена была еще Елисаветой.

секретарскія обязанности. Соловьевъ, изучавшій событія царствованія Елисаветы по архивнымъ источникамъ и видѣвшій на нихъ слѣды ея царственной работы, говоритъ по этому поводу слѣдующее. «Елисавета, будучи отъ природы умна и наблюдательна, не могла не замѣтить очень скоро борьбы между своими вельможами: она отнеслась къ ней спокойно... Эти люди, стремившіеся овладѣть ея довѣріемъ, ея волею, не понимали, сколько гарантіи для нея заключается въ этомъ спокойствіи, въ этой ровности императрицы относительно ихъ; они обыкновенно упрекали ее въ непостоянствѣ, въ томъ, что, выслушавъ нынче мнѣніе одного и, повидимому, согласившись съ нимъ, завтра, выслушавъ другого, она перемѣняетъ прежнее мнѣніе; упрекали ее въ скрытности и хитрости. Не имѣя блестящихъ способностей, образованія, приготовленія, опытности и привычки къ дѣламъ правительственнымъ, Елисавета, разумѣется, не могла имѣть самостоятельныхъ мнѣній и взглядовъ, исключая тѣхъ случаевъ, гдѣ она руководилась чувствомъ. Выслушивая одно мнѣніе, она принимала его и, по живости характера, не могла удержаться отъ выраженія своего одобренія; не торопясь рѣшать дѣла по первому впечатлѣнію, она выслушивала другое мнѣніе и останавливалась на другой сторонѣ дѣла; приведенная въ затрудненіе, сравнивая и соображая, она естественно медлила и тѣмъ приводила въ раздраженіе людей, желавшихъ, чтобы ихъ мысль была какъ можно скорѣе приведена въ исполненіе. Они кричали, что императрица не занимается государственными дѣлами, отдаетъ все свое время удовольствіямъ. Мы не станемъ отрицать, чтобы въ этихъ жалобахъ не было значительной доли правды. Елисавета могла быть и лѣнива, и предана удовольствіямъ; мы замѣтимъ только, что жалобы эти идутъ отъ людей, находившихся въ раздраженномъ состояніи, страстно желавшихъ спѣшить; мы замѣтимъ только, что были и другія причины медленности, укажемъ на трудность рѣшенія дѣлъ при разнорѣчии мнѣній, при спокойномъ, ровномъ отношеніи къ людямъ, высказывавшимъ разнорѣчныя мнѣнія» <sup>1)</sup>. «Я долго думаю,—говорила сама Елисавета,—но если разъ на что либо рѣшилась, то не оставлю дѣла, не доведши его до конца» <sup>2)</sup>. Въ этомъ сказала еще черта, сближавшая ее съ великимъ ея отцомъ.

Умѣя пользоваться людьми и давая имъ надлежащую цѣну, Елисавета Петровна, какъ женщина, часто вносила въ отношенія свои къ нимъ отгѣнки, которые иногда не были оцѣниваемы надлежащимъ образомъ и давали поводъ обвинять ее въ двуличности: она умѣла различать личныя свои чувства и государственную пользу. Она была всегда признательна Воронцову, состоявшему

<sup>1)</sup> Исторія Россіи, XXI, 168—169.

<sup>2)</sup> Тамъ же, 1229.

при ней въ бытность ея цесаревной, чрезвычайно любила его жену, свою кузину, и, несмотря на то, удалила его на два года въ заграничный отпускъ, удостовѣрившись, что онъ, будучи вице-канцлеромъ, получалъ пенсію отъ французскаго двора. Шетарди, какъ человѣкъ, оказывавшій Елисаветѣ участіе при ея восшествіи на престолъ, всегда пользовался до перлюстраціи его шифрованной переписки, расположеніемъ императрицы до такой степени, что, во время пребыванія императрицы въ Москвѣ, она въ мужскомъ платьѣ, вмѣстѣ съ нимъ и Лестокомъ, втроемъ, безъ всякой свиты, отправилась кататься по иллюминированной столицѣ. Отличіе это возбудило чрезвычайную зависть у другихъ дипломатовъ, а между тѣмъ именно въ это время рѣшена была участь Швеціи противно видамъ Франціи. Самъ Лестокъ, долго и много интриговавшій при дворѣ Елисаветы изъ корыстныхъ видовъ, увѣренъ былъ всегда въ своей безнаказанности, и, дѣйствительно, императрица щадила его <sup>1)</sup> до тѣхъ поръ, когда Бестужевъ не возбудилъ въ ея умѣ вопроса, можно ли полагаться на Лестока, какъ на доктора. Императрицѣ приходилось только оглядываться со всѣхъ сторонъ и нести бремя управленія исключительно на своихъ плечахъ. Племянникъ ея, великій князь Петръ Ѳеодоровичъ, вызванный ею изъ Голштиніи для наслѣдованія русскаго престола, оказался совершенно неподходящимъ къ этой роли ни по воспитанію, ни по личнымъ своимъ качествамъ <sup>2)</sup>; супруга его, великая княгиня Екатерина Алексѣевна, сначала пользовавшаяся любовью Елисаветы, возбудила потомъ ея недовѣріе сношеніями съ Понятовскимъ и Вильямсомъ; мало того, современники передаютъ, что Елисавета уже въ то время находила Екатерину опасной для Петра Ѳеодоровича, подозрѣвая въ ней честолюбивые планы. Между тѣмъ великій князь, не оказывая любви ни къ теткѣ, ни къ Россіи, вель себя при дворѣ Елисаветы, какъ мелкій нѣмецкій князь, не стѣсняясь даже, гдѣ было можно, выражать симпатіи «злудѣю» Россіи и

<sup>1)</sup> «Вольно же Франціи такъ дорого платить Лестоку, съ которымъ ея величество не удостоиваетъ даже говорить», такъ отозвалась Елисавета, когда Бестужевъ представилъ ей живое доказательство, что Лестокъ получалъ пенсію отъ французскаго двора. Хмыровъ: «Графъ Лестокъ»—О. З. СЛXVI, 708. Подобнымъ же образомъ отвѣчала императрица самому Бестужеву, когда онъ сообщилъ ей о намѣреніи Австріи сдѣлать ему денежный подарокъ: «отчего не взять, если у вѣнскаго двора много лишнихъ денегъ». Соловьевъ, XXI.

<sup>2)</sup> Воспитатель Петра Ѳеодоровича, Брюммеръ, съ дѣтства внушалъ ему, что «этотъ подлый языкъ (русскій) пригоденъ только собакамъ и рабамъ». Соловьевъ, XXI, 378. Тотъ же Брюммеръ, по приѣздѣ Петра Ѳеодоровича въ Россію, когда Елисавета готовилась присоединить племянника къ православію, чтобы потомъ объявить его наслѣдникомъ престола, — сталъ настаивать, чтобы Петръ остался въ лютеранствѣ. Сборникъ П. Р. И. О., С. 84. Елисавета, въ концѣ концовъ, выгнала Брюммера изъ Россіи, но посѣянные имъ сѣмена сказались впоследствии въ Петрѣ Ѳеодоровичѣ и принесли горькіе для него плоды.

порицать политику Елисаветы. Будущность Россіи встала предъ нею въ ужасающей неопредѣленности, и, по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, предъ кончиной своей она думала устранить племянника отъ престола. Это была послѣдняя жертва, которую она хотѣла принести своей родинѣ, ободряемая примѣромъ отца въ дѣлѣ несчастнаго ея брата, царевича Алексѣя.

По живой, страстной природѣ Елисавета въ молодости съ увлеченіемъ предавалась удовольствіямъ. Опальное положеніе при императрицѣ Аннѣ заставило ее вести тихую, почти монастырскую жизнь. Съ восшествіемъ на престолъ Елисавета въ полномъ цвѣтѣ силъ и красоты отдалась наслажденіямъ со всѣмъ пыломъ долго сдерживаемой страсти. Въ ней выразилась въ этомъ отношеніи русская женщина XVIII в., вырвавшаяся изъ термнаго заключенія и уже вкусившая жизни въ нездоровой атмосферѣ Петровскихъ ассамблей. Елисавета, впрочемъ, не вынесла изъ нихъ ни пристрастія къ вину, какъ многія другія русскія женщины, ни грубости нравовъ. Напротивъ, изощренный вкусъ ея направляется изъ Голландіи въ Версаль. Костюмы, балы, маскарады, театральныя представленія, охота—вотъ сфера удовольствій Елисаветы, могущественно повліявшая на бытъ и нравы всего высшаго класса въ Россіи. Она никогда уже не носитъ два раза одного и того же платья; на балахъ придворныхъ она мѣняла костюмъ иногда по три раза въ вечеръ; въ 1753 году пожаромъ Лефортовскаго дворца уничтожено было до 4.000 ея костюмовъ; послѣ кончины ея найдено было въ шкафахъ, если вѣрить преданію, до 15.000 платьевъ и болѣе ста кусковъ матерій. Наши дипломатическіе агенты за границей не разъ исполняли порученія императрицы по покупкѣ принадлежностей дамскаго костюма. Елисавета любила также одѣваться въ мужскіе костюмы, особенно для маскарадовъ. Екатерина въ «Запискахъ» своихъ свидѣтельствуетъ, что въ этихъ случаяхъ красота императрицы была превыше всякихъ похвалъ: она появлялась въ костюмахъ всевозможныхъ народностей, одѣтая или французскимъ мушкетеромъ, или казацкимъ гетманомъ, или голландскимъ матросомъ. Женское тщеславіе подсказало ей, что мужской костюмъ особенно выдѣляетъ ея красоту, и она придумала маскарады, на которые женщины являлись въ мужскихъ костюмахъ, а мужчины въ женскихъ; изъ всѣхъ женщинъ мужской костюмъ шелъ вполнѣ къ одной императрицѣ<sup>1)</sup>. Придворнымъ дамамъ вос-

1) «Записки Екатерины», 107. «При своемъ высокомъ ростѣ и нѣкоторой дюжести она была чудно хороша въ мужскомъ нарядѣ. Ни у какого мужчины я въ жизнь мою не видѣла такой прекрасной ноги; нижняя часть ноги была удивительно стройна. Ея величество отлично танцовала и во всякомъ нарядѣ, мужскомъ и женскомъ, умѣла придавать всѣмъ своимъ движеніямъ какую-то особенную прелесть. На нее нельзя было довольно налюбоваться, и бывало съ сожалѣніемъ перестаешь смотрѣть на нее, потому что ничего лучшаго больше не увидишь».

прецено было надѣвать костюмы, похожіе на тѣ, которые носила Елисавета; рассказываютъ, что она однажды собственноручно дала на одномъ балу двѣ пощечины извѣстной красавицѣ Лопухиной, которая осмѣлилась подобно императрицѣ въ этотъ вечеръ прикрѣпить розу къ волосамъ. Страсть къ костюмамъ у Елисаветы проявилась и въ любви ея къ театральнымъ представленіямъ. Когда въ Шлихетномъ корпусѣ кадеты начали устраивать спектакли, императрица приказала ставить ихъ при дворѣ и лично убирала тѣхъ изъ нихъ, кто игралъ женскія роли.

Дворъ Елисаветы отличался роскошью, но, за исключеніемъ торжественныхъ случаевъ, на придворныхъ собраніяхъ этикетъ соблюдали очень мало. Зимю 1745—1746 годовъ особамъ первыхъ двухъ классовъ велѣно было давать маскарады поочередно. Начиались они въ шесть часовъ, танцовали или играли въ карты до десяти, когда императрица, въ сопровожденіи великаго князя, великой княгини и наиболѣе почетныхъ лицъ садилась за ужинъ. Прочіе гости ужинали стоя. Затѣмъ снова начинались танцы и продолжались до часу или до двухъ утра. Этикетъ на этихъ собраніяхъ также не соблюдался. Хозяева дома не должны были никого, даже саму государыню, встрѣчать и провожать. При входѣ ея воспрещено было вставать. Часто Елисавета пріѣзжала ужинать запросто къ тому или другому изъ вельможъ или представителей иностранныхъ державъ; иногда она внезапно появлялась на празднествѣ въ какомъ либо домѣ. Елисавета обнаружила вкусъ и къ постройкамъ. Она вызывала лучшихъ архитекторовъ изъ-за границы, изъ которыхъ особою извѣстностью пользовался графъ Растрелли. Ими возведены монументальныя зданія Зимняго и Царско-сельскаго дворцовъ, Смольнаго монастыря, академіи художествъ, многихъ частныхъ зданій и церквей, существующія и по сіе время.

Съ этой стороны, смягченіе нравовъ и успѣхи французскаго вліянія на складъ общественнаго быта шли съ поразительною быстротою. Французскій балетмейстеръ Ланде увѣрялъ, что нигдѣ въ мірѣ не танцуютъ менуетъ съ такой выразительностію и приличіемъ, какъ при дворѣ Елисаветы. Главный поваръ императрицы, Фуасъ, имѣлъ рангъ бригадира и получалъ ежегоднаго жалованья 800 р., сумму, огромную для того времени. Игра въ карты при дворѣ производилась на крупные куши, и маркизъ Лопиталь, французскій посланникъ, жаловался на свои расходы по этой части: первый карточный вечеръ обошелся ему въ 120 дукатовъ, хотя игра шла съ перемѣннымъ счастіемъ. Картины праздниковъ при дворѣ Елисаветы рисуетъ намъ извѣстный д'Эонъ, бывший въ Россіи въ 1759 г., въ мемуарахъ своихъ, до сихъ поръ остающихся еще не изданными на рускомъ языкѣ. По словамъ д'Эона, дворъ Елисаветы былъ дѣйствительно роскошенъ, но въ немъ мало было вкуса, еще менѣе граціи.

Безупречными по «тону» были лишь семь, десять человекъ придворныхъ. Женщины вообще одѣвались вполне прилично, но замѣтна была излишняя изысканность въ нарядѣ и изобиліе брилліантовъ. Огромная зала, стѣны которой обложены были деревомъ, выкрашеннымъ въ зеленую краску съ позолотой, освѣщена была массой люстръ и жирандоль, и вотъ залитыя золотомъ, серебромъ и волнами свѣта женщины, какъ въ церкви, сидѣли по одной сторонѣ зала, а мужчины—на другой. Они обмѣнивались глубокими поклонами, но не говорили ни слова, даже между собою. Это были изваянія (*des idoles*), а не люди. Обыкновенно играла прекрасная музыка, исполняемая артистами, приглашенными изъ Парижа, но частое и притомъ однообразное повтореніе этого удовольствія въ концѣ концовъ наскучивало <sup>1)</sup>. Не было никакого таланта разнообразить развлеченія, вносить въ нихъ воодушевленіе. Балы и маскарады и при дворѣ и у вельможъ отличались впрочемъ большимъ оживленіемъ. Нѣкоторые маскарады, съ переменнымъ составомъ, тянулись очень долго. Маскарадъ у И. И. Шувалова, данный имъ на случай рожденія великаго князя Павла Петровича, продолжался сорокъ восемь часовъ. Не надо, впрочемъ, забывать, что для Елисаветинскихъ русскихъ и «скучные» для иностранцевъ праздники были большимъ шагомъ впередъ: по словамъ того же д'Эона, во всемъ Петербургѣ было очень мало домовъ. Особенно выдавались любовью своею по французской манерѣ жить и принимать фаворитъ императрицы И. И. Шуваловъ и вице-канцлеръ графъ М. Воронцовъ.

Впрочемъ, во дворцахъ Елисаветѣ казалось тѣсно, и она очень часто проводила время въ загородныхъ мѣстахъ: въ Мурзинкѣ, Славянкѣ, Петергофѣ, Царскомъ Селѣ и чаще всего въ Гостилицахъ, помѣстьѣ А. Разумовскаго; нигдѣ, впрочемъ, не любила она долго засиживаться на одномъ мѣстѣ. Лѣтомъ она играла на лугу въ паркѣ со своими фрейлинами, вела хороводы, пѣла пѣсни. Утомившись, ложилась на коврѣ и засыпала подъ тѣнью деревьевъ; одна изъ фрейлинъ должна была вѣромъ отгонять мухъ, а другія стояли кругомъ въ мертвомъ молчаніи. И горе было тѣмъ изъ нихъ, кто нарушалъ сонъ государыни! Башмакъ Елисаветы Петровны въ этихъ случаяхъ успѣшно замѣнялъ дубинку Петра. Зимой она также не забывала старорусскихъ обычаевъ и забавъ. Посидѣлки часто бывали во дворцахъ, какъ прежде въ Александровской слободѣ и на цесаревниномъ дворѣ; на Рождествѣ играли въ святочные игры, пѣли подблюдныя пѣсни, а на масляницѣ императрица приводила въ отчаяніе своего метрдотеля Фукса, требуя себѣ, вмѣсто тонкихъ яствъ французской кухни, блины, щи, буженину, кулебяку. Въ спальной императрицу окружалъ тотъ же штатъ прижи-

<sup>1)</sup> Записки Екатерины II» 53—54.

валокъ и нянешекъ всякаго рода, какія были при ней, когда она была цесаревной; но многія изъ нихъ были уже старухами. Елисавета обращалась съ ними совершенно просто, какъ помѣщица съ своими барскими барынями. Онѣ чесали ей пятки на сонъ грядущій и въ то же время сообщали ей разныя городскія новости, иногда сплетничали, иногда интриговали, какъ впослѣдствіи Перекусихина при Екатеринѣ; изъ нихъ выдѣлялась своимъ вліяніемъ старуха «*ministre des affaires étranger*», какъ называли ее въ шутку,—Елисавета Ивановна, которую г. Валишевскій называетъ сестрой фаворита Шувалова <sup>1)</sup>, но которая, вѣроятно, была та же Елисавета Ивановна, камеръ-юнгфера императрицы, которая состояла въ ея штатѣ съ ея юности <sup>2)</sup>. Оригинальнымъ лицомъ среди этого женскаго персонала являлся камердинеръ Елисаветы, Василій Чулковъ, достигшій впослѣдствія чина генераль-поручика: онъ ложился спать на полу у кровати императрицы на матрацѣ, охраняя ея сонъ. До сихъ поръ еще встрѣчаются указанія, что Елисавета боялась спать ночью, вспоминая ночные аресты Бирона и Анны Леопольдовны, и г. Валишевскій повторяетъ эту басню: сама Елисавета, по одному случаю, выразилась категорически, что она не боится и не ожидаетъ внутреннихъ революцій, хотя и были слабыя къ нимъ попытки: не было уже стараго матеріала, не было, за исключеніемъ несчастнаго Юанна Антоновича, даже лица, въ пользу котораго могло бы произойти движеніе <sup>3)</sup>...

Евгеній Шумигорскій.



<sup>1)</sup> Waliszewski, 62.

<sup>2)</sup> Арх. кн. Воронцова, I, 20.

<sup>3)</sup> Михневичъ: «Историческіе очерки и рассказы», I, 251 и слѣд.



## ДВУХСОТЛѢТІЕ РУССКОЙ ПЕЧАТИ <sup>1)</sup>.

(1703—1903).

### VI.



**И**ДЕЙНАЯ борьба «карамзинистовъ» съ «шишковистами» въ началѣ XIX-го столѣтія; «романтиковъ» съ «классиками» въ двадцатыхъ годахъ; «гегельянцевъ» съ «фурьеристами» въ тридцатыхъ; «западниковъ» съ «славянофилами» въ сороковыхъ—вотъ главнѣйшія движенія мысли въ первой половинѣ столѣтія. Все идейное содержаніе литературы и печати того времени почерпалось изъ основныхъ началъ этихъ антитезъ. Конечно, идейнымъ движеніямъ соотвѣтствовало и нѣчто въ жизни, въ текущей русской дѣйствительности.

Въ XVIII столѣтіи идейная борьба, почти съ тождественнымъ содержаніемъ, шла почти безусловно внѣ періодической печати. При Петрѣ и его ближайшихъ преемникахъ ареной этой идейной борьбы явилась проповѣдническая кафедра. Сторонникъ церковно-культурной старины, «шишковистъ» и «славянофилъ» XVIII вѣка, Стефанъ Яворскій, и защитникъ реформъ и прямо создатель ихъ въ церковной области, «поборникъ и провозвѣстникъ великихъ трудовъ и преславныхъ дѣлъ обновителя и просвѣтителя Россіи,

<sup>1)</sup> Окончаніе. См.: «Историческій Вѣстникъ», 1902 г., т. XLI, стр. 176.



Петра Великаго», Теофанъ Прокоповичъ, проводили свои идеи, главнымъ образомъ, въ своихъ проповѣдяхъ, которыя еще недостаточно изучены съ этой точки зрѣнія <sup>1)</sup>).

Затѣмъ споръ о старомъ и новомъ переходитъ въ область исторіографіи (Щербатовъ, Болтинъ).

Собственно въ литературѣ «старина» и «новизна» послужили идейному выраженію у двухъ нашихъ великихъ сатириковъ XVIII столѣтія—Кантемира и Фонвизина. Кантемиръ—ярый сторонникъ просвѣтительныхъ начинаній Петра Великаго, часто въ своихъ сатѣрахъ перекладывавшій въ силлабическія вирши характерныя мѣста проповѣдей Теофана Прокоповича, своего наставника и друга. У Фонвизина находимъ своеобразную струю «стародумства», идеи о самобытности и вредѣ излишка слѣпой и внѣшней подражательности.

Въ первой половинѣ XIX столѣтія эти идейные эмбрионы развились въ глубокую, обширную антитезу, при чемъ мы видимъ постепенность въ ея выраженіи, отъ поверхностнаго, въ спорѣ «шишковистовъ» съ «карамзинистами», до философски и научно обоснованнаго въ «славянофильствѣ» и «западничествѣ» 40-хъ годовъ. При первомъ взглядѣ, споръ Шишкова съ послѣдователями Карамзина, Макаровымъ и Дашковымъ, кажется споромъ о словахъ, о старомъ и новомъ «слогѣ», о неологизмахъ и архаизмахъ, о чистотѣ языка, о стилистикѣ. Но самая страстность этого спора доказываетъ, что подъ словами, «слогомъ» и «стилемъ» таилась, едва съ поверхности пока затронутая, но глубокая жизненная суть. Славянскій языкъ, церковныя книги, лѣтописи, акты, народный языкъ и русскія пѣсни—вотъ что проповѣдывалъ Шишковъ. Въ этомъ отношеніи онъ шелъ по слѣдамъ англійскихъ и нѣмецкихъ романтиковъ 60-хъ годовъ XVIII столѣтія. «Карамзинисты» же были яркими послѣдователями «L'Art poétique» Буало. «Карамзинисты», но не самъ Карамзинъ, на котораго идеи Шишкова произвели глубокое впечатлѣніе, въ «Исторіи государства Россійскаго», давшій языкъ, обновленный и обогащенный языкомъ русской лѣтописной и актовой старины, какъ Крыловъ въ своихъ басняхъ далъ языкъ, обогащенный народнымъ говоромъ.

Шишковъ былъ романтикомъ, человѣкомъ новыхъ идей, а у насъ прослылъ ретроградомъ. Впрочемъ, и на западѣ романтизмъ уживался порою съ ретроградствомъ, такъ какъ проповѣдывалъ возвращеніе къ національной старинѣ, гдѣ далеко не все было свѣтлымъ и живымъ.

Что идеи Шишкова были въ связи съ идеями нѣмецкихъ романтиковъ, доказываетъ слѣдующая цитата изъ полемическаго «Прибавленія» къ «Разсужденію о старомъ и новомъ слогѣ».

<sup>1)</sup> До 200 проповѣдей Яворскаго остается въ рукописныхъ черновикахъ въ архивахъ синода.

«Онъ (издатель «Московского Меркурія») говоритъ: наши старинныя книги не сообщаютъ красокъ для роскошныхъ будуаровъ Аспазіи, для картинъ Виландовыхъ, Мейснеровыхъ или Доратовыхъ. Очень хорошо. Но откуда-жъ возьмемъ мы сіи краски, если не научимся составлять ихъ изъ прежде бывшихъ красокъ? Если Виландовы, Мейснеровы, Доратовы картины хороши, такъ это отъ того, что они учились писать ихъ. Мейснеръ читаетъ нечаянно попавшуюся ему забытую всѣми старинную книгу, называемую: шесть сотъ двадцать семь повѣстей о шутливыхъ рѣчахъ и бранныхъ словахъ придворнаго балагура Клауза».

«Пріятель Мейснеровъ, нашедъ его упражняющагося въ чтеніи сей книги, спрашиваетъ у него: какъ можетъ онъ читать такой вздоръ? Мейснеръ отвѣчаетъ: можетъ быть, усмотрю я здѣсь первое основаніе нѣкоторыхъ славныхъ вымысловъ; найду нѣсколько хорошихъ несправедливо забытыхъ выраженій, соберу нѣкоторыя свѣдѣнія о тогдашнемъ образѣ мыслей саксонцевъ. (Vielleicht das ich hier den ersten Grund manches berühmten Einfalls ausschürfe; manche gute unrechtmässig vergessne Redensart auffinde; manchen Beitrag zur denkart der damaligen Sachsen Samle (Meisner's Skizzen). Господинъ Меркурій не знаю, по какому праву, отъ лица всѣхъ нынѣшнихъ писателей кричить: Мы не хотимъ читать старинныхъ русскихъ книгъ; мы хотимъ быть Виландами, Мейснерами, Доратами! Государи мои! Я отъ истиннаго сердца желаю вамъ сего, но не вижу къ тому никакой надежды: Мейснера даже и въ Клаузахъ ищутъ, нѣтъ ли чего такого, что изъ нихъ почерпнуть можно; а вы даже и въ сокровищахъ славенскаго языка ничего добраго не находите».

Здѣсь Шишковъ прямо опирается на примѣръ и авторитетъ нѣмецкихъ романтиковъ, обращавшихся къ готической старинѣ въ поискахъ «нѣмецкаго духа» и «нѣмецкаго вкуса». Высказывая свѣтлыя и передовыя идеи романтизма Шишковъ, однако, всей своей угловатой фигурой смотрѣлъ въ сторону удушливаго ретроградства. Провозвѣстникъ романтической теоріи въ Россіи, приходившей на смѣну картезіанству и Буало, онъ не былъ узнанъ молодежью, которая устремлялась за Карамзинымъ и понимала его литературную реформу именно въ смыслѣ «чистки» языка и вкуса по правиламъ «L'art poétique».

Въ полномъ видѣ теоріи романтиковъ сталъ въ 20-хъ годахъ проповѣдывать Николай Полевой. Но такъ какъ онъ проникнуть былъ прогрессивными стремленіями, то онъ свѣтло, молодо и либерально сказалъ то, что за четверть вѣка до него старчески, угрюмо и ретроградно высказывалъ уже Шишковъ. Теперь, обращаясь отъ Картезіи и Буало отъ Версаля и Трианона, отъ гуманистовъ двора Людовика XIV-го, отъ литературной конституціи парижской «республики письменъ» XVII и XVIII столѣтій, Полевой

проповѣдывалъ изученіе романской и готической старины, восточнаго фольклора древнихъ, въ подлинномъ ихъ видѣ, онъ защищалъ первого польскаго романтика Адама Мицкевича отъ нападокъ заскоружлой классической варшавской критики. Но, будучи западникомъ, «телеграфомъ» передовыхъ идей парижскихъ главредовъ романтической реформы и манифестовъ Виктора Гюго, Николай Полевой мало обращалъ вниманія на русскую родную старину, на романтику лѣтописей, актовъ, русскихъ пѣсенъ, на родной «фольклоръ». Напротивъ, смутность идей Николая Полевого была настолько велика, что, будучи «романтикомъ», онъ однако выражалъ такое отрицательное отношеніе хотя бы къ народной поэзіи, какое впрямъ самому заядлому «версальцу». Вотъ воззрѣніе журнала Полевого на общій ходъ литературъ: «Сперва появляются народныя пѣсни, сказки—дѣтскія игрушки ума. Затѣмъ съ дальнѣйшимъ образованіемъ народа появляется схоластика и порывъ подражать древнимъ: время огромной эпопеи, пустой драмы, громкой оды, плаксивой, напѣвающей о Хлояхъ и Дафнисахъ, элегии и пѣсни. Это время было у французовъ, англичанъ, нѣмцевъ, итальянцевъ... Наконецъ настаетъ время истинной поэзіи и въ стихахъ и въ прозѣ: третій періодъ. Тутъ опредѣляется литературный характеръ народа. Романтизмъ выкликаетъ на путь истинный». Въ журналѣ Полевого «романтизмъ» никогда не былъ точно опредѣленъ. Это былъ какой-то вѣщій талисманъ, символъ всего живого, свѣтлаго, свободнаго. Но что такое «романтизмъ»—самъ Полевой плохо отдавалъ себѣ отчетъ. Романтизмъ въ 40-хъ годахъ выразился полнѣе, во-первыхъ, въ славянофильствѣ, гдѣ шло изученіе русской церковно-исторической старины; во-вторыхъ, въ «панславизмѣ», который интересовался судьбами, бытомъ и стариной западныхъ и балканскихъ славянъ, въ-третьихъ, въ «окраинофильствѣ», въ увлеченіи малорусской и польской литературами; въ-четвертыхъ, въ «народничествѣ», которое получило у Бѣлинскаго наименованіе «натуральной» школы. Въ самомъ дѣлѣ, «Записки охотника» Тургенева, пѣсни Некрасова, повѣсти Григоровича изъ крестьянскаго быта—все эти казовыя произведенія «натуральной школы» не что иное, какъ начало направленія, позднѣе получившаго наименованіе «народничества». А гдѣ же «западничество»? Въ сущности наши «западники» были такіе же романтики, какъ и «славянофилы». Бѣлинскій оставался до конца романтикомъ, въ эпоху даже ультрареального направленія.

Если въ XVIII-мъ вѣкѣ мы видимъ, что печать является созданіемъ прямо Петра и Екатерины, то въ первой половинѣ XIX вѣка она почти уже не служитъ цѣлямъ государственной власти. Она является силой, страстно жаждущей свободы и полной независимости, своецѣльности. Екатерина испугалась поднятого ею самою литературнаго движенія и учредила цензуру. Въ царство-

ванія Александра I-го и Николая I-го, за вычетомъ либеральнаго начала вѣка, печать являлась единственно предметомъ опасеній и не выходила изъ состоянія заподозрѣнности. Постепенно цензура становилась все суровѣе, все безпощаднѣе. Видимо государство убѣждается, что въ той роли, которую литературѣ и печати отводили Петръ и Екатерина, въ роли слуги и исполнителя предначертаній власти, эта область по преимуществу свободнаго духа народнаго, разъ выйдя изъ зависимости, уже никогда не будетъ. Но признать эту свободную силу народной мысли, общественнаго самосознанія и мнѣнія, государство еще не можетъ рѣшиться. Заключить съ этой свободной, нравственной и духовной силой «мирное докончаніе» государство не желаетъ, находя въ этомъ какое-то униженіе полнотѣ своего значенія, а главное питая неосновательныя опасенія въ разрушительномъ дѣйствіи свободнаго слова [и мысли. Конечно, эта сила должна была дѣйствовать разрушительно на крѣпостной строй Россіи. Она его и разрушала, обличая, несмотря на цензуру, и воспитывая гуманныя чувства въ лучшей части русскаго общества.

Притязанія литературы на безусловную свободу сердца и духа, а печати на совершенную независимость сужденія казались дерзостью. Тѣмъ болѣе, что силы государственной власти были безконечны, а литература представлялась хилой, бѣдной, напоминала свѣточъ на сквозномъ вѣтрѣ, факель въ бурную ночь. Одинъ порывъ вѣтра, и это шатающееся, трепещущее пламя угаснетъ. Но почему же тогда эти титаническія усилія государства подавить литературу и печать и обезопасить отъ нихъ общество? Кромѣ громаднаго центрального учрежденія, цензуруютъ всѣ вѣдомства, и надъ всѣми ими бодрствуетъ особый, «негласный комитетъ». И все же, подъ гнетомъ, стертая, замученная, литература живетъ, дышитъ и гордо остается свободной. Ее нельзя подкупить. Ее нельзя и подавить. Въ цѣпяхъ, въ терновомъ вѣнцѣ, она сохраняетъ осанку царицы, потому что мысль и есть царица міра. Она непобѣдима, и эту непобѣдимость еще въ 20-хъ годахъ провозглашала юный московскій «любомудръ» въ «Мнемозинѣ»: «Вѣрьте мнѣ или не вѣрьте, духъ времени на полетѣ къ немнимои цѣли своей, какъ бы дожидается въ нѣкоторыхъ людяхъ, одаренныхъ свыше, минуты тѣлеснаго ихъ развитія и вдругъ, когда даже сами они не замѣчаютъ того, какъ быстрое пламя, мгновенно возникаетъ въ нихъ,—производитъ бури душевныя и далеко уноситъ изъ прежняго ихъ тѣснаго круга».

## VII.

Севастополь и начало возрожденія русскаго общества всегда будутъ сливаться въ нашемъ воображеніи. Севастополь съ его героями-защитниками показалъ, и чего достоинъ русскій человѣкъ, и чего у него нѣтъ. Онъ оказался достоинъ лавровъ, достоинъ самой высокой гражданственности, самаго глубокаго уваженія къ его человѣческому достоинству, неколебимый, умѣющій умирать и не умѣющій сдаваться. А что у него было? Ничего не было. Не было естественнѣйшихъ человѣческихъ правъ, первенствующее между которыми—право мыслить свободно. Мысль, слово—неотъемлемыя принадлежности человѣка. Это не прерогатива. Это то, безъ чего человѣкъ—не человѣкъ. Страшныя послѣдствія духовнаго гнета, окостенѣлаго молчанія, атрофіи общественнаго мышленія предстали во-очію. Крѣпостной строй представлялъ во всѣхъ частяхъ своихъ какую-то грудю гноя. Однако, не вдругъ, мало-по-малу, поднялась свинцовая крышка, подъ которую упрятали печать и литературу. Печать естественно, въ силу потребностей исторической минуты, стала говорить смѣлѣе и смѣлѣе. Оживленіе издательской дѣятельности во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, особое «обличительное» направленіе, которое тогда воцарилось, останется всегда свѣтлымъ воспоминаніемъ въ русской журналистикѣ. Катковъ со Щедринскими «Губернскими Очерками» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а въ Петербургѣ «Современникъ» съ Добролюбовымъ и Чернышевскимъ, за границую—Герценъ съ «Колоколомъ».

Этотъ первый періодъ возрожденія мысли и слова завершился великимъ актомъ 19-го февраля 1861 года—освобожденіемъ рабовъ. То, что составляло еще съ середины XVIII вѣка завѣтную мечту всѣхъ лучшихъ людей Россіи совершилось! Дѣло, за которое заплатилъ жизнью Радищевъ, безповоротно наконецъ совершилось! Роль печати русской въ ея долгой борьбѣ за освобожденіе, когда выступали фаланги писателей, связанныхъ единой «ганнибаловой клятвой», ненавистью къ проказѣ крѣпостничества, жаждой свободы для многострадальнаго русскаго крестьянина, роль печати въ подготовленіи реформы, въ воздѣйствіи на общество—самая свѣтлая и прекрасная страница въ исторіи русской литературы протекшаго двухсотлѣтія.

Изъ реформы 19-го февраля, сами собой, логически и неотвратимо слѣдовали остальные реформы—земство, судебная, городского самоуправленія и т. д.

Въ 60-хъ годахъ и совершилась подготовка и осуществленіе этихъ реформъ. Тогда возникаютъ первыя газеты, достойныя названія органа общественной мысли—«Московскія Вѣдомости» Кат-

кова, «С.-Петербургскія Вѣдомости» Вал. Корша и «Голосъ» Краевского. Именно съ начала 60-хъ годовъ начинается развитіе газетной журналистики. Газета является могучимъ воздѣйствіемъ на умы, орудіемъ прогресса и просвѣщенія.

Мы не находимъ нужнымъ вдаваться здѣсь въ детальное выясненіе отношеній печати 60-хъ годовъ къ государственной власти и цензурѣ, такъ какъ мы только что это сдѣлали въ другихъ нашихъ статьяхъ<sup>1)</sup>.

Но должно признать, однако, что газета все же стала въ пореформенное время въ нѣсколько особое отношеніе къ правительству, тѣмъ ежемѣсячный, «толстый» журналъ. До 1861 года во главѣ газеты могъ стоять только Ѳаддей Булгаринъ, послѣ 1861 г.— Валентинъ Коршъ. Ежедневная пресса перешла въ руки настоящихъ литераторовъ. Газета перестаетъ щедро удобряться «ослинымъ навозомъ», а привлекаетъ серьезнѣйшія силы. Газета понимаетъ теперь всю свою отвѣтственность предъ страной. Тѣмъ не менѣе, какъ ни либерально было правительство Александра II, оно не могло не потребовать, въ особенности отъ первенствующей въ дѣлѣ управленія общественнымъ мнѣніемъ, большой ежедневной газеты извѣстныхъ гарантій «благонамѣренности». Газета какъ бы вступила въ извѣстный договоръ съ правительствомъ. Являлась отраженіемъ возрѣвнѣвшей петербургской бюрократіи. Безъ извѣстной доли приспособленія къ правительству никакая газета не продержалась бы. Доколѣ правительство было воодушевлено реформами, это приспособленіе не лишало органы свободы, потому что они при этомъ служили реформамъ. Но въ годину реакціи эта доза приспособленія становилась компромиссомъ... Не унижая такихъ органовъ 60-хъ и первой половины 70-хъ годовъ, какъ «Голосъ» и «С.-Петербургскія Вѣдомости», которые честно послужили родинѣ и группировали около себя замѣчательныхъ публицистовъ, мы все-таки полагаемъ, что Бѣлинскій не могъ бы въ нихъ работать, не нашель бы полнаго простора своему духу. Покладливость газетной публицистики создала извѣстный *modus vivendi* къ 70-мъ годамъ, послѣ того какъ были запрещены «Русское Слово» и «Современникъ» и данная въ 1865 году министромъ Валуевымъ «свобода печати» привела къ полному почти ея истребленію.

Журналъ по самой техникѣ своей не можетъ имѣть того властнаго воздѣйствія на массоваго читателя, какъ газета. Журналъ выходитъ разъ въ мѣсяць, между тѣмъ какъ газета ежедневно поражаетъ умы читателей и говоритъ по поводу насущныхъ вопросовъ, злобы дня, близкой каждому. Но тѣмъ важнѣе именно въ области газетной публицистики широкая независимость. Доля при-

<sup>1)</sup> «Цензура эпохи великихъ реформъ». Въ сентябрьской—декабрьской книжкахъ «Историческаго Вѣстника» за 1902 годъ.

способленія и покладливости, безъ которыхъ у насъ не могъ обойтись ежедневный органъ даже въ самыя либеральныя эпохи, такъ какъ безъ компромисса онъ немедленно погибалъ, является болѣзненной бациллою русской газетной публицистики. При всемъ уваженіи, которое умѣли внушить къ себѣ газеты 60-хъ годовъ, все же въ душѣ читателя оставался нѣкоторый осадокъ. Газета не договаривала, газета присѣдала, газета молчала, когда надо было говорить, газета вѣчно балансировала между сциллой и харибдой. Поэтому русская газетная публицистика не могла занять того почетнаго положенія, какого по своимъ стремленіямъ заслуживала бы, какъ печать истинно патриотическая и одушевленная началами добра и чести.

Изъ такого подчиненнаго положенія русская ежедневная печать могла бы выйти лишь въ томъ случаѣ, если бы въ самомъ русскомъ обществѣ достаточно скопилось сознательности, и организовались бы опредѣленныя партіи съ строгими программами и принципами. Чувствуя за собою силу партіи, представляя всѣ отбѣнки мысли, всѣ направленія политическія, газеты могли бы принять достойный себя тонъ безусловной независимости. Но печать и въ XX вѣкѣ перешла при томъ же малосознательномъ читателѣ, чуждомъ пониманія своихъ нравственныхъ обязательствъ предъ писателемъ.

Втеченіе всей второй половины XIX вѣка мы видимъ, что наиболѣе вліятельныя и респросстраненныя газеты являлись какъ бы равнодѣйствующими различныхъ теченій. *Audiat et altera pars*— являлось ихъ основнымъ принципомъ. Это обсужденіе съ самыхъ противоположныхъ, часто взаимно исключаящихъ точекъ зрѣнія каждаго вопроса, имѣло бы смыслъ при существованіи рядомъ партійныхъ органовъ, и если бы было вполнѣ свободно. Но нѣтъ, это являлось сущностью договора газеты съ разрѣшающей ее государственной властью, условіемъ, при которомъ только газета терпѣлась. Нельзя не признать, что эта вынужденная энциклопедичность, эта вѣчная «контроверзія», это самоподкапываніе, это пресловутое *audiat et altera pars*, ослабляло воздѣйствіе на умы и волю общества, питая болѣе его любознательность, чѣмъ побуждая его къ работѣ въ опредѣленномъ направленіи. Эти вѣчныя «контроверзіи» неминуемо придавали газетамъ двуличный, іезуитскій характеръ, развивали въ нихъ шаткость и неустойчивость мнѣній и направленій съ одной стороны, а съ другой—дѣлали ихъ общіе, заключительные выводы крайне безцвѣтными, безкровными, лишенными энергіи безконечными оговорками, какими-то предсѣдательскими «резюме» бюрократической комиссіи.

Въ началѣ 60-хъ годовъ въ газетахъ впервые являются «ежедневныя обзорѣнія», иначе называемыя «передовыми статьями», и нарождается особый типъ журналиста-«передовика» (въ 1863 г.).

Щедринъ изображаетъ идеальный типъ такого «передовика» 60-хъ и 70-хъ годовъ, продирающагося сквозь колючія дебри нетерпимости со своимъ выстраданнымъ словомъ. Кучка литераторовъ провожаетъ гробъ почившаго журналиста и бесѣдуетъ о томъ, что у каждаго наболѣло въ душѣ:

«О литература! о змѣя-мачеха всѣхъ этихъ отщепенцевъ! ты, постылая! ты, напоющая оцтомъ и желчью сердца своихъ дѣятелей, ты, ты была предметомъ ихъ внезапно оживившагося себе-сѣдованія! Много сѣтованій, много гнѣва слышалось въ ихъ рѣчахъ, но еще больше безконечной любви къ постылому ремеслу и какой-то дѣтской увѣренности, что все-таки только тутъ, на этомъ тернистомъ пути, кишачемъ всевозможными гадами, можно спасти душу». Если относительно массы смертныхъ принято говорить: «благо живущимъ», то въ примѣненіи къ русскимъ писателямъ правильнѣе выразиться такъ: «благо умирающимъ, и еще большее благо—умершимъ».

«Не говоря уже о томъ, что мы живемъ чуть не въ засадѣ, — мы не знаемъ даже, для чего и для кого мы пишемъ. Кто насъ слышитъ и что извлекаетъ этотъ слышачій изъ обращеннаго къ нему слова? Кто отличитъ страстнаго литературнаго труженика отъ легковѣсной литературной балалайки, которая по случаю распутной подвижности темперамента готова сватать себя любому проходящему? Кому вдомекъ, что гдѣ-то, въ какой-то лишенный свѣта и воздуха литературной норѣ, ежемгновенно совершается жертвоприношеніе, при которомъ сердце истекаетъ кровью и сгораетъ многострадальная писательская душа подъ бременемъ непосильныхъ болей?»

«Во всѣхъ странахъ, — говоритъ далѣе Щедринъ, — гдѣ существуетъ точь въ точь такая же свобода, вездѣ литература процвѣтаетъ. А у насъ? У насъ мысль, несомнѣнно умѣренная, на которую въ цѣлой Европѣ смотрятъ, какъ на что-то обиходное, заурядное, у насъ эта самая мысль коломъ застряла въ головѣ писателя. Писатель не знаетъ, въ какія чернила обмакнуть перо, чтобъ выразить ее; не знаетъ, въ какія ризы ее одѣть, чтобъ она не вышла ужъ черезчуръ доступною. Кутаешь — кутаешь, обманываетъ всевозможными околичностями и аллегоріями и, только выполнивъ весь, такъ сказать, сложный маскарадный обрядъ, вздохнетъ свободно и возмолвить: «слава Богу, теперь, кажется, никто не замѣтитъ!» Никто не замѣтитъ? а публика? и она тоже не замѣтитъ? ужели есть на свѣтѣ обида болѣе кровная, нежели это нескончаемое эзопство, до того вошедшее въ обиходъ, что нерѣдко самъ эзопствующій перестаетъ сознавать себя эзопомъ».

«Нѣтъ въ природѣ субъекта, относительно котораго русскій писатель могъ бы считать себя вполне безопаснымъ. Одни влияют на него непосредственно, подвергая различнымъ непредвидѣнно-



стямъ, и даже лишая средствъ къ пропитанію; другіе вліяютъ посредственно, распространяя въ обществѣ слухи, что литература есть вертепъ, въ которомъ безчинствуютъ разбойники пера» <sup>1)</sup>).

### VIII.

За оживленіемъ печати въ 50-хъ годахъ, которое привело къ необходимости измѣнить старую цензурную систему и въ 1865 г., освободить отъ предварительной цензуры органы печати періодической и книги не меньше десяти печатныхъ листовъ объемомъ, послѣдовала въ концѣ 60-хъ годовъ борьба государственной власти съ этой печатью. Отъ нея требовалось «присобленіе». Печать частью сгинула, частью укрылась за старыя ширмы «эзопства», употребляя выраженіе Щедрина. Упадокъ тона и достоинства даже ежемѣсячныхъ изданій ярко выразился въ знаменитой перебранкѣ «Русскаго Слова» съ «Современникомъ», Писарева съ Антоновичемъ, принявшей подъ конецъ характеръ какой-то вакханаліи сквернословія, съ апелляціей къ «гайдукамъ», имѣющимъ явиться отъ одной редакціи къ другой съ агрессивными инструкціями. Такъ выродилась въ второй половинѣ 60-хъ годовъ та печать, которая была полна серьезной и вдумчивой гражданственностью еще такъ недавно.

Къ началу 70-хъ годовъ *modus vivendi* установился. Явились новыя силы и новые органы. «Русскій Вѣстникъ» и «Московскія Вѣдомости» въ Москвѣ Каткова заняли позицію національно-государственного органа. Обладая весьма значительной подпиской, эти органы несомнѣнно были вліятельными и направляли извѣстную часть общества. «Русскій Вѣстникъ» соединилъ цѣлую плеяду первостепенныхъ писателей. Тутъ печаталъ романы гр. Левъ Николаевичъ Толстой, Достоевскій, Печерскій—Мельниковъ, Лѣсковъ и многіе другіе. Передовыя Каткова производили оглушительное дѣйствіе и стилемъ, и логикой, и фанатизмомъ своимъ. Какъ политическій «передовикъ», Катковъ былъ несравненнымъ мастеромъ дѣла. Славянофильство въ Москвѣ располагало такой громадной силой, какъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, сыгравшій выдающуюся политическую роль въ русско-турецкую войну. Его органы, завершившіеся къ началу восьмидесятыхъ годовъ «Русью», были голосомъ истиннаго гражданскаго чувства, чести и мужества.

Въ Петербургѣ первенство въ газетномъ мірѣ колебалось сперва между «С.-Петербургскими Вѣдомостями» Валентина Корша и «Голосомъ» Краевского (до 1875 г.), потомъ между «Голосомъ» и «Новымъ Временемъ» А. С. Суворина (съ 1877 г.), бывшаго раньше однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

<sup>1)</sup> Полное собраніе сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина. Изд. 3-е, томъ пятый, стр. 462.

Все-таки «Голосъ» въ 70-хъ годахъ занималъ центральную позицію въ газетной печати. Соотвѣтственную «Голосу», умѣренно либеральную ноту въ ежемѣсячной печати взялъ «Вѣстникъ Европы» М. М. Стасюлевича. Защита и укрѣпленіе реформъ—вогь задача, которую поставилъ себѣ этотъ, тогда превосходный, глубоко корректный и блестящій органъ. Обладая двумя публицистами, богатыми широкой научной подготовкой, въ лицѣ К. К. Арсеньева и А. Н. Пышина, одного ученаго юриста, а другого историка литературы, журналъ М. М. Стасюлевича вносилъ глубокую основательность въ обсужденіе общественныхъ вопросовъ и возстановлялъ связь русской жизни съ ея прошлымъ, указывалъ непрерывную традицію прогрессивныхъ начинаній въ русской исторіи. То благоразуміе и историческая традиція, которая совершенно было утратила печать второй половины 60-хъ годовъ, опять явились здѣсь и объединили просвѣщеннѣйшую часть общества. Затѣмъ здѣсь писалъ такой высоко-культурный, многосторонне-образованный и утонченный критикъ, какъ Анненковъ, и помѣщалъ свои произведенія И. С. Тургеневъ. Наконецъ журналъ М. М. Стасюлевича исполнялъ еще особую миссію—сближенія западныхъ писателей съ русской литературой. Въ «Вѣстникѣ Европы» писалъ молодой Эмиль Зола. Тургеневъ въ это время совершалъ въ Англии, Германіи и Франціи великую миссію популяризованія тамъ русской литературы. Другъ Додэ, Флобера, короткій знакомый англійскихъ и нѣмецкихъ литературныхъ круговъ, Иванъ Сергѣевичъ всюду раскрывалъ предъ западными людьми сокровища русской словесности.

Другой, болѣе популярный, прямо главенствующій въ ежемѣсячной печати журналъ 70-хъ годовъ—«Отечественныя Записки» Некрасова и Щедрина.

Беллетристическая часть журнала блистала плеядой молодыхъ писателей-разночинцевъ, вышедшихъ въ 60-хъ годахъ на литературное поприще, беллетристовъ-народниковъ. Тутъ явились чрезвычайно гуманныя, вдумчивыя и мягкія дарованія Глѣба Ивановича Успенскаго, Златовратскаго, Засодимскаго и менѣе значительныхъ, но все же оригинальныхъ писателей. Тутъ началъ превосходными повѣстями Максимъ Бѣлинскій (І. І. Ясинскій) и появились первые рассказы Гаршина. Что касается публицистики журнала, то она стояла на народнической точкѣ зрѣнія, исходя изъ того коренного положенія, что только тотъ государственно-экономическій строй можно признать социальнo-нравственнымъ, который обезпечиваетъ за крестьянской массой земельную осѣдлость. Земля—основа народной независимости политической, экономической и нравственной! Таковъ былъ девизъ журнала. Теоретическую разработку доктрины народничества находимъ въ знаменитыхъ «Письмахъ изъ деревни» А. Н. Энгельгардта. Выдающуюся роль игралъ въ публицистической части журнала, направляемой Елисеѣвымъ, чрезвычайно даровитый, бле-

стяцій и образованный публицистъ Николай Константиновичъ Михайловскій.

Такимъ образомъ въ семидесятыхъ годахъ вся періодическая печать въ Россіи дифференцировалась и въ цѣломъ являлась всестороннимъ органомъ мышленія общества и страны. Если въ центрѣ мы помѣстимъ уравниженно-прогрессивные органы—«Вѣстникъ Европы» и «Голосъ», то правую займутъ органы И. С. Аксакова и крайнюю правую «Русскій Вѣстникъ» и «Московскія Вѣдомости», лѣвую составятъ народническія «Отечественныя Записки». Наконецъ, органомъ «монтаньяровъ» въ этомъ литературномъ конвентѣ семидесятыхъ годовъ являлось «Дѣло» Благовѣтлова. Этотъ журналъ не отличался основательностью. Легкій, задорный, юношескій «писаревскій» тонъ въ немъ господствовалъ до конца. Беллетристика была мало художественна и такъ же, какъ и публицистика, являлась памфлетомъ или политической дидактикой. Все же здѣсь опредѣлилось такое несомнѣнное, крупное дарованіе, какъ Станюковичъ. Во всякомъ случаѣ журналъ сверкалъ жизнью, задоромъ, молодостью, и игралъ свою роль въ общемъ хорѣ русской мысли.

Надо признать, что по обилію старыхъ и молодыхъ дарованій, и по богатству направленій, и по стройной организаціи цѣлаго, періодическая печать 70-хъ годовъ представляетъ самый возвышенный и цвѣтущій пунктъ въ двухсотлѣтней эволюціи русскаго слова.

Наряду съ гениальными художниками слова—Львомъ Толстымъ, Достоевскимъ, Тургеневымъ, Майковымъ, дѣйствуетъ цѣлая плеяда крупнѣйшихъ дарованій высокой художественной школы 40-хъ и 50-хъ годовъ. Затѣмъ видимъ своеобразную школу писателей 60-хъ годовъ, близкихъ непосредственно къ народной жизни, вышедшихъ изъ рядовъ культурнаго духовенства. Какіе сильные критики и публицисты: Катковъ, И. Аксаковъ, Анненковъ, Арсеньевъ, Щедринъ, Елисѣевъ, Шелгуновъ, А. С. Суворинъ, Вл. Соловьевъ,

## IX.

Мы остановимся нѣсколько подробнѣе на возрѣніяхъ «Голоса», на тѣхъ руководящихъ взглядахъ, которыхъ держалась газета, такъ какъ эти возрѣнія особенно характерны для тѣхъ годовъ и петербургской либеральной бюрократіи этого десятилѣтія.

«Мы за дѣятельную реформу». Таково было вступительное слово къ русскому читателю, сказанное пятнадцать лѣтъ назадъ, въ № 1-мъ «Голоса» 1863 г., и никто не упрекнетъ газету въ томъ, чтобъ она съ того времени измѣнила этому лозунгу. Желая опредѣлить въ двухъ словахъ значеніе «Голоса» въ исторіи

русской печати, необходимо сказать, что онъ былъ созданъ реформой и всегда служилъ реформѣ <sup>1)</sup>.

«Что касается революціонныхъ проявленій на русской почвѣ, «Голосъ» всегда былъ того мнѣнія, что они никогда у насъ не могутъ «получить развитие и принять угрожающіе спокойствію государства и общества размѣры». Такъ, по поводу каракозовскаго дѣла онъ говорилъ: «Всякому, обладающему здравымъ смысломъ, ясно, что, при всей преступности затѣй подобныхъ революціонеровъ сосунковъ, Россія можетъ идти спокойно и безопасно по пути, указанному ей державнымъ ея преобразователемъ» (1866 г., № 281-й).

По поводу нечаевской исторіи «Голосъ» высказалъ почти тѣ же мысли. По его мнѣнію, эта «исторія» должна была произвести скорѣе успокоительное, чѣмъ тревожное впечатлѣніе на публику:

«Публика имѣетъ нынѣ возможность убѣдиться, что замыслы, враждебные установленному порядку, были присущи только самому ничтожному и, притомъ, самому жалкому меньшинству, и что это меньшинство не встрѣчало себѣ нигдѣ и ни въ чемъ никакой опоры».

Обсуждая результаты нечаевского процесса, «Голосъ» пришелъ къ такому заключенію:

«Всѣ толки о какихъ-то революціонныхъ силахъ Россіи — чистый вздоръ. Не слѣдуетъ довѣряться этимъ толкамъ, когда дѣло идетъ только о сумасбродствѣ и нравственной испорченности нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностей» (1871 г., №№ 188 и 254) <sup>2)</sup>.

«Упадокъ печати, какъ слѣдствіе отсутствія общественнаго мнѣнія, есть вѣрнѣйшій признакъ болѣзненности государственнаго организма, застоя его жизнедѣятельности или ретрограднаго ея направленія. Правительству необходимо слышать свободное слово общества» (1866 г., № 22).

«Общій характеръ періодической печати высказывается въ постоянномъ, всестороннемъ согласіи общаго направленія печатнаго слова съ дѣйствіями и предначертаніями правительства. Печать за весь этотъ періодъ твердо стояла на стражѣ интересовъ правительства и общества, зорко слѣдя за строжайшимъ и полнѣйшимъ проведеніемъ идеи верховнаго правительства, вложенной въ основаніе всѣхъ реформъ настоящаго царствованія» (1869 г., № 245) <sup>3)</sup>.

Въ вопросахъ внѣшней политики, насколько они касались интересовъ Россіи, «Голосъ» всегда стоялъ на русской почвѣ, ратовалъ за русскіе интересы:

<sup>1)</sup> Пятнадцатилѣтіе газеты «Голосъ» (1863—1877). Изданіе редактора газеты А. А. Краевского. Стр. VI. Спб. Въ типографіи газеты «Голосъ». Бассейная, № 2 1878 г.

<sup>2)</sup> Ibid., VI.

<sup>3)</sup> Ibid., VIII.

«Русская партія—это масса русскаго общества, крѣпко стоящая за интересы русской народности, за неприкосновенность коренныхъ началъ русскаго государственнаго и общественнаго быта, за цѣлость государственной территоріи».

«Русская партія ведетъ не наступательный, а чисто оборонительный образъ дѣйствій, сохраняя народъ отъ всякихъ чуждыхъ элементовъ и противопоставляя всякой польцизнѣ, нѣмечинѣ и проч. начала русскія» (1870 г., № 28).

«Мы оставались вѣрными разъ поставленному принципу, что «единственно истинная политика» та, которая ставитъ свои національные интересы выше интересовъ всѣхъ другихъ народовъ, какое бы сильное сочувствіе къ нимъ мы ни питали» (1865 года, № 286-й).

«Поднявъ русскій элементъ внутри Россіи, сливъ воедино интересы разноплеменныхъ обитателей нашей территоріи, водворивъ порядокъ и правый судъ внутри, мы тѣмъ самымъ усилимъ наше вѣдшее вліяніе» <sup>1)</sup>.

«Мы всегда были приверженцами прямоты въ сношеніяхъ съ иностранными державами. Намъ всегда казалось не только безнравственною, но и нерасчетливою политика, основанная на иныхъ началахъ. Великая нація можетъ и должна дѣйствовать съ открытымъ лицомъ, предоставляя интригу и двуличность тѣмъ, которые, гдѣ недостаетъ лъвиной шкуры, принуждены пришивать лисью».

«Въ теченіе 15-ти лѣтъ «Голосъ» не оставался и не могъ оставаться индифферентнымъ въ отношеніи къ русской православной церкви. По убѣжденіямъ газеты русская православная церковь заслуживаетъ не меньшаго вниманія со стороны русскаго общества и печати, какъ и всѣ другія стороны народной и государственной жизни» <sup>2)</sup>.

Въ вопросѣ о политикѣ русскаго правительства въ присоединенныхъ къ Россіи иноплеменныхъ и иновѣрныхъ областяхъ «Голосъ» неизмѣнно стоялъ за мѣры къ возможному объединенію и даже желательному обрусенію всѣхъ составныхъ иноплеменныхъ частей имперіи. «Россія вступила теперь на такой путь, что ей нѣчего уже опасаться сепаратистскихъ стремленій входящихъ въ составъ ея не только однородныхъ русскихъ элементовъ, но и инородческихъ».

Необходимо поднятіе нравственнаго авторитета имени «русскаго». Этою мѣрою сама собою должна упраздниться старая, отжившая система «насильственнаго» обрусенія разноплеменныхъ обитателей Россіи».

---

<sup>1)</sup> Ibid., XII.

<sup>2)</sup> Ibid., XXIV.

«Считая общимъ отечествомъ Россію, нельзя безъ явной непоследовательности считать общіе русскіе интересы чужими. Интересы же эти требуютъ полнѣйшаго гражданскаго единства всѣхъ русскихъ подданныхъ, что, впрочемъ, вполне возможно при сохраненіи каждому племени его особенностей» (1865 г., № 323-й).

Года три спустя послѣ возстанія, когда разработка архивныхъ актовъ, производившаяся комиссіями въ Кіевѣ и Вильнѣ, обнаружила наше невѣжество относительно племенного состава населенія въ Западномъ краѣ, газета говорила: «Теперь не время благодушеествовать... въ Западномъ краѣ необходимо дѣйствовать противъ польскошляхетской интриги упорно, неотступно, настойчиво, последовательно, неустанно». (1867 г., № 217-й).

«Мы желаемъ, чтобы правительство и мѣстная администрація дѣйствовали безпощадно противъ всего, что враждебно Россіи въ Западномъ краѣ, т.-е. противъ польщизны и католицизма... Церемоніи тутъ не умѣстны».

Требуя безпощаднаго проведенія русскихъ началъ въ Западномъ краѣ, «Голосъ» относился иначе къ Привислинскому: «Неужели русскимъ и полякамъ слѣдуетъ вѣчно оставаться въ осадномъ положеніи, наблюдая другъ за другомъ изъ двухъ непріязненныхъ лагерей? Противорѣчія въ данномъ случаѣ нѣтъ и быть не можетъ: мы желаемъ примиренія, потому что была вражда и окончилась. Намъ говорятъ о полякахъ, которые «ничего не забыли и ничему не научились». Такихъ поляковъ мы не знаемъ» (1872 г., № 86-й)<sup>1)</sup>.

«Голосъ» считалъ первою необходимостью, для поправленія финансовъ, «помогать народу богатѣть»<sup>2)</sup>.

«Мы, русскіе, поставлены въ положеніе необыкновенно благоприятное, реформы нынѣшняго царствованія прямо ведутъ насъ по дорогѣ возможно большаго развитія народной самостоятельности, помимо того режима гарантіи, съ котораго обыкновенно начинались реформы въ западныхъ государствахъ. Во всемъ, что сдѣлано до сихъ поръ, лежатъ плодотворные зародыши вышеупомянутаго развитія» (1868 г., № 108-й).

Обозрѣвая отношенія администраціи къ зомству, «Голосъ» постоянно высказывался за децентрализацію<sup>3)</sup>.

## X.

«Голосъ» имѣлъ въ 1865 г.—4.947 подписчиковъ, а въ 1877 г.—22.632. Это былъ кульминаціонный пунктъ успѣха газеты. Оправдалась боязнь «разсужденій о мирѣ» передъ войною, которую нѣкогда выказывалъ опытный Булгаринъ. Именно такіе мирные разго-

<sup>1)</sup> Ibid., XXIX.

<sup>2)</sup> Ibid., XXXVII.

<sup>3)</sup> Ibid., XXXV.

воры и бюрократическое, равнодушное отношеніе къ подъему народнаго чувства въ эпоху славянскаго возстанія и послѣдовавшей затѣмъ русско-турецкой войны поколебали популярность газеты. Роковой день 1-го марта 1881 г. нанесъ ей окончательный ударъ. Газета, со своимъ благодушнымъ оптимизмомъ, утратила ясность пониманія, не нашлась въ сложныхъ обстоятельствахъ минуты.

Событіе перваго марта нанесло страшный ударъ литературѣ. Оно нарушило равновѣсіе, установившееся въ 70-хъ годахъ.

Весьма быстро гибнетъ и умѣренно-либеральный «Голосъ», и ярко окрашенный, народнический органъ «Отечественныя Записки». Гибнетъ и «Дѣло». Но со смертію въ серединѣ 80-хъ годовъ Каткова и И. С. Аксакова и націоналистическо-государственная печать вревращается въ нѣчто безцвѣтное и безсильное. Наслѣдниками Каткова и Аксакова являются люди или ничтожные, бездарные, или совершенно чуждые литературѣ и не имѣющіе никакого авторитета въ русскомъ обществѣ.

Первое марта было подобно удару несущагося поѣзда о какое либо препятствіе. Многіе вагоны разбиты, много раненыхъ, а кто и уцѣлѣлъ — контуженъ. Русское общество было совершенно потрясено, изнемогло и жаждало одного — успокоенія, чего либо анестезирующаго лому и боль во всѣхъ его членахъ. Понятно, что «tonus» печати долженъ былъ понизиться чрезвычайно. Послѣ того, какъ такіе органы, какъ «Голосъ», «Отечественныя Записки», «Дѣло» — были запрещены, а «Русскій Вѣстникъ», «Московскія Вѣдомости», «Русь» утратили своихъ руководителей и стали ничтожны, разстроилась та стройная организація печати, которая дѣлала ее выразительницей всѣхъ теченій мысли и давала возможность высказываться писателямъ самыхъ противоположныхъ направленій.

Сохранившійся «Вѣстникъ Европы» и вновь возникшіе органы — «Русская Мысль», «Русское Богатство», «Міръ Божій», уже не выражали собою движущейся и развивающейся мысли общества, а только сборники хорошихъ повѣстей и дѣльныхъ статей, съ старыми литературными традиціями, но живущіе главнымъ образомъ свѣтлыми воспоминаніями прошлаго.

На «толстыхъ» журналахъ съ 1884 года легла печать какого-то старчества, и къ концу вѣка эта черта въ нихъ выступаетъ еще рѣзче. Журналы стоятъ какъ бы внѣ жизни. Отсутствіе контрастовъ въ печати, сѣрый, однотонный колоритъ ея, не даетъ возможности мысли проходить всѣ стадии логическихъ антитезъ. Но если печать и литература, какъ органъ мышленія страны, не дѣйствуетъ уже съ прежней стройностью, это, конечно, не значитъ, чтобы не появлялись новыя дарованія. Ими попрежнему литература и печать были обильны. Но страдало общее дѣло печати, путемъ обсужденія каждаго вопроса съ противоположныхъ точекъ зрѣнія вырабатывать истину.

Упадокъ печати, какъ руководительницы общественнаго мнѣнія, какъ выразительницы запросовъ времени и народа, какъ коллективнаго «чувствилища» страны, какъ великаго нервнаго центра Россіи, не мѣшалъ постепенному росту нѣкоторыхъ областей печати. Именно, сильно развилась провинціальная, особенно южная печать. Явились маленькія «четырехрублевая» газетки («Свѣтъ», «Биржевыя Вѣдомости»), достигшія небывалаго числа подписчиковъ, превышавшаго сто тысячъ. Развились иллюстрированныя изданія съ приложеніями. «Нива» достигла числа подписчиковъ свыше двухсотъ тысячъ и стала давать въ качествѣ «приложеній» полныя собранія сочиненій такихъ авторовъ, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій и т. д. Наконецъ, «Голосъ» въ 1877 году имѣлъ всего 22 тысячи подписчиковъ, а самая серьезная и дорогая газета разсматриваемаго времени «Новое Время» въ концѣ вѣка достигла свыше 60 тысячъ подписчиковъ. Несомнѣнно, что читательскій кругъ расширился чрезвычайно. Газета стала проникать въ деревню. Но эта читательская масса пока еще не дифференцировалась, составъ ея хаотиченъ, вкусы примитивны. Писатель на порогѣ XX вѣка уже не имѣетъ дѣла съ аудиторіей, хотя въ общихъ чертахъ по воззрѣніямъ и вкусамъ ему извѣстной. Читатель «конца вѣка» — сфинксъ, еще не выяснившій своей нравственной и умственной сути.

Мы видимъ, что старыя отгѣнки мысли и направленія въ литературѣ къ концу вѣка значительно блекнутъ, теряютъ жизненное содержаніе, становятся отвлеченны и равнодушны къ новымъ задачамъ и потребностямъ общества.

Начала 1860-хъ годовъ, идеи нашего возрожденія, войдя съ реформами, съ учрежденіями въ жизнь, стали въ ней ферментомъ долгаго процесса выработки новыхъ, гуманныхъ формъ общежитія. Точно такъ же народническія идеи 1870-хъ годовъ нашли довольно широкое поле примѣненія въ крестьянскомъ законодательствѣ 1880-хъ годовъ, въ дѣятельности земствъ. Но въ этомъ жизненномъ процессѣ было ихъ великое испытаніе, съ одной стороны, а съ другой, они естественно видоизмѣнились, развивались и жизнью наталкивались на совершенно новые своеобразные выводы. Но хранители традицій 1860-хъ и 1870-хъ годовъ, наши толстые журналы, оставались вѣрными первоначальной буквѣ этихъ началъ, ихъ отвлеченному выраженію и не считались съ опытомъ жизни, съ духомъ времени. Отъ этого начала, живыя въ практикѣ народа и общества, у «шестидесятниковъ» и «народниковъ» толстыхъ журналовъ, приняли кристалически-правильныя, но окостенѣлыя формы прописной истины. Но гдѣ бился живой пульсъ въ литературѣ? Гдѣ чувствовалось движеніе молодой, горячей, ищущей мысли? То здѣсь, то тамъ, въ газетахъ, въ отдѣльныхъ книгахъ, въ возникшихъ и, къ сожалѣнію, быстро угасавшихъ журналахъ, въ отдѣльныхъ кружкахъ, въ разбросанныхъ статьяхъ.



Въ послѣднее десятилѣтіе XIX вѣка въ литературѣ можно отмѣтить два своеобразныхъ движенія мысли. Это такъ называемое «декадентство» и «марксизмъ». Оба потока мысли — мутны, часто болѣзненны, и прямо уродливо-патологичны, однако волновали молодежь, возбуждали споры и въ печати, и въ ученыхъ обществахъ, выставили плеяды молодыхъ писателей, представлены и попытками періодической печати, и довольно богатой книгоиздательской дѣятельности. Характерная черта обоихъ литературныхъ теченій и ихъ представителей та, что они явно грубятъ «маститымъ» публицистамъ и критикамъ нашей «толстой» печати и пытаются отнестись съ дозой скептицизма къ реальной и трезвой мысли 1860-хъ и 1870-хъ годовъ.

Пріютомъ декадентовъ сначала явился журналъ «Сѣверный Вѣстникъ», критикъ котораго, г. А. Волынский посвятилъ цѣлый рядъ «обличительныхъ» статей противъ «обличительной» публицистики 1850-хъ и 1860-хъ годовъ. Онъ въ то же время провозглашалъ какую-то новую, «философскую» критику, но въ чемъ она состояла, не успѣлъ выяснить, потому ли, что и самъ ясно не зналъ, или по причинѣ паденія подписки и гибели журнала естественной смертью...

Въ журналѣ явились поэты и беллетристы нашего «декадана». Затѣмъ они объединились въ Москвѣ, въ книгоиздательствѣ «Скорпіонъ». Декадентская манера проникла и въ живопись. Провозвѣстникомъ новыхъ идей въ пластическихъ искусствахъ сталъ журналъ «Міръ Искусства». Здѣсь же г. Мережковскій, начавшій литературное поприще гражданскими стихами въ «Отечественныхъ Запискахъ», сталъ въ колоссальныхъ... но объему статьяхъ проповѣдывать возрожденіе античныхъ понятій, боговъ и философіи. Очень трудно опредѣлить это многоцвѣтное направленіе въ русской литературѣ. Бездарное кривлянье тутъ идетъ объ руку съ несомнѣнно даровитыми попытками, нахальная реклама съ порывами искренней мысли, тутъ и нищество, и неоромантизмъ, и неоклассицизмъ, и мистика, и патологія. Какъ бы то ни было, при нормальномъ положеніи литературы, при вниманіи старшаго поколѣнія, въ рукахъ котораго всѣ «толстые» журналы, можно было бы выдѣлать и направить появившіяся здѣсь дарованія. Но ничего, кромѣ равнодушія и безучастія, руководители нашей литературы по отношенію къ бившимся въ путахъ декадентства искреннимъ дарованіямъ не проявили.

Столь же сложное, мутное явленіе — «марксизмъ». Успѣхъ его не сравнимъ съ чрезвычайно слабымъ успѣхомъ «декадентства». Марксисты выступили побѣдоносно. Одно время въ ученыхъ обществахъ они побивали стариковъ-народниковъ на голову. Они пустили множество книгъ. Издавали нѣсколько журналовъ.

Всѣ эти журналы—«Новое Слово», «Начало», «Жизнь»—имѣли громадный успѣхъ, отличную подписку, но всѣ были прекращены.

Молодежь почти поголовно заразилась марксизмомъ, сущность котораго сводилась къ проповѣди «европеизаціи» Россіи путемъ капитализма и фабрикъ. Во главѣ движенія стояли весьма талантливыя, энергичныя и обладавшіе обширными свѣдѣніями молодые ученые—Петръ Струве и М. И. Туганъ-Барановскій. Опять таки въ этомъ литературномъ теченіи находимъ много юношески-заносчиваго, поверхностнаго, путаннаго и прямо дикаго. Но рядомъ видимъ углубленіе въ общественныя и экономическія вопросы, особую «кантіанскую» струю философскаго критицизма, попытку дать широкій, всеобобщающій синтезъ. Марксисты выставили и своихъ беллетристовъ (Максимъ Горькій, Леонидъ Андреевъ, Чириковъ, Вересаевъ), имѣвшихъ колоссальный успѣхъ. Изъ нихъ Горькій даже получилъ всемірную извѣстность.

Какъ же отнеслось къ дарованіямъ, увлекаемымъ потокомъ марксизма въ болото экстравагантности, старшее поколѣніе журналовъ? Съ полнѣйшимъ бездушіемъ.

Вообще, литературная молодежь, писатели, уже заявившіе о своихъ дарованіяхъ имѣвшими успѣхъ трудами, то ютятся въ непрочныхъ, сомнительныхъ изданіяхъ, то появляются въ «приложеніяхъ», то въ фельетонахъ газетъ. Журналы 70-хъ годовъ были школами дублицистовъ и беллетристовъ, хотя бы такой редакторъ какъ Салтыковъ-Щедринъ, поощрялъ, отыскивалъ молодыхъ дарованія, направлялъ ихъ и дѣйствительно многихъ создалъ. Ничего подобнаго не проявляютъ въ концѣ вѣка руководители нашей печати. Это равнодушіе, быть можетъ, объясняется просто естественной преклонностью возраста критиковъ, редакторовъ и издателей наиболѣе серьезныхъ органовъ. Во всякомъ случаѣ, положеніе молодыхъ писателей нельзя не признать ненормальнымъ и вреднымъ для развитія ихъ дарованій. Предоставленные самимъ себѣ, кочуя по разнымъ газетамъ, еженедѣльнымъ изданіямъ, они подобны растеніямъ, постоянно пересаживаемымъ. При такихъ условіяхъ трудно ждать гармоническаго и здороваго расцвѣта молодыхъ силъ литературы. А вѣдь, какъ бы то ни было, въ нихъ будущее литературы. Эти новые всходы, потоптанные, на тощей, каменистой почвѣ, понятное дѣло, не сулятъ обильнаго урожая.

Надо еще замѣтить, что число серьезныхъ органовъ въ послѣднее десятилѣтіе вѣка страшно сократилось. Погибли—«Русское Обозрѣніе», толстый журналъ, «Русскій Вѣстникъ», редакціи Ѳ. Н. Берга; и «Сѣверный Вѣстникъ», погибло «Новое Слово» народнической редакціи; погибла «Недѣля», прекрасная еженедѣльная газета съ приложеніемъ ежемѣсячныхъ «книжекъ». Считаая книжку каждаго изъ этихъ изданій въ 25 печатныхъ листовъ, видимъ, что мѣста, гдѣ можно было писать, сократилось въ мѣсяцъ на 150 печатныхъ листовъ, а въ годъ на 1800 листовъ. Но этого мало, погибла ежедневная газета «Сынъ Отечества» съ приложеніемъ ежемѣсяч-

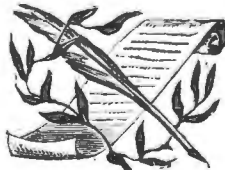
наго журнала «Дешевая Библіотека». Попытки новыхъ изданій (вышеупомянутые «Начало», «Жизнь») кончились прахомъ. Погибъ и рядъ молодыхъ газетъ: «Міровые Отголоски», «Народъ», «Русь», «Сѣверный Курьеръ», «Россія». А три послѣднія изданія имѣли большой успѣхъ.

Поневоля мы должны заключить нашъ очеркъ исторіи русской періодической печати за двухсотлѣтіе грустнымъ выводомъ. Несомнѣнно литература и печать въ Россіи нынѣ находятся въ упадкѣ. Есть силы и таланты, но даже количествомъ органовъ печать оскудѣла и мало прибыла къ XX-му вѣку. Замѣчается полный упадокъ литературной школы. Почти исчезла нравственная связь между писателемъ и руководителями органовъ печати. Въ значительной степени литература замѣнилась мануфактурой печатнаго слова. А главное, въ печати не выражены яркими, даровитыми и сильными органами всѣ направленія мысли. Она однотонна, сѣра, дѣйствіе ея на общественное мнѣніе ничтожно.

Но, тѣмъ не менѣе, двухсотлѣтній, колоссальный трудъ лежитъ за русской печатью, двухсотлѣтній, тернистый путь пройденъ ею. Временный упадокъ не долженъ насъ страшить. Печать великаго народа есть великая печать. Едва повѣетъ духъ жизни въ застоившейся атмосферѣ русскаго общества, печать пробудится, заговоритъ горячо и властно.

Русь не шелохнется.  
Русь, какъ убитая.  
А загорится въ ней  
Искра сокрытая  
Встанутъ небужены  
Выйдутъ непрошены...

Николай Энгельгардтъ.





## ИЗЪ МАНЧЖУРСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

### I.



**В**АШЕ БЛАГОРОДІЕ, такъ что командиръ полка требуютъ».

Эта служебная формула, произнесенная моимъ вѣстовымъ, разомъ вывела меня изъ сладкаго полусабытья. Пришлось распроститься съ удобнымъ плетенымъ кресломъ, на которомъ я такъ любилъ сидѣть послѣ сытнаго обѣда, и, натянувъ сюртукъ, шествовать, благо недалеко, на квартиру командира полка.

— Доложи!..

Бравый сигналистъ на минуту скрылся за дверями, ведшими въ командирскіе апартаменты, откуда тотчасъ же послышался знакомый звучный голосъ:

— Пожалуйте!

Я вошелъ.

У стола, заваленнаго бумагами и картами, сидѣлъ нашъ полковой командиръ, плотный, замѣчательно крѣпкій мужчина, обратившій, при моемъ входѣ, ко мнѣ свое открытое, энергичное лицо.

Черезъ столъ отъ него я замѣтилъ человѣка въ черной сутанѣ, сильнаго брюнета, съ энергичной фізіономіей и неприятными, бѣгающими, но острыми глазами.

— Вотъ,—обратился ко мнѣ командиръ, указывая на гостя,— это французскій миссіонеръ, М. Корбель. Потолкуйте съ нимъ, чего собственно онъ отъ меня хочетъ...

Французъ вѣжливо привсталъ, отрекомендовался и скороговоркой, скорѣе жаргономъ, чѣмъ языкомъ, заговорилъ со мной.

— Простите, monsieur, но я васъ попрошу говорить медленнѣе, такъ какъ я не настолько знакомъ съ вашимъ языкомъ,—перевелъ я его.

Миссіонеръ тотчасъ же замедлилъ свой монологъ, и изъ его словъ я узналъ, что онъ уже около 12 лѣтъ миссіонерствуетъ въ этой части Манчжуріи, что дѣла его и его товарищей шли блестяще до послѣднихъ возмущеній, когда всѣ они должны были бѣжать подъ напоромъ вспыхнушаго фанатизма желтыхъ. Его районъ лежалъ въ 30 верстахъ отъ г. Лао-яна, гдѣ стоялъ нашъ полкъ, но христіанскій поселокъ и католическая церковь были разрушены боксерами. Теперь онъ возвращается на свое пепелище, желая продолжать дорогое ему дѣло, въ сопровожденіи другого патера, который сядетъ въ приходъ, верстахъ въ 18-ти отсюда, гдѣ тоже былъ христіанскій храмъ и поселокъ. Рѣчь его дышала такимъ энтузіазмомъ, такъ импонировала его высокой идеѣ, что я невольно заинтересовался уже имъ лично, и разговоръ, который я время отъ времени переводилъ командиру, перешелъ, мало-помалу, на личныя воспоминанія патера, на оцѣнку текущихъ событій, при чемъ имъ было высказано немало оригинальныхъ и весьма дѣльныхъ соображеній.

По всему было видно, что передъ нами находится человекъ, обрекшій себя на служеніе идеѣ, фанатикъ дѣла, отказавшійся отъ міра и жаждавшій только окончить дни свои на своемъ посту. Признаюсь, что, знакомый хорошо съ дѣятельностью католическихъ миссіонеровъ, я сначала съ большимъ предубѣжденіемъ отнесся къ его словамъ, но мало-помалу это предубѣжденіе разсѣялось, и я съ удовольствіемъ проговорилъ съ нимъ болѣе часа.

Цѣль же его посѣщенія заключалась въ томъ, что въ виду крайняго неспокойствія населенія изъ-за хунхузовъ, онъ просилъ дать ему конвой, который довелъ бы обоихъ патеровъ до ближайшаго прихода, гдѣ ихъ должны были встрѣтить китайцы-христіане. Тогда нашъ конвой будетъ уже не нуженъ.

Сознавая свою прямую обязанность посильно помогать европейцамъ и не имѣя указанія на такой частный случай, командиръ изъявилъ свое согласіе и тотчасъ же назначилъ охотничью команду, съ поручикомъ Б. во главѣ, въ конвой.

При этомъ ему пришла въ голову мысль, которая мнѣ съ перваго раза прилась не по вкусу.

— А вы, поручикъ, поѣдете съ ними въ качествѣ переводчика,—отнесся онъ ко мнѣ.

Я невольно поморщился.

М. Корбель былъ крайне тронутъ такой изысканной любезностью и призывалъ благословеніе Божіе на главу командира и всей русской великой націи.

Мы разстались, и патера повели къ поручику Б. условиться въ часъ выстуления и прочихъ деталяхъ экспедиціи, а я вернулся домой тоже приготовиться и выспаться.

## II.

Разбудилъ меня на другое утро тотъ же поручикъ Б., вставшій раньше пѣтуховъ.

На дворѣ сѣрѣлъ разсвѣтъ, и деревья были покрыты инеемъ, этимъ почти единственнымъ въ южной Манчжуріи видомъ снѣга. Глухой топотъ коней охотничьей команды, бывшей уже въ сборѣ, прерывался изрѣдка сердитымъ окликомъ или энергичной руганью.

Мой Аванасій уже ждалъ меня съ умывальникомъ въ рукахъ.

— Эхъ, Павликъ,—сладко потянулся я,—и принесла нелегкая этого патера! Тутъ возись со съемками, да еще поповъ католическихъ провожай!..

Б. хмуро и недовольно глоталъ чай, поминутно обжигаясь, и философски глядѣлъ на мою заспанную физиономію.

— Захватите двустолку,—присовѣтовалъ онъ, отталкивая носкомъ сапога своего вѣрнаго пса Арзика.

Я отвѣчалъ ему цѣлымъ фонтаномъ брызгъ и, громко фыркая отъ удовольствія умыванія ледяной водой, тутъ же распорядился приготовить свои охотничьи доспѣхи.

Б. былъ замѣчательная личность. Идеально добрый и честный человекъ, онъ былъ эксцентриченъ до чудачества. Разказы о всѣхъ его невѣроятныхъ выходкахъ, впрочемъ, совершенно безобидныхъ и никого не затрогивавшихъ, были неисчислимы и принимали иногда характеръ легендъ. Хладнокровный, мужественный, онъ былъ чуднымъ охотникомъ на всякую птицу и звѣря до тигра включительно. Его добродушное, открытое лицо сразу располагало всякаго въ его пользу, и никто не ошибался въ немъ. Выступилъ онъ въ походъ, состоя начальникомъ охотничьей команды, и въ этомъ званіи вынесъ на своихъ плечахъ всю кампанію, постоянно впереди всѣхъ, участвуя рѣшительно во всѣхъ дѣлахъ и экспедиціяхъ отряда. За нимъ числилось немало подвиговъ личной храбрости и подвиговъ весьма значительныхъ. Въ бою это было само хладнокровіе. Онъ былъ всеобщимъ любимцемъ, и имя его было прекрасно извѣстно не только у насъ въ отрядѣ, но положительно по всей Манчжуріи.

— Ну, однако, пора двигаться!—пробурчалъ Б., когда я проглотилъ стаканъ чая и раскуривалъ отсырѣвшую папиросу. — А то пошы, пожалуй, уже ждутъ насъ давно,—добавилъ онъ, нахлобучивая папаху и выходя на дворъ.

— Смирно!—донеслось до меня.

Я наскоро одѣлся потеплѣе, справился, положили ли въ кобуры сѣдла мокрой и сухой снѣди, и вышелъ на дворъ въ тотъ моментъ, когда послѣднiе ряды команды уже выѣзжали за ворота.

Было холодно.

Солнце только-что встало и косыми розовыми лучами освѣщало пелену дыма, валившаго изъ трубъ китайскихъ фанзъ.

Китайская жизнь начинается очень рано. Съ восходомъ солнца городъ уже весь на ногахъ: онъ просыпается какъ-то весь сразу, такъ что улицы сразу же дѣлаются людными. Это отличительная черта, разнящая нашу городскую жизнь отъ китайской. Но зато съ послѣднимъ лучемъ вечерняго солнца эта жизнь такъ же сразу замираетъ, и, по заходѣ солнца, вы можете встрѣтить на улицѣ только рѣдкаго прохожаго, съ бумажнымъ фонаремъ въ рукахъ.

Команда шагомъ прошла по улицамъ до наружныхъ городскихъ воротъ, гдѣ насъ должны были ждать миссионеры.

Скрипъ китайскихъ арбъ, оглушительное хлопанье бичей погонщиконъ, ихъ характерные крики—все это наполняло улицы, придавая имъ своеобразный видъ, столь непохожiй на наши европейскiе города.

У воротъ насъ дѣйствительно ждали наши патеры. Возсѣдая на обыкновенной китайской арбѣ, запряженной 8-ю мулами въ унось, они съ достоинствомъ привѣтствовали насъ. М. Корбель тутъ же представилъ намъ своего товарища, круглаго, какъ шаръ, упитаннаго, совершенно рыжаго іезуита, при взглядѣ на котораго мнѣ припомнились многочисленныя портреты святыхъ отцовъ католическаго ордена, засѣдающихъ въ подвалахъ своего монастыря за кружкой добраго стараго вина.

Оба патера походили другъ на друга, какъ небо на землю. Насколько М. Корбель былъ преисполненъ чувства собственнаго достоинства и сдержанной серьезности, настолько М. Жессель былъ словоохотливъ и откровененъ. Началось съ того, что онъ сказалъ цѣлый панегирикъ нашей любезности, коснулся общаго благотворнаго влiянiя русскихъ на благосостоянiе края, восторженно отзывался о русской армiи вообще и уже началъ было развивать идею политическаго господства Россiи на китайскомъ Востокѣ, но въ эту минуту былъ прерванъ М. Корбелемъ напоминанiемъ, что пора бы и ѣхать.

М. Жессель подмигнулъ мнѣ глазомъ на своего коллегу и, взгромоздившись на свой тощiй чемоданъ посреди арбы, пригласилъ округленнымъ жестомъ меня ѣхать рядомъ.

Мы тронулись. Выслали впередъ дозоры, затѣмъ проѣхалъ взводъ охотниковъ, проплелась арба нашихъ патеровъ, за нею прослѣдовала другая, нагруженная десяткомъ какихъ-то китайцевъ, и шествiе замыкалось остальными людьми команды.

Мы съ Б. ѣхали съ миссионерской арбой, при чемъ словоохотливый толстякъ немедленно вступилъ въ разговоръ.

Тема была выбрана удачно. Почтенный патерь сообщилъ, что слѣдовавшіе за нами китайцы—все христіане, возвращающіеся домой, въ свою разоренную деревушку, гдѣ онъ, съ ихъ помощью, надѣется возстановить разрушенный храмъ, проповѣдуя христіанство подѣ просвѣщеннымъ протекторатомъ великой русской націи.

Я поинтересовался узнать, охотно ли вообще китайцы принимаютъ христіанство, т.-е., вѣрнѣе, католичество.

— Какъ вамъ сказать,—отвѣтилъ іезуитъ.—Видите ли, нашъ орденъ общаетъ имъ и нравственную, и матеріальную поддержку въ случаѣ принятія догматовъ нашей религіи, а это для китайца, особенно манчжура, живущаго подѣ вѣчнымъ страхомъ внутреннихъ неурядицъ и безначалія въ странѣ, имѣеть громадный жизненный интересъ. У меня въ приходѣ числится болѣе 3.000 китайцевъ христіанъ, и всѣ они весьма довольны своей судьбой.

— Но, скажите,—спросилъ я:—какъ они вообще относятся къ своимъ христіанскимъ обязанностямъ, какъ догматическимъ, такъ и обряднымъ?

Патерь нерѣшительно потеръ себѣ переносицу и, подумавъ минуту, произнесъ:

— Видите ли, съ обрядовой стороны католическая религія болѣе всего подходитъ подѣ общій обликъ духовнаго міровоззрѣнія китайца. Какъ складъ его жизни, такъ и степень его культурности требуютъ прежде всего на его духовные запросы отвѣта на мистической подкладкѣ. А изъ всѣхъ христіанскихъ религій католичество болѣе всего, въ своихъ обрядностяхъ, удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Что же касается усвоенія китайцами догматическихъ истинъ, то, согласитесь, можно ли отъ нихъ требовать точнаго и яснаго отчета въ томъ, что даже Европа не можетъ уяснить себѣ въ совершенствѣ? Конечно, приходится итти на компромиссъ, но вѣдь не забудьте, что «*ad majorem Dei gloriam*»!...

Патерь глубоко вздохнулъ и замолкъ.

М. Корбель, все время молча слушавшій нашъ разговоръ, неожиданно повернулся ко мнѣ и проговорилъ:

— Вся бѣда, *monsieur*, въ томъ, что средствъ у насъ нѣтъ или почти нѣтъ! Наша паства—народъ бѣдный, въ большинствѣ слушаевъ почти нищій, а богатые не идутъ,—сознался онъ.

— Но откуда же вы берете средства воздвигать такіе храмы и школы, какъ, напримѣръ, въ Инкоу, Мукденѣ и т. п.?

— Кое-что намъ даетъ орденъ, кое-что частная благотворительность, а въ общемъ все это воздвигается экономическимъ путемъ: я самъ инженерствую, а вотъ они (онъ указалъ на ѣхавшихъ сзади китайцевъ)—работники, конечно, даровые! Конечно, «*ad majorem Dei gloriam*»!...

М. Корбель улыбнулся и, нагнувшись къ сосѣду, что-то долго говорилъ ему, указывая по временамъ пальцемъ на деревеньку, лежавшую верстахъ въ двухъ въ сторонѣ отъ нашего пути.



Я перекинулся парой словъ съ Б., молча ѣхавшимъ на своемъ лохматомъ манчжурѣ, и уже собирался было продолжить интересовавшій меня разговоръ съ миссіонерами, какъ вдругъ изъ-за угла изгороди вышелъ на дорогу оборванный китаецъ, сталъ среди нея на колѣни, отвѣсилъ земной поклонъ патерамъ и, приподнявшись затѣмъ, пошелъ рядомъ съ арбой, быстро лопоча что-то на своемъ характерномъ языкѣ. М. Корбель все время кивалъ въ тактъ ему голсвой, говорилъ что-то въ свою очередь тоже по-китайски, и, когда новоприбывшій кончилъ свой докладъ, обратился ко мнѣ:

— Вы видите, monsieur, ту деревушку?—и онъ указалъ пальцемъ на виднѣвшіяся фанзы:

Я утвердительно кивнулъ головой.

— Она сплошь вся населена хунхузами, это ихъ гнѣздо, очагъ!— мрачно сообщилъ онъ.—Вотъ если бы уничтожить ее, на много миль кругомъ было бы спокойно!

Я тотчасъ же перевелъ его сообщеніе Б.

Имѣя въ своемъ распоряженіи почти роту стрѣлковъ, Б., конечно, могъ бы произвести вооруженную развѣдку деревушки, чего, очевидно, очень хотѣлось патеру, но, не имѣя на то никакихъ полномочій, а скорѣе обратныя инструкціи командира, Б. сердито пробурчалъ:

— Доложить доложу, а сейчасъ самъ не могу, можетъ, попъ и вретъ!

Первую часть его отвѣта я перевелъ обратно патеру, чѣмъ тотъ остался видимо недоволенъ и съ сожалѣніемъ произнесъ:

— Жаль, что капитанъ не пользуется случаемъ!...

И онъ примолкъ. Разговоръ какъ-то не клеился дальше, да и усталость послѣ 15 верстъ почти непрерывнаго движенія давала себя чувствовать, и мы молча доѣхали до высокаго холма, съ вершины котораго въ верстѣ отъ насъ увидѣли развалины высокої башни готическаго храма.

Патеры слѣзли съ арбы и, осѣнивъ себя крестомъ, жарко о чемъ-то заспорили на своемъ жаргонѣ.

Вскорѣ по дорогѣ показались три всадника, которые, вѣхавъ на холмъ, слѣзли съ лошадей и подошли подъ благословеніе патеровъ. Очевидно, они привезли утѣшительныя вѣсти, ибо миссіонеры на ихъ докладъ все время одобрительно кивали голова, и М. Корбель, обратившись къ намъ, произнесъ:

— Monsieur, мои прихожане очень рады видѣть здѣсь русскихъ солдатъ и просятъ васъ воспользоваться ихъ гостепрѣимствомъ.

Я перевелъ Б.

— Ну, это еще бабушка надвое сказала, довольны они или нѣтъ, а вотъ отдохнуть и перекусить, дѣйствительно, не мѣшаетъ,— сказалъ Б., съ предубѣжденіемъ поглядывая на весьма непріятную фізіономію старика-китайца, одного изъ только-что прибывшихъ.

Мы тронулись дальше.

Оказывается, что это и была та деревушка, до которой мы должны были эскортировать нашихъ иезуитовъ.

При въѣздѣ въ нее насъ встрѣтила толпа китайцевъ, чловѣкъ въ 200, довольно нестройно пропѣвая какую-то католическую молитву. Патеръ Корбель широкимъ жестомъ благословилъ толпу, и мы, сдѣлавъ два или три поворота, очутились у воротъ ограды грандіознаго католическаго храма, прекрасной готической архитектуры, но отъ котораго въ настоящее время уцѣлѣли только голыя каменные стѣны.

Патеры сокрушенно поглядывали на поруганную святыню, и М. Корбель, указывая на руину, сказалъ мнѣ:

— Вотъ, monsieur, плоды фанатизма! Настоятель этой церкви и коллегіи при ней убитъ, храмъ разрушенъ, коллегія—тоже, даже статую святого Иеронима, что вы видите тамъ на колокольнѣ, въ нишѣ, всю изрѣшетили фальконетными пулями! Сколько новаго труда предстоитъ! Слава Богу, что вся здѣшняя паства, разбѣжавшаяся было во время волненій, снова собралась на старое пепелище! Пойдемте, я вамъ покажу здѣшнія помѣщенія.

И мы отправились обозрѣвать руины.

Дѣйствительно, видно было, что здѣсь все было поставлено на твердую и широкую ногу. Всюду массивныя каменные зданія очень порядочной архитектуры, обширныя помѣщенія, но все это сожжено, разграблено, избито снарядами и пулями,—однимъ словомъ, замѣтно было, что здѣсь дѣйствовала рука озлобленнаго фанатика, желавшаго стереть съ лица земли ненавистное ему гнѣздо европейцевъ.

Общее явленіе, замѣченное нами по всей Манчжуріи, что боксеры особенно озлобленно и тщательно разрушали именно христіанскіе поселки своихъ единоплеменниковъ и католическіе центры,—сказывалось передъ нами воочію. Болѣе полного разрушенія я не видѣлъ нигдѣ! Это неволью подтверждало общее убѣжденіе, что одной изъ самыхъ вѣскихъ причинъ боксерскаго возстанія были дѣянія католической пропаганды въ Китаѣ, но все-таки для меня это было только весьма шаткимъ убѣжденіемъ, къ которому приходилось прислушиваться, и провѣрить которое мнѣ не удалось ни разу. Неоднократно приходилось слышать рассказы лицъ, заслуживающихъ довѣрія, прожившихъ долгіе годы въ Китаѣ, о тѣхъ пріемахъ, къ которымъ прибѣгали католическіе миссіонеры «ad maiorem Dei gloriam», о ихъ изумительной способности пользоваться всѣми способами для достиженія своей цѣли, но всѣ встрѣчавшіеся мнѣ миссіонеры производили на меня самое благопріятное впечатлѣніе. Они казались людьми, въ высшей степени интересными, высокообразованными, гуманными, и то уваженіе и вліяніе, какимъ они пользовались у своей паствы и даже у прочаго

китайскако населенія, казалось мнѣ основаннымъ на ихъ личныхъ качествахъ. Но случай, описываемый здѣсь, далъ мнѣ возможность рельефно и рѣзко убѣдиться въ основательности убѣжденія бывалыхъ людей и, съ одной стороны, постигнуть причину этого вліянія миссіонеровъ на толпу, а съ другой—до извѣстной степени оправдать китайцевъ въ ихъ ненависти къ европейцамъ.

Незадолго до описываемаго эпизода мнѣ случилось быть на обѣдѣ у одного богатаго и вліятельнаго лао-янскаго купца Ли-фу-чу, человѣка образованнаго, не чуждавшагося европейцевъ, который въ разговорѣ высказалъ нѣсколько положеній, дающихъ весьма рациональное объясненіе ходу событій въ Китаѣ наканунѣ послѣдняго возстанія.

— Разница между Китаемъ,—говорилъ Ли-фу-чу, — и Европой неизмѣрима! И политическій, и экономическій, и общественный, и духовный складъ жизни у насъ ничего общаго съ вашимъ не имѣетъ. Возьмите жизнь политическую. Скажу вамъ откровенно, насколько она развита у васъ, въ Европѣ, настолько она отсутствуетъ у насъ, въ Китаѣ! Китаецъ совсѣмъ не патріотъ, т.-е. я говорю о массѣ. Политическая жизнь въ чистомъ смыслѣ сосредоточивается у трона, среди немногочисленнаго круга. И если вы слышите о борьбѣ у насъ за династію—это ложь! Ея у насъ нѣтъ и не можетъ быть по той простой причинѣ, что китаецъ-простой смертный твердо убѣжденъ, что при всякой династіи у него все равно будутъ плохіе правители, а китаецъ-чиновникъ также твердо убѣжденъ, что при всякой династіи онъ также, въ зависимости отъ собственнаго умѣнья, будетъ наживаться на доходномъ мѣстѣ.

— Если мы возьмемъ жизнь экономическую, то и тутъ увидимъ громадную разницу. Вы не можете существовать безъ внѣшняго обмѣна—намъ онъ совершенно не нуженъ. Китай привыкъ производить то количество, которое необходимо ему самому, и въ вывозѣ не нуждается, равно какъ и во ввозѣ. Вѣдь у насъ-то, собственно говоря, и своихъ-то денежныхъ знаковъ нѣтъ! Ихъ намъ навязали вы! Да и зачѣмъ они были нужны намъ до васъ? Мой сосѣдъ для меня дубить кожу, и изъ нея шью обувь и для себя, и для него. Этотъ взаимный оборотъ лежитъ въ основѣ нашей экономической жизни. Вы ее перевернули, и, замѣтьте, очень неумѣло!

— Съ точки зрѣнія жизни общественной Китай тоже страна обособленная, къ которой ваши мѣрки не подойдутъ. У насъ нѣтъ той розни въ классахъ, какая есть у васъ, вѣрнѣе, у насъ эта разница не такъ рѣзка. Вы взгляните: покрой одежды у меня и у моего слуги—совершенно одинаковъ, разница только въ качествахъ матеріала. Мой домъ такой же архитектуры, какъ и фанза въ послѣдней деревушкѣ; я ѣзжу въ той же конструкціи экипажѣ, какъ и послѣдній крестьянинъ. И такъ все... Что же касается до ду-

ховной стороны нашей жизни, то ни въ одной странѣ вы не встрѣтите такой массы сектъ и толкованій, даже крупныхъ религиозныхъ ученій, какъ въ Китаѣ. А вы намъ, вдобавокъ, предлагаете еще христіанство. Я немного знакомъ съ догматами вашего вѣроученія и, признаюсь, нахожу его весьма гуманнымъ и цѣлесообразнымъ. Но все горе въ томъ, что способы, коими вы проводите ваше ученіе въ нашу жизнь,—и есть злое мѣсто, портящее всѣ отношенія китайцевъ къ европейцамъ! Повѣрьте, я очень близко знакомъ съ этимъ вопросомъ и объясню вамъ его, по возможности, коротко и удобопонятно. Главными проводниками христіанства у насъ являются католическіе монахи. Они обладаютъ громадными денежными средствами, благодаря которымъ они прежде всего подкупаютъ лицъ нашей администраціи. Это ихъ фундаментъ. Затѣмъ они вербуютъ подъ свои хоругви всякую голь, которой ѣсть нечего и которой у насъ нѣтъ числа! Соблазняясь на матеріальныя выгоды, голь эта принимаетъ христіанство, въ большинствѣ случаевъ, лицемернo, а монахи, стоя за спиной подкупленныхъ властей, производятъ постоянное давленіе на массу. Этимъ объясняется ихъ вліяніе на жителей, которые боятся пропасть ни за грошъ, ибо патеру стоитъ сказать слово, конечно, золотое, и...—вы знаете, у насъ головы очень дешевы! А чиновникамъ что? Лишнее золото въ карманѣ не мѣшаетъ, а отвѣтственности—никакой! Вотъ и теперь, со времени водворенія русскихъ войскъ въ Манчжуріи, миссіонеры прячутся за вашими спинами, пользуются вашей готовностью къ ихъ защитѣ, и хоть вамъ золота за это не даютъ, но результатъ получается тотъ же! И монахи, пользуясь объясненнымъ мною вліяніемъ, являются мутителями мирной жизни китайцевъ—нехристіанъ, прикрывая крестомъ всякій сбродъ и сѣя смуту и вражду среди остальныхъ. Сколько народу они разорили тѣмъ, что обращали на нихъ благосклонное вниманіе нашей администраціи, всегда готовой притянуть къ отвѣту богатаго чело-вѣка, отъ котораго можно поживиться. А такъ какъ миссіонеры разсѣяны по всему Китаю, то не удивляйтесь, что неудовольствіе противъ нихъ существуетъ также по всей странѣ. Собственно говоря, противъ европейца китаецъ ничего не имѣетъ, но онъ знаетъ, что вслѣдъ за нейтральнымъ европейцемъ явится непременно миссіонеръ,—и тогда пиши пропало! Вы знаете, кого собственно изъ европейцевъ не любятъ китайцы особенно? Французовъ! И оттого, что большинство миссіонеровъ—французскіе іезуиты, которыхъ, какъ я слышалъ, изъ Франціи выгнали, такъ они сюда явились! И что же, вы думаете, что христіанство пустило глубокіе корни у насъ, какъ это можетъ казаться съ перваго раза? Жестокое заблужденіе! За рѣдкими исключеніями, вся паства миссіонеровъ, какъ я уже говорилъ, христіане лишь лицемернo, до поры-до времени! Завѣряю васъ честнымъ словомъ, что большинство изъ нихъ

были первыми и самыми горячими участниками боксёрскаго движенія и рѣзали своихъ же духовныхъ отцовъ! А вотъ теперь, когда они проиграли игру, они снова вернулись подъ крылышко патеровъ! И я почти безошибочно могу предскавать, что если русскіе будутъ отдавать себя въ распоряженіе католическихъ монаховъ, какъ это дѣлается сейчасъ, то мало-по-малу потеряютъ свое хорошее имя въ глазахъ китайскаго народа. Вы, русскіе, пользуетесь у насъ наибольшими симпатіями изъ всѣхъ европейцевъ, во-первыхъ, потому, что не навязываете намъ христіанства, т.-е. другими словами, мы не видимъ вашихъ монаховъ, а, во-вторыхъ, потому, что русская нація обладаетъ великой способностью уживаться въ добрыхъ отношеніяхъ съ нами. Я объясняю это чисто складомъ характера русскаго человѣка. Мнѣ приходилось наблюдать и за вашими солдатами, и за офицерами, и за чиновниками, и, скажу откровенно, общій итогъ моихъ наблюденій весьма отраднѣй. Я знаю прекрасно англичанъ—они невыносимы по своей заносчивости; знаю французовъ—они у насъ олицетворяются въ католическомъ монахѣ; знаю нѣмцевъ—они еще ничего себѣ; японцы—ну, это наши расовые враги; наконецъ, вы, русскіе, кажется, наши ближайшіе сосѣди; кажется, нашимъ интересамъ чаще всего пришлось бы сталкиваться,—однако, честное слово, вы намъ почти нисколько не намозолили глазъ! И пока мы не столкнемся на почвѣ религіозныхъ вопросовъ, до тѣхъ поръ и отношенія наши не измѣнятся. Я скажу вамъ больше: никогда еще Манчжурія не переживала такого благодатнаго времени, какъ сейчасъ; несмотря на то, что боксерское возстаніе сильно поколебало благосостояніе страны,—она уже совершенно оправилась и достигла даже большаго, нежели имѣла до войны, тогда какъ въ Печили вы этого не наблюдаете. Правда, вы слишкомъ благодушны, и мы подчасъ пользуемся этимъ, но вѣдь сами знаете... И еще разъ повторяю: отъ души желаю своей странѣ всегда существовать съ такимъ же успѣхомъ, какой ей достается сейчасъ! Вы всегда будете нашими дорогими гостями, но... держитесь подалеже отъ католической пропаганды и не касайтесь религіозныхъ вопросовъ! И повѣрьте, въ случаѣ какой либо внѣшней неурядицы Манчжурія всегда будетъ на вашей сторонѣ, всегда будетъ искать у васъ помощи!

Такъ закончилъ свои мысли Ли-фу-чу. Мы еще неоднократно бесѣдовали съ нимъ на манчжурскія темы, и всегда его мысли отличались твердостью убѣжденій, глубиной и проницательностью.

И вотъ теперь, стоя на руинахъ католическаго храма, я вспомнилъ этотъ разговоръ отъ слова и до слова.

Тѣмъ временемъ М. Корбель, показавъ намъ все интересное и пофилософствовавъ на тему о христіанской кротости и всепрощеніи, вывелъ насъ черезъ ворота на улицу.

Страшный трескъ ружейной пальбы гдѣ-то рядомъ заставилъ меня невольно вздрогнуть.

И я, и Б. остановились, совершенно не подготовленные къ тому приему, какой намъ устроили духовныя чада святыхъ отцовъ. Оказалось, что они для выраженія полного удовольствія насъ видѣтъ прибѣгли къ обычному китайскому способу выраженія восторга: здоровый дѣтина, махая въ воздухъ огромной связкой подожженныхъ хлопущекъ, производитъ эту оглушительную канонаду, къ вящему удовольствію собравшейся и оравшей толпы.

Кое-какъ протискавшись черезъ нее, при чемъ я изъ предосторожности не выпускалъ изъ рукъ револьвера, мы вошли въ ворота напротивъ, гдѣ насъ встрѣтили съ поклонами хозяева фанзы, и М. Корбель перевелъ намъ ихъ просьбу откушать ихъ хлѣбосоли. Мы охотно согласились. Поручикъ Б. хотѣлъ было сначала распорядиться, чтобы люди его команды сварили себѣ обѣдъ въ походной кухнѣ, захваченной нами съ собой, но патерь съ любезной улыбкой сообщилъ ему, что и стрѣлковъ уже угощаютъ признательные китайцы-христиане. Позванный унтеръ-офицеръ подтвердилъ это, выразивъ свое полное одобреніе китайскому хлѣбосольству.

Насъ ввели въ просторную комнату, гдѣ былъ уже накрытъ столъ, и стояло четыре кресла для насъ и для патеровъ. Патерь Корбель прочелъ краткую молитву, и мы усѣлись.

Хозяева молча стояли у двери, распоряжаясь слугами. Обѣдъ былъ обильный, приготовленный хотя и китайскимъ поваромъ, но по возможности принаравливаясь къ европейскому вкусу.

Обыкновенно китайскій обѣдъ начинается съ сладкихъ блюдъ, за ними слѣдуетъ зелень, затѣмъ мясныя блюда, затѣмъ рыбныя и, наконецъ, супы, т.-е. все діаметрально противоположно европейскому меню. И вообще въ Китаѣ до комизма все діаметрально противоположно принятому въ Россіи: такъ, напримѣръ, у насъ всѣ стригутъ волосы, а духовенство носить ихъ длинными — въ Китаѣ наоборотъ: всѣ носятъ косы, а духовенство стриженое; у насъ при устройствѣ дорогъ стараются повсичить уровень дорожнаго полотна надъ общимъ горизонтомъ, — въ Китаѣ наоборотъ: дороги устраиваются какъ разъ въ углубленіяхъ; укрѣпленія по самой своей идеѣ устраиваются у насъ на командующихъ высотахъ, — въ Китаѣ они располагаются на днѣ лощинъ и въ котловинахъ.

И такъ все!

Но здѣсь, какъ я сказалъ, намъ подали полуевропейскій обѣдъ. Разговоръ сначала не клеился, но когда патерь Жессель вытащилъ откуда-то бутылку довольно сноснаго бордо, а затѣмъ даже и родной ему шипучки, дѣло пошло на ладъ, и языки развязались. Почтенный толстякъ оказался дѣйствительно забавнымъ собесѣдникомъ, и обѣдъ кончился подъ общій смѣхъ, вызванный нѣкоторыми анекдотами святого отца.

Сотворивъ послѣобѣденную молитву, М. Корбель куда-то исчезъ и, возвратившись, сообщилъ мнѣ слѣдующее:

— Monsieur, здѣсь у насъ въ деревнѣ сейчасъ находятся два богатыхъ китайца, какъ разъ изъ той деревушки, про которую я вамъ говорилъ дорогой. Я ихъ прекрасно знаю. Это люди въ высшей степени опасные. Во время послѣдняго возстанія они были одними изъ главарей боксеровъ, дѣйствовали здѣсь, въ Лао-янской округѣ, и желѣзная дорога въ этомъ районѣ, равно какъ и наша церковь, разрушены подъ ихъ руководствомъ. Это подтверждаютъ и мои прихожане. Мостъ черезъ рѣку Тай-цзы-хэ сожженъ тоже ими, и инженеръ Верховскій томился одно время тоже въ ихъ рукахъ. Они и теперь, пользуясь своимъ влiянiемъ, мутятъ окрестности, и если вы ихъ прикажете арестовать и возьмете съ собою, то это будетъ прекрасный случай обезпечить спокойствiе подъ Лао-яномъ.

Я передалъ все это Б. Тотъ, подумавъ немного, снова отказался исполнить просьбу патера. М. Корбель поморщился, но не сказалъ ни слова и вышелъ на дворъ, гдѣ его ждала толпа его учениковъ.

Мы съ Б., немного отдохнувъ, собрались въ обратный путь и, поблагодаривъ гостепрiимныхъ хозяевъ за угощенiе, вышли тоже на дворъ. Глазамъ нашимъ представилась слѣдующая картина: человекъ 50 пожилыхъ китайцевъ стояли на колѣняхъ и, поклонившись намъ до земли, что-то забормotalи.

Мы въ недоумѣнiи переглянулись.

Въ этотъ моментъ подошелъ М. Корбель и, сильно волнуясь, сообщилъ намъ, что китайцы умоляютъ «капитана» забрать съ собою указанныхъ выше двухъ боксерскихъ главарей и тѣмъ избавить ихъ отъ неприятнаго сосѣдства.

Б. наконецъ разсердился.

— Что же дѣлать?—обратился онъ ко мнѣ.

— Посмотрѣть бы на этихъ «brigands»,—посовѣтовалъ я.

По нашей просьбѣ, изъ толпы отдѣлилось нѣсколько китайцевъ, которые черезъ нѣсколько минутъ привели двухъ связанныхъ вмѣстѣ немолодыхъ манчжуровъ, весьма почтенной и даже располагающей наружности, и поставили ихъ на колѣни передъ нами.

Б. обратился къ своему переводчику бойкѣ и велѣлъ ему приказать тѣмъ встать.

Тѣмъ временемъ М. Корбель повторилъ все сказанное имъ раньше, при чемъ у него какъ-то странно вздрагивала нижняя губа, и самъ онъ замѣтно нервничалъ.

Это замѣтилъ и Б.

— Ой, что-то вретъ попъ!

Посовѣтовавшись, мы таки порѣшили захватить съ собою этихъ двухъ молодцовъ.

— Сдамъ ихъ при рапортѣ командиру!—заклучилъ Б.

Двое стрѣлковъ живо связали манчжуровъ косами вмѣстѣ, а мы, распростившись съ монахами, сѣли на коней, и Б. подалъ знакъ къ выступленію.

— Будьте осторожны, monsieur, — сказалъ мнѣ на прощанье М. Корбель: — возможная вещь, что на пути у васъ попытаются отбить вашихъ плѣнниковъ! И главное,—добавилъ онъ, — употребите все ваше вліяніе, чтобы они не могли возвратиться въ наши края, такъ какъ они, конечно, начнутъ мстить округѣ.

Я поклонился, и мы тронулись.

При выѣздѣ изъ деревни къ нашимъ плѣнникамъ кинулись двѣ китайки въ довольно богатыхъ костюмахъ, съ воплемъ протягивая къ намъ руки. Картина была довольно тяжелая. Б. насутился и, обратившись къ переводчику, сказалъ ему:

— Объясни этимъ бабамъ, что, если хотять, пусть идутъ за нами!

Бойка перевелъ, и надо было видѣть радость этихъ женщинъ! Вслѣдъ за нами потянулась китайская колымага, въ которой засѣли наши дамы, и человекъ пять плѣнныхъ китайцевъ, вѣроятно, сородичей или знакомыхъ.

Тѣмъ же путемъ и вполне благополучно, несмотря на зловѣщее предсказаніе патера, добрались мы обратно до Лао-яна, при чемъ у каждой деревушки кортежъ нашъ увеличивался все новыми и новыми членами. Два — три слова со стороны присоединившихся ранѣ, и новыя лица съ мѣста же трогались вслѣдъ за процессіей.

Въ городъ мы вернулись поздно вечеромъ, въ сопровожденіи толпы китайцевъ человекъ въ пятьдесятъ.

Добравшись до квартиры командира полка, мы съ Б. явились ему и, рассказавъ подробно, въ чемъ дѣло, представили арестованныхъ. Командиръ живо заинтересовался плѣнниками и, видя въ нихъ, по нашему разсказу, опасныхъ хунхузовъ, отдалъ приказъ отвести ихъ въ нашу временную полицію.

Голодные и усталые разошлись мы съ Б. по домамъ, предвкушая сладкій отдыхъ и сытный ужинъ.

Б. ворчалъ, недовольный тѣмъ, что по дорогѣ не встрѣтилось никакой дичи, но я, какъ могъ, утѣшилъ его напомнаніемъ, что мы все-таки захватили двухъ матерыхъ волковъ, а это чегонибудь да стоитъ...

Каково же было мое изумленіе на слѣдующій день, когда, потребованный къ командиру, я засталъ у него нѣсколько почетнѣйшихъ гражданъ города Лао-яна!

Поздоровавшись со мной, командиръ сообщилъ мнѣ, что они явились къ нему съ просьбой сообщить, въ чемъ виновны арестованные имъ китайцы.

Говорилъ за всѣхъ тотъ же Ли-фу-чу.



Я ему рассказалъ возможно подробнѣ весь эпизодъ, который тотъ выслушалъ очень внимательно и отвѣтилъ слѣдующее:

— Вотъ, капитанъ, подтвержденіе всего того, о чемъ я вамъ не такъ давно рассказывалъ! Здѣсь ясно вы видите манеру дѣйствовать католическихъ монаховъ. Я васъ сейчасъ познакомлю съ истинной подкладкой всей этой исторіи. Эти два китайца, которыхъ черный миссіонеръ называетъ главарями боксеровъ, дѣйствительно были во главѣ возстанія въ здѣшней округѣ. Но вѣдь я самъ былъ такимъ же! Они очень богатые люди и, завѣрю васъ, къ русскимъ относятся съ полнымъ довѣріемъ и симпатіей, съ тѣхъ поръ, какъ мы все убѣдились въ своей же пользѣ жить съ вами въ мирѣ и согласіи. Они весьма уважаемы, хорошаго рода и пользуются, дѣйствительно, громаднымъ вліяніемъ. Со времени окончанія военныхъ дѣйствій они обратились къ своимъ обыкновеннымъ торговымъ дѣламъ и, кромѣ благотворнаго вліянія на общину въ пользу русскихъ, другого ничего не имѣютъ. Это вамъ подтвердятъ все. Вы намъ вѣрите и не ошибетесь. Я готовъ своего старшаго сына отдать въ заложники, только бы имъ не было сдѣлано ничего худого! А почему патеру нужно удалить ихъ отсюда, — я отлично знаю: вся ихъ вина въ томъ, что они совѣтуютъ населенію не позволить возобновить католическій поселокъ и сами ходатайствуютъ объ этомъ у китайскихъ властей. Для чего — вспомните нашъ разговоръ! Монахъ спрятался за вашей спиной и, пользуясь вашей помощью и своимъ привилегированнымъ положеніемъ европейца, сыгралъ себѣ въ руку, то-есть тотъ же пріемъ, на который я вамъ указывалъ. Но мы вѣримъ русскимъ, знаемъ, что это дѣло не рѣшится безъ разслѣдованія, и просимъ васъ только отнестись безпристрастно къ этому инциденту.

Ли-фу-чу умолкъ, взволнованно потирая руки.

Слова его дѣйствительно походили на истину.

Командиръ задумчиво походилъ по комнатѣ и, остановившись передо мной, сказалъ:

— Напишите-ка вы подробный рапортъ обо всемъ, бывшемъ во время вашей экспедиціи, да и его слова (онъ указалъ на Ли-фу-чу) присоедините. А я и рапортъ, и арестованныхъ сегодня же отправлю къ гражданскому комиссару.

Такъ и было сдѣлано.

Разслѣдованіе дѣла, благодаря энергіи командира, произвели весьма тщательно, и Ли-фу-чу оказался совершенно правъ. Для болѣе точнаго выясненія обстоятельствъ дѣла посылали два раза нашего капитана Х. производить офиціальное дознаніе въ ту деревушку, гдѣ мы были, и истина стала очевидной.

Съ тѣхъ поръ и М. Корбель какъ-то стушеввался и не прибѣгалъ болѣе къ помощи русскаго оружія.

Такимъ образомъ, я воочію могъ убѣдиться въ той роли, какую приписывалъ католическимъ миссіонерамъ Ли-фу-чу, и, съ тѣхъ поръ не пропуская ни одного случая наблюдать за ихъ дѣятельностью, могу сказать слѣдующее.

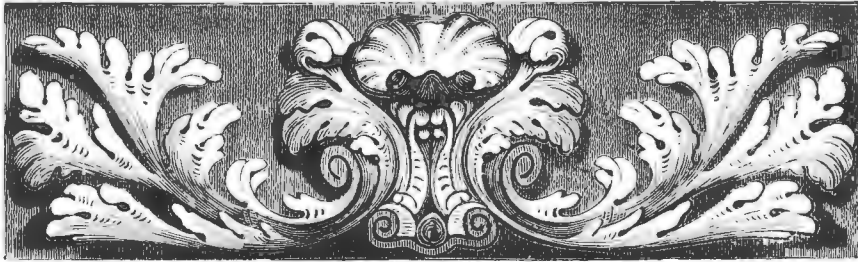
Если мы хотимъ сохранить хорошія отношенія съ населеніемъ Китая вообще, а Манчжуріи въ частности, намъ не надо сталкиваться съ нимъ на почвѣ религіозной. Китаецъ слишкомъ наученъ горькимъ опытомъ, преподнесеннымъ ему католическими монахами, чтобы довѣриться монахамъ православнымъ. Черная ряса кажется ему источникомъ всякаго зла и коварства, а русскаго купца, русскаго человѣка вообще, въ Манчжуріи примутъ любезно, не въ примѣръ прочимъ европейцамъ.

Нѣтъ спора, что лица, состоящія при постройкѣ желѣзной дороги, своимъ незнаніемъ условій китайской жизни и нѣкоторыми приемами немало испортили въ нашихъ отношеніяхъ съ желтыми сосѣдями, но все-таки это нельзя и сравнивать съ вліяніемъ католическихъ миссіонеровъ.

«Цѣль оправдываетъ средства»—девізъ весьма удобный, но далеко не безопасный, и «*ad majorem Dei gloriam*» католическими патерами въ Китаѣ, да, вѣроятно, и вездѣ, употребляются именно такія для международныхъ отношеній не безвредныя средства.

С. П—ый.





## АЛЕКСАНДРЪ ДЮМА ВЪ «ОРЛИНОМЪ ГНѢЗДѢ»<sup>1)</sup>.

### I.



КАВКАЗСКОЕ утро, свѣжее, бодрящее, вышло изъ-за цѣпи горъ. Алмазами и рубинами блеститъ снѣговая вершина. Вдали чернѣется ущелье, откуда съ ревомъ вырывается горная рѣчка Каракойсу, чтобы бурной рѣкою Сулакомъ домчатся до Каспійскаго моря.

Вдали, на крутомъ выступѣ, напротивъ ущелья, стоитъ одинокимъ дозорнымъ сторожемъ Метлинская башня; въ ней посрочно проживаетъ военная команда, которой поручается надзоръ за горцами: они нерѣдко спускаются въ долину, въ Ногайскую степь, къ городу Кизляру, къ окрестностямъ урочища Чирь-Юртъ... За эти набѣги имъ иногда больно достается.

Пушечный выстрѣлъ, перенимаемый по «линіи», извѣщаетъ о набѣгѣ. Для этого-то и настроены эти маленькія укрѣпленія почти въ непріятельскомъ станѣ...

Справа отъ укрѣпленія высятся Кубарскія высоты, а за ущельемъ влѣво начинается Гимрійскій спускъ. Бѣлесовато-сѣрые дымки поднимаются изъ ущелій и, чѣмъ выше, тѣмъ болѣе принимаютъ радужную окраску... вскорѣ края ихъ становятся огненной каймой...

<sup>1)</sup> Этотъ разсказъ записанъ со словъ семидесятилѣтняго кавказца А. П. Оленина.

Наконецъ, солнце вышло изъ-за горъ и озарило Сулакъ и взгромоздившееся на высококъ утесѣ «Орлиное гнѣздо» нижегородцевъ. Славный полкъ много лѣтъ тому назадъ самъ устроилъ это гнѣздо—свою штабъ-квартиру на такой высотѣ. Внизу стальною лентой, словно перехваченной кое-гдѣ яркой зарею восходящаго солнца, течетъ рѣка. По ней камышевые островки, въ которыхъ часто ютятся горцы-хищники въ надеждѣ отбить скотъ или захватить неосторожнаго жителя, смѣлую казачку изъ слободки въ плѣнъ.

«Тотъ» берегъ идетъ крутыми обрывами. Далѣе начинаются холмы и горы, перерѣзанные лѣсистыми «балками» и ущельями...

А совсѣмъ вдали, точно гряда бѣлыхъ облаковъ, «снѣговой хребетъ». На холмахъ часто можно увидѣть чеченцевъ: на своихъ горныхъ коняхъ, словно изваянія, стоятъ они и зорко слѣдятъ за утренними занятіями—военными и мирными—въ «Орлиномъ гнѣздѣ»... Близъ этого гнѣзда на всякій случай бодрствуютъ сторожевые эскадроны.

Въ одно такое утро, въ концѣ пятидесятихъ годовъ, по той сторонѣ рѣки, степной зигзагообразной дорогой, у самаго подножія горъ, тянулась такъ называемая «оказія»—при орудіяхъ и казачьей охранѣ. Она то спускалась, то поднималась, перебираясь черезъ горные «отроги», и, наконецъ, вступила на укрѣпленный мостъ, перекинутый черезъ Сулакъ въ двухъ верстахъ отъ драгунской штабъ-квартиры.

У этого моста расположился «пѣхотный» Чирь-Юртъ, въ которомъ квартировалъ стрѣлковый баталіонъ.

Скоро «оказія» вступила въ «Нижегородскую» слободку, въ которой раскинулись домишки семейныхъ «служивыхъ». Въ нихъ квартируютъ офицеры Нижегородскаго драгунскаго полка. Казармы же, домъ командира, церковь, больница и разныя полковыя постройки расположились вокругъ огромной платформы, за которой изъ виду вонъ, къ Каспію, къ Кизляру, тянутся испещренные лѣсами и камышами Ногайскія кочевья... Тамъ разбросаны лиманы и озера, покрытыя богатою водяною растительностью и кишачія дичью... Въ лѣсистыхъ мѣстахъ водятся во множествѣ олени, кабаны и фазаны...

## II.

Грозно высится «Орлиное гнѣздо». Лихой, отважный полкъ издавна грозитъ отсюда храбрѣйшимъ племенамъ Кавказа: лезгинамъ, чеченцамъ, ауховцамъ, назрановцамъ, карабулакамъ, которые подъ властью своего грознаго «имама» ведутъ многолѣтнюю борьбу съ нами и отличаютъ «нашъ» полкъ, называя его «шайтанъ-солдатъ» и считая непобѣдимымъ.

Облекшись въ полное чеченское одѣяніе, я, командиръ «охотничьей» команды полка, вышелъ изъ своей уютной квартиры.

На площади, среди слободки стоялъ большой, дорожный тарантасъ, прибывшій съ «оказіей». Въ немъ на мягкихъ подушкахъ помѣщалась «вальжная» фигура, которая сразу показалась мнѣ знакома. Лицо какого-то свѣтло-пепельнаго цвѣта, курчавые короткіе волосы такого же оттѣнка; одежда — ополченскій кафтанъ съ двумя звѣздами по обѣимъ сторонамъ груди... Рядомъ съ «фигурой» видѣлся юноша, плохо болтавшій по-французски, съ еврейскимъ типомъ лица. Заинтересованный странною личностью, осанисто развалившееся на подушкахъ, я подошелъ и спросилъ у юноши еврейскаго типа по-русски, кто это прѣхалъ. На это на ломаномъ русскомъ языкѣ я получилъ отвѣтъ, что это путешествуетъ «французскій» генераль (?) Дюма; что онъ очень огорченъ тѣмъ, что въ Хасафъ-Юртѣ, штабъ-квартирѣ знаменитаго Кабардинскаго полка, у него пропала любимая собака, за находку которой онъ сулилъ щедрую награду.

— Это собаку кличутъ Дюмой, — добавилъ слѣзшій съ козелъ курьеръ:— а сами они «генераль».

Я сразу сообразилъ, это «генераль» не кто иной, какъ знаменитый французскій писатель Александръ Дюма, и понялъ, почему «фигура» показалась мнѣ знакомой: портреты автора «Трехъ Мушкетеровъ» были въ то время распространены вездѣ.

Я обратился къ «его превосходительству» съ предложеніемъ «солдатскаго» гостепрѣимства. По-французски я говорилъ правильно и изящно.

Дюма выказался сразу истымъ французомъ, признающимъ, главнымъ образомъ, «образованными» людьми тѣхъ, кто свободно владѣлъ французскимъ языкомъ, и отвѣчалъ мнѣ нѣсколько витіевато, что онъ, Александръ Дюма, *enchanté d'avoir affaire à un homme distingué, qu'il accepte avec bonheur la bonne chance d'avoir recours à ma hospitalité... Qu'il ma pris d'abord, vu le costume, pour un indigène et c'est pour ça, qu'il n'a pas risqué de m'adresser la parole... etc. etc.*<sup>1)</sup>

Я назвалъ себя и прибавилъ, что я офицеръ знаменитаго боевого Нижегородскаго полка, въ гнѣздѣ котораго и привѣтствую *le célèbre écrivain M-r Alexandre Dumas... «Votre arrivée, monsieur, — продолжалъ я:— sera fêtée par tout notre régiment»*<sup>2)</sup>...

Дюма выслушалъ, не скрывая удовольствія, мое привѣтствіе и

<sup>1)</sup> Что онъ восхищенъ тѣмъ, что имѣетъ дѣло съ образованнымъ человекомъ, что онъ съ восторгомъ принимаетъ мое гостепрѣимство, что сперва по костюму онъ принялъ меня за туземца и поэтому не рѣшился обратиться ко мнѣ самъ... и т. п.

<sup>2)</sup> Ваше прибытіе будетъ отпраздновано всѣмъ полкомъ...

въ свою очередь выразилъ свою радость, что увидить прославленный (illustre) полкъ, и удивленіе «qu'il est connu ici!»<sup>1)</sup>

Я ему объяснилъ, que toute la jeunesse russe lit avidement ses admirables romans à mesure qu'ils paraissent et que je suis le premier pour lui certifier, que je les ai devoré tous sans exception...<sup>2)</sup> На это Дюма любезно отвѣтилъ, qu'il est très flatté<sup>3)</sup>, и съ сіяющимъ лицомъ вылѣзъ изъ тарантаса и послѣдовалъ за мной въ мою квартиру, гдѣ вскорѣ и сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ.

### III.

Наши офицерскія квартиры обыкновенно состояли изъ трехъ комнатъ: одной окнами на улицу, другой—спальной и небольшой туалетной: въ ней у меня стоялъ шкафъ съ душемъ. Въ спальнѣ на азіатскомъ коврѣ, прибитомъ къ стѣнѣ, было развѣшено всевозможное оружіе.

Нежданному гостю я предложилъ свою спальню. Самъ я спалъ подъ открытымъ небомъ на плоской (по азіатскому обычаю) крышѣ моего домика, осѣненной вѣтвями деревьевъ.

На этой же крышѣ происходили и наши лихія офицерскія пирушки.

Послѣ незатѣйливой закуски на скорую руку я предложилъ Дюма заняться туалетомъ и освѣжиться.

Между тѣмъ по нашей слободкѣ быстро разнесся слухъ о прибытіи ко мнѣ знаменитаго, нежданнаго гостя. Вся «наша» молодежь тотчасъ собралась ко мнѣ и устроила Дюма, когда онъ вышелъ, свѣжий и веселый, сочувственную овацію. Я же тотчасъ далъ знать командиру полка, кн. А. М. Дондукову-Корсакову, о прибытіи знаменитаго писателя. Немедленно послѣдовало отъ князя приглашеніе на обѣдъ, и прибылъ экипажъ. Поболтавъ съ нами нѣкоторое время, Дюма, довольный, сѣлъ въ коляску, мы же, молодежь, сопутствовали ему верхами до квартиры князя. Встрѣча была радушная, чисто-русская.

За обѣдомъ знаменитый писатель обворожилъ всѣхъ своимъ прелестнымъ, остроумнымъ разговоромъ. Это былъ, какъ говорятъ французы, «intarrisable, admirable conteur». Трудно мнѣ теперь, черезъ 45 лѣтъ, припомнить все, что говорилось. Александръ Дюма восторгался всѣмъ, что видѣлъ во время своего путешествія въ Россіи, и выражалъ свои симпатіи къ «мощному», какъ онъ высказывалъ, русскому народу; спрашивалъ о мѣстныхъ легендахъ,

<sup>1)</sup> Что онъ извѣстенъ у насъ...

<sup>2)</sup> Вся русская молодежь зачитывается вашими романами, какъ только они появляются, и я первый увѣряю васъ, что я поглотилъ ихъ всѣ.

<sup>3)</sup> Что онъ крайне польщенъ.

о характерѣ туземцевъ; восхищался приѣмомъ, который былъ ему оказанъ вездѣ въ образованномъ русскомъ обществѣ.

Проѣзжая по линіи, онъ могъ любоваться только далекими уступами горъ; здѣсь же, въ Чиръ-Юртѣ, онъ впервые приблизился къ нимъ и видѣлъ вблизи грозное таинственное ущелье.

Не могу забыть его полудѣтскій восторгъ, когда онъ узналъ, что далѣе, на пути въ Темиръ-Ханъ-Шуру, онъ проѣдетъ совсѣмъ близко отъ этого ущелья, что «оказія» пойдетъ непріятельской землей, подъ усиленнымъ конвоемъ, и что, — лучше всего, — возможно, что будетъ и «перестрѣлка»...

Бесѣдуя съ нами «по-товарищески», Дюма восхищался, что разговоръ шелъ на его родномъ языкѣ, что называется — «*tambour battant*», и что почти всѣ принимали въ немъ участіе.

Послѣ обѣда, за которымъ было провозглашено немало тостовъ за процвѣтаніе Франціи, за здравіе знаменитаго гостя, загремѣлъ оркестръ, и мы вышли на выступъ надъ Сулакомъ, съ котораго когда-то лихой командиръ Крюковской <sup>1)</sup> грозилъ развѣзжающимъ на томъ берегу чеченцамъ. И теперь, вдали, на вершинахъ передовыхъ холмовъ, неподвижно стояло нѣсколько вражыхъ пикетовъ. Дюма могъ отчетливо видѣть ихъ въ трубу и слѣдить за ними.

Кофе и коньякъ, отъ котораго Дюма не отказывался, закончили радушный приѣмъ князя, и Дюма тѣмъ же порядкомъ, въ сопровожденіи нашей кавалькады, вернулся ко мнѣ и легъ отдохнуть.

#### IV.

Къ вечеру ко мнѣ собрались мои товарищи, и началась лихая кавказская пирушка, въ которой «предсѣдательствовалъ» Дюма.

На его выразительномъ лицѣ сказывались новыя впечатлѣнія. Надо было видѣть его восхищеніе, когда въ темной комнатѣ загорѣлась синимъ огнемъ «жженка», и прибывшій оркестръ грянулъ марсельезу: онъ воспрянулъ во весь свой недюжинный ростъ и сосредоточенно слушалъ родные звуки. Единодушный возгласъ: *vive la France!* покрылъ звуки гимна. Стаканы жженки мигомъ были опорожнены и налиты вновь. Стоя среди насъ, Дюма съ увлеченіемъ провозгласилъ задравный тостъ «за Россію». Загремѣлъ тутъ и русскій гимнъ.

Дюма братался съ офицерами, отдаваясь общему восторженному настроенію...

Допивъ оставшуюся жженку, мы перешли на дворъ, освѣщенный развѣсистыми деревьями. Запѣли-загудѣли эскадронные пѣсенники. Мы расположились «по-восточному», на коврахъ. Образовался боль-

<sup>1)</sup> Убитъ въ званіи атамана терскаго линейнаго войска.

шой кругъ, и заплясали молодцы-солдатики... «Русская» и «лезгинка», которую съ оживленіемъ протанцовали офицеры-грузины, увлекли гостя...

И пошли разговоры; воспоминались легенды лихого полка, рассказы о славныхъ битвахъ и побѣдахъ, о быломъ прошломъ... Эти восторженные рѣчи захватывали нашего новаго «товарища»...

Конечно, вновь заварили жженку, и ея голубое пламя особенно плѣняло писателя. Надъ веселой пирушкой темнымъ пологомъ лежало кавказское небо, усѣянное яркими звѣздами... Мало-по-малу, изъ-за далекихъ сторожевыхъ великановъ встала блѣдная луна и серебрянымъ свѣтомъ облила снѣговья вершины, засверкала-заискрилась въ сонномъ Сулакѣ. Далеко, на той сторонѣ, какъ стройные черные призраки, вырѣзались на поблѣднѣвшемъ небѣ фигуры сторожевыхъ горцевъ, невозмутимыхъ даже при этомъ веселѣ вражескаго стана, лихіе отголоски котораго долетали до нихъ. Все окружающее какъ-то особенно настраивало воображеніе, и мы видѣли, что и знаменитый писатель весь отдался этому неизвѣданному еще имъ настроенію. Любуясь пляской солдатъ, слушая непонятную, нашу родную пѣсню, онъ то и дѣло повторялъ: «Oh, les braves!»

Наконецъ, сознание, что дорогому гостю, ошеломленному массой новыхъ впечатлѣній, жженкой и кахетинскимъ, надо дать покой, положило конецъ пирушкѣ.

Всѣ понемногу разошлись. Кончилась лихая кавказская забава, шумная, веселая, съ пѣснями, пляской, съ неожиданными выстрѣлами, посланными кверху въ порывѣ увлеченія...

Уснуло «Ориное гнѣздо»... Изрѣдка перекликались часовые, да въ сонномъ Сулакѣ плескались въ камышахъ утки... Ночь стала блѣднѣть передъ близкимъ разсвѣтомъ.

## V.

На утро, во время кофе, прибылъ верхомъ князь отдать визитъ Александру Дюма. За завтракомъ Дюма не находилъ словъ, чтобы выразить весь свой восторгъ отъ вчерашняго приема: «Toute ma vie,—говорилъ онъ,—je me rapellerai votre chaude hospitalité, cette vertu éminement russe. Mes impressions d'hier resteront ineffassables dans mes souvenirs» <sup>1)</sup>).

Князь, увлеченный интереснымъ собесѣдникомъ, оставался довольно долго. Затѣмъ подали осѣдланныхъ лошадей. Дюма ловко вскочилъ на бѣлаго княжескаго иноходца. Миѣ подвели моего «Ка-

<sup>1)</sup> Никогда въ жизни я не забуду ваше радушное гостепрѣимство — эту чисто русскую добродѣтель. Впечатлѣнія вчерашняго дня не изгладятся изъ моей памяти.



рагѣза», туркменскаго жеребца, съ горящими черными глазами, бѣломолочной «рубашкой», съ черными хвостомъ и гривой. Конь былъ бѣшеный, и на немъ рядомъ съ другими слѣдовать было нельзя. Во время переѣзда Дюма любовался лихими курбетами моего скакуна.

Когда мы пріѣхали, сдѣлавъ порядочный кругъ по Чирь-Юрту, у князя былъ уже накрытъ обѣденный столъ.

И опять полилась оживленная рѣчь, пересыпанная мѣткими и игривыми замѣчаніями любезнаго гостя. Повторилось вчерашнее восхищенное настроеніе. Вечеромъ опять у меня собралось офицерство, но на этотъ разъ уже не было пирушки. Разговоръ принялъ болѣе интимный и серьезный характеръ. Дюма дарилъ насъ горячими выраженіями своей признательности... Вечеринка закончилась поздно, и мы невольно вспоминали героевъ романовъ нашего гостя, восхищаясь рѣдкимъ обществомъ, выпавшимъ на нашу долю.

## VI.

На слѣдующее утро знаменитый путешественникъ былъ спозаранку готовъ продолжать свое странствіе по направленію къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Князь со многими офицерами пріѣхалъ проводить его... И много было на прощанье выпито заздравныхъ чарокъ, много было произнесено теплыхъ напутственныхъ пожеланій. Нашъ гость горячо отзывался на наши привѣтствія.

Наконецъ «оказія» подъ усиленнымъ конвоемъ выступила и прослѣдовала черезъ «пѣхотный» Чирь-Юртъ, направляясь вдоль крутыхъ обрывовъ береговъ Сулака къ Метлинской башнѣ. Оттуда Сулакъ бѣшенымъ потокомъ вырывался на свободу изъ чернаго ущелья, съ грохотомъ и ревомъ.

Александръ Дюма, сначала сѣвшій въ тарантасъ, пожелалъ перейти на коня.

Окруженный многими изъ насъ, отправившимися проводить его, онъ увѣренно ѣхалъ на добромъ иноходцѣ, отдаваясь не покидавшему его восторженному настроенію.

Никѣмъ не тревожимая оказія спокойно прошла нѣсколько верстъ; вдругъ послышались выстрѣлы въ авангардѣ. Вихремъ вынеслись впередъ наѣздники-драгуны и казаки. Справа и слѣва въ нѣкоторомъ отдаленіи показались конные чеченцы.

Дюма словно преобразился. Во весь опоръ вынесся онъ съ нами впередъ туда, гдѣ завязалась лихая кавказская перестрѣлка. То наскакивая, то удаляясь, горцы перестрѣливались съ нашими. Курились дымки выстрѣловъ. Пули щелкали, долетая до самаго обоза.

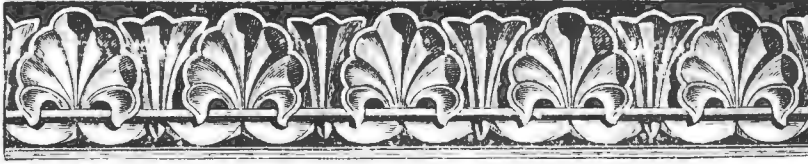
Во все время «схватки» Дюма сохранилъ полное самообладаніе и съ восхищеніемъ слѣдилъ за отчаянной джигитовкой казаконъ,

за смѣлыми наскоками лихихъ драгунъ на непріятеля. Вскорѣ горцы увидали, что не могутъ вслѣдствіе своей малочисленности затѣять серьезное дѣло, и, обмѣнявшись послѣдними выстрѣлами, ускакали во-свояси. У насъ, къ счастью, убитыхъ не оказалось: были только ранены казакъ и лошадь.

Сдѣлали привалъ, и въ послѣдній разъ заходили-загуляли заздравныя чарочки. Въ послѣдній разъ мы попривѣтствовали отъѣзжающаго гостя... и долго смотрѣли ему вслѣдъ, махая фуражками и крича прощальныя привѣтствія... И затѣмъ подъ драгунской охраной вернулись, полные новыхъ впечатлѣній, въ родной Чиръ-Юртъ.

**А. П. Оленинъ.**





## ВЪ ИЗОСИМИНОЙ ПУСТЫНЬКѢ.

Разсказъ изъ быта сектантовъ-бѣгуновъ.

«Вмѣсто прелести и славы  
Зрю я въ темные лѣса»...

Бѣгунскій стихъ.

### I.



**Д**ОГОРАЛЪ теплый июльскій вечеръ. Солнце еще не сѣло, но въ дремучемъ хвойномъ островку, подъ навѣсомъ раскидистыхъ елей и сосенъ, легли уже сѣрыя ночныя тѣни. Мириады мошекъ и комаровъ носились надъ болотистой мшариной, окружавшей островокъ со всѣхъ сторонъ. Въ воздухѣ пахло осокой, лѣснымъ перегноемъ, цвѣтомъ рудожелтаго либиста. и хохлатаго бильца...

Пустынно, дико кругомъ...

Казалось, развѣ только одни завзятые любители-охотники на краснаго звѣря могли заглянуть порой въ эту заповѣдную медвѣжью тайгу, удаленную отъ ближайшаго человѣческаго жилья верстъ на тридцать. И, однако же, здѣсь жили люди и притомъ особенные, съ своеобразнымъ взглядомъ на мѣръ и на вещи, «яже въ немъ»...

Лѣтъ около двадцати тому назадъ въ эти «чащи темныя, отъ мѣрскихъ грѣховъ удаленныя», бѣжалъ отъ преслѣдованія властей, вмѣстѣ съ двумя своими послѣдователями, рабами Божиими, Юной да Ермолаемъ, и двумя «невѣстами Христовыми», рабами-жъ Божиими, Евдокіей да Параскевой, бѣгунскій наставникъ Изосима. Общими силами бѣглецы поставили на небольшой полянкѣ, среди

островка, односкатную хатку о трехъ оконцахъ, устроили подъ ней, на всякій случай, тайничекъ и, при помощи оставшихся на міру «христороубцевъ», снабжавшихъ ихъ всѣмъ необходимымъ, зажили себѣ припѣваючи среди окружавшаго ихъ со всѣхъ сторонъ моря хвойныхъ великановъ, вдали отъ шума «прелестныхъ вавилоновъ», кипящихъ «смадомъ и зловоніемъ антихриста».

Благодаря удачной «ловитвѣ» наставника, «нелѣпною простиравшаго слово увѣщательное во вся окрестъ лежащія веси», въ продолженіе перваго же года пришли на островокъ для жительства пять новыхъ «рабовъ Божіихъ», а тамъ и еще потянули— то парами, то въ одиночку. И вотъ мало-по-малу Изосимина община расплодилось, разрослась, обстроилась, да такъ, что къ описываемому времени насчитывала въ себѣ уже до 30 человекъ мужеска и женска пола и имѣла двѣ просторныхъ свѣтлыхъ хижинны съ цѣлой системой подпольныхъ «затворныхъ прирубовъ», «келеекъ» и «спудовъ», соединенныхъ съ наружными постройками и между собою разными хитроумными переходами и лазейками съ нѣсколькими выходами на задворки и въ лѣсъ. Около хижинъ появились постепенно амбаруши, клади да повалуши, въ которыхъ, благодаря заботливости и усердію «жиловыхъ» радѣтелей <sup>1)</sup>, лежали цѣлые склады разной провизіи: муки ржаной и пшеничной, греча, проса, масла, яицъ, рыбы, да не какойнибудь, не воночей, лежалой трески съ противной костлявой зубалкой, а настоящей печорской семги, жирнаго онежскаго лоха, лекшмозерскихъ сиговъ, серебристой пеледи, лосося... Тутъ же стояли кадучки неперевадившихся круглый годъ красныхъ каргопольскихъ рыжиковъ и бѣлыхъ, съ хрустомъ, груздей, цѣлые боченки и моченой и топленой медовой морошки, куманицы, брусницы... А въ самодѣльныхъ «лубняхъ» <sup>2)</sup> да «скрыняхъ» <sup>3)</sup> припрятаны были цѣлые куски «портна» <sup>4)</sup>, «сукманины» <sup>5)</sup>, темносиней китайки, черныхъ гладкихъ ситцевъ, разныхъ позументовъ и лентъ... Хорошо жилось рабамъ Божіимъ! Безъ печали, безъ труда, коротали они день за днемъ среди «молитовокъ» да усладъ земныхъ, славя окружавшую ихъ «дивную пустыню, свѣтозарную частыню», гдѣ «древа, цвѣты кудрявые и листвіе зеленое». Ни податей, ни докучливаго начальства, ни тяжелой заботы о насущномъ кускѣ хлѣба: любота да и только! Живи да Бога хвали, «иже извелъ тя изъ напасти и житейскія мечты, удалилъ тя есть отъ страсти и мірскія суеты»... И слава объ этой святой общинѣ, объ этой «свѣ-

<sup>1)</sup> «Жиловыхъ», т.-е. жившихъ на міру полнымъ крестьянскимъ хозяйствомъ.

<sup>2)</sup> «Лубень»—берестяной кузовъ.

<sup>3)</sup> «Скрыня»—сундукъ, окованный желѣзомъ.

<sup>4)</sup> «Портно»—домотканное деревенское полотно.

<sup>5)</sup> «Сукманина»—домотканное деревенское сукно.

тозарной» пустынькѣ разнеслась далеко не только по погостамъ и деревенькамъ суровой Олоніи, но перешагнула и за предѣлы ея, въ сосѣднія—Архангельскую, Вологодскую и Ярославскую губерніи: и тамъ знали про дремучій, хвойный островокъ, окруженный со всѣхъ сторонъ болотистой мшариной, слали въ него черезъ вѣрныя руки свои «поминки» и благожеланія и помалкивали, боясь накликасть на новоявленный «священный вертоградъ Божій» наѣздъ «духоборнаго никоніанскаго суда, въ немъ же возсѣдаютъ, самому незримо кознодѣйствующу Титину, губы жареныя и табакомъ носы набитые»...

Лѣтъ за пять до начала разсказа, основатель пустыньки, «доблій свѣтильникъ и крѣпкій поборникъ за правую вѣру», рабъ Божій Изосима умеръ, и во главѣ общины всталъ ярославецъ Оедоръ, изъ бѣглыхъ солдатъ. Это былъ маленькій, худенькій, съ виду немощный, согнутый въ дугу старичекъ, съ рѣдкими грязновато-желтыми волосами на головѣ и бородѣ, съ заскорузлой, морщинистой, точно плохо выдубленная овчина, кожей, вѣчно охающей и вздыхающей, на самомъ же дѣлѣ зоркій, юркій, ловкій и опытный застрѣльщикъ своего дѣла и преточаянный волокита и бабій сластоѣдъ. Ныряя по домамъ и скрываясь по подызбицамъ разныхъ «христолюбцевъ», онъ во всякій свой выходъ изъ пустыньки на міръ успѣвалъ такъ обставить дѣло, что всегда возвращался домой съ обильнымъ подаваніемъ. А тамъ, глядишь, и «богоданная сестрица» сзади плетется, да не старая какая нибудь, не корявая, не безобразная, какъ смертный грѣхъ, а сытая, красивая молодуха, а нѣтъ—такъ и вся дивчина: любилъ и умѣлъ старый грѣховодникъ уловлять въ свои сѣти лакомые кусочки...

Вотъ и теперь, въ описываемый теплый іюльскій вечеръ, привычной рукой раздвигая хвойную «дрему» и наметавшейся ногой нащупывая во мшаринѣ лишь немногимъ изъ «христіанъ» извѣстныя жердочки и полусгнившія колодины, перекинутыя черезъ заплывшія зеленую ржавыя и глубокія засосы—«пачки», Оедоръ не одинъ и не съ пустыми руками возвращался въ свой благословенный «предѣлъ». Слѣдомъ за нимъ, кряхтя подъ тяжестью довольно объемистаго «хатуля»<sup>1)</sup>, шагаль давнишній знакомецъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ «благочестный креститель» рабовъ Божіихъ—Несторъ, крестьянинъ изъ подгородной деревни Малой Торохты, а за Несторомъ, боязливо оглядываясь по сторонамъ, все болѣе и болѣе тонувшимъ въ вечерней сутемени, ковыляли три только-что вновь испеченныя «христіанки»—раба Божія Маланья (въ міру—Улита Сіятелиха) да раба Божія Варвара (въ міру—Василиса Баландина) съ своей дочкой-красавицей Глашей.

<sup>1)</sup> «Хатуль»—кошель, мѣшокъ, узелъ.

Какъ и всегда, удаченъ былъ и на этотъ разъ выходъ на мѣръ ловкаго бѣгунскаго наставника, и однако, несмотря на удачу, невесель, нерадостенъ былъ старикъ Федоръ. При взглядѣ на новообращенныхъ, самодовольная улыбка на минуту скользила по его изрытому морщинами лицу, но тотчасъ же, не успѣвъ какъ слѣдуетъ расцвѣсти, и сбѣгала, смѣняясь угрюмой, озабоченной складкой между нахмуренными бровями; недобрый, плотноядно-хищный огонекъ на моментъ блеснетъ въ его острыхъ, сѣрыхъ глазахъ, обдавъ, точно варомъ, съ ногъ до головы красавицу Глашу, но сейчасъ же и потухнетъ, и замретъ подъ торопливо опущенными сумками вѣкъ...

Не по себѣ было пустыньскому настоятелю. Да оно, положимъ, и неудивительно послѣ всего того, что пришлось ему увидѣть и услышать въ тайничкѣ у христороубца Доната, въ деревнѣ Ряпусихѣ.

Окрестивъ Глашу съ матерью и сытно потрапезовавъ по этому случаю, онъ съ Несторомъ только-что расположились было «позалоговать»<sup>1)</sup> малость, какъ вдругъ—на, поди! крикъ, шумъ, гамъ!.. Оказывается, изъ сосѣдней деревни Пойкайя слѣшно, «нимало не опрѣтавшеся», прибѣжалъ отъ тамошнихъ христороубцевъ гонецъ съ вѣстью, что къ нимъ, сущимъ въ Пойкайѣ, понаѣхали слуги антихристовы, роютъ все, осматриваютъ, печати свои погубительныя кладутъ, что многихъ уже захватили, отитловали и теперь пытаются и о томъ, куда схоронили они рабу Божию Анисью, что два мѣсяца тому назадъ привезена была къ нимъ изъ деревни Шуй-Лахты вся избитая, изуродованная, окровавленная,— и о томъ, гдѣ скрывается теперь рабъ Божій Филатъ, что, ономясь, бѣжалъ изъ острога, и о многомъ другомъ прочемъ, что, казалось, сошло вполнѣ благополучно и давнымъ-давно было забыто...

Какъ громъ небесный, поразила эта вѣсть старика Федора, Нестора и всѣхъ находившихся съ ними. Поднялась невообразимая суматоха. «Гоненіе, гоненіе!—раздалось во всѣхъ углахъ Донатовой пристани. — Дьявольскій комитетъ, судія сатанинъ, змій семиглавный, возсталъ на насъ, сирыхъ и убогихъ! Господи, помилуй! Господи, помилуй! Ниспосли намъ благодать, чтобъ безропотно страдать!»...

Исключая двухъ-трехъ «видовыхъ»<sup>2)</sup>, большинство, схвативъ, что попало, подъ руку изъ пожитковъ, бросилось разными переходами въ лѣсъ, въ устроенныя тамъ, въ укромныхъ мѣстахъ, хоронунки; нѣсколько изъ тѣхъ, что особенно сильно чувствовали за собой «многое другое прочее», тотчасъ же рѣшили пробраться стороною въ отдаленныя пристани и даже перейти въ сосѣдній уѣздъ...

<sup>1)</sup> «Позалоговать»—поспать послѣ обѣда, отдохнуть.

<sup>2)</sup> «Видовые», т.-е. живущіе у «жиловыхъ» по паспортамъ подъ видомъ работниковъ, прохожихъ странниковъ, богомольцевъ и т. ц.

Вѣстѣ съ другими снялся съ мѣста и старикъ Ѳедоръ. Захвативъ съ собой новокрещенныхъ и нагрузивъ на Нестора цѣлый «хатуль» съ особенно цѣнными приношениями, онъ рѣшилъ пока-мѣсть «охутиться»<sup>1)</sup> въ своей пустынькѣ, полагая, что туда не скоро еще заглянуть, а, можетъ, и совсѣмъ минуютъ «фараоновы колесницегонителі», какъ миновали пять лѣтъ тому назадъ, когда было подобное же гоненіе.

И вотъ онъ шагаетъ теперь сквозь лѣсную трещу, пробуетъ подбодрить себя и своихъ спутниковъ, занять свою мысль пріятной перспективой того, какъ онъ начнетъ «отчески вѣдрять» и «лѣпарно возвращать» въ завѣтахъ правой вѣры красавицу Глашу, но это ему плохо удается: раскаленнымъ гвоздемъ засѣла въ его горѣ неприятная вѣсть о гоненіи, давитъ его, гнететъ и далеко гонитъ прочь пріятныя мысли объ «уладахъ» пустыньскихъ...

— А вдругъ найдутъ, вдругъ разыщутъ,—что тогда?.. Вѣдь за пять-то лѣтъ куды много воды утекло! Да поди, не дурушлены тоже и тѣ-то, христораспинатели-то антихристовы: народъ ой-ой какой достремливый<sup>2)</sup>, тонкій да мазуристый сталъ! Можетъ, того же Сеньку, измѣнника треклятаго, съ собой захватили, а Сенькато, вѣдь, все знаетъ, богоотступникъ любодѣйный... Да, нехорошо... То-ись вотъ какъ нехорошо, вотъ какъ нехорошо: у-у—да и только!.. Безпримѣнно надуть съ Макаромъ обо всемъ эфтомъ столковаться да пока что—«упахать»<sup>3)</sup> все по пустынь-то, чтобъ, значить, тово не втукаться какъ нибудь да въ лапы имъ, окоёмнымъ<sup>4)</sup>, не данься...

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда Ѳедоръ со своими спутниками подошелъ къ пустынькѣ. Надъ мшариной за клубился туманъ, еще болѣе сгущая пряный запахъ либиста съ ѣдкой горечью болотной ржавчины. Оглушительный концертъ сверчковъ и лягушекъ, то замирая, то разрастаясь, повисъ въ воздухѣ, а снизу, со дна глубокихъ засосей, кто-то пыхѣлъ—недужно, протяжно...

«Никто моей могилушки никогда не посѣтитъ, развѣ пташечка лѣсная на ней сядетъ-посидитъ»,—вдругъ донеслось до путниковъ изъ густой заросли олешиника на опушкѣ островка. Пріятный, молодой женскій голосъ тихо, какъ-то неувѣренно и тоскливо-тоскливо, точно сквозь сдерживаемыя рыданія, зазвучалъ было гдѣ-то справа и оборвался, тренькнувъ на концѣ, какъ жалобно лопнувшая отъ натуги струна...

— Домна, дура, плачетъ, — пронеслось въ головѣ Ѳедора. — И чего ей, право?..

1) «Охутиться»—спрятаться, схорониться.

2) «Достремливый»—смышленый, хитрый.

3) «Упахать»—уладить, устроить.

4) «Окоёмный»—проклятый, ненавистный, упрямый.

«Ку-вить, ку-вить, гу-гу-гу-гу!» — покрывая всё ночные звуки, загукала и раскатилась дикимъ смѣхомъ старая лѣсная неясность въ окутанной туманомъ трущобѣ гдѣ-то слѣва.

— Съ нами крестная сила! Тьфу! Сгинь, пропади, нечисть поганая! Святъ, святъ, святъ—аллилуя, аллилуя!—въ страхѣ зашептали женщины, невольно останавливаясь и торопливо кладя на себя двуперстное знаменіе креста.

— Ишь залопотала, непутева утроба! И откеля взялась?! Эхъ, нехорошо! Не къ добру эфто!—сквозь зубы пробормоталъ, въ свою очередь, бѣгунскій наставникъ, неодобрительно потряхивая головой и вступая на полянку, гдѣ пріютилась пустынька.

Въ окнахъ одной изъ хижинъ свѣтился огонекъ: то начетчикъ и замѣститель Ѳедора, Макаръ, при свѣтѣ сальной свѣчи домашняго изготовленія, трудился надъ переписываніемъ «зѣло знаменательной» и «вѣрнымъ калянія вавилонскаго ради вельми потребной» главы «о злополучіи временъ антихристовыхъ» изъ «Вопросовъ старообрядцевъ къ кающимся христіаномъ и отвѣтовъ на нихъ». Наклонившись надъ столомъ и беззвучно шевеля толстыми, красными губами, онъ букву за буквой выводилъ полууставомъ: «и глаголется антихристъ отступленіе, глаголется звѣрь седьмоглавный и десяторожный, глаголется ересь и мерзость запустѣнія, и мірская роскошь, и столпъ киченія змѣва, его же зримый образъ суть власти богоотступныя и нечестивыя»...

На заваленкѣ, около другой хижины, пустынскій канонархъ и уставщикъ Меодій въ десятый разъ рассказывалъ извѣстную повѣсть «о царскихъ близнецахъ». Съ десяткомъ слушателей и слушательницъ окружали Меодія, неторопливо, съ ежеминутнымъ (вслѣдствіе «зѣвотнаго обдержанія») «препятіемъ гласу» говорившаго: «и повелѣтъ царь уготовати ту огнь велій и привести царицу изъ темницы и съ чады ея. Посланніи же, скоро шедше въ темницу, обрѣтоша царицу ницъ лежащу предъ образомъ Господнимъ и истомленну зѣло отъ поста и печали... Вземше же ю и чада ея, приведоша предъ царя... И возопи царица, со слезами глаголя: помилуй мя, владыко мой царю, погибающу нынѣ душею и тѣломъ, а невѣдущу, чесо ради приде на мя напасть сія смертная»...

Изъ кладуши доносилась возня пустынской стряпухи, припрятывавшей остатки отъ вечерней трапезы: рабы Божіи уже поужинали, и большинство ихъ разошлось, на «опочивъ».

— Господи Ісусе Христе, Сыне Бже, помилуй насъ! — тихо проговорилъ Ѳедоръ, незамѣтно подходя въ темнотѣ къ разговаривавшимъ.

— Наставникъ! Наставникъ пришелъ!—раздались голоса.

Все проснулось, встрепелось, вскочило на ноги. На новоприбывшихъ посыпались вопросы и распросы, и не прошло пяти минутъ, какъ вѣсть о гоненіи облетѣла уже всё закоулки пу-



стыньки. Рабы Божіи забѣгали, завозились, заголосили, и если бы не пустыньскій настоятель, то и въ дремучемъ островкѣ повторилась бы, пожалуй, та же разруха, что произошла въ Донатовой пристани. Окинувъ всѣхъ своимъ острымъ взглядомъ, точно выросшій весь, онъ властно и рѣзко крикнулъ своей мятущейся паствѣ:

— Въ моленную!

Черезъ полчаса въ просторной комнатѣ той хижины, подъ окнами которой пустыньскій канонархъ и уставщикъ Меодій рассказывалъ предъ этимъ повѣсть «о царскихъ близнецахъ», вспыхнули огни. Съ десятокъ длинныхъ желтыхъ восковыхъ свѣчъ, изготовленныхъ изъ боязни «мірскаго оскверненія» здѣсь же, въ пустынькѣ, и, вѣроятно, поэтому сильно чадившихъ и трещавшихъ, освѣтили своимъ неровнымъ вздрагивающимъ пламенемъ встревоженные лица «сущихъ о Христѣ братій и сестеръ»...

— Христіане!—«прошедши по собору», т.-е. поклонившись всѣмъ по два раза въ землю, началъ среди гробовой тишины старикъ Ѳеодоръ:—за грѣхи наша взыска насъ Богъ праведнымъ гнѣвомъ Своимъ: по Его неизреченному изволенію и попущенію узы и скорби и темницу воздвиглъ на ны звѣроличный и богомерзкій антихристъ. Съ вои, лжепопы и всяческими демоноговѣйными злохитрости придоша бо уже слуги его въ весь, яже глаголется Пойкайя, и почаша тамоди вельческая ухищренія, пакости и гоньбы на вѣрныхъ творити... Страшенъ Богъ въ гнѣвѣ Своемъ, но, чадца мои возлюбленніи, великъ и предивенъ Онъ, Милостивый, и въ щедротахъ Своихъ! Наказуя и искушая насъ, якоже злато въ горнилѣ, Онъ укажетъ намъ и путь во еже избѣгнути прелести содомстей... Помолимся же Ему, да вразумитъ ны, да наставитъ и управитъ высокою мышцею Своею, да покрываетъ и оградитъ неизлаголаннымъ промысломъ Своимъ отъ козней любострастныхъ вавилонской любодѣицы и сквернявой чародѣицы... Станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ, сердца наша горѣ въ сей часъ полунощный къ Нему возносяще!

Началась полунощница. Всѣ принялись спѣшно, короткими шейными поклонами, съ какими-то особыми покачиваніями и вздохами, молиться каждый предъ своимъ складнемъ, которыми сверху донизу была уставлена глухая стѣна хижины.

— «День онъ страшный помышляюще, душе моя, побди, вжигающе свѣщу твою»,—гнусливымъ голосомъ затянулъ по одной изъ старопечатныхъ книгъ канонархъ Меодій.

— «Побди, побди!» — подхватили во всѣхъ углахъ моленной склоненныя въ сокрушенной молитвѣ головы.

«Побди, не вѣси бо, егда приидетъ къ тебѣ женихъ твой!»...

Своеобразная, полная труднопередаваемыхъ древле-крюковыхъ звуковыхъ сочетаній, тоскливая, жалобная, хватающая за душу мелодія поплыла по переходамъ и келейкамъ пустыньки, выныр-

нула на поляну и, то замирая, то разростаясь, понеслась по мшаринѣ въ дремучую трещу...

Кончилась полунощница. Послѣдній аминь «зааминенъ», а рабы Божіи не расходятся, какъ въ былое время, «тихими стопами» по своимъ «ложницамъ», а все еще стоятъ, все ждутъ чего-то, вздыхаютъ, охаютъ...

— Братіе!—вторично обратился къ нимъ настоятель Ѳедоръ,— пять лѣтъ тому назадъ бысть сицевая же тягота на вѣрныхъ. Якоже и днесъ, вооружися тогда антихристъ на вѣру правую, но, по милости Божіей, мимоиде вся сія вертограда сего, въ немъ же бдѣхъ и молихся азъ съ вѣрными чадами своими. Мню, яко и нынѣ такожде будетъ: за молитвы отецъ нашихъ иссушитъ Господь жилы лжецерковныя и развѣетъ, яко прахъ предъ лицомъ вѣтра, мучителей нашихъ... А посему изыдите съ миромъ по кельямъ своимъ и не смущайтесь и не упадите ни духомъ, ниже тѣломъ, зане, толику поздну суңу, никтоже возможесть сегодня пріити на ны скрозѣ облежашія насъ частыни, ихже насади десница Божія для святыхъ своихъ, да укроются въ нихъ отъ крамолы сатанинстей... Заутра же, на соборѣ послѣ обѣдницы, паки совѣтъ сотворимъ, разсуждающе о еже дѣяти подобаетъ намъ въ належашая испытанія, яже нашла на ны, грѣхъ ради нашихъ, всевятая Троица...

Твердыя, самоувѣренныя съ виду, бодрящія рѣчи наставника, которому привыкли все слѣпо вѣрить и повиноваться, быстро возстановили спокойствіе въ душахъ «пустыннолюбцевъ», какъ любили иногда величать себя послѣдователи старца Евѳимія. Отвѣсивъ уставной поясной поклонъ Ѳедору и получивъ отъ него «благословящій отпустъ», они одинъ за другимъ разошлись по своимъ прирубамъ и келейкамъ, обсуждая на все лады полученныя новости. Огни въ обѣихъ хижинахъ погасли, и скоро всепобѣждающій сонъ охватилъ пустыньку...

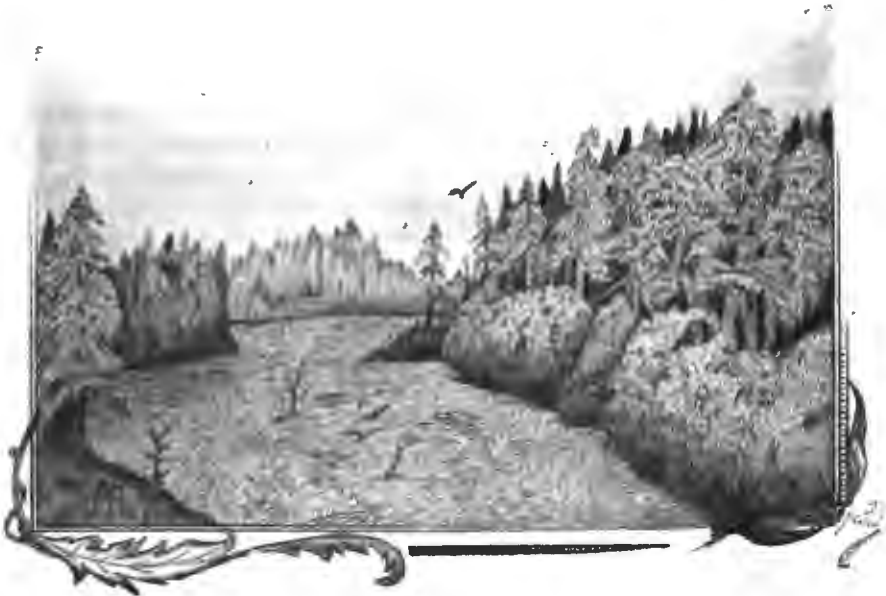
Только въ олешинѣ, на опушкѣ островка, еще долго время отъ времени раздавался мучительно-тоскливый напѣвъ Домны:

«Вуйны вѣтры, полетите  
Въ мой любимый край родной,  
Обо мнѣ вѣсть отнесите,  
Что случилось здѣсь со мной»...

О чемъ-то плакала, надъ чѣмъ-то мучилась, на что-то горько жаловалась и тяжело-тяжко вздыхала молодая душа... Да порой настающимъ лѣшнимъ раскатывалась въ ночной тиши старая лѣсная неясность, сидя на вершинѣ толстой дуплистой сухарины.

## II.

Отпустивъ свою паству на покой, Федоръ вмѣстѣ съ начетникомъ Макаромъ спустился въ свой «спудъ». Это была небольшая подземная комната, проникнуть въ которую изъ хижины можно было лишь только изъ «подпечника»<sup>1)</sup>, черезъ вертикально идущій изъ него узкій срубъ-люкъ съ деревянными планочками на стѣнкахъ вмѣсто лѣстницы. Стѣны комнатки были сколочены изъ грубоотесанныхъ досокъ, забранныхъ по угламъ въ толстые кругляши-столбы, служившіе вмѣстѣ съ тѣмъ опорой и для бревен-



Островокъ, на которомъ расположена «Изосимина пустынька».

чатаго потолка. Земляной глинобитный полъ былъ устланъ домотканымъ ковромъ. Въ углу, налѣво отъ входа, стояла маленькая жаровня-печка, а рядомъ съ ней, по стѣнкѣ, на двухъ вплотную сдвинутыхъ широкихъ скамьяхъ, была постлана мягкая перина, прикрытая ватнымъ стеганымъ одѣяломъ съ верхомъ изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ лоскутьевъ. За постелью была еще дверь куда-то, низкая, тѣсная, наглухо обитая соломеннымъ щитомъ. Въ красномъ углу висѣлъ большой старинный восьмиконечный

<sup>1)</sup> «Подпечникомъ» называется пустое пространство, образуемое подъ русской печью деревяннымъ фундаментомъ, на которомъ стоитъ печь.

«Истор. вѣстн.», февраль, 1903 г., т. xci.

мѣдный крестъ съ литымъ изображеніемъ Спасителя, съ копіемъ и тростью по бокамъ, Адамовой головой у подножія и надписью: «Сынъ Боже, Царь славы, Ісусъ Христе, симъ побѣдиши». Предъ крестомъ стоялъ сдвигной, въ видѣ буквы «Х», аналой съ раскрытымъ на немъ цвѣтникомъ Евѳимія и перекинутой черезъ уголь лѣстовкой. На полу лежалъ небольшой коврикъ-«подколѣнникъ». Столомъ служила широкая сосновая, сбита въ захмылъ, доска, вставленная въ стѣнной пражикъ. Надъ столомъ, подъ самымъ почти потолкомъ, висѣла полка, на которой, въ небольшихъ берестяныхъ тюрючкахъ, лежали книги, деревянные дощечки-графильники, бумага и черные неуклюжіе счеты. По правую руку отъ стола въ стѣну былъ наглухо вдѣланъ небольшой шкапчикъ, запиравшійся всякимъ замкомъ съ винтовымъ ходомъ. Въ комнатѣ было жарко, душно, кисло; пахло гнильемъ, прѣлымъ наземомъ и пушистой зеленой плѣсенью...

Вошедши въ эту комнату, Ѳедоръ чиркнулъ спичку, зажегъ толстую восковую свѣчу на столѣ и въ изнеможеніи опустился на деревянную, некрашенную табуретку. Тяжелая, утомительная дорога и все переиспытанное имъ за послѣднія полтора сутокъ настолько утомили его, что даже сознаніе того, что онъ, наконецъ,— у себя, дома, вдали отъ всякихъ хлопотъ, сидитъ съ своимъ другомъ загадочнымъ Макашей, съ которымъ онъ вмѣстѣ пробродяжничалъ цѣлыхъ 20 лѣтъ и съ которымъ, поэтому, не къ чему «мельзить», т.-е. притворяться и скрываться и въ рѣчи и въ поступкахъ, не радовало его, какъ въ былое время: дума о «гоненіи» просто извела его...

— Что, братъ Ѳедя, нерадостень? а?—присаживаясь рядомъ съ нимъ, спросилъ начетникъ Макарь.

— Да что, братъ! Дѣло—труба, вотъ что...

— Ну?!

— Да какъ же! Анисью, братъ, ищутъ...

— Не-у-же-е-ли?

— Ей-Богу, пра!

— Вотъ тебѣ и клюква!.. Дрянъ, дрянъ...

— Это-то я и безъ тебя, братъ, знаю, что дрянъ: не въ эфтомъ и дѣло, а въ томъ, что намъ теперечки предпринять прикажешь? Потому, ежели найдутъ да поразнюхаютъ все, какъ слѣдуетъ, такъ впору, пожалуй, и пожитки собирать да, какъ допрежь, лататы заузыривать—вотъ что!

— Да раздолбай <sup>1)</sup> ты толкомъ, какъ эфто они натолкнулись-то?

— А такъ и натолкнулись! Васька-то, вишь, мужъ-то Анискинъ, жениться, дуракъ, выдумалъ...

— Ну?!

<sup>1)</sup> «Раздолбай»—растолкуй, расскажи.

— Ей-Богу, пра! Высваталъ себѣ Машутку изъ Поросья да къ попу и бухъ: такъ, молъ, и такъ, этакъ и вотъ этакъ...

— Ахъ, дуракъ, дуракъ!

— Ну, попъ-отъ сичасъ и насѣлъ: «какъ жениться? а Анисья гдѣ? Анисью куды дѣвалъ?»—Да померши, говоритъ, батюшка!— «Какъ померши? гдѣ померши? кто хоронилъ? Я ничего не знаю. Представь, говоритъ, свидѣтельство о ея смерти, тогда и повѣнчаю»...

— Та-акъ...

— Ну, онъ туды-сюды, анъ и шишъ: ничего и не вышло... А сродственники-то Анискины, разузнавши всю эфту штуку-то, сичасъ къ Васькѣ и нахлынули: «говори, курицынъ сынъ, гдѣ Анисья померла?» А тотъ вертѣлся-вертѣлся да сдуру-то и шлепнулъ: пошла, молъ, въ Соловки, да по дорогѣ-то, въ Онегѣ, и померла...

— Тссс...

— Ну, они, не будь дураки, сейчасъ въ Онегу-то чрезъ полицію запросъ: была ли, молъ, такая-то и такая-то, отъ чего померла и гдѣ похоронена?

— Та-акъ...

— Ну, само собой оттедева тоже—какъ! и не была, и никто Анисью не видалъ, и не зналъ, и не хоронилъ...

— Ахъ, ты, штука какая!

— Ну, опять сичасъ къ Васькѣ, да не одни ужъ, а съ приставомъ да урядникомъ. Пошли опросы да запросы. Одна какая-то душа проклятущая и донеси, вишь, во время опроса-то, что Васька-то дюже, молъ, Аниску-то дулъ и завсегда отдѣлаться отъ нея хотѣлъ, что онъ со скрытными, вишь, знался да шептался, и что, молъ, многіе видали, какъ онъ ее, всю избитую, къ нимъ въ подызбицу въ Пойкаю стащилъ...

— Ай, ай!..

— Ну, сичасъ въ Пойкаю и бросились... И слѣдователь эф-тотъ самый при нихъ, и дохтуръ... Пыль коромысломъ, говорятъ, подняли: шарятъ, шнорятъ, кажинно мѣстечко осматриваютъ, кажинну бабу болтливую выспрашиваютъ...

— Скверно...

— На что сквернѣе! Сквернѣе и выдумать нельзя... Особенно да ежели Сенька-прохвость при нихъ: бѣда! за милу голову выдасть, шамарганъ звѣрливый<sup>1)</sup>!..

— Это какъ есть! Безпримѣнно выдасть! Потому какъ онъ теперички сердить на насъ, а знать-то все знаетъ: и какъ хѣрили и какъ што...

— Да, да.

<sup>1)</sup> «Шамарганъ» — мошенникъ, звѣрливый — злой. «Шамарганъ звѣрливый» — опасный, бѣдовый человекъ.

— Ухъ, да ежели-бъ таперича онъ мнѣ въ лапы попался!

Въ глазахъ ссыльно-каторжнаго Еремѣя Бровкина, а теперъ— начетчика бѣгунскаго Макара, заиграють, переливаясь то синеватыми то красно-желтыми искорками, адскій огонекъ. Волосатая рука его сжалась въ огромный кулакъ и съ такой силой опустилась на столъ, что мѣдный поставецъ со свѣчей запрыгалъ и зазвенѣлъ.

— Да, достань его, поди! Раньше объ эфтомъ нужно было думать... А теперя онъ, братъ, держись только! Коли выкладывать зачнетъ, такъ и про «блинки» <sup>1)</sup>, пожалуй, выложить...

— Да-да, все знаетъ, чихирь кабацкій!.. <sup>2)</sup>. Онъ, пожалуй, и сюда ихъ проведетъ, а? Какъ ты думаешь? а?

— Да коли что, такъ ужъ удружить: въ эфтомъ будь спокоенъ...

— Такъ какъ же быть-то?

— А вотъ и я тебя спрашиваю: какъ быть?

— Д-а-а-а... Оно, пожалуй, и овзабыль <sup>3)</sup> пожитки-то надо сложить да приготовиться на всякъ случай... Гдѣ у тебя финтирплой-то? <sup>4)</sup>.

Федоръ поднялся съ табуретки, откинулъ полу синяго суконнаго кафтана, пошарилъ въ штанахъ и, доставъ оттуда ключъ, отперъ имъ шкапчикъ: на нижней полкѣ его правильными рядами стояли стопки новенькихъ, свѣтленькихъ «мурзамацкихъ» <sup>5)</sup> рублевиковъ. Тутъ же лежали куски свинца, олова, самодѣльные формы, плавильникъ...

— Давай, свѣти!—ссыная все это въ полу, проговорилъ начетчикъ Макаръ.

— Ты куда эфто?

— Куды! Охутить <sup>6)</sup> надуть... Аль забыть, што за эфто полагается?

— Да «блинки»-то зачѣмъ?

— А ты что-жъ, самъ ихъ сбывать станешь, что ли?.. Полно. Давай, бери свѣчку да свѣти, говорю!.. Про насъ, братъ, и настоящихъ хватить...

Черезъ полчаса за дверью «спуда» была вырыта въ землѣ ямка, непримѣтно скрывшая въ себѣ всѣ слѣды фабрикаціи фальшивой монеты.

— Такъ-то-съ лучше буде! — старательно уминая глину надъ ямкой и прикрывая ее сверху пескомъ и старой охоботиной, бурчалъ себѣ подъ носъ бѣгунскій начетчикъ. — На-косъ, найди теперя? Шалишь, братъ!..

<sup>1)</sup> «Блинки» — бродяжеское названіе фальшивой монеты.

<sup>2)</sup> «Чихирь кабацкій» — пьяница, развратникъ, гулящій человекъ.

<sup>3)</sup> «Овзабыль» — вправду, безъ шутокъ.

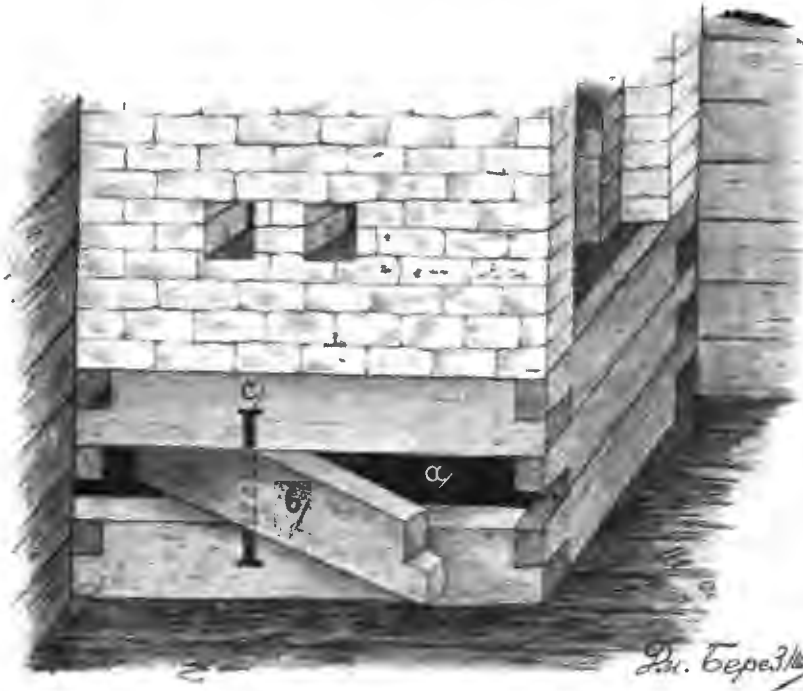
<sup>4)</sup> «Финтирплой» — форма для чеканки монеты.

<sup>5)</sup> «Мурзамацкій» — подпольный, поддѣльный, фальшивый.

<sup>6)</sup> «Охутить» — спрятать, схоронить.

Когда дѣло съ предательскими рублевиками было покончено, два друга, люди, по-своему весьма умные, но пройдохи и плуты, прошедшіе огонь и воду, принялись пересчитывать и зашивать въ тульи шапокъ и полы кафтановъ «настоященскіе» кредитные билеты, отчасти вымѣненные на фальшивые рублевики, а главнымъ образомъ—награбленные ими съ простодушныхъ послѣдователей «правой» вѣры.

— Итого, у тебя двѣ тыщи пятьсотъ сорокъ да у меня близъ тыщи... О-го, недурно вѣдь, Ѳедя? а? Ты какъ полагаешь? а?



Бѣгунскій тайникъ.

а) Подпечникъ; в) доска печного фундамента, открывающая входъ въ подпечникъ; с) шарниръ, на которомъ ходитъ доска.

— Такъ-то оно такъ, а все-же жаль... Подумай только, вѣдь какъ хорошо намъ здѣсь-то жилось! а?.. Всяка штука къ твоимъ услугамъ: и власть, и почетъ, и жратва первѣющая, и уголь теплый, и все, все... А теперь что? Опять темные сюземки <sup>1)</sup>, стужа, слякоть, шляньѣ изъ погоста въ погостъ, недоѣданье, недосыпанье...

— Э, полно, Ѳедя, не горюй: не въ первѣй намъ съ тобой эфту катавасью зачинать... Вспомни-ко, въ какихъ-какихъ пере-

<sup>1)</sup> «Сюземокъ» — дремучій хвойный лѣсъ.

дѣлкахъ мы съ тобой не бывали, а выходили же цѣлы и невредимы. Вывернемся и теперь... А что касательно власти да почету, такъ рази мы теряемъ ихъ? Нисколичко. То-исъ вотъ, понимаешь, ни на эстолько! Напротивъ, теперь еще сильнѣе къ намъ льнуть зачнуть, потому—«страдальники», одно слово. А гнѣздо... Ну, гнѣздо—не здѣсь, такъ въ другомъ мѣстѣ совьемъ...

— Такъ-то оно такъ, а все же...

— Ну, пошелъ! Терпѣть не могу, какъ это ты бирюка тянуть <sup>1)</sup> зачнешь!.. А все бабы твои, все женолюбіе твое подлое! Рази такимъ ты былъ? Молодецъ молодцомъ: огонь—одно слово. А теперь? Взглянь-ко-сь на себя, на что ты сталъ похожъ? Тряпка, братъ, совѣмъ какъ есть тряпка! Весь измочалился...

— Ну-ну! А самъ-то?

— А что самъ? И самъ я зѣвка не даю, а все же предѣлъ соблюдаю, потому очинно хорошо тоже понимаю, что такое баба: свяжись съ ней покрѣпчае, такъ живо размякнешь... Поди, опять каку ни на есть кралю завелъ? а? Ужъ не энту ли? не Глашку ли?

— А тебѣ-то что?

— Та-та-та-та-та!.. Ой, Оедька, смотри: не доведетъ тебя до добра «грапизониха-дурафья» <sup>2)</sup>. Вспомни мое слово: совѣмъ окислишься...

— Ладно, ладно! Разговаривай!.. А ты лучше вотъ что: за суматохой-то даве я совѣмъ и позабылъ, что жрать тошнехонько хочется; такъ какъ бы оно того—почавкать малость? а?

— Вотъ эфто дѣло! И я съ тобой чекалдыкну малость... Ты тутъ изъ створа-то <sup>3)</sup> достань что слѣдуетъ, а я сичасъ закуски тебѣ припру...

Черезъ четверть часа на столикѣ стоялъ цѣлый ворохъ закусокъ. Тутъ были и грибки, и семга, и севрюга разварная, и пшеничныя «наливки» съ просомъ <sup>4)</sup>, и житныя «сгибеньки» съ творогомъ... <sup>5)</sup>.

— Ну, Оедя, выпьемъ что ли?

— Выпьемъ, Макаръ! — проговорилъ бѣгунскій наставникъ, наливая изъ бутылки себѣ и начетчику по объемистому стаканчику казеннаго.

Дѣло пошло ходко. За бутылкой казеннаго была распита бутылка черносмородиновой, а за ней—кувшинчикъ морошки. Друзья пили равномерно много, не уступая другъ другу ни на волосъ. Лица ихъ

<sup>1)</sup> «Бирюка тянуть»—хныкать, ныть, жаловаться на что.

<sup>2)</sup> «Грапизониха—дурафья» — презрительное выраженіе, употребляемое въ смыслѣ: бабья юбка, бабья привязанность.

<sup>3)</sup> «Створъ»—шкапчикъ.

<sup>4)</sup> «Наливка»—ватрушка съ просомъ вмѣсто творога наверху.

<sup>5)</sup> «Сгибень»—тонкая лепешка, согнутая вдвое, сочень, пирожокъ.



раскраснѣлись, глаза заволоклись пьяной дымкой, языкъ заболталъ вмѣстѣ съ дѣломъ бездѣлье...

— Одея, другъ ты мой сердечный, поцѣлуемся что-ль?.. То-ись, понимаешь, мошенникъ ты...

— А самъ-то?

Надъ сире-е-бря-ной рико-о-й...

— И самъ я... и я тоже...

— Макаша! а Макаша! куды же мы теперя? а?

— Куды? Къ Анюткѣ Тетерихѣ пойдѣмъ,—вотъ куды! Тамъ, подѣ Шенкуркой, пока что и притулимся... Понялъ?..

Надъ сире-е-бря-ной рико-о-й...

— А тамъ насъ... то-ись... понимаешь... не спапаютъ? а?

— Эфто у Анютки-то?

— Ну, да, у Анютки. Помнишь, у насъ тамъ тоже что-то въ родѣ чего-то?..

— Ха-ха-ха!.. Полно! Анютка, братъ, не таковская. Она, братъ, баба хышь и наваристая и толстотрапезная, иначе развѣрнѣющая, што твой пестъ приворотный: глаза выцарапаетъ, а насъ въ обиду не дастъ... Давай, чиркай <sup>1)</sup> лучше!..

На злато-омъ пи-со-о-чкѣ...

— Я думаю, въ дорогу-то намъ кой-чего захватить не мѣшаетъ: жратвы, цвѣтничковъ, крестиковъ...

— Ну, расконечно...

Тамъ вичее-е-р-ні-ю поро-о-й

Я иска-алъ сли-до-оч-ковъ...

Жутко Глашѣ. Съ открытыми глазами лежитъ она гдѣ-то подѣ землей, въ какой-то конурѣ, куда свели ее «на опочивъ» послѣ полунощницы двѣ старицы. Тусклый, синевато-блѣдный огонекъ лампадки едва освѣщаетъ, мигая, голыя стѣны, лежанку въ углу, дверь, въ котрую она вошла, еще дверь куда-то...

— Боже мой, да гдѣ же это я? И почему мамки нѣтъ со мной? Аль искусь это?.. Господи, помилуй! Господи, помилуй! Я отъ міра удалилась, жизни скорбной посвятилась... Господи, помилуй!..

Прошелъ часъ, прошелъ другой. А кругомъ все та же таинственность, все тѣ же мигающія, ползущія съ предмета на предметъ тѣни, тѣ же звуки, которые несутся къ Глашѣ со всѣмъ сторонъ,

<sup>1)</sup> «Чиркай» — пей.

точно въ этомъ странномъ мрачномъ подземельѣ самый воздухъ наполненъ ими, то протяжными и едва уловимыми, то отрывочными и рѣзкими... Вонь—чу!—гдѣ-то скрипнула дверь, шаги какіе-то въ коридорчикѣ раздаются... Слѣва какъ будто полуслова, полувосклицанія долетаютъ; обрывки какой-то пѣсни звучать... Надъ самой головой что-то ухнуло, завозилось и жалобно-прежалобно запищало... И духота, вонь, мерзятина...

Ворочаясь съ боку на бокъ и шепча про себя молитвы, долго прислушавалась Глаша къ тому, что кругомъ ея творилось, но утомленіе взяло, наконецъ, и ее: сладко заснула она, свернувшись калачикомъ на мягкой перинѣ...

Спитъ Глаша и не чувствуетъ того, что бѣгунскій наставникъ стоитъ надъ ней, покачиваясь изъ стороны въ сторону и бормоча залепетающимъ языкомъ:

— Ишь какъ раскинулася, ангелочекъ мой пресвѣтлый! Смарагдъ мой изумрудный! Голубица моя всенепорочная!..

### III.

На востокѣ, точно полуоткрытый глазъ просыпающейся въ сладострастной нѣгѣ красавицы, вспыхнула багрянцемъ полоска утренней зорьки. Ночная тьма, завидя ее, побурѣла отъ злости и, цѣпляясь за каждый пенъ, за каждый кустъ, изъ всѣхъ силъ старалась хоть на мигъ продлить еще свое господство надъ грѣшной землей, но, пронизываемая насквозь смѣющимся розовымъ лучомъ, въ ключья рвала въ безсильномъ гнѣвѣ свое темное покрывало и все глубже и глубже забиралась отъ ненавистнаго и безпощаднаго врага въ заповѣдную чащу вѣкового бора...

Въ это раннее время, по рѣкѣ Волошкѣ, змѣей извивающейся среди столѣтнихъ елей и сосенъ, быстро скользили три лодки, держась гусемъ, одна за другой: то пробирался въ Изосимину пустыньку «наѣздъ духоворнаго никоніанскаго суда»—полицейскій приставъ Михаилъ Власевичъ Деризубовъ, судебный слѣдователь Никтополіонъ Киндеевичъ Корниловъ, экспертъ Пансофій Гордіевичъ Θεократскій, человекъ шесть урядниковъ и десятка полтора понятыхъ.

— Эй, какъ тебя?—раздался вдругъ со второй лодки грозный окликъ пристава, поручика въ отставкѣ и яраго преслѣдователя и противника всяческихъ «странно-скрытно-раскольническо-подпольныхъ бредней», какъ онъ самъ любилъ выражаться объ ученіи послѣдователей старца Евѣимія.

— Сенька, вашеское благородіе! — откликнулся ему съ первой лодки юркій мужичонко въ сѣромъ дырявомъ балахонѣ и въ Богъ вѣсть откуда свалившейся ему фуражкѣ съ краснымъ околышемъ. Это и былъ тотъ самый Сенька, бывший бѣгунъ, котораго такъ побаивались наставникъ Федоръ и начетчикъ Макаръ.

- Скоро что ли будетъ это воронье гнѣздо?  
 — Скоро, вашеское благородіе! Вотъ таперичка за эфтой самой  
 гогулиной <sup>1)</sup> потянемъ самую што-ни-на-есть малость, да и на бе-  
 регъ айда!  
 — Ну, а тамъ-то?  
 — А тамъ, значить, еще версты съ три будетъ, потому спер-  
 воначалъ «корбѣ» <sup>2)</sup> пойдеть, за корбѣй—болотина, а средь боло-



Бѣгунскій тайникъ.

- а) Отверстіе люка въ подпечникѣ; в) люкъ съ планочками на стѣнкахъ вмѣсто  
 лѣстницы; с) входъ въ подземный коридоръ.

тины-то, на небольшой такой «оргѣ» <sup>3)</sup>, какъ разъ и будетъ эфта  
 самая пустынь, гдѣ, значить, Оедька съ Макаркой эфти самые и  
 обрѣтаются... Я раза съ два бывалъ у нихъ, вашеское благородіе.

<sup>1)</sup> «Гогулина»—излучина рѣки.

<sup>2)</sup> «Корбѣ»—низкое прирѣчное мѣсто, поросшее густымъ хвойнымъ лѣсомъ.

<sup>3)</sup> «Орга»—сухой островокъ среди болота, покрытый лѣсомъ.

а потому, значить, не извольте беспокоиться: еще «дò встани» <sup>1)</sup> подь саму пыху <sup>2)</sup> къ нимъ подлѣземъ...

— Ну, такъ вали, вали скорѣе, чтобы не проснулись да стрекача не задали! Знаю я ихъ! точно собаки гончія по вѣтру чуютъ... Чуть сплеховалъ что—и слѣдъ простылъ: точно сквозь землю провалятся, анаемы этакіе!..

Гребцы поналегли на весла, и лодки, обогнувъ излучину и стрѣлой промчавшись съ полверсты, со всего маху, шурша и «гложа» дно, врѣзались въ прибрежную остролистую осоку.

Всѣ вышли на берегъ, оправились, поразмяли онѣмѣвшія отъ долгаго сидѣнья ноги и вошли въ лѣсъ.

Дикъ и угрюмъ стоялъ лѣсъ. Сплошной стѣной вытянулись къ небу сѣдые великаны—то больные, старые изъѣденные ракомъ, обглоданные короѣдами и долгоносиками, то сильные, могучіе. Ихъ узловатыя, оплетенныя мохомъ лапы сплелись между собой, образуя по мѣстамъ совершенно непроницаемый для солнца иглистый щитъ. На каждомъ шагу груды бурелома, непролазная чаща молодяжника, рывины, вывороченные пни... И сыро, нагноино...

Но вотъ стѣна великановъ раздалась и какъ-то разомъ помельчала. Между кустами лозняка глянула болотина, а среди нея, какъ и говорилъ Сенька, открылся тотъ самый хвойный островокъ, на которомъ расположилась извѣстная уже намъ Изосимина пустынька. Сквозь легкую дымку совсѣмъ готоваго растаять въ воздухѣ тумана червоннымъ золотомъ отливали въ лучахъ только-что показавшагося солнца вершины красныхъ пустыньскихъ сосенъ. Гдѣ-то на одной изъ такихъ вершинъ, вѣроятно, уже успѣвъ позавтракать болотными мошками, звонко «гиллагиликала» красноглазая иволга, а внизу, танцуя вокругъ ствола толстокорой сухарины, время отъ времени тенькалъ, точно телеграфистъ за аппаратомъ, бѣлоспинный дятель...

— Вотъ тутотко, вашеское благородіе, они сидятъ!—указывая рукой на островокъ и обращаясь къ приставу, шопотомъ проговорилъ Сенька.

— А—гà-а-а!..

— Теперички потише надыть, вашеское благородіе, чтобъ, значить, и всамдѣлѣ дичину не сплехнуть... Потому, сами извольте видѣть, близъ... Ну, и чухъ <sup>3)</sup> у нихъ, двистительно, преотмѣнный, и повѣтеръ <sup>4)</sup> тянетъ, и все такое прочее...

— Вали, вали!..

Одинъ за другимъ, осторожно ступая за Сенькой, длиннымъ шестомъ нащупывавшимъ въ «тытапахавшейся» <sup>5)</sup> мшаринѣ без-

<sup>1)</sup> «Дò-встани» — до вставанья отъ сна утромъ.

<sup>2)</sup> «Пыха» — носъ.

<sup>3)</sup> «Чухъ» — слухъ, чутье.

<sup>4)</sup> «Повѣтеръ» — попутный вѣтеръ.

<sup>5)</sup> «Тытапахаться» — качаться, осѣдать подь ногами.

донныя окна засосей, потянулись на островокъ неожиданные и незванные гости...

Вотъ и одешина...

— Э-ге-ге, да тутъ, вашеское благородіе, никакъ есть кто-то!

— Гдѣ?

— А вонъ—видите?

На шелковистой муравѣ прогалины, среди раздвинувшихся кустовъ олеши́ника, лежала на спинѣ молодая женщина. Черный ситцевый сарафанъ, съ мѣдными шаркунчиками по передней трестѣ, сбился кверху, обнаживъ до колѣнъ ноги, обутыя въ красныя шерстяныя чулки и толстокожіе съ подковками башмаки. Черный коленкоровый платъ, съ бѣлой нашивной каемочкой по краямъ, развязался, и изъ-подъ него выбились и беспорядочно рассыпались по плечамъ и груди пряди темнорусыхъ волосъ. Лежавшая женщина крѣпко спала, чуть-чуть скрививъ верхнюю губу въ какую-то страдальчески-горькую, точно чѣмъ-то насильно выдавленную складку...

— А-а-а, да это Домна никакъ? Она и есть!—осторожно подкрадываясь къ лежавшей, прошептала Сенька.

— Какая Домна?—шопотомъ же спросилъ его приставъ.

— А изъ-подъ Кучепилды, вашеское благородіе! Что запрошлой осенью ребеночка-то похѣрила да изъ арестантской-то бѣжала!

— А-га-га-а-а! Попалась таки, голубушка!..

— Такъ какъ же таперички быть-то съ ней, вашеское благородіе?

— Давай, буди!

— Домна! а Домна! Домн-а-а! — наклоняясь и дотрогиваясь до откинутой наотмашь руки лежавшей, позвалъ вполголоса Сенька.

Домна открыла глаза, съ минуту безсмысленно, не шевелясь, поглядѣла прямо передъ собой, а потомъ, обмахнувши лицо рукой и убѣдившись, что то, что она видитъ, происходитъ не во снѣ, а наяву, поспѣшно вскочила на ноги, оправила привычнымъ жестомъ волоса, обдернула сарафанъ и съ испугомъ и недоумѣніемъ усталилась на окружавшихъ ее людей.

— Кто ты?—обратился къ ней съ вопросомъ приставъ.

— Христіанка.

— Да какъ звать-то тебя?

— Христіанка.

— Тѣфу, дура! Я не о томъ тебя спрашиваю: христіанка ты или нѣтъ, а имя? имя-то какое у тебя?

— Христіанка.

— Ну, заладила сказку про бѣлаго бычка!..

— Позвольте,—выступилъ впередъ и, оправляя очки на носу, проговорилъ экспертъ Пансофій Гордіевичъ:—позвольте! Дайте мнѣ побесѣдовать съ ней.

— Послѣ, послѣ, голубчикъ, побесѣдуете! — перебилъ его приставъ.—Теперь некогда... нельзя... тѣ учують да удеруть... Понятые, взять эту дуру и айда впередъ!..

Несмотря на то, что солнце окончательно уже выплыло изъ-за лѣса, въ пустынькѣ всѣ спали еще мертвымъ сномъ. Да оно, положимъ, и не къ чему было тревожиться. Ни пахать, ни сѣять, ни косить, ни жать—ничего этого не нужно было дѣлать, а обѣдница раньше девяти часовъ, какъ «указано» то въ «типиконѣ», не начнется; значить, спи всласть, сколько душенька захочеть...

Самолично разставивъ кругомъ обѣихъ хижинъ понятыхъ и строго-настрого приказавъ имъ хватать всякаго, кто захочеть улизнуть отъ нихъ, приставъ громко постучалъ въ окно моленной.

Всѣ замерли въ напряженномъ ожиданіи.

Прошла минута, двѣ, пять, десять...

— Ишь раздрыхались, бездѣльники этакіе! Эй, вы, ироды, отпирайте что-ль?—барабана кулакомъ по рамѣ и никакъ не подозрѣвая, что онъ со всѣми своими спутниками давно уже открытъ обитателями хижинъ, ревѣлъ во все свое полицейское горло ярый преслѣдователь и противникъ всяческихъ «странно-скрытно-раскольниковско подпольныхъ бредней».

— Эвона! эвось! Вишь?.. Лови! держи! — раздались вдругъ голоса сзади хижины.

— А-а-а, такъ вы такъ?—весь позеленѣвъ отъ злости, прошипѣлъ Михаилъ Власевичъ:—вы такъ? вы по-своему хотите? Хорошо. Ломи, ребята, двери!..

Съ десятокъ рукъ, вооруженныхъ кольями и полѣньями, съ силой забили по дверямъ той и другой хижины. Тяжелыя, запертыя извнутри на желѣзные крючья, двери заохали, застонали, заходили на петляхъ и, разбитыя въ связяхъ, съ грохотомъ рухнули на землю.

— За мной, Пансофій Гордіевичъ! За мной, Никтополіонъ Киндеевичъ! За мной, ребята!—точно на войнѣ, во время штурма какой нибудь непріятельской крѣпости, прокричалъ приставъ, бѣгомъ бросаясь внутрь.

Мигомъ были осмотрѣны всѣ комнаты хижины, обысканъ подвалъ и чердакъ, обшарены всѣ углы и закоулки, но, кромѣ старой Харитины изъ Мирошина да, какъ лунь, сѣдого Василья Лобана изъ Кяргина, притаившихся въ темныхъ сѣнцахъ, за ларемъ, никого не оказалось, хотя шапокъ, рубахъ, портковъ, сарафановъ, платковъ, постелей, поддевокъ и пальтושекъ разныхъ, большихъ и малыхъ, старыхъ и новыхъ, было, по крайней мѣрѣ, человѣкъ на десять. То же и въ другой хижинѣ: и тамъ, кромѣ двухъ старушекъ — глухой Манеѣы да больной Макрины, безучастно сидѣвшихъ на своихъ постеляхъ въ прилубѣ <sup>1)</sup>, никого не было, хотя

<sup>1)</sup> «Прилубъ» — отгороженная досчатой перегородкой небольшая комната въ избѣ.

сразу было видно, что за какіе нибудь полчаса до осмотра и тутъ было тоже человѣкъ съ десять, если не болѣе.

— Что за фортель, господа?—разводя руками, время отъ времени приговаривалъ сбитый съ толку приставъ.—Вѣдь ясно, какъ день, что, кромѣ этихъ старухъ, народу здѣсь была цѣлая уйма? И куда дѣваться могли, анаемы этикіе, когда кругомъ стража



Подземные коридоры бѣгунскаго тайника.

разставлена?.. Нѣтъ, здѣсь что нибудь да не такъ... Здѣсь, воля ваша, фокусы какіе нибудь... Какъ вы думаете, Пансофій Гордѣвичъ?

— А такъ думаю, Михаилъ Власевичъ, что тутъ не иначе, какъ тайнички понастроены...

— Тайнички, тайнички! Это-то я и безъ васъ знаю, что у нихъ тайнички разные водятся... А вотъ какъ до нихъ добратся-то?— вотъ въ чемъ дѣло...

— А вотъ сейчасъ посмотримъ... Гдѣ у васъ рулетка-то?

— Это зачѣмъ?

— А зачѣмъ, что нужно вымѣрить все до точности...

— Не извольте беспокоиться, вашеское благородіе!—вдругъ вынырнулъ изъ толпы урядниковъ Сенька.—Ономнися, какъ я, значитъ, былъ у нихъ, вашеское благородіе, такъ я все какъ есть у нихъ поразнюхаль... Печка у нихъ, вашеское благородіе, печка такая!.. Изъ печки изъ эфтой ходы и идутъ.

— Какая печка? Что ты тамъ городишь?

— А такая печка, вашеское благородіе, что, значитъ, фундаментъ раскроешь — и готово!.. Самъ я не лазилъ туды, потому — не къ чему, а какъ они лазили — эфто видѣлъ...

— Ага! Подпечникъ?—переспросилъ Сеньку экспертъ.

— Во, во! Подпечникъ, подпечникъ, вашеское благородіе!

— Въ какой же это избѣ: въ этой или въ той?

— А рядомъ съ моленной, вашеское благородіе, съ моленной!..

Всѣ перешли въ комнату, расположенную рядомъ съ бѣгунской моленной. Почти треть этой комнаты занимала русская печь, громоздкая, неуклюжая, съ фундаментомъ изъ трехъ восьмивершковыхъ колодъ. Одна изъ этихъ боковыхъ колодъ оказалась болѣе захватанной и загрязненной, чѣмъ остальные. Сенька раздобылъ топоръ, засунулъ конецъ его въ угловой «лапчатый» замокъ фундамента, попринажалъ прочь отъ печки — и загрязненная колодина, скрипя на желѣзномъ шарнирѣ, медленно распахнулась, открывъ доступъ въ тотъ самый «подпечникъ», которымъ Федоръ съ Макаромъ опустили въ извѣстный уже намъ «спудъ».

— Э-ге-г-е-е-е! Ловко!—привскочивъ отъ удивленія, вскричалъ приставъ. — Эй, огня!..

При свѣтѣ фонаря въ подпечникѣ обрисовалось черное устье люка.

— Та-та-та! Ну, и штука! — разводя руками, продолжалъ удивляться Михаилъ Власевичъ.

Рѣшено было подробно освидѣтельствовать люкъ и прослѣдить, куда онъ ведетъ. Какъ разъ въ это именно время изъ темной пасти люка, откуда-то снизу, изъ-подъ земли, донесся тихій, едва слышный, жалобный стонъ.

— Э-э-э, да тутъ дѣло-то, кажется, не совѣмъ ладно... Стонъ... Чу! Слышите, господа?.. Вотъ катавасія-то еще, право! а?.. Эй, Гавриловъ, таци-ко, братъ, сюда всѣхъ, кого забрали!..

Минутъ черезъ пять въ комнату съ «подпечникомъ» введены были всѣ захваченные бѣгуны и бѣгунки.

— Ну, говорите живо: куда ведетъ этотъ люкъ? — грозно напустился на нихъ приставъ.

«Сущіе о Христѣ убогіе сироты» жались другъ къ другу и молчали, потупивъ глаза въ землю.



— Слышите что ль? Я васъ спрашиваю: куда ведетъ этотъ люкъ? Опять то же молчаніе, то же перемижанье съ ноги на ногу.

А изъ люка опять донесся нудный жалобный стонъ и судорожныя всхлипыванія.

— Что молчите? что буркулы-то въ землю оставили? оглохли что ли?.. Ироды проклятые!.. Тебя какъ звать? — вдругъ круто обратился приставъ къ захваченному на задворкахъ пустыньскому канонарху Меодію.

— Христіанинъ,—буркнулъ тотъ, исподлобья глянувъ на спросившаго.

— Да имя-то какое у тебя?

— Христіанинъ.

— Дубина, вотъ что, а не христіанинъ. Не про то тебя спрашиваютъ...

— Не извольте беспокоиться, вашеское благородіе!—снова вынырнулъ Сенька. — Я знаю, какъ его звать: Меодій — вотъ какъ! Запѣвало эфто ихній, значитъ, будетъ...

— Ага! запѣвало — говоришь?

— Запѣвало, запѣвало, вашеское благородіе! Калинархъ—по ихнему. Когда, значитъ, собсрутся всѣ въ моленную, онъ и запѣваетъ...

— Такъ, такъ. Ну, такъ слышь ты, запѣвало подпольное, говори: куда дыра эта ведетъ?

— Не знаю.

— Какъ не знаешь?

— Не знаю.

— А кто это тамъ стонетъ?

— Не знаю.

— Какъ не знаешь?

— Не знаю.

— Тѣфу, попугай дурацкій! Зарубилъ одно: не знаю да не знаю... Говори ты!—отрывисто кинулъ разсвирѣпѣвшій приставъ старику Василью Лобану.

Старикъ, свѣсивъ на грудь свою сѣдую голову, беззвучно перебиралъ выцвѣтшими губами.

— Или тоже не знаешь?

— Н-н-ѣ...

— И кто стонетъ, не знаешь?

— Н-н-ѣ...

— А Оедька, вашъ наставникъ, гдѣ? тамъ?

— Н-н-ѣ...

— И вы, поди, тоже не знаете?—проговорилъ приставъ, обводя налившимися кровью глазами бѣгунокъ.

Молчаніе.

— Ну, да ладно. Послѣ все скажете. А теперь помните, что вы мнѣ башками своими отвѣтите, если, паче чаянія, я тамъ насиліе какое встрѣчу... Гавриловъ, спустись, братецъ, да доглянь тамъ, что за дыра!

— Слушаю, ваша всбродь!—гаркнулъ бравый урядникъ, сбросилъ съ себя шинель и пашку и ногами впередъ полѣзъ въ люкъ.

Вотъ осталась видна одна его кудластая голова... однѣ руки, крѣпко уцѣпившіяся за верхнюю обвязку люка...

— Ну, что?

— Глубко, ваша всбродь!—донеслось изъ люка.

Исчезли и руки, и только слышно было, какъ Гавриловъ нылъ и грузно перебиралъ гдѣ-то внизу ногами, упираясь ими, течно въ колодецъ, въ бока люковаго сруба.

Прошло еще съ минуту, и вдругъ — тррр! Что-то тяжелое и мягкое, шурша и цѣбяясь за что-то, сорвалось и полетѣло куда-то внизъ, глухо шлепнулось обо что-то и дико, по-звѣриному, замычало...

— Гавриловъ, Гавриловъ, гдѣ ты?—нагнувшись надъ люкомъ и свѣтя въ него фонаремъ, крикнулъ приставъ.

— Ой-ой-ой! Ой, батюшки!..

— Да, гдѣ ты, говорятъ тебѣ?

— Ой, моченьки нѣтъ!..

— Да что съ тобой?

— Оборвался, ваша всбродь!.. Ой! ой!..

— Куда?

— А песь знаетъ куда, ваша всбродь!

— Ну, такъ чего же ты орешь?

— Да очинно ужъ испужался, ваша всбродь! Да и ударился дородно... <sup>1)</sup> Ой, Господи!.. Спина-то, спина-то!.. Чтوبъ вамъ сдохнуть, лоботрясы душевредные! Тьфу!..

Въ люкъ кинули веревку. Гавриловъ кое-какъ ухватился за нее и такимъ образомъ былъ вытасченъ на свѣтъ Божій. Мундирная куртка его во многихъ мѣстахъ была разорвана и висѣла клочьями; руки и лицо въ крови; волоса вклочены; глаза расширенные, перепуганные...

— Ну, что?

— Да ничего, ваша всбродь!

— Какъ это тебя угораздило?

— А такъ что лѣзу я это, ваша всбродь, ногами въ планочки упираюсь, что по стѣнкамъ, значить, понадбиты... Лѣзъ, лѣзъ: все хорошо... Только вдругъ ступилъ, значить, на одну такую планку, а она, —чтобъ ни дна ей, ни покрышки!—и хрясни... Ну, и полетѣлъ, ваша всбродь!.. Да животомъ-то да спиной-то все по стѣнкѣ

<sup>1)</sup> «Дородно» — изрядно, порядкомъ.

да по стѣнкѣ чиркѣ да чиркѣ! Оно вотъ и растворюжилъ себя малость...

— Ну, а что же ты тамъ замѣтилъ?

— А ничего ваша всбродь, потому какъ тамъ темень самая что ни на есть несуразная: хышь въ глазъ кольни...

— Ну, а все-таки? Ходы, напримѣръ? норы?

— И-и, страсти Господни, да и только!

— Что страсти?

— Шумъ, звонъ, ваша всбродь! Одно слово—нечисть...

— Ну, это ты, любезный, врешь! Какая тамъ къ чорту нечисть? Дуракъ, вотъ что!.. Привяжите-ка къ веревкѣ палку: я самъ полѣзю... Да и ты, Бѣлоусъ, со мной полѣзешь! и ты, Павлюкъ!—приказаль приставъ двумъ другимъ урядникамъ.

— И я съ вами, Михаилъ Власевичъ!—рѣшительно заявилъ экспертъ Пансофій Гордіевичъ.

— Вотъ это дѣло!.. Снимайте-ка сюртуки-то ваши да простыя рубахи съ портками надѣньте—и маршъ! А то въ хорошемъ-то еще перемажешься, мундиръ изгадишь... Да смотрите: оружіе захватите, фонарь...

Первымъ спустился, сидя на крѣпко привязанной палкѣ верхомъ и держа впереди себя фонарь, самъ приставъ; за приставомъ спустился урядникъ Бѣлоусъ, за Бѣлоусомъ Пансофій Гордіевичъ и, наконецъ, послѣ всѣхъ—урядникъ Павлюкъ.

При свѣтѣ фонаря въ одной изъ стѣнъ люка обрисовалось узкое и низкое отверстіе, которое, по мѣрѣ удаленія отъ своего начала, все болѣе и болѣе расширялось и становилось выше, образуя собою настоящій коридоръ почти въ ростъ человѣка, съ досчатыми стѣнами и таковымъ же потолкомъ на толстыхъ кругляшахъ.

— Смотрите-ка, смотрите-ка, господа, что у нихъ тутъ понастроено! а?.. Римскія катакомбы, ей-Богу—катакомбы!—осторожно ступая по глинистому полу и зорко глядя впередъ, шопотомъ высказывалъ свои мысли Михаилъ Власевичъ.

Сажени черезъ три коридоръ пересѣкался другимъ такимъ же коридоромъ.

— Вотъ тебѣ фунты! Куда теперь итти? а? Тутъ, пожалуй, и заблудиться впору... А-га-га, эврика! Эй, Бѣлоусъ, тащи, поди, изъ люка веревку, по которой мы спустились: будемъ по веревкѣ ходить, какъ древній Тезей по ниткѣ въ лабиринтѣ... Вѣдь такъ, кажется, Пансофій Гордіевичъ?

— Такъ, такъ, Михаилъ Власевичъ!

— То-то помнится, что такъ. Когда-то и насъ вѣдь кой-чему, голубчикъ, учили...

Укрѣпивъ веревку за потолочную перекладину двинулись дальше, сначала—направо.

— А воздухъ-то, воздухъ-то, господа! Пррр... Просто дышать нечѣмъ: мерзость одна, да и только!..

Коридоръ, между тѣмъ, постепенно сталъ суживаться и замѣтно подниматься кверху. Скоро вдали показалась узкая полоса свѣта.

— А вѣдь мы къ выходу идемъ, господа! Такъ и есть!..

Дѣйствительно, коридоръ вдругъ круто повернулъ налѣво и, перейдя въ простую нору, въ которой можно было двигаться лишь только ползкомъ, на четверенькахъ, вывелъ всѣхъ въ густой кустарникъ далеко позади пустыньки и стражи, охранявшей ее.

— Тют-тютю-ю-ю!—свистнулъ приставъ.—Вотъ такъ захватили. Ищи въ полѣ вѣтра! Ловко, подлецы этакіе, подстроили!..

Крикнувъ двоихъ изъ понятыхъ и поставивъ ихъ около выхода, всѣ вернулись назадъ къ тому мѣсту, гдѣ привязана была веревка.

— Дѣлать нечего, пойдѣмъ теперь сюда. Въ науку для будущаго хоть посмотримъ, какъ живутъ эти анаемы...

Взяли прямо противъ люка. Но не успѣли они сдѣлать по этому направленію и пяти шаговъ, какъ до нихъ ясно долетѣли плачъ и стонъ, не разъ уже слышанные ими еще наверху.

— Тссс, господа!..

Всѣ насторожились и тихо, тихо, сдерживая даже дыханіе, пошли на стонъ.

— Господи, да что же это? гдѣ же это я?... Мама, мама!—неслось имъ навстрѣчу.

И все ближе, ближе... Съ каждымъ шагомъ все громче и громче, слышнѣй и отчетливѣй...

Но вотъ по одной сторонѣ коридора двѣ двери, и за одной изъ этихъ дверей кто-то неудержимо рыдалъ и бился въ судорожныхъ мукахъ. Дверь оказалась запертой.

— Эй, отопри!—гаркнулъ приставъ.

Рыданія моментально смолкли.

— Отопри, говорятъ тебѣ!

Стихли даже всхлипыванія.

— Ломай, Бѣлоусъ, дверь!

Бѣлоусъ приналегъ. Съ потолка посыпался песокъ. Одинъ изъ косяковъ, прямо врытыхъ въ землю, выскочилъ изъ своего гнѣзда, и дверь съ шумомъ отворилась.

Вошли.

На перинѣ, на полу, включенная, полураздѣтая, съ опухшими отъ слезъ глазами, сидѣла Глаша и, точно окаменѣлая, съ ужасомъ, близкимъ къ столбняку, смотрѣла на дверь. При видѣ вошедшихъ она вскрикнула, вскочила на ноги, шатаясь рванулась впередъ и, какъ безумная, заговорила часто, часто, задыхаясь, размахивая руками и поминутно оглядываясь на другую дверь изъ комнаты.

— Возьмите меня! возьмите меня отсюда ради Бога!  
 — Кто ты?  
 — А Глашка.  
 — Какая Глашка?  
 — А изъ Моховины, Василисы Баландихи дочь.  
 — Какъ же ты сюда попала?  
 — А вичоръ съ мамкой да Улитой Сіятелихой пришла.  
 — Ну?  
 — Ну, а потомъ меня сюды опосля опчей молитовки и заперли. Двѣ старухи тутъ были... говорили, что на искусь, анъ вышло, что на грѣхъ одинъ...  
 — Да ты не торопись, а говори толкомъ: какъ—на грѣхъ?  
 — А такъ и на грѣхъ! Заснула этто я, анъ мало-малая и пришелъ этотъ противный старикашка...  
 — Какой старикашка?  
 — А Хеедоръ-то ихній, наставникъ-то тутѣшній...  
 — А развѣ онъ здѣсь?  
 — Здѣсь, здѣсь.  
 — Гдѣ?  
 — А вотъ оттедева пришелъ да тудатко опять и ушелъ,— сморкаясь и указывая на вторыя двери изъ комнаты, сквозь слезы проговорила Глаша.

Приставъ и Пансофій Гордіевичъ рванулись по указанному направленію.

За дверями, наглухо обитыми съ другой стороны соломеннымъ щитомъ, оказался «спудъ» наставника Ѳедора. Въ немъ былъ страшный беспорядокъ: все переворочено, смято, свалено въ кучу... На столѣ стояли двѣ пустыя бутылки, валялись черепки глинянаго кувшинчика, объѣдки «наливокъ» и «сгибней», куски севрюги, семги...

— Вотъ онъ мерзавецъ какой! а? Неугодно ли полюбоваться! а? Тамъ дѣвку обнасилъничалъ, здѣсь бражничалъ... Тьфу, сволочь поганая! А еще святыми притворяются, о вѣчномъ спасеніи толкуютъ... И главное дѣло—какъ все хитро да подло устроено: тамъ наверху разыскивай ихъ, а они въ это время чикъ!—и готово... Давнымъ-давно гдѣ нибудь по лѣсу, каналья, шагаетъ да надъ нами, дураками, посмѣивается... Ловко!..

Тщательно осмотрѣвъ всѣ углы «спуда» и захвативъ съ собой Глашу, всѣ направились дальше по этому диковинному лабиринту. Въ коридорчикъ противъ люка встрѣтили еще двѣ келейки да въ коридорчикъ налѣво три келейки, а въ концахъ опять выходы на волю—въ глубокую яму, откуда бралась глина, и въ оврагъ, поросшій частой зарослью лозняка... И вездѣ постели, разныя лакомства «снѣдныя», слѣды безпробуднаго пьянства и тайнаго разврата, наряду съ зажженными лампадкама, ворохами старинныхъ

«богодуховенныхъ» книгъ, кадилъницами, лѣстовками, ладаномъ... И опять—никого, кромѣ стараго Фоки, лежавшаго скрюченнымъ въ постели отъ жесточайшаго ревматизма, да «сбившейся съ грунту», т.-е. выжившей изъ ума старицы Христудулы, преспокойно напѣвавшей своимъ беззубымъ ртомъ священный стихъ о смерти:

«О горе, горе мнѣ, грѣшнѣй!  
О увы, увы мнѣ, бѣднѣй!  
Почто азъ не покаядась,  
Почто не уготовилась?»...

Уже время приближалось къ полудню, когда, измученные, уставшіе, приставъ, экспертъ и урядники съ захваченными Глашей, Фокой и Христудулой вышли одной боковой лазейкой, по которой думалъ улизнуть канонархъ Меѳодій, въ кладушу, а изъ нея—на дворъ пустыньки.

— Ну, и народецъ безпардонный!—снимая портки и рубаху, ругался приставъ, весь перепачканный въ сажѣ и глинѣ.

— Да, батенька, тутъ штука замысловатая: просто садись да рисуй—узоры восхитительные получатся... Видалъ я и «голубцы» ихніе, и ямы подпольныя, и стѣны выдвигающія, и потолки двойные, и ходы круговые, а ужъ такого озорства, признаться, не встрѣчалъ... А все коноводы проклятые: ухъ, пройдохи какіе!—вторилъ ему экспертъ, полощась въ тазу съ водой.

#### IV.

Рѣшено было обѣдать. Изъ кладушъ да амбарушъ появились всевозможныя закуски, и всѣ, разбившись по кучкамъ, принялись утѣшать себя за неудачную облаву на «сущихъ о Христѣ братій и сестеръ» пустынскими деликатесами.

— Ишь у нихъ, непутевыхъ, благодать кака: просто ѣшь—не хочу!—доносилось изъ группы понятыхъ, съ аппетитомъ уничтожавшихъ лекшмозерскихъ сиговъ въ прикуску съ груздями.

— Да, батенька, и намъ бы съ вами впору столъ такой имѣть,—потягивая изъ дорожной фляжки и закусывая то рыжичкомъ, то кусочкомъ пеледи и семги, разсуждалъ красный и потный отъ усерднаго «возліянія» и вкусной закуски приставъ.

Послѣ обѣда, несмотря на значительную тяжесть въ желудкѣ и пріятный туманъ въ головѣ, рѣшено было тотчасъ же приступить къ допросу захваченныхъ и описи пустынскаго имущества.

На лужайку передъ моленной былъ вынесенъ широкій сосновый столъ. На столѣ появилась скоропишущая машина, предусмотрительно захваченная съ собой судебнымъ слѣдователемъ, портфель съ бумагами и цѣлая кипа отобранныхъ въ разныхъ келейкахъ старопечатныхъ и рукописныхъ книгъ.

— Ну-сь, —потирая руки и окидывая своими мышинными глазками съ ногъ до головы бѣгунскаго канонарха, проговорилъ неторопливо и съ особымъ чисто «слѣдовательскимъ» величіемъ Никтополіонъ Киндеевичъ:—начнемъ...

И онъ застучалъ на машинѣ, выбивая число, мѣсяць, годъ и другія вступительныя подробности протоколно-слѣдственнаго акта.

«Тикъ-тикъ. Текъ-тѣкъ-такъ!»—залепетала, заговорила, закашляла своей маленькой стальной грудью машина, покорно отмѣчая на листѣ бумага то, что отъ нея требовали.

«Тикъ!»

Меодій вытаращилъ глаза на невиданную штуку и, истово осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, въ испугѣ попятился назадъ, и его блѣдныя безкровныя губы что-то зашептали.

«Тикъ!»...

— Ну-сь, любезнѣйшій, Расскажи-ка намъ, —обратился къ нему слѣдователь:—давно ли ты здѣсь и зачѣмъ сюда пожаловаль?

Меодій ни слова.

— Паспортъ есть?

Тоже.

— Да ты говори, не бойся! Для тебя же лучше будетъ...

Ну-сь, такъ что же?

Попрежнему—молчаніе.

— Пансофій Гордіевичъ, спросите-ка его вы!—наклонясь къ эксперту, шопотомъ проговорилъ слѣдователь.

Экспертъ откашлялся, поправилъ на носу очки въ золотой оправѣ и, перелистывая грубо размалеванный лицевой апокалипсисъ съ извѣстными карикатурами на православную церковь и государство, тихо, гнусливо, по-бѣгунски, нараспѣвъ заговорилъ:

— «И спасутся крыющіеся въ пропастьхъ и вертепъхъ, ненавидяще антихристова знаменія и страха»...

Меодій вздрогнулъ и съ удивленіемъ глянулъ исподлобья на говорившаго.

Между тѣмъ экспертъ, какъ бы не замѣчая, продолжалъ:

— «... Зане слышасте, что къ вамъ глаголетъ Господь Богъ вашъ: изыдите отъ сего темнаго вавилона, людіе мои, изыдите отъ прелестныя любодѣицы его и не причаститесь грѣхомъ ея»...

Меодій нервно затормошилъ свою курчавую русую бородку.

— «... ибо прииде послѣдній врагъ Божій, чувственный антихристъ, и на великороссійскую сѣдѣ державу»...

Меодій поблѣднѣлъ, покраснѣлъ и безпокойно заерзалъ на мѣстѣ.

—«... Кто убо есть скверный оный чувственный антихристъ? Не иного мню, развѣ, Петра Перваго, понеже Петръ не пріять на ся царскаго имени, восхотѣ бо по-римски именоватися «иператоромъ», еже исчисливъ узриши число 666»...

Меоодій тряхнулъ головой, сдѣлалъ шагъ впередъ и дерзко, въ упоръ, уставился на эксперта.

— «... И егда бо оный иператоръ, сей жидовинъ отъ колѣна Гданова, умысли еллинскіе и латинскіе и прочіе языческіе законы установити, яко св. бради брити, платье нѣмецкое носить, власы растити и въ косы плести, банты привязывати... табакъ носомъ пити и устами курити... и прочая тако поганеная дѣяти,—исполнися реченное: и гладъ будетъ великъ... Оле, горести! Оле, воздыханія! Здѣ бо бысть послѣдняя Русь: здѣ бо отъ сего часа на горшная измѣненія будетъ превосходити Русь человекъки любодѣйными»...

— А что же ты думаешь: не такъ?—не выдержалъ и рѣзко крикнулъ Меоодій.

— Что не такъ?—едва замѣтно улыбнувшись и зная, что теперь, когда сломлено упорное бѣгунское «словесъ храненіе», онъ все выпытаетъ, спросилъ, въ свою очередь, Пансофій Гордіевичъ.

— Что «иператоры» ващи—антихристы и вся церковь ваша—блудодѣица его?

— Ну, такъ что же?

— Ну, и правильно, значитъ, «да елицы мученія мукъ терпѣти не могутъ, бѣгствомъ спасеніе себѣ обрящутъ, оставляюще дома своя и села...

— Ну, и ты поэтому бѣжалъ?

— А то какъ же!

— И печать антихристову, т.-е. паспортъ, бросилъ?

— Бросилъ.

— И подати не платишь и не признаешь?

— И податей не признаю, занѣ Господеви точію дань душевную возсылаю...

— Ну, и слугъ антихристовыхъ, т.-е. насъ, чиновниковъ государевыхъ, отмечаешься, почитая за злочестивыя и богоотступныя?

— Тѣфу на васъ!

— И законовъ нашихъ не признаешь, мя ихъ за «кривосказательныя духоборныя книги, въ нихъ же судъ творится по похоти, сирѣчь по злату и серебру, по мѣшкамъ и штофамъ»?

— А что, скажешь,—неправда?

— Разумѣется, и церкви православной отрицаешься и таинствъ ея не приѣмлешь, занѣ въ причащеніи—«тѣло сатанино и кровь зміина», въ священствѣ—«лютыхъ демоновъ радованіе», въ крещеніи—оскверненіе, которое нужно омыть и имя перемѣнить?..

— Знамо, омыть и перемѣнить, занѣ молитесь вы за папу, и священства правильнаго у васъ нѣтъ.

— Въ бракѣ—блудъ?

— Блудъ и есть.

— Такъ. Ну, а коли въ бракѣ, напимѣръ, блудъ, такъ зачѣмъ же вы дѣвокъ съ собой водите да насильничаетъ?



— А ты видѣлъ?

— Видѣть—не видѣлъ, а вотъ и здѣсь одну такую нашли...  
Эй, приведите-ка сюда Глафиру!..

Оробѣлая, взволнованная Глаша тихо подошла къ столу.

— Скажи-ка, Глафира, кто тебя здѣсь обидѣлъ?

Дѣвушка вспыхнула, потупилась и, закрывъ лицо руками, чуть слышно прошептала:

— А Хеодоръ ихній—вотъ кто!

— Слышишь?—обращаясь къ Меоодію, спросилъ Пансофіѣ Гордіевичъ.

— А ничего не слышу!—отрывисто буркнулъ тотъ, злобно метнувъ глазами на Глашу.—Потому и слушать нечего: сама пришла... никто не просилъ...

Дѣвушка выпрямилась, задрожала, подалась всѣмъ тѣломъ къ канонарху и, прежде чѣмъ кто либо могъ сообразить и предупредить, харкнула ему въ лицо, истерично прокричавъ:

— Не ври, безстыжія твои очи! Не вѣрьте ему, баринъ! Вреть онъ... вреть!..

Глашу увели.

— Ну, что же ты на это скажешь?

— А что? Ничего!—отплевываясь и вытирая полои лицо, угрюмо проворчалъ Меоодій.

— Какъ ничего?

— А такъ и ничего! Непутевая, маловѣрная дѣвка—вотъ и все!..

— Чѣмъ непутевая? Чѣмъ маловѣрная?

— А тѣмъ и непутевая, тѣмъ и маловѣрная, что рази можно такъ?.. Подпала подъ нѣкій ночной прилогъ—ну, и молчи, не балалакай, молитовки твори да тыщу земныхъ поклоновъ положи, оно все разомъ и покроетъ...

— Развратъ-то покроетъ?

— Не развратъ, а искушеніе, темное грѣху плѣненіе немощи ради человѣческой... У насъ разврату нѣтъ, потому развратъ—на людяхъ, а у насъ все тихо, великатно, промежъ себя, съ глазу на глазъ... У насъ ни женятся, ни замужъ не выходятъ, а живутъ, яко братія и сестры, чистоту свою каждо другъ ко другу совосперяюще...

— Хороша чистота!

— А все въ ней грѣха меньше, чѣмъ у васъ, зане речено: «тѣло играетъ—душа непорочна», и пақи: «тайно содѣянное тайно и судится» и «чистымъ вся чистота и ничтоже сквернитъ»...

— Такъ по-вашему выйдетъ, что и тайно содѣянное убійство тайно судится и не сквернитъ?

— У насъ нѣтъ убійства?

— А Анисью-то въ деревнѣ Нойкайѣ кто убилъ? а?

Меоодій насутился, засопѣлъ и замолчалъ.

\*

— Ну, что не говоришь? а?.. Намъ, братъ, все извѣстно: и какъ вы ее изъ Шуй-Лахты волокли, и какъ отъ Василья, ейнаго мужа, деньги, за «мученической изволь» получили, и какъ два дня ее въ подклѣти голодомъ держали, и какъ Ѳедоръ вашъ да Макарь задушили ее тамъ и зарыли близъ гумна... Мы, братъ, вѣдь ее отрыли и все доподлинно разузнали!

— А коли открыли да разузнали, такъ и книги вамъ въ руки.

— Значить, соглашаешься?

— Чего—соглашаешься?

— А то, что иногда и убійства у васъ тайно совершаются и не считаются за грѣхъ?

— Худая трава изъ поля вонъ, зане речено: «исторгнетъ вавилонъ, и не будетъ его», и паки: «пошлетъ на нихъ мечъ, и истлятся»...

— А-га! Такъ, можетъ быть, для этого «истлѣнія» вавилоня у васъ специально и бѣглые солдаты да каторжные водятся?

— У насъ нѣтъ ни бѣглыхъ солдатъ, ни каторжныхъ.

— А отецъ-то вашъ Евѳимій? а Савва Александровъ? а Климентъ Ивановъ, Евстаѳій Дмитріевъ, Абрамъ Бурловъ? А теперешній-то вашъ наставникъ Ѳедоръ, начетчикъ Макарь, душегубъ Филатка?

— Такъ это-жъ у васъ, въ вавилонѣ, они были такими, а у насъ омылись, освятились, очистились и стали благовѣрными, агнцами непорочными, братьями и рабами Божиими, не имѣющими здѣ пребывающаго града, а грядущаго взыскующими.

— Вотъ оно что! Вѣроятно, поэтому-то вы ихъ такъ тщательнo и скрываете отъ насъ, слугъ антихристовыхъ?

— Скрывать не скрываемъ, а и на муку не предаемъ.

— На какую муку?

— А извѣстно—на какую! На какую христіанъ при Неронѣ предавали?

— А-га!.. Такъ, значить, и ты теперь на мукѣ у насъ?

— Знамо, на мукѣ.

— (Стратотерпецъ, значить? мученикъ? исповѣдникъ?)

— Слава Ти, Господи, довелось пострадать за имя Твое святое! И Меѳодій, поднявши глаза къ небу, широко осѣнилъ себя двуперстнымъ знаменіемъ креста.

— Ну, а скажи-ка, стратотерпче, чѣмъ же вы живете здѣсь?

— Чѣмъ! Милостынею да постомъ.

— Та-а-акъ. Ну, и водка при вашемъ постѣ полагается?

— Мы не пьемъ водки.

— А бутылки-то въ келейкахъ для чего же завелись?

— А ты не сурѣчь, потому то—не въ шанство, а для лѣкарствія, для бранныхъ тѣлесъ врачеваній, зане речено: «всякъ злакъ на службу человѣку», и индѣ: «полезно вино животу человѣчу, радование бо тѣлу и веселіе души есть»...

— Вѣрно. Хотя, знаешь, доза-то для врачеванія ужъ какъ будто и не подходитъ: великовата малость! А?

— Могій вмѣстити да вмѣститъ.

— Правильно. Такъ, можетъ, для врачеванія же ваши бабы и казачій можжевельникъ, тертый порошокъ, янтарь да шафранъ пьютъ?

— Не знаю.

— Какъ не знаешь?.. Эй, позовите-ка сюда Домну!..

Къ столу подошла захваченная въ олешинѣ женщина. Во всей фигурѣ ея на этотъ разъ такъ и било въ глаза что-то упрямое, строптивое, дерзкое, хотя нѣтъ-нѣтъ да и мелькнетъ, и проскользнетъ, что все это упрямство, вся эта стропливость и дерзость—напускныя, дѣланныя, вызванныя желаніемъ во что бы то ни стало скрыть отъ людей какую-то наболѣвшую и сильно нывшую душевную рану.

— Здравствуй, Домна! — обратился къ ней судебный слѣдователь.

Ни слова, ни звука. Только платочекъ едва замѣтно шевельнулся на головѣ.

— Тебѣ мужъ, дѣвченка твоя, братъ, свекоръ да свекровь поклонъ шлютъ!

Домна гордо подняла голову, внимательно оглянула слѣдователя и отчетливо и громко проговорила:

— Нѣтъ у меня ни свекора, ни отца, ни свекрови, ни матери, ни мужа, ни дочери. По плоти, на міру, были, а теперь — нѣтъ...

— Полно, такъ ли?

— Такъ.

— И не жалко?

— Нѣтъ.

— И дѣвочку свою не жалко?

Домна опустила голову и дрогнувшимъ голосомъ чуть слышно проговорила:

— Нѣтъ.

— А вѣдь большая она ужъ у тебя! И вся-то въ тебя: такая же красивая да статная будетъ...

Платочекъ съ бѣленькой нашивной каемочкой опустился еще ниже и спокойно заходилъ изъ стороны въ сторону.

— Ну, а этого-то ребеночка, котораго ты похѣрила-то, тоже не жалко?

Домна зашаталась и съ глухимъ стономъ опустилась на землю. Слова слѣдователя попали какъ разъ въ больное мѣсто: и безъ того нывшая рана зажглась нестерпимой болью, и эта нестерпимая боль разомъ отогнала далеко прочь всю напускную фальшь въ несчастной изстрадавшейся женщинѣ. Въ ея головѣ быстро, точно въ какой-то дьявольской пляскѣ, запрыгали, закружились, мучительно развертываясь и еще мучительнѣе свертываясь и обрываясь, картины взбудораженнаго слѣдователемъ прошлаго, того близкаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, далекаго прошлаго, которое она силится забыть, вырвать, вычеркнуть изъ своей памяти — и не могла...

Вотъ она молодой восемнадцатилѣтней дѣвушкой идетъ по улицамъ города Каргополя въ Троицынъ день въ крестномъ ходу изъ собора въ Свято-Духовскую церковь. Жемчужная «канура» <sup>1)</sup>, бѣлый атласный платъ, сплошь шитый золотомъ, штофный малиновый сарафанъ съ позументомъ по подолу, мелкоклѣтчатая кисейная рубашка съ золотыми понизьями такъ и сверкаютъ, такъ и горятъ на ней, возбуждая невольный восторгъ и удивленіе горожанъ... Она пробуетъ сосредоточиться, настроить себя на молитвенный ладъ, шепчетъ одну за другой знакомыя ей молитвы, но помимо ея воли между молитвенныхъ словъ такъ и прыгаетъ неотвязная, точно кѣмъ-то постороннимъ и властнымъ нащептываемая мысль: «Обернись, погляди! Вонъ видишь, гдѣ стоитъ онъ, твой суженый, твой ряженный, твой ненаглядный Петръ? Стоитъ и глазъ съ тебя не сводить, любуясь только тобою и видя одну только тебя»...

Кончилась обѣдня. На торговой соборной площади началось гулянье. Шумъ, гомонъ, смѣхъ. Дивчата хоромъ затѣяли... Но не до хоровода ей: въ два часа пополудни ея милый условился съ ней увезти ее <sup>2)</sup>, и ей въ одно и то же время и любо, и радостно, и страшно, и жутко. Сердце ходенемъ такъ и ходить...

«Пошла, пошла! Э-ей, держи!»—раздается вдругъ среди общаго веселья рѣзкій, громкій крикъ. Толпа заколыхалась, заволновалась, рванулась за бѣглецами, но рѣзвая тройка, закусивъ удила и разметавъ по вѣтру длинныя гривы, уже далеко: не догнать ее... Да и къ чему? Все случилось такъ, какъ во избѣжаніе лишннихъ расходовъ желали обѣ стороны—и жениха, и невѣсты. Но не покочевряжиться нельзя: что скажутъ люди? Нехорошо...

Вотъ она въ избѣ Петра. Изба полна народа, который съ любопытствомъ смотритъ въ ту сторону, гдѣ сидитъ она, уведенная. Перекидываясь между собою различными шутками и прибаутками,

<sup>1)</sup> «Канура» — головной уборъ олоонецкой дѣвушки, представляющій собою лобную жемчужную повязку, сверхъ которой повязывался уже платъ.

<sup>2)</sup> Въ Олоонецкой губерніи до сихъ поръ живъ обычай увода дѣвицъ въ замужество.

касающимися свадебъ, всё съ нетерпѣніемъ ждутъ «отводинъ», т.-е. того, какъ родные ея придутъ отводить ее обратно домой. Стыдно ей. Натянувъ платокъ на самые глаза, не шелохнувшись сидитъ она между Петромъ и подругой—«проводатаемъ»<sup>1)</sup>, точно приговоренная къ смертной казни...

«Идетъ, идетъ!» — волной отъ заднихъ къ переднимъ рядамъ прокатилось вдругъ по народу. И, дѣйствительно, дверь отворяется, и въ темной пасти ея, запыхавшаяся, съ напускной злостью въ глазахъ и притворной рѣшимостью исполнить задуманное, показывается ея мать.

— Ты что же это, голубушка, сдѣлала? А? Зачѣмъ ты здѣсь? А?.. Пойдемъ-ка, пойдемъ, добро, домой!—подойдя къ ней вплотную, говорить она,

Бррр... нехорошо съ ней! Точно кто сбрызнулъ изъ мелкаго сита кипяткомъ, а потомъ навалилъ снѣгу, цѣлыя груди снѣгу и льду... Зубы противъ воли начинаютъ трель выдѣлывать, а къ горлу откуда-то изнутри подкачивается съ неудержимой силой что-то противное, терпкое, гадкое, горько-соленое...

— Ну, что молчишь? Пойдемъ, пойдемъ! Нечего намъ здѣсь дѣлать!..

Мать схватила ее за руку и потянула къ себѣ, но Петръ обхватилъ и не пускаетъ.

— Нѣтъ, теперички не ваша она! Пусть-ко остается здѣсь: не для того была уведена, чтобъ домой ворочаться!—говоритъ онъ матери.

— Мало ли кого вы уведете!—огрызается та.—Я говорю, чтобъ сейчасъ же шла со мной домой!..

— Матушка, матушка, вѣрно Богъ такъ судилъ!—съ плачемъ бросается она въ ноги матери.

Поднимается шумъ, крикъ... Всѣ наперерывъ стараются защитить ее и уговорить мать.

— Вишь, горячка какая!—тамъ и сямъ раздаются отдѣльные голоса. — Проваливай, проваливай! Сама виновата, что не караулила дочь раньше!..

Мать, выбившись изъ силъ и показывая видъ, что одной ей дочери домой не отвести, направляется къ порогу, кинувъ ей обычную въ такихъ случаяхъ фразу:

— Вотъ погоди, ужотко придетъ отецъ, такъ живо дома будешь!

И опять томительное ожиданіе подъ говоръ любопытствующей толпы.

Но вотъ и отецъ. Какъ и мать, онъ горячится «для глазу» и старается захватить ее руками за косу, чтобы побить.

<sup>1)</sup> Подруга—«проводатай»—любимая подруга уведенной, помогающая обыкновенно уводу и остающаяся съ уведенной въ домѣ жениха до самой свадьбы.

— Не бей, не бей! Слышь?.. Не бей,—кричить народъ:—и никого не вини, что увели! Спроси-ко у дочери-то, вѣдь она сама согласна была... Лучше свадьбу играй—вотъ что!..

Отецъ уступилъ. Началось рукобитье. Родные Петра пошли по рядамъ присутствующихъ съ водкой и закуской, приговаривая: «не побрезгуйте, добрые люди, хлѣбомъ-солью нашего князя и его нареченной княгини!»...

Мелькнула, далѣе, въ склоненной до земли головѣ Домны самая свадьба.

«Святая госпожа Богородица, родила еси Христа, Царя небеснаго. Будь же, государыня матушка, помощница и заступница на всякомъ мѣстѣ, на водѣ и землѣ; князя и княгиню стереги со всѣмъ поѣздомъ отъ вѣдуна и отъ вѣдуницы, и отъ кладуна и отъ кладуницы, отъ бабы-сретицы, отъ бабы-бѣлоголовки, отъ дѣвки-черноголовки, отъ двоежена, троежена, отъ двоезуба, троезуба, отъ встрѣчнаго, поперечнаго, отъ накликаго-горбатаго, отъ усопшаго и бѣса и отъ всей силы нечистой, яже во дни и въ нощи, въ затворахъ и притворахъ, въ утинахъ и въ притинахъ, отъ кладязя и езера, отъ блата и пустыни, отъ лихого человѣка и всякія порчи — душевныя и тѣлесныя, отнынѣ и довѣку, всегда бы и по вѣку»,—какъ будто сейчасъ звучать въ ея ушахъ слова знахаря—дяди Шептуна, съ запертымъ замкомъ, сырымъ яйцомъ и востроносымъ ножомъ въ рукахъ отпускающаго свадебный поѣздъ къ вѣнцу...

Тихо-тихо... Разошлись гости... Она одна съ своимъ Петромъ...

Прошелъ годъ. У счастливыхъ, безумно любившихъ другъ друга супруговъ родилась дочь — хорошенькая, маленькая Вѣрочка. А потомъ...

— О Господи! — шепчетъ, извиваясь въ судорожныхъ рыданіяхъ, Домна.

...Потомъ Петра забрили. Ушелъ онъ, соколикъ ненаглядный... Наступила тоска, бессонныя ночи... А тутъ этотъ Меодышка противный «проявился»... И вѣдь невзрачный какой, настоящій замухрышка, анъ вотъ попуталъ таки бѣсъ...

— Ну, что же ты молчишь? Что плачешь? — нагнувшись къ ней, тихо спросилъ слѣдователь.

— Виновата, ваша милость! Моя вина! Мой грѣхъ! — какъ безумная, на колѣняхъ, не своимъ голосомъ прокричала Домна.

Всѣ вздрогнули и невольно потупили головы предъ этой тяжелой крестной мукой бѣдной женщины. Только бѣгунскій канонархъ Меодій, какъ бездушный истуканъ, стоялъ неестественно прямо, даже откинувши голову нѣсколько назадъ. Поблѣднѣвшее, какъ мѣлъ, лицо его подергивалось судорогой, а въ глубоко ввалившихся и обведенныхъ темно-сѣрыми мѣшками глазахъ свѣтилась такая лютая ненависть, такое проклятье по адресу несчастной Домны, что вчужѣ становилось жутко.

— Въ чемъ грѣхъ? Въ чемъ вина?— еще тише спросилъ Никтополіонъ Киндеевичъ.

— Похѣрила я его!.. Правда это!.. Я все вамъ расскажу, какъ предъ Богомъ расскажу... Казните меня: я сама того хочу, пострадать хочу!.. Только домой меня не водите: неумоготу!.. И жалко мнѣ его... То-ись, Господи, вотъ какъ жалко, вотъ какъ жалко!..

— А ты полно, не волнуйся, а расскажи все по порядку, какъ было.

— А такъ и было!.. Появился это, батюшка баринъ, въ нашей деревнѣ вотъ энтотъ окаянный. Съ виду совѣмъ святой, а только— враки это... У Корнея въ подызбицѣ остановился... Ну, и сталъ это онъ, ваша милость, всѣхъ уговаривать да улещать. «Антихристъ, говоритъ, на міру царствуетъ... Свѣту приставленъ скоро будетъ... Молитесь, говоритъ, и кайтесь. Только — не у поповъ, потому какъ они антихристомъ, говоритъ, подкуплены и испорчены: лжеучители и поганцы. Бѣгать ихъ нужно. Въ пустыню ийти»... Ну, и пошли всѣ къ нему въ подызбицу. Говоръ опосля вышелъ: «праведный какъ есть человѣкъ, говорятъ: молится до поту, мяса не вкушаетъ, писанье толкуетъ, гадаетъ и предсказываетъ, и чудеса творить»... Послухала-послухала это я, подумала да и сама пошла: помолиться пошла да о Петрѣ погадать... И все хорошо такъ было... Кончилась вечерница. Вдругъ это онъ и говоритъ мнѣ: «что, молодуха, о Петрѣ скучаешь? Не скучай, говоритъ, а вѣруй и молись да вдругорядъ приходи: я тогда тебѣ о Петрѣ твоємъ по писанью все какъ есть расскажу»... Ну, и опять пошла... Разошелся это народъ, а я съ нимъ осталась, потому какъ онъ гадать мнѣ обѣщаль... Вотъ ладно. Сижу и жду. Изъ думъ Петра не выходить... А онъ, ваша милость, батюшка баринъ, вдругъ это дверь на крюкъ и посади: «чтобъ гаданью, говоритъ, не помѣшали»... Хорошо. Досталъ это потомъ книжку, раскрылъ да и давай читать: читаетъ, а бѣльмами-то все на меня да на меня... А опосля всего какъ зыркнетъ, какъ кинется — да въ охапку! Я — кричать. Такъ куды тебѣ! Рази сладишь съ такимъ охаверникомъ?.. Ну, и пошло, и пошло: со страху да со стыда пошло... «Ты, говоритъ, молодуха, помалкивай да почаще притыркивайся <sup>1)</sup>, а нѣтъ — такъ со свѣта сживу, потому какъ я всю книжну премудрость, говоритъ, произошелъ и все могу: и испортить въ конецъ испорчу, и на допрежній ладъ опять направлю... А насчетъ всего прочаго будь спокойна, говоритъ, потому какъ у меня сила такая есть и прозрѣнье, и даръ: помолившись да благословясь дамъ тебѣ одну штуку выпить — живо все и прочистить...

— Ну, и что же — далъ?

— Далъ, далъ, ваша милость!

<sup>1)</sup> «Притыркивайся» — навѣдывайся, похаживай.

— И ты пила?

— Пила, ваша милость, пила! Много пила: и въ молокѣ парномъ пила, и въ дождевой водѣ пила, и въ винѣ пила...

— И помогло?

— Нѣтъ, не помогло, потому какъ, должно, запоздала я... Да и дюже съ самага же спервоначалу понесло меня: я пью, а меня, точно на дрожжахъ, такъ и дуетъ, такъ и пыжить, что твою квашню на печкѣ...

— Ну, а дальше-то что?

— А дальше, батюшка баринъ, вдругъ это Пётра мой по счастливому жерѣбью пришель, путкать<sup>1)</sup> меня зычалъ, пластушкой<sup>2)</sup> кликать, битъ... Всѣ отъ меня отвернулись... Вотъ и вышель грѣхъ...

— Да какъ же онъ вышель-то?

— А такъ и вышель!.. Возненавидѣла я о ту пору и мужа, и энтова кобыльника проклятаго, и дитѣ свое малое... То-ись такъ возненавидѣла, ваша милость, что, кажись, своими руками изорвала бы!.. Вотъ только чуйствую, что пора пришла: такъ и разсамариваетъ, такъ и тянетъ, такъ и гнетъ... Я — въ поле, быдто за дѣломъ, да на Кувалдиной пожнѣ, за кустикомъ, и родила...

— Ну-съ?

— Ну, взяла я это его, моего голубчика, гляжу, а въ самой злоба-то такъ и кипитъ, такъ и переходитъ, такъ и бурлитъ, точно въ котлѣ: рѣзвить<sup>3)</sup> просто помутился, застервенѣла вся, что звѣрь лютый... Глядѣла, глядѣла, да со всего маху объ землю и хватъ! Пискнулъ, сердешный, ручонками задрыгалъ, ножонками замоталъ, а я—знай дую! Да по головкѣ, да по животу, да все каблукъ, каблукъ! Онъ ужъ и войкать пересталъ, и головка вся размякла и расхляпалась, изъ животика кишочки пошли, а я все дую, все дую, точно подталкивалъ кто... Очухалась это малость, глянула—саму просто ужась взяла... Скорѣ ямку тутъ же, подъ кустикомъ, вырыла да и закопала, ногами вотъ такъ утопала и домой! Пришла это домой, а самое такъ и трясеть, такъ и носить, что лошадь твою опоеную... Петра о ту пору на лавкѣ сидѣлъ да хомутъ чинилъ, свекоръ на полатяхъ, а свекровь абипуль<sup>4)</sup> печки возилась... Вотъ хорошо. Забралась я на печку, лежу да и думаю: «ну, конецъ всему».. Анъ вдругъ въ избу-то и шастъ урядникъ со старостой да съ мужиками... «Гдѣ, говоритъ, у васъ молодайка-те?» А Петра ему и отвѣчать: а вонъ, говоритъ, на печкѣ. А что? «Какъ что? Рази ты не знашь, что она сейчасъ

<sup>1)</sup> «Путкать»—бранить, ругать.

<sup>2)</sup> «Пластуха»—потаскушка.

<sup>3)</sup> «Рѣзвить»—разумѣ.

<sup>4)</sup> «Абипуль»—около, возлѣ.



ребеночка своего порѣшила?»... Петра такъ и сѣлъ на лавку и хомуть изъ рукъ уронилъ, забѣлѣлъ весь, а въ глазахъ-то слезы, слезы у сердешнаго: видно, еще жалѣлъ меня о ту пору... Ну, сейчасъ меня взяли да въ арестанску и заперли, потому сусѣдки все какъ есть, значить, видѣли, да и я сама не запиралась... Вотъ ладно. Сижу этто я въ арестанской часть, другой... Ночь надвинулась. Сутемень такà пошла. На дворѣ погода завязалась: вѣтеръ, дождь, слякоть... Сижу и только вдругъ слышу, что у стѣны какъ быдто скребется кто-то, да постукивать... «Ну, думаю, гнусь <sup>1)</sup>. Господь съ нимъ: пусть скребется»... Анъ и еще и еще, и все пуцѣй и пуцѣй <sup>2)</sup>. По ногамъ слюнява <sup>3)</sup> потянула... «Что, думаю, за причта такà?» Пригаилась этто и жду... Вдругъ шопотомъ кто-то и покличь: «Домна! а Домна!» Что?—говорю. «Наклонись-ко, говоритъ, сюды!»—«Да кто тутъ?»—«Я—Меодій, говоритъ. Тутъ, говоритъ, я тебѣ мѣстечко подкопалъ. Подлѣзай скорѣ — да и айда»... Ну, я сейчасъ пролѣзла этто да и ушла съ нимъ сюды...

— Ну, и что же здѣсь ты видѣла?

— Да что! Измытарилась совсѣмъ. Отъ ѣды, отъ сна отбилась. Опротивѣло все... А за послѣднее время видѣнія этто разныя стали приставляться. Сижу, альбо дѣлаю што—вдругъ ребеночекъ предъ глазами, пицить таково-то жалобно, ножками дрыгаетъ... «Мама, говоритъ, мама!..». Ну, и немогогу: зареву — да въ лѣсъ, да въ олѣшину... А то Петра вдругъ привидится: стоитъ блѣдный, мутной <sup>4)</sup> такой, на глазахъ слезы, изъ рукъ хомуть валится... «Эхъ, Домна, Домна, говоритъ, что ты съ собой сдѣлала? Зачѣмъ ты и себя и меня сгубила? Иль тебя я не любилъ? Эхъ, эхъ!»... Ну, и опять въ олѣшину! Въ олѣшинѣ и спать по лѣту зачала: все лучше... По крайности—не вижу никого...

— Нѣтъ, да не о томъ я тебя спрашиваю! Ты мнѣ скажи, какъ вотъ они-то здѣсь живутъ?

— А какъ живутъ! Страмъ одинъ, да и все тутъ. Съ виду какъ быдто и ничего, а приглядишься, такъ съ души такъ и запорщить <sup>5)</sup>... Какъ ночь, такъ и пошла канитель: пѣни, водка, гулюшки...

— Пьютъ, значить?

— И-и!..

— И ребяты рожаютъ?

— И ребяты рожаютъ.

— А куда же они ихъ дѣваютъ?

— А на мѣръ отдають, христолюбцамъ своимъ...

<sup>1)</sup> «Гнусь»—мышь.

<sup>2)</sup> «Пуцѣй»—сильвѣе.

<sup>3)</sup> «Слюнява»—сырость.

<sup>4)</sup> «Мутной»—встревоженный, взволнованный.

<sup>5)</sup> «Запорщить»—замутить, затопнить.

— Ну, а бываетъ, что и снадобья пьютъ, чтобы ребячь-то, значить, не было?

— Пьютъ, пьютъ, ваша милость!

— А ты видѣла?

— А то какъ же! Еще третьевось Марѳушка эта, изъ Клѣтны, вонъ тамъ, по назадворью, чихала, какъ ее воротить пошло съ поила этого самага...

— Ну, такъ вотъ что, Домна!—нѣсколько помолчавъ, проговорилъ слѣдователь.—Коли ты и въ самомъ дѣлѣ вздумала виниться чистосердечно да совѣсть свою облегчить, такъ смотри, не вилай: и впередъ то же говори, помоги намъ всю ихъ мерзость на чистую воду вывести... Слышишь?

— Слышу, слышу, батюшка баринъ! Слышу!.. Только и вы меня не оставьте: снимите вы ради Бога съ меня, окаянной, камень тяжелый!.. Измытарилась я... Хышь въ воду съ головой!.. Петра, голубчикъ мой Петра, слышишь ли?.. О-о-о!..

Домну увели.

— Ну, такъ что же, Меодій?—обращаясь къ канонарху, прервалъ Никтополонъ Киндеевичъ тяжелое молчанье, наступившее вслѣдъ за этой мучительной исповѣдью уведенной Домны.—Что ты скажешь на все это? А?

— А вотъ что: тѣфу! И больше ничего!—бѣшено прокричалъ припертый къ стѣнѣ бѣгунъ, затрясся весь и, заскрежетавъ зубами, съ силой рванулся въ сторону. Подвернувшийся Бѣлоусъ, какъ снопъ, свалился на землю отъ здоровеннаго тумака озвѣрѣлаго «агнца непорочнаго».

— Держи, держи!—прокатилось по лужайкѣ.

Всѣ бросились въ погоню, и черезъ минуту бѣглець былъ пойманъ.

— А-а-а, такъ ты такъ?—выдѣлывая кулакомъ передъ носомъ бѣгунскаго канонарха замысловатые пируеты, хрипѣлъ приставъ.—Ты такъ? Хорошо же!.. Вяжи его, ребята!..

Меодія связали.

«Тикъ-тикъ! Текъ-текъ-тикъ!»—пропѣла съ особеннымъ визгомъ въ послѣдній разъ все время безъ усталы работавшая машина, отмѣчая фактъ сопротивленія властямъ.

Допросъ кончился.

Составивъ наскоро опись пустынскому имуществу, опечатавъ все и сдавъ арестованныхъ и цѣлый ворохъ бѣгунскихъ книгъ на руки тремъ урядникамъ и понятымъ, приставъ, слѣдователь и экспертъ, въ сопровожденіи остальныхъ трехъ урядниковъ и Сеньки, отправились обратно.

Слѣдомъ за ними тронулись, окруженные стражей, и бѣгуны съ бѣгунками.

Солнце совсѣмъ уже склонялось къ западу. Надъ болотистой мшариной, какъ и вчера, со звономъ носились мириады мошекъ и комаровъ. Птички замолкли, и только со дна глубокихъ засосей кто-то опять запыхтѣлъ—недужно, протяжно...

— А что, Макаша, не отдохнуть ли намъ? А? Какъ ты думаешь? А?

— А что жъ? И отдохнуть можно... Верстѣ, почитай, тридцать отшлепали по экой по чищирѣ: на сегодняшній день, пожалуй, и буде...

Въ небольшомъ овражкѣ, по дну котораго тихо журчалъ ручеекъ, вспыхнула теплина. Голубоватый дымъ тонкой струйкой закрубился кверху, но, не донесши своихъ колець и до половины громадныхъ сосенъ и елей, стѣной ограждавшихъ доступъ къ овражку, незамѣтно таялъ и расплывался въ вечернемъ воздухѣ. Гдѣ-то высоко-высоко надъ лѣсомъ, возвращаясь въ гнѣздо съ дневного разбоя, рѣзко прокричалъ свое «хія-хіякъ» старый тетереви́тникъ...

— А что, Макаша, ловко вѣдь мы дремача запалили? а?— опустившись на мягкій, пушистый, темнозеленый мохъ и съ наслажденіемъ протягивая уставшія ноги, проговорилъ бѣгунскій наставникъ Ѳеодоръ.— Вотъ, поди, бѣсятся щепотники проклятые! А?.. Ищутъ, шнорятъ—гдѣ Ѳеодоръ? гдѣ Макарь? А Ѳеодоръ съ Макаромъ—тю-тю!.. Ловко? А?

— Что и говорить: чистота и любота—одно слово.

— А ты знашь, я совсѣмъ было свою шапку съ деньгами-то посолилъ?

— Ну?!

— Ей-Богу, пра! Какъ забалабонили это они, я и вскочилъ... Въ башкѣ опосля вчерашняго-то муть такая, руки дрожатъ, ноги дрожатъ... Мечусь, какъ угорѣлый, ищу—гдѣ шапка? Нѣтъ шапки— да и все тутъ! А она, штобъ ей ладно было, заскалась<sup>1)</sup> подъ столъ да и лежитъ тамъ... Спасибо, Микишка въ спудъ вскочилъ. «Что дѣлать?»—кричитъ. А я самъ не свой. Гдѣ шапка?—говорю. Шапку мнѣ давай!.. А онъ нагнулся подъ столъ, поднялъ, повертѣлъ да и говоритъ: «не энта ли?» Ну, я сичасъ къ нему, выхватилъ, велѣлъ ему въ подпечкѣ двѣ приступки сбить, крикнулъ всѣмъ, чтобъ удирали, да и былъ таковъ!..

— Ты-то что: молодчина! А вотъ какъ-то, слышь, Несторка да Меѳодька тамъ?

— А что имъ дѣлается? Несторка да Меѳодька улизнуть: не таковскіе, чтобы въ лапы даваться. Особливо Несторка: мужикъ— что лисица твоя хитрѣющая... Нѣтъ, вотъ Глашка-то какъ?

<sup>1)</sup> «Заскалась»—свалилась, засунулась.

— А что?

— Да заперъ я ее!

— Какъ заперъ?

— А такъ и заперъ! На ключъ заперъ...

— Ха-ха-ха-ха-ха! Ну, и удружилъ же, курицынъ сынъ! Ловко! Ай да Оедька!.. Хссс!..

— А что, Макаша, средь разговоровъ-то не повечеряютъ ли намъ? А?

— Да, да. Давай, повечеряемъ, да и на покой! А то завтра, братъ, опять вѣдь въ дорогу...

— Вотъ эфто скверно, Макаша! Отвыкъ я какъ-то отъ ходьбы-то. Старость, видно, одолѣвать, братъ, зачала: спина вотъ можжитъ, ноги пухнуть, вдоль грудины пѣгота пошла...

— А ты брось, не сдавайся! Вспомни старинку-то!.. Вотъ я, братъ, такъ съ самой Нерчинки по такимъ пологамъ да урманамъ на своихъ на двоихъ приперъ да съ тобой каку упряжку валандаюсь, а ничего! Вотъ какъ теперича, разложишь этто сушинку, чтобъ, значить, дыму меньше было, перехватишь малость, отдохнешь—и дальше! И чудесно, братъ! Люблю я это до страсти... Идешь себѣ вольготно, а кругомъ—травка-муравка, деревьница, Богомъ насаженная, ягода всякая, грибы, дикій лукъ, колба, птички... Выйдешь на трактъ, зайдешь въ деревеньку, поканючишь малость, закинешь за спину тарбатейку<sup>1)</sup> съ хлѣбомъ—и снова въ путь-дороженьку, во зеленый хвойный лѣсъ! Пастухъ этто на волынкѣ играетъ, красны дѣвки ягоду берутъ, а ты идешь-идешь и конца-краю не видишь, точно въ морѣ какомъ... Хорошо, братъ!..

— Ну, а зимой-то?

— А што зимой? Ну, снѣгъ тамъ, мятелица, морозъ... А все же самъ себѣ панъ: идешь и въ усъ не дуешь... Тамъ къ Тетерихѣ обогрѣться зайдешь, здѣсь къ Маланьѣ съ Прасковьей въ гости... И отлично, братъ!..

— Ну, да ладно: тебя не переслушаютъ... Ложись-ко лучше да губами-то не больно ляскай, а то какъ разъ гилевинъ<sup>2)</sup> набредетъ...

— А это что?

Изъ-за голенища сверкнулъ длинный, острый засапожникъ.

Бѣгуны улеглись, но чуткій слухъ, выработанный бродяжничествомъ, не измѣнялъ имъ и во время сна: при малѣйшемъ лѣсномъ шорохѣ головы «рабовъ Божіихъ» сейчасъ же поднимались отъ земли и зорко осматривали ближайшіе кусты, а руки привычнымъ жестомъ безшумно вытаскивали страшное оружіе...

<sup>1)</sup> «Тарбатейка»—бродяжескій мѣшокъ съ ляжками черезъ плечо.

<sup>2)</sup> «Гилевинъ»--сыщикъ, недобрый человѣкъ, дикій звѣрь, вообще—все, что грозитъ бродягѣ опасностью.

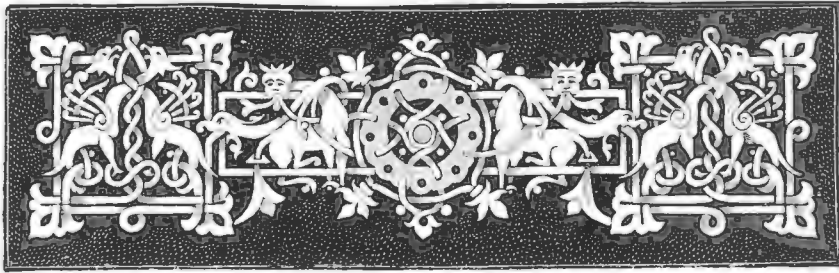
Опустѣла Изосими́на пустынька...

Правда, мѣсяца черезъ три послѣ описаннаго приѣзжало въ нее опять начальство, но, тщательно измѣривъ все и снявъ планы, опять уѣхало. И стоитъ эта пустынька забытая, заброшенная; наѣздъ никонианскаго духовоборнаго суда вспугнулъ ея обитателей и однихъ разогналъ по другимъ мѣстамъ, а другихъ упряталъ далеко-далеко, гдѣ, какъ они сами поютъ,—

«Вѣчный буду я изгнанникъ  
И въ чужой землѣ пришлецъ,  
Одинокъ безъ крова странникъ,  
Для друзей живой мертвецъ»...

Д. М. Березкинъ.





## ГАГРЫ, ПИЦУНДА И ГУДАУТЬ.



ГАГРЫ, древняя греческая колонія на берегу Чернаго моря, основанная въ VII вѣкѣ до Рождества Христова, лежитъ у входа въ глубокое и мрачное ущелье, извѣстное подъ этимъ же имененемъ. Это ущелье въ прежнее время служило единственнымъ путемъ, по которому черкесы совершали свои набѣги на Абхазію. Во время римскаго владычества здѣсь была крѣпость для защиты отъ морскихъ пиратовъ. Затѣмъ Гагры находились во власти абхазскихъ князей; до сихъ поръ сохранились стѣны древняго храма, постройку котораго археологи относятъ къ одному времени съ основаніемъ церкви въ Пицундѣ. Съ занятіемъ Черноморскаго побережья русскими войсками было построено укрѣпленіе, которое въ 1854 г. оставлено, а затѣмъ, когда въ 1857 г. Гагры вновь были заняты русскими, то въ развалинахъ бывшей крѣпости устроенъ былъ лазаретъ, который просуществовалъ до 1876 года. Ни города, ни селенія въ этомъ историческомъ мѣстѣ русскіе не построили... А когда-то Гагры были оживленнымъ, цвѣтущимъ, то греческимъ, то римскимъ, то венеціанскимъ, поселеніемъ или колоніей.

«Пришли русскіе, и страна,—говоритъ профессоръ Пастернацкій<sup>1)</sup>,—имѣвшая болѣе 2000-лѣтнюю древность, опустѣла. Какимъ-то смертельнымъ холодомъ вѣетъ отъ этихъ сѣрыхъ развалинъ. Зловѣще высятся надъ ними неприступныя горы. Кругомъ ни

<sup>1)</sup> «Климатическіе пункты» на Черноморскомъ побережьѣ.

звука, кромѣ глухого ропота горнаго потока да грознаго раската морскихъ волнъ, подступающихъ къ развалинамъ, какъ бы съ намѣреніемъ окончательно стереть Гагры съ лица земли».

Въ самомъ дѣлѣ, сумрачны, хотя и величественны Гагры!.. Высокія горы крутымъ скатомъ спускаются къ морю, образуя ущелье и узкую береговую полосу отъ 100 до 400 саженъ ширины — это Гагръ. У самаго ущелья развалины церкви и крѣпости, гостиница, конюшни, рабочіе бараки, дальше къ югу возникающей новый блестящій курортъ, про который профессоръ Пастернацкій замѣчаетъ: «къ сожалѣнію, узкая береговая полоса земли у самыхъ Гагръ представляетъ небольшую площадь, недостаточную для образованія на ней сколько нибудь значительнаго курорта».

Гагры доступны только морю, его вліянію, его вѣтрамъ; со всѣхъ сторонъ вся мѣстность заперта цѣпью высокихъ зеленыхъ горъ, вершины которыхъ глядятъ въ море и на узкую полосу берега. Здѣсь нѣтъ простора, горы подошли почти вплотную къ морю, отъ котораго некуда уйдти и отъ впечатлѣній котораго нельзя избавиться. Море и море и только одно море!.. То бурное, сѣдое, то яркое синее, какъ небо, то блестящее, то тихое, то грозное!..

Правда, роскошна, могуча растительность въ Гаграхъ, много всякихъ чудесъ тамъ, далеко въ горахъ, куда нужно совершать экскурсіи, но здѣсь однообразно: одинъ горизонтъ—просторъ морской стихіи. Въ горахъ растутъ: дикій миндаль, маслины, лавръ, кавказская пальма и цѣлыя рощи въ ущельѣ сосновыхъ деревьевъ (*pinus maritima*). Посаженная когда-то аллея пирамидальныхъ тополей грандіозна: какіе сильные, могучіе стволы!.. Безъ всякаго сомнѣнія, на закрытомъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ моря, тѣсномъ берегу вырастетъ и разовьется богатая тропическая растительность, которая придастъ этому уголку очаровательный видъ... но какъ мало мѣста... придется подыматься въ горы, гдѣ южное солнце станетъ жечь еще беспощаднѣе, нежели на берегу. Гагры лѣтомъ невозможны, особенно, когда нѣтъ вѣтра съ моря: душно, жарко, какъ нигдѣ на южномъ побережьѣ. Въ Гудаутѣ, въ Новомъ Аѳонѣ, воздухъ вентилируется горными вѣтрами, которые несутся отсюда съ ледниковыхъ горъ и свѣжатъ долины; но Гагры заперты горами и доступны одному только морю...

Чѣмъ дальше, южнѣе отъ курорта, тѣмъ мѣстность становится граціознѣе, менѣе угрюмая со своими болѣе отлогими и низкими горами и широкимъ сравнительно берегомъ. Въ двухъ верстахъ, считая отъ ущелья, на горахъ расположилась бѣдная и жалкая деревушка Гагры, населеніе которой состоитъ изъ армянъ, турокъ, грековъ и русскихъ... Жизнь пестрая, неустроенная!.. Никакихъ другихъ селеній, трудовыхъ центровъ близъ Гагръ нѣтъ. Не доходя этой деревушки приблизительно версту, находится другое менѣе мрачное ущелье съ рѣчкой Гагрибшей, по которой и расположено селеніе Гагры.

Такимъ образомъ самый курортъ Гагры находится на узкомъ берегу моря между двумя ущельями. Гагры заключаютъ въ себѣ огромную площадь 14.000 десятинъ удобной и неудобной земли. Огромныя лѣсныя богатства, по всей вѣроятности, различныя горныя залежи и береговая полоса—все принадлежитъ его высочеству принцу А. П. Ольденбургскому, по инициативѣ котораго устроивается курортъ Гагры. На широкую ногу идутъ постройки и всякія приспособленія, имѣя цѣлю устроить зимній курортъ на берегу Чернаго моря, курортъ дорогой, блестящій, который несомнѣнно могутъ посѣщать одни только богатые или съ хорошимъ средствами лица. Людямъ средняго достатка жить въ Гаграхъ немислимо, можно только пріѣхать на одинъ, два дня, чтобы «побачить», какъ говорятъ малороссы.

Пока курортъ въ проектѣ, но и теперь много сдѣлано, организовано, и съ 1-го сентября 1902 года Гагры можно считать открытыми для пріѣзжихъ, ибо первый отель или гостиница окончена <sup>1)</sup>. Въ недалекомъ будущемъ предполагено устроить еще двѣ гостиницы. Гостиница близъ ущелья, такъ называемая старая, занята служащими. Новая же гостиница построена на скалѣ на высотѣ 75-ти футовъ надъ уровнемъ моря; стѣны этого трехэтажнаго зданія сдѣланы изъ «тощаго цемента», толщиной 15-ть сантиметровъ, стѣны мансардоваго помѣщенія построены изъ американскаго картона, полы и потолки сосновые, а все зданіе устроено на прочныхъ деревянныхъ столбахъ, лѣстницы тоже деревянные. Всѣхъ номеровъ — 70, разныхъ по цѣнѣ: отъ 12 р. до 1 р. 25 к. (въ мансардѣ) въ сутки. Въ каждой комнатѣ телефонъ, электрическое освѣщеніе, автоматическій аппаратъ, регулирующий температуру, и сигнализационный приборъ для предупрежденія о пожарѣ. Противопожарныя средства предусмотрены вполнѣ. Меблировка роскошная, выписанная изъ Вѣны. Кромѣ того, для каждой комнаты имѣется балконъ, а для двухъ комнатъ ванная, при чемъ устроено такъ, что входъ въ ванную непосредственно изъ комнатъ такъ же, какъ и въ уборную, для двухъ номеровъ. Всѣхъ выходовъ изъ гостиницы 27.

Здѣсь же помѣщается почтово-телеграфное отдѣленіе, читальня, комната для любителей фотографіи и проч. Ресторанъ устроенъ въ отдѣльномъ зданіи, которое связано съ гостиницей стеклянной галлереей, при чемъ отъ кухни отдѣляется громадными стеклами, такъ что послѣдняя вся видна изъ ресторанный залы, въ которой между прочимъ имѣется и сцена. Биллиардная и карточные помѣ-

<sup>1)</sup> 9-го января 1903 г. въ присутствіи его высочества принца А. П. Ольденбургскаго и ея высочества принцессы Евгениіи Максимиліановны Ольденбургской, а также министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, статсъ-секретаря А. С. Ермолова, и многихъ приглашенныхъ лицъ было совершено душеюствомъ освященіе возобновленнаго стараго храма и гостиницы.





Гарры.

щенія также не упущены изъ вида. Передъ отелемъ разбитъ паркъ, посажена изъ пальмъ аллея. Предполагается развести фруктовый садъ и виноградники, преимущественно столовыхъ и лѣчебныхъ сортовъ.

Проектируется цѣлая система фонтановъ, повсюду электрическое освѣщеніе, однимъ словомъ въ будущемъ это — роскошный, доступный только избраннымъ курортъ-городокъ. Для развѣтвія его и для оживленія въ настоящее время нарѣзано 300 участковъ по одной десятинѣ, которые предлагаются для покупки желающимъ по цѣнѣ отъ 15 до 20 тысячъ каждый. Три участка уже проданы. Со временемъ, когда будутъ распроданы и остальные мѣста, эта мѣстность станетъ болѣе или менѣе населенной.

Что касается всевозможныхъ продуктовъ, которые само собой должны потребляться прѣзжими, и продуктовъ, должно упомянуть, болѣе или менѣе тонкаго качества, то таковыя поступаютъ изъ Новороссійска, Батума, Сухума. За отсутствіемъ по близости селеній, все въ Гаграхъ привозное, и слѣдовательно цѣны въ ресторанѣ высокія. Рабочіе, прислуга въ гостиницѣ тоже не мѣстные, но привезены изъ центровъ, даже изъ Петербурга. Культура, конечно, сотворить чудеса въ этомъ пока еще не заселенномъ и только что развивающемся мѣстѣ: появятся декоративныя насажденія, будутъ понадѣланы дороги и понастроены частныя дачи. Все это современнымъ и можетъ быть и въ недалекомъ будущемъ; тогда, по всей вѣроятности, и мѣстность станетъ носить характеръ вполне здоровый, а главное недоступный лихорадкамъ, болѣзни, крайне распространенной по сосѣдству съ Гаграми. Въ прежнее время Гагры не считались здоровымъ мѣстомъ. Вотъ что мы читаемъ у Статковскаго <sup>1)</sup>: «Отъ Гагръ черноморскій берегъ досамаго Новороссійска въ настоящее время не занятъ нашими войсками съ послѣдней крымской войны. Но кто не знаетъ, что тамъ дѣлалось: о томъ, какая страшная смертность въ нашихъ укрѣпленіяхъ береговой линіи, можно судить уже потому, что тамъ считали дѣломъ весьма обыкновеннымъ, когда въ годъ вымирало болѣе десятой части всего гарнизона. Но были и такія укрѣпленія, гдѣ въ теченіе 3—4 лѣтъ цѣлый составъ гарнизона перемѣнялся, т.-е. вымиралъ... всѣ наши укрѣпленія такъ жались къ берегу и были расположены на низменностяхъ (кромѣ укрѣпленія Вельяминовскаго, нынѣ Туапсе) до крайности зеленыхъ и болотныхъ, чего и довольно, чтобы заключить, напримѣръ, по Пицундѣ, Сухуму, Гаграмъ, какъ лихорадочны эти мѣстности». Но это было давно. Въ настоящее время, когда наши знанія подвинулись такъ далеко, борьба съ маляріей возможна и ведется съ успѣхомъ даже и въ такихъ или подобныхъ мѣстахъ, о которыхъ говоритъ г. Статковскій. Малярія врагъ опасный, но не отступать же передъ нимъ,

<sup>1)</sup> «Задачи климатологій Кавказа».



Гостиница в Гаграхъ.

и нужно шагъ за шагомъ отвоевыватьъ отъ вреднаго вліянія роскошнѣйшія и плодороднѣйшія мѣстности Кавказскаго побережья.

Въ заключеніе о Гаграхъ необходимо добавить, что надъ моремъ, на грандіозномъ утесѣ строится дворецъ принца Ольденбургскаго, который будетъ представлять собой, какъ по архитектурѣ, такъ и по роскоши, нѣчто удивительное... Какъ я упоминалъ, горы отъ Гагръ къ югу понижаются, переходя въ низину, которая, заворачивая къ западу, оканчивается мысомъ. Длинная коса узкимъ носомъ входитъ далеко въ море. Тамъ — знаменитая Пицунда и маякъ.

На рѣкѣ Бзыбъ великій городъ Питиунтъ, еще извѣстный по Страбону за 66 лѣтъ до Р. Х., былъ обширный городъ въ 30 верстъ окружности, въ настоящее время представляетъ собой развалины, которыя устраиваются и возобновляются администраціей Ново-Афонскаго монастыря.

Въ верстѣ отъ отлогаго и песчанаго берега моря, среди сосноваго лѣса, византійскимъ императоромъ Юстиніаномъ I въ 551 году построенъ величественный храмъ въ память Софіи, почему и мысъ пицундскій въ то древнее время назывался моряками мысомъ св. Софіи (Саро сента Софіа) и находился, какъ и теперешній, въ трехъ верстахъ отъ храма. Характеръ пицундскаго храма чисто византійскій и несомнѣнно имѣетъ сходство съ константинопольскимъ. Немало столѣтій пережили стѣны этого храма, который стоялъ много времени запустѣлымъ среди пустыннаго побережья; ни иконъ, никакихъ церковныхъ вещей, ничего не сохранилось, кромѣ грузинскаго евангелія XV столѣтія, найденнаго въ 1830 году на престолѣ и хранящагося въ настоящее время въ Публичной библіотекѣ въ Петербургѣ. Былъ найденъ еще генуэзскій колоколь, но онъ былъ украденъ въ Севастопольскую войну <sup>1)</sup>. Возобновленіе пицундскаго храма началось съ 1860 года, и этотъ древнѣйшій въ Россіи храмъ наконецъ въ 1869 году воспроизведенъ по первоначальному плану, безъ измѣненія архитектуры, въ память Успенія Богородицы и освященъ 27-го сентября. Но настоящее возобновленіе началось съ 1885 года, когда пицундскій храмъ по высочайшему повелѣнію былъ переданъ Ново-Афонскому монастырю, къ которому и присоединенъ съ земельнымъ надѣломъ въ 1.049 десятинъ, съ сосновой рощей и озеромъ Инкитомъ, богатымъ рыбой. Вотъ тогда началась работа и расчистка запущеннаго и заглохшаго мѣста, которое мало-по-малу обращается въ роскошный уголокъ этой огромной низины, гдѣ, къ сожалѣнію, свила себѣ крѣпкое гнѣздо малярія.

Красивы и грандіозны окрестности Пицунды, въ особенности по направленію къ вершинамъ снѣговаго хребта... Какая яркая зелень!...

<sup>1)</sup> Абхазія, сост. П. Н.

Какія сильныя краски на ближайшихъ горахъ, и самое море, благодаря, вѣроятно, огромному низкому зеленому берегу, не кажется такимъ угрюмымъ, мрачнымъ, какъ въ Сочи и Гаграхъ. Грандіозная пустыня зелени, яркая, живописная... но пустыня. Въ самомъ дѣлѣ, на огромномъ пространствѣ церковь, монахи, маякъ и только... Впрочемъ забылъ: въ 6-ти верстахъ отъ Пицунды среди зелени лѣса притаилась и скрывается жалкая абхазская деревушка Лзаа.

Когда пароходъ обигаетъ Пицундскій мысъ и идетъ дальше на югъ къ Гудауту, еще живописнѣе кажутся берега... Зеленъ все та же, нѣтъ ни угрюмыхъ скалъ, ни горъ безъ роскошной растительности—цѣлое море зелени, переливается по горнымъ тонкимъ и разнообразнымъ очертаніямъ и тамъ... далеко снѣговые гиганты сверкаютъ и блестятъ своими пиками и вершинами!.. Какая красота!.. Какая поэзія!.. А море, если путешествовать лѣтомъ, когда море тихое, отражаетъ особенную безоблачную лазурь... Тогда... тогда я не могу указать болѣе мягкой, болѣе нѣжной, при всей своей грандіозности картины!..

Но если пароходъ проходитъ эти мѣста, приближаясь къ Гудауту, при восходѣ солнца или въ тихій лѣтвій погасающій вечеръ!.. ну, можетъ ли художникъ тогда передать свое впечатлѣніе, съ которымъ справиться трудно?.. Развѣ можно всю эту царственную прелесть уловить, схватить и удержать въ своей памяти и воображеніи?... Нѣтъ и нѣтъ!.. Какой-то дивный сонъ! Какое-то волшебное, изумрудное царство!.. Не знаешь, гдѣ остановить, надъ чѣмъ сосредоточить взоры... Боже!.. какъ хороши горы, освѣщенные послѣдними лучами заходящаго солнца!.. А при восходѣ, когда просыпаются долины, окутанныя, словно тонкимъ флеромъ, туманомъ, сквозь который играютъ золотые лучи солнца на фонѣ яркой зелени!.. И море, облитое солнцемъ, и удивительные переливы цвѣтовъ и красокъ въ царствѣ снѣговыхъ вершинъ, то багровыхъ, то розовыхъ, то фіолетовыхъ... Смотрите на небо—и небо разнообразное: ближе къ солнцу красное, багровое, затѣмъ розовое бѣлесоватое и дальше синее, темносинее...

Когда мы подъѣзжали къ Гудауту—было роскошное утро. Пароходъ незамѣтно скользилъ по тихому, ярко освѣщенному солнцемъ морю,—морю, поистинѣ лазурному и блестящему отъ лучей солнца. Небольшая бухта; селеніе показывалось не сразу, а постепенно, точно красавица-кокетка, выглядывающая изъ свѣжей зелени кустовъ... Вотъ мелькнула головка, сверкнули черные глаза, выдвинулось плечо, бюстъ, и опять ничего не видно, кромѣ зелени, въ которой есть, притаилось нѣчто очаровательное...

Еще бы!.. Какъ красивы, мягки, сочны берега Гудаута и все, что дальше за этими очертаніями... Льетса, брызжетъ зеленое море растительности, широко раскинулось это удивительное море передъ снѣговыми, спокойными, величавыми гигантами. Долины и

зеленяя предгорья производятъ мягкое, даже нѣжное впечатлѣніе. Я думаю, что насъ, русскихъ, Гудаутъ особенно плѣняетъ своимъ раскидистымъ берегомъ и широкимъ горизонтомъ зеленыхъ переваловъ, а также удивительнымъ разнообразіемъ картинъ окружающаго. Съ сѣвера загибъ косы Пицундскаго маяка, къ востоку и югу зеленяя горы, море, выси горъ, очертанія снѣговыхъ хребтовъ—все соединилось въ художественной, оригинальной красотѣ кавказской природы.

Гудаутъ—одно изъ живописныхъ мѣстъ побережья... Это дѣйствительно чудный уголокъ!.. Гдѣ вы увидите хотя бы такую картину: между двухъ огромныхъ зеленыхъ горъ щель, сквозь которую открывается панорама снѣговыхъ горъ?!.. Развѣ не для художника эта игра кавказской природы: сквозь зеленяя рамы снѣговое горное царство?..

Нѣтъ, такихъ картинъ, такой могучей природы, какъ въ Гудаутѣ и на Новомъ Афонѣ, не найти въ другихъ мѣстахъ, — здѣсь даже суровый, величавый Кавказъ улыбается чудной улыбкой!

Гудаутъ, собственно, селеніе смѣшаннаго характера по національностямъ, что придаетъ ему пестрый и живописный колоритъ. Прямая, широкія улицы, восточные типы абхазцевъ, мингрельцевъ, грековъ, турокъ, а также и русскихъ, небольшія оригинальныя жилища зданія, много туземныхъ торговыхъ крохотныхъ помѣщеній и русскихъ двухъ, трехъ просторныхъ лавокъ съ краснымъ товаромъ, кофейни, небольшая гостиница, сельское правленіе, почтовая контора и церковь на берегу—вотъ и весь Гудаутъ, простой и незатѣйливый. Винныя и распивочныя лавки, уличная жизнь, какъ совершенно понятное явленіе подъ южнымъ небомъ и окружающимъ чуднымъ ландшафтомъ, все ярко, какъ-то празднично и поэтично. Если бы здѣсь былъ надутый по ранжиру устроенный городъ, то не было бы такого впечатлѣнія, которое производитъ это селеніе, въ которомъ такъ много пестроты и уюта.

Гудаутъ помѣщается на ровномъ мѣстѣ, съ каждой его улицы открывается роскошнѣйшая перспектива горъ, долинъ или моря... Ну, какъ уйти изъ такой декорации въ тѣсное помѣщеніе жилища, куда обывателей загоняетъ только непогода и дождь. Растительность богатѣйшая, всѣ домики и хаты въ садахъ, множество цвѣтовъ, рѣдкія фруктовыя деревья растутъ, что называется, во всю... Встрѣтилъ я русскихъ переселенцевъ.

— Откуда?

— Могилевскіе будемъ...

— Какъ же вы сюда забрели?..

— Земель ожидаемъ... А пока что, прирабатываемъ...

Лица унылыя, блѣдныя, совсѣмъ не вяжутся съ яркой, жизненной обстановкой.

— Вѣрно, лихорадкой болѣли?—спрашиваю я земляковъ.

— Шибко трепала, окаянная, — отвѣчала женщина. — Мальчикъ мой померъ... недавно-съ похоронили!..

— Правится вамъ здѣсь?

— Нѣтъ... Въ Россіи лучше... думаемъ обратно домой... Чего тутъ ждать?..

Сколько этихъ переселенцевъ приходитъ на побережье, ждетъ земель, надѣловъ, бьется, нуждается, переболѣетъ лихорадкой и назадъ въ Россію, унылые, разоренные и безнадежные... Не организовано правильно на побережьѣ это существенное дѣло... И не мудрено: край не изслѣдованъ систематически, что составляетъ существенную необходимость. А кругомъ богатая природа, чудныя земли, сила и мощь!.. Еще не пришло время для побережья, еще слабо развивается заселеніе края, на второмъ планѣ этотъ существенный вопросъ, а первое мѣсто, какъ свахѣ въ купеческой семьѣ со взрослыми дочерьми, предоставлено спекуляціи земельной и культурному пришлому элементу.

Превосходно, какой край откажется отъ культуры, если она, эта культура, станетъ вносить знанія, научный опытъ, а не поднимать искусственно цѣну земельныхъ участковъ съ цѣлью перепродажи и наживы денегъ. Это такая культура, которая не производитъ, а только потребляетъ и нуждается въ «manger et boire».

А вотъ насчетъ послѣдняго и слабо на побережьѣ, очень слабо за отсутствіемъ трудовыхъ, производящихъ, земледѣльческихъ центровъ. Хотя бы Гудаутъ... что онъ производитъ? Кукурузу и табакъ. По такой природѣ развѣ этого много? Вѣдь эти земли могутъ родить и производить все, что угодно... Какое скотоводство разовьется въ зеленыхъ съ вѣчными пастбищами горахъ, если найдутся настоящіе, трудовые для этого люди!.. Но край не изслѣдованъ, и земли, и пастбища остаются неизвѣстными.

Спекуляція земельная, которая охватила все побережье, поставила себѣ задачей развитіе городовъ, вмѣсто развитія селеній. Идеаль побережья въ настоящее время городъ, городъ во что бы то ни стало, городъ съ упрощеннымъ городскимъ положеніемъ. Культурные люди не хотятъ подчиняться условіямъ, которыя создаются сельскими станицами, а особенно общинно-мирской организаціей. Чтобы дѣлать культурныя дѣла, нуженъ городъ, нужны земельные участки, нужны нотаріусы, — и вотъ рождаются города среди пустынь Черноморскаго побережья. И Гудаутъ наканунѣ перехода въ городъ съ упрощеннымъ городскимъ самоуправленіемъ. Съ 1896 г., когда на побережьѣ, въ Геленджикѣ, Сочи и Туапсе покупались, перепродавались «планы» и городскіе участки, когда земельная спекуляція составляла самую суть оживленія Кавказскаго побережья, — тогда въ Гудаутѣ было запрещено продавать участки. Гудаутъ и мѣстечко Очемчиры почему-то не были приобщены къ общему теченію спекулятивно земельной тенденціи. Ко-

нечно, культурные и чиновные люди Гудаута «вопіяли», почему имъ сіе? Почему минуетъ ихъ чаша вождѣнной наживы?

Но съ мая 1902 г. Гудаутъ пріобщается къ «земельному оживленію», и отводы частнымъ лицамъ участковъ разрѣшены на условіяхъ аренды до введенія въ Гудаутѣ городского положенія съ платою ежегодно 6% съ будущей суммы выкупа участковъ, при чемъ предложено установить посаженную плату. И такъ началось...

Участки стали быстро разбираться тѣми, разумѣется, кто узналъ о возможности пріобрѣтенія и при какихъ условіяхъ. Кто же эти люди? Мѣстные съ достаткомъ обыватели и чиновники, которые и «купаютъ» задешево и продадутъ по дорогой цѣнѣ, смотря по спросу и по рекламѣ, которая не замедлитъ, конечно, за симъ послѣдовать. Пока за участокъ въ 250 кв. саж. поставлена арендная плата 10 коп. съ кв. саж. Это съ береговыхъ участковъ, а съ дальнихъ дешевле.

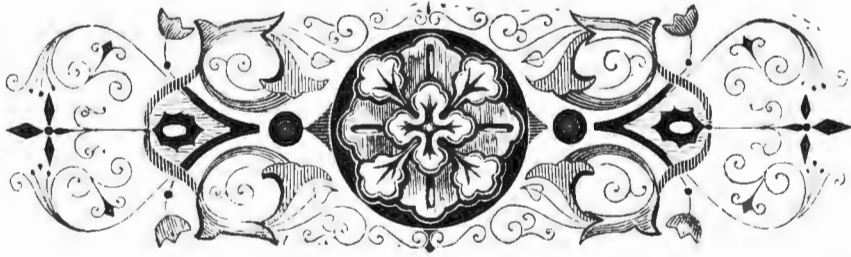
Однимъ словомъ поэтичный, мирный уголокъ оживился. «Рубль», «барышъ» дикимъ диссонансомъ прозвучалъ и тронулъ алчныя чувства людей среди чудной, богатой природы, изнывающей подъ бременемъ скрытыхъ силъ производительности, которыя ждутъ тѣхъ, кто бы ихъ направилъ на пользу и гордость этой дивной страны...

Неужели чудный уголокъ превратится въ шаблонный курортъ, и тощіе культурные люди станутъ безъ толка топтать плодородную почву, на которой чужія, прохожія руки разведутъ декоративную флору въ крохотномъ миниатюрномъ садикѣ, а горы и долины будутъ дремать въ ожиданіи работника, этого будущаго культурнаго человѣка, безъ котораго Кавказъ не проснется и не развернетъ своей богатырской силы?!

С. И. Васюковъ.







## ПО МАРИНСКОЙ СИСТЕМѢ <sup>1)</sup>.

### VI.

#### Сермакса.



**В**АНО УТРОМЪ, на восходѣ солнца, пароходъ нашъ, миновавъ маяки Торпаковъ и Стороженскій, вошелъ въ устье Свири.

По обѣимъ сторонамъ потянулись низменные песчаные берега съ чернѣвшими на нихъ кое-гдѣ группами рыбацкихъ лачужекъ. Въ воздухѣ чувствовалась утренняя свѣжесть. Восходящее солнце весело освѣщало пустынную окрестность, и косые лучи его ярко озарили высокую башню маяка, виднѣвшася позади на озерѣ.

Пароходъ прошелъ мимо устья новаго Свирскаго канала, о которомъ я упоминалъ въ предыдущей главѣ. Устье этого канала, открытаго въ 1883 году и носящаго названіе канала императора Александра III, украшено на обоихъ берегахъ чугунными башенками, которыя въ темныя осеннія ночи служатъ, какъ намъ говорили, маяками для входящихъ въ каналъ судовъ.

Старый каналъ имени императора Александра I начинается не отъ самой Свири, а отъ притока ея—Паши. Паша впадаетъ въ Свирь нѣсколькими рукавами, изъ которыхъ главный называется Свирицею. Подлѣ него, на Свири, находится деревня того же имени и большой лѣсопильный заводъ.

<sup>1)</sup> Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІ, стр. 226.

Миновавъ устья Паши и проѣхавъ еще нѣсколько верстъ между низменными, покрытыми жидкимъ кустарникомъ берегами, мы увидѣли впереди, на мысу, образуемомъ сліяніемъ двухъ рѣкъ, довольно большое селеніе съ двумя церквами. Это была Сермакса, расположенная у самаго впаденія въ Свирь рѣки Ояти.

Названія Оять и Сермакса, странно звучація для русскаго слуха,—оба корельскаго происхожденія. На корельскомъ языкѣ оя значитъ—ровъ, ручей, а оята, множественное число отъ оя, обозначаетъ соединеніе многихъ ручьевъ, рѣку. Слово максу у кореловъ означаетъ плату, подать, и одинъ корель объяснялъ названіе Сермаксы тѣмъ, что здѣсь встарину новгородцы будто бы собирали съ кореловъ сер (серебряную) максу (подать), хотя едва ли можно предположить, чтобы у кореловъ того времени водилось серебро.

Съ Сермаксою связано преданіе о Петрѣ I. Народъ рассказываетъ, что «осударь», идя походомъ съ Бѣлаго моря на Орѣшекъ, прибылъ въ Сермаксу и никакъ не могъ выйти въ озеро, по случаю бури и противныхъ вѣтровъ. Десять дней прождалъ онъ въ Сермаксѣ и наконецъ разсердился, пошелъ на берегъ и изъ своихъ царскихъ рукъ наказалъ озеро плетью. Послѣ этого оно присмирѣло и стихло.

Не знаю, откуда явилось это преданіе о расправѣ царя-богатыря съ непокорною стихіею, знаю только, что при входѣ въ въ Свирскую губу есть мель, называемая «Государевою». Что же касается до того, будто бы озеро испугалось наказанія и стихло, то это опровергается историческими данными, по которымъ Петръ, дѣйствительно прождавъ въ Сермаксѣ около десяти дней вслѣдствіе противной на озерѣ погоды, отправился въ Ладогу сухимъ путемъ.

Около Сермаксы намъ встрѣтились на Свири первыя суда, направлявшіяся по каналамъ къ Петербургу; это были тесовки, дровянки и такъ называемые каюки, въ которыхъ возятъ яйца, овесъ и разный хлѣбный товаръ.

На Сермакской пристани на ряду съ мужчинами орудовали бабы плотныя, крѣпкія, со степеннымъ, добродушнымъ выраженіемъ лица.

Во время причаливанья матросъ бросилъ съ кормы чалку на пристань, но бросилъ очень неудачно. Чалка, скользя по краю пристани, шлепнулась въ воду, и матросу пришлось тащить ее обратно.

— Не поймала!—крикнулъ онъ бабѣ, ловившей чалку.

— Еще бы ты въ воду бросалъ,—спокойно отпарировала она.

Въ это время пароходъ уже остановился подлѣ пристани.

— Да не надо, —махнулъ рукою матросъ.

— Нѣтъ, зачалъ, зачалъ!—отваливать неловко будетъ, коли не зачалишь.

Матросъ повиновался.



Сермакса. Сліяніе Свири и Ояти.

Въ Сермаксѣ мы простояли минутъ двадцать и, сдавъ товаръ, начали готовиться къ отходу. Капитанъ появляется на мостикѣ.

— Отдай носовую, Марья Ивановна, — обращается онъ къ одной изъ стоящихъ на пристани бабъ.

— Сейчасъ, — отвѣчаетъ Марья Ивановна и, дойдя до носовой чалки, ловко сбрасываетъ ее въ воду. Выросши на рѣкѣ, женщины здѣсь не хуже мужчинъ умѣютъ справляться и съ весломъ и съ багромъ, и съ рулемъ. Въ этомъ отношеніи эмансипація здѣсь полная.

За Сермаксою низменные берега Свири начинаютъ нѣсколько подниматься. Виднѣются большія дровяныя заготовки съ копошащимся около нихъ народомъ. На берегу кое-гдѣ лежатъ, безпомощно накренившись на одинъ бокъ, обмелѣвшія барки, попадаются невысокія лачужки, тянется молодой лѣсокъ вперемежку съ кустарникомъ.

Неподалеку отъ Сермаксы, на рѣкѣ Ояти, родился въ 1448 году одинъ изъ великихъ подвижниковъ сѣвернаго края, св. Александръ Свирскій, особенно чтимый населеніемъ береговъ Свири и мѣстностей, къ ней прилегающихъ. Какъ покровителемъ Невы считается св. Александръ Невскій, такъ Свирь имѣетъ своего защит-

ника и молитвенника въ лицѣ св. Александра Свирскаго, память котораго празднуется 30 августа, въ одинъ день съ памятью перенесенія мощей благовѣрнаго князя.

Преподобный Александръ родился въ крестьянской семьѣ и при крещеніи былъ названъ Аммосомъ. Склонность къ подвижничеству проявилась въ немъ очень рано. Еще будучи мальчикомъ, онъ сталъ изнурять свое тѣло строгимъ воздержаніемъ относительно пищи и сна, что немало удивляло и даже огорчало его родителей.

Въ это время на Ладожскомъ озерѣ уже славилась своимъ благочестіемъ Валаамская обитель, и нѣкоторые валаамскіе иноки заѣзжали на Оять по дѣламъ монастырскимъ. Встрѣтивъ ихъ однажды въ своемъ селеніи, Аммосъ (въ то время уже пришедшій въ совершенный возрастъ) сталъ спрашивать ихъ о жизни въ обители, объ ея уставѣ, о живущихъ въ ней подвижникахъ, и сердце его загорѣлось желаніемъ вступить въ число валаамской братіи. Между тѣмъ онъ зналъ, что родители ни за что не отпустятъ его въ монастырь, такъ какъ уже подыскали ему и невѣсту. Въ виду этого онъ рѣшился уйти изъ селенія тайно.

Сказавъ родителямъ, что идетъ по дѣламъ въ сосѣдную деревню, Аммосъ простился съ ними, взялъ немного хлѣба на дорогу и навсегда покинулъ родительскій домъ. Въ это время ему было 26 лѣтъ отъ роду.

Молодой подвижникъ переправился черезъ Свирь и углубился въ чащу дремучаго лѣса, въ которой была протоптана небольшая, еле замѣтная тропинка. Пройдя около десяти верстъ, онъ вышелъ на берегъ лѣснаго озера и остановился здѣсь на ночлегъ, такъ какъ солнце уже садилось, и въ лѣсу наступали сумерки. Аммосъ уснулъ и во снѣ получилъ откровеніе, что, потрудясь на Валаамѣ, онъ вернется на это пустынное мѣсто и современемъ устроитъ здѣсь обитель.

Добравшись до Валаама, молодой человѣкъ со слезами, кланяясь въ ноги, молилъ игумена Іоакима принять его, несмотря на юныя лѣта, въ число братіи. Іоакимъ послѣ нѣкотораго колебанія исполнилъ его моленіе и постригъ въ монашество съ именемъ Александра.

На Валаамѣ Александръ пробылъ двѣнадцать лѣтъ, трудясь сначала въ монастырѣ, а потомъ подвизаясь въ уединеніи, въ каменной пещерѣ, на одномъ изъ Валаамскихъ острововъ.

Наконецъ, около 1486 года, повинувшись внутреннему голосу, звавшему его въ родные предѣлы, подвижникъ, съ благословенія игумена, отправился къ берегамъ Свири и поселился на холмѣ надъ озеромъ, гдѣ провелъ первую ночь по удаленіи изъ родительскаго дома. Семь лѣтъ прожилъ онъ здѣсь въ полномъ уединеніи, не видя лица человѣческаго, какъ бы заживо погребенный среди глуши дремучаго лѣса. Пищею служили ему только трава и корни, причинявшіе ему вначалѣ сильныя физическія страданія. Онъ самъ

разсказывалъ впослѣдствіи, что отъ страшной боли въ пищеварительныхъ органахъ, причиняемой этою непривычною пищею, онъ не могъ держаться на ногахъ и лежалъ пластомъ на землѣ; въ такомъ видѣ онъ читалъ свое обычное молитвенное правило, не имѣя силъ даже поднять голову. Но мало-по-малу организмъ подвижника привыкъ обходиться безъ хлѣба; онъ выздоровѣлъ и съ новымъ рвеніемъ продолжалъ свои пустынные подвиги.

По прошествіи семи лѣтъ убѣжище преподобнаго было открыто. Одинъ изъ мѣстныхъ вотчинниковъ, нѣкто Андрей Завалишинъ, гоняся въ лѣсу за оленемъ и случайно наѣхалъ на келью пустынника, который настолько отвыкъ отъ людей, что сначала принялъ незнакомаго всадника за видѣніе. Хотя Александръ и умолялъ своего гостя никому не открывать его убѣжища, но слава объ отшельникѣ быстро распространилась по всему краю, и къ преподобному стала собираться братія, для которой онъ устроилъ келліи и церковь и такимъ образомъ положилъ начало нынѣшнему Александровскому монастырю.

Быть на Свири и не посѣтить этой древней, прославленной во всемъ краѣ обители мы сочли бы грѣхомъ и попросили капитана высадить насъ на монастырской пристани, находящейся въ нѣсколькихъ верстахъ выше Сермаксы.

Пристань была уже недалеко.

За деревнею Горки,halbway отъ насъ, у праваго берега Свири показалась стоящая на якорѣ барка съ небольшою казенкою на палубѣ; это и была монастырская пристань.

Капитанъ далъ нѣсколько свистковъ, но на пристани никто не показывался. Положеніе осложнилось еще тѣмъ, что передъ баркою подъ бортомъ болталась на водѣ какая-то лодка, которую мы подходя неминуемо должны были задѣть колесами.

Пароходъ усилилъ свистки. Пристань была уже въ нѣсколькихъ саженьяхъ. Пришлось дать задній ходъ.

Наконецъ изъ казенки выползъ молодой, сонный парень; услыхавъ крики капитана, чтобы отвелъ лодку, онъ неторопливо, почесываясь, выполнилъ этотъ маневръ и затѣмъ выкинулъ на пристани флагъ вверхъ ногами.

Простившись съ капитаномъ, мы сошли на пристань и, сдавъ наши вещи сонному парню, направились по его указанію къ монастырской мельницѣ, находящейся на берегу въ полуверстѣ отъ пристани. Тамъ случайно оказался монастырскій работникъ съ лошадьми, который и предложилъ намъ свои услуги. Мы сѣли въ его тарантасъ и отправились. До монастыря отсюда считаютъ шесть верстъ; дорога песчаная и все время идетъ лѣсомъ.

За мельницей мы скорѣй выѣхали на большой трактъ въ Олонецъ и, проѣхавъ нѣсколько верстъ, увидѣли впереди очень искусно вырѣзанный крестъ подъ высокою шатровою сѣнью на четырехъ

столбахъ. Такихъ крестовъ въ здѣшнемъ краѣ на Свири и по берегамъ Онежскаго озера, до самаго Бѣлаго моря, встрѣчается очень много. Ставятся они благочестивыми людьми или просто отъ усердія, или въ благодарность за исцѣленіе отъ болѣзни, за избавленіе отъ опасности въ пути, во время плаванія по водамъ и по другимъ подобнымъ причинамъ. Откуда произошелъ этотъ обычай ставить на дорогахъ и по берегамъ рѣкъ кресты, сказать трудно, но достоверно только одно, что онъ существуетъ здѣсь съ древнихъ временъ. Самъ Петръ Великій, слѣдуя мѣстному обычаю, согласно преданіямъ, водрузилъ въ здѣшнемъ краѣ не одинъ, а нѣсколько крестовъ, сдѣланныхъ собственными руками.

Проѣхавъ крестъ, мы свернули съ большой дороги вправо и вскорѣ впереди увидѣли деревню, а за нею и самый монастырь, широко раскинувшійся на вершинѣ ровнаго пригорка.

## VII.

### У Свирскаго угодника.

«Вотъ, въ нашихъ глазахъ, у Діонисія у великаго чудотворца на Глушицахъ и у великаго чудотворца Александра на Свири бояре не постригаются, а монастыри эти процвѣтаютъ подвигами».

Іоаннъ Грозный.

Вглядываясь, по мѣрѣ приближенія, въ обитель, мы вскорѣ замѣтили, что она состоитъ изъ двухъ самостоятельныхъ монастырей. Изъ-за домиковъ деревни бѣлѣли каменные стѣны монастыря, который возница назвалъ Троицкимъ, а сажень на полтора ста лѣвѣе виднѣлся другой монастырь—Преображенскій.

Объясненіе такого рѣдкаго, своеобразнаго плана обители мы находимъ въ житіи преподобнаго Александра. Когда къ нему въ пустыню стали собираться окрестные жители, искавшіе душевнаго спасенія, онъ указалъ имъ мѣсто для постройки келлій не подлѣ себя, а въ 130 саженьяхъ отъ своей пустыньки, возлѣ которой назначилъ быть монастырскому кладбищу, вслѣдствіе чего эта мѣстность и получила названіе «отходной пустыни». Подлѣ братскихъ келлій была построена деревянная церковь Св. Троицы, а въ отходной пустыни, гдѣ былъ погребенъ и самъ преподобный, воздвигнутъ храмъ во имя Преображенія Господня. Это раздѣленіе осталось и до нашего времени.

Миновавъ деревню, которая въ древности была монастырскою слободою, мы въѣхали въ ворота Троицкаго монастыря и очутились на широкомъ дворѣ, обнесенномъ со всѣхъ сторонъ каменною



Александрo-Свирскій монастырь.  
Вверху Преображенскій монастырь. Внизу Троицкій монастырь. Въ кругѣ  
крестъ по дорогѣ въ обитель.

оградою. Посреди двора возвышались другъ противъ друга два большихъ каменныхъ храма: Троицкій и Покровскій, а въ промежуткѣ между ними высокая массивная колокольня.

Возница подвезъ насъ къ гостиницѣ, и мы, занявъ отвѣденную намъ комнату, отправились на осмотръ монастыря.

— Преподобный у насъ теперь въ Троицкомъ соборѣ почиваетъ,—предупредилъ гостиникъ,—въ Преображенскомъ-то ремонтъ, такъ сюда и перенесли до 30 августа.

Троицкій соборъ оказался открытымъ; въ немъ служили молебень преподобному. Соборъ этотъ, построенный въ царствованіе государей Петра и Іоанна Алексѣевичей, есть уже четвертая постройка на мѣстѣ деревянной церкви, сооруженной св. Александромъ.

Мощи преподобнаго временно поставлены у передняго столба, налѣво отъ входа, и почиваютъ въ деревянной рацѣ, пожертвованной царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Рака обложена тонкимъ позолоченнымъ серебромъ басменной работы. На серебряномъ поясѣ, протянутомъ вверху раки, начертана вязью слѣдующая надпись: «Отецъ безначаленъ, Сынъ соприсносущенъ и Святыи Духъ вседѣтельный, отъ Отца исходитъ и на Сынѣ почиаетъ, въ Троицѣ славимый Богъ, Отецъ и Сынъ и Святыи Духъ, едино Божество вкупѣ, молитвами Пречистыя Богоматери и преподобнаго отца нашего Александра, благовѣрный и христіолюбивый царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Руссіи самодержецъ, владимірскій, московскій, новгородскій и царь казанскій, царь астраханскій, государь псковскій и великій князь тверской, югорскій и пермскій, вятскій и болгарскій и иныхъ многихъ государствъ государь обладатель, его благовѣрная царица и великая княгиня Евдокія Лукіановна и ихъ благовѣрныя чада благовѣрный царевичъ и великій князь Алексѣй Михайловичъ и благовѣрная царевна великая княжна Ирина Михайловна и благовѣрная царевна и великая княжна Татіана Михайловна повелѣли сію раку сдѣлать серебряну и позлащену преподобному Александру Свирскому чудотворцу при великомъ господинѣ святѣйшемъ Іосифѣ, патріархѣ московскомъ и всея Руссіи, лѣта 7151».

Рака была сооружена государемъ по случаю обрѣтенія мощей преподобнаго, которое произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Уже болѣе 110-ти лѣтъ тѣло подвижника покоилось въ землѣ подъ Преображенскою церковью. Во время польско-литовскаго погрома, о которомъ я расскажу дальше, церковь эта сгорѣла почти до основанія. Въ 1640 году игумень Аврамій рѣшилъ построить на пепелищѣ старой новую церковь во имя Преображенія Господня, поѣхалъ въ Москву и собралъ тамъ необходимыя для постройки средства, при чемъ щедрымъ жертвователемъ на возобновленіе храма явился и самъ государь. Возвратясь въ обитель,





Александрo-Свирскій монастырь.  
Покровская церковь и молитвенная келлія преподобнаго Александра.

Аврамій въ апрѣлѣ 1641 года приступилъ къ выемкѣ земли для фундамента. 15-го апрѣля, въ четвергъ Вербной недѣли, вечеромъ, надъ монастыремъ пронеслась сильная гроза; это же явленіе повторилось и на слѣдующій день. 17-го числа, въ Лазареву субботу, рабочіе, копавшіе ровъ на восточной сторонѣ храма, вдругъ увидѣли въ землѣ подобіе небольшой естественной пещеры и въ немъ полуистлѣвшій гробъ. Игуменъ въ это время служилъ въ церкви литургію, а около рабочихъ случился іеромонахъ Елисей. Рабочіе позвали его. Спустившись въ ровъ, Елисей осторожно приподняли верхъ сгнившей доски гроба и пришелъ въ ужасъ, увидавъ въ гробу нетлѣнное тѣло въ иноческой одеждѣ. Онъ тотчасъ же поспѣшилъ въ церковь и рассказалъ обо всемъ игумену. Окончивъ службу, Аврамій собралъ всю братію и тронулся съ нею въ отходную пустынь къ мѣсту обрѣтенія. Когда сняли верхнюю доску, въ воздухъ распространилось благоуханіе. Съ благоговѣніемъ приблизилась братія къ святымъ останкамъ преподобнаго. Несмотря на то, что гробъ почти совершенно истлѣлъ, мантия и схима подвижника были цѣлы. Изъ-подъ опущеннаго аналава видѣлась часть бороды; тутъ же сбоку лежалъ деревянный посохъ, знакъ игуменства. Мощи были положены въ новый гробъ и перенесены въ церковь. Братъ Аврамія, Кириллъ, бывший больнымъ, взялъ немного земли съ мѣста, гдѣ лежали мощи преподобнаго, и получилъ исцѣленіе. Обо всемъ случившемся Аврамій донесъ въ Новгородъ митрополиту Аѳонію, а митрополитъ, въ свою очередь, увѣдомилъ обо всемъ государя. Назначено было освидѣтельствованіе мощей. 29-го августа, въ обитель прибылъ самъ Аѳоній съ новгородскими архимандритами и игуменами, а на слѣдующій день, совершивъ освидѣтельствованіе, установилъ на 30-е августа празднованіе памяти новоявленнаго угодника Божія. Получивъ отъ митрополита подробное донесеніе, государь заказалъ богатую, по тому времени, раку, которая и была доставлена въ обитель въ 1644 году.

Но на землѣ, какъ извѣстно, ничего нѣтъ вѣчнаго, времена и взгляды мѣняются, и то, что въ половинѣ XVII вѣка представлялось богатымъ царскимъ даромъ, въ половинѣ XIX уже казалось бѣднымъ и не соответствующимъ своему назначенію. Имѣя раку царя Михаила Ѳеодоровича, свирскіе иноки соорудили за счетъ монастыря, при помощи нѣкоторыхъ частныхъ жертвователей, новую серебряную раку въ 11 пудовъ вѣсомъ, а старую перенесли въ Троицкій соборъ. Теперь, впрочемъ, какъ мы видѣли, эта старая рака пригодились.

Послѣ молебна мы обратились къ свѣчнику съ вопросомъ относительно житія преподобнаго и описанія монастыря.

— Здѣсь у меня однѣ только свѣчи,—отвѣчалъ онъ,—а если угодно, пройдемте въ Преображенскій; тамъ есть и иконы и книжки.

Отправились.

Дорога въ Преображенскій монастырь идетъ вдоль озера, живописно раскинувшася внизу подъ горою. Черезъ оврагъ, отдѣляющій Троицкій холмъ отъ Преображенскаго, перекинутъ широкой, деревянный мостъ.

Въ срединѣ Преображенскаго монастыря, въ которомъ теперь живетъ архимандритъ и большая часть братіи, помѣщается монастырское кладбище. При входѣ въ него, неподалеку отъ воротъ, находится часовня, поставленная на мѣстѣ, гдѣ была келлія преподобнаго, въ которой онъ сподобился видѣнія Св. Троицы.

Въ Преображенскомъ соборѣ, находящемся на другомъ концѣ кладбища, шелъ ремонтъ. Свѣчникъ показалъ намъ новую раку преподобнаго, а о ракъ Михаила Феодоровича рассказалъ, что она была прежде трехсторонняя, такъ какъ мощи покоились вплотную у стѣны. Недавно къ ней придѣлана новая, четвертая сторона съ надписями и молитвами. Надъ клиросами мы замѣтили нѣсколько интересныхъ старинныхъ иконъ въ басменныхъ, частью уже испорченныхъ окладахъ. Въ иконостасѣ, подлѣ мощей преподобнаго, помѣщается большая его икона «въ чудесѣхъ». Мы насчитали на ней болѣе ста отдѣльныхъ изображеній изъ жизни и чудесъ преподобнаго. Икона эта, равно какъ и лампада надъ мощами, пожертвованы въ 1656 году «въ вѣчный поминокъ» московскимъ дьякомъ Захаріею, носившимъ прозвище Богдана Силина, какъ о томъ свидѣтельствуетъ надпись на лампадѣ. «А изъ церкви тоя лампады отъ Чудотворца образа», говорится въ надписи: «никому не отымать, а кто тоя лампаду отниметъ, или покорыстуется ею, того въ ономъ вѣцѣ судить Богъ».

Когда мы вернулись въ Троицкій монастырь, свѣчникъ провелъ насъ въ нижнюю часть Покровской церкви, гдѣ подъ высокими сводами, укрѣпленными на массивныхъ столбахъ, помѣщалась старину монастырская кухня, а въ одномъ изъ угловъ подземелья была устроена молитвенная келлія преподобнаго, остатки которой видны и донныѣ. Свѣчникъ показалъ намъ двѣ громадныя кухонныя печи, а также старинные жернова съ бывшей монастырской мельницы.

Покровская церковь съ трапезою и кухнею была начата самимъ преподобнымъ незадолго до его кончины. Какъ велико было въ то время число братіи, опредѣлить, за неимѣніемъ записей, трудно, но, судя по размѣрамъ кухни и объему печей (по пяти съ половиною аршинъ шириною каждая), а также по слѣдамъ монастырскихъ пашень, встрѣчающимся далѣе, чѣмъ за версту отъ обители, можно предположить, что населеніе ея было многолюдно.

Строгость подвижническаго устава, даннаго братіи преподобнымъ, свято хранилась его учениками, и добрая слава обители перешла далеко за предѣлы Олонецкаго края. Монастырь великаго чудотворца Александра на Свири былъ извѣстенъ и грозному царю, о

чемъ я указаль въ эпитафѣ, въ началѣ этой главы. Глубоко почитая память чудотворца, Грозный сдѣлалъ нѣсколько вкладовъ въ его обитель, а въ царствованіе государя Ѳеодора Іоанновича для нея былъ отлитъ колоколъ въ 96 пудовъ вѣсомъ, съ надписью, гласящей, что отлитъ онъ «подъ щетъ государя, царя, великаго князя Іоанна Васильевича всея Русси, во иноцѣхъ Іоны». Около этого же времени въ монастырскихъ записяхъ начинаютъ встрѣчаться упоминанія о пожертвованіяхъ семьи Годуновыхъ, деньгами и церковными вещами. Въ 1582 году въ монастырь пріѣзжала на богомолье дочь Малюты Скуратова, жена Бориса, Марія Григорьевна Годунова. Когда Борисъ вступилъ на престолъ, изъ обители былъ посланъ къ царю іеромонахъ для поздравленія съ хлѣбомъ и печеною рѣпою, «и царь пожаловаль, хлѣбъ чудотворцевъ и рѣпу печеную принялъ честно и священноиннока, привозившаго тѣ подарки, жаловаль и послалъ на молебень 5 рублей, да на столъ братіи 5 рублей, да пудъ воску». Шуйскій, въ 1607 году, подтвердилъ жалованныя грамоты Грознаго и Ѳеодора Іоанновича и съ своей стороны предоставилъ въ пользу монастыря, собиравшійся прежде въ казну, таможенный доходъ съ торговцевъ, которые пріѣзжали въ обитель на мѣстную Троицкую ярмарку.

Настали грозныя времена лихолѣтя. Въ монастырѣ давно уже носились слухи о польско-литовской шайкѣ, которая подступала къ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю, но не могла взять его укрѣпленій и двинулась къ Онежскому озеру. Потомъ стали рассказывать, что шайка добралась до Свири, умертвила воеводу Константина Ртищева съ сыномъ, а жену и дочерей увела съ собой. Наконецъ пришли вѣсти, что поляки подходятъ уже къ Сермакѣ, а монастырь былъ совершенно беззащитенъ. Видя надвигающуюся бѣду, въ обители принялись наскоро прятать казну и болѣе цѣнныя вещи подъ полъ Покровской церкви (часть вещей еще ранѣе была отправлена въ Кирилловъ монастырь). Закопали наскоро въ землю два главныхъ колокола и большое паникадило Троицкаго собора. А въ это время враги уже подступали къ обители. Не встрѣтивъ сопротивленія, они тотчасъ же вошли въ монастырь и стали требовать денегъ и драгоценностей. Но иноки, впустившіе непріятелей въ обитель безъ кровопролитія, стойко хранили тайну спрятаннаго монастырскаго добра. Началась пытка монаховъ и монастырскихъ слугъ. Двадцать семь иноковъ и тридцать два работника были замучены на смерть, но ни одинъ изъ нихъ не выдалъ чудотворцева достоянія. Не добившись ничего, грабители захватили все, что можно было взять, подожгли монастырь и удалились. Запылали деревянныя зданія обители, но тушить ихъ было некому, и пожаръ истребилъ почти всѣ монастырскія постройки. Преображенская церковь сгорѣла до основанія, Троицкая отъ страшнаго жара дала трещины, а отъ Покровской остались однѣ только голыя стѣны.



Лодейное Поле.

Соборъ и памятникъ Петру Великому.

Назначенному въ 1615 году игуменомъ Теодориту и преемнику его, Аврамію, пришлось возводить обитель заново. Теодоритъ перестроилъ Троицкій соборъ и отремонтировалъ Покровскую церковь, а Аврамій построилъ вновь Преображенскую, при чемъ во время постройки были обрѣтены мощи преподобнаго.

Въ 1664 году монастырь, по царскому указу, принималъ участіе въ устройствѣ укрѣпленій г. Олонца, а въ 1677 г. и въ самой обители приступлено было къ возведенію каменной стѣны вокругъ Троицкаго монастыря (болѣе 250 сажень въ окружности) и при-

легающихъ къ ней каменныхъ корпусовъ. Постройка эта начата при игуменѣ Гермогенѣ, которому обитель обязана многимъ. Этотъ же Гермогенъ построилъ и обширный Троицкій соборъ, существующій до настоящаго времени.

Интересно, что желѣзныя части для собора изготовлялись въ Фоймогубской волости, на заводахъ, принадлежавшихъ датскому правительству. Эксплоатація нашихъ природныхъ богатствъ иностранцами началась, какъ видно, гораздо ранѣе, чѣмъ мы обыкновенно предполагаемъ. Однако размѣры желѣзныхъ полосъ, данные Гермогеномъ, оказались не подъ силу даже иностранцамъ. «А длиною то желѣзо», пишетъ управляющій заводами фонъ-Розень: «за тягостію никоими дѣлы по три сажени могли сдѣлать, а наипаче для возки и для сварокъ, такожъ и мастеровые люди говорили и бужжали, что вѣкъ такого желѣза не дѣлывали, какъ вашему благословенію».

При Гермогенѣ же (въ 1676 г.) свирскому игумену было указано вѣдать духовныя дѣла не только въ г. Олонцѣ и Олонецкомъ уѣздѣ, но и во всей окружающей мѣстности до самаго Волхова.

Административному значенію монастыря соотвѣтствовали, въ концѣ XVII вѣка, и его земельныя владѣнія. Кромѣ приписанныхъ къ нему смежныхъ земель на 15 верстъ въ длину и на 10 в. въ ширину, монастырь владѣлъ 34 деревнями и 24 пустошами, не считая разныхъ другихъ угодьевъ и подворьевъ въ Москвѣ и въ Олонцѣ.

Въ лицѣ Гермогена свирскіе игумены были возведены въ санъ архимандритовъ. Впрочемъ, этотъ высокій санъ не спасъ одного изъ его преемниковъ отъ казни. Правиль онъ монастыремъ съ 1717 по 1719 годъ и назывался Александромъ. Это былъ человекъ крутого нрава, корыстолюбивый, втайнѣ сочувствовавшій расколу и явно враждебный преобразованіямъ Петра. Онъ билъ иноковъ, грабилъ ихъ скудное имущество, поднималъ руку даже на одного изъ своихъ предшественниковъ, архимандрита Кирилла, жившаго въ обители на покой. Во время проѣзда государя съ супругою и невѣсткою, вдовствующею царицею Прасковьею Ѳеодоровною, на марціальныя воды, императрица Екатерина Алексѣевна пожаловала извѣстную сумму денегъ на братію и милостыню на больничныхъ старцевъ. Александръ хотя и передалъ деньги больничнымъ, но по отъѣздѣ государя взялъ ихъ обратно, а братіи не выдалъ ничего, говоря, что «пріѣздъ Петра въ обитель въ великій убытокъ». Братія по этому поводу написала прошеніе, упомянувъ и о побояхъ, которымъ подвергаются иноки, а также и о томъ, что архимандритъ царскихъ дней не празднуетъ, молебновъ о царскомъ здравіи не служитъ и панихидъ по царскимъ родителямъ не поетъ. Въ монастырѣ было извѣстно, что царица Прасковья Ѳеодоровна на обрат-

номъ пути снова заѣдетъ къ угоднику, и братія, дождавшись ея приѣзда, подала ей челобитную въ собственныя руки. Вдовствующая царица приказала прочесть бумагу въ присутствіи самого архимандрита, чтобы устыдить его и примирить съ братіею. Но едва лишь она покинула стѣны обители, какъ Александръ плетми и палками круто расправился съ челобитчиками. Въ монастырѣ притихли. Упомянутый выше архимандритъ Кирилль удалился отъ притѣсеній Александра въ Введенскій монастырь, но Александръ и тамъ не давалъ старцу покоя. Тогда, потерявъ всякое терпѣніе, Кирилль объявилъ «слово и дѣло государево», былъ вызванъ въ Петербургъ и тамъ донесъ на Александра. Вытребованный въ столицу свирскій архимандритъ вступилъ было въ пренія съ самимъ Петромъ, но былъ уличенъ, лишенъ сана и колесованъ, какъ оскорбитель и противникъ его царскаго величества. Въ день его казни скончался въ Петербургѣ и обвинитель его архимандритъ Кирилль.

При преемникѣ Александра, Кириллѣ второмъ, къ монастырю въ 1723 году было приписано 27 самостоятельныхъ обителей, разсѣянныхъ въ Олонецкомъ и Пріонежскомъ краѣ: Андрусовская, основанная вотчинникомъ Андреемъ Завалишинымъ, открывшимъ пустынное убѣжище преподобнаго и впоследствии принявшимъ монашество, Сяндемская, Никифоровская, Климецкая, Юрьегорская и другія. Въ 1765 году всѣ эти обители были упразднены, и имущество поступило для храненія въ Свирскій монастырь.

Когда Петръ Великій началъ строить въ Петербургѣ Александроневскій монастырь, свирскій архимандритъ былъ сдѣланъ «заказчикомъ» Олонецкаго края и отправлялъ, подъ своимъ наблюденіемъ, для постройки плиту, которую добывали въ Петрозаводскомъ уѣздѣ.

Въ 1763 году, при петербургской митрополіи былъ учрежденъ викаріатъ Олонецкій и Каргопольскій, и резиденціей для викарія назначенъ Свирскій Троицкій монастырь, обращенный въ архіерейскій домъ, а братія вся была переселена въ Преображенскій. При архіерейскомъ домѣ въ Троицкомъ монастырѣ помѣщались консисторія и духовная семинарія. Но викаріатъ просуществовалъ всего двадцать съ небольшимъ лѣтъ и затѣмъ былъ присоединенъ къ Архангельской епархіи. Когда же, въ 1827 году, было учреждено самостоятельное Олонецкое епископство, то мѣстопробываніемъ олонецкихъ владыкъ, по разнымъ соображеніямъ, былъ назначенъ г. Петрозаводскъ.

Это перемѣщеніе невыгодно отозвалось на обители, которая послѣ того мало-по-малу начала приходить въ упадокъ, такъ какъ еще по штатамъ 1764 года земельныя владѣнія ея были отписаны въ казну и имущественныя привилегіи сильно ограничены.

Зданія стали приходить въ такую ветхость, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, въ бывшей консисторіи не было ни половъ,

ни дверей, ни оконъ, а другія представляли собою однѣ только жалкія развалины и грозили паденіемъ. Обители необходимъ былъ новый Гермогенъ-возобновитель, и такой Гермогенъ явился въ лицѣ архимандрита Павла (съ 1855 по 1869 г.). Благодаря его энергіи и стараніямъ, удалось найти добрыхъ людей, близко принявшихъ къ сердцу горестное положеніе обители, и, благодаря ихъ пожертвованіямъ, привести ее въ нынѣшнее, сравнительно благоустроенное состояніе. Но заботы отца Павла не ограничились однимъ ремонтомъ. Устроивъ обитель, онъ создалъ для нея и постоянный источникъ дохода, построивъ въ Петербургѣ (на Разъѣзжей улицѣ) часовню, которая въ настоящее время уже обращена въ церковь и немало содѣйствуетъ матеріальному благосостоянію обители.

Въ монастырѣ ударили къ трапезѣ, и мы, поблагодаривъ свѣчника за проводы и указанія, отправились въ гостиницу. На прощанье онъ указалъ намъ зданіе бывшей консисторіи и прежнія св. ворота, нынѣ заложеныя, надъ которыми помѣщается церковь св. Іоанна Предтечи съ одною главою, возвышающеюся надъ ровною линіей монастырской ограды. Церковь эта одно время была приходскою для крестьянъ монастырской слободы. Въ ней крестили дѣтей, совершали браки, вели метрическія книги и т. д. Теперь все это давно уже отиѣнено, и служба въ церкви бываетъ рѣдко.

Въ гостиницѣ насъ ожидалъ обѣдъ, очевидно братскій. Онъ состоялъ изъ двухъ похлебокъ и гречневой каши.

— Рыбка-то своя, или покупаете?—обратился я къ гостинику.

— Покупаемъ, покупаемъ,—печально произнесъ онъ.—Своей-то гдѣ же достанешь? Все покупать приходится.

А въ это время передо мною на столѣ лежало описаніе монастыря, открытое какъ разъ на той страницѣ, гдѣ дословно приведена роспись монастырскихъ подарковъ, посылавшихся ежегодно въ Новгородъ, въ началѣ XVII вѣка. Документъ этотъ, относящійся къ 1627 году, интересенъ, какъ перечень того, что посылалось и кому именно, при чемъ количество подарковъ характеризуетъ взглядъ монастырскаго начальства на степень важности и значенія даннаго лица въ ряду дѣятелей тогдашней духовной и областной администраціи.

Преосвященному Іоакиму, митрополиту новгородскому и великолукскому, была послана икона со св. водою, просфора, хлѣбъ, икры печенки полубоченокъ, бочка сивовъ, десять лососей и полубоченокъ сивовой икры.

Воеводѣ — икона и св. вода, воцанка (свѣча), просфора, пять сивовъ и блюдо икры печенки.

Четыремъ сторожамъ государева приказу по одному сигу каждому.

Дворецкому Степану просфора, хлѣбъ, десять сивовъ, блюдо икры печенки.





Свирь. Село Подпорожье и Лисій порогъ.

Дьяку Тимоѳею Тяполкову святыня (св. вода), просфора, хлѣбъ, десять сиговъ, блюдо икры. Другому дьяку, казенному, просфора, хлѣбъ, десять сиговъ, блюдо икры печенки. Стряпчему хлѣбъ, пять сиговъ, блюдо икры печенки. Подьячему казенному четыре сига.

Митрополичью племяннику просфора, хлѣбъ, десять сиговъ, блюдо икры печенки, лосось. Митрополичью духовнику — десять сиговъ.

Протопопу Софійскому — десять сиговъ. Ключнику — три сига. Протодьякону — пять сиговъ. Двумъ ключарямъ — восемь сиговъ. На шесть поповъ соборныхъ — восемнадцать сиговъ. Пяти дьяконамъ соборнымъ — десять сиговъ. Пѣвчимъ дьякамъ на десять человѣкъ (таковъ былъ хоръ владыки) — двадцать сиговъ. Софійскимъ звонарямъ на восемь человѣкъ — восемь сиговъ. Подьяконамъ пяти человѣкамъ — пять сиговъ.

Затѣмъ идутъ подьячіе: на три человѣка — пять сиговъ (дѣлать предоставлялось, вѣроятно, самимъ получателямъ). Судныхъ дѣлъ подьячему Ѳеоктисту Денисову — три сига, брату его, подьячему — три сига. Суднаго приказу подьячему — два сига. Суднаго приказу на три человѣка — шесть сиговъ и т. д. и т. д.



Не забыты въ росписи и митрополичьи повара, коихъ въ то время было пять человѣкъ; всѣмъ имъ послано по сигу на брата. Не пропущены и подпалатные, и переходные, и плотники, и кузнецы. За кузнецами идутъ сѣнные священники и дяконы, а за ними конюха, хлѣбные старцы, часовикъ, истопщики, гвоздари и т. п. Каждому изъ нихъ пришлось поклониться сигомъ.

По моему счету, однихъ сиговъ въ томъ году было послано только въ Новгородъ (не считая московскихъ подарковъ государю и патриарху) болѣе 280 штукъ.

— Все покупаемъ, все покупаемъ, — жаловался гостиникъ: — хлѣбушка своего и того не хватаетъ. Вѣдь насъ семейка-то не малая: одной братіи съ послушниками человѣкъ до ста, а съ рабочими да съ богомольцами и всѣ двѣсти наберутся, да еще крестьянъ сосѣднихъ кормимъ, такъ вотъ и считайте.

Послѣ обѣда мы отправились за ограду, чтобы сдѣлать наброски наружнаго вида Троицкаго монастыря.

Съ востока поднималась темная грозовая туча, зловѣщій, свинцовый цвѣтъ ея не предвѣщалъ ничего добраго, и мы, сдѣлавъ по наброску, поспѣшили вернуться въ монастырь. Туча была уже надъ головою. Пролетѣлъ, обычный передъ грозой, вихорь, и не успѣли мы войти въ гостиницу, какъ полилъ дождь. Сверкнула молнія, и тотчасъ же велѣдъ за нею, съ страшнымъ трескомъ, раскатился по монастырю сильный громовой ударъ.

— Это гдѣ нибудь близко ударило, — замѣтилъ гостиникъ перекрестившись и пошелъ готовить намъ чай.

Не прошло и четверти часа, какъ по монастырскому двору забѣгали люди, кто тащилъ ведро, кто багоръ, кто лѣстницу. Мы открыли окно и выглянули. Надъ главою надворотной церкви Іоанна Предтечи тонкою струйкою поднимался дымокъ. Молнія ударила въ главу — и на чердакѣ надъ церковью горѣло. Поднялась суматоха. Сначала не знали, что дѣлать, такъ какъ пожаръ былъ высоко, на разстояніи нѣсколькихъ сажень отъ земли. Но вскорѣ на крышѣ ограды появились люди, втащили лѣстницы и по нимъ поднялись до церковной главы. Впереди всѣхъ шелъ монахъ въ красной крестьянской фуфайкѣ; онъ первый взобрался по лѣстницѣ и оттуда распоряжался остальными, при чемъ и самъ работалъ болѣе всѣхъ. Деревянный крестъ срубили, показавшійся изъ главы огонекъ залили, затѣмъ оторвали часть обшивки на главѣ и проникли внутрь. Пожаръ вскорѣ былъ прекращенъ, но глава внутри вся обгорѣла.

Въ 6-ть часовъ ударили къ вечернѣ, и мы, въ ожиданіи подряженнаго нами въ слободѣ мужичка, чтобы ѣхать на пристань, — отправились въ церковь.

На дворѣ, съ помощью длинныхъ канатовъ, стаскивали обгорѣлую главу, которая наконецъ съ трескомъ сорвалась съ шейки и упала на землю.



Свирь. Поворотъ къ Медвѣдцу и внизу порогъ Медвѣдецъ.

Знакомый свѣчникъ, встрѣтившись съ нами въ церкви, оказалъ намъ протекцію, давъ возможность осмотрѣть передъ отъѣздомъ монастырскую ризницу.

Въ ризницѣ хранится много интересныхъ предметовъ по части церковныхъ облаченій и утвари. Намъ показали гробъ, или, точнѣе, сосновую колоду, въ которую послѣ обрѣтенія были положены мощи преподобнаго Александра, показали часть его посоха, найденную при мощахъ, показали его холщевую фелонь и желѣзные вериги. Здѣсь же хранится крестъ съ частицами мощей, присланный въ обитель Іоанномъ Грознымъ, покровъ на мощи преподобнаго — даръ царевича Феодора Іоанновича, другой покровъ 1645 года, работы царицы Евдокии Лукьяновны, риза, присланная царицею Марьей Ильиничной, первой супругой царя Алексѣя Михайловича, риза патріарха Никона, бывшаго въ то время еще новгородскимъ митрополитомъ. Далѣе обращаетъ на себя вниманіе старинная серебряная дарохранительница съ надписью: «Въ семь мѣстѣ пресвятое и пречистое тѣло и кровь Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа держать на святомъ престолѣ, а кто тѣхъ не сотворитъ, имѣетъ сему судъ отъ Бога». Въ ризницѣ хранится также богатая коллекція воздуховъ; есть нѣсколько старинныхъ золотыхъ крестовъ, украшенныхъ синею и темнозеленою эмалью. На одной изъ стѣнъ мы замѣтили, неизвѣстно какимъ образомъ попавшій сюда, портретъ бородатаго мужчины съ латинскою надписью: «Leo Princeps Russiae. Fundator Urbis Leopoli». Вообще пришлось пожалѣть, что время не позволяло намъ сдѣлать болѣе детальный осмотръ ризницы. Подряженный нами мужичекъ уже ожидалъ насъ съ лошадьми у гостиницы.

Минуть черезъ десять, простившись съ гостинникомъ, мы выѣзжали изъ монастыря и вскорѣ углубились въ лѣсъ, въ которомъ уже сгущались ночныя сумерки.

Нашъ возница оказался очень словоохотливымъ собесѣдникомъ. Онъ разсказалъ намъ, что ихъ деревня подъ монастыремъ: называется Александровской слободою, что лѣсу у нихъ много, верстъ на шесть въ длину, а земли мало, что у него надѣлъ на двѣ души, что онъ сѣетъ три мѣры, а получаетъ пятнадцать мѣръ, но ихъ не хватаетъ; но больше всего онъ разсказывалъ о монастырѣ. Вообще это былъ типичный представитель подмонастырскаго крестьянства. Слова: «нашъ монастырь», «нашъ угодникъ», не сходили у него съ языка. Самый главный для него праздникъ въ году — Троица, потому что въ этотъ день въ монастырь собирается болѣе всего богомольцевъ, второй праздникъ это «память», т.-е. празднованіе памяти преподобнаго, 30-го августа.

— Въ память тоже народъ бываетъ, — разсказывалъ онъ: — а только противъ Троицы совсѣмъ не то. Въ Троицу-то намъ за подводы да за прочее рублей по десятку останется, а въ память

рублей пять, шесть, не больше. И въ монастырѣ тоже: въ Троицу свѣчей тысячи на полторы продають, а въ память гораздо меньше.

Архимандрита, присланнаго сюда изъ Валаамскаго монастыря, онъ хвалилъ, но къ монахамъ относился критически.

— Архимандритъ-то хорошъ,—говорилъ онъ:—да подстава-то у него плоха. У нихъ тамъ кто монахъ, кто еромонахъ, кто еродьяконъ, тотъ монатейный, этотъ рясофорный, а приглядѣться къ нимъ,—такіе же мужики, какъ и мы, только хлѣбъ даромъ ѣсть хотятъ. Постоить службу да отдыхать, только у нихъ и дѣла всего: Пробовалъ ихъ архимандритъ къ работѣ приучать, да не вышло. На Валаамѣ-то у нихъ островъ, а тутъ большая дорога. Чуть работы потребуешь, сейчасъ: пожалуйста мнѣ, значить, паспортъ,—и пошелъ. Трудно ему съ ними.

— А до этого архимандрита кто у васъ былъ?

— А былъ Макарій; тотъ совсѣмъ другой человекъ былъ,—и хозяйственный, и съ деньгами. Мостъ-то, что между монастырями, большой-то, это онъ выстроилъ, на свой счетъ, и монастырь изъ іодъ архіереевъ вызволилъ онъ же, потому у него въ синодѣ знакомство было.

Со всѣми деталями монастырскаго хозяйства онъ былъ знакомъ до тонкости, зналъ, по какой причинѣ лупится новая штукатурка на Троицкомъ соборѣ, сколько дохода получается съ петербургскаго подворья, сколько хлѣба приходится покупать ежегодно, на сколькихъ возахъ и лошадахъ отправились вчера изъ монастыря въ Олонецъ и т. д.

Въ разговорахъ время прошло быстро, и мы не замѣтили, какъ проѣхали шестиверстное разстояніе, отдѣляющее монастырь отъ пристани.

## VIII.

### На Свири.

Звонокъ... Вотъ отданъ ужъ причаль,  
И парохода грузный остовъ  
Подъ первымъ вѣдохомъ задрожалъ...  
Въ ширь повернулъ онъ, удаляясь...  
(Слышна команда: «полный ход!»)  
И весь дрожа и задыхаясь,  
Впередъ рванулся парходъ...

Сим—скій.

Была уже глубокая ночь, когда мы выбрались изъ лѣса и миновали монастырскую мельницу и, подворье погруженныя въ утренній предразсвѣтный сонъ. Впереди въ дымкѣ сумерекъ бѣлой ночи сверкала между деревьями Свири; дорога стала спускаться къ берегу.

Возница нашъ въ послѣдній разъ махнулъ своею «погонялкою», и черезъ нѣсколько минутъ мы были у знакомой барки, исправляющей должность монастырской пристани. Въ казенкѣ на пристани все было тихо; сторожъ спалъ. Опять намъ пришлось разбудить его, какъ и въ прошлое утро. По Свири тянулъ холодный, пронизывающій сѣверякъ, и насъ, въ лѣтнихъ пальто, начинала пробирать дрожь. Услыхавъ нашъ стукъ, сторожъ отворилъ дверь и впустилъ насъ въ казенку. Потомъ онъ принесъ наши вещи, выкинулъ флагъ,—знакъ, что на пристани есть пассажиры,—и легъ спать.

Въ казенкѣ было темно. Блѣдный свѣтъ, проникая въ маленькое окошко, еле освѣщаль край стола и протянутыя по стѣнѣ лавки. Другую половину помѣщенія занимала кровать сторожа. Изъ-подъ пола и въ щели стѣнъ дуло невыносимо. Мы кое-какъ примостились на лавкѣ и пробовали заснуть, но безуспѣшно. Болѣе часа ворочался я съ боку на бокъ, и наконецъ это мнѣ надоѣло. Я вышелъ изъ казенки на воздухъ.

Небо замѣтно посвѣтлѣло; надъ лѣсомъ вся ярче и ярче разгоралась заря, окрашивая розоватымъ свѣтомъ серебристую поверхность Свири. Холодный вѣтеръ попрежнему тянулъ вдоль рѣки. На берегу стояла распряженная телѣга, въ кустахъ бродила лошадь. За угломъ казенки, укрываясь отъ вѣтра, сидѣли двѣ бабы, очевидно, пріѣхавшія на пароходъ. Въ кустахъ проснулись птички и щебетали свои утреннія пѣсни.

Между тѣмъ заря все разросталась, заливая небо яркимъ багрянцемъ. Еще нѣсколько минутъ, и изъ-за дальняго лѣса брызнули золотомъ первые лучи восходящаго солнца.

Изъ казенки показался сторожъ и, прикрывъ глаза рукою, сталъ смотрѣть внизъ по рѣкѣ.

— Идетъ,—повернулся онъ ко мнѣ.

— Кто?

— «Кивачъ», пароходъ.

Дѣйствительно, направо надъ лѣсомъ поднимался столбъ чернаго дыма, вскорѣ показался и самъ пароходъ. Надъ тихую рѣкою пронесся его громкій свистокъ, и темная масса «Кивача», убавивъ ходъ, медленно подплыла къ пристани.

Съ парохода сошло нѣсколько богомольцевъ. Пропустивъ ихъ, мы взошли на трапъ, и чрезъ минуту «Кивачъ» уже снова заработалъ колесами.

Онъ прежде назывался «Царицею», но послѣ крушенія на Ладожскомъ озерѣ,—когда онъ сѣлъ на мель, и у него оттерло льдомъ кормовую и нижнюю части,—его перестроили, поставили новую машину и окрестили нынѣшнимъ именемъ. Супругъ «Царицы», пароходъ «Царь», также получилъ новое названіе и ходитъ теперь подъ именемъ «Олонца».



На «Кивачѣ» публика еще была погружена въ глубокой сонъ. На штурманской площадкѣ виднѣлись только лоцманъ и два матроса. Не успѣли мы, какъ слѣдуетъ, размѣститься, какъ впереди на лѣвомъ, довольно возвышенномъ и крутомъ, берегу Свири показался крохотный городокъ. Это было Лодейное Поле.

Въ началѣ прошлаго столѣтія на этомъ мѣстѣ находилась небольшая деревня Мокршивицы. Собираясь отбить у шведовъ Неву и овладѣть ея ключемъ, Нотебургомъ, Петръ ясно видѣлъ, что для исполненія этого замысла ему необходимо имѣть свой,

Старое Вознесенье и памятникъ на Онежскомъ каналѣ.

хотя бы небольшой, флотъ. Судовъ у него не было, и онъ рѣш иль ихъ построить, конечно, такъ, чтобы непріятель о томъ не провѣдалъ. Старая Ладога, находящаяся неподалеку отъ устья Волхова, была бы самымъ удобнымъ мѣстомъ для строенія судовъ и спуска ихъ въ озеро, но именно близость ея къ Нотебургу и внушала царю опасенія за сохраненіе тайны постройки. Петръ рѣшилъ устроить верфь на болѣе отдаленной Свири и выбралъ для этого деревню Мокршивицы. Деревья рубили въ окрестныхъ лѣсахъ, свозили сюда и сваливали на деревенскомъ полѣ, съ котораго крестьяне еще не успѣли убрать рожь. Въ вознагражденіе убытковъ государь выдалъ крестьянамъ обѣльную грамоту, и работа закипѣла, подъ руководствомъ самого царя. Вскорѣ требуемыя «ладьи» были готовы, спущены на воду и сослужили государю великую службу, а мѣсто, гдѣ была верфь, получило названіе Лодейнаго Поля.

Въ настоящее время Лодейное Поле принадлежитъ къ числу уѣздныхъ городовъ Олонецкой губерніи и интересно своими, болѣе чѣмъ скромными размѣрами. На набережной виднѣлось счетомъ восемь-девять домиковъ, далѣе соборъ и роща: вотъ и вся панорама города, внѣшній видъ котораго такимъ образомъ сводится къ желтому пятну соборнаго зданія, построеннаго около 1847 года и не отличающагося ни размѣрами, ни красотой архитектуры. За рощею на берегу, надъ угломъ, который Свирь образуетъ подъ городомъ, замѣтны остатки какихъ-то свай. Не здѣсь ли и строились петровскія ладьи? Другихъ признаковъ верфи мы на берегу не замѣтили.

Рядомъ съ соборомъ находится памятникъ, указывающій мѣсто, гдѣ стоялъ походный дворецъ Петра, состоявшій изъ трехъ построекъ. Памятникъ отлитъ изъ чугуна, имѣетъ около 3-хъ сажень высоты, увѣнчалъ друглавымъ орломъ и украшенъ литымъ портретомъ государя. Въ надписи, указывающей, что памятникъ поставленъ на мѣстѣ петровскаго дворца, прибавлено пожеланіе: «да ознаменуетъ дѣла великаго сей сооруженный простымъ усердіемъ памятникъ». И дѣйствительно, памятникъ сооруженъ усердіемъ простаго человѣка, мѣстнаго жителя Мирона Родіоновича Сафронова.

«Гдѣ наши шумные просвѣтители крикуны?»—спрашиваетъ по поводу этого памятника одинъ изъ путешественниковъ сороковыхъ годовъ:—«кто изъ нихъ вздумалъ для истиннаго образованія русскаго народа заставить его знать и уважать свое великое? Кто далъ на это часть своего достоянія? Ими ли воздвигнуты: монументъ у Красныхъ сосенъ, памятникъ Суворову въ Ново-Ладожской церкви, памятникъ Петру въ Лодейномъ Полѣ? Дѣлаютъ ли въ чужихъ земляхъ мѣщане и простые работники что либо подобное? Прекрасны чувства нашихъ гражданъ, ведомыхъ «простымъ





Вытегра.

Вверху видъ города издали. Внизу видъ отъ пароходной пристани.

усердіемъ»; не путайте, не сбивайте ихъ, не портите только зрѣющаго плода».

Съ отраднымъ чувствомъ можно и въ наше время засвидѣтельствовать, что этотъ плодъ продолжаетъ зрѣть и наливаться; доказательствомъ тому служатъ многочисленныя памятники, воздвигнутыя уже не отдѣльными личностями, а цѣлыми обществами въ память императора Александра II. Новые памятники растутъ, но было бы желательно, чтобы эти доказательства благородныхъ порывовъ любви и признательности нашихъ предковъ къ своимъ благодѣтелямъ поддерживались и охранялись нами, ихъ потомками, и не представляли такихъ грустныхъ зрѣлищъ, какъ памятники подъ Красными соснами.

Простоявъ въ Лодейномъ Полѣ около четверти часа, «Кивачъ» тронулся далѣе. Характеръ береговъ Свири и здѣсь оставался, приблизительно, тотъ же, какъ за Сермаксою. Тѣ же отлогіе скаты, спускающіеся къ рѣкѣ, тѣ же возвышенности, поросшія лѣсомъ. Берегъ, то глинистый, то песчаный, по временамъ, покрывается густымъ кустарникомъ. Порою среди прибрежной зелени виднѣются заготовки дровъ и мелькаютъ высокіе кресты подъ крышами, придающими имъ видъ часовенъ. Мы начинаемъ приближаться къ среднему порожистому теченію Свири.

Хотя въ старину существовавшіе на Невѣ пороги считались игрушкою сравнительно со Свирскими, но въ настоящее время и Свирскіе пороги уже настолько обследованы, изучены и выровнены, что путь по нимъ не представляетъ большой опасности даже и для крупныхъ, глубоко сидящихъ судовъ. Тѣмъ не менѣе, для прохода черезъ каждую группу пороговъ съ берега берется мѣстный лоцманъ, и управленіе судномъ переходитъ въ опытныя руки.

У деревни Подъяндебской къ нашему пароходу подѣхалъ первый такой лоцманъ, такъ какъ близъ деревни начинались пороги, и первый изъ нихъ, Устьяндебскій, былъ уже въ виду.

Повинуясь твердой рукѣ лоцмана, «Кивачъ» началъ лавировать по рѣкѣ зигзагами отъ берега къ берегу. Машина работала усиленно. Впереди лоцмана, стоявшаго у рулевого колеса съ матросомъ, помѣстился пароходный шкиперъ. Онъ давалъ свистки, размахивался со встрѣчными пароходами и, по временамъ, на крутыхъ поворотахъ, помогалъ, не оборачиваясь, вертѣть колесо у себя за спиною.

Размахиваться приходилось ему почти безпрестанно; буксиры встрѣчались чуть не черезъ каждыя пять минутъ. Мы стали ихъ записывать и записали не одинъ десятокъ. Кромѣ частныхъ буксирныхъ пароходовъ, на Свири существуютъ три буксирныхъ общества: Туэрное, Милютинское и Важинское. По туэрной цѣпи пароходъ можетъ тащить около 16 нагруженныхъ барокъ. За очередь хода судовъ слѣдятъ приказчики. Пароходы разставлены

по рѣкѣ участками и передаютъ судно одинъ другому. Плата за спускъ судна отъ Вознесенія (истокъ Свири) до Новаго канала назначается, смотря по грузу, отъ 90 до 120 рублей. Подъемъ пустыхъ судовъ вверхъ по рѣкѣ обходится нѣсколько дороже. Если въ пути не встрѣтятся задержки, то судно проходитъ Свирь дня въ три.

Мы миновали селенія Нижнюю и Верхнюю Мандроги, расположенныя по лѣвому берегу. За Мандрогами Свирь начинаетъ все болѣе и болѣе суживаться. Берега поднимаются, мѣстность оживляется высокими лѣсными пригорками, и пейзажъ значительно выигрываетъ въ красотѣ.

Впереди, подъ правымъ берегомъ, показался порогъ Толстой. Мы обогнали буксиръ «Львицу» съ двумя пустыми барками. И на «Львицѣ» и на каждой изъ барокъ стояли мѣстные лоцмана. Порогъ прошли подъ самымъ берегомъ.

Вскорѣ вдаль, на фонѣ зелени развернулось большое селеніе— Услонка.

За Услонкою пароходъ миновалъ порогъ Желѣзныя Ворота, состоящій изъ двойной гряды съ широкимъ валомъ посрединѣ рѣки, и черезъ нѣсколько времени остановился въ селѣ Важинѣ, раскинувшемся при устьѣ р. Важинки, по обоимъ берегамъ Свири.

Пристань была биткомъ набита народомъ, и на ней царствовало большое оживленіе. Тутъ были и торговки съ рыбою, яйцами и другими съѣстными припасами, и лоцмана, и приказчики, явившіеся сюда по дѣламъ, и простые зрители, пришедшіе просто поглазѣть на пароходъ и публику. Все это шумѣло, двигалось, пестрѣя на солнцѣ переливами яркихъ желтыхъ, красныхъ, бѣлыхъ, синихъ, зеленыхъ цвѣтовъ одежды. Народъ имѣлъ бодрый, здоровый видъ, производившій крайне пріятное впечатлѣніе.

Устьяндебскій лоцманъ, получивъ отъ капитана билетикъ, по которымъ ведутся расчеты, и на чай, раскланялся и остался на пристани; его мѣсто занялъ новый лоцманъ, важинскій. На пристани была выставлена цифра 13<sup>1/2</sup>, означавшая количество четвертей и указывавшая глубину воды въ Важинскомъ плесѣ.

Пароходъ тронулся далѣе.

Капитанъ показалъ намъ стоящую у берега машину особаго устройства, для вытаскиванья камней со дна рѣки. Машины эти работаютъ ежегодно и приносятъ немалую пользу по расчисткѣ фарватера.

Новый лоцманъ, слегка прищурившись, зорко смотрѣлъ вдаль. Мы слѣдили за берегами по картѣ Россіи, десятиверстнаго масштаба, но, къ сожалѣнію, замѣчали на ней много ошибокъ и неточностей. Желѣзный порогъ показанъ на мѣстѣ Толстого, а на мѣстѣ Желѣзнаго порогъ не обозначенъ вовсе. Карта говоритъ намъ, что мы подходимъ къ деревнѣ Юрьевщинѣ.

— Какая деревня?—спрашиваемъ у шкипера.

— Тезаручей.

Стали искать два главные свирскіе порога: Сиговець и Медвѣдецъ, лежащіе другъ за другомъ, нѣсколько выше села Подпорожья, и не нашли ни того, не другого.

Но вотъ вдали показалось и Подпорожье. Свирь начала еще замѣтнѣе суживаться.

Въ началѣ селенія мы встрѣтили нѣсколько собравшихся здѣсь пароходовъ. Одни изъ нихъ ждали очереди итти въ пороги, другіе только-что вышли изъ нихъ. Суда, которыя надо было буксировать, стояли тутъ же. Одинъ изъ пароходовъ, вѣроятно, потерпѣвшій аварію, былъ поднятъ на берегъ для починки.

Подпорожье раскинуто, какъ и Важино, по обомъ берегамъ Свири, но главное селеніе находится на лѣвомъ берегу; здѣсь же помѣщается и пристань.

Пока пароходъ стоялъ у берега, мы дѣлали наброски въ путевые альбомы. Впереди виднѣлась подпорожская церковь, и отъ нея до половины рѣки тянулась замѣтная подъ водою каменная гряда. Это былъ порогъ Лисій. Не въ дальнемъ разстояніи отъ него находится порогъ Сиговець, а нѣсколько далѣе Медвѣдецъ. Плесь этотъ—самый серьезный на всей Свири. Это замѣтно даже по тому вниманію и сосредоточенности, съ какими лоцманъ занялъ теперь мѣсто у штурвального колеса. У второго штурвала, на кормѣ, выросъ второй лоцманъ въ подмогу первому, правившему на верхней площадкѣ. Шкиперъ подтянулся, капитанъ, читавшій до того времени какую-то книжку, теперь оставилъ ее. Всѣ насторожились.

Пароходъ отвалилъ отъ пристани и сдѣлалъ медленный поворотъ влѣво. Впереди на грядѣ Лисьяго порога бурлила и пѣнилась вода.

Капитанъ scomандовалъ самый тихій ходъ и, наконецъ, со-всѣмъ остановилъ машину. За ближнимъ мысомъ виднѣлся дымокъ, и, слѣдовательно, путь былъ занятъ.

Черезъ минуту снова слышится команда: впередъ! Колеса работаютъ, но не могутъ сразу справиться съ теченіемъ; наконецъ, пароходъ трогается съ мѣста и начинаетъ двигаться. Изъ-за мыса показывается буксиръ «Пріятный», съ одною баркою, только что вышедшій изъ пороговъ. Разойдясь съ пустымъ буксиромъ «Образцомъ», онъ направляется къ намъ. Свистки и обычное размахиванье. Наконецъ, мы поворачиваемъ къ Лисьему и снова должны остановиться: съ пороговъ идетъ второй буксиръ «Любезный». Пропустивъ его, мы трогаемся въ путь и вступаемъ въ пороги. Почти тотчасъ же за Лисьимъ находится и Сиговець. Вода стремится вокругъ насъ съ страшною быстротой, клубясь и пѣнясь на подводныхъ камняхъ. Машинѣ данъ полный ходъ, но пароходъ еле подвигается противъ теченія. Лоцмана работаютъ всюю.



Вытегра.

Плотины у шлязовъ св. Сергія и садъ Общественнаго собранія.

— Не стой тамъ! садись! — кричатъ они на пассажира въ чуйкѣ, ставшаго на носу. — Эй, вы! отойдите! — черезъ минуту слышится снова ихъ голосъ, обращенный къ группѣ мужичковъ, вздумавшихъ расположиться въ носовой части парохода.

А вода такъ и бурлитъ, такъ и реветъ по сторонамъ.

Наконецъ, порогъ пройденъ, и пароходъ пошелъ быстрѣе. За Сивовцемъ слѣдоваль небольшой, спокойный, хотя и быстрый плесъ. Мы миновали нѣсколько стоявшихъ у берега машинъ для тасканія камней съ фарватера. Буксиръ «Образецъ» все время идетъ впереди насъ. Вдали показывается крутой изгибъ Свири влѣво, — тамъ Медвѣдецъ. Навстрѣчу намъ, отъ Медвѣдца, бѣжитъ буксиръ «Марія». Онъ пронесется мимо насъ съ быстротою, которая прямо бросается въ глаза, до того сильно здѣсь теченіе.

Мы подходимъ къ Медвѣдцу и останавливаемся: изъ-за мыска показывается большой пароходъ «Нева». Нашъ «Кивачъ» въ сущности не стоитъ; колеса все время работаютъ тихимъ ходомъ, но эта работа настолько слаба сравнительно съ быстротою теченія, что мы не можемъ даже удержаться на мѣстѣ и потихоньку сползаемъ кормою внизъ по теченію.

На лѣвомъ берегу видна деревня съ часовнею или небольшою церковью, стоящею на мыскѣ. Противъ нея—полукруглый изгибъ Свири; а надъ нимъ зеленою громадой высится правый берегъ, весь покрытый лѣсомъ. На вершинѣ его, между деревьями, мелькаютъ крыши селенія.

Размахнувшись сначала съ «Образцомъ», потомъ съ нами, «Нева» очистила наконецъ путь, и мы тронулись впередъ. Капитанъ скомандовалъ полный ходъ, но колеса долго еще работали, пока пароходъ двинулся съ мѣста. Мимо насъ снова началась бѣшеная скачка воды, точно рвущейся на просторъ изъ этой тѣснины. Пароходный остовъ дрожалъ отъ сильной работы машины, съ трудомъ преодолевъвшей напоръ теченія. На самомъ полномъ ходу мы сдѣлали подъ берегомъ крутой поворотъ и, оставивъ за собою слѣдъ въ формѣ подковъ, выбрались изъ порога.

Самыя опасныя быстрины были пройдены. Течение поуспокоилось. Берега пораздвинулись, и наши кормчіе стали замѣтно покойнѣе. Показалось село Хевронье. Подлѣ него стояло нѣсколько судовъ, ожидавшихъ очереди. Шедшій впереди насъ «Образецъ» подошелъ къ одному изъ нихъ, подчалился и повелъ его мимо насъ къ Медвѣдцу.

За Хевроньемъ слѣдовало село Мятусово, съ пристанью, у которой мы остановились и перемѣнили лодмана.

Далѣе мы миновали селенія Вороны на лѣвомъ и Пидьму на правомъ берегу, лежація наискось одно отъ другого. По мѣстоположенію Пидьма — одно изъ красивѣйшихъ селъ на всей Свири. Особенно хороши въ ней церкви, построенныя высоко на горѣ, а самое село раскинуто частію подлѣ нихъ, частію внизу по берегу.

Свирь становилась все шире, а мѣстность покатѣе и ниже. Въ лѣсахъ кое-гдѣ тонкими голубыми столбиками поднимались дымки и тихо расплывались въ воздухѣ. Это, какъ намъ объяснили, крестьяне выжигали лѣсъ подъ пашню.

Мало-по-малу мѣстность совершенно измѣнила свой характеръ и превратилась въ низменность, покрытую сплошь молодымъ лѣскомъ.

Вступивъ въ верхній плесъ теченія Свири, мы полюбовались очень красивымъ Остречинскимъ порогомъ. Форма порога продолговатая. Пароходъ вступаетъ какъ бы въ узкую дорожку, по сторонамъ которой справа и слѣва падаютъ ступенями небольшіе каскады.

Самое селеніе Остречины находится въ сторонѣ отъ берега, у Остречинской же пристани поставлена каменная часовня св. Николая и стоятъ пять-шесть домовъ, окруженные молодымъ лѣскомъ.

За Остречинами мѣстность становится еще низменнѣе, и Свирь разливается версты на двѣ въ ширину. Буксиры попрежнему встрѣчаются чуть не поминутно.

Въ большомъ селеніи Гакъ-ручей, длинною линіею раскинувшимся вдоль праваго берега, мы въ послѣдній разъ перемѣнили

лоцмана. Въ сущности, пороги здѣсь уже кончаются, и лоцманъ берется только по причинѣ частыхъ мелей, которыя, впрочемъ, точно обозначены вѣхами. Отъ Гакъ-ручья до истока Свири считаютъ 28 верстъ.

Мы миновали селеніе Вязъ-островъ, расположенное на островкѣ близъ слиянія Свири съ притоками Святухой и Кузрою, затѣмъ деревню Нимпольду и село Иваньковское. Кругомъ тянулась низина, покрытая мелкими деревьями и кустарникомъ.

Вдали уже синѣли возвышенности на берегахъ Онежскаго озера, и вскорѣ показалась пристань Вознесенье, расположившаяся надъ самымъ истокомъ Свири и положеніемъ своимъ напоминающая Шлиссельбургъ.

Окончивъ двухсотъ-верстный путь по Свири, мы разстались съ «Кивачемъ» и вышли на пристань.

## IX.

### До Вытегры.

Вытегоры—воры. У Петра Перваго  
камзолъ украли.

Народное прозвище.

Выше я сказалъ, что Вознесенье по положенію своему напоминаетъ Шлиссельбургъ, но это сходство еще болѣе бросилось намъ въ глаза, когда мы стали осматривать селеніе. Такой же широкій истокъ большой рѣки, такая же гладь обширнаго, многоводнаго озера, такіе же невысокіе берега, такое же устье обходнаго Онежскаго канала, съ такимъ же памятникомъ въ формѣ обелиска. Только движенія и оживленія здѣсь вдвое болѣе, чѣмъ въ Шлиссельбургѣ; видно, что село стоитъ на бойкой дорогѣ.

Въ сущности, старое село Вознесенье, оставшееся отъ бывшаго здѣсь въ старину монастыря, находится на противоположномъ правомъ берегу Свири, селеніе же надъ устьемъ Онежскаго канала носить названіе «намывныхъ песковъ» и возникло впоследствии. Но, благодаря своей непосредственной близости къ каналу и его грузовому движенію, селеніе на «намывныхъ пескахъ» въ короткое время настолько развилось въ смыслѣ многолюдства и оживленія, что стало центромъ Вознесенской пристани, тогда какъ старое Вознесенье, за Свирью, представляетъ собою картину тихаго, доживающаго свой вѣкъ селенія.

Вдоль берега Свири въ новомъ Вознесенѣ устроенъ сплошной рядъ лавокъ: мелочныя, овошныя, посудныя, кожевныя, шорныя и т. п. На одной изъ лавокъ мы даже увидѣли самодѣльную

вывѣску: здѣсь продается багетъ, черный и золотой, и даются книги на прочтеніе. Въ рядахъ поражаетъ обиліе выставленныхъ на продажу жестяныхъ кофейниковъ и чайниковъ, всевозможныхъ котелковъ и самоваровъ. Много также большихъ желтыхъ, такъ называемыхъ корельскихъ, сапоговъ. Характеръ товара указываетъ на профессию потребителей. Главными покупателями здѣсь являются движущіеся по Маринскому пути лодмана, водолазы, судорабочіе, гончники, погонщики, подручные приказчики и т. д.

Побродивъ по рядамъ, мы прошли обратно къ озеру, подлѣ котораго находится устье Онежскаго канала. На устьѣ, какъ я уже говорилъ, поставленъ чугунный памятникъ, въ формѣobeliska. На цоколѣobeliska двѣ надписи: «Онежскій каналъ сооруженъ повелѣніемъ государя императора Николая Павловича въ 1851 году»,—«Каналъ сей сооруженъ въ управленіе путями сообщенія и публичными зданіями генераль-адъютанта графа Клейн-михеля».

Онежскій каналъ былъ задуманъ еще въ 1791 году, и землемѣръ Маклаковъ тогда еще приступилъ къ предварительнымъ работамъ по съемкѣ, нивелировкѣ и составленію проекта. Какъ бы сочувствуя проведенію канала, само озеро облегчило трудъ Маклакова, понизивъ въ этомъ году свой уровень до небывалаго прежде minimum'a,  $3\frac{1}{2}$  фута ниже ординара. Для новаго сооруженія Маклаковъ думалъ воспользоваться водами близъ лежащихъ небольшихъ озеръ и рѣчекъ, такъ что изъ всего протяженія въ 64 версты копать приходилось только съ небольшимъ тридцать шесть верстъ. Хотя проектъ канала и былъ высочайше утвержденъ въ слѣдующемъ же 1800 году, но къ работамъ приступлено не было. Мало того, извѣстный уже намъ строитель каналовъ, генераль Деволантъ, былъ даже противникомъ новаго проекта, такъ какъ, по его мнѣнію, спокойное Онежское озеро представляло слишкомъ мало опасности, чтобы послужить причиной къ предпріятію такого дорогаго сооруженія. Дѣло затормозилось и заглохло, пока, въ сентябрѣ 1810 года, начальникъ второго округа путей сообщенія, генераль-майоръ Леонтьевъ, не извѣстилъ, что караванъ судовъ, вышедшій изъ Вытегры въ Онежское озеро, по причинѣ сильныхъ и противныхъ вѣтровъ долженъ былъ вернуться и искать спасенія въ рѣкѣ. При этомъ для нихъ представлялось только два исхода: или стоять на мѣстѣ и выжидать благопріятной погоды; а ждать ее въ томъ году пришлось ровно полтора мѣсяца, или же перегрузить весь товаръ въ другія суда озернаго типа, что сопряжено было съ крупными издержками.

О каналѣ заговорили снова, проектъ Маклакова пересмотрѣли, сдѣлали въ немъ нѣкоторыя измѣненія, составили новую смѣту, но пока шли разговоры да обсужденія, насталъ грозный 1812 годъ, разомъ отодвинувшій на задній планъ всѣ вопросы внутренняго



благоустройства, и только черезъ шесть лѣтъ о каналѣ вспомнили снова. На этотъ разъ, впрочемъ, за дѣло принялись, какъ слѣдуетъ, и занялись серіозно составленіемъ новаго проекта, при чемъ рѣшено было выкопать вдоль озера самостоятельный каналъ, не пользуясь сосѣдними озерами и рѣчками, на которыя рассчитывалъ Маклаковъ. Практика показала, что эти вспомогательные естественные пути хотя и сокращаютъ на первое время труды и издержки, но зато впоследствии причиняютъ еще большія хлопоты и расходы, требуя постоянныхъ ремонтовъ, подчистки, углубленій и исправленій.

Въ 1818 году, начались работы, а въ 1820-мъ каналъ былъ доведенъ отъ Вытегры до пристани Черный Песокъ. Но, доведя его до этого пункта, строители опять сложили руки, успокоивъ себя тѣмъ, что оставшаяся необойденною часть озера считается менѣе опасною для плаванія, опять прошло много лѣтъ, а дѣло оставалось недодѣланнымъ, и только уже въ царствованіе Николая I каналъ былъ наконецъ доведенъ до устья Свири.

По каналу подходили къ устью все новыя и новыя суда. Вдали загудѣлъ свистокъ парохода. Сторожъ, сидѣвшій на берегу, схватилъ рупоръ и принялся торопить проходившія въ Свири изъ канала барки.

— Плови! плови! скоряе! Давайте завозь! Пароходъ идетъ!— кричалъ онъ изо всей силы въ рупоръ, сопровождая свои слова энергичнымъ маханьемъ рукою.

Барки спѣшно расчищали дорогу. На каналѣ показался небольшой пароходъ «Николай». Пройдя мимо насъ, онъ вышелъ въ Свири, повернулъ въ озеро и остановился у пристани.

До отхода парохода оставалось еще два часа, и мы, перенеся на него свои вещи, пошли прогуляться по каналу.

Вдоль его берега, за селомъ, раскинуто кладбище и стоятъ большіе амбары, а на противоположномъ берегу канала тянется бечевникъ. По нему почти безостановочно проходятъ лошади, тянущія суда по каналу. Подъ каждое судно ихъ обыкновенно запрягается по четыре, и на четверку полагается одинъ погонщикъ. Судовщики и лоцмана то и дѣло кричатъ и бранятся съ сосѣдними, то намѣреваясь провести свою барку впередъ, то опасаясь столкновеній, легко возможныхъ въ такой тѣсотѣ, то торопя переднихъ ускорить ходъ, то просто такъ, безъ всякой видимой причины. Ихъ шумъ и крики далеко разносятся по гладкой поверхности канала, линия котораго, постепенно суживаясь, исчезаетъ вдали. На обоихъ берегахъ снуютъ народъ, большею частію судорабочіе; нѣкоторые изъ нихъ заняты дѣломъ, другіе толкуются такъ; черезъ каналъ то и дѣло проносятся съ берега на берегъ оклики знакомыхъ, смѣхъ и разговоры; гдѣ-то вдали слышна гармонія. По каналу, между судами, въ маленькихъ лодченкахъ шныряютъ мальчишки. Словомъ, несмотря на то, что надъ озеромъ

солнце уже начинаетъ закатываться, оживленіе здѣсь еще царить полное.

Вдали, за нашею спиной, раздался какой-то загадочный звукъ, точно заскулилъ придавленный кѣмъ-то щенокъ, но потомъ звукъ этотъ началъ постепенно сгущаться и превратился въ протяжный унылый вой. Это «Николай» извѣщалъ пассажировъ о скоромъ отплытіи.

Мы повернули обратно къ пароходу, а вслѣдъ намъ долго еще неслись крики: «Заводи, заводи бечеву-то!» «Не видишь, что ли?» «Чалку давай! шевелись!» «Залилъ глаза-то!» «Не ты ли угощаль?» «Севрюга!» «Трогай, трогай, не спи!» и т. д.

«Николай» тронулся въ путь уже затемно (сегодня онъ опоздалъ, запутавшись гдѣ-то въ караванѣ и попавъ на мель). Онъ принадлежалъ къ обычному типу тихоходныхъ канальныхъ пароходовъ, не отличающихся ни размѣрами, ни изяществомъ очертаній. Всю переднюю часть его занимала каюта перваго класса, кормовую—каюта втораго класса, а третій классъ помѣщался внизу, въ трюмѣ. Труба низка и почти не выходитъ изъ линіи каютныхъ крышъ, рулевой стоитъ низко, и въ общемъ пароходъ производитъ впечатлѣніе какой-то неуклюжей пловучей коробки, въ которой продѣланы окна. Идетъ онъ обыкновенно не болѣе шести верстъ въ часъ (хотя можетъ развивать и болѣе значительную быстроту хода), и переходъ отъ Вознесенья до Вытегры, на разстояніи 73 верстъ, совершаетъ въ продолженіе двѣнадцати часовъ.

Пройдя въ Свирь, «Николай» миновалъ памятникъ и вступилъ въ каналъ, на которомъ теперь царила полная тишина. Суда были поставлены вдоль береговъ на ночлегъ, и весь рабочій людъ отдыхалъ отъ дневныхъ трудовъ. Темные силуэты лодокъ, одинъ за другимъ, сплошною линіей тянулись вдоль канала, отражаясь въ его гладкой поверхности на фонѣ опрокинутого неба. На берегу, тамъ и сямъ, мелькали огоньки: это рабочіе съ запоздалыхъ судовъ варили въ котелкахъ ужинъ.

Кругомъ тихо, ни звука, и только въ прибрежныхъ кустахъ тихо позвякиваютъ бубенчики пасущихся лошадей. Впереди чернѣетъ что-то длинное, перерѣзающее каналъ и преграждающее намъ путь. Подходимъ ближе. Оказывается — маринка, стоящая почему-то поперекъ канала. Между нею и берегомъ свѣтится неширокая полоска воды, которою мы и пользуемся, чтобъ обойти дремлющее судно.

Маринки, очень часто встрѣчающіяся на системѣ, представляютъ собою уже нѣкоторое усовершенствованіе въ барочномъ строительномъ дѣлѣ. Прежде, до нихъ, ходили здѣсь такъ называемыя полубарки, тяжелыя, пузатыя, неуклюжія. Тяга ихъ производилась медленно и обходилась дорого, такъ что постройка полубарокъ въ большомъ размѣрѣ была даже запрещена. Въ виду

этихъ неудобствъ строители стали строить ихъ по другому образцу, болѣе легкому и подвижному, съ прямыми стѣнами, отвѣсно спускающимися къ водѣ, и, такимъ образомъ, выработали типъ нынѣшней маринки, получившей названіе отъ системы.

Миновавъ тихимъ ходомъ маринку, пароходъ прибавляетъ паровъ и трогается далѣе.

Суда начинаютъ встрѣчаться рѣже и рѣже и наконецъ совсѣмъ прекращаются. Каналъ пустъ и тянется въ полумракѣ прямой свѣтлою линіей. Въ немъ отражаются берега, ровные, невысокіе, спускающіеся къ нему правильными уступами. На берегахъ почти сплошь тянется мелкій кустарникъ. Озеро то показывается вдали, то опять скрывается. Каналъ по временамъ дѣлаетъ изгибы, вѣроятно, соотвѣтственно изгибамъ озерного берега. Мѣстами онъ становится какъ будто шире, потомъ опять суживается. Направо показывается устье небольшой рѣчки. У берега, по временамъ, встрѣчаются одиночныя суда; подлѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ мигаютъ огоньки догорающихъ костровъ. На лѣвомъ берегу между кустами, неслышные, какъ тѣни, мелькаютъ силуэты верховыхъ. Это погонщики, приведшіе суда въ Вознесенье и возвращающіеся съ лошадьми за новою тягою въ Вытегру.

Пароходъ выходитъ на широкое мѣсто, гдѣ воды канала непосредственно сливаются съ озеромъ. Надъ протокомъ на бечевникѣ устроены довольно длинный мостъ на сваяхъ. За мостомъ темнѣютъ два домика и пристань, но «Николай» почему-то не подходитъ къ пристани, а останавливается посерединѣ канала; къ нему съ берега подѣзжаетъ лодка. Черезъ минуту мы уже двигаемся далѣе, и пароходъ, прибавивъ паровъ, идетъ довольно быстрымъ ходомъ. Кругомъ все тихо, пусто, безмолвно; все спитъ, охваченное сѣрыми сумерками ночи, и только на лѣвомъ берегу попрежнему мелькаютъ тѣни верховыхъ.

Мы вернулись въ каюту и погасили огонь.

На слѣдующее утро солнце, поднявшись на небѣ, заглянуло въ каюту и разбудило насъ, мы взглянули въ окно. Кругомъ тотъ же знакомый однообразный пейзажъ. Каналъ пустъ, по берегамъ кусты, исчезли только вершники, вѣроятно, уже достигшіе Вытегры и принявшіеся снова за работу. Впереди синѣетъ лѣсъ; у лѣваго берега встрѣчаются плоты и за ними машина для чистки фарватера; бечевникъ уже перешелъ на правую сторону; лѣвый берегъ представляетъ собою широкую низину.

Во время чая мы разговорились съ своими сосѣдями по каютѣ. Ихъ было двое, и оба были вытегорскіе жители: одинъ—мѣстный слѣдователь, а другой—инженеръ путей сообщенія, начальникъ участка отъ Свири до деревни Шестовой за Вытегрою. Оба они оказались очень милыми, просвѣщенными собесѣдниками.

Узнавъ, что мы имѣемъ намѣреніе проѣхать вдоль Маріинскаго канала до Шексны, слѣдователь посовѣтовалъ намъ обратить вниманіе на мѣстность Собачьи Пролазы, въ 13 верстахъ отъ Вытегры. Встарину это былъ очень узкій проходъ въ горахъ, и тамъ постоянно гнѣздились большія шайки разбойниковъ, наводившія страхъ не только на прѣзжающихъ, но и на всю окрестность. Ко времени проѣзда по каналу императора Александра II путь въ Собачьихъ Пролазахъ былъ значительно расширенъ и разбои уничтожены. Но разбои въ здѣшнемъ краѣ держались очень долго, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчаются и въ наши дни. На одной изъ здѣшнихъ рѣчекъ есть два моста, находящіеся очень близко одинъ отъ другого; подъ каждымъ изъ этихъ мостовъ еще недавно имѣли притоны разбойники. На Петербургскомъ трактѣ, верстахъ въ 60 отъ Вытегры, близъ деревни Юковичи, грабятъ еще и теперь. Рассказывая о своихъ странствіяхъ по уѣзду, слѣдователь описалъ и мѣстный экипажъ, въ которомъ приходится ѣздить. Онъ состоитъ изъ двухъ высокихъ колесъ съ мѣстомъ для сѣдока по срединѣ и называется кабриолетомъ, который въ устахъ мѣстныхъ крестьянъ обратился въ «кирбилетъ».

Казалось бы, что для совершенія кражъ, грабежей и другихъ преступленій богатый матеріалъ представляютъ бурлаки, замѣняющіе собою конную тягу на протяженіи всего Маріинскаго канала и носящіе здѣсь общее названіе «путинныхъ», но, вопреки ожиданіямъ, эти люди ведутъ себя, по отношенію къ жителямъ, очень честно и скромно. Въ Вытегрѣ путинныхъ скопляется иногда тысячь до пятнадцати, но, несмотря на такой приливъ посторонняго люда, въ городѣ ни на конюшняхъ ни на хлѣбахъ замковъ не имѣется. У путинныхъ за преступленія, совершенныя въ ихъ обществѣ, существуетъ свой самосудъ, нѣчто въ родѣ суда Линча. Контингентъ путинныхъ составляется изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества: тутъ есть и крестьяне, и мѣщане, и опустившіеся интеллигенты. Среди нихъ встрѣтили уволеннаго исправника и даже одного прокурора, а однажды собралась цѣлая оперная труппа. Работать на каналъ приходятъ также крестьяне Олонецкой и Архангельской губерній.

Пароходъ подходилъ къ Вытегрѣ. Мы вышли на палубу. Впереди, за бечевникомъ, показалось на пригоркѣ вытегорское кладбище, мирно расположившееся подъ тѣнью густыхъ, вѣтвистыхъ деревьевъ, а за нимъ, на поворотѣ, развернулся и самый городокъ, раскинутый по правому берегу рѣки Вытегры, непосредственно соединенный съ Онежскимъ каналомъ.

Пароходъ миновалъ лѣсопильный заводъ Бранта и остановился у пристани.

Разставаясь съ нами, инженеръ любезно пригласилъ насъ зайти къ нему посмотрѣть имѣющіеся у него фотографическіе виды шлю-

зовъ Мариинскаго канала, или, какъ говорятъ здѣсь, шлюзованной части системы. Мы поблагодарили и спросили его адресъ.

— Меня здѣсь всякая собака знаетъ,—засмѣялся онъ и, давъ намъ свою визитную карточку отправился на берегъ. На карточкѣ мы прочли: Евгений Оскаровичъ Шульцъ, инженеръ путей сообщения.

Впослѣдствіи мы узнали, что г. Шульцъ, помимо своихъ инженерныхъ обязанностей, является и весьма полезнымъ городскимъ дѣятелемъ, стоя во главѣ основаннаго имъ нѣсколько лѣтъ назадъ вольнаго пожарнаго общества, которое, благодаря его энергіи и стараніямъ, находится въ цвѣтущемъ положеніи. При обществѣ организованы и очень недурный любительскій оркестръ.

Вообще Вытегра, несмотря на свои скромные размѣры, отнюдь не производитъ впечатлѣнія провинціальнаго захолустья. Находясь на одномъ изъ важныхъ пунктовъ системы, вблизи ея шлюзованной части, городокъ изобилуетъ интеллигентными людьми, принадлежавшими большею частію къ инженерному вѣдомству.

Въ Вытегрѣ имѣются три клуба: соединенный, коммерческій и общественный. Послѣдній и есть клубъ инженеровъ. Коммерческій клубъ основанъ мѣстнымъ Крезомъ, подрядчикомъ Лопаревымъ, держащимъ въ своихъ рукахъ все шлюзные работы по системѣ до самой Шексны. Постояннаго театра въ городѣ еще нѣтъ, но въ общественномъ клубѣ имѣется сцена, на которой ставятъ любительскіе спектакли.

Городокъ настолько невеликъ, что жители его сообщаются другъ съ другомъ по образу пѣшаго хожденія; по крайней мѣрѣ, мы не встрѣтили на улицахъ ни одного извозчика.

Осмотръ продолжался недолго. Съ пароходной пристани мы вышли на обширную площадь, на которой помѣщается дума и общественное управленіе, гостинный дворъ и пожарная команда. Послѣдняя, съ высокою каланчею, расположена на самой срединѣ площади. Въ пожарномъ депо имѣется четыре машины; у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ есть свои собственные, и, кромѣ того, каждый житель города обязанъ имѣть на своемъ дворѣ бочку съ водою.

На углу площади, надъ извилиной рѣки, находится старый Воскресенскій соборъ и близъ него богадѣльня Матвѣева. За соборомъ вдоль берега тянутся дома обывателей и за ними—роща и шлюзъ св. Сергія, находящійся почти въ самомъ городѣ и составляющій начало шлюзованной части системы. Въ саду подлѣ шлюза помѣщается общественный клубъ.

Пройдя отъ стараго собора бульваромъ къ мосту и перейдя на лѣвый берегъ Вытегры, мы миновали новый, строящійся шлюзъ и поднялись на крутую гору, на вершинѣ которой, высоко надъ городомъ, сверкаетъ своими крестами новый соборъ. Съ вершины горы открывается очень красивый видъ на городъ и его окрестности.

Налѣво, сверкая среди окрестныхъ холмовъ, уходила вдаль рѣка Вытегра. Прямо противъ насъ, вдоль берега, на противоположной сторонѣ, расположились въ рядъ небольшіе домики, передъ ними на водѣ виднѣлся у пристани нашъ «Николай», а подлѣ него стоялъ на парахъ Лопаревскій пароходъ «Котка», отправлявшійся, какъ намъ сказали, съ богомольцами въ Муромскій монастырь. Правѣе домиковъ большимъ сѣрымъ пятномъ выдѣлялась городская площадь съ гостинымъ дворомъ и пожарною каланчею, далѣе старыи соборъ, дома и роща, примыкающая къ шлюзу св. Сергія. На горѣ неподалеку отъ новаго собора также зеленѣла тѣнистая роща. Эта роща, по словамъ слѣдователя, составляетъ любимое мѣсто прогулокъ вытегорскихъ Ромео и Джульетъ.

Полюбовавшись видомъ и сдѣлавъ наброски, мы прошли въ соборъ. Сторожа искать не пришлось,—онъ былъ въ самой церкви. По его словамъ, соборъ освященъ въ 1874 году, но съ тѣхъ поръ уже нѣсколько разъ ремонтированъ. Главный престолъ во имя Срѣтенія Господня, а придѣлы—во имя Успенія и св. Павла Исповѣдника. Послѣдній сооруженъ въ память мѣстнаго купца Рунева, пожертвовавшего на постройку собора 35.000 рублей. Кромѣ Рунева, въ постройкѣ принимали участіе и другіе вытегорскіе негоціанты. Иконы въ иконостасѣ писаны московскими иконописцами, а иконы вокругъ столбовъ, поддерживающихъ куполь и своды, принадлежатъ кисти здѣшняго, вытегорскаго живописца. Исполнены онѣ вполне прилично.

Неподалеку отъ собора находится острогъ, обнесенный интересною стѣною, напомнившей намъ XVI и XVII столѣтія. Стѣна состояла изъ поставленныхъ вертикально досокъ, сведенныхъ наверху въ острые углы, и издали представляла полное подобіе стариннаго бревенчатого тына. Такой же заборъ-тынъ мы видѣли впоследствии въ Сергіевскомъ посадѣ, близъ Троицкой лавры.

Больше осматривать въ Вытегрѣ было нечего. Осталось только побывать у г. Шульца и посмотреть фотографіи шлюзовъ.

Разставаясь съ Вытегрою, упомяну еще объ одномъ курьезѣ, сообщаемомъ геологомъ и естествоиспытателемъ Блазіусомъ, посѣтившимъ Вытегру въ 1840 году.

Во время своихъ научныхъ изслѣдованій Блазіусъ познакомился съ мѣстнымъ купцомъ Свирековымъ (Swirekoff), даровитымъ, энергичнымъ человѣкомъ, который, по его словамъ, могъ быть названъ «героемъ здѣшней индустріи». Всѣ труды и заботы Свирекова были обращены на отысканіе и разработку естественныхъ богатствъ края. Онъ добывалъ огнеупорную глину, недостатокъ мѣла въ здѣшнемъ краѣ восполнялъ обработкою измельченной въ порошокъ бѣлой извести, разыскивалъ слѣды каменнаго угля и нашелъ ихъ близъ села Вытегорскаго, но самую главную его находкою были соляные ключи, сеставлявшіе немалую рѣдкость, такъ

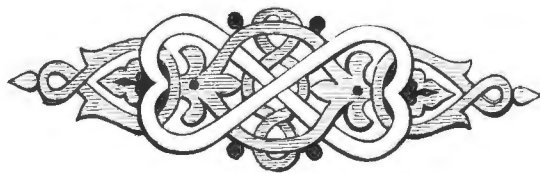
какъ они, подобно Старорусскимъ, вытекали изъ краснаго песчаника, то-есть при такихъ условіяхъ, которыя въ Западной Европѣ нигдѣ не встрѣчаются. Обрадованный своею находкою Свирековъ понялъ, какое важное значеніе могли имѣть эти ключи въ дѣлѣ удешевленія соли во всемъ краѣ, и, нимало не медля, сообщилъ о своемъ открытіи въ министерство. Черезъ нѣсколько времени изъ министерства пришла бумага въ полицію—општрафовать Свирекова за то, что заявленіе послано имъ не на гербовой бумагѣ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

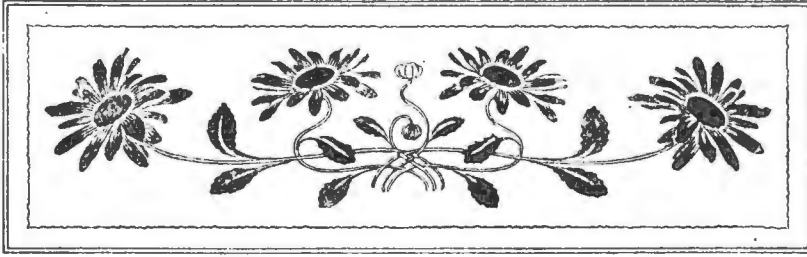
Г. Шульцъ жилъ на углу Говорухиной улицы, и мы разыскали его очень скоро. Онъ принялъ насъ крайне радушно и не только показалъ фотографіи, но даже презентовалъ намъ наиболѣе интересныя изъ нихъ. Подарокъ этотъ былъ тѣмъ болѣе цѣненъ для насъ, что представлялъ собою художественный пейзажный матеріалъ, котораго нигдѣ нѣтъ въ продажѣ.

Поблагодаривъ нашего любезнаго хозяина, мы отправились на почтовую станцію и черезъ полчаса уже выѣзжали изъ Вытегры по тракту, проведенному вдоль Маринскаго канала.

**И. Ф. Тюменевъ.**

*(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).*





## НАРОДНЫЙ ТЕАТРЪ ВЪ 1872 ГОДУ.



**ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ** г. Захарьина: «Артистическая жизнь Москвы въ семидесятихъ годахъ», напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (т. ХС, стр. 503—507), авторъ коснулся между прочимъ народнаго театра на московской политехнической выставкѣ 1872 г. Самъ г. Захарьинъ говоритъ, что онъ долженъ былъ на лѣто выѣхать изъ Москвы и не видѣлъ дальнѣйшихъ представленій народнаго театра.

Потомъ И. Н. Захарьинъ пользовался, очевидно, плохими источниками. Такъ, напримѣръ, ни Стрепетова, ни Никитинъ, ни Новиковъ не состояли въ труппѣ народнаго театра. Наоборотъ Н. Х. Рыбаковъ и Е. Д. Линовская не играли въ общедоступномъ, а выступали въ народномъ.

Народный театръ на политехнической выставкѣ имѣетъ свою исторію—достаточно сказать, что для этого театра потребовалось высочайшее разрѣшеніе, такъ какъ это время было временемъ самой суровой монополіи императорскихъ театровъ. Подробности о народномъ театрѣ печатались въ «Вѣстникѣ Московской политехнической выставки», а рецензіи въ московскихъ газетахъ того времени.

Конечно, нужны были исключительныя условія, чтобы созданъ народный театръ. Въ 1872 г. праздновалось двухсотлѣтіе со дня рожденія Петра Великаго, и всѣ торжества были перенесены въ Москву. Между прочимъ была проектирована политехническая выставка, которая должна была напоминать о томъ, что Петръ основалъ русскую промышленность. Почетнымъ президентомъ политехнической выставки состоялъ великій князь Константинъ Николаевичъ.



Нужно было еще одно обстоятельство, которое также поспособствовало учрежденію народнаго театра. За годъ до выставки въ Москвѣ было предположено общество попеченія о рабочихъ. Уставъ общества не былъ утвержденъ, но его учредители получили приглашеніе устроить на выставкѣ отдѣлъ попеченія о рабочихъ и ремесленникахъ. Для этой цѣли образовалась особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ профессора М. Я. Кятары. Въ коммиссію входилъ и А. Ф. Ѳедотовъ, еще въ собраніи учредителей читавшій свой докладъ о народномъ театрѣ, вызвавшій много споровъ. Московскій генераль-губернаторъ, князь В. А. Долгоруковъ, былъ почетнымъ предсѣдателемъ этой коммиссіи. Министерство двора, разрѣшая по высочайшему повелѣнію народный театръ, обусловило, чтобы онъ закрылся одновременно съ выставкой.

Для учрежденій отдѣла городъ отвелъ Варварскую площадь, а на постройку театра дано 10.000 рублей. На Варварской площади ко времени политехнической выставки возникъ настоящій народный уголокъ, — тутъ была и чайная особаго типа и столовая, въ которой кормили и дешево и хорошо. Отдѣлъ устроилъ также образцовую школу и читальню. Выстроена была гимнастика для народа. Наконецъ, былъ и настоящій народный театръ. Постройка его была поручена архитектору В. А. Гартману (ум. въ 1873 г.), который въ то время пользовался извѣстностью, такъ какъ однимъ изъ первыхъ примѣнилъ мотивы стариннаго русскаго зодчества къ гражданскимъ сооружениямъ. Постройка театра началась на третьей недѣлѣ великаго поста, и зданіе строилось съ такимъ расчетомъ, чтобы со временемъ можно было его обратить въ зимнее. Театръ былъ построенъ изъ брусевъ, пропитанныхъ особымъ составомъ, замедляющимъ горѣніе. Стѣны были протравлены составомъ изъ хлористаго кальція и извести. Въ видахъ достиженія той же пожарной безопасности на высотѣ второго яруса былъ устроенъ бакъ въ 1.200 ведеръ. Театръ освѣщался газомъ.

Въ одномъ изъ засѣданій коммиссіи о рабочихъ былъ возбужденъ вопросъ объ управленіи народнымъ театромъ, и коммиссія постановила поручить управленіе совѣту изъ 8 человекъ, которыхъ выбираетъ коммиссія изъ числа лицъ, знакомыхъ съ театральнымъ дѣломъ. Совѣтъ выбиралъ изъ своей среды директоровъ сцены и хозяйственной части. Практическая работа выпадала на директоровъ, а совѣтъ театра утверждалъ представляемый репертуаръ, смѣты расходовъ, отчеты директоровъ за прошлое время, а также сообщалъ коммиссіи о ходѣ театральнаго дѣла. Въ члены совѣта были избраны: А. Ф. Ѳедотовъ, П. В. Васильчиковъ, князь В. А. Черкасскій, Н. А. Чаевъ, Н. П. Архиновъ, И. Ю. Давыдовъ, А. Ф. Писемскій, И. М. Щепкинъ, и въ кандидаты: П. В. Писаревъ, Змѣтновъ, князь Ѳ. М. Урусовъ и С. В. Дурново. Въ засѣданіи совѣта 13 мая директоромъ сцены избранъ А. Ф. Ѳедотовъ, а по хозяй-

ственной части П. В. Писаревъ. Костюмерная была поручена князю О. М. Урусову, декораторъ Н. А. Рахмановъ устраивалъ сцену и рисовалъ декорации. На занавѣсѣ былъ изображенъ народный театръ и видъ Варварской площади. 15 мая почетный попечитель князь В. А. Долгоруковъ посѣтилъ засѣданіе комиссіи, и предсѣдатель профессоръ М. Я. Киттары представилъ князю членовъ совѣта, а директоръ сцены А. Ф. Ѳедотовъ—артистовъ народнаго театра. Князь разговаривалъ съ артистами и въ заключеніе сказалъ, что «успѣхъ зависитъ отъ ихъ желанія послужить новому дѣлу всѣми силами».

И успѣхъ дѣйствительно былъ.

Открытіе выставки состоялось 30 мая въ день рожденія Петра Великаго, а на пятый день, 4 іюня, открылся народный театръ. На открытіи присутствовалъ великій князь Константинъ Николаевичъ, князь В. А. Долгоруковъ, а также почетные русскіе и иностранные гости. Въ началѣ представленія труппой народнаго театра былъ исполненъ гимнъ, а оркестръ музыки сыгралъ Преображенскій маршъ времени Петра Великаго. Затѣмъ взвилась занавѣсъ, и на сценѣ стали играть «Дѣдушку русскаго флота», который какъ разъ въ то время гостилъ въ Москвѣ... Послѣ «Дѣдушки» шелъ «Ревизоръ».

Императоръ Александръ II посѣтилъ народный театръ въ субботу 10 іюня. Играли «Ревизора» по желанію императора. Александръ II вошелъ въ ложу, когда актеры играли второе дѣйствіе «Ревизора», и выждалъ въ глубинѣ ложи. Когда же императоръ показался у барьера, то раздалось по всему театру «ура». Тѣмъ временемъ и предъ театромъ собралась толпа народа, и государь выходилъ на галлерею театра и кланялся привѣтствовавшему его народу.

То обстоятельство, что императоръ выбралъ субботу для посѣщенія народнаго театра, вселило надежду, что и впредь будутъ разрѣшать спектакли въ предпраздничные дни. Надежда, однако, не оправдалась,—уже наканунѣ Петрова дня спектакля не разрѣшили, и, кромѣ того, народный театръ былъ закрытъ весь успенскій постъ...

## II.

Какъ уже было сказано, директоромъ сцены былъ избранъ А. Ф. Ѳедотовъ, и ему главнымъ образомъ народный театръ обязанъ своимъ успѣхомъ. А. Ф. родился въ Москвѣ 4 ноября 1841 г., съ юности полюбилъ театръ и игралъ въ разныхъ любительскихъ кружкахъ съ такимъ успѣхомъ, что дирекція императорскихъ московскихъ театровъ предложила ему дебюты. Дебюты были удачны, и Ѳедотовъ былъ принятъ на императорскую сцену. На сценѣ со-

стоялъ по 1871 г., а съ этого года для него начинается общественная дѣятельность: онъ состоитъ членомъ учредителемъ проектируемаго общества, въ собраніи учредителей представляетъ и защищаетъ свой проектъ народнаго театра, затѣмъ принимаетъ дѣятельное участіе въ комиссіи по устройству отдѣла попеченія о рабочихъ... 1 октября 1872 г. ему пришлось разстаться съ народнымъ театромъ, но Ѳедотовъ всегда лелѣялъ мысль о немъ и продолжалъ кипучую дѣятельность: держалъ нѣсколько лѣтъ театр-буффъ, написалъ 12 пьесъ, а въ концѣ восьмидесятихъ годовъ открылъ драматическое училище въ Москвѣ. Въ 1893 г. онъ былъ приглашенъ дирекціей петербургскихъ театровъ преподавателемъ драматическаго искусства, а также выступить на сценѣ. Однако Ѳедотовъ уже приближался къ старости: онъ умеръ 11 февраля 1895 года.

Прежде всего мы остановились на томъ репертуарѣ, который былъ выработанъ А. Ф. Ѳедотовымъ. Народный театръ открылся «Дѣдушкой русскаго флота», и «Ревизоромъ» и эти пьесы шли подъ рядъ четыре раза. Послѣ нихъ поставили «Бѣдность не порокъ» и «Ночное» и тоже четыре раза подъ рядъ. Изъ четырехъ пьесъ получались извѣстныя комбинаціи, но разъ шла новая пьеса, то она повторялась 3—4 раза. Эта система была принята въ народномъ театрѣ, чтобы дать возможность увидѣть извѣстную пьесу большому количеству народной публики. За время политехнической выставки было дано 103 утреннихъ и вечернихъ спектакля и представлено было 26 пьесъ, въ числѣ ихъ «Ревизоръ», «Недоросль», «Чужое добро въ прокъ не идетъ», «Смерть Ляпунова», 2 пьесы Чаева, 2 Чернышева, 5 пьесъ Островскаго и 11 водевилей. Въ репертуаръ входила также и опера, которую организовалъ для народнаго театра профессоръ Московской консерваторіи Н. А. Губертъ. Шли по нѣсколько разъ «Жизнь за царя» и «Русалка». Далѣе состоялось 2 народныхъ концерта подъ управленіемъ князя Ю. Голицына, и, кромѣ того, почти послѣ cadaго спектакля, устраивался дивертисментъ, или «пѣніе и пляски», какъ значилось въ афишахъ: исполнялись русскія пѣнія и пляски, а также произведенія тѣхъ композиторовъ, которые писали въ народномъ жанрѣ.

Ѳедотовъ также сумѣлъ составить и труппу, въ которую входили такія силы, какъ Рыбаковъ, Бергъ, Макшеевъ, Писаревъ и др. Кромѣ того, былъ достигнутъ такой ансамбль, какого не было въ то время на императорской сценѣ. Крупные артисты не стѣснялись играть второстепенныя роли, такъ Н. Х. Рыбаковъ выступалъ въ роляхъ Земляники и Простакова—предоставляемъ судить читателямъ, какъ эти роли были исполнены. Затѣмъ, на примѣръ, въ «Бѣдности не порокъ» роли Мити и Любы считаются второстепенными, но въ народномъ театрѣ эти роли играли В. А. Дюбюкъ и Д. В. Озеровъ и показали, что и второстепенныя роли можно

исполнять прекрасно. Далѣе, въ народнотъ театрѣ были поставлены двѣ пьесы, которыя давно уже не шли въ московскомъ казенномъ театрѣ, именно: «Не такъ живи, какъ хочется» и «Сватъ Оаддеичъ» Чаева. На императорской сценѣ не оказалось исполнителя для главныхъ ролей, а на сценѣ народнаго театра онѣ исполнялись М. И. Писаревымъ съ большимъ воодушевленіемъ. Кромѣ упомянутыхъ артистовъ, на роли любовниковъ былъ приглашенъ Путята, извѣстный въ Москвѣ любитель, а изъ артистокъ въ труппѣ состояли Е. Д. Линовская и А. И. Стрѣлкова.

Народный театръ имѣлъ успѣхъ какъ разъ у той публики, для которой былъ предназначенъ. Этому способствовала и дешевизна мѣстъ: мѣста были даже въ 10 копеекъ и 5 копеекъ, и всѣ сидячія... Площадь предъ театромъ буквально кишѣла народомъ, расхватывавшимъ билеты. Народная публика съ вниманіемъ слушала пьесу и вникала въ ея содержаніе, заливаясь слезами или смѣхомъ, а вызовы и рукоплесканья гремѣли такъ, что даже на улицѣ было слышно.

Народный театръ принесъ и пользу. Подмѣчено, что зрители возвращались домой, минуя трактиры и иныя питейныя заведенія, а фабрикантъ Сапожниковъ утверждалъ, что уже чрезъ мѣсяць послѣ открытія театра пьянство уменьшилось у его рабочихъ.

Такимъ образомъ народный театръ на Московской политехнической выставкѣ 1872 г. удался во всѣхъ отношеніяхъ, и предполагено было его оставить и послѣ выставки, при чемъ и городъ и комиссія попеченія о рабочихъ предлагали вести этотъ театръ своими средствами. Многіе фабриканты присоединились къ этимъ ходатайствамъ. Московскій губернаторъ тоже подкрѣпилъ это ходатайство о пользѣ народнаго театра. Всѣ эти документы поступили на рассмотрѣніе министра внутреннихъ дѣла и шефа жандармовъ, и они тоже дали заключеніе, что народный театръ принесетъ большую пользу для бѣднѣйшихъ и среднихъ классовъ народа. Предполагалась даже комиссія о народномъ театрѣ, но министерство двора поспѣшило удовлетворить поспѣвшее кстати прошеніе кн. Ѳ. М. Урусова и С. В. Танѣева о разрѣшеніи имъ театра въ Москвѣ. Министерство двора разрѣшило имъ общедоступный театръ, при чемъ антрепренеры должны были платить съ каждаго спектакля по 50 рублей въ пользу министерства двора. Они купили у города театръ за 28.000 рублей и заплатили 10.000 рублей на устройство парового отопленія и обшивку зданія тесомъ. Но это былъ уже не народный театръ, а потому дальнѣйшая исторія общедоступнаго театра выходитъ изъ рамки настоящей статьи.

**Ив. Иноземцевъ.**



## НЕКРАСОВСКІЕ ДНИ.

### I.



ПРОШЛИ «некрасовскіе дни», и можно приступить къ подведенію итоговъ.

Литературные юбилеи послѣдняго десятилѣтія пріучили насъ къ тому, что каждое изъ такихъ празднествъ сопровождается появленіемъ новыхъ матеріаловъ, освѣщающихъ личность писателя, критическихъ статей, наконецъ цѣлымъ рядомъ «собраній», «утрѣ», «обѣдовъ» и т. д., заставляющихъ насъ перенестись хоть на время въ давно прошедшую славную эпоху нашей литературы и забыть про свое собственное сѣренькое безвременье, про то, что, какъ выразился Глѣбъ Успенскій, у насъ идетъ теперь «не жизнь, а такъ гнилье грибное»...

«Некрасовскіе дни» въ этомъ отношеніи оказались мало похожими на дни Пушкина, Гоголя или Вѣлинскаго. Прошли они какъ-то незамѣтно, вяло, казенно и даже холодно. Быть можетъ, причиной такого грустнаго явленія было то обстоятельство, что мы еще мало или, вѣрнѣе, совершенно не знаемъ Некрасова. Двадцатипятилѣтіе, прошедшее со дня его смерти, какъ-то мало дало для уясненія его нравственнаго и литературнаго облика. Некрасовъ болѣе ясенъ былъ при жизни, чѣмъ послѣ его смерти. Вся его дѣятельность литературная и общественная въ то время была у всѣхъ на виду, и современники, особенно люди близкіе къ поэту, могли имѣть о немъ яркое представленіе. Правда, представленіе это не всегда могло соответствовать дѣйствительности, могло быть одностороннимъ, у

Некрасова могли быть и были ярые враги и преданные поклонники, но и тѣ и другіе, по крайней мѣрѣ, имѣли о немъ живое представленіе, имѣли если не вполне вѣрный, съ объективной точки зрѣнія, то во всякомъ случаѣ яркій образъ поэта.

Прошедшія 25 лѣтъ только сгладили страсти и, ничего не давъ для его объективнаго воспроизведенія, для его характеристики, только подернули дымкой яркій когда-то образъ Некрасова, не дали ему враговъ, но не дали также и друзей. Вотъ почему, думается намъ, въ то время, какъ у могилы Некрасова, въ день похоронъ, собралась огромная многотысячная толпа, какой никогда ни до того ни послѣ не видѣло кладбище Новодѣвичьяго монастыря, теперь, въ «некрасовскіе дни», у той же самой могилы собралась лишь незначительная кучка родныхъ и особенно близкихъ Некрасову людей.

Печальныя думы наводитъ сравненіе этихъ двухъ моментовъ, но дѣлать изъ него какіе бы то ни было выводы или заключенія было бы преждевременно потому, что нѣтъ у насъ для этого достаточнаго количества данныхъ. Скромно отпразднованный юбилей не вывелъ на свѣтъ Божій почти ничего изъ того, что могло бы пролить свѣтъ на остающуюся попрежнему совершенно загадочной личность Некрасова.

## II.

Въ самомъ дѣлѣ «Некрасовскіе дни» въ этомъ отношеніи не оправдали и сотой доли возлагавшихся на нихъ надеждъ и прошли очень блѣдно. Начались они «засѣданіями» ученыхъ обществъ. Первымъ состоялось Некрасова «Русское библиологическое общество» въ Петербургѣ. Послѣ реферата, посвященнаго главнымъ образомъ указанію, какъ мало сдѣлано у насъ для выясненія противорѣчій въ біографіи и характеристикѣ Некрасова, и какъ поэтому мало выяснена у насъ личность поэта, котораго въ день похоронъ хотѣли поставить выше Пушкина и Лермонтова, а затѣмъ даже друзья не прочь были бросить камень порицанія, — нѣкоторые изъ членовъ библиологическаго общества прочли рядъ не вошедшихъ въ собраніе стихотвореній Некрасова<sup>1)</sup> и обмѣнялись мнѣніями по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ изъ жизни поэта. Въ общемъ, конечно, несмотря на крайне живое отношеніе къ памяти поэта, обнаруженное собравшимися почтить его память библиологами, ничего положительнаго собраніе это не дало и лишній разъ только подчеркнуло, что необходимо возможно скорѣе, по горячимъ слѣдамъ, заняться изученіемъ Некрасова и прежде всего озаботиться хоть сколько

<sup>1)</sup> Кое-что изъ прочитаннаго въ засѣданіи появится въ «Литературномъ Вѣстникѣ», издаваемомъ обществомъ подъ редакціей А. І. Ляценка.

нибудь удовлетворительнымъ собраніемъ его сочиненій. Въдь то, что издается въ настоящее время подъ именемъ полного собранія сочиненій, не охватываетъ, навѣрное, доброй половины всего написаннаго Некрасовымъ. Читатель, не библиографъ, прочитавъ два тома сочиненій Некрасова, можетъ остаться въ полномъ невѣдѣніи относительно того, что Некрасовъ писалъ не только стихи, но также и прозу. Его романы и сказки, однако, извѣстны лишь записнымъ библиографамъ, и собрать ихъ не такъ просто. Въ сущности хорошо бы сдѣлало библиологическое общество, если бы, отмѣтивъ этотъ дефектъ, собрало прозу Некрасова и испросило у наследниковъ поэта разрѣшеніе на ея изданіе. Не думаемъ, чтобы наследники, до сихъ поръ оставившіе эти сочиненія Некрасова неизданными, имѣли чтонибудь противъ удовлетворенія такой просьбы и выжидали срока, когда проза Некрасова станетъ общимъ достояніемъ всѣхъ издателей. Во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, но нельзя не присоединиться къ пожеланію библиологическаго общества, чтобы сочиненія Некрасова, возможно болѣе полныя, вышли въ свѣтъ и дали твердую почву для тѣхъ, кто возьметъ на себя трудную задачу характеристики поэта.

14-го декабря, въ память Некрасова, былъ устроенъ вечеръ, сборъ съ котораго пошелъ въ пользу общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ.

Программа вечера состояла изъ чтенія и пѣнія переложенныхъ на музыку стихотвореній поэта. Г-жа Гриневская прочла свое стихотвореніе, посвященное памяти Некрасова. Свое «вступительное слово» проф. Ѳ. Д. Батюшковъ началъ съ реабилитаціи поэта отъ упрековъ въ разладѣ между словомъ и дѣломъ, быть можетъ, нѣсколько запоздалой наканунѣ 25-лѣтія его смерти, покрывающаго земныя прегрѣшенія покойнаго нѣсколькими земскими давностями. Боль этихъ разладовъ отразилась въ поэзіи Некрасова глубоко тоскливыми нотками, напримѣръ, въ стихотвореніи «Ты упрекомъ своимъ не буди угрызений мучительныхъ сновъ у воскресшаго друга въ груди». Некрасовъ, по словамъ лектора, властно занялъ въ русской литературѣ первое мѣсто послѣ Пушкина и Лермонтова. Объектомъ его поэзіи была переживаемая дѣйствительность и жизнь русскаго народа во всей совокупности ея теченій и запросовъ. Онъ смотрѣлъ на нее съ высоты истинъ вѣковыхъ и мучился разладами между нею и ними. Отсюда преобладающее то скорбное, то гнѣвное отношеніе къ этой дѣйствительности, отъ которой онъ все-же никакъ не могъ оторваться. Это былъ земной поэтъ, но все-таки великій поэтъ. О силѣ его художественнаго дарованія свидѣлствуютъ сжатая, ярко изобразительныя описанія и увѣковѣченные нѣсколькими бѣглыми штрихами классическіе образы, какъ, напримѣръ, «Дядя Власть», «Убогая и нарядная», «Крестьянскія дѣти» и проч. Только настоящіе художники могутъ создавать такіе немеркнущіе отъ времени

образы. Поборникъ свободы личности, Некрасовъ умѣлъ подчинить ся стремленія интересамъ общаго дѣла, великому культу родины, согрѣтому страстною вѣрою въ свой народъ. Его величіе создала эта надъ всѣмъ преобладающая, неизмѣнная святая страсть, «неистребимая мечта любви, не знающей конца». По своимъ здоровымъ морально - общественнымъ стремленіямъ Некрасовъ составляетъ яркій и отрадный контрастъ съ нѣкоторыми представителями современной поэзіи. Они провозглашаютъ, что «нѣтъ двухъ путей добра и зла», а Некрасовъ говоритъ намъ: «Средь міра дольняго для сердца вольнаго есть два пути: взвѣсь силу твердую и волю гордую — какимъ итти». Во второмъ отдѣленіи читалъ свои воспоминанія Н. К. Михайловскій, принятый публикой тепло и съ уваженіемъ. Въ числѣ участниковъ были: К. С. Баранцевичъ, Н. Ф. Анненскій, И. А. Гриневская, Герардъ, П. И. Вейнбергъ, С. А. Венгеровъ, Н. К. Михайловскій, Чюмина. Въ публикѣ, залѣ и на эстрадѣ было много представителей литературы и артистовъ.

27 декабря чествовалъ память Некрасова «Литературный фондъ». Программа вечера, которымъ это чествованіе выразилось, состояла изъ чтенія статей о Некрасовѣ, посвященныхъ ему стихотвореній и собственныхъ его произведеній. Н. К. Михайловскій, конечно, прочелъ свои воспоминанія, С. А. Венгеровъ сказалъ нѣсколько словъ о поэзіи Некрасова. П. И. Вейнбергъ далъ небольшую характеристику его творчества, а затѣмъ читали Некрасова и о Некрасовѣ Н. Ф. Анненскій, К. К. Арсеньевъ, К. С. Баранцевичъ, Г. А. Галина, И. А. Гриневская, В. Н. Давыдовъ, М. В. Крестовская, А. А. Потѣхинъ, М. Г. Савина. О. Н. Чюмина прочла свое прочувствованное стихотвореніе «На гробъ поэту», вызвавшее бурю восторговъ. Вотъ это стихотвореніе:

«О муза мести и печали!  
Съ могучей силой отвенѣвъ,  
Давно умолкнуть твой напѣвъ,  
И струны лиры отзвучали...

Ты предъ толпою, какъ въ быломъ,  
Судей безстрашнымъ не предстанешь  
И надъ неправдою и зломъ  
Вновь обличеніемъ не грянешь!

Не разнесется твой призывъ,  
Рождая гнѣвъ, святой и правый,  
И тѣхъ смятеніемъ поразивъ,  
Кто согрѣшилъ, какъ рабъ лукавый!...

О, еслибъ въ сумрачные дни  
Безвременья и бездорожья,  
Когда чуть тлѣетъ искра Божья  
И гаснутъ прежніе огни,



Когда томить духовный голодъ,  
А наша мысль во власти смуть,  
И тѣ, кто смѣлъ, отзывчивъ, молодъ,  
Не въ силахъ выбиться изъ путь;

О, если бы, держа скрижали,  
Вѣрна завѣтнымъ письменамъ,  
Ты, муза мести и печали,  
Опять съ высотъ явилась къ намъ,—

Какъ былъ бы взоръ твой полонъ муки,  
Что за сіянье вокругъ чела,  
Какіе пламенные звуки  
Изъ лиры ты бы извлекла;

Какой грозой, живящей веходы,  
Будя въ душѣ восторгъ и гнѣвъ,  
Пронесся-бъ снова твой напѣвъ,  
Какъ дуновеніе свободы!»...

17 января, въ помѣщеніи «Русскаго Собранія» при переполненной аудиторіи состоялся докладъ М. М. Бородкина на тему о «поэзии Некрасова». Изобразивъ грустную картину и отразивъ въ ней русскій народъ, Некрасовъ, по мнѣнію г. Бородкина, не создалъ правдивой исторіи. Голосъ его не былъ эхомъ русскаго народа, но не прозвучалъ напрасно. Онъ ярко и образно обрисовалъ всѣ отрицательныя стороны русской дѣйствительности. Лекторъ указалъ на длинный рядъ стихотвореній, въ которыхъ поэтическая правда облечена въ художественную форму, что доступно только истинному поэту, какимъ и былъ Некрасовъ. Некрасовъ самобытенъ, онъ никому не подражаетъ, его многія выраженія сдѣлались крылатыми словами. Онъ поэтъ переходнаго времени—поэтъ дѣйствительности. Некрасовъ много страдалъ, и это дало ему особую силу поэтическаго горя. Онъ полонъ скорбныхъ нотъ, но въ этой односторонности кроется сила и немощь.

Докладъ М. М. Бородкина вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Князь М. Н. Волконскій, оставляя въ сторонѣ художественныя недочеты въ поэзии Некрасова и замѣтивъ, что понятіе о красотѣ вообще условно, развилъ ту мысль, что Некрасовъ недостаточно русскій писатель (!), и кругъ идей, и преобладающее настроеніе и даже неумѣренная крикливость формы—все это носитъ рѣзкій отпечатокъ западничества. Некрасовъ былъ пѣвцомъ неумѣренной злобы и печали въ знаменательный историческій моментъ, когда нужно было указывать обществу ясныя пути плодотворнаго труда и мирнаго единенія.

Если мы упомянемъ о чествованіи памяти Некрасова педагогическимъ обществомъ въ комиссіи К. Д. Ушинскаго, гдѣ о поэтѣ въ горячихъ рѣчахъ говорили К. И. Арабажинъ и проф. В. Н. Петецъ, то мы исчерпаемъ совершенно цикл Некрасовскихъ празднествъ въ Петербургѣ.

Другіе города чествовали Некрасова по такому же, такъ сказать, утвержденному образцу, и въ Москвѣ, повидимому, даже забыли объ этой годовщинѣ. По крайней мѣрѣ, ее не отмѣтило ни одно изъ существующихъ здѣсь литературныхъ и ученыхъ обществъ<sup>1)</sup>. Мы не будемъ подробно перечислять празднествъ, происходившихъ повсюду. Вездѣ и всюду начинали съ біографіи и характеристики поэта и кончали чтеніемъ его стихотвореній повсюду почти однихъ и тѣхъ же. Изъ ряда этихъ празднествъ необходимо выдѣлить лишь то, что происходило на родинѣ поэта, въ Ярославлѣ. Ярославцы отнеслись къ своему земляку съ большимъ вниманіемъ. Мѣстное общество для содѣйствія народному образованію, которому обязана своимъ существованіемъ давно уже открытая здѣсь бесплатная бібліотека имени Н. А. Некрасова, горячо взялось за подготовку празднествъ. Съ самой ранней осени общество выдѣлило особую комиссію, которая не только разрабатывала вопросъ о томъ, какъ и въ какой программѣ организовать празднества, но, что гораздо важнѣе, обнаружила большую энергію въ дѣлѣ собранія всего, что только могло имѣть значеніе для наилучшаго воссозданія нравственнаго облика поэта и внѣшней стороны его біографіи. Горячіе дебаты, вызывавшіеся этого рода изысканіями, печатались въ видѣ протоколовъ на страницахъ мѣстной газеты «Сѣверный Край», которая ежедневно, въ каждомъ номерѣ, отводила у себя цѣлый довольно большой отдѣлъ специально Некрасовскимъ днямъ.

Благодаря этому, ярославцы пережили не только Некрасовскіе дни, но, можно сказать, Некрасовскіе мѣсяцы, и, благодаря этому, нигдѣ не достигнуто было, какъ увидимъ далѣе, болѣе положительныхъ результатовъ, какъ въ Ярославлѣ.

Собственно празднества здѣсь продолжались три дня. 27-го декабря, въ 11 час. дня, состоялась панихида въ помѣщеніи Некрасовской бібліотеки, передъ началомъ которой о. В. Ливановъ произнесъ теплое прочувствованное слово о поэтѣ-гражданинѣ<sup>2)</sup>. «Н. А. Некрасовъ, — говорилъ онъ, — былъ свѣтскій поэтъ, но въ своихъ произведеніяхъ онъ проповѣдывалъ идеи Господа нашего Иисуса Христа, идеи любви, братства, равенства». Въ концѣ своего слова батюшка пригласилъ всѣхъ собравшихся помолиться Богу, чтобы онъ простилъ рабу Божию Николаю всѣ его прегрѣшенія, вольныя и невольныя.

На панихиду собралось около 200 человѣкъ, которымъ бесплатно была роздана біографія поэта, написанная Тихомировымъ, а также юбилейные листки. Въ часъ дня (27-го декабря), въ залѣ Ярославской мужской гимназіи, изъ которой когда-то поэтъ былъ уволенъ,

<sup>1)</sup> «Новое Время», 1903 г., 4-го января. Статья Н. Ежова.

<sup>2)</sup> Подробное описаніе празднествъ въ Ярославлѣ напечатано въ газетѣ «Сѣв. Край», 1902 г., №№ 301—304.

состоялось торжественное засѣданіе общаго собранія Общества содѣйствія народному образованію. Огромный залъ гимназіи былъ совершенно полонъ. На эстрадѣ, украшенной зеленью и цвѣтами, стоялъ бюстъ Некрасова. Засѣданіе открылось вступительною рѣчью отъ совѣта общества, произнесенною членомъ совѣта С. А. Мусинь-Пушкинымъ. Охарактеризовавъ Н. А. Некрасова, какъ поэта національнаго и какъ перваго журналиста современнаго типа, Мусинь-Пушкинъ подчеркнул просвѣщенное, гуманное отношеніе предсѣдателя общаго собранія, г. ярославскаго губернатора, благодаря которому были устранены затрудненія въ дѣлѣ устройства торжествъ. Щедрая матеріальная помощь со стороны губернскаго земства, городской думы, брата покойнаго поэта Ѳ. А. Некрасова обезпечили матеріальную сторону «Некрасовскихъ юбилейныхъ дней». По окончаніи своей вступительной рѣчи Мусинь-Пушкинъ прочелъ привѣтственные телеграммы, присланныя изъ разныхъ городовъ на имя совѣта общества. Отъ ярославскаго общества врачей говорилъ рѣчь секретарь его, докторъ Сердцевъ. Послѣ этого прочли свои рефераты: В. М. Михеевъ «Лиризмъ Некрасова» и П. И. Мизиновъ «Блѣдная страничка изъ жизни Н. А. Некрасова». Въ заключеніе ярославское хоровое общество подъ управленіемъ Н. Н. Алмазова исполнило кантату Б. М. Азанчеева на слова Некрасова въ честь Н. А. Некрасова.

Рядъ новыхъ біографическихъ свѣдѣній о поэтѣ заключалъ въ себѣ докладъ г. Мизинова, который прежде всего указалъ на неопредѣленность, спутанность, невѣрность свѣдѣній о гимназическихъ годахъ Некрасова въ имѣющихся біографіяхъ Скабичевскаго, Быкова и др. П. И. Мизиновъ разработалъ за 10 лѣтъ архивныя данныя ярославской мужской гимназіи, гдѣ учился Н. А. Некрасовъ. Эти данныя представляютъ совершенно новый матеріалъ для біографіи Некрасова. Кромѣ того, г. Мизиновъ нашелъ въ Ярославлѣ современника Николая Алексѣевича, его школьнаго товарища М. Н. Горшкова, теперь 80-лѣтняго старца. Послѣдній, по словамъ референта, сохранилъ о Н. А. Некрасовѣ нѣсколько воспоминаній, которыя и передалъ референтъ собравшейся публикѣ. Въ заключеніе г. Мизиновъ указалъ на необходимость, не теряя времени, собрать матеріалы о гимназической жизни Н. А. Некрасова, пока живы родственники поэта, его сверстники, всѣ тѣ лица, которыя знали его въ гимназическіе годы.

Въ 5 часовъ того же дня, состоялось открытіе некрасовской выставки, за которую всѣ занимающіеся исторіей литературы и бібліографы безспорно должны сказать большое спасибо ярославскому просвѣтителю обществу. Задолго до ея открытія, оно, при посредствѣ и по инициативѣ г. Картавова, вошло въ сношеніе съ цѣлымъ рядомъ лицъ, между прочимъ, и съ петербургскими книжниками-ярославцами (гг. Базловымъ, Семеновымъ и др.) и къ дню

праздниковъ успѣло собрать весьма цѣнную и первую по своей полнотѣ некрасовскую коллекцію. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ полного каталога выставки, но даже и по тому коротенькому перечню, который напечатанъ въ «Сѣверномъ Краѣ», можно судить о ея важности. Выставка, занявшая большой залъ, состояла изъ 16-ти отдѣловъ, въ которые вошли: 1) автографы Н. А. Некрасова; 2) переписка Н. А. Некрасова съ разными лицами; 3) собраніе сочиненій Н. А. Некрасова; 4) сборники и другія книги, изданныя Н. А. Некрасовымъ; 5) журналы, издававшіеся Н. А. Некрасовымъ; 6) журналы, сборники и другія изданія, въ которыхъ помѣщены сочиненія Н. А. Некрасова; 7) разныя изданія съ отзывами о Н. А. Некрасовѣ; 8) смѣшанный отдѣлъ; 9) портреты Н. А. Некрасова; 10) портреты родственниковъ Н. А. Некрасова; 11) портреты близкихъ знакомыхъ Н. А. Некрасова; 12) портреты друзей юности Н. А. Некрасова, писателей, воспѣтыхъ поэтомъ, сотрудниковъ журналовъ и сборниковъ, имъ изданныхъ, современниковъ поэта, героевъ поэмы «Русскія женщины» и проч.; 13) виды мѣстностей, зданій и пр., связанныхъ съ именемъ Н. А. Некрасова; 14) иллюстраціи произведеній Н. А. Некрасова; 15) фототипіи, цинкографіи, акварели и пр.; 16) вещи, принадлежавшія Н. А. Некрасову и доставленныя изъ с. Карабики братомъ покойнаго поэта, О. А. Некрасовымъ.

Масса выставленныхъ здѣсь некрасовскихъ автографовъ, однако, не можетъ быть использована, такъ какъ, по словамъ корреспондента «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», большинство этихъ рукописей доставлено братомъ поэта О. А. Некрасовымъ, обусловившимъ ихъ выставку категорическимъ требованіемъ, чтобы съ нихъ не было снимаемо никакихъ копій. Послѣ выставки онѣ немедленно будутъ возвращены владѣльцу <sup>1)</sup>. «Гвоздемъ» выставленныхъ портретовъ былъ прекрасный портретъ Н. А. Некрасова, написанный Крамскимъ въ 1877 году. Другой портретъ Некрасова, работы Ге, хранящійся въ его охотничьемъ домикѣ и, какъ оказывается, чуть было не сгнившій тамъ, къ сожалѣнію, на выставку не попалъ. Существуетъ, впрочемъ, преданіе, что портрета этого Некрасовъ очень не любилъ, такъ какъ находилъ, что онъ не имѣетъ съ нимъ сходства, а потому держалъ его всегда заброшеннымъ. Среди другихъ портретовъ интересны портреты жены поэта, Зинаиды Николаевны, которой посвящены многія его стихотворенія, отца поэта, Алексѣя Сергѣевича (въ красной охотничьей курткѣ), оставившаго по себѣ такую недобрую память своими жестокостями надъ крѣпостными; портреты сестры, брата, племянника, прочихъ родственниковъ и друзей поэта. Тщетно искали посѣтители выставки среди этихъ портретовъ изображенія матери поэта: его не было;

<sup>1)</sup> «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1902 г., № 356,

говорятъ, что его не сохранилось даже въ семьѣ Некрасовыхъ. Грустный пробѣлъ... и утѣшительно только то, что духовный кроткій образъ ея живетъ и будетъ жить въ чудныхъ произведеніяхъ поэта, и жестокое въ своей безпощадности время безсильно стертъ изъ памяти потомковъ воспоминаніе о той, которая воспѣта дивными стихами «Рыцаря на часъ»... Среди портретовъ современниковъ Некрасова находится нѣсколько очень рѣдкихъ; къ числу ихъ относятся портреты: Бѣлинскаго (въ молодыхъ годахъ), Гоголя, Льва Толстого (въ офицерскомъ мундирѣ), княгини М. Н. Волконской (чей подвигъ вдохновилъ поэта и далъ намъ «Русскихъ женщинъ»), А. И. Герцена (7 портретовъ), Н. П. Огарева (2 портрета), М. А. Бакунина (портретъ съ литографіи 1848 года), В. А. Зайцева, Н. Г. Чернышевскаго (3 портрета), П. И. Якушкина (въ русскомъ національномъ костюмѣ), рѣдкія карикатуры на Греча, Булгарина и т. п.

Было бы чрезвычайно интересно, если бы всѣ эти портреты были напечатаны въ видѣ отдѣльнаго альбома.

Второй день, 28-е декабря, открылся «дѣтскимъ утромъ» въ кружкѣ любителей музыкальнаго драматическаго искусства и закончился общедоступнымъ спектаклемъ и музыкально-литературнымъ. Третій день, 29-е декабря, начался юбилейнымъ спектаклемъ въ городскомъ театрѣ. Въ первомъ отдѣленіи была поставлена пьеса Некрасова «Осенняя скука», а во второмъ были поставлены живыя картины на темы изъ Некрасовскихъ произведеній («Бурлаки», «Морозъ Красный носъ», «Кому на Руси жить хорошо») и прочитанъ рядъ стихотвореній Некрасова. «Осенняя скука» была поставлена также въ городской читальнѣ и прошла съ большимъ успѣхомъ. Сюда собрались, по словамъ «Сѣвернаго Края», не привычные посѣтители театра, а простой народъ. «Эта публика жадно ловила каждое слово, жадно присматривалась къ каждому малѣйшему жесту исполнителей, и смѣхъ—веселый и здоровый смѣхъ—все время носился въ залѣ. Зала была набита. Заняты были не только всѣ скамейки, но зрители стояли еще около стѣнъ, за скамьями и въ проходѣ. Было душно, потому что вентиляція въ читальнѣ еще не устроена надлежащимъ образомъ, и все-таки всѣ были довольны, всѣ слушали некрасовскую пьесу съ увлеченіемъ, не пропускали ни одного слова».

Въ общемъ, судя по отчетамъ, некрасовскіе дни прошли въ Ярославлѣ съ большимъ одушевленіемъ и удались гораздо лучше, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ, не исключая даже Петербурга. Горячо принявшись за работу чествованія родного имъ земляка-поэта, ярославцы не хотятъ ограничиться устройствомъ закончившихся празднествъ, а предполагаютъ современемъ основать литературное общество имени Некрасова, издать особый сборникъ и приобрести принадлежавшее ему имѣніе Грешнево. До сихъ поръ,

обществомъ содѣйствія народному образованію издана только біографія Некрасова, составленная г. Тихоміровымъ, и 10 открытыхъ писемъ. На 5 посткартахъ напечатаны фотографическимъ способомъ портреты Николая Алексѣевича, какимъ онъ былъ въ 50-хъ, 60-хъ годахъ и передъ самой смертью въ 1877 году. Пятый портретъ представляетъ снимокъ съ картины художника Крамского. Посткарта съ надписью: «Н. А. Некрасовъ въ 1877 г.», изображаетъ поэта больнымъ, лежащимъ на диванѣ, обложеннаго подушками. Передъ нимъ стоитъ столъ, а на столѣ бумага. На этомъ открытомъ письмѣ напечатано четырехстишіе изъ стихотворенія «Муза»:

О муза, наша пѣсня спѣта,  
Приди, закрой глаза поэта  
На вѣчный сонъ небытія,  
Сестра народа и мой!

На всѣхъ посткартахъ помѣщены отрывки изъ стихотвореній Некрасова, которые какъ бы служатъ эпиграфомъ къ изображаемымъ на открытыхъ письмахъ портретамъ и снимкамъ. На пяти картахъ, изображающихъ поэта въ 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ годахъ, напечатаны отрывки изъ стихотвореній Николая Алексѣевича, характеризующіе его настроеніе и главные мотивы его литературной дѣятельности. Хорошій снимокъ съ надписью «домъ въ Карабахѣ, имѣніи Некрасова». Точно также хорошо снята церковь села Абакумцева, близъ Грешнева, родового имѣнія Н. А. Некрасова. На этой посткартѣ 4 строки изъ «Рыцаря на часъ»:

Да, я вижу тебя, Божій домъ,  
Вижу надписи вдоль по карнизу  
И апостола Павла съ мечемъ,  
Облеченнаго въ бѣлую ризу».

Сюжетъ остальныхъ трехъ рисунковъ, воспроизведенныхъ на открытыхъ письмахъ, относится исключительно къ произведениямъ Некрасова: «Дядя Яковъ», «Арина, солдатская мать», «Крестьянскія дѣти». На послѣднемъ рисункѣ изображенъ Н. А. Некрасовъ въ охотничьей одеждѣ, разговаривающимъ съ «парнищемъ» и ведущимъ всѣмъ грамотнымъ дѣтямъ извѣстный діалогъ:

— Здорово, парнище!  
— Ступай себѣ мимо!  
— Ужъ больно ты грозенъ, какъ я погляжу.  
Откуда дровишки?  
— Изъ лѣсу, вѣстимо...

Въ общемъ изданы письма хорошо съ внѣшней стороны. Эпиграфы къ снимкамъ выбраны очень характерные и вполне удачны. Къ сожалѣнію, допущена грубая опечатка на той посткартѣ, гдѣ

Николай Алексѣевичъ снятъ совершенно больнымъ—лежащимъ въ постели. Подъ этимъ снимкомъ напечатано: «Н. А. Некрасовъ въ 1887 году», вмѣсто 1877 г.

Къ числу изданій этого рода нужно отнести также раздававшійся во время празднествъ юбилейный листокъ, формата 8×12.

Листокъ составленъ красиво и оригинально. На немъ воспроизведенъ портретъ Н. А. Некрасова и снимокъ съ портрета Крамского. Кромѣ того, помѣщены снимки съ картинъ: Г. Г. Мясоедова «Чтеніе положенія 19 февраля 1861 г.», В. Г. Перова «Крестьянскія похороны», И. Е. Рѣпина «Бурлаки» и изображенъ видъ, вѣроятно, с. Діево-Городище съ р. Волги. Подъ этимъ снимкомъ помѣщены стихи Некрасова:

«О... Волга!... Колыбель моя.  
«Любилъ ли кто тебя, какъ я?»

Всѣ эти снимки заключены въ красивую виньетку, а на верху листа крупнымъ стильнымъ шрифтомъ напечатано: «На память о Некрасовѣ». Внизу портрета помѣщенъ стихъ Некрасова:

«Сѣйте разумное, доброе, вѣчное;  
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное  
Русскій народъ».

Между виньеткой и портретомъ въ верхней части юбилейнаго листка напечатана краткая біографія Н. А. Некрасова.

Нельзя также не отмѣтить весьма важнаго практическаго результата, котораго достигло Ярославское общество содѣйствія народному образованію, выхлопотавъ разрѣшеніе прочитать въ мѣстныхъ школахъ и народныхъ аудиторіяхъ стихотворенія Некрасова: «Школьникъ», «Власть», «Крестьянскія дѣти», «Дядюшка Яковъ», «Пчелы», «Генераль Топтыгинъ», «Дѣдушка Мазай и зайцы», «Соловьи», «Наканунъ свѣтлаго праздника», «Коробейники» и «Морозъ Красный Носъ». Какъ извѣстно, до сихъ поръ стихотворенія Некрасова не были допущены въ бібліотеки школъ и народныхъ читальни, почему получались такія странныя положенія, что въ читальнѣ имени Некрасова не выдавались стихотворенія поэта народнаго горя. Ихъ, впрочемъ, въ этой читальнѣ даже и не было. Быть можетъ, теперь, послѣ того какъ эти стихотворенія уже читались въ некрасовскіе дни, съ нихъ будетъ снятъ запретъ, и они попадутъ въ печатномъ видѣ въ ту среду, гдѣ давно уже весьма многія изъ нихъ успѣли превратиться въ народные пѣсни.

Чтобы покончить съ чисто внѣшней стороной «некрасовскихъ дней», отмѣтимъ, что на нихъ откликнулись также русскіе люди, заброшенные судьбой за предѣлы Россіи. Некрасова чествовали за границей: въ Парижѣ, Римѣ и Берлинѣ <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> «Спб. Вѣдомости», 1908 г., № 5.

## III.

Теперь перейдемъ къ обзорѣннѣю литературы, вызванной некрасовскими днями или такъ или иначе съ ними связанной. На первомъ мѣстѣ по своему значенію мы должны поставить рядъ находокъ, сдѣланныхъ и описанныхъ <sup>1)</sup> П. А. Картавовымъ. Совершенно случайно г. Картавовъ натолкнулся у одного изъ петербургскихъ букинистовъ на бумаги давнишняго книгопродавца В. Г. Полякова. Разобравшись въ нихъ, онъ нашелъ цензурные экземпляры такихъ произведеній Некрасова, какъ «Баба-Яга, костяная нога», «Великодушный поступокъ», дѣтскій водевиль, другой дѣтскій водевиль «Федя и Володя», «Сказку о царевичѣ Ясноцвѣтѣ» и рукопись вмѣстѣ съ корректурнымъ оттискомъ драматической фантазін Некрасова подъ заглавіемъ «Юность Ломоносова». Эта послѣдняя пьеса, написанная бѣлыми стихами, до сихъ поръ была совершенно неизвѣстна. Печатнаго экземпляра ея нѣтъ даже въ Императорской Публичной библиотекѣ, и потому г. Картавовъ напечаталъ ее цѣликомъ въ своемъ «Литературномъ архивѣ». Конечно, ни эта пьеса, ни перечисленныя выше другія «сочиненія», которыя Некрасовъ уступилъ, какъ видно изъ одной его записки Полякову, въ «вѣчное и потомственное владѣніе» этого книгопродавца, не прибавляютъ новыхъ лавровъ въ вѣнокъ поэта и не могутъ представлять собой большого значенія, но для біографа Некрасова находка г. Картавова, безспорно, будетъ весьма полезна. Все это произведенія, написанныя Некрасовымъ въ минуту жизни трудную, и, намъ кажется, что когда въ пьесѣ «Юность Ломоносова» Михайло Ломоносовъ говоритъ монологъ:

День ото дня мнѣ тяжелѣй:  
До вечера отъ утра за работой,  
Которая не по сердцу, сижу...

то за этимъ Михайломъ такъ и чувствуется Некрасовъ, вынужденный «сочинять» «Бабу-ягу» и дѣтскіе водевили.

«Русская Мысль» <sup>2)</sup> напечатала рядъ писемъ Н. А. Некрасова къ Н. М. Сатину, М. Л. Огаревой и А. И. Герцену. Письма эти—коротенькія дѣловыя записки и также могутъ имѣть небольшое значеніе лишь вполслѣдствіи, при сопоставленіи съ другимъ однороднымъ матеріаломъ. Они между прочимъ подтверждаютъ тѣ бросающія на Некрасова тѣнь отношенія къ Огаревой, изъ-за которыхъ отвернулись отъ него весьма многіе изъ его современниковъ и друзей. Мы имѣемъ въ виду хлопоты Некрасова, имѣвшія цѣлью

<sup>1)</sup> «Литературный архивъ», 1902 г.

<sup>2)</sup> «Русская Мысль», 1902 г., № 12, стр. 172—177.



оттягать отъ наслѣдниковъ Огарева въ пользу его жены, безъ всякихъ рѣшительно оснований, не принадлежащее ей имѣніе.

Особенную цѣнность имѣетъ напечатанная г. К. Оберучевымъ въ январской книжкѣ издающагося въ Кіевѣ журнала «Кіевская Старина» метрическая выпись о бракѣ родителей поэта, устанавливающая вполне точныя данныя о личности его матери. Въ метричкѣ сказано, что въ м. Юзвинѣ Винницкаго у. Подольской губ. 11-го ноября 1817 г. «двадцать восьмого егерскаго полка третьей бригады адъютантъ поручикъ Алексій Сергіевъ сынъ Некрасовъ грекороссійскаго исповѣданія, титулярнаго совѣтника Андрея Симонова Закревскаго съ дочерью дѣвицею Еленою того же исповѣданія по учиненіи въ церкви предъ народомъ троекратныхъ извѣщеній и по взятіи указаннаго обыска винницкимъ повѣтовымъ протоіереемъ Петромъ Вилентіемъ первымъ бракомъ вѣнчаны».

Такимъ образомъ, бракъ родителей Н. А. Некрасова совершенъ въ м. Юзвинѣ Подольской губ.; мать поэта называлась Еленой Андреевной, по отцу Закревской, и не была дочерью польскаго магната, а православною. На основаніи имѣющихся данныхъ о землевладѣніи въ Подоліи г. А. С. въ «Спб. Вѣд.» (№ 19) сообщаетъ, что фамилія Закревскихъ встрѣчается здѣсь еще съ XVI в. Очевидно, это была одна изъ старинныхъ малорусскихъ фамилій, сохранившая въ неприкосновенности свою религію и національность.

Документъ, опубликованный «Кіевской Стариною», устраняя весьма существенную біографическую неточность въ жизни Некрасова, не лишень также и психологическаго значенія. Прочтя его и сравнивъ съ поэмой Некрасова «Мать», невольно наталкиваешься на вопросъ, неужели же поэту оставалась неизвѣстной эта подробность въ жизни столь нѣжно любимой имъ женщины?

Вотъ, кажется, и весь историко-литературный матеріалъ, который появился къ «некрасовскимъ днямъ». За нимъ идетъ цѣлый рядъ «воспоминаній», коротенькихъ, отрывочныхъ, напечатанныхъ съ чужихъ словъ. При чтеніи этой, довольно обильной, юбилейной литературы, самъ юбиляръ, покойный поэтъ, представляется чѣмъ-то въ родѣ обвиняемаго или подслѣдственнаго. Газетные сотрудники, въ видѣ слѣдователей, производятъ форменное «дознаніе», устанавливають мѣсто дѣйствія, разыскивають свидѣтелей и затѣмъ допрашиваютъ ихъ. Такимъ путемъ, описано имѣніе Некрасова Грешнево, его охотничій домикъ въ Чудовѣ, собраны нѣкоторыя вещественныя доказательства, допрошено нѣсколько друзей Некрасова, нѣсколько его сотрудниковъ и больше всего слугъ и егерей.

И вотъ этимъ дознаніемъ установлено прежде всего, что въ усадьбѣ Некрасовыхъ, въ Грешневѣ, гдѣ поэтъ провелъ свое дѣтство, теперь помѣщается трактиръ. Надъ дверью двухэтажнаго некрасовскаго дома, служившаго помѣщеніемъ для оркестра музыкантовъ

во времена отца поэта, посѣтившій его О. Смирновъ<sup>1)</sup>, сразу же увидѣлъ вывѣску:

Постоялый дво  
ръ Раздолье съ  
распитіемъ кр  
епкихъ напитковъ  
и навыносъ и съ  
продажею чаю.

Господскій домъ сгорѣлъ еще въ шестидесятыхъ годахъ и находился влѣво отъ трактира. Отъ него сохранились только камни фундамента.

«Въ нынѣшнемъ году, — говоритъ г. Смирновъ, — часть этихъ камней взята и положена въ основаніе казенной винной лавки, которую акцизное вѣдомство устраиваетъ какъ разъ въ бывшей усадьбѣ Некрасовыхъ. Такимъ образомъ съ будущаго года на той почвѣ, на которой выросъ поэтъ, будутъ стоять два кабака, и не одинъ, а два источника радости и веселія будутъ поить жаждущихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Н. А. Некрасовъ написалъ когда-то многія свои произведенія».

Была попытка устроить въ бывшей усадьбѣ Некрасовыхъ ремесленное училище. Мѣстный земскій начальникъ собиралъ въ Грешневѣ сходъ и убѣждалъ крестьянъ составить приговоръ въ этомъ смыслѣ. «Мы были согласны, — говорили крестьяне, — и приговоръ составили, и по полтиннику съ души положили, да вотъ нѣтъ училища, — видно, вышла какая нибудь зацѣпка».

До сихъ поръ на мѣстѣ бывшей усадьбы растутъ липы, посаженныя когда-то около господскаго дома. Эти липы, еще не старыя, — все, что осталось отъ сада, который былъ довольно великъ и занималъ 2—3 десятины. Въ поэмѣ «Мать» описанъ этотъ садъ, съ которымъ у Н. А. Некрасова были связаны самыя нѣжныя воспоминанія.

Охотничій домикъ Некрасова въ имѣніи Чудово, близъ станціи Николаевской желѣзной дороги, одно время находившійся въ запустѣніи и сильно разграбленный, получилъ лучшее назначеніе, чѣмъ домъ имѣнія въ Грешневѣ<sup>2)</sup>. Благодаря пожертвованіямъ сестры поэта, г-жи Будкевичъ, земство устроило здѣсь ремесленную сельско-хозяйственную школу.

Домъ поэта занятъ — въ нижнемъ этажѣ управляющимъ школы В. В. Немыцкимъ, а въ мезонинѣ, гдѣ у хлѣбосольнаго писателя

<sup>1)</sup> Передъ «Некрасовскими днями». Ярославль, 1902 г., стр. 9.

<sup>2)</sup> «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1902 г., № 354. — «Сѣверный Край», 1902 г. № 322.

были когда-то «номерки» для гостей, однимъ изъ преподавателей. Передняя часть дома перестраивалась, но кабинетъ поэта остался въ прежнемъ видѣ. Сломана только лежанка, на которой покойный любилъ подолгу лежать и грѣться. Но зато сохранился вдѣланный въ стѣну шкафъ, гдѣ хранились бумаги Некрасова. Изъ вещей поэта почти ничего не осталось. Уцѣлѣли только три предмета: маленькая, деревянная, безъ ризы и кіота, икона въ углу кабинета, огромный дубовый шкафъ и большой, цѣнный портретъ поэта (5<sup>1</sup>/<sub>2</sub> четвертей вышины и 4<sup>1</sup>/<sub>2</sub> четверти ширины), помѣченный: «Н. Ге, 1872 г., Спб.». Некрасовъ изображенъ сидящимъ въ мягкомъ креслѣ въ сюртукѣ и бѣлой крахмальной со стоячимъ воротничкомъ рубашкѣ. Портретъ производитъ сильное впечатлѣніе.

Въ такомъ положеніи находятся въ данный моментъ мѣста, куда пріѣзжалъ Некрасовъ отдыхать отъ тревоженій петербургской суетоки. Ярославцы сильно мечтають о покупкѣ имѣнія Грешнева для устройства въ немъ просвѣтительныхъ учрежденій имени Некрасова, но, повидимому, пока еще не обладаютъ необходимыми для этого средствами, о чемъ, конечно, нельзя не пожалѣть.

Теперь перейдемъ къ свидѣтелямъ. Въ Петербургѣ ихъ допросъ взяли на себя «Новости», а въ Ярославской губерніи «Сѣверный Край». Первымъ былъ допрошенъ П. И. Вейнбергъ<sup>1)</sup>.

«Я, — показалъ г. Вейнбергъ, — прибылъ въ Петербургъ въ 1858 г. и съ письмомъ Дружинина отправился къ Н. А., который принялъ меня крайне сердечно и дружелюбно. Это былъ въ высшей степени пріятливый, прямо-таки обаятельный человекъ; онъ могъ обласкать и пригрѣть. Прямой, временами даже рѣзкій, Некрасовъ не стѣснялся въ выраженіяхъ своихъ симпатій, и если любилъ кого, то любилъ всею силою своей прекрасной души; но ужъ если не понравится ему кто, то не только холодомъ, а прямо льдомъ обдавалъ его. Первой работой, которую я представилъ Н. А., былъ переводъ шекспировскаго «Генриха VII» для изданія, предпринятаго Некрасовымъ совмѣстно съ Гербелемъ».

Указавъ затѣмъ на то, что слухи о голоданіи Некрасова, въ первые годы его жизни въ Петербургѣ, сильно преувеличены, П. И. Вейнбергъ подробно остановился на отношеніи Некрасова къ соотрудникамъ.

Онъ, — по словамъ Вейнберга, — съ поразительной вѣрностью отмѣчалъ талантливыхъ людей и всегда оказывалъ имъ широкое содѣйствіе. Но людей бездарныхъ, такъ или иначе желавшихъ пристроиться къ печатному слову, Некрасовъ не переносилъ, не вступалъ съ ними ни въ какія сношенія и всегда въ глаза говорилъ имъ: «литературѣ вы не нужны, ищите себѣ другое поприще». Рѣшетникова замѣтилъ Некрасовъ, поддерживалъ его, ухаживалъ

<sup>1)</sup> «Новости», 1902 г., № 351.

за нимъ и мелѣялъ каждую строку, написанную этимъ писателемъ».

Отношеніе Некрасова къ сотрудникамъ «Современника», по свидѣтельству П. И. Вейнберга, было прямо-таки идеальное. Правда, временами онъ былъ слишкомъ рѣзокъ въ обращеніи съ пишущими въ его журналѣ, но эта рѣзкость скоро смѣнялась лаской и душевнымъ словомъ.

Помню такой случай, — сказалъ П. И., — приходитъ въ редакцію одинъ изъ его сотрудниковъ и проситъ у Некрасова авансъ въ 100 рублей.

«— Что, — началъ кричать Н. А., — сто рублей, сто рублей? гдѣ я возьму, гдѣ я самъ эти деньги возьму? Разорить меня хотите! Да, что вы сдѣлаете съ этими деньгами? — Сотрудникъ заявляетъ, на что ему понадобились деньги.

«— Ну, вотъ, ну, вотъ, что же вы на эти деньги сдѣлаете!... Да, вамъ, по крайней мѣрѣ, надо 300—400 рублей, а гдѣ я возьму, гдѣ возьму такія деньги? Ему сколько денегъ нужно, а онъ сто рублей проситъ. Шутка ли сказать—300 рублей, банкиромъ меня желаете сдѣлать! Ну, вотъ, что: 400 рублей не дамъ, не дамъ, потому что не могу, а вотъ 300 возьмите».

Неоднократно въ бесѣдѣ съ Некрасовымъ Петръ Исаевичъ говорилъ ему о его громадномъ, чисто лирическомъ дарованіи, въ самомъ широкомъ значеніи этого понятія.

— Что вы, отецъ, — обыкновенно возражалъ Н. А., — какой я лирикъ, мое дарованіе исключительно сатирическое.

«Видѣлъ я, — вспоминалъ г. Вейнбергъ, — Николая Алексѣевича особенно негодующимъ только при полученіи цензорскихъ гранокъ. Какъ увидитъ красный карандашъ, кричитъ, волнуется, и въ эти минуты невольно припоминается намъ его извѣстный стихъ: это кровь моя проливается»...

Увлекающійся, прямо страстный человекъ, онъ искалъ причинъ для волненій, и его страсть къ картамъ была не только слѣдствіемъ жажды денегъ, не только желаніемъ непременно выиграть, а въ значительной степени просто *страстью*. Его волновалъ самый процессъ игры... «Помню, — говоритъ г. Вейнбергъ, — какъ-то разъ пришелъ я къ Николаю Алексѣевичу, онъ прихварывалъ тогда немного.

«— А, отецъ, хорошо, что пришли, давайте сыграемъ въ пикетъ...

«— Да я, Н. А., не играю, да и карты съ трудомъ разбираю, едва трефи отъ пикъ отличаю.

«— Нѣтъ, давайте, сыграемъ. — Засѣли за карты, выигралъ Некрасовъ шесть рублей, былъ очень доволенъ»...

Вообще, П. И. сохранилъ самую свѣтлую и добрую память о Некрасовѣ, онъ долго работалъ съ нимъ вмѣстѣ, хорошо зналъ его жизнь, былъ свидѣтелемъ его литературной дѣятельности, отноше-

ній къ людямъ, и на всемъ этомъ всегда лежалъ отпечатокъ благородства и строгой идейности.

«Его пѣсни, полныя скорби и печали,—говорить г. Вейнбергъ,—были не только стихами, изложенными въ прекрасной формѣ, но также скорбью и печалью его сердца и души. Онъ, дѣйствительно, писалъ кровью своего сердца, страдая надъ всѣмъ тѣмъ, что онъ писалъ... А страдалъ покойный Н. А. много... На лицѣ у него была написана смерть, онъ почти ничего не говорилъ; мучительно-тяжело было смотрѣть на угасающую жизнь пѣвца человѣческой скорби. Онъ страдалъ при жизни, а послѣднія минуты его были переполненіемъ чаши страданій».

Въ заключеніе бесѣды П. И. высказалъ глубокое сожалѣніе по поводу того, что наслѣдникъ Некрасова, его племянникъ, ничего общаго не имѣющій съ литературой, невнимательно относится къ изданію произведеній Н. А.

«Недавно выпло полное собраніе сочиненій Н. А., отпечатанное въ 20 т. экземплярахъ. Оно попрежнему не дополнено вновь найденными произведеніями поэта, и отличается многими недочетами и погрѣшностями. Это очень обидно... Изъ уваженія къ памяти Некрасова, который русскому народу далъ свои произведенія, слѣдовало бы проявить больше вниманія и больше уваженія при изданіи сочиненій».

Такой же восторженный отзывъ о Некрасовѣ далъ М. П. Писаревъ, на котораго поэтъ производилъ всегда впечатлѣніе чловѣка необыкновенно добраго, гуманнаго и отзывчиваго <sup>1)</sup>).

«Мнѣ,—сказалъ артистъ,—доподлинно извѣстно, какъ щедро онъ отзывался на нужду собратьевъ по перу. Я бы могъ назвать имена многихъ литераторовъ, которые въ широкой мѣрѣ пользовались поддержкой нашего поэта. Расскажу я вамъ о случаѣ съ извѣстнымъ П. И. Якушкинымъ. Онъ долженъ былъ Некрасову свыше 400 рублей, которые получилъ отъ него авансомъ за обѣщанную статью. П. И. не могъ по болѣзни и другимъ причинамъ представить къ сроку уже оплаченную статью, стѣснялся самъ объ этомъ писать Н. А. и поручилъ мнѣ извиниться за него передъ Н. А. и попросить его, если возможно, ссудить ему еще 50 рублей. Что же сдѣлалъ Некрасовъ? Онъ прислалъ на мое имя для П. И. не 50, а 250 рублей, упрекая меня въ письмѣ, что я напрасно такъ много извинялся за П. И.

«Многіе осуждали Некрасова за его образъ жизни; дѣйствительно, Некрасовъ любилъ по-барски жить, любилъ охоту и игру въ карты, устраивалъ роскошные обѣды и принималъ у себя высокихъ сановниковъ, бывшихъ и будущихъ министровъ. Но строгіе судьи Некрасова забываютъ, какую нужду ему приходилось испытывать

<sup>1)</sup> «Новости», 1902, № 365, «Петерб. Газ.», 1902, № 355.

въ молодости, и какое положеніе онъ занималъ впослѣдствіи. Хотя Григоровичъ въ своихъ воспоминаніяхъ («Русская Мысль», 1892 г., кн. 12, и 1893 г., кн. 1 и 2) и утверждаетъ, что Некрасовъ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ вовсе не былъ въ бѣдственномъ положеніи, но я рѣшительно долженъ заявить, что извѣстный писатель, которому, вообще, память часто измѣняла, ошибался въ данномъ случаѣ. Мнѣ лично говорилъ нынѣ покойный режиссеръ императорскихъ театровъ, Николай Ивановичъ Куликовъ, у котораго Некрасовъ въ молодости часто бывалъ въ качествѣ переводчика водевилей, что Некрасовъ въ сильный морозъ часто являлся къ нему, какъ бы весь застывшій отъ холода, безъ верхняго пальто, безъ капошъ, безъ всякихъ признаковъ верхняго бѣлья, съ шарфомъ на шеѣ. То же рассказывала мнѣ сестра Куликова, извѣстная артистка императорскихъ театровъ Ал. Ив. Шубертъ. Понятно, что человѣкъ, который въ своей жизни испыталъ такъ много горя, нужды и лишеній, старался упрочить за собою то лучшее положеніе, котораго онъ добился своимъ умомъ, талантомъ и трудомъ».

Такъ же тепло отзываются о Некрасовѣ г. Сильчевскій <sup>1)</sup>, А. А. Плещеевъ, ссылающійся на письма Некрасова къ его отцу <sup>2)</sup>, г. Горизонтовъ <sup>3)</sup> и другіе. При видимомъ единогласіи этой небольшой группы свидѣтелей, въ общемъ сообщившихъ о Некрасовѣ крайне поверхностныя свѣдѣнія, нельзя не отмѣтить, что отзывъ М. П. Писарева опровергаетъ показаніе П. И. Вейнберга въ той его части, гдѣ говорится о бѣдственномъ положеніи Некрасова въ началѣ его литературнаго поприща.

Показанія свидѣтелей крестьянъ менѣе противорѣчивы, но по своей цѣнности нисколько не выше приведенныхъ нами показаній свидѣтелей не-крестьянъ. Прежде всего приведемъ показаніе бывшего егеря Некрасова, Степана Петрова, который заявилъ сотруднику «Спб. Вѣд.», г. Жилкину, что Некрасовъ его любилъ больше всѣхъ на свѣтѣ: «больше своей бабы», т.-е. жены. Если вѣрить этому свидѣтелю, который, къ тому же, въ моментъ допроса его г. Жилкинымъ, былъ немного навеселѣ, то въ послѣдніе годы жизни Некрасова былъ такой эпизодъ <sup>4)</sup>.

«Къ концу ужъ это было, — рассказываетъ Петровъ. — Расхворался совсѣмъ Миколай Лексѣичъ. Ракъ у него въ нутрѣ былъ. Зоветь меня. «Степанъ, говоритъ, Петровичъ»... А онъ меня Степаномъ не называлъ — всегда Степанъ Петровичъ. «Устрой, говоритъ, охоту, чтобы скоро и хорошо, да поближе. Какъ нибудь, говоритъ, доѣду». Ну, нашелъ я ему живой рукой сѣрыхъ куропатокъ. Снарядили его, укутали, посадили и кругъ подъ него подложили, —

<sup>1)</sup> «Новости», 1902 г., 28 декабря; <sup>2)</sup> «Биржев. Вѣд.», «Сара г. Дневн.», № 227;

<sup>3)</sup> «Сарат. Листокъ», № 276.

<sup>4)</sup> «Спб. Вѣд.», 1902 г., № 354.

безъ кругу нельзя ему было. Ну, и рессоры тоненькія—не зыбнетъ. Поѣхали. И Зина его, Зина Миколавна, супруга, съ нимъ. Кряхтитъ, охаетъ,—Миколай-то Лексѣичъ. «Далеко, что ли?»—говорить. А недалечко было. Приѣхали. «Вы, говорю, не безпокойтесь». Я, вѣдь, теперь шмона, а тогда ходкой былъ. Разыскалъ съ собаками. «Пожалуйте», — говорю. А онъ всегда со своей собакой ходилъ. Слѣзь, пошелъ. Я это было дальше,—а онъ бросилъ ружье и кричить: «Степанъ Петровичъ! Степанъ Петровичъ! Родной мой, не могу! Вези домой!» И не хочетъ садиться къ Зиновинѣ Миколавнѣ. Сѣлъ ко мнѣ въ шарабанъ. Кругъ положили. Ёдемъ. Согнулся, молчитъ. Проѣхали ужъ Чудово—молчитъ. Посмотрѣлъ я на него сбоку. Что такое? Засунулъ палецъ въ ротъ и кусаетъ. Молчитъ, блѣдный, и палецъ кусаетъ. Перепугался я. «Зачѣмъ, думаю, баринъ палецъ ѣстъ? Никогда этого не было». Выѣхали на пусто-плесъ, онъ и говоритъ: «Слушай, Степанъ Петровичъ!—сиплый у него этакій голосъ былъ,—слушай, говоритъ! Ты, знаешь, какъ я тебя люблю. Больше Зины, больше брата. Ну, такъ слушай, что я тебѣ скажу. Только, смотри, никому никогда не сказывай! И Зинѣ не говори. Чтобы между нами двоими только и было». — «Убей меня Богъ, говорю». — «Хочу, говоритъ, застрѣлиться». — «Что же это, говорю, какъ же это... слава худая пойдетъ»... А у самого слезы. Гляжу на него и плачу. И у него слезы. «Не вынести, говоритъ. Что я могу сдѣлать? Боль такая непереносная. Я ужъ, говоритъ, намѣрялся изъ револьвера, да побоялся—не убьетъ сразу. А хочу, говоритъ, изъ штуцера». — «Не надо, говорю, Миколай Лексѣичъ! Слово худое — застрѣлиться». И зачалъ я его уговаривать. Говорю, говорю, плачу, а онъ все молчитъ, зубы стиснулъ, желтый, худой, согнулся... «А вонъ, говоритъ, Боткинскій велить въ Крымъ ѣхать». — «Вотъ, говорю, и поѣзжайте съ Богомъ. Безпремѣнно польза будетъ». — Ну, поѣхалъ онъ, а легче-то ничего не было»...

Другой егеръ Иванъ Мироновъ пропѣлъ цѣлый панегирикъ щедрости Некрасова и съ восторгомъ вспоминалъ объ охотахъ съ нимъ.

«Бывало,—разсказываетъ Мироновъ,—найдутъ къ намъ гости,—къ нему, вѣдь, какіе ѣздили? Тузѣ, министры, графы. Ну, съ собаками, съ ружьями, съ припасами, съ закусками, съ винами отправляемся. Разъ этакъ порошка выпала, на зайцовъ поѣхали,—такъ господа-то въ санкахъ лежатъ, а сзади дѣвки-загонщики съ пѣснями всю дорогу. Право! весело было. Ежели веселая охота, всѣхъ угощаль... Да и кормилось у него немало. Я вотъ 25 рублей въ мѣсяцъ по лѣтамъ получалъ, а были, которые круглый годъ получали. Да и прочимъ мужикамъ перепало. Добрый былъ, что и говорить. На постояломъ ежели остановимся,—ну, что тамъ? Припасы всѣ свои, только бы за самоваръ да за ночлеги, а онъ хозяину рупь, хозяйкѣ рупь, ребятишкамъ по рублю. Такъ бумаж-

ками и одѣлялъ. Мужики-то хорошо его знали. Бывало, ѣдемъ дорогой. Подходить мужикъ, снимаетъ шапку. «А я вотъ тутъ дин васъ, Миколай Лексѣичъ, выводочекъ присмотрѣлъ за рѣчкой; хлопоталъ, трудился; ужъ соблаговолите!»— «Ну, скажете, рассказывай гдѣ, а вотъ тебѣ за труды». Вынимаетъ цѣлковый. А потомъ лѣземъ-лѣземъ по болоту — нѣтъ ничего. Да онъ не сердился... Зналъ ужъ онъ ихъ! И супруга его, Зиновея Миколавна, бывало все съ нимъ... Приѣдетъ изъ Питера барыней, а на охоту ѣдетъ бариномъ: брюки надѣнетъ, пиньжакъ, сапоги. Веселая была, красивая. Иной разъ на что нибудь разсердится Миколай Лексѣичъ, она сейчасъ охватитъ его, цѣлуетъ, развеселитъ, да, развеселитъ. Хворый онъ, сердиться-то ему нельзя—вотъ она и старается».

Въ такомъ же родѣ далъ отзывъ допрошенный въ Костромской губерніи егеръ, «другъ-пріятель» Гаврила Яковлевъ, нѣкоторыми изъ рассказовъ котораго Некрасовъ будто бы воспользовался для своихъ «Коробейниковъ»<sup>1)</sup>. Юбилейный номеръ «Сѣвернаго Края» (№ 340) представляетъ собой какъ бы цѣлое дѣло, состоящее изъ показаній свидѣтелей мѣстныхъ крестьянъ. Въ числѣ ихъ оказалась, между прочимъ, одна столѣтняя старуха, Феокиста Сорокина. По ея словамъ, Некрасовъ былъ «добрый баринъ, отважный, съ каждымъ поговоритъ, каждому поможетъ, съ дѣтми поиграетъ, пошутитъ,—добрымъ словомъ, аль чѣмъ поможетъ». Въ такомъ приблизительно родѣ — и другіе рассказы. Мы не будемъ ихъ приводить, такъ какъ всѣ эти свидѣтели смотрѣли на Некрасова лишь съ одной стороны, видѣли въ немъ лишь добраго, щедраго барина. Слушая ихъ, можно подумать, что Некрасовъ, приѣзжая на родину, швырялъ направо и налево «красненькія», «синенькія», «трешницы» и т. д. Передъ читателемъ Некрасовъ является здѣсь чѣмъ-то въ родѣ кутящаго купчика. Единственными не крестьянскими воспоминаніями въ этомъ номерѣ «Сѣвернаго Края» является рассказъ П. Засодимскаго о похоронахъ Некрасова. Рассказъ подробный и интересный, но, къ сожалѣнію, не внушающій къ себѣ довѣрія, благодаря допущенной г. Засодимскимъ болѣе чѣмъ досадной неточности. По его словамъ, на могилѣ Некрасова первымъ «заговорилъ Папаевъ, который въ теченіе 40 лѣтъ былъ близокъ съ Некрасовымъ», и который, прибавимъ отъ себя, умеръ въ 1862 году! Послѣ этого, позволительно усомниться и въ точности остального.

Сотрудникъ «Саратовскаго Листка» совершенно случайно открылъ, что въ Саратовѣ до сихъ поръ проживаетъ жена поэта Фекла Анисимовна Некрасова (извѣстная подъ именемъ Зинаиды Николаевны, которое далъ ей поэтъ). Въ настоящее время ей 56 лѣтъ,

<sup>1)</sup> «Костромской Листокъ», 1902 г., № 140.



живетъ она крайне скромно, въ маленькомъ, старомъ флигелькѣ и тщательно охраняетъ свое incognito.

«— Я такъ дорожу,—заявила она сотруднику «Саратовскаго Листка»,—своимъ покоемъ, такъ довольна уединеніемъ, такъ желаю безвѣстности, что совершенно желала бы уклониться отъ всего, что такъ или иначе касается моего мужа... Хотя я и сознаю обязанности свои къ выясненію нѣкоторыхъ подробностей для читателей мужа, но думаю, что люди пожалѣютъ меня и оставятъ въ покоѣ. Я съ васъ не беру обѣщанія держать въ секретѣ мой адресъ, но надѣюсь, что изъ деликатности, хотя бы и руководимые хорошими побужденіями, не посѣтятъ меня: я могу и не принять»...

Словомъ, *Θ. А. Некрасова* воспользовалась предоставленнымъ ей, какъ женѣ, правомъ—не выступать свидѣтельницей въ дѣлѣ мужа, и любознательный сотрудникъ «Саратовскаго Листка» волей, неволей долженъ былъ оставить надежду на получение свѣдѣній, которыя, конечно, могли бы быть весьма цѣнными<sup>1)</sup>.

#### IV.

Бѣдностью новаго матеріала, принесеннаго некрасовскими днями, объясняется отчасти и бѣдность критической юбилейной литературы. Правда, статей о Некрасовѣ написано очень много. Всѣ газеты, начиная съ крупныхъ и кончая небольшими провинціальными, вышли съ портретами Некрасова, съ его біографіями и характеристиками. Но все это одно и то же, повтореніе всѣмъ извѣстныхъ мотивовъ и фактовъ. Одна изъ московскихъ газетъ («Новости Дня») устроила анкету и допросила о Некрасовѣ героевъ нашего времени: г.г. Горькаго, Л. Андреева, Волынскаго и др., написавшихъ о Некрасовѣ по пятидесяти строкъ и потому, конечно, не сказавшихъ ничего существеннаго о поэтѣ. Изъ этихъ мнѣній интересно только отмѣтить мнѣніе г. Волынскаго, признавашаго въ Некрасовѣ несомнѣнный и крупный поэтический талантъ. Наиболѣе оригинальной изъ газетной литературы безспорно является статья В. Розанова въ «Новомъ Времени». Нѣсколькими штрихами, на пространствѣ одного лишь фельетона (№ 9630, 24-го декабря), г. Розановъ характеризуетъ Некрасова, какъ перваго публициста-поэта, давашаго первый образъ прозаическаго стиха и замѣчательнаго по невѣроятной силѣ своего «руссизма».

«По «руссизму,—говоритъ г. Розановъ,—нѣтъ поэта еще такого, какъ онъ: тутъ отступаютъ, какъ сравнительно иностранные, Пуш-

<sup>1)</sup> Нѣкоторыя свѣдѣнія о *Θ. А. Некрасовой* сообщены въ «Сѣверномъ Краѣ», 1902 г., № 328.

кинъ, Лермонтовъ, да даже и Гоголь. У Некрасова все было ежедневно, улично, точно позвано сейчасъ съ улицы къ столу поэта-журналиста; и вмѣстѣ каждое у него стихотвореніе свѣтилось смысломъ цѣлостной своей эпохи».

Вопросъ о томъ, былъ ли Некрасовъ поэтомъ, г. Розановъ рѣшилъ въ утвердительномъ смыслѣ. Соглашаясь съ тѣмъ, что три четверти и, можетъ быть, болѣе его стиховъ представляютъ боевую публицистику, г. Розановъ выдѣляетъ рядъ стихотвореній, относительно которыхъ уже всякія сомнѣнія и вопросы безсильны, ненужны и пошлы, и которыя слѣдовательно даютъ Некрасову полное право на лавры поэта. Такъ же категорически рѣшаетъ г. Розановъ вопросъ о его искренности. «Искренность музы Некрасовской, — говоритъ онъ, — всего лучше доказывается тѣмъ, что тонъ его сейчасъ же почти угасъ въ литературѣ съ нимъ. Значитъ, онъ и исходилъ изъ его сердца, а не то, чтобы сердце его было только резонаторомъ несшихся кругомъ его звуковъ; чтобы онъ подражалъ или увлекаемъ былъ эпохой. Онъ былъ ея двигателемъ — это во всякомъ случаѣ».

Нѣсколько интересныхъ мыслей высказалъ о стихотвореніяхъ Некрасова М. Энгельгардтъ<sup>1)</sup>. По его мнѣнію, непоэтичность и отсутствіе внѣшней красоты въ стихотвореніяхъ Некрасова объясняется тѣмъ, что поэтъ вполнѣ сознательно, изображая по преимуществу некрасивыя стороны жизни, — и символы выбиралъ некрасивые, мрачные, удручающіе. Весьма возможно, что дѣйствительно эта особенность поэзіи существовала и въ значительной степени послужила причиной ошибочнаго мнѣнія о техникѣ его стихотвореній. Некрасовъ былъ поэтъ злободневный, обличитель пошлой обыденной жизни. Не могъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, облекать эту пошлость въ красивую поэтическую дымку или же придавать ей трагизмъ, котораго у нея не было. Къ сожалѣнію, г. Энгельгардтъ обронилъ эту мысль, но не развилъ ее и не подкрѣпилъ сколько нибудь убѣдительными примѣрами, а потому она нѣсколько виситъ въ воздухѣ, особенно въ виду подробнаго анализа Некрасовскихъ стихотвореній, произведеннаго въ свое время г. Андреевскимъ.

Въ сущности, на этомъ мы могли бы и закончить нашъ обзоръ некрасовской литературы. «Толстые» журналы, гдѣ естественнѣе всего было бы искать обстоятельныхъ и новыхъ статей, совершенно ничего не дали для выясненія общественнаго и литературнаго значенія Некрасова. Небольшимъ исключеніемъ можно назвать только статью о Некрасовѣ г. Филиппова, начало которой напечатано въ «Научномъ Обзорѣнн» (1903 г., январь, стр. 239—263), и статью г. Гутьяра въ «Русской Старинѣ», посвященную преимуще-

<sup>1)</sup> «Новости», 1902 г., № 352.

ственно разсказу о личныхъ отношеніяхъ Тургенева и Некрасова. Г. Гутьяръ разсказываетъ въ ней о темномъ дѣлѣ Некрасова съ Огаревой, о его неблаговидномъ отношеніи къ Бѣлинскому, котораго онъ эксплуатировалъ, и особенно подробно передаетъ всю некрасивую исторію, которую продѣлалъ Некрасовъ съ Тургеневымъ, съ цѣлью убѣдить молодежь въ томъ, что онъ разошелся съ авторомъ «Отцовъ и Дѣтей» по чисто принципиальнымъ причинамъ, а не потому, что самъ Тургеневъ не пожелалъ оставаться съ нимъ въ прежнихъ отношеніяхъ. Факты, которыми воспользовался г. Гутьяръ, не новы, болѣе или менѣе извѣстны, но сгруппированы впервые. Сами по себѣ факты эти производятъ удручающее впечатлѣніе и едва ли найдутъ себѣ у кого нибудь оправданіе. Но, несмотря на это, мы затруднились бы выступить въ той роли грознаго прокурора, которую взялъ на себя г. Гутьяръ.

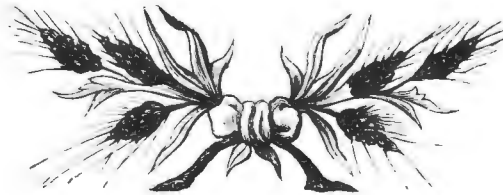
Разсмотрѣвъ рядъ вышеприведенныхъ свидѣтельскихъ показаній, проникнутыхъ такой задушевной теплотой къ Некрасову, принявъ во вниманіе огромныя и безспорно важныя заслуги Некрасова передъ русскимъ обществомъ, его любовь, искреннюю горячую любовь къ народу, мы смѣло можемъ сказать господамъ прокурорамъ Некрасова: «да, онъ виновенъ, но заслуживаетъ не только снисхожденія, но полнаго прощенія». Если Тургеневъ, лично на себѣ испытавшій всѣ тягости поступка Некрасова, передъ смертью протянулъ ему руку примиренія и простилъ его, то ужъ, конечно, не намъ его судить, тѣмъ болѣе, что вся жизнь Некрасова была страшной для него казнью, казнью, которая могла искупить самое тяжелое преступленіе. Н. К. Михайловскій разсказывалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что страданія, причиненныя Некрасову обличеніями г. Антоновича, были такъ же сильны, какъ его предсмертная агонія. Дѣйствительно, достаточно припомнить нѣкоторыя изъ покаянныхъ стихотвореній Некрасова для того, чтобы понять, какъ глубоко и сильно онъ казнилъ самъ себя. Въ нихъ вѣдь онъ не оправдывался, а каялся, искренними слезами плакалъ и молилъ о прощеніи:

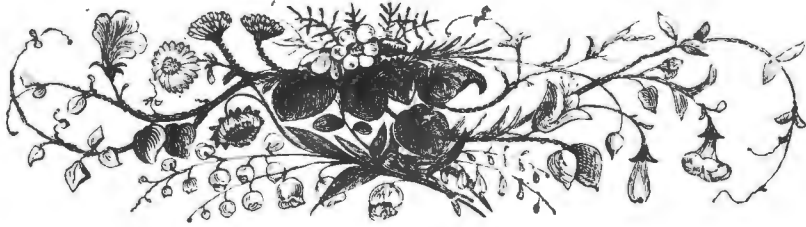
За то,—молилъ поэтъ,—что я остался одинокимъ,  
 Что я ни въ комъ опоры не имѣлъ,  
 Что я, друзей теряя съ каждымъ годомъ,  
 Встрѣчалъ враговъ все больше на пути,—  
 За каплю крови общую съ народомъ  
 Прости меня, о родина! Прости!

Можно ли усомниться въ искренности его страданій, вылившихся въ этихъ строкахъ? Не думаемъ, чтобы у кого нибудь послѣ ихъ прочтенія хватило духу выступить съ прокурорской рѣчью. Пора ужъ, дѣйствительно, прекратить эти рѣчи и заняться болѣе объективнымъ и спокойнымъ накопленіемъ фактовъ, собираніемъ матеріа-

ловъ. Двадцать пять лѣтъ, прошедшія со дня смерти Некрасова, прошли въ этомъ отношеніи совершенно безслѣдно. Заканчивая свой обзоръ блѣдныхъ некрасовскихъ дней, мы поэтому больше всего желаемъ, чтобы они, по крайней мѣрѣ, побудили нашихъ историковъ литературы возможно скорѣе взяться *sine ira et studio* за разработку матеріаловъ о Некрасовѣ, и чтобы хоть къ новому юбилею поэта русское общество наконецъ получило безпристрастную біографію одного изъ видныхъ своихъ дѣятелей, много грѣшившаго, но много страдавшаго и много сдѣлавшаго для Россіи поэта «мести и печали».

Вл. Боцяновскій.





## ЮБИЛЕЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.



ПЕТЕРБУРГСКІЙ археологическій институтъ 15-го января праздновалъ свой четвертьвѣковый юбилей.

Исторія института тѣсно связана съ именемъ незабвеннаго основателя и перваго директора его, умершаго въ 1885 году, сенатора, тайнаго совѣтника, Николая Васильевича Калачова.

Съ юношескихъ, еще студенческихъ лѣтъ и до конца своей жизни Н. В. Калачовъ посвятилъ себя разработкѣ русскаго права. Какъ извѣстно, для изслѣдованія юридическихъ древностей необходимо изученіе архивныхъ матеріаловъ. Вотъ почему Н. В. приходилось постоянно обращаться для извлеченія этихъ матеріаловъ по исторіи русскаго народа и права въ наши архивы. Ему приходилось постоянно сталкиваться съ тогдашними архивариусами, людьми безъ всякаго образованія или, большею частію, назначаемыми на эту должность, какъ на покой, престарѣлыми чиновниками.

Н. В. убѣдился, что ввѣренныя этимъ лицамъ драгоцѣнныя для науки сокровища: столбцы и дѣла, гибнуть отъ небрежнаго храненія въ сырыхъ помѣщеніяхъ, а отъ недостаточнаго досмотра и корысти расхищаются: продаются антикваріямъ и даже на вѣсъ, какъ простая бумага. Можно себѣ представить, какія описи составляли дѣламъ эти хранители архивовъ. Теперь только обнаруживаются грустные факты, что лица, коимъ поручалось составленіе описей столбцовъ, не будучи въ состояніи разбирать скорописъ XVII-го вѣка, топчили ими печи. Калачовъ, сознавая необходимость въ измѣненіи такого ненормальнаго положенія отечественнаго архивнаго дѣла, за-

думалъ создать специальное учебное заведеніе, гдѣ бы молодые люди могли дополнять свое классическое, юридическое или историко-филологическое образованіе и занимать потомъ мѣста въ архивахъ. И дѣйствительно, для того, чтобы описать, классифицировать и дѣлать общія изслѣдованія архивныхъ документовъ и дѣлать, необходимо обладать специальной историко-юридической подготовкой.

Съ 1869 года, по мысли покойнаго графа А. С. Уварова, начинаютъ собираться въ Россіи археологическіе съѣзды. Уже на II-мъ С.-Петербургскомъ съѣздѣ въ 1872 году Н. В. Калачовъ поднялъ вопросъ объ улучшеніи нашего архивнаго дѣла, и изъ состава съѣзда была выдѣлена особая комиссія.

Въ слѣдующемъ 1873 году, высочайше была учреждена, подъ предсѣдательствомъ Н. В. Калачова, по ходатайству съѣзда, комиссія по устройству архивовъ. Среди другихъ мѣропріятій комиссія выработала проектъ археологическаго института въ С.-Петербургѣ. По проекту требовалось 15.000 рублей ежегоднаго отпуска на содержаніе института. Затруднительное финансовое положеніе передъ русско-турецкой войной помѣшало утвержденію въ законодательномъ порядкѣ положенія объ открытіи института. Но Н. В. Калачовъ не унывалъ: настойчиво стремясь къ своей цѣли, онъ принялся хлопотать о созданіи института, не отягощая расходами казну. Послѣ долгихъ хлопотъ ему удалось наконецъ исполнить свое заветное желаніе. Средства на содержаніе института были даны нѣсколькими лицами, въ виду крайне симпатичныхъ задачъ, которыя археологическій институтъ долженъ преслѣдовать, выпуская изслѣдователей и знатоковъ русской старины. Но нельзя сказать, что всѣ раздѣляли мысль покойнаго Н. В. о необходимости учрежденія такого уже слишкомъ специального учебнаго заведенія, и многіе скептики относились съ сомнѣніемъ къ мысли Калачова, считая ее несбыточной мечтой...

23-го іюля 1877 года, было высочайше утверждено положеніе объ археологическомъ институтѣ, по которому онъ учреждался, въ видѣ опыта, на четыре года, на средства частныхъ жертвователей: фактъ, подобнаго которому, кажется, не бывало въ лѣтописи нашихъ учебныхъ заведеній. Н. В. не сомнѣвался въ громадной пользѣ и будущности своего дѣтища, увѣренный, что правительство убѣдится въ пользѣ института и не откажетъ ему въ поддержкѣ.

29-го августа 1877 года, состоялся высочайшій приказъ о назначеніи директоромъ института Н. В. Калачова, профессорами: академикомъ А. Ѳ. Бычкова, профессора Е. Е. Замысловскаго, магистра русской словесности Л. Н. Майкова, профессора В. И. Сергѣевича, академика И. И. Срезневскаго и приватъ-доцента С.-Петербургской духовной академіи Н. В. Покровскаго (теперешняго директора института).

Прототипомъ для программы института былъ взятъ курсъ парижской «Школы Хартій», «Ecole des Chartes». Надо сказать, что на западѣ давно уже сознали необходимость специальныхъ архивныхъ школъ самостоятельныхъ или при университетахъ.

15-го января 1878 года, состоялось торжественное открытіе археологическаго института въ отведенномъ помѣщеніи для него въ квартирѣ Н. В. Калачова на Васильевскомъ островѣ. Актъ открылся рѣчью учредителя и директора, въ которой онъ выяснилъ воспитательно-общественное значеніе науки о древностяхъ и ближайшія задачи института въ дѣлѣ подготовки ученыхъ хранителей архивовъ и знатоковъ русской старины. Не могу не привести нѣсколькихъ фразъ, сказанныхъ въ этой рѣчи по поводу будущей дѣятельности будущихъ ученыхъ архивистовъ: «Уже мы стоимъ твердою ногою на рубежѣ Европы и Азіи, какъ государство самостоятельное и смѣло идущее по пути, предназначенному ему Провидѣніемъ. Уже вносимъ мы свѣточъ христіанства, просвѣщенія и нравственности въ нѣдра язычества религіозныхъ суевѣрій и фанатизма. Мирная наука о древностяхъ съ своей стороны привѣтствуетъ наше торжество, потому что приготовляетъ ей обширное поле, на которомъ придется ей съ такой свободой дѣйствовать, какую послѣ долгаго гнета пріобрѣтаютъ эти государства, собирать драгоценныя, уцѣлѣвшіе отъ вѣковыхъ бурь, остатки первобытнаго народнаго языка, народныхъ вѣрованій, обычаевъ, и изучать письменные и вещественные памятники прошлой жизни для того, чтобы уяснить себѣ быть, всю обстановку близкихъ и дорогихъ намъ народовъ»...

Многіе совѣтовали Н. В. Калачову ограничить какой либо одной специальной отраслью преподаваніе въ институтѣ, на примѣръ, чтеніемъ одной лишь науки объ архивахъ: архивовѣдѣнія, палеографіи или, на примѣръ, археографіи и т. п. Но Калачовъ говорилъ, что все отрасли древлевѣдѣнія должны проходиться, по возможности, въ институтѣ, чтобы окончившіе его и развѣхавшіеся затѣмъ по Россіи питомцы института могли отвѣчать запросамъ знанія по отраслямъ археологіи въ самомъ широкомъ смыслѣ.

По положенію 1877 года, въ археологическій институтъ могли поступать только лица, получившія образованіе въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Такихъ лицъ принято къ дню открытія института 11 человекъ. Но уже съ перваго учебнаго года пришлось сдѣлать отступленіе отъ общаго правила и принять въ качествѣ вольнослушателей лицъ безъ высшаго образованія. Н. В. Калачовъ съ большимъ удовольствіемъ допускалъ въ институтъ такихъ стороннихъ слушателей и говорилъ всегда, что онъ видитъ въ этомъ залогъ дальнѣйшаго процвѣтанія своего дѣтища, такъ какъ «къ нему сталъ возбуждаться интересъ въ просвѣщенномъ русскомъ обществѣ». Археологія—наука описательная и основана на демонстраціи подлинныхъ памятниковъ или снимковъ съ

нихъ. Вотъ почему при институтѣ былъ устроенъ музей, собраніе образцовыхъ принадлежностей архива, рукописей, монетъ, фотографій и снимковъ съ древнихъ памятниковъ и т. п. Кромѣ того, слушатели, подъ руководствомъ профессоровъ, посѣщаютъ архивы, музеи, библіотеки и другія древлехранилища, а весной ежегодно совершаютъ научныя экскурсіи для производства раскопокъ или для обзорѣнія памятниковъ христіанскаго искусства и архитектуры въ древніе города: Новгородъ, Псковъ или Москву. Въ институтѣ происходятъ еженедѣльные собранія слушателей и членовъ (лицъ окончившихъ институтъ), на которыхъ читаются рефераты, а директоромъ и профессорами дѣлаются разъясненія встрѣтившихся затрудненій. Надо сказать, что питомцы археологическаго института зарекомендовали себя спеціальными изслѣдованіями. О трудахъ ихъ можно судить по объемистымъ выпускамъ «Сборника археологическаго института» (7 книгъ) и «Вѣстника археологіи и исторіи» (15 книгъ).

Жизнь института не все время шла гладко; бывали времена и упадка его дѣятельности, особенно, когда на содержаніе его не поступали взносы почетныхъ членовъ. Съ 1883 года институтъ получилъ правительственную субсидію на четыре года по 6.000 рублей въ годъ, а съ 1887 года отпускъ этотъ обращенъ въ постоянный. Въ 1899 году, высочайше утверждено новое положеніе, и институту стало отпускатся изъ суммъ государственнаго казначейства по 18.000 рублей. Сбылось предположеніе замѣчательнаго человѣка, на долю котораго выпалъ счастливый жребій основать столь плодотворное учебное заведеніе. Правительство убѣдилось въ полезной дѣятельности археологическаго института и щедро поддержало его. И дѣйствительно, нѣтъ ни одного правительственнаго архива, гдѣ питомцы института не проявили бы себя въ качествѣ завѣдующихъ этими архивами, приведеніемъ ихъ въ порядокъ, толковымъ описаніемъ, хранящихся въ нихъ дѣлъ и научной разработкой ихъ. Мало найдется мѣстностей, куда бы не проникли, выпущенные имъ, свѣдущіе археологи, свѣтомъ науки озаряющіе памятники старины. Изъ отчетовъ института видно, что каждое лѣто его члены разѣзжаются по всѣмъ уголкамъ нашего обширнаго отечества, производятъ раскопки, строго научно изслѣдуютъ добытые изъ кургановъ и городищъ предметы; другіе обзорѣваютъ памятники древне-христіанскіе: храмы, иконы, церковную утварь и прочее; дѣлаютъ съ нихъ снимки, а также возбуждаютъ ходатайства о передачѣ наиболее интересныхъ предметовъ въ древлехранилища, такъ какъ въ деревенскихъ, большей частью деревянныхъ, храмахъ эти памятники легко могутъ сдѣлаться жертвой пламени; третьи, наконецъ, скупаютъ старинныя книги, рукописи, столбцы и жертвуютъ затѣмъ въ библіотеки, спасая ихъ отъ тлѣнія и совершенной утраты. Такимъ образомъ, не говоря о самостоятельныхъ работахъ, питомцы Калачовскаго



института оказали уже немаловажную услугу русской исторической наукѣ, сохранивъ для нея не одинъ изъ драгоценныхъ памятниковъ старины и послѣ окончанія института поддерживая съ нимъ связь. По мысли того же незабвеннаго Н. В. Калачова 13-го апрѣля 1884 года были основаны губернскія ученые архивныя комиссіи. Наблюденіе надъ дѣятельностью комиссій возложено на археологическій институтъ.

Въ октябрѣ 1885 года, Н. В. Калачовъ ѣхалъ открывать саратовскую архивную комиссію, дорогой простудился, заѣхалъ въ свое имѣніе Сердобскаго уѣзда, а 25-го октября кончилась его трудовая, энергичная жизнь.

Назначенный на должность директора института И. Е. Андреевскій обратилъ вниманіе на дѣятельность ученыхъ архивныхъ комиссій: на еженедѣльныхъ четверговыхъ собраніяхъ онъ знакомилъ слушателей съ трудами этихъ комиссій, въ которыхъ помѣщается много интересныхъ матеріаловъ. Съ тѣхъ поръ при третьемъ директорѣ, А. Н. Труворовѣ (1891—1896 гг.), и при теперешнемъ, Н. В. Покровскомъ, ежегодно печатается институтомъ общій обзоръ трудовъ архивныхъ комиссій и отчеты ихъ передаются въ академію наукъ. Этимъ институтъ поощряетъ тѣхъ скромныхъ тружениковъ, которые работаютъ вдали отъ столицъ, въ провинціальной глуши, исключительно изъ одной любви къ исторіи родного края. Щедрый отпускъ денегъ институту съ 1899 года позволилъ ему расширить свою программу по различнымъ отраслямъ древлѣвѣдѣнія, занять болѣе обширное помѣщеніе и увеличить ежегодный пріемъ слушателей. Все это способствовало тому, что за послѣдніе годы сталъ увеличиваться наплывъ желающихъ пополнить въ институтѣ свое общее образованіе. Совѣтъ института рѣшилъ, что надо итти навстрѣчу такому отрадному явленію, какое представляетъ возбужденіе въ русскомъ образованномъ обществѣ интереса къ наукѣ о древностяхъ, который она заслуживаетъ. Поэтому рѣшено устроить параллельно чтеніе лекцій для обоихъ курсовъ и перейти въ новое помѣщеніе, но не отказывать и принять всѣхъ жаждущихъ историко-археологическихъ знаній. Число слушателей на обоихъ курсахъ превысило теперь 1.000 человекъ.

Давъ бѣглый очеркъ исторіи возникновенія и четвертьвѣковой жизни археологическаго института, считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ и о празднованіи его юбилея.

14-го января, въ 8 часовъ вечера, въ помѣщеніи института собралась многочисленная публика, среди которой находились представители высшихъ ученыхъ и правительственныхъ сферъ: братъ покойнаго основателя института Н. В. Калачова, сенаторъ В. В. Калачовъ, товарищъ министра народнаго просвѣщенія С. М. Лукьяновъ, профессора, представители ученыхъ обществъ и прибывшіе

въ Петербургъ къ празднованію институтскаго юбилея депутаты губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. Въ 8<sup>1/2</sup> часовъ вечера была отслужена панихида по усопшихъ учредителѣ, директорахъ, преподавателяхъ, членахъ, сотрудникахъ, слушателяхъ и лицахъ, содѣйствовавшихъ процвѣтанію института. Панихиду служили законоучитель первой гимназіи о. К. Виноградовъ, соборнѣ съ ключаремъ Андреевскаго Кронштадтскаго собора о. А. Поповымъ и о. Н. Оранскимъ. Пѣлъ хоръ студентовъ С.-Петербургской духовной академіи, большинство которыхъ состоятъ слушателями института. Передъ началомъ панихиды о. Н. Оранскій въ краткой рѣчи охарактеризовалъ личность покойнаго учредителя института.

15-го января, въ 7<sup>1/2</sup> часовъ вечера, въ переполненныхъ аудиторіяхъ собрались приглашенные гости, депутаціи и тѣсно сплоченная семья археологическаго института. Началось торжественное молебствіе, совершенное о. Н. Оранскимъ съ сослуженіи съ священниками о. В. Васильевымъ и о. Петровскимъ. По окончаніи молебствія было возглаголено многолѣтіе царствующему дому, августѣйшему покровителю института, его императорскому высочеству великому князю Сергѣю Александровичу, всѣмъ учащимъ и учащимся, членамъ и потрудившимся на пользу института. Затѣмъ директоръ, профессоръ Н. В. Покровский, занялъ предсѣдательское мѣсто въ большой аудиторіи, декорированной зеленью, по обѣимъ сторонамъ его размѣстились профессора и преподаватели института: В. И. Сергѣевичъ, Н. И. Веселовскій, С. М. Середонинъ, В. Н. Перетцъ, Н. Н. Дебольскій, В. В. Майковъ, А. П. Воронковъ, А. К. Марковъ и С. М. Гольдштейнъ. Объявивъ торжественный актъ открытымъ, директоръ прочелъ полученныя имъ телеграммы: отъ августѣйшаго покровителя института великаго князя Сергѣя Александровича изъ Москвы:

«Поздравляю археологическій институтъ съ исполненнымъ 25-тилѣтіемъ его плодотворной, полезной дѣятельности. Передайте мой привѣтъ и глубокую благодарность всему составу института. Отъ всего сердца желаю полного преуспѣванія дорогому институту по отрасли родной археологіи и по архивовѣдѣнію.

«Сергіи».

Отъ августѣйшаго президента академіи наукъ великаго князя Константина Константиновича:

«Глубоко сознавая важность и своевременность содѣйствія, какое археологическій институтъ стремится оказать научному описанію мѣстныхъ древностей и такой же разрѣботкѣ историческихъ архивовъ Россіи, императорская академія наукъ привѣтствуетъ его по случаю исполненнаго 25-тилѣтія со времени его основанія и желаетъ институту полного успѣха какъ въ его специаль-

ной научно-педагогической дѣятельности, такъ и въ его посредничествѣ между губернскими архивными комиссіями и первенствующимъ ученымъ учрежденіемъ имперіи.

«Константинъ».

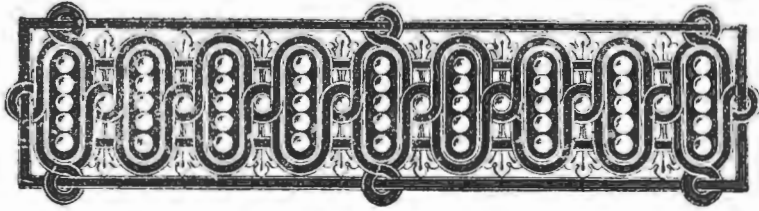
По прочтеніи телеграммъ, профессоръ Покровскій взошелъ на кафедру и въ краткомъ отчетѣ ознакомилъ собраніе съ 25-лѣтней жизнью института. Затѣмъ началось чтеніе привѣтственныхъ адресовъ: отъ императорскаго русскаго археологическаго общества (графъ И. И. Толстой), императорской археологической комиссіи (г. Фармаковскій), императорскаго С.-Петербургскаго университета (С. Ѳ. Платоновъ), императорскаго общества любителей древней письменности (П. Н. Шефферъ), императорской военно-медицинской академіи (профессоръ Косоротовъ), историко-филологическаго института (профессоръ Буличъ), археологическаго комитета московскаго общества духовнаго просвѣщенія, ученыхъ археологическихъ комиссій: Костромской (Н. А. Бекаревичъ), Рязанской, Владимирской, Орловской (В. Р. Апухтинъ) и многихъ другихъ. Почетный членъ института, С. Н. Перетерскій, прочелъ полученныя поздравительныя телеграммы: отъ министра народнаго просвѣщенія, его товарища, императорскихъ университетовъ: Харьковскаго, св. Владимира, Новороссійскаго и Томскаго, императорскаго Московскаго археологическаго общества, Московскаго Румянцевскаго музея и многихъ другихъ лицъ, обществъ и учреждений. Г. М. Дитрихъ и г. Потѣхинъ прочли посвященныя юбилею свои стихотворенія. По окончаніи общаго собранія началось чествованіе директора, 25-лѣтній юбилей профессорской дѣятельности котораго совпалъ съ торжествомъ института. Н. В. Покровскому былъ поднесенъ адресъ, написанный уставомъ XIV вѣка. Составленъ адресъ поручикомъ лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка, Л. И. Котляровымъ, и имѣетъ виньетку, изображающую акварелью старинную иконописную мастерскую. Адресъ этотъ вложенъ въ роскошный бюваръ съ серебряной крышкой.

На прочитанный старостой курса подполковникомъ И. В. Котляровымъ адресъ Н. В. Покровскій отвѣчалъ прочувствованной, благодарственной рѣчью.

16 января, въ обширной залѣ офицерскаго собранія арміи и флота состоялся юбилейный обѣдъ, гдѣ провозглашались тосты за дальнѣйшее процвѣтаніе института. Изъ рѣчей выдѣлялись рѣчи, произнесенныя о. А. Поповымъ на греческомъ и профессоромъ римско-католической академіи Сгобницкимъ на латинскомъ языкѣ. Меню обѣда было составлено въ видѣ грамоты съ вислою восковою печатью.

В. Р. Апухтинъ.





## КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества.  
Томъ 112. Спб. 1092.



СТО ДВѢНАДЦАТЫЙ томъ «Сборника» заключаетъ въ себѣ дипломатическую переписку между русскимъ и французскимъ правительствами за 1814, 1815 и 1816 годы. Онъ начинается письмомъ императора Александра I-го къ временному французскому правительству 23-го марта 1814 о назначеніи генерала Поццо-ди-Борго генеральнымъ комиссаромъ, по случаю отъѣзда Александра изъ Парижа. Въмѣстѣ съ этимъ императоръ написалъ любезное письмо королю: Людовику XVIII, и между прочимъ заявилъ: «Хотя это прекрасное королевство обязано своимъ счастьемъ и возрожденіемъ вашему величеству, но не менѣе вѣрно и то, что существуютъ народная воля, оппозиціонныя партіи и неопредѣленное мнѣніе, умѣренность которыхъ одна можетъ торжествовать, если желаютъ избѣгнуть новыхъ тревоженій въ ту минуту, когда дѣло идетъ объ успокоеніи и объ утвержденіи, и этотъ триумфъ предназначенъ для вашего величества». Затѣмъ начинается рядъ депешъ Поццо-ди-Борго къ графу Нессельроде, съ подробнымъ объясненіемъ политическаго положенія Франціи. Между прочимъ онъ упоминаетъ о томъ, что всѣ французы, начиная съ короля, чрезвычайно желали предлагавшагося брака герцога Беррійскаго съ русской великой княжкою, Анной Павловной, что считалось всеми вѣрвѣйшей поддержкой французскаго престола. Однако этому плану представились серьезныя затрудненія съ религіозной точки зрѣнія. Сначала Франціи настаивала на перемѣнѣ великой княжной православной вѣры на католическую, но объ этомъ, конечно, Россія не хотѣла и слышать. Тогда король придумалъ, по его мнѣнію, среднюю мѣру: великая княжна сохраняла православіе и имѣла православную

часовню во дворцѣ, а только официально присутствовала при всѣхъ церемоніяхъ католической церкви. Но этому рѣшительно воспротивился синодъ, и король тогда придумалъ новую комбинацію: католическій митрополитъ могилевскій долженъ былъ увѣдомить французское правительство, что, переговоривъ съ великой княжной, онъ убѣдился въ ея сочувствіи католицизму, такъ что, выйдя замужъ православною, она могла въ послѣдствіи перейти въ католичество. Но и это соображеніе не было уважено императоромъ, и Нессельроде увѣдомилъ Поццо-ди-Борго, чтобы онъ не вступалъ болѣе въ переговоры объ этомъ предметѣ, а только передавалъ бы новыя предложенія короля, если таковыя будутъ имъ заявлены.

Въ іюль мѣсяцъ того же года Талейранъ назначилъ посланникомъ въ Петербургъ графа Ноаль, о которомъ Поццо-ди-Борго отзывался не очень лестно, называя его «интриганомъ, у котораго преобладающее качество—алчность». Въ первыхъ же своихъ депешахъ изъ Петербурга Ноаль упоминаетъ о брачномъ франко-русскомъ проектѣ, какъ объ общемъ желаніи Россіи, не считая, повидимому, этого дѣла окончательно потеряннымъ. Представился онъ императору 11 сентября съ обычной церемоніей. Александръ Павловичъ обошелся съ нимъ очень любезно и отзывался о Франціи чрезвычайно дружественно. «Я ѣду въ Вѣну,—сказалъ онъ:—надо покончить счастливо начатое дѣло. Я думаю, что надо взять основой будущихъ отношеній взаимныя уступки». При прощаніи съ императоромъ Ноаль выпросилъ у него разрѣшеніе ѣхать на Вѣнскій конгрессъ, но Талейранъ, хотя въ Парижѣ говорилъ ему о пользѣ такого путешествія, теперь наотрѣзъ ему отказалъ. Относительно подобной перемѣнчивости знаменитаго дипломата, Поццо-ди-Борго характеристично говоритъ въ своихъ депешахъ къ Нессельроде: «Я часто вздыхаю о поведеніи Талейрана; этотъ человѣкъ ни на кого не походитъ! Онъ все портитъ, все устраиваетъ и управляетъ различнымъ образомъ сто разъ въ день. Императоръ виноватъ правъ, что былъ съ нимъ холоденъ». Такимъ образомъ графъ Ноаль остался въ Петербургѣ во время отсутствія императора и все свободное время посвятилъ изученію русскихъ нравовъ. Его особенно поразило корыстолюбіе русскихъ чиновниковъ, но онъ это объясняетъ чрезвычайно малымъ жалованьемъ, которое они получали. «Это жалованье,—говоритъ онъ,—то же самое, что было и при Елисаветѣ, хотя тогда рубль стоилъ четыре франка, а теперь одинъ. На ходатайство увеличить жалованье чиновникамъ Екатерина отвѣтила отказомъ, будто бы сказавъ: «Я буду платить имъ больше, а они будутъ воровать не меньше». Поццо-ди-Борго былъ вызванъ императоромъ Александромъ присутствовать на Вѣнскомъ конгрессѣ, и его замѣнилъ въ Парижѣ Вутягинъ, оставшійся представителемъ Россіи при французскомъ королѣ до Ста дней. Такимъ образомъ Поццо-ди-Борго вернулся на свой постъ къ королю, когда уже онъ временно не имѣлъ королевства и пребывалъ сперва въ Брюсселѣ, а потомъ въ Гентѣ. Оставаясь при немъ, русскій посланникъ постоянно доносилъ обо всемъ, что дѣлалось при дворѣ. Въ это время графъ Ноаль спокойно жилъ въ Петербургѣ и ждалъ дальнѣйшихъ событій. Наконецъ грянуло Ватерлоо, въ которомъ принялъ участіе Поццо-ди-Борго въ качествѣ генерала, за что получилъ отъ императора Александра Георгіевскій крестъ 4-й степени. Вслѣдъ

затѣмъ совершилась вторая реставрація, и не только Поццо-ди-Борго вернулся въ Парижъ вмѣстѣ съ королею, но туда явился и графъ Ноаль, оставивъ въ Петербургѣ повѣреннымъ въ дѣлахъ перваго секретаря, графа Ла-Муссэ. Съ возстановленіемъ Бурбоновъ во Франціи составилось новое министерство герцога Ришелье, чрезвычайно расположеннаго въ пользу Россіи, которая была для него вторымъ отечествомъ, въ виду долгой его службы въ ея предѣлахъ. Онъ оставилъ посланникомъ въ Петербургѣ того же графа Ноаля, однако послѣдній оставался въ Парижѣ и вернулся къ своему посту лишь 1-го мая 1816 г., послѣ многочисленныхъ жалобъ графа Ла-Муссэ министерству на его долгое отсутствіе. Съ русской стороны въ Парижѣ остался посланникомъ попрежнему Поццо-ди-Борго. Онъ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ своимъ прежнимъ товарищемъ по службѣ, герцогомъ Ришелье. Съ большимъ сочувствіемъ онъ отзывался о всѣхъ его мѣропріятіяхъ, даже о знаменитыхъ процессахъ маршала Нея и Лавалетта, возбудившихъ негодованіе современниковъ. Напротивъ онъ всячески старался противодействовать неконституціонной, въ высшей степени ретроградной и клерикальной политикѣ брата короля, графа Артуа.

Наконецъ прибылъ въ Петербургъ, послѣ долгаго ожиданія, графъ Ноаль и тотчасъ представился императору, который во время аудіенціи сказалъ ему: «Я считаю себя въ правѣ говорить о дѣлахъ Франціи. Большинство палаты депутатовъ явно держится контрреволюціи, а Европа не хочетъ, чтобы новыя кризисы во Франціи компрометировали спокойствіе всего христіанства, и видитъ въ военной оккупациіи единственную гарантію противъ внутренняго движенія, которое направлено для уничтоженія всего, что сдѣлано въ послѣднія двадцать пять лѣтъ. Я желаю, какъ можно скорѣе, освободить Францію отъ иностраннаго ига, но мнѣ справедливо указываютъ на происходящія тамъ волненія. Франція была бы обязана при теперешнихъ критическихъ обстоятельствахъ представить Европѣ зрѣлище великой націи, хранящей единство во всѣхъ административныхъ вѣтвяхъ. Правительству необходимо главное— уважать харгію и буквально ея придерживаться, потому что она вполне соответствуетъ интересамъ страны». Изъ послѣдующихъ разговоровъ съ Александромъ Ноаль вывелъ заключеніе, что Россія была очень расположена въ пользу Франціи и готова сократить оккупационную армію въ этой странѣ. «Я вообще сокращу численность своей арміи, какъ только возстановится политическое равновѣсіе въ Европѣ,—говорилъ императоръ:—а это невозможно, пока Франція не освободится отъ чужеземнаго ига». Прямымъ выводомъ изъ политики русскаго кабинета, которымъ руководилъ вполне самъ императоръ, являлось, по словамъ графа Ноаля, «соглашеніе съ Франціей, которой онъ сочувствовалъ болѣе другихъ государствъ Европы. Особенно Александръ не любилъ Англію, и такимъ образомъ въ интересъ Франціи было заключить союзъ съ Россіей, тѣмъ болѣе, что французскіе нравы преобладаютъ въ Россіи, и союзъ съ нею чрезвычайно популяренъ въ этой имперіи». Заботясь объ уменьшеніи оккупационной арміи во Франціи, Александръ написалъ личное письмо къ Веллингтону въ пользу этого плана и подробно высказался объ этомъ предметѣ графу Ноаю, котораго нарочно позвалъ обѣдать. Вечеромъ онъ

имѣлъ продолжительный разговоръ съ посланникомъ. Прежде всего онъ высказалъ, какъ обыкновенно, свое сочувствіе къ Франціи и желаніе, насколько возможно сократить иностранную оккупацию, а потомъ сказалъ: «Союзъ моей страны съ вашей полезенъ обѣимъ; мы не можемъ сталкиваться другъ съ другомъ; не можемъ имѣть притязаній другъ къ другу. Протягивая взаимно руки, мы обезпечиваемъ Европѣ покой. Я обязанъ возвратить вашей странѣ здоровье вполне и положить конецъ всѣмъ интригамъ противъ нея». Затѣмъ государь перешелъ отъ мысли о союзѣ къ проекту морской лиги и одинаково выразился сочувственно къ совокупнымъ дѣйствіямъ Россіи и Франціи по всѣмъ политическимъ вопросамъ того времени. Хотя онъ прямо ничего не высказалъ о неудавшемся бракѣ между герцогомъ Беррійскимъ и великой княжной Анной, но французскій посланникъ увѣряетъ, что вся Россія сожалѣла объ этомъ обстоятельстве, а также о бракѣ великой княжны съ наследнымъ принцемъ Нидерландскимъ.

Депеша отъ 31 декабря 1816 г. Поццо-ди-Борго графу Нессельроде оканчивается интереснымъ объемистымъ томъ дипломатической переписки, обнародованной Русскимъ историческимъ обществомъ.

В. Т.

**Правительство и общество въ ихъ отношеніи къ внѣшней торговлѣ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II. (Очеркъ по исторіи торговой политики). Н. И. Фирсова. Казань. 1902.**

Г. Фирсовъ — изслѣдователь, задающійся двойною задачею. Собственно говоря, онъ историкъ по специальности, и потому его интересуетъ прежде всего быть, исторически-прошлое народа въ его фактическомъ содержаніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не упускаетъ изъ вида и юридическую правовую сторону жизни. Въ дѣйствительности историку съ широкимъ взглядомъ иначе работать и невозможно. Фактъ бытовой и право такъ тѣсно соприкасаются другъ съ другомъ, что разорваніе связи между ними превращаетъ изслѣдуемый матеріалъ изъ живого тѣла въ мертвое, и общественная анатомія при этомъ заступаетъ мѣсто физиологіи.

Въ указанномъ смыслѣ г. Фирсовъ совершенно правильно при изученіи внѣшней торговли Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II взялъ общество и правительство въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Конечно, тяготясь къ факту, почтенный авторъ главное вниманіе въ дѣйствіяхъ правительства обратилъ на политику, но дѣло въ томъ, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя политика, въ свою очередь, не можетъ быть рѣшительно проводима иначе, какъ въ видѣ тѣхъ или другихъ юридическихъ нормъ. По этой причинѣ г. Фирсову и пришлось такъ много говорить о банкротскомъ, о вексельномъ уставѣ, о регламентаціи тарифовъ, торговли отдѣльными товарами, регламентаціи торговли на отдѣльныхъ путяхъ, торговыхъ трактатахъ съ различными государствами. Изслѣдуя, такимъ образомъ, одну изъ сторонъ экономической жизни Россіи восемнадцатаго столѣтія, г. Фирсовъ приходитъ къ слѣдующему выводу.

Въ силу неразвитости умственной и экономической, Россія въ царствованіе Екатерины II занимала крайне зависимое положеніе, а русское купечество не чувствовало особенной потребности освободиться отъ иностранныхъ помочей и завести «прямую» торговлю съ Европой. Поэтому наши коммерсанты, постоянно ссорясь другъ съ другомъ и дѣлая взаимныя непріятности, мирились съ своимъ пассивнымъ положеніемъ и ничего лучшаго не желали. Но съ такимъ положеніемъ не желало мириться правительство въ лицѣ Екатерины. Для поднятія русской торговли императрица учредила особое правительственное мѣсто для предварительнаго обсужденія и рѣшенія различныхъ «коммерческихъ вопросовъ». Въ этомъ совѣщаніи обсуждались причины постоянного паденія вексельнаго курса въ Россіи, выяснялись мѣры поднятія его и мѣры поднятія вообще русской торговли. Въ совѣщаніи, между прочимъ, участвовали не только чиновники, но и свѣдущіе люди, представители отборнаго купечества, показавшіе немало здраваго смысла и пониманія истиннаго положенія вещей тамъ, гдѣ правительственные агенты слѣпо повторяли различныя чужеземныя экономическія теоріи. Тѣмъ не менѣе «дѣла» о поправленіи торговли, купечества и вексельнаго курса въ общемъ велись бюрократическимъ путемъ, на которомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выдвигалась та или другая почтѣнная особымъ довѣріемъ императрицы «персона», при чемъ долгое время такой персоной былъ Тепловъ. Двойственность состава комиссій, разсуждавшихъ объ уназдкѣ торговли Россіи, отразилась на тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя въ разсматриваемую эпоху принимались правительствомъ въ цѣляхъ поднятія русскихъ коммерческихъ оборотовъ. Поэтому, съ одной стороны, подъ влияніемъ ученія физиократовъ, правительство проводило наиболѣе либеральную таможенную политику, съ другой стороны русское купечество въ интересахъ самосохраненія настаивало на крайностяхъ протекціонизма. Эти два теченія были примирены только въ концѣ царствованія Екатерины, когда въ 1793 г. правительственныя распоряженія рѣшительно повернулись въ сторону протекціонистскаго направленія.

Колеблясь въ отношеніи вѣншей торговли и считая долгое время экспортъ и импортъ въ ихъ соотвѣтствіи главнѣйшимъ показателемъ народнаго благосостоянія, правительство Екатерины старалось, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать коммерческому обмѣну внутри имперіи. Императрица отмѣнила столь щедро раздаваемыя при Елисаветѣ монополіи частныхъ лицъ; по возможности сохранила монополію казенныя; заботилась объ образованіи купечества, с самостоятельнымъ торговымъ флотѣ для сношеній съ государствами Средиземнаго и Чернаго морей. Г. Ойсовъ оговаривается, что большинство стараній правительства въ указанномъ направленіи осталось безрезультатнымъ, но вѣдь и дѣло, лежавшее на Екатеринѣ, было немалое. Торговля и промышленность московской Руси находились въ зачаточномъ состояніи: Петръ Великій попробовалъ сдвинуть съ мѣста эту косную громаду, но, вѣдь, преемники реформатора вплоть до Екатерины II почти не заботились объ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ, а потому и торговый вопросъ составительницѣ наказа пришлось разрѣшать почти заново, самостоятельно. Нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ г. Ойсова, что сужденія нѣкоторыхъ изслѣдователей экономического состоянія Россіи въ восемнадцатомъ вѣкѣ о быстромъ ростѣ національ-



наго капитала, торговли и промышленности, въ указанную эпоху вообще и въ Екатерининское время въ частности нѣсколько односторонни. Безъ всякаго сомнѣнія, общій оборотъ Россіи за это время увеличился, «купеческое водоходство» получило «приращеніе», промышленность развилась, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы все-таки не нажили ни коммерческой самостоятельности, ни настоящаго торговаго флота, а промышленность при быстромъ увеличеніи фабрикъ не получила устойчивости и продолжала нуждаться во всякаго рода поощреніи, какъ она, впрочемъ, нуждается въ этомъ и теперь.

Переходя, затѣмъ, къ сужденіямъ самого автора, при многихъ достоинствахъ его работы, мы не можемъ не указать нѣкоторыхъ ея недочетовъ, отсутствіе которыхъ придало бы книгѣ большую полноту. Именно, намъ кажется, что при подведеніи итоговъ различныхъ мнѣній относительно постояннаго паденія вексельнаго курса въ Россіи, въ царствованіе Екатерины II, авторъ не обратилъ должнаго вниманія на тѣ политическія причины въ видѣ войнъ, внутреннихъ неурядицъ и тому подобнаго, всегда отзывающагося на биржѣ. Г. Фирсовъ все время разсматриваетъ Россію, какъ бы живущей внѣ давленія внѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ; онъ говоритъ о духовномъ слабосиліи русскаго купца, о тенденціяхъ бюрократизма, о влияніи усиленныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ; всѣ эти явленія имѣли свое дѣйствіе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ряду активныхъ причинъ необходимо помѣстить и пугачевщину, и турецкія кампаніи, и голодовки, и отсутствіе урегулированнаго правосудія. Кредитоспособность, какъ человѣка, такъ и государства, зависитъ не только отъ непосредственныхъ матеріальныхъ причинъ. Повидимому, авторъ принадлежитъ къ школѣ, которая слишкомъ много придаетъ значенія личнымъ начинаніямъ и свободнымъ силамъ, тогда какъ въ общественныхъ отношеніяхъ многое совершается почти стихійно. Поэтому, говоря о хлѣбномъ дѣлѣ, авторъ какъ-то совершенно отдѣлилъ его отъ вексельнаго курса, тогда какъ послѣдній, несомнѣнно, постоянно отражалъ на себѣ комплексъ различныхъ влияній, въ которыя входили недороды съ переродами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при обсужденіи цѣны на хлѣбъ въ Екатерининское царствованіе, г. Фирсовъ не обратилъ вниманія на значеніе въ этомъ вопросѣ путей сообщенія. Екатерина личными усиліями старалась поощрять народному благосостоянію, сколько могла, но обстоятельства были выше ея силъ; ей самой приходилось опираться на извѣстные классы общества, и эти классы хлопотали о привилегіяхъ, объ исключительномъ положеніи, колебали общественное равновѣсіе, затягивали узы рабства и, подвергая Россію внутреннимъ испытаніямъ, отмѣчали свою дѣятельность въ донесеніяхъ иностранныхъ дипломатическихъ агентовъ и въ торговыхъ мнѣніи о насъ заграничныхъ купцовъ. Вѣдь извѣстно, что вексельный курсъ, какъ вообще настроеніе извѣстной биржи, всегда является показателемъ плюсовъ и минусовъ общественнаго и государственнаго благополучія. А на эту сторону и не указалъ г. Фирсовъ, тѣмъ не менѣе, написавшій очень серьезную и полезную книгу, долженствующую занять почетное мѣсто въ русской исторической литературѣ.

В. Грибовскій.

**Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. Предисловіе и примѣчанія  
В. А. Бильбасова. Томы 4, 5 и 6. Спб. 1902.**

Матеріалы въ этихъ томахъ обнимаютъ эпоху 1810—1825 гг., т.-е. то время, когда знаменитый графъ Н. С. Мордвиновъ пользовался наибольшей славой. Онъ занималъ высокій постъ предсѣдателя департаментовъ государственнаго совѣта, — сначала государственной экономіи, а затѣмъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ. Въ это время онъ является во весь ростъ государственной мудрости. Въ своихъ докладахъ, обращенныхъ непосредственно къ императору, и мнѣніяхъ въ государственномъ совѣтѣ и комитетѣ министровъ, онъ высказывалъ такія мысли, которыя и теперь еще далеко не устарѣли. И не только провительственныя заботы занимали умъ Н. С. Мордвинова; «въ двадцатыхъ годахъ онъ былъ настоящимъ идеаломъ тогдашняго новаго поколѣнія». За это время онъ предсѣдательствуетъ въ вольно-экономическомъ обществѣ, руководитъ дѣятельностью россійско-американской компаніи и собираетъ матеріаль для организаціи страхового общества, которое и теперь существуетъ подъ названіемъ «Перваго Россійскаго». Особо важное значеніе имѣли мнѣнія и доклады Мордвинова, которые въ двадцатыхъ годахъ переписывались и ходили въ сотняхъ списковъ. Теперь эти мнѣнія и доклады изданы въ свѣтъ въ четвертомъ и пятомъ томахъ «Архива графовъ Мордвиновыхъ»; эти мнѣнія сохранились въ двухъ видахъ. Уже въ глубокой старости Мордвиновъ собралъ всѣ свои мнѣнія, разсортировалъ ихъ, исправилъ и приказалъ тщательно переписать и переплестъ въ особые томы. Такихъ томовъ хранится въ Мордвиновскомъ архивѣ 13, а для 14-го былъ собранъ матеріаль, но не былъ еще просмотрѣнъ Мордвиновымъ. На первомъ томѣ рукою Мордвинова написано: «Завѣщаю сыну моему Александру Николаевичу мнѣнія мои числомъ—изъ дому никому не давать, дабы отъ небреженія или отъ намѣренія они не утратились». Сохраняются также въ архивѣ и подлинныя рукою Мордвинова написанныя мнѣнія, какъ онъ читалъ ихъ въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта. На этихъ черновикахъ Мордвиновъ не только отмѣчалъ поименный результатъ голосованія, но набрасывалъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ свои отзывы о сужденіяхъ членовъ совѣта. Въ виду этого В. А. Бильбасовъ призналъ необходимымъ печатать мнѣнія Мордвинова по подлинникамъ, которые только свѣрялъ съ просмотрѣнными Мордвиновымъ кошіями и, гдѣ было необходимо, указывалъ разногласіе, сохранивъ всѣ приписки, сдѣланныя Мордвиновымъ въ подлинникахъ. «Осмѣливаемся поѣтому сказать, — заявляетъ В. А. Бильбасовъ, — что въ настоящее время издаются въ свѣтъ «золотые голоса Мордвинова» въ тѣхъ самыхъ звукахъ, какъ имъ внимали члены государственнаго совѣта и комитета министровъ».

Въ трехъ томахъ приведено мною новыхъ до сихъ поръ неизвѣстныхъ матеріаловъ. Мордвиновъ, вѣрный другъ и дѣятельный сотрудникъ Сперанскаго, оставилъ въ архивѣ знаменательные слѣды своего участія въ составленіи мало еще извѣстнаго плана «государственнаго преобразованія». Въ этомъ отношеніи Мордвиновъ вполне сочувствовалъ Сперанскому и самъ написалъ предложеніе въ видѣ записки «для составленія палатъ государственныхъ», при чемъ верх-

няя государственная палата избирается дворянами, избранные члены получают жалованье по 50.000 рублей. Нижняя палата избирается дворянским сословием, купечеством, фабрикантами и заводчиками. Жалованья члены нижней палаты не получают. Однако и Мордвиновъ и Сперанскій, предлагая свой «планъ государственнаго преобразованія», не касались принципа самодержавія. Относительно Мордвинова это доказывается документально. «Россійское правительство есть самодержавное, и таковое въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ прилично имперіи, занимающей половину Европы и знатную часть Азіи. Но сему роду правленія ни съ которой стороны не можетъ быть противно допустить имѣть областныхъ представителей въ государственномъ совѣтѣ и правительствующемъ сенатѣ».

Далѣе въ Мордвиновскомъ архивѣ хранятся любопытныя, записанныя рукою Н. С. Мордвинова, подробности, нигдѣ и никѣмъ еще не обнародованныя, о поднесеніи императору Александру I титула «Благословеннаго», котораго онъ не принялъ, но который народомъ навѣки закрѣпленъ за нимъ. Мысль о поднесеніи отъ имени народа адреса и особаго титула возникла въ средѣ высшихъ государственныхъ сановниковъ вслѣдъ за извѣстіемъ о взятіи Парижа. Члены государственнаго совѣта, правительствующаго сената и святѣйшаго синода обсуждали порознь и вкушъ о титулѣ, приличномъ подвигамъ императора, о статуй, достойной увѣковѣчить его память въ потомствѣ, о медали, предназначенной для раздачи современникамъ. Слухи о такомъ намѣреніи высшихъ государственныхъ учреждений достигли императора, и 16-го мая 1814 г. Александръ I выразилъ свой взглядъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Благословеніе моего народа я приѣмлю, но желаю быть достойнымъ онаго до послѣдняго часа моей жизни; а потому не могу принять наименованія, только вождедѣннаго сердцу моему, доколѣ въ продолженіе всея жизни моя не помянетъ ничто ни въ малѣ чувство, любезными моими подданными изъявляемое. Воздвиженіе образа моего я также предоставляю потомству». Три члена государственнаго совѣта — кв. А. Б. Куракинъ, А. П. Тормасовъ и гр. А. П. Салтыковъ — избранные депутатами для поднесенія государю императору всеподданнѣйшаго прошенія совѣта, сената и синода, отираваясь за границу, знали уже о предстоящемъ отказѣ императора и потому везли съ собою составленный Мордвиновымъ «отвѣтъ старшаго посла». Князь Куракинъ, выслушавъ въ Брухзалѣ, 28 іюня, отъ императора, что онъ «отрицается и не соизволяетъ», отвѣчалъ, какъ старѣйшій посолъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Высокое чувство и священнѣйшій обѣтъ, изъявляемые вашимъ императорскимъ величествомъ въ отказѣ наименованія, всеподданнѣйше вамъ подносимаго, толико радостныя и утѣшительнѣйшіе для народа россійскаго, провозглашаютъ громко, что нынѣ и вѣчно вы онаго достойны. Не будетъ сіе наименованіе при жизни вашей на хартіяхъ, мѣди и мраморѣ, яко соизволяете, но будетъ глубоко впечатлѣно оно въ сердцахъ всего пламенѣющаго благоговѣніемъ къ вамъ народа, благословляющаго искренно и совокупно со многими великими народами, обитающими и внѣ предѣловъ державы вашей, коимъ великодушные подвиги вашего императорскаго величества возстановляютъ благоденствіе».

Въ томахъ четвертомъ и пятомъ напечатано 114 мѣнѣй, поданныхъ въ теченіе 15 лѣтъ въ государственный совѣтъ. Томъ же шестой является приложеніемъ къ первымъ двумъ. Въ немъ помѣщены бумаги, сохранившіяся въ Мордвиновскомъ архивѣ, относящіяся къ послѣднимъ годамъ царствованія Александра I, прошедшія почему либо чрезъ руки Мордвинова, но не имъ составленныя. Содержаніе этихъ бумагъ чрезвычайно разнообразно: о денежномъ обращеніи, о промышленности и торговлѣ, о винокуреніи и откупахъ, рядомъ со статьями о судебной реформѣ, о судьбѣ Греціи и Польши, о сельско-хозяйственныхъ нуждахъ, о казакахъ, о губернаторахъ, о роскоши въ петербургскихъ театрахъ, о дѣлахъ российско-американской компаніи. Веѣмъ этимъ интересовался Н. С. Мордвиновъ, какъ чисто русскій человѣкъ, какъ истинный патриотъ, онъ зналъ Россію, онъ болѣлъ ея нуждами которыя были ему извѣстны, и всегда помышлялъ о мѣрахъ, которыя должны были способствовать всестороннему ея росту. Поэтому онъ главное вниманіе обращалъ на финансовую и экономическую сторону русской жизни. «Худое управленіе финансами,—говоритъ Мордвиновъ,— не есть шутка, оно исправляется слезами». Для того, чтобы народъ русскій достигъ богатства, нужно просвѣщеніе: «науки суть источники богатства. Степень народнаго просвѣщенія опредѣляетъ степень народнаго богатства и мѣру государственныхъ доходовъ. Министру финансовъ должно было бы радѣть о распространеніи всѣхъ полезныхъ въ народѣ свѣдѣній... Эти свѣдѣнія общаются богатую жатву». Когда Мордвиновъ былъ председателемъ департамента государственной экономіи, то задаясь вопросомъ о податяхъ и въ своемъ мѣнѣй государственному совѣту выставилъ четыре положенія: «1) каждый подданный, къ какому сословію ни принадлежалъ бы, долженъ участвовать въ расходахъ государства по мѣрѣ дохода, имъ получаемого; 2) каждая подать должна быть опредѣлительна, гласна и извѣстна каждому платящему въ количествѣ, во времени взноса и въ назначеніи лица и мѣста, пріемлющаго оную; 3) всякая подать должна быть взимаема въ удобнѣйшее для плательщиковъ время; 4) каждая подать должна быть учреждена такъ, а) чтобы для собиранія оной подвержена была наименьшимъ расходамъ, б) чтобы не ослабляла и не затрудняла промышленность платящаго, в) чтобы не побуждала платящаго уклоняться или избѣгать оной, наконецъ, г) чтобы не влекла за собой надзора, иска, притѣсненія и казни».

Эти идеи тогда были не ко времени, и вскорѣ послѣ смерти Александра I Мордвиновъ «съ ужасомъ» возвѣстилъ въ совѣтъ, что «оброки и подати взимаются съ употребленіемъ пытки»...

Ии.

### Великорусскія народныя пѣсни. Изданы профессоромъ А. И. Соболевскимъ. Томъ VII. Спб. 1902.

Въ русской литературѣ немного столь широко задуманныхъ и столь блестяще выполненныхъ предпріятій, къ числу какихъ нужно отнести закончившееся настоящимъ VII-мъ томомъ изданіе великорусскихъ пѣсней, сдѣланное профессоромъ и академикомъ А. И. Соболевскимъ на средства его император-

скаго высочества великаго князя Георгія Михайловича. Въ семи объемахъ томахъ помѣщено всего 4772 №№ пѣсенъ. Большая часть ихъ перепечатана изъ разныхъ, часто мало доступныхъ, сборниковъ, а также изъ провинціальныхъ изданій. Но особенное достоинство сообщаютъ изданію использованные въ немъ рукописные и печатные пѣсенники XVIII вѣка.

Пѣсни распределены во всѣхъ VII томахъ по содержанию; въ послѣднемъ томѣ находимъ пѣсни юмористическія, сатирическія и часть игровыхъ. Подобный распорядокъ пѣсень имѣеть, конечно, много данныхъ за себя. Пользуясь столь разношерстнымъ матеріаломъ, часто совѣмъ не касающимся сопровождающей пѣніе пѣсни обстановки, пожалуй, и не было возможности распределить пѣсни—не изслѣдуя ихъ—иначе. Но отрицать въ принципѣ иное дѣленіе пѣсенъ—по группамъ: хороводныя, плясовыя, игровыя и тому подобныя, къ чему склоняется въ небольшомъ введеніи къ VII-му тому издатель, — напрасно. Въ цѣляхъ изученія пѣсни необходимо знать, какими дѣйствіями и обрядами сопровождается и сопровождалось прежде ея исполненіе. Безъ этого для насъ не понятно будетъ и самое содержаніе пѣсни. Оттого, въ какой обстановкѣ, кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ исполняется (или исполнялась нѣкогда) народная пѣсня, зависитъ ея тонъ и ея взглядъ на вещи. Свадебныя пѣсни, наприкладъ, рѣзко дѣлятся на двѣ половины. Однѣ—самаго печальнаго, тоскливаго содержанія, приближаются къ «привываніямъ» невѣсты и въ концѣ концовъ переходятъ въ эти послѣднія. Другія — веселыя, жизнерадостныя. Въ первыхъ невѣстѣ общается замужемъ адъ: женихъ—«сушостать, погубитель, разоритель», «лихой» свекоръ—«щипица колючая», «злая» свекровь—«красива жгучая». Въ другихъ невѣста съ радостію предпочитаетъ своего жениха—«ладушку» своимъ родителямъ, говоритъ комплименты свекору и свекрови... Въ чемъ же дѣло?—Очень просто. Первая половина пѣсенъ поется на дѣвичникѣ, въ тѣсномъ кругу подругъ невѣсты; цѣль этихъ пѣсенъ—побуждать невѣсту къ усиленному плачу («клевать невѣсту»); для той же цѣли у бѣлоруссовъ и французовъ употребляется и болѣе искусственное средство: подъ носомъ у молодой разламываютъ луковицу... Вторая половина пѣсенъ поется на свадебномъ пиру; ихъ цѣль—«величать» молодыхъ и почетныхъ поѣзжанъ.

Подобныя группы встрѣчаются и въ пѣсняхъ другихъ наименованій, даже въ похоронныхъ причитаніяхъ. Одни изъ нихъ исполняются на глазахъ общества и носятъ, такъ сказать, официальный характеръ: *de mortuis aut bene, aut nihil*. Другія слышать только «грудь да подошлека»; тутъ вѣтъ стѣсняющей обстановки, и тотъ же самый покойникъ обрисовывается сплошь и рядомъ совѣмъ иными чертами.

Въ разсматриваемомъ нами VII томѣ помѣщено, между прочимъ, нѣсколько вариантовъ (№№ 72 — 79) небезызвѣстной пѣсни о выборѣ жениха. Когда два варианта этой пѣсни появились въ сборникѣ Шейна, Костомаровъ писалъ по поводу ихъ: «народныя пѣсни открываютъ намъ, что идеаломъ для великорусскаго народа начинаетъ дѣлаться подъячій, обирающій людей и наживающій деньги. Но другимъ подобнымъ пѣснямъ идеалъ великорусской дѣвушки—собственная ея выгода, и эту выгоду из-

мѣряется ея любовью: тотъ ей милъ, кто носитъ ей подарки» («Вѣстникъ Европы» 1872 г., VI, 556). Теперь знаменитый историкъ могъ бы, казалось, утѣшиться; есть великорусскія дѣвушки, которыя всему на свѣтѣ предпочитаютъ «скриповника» (№ 78) или «гудошника» (нами записанный вариантъ въ Вятской губ.). Болѣе яркаго отрицанія всякихъ практическихъ расчетовъ при бракѣ искать, повидимому, трудно. Въ дѣйствительности—иное. Едва ли можно сомнѣваться, что эти и подобныя юмористическія пѣсни были любимымъ репертуаромъ скомороховъ старой Руси, артели которыхъ явились у насъ первыми труппами бродячихъ актеровъ. Отъ скомороховъ и надо вести начало этого мотива, а тѣмъ естественно было «ради краснаго словца не жалѣтъ ни матери, ни отца».

Что до путаницы въ наименованіяхъ пѣсень въ разныхъ сборникахъ (стр. 5), то при сравненіи вариантвъ и вообще при изслѣдованіи пѣсни всегда можно добраться до ея истинной клички, то-есть до первоначальной обстановки ея исполненія.

Нельзя также согласиться вполне и съ другимъ, высказаннымъ въ томъ же введеніи къ VII тому, мнѣніемъ почтеннаго издателя, оптимистически смотрящаго на современное состояніе старой народной пѣсни и отрицающаго ея близкую гибель: «народная поэзія у насъ еще достаточно сильна, и рассказы объ ея исчезновеніи лишены достаточнаго основанія» (стр. 2). Вся вина сваливается на «этнографовъ», которые будто бы записываютъ пѣсни отъ перваго попавшагося парнишки.

Старыя и новыя записи пѣсень ведутся, дѣйствительно, различно. Прежде еще былъ силенъ эстетическій взглядъ на народную словесность, и тогда записывали только наиболѣе удачныя произведенія народнаго гения, при чемъ считалось законнымъ соединять въ одно два или нѣсколько вариантвъ, подправлять, подкрашивать (Сахаровъ и др.). Теперь собиратели стараются дать въ своихъ записяхъ полную картину современнаго состоянія народнаго творчества въ данной мѣстности,—не только въ устахъ немногихъ артистовъ своего дѣла, но и въ преобладающей массѣ. А главное, этихъ артистовъ-то теперь слишкомъ мало, и найти въ настоящее время въ народѣ хорошаго знатока старинныхъ пѣсень—очень рѣдкая и очень счастливая случайность.

Уважаемый авторъ говоритъ: «основательнымъ людямъ въ наши дни удалось составить порядочные сборники старыхъ пѣсень, нисколько не хуже тѣхъ, которые были составлены лѣтъ пятьдесятъ назадъ» (стр. 2). Не претендуя на «основательность», пишущій эти строки считаетъ, однако, себя въ правѣ причислить себя къ этой категоріи собирателей: за послѣдніе два года имъ записаны въ предѣлахъ Вятской губерніи до тысячи №№ старинныхъ пѣсень. Но какъ разъ во время этой записи пѣсень мы и убѣдились, что «старая» пѣсня окончательно отживаетъ свой вѣкъ. Въ сущности, она уже и не живетъ. Въ устахъ однихъ (немногихъ стариковъ) она превратилась въ священную, но мертвую формулу; они хранятъ и повторяютъ ее (пока имъ не измѣнитъ память) съ педантичнѣйшею точностію, боясь измѣнить букву. Это—не живая пѣсня, которая «безпрестанно подправляется, поновляется, передѣлывается, движется вмѣстѣ съ жизнью» (Костомаровъ); это полузасохшая,

безыгодная смоковница, дни которой уже давно и безусловно сочтены. Молодежь, въ рѣдкихъ случаяхъ запомнившая старинныя пѣсни отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, обращается, напротивъ, съ ними слишкомъ вольно. Старая пѣсня дробится, обращаясь въ излюбленныя частушки, «переворачивается на новую», то-есть въ какой-то полуромансъ-получастушку. Подъ новою оболочкою часто почти нѣтъ возможности распознать старое ядро. Но гораздо чаще мы встрѣчали представителей деревенской молодежи, которые знали «старинныя» пѣсни прекрасно, но ихъ знаніе вело свое начало «изъ книжки», --большую частію, изъ лубочныхъ пѣсенниковъ.

Источникъ народнаго творчества не изсякъ; напротивъ, онъ продолжаетъ бить ключемъ. Но новая волна народнаго творчества, первые зачатки которой мы видимъ въ современныхъ частушкахъ, уже начавшихъ объединяться въ маленькія поэмы, — эта волна рѣзко разорвала со старой и получила новое направленіе. Никогда литературныя вліянія на народную поэзію не были столь сильны, какъ въ наше время. А главное, эти вліянія сказываются теперь не столько въ мотивахъ (содержаніи) пѣсенъ, сколько въ самомъ характерѣ народнаго творчества: послѣднее все болѣе и болѣе отдалается отъ стараго коллективнаго творчества и приближается къ творчеству индивидуальному. Очевидно, наступаетъ уже то, о чемъ предсказывалъ Н. И. Костомаровъ еще въ 1872 году, говоря: «навѣрное можно сказать, что распространеніе грамотности и книжнаго образованія убьетъ бессознательное народное творчество; само собою разумѣется, мы не пожалѣемъ, если, ради всеобщаго просвѣщенія, необходимо пожертвовать этимъ драгоцѣннымъ достояніемъ протекшихъ вѣковъ, памятниками духовной дѣятельности нашихъ предковъ. Остается только желать, чтобы эти памятники были поскорѣ собраны и сохранены для науки». («Бесѣда» 1872 г., IV, стр. 10).

Д. Зеленинъ.

### **Исторія русскаго права. Выпускъ первый. Литература исторіи русскаго права. Заслуженнаго ординарнаго профессора Ѳ. И. Леонтовича. Варшава. 1902.**

Нельзя не отнестись сочувственно ко всякому справочному библиографическому изданію, въ особенности, если оно охватываетъ собою не только книги и брошюры, но и статьи, разбросанныя по газетамъ и журналамъ. Для лицъ, спеціально занимающихся тѣмъ или другимъ предметомъ, подобныя изданія являются въ полномъ смыслѣ благодарнымъ, такъ какъ ими сокращается время, безыгодно теряемое въ собираніи разсыянныхъ литературныхъ данныхъ. Спеціальный трудъ профессора Леонтовича поэтому заслуживаетъ полнаго вниманія и со стороны историковъ русскаго права можетъ вызвать только чувство живѣйшей благодарности. Въ трудѣ почтеннаго ученаго библиографическій матеріалъ, съ одной стороны, сгруппированъ по крупнымъ отдѣламъ и подробными подотдѣлами, значительно облегчающими пользованіе книгой.

Общая система, принятая г. Леонтовичемъ, заключается въ слѣдующемъ. Весь матеріалъ разбитъ по отдѣльнымъ областямъ права: право государствен-

ное, полицейское, финансовое, международное, гражданское, уголовное. Особо поставлено право военное, науки экономическія, судопроизводство. Совершенно въ особый отдѣлъ вынесена исторія литовско-русскаго права, любимаго предмета и специальности автора. Въ свою очередь, отдѣлы раздѣлены на болѣе мелкія подраздѣленія; такъ, отдѣлъ государственнаго права распадается на три главныя части: книги, касающіяся территоріи, населенія и власти. Въ свою очередь, напримѣръ, въ территоріи, намѣчены общія изслѣдованія и изслѣдованія по отдѣльнымъ землямъ. (Отдѣлъ населенія заключаетъ въ себѣ общее ученіе о населеніи и затѣмъ исторію отдѣльныхъ сословій со всѣми относящимися къ нимъ вопросами. Къ государственному праву отнесено и церковное. Отдѣлъ гражданскаго права содержитъ въ себѣ во главѣ опять общія изслѣдованія, затѣмъ указанія, касающіяся субъектовъ гражданскаго права, отдѣльныхъ его институтовъ и проч. Каждое сочиненіе обозначено подъ особымъ номеромъ, тѣ же номера помѣчены въ указателяхъ авторовъ и по предметамъ.

Такимъ образомъ, авторомъ сдѣлано все, чтобы сообщить своему труду свойство «ручной книги». Матеріалъ собранъ также весьма обширный, но по содержанію его приходится сдѣлать нѣсколько критическихъ замѣчаній. Прежде всего необходимо замѣтить, что цѣль книги—систематизированіе данныхъ по исторіи русскаго права. Между тѣмъ, въ книгѣ имѣются сочиненія, съ одной стороны, даже не относящіяся къ русскому праву: напримѣръ, № 5.861, А. Наумовъ, Судоходство по Шельдѣ; съ другой стороны, книги, лишь въ будущемъ могущія получить историческое значеніе, напримѣръ, № 4.825, Цейль, Правительствующій Сенатъ. Книга г. Цейля имѣетъ чисто практическое современное значеніе, а упоминаніе о ней можетъ ввести въ заблужденіе историка. Цейль, однако, имѣетъ, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что—это дѣльная справочная книжка для практика, но никакого объясненія нельзя найти для внесенія въ списокъ историко-правовой литературы компилятивныхъ и малограмотныхъ брошюрокъ о завѣщаніи и тому подобномъ г. Я. Абрамова. Г. Абрамовъ, по роду своихъ занятій, какой-то мелкій частный «аблакаты» и комиссіонеръ. Участіе его въ печати—плодъ печальнаго недоразумѣнія, своевременно выясненнаго на страницахъ «Новаго Времени» В. П. Буренинымъ по поводу злостныхъ, но жалкихъ филиппикъ «аблакаты-журналиста» противъ г. Михайловскаго. Поэтому внесеніе имени г. Абрамова въ опись научной литературы—тоже плодъ грустнаго недоразумѣнія, и могло повредить книгѣ, если бы ея не прикрывало почтенное имя профессора Леонтовича.

Къ особымъ достоинствамъ труда уважаемаго ученаго, между прочимъ, нужно отнести богатую литературу на польскомъ языкѣ. Въ заключеніе приходится только еще выразить пожеланіе, чтобы хотя бы въ будущемъ выходили указатели съ извѣстной рекомендаціей специалистовъ, подобно своеобразному опыту библиографіи, выполненному академикомъ И. И. Янжуломъ въ его извѣстномъ трудѣ «Книга о книгахъ». Иначе массѣ лицъ, въ особенности начинающимъ ученымъ или журналистамъ, трудно разобраться въ относительныхъ достоинствахъ массы предлагаемыхъ ихъ вниманію сочиненій и статей. Во избѣжаніе пространности приблизительная оцѣнка трудовъ различныхъ ав-



торовъ могла бы быть даже произведена въ видѣ напечатанія заглавій ихъ произведеній различными шрифтами — болѣе крупнымъ, болѣе мелкимъ. Конечно, это замѣчаніе высказывается попутно, и къ книгѣ г. Леонтовича прямо не относится.

В. Грибовскій.

### М. Протопоповъ. Критическія статьи. Москва. 1902.

Критическія статьи г. Протопопова извѣстны большей части читающей публики. Отличительной чертой его статей является страстное отношеніе ко всемъ и всему, отношеніе, далеко не всегда оправдываемое дѣйствительнымъ значеніемъ занимавшихъ г. Протопопова темъ. При этомъ авторъ отличается такою легкою воспламеняемостью, что даже не можетъ спокойно разбирать произведенія и тѣхъ писателей, которыхъ онъ самъ видимо хотѣлъ хвалить. Г. Протопоповъ — критикъ-публицистъ и разбору самихъ произведеній удѣляетъ мало мѣста, а главнымъ образомъ останавливается на тѣхъ общественныхъ направленіяхъ, которыя переживало русское общество за послѣднія тридцать лѣтъ. Въ настоящей книгѣ помѣщены статьи, посвященныя уже сошедшимъ со сцены дѣятелямъ (Златовратскій, Г. Успенскій) и только начинающимъ свое литературное поприще (Горькій, Вересаевъ и т. п.). Въ статьяхъ «Поэты переходнаго времени», «Послѣдовательный народникъ», «Народникъ-идеалистъ», «Пропадающія силы» — авторъ довольно пространно останавливается и снисходительно-покровительственно высказываетъ свой взглядъ на народничество, относясь къ нему, впрочемъ, съ должнымъ уваженіемъ, какъ къ увлеченію, явившемуся логическимъ слѣдствіемъ «семидесятихъ годовъ» (стр. 32).

Въ этихъ же статьяхъ и нѣкоторыхъ другихъ онъ не можетъ обойти молчаніемъ такого крупнаго явленія общественной жизни послѣднихъ годовъ, какъ «марксизмъ». Но здѣсь г. Протопоповъ даетъ полную свободу своему перу и, если оно и не мезтью дышитъ, то во всякомъ случаѣ — ненавистью. По мнѣнію критика старой школы, марксизмъ привился на русской почвѣ вслѣдствіе того безвыходнаго положенія, въ которомъ очутилась русская интеллигенція послѣ фіаско дѣятелей семидесятыхъ годовъ (стр. 36), и которое породило въ обществѣ настроеніе, вполне опредѣляемое извѣстными словами Мармеладова: «вѣдь надобно же, чтобы человѣку куда нибудь можно было пойти»... Вотъ люди и пошли. Насколько это послѣднее заключеніе отвѣчаетъ дѣйствительности, въ настоящее время можетъ оцѣнить каждый читатель. Что же касается ученія Маркса, то эту область авторъ старается обойти остроуміемъ въ родѣ — «не живи, какъ хочется, а живи, какъ Марксъ велитъ», «вывариться въ фабричномъ котлѣ» и т. п. Суть же дѣла кроется въ томъ, что г. Протопоповъ не могъ скрыть своей боязни передъ новымъ теченіемъ и возненавидѣлъ его самой тяжелой ненавистью — ненавистью непониманія.

Есть еще одно больное мѣсто у автора — вопросъ «о старыхъ и молодыхъ», о которомъ онъ пишетъ уже не съ ненавистью, не съ упрекомъ, а съ тихой грустью, какъ будто воспоминанія о чемъ-то хорошемъ, но давно-давно пережитомъ, чего уже не воротить. Въ статьѣ «Беллетристы новѣйшей формаціи»

(Горькій, Танъ, Вересаевъ) онъ скорбитъ о томъ, что людей его направленія и времени «не смѣняютъ» новыя силы, а «упраздняютъ» (стр. 383), что, конечно, порождаетъ чуть ли не кровную рознь, по мнѣнію автора, между старымъ и новымъ поколѣніемъ. Но здѣсь произошло съ г. Протопоповымъ небольшое недоразумѣніе. Литературныхъ дѣятелей новаго направленія онъ считаетъ ужь слишкомъ мелкими, между тѣмъ какъ современное имъ общество считаетъ ихъ талантливыми, и въ то время, когда онъ почти не можетъ слышать нѣкоторыхъ именъ, лица эти относятся къ дѣятелямъ шестидесятыхъ годовъ съ должнымъ уваженіемъ, хотя, разумѣется, уже не могутъ считать ихъ «властителями думъ» и вождами. Г. Протопоповъ не только не согласенъ съ убѣжденіями новыхъ дѣятелей, но онъ проявляетъ къ нимъ деспотическую нетерпимость и считаетъ ихъ людьми, утратившими «чувство нравственнаго равновѣсія».

Вотъ взгляды и отношеніе г. Протопопова къ тѣмъ событіямъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ, и которыя наблюдаетъ еще въ настоящее время... Года берутъ свое, и, считаясь съ этимъ, автору настоящей книги можно простить многое. Мысль уже не такъ живо работаетъ, и впечатлѣнія внѣшняго міра не находятъ себѣ отзвука въ старѣющемъ сердцѣ.

Что касается чисто литературной оцѣнки произведеній, не принадлежащихъ перу представителей новаго поколѣнія, то большинство сдѣлано довольно правильно, въ особенности это можно сказать о повѣстяхъ и рассказахъ Лѣскова и Потапенко. Статьи о Златовратскомъ, Каролинѣ и др. представителяхъ стараго народничества прочтутся съ большимъ интересомъ. Не лишена значенія и статья, посвященная извѣстной книгѣ Волынскаго, гдѣ г. Протопоповъ защищаетъ дорогія русскому обществу имена отъ безшабашныхъ нападокъ оригинальничающаго критика-декадента.

Вѣст. I—искій.

## П. Морозовъ. Минувшій вѣкъ. Литературные очерки. Изданіе редакціи журнала «Образованіе». Спб. 1902.

Авторъ книги—извѣстный спеціалистъ по исторіи литературы; статьи, собранныя здѣсь, помѣщались раньше въ журналахъ, главнымъ образомъ, въ журналѣ «Образованіе». Это—историческіе очерки, посвященные различнымъ явленіямъ нашей литературной жизни прошлаго вѣка. Точка зрѣнія—ученаго изслѣдователя, старающагося понять и освѣтить всякое явленіе въ его исторической обстановкѣ. Авторъ не имѣетъ въ виду спеціалистовъ предмета, но нѣкоторыя статьи и для нихъ представляютъ интересъ. Во всякомъ случаѣ, эти неспеціальныя работы спеціалиста являются цѣннымъ приобрѣтеніемъ той отрасли литературы, которая имѣетъ въ виду дать дѣйствительно серьезную и научную популяризацію данныхъ, добытыхъ спеціальными изслѣдованіями.

Нѣкоторыя изъ статей касаются темъ, которыя и входятъ обыкновенно въ обиходъ читающей публики: таковъ очеркъ, открывающій книгу: «Изъ исторіи карикатуры», европейской и русской --- лубочныхъ картинъ. На русскомъ языкѣ статья г. Морозова является единственнымъ доступнымъ очеркомъ, по

которому можно познакомиться съ исторіей этого жанра. Исслѣдованіе Ровинскаго неизвѣстно большой публикѣ. Статья «Изъ исторіи русской литературной критики» содержитъ краткія замѣчанія о началѣ русской критики, которую г. Морозовъ видитъ въ спорахъ Сумарокова съ Тредьяковскимъ, и изложеніе теоріи Мерзлякова. Третья статья, имѣющая своимъ содержаніемъ общія явленія литературной жизни, посвящена характеристикѣ движенія русской литературы XIX вѣка. Трудно говорить о такомъ большомъ предметѣ на такомъ маломъ числѣ страницъ; конечно, исторія литературы XIX вѣка излагается въ самой сжатой формѣ, самыхъ общихъ чертахъ и повторяетъ общія мѣста. По своимъ размѣрамъ статья г. Морозова значительно меньше печатавшейся въ нашемъ журналѣ въ 1900 году, однородной по замыслу, характеристики литературнаго развитія, принадлежащей профессору Бороздину.

Помимо общихъ явленій, г. Морозовъ останавливается и на частныхъ, посвящая статьи характеристикамъ отдѣльных писателей: Пушкина, Потѣхина, Островскаго и Герцена. Самой цѣнной и содержательной статьёй изъ нихъ является очеркъ о Пушкинѣ, появившійся въ Пушкинскіе дни и занимающій видное мѣсто въ обширной юбилейной литературѣ. Г. Морозовъ извѣстенъ, какъ специалистъ по Пушкину и редакторъ лучшаго изданія его сочиненій: статья его въ крайне сжатой формѣ излагаетъ результаты долгодѣтныхъ занятій автора и представляетъ попытку «взглянуть на поэта, какъ на живого челоѣка въ кругу современныхъ ему живыхъ людей». Для исторіи литературы имѣетъ значеніе статья о литературныхъ дебютахъ Островскаго; на основаніи отзывовъ современной прессы, современныхъ свидѣтельствъ, г. Морозовъ рассказываетъ о томъ, какъ начиналъ свое поприще Островскій, какъ была принята его первая комедія «Свои люди — сочтемся» въ обществѣ, литературныхъ кругахъ и печати. Слабая статья сборника — о Герценѣ. Собственно, въ ней очень мало собственныхъ разсужденій автора; вся она испещрена выписками пространными и многочисленными изъ сочиненій Герцена. Въ ней разсказана жизнь Герцена, русская и европейская. Впрочемъ, сочиненія его недоступны и даже въ отрывкахъ своимъ блескомъ производятъ впечатлѣніе, такъ что читатели не поспѣютъ на г. Морозова за то, что онъ отвелъ такъ много мѣста выпискамъ изъ Герцена. А при скудости литературы о Герценѣ статья г. Морозова, несомнѣнно, принесетъ свою пользу. П. Ш.

**С. Г. Алексѣевъ. Мѣстное самоуправленіе русскихъ крестьянъ XVIII—XIX, b. b. L'autonomie rurale des états d'Angleterre, de France, d'Allemagne et de Russie. Спб. 1902.**

Засѣвъ за писаніе своей книги, г. Алексѣевъ, повидимому, поставилъ себѣ девизомъ Крыловское изреченіе: «гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобна ухватка». Онъ кое-что читалъ, кое-чему учился, но, не переваривъ прочитаннаго, не постаравшись усвоить его, съ одной стороны, дополнить и продумать, съ другой, рѣшилъ поразить міръ и захватить магистерскую степенъ само-

увѣренностью и развязностью, достигающими степеней крайнихъ. Быть можетъ, его книгѣ и удастся заговорить какой либо изъ юридическихъ факультетовъ, но бѣдная русская наука не приобрѣтетъ въ его трудѣ ничего не только цѣннаго, но даже достойнаго какого либо вниманія.

Было бы лишнимъ спорить съ г-мъ Алексѣевымъ или, излагая его книгу, расходиться съ нимъ во взглядахъ. Будетъ достаточно для одѣнки труда привести изъ него только нѣсколько мѣстъ. Начнемъ съ заглавія: Мѣстное самоуправленіе русскихъ крестьянъ. Очевидно, авторъ противопоставляетъ мѣстному самоуправленію центральное? На страницѣ 68 авторъ говоритъ объ однодворцахъ. Крестьяне однодворцы, то-есть, не имѣющіе никакого земельного надѣла собственнаго или арендуемаго и извѣстные въ казачьихъ селеніяхъ подъ именемъ «иногороднихъ», «сусѣдей» и «подсусѣдокъ», по своей многочисленности превышаютъ въ нѣсколько разъ коренное населеніе Юга Россіи, Кавказа и Сибири. Этотъ весьма многочисленный классъ образовался изъ переселенцевъ, опоздавшихъ получить надѣлы и оставшихся «безземельными со всѣмъ своимъ потомствомъ». Автору совершенно неизвѣстно, что однодворцы—потомки служилыхъ людей, владѣльцы земли и очень сравнительно рѣдкій разрядъ поселянъ, возникшій исторически; закономъ же къ нему приравнена не доказавшая дворянскихъ правъ польская шляхта. Точно также г. Алексѣевъ не знаетъ, что крестьяне-казаки и казаки въ собственномъ смыслѣ почти ничего общаго между собою не имѣютъ, тогда какъ авторъ ихъ смѣшиваетъ вмѣстѣ и наивно распространяется о казачьихъ завоеваніяхъ, о заслугахъ ихъ передъ Россіей и проч. Среди нашихъ поселянъ г. Алексѣевъ открылъ «коммунистовъ» и обращается къ нимъ со словамъ увѣщанія оставить подобное непотребство. Впрочемъ вотъ его подлинныя слова по этому поводу: «Законодатель признаетъ за всѣми людьми свободу совѣсти, лишь бы этою свободой не нарушался порядокъ государственной жизни. Поэтому законодатель даетъ право на жизнь и трудъ такимъ своимъ гражданамъ, которые явно расходятся съ основными принципами государственной жизни; именно, отрицающимъ право частной собственности, право верховной власти, право законовъ божескихъ и человѣческихъ. Таковы крестьяне м. Сарепты и подобныя же колоніи въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ, сектантскія общества и социалистическія поселки». Право, при чтеніи этихъ строкъ, хочется пощупать у г. Алексѣева пульсъ и убѣдиться, не въ горячкѣ ли писалъ этотъ человѣкъ. На страницѣ 94 авторъ только «доводитъ до свѣдѣнія», зато на страницѣ 96 и 97 впадаетъ въ пачосъ. «По тѣмъ же соображеніямъ, говоритъ онъ, законодатель, или, точнѣе, правительство терпитъ различныя коммунистическія общества, пріютившіяся въ нѣкоторыхъ уголкахъ Кавказа. Члены этихъ «обществъ», если только можно назвать таковое собраніе индивидуумовъ человѣческаго животнаго міра обществомъ, такъ какъ сами члены считаютъ свою совокупность не за общество, а за стадо, которое тоже въ своемъ родѣ общество (какая великолѣпная иронія!), не признаютъ ничего, ни Бога, ни царя, ни закона, ничего, какъ животныя» (слѣдуетъ ссылка на ученіе Фохта и «Малешота»). Что съ ними дѣлать, восклицаетъ г. Алексѣевъ и великодушно отвѣчаетъ: «Ничего. Nihil est nihil. Они никого не трогаютъ, и ихъ никто не

трогасть. Всякій по-своему съ ума сходитъ. Опять таки не заплати коммунисты государственный налогъ, уклонись отъ воинской повинности, послушайся начальства, къ нимъ немедленно и неминуемо должна быть примѣнена 262 ст. Уложения о наказаніяхъ».

На этихъ выпискахъ можно остановиться. Онѣ даютъ ясное представленіе о свойствахъ и о характерѣ труда г. Алексѣева, обнаружившаго крайнее невѣжество съ крайностями другихъ похвальныхъ качествъ. Любопытно, что нашлись охотники издать весь этотъ наборъ фактической лжи и общественной клеветы. На книгѣ поставлено: изданіе товарищества М. О. Вольфъ. Интересно также: какой это университетъ, въ который авторъ представилъ свою книгу въ качествѣ научнаго труда, и отъ котораго онъ ожидаетъ увѣнчанія учеными лаврами? Между прочимъ г. Алексѣевъ видимо привыкъ жить на широкую ногу. На заглавной страницѣ значится подъ русскимъ заголовкомъ: «L'autonomie rurale des états d'Angleterre, de France, d'Allemagne et de Russie». Авторъ воспользовался скудными и извращенными свѣдѣніями о западно-европейскомъ крестьянствѣ, внесенными въ его книгу, и подмахнулъ французское заглавіе. Знай, молъ, нашихъ! Жалкое фанфаронство. Гр—скій.

### Армянскіе ученые. И. Г. Чавчавадзе. Перевелъ съ грузинскаго Н. І. Алексѣевъ-Месхіевъ. Тифлисъ. 1902.

Нѣтъ націи въ мірѣ болѣе добродушной и терпѣливой, какъ русскій народъ. Это доказывается всего лучше тѣмъ грустнымъ фактомъ, что мы испытываемъ всегда какое нибудь «иго» или «вліяніе»: прежде—монгольское, послѣ—нѣмецкое, затѣмъ—еврейское... Еще и это послѣднее, нахлынувшее на Россію съ ея западныхъ окраинъ, мы не успѣли съ себя свернуть, какъ уже надвигается новая прелесть—съ юго-восточныхъ окраинъ—иго армянское... Пока, оно поработило уже весь Кавказъ, захвативъ нефтяные источники, плодородныя земли, торговлю и промышленность, цѣлыя улицы большихъ городовъ, минеральныя воды и пр., и начинаетъ захватывать и сосѣднюю съ Кавказомъ Донскую область—Ростовъ-на-Дону, Нахичевань,—подвигаясь волною все далѣе и далѣе... По счастью, этому «игу» едва ли удастся распространиться по св. Руси такъ легко, какъ это посчастливилось евреямъ, сумѣвшимъ захватить въ свои руки прежде всего нашу печать и едва ли не большую часть всѣхъ столичныхъ типографій; дошло до того, что почти всѣ газеты Москвы и Петербурга, за исключеніемъ двухъ-трехъ, оказались или еврейскими, или еврействующими, т. е., или прямо принадлежащими евреямъ, или же субсидируемыми со стороны еврейскихъ банковъ и кагала.

То же самое, буквально, продѣлывается теперь на Кавказѣ, гдѣ почти всѣ газеты и журналы, напримѣръ, въ Тифлисъ и Баку попали въ армянскія руки: въ Тифлисъ изъ трехъ мѣстныхъ распространенныхъ газетъ, издающихся на русскомъ языкѣ, лишь одинъ официальный «Кавказъ» еще не захваченъ армянами, а остальные двѣ—«Тифлисскій Листокъ» и «Новое Обозрѣніе»—составляютъ собственность ихъ издателей-армянъ; единственный толстый журналъ

«Кавказскій Вѣстникъ» принадлежитъ армянину Карганову. О газетахъ и журналахъ, издающихся въ томъ же Тифлисѣ на армянскомъ языкѣ, мы уже и не упоминаемъ: само собою, что это—органы, враждебныя Россіи. Въ Баку—та же исторія: газеты, печатаемыя на русскомъ языкѣ и болѣе или менѣе распространенныя въ публикѣ—«Бакинскія Извѣстія» и «Аргонавтъ»—издаются и сочиняются армянами, какъ и газеты же, издающіяся въ Ростовѣ-на-Дону—«Приазовскій Край» и «Донская Рѣчь» (послѣдняя газетка—на половину жидовская), а равно и единственная частная газета Владикавказа—«Казбекъ». Словомъ, куда на Кавказѣ ни кинь, выходитъ армянскій кливъ. Къ счастью, это отважное и лукавое племя еще не успѣло основать въ столицахъ, подобно евреямъ, свои газеты и не закувило всю мѣстную печать. И вотъ, благодаря грузинской газетѣ «Иверія», до насъ доходятъ, время отъ времени, вѣсти о хитросплетаемыхъ армянскихъ махинаціяхъ, пытающихся подготовить, мало-по-малу, русскую публику къ мысли, что Кавказъ де принадлежалъ искони армянамъ; ergo, онъ долженъ принадлежать имъ всецѣло и теперь.

Въ книжкѣ г. Чавчавадзе «Армянскіе ученые», переведенной съ грузинскаго г. Алексѣевымъ, мы знакомимся какъ разъ съ одною изъ такихъ махинацій: господамъ «армянскимъ ученымъ» потребовалось доказать, что собственно Грузіи никогда, будто бы, не существовало, а что на ея мѣстѣ въ самыя даже отдаленныя времена, въ сѣдой древности, въ X. и XI вѣкахъ до Р. X., жило племя «найри», которое во второй половинѣ IX столѣтія до Р. X. и собралось де въ одно государство, въ страну Урарту (отъ слова Араратъ), что центръ этого царства былъ первоначально въ Эриванской губерніи, но потомъ, по стратегическимъ соображеніямъ, перенесенъ былъ на югъ, къ восточнымъ берегамъ озера Ванъ; далѣе разсказываются легенды о величайшихъ услугахъ урартійцевъ, оказанныхъ «тогдашней цивилизаціи всего міра, а слѣдовательно и цѣлому человечеству—во-первыхъ, тѣмъ, что Урарту пренятовало движенію ассирійцевъ—народа звѣрскаго—на западъ и югъ, на Сирію, Палестину и Египетъ; вторая важная услуга, оказанная урартійцами міру, состоитъ въ томъ, что они съ одной стороны закрывали, со стороны Кавказа, путь скинамъ и другимъ сѣвернымъ варварамъ (?), чѣмъ не допустили до поправія юго-западной цивилизаціи, а съ другой стороны сдерживали нашествіе кочевниковъ южныхъ степей», и пр., выходитъ, что «урартійцы издревле были народомъ многочисленнымъ, передовымъ, направленія въ высшей степени гуманнаго, могучимъ, непоколебимымъ, стойкимъ и самоотверженнымъ, защитникомъ и стражей всего міра (1), и такими бойцами, что чуть не измѣнили теченія всемірной исторіи»... Всѣ эти басни, основанныя, якобы, на клинообразныхъ надписяхъ глубокой древности, высѣченныхъ на камняхъ по приказу урартійскихъ царей, были разсказаны на страницахъ «С-Петербургскихъ Вѣдомостей» нѣкимъ г. Гольмстромомъ: по его словамъ, выходило, что потомками достославныхъ урартійцевъ являются въ настоящее время *армяне*, и что если де существуютъ «остатки» націи, имѣющей такія заслуги, то ей «необходимо подать руку помощи, поставить на ноги и открыть путь для счастья человечества»... Но что же вдругъ оказывается?—увы! дѣйствительными-то потомками урартійцевъ являются *не армяне, а грузины*, а клинообразныя-то надписи, приводи-

мыя г. Гольмстромомъ въ доказательство, говорятъ о грузинахъ, а не объ армянахъ, которые, какъ выходитъ изъ повѣрку, появились спустя лишь триста лѣтъ въ странѣ, гдѣ урартійцы были аборигенами и боролись съ ассирийцами въ продолженіе уже шести-семи вѣковъ до прихода армянъ...

Вотъ какъ пишется исторія господами «армянскими учеными», при любезномъ содѣйствіи вольнонаемныхъ ассирологовъ, въ родѣ г. Гольмстрема, все усердіе котораго пропало, такимъ образомъ, все, если не считать того недовольнаго положенія, въ какое попали «С.-Петербургскія Вѣдомости», наивно увѣровавшія въ его ассирологическія познанія. А этотъ «археологъ», измышляя свою неправдоподобную выдумку, имѣлъ, повидимому, единую цѣль—исполнить «заказъ» господъ «армянскихъ ученыхъ», не рѣшившихся выступить съ этими выдумками самолично. На этотъ разъ, впрочемъ, у армянъ «сорвалось»...

Н—ичъ.

### Корниловъ. И. П. Задачи русскаго просвѣщенія въ его прошломъ и настоящемъ. Сборникъ статей. Спб. 1902.

На эту книгу нужно смотрѣть, какъ на духовное завѣщаніе единомышленникамъ И. П. Корнилова; самъ авторъ, посылая первый экземпляръ этой книги своему пріятелю, писалъ. «Я смотрю на эту книгу, какъ на послѣднюю пѣснь лебедя. Благодарю Бога за то, что онъ далъ мнѣ силы высказать въ этой книгѣ почти все, что было главное у меня на душѣ». Покойный Корниловъ всю свою жизнь занимался вопросами просвѣщенія, будучи представителемъ министерства народнаго просвѣщенія, сначала въ Вильнѣ съ 1864 по 1868 г., потомъ въ Петербургѣ съ 1859 по 1860 г. и т. д. Онъ имѣлъ возможность проводить свои взгляды въ жизнь, и поэтому ихъ изложеніе является чрезвычайно поучительнымъ и интереснымъ для желающихъ составить полное и ясное представленіе о теоріяхъ, лежавшихъ въ основѣ практической политики министерства народнаго просвѣщенія. Съ этой точки зрѣнія книга И. П. Корнилова имѣетъ крупное историческое значеніе; практическое же значеніе въ данный моментъ врядъ ли она можетъ имѣть. Новый строй жизни, пока еще только пробуждающейся, властно требуетъ измѣненія, развитія старой теоріи.

Книга представляетъ сборникъ статей Корнилова, помѣщенныхъ имъ въ разное время съ 1860 г. въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Между ними есть и крупныя статьи, и газетныя мимолетныя замѣтки. Наибольше крупными по размѣру являются «Очеркъ исторіи русскихъ и польскихъ школъ въ Западныхъ губерніяхъ до 1803 года» и «Князь Адамъ Чарторыйскій». Научнаго значенія эти статьи не имѣютъ: ихъ значеніе, какъ и всей книги, историческое. Любопытно отмѣтить планъ статьи о Чарторыйскомъ. Въ ней очень немного словъ отъ автора, вся она занята составленными весьма односторонне выписками изъ автобіографіи князя Адама, записокъ Юсифа, литовскаго митрополита, и мемуаровъ Биньона и де-Марбо. Изъ другихъ историческихъ статей отмѣтимъ «Очеркъ исторіи русской школы, ея современное состояніе, и на какихъ незыблемыхъ основаніяхъ она должна быть утверждена», и «Краткій

очеркъ исторіи управленія русскої начальной народной школой до 1864 г.». Насколько интересны съ указанной нами точки зрѣнія статьи, вошедшія въ первый отдѣлъ книги, посвященной вопросамъ просвѣщенія въ тѣсномъ смыслѣ слова, показываютъ заглавія статей: «Важное значеніе въ школахъ народности и вѣроисповѣданія наставниковъ», «Школы должны не только обучать, но и воспитывать», «О развитіи грамотности въ народѣ посредствомъ возможно широкаго распространенія книгъ религіозно-нравственнаго содержанія», «Невыгоды сосредоточенія въ Петербургѣ русскихъ учебно-воспитательныхъ учреждений». Изъ историческихъ матеріаловъ, собранныхъ Корниловымъ, имѣютъ интересъ относящіеся до исторіи школъ и просвѣщенія въ Западномъ краѣ.

Во второй отдѣлъ книги вошли статьи по вопросамъ національнымъ и государственнымъ, появившіяся въ первый разъ, главнымъ образомъ, въ газетахъ «Свѣтъ», «Отголоски», «Наблюдатель» и др. Въ нихъ И. П. Корниловъ, заслуженный государственный дѣятель, высказываетъ свои мысли о значеніи религіозныхъ вѣрованій въ жизни государствъ и народовъ, объ отношеніяхъ между самодержавіемъ, православіемъ и католицизмомъ, о русскомъ языкѣ въ католическомъ богослуженіи и т. д. Въ небольшихъ замѣткахъ Корниловъ предупреждаетъ объ опасности смѣшанныхъ браковъ для Россіи, напоминаетъ о необходимости твердой и неуклонной національной политики для достоинства и величія Русскаго государства, о томъ, что государственная граница крѣпка и надежна только тогда, когда она охраняется не одними войсками, но и вѣрнымъ государству населеніемъ. Нѣсколько статей посвящено выясненію значенія дѣятельности графа М. Н. Муравьева для Западнаго края, для исторіи русскаго просвѣщенія въ этомъ краѣ. Въ приложеніи помѣщена записка, излагающая взглядъ графа М. Н. Муравьева на культурныя задачи Виленскаго учебнаго округа.

Щ.

### **Единство въ устройствѣ вселенной. Общедоступныя лекціи Н. П. Азбелева, члена-учредителя русскаго астрономическаго общества. Спб. 1902.**

Предлагаемое изданіе состоитъ изъ шести лекцій, изложенныхъ въ общедоступной формѣ, охватывающихъ собою, какъ гипотезы устройства вселенной, такъ и основанія, на которыя онѣ опираются, включая и объясненія способовъ научныхъ наблюденій и изслѣдованій вселенной, которыми руководствуется современная наука.

Авторъ излагаетъ свои лекціи вполне популярнымъ языкомъ, доступнымъ даже не подготовленнымъ къ столь серьезной наукѣ, какъ астрономія, и излагаетъ настолько увлекательно и живо, что переноситъ читателя въ тѣ міры, которые, собственно говоря, такъ мало знакомы наукѣ, несмотря на большой шагъ, сдѣланный ею въ этомъ направленіи за послѣднюю половину XIX столѣтія.

Въ первой своей лекціи г. Азбелевъ даетъ намъ описаніе созданія нашей солнечной системы по теоріи Лапласа, то-есть исходя изъ гипотезы предвѣч-



наго вращенія газообразной туманности, большей по своей окружности, чѣмъ орбита наиболѣе удаленной планеты солнечной системы, вокругъ своей оси, съ центромъ въ мѣстѣ нынѣшняго солнца.

Среда эта, вращаясь, должна бы принять форму эллипсоида вращенія. (Охлаждаясь, она сгущалась и суживалась, почему и приобрѣтала большую скорость вращенія, вызывающую, въ свою очередь, большую центробѣжную силу. Сплотиваясь по мѣрѣ увеличенія центробѣжной силы, среда эта, когда граница ея, преодолевая силу тяготѣнія частицъ къ центру, отрывалась отъ центрального ядра, дѣлилась на кольца. Кольца съ неоднороднымъ строеніемъ матеріи рвались на части, собираясь въ шары, вращающіеся въ томъ же направленіи съ тою же скоростью.

Такимъ образомъ, теорія Лапласа, создающая всю систему изъ одной среды, требуетъ одинаковыхъ химическихъ и физическихъ свойствъ всѣхъ тѣлъ нашей системы, а также предполагаетъ и общій законъ механизма тѣлъ. Новѣйшія изслѣдованія подтвердили первую часть вывода, опровергая вторую.

Жаль, что авторъ выпускаетъ объясненіе явленій, противорѣчащихъ теоріи Лапласа: 1) прямое направленіе вращательнаго движенія планетъ вокругъ своей оси и ихъ спутниковъ; 2) болѣе быстрое движеніе Фебоса, чѣмъ само вращеніе Марса вокругъ своей оси; 3) ретроградныя движенія спутниковъ нѣкоторыхъ планетъ, открытыя послѣ Лапласа; 4) прочность кольца Сатурна, не подчинившагося общему закону разрыва колецъ; 5) законы движенія кометъ.

Во второй половинѣ лекціи на основаніи той же гипотезы Лапласа описываются явленія, создавшія землю съ ея современнымъ строеніемъ: образованіе земной коры, неровностей ея, матеріи внутренности земнаго шара, называемой магмой, и энергіи ея, вызывающей по причинѣ охлажденія вулканическіе процессы.

Описаніе нашего спутника луны довольно подробно и полно: не имѣя въ своемъ видимомъ полушаріи атмосферы, луна представляетъ собою планету, лишенную жизни, хотя поверхность ея свидѣтельствуетъ о сильныхъ пертурбаціяхъ, происходившихъ подъ вліяніемъ притягательной силы земнаго шара, который вызывалъ въ періодъ жидкаго состоянія луны, покрытой лишь тонкой затвердѣвшей корой, приливы и отливы внутренней массы, прорывавшейся сквозь кору и создававшей неровности поверхности.

Свѣтлыя полосы, замѣтныя на лунѣ, могутъ быть слѣдствіемъ атмосферныхъ осадковъ минераловъ, особенно по радіусамъ, расходящимся отъ горы Тихо, которая, вѣроятно, была однимъ изъ послѣднихъ эривитивныхъ центровъ, питающихъ лунную атмосферу газами.

Замѣчались, впрочемъ, и въ XIX столѣтіи легкія измѣненія въ поверхности луны подъ дѣйствіемъ вулканическихъ силъ.

Не лишена интереса фраза: «Пройдетъ еще немало лѣтъ, пока внутреннія области Африки и Австраліи будутъ изслѣдованы географами, какъ обращенная къ землѣ часть поверхности ея спутника».

Луна показываетъ тѣ ступени, по которымъ проходила земля, что же касается будущаго, такъ образцомъ намъ можетъ служить Марсъ.

Марсъ подробно изображенъ здѣсь со своими каналами, появленіемъ свѣтлыхъ пятенъ на полосахъ, которыя будто бы покрываются въ извѣстное время снѣгомъ.

Предполагаются бассейны для скопленія атмосферныхъ осадковъ, отличающіеся отъ суши цвѣтомъ. Каналы Марса имѣютъ довольно правильныя очертанія и общую окраску съ предполагаемыми морями.

Марсъ не лишентъ подобно лунѣ возможности быть населеннымъ живыми существами и не долженъ намъ казаться кускомъ безжизненнаго камня, враждующаго въ пространствѣ нашей системы.

Планета Юпитеръ объемомъ больше нашего земного шара въ 1.340 разъ. Авторъ почему-то говоритъ: «Идя отъ Марса по направленію къ солнцу, мы подходимъ къ Юпитеру», между тѣмъ, наоборотъ, планета Юпитеръ отдалена отъ солнца болѣе Марса: довольно существенный недосмотръ печати (стр. 60—61).

Къ роду не вполне потухшихъ полусолнцъ, подобныхъ Юпитеру, относятся и прочія внѣшнія планеты: Сатурнъ, Уранъ и Нептунъ.

Описаніе солнца довольно подробно и всесторонне, но въ красивомъ и изящномъ описаніи рѣжетъ слухъ слишкомъ ужъ реальная фраза Ньюкомба: «Можетъ быть, мы ближе всего подойдемъ къ дѣйствительности, если скажемъ, что солнце кажется тарелкою рисоваго супа; только надо помнить, что рисовыя зерна въ ней имѣютъ сотни миль въ длину»; не давая картинности, фраза эта портитъ хорошее впечатлѣніе занимательнаго разсказа.

Во второй лекціи даны читателю: «Основанія спектральнаго анализа и главнѣйшіе результаты приложенія его къ изученію небесныхъ свѣтилъ». Вслѣдъ за исторіей возникновенія спектральнаго анализа и способомъ примѣненія его къ изслѣдованію химическаго вещества удаленныхъ тѣлъ, авторъ передаетъ основанія объясненія физическихъ явленій въ природѣ движеніемъ вещества, а затѣмъ, послѣ подробной лекціи о законахъ звука, выводитъ отсюда законы свѣтовыхъ явленій и спектральныхъ.

Спектральный анализъ связалъ землю съ планетами, давъ возможность изучать ихъ химическую природу, а отсюда и физическія ихъ свойства, основавъ новую науку: «астрофизику», имѣющую право быть увѣренной въ огромномъ будущемъ, основываясь даже на большихъ послѣдствіяхъ, вызванныхъ данными, получившимися въ періодъ ея молодости.

Третья лекція: «Электромагнитныя волны и связь между свѣтомъ и электричествомъ», посвящена изученію электрическихъ явленій, начиная съ дѣленія электричества на двѣ части—электростатику и электрокинетику, вплоть до телеграфированія безъ проводовъ, включая и выводъ объ электромагнитной теоріи свѣта, на которой строится идея единства во вселенной—вопроса, разрѣшеніе котораго, какъ цитируетъ авторъ, «является конечной цѣлью нашей науки физики. Это, выражаясь метафизически,—послѣднія, еще оледенѣлыя пока, вершины горной страны нашего знанія».

Лекція четвертая: «Кометы, падающія звѣзды и метеориты». Кометы бываютъ періодическія и неперіодическія; какъ тѣ, такъ и другія созданы, какъ говоритъ авторъ, не изъ той туманности, которая дала жизнь нашей системѣ, а приплыли въ область притяженія нашего центрального свѣтила извнѣ — изъ

міра звѣздъ и туманныхъ пятенъ. Путь ихъ — или параболическій, или эллиптическій. Періодическія кометы имѣютъ четыре стадіи жизни, при чемъ разложеніе ихъ на потокъ метеоритовъ даетъ явленія падающихъ звѣздъ.

Однородные по составу тѣлъ съ кометами метеориты, попадая къ намъ на планету, доказываютъ, что и прочіе звѣздные міры созданы изъ той же матеріи, что и планеты нашей системы. Являясь вѣстниками съ другихъ міровъ, метеориты открываютъ намъ многое, между тѣмъ «простое безсознательное чувство видитъ въ сверкнувшей звѣздѣ на чистомъ небесномъ сводѣ однѣ возникшія и потухшія искры».

Лекція 5-я — «Звѣзды, звѣздныя скопленія и туманности». Открытіе спектроскопа указало намъ химическій и физическій составъ звѣздъ, а оттуда и исторію ихъ развитія.

Звѣзды безчисленны. Современная фотографія дала возможность составить правильные и точные, а также и тонкіе звѣздные каталоги и карты.

Въ настоящее время составляется атласъ всего неба при участіи 18 обсерваторій, снабженныхъ инструментами одного образца.

Звѣзды, какъ и солнце, имѣютъ собственное движеніе, хотя при наблюденіи простымъ глазомъ даже со времени Адама картина звѣздного неба не измѣнилась. Кромѣ звѣздъ, въ пространствѣ носятся въ несчетномъ количествѣ темныя тѣла, хотя ихъ обнаружено всего лишь 11.

Обозрѣваются спектры туманностей, перемѣнныя, двойныя и кратныя туманности, туманныя звѣзды. Относительное расположеніе туманностей и звѣздныхъ скопленій, симметрія въ ихъ расположеніи говорятъ, по словамъ автора, что «это явленіе не случайное», и что міры сформировавшіеся и міры формирующіеся «составляютъ одинъ общій организмъ вселенной».

Лекція 6-я — «Основные начала и выводы космогоніи». Предметъ космогоніи — наука о міроразвитіи въ широкомъ смыслѣ. Въ лекціи авторъ цитируетъ чужія мысли, умѣя въ то же время создать очень красивую и грандіозную картину мірозданія; заканчиваетъ выраженіемъ надеждъ на прогрессъ науки и, кромѣ того, говоритъ: «И неустанные труды человѣка въ стремленіи его къ раздвиженію предѣловъ званій тѣмъ болѣе будутъ плодотворны, чѣмъ глубже онъ проникается убѣжденіемъ, что тайна происхожденія бытія и небытія, тайна творческаго акта непознаваема, неисповѣдима для него, и доставляетъ тѣмъ высшее удовлетвореніе душѣ его, чѣмъ полнѣе будетъ понимать онъ единство въ устройствѣ вселенной».

Книга издана очень опрятно, съ прекрасными таблицами рисунковъ, портретами и рисунками въ текстѣ, что оправдываетъ сравнительно большую цѣну книги (3 рубля, 404 стр.).

П. фонъ-Лангъ.

### Исторія лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Его Величества полка. Составилъ поручикъ Н. Воынекій. Спб. 1902.

«Исторія полковъ служитъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ залоговъ нравственной силы частей войскъ, сохраняя ихъ традиціи и боевыя преданія», — эти прекрасныя слова были высказаны въ 1879 году въ приказѣ командира гвар-

дейскаго корпуса, великаго князя наслѣдника цесаревича Александра Александровича, вполнѣдствіи императора. Дѣйствительно, сохранить традиціи и боевыя преданія полка—это почти такъ же важно, какъ сохранить старое полковое знамя—молчаливый свидѣтель походовъ и битвъ полка. Исторія же полка должна быть свидѣтелемъ краснорѣчивымъ и величепріятнымъ. Такою именно является исторія названнаго полка, составленная г. Волинскимъ и представляющая собою правдивую лѣтопись его двухсотлѣтняго существованія.

Много славныхъ дѣлъ занесено на страницы исторіи этого полка, получившаго свое боевое крещеніе въ стычкѣ при Эрестферѣ (1701 г.) и покрывшаго себя неуязвимою славою въ Полтавскомъ бою, гдѣ императоръ Петръ Великій, командовавшій нашими войсками, призналъ и засвидѣтельствовалъ воинское отличіе полка. «Съ тѣхъ поръ, въ теченіе всего XVIII столѣтія, полкъ принималъ участіе во всѣхъ войнахъ—въ сѣверной и семилѣтней, въ турецкой и шведской, и свое участіе запечатлѣлъ побѣдами подъ Берлиномъ въ Пруссіи, при Ларгѣ и Кагулѣ въ Турціи и послѣ въ Финляндіи. Съ боевою опытностью и заслуженными отличіями вступилъ полкъ въ XIX столѣтіе. Онъ пролилъ свою кровь на поляхъ Пултуска, Прейсишъ-Эйлау, Фридланда и жестоко отомстилъ дерзкому врагу въ Отечественную войну: Витебскъ, Смоленскъ, Бородино, Тарутино, Малый Ярославецъ, Вязьма—вотъ мѣстности, съ которыми связаны воинскіе подвиги кирасиръ въ 1812 году и добытое кровью ихъ право на титулъ гвардейскаго полка, полученное въ 1813 году, именно за боевыя отличія, оказанныя въ 1812 году». Затѣмъ, подъ Кульмомъ, на Лейпцигскихъ поляхъ, при Феръ-Шампенуазѣ и въ Парижѣ полкъ, будучи уже гвардейскимъ, оправдалъ блестящимъ образомъ это данное ему отличіе.

Нынѣшній лейбъ-гвардіи Кирасирскій Его Величества полкъ былъ сформированъ Петромъ I въ 1701 году, какъ полкъ драгунскій, наименованный Ярославскимъ; но черезъ 32 года, по проекту Миниха, былъ переформированъ въ кирасирскій. Особый интересъ въ книгѣ представляетъ глава V, описывающая Полтавскій бой, во время котораго первое знамя, отбитое у шведовъ, было взято прапорщикомъ этого самаго Ярославскаго полка, Д. Г. Чичаговымъ. Полонъ глубокаго, величайшаго историческаго значенія извѣстный «приказъ» Петра, обращенный къ войскамъ, передъ сраженіемъ, долженствовавшимъ рѣшить, такъ сказать, судьбу Россіи. Въ этомъ приказѣ нѣтъ ни «пирамидъ» съ ихъ десятками протекшихъ вѣковъ, ни «солнца Аустерлица»—этихъ трескучихъ, театральныхъ фразъ, въ немъ видна лишь одна неустрашимость и любовь къ своему государству. Вотъ этотъ приказъ, прочитанный полку въ день сраженія, на разсвѣтѣ, подполковникомъ Нащокинымъ: «Воины! Се пришелъ часъ, который всего отечества судьбу положилъ на рукахъ вашихъ, и вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за нашу православную вѣру и церковь. Не должна васъ также смущать слава непріятели, яко непобѣдимаго, которую ложно быти вы сами побѣдами своими надъ нимъ неоднократно доказали. Имѣйте въ сраженіи передъ очами вашими правду и Бога, поборающаго за васъ; на Того единаго, яко всесильнаго во бравѣхъ, уповайте, а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россія, ея благочестіе,

слава и благосостояніе». А вотъ что сказалъ великій Петръ своимъ военачальникамъ, позднимъ вечеромъ, того же 27-го іюня, когда уже поконченъ былъ Полтавскій бой, и наша конница и казаки преслѣдовали убѣгавшаго непріятели. Преклонивъ передъ собранными имъ военачальниками свою шпагу, вѣнценосный побѣдитель произнесъ слѣдующія немногія, но крайне знаменательныя слова: «Здравствуйте, сыны отечества, чада мои возлюбленныя! Подомъ трудовъ моихъ родилъ васъ; безъ васъ государству, какъ тѣлу безъ души, жить невозможно. Вы, имѣя любовь къ Богу, къ вѣрѣ православной, къ отечеству; слава и ко мнѣ, не щадили живота своего и на тысячу смертей устремлялись необязанно. Храбрыя дѣла ваши никогда не будутъ забвенны у потомства». И Петръ не преувеличивалъ значенія Полтавскаго боя, слава о которомъ не умретъ вовѣки, пока живетъ Россія.

Исторія полка составлена, главнымъ образомъ, по архивнымъ документамъ, хранящимся въ Московскомъ отдѣленіи архива главнаго штаба, а отчасти и по другимъ источникамъ, имѣющимъ соотношеніе къ исторіи полка. Рисунки, портреты и планы сраженій, приложенныя къ первому тому исторіи полка, отличаются большимъ изяществомъ.

И. Н. З.

#### А. И. Кирпичниковъ. Очерки по исторіи новой русской литературы. Т. I. Изд. 2-е, дополненное. М. 1903.

Первое изданіе историко-литературныхъ очерковъ А. И. Кирпичникова появилось въ 1896 году; съ тѣхъ поръ книга успѣла разойтись и стать библиографической рѣдкостью, а между тѣмъ спросъ на нее былъ и со стороны специалистовъ, которые, по достоинству оцѣнивъ работы г. Кирпичникова въ области русской литературы XIX вѣка, привыкли ими пользоваться, и со стороны читателя изъ такъ называемой большой публики. Въ очеркахъ г. Кирпичникова этотъ читатель находилъ изложеніе многихъ моментовъ нашей литературной исторіи, не только вполне надежное и добросовѣстное, но и легко написанное и занимательное. Поэтому новое изданіе этихъ очерковъ является очень кстати. Въ настоящій моментъ, какъ кажется, оживаетъ совсѣмъ было умершій интересъ къ литературнымъ изученіямъ: по крайней мѣрѣ, книгъ по исторіи литературы появилось въ послѣднее время довольно много, гораздо больше, чѣмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и всѣ онѣ, даже совершенно плохія, находятъ сбытъ и раскупаются. Но новое изданіе не является повтореніемъ стараго: изъ одного тома оно разрослось въ цѣлыхъ два, потому что авторъ прибавилъ къ собранію статьи, написанныя послѣ выхода перваго изданія, причѣмъ всѣ статьи, имѣющія отношеніе къ Пушкину, «все пушкинское» г. Кирпичниковъ выдѣлилъ во 2-й томъ, еще не вышедшій.

Въ первомъ томѣ помѣщены статьи перваго изданія: о Кургановѣ и его письмовникѣ, объ Автоніи Погорѣльскомъ, о В. И. Григоровичѣ, А. В. Дружининѣ, сравнительная характеристика Достоевскаго и Писемскаго, «Московскія Вѣдомости» въ 1789 году и начало французской революціи, «Московское общество въ изображеніи Грибоѣдова и графа Л. Толстого», «Изъ исторіи ум-

ственной жизни Одессы». Впервые появляются въ этомъ томѣ воспоминанія о Ѳ. П. Буслевѣ и статьи, вызванныя торжествами въ память Жуковскаго и Гоголя. Изъ вопросовъ о первомъ г. Кирпичниковѣ останавливается на его значеніи, какъ поэта-воспитателя, въ одной статьѣ, а въ другой даетъ биографическій этюдъ о послѣднихъ годахъ и дняхъ Жуковскаго. О Гоголь, кромѣ биографическаго очерка, бывшаго и въ первомъ изданіи, — двѣ статьи, разбирающія два момента изъ его жизни: отношенія къ Погодину и отношенія къ Бѣлинскому въ теченіе лѣта 1847 года. Чтобы исчерпать содержаніе книги, упомянемъ еще о любопытномъ очеркѣ «Судъ присяжныхъ въ русской литературѣ 30-хъ годовъ»: г. Кирпичниковъ извлекаетъ изъ пыли забвенія повѣсть Н. А. Мельгунова «Да или нѣтъ» (1835 г.), современный интересъ которой въ изображеніи суда присяжныхъ.

Разнообразное содержаніе книги, извѣстныя достоинства очерковъ служатъ ручательствомъ быстраго распространенія, котораго книга вполне заслуживаетъ. Мы только можемъ рекомендовать ее вниманію читателей.

П. Щ.

#### К. Случевскій. Нѣсколько картинокъ культуръ и искусствъ разныхъ народовъ. Спб. 1902.

Г. Случевскій задался цѣлью представить нѣсколько краткихъ художественныхъ характеристикъ важнѣйшихъ культуръ, при чемъ особое вниманіе обратилъ на ихъ выраженіе въ искусствѣ. Всѣ помѣщенные въ брошюру очерки носятъ историческій характеръ и охватываютъ Египетъ, Индію, Іудею, Китай, Грецію, Римъ, древнехристианское искусство, готику и возрожденіе. Въ основу своихъ очерковъ авторъ положилъ классическіе труды по исторіи искусствъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не остался передатчикомъ только чужихъ мыслей. Помимо художественной формы, г. Случевскій украсилъ свои характеристики рядомъ маленькихъ сравненій, сопоставленій, оригинальныхъ выводовъ и замѣчаній. Изъ числа написанныхъ авторомъ очерковъ особенно удалась характеристика готики. Этотъ очеркъ даже является въ нѣкоторомъ родѣ стихотвореніемъ въ прозѣ. «Кому не знакомы, — между прочимъ восклицаетъ авторъ по поводу готическаго собора, — эта узорчатая томительная мечта, эта тоска, не знающая предѣла, эта молитва, сложенная изъ камня, никѣмъ вполнѣ недосказанная». «Возможно мевше опоръ, грузности, чего бы то ни было, привязывающаго къ землѣ, — говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ. — Поменьше свѣту, чтобы скрыть скорбь и слезы. Побольше алтарей и алтариковъ, цѣлое кольцо алтарей и алтариковъ, чтобы оградиться отовсюду отъ злобы сатаны. Побольше могилъ, чтобы лучше сосредоточиться и чувствовать себя въ мірѣ покоя, въ атмосферѣ безконечности».

Характеризуя тины архитектурнаго творчества, г. Случевскій даетъ на ряду съ тѣмъ картины бытовой жизни обрисовываемой эпохи. По фрескамъ, картинамъ и скульптурнымъ изображеніямъ, онъ воскрешаетъ жизнь Египта, жизнь средневѣковаго европейскаго города, пропускаетъ передъ читателемъ вереницы навсегда исчезнувшихъ ремесленниковъ, монаховъ, рыцарей, воиновъ-

латниковъ и проч. Все это вмѣстѣ взятое сообщаетъ брошюрѣ почтеннаго автора интересъ, въ особенности для рядового массоваго читателя или юношества.

В. Г.

### Волжскій. Очерки о Чеховѣ. Спб. 1903.

О Чеховѣ написано немало, и г. Волжскій не претендуетъ ни на обзоръ всей литературы объ этомъ писателѣ, ни на всесторонній разборъ его произведений. Задача его книжки—«разсмотрѣть идейное содержаніе литературной работы Чехова подѣ однимъ строго опредѣленнымъ угломъ зрѣнія, уяснить хотя бы въ самыхъ основныхъ чертахъ общій смыслъ его творчества»; при этомъ авторъ не можетъ, конечно, вовсе обойтись безъ разсмотрѣнія «наиболѣе существенныхъ разногласій критики въ истолкованіи смысла чеховскаго творчества». Изъ шести очерковъ, составляющихъ содержаніе книжки, два первые («Конфликтъ идеала и дѣйствительности» и «Власть обыденщины») посвящены уясненію нравственнаго міропониманія Чехова, опредѣленію основной идеи, съ помощью которой онъ обобщаетъ дѣйствительность въ своемъ художественномъ синтезѣ. Г. Волжскій не согласенъ ни съ тѣми, кто утверждаетъ, что Чеховъ не имѣетъ своего «бога», идеала (Н. К. Михайловскій), ни съ тѣми, кто понимаетъ его идеализмъ въ обычномъ смыслѣ этого слова (г. Скабичевскій). Онъ усматриваетъ въ міросозерцаніи Чехова два противоположныхъ начала, которыя опредѣляетъ, какъ пессимистическій идеализмъ и пантеистическій оптимизмъ: «скептикъ по натурѣ, Чеховъ все время колеблется между двухъ смутныхъ идеаловъ, то отдаваясь крайнему идеализму своего непримиримаго протеста противъ дѣйствительности (его идеаль недосягаемо высокъ, и потому изображаемая имъ дѣйствительность, обыденщина, такъ ничтожна, жалка, сѣра и безцвѣтна), то увлекаясь радостнымъ пантеистическимъ поклоненіемъ существующему», когда онъ находитъ примиреніе съ дѣйствительностью, успокоивается на иллюзии, что все,—даже страданія «Трехъ сестеръ»,—«перейдетъ въ радость для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ насъ». Эти положенія г. Волжскаго, конечно, могутъ быть оспариваемы, такъ какъ Чеховъ нигдѣ не излагаетъ того или другого міровоззрѣнія отъ своего лица, и послѣднее косвенно выводится изъ того, что говорятъ его герои. Указать же демаркаціонную линію, гдѣ кончается объективное изображеніе авторомъ данной среды, и гдѣ начинается его субъективизмъ, исповѣданіе его вѣры,—дѣло, по меньшей мѣрѣ, весьма трудное и обусловленное субъективизмомъ изслѣдователя. Установивъ основные черты міровоззрѣнія Чехова, авторъ въ слѣдующихъ двухъ очеркахъ («Равнодушные люди» и «Безпокойные и нудные») даетъ, съ этой точки зрѣнія, классификацію и характеристику чеховскихъ персонажей, распадающихся на двѣ основныхъ группы: на людей равнодушныхъ, довольныхъ, примирившихся съ игомъ обыденщины, и на людей недовольныхъ, беспокойныхъ, протестующихъ. Въ пятомъ очеркѣ («Параллели») выясняется положеніе Чехова въ ряду другихъ русскихъ писателей, также изображавшихъ конфликтъ идеала и дѣйствительности,—конфликтъ, особенно свойственный русской интеллигенціи, идеалы которой, «всегда самые высокіе, самые передо

выс, — послѣднія слова евронейскаго моральнаго сознанія, дѣйствительность же достается на ея долю самая захудалая, самая отсталая». Въ изображеніи этого конфликта Чеховъ наиболѣе приближается къ Гаршину и Надсону, отразившимъ въ своемъ творчествѣ кризисъ общественнаго настроенія 1880-хъ годовъ, нравственныя терзанія, тревожныя исканія и томленія того времени. Наконецъ, въ послѣднемъ очеркѣ разсматриваются произведенія Чехова, посвященныя изображенію крестьянской жизни, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаютъ его надѣлавшіе такъ много шума «Мужики». Вопреки довольно распространенному мнѣнію, г. Волжскій находитъ, что это произведеніе и по художественнымъ приѣмамъ, и по характеру общей идеи, лежащей въ его основѣ, тѣсно примыкаетъ къ общему духу чеховскаго творчества: «Къ мужичьей жизни Чеховъ подошелъ съ той же мучительной тоской, съ тѣмъ же безнадежнымъ отчаяніемъ въ реальной силѣ своего бога, какъ и къ другимъ сферамъ жизни, и здѣсь, какъ и вездѣ, увидалъ все то же принижющее челоуѣка всевластіе дѣйствительности, обыденной, будничной прозы, жестокости, нищеты, невѣжества, дикости, ту же бессмыслицу жизни и безсиліе идеала надъ этой страшной дѣйствительностью».

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что книжка г. Волжскаго, основательно изучившаго какъ многочисленныя произведенія разбираемаго автора, такъ и обширную литературу о немъ, производитъ благопріятное впечатлѣніе продуманностью излагаемаго матеріала, литературностью стиля, отсутствіемъ полемическаго задора, съ одной стороны, и слѣпного поклоненія предъ авторитетами и господствующими (или отжившими) доктринами—съ другой, а также изящною внѣшностью, при невысокой цѣнѣ. С.

**В. В. Стасовъ. Миниатюры нѣкоторыхъ рукописей византійскихъ, болгарскихъ, русскихъ, джагатайскихъ и персидскихъ. Изданіе императорскаго общества любителей древней письменности. Спб. 1902.**

«Какія на свѣтѣ самыя древнія изображенія славянъ? Какія самыя древнія изображенія русскихъ?» — вотъ вопросы, которые ставитъ себѣ авторъ, и которые составляютъ основную тему его обширнаго изслѣдованія.

Вопросъ о достовѣрномъ внѣшнемъ видѣ славянъ вообще и нашихъ предковъ въ частности возникъ въ нашей археологической наукѣ лишь въ 1830 г.г. минувшаго столѣтія, а до этого времени подъ видомъ древнихъ русскихъ князей и людей фигурировали самыя фантастическія и несуразныя изображенія, сдѣланныя по большей части иностранными рисовальщиками. Императрица Екатерина II, желая добыть для одной своей работы по русской исторіи хотя какія нибудь изображенія русскихъ стараго времени, принуждена была удовольствоваться лишь медальонами работы одного француза. Небезызвѣстный историкъ Леклеркъ, современникъ Екатерины, выпустивъ въ Парижъ свою исторію Россіи, также не нашелъ никакого стараго матеріала для иллюстраціи и прибѣгъ къ помощи услужливой фантазіи своего земляка, военнаго географа Шевалье. Можно себѣ представить, какія изображенія якобы русскихъ украсили собою трудъ русско-французскаго историка!



Первымъ пионеромъ археологической науки въ этой области явился Оленинъ, который еще въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка, стараясь отыскать древнѣйшія изображенія славянъ, отождествилъ ихъ съ фигурами даковъ на знаменитой Траяновой колоннѣ. Оленинъ зналъ и извѣстный археологамъ менологій византійскаго императора Василія II, гдѣ есть нѣсколько изображеній болгарскихъ палачей, но бѣда была въ томъ, что ему была извѣстна не подлинная рукопись, хранящаяся въ Ватиканской библиотекѣ, а ея печатное изданіе, сдѣланное въ Урбино въ 1727 году и отличавшееся крайней невѣрностью изображеній. Несмотря на это, Оленинъ былъ на вѣрномъ научномъ пути, гдѣ черезъ 50 лѣтъ явился и достойный ему преемникъ въ лицѣ археолога Прохорова, извѣстнаго издателя «Матеріаловъ по исторіи русскихъ одеждъ». Прохоровъ, въ своихъ поискахъ за древнѣйшими изображеніями славянъ, также признавалъ за нихъ дакійскія фигуры Траяновой колонны.

Новѣйшій изслѣдователь опасается признать тождество этихъ двухъ племенъ, и потому интересовавшій Оленина и Прохорова вопросъ ему приходится рѣшать заново. Древнѣйшимъ источникомъ славянскихъ изображеній г. Стасовъ считаетъ упомянутый менологій, гдѣ болгары удерживаютъ еще въ подробностяхъ своихъ костюмовъ нѣкоторыя типичныя восточныя черты. Вторымъ по времени источникомъ служитъ болгарская рукопись той же Ватиканской библиотеки, такъ называемая Манассіина лѣтопись. Около XIII вѣка она переведена была съ греческаго на болгарскій, роскошно переписана въ Болгаріи и украшена болгарскими иллюстраторами множествомъ рисунковъ, въ которыхъ очень чисто отражается современный болгарскій бытъ. Между прочимъ здѣсь встрѣчается нѣсколько иллюстрацій, на которыхъ фигурируютъ русскіе того далекаго времени. Таково изображеніе «Крещеніе Руси» и нѣсколько батальныхъ сценъ изъ войны Святослава съ Цимисхіемъ. Это самый обильный источникъ для цѣлей автора. Меньше всего можно по данному вопросу почерпнуть изъ русскихъ рукописей, и г. Стасовъ приводитъ лишь одно изображеніе изъ Синодально рукописи XIII вѣка «Весѣда Іоанна Златоуста», въ которую случайно вклеенъ пергаменный листъ съ изображеніемъ золотомъ и красками какого-то молодого князя. Прежніе изслѣдователи принимали его за болгарскаго князя Бориса, но г. Стасовъ видитъ здѣсь изображеніе русскаго князя Бориса, брата Глѣба.

Не довольствуясь источниками византійскими и славянскими, авторъ привлекаетъ для сравнительнаго изученія одежды, вооруженія и утвари иллюстраціи нѣкоторыхъ восточныхъ рукописей, именно персидскихъ и джагатайскихъ. Такія рукописи г. Стасову пришлось пересмотрѣть на своемъ вѣку множество и притомъ не только въ русскихъ музеяхъ и библиотекахъ, но и въ ученыхъ учрежденіяхъ Западной Европы. Чрезвычайно любопытны извлеченныя авторомъ изображенія Чингизъ-хана съ его сыновьями, осады Самарканда и рисунокъ, изображающій дворъ одного хана.

Помимо детальнаго изслѣдованія поставленнаго выше вопроса г. Стасовъ сообщаетъ попутно массу цѣнныхъ культурно-историческихъ фактовъ, а приложенные къ изслѣдованію рисунки въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ даютъ читателю возможность самому провѣрить детали, на которыхъ остановивался авторъ.

М.

**Печатное Искусство. Ежемесячный иллюстрированный сборникъ (октябрь 1901—сентябрь 1902 г.). Первый годъ изданія. Редакторъ-издатель I. I. Леманъ. Спб. 1902.**

Дѣятельный членъ Русскаго общества дѣятелей печатнаго дѣла I. I. Леманъ только-что закончилъ первый годъ изданія своего новаго журнала «Печатное Искусство». Журналъ этотъ, какъ по типу своему, такъ и по внѣшности, представляется отраднѣмъ явленіемъ въ нашемъ книгоиздательствѣ и вполне справедливо заслуживаетъ вниманія критики.

Программа «Печатнаго Искусства» очень симпатична. Оно поставило себѣ задачею знакомить профессионаловъ и вообще лицъ, причастныхъ къ печатному дѣлу, съ современнымъ состояніемъ его въ Россіи и за границей, а также съ исторіей развитія отдѣльныхъ отраслей графическаго искусства. Изъ этого сразу становится яснымъ, что «Печатное Искусство» — изданіе не столько научное, сколько техническое, служащее, преимущественно, примѣненію техники печатнаго искусства къ потребностямъ жизни и его совершенствованію.

Сообразно такой программѣ въ журналѣ печатаются: распоряженія правительства и законоположенія съ поясненіями; обзоры развитія печатнаго дѣла; историческія статьи по печатному дѣлу; статьи по современнымъ вопросамъ его; свѣдѣнія по искусству въ примѣненіи къ печатному дѣлу; матеріалы по техникѣ и статистикѣ его; статьи по гигиенѣ мастерскихъ; свѣдѣнія объ изобрѣтеніяхъ и проч. Кроме того, въ журналъ введенъ цѣлый отдѣлъ, гдѣ воспроизводятся черными и цвѣтными красками акцидентныя работы и даются примѣрныя слѣты для различныхъ графическихъ предиріятій и программы конкурсовъ по разнымъ отраслямъ печатнаго дѣла. Затѣмъ, почти въ каждомъ номерѣ печатаются «Протоколы» общества дѣятелей печатнаго дѣла и общества взаимопомощи по отраслямъ печатнаго дѣла.

Въ частности, первый годъ «Печатнаго Искусства» (октябрь 1901—сентябрь 1902 г.) даетъ массу разнохарактернаго и полезнаго матеріала.

Въ отдѣлѣ I обращаютъ на себя вниманіе статьи: «Кое-что о книгахъ, ихъ творцахъ и собирателяхъ» (стр. 177, 210, 244, 275, 308 и 361); «Литографія, какъ искусство» (стр. 14, 42, 76, 109, 140, 173 и 207); «Художественные переилесты стараго и новаго времени» (стр. 242, 273, 301, 359); «Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ» (стр. 45, 72, 105 и 145) и др.

Въ «Официальныхъ извѣстіяхъ», помимо мелкихъ сообщеній, напечатаны всѣ «Свѣдѣнія и распоряженія по дѣламъ печати» и «Циркуляры и распоряженія по дѣламъ печати, объявленныя инспекторами типографій владѣльцамъ заведеній С.-Петербурга съ 1-го января 1897 года по настоящее время».

Подъ рубрикой «Изобрѣтенія по печатному дѣлу» данъ «Обзоръ привилегій, какъ выданныхъ, такъ и заявленныхъ въ Россіи въ 1901—1902 годахъ».

Въ отдѣлѣ «Техника» помѣщены обширныя статьи: «Автотипія» (стр. 122, 153, 189, 221 и 284) и «О современномъ направленіи въ наборѣ» (стр. 120, 151, 187, 254 и 285) и цѣлый рядъ мелкихъ замѣтокъ по техникѣ печатнаго дѣла.

Кромѣ всего этого, въ журналѣ разбросаны статьи общаго характера, біографіи писателей и общественныхъ дѣятелей (съ ихъ портретами), отчеты различныхъ учреждений, статистическія свѣдѣнія о бібліотекахъ и типографіяхъ, описанія тѣхъ и другихъ, свѣдѣнія о спеціальныхъ выставкахъ, библиографія новыхъ книгъ и другой интересный матеріалъ.

Текстъ иллюстрированъ хорошо отпечатанными рисунками, портретами на отдѣльныхъ листахъ и образцами всевозможныхъ типографскихъ работъ.

По внѣшности «Печатное Искусство» не оставляетъ желать ничего лучшаго. Можно сказать, что у насъ до сихъ поръ не было ни одного такого роскошнаго періодическаго изданія. Обликъ его напоминаетъ собою вѣмецкій «Die Kunst». Такой же размѣръ, такая же красивая мѣловая бумага, такой же чистый шрифтъ, рельефно отпечатанный свѣжей краской, и такія же изящныя виньетки, заставки и концовки. Невзирая на такія достоинства свои, журналъ стоитъ всего три рубля въ годъ съ доставкой. Бор. Городецкій.

**Борьба буровъ съ Англією. Воспоминанія бурскаго генерала Хр. Девета. Переводъ Е. Н. Половцовой. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1903.**

(Окончился трагическій поединокъ въ южной Африкѣ—между могущественнымъ государствомъ, съ одной стороны, и маленькимъ, свободолюбивымъ народомъ, съ другой,—и наступаетъ, повидимому, время исторіи; какъ начало таковой, вышли надняхъ «Воспоминанія» генерала Христіана Девета, одного изъ трехъ знаменитыхъ предводителей буровъ въ ихъ борьбѣ съ Англією, написанныя правдиво и обстоятельно; къ книгѣ приложены даже документальныя лѣтописи этой исторической трагедіи—протоколы совѣщаній уполномоченныхъ буровъ между собою и съ англійскими вождами объ условіяхъ мира.

Потрясающее впечатлѣніе производятъ на читателя эти «воспоминанія»: въ нихъ нѣтъ ни трескучихъ фразъ, ни высокопарныхъ описаній своихъ дѣятельныхъ побѣдъ, ни сокрытія своихъ многочисленныхъ ошибокъ; но зато въ этой книгѣ слезъ рядомъ съ описаніями битвъ и поражений является само собою грозное обвиненіе противъ цивилизаци, противъ извращеннаго христіанства европейскихъ державъ, равнодушно допустившихъ опозореніе и смерть болѣе чѣмъ 20.000 беззащитныхъ бурскихъ женщинъ и дѣтей въ концентраціонныхъ лагеряхъ, куда англичане согнали сѣмьи воевавшихъ буровъ, для того только, чтобы скорѣе заставить героев-мужей сложить оружіе и, признавъ себя побѣжденными, отказаться отъ свободы, въ защиту которой и была начата бурами война. Да, гибель буровъ, опозореніе ихъ женъ и смерть ихъ дѣтей должны лечь неизгладимымъ пятномъ на правительства тѣхъ державъ, которыя могли и должны были помочь имъ, но, по тѣмъ или инымъ причинамъ, не пожелали этого сдѣлать, ограничившись лишь платоническимъ «сочувствіемъ» этому несчастному народу....

Мы не будемъ дѣлать выписокъ изъ этихъ пространныхъ «воспоминаній» (книга заключаетъ въ себѣ 30 печатныхъ листовъ) и отсылаемъ читателей, интересующихся англо-бурскою войною, непосредственно къ книгѣ. Но для

характеристики англійской арміи, состоящей, какъ извѣстно, изъ наемниковъ, позволимъ себѣ привести изъ книги два характерные эпизода, вполнѣ объясняющіе неразрѣшимую, на первый взглядъ, задачу—какъ это 30.000 необученныхъ военному искусству фермеровъ могли въ теченіе 2<sup>1</sup>/<sub>2</sub> лѣтъ воевать съ двухсотъ-тысячною арміею англичанъ, поддерживаемыхъ, вдобавокъ, цѣлыми полчищами дикихъ африканскихъ племенъ кафровъ, базутовъ и зулусовъ, а также и полкѣми австралійцевъ, новозеландцевъ и канадцевъ. Гнуснѣе всего то, что дикимъ племенамъ кафровъ—коренныхъ аборигеновъ страны—«храбрые» англичане роздали для истребленія буровъ огнестрѣльное оружіе и покровительственно дозволили всевозможныя насилія надъ ихъ женщинами. Тѣми же бурскими женщинами англичане защищались не разъ, какъ щитами, въ сраженіяхъ, ставя ихъ передъ собою при стрѣльбѣ со стороны буровъ... Мы уже не говоримъ о другихъ вопіющихъ правонарушеніяхъ на войнѣ, практиковавшихся тѣми же англичанами—о стрѣльбѣ по парламентарамъ, объ употребленіи разрывныхъ пуль и лидитныхъ бомбъ, о разстрѣливаніи нѣкоторыхъ плѣнныхъ и пр.

Вотъ эти эпизоды:

«10-го февраля 1901 года,—разсказываетъ генералъ Деветъ,—его отрядъ вступилъ, вторично въ Канскую колонію. Когда переходили рѣку, развѣдчики донесли, что въ получасѣ разстоянія, вышъ по рѣкѣ, къ югу отъ брода, находилось на холмѣ довольно сильное англійское укрѣпленіе, охраняемое приблизительно 20 людьми. Къ нимъ тотчасъ же отправился фельдкорнетъ Виллемъ Преторіусъ съ четырьмя бюргерами. Виллемъ вскарабкался на холмъ съ одной стороны; а другіе четверо, раздѣлившись по двое, влѣзли съ двухъ другихъ сторонъ на непріятельскій фортъ, который, какъ оказалось, имѣлъ круглую форму, и начали стрѣлять.... Имъ отвѣчали сильнымъ огнемъ; но они, тѣмъ не менѣе, подошли совсѣмъ близко къ непріятелю, который тотчасъ же выкинулъ бѣлый флагъ, при крикахъ: «Мы сдаемся!».. Такимъ образомъ, Виллемъ Преторіусъ съ 4 людьми взялъ въ плѣнъ 25 человекъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, захвачено было въ фортѣ значительное количество лошадей, сѣделъ, уздечекъ, ружей и патроновъ. Кромѣ всего этого, оказалось еще нѣсколько ящиковъ съ 3.000 новыхъ патроновъ».

Во второмъ эпизодѣ довелось участвовать лично самому Девету. «Ночью, перейдя черезъ рѣку Зеекусъ,—разсказываетъ генералъ,—мы подошли къ одному бурскому дому (фермѣ), гдѣ намъ сказали, что двадцать англійскихъ шпионовъ были вечеромъ здѣсь, разспрашивали о насъ и поѣхали по той же дорогѣ, откуда пріѣхали. Затѣмъ, мы проѣхали около пяти миль отъ этого мѣста, и намъ пришлось переходить рядъ холмовъ. Ночь была очень темна, и я совсѣмъ забылъ о двадцати англичанахъ. Мы не послали впередъ развѣдчиковъ, и я ѣхалъ, по обыкновенію, со своимъ штабомъ впереди отряда. Почти на вершинѣ одного изъ холмовъ я увидѣлъ нѣсколькихъ лошадей, связанныхъ и стоявшихъ вокругъ, головами вмѣстѣ; около нихъ, на землѣ, лежало нѣсколько людей. Я думалъ, что это были мои бюргеры, и что они остановились, чтобы немного отдохнуть, и поджидали своихъ плѣнныхъ товарищей. Это разсердило меня, такъ какъ было не въ порядкѣ, чтобы бюргеры безъ приказанія уходили такъ далеко впередъ. И я разбудилъ ихъ, прикрикнувъ:

«— Когда вы ушли вперед?»

«— Кто вы такие?! — спросили они меня по-английски, поднявшись почти всё сразу.

— Сдавайтесь!! — крикнулъ я имъ опять: — руки вверх!»

«Заразъ поднялись всё руки кверху. Они оказались семью изъ тѣхъ двадцати. Остальные же тринадцать немедленно послѣ этого, всего въ двухъ-стахъ шагахъ впереди насъ, открыли по насъ огонь. Тогда я крикнулъ бюргерамъ: въ атаку!... Бюргеры кинулись впередъ, но когда они достигли верхушки холма, откуда видѣлись огоньки отъ ружейныхъ выстрѣловъ, то тамъ уже никого не оказалось; англичане удрали, и мы, за темнотою ночи, не стали ихъ-преслѣдовать, захвативъ лишь съ собою семерыхъ плѣнныхъ, до слѣдующаго дня».

Вотъ въ этомъ-то и заключалась вся бѣда буровъ, что они никогда, ни въ крупныхъ, ни въ мелкихъ побѣдахъ, не умѣли пользоваться своими успѣхами. Послѣ каждаго большого сраженія, въ которомъ побѣда оставалась за ними, буры, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать и истреблять убѣгающаго нещрятеля, останавливаются на полѣ битвы въ бездѣйствиі и коуютъ благодарственные псалмы... Всѣхъ плѣнныхъ англичанъ, начиная съ рядовыхъ солдатъ и кончая генераломъ Метуэномъ, они отпускаютъ на свободу, — и тѣ тотчасъ же становятся вновь въ ряды ихъ враговъ, число которыхъ постоянно увеличивалось еще и прибытіемъ многотысячныхъ подкрѣпленій изъ Англии, Шотландіи, Австраліи и Ново-Зеландіи. Между тѣмъ, буры, взятые въ плѣнъ англичанами, никогда не отпускались на свободу и немедленно эвакуировались на островъ св. Елены, Цейлонъ и пр.

И все-таки, несмотря на всё свои побѣды и вѣроломства, несмотря на полное, въ концѣ концовъ, поработченіе маленькаго свободолюбиваго народа, англичане потеряли въ своей войнѣ съ бурами, кромѣ многихъ тысячъ людей (убитыхъ и умершихъ отъ ранъ и болѣзней) и сотенъ миллионновъ фунтовъ стерлинговъ, — еще и то, чего не воротить имъ въ теченіе долгаго — очень долгаго! — времени: они потеряли престижъ и прежнее обаяніе; они открыли всему міру свое военное безсиліе, изнѣженность и трусость своихъ солдатъ и малоспособность генераловъ... Никто, надѣмся, не побоятся теперь кичливости «гордаго Альбіона», запугиванья со стороны «владычицы морей», какъ это случилось въ 1878 году при заключеніи Санъ-Стефанскаго договора.... Эту потерю Англии не вознаграждать даже и брилліантовые копи и золотыя росыпи, жадно захваченныя «побѣдителями» въ той же южной Африкѣ, у того же героическаго, многострадальнаго народа. И. Н. З.

### Литературный Архивъ, издаваемый П. А. Картавовымъ. Спб. 1902.

«Литературный Архивъ» — новое повременное изданіе, предпринятое библиографомъ и владѣльцемъ бібліотеки г. Картавовымъ. Программа изданія — довольно широкая и неопредѣленная: предисловіе издателя мало уясняетъ ее. По его словамъ, «оно предназначается для сохраненія и соединенія всѣхъ до-

нынѣ неизданныхъ произведеній русскихъ авторовъ и переводчиковъ, матеріаловъ для истории русской литературы, журналистики, цензуры, иллюстраціи и книжной торговли... Новыми отдѣлами явятся: 1) литературный мѣсяцесловъ; 2) неизданныя произведенія; 3) литературная лѣтопись; 4) рѣдкости русской печати». Повидимому, содержаніе «Архива» находится въ прямой зависимости отъ состоянія книжныхъ и рукописныхъ сокровищъ г. Картавова. Отсюда извлечены всѣ матеріалы, напечатанные въ «Архивѣ». Первая книжка «Архива» представляетъ довольно разнообразный, но случайный подборъ различныхъ статей. Есть, дѣйствительно, неизданныя вещи, но большинство оказывается извѣстнымъ. Среди первыхъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить сообщеніе о неизданныхъ произведеніяхъ ранняго періода дѣятельности Н. А. Некрасова. Г. Картавовъ предполагаетъ въ будущихъ книжкахъ напечатать много матеріаловъ, а пока печатаетъ по принадлежащей ему рукописи дѣтскія и лишенные всякаго интереса произведенія Н. А. Некрасова. Первое такое произведеніе—«Юность Ломоносова», драматическая фантазія въ стихахъ. Гораздо интереснѣе списокъ «Рыцаря на часъ», приводимый издателемъ изъ поступившаго въ его собственность альбома Л. П. Шелгуновой. Въ этомъ списокѣ найдемъ очень интересную для характеристики поэта строфу, не помѣщенную въ собраніи его стихотвореній: «Въ эту ночь со стыдомъ сознаю бесполезно погибшую силу мою... И трудящійся, бѣдный народъ предо мною съ упрекомъ идетъ, и на лицахъ его я читаю грозу, и въ душѣ подавить я стараюсь слезу»... Матеріалы о Некрасовѣ—самая неизвѣстная часть сборника, въ остальныхъ сообщеніяхъ любители и специалисты найдутъ матеріалы, имъ извѣстные: таково, на примѣръ, письмо А. Шишкова къ Ф. Н. Слѣпушкину, не такъ давно воспроизведенное въ одномъ изъ примѣчаній къ пятому тому сочиненій Вѣлинскаго въ прекрасномъ изданіи С. А. Венгерова; таково сообщеніе о газетѣ П. С. Аксакова «Парусъ» съ текстомъ передовыхъ статей двухъ первыхъ и единственныхъ номеровъ газеты. Въ послѣднее время исторія изданія «Паруса» обстоятельно и съ пространными выдержками разсказана въ 16-й книгѣ извѣстнаго труда г. Барсукова. Стихотворенія, взятая изъ альбома Л. П. Шелгуновой, за весьма небольшими исключеніями, извѣстны и по собраніямъ сочиненій и по воспоминаніямъ Н. В. Шелгунова. Изъ книжныхъ рѣдкостей г. Картавовъ въ первой книжкѣ напечаталъ по корректурному экземпляру произведеніе А. Палицына: «Посланіе къ Привѣтѣ или воспоминаніе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ моего времени» (Харьковъ, 1807 годъ).

Не ограничиваясь перепечаткой матеріаловъ, раньше неизвѣстныхъ или рѣдкихъ, г. Картавовъ даетъ литературныя и библиографическія справки. Между прочимъ, ему пришла любопытная мысль перепечатать *in extenso* всѣ матеріалы, касающіяся тридцатилѣтія газеты «Гражданинъ»: циркуляры, приглашавшіе къ торжеству, протестующія письма предводителей дворянства, которыя въ свое время были напечатаны въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и теперь, благодаря заботливости г. Картавова, спасенныя отъ забвенія. Изъ другихъ статей отмѣтимъ справки о стихотвореніяхъ графини Е. Ростопчиной, напечатанныхъ въ «Сѣверной Пчелѣ» 1846 года, и о незамѣченномъ портретѣ А. П. Герцева въ журналѣ «Гудокъ» за 1862 годъ. На вивнеткѣ первыхъ четырехъ

(потомъ уже ея не было) номеровъ этого журнала въ правомъ углу былъ помѣщенъ портретъ А. И. Герцена со знаменемъ въ рукѣ, на которомъ значится «Уничтоженіе крѣпостного права», повѣствующаго собравшемуся вокругъ него народу. Г. Картавовъ печатаетъ въ первой книгѣ своего «Архива» матеріалы для библиографіи сочиненій А. И. Герцена, напечатанныхъ въ Россіи. Не совсемъ ясно и точно обозначены его статьи во «Владимирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Обращаемъ вниманіе собирателя на точный ихъ перечень въ книгѣ г. Смирнова «Указатель къ Владимирскимъ Губернскимъ и Епархіальнымъ Вѣдомостямъ» (Владимиръ, 1902).

Хотя, по существу, первая книжка «Архива» не даетъ много новаго и важнаго, но, конечно, любители литературы и лица, занимающіяся ея изученіемъ, оцѣнятъ старанія г. Картавова и поблагодарятъ его за это изданіе. Нельзя не выразить желанія видѣть въ печати дальнѣйшія книжки «Литературнаго Архива». Въ заключеніе — предостереженіе всѣмъ, желающимъ воспользоваться «Литературнымъ мѣсяцесловомъ», составленнымъ г. Картавовымъ. Г. Картавовъ пишетъ въ предисловіи о томъ, что сей мѣсяцесловъ— «для повѣрки дней рожденія и смерти русскихъ писателей, такъ какъ даже въ новѣйшее время составители біографическихъ очерковъ впадали въ хронологическія ошибки». Жестокая иронія судьбы! Г. Картавовъ надѣлалъ въ своемъ указателѣ за первые три мѣсяца года цѣлый рядъ самыхъ невозможныхъ ошибокъ. Д. В. Веневитинова онъ умертвилъ два раза, 15-го и 16-го марта 1827 года, Глѣба Ив. Успенскаго предалъ смерти за 13 лѣтъ до его дѣйствительной смерти, Писемскій, Соханская не имѣютъ года рожденія; извѣстная Софья Васильевна Ковалевская превратилась въ Софью Власевну и т. д. Совѣтуемъ г. Картавову въ слѣдующихъ книжкахъ своего полезнаго изданія исправить ошибки мѣсяцеслова и тщательнѣе редактировать свои свѣдѣнія.

### II. III.

**Старина Русской земли. Первая книга для чтенія по отечественной исторіи. Древняя Русь. Составилъ В. Соколовъ, инспекторъ классовъ Чернявскаго женскаго училища, и В. Хитровъ, преподаватель 5-й женской гимназіи. М. 1903.**

Книга, заглавіе которой выписано, является весьма кстати. Она послужитъ хорошимъ руководствомъ при прохожденіи русской исторіи въ I и II классахъ гимназій по новой программѣ, рекомендованной министерствомъ народнаго просвѣщенія. Хотя эта книга заключаетъ въ себѣ до 270 стр., однако она можетъ стать учебникомъ, благодаря умѣлому расположенію матеріала въ шести главахъ (первые русскіе князья, утвержденіе христіанства въ Русской землѣ, начало монашества на Руси, княжескія усобицы и половцы, татарское иго и возвышеніе Москвы), разбитыхъ на мелкія части такъ, что преподавателю не трудно выбрать важное для усвоенія учащимися, остальное же прочитывать въ классѣ или дома. Въ изложеніи авторы держатся первоисточниковъ, сохраняя ихъ духъ и простоту. Сборникъ въ цѣломъ рассчитанъ на воспроизведеніе живой картины прошлаго съ соблюденіемъ какъ хронологической, такъ

и внутренней связи между повѣствуемыми событиями. Для полного воссозданія минувшаго, они пользуются народными были нами, историческими пѣснями и легендами, дополняя ихъ произведениями личнаго творчества. Языкъ отличается доступностью для того возраста, для котораго онъ предназначенъ: коротенькія предложенія значительно облегчаютъ пониманіе разсказа. Намъ казалось бы, что нѣсколько можно было бы сокращеніе изложить о внутреннихъ усобицахъ и вѣншихъ столкновенияхъ и расширить отдѣлъ о состояніи школъ и образованности. Иллюстраціи также были бы полезны для нагляднаго представленія нѣкоторыхъ важныхъ фактовъ и лицъ. Книга заканчивается главой, относящейся къ возвышенію Москвы, замѣстительницы Царяграда. Нужно думать, что предполагается выпустить вторую часть «Старины Русской земли», такъ какъ вышедшая книга сопровождается цифрой I. Замѣтимъ, что книга эта будетъ прочитана съ интересомъ всякимъ «грамотнымъ человѣкомъ», требованія котораго составителями, повидимому, были приняты во вниманіе.

А. Х.

### **Засодимскій. Наслѣдіе вѣковъ. Первобытные инстинкты и ихъ вліяніе на ходъ цивилизаціи. Спб. 1902.**

Если авторъ этой книжки тождественъ съ хорошо извѣстнымъ беллетристомъ П. В. Засодимскимъ, то, значить, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ заслуженнымъ беллетристомъ въ роли «начинающаго ученаго». Во всякомъ случаѣ, таковымъ онъ является въ глазахъ той части читающей публики, интересы которой сосредоточиваются не на беллетристической литературѣ. Прочитавъ книжку г. П. Засодимскаго, мы позволимъ себѣ высказать сомнѣніе въ томъ, чтобы она нашла у этой части публики, къ которой она, очевидно, адресуется, столь же благосклонный приемъ, какимъ пользовались у другой ея части его беллетристическія произведенія.

У этой книжки есть несомнѣнные достоинства: она написана легко, общедоступно и интересно. Къ сожалѣнію, этими вѣншими достоинствами далеко не выкупаются серіозные недочеты въ ея содержаніи. Авторъ собралъ въ своей небольшой книжкѣ массу по большей части интересныхъ фактовъ, иллюстрирующихъ культуру какъ первобытныхъ племенъ, такъ и цивилизованныхъ народовъ; но нельзя сказать, чтобы этотъ калейдоскопическій матеріалъ получилъ у него надлежащую и, главное, продуманную группировку.

Изъ книжки мы узнаемъ много интересныхъ подробностей о бытѣ первобытныхъ народовъ, но мы напрасно искали въ ней отвѣта на вопросъ, поставленный авторомъ: въ чемъ же заключается собственно это «наслѣдіе вѣковъ», такъ многообѣщающе фигурирующее въ заголовкѣ книги, и въ чемъ собственно выражается «вліяніе первобытныхъ инстинктовъ на ходъ цивилизаціи». Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ авторъ затрогиваетъ въ высшей степени интересный и важный въ культурной исторіи вопросъ о такъ называемыхъ «культурныхъ переживаніяхъ», или «пережиткахъ», и можно было ожидать, что если онъ и не попытается подвергнуть его пересмотру, то, по крайней мѣрѣ, познакомитъ читателей съ тѣми взглядами, которые имѣютъ право



гражданства въ современной наукѣ на этотъ предметъ. Однако, г. Засодимскій ограничивается на этотъ счетъ лишь нѣсколькими общими замѣчаніями.

Затрагиваетъ авторъ и другой интересный, и, можно сказать, капитальный вопросъ,— вопросъ о культурномъ прогрессѣ въ исторіи человѣчества. Въ этомъ вопросѣ г. Засодимскій склоняется въ сторону умѣренныхъ пессимистовъ, которые, не отрицая прогресса, подчеркиваютъ только его крайнюю медленность. «Многіе изъ нашихъ современниковъ,—говоритъ онъ,—убѣждены въ томъ, что человѣчество съ изумительной быстротой движется по пути прогресса — къ лучшему будущему. Дѣйствительно, человѣчество «движется къ лучшему будущему», но относительно быстроты этого движенія приходится сильно усомниться... Нѣтъ! Человѣкъ вовсе ужъ не такъ далеко ушелъ по пути прогресса, какъ кажется оптимистамъ». Быть можетъ, «оптимисты» и въ самомъ дѣлѣ не правы, но врядъ ли они найдутъ убѣдительною «пессимистическую аргументацію г. Засодимскаго. «Намъ скажутъ,—пишетъ онъ,—вспомните образчики первобытной культуры — грубые каменные топоры, неудобные кремневые ножи, иглы изъ рыбьихъ костей—и посмотрите теперь на чудовищныя машины, работающія на фабрикахъ и заводахъ... Все это такъ... Но горе въ томъ, что этими завоеваніями въ области культуры пользуется лишь малая доля человѣчества». Всѣ аргументы автора построены по такой же схемѣ. Желая доказать медленность прогресса, онъ указываетъ на факты, свидѣтельствующіе о недостаточной распространенности его результатовъ. Не всюду, однако, вѣдь, не то же, что не всегда. Но, оставляя въ сторонѣ логическую сомнительность подобной аргументаціи, нельзя согласиться и съ одною изъ посылокъ автора, что «завоеваніями въ области культуры пользуется лишь малая часть человѣчества». Вѣдь, если не всѣмъ доступны «чудовищныя машины, работающія на фабрикахъ и заводахъ», то результатами работъ этихъ машинъ пользуется, за самыми развѣ ничтожными исключеніями, все человѣчество, не исключая даже и обитателей дикихъ странъ, куда успѣли проникнуть продукты промышленности культурныхъ народовъ. Наконецъ, постоянное и быстрое распространеніе всѣхъ результатовъ культурнаго прогресса на все новыя и новыя группы некультурнаго человѣчества, равно какъ и на низшіе слои культурныхъ націй,—такъ сказать, всеобщая демократизація культурныхъ завоеваній,—представляетъ собою одинъ изъ господствующихъ фактовъ исторіи, въ особенности въ новѣйшее время. Отрицать его можетъ лишь тотъ, кто не хочетъ видѣть.

Х. У. З.

### Ю. Бѣляевъ. Актеры и пьесы. (Впечатлѣнія). Спб. 1902.

Г. Бѣляевъ избралъ особенный родъ театальной критики. Онъ не повѣряетъ авторовъ и исполнителей въ ихъ стремленіяхъ или намѣреніяхъ выразить извѣстныя заранѣе намѣченные положенія и характеры. Г. Бѣляевъ дѣлится съ читателемъ своими личными чувствами и впечатлѣніями, полученными отъ зрѣлища. Поэтому въ театальныхъ рецензіяхъ автора и не приходится разыскивать того, что принято называть критикой. Правда, критическія замѣчанія то и дѣло вырываются изъ-подъ пера г. Бѣляева. Эти замѣча-

нія остроумны, мѣтки, образны, но, тѣмъ не менѣе, они являются только блестящими критической мысли, назначеніе которыхъ у г. Вѣляева заключается въ томъ, чтобы украшать главный фонъ чувства. Поэтому нерѣдко случается, что по поводу видѣнной пьесы г. Вѣляевъ передаетъ свои личныя воспоминанія, мечты, настроеніе; такимъ образомъ онъ еще какъ бы одѣваетъ и украшаетъ чужое произведеніе своимъ творчествомъ, и подобный пріемъ, безъ всякаго сомнѣнія, должно признать очень оригинальнымъ. До извѣстной степени г. Вѣляевъ въ области театральнаго рецензіи создаетъ особенный жанръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно сказать, что подобный родъ критики не можетъ являться общимъ. Онъ—принадлежность личности; критикъ, не одаренный специальной способностью г. Вѣляева, при такомъ способѣ писанія каждую минуту рискуетъ сдѣлаться неинтереснымъ и явиться какимъ-то инороднымъ тѣломъ, появившимъ между зрителемъ и исполнителями. Самъ г. Вѣляевъ долженъ помнить эту постоянную рискованность своего положенія, въ которомъ каждую минуту возможно при неловкомъ неразсчитанномъ движеніи явиться пятномъ на яркомъ фонѣ разыгрываемаго на сценѣ драматическаго произведенія.

До тѣхъ поръ, пока г. Вѣляеву удалось сохранить мѣру, его очерки могутъ служить очень желательнымъ подспорьемъ при ознакомленіи съ ординарнымъ и экстраординарнымъ репертуаромъ нашей сцены. Кромѣ того, въ книгѣ имѣется рядъ очень интересныхъ юбилейныхъ историческихъ справокъ, характеристики выдающихся иногороднихъ и иностранныхъ гастролеровъ. Поэтому на ряду съ впечатлѣніями отъ новинокъ въ родѣ «Петербургскихъ труппъ» или «Контрабандистовъ» на сценѣ Малаго театра въ Петербургѣ, г. Вѣляевъ передаетъ свои чувства по поводу классическаго «Венеціанскаго мавра». Рядомъ съ дѣятелями Московскаго художественнаго театра, полагающаго искусство въ изображеніи хлопающихъ дверей и давленія комаровъ на шеѣ актеровъ, передъ читателемъ проходятъ Сальвини, Дузе, Кавалери, Режанъ; тутъ же сообщаются справки о Мочаловѣ и его значеніи для русской сцены, о юбилейныхъ чествованіяхъ Гоголя и постановкѣ его пьесъ въ добрыя старыя времена.

Итакъ, книга г. Вѣляева полна интереса для современнаго любителя театра, но, кромѣ того, въ виду особой манеры автора она заключаетъ въ себѣ большой интересъ для будущаго. По его книгѣ будущій историкъ русскаго театра получитъ возможность судить и о любимомъ или, по крайней мѣрѣ, разохжемъ репертуарѣ конкурирующихъ съ казеннымъ театромъ частныхъ сценъ, о присяжныхъ любимцахъ публики, объ исканіи нашимъ вѣкомъ сценическихъ новшествъ, о нарождающемся въ лицѣ художественнаго Московскаго театра служеніи сцены драматургу, а не наоборотъ. Мы говоримъ о постановкѣ неудачной пьесы Горькаго и проч. Между прочимъ статьи, содержащіяся въ книгѣ г. Вѣляева, всѣ своевременно были напечатаны на страницахъ «Новаго Времени» и тогда являлись отголоскомъ злобы дня, теперь же ихъ злободневность уже остыла, а между тѣмъ авторъ не позаботился сгладить и уичтожить ея слѣды, вслѣдствіе чего очень часто въ характеристикахъ и критическихъ очеркахъ попадаетъ слово «вчера». Это маленькое неряшество, однако, портитъ впечатлѣніе и развлекаетъ вниманіе читателя, который въ массѣ можетъ и не знать первоначальнаго происхожденія артиклей книги.

Г—скій.

**З. А. Рагозина. Древнѣйшая исторія востока. Исторія Халдеи съ отдаленнѣйшихъ временъ до возвышенія Ассиріи.**

**Ея же. Исторія Ассиріи. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1902.**

Исторію Востока у насъ еще очень мало знаютъ. Пособій (Вэберъ, Масперо), имѣющихъ научное значеніе, немного, а популярно-научныхъ сочиненій по исторіи Халдеи и Ассиріи мы вовсе не имѣемъ.

Роскошное изданіе г. Маркса, изящное и прекрасное съ внѣшней стороны, доставитъ читателямъ большое удовольствіе. Написаны книги легкимъ, колоритнымъ языкомъ, составлены по новѣйшимъ научнымъ даннымъ. Точка зрѣнія г-жи Рагозиной — культурно-соціальная. Съ большимъ увлеченіемъ она рассказываетъ о религіи древнихъ халдеевъ, ихъ культурѣ, государственной организаціи, искусствѣ. Страницы, посвященныя неимовѣрнымъ трудамъ европейскихъ ученыхъ проникнуть въ тайны одной изъ самыхъ древнихъ цивилизацій, — полны воодушевленія, которое невольно сообщается читателю. Въ самомъ дѣлѣ, сколько лишений, невѣроятныхъ усилій стоило открытіе какой нибудь статуи, какой нибудь надписи, какъ мужественно обрекали себя ученые на страшные труды. Г-жа Рагозина даетъ интересный рассказъ, развертывающій всю исторію сказочнаго Востока, приводитъ богатѣйшія легенды, священныя сказанія, мифы, подробно исчерпываетъ вавилонскую религію. Если можно упрекнуть автора, то главнымъ образомъ въ нѣкоторой наивности, которая въ данномъ случаѣ тѣсно связана съ провиденціальнымъ взглядомъ на историческій процессъ. Другая сторона, тоже неудачная, — это излишнее разжевываніе, съ дѣлью популяризаціи, самыхъ обыкновенныхъ вопросовъ, интересныхъ для дѣтскаго возраста, но не научно-популярнаго сочиненія, написаннаго, конечно, не для дѣтей.

Авторъ отлично справился съ огромнымъ матеріаломъ, которымъ свободно владѣеть, отнесся къ труду съ высокимъ чувствомъ благоговѣнія передъ исчезнувшей стариной. и это сильно подкупаетъ читателя. Книги богато иллюстрированы рѣдкими снимками и хорошими картами. П.

**В. С. Кривенко. На окраинахъ. — Ялта. — Въ Стамбулѣ. — Прикаспійская дорога. — Нѣмой край. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1902.**

Читая книгу В. С. Кривенко, невольно переносишься за нимъ въ его длинное и въ высшей степени интересное путешествіе.

Авторъ ведетъ васъ черезъ Севастополь, знакомитъ въ очень увлекательной формѣ съ прошлымъ этого дорогаго каждому русскому города, своими личными въ немъ впечатлѣніями и слышанными имъ рассказами ветерановъ. Описывая Ялту, авторъ очень подробно останавливается на вопросѣ о необходимости расширенія Ялтинскаго порта и улучшенія путей сообщенія Ялты съ внутренней Россіей, рекомендуя для этого протянуть желѣзнодорожную линію отъ Симферополя на Алушту, Ялту и вплоть до Севастополя съ зубчатымъ отро-

«истор. вѣстн.», февраль, 1908 г., т. хсі.

23

гомъ къ Бахчисараю,—«тогда весь благословенный уголокъ сталъ бы вполне доступнымъ для прѣзжающихъ».

Путешествіе на пароходѣ «Олегъ» въ Константинополь написано въ высшей степени живо, типы различныхъ національностей, встрѣченные авторомъ на палубѣ парохода, схвачены великолѣпно, но въ нѣкоторыхъ своихъ выводахъ о взаимныхъ отношеніяхъ представителей одной націи къ другой авторъ сильно грѣшитъ.

Напримѣръ, на стр. 69 онъ говоритъ: «И мусульманъ и іудеевъ религія соединяла, сближала и роднила». Что это за аномалія? Какъ могла религія мусульманская роднить съ своими послѣдователями іудея? Правда, что общаго въ этихъ обѣихъ религіяхъ очень много, и это объясняется тѣмъ, что Магометъ заимствовалъ для созданнаго имъ ислама немало отъ Моисеева ученія, но еврей презираемъ у всѣхъ безусловно мусульманскихъ народовъ и находится въ большемъ загонѣ и униженіи, нежели у христіанъ. «Иудѣя»—ругательное слово на Востокѣ. Никогда истый мусульманинъ даже не подастъ руки еврею, а не то, что будетъ раздѣлять съ нимъ трапезу. У большинства восточныхъ народовъ еврей не имѣли права ѣздить верхомъ на лошадяхъ, и въ видѣ особой милости имъ позволялось ѣздить лишь на ослахъ (ишакахъ), какъ, напримѣръ, въ Средней Азіи до завоеванія ея русскими.

Въ этотъ случаѣ авторъ жестоко ошибается, смѣемъ его увѣрить.

Описаніе Прикаспійской дороги и Кисловодска значительно уступаетъ предыдущимъ главамъ, и это весьма понятно; во время ѣзды въ поѣздѣ матеріала для наблюденій значительно меньше, но лишь только авторъ выходитъ изъ вагона и садится въ экипажъ, опять съ большимъ увлеченіемъ и художественностью онъ рисуетъ передъ вами новые типы и новыя все болѣе и болѣе заманчивыя картины.

Подъ «Нѣмымъ краемъ» авторъ предлагаетъ читателю описаніе своихъ впечатлѣній при путешествіи по Остзейскимъ губерніямъ, хорошо знакомымъ каждому русскому, благодаря обширной литературѣ, посвященной дѣйствительно, какъ удачно подмѣтилъ авторъ, «нѣмому» уголку нашей великой родины.

Что особенно цѣнно и за что можно благодарить автора,—такъ это обиліе прекрасныхъ фотографій, дающихъ полное представленіе о типахъ и мѣстности, которой авторъ касается. Какъ помѣчено въ концѣ книги, иллюстраціи эти воспроизведены съ снимковъ работъ гг. Шульда, Рыбickaго, Семенова (въ Ялтѣ), Протопопова (въ Севастополѣ), Руднева (во Владикавказѣ), Ермакова (въ Тифлисѣ), Тетерина (въ Ревелѣ), и надо замѣтить, что работа этихъ художниковъ безукоризненна.

Книга читается съ большимъ увлеченіемъ, заключая въ себѣ рядъ самыхъ живыхъ и интересныхъ рассказовъ, знакомящихъ читателя съ нашими богатыми природою окраинами, нисколько не уступающими, а, пожалуй, и превосходящими многіе курорты и побережья чужеземнаго запада.

Борисъ Тагъевъ.

**В. Вундтъ. Введение въ философію. Переводъ съ нѣмецкаго  
С. С. Штейнберга и С. Д. Львова. Спб. 1902.**

Настоящая книга извѣстнаго нѣмецкаго психолога-философа составилаь изъ лекцій, которыя онъ читалъ въ продолженіе многихъ лѣтъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, и предназначается исключительно для читателя, только начинающаго знакомиться съ философіей. Предназначая свой курсъ философіи начинающимъ, Вундтъ старался дать книгу, представляющую по своему содержанию законченное цѣлое, при чемъ избѣгалъ, какъ выдвигать на первый планъ собственный взглядъ на философскія ученія, такъ и критическаго разбора чужихъ точекъ зрѣнія, чтобы тѣмъ яснѣе представить читателю историческій ходъ возникновенія самой философіи и философскихъ проблемъ.

По содержанию свой трудъ авторъ раздѣлилъ на три отдѣла. Въ первомъ онъ разсматриваетъ задачи и систему философіи, отношеніе ея вообще къ наукѣ и религіи и подробно останавливается на изложеніи классификаціи наукъ, въ томъ порядкѣ, какъ онѣ были предложены различными философами. Во второмъ—историческое развитіе философіи, начиная съ общаго развитія греческой философіи и подробно излагая ученія философовъ по эпохамъ, при чемъ изъ древнихъ философовъ ученія Платона и Аристотеля излагаются наиболѣе подробно. Изъ философовъ же новѣйшихъ временъ авторъ больше всего отводитъ мѣста Спинозѣ и Канту. Въ третьемъ—разсматриваются важнѣйшія философскія направленія: гносеологическое, метафизическое и этическое.

Обладая обширнымъ образованіемъ и имѣя такой трудъ, какъ «Система философіи», Вундтъ, какъ и надо было предполагать, блестяще справился съ той задачей, которую онъ намѣтилъ въ предлагаемой читателямъ книгѣ. Но заслуга и цѣнность этой книги заключаются еще и въ томъ, что въ ней всѣ трудныя и запутанныя философскія ученія, доступныя для пониманія людямъ съ специальной подготовкой, изложены, хотя и сжато, но такъ просто и понятно, что невольно возбуждаютъ интересъ къ философіи даже и у лицъ не посвященныхъ, а только приступающихъ къ этой трудной области знанія. Еще нужно указать на то, что каждый отдѣлъ снабженъ библиографическимъ указателемъ, какъ руководствъ, касающихся историческаго развитія философіи, такъ и произведеній самихъ философовъ. К.

**В. Г. Бѣлинскій. Полное собраніе сочиненій въ 12-ти томахъ,  
подъ редакціею и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томъ VI.  
Спб. 1903.**

Огромное и замѣчательное предпріятіе С. А. Венгерова подвигается впередъ, и съ выходомъ въ свѣтъ шестого тома оказывается на половину выполненнымъ. Въ законченномъ видѣ прекрасное изданіе г. Венгерова, несомнѣнно, будетъ незамѣнимымъ пособіемъ по исторіи литературы періода Бѣлинскаго. Въ новомъ томѣ мы встрѣчаемъ всѣ достоинства прежнихъ томовъ: полноту собранія, обиліе и содержательность примѣчаній, тщательность редакціи и т. п. Въ шестой томъ вошли произведенія 1841 года: многія изъ нихъ печатаются

въ исправленномъ видѣ или даже впервые появляются въ собраніи. Особенный интересъ для знатоковъ Бѣлинскаго представляютъ статьи, примыкающія къ «Критической исторіи русской литературы», относящіяся къ 1841—1848 годамъ. Въ изданіи г. Венгерова онѣ печатаются впервые по рукописямъ, купленнымъ въ 1898 году г. Сабашниковымъ у московскаго букиниста Толченова и въ настоящее время хранящимся въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ. Примѣчаній попрежнему много: въ общемъ они даютъ массу свѣдѣній по исторіи литературы, современной Бѣлинскому; обо всѣхъ мелкихъ писателяхъ, затрагиваемыхъ Бѣлинскимъ, даются обстоятельныя био-библиографическія данныя. По поводу одного изъ примѣчаній о книгѣ съ именемъ Булгарина «Россія въ историческомъ, статистическомъ и литературномъ отношеніяхъ» нельзя не замѣтить, что г. Венгеровъ, просмотрѣвъ или не воспользовавшись статьею по этому вопросу профессора Евг. Боброва (въ его «Материалахъ и изслѣдованіяхъ по русской литературѣ»), даетъ слишкомъ рѣшительное сообщеніе объ отсутствіи авторства г. Булгарина. Иногда примѣчанія г. Венгерова разрастаются въ цѣлыя экскурсы. Такъ, напримѣръ, по поводу статей Бѣлинскаго о Лермонтовѣ г. Венгеровъ даетъ обстоятельную статью, дѣлающую оцѣнку той роли, которую сыгралъ Бѣлинскій въ литературной судьбѣ Лермонтова. Къ шестому тому приложенъ портретъ Бѣлинскаго, рисованный И. А. Астафьевымъ, и два снимка съ рукописи статей Бѣлинскаго о народной поэзіи.

Пожелаемъ почтенному редактору изданія возможно скорѣе привести къ концу свое предпріятіе, имѣющее такой интересъ и такую цѣнность для исторіи русской литературы второй четверти вѣка, какую для первой имѣетъ монументальное изданіе сочиненій Батюшкова, выполненное Л. Н. Майковымъ и В. И. Саитовымъ.

П. Ш.

**Изслѣдованіе человѣческаго разумѣнія. Давидъ Юмъ. Переводъ съ англійскаго С. И. Церетели. Изданіе М. В. Пирожкова. Спб. 1902.**

Настоящая книга является прекраснымъ переводомъ сочиненія извѣстнаго англійскаго философа и историка Давида Юма, оставившаго послѣ себя (умеръ въ 1776 году) нѣсколько интересныхъ сочиненій: «Трактатъ о природѣ чловѣка», «Изслѣдованія о человѣческомъ разумѣ», «Исторія Англій», «Естественная исторія религій» и мн. др. Въ настоящемъ своемъ «изслѣдованіи» Давидъ Юмъ останавливается прежде всего на различныхъ методахъ философіи и дѣлаетъ точное опредѣленіе двухъ главнѣйшихъ, рѣзко различающихся между собою «классовъ» философовъ. «Такъ какъ добродѣтель признается наиболѣе цѣннымъ изъ всѣхъ объектовъ, то философы этого направленія, — говоритъ историкъ, — рисуютъ ее самыми привлекательными красками, обращаясь за помощію къ поэзіи и краснорѣчію, и избираютъ для своего предмета легкой и ясный методъ изложенія, наиболѣе способный понравиться воображенію и плѣнить чувства. Они выбираютъ самые поразительные примѣры наблюденія изъ обыденной жизни, ставятъ противоположныя характеры въ надлежащій контрастъ и, завлекая насъ на пути истины видѣніями славы и

счастья, руководятъ нами съ помощью самыхъ здравыхъ предписаній и примѣровъ наиболѣе знаменитыхъ людей. Они даютъ намъ почувствовать разницу между порокомъ и добродѣтелью, они будятъ и направляютъ наши чувства, и разъ имъ только удастся вселить въ наши сердца любовь къ правдѣ и истинной чести, они считаютъ цѣль своихъ трудовъ исполнѣ достигнутой».

Другой классъ философовъ, по словамъ Давида Юма, признаетъ человѣка не столько за дѣятельное, сколько за разумное существо, и стремится скорѣе къ развитію его разсудка, чѣмъ къ воспитанію его нравовъ. «Эти философы считаютъ человѣческую природу предметомъ теоретическаго изслѣдованія и изучаютъ ее тщательно и точно, съ цѣлью открыть тѣ принципы, которые управляютъ нашимъ разумѣніемъ, возбуждаютъ наши чувства и заставляютъ насъ одобрять или порицать всякій данный объектъ, поступокъ или образъ дѣйствій. Они считаютъ позоромъ для всей науки, что философія до сихъ поръ не установила безапелляціонно основаній нравственности, разсудка и критеріума, и все продолжаютъ толковать объ истинѣ и лжи, порокѣ и добродѣтели, красотѣ и безобразіи, не будучи въ состояніи указать источника этихъ различныхъ опредѣленій. Ихъ изслѣдованія кажутся отвлеченными и даже непонятными заурядному читателю; но они рассчитываютъ на одобреніе ученыхъ и мудрецовъ»...

Симпатіями англійскаго философа пользуется первая школа, и онъ находитъ, что «наиболѣе прочную и въ то же время исполнѣ справедливую славу всегда пріобрѣтала легкая, болѣе ясная философія, тогда какъ отвлеченные мыслители, повидимому, пользовались до сихъ поръ лишь минутной репутаціей, основанной на капризѣ или невѣжествѣ своихъ современниковъ, и не въ состояніи были поддерживать свою славу передъ лицомъ болѣе безпристрастнаго потомства».

Въ дальнѣйшемъ своемъ содержаніи книга Давида Юма представляетъ еще три очень интересныхъ отдѣла—IX, X и XI-й: о разумѣ животныхъ, о чудесахъ и о Провидѣніи и будущей жизни. Книга написана языкомъ яснымъ, точнымъ и понятнымъ, съ отсутствіемъ обычнаго въ подобныхъ сочиненіяхъ философскаго тумана и неопредѣленности; издана она довольно хорошо.

И. Н. З.

**Остія. Гавань Рима. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Съ планомъ Остіи. Д. Нагуевскаго, проф. императорскаго Казанскаго университета. Казань. 1903.**

Трудъ проф. Нагуевскаго, напечатанный первоначально въ «Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета», представляетъ собою собственно рецензію на вышедшее въ Берлинѣ изслѣдованіе Рихарда Фиша: «Eine Wanderung nach den Trümmern von Ostia». Специалистъ обратится, конечно, непосредственно къ упомянутому сейчасъ труду Фиша и къ его предшественникамъ (Буассье, Кавина, Дессау и др.), но вельзя не поблагодарить автора, что онъ въ своемъ крайне обстоятельномъ отзывѣ даетъ возможность познакомиться съ новѣйшими раскопками Остіи и обыкновенному читателю; это тѣмъ болѣе, что на русскомъ языкѣ вообще соответствующихъ трудовъ почти не существуетъ.

А. Н.

**И. К. Канадѣвъ. Очерки закавказской жизни. Томъ I. Спб. 1902.**

Авторъ этой книги жилъ на Кавказѣ около двадцати лѣтъ и успѣлъ приобрѣсти много знакомыхъ среди русскаго и туземнаго населенія. Пользуясь этимъ знакомствомъ, г. Канадѣвъ старался изъ бесѣдъ съ друзьями опредѣлить взаимныя отношенія народностей Кавказа. Изъ такихъ-то бесѣдъ составилась книга съ вышеприведеннымъ заглавиемъ. Онъ знакомитъ со взглядами и настроеніемъ каждой народности, рисуя ее въ лицѣ своего собесѣдника. Такихъ собесѣдниковъ у него столько, сколько наиболѣе крупныхъ народностей въ Закавказьѣ. Сначала онъ выводитъ армянина, такъ какъ, по его словамъ, «армянская національность представляетъ самый боевой элементъ края». За армяниномъ слѣдуютъ представители другихъ племенъ въ слѣдующемъ порядкѣ: турокъ, грузинъ, персіанинъ и русскій. Хотя авторъ постарался быть безпристрастнымъ, однако несомнѣнно, что онъ преслѣдовалъ разныя цѣли при изображеніи той или иной народности. Онъ выступаетъ апологетомъ армянъ, поборникомъ интересовъ обиженныхъ турокъ, обличителемъ грузинъ, сторонникомъ партіи, ратующей за введеніе Персіи въ сферу экономического воздѣйствія Россіи. Особнякомъ стоитъ глава «Прощенный разбойникъ», въ которой г. Канадѣвъ выводитъ Ахмета-Агу и его дѣянія въ теченіе 55 лѣтъ. Что же касается до русской національности, то авторъ находитъ, что отсутствіе широкой предпріимчивости русскаго населенія препятствуетъ задачамъ культуриванія Кавказа. Каждая глава автора представляетъ много интересныхъ замѣчаній, но въ общемъ книга является искусственно построенною: въ одномъ лицѣ обнять взгляды и стремленія народности равносильно изображенію племени многоголовой и безформенной гидры.

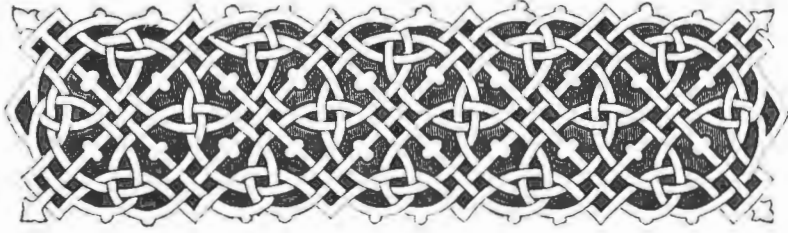
А. X.

**Gedichte von Nikolai Alexejewitsch Nekrassow. Im Versmass des Originals von Friedrich Fiedler. Lpz. 1902.**

Извѣстный переводчикъ Ф. Ф. Фидлеръ каждый годъ даритъ нѣмецкую публику своими переводами русскихъ поэтовъ. Достоинство этихъ работъ давно уже всѣми признано; всегда сохраняя размѣръ оригинала, г. Фидлеръ переводитъ почти дословно, но при этомъ никогда не исчезаютъ въ произведеніяхъ избранныхъ имъ писателей поэтическія краски. Чѣмъ народнѣе поэтъ, тѣмъ труднѣе его передача на чужомъ языкѣ, и эта трудность особенно ясна, когда приходится имѣть дѣло съ произведеніями Некрасова. Но къ счастью г. Фидлеръ не только рѣдкій знатокъ русскаго и нѣмецкаго языковъ, но и настоящій поэтъ. Его тонкое художественное чутье прекрасно подсказало ему, что надо выбрать изъ произведеній Некрасова, чтобы познакомить нѣмцевъ съ музой мести и печали, и какъ въ поэтической передачѣ истолковать ихъ смыслъ. За такіе переводы должны благодарить г. Фидлера и нѣмцы, которымъ открывается новый міръ, и русскіе, которые несутъ европейцамъ плоды своего творчества.

А. В.





## ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.



**П**ЕСТИСОТЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ БИТВЫ. Въ прошломъ году праздновали въ бельгійскомъ городѣ Куртрэ шестисотлѣтнюю годовщину знаменитаго такъ называемаго сраженія «Шпуръ», въ которомъ все рыцарство Филиппа Красиваго было уничтожено толпами фламандскихъ гражданъ изъ Брюгена, Иира и Зеланда. Партія фламандскихъ патріотовъ, ненавидѣвшая французовъ, старалась по этому случаю возбудить расовую ненависть и придать торжеству характеръ побѣды одной національности надъ другой. Но, какъ краснорѣчиво доказываетъ извѣстный бельгійскій беллетристъ Морисъ Метерлинкъ въ блестящей, хотя не большой статьѣ, помѣщенной въ февральской книжкѣ «Pall-Mall Magazine» <sup>1)</sup>, «всѣ интриги этой воинственной партіи не привели ни къ чему. Внутренній смыслъ и великое значеніе юбилея оказалось торжествомъ не расовымъ, а сословнымъ. Исторія уже давно доказала, что на Куртрэйскихъ поляхъ одержала кровавую побѣду не одна національность противъ другой, а народъ противъ рыцарства. Въ сущности, говоритъ авторъ, это было первымъ великимъ побоищемъ въ той борьбѣ, которая постоянно изъ столѣтія въ столѣтіе измѣняетъ свои лозунги, но остается все той же до настоящей минуты, — въ борьбѣ между рабочими и туеядцами, производителями и грабителями. На зеленой полянѣ рѣки Ли выставлены были ряды не фламандцевъ и французовъ, а представителей тяжело работающаго народа и лѣнивыхъ господъ, безразлично туземныхъ или иностранныхъ, представителей поселянъ, ремесленниковъ, кунцовъ, мелкихъ людей большихъ городовъ, основавшихъ будущее, и земельныхъ владѣльцевъ, бароновъ, ненасытныхъ, кровавадныхъ, ни на что ненужныхъ рыцарей, создавшихъ прошедшее. Тутъ про-

<sup>1)</sup> The battle of the spurs, by Maurice Maeterlinck. «Pall-Mall Magazine». Febr. 1903.

исходила битва между муниципальными правами, энергичными, счастливыми, жизнеобильными и свободными, съ феодальными правами, отягочительными, гордыми, притѣснительными и смертельными. Героическіе ткачи Ипра и Брюгена возстали противъ Филиппа Красиваго не потому, что онъ былъ французскій король, а за то, что онъ заключилъ союзъ съ патриціями ихъ страны, грабившими горожанъ, и пользовался ихъ помощію. Онъ стремился къ управленію общинами, и, несмотря на лживыя традиціи прежнихъ вѣковъ, онъ возстали, возбужденныя инстинктомъ бессознательныхъ массъ, въ защиту великихъ принциповъ мира и труда». Фактическая сторона этого историческаго событія была вполнѣ достойна положенныхъ въ нее двухъ идей. Съ одной стороны, тѣснился цвѣтъ рыцарей не только Франціи, но всей Европы; «*Il fiore della cavalleria del monde*», какъ выразился хроникръ того времени. Тутъ было тридцать тысячъ всевозможныхъ воиновъ. Съ другой стороны стояло двадцать пять тысячъ фландрскихъ поселянъ, рабочихъ и горожанъ. Среди нихъ было очень мало воиновъ, и большинство вооружено косами, дубинами и проч. Противники ихъ напротивъ являлись во всеоружіи тогдашняго рыцарства. Громадное количество изъ нихъ составляли фламандскіе бароны. Когда началась трехчасовая памятная битва, то фламандцы по своему обыкновенію составили непреступное карѣ и для лучшаго отпора враговъ встали на колѣни. Съ презрѣніемъ глядя на своихъ пѣшихъ враговъ, гордые всадники-рыцаря понеслись на нихъ съ необыкновенной отвагой по командѣ главноначальствующаго, Роберта Артуа. «Страшно подумать, какой нанесенъ былъ ударъ,—разсказываетъ Метерлинкъ.—Болѣе двухъ тысячъ лошадей и закованныхъ въ тяжелую броню рыцарей ударились ровно, словно стѣнитная машина, на двадцатипятитысячную массу людей, какъ бы прпросшихъ къ землѣ. Гигантская, залитая въ желѣзо человѣческая громада пришла въ столкновеніе съ живой стѣной и дрогнула. Эта стѣна мѣстами открылась и поглотила въ себя эскадроны за эскадронами, исчезнувшими словно въ неугасаемомъ пламени. Муравейникъ поглотилъ чудовище». Робертъ Артуа, понявъ катастрофу, двинулъ вторую конную атаку, но фламандцы снова открыли свои ряды и поглотили гордыхъ рыцарей. Кровопрлитная сѣча была неописанная. Обратившись въ бѣгство, остальные рыцаря бросились въ рѣку и вкорѣ наполнили ея воды кровавыми трупами. Наконецъ Робертъ Артуа повелъ въ бой послѣднихъ 16.000 рыцарей, но и ихъ судьба была столь же роковая. Самъ Артуа хотѣлъ сдаться, но его изрѣзали въ куски. Въ арьергардѣ рыцарей произошла роковая паника, и въ концѣ концовъ побѣдили крестьяне и горожане. Добыча побѣдителей была такъ велика, что подобранныя на полѣ битвы золотыя шпоры продавались на рынкахъ пудами. Это было, по словамъ автора, первое великое пораженіе средневѣковыхъ рыцарей и одна изъ славнѣйшихъ побѣдъ мистической справедливости, которая служитъ гармоніей умственныхъ и нравственныхъ силъ, называемыхъ чловѣчествомъ.

— Орлеанская дѣва. Въ послѣдніе годы, благодаря вопросу о признаніи Орлеанской дѣвы святою, значительно развилась литература, посвященная ея исторіи. Канонизація же Іоанны д'Аркъ значительно подвигалась впередъ, и уже папскій Римъ призналъ ее «преподобной», т.-е. удостоилъ ее сте-

пени, предшествующей сану святой. Но въ настоящее время это дѣло неожиданно затормозилось, вслѣдствіе политической причины: именно борьбы французскаго правительства съ конгрегаціями. Римская курія стала рѣзко сопротивляться признанію француженки святой, и сочинила предлогъ, припятствующій этому признанію. Онъ заключается въ томъ, что сама Орлеанская дѣва при жизни отрелася отъ своей священной миссіи. Въ сущности этотъ вопросъ не новый, и отреченіе Іоанны д'Аркъ было ею взято назадъ предъ казнью. Кромѣ того, Карлъ VII, сдѣлавшись владѣтелемъ всей Франціи, возстановилъ честь своей благодѣтельница и освободительницы Франціи, коронованной въ Реймсѣ. Онъ назначилъ официальное разслѣдованіе ея процесса, результатомъ чего была полная ея реабилитація въ 1455 г. Подлинный текстъ протоколовъ этого процесса и реабилитировавшаго приговора былъ напечатанъ по-французски г. Кишра шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Теперь же вопросъ возстановленія чести Орлеанской Дѣвы такъ интересуется не только французовъ, но и англичанъ, что появился переводъ этого замѣчательнаго историческаго матеріала на англійскомъ языкѣ. Имя переводчика скрыто, но издатель книги <sup>1)</sup>, Дугласъ Муррей, снабдилъ ее интереснымъ введеніемъ и замѣчательными примѣчаніями. Она выпущена подъ названіемъ: «Іоанна д'Аркъ, дѣва Орлеанская». Это литературное явленіе тѣмъ замѣчательное, что, быть можетъ, впервые оно составляетъ краснорѣчивую защиту на англійскомъ языкѣ французской героини, измѣнически взятой въ плѣнъ бургундцами и проданной англичанамъ, которые сожгли ее, какъ еретичку на кострѣ, послѣ приговора, произнесеннаго французскимъ епископомъ Кошономъ. Хотя книга Кишра въ подлинникъ и переводъ служить полнымъ отвѣтомъ на неосновательный предлогъ Римской курии отказать въ канонизаціи Орлеанской Дѣвы, но каноникъ Шевалье нашель нужнымъ напечатать опроверженіе доводовъ курии и обѣленіе великой героини. Въ небольшомъ сочиненіи подъ названіемъ «Отреченіе Іоанны д'Аркъ» <sup>2)</sup> онъ краснорѣчиво доказываетъ всю неосновательность и несправедливость признавать доказаннымъ отреченіе мученицы отъ своего религіознаго призванія. Каноникъ Шевалье—не единственный католическій патеръ, защищающій Орлеанскую Дѣву. Ея прославленію посвящаетъ многочисленные труды и іезуитъ, патеръ Айроль. Недавно вышли третій томъ его «Настоящей Іоанны д'Аркъ» <sup>3)</sup>, отдѣльное сочиненіе «Дѣвственная воительница» <sup>4)</sup> и ловко составленный трактатъ: «Парижскій университетъ во времена Іоанны д'Аркъ». Съ изворотливостью истиннаго іезуита патеръ Айроль защищаетъ Іоанну и въ то же время отстаиваетъ католическую церковь. По его словамъ, не католическая церковь, не папа враждовали противъ нея, а Парижскій университетъ, бывший въ то время чисто-религіознымъ учрежденіемъ. Такимъ образомъ несчастную мученицу погубилъ университетъ съ его

<sup>1)</sup> Jeanne D'Arc, Maid of Orleans. The Story of her Life is set forth in the Original Documents. Edited by T. Dugaas-Murray. London. 1902.

<sup>2)</sup> L'abjuration de Jeanne d'Arc, au cimetière de Saint-Ouen et l'authenticité de sa formule, par chanoine Chevalier (Le Chanoine) Paris. 1902.

<sup>3)</sup> La vraie Jeanne d'Arc, par J. Ayroles. S. J. Paris. 1902.

<sup>4)</sup> La Vierge Guerrière. Ibid.

представителем архіепископомъ Кошономъ, а католическая церковь и папа были въ этомъ преступномъ дѣлѣ не при чемъ<sup>1)</sup>.

Внѣ религіозной полемики Іоанна д'Аркъ служить предметомъ двухъ замѣчательныхъ французскихъ книгъ, вышедшихъ въ прошедшемъ году. Первая изъ нихъ «Хроника Антоніо Морозини», хотя переведена съ итальянскаго М. Дорезомъ, но удостоена преміи французской академіи<sup>2)</sup>. Эта книга издана съ любопытными введеніемъ и комментаріями Ж. Лефевра Понтали и заключаетъ въ себѣ четыре тома отрывковъ изъ дневника Морозини, касающихся исторіи Франціи. Самъ же авторъ ея былъ одинъ изъ извѣстныхъ и богатыхъ венеціанскихъ купцовъ XV вѣка. Онъ описываетъ въ своихъ запискахъ не только то, что самъ видѣлъ и слышалъ, но прибавляетъ еще письма, полученныя отъ товарищей изъ-за границы. Самый замѣчательный эпизодъ, подробно охарактеризованный имъ и его сотрудниками, составляетъ исторію Іоанны д'Аркъ, рассказанную имъ почти день за день, начиная съ половины мая 1429 г. до іюня 1431 г. Документы, относящіеся до Орлеанской Дѣвы, раздѣляются на 25 группъ и, кромѣ самого Морозини, сообщаемыя свѣдѣнія главнымъ образомъ принадлежатъ Понкраціо Джюстиніани, который черпалъ свои свѣдѣнія у бургундцовъ, и Джіованни-да-Молино, вполне вѣрившаго въ ея божественное вдохновеніе. Вторая упомянутая нами книга не хроника этого времени, а чисто художественное литературное произведеніе современнаго извѣстнаго писателя Анатоля Франса. По всей вѣроятности, онъ задумалъ написать объемистую біографію знаменитой героини: нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ журналовъ онъ помѣстилъ первую ея главу, въ которой описалъ очень живо и блестяще юность и видѣнія Жанны до того момента, когда она отправилась изъ своей деревни Домреми къ французскому дофину, съ цѣлью спасти отечество. Теперь гораздо подробнѣе, но съ одинаковымъ талантомъ онъ описываетъ первый подвигъ Іоанны д'Аркъ—снятіе осады Орлеана. Этому замѣчательному эпизоду въ ея жизни Анатоль Франсъ посвящаетъ статью<sup>3)</sup> «Осада Орлеана», помѣщенную въ пяти нумерахъ «Revue de Paris», отъ января до марта прошлаго года. Въ началѣ своего разсказа авторъ обстоятельно повѣствуетъ о первыхъ пяти мѣсяцахъ осады Орлеана. Жителямъ этого города очевидно не везло, и осада со стороны англичанъ шла съ постоянно увеличивавшимся успѣхомъ. Встревоженные и безпокойные орлеанцы приходили уже въ отчаяніе. «Неожиданно, — говоритъ Анатоль Франсъ, — распространился странный слухъ: стали говорить, что чрезъ городъ Жіенъ проѣхала молодая дѣвушка, называемая «Дѣвственницей»; она увѣряла, что отправляется въ Шинонъ къ «милому дофину», такъ какъ Богъ посылаетъ ее, чтобы снять осаду Орлеана и короновать короля въ Реймсѣ. Эта новость возбудила большое волненіе и восхищеніе, породившія безконечныя надежды. Лихорадка

<sup>1)</sup> L'Université de Paris en temps de Jeanne d'Arc. Ibid.

<sup>2)</sup> Chronique d'Antonio Morosini, extraits relatifs à l'histoire de France, introduction et commentaire de M. Lefevre-Pontalis, traduction par M. Dorez. Paris. 4 vol. 1902.

<sup>3)</sup> «Le siège d'Orléans 1428—1429», par Anatole France. «La Revue de Paris». Janvier—mars 1902.

осады перешла въ лихорадку «Дѣвственницы». Ничего подробнаго не знали о ней, кромѣ того, что она явилась, и ей однако всё повѣрили. Любопытство, возбужденное ею, было такъ пламенно, что орлеанскія власти рѣшили его удовлетворить. Нѣкоторые изъ нихъ не довѣряли набожной молодой дѣвушкѣ, но считали долгомъ поддержать всеобщую надежду, поэтому посланы были въ Шинонъ два знатныхъ дворянина, чтобы все разузнать о ней. Дѣйствительно въ Шинонъ прибыла таинственная, высокая-религіозная молодая дѣвушка изъ Домреми. Анатолю Франсу съ удивительнымъ искусствомъ и неподражаемымъ мастерствомъ рисуетъ ее. Его Іоанна—не условная классическая святая и не обычная амазонка въ драматической позѣ, напротивъ это грубая крестьянская дѣвушка, толстая, широкогрудая, но въ глазахъ ея блеститъ необыкновенная духовная сила, превращающая самое заурядное лицо въ нѣчто божественное. Она всегда готова на ловкій отвѣтъ, когда хотятъ ее смутить докучливымъ вопросомъ. Когда лемузенскій докторъ богословія спросить у ней, на какомъ языкѣ говорили слышанные ею съ неба таинственные голоса, то она, намекая на его акцентъ, сказала: «на лучшемъ французскомъ языкѣ, чѣмъ вы говорите». На шутку она отвѣчала шуткой, а на попытку фамиллярности готова была дать въ ухо. Однако это не мѣшало ей вести себя, какъ вдохновенной Богомъ, и при всей ея душевной веселости снокойствие и серіозная разсудительность дѣлали ее похожей на святую. Главной отличительной чертой ея характера было необыкновенное чувство поклоненія королю, котораго она чтитъ едва ли не наравнѣ со святыми, хотя онъ далеко не заслуживалъ такого культа. «Карль VII, по словамъ Анатоля Франса, былъ въ сущности ничтожный человекъ, застѣнчивый, подозрительный, болѣзненный, одиннадцатый ребенокъ сумасшедшаго отца и чахоточной матери. Религіозный и скромный, окруженный несчастными обстоятельствами, онъ былъ боязливымъ, всегда печальнымъ и недовѣрчивымъ. Но, можетъ быть, именно такой король и требовался въ то время. Простой, тихій человекъ, онъ воевалъ не изъ желанія храбрыхъ подвиговъ, а съ цѣлью приобрести миръ». При первомъ свиданіи молодой крестьянки съ королемъ она узнала его хотя онъ сиротался среди многочисленной свиты. Она прямо остановилась предъ нимъ и сказала: «Дай Богъ вамъ долгую жизнь, милый дофинъ?» На вопросъ его, какъ ее зовутъ, и чего она хочетъ, дѣвушка отвѣчала: «Меня зовутъ Іоанна Дѣвственница; я принесла вамъ отъ Бога вѣсти и заявляю вамъ, что Господь возвратитъ вамъ французское королевство, коронуетъ васъ въ Реймсѣ и навсегда изгонитъ вашихъ враговъ. Предоставьте мнѣ смѣло дѣйствовать: я сниму осаду съ Орлеана». Но, прежде чѣмъ вручить ей свою судьбу, нерѣшительный Карль послалъ молодую дѣвушку въ Пуатье, гдѣ въ то время заседалъ парламентъ, чтобы ее испытали высокопоставленные лица церкви. Авторъ называетъ по именамъ шестнадцать ученыхъ богослововъ, которымъ поручено было удостовѣриться въ твердости ея вѣры и нравственности ея принциповъ, но прибавляетъ, что судей, рѣшившихъ компетентность простой пастушки, было гораздо болѣе. На первый вопросъ патера Ломбара Іоанна отвѣчала: «Я впервые услышала небесный голосъ, когда пасла стадо. Голосъ мнѣ сказалъ: «Богъ сожалеетъ французскій народъ. Іоанна, тебѣ необходимо итти во

Францію». Услышавъ эти слова, я начала плакать. Тогда голосъ мнѣ сказалъ: «Пойди въ Вокулерь: ты найдешь тамъ капитана, который проводитъ тебя во Францію къ королю, не бойся ничего». Я сдѣлала, что мнѣ сказали, и прибыла къ королю безъ всякаго препятствія». Послѣ многихъ вопросовъ со стороны богослововъ, на которые Иоанна отвѣчала стойко и всегда кстати, они заявили, что, если бы Богъ хотѣлъ спасти Францію отъ враговъ, то могъ бы это сдѣлать безъ всякихъ воителей, тѣмъ болѣе женщинъ. «Именемъ Бога,—воскликнула Иоанна,—вооруженные воины будутъ сражаться, а Богъ дастъ имъ побѣду». Вслѣдъ за этимъ затронуть былъ вопросъ о томъ, зачѣмъ она носила мужское, а не женское платье. Иоанна отвѣчала, что ей такъ удобнѣе, и многія святыя носили мужскую одежду, кромѣ того, это помогало ей сохранить свою невинность. Чтобы окончательно убѣдиться въ невинности молодой дѣвушки, ее подвергли освидѣтельствуванію повивальныхъ бабокъ, и она была признана совершенно дѣвственной. Наконецъ богословы потребовали отъ нея какого нибудь знаменія въ доказательство, что она прислана Богомъ. «Мое знаменіе будетъ освобожденіе Орлеана»,—отвѣчала она. Тогда всѣ ученые люди рѣшили, что «въ этой молодой дѣвушкѣ ничего не найдено дурного, а все хорошее: скромность, дѣвственность, набожность, доброта и простота. Объ ея рожденіи и юности много рассказываютъ чудесъ. Рѣшено послать ее въ Орлеанъ, гдѣ она обѣщала показать небесное знаменіе». Король согласился, и Иоанна д'Аркъ отправилась на первый свой подвигъ, но ранѣе послала она англичанамъ письмо, которое продиктовала, такъ какъ сама была безграмотна. Она взывала къ англичанамъ уйти изъ Франціи и, напротивъ, вмѣстѣ съ французами освободить Гробъ Господень отъ нечестивыхъ. Конечно, герцогъ Бѣтфордъ, начальникъ англичанъ, изъ презрѣнія ничего не отвѣчалъ. Прибывъ къ Орлеану, Иоанна окружила себя французскими воинами, въ рядахъ которыхъ находился рыцарь Донуа, и девять дней боролась съ англичанами, обложившими городъ. Описаніе этой знаменитой осады составляетъ великолѣпныя страницы въ разсказѣ французскаго академика. Нѣсколько разъ посылала она въ англійскій лагерь предложеніе сдаться, но получала въ отвѣтъ: «Скажите коровницѣ, что, если мы ее поймемъ, то сожжемъ». На третій день сраженія Иоанна была ранена стрѣлой и чисто по-женски плакала отъ боли, но когда ей предложили исцѣлить рану колдовствомъ, то она отказалась, говоря: «Я скорѣе умру, чѣмъ сдѣлаю что нибудь противное волѣ Божьей». Наконецъ англичане потерпѣли громадный уронъ, были выбиты изъ предмѣстья Латурель, которое они прежде заняли, и принуждены были отступить. Такимъ образомъ осада Орлеана была снята на 209-й день съ ея начала и на 9-й день послѣ прибытія Иоанны д'Аркъ. Такъ оканчивается неподобный художественный, точный и безупречный въ историческомъ отношеніи разсказъ Анатоля Франса. Надо надѣяться, что онъ будетъ продолжать предпринятую имъ талантливую биографію великой французской героини.

— Расинъ и Буало. Французскій историкъ Ж. Лемуанъ нашель въ Национальномъ архивѣ весьма любопытные новые документы, касающіеся Расина и Буало. Авторъ «Plaideur» былъ, какъ извѣстно, въ дружескихъ отношеніяхъ съ сатирикомъ Буало. Вдругъ 1-го октября 1684 г. Буало подальъ взысканіе

на Расина на сумму 3.000 ливровъ, при чемъ предъявилъ документъ, подписанный послѣднимъ. Расинъ призналъ свой долгъ, и началась сложная юридическая процедура, тянувшаяся до 5 юля 1685 г. и окончившаяся заявленіемъ Буало чрезъ судебного пристава, что онъ опишетъ за долгъ имущество Расина. На другой день тотъ же самый приставъ описалъ его домъ въ улицѣ Grande-Frèrerie, надъ которымъ красовалась вывѣска кошки. Надзоръ за домомъ былъ порученъ полицейскому комиссару, и уже были вывѣшены объявленія объ его продажѣ. Въ одно изъ воскресеній приставъ ожидалъ у главнаго входа церкви св. Евстазія окончанія обѣдни, а когда толпа стала выходить, онъ пригласилъ четырехъ почетныхъ жителей въ качествѣ свидѣтелей. Расинъ прешаствовалъ продажѣ и подалъ апелляцію, но его приговорили еще къ уплатѣ судебныхъ издержекъ и приступили къ продажѣ дома. Луи Бриеръ, уполномоченный Буало, оцѣнилъ домъ до смѣшного дешево: въ 4.000 ливровъ. Началась переторжка, и вторично домъ пошелъ за 18.400 ливровъ; и на этотъ разъ домъ остался за Бриеромъ; только теперь онъ явился уполномоченнымъ Расина. Дружба обоихъ писателей не прекратилась, несмотря на тяжбу, оказавшуюся ловко разыгранной комедіей, такъ какъ Расинъ въ то время былъ казеннымъ казначеемъ въ Муленѣ, получалъ пенсію отъ короля и владѣлъ многими недвижимостями, кромѣ того, женатый на богатой женщинѣ, всегда могъ найти 3.000 ливровъ. Но дѣло состояло въ томъ, что Расинъ купилъ незадолго предъ этой исторіей вышеозначенный домъ и опасался существованія на него закладной, а въ виду не существовавшихъ въ то время записей въ нотаріальныхъ книгахъ единственнымъ средствомъ освободить домъ отъ залога служила продажа его съ торговъ и судебный вызовъ кредиторовъ, и Буало былъ поэтому подставнымъ кредиторомъ. Нечего говорить, что душею этого дѣла былъ не Расинъ, а Буало, сынъ ловкаго чиновника, завѣдывавшаго журналомъ входящихъ и исходящихъ бумагъ въ парламентѣ.

— Жена Мольера. Во второй декабрьской книгѣ «Nouvelle Revue» Мари Лапарсеріи<sup>2)</sup> помѣстила интересную характеристику жены Мольера. Какъ извѣстно, знаменитый поэтъ женился уже не первой молодости на дѣвушкѣ, гораздо моложе его и превратившей его жизнь въ настоящій адъ. Арманда Бежаръ, — такъ звали жену Мольера, — родилась въ 1641 или въ 1638 году. Вообще достоверно неизвѣстны ни годъ ея рожденія, ни ея происхожденіе. Согласно однимъ источникамъ ея родителями были актеръ Жозефъ Бежаръ и его жена Мари Эрвэ. У нихъ было нѣсколько дѣтей и между прочимъ двѣ дѣвочки: одна называлась Магдалина, а другую не успѣли окрестить, вслѣдствіе смерти Бежара, нѣсколько дней спустя послѣ ея рожденія. За эту-то послѣднюю дѣвочку принимали Арманду. По другимъ болѣе настойчивымъ свѣдѣніямъ, Магдалина была матерью послѣдней, отцемъ же считали графа Моденскаго, камергера Гасгона Орлеанскаго. Была ли Магдалина сестрою или матерью Арманды, такъ и осталось не выясненнымъ. Существовали и такіе

<sup>1)</sup> Boileau contre Racine. «Revue de Paris». 1 janvier 1903.

<sup>2)</sup> Les comédiennes d'Antan, par Marie Laparcerie. «Nouvelle Revue», 15 decembre 1902.

слухи, будто Арманда была плодомъ любви Мольера съ Магдалиной. Последнее совершенно невозможно: когда завязалась связь Магдалины съ Мольеромъ, Армандъ уже было 8 или 9 лѣтъ. Дѣвочка росла на глазахъ поэта, и онъ первый занялся ея образованіемъ. Въ началѣ Мольеръ видѣлъ въ ней лишь ученицу, но мало-по-малу ея уже зародившееся кокетство и привлекательность совѣтъ его поработили. Дѣвухкѣ льстило его ухаживанье, и они порѣшили обвѣнчаться. Этому браку, по необъяснимымъ причинамъ, сильно воспротивилась Магдалина. Было ли это отвращеніе при мысли, что ея дочь сдѣлается женою ея любовника, или зависть къ младшей сестрѣ,—неизвѣстно, но только Армандѣ пришлось убѣжать изъ дома прямо къ Мольеру. Твердо рѣшивъ не выходить изъ дома иначе, какъ подъ вѣнецъ, она достигла своей цѣли, и бракъ состоялся 27-го февраля 1662 года въ Сенъ-Жерменъ-Оксеруа. Мольеру было сорокъ лѣтъ, ей—двадцать. Съ блестящимъ положеніемъ при дворѣ, владѣвшій театромъ, гдѣ онъ былъ директоромъ, актеромъ и авторомъ, влюбленный безкорыстный поэтъ ничего не требовалъ отъ жены, какъ ея молодости и привлекательности. Особенной красотой Арманда не отличалась, но Мольеръ смотрѣлъ на нее сквозь розовыя очки влюбленнаго и нарисовалъ ее слишкомъ лестно подъ личиною принцессы Элиды и Люсилы въ «*Bourgeois Gentilhomme*». Впрочемъ отъ нея нельзя отнять обворожительности, умнаго лица и очень живыхъ глазъ. Ея ротъ былъ немного великъ, но изящно обрисованъ, а нѣсколько искусственная небрежность очень къ ней шла. При этомъ она была умна и умѣла забавно говорить. Мольеръ вѣрнѣе всѣхъ очертилъ ее въ нѣсколькихъ словахъ: «*capricieuse autant que coquette, mais tout sied aux belles, on souffre tout des belles*». Однако насколько Мольеръ былъ прекраснымъ поэтомъ и актеромъ, настолько во вседневной жизни онъ оказался совершеннымъ профаномъ, женившись на молодой пустой дѣвухкѣ, не сумѣвшей понять поэта и помочь ему въ его дѣятельности. Впрочемъ последнее не совсѣмъ вѣрно. Она помогала ему, хотя бессознательно, и благодаря ей на свѣтѣ появились многія его произведенія, а самъ онъ по этой же причинѣ игралъ съ такой искренностью и огнемъ, какого, можетъ быть, не видала бы французская публика безъ ея помощи. Совершивъ первую неосторожность, Мольеръ сдѣлалъ еще одинъ необдуманный шагъ—ввелъ Арманду на сценическія подмостки, что помогло быстро развиться ея природнымъ инстинктамъ къ роскоши и кокетству. Мгновенно она была окружена молодыми поклонниками, и ихъ двусмысленныя предложенія очень ее веселили; мужъ ея опротивѣлъ, и она обратила жизнь Мольера въ настоящій адъ. Всѣ усилія поэта привлечь сердце молодой женщины были тщетны: она оставалась къ нему равнодушной, высокомерной и даже порою была сварливой. При каждомъ случаѣ между ними происходили супружескія стычки, вмѣстѣ съ тѣмъ внѣ дома кокетство Арманды усиливалось. Тогда-то, все еще влюбленный, отверженный и ревнивый Мольеръ искалъ забвенія въ работѣ, извлекая изъ своего горя и ежедневныхъ домашнихъ передрыгъ типы и характеры для своихъ комедій. Вслѣдствіе этого каждая пьеса представляла извѣстныя перемѣны его нравственнаго существованія. Подъ личиною Селимены, принцессы Элиды или Элеоноры онъ выводилъ на сцену то высокомерную и кокетливую, то каприз-



ную или жестокую Арманду. Себя Мольеръ выставилъ въ «Malade imaginaire»<sup>4</sup> «Medecin malgré lui» и въ «Misanthrope», то старымъ и слѣпымъ, то подозрительнымъ и терзаемымъ. Искренній тонъ и огонь для исполненія своихъ ролей Мольеръ приносилъ изъ дома еще неостывшими послѣ домашнихъ тяжелыхъ сценъ съ женою. Скандальная, легкомысленная жизнь Арманды вызвала наконецъ анонимный памфлетъ: «La Fameuse Comedienne». Авторомъ его оказалась плохая провинціальная актриса, Будэнтъ, презрительно оклеветавшая Арманду. Впослѣдствіи жена Мольера приобрѣла себѣ горячихъ защитниковъ въ лицѣ Жоржъ-Зандъ, Тьерри, Витю и Базена. Но какъ Будэнтъ, такъ и защитники Арманды перестарались. Одиннадцать лѣтъ спустя послѣ ихъ брака, Мольеръ умеръ отъ огорченія и печали. Вѣроятно, нѣсколько раскаявшаяся Арманда выказала себя на нѣкоторое время съ похвальной стороны, что было рѣдкостью. Дѣло въ томъ, что епископъ парижскій, Гарлей-де-Шанваллопъ, не разрѣшилъ хоронить Мольера по церковному обряду. Тогда Арманда бросилась къ королю и на колѣняхъ вымолила у него разрѣшеніе похоронить мужа на кладбищѣ св. Иосифа, а чтобы умилостивить толпу, враждебно относившуюся къ Мольеру, она раздала сто пистолей, и народъ почтительно проводилъ гробъ до кладбища. Не прошло и недѣли со смерти поэта, какъ кокетливаа, легкомысленная, всегда жаждавшая новыхъ побѣдъ, Арманда принялась за прежнія любовныя похождения. Вскорѣ она сдѣлалась любовницей нѣкоего Барлея и долго рассчитывала женить его на себѣ, но онъ исчезъ, и Арманда сошлась съ актеромъ Гереномъ Этришэ. Послѣдній сообразилъ, что она представляетъ недурную партію, какъ по своему имени вдовы Мольеръ, такъ и по матеріальному положенію, устроенному ей мужемъ, и 31 мая 1677 г. они обвѣнчались. Этотъ новый бракъ вызвалъ въ парижскомъ обществѣ саркастическія насмѣшки. Менѣе Мольера влюбленный Геренъ относился къ ней иначе и крѣпко держалъ ее въ рукахъ. Впрочемъ Арманда все-таки ухитрялась вести любовныя интриги, но Геренъ заставилъ уважать себя, какъ мужа, и ся похождения не вызывали прежнихъ скандаловъ. Несмотря на свое легкомысленное поведеніе, Арманда иногда требовала къ себѣ почтительнаго отношенія, и однажды во время вдовства разыгралась траги-комическая исторія. Нѣкій провинціальннй президентъ парламента, Леско, увидѣвъ ее на сценѣ, влюбился въ нее до безумія и думалъ только объ одномъ, какъ бы съ нею познакомиться. Не зная никого въ Парижѣ, кто могъ бы его представить вдовѣ Мольеръ, онъ обратился къ одной вдовѣ, Леду, занимавшейся ремесломъ устраивать пріятныя знакомства. Хитрая Леду знала одну молодую женщину, очень похожую на Арманду, и рѣшила съ согласія послѣдней познакомить пылкаго президента съ нею, выдавъ ее за г-жу Мольеръ. Знакомство состоялось, и президентъ, придя въ восторгъ, щедро вознаградила обѣихъ. Вскорѣ послѣ этого онъ попалъ въ театръ; играла г-жа Мольеръ, и публика горячо ей рукоплескала. Желая поздравить ее съ успѣхомъ, онъ отправился къ ней въ ложу. Арманда приняла его холодно и удивлялась его непринужденному тону и обращенію. Наконецъ, она возмутилась настойчивостью, съ какою онъ хотѣлъ заставить ее узнать себя, совершенно незнакомаго ей человѣка. Съ своей стороны, влюбленный президентъ, введенный вдовой Леду въ обманъ, считая за собою право настаивать и ве-

сти себя непринужденно, разгорячился и дошелъ сначала до оскорбленій, а потомъ даже до угрозъ. Этотъ скандалъ повлекъ за собою судебный процессъ, и правда раскрылась. Благодаря двусмысленному поведенію Арманды, общество было на сторонѣ президента и не придавало никакого значенія словамъ г-жи Мольеръ. Только послѣ разоблаченія всей правды президента приговорили извиниться при свидѣтеляхъ предъ вдовою Мольеръ и уплатить въ ея пользу 200 ливровъ судебныхъ издержекъ. Вдову же Леду и ея сообщницу совершенно нагихъ высѣкли розгами предъ дверями Шатлэ и предъ домомъ, гдѣ жила г-жа Мольеръ; кромѣ того, онѣ были высланы изъ Парижа на три года. Арманда исполняла талантливо вторыя трагическія роли, но она была несравненно лучше въ комедіяхъ, вкладывая въ игру немало живого ума и прелести, которыя проглядывали въ малѣйшихъ ея жестахъ; кромѣ того, она владѣла приятнымъ голосомъ. Самый большой успѣхъ выпалъ на ея долю въ «Мизантропѣ», гдѣ она исполняла роль Селимены, и во многихъ другихъ пьесахъ ея мужа. Послѣ смерти Мольера она имѣла успѣхъ въ «Цирцѣ», и по отзывамъ того времени, «она была восторгъ какъ прекрасна»; у нея были чудные наряды, какіе она сама умѣла изобрѣтать, и обиліе развѣвавшихся волосъ, покорившихъ множество сердецъ. Отъ Мольера у нея было трое дѣтей; изъ нихъ два мальчика умерли маленькими, а дѣвочкѣ Магдалинѣ король положилъ въ колыбель 6.000 ливровъ, пожалованныхъ на трупцу ея отца. Арманда не держала ее дома, чтобы не стѣснять себя присмотромъ, и когда Шанель спросилъ однажды дѣвушку, сколько ей лѣтъ, то она отвѣтила вполголоса: «Пятнадцать съ половиной, но не говорите мамѣ». Даже послѣ своего вторичнаго замужества Арманда осталась опекуншей дѣвушки, а мужъ сдѣлался ея соопекуномъ, и оба занялись ея воспитаніемъ. Вѣроятно, вслѣдствіе своего темнаго прошедшаго, Арманда очень желала приобрѣсть дворянское достоинство, и вслѣдствіе этого въ распискахъ по опека надъ дочерью она приписала частицу «де» предъ именами обоихъ мужей. Впослѣдствіи она даже купила себѣ гербъ, съ цѣлью узаконить свои претензіи на дворянство. Дочь Мольера умерла замужемъ, но бездѣтной, и раса знаменитаго писателя прекратилась. У Арманды отъ второго брака былъ сынъ, котораго она тоже отдала на воспитаніе въ провинцію. Онъ умеръ женатымъ. Сама же она, послѣ бурно проведенной молодости, полной скандала, веселія и удовольствій, удалилась со сцены въ 1694 г. и очень благоразумно жила въ Медонѣ, служа образцомъ порядочности. Она умерла въ 1700 г. пятидесяти семи лѣтъ. Хотя супружеская жизнь Мольера была полна горечи, но кто знаетъ, написалъ ли бы онъ безъ капризной легкомысленной Арманды свои образцовыя комедіи.

— Вліяніе маркизы Помпадуръ на искусство. Помпадуровская литература настолько разбогатѣла, что, повидимому, всѣ источники, цитавшіе ее, должны были бы изсякнуть. Однако, французскій историкъ Нольякъ нашелъ въ нихъ кое-какіе остатки, изъ которыхъ собралъ матеріалъ для своей новой книги: «Louis XV et madame de Pompadour» <sup>1)</sup>. Безъ сомнѣнія, возникаетъ вопросъ, что новаго могъ онъ въ ней сообщить. Почти ничего. Вообще за послѣд-

<sup>1)</sup> Louis XV et madame de Pompadour, par Pierre de Nolhac. 1 vol. Paris. 1903.

нее время французским историкам приходится довольствоваться однимъ и тѣмъ же матеріаломъ, выворачивая его, какъ говорится, на изнанку, т.-е. реабилитируя или наоборотъ порицая, или опаривая эпоху событій. Къ этому прибѣгъ и Нольякъ, отрицая, что если не первая, то рѣшающая встрѣча Людовика съ Помпадуръ, въ то время г-жей Эгіюль, произошла не въ парижской ратушѣ на балу въ честь женитьбы дофина, а на балу въ Версальскомъ дворцѣ и равнѣе, чѣмъ обыкновенно считаютъ. Новыя изысканія и различныя акварели, касающіяся празднествъ, данныхъ въ честь дофина и его невѣсты, найденныя въ библиотекѣ версальскаго дворца, служатъ доказательствами, что празднества въ честь женитьбы дофина происходили въ Версалѣ. Послѣдній и самый блестящій праздникъ состоялся тамъ 25 февраля 1745 г., и въ Луврскомъ музеѣ хранится рисунокъ Кошэна, подтверждающій фактъ встрѣчи Людовика съ Помпадуръ. На немъ изображена зеркальная галлерей дворца, на которой тѣснится замаскированная толпа, а изъ королевскихъ апартаментовъ выходятъ восемь замаскированныхъ, одинъ изъ нихъ самъ король. Среди присутствовавшихъ дамъ, желавшихъ быть замѣченными Людовикомъ XV, находится замаскированная дама, по всѣмъ признакамъ г-жа Помпадуръ. Ни одинъ изъ историковъ не обратилъ на этотъ рисунокъ вниманія, а потому всѣ повторили одну и ту же ошибку относительно времени сближенія фаворитки съ королемъ. Конечно, это мелочь, сама по себѣ не имѣетъ значенія, но доказываетъ, какъ тщательно искалъ Нольякъ новыхъ источниковъ. Затѣмъ авторъ очень подробно разбираетъ психологическую сторону этой честолюбивой и кокетливой представительницы мелкой буржуазіи, получившей отъ своей матери и дяди Ленормана Турнэма лучшее воспитаніе, какое требовалось для «королевскаго кусочка». Онъ передаетъ, какъ она попала ко двору и сумѣла занять, а главное сохранить за собой надолго это мѣсто, какую пользу она изъ него извлекла, какіе кризисы переживала ея любовь и самолюбіе, и какъ наконецъ она сдѣлалась только подругой, честной подругой короля, съ цѣлью играть тожественную съ Ментенонъ роль. Ея лицемѣрная набожность и колѣноопреклоненія во время обѣдни съ молитвенникомъ, украшеннымъ шегольскими миниатюрами Бушэ, очень умно смѣнялись ловкими происками съ цѣлью избѣжать, чтобы въ юбилейный годъ католической церкви король не дошелъ до раскаянія и до полного отреченія отъ женщинъ. Нольякъ роется въ ея душѣ и обнаруживаетъ все ея лицемѣріе, кокетство и дипломатію по отношенію къ св. религіи. Переходя къ расточительности Помпадуръ, онъ является ея защитникомъ, тщательно изслѣдовавшимъ, по его словамъ, этотъ вопросъ. «Я не могъ,— шипеть онъ,— перенять у моихъ предшественниковъ ихъ негодованія по поводу расточительности маркизы, ни тѣмъ болѣе распущенности Людовика XV». По его словамъ, цѣны на всѣ художественные заказы г-жи Помпадуръ не выходили за предѣлы обыкновеннаго. Дядя фаворитки, получившій въ награду за ея воспитаніе мѣсто управляющаго надъ постройками и директора академіи искусствъ, былъ умнымъ, порядочнымъ и даже экономнымъ администраторомъ. Въ доказательство авторъ приводитъ его смѣты. Турнэмъ установилъ цѣны на картины для дворца короля, раздѣливъ ихъ на три категоріи: большія, среднія и малыя. Маленькіе оригиналы и большія копии стоили 6.000 ливровъ, средніе, размѣромъ отъ 7 до

13 футъ—5.000 ливровъ, а отъ 12 до 9 футъ двѣ картины стоили 4.000 ливровъ. На портреты тоже была установлена цѣна. Впослѣдствіи стали задерживать платежи рабочимъ, а въ 1752 г. задолжали имъ за постройки болѣе семи милліоновъ, и управляющаго стали осаждать подрядчики. Что касается отношеній Помпадуръ къ искусству и артистамъ, то еще въ дѣтствѣ фаворитка изучала изящныя искусства, и во время своей блестящей карьеры она играла на клавикордахъ, пѣла, рисовала и занималась рѣзбой на камнѣ. Ею руководили впослѣдствіи ея друзья: Бушэ, Кошэнъ, Эйзенъ и Гюэ. Вольтеръ, обрадовавшись, «какъ гражданинъ», восшествію звѣзды фаворитки изъ буржуазіи и посвящая ей своего Танкреда, не забылъ польстить Помпадуръ, какъ покровительницѣ искусствъ. «Продолжайте, сударыня, — писалъ онъ, — любить всѣ изящныя искусства: они составляютъ славу націи, они дороги прекраснымъ душамъ, и только грубые и пошлыя умы ненавидятъ ихъ. Вы изучали съ успѣхомъ всѣ искусства, и вѣтъ ни одного, котораго вы не освѣтили бы вашимъ талантомъ». Но Вольтеръ слишкомъ польстилъ фавориткѣ, такъ какъ собраніе ея эстамповъ и гравюръ не имѣетъ никакого значенія. По словамъ Нольяка, самый скверный портретъ, когда либо сдѣланный съ Людовика XV, былъ выгравированъ Помпадуръ на ониксѣ, а затѣмъ она сдѣлала офортъ съ оригинала Гюэ. Когда же въ 1753 г. она выгравировала съ оригинала Віена нагого Апполона съ головою короля, державшаго лиру и возлагавшаго корону на голову юноши, окруженнаго атрибутами скульптуры и живописи, то дала лишь пищу придворнымъ насмѣшкамъ и догадкамъ, кто служилъ ей моделью: аббатъ ли Берти, котораго она сама называла «моимъ голубемъ», или молодой Лозенъ, сдѣланный ея пажемъ. Собственно же ея работа была достойна начинающей ученицы. Добрякъ Віенъ долженъ былъ сдѣлать къ этой картинѣ pendant — Минерву, благодѣтельницу и покровительницу войны. Моделью для Минервы служила сама фаворитка. Что касается до ея вліянія на искусство, то мнѣнія раздѣляются. Въ «Gazette des beaux arts» была помѣщена въ 1859 г. цѣлая серія статей подъ заглавіемъ: «L'art et les femmes en France», исключительно посвященная г-жѣ Помпадуръ. М. де-ла-Физельеръ писалъ въ одной изъ нихъ: «Картины, статуи, дачи, дворцы, мебель, драгоценныя украшенія, романы, мадригалы, женскіе туалеты—все носило на себѣ отпечатокъ ума, веселости, легкомыслія, граціи, чувственности и кокетства этой счастливо одаренной и непреодолимой женщины. Она при каждомъ случаѣ искала въ искусствѣ удовольствіе и не переставала поощрять покровительствуемыхъ артистовъ и проводить ихъ вездѣ». Два года спустя, въ той же газетѣ Поль Манцъ въ своихъ историческихъ изысканіяхъ, касавшихся ювелирнаго искусства, первый замѣтилъ, что стиль Людовика XVI не зародился вдругъ въ 1774 г., а существовалъ уже въ 1750 г., т.-е. во время владычества фаворитки. Въ свою очередь въ предисловіи «Journal de Lazare Duvaux» Куражо называлъ Помпадуръ «самымъ полнымъ типомъ любителя того времени», и говорилъ: «Ошибочно считаютъ стиль Помпадуръ самымъ нелѣпымъ и уродливымъ стилемъ XVIII вѣка. Это несправедливо и ложно. Г-жа Помпадуръ напротивъ дала толчекъ новому стилю, отличающемуся отъ стараго своей простотой». Гонкуры со своей стороны высказывали слѣдующее мнѣніе: «Она дала артистамъ ея времени свое воображеніе и свои идеи и показала имъ но-

выя дороги. Она хотѣла вывести французское искусство изъ рабства однообразія традиціонныхъ сюжетовъ и стремилась освободить нашу школу отъ Александровъ, Цезарей, Сципіоновъ и проч. греческихъ и римскихъ героевъ. Весь этотъ вѣкъ не что иное, какъ великій реликвій фаворитки. Она крестная и королева стиля рококо!» Самъ авторъ статьи видитъ только «оплошность» современныхъ историковъ относительно стиля Помпадуръ, какъ его понимаютъ. «Зачѣмъ, — говоритъ онъ, — маркиза должна привязаться къ формамъ, имѣвшимъ свой величайшій успѣхъ гораздо ранѣе ея фавора, и который начали съ тѣхъ поръ считать пережитымъ и смѣшнымъ. Напротивъ, она очень рано приобрѣла вкусъ къ античному стилю, утвердившемуся во Франціи въ серединѣ вѣка и который, благодаря администраціи ея брата, долженъ былъ одержать верхъ во всѣхъ искусствахъ. Во время своего полного фавора она не поддержала уже выходившихъ изъ моды Оппенора и Мейсонье, хотя въ то же время, заказывая для себя серебряную горчичницу, она все-таки выбрала стиль рококо съ амурами и проч. вмѣстѣ съ тѣмъ знаменитая поѣздка ея брата въ Италію подъ руководствомъ Кошена и въ обществѣ Суффло и аббата Леблема была ею уже въ это время рѣшена. Если назначеніе директоромъ изящныхъ искусствъ сначала ея дяди, а потомъ брата, считать намѣреніемъ Помпадуръ подготовить желательную ею и серьезно обдуманную реформу въ изящныхъ искусствахъ, то зачѣмъ же ея любимымъ художникомъ былъ Бушэ? Всѣ ея портреты официальные и неофициальные, въ видѣ Нериды, были исполнены имъ. До самой смерти ея аппартаменты расписывалъ Бушэ, и имя фаворитки останется въ исторіи неразлучнымъ съ его именемъ. Если, — прибавляетъ Нольякъ, — случайно одинъ изъ нашихъ французскихъ стилей имѣетъ право назваться ея именемъ, то, конечно, тотъ, который по ошибкѣ названъ стилемъ Маріи-Антуанеты».

— Теруанъ де-Мерикуръ. Недавно на сценѣ театра Сарры Бернаръ поставлена историческая драма Поля Эрвье: «Теруанъ де-Мерикуръ». Эта новая пьеса, въ которой главнымъ лицомъ является героиня французской революціи, окруженная нѣсколькими легендарнымъ ореоломъ, вызвала множество журнальныхъ и газетныхъ статей. Всего болѣе находится исторической правды въ статьѣ Леопольда Лакура, помѣщенной въ Figaro <sup>1)</sup>. Объ юности Теруанъ извѣстно очень мало, и даже годъ рожденія опредѣленъ не навѣрно: родилась она въ 1759 или 1762 г. Имя ея родителей извѣстно тоже по легендамъ и не вполне подтверждено. Согласно одному источнику ее звали Анна Жозефина Теруанъ, а мѣсто рожденія ея была Бельгія, гдѣ жили ея родители, достаточные земледѣльцы. Жизнь у родителей она вела не очень счастливую. По словамъ дргого автора, не очень гонявшагося за правдой, лишь бы свѣдѣнія отличались пикантностью, она воспитывалась у тетки, настоятельница монастыря, дурно съ ней обращавшейся, и получила образованіе высшаго общества. Лакуръ въ своей статьѣ говоритъ совсѣмъ противное; по его словамъ, она родилась въ Люксембургѣ отъ крестьянъ изъ Маркуръ, откуда происходитъ ея имя Мерикуръ. Она научилась писать слишкомъ поздно и никогда не знала хорошо французскаго языка, а тѣмъ менѣе она не была краснорѣчива, какъ

<sup>1)</sup> Theroigne de-Mericourt, par Leopold Lacour, Figaro, 20 decembre 1902.

ее представляет Ламартинъ. Она не отличалась героической красотой, которой восторгался Мишлэ, а была просто хорошенькой женщиной, типа гризетки, маленькаго роста, и говорила тихимъ голосомъ съ акцентомъ, который близкій къ ней въ 1790 г. Буалье называлъ на половину фламандскимъ, на половину французскимъ, что придавало ей пикантность. Согласно легендѣ ее соблазнилъ <sup>1)</sup> нѣмецкій вельможа, когда ей было 18 лѣтъ, а затѣмъ бросилъ, и это обстоятельство будто бы зажгло въ ней ненависть къ аристократамъ, и убивая ихъ, она какъ бы омывала свою честь въ ихъ крови. «Все это,—говорить Лакуръ,—трогательно, какъ бываетъ всякая неправдоподобная исторія. Любовь не играла никакой роли въ жизни патриотки, а согласно насмѣшливому замѣчанію Балье сладострастная Киприда превратилась въ строгую Минерву». Но Лакуръ оспариваетъ ея сладострастіе и гозоритъ, что влюбленная въ 1780 г., можетъ быть, въ 1789 г., она была главнымъ образомъ ненормальной, но никогда не принадлежала всѣмъ и каждому, по крайней мѣрѣ, въ хроникѣ веселыхъ походовъ той эпохи не существуетъ о ней никакихъ свѣдѣній. Вообще она держалась въ сторонѣ отъ «веселыхъ женщинъ». Правда, она показывалась въ оперѣ, залитая брилліантами, но всегда одна и была извѣстна лишь подъ своимъ nom de guerre, m-me Camprinados. Вообще она была окружена тайной, и ея походы въ Лондонъ, куда она будто бы уѣхала послѣ ея оболъщения, остались еще не выясненными. Легенда говоритъ <sup>2)</sup>, что, покинутая первымъ любовникомъ, она искала забвенія во второмъ и двадцати лѣтъ попала въ Англію. Тамъ она сдѣлалась любовницей принца Уэльскаго, будущаго Георга IV, который ее обогатилъ, но она въ немъ не нашла любовника, а только друга. Съ этого времени она покончила съ сентиментальной жизнью и сдѣлалась Belle-Égoïste, какъ ее прозвали, и по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ она жила въ одномъ лондонскомъ music-hall; въ Парижѣ она явилась съ деньгами. Одинъ старикъ, влюбленный въ нее, маркизъ Персанъ, отзывался о ней, какъ о женщинѣ, безпощадно обиравшей своихъ поклонниковъ и умѣвшей прекрасно устраивать свои денежные дѣла и прикрывать лицемѣрно свои коммерческія сдѣлки. Последняго она заставила подписать слѣдующую записку. «Я, маркизъ Персанъ, обязуюсь выплачивать несовершеннолѣтней дѣвицѣ Теруанъ по пяти тысячъ ежегодной ренты. Настоящая сдѣлка въ суммѣ 50.000 ливровъ заключена на томъ основаніи, что я, маркизъ Персанъ, признаю полученными эти деньги отъ дѣвицы Теруанъ и могу освободиться отъ ренты, отдавъ означенную сумму». Теруанъ была крупной куртизанкой той эпохи, и ея жизнь протекала среди роскоши. Этимъ временемъ она составляла себѣ солидное состояніе и принимала въ подарокъ лишь крупныя драгоценности, которыя можно было выгодно продать, заботилась о своихъ интересахъ, была жестока со своими кредиторами и каталась въ экипажахъ. Въ сущности же это время остается затемненнымъ, и она нагло лгала, скрывая свое двусмысленное положеніе, и даже очень возможно, что была замужемъ и имѣла дочь, которая умерла въ 1788 году. Лакуръ говоритъ, что все это

<sup>1)</sup> Theroigne de-Mericour, par Andrex Chaumeix. Journal des Débats hebdomadaire, 25 decembre 1902.

<sup>2)</sup> Theroigne de Mericourt, par G. Grappe, La Nouvelle Revue. 1 janvier 1903.

не выяснено, и хотя не отрицаетъ ея связи съ маркизомъ Персаномъ, но отвергаетъ фактъ ея лицемѣрнаго и жестокаго поведенія съ нимъ. Въ это же время, по словамъ Гранпа, она глупо влюбилась въ итальянскаго пѣвца, за которымъ послѣдовала, рискуя своимъ блестящимъ положеніемъ, и переходила со сцены на сцену, но все кончилось тѣмъ, что онъ обобралъ Теруанъ, какъ это сдѣлалъ два года спустя старый итальянскій кастратъ, въ котораго она также влюбилась. Лакуръ говоритъ иное: «Ея душа не согласовалась съ ея жизнью. Она считала себя рожденной для искусства и славы пѣвицы, вотъ почему въ 1788 г. она порвала связь съ маркизомъ Персаномъ и послѣдовала за старымъ кастратомъ Тендуччи въ Геную; она получила ангажементъ на сцену, но Тендуччи ее обобралъ». Возвратившись изъ Неаполя въ 1789 г., большая интимной болѣзнию, огорченная и усталая отъ бурной жизни, 24-хъ-лѣтняя Теруанъ была охвачена народнымъ энтузіазмомъ. Когда пріѣхалъ Людовикъ XVI въ Парижъ, она находилась на улицахъ. «Я шла, говорила она сама, впереди его, въ ряду солдатъ». На ней была бѣлая амазонка и круглая шляпа. «Она была какъ бы возродившейся изъ пепла; въ ней вдругъ вспыхнуло честолюбіе, одинаково, какъ изъ желанія быть полезной, такъ собственно изъ эпоизма. Когда королевскія традиции были уничтожены, ея прежняя жизнь какъ бы умерла съ ними, и вмѣсто куртизанки появилась энтузіастка, вся отдавшаяся народной идеѣ». Въ октябрь дѣла измѣнились, и народъ разошелся во мнѣніяхъ съ королемъ; присутствовавшіе на его первомъ празднествѣ находились и при его первой борьбѣ. Теруанъ перемѣнила свою бѣлую амазонку на красную, но не была героиней борьбы, а лишь показывалась повсюду въ своей эксцентричной красной амазонкѣ съ чернымъ султаномъ на шляпѣ, но никогда не руководила мятежемъ. Для большинства, говоритъ Лакуръ, Теруанъ представляется какой-то вакхической королевой мятежа: Гонкуры представили ее бравшей Бастилію, тогда какъ Бастилія капитулировала; 5 октября они видѣли ее верхомъ съ пистолетами за поясомъ, когда она вела народъ въ Версаль за «кишками королевы», между тѣмъ какъ она была въ это время въ Версалѣ въ Национальномъ Собраніи. Но меня удивляетъ, — замѣчаетъ Лакуръ, — что въ сентябрѣ 1789 г. они ничего не говорятъ, что она была въ Консьержери, между тѣмъ Ламартинъ описываетъ, какъ она присутствовала при казни Мари Градлѣ. Теруанъ находилась чаще всего въ это время въ Пале-Роялѣ, какъ въ революціонной школѣ, и желала играть роль музы. Она устроила у себя въ 1790 г. настоящій клубъ; ея демократическая страсть, какъ и ея честолюбіе, крѣпли; она мечтала сдѣлать изъ клуба громадное народное собраніе. «Ея общество настоящій лицей, — писалъ Шансене. — Это муза демократіи, или, скорѣе, Венера, дававшая уроки народнаго права. Среди ея учениковъ находились Сіестъ, Петіонъ, Вильневъ, Барнавъ и прочіе, и ея домъ сдѣлался центромъ интересовъ Франціи. Тамъ совершается открытіе административной власти, незнакомой древнимъ. Тамъ складывается фундаментъ королевской демократіи со всеми выгодами республики, безъ монархическихъ неудобствъ» . . . Она устроила у себя маленькій парламентъ, гдѣ скучали и были всѣ полны добрыхъ намѣреній, высмѣиваемыхъ Шансене, но этотъ парламентъ не исполнялъ никакихъ дру-

гихъ обязанностей. Теруань внимала мыслямъ этихъ умовъ и училась, слушая ихъ разговоры; она читала также Сенеку и Мабли. Но политическая дама разорила куртизанку, и Теруань покинула Парижъ въ 1791 г. и возвратилась на родину, храня свои новыя идеи. Она намѣревалась устроиться тамъ, когда два эмигранта похитили ее и передали въ руки представителя австрійскаго правительства Мерси-Аржанто, и согласно распоряженію изъ Вѣны ее заключили въ знаменитую крѣпость Куфштейнъ, гдѣ она оставалась нѣсколько мѣсяцевъ. Тамъ она заболѣла, но надъ нею сжалились и отправили въ Вѣну. Въ ноябрѣ императоръ ее освободилъ, такъ какъ слѣдствіе доказало ея невиновность во время октябрскихъ дней, и въ январѣ 1792 г. она возвратилась въ Парижъ. Ея приключенія въ Австріи окружили ее ореоломъ «мученицы», который разросался въ ея воображеніи. Эта популярность опьянила ее, и ей понадобилось смѣшаться съ толпой, но она все-таки не была главою народа, а истинные главари пользовались лишь ея популярностью. Она говорила во всѣхъ клубахъ, но безъ результата, хлопотала о правѣ вооружаться женщинамъ и основать клубъ гражданокъ, участвовала въ осадѣ Тюильри 10 августа и была вознаграждена гражданскимъ вѣнцомъ вмѣстѣ съ Кларой Лакомбъ и Одо. Но ее можетъ обвинить лишь въ одномъ преступленіи слѣдующая фраза Гонкура: «10 августа Теруань задушила Сюло». Сомнительно блестящій журналистъ-аристократъ былъ, по словамъ Пельтье, «разорванъ на куски» разъяренной толпой, но Теруань ворвалась въ толпу и схватила его за воротъ. По словамъ Мишлэ, она лично его ненавидѣла и мстила за себя, но Лакуръ утверждаетъ, что это была политическая ненависть. Она хотѣла, по его словамъ, предать народному суду самаго опаснаго и дѣятельнаго врага революціи. Затѣмъ Теруань потерялась изъ виду до того рокового для нея дня, когда она подверглась избіенію кнутаомъ 15-го мая 1793 года въ Тюильри. Парижскіе революціонеры рассказывали объ этомъ слѣдующее: «Въ продолженіе многихъ дней извѣстное количество женщинъ служило полиціей въ Тюильрійскомъ саду и въ коридорахъ національнаго конвента. Онѣ занимались раздачею кокардъ и останавливали казавшихся имъ подозрительными людей. Онѣ сами дали Теруань удары кнута, называя ее Брисотиной». «Но, говоритъ Лакуръ, не это ее сдѣлало безумной, какъ говорили Ламартинъ и Мишлэ; это убило ее только политически. Безумной она сдѣлалась въ 1794 году, и не справедливо приписывать эту болѣзнь ея изгнанію изъ политической среды, можетъ быть, это ускорило катастрофу, но не закончило ея. По моему мнѣнію, она была предназначена для безумія, и остается узнать, не былъ ли кто изъ ея предковъ боленъ этой болѣзью. Она умерла въ Сальпетриери послѣ двадцати-трехлѣтней агоніи 8-го іюня 1817 года. Художникъ Габріель написалъ въ 1816 году ея единственный настоящій портретъ. Зрѣлище этой героической и очаровательной женщины разрывало сердце, когда она была въ своей комнатѣ и разговаривала сама съ собой, — говоритъ ея докторъ Эскироль: — она все время повторяла слова: «состояніе», «свадьба», «комитетъ», «революція», «арестъ»; или нагая, даже зимою, обливалась водою, затѣмъ бѣгала на четверенькахъ, подбирая на полу все, что попадало, и проглатывала». Но Теруань Мерикуръ все-таки не такая героиня, какой ее хотятъ сдѣлать легенды. «Для героическихъ ролей, говоритъ Лакуръ,



какую она хотѣла разыграть, ей не хватало ни роста, ня голоса, какой ей при- давали лирическіе историки. Можно написать исторію революціи, не упоминая о Теруань де-Мерикурь. Она была просто психопаткой,—говоритъ Лакуръ, — сначала блестящей, а затѣмъ трагической: вотъ окончательный портретъ Те- руань де-Мерикурь».

— Арестъ Наполеономъ англійскаго посланника. Въ послед- немъ ноябрьскомъ номерѣ «Revue Bleue» французскій историкъ Сорель раз- сказываетъ любопытную страничку изъ исторіи политики Наполеона <sup>1)</sup>. Въ 1804 году вся его политика склонялась къ двумъ цѣлямъ: помѣшать и за- держать коалицію Австріи съ Россіей и Англіей; посредствомъ обѣщаній и обольщеній держать Европу въ нерѣшимости до того дня, когда онъ попадетъ въ Англію, а если не попадетъ туда, и ему будутъ угрожать на континентѣ, то предупредить англичанъ, напавъ на Германію, и, овладѣвъ ею, задавить Ав- стрію прежде прибытія русскихъ. Какъ въ первомъ случаѣ, такъ и во второмъ, союзъ съ Пруссіей, или, по крайней мѣрѣ, ея нейтралитетъ были необходимы. Пруссія съ 1792 г. была самымъ главнымъ рычагомъ громадной политической машины, которая должна была обезпечить Франціи обладаніе «естественными границами», Нидерландами и нѣмецкими странами лѣваго берега Рейна. Прус- скій король, согласившись на нейтралитетъ, упорствовалъ, однако, относительно союза. Наполеонъ заподозрѣлъ его въ согласіи съ Александромъ, и Талейранъ прямо спросилъ нѣмецкаго посланника въ Парижѣ: «Въ случаѣ русскій дворъ потребуетъ у короля прохода для своихъ войскъ, предназначенныхъ про- тивъ Франціи, обѣщаетъ ли король ему отказать?» Король обѣщалъ съ усло- віемъ, что французы не будутъ увеличивать своего войска въ Ганноверѣ, заня- томъ французскими отрядами съ іюня 1803 г., и не перенесутъ войны во внут- реннія нѣмецкія страны сѣверной Германіи. Но въ то же время, какъ прусскій король обѣщалъ это Наполеону, онъ подписалъ съ Россіей секретную деклара- цію, которой оба государства обязывались «противиться совмѣстно всѣмъ захватамъ французскаго правительства въ сѣверной части Германіи». Напо- леонъ объ этомъ не зналъ, но что-то его заставляло подозрѣвать, и онъ еще разъ попытался добиться союза съ Германіей, а для этого прибѣгъ къ оболь- щенію Фридриха-Вильгельма, обѣщая ему императорскую корону, взамятъ его услугъ. Но онъ рѣшился вмѣстѣ съ тѣмъ показать пруссакамъ, до чего онъ дой- детъ въ отношеніи ихъ, если они вздумаютъ ему сопротивляться. Война, веденная полиціей Наполеона противъ корреспондентовъ, шпионовъ, эмиссаровъ и англій- скихъ агентовъ, была безсильна. Изгнаніе Дрэка, англійскаго посланника въ Мюн- хенѣ, и Смитта въ Штутгартѣ не произвело никакого дѣйствія. Дрэкъ удалился въ Дрезденъ, прикрытый русскими войсками, гдѣ оставался неприкосновеннымъ въ своемъ логовищѣ. Центральное бюро шпионовъ и англійскихъ агентовъ было перенесено въ Гамбургъ, и Наполеонъ уже угрожалъ этому свободному городу подчинить его монархической власти. Но угроза не помогла: англійскіе агенты попрежнему продолжали свою работу. Наполеонъ вспылилъ, и 7 октября на- писалъ Фушэ: «Я желаю, чтобы захватили въ Гамбургѣ англійскаго посланника

<sup>1)</sup> L'enlèvement de Rumbold, par Albert Sorel. «Revue Bleue», 29 novembre 1903.

Румбольда съ его бумагами, и немедленно послѣ этого я объявлю объ его задержаніи Европѣ, оправдавъ его согласно нотѣ лорда Гоксбюри. Мнѣ говорили, что Румбольдъ живеть на берегу рѣки, и генералу Бернадоту будетъ легко его похитить. Два судна съ нѣсколькими пѣхотинцами и двѣнадцатью или пятнадцатью переодѣтыми жандармами будутъ достаточны для этой экспедиціи. Мы найдемъ въ его корреспонденціи интересныя свѣдѣнія». Похищенія посланниковъ на нейтральной почвѣ, какъ, напримѣръ, австрійцами Марэ и Семонвилля въ 1793 г. на нейтральной швейцарской территоріи и французскихъ уполномоченныхъ въ Раштадтѣ въ 1799 г., были объяснены государственной причиною. Съ этимъ приказомъ Наполеона былъ отправленъ къ Бернадоту курьеръ, и похищеніе совершилось въ ночь на 25 октября. Румбольда отправили въ Ганноверъ, а оттуда подъ эскортомъ въ Парижъ. Это извѣстіе произвело въ Берлинѣ сильное впечатлѣніе, какого не предвидѣлъ Наполеонъ, и вызывало войну, такъ какъ Гамбургъ находился подъ гарантіей Пруссіи, а Румбольдъ былъ президентомъ при округѣ Нижней Саксоніи и аккредитованъ въ этомъ качествѣ при Фридрихъ-Вильгельмѣ, главѣ округа. Этотъ поступокъ Наполеона былъ именно тѣмъ, какой предвидѣлся въ секретной деклараціи между Россіей и Пруссіей 24 мая. Такимъ образомъ существовалъ въ этомъ дѣлѣ *casus foederis*. Русское покровительство Пруссіи было гарантировано, но политика Пруссіи была поставлена на карту. Дѣло шло объ агентѣ могущественной націи, находившейся подъ протекціей международнаго права и прусскаго короля. Такимъ образомъ оскорбленіе было нанесено прусской коронѣ, и нѣмецкая армія, до тѣхъ поръ бездѣйствовавшая, поднялась. Гамбургскій сенатъ ссылался на гарантію прусскаго короля, англійскій посланникъ въ Берлинѣ требовалъ удовлетворенія, а русскому посланнику Алопеусу было поручено, во что бы то ни стало, поставить Пруссію въ неловкое положеніе. Онъ удвоилъ усилія, подливая въ огонь масла и работая совмѣстно съ Меттернихомъ. «Настоящій моментъ мнѣ кажется самымъ благопріятнымъ изъ всѣхъ, писалъ Меттернихъ, довѣріе обѣщаніямъ французскаго правительства, повидимому, здѣсь уничтожилось, и я не могу передать, какое произвело впечатлѣніе ужасное событіе въ Гамбургѣ». Король и его министры чувствовали себя въ смѣшномъ положеніи. Министръ Гарденбергъ, воображавшій себя гениальнымъ, и угрожаемый позорнымъ паденіемъ въ глазахъ Европы, энергично стоялъ за войну съ Франціей. «Ясно, — сказалъ онъ Меттерниху, — что безумецъ, стоящій въ главѣ могущественной континентальной имперіи, стремится къ всемірной монархіи, онъ хочетъ насъ всѣхъ пріучить смотрѣть на себя, какъ на часть его собственности». Отъѣздъ Кнобельсдорфа на коронацію Наполеона былъ отсроченъ, и 30 октября въ Потсдамѣ собрался совѣтъ, гдѣ Гарденбергъ развилъ свою энергичную идею: принять военныя мѣры, немедленно сдѣлать протестъ, освободить Румбольда и очистить Ганноверъ отъ французовъ. Король придерживался мнѣнія, что слѣдуетъ помедлить и потребовать отъ Наполеона лишь уваженія къ королевскому достоинству и къ международному праву. Ломбергъ, секретарь и довѣренный короля, человекъ увертливый, составилъ въ этомъ духѣ письмо Наполеону, которое въ тотъ же день Фридрихъ подписалъ. «Я скомпрометированъ, дорогой братъ, — писалъ король, — и самымъ чувствительнымъ образомъ.

Я долженъ отвѣчать за безопасность посланника, аккредитованнаго при мнѣ, потому что мой первый долгъ, какъ главы округа, наблюдать за дѣйствіями полиціи. Я скомпрометированъ въ моихъ отношеніяхъ къ вамъ, такъ какъ не могу судить о вашихъ дѣйствіяхъ. Наконецъ, я скомпрометированъ относительно другихъ моихъ сосѣдей, потому что объявилъ Россіи ради васъ, что я не допущу прохода ея войска чрезъ мою страну, отвѣчая тѣмъ самымъ за безопасность Сѣверной Германіи. Этой безопасности болѣе не существуетъ, и чтобы быть благодѣтелемъ Европы, какъ вы этого хотите, необходимо, чтобы вамъ повѣрили въ этомъ... Этимъ вы дадите мнѣ доказательства, во что вы цѣните дружбу Пруссіи и благоразуміе системы, которой я слѣдую». При первомъ же словѣ Талейрана относительно возможности требованія и сопротивленія Пруссіи Наполеонъ заволновался и воскликнулъ: «Никто не можетъ заставить меня выпустить на свободу этого интригана; если бы я считалъ себя обязаннымъ это исполнить, я послалъ бы десять жандармовъ похитить его коллегу Саксона у воротъ Берлина, и король прусскій не послалъ бы 50.000 солдатъ, чтобы его возвратить». Но, изливъ свой гнѣвъ, онъ одумался. Приближалась церемонія коронованія, и папа уже пустился въ путь изъ Рима; приглашенія державамъ разосланы, и посланники извѣщены, а потому дѣло съ Пруссіей оказывалось серьезнымъ. Самъ Фридрихъ-Вильгельмъ былъ храбрый воинъ и, кромѣ того, всякій неловкій шагъ со стороны Франціи толкалъ его въ руки Россіи, а потому политическія соображенія заставляли, насколько возможно, держаться его. Румбольдъ, прибывъ въ Парижъ 9 ноября, былъ помѣщенъ въ домъ, смежномъ съ домомъ Фушэ, а затѣмъ въ Тамплѣ и уже подготовилъ себя къ одинаковой съ Пишегрю участи, т.-е. его приведутъ въ комнату, убьютъ тамъ, будутъ рыться въ бумагахъ, а затѣмъ скажутъ, что онъ убилъ себя съ отчаянія. Онъ передалъ смотрителю Тампля свои подозрѣнія относительно Фушэ; смотритель предупредилъ объ этомъ Фушэ, но послѣдній успокоилъ его: «тогда я откажусь отъ своихъ подозрѣній»,—отвѣтилъ осторожный англичанинъ. И въ доказательство своего довѣрія онъ заказалъ себѣ обѣдъ, обильно орошенный виномъ. Въ тотъ же день Луккезини былъ у Талейрана и съ ужасомъ объяснился по этому дѣлу. Талейранъ обѣщалъ ему похлопотать объ этомъ дѣлѣ у императора и обѣщалъ подъ честнымъ словомъ, что прусскому королю будетъ дано удовлетвореніе. На слѣдующій день, 10-го ноября, Луккезини принялъ курьера изъ Берлина. Затѣмъ онъ опять вернулся къ Талейрану, уже утромъ получившему приказанія императора. Министръ самымъ учтивымъ образомъ заявилъ, что императоръ исполнитъ желаніе короля. Вечеромъ Наполеонъ прочиталъ письмо Фридриха и остался имъ доволенъ. Онъ наскоро отвѣтилъ ему, что Румбольдъ освобожденъ изъ уваженія къ королю. На другой день то же самое было напечатано въ «Moniteur»'ѣ. Что касается Румбольда, то Фушэ нашелъ нужнымъ отправить его въ Шербургъ, а затѣмъ въ Англію, подъ условіемъ, что онъ не подойдетъ къ французской арміи ближе, какъ только на разстояніе пятидесяти миль. «Это лучше, чѣмъ Тамплъ,—сказалъ Фушэ,—но вы можете сдѣлать выборъ». Румбольдъ избралъ удаленіе отъ французской арміи и подписалъ бумагу, но, будучи успокоенъ съ тѣхъ поръ относительно «своего самоубійства» и откинувъ свою флегму, какъ

говорить авторъ, замѣнилъ фразу «императоръ французъ» французскимъ правительствомъ. И дѣйствительно, это было начало признанія англичанами имперіи. Но Фушэ не удостоилъ обратить на это вниманіе. Румбольдъ возвратился въ Лондонъ цѣлъ и невредимъ, но съ облегченнымъ портфелемъ, такъ какъ Фушэ удержалъ всю его перениску.

— Мать Жоржъ-Зандъ. Біографы знаменитыхъ писателей обыкновенно касаются не только личностей самихъ героевъ, но также ихъ происхожденія и ихъ родителей. По странной случайности ни въ одной изъ біографій Жоржъ-Зандъ не говорится о жизни ея матери, полной приключеній и сентиментальныхъ треволненій. Тони Ульмэсъ пополнилъ этотъ пробѣлъ своей статьей <sup>1)</sup>, помѣщенной въ «La Revue». Мать знаменитой писательницы была дочерью птичника Делабарда, продававшего чижей и щегленковъ на птичьей биржѣ. Подробности объ юности Антуанеты, — Викторія-Софіи, какъ ее звали, — не извѣстны, и сама Жоржъ-Зандъ опредѣленно объ этомъ не знала и не говорила. Отецъ писательницы, молодой двадцатидвухлѣтній офицеръ, Морисъ Дюпенъ, участвовалъ въ итальянскомъ походѣ въ качествѣ адъютанта генерала Дюпона. Прекрасно сложенный, храбрый, съ откровеннымъ прямымъ характеромъ, пылкимъ сердцемъ и любезный, онъ представлялъ настоящаго героя романа. Отецъ его умеръ, когда онъ былъ ребенкомъ, и его мать, Марія-Аврора Саксъ, незаконная дочь Морица Саксонскаго, женщина высокаго ума, обожала своего сына и дала ему тщательное воспитаніе. Во время похода онъ безпрестанно писалъ своей матери, какъ сынъ и другъ, и въ одномъ изъ писемъ онъ разсказалъ ей свой романъ съ Викториной. Послѣ окончанія итальянскаго похода Морисъ возвратился къ матери въ Ноанъ. Мать обрадовалась пріѣзду сына, но замѣтила, что онъ ежедневно сталъ ее покидать, ради поѣздки въ сосѣдній маленькій городокъ Шатръ. Вскорѣ она узнала, что романъ, о которомъ писалъ сынъ изъ Милана, продолжается. Г-жа Дюпенъ не очень благосклонно взглянула на это увлеченіе, опасаясь скандала вслѣдствіе пріѣзда хорошенькой женщины въ маленькій городокъ и стала настаивать, чтобы Морисъ упросилъ Викторину возвратиться въ Парижъ. Но нельзя же ее было отослать, какъ простую женщину, въ которой болѣе не нуждаются, если она, ради своей любви, бросила блестящее положеніе. Колеблющійся между любовью къ матери и къ любимой женщинѣ, онъ никогда бы не пришелъ къ рѣшенію, если бы не бывший его воспитатель Дешартръ, жившій у нихъ въ домѣ. Назвавшись другомъ Мориса, онъ сталъ уговаривать молодую женщину вернуться въ Парижъ въ тотъ же день, угрожая ей въ противномъ случаѣ прибѣгнуть къ помощи властей. Такъ какъ Викторина не сдавалась, то онъ привелъ съ собою мэра и другихъ должностныхъ лицъ, готовыхъ принять всѣ мѣры, чтобы выгнать изъ города авантюристку. Власти увидѣли вмѣсто какой-то страшной мегеры, какъ описывалъ ее Дешартръ, «совсѣмъ маленькую, хорошенькую, какъ ангелъ, женщину, съ обнаженными руками и распущенными волосами, которая плакала на краю постели». Они взволновались и не прибѣгли къ строгости; такимъ образомъ, дѣло уладилось миролюбиво

<sup>1)</sup> La mère de George-Sand, par Tony d'Ulmés. La Revue des Revues, 1 décembre 1902.

между молодыми людьми. Она рѣшилась вернуться въ Парижъ, а онъ обѣщаль къ ней присоединиться. Дѣйствительно онъ нашелъ предлогъ для отъѣзда и, вскорѣ покинувъ Ноанъ, уѣхаль къ Викторинѣ. Всю жизнь онъ боролся противъ этихъ двухъ любящихъ сердецъ, не желая пожертвовать ни той, ни другой. Въ Парижѣ романъ продолжался, но Бонапартъ задумаль сдѣлать десантъ въ Англію, и Морисъ долженъ былъ отправиться въ Булонскій лагерь. Викторина послѣдовала за нимъ, будучи въ послѣднемъ періодѣ беременности. Въ теченіе четырехъ лѣтъ, какъ длилась ихъ связь, у нея было нѣсколько дѣтей, которыя умерли. Чтобы этотъ ребенокъ родился законнымъ, Морисъ задумаль жениться на Софи, какъ онъ ее называль, безъ вѣдома матери. Морисъ зналь, какой нанесетъ ударъ это событіе матери, которая была дочерью маршала и полна аристократическихъ предрасудковъ. Въ то же время онъ любиль Софи, и хотя она предлагала отказаться отъ этого брака, говоря, что это ничего не прибавитъ и не убавитъ отъ ихъ любви, но онъ не колеблясь обвѣнчался съ нею тайно 16-го апрѣля 1804 г. Послѣ свадьбы онъ отправился къ матери, намѣреваясь рассказать ей обо всемъ, но при видѣ ея страстной и ревнивой нѣжности онъ не рѣшился признаться и только сказалъ о беременности Софи. Возвратившись въ Парижъ, они продолжали жить въ своемъ скромномъ помѣщеніи. Въ это время сестра Софи выходила замужъ за оставшаго офицера Маршала, и по этому случаю было устроено семейное празднество, во время котораго родилась Жоржъ-Зандъ. Вотъ что рассказываетъ сама писательница объ этомъ событіи. «Въ этотъ день моя мать была въ красивомъ розовомъ платьѣ, а отецъ играль на скрипкѣ кадрили своего сочиненія. Почувствовавъ себя дурно, мать оставила танцы и вышла въ свою комнату. Такъ какъ ея лицо не измѣнилось, и она вышла спокойно, то кадрили продолжался. Но по окончаніи кадрили тетя Люси вопля къ ней въ комнату и тотчасъ воскликнула: «Придите, придите, Морисъ, у васъ родилась дочь!» — «Она будетъ названа Авророй, какъ моя бѣдная мать, которой нѣтъ здѣсь», чтобы благословить ее, но она въ одинъ прекрасный день совершить это, сказалъ мой отецъ, беря меня на руки». Это было 5-го іюля 1804 года, въ послѣдній день республики и первый—имперіи. «Она родилась при музыкѣ и въ розовомъ цвѣтѣ, сказала моя тетя, значитъ будетъ счастлива». Г-жа Дюпень ничего не знала объ этомъ рожденіи, но подозрѣвала и написала письмо мэру V округа, прося узнать, не женился ли ея сынъ. Ее извѣстили обо всемъ, но, несмотря на благопріятные отзывы о брачной жизни молодыхъ людей, мать Мориса отправилась въ Парижъ съ цѣлю найти какую нибудь неточность въ записяхъ, чтобы нарушить бракъ, но ничего не нашла. Морисъ не подозрѣвая, что мать знаетъ все, отправиль къ ней восьмимѣсячную дочь, чтобы умилостивить бабушку. Мать Дюпена такъ растрогалась при видѣ ребенка, что простила имъ этотъ бракъ, и религиозный обрядъ вѣнчанія совершился нѣсколько времени спустя; послѣ него былъ устроенъ семейный завтракъ, и Викторина вступила въ семью Дюпень. «Моя мать, — писала Жоржъ Зандъ, — не была одной изъ тѣхъ смѣлыхъ интриганокъ, тайною страстью которыхъ было бороться противъ предрасудковъ ихъ времени, и которыя расчитываютъ возвыситься, прицѣпившись къ ложному величію свѣта, рискуя получить тысячу щелчковъ.

Она была слишком горда, чтобы подвергаться даже холодности, и такъ сдержанна, что казалась даже застычивой. Но если бы попробовали покровительственно ободрить ее, то она становилась еще сдержаннѣе и казалась холодной и безмольной. Ея манеры были превосходны съ лицами, внушавшими ей уваженіе: тогда она становилась предупредительной и очаровательной. Настоящій ея характеръ былъ веселый, задорный, дѣятельный, а главное она была врагъ натянутости. Званные обѣды, длинные вечера, пошлые визиты и даже балы ей были ненавистны. Это была женщина камелька, быстрыхъ и шаловливыхъ прогулокъ, но какъ дома, такъ и на прогулкахъ ей требовалась интимность, довѣрчивость, вполнѣ искреннія отношенія, безусловная свобода въ привычкахъ и въ распредѣленіи времени. Такимъ образомъ она жила всегда вдали отъ свѣта и заботилась болѣе о томъ, какъ бы избавиться отъ стѣснительныхъ знакомствъ, чѣмъ объ ихъ приобрѣтеніи. Сущность характера моего отца была та же, и въ этомъ отношеніи никогда супруги лучше не подходили другъ къ другу. Они были счастливы только дома, внѣ его они задыхались отъ меланхолической зѣвоты». Но, къ несчастію, въ то воинственное время они безпрестанно разставались, и письма отца Жоржъ-Зандъ сохранились немногія. Изъ нихъ видно, что Морисъ Дюпенъ попрежнему былъ влюбленъ въ свою жену и мечталъ только о своемъ тихомъ уголкѣ. Наконецъ Наполеонъ направился въ Испанію, и Морисъ послѣдовалъ за нимъ, въ качествѣ адъютанта Мюрата. Софи, несмотря на свою бѣременность, сопровождала его съ двумя дочерьми, Авророй и Каролиной, послѣдняя была рождена до знакомства съ Морисомъ, но онъ любилъ ее, какъ свою дочь. Послѣ долгаго путешествія они достигли Мадрита. Здѣсь Дюпенъ поселился во дворцѣ принца Мира, гдѣ жилъ Мюратъ, имъ отвели громадное помѣщеніе въ третьемъ этажѣ, все обитое красной шелковой матеріей и блестящее золотомъ. Рожденный Софи мальчикъ оказался слѣпымъ. Она увѣряла, что акушеръ, принимая его, нажалъ ему пальцемъ глаза и сказала: «Этотъ ребенокъ никогда не увидитъ солнца Испаніи». Была ли это правда или галлюцинація, никто не могъ сказать навѣрно. Ребенку исполнилось двѣ недѣли, когда французская армія покинула Испанію, и Софи отправилась въ коляскѣ чрезъ Испанію въ Ноанъ. Послѣ утомительной поѣздки она рассчитывала наконецъ отдохнуть въ семейной жизни, но ее ожидали два большія несчастія. Маленькій слѣпой Луи, съ каждымъ днемъ таявшій, умеръ на колѣняхъ матери послѣ долгой агоніи. Его похоронили, но на другой день имъ пришла мысль, что они рано предали его тѣло землѣ, и ночью Морисъ тихонько вышелъ на кладбище и отрылъ гробъ. Ихъ горе было такъ велико, что они не хотѣли вѣрить въ смерть ребенка. Все было сдѣлано для его оживленія, такъ какъ они полагали, что онъ находится въ летаргическомъ снѣ. Но все было тщетно: ребенокъ дѣйствительно былъ мертвъ. Морисъ отнесъ его ночью въ садъ, гдѣ похоронилъ подъ большимъ грушевымъ деревомъ. Нѣсколько дней спустя, онъ отправился верхомъ къ друзьямъ, жившимъ по сосѣдству. Среди ночи мать Мориса стала безпокоиться его отсутствіемъ и сама отправилась за нимъ. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ дома она увидѣла его трупъ. Дѣло было такъ: испуганная кучею камней лошадь сдѣлала прыжокъ, скинула всадника на землю такъ неудачно, что онъ тотчасъ же умеръ. Послѣ этого событія

Софи продолжала жить съ свекровью. Эти двѣ женщины были совершенно различныхъ вкусовъ, привычекъ и характеровъ и обѣ ненавидѣли другъ друга, но въ то же время онѣ были связаны общимъ несчастьемъ и страстной любовью къ Аврорѣ. Та борьба противъ двухъ любящихъ сердецъ, которую переживала Мористъ, перешла къ Жоржъ-Зандъ. Любовь матери и бабушки причиняла писательницѣ страшныя страданія. Ненавидя другъ друга, обѣ женщины старались вырвать ее одна у другой, и, какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ, со стороны бабушки дѣлались всевозможные сплетни и несправедливости относительно Софи. Въ этомъ помогали г-жѣ Дюоненъ Дешартръ и горничная Жюли, а со стороны матери преданная ей служанка Роза. Жизнь становилась не выносимой, и Софи отправилась въ Парижъ, чтобы заняться своей дочерью Каролиной, помѣщенной въ пансіонъ, оставивъ Аврору бабушкѣ. Это положеніе вещей длилось до смерти г-жи Дюоненъ, но съ этого времени начались новыя неурядицы. Дѣло въ томъ, что въ духовной г-жи Дюоненъ былъ назначенъ опекуномъ ея двоюродный братъ Вильневъ, и дѣвочка должна была жить у него. Софи возмутилась и воспротивилась. На половину добровольно, на половину силой, но Аврору взяла мать къ себѣ. Вѣдной Жоржъ-Зандъ отъ этого было не лучше; характеръ матери сдѣлался желчнымъ, при каждомъ случаѣ она выходила изъ себя и выражала глубокую ненависть къ г-жѣ Дюоненъ. Въмѣсто того, чтобы ее успокоить, Аврора своей холодностью ее еще болѣе раздражала. Чрезмѣрно подозрительная и считавшая все преступнымъ, чего не понимала, она вырывала изъ рукъ Авроры книги, говоря, что она въ нихъ ничего не понимаетъ, и эти книги должны быть дурными; при этомъ она порицала воспитаніе, полученное дочерью у бабушки. «Ей требовались сильныя ощущенія, — писала Жоржъ-Зандъ, — и хотя ея жизнь была ими наполнена, но этого было недостаточно для странной и, конечно, роковой ненависти, которую она переживала. Для успокоенія тѣла и ума ей требовалось возобновлять всегда атмосферу и возбуждать себя новыми волненіями, мѣнять помѣщенія, ссориться, мириться съ кѣмънибудь или чтонибудь устраивать, жить нѣсколько часовъ въ деревнѣ и торопиться возвращеніемъ, чтобы убѣжать изъ деревни, обѣдать въ разныхъ ресторанахъ и даже совершенно измѣнять свой туалетъ съ головы до ногъ еженедѣльно. Купивъ утромъ шляпу, вечеромъ она находила ее безобразной. У нея были прекрасные черные волосы, но они надѣли ей, и она надѣла бѣлокурый парикъ, который къ ней не шелъ. Нѣкоторое время она была бѣлокурой, но затѣмъ сдѣлалась свѣтло-каштановой. Вскорѣ она дошла до пепельнаго цвѣта, но потомъ вернулась къ черному. Она это дѣлала такъ хорошо, что я ее видѣла ежедневно съ различнаго цвѣта волосами». Однажды мать Софи открыла ей всю свою душу и объяснила свое рѣзкое обращеніе къ ней презрительнымъ отношеніемъ къ ней г-жи Дюоненъ, что ее сильно раздражило, и обѣщала быть къ ней справедливѣе. Но, сама сомнѣваясь въ возможности сдержать обѣщаніе, она отправила дочь въ семью Дюплесси. Тамъ Жоржъ-Зандъ познакомилась съ молодымъ человѣкомъ, Казимиромъ Дюдеваномъ, который сдѣлалъ ей предложеніе. Когда мать Авроры пріѣхала взглянуть на будущаго зятя, она нашла его некрасивымъ: «Я хотѣла бы имѣть красиваго зятя, — сказала она, — чтобы ходить съ нимъ подъ руку». Послѣ долгихъ колебаній съ

ей стороны брак состоялся, но Жоржъ-Зандъ, какъ извѣстно, не была счастлива, и чрезъ нѣсколько лѣтъ покинула Ноанъ для литературной карьеры въ Парижѣ. Сначала ея мать подняла бурю и читала только оскорбительныя статьи относительно Жоржъ-Зандъ, совершенно довѣря имъ, но, прочитавъ ея произведенія, она пришла въ восторгъ. Послѣ брака ея старшей дочери Каролины она жила одна въ маленькой квартиркѣ, довольная парижскимъ оживленіемъ. «Парижъ производитъ на меня впечатлѣніе вѣчнаго праздника,—говорила она,—и это движеніе, принимаемое мною за веселіе, отрываетъ меня отъ самой себя. Вы знаете хорошо, что въ тотъ день, когда мнѣ потребуется размышлять, я умру». Жоржъ-Зандъ была въ Ноанѣ, когда получила письмо, извѣщавшее ее о серьезномъ положеніи въ здоровьѣ матери. Она немедленно пріѣхала и нашла мать уже перевезенной въ госпиталь. Печень ея опухла, и ей оставалось жить лишь нѣсколько дней. Обѣ дочери старались сдѣлать для нея пріятными послѣдніе дни жизни. Ее возили кататься въ Елисейскія поля. «Какъ все это прекрасно,—говорила она,—и среди этого нельзя умереть. Въ Парижѣ не умираютъ». Когда она была слаба, и ее выносили въ садъ на солнце, то она говорила: «Я не хочу видѣть лица священника. Я хочу, если уже надо отправиться, чтобы все улыбалось вокругъ меня. Прежде всего, почему я должна бояться явиться къ Богу? Я всегда его любила». Жоржъ-Зандъ пришлось уѣхать на два дня, и въ ея отсутствіе все было кончено. Наканунѣ ея мать сказала дочери Каролинѣ: «Причеси меня, я хочу быть причесанной». Она взглянула въ зеркало и улыбнулась, ея рука упала—она была уже мертва.

— Бисмаркъ, какъ полицейскій. Надѣлавшая много шума романическая исторія Саксонской наслѣдной принцессы вызвала въ печати различные анекдоты относительно супружескихъ размолвокъ въ коронованныхъ семьяхъ. Существовъ въ Саксоніи второй Бисмаркъ,—дѣло давно было бы улажено.

Въ *Journal des Debats hebdomadaire* <sup>1)</sup> помѣщенъ любопытный рассказъ, о бывшей прусской королевѣ Фредерикѣ и о главной причинѣ ея ненависти къ Бисмарку. Въ одинъ ноябрьскій день, лѣтъ за десять до провозглашенія ея мужа императоромъ, будущая императрица ожидала въ кабинетѣ мужа его возвращенія. Письменный столъ былъ не запертъ, и Фредерика стала приводить въ порядокъ разбросанныя бумаги. Желая ихъ запереть, она открыла одинъ изъ ящичковъ, и неожиданно ея взоръ упалъ на какой-то футляръ. По свойственному большинству людей любопытству, она заглянула въ него: увидя великолѣпную нитку жемчуга, Фредерика пришла въ восторгъ и, обвивъ ее вокругъ своихъ пальцевъ, залюбовалась ею. Считая этотъ жемчугъ предназначеннымъ для нея, она даже хотѣла его надѣть, но въ этотъ день было ея рожденіе, и она рѣшила предоставить мужу лично вручить ей этотъ подарокъ. Но расчетъ оказался невѣренъ: въ этотъ же вечеръ ее ожидалъ сердечный ударъ—прекрасный жемчугъ красовался на шеѣ одной изъ ея придворныхъ дамъ. Не даромъ Фредерика была англичанкой и дочерью сдержанной королевы Викторіи: она ни однимъ словомъ не выдала своего горя, твердо рѣшивъ удалиться отъ мужа. Часъ спустя, наслѣдная принцесса вѣхала на скоромъ поѣздѣ въ

<sup>1)</sup> Equpees royales. *Journal des Debats hebdomadaire*, 2 janvier 1903.



Кельнъ, откуда ей предстояло отправиться въ Англію къ матери. Наслѣдный принцъ, замѣтивъ отсутствіе жены, началъ беспокоиться и бросился къ отцу. Тотчасъ же король Вильгельмъ ухватился за Бисмарка, который, наведя справки у полиціи, узналъ, по какому направленію отправилась Фредерика. Немедленно Бисмаркъ отдалъ приказъ приготовить специальный поѣздъ и, предусмотрительно запасшись на всякій случай королевскимъ приказомъ объ арестѣ, отправился за бѣглянкой. Ему удалось поймать ее прежде, чѣмъ она выѣхала изъ Кельна. Однако, принцесса ничего не хотѣла слышать и не измѣняла своего рѣшенія. Тогда Бисмаркъ, долго не думая, взялъ и арестовалъ ее именемъ короля. Черезъ нѣсколько часовъ она была доставлена въ Берлинъ. Фредерика всю жизнь не могла простить Бисмарку этотъ арестъ, но честь Гогенцоллерновъ была спасена, а это для Бисмарка было важнѣе гнѣва английской принцессы.

— Академія Гонкуровъ. Ровнодесятьлѣтъ тому назадъ извѣстный французскій романистъ Эдмонъ Гонкуръ началъ хлопотать объ учрежденіи литературнаго общества подъ названіемъ академіи Гонкуровъ, имѣвшаго цѣлью противоѣствовать академіи и собрать кружокъ писателей, которые никогда не сдѣлаются «безсмертными». Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1896 году, онъ умеръ и оставилъ по завѣщанію все свое состояніе въ пользу своей академіи. Съ тѣхъ поръ до 4-го января настоящаго года время прошло въ постоянномъ разсмотрѣніи вопроса о новомъ обществѣ въ государственномъ совѣтѣ и судебномъ процессѣ наслѣдниковъ Эдмона Гонкура, такъ какъ его братъ умеръ гораздо ранѣе. Наконецъ всѣ препятствія были устранены, и 12-го января академія Гонкуровъ открыта, но, конечно, въ ней недостаетъ многихъ главнѣйшихъ изъ ея членовъ, назначенныхъ самимъ Гонкуромъ, какъ, на примѣръ, умершихъ Додэ, Золя, и нѣкоторыхъ другихъ. Предсѣдателемъ этой академіи избранъ бывший реальный романистъ Ж. Пюисманъ, а теперь католическій мистикъ. Затѣмъ самымъ дѣятельнымъ академикомъ состоитъ Леонъ Генникъ, также реальный романистъ и драматургъ. Онъ всего болѣе хлопоталъ объ осуществленіи идеи Гонкуровъ и былъ назначенъ вмѣстѣ съ Альфонсомъ Додэ душеприказчикомъ Эдмона Гонкура. За смертью Додэ избранъ его сынъ, Леонъ Додэ, также извѣстный романистъ. Мѣсто же Золя занялъ Леонъ Декавъ, прославившій себя чрезвычайно реалистическими романами. Остальные академики, кромѣ поэта Эльмира Бурже, назначены были еще самимъ Эдмонъ Гонкуромъ: это—Октавъ Мирбо, Жофруа, братья Рони и одинъ изъ братьевъ Маргеритъ—Поль. Всѣ они извѣстны, какъ поэты, романисты или во всякомъ случаѣ беллетристы. Такимъ образомъ теперь всѣ десять академикомъ въ полномъ сборѣ. По уставу академіи члены получаютъ не назначенные Эдмонъ Гонкуромъ 6.000 франковъ, а только 3.000, но все-таки эта сумма вдвое больше, чѣмъ получаютъ казенные безсмертные. Вся ихъ обязанность заключается въ опредѣленіи годичной преміи за лучшее прозаическое сочиненіе и участіи въ періодическихъ обѣдахъ, назначенныхъ уставомъ.

— Памятникъ Эмилю Эркману. Недавно въ Люневилѣ поставленъ памятникъ одному изъ участниковъ знаменитой литературной фирмы: Эркманъ-Шатрианъ. Извѣстно, что двое эльзасцевъ — Эмиль Эркманъ и Александръ

Шатрианъ, составляли тѣсное сотрудничество и написали длинный рядъ историческихъ, народныхъ и популярныхъ романовъ и рассказовъ. Ихъ литературная дѣятельность началась съ 1859 г., и въ некоторое время они не пользовались большимъ успѣхомъ, такъ какъ писали исключительно эльзасскіе легендарные рассказы, но съ 1862 г. они начали первую серію своихъ національныхъ историческихъ романовъ, въ которыхъ, главнымъ образомъ, возставали противъ войны и косвеннымъ образомъ противъ имперіи. Успѣхъ «Madame Thérèse», «Histoire d'un conscrit de 1813» и «Waterloo» превзошелъ всѣ ожиданія. Затѣмъ, отъ эпопей Наполеоновскихъ временъ они перешли къ исторіи революціи—въ романѣ «Histoire d'un paysan» и къ исторіи реставраціи—въ романѣ «Histoire d'un homme du peuple». Кромѣ того, они извѣстны театральными пьесами, изъ которыхъ всего замѣчательнѣе «Le juif polonais» и «L'ami Fritz». Трудно перечислить всѣ ихъ романы, повѣсти и рассказы, такъ они многочисленны. Но, по несчастію, давъ свѣту безконечный рядъ талантливыхъ произведеній, они поссорились. Поводъ къ ссорѣ изъ-за финансовыхъ причинъ подать Шатрианъ. Судь, разсмотрѣвъ ихъ дѣло, нашель, что доля Шатриана въ сотрудничествѣ совсѣмъ ничтожная. Эркманъ оказался главнымъ, почти единственнымъ авторомъ сочиненій, изданныхъ подъ общей литературной фирмой. Шатрианъ только изрѣдка ему помогаль совѣтами, воспоминаніями и главное практическими сношеніями съ издателями, что для него было легко, такъ какъ онъ занималь мѣсто желѣзнодорожнаго кассира. Онъ жилъ въ Парижѣ, а Эркманъ прежде въ Фальцбургѣ, а потомъ въ Лоневилѣ, гдѣ и умеръ 77 лѣтъ, 1-го марта 1899 г. Послѣ ссоры прежніе друзья вели себя совершенно различно: Шатрианъ осыпаль бранью и клеветами Эркмана, который, напротивъ, очень сожалѣль о размолвкѣ и постоянно отзывался о немъ самымъ сочувственнымъ образомъ. «Я желаю,—писаль онъ своему другу Полю Берэ, напечатанному теньеру отрывки изъ его писемъ,—чтобы наша ссора не надѣлала много шума. Наши имена нераздѣльно связаны съ нашими произведеніями, и лучше оставить публикѣ иллюзію относительно нашей дружбы». Что же касается до ихъ сотрудничества, то Эркманъ замѣчалъ: «Шатрианъ никогда мнѣ не далъ идеи для нашихъ произведеній; даже онъ не всегда понималь ее, когда я развиваль сюжетъ романовъ и рассказовъ. Онъ даже не снабжалъ меня содержаніемъ отдѣльныхъ главъ и по той простой причинѣ, что онъ не имѣль никакой литературной идеи». Пока они были дружны между собою, Эркманъ храниль тайну очень упорно, и публика не подозрѣвала, что Шатрианъ играль такую незначительную роль въ ихъ сотрудничествѣ. Послѣ же ихъ торжественнаго разрыва они продолжали писать отдѣльно, но чрезвычайно мало, и все, что вышло изъ-подъ ихъ разъединенныхъ перьевъ, уже не представляло никакого интереса. Однако, несмотря на разрывъ двухъ писателей, ихъ общая слава до сихъ поръ не прекращается, и какъ въ литературѣ, такъ и обществѣ, все извѣстно двойное имя Эркманъ-Шатрианъ. Такъ, напримѣръ, когда люневильскій мэръ заботился о заказѣ недавно воздвигнутаго памятника, то свои услуги предложилъ знаменитый скульпторъ Бартольди, родомъ изъ Эльзаса, и на проектъ памятника изобразиль Эркмана и Шатриана, т.-е. двухъ сотрудничковъ. Мэръ съ удивленіемъ воскликнулъ: «Вы хотите ставить памятникъ

обоимъ?» — «Еще бы, — воскликнулъ Бартольдъ, — ихъ двое: Эркманъ и Шатріанъ». — «Извините, — сказалъ мэръ, — мы знаемъ только одного, Эркмана, ему только одному мы хотимъ сдѣлать честь, какъ жителю Люневилля. И потомъ, вы знаете, Шатріанъ»... Такимъ образомъ, бюстъ Эркмана увѣковѣчилъ славу настоящаго и единственнаго автора извѣстныхъ историческихъ романовъ Эркмана-Шатріана.

— Смерть Сагасты, Махмудъ-паши, Бловица и Пьера Лафита. Въ январѣ мѣсяцѣ настоящаго года умерло нѣсколько выдающихся людей въ Европѣ. Самымъ извѣстнымъ изъ нихъ былъ донъ Прахедесъ-Матео-Сагаста, еще недавно занимавшій мѣсто перваго министра въ Испаніи и считавшійся однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ политическихъ дѣятелей своей страны. Сагаста родился 21-го іюля 1828 г. въ Торресилло-де-Камеросъ, въ провинціи Лограно. Получивъ техническое образованіе, онъ сперва служилъ инженеромъ, а потомъ его привлекла политическая дѣятельность, и онъ работалъ около полувѣка. Его часто обвиняли въ измѣнчивости политическихъ убѣжденій и даже называли хамелеономъ. Но эти обвиненія относятся до различныхъ отѣнковъ либеральной партіи, которой онъ вообще былъ всегда вѣренъ. Въ 1854 году онъ впервые былъ избранъ въ депутаты и шестнадцать лѣтъ участвовалъ въ бурныхъ политическихъ событіяхъ того времени. Наконецъ, благодаря реакціонному движенію, онъ долженъ былъ покинуть родину и поселился въ Парижѣ. Когда уже въ 1873 году была провозглашена въ Испаніи республика, то онъ вернулся и на другой годъ сдѣлался первымъ министромъ. Однако вскорѣ онъ принужденъ былъ выйти въ отставку и съ возстановленіемъ монархіи присягнулъ королю Альфонсу XII. Съ этихъ поръ оцъ поочередно съ Кановасомъ былъ первымъ министромъ, смотря по тому, которая партія, либеральная или консервативная, чередовалась у власти. Роковая война съ Америкой изъ-за острововъ Кубы и Филиппинскихъ началась въ его предшлѣднее министерство, но никто въ Испаніи не обвинялъ его въ отвѣтственности за эту войну. Наконецъ въ 1900 г. онъ снова сдѣлался первымъ министромъ и только въ декабрѣ 1902 г. вышелъ въ отставку. Альфонсъ XIII съ сожалѣніемъ разставался съ нимъ и уговаривалъ его составить новое министерство, но Сагаста очень утомился продолжительной политической дѣятельностью и настоялъ на своемъ удаленіи отъ власти. Вскорѣ же послѣ этого онъ умеръ на 75-мъ году.

18-го января скончался въ Брюсселѣ Махмудъ-паша, шуринъ султана и сынъ фельдмаршала Галила-паши. Прибывъ въ Парижъ очень молодымъ, онъ всю свою жизнь былъ поклонникомъ Франціи. Нѣсколько лѣтъ онъ состоялъ при турецкомъ посольствѣ въ Парижѣ, а въ 1899 году его назначили министромъ юстиціи. Умный, образованный, въ свободное время поэтъ, Махмудъ-паша отличался прямою и честностью, и не бралъ своего министерскаго жалованья по причинѣ того, что мелкіе чиновники не получали своихъ грошей. Онъ былъ ярый приверженецъ административныхъ реформъ и прогресса относительно всѣхъ подданныхъ султана, какъ мусульманъ, такъ и христіанъ. Наконецъ, видя тщетными всѣ свои попытки, онъ, оставшись министромъ нѣсколько мѣсяцевъ, тайно уѣхалъ изъ Константинополя съ двумя

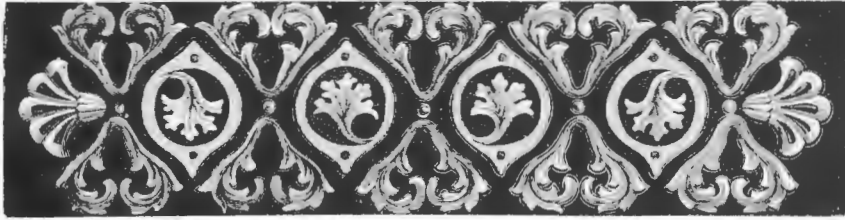
сыновьями, получившими тщательное воспитание. Несмотря на все усилия Абдуль-Гамида возвратить его вместе с сыновьями в Константинополь, он настоял на своем добровольном изгнании с либеральной целью. Все это время он жил в Париже, Женеве, Египте, Риме, Корфу, Люцерне и Брюсселе. Он умер 49-ти лет и перед смертью завещал своим сыновьям: «Я запрещаю отвезти мое тело в Турцию, оно не будет покоиться на родине, пока ею обладает Абдуль-Гамид». Султан всячески хлопотал, чтобы сыновья покойного вернулись в Константинополь вместе с телом отца, но получил отказ. Он все-таки не перестает добиваться у французского правительства перевозки тела шурина в Турцию из боязни, чтобы младотурки не произвели его в мученики и не съѣдали предметом паломничества. Между тем тело Махмуда-паши перевезли из Брюсселя в Париж, где, по всей вероятности, его и похоронят.

В один день с Махмудом-пашею умер Бловиц, знаменитый корреспондент «Times» в Париже. Только на несколько недель он пережил свою отставку из корреспондентов, причиною которой была слепота, продолжавшаяся уже два года. Анри-Адольф Опшер родился в 1823 г. в замке Бловиц в Австрии и по этой причине выбрал себе фамилию Бловиц. По происхождению он, говорят, был австрийский еврей. Шестнадцати лет Бловиц покинул свою родину и мечтал переселиться в Соединенные Штаты, но прежде хотел познакомиться со всей Европой. Зная прекрасно немецкий язык, он после долгих путешествий поступил профессором немецкого языка в лицей города Тура во Франции. Затем он занимал то же положение в Лиможе, Пуатье и Марселе, где вместе с лицейским преподаванием устраивал популярные лекции иностранной литературы. В 1860 г. он покинул кафедру и занялся изобретением паровой машины для расчески шерсти. Но во время опыта ее разорвало, и Бловиц едва не заплатил жизнью за любовь к изобретениям. Оправившись от ран, он посвятил себя журнализму и, зная прекрасно французский язык, стал работать в «Gazette du Midi» и «Décentralisation de Lyon» и т. д. В начале франко-прусской войны, в 1870 г., он натурализовался французом и в Марсели поступил в национальную гвардию. Во время коммуны он сражался против нея, и в своем доме, в Марсели, завел секретную телеграфную станцию, откуда прямо посылал в Версаль, к Тьеру, известия о положении дѣль. После войны 22 июня 1871 г. Бловиц поступил в корреспонденты «Times» в, которым оставался двадцать два года, и первый завел в газете ежедневные телеграммы; с этой целью французское правительство отвело ему особую телеграфную проволоку. Его корреспонденции отличались необыкновенной быстротой, новизной сведений и важностью некоторых сообщений. Он первый завел интервью корреспондентов, и особенно были замечательны его разговоры с графом Шамбором, Бисмарком, Альфонсом XII, султаном, графом Парижским, папой, маркизом Тценгом и т. д. Бловиц не ограничивался одними известиями, но сообщал своей редакции и важные политические документы. Так, в 1875 г., он обнаружил намерение Германии напасть на Францию, а в 1878 г. он напечатал в «Times» текст берлинского

трактата даже ранѣе, чѣмъ онъ былъ подписанъ. Бловица рѣшительно всѣ признавали королемъ корреспондентовъ: такъ онъ умѣлъ все разузнавать и все знать. Конечно, онъ не могъ бы добиться своей цѣли всезнающаго корреспондента, если бъ редакція «Times»'а не давала ему почти безграничнаго кредита. Кромѣ его пресловутой газетной дѣятельности, онъ написалъ нѣсколько книгъ на французскомъ языкѣ: «Feuilles volantes», «L'Allemagne et la Provence», «Le mariage royal» и проч. Разумѣется, написавъ болѣе четырехъ тысячъ столбцовъ «Times»'а, онъ иногда дѣлалъ промахи, но чрезвычайно осторожно заглаживалъ ихъ. За свои заслуги Франціи Бловицъ получилъ орденъ Почетнаго Легіона, а когда Бисмаркъ вздумалъ наградить его орденомъ Прусской Короны «за услуги, оказанныя миру», то онъ отказался принять эту награду. Скончался Бловицъ отъ діабета на 77 году.

Въ началѣ января Французская Коллегія понесла тяжкую потерю въ лицѣ профессора, занимавшаго кафедрю общихъ наукъ—Пьера Лафита, бывшаго главою позитивизма во Франціи. Онъ родился въ 1823 г. въ маленькомъ городкѣ Бенье, въ департаментѣ Жиронды. Сначала онъ энергично предался преподаванію математики и въ 1844 г. вошелъ въ сношенія съ Огюстомъ Контомъ, идеи котораго, какъ философскія, такъ политическія и религіозныя, онъ совершенно усвоилъ себѣ. Послѣ смерти великаго учителя онъ сдѣлался его главнымъ душеприказчикомъ и былъ выбранъ въ преемники главы позитивизма. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ профессоромъ всеобщей исторіи Французской Коллегіи. Эту кафедрю онъ занималъ до послѣдняго дня, несмотря на то, что ему было 80 лѣтъ. Изъ его сочиненій, посвященныхъ исключительно позитивизму, главное мѣсто занимаетъ «Cours de philosophie première». Три года тому назадъ онъ написалъ любопытное произведеніе, выходящее изъ обычныхъ рамокъ: «Фаустъ Гёте». На похоронахъ Лафита произнесъ высокохудожественную и талантливую рѣчь академикъ Анатоль Франсъ, указавшій на великое значеніе позитивизма для будущности, «основанной на союзѣ рабочихъ, отъ чего зависитъ всеобщій миръ».





## С М Ъ С Б.



**ТОЛЪТІЕ** Пажескаго корпуса. Въ декабрѣ рядомъ блестящихъ торжествъ ознаменовано было столѣтіе Пажескаго корпуса. Не имѣя возможности воспроизводить всѣ подробности празднествъ, мы вкратцѣ отмѣтимъ по газетнымъ сообщеніямъ основные моменты юбилейныхъ торжествъ. Пажи начали существованіе на Руси собственно при Петрѣ Великомъ, но и въ допетровское время были молодые люди, исполнявшіе придворную службу при царяхъ и царицахъ, называвшіеся тогда стольниками. Въ Западной Европѣ пажи состояли при рыцаряхъ и сами готовились быть рыцарями. Петръ же I, учреждая пажей, назначилъ имъ только одну придворную службу. При Елисаветѣ Петровнѣ въ 1759 г. учрежденъ былъ Пажескій корпусъ, пажи были помѣщены вмѣстѣ на жительство и обязаны были проходить курсъ наукъ. Императоръ Павелъ преобразовалъ этотъ корпусъ въ военно-учебное заведеніе, положеніе о которомъ было утверждено въ слѣдующее царствованіе 10-го октября 1802 г., когда корпусъ переданъ въ вѣдомство военно-учебныхъ заведеній. Устройство, данное Александромъ I, корпусъ сохранилъ и по настоящее время. Сущность его состоитъ въ томъ, что питомцы корпуса получаютъ въ немъ какъ общее, такъ и спеціально военное образованіе. При обращеніи Пажескаго корпуса въ военно-учебное заведеніе пажи были помѣщены въ бывшемъ дворцѣ мальтійскихъ рыцарей. Мальтійскіе рыцари исчезли, но завѣты ихъ живы: этими завѣтами продолжаютъ жить пажи; эмблема рыцарства, мальтійскій крестъ, стала эмблемою Пажескаго корпуса. Крестъ этотъ украшаетъ пожалованное корпусу знамя. Такимъ образомъ изъ глубины вѣковъ и съ высоты престола пажамъ указано ихъ главное назначеніе быть рыцарями въ жизни и на службѣ. Какъ учебное заведеніе, корпусъ существуетъ 143 г., а какъ военно-учебное—100 лѣтъ. За этотъ длинный рядъ годовъ корпусъ подготовилъ для государственной и общественной дѣятельности много полезныхъ ра-

ботниковъ. 103 пажъ заслужили георгиевскіе кресты; изъ нихъ пажъ фельдмаршалъ графъ Паскевичъ имѣлъ 1-й степени; шесть пажей, въ томъ числѣ фельдмаршалъ Гурко, — 2-й, 18 пажей — 3-й. На черныя доски въ церкви корпуса занесены имена 80 пажей, сложившихъ свои головы за царя и родину. Въ послѣднія 100 лѣтъ вблизи трона стоялъ рядъ пажей, бывшихъ ближайшими исполнителями воли монарховъ. Министрами изъ пажей были покойные графы Адлерберги, нынѣ: графъ Ламздорфъ, князь Хилковъ, т. с. Зенгеръ, бывший министръ и дипломатъ графъ Н. П. Игнатъевъ. Кромѣ того, за сто лѣтъ изъ пажей было 22 генералъ-губернатора, 5 наказныхъ атамановъ войска донского, 11 главнокомандующихъ и 11 командующихъ войсками военныхъ округовъ. Въ числѣ современныхъ бывшихъ пажей есть андреевскіе кавалеры: генералъ-адъютантъ графъ Н. П. Игнатъевъ и графъ Мусинъ-Пушкинъ. Культурная работа въ области наукъ и искусствъ привлекла цѣлый рядъ талантливыхъ пажей. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ былъ основателемъ Московскаго университета и академіи художествъ, Новосильцовъ — президентъ академіи наукъ, Оленинъ — президентъ академіи художествъ, Кавелинъ — воспитатель цесаревича Александра Николаевича, Философовъ — воспитатель великихъ князей, Ростовцевъ — начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній и ближайшій сотрудникъ царя-освободителя, Шильдеръ — историкъ, начальникъ инженерной академіи и директоръ императорской Публичной библіотеки; въ области искусствъ и художествъ работали пажы: академикъ Шредеръ, Мусинъ-Пушкинъ, генералъ Бильдерлингъ. Было бы долго перечислять всѣхъ заявившихъ себя на поприщѣ культуры пажей. Эту задачу принялъ на себя недавно учрежденный музей Пажескаго его величества корпуса. Съ цѣлью собрать и хранить при корпусѣ все, могущее имѣть отношеніе къ его исторіи или касающееся дѣятелей корпуса, покойнымъ Н. П. Скалономъ болѣе 10 лѣтъ назадъ задуманъ и отчасти начатъ музей корпуса. Онъ собираетъ портреты всѣхъ ставшихъ извѣстными пажей, ставитъ себѣ задачей составить полную библіотеку всѣхъ печатныхъ произведеній, — литературныхъ, научныхъ, музыкальныхъ, — бывшихъ пажей, ихъ работы въ области искусства и т. п. Недавно образованъ комитетъ историческаго музея Пажескаго корпуса. Дѣйствительными членами музея могутъ быть бывшіе пажы, настоящіе 1-й и 2-й ротъ, и служащіе въ корпусѣ, а почетными и сотрудниками также и прочія лица, по избранію. Юбилейныя торжества начались еще 12-го декабря. Въ этотъ день Пажескій корпусъ собрался въ усыпальницѣ русскихъ царей, Петропавловскомъ соборѣ, помолиться за преобразователя корпуса Александра I, Николая I, Александра II и Александра III. Въ 9<sup>1/2</sup> час. утра прибылъ въ церковь весь составъ корпуса во главѣ съ директоромъ генералъ-майоромъ Епанчинимъ, а затѣмъ августѣйшіе генералъ-фельдмаршалъ великій князь Михайлъ Николаевичъ и главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній великій князь Константинъ Константиновичъ и множество старослуживыхъ пажей. Передъ панихидою были возложены на гробницы въ Бозѣ почивающихъ императоровъ Александра I, Николая I, Александра II и Александра III роскошные вѣнки изъ живыхъ цвѣтовъ. Панихиду совершалъ бывший пажъ, нынѣ архимандритъ Серафимъ, соборнѣ. Среди присутствовавшихъ находились принцъ сіамскій Чакробонъ, членъ госу-

дарственного совѣта, генераль, графъ А. П. Игнатьевъ, генераль-адъютантъ баронъ Мейендорфъ, генераль Лермантовъ, почетный опекунъ Трубниковъ, бывшій директоръ Пажескаго корпуса графъ Келлеръ и пр., нѣсколько сотъ генераловъ, полковниковъ, офицеровъ и гражданскихъ чиновъ. Присутствовала также и прибывшая на юбилей германская депутація отъ главнѣйшаго прусскаго кадетскаго корпуса, старшій классъ котораго исполняетъ обязанности пажей при германскомъ дворѣ. Въ 3 часа дня въ Бѣломъ залѣ Зимняго дворца совершена торжественная прибавка знамени, высочайше пожалованнаго Пажескому корпусу. Къ этому времени въ залѣ собрались директоръ Пажескаго корпуса генераль-майоръ Еманчинъ и всѣ штабъ и оберъ-офицеры корпуса, директоръ Морского кадетскаго корпуса, начальники военныхъ училищъ и юнкерскаго и директора кадетскихъ корпусовъ. Отъ пажей находились фельдфебель отъ 1 роты, камеръ-пажъ и по нѣскольку пажей отъ каждой роты. Къ церемоніи явились присутствовать генераль-адъютанты и лица государевой свиты, юбилейный комитетъ Пажескаго корпуса въ полномъ составѣ во главѣ съ председателемъ генераль-адъютантомъ Рихтеромъ. Передъ началомъ церемоніи члены юбилейнаго комитета поднесли маститому председателю высочайше пожалованный знакъ пажескаго корпуса. На прибавку знамени явились начальникъ главнаго интендантскаго управленія генераль Тевяшовъ, и. д. сиб. коменданта генераль-майоръ Крыловъ и другія лица. Среди присутствовавшихъ находились министры: императорскаго двора генераль-адъютантъ баронъ Фредериксъ и военный генераль-адъютантъ Куропаткинъ, андреевскіе кавалеры, члены государственнаго совѣта, генераль-адъютанты: Рихтеръ, командующій войсками одесскаго военного округа графъ Мусинъ-Пушкинъ и др. У окна на длинномъ столѣ, покрытомъ краснымъ сукномъ, лежало знамя. Оно гвардейскаго образца, по красному фону полотнища выткано золотымъ орнаментомъ. На одной сторонѣ полотнища помѣщенъ вытканый ликъ Спаса Нерукотвореннаго, на другой вензель государя императора, въ 4-хъ углахъ знамени государственные орлы, а съ той стороны, гдѣ ликъ Спасителя — мальтійскіе кресты. Подъ вензелемъ государя маленькая полоска андреевской ленты съ датами годовъ 1802 — 1902. Тутъ же на столѣ лежали на блюдѣ: серебряный молотокъ и гвозди, медали и жетоны для поднесенія высочайшимъ особамъ и юбилейныя андреевскія ленты на знамя. Знамя было чуть прикрѣплено гвоздями къ желтозолотистому древцу. Присутствовавшіе были въ обыкновенной формѣ и лентахъ. На церемоніи присутствовали ихъ императорскія высочества великіе князья государь наследникъ, Владимиръ Александровичъ, Борисъ и Андрей Владимировичи, Алексѣй Александровичъ, Сергій Александровичъ, Константинъ Константиновичъ, Дмитрій Константиновичъ, Николай Николаевичъ, Михайль Николаевичъ, Георгій Михайловичъ, Сергій Михайловичъ, Александръ Георгіевичъ Романовскій герцогъ Лейхтенбергскій, принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій, великія княгини Марія Павловна, Елисавета Теодоровна, Марія Георгіевна и Ольга Александровна, а также статсъ-дамы, гофмейстерины государыни императрицы Александры Теодоровны свѣтлѣйшая княгиня Голицына и графиня Воронцова-Дашкова, фрейлины княжны Орбиеліани и Оболенская, Оленина, и придворныя дамы и фрейлины присутствовавшихъ на цере-



моніи великихъ княгинь, а также первые чины двора: оберъ-гофмаршалъ князь Долгорукій, оберъ-штальмейстеръ графъ Орловъ-Давыдовъ, оберъ-церемоніймейстеръ графъ Гендриковъ, состоящій при государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ гофмейстеръ князь Шервашидзе, гофмаршалъ графъ Бенкендорфъ. Въ четвертомъ часу въ залъ вошли ихъ величества государь императоръ въ формѣ л.-гв. Финляндскаго полка, государыни императрицы Маріи Ѳеодоровна и Александра Ѳеодоровна. Его величество обходилъ ставшихъ шпалерою присутствовавшихъ, въ сопровожденіи военнаго министра, августѣйшаго главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній и директора Пажескаго корпуса. Государю была представлена германская депутація, съ которою его величество изволилъ разговаривать, и затѣмъ изволилъ поздороваться съ своими пажами. Затѣмъ государь подошелъ къ столу, и директоръ корпуса подалъ его величеству молотокъ. Перекрестясь, государь вбилъ въ древко знамени первый гвоздь, затѣмъ вбили гвозди государыни императрицы, государь наслѣдникъ, великіе князья Владимиръ Александровичъ, Константинъ Константиновичъ, Михаилъ Николаевичъ, начальствующія лица и весь персоналъ Пажескаго корпуса. Когда прибавка знамени окончилась, государь навязалъ юбилейныя ленты и передалъ его знаменщику, который въ предшествіи адъютанта вынесъ знамя изъ дворца на площадь, гдѣ его приняла полурота пажей съ хоромъ музыки Павловскаго военнаго училища. Директоръ корпуса представилъ его величеству составителя исторіи Пажескаго корпуса подполковника Левшина, имѣвшаго счастье поднести государю 2 тома исторіи въ красныхъ переплетахъ, украшенныхъ мальтійскими крестами. Директоръ корпуса поднесъ его величеству юбилейный знакъ, юбилейный жетонъ и медаль. Юбилейный знакъ, который повелѣно носить окончившимъ курсъ Пажескаго корпуса, представляетъ бѣлый мальтійскій крестъ на черной кокардѣ; наверху кокарды между ребрами креста помѣщены инициалы императоровъ  $\frac{A}{I}$  и  $\frac{H}{II}$ , а между нижними ребрами даты годовъ 1802—1902, золотыми буквами и цифрами. Ихъ величествамъ государынямъ и государю наслѣднику также были поднесены экземпляры исторіи. Послѣ церемоніи прибавки, ихъ величества возвратились во внутренніе покои. Знамя было затѣмъ отнесено въ Пажескій корпусъ. Въ корпусѣ всѣ пажи стояли на дворѣ шпалерами, встрѣчая свое знамя, которое и было отнесено на квартиру директора. Вечеромъ въ церкви корпуса совершена особая зауспокойная всенощная по почившихъ пажахъ и дѣятеляхъ корпуса. Богослуженіе совершалъ архимандритъ Серафимъ соборнѣ. Церковь была полна. Были министры путей сообщенія князь Хилковъ и народнаго просвѣщенія т. с. Зенгеръ, членъ государственнаго совѣта графъ А. П. Игнатьевъ и другіе сановники. Въ церкви присутствовалъ августѣйшій главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній великій князь Константинъ Константиновичъ, а вечеромъ прибылъ бывшій питомецъ корпуса, его королевское высочество сіамскій принцъ Чакробонъ, съ состоящимъ при немъ полковникомъ Дегаемъ, бывшимъ адъютантомъ Пажескаго корпуса. Передъ богослуженіемъ старые пажи поднесли корпусу съ прочувствованнымъ адресомъ портретъ во весь ростъ фельдмаршала Гурко. Еще нѣкоторыя группы старыхъ пажей отъ полковъ Кавалергардскаго и Конной гвардіи принесли въ даръ церк-

ви священные предметы: иконы и крестъ. Послѣ богослуженія въ Вѣломъ залѣ, на эстрадѣ, убранный тропической зеленью и съ сияющимъ на верху надъ заломъ электрическимъ вензелемъ государя, заняли мѣста члены юбилейнаго комитета. Предсѣдатель его, генераль-адъютантъ Рихтеръ, сообщилъ о дѣятельности комитета, постановившаго издать исторію корпуса и основать общество взаимопомощи пажей. Генераль-адъютантъ Рихтеръ просилъ собраніе выразить благодарность его сотрудникамъ по комитету, а также директору корпуса генераль-майору Епанчину и составителю исторіи подполковнику Левшину. На послѣдовавшемъ первомъ собраніи общества взаимопомощи пажей выбранъ предсѣдателемъ правленія генераль-адъютантъ баронъ Мейендорфъ и составъ правленія. Въ свою очередь отъ имени старыхъ пажей графъ А. П. Игнатьевъ передалъ среди общихъ овацій просьбу О. В. Рихтеру быть навсегда почетнымъ предсѣдателемъ всѣхъ собраній пажей. Подполковникъ Левшинъ прочиталъ заключительную главу своей исторіи, встрѣченную общими аплодисментами. Затѣмъ передъ закрытіемъ собранія г.-ад. баронъ Мейендорфъ предложилъ всѣмъ пажамъ низко поклониться О. В. Рихтеру, этому хранителю рыцарскихъ преданій пажей и инициатору общества ихъ взаимопомощи и предсѣдателю. Среди общихъ овацій закрылось собраніе. Присутствовавшимъ былъ предложенъ чай, послѣ котораго въ Вѣломъ же залѣ хоръ пажей на великорусскихъ инструментахъ исполнилъ нѣсколько пьесъ. Каждая сопровождалась долгими аплодисментами. 13-е декабря было, собственно, главнымъ юбилейнымъ днемъ. Необыкновенную картину являли на этомъ праздникѣ Михайловскій манежъ. Освѣщенный во всю свою огромную длину 4-мя рядами электрическихъ фонарей, усыпанный ярко-краснымъ пескомъ, онъ былъ весь какъ бы обведенъ живыми шпалерами въ блестящихъ мундирахъ офицеровъ, чиновниковъ, кадетъ и дамъ. Убранная громадными деревьями съ правой стороны выдѣлялась царская ложа, передъ нею справа, тоже въ зелени, ложа, занятая дамами корпуса; по борту ея лежали букеты изъ живыхъ цвѣтовъ. Отъ входа въ манежъ слѣва тянулся строй пажей—въ каскахъ старшій классъ и младшіе въ фуражкахъ. На лѣвомъ флангѣ стояла эффектная линія пажей въ историческихъ формахъ. Отъ пажей петровской и екатерининской эпохи такъ и вѣяло блескомъ придворной жизни того времени. Можно судить объ изысканности тогдашней одежды, богатой ея пестротѣ, рядомъ съ которой, въ рѣзкомъ контрастѣ, тянулся рядъ пажей временъ императоровъ Александра I и Николая I и наконецъ нынѣшняго времени. Отъ исторической шеренги начиналась, обходя манежъ вплоть до императорской ложи, нестрога всевозможныхъ служебныхъ формъ. Примыкая къ пажамъ, стояли многорядныя шпалеры преподавателей и служащихъ въ корпусѣ и прежде служившихъ и учившихъ, а за ними, огибая манежъ, всѣ бывшіе пажи, сгруппированные по старшинству выпускковъ. Передъ царской ложей мѣсто для молебствія, съ блестящею группой духовенства, прерывало эту шпалеру, которая возобновлялась за царской ложей линіей разныхъ депутацій, прибывшихъ на юбилей. Впереди всѣхъ германская депутація, депутація императорскихъ лицъ и училища правовѣдѣнія, а затѣмъ депутаціи отъ гвардейскихъ частей, военныхъ училищъ и юнкерскаго, отъ кадетскихъ корпусовъ, а со-

всѣмъ на флангѣ—шпалера бывшихъ воспитанниковъ общихъ классовъ, перешедшихъ затѣмъ въ другія учебныя заведенія или на службу гражданскую; тутъ опять неремѣшивались треуголки правовѣдovъ, цилиндры штатскихъ, фуражки горныхъ и путейскихъ инженеровъ и прочіе. На правомъ флангѣ отъ входа противъ музыки пажей—блескъ свиты, гвардейскихъ мундировъ и иностранныхъ формъ. Немного возвышаясь надъ строемъ пажей, позади ихъ тянулась по лѣвой сторонѣ манежа длинная трибуна, обтянутая краснымъ сукномъ и наполненная живымъ цвѣтникомъ дамъ, зрительницъ и гостей корпуса. Это была какъ бы прекрасная рама къ общей великолѣпной картинѣ. Въ строю пажей на правомъ флангѣ за корпусными барабанщиками и горнистами стоялъ хоръ музыки Павловскаго военного училища. Выстроились блестящей линіею пажи: въ мундирахъ и каскахъ съ ружьями 1-я рота, въ фуражкахъ съ ружьями 2-я рота и безъ ружей 3-я младшая рота. На лѣвомъ флангѣ корпуса въ историческихъ формахъ было 12 человекъ и одинъ въ современной придворной формѣ, всѣ въ рядъ; одинъ въ петровской формѣ, очень изящной: лимоннаго цвѣта сукна кафтанъ и бархатный черный съ серебрянымъ позументомъ камзолъ, бѣлые панталоны и чулки, на головѣ черная шляпа; два въ формѣ царствованія Екатерины II—роскошная форма: бархатный свѣтло-зеленаго цвѣта кафтанъ, расшитый по швамъ золотомъ и золотыми петлицами, на рукавахъ красные обшлага, бѣлые панталоны, красные высокіе чулки и черные башмаки съ золочеными пряжками, на головѣ шляпа треугольная такого же фасона, какъ и теперь, обшита золотымъ галуномъ и на верху покрыта краснымъ плюмажемъ. Обѣихъ эпохъ пажи въ напудренныхъ парикахъ съ косичками. Далѣе шли пажи времени императора Александра I въ военной формѣ и въ треуголкахъ. Бросались въ глаза въ этой формѣ, какъ и царствованія Николая I, чрезвычайно длинные бѣлые панталоны; шляпы въ эпоху Николая I замѣнили кивера, мундиры имѣли видъ фраковъ и были съ расшитыми золотомъ фалдами. Форма пажей времени царствованія Александра II съ небольшими измѣненіями сохранилась до настоящаго времени. Послѣдній въ шеренгѣ пажъ былъ въ современной придворной формѣ, въ каскѣ съ бѣлымъ султаномъ и мундирѣ съ золотыми петлицами. Въ числѣ бывшихъ пажей, стоявшихъ по выпускамъ, былъ и самый старый пажъ, отставной генераль-майоръ Колзаковъ. На парадѣ присутствовали вся государева свита, начальники частей гвардіи и петербургскаго гарнизона, командиры полковъ, начальники военныхъ и юнкерскихъ училищъ, директора кадетскихъ корпусовъ и депутаціи отъ разныхъ учреждений. Парадная форма ихъ нестрить своимъ разнообразіемъ и блеститъ золотомъ и серебромъ шитья, лентами, звѣздами, орденами. У входа стояло дежурство — старый пажъ, андреевскій кавалеръ, генераль-адъютантъ графъ Игнатъевъ, свиты генераль-майоръ Преженцовъ и флигель-адъютантъ князь Оболенскій. Въ числѣ лицъ государевой свиты министры императорскаго двора и командующій императорскою главною квартирою генераль-адъютантъ баронъ Фредериксъ, военный—генераль Куропаткинъ, и прочіе генераль-адъютанты, свиты генераль-майоры и флигель-адъютанты. Находились также адъютанты великихъ князей и состоящіе при ихъ высочествахъ. Въ числѣ старыхъ пажей и слу-

жившихъ въ корпусѣ находились андреевскіе кавалеры, члены государственнаго совѣта, состоящій при особѣ государя императора генераль-адъютантъ Рихтеръ, варшавскій генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ Чертковъ, командующій войсками одесскаго военного округа генераль-адъютантъ Мусинъ-Пушкинъ, министры: путей сообщенія, дѣйств. тайный совѣтникъ князь Хилковъ, народнаго просвѣщенія тайный совѣтникъ Зенгеръ, главноначальствующій на Кавказѣ генераль-адъютантъ князь Голицынъ, виленскій губернаторъ князь Святополкъ-Мирскій, помощникъ главнокомандующаго генераль Ребиндеръ, помощникъ командующаго московскимъ округомъ генераль Даниловъ, наказный атаманъ войска Донскаго генераль Максимовичъ, командиры корпусовъ: гвардейскаго — генераль-адъютантъ князь Васильчиковъ, 1-го армейскаго — генераль-адъютантъ баронъ Мейендорфъ, генералы Лермантовъ, Струковъ, Паренсовъ, Брокъ и др.; изъ высшихъ гражданскихъ чиновъ многіе почетные опекуны, егермейстеръ Голенищевъ-Кутузовъ-Толстой и др. Изъ гостей присутствовали на юбилей всѣ иностранные военные агенты, а также прибывшая спеціально на юбилей депутація отъ Лихтерфельдскаго кадетскаго корпуса близъ Потсдама, старшій классъ котораго исполняетъ обязанности пажей при германскомъ дворѣ, — въ составѣ депутаціи: начальникъ кадетскаго корпуса генераль-майоръ фонъ-Шварцкопфенъ, адъютантъ его и воспитатель пажей поручикъ фонъ-Китцель, лейбъ-пажи императора и императрицы германскихъ. На парадѣ прибыли ихъ императорскія высочества великіе князья: главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній Константинъ Константиновичъ и генераль-фельдмаршалъ Михаилъ Николаевичъ. Во главѣ свѣты стояли великіе князья Владимиръ Александровичъ, Борисъ и Андрей Владимировичи, Алексѣй Александровичъ, Сергій Александровичъ, Дмитрій Константиновичъ, Николай Николаевичъ, Георгій Михайловичъ, Сергій Михайловичъ, князь Александръ Георгіевичъ Романовскій герцогъ Лейхтенбергскій, принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій, оба герцога Мекленбургъ-Стрелицкіе (въ составѣ депутаціи отъ гвардейскихъ частей). По срединѣ манежа между фронтомъ пажей и царскою ложею на раскинутомъ коврѣ приготовлено было мѣсто для богослуженія и стояло духовенство во главѣ съ военнымъ протопресвитеромъ Желобовскимъ. Тутъ же находились бывший пажъ, архимандритъ Серафимъ, настоятель церкви Пажескаго корпуса священникъ Бѣлогостицкій и законоучитель священникъ Петровъ, діаконъ и причетники корпусной церкви въ бѣлыхъ облаченіяхъ. Справа хоръ пѣвчихъ Преображенскаго полка. У аналоя стояло жалуемое корпусу знамя, которое держалъ фельдфебель роты его величества. Въ царской ложѣ находились ихъ императорскія высочества великія княгини Марія Павловна, Елисавета Теодоровна, Марія Георгіевна и Ольга Александровна. Въ 12 часовъ прибыли ихъ величества государыни императрицы Марія Теодоровна и Александра Теодоровна и прошли въ царскую ложу изъ средняго подъѣзда. При входѣ въ ложу государынямъ были поднесены букеты живыхъ цвѣтовъ съ вложенными въ нихъ юбилейными знаками пажей. Государь съ государемъ наслѣдникомъ вошли въ манежъ съ бокового входа съ площади. Раздалась команда «на караулъ». Заиграла музыка. Директоръ корпуса рапортовалъ государю. Госу-

даръ былъ въ формѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и Андреевской лентѣ. Сопровождаемый блестящею свитою, при кликахъ «ура» пажей и звукахъ гимна «Боже, царя храни», государь обошелъ фронтъ пажей, здоровался и поздравилъ ихъ съ столѣтнимъ юбилеемъ. Великій князь Константинъ Константиновичъ прочиталъ высочайшую грамоту Пажескому корпусу по случаю его столѣтія:

«Сто лѣтъ тому назадъ, 10-го октября 1802 года, блаженной памяти императоръ Александръ I, въ просвѣщенной заботливости своей о нуждахъ арміи, учредилъ Пажескій корпусъ, преобразовавъ его изъ придворнаго пансіона въ военную школу, чтобы готовить молодыхъ людей изъ лучшихъ родовитыхъ и служилыхъ семей для службы въ рядахъ войскъ. Съ тѣхъ поръ Пажескій корпусъ не переставалъ давать нашей арміи офицеровъ, воспитанныхъ въ чувствахъ благородства и воинской чести, добраго товарищества, дисциплины и любви къ военной службѣ. Въ рядахъ арміи пажи всегда служили примѣромъ воинской доблести и на войнѣ, на поляхъ брани являли беззавѣтную преданность свою престолу и родинѣ. Многіе изъ пажей, которымъ впоследствии приходилось работать на поприщахъ гражданской и общественной службы, показали себя высокополезными тружениками и выдающимися государственными дѣятелями. Въ сегодняшній памятный день 100-лѣтней годовщины учрежденія Пажескаго корпуса, мы съ отраднымъ чувствомъ изъявляемъ ему наше благоволеніе. Тѣ отличія и преимущества, которыми издавна пользуется Пажескій корпусъ въ ряду прочихъ военныхъ училищъ и кадетскихъ корпусовъ, дарованныя по волѣ нашихъ державныхъ предшественниковъ, налагаютъ на пажей нравственный долгъ оправдать въ службѣ своей это высокое монаршее о нихъ попеченіе. Мы твердо увѣрены, что пажи и впредь будутъ свято хранить завѣты воспитавшаго ихъ корпуса и не только на войнѣ и въ бою, но и въ мирное время въ рядахъ войскъ будутъ всегда являть примѣръ воинскихъ доблестей и свято оберегать высокое и благородное воинское званіе, помня, что военная служба нынѣ стала великою школою государственнаго воспитанія для народа, и что, становясь руководителями нижнихъ чиновъ, офицеры арміи и въ мирное время несутъ высокую отвѣтственность передъ престоломъ и Россією.

«Николай».

«Въ Царскомъ Селѣ, 12 декабря 1902 года».

Разнеслось «ура». Директоръ корпуса прочиталъ высочайшую грамоту на пожалованіе знамени и статьи закона о потерѣ знамени въ бою. Скомандовано на молитву; протопресвитеръ началъ молебствіе. Пѣвчіе загѣли «Съ нами Богъ!» Всѣ крестятся; протопресвитеръ читаетъ молитву, положенную на освященіе знамени. Государь въ это время придерживалъ знамя за одинъ край полотнища, а директоръ корпуса — за другой. Протопресвитеръ окропляетъ знамя водою, произнося: «Благословляется и освящается знамя сіе воинское въ крѣпость и утверженіе христоименитому воинству и въ побѣду на вся враги окропленіемъ воды сія священныя во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь». Освятивъ знамя, протопресвитеръ вручилъ его государю со словами: «Прими хоругвь сію, небеснымъ благословеніемъ освященную.

Буди же та врагамъ христіанскаго рода страшна и ужасна, и да дастъ ти Господь благодать, яко да и къ славъ имени Его пресвятаго и тою преидеши мужественно вражія ополченія невредимъ». Протопресвитеръ затѣмъ, при пѣніи соотвѣтствующихъ молитвъ и тропаря «Спаси Господи люди Твоя», обходилъ фронтъ пажей и окроплялъ ихъ св. водою. Корпусный священникъ о. Бѣлогостицкій прочиталъ присягу, которую повторили пажи. Послѣ этого протоіакопъ возгласилъ царское многолѣтіе, вѣчную память въ Бозѣ почившимъ императорамъ, съ Александра I, и воинамъ, животъ свой на подѣ брани положившимъ, и многолѣтіе христіолюбивому російскому побѣдоносному воинству. Протопресвитеръ осѣнилъ крестомъ присутствовавшихъ. Государь и государь наслѣдникъ прикладывались ко кресту. Осѣнивъ всѣхъ крестомъ, протопресвитеръ съ духовенствомъ удалился. Директоръ корпуса генералъ-майоръ Плянчинъ преклонилъ колѣно. Государь взялъ отъ фельдфебеля знамя и вручилъ директору. Крестясь, принялъ директоръ знамя и передалъ его колѣнопреклоненному знаменщику. Тогда раздалась команда: «подъ знамя, слушай, на крауль». Барабанщики и музыканты бьютъ и играютъ походъ, и адъютантъ, предшествуя, ведетъ знаменщика со знаменемъ по фронту пажей, начиная съ лѣваго фланга старослужащихъ, и ставитъ знамя передъ первой ротой. По командѣ пажи перестраиваются къ церемональному маршу и подъ звуки музыки стройно проходятъ мимо государя. На правомъ флангѣ идутъ: военный министръ и августѣйшій главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, а на лѣвомъ флангѣ государь наслѣдникъ, великіе князья Владимиръ Александровичъ и Михаилъ Николаевичъ. Государь благодаритъ пажей. Радостно и звонко раздается восторженный отвѣтный откликъ молодежи. За строемъ пажей проходятъ пажи въ историческихъ формахъ. Два раза молодецки проходятъ пажи, второй разъ по отдѣленіямъ, и выстраиваются въ колонну. Его величество обратился къ старымъ пажамъ съ слѣдующими словами: «Благодарю васъ, господа, за службу мнѣ и предшественникамъ моимъ, за вашу безкорыстную преданность, которую многіе изъ васъ запечатлѣли своею кровью, за ваше честное служеніе престолу и родинѣ. Я твердо увѣренъ, что эти завѣты, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, всегда будутъ живы среди пажей. Желаю вамъ здоровья на многіе годы». Затѣмъ его величество изволилъ обратиться къ Пажескому корпусу: «Въ сегоднешній день я доказалъ Пажескому имени моего корпусу, насколько велико мое къ нему благоволеніе, зачисливъ моего брата и дядей въ списки корпуса, а, главное, пожаловавъ корпусу знамя. Увѣренъ, господа, что, по примѣру пражнихъ поколѣній пажей, многіе представители которыхъ присутствуютъ здѣсь, вы всѣ съ тою же доблестью, столь же честно и вѣрно будете служить вашему государю и дорогой намъ Россіи, какъ служили и ваши предшественники. До свиданія, господа!» Разомъ вырвавшееся восторженное «ура» долго волной перекатывалось ю манежу. Государь императоръ передъ выходомъ изъ манежа изволилъ еще разъ обратиться къ пажамъ, сказавъ: «Благодарю васъ за отличный парадъ!» Великій князь Константинъ Константиновичъ благодарилъ корпусъ за блестящій парадъ.

День 13-го декабря закончился обѣдомъ въ Зимнемъ дворцѣ для Пажескаго корпуса. Цѣлый рядъ роскошныхъ, залитыхъ электричествомъ залъ Зимняго дворца былъ открытъ для приглашенныхъ, и вездѣ залы уставлены въ нѣсколько рядовъ столами, великолѣпно сервированными и убранными цвѣтами. Обѣдали въ Георгіевскомъ залѣ, Портретной галереѣ, Гербовомъ залѣ, Пикетной комнатѣ и въ Александровскомъ залѣ. Императорскій столъ стоялъ въ Георгіевскомъ залѣ покоемъ, сейчасъ отъ входа противъ трона. Отъ царскаго стола въ длину зала къ трону тянулись параллельно четыре ряда столовъ. Бывшіе пажи, выпущенные изъ Пажескаго корпуса, заняли мѣста по старшинству выпусковъ и въ каждомъ выпускѣ по старшинству чиновъ. Въ Георгіевскомъ залѣ сидѣли первые выпуски, съ 1837 по 1848 г. включительно, за императорскимъ столомъ, прочіе до 1872 г.— за другими столами. За императорскимъ же столомъ сидѣли всѣ генералы, штабъ и оберъ-офицеры, имѣющіе мундиръ корпуса, прежде служившіе въ корпусѣ генералы, а также духовенство православное, римско-католическое и лютеранское и генералъ-адъютанты, не бывшіе пажами; начальники военныхъ академій и кадетскихъ корпусовъ сидѣли тоже въ Георгіевскомъ залѣ, а чины корпуса, носящіе другіе мундиры, въ Портретной галереѣ, гдѣ было поставлено два стола, и одинъ былъ занятъ исключительно царской свитой. Камеръ-пажи и пажи съ офицерами-воспитателями своими помѣщались въ Гербовомъ залѣ, тамъ же и пажи прусскаго королевскаго двора. Въ залѣ стояло 8 рядовъ столовъ. Въ первыхъ рядахъ столовъ сидѣли бывшіе пажи выпусковъ съ 1877 по 1889 г., въ Пикетной комнатѣ по 1892 г. и послѣдняго десятилѣтія выпусковъ въ Александровскомъ залѣ, гдѣ имѣли мѣста и вышедшіе изъ корпуса до окончанія курса. Въ 7 часовъ въ залъ вошли ихъ величества государь императоръ подъ руку съ государыней императрицей Марією Феодоровною, государыня императрица Александра Феодоровна съ государемъ наслѣдникомъ и прочія высочайшія особы. На приборахъ лежало красками печатанное меню, рисованное въ стилѣ *moderne*, и программы музыки, на которыхъ изображены въ лаврахъ портреты Александра I и Николая II, а между ними видъ зданія корпуса— все рисунки пажей. За обѣдомъ играла музыка: симфоническій придворный оркестръ, струнный оркестръ Преображенскаго полка, хоръ трубачей Кавалергардскаго полка и хоръ музыки Морского кадетскаго корпуса. За обѣдомъ государь императоръ изволилъ произнести слѣдующій тостъ: «Отъ имени государынь императрицъ и отъ своего пью за здоровье дорогихъ гостей— всѣхъ бывшихъ и нынѣшнихъ пажей, прежде служившихъ и теперь служащихъ въ корпусѣ. За ваше здоровье, господа! Ура!». Государю императору возгласилъ здравицу генералъ-фельдмаршалъ великій князь Михаилъ Николаевичъ, могучее, радостное, восторженное «ура» перекатывалось долго по всѣмъ заламъ. Послѣ обѣда приглашенные къ обѣду перешли въ Николаевскій залъ, гдѣ былъ поданъ кофе. Ихъ величества обходили бывшихъ пажей и со многими бесѣдовали. Камеръ-пажи государынь императрицъ поднесли своимъ государынямъ букеты цвѣтовъ.

Третій день праздника, 14-е декабря, былъ ознаменованъ актомъ и парадомъ. Въ корпусъ собрались всѣ старые пажи и много гостей: лица государственной свиты, иностранные военные агенты, военное начальство и мно-

гочисленные депутаціи, прибывшія поздравить корпусъ съ его столѣтнимъ юбилеемъ. Блескъ мундировъ, звѣздъ, орденовъ и члѣтъ наполняли всѣ залы. Внизу въ сѣняхъ встрѣчалъ высочайшихъ особъ директоръ корпуса, свиты его величества генералъ-майоръ Еданчинъ. Пажи стояли шпалерами на лѣстницахъ, а личные камеръ-пажи государя и государынь находились въ сѣняхъ и слѣдовали потомъ за ихъ величествами. Въ залахъ у дверей стояли пажи въ историческихкихъ формахъ. Въ корпусъ въ церковь прибылъ высокопреосвященный митрополитъ Антоній. Къ 2 часамъ старшій классъ и всѣ общіе классы пажей были введены въ храмъ. Прибывшія высочайшія особы ожидали внизу пріѣзда ихъ величества. Въ 2 часа прибыли ихъ величества и прошли въ историческій музей корпуса, гдѣ хранитель музея, капитанъ Шидловскій, давалъ объясненія. Ихъ величества и августѣйшія особы внесли свои имена въ книгу музея. Затѣмъ черезъ приемную и Георгіевскій залъ вошли въ церковь государь съ государынею императрицею Марією Феодоровною, государыня императрица Александра Феодоровна съ государемъ наследникомъ, за ихъ величествами слѣдовали великій князь Владиміръ Александровичъ, великая княгиня Марія Павловна, великій князь Сергій Александровичъ, великая княгиня Елисавета Феодоровна, великія князья Константинъ Константиновичъ, генералъ-фельдмаршалъ Михаилъ Николаевичъ, Георгій Михайловичъ, великія княгини Марія Георгіевна и Ольга Александровна, принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій и принцъ сіамскій Чакробонъ. Директоръ корпуса и фельдфебель роты его величества слѣдовали за государемъ, камеръ-пажи — за государынями императрицами и великими княгинями. Навстрѣчу изъ алтаря ярко освѣщеннаго храма вышелъ высокопреосвященный митрополитъ Антоній съ духовенствомъ съ крестомъ и святою водою. Послѣ того какъ ихъ величества и августѣйшія особы приложились ко кресту, митрополитъ произнесъ слѣдующую рѣчь: «Пажескій его величества корпусъ торжественно празднуетъ сегодня столѣтнюю годовщину своего существованія, какъ военно-учебнаго заведенія. Своимъ названіемъ онъ переноситъ нашу мысль къ отдаленнымъ временамъ средне-вѣковаго рыцарства, съ которымъ связанъ историческою преемственностью, и которое кажется намъ теперь, въ жизненномъ своемъ обликѣ, тѣмъ-то сказочнымъ и легендарнымъ, полнымъ чудесъ и таинственнаго очарованія, но, тѣмъ не менѣе, неотразимо привлекательнымъ. Въ основѣ рыцарской жизни лежали начала вѣчныя, безсмертныя, требовавшія серьезной предварительной подготовки. И не тѣло только для воинскихъ подвиговъ призывался укрѣплять нажъ — будущій рыцарь, но духъ свой развивать и воспитывать, чтобы достойно носить потомъ священное рыцарское знамя. Кодексъ обязанностей рыцаря былъ высоко-идеальный. Рыцарь долженствовалъ быть вѣрнымъ сыномъ церкви, защитникомъ слабыхъ и угнетенныхъ, самоотверженнымъ патриотомъ, предъ врагомъ безстрашнымъ, своему слову вѣрнымъ и сверхъ сего справедливымъ и щедрымъ. Такое же двойное, изъ основъ рыцарства вытекающее, воспитаніе духа и тѣла яркою нитью проходитъ и чрезъ всю столѣтнюю исторію Пажескаго корпуса. Имя добраго христіанина и самоотверженнаго патриота всегда было наилучшимъ украшеніемъ его питомцевъ. Онъ далъ рядъ блестящихъ дѣятелей не на воинскомъ только поприщѣ, но и въ средѣ гражданской администраціи, по разнымъ отраслямъ



нашей русской государственной жизни. 120 питомцевъ Пажескаго корпуса удостоились награжденія Георгіевскимъ крестомъ—знакомъ храбрыхъ, 80 питомцевъ его сложили свои кости на поляхъ бранныхъ, умерли смертію героевъ. Ваше величество! живые члены славной вашей пажеской семьи собрались теперь здѣсь, въ этомъ святомъ храмѣ, на молитву, возглавляемые вашимъ величествомъ, вѣнценоснымъ своимъ вождемъ, чтобы достойно отмѣтить въ исторіи день столѣтняго юбилея школы своей. Помолимся же: за славное прошлое Господа возблагодаримъ, а за будущее усердную молитву вознесемъ, чтобы слава питомцевъ Пажескаго корпуса не меркла, но сіяла ярче и ярче, выражаясь въ самоотверженной службѣ, вѣрой и правдой, Богу, царю и отечеству». Затѣмъ совершенно благодарственное молебствіе. Служилъ митрополитъ въ сослуженіи бывшаго пажа, настоятеля Спасо-Евѣиміевскаго Суздальскаго монастыря, архимандрита Серафима, наблюдающаго за преподаваніемъ Закона Божія въ кадетскихъ корпусахъ протоіерея Преображенскаго, законоучителя священника Петрова и священника Вѣлогостицкаго, настоятеля пажеской церкви. Пѣлъ хоръ невскихъ митрополичьихъ пѣвчихъ, исполнившихъ концертное «Тебе Бога хвалимъ» извѣстнаго композитора, бывшаго пажа Бахметева. Архидіаконъ возгласилъ царское многолѣтіе, многолѣтіе христіанскому воинству, начальствующимъ, учащимъ и учащимся. Изъ церкви ихъ величества пошли по заламъ корпуса. Къ этому времени въ залахъ уже заняли свои мѣста пажи и приглашенные. Всѣ начальствующія лица и почетные гости стояли въ Георгіевскомъ залѣ, депутаціи и прежде служившіе въ корпусѣ—въ залѣ 1-й роты и старые пажи—въ пріемномъ залѣ и позднѣйшихъ выпусковъ—въ залѣ 3-й роты, гдѣ находился и духовой оркестръ изъ пажей и были выстроены камеръ-пажи и пажи. Залы прекрасно декорированы. Въ 3-ей ротѣ на фонѣ красныхъ пано уставлены бюсты царственныхъ лицъ, а стѣны закрыты гобеленами. Красныя драпировки облегли колонны и окна. Тутъ же помѣщена поднесенная корпусу отъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка картина, работы художника Мазуровскаго, изображающая пажей, вышедшихъ изъ корпуса въ полкъ. Въ Георгіевскомъ залѣ красовался даръ старыхъ пажей—бюстъ императора Александра, работы пажа Шредера. Въ Вѣломъ залѣ подъ сіяющимъ на красномъ фонѣ драпировки электрическимъ вензелемъ государя стоялъ царскій бюстъ—даръ принца сіамскаго «родному корпусу», какъ написано внизу. Въ другихъ залахъ и гостиныхъ, волшебю превращенныхъ изъ казенныхъ классныхъ комнатъ, пажи нарисовали рядъ художественныхъ пано. Особенно интересна Мальтійская комната, гдѣ пажъ Бобровскій прекрасно изобразилъ императора Павла I въ одѣяніи гофмейстера Мальтійскаго ордена. Мѣстами пажи-художники поставили бюсты своей работы. Ихъ величества, проходя по заламъ, обращали вниманіе на работы пажей. Бывшіе пажи позднѣйшихъ выпусковъ и прошедшіе въ корпусѣ только общіе классы заняли инспекторскую комнату, залы и классы 2-й роты. Ихъ величества обошли всѣ помѣщенія. Въ залѣ 3-й роты оркестръ пажей встрѣтилъ ихъ величества звуками народнаго гимна. Ихъ величества прошли также въ лазаретъ, гдѣ находился одинъ больной камеръ-пажъ. При отъѣздѣ ихъ величества, было разрѣшено камеръ-пажу Гершельману и пажу Гарт-

ману поднести свои музыкальныя сочиненія государынямъ императрицамъ. Государь, прощаясь съ директоромъ, изволилъ выразить ему свое удовольствіе. Пажи стояли шпалерами при отъѣздѣ ихъ величествъ, провожая восторженными «ура». По отъѣздѣ ихъ величествъ и высочествъ въ Бѣломъ залѣ корпуса послѣдовалъ юбилейный актъ. На эстрадѣ заняли мѣста военный министръ ген.-ад. Куропаткинъ, главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній великій князь Константинъ Константиновичъ и др. бывшія и настоящія начальствующія лица корпуса. Залъ не могъ вмѣстить всѣхъ желавшихъ слушать актъ. Сосѣдній залъ былъ также переполненъ. Военный министръ открылъ актъ чтеніемъ высочайшей грамоты Пажескому корпусу, послѣ которой министръ сказалъ: «Поздравляю бывшихъ и настоящихъ пажей съ новымъ знакомъ монаршаго къ нимъ благоволенія. Провозглашаю за здравіе и многая лѣта державному вождю русской арміи государю императору Николаю Александровичу ура!» «Ура» громомъ откликнулось въ залѣ и заглушило даже музыку гимна оркестра конной артиллеріи. Директоръ корпуса, свиты ген.-м. Еланчинъ, произнесъ краткую рѣчь съ указаніемъ на историческое развитіе учрежденія пажей и корпуса и нарисовалъ картину дѣятельности пажей на поприщахъ: военномъ, гражданскомъ, научномъ, на поприщѣ литературы и искусствъ. Затѣмъ послѣдовалъ пріемъ депутацій. Первою поднесла адресъ с.-петербургская духовная академія, за нею императорская римско-католическая духовная академія, августѣйшій президентъ императорской академіи наукъ великій князь Константинъ Константиновичъ прочиталъ адресъ отъ академіи, предводитель с.-петербургскаго дворянства шталмейстеръ Зиновьевъ читалъ адресъ дворянства, предсѣдатель императорскаго російскаго общества Краснаго Креста ген.-ад. Кремеръ—отъ общества Краснаго Креста. Послѣ привѣтствія отъ сиб. городской думы привѣтствовало корпусъ сиб. Славянское благотворительное общество въ лицѣ предсѣдателя, стараго пажа, андреевскаго кавалера, графа Н. П. Игнатъева, и депутаціи. Адресъ читалъ ген. Гейманъ. Адресъ отъ общества ревнителей военныхъ знаній читалъ предсѣдатель общества ген.-ад. баронъ Мейендорфъ. Слѣдовало еще множество депутацій отъ разныхъ учреждений и особенно военныхъ училищъ, кадетскихъ корпусовъ и гражданскихъ учебныхъ заведеній, а также ген. Шварцкоппенъ читалъ адресъ отъ королевско-прусскаго главнаго кадетскаго корпуса. Всего было болѣе 70 депутацій. Послѣ пріема депутацій, директоръ прочиталъ телеграммы отъ ихъ императорскихъ высочествъ: великой княгини Елисаветы Маврикіевны и принцессы Ольденбургской Евгеніи Максимиліановны и его высочества принца Александра Петровича Ольденбургскаго. Изъ огромнаго количества другихъ поздравительныхъ телеграммъ была прочитана телеграмма генераль-фельдмаршала графа Милютина. Затѣмъ послѣдовало заключительное слово директора, благодарившаго за многочисленныя и драгоцѣнныя знаки вниманія, выказаннаго корпусу всѣми учреждениями и лицами, почтившими юбилейный праздникъ. Маршъ хора музыки закончилъ торжественный актъ. Ген.-адъют. баронъ Мейендорфъ, шталмейстеръ баронъ Раушъ-фонъ-Траубенбергъ, директоръ корпуса и историкъ его подполковникъ Лѣвшинъ съ высочайшаго разрѣшенія вручили ген. Шварцкоппену экземпляръ «Исторіи пажей» для поднесенія его величе-

ству императору германскому, а директоръ корпуса вручилъ также юбилейный пажескій знакъ для поднесенія императору Вильгельму. Корпусъ получилъ и продолжаетъ получать въ даръ отъ бывшихъ пажей и полковъ гвардіи иконы и разные художественные подарки и работы пажей.

Вечеромъ того же дня состоялся парадный спектакль. Къ 8 часамъ въ Маріинскомъ театрѣ не было ни одного свободного мѣста. Въ партерѣ—блескъ военныхъ, отчасти придворныхъ чиновъ и гражданскихъ. Здѣсь блескъ шитыя позументовъ, звѣздъ, эполетъ. Большая царская ложа полна амфитеатромъ занявшихъ мѣста дамъ въ бѣлыхъ туалетахъ. Свѣтлые и бѣлые туалеты дамъ эффектными рамками опоясываютъ зрительный залъ. Оригиналень былъ видъ партера. Бывшіе пажи сидѣли по выпускамъ, такъ что министры и сановники позднѣйшихъ выпусковъ сидѣли въ дальнѣйшихъ рядахъ, а въ первыхъ рядахъ были лица менѣе чиновныя и даже мало чиновныя, но старшія по времени. Самые молодые, ближайшіе къ 1902 г. выпуски размѣстились на верху, тамъ же сидѣли и нынѣшніе пажи. Это, кажется, единственный случай, когда галлеи оказались полны совсѣмъ необычной здѣсь публикой—гусарами, кирасирами и проч. Въ 8 час. въ театръ прибыли ихъ величества. Въ боковой царской ложѣ бель-этажа заняли мѣста государь императоръ, государыни императрицы Марія Теодоровна и Александра Теодоровна, великія княгини Марія Павловна, Елисавета Теодоровна, далѣе великій князь Владимиръ Александровичъ, великая княгиня Марія Георгиевна, великій князь Сергій Александровичъ. Въ боковой нижней императорской ложѣ сидѣли ихъ императорскія высочества государь наслѣдникъ, великая княгиня Ольга Александровна, великіе князья Борисъ и Андрей Владимировичи, Константинъ Константиновичъ, Михаилъ Николаевичъ, Георгій Михайловичъ, Сергій Михайловичъ и Петръ Александровичъ Ольденбургскій. Государь наслѣдникъ, великіе князья Владимиръ Александровичъ, Константинъ Константиновичъ были въ формѣ Пажескаго корпуса. Принцъ сіамскій Чакробонъ также присутствовалъ съ состоящимъ при его королевскомъ высочествѣ полковникомъ Дегаемъ. Спектакль состоялъ изъ перваго дѣйствія оперы «Жизнь за царя» и 1-го дѣйствія балета «Дочь Микадо». Спектакль начался гимномъ «Боже, царя храни». Оркестръ игралъ, а всѣ артисты пѣли. Какое-то могучее стихійное «ура» разнеслось въ залъ, и гимнъ былъ трижды повторенъ. Въ антрактѣ повторилось то же и при окончаніи спектакля опять гимнъ при восторженныхъ кликахъ былъ повторенъ три раза. Въ театрѣ въ антрактѣ была принята ихъ величествами депутація пажей германскаго двора передъ отъѣздомъ ихъ за границу.

Наконецъ, 15-го декабря, старые пажи собрались въ Исаакіевскомъ соборѣ на благодарственное молебствіе, которое было совершено архіерейскимъ служеніемъ, при полномъ хорѣ исаакіевскихъ пѣвчихъ, а затѣмъ Пажескій корпусъ далъ въ залѣ офицерскаго собранія арміи и флота завтракъ въ честь всѣхъ депутацій, его поздравлявшихъ. За завтракомъ присутствовали августѣйшій главный начальникъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, великій князь Константинъ Константиновичъ, бывший въ формѣ Пажескаго корпуса. Почетный столъ былъ сервированъ въ концѣ большого зала. По правую сторону великаго князя сидѣлъ генераль-адъютантъ баронъ Мейендорфъ, председатель

общества взаимопомощи пажей, а по лѣвую—предсѣдатель Россійскаго общества Краснаго Креста, членъ государственнаго совѣта, генераль-адъютантъ Кремеръ. Царскій тостъ провозгласилъ великій князь. Директоръ корпуса прочиталъ телеграмму великой княгини Елисаветы Маврикіевны. За здравіе ея высочества послѣдовалъ тостъ. При общемъ «ура» слѣдовалъ также рядъ тостовъ за депутаціи, за корпусъ. Говорили рѣчи прусскій генераль Шварцкопфенъ, директоръ корпуса, свиты его величества генераль-майоръ Епанчинъ, начальникъ с.-петербургскаго юнкерскаго училища П. И. Кудрявцевъ и проч. Блестящій циклъ юбилейныхъ торжествъ закончился товарищескимъ обѣдомъ въ залѣ Дворянскаго собранія. Огромный залъ вмѣщалъ до тысячи бывшихъ пажей. На приборахъ лежали украшенныя мальтійскими крестами меню и программы музыки. Пажи сѣли по выпускамъ. Предсѣдательское мѣсто занималъ генераль-адъютантъ О. Б. Рихтеръ. Изъ гостей были только директоръ Пажескаго корпуса свиты его величества генераль-майоръ Епанчинъ, историкъ корпуса полковникъ Левшинъ. По традиціи пажескихъ обѣдовъ генераль отъ кавалеріи Чингисъ-Ханъ пробилъ на барабанѣ повѣстку къ обѣду. Сидѣли всѣ хоромъ молитву. Два оркестра музыки—струнный преображенцевъ и трубачи Конной гвардіи, играли на хорахъ. Трубачи играли исключительно произведенія пажей. Оркестръ лейбъ-гвардіи стрѣлковъ императорской фамилии свою отдѣльную программу началъ съ «Марша пажей» барона Врангеля. Первый царскій тостъ за обѣдомъ возгласилъ маститый предсѣдатель. Три раза играла музыка національный гимнъ. Три раза молніей вспыхивало и несло по залу громоподобное «ура». Тосты за государынь императрицъ сопровождались такимъ же «ура» и звуками маршей, а тостъ за государя наслѣдника сопровождался Преображенскимъ маршемъ, за великихъ князей, зачисленныхъ въ Пажескій корпусъ, маршемъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній. Дальше слѣдовали многочисленныя тосты. Генераль-адъютантъ Рихтеръ обратился съ рѣчью, въ которой высказалъ, что высочайше пожалованный мальтійскій крестъ сталъ теперь [видимымъ] знакомъ единенія пажеской семьи, и, нося его, пажи должны помнить, что они не только наслѣдовали стѣны мальтійскихъ рыцарей, ихъ жилище, но должны проникнуться и ихъ духомъ. Девизъ мальтійскихъ рыцарей былъ: «Mon Dieu, mon Roi, ma Dame». Это—руководящіе принципы цѣлой жизни человѣка — глубокая вѣра, преданность царю и поклоненіе женщинѣ, какъ олицетворенію идеала духовной красоты, правды, добра... Это—идеалы пажей, они воспитываютъ и готовятъ людей, которые и въ битвахъ и въ житейскихъ волненіяхъ всегда останутся безъ страха и упрека. «Я поднимаю,— закончилъ О. Б. Рихтеръ,—бокаль за преусиѣніе дорогого намъ Пажескаго корпуса». Долгое, долгое «ура». Нѣсколько отвѣтныхъ тостовъ за пажа-рыцаря О. Б. Рихтера. Съ шумными оваціями было встрѣчено появленіе старѣйшаго по выпуску (1837 г.), пажа генераль-майора Колзакова. Другую рѣчь сказалъ генераль графъ Ностицъ (выпуска 1841 г.). Бывшій пажъ В. А. Эммануель прочиталъ свои стихи, встрѣченныя общими рукоплесканіями. Долго бесѣдовали пажи за своей трапезой. Старый пажъ, художникъ Мусинъ-Пушкинъ, поднесъ корпусу съ разрѣшенія великаго князя главнаго начальника свою картину, изображающую императора Александра II наканунѣ 19-го февраля.

**Торжественное собраніе академіи наукъ.** 29-го декабря въ маломъ конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ происходило годичное торжественное собраніе академіи, на которомъ непремѣнный секретарь, академикъ Н. Ф. Дубровинъ, прочиталъ отчетъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ академіи за 1902 годъ. Коммерціи совѣтникъ К. Т. Солдатенковъ завѣщаль академіи 20 тыс. рублей для обращенія процентовъ съ этой суммы въ двѣ преміи за лучшія сочиненія на русскомъ языкѣ или въ переводѣ: одно—по наукамъ философскимъ, а другое—по происхожденію и развитію образованности (культуры) у историческихъ народовъ Востока и у народовъ славянскаго племени. Отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности составленъ академикомъ В. И. Ламанскимъ. Важное предпріятіе второго отдѣленія,—изданіе полнаго собранія сочиненій Пушкина,—какъ извѣстно, по смерти Л. Н. Майкова поручено особой комиссіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ академика А. Н. Веселовскаго и членовъ-академикомъ Пышина, Шихматова, Корша и Соболевскаго и приглашенныхъ членовъ, какъ знатоковъ литературы пушкинскаго періода: Дашкова, Ефремова, Кобеко, Овѣгина (въ Парижѣ), Сайтева и Якушкина. Въ настоящее время важнѣйшія работы по изданію лежатъ на двухъ членахъ: В. Е. Якушкинѣ и В. И. Сайтевѣ. Работы перваго заключались главнымъ образомъ въ приготовленіи къ печати текста стихотвореній и примѣчаній къ нимъ для втораго тома; окончательно приготовленъ къ изданію текстъ стихотвореній съ 1818 по 1823 годъ, а также въ значительной степени обработаны по рукописямъ повѣсти Пушкина. Весною 1903 года Якушкинъ надѣется приступить къ печатанію втораго тома собранія сочиненій Пушкина. По его окончаніи будетъ печататься томъ прозы, затѣмъ оятъ томъ стихотвореній и т. д. Послѣдніе два тома—11-й и 12-й—посвящаются перепискѣ Пушкина, подготовленіемъ коей къ печати занимался Сайтевъ. Съ начала наступающаго года Пушкинская комиссія начнетъ издавать свой органъ подъ заглавіемъ «Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія». Сюда будутъ входить работы членовъ комиссіи и постороннихъ лицъ. Вдова и сынъ покойнаго академика и профессора Ѳ. П. Буслаява прислали отдѣленію письменныя свои заявленія о предоставленіи ему права на изданіе всѣхъ сочиненій покойнаго ученаго, кромѣ его учебниковъ, грамматики и хрестоматіи. Далѣе былъ прочитанъ отчетъ по присужденію премій. На соисканіе премій П. И. Батюшкова было представлено въ вышнемъ году пять сочиненій. Увѣнчано преміей въ 600 р. сочиненіе П. Н. Жуковича: «Сеймовая борьба православнаго западнорусскаго дворянства съ церковною унією до 1609 года», и въ 400 р. сочиненіе Довнаръ-Запольскаго: «Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ». Почетные отзывы присуждены сочиненіямъ: 1) Мержинскаго—«Ромове» (археологическія изслѣдованія); 2) Ясинскаго—«Главный литовскій трибуналъ»; 3) Романова а) «Великорусскіе тексты вертепнаго дѣйствія», б) «Матеріалы по исторической топографіи Витебской губерніи» и др. На соисканіе наградъ академика Брандта были представлены три сочиненія. Составленная подъ предсѣдательствомъ академика Овсянникова комиссія признала заслуживающимъ преміи въ 500 рублей сочиненіе Сушкина, которое представляетъ собою нѣмецкій

переводъ его сочиненія, напечатаннаго двумя годами раньше, — «Морфологія скелета птицъ». На соисканіе Ломоносовской преміи были представлены два сочиненія; изъ нихъ было признано заслуживающимъ преміи сочиненіе Б. И. Срезневскаго «Ежемѣсячные обзоры погоды въ Европейской Россіи и прилежащихъ странахъ, веденные съ 1891 до 1900 года вмѣстѣ съ указателемъ за эти 10 лѣтъ». На соисканіе преміи имени графа В. А. Толстого было представлено пять сочиненій, изъ коихъ признано заслуживающимъ преміи только сочиненіе В. К. Агаѣонова: «Къ вопросу о поглощеніи свѣта кристаллами». Затѣмъ были оглашены новые почетные члены и члены-корреспонденты академіи наукъ. Въ почетные члены избраны гофмейстеръ двора его императорскаго величества главноуправляющій собственною его императорскаго величества канцеляріей тайный совѣтникъ А. С. Танѣевъ, начальникъ главнаго гидрографическаго управленія морского министерства, генералъ-лейтенантъ К. И. Михайловъ, д. ст. с. И. И. Мечниковъ (въ Парижѣ), заслуженный ординарный профессоръ Лейпцигскаго университета Вильгельмъ Вундтъ. Въ члены корреспонденты по физико-математическому отдѣленію: профессоръ Стекловъ (Харьковъ), старшій геологъ геологическаго комитета Никитинъ, профессора: Силлей (Лондонъ), Кайзеръ (Боннъ), Борне (Парижъ), Марэй (Парижъ), Ванъ Бенеденъ (Льежъ). По отдѣленію русскаго языка и словесности: профессора Р. Ф. Брандтъ (Москва), Н. П. Дашкевичъ (Кіевъ), В. М. Истринъ (Одесса), П. А. Лавровъ (Петербургъ), М. Н. Сперанскій (Нѣжинъ), директоръ гимназіи въ Брюннѣ (въ Чехіи) Бартошъ, Вл. Шатюкъ (во Львовѣ), профессоръ Вѣнскаго университета Решетаръ, профессоръ Краковскаго университета Соколовскій, профессоръ университета въ Загребѣ Шрешель, профессоръ университета въ Грацѣ Штрекель. По историко-филологическому отдѣленію — управляющій статистическимъ отдѣленіемъ департамента там. сборовъ д. ст. с. Покровскій, заслуженные профессора: С.-Петербургскаго университета прот. Горчаковъ, Московскаго университета Герье, членъ французской академіи Сорель, профессоръ Московскаго университета Никитинскій, членъ парижской академіи Бартъ и профессоръ Боннскаго университета Якоби. Высочайше учрежденная при императорской академіи наукъ постоянная комиссія для пособій нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ въ отчетномъ 1902 году имѣла 22 совѣщанія и рассмотрѣла 489 ходатайствъ, изъ которыхъ удовлетворено 342 и отклонено 145. Изъ капитала имени императора Николая II израсходовано 50,699 р. 45 к. Единовременныхъ пособій выдано 253-мъ лицамъ на сумму 13.795 р. 45 к. Выдано пособій, разсроченныхъ по мѣсяцамъ, 87-ми лицамъ на сумму 17.910 р. Пенсій имени императора Николая II выдано 47-ми лицамъ на сумму 18.994 р. Двумъ лицамъ пенсія назначены вновь. Пенсія одного писателя, въ виду его тяжелой болѣзни, передана на имя его жены.

**Варшавскіе памятники.** Варшава полна памятниковъ. Не говоря уже о провинціальныхъ городахъ, даже въ Петербургѣ едва ли наберется столько памятниковъ, сколько ихъ въ Варшавѣ. Но въ числѣ этого множества варшавскихъ памятниковъ почти совсѣмъ нѣтъ русскихъ памятниковъ. Хотя большинство ихъ возникло уже при русскомъ владычествѣ, едва ли не всѣ они носятъ характеръ антирусскій. Въ Варшавѣ есть памятники Яну Собѣскому и Сигизмунду III, съ подробнымъ описаніемъ (на пьедесталѣ) его «славнаго»

похода на Москву. Но нѣтъ памятника даже Александру II, освободившему польскій народъ отъ панско-шляхетской тирани и обезпечившему его быть земельными надѣлами. Въ Варшавѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ, стоитъ памятникъ Мицкевичу, формировавшему въ 1854 году польско-еврейское ополченіе противъ Россіи. Но нѣтъ памятника даже Суворову, которому Россія обязана подавленіемъ перваго польскаго («Костюшковскаго») мятежа и покореніемъ Польши (штурмомъ Варшавы. 1794 г.). Правда, въ Варшавѣ есть памятникъ императору Александру I—«покорителю и благодѣтелю Польши», какъ значится на немъ. Памятникъ представляетъ собою обелискъ высотой въ 21 аршинъ, съ четырьмя двуглавыми орлами въ углахъ основанія. Воздвигнутъ памятникъ по окончаніи цитадели, въ 1835 году. Но онъ находится не въ городѣ, а въ крѣпости (цитадели) и скрытъ въ ея стѣнахъ. Такъ же точно и памятники на мѣстѣ Гроховской битвы и навшимъ въ 1831 году «за дѣло государя и отечество»—находятся не въ городѣ: первый—подъ Гроховомъ, около Врестскаго шоссе (на Прагѣ), а второй—близъ предмѣстья Воли. Собственно въ городѣ одинъ-единственный русскій памятникъ—князю Варшавскому, графу Паскевичу-Эриванскому. Памятникъ сооруженъ въ 1870 году, по проекту профессора Пименова, и представляетъ бронзовую статую Паскевича во весь ростъ, на высококомъ пьедесталѣ, въ плацѣ и съ фельдмаршальскимъ жезломъ въ рукахъ. Пьедесталъ украшенъ барельефами, изображающими взятіе Эривани, штурмъ Варшавы, въѣздъ императора Николая I въ Варшаву въ 1840 году и гербъ Паскевича. Памятникъ стоитъ на главной улицѣ—Краковскомъ предмѣстьѣ, но находится среди домовъ и совсѣмъ теряется передъ возвышающимся вблизи на площади грандіознымъ памятникомъ Мицкевичу. Здѣсь же, на Краковскомъ предмѣстьѣ, стоитъ (на Замковой площади) огромный памятникъ—колонна Сигизмунду III, а на другомъ концѣ (передъ первою гимназіей)—памятникъ Копернику. Наискось памятника Копернику находится костель Св. Креста, на высокой эстрадѣ котораго, обращенной на Краковское предмѣстье, стоитъ огромная статуя, изображающая согбеннаго Христа, несущаго крестъ,—эмблема страданій Польши. Статуя эта изъ гипса и поставлена была въ 1861 году на средства графа Андрея Замойскаго, нѣсколько же лѣтъ тому назадъ (при князѣ Имеретинскомъ) замѣнена бронзовою. На статуѣ большая надпись по-латыни: «sursum corda», то-есть «горѣ имѣйте сердца»,—«будто эти (то-есть польскія) сердца, сжигаемые горячкѣй дѣйствія, нужно было еще подымать и питать надеждой!»—говоритъ одинъ варшавскій публицистъ, Валерій Пришиборовскій, въ своей недавно вышедшей въ Краковѣ исторической монографіи *Historia dwóch lat* (1860—1861). Наискось же памятника Сигизмунду III, на Краковскомъ же предмѣстьѣ, находится бернардинскій костель св. Анны, въ колокольной башнѣ котораго долгое время томился патріархъ Филаретъ Никитичъ, родоначальникъ нашего благополучно царствующаго дома Романовыхъ, во время своего десятилѣтняго плѣна въ Польшѣ. Въ увѣковѣченіе этого событія и его мѣста, въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія, среди русскыхъ варшавянъ возникла мысль—соорудить здѣсь православную часовню. Эта часовня явилась бы истиннѣ русскимъ уголкомъ на Краковскомъ предмѣстьѣ, главной, варшавской улицѣ, заставленной тенденціозно-польскими памятниками и повстанскими

статуями. Она находилась бы какъ разъ противъ памятника Сигизмунду III, имѣющаго явно антирусскій характеръ. Къ сожалѣнію, прекрасной мысли о Филаретовской часовнѣ не суждено было тогда осуществиться. Русское населеніе такъ ничтожно въ Варшавѣ и — главное — такъ разрознено, что нужно очень много времени и еще болѣе усилій, чтобъ явились средства и возможность осуществить какую бы ни было русскую мысль, тѣмъ болѣе такую дерзновенную, какъ сооруженіе православной часовни на главной улицѣ Варшавы, которая какъ бы предназначена вся только для польско-тенденціозныхъ памятниковъ и повстанскихъ статуй. Однако, мысль о Филаретовской часовнѣ не заглохла, и въ послѣднее время ею опять заняты русскіе варшавяне. Сооруженіе часовни въ память мученическаго пребыванія здѣсь приснопамятнаго патріарха русскаго и родоначальника благословенной династіи Романовыхъ становится теперь въ связь съ предстоящимъ (въ 1912 году) 300-лѣтіемъ воцаренія дома Романовыхъ: русская Варшава хочетъ вещественно увѣковѣчить этотъ предстоящій всероссійскій свѣтлый праздникъ. Конечно, мысль эта заслуживаетъ глубокаго сочувствія русскихъ людей. Остается только пожелать, чтобы на этотъ разъ она встрѣтила должную поддержку, и чтобы осуществленіе ея не заставило себя ждать.

**С.-Петербургское археологическое общество.** На состоявшемся подъ предсѣдательствомъ проф. И. В. Помяловскаго засѣданіи классическаго отдѣленія Б. В. Фармаковскій сдѣлалъ докладъ о раскопкѣ въ мѣстности, гдѣ расположена была нѣкогда греческая колонія Ольвія. Къ сожалѣнію, большая часть Ольвіи не можетъ быть еще обнаружена раскопками, такъ какъ лежитъ во владѣніи графини Мусинь-Пушкиной, не разрѣшающей производства раскопокъ на своей землѣ. Работавшій въ 1901 и 1902 г. по производству раскопокъ Ольвіи, Б. В. Фармаковскій открылъ на крестьянской землѣ села Таругина цѣлый некрополь Ольвіи за періодъ времени V вѣка до Р. X. и по III вѣку по Р. X. 112 изслѣдованныхъ референтомъ могилъ дали ему богатый бытовой матеріалъ для исторіи развитія культуры въ Ольвіи. Погребеній встрѣчены три типа: изъ нихъ болѣе древній — грунтовой. Большинство погребеній разграблены. Хищническія раскопки въ Ольвіи вообще были весьма значительны, и только благодаря особымъ усиліямъ императорской археологической комиссіи, удалось направить на настоящій путь археологическія изслѣдованія Ольвіи.

**Московское археологическое общество.** Въ засѣданіи 19-го декабря Н. О. Криштафовичъ прочелъ докладъ о геологіи русскихъ палеолитическихъ стоянокъ. Известно, что первое появленіе человѣка въ Европѣ относится ко времени такъ называемаго ледниковаго періода, когда значительная часть Сѣверной Европы (и Россіи) была покрыта мощнымъ ледниковымъ покровомъ, спускавшимся съ горъ Скандинавіи и Финляндіи. Этотъ ледниковый періодъ представлялъ колебанія; временами ледниковый покровъ разрастался, заходилъ далѣе къ югу, временами онъ сокращался, отступалъ къ сѣверу, въ зависимости отъ какихъ-то климатическихъ измѣненій. Можно различать поѣтому нѣсколько ледниковыхъ эпохъ, раздѣленныхъ промежуточными, такъ называемыми межледниковыми, когда ледниковый покровъ отступалъ, и климатъ становился теплѣе и суше. Въ Западной Европѣ первое появленіе человѣка относятъ къ межледниковой эпохѣ; остатки древнѣйшихъ стоянокъ человѣка были



найлены въ Германіи на древнѣйшихъ моренныхъ отложеніяхъ, на валунныхъ наносахъ первой ледниковой эпохи. У насъ въ Россіи эти древнѣйшіе слѣды челоѵка заключаются въ грубыхъ кремневыхъ орудіяхъ и остаткахъ зола (отъ очаговъ), находимыхъ совмѣстно съ костями мамонтовъ, носороговъ и другихъ вымершихъ животныхъ на извѣстной глубинѣ, подѣ поверхностными слоями почвы (чернозема, лесса и т. д.). Референтъ могъ изучить подробно одну изъ такихъ стоянокъ палеолитическаго (т. е. древнѣйшаго каменнаго) вѣка на берегу Вислы, близъ Новой-Александріи. Здѣсь остатки мамонта и каменные орудія были найдены въ слѣб сѣрой глины, озернаго происхожденія, подѣ толщей лессовидныхъ наносовъ, надѣ моренными отложеніями. Изучивъ эту стоянку, референтъ поставилъ себѣ задачей ознакомиться на мѣстѣ съ геологическими условіями другихъ подобныхъ стоянокъ въ Европейской Россіи. Онъ осмотрѣлъ извѣстныя стоянки въ Кіевѣ на берегу Днѣпра, въ Костенкахъ на берегу Дона (въ 30-ти верстахъ къ югу отъ Воронежа), у м. Гонцы, на р. Удаѣ, въ Лубенскомъ у. Полтавской губ., въ оврагѣ у с. Карачарова Муромск. у., около г. Козельска Калужск. губ., и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ произвелъ раскопки. Въ результатѣ оказалось, что самыми древними по условіямъ залеганія остатковъ могутъ быть признаны стоянки у Новой-Александріи и Кіева, гдѣ остатки мамонта и слѣды челоѵческой культуры были найдены ниже толщи лесса, въ сѣрой глинѣ или пескахъ; въ другихъ мѣстахъ, какъ въ Костенкахъ, Карачаровѣ, Гонцахъ, эти остатки уже залегаютъ въ самомъ лессѣ, менѣе глубоко; наконецъ, близъ Томска скелетъ мамонта и каменные орудія были найдены уже на верхнемъ обрѣзѣ лесса, близъ поверхности. Такимъ образомъ, челоѵкъ появился въ Россіи, повидимому, ранѣе на западѣ и позже на востокѣ, гдѣ древнѣйшіе слѣды его оказываются ближе къ поверхности, въ болѣе верхнихъ горизонтахъ лесса; другими словами, древнѣйшій челоѵкъ заселилъ, повидимому, Россію, подвигаясь съ юга и запада на сѣверъ и востокъ. Гр. П. С. Уварова сдѣлала сообщеніе объ осмотрѣнныхъ ею въ константинопольскомъ Оттоманскомъ музеѣ древнихъ каменныхъ саркофагахъ, которые были найдены на почвѣ древней Финикіи, въ Ливанѣ, древней Ликіи и т. д. и описаны Гамдибеемъ и Т. Рейнакомъ. Саркофаги эти относятся къ эпохамъ отъ IV до VI вѣка до Р. Хр. Древнѣйшіе изъ нихъ египетской работы, высѣчены изъ сениита и по своей внутренней полости и обдѣлкѣ крыши похожи на изготовлявшіеся для мумій. Таковъ, напримѣръ, саркофагъ, изготовленный для какого-то египетскаго полководца Пенефта, но послужившій затѣмъ ложемъ для сидонскаго царя Тавнита, сына Эшмуназара, жреца Астарты. Саркофаги изъ Ливана выказываютъ въ изображеніи на крышѣ челоѵческую фигуру уже съ болѣе красивыми чертами лица. Далѣе слѣдуетъ такъ называемый «саркофагъ сатрапа», мраморный, съ рельефными сценами на наружныхъ его стѣнкахъ, указывающій уже на вліяніе греческаго искусства V вѣка до Р. Хр. Интересенъ еще «саркофагъ плакальщицъ» въ формѣ греческаго храма, съ колонками вдоль его стѣнъ и съ размѣщенными между ними 18-ю фигурами плачущихъ женщинъ; относится онъ къ IV вѣку. Но всего замѣчательнѣе такъ называемый «саркофагъ Александра» изъ Саида (Сидона) съ прекрасными рельефными изображеніями на немъ сценъ борьбы грековъ съ персами и охоты, при чемъ въ трехъ сценахъ изображенъ Александръ Македонскій. Саркофагъ этотъ греческой работы

IV вѣка предназначался, какъ полагаютъ, для Александра Македонскаго, но не достигъ своего назначенія, а, по мнѣнію другихъ, былъ изготовленъ для какого нибудь персидскаго сатрапа, перешедшаго на сторону Александра и бывшаго его поклонникомъ. На всѣхъ саркофагахъ встрѣчаются слѣды росписи различными красками, а внутри многихъ изъ нихъ были найдены человѣческіе кости и черепа, въ одномъ, кромѣ того, кости семи борзыхъ собакъ. Шантръ, описавшій эти человѣческіе черепа, приписываетъ ихъ семитамъ. Докладъ сопровождался демонстраціей фотографическихъ снимковъ съ саркофаговъ и ихъ отдѣльныхъ фигуръ.

**Общество археологій, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ.** Въ засѣданіи 14-го декабря 1902 года г. председатель общества, проф. Н. Ѳ. Катановъ, сдѣлалъ сообщеніе подъ названіемъ «Обзоръ татарскихъ литографированныхъ изданій за послѣдніе два года». Въ этомъ обширномъ докладѣ референтъ охарактеризовалъ татарскія народныя картинки, сопровождаемая текстомъ; двадцать четыре такихъ листа были продемонстрированы во время сообщенія, при чемъ проф. Катановъ подробно объяснилъ значеніе каждаго изъ нихъ. Содержаніе этихъ картинокъ (не на всѣхъ листахъ, собственно говоря, есть картинки; на нѣкоторыхъ находятся только какія либо тексты, напечатанные съ различными украшеніями) особымъ образомъ не отличается; среди текстовъ всего чаще встрѣчаются отрывки изъ Корана и легенда о семи сиящихъ отрокахъ, распространенная на Востокъ едва ли не болѣе, нежели на Западъ; записи именъ этихъ отроковъ и сопровождавшей ихъ собаки (Кытмиръ) мусульмане придаютъ цѣлебныя свойства. Одна изъ продемонстрированныхъ въ засѣданіи картинъ изображаетъ развалины Болгара; сопровождающій ее текстъ заключаетъ въ себѣ существующія у татаръ свѣдѣнія по исторіи Болгарскаго царства. Повидимому, всѣ подобныя картинки находятъ среди татаръ хорошій сбытъ, такъ какъ, по сообщеннымъ въ докладѣ свѣдѣніямъ, печатаются обычно въ количествѣ 10.000 экземпляровъ, а тиражъ нѣкоторыхъ доходитъ даже до 20.000 экземпляровъ. Второй докладъ, г. секретаря общества, Н. К. Горгалова, представлялъ собою отчетъ о занятіяхъ XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ. Референтъ въ живомъ и обстоятельномъ очеркѣ ознакомилъ присутствовавшихъ съ блестящими результатами съѣзда, на которомъ присутствовалъ въ качествѣ делегата отъ общества. Въ административной части засѣданія было заслушано между прочимъ сообщеніе о выходѣ въ свѣтъ перваго полутома «Извѣстій» общества за 1902 годъ; съ выходомъ (въ 1903 году) втораго полутома изданіе сборника статей, посвященныхъ 350-лѣтнему юбилею взятія Козани, будетъ закончено; въ 1903 г. «Извѣстія» будутъ выходить, какъ обыкновенно, выпусками (числомъ шесть), первый изъ которыхъ появится въ свѣтъ въ январѣ.

**Археологическія раскопки.** Кіевскій музей древностей и искусствъ обогатился, по словамъ «Кіевлянина», чрезвычайно цѣнными предметами, добытыми лѣтомъ нынѣшняго года при раскопкѣ могильника славянской культуры. Могильникъ этотъ находится въ Полтавской губерніи, на берегу рѣки Пела, въ 12 верстахъ отъ города Гадяча. Онъ обнимаетъ собой обширную эпоху отъ II до IX вѣка и заключаетъ въ себѣ какъ скифскія, такъ и славянскія погребенія. Интересно, что въ тѣхъ п другихъ находится много общаго: Могиль-

ные курганы отличаются крайне различными размѣрами. Могильникъ этотъ изслѣдованъ лѣтомъ нынѣшняго года В. В. Хвойко и С. А. Мазараки, которые раскопали въ общемъ около 100 различныхъ кургановъ. Большинство изъ нихъ было ограблено, при чемъ ограбленіе это относится къ XVI и XVII вѣкамъ. Небольшіе курганы разрушены дѣйствіемъ плуга. При изслѣдованіи этого скифо-славянскаго могильника, прежде всего, было установлено то весьма интересное для археологической науки обстоятельство, что въ такъ называемыхъ скифскихъ погребеніяхъ здѣсь попадаетъ параллельно положеніе и сожженіе, чего у южныхъ скифовъ, то-есть у скифовъ-кочевниковъ, никогда не встрѣчается. Изслѣдованіе этого замѣчательнаго могильника дало богатые результаты и нынѣ обогатило Кіевскій музей коллекціей предметовъ, единственныхъ въ своемъ родѣ. Въ частности раскопки гг. Хвойко и Мазараки даютъ полную картину убранства славянской женщины VII—VIII вѣковъ. Интересно, что почти все, что было найдено при этихъ раскопкахъ, найдено при женскихъ погребеніяхъ; при мужскихъ же погребеніяхъ, кромѣ ножиговъ, «кресаль» и кремней, не находили ничего. Вещественные результаты раскопокъ выставлены въ настоящее время въ одномъ изъ залъ музея и занимаютъ четыре витрины; въ двухъ изъ нихъ заключаются погребенія двухъ женщинъ (головныя части), вырѣзанныя на мѣстѣ вмѣстѣ съ землей и очищенныя уже въ музеѣ. Вообще предметы, найденные при раскопкахъ, крайне оригинальны, а нѣкоторые изъ нихъ встрѣчаются впервые; характерною особенностью найденныхъ предметовъ является то обстоятельство, что большинство предметовъ—изъ серебра; золото же совершенно отсутствуетъ. Указанныя же выше части двухъ женскихъ погребеній представляютъ собой *unicum* и имѣютъ большой научно-археологическій интересъ. Погребенія эти имѣютъ полный головной уборъ женщины-славянки VII—VIII в.в; уборъ этотъ состоитъ изъ серебряной повязки-вѣнчика со спиралями; къ вѣнчику прикрѣплена головная привѣска изъ витой серебряной проволоки; привѣска спускается до плеча и имѣетъ рядъ бубенчиковъ. Другого рода головной уборъ (образцовъ его найдено нѣсколько) представляетъ родъ вѣнчика изъ серебряной же проволоки, при чемъ лицевая часть ея, то-есть, та, которая лежитъ на лбу, расширена въ формѣ пластинки, согнутой въ желобокъ. Въ этотъ желобокъ, надо полагать, закрѣплялись какіе либо предметы, дополняющіе головной уборъ. Благодаря указаннымъ вѣнчикамъ и повязкамъ, при раскопкахъ удалось найти немало женскихъ волосъ (въ видѣ пучковъ), хорошо сохранившихся. Цвѣтъ волосъ — частью темный, частью свѣтлый. Эти волосы можно видѣть въ двухъ большихъ витринахъ, наполненныхъ различными предметами, добытыми при раскопкахъ (ожерелья, вѣнчки, спирали, бубенчики, браслеты, височныя кольца, перстни и т. д.). Височныя кольца изслѣдованныхъ погребеній представляютъ по своей формѣ особый видъ; они сдѣланы изъ серебряной проволоки, согнутой съ обѣихъ концовъ, при чемъ одинъ конецъ согнуть спиралью, а другой представляетъ крючекъ для привѣшиванія колець. Особенно интересно найденное при одномъ изъ погребеній глиняное, покрытое цвѣтною эмалью («поливой») яйцо, имѣющее, очевидно, какое-то ритуальное значеніе. Яйцо сильно напоминаетъ украинскую «писанку». Вообще всѣ предметы послѣднихъ раскопокъ гг. Хвойко и Мазараки имѣютъ большой научный интересъ, и потому приобрѣтеніе ихъ для Кіев-

скаго музея древностей и искусствъ было весьма желательно. Въ настоящее время всѣ указанные выше предметы приобретены у В. В. Хвойко и С. А. Мазараки А. Н. Терещенко, который принесъ ихъ въ даръ Кіевскому музею, тѣмъ самымъ значительно обогативъ отдѣлъ славянскихъ древностей въ названномъ музеѣ и давъ возможность гг. Хвойко и Мазараки продолжать свои изслѣдованія.

**Библиологическое общество. I.** 33-е (27-е очередное) общее собраніе Русскаго библиологическаго общества состоялось 28-го ноября въ помѣщеніи общества (Подольская, 11). Собраніе открылось поднесеніемъ и чтеніемъ акварельнаго адреса члену совѣта общества Н. М. Лисовскому по случаю исполнявшагося 30-ти-лѣтняго юбилея его литературной дѣятельности въ области библиографіи; затѣмъ былъ прочитанъ А. Г. Максимовымъ рефератъ: «П. И. Макаровъ и его журналъ «Московскій Меркурій». Изложивъ по различнымъ источникамъ подробно біографію Макарова, референтъ ознакомилъ публику съ исторіей его журнала и прочелъ отрывки изъ нѣкоторыхъ помѣщенныхъ въ немъ статей. II. Въ собраніи 5-го декабря два реферата касались Пушкина. Л. П. Любовь коснулся вопроса о перемѣнѣ въ возрѣніяхъ Пушкина въ послѣдніе годы жизни поэта. Этотъ вопросъ до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ. Попытку, при помощи «неблагодарнаго труда» надъ сочиненіями Булгарина, рѣшить этотъ вопросъ сдѣлалъ покойный академикъ Ждановъ. Референтъ высказался за желательность скорѣйшаго изданія трудовъ Жданова, многіе и весьма цѣнные изъ которыхъ пока имѣются только въ рукописяхъ или въ литографированномъ видѣ. О Пушкинѣ же шла рѣчь и во второмъ рефератѣ, посвященномъ памяти Л. Н. Майкова, въ честь котораго на этихъ дняхъ выпущенъ многочисленными его почитателями грандіозный сборникъ in-quarto. Занятія Пушкинымъ были послѣдними занятіями покойнаго вице-президента академіи. Эти же занятія отразились и на составѣ сборника: въ немъ помѣщено нѣсколько цѣнныхъ работъ о великомъ поэтѣ. Но въ то же время въ сборникѣ нашли себѣ отраженіе и всѣ тѣ разнообразныя интересы, которыми отличался Л. Н. Майковъ, бывший и историкомъ, и историкомъ литературы, и этнографомъ. Болѣе же всего сказалось въ сборникѣ «Памяти Л. Н. Майкова» то теплое чувство, которое покойный сумѣлъ вызвать къ себѣ въ кружкѣ молодежи, и которому обязано происхожденіемъ большинство статей сборника. III. 12-го декабря собраніе библиологическаго общества было преимущественно посвящено памяти Н. А. Некрасова. В. О. Боцяновскій сдѣлалъ характеристику поэта, личность и дѣятельность котораго до сихъ поръ вызываютъ споры. До сихъ поръ нѣтъ ни одного крупнаго біографическаго и критическаго труда, посвященнаго Некрасову, такъ что очень мало имѣется данныхъ для рѣшенія спорныхъ вопросовъ о поэтѣ. Еще при жизни Н. А. Некрасова появилась о немъ статья М. Антоновича, вызвавшая сильныя душевныя страданія поэта. Надъ свѣжей могилою поэта Достоевскій говорилъ рѣчь, гдѣ ставилъ Некрасова въ параллель съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ; эта рѣчь тутъ же у могилы вызвала страстныя возраженія, раздались голоса, что Некрасовъ выше Пушкина и Лермонтова. До самаго послѣдняго времени, даже въ статьяхъ, посвященныхъ памяти поэта въ настоящемъ году, продолжается полемика о немъ. Объясняется такое отношеніе къ Некрасову тѣмъ, что обликъ его недостаточно еще выясненъ передъ нами. Самъ онъ часто не договаривалъ въ своихъ

стихахъ, не разъ вдавался въ намѣренный шаржъ, только бы не выдать своихъ затаенныхъ мыслей. Но имѣются и такія его произведенія, которыя не оставляютъ никакихъ сомнѣній относительно истиннаго его образа мыслей; изъ этихъ произведеній нѣкоторыя уже изданы, другія пока имѣются только въ рукописяхъ. Свѣтлый обликъ поэта музы мести и печали предсталъ бы намъ яснѣе, если бы мы внимательнѣе, вдумчивѣе отнеслись ко всему тому, что отъ него сохранилось. Пока лучшею изъ того, что написано о Некрасовѣ, является характеристика поэта, сдѣланная Достоевскимъ въ «Дневникѣ писателя». Докладъ В. Ѳ. Боцяновскаго вызвалъ оживленныя пренія, во время которыхъ И. А. Порошинъ сообщилъ о своей поѣздкѣ въ Ярославль и о тѣхъ мѣстахъ, которыя принимаются на родинѣ поэта для чествованія его памяти. Сообщенія эти оказались весьма безотраднато характера. Родное имѣніе поэта Грешнево принадлежитъ нѣкому мѣщанину, устроившему тамъ трактиръ. Въ библиотекѣ имени Некрасова въ Ярославлѣ нельзя достать сочиненій самого поэта, да и библиотека эта въ народѣ слыветъ не Некрасовскою, а почему-то Пастуховскою. Ѳ. А. Витбергъ сдѣлалъ сообщеніе о первыхъ печатныхъ изданіяхъ стихотвореній Н. А. Некрасова. А. І. Ляченко сообщилъ имѣющееся въ архивѣ редакціи «Литературнаго Вѣстника» неизданное стихотвореніе Некрасова, посвященное памяти Т. Шевченка. По историко-географической секціи въ томъ же собраніи состоялось сообщеніе А. М. Филипова «Мурманъ въ XVI вѣкѣ». Сообщеніе это познакомило слушателей съ свѣдѣніями С. Бурро о промыслахъ на Мурманѣ въ XVI вѣкѣ, о предѣлахъ русскихъ владѣній на этомъ побережьѣ и съ экспедиціями голландцевъ, англичанъ и датчанъ, направленными въ этотъ край. Референтъ, знающій поличнымъ впечатлѣніямъ Мурманъ, указалъ на рядъ аналогій въ сообщеніяхъ авторовъ XVI вѣка и въ нынѣшнемъ положеніи края.

**Географическое общество.** I. Въ засѣданіи отдѣленія географіи математической и физической А. И. Варнекъ сдѣлалъ сообщеніе: «Обзоръ работъ гидрографической экспедиціи Сѣвернаго Ледовитаго океана лѣтомъ 1902 года». Экспедиція эта работаетъ подъ руководствомъ А. И. Варнека каждое лѣто на сѣверѣ, уже въ продолженіе пяти лѣтъ; назначеніе ея — изученіе водныхъ путей Сѣвера, и въ этомъ направленіи ею сдѣлано уже очень многое; детально, на примѣръ, изучень Югорскій шаръ, составлена карта, опредѣленъ фарватеръ (болѣе короткій, чѣмъ прежній на 70 верстъ), найдена прекрасная, спокойная бухта, также хорошо изучень и Маточкинъ шаръ, и ихъ можно теперь считать вполне свободными для прохожденія. Успѣхъ экспедицій зависитъ отъ накопляемости въ морѣ льда лѣтомъ; послѣднее лѣто было въ этомъ отношеніи довольно благопріятно; экспедиція работала въ составѣ двухъ пароходовъ: «Пахтусовъ» и «Лейтенантъ Овцынъ». Обслѣдованы были часть Бѣлаго моря, устье Печоры, Карскаго моря. Въ Бѣломъ морѣ изучены опасныя банки (отмели), при чемъ выяснено много невѣрностей на существующей картѣ въ области мелей къ востоку отъ Терскаго берега: полученные рельефы дна не имѣютъ ничего общаго съ изображеніемъ его на старой картѣ. На мысѣ Русскій Заворотъ поставленъ знакъ, и точно опредѣлена его конечная точка, согласная съ опредѣленіемъ, сдѣланнымъ Пахтусовымъ въ 1826 году. Въ Карскихъ Воротахъ сдѣланы изысканія во всѣхъ направленіяхъ, найдены и описаны впервые нанесенныя на карты острова, открыта удобная бухта, Губа Дыроватая, въ ней произведены

всюду промѣры и установлена полная ея пригодность для зимовки судовъ. Дно въ Карскихъ Воротахъ неровное, глубина мѣняется очень рѣзко, лучший путь по срединѣ пролива, ближе къ Вайгачу — мелководье; обследованъ и нанесенъ на планшетку сѣверный берегъ Вайгача. Юго-западный берегъ Карскаго моря наносится на карту впервые; дно у этихъ береговъ ровное, соленость держится большая, температура воды возрастаетъ по мѣрѣ удаленія отъ Югорскаго Шара; по побережью найдены слѣды уральской экспедиціи полковника Гофмана, на мысѣ Полковничьемъ водруженъ послѣднимъ крестъ, весьма чтимый самоѣдами. Въ глубоководной части Карскаго моря устроена была настоящей экспедиціей гидрографическая станція, при чемъ установлено, что глубина Карскаго моря сильно преувеличена. Кромѣ географическаго изслѣдованія береговъ, А. И. Варнекомъ собранъ большой матеріалъ для опредѣленія ихъ геологическаго состава. Во время доклада показаны были диапозитивы. II. 13-го декабря въ засѣданіи отдѣленія этнографіи Н. К. Ончуковъ сдѣлалъ сообщеніе: «Былинная поэзія на Печорѣ». Докладчикъ нынѣшней весной по порученію академіи наукъ и географическаго общества совершилъ поѣздку на Печору специально для изученія тамъ былиннаго эпоса. Матеріалъ, собранный докладчикомъ, приуроченъ, главнымъ образомъ, къ двумъ русскимъ волостямъ Усть-Цылемской и Пустозерской, но помимо того онъ сдѣлалъ по Печорѣ 1825 верстѣ, посѣтилъ Зырянскій край и Колу, гдѣ по возможности собралъ все интересное; кромѣ записыванія за старинщиками, онъ знакомился съ архивнымъ матеріаломъ; въ церковныхъ архивахъ Усть-Цыльмы, Пустозерска и особенно Колы нашлось много интереснаго матеріала, относящагося къ исторіи мѣстнаго края (есть памятники XVI в.). Всего былины записано въ эту поѣздку Н. К. Ончуковымъ 46, а съ вариантами 82 былины, кромѣ того, 50 сказокъ, много духовныхъ стиховъ и обрядовыхъ пѣсенъ. Многія изъ былинъ очень оригинальны и представляютъ варианты, нигдѣ не встрѣчающіеся, напримѣръ, былина о Васкѣ Вуслаевѣ. Зырянская поэзія, по мнѣнію докладчика, вся заимствована у русскихъ. Объясняется это торговыми сношеніями, а также тѣмъ, что первые обитатели рѣки Ижмы были новгородскіе выходцы. Записи рѣзко различаются на пустозерскія и усть-цылемскія. Эти волости, несмотря на свое соседство, крайне различны по духовному складу своихъ обитателей. Пустозерцы много развитѣе своихъ сосѣдей. Больше всего и лучше всего былины поются въ Пижемѣ; пижемскія пѣвицы славятся на всю Печору. Попали былины на Печору, благодаря торговымъ связямъ печорцевъ съ Архангельскомъ, Вологдой и Москвой, а главнымъ образомъ, вѣроятно, благодаря пребыванію въ Пустозерскѣ ссыльных бояръ Матвѣева, Голицына, Щербатова и другихъ, переселявшихся туда съ челядью, среди которой бывали большіе знатоки русскихъ былинъ. Сохранились послѣднія въ ихъ неприкосновенномъ видѣ, благодаря заброшенности и изолированности края, жившаго до послѣдняго времени укладами жизни конца XVII вѣка. Все чудесное въ былинахъ не представляется для печорца ничѣмъ особеннымъ, такъ какъ сама жизнь, окружающая его, проникнута чудеснымъ на каждомъ шагѣ: телеграфы, дѣйствіе паровой машины, звуки грамофона, все это, по мнѣнію печорца, продѣлки чорта. Старинщики, то есть сказители былинъ, пользуются на Печорѣ извѣстностью и большимъ уваженіемъ; въ артеляхъ они занимаютъ даже болѣе привилегированное положе-

ніе въ матеріальномъ отношеніи. Старинники преимущественно мужчины и большею частью старики; памятью отличаются удивительной: одинъ изъ нихъ, наприимѣръ, безъ малѣйшей ошибки, беря въ руки деревянный кружокъ отъ крынки, прочитывалъ докладчику «Пѣснь о кущѣ Калашниковѣ», слышанную имъ всего два раза въ чтеніи его брата солдата. Во время доклада были показаны діалозитивы, изображающіе виды Печорскаго края и самихъ печорцевъ.

Ш. 17-го декабря въ засѣданіи отдѣленія статистики С. О. Гулишамбаровъ сдѣлалъ докладъ «Объ одѣянїяхъ въ главнѣйшихъ странахъ». Этотъ несомнѣнно интересный вопросъ разрабатывается впервые въ нашей литературѣ въ книгѣ С. О. Гулишамбарова, составленной имъ по порученію комитета открытой въ Петербургѣ выставки костюмовъ. Сдѣлавъ въ общихъ чертахъ историческій обзоръ вопроса объ одѣянїи, докладчикъ остановился главнымъ образомъ на экономической сторонѣ производства и размѣрахъ международнаго обмѣна предметами одѣянїя: въ Германіи, Австро-Венгріи, Англіи, Италіи, Америкѣ и Россіи. Среди другихъ любопытныхъ вопросовъ первой части доклада очень интересенъ вопросъ о роли Франціи въ исторіи предметовъ одѣянїя. Французамъ, справедливо говоритъ докладчикъ, принадлежитъ главная роль въ созданіи моды въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ дѣятельности человѣка и окружающей его обстановки; Франція уже нѣсколько вѣковъ властвуетъ надъ всѣмъ міромъ, диктуя людямъ, какъ одѣваться, обуваться и обставлять свой домашній и общественный обиходъ. Поставляемые Франціей товары отличаются не только изяществомъ, но и высокимъ качествомъ, поэтому они и не дешевы; между тѣмъ на міровомъ рынкѣ цѣна товара рѣшаетъ его участь. Наиболѣе чуткою и отзывчивою въ этомъ отношеніи является Германія, которая за послѣднее время завоевываетъ господствующее положеніе въ снабженіи мірового рынка массой дешевыхъ предметовъ одѣянїя. Германія вывозитъ готоваго платья и моднаго товара болѣе чѣмъ на 60 милліоновъ рублей ежегодно; на долю Россіи приходится около  $\frac{1}{2}\%$ . Въ производствѣ предметовъ одѣянїя Сѣверная Америка идетъ впереди другихъ странъ Стараго и Новаго свѣта; объясняется это примѣненіемъ почти исключительно механическихъ двигателей; только полвѣка назадъ Америка подарила міру маленькую швейную машину, произведшую, однако, великій переворотъ въ хозяйственной дѣятельности всѣхъ культурныхъ народовъ, измѣнивъ даже организацию труда въ семьѣ. Въ 1900 году въ Соединенныхъ Штатахъ приготовлено 802.814 швейныхъ машинъ на сумму 42.000.000 рублей. Общая стоимость готоваго платья въ Америкѣ за 1900 годъ достигала 1.678.000.000 рублей. Перехода затѣмъ къ положенію производства предметовъ одѣянїя въ Россіи и участію послѣдней въ международномъ обмѣнѣ этимъ товаромъ, можно сказать, что за послѣднее время, благодаря покровительственной таможенно-тарифной политикѣ, у насъ стало зарождаться новое массовое производство—заготовка по шаблонамъ платья и бѣлья. Всѣ главнѣйшіе предметы одѣянїя заготовляются въ Россіи преимущественно по раздаточной системѣ. Въ географическомъ отношеніи заготовка платья для Европейской Россіи группируется около трехъ главныхъ центровъ: Москвы, Одессы и Варшавы. Московскій районъ, самый крупный, производитъ платье, такъ сказать, неладно скроенное, но крѣпко сшитое. Одесскій — отличается противоположными качествами. Варшавское

платье является среднимъ между одесскимъ и московскимъ. Дешевизна его доведена до минимума. Стоимость костюма начинается съ четырехъ рублей. Варшавское платье расходуется въ Привислинскомъ, Сѣверо-Западномъ краѣ и въ Финляндіи. Внѣшняя торговля Россіи одѣяніемъ не отличается размирами общихъ оборотовъ; ввозъ и вывозъ приблизительно одинаковы — за послѣднеепятилѣтіе въ среднемъ привозилось въ годъ на 1.263.000 рублей, а вывозилось на 989.000 рублей, при чемъ 80 процентовъ вывоза идетъ въ Финляндію.

IV. Въ общемъ собраніи, состоявшемся 18-го декабря подъ предсѣдательствомъ П. П. Семенова, Б. А. Федченко сдѣлалъ сообщеніе о своемъ путешествіи по западному Тянь-Шаню лѣтомъ 1902 года. Б. А. Федченко совершилъ это путешествіе по порученію с.-петербургскаго Ботаническаго сада. Кромѣ коллектированія растений, докладчикъ задался еще цѣлью сдѣлать наблюденія, насколько измѣнились ледники Тянь-Шаня, которые онъ посѣтилъ въ 1897 г. Экспедиція, выйдя изъ Ташкента, прошла вверхъ по рѣкѣ Чирчину, изслѣдовала долины рѣкъ: Угама, Пекема, Чаткала, Майдентала и Сантанаша, и перешла въ Ферганскую долину. Докладчикъ предполагалъ, что ледники Тянь-Шаня находятся въ періодѣ отступанія и даже вымиранія, но сверхъ ожиданія знаки, сдѣланные въ ледникахъ въ 1897 г., указали, что они находятся въ періодѣ наступанія, и что количество льда въ нихъ за 5 лѣтъ увеличилось. Верховья рѣки Сантанаша были посѣщены впервые, при чемъ въ нихъ оказались также ледники. Въ бассейнѣ рѣки Пекема открыты новыя, неизвѣстныя еще озера. Въ долинѣ Чаткала находится мѣстечко Идрись-Кай-Гамбаръ, служащее центромъ мѣстнаго русскаго управленія, которое впрочемъ заключается все въ лицѣ одного простаго лѣсного объѣзчика. Опытъ переселенія туда нѣсколькихъ семействъ хохловъ изъ Кіевской губ. оказался неудачнымъ. Идрись-Кай-Гамбаръ считается священнымъ мѣстомъ мѣстныхъ жителей, показывающихъ здѣсь могилу пророка Еноха и мѣсто, гдѣ Енохъ ушелъ съ конемъ въ землю, спасаясь отъ враговъ, послѣ чего конь съ сѣдокомъ выскочили въ Аравію; Идрись-Кай-Гамбаръ является и мѣстомъ торговли, тамъ есть базаръ, лавки. По ботаническимъ результатамъ экспедиція оказалась очень богатой; докладчикъ изслѣдовалъ составъ и происхожденіе флоры западнаго Тянь-Шаня и сходство ея съ флорой центральнаго Тянь-Шаня, Алая и Зеравшаня. Найдено много новыхъ, интересныхъ экземпляровъ. Растительность на Тянь-Шанѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно на берегахъ озеръ, богата; встрѣчается чрезвычайное разнообразіе сортовъ яблонь, очень вкусныхъ по плодамъ. Докладчикомъ составлены двѣ географическія карты, на которыя нанесены многія поправки старыхъ. Снято множество фотографій, воспроизведенныхъ во время доклада въ раскрашенномъ видѣ на экранѣ.

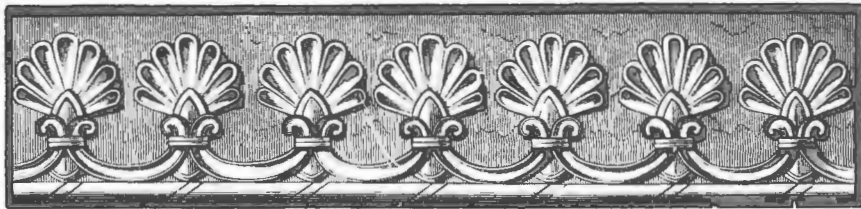
V. 20-го декабря въ засѣданіи отдѣленія этнографіи К. Ф. Жаковъ сдѣлалъ докладъ: «Пермяки. Этнографическій очеркъ». Докладчикъ совершилъ свою поѣздку для изученія быта пермяковъ по рѣкамъ Косой, протоку Камы и Ингаѣ. Мѣстность по этимъ рѣкамъ покрыта лѣсомъ, среди котораго большія села чередуются съ чисто пермяцкими деревнями, крайне бѣдными, съ убогими почти безъ оконъ и подчасъ курными избами. Обрусѣніе края идетъ, перескакивая отъ села къ селу, минуя эти деревни, при чемъ въ смыслѣ обрусѣнія языка пермячки являются самымъ упорнымъ элементомъ. Главное занятіе пермяковъ —



земледѣліе, при чемъ у нихъ не существуетъ передѣловъ, и они сидятъ на тѣхъ надѣлахъ, которые имъ были отведены графомъ Строгановымъ. Земледѣліе у пермяковъ очень плохо, урожаи у нихъ рѣдко бываютъ больше, чѣмъ самыя, оборудованіе инвентаря хозяйственнаго у нихъ крайне убого, у нихъ нѣтъ даже телѣгъ, и они ѣздятъ на саяхъ даже лѣтомъ. Промысловъ у нихъ, кромѣ рубки лѣса для лѣсныхъ заводовъ, не существуетъ никакихъ. О ремеслахъ они не имѣютъ понятія, у нихъ нѣтъ ни портныхъ, ни сапожниковъ, и всѣ необходимые предметы обихода доставляютъ имъ со стороны. Пермяки и охотники плохіе, такъ что чувствуютъ себя совершенно безпомощными предъ медвѣдями, уничтожающими ихъ скотъ. Вообще жизнь пермяковъ даетъ впечатлѣніе чего-то застывшаго. Все это докладчикъ объясняетъ историческими и современными тяжелыми условіями жизни, отразившимися даже на ихъ тѣлѣ, рѣзко отличающемся отъ типа родственныхъ имъ зырянъ, въ противоположность послѣднимъ пермяки упрямы, недовѣрчивы, пессимисты, видъ пермяка унылый, у него нѣтъ ни сказокъ, ни пѣсенъ. Всѣ пермяки усердные христіане, хотя и у нихъ сохранились нѣкоторые языческіе обычаи, какъ, напримѣръ, постановка на кладбищахъ рядомъ съ крестами саней и т. п. По всей мѣстности этого края разбросаны чудскія могилы, очень интересныя въ археологическомъ отношеніи; содержаніе ихъ указываетъ на тождественность чуди съ вогулами. Въ общемъ населеніе пермяковъ надо считать вымирающимъ.

**Сѣздъ дѣятелей по практической геологіи и развѣдочному дѣлу.** Отъ 8-го до 16-го февраля текущаго года въ С.-Петербургѣ въ зданіи Горнаго института императрицы Екатерины II имѣетъ быть высочайше разрѣшенный Первый всероссійскій сѣздъ дѣятелей по практической геологіи и развѣдочному дѣлу. Въ виду разнообразія вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на сѣздѣ, послѣдній предполагается раздѣлить на слѣдующія пять секцій: прикладной геологіи, педагогическую, техническую, экономическую и юридическую. Членами сѣзда могутъ быть всѣ лица, соприкасающіяся съ областью практической геологіи и развѣдочнаго дѣла. Членскій взносъ установленъ въ 10 рублей, а съ правомъ полученія «Трудовъ» сѣзда 15 рублей. Предсѣдателемъ организаціоннаго комитета сѣзда состоитъ академикъ А. П. Карпинскій, завѣдующіе секціями—прикладной геологіи Ѳ. Н. Чернышевъ, педагогической—Л. И. Лутугинъ, технической—С. Г. Войславъ, экономической—И. Н. Урбановичъ и юридической—А. А. Штофъ. Письма, запросы и т. п., касающіеся сѣзда, можно направлять въ организаціонный комитетъ сѣзда по адресу: С.-Петербургъ, В. О., 4-я линія, геологическій комитетъ.

**Митавское общество ревнителей литературы и искусствъ.** Недавно утверждёнъ уставъ «Митавскаго общества ревнителей литературы и искусствъ». Цѣль новаго общества доставлять по возможности всѣмъ классамъ населенія систематическія развлеченія во всѣхъ отрасляхъ музыкальнаго и драматическаго искусствъ, литературы и художествъ. Для достиженія этого общество можетъ образовать любительскіе оркестръ, хоръ и драматическую труппу и учредить бібліотеку, устраивать концерты, спектакли, музыкальные и литературные вечера, публичныя лекціи, народныя чтенія, живыя и туманныя картины, художественныя выставки и т. п. Членами общества могутъ быть лица обоюбого пола. Членскій взносъ три рубля въ годъ.



## НЕКРОЛОГИ.



**АКСАКОВЪ А. Н.** 4 января въ Петербургѣ скончался дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Николаевичъ Аксаковъ.

Сынъ Н. Т. Аксакова, родного брата Сергѣя Тимофеевича, автора «Семейной Хроники», покойный родился 27 мая 1832 г., въ селѣ Репьевкѣ (Городищенскаго уѣзда, Пензенской губерніи) и воспитывался въ императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ.

По окончаніи курса съ серебряною медалью (1851 г.), онъ поступилъ на государственную службу сначала по министерству внутреннихъ дѣлъ (1851—1855 гг.), при чемъ состоялъ членомъ экспедиціи по изслѣдованію раскола, подъ руководствомъ П. И. Мельникова-Печерскаго, затѣмъ служилъ въ Нижегородской палатѣ государственныхъ имуществъ (1858—1860 гг.) и, наконецъ, въ государственной канцеляріи—до 1878 г., когда вышелъ въ отставку.

Кромѣ служебной дѣятельности, А. Н. былъ извѣстенъ и своими печатными трудами. Такъ, ему принадлежала статья «О народномъ пьянствѣ» (Русскій Вѣстникъ 1872 г., кн. 11) и брошюра «Содержаніе питейныхъ заведеній сельскими обществами, какъ простѣйшая мѣра противъ пьянства» (Спб., 1874 г., 60 стр.). Но особенно много работъ онъ оставилъ въ области изученія спиритизма, которымъ увлекался почти всю жизнь. Сверхъ многихъ изданій, опубликованныхъ имъ за границею, покойный напечаталъ: Руководство къ магнетотерапіи гр. Шапари, перев. (Спб., 1860 г.), Опытныя изслѣдованія о спиритуализмѣ, проф. Гера, перев. (1866 г.), Спиритизмъ и наука (1871 г., XVI+176 стр.), Медіумизмъ и философія (Русскій Вѣстникъ, 1876 г., кн. 1), Разоблаченія, исторія медіумической комиссіи физическаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ (Спб., 1883 г., XXXII+278 стр.), Индивидуализмъ въ свѣтѣ биологіи и современной философіи (Спб., 1884 г.), Позитивизмъ въ области спиритуализма (Спб., 1884 г.), Человѣкъ, его сущность и назначеніе съ точки зрѣнія индивидуализма, Гелленбаха, перев. (Спб., 1885 г.), Ани-

низмъ и спиритизмъ, критическое изслѣдованіе медиумическихъ явленій (Спб., 1893 г., двѣ части), Предвѣстники спиритизма за послѣднія 250 лѣтъ (Спб., 1895 г.) и Философія мистики, Дю-Преля, перев. (Спб., 1895 г.). Наконецъ А. Н. Аксаковымъ съ 1874 года издавался въ Лейпцигѣ журналъ *Psychische Studien*, посвященный изслѣдованію разнообразныхъ явленій психической жизни. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1903 г., № 8).

† **де-Бурдейль-де-Монтрезоръ, В. В.** 22-го декабря скончался въ Кіевѣ почетный членъ Кіевского общества естествоиспытателей Владиславъ Владиславовичъ де-Бурдейль-де-Монтрезоръ. В. В. родился 9-го апрѣля 1834 г. въ родовомъ имѣніи м. Козинѣ, Каневского уѣзда, Кіевской губерніи. Первоначальное образованіе получилъ въ домѣ родителей, а затѣмъ въ Кіевской 1-й гимназіи. По окончаніи гимназіи поступилъ въ университетъ св. Владимира на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета, который окончилъ въ 1856 г. со степенью кандидата. Уже въ ранней юности В. В. обнаружилъ любовь къ природѣ и занятіямъ естествознаніемъ. Въ университетѣ онъ главнымъ образомъ занимался ботаникой подъ руководствомъ такого выдающагося ученаго, какъ занимавшій тогда кафедру ботаники въ университетѣ профессоръ Траутфеттеръ. Занимаясь ботаникой, В. В. собралъ гербарій сначала въ окрестностяхъ м. Козина и Кіева, а впослѣдствіи въ другихъ мѣстностяхъ Юго-Западнаго края. Ботаническія экскурсіи онъ продолжалъ и по окончаніи университета, съ рѣдкой любовью и настойчивостью, пополняя свои гербаріи въ теченіе болѣе сорока лѣтъ различными растениями. Въ ученомъ мірѣ имя В. В. пользовалось почетной извѣстностью, какъ весьма свѣдущаго и опытнаго систематика. Къ его совѣтамъ и указаніямъ нерѣдко прибѣгали не только русскіе, но и иностранные ученые для опредѣленія того или иного вида и рода болѣе рѣдкаго растения. О результатахъ своихъ ботаническихъ экскурсій В. В. де-Монтрезоръ докладывалъ въ Кіевскомъ обществѣ естествоиспытателей. Въ «Запискахъ Кіевского общества естествоиспытателей» напечатанъ цѣлый рядъ его монографій подъ общимъ заглавіемъ «Флора губерніи Кіевского учебнаго округа», которыя впослѣдствіи изданы были въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ. Общество естествоиспытателей высоко цѣнило ученые заслуги В. В. и почтило его избраніемъ въ свои почетные члены. Собранный имъ обширный и весьма цѣнный гербарій—результатъ сорокалѣтнихъ ботаническихъ экскурсій—онъ принесъ въ даръ университету св. Владимира. Имъ подарено также ботаническому кабинету университета весьма цѣнное собраніе портретовъ и старинныхъ гравюръ ботаниковъ, которые собраны были имъ во время неоднократныхъ поѣздокъ въ Западную Европу. Покойный В. В. состоялъ также членомъ Московскаго общества любителей естествознанія и другихъ ученыхъ обществъ русскихъ и иностранныхъ. (Некрологъ его: «Кіевлянинъ», 1902 г., № 359).

† **Бѣлозеровъ, А. А.** 14-го января скоропостижно скончался на 67-мъ году жизни горный инженеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Александръ Алексѣевичъ Бѣлозеровъ.

А. А. первоначальное образованіе получилъ въ с.-петербургскомъ горномъ корпусѣ, откуда былъ выпущенъ въ чинѣ поручика. Всю свою дальнѣйшую дѣя-

твльность А. А. посвятилъ исключительно дѣлу добычи золота. Занимая продолжительное время должность окружнаго инженера Забайкальскаго горнаго округа, покойный много содѣйствовалъ развитію золотопромышленности въ Забайкальѣ. Возвратившись въ Петербургъ, А. А. занялся составленіемъ для горнаго департамента указателя золотопромышленной литературы. Этотъ трудъ является единственнымъ въ горной литературѣ. О золотой промышленности А. А. писалъ очень много, издавая свои труды отдѣльными брошюрами или печатая ихъ въ «Горномъ Журналѣ», на страницахъ котораго его имя встрѣчалось до самаго послѣдняго времени. (Некрологъ его: «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г. № 27).

† **Воленсъ, В. П.** 14-го января скончался педагогъ и публицистъ Василій Петровичъ Воленсъ. В. П. — сибирякъ извѣстнѣйшихъ педагоговъ семидесятыхъ годовъ: Ушинскаго, Паульсона, Водовозова, Рѣдкина и др. Академикъ Золотаревъ, профессоръ Баталинъ начали свое образованіе подъ руководствомъ покойнаго. В. П. Воленсъ родился въ 1836 году, въ г. Юрьевѣ, въ имѣніи своего отца. Получивъ образованіе въ 5-й с.-петербургской гимназій и въ с.-петербургскомъ университетѣ, въ 1861 году В. П. былъ утвержденъ преподавателемъ математики и космографіи при с.-петербургской 3-й гимназій. Черезъ 2 года онъ выступилъ съ своимъ первымъ научнымъ трудомъ, издавъ «Руководство къ ариметикѣ», которымъ позднѣе воспользовались многіе авторы теорій по ариметикѣ. Далѣе въ печати появляются его «Сборникъ задачъ», «Начальныя основанія астрономической географіи и очерки физической географіи». Для народныхъ училищъ покойный издалъ задачникъ, послужившій руководствомъ почти для всей Россіи. Съ его именемъ появляются «Элементарная географія», «Методъ элементарнаго преподаванія ариметики въ народныхъ школахъ», «Алгебра» и «Геометрія» и много другихъ работъ по математикѣ. Среди такихъ трудовъ, посвященныхъ большею частью народной и низшимъ школамъ, покойный находилъ время участвовать и въ періодической печати. «Голосъ» считалъ его въ теченіе десяти лѣтъ своимъ постояннымъ сотрудникомъ. Прекратилось изданіе «Голоса», и В. П. выступилъ въ качествѣ редактора журнала «На помощь матерямъ». Встрѣчалось имя покойнаго и въ трудахъ «Географическаго общества», «Техническаго общества», «Комитета грамотности» и многихъ другихъ ученыхъ обществъ. Еще въ самомъ началѣ своей дѣятельности, въ шестидесятыхъ годахъ, В. П. Воленсъ былъ приглашенъ къ участию въ трудахъ по реформѣ духовныхъ учебныхъ заведеній. Послѣднія двадцать лѣтъ до самаго дня кончины покойный находился на службѣ у города, въ качествѣ эксперта по учебной части, въ комиссіи по народному образованію. (Некрологи его: «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 27; «Новое Время», 1903 г., № 9651).

† **Гулевичъ, В. В.** 22-го декабря въ психіатрической больницѣ на Удѣльной скончался общественный дѣятель Смоленской губерніи и бывший редакторъ «Смоленскаго Вѣстника» В. В. Гулевичъ. В. В. родился въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія и происходилъ изъ дворянъ Юхновскаго уѣзда, Смоленской губерніи. Образованіе В. В. получилъ въ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи курса въ которомъ служилъ въ военной службѣ, по кавалеріи, но въ 1857 году вышелъ въ отставку съ чномъ поручика. Съ 1861 года и до 1901 года почти вся дѣятельность покойнаго была посвящена службѣ въ учре-

жденіяхъ, созданныхъ эпохою великихъ реформъ. Въ 1861 году онъ былъ мировымъ посредникомъ такъ называемаго перваго призыва, затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ трехлѣтій избираемъ былъ почетнымъ мировымъ судьей, былъ предсѣдателемъ уѣзднаго мирового съѣзда, уѣзднымъ и губернскимъ гласнымъ, предсѣдателемъ Юхновской уѣздной земской управы, членомъ уѣзднаго училищнаго совѣта, членомъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, а затѣмъ нѣсколько времени (около двухъ лѣтъ) служилъ непремѣннымъ членомъ губернскаго присутствія. Съ конца восьмидесятыхъ годовъ до 1901 года, съ небольшими перерывами, состоялъ отвѣтственнымъ редакторомъ «Смоленскаго Вѣстника». (Некрологъ его: «Смоленскій Вѣстникъ», 1902 г., № 287).

† **Дабига, В. Д.** 20-го декабря скончался въ имѣніи своемъ Романовщина Черниговской губерніи тайный совѣтникъ князь Василій Дмитріевичъ Дабига. Князья Дабиги происходятъ отъ боснійской царской династіи Катроманичей, одинъ изъ представителей которой носилъ прозвище «Дабига», соответствующее нашему слову лѣвша. Родъ Дабига переселился въ Россію и принялъ русское подданство въ началѣ прошлаго вѣка. Покойный Василій Дмитріевичъ началъ службу по министерству народнаго просвѣщенія въ вѣдомствѣ Кіевского учебнаго округа. Послѣдовательно занимая различныя должности, онъ закончилъ свою службу въ этомъ министерствѣ должностію помощника попечителя въ Одесѣ. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ вѣдомствѣ императрицы Маріи въ должностію помощника управляющаго этимъ вѣдомствомъ, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ. Съ 40-хъ еще годовъ князь Дабига сталъ заниматься учено-литературными трудами, имѣющими отношеніе къ исторіи литературы, этнографіи и пр. Въ 50-хъ годахъ вмѣстѣ съ этнографомъ Метлинскимъ имъ составлена этнографическая часть «Программы для описанія губерній Кіевского учебнаго округа». Его живо занимало славяновѣдѣніе, и онъ прикнулъ къ кіевскому славянофильскому кружку, членами котораго были профессора Чижовъ, Ригельманъ, Галаганъ и др. Въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ князь Дабига помѣстилъ рядъ работъ въ «Русской Старинѣ» Семева-скаго. Обширѣйшими изъ нихъ были: біографія извѣстнаго ученаго, ректора Новороссійскаго университета Мурзакевича, «Константинополь и Савъ-Стефано», — замѣтки по личнымъ впечатлѣніямъ о дняхъ, послѣдовавшихъ тотчасъ за заключеніемъ мира, «Сношенія Бернардень-де-Сень-Пьера съ Россіей» и другія. Князь В. Д. Дабига скончался въ преклонныхъ лѣтахъ, до послѣднихъ дней жизни не переставъ живо интересоваться вопросами науки, литературы, страстно имъ любимой, и общественной жизни. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9629).

† **Егорновъ, А. С.** 27-го декабря на пятницѣ акварелистовъ около 2-хъ часовъ ночи скончался отъ разрыва сердца Александръ Семеновичъ Егорновъ, извѣстный художникъ-акварелистъ. А. С. родился въ Москвѣ и начальное образованіе свое получилъ въ училищѣ Петра и Павла; съ дѣтства онъ имѣлъ большое влеченіе къ искусству и по окончаніи петропавловскаго училища поступилъ въ академію художествъ; онъ получилъ послѣдовательно двѣ малыя и двѣ большія серебряныя медали, малую золотую за программу «Водяная мельница» и большую золотую за программу «Дубы». А. С. много выставялъ

на академических выставках; съ организаціей же общества акварелистовъ и С.-Петербургскаго общества художниковъ А. С. исключительно экспонировалъ на выставкахъ этихъ обществъ.

Въ средѣ художниковъ А. С. пользовался большой популярностью, — это былъ отзывчивый къ чужому горю человекъ, добрый и глубоко симпатичный. (Некрологъ его: «Биржевыя Вѣдомости», 1902 г., № 374).

† **Егоровъ, Н. Г.** Въ ночь на 25-е декабря умеръ въ Москвѣ на 63-мъ году цензоръ московскаго комитета Николай Георгіевичъ Егоровъ. Окончивъ курсъ Московскаго университета, поступилъ въ сенатъ, а затѣмъ перешелъ въ управление московскаго генераль-губернатора, а съ 1865 г. началась его служба въ цензурѣ.

Отличный знатокъ новыхъ иностранныхъ языковъ и литературъ, Н. Г. въ теченіе 8-ми лѣтъ занималъ мѣсто московскаго иностраннаго цензора, а съ 1880 года полуилъ назначеніе на должность цензора московскаго комитета по внутренней цензурѣ.

Свой досугъ и свои небольшія сбереженія покойный обращалъ на приобрѣтеніе старинныхъ гравюръ, художественныхъ изданій и цѣнныхъ въ различныхъ отношеніяхъ книгъ. При его умѣнии цѣлесообразно пользоваться средствами для этихъ приобрѣтеній, онъ въ теченіе сорока лѣтъ составилъ рѣдкую въ Россіи коллекцію старинныхъ гравюръ и разныхъ цѣнныхъ изданій. (Некрологи его: «Русское Слово», 1902 г., № 356; «Московскія Вѣдомости», 1902 г., № 356).

† **Лавдовскій, М. Д.** Въ ночь на 21-е декабря скончался ординарный профессоръ императорской военно-медицинской академіи, докторъ медицины, статскій совѣтникъ Михаилъ Доримедонтовичъ Лавдовскій. Покойный былъ сынъ врача, родился 29-го декабря 1846 года, по окончаніи курса наукъ въ императорской медико-хирургической (нынѣ военно-медицинская) академіи со степенью лѣкаря, въ 1871 году, по конкурсу былъ оставленъ на три года при академіи для дальнѣйшаго научнаго усовершенствованія съ прикомандированіемъ къ клиническому военному госпиталю. По прошествіи этихъ трехъ лѣтъ М. Д. по конкурсу былъ избранъ къ командированію съ научною цѣлью за границу. Въ командировкѣ этой онъ пробылъ до 26-го мая 1877 года. По возвращеніи изъ-за границы М. Д. былъ оставленъ въ прикомандированіи къ академіи для продолженія своихъ научныхъ занятій. Въ 1884 году покойный былъ назначенъ врачомъ для командировокъ VI разряда для потребностей академіи. Въ 1878 году, по прочтеніи двухъ пробныхъ лекцій въ конференціи академіи, онъ былъ удостоенъ званія приватъ-доцента по кафедрѣ гистологіи съ эмбриологією и съ этого времени до самой смерти непрерывно читалъ въ академіи лекціи по своей специальности. Профессорскую кафедру покойный получилъ въ 1895 году съ званіемъ экстраординарнаго профессора, въ 1896 году, по выслугѣ 25-ти лѣтъ по учебной части, былъ оставленъ на дальнѣйшей службѣ въ академіи еще на пять лѣтъ до 6-го іюля 1901 года, но срокъ этотъ въ 1901 году разрѣшено было продолжить до 6-го января 1904 года. Въ 1898 году М. Д. былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ. Покойный читалъ одно время лекціи также и на бывшихъ женскихъ врачебныхъ куръ-

сахъ. Получивъ кафедру гистологін съ эмбриологією въ военно-медицинской академіи, М. Д. постарался обставить свои лекціи какъ можно практичнѣе, предлагая слушателямъ для обзора микроскопическіе препараты по возможности немедленно и въ достаточномъ числѣ и устраивая, кромѣ того, ежедневныя упражненія для студентовъ. Серьезныя научныя изслѣдованія покойнаго (нѣкоторыя были написаны на нѣмецкомъ языкѣ) сдѣлали имя его извѣстнымъ не только въ русскомъ ученномъ медицинскомъ мірѣ, но и за границею. (Некрологъ его: «Правительственный Вѣстникъ», 1902 г., № 278).

† **Лемоніусъ, В. Х.** 13-го января скончался членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія Вильгельмъ Христіановичъ Лемоніусъ. В. Х. родился въ Петербургѣ 21-го августа 1817 г., образованіе получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Въ 1844 г. былъ назначенъ старшимъ учителемъ латинскаго языка въ с.-петербургскую 3-ю гимназію, и съ тѣхъ поръ онъ не разставался съ нею до 1897 г. Въ 1871 г. В. Х. былъ назначенъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, и съ этого времени его участіе въ разработкѣ гимназическихъ программъ и уставовъ сдѣлалось съ своимъ родѣ авторитетнымъ, и на него было возложено между прочимъ предсѣдательство въ комиссіи по составленію новыхъ учебныхъ плановъ по латинскому и греческому языкамъ. Ему же поручался министерствомъ въ теченіе многихъ лѣтъ разборъ ученическихъ работъ по древнимъ языкамъ. Нельзя не указать также на весьма благотворную дѣятельность покойнаго въ области женскаго образованія. Еще въ 60-хъ годахъ В. Х. былъ приглашенъ участвовать въ комиссіи по провѣркѣ системы обученія въ петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ, въ 1871 г. былъ командированъ въ Берлинъ для ознакомленія тамъ съ институтомъ учительницъ и воспитательницъ, въ 1877 г. участвовалъ въ комиссіи по разработкѣ вопроса объ учрежденіи у насъ высшихъ женскихъ курсовъ и въ 80-хъ и 90-хъ годахъ въ комиссіи кн. М. С. Волконскаго по реформѣ женскаго средняго образованія. Перу покойнаго принадлежатъ нѣсколько педагогическихъ статей, напечатанныхъ въ журналѣ «Учитель», и множество рецензій учебныхъ книгъ по древнимъ языкамъ, напечатанныхъ въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія». Членомъ совѣта министра В. Х. состоялъ съ 1897 г. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9649).

† **Лиліенфельдъ-Тоаль, фонъ, П. Ф.** 11-го января скончался на 74-мъ году сенаторъ, тайный совѣтникъ Павелъ Федоровичъ фонъ-Лиліенфельдъ-Тоаль. Имя покойнаго пользовалось извѣстностью, какъ виднаго общественнаго дѣятеля и автора многихъ цѣнныхъ трудовъ по социологіи. Въ своихъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ главнымъ является «Мысли о социальной наукѣ будущаго» (изданное въ 1872 г.), П. Ф. устанавливаетъ полную аналогію между социальнымъ организмомъ и высшимъ организмомъ въ природѣ. Этотъ трудъ появился также на нѣмецкомъ языкѣ. Изъ другихъ его работъ по социологіи и политической экономіи назовемъ «Основныя начала политической экономіи» (изданіе 1860 г. подъ псевдонимомъ Лиліева), «Социальные законы», «La pathologie sociale» (напечатана въ «Revue internationale de sociologie») и др. П. Ф. происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Лифляндской губ., родился въ 1829 г. Образованіе получилъ въ императорскомъ Алексан-

дровскомъ лицѣ, въ которомъ окончилъ курсъ съ первою золотою медалью. Службу началъ въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ 1853 г. былъ назначенъ правителемъ канцеляріи эстляндскаго гражданскаго губернатора. Во время Крымской войны былъ прикомандированъ къ командовавшему войсками въ Финляндіи генераль-адъютанту графу Ф. Ф. Бергу и принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ соединеннаго англо-французскаго флота. На его долю выпало между прочимъ исполненіе разнообразныхъ порученій подъ непріятельскимъ огнемъ во время бомбардированія Свеаборга, за что онъ получилъ орденъ св. Станислава 3-й степени съ мечами. Когда графъ Бергъ былъ назначенъ финляндскимъ генераль-губернаторомъ, онъ предложилъ покойному быть при немъ чиновникомъ особыхъ порученій. Въ это время П. Ф. дѣятельно занялся работами по социологіи и выпустилъ свой первый крупный трудъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ назначенъ мировымъ посредникомъ Петергофскаго уѣзда. Ему пришлось принять видное и дѣятельное участіе въ проведеніи въ жизнь реформы освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и въ устройствѣ крестьянскаго управленія. Убѣжденный и горячій сторонникъ широкаго распространенія народнаго образованія, онъ устроилъ въ 1862 году въ принадлежащемъ ему селѣ Губаницахъ первую волостную школу, подарилъ ей домъ и участокъ земли. При введеніи въ Петергофскомъ уѣздѣ земскихъ учреждений былъ избранъ предсѣдателемъ мѣстной земской управы, почетнымъ мировымъ судьей и предсѣдателемъ мѣстнаго мирового съѣзда. Въ 1867 г. былъ назначенъ петербургскимъ вице-губернаторомъ, а въ слѣдующемъ году курляндскимъ губернаторомъ. Управляя губерніей, онъ обращалъ особенное вниманіе на развитіе народнаго образованія и улучшеніе быта крестьянскаго населенія. При немъ между прочимъ учреждены въ Курляндской губерніи 10 мореходныхъ классовъ. Въ качествѣ свѣдущаго лица П. Ф. неоднократно привлекался къ участію въ работахъ министерства внутреннихъ дѣлъ: былъ членомъ комиссіи по примѣненію городского положенія 1870 г. къ городамъ Прибалтійскихъ губерній и др. Кромѣ того, участвовалъ въ комиссіи по составленію новаго положенія о личной войскаго повинности. Въ это время подъ его руководствомъ былъ составленъ и изданъ «Сборникъ всѣхъ узаконеній и распоряженій, касающихся всѣхъ частей крестьянскаго управленія». Въ 1885 г. покойный былъ назначенъ сенаторомъ, присутствующимъ въ 4-мъ департаментѣ правительствующаго сената. Затѣмъ присутствовалъ во 2-мъ департаментѣ и въ послѣднее время— въ первомъ общемъ собраніи двухъ первыхъ департаментовъ и департамента герольдіи. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9348).

† **Мейснеръ, Ф. Я.** Въ Рязанской губерніи въ своемъ имѣніи 2-го января скончался на 88 году жизни Федоръ Яковлевичъ Мейснеръ, извѣстный земскій дѣятель въ Новгородской губерніи въ періодъ времени шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Онъ долгое время былъ предсѣдателемъ боровичской земской управы и уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Чуждый партійности и мелкихъ интересовъ, покойный посвятилъ всю свою общественную дѣятельность нуждамъ своего, горячо любимаго имъ уѣзда. Ф. Я. родился въ поэтической семьѣ. Онъ родной братъ извѣстнаго въ свое время поэта-переводчика А. Я.



Мейснера и отецъ современнаго поэта. Въ теченіе своей долгой жизни покойный и самъ немало написалъ небольшихъ поэтическихъ произведеній, но всегда боялся печати. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9642).

† **Мининъ, М. П.** Въ Царскомъ Селѣ отъ плеврогита скончался на-дняхъ тайный совѣтникъ Модестъ Павловичъ Мининъ, генераль-контролеръ департамента желѣзнодорожной отчетности. Покойный происходилъ изъ дворянъ Черниговской губерніи и по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ кандидатомъ правъ началъ службу секретаремъ орловской контрольной палаты. Позднѣе былъ старшимъ ревизоромъ витебской палаты. Послѣ русско-турецкой войны М. П. участвовалъ въ качествѣ члена комиссіи для провѣрки расходовъ пресловутой еврейской компаніи Когана, Грегера и Горвица. Труды комиссіи раздутые счета на цифру 60.000.000 милліоновъ были сведены къ 11.000.000. Въ 1881 году былъ назначенъ управляющимъ варшавской контрольной палаты, въ 1893 году перемѣщенъ въ Московскую контрольную палату, въ 1899 году назначенъ на постъ генераль-контролера департамента желѣзнодорожной отчетности и состоялъ председателемъ комиссіи по провѣркѣ отчетности частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Умеръ 57-ми лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9632).

† **Мирбахъ, Р. А., баронъ.** 11-го декабря, скончался вице-адмиралъ баронъ Рошанъ Андреевичъ Мирбахъ, состоявшій на государственной службѣ въ офицерскихъ чинахъ 60 лѣтъ. Родился въ 1825 году въ Ямбургѣ. Будучи гардемаринномъ, обучался морскимъ наукамъ совмѣстно съ великимъ княземъ генераль-адмираломъ Константиномъ Николаевичемъ и въ мичманы выпущенъ изъ корпуса ровно 17-ти лѣтъ. Въ 1847 году Р. А. поступилъ въ Морской корпусъ воспитателемъ и преподавателемъ математическихъ наукъ. При этихъ занятіяхъ онъ пробылъ болѣе 10 лѣтъ и затѣмъ былъ назначенъ въ плаваніе по Средиземному морю съ выпускными гардемаринами на кораблѣ «Ретвизанъ». Плаваніе это описано Д. В. Григоровичемъ. Занимаясь съ гардемаринами астрономіею и другими морскими спеціальными науками, онъ по порученію генераль-адмирала обучалъ тѣмъ же предметамъ и сына его, Николая Константиновича. Возвратившись въ Кронштадтъ, баронъ Мирбахъ былъ назначенъ воспитателемъ великаго князя и въ этой должности нѣсколько лѣтъ подъ рядъ плавалъ на яхтахъ съ великими князьями Алексѣемъ Александровичемъ и Николаемъ Константиновичемъ. Въ 1878 году Р. А. произведенъ въ контръ-адмиралы, а черезъ 9 лѣтъ въ вице-адмиралы. (Некрологъ его: «Котлинь», 1902 г., № 281).

† **Модрахъ, К. А.** 11-го января, скончался членъ конференціи Николаевской инженерной академіи и училища генераль-майоръ Карлъ Андреевичъ Модрахъ. К. А. родился въ 1840 году, образованіе получилъ въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ, и самъ посвятилъ всю свою жизнь и дѣятельность этому же учебному заведенію. Онъ состоялъ помощникомъ инспектора въ Николаевской инженерной академіи и училищѣ, и въ этой должности былъ безсмѣннымъ дѣлопроизводителемъ конференціи академіи въ теченіе того же ряда лѣтъ, и его журналы овсемъ происходившемъ на этихъ педагогическихъ совѣщаніяхъ, о выпускахъ, о переводахъ изъ класса въ классъ, объ испытаніи дер-

жавшихъ пробныя лекціи преподавателей и многомъ, касавшемся реформъ училища и академіи,—все это прошло черезъ его руки и было замечательно превосходной, строго точной и своевременной передачей въ такихъ журналахъ. Особенную благодарность заслуживалъ покойный два раза въ годъ рѣшеніемъ такъ называемаго уравненія съ тридцатью шестью неизвѣстными, именно составленіемъ расписанія экзаменовъ осенью и весною каждаго года. Любезный и внимательный къ каждому преподавателю, онъ производилъ въ эти дни по истинѣ гигантскій трудъ соглашенія почти несогласимаго. Преподаватели, профессора и ассистенты, имѣющіе занятія во многихъ военныхъ и гражданскихъ школахъ, гдѣ экзамены бывають одновременно, можно сказать, широко пользовались всегдашнею готовностью Карла Андреевича помочь имъ по возможности во всѣхъ затрудненіяхъ, возникавшихъ изъ совпаденія дней экзаменовъ для одного и того же преподавателя въ разныхъ училищахъ. Кромѣ того, надо было при этомъ строго стоять за интересы самихъ экзаменующихся, стараясь выгородить имъ столько дней на приготовленіе, какъ они сами того хотѣли. Независимо отъ инспекторскихъ занятій, отнимавшихъ у него все утро, а въ дни засѣданій конференцій еще и вечеръ, онъ былъ правой рукой, незамѣнимымъ помощникомъ и корректоромъ у А. А. Савурскаго по изданію «Инженернаго Журнала». Почти вся черная работа, всѣ хлопоты съ чертежниками, съ авторами, имѣющими такіе невозможные почерки, все это опять улаживалъ, устранивалъ, и обрабатывалъ покойный, не затрогивая ничего самолюбія и не жертвуя ничьимъ трудомъ, кромѣ, конечно, своего. К. А. оставилъ послѣ себя очень хорошій памятникъ въ видѣ русско-нѣмецкаго словаря техническихъ и военныхъ словъ, попадающихся въ современныхъ техническихъ научныхъ и военно-морскихъ сочиненіяхъ. Словарь изданъ имъ при сотрудничествѣ нынѣ покойнаго П. И. Миллера, подготовлявшаго ему по званію бібліотекаря надлежащіе матеріалы. Кромѣ того, покойный былъ любимымъ преподавателемъ тактики и фортификаціи въ гардемаринскихъ классахъ морского корпуса. Въ свое время былъ онъ также очень цѣннымъ преподавателемъ фортификаціи у великаго князя Сергія Михайловича. Наконецъ, какъ инженеръ, онъ подъ конецъ своей жизни лѣтъ пять назадъ предложилъ отличную крышу изъ деревянной черепицы, получившей на многихъ выставкахъ одобреніе специалистовъ, какъ за свою рациональную практичность, такъ и за архитектурную красоту. Въ общемъ можно сказать, что въ его жизни всѣ часы были часами производительнаго, разумнаго и талантливаго труда. («Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9649).

† **Протодіаконовъ, Александръ.** 28-го ноября, въ Хабаровскѣ скончался миссіонеръ, протоіерей Александръ Протодіаконовъ. Покойный родился въ 1837 году и образованіе получилъ въ якутскомъ уѣздномъ училищѣ, въ 1864 году посвященъ въ діаконы, въ томъ же году о. Протодіаконовъ былъ рукоположенъ во священники и назначенъ миссіонеромъ гольдскаго народа по низовьямъ рѣки Амура, и въ этой должности пробылъ два года. Просвѣщая амурскихъ дикарей истинами Христовой вѣры, покойный о. А. нашелъ необходимымъ, прежде всего, изучитъ языкъ врученныхъ его пастырскому попеченію амурскихъ дикарей, при чемъ о. А. не ограничился однимъ умѣнемъ гово-

рить съ гольдами на ихъ родномъ языкѣ, но и приступилъ къ составленію гольдскаго словаря и грамматики гольдскаго языка; этотъ трудъ, будучи изданъ, обратилъ на себя вниманіе ученаго міра, и скромный амурскій миссіонеръ удостоился отъ императорскаго русскаго географическаго общества серебряной медали. (Некрологъ его: «Пріамурскія Вѣдомости», 1902 г., № 466).

† **Пыльневъ, А. А.** 10 января скончался одинъ изъ выдающихся преподавателей русскаго языка, Александръ Александровичъ Пыльневъ. А. А. преподавалъ въ Пажескомъ корпусѣ, въ Павловскомъ военномъ училищѣ и въ послѣдніе годы состоялъ штатнымъ преподавателемъ Александровскаго кадетскаго корпуса. По предмету своей специальности А. А. составилъ нѣсколько руководствъ и принималъ самое дѣятельное участіе въ трудахъ преподавателей, составляющихъ секцію учебно-воспитательнаго комитета педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній (въ Солянѣ городкѣ). Преданность А. А. дѣлу преподаванія побудила его отказаться отъ обязанности помощника инспектора классовъ Александровскаго кадетскаго корпуса, каковую должность онъ несъ въ теченіе года. Выдающимся трудомъ покойнаго на службѣ въ главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній была книга: «Практическія занятія кадетовъ и юнкеровъ». (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9649).

† **Созоновъ, Н. Ѳ.** 22 декабря скончался артистъ императорскихъ театровъ Николай Ѳеодоровичъ Созоновъ. Н. Ѳ. родился 20-го апрѣля 1843 года, воспитывался въ частномъ пансіонѣ Лукьянова. Семья его не отличалась богатствомъ, и съ юныхъ лѣтъ Н. Ѳ. былъ вынужденъ заботиться не только о самомъ себѣ, но и о своей семьѣ, находившейся на его попеченіи. Юношей онъ сталъ готовиться въ инженеры путей сообщенія. Чтобы добыть средствъ, поступилъ на желѣзнодорожную службу. Единственнымъ развлеченіемъ для него являлся театръ. Вскорѣ онъ настолько увлекся сценическимъ искусствомъ, что рѣшилъ сдѣлаться актеромъ и поступилъ въ театральное училище въ качествѣ приходящаго ученика. Учителемъ драматическаго искусства въ училищѣ былъ тогда В. П. Василько-Петровъ, замѣтившій въ своемъ новомъ ученикѣ большія способности. Въ нѣсахъ школьнаго театра стали даваться Созонову значительныя роли. Подготавливаясь къ сценической дѣятельности, Н. Ѳ. долженъ былъ заботиться о семьѣ и о заработкѣ. Онъ пользовался каждымъ каникулярнымъ временемъ, уѣзжалъ въ провинцію и игралъ на различныхъ сценахъ. Подъ псевдонимомъ Шувалова появился впервые на сценѣ владимирскаго театра, затѣмъ въ нижегородскомъ театрѣ. Изъ театральнаго училища былъ выпущенъ въ 1862 году и осенью дебютировалъ на сценѣ Алеландринскаго театра въ комедіи Дружинина «Не всякому слуху вѣрь». Дебютантъ понравился публикѣ и былъ принятъ въ драматическую группу императорскихъ театровъ. Его вступленіе въ труппу совпало съ кончиной А. П. Максимова, и онъ занялъ амплуа водевильныхъ любовниковъ, исполняя, кромѣ того, небольшія роли въ комедіяхъ. Театральная критика обратила вниманіе на покойнаго въ 1868 году, когда онъ выступилъ въ комедіи «Демократическій подвигъ». Съ тѣхъ поръ онъ сталъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ артистовъ императорской сцены. Его имя не сходило съ афиши цѣлыхъ сорокъ лѣтъ. Превосходный, вдумчивый работникъ, онъ постоянно работалъ и укрѣплялъ свой талантъ и несъ на себѣ

отвѣтственные роли въ комедіяхъ, драмахъ, опереткѣ, во всемъ томъ репертуарѣ, который смѣнялся въ теченіе этого продолжительнаго времени. Трудно было бы перечислить всѣ роли, которыя выпадали ему на долю. Можно даже сказать, что едва ли была такая пьеса, въ которой онъ не игралъ бы. Онъ не былъ тѣмъ талантомъ, который выливается въ опредѣленное амплуа. Вступивъ на сцену 19-ти лѣтъ, онъ прошелъ всѣ амплуа. Не все ему удавалось, но онъ никогда не испортилъ ни одной роли, а во многихъ являлся прямо отличнымъ артистомъ.

Началъ онъ съ водевиля, съ легкой переводной и оригинальной комедіи, затѣмъ въ эпоху оперетки распѣвалъ Париса съ Лядовой, обличалъ въ куплетахъ общественныя нравы вмѣстѣ съ Монаховымъ, былъ прекраснымъ бытовымъ любовникомъ въ пьесахъ Островскаго, Потѣхина и другихъ, резонеромъ и простакомъ. Въ его репертуарѣ попадаются Чацкій и Уриель Акоста на ряду съ Ренетилловымъ. И въ этой параллели заключается много типичнаго для его характеристики, какъ артиста. Это былъ comedien чистой воды съ огромнымъ разнообразіемъ. Рамки творчества расширяются, когда въ него входятъ такія роли, какъ Тартюфъ, Тарелкинъ, Маловъ, Чичиковъ, Дженгельменъ, Кудряевъ, Вѣлугинъ. Въ послѣдней роли онъ являлся, какъ превосходный артистъ, создавшій неуядаемый типъ русскаго человѣка въ его переходномъ состояніи отъ прежняго кушца къ новому. До самой послѣдней роли онъ сохранилъ почти юношескую гибкость и подвижность, молодо чувствовалъ на сценѣ и молодо передавалъ. Онъ былъ, кромѣ того, петербургскимъ актеромъ по преимуществу и говорилъ объ этомъ съ гордостью. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ создалъ, именно его словосправедливо вспомнить, онъ создалъ театръ С.-Петербургскаго попечительства о народной трезвости, въ Екатеринбургѣ, Полѣстровѣ, въ Таврическомъ саду, наконецъ въ домѣ императора Николая II. Этой дѣятельности онъ предался съ какою-то горячкою, съ пыломъ молодости, со страстью. Онъ прямо горѣлъ въ ней, не зная усталости и удивляя всѣхъ своей энергіей. (Некрологи его: «Новое Время», 1902 года, №№ 9629 и 9630; «Новости», 1902 года, № 353).

† Саловъ, И. А. 24-го декабря скончался въ Саратовѣ Пшля Александровичъ Саловъ. И. А. родился 6-го апрѣля 1835 года въ Пензѣ. Дѣтскіе годы протекли въ имѣніи отца, при селѣ Никольскомъ, Инсарскаго уѣзда, Пензенской губерніи. Въ глухомъ мѣстѣ хорошихъ учителей для мальчика трудно было найти, и для первоначальнаго обученія пришлось обратиться къ приходскому дьякону Ласточкину и позже къ учигелю краснослободскаго уѣзднаго училища. Позаботились родители и о томъ, чтобъ мальчикъ во всемъ не отставалъ отъ тогдашней моды, — зналъ бы и иностранныя языки. Для французскаго языка выписали мосье Пола, а для нѣмецкаго удовольствовались колонистомъ Саратовской губерніи Андреемъ Карловичемъ Трухмеллеромъ, который исправлялъ также должность дядьки. Такъ шло до 10 лѣтъ.

Десятилѣтняго мальчика отдали въ пензенскую гимназію. Здѣсь лучшее вліяніе и даже, кажется, роковое для будущаго писателя оказалъ учитель русскаго языка Егоръ Карловичъ Р—ъ. Часто вмѣсто программы уроковъ, онъ читалъ воспитанникамъ произведенія русскихъ писателей. Въ числѣ новѣй-

шихъ въ то время былъ Тургеневъ. Учитель самъ увлекался имъ и увлекалъ учениковъ. По всей вѣроятности, слѣды бесспорнаго влiявiя Тургенева на И. А. слѣдуетъ искать еще въ эти годы.

Съ пензенской гимназiей, однако, скоро пришлось проститься, не окончивъ курса. Причина была совсѣмъ исключительная. Въ имѣнiи Саловыхъ, въ с. Никольскомъ, случился пожаръ и уничтожилъ весь собранный хлѣбъ. Заложенное имѣнiе нечѣмъ было поддерживать и содержать, владѣльцы оказались въ конецъ разоренными, и с. Никольское пошло за долги. Мальчика, повидимому, тоже трудно было содержать. Мать, взявъ дѣтей, отправилась въ Петербургъ. Вскорѣ отсюда пришлось переѣхать въ Москву. Купили маленькое имѣнiице и кое-какъ зажили. Но нужда чувствовалась немалая; сыновьямъ, вмѣсто ученiя, для пополненiя семейныхъ ресурсовъ, довелось искать заработокъ, службу. Мѣсто для И. А. нашлось въ канцелярiи московскаго губернатора.

Денежныя дѣла пришли въ лучший видъ... Это дало возможность юному канцеляристу заняться собственнымъ развитiемъ и чаще отдаваться литературной работѣ, въ которой онъ тяготѣлъ, еще будучи пензенскимъ гимназистомъ. И. А. серьезно занялся литературой именно во время службы у московскаго губернатора и, можетъ быть, благодаря ей. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнiю, что жительство въ Москвѣ ускорило начало его писательской карьеры. Здѣсь онъ вошелъ въ театральнiй кружокъ, увлекся театромъ, началъ мечтать о написанiи пьесы и познакомился съ людьми интересными и полезными. Но оригинальная пьеса собственнаго творчества появилась потомъ, а пока И. А. выступаетъ въ качествѣ переводчика двухъ французскихъ мелодрамъ — «Нищая» и «Слѣпой». Обѣ вещи переведены совмѣстно съ влiятельнымъ членомъ театральнаго кружка Родиславскимъ. «Нищая» шла на императорской сценѣ въ 1854 году, а вторую мелодраму выbralъ для своего бенефиса знаменитый Самаринъ, въ 1860 году.

Тамъ же въ Москвѣ И. А. познакомился съ Катковымъ, который въ ту пору держался еще прогрессивныхъ кружковъ. Узнавъ, что молодой человекъ причастенъ къ литературѣ, редакторъ-издатель «Русскаго Вѣстника» предложилъ ему содѣйствiе и, конечно, этимъ очень обрадовалъ начинающаго литератора. И. А. немедленно принесъ Каткову два разсказа — «Путиловскаго регента» и «Забытую усадьбу». Разсказы получили одобренiе, помѣщены въ журналѣ, и литературная карьера началась.

Первый шагъ, говорятъ, важень, а И. А. онъ вполнѣ удался. Разсказы молодого писателя понравились; одобренiе высказано и въ печати. И онъ уже не испытывалъ боязни новичка, когда въ слѣдующiй разъ пришлось переступить порогъ редакцiоннаго помѣщенiя другого популярнаго журнала — «Современника». Здѣсь напечатанъ «Лѣсникъ», а черезъ нѣкоторое время въ «Отечественныхъ Запискахъ» появился разсказъ «Мертвое тѣло».

Здѣсь затѣмъ И. А. печаталъ свои повѣсти, создавшiя ему извѣстность: «Мельница купца Чесалкина», «Грызуны», «Аспидъ», «Ольшанскiй баринъ». Живя почти безвыѣздно въ своемъ родовомъ имѣнiи въ Балашовскомъ уѣздѣ, И. А. всѣ сюжеты своихъ произведенiй бралъ изъ мѣстной жизни. Многiя про-

изведенія И. А. представляют собою записки охотника. Художественныя описанія природы чередуются съ наблюденіями писателя, хорошо знавшаго деревню, ея дореформенный бытъ и современное положеніе. Болѣе близкіе къ деревнѣ элементы — дворянство и торговый классъ, изъ послѣднихъ преимущественно кулаки — являются наиболѣе частыми типами въ произведеніяхъ писателя.

Одной изъ характерныхъ чертъ таланта И. А. была способность изображать темныя стороны жизни, мрачныя явленія деревенской обстановки такъ, что онѣ не производили тяжелаго, гнетущаго впечатлѣнія.

Начиная съ 80-хъ годовъ, И. А. сотрудничалъ въ «Саратовскомъ Листкѣ» и принималъ въ немъ близкое участіе, писалъ рассказы, фельетоны, театральныя рецензіи, а также нерѣдко отзывался на злобу дня. Длинный рядъ произведеній его, кромѣ указанныхъ изданій, появлялся, по закрытіи «Отечественныхъ Записокъ», въ «Русской Мысли», «Нови», «Сѣверномъ Вѣстникѣ» «Всемирной Иллюстраціи», «Нивѣ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Новомъ Времени», «Сѣверѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ» и проч.

Нѣкоторыя изъ произведеній И. А. имъ же самимъ передѣланы для сцены и пользуются большимъ успѣхомъ, таковы: «Стень матушка», «Стенной богатырь», «Дармоѣдка», «Самородокъ», «Мамзель» и другія.

(Некрологи его: «Саратовскій Листокъ», 1902 года, №№ 275 и 278; «Саратовскій Дневникъ», 1902 года, № 227).

† **Суходольскій, П. А.** 7-го января скончался послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни академикъ пейзажной живописи Петръ Александровичъ Суходольскій. Покойный родился въ 1836 году, учился въ академіи художествъ въ 60-хъ годахъ и получилъ за пейзажъ «Зимнее утро» серебряную, за три вида изъ окрестностей Петербурга — малую золотую и за пейзажъ «Деревня Желны» — большую золотую медали. Получивъ право на пенсіонерское содержаніе въ теченіе 6 лѣтъ, онъ провель три года въ поѣздкѣ по Россіи, а затѣмъ поступилъ на службу по мировымъ учрежденіямъ Калужской губерніи. Въ это время имъ написаны пейзажи «Болото» и «Весенній разливъ Оки». Послѣдняя картина доставила ему въ 1878 г. званіе академика пейзажной живописи. Въ 1880 г. П. А. поселился въ Петербургѣ и всецѣло посвятилъ свою дѣятельность художественному творчеству. Изъ его многочисленныхъ произведеній извѣстны «Кавалькада» (собственность академіи художествъ), «Осенній день», «Изъ жизни русскихъ охотниковъ», «Графъ Бисмаркъ на охотѣ въ Россіи», «Бой при деревнѣ Ташкысенъ и артиллерійскій бой противъ Арабъ-Конака и Шандорника», «Троицынъ день» и др. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9645).

† **Тыртовъ, С. П.** 10-го января русскій флотъ понесъ тяжелую утрату въ лицѣ скончавшагося въ этотъ день въ Севастополѣ, около 8 час. вечера, главнаго командира черноморскаго флота и портовъ, вице-адмирала Сергѣя Петровича Тыртова.

С. П. родился 19-го августа 1839 года, первоначальное воспитаніе получилъ въ Александровскомъ корпусѣ. Затѣмъ, по окончаніи Морского кадетскаго корпуса въ 1854 году, С. П. былъ произведенъ въ гардемарины. Черезъ два

года въ 1856 году С. П. получилъ чинъ мичмана и назначенъ въ 3-й флотскій экипажъ. По своимъ дарованіямъ С. П. быстро обратилъ на себя вниманіе во время службы въ 4-мъ, 5-мъ и 11-мъ флотскихъ экипажахъ, занимая должность старшаго офицера на разныхъ судахъ 1-го ранга, и въ 1872 г. былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, совершивъ къ этому времени нѣсколько плаваній.

Спустя годъ, С. П. получилъ въ командованіе клиперъ «Гайдамакъ». Четыре года онъ командовалъ фрегатомъ «Генераль-Адмиралъ», а съ 1886 г. по 1888 г. подъ его командою находилось броненосное судно «Чесма». Когда въ Бозѣ почивающій императоръ Александръ III предпринялъ въ 1888 году путешествіе по югу Россіи и находился на Черномъ морѣ, общее начальство надъ всѣми судами, слѣдовавшими за его императорскимъ величествомъ и составлявшими почетный эскортъ, было поручено контръ-адмиралу С. П. Тыртову, а въ Севастополѣ ему объявлено было высочайшее благоволеніе.

Въ 1891 году С. П. былъ назначенъ начальникомъ штаба флота и портовъ Чернаго и Каспійскаго морей и затѣмъ вскорѣ, состоя въ должности младшаго флагмана, командовалъ практической черноморской эскадрой. Во время этой службы онъ призванъ былъ для участія въ застѣвавшей въ С.-Петербургѣ комисіи по разработкѣ законоположеній о приморскихъ укрѣпленіяхъ.

Въ слѣдующемъ 1892 г. С. П. получилъ новое назначеніе—быть старшимъ флагманомъ черноморской флотской дивизіи и командовать практической эскадрой въ Черномъ морѣ; въ октябрѣ того же года, во время японско-китайской войны, С. П. былъ назначенъ начальникомъ нашей броненосной тихо-океанской эскадры, оставаясь въ этой должности до 1895 г., когда назначенъ былъ командиромъ практической эскадры Балтійскаго моря. Въ вице-адмиралы произведенъ въ 1894 г. Командиромъ черноморскаго флота состоялъ съ 1898 года.

Хотя С. П. пробылъ на послѣднемъ посту лишь четыре года, но за это короткое время онъ былъ дѣятельнымъ участникомъ текущаго роста нашего военнаго флота на Черномъ морѣ и въ некоторыхъ важныхъ начинаній въ нашемъ портовомъ и морскомъ дѣлѣ. Начавшееся обращеніе Севастополя въ главный военно-морской портъ на Черномъ морѣ получило при немъ значительное движеніе впередъ. Въ послѣдніе годы адмиралтейство въ Севастополѣ вполнѣ примѣнилось къ специальнымъ работамъ для военнаго флота, и при С. П. броненосная флотилія Чернаго моря увеличилась цѣнными приобрѣтеніями. Эти приобрѣтенія—крупнѣйшіе броненосцы—«Ростиславъ» и «Князь Потемкинъ Тавричскій», изъ которыхъ первый уже находится въ составѣ черноморской флотиліи, а второй черезъ полтора года вступитъ въ нее. При С. П. Севастополь выстроилъ и новый крупный военный крейсеръ для Чернаго моря «Очаковъ», спущенный съ верфи нынѣшней осенью въ высочайшемъ ихъ императорскихъ величествъ присутствіи. При покойномъ начаты работы по закладкѣ въ Николаевскомъ адмиралтействѣ новаго крейсера «Кагулъ»—одноименника стараго «Кагула» доблестнаго Нахимовскаго флота, участвовавшаго въ Синопскомъ сраженіи. (Некрологи его: «Новости», 1903 г., № 12; «Новое Время», 1903 г., № 9643; «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 19).

† **Шемаевъ, В. Р.** 11-го января скончался заслуженный артистъ императорскихъ театровъ Василій Романовичъ Шемаевъ, прослужившій на сценѣ образцоваго театра 49 лѣтъ. Юношей 16 лѣтъ В. Р. былъ выпущенъ изъ императорскаго театральнаго училища, и съ 1-го апрѣля 1854 г. былъ принятъ на казенную драматическую сцену. Красивый, изящный молодой артистъ сразу понравился публикѣ, и она его полюбила. На протяжении этого перваго періода его службы ему приходилось соперничать съ Брянскимъ, Мартыновымъ, Самойловымъ, Каратыгинымъ. Тѣ были талантами, соперничество съ которыми было невозможно, но упорный трудъ и вдумчивость дали свое мѣсто въ ряду второразрядныхъ работниковъ сцены. Покойный былъ замѣчательный товарищъ, всѣми любимый, все готовый сдѣлать, чтобы сопернику же его по сценѣ лучше жилось. Достаточно вспомнить его отношеніе къ Каратыгину, когда тотъ, нагулявшись въволю, пріѣзжалъ къ В. Р. «уснокоиться». Въ этотъ періодъ времени ему приходилось играть и въ Александринскомъ, и въ Мариинскомъ, и въ Маломъ, и даже въ Каменноостровскомъ театрахъ. Въ молодости онъ игралъ Молчалина въ «Горѣ отъ ума» и Осина въ «Ревизорѣ». Коронными ролями его были всегда роль Кулигина въ «Грозѣ» и роль Добротворскаго въ «Вѣдной невѣстѣ». Легкій репертуаръ водевилей, который господствовалъ одно время на нашей казенной сценѣ, нашелъ въ немъ своего исполнителя, и положительно нѣтъ, кажется, ни одного стариннаго водевиля, въ которомъ В. Р. не игралъ бы роли. Выслуживъ пенсію, В. Р. хотѣлъ уйти, но его не пустили. Въ своей вторичной службѣ онъ уже не занималъ особенно виднаго положенія на сценѣ. Его увлекло совершенно другое дѣло, которому онъ и посвятилъ всѣ свои силы. Дѣло это — дѣло самопомощи своей же братіи — артистамъ. Съ 1877 г. открылось общество вспоможенія нуждающихся сценическихъ дѣятелей, и В. Р. былъ со дня основанія его членомъ. Впоследствии общество это преобразовалось въ русское театральное, заданшеея гораздо болѣе широкими цѣлями, и на долю В. Р. выпала самая тяжелая финансовая часть дѣла, онъ былъ выбранъ казначеемъ, въ должности котораго и состоялъ вплоть до самой смерти. Въ благодарность за громадный безплатный трудъ, который несъ покойный, общее собраніе русскаго театральнаго общества въ 1886 г. избрало его почетнымъ членомъ общества. Кромѣ этой и сценической дѣятельности, покойный занимался и педагогіей. Съ 1-го сентября 1895 г. онъ былъ приглашенъ дирекціей императорскихъ театровъ на драматическіе курсы, гдѣ онъ и состоялъ до самой смерти преподавателемъ практики драматическаго искусства. Должность эта одна изъ самыхъ отвѣтственныхъ, ибо «практика» въ искусствѣ, въ сущности, все; многолѣтній опытъ В. Р. находилъ здѣсь себѣ достойное примѣненіе, и изъ рукъ В. Р. вышелъ не одинъ десятокъ молодежи, занявшей теперь хорошее положеніе на сценѣ. (Некрологъ его: «Виржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 21).



## ЗАБѢТКИ И ПОПРАВКИ.

## I.

## Къ воспоминаніямъ И. Н. Захарьина.

Въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» помѣщены любопытныя воспоминанія Ив. Н. Захарьина (Якунина) «Артистическая жизнь Москвы въ семидесятыхъ годахъ». Среди многихъ интересныхъ характеристикъ, имѣющихся въ этой статьѣ, одна— покойнаго М. А. Рѣшимова— требуетъ, однако, нѣкоторой поправки. Г. Захарьинъ называетъ его «артистомъ не крупной величины» и приравниваетъ къ тоже покойному Вильде, «умная бездарность» котораго, дѣйствительно, была язвою московскаго Малаго театра лѣтъ пятнадцать: сперва онъ былъ плохимъ любовникомъ, потомъ плохимъ резонеромъ. Относительно же Рѣшимова вѣрна только первая половина сравненія: любовникъ онъ, точно, былъ преплохой, но съ переходомъ на амплуа фатовъ (въ особенности, пожилыхъ), такъ сказать, нашелъ самого себя и сдѣлался однимъ изъ лучшихъ украшеній московской сцены. По изяществу манеръ, по умѣнію одухотворять довольно шаблонныя, обыкновенно, роли своего «отрицательнаго» амплуа, Рѣшимовъ не оставилъ по себѣ равныхъ преемниковъ. Лучшій изъ нихъ и извѣстнѣйшій, В. П. Далматовъ, при великолѣпномъ талантѣ и болѣе яркомъ темпераментѣ, всегда немножко пренебрегалъ фатовскимъ амплуа и рвался къ героическимъ ролямъ; М. М. Петипа, изящный и веселый, какъ Рѣшимовъ, не имѣетъ въ своемъ красивомъ дарованіи глубины и сатирической жилки, очень ярко сказавшейся въ рѣшимовскихъ типахъ. Мерить въ «Вѣдной Невѣстѣ» Островскаго умеръ съ Рѣшимовымъ. Поразительно игралъ онъ Кудряева въ «Нпщихъ духомъ», Жоржа Градищева въ «Злобѣ дня»: вообще, Потѣхину есть за что помянуть добромъ этого артиста. Изъ классическихъ ролей русскаго репертуара Рѣшимовъ (послѣ очень неудачнаго Чацкаго) создалъ Молчалина. Хлестакова онъ игралъ черезчуръ шикарно и, мѣстами, буффонилъ, хотя сцену лганья проводилъ увлекательно, такъ что, если Рѣшимову приходилось читать въ концертахъ и литературныхъ вечерахъ, то публика требовала отъ него «Хлестакова»... Къ сожалѣнію, призваніе свое, а вмѣстѣ съ тѣмъ, успѣхъ и любовь толпы Рѣшимовъ нашелъ слишкомъ поздно: чахотка погасила его жизнь—кажется, на 40-мъ году отъ рожденія—въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Настоящая фамилія Рѣшимова была Горожанкинъ; помнился, онъ былъ университетскаго образованія, по крайней мѣрѣ, такъ думала и говорила всезнающая объ артистахъ молодежь тогдашняго райка. Какъ обыкновенно бываетъ въ артистической средѣ, умный и образованный Рѣшимовъ, однако, заблуждался относительно своего амплуа: онъ презиралъ, ненавидѣлъ фатовскія роли, неподобнымъ исполненіемъ которыхъ увлекалъ публику, и воображалъ себя великимъ, но непонятымъ жеппе premier, хотя каждое появленіе его въ такихъ роляхъ выемѣвалось печатью и навело зѣвоту на публику. Кромѣ поклонниковъ таланта, о Рѣшимовѣ, по смерти

его, немало погрузили московскіе франты: покойный, умѣя одѣться съ рѣдкимъ достоинствомъ и изяществомъ, давалъ тонъ мужскимъ модамъ. Нѣкоторые театральные старожилы Москвы и посейчасъ утверждаютъ, что «фракъ умеръ въ Михайлѣ Аркадьевичѣ, послѣ него пошелъ мѣшокъ».

О — н — д — р — о.

## II.

### По поводу одного портрета.

Въ числѣ портретовъ, находившихся на послѣдней выставкѣ русской портретной живописи за 150 лѣтъ, находился портретъ, означенный въ каталогѣ «портретомъ графини Апраксиной» работы А. П. Антропова, писанный въ 1764 году. Этотъ портретъ помѣщенъ въ подробномъ иллюстрированномъ каталогѣ выставки, изданномъ барономъ Н. Врангелемъ, на 3 страницѣ. Издатель напечаталъ къ нему примѣчаніе: «Графиня изображена въ чепцѣ съ голубой лентой. На груди медальонъ съ портретомъ императрицы Елисаветы... Собственность графа Д. П. Толстого. По каталогу выставки № 33». На портретѣ медальонъ въ богатой оправѣ подъ драгоценной короной прикрѣпленъ къ банту на андреевской лентѣ, отличительный знакъ статсъ-дамъ русскаго двора. Но портретъ значится не на лѣвой сторонѣ груди, какъ онъ всегда носился, и нынѣ носится, но на правой сторонѣ, отличительный въ XVIII вѣкѣ признакъ оберъ-гофмейстеринь и гофмейстеринь императрицы. Въ 1764 году оберъ-гофмейстериной была графиня Анна Карловна Воронцова, рожденная графиня Скавронская, двоюродная сестра императрицы Елисаветы, а гофмейстериной съ 25-го ноября 1759 года — Елена Александровна Нарышкина, рожденная графиня Апраксина, дочь флота капитана графа Александра Петровича Апраксина и рожденная княжной Куракиной, жена дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и андреевскаго кавалера Александра Львовича Нарышкина (26-го апрѣля 1694 года—25-го января 1745 года), двоюроднаго брата императора Петра I. Е. А. Нарышкина была статсъ-дамой съ 1749 года. Скончалась въ 1767 году. Кавалерственной дамой не была.

Я полагаю, что портретъ, означенный въ каталогѣ подъ № 33, изображаетъ гофмейстерину Нарышкину, рожденную графиней Апраксиной.

Ип. Ал—скій.

ОПЕЧАТКА. Въ статьѣ г. М. С. «Императоръ Александръ I въ селѣ Чумырѣ», помѣщенной въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», вслѣдствіе крайне неразборчиваго почерка автора, вкралась существенная опечатка: село называется не «Чумырѣ», а «Чутырѣ».

отыскать зрачекъ, тогда какъ бѣлки были холодно сѣро-голубоватые, часто налитые кровью, волосы его были короткіе и жесткіе, а лицо напоминало молодого сокола. Онъ такъ упрашивалъ, чтобы и ему позволили отправиться съ Жильбертомъ, и притомъ такъ очевидно была его неспособность къ монашеской жизни, что аббатъ далъ свое согласіе. Въ продолженіе послѣднихъ недѣль Жильбертъ, силы котораго съ часу на часъ возвращались, и который не могъ болѣе переносить замкнутой монастырской жизни, сдѣлалъ Дунстана своимъ товарищемъ, прогуливаясь съ нимъ пѣшкомъ и верхомъ, такъ какъ юноша былъ хорошій наѣздникъ. Иногда они вступали съ нимъ въ длинные споры относительно вѣры, совѣсти и чести; оба были привязаны одинъ къ другому различіемъ между ними. Это не была привязанность друзей и еще менѣе господина и слуги, она была скорѣе того рода, которая существуетъ между рыцаремъ и оруженосцемъ, хотя оба были однихъ лѣтъ, и Жильбертъ не имѣлъ никакихъ шансовъ получить немедленно рыцарскія шпоры.

Однако было трудно допустить, что Дунстанъ могъ бы добиться рыцарства. Въ идеяхъ рыцарства есть странный пробѣлъ, а въ его нравственной организаціи любопытныя пятна, указывающія на другую расу, другое наслѣдственное мышленіе, традиціи болѣе древняго міра и менѣе простого, чѣмъ тотъ, въ которомъ воспитывался Жильбертъ.

Жильбертъ былъ типомъ благородной молодежи того времени, когда свѣточъ рыцарства царилъ надъ вѣкомъ насилій, но сіялъ еще не вполнѣ. Богъ, честь, женщина составляли простое тріединное понятіе о вѣрѣ и уваженіи рыцаря съ момента, когда церковь начала устанавливать орденъ воиновъ, имѣвшихъ особые обычаи и обязанности. Они соединяли такимъ образомъ навсегда высокія понятія истиннаго христіанства и настоящаго благородства.

За отсутствіемъ всякаго образованія у свѣтскихъ людей этой эпохи въ жизни играло роль самое простое и оригинальное воспитаніе, и Жильбертъ приобрѣлъ этотъ родъ образованія въ самой возвышенной и лучшей формѣ. Цѣль образованія, собственно говоря, предоставить знаніе спеціальнаго предмета, въ особенности, когда оно становится средствомъ къ существованію. Цѣль воспитанія сдѣлать людей, пропитать ихъ характеръ честью, дать челоувѣчеству нравственную силу безукоризненнаго джентльмена, а оно можетъ обнаружиться лишь въ вѣжливыхъ манерахъ, скромномъ видѣ и отважности. Названныя качества были глубоко соединены въ умѣ людей первоначальныхъ временъ съ внутренними принципами и виѣшними христіанскими обрядами. Это была безусловная простота и въ извѣстной мѣрѣ пространная гармонія вѣрованія, принципы и правила поведенія, дѣлавшіе жизнь возможною въ такое время, когда современное искусство управленія было въ за-

чаткѣ, а идеи конституціи терялись въ хаосѣ темныхъ лѣтъ, гдѣ распоряженіе королевствами, графствами и обществомъ было чисто личнымъ дѣломъ, зависѣвшимъ только отъ индивидуальнаго характера или каприза добродѣтеля и порока, любви къ ближнему и алчности. Безъ рыцарства, общество, свѣтъ и церковь были бы легкими добычами самыхъ ужасныхъ человѣческихъ чудовищъ, снѣдаемыхъ честолюбіемъ средневѣковыхъ, невѣрующими вельможъ, спорадически метавшихся изъ Англій въ Константинополь, изъ Парижа въ Римъ. Обыкновенно, почти неизмѣнно они кончали роковой неудачей, побѣжденные, попранные нравственнымъ человѣческимъ родомъ, стремившимся къ добру. Эти опасные люди были— Іоаннъ XII, изъ дурной расы Θεодоры въ Римѣ; еврей Пьерлеонъ, жившій сто лѣтъ позже; король Іоаннъ Англійскій и, наконецъ, послѣдній, быть можетъ, величайшій изъ всѣхъ, такъ какъ былъ хуже всѣхъ—цезарь Борджіа.

Быть джентльменомъ въ то время, когда Генрихъ Плантагенетъ былъ двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ, а Жильбертъ Вардъ ѣхалъ представиться къ двору герцога Нормандскаго, не значило отличаться многими качествами. Необходимо было имѣть нѣсколько нравственныхъ принциповъ и самое большое два или три таланта. Но это тоже означало, что этими простыми качествами джентльменъ долженъ обладать въ наилучшемъ смыслѣ, и этотъ родъ совершенства былъ корнемъ соціального превосходства во всѣ вѣка. Мы слышали о любителяхъ-артистахъ, любителяхъ-воинахъ и любителяхъ государственныхъ людяхъ, но никогда не слышали о любителяхъ-джентльменахъ. Жильбертъ Вардъ латинскій языкъ зналъ плохо, только нѣсколько молитвъ, которымъ научилъ его капелланъ Стока, но онъ вѣрилъ отъ всего своего сердца и души въ силу этихъ молитвъ. Франко-нормандскій языкъ благородной Англій былъ не тотъ, что по ту сторону моря, у болѣе утонченныхъ братьевъ французовъ. Впрочемъ, хотя языкъ выдавалъ его происхожденіе, но у Жильберта было нѣчто, служившее ему среди себѣ равныхъ лучше, чѣмъ французское произношеніе,—грація, непринужденность безъ жеманства и радушная учтивость, качества, прирожденныя, какъ талантъ и геній. Но они достигаютъ совершенства лишь въ атмосферѣ, къ которой они принадлежатъ, и среди лицъ, одинаково обладающихъ ими. Съ вѣрованіями и благородными манерами онъ еще ловко владелъ оружіемъ и особенно шпагой. Для джентльмена той эпохи былъ безусловно необходимъ единственный талантъ: это глубокое знаніе всякаго рода охоты, начиная соколиной до охоты на кабана. Въ этомъ отношеніи Жильбертъ равенъ по искусству съ большею частью молодыхъ дворянъ. Несмотря на свою молодость, онъ былъ совершенно подготовленъ къ свѣтской жизни. Кромѣ этихъ преимуществъ, у него было еще одно: Жильбертъ чувствовалъ, что,

даже отправляясь жить среди чужеземцевъ, онъ встрѣтитъ людей, думающихъ и дѣйствующихъ, какъ онъ самъ, вѣря, что ихъ способъ дѣйствовать и думать лучше, чѣмъ у другихъ.

Пока онъ бродилъ вдоль дюнь, онъ не думалъ ни объ этомъ, ни о своихъ проектахъ. Его жизнь казалась ему странной, благодаря своей внезапной и полной перемѣнѣ.

Большой перемѣной былъ для него переходъ отъ роскошной жизни, спокойныхъ наслажденій, обеспеченнаго существованія, мѣстныхъ почестей, перспективы тихой любви, дѣлавшей всѣ честолюбивыя мысли безумными и пустыми, къ обладанію только парой хорошихъ лошадей, солиднымъ оружіемъ, небольшими карманными деньгами, съ которыми ему предстояло завоевать міръ. Однако, громадная разница этихъ двухъ положеній была для него незначительной рядомъ съ болѣе жестокими несчастіями, о которыхъ молодой человекъ раздумывалъ во время пути. Они отравили его молодую жизнь, отнявъ самыя высокія и прекрасныя иллюзіи и самую дорогую надежду на счастье.

Паденіе образа его матери, вознесеннаго имъ на алтарь, неизбежно увлекло съ собою и его прошедшее дѣтство, какимъ Жильбертъ представлялъ его себѣ. Въ ужасномъ свѣтѣ его истинной природы, въ суммѣ зла, казавшагося ему внезапнымъ, то небольшое хорошее, которое онъ долженъ бы сохранить въ своихъ воспоминаніяхъ, уменьшилось до ничтожества. Ему казалось невозможнымъ, чтобы его мать, вышедшая замужъ за убійцу своего мужа, чрезъ мѣсяць послѣ его смерти, могла питать искреннюю любовь къ Раймунду Варду, или имѣть, хотя самое легкое, расположеніе къ сыну, сначала брошенному ею, а затѣмъ предательски лишенному ею наслѣдства. Но въ его сердцѣ еще существовало время, когда онъ питалъ къ ней сыновній культъ, и онъ оплакивалъ тѣ части въ своей одинокой скорби. Ничто не замѣнитъ ея мѣста; она удалась, унеся съ собою всѣ сладкія и нѣжныя воспоминанія цѣлаго существованія.

Когда его внутреннее зрѣніе искало ее, то ничего не находило, и весь свѣтъ угасалъ въ потемкахъ его души. Въ дѣйствительности его мать не умерла, какъ его отецъ, но она была мертва для чести. Въ его памяти Раймундъ Вардъ остался такимъ, какъ Жильбертъ видѣлъ его въ послѣдній разъ,—блѣднымъ и окоченѣлымъ въ своей кольчугѣ. Но все-таки это былъ онъ самъ, все-таки онъ самъ, какимъ былъ при жизни и какимъ сдѣлался потомъ въ мѣстѣ мира и успокоенія, гдѣ покоятся храбрые. Въ его спокойныхъ чертахъ отразилась навсегда истина, въ которой протекло все его существованіе. Въ скрещенныхъ на груди рукахъ лежалъ послѣдній внѣшній символъ безыскусственной простой вѣры, руководившей имъ въ жизни. Его могучій абрисъ, необыкновенной

силы, говорилъ въ величіи смерти объ исполненныхъ имъ славныхъ дѣлахъ.

При жизни Раймундъ Вардъ былъ для своего сына образцомъ самаго почтеннаго изъ всѣхъ человѣка; мертвымъ онъ остался во всѣхъ отношеніяхъ несравненнымъ, неподобнымъ, высшимъ существомъ. Не все ли равно для Жильберта, что онъ безмолвенъ, вѣдь онъ всегда говорилъ правду,—что онъ неподвиженъ, какъ камень, но при жизни его рука была быстра и ради добраго дѣла наносила удары, о которыхъ всѣ помнили. Не все ли равно, что онъ теперь глухъ, но онъ слышалъ крики слабыхъ и спасалъ ихъ; что онъ слѣпъ, но его глаза не разъ видѣли свѣтъ побѣды и смѣло взглянули на честную смерть. Онъ покоился навсегда въ сердцѣ своего сына честнымъ, искреннимъ, храбрымъ и сильнымъ, какимъ былъ онъ во всемъ. Въ то время, какъ сдерживаемыя слезы жгли Жильберту мозгъ, онъ повернулъ свои глаза въ другую сторону. Не разъ желалъ онъ видѣть свою мать покоившуюся рядомъ съ отцемъ въ ея тѣлесной оболочкѣ, но сохранившеюся для сына въ томъ, что не умираетъ въ женщинѣ—любимой и почитаемой—чрезъ ея поученія въ памяти ея потомковъ; онъ хотѣлъ, чтобы она осталась навсегда матерью въ его сыновней памяти.

Вопреки этимъ утѣшительнымъ мыслямъ, вызвавшимъ воспоминанія о семейномъ очагѣ, предъ нимъ являлась эта женщина не тою, какъ онъ представлялъ ее всегда, а какой ее видѣли иногда другіе. Отвратительнѣйшій и безвозвратный проступокъ, совершенный ею, отпечаталъ на ея лицѣ свой слѣдъ, и въ безсознательной памяти Жильберта возстали подробности оскорбленія, когда его любовь впервые была отброшена ею. Ея холодныя черты были тверды, какъ камень, глубокіе синіе глаза—лживы и безъ вѣры; тонкія и красныя губы презрительно улыбались, показывая мелкіе и хищные зубы, а въ рыжихъ волосахъ виднѣлся отгѣнокъ пламени.

Лучше было бы ей умереть, въ тысячу разъ лучше ей исчезнуть раньше времени, чѣмъ ей сыну сохранить такое воспоминаніе о своей матери.

Черты ея лица отравивались остріемъ его перваго горя на самой болѣзненной части его сердца; ѣдкая горечь новой и неестественной ненависти все глубже снѣдала его съ каждымъ днемъ. А когда, противъ воли Жильберта, его умъ останавливался на ней и сознавалъ, что проклинаетъ ту женщину, которая родила его, тогда съ отчаянія онъ предавался мысленно религіозной жизни.

Но хотя монастырь привлекалъ Жильберта, зывая къ наилучшей сторонѣ его природы, въ то время, когда смерть коснулась его своимъ крыломъ, теперь же привлекательность была уже не со-всѣмъ та, гораздо менѣе непреодолимая. Онъ понималъ, что монастырь былъ бы единственной возможной жизнью для лицъ, прошедшихъ

чрезъ серію неудачъ, отъ свѣта къ мраку, отъ счастья къ горю... Онъ годился для людей, ничего болѣе не любящихъ и ни на что ненадѣющихся, которые ничего не могутъ болѣе ненавидѣть и предаются полному отчаянію. Они ищутъ покой, какъ единственное земное благо, которое они еще могутъ извѣдать, въ монастырѣ же его было довольно. Надежда умерла въ ихъ настоящей жизни, и они искали освѣженіе въ надеждѣ будущей жизни. Монастырь былъ хорошъ для несостоятельныхъ въ любви и въ борьбѣ. Но должна же быть другая форма существованія для тѣхъ лицъ, молодость которыхъ была ранена, но не умерла, кровь—еще сильна и тепла, воля—пылка для добра и зла, для людей, которымъ еще предстояла борьба. Въ ней они должны имѣть средство противъ судьбы, которое не было бы оскорбленіемъ Бога. Эта борьба не была бы сопротивленіемъ волѣ Божьей и возмущеніемъ. Добродѣтель не означала бы въ ней темницы для души и тѣла, а надежда на спасеніе—монашеской кельи.

Какъ большинство энтузіастовъ, знающихъ жизнь лишь по догадкамъ и полныхъ врожденной вѣры въ существованіе добра, Жильбертъ мечталъ осуществить гармонію обѣихъ противоположностей—религіозной жизни и свѣтской. Подобныя мечты казались ему несбыточными, даже въ то время, когда онъ служили базисомъ самой идеѣ рыцарства, и когда многіе изъ искреннихъ и храбрыхъ людей почти добились перенести ихъ въ дѣйствительную жизнь, грубо наскоро, какъ никогда не допустило бы современное общество, хотя бы такъ было на небѣ. Религіозная идея крѣпко засѣла въ душѣ Жильберта, и онъ взялъ въ привычку участвовать въ хорѣ во время большей части монастырской службы и носилъ всегда послушническую рясу, служившую ему прежде болыничной одеждой. Теперь, отправляясь по свѣту искать счастья, онъ чувствовалъ себя странно въ свѣтской одеждѣ, перчаткахъ и шпорахъ и предпочиталъ имъ монашескую рясу. Онъ чувствовалъ, что даже въ дѣятельной жизни онъ не избавится отъ монашескаго инстинкта совѣмъ, и что для него самого такъ было лучше. Онъ находился на узкомъ и опасномъ берегу между прошедшимъ и настоящимъ, куда, рано или поздно, приводится судьбою всякій человѣкъ сердца, и гдѣ каждый шагъ влечетъ за собою паденіе, а паденіе близко къ гибели.

Внезапно отъ него отняли силой предметы, ради которыхъ онъ существовалъ; онъ ихъ любилъ и надѣялся на нихъ. Теперь у него не осталось болѣе ни ключа къ счастью, ни надежды, ни руководителя; со всѣхъ сторонъ предъ нимъ открывалась отвратительная, но притягательная сила отчаянія.

Даже воспоминаніе его первой любви задернулось мрачной завѣсой, такъ какъ онъ зналъ о неотмѣняемости церковнаго запрещенія, и при его настроеніи ума думать о Беатрисѣ ему казалось искушеніемъ и смертельнымъ грѣхомъ.

Покидая Англiю безъ всякой опредѣленной цѣли, но со смутнымъ намѣреніемъ отправиться въ Иерусалимъ, онъ скорѣе повиновался шпирингскому аббату, чѣмъ слѣдоваль его дружескому совѣту; въ этомъ повиновеніи сильно чувствовалось укоренившееся въ немъ монастырское правило. Ламберъ Клэръ, прежде всего, какъ свѣтскій человѣкъ, а не духовный, сердечный, а не настоятель монаховъ, хорошо понялъ состояніе души Жильберта и предложилъ ему лучшее лѣкарство. По его мнѣнію, излѣченіе разбитаго сердца, если таковое есть, не состоитъ въ уединеніи и молитвѣ, а въ борьбѣ противъ ранъ и уколовъ свѣтской жизни. Онъ натолкнулъ Жильберта на жизнь, какую ведутъ другія лица аристократическаго происхожденія, совѣтуя ему предпринять паломничество въ Святую Землю, какъ средство удовлетворить свои религіозныя стремленія.

Что касается до матеріальной помощи, полученной отъ него Жильбертомъ, въ тотъ безкорыстный вѣкъ небогатый джентльменъ не считалъ стыдомъ принять денежный подарокъ отъ богатой и могущественной личности, какъ шпирингскій аббатъ, въ увѣренности нажить состояніе съ помощью собственныхъ рукъ и сторицею уплатить долгъ.

Считая свою обитель гораздо выше политическихъ распрей и тайно насмѣхаясь надъ своими двоюродными братьями, поддерживавшими дѣло выскочки короля Стефана, аббатъ посовѣтовалъ Жильберту отправиться прямо ко двору Готфрида Плантагенета, герцога Нормандскаго, великаго сенешала Франціи и мужа императрицы Матильды, законной королевы Англiи.

Туда-то и отправился молодой человѣкъ, въ сопровожденіи Дунстана, ѣхавшаго слѣва на его второмъ конѣ, и саксонца Альрика, конюха и стрѣлка, ѣхавшаго за ними на сильномъ мулѣ, нагруженномъ багажемъ Жильберта.

## VI.

Это происходило въ первое время могущества Готфрида Нормандскаго. Два или три раза онъ являлся изъ Анжу со своими войнами и слугами, рассчитывая овладѣть законнымъ наслѣдіемъ жены. Много разъ его вытѣсняли и высылали изъ его владѣній, но наконецъ онъ побѣдилъ. Желѣзная воля этого человѣка, раса котораго дала Англiи четырнадцать королей, принудила Нормандію подчиниться. Съ тѣхъ поръ онъ царствовалъ мирно. Однако, онъ не завязалъ, какъ желалъ бы для своей поддержки, ни солидной дружбы, ни сильныхъ союзовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ хотѣлъ добиться помощи для своей жены въ продолжительной борьбѣ, которую она вела за корону Англiи.



Обыкновенно онъ замѣнялъ себя въ своей обязанности сенешала Франціи делегатомъ, но съ недавняго времени онъ рѣшилъ съѣздить лично въ Парижъ. Онъ надѣялся войти въ соглашеніе съ Людовикомъ Юнымъ, а, можетъ быть, также съ красавицей королевой Элеонорой, феодальной государыней, по собственному праву, въ Гвиенѣ, Пуату и Аквитаніи, что дѣлало ее могущественнѣе самого короля.

Случилось такъ, что Жильбертъ, прежде чѣмъ достигнуть мѣста назначенія, встрѣтилъ блестящій кортежъ, направлявшійся по большой дорогѣ въ его сторону. Онъ состоялъ, по меньшей мѣрѣ, изъ двухсотъ всадниковъ и столькихъ же пѣшеходовъ, за которыми слѣдовали навьюченные мулы. Дорога становилась узкою на мѣстѣ встрѣчи молодого человѣка съ кортежемъ, и Жильбертъ сообразилъ, что ему съ двумя слугами невозможно проѣхать. Хотя ему казалось неестественнымъ уступить дорогу кому бы то ни было, но онъ понялъ, что предъ этой маленькой арміей благоразумнѣе отступить. Въ этой части дороги образовалась живая изгородь изъ куста терновника, и Жильбертъ съ своими слугами былъ принужденъ почти углубиться въ него, когда предъ нимъ проѣхали рысью четыре рыцаря въ великолѣпныхъ одеждахъ, находившіеся во главѣ кортѣжа. Они бросили на него пытливый и нѣсколько высокомерный взглядъ, такъ какъ не могли не замѣтить, что Жильбертъ чужеземецъ, а для путешественника его свита была слишкомъ ничтожна. Онъ же смотрѣлъ на нихъ просто, пока они проѣзжали, такъ какъ его глаза были устремлены на приближавшуюся кавалькаду. Это былъ настоящій потокъ разнообразной одежды, богатыхъ и великолѣпныхъ оттѣнковъ, направлявшійся между нѣжной зеленью листвы прямо къ Жильберту. Всѣ эти люди мирно двигались, и хотя надъ ними возвышался штандартъ, но онъ былъ свернутъ въ кожаномъ чехлѣ.

Окружавшіе его рыцари были въ одеждѣ изъ богатой пурпуровой, зеленой или темно-коричневой ткани, сверкавшей золотомъ, сіявшей серебромъ и блиставшей сталью, что разнообразило здѣсь и тамъ темные цвѣта бархата и сукна.

Позади штандарта ѣхали верхомъ мужчина и мальчикъ, а за ними слѣдовали другіе рыцари.

Рыцарь, ѣхавшій на громадномъ нормандскомъ бѣломъ и сильномъ конѣ, держался въ сторонѣ отъ дороги. Громадное животное небрежно переступало крупнымъ, тяжелымъ шагомъ, встряхивая, время отъ времени, своей толстой бѣлой головой, съ сѣро-желѣзнаго цвѣта холкой и тщательно приглаженной гривой. Рыцарь сидѣлъ на сѣдлѣ прямо и какъ прикованный; его сильная рука перебирала легко не слишкомъ короткую, не слишкомъ длинную одноцвѣтную уздечку, слѣдуя за шагомъ лошади. Очевидно, это былъ человѣкъ прекраснаго роста, не чрезмѣрно высокій, но

въ высшей степени красиво сложенный, съ манерами юноши, хотя уже переступилъ зрѣлый возрастъ, судя по его жесткимъ чертамъ и по лбу, изборожденному морщинами. Его сѣрые и глубокіе глаза прямо и пристально смотрѣли изъ-подъ черныхъ бровей, странно противорѣчившихъ его сѣро-желѣзистаго цвѣта волосамъ. Было что-то непоколебимое и роковое въ гладко-выбритой челюсти, широко и плоско подбородкѣ, въ большомъ и энергичномъ ртѣ, нѣчто странно-прочное, противорѣчившее богатой изысканности его великолѣпной одежды, какъ будто этотъ человѣкъ и его воля должны были пережить моду ихъ времени.

Мальчику, ѣхавшему рядомъ съ нимъ, было немного болѣе двѣнадцати лѣтъ, и онъ походилъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не походилъ на него. Это былъ плотный, высокій юноша, съ короткими ногами и сильнѣе своихъ лѣтъ. Всякій могъ замѣтить, что онъ никогда не будетъ обладать красотой, совершенствомъ сложенія и граціей манеръ своего отца. Зато въ его лицѣ было кое-что, напоминавшее личную силу отца, и отражалась даже большая независимость. Сѣрые глаза были тѣ же самыя, но болѣе сближенные и слишкомъ созерцательныя для его лѣтъ, а длинный носъ былъ скорѣе плоскій, чѣмъ заостренный. Его широкія и прямыя губы, соединенныя и сжатая, показались бы энергичными даже у сформировавшагося мужчины. Мальчикъ сидѣлъ увѣренно на своемъ маленькомъ сѣромъ андалузскомъ жеребцѣ, какъ будто онъ всю свою жизнь провелъ на сѣдлѣ. Его двѣнадцатилѣтняя рука съ большою увѣренностью сжимала уздечку, чѣмъ когда либо дѣлалъ его отецъ.

Было что-то столь царственное и возвышенное въ манерахъ отца и мальчика, что Жильбертъ, привыкшій къ нормандской учтивости, невольно выпрямился на сѣдлѣ, насколько ему позволили его длинныя стремяна, и, считая совершенно естественнымъ привѣтствовать владѣльца земли, на которой онъ находится, приподнялъ шляпу. Рыцарь отвѣтилъ на поклонъ движеніемъ руки и пристально взглянулъ на Жильберта, затѣмъ, къ большому удивленію молодого человѣка, онъ остановился, а мальчикъ, находившійся возлѣ него, отодвинулся на нѣкоторое разстояніе, чтобы не быть на дорогѣ между ними. Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ ни тотъ, ни другой не произнесли ни слова. Потомъ старшій изъ нихъ, какъ бы ожидая нѣчто, чего чужеземный путникъ долженъ былъ не знать, — добродушно улыбнулся и заговорилъ. Его голосъ былъ сильный и мужественный, но въ то же время ясный и нѣжный.

— Вы не здѣшній, сударь, — сказалъ онъ утвердительно, а не вопросительнымъ тономъ.

— Я изъ Англіи, сударь, — отвѣтилъ Жильбертъ, слегка склоняясь на сѣдлѣ.

Незнакомецъ пристально взглянулъ на него и нахмурился, зная, что немногіе джентльмены отказались присягнуть королю Стефану.

— Изъ Англіи!.. — воскликнулъ онъ. — Что же вы можете дѣлать въ Нормандіи, молодой человекъ? Друзья Стефана найдутъ здѣсь мало дружелюбія.

— Я не изъ друзей Стефана, — замѣтилъ Жильбертъ, выпрямляясь на сѣдлѣ съ нѣсколько высокомернымъ видомъ. — Напротивъ, я изъ тѣхъ, которые желали бы укоротить его царствованіе отъ долготѣія жизни, а тѣло отъ головы.

Широкое, прекрасное лицо мужчины смягчилось въ улыбку. Сынъ же его, сначала разсматривавшій Жильберта съ недовѣріемъ, при этихъ словахъ откинулъ голову назадъ и засмѣялся.

— Я полагаю, вы за императрицу? — сказалъ старшій незнакомецъ. — Почему же вы не въ Глостерѣ?

— Сударь, — отвѣтилъ Жильбертъ, — Стефанъ лишилъ меня замка и земель, и я скорѣе предпочелъ отправиться искать по свѣту счастье, чѣмъ просить ихъ у королевы, такъ какъ ей нечего болѣе раздавать.

— Вы могли бы сражаться за нее, — возразилъ рыцарь.

— Да, сударь, я это дѣлалъ и сдѣлаю еще, если нормандскіе джентльмены пожелаютъ переправиться чрезъ море и также сражаться, — сказалъ Жильбертъ. — Но дѣло находится теперь въ томъ положеніи, что рискнувшій прервать перемиріе сломитъ себѣ шею, не оказавъ услуги императрицѣ. Въ ожиданіи, я отправляюсь ко двору герцога Нормандскаго, и если я могу ему служить, я это сдѣлаю, если нѣтъ — я отправлюсь далѣе.

— Кто же вы, сударь, ищущій герцога?

— Я — Жильбертъ Вардъ, и мой отецъ владѣлъ въ графствѣ Герфортскомъ замкомъ Стокъ - Режиомъ, полученнымъ отъ герцога Вильгельма. Но Стефанъ отнялъ его у меня, пока я лежалъ больной въ Шпирингскомъ аббатствѣ, и отдалъ другому. А ваше имя, сударь, я хотѣлъ бы его знать?

— Готфридъ Плантагенеть, — спокойно отвѣтилъ герцогъ, — и вотъ мой сынъ Генрихъ, который, милостью Божіей, будетъ англійскимъ королемъ.

При этомъ имени Жильбертъ вздрогнулъ; затѣмъ онъ въ первый разъ замѣтилъ, что на ихъ бархатныхъ шляпахъ находился маленькій сухой побѣгъ шильной травы. Онъ соскочилъ съ лошади и, обнаживъ голову, подошелъ совсѣмъ близко къ стременамъ герцога.

— Извините меня, герцогъ, я долженъ бы васъ узнать.

— Это трудно, — отвѣтилъ Готфридъ, — вы меня никогда ранѣе не видали. Но такъ какъ вы ѣхали ко мнѣ и чтобы мнѣ служить, то садитесь на лошадь и слѣдуйте за мною въ Парижъ, куда мы отправляемся.

Жильбертъ снова вскочилъ на сѣдло и хотѣлъ присоединиться къ свитѣ молодыхъ оруженосцевъ, находившихся позади пяти рядовъ рыцарей, слѣдовавшихъ за герцогомъ. Но Готфридъ не хотѣлъ, чтобы Жильбертъ занялъ немедленно свое мѣсто, радуясь имѣть извѣстіе о продолжительной борьбѣ въ Англіи, конецъ которой долженъ былъ возвести на англійскій тронъ одного изъ Плантагенетовъ. Онъ предложилъ юношѣ множество вопросовъ, на которые Жильбертъ отвѣчалъ, какъ могъ лучше, хотя на нѣкоторые изъ нихъ было не легко отвѣтить. Юный Генрихъ слушалъ все, что говорилось, съ суровымъ лицомъ и съ серьезными глазами.

— Если бы я былъ на мѣстѣ моей матери,—сказалъ онъ наконецъ послѣ паузы,—я отрѣзалъ бы голову Стефану въ его Бристольскомъ замкѣ.

— И твой дядя Глостеръ былъ бы приговоренъ къ смерти женою Стефана.

Готфридъ, сказавъ эти слова, посмотрѣлъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ на сына.

— Она не сдѣлала бы этого, — возразилъ Генрихъ.— Стефанъ умеръ, и война окончилась бы. Но если бы даже она убила дядю,—что же изъ этого? Корона Англіи стоитъ, по крайней мѣрѣ, одной жизни!

Жильбертъ удивился жестокости молодого человѣка, но хранилъ молчаніе. Онъ былъ тоже удивленъ, что герцогъ ничего ему не отвѣтилъ, и слова одного, а молчаніе другого заранѣе ясно предсказывали будущность королевства. Слова мальчика казались Жильберту безсердечными и не рыцарскими: онъ былъ прежде всего человѣкъ сердца. Это первое впечатлѣніе, произведенное на него скороспѣлымъ юношей, было ошибочно, потому что Генрихъ выказалъ себя позже справедливымъ и добрымъ, хотя часто бывалъ строгимъ и мстительнымъ. Но Жильбертъ былъ очень далекъ отъ мысли, что юный принцъ сразу сильно привяжется къ нему, и что съ первой же встрѣчи онъ безсознательно положитъ основаніе и искренной дружбы.

Нѣкоторое время герцогъ не задавалъ болѣе вопросовъ, и Жильбертъ заключилъ изъ этого, что болѣе не нуженъ. Онъ удалился на свое мѣсто среди оруженосцевъ; молодые люди приняли его дружелюбно и съ нѣкоторымъ уваженіемъ, такъ какъ, не будучи даже рыцаремъ, онъ удостоился бесѣды съ ихъ государемъ. Самъ Жильбертъ, хотя сначала чувствовалъ себя хорошо среди равныхъ, однако вскорѣ понялъ, что ихъ раздѣляетъ глубина его несчастій.

Одинъ изъ юношей рассказывалъ о своемъ замкѣ въ Байе и о своемъ отцѣ; при этомъ лицо Жильберта сдѣлалось мрачно. Другой говорилъ, что его мать вышила ему золотомъ красивый

полотняный воротникъ, виднѣвшійся изъ-подъ открытаго кафтана. Услышавъ это, Жильбертъ закусилъ губы и, отвернувъ голову, сталъ разсматривать зеленѣвшіяся деревья. Третій спросилъ молодого человѣка, гдѣ находится его замокъ.

— Здѣсь,—отвѣтилъ онъ суровымъ тономъ, ударяя правой рукой по сѣдлу.

Нѣкоторымъ изъ нихъ было отъ четырнадцати до восемнадцати лѣтъ, и Жильбертъ былъ старше ихъ всѣхъ. Эти безбородые юноши никогда не видали сраженій, но ихъ отцы дрались противъ Готфрида Плантагенета до тѣхъ поръ, пока не признали его своимъ господиномъ, какъ былъ въ свое время великій герцогъ Вильгельмъ. Разъ побѣжденные, они подчинились ему и, какъ поступаютъ большинство побѣжденныхъ, тотчасъ же послали своихъ сыновей ко двору Готфрида учиться фехтовать и хорошимъ манерамъ. Такимъ образомъ, ни одинъ изъ нихъ со шпагой въ рукѣ не встрѣчался лицомъ къ лицу съ непріателемъ, какъ Жильбертъ съ Арнольдомъ Курбойлемъ. Хотя онъ не говорилъ о своей исторіи и еще менѣе о своихъ подвигахъ, но они видѣли, что онъ старше ихъ, чувствовали, что онъ видѣлъ болѣе ихъ, и угадывали, что его рука была сильнѣе.

Такимъ образомъ они продолжали путь; затѣмъ была сдѣлана остановка, и всѣ обѣдали вмѣстѣ, въ громадной внѣшней галлерей одного монастыря, куда они прибыли въ полдень. Молодые люди, сидѣвшіе возлѣ Жильберта, замѣтили, что онъ повторяетъ длинныя латинскія молитвы такъ же хорошо, какъ монахъ, и одинъ изъ нихъ спросилъ его, смѣясь, гдѣ онъ набралъ столько учености.

— Я оставался два мѣсяца въ одномъ монастырѣ, излѣчиваясь отъ раны,—отвѣчалъ Жильбертъ,—и братъ болѣничный научилъ меня монастырскимъ обычаемъ.

— А какъ же вы получили рану?—спросилъ юный оруженосецъ.

— Отъ удара шпаги,—отвѣтилъ улыбаясь Жильбертъ.

Но онъ болѣе ничего не прибавилъ.

Другіе оруженосцы разспрашивали его слугу, Дунстана, который, гордясь своимъ господиномъ, рассказалъ имъ о Жильбертѣ все, что зналъ. Его слушатели удивлялись, почему такой храбрецъ не добился рыцарства. Они предсказывали, что если Жильбертъ Длинный, какъ они называли его за высокій ростъ, останется на службѣ герцога, онъ недолго будетъ оруженосцемъ.

Въ послѣдующіе дни стало для всѣхъ очевиднымъ, что Жильбертъ находился на дорогѣ къ счастью, по которой его вела рука успѣха. Такъ, на зарѣ, во время ихъ пути, по тропинкамъ, покрытымъ росой, гдѣ росли бѣлыя астрочки, къ Жильберту подѣхалъ конюхъ и сказалъ, что юный Генрихъ, графъ, какъ его

стали называть съ этого времени, желаетъ еще побесѣдовать съ мистеромъ Вардомъ объ Англіи. Жильбертъ приблизился къ нему мелкимъ галопомъ и поѣхалъ рядомъ съ юнымъ принцемъ. Болѣе часа онъ отвѣчалъ на множество вопросовъ, касавшихся англійскихъ вельможъ, англійскихъ деревьевъ, скота и собакъ.

— Въ скоромъ времени все это будетъ моимъ,—сказалъ, смѣясь, мальчикъ,—но такъ какъ я никогда не видалъ моего будущаго королевства, мнѣ нужны ваши глаза, чтобы имѣть о немъ понятіе.

И ежедневно, послѣ полудня, за Жильбертомъ являлся посланный, и онъ отправлялся къ юношѣ рассказывать исторію Англіи. Онъ разговаривалъ съ мальчикомъ, какъ съ взрослымъ мужчиной, рассказывая ему о своей странѣ на сильномъ и энергичномъ языкѣ серьезнаго человѣка такія дѣла, которыя давно были у него на сердцѣ.

Генрихъ слушалъ его, спрашивалъ, опять слушалъ и раздумывалъ про себя обо всемъ слышанномъ. И все это онъ запоминалъ не на день, не на недѣлю, но на все время своего существованія—въ мальчикѣ выросталъ съ часу на часъ король.

Иногда герцогъ слушалъ ихъ бесѣду и вставлялъ въ разговоръ нѣсколько словъ; чаще же онъ ѣхалъ одинъ внѣ кортежа, глубоко задумавшись, или призывалъ къ себѣ одного изъ самыхъ старыхъ рыцарей. Когда тонкій слухъ Жильберта схватывалъ отрывки ихъ разговора, то они обыкновенно бесѣдовали о сельскихъ дѣлахъ: о жатвѣ, скотоводствѣ, лошадахъ и цѣнѣ на хлѣбныя зерна.

Такимъ образомъ, они свершали свой путь и чрезъ нѣкоторое время достигли полей, покрытыхъ грязью, оставленной наполовину высохшей рѣчкой. Здѣсь и тамъ, внѣ бесплоднаго обширнаго пространства возвышались зеленые бугорки, на которыхъ были выстроены замки изъ сѣраго камня. Но на низменности находились грязные дома кирпичниковъ, бѣдно жившихъ близъ рѣки. Затѣмъ къ рѣкѣ мѣстность вдругъ нѣсколько поднималась, образуя улицу съ каменными и кирпичными домами. Жильбертъ, приподнявшись на стременахъ, чтобы лучше видѣть надъ головами спутниковъ, замѣтилъ между домами на островѣ замокъ французскаго короля. Этотъ дворецъ съ башенками, валами, подъемнымъ мостомъ и съ толстыми сѣрыми стѣнами былъ въ то время самой солидной крѣпостью во всемъ свѣтѣ.

Тогда кортежъ остановился, и герольдъ герцога приблизился къ воротамъ; по другую ихъ сторону находился герольдъ короля. Раздался звукъ рога, и звонкіе громкіе голоса заговорили однообразнымъ тономъ обычныя въ такомъ случаѣ фразы. Затѣмъ послѣдовало молчаніе, потомъ опять звукъ трубы, обмѣнъ словъ, и, наконецъ, въ послѣдній разъ опять раздался звукъ трубы. По-

слѣ этого герольдъ герцога возвратился къ кортежу, а герольдъ короля вышелъ на подъемный мостъ. За нимъ слѣдовалъ мужчина въ богатой бѣлой суконной одеждѣ, съ вышитыми золотомъ лиліями, блестящими на осеннемъ солнцѣ, какъ маленькіе огненные языки. Штандартъ герцога развернулся вѣтеркомъ, подувшимъ съ рѣки, и величественный кортежъ медленно двинулся къ подъемному мосту, по деревянной мостовой, пересѣкавшей самую широкую часть рѣки. Онъ направился чрезъ главные ворота на большой почетный дворъ.

Жильбертъ ѣхалъ позади молодого Генриха, который въ шутку называлъ его своимъ канцлеромъ и не хотѣлъ, чтобы онъ удалялся съ его глазъ.

Во дворѣ противъ наружной стѣны возвышались большія зданія, а посрединѣ находилось жилище короля. Подъ портикомъ, на верхнихъ ступеняхъ, ведущихъ къ главному входу, король и королева въ парадныхъ одеждахъ, окруженные всѣмъ дворомъ, съ большой церемоніей ожидали Готфрида Плантагенета, великаго сенешала Франціи и брата по могуществу.

Жильбертъ сразу замѣтилъ, что король былъ жалкій мужчина, блѣдный, бѣлокурый съ рыжею бородою, нѣсколько полный, съ угрюмыми голубыми глазами, но все-таки похожій на рыцаря. Королева же Франціи была самая красивая женщина на свѣтѣ, и когда глаза молодого человѣка замѣтили ее, то долго не могли насмотрѣться.

Она настолько отличалась отъ всѣхъ женщинъ, извѣстныхъ ему, что его представление о женщинѣ съ этого часа совершенно измѣнилось на всю жизнь... Это было самое совершенное соединеніе красоты, граціи и силы.

Другія женщины, безъ сомнѣнія, тоже обладали этими преимуществами, но тѣ, которыя имѣли ихъ, были такъ же извѣстны, какъ побѣдители и знаменитые поэты.

Глаза Жильберта устремились на нее, и въ продолженіе минуты онъ былъ погруженъ въ экстазъ; въ это время онъ не могъ бы описать ни одной черты лица королевы. Но когда она заговорила съ нимъ, его сердце забилося, а вѣки содрогнулись: ея образъ остался навсегда въ его памяти.

Какъ ни былъ молодъ Жильбертъ, но отдать свое сердце съ перваго взгляда на женщину противорѣчило его суровому, меланхолическому расположенію духа. Не любовь и не предвѣстникъ любви увлекли его, пока онъ смотрѣлъ на королеву. Это было впечатлѣніе чистаго видѣнія, какъ ослѣпленіе, причиняемое блестящимъ свѣтомъ, и головокруженіе, вызванное внезапнымъ сильнымъ движеніемъ.

Она была такъ же высока, какъ король, но въ то время, какъ онъ былъ тяжелъ и неуклюжъ, безукоризненныя формы королевы

не допускали ни одного неграціознаго движенія, а непринужденная соразмѣрность ея малѣйшаго жеста выражала необычайную энергію, которую никакая усталость не могла умалить. Когда она дѣлала движеніе, Жильбертъ желалъ, чтобы она никогда не отдыхала; когда же движеніе прекращалось, онъ думалъ совершить преступленіе противъ красоты, возмутившей его покой.

Ея обнаженные подъ утреннимъ солнцемъ лицо и шея были нѣжны и прозрачны, какъ лепестки апельсинаго цвѣтка въ маѣ мѣсяцѣ. Казалось, онѣ, какъ сами цвѣты, распѣтали на солнцѣ и воздухѣ, во время росы и дождя и хорошились, а не портились отъ прикосновенія жара или холода. Бѣлая, упругая и безупречная шея подымалась, какъ мраморная колонна къ нѣжной мочкѣ уха, а линія, изящно вытѣпленная, стремилась въ граціозномъ изгибѣ, полномъ красоты, къ округленности подбородка, какъ бы сдѣланнаго изъ слоновой кости, съ восхитительной ямочкой — высшей чертой природной красоты. Густая масса ея волнистыхъ волосъ раздѣлялась равными прядями на обѣ стороны и придерживалась зеленой шелковой повязкой, поверхъ которой была надѣта корона. Но на ней не было длиннаго вуаля, и широкія волны ея волосъ развѣвались на ея плечахъ и спинѣ, какъ плотная мантия. Они были того восхитительнаго и живого цвѣта, какой бросаетъ осенью заходящее солнце сквозь листву дуба на старую стѣну. Все ея лицо было ослѣпительно, начиная съ волосъ до бѣлаго лба, отъ лба до глазъ гораздо темнѣе сапфира и свѣтлѣе горнаго ручейка, отъ отгѣнка кожи ослѣпительной бѣлизны персиковыхъ цвѣтовъ до перламутровыхъ щекъ и коралловыхъ губъ.

На ней было очень обтянутое нижнее платье изъ тонкаго зеленого сукна, вышитое серебромъ мелкимъ рисункомъ, въ которомъ геральдическая корона Аквитаніи чередовалась съ лиліей. Зеленый кожаный поясъ, богато вышитый, плотно обхватывалъ вокругъ боковъ линію ея обтянутой юбки; его длинные концы падали прямо до земли. Верхнее шелковое платье со множествомъ складочекъ было также зеленое, но безъ вышивки. Парадная мантия изъ сукна, затканнаго золотомъ, и подбитая соломеннаго цвѣта шелковой матеріей, образовывала на ея плечахъ широкія складки, которыя были прикрыты ея распущенными волосами; она придерживалась на груди золотымъ витымъ шнуркомъ. Вопреки модѣ того времени ея узкіе рукава стягивались на кисти рукъ, которыя была закрыты зелеными перчатками съ вышитой короной Аквитаніи.

Въ то время какъ юный Генрихъ, стоявшій слѣва отъ отца, преклонивъ колѣно, взялъ одѣтую въ перчатку руку королевы и прикоснулся губами къ ея вышивкѣ, Жильбертъ стоялъ позади него, а слѣдовательно противъ королевы. Онъ не подозревалъ, что ея глаза устремились на него въ то время, какъ его были



прикованы къ ней, и когда королева заговорила, онъ вздрогнулъ отъ удивленія.

— Кто это?—спросила она, улыбаясь, замѣтивъ, какое сильное впечатлѣніе произвела на него ея красота.

Генрихъ полуобернулся, сдѣлалъ шагъ назадъ и взялъ руку Жильберта.

— Это мой другъ,—сказалъ онъ, притягивая его впередъ,—но если вы любите меня, вы полюбите также и его; да скажите королю, чтобы онъ назначилъ его тотчасъ же рыцаремъ.

— У васъ сильная рекомендація, сударь,—сказала королева.

Она опустила глаза на энергичное лицо царственного ребенка и засмѣялась; но, поднявъ голову, она снова встрѣтила глаза Жильберта, и тонъ ея смѣха странно измѣнился, перейдя затѣмъ въ короткое молчаніе.

Давно Элеонора не видала такого обворожительнаго человѣка; къ тому же она тяготилась своимъ святошей мужемъ. Она была внучкой Вильгельма Аквитанскаго, великана, трубадура и влюбчиваго человѣка. И неудивительно, что въ ея глазахъ сверкнула молнія, и ожила каждая фибра ея прекраснаго тѣла.

— Я думаю, что полюблю вашего друга,—сказала она Генриху, все еще продолжая смотрѣть на молодого человѣка.

Такова была первая встрѣча Жильберта съ королевой, и когда она протянула ему руку, которую онъ взялъ, склонившись на колѣно, она безсознательно притянула юнаго Генриха совсѣмъ близко къ себѣ и, обвивъ рукою его шею, съ такою нѣжностью сказала ему плечо, что онъ поднималъ на нее глаза.

Но если бы кто нибудь сказалъ ей тогда, что она напрасно полюбитъ Жильберта, будетъ разъединена съ бѣлокуромъ королемъ и сдѣлается женою мальчика съ квадратнымъ лицомъ и тяжелою рукою, кудрявая голова котораго едва достигала ея плеча, то пророку пришлось бы за это поплатиться, какъ это часто случалось съ предсказателями будущаго.

Въ это время король спокойно разговаривалъ съ герцогомъ Готфридомъ, который вскорѣ приблизился къ королевѣ съ привѣтствіемъ, не подозрѣвая, какія странныя мысли овладѣли въ одинъ моментъ тремя сердцами. Третьимъ былъ Генрихъ.

Когда королева протянула правую руку его отцу, лѣвая все еще лежала на его плечѣ, и въ то время, какъ она хотѣла ее отнять, мальчикъ схватилъ ее обѣими руками и удержалъ. Внезапно кровь бросилась ему въ лицо до корней волосъ; въ первый и послѣдній разъ своей жизни Генрихъ Плантагенетъ былъ даже смѣшенъ. Чувствуя это, онъ старался спрятать свое лицо, но все-таки не отпуская руки королевы.

## VII.

Во время пребыванія герцога Готфрида въ Парижѣ ему оказывали при дворѣ короля высокія почести, но мало ободрили относительно плана союза противъ Стефана. Надъ нѣкоторыми изъ его единомышленниковъ таготѣла рука времени. Другіе отъ бездѣйствія и лишняго досуга занимались не только тѣмъ, что находили хорошимъ, но еще и тѣмъ, что было дурно, какъ нѣкогда выразились англійскіе хроникеры объ англійскихъ рыцаряхъ. Одни говорили, что гасконское вино превосходно, но другіе увѣряли, будто бургундскіе виноградники лучше, и подобныя важные вопросы, очевидно, не должны были оставаться открытыми. Впрочемъ, чаще всего ихъ представляли на судъ, въ особенности когда доказательствъ и свидѣтельствъ были трудно достижимы. Такимъ образомъ дворъ засѣдалъ день и ночь, не приходя къ соглашенію относительно вердикта.

Жильбертъ не научился засиживаться часами за стаканомъ вина и медленно туманить умъ, замѣчая тотъ часъ, когда комната начинала кружиться вокругъ оси его головы. Кромѣ того Генрихъ безпрестанно удерживалъ его у себя, говоря, что онъ единственный воздержный человѣкъ изъ всѣхъ рыцарей и оруженосцевъ при дворѣ его отца. Мальчикъ не хотѣлъ отпускать Жильберта отъ себя, исключая случаевъ, когда проводилъ время съ королевой; тогда онъ горячо желалъ удаленія своего друга. Сначала королева забавлялась дѣтскою страстью юнаго принца, но такъ какъ она предпочитала Жильберта обществу мальчика, то ей вскорѣ надоѣла эта легкомысленная игра, заключавшаяся въ томъ, чтобы безумно влюбить въ себя двѣнадцатилѣтняго ребенка.

Впрочемъ, Генрихъ былъ изъ скороспѣлокъ и предусмотрительнѣе своихъ лѣтъ, благодаря чему не замедлилъ догадаться о предпочтеніи своего кумира къ другу.

Но онъ успокоивалъ себя тѣмъ, что Жильбертъ кажется равнодушнымъ къ королевѣ и ходитъ къ ней по ея приказанію, повинуюсь скорѣе ея словамъ, а не личному влеченію.

Былъ прекрасный осенній полдень, теплый, какъ лѣтомъ. Цѣлые рои мухъ собрались вокругъ раскрытыхъ дверей большихъ конюшенъ, предъ глубокими сводами, ведущими на главную кухню, и вокругъ оконъ помѣщенія рыцарей и оруженосцевъ. Воздухъ былъ тихъ, какъ бы усыпленъ, и не слышно было ни одного звука въ обширной оградѣ двора замка...

Въ тѣни, позади церкви, гдѣ находился навѣсъ, укрывавшій отъ жары, играли въ мячъ Генрихъ и Жильбертъ.

Послѣ дюжины ударовъ, когда большая часть побѣды оставалась за Генрихомъ, мальчикъ бросилъ мячъ къ своимъ ногамъ,

# КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

## МАГАЗИНОВЪ

# „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ЯНВАРЬ 1903 ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 1-й.

### I. Богословіе.

- Алмазовъ, А. И. Каноническіе отвѣты Иосафа, митрополита ефесскаго. Малоизвѣстный памятникъ права греческой церкви XV вѣка. Одесса. 1903. Ц. 50 к.
- Амвросій, архіеп. Полное собраніе проповѣдей съ приложеніями. Томъ III. Харьковъ. 1902. Ц. по подп. на все сочин. 8 р.
- Амфитеатровъ, Я. К., проф. Вещды объ отношеніи церкви къ христіанамъ. Спб. 1902. Ц. 35 к.
- Богоявленскій, Василій, свѣщ. Епархіальныя сѣзды духовенства, ихъ дѣятельность и значеніе. Омскъ. 1902. Ц. 1 р. 25 к.
- Голубинскій, Е. Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Изд. 2-е, испр. и дополн. М. 1903. Ц. 3 р. 50 к.
- Исканіе Бога. (Религіозно-философская бібліотека. Вып. II). Вышній-Волочець. 1903. Ц. 25 к.
- Мазингъ, І. Десять проповѣдей. Для лицъ Евангелическаго вѣроисповѣданія. Спб. 1902. Ц. 65 к.
- Погодинъ, А. л. проф. Религія Зороастра. Джансонъ. Жизнь Зороастра. Перев. А. Л. Погодина. Спб. 1903. Ц. 60 к.
- Страховъ, Н. Методика Закона Божія, съ изложеніемъ общихъ основъ и средство первоначальнаго религіознаго воспитанія. Изд. 7-е. Харьковъ. 1903. Ц. 50 к.
- Титовъ, Ф. И., свѣщ. Преосвященный Кириллъ Наумовъ, епископъ Мелитопольскій. Очеркъ изъ исторіи сношеній Россіи съ православнымъ Востокомъ. Кіевъ. 1902. Ц. 2 р.

### II. Философія, психологія, логика.

- Берсъ, А. А. Что такое пониманіе музыки? Психолог. очеркъ. Спб. 1903. Ц. 60 к.
- Бехтеревъ, В. Психика и жизнь. Спб. 1903. Ц. 1 р.
- Брандтъ, А. Ф., проф. Отъ матеріализма къ спиритуализму. Харьковъ. 1902. Ц. 50 к.
- Марденъ, О. Успѣхъ въ жизни. Перев. съ англ. Спб. 1903. Ц. 50 к.
- Нейрасовъ, П. А. Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности. М. 1902. Ц. 70 к.
- Паульсенъ, Фр. Шопенгауэръ, Гамлетъ, Мефистофель. Три очерка изъ исторіи пессимизма. Кіевъ. 1902. Ц. 1 р.
- Подоба, Ф. Г. «Сердце и школа». Изъ лекцій для Публичнаго чтенія. М. 1903. Ц. 1 р.
- Сальвиниовъ, А. М. Мысли и афоризмы М. Ю. Лермонтова. Изд. 2-е. Спб. 1903. Ц. 25 к.
- Челпановъ, І., проф. О современныхъ философскихъ направленіяхъ. Кіевъ. 1902. Ц. 1 р. 20 к.
- Шопенгауэръ, Артуръ. Собраніе сочиненій. Вып. VII. М. 1902. Ц. по подп. на все сочиненіе 8 р.
- Эвиль-Рамовичъ. Индивидуальность и прогрессъ. Этюды. Спб. 1903. Ц. 1 р. 60 к.
- Эмерсонъ. Сочиненія. Томъ II. Представители человечества. Съ англійскаго. Спб. 1903. Ц. 1 р.

«Истор. вѣстн.», февраль, 1903 г., т. ХСІ.

1/228

### III. Ботаника, зоология, минералогия и геология.

Дарвинъ, Чарльзъ. Происхождение человека и половой подборъ. Перев. съ англ. Съ 71 рис. Изд. 2-е, просм. Спб. 1903. Ц. 1 р. 65 к.

Ежегодникъ по геологii и минералогii Россii, издав. подъ редакц. Н. Криштафовича. Томъ V, вып. 6—7. П. Александрия. 1902. Ц. 2 р. 50 к.

Извѣстiя императорскаго Спб. ботаническаго сада. Томъ II, вып. 6 и 7. Спб. 1902. Ц. кажд. 60 к.

\*Найгородовъ, Дм. Нин. Бесѣды о русскомъ лѣсѣ. Вторая серия. Чернолѣсье. Лиственный лѣсѣ. Со мног. рис. Изд. 6-е. Спб. 1903. Ц. 1 р.

Карпентеръ, Г. Настѣкомыя, ихъ строенiе

и жизнь. Съ 184 рис. Перев. съ англ. М. 1903. Ц. 1 р. 75 к.

Лэббокъ, Джонъ. Шесть главъ популярной естественной исторii. Съ 90 рис. Спб. 1902. Ц. 60 к. съ пер.

Рудольфи, М., д-ръ. Общая и физическая химiя. Перев. съ нѣм. Съ 22 рисунк. въ текстѣ. Киевъ. 1902. Ц. 60 к.

Шевалье, А. Посobie для упражненiй по кристаллографii (измѣрене, вычисленiе и изображенiе кристалловъ). Перев. съ франц. Юрьевъ. 1902. Ц. 1 р.

Якобсонъ, Г. Г., и Бианки, В. Л. Прямокрылыя и ложнощѣточкрылыя Россiйской Имперii и соедрѣзныхъ странъ. Вып. I. Спб. 1902. Ц. по подл. на все сочин. въ 6 вып. 10 р 50 к.

### IV. Физика, химiя, математика, астрономiя и метеорологiя.

Бюрленъ, О., проф. Собрание правилъ, теоремъ и формулъ математикъ: ариметикъ, алгебры, геометрiи, тригонометрiи и математ. географii. Киевъ. 1902. Ц. 40 к.

Слудский, I. Ф. Сокращенныя четырехзначныя таблицы логарифмовъ и нѣкоторыя

другiя математическiя, физическiя и астрономическiя таблицы для среднихъ учебныхъ заведенiй. М. 1903. Ц. 30 к.

Фламмарюнь, К. Маленькая астрономiя. Перев. съ франц. Спб. 1902. Ц. 60 к.

### V. Словесность.

Александровскiй, Г. Нѣсколько данныхъ изъ психологii Гоголевскаго творчества. Киевъ. 1902. Ц. 15 к.

— Вадерiанъ Майковъ и его литературная дѣятельность. Историко-литерат. очеркъ. Киевъ. 1901. Ц. 30 к.

— Нѣкоторыя черты жизни, личности и мировоззрѣнiя гр. А. К. Толстого. Литерат. очеркъ. Киевъ. 1901. Ц. 15 к.

Амфитатровъ, А. Сказочныя были. Старое въ новомъ. Спб. 1903. Ц. 1 р.

Арнольдъ, Мэтью. Задачи современной критики. Перев. съ англ. М. 1902. Ц. 15 к.

Бенедиктъ. На жизненномъ базарѣ. Юмористическiя стихотворенiя. Спб. 1903. Ц. 1 рубль.

Богоявленскiй, Л. А. Въ новомъ мiрѣ. Романъ. Киевъ. 1902. Ц. 75 к.

Боденштедтъ, Ф. Пѣсни Мирзы-Шаффи. Вып. I. Юрьевъ. 1903. Ц. 40 к.

Брешно-Брешновскiй, Н. Н. Въ царствѣ красокъ. Повѣсти и рассказы. Спб. 1903. Ц. 1 р.

Бунинъ, Ив. Рассказы. Томъ I, изд. 2-е. Томъ II. Спб. 1903. Ц. кажд. 1 р.

Васюновъ, С. «Скорпионы». Современныя дѣятели московской прессы. М. 1901. Ц. 30 к.

Вѣра. Одна за многихъ. Изъ дневника молодой дѣвушки. Перев. съ нѣм. М. 1903. Ц. 50 к.

Вересаевъ, В. Рассказы. Томъ III. Спб. 1903. Ц. 1 р.

Волжскiй. Очерки о Чеховѣ. Спб. 1903. Ц. 80 к.

Героини Овидiя. Перев. съ латинскаго. Д. Шестакова. Казань. 1902. Ц. 1 р.

Гете, I. В. Фаустъ. Трагедiя въ стихотворномъ переводѣ Э. И. Губера съ иллюстрациями. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Голиковъ, В. М. «Ночныя думы». Стихотворенiя. М. 1902. Ц. 1 р.

Горькiй, М. Рассказы. 5 томовъ. Спб. 1903. Ц. кажд. 1 р.

Грабина, А. Т. Панъ Халаявскiй. Комедiя-фарсъ въ 4-хъ дѣйств. Киевъ. 1900. Ц. 50 к.

— Тоже. Нова 5-а дiя. Киевъ. 1902. Ц. 25 к.

Дучинскiй, Л. Э. Миссионерка. Пьеса въ 5 дѣйствiяхъ. Изъ жизни сельской учительницы. Спб. 1903. Ц. 80 к.

Жуковскiй, В. А. Тайны единенiя съ Богомъ въ подвигахъ старца Абу-Саида. Толкованiе на четверстиице Абу-Саида. Персидскiе текстъ. Спб. 1889. Ц. 4 р.

— Образцы персидскаго народнаго творчества. Пѣсни пѣвцовъ-музыкантовъ, пѣсни свадебныя, дѣсны колыбельныя, загадки. образцы разнаго содержания. Съ 10 рис. Спб. 1902. Ц. 3 р.

— Жизнь и рѣчи старца Абу-Саида Мейхенейскаго. Персидскiй текстъ. Спб. 1890. Ц. 1 р.

Заринъ, А. Е. Спиритъ. Романъ въ 6-ти главахъ. Спб. 1902. 1 р. 25 к.

Мачерець, Г. Чеховъ. Опытъ. М. 1902. Ц. 50 к.

Ниплингъ, Редiардъ. Рассказы — сказки. Съ рис. Перев. съ англ. Спб. 1903. Ц. 1 р.

Морецкiй, Н. Режиссеръ. Полный художественный сборникъ необходимыхъ руководствъ при постановкѣ спектаклей. Спб. 1903. Ц. 3 р.

- Крестовская, М.** Исповѣдь Мытцаева. Воцль. М. 1903. Ц. 1 р.
- Ксенинъ, Юсифъ.** Чернильные люди. Сочиненія статскаго совѣтника. Повѣсти, очерки и рассказы изъ чиновничьей жизни. Люблинъ. 1902. Ц. 1 р.
- Лассвицъ, Курдъ.** На землѣ и на Марсѣ. (На двухъ планетахъ). Ром. въ 2 ч. Пер. съ нѣм. М. 1903. Ц. 2 р.
- Лейкинъ, Н. А.** Купецъ пришелъ! Повѣствованіе о разорившемся дворянинѣ и разбогатѣвшихъ купцахъ. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.
- Лисы увертки.** Изъ-за яблочковъ. Два сказа (по Вушу). Передѣлано съ нѣм. Изд. 2-е. Спб. 1902. Ц. 40 к.
- Литературный сборникъ.** Памяти П. А. Некрасова (1877—1902). Серия I, вып. II. М. 1903. Ц. 50 к.
- Максимовъ, А. Я.** Вокругъ свѣта. Путевыя замѣтки и впечатлѣнія, въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1902. Ц. 2 р. 50 к.
- Безъ руля, комаса и вѣтриль. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1902. Ц. 2 р.
- На далекомъ Востоку. Полное собраніе сочиненій. Книга X. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.
- Мезеръ, А. В.** Черный Спартакъ. Изъ былыхъ дней острова Санъ-Доминго. Очеркъ жизни и дѣятельности Туссена Лувретьера и его времени. Съ рис. Спб. 1903. Ц. 50 к.
- Мейеръ-Ферстеръ, В.** Наслѣдныи принцъ. Романъ. Перев. съ нѣм. О. Н. Латернера. Съ 52 рис. Спб. 1903. Ц. 1 р.
- Мордовцевъ, Д.** Вельможная панна. 2 ч. Спб. 1903. Ц. кажд. 1 р. 25 к.
- Муравьевъ, В. В.** «Записки врача» Вересаева и медицинская наука. Публичная лекція. М. 1902. Ц. 30 к.
- Носиловъ, К.** Среди нашихъ инородцевъ. Очерки и рассказы. Спб. 1903. Ц. 80 к.
- \*Одоевскій, В. Ф., князь.** Повѣсти. Книжка I. Бригадиръ. Балъ. Наслѣшка мертвеца. Последній квартетъ Бетховена. Импровизаторъ. Себастьянъ Вахъ. Изд. 2-е. (Дешевая библ. А. С. Суворина № 110). Спб. 1902. Ц. 15 к.
- Осиповъ, Андрей.** Варичъ. Историческая повѣсть. Съ рис. Спб. 1902. Ц. 1 р. 75 к.
- Перцовъ, П.** Первый сборникъ (Славянофильство: Литература и театр. Путевые очерки). Спб. 1902. Ц. 1 р.
- Пѣсни о трудѣ.** Избранныя стихотворенія и статьи русскихъ писателей съ ихъ портретами. Спб. 1902. Ц. въ пер. 60 к.
- Письма русской женщины.** Собралъ Л. О. Вейнбергъ. М. 1903. Ц. 50 к.
- Плещеевъ, Александръ.** Не послѣдній. Драматическія сцены въ 4 д. Спб. 1903. Ц. 75 к.
- Понровская, М. И.** По подваламъ, чердакамъ и угловымъ квартирамъ Петербурга. Спб. 1903. Ц. 60 к.
- Половцовъ, А. В.** Ломоносовъ. Историко-бытовыя сцены XVIII вѣка, въ 4 дѣйств. и 5 картинахъ. Спб. 1903. Ц. 1 р. 35 к.
- Половъ, Сергій.** Изъ царства праздности. М. 1902. Ц. 1 р.
- Проблемы идеализма.** Сборникъ статей: С. П. Булгакова, кн. Е. П. Трубецкого, П. Г., Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, С. А. Аскольдова, кн. С. П. Трубецкого и друг. М. 1902. Ц. 3 р.
- Пшибышевскій, Станиславъ.** Homo sapiens. Романъ въ 3 част. Перев. съ польскаго. М. 1902. Ц. 2 р. 50 к.
- Рошаль, Е. А.** Планы и краткіе обзоры темъ литературнаго характера, задаваемыхъ для домашнихъ и класныхъ сочиненій во всехъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Часть I. Изд. 4-е. Спб. 1902. Ц. 1 р. 15 к.
- Рубанинъ, Н.** Среди мусульманъ. Рассказъ о двухъ туркахъ и о ихъ путешествіи въ Мекку. Съ 63 рис. Спб. 1903. Ц. въ накбъ 65 к.
- Савицкая, В.** Изъ жизни. Рассказы. Спб. 1902. Ц. 30 к.
- Сказка моря.** Баллада въ прозѣ Е. А. Сказочный морякъ (съ рис.) Зеть. Временныя правила по перевозкѣ пассажировъ и грузовъ на пароходахъ Морского Парох. 0-ва Кит-Вост. ж. дороги. Спб. 1902. Ц. 20 к.
- Сниталецъ.** Рассказы и пѣсни. Томъ I. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. 1 р.
- Современные армянскіе поэты,** Подъ ред. Л. Умаица и А. Дервиша. М. 1903. Ц. 1 р.
- Соломно, П.** Маленькія драмы. Этюды. Спб. 1902. Ц. 80 к.
- Сочиненія и планы-конспекты** на темы по русскому языку. (Сост. П. Л.). Вып. II, Изд. 2-е, перераб. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.
- Твэнъ, Маркъ.** Кружокъ смерти. Перев. съ англ. Спб. 1902. Ц. 10 к.
- Тысяча и одна ночь.** Арабскіе рассказы Шахразады. Первый полный русскій перев. Томъ II. Спб. 1903. Ц. 2 р.
- Утинъ, В. Л.** Синія борода. Китайская легенда. Спб. 1902. Ц. 15 к.
- Федоровъ, А. М.** Стихотворенія. Спб. 1903. Ц. 1 р.
- Чириновъ, Евгений.** Рассказы. Три тома. Спб. 1903. Ц. кажд. 1 р.
- Шеллеръ, А. К. (А. Михайловъ).** Школа жизни. — Глухая рознь. — Послѣ насъ. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.
- Шелли.** Полное собраніе сочиненій, въ переводѣ К. Д. Балъмонта. Томъ I. Спб. 1903. Ц. 2 р.
- Шляпинъ, И. А.** Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. Спб. 1903. Ц. 3 р.
- Шпидлеръ, Карлъ.** Царь Сіона. Перев. съ нѣм. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.
- Щеголовъ, Ив.** Литературный чтецъ. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

## VI. Исторія.

- Адлеръ, Б. Ф.** Возникновеніе одежды. Очер. Спб. 1903. Ц. 50 к.
- Альбомъ Мейерберга.** Виды и бытовыя картины Россіи XVII вѣка. Рисунки Дрез-

денскаго альбома, воспроизведенныя съ подлинника въ натуральную величину, съ прилож. карты пути Цесарскаго посольства 1661—1662 гг. Объяснительныя примѣчанія

1/288\*

- къ рисункамъ, составлены Ф. Аделунгомъ. Вновь просмотрѣны и дополнены А. М. Ловягинымъ. Спб. 1903. Ц. 15 р.
- Антошевскій, М. К. Надписи и девизы на русскихъ печатяхъ. Спб. 1903. Ц. въ пер. 2 р. 50 к.
- Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. Томъ IV, V и VI. Предисловіе и примѣчанія Б. А. Бильбасова. Спб. 1902. Ц. кажд. 5 р.
- Аванасьевъ, В. Къ 350-лѣтію покоренія Казани (1552—1902). Подлинная о Казанскомъ походѣ запись царственной книги 1552 года и сказаніе князя Курбскаго о покореніи Казани. М. 1902. Ц. 1 р. 50 к.
- Благовидовъ, Ф. В., проф. Этюдъ изъ исторіи высшаго образованія въ Россіи за время царствованія императоровъ Александра и Николая I. Казань. 1902. Ц. 50 к.
- Гашо, Эдуардъ. Первая кампанія французовъ въ Италиі (1795—1798 гг.). Спб. 1903. Ц. 3 р.
- Гессенъ, Ю. И. Евреи въ масонствѣ. Опытъ историч. изслѣдованія. Спб. 1903. Ц. 40 к.
- Деветъ, Хр. Воспоминанія бурскаго генерала. Борьба буровъ съ Англією. Перев. съ голландск. оригинала Е. Г. Половцевой, со введ., прим. и дополн. пастора Гиллота. Спб. 1903. Ц. 3 р.
- Де-Ветъ, Хр., генералъ. Борьба за свободу. Воспоминанія о трехлѣтній войнѣ буровъ съ англичанами. Перев. Л. Жданова. Спб. 1903. Ц. 1 р.
- Дидро и Екатерина II. Ихъ бесѣды, напечатанныя по собственноручнымъ запискамъ Дидро. Съ пояснительнымъ очеркомъ и примѣчаніями Мориса Турне. Въ переводѣ К. К. Толстого. Спб. 1902. Ц. 75 к.
- Дорофеевъ, Г. Н. Характеристика творчества Н. В. Гоголя. Тифлисъ. 1902. Ц. 60 к.
- Изъ исторіи государства Афинскаго. Сост. А. П. Харьковъ. 1903. Ц. 7 к.
- Крымскій, А. Исторія мусульманства. Самостоятельные очерки, обработки и дополненные переводы изъ Доли и Гольдцера. Часть I и II. М. 1903. Ц. 2 р. 75 к.
- Кузнецовъ-Красноярскій, Инн. Замѣтки о древнихъ обитателяхъ южныхъ частей Енисейской губ. Томскъ. 1902. Ц. 30 к.
- Къ 350-лѣтію покоренія Казани (1552—1902). Подлинная о Казанскомъ походѣ запись царственной книги 1552 года и сказаніе князя Курбскаго о покореніи Казани. Подъ ред. и съ прим. В. Аванасьева. М. 1902. Ц. 1 р. 50 к.
- Ланглюа, Ш. В. Инквизиція по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Перев. подъ ред. Н. Сперанскаго. М. 1903. Ц. 45 к.
- Линниченко, И. А. Душевная драма Гоголя. Одесса. 1902. Ц. 35 к.
- Литературный архивъ, издаваемый П. А. Картавовымъ. Спб. 1902. Ц. 1 р.
- Лясноронскій, В. Г. Городища, курганы и длинные (змѣевые) валы въ бассейнѣ р. Сулы. М. 1901. Ц. 1 р. 20 к.
- Миловидовъ, А. Устройство общественнаго быта крестьянъ Северо-Западнаго края при графѣ М. Н. Муравьевѣ. Вильна. 1903. Ц. 25 к.
- Первая русская газета въ Северо-Западномъ краѣ. М. 1902. Ц. 20 к.
- Нагуевскій, Д., проф. Обзорніе русскихъ монетъ, хранящихся въ нумизматическомъ музеѣ Импер. Казанскаго университета. Казань. 1903. Ц. 60 к.
- Остія гавань Рима. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Съ планомъ Ости. Казань. 1903. Ц. 50 к.
- Новомбергскій, Н. Очеркъ по исторіи аптечнаго дѣла въ до-Петровской Руси. Спб. 1902. Ц. 40 к.
- Памяти Леонида Николаевича Майкова. Спб. 1902. Ц. 3 р.
- Пѣтуховъ, Е. В. Императорскій Юрьевскій (бывшій Дерптскій) университетъ за столѣтѣ его существованія (1802—1902). Томъ I. Первый и второй періоды (1802—1865). Историч. очеркъ. Юрьевъ. 1902. Ц. 4 р.
- Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго. Юрьевъ. 1903. Ц. 60 к.
- Письма Н. Д. Иванчина-Писарева къ И. М. Снегиреву. Съ предисл. и примѣч. В. Л. Модзалевскаго. Спб. 1902. Ц. 50 к.
- Плутархъ XIX вѣка. Знаменитые люди XIX вѣка. Томъ II. 85 биографій и портретовъ. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.
- Радичъ, В. Богданъ Хмельницкій. Истор. очеркъ. М. 1903. Ц. 50 к.
- Райтъ, В. Краткій очеркъ исторіи сирійской литературы. Перев. съ англ. Спб. 1902. Ц. 3 р.
- Ростовцевъ, М. Римскія свинцовыя тессеры. Спб. 1903. Ц. 3 р. 50 к.
- Сборникъ въ память князя Павла Петровича Вяземскаго. Спб. 1902. Ц. 1 р.
- Синаискій, А. Магометанство въ его исторіи и отношеніи къ христіанству. Культурно-историч. очеркъ. Спб. 1902. Ц. 50 к.
- Смѣльницкій, И. Н. Основные черты духовнаго облика Н. В. Гоголя и роль его произведеній въ исторіи русскаго самосознанія. Воронежъ. 1902. Ц. 30 к.
- Степьмащенко, М. А. Политическая дѣятельность Петра Скарги. Историческое изслѣдованіе. Кіевъ. 1902. Ц. 1 р. 20 к.
- Цагарели, А. А. Грамоты и другіе историческіе документы XVIII столѣтія, относящіеся до Грузіи. Томъ II, вып. 2. Съ 1769 по 1801 годъ. Спб. 1902. Ц. 2 р.
- Штоль, Г. В. Разсказы изъ исторіи. Для школь и для дома. Перев. съ нѣм. Изд. 3-е, испр. Спб. 1903. Ц. 1 р.
- Щербатовъ, М. М., князь. Исторія російская отъ древнѣйшихъ временъ. Томъ IV, часть II и III. Спб. 1900. Ц. 5 р.

## VII. Географія.

- Ашмаринъ, М. И. Болгары и чуваша. Казань. 1902. Ц. 40 к.
- Лесгафтъ, Э. Краткій курсъ физической географіи. Спб. 1903. Ц. 80 к.
- Марковъ, Ев. Очерки Крыма. Картины Крымской жизни, исторіи и природы. Изд. 3-е. Спб. 1902. Ц. 5 р.
- Мечъ, Сергѣй. Италиа. Съ 40 рис. въ текстѣ. М. 1903. Ц. 50 к.
- Нагуевскій, Д. Остія, гавань Рима. По но

вѣйшимъ изслѣдованіямъ. Съ планомъ Остіи. Казань. 1903. Ц. 50 к.

Паркьеръ, Э. Китай, его исторія, политика и торговля съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Пер. съ англ. Съ 6 картинками. Спб. 1903. Ц. 3 р. 50 к.

Пузыревскій, Н. П. Матеріалы для описанія русскихъ рѣкъ и исторіи улучшенія ихъ судоходныхъ условій. Вып. I. Днѣстръ,

его описаніе и предположенія объ улучшеніи. Съ 7 лист. чертежей. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Харузинъ, Николай. Этнографія. Вып. II. Семья и родъ. Спб. 1903. Ц. по подп. на все сочиненіе 5 р.

Черевниова, А. А. Очерки современной Япо-  
віи. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

## VIII. Сельское хозяйство.

Бертенсонъ, В. А. По югу Россіи. Сельско-хозяйственныя очерки, наблюденія и замѣтки. Вып. IV. Одесса. 1902. Ц. 60 к.

Василевскій, В. I. Средства для истребленія всевозможныхъ животныхъ и растительныхъ паразитовъ. Спб. 1903. Ц. 20 к.

Гайно, И. И. Практическое плодоводство (для среднихъ и восточныхъ губерній). Съ 43 рис. въ текстъ. М. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Зубы лошади и опредѣленія возраста по нимъ. Копыто лошади, его строеніе и ковка. Наглядныя разборныя модели. Кр. текстъ состав. И. Н. Потапенко. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Костычевъ, П. А. О разведеніи хлѣбовъ и другихъ сельско-хозяйственныхъ растений. М. 1903. Ц. 4 к.

— О жизни растений, о томъ, въ чемъ растенія нуждаются при жизни и что съ ними дѣлается послѣ ихъ смерти. М. 1903. Ц. 5 к.

— Обработка земли для посѣва хлѣбовъ и другихъ растений. М. 1903. Ц. 4 к.

Масловъ, Петръ. Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи. Опытъ анализа сельско-хозяйственныхъ отношеній. Спб. 1903. Ц. 2 р. 75 к.

Малимовъ, Б. П. Вѣсды по вопросамъ гигиены въ плодовомъ саду. Астрахань. 1903. Ц. 85 к.

Нейштубе, С. Т. Животноводство. Книга I. Съ 5 рис. въ текстъ. Спб. 1903. Ц. 50 к.

Сельско-хозяйственный календарь на 1903 г. Сост. д-ръ В. Книримъ. Рига. 1902. Ц. въ пер. 1 р. 50 к.

Степановъ, А. М. Лѣчебникъ домашнихъ животныхъ. М. 1903. Ц. 12 к.

Халютинъ, П. В. Переселенцы Тюкалинскаго уѣзда, Тобольской губ. Описаніе 6 поселковъ Покровской волости по даннымъ произведеннаго въ 1901 году подворнаго изслѣдованія. Вып. X. Спб. 1902. Ц. 40 к.

«Яблоня». Краткое руководство къ правильной ея посадкѣ и надлежащему за ней уходу для достиженія ежегоднаго плодоношенія. Антоновка. М. 1903. Ц. 35 к.

## IX. Технологія.

Байновъ, А. А. Изслѣдованіе сплавовъ мѣди и сурьмы и явленій закалки, въ нихъ наблюдаемыхъ. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Берловъ, М. Н. Детали машинъ. Руководство по расчету и проектированію деталей машинъ для студентовъ и учениковъ технич. училищъ. Вып. I. Волты и клинья. Вып. II. Заклепочныя соединенія. Вып. III. Клепка паровыхъ котловъ. Рига. 1902. Ц. I вып. 1 р. 60 к., II и III по 2 руб.

Maeder, erw. Парораспределеніе въ паровыхъ машинахъ. Для практики и технич. училищъ. Перев. съ нѣмец. М. 1903. Ц. 3 р.

Зиминъ, М. П. Къ вопросу объ устройствѣ городскихъ противопожарныхъ водопроводовъ. М. 1902. Ц. 20 к.

Календарь для электротехниковъ на 1903 г. Сост. О. Э. Страусъ. Кіевъ. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Креник. Руководство къ разбивкѣ закругленій на обыкновенныхъ и желѣзныхъ дорогахъ, съ полн. таблицами и чертежами. Пер. съ нѣм. Изд. 3-е. Спб. 1903. Ц. 80 к.

Павловскій, Ал. Ант. О примѣненіи антрацита къ отопленію паровозовъ и постоянныхъ котловъ. Спб. 1902. Ц. 35 к.

Поповъ, Я. И. Стропила, кровля и обрѣшетки. Руководство, примѣненное къ программамъ испытанія для лицъ, ищущихъ

право на производствo работъ по гражданско-строительной и дорожной части и на званіе техника путей сообщеній. Спб. 1902. 2 р. 75 к.

Сальмоновичъ, П. О. Руководство къ составленію смѣтъ и технич. отчетности. Справочная книга для строителей. Часть III, изд. 3-е, исправл. и дополн. Спб. 1903. Ц. 3 р.

Технический календарь. Н. М. Бихеле. На 1903 г. Справочная книжка для гг. инженеровъ, архитекторовъ, строителей и механиковъ. Спб. 1903. Ц. въ пер. 2 р. 50 к.

Тимоховичъ, С. Я., инженер. Провѣтриваніе жилыхъ, общественныхъ и фабричныхъ помѣщеній, наружнымъ неподогрѣтымъ воздухомъ. М. 1902. Ц. 50 к.

Хедеръ, Индикаторъ. Прак. руководство къ изслѣдованію паровыхъ машинъ и котловъ для фабрикантовъ, заводчиковъ и техниковъ. Перев. съ нѣм. М. 1903. Ц. 4 р. 50 к.

Химическій календарь на 1903 годъ. Спб. 1902. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

Ясинскій, Ф. С., проф. Инст. Инж. Пут. Сообщ. Собраніе сочиненій. 2 тома. Спб. 1902. Ц. по подп. на все сочин. въ 3 т. 9 р.

— Устойчивость деформациіи и стати к сооруженій. Лекціи. Спб. 1902. Ц. 3 р. 25

## Х. Правовѣдѣніе.

**Абаевъ, М. Н.** Алфавитный перечень бумагъ, актовъ и документовъ, подлежащихъ гербовому сбору и изъятыхъ отъ него. Саратовъ. 1903. Ц. 60 к.

**Абрамовичъ, К.** Практическое руководство къ новому уставу о векселяхъ, съ разъясненіями и рѣшеніями Прав. Сената. Спб. 1903. Ц. 1 р. 20 к.

**Громачевскій, С. Г.** Уставъ о гербовомъ сборѣ со всеми разъясненіями. Житомиръ. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

**Двадцать седьмой отчетъ** комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

**Дружининъ, Н. П.** Азбука законовѣдѣнія. Изъ «Книги взрослыхъ». М. 1902. Ц. 10 к.

**Зайденманъ, Л. О.** Аптечная привилегія. Обзоръ дѣйств. законодательства и административной практики по аптечному дѣлу. Спб. 1903. Ц. 60 к.

**Заявленіе страхователя А. Пеленкина** въ Правленіе Росс. 0-ва застрахованія капиталовъ и доходовъ въ 1836 году. Спб. 1902. Ц. 50 к.

**Кюшнарковъ, Михаилъ.** Статистическій очеркъ хозяйственнаго и имущественнаго положенія крестьянъ Орловской и Тульской губеррій. Спб. 1902. Ц. 75 к.

**Клушинъ, А. А.** Городскія бойни и привозное мясо. Спб. 1903. Ц. 60 к.

**Лебедевъ, С.** Необходимыя аграрныя реформы въ Россіи. М. 1903. Ц. 40 к.

**Литвиновъ-Фалинскій, В. П.** Организанія и практика страхованія рабочихъ въ Германіи и условия возможнаго обезпеченія рабочихъ въ Россіи. Спб. 1903. Ц. 2 р. 50 к.

**Лорія, А.** Соціологія. Ея задача, направленія и новѣйшіе успѣхи. Перев. съ нѣмец. Спб. 1903. Ц. 60 к.

**Матвѣевъ, А.** Желѣзное дѣло Россіи въ 1901 году. Спб. 1902. Ц. 5 р.

**Мигулинъ, П. П.** Русскій сельско-хозяйственный банкъ. Къ вопросу о нуждахъ нашей сельско-хозяйственной промышленности. Харьковъ. 1902. Ц. 75 к.

**Михайловъ, М. Л.** Женщины, ихъ воспитаніе и значеніе въ семьѣ и обществѣ. Женщины въ университетѣ. Спб. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

**Монковскій, І.** Горнопромышленные синдикаты. Часть I. Харьковъ. 1902. Ц. 75 к.

**Образцы и формы** векселей, обязательствъ, договоровъ, завѣщаній и разныхъ судопроизводственныхъ бумагъ. Изд. 4-е, испр. и дополи. Рига. 1903. Ц. 80 к., въ пер. 1 р.

**Общее дѣло.** Сборникъ статей по вопросамъ распространенія образованія среди взрослаго населенія. Подъ редакц. В. С. Костромьяной. Вып. II. М. 1902. Ц. 1 р. 60 к.

**Озеровъ, Ив., проф.** Итоги экономическаго развитія XIX вѣка. Спб. 1902. Ц. 40 к.

— Развитие общецелѣвитческой солидарности. М. 1902. Ц. 25 к.

**Полный сводъ рѣшеній** Гражд. Кассат. Д.—та Прав. Сената. За 1863 г. №№ 83—368. Екатеринбургъ. 1902. Ц. 2 р.; №№ 1—368. Ц. 5 р.

**Роммъ, Р.** Страхование рабочихъ въ Германіи. Перев. Н. А. Гольцевой. М. 1902. Ц. 15 к.

**Стрижневскій, М. А.** Добрые совѣты начальникамъ желѣзнодорожныхъ станцій и лицамъ, изучающимъ ихъ обязанности. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

**Субботинъ, А. П.** Основы промышленнаго кредита въ Россіи. Спб. 1903. Ц. 80 к.

**Тотоміанцъ, В.** Мошь кооперациі. Изд. 2-е. М. 1903. Ц. 15 к.

**Турже-Туржанская (де), Евгенія.** Женскій вопросъ въ связи съ новымъ закономъ «о незаконнорожденныхъ». Смоленскъ. 1902. Ц. 20 к.

**Указатель дѣйствующихъ** въ Имперіи акціонерныхъ предриятій. Сост. подъ редакц. В. А. Дмитриева-Маловой. Спб. 1903. Ц. въ пер. 12 р.

**Шванебахъ, П. X.** Наше податное дѣло. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

**Юшневичъ, В. А., проф.** Торговое право. Его понятіе, характеристика и отношеніе къ праву гражданскому. Томскъ. 1902. Ц. 25 к.

## XI. Медицина.

**Алексѣевъ, М. Т., Варшавскій, Е. С., и Гедеройцъ, А. К.** Способы леченія и рецепты с.-петербургскихъ клиникъ. По клинич. лекціямъ и подъ редакц. г. профессор. и прив.-доцентомъ Имп. Воен.-Медич. Академіи. Часть I, изд. 2-е, испр. и дополи. Спб. 1903. Ц. 1 р. 40 к.

**Бинштонъ, В. И.** Наставленіе для дезинфекторовъ (въ вопросахъ и отвѣтахъ). Спб. 1903. Ц. 30 к.

**Врискъ, W. W.** Имплобированіе зубовъ фарфоромъ. Система Tenkins'a. Учебникъ для зубныхъ врачей и учащихся. Съ 116 рис. въ текстѣ. М. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

**Главное руководство по** врачебной наукѣ **Тибета, Жуд—Ши.** Въ нов. переводѣ П. А. Бадмаева. Спб. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

**Дитрихъ, Г.** Лѣченіе свѣтомъ и его примѣненіе при болѣзняхъ кожи, почекъ, разстройствѣ обмена веществъ, ревматизмѣ, подагрѣ, волчанкѣ, малокровіи и т. д. М. 1903. Ц. 50 к.

**Жане, Пьеръ.** Неврозы и фиксированныя идеи. Перев. съ франц. Спб. 1903. Ц. 3 р.

**Жуковский, В. П.** Врожденный сифилисъ сердца. Харьковъ. 1903. Ц. 50 к.

**Кремлянский, Я. С.** О наиболее вѣрныхъ способахъ изслѣдованія коховскихъ истинныхъ бугорчатыхъ палочекъ везувинной реакціи, для врачей, студентовъ и публики. Спб. 1903. Ц. 40 к.

**Kustner, O., проф.** Краткій учебникъ гистологіи. Перев. съ нѣм. Съ 260 рис. въ текстѣ. Спб. 1903. Ц. 3 р. 20 в.



**Левинъ, Л. Т.** О состояніи слухового органа при дифтеріи. Клиническія и патолого-анатомическія изслѣдованія. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

**Нинитинъ, В. Н.** Руководство къ изученію ларингоскопіи и болѣзней гортани. Изд. 3-е. Съ 47 рис. въ текстѣ. Спб. 1903. Ц. 3 р.

**Поповъ, Н. М., д-ръ.** Клиническія лекціи по нервнымъ болѣзнямъ. Вып. II. Съ 15 рис. въ текстѣ. Казань. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

**Похитонова, М. К.** Красота женщины, ея

совершенствованіе и сохраненіе путемъ гимнастики. Спб. 1902. Ц. 1 руб., въ пер. 1 р. 50 к.

**Ришаръ, Д.** Мужчина и женщина въ половомъ отношеніи. Перев. съ франц. Съ рис. въ текстѣ. Спб. 1903. Ц. 1 р.

**Федоровскій, В.** Къ вопросу объ агглютинаціи сапныхъ микробовъ съ точки зрѣнія сравнительной патологии и дифференціальной діагностики. Спб. 1903. Ц. 1 р.

## ХII. Военное и морское дѣло.

**Военно-справочный календарь на 1903 г. М.** 1903. Ц. 1 руб.

**Гейсманъ, П. А.** Генеральный штабъ. Кр. истор. очеркъ его возникновенія и развитія. Часть I. Генеральный штабъ до Наполеона I. Спб. 1903. 1 р. 50 к.

**Дружининъ, К.** Пособіе для изученія дѣйствій германской кавалеріи въ кампанію 1870 года по изданію К. Дружинина. Спб. 1901. Ц. 50 к.

— Изслѣдованіе стратегической дѣятель-

ности германской кавалеріи въ кампанію 1870 года. Шпихерская (Форбахская) операція. 2-го—6-го августа. Спб. 1901. Ц. 2 р.

— То же, Марсъ-ла-Турская операція. 7-го—15-го августа. Съ 6 схемами. Кавалерійскія атаки въ сраженіи при Марсъ-ла-Турѣ. Спб. 1902. Ц. 3 р.

— То же. Гравелоттская и Седанская операція. 17-го августа—1-го сентября. Съ 4 схемами. Атаки Французской кавалеріи въ сраженіи подъ Седаномъ. Спб. 1901. Ц. 3 р.

## ХIII. Искусство.

**Легать, И. н с., бр.** Русскій балетъ въ карикатурахъ. Спб. 1902. Ц. по подп. на 10 вып. 25 р.

**Мысли объ искусствѣ знаменитыхъ фило-софовъ и писателей. М.** 1903. Ц. 30 к.

**Писаревъ, С. Н.** Древне-русскій орнаментъ. Съ X по XVIII в. вклучительно на парчахъ, на бойкахъ и др. тканяхъ. Спб. 1903. Ц. 20 р.

**Танцы, ихъ исторія и развитіе съ древнихъ временъ до нашихъ дней (по изданію Г. Вюльде).** Спб. 1903. Ц. 2 р.

**Шлезингеръ, Ст.** Разборъ нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся наличности аппарата. (Шанинъ-Методологъ, вып. 4-й). Спб. 1903. Ц. 40 к.

## ХIV. Воспитаніе и обученіе. Дѣтскія книги.

**Анастасіевъ, А.** Народная школа. Руководство для учащихся въ начальныхъ училищахъ. Изд. 2-е, испр. и дополн. Казань. 1903. Ц. 3 р. 50 к.

**Бутовскій, А. Д.** Новые методы въ воспитаніи. Спб. 1902. Ц. 50 к.

**Василиса-Прекрасная.** Сказка. Спб. 1902. Ц. 75 к.

**Гриммъ, Бр.** Избранныя сказки. Перев. А. С. Фридеманъ. Спб. 1903. Ц. 80 к.

**Дорофеевъ, Г. К.** О литературныхъ бесѣдахъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тифлисъ. 1901. Ц. 50 к.

**Желховская, В. П.** Звѣздочки. Рождественскіе рассказы. Изд. 2-е. Спб. 1902. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

**Кругловъ, А. В.** Счастье. Пов. для дѣтей школьнаго возраста, въ 2 ч. Изд. 3-е. Спб. 1902. Ц. 80 к., въ папкѣ 1 р.

**Любичъ-Кошуровъ, І. А.** Воробей и сорокопуть. Рассказъ для дѣтей. Съ 20 рис. М. 1902. Ц. 35 к.

**Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.** Золотая муха и другіе рассказы. М. 1903. Ц. 1 р.

**Морганъ Ллойдъ.** Изъ міра животныхъ. Съ 53 рис. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

**Петровъ, Конст. Фед.** Русскій языкъ. Опытъ практич. учебника русской грамматики. Синтаксисъ въ образцахъ. Изд. 10-е. Спб. 1903. Ц. 40 к.

**Пушкинъ, А. С.** «Сказка о царѣ Салтанѣ, сынѣ его, славномъ и могучемъ богатырѣ Гвидонѣ Салтановичѣ, и прекрасной царевнѣ Лебеди». Спб. 1902. Ц. 30 к.

**Рождественъ, А.** Воспитаніе и обученіе съ точки зрѣнія опытной психологіи (по Гримальму Джемсу). Казань. 1903. Ц. 15 к.

**Сказки шведскія, норвежскія и финскія.** Переводъ А. Эдьвенгрень. Съ 25 рис. Спб. 1902. Ц. въ пап. 1 р.

**У колыбели новорожденнаго Христа.** Рождественскій рассказъ о поклоненіи волхвовъ. Перев. съ англ. Спб. 1903. Ц. 50 к.

## ХV. справочный отдѣлъ.

«Бережливая хозяйка». Календарь и справочная-записная книжка на 1903 годъ. Спб. 1903. Ц. 35 к.

Весь Петербургъ на 1903 годъ. Адресная и справочная книга гор. С.-Петербурга. Спб. 1902. Ц. въ пер. 4 руб.

- Бышемирский, А. П. Организациі заводскаго счетоводства. Усовершенствованный типъ бухгалтерія и отчетности для заводскихъ предприятий. Николаевъ. 1902. Ц. 2 р. 50 к.
- Государственной службы календарь на 1903 г. Карманный календарь-записная книжка для чиновниковъ. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.
- \*Иллюстрированное приложение къ газетѣ «Новое Время» за декабрь 1902 года. Ц. 25 к.
- Иллюстрированный календарь Краснаго Креста на 1903 г. Спб. 1902. Ц. 1 р.
- Календарь для врачей на 1903 г. Спб. 1902. Ц. въ пер. 2 р.
- Календарь снягаго креста на 1903 г. Спб. 1902. Ц. въ пер. 3 р.
- Карманный керамическій календарь на 1903 г. Николаевъ. 1902. Ц. въ пер. 1 р.
- Клоссъ, морицъ, д-ръ. Упражненія съ гириами (комнатная гимнастика съ гирами). Перев. съ нѣмец. Съ 26 рис. въ текстѣ. Спб. 1903. Ц. 35 к.
- Красильниковъ, М. Популярно научная книга, доказывающая счастливые результаты выигрыши. билетомъ I, II и III займа, съ указаніемъ билетомъ безусловно несчастливыхъ, т.-е. такихъ, на которые ни въ какомъ случаѣ невозможно выиграть, а также съ указаніемъ билетомъ, которые можно не сграть ховать отъ погашенія на 1903, 1904 и 1905 г. Изд. 5-е. Спб. 1903. Ц. 1 р.
- Музыкальный календарь на 1903 годъ. Спб. 1903. Ц. 1 р.
- Первый женскій календарь на 1903 г. Сост. П. Н. Аріанъ. Медицинскій отдѣлъ подъ ред. проф. Н. И. Выстрова. Спб. 1902. Ц. 1 р.
- Сибирскій торгово-промышленный календарь на 1903 г. Томскъ. 1902. Ц. 2 р.
- St.-Petersburger deutscher Fsmilien-Kalender 1903 г. Спб. 1903. Ц. 15 к.
- Указатель русской экономической литературы съ прилож. стихотвореній и некоторыхъ иностранныхъ журналовъ. Вып. I. Спб. 1903. Ц. 80 к.
- Хорошій тонъ. Сборникъ правилъ и совѣтовъ на всѣ случаи жизни общественной и семейной. Изд. 4-е, испр. и дополн. Спб. 1903. Ц. 2 рубля.
- Черный король. Альманахъ «Шахматнаго Обзорнія» за 1902 годъ. М. 1903. Ц. 1 р.
- Четверниковъ, М. А. Календарь-типографъ на 1903 годъ. Справочная и записная книжка съ прил. Устава о цензурѣ и печати. Спб. 1902. Ц. въ пап. 75 к.

\*) Изданія А. С. Суворина.

Доволено цензурою 27 января 1903 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 13.



# ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

## „ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

~~~~~

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

~~~~~

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.



Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.



ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13







ИСТОРИЧЕСКІЙ  
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-  
ЛИТЕРАТУРНЫЙ  
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

МАРТЪ, 1903

# СОДЕРЖАНИЕ.

МАРТЪ, 1903 г.

	СТРАН.
I. Военные мужики. (Романъ). XVII—XXIV. (Продолженіе). Графа <b>Е. А. Саласа</b> . . . . .	849
II. Изъ семейной хроники. I. Бабушка <b>Н. И. Перелыгина</b> . . . . .	881
III. Шестимѣсячное царствованіе Петра III. Историко-біографическій очеркъ. I—II. <b>В. А. Тимирязева</b> . . . . .	891
IV. Изъ записокъ петербургскаго полицеймейстера <b>Ф. Ф. Дубисса-Крачака</b> . Гл. IX—X. (Продолженіе) . . . . .	914
V. Царедворецъ-ученый. I. <b>В. И. фонъ-Штейна</b> . . . . .	936
VI. Василий Алексѣвичъ Стѣпцовъ. <b>В. С. Маркова</b> . . . . .	957
<b>Иллюстраціи:</b> 1) Домъ въ имѣніи Стѣпцовыхъ, Александровскъ. — 2) Могила Стѣпцова на кладбищѣ въ г. Сердобскѣ.	
VII. Изъ записокъ еврея. I—IV. <b>А. Г.</b> . . . . .	977
VIII. Майковъ и катакомбы. <b>А. В. Сандро</b> . . . . .	1010
IX. Мужики-дворяне. (Бытовой этюдъ). <b>Н. А. Хлопова</b> . . . . .	1030
X. Изъ воспоминаній о преосвященномъ Варлаамѣ, епископѣ пензенскомъ. <b>Н. М. Доброуравова</b> . . . . .	1037
XI. Какъ гибнутъ остатки русской старины. <b>П. А. Оленина</b> . . . . .	1042
<b>Иллюстрація:</b> Карикатура, рисованная П. А. Оленинымъ и художникомъ Брюдловымъ.	
XII. Русскій монастырь въ Болгаріи. <b>Г. Брандта</b> . . . . .	1048
<b>Иллюстраціи:</b> 1) Александро-Невская церковь въ Ямболѣ въ 1896 году.— 2) Общій видъ русскаго монастыря въ Ямболѣ въ 1900 году.	
XIII. По Маринской системѣ. (Путевые наброски). X—XII. (Окончаніе). <b>И. Ф. Тюменева</b> . . . . .	1057
<b>Иллюстраціи:</b> 1) Бесѣдная гора.—2) Вытегорскій погостъ.—3) Шлюзъ св. Василия. — 4) Плотина св. Павла. — 5) Шлюзъ св. Самсонія. — 6) Шлюзъ св. Андрея.—7) У шлюза св. Николая.—8) Шлюзъ св. Александра.—9) Аннинскій мостъ.—10) Шлюзъ Польза. (Начало Бѣлозерскаго канала).—11) Памятникъ на Бѣлозерскомъ каналѣ на берегу Бѣлоозера.—12) Схематическій планъ Бѣлозерской крѣпости. — 13) Городъ Бѣлозерскъ.—14) Шексна. Никитскій монастырь. Горюдокъ.—15) Горницкій женскій монастырь.—16) Икона святого Дмитрія-царевича въ Горницкомъ монастырѣ на р. Шекснѣ.—17) Шексна подъ Горницами.—18) Череповецъ. Соборъ съ моста.—19) Часовня монастыря св. Филиппа Иранскаго и часовня «Источница» въ Череповцѣ.—20) Устье Шексны подъ Рыбинскомъ.	
XIV. Записки Нѣмцевича. <b>И. Кучинскаго</b> . . . . .	1109
XV. Критика и библиографія . . . . .	1120

1) Альбомъ Мейерберга. Виды и бытовая картины Россіи XVII вѣка. Объяснительныя примѣчанія къ рисункамъ составлены Ф. Аделунгомъ, вновь просмотрѣны и дополнены А. М. Ловягинимъ. Спб. 1903. Альбомъ Мейерберга. Рисунки древне-русскаго альбома, воспроизведенные съ подлинника въ натуральную величину, съ приложеніемъ карты пути цесарскаго посольства 1661—1662 гг. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1903. **А. И. Яцимирскаго**.—2) Сборникъ біографій кавалергардовъ 1724—1762 г. По случаю столѣтняго юбилея Кавалергардскаго Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны полка. Составленъ подъ редакціей С. Панчулидзева. Спб. 1901. **В. Грибовскаго**.—3) Столѣтіе военнаго министерства. Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній. Историческій очеркъ. Составилъ П. В. Петровъ. Спб. 1902. **Н. Ф.** — 4) Е. Е. Голубинскій. Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Изданіе второе. М. 1903. **С.**—5) Библиотека Московскои синодальной типографіи. Часть первая. Рукописи. Выпускъ 4-й. Матеріалы и оригиналы Вѣдомостей 1702—1727 гг. Описаль В. Погорѣловъ. М. 1903. Вѣдомости времени Петра Великаго. Вып. 1-ый. 1703—1707 гг. Въ память двухсотлѣтія первой русской газеты. Изданіе Московскои синодальной типографіи. М. 1903. **п. щ.**—6) Каллампъ, В. В. Puschkiniana. I. Библиографическіе труды о Пушкинѣ, ихъ общій характеръ и научное значеніе. П. Стихотворенія о Пушкинѣ (1817—1849). Кіевъ, 1902. Сиповскій, В. Пушкинская юбилейная литература 1899—1900 гг. Критико-библиографическій обзоръ. Изданіе Пушкинскаго лицейскаго общества. Спб. 1902. **п. щ.**—7) Царская и императорская охота на Руси. Колецъ.

См. слѣд. стр.

XVII и XVIII вѣка. Историческій очеркъ Николая Кутенева. Томъ III. Спб. 1903. с. ш.—8) П. Н. Красновъ. По Азін. Путевые очерки Манчжуріи, Дальняго Востока, Японіи и Индіи. Спб. 1903. **Сергѣя фонъ-Штейна.** — 9) Сказочныя былія. А. Амфитеатровъ. Изданіе И. В. Райской. Спб. 1903. и. н. з.—10) В. Я. Стоюнинъ. Педагогическія сочиненія. Второе изданіе. Спб. 1903. А. Б.—11) Григорій де-Волланъ. Въ странѣ Восходящаго Солнца. Очерки и замѣтки о Японіи. Спб. 1903. **Сергѣя фонъ-Штейна.**—12) «Сборникъ законовъ объ устройствѣ крестьянъ и инородцевъ Сибири и Степного края. Составилъ Г. Г. Савичъ. Изданіе неофиціальное. Спб. 1903. ии. нии. Об.—13) Сборникъ въ память князя Павла Петровича Вяземскаго. Печатано по распоряженію комитета императорскаго общества любителей древней письменности. Спб. 1902. и. ф.—14) Малый Энциклопедическій Словарь. Издатели Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1899—1902. Томъ I: А—Гебгардъ; томъ II: Гебдонъ—Лангеландъ; томъ III: Лангенбекъ—Уссоуъ. **Бор. Городецкаго.**—15) Людвигъ Крживицкій. Психическія расы. (Опытъ психологии народовъ). Переводъ съ польскаго Р. В. Крживицкой подъ редакціей автора. Спб. 1902. **В. Грибовскаго.**—16) Monografie w zakresie dziejow nowozytnych. Wydawca Szynoi Askenazy. Tom I. Rzady tymczasowe w królestwie Polskiem. Maj-Grudzien 1815. Przez Jozefa Bojasinskiego. Warszawa. 1902. и. х.—17) Радзивилловская или Кенигсбергская лѣтопись. I. Фото-механическое воспроизведеніе рукописи. II. Статьи о текстѣ и миниатюрахъ рукописи. Спб. 1902. и. —18) Н. В. Бѣлозерскій. Справочная книга для коллекціонеровъ памятниковъ старины въ Россіи (преимущественно монеты). Спб. 1903. **М. О. Си—вича.**—19) Эразмъ Роттердамскій. Похвала глухости. Переводъ съ предисловіемъ, введеніемъ и примѣчаніями П. Н. Ардашева, профессора Юрьевского университета. Юрьевъ, 1902. **Д. З—нина.**—20) И. Ф. Павловскій. Полтава въ началѣ XIX вѣка. (Очерки по архивнымъ даннымъ съ рисунками). Вып. I. Генераль-губернаторство князя А. Б. Куракина (1802—1808 гг.). Киевъ. 1902. **В. Г. Краснянскій.** Мѣсяскій департаментъ великаго княжества Литовскаго. (Этюдъ изъ истории войны 1812 г.). Спб. 1902. **А. Нинтинскаго.**—21) Вопросы психологии творчества. Д. Н. Овсянко-Куликовскій, профессоръ Харьковскаго университета. Спб. 1902. **В. И.**—22) Указатель латышской переводной беллетристики. Составилъ М. Аронсъ. Изданіе научной комисіи при Рижскомъ латышскомъ обществѣ. Рига. 1902. **А. Мальмгрена.**—23) История русской живописи въ XIX вѣкѣ. Александра Бенуа. Изданіе товарищества «Знамя». Спб. 1902. **А. И. Яцимирскаго.**—24) П. Милоковъ. Изъ истории русской интеллигенціи. Сборникъ статей и этюдовъ. Спб. 1902. **щ.**—25) Записки общества исторіи, филологіи и права при императорскомъ Варшавскомъ университетѣ. Выпускъ I. Варшава. 1902. л. м.

#### XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи . . . . . 1169

1) Быть испанскихъ студентовъ XV и XVI вѣковъ.—2) Историческое преслѣдованіе свободы совѣсти.—3) Кендербъ, какъ астрологъ.—4) Марія-Антуанета на общественныхъ маскерадахъ.—5) Мать Гете.—6) Госпожа Сталь и Наполеонъ.—7) Людовикъ XVIII въ частной жизни.—8) Венеціанскіе и майорскіе влюбленные.—9) Процессъ Велепольскаго.—10) Смерть кардинала Парокки и Петко Каравелова.

#### XVII. Смѣсь . . . . . 1200

1) Юбилейная выставка.—2) Двадцатипятилѣтіе общества любителей древней письменности.—3) Диспутъ Е. Н. Щейкина.—4) Сочиненія Э. П. Буслаева.—5) Памятникъ И. К. Айвазовскому.—6) Московское археологическое общество.—7) Общество археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ.—8) Общество любителей древней письменности.—9) Засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринбургѣ.—10) Преобразование кievскаго центрального архива.—11) Древній храмъ въ Гаграхъ и мѣстныя древности.—12) Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ.—13) Географическое общество.

#### XVIII. Некрологи . . . . . 1218

1) Ашхарумовъ, И. Д.—2) Германъ, епископъ.—3) Головачевъ, А. А.—4) Ивановскій, А. О.—5) Клопоноговскій, Болеславъ.—6) Лешъ, Э. А.—7) Лисовскій М. Г.—8) Лохвицкій, М. Д.—9) Минтредьскій, Н. Д., свѣтлѣйшій князь.—10) Песковский, М. Г.—11) Пovalo-Швыковскій, А. Н.—12) Розингъ, И. И.—13) Сеславинъ, Д. Н.—14) Смирновъ, Н. П.—15) Терещенко, Н. А.—16) Шрейберъ, П. П.—17) Теогность, митрополитъ.

#### XIX. Замятки и поправки . . . . . 1229

1) Къ статьѣ г. Иноземцева о народномъ театрѣ. **Ив. Захарьина** (Яннина).—2) Отвѣтъ г-жамъ Тиранъ и Скобельцной. **А. Ю. Бизюкиной.**—3) Письмо въ редакцію. **В. С. Кривенно.**

#### XX. Объявленія.

**ПРИЛОЖЕНІЯ:** 1) Портретъ Василія Алексѣевича Слѣпцова.—2) Двѣ любви. (Via crucis). Романъ изъ исторіи второго крестоваго похода. **Моріона Кровфорда.** Переводъ съ англійскаго. Часть первая. Гл. IX—X. (Продолженіе).





## СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯНОСТО ПЕРВАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЪ 1903 года).

	СТРАН.
Военные мужики. (Романъ). I—XXIV. Графа <b>Е. А. Салиаса</b> . . .	7, 417, 849
Пзъ записокъ графа <b>А. Х. Бенкендорфа</b> . . . . .	37, 447
Къ двадцатипятилѣтію освобожденіи Болгаріи. Заключение перемирія въ Адріанополѣ 19-го января 1878 года. <b>А. И. Нелидова</b> . . . . .	66
Роковая спѣвка. (Разсказъ). <b>И. Н. Поталенко</b> . . . . .	82
Полвѣка назадъ. (Отрывокъ пзъ воспоминаній). <b>Г. К. Градовскаго</b> . . .	103
Пзъ записокъ петербургскаго полицеймейстера <b>Ө. Ф. Дубисса-Крчана</b> . Гл. I—X. . . . .	118, 488, 914
Воспоминанія о Сперанскомъ <b>П. П. Баснина</b> . . . . .	152
Двухсотлѣтіе русской печати (1703—1803). <b>Н. А. Энгельгардта</b> . .	174, 558
<b>Ө. М. Достоевскій</b> въ Семипалатинскѣ. <b>А. В. Снандина</b> . . . . .	200

**Иллюстраціи:** 1) **Өедоръ Михайловичъ Достоевскій.**—2) Деревянная казарма, одинаковая по вѣншему виду съ казармой, сгорѣвшей въ 1881 году, гдѣ несъ солдатскую службу **Ө. М. Достоевскій.**—3) Изба (бывшее караульное помѣщеніе), гдѣ бывалъ въ караулѣ **Ө. М. Достоевскій.**—4) Зданіе, гдѣ жилъ командиръ баталіона, у котораго часто бывалъ **Ө. М. Достоевскій.**—5) Домъ Лепухиныхъ, гдѣ **Ө. М. Достоевскій** жилъ офицеромъ, съ женою, до своего отъѣзда изъ Семипалатинска.

По Маріинской системѣ. (Путевые наброски) <b>И. Ф. Тюменева</b> .	226, 655, 1057
---	----------------

**Иллюстраціи:** 1) Схематическій планъ системъ: Вышневолоцкой, Тихвинской и Маріинской.—2) Церковь Михаила Архангела близъ чугунныхъ заводовъ въ Петербургѣ. — 3) Преображенская церковь и зданіе фарфороваго завода въ Петербургѣ. — 4) Церковь въ Селѣ Александровскомъ. — 5) Село Рыбацкое. (Видъ с. Рыбацкаго съ Невы отъ Дюковой рощи. Портретъ Слѣпуш-

кина. Домъ Слѣпушкина на устьѣ рѣки Славянки). — 6) Памятникъ въ Усть-Ижорѣ. — 7) Красныя сосны. — 8) Мыза Пелла. — 9) Благовѣщенскій соборъ въ Шлиссельбургѣ. — 10) Ладожское озеро и Кошкинскій рейдъ. — 11) Сермакса. Слияніе Свири и Ояти. — 12) Александро-Свирскій монастырь; Преображенскій монастырь; Троицкій монастырь; крестъ по дорогѣ въ обитель. — 13) Александро-Свирскій монастырь; Покровская церковь и молитвенная келлія преподобнаго Александра. — 14) Ледяное поле. Соборъ и памятникъ Петру Великому. — 15) Свирь. Село Подпорожье и Лисій порогъ. — 16) Свирь. Поворотъ къ Медвѣдцу и порогъ Медвѣдецъ. — 17) Старое Вознесенье и памятникъ на Онежскомъ каналѣ. — 18) Вытегра: видъ города издали; видъ отъ паровой пристани. — 19) Вытегра: плотины у шлюзовъ св. Сергія и садъ Общественнаго собранія. — 20) Весѣдная гора. — 21) Вытегорскій погостъ. — 22) Шлюзъ св. Василия. — 23) Плотина св. Павла. — 24) Шлюзъ св. Самсонія. — 25) Шлюзъ св. Андрея. — 26) У шлюза св. Николая. — 27) Шлюзъ св. Александра. — 28) Аннинскій мостъ. — 29) Шлюзъ Польза. (Начало Бѣлозерскаго канала). — 30) Памятникъ на Бѣлозерскомъ каналѣ на берегу Бѣлозера. — 31) Схематическій планъ Бѣлозерской крѣпости. — 32) Городъ Бѣлозерскъ. — 33) Шексна. Никитскій монастырь. Городокъ. — 34) Горницкій женскій монастырь. — 35) Икона святаго Димитрія-царевича въ Горницкомъ монастырѣ на р. Шексѣ. — 36) Шексна подъ Горницами. — 37) Череповецъ. Соборъ съ моста. — 38) Часовня монастыря св. Филиппа Иранскаго и часовня «Источница» въ Череповцѣ. — 39) Устье Шексны подъ Рыбинскомъ.

Какъ я поступила въ Смольный монастырь. **Л. Л. Снѣгиревѣй** . . . . . 266

Императоръ Александръ I въ селѣ Чутырѣ въ 1824 году. **М. С.** . . . . . 271

Памяти К. А. Вернера. **С. И. Васюкова** . . . . . 277

*Иллюстрація:* Константинъ Антоновичъ Вернеръ.

Изъ исторіи сношеній Россіи съ православнымъ востокомъ въ XIX вѣкѣ. **И. С.** 293

Столѣтіе Юрьевского университета. (1802—1902). **Д. З.** . . . . . 307

Дѣдушкина тайна. (Разсказъ). Гв. **Б. А. Щетинина** . . . . . 470

Чуваши въ Константинополѣ. **О. Р.** . . . . . 512

Императрица Елисавета Петровна. (Опытъ характеристикъ). **Е. С. Шуми-горскаго** . . . . . 527

Изъ манчжурскихъ воспоминаній. **С. П—аго** . . . . . 578

Александръ Люма въ «Орлиномъ гнѣздѣ». **А. П. Оленина** . . . . . 593

Въ Изосимной пустынкѣ. **Д. М. Березкина.** . . . . . 601

*Иллюстраціи:* 1) Островокъ, на которомъ расположена «Изосимная пустынька». — 2) Бѣгунскій тайникъ: а) подпечникъ; в) доска печного фундамента, открывающая входъ въ подпечникъ; с) шарниръ, на которомъ ходитъ доска. — 3) Бѣгунскій тайникъ: а) отверстіе люка въ подпечникѣ; в) люкъ съ планочками на стѣнахъ вѣсто лѣстницы; с) входъ въ подземный коридоръ. — 4) Подземные коридоры бѣгунскаго тайника.

Гагры, Пипунда и Гудаутъ. **С. И. Васюкова** . . . . . 644

*Иллюстраціи:* 1) Гагры. — 2) Гостиница въ Гаграхъ.

Народный театр въ 1872 г. <b>И. Г. Иноземцева</b> . . . . .	694
Некрасовскіе дни. <b>В. Ѳ. Боцяновскаго</b> . . . . .	699
Юбилей археологическаго института. <b>В. Р. Апухтина</b> . . . . .	725
Изъ семейной хроники. I. Бабушка. <b>Н. И. Перелыгина</b> . . . . .	881
Шестимѣсячное царствованіе Петра III. Историко-біографическій очеркъ. I—II. <b>В. А. Тимирязева</b> . . . . .	891
Цереворецъ-ученый. I. <b>В. И. фонъ-Штейна</b> . . . . .	938
Василій Алексѣевичъ Слѣпцовъ. <b>В. С. Маркова</b> . . . . .	957
иллюстраціи: 1) Домъ въ имѣніи Слѣпцовыхъ, Александровкѣ.—2) Могила Слѣпцова на кладбищѣ въ г. Сердобскѣ.	
Изъ записокъ еврея. I—IV. <b>А. Г.</b> . . . . .	977
Майковъ и катакомбы. <b>А. В. Сандро</b> . . . . .	1010
Мужики-дворяне. (Бытовой этюдъ). <b>Н. А. Хлопова</b> . . . . .	1030
Изъ воспоминаній о преосвященномъ Варлаамѣ, епископѣ пензенскомъ. <b>И. М. Добронравова</b> . . . . .	1037
Какъ гибнуть остатки русской старины. <b>П. А. Оленина</b> . . . . .	1042
иллюстраціи: Карикатура, рисованная П. А. Оленинымъ и художникомъ Брюлловымъ.	
Русскій монастырь въ Болгаріи. <b>Г. Брандта</b> . . . . .	1048
иллюстраціи: 1) Александро-Невская церковь въ Ямболѣ въ 1896 году.— 2) Общій видъ русскаго монастыря въ Ямболѣ въ 1900 году.	
Записки Нѣмцевича. I. <b>Нучинскаго</b> . . . . .	1109
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ . . . . .	315, 730, 1120

1) Student's History of the Greek Church. By the rev. A. H. Nore. M. A. Trinity College, Oxford, 1902. 2.—В. И. Ясевичъ-Бородаевская. Сектантство въ Кіевской губерніи. Вapтисты и малевaцы. Спб. 1902. с. — 3) Московскій архивъ министерства юстиціи. Архивное дѣло въ Россіи. Книга 1-я. Современное русское архивное настроеніе. Книга 2-я. Прошедшая, настоящая и будущая постановка архивнаго дѣла въ Россіи. Управляющій архивомъ Д. Я. Самоквасовъ. 1852 — 1902. Іюль. М. 1902. щ. — 4) Тропическая Голландія. Нять лѣтъ на островѣ Явѣ. Съ шестью картами. М. М. Вакунина. Спб. 1902. и. н. 3.—5) Памяти Л. Н. Майкова. Сборникъ. Спб. 1902. п. щ.—6) Сборникъ законовъ объ устройствѣ крестьянъ и поселенъ внутреннихъ губерній Россіи, составилъ Г. Г. Савичъ. Изданіе неофіціальное. Спб. 1903. ил. нил. об.—7) Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ за сто лѣтъ его существованія (1802 — 1902). Томъ I: первый и второй періоды (1802—1865). Историческій очеркъ Е. В. Пѣтухова, ординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета. Съ фототипическими приложеніями. Юрьевъ. 1902. Статистическія таблицы и личныя списки по императорскому Юрьевскому, бывшему Дерптскому, университету (1802 — 1902). Прило-

женіе къ историческому очерку Е. В. Пѣтухова: «Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій университетъ» etc. Юрьевъ. 1902. д. з. — 8) Шукинскій сборникъ. Выпускъ I. М. 1902. и. н. — 9) Историко-филологическій факультетъ. (Семейный университетъ Ф. С. Комарскаго. Сборникъ популярных лекцій для самообразованія). Выпускъ I. Сиб. 1903. п. н.—аго. — 10) В. Якимовъ. По слѣдамъ голода. Сиб. 1903. А. Фаресова. — 11) Н. Н. Вантышъ-Каменскій. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (до 1800 годъ). Часть четвертая. (Пруссія, Франція и Швеція). Съ указателемъ ко всѣмъ 4 частямъ. Изданіе коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ при Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Москва. 1902. А. Никитинскаго. — 12) Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. А. Ефремова. Изданіе А. С. Суворина. 1903. Тома I, II, III. п. щ. — 13) Записки общества исторіи, филологіи и права при императорскомъ Варшавскомъ университетѣ. Вып. I. Варшава. 1902. п. н.—аго. — 14) Гоголь на родинѣ. Альбомъ художественныхъ фототипій и гелиографуръ, относящихся къ памяти Н. В. Гоголя. Изданіе Г. Хмелевскаго въ Подгавѣ. 1902. с. ш. — 15) Очерки покоренія Кавказа. Съ рисунками и картами. Служивый. Спб. 1902. н.—мч. — 16) Труды Бессарабской губернской ученой архивной коммисіи. Томъ второй. Кишиневъ. 1902. В. Руданова. — 17) Исторія Иркутскаго полка. Составилъ Евгений Альбовскій. Минскъ. 1902. и. н. з. — 18) И. Божеряновъ. Невскій проспектъ. 1703—1903. Культурно-исторической очеркъ С.-Петербурга за два вѣка. Юбилейное изданіе А. И. Вильборга. Томъ II. Спб. 1902. вл. б. — 19) Художественныя сокровища Россіи. Ежемѣсячный сборникъ, издаваемый императорскимъ обществомъ поощренія художествъ. Спб. 1902. №№ 7—11. вл. б. — 20) Н. В. Никитинъ. Преступный міръ и его защитники. Съ 11-ю портретами. Спб. 1902. Бор. Городецкаго. — 21) И. Н. Замотинъ. Три романтическихъ мотива въ произведенияхъ Гоголя. Къ характеристикѣ Гоголевскаго идеала. Варшава. 1902. п. щ. — 22) И. Нльенко. Закаспійская область. Очеркъ. Москва. 1902. А. Никитинскаго. — 23) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ 112. Спб. 1902. в. т. — 24) Правительство и общество въ ихъ отношеніи къ внѣшней торговлѣ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II. (Очеркъ по исторіи торговой политики). Н. И. Фирсова. Казань. 1902. В. Грибовскаго. — 25) Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. Предисловіе и примѣчанія В. А. Вильбасова. Тома 4, 5 и 6. Спб. 1902. ин.—26) Велико-русскія народныя пѣсни. Изданы профессоромъ А. И. Соболевскимъ. Томъ VII. Спб. 1902. Д. Зеленина. — 27) Исторія русскаго права. Выпускъ первый. Литература исторіи русскаго права. Заслуженнаго ординарнаго профессора Ѳ. И. Леонтовича. Варшава. 1902. В. Грибовскаго. — 28) М. Протопоповъ. Критическія статьи. Москва. 1902. Винт. I—скаго. — 29) П. Морозовъ. Минувшій вѣкъ. Литературные очерки. Изданіе редакціи журнала «Образованіе». Спб. 1902. п. щ. — 30) С. Г. Алексѣевъ. Мѣстное самоуправленіе русскихъ крестьянъ XVIII—XIX вв. L'autonomie rurale des états d'Angleterre, de France, d'Allemagne et de Russie. Спб. 1902. гр—скаго. — 31) Армянскіе ученые. И. Г. Чавчавадзе. Перевелъ съ грузинскаго Н. Г. Алексѣевъ-Месхіевъ. Тифлисъ. 1902. н.—мч. — 32) Корниловъ, И. П. Задачи русскаго просвѣщенія въ его прошломъ и настоящемъ. Сборникъ стотей. Спб. 1902. щ.—33) Единство въ устройствѣ вселенной. Общедоступныя лекціи Н. П. Азбелева, члена-учредителя русскаго астрономическаго общества. Спб. 1902. п. фонъ-Ланга. — 34) Исторія лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Его Величества полка. Составилъ поручикъ П. Вольтинскій. Спб. 1902. и. н. з. — 35) А. И. Кирячниковъ. Очерки по исторіи новой русской литературы. Т. I. Изд. 2-е, дополненное. М. 1903. п. щ. — 36) К. Случевскій. Нѣсколько картинокъ культуръ и искусствъ разныхъ народовъ. Спб. 1902. в. г. — 37) Волжскій. Очерки о Чеховѣ. Спб. 1903. с. — 38) В. В. Стасовъ. Миниатюры нѣкоторыхъ рукописей византійскихъ, болгарскихъ, русскихъ, джагатайскихъ и персидскихъ. Изданіе императорскаго общества любителей древней письменности. Спб. 1902. м.—39) Печатное Искусство. Ежемѣсячный иллюстрированный сборникъ (октябрь 1901—сентябрь 1902 г.). Первый годъ изданія. Редакторъ-издатель І. І. Леманъ. Спб. 1902. Бор. Городецкаго. — 40) Воряба буровъ съ Англією. Воспоминанія бурскаго генерала Хр. Довега. Переводъ Е. Н. Поллицевой. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1903. и. н. з. — 41) Литературный Архивъ, издаваемый П. А. Картавовымъ. Спб. 1902. п. щ. — 42) Старина Русской земли. Первая книга для чтенія по отечественной исторіи. Древняя Русь. Составилъ

В. Соколовъ, инспекторъ классовъ Черныявскаго Женскаго училища, и В. Хитровъ, преподаватель 5-й женской гимназии. Спб. М. 1903. А. х.—43) Засодимскій. Наслѣдіе вѣковъ. Первобытныя инстинкты и ихъ вліяніе на ходъ цивилизаціи. Спб. 1902. х. У. Z.—44) Ю. Бѣляевъ. Аггеры и пьесы. (Впечатлѣнія). Спб. 1902. г.—сваго.—45) З. А. Рагозна. Древнѣйшая исторія востока. Исторія Халдеи съ отдаленнѣйшихъ временъ до возвышенія Ассиріи. Ея же. Исторія Ассиріи. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1902. п. — 46) В. С. Кривенко. На окраинахъ.—Ялта.—Въ Стамбулѣ.—Прикаспійская дорога.—Нѣмой край. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1902. Бориса Тагьева. — 47) В. Вундтъ. Введеніе въ философію. Переводъ съ нѣмецкаго С. С. Штейнберга и С. Д. Львова. Спб. 1902. к.—48) В. Г. Вѣлинскій. Полное собраніе сочиненій въ 12-ти томахъ, подъ редакціею и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томъ VI. Спб. 1903. п. щ. — 49) Исслѣдованіе человѣческаго разумнія. Давидъ Юмъ. Переводъ съ англійскаго С. И. Перетели. Изданіе М. В. Пирожкова. Спб. 1902. и. н. з.—50) Остія. Гавань Рима. По новѣйшимъ исслѣдованіямъ. Съ планомъ Остіи. Д. Нагуевскаго, проф. императорскаго Казанскаго университета. Казань, 1903. А. н.—51) И. К. Канадѣевъ. Очерки закавказской жизни. Томъ I. Спб. 1902. А. х. — 52) Gedichte von Nikolai Alexejewitsch Nekrassow. Im Vermiss des Originals von Friedrich Fiedler. Lpz, 1902. А. б.—53) Альбомъ Мейерберга. Виды и бытовые картины Россіи XVII вѣка. Объяснительныя примѣчанія къ рисункамъ составлены Ф. Аделунгомъ, вновь просмотрѣны и дополнены А. М. Ловягинимъ. Спб. 1903. Альбомъ Мейерберга. Рисунки дрезденскаго альбома, воспроизведенныя съ подлиннаго въ натуральную величину, съ приложеніемъ карты пути царскаго посольства 1661—1662 гг. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1903. А. и. Яцимирскаго. — 54) Сборникъ біографій кавалергардовъ 1724—1762 г. По случаю столѣтняго юбилея Кавалергардскаго Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны полка. Составленъ подъ редакціей С. Панчулидзева. Спб. 1901. в. Грибовскаго.—55) Столѣтіе военнаго министерства. Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній. Историческій очеркъ. Составилъ П. В. Петровъ. Спб. 1902. н. ф.—56) Е. Е. Голубинскій. Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Изданіе второе. М. 1903. С.—57) Библіотека Московской синодальной типографіи. Часть первая. Рукописи. Выпускъ 4-й. Матеріалы и оригиналы Вѣдомостей 1702—1727 гг. Описаль В. Погорѣловъ. М. 1903. Вѣдомости времени Петра Великаго. Вып. 1-й. 1703—1707 гг. Въ память двухсотлѣтія первой русской газеты. Изданіе Московской синодальной типографіи. М. 1903. п. щ.—58) Каллашъ, В. В. Puschkiniana. I. Вибліографическіе труды о Пушкинѣ, ихъ общій характеръ и научное значеніе. II. Стихотворенія о Пушкинѣ (1817—1849). Кіевъ. 1902. Сиповскій, В. Пушкинская юбилейная литература 1899—1900 гг. Критико-библіографическій обзоръ. Изданіе Пушкинскаго лицейскаго общества. Спб. 1902. п. щ.—59) Царская и императорская охота на Руси. Конецъ XVI и XVIII вѣка. Историческій очеркъ Николая Кутелова. Томъ III. Спб. 1903. с. щ.—60) Ш. Н. Красновъ. По Ази. Путевые очерки Манчжуріи, Дальняго Востока, Японіи и Индіи. Спб. 1903. Сергѣя фонъ-Штейна.—61) Сказочныя были. А. Амфитеатровъ. Изданіе И. В. Райской. Спб. 1903. и. н. з. — 62) В. Я. Стоюнинъ. Педагогическія сочиненія. Второе изданіе, Спб. 1903. А. б.—63) Григорій де-Волланъ. Въ странѣ Восходящаго Солнца. Очерки и замѣтки о Японіи. Спб. 1903. Сергѣя фонъ-Штейна.—64) Сборникъ законовъ объ устройствѣ крестьянъ и инородцовъ Сибири и Степного края, составилъ Г. Г. Савичъ. Изданіе неофициальное. Спб. 1903. кн. нн. об.—65) Сборникъ въ память князя Павла Петровича Вяземскаго. Печатано по распоряженію комитета императорскаго общества любителей древней письменности. Спб. 1902. н. ф.—66) Малый Энциклопедическій Словарь. Издатели Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1899—1902. Томъ I: А—Гейгардъ; томъ II: Гебдонъ—Лангеландъ; томъ III: Лангенбекъ—Вссоль. Бор. Городецкаго.—67) Людвигъ Крживицкій. Психическія расы. (Опытъ психологіи народовъ). Переводъ съ польскаго Р. В. Крживицкой подъ редакціей автора. Спб. 1902. В. Грибовскаго.—68) Monografie w zakresie dziejów nowożytnych. Wydawca Szymon Askenazy. Tom I. Rzady tymczasowe w Królestwie Polskiem. Maj-Grudzien 1815. Frzeż Józefa Wojasinskiego. Warszawa. 1902. к. х.—69) Радзивилловская или Кенигсберская лѣтопись. I. Фото-механическое воспроизведеніе рукописи. II. Статьи о текстѣ и миниатюрахъ рукописи. Спб. 1902. м.—

70) Н. В. Вѣлосерскій. Справочная книга для коллекціонеровъ памятниковъ старины въ Россіи (преимущественно монеты). Спб. 1903. м. о. Си—вча. — 71) Эравмъ Роттердамскій. Похвала глупости. Переводъ съ предисловіемъ, введеніемъ и примѣчаніями П. Н. Ардашева, профессора Юрьевскаго университета. Юрьевъ, 1902. Д. Э—нина. — 72) И. Ф. Павловскій. Полтава въ началѣ XIX вѣка. (Очерки по архивнымъ даннымъ, съ рисунками). Вып. I. Генераль-губераторство князя А. Б. Куракина (1802—1808 гг.). Кіевъ. 1902. В. Г. Краснянскій Минскій департаментъ великаго княжества Литовскаго. (Этюдъ изъ исторіи войны 1812 г.). Спб. 1902. А. Нимитинскаго. — 73) Вопросы психологіи творчества. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, профессоръ Харьковскаго университета. Спб. 1902. в. м. — 74) Указатель латышской переводной беллетристики. Составилъ М. Аронсъ. Изданіе научной комиссіи при Рижскомъ латышскомъ обществѣ. Рига. 1902. А. Мальмгрена. — 75) Исторія русской живописи въ XIX вѣкѣ, Александра Бенуа. Изданіе товарищества «Знамя». Спб. 1902. А. М. Яцимирскаго. — 76) П. Милюковъ. Изъ исторіи русской интеллигенціи. Сборникъ статей и этюдовъ. Спб. 1902. щ. — 77) Записки общества исторіи, филологіи и права при императорскомъ Варшавскомъ университетѣ. Выпускъ I. Варшава. 1902. л. м.

## ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ . . . . . 354, 775, 1169

1) Народные праздники въ древней Франціи. — 2) Горійская тайна. — 3) Переписка Людовика XIII съ Ришелье. — 4) Петръ Великій въ Дюнкерхенѣ. — 5) Людовикъ XVI и Франсуа Гаманъ. — 6) Амьенскій миръ. — 7) Нѣмецкая печать во времена Наполеона. — 8) Воспитаніе герцога Рейхштадтскаго. — 9) Двое похоронъ. — 10) Шестисотлѣтній юбилей битвы. — 11) Орлеанская дѣва. — 12) Расинъ и Буало. — 13) Жена Мольера. — 14) Вліяніе маркизы Помпадуръ на искусство. — 15) Теруанъ де-Мерикуръ. — 16) Арестъ Наполеономъ англійскаго посланника. — 17) Мать Жоржъ-Зандъ. — 18) Бисмаркъ, какъ полицейскій. — 19) Академіи Гонкуровъ. — 20) Памятникъ Эмилю Эркману. — 21) Смерть Сагасты, Махмудъ-паша, Бловица и Пьера Лафита. — 22) Бытъ испанскихъ студентовъ XV и XVI вѣковъ. — 23) Историческое преслѣдованіе свободы совѣсти. — 24) Кенлеръ, какъ астрологъ. — 25) Марія-Антуанета на общественныхъ маскарадахъ. — 26) Мать Гете. — 27) Госпажа Сталь и Наполеонъ. — 28) Людовикъ XVIII въ частной жизни. — 29) Венеціанскіе и майорскіе влюбленные. — 30) Процессъ Велепольскаго. — 31) Смерть кардинала Парокки и Петко Каравелова.

## СМѢСЬ . . . . . 380, 804, 1200

1) Суворовскіе памятники. — 2) Памятники Севастопольской обороны. — 3) Диспутъ М. М. Вогословскаго. — 4) Высочайшее посѣщеніе музея и раскопокъ въ Херсонесѣ. — 5) Древніе памятники христіанства въ Крыму. — 6) Московское историческое общество. — 7) С.-Петербургское археологическое общество. — 8) Общество археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. — 9) Археологическій институтъ. — 10) Библиологическое общество. — 11) Географическое общество. — 12) Тверской музей. — 13) Археологическія раскопки въ Орловской губерніи. — 14) Городище каменнаго вѣка. — 15) Столѣтіе Нахескаго корпуса. — 16) Торжественное собраніе академіи наукъ. — 17) Варшавскіе памятники. — 18) С.-Петербургское археологическое общество. — 19) Московское археологическое общество. — 20) Общество археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. — 21) Археологическія раскопки. — 22) Библиологическое общество. — 23) Географическое общество. — 24) Съѣздъ дѣятелей по практической геологіи и развѣдочному дѣлу. — 25) Митавское общество ревнителей литературы и искусствъ. — 26) Юбилейная выставка. — 27) двадцатипятилѣтіе общества любителей древней письменности. — 28) Диспутъ Е. Н. Щепкина. — 29) Сочиненія Ѳ. П. Вуслаева. — 30) Памятникъ И. К. Айвазовскому. — 31) Московское археологическое общество. — 32) Общество археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. — 33) Общество любителей древней письменности. — 34) Засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ. — 35) Преобразование кіевскаго

центрального архива.—36) Древній храм въ Гаграхъ и мѣстныя древности.—  
37) Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ.—38) Географическое общество.

НЕКРОЛОГИ . . . . . 403, 832, 1218

1) Аскназія, И. Л.—2) Врангель, В. Л.—3) Грабовскій, П. А.—4) Дружининъ, Я. А.—5) Ефимовъ, В. В.—6) Кантакузинъ, кн. Г. Л.—7) Карасевичъ, Н. Л.—8) Климентовъ, П. С.—9) Кривошеинъ, А. К.—10) Мещерскій, А. И.—11) Назимовъ, П. Н.—12) Прудентовъ, Н. Д.—13) Путятинъ, кн. В. Д.—14) Стравинскій, Ѳ. И.—15) Сухановъ, И. И.—16) Тихъевъ, И. И.—17) Фалькъ, Э. Г.—18) Фортинскій, Ѳ. Я.—19) Ясаковъ, Т. А.—20) Аксаковъ, А. Н.—21) Де-Бурдейль-де-Монтрезоръ, В. В.—22) Бѣлозеровъ, А. А.—23) Воленскій, В. П.—24) Гулевичъ, В. В.—25) Дабижа, В. Д.—26) Егорновъ, А. С.—27) Егоровъ, Н. Г.—28) Лавдовскій, М. Д.—29) Лемониусъ, В. Х.—30) Лиденфельд-Тоаль, фонъ, П. Ф.—31) Мейснеръ, Ѳ. Я.—32) Мининъ, М. П.—33) Мирбахъ, Р. А., баронъ.—34) Модрахъ, К. А.—35) Протодіаконовъ, Александръ.—36) Пыльневъ, А. А.—37) Сазоновъ, И. Ѳ.—38) Садовъ, И. А.—39) Суходольскій, П. А.—40) Тыртовъ, С. П.—41) Шемаевъ, В. Р.—42) Ахшарумовъ, И. Д.—43) Германъ епископъ.—44) Головачевъ, А. А.—45) Ивановскій, А. О.—46) Клопотовскій, Богдславъ.—47) Ленъ, Ѳ. А.—48) Лисовскій, М. Г.—49) Лохвицкій, М. Д.—50) Мингрельскій, Н. Д., свѣтлѣйшій князь.—51) Песковскій, М. Л.—52) Поввало-Швыйковскій, А. Н.—53) Розингъ, И. И.—54) Сеславинъ, Д. Н.—55) Смирновъ, Н. П.—56) Терещенко, Н. А.—57) Шрейберъ, П. П.—58) Феогноста, митрополитъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ . . . . . 415, 847, 1229

1) По поводу статьи г-жи Бизюкиной: «Н. И. Бухаровъ и его дворецкій Данилычъ». Е. Н. Тиранъ и А. Н. Скобельщиной.—2) О качествахъ матеріаловъ при изготовленіи панорамы Севастопольской обороны. А. Заіончковскаго.—3) Къ воспоминаніямъ И. П. Захарьина. С—н—д—р—о.—4) По поводу одного портрета. Ип. Ал—скаго.—5) Къ статьѣ г. Иноземцева о народномъ театрѣ. Ив. Захарьина (Якунина).—6) Отвѣтъ г-жамъ Тиранъ и Скобельщиной. А. Ю. Бизюкиной.—7) Письмо въ редакцію. В. С. Кривенно.

**Приложенія:** 1) Двѣ любви. (Via crucis). Романъ изъ исторіи второго крестоваго похода. **Моріона Кровфорда.** Переводъ съ англійскаго. Часть первая. Гл. I—X.—2) Портреты Ѳедора Михайловича Достоевскаго (съ рѣдкой литографіи, принадлежащей г. Бахиреву), императрицы Елисаветы Петровны и Василя Алексѣевича Слѣпцова.







ВАСИЛІЙ АЛЕКСѢВИЧЪ СЛѢЦОВЪ.

ДОЗ. ЦЕНЗ. 22 ФЕВРАЛЯ 1903 Г. СПБ.



## ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, МОСКВА, ХАРЬКОВЪ, ОДЕССА и САРАТОВЪ)

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

# ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО.

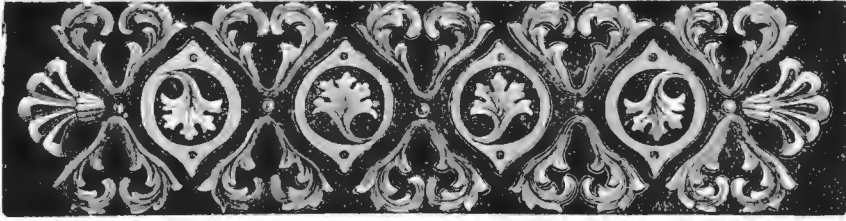
Четвертое изданіе, дополненное и исправленное,  
съ 80 портретами и иллюстраціями.

---

Книга заключаетъ въ себѣ 570 страницъ убористаго шрифта; кромя того,  
къ ней приложенъ «Указатель личныхъ именъ».

ЦѢНА 3 рубля 50 коп.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году.—Петръ Великій въ Дентфортъ.—Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика.—Вѣнценосный хирургъ.—Императорскій титулъ.—Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтнія Петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.—Московскій маскарадъ 1722 года.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генералъ-полицеймейстеръ.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.—Березовскіе ссыльные.—Дочь Бирона.—Убійство Синклера.—Холмогорская старина.—Императрица Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Исторія Мѣднаго Всадника.—Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто.—Столѣтіе кончины князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Вельможа Екатерининскаго времени.—Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ.—Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Жена Суворова.—Пѣвица Габріелли.—Аристократка Александровскаго времени.—Молодость графа Аракчсеева.—Сынъ Аракчеева.—Подпоручикъ Федосѣевъ.—Семейное преданіе.—Забитый филантропъ.—Послѣдній графъ Головкинъ.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Дуэль Новосильцова съ Черновымъ.—Кирьяново, дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году.—Мнимое завѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература.



## ВОЕННЫЕ МУЖИКИ <sup>1)</sup>.

Романъ.

### XVII.



А ПОСЛѢДНЕЕ время Марѣ, безумно любившей и все сильнѣе привязывавшейся къ Монахову, было мудрено, даже невозможно, жить, не видя его. День и ночь мечтала она о новомъ свиданіи «на свободѣ».

Конечно, вскорѣ же она снова заговорила со своимъ Ѳерапонтомъ Ильичемъ, что ей хочется опять прогуляться со старухой Барановой въ Руссу. На первое ея заявленіе о новой предполагавшейся поѣздкѣ фельдфебель такъ странно глянулъ на нее, что женщина нѣсколько удивилась. Однако, онъ равнодушно, какъ всегда, отозвался:

— Что жъ, коли хочешь, такъ и поѣзжай! Погуляешь! Да махорки привези мнѣ опять, а то ужъ, почитай, вся вышла.

Голосъ фельдфебеля былъ, однако, настолько обыкновененъ, что Марѣ тотчасъ же успокоилась. Она увѣрилась, что взглядъ его былъ тоже обыкновенный, а только ей показалось что-то...

«Эка мерещится-то! — подумала она. — Вотъ и скажу, на ворѣ шапка горитъ... Прежде-то этой пословицей другихъ попрекала, а теперь и на себѣ примѣрила то же самое»...

На утро ранехонько съ восходомъ солнца Марѣ, какъ бывало каждый разъ, собравшись, пошла къ своей теткѣ Барановой и съ

<sup>1)</sup> Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІ, 1903 г., стр. 417.

ней вмѣстѣ вскорѣ выѣхала на телѣжкѣ, запряженной парой сытыхъ лошадеенокъ.

Спустя часъ времени, въ ту же сторону, но не той же дорогой, а проселкомъ, пашнями и лѣсомъ двинулся верхомъ и Ферапонтъ Ильичъ. Онъ ѣздилъ верхомъ хорошо, но давно, будучи въ гвардіи, и, конечно, не въ строю, а въ качествѣ посыльнаго преображенскихъ офицеровъ, и лѣтъ уже двадцать не садился на лошадь. И, разумѣется, шестидесятилѣтній старикъ вскорѣ почувствовалъ усталость и рѣшилъ, что ему придется на полъ-пути немного отдохнуть.

По расчету времени онъ все-таки могъ быть въ Руссѣ не позднѣе полудня. Жена пробудетъ, конечно, до вечера, вернется домой къ ночи, стало быть, онъ можетъ успѣть подглядѣть и что либо увидеть. А не увидитъ, проморгаетъ, то въ другой разъ поѣдетъ, когда она опять соберется. Однако, понятно, ему хотѣлось скорѣй убѣдиться, лжетъ ли и клеветаетъ майорша, или правду говорить.

Фельдфебель рѣшилъ отдохнуть почти наполовинѣ дорогѣ, въ селѣ, которое стояло на большомъ почтовомъ трактѣ изъ Новгорода въ Москву, по имени Чудовскіе Выселки. Это было огромное село, и если когда либо здѣсь были, дѣйствительно, только выселки, то ужъ, конечно, лѣтъ сто тому назадъ.

Въ селѣ былъ хорошій знакомый и даже пріятель Петрова, богатый мужикъ Борисовъ, державшій постоянный дворъ. Раза два три въ году, когда фельдфебелю приходилось отправляться, конечно, по службѣ, въ Старую Руссу или въ Новгородъ, онъ всегда оставался на этомъ дворѣ.

Миновавъ лѣсъ и выѣхавъ на большой трактъ, Петровъ увидѣлъ вдали, версты за двѣ, что-то, чего никогда не видывалъ. Онъ пріостановилъ лошадь и изумленными глазами сталъ вглядываться въ горизонтъ. Онъ ничего не понималъ...

Вмѣсто обычнаго села съ домами, съ небольшимъ сѣренькимъ храмомъ, глазамъ его представилась какая-то темная туча, распластавшаяся по землѣ, или же огромное черное пятно. И онъ, приглядываясь, недоумѣвалъ, вдругъ охнулъ, потому что вспомнилъ...

— Карантинъ!..—воскликнулъ онъ.

Дѣйствительно, отправляясь въ путь и поглощенный всецѣло ужаснымъ приключеніемъ его личной жизни, онъ забылъ и думать о томъ, о чемъ толковалъ весь народъ: о карантинахъ по дорогѣ между обѣими столицами и Новгородомъ изъ-за холеры.

«Такъ вотъ оно что!»—подумалъ онъ и вдругъ испугался.

— Проѣдешь ли? Пропустятъ ли?—ворочнулъ онъ вслухъ и затѣмъ подумалъ:

«Вѣстимо, пропустятъ! Я же изъ Рускина въ Руссу, а не изъ столицы въ столицу, и съ собой холеры не везу. У насъ ея, спасибо, нѣтъ. А въ Руссѣ тоже нѣтъ, стало быть, и назадъ ее захватить и везти домой не могу».

Минуть черезъ двадцать рысцей фельдфебель достигъ уже до села, и въ эту минуту онъ забылъ думать, куда и зачѣмъ ѣдетъ и по какому ужасному поводу. Все, что было кругомъ него, черезчуръ озадачивало его.

А кругомъ копошился, будто звѣрь какой большой, народъ, лошади, телѣги, скотъ, коровы, быки, бараны, возы со всякой всячиной, гдѣ было и сѣно, была и мебель и всякая домашняя рухлядь, были и ломовыя дроги съ ящиками, зашитыми въ рогожу... Лошади были отпряжены. Народъ двигался, шумѣлъ и кишѣлъ. Все казалось громаднымъ муравейникомъ, и глазъ не могъ разобратъся... видѣлъ только одно—что-то сѣрое, шевелящееся...

Фельдфебель въѣхалъ въ село и направился прямо къ пріятелю на постоянный дворъ. И здѣсь узналъ онъ и увидѣлъ то, о чемъ такъ много разъ слыхалъ. Дѣйствительно, село утопало среди сѣраго моря людей и лошадей, которые размѣстились станомъ вокругъ, въ полѣ, за задворками и огородами, а равно и по сторонамъ большого тракта съ двухъ концовъ села.

Изъ разговоровъ съ Борисовымъ Петровъ узналъ, что у нихъ день и ночь происходитъ окуриваніе всѣхъ профъжакщихъ, и происходитъ вавилонское столпотвореніе. Обозы задерживаютъ, чтобы пропитать «куревомъ» возы и самихъ людей. Ямщики и обозчики напрасно теряютъ время. Хозяева терпятъ страшные убытки, такъ какъ должны тратиться, зря содержа людей и лошадей.

Но главная бѣда заключалась въ томъ, что провизіи и провіанту не хватало. И не только люди, но и лошади, и скотъ голодали. Достать сѣна и овса было болѣе трудно, чѣмъ муки и крупы. Никто не хотѣлъ ничего привозить въ карантинъ въ продажу, боясь, что его тоже задержать и тоже будутъ окуривать, а потомъ, пожалуй, вмѣсто того, чтобы купить, прямо заарестуютъ его добро, какъ якобы заразное.

Будь въ другое время, фельдфебель, быть можетъ, и пошелъ бы поболтаться среди этого муравейника и изъ любопытства разспросить и увидеть, что творитъ начальство. Онъ зашелъ бы даже и въ избу, гдѣ засѣдалъ какой-то майоръ, были офицеры и чиновники, доктора и фельдшера. Но ему было, конечно, не до «любопытничанья». Что касается до «курева», то онъ, даже сидя на постояломъ дворѣ своего пріятеля, чувствовалъ, что все село какъ бы пропиталось какимъ-то тяжелымъ запахомъ: гарь—не гарь, а Богъ вѣсть что за горло хватающее. Борисовъ пошутилъ, что этакъ, сказываютъ люди, самъ дьяволъ воняетъ. Похоже очень на то, когда зажжешь сѣрничекъ, чтобы свѣчку зажечь. И не только пахнетъ, а коли попадетъ въ носъ, то будто воткнули гвоздь, а попадетъ въ глазъ—слезу вышибетъ.

Хозяинъ постоялаго двора объяснилъ фельдфебелю, что весь этотъ народъ, заарестованный на дорогѣ, страшно ронщеть. Два

раза чуть не приключился бунтъ, чуть не бросились громадой на избу, гдѣ живутъ окурщики, и чуть было всего не разнесли.

— Помилуй Богъ, и самимъ чиновникамъ могло достаться на орѣхи,—шепотомъ прибавилъ хозяинъ.

Главное же, что возмущало народъ, заключалось въ томъ, что кое-кого, конечно, господъ, а то и богатыхъ купцовъ, окуривали поспѣшно и слегка и пропускали дальше, съ Богомъ, въ Москву ли, въ Новгородъ ли, въ Петербургъ ли—все одно. А иной несчастный мужиченка на телѣжкѣ, въ которой нѣтъ ничего, кромѣ сѣнца для лошадки, прїѣдетъ и застрянетъ на недѣлю. Окуривать его не окуриваютъ, очередь не вышла, а дальше не пускаютъ. И онъ голодный и конь голодный.

— Былъ одинъ какой-то,—разказалъ Борисовъ,—который въ ночь и удавился. Окурщики сказываютъ—спяна, а народъ болтаетъ, что съ разоренія. Мужичку-то, вишь, было позарѣзъ нужно въ Питеръ либо за получкой денегъ, либо уплатить деньги. И сказывали, будто онъ слезно просился, поясняя все, но его прогнали. А онъ, почитая себя разореннымъ, за ночь и удавился въ клѣву.

Разумѣется, фельдфебель тотчасъ же явился въ избу чиновниковъ-окурщиковъ и заявилъ о себѣ. Его, конечно, не стали окуривать и тотчасъ пропустили, такъ какъ онъ ѣхалъ изъ сосѣдняго военнаго поселенія въ Руссу, да еще верхомъ безъ имущества и долженъ былъ вернуться обратно въ тотъ же день.

Около полудня Петровъ снова рысцой выѣхалъ далѣе и часа черезъ три былъ въ Руссѣ. Здѣсь, умышленно остановившись на краю города, оставивъ свою лошадь на заѣзжемъ дворѣ, онъ отправился въ городъ, собственно не зная, что онъ будетъ дѣлать. Марѣа, по его мнѣнiю, должна была непременно прїйти погулять на главной улицѣ, гдѣ были сплошь лавки и магазины, гостиный дворъ и народъ. Здѣсь встрѣтить ее было возможнѣе.

Но это было возможно только въ томъ случаѣ, если она дѣйствительно поѣхала ради забавы и отправится погулять, поболтаться, народъ посмотрѣть и себя показать. Если же цѣль ея поѣздки была совершенно иная, такова, какъ говорила майорша, то ужъ, конечно, встрѣтить ее въ гостиномъ дворѣ было нельзя.

Фельдфебель рѣшилъ прежде всего отправиться на тотъ постоянный дворъ, гдѣ останавливались всегда всѣ рускиницы, но, конечно, явиться украдкой, хитро укрываясь, а не лѣзть прямо. Увидить его Баранова или жена, то все, конечно, пропало. Ничего онъ не узнаетъ, не раскроетъ, а только себя выдастъ. И заставитъ жену впредь быть настолько осторожной, что ее и во вѣки вѣковъ не накроешь ни въ чемъ.

Итти въ Московскій трактиръ, гдѣ якобы Марѣа распивала чай съ Монаховымъ, по словамъ Яцковской, фельдфебель не боялся, такъ какъ найди онъ внезапно офицера и жену въ этомъ трактирѣ,



то скрываться нечего. Дѣло простое будетъ... Распивать чай въ трактирахъ офицеру съ солдаткой зря и случайно не приходится. Этого было бы ему достаточно, это было бы уликой налицо. Чего же еще требовать? Нельзя же ихъ накрыть въ иномъ какомъ мѣстѣ?

Однако, злая судьба, и злая для молодой женщины, а не для фельдфебеля, распорядилась иначе, совершенно случайно и совершенно удачно для Петрова. Едва только онъ вошелъ въ улицу, гдѣ по обѣимъ сторонамъ были лавки гостинаго двора, то почти первая фигура, попавшаяся ему на глаза на противоположномъ концѣ улицы, былъ Монаховъ...

Петровъ остолбенѣлъ на мѣстѣ, почти чуть не ахнулъ. Ему какъ-то на умъ не пришло, что онъ можетъ прежде жены встрѣтить офицера, а между тѣмъ его присутствіе въ Руссѣ въ одно и то же время съ ней было уже, если еще не уликой, то, конечно, полууликой.

— Здѣсь!.. — проговорилъ фельдфебель хрипливо, вслухъ и озлобляясь.—Здѣсь его благородіе!.. Стало быть, собирается съ ней повстрѣчаться, коли ужъ не видѣлись.

Петровъ тотчасъ же вошелъ въ маленькую лавчонку съ раскрытой дверью и спросилъ себѣ на пять копеекъ тесемки, а самъ, конечно, все свое вниманіе приковалъ къ улицѣ.

Монаховъ прошелъ мимо. Обождавъ нѣсколько мгновеній, фельдфебель вышелъ, завидѣлъ его вдаль и двинулся вслѣдъ за нимъ, рѣшивъ итти туда, куда пойдетъ тотъ. Такимъ образомъ, онъ прошелъ двѣ улицы, переулочъ и вышелъ на окраину города.

— Въ поле-то зачѣмъ же?—думалось ему.

Когда онъ завернулъ за уголъ, за которымъ за минуту назадъ исчезла фигура Монахова, то онъ ничего и никого не увидаль передъ собой. Было очевидно, что офицеръ исчезъ въ одномъ изъ полуразвалившихся домиковъ, которые были на окраинѣ города.

Фельдфебель, видя оконца нѣсколькихъ домишекъ и хибарокъ, тотчасъ сообразилъ, что и его изъ этихъ оконцевъ можно видѣть, и тотчасъ же скрылся снова за уголъ...

## XVIII.

Взволнованный старикъ тотчасъ же, однако, рассудилъ:

— Незачѣмъ офицеру приходитъ въ такое захолустье города. Никакихъ офицерскихъ дѣлъ здѣсь быть у него не могло. Могло быть только одно дѣло—свиданіе съ полюбовницей. Стало быть, и жена или пройдетъ сейчасъ тѣмъ же путемъ или ужъ тамъ. И оба пройдутъ обратно... Стало быть, надо оставаться тутъ и сидѣть, выглядывать.

Петровъ оглянулся, завидѣлъ невдалекѣ старый полуразвалившійся заборъ у какого-то пустыря и тотчасъ же двинулся къ

нему. Найдя большую дыру и отломавъ еще одну доску, едва державшуюся, онъ пролѣзъ и опустился на землю за заборомъ. Невидимый съ улицы, онъ имѣлъ полную возможность наблюдать и видѣть всѣхъ мимо идущихъ въ широкую щель между двумя досками.

Долго просидѣлъ старикъ въ своей засадѣ, такъ долго, что служакъ-солдату, тянувшему лямку почти сорокъ лѣтъ, сдѣлавшему двѣ кампаніи, время показалось вѣчностью. Временами же ему становилось такъ страшно, какъ не было страшно ни при Бородинѣ, ни подъ Лейпцигомъ. А тамъ, тогда, если онъ съ православнымъ воинствомъ не поддался, не уступилъ антихристу Бонапарту, то все-таки было жутко, была смерть за спиной и на носу.

— Смерть? Помираешь—страшно тебѣ и болѣзно. А померь, ничего не знаешь. А тутъ хуже!..—думалось ему.

Долго просидѣлъ старикъ фельдфебель въ своей засадѣ, такъ долго, что онъ совершенно не зналъ и не могъ потомъ себѣ самому отдать отчетъ, когда онъ пришелъ и спрятался... Сегодня? вчера? недѣлю назадъ?

Но наконецъ появились изъ-за угла вмѣстѣ онъ и она... И вмѣстѣ, рядышкомъ, прошли мимо старика тихо, лѣнливо, будто даже невесело...

— Изморились!—хрипливо проворчалъ, не то простоналъ Оерапонтъ Ильичъ.

— Эхъ, кабы ружье тутъ...—проговорилъ онъ чрезъ мгновение, глядя имъ вслѣдъ.

А затѣмъ онъ не двинулся, сидѣлъ и думалъ. И думалъ, раздумывалъ безъ конца.

Въ головѣ Петрова вертѣлось все одно и то же:

— Мужъ глава женѣ—въ писаніи священномъ сказано! Блудная жена—тварь мерзостная. Хуже пса! И, стало, души человѣчей въ ней нѣтъ! Похѣрь ее и душегубомъ не станешь. Вотъ что!.. да!...

Просидѣвъ съ полчаса, фельдфебель поднялся и тихо вернулся на свой заѣзжій дворъ, осѣдлалъ лошадь и двинулся домой. Несмотря на то, что онъ уже столько годовъ подъ рядъ не ѣздилъ верхомъ и уже немножко усталъ, ѣдучи въ Руссу и ходя по городу, а главное чувствовалъ себя слабымъ отъ нравственнаго потрясенія, старикъ все-таки погналъ лошадь крупной рысью, а иногда пускалъ и вскачь.

Когда ему приходило на умъ, что онъ усталый, ослабѣвшій можетъ на всемъ скоку свалиться и разбиться, то внутренній голосъ отвѣчалъ:

— Что же? Пора старому чорту и на покой отъ сраму.

Волнуясь, Оерапонтъ Ильичъ никакъ не могъ себѣ объяснить, однако, одного вопроса. Обидное дѣло казалось ему еще обиднѣе

отъ того обстоятельства, что возлюбленный жены былъ не простой поселянинъ или солдатъ, а былъ офицеръ, къ тому же, дѣйствительно, въ полномъ смыслѣ слова красавецъ.

Петрову представлялось, какъ, должно быть, безумно влюбилась Марѳа въ этого молодого барина и офицера, который даже може ея.

— Не все ли равно, каковъ молодецъ? — говорилъ самъ себѣ фельдфебель:—не въ этомъ дѣло...

Но внутренній голосъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, не все равно!

И затѣмъ, конечно, много разъ спрашивалъ себя старикъ:

— Въ первой ли съ ней этакое? Или давно такъ-то начала?..

И каждый разъ онъ отвѣчалъ себѣ все то же. Онъ былъ убѣжденъ, что подобное случилось съ Марѳой впервые и благодаря исключительному обстоятельству. Такимъ человѣкомъ, какъ Монаховъ, всякая женщина, даже барыня, могла бы быть увлечена чуть не противъ воли.

Иногда жѣ Петровъ, вспоминая, сколько было слуховъ о женѣ и прежде, съ озлобленіемъ, будто надругиваясь надъ самимъ собой, говорилъ:

— Въ первой?! Какой въ первой? Въ сотенный разъ! Поди, всѣ морды всѣхъ здѣшнихъ молодцовъ языкомъ облизаны!

Вернувшись домой, Ферапонтъ Ильичъ чувствовалъ себя настолько усталымъ и измученнымъ и физически и нравственно, что, выпивъ цѣлую бутылку квасу, легъ и крѣпко заснулъ. Когда же онъ пришелъ въ себя, то на дворѣ уже брезжилъ свѣтъ. Солнце еще не поднималось. Онъ тревожно оглядѣлся въ комнатѣ, и первый вопросъ, возникшій въ немъ, былъ о томъ, сновидѣніе ли у него было ужасное, или дѣйствительно все наяву было.

Усталость въ ногахъ и боль въ поясицѣ доказали прежде всего, что онъ дѣйствительно сдѣлалъ много верстъ верхомъ. А затѣмъ и все, что онъ видѣлъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ проснулось въ памяти. Онъ всталъ съ постели, тихонько перешелъ въ горницу босякомъ и пріотворилъ дверь въ маленькую комнату...

Марѳа лежала на кровати на спинѣ и спала крѣпчайшимъ сномъ, тяжело переводя дыханіе отъ жары. Отъ опрокинувшейся немножко навзничъ головы ея обнаженное красивое горло какъ бы бросилось въ глаза фельдфебелю. И онъ будто не видѣлъ всей фигуры лежащей женщины, а видѣлъ только это горло. И почему-то, приглядываясь все пристальнѣе, онъ наконецъ точно впился глазами въ это горло.

«Вотъ, его... и конецъ!»—думалось ему.

И вдругъ ему почудилось, что кто-то сильно толкнулъ его сзади, какъ бы пихнулъ къ постели спящей. Трепетъ пробѣжалъ по спинѣ.

— Неужто и въ самомъ дѣлѣ врагъ человѣческой толкаетъ на страшное дѣло и толкаетъ такъ, будто живой человекъ? — подумалось ему съ ужасомъ.

Фельдфебель перекрестился, но остался на мѣстѣ и, уже опустивъ глаза въ полъ, продолжалъ стоять и вспоминать. Долго ли онъ простоялъ, — онъ самъ не зналъ. Движеніе жены на постели привело его въ сознаніе. Марѳа, не открывая глазъ, тяжело вздохнула и повернулась на бокъ лицомъ къ стѣнѣ.

Петровъ повернулся и двинулся отъ двери. Глаза его будто на смѣхъ упали на стоявшій у притоки топоръ. Онъ вытаращилъ на него глаза и выговорилъ тихо вслухъ:

— Чего? Что?...

И ему представилось, что онъ, по приказанію кого-то, сейчасъ схватить этотъ топоръ и однимъ махомъ раскроить ей голову пополамъ. Одно мгновеніе — и всемоу конецъ!

— Нѣтъ, врешь! — прошепталъ Петровъ. — Брать на душу тяжкій грѣхъ смертоубійства изъ-за блуда не стоитъ! Этакъ ей сочтется на томъ свѣтѣ. А убей, тебѣ сочтется тяжкій грѣхъ, а она-то будто и невиновата станеть. Заплатила, молъ, еще на землѣ свое прегрѣшеніе.

Фельдфебель снова легъ на постель, долго ворочался, тяжело вздыхая, но наконецъ сталъ снова дремать.

Солнце было уже довольно высоко, когда онъ проснулся. Въ сосѣдней комнатѣ уже двигалась поднявшаяся жена, и Петровъ тотчасъ же вышелъ изъ дома во дворъ.

Марѳа окликнула мужа изъ окошка, но онъ притворился, что не слышитъ, и быстрыми шагами прошелъ въ калитку, выходящую на огородъ и поле. Побродивъ съ бурей на душѣ, онъ чрезъ часъ вернулся домой уже совершенно иной, на видъ обычно спокойный.

И цѣлая половина дня прошла такъ же обычно. И только одно мгновеніе показалось Марѳѣ, что у старика какое-то особенное выраженіе на лицѣ, даже какой-то особенный, небывалый никогда взглядъ. Но затѣмъ, перемолвившись съ нимъ о разныхъ мелочахъ, она по его лицу и по его голосу убѣдилась, что ей все представляется зря.

— Да и что же можетъ быть? На ворѣ шапка горитъ! — сказала она себѣ. — А развѣ можетъ онъ что предполагать? Не въ первый разъ ѣздила я въ Руссу. А этакое ему никогда и на умъ притти не можетъ.

И она стала вспоминать, что прежде, давно, бывало иногда, что онъ подозрѣвалъ ее, приставалъ, выпрашивалъ, тревожился и успокоивался послѣ всякихъ увѣреній. Послѣдніе же года четыре ни одинаго даже разу разговора объ ея невѣрности не было. Старикъ какъ бы убѣдился, что это дѣло совершенно невысказанное.

— Можетъ, что въ Рускинѣ приключилось? — подумала наконецъ Марѳа.— Всего вѣрнѣе, что за мое отсутствіе его вызывалъ Дасаевъ и здоровый нагоняй далъ? А онъ про этакое не любитъ говорить тотчасъ. Спустя мало, расскажетъ.

Но затѣмъ она опять пришла къ заключенію, что у мужа самый обыкновенный всегдашній видъ.

За обѣдомъ, когда они сидѣли вдвоемъ у стола, Марѳа снова что-то замѣтила, снова подумала о Дасаевѣ и спросила, нѣтъ ли чего новаго въ Рускинѣ. Петровъ отвѣтилъ, что, конечно, ничего нѣтъ, кромѣ продолжающагося падежа.

## XIX.

Однако, тотчасъ Марѳа убѣдилась, что ошиблась, предполагая свиданіе мужа съ начальникомъ и выговоръ отъ Дасаева. Едва мужъ и жена успѣли отоѣдать, какъ явился контонистъ Гришка, зовя фельдфебеля тотчасъ же къ капитану.—Дѣла никакого нѣту, сказалъ, а давно, молъ, тебя, дяденька, не видалъ,—объяснилъ Гришка.

Толстопузый капитанъ Дасаевъ, хотя и мягко обращался со своими подчиненными, все-таки не считалъ возможнымъ говорить съ ними добродушнымъ голосомъ, а всегда принималъ на себя строгій видъ и старался говорить громче и даже рѣзче. Иногда же онъ считалъ долгомъ начать ругать, «разносить» ни за что, зря, и только для поддержанія своего начальническаго значенія.

Петровъ давно хорошо изучилъ характеръ Дасаева и зналъ, что если дѣлать свое дѣло порядливо, то съ нимъ никакой особенной бѣды не наживешь никогда.

На этотъ разъ впервые, когда фельдфебель явился на ротный дворъ, и когда Дасаевъ, принявъ его въ своей комнатѣ, а не въ коридорѣ, заговорилъ съ нимъ, Ѳерапонтъ Ильичъ сразу слегка смутился, даже оробѣлъ. Случилось это не отъ грознаго вида начальника, а совершенно наоборотъ отъ черезчуръ ласковаго взгляда и еще болѣе необычнаго ласковаго звука голоса «пузана».

«Что за притча, помилуй Богъ!» — подумалъ Петровъ, боявшійся, какъ всякій русскій коренной человѣкъ, всего новаго, когда оно нѣсколько загадочно или необъяснимо.

Откуда могла взяться и по какой причинѣ эта ласка, очень похожая на заискиваніе? Если бы фельдфебель увидѣлъ вдругъ Дасаева злобнымъ, грознымъ и естественно, искренно, а не напускнымъ образомъ, то онъ не испугался бы, потому что зналъ, что капитанъ все-таки добрый человѣкъ. А этотъ новый голосъ и вообще весь видъ начальника были прямо загадкой.

Причинъ ждать какого либо особаго добра не было. Ничего предъ тѣмъ особеннаго не случилось, и ничего фельдфебель не сдѣ-

лалъ, ничѣмъ не услужилъ. Стало быть, дѣло худо, и капитанъ подступаетъ, себѣ на умѣ, лисой, которая потомъ обернется волкомъ.

— Послалъ я за тобой, любезнѣйшій мой Ферапонтъ Ильичъ,— проговорилъ Дасаевъ,— по важнѣющему случаю. Первой важности дѣло! Можешь ты мнѣ услужить, одолженіе оказать, и не въ службу, а въ дружбу? Понимаешь ли ты?

Разумѣется, фельдфебель понялъ слова, но больше ничего не понималъ, а «Ферапонтъ Ильичъ» вмѣсто простой одной фамиліи «Петровъ» его смутило такъ же, какъ и ласковый голосъ, даже еще болѣе, чѣмъ голосъ.

— Все, что прикажете по долгу службы...—заговорилъ онъ, не зная, что сказать.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вотъ то-то и есть, я тебѣ сказываю, не въ службу, а въ дружбу одолжи.

— Радъ стараться, ваше благородіе, все, что изволите приказать!

— Ну, вотъ что, слушай!—началъ Дасаевъ:—буду я съ тобой вести рѣчь такую, какой начальству съ подчиненными заводить не слѣдуетъ. Но я тебя давно знаю и люблю, даже, могу сказать, насколько возможно по твоему положенію, мнѣ подчиненному, я тебя уважаю. Я въ тебѣ былъ всегда увѣренъ, въ твоей вѣрности и любви. Вѣдь ты любишь меня?

Вопросъ этотъ уже совершенно ошеломилъ старика фельдфебеля. Онъ разинулъ ротъ, задвигалъ языкомъ, но сказать окончательно ничего не могъ. Да, впрочемъ, онъ и самъ себѣ этого вопроса никогда не задавалъ. Однако, черезъ мгновеніе онъ произнесъ твердо:

— Всѣмъ сердцемъ, ваше благородіе, къ вамъ, такъ сказать... Ваша доброта завсегда... Что прикажете... Голову, сказать къ прищру, за васъ положить...

И послѣ нѣсколькихъ обрывковъ словъ фельдфебель приложилъ руку къ сердцу и стоялъ, не зная, что еще вымолвить.

— Ну, слушай же по порядку и отвѣчай, что буду спрашивать. Слыхалъ вѣдь ты, что въ столицѣ да и у насъ тутъ поблизости, въ Новгородѣ да въ Старой Руссѣ, разгулялась опять холера? Слыхалъ?

— Какъ же, помилуйте! Всѣмъ извѣстно. Бабы и ребятапки и тѣ все про холеру болтають.

— Ну, а слыхалъ ты всякія глупыя рѣчи изъ-за этой холеры?

— Да вѣдь мало ли что кто болтаетъ! Собака лаетъ—вѣтеръ носить. И слушать-то не стоитъ.

— Такъ-то такъ, но вѣдь, небось, слыхалъ всякое? Мнѣ не пойдутъ говорить, а тебѣ скажутъ. Да и самъ ты можешь подслушать. А мнѣ гдѣ же!

— Оно точно-съ...

— Ну, вотъ и скажи мнѣ, что у насъ тутъ народъ болтаетъ.

— Да вѣдь народъ-то тутъ зря языкомъ вертитъ! Всѣхъ глу-  
постей не переслушаешь, да и говорить-то нашему благородію не-  
хорошо.

— Вотъ въ этомъ-то вся сила, Ферапонтъ Ильичъ! За тѣмъ-  
то я тебя и позвалъ, чтобы ты мнѣ самую правду выразилъ. Не  
хочешь—я кое-что самъ у тебя спрошу и за все, что скажешь, буду  
только тебѣ премного благодаренъ и донесу по начальству. И  
если что окажется поважнѣе и намъ, начальству, знать необходи-  
мое, то тебѣ за это отъ насъ, кромѣ спасибо и награды, ничего не  
будетъ. Сказываютъ вѣдь, что холера не хворость, а напущеніе  
вражеское?

— Точно такъ-съ!

— А чье напущеніе?

— Да враговъ російскихъ, враговъ царя батюшки да и насъ,  
православныхъ христіанъ.

— А враги-то кто же?

— Кто говоритъ—поляки, а кто говоритъ—нѣмцы.

— Ну, а еще кто?

Фельдфебель сталъ переминаться, какъ-то ежиться и оконча-  
тельно не зналъ, что отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Ну, говори по совѣсти, не бойся!

— Да я, ваше благородіе, право, не знаю. Поляки, сказываю,  
и нѣмцы.

— А еще кто? Не хочешь? Ну, я тебѣ скажѹ: что якобы хо-  
леру-то напускаютъ на народъ тоже изъ столицы, и что будто  
бы причастно къ сему и начальство. Такъ вѣдь?

— Точно такъ-съ!—еле слышно и робко отвѣтилъ фельдфебель.

— Стало быть, къ примѣру, случись у насъ здѣсь холера,  
такъ я, да и ты тоже,—мы будемъ всѣ на народъ ее пущать.

И Дасаевъ разсмѣялся, но нѣсколько неискреннимъ смѣхомъ.  
Петровъ ухмыльнулся тоже и выговорилъ:

— Точно такъ-съ! Ужъ коли начальство, такъ, стало быть, здѣсь  
отъ васъ пойдетъ, и я, къ примѣру, вашимъ помощникомъ окажуся.

— Ну, а еще что болтаютъ? Сказывай, не бойся! Ты вѣдь меня  
этимъ только одолжишь. Я буду знать, что рапортовать по на-  
чальству.

Петровъ нѣсколько пріободрился и заговорилъ глаже, не за-  
пинаясь.

— Всего, ваше благородіе, сказываю, не переслушаешь! Ужъ  
больно безпутнаго много и несуразнаго. Болтаютъ всякъ на свой  
ладъ. Есть, которые сказываютъ, что враги православнаго христі-  
анства колодцы и рѣчки ядомъ отравляютъ. И воды пить, стало,  
не надо. А кто говоритъ, что и кашу гречневую не ѣшь, что на  
нее тоже какой-то наговоръ пущенъ. А повсюду-то ходятъ вражьи  
шпіоны, народъ, какого прежде не видано было.

— Такъ, такъ! И я слышалъ. Это, стало быть, вотъ, теперь, которые господа прѣхали изъ Петербурга сюда въ усадьбы на лѣто, тоже шпионы?—спросилъ Дасаевъ улыбаясь.

— Такъ точно-съ!

— Ахъ, дураки! Вѣдь это же люди, господа, баре. Есть даже важные петербургскіе дворяне, которые со своими семьями, испугавшись холеры, уѣхали сюда изъ столицы на лѣто. Они такіе же, какъ и мы, русскіе, православные люди, только много важнѣ насъ. Вотъ тутъ въ Вознесенское, въ Бронницы, въ Семеновское переѣхали на лѣто очень важные чиновники. А въ усадьбѣ Овражки нанялъ г. Павлицевъ всю усадьбу на лѣто, по моему же совѣту. Онъ первый мой пріятель, семеновскій офицеръ, онъ, стало быть, тоже къ шпионамъ причисленъ?

— Это точно-съ! Про тѣхъ, что прѣхали да расселились по разнымъ имѣніямъ, тоже глупый народъ сказываетъ, что они, можетъ, нѣмцы. И тутъ, доложу вамъ, какъ на грѣхъ, замѣшательство вышло. Около Овражекъ на хуторѣ маленькій домишко снялъ на все лѣто дѣйствительный нѣмецъ, и фамилія у него такая, что, виновать, выговорить не можно.

— Знаю, знаю! Вильдгорстъ. Такъ вѣдь?

Фельдфебель только повелъ плечами и выговорилъ:

— Должно быть, что такъ-съ. Ужъ очень мудрено!

— Такъ, вѣдь, онъ тоже бывшій военный, интендантъ, что ли, Богъ его вѣдаетъ! А его Павлицевы знаютъ. Только и есть, что фамилія нѣмецкая. Да, вѣдь, и Шпицъ нашъ тоже нѣмецъ. Почему же онъ докторъ, а Вильдгорстъ шпионъ?

— Оно точно, только приключеніе такое было. Нашъ Карлъ Карловичъ по своему языку помалкиваетъ, а этотъ господинъ, стало быть, со своими гулялъ по полю, и они промежъ себя говорили по своему языку, стало быть, а не по русскіекому. А наши-то молодцы были на полѣ и слышали. Вечеру прѣхали по домамъ, и пошелъ говоръ. Стали говорить, что на утро уже жди и холеру, потому что самые эти шпионы уже проявились.

Дасаевъ покачалъ головой помолчалъ и, будто поколебавшись, спросилъ наконецъ:

— Ну, а какъ ты полагаешь... на твой разсудокъ? Ждать намъ и въ Рускинѣ всякихъ глупостей?

— Какихъ же, ваше благородіе?—удивился Петровъ, не понявъ вопроса.

— Какихъ... Вотъ въ разныхъ мѣстахъ прямо бунтуютъ...

— Что же тутъ подѣлаешь! — развелъ руками фельдфебель.— Придутъ шатуны да начнутъ подмывать, да подускивать нашихъ всякими разговорами негодными и тайными, можетъ, и приключится шумъ какой. Коли въ другихъ мѣстахъ шумятъ,—оно подмывательно... Можетъ вдругъ и у насъ бѣда стрястись.



— Ну, такъ вотъ что, Петровъ, я надумалъ такое дѣло. Объяви ты въ нашемъ поселеніи по всей ротѣ, что будетъ у меня здѣсь передъ домомъ сборъ. Хочу я со всѣми перетолковать, рѣчь имъ держать и всякое такое разъяснить—и насчетъ холеры, и насчетъ беспокойствъ разныхъ по сосѣдямъ. Надо дураковъ просвѣтить.

— Это точно, ваше благородіе! Дѣло будетъ совсѣмъ полезное.

— Разные, какъ ты сказываешь, шатуны имъ всякій вздоръ болтають, а я вотъ, да и ты тоже, толкаясь между ними, будемъ имъ дѣло говорить, вразумлять и усовѣщивать. Можетъ, этакъ у нихъ все смирно и будетъ.

— Это доброе дѣло, ваше благородіе! Такъ, какъ же прикажете?

— Да вотъ такъ: объяви, что будетъ, хоть въ слѣдующее воскресенье, сборъ, чтобы всѣ сходились. Даже, коли какая баба захочетъ прійти, молодуха ли, старая ли, и онѣ пусть придутъ. Дѣло будетъ не военное; а такъ, стало быть, начальственное имъ разъясненіе по сердцу, по добротѣ, а не то, что другое. Ну, вотъ, ступай и распорядись.

Выйдя отъ ротнаго командира, Петровъ заворчалъ уже на улицѣ:

— Дьяволъ бы тебя взялъ да удавилъ, да и всѣхъ васъ. Не до того мнѣ теперь, чтобы холерами заниматься да враньемъ народнымъ. У меня у самого кошки на душѣ скребуть. И не кошки, а похуже—звѣри лютые скребуть.

## XX.

Прошло два дня... Марѳа все яснѣе замѣчала въ мужѣ что-то новое. Или онъ хворалъ и не хотѣлъ сказаться, какъ думала она, или былъ озабоченъ такимъ важнымъ служебнымъ обстоятельствомъ, о которомъ, какъ всегда было, не считалъ приличнымъ рассказывать молодой женщинѣ.

Повидавшись опять тайкомъ съ Монаховымъ на берегу, она передала офицеру свою новую заботу.

— Ужъ не дошло ли до него что нибудь про насъ?—сказала она.—Мнѣ и это на умъ приходитъ.

Монаховъ разсмѣялся.

— Дорогая моя, ты сама говоришь часто свою любимую половицу: «на ворѣ шапка горитъ». Ну, вотъ...

И онъ успокоилъ Марѳу. Она вернулась домой веселая.

На утро назначенное у ротнаго двора сборище всѣмъ поселенцамъ было вдругъ отменено Дасаевымъ, по приказанію Яцковскаго.

Фельдфебель, выходявшій изъ дома, вернулся домой сумрачнѣе, чѣмъ когда либо за эти дни. На вопросъ Марѳы о сборищѣ и о томъ, гдѣ мужъ былъ, Петровъ отвѣтилъ:

— Гдѣ былъ, тамъ меня нѣту. А гдѣ безпремѣнно буду? Тамъ же, гдѣ и ты? Подъ землей!

Затѣмъ, фельдфебель тотчасъ вышелъ снова изъ дома, сказавъ, что идетъ къ Миняю совѣта попросить, и онъ вернулся часа черезъ два, уже передъ сумерками. Найдя Марѳу на дворѣ подъ навѣсомъ, въ тѣни, на большомъ бревнѣ, Ферапонтъ Ильичъ сѣлъ около нея.

— Нутко, жenuшка, — выговорилъ онъ глухимъ голосомъ, — больно не желалось мнѣ заводить нѣкую рѣчь, а, видно, надо... Все-таки лучше... Поговоримъ! Скажи-ка ты мнѣ, давно ли ты обзавелась полюбовникомъ!

— Чего?!—изумилась Марѳа и вздрогнула, встрепенулась, не сдержавшись при полученіи неожиданнаго удара.

— Вишь, какъ тебя дернуло!—произнесъ фельдфебель еще глуше.

Марѳа отвѣтила не сразу. Прошло, можетъ быть, нѣсколько мгновеній, прежде нежели она, овладѣвъ собой, проговорила равнодушнымъ голосомъ:

— Всякаго передернетъ! Ни съ того, ни съ сего, хватить чело-вѣкъ этакое... Что же это? Стало быть, теперь у насъ опять пойдетъ старая канитель? Ты ужъ сколько времени о моихъ полюбовникахъ не разговаривалъ, а теперь опять за старое!

— Не я тому причиной, а ты же! Коли обзавелась, такъ я и разговариваю,—произнесъ Петровъ, со злобой глянувъ на жену.

— Полюбовникомъ?—усмѣхнулась Марѳа, хотя оробѣла.

— Ну, да! А то чѣмъ же? Сказываю, вѣдь... Не вертись! Отвѣчай...

— Ну, а тебѣ-то кто же сказалъ это?

— Никто не сказалъ... А вотъ чуется мнѣ. Пахнетъ таковымъ!—отвѣтилъ Петровъ, глядя въ землю.

— Вотъ какъ! Ты поясни, сдѣлай милость, почему пахнетъ. Что у тебя есть про запасъ, гдѣ у тебя и какія улики?

— Уликъ, можетъ быть, и нѣтъ. А вотъ сдается мнѣ это. А твое дѣло меня разувѣрить.

— Я тебя прежде сто разовъ разувѣряла. Такъ что же, опять въ сто первый начинать?

— Что же, отчего и въ сто первый не начать? Сказывай мнѣ чтонибудь, чтобы мои мысли перемѣнило?

— Кабы нуженъ былъ мнѣ какой пріятель, такъ, я полагаю, давно бы хватилась—въ первые же годы, что меня за тебя выдали, а не теперь.

— Да, можетъ, и въ первые годы былъ?

— Ну, это старое! Мы это слышали!

— Ну, бросимъ старое, а будемъ говорить про нонѣшнее! Теперь-то сознаешься ты, что есть у тебя пріятель?—продолжалъ Петровъ, все не поднимая глазъ отъ земли.

— Нѣтъ, не сознаюся! Буду я говорить, что его нѣтъ, и правда это будетъ, ты не повѣришь, а будь у меня и вправду пріятель, такъ я бы все-таки про это не сказала. Люби самъ.

— Вотъ какъ!

— Вѣстимое дѣло! Съ какой же радости сознаваться въ томъ, что прятать надо? Да и потомъ мужнее дѣло улики найти, поймать что ли? Накроетъ мужъ, и винися жена! А самой итти на себя показывать ужъ больно совѣмъ глупо.

— Ты мнѣ только скажи! Чего тебѣ стоитъ слово одно. Нѣтъ у тебя пріятели или есть? Больше ничего. Одно слово.

— Вѣстимо, нѣтъ!

— А перекрестись?... И Ильичъ поднялъ глаза на жену.

— Изволь!

— Ну, крестись!

Марѳа перекрестилась.

— А! Вонъ какъ!—почти весело воскликнулъ Петровъ.—А ну, побожись! Скажи: божусь Господомъ Богомъ, что полюбовника у меня нѣтъ!

— Ну, вонъ еще что выдумалъ!

— Божись, тебѣ говорятъ!—съ злобной тревогой въ голосѣ проговорилъ фельдфебель.—Божись! Ну же!..

— Ну, ладно! Божусь тебѣ Господомъ Богомъ,—произнесла Марѳа и смолкла.

— Да въ чемъ? въ чемъ?!—вскрикнулъ сипло Петровъ.

— А въ томъ, что ты желаешь!

— Нѣтъ, не юли, проклятая! Говори, божусь Господомъ Богомъ, что полюбовника у меня нѣтъ! Слышишь? Не юли! Скажи всю клятву!

Наступило молчаніе. Фельдфебель ждалъ и наконецъ произнесъ:

— Что? Видно, нельзя? Крестъ класть—окаянства хватило, а божиться боишься?

— Нѣтъ, не боюсь, а не хочу и не стану!

— Ну, вотъ, стало быть, онъ у тебя и есть?

— Есть, такъ есть!—тихо, но рѣзко проговорила женщина будто слегка озлобляясь.

— А если я тебя убью за этакое? А?!

— Что же! Двухъ смертей не бывать, а жисть-то моя не такая, чтобы слѣдъ мнѣ больно много ее жалѣть.

— Такъ ты не скажешь, что у тебя пріятель есть?—вскрикнулъ Петровъ.

— Нѣтъ, не скажу!—твердо отозвалась женщина.

— Ну, такъ я тебѣ скажу!

— Ну, и ладно! Говори... Да мнѣ не любопытно...

Марѳа двинулась, какъ бы желая встать, но фельдфебель схватилъ ее за руку, дернулъ и съ силой усадилъ на мѣсто.

— Сиди! Не сказываешься, такъ я тебѣ скажу! Вчера ты опять собралась въ Руссу съ этой старой вѣдьмой Барановой, а за тобой собрался верхомъ твой хозяинъ. Ты въ Руссѣ шаталась, и онъ за тобой. Поняла ли?

Лицо Марѳы сразу переѣнилось и поблѣднѣло. И она пылливо и трепетно приглядѣлась къ лицу старика, чтобы скорѣе угадать, лжетъ онъ или говоритъ правду.

— Нечего глаза таращить!—выговорилъ онъ.—Диву далась. Тотто... Да, ты болталась по городу, а я за тобой ходилъ. Стало быть, я и пріятеля твоего знаю теперь... Назвать, что ли, его?

— Назови...—произнесла Марѳа какъ бы совершенно безсознательно. Даже не она, а ея поблѣвниія губы произнесли это слово помимо воли ея.

— Монаховъ!..

Марѳа поблѣднѣла, какъ снѣгъ. Вѣки глазъ опустились сами собой, а затѣмъ тихонько и голова стала опускаться на грудь.

Наступило молчаніе, послѣ котораго фельдфебель выговорилъ почти шопотомъ:

— Ну, что жъ теперь намъ дѣлать?

Марѳа молчала.

— Что же мнѣ съ тобой дѣлать? Исколотить до полусмерти? А этакое никогда не дѣлывалъ, и теперь начинать не хотѣлось бы. Да и мало этого... Что же исколотить? Нашего брата, солдата, за пустяки рѣзками и палками замертво оставляютъ. А за такое, что ты творишь, розогъ, палокъ, али кулаковъ совсѣмъ мало. Умертвить надо! Ну? Что же? Хоть на это отвѣтствуй! Какъ ты полагаешь, умертвить мнѣ тебя? Убивать что ли? Вонъ топоръ-то. Недалече. Тебѣ говорятъ, отвѣчай!—вдругъ крикнулъ фельдфебель на весь дворъ.—Убью и впрямь сію минуту!

— Что тебѣ надо?—вдругъ вскрикнула женщина какъ-то безсмысленно.

— Убивать, говорю, тебя или нѣтъ?

— Что ты шалый, что ли? Коли вѣришь въ то, что сказываешь, такъ и убивай! Мнѣ жизни не жалко, я уже сказала. Не такова она, чтобы о ней жалѣть... Каторжная она!

— Каторжная?!—тише произнесъ Өерапонтъ Ильичъ.—Каторжная?! Да вѣдь я десять-то лѣтъ у тебя въ ногахъ ползалъ, окаянная! Нешто этакія каторги бывають?

— А что мнѣ въ этомъ твоёмъ ползаніи было?—горько и съ страданіемъ въ голосѣ вдругъ заговорила Марѳа.—Вспомни-ка, какъ меня за тебя отдавали! Хоронили! Не я одна выла, и дѣвки всѣ, подружки, выли со мной. Меня не подъ вѣнецъ вели, а будто живую на кладбище тащили. А была-то я и впрямь, какъ сказывается, краше въ гробъ кладуть. Ты женился, чтобы офицера мною попотчевать, полакомить. Сказываешь, что не зналъ, по глупости. Нѣтъ!

Зналъ и шелъ на свинство, не лги! Не чаялъ, что твой офицеръ кубаремъ у меня завергнется. Этакое мужу можно было... Ничего. На пользу себѣ. А вотъ коли сама жена захочетъ на пользу свою полакомиться, извѣдать, что всѣ другія молодухи извѣдали... Нельзя. Грѣхъ, окаянство! Убить ее за это. Убить? Эка страсть! Пытанье, моренье, мучительство—хуже во сто кратъ. А моя жизнь съ тобой вотъ уже десять годовъ—такое мучительство, коего и лютымъ грѣшникамъ не будетъ на томъ свѣтѣ. Ты благодушествовалъ, праздничалъ, а я дюжину разовъ собиралась руки на себя наложить... Бывало, я разума рѣшалась на день и два... Со мной наважденіе приключалось непонятное...

И Марѳа, вспомнивъ свое невѣроятное приключеніе съ Русаковымъ, чуть не заговорила объ немъ.

— Отдалася прохожему молодцу, потемнѣвъ разомъ,—подумала и чуть не вымолвила она.

— Славно!—произнесъ Петровъ глухо и хрипливо:—славно! Вся жизнь была каторгой. Не зналъ я... ползая-то...

— Не зналъ? Какъ вамъ знать! Кто себѣ врагъ!—съ крайнимъ озлобленіемъ и презрѣніемъ воскликнула женщина.—Хочется дѣвкѣ замужъ за любого. А ее за дѣдушку выдадутъ. А дѣдушка въ ногахъ ползаетъ и думаетъ, что отъ того краше его на свѣтѣ нѣту. А опротивѣло, опостылѣло старье вонючее, полюбился такой, какъ она, молодой да милый... Окаянство! Злодѣйка! Запороть ее, убить...

— Что ты? Что ты? Ума рѣшилась?—изумленно проговорилъ фельдфебель, не вѣря своимъ ушамъ.

— Рѣшишься въ этакой каторгѣ. Десять годовъ! Десять-то!—воскликнула Марѳа.—Съ 17-го годика и вотъ по сихъ поръ. Чуть не четвертый десятокъ!... Вся-то жизнь пропадомъ прошла. Варька дохлая, и у той мужу теперь тридцать годовъ и изъ себя молодець. А я-то?... Я? Съ тобой свѣковать... Заѣлъ ты меня... Заѣлъ. И не подавился... И спрашиваешь еще. А я за десять-то годовъ измочалилась въ этой каторгѣ. Да что толковать! Нешто это мучительство словами опишешь!

И, быстро поднявшись, Марѳа почти бѣгомъ бросилась въ огородъ, а затѣмъ въ поле. Она рыдала...

## XXI.

Какъ при дальнемъ большомъ пожарѣ пахнетъ въ воздухѣ гарью, такъ и по берегамъ Волхова въ трехъ поселенныхъ полкахъ чѣмъ-то вѣяло нехорошимъ...

Мямля, отчасти по лѣни, отчасти по добродушію, майоръ Яцковскій все собирался, посовѣтовавшись со своими ротными, принять какія либо мѣры и даже съѣздить къ своему начальству просить указаній, что предпринять въ виду волненій отъ глупыхъ

слуховъ. Но, вѣроятно, Яцковскій прособирался бы еще долго, если бы не его рѣшительная супруга.

Впрочемъ, сначала Агнія Болеславовна совершенно не интересовалась тѣмъ, что происходило кругомъ, и только нѣчто, сказанное ей случайно ея любимой горничной, задѣло ея за живое, взбѣсило и заставило дѣйствовать.

Зинаида объявила барынѣ, что народъ сваливаетъ всю бѣду людского заболѣванія такъ же, какъ прежде падежъ скота,—на поляковъ.

— Этакъ,—сообразила Яцковская,—и на меня, стало быть, можно валить.

— Вѣстимо, барыня! Всѣмъ вѣдомо, что вы своей вѣры, и что у васъ есть свой говоръ, не нашъ — россійскій.

Агнія Болеславовна разсердилась и выместила свое сердце на мужѣ. Въ тотъ же день она разбранила майора, назвала старымъ хрычемъ, колпакомъ, байбакомъ, тюфякомъ, а затѣмъ прибавила еще нѣсколько эпитетовъ, однозначущихъ по-польски. Кромѣ того, она объяснила мужу, что если слухи о полякахъ будутъ расти и укрѣпляться въ народѣ, то ихъ положеніе будетъ самое ложное, такъ какъ онъ полуполякъ, а она и совсѣмъ полька и католичка.

И, разумѣется, Яцковскій, заведенный и подвинченный, рѣшился дѣйствовать. Онъ тотчасъ же оповѣстилъ ротныхъ командировъ и нѣсколькихъ старшихъ офицеровъ, которыхъ считалъ болѣе умными, всѣхъ прося явиться къ себѣ на совѣщаніе на другой же день.

Около полудня въ гостиной Яцковскаго сошлось человекъ восемь военныхъ, а въ томъ числѣ были ротные командиры: Дасаевъ, Журавскій, Зальцеръ. Тутъ же были явившіеся Костыревъ, Миллеръ и двое молодыхъ офицеровъ — Монаховъ и Подобѣдовъ. Но, кромѣ нихъ, Яцковскій пригласилъ и уважаемаго всѣми старика, отца Василя.

Яцковскій предложилъ гостямъ обсудить сообща, какія мѣры принять для успокоенія всѣхъ поселянъ, а равно и ротъ. Зальцеръ тотчасъ же заявилъ, что единственный способъ прекратить сразу всякія волненія—забирать болтуновъ и сѣчь.

— Если начать всякій день наказывать розгами, кто попадетъ, хотя бы и безвинно, то живо всякая болтовня прекратится!—закончилъ онъ.

Журавскій согласился съ мнѣніемъ Зальцера, однако предложилъ устроить нѣчто въ родѣ взвода сыщиковъ, разослать по поселеніямъ людей умныхъ, ловкихъ и дѣльныхъ, а за это награждать ихъ. Пусть они изображаютъ настоящихъ сыщиковъ, болтаютъ съ народомъ и доносятъ, кто что говоритъ. Но чтобы тѣ, кого будутъ хватать и наказывать, конечно, не знали, кто на нихъ доносить. Такимъ образомъ, безвинно пострадавшихъ не будетъ.

Капитанъ Дасаевъ заявилъ, что онъ своего мнѣнія не имѣеть, а согласится на то, какъ рѣшить батальонный командиръ. Когда дѣло дошло до Костырева, то онъ мягко заговорилъ:

— Простите меня, но я никакъ не могу дать свое согласіе на то, чтобы какое душевное смятеніе можно было уничтожить розгами. Случись какое непослушаніе, дерзость какая или проступокъ, и человѣкъ виновный самъ знаетъ, что онъ поступилъ незаконно, тогда, вѣстимое дѣло, другого средства нѣтъ, какъ наказаніе. И надо пороть—мало ли, много ли, смотря по винѣ. Или же просто засаживать подъ арестъ. Или прямо подъ военный судъ отдавать, какъ бы паршивую овцу, чтобы не портила все стадо. А когда люди перепугались, да тоже, какъ бараны, швыряются изъ стороны въ сторону, сами не зная почему, и боятся, и охаютъ, и Богу молятся... Тутъ наказывать и пороть первое — грѣхъ, а второе — совсѣмъ неподходящее дѣло. Этакъ, къ примѣру скажу, я вотъ, офицеръ, приду въ душевное смятеніе по какой либо причинѣ, буду горевать, тосковать или буду просто бояться тоже хворости, того, что помру, или кто изъ моихъ помретъ... А меня за это возьмутъ, да арестуютъ, а то разжалуютъ. Что жъ это будетъ? Правосудіе?

— Что же тогда дѣлать?—спросилъ Яцковскій, совсѣмъ растерявшись отъ убѣдительной рѣчи Костырева.

— Все, что прикажете, только не наказываніе,—такъ же мягко, спокойно и добродушно заговорилъ Костыревъ.—Да и вообще съ народомъ лаской больше сдѣлаешь, чѣмъ битьемъ. А, кромѣ того, скажу, не лишнее бываетъ и полукавить, похитрить. Если есть болтуны, которые выдумываютъ всякое несуразное, то не грѣхъ и начальству что нибудь придумать да пустить слухомъ что нибудь противоположное. И будешь самъ знать, что сочинилъ, да коль скоро это на пользу дѣла, такъ можно и сочинить. Сколько разъ случалось мнѣ полукавить или, такъ сказать, покривить душой, чтобы хорошее дѣло обдѣлать на пользу и всеобщую и самому человѣку. И я этого грѣхомъ не почиталъ. Вотъ такъ и теперь.

Послѣ недолгаго молчанія батальонный командиръ произнесъ, какъ бы изнемогая отъ гнета болѣзни.

— Такъ какъ же-съ? Какъ же, господа? Рѣшите.

— Драть! И зѣло драть!—самоувѣренно, рѣшительно, какъ непреложную истину, заявилъ Журавскій.

— Такъ-то такъ-съ,—сказалъ Зальцеръ.—И розги, и плети, и шпидрутены—изобрѣтеніе спасительное. Но надо бы сычниковъ пустить въ народъ.

— Ну, а вы что скажете?—спросилъ майоръ у молчавшаго все время священника, отца Василія.

— Мое дѣло-съ—сторона,—робко отвѣтилъ священникъ.—Я въ этомъ ничего не могу содѣйствовать. Укажете если что паственное мнѣ, — я исполню.

— Паственное?—повторилъ Яцковскій, глупо тараща глаза.— Да, оно бы хорошо. Да...

Совѣщаніе на этомъ и кончилось. «Паственное», однако, командиръ не указалъ батюшкѣ.

И всѣ, кромѣ Костырева, разошлись угрюмые, будто смущенные и озабоченные.

Изъ всего начальства, т.-е. офицеровъ Прусскаго полка, капитанъ Костыревъ былъ наиболѣе любимымъ, и отлично зналъ это самъ. Какъ человекъ, капитанъ былъ, однако, далеко не такой добрый, какъ самъ батальонный командиръ.

Яцковскій былъ, по природѣ, добрякъ, а изъ принципа строгъ, иногда и жестокъ какъ-то поневолѣ, отчасти въ силу подражанія другимъ батальоннымъ командирамъ, отчасти благодаря вліянію жены, внушавшей ежедневно, что русскій мужикъ — дикій звѣрь, русскій солдатъ — остолопъ, истуканъ, что вообще россияне — люди только лишь внѣшностью одной.

Костыревъ, наоборотъ, не былъ мягокъ и сердеченъ по натурѣ, а скорѣе если не изъ принципа, то изъ расчета. Главной чертой характера капитана было очень искусное лукавство. Онъ былъ мастеръ въ дѣлѣ угожденія и нашимъ, и вашимъ и, вопреки пословицѣ или повѣрью, что оно мудрено и даже невозможно, Костыревъ достигъ цѣли. Начальство считало его дѣльнымъ, строгимъ, справедливымъ, неспособнымъ на поправки или на упущенія по службѣ, спуску не дающимъ.

Подчиненные — солдаты и поселяне — напротивъ считали, что Костыревъ, когда можно, спуститъ, проститъ, или просто сквозь пальцы посмотритъ, а то и прямо глаза закроетъ.

— Съ нимъ по душѣ можно потолковать, какъ родному можно повиниться и просить прощенія, — говорили и солдаты и поселяне. — И размягнуть его — дѣло совсѣмъ немудреное. Ужъ больно добрый, богобоязненный.

Вслѣдствіе ли постоянно расчетливаго и лукаваго отношенія къ начальству и къ подчиненнымъ, или по какой либо другой причинѣ, но положеніе капитана въ военномъ поселеніи было совершенно иное, чѣмъ всѣхъ остальныхъ командировъ. Между нимъ и подчиненными была какая-то невидимая связь. Онъ былъ ближе къ нимъ, чѣмъ какой либо другой офицеръ всѣхъ трехъ расположенныхъ на Волховѣ полковъ, съ юнкерами включительно.

Разумѣется, Костыревъ зналъ всегда, что творилось не только въ его ротѣ, но и въ другихъ. У него не бывало сюрпризовъ, а многое, что творилось въ другихъ ротахъ и въ другихъ полкахъ, у него было немислимо. Костыревъ какъ-то всегда узнавалъ напередъ какую либо бѣду, которая должна стрястись, и во время принималъ мѣры.



— Пошла было крапивка расти, собралась цвѣсти, да я ее под-сѣкъ!—шутя говорилъ онъ женѣ по поводу какого либо случая въ его ротѣ, который при невнимательности съ его стороны могъ бы окончиться плохо, а, благодаря во-время принятой мѣрѣ, кончился благополучно.

Анна Ивановна была въ нѣкоторомъ смыслѣ помощницей мужу, если не по службѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то все-таки въ дѣлѣ пріобрѣтенія любви подчиненныхъ мужа. И во всемъ Прусскомъ полку Анна Ивановна была извѣстна, какъ добройшая барыня.

Часто въ ротѣ ея мужа, а за послѣднее время и въ другихъ ротахъ, когда говорили «наша капитанша», то всякій понималъ, что это не какая либо другая, а именно Анна Ивановна. И если Костыревъ достигъ всеобщей любви расчетливо, искусно, то капитанша заслужила то же самое совершенно неумышленно, даже бессознательно.

При этомъ солдаты шли къ капитаншѣ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдовало обратиться къ фельдшеру или къ знахарю. У Анны Ивановны была пропасть всякихъ средствъ отъ всякихъ «болѣстей», такихъ лѣкарствъ, которыя могли найтись во всякомъ мало-мальски порядочномъ хозяйствѣ. Разумѣется, она не кичилась этимъ, не считала себя знахаркой, и даже обидѣлась бы, если бы ее такъ назвали.

Благодарности за помощь, въ видѣ яицъ, крупы, иногда и курицы, Анна Ивановна ни за что на свѣтѣ никогда не принимала, сердилась, выгоняла человѣка съ приношеніемъ и разгнѣвавшись, насколько могла, кричала:

— Что я тебѣ знахарка что ли далась? Не смѣй въ другой разъ глаза ко мнѣ казать!

Быть можетъ, эта черта безкорыстности особенно и дѣйствовала на всѣхъ.

Солдатскія жены еще пуще шли, почти лѣзли къ Аннѣ Ивановнѣ, ежедневно осаждая ее просьбами—посоветовать что либо по хозяйству. Въ этомъ отношеніи, въ смыслѣ домоводства, Анна Ивановна была, дѣйствительно, кладезь премудрости. Солдатки роты ея мужа знали такіе фортели въ хозяйственномъ дѣлѣ, что многія хорошія хозяйки дивились.

Такъ, между прочимъ, Анна Ивановна обучала своихъ, прося шутливо не сказывать никому по сосѣдству, какъ бѣлить холстъ. И такого снѣжно-бѣлаго холста не было нигдѣ въ окрестности, какой водился въ ея ротѣ.

Даже майоршу Яцковскую Анна Ивановна обучила, какъ дѣлать ананасы изъ простыхъ огурцовъ. Объ этомъ фортелѣ капитанши было столько говору и смѣху, что слухъ о Костыревскихъ ананасахъ дошелъ до Новгорода и дивизионнаго начальства.

— А вся-то сила,—объясняла Анна Ивановна,—въ одномъ... Соузь сдѣлай получше, посвѣжѣе... Да станешь кушать, глаза прищурь, а то и зажмурься совсѣмъ. И вотъ тебѣ ананасъ, а не огурецъ во рту!

## XXII.

Мужъ Анны Ивановны, на видъ такой же добродушный, какъ и она, былъ не злой человѣкъ во всякомъ случаѣ, но и не добрый по природѣ, а добрый по соображенію, и добрый только ради собственной пользы. Кромѣ того, онъ былъ олицетвореніе того, что русскій человѣкъ опредѣляетъ словами: «себѣ на умѣ».

Не будучи собственно дальновиднымъ и пронизательнымъ, капитанъ если не видѣлъ, какъ говорится, людей насквозь, то будто чуялъ ихъ насквозь.

И послѣ совѣщанія командировъ въ тотъ же вечеръ Костыревъ вызвалъ къ себѣ капральнаго Горшкова, какъ самаго подходящаго человѣка.

— Зачѣмъ тебѣ понадобился этотъ лиходѣй?— замѣтила Анна Ивановна.

Капитанъ ничего не отвѣтилъ, а только отчасти лукаво усмѣхнулся.

— Ужъ не люблю я его? Все мнѣ кажется, что коли онъ еще не назлодѣйствовалъ, то непременно станетъ злодѣемъ. И лицо-то какое у него разбойничье! И что худое когда ни случилось, всегда Горшковъ припутался. А поковырять хорошенько, такъ, пожалуй, выйдетъ, что онъ-то заводчикъ дряни какой или бѣды именно и былъ, своей персоной. Я бы его давно изъ капральныхъ разжаловала. А ужъ на порогъ-то дома никогда бы не пустила.

— Матушка, никѣмъ и ничѣмъ брезговать не слѣдуетъ,—отозвался Костыревъ.—Сказывали мнѣ, что есть будто такая французская, либо англійская, что ли, пословица: «Богу помолись, да и о чортѣ вспомни!» Задобри его, стало быть, чѣмъ нибудь.

— Какъ же это, золотой мой, можно чорта задобрить? Чѣмъ же это?—воскликнула Анна Ивановна.—Чортъ любить только грѣхи человѣчи. Такъ, стало быть, что же? Нарочно нагрѣшить ему въ угоду? Вотъ Горшкова звать и съ нимъ бесѣдовать—это точно, что ты чорту въ угоду дѣлаешь.

Костыревъ отмахнулся и ни слова не отвѣтилъ.

Когда вызванный Горшковъ появился на крыльцѣ дома, Анна Ивановна сморщила брови, и добродушное, пухлое лицо ея насунилось и нахмурилось. Ко всѣмъ добродушно относившаяся женщина почему-то особенно не влюбила этого унтеръ-офицера.

Однако, мнѣніе капитанши о капральномъ раздѣлялось почти всѣми. Во всей ротѣ почти всѣ, не имѣя понятія о томъ, какъ отнесется къ капральному капитанша, и ненавидѣли и боялись его.

Горшковъ былъ умный, но очень странный человѣкъ. Онъ самъ себя не понималъ и многого въ себѣ самъ объяснить не могъ.

«Чуденъ я человѣкъ!»—думалъ онъ часто или говорилъ себѣ.

— Ужъ больно ты много, да и диковинно, на мысляхъ разсуждаешь!—говорилъ ему укоризненно священникъ отецъ Василій, который къ нему былъ сравнительно расположенъ, благосклоненъ.—Этакъ на свѣтѣ жить нельзя, до бѣды доживешь! Вѣдь походя разсуждаешь, и все-то вкривь! Самый что ни на есть человѣкъ кривотолкъ!

— Что я, батюшка, все разсуждаю, — отзывался Горшковъ: — это твоя правда. Можетъ, и больше, чѣмъ нужно. А что вотъ я криво разсуждаю, стало быть, шиворотъ-навыворотъ, что ли,—это неправда.

Горшковъ былъ глубоко убѣжденъ, что на свѣтѣ не все такъ, какъ глазамъ и ушамъ представляется. Представляется вотъ, къ примѣру, батальонный командиръ Яцковскій, или даже генералъ Давыдовъ — начальство чуть не на всю губернію, и вотъ онъ — капральный Горшковъ. Одинъ-то—все, а другой-то — козявка. А вѣдь это только представляется...

Раздѣнь догола и ихъ, и его, Горшкова, да нагишемъ выпусти на улицу, такъ, поди, народъ-то и не разберетъ, кто главный правитель края, а кто простой унтеръ, потому всѣ по образу и подобию Божію сотворены. У всѣхъ руки и ноги, да бѣлая кожа, а у иного-то мужика кожа-то, почитай, гораздо побѣлѣе, чѣмъ у иного генерала. Вотъ подпоручикъ Монаховъ, тотъ, поди, черенъ, какъ цыганъ, хотя и офицеръ-дворянинъ.

И всѣ разсужденія Горшкова шли въ этомъ направленіи. Если кто на его глазахъ зарабатывалъ больше и становился зажиточнѣе, Горшковъ завидовалъ, говоря:

— Ишь, везетъ человѣку!

Но тѣхъ, кто былъ богаче само собой, чуть не съ рожденія, невѣдомо съ какихъ поръ и почему, Горшковъ прямо ненавидѣлъ.

— Онѣ не его деньги, а такъ свалились зря. И оно неправильно. Слѣдъ, чтобы у всѣхъ людей было то же самое, не токмо что одинъ и тотъ же кафтанъ на плечахъ, а и въ мошинѣ-то чтобы было равное количество рублей и копеекъ.

И вотъ этого-то человѣка, «диковинно разсуждавшаго на мысляхъ» иногда такое, что и сказать вслухъ было опасно, капитанъ Костыревъ и вызвалъ къ себѣ такъ же, какъ и Дасаевъ Петрова, не по службѣ, какъ унтера, а какъ «разумника» для простой бесѣды. Костыревъ прямо началъ съ холеры и слуховъ и спросилъ, боится ли у нихъ народъ, что она придетъ и къ нимъ.

— Мало сказать, боятся всѣ, —бойко заговорилъ Горшковъ.— Надо прямо сказать — опалѣли, угорѣли, ума лишились. Дома, по душѣ доложу вашему благородію, съ ранняго утра кто ни вста-

нетъ ото сна, перекрестится и себя оглядываетъ да щупаетъ, да опрошаетъ, не зашла ли въ немъ холера-то.

— Бѣдняги! — замѣтилъ Костыревъ. — Ну, а какъ по-ихнему, что это за хворость и откуда пришла? Врутъ, небось?

— Оно понятно. Все жъ таки по молодости много и глупостей болтають. И больше-то все парни да бабы. А кто постарше, тѣ, конечно, по-своему поясняютъ эту холеру.

— Какъ же, то-есть, по-своему?

— Да сказываютъ понятно, что Господь Богъ прогнѣвался на насъ, православныхъ, за многіе наши грѣхи, — объяснилъ Горшковъ. — А грѣховъ, что же сказать, много у насъ. Опять вотъ, къ примѣру, храмы наши въ поселеніяхъ. Вѣдомо вашему благородію, куда, бываетъ, алтарь-то смотрить? Ему-то вотъ какъ Богъ велѣлъ на то самое мѣсто глядѣть, гдѣ солнышко восходитъ, а у насъ, какъ придется. Бываетъ, почти задомъ напередъ храмъ-то стоитъ. Потомъ...

— Да, любезный ты мой! Развѣ ты, умный человѣкъ, не понимаешь, что храмы на ротныхъ дворахъ подъ каланчей, а ротные дворы, понятно, ставятся въ рядъ по улицѣ, въ рядъ домовъ? Ну, стало быть, тутъ храмы и алтари приходятся по порядку, по ранжиру. Коли входъ въ храмъ съ улицы, то ужъ алтарь, стало быть, бываетъ и не на востокѣ.

— Да я это, ваше благородіе, хорошо знаю и самъ даже сколько разъ пояснялъ, а наши старики, знай, все свое: грѣхъ да грѣхъ. Богу молиться нельзя, коли ты задомъ напередъ въ храмѣ стоишь. Одинъ только великій грѣхъ. Такъ сказываютъ.

Костыревъ покачалъ головой.

— И опять иконы, ваше благородіе! — заговорилъ Горшковъ самодовольно и презрительно.

— Что иконы?

— А, стало быть, иконы писаны грѣховнымъ образомъ.

— Что за вздоръ еще? Иконы—образомъ?..

— Точно такъ-съ...

— Да что же то-есть? Я не пойму ничего. И грѣхъ?

— Иконы, изволите видѣть, съ изначала міра завсегда на деревѣ пишутся, а у насъ-то какъ... Сами изволите знать!

— Какъ?!—удивился Костыревъ, которому вопросъ былъ совершенно непонятенъ.

— Вамъ вѣдомо, ваше благородіе, вѣдь у насъ во всѣхъ поселенскихъ храмахъ иконы всѣ, не только что угодники Божьи, а Господь Иисусъ Христосъ, Матерь Божія, даже Господь Вседержитель, всѣ писаны-то, грѣхъ сказать, не на деревѣ...

— Да на чемъ же?

— Да на холстѣ же.

— На холстѣ, точно. Да мнѣ это и на умѣ никогда не приходило. Въ Петербургѣ, можетъ, уже больше, чѣмъ сто лѣтъ, такія святыя иконы есть. По всей Россіи есть. А за границей такъ и совѣтъмъ завсегда на полотнѣ онѣ писались, съ начала міра.

— Простите, ваше благородіе, — самодовольно заявилъ Горшковъ, — знающій человекъ, начебчикъ сказывалъ, что за моремъ у разныхъ басурмановъ и совѣтъмъ иконъ-то нѣтъ, а не то, что на холстѣ.

— Ну, это пустяки! Выдумки! — отвѣтилъ Костыревъ. — Этого быть не можетъ.

— Виноватъ-съ... Изволили приказать сказывать. Я предупредалъ, что всякія глупости, а всего и не переслушаешь! Ну, и тоже говорятъ, зачѣмъ образъ Божій съ себя православные сняли, бреются и стригутся.

— Эвось! Хватились! Да вѣдь этому дѣлу больше ста лѣтъ. Еще это Великій Петръ Алексѣевичъ всѣхъ обрилъ, начиная съ самого себя и со всѣхъ знатнѣйшихъ вельможъ. Эка, хватились! Черезъ сто-то лѣтъ!

И капитанъ началъ смѣяться уже совершенно искренно и добродушно.

— Ну, а теперь вотъ что, — произнесъ онъ послѣ минутнаго молчанія, какъ бы отчасти колеблясь, слѣдуетъ ли говорить:— вотъ что, Горшковъ, скажи, что толкуютъ промежь васъ, то, бишь, промежь нихъ, народа же, что кое-гдѣ бунтовать начали?

Капральный, вѣроятно, отъ взгляда или изъ-за тона голоса капитана опустилъ глаза въ полъ и отвѣтилъ:

— Сказывали, что будто даже въ столицѣ бунтъ былъ. Что же? мало ли на свѣтѣ злодѣевъ да дураковъ? Своей кожи не жаль. Я вотъ ученый. Надясь драли, и безъ причины.

— Знаю, знаю. Я просилъ за тебя, да слушать не захотѣли.

— Просили?—изумился Горшковъ.

— Вѣстимо. Я знаю, что ты не виноватъ былъ. Да что же подѣлаешь?

— Ну, спасибо вамъ, отецъ родной!—почти съ чувствомъ произнесъ Горшковъ.

И Костыревъ, объяснивъ толково унтеру, что бунтовать — большая глупость и ведетъ только подъ наказаніе сквозъ строй или въ каторгу, прибавилъ:

— Будетъ коли что худое у насъ, ты будь добръ, меня упреди, чтобы мнѣ знать.

— Извольте. Да зачѣмъ?.. Ничего у насъ не будетъ!—отвѣтилъ Горшковъ.

## XXIII.

Между тѣмъ въ домѣ фельдфебеля Петрова была своего рода смута.

Прошло дня три послѣ объясненія мужа съ женой, и они показались красавицѣ Марѣѣ безконечно длинными. Она была не только сильно смущена, а прямо перепугана, и тревога не умялась на душѣ, а только росла. Причиной, конечно, былъ Ѳерапонтъ Ильичъ.

Горячая отповѣдь старому мужу, въ которой молодая женщина высказалась и искренно, бурно, поневолѣ, безъ умысла и ярко воспроизвела всю свою прошлую десятилѣтнюю тяжелую жизнь, была, конечно, большой неосторожностью. Когда она замолчала послѣ своего послѣдняго восклицанія: «Да что описывать? Такую каторгу и не опишешь словами!» — она поднялась и убѣжала рыдая въ поле. Не имѣя платка на головѣ, она не могла пойти куда либо, хоть ей и хотѣлось уйти на время куда нибудь отвести душу.

Петровъ ни слова не отвѣтилъ женѣ и остался сидѣть на томъ же мѣстѣ около часу времени. Онъ сидѣлъ, сгорбившись, глядя въ землю, низко опустивъ большую, сѣдую, гладко остриженную, по-солдатски, голову и за цѣлый часъ ни разу не двинулъ ни рукой, ни ногой. Онъ сидѣлъ, какъ бы застывъ или окостенѣвъ на мѣстѣ. Какія мысли роились въ головѣ его, онъ самъ ясно сообразить всего не могъ; или не могъ распутаться въ собственныхъ своихъ думахъ, порывахъ, заключеніяхъ и намѣреніяхъ.

За этотъ первый день онъ не только ни слова не сказалъ женѣ, но даже и ни разу не взглянулъ на нее. На другой день онъ только разъ подошелъ къ Марѣѣ, хлопотавшей около печки, постоялъ и вдругъ выговорилъ:

— Что же дѣлать-то теперь? Вѣдь убить тебя надо!

Марѣа не отвѣтила.

Простоявъ нѣсколько мгновеній, не двигаясь, Ѳерапонтъ Ильичъ произнесъ снова:

— Великій грѣхъ! Свою душу загубишь изъ-за поганой твари... Какая ни на есть тварь, а душа есть. Стало, душегубомъ будешь.

Объдать вмѣстѣ съ женой онъ не захотѣлъ. Онъ приказалъ, не глядя на нее:

— Мнѣ подашь на столъ, а сама съ Егорьевной поѣшь. Я лучше съ татарининомъ или съ жидомъ за столъ сяду.

Въ сумерки, когда фельдфебеля снова позвали къ капитану Дасаеву, то прибывшему шустроу Гришкѣ Петровъ отвѣтилъ угрюмо:

— Скажи, не могу... Хвораю!

— Что ты, дяденька! Какъ же такъ?

— Да такъ, паршивый! Скажи, Петровъ лежитъ, здорово хвораеть.

— А коли же ты, дяденька, на ногахъ, что жъ мнѣ врать-то?— бойко отрѣзалъ Гришка.

— Ахъ, ты, дьяволенокъ!—вдругъ закричалъ фельдфебель такимъ голосомъ, котораго Марѳа никогда еще не слыхала.

Онъ наступилъ на кантониста, поднялъ руки и заоралъ тѣмъ же дикимъ голосомъ:

— Убью!

Кантонистъ, перепуганный не столько голосомъ и поднятыми кулаками, сколько лицомъ «дяденьки», отскочилъ и выбѣжалъ на улицу. Петровъ повернулся и, быстрыми шагами перейдя дворъ, ушелъ въ огородъ.

Прошло часа два, онъ не возвращался. Марѳа боялась итти узнать, что онъ дѣлаетъ, и, выпустивъ въ щель забора курицу въ огородъ, послала Егорьевну ловить ее.

— Погляди тоже, что хозяйинъ!—сказала она.

Несмотря на то, что Егорьевна, ловя курицу и загоня домой, два раза близко прошла около фельдфебеля, онъ, сидя на землѣ, не только не двинулся, но и глазъ не поднялъ на нее: или онъ не видѣлъ ея, глубоко задумавшись, или дремалъ.

Наконецъ, когда совершенно стемнѣло, Петровъ вошелъ въ домъ и тотчасъ же легъ на кровать. Ночью Марѳа, почти не спавшая отъ тревоги и боязни, слышала, какъ мужъ два раза вставалъ, бродилъ по комнатѣ и снова ложился.

Раза три женщина поднималась на своей кровати, прислушивалась, и безмѣрный страхъ нападалъ на нее... Ей казалось каждое мгновенье, что мужъ распахнетъ дверь и появится съ топоромъ въ рукахъ.

На зарѣ Петровъ заснулъ крѣпко и храпѣлъ.

Марѳа, нѣсколько успокоившись изъ-за денного свѣта и крѣпкаго сна мужа, рѣшила, что ночь прошла слава Богу, и, можетъ, еще за день все перемелется.

Однако, проснувшись утромъ и открывъ глаза, она вздрогнула, ахнула и вскочила на постели... Ферапонтъ Ильичъ стоялъ у самой ея кровати, скрестивъ руки на груди, и глядѣлъ на нее со страннымъ выраженіемъ въ лицѣ. При ея движеніи онъ повернулся и тихо вышелъ изъ комнаты.

Когда Марѳа вмѣстѣ съ Егорьевной, поставивъ самоваръ и накрывъ столъ, все приготовила для мужа, онъ сталъ пить чай. Марѳа не сѣла къ столу, стояла или двигалась по комнатѣ, кое-что убирая.

— Слышь-ка, супруга!—вдругъ выговорилъ Петровъ, поставивъ стаканъ на блюдцѣ съ такой силой, что блюдце разбилось.

— Что прикажешь?—отозвалась Марѳа тихо.

— Супруга благовѣрная, въ храмѣ святомъ вѣнчанная, Господу Богу, стало быть, въ богохуленіе, что ли, а людямъ-то на смѣхъ, а мужу-то, стало быть, на срамъ... Ну, и такое все прочее. На душѣ-то ворочается, да языкомъ-то не умѣешь пояснить. А ты вотъ что. Хорошо бы ты сдѣлала. Дойди-ка ты къ отцу Василю... Поняла?

— Поняла! — отозвалась Марѳа, вопросительно глядя въ суровое лицо Петрова. — А что сказать ему?

— Ну, вотъ и дойди! Скажи ты: желательно тебѣ исповѣдаться, а за обѣдней причаститься.

Марѳа почувствовала, что какъ будто сердце упало въ ней, или что-то внутри оборвалось.

— Середь лѣта, безъ всякаго поста, — заговорила она, — что же это я говѣть буду?

— А такъ лучше! — громче и рѣзче отрѣзалъ Петровъ. — Можетъ, нужно...

— Зачѣмъ нужно? — произнесла Марѳа вдругъ гораздо громче и рѣшительнѣе, такъ какъ въ ней вдругъ заговорило что-то.

Это нѣчто за послѣдніе дни какъ бы исчезло или заснуло въ ней, а теперь снова проснулось, и сказалось нѣчто, всю жизнь, однако, не покидавшее ея... Это было отважное чувство всячески постоять за себя и увѣренность, что она всегда сумѣетъ постоять.

Пристально взглядываясь въ лицо Ѳерапонта Ильича, она замѣтила впервые какую-то презрительную строгость въ чертахъ его лица. Онъ глянулъ на нее раза два будто съ омерзѣніемъ. И чувство страшной ненависти къ нему всколыхнулось въ Марѳѣ, а вмѣстѣ съ ненавистью озлобленіе и твердая рѣшимость.

— Что-жъ ты въ самомъ дѣлѣ смертоубійствовать собрался? — выговорила она вызывающе и почти тѣмъ же голосомъ, какимъ говорила свою отвѣдь при ихъ объясненіи.

Петровъ молчалъ.

— Такъ что же, тогда надо мнѣ къ Дасаеву бѣжать, предупредить. Что жъ мнѣ такъ и даваться мужу-душегубу? Ну, хоть бы и виновата, да за этакую вину помирать все-таки больно много будетъ.

— Къ Дасаеву?! — заговорилъ Петровъ, улыбнувшись, или вѣрнѣе, скривилъ ротъ на сторону. — Старикъ Дасаевъ! Да хоть бы всѣ новгородскія власти! Хоть бы въ самомъ Санктъ-Петербургѣ вышняя власть! Это дѣло не фельдфебеля Петрова, а дѣло Ѳерапонта Петрова, Марѳинаго мужа. Тутъ никто не указъ! Тутъ я владыка:

— А на каторгу не сошлютъ?! — вскрикнула Марѳа.

— И какъ еще сошлютъ! Въ кандалахъ! И къ тачкѣ на цѣпь прикуютъ. Да это что! Проработаешь годика три и издохнешь, въ мои годы долше не выдержишь. А вотъ на томъ свѣтѣ душегубу какво будетъ? И все жъ таки не могу я. Долженъ я, какъ мужъ,



тебя рассудить, а тамъ пускай меня Господь судить. Такъ вотъ! Не хочешь итти къ отцу Василью—не ходи. Твое дѣло! А я упрелъ.

Фельдфебель поднялся и, взявъ свою шапку и тесакъ въ руки, вышелъ со двора.

#### XXIV.

Марѳа, оставшись одна, сѣла къ столу, налила себѣ чаю, но, опершись на локти, забыла про свой чай и задумалась... Черезъ нѣсколько минутъ она выпила залпомъ остывшій стаканъ и, мотнувъ головой, выговорила громко:

— Ну, нѣтъ! Я не курица какая или поросятина... Порѣзать—порѣжешь, а убить себя не дамъ. А силы-то у меня побольше, чѣмъ у тебя! Когда бывало въ шутку схватывались, я тебя въ бараній рогъ сгибала, салазки тебѣ загибала. Да то въ шутку! А какъ придется за себя постоять, такъ я такихъ, какъ ты, пятерыхъ уберу. А обороняясь-то можно вѣдь тоже невзначай чело-вѣка ушибить на смерть... Поди-ка, потомъ начальство разбирай, много ли виновата была. Да! Такъ! Вѣрно! Да!..

Марѳа поднялась изъ-за стола и вышла во дворъ, а потомъ въ калитку и, оглядываясь на улицу направо и налево, оглядывая прохожихъ, она едва замѣтно шевелила губами и безъ конца повторяла все то же слово на разные лады: то тише и мягче, то громче и рѣзче:

— Да... да... да...

Но такъ какъ она совершенно безсознательно озиралась кругомъ себя, то вдругъ какъ бы проснулась отъ фигуры, стоявшей передъ ней и говорившей:

— Чего? Угорѣла, что ли?—разслышала она.—Такъ теперь лѣто, не топятъ... Чего ты это?

Марѳа присмотрѣлась и увидѣла передъ собой фельдшера Бздокова.

— Что съ тобой?—переспросилъ онъ, смѣясь глупымъ смѣхомъ.

— Ничего...—отозвалась женщина и, приглядѣвшись пристальнѣе, увидѣла, что Бздоковъ съ красными пятнами на лицѣ, съ картузомъ на затылкѣ стоялъ, слегка покачиваясь.

— Не ты ли, Степанъ Степановичъ, угорѣлъ-то?—выговорила она.—Только не отъ печи, а отъ горѣлки.

— Это вѣрно!— снова глупо разсмѣялся фельдшеръ. — Вѣрно сказала. Отъ горѣлки, стало быть, угорѣлъ. Горшковъ съ Русаковымъ, лѣшій ихъ возьми, угостили. У Горшкова корова стала прихварывать... Вотъ онъ...

— Заобрить тебя, стало быть, хотѣлъ?

— Вѣстимо! Вотъ завтра пойду. Коли можно, въ лазаретъ не потащу. За что обижать хорошаго человѣка, хорошаго, стало быть... Тьфу, мутить меня!

И Ъздоковъ продолжалъ что-то болтать отчасти безъ связи, но Марѳа уже не слушала. Мысль, внезапная, какъ молнія, мелькнула у нея въ головѣ... Мысль эта настолько поразила ее, что даже придала сразу другое выраженіе ея лицу и въ особенности ея красивымъ глазамъ. Даже пьяный Ъздоковъ замѣтилъ ея взглядъ.

— Ужъ и какая же ты, Марѳа Митревна, разухабистая баба! Вѣдь этакой-то не то что у насъ, и въ Новгородѣ нѣтъ. Прямо ты королева, какъ сказываетъ Русаковъ.

— А гдѣ онъ?—рѣзко выговорила Марѳа, какъ будто рѣшаясь на что-то.

— Кто?—отозвался Ъздоковъ, глупо ухмыляясь.

— Русаковъ же! Гдѣ онъ теперь?

— А чортъ его знаетъ!

— Мнѣ бы его нужно!—волнуясь сказала она.—Гдѣ мнѣ его разыскать?

— Зачѣмъ разыскивать? Въ вечерни онъ долженъ зайти ко мнѣ...

— Вотъ сдѣлай милость,—воскликнула Марѳа,—скажи ему, что мнѣ безпремѣнно надо его видѣть. Дѣло такое есть... Скажи: Марѳа велѣла до тебя сказать, дѣло нужное, важное... И чтобы сегодня онъ приходилъ. . Только не въ домъ, а въ нашъ огородъ.

— Во какъ!—уже глупо и грубо захохоталъ Ъздоковъ.

— Сдѣлай одолженіе, Степанъ Степановичъ! Полно гоготать-то! Да ты понялъ ли?

— Понялъ, понялъ!

— Сдѣлай одолженіе, скажи! Когда смеркнется, чтобы въ огородъ приходилъ...

— Эка бестія!—выговорилъ Ъздоковъ.

— Кто? Что ты?

— Ничего... Такъ, стало быть... Ну, ладно, что же дѣлать!

— Скажи ему, пожалуйста, не забудь!

— Да ужъ не забуду! Что же я пьянъ, что ли? Если бы вотъ къ примѣру...

Но Марѳа не дала фельдшеру договорить. Она завидѣла идущаго по улицѣ мужа и произнесла скороговоркой:

— Уходи скорѣй! Мой идетъ... А онъ нынѣ темнѣ ночи. Придерется—и меня отколотить, да и тебѣ достанется.

— Ну, мнѣ-то... погоди! Я тоже, что твой чиновникъ.

— Ладно, ладно! Уходи скорѣй!

И, чтобы сбѣжать съ рукъ подвыпившаго фельдшера, Марѳа отошла отъ калитки.

Петровъ, войдя въ домъ и не найдя жены, крикнулъ:

— Егорьевна!

Онъ крикнулъ такъ громко, что не только Егорьевна, бывшая въ кухнѣ, но и Марѳа на дворѣ черезъ раскрытое окно услышала голосъ.

— Энта гдѣ?— снова раздался голосъ фельдфебеля.

И, вѣроятно, на вопросъ старухи Петровъ вскрикнулъ:

— Кто? Вѣстимо, кто? Дорогая хозяйюшка, потаскушечка!

Марѳа при этомъ словѣ усмѣхнулась и мотнула головой. Страхъ, обуявшій ее за эти послѣдніе дни, умалившійся нынче съ утра, теперь какъ будто совершенно исчезъ. Она сама будто дивилась, почему могла оробѣть, какъ малый ребенокъ. И гдѣ же пропадало то чувство, которое теперь ясно сказывается въ ней, чувство, которое всегда за всю ея жизнь заставляло ее руководить всѣмъ и всѣми.

Женщина двинулась, подошла къ растворенному окну и громко произнесла:

— Здѣсь я! Чего тебѣ?

— Ходилъ я къ отцу Василию и пояснилъ. Исповѣдоваться можешь только въ субботу послѣ всенощной, а на утро за ранней онъ тебя и причастить.

— Та-акъ!—протянула Марѳа нараспѣвъ.—А въ обѣдъ, стало быть, можно будетъ тебѣ меня и ухлопать?

— Смотри, баба глупая, берегись!—вскрикнулъ Петровъ, высовываясь въ окно.—Не расшевеливай меня, а то не поговѣешь.

Марѳа отошла отъ окна, и страшная злоба всколыхнулась въ ней... Ей захотѣлось неудержимо, страстно что либо сдѣлать ему, старому, на зло... Оскорбить его, унижить, надругаться надъ нимъ.

Но это было невозможно. Придумать что либо такое было нельзя. Итти браниться, насмѣхаться? Этого мало.

И вдругъ въ головѣ женщины мелькнула мысль... Она подумала, обдумала и разсмѣялась почти радостно.

— Да! Середь бѣла дня! При народѣ! Пуцай увидятъ и всѣ узнаютъ!—воскликнула она.—Да, сама заору, глядите, молъ, гляди весь честной народъ. Вотъ, молъ, она—я. У полюбовника. Да у какого? Краше не бывало. И онъ меня любитъ, а не то, что брезгуетъ. Ну! сейчасъ, живѣе! Вотъ тебѣ, Оерапонтъ Ильичъ, отвѣдай моей стряпни!

И чрезъ нѣсколько минутъ Марѳа уже шла быстрыми шагами въ домикъ, гдѣ жилъ Монаховъ, и гдѣ она еще никогда не бывала.

Когда она чуть не бѣгомъ ворвалась въ комнату офицера, онъ испугался.

— Что такое? Что случилось?—воскликнулъ онъ при видѣ женщины.

— Ничего, родимый! Пришла вотъ къ тебѣ!—какъ-то торжественно заявила Марѳа.

— Зачѣмъ? Что?.. Середи дня еще?..

— Да. Пуцай смотреть. Пропаца я... Да за тебя не обиди! За тебя на сто смертей пойду.

И, опустившись на стулъ, Марѳа начала плакать, а затѣмъ рыданіе уже душило ее.

Монаховъ понялъ, что приключилось что нибудь, и волнуясь началъ успокаивать женщину. Понемногу Марѳа стихла, а затѣмъ объяснилась и рассказала все.

— Въ воскресенье и причащайся за обѣдней, а тамъ иди на убійство.

— Вздоръ это!—воскликнулъ Монаховъ.—Не посмѣетъ онъ.

— Посмѣетъ, посмѣетъ, да я не дамъ! Что онъ? Онъ рубить будетъ, а я глядѣть буду. Я его зарублю. Вотъ Богъ! Искромсаю топоромъ.

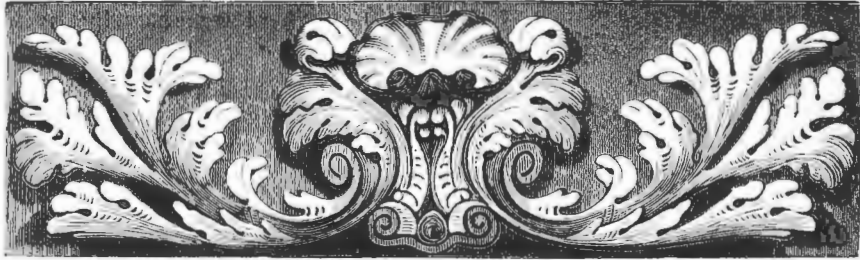
Монаховъ успокоилъ женщину понемногу, но не позволилъ ей засиживаться у себя.

— Ступай домой. Авось никто не видалъ и не увидитъ, что у меня была. Господь съ тобой, ступай.

Графъ Е. А. Салиасъ.

*(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).*





## ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ.

1.

### Бабушка.



НА БЫЛА такая скупая, что другой такой трудно и найти, и притомъ старая, престарая; ей было, по крайней мѣрѣ, лѣтъ восемьдесятъ—лицо все въ мелкихъ морщинахъ, ротъ ввалился, а длинный горбатый носъ чуть не соединялся съ подбородкомъ; на верхней губѣ росли сѣдые усы; ростомъ она была маленькая, худенькая, сгорбленная... И все у ней было старо, пыльно и грязно... занимала она въ своемъ маленькомъ деревянномъ домикѣ, на Подолѣ, только двѣ комнаты, остальные три стояли заколоченными, потому что, если бы занимать ихъ, то пришлось бы зимою и отапливать, а бабушкѣ этого не хотѣлось. Къ чему?.. Она довольствовалась двумя комнатами, изъ которыхъ первая отъ входа была кухня съ большою русскою печью, но въ ней никогда ничего не варилось, не пеклось, не жарилось. Бабушка, по большей части, пробавлялась всухомятку, размачивая хлѣбъ не въ чаѣ—она его не пила, потому что онъ дорогъ, а въ звѣробоѣ, въ листѣ черной смородины, въ липовомъ цвѣтѣ или въ другой какой нибудь травкѣ, которыми она запасалась еще лѣтомъ на весь годъ, сама собирала ихъ и сама сушила... У нея былъ небольшой огородъ, гдѣ она преимущественно сажала картофель, брюкву, огурцы, лукъ, рѣдьку и чеснокъ, какъ необходимые продукты для ея существованія. Тутъ же росли

\* «Истор. вѣстн.», мартъ, 1903 г., т. хл.

кусты черной смородины и стояли старыя вѣтвистыя липы. Прислуги бабушка не держала, а сосѣдній дворникъ Аванасій или его жена Ависья за небольшое вознагражденіе приносили ей воду и дрова и выливали помои, а болѣе ей ничего не требовалось. Она любила дѣлать все сама, находя это и лучше и выгоднѣе. Жила она вдвоемъ со мной, ея роднымъ внукомъ по отцу. Въ то время, какъ она дошла до такой скаредности, а доходила она до нея постепенно по смерти моихъ родителей,—мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, и я, какъ круглый, бѣдный сирота стараго дворянскаго рода, учился на счетъ дворянства во второмъ классѣ классической кievской гимназіи; дворянство и одѣвало меня, т.-е. выдавало только форменную одежду, а бѣлье должна была покупать бабушка. Но какое бѣлье!... Мнѣ кажется, у любого нищаго оно было лучше и чище; заплатка лѣпилась на заплаткѣ, да и тѣ я долженъ былъ самъ пришивать. Когда же бѣлье совсѣмъ истлѣвало, и никакія заплатки не могли удержаться, только тогда бабушка покупала для меня на рынкѣ что нибудь старенькое и, торжественно вручая мнѣ, читала нотацію, что я не бережливъ и все рву, что она истратила на эту покупку свою послѣднюю копейку, что она старая, бѣдная вдова, что у ней нѣтъ поильца-кормильца, а самой ей взять негдѣ, такъ какъ работать за старостью лѣтъ она не можетъ. Говоря это, она усиливалась заплакать и терла какой-то тряпкой, замѣнявшей ей платокъ, свои сухіе красные глаза; бранила меня транжирой и сухимъ, безсердечнымъ мальчишкой, говорила, что Богъ меня накажетъ, если я не буду почитать ея старость и стану нарушать ея спокойствіе. Да, дорого доставалась мнѣ обновка, которую уже черезъ недѣлю мнѣ приходилось чинить, а бабушка какъ будто и не замѣчала этого. Но болѣе всего мнѣ доставалось за свѣчи, хотя и сальныя, которыя мнѣ были необходимы, особенно зимой при ученіи уроковъ. Избави Боже, если засидишься со свѣчой до девяти часовъ; она непременно придетъ и погаситъ ее. Волей-неволей приходилось ложиться на постель, т.-е. на дырявый мѣшокъ, набитый сѣномъ, безъ простыни, и закутаться въ старый, не знаю гдѣ добытый ею, овчинный тулупъ—и то едва-едва согрѣешься подъ нимъ, такъ было холодно у насъ зимой!.. Бывало, радъ-радехонекъ, когда придешь въ гимназію и тамъ отогрѣешься; поэтому я всегда приходилъ въ гимназію первымъ, а уходилъ послѣднимъ, когда сторожа начинали убирать классы. Учебниковъ у меня почти не было, развѣ кто изъ товарищей сжалится и подаритъ мнѣ старый; приходилось списывать ихъ, да и бумагу мнѣ не легко было раздобыть,—тѣ же товарищи дарили мнѣ ее зато, что я рѣшалъ имъ задачи или дѣлалъ что нибудь за нихъ. Я былъ худой и блѣдный, потому что бабушка не давала ѣсть досыта, а держала меня впроголодь, говоря, что лишняя ѣда обременительна для желудка, а потому вредна, что доказывала своимъ долготѣ-

тѣмъ, а она дѣйствительно ѣла очень мало и не болѣе двухъ разъ въ день. Зато праздники были для меня истинными праздниками, такъ какъ я проводилъ ихъ у товарищей, не соблюдавшихъ умѣренности, гдѣ и наѣдался на всю недѣлю или до слѣдующаго праздника. Блаженство! Бабушка не запрещала мнѣ ходить къ товарищамъ, а даже поощряла, для нея это было выгодно: оставался лишній кусокъ хлѣба.

Однако, не подумайте, что бабушка была бѣдная, простая женщина: нѣтъ, она была генеральша и получала пенсіи полторы тысячи въ годъ, изъ которыхъ проживала не болѣе двухъ сотъ рублей. Вотъ она какая была! По духу, вѣроятно, сродни Плюшкину. Она тряслась надъ каждой тряпочкой, надъ каждымъ обрывкомъ веревки, говоря, что въ хозяйствѣ все пригодится, и пренебрегать ничѣмъ не слѣдуетъ.

Да, тяжело и не радостно было мое дѣтство! Охъ, какъ тяжело! Но я по скромности и робости все сносилъ терпѣливо. Я очень боялся бабушки: мнѣ казалось, что она знакома съ какими-то неизвѣстными мнѣ таинственными духами и можетъ, если захочетъ, разомъ уничтожить меня или превратить въ какое нибудь животное, какъ рассказывается въ сказкахъ.

Всегда суровая, молчаливая, она никогда не улыбалась, никогда не ласкала меня. Я жилъ въ кухнѣ, а въ ея комнату не имѣлъ права ни входить, ни заглядывать. Если, случалось, она уходила куда нибудь, то всегда запирала двери своей комнаты на замокъ, и не было никакой возможности заглянуть въ нее. Единственное окно съ желѣзной рѣшеткой, выходившее на дворъ, всегда было завѣшено изнутри непроницаемою занавѣской. Что она тамъ дѣлала одна, мнѣ такъ и осталось неизвѣстно. Если мнѣ встрѣчалась необходимость видѣть ее не въ урочное время, то я долженъ былъ три раза стукнуть въ двери, и тогда она выходила ко мнѣ. Я былъ вполне предоставленъ самому себѣ, но безъ ея разрѣшенія не смѣлъ никуда выходить изъ дома. Никакихъ игръ, занятій, развлеченій, такъ свойственныхъ дѣтскому возрасту, не существовало для меня. Мучительное, безотрадное время! Не знаю, какъ я пережилъ его! И, странно, несмотря на голодъ и холодъ, я никогда не хворалъ. Должно быть, моя натура хорошо закалилась. Единственнымъ моимъ удовольствіемъ было проводить свободное время на дворѣ, что мнѣ не запрещалось. Тутъ я отдавался своимъ мечтамъ и строилъ планы будущей жизни, какъ я, по окончаніи курса въ гимназіи, поступлю въ университетъ, уйду отъ бабушки и буду жить на своей волѣ. Вотъ именно эта мечта и заставляла меня хорошо учиться, чтобы поскорѣе достигъ желаемого и избавиться отъ тяжелаго гнета бабушки. Между прочимъ, меня манилъ на дворъ и единственный мой другъ—Улетай, цѣпная собака, кромѣ меня, бабушки, сосѣдняго дворника и его жены, не пропускавшая

никого въ калитку. Улетай любилъ меня, прыгалъ мнѣ на шею, лизалъ мои руки и всѣмъ, чѣмъ только могъ, выражалъ мнѣ свою привязанность. Мы постоянно повѣряли другъ другу всѣ свои горести и рѣдкія, охъ, какія рѣдкія радости. Онъ любилъ меня за то, что я иногда, украдкой отъ бабушки, отвязывалъ его и позволялъ ему немного побѣгать на свободѣ, и это доставляло ему невыразимую радость, а его радость радовала и меня. И мы вмѣстѣ рѣзвились, прыгали, скакали и бѣгали взапуски, и, понятно, Улетай всегда обгонялъ меня.

Однажды, играя такимъ образомъ съ Улетаемъ, я не замѣтилъ, какъ бабушка, выйдя на крыльцо, молча смотрѣла на насъ, затѣмъ она ушла въ домъ и, черезъ минуту вернувшись, подошла къ присмирѣвшему Улетаю, посадила его снова на цѣпь и, увы, заперла ее замкомъ и тѣмъ лишила бѣднаго Улетая возможности играть и бѣгать со мною. Я былъ очень огорченъ, но что я могъ сдѣлать съ такой несокрушимой силой, какою, какъ я предполагалъ, обладала бабушка? Мнѣ казалось, что не нашлось бы ни одного человѣка, который былъ бы въ состояніи не покориться одному ея взгляду, одному мановенію ея руки. Такое сильное вліяніе пріобрѣла она надо мной. Я дрожалъ передъ нею и боялся ея, какъ огня, хотя она никогда и пальцемъ не тронула меня.

Теперь мнѣ оставалось одно: угѣшать Улетая въ его горѣ, такъ какъ онъ навсегда лишился своей свободы, а слѣдовательно, былъ несчастіе меня. И я, лаская его, говорилъ ему, что когда поступлю въ университетъ и буду жить одинъ, то непременно возьму его къ себѣ. И Улетай радовался этому, лизалъ мои руки и усиленно махалъ хвостомъ.

Такъ прошло четыре года, я перешелъ въ шестой классъ и тутъ, о радость! меня, по рекомендаціи самого директора, пригласили къ одному гимназисту перваго класса репетировать уроки за пять рублей въ мѣсяцъ. Кто опишетъ мой восторгъ, когда, по прошествіи мѣсяца, родители гимназиста, довольные моими занятіями съ ихъ сыномъ, вручили мнѣ въ конвертѣ пятирублевую бумажку? О, я былъ на седьмомъ небѣ, я считалъ себя Крезомъ! И долго со всѣхъ сторонъ разсматривалъ ее, я улыбался ей, я гладилъ ее руками и чуть не цѣловалъ! Вѣдь это были перныя деньги, которыя я держалъ въ рукахъ, мои собственныя и мной заработанныя... Три дня я не рѣшался размѣнять бумажку и чего, чего я не рассчитывалъ купить на нее! А купилъ только пару сорочекъ, двѣ пары невыразимыхъ, двѣ пары носковъ и три носовыхъ платка, да еще небольшой темный шерстяной платокъ для бабушки, и у меня еще осталось копеекъ пятьдесятъ мелочи.

Когда я принесъ свой подарокъ бабушкѣ и вручилъ ей, она такъ была рада, что поцѣловала меня въ щеку, скорѣе клонула своимъ длиннымъ носомъ. Это была первая ея ласка за всѣ года



моей жизни съ ней, она не удостоивала меня ею даже и тогда, когда я получалъ награды при переходѣ въ слѣдующіе классы. Въ этотъ день она напоила меня чаемъ, настоящимъ китайскимъ чаемъ. Такъ она осталась довольна. Только не знаю чѣмъ: тѣмъ ли, что получила неожиданный подарокъ, или монимъ вниманіемъ? Я скорѣе думаю, что первымъ. Но все равно, я радъ былъ, что угодила ей. При слѣдующемъ полученіи я купилъ себѣ простыню, наволочку и теплое одѣяло, а бабушкѣ чепчикъ съ лиловыми лентами. И опять удостоился поцѣлуя въ щеку и китайскаго чая, но на этотъ разъ съ бѣлымъ французскимъ хлѣбомъ.

Такимъ образомъ, благодаря моему репетированію, я сталъ понемногу обзаводиться кое-чѣмъ, но при этомъ никогда не забывалъ бабушки и, покупая себѣ, покупалъ и ей что нибудь.

Однажды,—это было весной,—рано утромъ, часовъ въ шесть, я еще лежалъ на своемъ мѣшкѣ, хотя и не спалъ, вдругъ слышу, что бабушка зоветъ меня и какимъ-то слабымъ, несвойственнымъ ей голосомъ:

— Вася! Вася!

Я вскочилъ, кое-какъ одѣлся, подошелъ къ ея дверямъ и, не смѣя отворить ихъ, спросилъ:

— Что вамъ угодно, бабушка?

— Подойди ко мнѣ!—слышу ея голосъ за дверями.

Я толкнулъ двери, но онѣ оказались запертыми.

— Вы отопритесь, бабушка!—отвѣтилъ я.

— Охъ, Господи!—какъ бы простонала бабушка.— Я не могу встать. Ты такъ войди!

— Да какъ же я войду? Развѣ двери сломать?—спросилъ.

— Ахъ, что ты, что ты! Зачѣмъ ломать! Сохрани Богъ!—воскликнула бабушка, и въ голосѣ ея послышался испугъ. — А ты вотъ что сдѣлай, милый: возьми ножикъ, подсунь его подъ дверь и приподними имъ задвижку, а потомъ опусти такую же вверху, а затѣмъ ужъ толкни двери,—онѣ и отворятся.

Я такъ и сдѣлалъ, но мнѣ съ большимъ трудомъ удалось справиться со старыми задвижками.

Когда я отворилъ двери и вошелъ, то въ первую минуту ничего не могъ разсмотрѣть, такъ было темно въ комнатѣ. А какой воздухъ!—этого и представить себѣ нельзя: спертый, затхлый, сырой!... Я какъ вошелъ, такъ и чихнулъ, да не одинъ разъ, а нѣсколько, мнѣ даже совѣстно стало. Этимъ чиханьемъ я былъ обязанъ потревоженной мною пыли, которая густыми слоями лежала на всѣхъ вѣщахъ, находившихся въ комнатѣ. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза, когда я немного приглядѣлся къ полумраку,— это большой кюль, стоявшій въ переднемъ углу, съ старинными образами, между ними нѣкоторые были въ серебряныхъ ризахъ; рядомъ съ нимъ стоялъ пузатый комодъ краснаго дерева съ нава-

ленными на немъ разнообразными шкатулками, ящичками, коробками, картонками и прочимъ хламомъ; съ другой стороны — два сундука, съ стоявшими на нихъ двумя самоварами, мѣдными кастрюльками, сковородами, мисками, тарелками, блюдами, кофейникомъ, кофейной мельницей, пустыми и чѣмъ-то наполненными бутылками, подносами, и тутъ же валялись черепки, истоптанные башмаки, тряпки и прочая дрянь. Далѣе простой деревянный столъ, два стула и одно изломанное кресло, когда-то обитое кожей, отъ которой теперь торчали одни изорванные лоскутья. Въ одномъ углу было навалено кучей старое желѣзо и другой соръ, котораго я уже не разсмотрѣлъ. Направо отъ двери уголь былъ заваленъ какими-то лохмотьями. Бабушки же нигдѣ не было видно.

— Бабушка, гдѣ вы?—спросилъ я.

— Здѣсь! поиди сюда!—послышался голосъ изъ-за лохмотьевъ.

Я подошелъ, раздвинулъ лохмотья и увидѣлъ...

На большомъ, окованномъ жестью сундукѣ, покрытомъ грязнымъ тюфякомъ, безъ простыни, лежалъ маленькій комочекъ, прикрытый худымъ стеганымъ ватнымъ одѣяломъ. Виднѣлся только носъ, по которому я и узналъ бабушку.

— Вася, голубчикъ (это первое ласкательное слово, которое я отъ нея услышалъ), пощупай: тутъ ли мои ноги?

Услышавъ такую странную просьбу, я съ недоумѣніемъ взглянулъ на бабушку, думая, уже не помѣшалась ли она, но все-таки исполнилъ ея требованіе и пощупалъ: ноги оказались тутъ, гдѣ имъ и слѣдовало быть.

— Тутъ, бабушка,—отвѣтилъ я.

— Да мои ли это?—спросила она жалобно.

Этотъ второй вопросъ еще болѣе смутилъ меня, но я отвѣтилъ:

— Ваши, бабушка, конечно, ваши, кто же могъ подмѣнить ихъ?

— Почему же я ихъ не чувствую?

— Не знаю, бабушка, должно быть, отлежали.

— Должно быть, я тоже такъ думаю,—обрадовалась бабушка, видимо, довольная моимъ предположеніемъ. — Ну, такъ, ступай пока, я позову тебя, когда надо будетъ. Я еще не могу, полежу, только ты затвори за собой двери.

Отходя отъ нея, я опять было задернулъ лохмотья, такъ искусно скрывавшіе бабушку.

— Вася! Вася!—крикнула она встревоженно: — ты не задергивай занавѣсъ (занавѣсъ!!), а то я не увижу, если кто войдетъ. А двери притвори поплотнѣе.

— Хорошо, бабушка, затворю плотно.

Прошелъ часъ, слышу опять: «Вася! Вася!».

Я вошелъ. Она лежала все въ томъ же положеніи.

— Что прикажете, бабушка?—спросилъ я.

— А вѣдь я ногъ все не чувствую... не проходитъ онѣмѣніе...—отвѣтила она жалобно.

— Что же дѣлать, бабушка, я не знаю. Прикажете, я схожу за докторомъ?..

— Ахъ, что ты, что ты! — испуганно воскликнула она: — за докторомъ!... Да вѣдь ему надо платить, ты подумалъ ли это? А у меня ни копейки нѣтъ.

— Я, бабушка, свои отдалъ бы, да у меня тоже нѣтъ. Вотъ, черезъ недѣлю получу съ урока, тогда отдамъ съ удовольствіемъ.

— Спасибо, милый, спасибо! Я ужъ лучше подожду... А ты вотъ что сдѣлай теперь... Который часъ-то?—перебила она сама себя.

— Семь, бабушка.

— Сейчасъ придетъ Аѳанасій (это дворникъ), скажи ему, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ свою жену, она мнѣ разотретъ ноги майскимъ спиртомъ, у меня есть, посмотри тамъ, на окнѣ, въ пузырекѣ, на немъ подписано, и дай мнѣ его сюда.

Я скоро нашелъ пузырекъ съ майскимъ спиртомъ и подаль его бабушкѣ.

— Ну, вотъ и хорошо,—сказала она.—Такъ вели прислать ко мнѣ Анисью.

— Слушаю, бабушка. Больше ничего не прикажете?

— Пока ничего. Пойди, мой милый!

Анисья растерла бабушкѣ ноги майскимъ спиртомъ, напоила ее липовымъ цвѣтомъ и закутала ее. Но бабушкѣ не стало лучше: ногами она не могла двинуть.

Черезъ недѣлю, когда я получилъ деньги, я пригласилъ доктора, предварительно приказавъ Анисѣ немного прибрать бабушку: постлатъ на тюфякъ чистую простыню (я отдалъ свою: у меня было ихъ уже двѣ), надѣтъ на подушку наволочку и покрыть моимъ одѣяломъ.

Докторъ, осмотрѣвъ больную, сказалъ мнѣ, что у нея параличъ, и что въ ея годы нельзя излѣчить его, но все-таки въ утѣшеніе ей прописалъ какую-то мазь.

Когда онъ ушелъ, бабушка призвала меня и спросила, сколько я ему далъ.

— Два рубля, бабушка,—отвѣтилъ я.

Она такъ и всплеснула руками.

— Ахъ, онъ, разбойникъ! живодеръ!.. И взялъ?..

— Взялъ, бабушка. Ему и больше даютъ.

— Ахъ, онъ, идолъ, идолъ! Два рубля!.. Шутка сказать! Почти половина твоего заработка, голубчикъ мой! И тебѣ не жаль было?

— Что жъ жалѣтъ, бабушка? Лишь бы только вы были здоровы...

Однако, сказать откровенно, мнѣ было немного жаль: я рассчитывалъ на эти деньги купить себѣ необходимую книгу. Но, конечно, я бабушкѣ сказать этого не могъ.

Черезъ недѣлю ей надо было получить пенсію, а такъ какъ она не могла не только ходить, но и вставать, то волей-неволей

дала мнѣ довѣренность на получение ея изъ казначейства, и я получилъ сто семнадцать рублей пятьдесятъ копеекъ.

Такой капиталъ я еще въ первый разъ держалъ въ своихъ рукахъ и страшно боялся, чтобы не потерять его, или чтобы ктонибудь не отнялъ у меня. Мнѣ казалось, что всѣ знаютъ, что у меня такія большія деньги, и вотъ-вотъ сейчасъ набросятся на меня и отнимутъ ихъ. Я крѣпко зажалъ ихъ въ рукѣ, засунувъ руку въ карманъ, и такъ шелъ всю дорогу. Бабушка аккуратно нѣсколько разъ пересчитала деньги и каждую бумажку посмотрѣла на свѣтъ, а бумажки были все новенькія.

— Спасибо, мой милый!... Все вѣрно, сполна... А что ты истратилъ на меня, то я послѣ отдамъ тебѣ, сейчасъ не могу. Вотъ надо Анисѣ отдать рубль да мяса купить, вѣдь докторъ велѣлъ мнѣ ѣсть бульонъ.

— Хорошо, бабушка, мнѣ все равно, я подожду,—отвѣтилъ я.

И вотъ, благодаря доктору, у насъ завелось мясное кушанье—бульонъ, а остававшуюся говядину Анисья на другой день поджаривала мнѣ съ картофелемъ. Чудесно! За это я готовъ былъ отдать доктору еще два рубля.

Съ этого времени бабушка стала какъ будто подобрѣ: суровость лица ея смягчилась, въ глазахъ стала проглядывать какая-то робость, вѣроятно, вслѣдствіе сознанія своего безсилія. Она все чаще призывала меня къ себѣ, особенно по вечерамъ, и просила почитать ей евангеліе или житія святыхъ, и я читалъ ей иногда часовъ до двѣнадцати. Повидимому, она страдала бессонницей, но, жалѣя меня, не принуждала просиживать съ ней ночи. Только передъ моимъ уходомъ всегда просила меня осмотрѣть всѣ уголки, нѣтъ ли гдѣ кого, не спрятался ли ктонибудь.

— Да кто же, бабушка, можетъ тутъ спрятаться!—возражалъ я, но для ея спокойствія осматривалъ всѣ уголки.

— Ахъ, мой другъ!—говорила она.—Мало ли разныхъ людей, подумаютъ, что я богатая, придутъ и убьютъ.

Воображаю, какъ она трусила, оставаясь одна! И не вслѣдствіе ли этой трусости ее въ скоромъ времени начали мучить кошмары? Только, бывало, я засну, какъ вдругъ раздается неистовый крикъ бабушки. Я вскакиваю, зажигаю свѣчу и бѣгу къ ней. Она лежитъ съ закрытыми глазами и кричить.

— Бабушка, бабушка! что съ вами? — начинаю я слегка толкать ее.

Она открываетъ глаза, глубоко вздыхаетъ и говоритъ:

— Меня кто-то душитъ, душитъ, и прямо за горло!

— Господь съ вами, бабушка, никого нѣтъ! Это вамъ, вѣроятно, во снѣ приснилось?

— Да я и не спала. Развѣ только на минуту забылась... Ну, пойди, мой другъ, пойди, спи!

И она успокаивалась. Такъ повторялось черезъ день, черезъ два.

Въ одно изъ воскресеній, утромъ, часу въ двѣнадцатомъ, я услышалъ громкій лай Улетая и скаканье на цѣпи. Я вышелъ къ воротамъ, отперъ калитку и увидѣлъ (явленіе небывалое) неизвѣстную мнѣ, хорошо одѣтую молодую даму, которая сказала мнѣ, что она родственница бабушки, Варвара Ивановна, и что ей крайне необходимо видѣть ее. Я пошелъ и передалъ все бабушкѣ.

— А, знаю, это Варька! Что ей надо?

— Не знаю, бабушка, она говоритъ, что ей необходимо видѣть васъ.

— Ну, пойди, позови ее, только ты не оставляй ее одну со мной!

— Здравствуйте, дорогая бабушка! Какъ давно я васъ не видала!.. Вы больны? О Боже! — воскликнула Варвара Ивановна, входя и бросаясь къ бабушкѣ, чтобы обнять ее.

Но бабушка холодно отстранила ее.

— Во-первыхъ, какая я тебѣ бабушка — седьмая вода на киселѣ, а, во-вторыхъ, я хорошо понимаю, зачѣмъ ты пришла: чтобы поживиться отъ меня чѣмъ нибудь, услыхавъ, что я умираю. Но ты ошиблась: я вовсе не намѣрена умирать, а если бы и умерла, то не оставила бы тебѣ ни копейки, потому что у меня и у самой ничего нѣтъ... Такъ-то, сударыня!

Варвара Ивановна, видимо, сконфузилась, что бабушка такъ скоро разгадала ее.

— Вы напрасно обижаете меня, бабушка,—сказала она.

— Никто тебя не обижаетъ. Я только высказала тебѣ правду, а теперь уходи и помни, что у меня ни копейки нѣтъ для васъ,— лукаво проговорила бабушка и отвернула отъ нея лицо.

Варвара Ивановна, вся красная, молча вышла отъ бабушки, попросивъ меня проводить ее отъ собаки.

Съ тѣхъ поръ я не видалъ ея больше.

А бабушка съ каждымъ днемъ становилась все слабѣе и слабѣе, и, спустя дня четыре послѣ посѣщенія Варвары Ивановны, она призвала меня къ себѣ и сказала:

— Завтра, Вася, я умру, я это знаю. И когда я умру, ты достань изъ этого сундука, на которомъ я лежу, — ключъ отъ него лежитъ у меня подъ подушкой, — маленькій кованый, краснаго цвѣта, сундучекъ, ключъ отъ него у меня на крестѣ,—возьми его себѣ. Тамъ хватитъ тебѣ на твою жизнь: это я дарю тебѣ за твое доброе сердце и долгое терпѣніе. А тутъ, подъ подушкой, лежитъ бумажникъ, въ немъ хватитъ и на мое погребеніе и на поминъ моей души...

Она на минуту остановилась, а затѣмъ, вздохнувъ, прибавила:

— Утромъ попроси батюшку прійти ко мнѣ, исповѣдать и причастить меня Святыхъ Тайнъ: я хочу умереть по долгу христіанскому.

Она опять замолчала, закрывъ глаза.

Мнѣ стало искренно жаль бабушку. Я забылъ все, что перенесъ по милости ея: всю ея суровость, голодъ, холодъ и нужду, я сознавалъ только одно, что, лишаясь ея, я оставался вполнѣ круглымъ сиротой на этомъ свѣтѣ, безъ близкаго родного мнѣ существа, одинъ, какъ перстъ, или, какъ путникъ, затерявшійся въ пустынѣ, отрѣзанный отъ всего міра! Кто укажетъ мнѣ дорогу? Кто поведетъ меня по ней? Я такъ молодъ, такъ неопытенъ!...

Слезы градомъ полились по моему лицу.

— Ты плачешь?—спросила бабушка.

— Бабушка, мнѣ жаль васъ!—отвѣтилъ я, рыдая, и припалъ къ ея рукѣ.

Она высвободила свою руку и нѣжно погладила меня по головѣ.

— Милый, дорогой мальчикъ!..—прошептала она,—не плачь: я пожила довольно, пора уступить мѣсто другимъ...

— Бабушка, какъ я останусь одинъ!..

— А съ тобой Богъ,—прервала она.—Онъ защитникъ и сохранитъ тебя отъ злыхъ людей. Молись Ему и будь всегда такимъ, какимъ былъ до сихъ поръ, и Онъ наградитъ тебя счастьемъ...

Это были ея послѣднія слова, болѣе она не говорила со мной.

Утромъ она исполнила христіанскій долгъ, а въ три часа дня тихо, спокойно, точно заснула, отошла въ вѣчность.

Въ бумажникѣ оказалось болѣе трехъ сотъ рублей, которыя я и употребилъ, какъ она завѣщала, на похороны и на поминъ ея души.

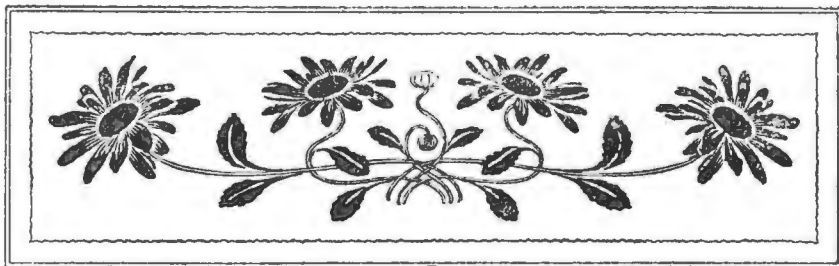
Черезъ три дня, послѣ ея похоронъ, я переѣхалъ въ одно почтенное семейство, гдѣ мнѣ отвели двѣ хорошо обставленныя и уютныя комнаты, и гдѣ я прожилъ спокойно до окончанія моего курса въ гимназіи и затѣмъ въ университетѣ.

Домъ и все имущество бабушки, за исключеніемъ родовыхъ иконъ, я продалъ. Въ красномъ сундукѣ я нашелъ тридцать тысячъ рублей, которые и положилъ на проценты въ банкъ.

Такъ вотъ какая была моя бабушка! Да лежитъ пухомъ надъ нею земля!

Н. И. Перелыгинъ.





## ШЕСТИМЪСЯЧНОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА III.

Историко-біографическій очеркъ.



**К**РАТКОВРЕМЕННОЕ царствование Петра III составляет, быть можетъ, одинъ изъ самыхъ любопытныхъ и патетическихъ эпизодовъ русской исторіи. Несмотря на это, на русскомъ языкѣ не существуетъ полного и самостоятельнаго жизнеописанія этого государя.

Только покойный М. И. Семевскій помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1867 года статью: «Шесть мѣсяцевъ изъ русской исторіи XVIII вѣка: очеркъ царствованія императора Петра III»; но она далеко неудовлетворительна по недостаточности собранныхъ въ ней свѣдѣній и, въ сущности, представляетъ изъ себя панегирикъ Петру III, который, по словамъ автора, «освободилъ передовое сословіе русскаго народа отъ зависимости, совершенно равной крѣпостному состоянію».

Кромѣ этой біографіи Петра III, напечатаны еще два отрывочныя изслѣдованія объ его жизни и царствованіи—Брикнера: «Жизнь Петра III до вступленія на престолъ» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1883 года, и Щебальскаго: «Политическая система Петра III» (Москва, 1870 г.). Оба эти сочиненія не заслуживаютъ большого вниманія по скудности данныхъ, хотя къ книгѣ Щебальскаго приложены документы изъ берлинскаго архива: семь рескриптовъ Фридриха II къ Гольцу, прусскому посланнику въ Петербургѣ, и 14 донесеній къ Фридриху, изъ которыхъ 13 Гольца и одно графа Шверина, но они приведены въ отрывкахъ.

Вотъ все, что мы имѣемъ въ нашей литературѣ собственно о Петрѣ III. Мы должны довольствоваться матеріалами для его исторіи изъ сочиненій: Соловьева, Васильчикова, Бильбасова, мемуаровъ Болотова, Екатерины II и княгини Дашковой, архива князя Воронцова, записокъ Штелина и Державина, а также документовъ, разбросанныхъ въ «Сборникъ Историческаго общества», «Осьмнадцатомъ Вѣкѣ», «Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей російскихъ», «Русской Старинѣ» и т. д.

Но гораздо богаче и обильнѣе литература о Петрѣ III за границей. Прежде всего упомянемъ о біографіяхъ Петра, которыхъ на нѣмецкомъ языкѣ—двѣ и на французскомъ—четыре. Георгъ фонъ-Гельбихъ, бывшій секретаремъ саксонскаго посольства при Петрѣ III и въ началѣ царствованія Екатерины II, издалъ: «Biografie Peters III», въ двухъ томахъ. Онъ собралъ чрезвычайно много подробностей о жизни Петра, но въ нихъ немало неточнаго и ошибочнаго, особенно относительно государственнаго переворота 1762 года; однако сообщаемыя имъ свѣдѣнія повторялись всеми до послѣдняго времени. Вторымъ нѣмецкимъ сочиненіемъ былъ трудъ гольштинца Ранфта, который относится къ Петру III очень сочувственно, но вмѣстѣ съ тѣмъ, находясь въ Петербургѣ при Екатеринѣ II, обходитъ всѣ щекотливые вопросы. Исторія переворота рассказана очень добросовѣстно и подробно. Книга его называется: «Die merkwürdige Lebensgeschichte des unglücklichen Russischen Kaiser Peters des Dritten».

Главную біографію Петра III на французскомъ языкѣ: «Histoire de la vie de Pierre III», написалъ гольштинецъ Сальдернъ, который долго жилъ въ Петербургѣ и, произведенный Екатериной въ дѣйствительные тайные совѣтники, былъ русскимъ посломъ въ Варшавѣ. Его книга полна самыхъ грубыхъ ошибокъ, но нѣкоторыя подробности изложены вѣрно и не встрѣчаются у другихъ авторовъ. При самомъ переворотѣ онъ не былъ въ Петербургѣ и писалъ, повидимому, со словъ очевидцевъ. Авторъ другой французской біографіи, подъ заглавіемъ: «Histoire de Pierre III», въ трехъ томахъ, — Лаво, — также жилъ въ Петербургѣ, въ качествѣ французскаго агента при Петрѣ III, но при самомъ переворотѣ не присутствовалъ. Сегюръ называетъ его біографію «un libelle qu'on offre honteusement aux passants dans les rues».

Что касается «Histoire de Pierre III» Боклера, то это почти дословный переводъ нѣмецкаго сочиненія Ранфта. Наконецъ «Mémoires pour servir à l'histoire de Pierre III», Гудара, составляютъ небольшую брошюру, въ которой факты приведены вѣрные, хотя уже всемъ извѣстные.

Кромѣ этихъ біографій, мы встрѣчаемъ въ общихъ иностранныхъ историческихъ сочиненіяхъ многочисленныя свѣдѣнія о царствованіи Петра III. Въ числѣ ихъ Раумеръ въ «Beitrag zur neugen



*Geschichte*» приводятъ большіе отрывки изъ депешъ французскаго посланника въ Петербургъ Бретеля; Германъ въ «*Geschichte des russischen Stats*» основываетъ свой разсказъ о времени Петра III на депешахъ саксонскаго посланника Брюля, интересовавшагося главнымъ образомъ «*chronique scandaleuse*» Петербурга; а современный датскій историкъ Гольмъ въ «*Danmark-Nojges Historie*» пользуется еще до сихъ поръ ненапечатанными депешами датскаго посланника въ Петербургъ при Петрѣ III, Гакстгаузена, который говоритъ много новаго и неизвѣстнаго о предполагаемой императоромъ гольштинской кампаніи.

Немало любопытнаго можно найти о Петрѣ III въ книгѣ Кастера: «*Histoire de Catherine II*». Несмотря на то, что въ четырехъ томахъ только тридцать страницъ посвящены Петру, авторъ сообщаетъ новыя до него неизвѣстные факты.

Конечно, иностранные матеріалы всего обильнѣе касаются государственнаго переворота. Кромѣ пятнадцати депешъ иностранныхъ посланниковъ и дипломатовъ относительно девяти дней, въ теченіе которыхъ длился переворотъ, этому событію посвященъ еще цѣлый рядъ книгъ и брошюръ. Наибольшій шумъ, какъ въ то время, такъ и впоследствии, произвело сочиненіе секретаря французскаго посольства въ Петербургъ, Рюльера: «*Histoire en anecdotes sur la revolution de Russie en l'année 1762*». Это скандальный памфлетъ, полный нелѣпостей и противорѣчій. Онъ возбудилъ гнѣвъ Екатерины, и она всячески старалась уничтожить подкупомъ это сочиненіе, что, однако, ей не удалось. Княгиня Дашкова отвѣчала на него рѣзкой критикой и даже сначала признавала его апокрифомъ, такъ какъ Рюльеръ слишкомъ хорошо зналъ русскій дворъ, чтобы писать столько пустяковъ.

Еще одинъ секретарь посольства, датчанинъ Шумахеръ, издалъ также описаніе переворота подъ заглавіемъ: «*Geschichte der Thronentsetzung und des Todes Peters des Dritten*». Онъ лично присутствовалъ при событіяхъ девятидневнаго переворота и передаетъ случившееся правильно, ни въ чемъ не противорѣча достовернымъ фактамъ. Хотя у него есть ошибки, но онѣ не уменьшаютъ общей правдивости его труда. Кромѣ того, очевидцы: Бюшингъ, бриллианщикъ Позье, швейцарецъ Пиктэ, бывший секретаремъ графа Воронцова, и голландецъ Буденжъ, служившій въ консульствѣ, сообщаютъ въ своихъ разсказахъ, помѣщенныхъ въ ихъ автобіографіяхъ и архивѣ князя Воронцова, одинаково правдивыя свѣдѣнія.

Еще существуютъ шесть повѣствованій объ этомъ замѣчательномъ событіи, со словъ, будто бы, очевидцевъ, но они написаны иностранцами, очевидно, на основаніи ходившихъ въ то время за границей слуховъ.

Надо прибавить къ матеріаламъ, касающимся біографіи Петра III, «*Политическую корреспонденцію Фридриха II*», которой вышло

32 тома. Въ этомъ драгоценномъ для историка источникѣ находятся не только подлинныя документы Фридриха, но и письма Петра III.

Изъ этого перечня сочиненій и матеріаловъ о Петрѣ III нельзя не заключить, что до настоящаго времени нѣтъ ни одной безпристрастной и правдивой его біографіи. За эту задачу принялся извѣстный англійскій историкъ Нисбетъ Бэнъ, авторъ замѣчательныхъ трудовъ: «Преемники Петра Великаго» и «Дочь Петра Великаго», изъ которыхъ послѣдній былъ подробно разобранъ нами въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1900 года. Бэнъ принялся за дѣло съ обычнымъ рвеніемъ и добросовѣстностью; онъ изучилъ всѣ главнѣйшіе матеріалы на иностранныхъ и русскомъ языкахъ, послѣ чего написалъ, можно смѣло сказать, лучшую изъ появившихся до сихъ поръ біографій Петра III<sup>1)</sup>.

Онъ основалъ свой трудъ главнымъ образомъ на депешахъ лорда Кейта, англійскаго посланника въ Петербургѣ. Очень немногія изъ нихъ напечатаны; большинство этихъ важныхъ документовъ не издано и хранится въ британскомъ музеѣ въ рукописяхъ. Кейтъ былъ личный другъ Петра III, и въ первыя шесть недѣль царствованія послѣдняго онъ былъ его правой рукой. На этомъ основаніи его депеши представляютъ весьма важные историческіе документы. Что же касается описанія государственнаго переворота, то оно менѣе удовлетворительно, и въ немъ встрѣчаются ошибки. Вообще Кейтъ нѣсколько одностороненъ, такъ какъ сочувствуетъ Петру III.

Кромѣ того, Бэнъ пользуется депешами другихъ европейскихъ посланниковъ въ Петербургѣ: Мерси Аржанто, Бретеля, Брюля и особенно датскаго посланника Гакстгаузена, которыя до сихъ поръ не были извѣстны и впервые приведены датскимъ историкомъ Гольмомъ. Англійскій историкъ также пользовался многими свѣдѣніями, находящимися въ политической корреспонденціи Фридриха II.

Изъ русскихъ источниковъ матеріалами ему преимущественно служили мемуары Екатерины II, Дашковой и Волотова, а также труды Соловьева и Бильбасова.

Представляя въ своемъ сочиненіи безпристрастную характеристику Петра III, Бэнъ старается очистить его память отъ многочисленныхъ клеветъ и несправедливыхъ обвиненій, но въ то же время не представляетъ его пансгирика, какъ нѣкоторые писатели.

Одну изъ выдающихся чертъ интересной книги Бэна составляетъ едва ли не впервые встрѣчающееся въ литературѣ подробное описаніе новой политики, введенной Петромъ относительно иностранныхъ государствъ. Въ этомъ отношеніи императоръ совершилъ въ свое краткое царствованіе рѣзкую перемѣну и, спасая Фрид-

<sup>1)</sup> Peter III, emperor of Russia, by Nisbet Bain. London. 1902.

риха Великаго отъ грозившей ему гибели, причинилъ Россіи неопи-  
санный политическій вредъ. Это замѣчательное событіе очень стара-  
тельно изслѣдовано Бэнномъ и составляетъ одну изъ любопытнѣй-  
шихъ главъ его сочиненія.

Пользуясь книгою Бэна, насколько она представляетъ новыхъ  
свѣдѣній о Петрѣ III, и провѣряя эти свѣдѣнія по русскимъ ма-  
териаламъ, мы постараемся въ краткомъ очеркѣ познакомить чи-  
тателей съ интересной и мало извѣстной личностью Петра III.

## I.

Послѣ государственнаго переворота, возведшаго на престолъ дочь  
Петра Великаго, Елисавету Петровну, первою мыслью новой импера-  
трицы было послать въ Гольштинію за внукомъ великаго преобра-  
зователя Россіи, ея племянникомъ, малолѣтнимъ принцемъ гольштин-  
скимъ, Карломъ-Петромъ-Ульрихомъ. Кромѣ императрицы, въ Россіи  
всѣ забыли объ его существованіи въ продолженіе тридцати лѣтъ  
царствованія Анны Иоанновны и малолѣтняго императора Іоанна VI,  
сына ея племянницы, Анны Леопольдовны. Но какъ только удалено  
было отъ власти потомство царя Іоанна, и воцарилась Елисавета,  
то естественно мысли всѣхъ сосредоточились на будущемъ ея на-  
слѣдникѣ, сынѣ покойной старшей сестры ея, Анны Петровны,  
бывшей самужемъ за герцогомъ Гольштейнъ-Готорпскимъ, Карломъ-  
Фридрихомъ.

Цесаревна Анна Петровна была любимицей Петра и получила  
вмѣстѣ съ сестрою довольно тщательное воспитаніе. Она изучила  
языки: французскій, итальянскій и нѣмецкій, на которыхъ свободно  
говорила, и, кромѣ того, съ дѣтства умѣла говорить по-шведски. Ея  
воспитательницей была виконтесса Латуръ-Лануа, которая отпра-  
вилась впослѣдствіи съ нею въ Гольштинію. Ея развитіе довер-  
шилъ танцмейстеръ Рамбургъ, и цесаревна, по свидѣтельству со-  
временниковъ, танцевала прекрасно. Едва ей исполнилось 13 лѣтъ,  
какъ задумали ее выдать замужъ за пріѣхавшаго въ Россію Голь-  
штинскаго герцога, племянника шведскаго короля Карла XII. Но  
Петръ Великій, хотя изъ политическихъ видовъ самъ желалъ этого  
брака, отложилъ его на нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ же-  
нихъ и невѣста должны были ближе познакомиться другъ съ дру-  
гомъ. Сопровождавшій герцога, камеръ-юнкеръ Берхгольцъ, оста-  
вившій о своемъ пребываніи въ Россіи драгоценный дневникъ,  
отзывается объ Аннѣ Петровнѣ самымъ лестнымъ образомъ. «Взоры  
наши, говоритъ онъ, невольно обратились на старшую принцессу,  
бронетку и прекрасную, какъ ангелъ. Цвѣтъ лица, руки и станъ  
у нея чудно хороши; она очень похожа на царя и для женщины

довольно высока ростомъ. Вообще можно сказать, что нельзя написать лица болѣе прелестнаго и найти сложенія болѣе совершеннаго, чѣмъ у этой женщины. Ко всему этому присоединяется еще врожденная привѣтливость и обходительность, которыми она обладала въ высшей степени».

Напротивъ, герцогъ Гольштинскій не былъ ни уменъ, ни красивъ, ничего не читалъ и склоненъ былъ къ пьянству; повидимому, онъ не питалъ любви къ невѣстѣ, которая, по словамъ Берхгольца, была искренно къ нему привязана, что, однако, не очень правдоподобно. Петръ Великій такъ долго откладывалъ свадьбу своей любимой дочери, что умеръ, не дождавшись ея. Наконецъ, императрица Екатерина I устроила это бракосочетаніе въ 1726 году. Новобрачные не были счастливы, благодаря постоянному пьянству герцога и его ревнивымъ вспышкамъ. Напротивъ, императрица относилась къ нему съ возрастающей милостью, сдѣлала членомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта и пожаловала въ подполковники Преображенскаго полка. Однако всѣ эти блага, сыпавшіяся на герцога, прекратились со смертью Екатерины I-й, и Меншиковъ, сдѣлавшись всемогущимъ временщикомъ при Петрѣ II, сталъ всячески преслѣдовать герцога и Анну Петровну, которая имѣла много приверженцевъ, желавшихъ видѣть ее на престолѣ. Герцогъ былъ слишкомъ нерѣшительнымъ для подобной интриги и потому предпочелъ уѣхать изъ Россіи съ женою.

25-го іюля 1727 года, онъ вернулся въ свой родной Киль и продолжалъ жить за границей съ Анной Петровной самымъ несчастнымъ образомъ, такъ что они имѣли не только разныя половины, но даже обѣдали отдѣльно. Вскорѣ, именно 10-го февраля 1728 года, молодая, двадцати одного года, принцесса родила своего первенца Карла-Петра-Ульриха. Его рожденіе не обрадовало ея, и она сказала: «бѣдный малютка, не на радость ты родился». На седьмой день она смотрѣла въ открытое окно на иллюминацію, устроенную въ честь рожденія младенца, и простудилась, а чрезъ три дня умерла отъ скоротечной чахотки. По ея предсмертной просьбѣ ея тѣло отвезли въ Петербургъ и похоронили въ Петропавловскомъ соборѣ.

Малолѣтній принцъ былъ названъ Карломъ-Петромъ-Ульрихомъ по отцу въ честь своего двоюроднаго дѣда, шведскаго короля, а по матери роднаго дѣда—Петра Великаго. И тотъ и другой оставили ему въ наслѣдіе престолы, между которыми онъ былъ игрушкою судьбы. Съ самаго начала казалось, что онъ всего ближе наслѣдуетъ русскій престолъ, а потому его стали учить русскому языку и православной религіи, для чего сохранили въ Киль, устроенную для его матери, православную церковь. Но, когда со смертью Петра II русскіе, повидимому, совершенно забыли объ его внука и предпочли родъ царя Іоанна для наслѣдія престола царя Пре-

образователя, то гольштинцы обратили все свое вниманіе на Швецію, гдѣ между внучатымъ племянникомъ Карла XII и шведскимъ престоломъ стоялъ только старый и бездѣтный король, Фридрихъ Гессенскій. Поэтому они всячески осмѣивали предъ юнымъ Карломъ-Петромъ-Ульрихомъ Московію и ея народъ, представляя ихъ варварами.

Теперь воспитанію принца придали новую форму и его стали воспитывать, какъ будущаго обладателя старѣйшаго въ Европѣ протестантскаго престола. Ему старались придать, во что бы то ни стало, внутреннее и внѣшнее сходство съ Карломъ XII. Въ этой системѣ воспитанія главное ему не нравилось изученіе латинскаго языка, который онъ ненавидѣлъ. Со шведскимъ языкомъ онъ былъ счастливѣе и въ короткое время научился не только читать, но даже переводить; по-французски же его учили съ колыбели. Вообще, его умственныя способности были ограничены. Онъ особенно любилъ свою гувернантку, фрейлейнъ Алиніусъ, которую называлъ «мамой» и взялъ ее впослѣдствіи въ Россію, гдѣ она пережила своего любимаго воспитанника. Если онъ не долюбливалъ науку, то питалъ страсть къ военной фронтовой службѣ и съ малолѣтства считался солдатомъ гольштинской арміи. Величайшимъ счастьемъ его дѣтства было, когда отецъ произвелъ его девяти лѣтъ въ поручики и посадилъ за обѣденный столъ рядомъ съ собою и офицерами.

Въ 1739 году, его отецъ скончался, и положеніе молодого герцога, подъ руководствомъ регентовъ, сдѣлалось невыносимымъ. Его номинальный попечитель, дядя Адольфъ-Фридрихъ, принцъ епископъ Любскій, былъ человекъ чрезвычайно мягкій, добродушный, лѣнивый, ничего не дѣлавшій и предоставлявшій судьбѣ заботиться о племянникѣ и его владѣніяхъ.

Въ противоположность Адольфу-Фридриху воспитателемъ герцога былъ грубый, вспыльчивый солдафонъ, по фамиліи фонъ-Брюмеръ. Онъ обращался съ своимъ юнымъ государемъ возмутительно и жестоко наказывалъ его за малѣйшее ослушаніе. Его любимѣйшей системой наказанія было ставить мальчика на колѣни на горохъ и держать его въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока колѣнки ребенка не начинали краснѣть и пухнуть. Когда онъ выросъ, то Брюмеръ наказывалъ его кнутомъ, а иногда, надѣвъ на него дурацкій колпакъ, ставилъ его въ уголъ, на потѣху всѣмъ обѣдавшимъ въ это время наставникамъ герцога. Въ числѣ ихъ находились Берхгольцъ, пасторъ Гауземанъ и докторъ Юэль, — всѣ смѣшныя педанты противнаго типа. Даже самый умный и живой мальчикъ не могъ бы хорошо развиться въ такой пиколѣ, тѣмъ болѣе слабый умственно и физически маленькій герцогъ.

По счастью для юнаго Петра, въ концѣ 1741 года неожиданно и секретно явились посланные отъ новой русской императрицы

Елисаветы Петровны, два брата Корфа, съ увѣдомленіемъ о намѣреніи государыни усыновить его.

Гольштинское регентство было внѣ себя отъ счастья и немедленно на все согласилось. Черезъ три дня герцогъ, подъ именемъ графа фонъ-Дукера, выѣхалъ изъ Киля съ двумя гофмейстерами, Брюмеромъ и Берхгольцомъ, и въ началѣ января 1742 года явился въ Петербургъ. Добродушная царица приняла племянника самымъ трогательнымъ образомъ, облобызала его и обѣщала быть второю матерью. Однако радость Елисаветы отъ пріѣзда сына любимой сестры продолжалась недолго, и всѣ ея надежды быстро разсѣялись. Физически онъ поражалъ болѣе странной, чѣмъ пріятной наружностью: небольшого роста, чрезвычайно блѣдный, худощавый, съ напудренными бѣлокурыми волосами, онъ держался прямо, вытянувшись, какъ деревянный солдатикъ. Говорилъ онъ ломанымъ французско-нѣмецкимъ языкомъ и чрезвычайно громко, даже крикливо. Вообще онъ былъ слабаго здоровья, и доктора чрезмѣрно пичкали его всякими лѣкарствами. Несмотря на эту физическую слабость и зимніе холода, тотчасъ по пріѣздѣ его повезли въ Москву, гдѣ торжественно отпраздновали день рожденія малолѣтняго принца. По этому случаю онъ былъ произведенъ въ подполковники Преображенскаго полка и полковники конной гвардіи.

Особенно императрица была поражена недостатками его умственнаго развитія и обратила главное вниманіе на его образованіе, тѣмъ болѣе, что сама не отличалась большими знаніями. Поэтому всѣмъ русскимъ посланникамъ за границей было приказано разыскивать тамъ и присылать въ Россію описаніе лучшихъ системъ воспитанія. Но выборъ ея остановился на туземномъ трудѣ профессора Штелина, члена петербургской академіи наукъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ иностранцевъ, которые прибыли въ Россію при Аннѣ Иоанновнѣ съ ученой цѣлью, и отличался способностями и знаніями. Императрица была такъ довольна педагогическимъ проектомъ Штелина, что нашла наиболѣе подходящимъ избрать его для практическаго примѣненія изобрѣтенной имъ системы.

Знакома академика съ его царственнымъ ученикомъ, она сказала Петру: «Я вижу, что ваше высочество должны еще многому научиться, и господинъ Штелинъ будетъ такъ пріятно учить васъ, что его ученіе покажется вамъ забавой».

Прозкзаменовавъ герцога въ присутствіи императрицы, Штелинъ нашелъ, что онъ рѣшительно ничего не зналъ, кромѣ французскаго языка, и то посредственно. Поэтому онъ принялся энергично за примѣненіе своей педагогической системы, которая походила во многихъ отношеніяхъ на теперешнюю систему «дѣтскихъ садовъ». Вскорѣ оказалось, что хотя его ученикъ былъ для своего возраста настоящимъ ребенкомъ и любилъ болѣе всего играть въ деревянные или оловянные солдатикѣ, однако отли-

чался удивительной памятью и страстью ко всему военному. Поэтому всѣ предметы знанія ему преподавались самымъ легкимъ образомъ, какъ бы незамѣтно. Всѣ книги снабжались планами и картинами преимущественно военного содержанія, и Штелинь знакомилъ его съ основами знаній посредствомъ первоначальныхъ математическихъ фигуръ.

Русской исторіи герцога обучали съ помощью коллекціи медалей и монетъ, а отечественной географіи посредствомъ картъ и плановъ всѣхъ крѣпостей имперіи, начиная отъ Риги до турецкой, персидской и китайской границъ. Богатымъ пособіемъ для Штелина была извѣстная книга: «Galerie agréable du monde», которую онъ приносилъ изъ акадеіи, и въ ней его ученикъ могъ черпать свѣдѣнія о чудесахъ и диковинахъ свѣта. Три раза въ недѣлю онъ читалъ своему ученику иностранныя газеты и объяснялъ по географическимъ картамъ и по глобусу положеніе странъ, упоминаемыхъ въ газетахъ. Наконецъ, въ послѣдствіи онъ получалъ отъ канцлера Бестужева дипломатическія депеши и документы для изученія политическихъ вопросовъ.

Когда такимъ образомъ вниманіе мальчика достаточно сосредоточивалось на томъ или другомъ предметѣ, Штелинь отправлялся съ нимъ гулять, объясняя на ходу цвѣты, деревья и прочіе встрѣчавшіеся предметы. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рассказывалъ ему во время прогулокъ основы архитектуры и обращалъ его вниманіе на замѣчательныя постройки. Кромѣ того, чтобы поощрить его къ занятіямъ, императрица подарила ему такъ называемый кабинетъ фортификацій. Это былъ большой шкафъ изъ краснаго дерева съ 24-мя ящиками, въ которыхъ находились различныя деревянныя модели всевозможныхъ укрѣпленій съ древнихъ временъ до середины XVIII столѣтія. Всѣ эти модели разбирались и вновь собирались по печатному указанію.

Сама императрица съ большимъ интересомъ слѣдила за ученіемъ племянника и однажды, заставъ мальчика за черченіемъ крѣпости, горячо поцѣловала его и замѣтила:

— Я не могу не выразить своего удовольствія, видя тебя за этимъ занятіемъ. Невольно мнѣ вспоминается мой бѣдный отецъ, который увидѣвъ, какъ я съ твоей матерью были погружены въ такія же занятія, восклицалъ съ тяжелымъ вздохомъ: «О! я далъ бы любой палецъ моей правой руки, чтобы меня учили съ юности, какъ слѣдовало!»

Все это было хорошо, но журналъ, веденный Штелиномъ, сообщалъ довольно неудовлетворительныя свѣдѣнія о воспитаніи юнаго Петра. Онъ никогда не уставалъ рисовать планы крѣпостей, и очень искусно, но когда требовалось хотя бы малѣйшее умственное напряженіе, онъ выходилъ изъ себя. Величайшаго труда стоило Штелину заставить его заниматься, напимѣръ, исто-

\*

4\*

рiей. Какъ Штелинь, такъ и другiе учителя отмѣчали въ журналѣ, что онъ былъ разсѣянъ и легкомыслень.

Два часа въ день онъ занимался богословiемъ, приготовляясь принять православiе, но хотя довольно быстро научился катихизису, все-таки въ тайнѣ оставался лютераниномъ. Русскому языку его училъ Веселовскiй, и хотя мальчикъ ненавидѣлъ этотъ языкъ и не заботился научиться ему грамматически, но, благодаря своей хорошей памяти, вскорѣ сталъ говорить бѣгло по-русски, что не мѣшало ему выражаться на этомъ языкѣ, какъ можно рѣже. Наконецъ, четыре раза въ недѣлю онъ учился танцамъ у француза Лодэ. На это императрица обращала особое вниманiе и настаивала, чтобы онъ постоянно присутствовалъ на придворныхъ приемахъ и балахъ. Но, несмотря на то, что юный герцогъ подвергался подобной дисциплинѣ, въ продолженiе шестнадцати лѣтъ, онъ до конца своей жизни не умѣлъ кланяться съ достоинствомъ или прилично танцевать какiе либо танцы, кромѣ кадрили.

Такимъ образомъ Штелинь, руководя воспитанiемъ юноши въ продолженiе трехъ съ половиною лѣтъ до достиженiя имъ совершеннолѣтiя въ июнѣ 1746 года, сдѣлалъ только то, что могъ, и въ сущности очень немногое.

При этомъ часто еще наступали перерывы, какъ, напримѣръ, въ то время, когда Петра приготовляли къ принятию православной вѣры. Это событiе совершилось 18-го ноября 1742 года, и онъ былъ названъ великимъ княземъ и цесаревичемъ, Петромъ Θεодоровичемъ. Послѣ этой церемонiи онъ принялъ присягу въ вѣрности императрицѣ и съ тѣхъ поръ сталъ именоваться наслѣдникомъ русскаго престола. Елисавета была такъ довольна этимъ радостнымъ для нея событiемъ, что подарила великому князю 300.000 рублей и новую богатую обстановку для его покоевъ.

Около этого времени въ Москву прибыла депутацiя шведскаго риксдага къ новому цесаревичу съ предложенiемъ принять наслѣдство шведскаго престола. Императрица сухо отвѣчала, что она намѣревается сохранить у себя племянника, и заставила великаго князя отказаться отъ предлагаемой короны. Но современники говорятъ, что онъ сдѣлалъ это очень неудовлетворительнымъ образомъ. Это былъ первый симптомъ его страннаго, неблагоприятнаго отвращенiя къ своему новому отечеству.

Въ концѣ года великiй князь очень опасно заболѣлъ и едва не умеръ. Когда же онъ поправился, то въ январѣ мѣсяцѣ его перевезли въ Москву, гдѣ климатъ былъ гораздо благопрiятнѣе для выздоровленiя. Обрадовавшись этому обстоятельству, Елисавета задумала женить его, какъ можно скорѣе. Вопросъ о великокняжескомъ бракѣ сдѣлался до того важнымъ политическимъ вопросомъ, что о немъ разсуждали въ сенатѣ, и канцлеръ Бестужевъ стоялъ за принцессу Саксонскую, Марiанну, дочь польскаго



короля Августа III. Въ противномъ лагерѣ выставили принцессу Ангальтъ-Цербетскую, Софію-Августу, дочь принцессы Гольштинской, сестры наслѣдника шведскаго и тетки Петра Ѳеодоровича. Объ этомъ бракѣ хлопотали его воспитатель Брюмеръ и Лестокъ, главнымъ же руководителемъ всего дѣла былъ Фридрихъ Великій.

«Мы не войдемъ въ подробности переговоровъ,—пишетъ между прочимъ Фридрихъ,—довольно знать, что пришлось употребить такія усилія, какъ будто дѣло шло о величайшемъ въ мірѣ интересѣ. Самъ отецъ невѣсты, фельдмаршалъ королевской прусской службы, противился браку. Будучи ревностнымъ лютераниномъ, онъ не хотѣлъ позволить своей дочери сдѣлаться православной и согласился только тогда, когда одинъ пасторъ доказалъ ему, что православная религія почти то же самое, что лютеранская. Въ Россіи посланникъ Мардефельдъ сумѣлъ такъ уснѣшно скрыть отъ канцлера Бестужева пружины, которыя онъ приводилъ въ дѣйствіе, что принцесса Цербетская пріѣхала съ матерью въ Петербургъ къ великому удивленію Европы, и обѣ были приняты въ Москвѣ императрицей съ явными знаками дружбы и удовольствія».

Дѣйствительно, нареченная невѣста чрезвычайно понравилась Елисаветѣ и великому князю, тѣмъ болѣе, что она была красива, чрезвычайно умна и смѣтлива. Въ десять дней она настолько научилась русскому языку, что могла разговаривать съ епископомъ Симономъ Тодорскимъ, приставленнымъ къ ней для обученія православію.

Ея ревность къ ученію была такъ велика, что она вставала по ночамъ и ходила по комнатѣ босыми ногами, твердя уроки, задаваемые ей учителемъ русскаго языка, Василиемъ Ададуровымъ. Послѣдствіемъ этого было сильное воспаленіе легкихъ, которое продолжалось болѣе мѣсяца. Во время ея болѣзни за нею ухаживала сама императрица, не отходя отъ ея кровати. Молодая принцесса сохранила тактъ даже больная и когда мать предложила послать за лютеранскимъ пасторомъ, то она отвѣтила: «Нѣтъ, пошлите за моимъ духовникомъ Тодорскимъ».

Когда она совершенно оправилась, то приняла православіе съ необыкновеннымъ торжествомъ и вслѣдъ затѣмъ была помолвлена съ великимъ княземъ, при чемъ ее назвали великой княжной Екатериной Алексѣевной. Вскорѣ послѣ этого она отправилась съ императрицей и съ великимъ княземъ, своимъ женихомъ, въ Кіевъ, и на возвратномъ пути онъ заболѣлъ вѣтреной оспой. За нимъ также ухаживала Елисавета, несмотря на предостереженія докторовъ. Эта болѣзнь имѣла очень тяжелыя послѣдствія для Петра Ѳеодоровича, оставивъ на лицѣ такія страшныя рябины, что невѣста едва могла смотрѣть на него безъ отвращенія.

Въ слѣдующемъ 1745 году, 21-го августа, состоялось бракосочетаніе великаго князя съ великой княжной. Свадьба была необыкновенно пышная. За два мѣсяца до этого событія Петръ Θεодоровичъ достигъ совершеннолѣтія, и было рѣшено освободить его отъ наставниковъ: Брюмера и Штелина. Взамѣнъ ихъ былъ назначенъ состоять при немъ князь Василій Репнинъ, который, по словамъ Екатерины, былъ честнымъ, благороднымъ и умнымъ человѣкомъ. Кромѣ того, высшее руководство надъ молодой четой было предоставлено камергеру Чоглокову и его женѣ, двоюродной сестрѣ императрицы, которымъ канцлеръ Бестужевъ, отъ имени государыни, написалъ патріархальную инструкцію, какъ обращаться съ державными молодыми.

Такимъ образомъ семнадцатилѣтній великій князь и шестнадцатилѣтняя великая княгиня, впослѣдствіи Екатерина Великая, начали свою брачную жизнь. Съ первыхъ же дней она оказалась несчастной, такъ какъ Петръ Θεодоровичъ былъ скорѣе ребенкомъ, чѣмъ юношей, а Екатерина, хотя также походила на ребенка, но, по ея словамъ, ничего болѣе не желала, какъ любить своего мужа, если бы онъ только обладалъ малѣйшей дозой здраваго смысла. Но нельзя сказать, что онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова глупымъ или бессмысленнымъ человѣкомъ; также его нельзя было назвать жестокимъ тираномъ, пьяницей и развратникомъ, какъ увѣряла впослѣдствіи Екатерина. Зато онъ ни минуты не могъ держаться на одномъ мѣстѣ и, въ сущности, былъ какой-то деревянной куклой, постоянно приводимой въ движеніе неизвѣстной внутренней пружинной. Точно также онъ вѣчно болталъ, самъ не сознавая, что говоритъ. Такъ, напримѣръ, въ первый день своего знакомства съ невѣстой онъ сказалъ ей: «Я люблю дѣвицу Лопухину и лучше бы женился на ней, чѣмъ на васъ, но такъ какъ тетка желаетъ этого брака, то я рѣшился покориться своей судьбѣ». Черезъ недѣлю послѣ своей свадьбы онъ сознался женѣ, что влюбленъ въ одну изъ ея фрейлинъ, госпожу Карръ, а скорѣе потомъ рассказалъ ей о своей слабости къ горбатой принцессѣ Курляндской. Конечно, все это была только ничего не значащая болтовня, такъ какъ сама Екатерина увѣряла, что ея милый мужъ былъ не въ состояніи любезничать съ какою бы то ни было женщиной, въ томъ числѣ и съ ней.

Несмотря на все свое легкомысліе и дѣтскую неразвитость, онъ сознавалъ, что его маленькая жена была лучшимъ его совѣтникомъ и называлъ ее: «*madame la ressource*». Во всѣхъ сомнѣніяхъ и трудныхъ минутахъ своей жизни онъ постоянно бросался къ ней за совѣтомъ и, получивъ его, быстро убѣгалъ. Въ первое время ихъ брачной жизни она были избраннымъ товарищемъ его любимыхъ игръ, которыя поражали своимъ ребячествомъ. Какъ только по вечерамъ уходила изъ спальни камеръ-фрейлина, г-жа Краузе,

великій князь съ хитрой улыбкой на его маленькомъ морщинистомъ лицѣ доставалъ большой ящикъ съ деревянными солдатиками, который днемъ стоялъ подъ кроватью жены, и затѣмъ игралъ съ ними до двухъ часовъ утра, пока не засыпалъ. «Я полагаю,—замѣчала Екатерина, рассказывая объ этомъ,—что я годилась на нѣчто лучшее».

Однажды, войдя въ кабинетъ мужа, она съ удивленіемъ увидела, что на стѣнѣ виситъ крыса. На ея вопросъ, что это значитъ, Петръ серьезно отвѣчалъ: «Крыса совершила преступленіе противъ дисциплины, заслуживающее смертной казни: она съѣла двухъ игрушечныхъ солдатъ, стоявшихъ на караулѣ въ папочной крѣпости». Неудивительно, что умная, живая принцесса, послѣ такихъ выходокъ своего супруга, находила удовольствіе въ чтеніи какихъ бы то ни было книгъ.

Лѣтомъ молодая чета жила въ Ораніенбаумѣ, подаренномъ императрицей своему племяннику. Тамъ Петръ продолжалъ предаваться своей любимой игрѣ въ солдатки, только замѣнилъ деревянныхъ настоящими, живыми. Какъ царствующій герцогъ Гольштинскій, онъ завелъ въ Ораніенбаумѣ роскошный дворъ, однако на совершенно военной ногѣ. Онъ украсилъ свою лѣтнюю резиденцію, увеличилъ дворецъ большими пристройками, въ которыхъ находились казармы, конюшни и деревянный театръ; тамъ по воскреснымъ вечерамъ Петръ давалъ концерты, въ которыхъ самъ участвовалъ, играя первую скрипку въ оркестрѣ, и, какъ говорятъ нѣкоторые современники, исполнялъ свою партію съ нѣкоторымъ искусствомъ и большимъ пыломъ.

Но всего болѣе его забавляла въ Ораніенбаумѣ выстроенная инженерами крѣпость, на которой стояли пушки. Посреди нея находился маленькій двухъэтажный домъ Петра. Въ верхнемъ этажѣ были расположены четыре жилыя комнаты; въ одной изъ нихъ былъ устроенъ маленькій кабинетъ, стѣны котораго были обтянуты голубымъ атласомъ, вышитымъ шелками самой Екатериной. Въ этомъ жилищѣ Петръ обиталъ припѣвая, окруженный своими гольштинскими офицерами, людьми низкаго происхожденія и грубаго воспитанія. Цѣлый день онъ училъ свою маленькую армію, доведенную имъ до 5.000 человекъ, а вечера проводилъ въ военныхъ разговорахъ и куреньѣ.

Съ своей стороны Екатерина выстроила небольшой красивый домъ въ 12 комнатъ и принимала въ немъ своихъ друзей. Хотя мужъ и жена часто спорили и ссорились между собою, благодаря ихъ обоюдному вспыльчивому характеру, но у нихъ еще не происходило открытаго разрыва. Екатерина ставила себѣ за правило посѣщать мужа каждый день, хоть на два часа, и онъ совѣтовался съ нею относительно своихъ гольштинскихъ дѣлъ. Въ остальное же время дня Екатерина преимущественно занималась чтеніемъ, при

чемъ ею руководилъ образованный шведскій посланникъ, графъ Гилленбургъ. Въ короткое время она, при методической системѣ выбора книгъ, познакомилась со всеми образцовыми произведеніями французской и нѣмецкой литературы. Особенно она любила исторію философіи; что же касается поэзіи и изящныхъ искусствъ, то она ими пренебрегала.

Такъ жила около восьми лѣтъ молодая чета, и императрица Елисавета была очень недовольна тѣмъ, что у нихъ не было дѣтей, потому что она главнымъ образомъ рассчитывала на ихъ бракъ, какъ на средство поддерживать династію.

Но въ 1754 году, къ величайшей радости императрицы, Екатерина родила сына, названнаго Павломъ. Въ тотъ же день Елисавета подарила юной матери сто тысячъ рублей и, взявъ ребенка, унесла его въ свои покои. Съ этой минуты онъ находился совершенно на попеченіи бабушки, которая не допускала къ нему матери, что послѣднюю глубоко огорчало. Замѣчательно, что тотчасъ послѣ рожденія Павла въ обращеніи его родителей между собою прекратилась даже всякая внѣшняя любезность. Петръ съ тѣхъ поръ называлъ жену не иначе, какъ «*madame la grande duchesse*», и пересталъ совѣтоваться съ нею о дѣлахъ. Результатъ подобнаго поведенія былъ самый печальный. Петръ Ѳеодоровичъ заперся съ своими гольштинцами и сталъ открыто подсмѣиваться надъ всемъ русскимъ и осыпать бранью страну, въ которой ему суждено было царствовать. При этомъ онъ благоговѣнно чтилъ Фридриха II и открыто говорилъ, что желалъ бы служить подъ его начальствомъ.

Наконецъ, изъ неприязни къ женѣ и личнаго самолюбія, онъ завелъ себѣ фаворитку, племянницу графа Михаила Воронцова, графиню Елисавету Романовну Воронцову, очень глупую и некрасивую молодую дѣвушку, хотя довольно добродушную и мягкосердечную.

Черезъ два года Екатерина родила дочь Анну. Подобно ея первенцу, и второго ребенка у нея отняла императрица и отдала на попеченіе нянюшекъ, но въ 1759 году великая княжна Анна Петровна умерла.

Чѣмъ болѣе Елисавета приближалась къ концу своей жизни, тѣмъ яснѣе сознавала, что невозможно измѣнить къ лучшему ея племянника, и потому питала къ нему искреннюю ненависть. «На счетъ Петра Ѳеодоровича она была совершенно одинаковыхъ со мною мыслей,—писала Екатерина,—она такъ хорошо его знала, что не могла провести съ нимъ четверти часа безъ отвращенія, гнѣва или огорченія. У себя въ комнатѣ, когда заходила о немъ рѣчь, она заливалась слезами по поводу несчастія имѣть такого наслѣдника; либо, отзываясь о немъ, обнаруживала презрѣніе и часто надѣляла его эпитетами, которыхъ онъ вполне заслуживалъ».

На этомъ основаніи Елисавета избѣгала, насколько было возможно, его вмѣшательства въ политику, а въ 1756 году, во время

болѣзни императрицы, онъ былъ номинальнымъ предсѣдателемъ совѣта и подписывалъ бумаги. При этомъ онъ выказывалъ болѣе чѣмъ когда свою неспособность къ какому либо дѣлу и продолжалъ открыто выражать свою симпатію къ Фридриху II и всему прусскому, несмотря на то, что тогда Россія принимала участіе въ Семилѣтней войнѣ.

Естественно, что по примѣру Елисаветы великаго князя ненавидѣли все русскіе патріоты. Уже канцлеръ Бестужевъ не задолго до своей опалы предлагалъ удалить Петра и назначить наслѣдникомъ малолѣтняго сына его Павла, подъ руководствомъ его матери въ качествѣ регентши. Того же мнѣнія держался и Панинъ, воспитатель малолѣтняго Павла, о томъ же самомъ мечтала императрица Елисавета за нѣсколько дней до своей кончины. Однако она не успѣла сдѣлать никакого распоряженія и умерла 25-го декабря 1761 года, не выразивъ официально своей послѣдней воли.

## II.

Предъ своею смертію Елисавета задумала примирить будущаго императора съ его женою. Она позвала ихъ обоихъ, хотя они не видѣлись уже нѣсколько мѣсяцевъ. Великій князь обѣщалъ исполнить ея желаніе, но не только не сдержалъ обѣщанія, но напротивъ поведеніе его относительно жены стало еще хуже.

По словамъ одного изъ историковъ Петра III, большинство русскихъ встрѣтило мрачно новое царствованіе; зная характеръ молодого государя, не ждали ничего хорошаго. Своенравный, капризный и легкомысленный Петръ съ самаго начала поразилъ всѣхъ своимъ страннымъ поведеніемъ. Такъ на панихидахъ покойной императрицы онъ былъ очень веселъ: «болталъ и велъ себя», какъ говоритъ Екатерина, «совершенно неподобающе своему сану, представляя изъ себя какого-то смѣшного арлекина». Во время похоронъ Елисаветы поведеніе императора было такое же безразсудное, и, идя пѣшкомъ за гробомъ, онъ постоянно забавлялся тѣмъ, что отставалъ на значительное разстояніе, а потомъ сразу догонялъ процессію, приводя въ смущеніе придворныхъ чиновъ, поддерживавшихъ шлейфъ его траурной мантии.

Напротивъ, Екатерина поражала всѣхъ своимъ достоинствомъ, приличіемъ и печальнымъ участіемъ во всѣхъ молитвахъ и церемоніяхъ, хотя на сердцѣ ея было очень тяжело не отъ смерти императрицы, а отъ горькихъ мыслей объ ея будущей судьбѣ. Съ первой минуты своего царствованія Петръ III выразилъ явное къ ней недоброжелательство и въ манифестѣ о восшествіи на престолъ не упомянулъ ни слова ни о ней, ни о своемъ сынѣ. Въ присяжномъ листѣ даже говорилось «объ избираемомъ и опредѣляемомъ наслѣдникѣ» безъ указанія на Павла Петровича. Но Петръ

былъ такъ непослѣдователенъ во всемъ, что въ церквахъ молились о «благочестивѣйшей великой императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и благовѣрномъ государѣ цесаревичѣ великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ».

По обыкновению, новое царствованіе было ознаменовано царскими милостями. Конечно, главнымъ образомъ, награды получили любимцы Петра: Глѣбовъ, сдѣланный прокуроромъ сената; князь Трубецкой, назначенный подполковникомъ Преображенскаго полка, шефомъ котораго былъ самъ императоръ, а Волковъ, Мельгуновъ, Нарышкинъ и другіе получили безчисленныя милости. Не забылъ Петръ и фаворитовъ Елисаветы.

Кромѣ милостей, оказанныхъ своимъ друзьямъ, Петръ старался выказать необыкновенную доброту и предупредительность къ военному сословію; поэтому гвардіи съ восторгомъ привѣтствовала его на первомъ парадѣ. Тронутый неожиданными знаками преданности войска, Петръ сказалъ австрійскому посланнику графу Мерси-Аржанто: «Я не думалъ, чтобы они были такъ привязаны ко мнѣ». Вообще на представителей европейскихъ державъ онъ произвелъ чрезвычайное пріятное впечатлѣніе, и англійскій посланникъ Кейтъ полагалъ, что Петръ, несмотря на свою ограниченность, будетъ хорошимъ государемъ по добротѣ своего сердца.

Наибольшую популяльность Петръ, однако, заслужилъ своей милостью къ жертвамъ прошедшаго царствованія. Онъ вызвалъ изъ изгнанія Миниха, Бирона, Наталью Лопухину, Лестока, Лилленфельдовъ и другихъ политическихъ дѣятелей давнихъ временъ. Особое вниманіе на себя обратили вернушіеся изъ ссылки Минихъ и Биронъ. Первому было уже 80 лѣтъ, а второму—72, но они еще держались совершенно юными ветеранами. «Мы въ восресеніе присутствовали при трогательной сценѣ,—пишетъ Кейтъ:—герцогъ курляндскій и Минихъ явились вмѣстѣ ко двору. На нихъ обоихъ были голубыя ленты, и его императорское величество обращался съ ними очень любезно. Любопытно было смотрѣть на этихъ замѣчательныхъ людей, вернувшихся здоровыми изъ двадцатилѣтней ссылки и снова явившихся ко двору, гдѣ они нѣкогда играли столь важную роль. Они разговаривали другъ съ другомъ очень прилично и, казалось, забыли взаимную ревность, погубившую ихъ».

Но не одними милостями хотѣлъ Петръ III привлечь къ себѣ любовь народа: онъ издалъ цѣлый рядъ благотѣльныхъ, но поспѣшныхъ и незрѣло-обдуманыхъ мѣропріятій. Прежде всего онъ подписалъ указъ объ отмѣнѣ притѣснительной соляной пошрины и въ тотъ же день грамоту о вольности дворянства. «Велика была радость всѣхъ дворянъ,—говоритъ Екатерина о данномъ дозволеніи служить и не служить,—и на этотъ часъ совершенно позабыли, что предки ихъ службой пріобрѣтали почести и имѣнія, которыми они

пользуются». Въмѣстѣ съ свободой службы дворянство получило право во всякое время отлучаться за границу. Манифестъ о вольности привелъ въ такой восторгъ сенаторовъ, что они согласились съ предложеніемъ царскаго любимца Глѣбова поставить изъ благодарности къ императору его золотую статую. Но Петръ отказался отъ этой чести и сказалъ: «Употребите это золото на лучшее дѣло. Если вы сохраните въ своихъ сердцахъ благодарное воспоминаніе о моемъ царствованіи, то это мнѣ будетъ пріятнѣе золотой статуи».

Но самой дѣствительно благотворной изъ всѣхъ реформъ императора было уничтоженіе тайной канцеляріи и столь страшнаго «слова и дѣла».

Къ гуманнѣмъ мѣрамъ Петра III относилось и возвращеніе раскольниковъ, которые бѣжали изъ различныхъ концовъ Россіи отъ притѣсненій во время царствованій Анны и Елисаветы. Теперь имъ была дана полная свобода вѣры, такъ какъ въ манифестѣ говорилось: «магометане и идолопоклонники допускаются въ Россійской имперіи, а раскольники все же христіане, какъ они ни суевѣрны; жестокость не есть вѣрный путь къ ихъ обращенію».

Не всѣ, однако, съ полнымъ сочувствіемъ относились къ реформамъ Петра III. Такъ Мерси-Аржанто писалъ: «Умѣренность и гуманность мѣръ императора не выказываютъ ничего опредѣленнаго или рѣшительнаго. Онъ не отличается умомъ, привыкшимъ къ дѣламъ, серіознымъ соображеніемъ и отсутствіемъ предразсудковъ. Его намѣренія нераціональны, легкомысленны и дики. Вообще, я не вижу здѣсь никого, кто могъ бы смѣло противодѣйствовать упрямому и вспыльчивому государю. Всѣ, кромѣ канцлера, льстятъ его упрямству изъ собственныхъ выгодъ, а канцлеръ такой слабый человѣкъ, что нельзя положиться на него для руководства государемъ на правомъ пути».

Благодаря мелочной энергіи, императоръ вмѣшивался во всѣ бюрократическія дѣла, что беспокоило и ужасало чиновниковъ, привыкшихъ къ беззаботному Елисаветинскому времени. Петръ вставалъ въ семь часовъ утра, зимой и лѣтомъ. Въ то время, когда онъ одѣвался, адъютанты являлись къ нему съ докладами. Отъ восьми до десяти часовъ онъ работалъ съ высшими сановниками; потомъ отправлялся по различнымъ казеннымъ учрежденіямъ, заставляя тамъ нерѣдко однихъ только мелкихъ чиновниковъ, за что доставалось сенаторамъ и высшему начальству. Ровно въ одиннадцать часовъ онъ выходилъ на плацпарадъ, гдѣ находились уже въ сборѣ всѣ офицеры, и до часа лично осматривалъ и училъ войска, при содѣйствіи прусскаго генерала Бауера. Еще при Елисаветѣ Петръ, какъ уже было сказано, вызвалъ для своей потѣхи голыштинскія войска, которыя ставилъ русской арміи въ образецъ. Съ восшествіемъ же на престолъ онъ сталъ пре-

образовывать русскую армию на прусскій ладъ. Въ часть Петръ обѣдалъ и приглашалъ къ своему столу, несмотря на чины, различныхъ лицъ, съ которыми ему пріятно было поговорить. По временамъ, онъ обѣдалъ въ частныхъ домахъ, преимущественно у членовъ англійской факторіи, къ которымъ питалъ особое расположеніе. Послѣ обѣда онъ немного отдыхалъ, а потомъ снова отправлялся по казеннымъ учрежденіямъ, обыкновенно являясь тамъ, гдѣ его не ожидали. Вечера онъ проводилъ со своими гольштинскими офицерами, куря и осушая бутылки. Иногда же онъ устраивалъ концерты и попрежнему игралъ первую скрипку въ оркестрѣ. Наконецъ, подавали ужинъ, послѣ котораго онъ снова занимался политическими дѣлами со своими любимцами до двухъ часовъ ночи.

Особое неудовольствіе Петръ возбудилъ въ армиіи своимъ пристрастіемъ къ гольштинцамъ и прусскимъ порядкамъ, а также уничтоженіемъ лейбъ-кампаніи, перемѣной петровскихъ мундировъ на прусскіе и наименованіемъ полковъ по именамъ шефовъ, тогда какъ прежде они назывались по провинціямъ. Всѣ военные, начиная отъ фельдмаршала до солдата, были оскорблены въ своей народной гордости этими перемѣнами и введеніемъ повсюду иностранныхъ порядковъ.

Еще большее недовольство возбудилъ Петръ своими указами объ управленіи архіерейскими и монастырскими вотчинами. Православное духовенство превращалось въ чиновниковъ, получавшихъ жалованье. Понятно, что оно роптало на такія распоряженія, и еще болѣе на личное приказаніе императора новгородскому архіепископу Дмитрію Сѣчену, чтобы всѣ образа, кромѣ образовъ Спасителя и Богоматери, были вынесены изъ церквей. Кромѣ того, воспрещены домашнія церкви, и упорно носились слухи, что священникамъ предписано будетъ брить бороды, а рясы замѣнить сюртуками. Духовенство, конечно, протестовало противъ такихъ мѣръ, но Петръ обращался неуважительнымъ образомъ съ самыми почтенными представителями православія. Мало того, онъ велъ себя недостойно въ церквахъ, смѣясь и болтая во время службы. Все это побудило народъ называть его «иностранцемъ», «нѣмцемъ» и «люторомъ».

«Ясно,—писалъ саркастически Мерси-Аржанто,—что императоръ смотритъ на свою Русскую имперію, какъ на пустынный придатокъ къ своему нѣмецкому отечеству, которое онъ такъ высоко цѣнитъ».

Но, чтобы окончательно пожертвовать русскими интересами, ради своихъ иностранныхъ, Петръ III внѣшнюю политику Россіи сдѣлалъ антинаціональною и нѣмецкою.

Въ тотъ самый день, какъ Петръ вошелъ на престолъ, онъ доказалъ, что не только на словахъ, но и на дѣлѣ, обожаетъ Фрид-



риха II. Онъ немедленно послалъ одного изъ своихъ любимцевъ, камергера Гудовича, съ собственноручнымъ письмомъ въ Бреславль, гдѣ тогда находился Фридрихъ. Извѣстивъ о кончинѣ Елисаветы и о своемъ восшествіи на престолъ, Петръ писалъ: «Не хотѣли мы умедлить чрезъ сіе ваше королевское величество увѣдомить, въ совершенной надеждѣ пребывая, что ваше величество по имѣвшейся съ нашими императорскими предками дружбѣ въ такомъ новомъ происшествіи не токмо участіе воспринять, но особливо въ томъ, что до возобновленія, распространенія и постоянного утвержденія между обоими дворами, къ взаимной ихъ пользѣ, добраго согласія и дружбы касается, съ нами одинаго намѣренія и склонности быть изволите, якоже мы по отличнымъ къ вашему величеству мнѣніямъ со своей стороны всегда особое стараніе о томъ прилагать и ваше величество о нашей истинной и ненарушимой къ тому склонности вѣще и вѣще удостовѣривать всякими случаями съ удовольствіемъ пользоваться будемъ».

Легко себѣ представить, въ какой восторгъ пришелъ Фридрихъ, получивъ это извѣстіе. Онъ находился въ самомъ отчаянномъ положеніи, и русскія войска уже занимали Восточную Пруссію и часть Помераніи. По его словамъ: «голубица, принесшая намъ масличную вѣтвь въ ковчегъ, была встрѣчена съ распростертыми объятіями». Но Гудовичъ не имѣлъ никакихъ полномочій о переговорахъ съ Пруссіей, и потому Фридрихъ, не медля ни минуты, назначилъ чрезвычайнымъ посломъ въ русскую столицу барона Гольца.

Между тѣмъ, русскіе интересы было поручено охранять Роберту Кейту, англійскому посланнику въ Петербургъ и бывшему persona grata у Петра. Кейтъ перешелъ изъ Вѣны въ Петербургъ въ 1758 году и съ самаго начала пріобрѣлъ расположеніе Петра, тогда еще великаго князя. Въ первыя же десять недѣль царствованія Петра вліяніе Кейта при русскомъ дворѣ было безусловно господствующимъ. Мерси-Аржанто по этому поводу писалъ: «англійскій посланникъ — главная поддержка и орудіе прусской партіи. Ни одинъ день не проходитъ безъ того, чтобы государь не видѣлся съ нимъ, не присылалъ ему фруктовъ и не оказывалъ какого либо вниманія».

Самъ Кейтъ свидѣтельствуетъ въ своихъ депешахъ о близкихъ отношеніяхъ къ Петру и на третій день послѣ его восшествия на престолъ писалъ своему правительству: «предъ обѣдомъ его императорское величество, который оказываетъ мнѣ все большее и большее дружелюбіе, подошелъ ко мнѣ и съ улыбкой сказалъ, что наканунѣ ночью послалъ курьеровъ въ различные корпуса своей арміи съ приказаніемъ, которое доставитъ мнѣ большое удовольствіе, именно—не наступать на прусскую территорію и избѣгать военныхъ дѣйствій».

Три недѣли спустя, Кейтъ ужиналъ съ императоромъ и съ графиней Елисаветой Воронцовой. «Вы, конечно, убѣждены, что я не опоздалъ на это лестное предложеніе», прибавляетъ онъ съ восторгомъ. По этому случаю Петръ сообщилъ ему конфиденціально, что хочетъ, какъ можно скорѣй, покончить дѣла съ прусскимъ королемъ и освободиться отъ всѣхъ обязанностей передъ вѣнскимъ дворомъ. Кейтъ замѣтилъ, что лучшее средство для прекращенія всѣхъ излишнихъ переговоровъ съ Австріей было приказать графу Чернышеву, командовавшему русскимъ корпусомъ, немедленно уйти съ австрійской границы и, переступивъ Одеръ, вступить въ Польшу. Петръ, казалось, былъ очень доволенъ этимъ предложеніемъ и черезъ нѣсколько дней сдѣлалъ соответствующее распоряженіе. Потомъ онъ очень небрежно отнесся къ польскому королю и выказалъ крайнюю враждебность къ саксонскому посланнику, графу Брюлю, котораго считалъ вмѣстѣ съ Кауницемъ и Бестужевымъ тремя поджигателями войны въ Европѣ. Наконецъ, онъ прибавилъ, «что очень желалъ бы представить англійскому королю порядочный флотъ для дѣйствій противъ Испаніи». Онъ также увѣрялъ Кейта, что никакой коммерческій трактатъ съ Франціей не будетъ заключенъ, такъ какъ онъ чрезвычайно презираетъ эту страну.

Черезъ нѣсколько времени, въ Царскомъ Селѣ, Петръ сообщилъ своему пріятелю англичанину еще интереснѣе новость. Отведя посланника въ сторону во время фейерверка, подъ предлогомъ, что оттуда виднѣе, Петръ разсказалъ: «австрійскій посланникъ недавно выразилъ свое удивленіе канцлеру Воронцову относительно прекращенія мной военныхъ дѣйствій, противъ «наслѣдственнаго врага» безъ всякихъ предварительныхъ переговоровъ съ моими союзниками, которые сочли это дѣйствіе, какъ *un pas précipité*». Говоря это, Петръ былъ внѣ себя отъ неудовольствія и воскликнулъ: «вишь, сочинилъ *pas précipité*». Что же касается до выраженія «наслѣдственный врагъ», то императоръ рѣшительно не понималъ его, такъ какъ никогда не слыхалъ, чтобы въ старину Россія имѣла распрю съ Бранденбургскимъ домомъ. Потомъ онъ прибавилъ, что вѣнскій дворъ для удержанія союза съ нимъ предложилъ ему субсидію для войны съ Даніей, но что онъ отказался отъ всякихъ денегъ на томъ основаніи, что у него ихъ достаточно для веденія необходимыхъ войнъ.

Естественно, Кейтъ былъ въ восторгѣ отъ подобнаго оборота дѣлъ. Обстоятельства доставили ему господствующее положеніе: онъ былъ совѣтникомъ и другомъ императора. Онъ находился постоянно въ перепискѣ съ Фридрихомъ II, такъ что, по словамъ его австрійскаго соперника, онъ посылалъ большее число курьеровъ въ Бреславль, чѣмъ въ Лондонъ. Вопросъ мира и войны зависѣлъ отъ него. Поэтому неудивительно, что онъ писалъ своему правительству: «въ Петербургѣ все имѣло радужный видъ, импе-

раторъ заботился только о счастіи своихъ подданныхъ, и его гуманнѣя и великодушныя дѣйствія приобрѣтали ему всѣ сердца и дѣлали его имя славнымъ не только въ настоящія, но и въ будущія времена».

Совершенно иное положеніе выпало на долю Мерси-Аржанто. Онъ самъ еще подливалъ масла къ неблагопріятнымъ отношеніямъ Петра къ вѣнскому двору. Въмѣсто того, чтобы сглаживать капризы Петра, австрійскій посланникъ возбуждалъ мелкіе вопросы придворнаго этикета. Эта распря возникала по случаю приѣзда въ Петербургъ дяди Петра, принца Георга Гольштинскаго, по особому приглашенію императора. Онъ былъ такъ обрадованъ этимъ посѣщеніемъ, что выѣхалъ къ нему навстрѣчу изъ Царскаго Села и приказалъ отъ своего имени просить европейскихъ представителей отправиться съ поздравленіемъ къ принцу. Англійскій, шведскій, голландскій и датскій посланники тотчасъ исполнили его желаніе, но Мерси отказался, и его примѣру послѣдовали французскій и испанскій представители.

Петръ взбѣсился и шесть недѣль не допускалъ до себя Мерси и Бретеля; даже русскіе сановники избѣгали встрѣчи съ ними. Наконецъ, этотъ эпизодъ окончился поразительной сценой, которую подробно описываетъ австрійскій посланникъ. По случаю банкета, даннаго канцлеромъ Воронцовымъ въ честь императора, на которомъ присутствовали всѣ посланники, явился и Мерси, котораго Петръ принялъ очень дружелюбно, но сдержанно. Во время банкета Петръ много пилъ, а вечеромъ сѣлъ играть въ карты и былъ очень веселъ, при чемъ подсмѣивался надъ Бретелемъ. Французскій посланникъ былъ чрезвычайно сдержанъ и показывалъ видъ, что ничего не слышитъ, но Мерси сталъ вмѣшиваться. Петра нельзя было ничѣмъ остановить, и онъ, окончивъ свою партію, подошелъ къ Бретелю и сказалъ, указывая на испанскаго посланника, который, повидимому, проигрывалъ въ карты: «Помните мои слова—Испанія проиграетъ».

Вспыльчивый французъ не вытерпѣлъ и саркастически отвѣчалъ: «Мы надѣемся, государь, что Испанія не проиграетъ, потому что мы ее поддерживаемъ, особенно, если вы останетесь вѣрны настоящей системѣ, какъ вы обѣщали». Императоръ окончательно взбѣсился и воскликнулъ: «Я уже говорилъ вамъ, что хочу одного мира и мира! Если вы не будете стоворчивы, то вамъ будетъ худо! *Je suis soldat et point léger*». Эти слова произвели сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ, и Бретель, отойдя отъ императора, сталъ жаловаться Воронцову на подобное обращеніе. Но послѣдній только покачалъ головою и замѣтилъ, что какъ ему ни прискорбно, но помѣшать этому онъ не можетъ.

Третьяго марта, явился въ Петербургъ баронъ Гольцъ и былъ принятъ Петромъ самымъ восторженнымъ образомъ. Едва онъ

успѣлъ произнести поздравленіе императору съ восшествіемъ на престоль, какъ Петръ распространился въ пламенныхъ выраженіяхъ о своей безграничной преданности прусскому королю. Послѣ аудіенціи Петръ шепнулъ своему новому пріятелю, что ему многомъ надо переговорить съ нимъ частнымъ образомъ, и, взявъ его подъ руку, прямо повелъ обѣдать, говоря непрерывно о прусской арміи, которую онъ зналъ, къ удивленію Гольца, до самыхъ мелочныхъ подробностей. Немедленно посланнику было отведено великолѣпное помѣщеніе подлѣ самага дворца и данъ блестящій придворный экипажъ. Съ этого момента Петръ посѣщаль Гольца по два раза въ день и почти постоянно обѣдалъ и ужиналъ съ нимъ. Не прошло и недѣли, какъ Гольцъ совершенно затмилъ своего англійскаго товарища Кейта, и до конца царствованія Петра прусское вліяніе было господствующимъ при русскомъ дворѣ.

Цѣлю посольства Гольца было заключеніе мира между Россіей и Пруссіей: Фридрихъ приказалъ ему, во что бы то ни стало, принять условія, какія бы ни предложилъ Петръ, и даже согласился на уступку восточной Пруссіи, уже занятой Россіей. Но Петръ такъ восторженно относился къ Фридриху, что не думалъ ни о какихъ территоріальныхъ приобрѣтеніяхъ и не хотѣлъ слышать ни о какихъ условіяхъ. Петръ объявилъ Гольцу, что посланникъ можетъ писать какой угодно проектъ трактата, а онъ все подпишетъ. Такъ, безъ всякихъ возраженій, онъ выслушалъ составленный Гольцемъ проектъ и подписалъ его, не давъ предварительно на просмотръ Воронцову.

Это въ сущности былъ самый позорный трактатъ, когда либо подписанный русскимъ государемъ. Однимъ почеркомъ пера Петръ отдалъ Пруссіи всѣ русскія завоеванія и заключилъ съ нею союзъ, по которому каждая страна обязалась въ случаѣ нападенія выставить помощь въ 12.000 пѣхоты и 4.000 кавалеріи. Секретными статьями трактата благодарный прусскій король обязался помочь Петру приобрѣсти отъ Даніи герцогство Шлезвигъ, содѣйствовать принцу Георгу Гольштинскому занять курляндскій герцогскій престоль и гарантировалъ тогдашнюю конституцію Польши, обѣщая, что по смерти царствующаго польскаго короля онъ будетъ содѣйствовать назначенію пріятнаго для Россіи преемника.

Черезъ шесть дней послѣ подписанія мира съ Пруссіей въ Петербургѣ состоялись празднества, и во дворцѣ былъ устроенъ банкетъ, на которомъ торжественно провозгласили тостъ въ честь прусскаго короля.

Въ это время Петръ до такой степени обожалъ Фридриха, что публично называлъ его «моимъ повелителемъ-королемъ». Саксонскій же посланникъ Прассъ говорилъ: «теперь въ Петербургѣ императоромъ король прусскій».

Что же касается переписки между обоими монархами, то она достигла зенита восторженности и сентиментальности. Циничный

философъ Санъ-Суси писалъ съ своей стороны: «Когда поступаешь съ такимъ безпримѣрнымъ благородствомъ, то имѣешь право на общій восторгъ. Ваше величество вполне это заслужили; первыми дѣйствіями вы заслужили благословеніе вашихъ подданныхъ и разумнѣйшей части Европы. Вся Европа преслѣдуетъ меня, но я нашелъ себѣ друга съ истинно нѣмецкой душой. На васъ только я надѣюсь, вамъ только я навѣки преданъ, какъ вѣрнѣйшій другъ».

На это письмо Петръ отвѣчалъ очень смиренно: «Ваше величество, конечно, смѣтаетъ надо мною, такъ восхваляя меня. По справедливости, вы должны удивляться моему ничтожеству, тогда какъ я повергнутъ въ изумленіе вашими подвигами; вы отличаетесь необыкновенными достоинствами. Я признаю въ вашемъ величествѣ одного изъ величайшихъ героевъ, бывшихъ когда либо на свѣтѣ».

**В. А. Тимирязевъ.**

*(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).*





ЧЪЗЪ ЗАПИСОКЪ ПЕТЕРБУРГСКАГО ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРА  
Θ. Ф. ДУБИССА-КРАЧАКА <sup>1)</sup>.

IX.



**Т**АКЪ ПОШЛА служба моя на новомъ пепелищѣ. Тяжело было во всѣхъ отношеніяхъ справляться съ тѣмъ разнообразіемъ обязанностей и съ той отвѣтственностью, какія возлагаются на пристава столичной полиціи. Не даромъ Треповъ, такой знатокъ полицейской службы, такой опытный, проницательный и даровитый человекъ (такихъ градоначальниковъ долго будетъ дожидаться Петербургъ; Треповъ былъ не заурядный человекъ, а положительно гений, и если онъ проявилъ даръ свой только на должности с.-петербургскаго градоначальника, то лишь потому, что по этому пути направилась звѣзда его; на всякомъ другомъ пути онъ былъ бы столь же замѣтенъ), говорилъ, что «приставъ у меня высокопоставленное лицо».

И дѣйствительно, въ Петербургѣ, центрѣ російской культуры, гдѣ сконцентрированы и главныя управленія государства и высшія учебныя и ученныя учрежденія, торговля, финансы, нерѣдко люди, занимающіе высшіе посты въ государствѣ, извѣстные своею ученостью и талантами, зачастую бываютъ вынуждены различными случайностями жизни по самымъ интимнымъ дѣламъ своимъ обращаться къ приставу. Понятно, что на такомъ посту обязательно должны быть люди съ разностороннимъ развитіемъ, отличающіеся умомъ и честностью при отсутствіи лицемѣрія, чтобы такія ихъ ка-

<sup>1)</sup> Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1903 г., т. ХСІ, стр. 488.

чества сдѣлались извѣстными въ ихъ районахъ и дали возможность порядочнымъ людямъ, обывателямъ участка, обращаться къ приставу съ полной увѣренностью, что они найдутъ въ немъ и сочувствіе и помощь и совѣтъ при сознаніи, что приставъ не понесетъ по свѣту ихъ тайнъ или дѣла, не требующаго оглашенія. Такой составъ приставовъ облегчить и задачу градоначальника; при иномъ составѣ приставъ несъ вовсе непосильную обязанность для самаго дѣятельнаго человѣка.

Между тѣмъ далеко не такъ поставлено дѣло въ дѣйствительности; въ полицію зачастую, да и въ большей части случаевъ, поступаютъ люди, испытавшіе неудачу на всѣхъ иныхъ поприщахъ, и, дойдя до полного фіаско, въ отчаяніи поступаютъ на полицейскую службу, воображая, что это есть служба самая легчайшая и по силамъ каждому; очевидно, что такіе неудачники и искатели приключеній не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о функціяхъ полиціи и никогда не сдѣлаются тѣмъ, чѣмъ долженъ быть полицейскій чиновникъ, т.-е. первымъ помощникомъ и защитникомъ каждого своего обывателя въ дѣлахъ правыхъ, стараясь даже предупредить преступленія, значить, думать о своихъ обывателяхъ и указывать имъ на тѣ опасности, которыхъ они сами не замѣчаютъ.

Понятно, что люди съ яснымъ пониманіемъ всей тяжести своихъ обязанностей въ правѣ ожидать отъ общества и соотвѣтственнаго отношенія къ себѣ; мало того, только при такомъ отношеніи общества и возможно твердое и устойчивое стояніе на своемъ посту; при иномъ же отношеніи только исключительныя натуры, фанатики своихъ убѣжденій, невзирая на видимый остракизмъ, не измѣняютъ своихъ убѣжденій, пока несутъ службу, но едва ли не постараются отряхнуть прахъ отъ ногъ своихъ при первомъ удобномъ случаѣ.

Разскажу, что я испыталъ. Занятая мною квартира подъ участокъ и для себя крайне не удовлетворяла моимъ понятіямъ: паспортное отдѣленіе, куда ежедневно стекается много народа, помѣщалось въ подвалѣ; туда приходили не только дворники, но иногда и такъ называемая чистая публика: я былъ вынужденъ занять такое помѣщеніе, ежедневно терзался его неудобствами и ждалъ только весны, чтобы пріискать квартиру, болѣе соотвѣтствующую.

Но нелегко было исполнить мое желаніе по двумъ причинамъ: на квартиру для участка и для меня отпускалось 750 р. въ годъ съ отопленіемъ; домовладѣльцы сторонились отъ участковаго управленія, какъ во избѣжаніе неприятнаго и невыгоднаго для ихъ кармановъ согладатайства полиціи, такъ и во избѣжаніе шума, крика и брани, вызываемыхъ доставленіемъ въ управленіе пьяныхъ, буйствующихъ и ежедневнаго наплыва толпы дворниковъ.

Чтобы избѣгнуть перваго затрудненія, нѣкоторые пристава просили прибавки квартирныхъ денегъ, а иные прибавляли къ квартирнымъ часть своего жалованья; мнѣ же не хотѣлось прибѣгать ни

къ первому, ни ко второму средствамъ, и вотъ почему: 1) совѣстно было утруждать просьбою Трепова, такъ какъ я чувствовалъ къ нему благодарность за его отношеніе ко мнѣ, видимо одобряющее, 2) тратить жалованье, лично мнѣ предназначенное, изъ котораго я могъ сдѣлать сбереженія, столь необходимыя при такой острой и невѣрной службѣ, не совпадало съ моими воззрѣніями, и я рѣшился лично заняться присканіемъ квартиры, не вѣря сообщеніямъ подчиненныхъ о томъ, что нигдѣ квартиры нельзя разыскать.

Съ наступленіемъ весны 1873 г. я предпринялъ осмотръ всѣхъ квартиръ, отдававшихся въ наймы въ моемъ участкѣ,—проходилъ нѣсколько часовъ и къ вечеру вернулся домой усталый и физически и нравственно: хотя и попадались подходящія квартиры, но какъ только узнавали, для какой надобности, съ превеликимъ негодованіемъ прекращали всякіе разговоры: «для участка, нѣтъ, нѣтъ, ни за что не отдамъ»,—вопилъ домовладѣлецъ и въ видѣ позолоты къ такой горькой пилюль добавлялъ страха ради іудейска: «для васъ лично, г. приставъ, извольте».

Прошлялся я второй день и съ такими же результатами, попробовалъ и въ третій разъ счастья, но въ этотъ разъ окончилось тѣмъ, что, возвратясь домой, отъ частыхъ повтореній одного и того же восклицанія: «для участка, нѣтъ, нѣтъ и т. д.», принимая таковыя, какъ выраженіе полного отвращенія и гадливости къ тому учрежденію, съ которымъ связана жизнь моя,—я горько заплакалъ въ полномъ отчаяніи и не зналъ, что далѣе предпринять. По моимъ наблюденіямъ и самочувствію былъ тогда такой антагонизмъ между обществомъ и полиціей, выносить который было тяжело, несмотря на всѣ усилія Трепова поставить полицію въ положеніе, при которомъ она представляла бы собою не пугало, а нѣчто полезное, даже пріятное, но что могъ сдѣлать Треповъ, когда между его понятіями въ этомъ смыслѣ и понятіями его подчиненныхъ была непримиримая разница. Какъ ни старался Треповъ очистить Авгіевы конюшни, но, не будучи Геркулесомъ, достигнуть этого не могъ, да и самъ Геркулесъ едва ли справился бы съ этой задачей: съ одной стороны, старая закваска съ праздничными и разнаго рода приношеніями не выдыхалась между старослужащими, и они въ душѣ ненавидѣли Трепова, пресѣкшаго старую благостыню, съ другой стороны, само общество, т.-е. домовладѣльцы и разные торговцы и промышленники, не усвоившіе себѣ потребности въ легальномъ образѣ дѣйствій (не обманешь—не продашь, старый завѣтъ, вошедшій въ плоть и кровь), не содѣйствовали усиліямъ Трепова и старались задабривать полицію на случай разныхъ прорухъ въ ихъ дѣятельности и еще сильнѣе возбуждали служащихъ противъ реформатора. Относительно недружелюбія общества вообще, т.-е. класса интеллигентнаго и несвязаннаго съ полиціей матеріальными интересами, слѣдуетъ сказать, что это недружелюбіе поддерживалось тогдаш-



ней правительственной политикой, двойственной до нелогичности: что давалось одной рукой, то другой удерживалось.

Послѣ долгихъ, тщательныхъ исканій, наконецъ счастье мнѣ улыбнулось: очистилась квартира на Преображенской улицѣ въ домѣ Корибутъ-Дашкевича, и хотя по мѣстности не совсѣмъ подходящая, такъ какъ домъ находился не въ центрѣ участка, притомъ квартира была съ однимъ ходомъ и для участка и для меня, но за неимѣніемъ лучшаго нужно было помириться и съ этими неудобствами и выбраться поскорѣе изъ подвала. Хотя тѣсно, но съ чистотой и нѣкоторымъ удобствомъ размѣстился я въ новой квартирѣ; для меня лично квартира была даже очень просторна, состояла изъ 4-хъ комнатъ, а для холостого это слишкомъ, но присоединить эти комнаты къ участку было невозможно, и участокъ помѣстился въ 4-хъ же комнатахъ. Помню, когда перебрались на новую квартиру чистенькую и свѣтлую, сидя у себя въ служебномъ кабинетѣ, я испытывалъ нѣчто въ родѣ восторга отъ новой обстановки, и всякій приходившій въ управленіе не упускалъ случая высказать свое удовольствіе отъ опрятности въ контрастъ тому сумбуру, къ которому давно привыкли участковые жители.

Надо было устроиться и относительно личной моей жизни: такъ какъ я избралъ своимъ девизомъ—строжайшая экономія для сбереженій, то свои 4 комнаты, кромѣ спальни и кабинета, оставилъ безъ мебели до случая, и годъ онѣ пробыли въ такомъ видѣ, а чтобы не заводить у себя хозяйства и стряпни, что было и неудобно и повлекло бы къ нескончаемымъ препирательствамъ съ кухаркой въ ущербъ и службѣ и моему карману, я рѣшился пользоваться обѣдами въ кухмистерской за 35 коп. на углу Литейнаго и Невскаго, у нѣкоего Андреева, гдѣ обѣдала довольно чистая публика и преимущественно студенты, и кормили для тогдашняго моего возраста (32 года) весьма удовлетворительно.

Устроившись такимъ образомъ во всѣхъ отношеніяхъ, я могъ предаться службѣ безпрепятственно, что и сдѣлалъ съ большимъ удовольствіемъ. Для меня было полнымъ удовлетвореніемъ видѣть довольныя лица удаляющихся изъ участка разныхъ посѣтителей, удовлетворенныхъ въ ихъ нуждахъ безъ задержки, съ предупредительностью и лаской, какой способъ обращенія съ публикой я рекомендовалъ своимъ служащимъ и за примѣненіемъ его неукоснительно слѣдилъ.

Вначалѣ моимъ подчиненнымъ, привыкшимъ къ грубымъ приемамъ, къ равнодушію при исполненіи разныхъ требованій, полиціею же предписанныхъ, очень не нравилась моя система; они ворчали и двусмысленно улыбались, но когда убѣдились, что я не отступлю отъ своихъ правилъ, и что наконецъ указанный мною способъ ведетъ и къ спокойствію служащихъ же и къ общему удовольствію, они стали привѣтливѣе смотрѣть на меня и даже ста-

рались выказать, что они такъ поступаютъ для моего удовольствія.

Такъ прошло болѣе года послѣ моего назначенія, и я все больше и больше началъ сознавать, что могу оказаться пригоднымъ для службы и оправдаю оказанное мнѣ довѣріе. При назначеніи меня приставомъ я молилъ Бога о томъ, чтобы прослужить въ должности только годъ и не быть ни разу подъ арестомъ, такъ какъ при Треповѣ не было ни одного пристава, который не сидѣлъ бы подъ арестомъ, и если въ теченіе года я не подвергнусь общей участи, то это, по моему мнѣнію, могло означать, что я знаю свои обязанности, ну, а въ будущемъ, что Богъ дастъ, ибо служба такъ разнообразна, столько въ ней случайностей, что ошибки возможны для каждаго. И Господь благословилъ меня: хотя, безъ всякаго сомнѣнія, были ошибки и въ моей дѣятельности, однакожъ въ теченіе почти 6 лѣтъ моего приставства при Треповѣ, да и послѣ, я ни разу не былъ подъ арестомъ, а такихъ счастливецевъ изъ 38 приставовъ было только двое.

Въ 1874 году, если не ошибаюсь, пріѣхалъ въ Петербургъ австрійскій императоръ Францъ-Іосифъ, и въ числѣ другихъ чествованій былъ устроенъ для него балъ у тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстого, жившаго на Литейной, въ домѣ правительствующаго синода. Съѣздъ былъ, какъ и подобало, огромный; присутствовалъ императоръ Александръ II и вся знать; продолжался балъ до 4 часовъ ночи, но когда высочайшія особы уѣхали, а съ ними и Треповъ, я оставилъ у дома помощника своего, майора Грессера, а самъ отправился на отдыхъ, приказавъ Грессеру отнюдь не отлучаться съ мѣста, въ виду того, что балъ еще продолжался, и много высокопоставленныхъ лицъ еще пировали, въ числѣ же ихъ и бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ.

На утро, когда я былъ еще въ кровати, ко мнѣ явился околоточный надзиратель, бывшій при разѣздѣ съ бала вмѣстѣ съ Грессеромъ, и доложилъ, что Тимашевъ, разгнѣванный вчера тѣмъ, что нескоро была подана его карета, подозвалъ къ себѣ околоточнаго и велѣлъ ему явиться утромъ къ Трепову и доложить о бывшемъ безпорядкѣ при разѣздѣ.

— Гдѣ же былъ помощникъ пристава?—спросилъ я.

— Они ушли сейчасъ же послѣ васъ, я оставался одинъ,—отвѣтилъ околоточный надзиратель.

Картина, нечего сказать! Вотъ какъ смотрѣли на службу большинство полицейскихъ офицеровъ, а въ числѣ ихъ и милѣйшій Грессеръ, впослѣдствіи варшавскій оберъ-полицеймейстеръ. О времена! Воистину, «гдѣ прежде въ Капитоліи судилися цари, тамъ въ наши времена живутъ понамари».

Приходилось, исполняя приказаніе министра, отправиться вмѣстѣ съ околоточнымъ надзирателемъ Красноженовымъ къ градоначаль-

нику съ весьма пріятнымъ докладомъ, въ особенности, если принять въ соображеніе полную непріязнь Тимашева къ Трепову, чѣмъ и слѣдуетъ объяснить приказаніе перваго, отданное околоточному о докладѣ Трепову о томъ, что г. министру нескоро подали карету для отъѣзда съ бала; при этомъ нельзя не обратить вниманія на то, что министръ, глава того вѣдомства, въ которомъ состоялъ на службѣ околоточный, подавалъ послѣднему примѣръ полнѣйшаго непониманія служебной градаціи своего же вѣдомства, или же тотъ же министръ предъ низшимъ полицейскимъ чиномъ дискредитировалъ его высшаго начальника Трепова: что моля тамъ за церемоніи прежде приставу докладывать, а потомъ уже градоначальнику; для меня де, для министра, вашъ Треповъ ровно ничего не значитъ, потому-то и было отдано такое приказаніе.

Доложили Трепову о появленіи моемъ, позвалъ къ себѣ.—«Что скажете?»—обыкновенный его вопросъ.—«Такъ и такъ, ваше превосходительство, во время пребыванія высочайшихъ особъ, я дежурилъ у подѣзда, что вы сами изволили видѣть, но, когда высочайшія особы уѣхали, я отправился домой, а отдохнувшему помощнику моему приказалъ ожидать конца разѣзда, но онъ ушелъ, и министру не вдругъ была подана карета»...—«Хорошо, хорошо, будете на гауптвахтѣ сидѣть, ступайте»,—закончилъ генераль, и я ушелъ, озадаченный, но не допускавшій возможности наказанія за вину другого.

Такъ и сбылось.

На другой день въ приказѣ было объявлено, что помощникъ мой арестовывается на 7 дней за нерадѣніе по службѣ, и подѣломъ.

Этотъ же милый помощникъ вскорѣ продѣлалъ со мною слѣдующую шутку: назначенный ко мнѣ вмѣсто невозможнаго Катарскаго, майоръ Грессеръ, бывший офицеръ л.-гв. Егерскаго полка, знакомый съ приличіями, показался мнѣ кладомъ послѣ стараго полицейскаго крючка и началъ прекрасно являться на службу въ участокъ, гдѣ, хотя дѣла не дѣлалъ, но и отъ дѣла не бѣгалъ: сидѣлъ и подписывалъ прописочные паспорта и адресные листки, составлялъ протоколы, и такъ тянулось мѣсяца три, а потомъ сталъ появляться въ участкѣ въ 11 часовъ утра, такъ сказать, къ шапочному разбору; я замѣтилъ Грессеру разъ, другой, а въ третій разъ предупредилъ, что если и затѣмъ онъ не измѣнитъ своего новаго обычая, то доложу полицеймейстеру, такъ какъ я не въ силахъ справляться и за себя и за него.

Мое предупрежденіе не возымѣло никакого дѣйствія на Грессера, и когда вскорѣ затѣмъ полицеймейстеръ Дворжицкій, вѣроятно, по приказанію Трепова, спросилъ меня о службѣ Грессера, я съ откровенностью сказалъ, что онъ старался, но не выдержалъ; вѣроятно, слишкомъ долго не можетъ выносить напряженнаго состоянія и дѣйствуетъ въ чайніи назначенія на должность пристава, но видя,

что назначеніе замедляется, по его понятію, сталъ поздно являться на службу, а на замѣчанія мои вниманія не обращаетъ.

Дня черезъ три послѣ разговора моего съ Дворжицкимъ, въ 11 часовъ утра, въ скюртукѣ, но при эполетахъ, явился прямо въ мой кабинетъ г. Грессеръ и, какъ бы вовсе не признавая за собою обязанностей по участку, радостный и сіяющій, сказалъ мнѣ, что ѣдетъ къ своему дядѣ—генералу Унковскому, что тотъ прислалъ за нимъ, и, вѣроятно, сказалъ Грессеръ, будетъ что нибудь приятное, т.-е. надо было подразумѣвать скорое назначеніе его приставомъ. Въ виду столь радужныхъ ожиданій своего помощника я сдержался, чтобы не упрекнуть его въ систематической лѣности, и радъ былъ бы его назначенію, хотя бы на должность министра, лишь бы лишиться такой отрицательной помощи по службѣ. Затѣмъ Грессеръ отправился къ своему дядѣ.

Вотъ еще язва—эти дяди, тетки и прочіе проводники разныхъ лѣнтяевъ, межеумковъ и прожигателей жизни; сколько бы эти послѣдніе ни натворили каверзъ въ расчетѣ на протекціи,—все имъ забудется, и непременно выплывутъ они изъ всякой пучины и пройдутъ сухими и чистыми впереди труженниковъ, повинныхъ лишь въ томъ, что лишены заступничества, да не только заступничества, но и просто возможности добиться вниманія къ ихъ труду и качествамъ. Въ такомъ положеніи относительно этихъ высокопоставленныхъ родственниковъ находился Треповъ: не исполнить просьбы какого нибудь сановника о предоставленіи родственнику его возможно лучшей должности означало пріобрѣсти себѣ если не врага, то недоброжелателя, всегда готоваго подставить ножку при случаѣ, и такъ какъ сановниковъ бываетъ всегда много, а неудачниковъ-родственниковъ, чающихъ движенія воды, у каждаго сановника тоже немало, и помѣстить всѣхъ ихъ на службу было невозможно, то отсюда слѣдуетъ заключить только въ этомъ направленіи, какаѣ сила недоброжелателей была у Трепова!..

Не прошло послѣ разговора моего съ Грессеромъ и двухъ часовъ, какъ явился онъ не только отуманеннымъ, но злобнымъ, и, войдя въ кабинетъ, сказалъ:

— Хорошо же, *Ө. Ф.*, я думалъ, зачѣмъ меня зоветъ дядя, а оказалось, что Треповъ сказалъ ему, что я лѣнюсь, не занимаюсь дѣломъ; это, значитъ, вы сказали? Хорошо же!

Грозно прикрикнулъ я въ отвѣтъ на угрозу и приказалъ Грессеру удалиться и заниматься своимъ дѣломъ, а не рассказами о визитахъ къ своему дядюшкѣ, и въ душѣ его зародилась жажда мести.

Спустя немного времени, пригласилъ меня къ себѣ Дворжицкій и смѣясь показалъ мнѣ доносъ, за подписью Грессера, въ которомъ онъ обвинялъ меня по 3-мъ пунктамъ: 1) что околоточные надзиратели покупаютъ бумагу для своей служебной переписки;

2) что въ литографіи Лифшица, на Невскомъ, д. № 84, сдѣлали мнѣ бесплатно сотню визитныхъ карточекъ, и 3) что онъ, Грессеръ, составлялъ какой-то протоколъ о жидакъ и золотѣ, и протоколъ этотъ я порвалъ, не передавъ его судебной власти.

Разумѣется, что этотъ доносъ, будучи основанъ на вздорѣ, вмѣсто того, чтобы очернить меня въ глазахъ Трепова, послужилъ къ самой лучшей моей аттестаціи, такъ какъ нужно допустить, что если помощникъ пристава рѣшается писать доносъ, то онъ собралъ уже неотразимые факты и притомъ самаго компрометирующаго свойства, а если эти факты чужь, значитъ, приставъ безупреченъ.

И оказалось: 1) покупать бумагу для служебной переписки околоточнымъ приставамъ не обязанъ, 2) за визитныя карточки я уплатилъ деньги и по счастливой случайности не самъ лично, а черезъ второе лицо, 3) я много рвалъ глупыхъ протоколовъ Грессера и, можетъ быть, въ числѣ ихъ порвалъ протоколъ и о золотѣ, но если этотъ протоколъ, вопреки ожиданія, былъ нужный, то никто не мѣшаетъ Грессеру указать точно самое дѣло и лицъ, къ нему причастныхъ, а безъ этого указанія и самый пунктъ доноса получалъ значеніе балагурства. Такимъ образомъ, всѣ потуги Грессера кончились пустымъ выстрѣломъ.

Дворжицкій и безъ моего объясненія съ насмѣшкою относился къ доносу Грессера и объясненія моего не хотѣлъ слушать, но я настоялъ на своемъ и въ заключеніе просилъ доложить Трепову, что если послѣ случившагося Грессеръ будетъ оставленъ у меня, то я подамъ объ отчисленіи отъ должности, а вмѣстѣ съ тѣмъ присоединилъ свое ходатайство, чтобы, если послѣдуетъ рѣшеніе объ увольненіи Грессера, то отвратить отъ него чашу сію, ибо онъ, какъ обыкновенно водится, не сознавая своей вины, будетъ приписывать мнѣ свое паденіе, а при этомъ, кромѣ сего, потерпитъ ни въ чемъ не повинное семейство его, и потому, по мнѣнію моему, лучшимъ исходомъ дѣла было бы перевести Грессера въ другой участокъ.

На другой день состоялся приказъ о переводѣ моего помощника на ту же должность въ 4-й участокъ Московской части къ приставу, полковнику Ѳедорову, человѣку честному и правдивому, отличному служацкѣ; вытребовавъ его къ себѣ, Треповъ отдалъ ему слѣдующее приказаніе о Грессерѣ: «дальше порога не пускать его, — от- рапортовалъ о благополучіи и вонъ».

Впослѣдствіи Дворжицкій мнѣ разсказалъ, что на докладъ его о доносѣ Треповъ выразился такъ обо мнѣ: «самъ виноватъ, самъ виноватъ, приблизилъ къ себѣ эту дрянъ, вотъ и получилъ». Далѣе продолжалъ: «карточки, карточки, ну, если ему и даромъ сдѣлали карточки—значитъ, онъ того стоитъ; ему-то какое дѣло?»

Такъ отрекомендовалъ меня мой злѣйшій врагъ моему строгому и умному начальнику, но что касается доносовъ на меня, то этимъ дѣло еще не кончилось.

Нѣсколько времени спустя, прикомандировали ко мнѣ нѣкоего подпоручика Шидловскаго, побывавшаго уже при многихъ участкахъ и отовсюду сплавленнаго съ самыми лучшими рекомендаціями, лишь бы избавиться отъ прекраснаго офицера.

Проходитъ два дня послѣ приказа, а Шидловскій ко мнѣ не является; между тѣмъ, приходитъ ко мнѣ изъ сосѣдняго трактира буфетчикъ съ жалобой, что въ трактиръ второй день является офицеръ, обѣдаетъ и не платитъ за обѣдъ денегъ, а когда буфетчикъ спросилъ у офицера деньги, то онъ обругалъ его, сказавъ: «дуракъ этакій; когда я служилъ въ Кіевѣ, то за честь считали, когда я приходилъ куда обѣдать». — «Какъ вамъ угодно, господинъ, а мы изъ-за чести не кормимъ, пожалуйста деньги», — возразилъ буфетчикъ, но офицеръ ушелъ, буфетчикъ же, узнавъ, что офицеръ этотъ состоялъ прикомандированнымъ къ моему участку, обратился съ жалобой. Распорядившись пригласить къ себѣ Шидловскаго, я, не дождавшись его въ тотъ день вечеромъ, получилъ вторую жалобу на него: пришла хозяйка веселаго дома и жаловалась, что гость Шидловскій угощался у подвластныхъ ей прелестницъ, а денегъ не уплатилъ. Я вторично послалъ за Шидловскимъ, и въ 10 ч. вечера онъ наконецъ явился въ очень храбромъ настроеніи, и на вопросъ мой, почему онъ до сихъ поръ не является на службу и позволяетъ себѣ бывать въ разныхъ заведеніяхъ и не платитъ тамъ денегъ за потребляемое имъ, Шидловскій, очевидно, не зная моихъ воззрѣній и желая заявить о своемъ польскомъ происхожденіи, отвѣтилъ мнѣ по-польски, что онъ, Шидловскій, человекъ, «rozładny», т.-е. порядочный.

— Не знаю, — сказалъ я ему, — поржѣнный ли вы или не поржѣнный, но прошу васъ прежде всего разсчитаться съ сдѣланными долгами въ моемъ участкѣ, а потомъ пожаловать на службу и на ней зарекомендовать себя.

На службу Шидловскій не пришелъ и былъ уволенъ изъ полиціи, вѣроятно, по рапорту, поданному имъ помимо меня, а нѣсколько времени спустя, бывший тогда начальникъ сыскной полиціи, Путилинъ, встрѣтясь со мною въ управленіи градоначальства, сообщилъ мнѣ, что Шидловскій за своею подписью подалъ Трепову доносъ на меня въ томъ, что я запоемъ играю въ карты и проигрываю въ вечеръ по 600 р. Доносъ этотъ былъ переданъ Путилину; онъ, какъ настоящій сыскной начальникъ, хорошо зналъ жизнь и обычаи каждаго пристава. Треповъ, передавая ему доносъ, сказалъ:

— На-те, вотъ прочтите, въ карты началъ играть.

Путилинъ на это отвѣтилъ:

— Да, онъ, ваше пр-ство, и играть-то не умѣетъ, и гостей у него не бываетъ, и самъ въ гости не ходитъ, да и некогда ему, постоянно занятъ дѣломъ.

— Вотъ, мерзавецъ,—заклучилъ Треповъ и больше не поручалъ разслѣдовать доносовъ на меня, а присылалъ ихъ ко мнѣ въ конвертахъ съ разными резолюціями, какъ комментаріями къ тексту ихъ, но отвѣтовъ по доносамъ не требовалъ; нѣкоторые изъ такихъ доносовъ хранятся и понынѣ у меня, какъ память о необычномъ довѣріи къ правдивости моихъ дѣйствій. Не судилъ Господь побольше послужить съ этимъ умнымъ человѣкомъ!

Прошло уже четыре года моей службы въ полиціи, но еще ни разу не случилось мнѣ имѣть дѣло съ такъ называемыми политически-неблагонадежными; только одна встрѣча съ Луканинымъ въ I уч. Рождественской части дала мнѣ понять, что есть какое-то броженіе, выразительныхъ же явленій не пришлось наблюдать, развѣ косвенно можно было заключить изъ той брезгливости, какую я замѣчалъ со стороны домовладѣльцевъ во время моихъ поисковъ за квартирой, но я былъ въ такомъ тревожномъ настроеніи...

Во время описаннаго бала, вѣрнѣе, непріятности по случаю бала у графа Толстого, когда я стоялъ у подъѣзда его дома въ ожиданіи прибытія высочайшихъ гостей, будучи одѣтъ въ мундиръ съ эполетами, мимо меня проходилъ какой-то видимо интеллигентный, пожилыхъ лѣтъ человѣкъ, правда, замѣтно, навеселѣ и, останавливаясь напротивъ меня лицомъ къ лицу, выразительно и съ чувствомъ произнесъ:

— Ну, и нѣтъ же стыда у васъ, майоръ, стоять въ мундирѣ у подъѣзда, точно лакей!

Пораженный такой неожиданностью, я отвѣтилъ что-то въ такомъ родѣ, что ожидаю моихъ двухъ государей, и что всякій занимается своимъ дѣломъ, и что то занятіе, которому вы, молъ, видимо предавались, указываетъ намъ скорѣйшій путь къ дому для отдыха, послѣ де котораго вы и поразмыслите о томъ, что сейчасъ сказали.

Мудрецъ, ни слова не возразивъ, быстро удалился, а бывший тутъ околоточный на вопросъ мой, не знаетъ ли онъ этого человѣка,—сказалъ: «этотъ у насъ въ участкѣ живетъ, нотаріусъ Брылкинъ, извѣстный ненавистникъ полиціи». Околоточный былъ изъ дворянъ и вполне развитой, весьма порядочный человѣкъ, нѣкто Меницкій (впослѣдствіи помощникъ пристава, вышедшій въ отставку). Между прочимъ, этотъ Меницкій по просьбѣ, поданной по своему желанію объ увольненіи его, на вопросъ градоначальника фонъ-Валя, «что его побуждаетъ оставить службу», отвѣтилъ: «такъ служить, какъ слѣдуетъ, я не могу, здоровье уже не позволяетъ, а служить кой-какъ тоже не могу и потому, рѣшилъ оставить службу, хотя пенсія много меньше жалованья и стѣс-

нить меня». Узнавъ о такомъ отвѣтѣ Меницкаго, и расцѣловаль его и пожелалъ побольше такихъ чиновниковъ государству.

Такъ вотъ этотъ Брылкинъ навелъ меня на размышленія о томъ, что среди общества и въ образованныхъ кругахъ его творится неладное; если Брылкинъ, хотя и навеселѣ, дозволилъ себѣ въ упоръ сказать подобную фразу, хорошо зная о причинѣ моего торчанія у подѣзда, значитъ, эта фраза вылилась изъ думъ его, какъ естественный процессъ, и онъ не обладалъ уже возможностью воздерживаться отъ выраженія этихъ думъ.

Но, какъ я впоследствии узналъ, Треповъ умѣлъ вести дѣло съ недовольными элементами и по своей системѣ не придавалъ слишкомъ большого значенія разнымъ разговорамъ, хорошо зная, какъ практикъ, что отъ словъ до дѣла еще далеко, и вотъ за этимъ-то пространствомъ онъ слѣдилъ строго, тайно, не разжигая страстей, а стараясь тушить вспышки. Конечно, не во власти градоначальника повернуть умы въ желаемомъ направленіи, этого можетъ добиться только цѣлая правительственная система.

Зимой 1874 года, неизвѣстный мнѣ офицеръ лейбъ-гвардіи Коннаго полка днемъ объѣзжалъ свою лошадь по Преображенской улицѣ, и лошадь, испугавшись чего-то, понесла, выбросила сѣдока въ снѣгъ, при чемъ съ офицера слетѣла фуражка. Видѣвшій этотъ случай хозяинъ табачной лавки, въ халатѣ, пьяный, громко сказалъ: «Какой дуракъ налѣпилъ тебѣ кокарду на шапку?» Офицеръ сдѣлалъ видъ, что не слышалъ фразы лавочника и, усѣвшись въ сани, хотѣлъ продолжать путь на задержанной кѣмъ-то вскорѣ лошади; но случился въ томъ мѣстѣ какой-то чиновникъ и, остановивъ офицера, сказалъ ему: «нѣтъ, г. офицеръ, я не могу оставить такой дерзости лавочника, вы слышали, что онъ сказалъ?»—«А что?»—Чиновникъ повторилъ фразу и добавивъ, что здѣсь оскорбленъ государь, сталъ требовать и офицера и лавочника въ управленіе участка для составленія протокола. Дѣлать было нечего, офицеръ повиновался и, войдя въ мой кабинетъ (двери кабинета по приказанію Трепова въ часы, когда въ участкѣ происходили занятія, должны были находиться постоянно открытыми въ томъ соображеніи, чтобы дать доступъ къ приставу всякому имѣющему въ томъ надобность; до Трепова же, да и при немъ, въ особенности послѣ него, нѣкоторые пристава не исполняли этого распоряженія въ желаніи усилить свое значеніе недоступностью), рассказалъ все случившееся, прося моего совѣта, какъ поступить, и нельзя ли обойтись безъ протокола, такъ какъ неловко ему будетъ участвовать въ столь экстраординарномъ дѣлѣ. Я объяснилъ офицеру, что при настойчивости чиновника и вообще при томъ значеніи, какое онъ придалъ пьяному бреду лавочника, составленіе протокола необходимо, и протоколъ этотъ я обязанъ представить градоначальнику, онъ же воленъ сдѣлать съ протоколомъ, что ему угодно. И вотъ



въ силу этого, когда протоколъ мною былъ посланъ градоначальнику, я рекомендовалъ офицеру отправиться къ Трепову или къ командиру полка и рассказать исторію, при чемъ я добавилъ, что дальнѣйшее будетъ уже зависѣть отъ усмотрѣнія градоначальника, и, вѣроятно, протоколъ будетъ преданъ забвенію.

Такъ и сдѣлалъ офицеръ, а вечеромъ Треповъ прислалъ ко мнѣ дежурнаго при немъ офицера съ приказомъ, чтобы я привезъ протоколъ. Когда я вошелъ въ кабинетъ, Треповъ спросилъ меня: «ну, что тамъ было?» Я началъ рассказъ, и когда дошелъ до того мѣста, какъ офицеръ, поднявъ фуражку, хотѣлъ уххатъ, но подоспѣлъ благородный свидѣтель, отставной коллежскій совѣтникъ, живущій на Пескахъ, Треповъ прервалъ меня (онъ всегда или въ большей части случаевъ постановлялъ свое рѣшеніе съ половины, а то и въ началѣ докладовъ) словами: «Ну, ну, благородный свидѣтель... Къ Колышкину его, этого благороднаго свидѣтеля, и протоколъ ему отдайте, а теперь отправьтесь къ командиру полка и доложите ему, что дѣло будетъ прекращено; можетъ успокоиться, а то онъ очень волнуется». Такъ я и сдѣлалъ: нашелъ командира въ Маріинскомъ театрѣ, доложилъ приказаніе Трепова и получилъ живѣйшую благодарность, протоколъ передалъ Колышкину, что же слѣдовало ему дѣлать съ протоколомъ, онъ уже зналъ изъ извѣстныхъ ему, вѣроятно, указаній и воззрѣній его начальника.

## Х.

При Треповѣ начальникъ такъ называемаго секретнаго отдѣленія канцеляріи его, вѣдавшаго политическія дѣла, назначался по личному усмотрѣнію градоначальника, и такимъ начальникомъ былъ Колышкинъ.

Онъ слѣдующимъ образомъ распорядился съ благороднымъ свидѣтелемъ, отставнымъ коллежскимъ совѣтникомъ. Когда по вызову Колышкина явился въ отдѣленіе коллежскій совѣтникъ, чаявшій, вѣроятно, большихъ авансовъ за свои вѣрнопопданническія чувства, ему сказали, что генераль (Колышкинъ былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ) занятъ и проситъ обождать; ждетъ совѣтникъ отъ 9-ти часовъ утра до 5-ти часовъ вечера, когда служащіе уже выходили изъ отдѣленія, и напоминаетъ о себѣ, ему отвѣчаютъ, что генераль никакъ не можетъ его видѣть и проситъ обождать. Являются и на вечернія занятія, но генералу все некогда, а между тѣмъ совѣтнику пить и ѣсть захотѣлось; ему принесли за его деньги и обѣдъ и чай, но генераль ушелъ по экстренному дѣлу и до другого дня не вернется, а обождать его проситъ. На другой день та же процедура до 5-ти часовъ вечера, когда вновь окончились занятія, и передъ уходомъ домой генераль, очень внушительнаго вида мужчина,—мнѣ онъ всегда напоминалъ

портретъ Мартина Лютера,—пригласилъ въ свой кабинетъ совѣтника и сказалъ ему приблизительно слѣдующее: «извините, вы видите, какъ мы заняты; вамъ больше сутокъ пришлось ждать свиданія со мною, а имѣю я сказать вамъ только нѣсколько словъ. Градоначальникъ рекомендуетъ вамъ заниматься тѣми дѣлами, которыя до васъ касаются, если же никакого дѣла не имѣете, то прищтите занятія и не отнимайте времени у тѣхъ, кто занятъ службой и дѣлами болѣе серьезными, чѣмъ подслушиваніе на улицахъ разной пьяной болтовни».

На удивленіе и возраженія совѣтника Колышкинъ отвѣтилъ, что больше ничего сказать не имѣетъ, просилъ его удалиться и не забывать совѣта, ему преподаннаго градоначальникомъ. Можно полагать, что совѣтникъ не являлся больше свидѣтелемъ въ чаяніи великихъ и богатыхъ милостей за то дѣяніе или за тѣ чувства, которыя должны быть присущи всякому честному гражданину, и уразумѣлъ, что заповѣдь: «не приѣми имене Господа Бога твоего всуе», можетъ быть приложена и къ понятіямъ, болѣе къ намъ близкимъ; поощрять же показную приверженность не только не полезно, но и вредно.

Такъ поступать, такъ думать въ этомъ направленіи могъ только такой человѣкъ, какъ Треповъ, свободный отъ всякаго подозрѣнія въ хладнокровіи къ монарху, и это первое условіе въ человѣкѣ, занимающемъ такой постъ: полное довѣріе съ одной стороны и ни тѣни лицемерія съ другой; полная беззаветная преданность безъ расчета на благодарность; не чувствующій же за собою этихъ необходимыхъ условій не долженъ, не можетъ и не смѣетъ принимать должности.

Въ 1875 г., если не ошибаюсь, въ Петербургъ пріѣхалъ шахъ персидскій, встрѣча ему была приготовлена торжественная, погода стояла чудесная; народа высыпало на Невскій, вплоть до Николаевского вокзала, превеликое множество. Государь въ то время жилъ въ Царскомъ Селѣ, откуда и имѣлъ прибыть для встрѣчи своего гостя. Было 4-е апрѣля, день покушенія Каракозова, и въ этотъ день покойный монархъ имѣлъ обыкновеніе посѣщать Павловскій институтъ на Знаменской улицѣ, потому что начальница этого института, баронесса Розенъ, въ день покушенія первая пришла поздравить государя съ избавленіемъ отъ опасности.

Несмѣтная толпа ожидала прибытія государя на вокзалъ отъ Николаевской улицы, и въ промежуткѣ отъ Николаевской до вокзала была сильная давка, тѣмъ болѣе что къ вокзалу допускали только извѣстныхъ лицъ, во избѣжаніе все тѣхъ же покушеній, сдѣлавшихся истиннымъ кошмаромъ и для полиціи и для всѣхъ. Мнѣ, какъ мѣстному приставу, былъ назначенъ пунктъ отъ Знаменской улицы и Лиговки до вокзала, на мнѣ же лежала обязанность не пропускать черезъ Лиговку отъ Знаменской тѣхъ, кто не

имѣлъ права быть въ вокзалѣ, что я неукоснительно и исполнялъ, претерпѣвая за это дерзости отъ разныхъ лицъ, не признающихъ никакихъ ограниченій для себя и во имя чего бы то ни было.

Помню, не дозволили пройти на Лиговку какому-то офицеру съ денщикомъ, какъ онъ называлъ своего спутника; офицеръ былъ въ шинели, и потому нельзя было опредѣлить его чина и рода службы; самъ же онъ назвалъ себя флигель-адъютантомъ, барономъ Корфомъ, тогда я дозволилъ ему итти къ вокзалу, а денщика остановилъ; флигель-адъютантъ разгорячился, наговорилъ мнѣ рѣзкостей и, пригрозивъ жалобой министру двора, пошелъ безъ денщика. Главный мотивъ для пропуска денщика у барона былъ тотъ, что некому будетъ поддержать его шинель, и больше всего онъ возмущился моимъ отвѣтомъ: сами поддержите.

Послѣ окончанія съ претензіей барона, помню, обратился съ просьбой о пропускѣ къ вокзалу какой-то старичекъ, весьма неважно одѣтый, говоря: «мнѣ бы только государя повидать, вѣдь онъ меня знаетъ». Усомнился я въ такой увѣренности старика, судя по виѣшнему его виду, и былъ въ затрудненіи, какъ поступить, какъ онъ помогъ мнѣ выйти изъ затрудненія и попросилъ дозволенія оставаться вблизи меня, подъ моей, такъ сказать, охраной, на что я охотно согласился.

Вскорѣ крики «ура» и волненіе въ толпѣ возвѣстили, что государь выѣхалъ съ Николаевской улицы на Невскій проспектъ, и я напрягъ все свое вниманіе за тѣмъ, чтобы былъ свободный путь по Невскому черезъ Лиговку, какъ, подѣхавъ къ углу Знаменской, коляска государя стала поворачивать на Знаменскую улицу, и по движенію головы кучера я догадался, что государь приказалъ заѣхать въ Павловскій институтъ до встрѣчи шаха, а такъ какъ проѣздъ съ Знаменской на Невскій былъ занятъ сплошной массой зрителей, и могла послѣдовать остановка, то сердце мое дрогнуло, но все обошлось благополучно, и въ одинъ моментъ, безъ малѣйшей задержки экипажа, путь былъ очищенъ. Когда государь проѣзжалъ мимо меня и увидѣлъ того старика, то произнесъ: «здорово, Загрянскій! какъ поживаешь?» Послышался отвѣтъ: «Благодарю, ваше величество, вашими милостями». И этотъ привѣтъ и отвѣтъ раздались въ моихъ ушахъ на походѣ, такъ сказать, ибо я обязанъ былъ торопиться, чтобы встрѣтить государя у института, и оставилъ на углу Невскаго и Знаменской истое взбаламученное, море, которое нужно было удерживать въ берегахъ до обратнаго проѣзда государя, что возлагалось на полицейскихъ офицеровъ и городовыхъ, бывшихъ въ моемъ распоряженіи.

Едва отбылъ государь на вокзалъ послѣ посѣщенія института, какъ старикъ Загрянскій подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «тутъ безъ васъ былъ страшный беспорядокъ, и жандармскій офицеръ всѣхъ возбудилъ своей рѣзкостью». Только что кончилъ свою рѣчь За-

грянскій, какъ подѣхалъ ко мнѣ какой-то жандармскій поручикъ и, не прикладывая руку къ козырьку, какъ бы то слѣдовало, весьма развязно сказалъ мнѣ: «тутъ, майоръ (тогда еще былъ этотъ чинъ, и въ ономъ я состоялъ), у васъ страшный беспорядокъ». Сказалъ это онъ мнѣ громко—было слышно всей толпѣ, и сказано было такимъ тономъ, какъ бы этотъ поручикъ указывалъ мнѣ на мою обязанность. Чтобы моментально и понятно для всѣхъ разграничить наши сферы, я громко приказалъ поручику: «руку подъ козырекъ, поручикъ, когда говорите со старшимъ себя»,—онъ повиновался, — «теперь продолжайте, что вы хотѣли доложить мнѣ». — Поручикъ смутился, что-то пролепеталъ и отѣхалъ къ вокзалу, а вслѣдъ за тѣмъ подошелъ ко мнѣ Загрянскій и сказалъ слѣдующее: «скажу вамъ, майоръ, какъ живу, никогда не видалъ такого поведенія полицейскаго офицера съ жандармскимъ, какъ вы проявили сейчасъ; они всегда разыгрываютъ роль начальниковъ надъ полицейскими, и вы ему указали надлежащее его мѣсто; если бы онъ вздумалъ пожаловаться на васъ, прошу выставить меня свидѣтелемъ; я дѣйствительный статскій совѣтникъ Загрянскій; впрочемъ я сегодня буду видѣть Ф. Ф. Трепова и все ему расскажу».

Пока Загрянскій излагалъ мнѣ свои мысли, отъ вокзала показался неизвѣстный мнѣ тогда по фамиліи жандармскій поручикъ съ жандармскимъ же майоромъ, и этотъ послѣдній вблизи меня повернулъ лошадь бокомъ и, направляя ее вдоль панели, началъ осаживать публику назадъ къ домамъ, повторяя: «осадите, осадите».

Такъ какъ этотъ майоръ продѣлывалъ свою эволюцію въ укоръ мнѣ, видимо игнорируя меня и желая возстановить престижъ своего поручика, очевидно пожаловавшагося на меня, то я въ то время, когда майоръ, проѣзжая мимо меня и не замѣчая меня, повторялъ свое «осадите», видимо волнуя публику и нарушая порядокъ,—громко спросилъ его: «Майоръ, что вы дѣлаете?»—«Я публику осаживаю»,—отвѣтилъ мнѣ непрошенный инспекторъ и въ то же время, слегка галантно нагнувшись въ мою сторону, добавилъ: «мы должны поддерживать другъ друга!»—«Я глупостей не чтецъ, а паче образцовыхъ»,—сказалъ я майору,—и прошу васъ уѣхать отсюда и не нарушать мнѣ порядка; ваша обязанность за каретами наблюдать, а не за пѣшей публикой, когда васъ о томъ полиція не проситъ; прошу тотчасъ уѣхать отсюда»,—повторилъ я.

Требованіе мое было настолько рѣшительно и выразительно, что и майоръ и поручикъ загарцовали къ вокзалу, и дальнѣйшее ожиданіе, какъ и прибытіе шаха, прошли безъ приключеній.

Въ результатѣ пріѣздъ шаха далъ мнѣ двѣ непріятности: жалобу, обѣщанную Корфомъ, и, вѣроятно, хотя не обѣщанную, жалобу жандармскихъ офицеровъ. Сколько приходилось выносить непріятностей!

Не успѣлъ я возвратиться въ участокъ послѣ прїѣзда, какъ въ моемъ кабинетѣ появился баронъ Корфъ. «Я къ вамъ, майоръ»,— началъ онъ.—«Вижу-съ; что прикажете?»—«Согласитесь, что вы были виноваты»,—продолжалъ баронъ.—«Нѣтъ, если бы я былъ не правъ, то созналъ бы это, но такъ какъ я дѣйствовальна основаніи строжайше отданнаго мнѣ приказанія, то вины за собою не признаю».—«Однако вы извинитесь предо мною».—«Никогда, ваше предположеніе совершенно неосуществимо».—«Тогда,—продолжалъ баронъ,— не будемъ въ претензіи другъ на друга».—«Съ наслажденіемъ»,— отвѣтилъ я и протянулъ руку благородному тевтону.

Визитъ этотъ произвелъ на меня отрадное впечатлѣніе, какъ потому, что я считалъ себя удовлетвореннымъ, такъ и потому, что баронъ Корфъ своимъ поступкомъ выказалъ благородство своей натуры; встрѣча съ благородными и честными людьми приводитъ меня въ восторженное состояніе. Надо полагать, что если бы баронъ Корфъ обратился къ министру двора съ жалобой, да еще приукрасилъ бы свою жалобу, мнѣ непріятности не миновать бы; но онъ нашелъ иной исходъ дѣла и сдѣлался мнѣ пріятнѣйшимъ человѣкомъ, всякій разъ, какъ послѣ этого случая я встрѣчался съ нимъ.

Между тѣмъ, поручикъ жандармскій К. подалъ рапортъ командиру жандармскаго дивизіона, полковнику Федорову (впослѣдствіи с.-петербургскому градоначальнику), о томъ, что я своимъ обращеніемъ съ нимъ, поручикомъ (майоръ, стало быть, уклонился и спрятался за поручика, хотя, если уже онъ пробовалъ реабилитировать его, надлежало бы и ему жалобу принести),—нарушилъ тотъ престижъ, которымъ, по словамъ его, обязанъ пользоваться жандармскій офицеръ у публики.

Бывшій помощникъ Трепова, генералъ А. А. Козловъ, получивъ отъ Трепова рапортъ поручика для дознанія, пригласилъ меня телеграммой и распросивъ, въ чемъ было дѣло, приказалъ изложить мое объясненіе письменно, что я и исполнилъ полностью, между прочимъ указавъ въ объясненіи, что если поручикъ К. рассчитываетъ на престижъ у публики, какъ жандармскій офицеръ, то насколько же больше имѣлъ права я, какъ мѣстный полицейскій приставъ, рассчитывать на престижъ у своихъ обывателей, а между тѣмъ поручикъ дерзнулъ было умалить мое значеніе, придавъ своему обращенію со мною въ глазахъ толпы покровительственный тонъ, на что тотчасъ же и получилъ отъ меня репримандъ, какъ отъ старшаго въ чинѣ, слѣдовательно не я, а онъ намѣревался подорвать въ тотъ моментъ свой престижъ у толпы, которая не знаетъ его лично и готова встрѣчать его съ той степенью аттестаціи къ нему, какую онъ самъ себѣ уготовитъ своимъ поведеніемъ.

Поручикъ К. въ рапортѣ своемъ требовалъ суда, но Ф. Ф. Треповъ (самъ бывший командиръ бывшего жандармскаго Кіевскаго полка), разсмотрѣвъ дознаніе, положилъ резолюцію: «майору Крачаку за то, что не обратилъ вниманія на заявленіе жандармскаго офицера, объявить выговоръ въ приказѣ». Резолюція была исполнена, и я выговоръ этотъ принялъ за торжество, ибо не на то считывали К. и его начальникъ, когда пускали рапортъ по начальству.

Вотъ какъ дорого обходятся полицейскіе наряды при болѣе или менѣе выдающихся случаяхъ! Рѣдкій нарядъ проходилъ безъ того, чтобы не пришлось сталкиваться съ различными капризами и самолюбіями, а такъ какъ публично нельзя было признать торжества капризовъ, то и приходилось состязаться, волноваться, а нерѣдко и рисковать даже службою, такъ какъ по моимъ понятіямъ для офицера, подвергнутаго аресту за неумѣстныя дѣйствія, въ особенности если офицеръ въ высшемъ рангѣ, дальнѣйшая служба будетъ печальная: подчиненные въ нарядахъ потеряютъ довѣріе къ мѣткости его взглядовъ, и всякое приказаніе его будутъ исполнять съ оглядкой, если можно такъ сказать, а это къ добру не поведетъ.

Въ томъ же году осенью, вечеромъ, когда въ управленіи уже занимались, слышенъ былъ скрипъ перьевъ, до того царила тишина въ участкѣ, неожиданно предсталъ предо мною неизвѣстный мнѣ, замѣтно пьяный, человекъ съ вопросомъ:

- Скажите, г. приставъ, скоро у насъ будетъ вода?
- Какая вода?
- Да водопроводъ, значить.
- Кто вы такой?
- Холмогоровъ.
- Кто же вы?
- Да развѣ вы не знаете?
- Не знаю.
- Я трактирщикъ Холмогоровъ.
- Гдѣ ваше заведеніе?
- На Малой Итальянскій.
- О какой водѣ вы говорите?

Оказалось, по безтолковому разсказу пьянаго трактирщика, что въ домѣ, гдѣ его трактиръ, испортился водопроводъ, и хозяинъ дома долго не исправлялъ порчи; вотъ Холмогоровъ, выпивъ по обыкновенію больше, чѣмъ слѣдуетъ, задумалъ покуражиться и отправился съ жалобой къ приставу, хотъ въ томъ и надобности не было, ибо, какъ оказалось, въ тотъ же вечеръ водопроводъ былъ исправленъ. Видя, что человекъ бахвалится, я предложилъ ему уходить домой.

— А если я не пойду?

— Тогда я прикажу васъ вывести.

— А вы попробуйте,—тянулъ трактирщикъ, и разговаривая съ нимъ, я все же сумѣлъ незамѣтно вытѣснить его изъ своего кабинета, поручивъ письмоводителю уговорить пьянаго итти домой, но успѣха отъ уговоровъ не послѣдовало. Холмогоровъ началъ кричать. Тогда я потребовалъ городского, и двое взяли его подъ руки и повели къ выходу съ тѣмъ, что если, выйдя на улицу, онъ пожелаетъ итти домой, то отпустить, а если вздумаетъ возвращаться въ участокъ, то посадить на извозчика и отвезти въ часть, для чего была уже заготовлена и бумага смотрителю Литейной части, въ которой говорилось, что посылается такой-то для вытрезвленія, т.-е. какъ только проспится, тотчасъ и отпустить его, ибо иной провинности за нимъ иѣтъ.

Ночью будятъ меня и докладываютъ, что пришли изъ квартиры Холмогорова съ заявленіемъ, что жена его разрѣшилась отъ бремени и потому просить отпустить его. Я велѣлъ передать, что если Холмогоровъ не пьянъ, то его можно взять въ части, а если пьянъ, то и лучше, что его не будетъ дома въ такой моментъ, но мнѣ возразили, что въ части уже были, но смотритель не отпустилъ его безъ бумаги. Тогда уже дѣло вовсе до меня не касается, такъ какъ я смотрителю не начальникъ, и если онъ не знаетъ своихъ обязанностей, то учить его не имѣю права.

Оказалось, что это была уловка: загадочный пріятель Холмогорова, исключенный изъ сословія, бывший присяжный повѣренный Передольскій, узнавъ о мѣстѣ пребыванія друга, какъ истый клязникъ, вознамѣрился придать отсылкѣ Холмогорова въ часть для вытрезвленія видъ ареста и для того требовалъ отъ меня бумаги объ освобожденіи Холмогорова изъ части.

Не достигнувъ такого капитальнаго документа къ обвиненію меня, Передольскій все же подалъ жалобу Трепову на меня, въ которой изложилъ, что я подвергнулъ Холмогорова аресту, и представивъ свидѣтельство какого-то врача о признакахъ побоевъ на Холмогоровѣ, увѣрялъ, что эти побои были нанесены моими городскими, отвозившими пьянаго въ часть, и даже по моему наущенію.

Градоначальникъ передалъ жалобу бывшему юрисконсульту Рудановскому, а этотъ человекъ съ капризами взглянулъ немилостиво на отправленіе трактирщика въ часть; хозяинъ де имѣетъ свое заведеніе и прочее такое гуманное, но иногда къ дѣлу неподходящее; Трепову, должно быть, надоѣли всякія жалобы, и подъ вліяніемъ доклада Рудановскаго приказалъ передать дѣло судебному слѣдователю XII участка Кучинскому, т.-е. для производства слѣдствія о моихъ дѣйствіяхъ.

Явился я къ Кучинскому, и тотъ сказалъ, что мое начальство, возмущенное, вѣроятно, жалобой на меня, хотѣло проучить жалобщика, но, увы, передача дознанія судебному слѣдователю даетъ основаніе къ веденію дѣла противъ меня, а такъ какъ противъ меня нѣтъ уликъ, то слѣдователь дастъ о томъ заключеніе, и дѣло перейдетъ къ мировому судѣ по обвиненію Холмогорова въ нарушеніи тишины и порядка въ публичномъ мѣстѣ, т.-е. въ управленіи участка.

Поступило дѣло къ мировому судѣ XI участка Яблонскому, и я явился къ нему въ качествѣ обвинителя. Прихожу въ камеру и вижу—настоящая трактирная демонстрація: всѣ скамейки заняты только трактирщиками, среди нихъ Передольскій; шея и глаза сихъ зрителей, злобою пылая, устремились на меня, дерзнувшаго въ лицѣ Холмогорова посягнуть на неприкосновенность городскихъ избирателей.

Такая обстановка возбудила меня, несмотря на то, что, не считая дебюта у мирового судьи Трофимова, мнѣ пришлось впервые фигурировать въ роли обвинителя. Когда я началъ рѣчь свою, все примолкло въ камерѣ, и П. О. Яблонскій, зорко всматриваясь въ меня, видимо былъ побѣжденъ фактами, мною рассказанными, и трактирщики были посрамлены его приговоромъ; онъ призналъ виновнымъ Холмогорова, и я вышелъ изъ камеры торжествующимъ и предъ Передольскимъ съ братіей и предъ юрисконсультomъ Рудановскимъ, подавшимъ совѣтъ Трепову о передачѣ дѣла судебному слѣдователю и не явившимся вопреки правилъ къ разбору дѣла у мирового судьи.

Такъ въ борьбѣ и отстаиваніи своихъ взглядовъ прошло два года моей службы, но я не могъ уяснить себѣ мнѣнія, создавшагося обо мнѣ у обывателей участка, мнѣніе же это меня весьма интересовало. Какъ я уже и сказалъ, система моя была основана на томъ, чтобы никому не навязываться, возможно выше держать свой служебный стягъ и всѣми зависящими отъ меня средствами оказывать помощь, содѣйствіе и защиту всѣмъ нуждающимся въ нихъ, и вотъ понемногу начали появляться плоды моего посѣва.

Между другими, въ числѣ домовладѣльцевъ жила въ участкѣ въ своемъ домѣ по Малой Итальянской улицѣ графиня Салтыкова; однажды, въ неслужебные часы, въ квартиру мою явилась дочь графини, Софья Львовна, и объяснила мнѣ, что ея мать желаетъ познакомиться со мною и послала ее ко мнѣ съ просьбою въ свободное время зайти къ старухѣ. Я общалъ на слѣдующій же день побывать у своей домовладѣлицы, и дочь ея ушла.

На другой день былъ я у графини, долго оставался у нея, и она произвела на меня отличное впечатлѣніе. Это была старуха, подвизавшаяся въ больномъ свѣтѣ при Николаѣ Павловичѣ; замѣтно было изъ ея рассказовъ, что она шумно провела свою молодость



и подь старость представляла собою настоящую археологію; я такъ и назвалъ кому-то изъ общихъ знакомыхъ, сказавъ, что она «археологическая женщина». Такое опредѣленіе очень понравилось графинѣ, и если она при первомъ моемъ посѣщеніи наговорила много лестнаго, то послѣ моего опредѣленія выказывала мнѣ полнѣйшее вниманіе, всегда подолгу удерживала у себя, и я сталъ какъ бы своимъ человѣкомъ у старой графини и ея дочери.

Въ одинъ вечеръ передъ Рождествомъ, возвратясь откуда-то домой, я увидѣлъ въ залѣ группу комнатныхъ цвѣтовъ въ горшкахъ и на мой вопросъ человѣкъ пояснилъ, что какой-то извозчикъ привезъ цвѣты закутанными, внесъ ихъ въ квартиру съ другимъ человѣкомъ, оставили цвѣты въ порядкѣ, не сказавъ, откуда цвѣты были присланы. Было обыкновенныхъ комнатныхъ цвѣтовъ горшковъ 20, и я подумалъ, что прислала мнѣ ихъ моя сестра, жившая въ Петербургѣ и знавшая слабость мою къ цвѣтамъ; впоследствии оказалось, что цвѣты эти прислалъ мнѣ мой домовладѣлецъ съ Невскаго проспекта, Миняевъ, имѣвшій свой зимній садъ и оранжерею при домѣ. Миняевъ этотъ былъ молодой, одинокій человѣкъ, съ университетскимъ образованіемъ, изъ купческаго рода, сдержанный и скромный, и очевидно хотѣлъ молча выразить свою симпатію; во всякомъ случаѣ вышло трогательно.

Также, однажды, когда я возвратился домой послѣ обѣда въ кухмистерской, человѣкъ указалъ мнѣ на ящикъ, доставленный съ письмомъ; вскрывъ письмо, я нашелъ въ немъ ключикъ, отворилъ ящикъ: то былъ музыкальный заводной, игралъ 7 пьесъ. Очень обрадовалъ меня этотъ сюрпризъ, и до сихъ поръ съ большимъ наслажденіемъ я слушаю подобную музыку. Не могъ я догадаться, кто такъ вдумчиво удружилъ мнѣ. Много времени спустя, оказалось, что ящикъ этотъ мнѣ прислалъ нѣкто инженеръ Ждановичъ, бывший предсѣдатель Асфальтоваго общества (было такое). Ждановичъ этотъ, какъ занимавшійся различными предпріятіями, извѣстенъ былъ мнѣ по векселямъ, поступавшимъ ко взысканію съ него (тогда полиція этимъ занималась), и я дѣлалъ Ждановичу возможныя снисхожденія. Вначалѣ я подумалъ, что снисхожденія эти Ждановичъ хотѣлъ оцѣнить своимъ подаркомъ, и хотѣлъ ящикъ возвратить, но, взвѣсивъ благородный образъ дѣйствій Ждановича, я могъ думать, что онъ чувствовалъ себя какъ бы въ душевномъ долгу у меня, и отослать ящикъ не рѣшился, тѣмъ болѣе, что цѣнность его была незначительная, а чрезъ общаго знакомаго благодарилъ и просилъ считать мои дѣйствія по отношенію къ нему вытекающими какъ изъ моихъ служебныхъ обязанностей, такъ и изъ потребности сердца, а потому больше не удручать меня, и онъ исполнилъ мою просьбу.

Какъ я уже вспоминалъ, на квартиру для меня и для участка съ отопленіемъ отпущалось 750 рублей въ годъ, сумма очень и очень

мизерная, но я перебивался кое-какъ, дрова же покупалъ изъ жалованья своего. Однажды явился ко мнѣ коллежскій совѣтникъ Князевъ и отрекомендовался управляющимъ моего домовладѣльца, тогда довольно богатаго человѣка, имѣвшаго свои лѣсныя дачи, нѣкоего Струбинскаго. Князевъ этотъ, оказавшійся очень интеллигентнымъ и милымъ человѣкомъ, безъ обиняковъ объяснилъ свой приходъ ко мнѣ слѣдующимъ образомъ:

— Вы, г. приставъ, дрова покупаете?

— Да.

— Мой вѣритель, не имѣя никакой нужды въ задабриваніи васъ, тѣмъ не менѣе, видя ваши дѣйствія по участку, зная ничтожный отпускъ вамъ на квартиру, желаетъ сдѣлать вамъ услугу, не представляющую для него ни малѣйшаго значенія въ смыслѣ цѣнности, въ виду чего и надѣюсь, что вы позволите поставлять вамъ дрова, сколько таковыхъ понадобится для участка.

На такую рѣчь что было отвѣтить? Я сказалъ, что хотя для г. Струбинскаго дрова, мнѣ нужныя, и не представляютъ расчета, это возможно, но въ качествѣ кого же я могу принять такую услугу?

— Да мы вѣдь въ васъ, какъ въ приставѣ, не нуждаемся; домъ у насъ особнякъ, все у насъ въ порядкѣ, и десяти приставовъ мы не боимся; наконецъ, прежнимъ приставамъ мы и не доставляли дровъ, а вы взгляните на предложеніе моего вѣрителя, какъ на выраженіе симпатіи къ вамъ, какъ къ человѣку.

Отказаться отъ такого предложенія означало бы стать въ отношенія и съ Князевымъ и съ Струбинскимъ, какъ говорятъ, «сѣрая кошка пробѣжала между нами»; мнѣ же не хотѣлось такъ поступать съ людьми, видимо доброжелательными, и я къ удовольствію Князева, какъ онъ выразился, рѣшилъ принять предложеніе и благодарить за столь милую симпатію.

Вотъ и суммы градоначальства сбереглись, и жалованье мое пошло въ сбереженіе.

Былъ у меня еще домовладѣлецъ—свѣтлѣйшій князь Іоаннъ Грузинскій, потомокъ владѣтельнаго; жилъ онъ съ старухой матерью, женою бывшаго владѣтельнаго князя, въ деревянномъ домѣ своемъ по Знаменской улицѣ, кстати, отштукатуренномъ снаружи по особому повелѣнію императора Александра II, милостиво относившагося къ князю.

Приходитъ ко мнѣ однажды князь Іоаннъ, высокій, весьма породистый мужчина, лѣтъ 50-ти, настоящій владѣтельный типъ, и рекомендуясь объяснилъ свой приходъ тѣмъ, что онъ, собираясь по дѣламъ уѣхать за границу, во Францію, вынужденъ оставить старуху-мать; она боится остаться одна, и вотъ онъ пришелъ просить меня, чтобы я вмѣстѣ съ нимъ отправился къ его матери; онъ меня отрекомендуетъ ей, и разъ я увѣрю ее, что буду имѣть

особое попеченіе о ней, она согласится отпустить сына. Пошелъ я съ княземъ, представилъ онъ меня старой, не менѣе типичной, чѣмъ князь, дамѣ, увѣрилъ я ее, что буду блюсти ея покой, и она, благодаря меня, разрѣшила сыну отлучку. И старался я въ отсутствіе князя успокоивать его мать, пока онъ не вернулся; по возвращеніи же князь явился ко мнѣ съ благодарностью и взялъ съ меня слово прійти къ нему. Въ тотъ же день я былъ у князя; онъ по восточному обычаю много цѣловался со мною и при встрѣчѣ, и при прощаньѣ, и во время разговоровъ; долго бесѣдовалъ со мною и, когда сталъ прощаться, среди поцѣлуевъ сунулъ мнѣ въ руку конвертъ. Какъ огнемъ, опалилъ меня этотъ конвертъ, стыдъ охватилъ меня, и я вырвалъ руку свою изъ огромныхъ рукъ княжескихъ и бросилъ конвертъ на близъ стоявшій рояль со словами:

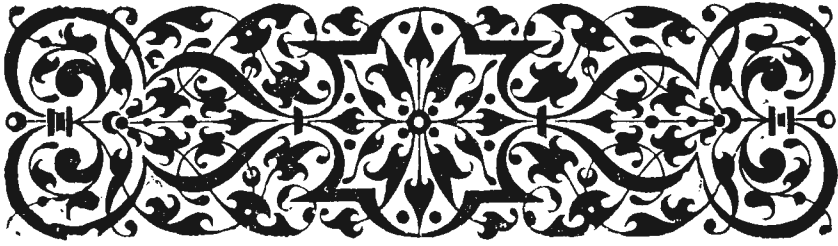
— Нѣтъ, ваша свѣтлость, я отношусь къ вамъ душевно, какъ человѣкъ къ человѣку, и хочу быть въ отношеніяхъ въ этомъ смыслѣ равнаго къ равному, а деньгами этого не достигнуть.

Князь сконфузился, я же, видя, чувствуя, что предстояла дѣйствительнѣйшая его настойчивость, а она была бы тягостной для обоихъ, быстро ушелъ изъ квартиры князя. На другой день князь былъ у меня, извинялся и обѣщалъ, что никогда не повторитъ своей не ловкости, что онъ не знаетъ меня и т. д. Въ тотъ же годъ, къ празднику Рождества, я получилъ отъ князя весьма недурной по живописи, въ католическомъ стилѣ, въ золоченой рамѣ образъ Симеона Богопріимца, каковой образъ и по сіе время сохраняется у меня, какъ пріятное воспоминаніе и, полагаю, какъ сердечный даръ.

**Ө. Ф. Дубисса-Крачака.**

*(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).*





## ЦАРЕДВОРЕЦЪ-УЧЕНЫЙ.

---



**К**РУПНЫЙ ученый и видный балтійскій общественный дѣятель, графъ Кейзерлингъ, оставилъ, въ числѣ прочаго наслѣдія, дневники, которые велъ отъ молодости. Дочь его, баронесса Елена Ал. Таубе, пополнила этотъ матеріалъ сохранившимися письмами графа къ роднымъ и близкимъ людямъ. Эти документы издательница снабдила введеніями, поясненіями и собственными воспоминаніями, тѣмъ болѣе цѣнными, что г-жа Таубе, бывшая фрейлина, долгое время состояла при дворѣ крестной своей матери, великой княгини Елены Павловны, нерѣдко сопровождала отца въ поѣздкахъ въ Петербургъ и за границу и хорошо освѣдомлена насчетъ любопытныхъ событій, описываемыхъ въ корреспонденціи и дневникахъ графа.

Воспоминанія графа Кейзерлинга («Graf Alexander v. Keyserling, ein Lebensbild in seinen Briefen und Tagebüchern», 2 тома in-8<sup>o</sup>) обнимаютъ эпохи царствованія Николая I, Александра II и Александра III и, по справедливости, настолько возбудили интересъ въ публикѣ, что первое изданіе, вышедшее осенью 1902 г., разошлось въ какихъ нибудь два мѣсяца.

Въ настоящей статьѣ мы попытаемся въ краткомъ пересказѣ ознакомить русскихъ читателей съ личностью и дѣятельностью графа А. А. Кейзерлинга, насколько онѣ выясняются изъ собраннаго матеріала.

---

## I.

Дворянскій родъ графовъ Кезеликъ-Кезелингкъ-Кейзерлингкъ ведетъ происхождение изъ Вестфалии; въ 1492 г. рыцарь Германъ фонъ-Кейзерлингъ выселился въ Лифляндію, участвовалъ въ войнѣ съ Іоанномъ Грознымъ и былъ пожалованъ отъ Вальтера фонъ-Плеттенберга имѣніями въ Курляндіи. Нисходящіе Германа въ четвертомъ поколѣніи были включены въ I разрядъ курляндскаго дворянства, стали титуловаться баронами (съ 1631 г.) и, постепенно развѣтвляясь, проникли въ Пруссію.

Одинъ изъ представителей рода, Германъ-Карлъ, вошелъ въ милость Анны Іоанновны, когда та была герцогинею курляндскою, и послѣ Блуентроста занялъ должность президента императорской академіи наукъ; перейдя затѣмъ на дипломатическое поприще, онъ исполнялъ при разныхъ европейскихъ дворахъ должность російскаго посла, въ 1741 г. Августомъ III Саксонскимъ (какъ замѣстителемъ императора) возведенъ (съ потомствомъ) въ званіе имперскаго графа и умеръ въ Варшавѣ, въ 1764 году.

Представитель другой отрасли этого дома, графъ Іоганнъ-Гебгардъ фонъ-Кейзерлингъ, былъ долгое время вольфенбюттельскимъ посланникомъ при с.-петербургскомъ дворѣ, но принадлежалъ къ противоположному, чѣмъ его родственники, политическому лагерю, способствовалъ сверженію Бирона и игралъ при Аннѣ Леопольдовнѣ выдающуюся роль; по воцареніи Елисаветы Петровны Кейзерлингъ поселился въ своихъ имѣніяхъ въ Восточной Пруссіи и около Тильзита пріобрѣлъ обширное помѣстье Раутенбургъ, впоследствии обращенное въ майоратъ.

Отъ пережившихся потомковъ графовъ Германа-Карла и Іоганна-Гебгарда и происходитъ графъ Александръ Александровичъ Кейзерлингъ. Дѣдъ его, Генрихъ-Христіанъ, получивъ тщательное университетское образованіе въ Лейпцигѣ и Галле, служилъ на дипломатическомъ поприщѣ Екатеринѣ II, но пріобрѣлъ извѣстность главнымъ образомъ близостью къ корифеямъ нѣмецкой учености и литературы, въ родѣ Канта, Гаммана, Гиппеля и др. Отецъ графа Александра Александровича, Генрихъ-Дитрихъ-Александръ, получилъ университетское образованіе въ Кенигсбергѣ, женился на баронессѣ фонъ-Нольде и владѣлъ въ Курляндіи на прусской границѣ обширными имѣніями (словомъ былъ, употребляя юридическій терминъ, «обоюднымъ помѣщикомъ»). Старшій сынъ его Оттонъ (умеръ въ 1885 году) образованіе получилъ въ Геттингенскомъ университетѣ и, унаслѣдовавъ Раутенбургскій майоратъ, перешелъ въ прусское подданство; состоя членомъ прусской палаты господъ, онъ уже съ 40-хъ годовъ игралъ видную роль въ исторіи германскаго парламентаризма, а въ Восточной Пруссіи

«державный графъ» пользовался всеобщемою популярностью; сынъ его Генрихъ достигъ званія прусскаго посланника въ Константинополь, а младшая дочь Фанни вышла замужъ за владѣльца майората въ Восточной же Пруссіи, камергера Батоцкаго, и настолько сблизилась съ семейю О. фонъ-Бисмарка, что по смерти княгини поддерживала тѣсныя связи съ канцлеромъ и его дочерью, дѣля съ ними, какъ членъ семьи, всѣ радости и горести.

Графъ Александръ Александровичъ родился 15 августа 1815 г. и все дѣтство и юность, до 18 лѣтъ, провелъ въ курляндскомъ имѣніи родителей Кабилленъ; въ воспитаніи сына графъ Генрихъ, слушатель Канта и талантливый музыкантъ, принималъ самое дѣятельное участіе, хотя и держалъ при дѣтяхъ весьма образованнаго наставника, д-ра Римшнейдера. Подъ ихъ совмѣстнымъ руководствомъ графъ Александръ изучилъ древнихъ классиковъ, отъ Гомера и Пиндара до Платона, путемъ курзорнаго, бѣглого чтенія и этому способу впоследствии отдавалъ преимущество предъ филологико-грамматическимъ методомъ; послѣдній, по его мнѣнію, лишь порождаетъ въ ученикахъ отвращеніе къ древнимъ языкамъ. Въ то же время, благодаря сильному развитію въ родительскомъ домѣ музыкальности, устройству любительскихъ квартетовъ и др., графъ Александръ развилъ въ себѣ это дарованіе и достигъ большого совершенства, какъ исполнитель-піанистъ, а въ молодости не безъ успѣха занимался даже композиціею. Вообще классными занятіями не злоупотреблялось, дѣти пользовались значительною свободою и, широко пользуясь просторомъ сельской жизни, рано развили въ себѣ любовь къ природѣ и естествознанію. Въ концѣ концовъ, получивъ разностороннюю подготовку и серьезно ознакомившись съ кантовскою философіею, графъ Александръ юношею уже выработался въ физически и этически гармоничную, цѣльную личность. Въ 1833 году онъ поступилъ въ Берлинскій университетъ, гдѣ, какъ будущій помѣщикъ, сначала занялся изученіемъ правовѣдѣнія, а затѣмъ обратился къ наукамъ естественнымъ, излюбленнымъ отъ дѣтства; эти занятія сблизили молодого человека съ ботаникомъ Гризебахомъ, біологомъ Шваномъ и зоологомъ Блазиусомъ; въ то же время графъ Александръ чрезъ своего брата Германа, товарища по Геттингенскому университету и близкаго друга О. фонъ-Бисмарка, сошелся съ послѣднимъ.

Бисмаркъ впоследствии писалъ Голльмеру: «въ ту пору (осенью 1833 г.) мы, т.-е. я, Мотлей и Кейзерлингъ, жили вмѣстѣ (№ 161 по Фридрихъ-штрассе) и поддерживали тѣснѣйшія отношенія, столуясь и занимаясь вмѣстѣ». Главными предметами изученія для будущаго германскаго канцлера, американскаго историка-дипломата и балтійскаго геогноста-аристократа были философія, богословіе и англійскій языкъ; особенное удовольствіе Бисмарку, всегда любившему музыку, доставляла фортепіанная игра Кейзерлинга. Порою

молодежь пускалась и на смѣхотворныя затѣи: такъ въ Берлинѣ поселился степенный двоюродный братъ Кейзерлинга, баронъ фонъ-Роппъ, и вотъ однажды его замучили безпрестанные звонки и дикіе разспросы: «А гдѣ же слоны?» Недоумѣніе барона было разсѣяно хохотомъ Кейзерлинга и Бисмарка, которые на наружной двери сдѣлали мѣломъ надпись: «Здѣсь показываютъ двухъ молодыхъ слоновъ». Въ другой разъ Бисмаркъ отправился съ Кейзерлингомъ на «Unter den Linden» и, взывая къ милосердію прохожихъ, сталъ выдавать Кейзерлинга за несчастнаго слѣпца, а себя за его провожатаго <sup>1)</sup>.

Въ 1835 г. во время вакацій Кейзерлингъ предпринялъ, совмѣстно съ І. Г. Блазіусомъ, ученую поѣздку въ Карпаты, а въ результатъ явилась опубликованная ими работа по зоологической систематикѣ «о позвоночныхъ животныхъ Европы». Коллекціи, собранныя молодыми учеными, обратили на себя вниманіе берлинскаго ученаго міра и повели Кейзерлинга къ знакомству съ Карломъ Риттеромъ, М. фонъ-Бухомъ и В. Гумбольдтомъ; рекомендація послѣдняго собственно и открыла Кейзерлингу путь къ дальнѣйшимъ успѣхамъ въ Россіи <sup>2)</sup>.

Окончивъ курсъ въ Берлинскомъ университетѣ, Кейзерлингъ въ началѣ 1840 г. вернулся въ Курляндію и собирался въ Турцію для совмѣстныхъ съ Блазіусомъ ученыхъ экскурсій, когда баронъ А. Ф. Мейендорфъ ему предложилъ участвовать въ учено-статистической экспедиціи во внутреннія губерніи Россіи. Это побудило молодого Кейзерлинга весною 1840 г. отправиться въ Петербургъ, а попутно онъ геогностически обслѣдовалъ Эстляндское побережье Финскаго залива.

Въ Петербургѣ Кейзерлингъ легко нашелъ доступъ въ академію наукъ: «Ежедневно до 5 часовъ пополудни работаю я въ Зоологическомъ музеѣ вмѣстѣ съ Брандтомъ, затѣмъ обѣдаю въ одиночествѣ, и это съ прогулками занимаетъ мое время до 7 часовъ... Городъ остается мнѣ чуждымъ, равно какъ и языкъ» <sup>3)</sup>. Позднѣе по родственнымъ связямъ попалъ онъ въ кругъ знатныхъ земляковъ, въ родѣ Самсоновъ, Гановъ, Грюневальдовъ, Раденовъ... «Мои отношенія къ Мейендорфу,—пишетъ онъ отцу,—носятъ характеръ дружескаго довѣрія... У министра финансовъ онъ въ большой чести, и Канкринъ представлялъ его вмѣстѣ съ другимъ кандидатомъ для замѣщенія должности товарища министра, но предпочтеніе было дано другому. Это впрочемъ sub rosa. Канкринъ пожелалъ со мною познакомиться, и я буду имѣть честь ему представиться. Ученые составляютъ кругъ, въ которомъ я преимущественно вращаюсь. Академикъ Бэръ—здѣшній Гумбольдтъ и единственный, пожалуй,

<sup>1)</sup> I, стр. 33, 34.

<sup>2)</sup> I, стр. 75, 78, 85, 89.

<sup>3)</sup> I, 120 стр.

ученый, пользующійся почетомъ у профановъ; общеніе между нами установилось дружественное, и это представляетъ для меня большой интересъ»... «Непонятнымъ для меня образомъ получилъ я приглашеніе на вечеръ къ князю Одоевскому, родовитому меценату и писателю. Тамъ оказалось цѣлое сборище русскихъ литераторовъ; разговоры шли о естествознаніи, русской исторіи, расколѣ и школахъ для малолѣтнихъ... Князь пріятной, интересной наружности, блѣдный, съ сильно выдающимися скулами, черноволосый»<sup>1)</sup>).

Въ началѣ осени 1840 г. Кейзерлингъ, побывавъ напередъ въ Архангельскѣ и Москвѣ, обследовалъ уже Тульскую и Калужскую губерніи для опредѣленія каменно-угольныхъ мѣсторожденій и соотношенія ихъ залежей съ другими горными пластами; практическою цѣлью экспедиціи было выяснитъ виды, которые залежи эти могли бы имѣть для промышленности. «Научные результаты, уже теперь добытые экспедиціею, существенны,—пишетъ онъ брату,—весьма значительный районъ порядочно обследованъ въ отношеніи геогностическихъ свойствъ, но извлечь ли изъ этого практическія выгоды правительство, я сомнѣваюсь. Главная выгода—чисто отрицательная, ибо опредѣлительно мы указываемъ лишь на то, какія мѣстности интересныхъ открытій не обѣщаютъ. Будущее, можетъ быть, поведетъ къ ближайшей разработкѣ минеральныхъ богатствъ, но теперь на этомъ вопросѣ останавливаться некогда. Знаніе и новая мысль во всякомъ случаѣ представляютъ цѣнность, хотя бы и не являлись дойною коровою»<sup>2)</sup>).

Экспедиція въ составѣ Мейендорфа, Блазіуса, Кейзерлинга и Зиновьева, а впослѣдствіи еще Траутфеттера, изслѣдовала частью сообща, частью двумя партіями Смоленскую и Могилевскую губерніи; затѣмъ, побывавъ въ Черниговѣ и Кіевѣ, одни отправились въ Екатеринославъ, а Кейзерлингъ съ Блазіусомъ въ Полтавскую и Харьковскую губерніи, гдѣ изслѣдовали въ Кременчугѣ и Чугуевѣ каменноугольныя мѣсторожденія; отсюда чрезъ Курскъ и Орель путешественники въ ноябрѣ уже вернулись въ Москву.

Предварительныя сообщенія экспедиціи были тогда же отправлены въ Берлинъ къ находившемуся тамъ графу Е. Фр. Канкрину, а онъ сообщилъ ихъ знатоку дѣла—Л. фонъ-Буху; послѣдній нашелъ сдѣланное изслѣдованіе интереснымъ и въ техническомъ отношеніи важнымъ, а участниковъ экспедиціи Бухъ аттестовалъ «превосходными наблюдателями». Поэтому Канкринъ немедля распорядился командировать пятерыхъ инженеровъ въ указанныя экспедиціею мѣстности для производства развѣдокъ и буреній на большую ногу<sup>3)</sup>).

<sup>1)</sup> I, стр. 109, 116, 120, 123 и 129.

<sup>2)</sup> I, стр. 189.

<sup>3)</sup> I, стр. 145—147.



Успѣшно выполненное порученіе обратило вниманіе графа Канкрина на Кейзерлинга — ему былъ пожалованъ чинъ коллежскаго ассессора, и въ званіи чиновника особыхъ порученій при министрѣ финансовъ, съ окладомъ въ 3.000 рублей, онъ долженъ былъ продолжать геологическое обслѣдованіе Россіи. По мысли графа Кейзерлинга, весною 1841 года была снаряжена новая экспедиція при участіи его, Мурчиссона, Вернеля и поручика корпуса горныхъ инженеровъ Н. И. Кокшарова (впослѣдствіи академика и директора Горнаго института).

Кейзерлингъ съѣхался съ Мурчиссономъ и Вернелемъ въ Митавѣ, въ апрѣлѣ 1841 года; отсюда они вмѣстѣ отправились въ Лифляндію, гдѣ, при участіи мѣстнаго геогноста Пандера, осмотрѣли нѣсколько интересныхъ въ геологическомъ отношеніи мѣстностей. Послѣ посѣщенія намѣченныхъ прежнею экспедиціею мѣсторожденій каменнаго угля въ Тульской и Калужской губерніяхъ (догадки экспедиціи были подтверждены и авторитетнымъ Мурчиссономъ) путешественники двинулись чрезъ Симбирскъ, Казань и Пермь на Уралъ; объѣхавъ горнозаводскіе округа, экспедиція добралась до Уральска, посѣтила медіатизированнаго киргизскаго хана Джангира и его владѣнія, приносившія ему до 300.000 рублей дохода, а оттуда по степи, чрезъ Сарепту, выѣхала къ Царицыну<sup>1)</sup>.

Ислѣдованія экспедиціи, освѣтивъ съ научной точки геологическія познанія о Россіи, и по сей часъ сохранили цѣнность: академики А. П. Карпинскій и Ѳ. Н. Чернышевъ въ 1890 году, знакомя графа Кейзерлинга съ новыми работами, предпринятыми по почину геологическаго комитета, имѣли случай указать маститому ученому, что многія догадки уральской экспедиціи 1841 года и печорской 1843 года блистательно подтвердились новѣйшими точными изысканіями<sup>2)</sup>.

Подготовленіе трудовъ уральской экспедиціи для печати вызвало предположеніе о командированіи графа Кейзерлинга зимою 184<sup>1</sup>/<sub>2</sub> года въ Парижъ и Лондонъ. Вообще по возвращеніи съ Урала онъ былъ графомъ Канкринымъ принятъ съ откровенною любовью, и многочасовыя бесѣды съ престарѣлымъ государственнымъ дѣятелемъ, касавшіяся ученыхъ и житейскихъ дѣлъ, преисполняли Кейзерлинга любовью и величайшимъ почтеніемъ къ этому великому человѣку... «Въ домѣ Канкриныхъ издавна повелся такой обычай, что многіе туда пріѣзжаютъ пообѣдать за просто, безъ зова, и я часто это дѣлаю»...

Въ октябрѣ 1841 года, Кейзерлингъ получилъ предписаніе отправиться въ Парижъ и Англию для разработки трудовъ экспе-

<sup>1)</sup> I, стр. 157, 159, 163, 166, 168.

<sup>2)</sup> II, стр. 506, 509, 572, 574, 581.

дици, ознакомленія съ новѣйшими успѣхами геологіи, геогнозіи и палеонтологіи и для приобрѣтенія собранія окаменѣлостей для с.-петербургскаго горнаго института. На расходы по поѣздкѣ Кейзерлингу было ассигновано 500 дукатовъ (по обратномъ возвращеніи онъ получилъ еще награду въ 1.500 рублей); кромѣ того, 2.000 рублей были ему предоставлены для приобрѣтенія коллекцій.

Снабженный отъ графа Канкринна рекомендательными письмами къ россійскому уполномоченному въ дѣлахъ П. Д. Киселеву въ Парижѣ и къ посланнику Бруннову въ Лондонѣ, Кейзерлингъ глубокою осенью 1841 года уѣхалъ моремъ за границу.

Въ Парижѣ онъ поселился въ Сень-Жерменскомъ предмѣстьѣ. «Здѣсь я имѣю прекрасно обставленное помѣщеніе за 90 франковъ, а за столъ съ виномъ плачу 80 франковъ въ мѣсяцъ. Общество въ гостиницѣ собирается порядочное и состоитъ исключительно изъ легитимистовъ — въ родѣ графа Монлюзена, бывшаго посланника Карла X въ Карльсруэ, какого-то пера Франціи, профессора политической школы и т. п.». Случайное знакомство въ той же гостиницѣ съ графомъ де-Шампань, сожителемъ Карла X въ Богеміи, открыло Кейзерлингу двери въ «*cercle agricole*», къ герцогу Дама, маркизѣ Дюло и др.; П. Д. Киселевъ ввелъ путешественника въ домъ Анатоля Демидова, а чрезъ Вернѣля онъ завязалъ тѣсныя сношенія съ французскими натуралистами<sup>1)</sup>.

Покончивъ съ отдѣломъ работъ, предпринятыхъ совмѣстно съ Вернѣлемъ, Кейзерлингъ послѣ 5-ти-мѣсячнаго пребыванія въ Парижѣ отправился въ Лондонъ, изучивъ предварительно англійскій языкъ. Здѣсь ему явился менторомъ предупредительный и внимательный Мурчиссонъ. Этотъ ученый, благодаря богатству и аристократическому браку, пользовался исключительнымъ вѣсомъ у англійской знати, и чрезъ него русскій путешественникъ ознакомился съ роскошью быта англійскихъ земельныхъ тузовъ.

Тотчасъ же по прибытіи въ Лондонъ Кейзерлингъ познакомился съ романистомъ Бульверомъ и дипломатомъ Моррьеромъ (авторомъ «Хаджи-Баба», передѣланнаго Сеньковскимъ), принялъ участіе въ засѣданіи общества геогностовъ, сдѣланъ былъ временнымъ членомъ исключительныхъ клубовъ «*Traveller- и Athenaeum-Club*»; Брунновъ же представилъ путешественника королевѣ и принцу супругу.

Побывавъ на о. Уайтѣ и южномъ побережьи Англии, Кейзерлингъ, по приглашенію проф. Седжвика, посѣтилъ Кембриджъ, съѣздъ натуралистовъ въ Манчестерѣ и нѣкоторое время прогостилъ въ помѣстьяхъ Уалькера и лорда Эджертонна. Приглашеніе на парадный обѣдъ къ Бруннову заставило Кейзерлинга вернуться въ Лондонъ и поселиться у Мурчиссоновъ. Послѣ блистательнаго приема

<sup>1)</sup> I, стр. 178, 182, 183, 202, 186, 188.

у герцога Нортумберландскаго, Кейзерлингъ вмѣстѣ съ Мурчиссономъ предпринялъ новую поѣздку по Англіи и, между прочимъ, въ Оксфордъ, а, благодаря связямъ спутника, былъ радушнѣйше принятъ гостемъ у архіепископа Йоркскаго, гр. Грѣя и Фитцъ-Уильяма Ученыя занятія при этомъ шли своимъ чередомъ.

Настоятельные призывы генерала Чевкина вернуться въ Петербургъ для разборки коллекцій, прибывшихъ для Горнаго института изъ Лондона и Парижа, заставили нашего путешественника въ октябрѣ 1842 г. покинуть гостепріимный кровъ Мурчиссона <sup>1)</sup>.

Съ возвращеніемъ въ Петербургъ для Кейзерлинга наступила пора усиленной дѣятельности: независимо отъ обработки матеріаловъ, собранныхъ Уральскою экспедиціею и въ Англіи, онъ устраивалъ коллекцію въ Горномъ институтѣ, по порученію начальства давалъ отзывы о трудахъ ученой экспедиціи Анатолія Демидова и путешествія Дюбуа по Россіи; Чевкинъ уговаривалъ Кейзерлинга взяться еще за чтеніе лекцій въ Горномъ институтѣ, но Кейзерлинга смущало недостаточное ознакомленіе съ русскимъ языкомъ, которымъ онъ, однакоже, усердно занимался. Заявляли свои права и свѣтскія обязанности: великая княгиня Елена Павловна выразила волю, чтобы талантливый красавецъ-ученый, путешественникъ и пианистъ, былъ ей представленъ; Ореусъ, Чевкинъ, гр. Канкринъ и семья послѣдняго принимали Кейзерлинга все радушнѣе; Кейзерлингъ не можетъ нахвалиться простотой и радушіемъ Канкринна и сердечной добротой графини; Канкринна начала намекать, какъ хорошо было бы, если бы Кейзерлингъ съ ними поѣхалъ путешествовать лѣтомъ 1843 г. по Германіи и Италіи; вскорѣ Кейзерлингъ уже ежедневно сталъ проводить у Канкринныхъ свои досуги, съ 4 часовъ дня до 1 часу ночи, и нескрываемое расположеніе, какимъ его отличали гр. Егоръ Францовичъ и обѣ графини: мать и дочь, Зинаида Егоровна, фрейлина, заставило петербургскихъ вѣстовщиковъ провидѣть на горизонтѣ новый великосвѣтскій бракъ <sup>2)</sup>.

20 февраля 1843 г. гр. Кейзерлингъ сдѣлалъ предложеніе, а гр. Канкринъ, хорошо узнавшій и полюбившій будущаго зятя, — послѣдній, вѣдь, никогда не скрывалъ стѣсненнаго положенія родителей, обремененныхъ большою семьею, — нашелъ, что женихъ въ будущемъ, конечно, сумѣетъ создать себѣ независимое положеніе, а пока что, у Канкринна найдутся средства обезпечить молодымъ безбѣдное существованіе: «я вовсе не кичусь деньгами, доставшимися мнѣ нелегко, — прибавилъ старикъ, — и не считаю ихъ за главное, но въ жизни онѣ являются необходимостью».

Женихъ въ мартѣ 1843 г. уже былъ пожалованъ въ званіе камербюнкера, а во избѣжаніе ежедневныхъ разѣздовъ между

<sup>1)</sup> I, стр. 194—195, 198—200, 197.

<sup>2)</sup> I, стр. 203, 210, 211, 217, 216, 218—220.

Васильевскимъ островомъ, гдѣ онъ жилъ, и домою Канкриныхъ, будущій тесть поселилъ его у себя; свадьба предполагалась около 1 июня, но невѣста стала прихварывать; поэтому рѣшено было, что графиня съ дочерью поѣдетъ за границу, а свадьбу сыграютъ по осени—это отвѣчало и видамъ жениха, который въ минувшую осень намѣтилъ себѣ планъ геологическаго изслѣдованія Сѣверной Россіи и могъ для этого воспользоваться лѣтомъ 1843 года. Въ концѣ мая Кейзерлингъ пустился въ путь въ сопровожденіи сына знаменитаго путешественника-адмирала, лейтенанта Павла Крузенштерна, производившаго въ путешествіи астрономическія наблюденія; за лѣто былъ изслѣдованъ географически почти тогда неизвѣстный Печорскій край, и путешественнику принадлежитъ, между прочимъ, честь открытія Тиманскихъ горъ и нефтяныхъ богатствъ Архангельской губерніи <sup>1)</sup>. Вернувшись въ столицу, графъ Кейзерлингъ не зналъ, какъ примирить разработку матеріаловъ, имъ только что собранныхъ, съ придворными и свѣтскими обязанностями и ухаживаніемъ за невѣстою. 9 января 1844 г. состоялась свадьба, и въ приданое за женою Кейзерлингъ получилъ обширное имѣніе въ Эстляндіи (Райкюль) и два меньшихъ въ Лифляндіи (Керкау и Кѳнно).

Вслѣдъ за свадьбою здоровье тестя стало внушать домашнимъ серьезныя опасенія; въ февралѣ 1844 г. Канкринъ постигъ легкій первый ударъ, и такъ какъ императоръ слышать не хотѣлъ объ увольненіи министра въ отставку, о чемъ тотъ просилъ, временное завѣдываніе финансовою частью поручено было Бронченкѣ, а Канкринъ посланъ за границу лѣчиться. Отъѣздъ тестя тѣмъ болѣе печалилъ Кейзерлингъ, что на выздоровленіе старика онъ надеждъ не возлагалъ: «для меня же онъ при настоящихъ обстоятельствахъ явился бы незамѣнимымъ другомъ и неизмѣнно мудрымъ совѣтчикомъ», признается Кейзерлингъ.—«Отъ великосвѣтской суеты мы держимся далеко,—пишетъ онъ матери.—За всю зиму мы сдѣлали три большихъ выѣзда: на балъ къ Штиглицу, на концертъ къ графинѣ де-Лаваль и на обѣдъ къ княгинѣ Бѣлосельской. Мы, конечно, со всѣми знакомы и всюду любезно приняты, но тѣсныхъ отношеній ни съ кѣмъ не поддерживаемъ. Близкое знакомство водимъ только съ семейю Шереметевыхъ, которая

<sup>1)</sup> I, стр. 221, 227, 230, 231, 236, 237.

Здѣсь кстати отмѣтить, что открытіе въ Архангельской губерніи значительныхъ нефтяныхъ богатствъ, подтвержденное впоследствии и ак. Чернышенинымъ, вызвало запросы къ графу Кейзерлингу отъ лондонской фирмы Фермана и К°. «Эта фирма не даетъ мнѣ покоя,—жаловался графъ дочери, отъ 21-го января 1890 г.—я имъ написалъ, что всегда былъ далекъ и желаю оставаться вдали отъ промышленнаго грюндерства и могу только повторить, что отъ участія и барышей въ этомъ дѣлѣ рѣшительно отказываюсь».

II, стр. 583, 575.

живеть этажемъ ниже... Богатая гр. Шереметева—дочь этой семьи, и иногда мы выдаемъ съ нею...» <sup>1)</sup>).

Послѣ лѣченія минеральными водами Канкринъ нѣсколько оправился, зиму 1844—45 года благополучно провелъ въ Парижѣ за дневникомъ и извѣстнымъ своимъ сочиненіемъ по политической экономіи, но по временамъ его и тутъ беспокоили головныя боли и приступы подагры, а по возвращеніи въ Петербургъ, несмотря на лѣтній отдыхъ въ Павловскѣ, тревожные симптомы снова возобновились, и послѣ трехнедѣльныхъ мучительныхъ страданій 9-го сентября онъ скончался отъ паралича легкихъ.

Долгъ сыновней любви къ покойному Кейзерлингъ воздалъ опубликованіемъ дневниковъ Канкринъ <sup>2)</sup>, а, ознакомившись съ имущественнымъ положеніемъ тестя и общею суммою оставленнаго имъ капитала, писалъ: «Я съ полнымъ убѣжденіемъ утверждаю, что бывшій министръ финансовъ проявлялъ удивительную свѣтливость въ способахъ приобрѣтенія состоянія; онъ почиталъ за несомнѣстимое со своимъ саномъ вступать въ какія либо частныя прибыльныя предпріятія и не шелъ далѣе покупокъ земельныхъ имуществъ у частныхъ лицъ» <sup>3)</sup>).

Необходимость ежедневно посѣщать Горный институтъ и оставаться тамъ съ 9 ч. утра до 5 ч. пополудни нѣсколько тяготила Кейзерлинга, такъ какъ собственно на ученныя занятія у него оставалось не болѣе четырехъ часовъ. Къ тому же для него вскорѣ выяснилось, что для веденія свѣтскаго образа жизни въ столицѣ и 30-ти тысячъ рублей въ годъ не хватитъ, а имѣнія приносили только 25 тысячъ рублей, поднять же ихъ доходность возможно было, лишь окончательно основавшись въ Эстлянді; наконецъ, при средствахъ, какими Кейзерлингъ располагалъ теперь, жизнь въ Прибалтійскомъ краѣ, нисколько не мѣшая ученнымъ занятіямъ, могла ему открыть болѣе широкое и независимое поприще общественной дѣятельности; съ правильностью этого мнѣнія соглашались и его жена, и ея родня <sup>4)</sup>).

Правда, графъ Нессельроде неоднократно намекалъ Кейзерлингу на возможность создать ему въ Парижѣ при російской миссіи покойное положеніе ученаго посредника для переговоровъ, въ чемъ встрѣтится для Россіи надобность, съ европейскими учеными, но дальше разговоровъ это дѣло не пошло <sup>5)</sup>).

Въ 1845 году вышло наконецъ въ Англии «The geology of Russia in Europe and the Ural Mountains»: «нашъ огромный трудъ...

<sup>1)</sup> I, стр. 242, 251, 253, 254, 268.

<sup>2)</sup> Aus den Reisetagebüchern des Grafen Cancrin. Mit einer Lebensskizze. Braunschweig. 1865.

<sup>3)</sup> I, 272, 374, 482.

<sup>4)</sup> I, стр. 255, 258, 259, 265.

<sup>5)</sup> I, стр. 242, 244, 245, 248.

составилъ два внушительныхъ тома въ 4-ку, — сообщаетъ Кейзерлингъ отцу отъ 26-го іюля 1845 г., — и надолго останется основою русской геогнозіи»...

Такъ же взглянула на этотъ почтенный трудъ императорская академія наукъ и обнаружила желаніе привлечь гр. Кейзерлинга къ своему составу; на это намекалъ ему непремѣнный секретарь академіи уже осенью 1845 г.; позднѣе (въ 1847 г.) рѣчь заходила объ избраніи графа въ члены академіи безъ содержанія, а въ 1848 году состоялось даже фактическое избраніе его академіею въ адъюнкты, но Кейзерлингъ уклонился отъ этой чести, находя неизбѣжнымъ заняться устройствомъ имущественныхъ своихъ дѣлъ, принять же ученое званіе безъ обязательствъ и въ дѣйствительности ученыхъ обязанностей не выполнять онъ считалъ неудобнымъ. «Я не достаточно старъ и богатъ лаврами учености, чтобы успокоиться въ безмятежности только ученаго званія»... Матеріальныя же заботы помѣшали гр. Кейзерлингу принять и другое, болѣе интересное для ученой его любознательности и предприимчивости предложеніе, когда вновь образованное русское географическое общество положило предпринять всестороннее изученіе еще извѣстной сѣверной части Урала и поставить во главѣ экспедиціи изъ 4—5 ученыхъ естествоиспытателей графа А. А. Кейзерлинга <sup>1)</sup>.

Планъ покинуть столицу ради хозяйничанія лишь временно откладывался впредь до истеченія договора съ арендаторомъ канкринскихъ имѣній, а тѣмъ временемъ Кейзерлингъ получилъ неожиданное для него предложеніе отъ великой княгини Елены Павловны.

Начиная съ 1843 года, великая княгиня стала отличать графа все чаще знаками милостиваго вниманія: его часто приглашали къ интимнымъ обѣдамъ (на обѣдахъ этихъ никогда не бывало болѣе трехъ постороннихъ сразу, а наиболѣе частыми и желанными гостями великой княгини въ ту пору были Д. Н. Блудовъ, академикъ Бэръ, Ганъ, генералъ Ѳ. Ѳ. Бергъ, впоследствии графъ, и А. А. Кейзерлингъ). «Остроумная бесѣда великой княгини чрезвычайно привлекательна и, вслѣдствіе историческихъ событій, которыя нерѣдко затрогиваются, очень назидательна», — отмѣчаетъ Кейзерлингъ. «Ближайшимъ поводомъ привлеченія меня въ кружокъ великой княгини было желаніе ознакомиться съ важнѣйшими выводами геологіи подъ моимъ руководствомъ и по моимъ указаніямъ». По рожденіи старшей дочери графа, Елены, великая княгиня изъявила желаніе быть крестною ея матерью, а теперь въ 1846 году графу Кейзерлингу было предложено сопровождать Елену Павловну въ заграничное путешествіе. «Предложеніе обставлено

<sup>1)</sup> I, стр. 271, 274, 305—306, 328, 314, 276.

почетными и пріятными условіями, и я долженъ былъ съ благодарностью его принять. Матеріальная сторона путешествія меня не касается; ея высочеству угодно мое въ немъ участіе исключительно ради умственного общенія и установленія связей съ иностранными учеными и опирается главнымъ образомъ на благосклонное предубѣжденіе въ пользу моего нрава. При возможныхъ въ тѣсной семьѣ великой княгини перемѣнахъ ея высочеству угодно имѣть около себя человѣка, котораго она могла бы дарить полнымъ довѣріемъ. Это ея *ipsissima verba*...—«Не особенно я здѣсь и занятъ, — писалъ Кейзерлингъ матери изъ Ишля отъ 13-го (25-го) іюля 1846 года,—но объ отдыхѣ тутъ для меня рѣчи быть не можетъ. Въ 6 часовъ утра начинается мой день; купаніе и завтракъ длятся до 8 часовъ; затѣмъ я имѣю три часа въ своемъ распоряженіи для визитовъ, корреспонденціи и чтенія. Послѣ этого меня обыкновенно зовутъ къ великой княгинѣ, тутъ съ княжнами я веду бесѣды по естествознанію, а княгинѣ-матери либо читаю чтонибудь по философіи, или заводятся разговоры объ ученыхъ матеріяхъ. Затѣмъ слѣдуетъ обѣдъ—всегда въ обществѣ ея высочества—и поѣздки въ разнообразныя живописныя окрестности, изъ которыхъ мы возвращаемся большею частью къ ночи. Въ кружокъ нашъ допускаются немногіе посторонніе, всего чаще генераль-квартирмейстеръ Бергъ и обходительнѣйшій Либерманъ, бывший прусскій посланникъ въ Петербургѣ. Чуткій и привѣтливый умъ великой княгини дѣлаетъ для всѣхъ жизнь пріятною, этикетъ соблюдается мало. Въ концѣ этого мѣсяца ожидаютъ великаго князя (Михаила Павловича) со свитою; тогда кружокъ значительно расширится, и мое общество, пожалуй, окажется ненужнымъ. До 15-го сентября мы пробудемъ въ Ишлѣ, а затѣмъ чрезъ Вѣну, Прагу, Дрезденъ и Берлинъ вернемся въ Штеттинъ и оттуда, съ послѣдними пароходами назадъ домой, въ Петербургъ»<sup>1)</sup>.<sup>5</sup>

Въ Вѣнѣ, въ началѣ ноября, скончалась великая княжна Марія Михайловна. Изъ числа мужской свиты Кейзерлингъ былъ единственнымъ лицомъ, которое допускалось къ больной, а пока тянулась болѣзнь, Кейзерлингъ занималъ другую великую княжну, Екатерину Михайловну, преподаваніемъ исторіи литературы, «такъ какъ при данныхъ условіяхъ никого другого для этого не находилось».

Хотя срокъ, на который Кейзерлингъ первоначально соглашался покинуть собственную семью и дѣла, давно истекъ, онъ великую княгиню въ теперешнемъ горѣ покинуть стѣснялся, и только въ концѣ декабря 1846 года опасная болѣзнь жены позволила графу уѣхать домой. Великая княгиня отпустила Кейзерлинга на три мѣсяца и изъ Вѣны неоднократно удостоивала его письмами, выра-

<sup>1)</sup> 1, стр. 245—246. 254, 257, 262, 280, 283—284.

жая непремѣнное желаніе прочно привязать его къ своему двору.

Кратковременнымъ пребываніемъ въ Петербургѣ Кейзерлингъ воспользовался, чтобы выпустить въ свѣтъ «Путешествіе въ Печорскій край» (A. Gr. Keyserling u. P. v. Krusenstern. Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschoraland im Jahre 1843. Спб. 1846), а въ маѣ мѣсяцѣ онъ опять уже находился за границею въ свитѣ великой княгини сначала въ Прагѣ, а затѣмъ въ Берлинѣ, гдѣ возобновилъ давнишнее знакомство съ В. Гумбольдтомъ; только по возвращеніи въ Ораніенбаумъ, въ августѣ 1847 года, успѣлъ Кейзерлингъ убѣдить великую княгиню въ невозможности занять при ея дворѣ постоянное положеніе; доводы его были милостиво приняты безъ тѣни неудовольствія, и великая княгиня пожелала и впредь поддерживать съ нимъ постоянныя письменныя сношенія <sup>1)</sup>).

Поселившись въ Райкюллѣ, графъ Кейзерлингъ началъ съ изученія эстскаго языка, чтобы непосредственно сноситься съ мѣстнымъ населеніемъ и крестьянствомъ. Послѣ неудачныхъ попытокъ воспользоваться постороннимъ содѣйствіемъ въ хозяйничаніи, Кейзерлингъ взялся за дѣло самъ и въ 1855 г. уже съ чувствомъ удовлетворенной гордости писалъ О. фонъ-Бисмарку: «Я вывожу превосходныхъ лошадей, прекрасныхъ овецъ, породистыхъ свиней и порядочный рогатый скотъ, повышаю доходность полей и луговъ проведеніемъ и отводомъ водъ, добился въ своихъ имѣніяхъ перевода барщинной натуральной повинности на денежную, а теперь выставилъ свою кандидатуру въ предсѣдатели общества эстляндскихъ сельскихъ хозяевъ»...

На ряду съ хозяйственными занятіями не покидаетъ Кейзерлингъ интереса и къ ученымъ дѣламъ. Такъ, въ 1849 году, онъ занимается научной обработкой окаменѣлостей, привезенныхъ академикомъ Л. И. Шренкомъ изъ его путешествія,—«отъ времени до времени подобныя задачи выпадаютъ мнѣ на долю, пока въ Россіи не народится ученый, который по авторитетности могъ бы заступить мое мѣсто въ палеонтологіи». Въ 1850 году, онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ работахъ геологическаго общества въ Мансѣ (въ департаментѣ Сарты); въ 1855 году, пять недѣль употребляетъ для всесторонняго выясненія вопроса о томъ, умѣстно ли и полезно ли будетъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ принять званіе президента императорской академіи наукъ, а ему отправлять при ней обязанности вице-президента, и приходитъ къ отрицательному заключенію, въ чемъ убѣждаетъ великую княгиню, а это ведетъ къ назначенію въ президенты академіи графа Д. Н. Блудова; наконецъ, въ 1860 году, Кейзерлингъ, совмѣстно съ Вернелемъ, со-

<sup>1)</sup> I, 286, 289, 300, 291, 295, 300, 302—303, 308.



вершаетъ экскурсію въ Испанію для изученія геологическаго строенія пластовъ южнаго склона Пиринеевъ—работа по этому предмету (Verneuil et Keyserling: Coupes du versant meridional des Pyrenées) появилась въ бюллетенѣ французскаго геологическаго общества (II série, v. XVIII, Парижъ, 1860—1861 г.)<sup>1)</sup>.

Тѣмъ временемъ, осенью 1848 года, умираетъ его теща, графиня Канкрина, въ концѣ 1850 года за нею слѣдуютъ отецъ и мать Кейзерлинга, но напряженная дѣятельность не позволяетъ молодому графу заключиться въ кругъ безплодныхъ, горестныхъ сожалѣній и воспоминаній объ утратахъ, предустановленныхъ рокомъ: жизнь и ея интересы властно заявляютъ о своихъ правахъ.

Дѣло въ томъ, что съ переселеніемъ въ Эстляндію для графа А. А. Кейзерлинга открылось широкое поприще общественной дѣятельности. Съ 1-го апрѣля 1847 года имматрикулированный въ списки мѣстнаго дворянства, онъ съ 10-го марта 1850 года былъ избранъ въ депутаты отъ Гарріенскаго округа, въ 1852—1856 годахъ исправлялъ обязанности судьи кирхшпиля, въ составъ коего входилъ Райкюль, а съ 1857 по 1862 годъ уже состоялъ эстляндскимъ Rittercschaftshauptmann'омъ, что соотвѣтствуетъ званію гурбернскаго предводителя дворянства<sup>2)</sup>.

Общественная дѣятельность графа Кейзерлинга съ русской точки зрѣнія представляетъ немало тѣневыхъ сторонъ: вѣрный стариннымъ преданіямъ балтовъ, Кейзерлингъ ревниво оберегалъ корпоративные интересы и балтійскія вольности отъ всего похожаго на «русскія посягательства», и русскій «націонализмъ» ему, какъ нѣмцу, былъ чуждъ и мало симпатиченъ. Кейзерлингъ, правда, сознавалъ, что балтійскимъ корпораціямъ слѣдуетъ опираться на Россію и возможно тѣснѣе съ нею сплачиваться, ибо со времени присоединенія къ имперіи между Прибалтійскимъ краемъ и Германіею образовалась непроходимая бездна (стр. 318); по отношенію къ императору и имперіи обязанностью балтовъ является всемѣрно заботиться объ охраненіи спокойствія и порядка (стр. 438); для балтовъ неизбѣжно изученіе русскаго языка и овладѣніе имъ въ совершенствѣ, такъ какъ недалеко то время, когда русскій языкъ сдѣлается необходимою не для однихъ только мѣстныхъ чиновниковъ (стр. 427). Несмотря, однако же, на подобныя проявленія «лояльности», всѣ симпатіи Кейзерлинга влекли его къ охранѣ исконныхъ балтійскихъ установленій, а паче всего крупной дворянской поземельной собственности; за остальными сословіями онъ признавалъ лишь право на владѣніе мелкими поземельными участками и на свободу для нихъ переселенія и труда (стр. 397). Самое сближеніе съ придворными сферами представляло для графа осо-

<sup>1)</sup> I, стр. 377—378, 330, 347, 387, 431.

<sup>2)</sup> I, стр. 348, 317.

бенно важное значеніе потому, что онъ при случаѣ могъ замолвить слово въ защиту балтійскаго быта (стр. 278).

(Существенную опасность для Эстляндіи въ 1850-хъ годахъ представляли барщинныя повинности крестьянъ, отбывавшіяся натурою. Итого въ 1858 года, недоразумѣнія по этой части выразились даже въ беспорядкахъ и единичныхъ случаяхъ отказовъ крестьянъ отъ работъ; конфликты эти потребовали въ 1858 году вмѣшательства военной силы и вызвали командированіе изъ Петербурга въ Прибалтійскій край генераль-адъютанта Исакова. Докладъ его государю могъ угрожать видами на русское вмѣшательство въ балтійскія дѣла. Поэтому Кейзерлингъ убѣждаетъ дворянство послѣдовать личному его примѣру и перевести натуральную барщинную повинность на денежную. Упорядоченіе отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, введеніе поземельныхъ книгъ (*Lagerbücher*), ограниченіе отъ господскихъ владѣній угодій, отдаваемыхъ въ аренду крестьянамъ, твердо и ясно намѣчали дальнѣйшія аграрныя отношенія. О всѣхъ этихъ мѣрахъ, сѣбно выработанныхъ эстляндскимъ дворянствомъ, Кейзерлингъ въ 1859 году нашель случай лично доложить государю Александру Николаевичу, который и соизволилъ утвердить эти мѣры, въ видѣ опыта, на три года, помимо государственнаго совѣта (стр. 393 и 420).

Подъ 16-го января 1859 года Кейзерлингъ распространяется о музыкальномъ вечерѣ у государыни Маріи Александровны, на который былъ приглашенъ, и сообщаетъ сестрѣ, что лѣто проведетъ съ семьей въ Гапсалѣ не столько для отдохновенія, сколько ради служенія общественнымъ интересамъ, въ виду предстоящаго туда пріѣзда государя, государыни, наслѣдника и другихъ высочайшихъ особъ.

Въ началѣ іюня Кейзерлинги были уже въ Гапсалѣ и вращались въ кружкѣ графини Ламбертъ (сестры Зинаиды Егоровны Кейзерлингъ), Головиныхъ, Урусовыхъ и Княжевичей. Увѣдомляя отъ 30-го іюля 1859 года своего родственника, барона фонъ-Бера, о томъ, что государь лично къ нему, Кейзерлингу, очень милостивъ, удостоилъ подарить ему свой портретъ и пожаловалъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и камергерскимъ ключемъ, графъ выражаетъ радость, что за время высочайшаго пребыванія въ Гапсалѣ никакихъ всеподданнѣйшихъ жалобъ отъ крестьянъ (по поводу барщинной повинности) не поступало, и что «ихъ величества проявляютъ все болѣе и болѣе благосклонное и милостивое сочувствіе къ нашимъ установленіямъ, а это въ будущемъ составитъ наидѣйствительную для нихъ охрану».

Частыя поѣздки по дѣламъ эстляндскаго дворянства въ Петербургъ дали Кейзерлингу возможность закрѣпить давнишнія дружескія отношенія къ О. фонъ-Бисмарку, состоявшему тогда прусскимъ посланникомъ при С.-Петербургскомъ дворѣ: Кейзерлингъ

бывалъ теперь часто въ германскомъ посольствѣ и настолько сближился съ госпожею Бисмаркъ, что та начала съ нимъ обмѣниваться письмами <sup>1)</sup>).

Въ юнѣ 1861 г. Бисмаркъ даже проводитъ нѣсколько дней въ Райкюллѣ, куда Кейзерлингъ настоятельно приглашалъ своего друга. «Если ты хочешь видѣть страну, которая благоденствуетъ безъ бюрократіи,—писалъ онъ Бисмарку,—и прекрасно обходится безъ ученыхъ юристовъ и чиновниковъ, пріѣзжай сюда». Бисмаркъ въ Райкюллѣ живо всѣмъ интересовался, предпринималъ обширныя пѣшеходныя прогулки и заходилъ даже въ крестьянскіе дома поболтать и пошутить съ эстами, при чемъ Кейзерлингъ отправлялъ обязанности толмача. Особенный эффектъ произвелъ казусъ, которымъ Бисмаркъ впоследствии не разъ дразнилъ Кейзерлинга; послѣдній рассказалъ гостю, что, благодаря постоянному пребыванію въ Райкюллѣ, ему удалось замѣтно поднять благосостояніе и развитіе эстовъ, и онъ сумѣлъ даже отучить ихъ отъ курныхъ избъ, помогая имъ перестраиваться; въ одной избѣ Бисмаркъ и спросилъ у эста, какъ ему теперь живется, когда вотъ г. графъ выстроилъ ему новую избу съ такою хорошею дымовою трубою. «Да ничего, съ тѣхъ поръ, какъ я трубу заткнулъ тряпками, жить можно!»—отвѣчалъ эстъ простодушно <sup>2)</sup>).

17 апрѣля 1862 г. для Кейзерлинга открылась новая дѣятельность, вслѣдствіе назначенія его въ преемники т. с. фонъ-Брадтке по управленію Дерптскимъ учебнымъ округомъ.

Должность попечителя дала Кейзерлингу возможность вернуться къ болѣе тѣснымъ сношеніямъ съ ученымъ міромъ, а тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Головинъ вызвалъ особенныя его симпатіи гуманностью и широтою своихъ взглядовъ.

Привыкнувъ въ Эстляндіи служить по выборамъ безвозмездно, графъ нѣсколько стѣснялся получать отъ казны содержаніе—его коробило, что онъ дѣлается, по его выраженію, «піявкой, сосущою кровь государства»; на милостивый вопросъ государя, какой окладъ его удовлетворить, онъ отвѣчалъ: «пусть жалованіе будетъ по закону». Впоследствии, выйдя уже въ отставку, Кейзерлингъ не разъ высказывалъ: «я не знаю, былъ ли я хорошимъ попечителемъ, но во всякомъ случаѣ былъ самымъ дешевымъ, какого правительство тогда имѣло». Это совѣстливое отношеніе къ казеннымъ интересамъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что, благодаря службѣ по выборамъ и частымъ отлучкамъ, Кейзерлингъ сильно запустилъ хозяйство, и доходы съ имѣній значительно сократились.

<sup>1)</sup> I, стр. 403—404, 408, 412, 437

<sup>2)</sup> I, стр. 444—445.

Благодаря вліятельности, Кейзерлингу удалось отстоять исконныя вольности Дерптскаго университета, и онъ на долгіе годы остался при особомъ положеніи, внѣ дѣйствія общаго университетскаго устава 1863 г.; Кейзерлингу же принадлежитъ починъ обновленія дерптской профессуры привлеченіемъ свѣжихъ силъ (такъ вмѣсто Россберга былъ для преподаванія русскаго языка и исторіи словесности приглашенъ пр. Котляревскій), учреждены новыя каѳедры, и значительно улучшены ученые учрежденія университета (лабораторіи, кабинеты и пр.).

Еженедѣльными посѣтителями попечительскаго салона въ Дерптѣ явились биографъ Жуковскаго, докторъ Г. фонъ-Зейдлицъ, математикъ Миндингъ, астрономъ Мэдлеръ, профессоръ философіи Штрюмпель, ботаникъ Бунге и приобрѣтшіе впоследствии широкую извѣстность по крайности «балтійскихъ» убѣжденій пр. Ширренъ и братья фонъ-Эттингенъ; позднѣе къ этому ядру друзей Кейзерлинга присоединились академикъ К. Э. фонъ-Гэръ, удалившійся въ Дерптъ на покой, и товарищъ сына Кейзерлинга Т. Шиманнъ (нынѣ профессоръ исторіи въ Берлинскомъ университетѣ) <sup>1)</sup>.

Мужскія вечерники въ домѣ попечителя оставили въ ихъ участникахъ неизгладимыя воспоминанія. Такъ, по признанію пр. Руссова, «въ тонкомъ искусствѣ вести непринужденную бесѣду гр. Кейзерлингъ былъ неподражаемъ. На мой взглядъ, три качества дѣлали его чарующимъ собесѣдникомъ—умѣніе говорить, слушать и молчать. Разговоръ, въ которомъ онъ принималъ участіе, никогда вяло не тянулся. Тому, что онъ выспрашивалъ у собесѣдниковъ, онъ умѣлъ придать такой оборотъ и освѣщеніе, что получалось нѣчто привлекательное и интересное». То же подтверждаетъ пр. Шиманнъ: «Даже разговоры, касавшіеся обыденныхъ предметовъ, гр. Кейзерлингъ направлялъ такъ, что приводилъ собесѣдниковъ къ болѣе широкимъ обобщеніямъ и задачамъ... Равнымъ образомъ въ самыхъ будничныхъ житейскихъ явленіяхъ графъ, по свойствамъ своего ума, пытался уловить нѣкоторую общность, проявляя тутъ всю широту своего кругозора» <sup>2)</sup>...

Попечителю приходилось совершать частыя объѣзды Прибалтійскаго края для ревизіи учебныхъ заведеній округа; точно также часто ѣздилъ онъ въ Петербургъ для объясненій съ министромъ. Последнія поѣздки сопровождались, конечно, учащеніемъ посѣщеній къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ; по приглашенію ея графъ нерѣдко сталъ возить и дочь къ ея крестной матери. Графиня Елена Александровна находилась въ Михайловскомъ дворцѣ и разговаривала съ баронессою Эдитою Раденъ въ залѣ, передъ кабинетомъ великой княгини, когда, непосредственно вслѣдъ за

<sup>1)</sup> I, стр. 451—455 passim.

<sup>2)</sup> I, стр. 455, 584—585.

покушеніямъ Каракозова, государь захвалъ успокоить тетку. Государь имѣлъ бодрый и веселый видъ, поздоровался съ баронессою Раденъ и, подойдя къ m-elle Кейзерлингъ, протянулъ ей руку съ вопросомъ: «Vous ne me reconnaissez pas?» (Вы меня не узнаете?). Признать послѣ потрясенія, вызваннаго покушеніемъ, особу, мелькомъ видѣнную въ бальномъ костюмѣ за нѣсколько лѣтъ въ провинціи,—это ли не образчикъ колоссальнѣйшей памяти на лица, какою обладалъ государь Александръ Николаевичъ <sup>1)</sup>!

Пожалованный въ 1866 г. въ званіе гофмейстера, гр. Кейзерлингъ лѣтомъ 1867 г. опять сопровождаетъ великую княгиню Елену Павловну въ заграничномъ путешествіи; на сей разъ съ великою княгинею ѣдутъ: ея племянница, принцесса Елисавета фонъ-Ней-Видъ (теперешняя королева Румынская), и баронесса Эдита Раденъ. Посѣтивъ мимоѣздомъ въ Варцинѣ гр. Бисмарка, Кейзерлингъ большую часть лѣта провелъ въ Карлсбадѣ съ великою княгинею, соприкасаясь съ семейю князя С. А. Долгорукаго, Валуевыми, графинями Келлеръ, Константиномъ Суворовымъ, церемоніймейстеромъ Пушкинымъ и оберъ-форшнейдеромъ Мухановымъ. Эдита фонъ-Раденъ и принцесса Ней-Видъ подъ руководствомъ Кейзерлинга прилежно составляли гербарій разнообразныхъ Карлсбадскихъ папоротниковъ: «принцесса Елисавета была тогда эирнымъ, робкимъ созданиемъ, и трудно себя представить, какъ она впослѣдствіи могла развиться въ гениальную, по силѣ реализма, писательницу». Великая княгиня проявляла обычную привѣтливость и въ интимномъ кружкѣ нерѣдко касалась подробностей своей жизни въ молодости. «Увы, желудокъ ихъ, конечно, болѣе обезпеченъ въ средствахъ пропитанія, чѣмъ это доступно чернорабочему въ его быту,—прибавляетъ Кейзерлингъ,—но высшіе умственные ихъ запросы безжалостно топчатыся ногами. Чѣмъ болѣе я узнаю пережитое великою княгинею, тѣмъ болѣе преклоняюсь передъ нею <sup>2)</sup>. .... Она слишкомъ мало бережетъ свои силы, а между тѣмъ малѣйшая непріятность ее удручаетъ. Теперь великая княгиня увлекается мыслью, какъ бы устроить такъ, чтобы я могъ совмѣстить должность попечителя, принявъ на себя, вмѣсто Розена, управленіе ея дворомъ. Я, однако же, сознаю, что долгъ совѣсти мнѣ не позволитъ пренебречь дерптскимъ постомъ».

Путешественники, отбывъ курсъ лѣченія на водахъ, посѣтили Парижскую всемірную выставку, и Кейзерлингъ имѣлъ тутъ случай познакомиться съ дворомъ Наполеона. Императоръ произво-

<sup>1)</sup> I, стр. 456, 476, 491.

<sup>2)</sup> Между прочимъ Кейзерлингъ сообщаетъ, что когда Вильгельмъ I—тогдашній принцъ прусскій—по встрѣчался съ Еленою Павловною, бывшей уже невѣстою, она на него произвела сильнѣйшее впечатлѣніе, и онъ, будто бы, безуспѣшно просилъ Николая Павловича уговорить Михаила Павловича отказаться отъ руки невѣсты въ пользу его, Вильгельма.

диль впечатлѣніе «bourgeois von para» (добряка буржуа), императрица поражала своею красотою, но весь придворный ихъ антуражъ показался ему «бродомъ» «ragvenus» (высочекъ разночинцевъ) <sup>1)</sup>.

Лѣто слѣдующаго 1868 г. Кейзерлингъ, по приглашенію великой княгини, пользуется ея гостепріимствомъ въ Ораніенбаумѣ, а осенью ѣдетъ съ дочерью за границу и часть октября проводитъ въ Варцинѣ. Дочь Кейзерлинга по этому поводу сообщаетъ рядъ типичныхъ анекдотовъ о желѣзномъ канцлерѣ. Зашель, напримѣръ, разговоръ объ идеалѣ воспитанія высочайшихъ особъ, и Бисмаркъ со свойственной ему рѣзкостью объявилъ: «въ сущности всего лучше воспитывать принцевъ и эрцгерцоговъ на персидскій ладъ, т.-е., чтобы они были искусными ѣздоками, стрѣлками, фехтовальщиками и т. п.; кто же хочетъ достигнуть полного мастерства въ своемъ ремеслѣ, долженъ научиться невозмутимо и подолгу выстоявать на ногахъ, постороннимъ кидать привѣтливыя фразы и скрывать истинныя чувства;—зачѣмъ высокимъ особамъ самимъ высказывать непріятную для другихъ правду, если это можно поручать приближеннымъ? Нашъ король, напримѣръ, прибавилъ Бисмаркъ, совѣтъ не умѣетъ солгать—ужъ за десять шаговъ видишь, какъ онъ къ этому готовится».

Въ другой разъ объ университетахъ Бисмаркъ не обинуясь отозвался: «въ сущности они затѣмъ и существуютъ, чтобы профессора образовывали изъ себя ученую корпорацію, имѣли средства къ существованію, да писали бы свои книги. Лекціи—пустая формальность; каждый студентъ по учебникамъ и запискамъ готовитъ, что надо къ экзаменамъ. Пребываніе въ университетѣ для юныхъ молодецъ—непоправимая бѣда: они пріучаются бездѣльничать и растрчиваютъ только здоровье».—«Да,—вмѣшалась тутъ графиня Бисмаркъ,—увидѣвъ впервые въ Берлинѣ зданіе университета, я растрогалась при мысли, что мой милый Бисмаркъ юнымъ студентикомъ каждый день вотъ здѣсь бывалъ, и спрашиваю мужа: ты, конечно, университетъ посѣщаль аккуратно?»—«Никогда!»—даже закричалъ мужъ на меня».—«Такъ и на самомъ дѣлѣ было,—подтвердилъ графъ Кейзерлингъ:—Бисмаркъ никогда въ университетъ не заживалъ, къ экзаменамъ готовился какую нибудь недѣлю и выдержалъ ихъ. Я отлично помню, что, вернувшись съ экзаменовъ, онъ страшно бѣсился, зачѣмъ такъ усердствовалъ».—«Еще бы!—воскликнулъ тутъ Бисмаркъ:—вѣдь ни о чемъ, что я такъ старательно вызубрилъ, меня даже не спросили! По сей еще часть не могу я себѣ простить, изъ-за чего же я надсаживался!» <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> I, стр. 310, 500, 513, 519, 520, 527.

<sup>2)</sup> I, стр. 552, 546.

Между тѣмъ постепенно и незамѣтно въ административной дѣятельности Кейзерлинга наступили осложненія: Головиннѣ покинулъ министерство, начались Самаринскія и Катковскія обличенія непорядковъ на нашихъ окраинахъ, въ Дерптскій округъ назначили на помощь попечителю помощника, но послѣднему указано было жить въ Ригѣ и дѣйствовать болѣе въ русскомъ духѣ. Все это Кейзерлинга раздражаетъ: — онъ жалуется на русскую печать и бредни русскаго націонализма (510 стр.); вся бѣда отъ газетъ, такъ думаютъ и въ высшихъ сферахъ (стр. 529); Кейзерлингъ доходитъ до такой односторонности, что утверждаетъ, будто для правильной постановки дѣла ни министръ, ни генераль-губернаторъ не должны касаться того, «какъ учатъ и учатся у насъ по-русски» (стр. 586). Сознывая, что при измѣнившихся вѣяніяхъ онъ, въ качествѣ попечителя, теперь не на мѣстѣ и не поладитъ ни съ графомъ Д. А. Толстымъ, ни съ генераль-губернаторомъ Альбединскимъ, Кейзерлингъ въ интересахъ образованія младшей дочери Маріи недоумѣваетъ, гдѣ ему поселиться: въ Дрезденѣ, Маннгеймѣ или Швейцаріи, — все равно, лишь бы не проживать болѣе 6.000 рублей въ годъ (стр. 569).

Веденіе официальной переписки съ профессорами на нѣмецкомъ языкѣ и уклоненіе лицъ учебнаго состава отъ посѣщенія православнаго собора по высокотожественнымъ днямъ были однимъ изъ внѣшнихъ поводовъ къ недоразумѣніямъ, возникшимъ у обидчиваго попечителя съ мѣстнымъ и петербургскимъ начальствомъ (стр. 570, 572 и 582); въ концѣ 1869 г. Кейзерлингъ подалъ въ отставку, которая была принята государемъ съ неудовольствіемъ.

Послѣдующіе два года Кейзерлингъ живетъ почти безвыѣздно въ Райкюллѣ и только въ 1870 году нѣсколько дней проводитъ у Елены Павловны на ея Каменноостровской дачѣ, а въ 1871 г. ѣдетъ за границу и, между прочимъ, не минуешь Варцина.

Посѣщеніе Бисмарка Кейзерлингомъ совпало съ уходомъ прусскаго министра народнаго просвѣщенія Мюлера, и когда докладчикъ Бисмарка Эгиди пріѣхалъ къ канцлеру, тотъ неустанно расхваливалъ уѣхавшаго Кейзерлинга; при послѣдовавшемъ затѣмъ разговорѣ о присканіи Мюлеру преемника, догадливый Эгиди, въ числѣ возможныхъ кандидатовъ, надумалъ назвать и Кейзерлинга. «Да едва ли кто другой былъ бы теперь здѣсь такъ на мѣстѣ, какъ Кейзерлингъ!» — обмолвился на это Бисмаркъ.

Происходили ли и впрямь между давнишними друзьями объ этомъ переговоры, дочь Кейзерлинга не говоритъ, но вскользь проговаривается, что отецъ ея не считалъ себя пригоднымъ занять въ Пруссіи постъ министра народнаго просвѣщенія; съ другой стороны самой графинѣ Еленѣ Александровнѣ на этотъ счетъ дѣлались противорѣчивые и неясные намекы въ Берлинѣ Роттенбахомъ, а въ Петербургѣ генераломъ фонъ-Вердеромъ. Когда эти же

слухи дошли до государя Александра II, онъ о переходѣ Кейзерлинга въ прусскую службу отозвался: «*ce serait une félonie!*» (это было бы вѣроломною измѣною). Графиня Кейзерлингъ, пожалованная въ фрейлины въ 1867 году, въ 1871—1872 годахъ состояла при дворѣ великой княгини Елены Павловны, и та однажды не безъ раздраженія освѣдомилась у крестницы: «О чемъ думаетъ вашъ отецъ, что отказывается отъ предлагаемаго ему мѣста? Что онъ заживо, вмѣстѣ съ дочерьми, совсѣмъ хочетъ похоронить себя въ деревнѣ?» Изъ дальнѣйшаго разговора съ великой княгиней выяснилось, что государь Александръ Николаевичъ прочилъ Кейзерлинга на постъ посланника въ Штутгартъ и просилъ великую княгиню подъ рукою узнать, приметъ ли графъ это назначеніе, но Кейзерлингъ своей высокой покровительницѣ признался въ неизмѣнномъ рѣшеніи воздержаться отъ государственной службы вообще <sup>1)</sup>).

Пережитые годы глухой борьбы съ «русскимъ націонализмомъ» омрачили сознаніе Кейзерлинга, и онъ никакъ не могъ переварить трагичности своего положенія, позволившаго ему, вмѣсто продолжительнаго служенія во благо и на преуспѣяніе балтійскихъ традицій, явиться лишь непрочнымъ и скоро преходящимъ оплотомъ противъ обрусительныхъ стремленій (стр. 575), отсюда и его будированіе.

Къ этому предмету намъ впрочемъ не разъ придется возвращаться въ слѣдующей статьѣ, которую мы посвятимъ обзорнѣю II тома переписки Кейзерлинга, обнимающей конецъ царствованія Александра II и эпоху Александра III.

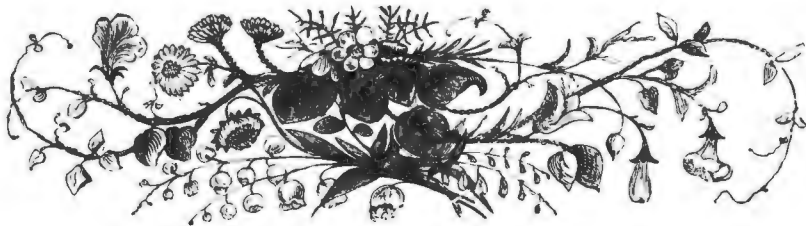
Вл. Штейнъ.

*(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).*



<sup>1)</sup> 1, стр. 645, 646, 511, 589.





## ВАСИЛІЙ АЛЕКСѢВИЧЪ СЛѢПЦОВЪ.

(Посвящается памяти Ник. Вас. Слѣпцова).

### I.

Вступленіе. — Изданіе сочиненій В. А. Слѣпцова. — Наличие неизданныхъ сочиненій. — Критическій разборъ біографическаго очерка, написаннаго матерью покойнаго писателя. — Несостоятельность сообщаемыхъ ею свѣдѣній. — Мое знакомство съ братомъ писателя. — Собраніе біографическихъ свѣдѣній о Слѣпцовѣ и рѣшеніе подѣлиться съ читателемъ добытыми данными.



**М**Ы, РУССКІЕ, какъ-то не умѣемъ цѣнить своихъ дѣятелей, на какомъ бы поприщѣ они ни работали, это безразлично, и многіе изъ нихъ, сойдя въ могилу, такъ и не могутъ дожидаться не только увѣковѣченія своего имени въ образѣ памятника или чего нибудь подобнаго, но даже надлежащей печатной оцѣнки своей дѣятельности или простой біографіи, подчасъ столь назидательной для потомства. Это—старая истина, и она въ особенности справедлива въ отношеніи писателей, хотя и не имѣвшихъ чести принадлежать къ корифеямъ нашей литературной семьи, но, тѣмъ не менѣе, занимавшихъ въ ней далеко не послѣднее мѣсто по своему таланту и значенію.

23-го марта 1903 года, исполнится 25 лѣтъ со дня смерти одного изъ нашихъ безызвѣстныхъ писателей 1850-хъ и 1860-хъ годовъ—Василія Алексѣевича Слѣпцова, а между тѣмъ до сихъ поръ не только не написано порядочной біографіи его, но не издано даже полнаго собранія его сочиненій.

Насколько мнѣ извѣстно, существуетъ только 2 изданія сочиненій Слѣпцова: первое изъ нихъ книгопродавца С. В. Звонарева, вышедшее при жизни автора въ Петербургѣ въ 1866 г. въ 2-хъ томахъ, заключало въ себѣ: I т.—10 рассказовъ и II т.—повѣсть «Трудное время». Изъ рассказовъ «Свиньи» былъ напечатанъ въ «Современникѣ» 1864 г. подъ другимъ заглавіемъ, а именно «Казачи», вслѣдствіе цензурныхъ условій. Второе изданіе вышло уже послѣ смерти автора, и право на него было передано его наследниками <sup>1)</sup> г-жѣ Европеусъ; впрочемъ это изданіе были лишь простой перепечаткой 1-го изданія и разнилось отъ него лишь тѣмъ, что къ нему былъ приложенъ портретъ В. А. Слѣпцова, кстати, по словамъ родныхъ его, не особенно схожій. Но этими изданіями, разумѣется, далеко не исчерпывается все то, что напечаталъ Слѣпцовъ. Сюда не вошли, напримѣръ: «Хорошій человѣкъ», «Записки метафизика», печатавшіяся къ 1868 году въ «Отечественныхъ Запискахъ» и подписанныя буквами В. С. Вообще нужно сказать, что съ 1865 г., послѣ Каракозовской исторіи, во время которой Слѣпцовъ былъ по подозрѣнію арестованъ, онъ не подписывалъ своихъ произведеній полнымъ именемъ, а только начальными буквами или сокращенною частью своей фамиліи. Наконецъ, кромѣ вышеприведенныхъ мною изданій, имъ былъ еще при жизни изданъ въ Тифлисѣ въ 1875 году отдѣльной брошюрой водевилъ «У мирового».

Но печатными изданіями далеко не исчерпывается все то, что было написано Слѣпцовымъ. По словамъ его брата (о которомъ буду говорить ниже), Слѣпцовъ велъ крайне кочевую жизнь, рѣдко гдѣ заживался недѣлю-другую, а потому и не имѣлъ постоянного пристанища, вслѣдствіе чего оставлялъ свои рукописи у разныхъ лицъ, частью съ порученіемъ напечатать ихъ, частью для временнаго храненія. И вотъ многія изъ такихъ рукописей вовсе не появились въ печати, о чемъ можно только пожалѣть. Между тѣмъ дѣло это поправимое, такъ какъ, со словъ того же брата писателя, мнѣ извѣстны нѣкоторые изъ лицъ, у которыхъ находится часть этихъ рукописей, и если это такъ, то, можетъ быть, они пожелаютъ теперь ко дню двадцатипятилѣтія кончины писателя почтить его память изданіемъ произведеній, еще не появившихся въ печати. Это будетъ тѣмъ болѣе кстати, что второстепенные писатели прежнихъ временъ куда повыше многихъ нынѣшнихъ, признанныхъ партійными кружками чуть ли не за первоклассныхъ, должно быть... на безрыбь!

Вотъ фамиліи этихъ лицъ, указанныя мнѣ братомъ Слѣпцова, и которыя я привожу здѣсь, не беря, разумѣется, на себя отвѣтственности за точность полученныхъ мною свѣдѣній:

<sup>1)</sup> Отъ 2-го брака Слѣпцова съ дѣвицей Языковой у него была единственная дочь Валентина Алексѣевна въ замужествѣ Гурко. къ которой и перешли авторскія права ея отца.

1) Лидія Филипповна Маклакова, по 1-му мужу Ломовская, дочь бывшего директора Петровско-Разумовской академіи Королева (по мужу въ родствѣ съ В. А. Слѣпцовымъ); 2) Панаева-Головачева (также въ родствѣ съ Слѣпцовымъ); 3) петербургскій врачъ Топоровъ.

Говоря объ изданіяхъ сочиненій В. А. Слѣпцова, не могу умолчать объ одномъ недоразумѣніи, касающемся этихъ изданій и вызываемомъ словами матери покойнаго писателя, помѣщенными въ напечатанномъ ею въ «Русской Старинѣ» отрывкѣ воспоминаній о своемъ сынѣ. На страницѣ 238 <sup>1)</sup> она говоритъ: «при выходѣ посмертнаго 3-го изданія сочиненій моего сына, В. П. Буренинъ также вѣрно оцѣнилъ талантъ В. А. Слѣпцова, сравнилъ его дарованіе»... и т. д. Посмертное третье — значитъ при жизни писателя было два изданія, между тѣмъ мнѣ извѣстно лишь одно изданіе, о которомъ я упомянулъ выше, и ни роднымъ В. А. Слѣпцова, ни другимъ компетентнымъ лицамъ про второе, прижизненное изданіе совершенно не извѣстно. В. П. Буренинъ, къ которому я также обращался въ іюль 1868 г. по этому вопросу, любезно сообщилъ мнѣ, что, вѣроятно, мать писателя ошиблась, называя это изданіе 3-мъ, такъ какъ, насколько онъ помнитъ, имъ былъ помѣщенъ въ «Новомъ Времени» фельетонъ по поводу выхода 2-го посмертнаго изданія. Но это 2-ое посмертное изданіе вышло также послѣ смерти матери писателя, а слѣдовательно она не могла о немъ говорить...

Не дождавшись изданія полнаго собранія своихъ сочиненій, Слѣпцовъ былъ также мало счастливъ и въ отношеніи своей биографіи, которой до настоящаго времени не существуетъ, такъ какъ этимъ именемъ собственно нельзя назвать весьма краткій отрывокъ, помѣщенный въ «Русской Старинѣ» за 1890 г., о которомъ я говорилъ выше, и подписанный матерью покойнаго писателя. Помимо своей краткости, неполноты, онъ отличается еще многими невѣрно переданными фактами, зачастую съ предвзятою цѣлью, что въ совокупности не даетъ возможности составить себѣ на ихъ основаніи правильнаго нравственнаго образа писателя. Чтобы не заслужить упрека въ голословности, позволю себѣ нѣсколько остановиться на этомъ фактѣ и указать какъ тѣ погрѣшности, которыми грѣшитъ названный очеркъ, такъ и тѣ основанія, по которымъ я отношусь недовѣрчиво ко многимъ, передаваемымъ въ немъ фактамъ.

Прежде всего вотъ условія, при которыхъ названный биографическій очеркъ появился въ печати. Покойный редакторъ «Русской Старины» Семевскій, занимаясь въ 1889 году въ семейномъ архивѣ князей Куракиныхъ при имѣніи послѣднихъ Надеждиныхъ, Куракинѣ

<sup>1)</sup> «Русская Старина» 1890 г. январь, томъ LXV.

тожъ, Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи, и узнавъ, что это родина покойнаго писателя Слѣпцова (родовое имѣніе ихъ находится по сосѣдству), что Василій Алексѣевичъ не задолго до смерти жилъ въ Куракинѣ, и что его мать еще жива и проживаетъ въ г. Сердобскѣ, посѣтилъ послѣднюю и записалъ съ ея словъ тѣ краткія біографическія свѣдѣнія, которыя и появились въ слѣдующемъ году въ «Русской Старинѣ» за подписью Жозефины Слѣпцовой. Это было въ 1889 г., а старуха Слѣпцова скончалась по свидѣтельству ея сына Николая Алексѣевича на 86 году своей жизни, слѣдовательно въ то время, когда ее посѣтилъ Семейскій, ей было уже 84 года—возрастъ довольно почтенный, при которомъ память невольно измѣняетъ человѣку, умственные способности притупляются, и является не только неправильная оцѣнка и освѣщеніе фактовъ и прежнихъ событій, но эти послѣднія невольно передаются невѣрно, или о нихъ вовсе умалчивается. Примѣровъ тому мы немало можемъ найти въ написанной ею біографіи. Такъ, на страницѣ 234 она говоритъ: «послѣ окончанія курса въ дворянскомъ институтѣ мы отвезли въ Москву Василя Алексѣевича. Въ это время была венгерская кампанія, и родные посовѣтовали помѣстить сына нашего въ одинъ изъ полковъ дѣйствующей арміи». По свѣдѣніямъ же брата писателя и по собраннымъ нами свѣдѣніямъ оказалось, что Слѣпцовъ въ Пензѣ полнаго курса не кончилъ, въ 1848 г., когда была венгерская кампанія, ему шелъ всего 12-й годъ, въ то время онъ учился въ Москвѣ, куда его родителями слѣдовательно и переѣзжать не было надобности, такъ какъ они переселились въ Пензу изъ Москвы лишь въ концѣ 1849 г., и былъ всего во 2-мъ классѣ московскаго дворянскаго института, и, разумѣется, объ его отдачѣ на военную службу въ то время не могло быть и рѣчи. Къ числу забывчивости памяти можетъ быть отнесенъ и упомянутый выше фактъ о 3-мъ изданіи, когда было всего 2 изданія сочиненій ея сына и т. п., вообще въ біографіи встрѣчаются и другіе болѣе мелкіе факты, невѣрно переданные.

Но на ряду съ такими невольными ошибками встрѣчаются и другого рода невѣрности, такъ сказать, искаженія предумышленныя, которыя еще болѣе обезцѣниваютъ значеніе этого біографическаго очерка. По свидѣтельству другого ея сына, Василя Алексѣевича Слѣпцова, его мать была женщиной чрезвычайно гордой въ своихъ дворянскихъ и свѣтскихъ традиціяхъ, и все, что такъ или иначе нарушало ихъ въ жизни ея сына Василя, она старалась не только сама игнорировать, но прямо таки вычеркнула все это изъ жизни сына, какъ нѣчто вовсе не существовавшее. Къ таковымъ фактамъ, сыгравшимъ немалую роль въ жизни покойнаго писателя, слѣдуетъ отнести, во-первыхъ, его актерство, а, во-вторыхъ, его 1-й бракъ (онъ былъ женатъ 2 раза) съ кордебалетной танцовщицей московскаго театра Екатериной Александровной Цу-



Домъ въ имѣніи Слѣпцовыхъ, Александровскѣ.

кановой въ 1856 году, отъ которой у него не было дѣтей. Ни бракъ съ танцовщицей, признанный старухой Слѣпцовой *mesalliance*’омъ, ни актерство сына, какъ занятіе, не вяжущееся съ тогдашними дворянскими традиціями, не могли быть по душѣ Жозефинѣ Слѣпцовой, и она, разумѣется, умолчала объ этомъ при своемъ свиданіи съ Семейскимъ, упомянувъ объ участіи своего сына лишь въ любительскихъ спектакляхъ. Подобная характеристика ея, сдѣланная мнѣ ея сыномъ Николаемъ Алексѣвичемъ, тѣмъ болѣе заслуживаетъ вѣры, что мы находимъ этому подтвержденіе въ самой біографіи. Съ первыхъ же строкъ ея г-жа Слѣпцова говоритъ о древнемъ родѣ Слѣпцовыхъ и ея, и съ гордостью перечисляетъ тѣ фамиліи, съ которыми они состоятъ въ родствѣ. Но не подумаетъ читатель, что я упоминаю объ этомъ осужденія ради. Избави Богъ! Я далекъ отъ этого, и данный фактъ интересуется меня лишь постольку, поскольку онъ является доказательствомъ, или, вѣрнѣе, мотивомъ умышленнаго умолчанія г-жи Слѣпцовой о нѣкоторыхъ сторонахъ жизни ея сына.

Наконецъ, біографическій очеркъ этотъ, какъ написанный матерью «біографируемаго» лица (да проститъ мнѣ читатель это выраженіе!), пристрастенъ, что также ведетъ къ искаженію фактовъ и къ невѣрному освѣщенію послѣднихъ. Такъ, напримѣръ, болѣзнь и самую смерть Василя Алексѣвича она приписываетъ его шестинедѣльному аресту въ 1866 году, что положительно является тяжелой, такъ какъ Слѣпцовъ умеръ въ 1878 году, т.-е. спустя цѣлыхъ 12 лѣтъ, и притомъ отъ болѣзни, которая, по словамъ его брата, ничего общаго не могла имѣть съ выдержаннымъ имъ когда-то краткимъ заключеніемъ (не въ крѣпости).

То же чисто материнское пристрастіе приписываетъ ему честь и инициативу возбужденія у насъ въ Россіи такъ называемаго «женскаго вопроса», между тѣмъ, какъ извѣстно, это совѣмъ не такъ, и роль, которую Слѣпцовъ игралъ въ этомъ дѣлѣ, очерчена у В. Стасова въ его воспоминаніяхъ о сестрѣ, напечатанныхъ въ 1896 г. въ книжкахъ «Недѣли».

Это пристрастіе въ связи съ частымъ непониманіемъ трактуемаго вопроса заставляло ее впадать подчасъ въ наивности въ родѣ того, что у сына ея былъ обычай при публичныхъ чтеніяхъ ставить около себя графинъ съ водой и пить таковую въ продолженіе чтенія, какъ будто это было не обыденнымъ въ такихъ случаяхъ явленіемъ, а принадлежащей ему одному привычкой. Къ чисто материнскому тщеславію, вполне понятному и совершенно извинительному, слѣдуетъ отнести и трехстишье изъ дѣтскаго стихотворенія ея сына, которое, по ея словамъ, было посвящено ей; между тѣмъ, по словамъ брата Слѣпцова, Николая [Алексѣвича, это стихотвореніе совѣмъ не относилось къ ихъ матушкѣ, а къ одной дѣвочкѣ, въ которую покойный былъ влюбленъ еще ребенкомъ. По словамъ Слѣпцовой, эти строки читаются такъ:

Не за себя молитва льется  
 Предъ престоломъ Всевышняго Творца,  
 Не за себи молю... за мать мою родную..

По словамъ же брата, эти стихи слѣдуетъ читать такъ:

Не за себя молю Творца,  
 Не за себя молитва льется  
 Къ престолу Вѣчнаго Отца,  
 Не за себя, не за себя!..

Сожалѣнія о неполнотѣ, пристрастности, невѣрности и краткости единственнаго существующаго въ печати біографическаго очерка покойнаго В. Слѣпцова, равно какъ сѣтованія на отсутствіе полнаго собранія его сочиненій, высказывалъ мнѣ братъ его Николай Алексѣевичъ Слѣпцовъ, съ которымъ я оказался деревенскимъ сосѣдомъ по саратовскому имѣнію моего отца, посѣщенному мной впервые лѣтомъ 1895 г.

— Почему же вы сами не займетесь собраніемъ рукописей вашего брата и ихъ изданіемъ? Почему не напишете его полной біографіи?—спросилъ я его.

— Почему? А потому, что право на изданіе его сочиненій принадлежитъ не мнѣ, а его прямымъ наслѣдникамъ, и предложить имъ этотъ вопросъ я не считаю себя въ правѣ вслѣдствіе... ну, вслѣдствіе разныхъ тамъ обстоятельствъ и нашихъ семейныхъ отношеній... Что же касается до біографіи, то, откровенно говоря, я объ этомъ подумывалъ, да все какъ-то, знаете, не соберусь съ этимъ дѣломъ...

Николай Алексѣевичъ былъ моимъ ближайшимъ сосѣдомъ и очень интереснымъ собесѣдникомъ. Мы съ нимъ часто видѣлись, и разговоры наши, по большей части, вертѣлись вокругъ воспоминаній о его покойномъ братѣ.

— Знаете что?—сказалъ онъ мнѣ въ одно изъ такихъ моихъ посѣщеній.—Я вамъ столько рассказалъ про своего брата, что вы теперь чуть ли не лучше меня знаете подробности его жизни, его характеръ, взгляды; не напишете ли вы сами его біографіи? Кстати, вы сами пописываете, и справитесь съ этимъ дѣломъ лучше меня.

Я согласился. Въ тотъ же вечеръ, вернувшись къ себѣ, я на свѣжую память записалъ все то, что слышалъ отъ него о его братѣ, и въ послѣдующія свои посѣщенія при нашихъ бесѣдахъ всегда имѣлъ при себѣ карандашъ и бумагу и пополнялъ свои замѣтки новыми данными, которыя были получены мной также и отъ другихъ лицъ Сердобскаго уѣзда, которыя хорошо знали покойнаго писателя. Это было въ 1895 г., и только теперь мнѣ удалось сдержать данное мной слово.

Сожалѣю лишь объ одномъ, что я лишень теперь возможности передъ напечатаніемъ предложить настоящій очеркъ на просмотръ

симпатичнаго сосѣда, котораго, увы, успѣла унести въ могилу все-сокрушающая смерть, и мнѣ остается лишь почтить его дорогую для меня память посвященіемъ ей настоящихъ строкъ, касающихся дорогого для него лица: брата-писателя.

Еще два слова: предупреждаю, я пишу не біографію Слѣпцова, даю лишь матеріалы къ ней: быть можетъ, они сослужатъ службу другому лицу, которое возьметъ на себя этотъ трудъ и эту отвѣтственность.

## II.

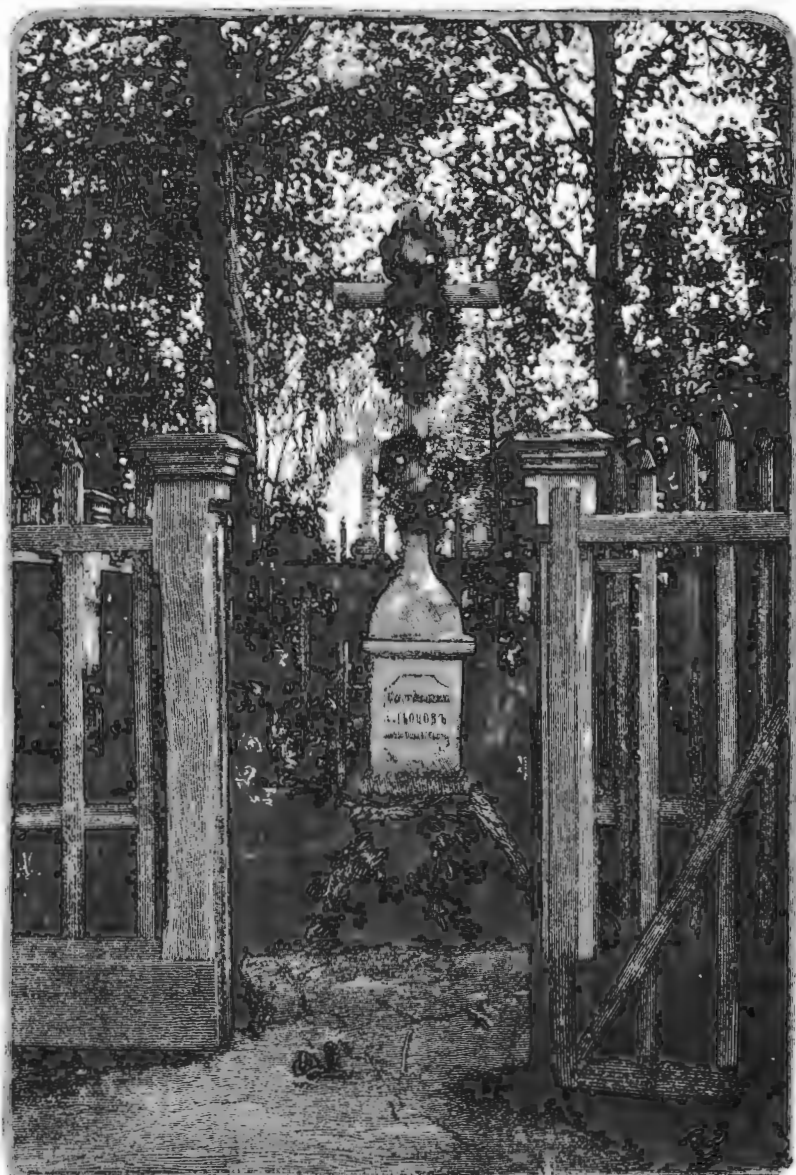
Василій Алексѣевичъ Слѣпцовъ родился 17 іюля 1836 г. отъ брака Алексѣя Васильевича Слѣпцова, тамбовскаго помѣщика, съ дѣвицей Жозефиной Адамовной Вольбутовичъ-Пойлонской, въ г. Воронежѣ, гдѣ отецъ въ то время служилъ въ Новороссійскомъ драгунскомъ полку; годъ спустя, Слѣпцовъ-отецъ вышелъ въ отставку и переѣхалъ съ семьей на постоянное жительство въ г. Москву.

По свидѣтельству его матери, Василій Алексѣевичъ съ дѣтства обнаружилъ недюжинныя способности: 5-ти лѣтъ отъ роду самостоятельно выучился читать, и чтеніе сдѣлалось его любимымъ занятіемъ. Впрочемъ не одно чтеніе занимало ребенка Слѣпцова, и пытливость ума его выражалась также постояннымъ стремленіемъ къ разбору и сборамъ всякаго рода механизмовъ, каковая страсть сохранилась въ немъ и въ зрѣломъ возрастѣ, когда онъ усердно изучалъ столярное и слесарное ремесла.

Съ 8-ми лѣтъ началось его систематическое образованіе; нанятъ былъ для занятій сперва гимназистъ, а затѣмъ студентъ Московскаго университета, который въ два года такъ хорошо подготовилъ своего ученика, что Слѣпцовъ могъ поступить прямо во 2-й классъ 1-ой московской гимназіи, на 11-мъ году жизни (1847 г.), что указываетъ несомнѣнно на его недюжинныя умственныя способности; одновременно съ этимъ шли его занятія языками французскимъ и нѣмецкимъ; первый изъ нихъ преподавала ему его мать, а второй—бабка его по матери, баронесса Игельстромъ.

Пребываніе его въ московской гимназіи было непродолжительно и не ознаменовалось ничѣмъ особеннымъ, могущимъ характеризовать будущую личность писателя. О томъ, какъ онъ учился, также не сохранилось свѣдѣній. Извѣстно только, что черезъ полтора года, въ 1849 г., отецъ его, получивъ въ наслѣдство имѣніе въ Саратовской губерніи, переѣхалъ туда съ семьей, взявъ изъ московской гимназіи своихъ дѣтей, въ томъ числѣ и Василія Алексѣевича, который и поступилъ для продолженія образованія въ 1850 г. въ 3-й классъ Пензенскаго дворянскаго института, ближайшаго учебнаго заведенія отъ имѣнія Слѣпцовыхъ, села Александровки, Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи. И здѣсь въ Пензѣ, какъ и ранѣе въ Москвѣ, Василій Алексѣевичъ съ жадностью занимался





Могила Слѣцова на кладбищѣ въ г. Сердобскѣ.

чтеніемъ и самъ пробоваль творить, но творчество его выразалось не прозой, а стихами, которые онъ сталъ писать въ то время подобно большинству юношей его возраста. Насколько хороши были его стихи,—судить трудно, такъ какъ ни одно изъ нихъ не сохра-

нилось, кромѣ приведеннаго мной въ I-й главѣ отрывка, но, должно быть, стихотворство не было его настоящимъ призваніемъ, такъ какъ онъ вскорѣ его бросилъ и впослѣдствіи даже не любилъ вспоминать о своихъ юношескихъ шалостяхъ пера. Ни чтеніе, ни писаніе стиховъ не мѣшали его учебнымъ занятіямъ, такъ какъ онъ продолжалъ учиться хорошо и переходилъ изъ класса въ классъ однимъ изъ первыхъ, дойдя такимъ образомъ до 6-го класса. Въ Пензенскомъ дворянскомъ институтѣ было въ то время 7 классовъ, при чемъ послѣдній классъ былъ посвященъ исключительно повторенію всего пройденнаго за 6 лѣтъ. Полагаясь на свои способности и не желая понапрасну тратить лишній годъ, молодой Слѣпцовъ объявилъ своимъ родителямъ, что не желаетъ долѣе продолжать ученіе въ институтѣ, а хочетъ прямо держать вступительный экзаменъ въ университетъ. Не понадѣялись ли родители на возможность этого, или не желали отпускать своего сына одного въ Москву въ столь молодыхъ годахъ (ему шелъ всего 17-й годъ),— намъ неизвѣстно; фактъ тотъ, что на его предложеніе послѣдовалъ рѣшительный отказъ. Но это не смутило Василя Алексѣевича; видя, что прямымъ путемъ онъ не достигнетъ цѣли, онъ пустился на хитрость и добился-таки въ концѣ концовъ своего. Для этого онъ прикинулся сумасшедшимъ; принадлежа къ числу воспитанниковъ, которые во время богослуженія прислуживали въ алтарѣ, Слѣпцовъ въ первую же всеобщую при облаченіи священника подалъ и надѣлъ на него діакопскій стихарь; священникъ сдѣлалъ ему выговоръ, но на слѣдующій день передъ обѣдней онъ сдѣлалъ то же, на полученное замѣчаніе глупо улыбался и затѣмъ цѣлымъ рядомъ поступковъ добился того, что его отвели въ лазаретъ; но и здѣсь, въ лазаретѣ, онъ имѣлъ терпѣніе продолжать разыгрывать роль тихаго помѣшательства и при томъ настолько успѣшно, что даже братъ его, Николай, учившійся и жившій вмѣстѣ съ нимъ въ томъ же институтѣ, тоже чуть было не поддавался обману, плакалъ, и лишь открытіе секрета успокоило его. Въ этомъ разыгрываніи роли сумасшедшаго сказался будущій сценическій талантъ Слѣпцова, и роль эта была проведена имъ такъ искусно, что всѣ поддались на эту удочку: институтскій докторъ, а за нимъ и все начальство съ печальными лицами и соболѣзнованіями заявили объ этомъ его родителямъ, и послѣдніе, разумѣется, поспѣшили взять его изъ института. Цѣль Слѣпцова такимъ образомъ была достигнута, и онъ, «проболѣвъ» еще немного для проформы, «выздоровѣлъ» и объявилъ родителямъ, что ему теперь не остается иного исхода, какъ держать экзаменъ въ университетъ; родителямъ пришлось согласиться, и Слѣпцовъ, выйдя изъ института въ январѣ 1853 года, благодаря своимъ способностямъ, уже въ августѣ того же года блистательно выдерживаетъ вступительный экзаменъ при Московскомъ университетѣ и поступаетъ на 1-й курсъ медицинскаго факультета.

Что именно заставило его избрать этотъ факультетъ,—трудно сказать съ увѣренностью; одно несомнѣнно, что Слѣпцовъ при всѣхъ своихъ способностяхъ былъ чрезвычайно непостояненъ въ своихъ увлеченіяхъ и постоянно мѣнялъ свои занятія и свой образъ жизни. Я думаю, не будетъ особенной натяжкой утверждать, основываясь на различныхъ фактахъ его жизни, что онъ вплоть до самой смерти продолжалъ оставаться не вполне установившимся человекомъ, и даже занятіе литературой не всецѣло поглощало его, не служа для него если не единственнымъ, но даже и главнымъ стимуломъ или цѣлью жизни. Эта неустойчивость и постоянное искаженіе чего нибудь новаго рельефно выразились въ его вѣчномъ скитаніи съ одного мѣста на другое, отъ одного занятія къ другому, что родители его старались объяснить особенной выработкой его характера, стремленіемъ себя во всемъ сдерживать и отрывать отъ всякой зарождающейся привычки; но это, мнѣ кажется, далеко не такъ и объясняется скорѣе не силою характера, а отсутствіемъ послѣдняго, т.-е. чисто славянскою распущенностью, бросающею у насъ зачастую людей талантливыхъ по разнымъ берегамъ житейскаго моря, пока они не обрѣтутъ наконецъ надлежащей и свойственной ихъ таланту пристани. Вся жизнь Слѣпцова, какъ мы увидимъ ниже, сплошь состояла изъ такого шатанья умственного и физическаго.

Увлеченный подъ вліяніемъ какого либо случайнаго факта медициной и поступивъ на медицинскій факультетъ, Слѣпцовъ не долго увлекается ею, скоро охладѣваетъ и привязывается къ театру, который въ то время былъ обставленъ въ Москвѣ большими артистическими силами. Примкнувъ къ кружку товарищей-студентовъ, носившему кличку «театраловъ», онъ забрасываетъ лекціи, усиленно посѣщаетъ Малый театръ, безъ устали рукоплещетъ своему любимцу Щепкину и, возвратившись домой, бредитъ монологами и говоритъ не иначе, какъ театральными отрывками и фразами изъ тогдашняго репертуара. Всѣ эти монологи и отрывки пьесъ выходили у него, благодаря талантности и развитому чувству подражательности, увлекательными и юношески горячими, такъ что товарищи аплодировали и съ жаромъ твердили ему о его артистическомъ талантѣ. Дальнѣйшее личное знакомство со Щепкинымъ и его одобрителный отзывъ окончательно вскружили молодую, легко увлекающуюся голову Слѣпцова, и онъ не задумываясь бросаетъ университетъ и дѣлается заправскимъ актеромъ.

Первымъ дебютомъ его служитъ Хлестаковъ въ «Ревизорѣ», поставленномъ въ Ярославлѣ, куда Слѣпцовъ былъ ангажированъ, какъ видно, сразу на первыя роли, гдѣ онъ игралъ подъ фамиліей Лунина зимній сезонъ 1854—1855 г.г. Какимъ успѣхомъ онъ пользовался у ярославской публики,—свѣдѣній не имѣется; вѣроятно, успѣхъ былъ, такъ какъ онъ игралъ тамъ цѣлый сезонъ, но успѣхъ

не такого рода, чтобы онъ могъ опьянить его или установить окончательно его дальнѣйшую карьеру; быть можетъ, тутъ сказалась и основная черта характера Слѣпцова—вѣчное блужданіе,—не знаю, но извѣстно только одно, что послѣ этого Слѣпцовъ оборвалъ со сценой и вернулся въ Москву. Братъ его, Николай Алексѣевичъ, въ бесѣдѣ со мной объяснялъ это отчасти слабостью груди брата, болѣзнию, при которой, разумѣется, нельзя было избирать сцену, какъ специальность. Однако любовь къ сценѣ не вполне покинула Слѣпцова, и онъ впоследствии не разъ возился съ театромъ. Въ бытность свою въ Тифлисъ въ 1873 году онъ игралъ тамъ и даже написалъ для сцены водевилъ «У мирового», о которомъ я упоминалъ выше, въ 1-ой главѣ. Въ Петербургѣ онъ также не оставлялъ исполнѣ сцены и, по свидѣтельству его матери, двѣ зимы подъ рядъ завѣдывалъ устройствомъ любительскихъ спектаклей въ художественномъ клубѣ. Какъ бы то ни было, но послѣ ярославскаго сезона Слѣпцовъ пересталъ смотрѣть на сцену, какъ на единственное и главное призваніе, и вернулся въ Москву, ища безсознательно, вѣроятно, тотъ путь, который долженъ былъ его вывести на широкую дорогу.

Вотъ тутъ-то впервые и начались его писательскіе опыты, и къ этому привело его слѣдующее случайное обстоятельство. По словамъ брата его, Николая, товарищемъ Василя Слѣпцова по университету, но только по другому факультету, былъ извѣстный нашъ писатель, графъ Салиасъ, мать котораго, также извѣстная писательница, Евгенія Туръ, издавала въ то время въ Москвѣ журналъ «Русская Рѣчь». Талантливая писательница замѣтила способнаго юношу и натолкнула его на литературу, пріютивъ молодого Слѣпцова въ своемъ журналѣ. Затѣмъ онъ сталъ писать и въ другихъ московскихъ изданіяхъ. Какимъ произведеніемъ дебютировалъ онъ въ литературѣ, мнѣ не удалось установить; былъ ли это одинъ изъ рассказовъ, вошедшихъ впоследствии въ собраніе сочиненій, изданныхъ самимъ Слѣпцовымъ; или это было юношеское произведеніе, не подписанное авторомъ и не попавшее въ изданіе по его скромности,—не знаю... Занятіе литературой не отвлекло Слѣпцова окончательно отъ театра; онъ продолжалъ вращаться въ артистическомъ мірѣ и въ 1856-мъ году, встрѣтясь съ кордебалетной танцовщицей московскаго театра, Екатериной Александровной Цукановой, увлекся ею и женился. Но счастье ихъ было непродолжительно; черезъ годъ его жена умерла, не оставивъ ему дѣтей. Горе его, повидимому, было не особенно сильно; къ тому же натура Слѣпцова была увлекающаяся и непостоянная. Не прошло и года, какъ онъ увлекся дочерью одного тверскаго помѣщика, дѣвицей Языковой, и вступилъ съ нею въ бракъ, отъ котораго у нихъ было двое дѣтей: сынъ, вскорѣ умершій, и дочь Валентина Васильевна (о которой я уже говорилъ въ 1-ой главѣ), вышедшая замужъ послѣ

смерти Слѣпцова за І. А. Гурко. Но непостоянство натуры Слѣпцова сказалось вскорѣ и тутъ; не помогли и дѣти, не привязавъ его сильнѣе къ семьѣ. Будучи очень красивъ собою, онъ пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ и подавалъ немало поводовъ къ ревности своей женѣ, которая была къ тому же старше его лѣтами. Сцены ревности возникли вскорѣ же послѣ свадьбы и продолжались безъ перерыва все время ихъ краткаго совмѣстнаго сожителства. Развѣхались они въ 1860 году послѣ двухлѣтней далеко не безмятежной жизни. Получивъ въ это время наслѣдство послѣ отца, Слѣпцовъ отвезъ свою жену въ саратовское имѣніе, унаслѣдованное вмѣстѣ съ братомъ, которому и продалъ вскорѣ свою часть земли, а самъ отправился путешествовать пѣшкомъ по Россіи, что было вызвано всеобщимъ тогда увлеченіемъ, толчекъ которому былъ данъ извѣстнымъ П. И. Якушкинымъ. Впечатлѣнія своего путешествія Слѣпцовъ тщательно заносилъ въ записную книжку, и имъ былъ собранъ, по свидѣтельству его брата, весьма обширный и интересный матеріалъ; къ несчастію, изъ этого матеріала далеко не все попало въ печать: по небрежности ли Слѣпцова, часто затеривавшаго свои рукописи, или по тогдашнимъ суровымъ цензурнымъ условіямъ. Быть можетъ, эти отрывки въ числѣ прочихъ его рукописей также сохранились у кого либо изъ многочисленныхъ знакомыхъ покойнаго писателя, и есть надежда на ихъ появленіе въ свѣтъ? Напечатаны же были имъ изъ числа этихъ матеріаловъ «Замѣтки пѣшехода» и «Письма изъ Осташкова», которыя печатались сперва въ «Современникѣ», а потомъ вышли отдѣльнымъ выпускомъ. По возвращеніи изъ своего «хожденія по святой Руси», Слѣпцовъ окончательно разошелся съ женой, которая переѣхала, по продажѣ имѣнья, въ Москву, а Слѣпцовъ, чтобы не жить съ ней въ одномъ городѣ, переѣхалъ впервые въ Петербургъ, гдѣ и примкнулъ окончательно къ литературному кружку; въ 1865 году жена его дѣлала попытку вновь сойтись съ нимъ, но попытка эта была неудачной, и они уже окончательно разошлись, чтобы никогда болѣе не встрѣчаться.

Періодъ петербургской жизни былъ чрезвычайно кипучъ для Слѣпцова. Примкнувъ къ кружку Н. Г. Чернышевскаго, Василій Алексѣевичъ всецѣло былъ охваченъ господствующими тогда среди молодежи идеями коммунизма и эмансипаціи женщинъ. По словамъ его матери, его постоянно посѣщали «небогатая женщины въ черныхъ бурнусахъ и черныхъ башлыкахъ, прося совѣта, какъ устроить мастерскія и женскія переплетныя, являлись студенты и завѣдующіе бесплатными школами, прося устроить литературные вечера съ его участіемъ... Затѣялъ онъ было коммуны въ Петербургѣ по Знаменской улицѣ, думая удешевить жизнь многихъ при общей квартирѣ и общемъ трудѣ; устраивалъ въ коммунахъ литературные вечера и бесѣды, но общій трудъ не привился, онъ былъ

еще не современенъ, да и полиція небывалую диковинку стала преслѣдовать, такъ дѣло тѣмъ и кончилось» <sup>1)</sup>).

Въ 1865 г. во время каракозовской исторіи Слѣпцовъ былъ по подозрѣнію арестованъ и посаженъ подъ арестъ, гдѣ и просидѣлъ 7 недѣль. Этотъ эпизодъ изъ жизни Слѣпцова подробно описанъ его матерью, Жозефиной Адамовной, и я привожу цѣликомъ это мѣсто изъ ея очерка... «Ужасный періодъ его жизни—это событіе 1866 г.; время Муравьевскихъ дѣйствій (апрѣль—май 1866 г.), когда начались сильные аресты; почти весь «Современникъ» былъ арестованъ. Я въ это время была въ Петербургѣ и страшно боялась за моего сына. Прихожу однажды къ нему: онъ—не одинъ. Я раскрыла его альбомъ и стала вынимать карточки уже арестованныхъ; Василій Алексѣвичъ, замѣтивъ, подошелъ и сказалъ:

«— Нѣтъ, мамаша, не надо вынимать; я литераторъ и мало ли кого изъ нихъ знаю!

«Я его спросила:

«— А если тебя арестуютъ, то какъ мнѣ поступить?

«Онъ, чтобы меня успокоить, съ милой улыбкой отвѣтилъ:

«— Да за что? Ну, а если арестуютъ, то дня черезъ два выпустятъ, и я вамъ пришлю ключи черезъ студента Ш., который живетъ противъ моего номера.

«Вася квартировалъ на углу Невскаго проспекта и Владимирской, въ домѣ Лихачева. Я ушла.

«На другой день въ 8 ч. утра позвонилъ въ мою квартиру студентъ Ш. и сказалъ:

«— Ключи я вамъ принесъ, Василя Алексѣвича въ 3 ч. ночи арестовали и отвезли въ Александроневскую часть.

«Я чуть не упала... да я и не знала никакой вины за моего сына. Тутъ же отправилась въ Александроневскую часть, думая что либо узнать, да и передать ему что либо питательное, зная его плохое здоровье. Квартальный и частный приняли меня ужасно непривѣтливо и отвѣтили, что сюда никого не привозили, хотя я въ окошко видѣла вещи моего Васи съ № и его фамиліей. Отправили меня въ Третье Отдѣленіе, гдѣ прекрасный майоръ Бабушкинъ по книгѣ отыскалъ фамилію сына и сказалъ, что онъ въ Александроневской части, и мнѣ нужно, чтобы я опять явилась и просила генерала Мезенцева. И вотъ я всякій день два раза ходила въ Третье Отдѣленіе; письма я получала, но свиданіе не было позволено. Я всякій день проходила черезъ частный (т.-е. полицейской части) дворъ и смотрѣла въ окно съ рѣшетками и разъ увидѣла въ форточку Василя Алексѣвича,—и онъ и я, какъ мы обрадовались! но одна минута, и частный велѣлъ удалиться... Я по-

<sup>1)</sup> См. біографическій очеркъ, составленный Жозефиной Слѣпцовой и напечатанный въ «Русской Старинѣ» 1890 г.

ѣхала къ дядѣ Бугурлину, который былъ хорошо знакомъ съ Муравьевымъ. Дядя, хотя больной, но поѣхалъ къ Муравьеву, который его успокоилъ, сказавъ, что его внукъ въ дурныхъ дѣлахъ не замѣшанъ, но все-таки Васю онъ продержалъ семь недѣль и отдалъ мнѣ его на поруки»...

Этотъ «петербургскій» періодъ жизни Слѣпцова съ 1865 до 1874 года былъ чрезвычайно кипучъ для него, какъ я говорилъ выше. Онъ много писалъ, сперва въ «Современникѣ», а послѣ закрытія послѣдняго перешелъ въ «Отечественныя Записки», когда онѣ были арендованы Некрасовымъ въ 1866 году; имъ были написаны: «Трудное время», «Метафизикъ», «О насущномъ хлѣбѣ», «Кто виноватъ», «Опыты судебной защиты», глава изъ романа «Хорошій человекъ». Помимо литературныхъ занятій, Слѣпцовъ не бросалъ и театра, принявъ на себя завѣдываніе любительскими спектаклями въ художественномъ клубѣ втеченіе двухъ зимъ подъ рядъ. У него появилась масса знакомыхъ, и дѣятельность его была настолько лихорадочна, что онъ сталъ даже рѣдко писать своей матери, которую очень любилъ, и жившей въ то время въ Саратовскомъ имѣніи. Вотъ что писалъ онъ ей, между прочимъ, въ отвѣтъ на ея сѣтованія по этому поводу:.. «я такъ занятъ, что некогда ни ѣсть, ни пить, ни спать; хотя я утомленъ, но все же это своего рода жизни!».

Впрочемъ, весь этотъ 9-ти-лѣтній періодъ (1865—1874 г.) Слѣпцовъ не постоянно жилъ въ Петербургѣ, уѣзжая лѣтомъ или на дачу, или въ саратовское имѣніе брата. Въ 1873-мъ году у него впервые появились зачатки той болѣзни, отъ которой онъ впоследствии и умеръ: у него обнаружилась язва у входа большой кишки; такъ какъ врачи, къ которымъ онъ обращался первоначально, ему мало помогли, онъ отправился въ Москву къ знакомому доктору Быкову, который посоветовалъ ему съѣздить на кавказскія минеральныя воды. Лѣченіе это помогло ему весьма быстро; по словамъ его матери, онъ черезъ 3 недѣли по приѣздѣ на воды ѣздилъ уже верхомъ, лазилъ по горамъ, словомъ совсѣмъ ожилъ. На зиму того же года (1874 г.) онъ переѣхалъ въ Тифлисъ и поступилъ на сцену въ тотъ театръ, гдѣ игралъ въ то время Правдинъ и его жена, бывшая въ сущности главной причиной, побудившей Слѣпцова снова выступить на сценѣ. Дебютировалъ онъ въ водевилѣ своего сочиненія «У мирового», тамъ же имъ написанномъ и изданномъ. Въ труппѣ въ то время находился начинающій артистъ Карнѣевъ, который вскорѣ выдвинулся, благодаря Слѣпцову, и считалъ себя всегда ученикомъ послѣдняго. Здоровье Слѣпцова въ то время настолько поправилось, что онъ уѣхалъ сперва къ брату въ имѣніе, а потомъ переѣхалъ въ Москву; лѣтомъ 1875 года онъ поселился на дачѣ въ Петровскомъ-Разумовскомъ вмѣстѣ съ профессоромъ той же академіи Иванюковымъ, съ кото-

рымъ былъ очень друженъ. Здѣсь онъ познакомился съ дочерью директора академіи, Лидіей Филипповной Королевой, вдовой профессора Ломовскаго. Это знакомство превратилось вскорѣ въ дружбу, тамъ болѣе, что ихъ связывала общая любовь къ литературѣ. Лидія Филипповна подъ влияніемъ Слѣпцова стала писать; между прочимъ отдѣльнымъ изданіемъ вышла ея небезызвѣстная повѣсть «Дѣвочка Лидочка». Съ своей стороны г-жа Ломовская также оказала немалое влияніе на Слѣпцова и впоследствии, при послѣднихъ дняхъ его жизни, окружала его самой нѣжной заботливостью.

Въ 1876-мъ году у Слѣпцова вновь открылась язва, и Василій Алексѣевичъ по совѣту Быкова обратился къ Пирогову, съ каковою цѣлью поѣхалъ въ имѣніе послѣдняго въ Киевской губерніи (или Подольской?). Пироговъ отправилъ его на кавказскія минеральныя воды, что тотъ и исполнилъ. Хотя Слѣпцовъ оттуда и писалъ своей матери:... «тѣ же цѣлительныя воды, тотъ же докторъ Смирновъ, но мое больное тѣло не ощущаетъ ихъ цѣлительнаго свойства»... однако воды, повидимому, принесли ему пользу, язва закрылась, и онъ осенью пріѣхалъ къ брату въ имѣніе. «Онъ далъ мнѣ телеграмму о своемъ пріѣздѣ,—пишетъ мать въ своихъ воспоминаніяхъ. — Я пригласила хорошаго земскаго доктора Недзвѣцкаго, отправилась къ нему навстрѣчу въ Беково и нашла Васю измѣнившимся... Лѣченіе въ деревнѣ шло было довольно успѣшно, и силы какъ будто понемногу возстановлялись, но Василю Алексѣевичу (по обыкновенію) не сидѣлось; онъ сталъ подумывать куда нибудь уѣхать и собрался въ Саратовъ; устроился, кажется, хорошо, но тамошній докторъ не понялъ его болѣзни, хотя надѣялся въ двѣ недѣли поставить его на ноги, а вышло, что Василій Алексѣевичъ окончательно ослабъ и слегъ въ постель. Тогда онъ уже рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ, чтобы узнать, что скажутъ тамошнія свѣтила въ медицинѣ». Сперва Слѣпцовъ обратился къ Боткину, но тотъ не взялъ на себя опредѣленіе болѣзни, и былъ созванъ консиліумъ изъ Боткина, Склифосовскаго и Полотебнова; мнѣніе послѣдняго, что Василій Алексѣевичъ страдаетъ ракомъ, получило перевѣсъ; ему была сдѣлана операція, но послѣ микроскопическаго изслѣдованія рака не было найдено. Такимъ образомъ вопросъ о его болѣзни остался открытымъ, и доктора, не высказавъ ничего опредѣленнаго, посоветовали ему вернуться въ Саратовскую губернію и въ Бековѣ пройти курсъ кумыснаго лѣченія для возстановленія силъ. Въ Бековѣ, однако, Василю Алексѣевичу не понравилось, и, по совѣту доктора Недзвѣцкаго, онъ переѣхалъ по соудству въ село Куракино, гдѣ былъ хорошій паркъ, хорошее помѣщеніе въ домѣ управляющаго имѣніемъ князя Куракина, а главное близость города Сердобска, доктора, аптеки и возможность пользоваться свѣжими газетами и громадной Куракинской библио-



текой. Вмѣстѣ съ нимъ переѣхала и мать, но недолго пришлось ему прожить на новомъ мѣстѣ: въ іюлѣ того же 1877 года его вновь потянуло на кавказскія минеральныя воды, а по окончаніи сезона онъ перебрался на зиму въ Таганрогъ, но тамъ вслѣдствіе всасыванья гноя (изъ язвы) въ кровь съ нимъ стали дѣлаться приступы изнурительной лихорадки, и доктора посовѣтовали ему уѣхать съ берега моря. Еще на минеральныхъ водахъ мѣстный докторъ Смирновъ на вопросъ матери Слѣпцова: «не отвезти ли Васю въ южную Францію?»—отвѣтилъ, что болѣзнь сдѣлала большіе успѣхи, и что вылѣчить его радикально нельзя». Вернувшись снова въ с. Куракино, Слѣпцовъ прожилъ тамъ до конца февраля. «Силы его все становились хуже, — пишетъ его мать, — ужасная худоба, плохой сонъ, и язва его не улучшалась; никакія силы не помогли ему возвратитъ здоровье. У него обнаружился нарывъ въ легкихъ. Докторъ Недзвѣцкій навѣщалъ его очень часто, но лѣчить его можно было только палліативно; открылась изнурительная лихорадка, всякій день ознобъ и испарина: по 6—7 рубашекъ надо было перемѣнять. Василій Алексѣевичъ не всегда сознавалъ свое безвыходное положеніе: иногда говорилъ о смерти, а то собирался весною ѣхать въ Липецкъ на воды»... Но его непосѣдливая натура не покидала его и тутъ, несмотря на упадокъ силъ: проживъ въ Куракинѣ до февраля, онъ рѣшилъ переѣхать на жительство въ Сердобскъ, чуть ли не за мѣсяць до смерти, ссылаясь на то, что въ Куракинѣ много воды, которая ему вредна вслѣдствіе его лихорадочнаго состоянія. Послѣднія минуты его жизни подробно описаны его матерью, разсказъ которой я и привожу цѣликомъ.

...«22-го марта (за день до смерти) онъ просилъ меня перевести его съ дивана на постель, и, подойдя къ ней, сказалъ мнѣ:

«— Какъ вы хорошо меня провели, я готовъ васъ благодарить на колѣняхъ.

«И это послѣдній разъ онъ перешелъ на свою кровать. Ночью я услышала его кашель; пришла къ нему: свѣча еще горѣла, онъ просилъ дать ему порошокъ, потомъ, чтобы его немного прикрыть, и сказалъ:

«— Теперь все...

«Я ушла. Въ 4 часа опять вошла и спросила:

«— Ты что-то звалъ?

«Онъ отвѣтилъ:

«— Да я оралъ...

«Понемногу стало свѣтать, и мнѣ показалось его лицо мертвенно-блѣднымъ; я выбѣжала изъ комнаты и сказала моей дочери, что дѣло плохо. Мы обѣ опять пришли, и у него открылась рвота желтою жидкостью; голову его мы по очереди держали, давая ему воды съ коньякомъ. Онъ часто не сознавалъ, что съ нимъ проис-

ходить, просилъ его поправить, рвота утихла, онъ лежалъ своейно, потребовалъ доктора, и когда тотъ пришелъ, то посоветовалъ что-то дать больному. При выходѣ докторъ намъ сказалъ, что пульсъ остановился, и параличъ легкихъ, нарывъ разрѣшился, и что Васѣ остается лишь нѣсколько часовъ жизни. Для насъ минута была ужасна, -- все было кончено! Мы сидѣли неподалеку отъ умирающаго; онъ, увидя это, спросилъ:

«— Что вы думаете, я умираю?»

«Я отвѣтила, что нѣтъ.»

«Докторъ опять пришелъ и нашелъ, что цвѣтъ лица сталъ темнымъ. Василій Алексѣевичъ чуть внятнымъ голосомъ позвалъ меня и сестру свою, но мы боялись подойти къ нему, ожидая раздирающей сцены его прощанья, ибо онъ все намъ говорилъ:

«— Когда я буду умирать, — всѣ уйдите, а то станете плакать и прибавите мнѣ нѣсколько часовъ страданья.»

«Когда настала агонія, мы сѣли къ нему. И такъ тихо его душа улетѣла, какъ будто ангелы на рукахъ отъ насъ унесли... Совершилось все, и безцѣннаго сына моего не стало!»...

В. А. Слѣпцовъ погребенъ на городскомъ кладбищѣ уѣзднаго города Саратовской губерніи — Сердобска, гдѣ онъ и скончался. Могила его обнесена чугунной рѣшеткой <sup>1)</sup>, надъ могилой такой же памятникъ съ большимъ крестомъ на верху. На самомъ памятникѣ выбиты слѣдующія надписи: прямо съ лицевой стороны выбито:

Василію Алексѣевичу

Слѣпцову.

Сконч. 23 марта 1878 г. на 41 г.

Надпись съ лѣвой стороны гласитъ, что тутъ же погребена его мать Елисавета Адамовна Слѣпцова, и день смерти: 27 мая 1891 г., а съ правой стороны находятся слова: «незабвенной бабусѣ отъ любящей ея внучки Н. И. Филипповой». Эти надписи показываютъ, что собственно памятникъ надъ могилой писателя былъ поставленъ гораздо позже его смерти, послѣ погребенія рядомъ съ нимъ его матери, такъ что обѣ эти могилы представляютъ какъ бы одну: одна плита, одинъ общій памятникъ.

Въ оградѣ посажены деревья, могила обложена свѣжимъ дѣрномъ, и по всему видно, что мѣсто покоя содержится въ исправности и поддерживается заботливой рукой. Это тѣмъ болѣе приятно констатировать, что дѣло идетъ о маленькомъ кладбищѣ незначительнаго уѣзднаго городка, въ то время когда нерѣдко приходится встрѣчать въ печати упреки, что тамъ-то и тамъ-то (даже въ столицахъ) могилы извѣстныхъ дѣятелей приходятъ въ запу-

<sup>1)</sup> Прилагается снимокъ.

стѣніе и разрушаются отъ времени, никѣмъ не поддерживаемыя...

Впрочемъ, Сердобское кладбище представляетъ собой счастливое исключеніе не только въ отношеніи порядка и чистоты, но и, — какъ бы это выразиться?—въ отношеніи кладбищъ вообще.

Прежде всего это вовсе не кладбище, по крайней мѣрѣ, вовсе не подходитъ подъ то понятіе, которое мы составили себѣ о кладбищахъ вообще. Памятниковъ почти не видно, они не брасаются въ глаза, и уже подъѣзжая къ нему, посѣтителю кажется, что онъ видитъ передъ собой не то усадьбу, не то загородный садъ, съ красивой оградой, башенками и вычурными рѣзными воротами, выкрашенными въ пестромъ русскомъ стилѣ; внутри прорѣзаны канавы съ водой, берега обложены дерномъ, подстриженнымъ à l'anglaise, тамъ и сямъ перекинуты изящные деревянные мостики, вдоль дорожекъ, капризно извивающихся, разставлены скамейки на перекресткахъ, устроены разные арки, бесѣдки; тамъ и сямъ устроены клумбы и затѣйливыя куртины изъ цвѣтовъ, увѣнчанныя яркими столбиками съ разноцвѣтными зеркальными шарами... Словомъ, это скорѣе «Аркадія», «Ливадія», «Кинь-грусть» — все что угодно, но только не кладбище; къ довершенію сходства въ одномъ мѣстѣ кладбища у канавки разставлены столики, и сердобская публика, лишенная въ городѣ всякой растительности, пользуется кладбищемъ, какъ мѣстомъ гулянья и поминковъ съ выпивкой и закуской; недостаетъ только музыки... Влюбленные парочки также находятъ въ немъ уютный пріютъ, и мѣстныя львицы, надо полагать, твердо усвоивъ себѣ принципъ:

«Мертвый, въ гробѣ мирно спи;

«Жизнью пользуйся, живущій», —

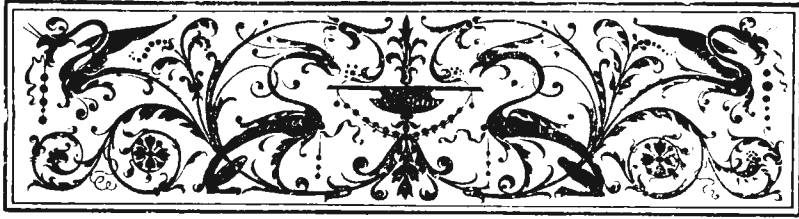
не смущаясь мрачнымъ сосѣдствомъ, беззаботно воздвигаютъ алтари богинѣ любви на саркофагѣ имѣющагося тамъ склепа одного почившаго сановника, начертывая на немъ (то-есть на саркофагѣ, а не на сановникѣ) влюбленною рукой дорогія имена и пламенные слова любви въ стихахъ и прозѣ. Бѣдный! что онъ долженъ былъ перечувствовать, и что онъ могъ поразсказать бы о происходившемъ надъ его головой... *si les morts pouvaient parler!*..

Кладбище это было приведено въ свой теперешній видъ мѣстнымъ купцомъ П. и поддерживалось на его собственныя средства. Оно было его дѣтищемъ и долгое время единственнымъ предметомъ его заботъ; тамъ проводилъ онъ почти все свое свободное время и не останавливался ни передъ какими затратами на украшеніе излюбленнаго имъ кладбища. Своеобразный вкусъ, но *de gustibus non est disputandum*...

Увы! веселая обстановка кладбища привела его устроителя и хранителя къ неожиданному и трагическому концу: онъ не дождался, когда всесокрушающее время переселить его грѣшное тѣло въ облюбованное имъ мѣсто, не захотѣлъ ждать и ускорилъ конецъ, пустивъ себѣ въ одинъ прекрасный день пулю въ лобъ. По крайней мѣрѣ, въ бытность мою въ Сердобскѣ, мнѣ говорили, что видимой причины для самоубійства не было, и причина его смерти остается загадкой...

**Вл. Марковъ.**





## ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЕВРЕЯ.

### I.

Раннее дѣтство.—Семейная обстановка.—Бѣдные бохуры.—Дядя богачь.—Дѣдь.—Способы обученія библіи и талмуду.—Лжетолкованія.—Жизнь въ деревнѣ.—Другой дѣдь.—Бабушка.—Отецъ композиторь.—Нищета.—Еврейская свадьба.—Дядя-шатуль.



**Н**АЧИНАЮ себя помнить съ четырехлѣтняго возраста. Сознаніе моего ранняго дѣтства почему-то связано у меня съ маленькимъ семейнымъ несчастіемъ. Отецъ мой случайно потерялъ на улицѣ четыре рубля. Событіе это, повидимому, причинило большое горе всему нашему семейству, Отецъ, помню, оплакивалъ потерю горячими слезами и нѣсколько дней подъ рядъ все ходилъ на поиски, надѣясь какъ нибудь найти деньги, а мать была страшно угрюма и зла; другіе же члены семьи все это время молчали и дрожали въ разныхъ углахъ.

Но надо сказать нѣсколько словъ о моихъ родителяхъ и ихъ общественномъ положеніи. Отецъ, котораго помню съ 28-ми-лѣтняго его возраста, былъ средняго роста, очень худоцавъ, съ замѣчательно тонкими и правильными чертами лица. Онъ могъ считаться красавцемъ, если бы не страшная близорукость, заставлявшая его постоянно морщиться и щуриться, что портило благородное выраженіе лица. Мать же, которая была на пять лѣтъ моложе отца, была совершеннѣйшимъ контрастомъ послѣднему: маленькая ростомъ, полная, румяная, со злыми, но умными и зоркими глазами,

вѣчно чѣмъ и кѣмъ нибудь недовольная, она приводила въ трепетъ всѣхъ дѣтей. Побаивался ея и отецъ.

Отецъ женился на ней, когда ему минуло 17 лѣтъ, а ей—13, при чемъ онъ уже былъ вдовцемъ. Отъ первой жены, умершей отъ холеры въ 1830 году, у отца дѣтей не было, а потому я никакого понятія о ней не имѣю; самъ же отецъ никогда о первомъ своемъ бракѣ не упоминалъ. Отъ второго же брака пошло обильное потомство: черезъ каждые два-три года являлся на свѣтъ ребенокъ. Я былъ третьимъ. Всѣхъ же дѣтей впоследствии накопилось девять душъ: семь сыновей и двѣ дочери, не считая двухъ (кажется), умершихъ въ раннемъ дѣтствѣ. Жили мы въ Вильнѣ.

Общественное положеніе моихъ родителей было далеко не блестящее, но довольно почетное среди евреевъ. Имѣя въ числѣ своихъ предковъ и родственниковъ много ученыхъ раввиновъ, отецъ считался яхсонъ, т.-е. аристократомъ; никакого ремесла онъ не зналъ, а занимался съ самыхъ юныхъ лѣтъ изученіемъ талмуда и библии, которую онъ зналъ въ совершенствѣ почти всю наизусть. До своей первой женитьбы онъ, какъ и всѣ другіе бѣдные бохуры (молодые люди), перебивался въ маленькихъ еврейскихъ мѣстечкахъ сѣверо-западныхъ губерній, живя въ молитвенныхъ домахъ и питаясь у разныхъ благотворителей, которые, по принятому обычаю, кормили молодыхъ людей по одному определенному дню въ недѣлю. Такимъ образомъ, каждый юноша, занимавшійся въ молитвенномъ домѣ изученіемъ талмуда, имѣлъ въ теченіе недѣли семь хозяевъ.

Этотъ способъ пропитанія пріѣзжихъ юношей практиковался только до женитьбы скитальцевъ; но какъ только молодой чело-вѣкъ вступить въ бракъ, все продовольствіе его, согласно брачному договору, принимаетъ на себя его тесть, который обязуется держать у себя молодыхъ въ теченіе определенного срока. Въ это время молодой продолжаетъ заниматься изученіемъ талмуда, а юная его супруга присматривается къ окружающей жизни, изучаетъ какое нибудь ремесло или же предпринимаетъ, при содѣйствіи своихъ родителей, какую нибудь самостоятельную торговлю. Затѣмъ по окончаніи срока даровой жизни у тестя молодой чело-вѣкъ или продолжаетъ свою науку, надѣясь достигнуть со временемъ положенія раввина, или же, въ крайней нуждѣ, дѣлается меламедомъ, т.-е. учителемъ дѣтей своихъ единовѣрцевъ. Но такъ какъ комплектъ учениковъ рѣдко превышаетъ 7—8 чело-вѣкъ, а плата за обученіе получается самая ничтожная, отъ 10 до 20 рублей за полугодіе, то мелаеды обыкновенно страшно бѣдствуютъ.

Мой отецъ, хотя и не былъ специально меламедомъ, такъ какъ у насъ въ домѣ не было хедера (домашней школы), но онъ занимался обученіемъ дѣтей у нихъ на дому. Мать имѣла ничтожную долю въ ничтожной торговлѣ зерновыми продуктами, кото-

рая давала ей отъ трехъ до четырехъ «злотовъ» (15 коп.) въ недѣлю.

Этихъ скудныхъ средствъ, конечно, было недостаточно для прокормленія довольно уже многочисленнаго семейства моихъ родителей. Но главнымъ подспорьемъ ихъ существованія былъ паекъ («кицве»), въ размѣрѣ двухъ рублей въ недѣлю, который отецъ получалъ отъ старшаго своего брата, извѣстнаго въ Вильнѣ ученаго, богача и благотворителя.

Объ этомъ дядѣ-богачѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ:

Дядя, рабби Мордхе-Лейзеръ, былъ старше моего отца лѣтъ на десять и пользовался громкой извѣстностью среди виленскихъ евреевъ. Онъ былъ, какъ бы солнцемъ, свѣтомъ и тепломъ котораго пользовались всѣ его родственники. Отецъ мой былъ извѣстенъ въ Вильнѣ лишь, какъ братъ «великаго» человѣка, а мы, дѣти, славились только, какъ племянники его. Дядя былъ центромъ нашего міра, и мы всѣ смотрѣли на него, какъ на недосыгаемую величину.

Величіе же дяди состояло, главнымъ образомъ, въ томъ, что, благодаря случайно нажитому его женою состоянію, онъ ни въ комъ не нуждался, все время проводилъ за фоліантами талмуда и его комментаторовъ и жертвовалъ изъ своего достатка болѣе или менѣе значительныя суммы на благотворительныя дѣла виленскихъ евреевъ.

Смутная легенда ходила между нами, что жена дяди, весьма дѣловая женщина, купила дѣло какой-то рижской фирмы, торговавшей въ Вильнѣ москательными товарами и почему-то ликвидировавшей свои дѣла. Въ подвалѣ подъ магазиномъ случайно оказались значительныя запасы разныхъ товаровъ, не вошедшихъ въ общую опись, которыми тетя завладѣла, и никто не заявлялъ никакой претензіи. Тетя умѣло повела торговлю, и черезъ нѣсколько лѣтъ у нея оказался весьма солидный для того времени капиталъ. Вскорѣ она умерла. Дядя, не имѣя никакого понятія о торговлѣ, ликвидировалъ дѣло жены, купилъ два каменныхъ дома и, сдѣлавшись рантьеромъ, всецѣло посвятилъ себя изученію талмуда и прослылъ ученымъ меценатомъ.

Въ то время, какъ всѣ евреи въ Вильнѣ считали его въ высшей степени щедрымъ и великодушнымъ благотворителемъ, такъ какъ ни одно общественное дѣло не обходилось безъ его помощи, — дядя съ ближайшими родными былъ крайне жестокъ и высокомеренъ, никогда ихъ у себя не принималъ и даже не удостоивалъ разговоромъ. Этой участи не избѣгнулъ и его отецъ, мой дѣдушка, древній благочестивый старикъ, который также жилъ на иждивеніи своего сына, выдававшего ему по 12 рублей въ мѣсяцъ.

Я хорошо помню этого дѣда нашего. Высокій, статный старикъ походилъ на патріарха. Жилъ онъ въ маленькомъ мѣстечкѣ Эй-

шишкахъ, Виленской губерніи, сплошь населенномъ евреями, въ которомъ какъ-то очутился и я, когда мнѣ было 6 или 7 лѣтъ. Какъ и всѣ его предки, дѣдъ только и зналъ, что талмудъ и его комментаторовъ. Семейной обстановки дѣда и домашней его жизни я вовсе не зналъ, но помню, что всѣ дни онъ проводилъ въ молитвенномъ домѣ, который въ еврейскихъ мѣстечкахъ служилъ для евреевъ и школой, и клубомъ, и мѣстомъ ночлега для бѣдныхъ школьниковъ.

И вотъ этотъ патріархъ, находясь въ постоянной зависимости отъ своего сына-первенца, благоговѣлъ передъ послѣднимъ, главнымъ образомъ, впрочемъ, потому, что онъ считалъ своего сына большимъ знатокомъ талмуда, чѣмъ онъ самъ, его отецъ.

Когда, бывало, дѣдъ по какому либо случаю прѣзжалъ въ Вильно, то останавливался не у сына-богача, а у насъ, такъ какъ дядя, въ высшей степени тщеславный, считалъ себя выше всѣхъ и не могъ помириться съ почестями, которыя онъ, по обязанности, долженъ былъ оказывать своему старику-отцу. Если, въ случаѣ непредвидѣнной необходимости, дѣдъ обращался къ своему старшему сыну съ просьбой о временной прибавкѣ пенсіи, то дядя выходилъ изъ себя, разъяренный бѣгалъ по своему кабинету, бросалъ на полъ все, что ни попадалось ему подъ руку, и топталъ ногами письма дѣда, хотя въ концѣ концовъ исполнялъ просьбу.

Разсказывали, что, когда дядя получилъ письмо изъ Эйшиш-ковъ, въ которомъ его извѣстили о смерти дѣда, то онъ, не замѣтивъ, что адресъ писанъ не рукою послѣдняго, но почему-то полагая, что дѣдъ обращается къ нему съ просьбою о прибавкѣ, бросилъ письмо на полъ и сталъ топтать его ногами, и лишь черезъ нѣсколько часовъ узналъ роковую вѣсть, которая, впрочемъ, болѣе обрадовала, чѣмъ огорчила его, избавивъ отъ назойливаго пенсіонера... Тѣмъ не менѣе, дядя продѣлалъ всѣ формальности траура у евреевъ, который выражается въ томъ, что ближайшіе родственники умершаго, прежде всего, надрываютъ, въ знакъ отчаянія, лацканъ сюртука, затѣмъ снимаютъ обувь, садятся на полъ, на которомъ и спятъ въ теченіе семи дней, и, кто въ состояніи, приглашаютъ или нанимаютъ 10 совершеннолѣтнихъ (старше 13 лѣтъ) моельщиковъ, въ присутствіи которыхъ, въ продолженіе тѣхъ же семи дней, соблюдающій трауръ совершаетъ обычныя утреннія и вечернія молитвы, къ которымъ прибавляется особая молитва «кадишъ», за упокой души усопшаго. Но замѣчательно при этомъ, что въ этой молитвѣ, говорящей о величіи Иеговы, ни слова не упоминается ни о покойномъ, ни о его душѣ...

Хотя мой отецъ по натурѣ своей былъ большой скептикъ, но онъ все-таки съ благоговѣніемъ говорилъ о своемъ старшемъ братѣ, главнымъ образомъ потому, что находился въ постоянной отъ него зависимости въ матеріальномъ отношеніи. Дядя жилъ въ своемъ



домѣ во второмъ этажѣ, а мы ютились въ крошечной квартиркѣ въ первомъ этажѣ, почему на нашемъ языкѣ святилище дяди называлось «верхомъ», такъ что если въ нашемъ семействѣ упоминалось выраженіе «на верху», то всѣ уже знали, что рѣчь идетъ о «хоромахъ» дяди. Насъ, впрочемъ, никогда туда не пускали, да и отецъ былъ тамъ рѣдкимъ гостемъ. Между братьями не было ничего общаго. Дядя смотрѣлъ на отца съ презрѣніемъ и ненавистью только за то, что послѣдній былъ бѣденъ и постоянно нуждался въ его помощи. И это—несмотря на то, что отецъ обучалъ его дѣтей и внуковъ! Такимъ образомъ, довѣряя отцу обученіе своихъ любимыхъ дѣтей, слѣдовательно, питая къ нему довѣріе и цѣня его познанія, дядя, тѣмъ не менѣе, никогда почти не разговаривалъ съ моимъ отцомъ, никогда не посѣщалъ его по родственному, а бывалъ у насъ въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, на людяхъ, въ числѣ приглашенныхъ, на семейныхъ и религіозныхъ праздникахъ.

Когда отецъ являлся «на верхъ» къ дядѣ, то его принимала обыкновенно вторая жена дяди, женщина необычайной доброты, благотворительница и заступница передъ своимъ грознымъ мужемъ за всѣхъ бѣдныхъ его родственниковъ. Она поила его чаемъ, дозволяла ему уносить къ себѣ домой нѣсколько кусковъ сахару и ломтики бѣлаго, ситнаго хлѣба, что считалось въ нашемъ семействѣ большимъ лакомствомъ. Въ извѣстные у евреевъ праздники хануке (въ память побѣды Макаевеєвъ) и пуризмъ (въ память побѣды Эсѣири надъ Гаманомъ), когда принято одаривать родственниковъ, мы, ребята, являлись къ тетѣ, которая давала намъ по 3—4 гроша, и мы уходили домой счастливыми...

Когда я научился еврейской грамотѣ—не помню; знаю только, что четырехъ лѣтъ я уже сидѣлъ надъ библіею, а въ шесть лѣтъ меня уже мучили изученіемъ талмуда. Ученіе вообще начиналось съ безтолковаго повторенія за учителемъ первыхъ стиховъ Пятикнижія Моисея («Бытія»), которые, слово за словомъ, вдалбливались въ память дѣтей безъ всякаго осмысленнаго ихъ пониманія. Такъ, напримѣръ, учитель произноситъ громко: бе'решитъ, и поясняетъ на еврейскомъ жаргонѣ—въ началѣ, боро—сотворилъ, Элоимъ—Богъ, эсъ-га'шомоимъ—небо, в'еэсъ го'орецъ—землю, повторяя каждое слово по нѣскольку разъ. Ученики, какъ попугаи, выкрикиваютъ про себя тѣ же слова, и такъ по нѣскольку часовъ въ день.

Казалось бы, что отъ такого безтолковаго преподаванія ничего путнаго не можетъ выйти. Между тѣмъ, въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ, мальчики быстро усваивали тонкости конструкціи труднѣйшаго библейскаго языка, и не проходило пяти-шести мѣсяцевъ, какъ они сами уже свободно читали пройденное, понимая, какъ слѣдуетъ, глубокой смыслъ первыхъ главъ книги Бытія

и восторгаясь поэтическими легендами о потопѣ, жертвоприношеніи Авраама, встрѣчѣ Елеазара съ невѣстой Исаака, Ревеккой, изгнаніи Агари съ Измаиломъ, бѣгствѣ Якова, служеніи его у Лавана 14 лѣтъ за младшую дочь Рахиль и въ особенности исторію Іосифа Прекраснаго.

Наши педагоги считали бы безуміемъ, если бы кто либо посовѣтовалъ имъ преподавать мальчикамъ 5—6 лѣтъ греческій языкъ прямо съ чтенія, положимъ, Платонова «Федона», безъ всякаго предварительнаго ознакомленія съ основными правилами греческой грамматики. Между тѣмъ результатомъ безтолковаго преподаванія древне-еврейскаго языка, не въ примѣръ труднѣйшаго, чѣмъ греческій, было то, что я и мои сверстники довольно быстро усвоили себѣ этотъ языкъ, а я, будучи семилѣтнимъ мальчикомъ, сочинялъ уже на древне-еврейскомъ языкѣ большую поэму въ стихахъ на тему библейскаго разсказа о приключеніяхъ персидской царицы Эсоири и великаго визири Гамана. Поэма, само собою разумѣется, была изъ рукъ вонъ плоха и впослѣдствіи была брошена мною въ огонь, но фактъ остается фактомъ, и врядъ ли можно встрѣтить гдѣ нибудь подобное явленіе, чтобы обыкновенныхъ способностей мальчикъ семи лѣтъ писалъ самостоятельно стихи на древне-греческомъ языкѣ, напримѣръ...

Но какъ ни плодотворно по результатамъ оригинальное преподаваніе библіи,—способъ преподаванія талмуда еврейскимъ мальчикамъ въ такіе юные годы нельзя не признать полнѣйшимъ абсурдомъ, что я испытывалъ на самомъ себѣ. Представьте себѣ, что въ семилѣтнемъ возрастѣ я уже проходилъ ученые трактаты талмуда о способѣ пріобрѣтенія законныхъ женъ и развода съ ними... «Женщина, т.-е. жена, гласитъ трактатъ Кедушинъ (обрученіе, вѣнчаніе), пріобрѣтается: деньгами, письменнымъ обязательствомъ и... сожитіемъ». Затѣмъ идутъ безконечныя толкованія о формахъ и обрядахъ этихъ способовъ заключенія законнаго брака. Узаконенія же о разводѣ между супругами еще болѣе сложны и запутаны. И все это вбивается въ юныя головы мальчишекъ семи-десяти лѣтъ!

Но объ этомъ писалось уже такъ много, что мои ламентации по поводу безобразнаго способа преподаванія талмуда ничего не прибавятъ и врядъ ли кого либо исправятъ. Не могу только при этомъ не объяснить примѣромъ, какъ дико и временами вредно талмудъ толкуетъ ясный смыслъ библейскаго текста, комментариемъ котораго онъ является преимущественно.

Такъ, въ Исходѣ (гл. 23, ст. 19) сказано: «не вари козленка въ молокѣ матери его». Это же запрещеніе повторяется въ Пятикнижии еще два раза (Второзак. гл. 14, ст. 21). Смыслъ этого запрещенія заключается въ томъ, чтобы не употреблять въ пищу козленка, т.-е. молодое животное, когда оно еще нуждается въ молокѣ ма-

тери. Это высокогуманное постановленіе Моисея имѣетъ въ своемъ основаніи жалость, pietas, къ юнымъ произведеніямъ природы, чтобы они не были истребляемы, прежде чѣмъ не насладились какой нибудь жизнью. Такое же гуманное начало встрѣчается еще въ нѣкоторыхъ другихъ постановленіяхъ Пятикнижія, напримѣръ, въ особомъ нѣжномъ отношеніи ко всѣмъ первенцамъ, которые принадлежатъ какъ бы Богу, въ запрещеніи употреблять первые плоды, приносимые молодыми деревьями, которые предписывается приносить въ жертву Богу.

Между тѣмъ составители талмуда именно вслѣдствіе троекратнаго повторенія упомянутаго запрещенія вывели заключеніе, что Моисей запретилъ употреблять всякое мясо вмѣстѣ съ какими бы то ни было молочными продуктами, при чемъ запрещается уже не только употребленіе мяса съ молочными продуктами, но и буквально вареніе или жареніе его и даже пользованіе имъ для какихъ бы то ни было цѣлей.

Такимъ образомъ, послѣдствіемъ ложнаго толкованія всѣми еврейскими учеными такого простаго библейскаго текста явилась громадная, якобы ученая, литература по этому предмету, серьезно трактующая о всевозможныхъ случаяхъ смѣшенія мясныхъ продуктовъ съ молочными, о необходимости имѣть специальную посуду для тѣхъ и другихъ, о строгомъ запрещеніи малѣйшаго прикосновенія между ними, при чемъ установлено, что употребленіе молочныхъ продуктовъ даже въ чистомъ ихъ видѣ дозволяется лишь черезъ шесть часовъ послѣ мясной пищи, когда, по мнѣнію талмудическихъ фізіологовъ и химиковъ, послѣдняя окончательно переварилась въ желудкѣ, а слѣдовательно, молочная пища не можетъ уже смѣшаться съ ней.

Легко себѣ представить, сколько стѣсненій и лишеній переносятъ изъ-за этихъ лжетолкованій несчастные евреи въ своемъ домашнемъ быту!

Но перехожу къ событіямъ моей жизни.

Отъ шести до восьми лѣтъ я провелъ въ деревнѣ, куда перѣѣхало наше семейство. Жили мы въ собственномъ имѣніи моей бабушки со стороны матери. Странное это было «имѣніе»! Оно находилось въ семи верстахъ отъ города Вильно и состояло изъ единственнаго деревяннаго дома и нѣсколькихъ мизерныхъ надворныхъ построекъ. Все «имѣніе» стояло открыто, но къ нему вела съ проѣзжей дороги тѣнистая липовая аллея, говорившая о лучшихъ, вѣроятно, дняхъ. Къ дому, въ которомъ было всего двѣ комнаты и кухня, прилегалъ, съ одной его стороны, маленькій фруктовый садъ, также ничѣмъ не огороженный.

«Имѣніе», или «маіонтокъ», принадлежало, какъ я говорилъ, моей бабушкѣ. На какомъ правѣ бабушка владѣла этой недвижимостью, не знаю. Только въ тѣ времена, хотя и Николаевскія,

евреямъ еще не было запрещено ни жить въ деревняхъ, ни владѣть земельной собственностью.

Но надо сказать нѣсколько словъ и о родителяхъ моей матери. Дѣдушку я помню совсѣмъ смутно. Евреи его звали Мееромъ «Рыжимъ», но настоящая его фамилія была Бояринъ. Откуда у стараго ортодоксальнаго еврея Сѣверо-Западнаго края явилась такая странная фамилія, остается для меня загадкой до настоящаго времени. Между тѣмъ, семейство Бояриныхъ, нашихъ родственниковъ, очень распространенное въ Вильнѣ. Чѣмъ занимался дѣдушка Бояринъ, также не знаю. Помню только, что онъ имѣлъ небольшой каменный домъ въ Вильнѣ, на Погулянкахъ, куда однажды насъ, дѣтей, привели прощаться съ умирающимъ дѣдомъ. Дѣдъ умеръ, а бабушка, имѣя богатыхъ сыновей, переѣхала жить къ намъ. Маленькая, сморщенная старушка, но крѣпкая здоровьемъ, бабушка Дина исполняла у насъ всѣ домашнія обязанности: она была и кухаркой, и горничной, и няней; она вынянчила всѣхъ насъ, при чемъ послѣдній изъ многочисленныхъ ея внуковъ или внучекъ всегда считался исключительнымъ ея любимцемъ. Временный фаворитъ всецѣло наполнялъ любвеобильное сердце бабушки, вытѣсняя изъ него всѣхъ другихъ, вчерашнихъ любимцевъ, которыхъ она ругала, проклинала и нерѣдко била. Но стоило поступить подъ ея крылышко новому внуку или внучкѣ, какъ бабушка переносила на него всю свою нѣжность, оберегая его отъ всякихъ непріятностей и защищая нерѣдко отъ гнѣва родителей.

Такъ вотъ въ «имѣніи» этой-то бабушки одно время жило наше семейство. Впрочемъ, надо сказать, что постояннымъ аборигеномъ хутора былъ только отецъ, да и мы, рабятишки, мать же жила въ городѣ возлѣ своей торговли, и только по пятницамъ, къ вечеру, приходила къ намъ, проводила у семейнаго очага весь день субботній, а въ воскресенье утромъ возвращалась пѣшкомъ же въ Вильно.

Не весело жилось намъ на хуторѣ! Лѣтомъ мы еще не такъ тосковали, ходили въ близлежащій лѣсъ за ягодами и орѣхами, иногда забирались въ нашъ садикъ, который былъ для насъ запрещеннымъ раемъ, потому что онъ отдавался въ аренду фруктовщикамъ за нѣсколько рублей въ годъ и строго оберегался отъ маленькихъ хищниковъ. Но осенью и въ особенности зимою, когда сугробы снѣга окружали домъ со всѣхъ сторонъ чуть ли не выше крыши, жизнь казалась намъ тоскливой и суровой. Бабушка еле-еле справлялась со скуднымъ хозяйствомъ внутри дома, а отецъ, слабый и хрупкій, самъ рубилъ дрова, таскалъ на тощихъ своихъ плечахъ воду изъ далекаго, находившагося подъ горою, колодца, обучалъ своихъ дѣтей и исполнялъ для всѣхъ окрестныхъ евреевъ религіозныя требы.

Нашъ домъ считался религиознымъ центромъ; у насъ однихъ была Тора, то-есть Пятикнижіе, писанное на пергаментѣ, почему окружные евреи собирались къ намъ по субботамъ и праздникамъ для совмѣстной молитвы, требующей присутствія 10-ти совершеннолѣтнихъ евреевъ, при чемъ мой отецъ, какъ ученый знатокъ библіи и талмуда, служилъ канторомъ, то-есть запѣвалой, читалъ положенный отдѣлъ Торы, за что получалъ отъ прихожанъ по нѣскольку грошей въ недѣлю.

Болѣе крупный заработокъ онъ получалъ въ іомимъ-ныроимъ (страшные дни), на еврейскій новый годъ и судный день, когда совершаются спеціальныя молитвы, требующія, по обычаю, согласнаго пѣнія съ хоромъ. Въ эти дни отецъ принималъ на себя обязанность не только кантора, но и композитора, сочиняя къ молитвенному тексту соответствующую, по его мнѣнію, мелодію. Ноть отецъ не зналъ, почему, не имѣя возможности записывать своихъ композицій, онъ ихъ заучивалъ на память и заставлялъ выучивать и своихъ «помощниковъ», то-есть хоръ, состоявшій изъ насъ, двухъ крошекъ мальчишекъ. Можно себѣ представить, какое это было пѣніе и гармонія! Но отецъ, повидимому, былъ убѣжденъ въ сладости своего голоса и въ мелодичности и оригинальности своихъ композицій, которыми онъ немало гордился...

Кромѣ этого занятія, отецъ никакого ремесла не зналъ; въ сельскомъ хозяйствѣ онъ также никакого понятія не имѣлъ. Къ нашему «имѣнію» принадлежали нѣсколько морговъ земли, которые засѣвались рожью. Но кто ихъ обрабатывалъ, кто сѣялъ и жалъ, не знаю, такъ какъ у насъ не было ни работника, ни лошади и никакихъ земледѣльческихъ орудій. И не крестьяне же работали на насъ, потому что крѣпостное право было тогда въ полномъ своемъ расцвѣтѣ, и мужика негдѣ было нанимать.

Какая у насъ была нищета, можетъ служить поясненіемъ слѣдующій случай.

У насъ въ домѣ никогда не было ни молока, ни коровьяго масла; мясная пища употреблялась лишь по субботамъ и праздникамъ, и то въ самомъ ничтожномъ количествѣ, фунта два-три на все семейство на три субботнія «пиршества» (шолешъ сәудесъ), при чемъ для жаренія употреблялось гусиное сало. И вотъ однажды домашній котъ, пронюхавъ, гдѣ находится лакомое блюдо, ухитрился стащить оставшееся въ маленькомъ горшкѣ гусиное сало. Отецъ былъ такъ пораженъ этимъ «несчаціемъ», что рѣшилъ убить похитителя. Замѣтивъ кота, онъ бросилъ его въ мѣшокъ и сталъ колотить мѣшкомъ объ стѣну. Котъ метался въ мѣшкѣ и отчаянно ревелъ, а отецъ еще больше свирѣпѣлъ, продолжая бить кота. Но наконецъ онъ не выдержалъ раздрающаго душу крика несчастнаго животнаго и бросилъ мѣшокъ объ полъ. Котъ, какъ бѣшеный, вырвался изъ мѣшка и удралъ, не догадавшись, конечно, за что былъ наказанъ...

Сознаюсь, что эта дикая расправа была ужасною жестокостью со стороны отца; но, право, трудно судить, кто больше былъ достоинъ сожалѣнія: несчастный ли котъ, или столь же несчастный отецъ, обыкновенно мягкій и добрый, пришедшій въ такую ярость изъ-за полуфунта гусиного сала?..

Осталась также въ моей памяти одна еврейская свадьба, праздновавшаяся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ. Еврей-корчмаръ выдавалъ свою молоденькую дочку лѣтъ 14—15 за мальчика лѣтъ 15—16. Такія свадьбы были не рѣдкость въ то время среди евреевъ. Но что это было за столпотвореніе! Въ одной, хотя и большой избѣ толкалось человѣкъ 40—50 приглашенныхъ; здѣсь совершались и свадебные обряды, здѣсь пировали и плясали, здѣсь играли на цымбалахъ, и говорились рѣчи, серіозныя, на текстъ библіи и талмуда, и шуточные, въ риомахъ, здѣсь, наконецъ, происходилъ домашній спектакль въ честь новобрачныхъ. И что только не ставилось на импровизованной сценѣ! Были тутъ и генералы въ сусальныхъ эполетахъ, и баба-яга, и медвѣди, и всякія превращенія; но въ чемъ, собственно, была суть представленія, полагаю, и сами лицедѣи не знали. Тѣмъ не менѣе, всѣмъ было весело, всѣ были въ высшей степени заинтересованы, всѣ говорили, что свадьба вышла на славу.

Выдающимся событіемъ въ нашей деревенской жизни былъ пріѣздъ къ намъ дяди-шатуна, младшаго брата моей матушки, который почему-то считался выродкомъ въ нашей семьѣ. Впрочемъ, потому, вѣроятно, что онъ не хотѣлъ знать ни хедеровъ, ни талмуда, и съ самыхъ юныхъ лѣтъ шатался по разнымъ городамъ. Путешествія свои онъ совершалъ пѣшкомъ. Когда мы узнали, что онъ побывалъ даже въ Житомирѣ, то нашему удивленію не было границъ, потому что въ то время, при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ, Житомиръ считался для насъ чуть ли не краемъ свѣта.

И вотъ этотъ шатунъ, этотъ отщепенецъ, вдругъ, какъ снѣгъ на голову, явился къ намъ въ деревню. Мы, дѣти, смотрѣли на него, какъ на заморское чудо. Онъ былъ первымъ для насъ евреемъ, который одѣвался по-европейски; на немъ былъличный сюртукъ, черные брюки поверхъ сапоговъ, которые у него всегда блестѣли; онъ носилъ бѣлую крахмаленную манишку, бѣлый воротникъ и манжеты, что считалось верхомъ франговства у евреевъ. Я глядѣлъ на него съ благоговѣніемъ и завистью. Долгое время онъ ничего не дѣлалъ. Несмотря на предосудительныя въ глазахъ ортодоксальныхъ евреевъ чужестранныя привычки дяди, онъ былъ любимцемъ бабушки, которая отдавала ему послѣдніе свои гроши. Но потомъ онъ сталъ заниматься выработкой изъ проволоки петель и крючковъ, которые носилъ для продажи въ городъ. Не велико же было богатство этого щеголя, если онъ добывалъ себѣ пропитаніе этимъ ремесломъ, думалъ я.

Вскорѣ, однако, дядя какъ-то вдругъ исчезъ съ нашего горизонта. Встрѣтился я съ нимъ снова лѣтъ черезъ 20-ть, при совершенно иныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ рѣчь впереди. Онъ впоследствии игралъ немалую роль въ моей жизни.

## II.

Переѣздъ въ Вильно.—Раввинское училище.—Мой старшій братъ.—Болѣзнь.—Эпизодъ изъ жизни брата.—Выходъ изъ училища.—Городъ Миръ.—Прогрессивное движеніе.—Запрещенныя книжки.—Пробы пера.

Какъ и почему наше семейство снова очутились въ Вильнѣ— не помню; знаю только, что бабушка продала свое «имѣніе», однако, питая особую страсть къ землѣ, къ «своему» углу, она купила невдалекѣ отъ Вильны какую-то хижинку въ лѣсу, куда и переселилась; но здѣсь для нашего семейства мѣста уже не нашлось.

Не помню также, какъ я, на девятомъ году, оказался вдругъ ученикомъ перваго класса виленскаго раввинскаго училища. Требовався ли какойнибудь экзаменъ при вступленіи въ это училище, и держалъ ли я этотъ экзаменъ,—рѣшительно не помню,—знаю только, что въ одинъ прескверный день я очутился среди малышей, учениковъ 1-го класса, въ большой, свѣтлой комнатѣ, на второй школьной скамьѣ.

Но объ этомъ училищѣ надо сказать нѣсколько словъ. При учрежденіи его имѣлось въ виду воспитать для евреевъ образованныхъ казенныхъ раввиновъ и учителей для городскихъ еврейскихъ училищъ. Курсъ ученія въ раввинскомъ училищѣ былъ 8-ми-лѣтній, въ полномъ объемѣ нашихъ гимназій, за исключеніемъ лишь латинскаго языка, который, кажется, въ то время не былъ обязательенъ и въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Зато были обязательны нѣмецкій и древне-еврейскій языки, изученіе библии и нѣкоторыя свѣдѣнія о талмудѣ, а также основныя правила еврейской религіи по сочиненіямъ: «Хасъ-Одомъ» (Жизнь человѣка) и «Шульханъ-Орухъ» (Открытый столъ), въ которыхъ вкратцѣ и систематически изложены главныя основанія Моисеева закона и этики.

Во главѣ училища стоялъ директоръ, христіанинъ; помощникъ инспектора и всѣ учителя общихъ предметовъ—также русскіе, и пользовались правами государственной службы. Только инспекторъ да преподаватели чисто еврейскихъ предметовъ были евреи, при чемъ инспекторъ никакой властью не былъ облеченъ и назначался лишь для почета изъ выдающихся виленскихъ евреевъ. Преподаваніе шло на русскомъ языкѣ, кромѣ лишь специальныхъ еврейскихъ предметовъ.

При училищѣ, занимавшемъ большой каменный домъ, было общежитіе, въ которомъ содержалось на казенный, т.-е. еврейскій, счетъ определенное число наиболѣе способныхъ учениковъ; въ ихъ числѣ былъ и мой старшій братъ, извѣстный впоследствии въ медицинскомъ мірѣ авторъ обширнаго историческаго сочиненія.

Какъ попалъ туда мой братъ — не знаю, тѣмъ болѣе, что у ортодоксальныхъ евреевъ, какими были мои родители, раввинское училище считалось разсадникомъ свободомыслія и безвѣрія, и никто изъ нихъ туда своихъ дѣтей не отдавалъ. Главнымъ мотивомъ отдачи своего первенца въ это нечестивое заведеніе было, вѣроятно, освобожденіе учениковъ раввинскаго училища отъ воинской повинности, которая, по тогдашнему суровому режиму Николаевскихъ временъ, была страшна не однимъ евреямъ, а для послѣднихъ, не знавшихъ ни русскаго языка, ни русскаго быта, считалась величайшимъ несчастіемъ. Немалымъ побужденіемъ у моихъ родителей, должно быть, служило желаніе избавиться отъ лишняго рта, тѣмъ болѣе, что братъ мой, въ видѣ особаго исключенія, былъ принятъ на казенный счетъ съ перваго же класса.

Изъ еврейскихъ предметовъ я былъ приготовленъ лучше другихъ, но русская рѣчь была тогда для меня совершенно чужда, а потому я ровно ничего не понималъ на урокахъ общихъ предметовъ; но вскорѣ я сталъ дѣлать замѣтные успѣхи, и усвоилъ бы русскій языкъ вполне, если бы не постигшая меня тяжелая болѣзнь.

Я былъ приходившимъ ученикомъ. Ежедневно, въ 4—5-ть часовъ утра, я отправлялся въ училище къ брату, который помогалъ мнѣ готовить уроки, и въ эти-то экскурсіи, зимою, одѣтый весьма легко, я сильно простудился и схватилъ горячку. Я пролежалъ дома, въ нищенской обстановкѣ, болѣе трехъ мѣсяцевъ, и все это время былъ почти безъ сознанія. Когда, благодаря крѣпкому организму, я наконецъ выздоровѣлъ и явился въ училище, то учителя меня не узнали и спрашивали: кто такой?

Послѣ болѣзни я недолго пробылъ въ училищѣ. Родители мои, кажется, приняли мою болѣзнь за наказаніе свыше за посѣщеніе богопротивнаго заведенія, почему взяли меня оттуда и снова посадили за талмудъ.

— Достаточно,—говорилъ отецъ,—что одинъ сынъ у насъ безбожникъ, и горе намъ будетъ, если и другой (т.-е. я) будетъ гой (отступникъ отъ еврейской вѣры).

Странныя были отношенія моихъ родителей къ старшему своему сыну! Находясь въ общежитіи раввинскаго училища, онъ крайне рѣдко посѣщалъ родительскій домъ; родители же никогда его не навѣщали въ раввинскомъ училищѣ. Когда, бывало, на большіе еврейскіе праздники братъ и явится домой, то онъ чувствовалъ себя какъ бы чужимъ, постоянно былъ молчаливъ и



угрюмъ. Родители, считая его погибшимъ для еврейской религіи, точно стыдились его, терпѣли, какъ неизбежное зло, никогда не привѣтствовали, не ласкали, въ особенности же мать, несмотря на то, что онъ былъ весьма способный и трудолюбивый ученикъ, тихій и скромный и, главное, ничего имъ не стоилъ.

При этомъ кстати будетъ рассказать слѣдующій эпизодъ изъ жизни моего брата, характеризующій въ то же время отношенія къ нему родителей.

Братъ былъ въ шестомъ классѣ, когда училище праздновало первое десятилѣтіе своего основанія. На торжествѣ, кромѣ учебнаго начальства съ попечителемъ округа во главѣ, присутствовали генераль-адъютантъ Назимовъ, бывший въ то время виленскимъ генераль-губернаторомъ. Трое изъ лучшихъ воспитанниковъ училища должны были произнести по этому случаю рѣчи на русскомъ, нѣмецкомъ и древне-еврейскомъ языкахъ. На долю брата выпало говорить рѣчь на русскомъ языкѣ. Генераль Назимовъ, выслушавъ эту рѣчь, не повѣрилъ сначала, что это говоритъ еврейскій мальчикъ, но когда попечитель округа подтвердилъ это, то генераль-губернаторъ подозвалъ брата къ себѣ, расцѣловалъ его при всей публикѣ и пожелалъ ему усовершенствоваться въ наукахъ и всякихъ успѣховъ въ жизни.

Вѣсть объ этомъ облетѣла все еврейское населеніе Вильны, и многіе приходили поздравить нашихъ родителей съ такимъ неслыханнымъ торжествомъ ихъ сына. Но простые, религіозные евреи нисколько не были польщены этимъ отличіемъ и наивно высказали, что если бы ихъ сынъ одержалъ такую побѣду въ области талмуда, то тогда они считали бы себя гораздо счастливѣе...

Пробывъ въ раввинскомъ училищѣ «безъ году недѣлю», я, понятно, ничего нужнаго оттуда не вынесъ, ни элементарнаго понятія о жизни и внѣеврейскихъ интересахъ, ни даже правильнаго чтенія по-русски. Единственное сильное впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ училища за короткое время моего пребыванія въ немъ,—это было публичное наказаніе розгами одного ученика 3-го класса, верзилы лѣтъ 16-17-ти.

Дѣло вышло такъ. Этотъ ученикъ, ужаснѣйшій шалунъ и лѣнтяй, устроилъ одному учителю-еврею во время урока кошачій концертъ. Какъ только урокъ кончился, учитель отправился пожаловаться прямо къ директору. Послѣдній, не убѣдившись даже въ справедливости жалобы и не выслушавъ оправданія ученика, приказалъ немедленно выдрать его тутъ же на дворѣ, при всѣхъ ученикахъ. Шалунъ завертѣлся, сталъ просить прощенія у учителя, умолялъ помощника инспектора походатайствовать за него, но, разумѣется, ничего не помогло. Явились четыре сторожа съ громадными пучками розогъ для исполненія экзекуціи. Блѣдный, какъ смерть, преступникъ умолялъ присутствовавшего тутъ же

директора о помилованіи; наконецъ, онъ заявилъ, что выходить изъ училища совѣтъ, но директоръ остался непреклоненъ. Преступника раздѣли, положили на землю, покрытую снѣгомъ; два сторожа держали его за голову и руки, а двое наносили удары. Несчастный кричалъ, что есть мочи, а могучіе удары со свистомъ такъ и сыпались на обнаженное тѣло, пока оно не было исполосовано до крови. Наконецъ, директоръ крикнулъ: довольно! и равнодушно, въ сознаніи исполненія своей обязанности, удалился. А наказанный ученикъ, приведши трясущимися руками свой туалетъ въ порядокъ, выбѣжалъ, какъ бѣшеный, на улицу и больше въ училище уже не вернулся.

Вскорѣ послѣ выхода изъ училища я очутился въ маленькомъ еврейскомъ городкѣ Минской губерніи, Мирѣ, гдѣ тогда процвѣтала еврейская семинарія (іешиба), въ которой обучалось около двухсотъ еврейскихъ мальчиковъ. Но прежде чѣмъ опишу эту замѣчательную въ многихъ отношеніяхъ «іешибу» и тогдашніе ея порядки, хочу сказать нѣсколько словъ о начавшемся тотчасъ по воцареніи императора Александра II прогрессивномъ движеніи среди евреевъ.

Движеніе это, впрочемъ, перешло къ русскимъ евреямъ изъ-за границы. Тамъ стали издаваться на древне-еврейскомъ языкѣ литературно-политическія газеты, въ которыхъ помѣщались обзорѣнія европейской политики, всякія «злобы дня» изъ еврейской жизни, философскія и этическія разсужденія объ основахъ еврейства и талмуда и статьи по естествознанію. Газеты эти были болѣе всего распространены среди русскихъ евреевъ. Одновременно съ газетами, стали появляться какъ за границей, такъ и въ Россіи, разныя «книжечки» прогрессивнаго содержанія. Были между ними и стихи, и историческіе разсказы, и оригинальные романы изъ еврейскаго быта, и біографіи знаменитыхъ людей, и путешествія, и популярныя свѣдѣнія по математикѣ, астрономіи, химіи и физиологіи, наконецъ—переводные романы. Достаточно сказать, что даже знаменитый романъ Э. Сю «Парижскія тайны», столь чуждый духу еврейской литературы, нашелъ прекраснаго и изящнаго переводчика, въ лицѣ извѣстнаго еврейскаго писателя Кольмана Шульмана. И удивительнѣе всего, что даже «Телемакъ» Фенелона, еще болѣе чуждый еврейскому духу своими мифологическими богами, богинями, нимфами и греческими героями, былъ переведенъ на священный библейскій языкъ.

Еврейская молодежь, понимавшая этотъ языкъ, набросилась на эти «книжечки» и читала ихъ съ восторгомъ, но большею частью тайно, потому что онѣ считались запрещеннымъ плодомъ среди ортодоксальныхъ евреевъ, справедливо находившихъ, что «книжечки» отвлекаютъ молодежь отъ единственнаго достойнаго и богоугоднаго занятія, изученія талмуда, и распространяютъ всякую

ересь... Я также сильно увлекался этими «книжечками» и подвергался за чтеніе ихъ разнымъ преслѣдованіямъ. Но, какъ всегда бываетъ въ этихъ случаяхъ, чѣмъ больше меня преслѣдовали, тѣмъ больше я, въ 10—11 лѣтъ, предался этой страсти, и въ тайнѣ отъ родителей сталъ даже самъ кропать на древне-еврейскомъ языкѣ разные стишки «по случаю» и даже началъ было «сочинять» романъ.

### III.

Мирская семинарія. — Ея главари. — Школа-молельня. — Гигиеническія условія. — Доходы семинаріи. — Пайки ученикамъ. — Способъ преподаванія. — Распредѣленіе времени. — Порядокъ полученія пайка. — Ночныя молитвы и посты. — 310 окунаній. — Болѣзнь и лѣченіе. — Смерть товарища. — Проповѣдники. — Какъ они вознаграждались. — Публичное ошельмованіе. — Я оставляю семинарію. — Городокъ Столбцы. — Я устроился. — Духовные раввины. — Способъ распространенія книгъ. — Романъ. — Интеллигентная семья. — Страсть къ пѣнію и музыкѣ.

Мирская семинарія, о которой я упомянулъ выше, была въ полномъ расцвѣтѣ въ 1850-хъ годахъ. Она не пользовалась такой среди евреевъ славой, какъ главная «іешиба» въ мѣстечкѣ Воложинѣ Минской же губерніи, но все же имѣла громкую извѣстность и тоже высоко уважалась. Преподавали въ семинаріи исключительно талмудъ. Но въ то время, какъ во главѣ воложинской іешибы стояли первоклассные, прославленные еврейскіе ученые раввины, и на содержаніе ея русскіе и иностранные евреи жертвовали большія суммы, — мирская семинарія, служившая, собственно говоря, какъ бы приготовительнымъ заведеніемъ для поступленія въ воложинскую, находилась въ мое время подъ руководствомъ мѣстнаго духовнаго раввина и его помощника.

Первый былъ очень высокій и красивый старикъ, добродушный и весьма недалекій. Онъ, впрочемъ, рѣдко преподавалъ въ іешибѣ. Главнымъ же и единственнымъ руководителемъ іешибы былъ его помощникъ, маленькій, сухой челоуѣкъ лѣтъ 35, чрезвычайно живой и нервный, пронизательный и злой. Его маленькая фигурка съ козлиной бородкой, съ пронизывающими острыми глазами, наводила какой-то трепетъ на всѣхъ учениковъ.

Семинарія помѣщалась въ одной лишь большой комнатѣ, которая въ то же время служила молитвеннымъ домомъ для многихъ прихожанъ. Учениковъ было, какъ я сказалъ выше, около 200, изъ которыхъ многіе, не имѣя своего угла, жили и спали въ школь-молельнѣ. Можно себѣ представить, какія были гигиеническія условія, въ которыхъ росло и воспитывалось это юное еврейское поколѣніе! Неудивительно, что большинство учениковъ страдало чесоткой и другими прилипчивыми болѣзнями.

Такъ какъ громаднѣйшее большинство учениковъ были изъ дѣтей бѣднѣйшихъ евреевъ, а бѣдный городокъ Миръ не въ состо-

янип былъ ихъ прокормить, то ученикамъ выдавались отъ семинаріи ежемѣсячныя пайки въ размѣрѣ отъ 75 копеекъ до 3 рублей. Размѣръ пайка зависѣлъ, во-первыхъ, отъ степени аристократическаго происхожденія отца даннаго ученика, т.-е. принадлежалъ ли онъ къ ученому сословію, или къ ремесленному; во-вторыхъ, отъ степени участія роднаго города ученика въ сборахъ на содержаніе мирской іешибы и, въ-третьихъ, отъ благонравія и успѣховъ учениковъ.

Іешиба не имѣла никакихъ опредѣленныхъ доходовъ и содержалась на добротныя пожертвованія, которыя ежегодно собирали для нея спеціальныя сборщики (мшулохимъ) у благотворителей. Но пожертвованія были весьма скудныя, потому что богатые евреи съ бѣльшей охотою давали на воложинскую семинарію, которая пользовалась бѣльшимъ авторитетомъ.

Мой отецъ не былъ раввиномъ и, кромѣ того, изъ Вильны были въ Мирѣ еще три ученика, поэтому мнѣ назначенъ былъ наименьшій паекъ, т.-е. 75 копеекъ въ мѣсяцъ. Разумѣется, на эту сумму прожить мѣсяцъ было невозможно, поэтому родители должны были поддерживать меня, высылая отъ 1 до 2-хъ рублей въ мѣсяцъ, на которые я жилъ впроголодь.

Перехожу къ самой сути, т.-е. къ способу преподаванія талмуда въ мирской іешибѣ. Но для характеристики его достаточно сказать, что ученики были разныхъ возрастовъ, отъ 10-ти до 20-ти лѣтъ, разныхъ способностей и разной подготовки, между тѣмъ для всѣхъ учениковъ назначался одинъ урокъ чтенія и объясненія опредѣленнаго листа изъ опредѣленнаго трактата талмуда... Ежедневно, ровно въ 12 часовъ дня, помощникъ раввина садился за маленькій столъ, открывалъ очередной листъ трактата и начиналъ его читать и объяснять. Преподавателя со всѣхъ сторонъ окружали бѣлье ревностныя и свѣдущіе ученики, которые съ величайшимъ вниманіемъ слушали хитроумныя комментаріи учителя, задавая вопросы, вмѣшивались въ споры,—громаднѣйшее же большинство учениковъ, въ особенности тѣ, которые помоложе, вовсе не слушали лекціи, которой они не поняли бы, если бы и могли разобрать чтеніе и объясненіе преподавателя, не справлявшася, какъ я сказалъ выше, ни съ возрастомъ, ни съ подготовкой учениковъ.

Впрочемъ, слушаніе урока вовсе не было обязательно для воспитанниковъ. Время чтенія лекціи ученики считали самымъ свободнымъ для себя, и они пользовались имъ для своихъ надобностей. Главная же обязанность учениковъ состояла въ зубреніи, въ теченіе 12-ти часовъ въ сутки того или другаго трактата талмуда, подъ наблюденіемъ преподавателя, который постоянно присутствовалъ въ помѣщеніи школы и зорко слѣдилъ за учениками. Обыкновенно, одинъ фоліантъ талмуда выдавался двумъ ученикамъ, которые назывались «товарищами», и которые обязаны были, въ

теченіе всего семестра, сидѣть рядомъ, долбить вслухъ и нараспѣвъ данный имъ трактатъ, хотя бы они ничего въ немъ не понимали.

Ученіе начиналось обыкновенно въ 6 часовъ утра и продолжалось до 8. Отъ 8 до 9 совершалась утренняя молитва, на которую собирались и прихожане, отъ 9 до 10—завтракъ, отъ 10 до 12—опять долбленіе талмуда; въ 12 часовъ чтеніе урока преподавателемъ, которое обыкновенно продолжалось до 2-хъ часовъ; отъ 2 до 4—обѣдъ и отдыхъ, отъ 4 до 6—общія занятія, отъ 6 до 7—молитва, отъ 7 до 9—общія занятія, наконецъ, въ 9 часовъ—вечерняя молитва и отдыхъ, и такъ изо дня въ день.

Можно себѣ представить переутомленіе учениковъ при такомъ режимѣ, въ особенности, въ такой тѣснотѣ и духотѣ и при такомъ скудномъ питаніи! Неудивительно, что всѣ почти ученики мирской іешибы были измученные, блѣдные и малокровные, какіе-то робкіе и пришибленные подъ гнетомъ помощника раввина, суроваго преподавателя, который ежедневно по цѣлымъ часамъ дѣлалъ круги по школѣ, слѣдя за тѣмъ, чтобы ученики не занимались разговорами, а безпрестанно долбили талмудъ.

Самымъ мучительнымъ моментомъ для меня, по крайней мѣрѣ, былъ день раздачи ученикамъ ежемѣсячнаго пособия, которую производил тотъ же угрюмый помощникъ раввина, и которая сопровождалась цѣлымъ церемоналомъ. Помощникъ уединялся въ маленькую комнатку, пристроенную къ школѣ, забравъ съ собою мѣшки съ мѣдными деньгами и одного изъ учениковъ для счета ихъ. Передъ грознымъ учителемъ лежалъ списокъ ученикамъ, которымъ предстояла выдача, а ученикъ-ассистентъ раскладывалъ кучки отъ 75 копеекъ до 3 рублей. Но никто изъ пенсіонеровъ не былъ увѣренъ въ почной получкѣ пайка.

Дѣло въ томъ, что учителю предоставлено было право убавлять (но не прибавлять) назначенное пособие по своему усмотрѣнію и даже лишать его совсѣмъ провинившагося чѣмъ нибудь ученика: за разговоры во время общаго ученія, за малое усердіе во время молитвы, за всякую шалость. Поэтому ученики со страхомъ и трепетомъ входили въ мрачную коморку, не зная, чѣмъ рѣшится ихъ судьба. Если ученикъ выходилъ изъ судилища веселый и торжествующій, это значить, что онъ получилъ пособие въ полномъ размѣрѣ; если же кто выскочить изъ коморки блѣдный, со скрежетомъ зубовымъ,—значить, произошли выговоры и вычеты.

Мнѣ часто приходилось подвергаться подобнымъ «дисциплинарнымъ» взысканіямъ, и вмѣсто 75 копеекъ я получалъ иногда 40 и 30 копеекъ, которымъ все же былъ радъ.

Хотя для моихъ лѣтъ—во время пребыванія въ мирской іешибѣ мнѣ было около 12 лѣтъ—я могъ считаться способнымъ и много-

знающимъ ученикомъ, но многіе превосходили меня и способностями, и знаніемъ талмуда, они считались «илуимъ» (возвышенными), и я имъ крѣпко завидовалъ. Всѣ мы, ученики, вѣрили, что путемъ горячихъ молитвъ и продолжительныхъ постовъ можно вымолить у Бога «просвѣтленіе» головы, послѣ чего вся премудрость талмуда и его комментаторовъ легко, безъ всякаго труда откроется просвѣтленному уму просящаго. Многіе ученики, какъ рассказывали, прибѣгали къ слѣдующему способу: обрекиши себя на двухсуточный постъ, въ теченіе котораго не брали въ ротъ никакой пищи, ни даже капли воды, они на ночь запирались въ синагогѣ, открывали священную скинію (орынъ-койдемъ), брали въ руки священный свитокъ Торы (Пятикнижія Моисея), писанной на пергаментѣ, и въ совершенномъ одиночествѣ проводили всю ночь въ рыданіи и молитвахъ о просвѣтленіи ихъ ралума, послѣ чего они дѣлались великими учеными и глубокими знатоками талмуда.

Попробовалъ было и я продѣлать всю эту процедуру, но не могъ выдержать ни двухсуточнаго строгаго поста, ни страшной мысли о томъ, что долженъ буду остаться одинъ на всю ночь въ синагогѣ, почему послѣ 30-ти-часового поста я долженъ былъ отказаться отъ совершенія великаго подвига... Такъ я и не «просвѣтлѣлъ» окончательно, и изъ меня не вышелъ великій ученый раввинъ.

Но въ то же время я вздумалъ продѣлать другое подвижничество, которое чуть не стоило мнѣ жизни.

По еврейскому повѣрью, кто наканунѣ «іомъ-кипуръ» (суднаго дня) совершитъ «шай-іволость» (310 окунаній) въ проточную воду, тотъ уже навѣрное попадетъ послѣ смерти въ царство небесное «праведникомъ». Желая заручиться этимъ вѣрнымъ пропускомъ въ рай, я наканунѣ суднаго дня отправился къ рѣкѣ, текущей у мѣстечка Мира, для совершенія 310 окунаній. Судный день выпадаетъ у евреевъ обыкновенно въ послѣднихъ числахъ сентября, когда наступаютъ утренніе заморозки, а на рѣчкахъ образуется тонкій слей льда. Такъ было и въ злополучный для меня день. Но это обстоятельство меня не остановило. Жажда духовнаго очищенія превозмогла непріятную перспективу принять ледяную ванну. Быстро раздѣвшись, я бросился въ студеною рѣчку и два-три раза окунулся съ головою въ воду. Почувствовавъ страшный холодъ во всемъ тѣлѣ, я все еще храбрился, еще нѣсколько разъ окунулся въ воду и думалъ, что мнѣ удастся совершить всѣ 310 окунаній, но на 9-мъ я остановился. Тѣло мое посинѣло, дыханіе сперло, и я, весь дрожа, выскочилъ на берегъ, отказавшись до поры до времени отъ царства небеснаго. Наскоро одѣвшись, я побѣжалъ, что есть мочи, въ школу. Здѣсь я согрѣлся и подкрѣпилъ свои силы. Заговѣвшись до захода солнца на великій, обязательный для всѣхъ евреевъ постъ, продолжающійся 24 часа въ дѣвни и молитвахъ,

я его сносно, сравнительно, выдержалъ, но на слѣдующій день почувствовалъ сильнѣйшую боль въ животѣ, такъ что не могъ устоять на ногахъ и слегъ. Очевидно, я сильно простудилъ всю полость живота. Со мною сдѣлались судороги, и я страшно кричалъ отъ нестерпимой боли. Меня на рукахъ перенесли въ маленькую комнатку, служившую по субботамъ и праздничнымъ днямъ модельней для женщинъ, а въ будни — приемнымъ покоемъ, и уложили на деревянную скамейку безъ всякаго матраца. Кто-то ушелъ за фельдшеромъ.

Вскорѣ явился какой-то засаленный старый еврей, который ощупалъ меня и глубокомысленно рѣшилъ, что необходимо поставить на животъ 30 банокъ. Черезъ часъ я былъ уже облѣпленъ банками, предварительно изрѣзанный острой бритвой.

Несмотря на обиліе выпущенной крови и на нестерпимую боль отъ влившихся въ тѣло банокъ, мнѣ стало легче. Внутренняя боль уступила внѣшней. Черезъ два дня я совершенно поправился. Молодой, здоровый отъ природы организмъ все выдержалъ: и 30-ти-часовой постъ, и ледяныя ванны, и варварскія банки.

При іешибѣ специальнаго приемнаго покоя не было, не существовало также никакой правильной медицинской помощи, да, кажется, во всемъ Мирѣ тогда и доктора не было; всѣ болѣзни лѣчились банками, однако ученики, несмотря на ужасныя гигиеническія условія и плохое питаніе, рѣдко хворали.

Но вотъ однажды случился грѣхъ: въ стѣнахъ школы какъ-то вдругъ умеръ чахоточный ученикъ. Это было громаднѣйшее событіе въ жизни семинаріи. По еврейскому обычаю, похороны обязательны въ самый день смерти. Всякое ученіе было отменено; всѣ ученики толпились вокругъ лежавшаго на полу товарища и читали заунывнымъ голосомъ псалмы Давида. Передъ выносомъ тѣла, одинъ изъ находившихся случайно въ Мирѣ проповѣдниковъ сказалъ напутственное слово («геспедъ»), которое вызвало громкое рыданіе всѣхъ присутствующихъ.

Объ этихъ «проповѣдникахъ» (магид'имъ), искусно умѣющихъ увлекать своими рѣчами толпу слушателей, стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Проповѣдники — обычное явленіе среди русскихъ евреевъ, въ особенности въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Они обыкновенно разѣзжаются по городамъ, населеннымъ преимущественно евреями, гдѣ говорятъ свои проповѣди въ синагогахъ и молитвенныхъ домахъ. Нѣкоторые изъ нихъ разъясняютъ только этическую сторону библіи и талмуда, взывая къ добру и помощи ближнимъ, воздержанію и аскетизму, а, главное, требуя посвященія себя всецѣло изученію талмуда и его комментаторовъ. Такіе проповѣдники бываютъ въ большинствѣ случаевъ однообразными и скучными.

Но есть проповѣдники, глубокіе знатоки талмуда, острые умы (хариф'имъ), которые, по оригинальному выраженію евреевъ, способны сводить стѣну со стѣной. Такой проповѣдникъ обыкновенно начнетъ съ какого нибудь библейскаго текста и загроздитъ его множествомъ вопросовъ, затѣмъ перейдетъ къ другому тексту, который, казалось, никакого отношенія къ первому не имѣетъ, и также облѣпитъ его разными вопросами, доказывая, что въ немъ нѣтъ ни логики, ни здраваго смысла. Послѣ этого онъ останавливается на третьемъ текстѣ, въ которомъ найдетъ массу противорѣчій и недоразумѣній и т. д. и т. д. Но вдругъ, ссылаясь на какое-то изреченіе талмуда, онъ выскажетъ какой-то рогатый силлогизмъ, и смотришь, послѣ нѣкотораго хитросплетенія ума, всѣ тексты оказываются согласными между собою, всѣ противорѣчія исчезли, всѣ вопросы разъяснены, и изреченія библии и талмуда возсіяли въ объясненіи проповѣдника ярче солнца. Сопутствуемый одобрительнымъ шопотомъ аудиторіи (рукоплесканій въ молитвенныхъ домахъ не принято), проповѣдникъ сходитъ съ амвона, и всѣ спѣшатъ выразить ему благодарность и уваженіе пожатіемъ руки.

Бываютъ проповѣдники, которые до того умѣютъ наэлектризовать своихъ слушателей, что доводятъ послѣднихъ до рыданія и истерики, въ особенности женщинъ, которыя впадаютъ при этомъ въ обморочное состояніе, хотя <sup>9</sup>/<sub>10</sub> изъ нихъ не понимаютъ премудрости проповѣдника. Эти проповѣдники отличаются въ особенности въ дни поста и раскаянія («іумимъ ныроимъ»), десять дней между еврейскимъ новымъ годомъ и суднымъ днемъ, когда религіозные евреи убѣждены, что ихъ судьба рѣшается самимъ Іеговой на небесахъ. Проповѣдникъ прибѣгаетъ обыкновенно къ слѣдующему эффекту: онъ, точно въ экстазѣ, среди проповѣди бросается къ священному ковчегу, въ которомъ хранится писанное на пергаментѣ Пятикнижіе Моисея, порывисто сдвигаетъ закрывающій его занавѣсъ и съ разсчитаннымъ паѳосомъ и громкимъ рыданіемъ открываетъ ковчегъ. Въ такой моментъ всѣхъ присутствующихъ охватываетъ какой-то священный ужасъ, поднимается вопль, и всѣ голоса сливаются въ общее рыданіе. Въ эту минуту я увѣренъ (сужу по себѣ), всѣ слушатели искренно раскаиваются въ вольныхъ и невольныхъ грѣхахъ, дѣлаются временно нравственно чище, разумѣется, только до перваго столкновенія съ окружающею, гнетущею жизнью...

Вознаграждаются проповѣдники весьма скудно. Послѣ проповѣдей странствующие «магид'имъ» берутъ проводника, хорошо знающаго матеріальное положеніе мѣстныхъ обывателей, и съ нимъ обходятъ всѣ болѣе или менѣе состоятельные дома. Никто почти въ этихъ случаяхъ не отказываетъ въ своей скудной лептѣ, всѣ добровольно даютъ, сколько могутъ, отъ 3—5 коп. до 20 коп., съ міру по ниткѣ, а нищему проповѣднику на скудное содержаніе,



т.-е. на дорожные расходы и одежду, пропитаніе же ему ничего не стоитъ, потому что обыватели охотно кормятъ его у себя, считая за особую честь, если проповѣдникъ откушаетъ у нихъ хлѣбасоли.

Въ мирской іешибѣ я пробылъ около года и вышелъ изъ нея по слѣдующему случаю.

Обыкновенно, послѣ утренней молитвы, ученики расходились по своимъ квартирамъ для завтрака. Нѣкоторые изъ нихъ удалялись нѣсколько раньше окончанія молитвы, хотя это было строго запрещено; но такъ какъ на молитвѣ, какъ я говорилъ выше, присутствовали и прихожане, то трудно было имѣть строгій надзоръ за учениками. Я также позволялъ себѣ иногда эту вольность.

Но вотъ однажды, собираясь уйти изъ школы-молельни, главный раввинъ, всегда присутствовавшій на молитвѣ, сдѣлалъ мнѣ рукой знакъ, чтобы я остался. По окончаніи молитвы, онъ подозвалъ меня къ своему столу и безъ всякихъ вопросовъ и объясненій сталъ бить меня по щекамъ. Я былъ ошеломленъ. Кромѣ физической боли,—костлявая рука раввина была больно, и экзекуція продолжалась нѣсколько минутъ,—я былъ уничтоженъ публичнымъ позоромъ, такъ какъ посторонніе прихожане не успѣли еще разойтись.

Совершивъ свой подвигъ, раввинъ удалился, не сказавъ никому ни слова, и я такъ-таки и не узналъ, за какую провинность меня подвергли публичному наказанію. Должно быть, великій раввинъ предвидѣлъ, что изъ меня не выйдетъ свѣтила Израиля, и потому выместилъ на мнѣ гнѣвъ Иеговы...

Вскорѣ послѣ этого происшествія я покинулъ Миръ и переселился въ мѣстечко Столбцы, находящееся въ 24 верстахъ отъ Мира. Тамъ жилъ дальній мой родственникъ, на котораго я надѣялся, что онъ какънибудь меня пристроитъ.

Пріѣхавъ въ Столбцы на подводѣ, за что заплатилъ послѣдній злотъ (15 коп.), я прямо отправился въ молитвенный домъ, который, какъ я говорилъ уже, служить и даровой гостиницей для бѣдныхъ бохуровъ, посвящающихъ себя изученію талмуда. Встрѣтившій меня служка, узнавъ цѣль моего пріѣзда и что такой-то мой родственникъ, первымъ дѣломъ вручилъ мнѣ фоліантъ талмуда, за который я сейчасъ же сѣлъ, а затѣмъ обѣщалъ мнѣ найти для меня «дни», т.-е. обывателей, которые изъявятъ согласіе на прокормленіе меня по одному дню въ недѣлю каждый.

Родственникъ мой, котораго я никогда въ глаза не видѣлъ, оказался молодымъ еще человѣкомъ, лѣтъ 26—27, женатымъ на дочери содержателя мѣстныхъ банъ (занятіе это считается у евреевъ если не позорнымъ, то неприличнымъ) и готовящимся, живя на хлѣбахъ у тестя, къ сану духовнаго раввина.

Здѣсь будетъ кстати сказать о значеніи духовныхъ раввиновъ у евреевъ и ихъ миссіи, о которыхъ многіе, даже образованные, русскіе имѣютъ совершенно смутное понятіе.

Духовный раввинъ, который долженъ быть въ каждомъ городѣ или мѣстечкѣ, населенномъ евреями, есть, прежде всего, толкователь еврейскаго закона. Онъ разрѣшаетъ всѣ встрѣчающіяся въ ежедневной жизни евреевъ религіозныя недоразумѣнія; онъ совершаетъ множество религіозныхъ обрядовъ, столь обременяющихъ жизнь еврея; онъ заключаетъ браки, чинитъ разводы; онъ же, въ большинствѣ случаевъ, исполняетъ обязанности мирового судьи. Во многихъ городахъ раввинъ стоитъ еще во главѣ семинарій («рош-іешибе») и единственнымъ преподавателемъ въ нихъ. Затѣмъ онъ еще и духовный пастырь: въ извѣстные праздники и субботы онъ произноситъ проповѣди, исполняя обязанности магида (см. выше). Наконецъ самыя выдающіеся раввины служатъ высшимъ авторитетомъ для своихъ же товарищей раввиновъ, которые обращаются къ нимъ за разрѣшеніемъ головоломныхъ религіозныхъ вопросовъ, возбуждающихъ сомнѣніе и разныя толкованія. Приговоръ или объясненіе такого раввина считается уже безапелляционнымъ.

Особенныхъ приготовленій для занятія должности духовнаго раввина не имѣется, но существуетъ нѣчто въ родѣ экзамена. Если три извѣстныхъ раввина, каждый, впрочемъ, отдѣльно, проэкзаменуютъ претендента на санъ раввина и дадутъ ему письменное свидѣтельство («смихосъ»), что онъ знаетъ хорошо содержаніе «Шульханъ оруха» (сводъ еврейскихъ законовъ и обрядовъ) и умѣетъ толковать законъ, то этого вполне достаточно, чтобы стать духовнымъ раввиномъ въ любой еврейской общинѣ. Но самыя общины требуютъ, чтобы ихъ раввины, кромѣ знанія свода законовъ, были большими знатоками талмуда, хорошими проповѣдниками и безукоризненной нравственности. Понятно, что болѣе богатые города избираютъ или выписываютъ болѣе прославленныхъ и ученыхъ раввиновъ, изъ которыхъ выдающіеся своими учеными трудами производятся своими почитателями въ санъ «гаона» (великаго), «учителя всего изгнаннаго Израиля», въ «божественнаго толкователя закона».

Опредѣленнаго жалованья раввины не получаютъ, но каждое общество назначаетъ своему раввину содержаніе, сообразно своимъ средствамъ. Истинно благочестивые раввины—а ихъ громаднѣйшее большинство—довольны своимъ скуднымъ содержаніемъ, изъ котораго ухитряются еще удѣлять на нужды нищихъ, членовъ общества. Но встрѣчаются и печальныя исключенія. Есть раввины, которые, не удовлетворяясь общественными лептами, пускаются (впрочемъ, черезъ своихъ женъ) въ мелкую торговлю, содержатъ питейныя заведенія и не брезгаютъ ростовщицествомъ среди своихъ же пасомыхъ.

Многіе раввины пишутъ якобы ученые, новые комментаріи къ библіи и талмуду, которые, по отпечатаніи, лично раздають состоятельнымъ своимъ почитателямъ, что приносить имъ нѣкоторую матеріальную пользу.

Впрочемъ, этотъ способъ распространенія своихъ сочиненій унаслѣдовали отъ раввиновъ и новѣйшіе еврейскіе писатели, такъ называемые прогрессисты, которые иногда разбѣжжаютъ по всѣмъ еврейскимъ городамъ и собираютъ милостыню, въ видѣ платы за никому не нужные плоды ихъ ума или музы.

Грѣшный человѣкъ, прибѣгалъ къ этому способу и я; но я забѣгаю впередъ.

Итакъ, я водворился въ Столбцахъ, гдѣ и устроился довольно сносно. «Шамешъ» (служба) скоро нашель для меня полный комплектъ «дней», т.-е. обывателей, которые согласились кормить меня по опредѣленному дню въ недѣлю. Къ моему благополучію, обыватели эти оказались не бѣдными и кормили меня сытно и вкусно. Но главное мое благополучіе состояло въ томъ, что я получилъ полную свободу, былъ предоставленъ самому себѣ; надо мною, 12-лѣтнимъ мальчуганомъ, не было никакого начальства, никакого надзора.

Хотя я жилъ въ самомъ молитвенномъ домѣ, я, однако, пользовался полной свободой. Держа передъ собою, для декораціи, фоліантъ талмуда, я тутъ же ухитрялся читать «запрещенныя книжки», которыми снабжали меня нѣкоторые товарищи, дѣти мѣстныхъ обывателей. Книжки эти значительно расширили мой умственный горизонтъ.

Въ Столбцахъ я впервые получилъ понятіе о еврейской семьѣ, живущей на европейскую ногу, что было такой рѣдкостью въ Россіи въ началѣ пятидесятихъ годовъ XIX столѣтія. Это было семейство Карлинскихъ, которое меня кормило по пятницамъ и субботамъ. Отецъ семейства жилъ постоянно въ Кенигсбергѣ, гдѣ онъ былъ комиссіонеромъ по экспорту русскаго хлѣба, шедшаго въ Пруссію по Нѣману, и я его ни разу не видѣлъ въ Столбцахъ. Жена же его съ дѣтьми, по неизвѣстнымъ мнѣ соображеніямъ, жила въ этомъ городѣ, въ своемъ собственномъ хорошемъ домѣ, окруженномъ большимъ фруктовымъ садомъ. Хозяйка дома была очень миловидная женщина, лѣтъ 35, добрая и ласковая; дѣти ея, два мальчика моихъ лѣтъ и дѣвочка лѣтъ 8, воспитывались, т.-е. обучались еврейскимъ предметамъ, дома. Въ послѣднемъ царствовали образцовая чистота и порядокъ. Какъ г-жа Карлинская, такъ и ея дѣти, любили меня, главнымъ образомъ, за то, что я хорошо зналъ еврейскій языкъ и въ 12 лѣтъ не только зналъ почти всю библію наизусть, но и былъ, сравнительно, хорошо знакомъ съ главными представителями новѣйшей еврейской литературы, въ которую я посвящалъ моихъ сверстниковъ, читая съ ними «запрещенныя» книжки, свободно вращавшіяся въ домѣ Карлинскихъ.

Я нѣсколько распространился объ этомъ семействѣ потому, чтобы доказать, что и въ николаевскія времена, въ такомъ заброшенномъ мѣстечкѣ, какъ Столбцы, среди темныхъ и фанатическихъ евреевъ возможно было существованіе, при нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, простой, честной, доброй еврейской семьи, не знавшей ни фанатизма, ни вражды къ иновѣрцамъ, хотя всѣ члены семьи строго исполняли всѣ предписанія еврейской религіи и ни въ чемъ не отступали отъ нея.

Въ Столбцахъ же я пристрастился къ музыкѣ, лучше сказать, къ пѣнію. Въ этомъ городѣ былъ молодой канторъ (совершающій молитвы въ синагогахъ), обладавшій замѣчательнымъ теноромъ. Зная ноты, онъ приспособлялъ многія аріи изъ разныхъ оперъ къ молитвенному тексту; въ особенности онъ эксплуатировалъ, какъ я узналъ впоследствии, Меерберовскія оперы. Евреи очень любятъ Меерберовскія мелодіи, находя въ нихъ что-то родное, хотя самъ Меерберъ, несмотря на еврейское свое происхожденіе, врядъ ли зналъ еврейскія національныя мелодіи. Во всякомъ случаѣ, ихъ вовсе нѣтъ въ главныхъ его операхъ. Но евреи, справедливо гордясь своимъ гениальнымъ соплеменникомъ, ловятъ и находятъ въ его операхъ національные мотивы и съ особымъ удовольствіемъ слушаютъ Меерберовскія аріи въ синагогахъ, когда канторъ примѣняетъ ихъ къ молитвамъ.

И вотъ, попавъ разъ, въ праздникъ, въ синагогу, я былъ очарованъ сразу какъ прекраснымъ, звучнымъ голосомъ кантора, такъ и глубиной и сладостью Меерберовскихъ мотивовъ, и съ тѣхъ поръ я не пропускалъ ни одного богослуженія въ синагогѣ, когда его совершалъ молодой канторъ.

#### IV.

Приращеніе нашего семейства.—«Ожилъ!»—Душевное томленіе.—Развлеченіе еврейскими концертами.—Ломжинскій канторъ.—Борьба партій.—Воинская повинность во время Крымской войны.—«Ловцы».—Сцена на улицѣ.—Женитьба старшаго моего брата.—Повѣдка въ Сморгонь.—Свадьба.—Помолвка сестры.—Мое огорченіе.—Праведники.—Плакальщики.—Похороны праведника.

Вернувшись въ Вильно, я года два прожилъ у родителей, среди многочисленнаго семейства, которое все больше и больше увеличилось. Матушка рожала аккуратно черезъ каждые два года, и дѣти всѣ были здоровыя, жили и росли. Матеріальное же положеніе родителей не только не улучшалось, но, напротивъ, все ухудшалось. Бѣдный отецъ точно высохъ, а мать, измученная заботами о кучѣ дѣтей, становилась все злѣе и злѣе.

Въ это время на свѣтъ Божій явился новый членъ семейства, который противъ обыкновенія черезъ три дня умеръ. Отецъ, по видимому, чрезвычайно обрадовался этому обстоятельству, хотя

громко не выражалъ своей радости, мать же, несмотря на обиліе оставшагося потомства, была очень огорчена и даже искренно всплакнула о желанной, въ глубинѣ души, потерѣ.

Надо было хлопотать о погребеніи младенца. Отецъ отправился въ погребальное общество и черезъ нѣсколько часовъ явился въ сопровожденіи двухъ членовъ послѣдняго, которые должны были унести покойничка. Но, войдя въ комнату, отецъ вдругъ услышалъ плачъ младенца.

— «Ожилъ!»—воскликнулъ онъ, схватившись за голову и поблѣднѣвъ, какъ полотно.

И на его лицѣ отпечаталось такое страшное горе, что я во всю жизнь не могъ забыть этого выраженія отчаянія.

Между тѣмъ младенецъ вовсе не ожилъ, и дѣло вышло такъ. Видя страданія матушки отъ обилія молока въ груди, которое необходимо было отцѣдить, жившая у насъ бабушка побѣжала куда-то достать, для этой цѣли, щенка, что ей и удалось. Щенокъ, какъ разъ въ моментъ возвращенія отца изъ погребальнаго общества, завизжалъ, а отецъ принялъ пискъ щенка за плачъ ожившаго ребенка...

Нужно себѣ представить степень нищеты и гнета главы семейства, если воображаемое оживленіе родного ребенка могло вызвать въ отцѣ такой вопль отчаянія!..

Тускло и уныло проходили у меня дни въ родительскомъ домѣ. Въ Вильнѣ мнѣ труднѣе было предаваться моей страсти, чтенію «запрещенныхъ» книжекъ, потому что за мною строго слѣдили и отецъ, и мать, и «доброволецъ»—братъ, который былъ старше меня на 4 года и котораго, въ отличіе отъ нашего первенца, ученика раввинскаго училища, буду называть Исаакомъ. Всѣ эти аргусы, если имъ удавалось изловить меня за «запрещенной» книжкой, жестоко меня били.

Проводя цѣлые дни и длинные вечера въ одномъ изъ виленскихъ молитвенныхъ домовъ, гдѣ отецъ считался прихожаниномъ, я долженъ былъ вѣчно сидѣть, подъ надзоромъ отца и брата, за фоліантомъ талмуда, къ которому не чувствовалъ никакого влеченія. Ни его юридическое, религиозное и легендарное содержаніе, ни хитросплетенія его многочисленныхъ комментаторовъ—не плѣняли мой молодой умъ. Чувствовались въ воздухѣ, да изъ «запрещенныхъ» книжекъ я зналъ, что гдѣ-то дышитъ и живетъ цѣлый міръ Божій, которому нѣтъ дѣла до рѣшенія такихъ вопросовъ: можно ли употребить яйцо, снесенное курицей въ праздничный день? можно ли употребить мясную посуду, если въ нее попала капля молока? дѣйствителенъ ли разводъ между супругами, если въ писанномъ текстѣ развода испорчена хотя бы одна буква? подлежитъ ли смертной казни мужчина, нечаянно сочетавшійся съ чужой женщиной? дозволено ли употребить пасхальные опрѣсноки

(«маца»), если въ приготовленное для нихъ тѣсто попала крупинка соли?—и тысяча подобныхъ имъ важныхъ вопросовъ... Но этотъ чужой, заманчивый міръ былъ для меня недоступенъ, и не зналъ я выхода изъ моего гнетущаго состоянія.

Единственнымъ моимъ развлеченіемъ было посѣщеніе, по субботамъ и праздникамъ—и то не всегда—главной виленской синагоги, гдѣ канторъ совершалъ молитвы съ хоромъ пѣвчихъ, въ особенности, когда главнымъ виленскимъ канторомъ сдѣлался ломжинскій канторъ, обладавшій чуднымъ теноромъ и знавшій ноты. Я считалъ его пѣніе и композицію верхомъ совершенства.

Этотъ же ломжинскій канторъ, кстати сказать, сдѣлался предметомъ глубокой и бурной распри между еврейскими партіями въ Вильнѣ. Ортодоксы—а ихъ было громаднѣйшее большинство—были довольны старымъ канторомъ, который своимъ козлинымъ голосомъ и нестройнымъ пѣніемъ возбуждалъ, во время богослуженія, неудержимый смѣхъ среди молельщиковъ, и не хотѣли никакихъ новшествъ. Прогрессивная же партія, которая стала нѣкоторой силой послѣ Крымской войны, стояла горой за пріѣхавшаго изъ Ломжи кантора, очаровавшаго слушателей дивнымъ голосомъ и оперными мелодіями.

Надо сказать, что синагоги часто дѣлаются ареной для соперничества канторовъ. Если въ какомъ нибудь большомъ еврейскомъ городѣ откроется вакансія кантора, то туда являются претенденты съ своими пѣвчими и назначаютъ свой дебютъ въ такой-то синагогѣ, въ такой-то праздничный или субботній день. Народу на эти бесплатные концерты является видимо-невидимо, такъ что не хватаетъ мѣста, и, смотря по достоинству дебютанта, слушатели выражаютъ свое одобреніе или порицаніе, но не аплодисментами или шиканьемъ, а тихими выраженіями удовольствія и восторга или причмокиваніемъ губъ и смѣхомъ.

И какіе только не бывали дебюты и пробы голосовъ! Одни канторы-дебютанты поражали слушателей громовыми басами, другіе—тоненькими дискантами, третьи—необыкновенными трелями, четвертые—подражаютъ флейтѣ, и т. д. У нѣкоторыхъ пѣніе выходило довольно стройное, но другіе извергали изъ своего горла такіе душу раздирающіе звуки, что хоть вонъ бѣги изъ синагоги. Къ тому же мелодіи и мотивы доморощенныхъ композиторовъ вовсе не подходили къ тексту молитвъ: то запюютъ плясовую, когда слова молитвы выражаютъ благоговѣніе къ Іеговѣ, то затянутъ заунывные звуки, когда молитва выражаетъ радость души. Если прибавить, что какъ канторы, такъ и ихъ хоръ, подпирали, при пѣніи, щеки руками, при чемъ толстый палецъ упирался въ шейный хрящикъ, то легко будетъ представить себѣ картину торжественнаго богослуженія въ дореформенныхъ синагогахъ.

Но возвращаюсь къ новому виленскому кантору.

Къ удивленію, молодая еврейская партія въ Вильнѣ одержала верхъ. Ломжинскій канторъ былъ принятъ виленскимъ обществомъ, ему назначено было приличное содержаніе, и онъ приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей. Первое время, отъ страшнаго наплыва любителей хорошаго пѣнія, не было доступа въ главную синагогу, которая всегда, во время совершенія новымъ канторомъ богослуженія, была биткомъ набита. Еврейское общество вздумало даже эксплуатировать эту страсть своихъ членовъ и устраивало платные билеты для входа въ молитвенные дома, впрочемъ, весьма недорогіе, отъ 10 до 20 копеекъ билетъ, но впоследствии билеты были отменены.

Сохранились они только на полупраздникъ «хануке», когда устраивались формальные вокально-инструментальные концерты, о которыхъ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

«Хануке» (освѣщеніе) празднуется у евреевъ въ память побѣды, одержанной братьями Макавеями надъ державшимъ евреевъ подъ страшнымъ игомъ Антиохомъ, и возстановленія богослуженія во второмъ храмѣ. Легенда рассказываетъ, что когда великій священникъ долженъ былъ зажечь передъ алтаремъ храма священный огонь, и нигдѣ не оказалось священнаго масла, то совершилось чудо: семирожковая лампада вдругъ сама собою наполнилась масломъ, и великій священникъ могъ исполнить обрядъ.

Такъ вотъ въ память этой побѣды и этого чуда, совершившагося 2000 лѣтъ тому назадъ, евреи до сихъ поръ чтутъ праздникъ «хануке», продолжающійся восемь дней. Но, не имѣя религіознаго основанія въ Пятикнижии Моисея, «хануке» не считается «священнымъ» праздникомъ, а выражается въ особыхъ молитвахъ и въ слѣдующемъ своеобразномъ обрядѣ. Въ вечеръ, наканунѣ наступленія «хануке», каждый еврей обязанъ, при особой молитвѣ, зажечь одинъ рожокъ приспособленной для этой цѣли восьмирожковой лампочки, или же одну восковую свѣчу, на второй день—два огня, на третій—три и т. д. до восьми. Эти рожки или свѣчки должны горѣть не менѣе получаса, а публичное зажиганіе лампады въ синагогахъ и молитвенныхъ домахъ совершается торжественно съ пѣніемъ и музыкой, и это единственный случай, когда въ стѣнахъ синагоги допускается инструментальная музыка.

Такимъ образомъ, каждый городъ, смотря по музыкальнымъ средствамъ своего кантора, ежегодно устраивалъ вокально-инструментальные концерты. Эти послѣдніе славились въ Вильнѣ, въ особенности, во время пребыванія тамъ ломжинскаго кантора. На его концерты сбѣгался весь городъ. Въ главной синагогѣ, куда пускали безъ билетовъ, происходила такая давка, что многіе задыхались и падали въ обморокъ, при чемъ оказавшихся въ безчувственномъ состояніи приходилось выносить изъ синагоги на головахъ, передавая ихъ отъ одного къ другому.

Въ концертахъ участвовалъ самъ канторъ, его небольшой хоръ, нѣсколько скрипокъ, двѣ-три флейты и два-три контрбаса. Въ большинствѣ случаевъ канторъ пѣлъ концерты своей собственной композиціи, въ которыхъ, однако, попадались нерѣдко мелодіи Меер-бера и Галеви, но еще больше, чѣмъ хорами и ансамблями, онъ отличался въ высшей степени оригинальными речитативами, очаровывавшими слушателей. Тѣ же концерты повторялись въ слѣдующіе дни «хануке», въ разныхъ молитвенныхъ домахъ, куда публика пускалась уже только по билетамъ, которые раскупались нарасхватъ.

Эти концерты, какъ я сказалъ, доставляли мнѣ величайшее наслажденіе. Не имѣя никогда въ своемъ распоряженіи одновременно 10—15 копеекъ для покупки билета, я копилъ эту сумму въ теченіе мѣсяцевъ изъ карманныхъ денегъ, которыя выдавалъ мнѣ отецъ, въ размѣрѣ одного гроша въ день.

Кромѣ этихъ еврейскихъ концертовъ, ни о какихъ другихъ публичныхъ удовольствіяхъ я ни малѣйшаго понятія не имѣлъ, хотя изъ афишъ зналъ, что гдѣ-то существуетъ театръ, циркъ, маскарадъ. Афиши же, еле-еле умѣя разобрать крупный русскій шрифтъ, я бѣгалъ читать ежедневно, и до сихъ поръ не могу себѣ объяснить, зачѣмъ я принималъ на себя этотъ трудъ, разъ я зналъ, что у меня нѣтъ никакой возможности попасть куданибудь на публичное зрѣлище. Упоминаю о странной привычкѣ читать афиши потому, что впоследствии, лѣтъ черезъ 30, дочь моя, дѣвочка 11 лѣтъ, унаслѣдовавъ отъ меня эту привычку, также каждый день бѣгала къ театральному зданію, чтобы прочесть афиши, хотя, по условіямъ своей домашней жизни, она также лишена была всякой возможности побывать когда либо въ театрѣ. Подумаешь, въ какихъ мелочахъ иногда проявляется наслѣдственность...

Впрочемъ, въ эпоху Крымской войны, евреямъ было не до увеселеній. Тяжелое это было для нихъ время. Частые наборы нагоняли на нихъ ужасъ, въ особенности, на бѣднѣйшій классъ, изъ котораго вербовались рекруты. Такъ какъ обязанность доставлять требуемый комплектъ рекрутовъ лежала на всесильномъ въ то время кагалѣ, то стоящіе во главѣ его и всѣ ихъ присные избавляли себя отъ тягостной, въ Николаевскія времена, повинности, которая всецѣло ложилась на бѣдныхъ и беззащитныхъ семействъ. Кандидаты въ рекруты, во время наборовъ, прятались въ подземельяхъ, въ лѣсахъ, бѣгали изъ родного города, куда глаза глядятъ. Но главари кагала создали спеціальную шайку «ловцовъ», которые занимались ловлей исключительно молодыхъ евреевъ, предназначенныхъ кагаломъ въ солдаты.

Эти «ловцы», которыхъ многіе уже знали въ лицо, нагоняли ужасъ на всѣхъ бѣдныхъ евреевъ, годныхъ въ солдаты; отъ нихъ, какъ отъ опричниковъ, нельзя было откупиться; они не знали ни



жалости, ни состраданія; на нихъ не было ни суда, ни расправы; слабыя попытки обреченныхъ сопротивляться имъ кончались обыкновенно побѣдой «ловцовъ» и избіеніемъ жертвъ.

Разъ я былъ случайнымъ свидѣтелемъ такой сцены. На самомъ бойкомъ мѣстѣ, на углу Нѣмецкой и Трокской улицъ, молодой здоровенный еврей возбужденно спорилъ съ солдатикомъ. Оказалось, что еврей только что убѣжалъ изъ казармы, гдѣ содержались «пойманные», предназначенные въ рекруты, а солдатикъ, караулившій ихъ, замѣтивъ бѣглеца, побѣжалъ за нимъ, настигъ его и, страшно вольнуясь, умолялъ его вернуться въ казарму. Еврей, блѣдный, какъ смерть, только скрежеталъ зубами, съ ненавистью посмотрѣлъ на солдатика и намѣренъ былъ ринуться впередъ, но тутъ подоспѣлъ другой солдатикъ, который загородилъ ему дорогу. Но и двое стражниковъ не могли сладить съ силачемъ. Мѣжду тѣмъ образовалась толпа народа, любопытствуя, чѣмъ это кончится. Убѣдившись, что ему не улизнуть теперь, бѣглець схватился за наружную дверь находившагося вблизи магазина, отъ которой солдатика напрасно пытались его оторвать. Но тутъ, точно изъ земли, откуда-то выросли два здоровенныхъ «ловца». Увидѣвъ ихъ, бѣглець затрясся, какъ листъ. Не желая среди бѣла дня, на виду у всей толпы, прибѣгнуть къ силѣ, одинъ изъ «ловцовъ» остался на мѣстѣ, какъ бы въ помощь солдатикамъ, а другой побѣжалъ въ казарму, откуда вскорѣ появились еще двое солдатъ. Всѣмъ стражникамъ, разумѣется, удалось оторвать бѣглеца отъ двери и направить его въ казарму. А такъ какъ несчастный, въ отчаяніи, все еще сопротивлялся, то солдатика, толкая его впередъ, награждали его здоровыми тумачами.

Во время моего пребыванія въ отцовскомъ домѣ, старшій мой братъ, Исаакъ, былъ засватанъ и вскорѣ женился. Бракъ этотъ, какъ, впрочемъ, всѣ еврейскіе браки, устроился съ помощью «сватовъ», составляющихъ у евреевъ какъ бы особый цехъ. Они ведутъ списки всѣмъ женихамъ и невѣстамъ, развѣзжаютъ по городамъ, комбинируютъ и, сообразивъ, гдѣ есть подходящий «товаръ», предлагаютъ его соответственному «купцу». Главное достоинство кандидата въ женихи это — «илуй» — глубокій знатокъ талмуда, затѣмъ въ высшей степени цѣнится аристократическое происхожденіе отъ знаменитыхъ раввиновъ, и чѣмъ ближе молодой чело-вѣкъ находится, по степени родства, къ знаменитости, тѣмъ выше онъ цѣнится, красота же и богатство стоятъ на послѣднемъ планѣ. «Илуй», хотя и невзрачный, мальчикъ простого еврея, безъ всякаго состоянія, всегда дѣлалъ «блестящую партію», т.-е. за него выдавали прекрасную молодую дѣвушку изъ аристократической семьи, съ большимъ приданымъ и съ обязательствомъ содержать его и его семью на всемъ готовомъ, въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ, въ домѣ тестя. За «илуемъ» шли уже дѣти умствен-

ной аристократіи, а за ними—потомки денежной аристократіи. Отъ невѣсты же требовалось только приданое и цѣломудріе, и никакіе физическіе недостатки не препятствовали еврейскимъ дѣвушкамъ выходить замужъ. Впрочемъ аристократическое происхожденіе дѣвушекъ замѣняло имъ приданое. Дочери умственной аристократіи цѣнилися на вѣсъ золота; къ родителямъ ихъ засылались предложенія со всѣхъ концовъ Израиля, и эти fins fleures доставались только рѣдкимъ избранникамъ.

Мой отецъ, какъ сказано выше, не былъ раввиномъ, и потому не считался большимъ аристократомъ, а братъ мой Исаакъ далеко не былъ «илуй», поэтому пришлось искать для него партію въ среднемъ классѣ евреевъ. Таковая нашлась, съ помощью «сватовъ», въ семьѣ нѣкоего сморгонскаго обывателя, имѣвшаго взрослую дочь и нѣсколько сотъ рублей приданого для нея и изъявившаго согласіе держать у себя молодыхъ въ теченіе четырехъ лѣтъ.

Сколько помню, обрученіе состоялось безъ смотринъ: братъ не видѣлъ будущую супругу, а невѣста не знала, каковъ ея суженный. Но бракъ, какъ большинство браковъ у евреевъ, вышелъ сносный. До свадьбы, впрочемъ, невѣста пріѣхала въ Вильно и остановилась у насъ. Она не была ни красива, ни образована; она еще умѣла читать поеврейски, т.-е. на еврейскомъ жаргонѣ, но зато она была очень бойка и очень не глупа. Молодые люди понравились, повидимому, другъ другу, хотя никогда между собою не разговаривали. Все время пребыванія въ нашей тѣсной квартиркѣ невѣсты, братъ не ночевалъ даже дома. Впрочемъ, она и недолго гостила у насъ, всего 4—5 дней, спѣша вернуться къ родителямъ.

Отецъ, съ своей стороны, обязался дать своему сыну въ приданое сто рублей и прилично его экипировать. Не имѣя никакихъ средствъ, отецъ долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи своего брата-богача и его дѣтей. Общими усиліями, послѣ долгихъ нравственныхъ мученій, отецъ получилъ возможность выполнить свое обязательство. Надо было отправиться въ Сморгонь. Родители рѣшили взять съ собою, кромѣ жениха, только меня да младшую мою сестру, дѣвочку лѣтъ 12. О желѣзныхъ дорогахъ тогда и помина не было. Пришлось нанять двѣ подводы, которыя дотащили насъ до Сморгони, всего 76 верстъ отъ Вильны, въ три дня. Дѣло было зимою, одеженка на насъ была плохая, и мы порядкомъ перемерзли дорогою.

Но вотъ на послѣдней станціи отъ Сморгани началось наше благополучіе. Насъ торжественно встрѣтили съ пѣніемъ и музыкой и съ обильнымъ угощеніемъ. Мы, несчастные, чуть ли не заморенные голодомъ и холодомъ, путешественники, ожили. Согрѣвшись и подкрѣпивъ себя, мы тронулись дальше. Дальнѣйшій нашъ путь былъ торжественнымъ шествіемъ. Черезъ два часа мы уже были у цѣли. Въ Сморгони намъ опять устроили торжественную

встрѣчу. Мы остановились у одного изъ братьевъ отца невѣсты. Свадьба должна была состояться въ тотъ же день, но такъ какъ день этотъ былъ — пятница, да и чуть ли не самая короткая, то всѣ многочисленные свадебные обряды пришлось продѣлать на скорую руку. Тѣмъ не менѣе ничего существеннаго не было опущено. Обряды эти будутъ мною описаны при разказѣ о своей собственной свадьбѣ. Здѣсь же я скажу, что мои родители, вѣроятно, во всю свою жизнь не испытывали такого благополучія, какое они пережили на свадьбѣ своего сына. Свадебныя пиршества продолжались цѣлую недѣлю. Насъ буквально закармливали и носили на рукахъ. Каждый изъ многочисленныхъ братьевъ свата считалъ своимъ долгомъ устроить въ нашу честь домашній пиръ. Чуть ли не вся Сморгонь принимала участіе въ весельѣ. Пѣли и плясали на улицѣ. Такой почести со стороны сморгонскихъ обывателей и такого гостепріимства со стороны родныхъ невѣсты мы и не ожидали. Блаженству отца, любившаго покушать хорошо, но рѣдко имѣвшаго къ тому случай, не было конца.

Счастливое его состояніе увеличилось еще тѣмъ радостнымъ обстоятельствомъ, что одинъ изъ братьевъ свата высваталъ тогда же мою сестренку для своего одиннадцатилѣтняго мальчика. Было устроено формальное обрученіе малолѣтнихъ дѣтей, сопровождавшееся новыми пирами для родителей и неподдѣльнымъ сердечнымъ горемъ для меня.

Дѣло въ томъ, что у третьяго дяди невѣсты была премиленькая дѣвочка лѣтъ 13, которую начали было сватать мнѣ—и переговоры объ этомъ велись серьезно, такъ что я также чуть-чуть не сдѣлался женихомъ. Но дѣло разстроилось, потому что дѣвочка была единственнымъ ребенкомъ у своихъ родителей, послѣдніе были довольно состоятельные люди и нашли, что я для нихъ не достаточно блестящая партія. Мнѣ это было очень обидно; дѣвочка мнѣ очень нравилась, и я уже мечталъ, что буду жить обеспеченно, не буду вынужденъ скитаться по еврейскимъ городамъ и питаться на иждивеніи семи хозяевъ въ недѣлю. И вдругъ всѣ мои мечты разбились вдребезги. Дѣлать было нечего, и я долженъ былъ мириться съ неудачей. Но когда, послѣ этого, младшая моя сестра официально объявлена была невѣстой, я не выдержалъ и горько заплакалъ.

Воображаю, какъ мои слезы были смѣшны, но я истинно страдалъ. Даже строгая и религіозная моя матушка, считавшая такое раннее стремленіе къ жениховству большимъ грѣхомъ, видя мое неподдѣльное горе, нашла нужнымъ приласкать и успокоить меня.

Вскорѣ мы вернулись въ Вильно, и все у насъ вошло въ свою печальную колею.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего возвращенія, весь городъ былъ взволнованъ кончиною одного изъ еврейскихъ праведниковъ, которому евреи устроили необыкновенно сердечныя похороны.

Несмотря на меркантильный духъ, на вѣчную суету, на вѣчную борьбу за жалкое свое существованіе, евреи въ высшей степени чтутъ своихъ праведниковъ-безребренниковъ. Праведниками же евреи считаютъ тѣхъ, которые, при строгомъ исполненіи предписаній Моисея и талмуда, ничѣмъ не торгуютъ, никогда не лгутъ, никого не обижаютъ и совершенно безкорыстны. Эти праведники пользуются неограниченнымъ довѣріемъ своихъ единовѣрцевъ, имъ довѣряютъ значительные капиталы на храненіе и ихъ же за это вознаграждаютъ. У того праведника, смерть котораго такъ взволновала весь городъ, нашли сотни тысячъ рублей чужихъ денегъ, въ маленькихъ пакетикахъ съ надписими, что кому принадлежатъ, при чемъ денежные знаки оказались тѣ самые, т.-е. за тѣми же нумерами, которые вручены были праведнику на храненіе.

Когда вѣсть о его смерти разнеслась по городу, то моментально, точно по командѣ, всѣ еврейскія лавки закрылись, и всѣ евреи собрались отдать послѣдній долгъ усопшему. Его, по еврейскому обычаю, хоронили въ тотъ же день. Толпа въ 30—40 тысячъ человѣкъ запрудила улицу, на которой жилъ праведникъ, и соседнія съ ней. Не прошло и трехъ часовъ послѣ его смерти, какъ состоялся выносъ тѣла. На плечахъ десятковъ двухъ людей, непрерывно мѣнявшихся, показался простой черный ящикъ, въ которомъ, безъ всякихъ украшеній, лежалъ покойникъ.

Похороны у евреевъ совершались тогда чрезвычайно скромно, безъ всякой пышности. Убѣдившись въ дѣйствительной смерти даннаго лица, его немедленно кладутъ на устланный соломой полъ, закрываютъ глаза и у изголовья ставятъ зажженную свѣчку и стаканъ воды. Послѣдняя служитъ для купанья витающей около усопшаго души, не успѣвшей еще переселиться на небо... Ктонибудь изъ домашнихъ читаетъ нараспѣвъ псалмы Давида. Вскорѣ являются «братчики» погребальнаго общества, забираютъ покойника, увозятъ его на кладбище; здѣсь его обмываютъ, облачаютъ въ чистые саваны, которые здѣсь же шьются, и затѣмъ кладутъ прямо въ вырытую яму-могилу, безъ всякаго гроба, обложенную съ двухъ сторонъ досками, и засыпаютъ землею. Ктонибудь произноситъ вслухъ краткую погребальную молитву, присутствующіе говорятъ: аминь!—и все кончено.

Однако, несмотря на простоту похоронъ, въ основаніи которой лежитъ разумная идея равенства всѣхъ передъ смертью, въ самой этой простотѣ невольно допускаются разныя отличія, въ зависимости отъ индивидуальности умершихъ. Такъ, на похороны особенно чтимыхъ лицъ собираются, для отданія послѣдняго долга, совершенно незнакомые люди, покойника не везутъ на телѣгѣ, а несутъ на рукахъ, при чемъ всѣ считаютъ своимъ священнымъ долгомъ нести гробъ нѣкоторое разстояніе, или же хотъ прикоснуться къ нему; лавки при проходахъ такого покойника запираются; на

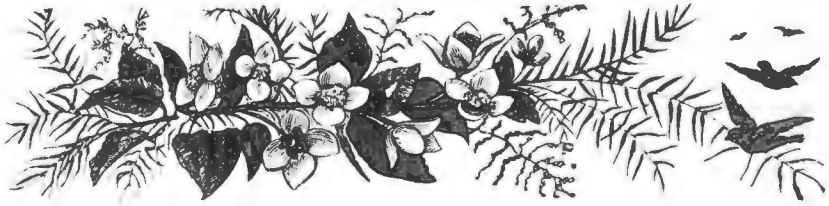
самомъ кладбищѣ многіе помогаютъ шить саваны, рыть могилу; наконецъ, послѣ засыпанія могилы землею, специалисты своего дѣла произносятъ тутъ же геспедъ (плачь), т.-е. погребальное слово, въ которомъ перечисляютъ всѣ душевныя качества умершаго, призываютъ присутствующихъ къ добрымъ дѣломъ и покаянію, при чемъ «плакальщики», снабжая свою рѣчь текстами изъ библіи и талмуда, сами заливаются неподдѣльными слезами и вызываютъ громкое рыданіе у слушателей. Такія погребальныя рѣчи произносятся, въ теченіе мѣсяца, во всѣхъ синагогахъ и молитвенныхъ домахъ, и не только въ родномъ городѣ знаменитаго и славнаго покойника, но и во всѣхъ другихъ еврейскихъ центрахъ. Специалисты по составленію погребальныхъ рѣчей приглашаютъ иногда изъ города въ городъ, и ихъ за это вознаграждаютъ гораздо щедрѣе, чѣмъ магидимъ-проповѣдниковъ.

Но возвращаюсь къ похоронамъ виленакаго праведника, которыя оставили въ моеи памяти такой неизгладимый слѣдъ. Всѣ атрибуты выдающихся похоронъ повторялись здѣсь въ усиленной степени: всѣ улицы, ведущія на кладбище, были буквально запружены народомъ, всякая ѣзда была прекращена; всю дорогу народъ плакалъ и пѣлъ псалмы; на самомъ кладбищѣ, гдѣ не могло помѣститься и половины провожавшихъ, царствовало вовилонское столпотвореніе, и лишь въ глубокія сумерки, послѣ произнесенныхъ рѣчей, которыя слышала, быть можетъ, сотня-другая людей, но которыя вызвали всеобщій плачь, толпа, въ глубокомъ уныніи и печали, вернулась въ городъ. Каждый точно чувствовалъ, что не стало личнаго его защитника и друга, представителя передъ грознымъ и карающимъ Богомъ...

А. Г.

*(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).*





## МАЙКОВЪ И КАТАКОМБЫ.

**У**МНЫЙ и талантливый рускій поэтъ, А. Н. Майковъ, добрую половину своей художественной мысли отдалъ сюжетамъ, извлеченнымъ изъ сокровищницы античнаго міра. Въ числѣ ихъ наиболѣе требовательнымъ оказался одинъ, развитіе котораго тревожило Майкова и звало къ творчеству непрестанно, отъ юныхъ дней до старыхъ: первая враждебная встрѣча языческаго Рима съ новорожденнымъ Римомъ христіанскимъ, относимая церковною легендою къ днямъ цезаря Нерона. Сюжетъ этотъ сталъ въ наши дни моднымъ, по инстинктивному сознанию обществомъ нѣкотораго сходства въ декадансѣ римскомъ и современномъ. Онъ усердно разрабатывается западнымъ искусствомъ и литературою. Пресловутый романъ Сенкевича, драматическія фееріи Баррета и Ришпена, картины Семирадскаго и Яна Штыки, «Сервилія» Римскаго-Корсакова, «Неронъ» Арриго Бойто, воскресшій интересъ къ «Нерону» Рубинштейна доказываютъ, что любопытство времени къ сказанной исторической эпохѣ очень сильно: художественное предложеніе въ беллетристикѣ, въ драмѣ, въ оперѣ, въ живописи, въ полунаукѣ Фаррара, равно спѣшитъ отвѣтить на заявленный спросъ. Майковъ, вообще, былъ человѣкъ вдумчивый, а потому часто прозорливый. Но съ своимъ любимымъ нероническимъ сюжетомъ, породившимъ въ сороковыхъ годахъ «Олинеа и Эсѳирь», въ пятидесятыхъ «Три смерти», въ шестидесятыхъ «Смерть Люція», въ семидесятыхъ первую редакцію драматической поэмы «Два міра» и, наконецъ, въ 1881 году — вторую и рѣшительную

ея редакцію, — поэтъ оказался пророкомъ будущаго идейнаго вкуса съ проникательностью совершенно исключительною. Майкова считаютъ, и справедливо, поэтотъ болѣе ума и пристальной работы, чѣмъ живого вдохновенія. Но въ привязанности его къ сюжету «Двухъ міровъ» было что-то инстинктивное и, слѣдовательно, вдохновенное. Онъ самъ какъ будто смущался немного этою привязанностью и, кончая сорокалѣтній трудъ, извинился за нее предъ публикою. «Можетъ быть, многимъ покажется страннымъ, что человѣкъ чуть не всю свою жизнь возится съ одною художественною идеей, или, по крайней мѣрѣ, столько разъ къ ней возвращается. Но, видно, я слѣдовалъ инстинкту, подсказывавшему мнѣ, что лучше сдѣлать что нибудь одно, да «по мѣрѣ силъ». Изъ перечисленныхъ нероническихъ произведеній Майкова наиболѣе популярнымъ, да и въ самомъ дѣлѣ сильнымъ и выразительнымъ, надо признать отрывокъ «Три смерти» (1852), съ великолѣпною фигурою эпикурейца Люція, съ блестящимъ гимномъ въ честь смерти, съ множествомъ мѣткихъ стиховъ, которые сдѣлались почти пословицами, — по крайней мѣрѣ, для круга литературнаго, театральнаго, для интеллигенціи. Кому изъ пишущей братіи не приходилось цитировать:

Иные люди въ міръ пришли,  
Иныя чувства и понятія  
Они съ собою принесли...

или:

И незамѣтно вѣтеръ крѣпкій  
Потопить насъ среди зыбей,  
Какъ обесмысленныя щепки  
Побѣдоносныхъ кораблей.

«Мудрецъ отличенъ отъ глупца тѣмъ, что онъ мыслить до конца», «Здѣсь ужасно и жить, не только умирать», «Съ почетомъ отпустить могу я тѣло, стараго слугу», «Народу милъ и дорогъ тотъ, кто спать въ немъ мысли не даетъ» и т. п. — все это заносило цитаторами почти столько же, какъ «княгиня Марья Алексѣвна» и «мой дядя самыхъ честныхъ правилъ».

Затѣмъ слѣдуетъ, если не по извѣстности, то по литературному достоинству, первая редакція драматической поэмы «Два міра» (1872 г.). Она, хотя и далека отъ совершенства, но на ряду съ грубыми и прозаическими стихами, къ сожалѣнію, столь свойственными Майкову, когда онъ писалъ длинно, въ ней сквозитъ большая сила, много ума, чувства красоты, сказывается хорошее знаніе и пониманіе нѣкоторыхъ сторонъ античнаго быта и міровоззрѣнія. Собственно говоря, все, что достойно вниманія и долговѣчно въ «Двухъ мірахъ», было уже въ первой редакціи: пиръ Деція, блестящій діалогъ Деція и Ювенала. Позднѣйшая ре-

дакція только растянута дѣйствіе поэмы и усыпала ее риторическими длиннотами.

Авторъ этой замѣтки былъ мальчикомъ, когда Аполлонъ Николаевичъ пріѣхалъ на лѣто гостить къ другу своему Петру Михайловичу Цейдлеру, извѣстному педагогу, тогда директору вновь учрежденной учительской семинаріи въ подмосковномъ селѣ Поливановѣ. Цейдлеръ былъ человѣкъ въ высшей степени замѣчательный,—странно, что его такъ давно и прочно забыли (ум. въ 1874 г.). Когда-то Майковъ изобразилъ его въ прочувствованномъ посланіи, доказывающемъ, что поэтъ прекрасно понималъ и высоко цѣнилъ этого чистаго духомъ, свѣтлаго умомъ, широкаго сердцемъ, друга русскаго юношества. Майковъ привезъ съ собою въ Поливаново рукопись только что оконченной поэмы, относительно названія которой онъ еще колебался—наречъся ли ей «Два міра» или «Два Рима». Цейдлеръ убѣдилъ поэта прочитать свое новое произведеніе учителямъ и воспитанникамъ семинаріи. Какъ сейчасъ помню это чтеніе въ тѣсной аудиторіи, сѣрыя твиновыя блузы семинаристовъ, очки, четвероугольную бородку, глухой, мѣрный голосъ и торжественную манеру Майкова. Онъ просилъ слушателей, если чего не поймутъ, то обращаться къ нему за разъясненіемъ. Комментаріевъ не понадобилось до стиховъ:

Охъ, на вулканѣ мы стоимъ:  
Спартакомъ пахнетъ, да! Спартакомъ!

— Аполлонъ Николаевичъ, что такое Спартакъ?—раздался смущенный басъ усатаго воспитанника С.

Майковъ посмотрѣлъ на него и внушительно возразилъ:

— Спартакъ—не что, но кто. А былъ онъ въ родѣ нашего Емельки Пугачева.

Конечно, всѣ поливановцы, и малые и большіе, благоговѣли предъ Майковымъ. Это былъ первый знаменитый литераторъ, котораго я видѣлъ, да къ тому же отецъ мой былъ большимъ поклонникомъ майковской поэзіи, такъ что имя Аполлона Николаевича уже раньше было мнѣ извѣстно, окруженное яркимъ ореоломъ. Признаюсь откровенно, что, когда раза два мнѣ привелось снести для Майкова удочки на рѣку Пахру, то я чувствовалъ себя такъ гордо и радостно, какъ будто меня вырядили въ новую шелковую рубашку и въ подолъ насыпали фунтовъ десять конфетъ. Поэмы я, конечно, не понималъ, хотя, по проклятію своей чисто механической памяти, усвоилъ изъ нея по слуху множество стиховъ. Но помню, что на взрослыхъ чтеніе Майкова произвело огромное впечатлѣніе, ждали чуть ли не переворота въ литературѣ. Тѣмъ не пріятнѣе было изумленіе и разочарованіе, когда появленіе «Двухъ міровъ» въ «Зарѣ» Кашперова было встрѣчено публикою



холодно, критикою не безъ насмѣшекъ. У меня до сихъ поръ хранится оттискъ изъ «Зари», подаренный Майковымъ моему отцу. Думаю, что, если бы «Два міра» увидѣли свѣтъ двадцатью годами позже, то произвели бы, дѣйствительно, много шума. Но тогда роковое слово «декадансъ» еще не звучало въ русскомъ воздухѣ, и поэма пришлась не ко времени. Еще не совсѣмъ улеглась травля противъ «искусства для искусства», еще не совсѣмъ прощена была Майкову его знаменитая «Коляска», въ пьяномъ циникѣ Децѣева пира увидѣли попытку сатиры на прогрессивное теченіе. Въ результатѣ, «Два міра» провалились даже безъ особаго треска и самымъ простымъ средствомъ: критика отмѣтила все, что было въ нихъ неудачнаго, и замолчала все, что было хорошо. Не помню, кто изъ рецензентовъ ограничился въ своемъ разборѣ цитатою пяти, дѣйствительно, ужасно плохихъ стиховъ:

## ДЕЦІЙ.

Лида! я бѣ вась гналъ,  
Когда бы жиль, еще терзалъ  
Звѣрми бѣ, живого бѣ не оставилъ.

## ЛИДА.

Ты бѣ гналъ, покуда бѣ не узналъ,  
Покуда бѣ не прозрѣлъ, какъ Павелъ.

Издѣваясь надъ многочисленными «бѣ», критикъ назвалъ «Два міра» не то руководствомъ къ приобрѣтенію косноязычія, не то, наоборотъ, сборникомъ цѣлительныхъ упражненій для косноязычныхъ.

Майковъ, повидимому, былъ не изъ слабохарактерныхъ людей, легко смущаемыхъ неудачами. Собственно говоря, онъ могъ бы спокойно оставить непризнанную поэму въ изданномъ ея видѣ, выжидая срока ея призванія, и дождался бы. Но, слишкомъ много труда уложивъ на обожаемый сюжетъ, онъ захотѣлъ для него скорѣйшаго торжества: еще раазъ переработалъ свое произведеніе, исправилъ его по дружескимъ совѣтамъ, однако, пренебрегши указаніями критики, и, какъ мнѣ кажется, сдѣлалъ всѣмъ тѣмъ большую ошибку.

Что касается болѣе раннихъ поэмъ Майкова, подготовительныхъ къ «Двумъ мірамъ», онѣ, послѣ долгаго забвенія (кромѣ «Трехъ смертей», конечно), воскрешены четвертымъ томомъ посмертнаго изданія сочиненій поэта (фирмы А. Ф. Марксъ). Все, что было въ нихъ хорошаго, вошло впоследствии въ «Два міра». Сами по себѣ, онѣ интересны развѣ только для сравненія съ текстомъ «Двухъ міровъ», какъ показатели добросовѣстной майковской ав-

токритики, безжалостно уничтожавшей въ 1863 году стихи 1842 года, а въ 1872 году—стихи 1863 года. «Олиноѣ и Эсонрь»—упражнение юношеское, а «Смерть Люція» — растянутая, холодная реторика съ приемами. Ея появленіе въ свѣтъ вызвало въ «Искрѣ» свирѣбую и, мѣстами, до сихъ поръ забавную пародію Обличительнаго Поэта—«Смерть Майкова». На сценѣ, кромѣ самого Майкова, умирающаго въ «Парголовскихъ пещерахъ», выведены Краевскій, Полонскій съ «женщиной дикою», Фетъ, отрекающійся отъ стиховъ, чтобы «завести процессы съ дворней», Никита Безрыловъ (фельетонный псевдонимъ Писемскаго), Аполлонъ Григорьевъ «съ кряжевою натурою», эстетическіе критики Эдельсонъ и П. Анненковъ, Громека съ «бомбой отрицанья» и Всеволодъ Крестовскій подъ псевдонимомъ Всеволода Клубничкина. Муза уноситъ Майкова туда,

Гдѣ Жуковскій вѣчно бродить,  
Гдѣ найдешь Карамзина,  
Гдѣ безъ пѣсень вѣкъ проводитъ  
Госпожа Ростовчина.

Два циника, заимствованные изъ «Смерти Люція», провожаютъ поэта напутствіемъ:

Ты пѣлъ для чистыхъ лишь сердець,  
Антологическій пѣвецъ  
Съ патриотической подкладкой!

Какъ автору первой редакціи «Двухъ міровъ», Майкову ставили въ главный упрекъ, что поэма не оправдываетъ заглавія. Міръ языческій вышелъ въ изображеніи Майкова ярко и жизненно, а міръ христіанскій блѣдно и коротко, онъ едва намѣченъ, его почти не видно. Переработывая поэму, авторъ налегъ на эту слабую сторону, но вновь не успѣлъ въ ней нисколько. Больше того: думая развить христіанское начало, онъ похоронилъ въ длиннотахъ и то, къ нему относящееся, что производило впечатлѣніе въ старой редакціи, на примѣръ, разсказъ старика-христіанна о бывшемъ ему видѣніи, которымъ прежде начиналась поэма, а теперь онъ загороженъ длиннымъ, прѣснымъ скучнымъ діалогомъ.

Года три назадъ, въ разговорѣ съ однимъ изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ литературно-театральныхъ дѣятелей, искавшихъ пьесы изъ античныхъ нравовъ, я совѣтовалъ поставить на сцену «Два міра». Пьеса шла уже, и превосходно, въ Москвѣ на домашней сценѣ С. И. Мамонтова. Полѣновъ писалъ для этого спектакля декорации; его этюды вошли потомъ въ великолѣпное и чрезвычайно рѣдкое любительское изданіе мамонтовскаго художественнаго альбома. На предложеніе свое я получилъ отвѣтъ:

— Цензура не разрѣшаетъ.

— Почему?

— Да тамъ катакомбы, и служатъ заутреню.

— Такъ поставьте первую редакцію: тамъ нѣтъ ни заутрени, ни катакомбъ, а пьеса оттого только выигрываетъ и въ быстротѣ дѣйствія, и въ правдоподобіи.

Этотъ катакомбный эпизодъ, приклеенный Майковымъ къ поэмѣ въ 1881 году,—очень грубая фальшь: для читателя, безпечнаго по части исторіи, онъ непріятенъ шумихою холодно сентиментальныхъ фразъ и неумѣло подтасованными встрѣчами разныхъ имярековъ, собравшихся со всего міра только для того, чтобы встрѣтиться: «Ба! знакомыя все лица!» Для читателя, изучившаго эпоху, скученъ подборъ небылицъ и невозможностей, умышленно допущенныхъ Майковымъ, чтобы собрать въ одномъ фокусѣ какъ можно больше эффектовъ. Напомню содержаніе эпизода. Въ «большой (!) залѣ катакомбъ» первобытная христіанская община Рима ожидаетъ рокового декрета поклониться Нерону, какъ богу,—декрета, неповиновеніе которому повлечетъ за собою гоненіе. Моментъ глубокій и величественный. Положимъ, что такого декрета никогда не было и быть не могло въ ту эпоху, да еще вопросъ, и было ли и самое Нероново гоненіе. Но, конечно, нельзя требовать, чтобы вольное воображеніе поэта щепетильно и придирчиво контролировалось историческою критикою преданій. Въ поэзіи идея торжествуетъ надъ фактомъ, легенда надъ ея анализомъ. Самъ Майковъ въ «Трехъ смертяхъ» далъ блистательный образецъ, какъ поэтическая ложь о лицахъ можетъ стать во спасеніе идеѣ, которую они въ пьесѣ цѣльно выражаютъ. Поэтъ Луканъ и философъ Сенека, изображенные въ этой глубокомысленной сценѣ, не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ историческими Луканомъ и Сенекою у Тацита,—поэтъ замолчалъ всѣ ихъ темныя стороны и изъ Лукана сдѣлалъ что-то въ родѣ античнаго Андрея Шенье, а Сенеку превратилъ въ языческаго святого. Но, если не знать біографіи обоихъ, а судить о нихъ по ихъ сочиненіямъ, то идеи ихъ выражены очень хорошо. Лѣтъ десять назадъ, одинъ французскій художникъ выставилъ цѣлую галерею литературныхъ знаменитостей въ портретахъ—не съ натуры, не такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, но—какъ, по мнѣнію художника, должны они представляться читателю, который сталъ бы воображать ихъ наружность въ соотвѣтствіи съ впечатлѣніями отъ ихъ творчества. Вотъ нѣчно въ родѣ такихъ фантастическихъ, но интересныхъ идейныхъ портретовъ представляютъ собою и Луканъ съ Сенекою въ «Трехъ смертяхъ».

Въ юности Майковъ долго жилъ въ Римѣ и влюбился въ него, какъ только можетъ влюбиться въ этотъ великій, священный, не имѣющій себѣ подобныхъ, городъ челоуѣкъ, поэтически настроенный. А Майковъ былъ настроенъ не только поэтически, но и роман-

тически. Легенда и картинное представлѣніе о Римѣ заслоняли ему живой Римъ. Его стихотворенія, посвященныя Вѣчному Городу, полны благоговѣйнаго энтузіазма, искренни и часто очень хороши. Но даже въ самыхъ восторженныхъ замѣтно, что авторъ смотритъ вокругъ себя не простымъ глазомъ, а сквозь искусственную призму: онъ ищетъ всюду романтическихъ позъ, красивой условности, о которой ранѣе начитантъ, — онъ какъ бы пробѣряетъ Римъ по элегіямъ Гете («Ахъ, чудное небо, ей Богу, надъ этимъ классическимъ Римомъ», «Тиволи», «Художникъ»), по Вазари, по картинамъ Сальватора Розы («Capraña di Roma», «Въ остеріи» и т. д.). Что касается Рима античнаго, Майковъ, какъ восторженный цѣнитель искусства и самъ художникъ, былъ слишкомъ подавленъ впечатлѣніями монументальной римской скульптуры (см. его «Послѣ посѣщенія Ватиканскаго музея», «Антики», «Древній Римъ», «Игры»). Красоты Ватикана, Боргезе, Капитолія, Латерана, властно вошли въ душу его, покоривъ ее себѣ навсегда и едва ли не черезчуръ безапелляціонно. Умъ Майкова, при всей его огромной воспримчивости, не былъ критическимъ, — онъ вѣрующій, а не аналитикъ. Поэтому Майковъ впадалъ въ ошибку большинства историческихъ поэтовъ и беллетристовъ, писавшихъ на сюжеты античнаго міра: принималъ на слѣбую вѣру важное портретное искусство ватиканскихъ и латеранскихъ залъ, какъ голую и послѣднюю правду о римской древности. Между тѣмъ, легко понять, что правда эта — очень условная, совсѣмъ не живая, но только монументальная, слѣдовательно, подлежащая тысячамъ оговорокъ. Пушкинъ написалъ дивную поэму о «Мѣдномъ всадникѣ», героемъ которой является Фальконетовъ монументъ Петра Великаго. Врядъ ли возможно сильнѣе и глубже выразить грозное и многозначительное впечатлѣніе, производимое зрѣлищемъ этой великолѣпной статуи. Но, когда Пушкинъ писалъ «Полтаву», а тѣмъ паче «Арана Петра Великаго», гдѣ на сцену выходитъ живой Петръ Великій in persona, онъ о живомъ Петрѣ Великомъ и думалъ, а не о томъ, какъ

Въ неколебимой вышинѣ,  
Надъ возмущенною Невою,  
Сидитъ съ простертою рукою  
Гигантъ на бронзовомъ конѣ.

Другой великій художникъ русскаго слова, Л. Н. Толстой, снялъ зачатіе статуеобразной условности съ Наполеона. До «Войны и мира» Наполеона изображали въ прозѣ и стихахъ десятки писателей, и, однако, никто изъ нихъ, за исключеніемъ, пожалуй, Стендаля, не хотѣлъ писать Наполеона-человѣка, всѣмъ гораздо больше правился романтической.

Стодбикъ съ кузлою чугуновой  
Подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ,  
Съ руками, сжатыми крестомъ.

«Столбикъ съ куклой чугунной» плавалъ на «Воздушномъ кораблѣ», производилъ «Ночной смотръ» мертвымъ гренадерамъ, «хладно руку жалъ чумѣ», заставляя Гейне плакать вмѣстѣ съ барабанщикомъ *Le grand* и т. д. И до Толстого этотъ столбикъ съ куклою чугунной и принимался за настоящаго Наполеона.

Вотъ пушкипскаго-го и толстовскаго дара оживлять историческія фигуры у Майкова и не было. Онъ именно — великій въ своемъ родѣ монументныхъ дѣлъ мастеръ. Если бы онъ взумалъ написать Петра Великаго, онъ изобразилъ бы его фальконетовымъ истуканомъ. Если бы онъ принялся за Наполеона, было бы въ русской литературѣ однимъ «Наполеоновымъ столпомъ» больше. И тутъ дѣйствовалъ не одинъ только недостатокъ творческаго темперамента, но и сознательный умыселъ. Свое монументное отношеніе къ историческимъ лицамъ Майковъ съ искренностью почиталъ должнымъ и единственно настоящимъ, — онъ любилъ въ «предкѣ» героя, полубога, а не человѣка. Онъ и самъ былъ немножко «предокъ» — мужъ торжественный, рѣдко улыбавшійся. Изящная застылость римскихъ портретовъ-истукановъ ему правилась, внушала ему благоговѣніе; его мечтательно плѣняла самая идея, якобы была когда-то на землѣ такая величаво картинная, важная, неустанно позирующая и декламирующая жизнь. Любопытно, что Помпей не оставили въ стихахъ Майкова никакого слѣда. Очевидно, онъ, какъ пестрая улика будничной прозы въ античномъ быту, не пришлись ему по вкусу. Онъ и зажмурился на нихъ — не захотѣлъ знать, что въ Римѣ были буржуа и люди обыкновеннаго человѣческаго роста, и остался вѣренъ воображаемой расѣ мраморныхъ великановъ, стоящихъ въ языческихъ коридорахъ и залахъ Ватикана и въ христіанскихъ Іоанна Латеранскаго. Онъ влюбленъ въ оцѣпенѣлое величіе антиковъ настолько, что не желаетъ знать ничего, что способно ихъ очеловѣчить, то-есть, въ его понятіяхъ, принизить: подвергнуть сомнѣнію ихъ легендарно картинный, чудовищный порокъ, умалить ихъ картинную добродѣтель. Нечего и говорить, что ни Петроній, ни Марціалъ не отразились въ Майковѣ даже тѣнями своими: изъ сатириковъ римскихъ онъ сосредоточилъ свои симпатіи не на бытовикахъ, а на завѣдомомъ риторѣ и гиперболистѣ Ювеналѣ. Онъ отлично зналъ Тацита, но, когда рекомендаціи послѣднимъ Сенеки и Лукана разошлись съ его симпатіями къ великому глашатаю стоической этики и къ краснорѣчивому автору «Фарсалий», Майковъ, какъ уже говорено, пренебрегъ Тацитомъ и сочинилъ истинно мраморными стихами своихъ собственныхъ, истинно мраморныхъ Сенеку и Лукана.

Какъ ни много красивыхъ позъ сохранили намъ античные мраморъ и бронза для поэтическаго творчества, ихъ мертваго языка, все-таки, маловато, не говоря уже о томъ, что многія заношены до опошленія. Такимъ образомъ, поэту-монументалисту прихо-

дится изобрѣтать и комбинировать новыя, похожія на тѣ. Это нѣчто въ родѣ кропотливой работы археологовъ реставраціонныхъ мастерскихъ итальянскихъ и греческихъ музеевъ. Или — какъ въ русскихъ сказкахъ сказывается: разметано по чистому полю богатырское тѣло, все въ мелкіе кусочки изрублено. Прилетѣлъ вѣщій воронъ, сложилъ кусочки одинъ къ одному, взбрызнулъ мертвою водою, и тѣло срослось... всѣмъ бы опять хотъ куда богатырь, да — мертвый. А, чтобы ожить, надо взбрызнуть его еще водою живою, — анъ, ея-то у вѣщаго ворона въ запасѣ и нѣтъ.

Поиски условной, традиціонной красоты, привычно любимыхъ позъ и жестовъ приводятъ къ тенденціозной выдумкѣ. А, гдѣ выдумка, тамъ, черезъ волосокъ, и граница фальши. Вотъ примѣръ изъ «Двухъ міровъ». Въ катакомбной сценѣ одинъ изъ самыхъ чувствительныхъ моментовъ — молитва Камиллы и двухъ дѣтей ея у гроба мученика.

Такъ помни же, въ этой нишѣ прахъ,  
 Прахъ вашего отца. Онъ львами  
 Разорванъ былъ, и въ небесахъ  
 Теперь душа его и нами  
 Любуется...

и. т. д.

Очень красиво. Но Нероново гоненіе, по драмѣ, еще не начиналось, только предвидится. Майковъ отсрочилъ его хронологически на два года ради того, чтобы имѣть возможность упомянуть о Пизоновомъ заговорѣ и смерти Сенеки; впрочемъ, блаженный Иеронимъ тоже относитъ гоненіи къ 66 году, а не къ 64. Анахронизмъ этотъ въ драмѣ неваженъ — тѣмъ болѣе для сомнѣвающихся, было ли Нероново гоненіе вообще-то. Но несомнѣнно, что «Два міра» имѣютъ его еще впереди.

Позвольте... Принять ужъ мѣры  
 Предписано: по городамъ  
 И здѣсь, чтобъ завтра же явились  
 Всѣ къ квесторамъ и поклонились  
 Статуѣ кесаря, его  
 Признавши тутъ же божество,  
 Какъ признается всей вселенной.  
 А воспротивятся — пойдутъ'  
 Одни для травли въ циркъ, другіе  
 Рубашки вздѣнуть смоляныя,  
 Имъ въ глотки факелы воткнуть,  
 Къ столбамъ привяжутъ ихъ, зажгутъ,  
 И кесарь въ пышной колесницѣ  
 Между пылающихъ ихъ тѣлъ  
 Проѣдетъ ночью по столицѣ.

Въ этомъ монологѣ внука Миртиллы рассказывается ante factum почти дословно то, что Тацитова легенда сообщаетъ post

factum. Теперь далѣе. Нероново гоненіе, если и было, то во всякомъ случаѣ оно исторически первое, и до него, какъ свидѣтельствуеъ вся древне-церковная литература, въ томъ числѣ и «Дѣянія», римская власть уживалась съ христіанами очень мирно. Гдѣ же, когда, какимъ образомъ ухитрился Камиллинъ мужъ попасть въ зубы ко лвамъ? Такимъ же недоразумѣніемъ звучитъ рассказъ Мениппы объ исповѣдничествѣ ея сына. Все это было бы хоршо и трогательно, если бы рѣчь шла о христіанской общинѣ третьяго вѣка, но въ первомъ не имѣется правдоподобія. Да и вообще первобытное христіанство, въ изображеніи Майкова, дышитъ формами уже сложившейся церкви, скорѣе даже византійской, чѣмъ апостольской, италійско-іудейской: звучатъ тексты изъ много позднѣйшихъ писаній, поютъ молитву четвертаго вѣка, сквозить и выполняется сложный и стройный обрядъ.

Тутъ опять таки не одного Майкова вина, но и страшной трудности сюжета. Быть первыхъ дней христіанства въ Римѣ не оставилъ никакихъ слѣдовъ; эта эпоха—вся догадка, и художнику надо воображать ее сплошь на основаніи много позднѣйшихъ памятниковъ и легендъ. А тутъ на пути опять и монументы, и триумфальныя фрески, и фразистыя эпитафіи. Сенкевичъ—писатель съ болѣе сильнымъ чутьемъ реальности и съ болѣе живымъ воображеніемъ, чѣмъ Майковъ. Однако, и онъ, какъ ни старался упростить и оживить своего апостола Петра, а вышелъ все-таки только монументъ епископа съ нимбомъ вокругъ головы, а не человѣкъ. Подите въ Латеранскій музей: тамъ есть мраморный св. Ипполитъ, возсѣдающій въ епископскихъ креслахъ, — вотъ Петръ Сенкевича. Или—въ храмъ св. Петра: тамъ сидитъ и самъ апостоль, такой, какъ вообразилъ его Сенкевичъ—отлитой изъ бронзы, которая была нѣкогда кумиромъ Юпитера латинскаго, и богомольцы давно уже цѣловали у него мѣдные ножные пальцы.

Изучая исторію перваго христіанскаго вѣка, съ цѣлями ли научными, съ цѣлями ли художественными, необходимо, прежде всего, отказаться отъ сильно увеличительнаго стекла, сквозь которое долгое время было сперва обязательно, потомъ принято, а наконецъ и понравилось смотрѣть на первые римскіе шаги христіанской реформы. Трудно забыть Бульвера, Сенкевича, «Два міра», «Свѣточи» Семирадскаго, оперы Бойто и Рубинштейна, и даже, — осмѣливаюсь включить въ эту поэтическую компанію, — многія картинныя страницы вдохновеннаго, но ужъ слишкомъ произвольнаго Ренанова «Антихриста». Все это великолѣпно, какъ символъ и поэма, слагающіе міоологию моднаго историческаго движенія. Но, кто, изучая эволюцію какой либо идеи, хочетъ знать ея дѣйствительное или, по крайней мѣрѣ, житейски возможное и вѣроятное прошлое, тому надо, прежде всего, разоблачить его отъ поэтическихъ наслоеній—до тѣхъ поръ, пока оперныя аріи, риториче-

ская и сценическая декламация не перейдутъ въ обыденную живую рѣчь, а мраморныя статуи и фигуры не станутъ ходить, сидѣть, стоять предъ вами, какъ живая плоть съ кровью, не будутъ пить, ѣсть, танцовать, сморкаться, фехтовать, вести процессы, болѣть подагрой, интриговать въ политикѣ дня, толковать о биржѣ, о городскихъ новостяхъ, какъ дѣлаютъ это ваши современные добрые друзья и знакомые, какъ дѣлалъ мѣръ съ тѣхъ поръ, какъ завелись городская и государственная жизнь, какъ будетъ дѣлать онъ, пока она не кончится. Это довольно трудно и для болѣе близкихъ эпохъ, а въ моментѣ, о которомъ мы говоримъ, въ особенности. Колоссальныя результаты, къ коимъ привело распространеніе вѣры Христовой въ послѣдующихъ вѣкахъ, создаютъ намъ соблазнительную иллюзію грандіозности и для его начала. Мы забываемъ притчу Спасителя объ огромномъ горчичномъ деревѣ, растающемъ изъ крохотнаго зерна. Историческіе романисты, писатели для театра, изслѣдователи-романтики, охочіе видѣть главнѣйшій двигатель историческихъ событій въ энергіи исключительныхъ талантовъ, полубоговъ и героевъ челоѣчества, любятъ создавать для послѣднихъ красивыя и многозначительныя обстановки, потому что имъ для ихъ художественныхъ и полухудожественныхъ цѣлей нужны великолѣпныя и грандіозныя декорации, людныя и эффектный *mise en scene*. И нельзя не признаться: когда блистательный миражъ, окружавшій событіе, бываетъ разсѣянъ, всегда немножко жаль его прекрасныхъ очертаній и пестрыхъ красокъ. Я понимаю Лѣскова, у котораго навернулись слезы на глазахъ, когда онъ, юношею, узналъ, что Державинъ создалъ оду «Богъ», не бряца на лирѣ съ величественной скалы какой нибудь, но сидя въ мизерномъ номерѣ выборгской гостиницы. Жаль разстаться съ картиннымъ вымысломъ для простенькой дѣйствительности, жаль, говоря словами Пушкина, что историкъ строгій гонитъ мечты поэта. Взять хоть бы «Два міра». Такъ соблазнительно вѣрить, что была эпоха, когда мѣръ зримо расколося на «два міра» двухъ правдъ, которые, утративъ между собою всякую нравственную и общественную связь, продолжали, однако, жить параллельно въ одномъ и томъ же государствѣ и даже въ одномъ городѣ, и одинъ мѣръ свирѣствовалъ, разыскивалъ, казнилъ, а другой молился, прятался и претерпѣвалъ. Чьей фантазіи не увлекали, чьего сердца не трогали, чьей мысли не волновали трагическія «массовыя» сцены въ катакомбахъ, воображаемыя именно по тому шаблону и масштабу, какъ задумалъ ихъ Майковъ? Для него христіанъ въ Римѣ — «тысячъ сто», чего не было даже въ эпоху Северовъ, а не то что при Неронѣ. Чтобы помѣстить не только тысячъ сто, но даже хотя бы депутатовъ отъ тысячъ ста по одному на сто, нужна, дѣйствительно, очень «большая зала въ катакомбахъ»! Но какъ эта выдумка эффектна и побѣдно внушительна! Сотни, если не тысячи, смиренно фанати-



ческихъ, не противящихся правительственному злу, людей, подъ черными сводами подземелья, въ мерцаніи свѣчей, на колѣнахъ предъ вѣщими учителями, готовятся

На казнь пѣти и гимны пѣть,  
И въ пасть нескормленному звѣрю  
Безъ содроганія глядѣтъ...

А на верху, тѣмъ часомъ, рыщутъ язычники, всѣ пьяные-распьяные, развратные-преразвратные, и у всѣхъ нихъ только и заботъ въ жизни, что поймать христіанина и заставить его кланяться идоламъ, подъ страхомъ иначе распять его на крестѣ, какъ Петра, отрубить ему голову, какъ Павлу, затравить его въ циркѣ львами, какъ Игнатія Богоносца.

Что государственное существованіе общества, съ подобною рѣзкостью раздѣленнаго уже въ стотысячныхъ массахъ, возможно только въ поэтическомъ вымыслѣ, и охотно воображается и выдается за дѣйствительность только романтическими поэтами и любителями ихъ творчества, выясняется очень легко, скоро и просто, можно даже сказать, само собою. Рѣдкій посѣтитель римскихъ катакомбъ уходитъ изъ нихъ безъ разочарованія и недоумѣнія, такъ какъ не надо большой сообразительности, чтобы даже по первому, самому поверхностному обзору ихъ догадаться, что подземные ходы, самое большее, въ метръ ширины, и каморки въ три-четыре и до десяти квадратныхъ метровъ площадью, не могли служить мѣстомъ какихъ либо величавыхъ многолюдныхъ сборищъ и отнюдь не предназначались для таковыхъ своими устроителями. Капеллы катакомбъ свв. Себастіана, Домитиллы, Агнесы и т. д.— не болѣе, какъ маленькіе придѣлы подземнаго кладбища, сооруженные для удобства вѣрующихъ, охочихъ въ очередь и кратко помолиться у мѣста вѣчнаго успокоенія святыхъ предковъ. Это— «панихидники», не болѣе. Немыслимо, чтобы онѣ могли, какъ то думали Марки <sup>1)</sup> и Арринги, имѣть значеніе церквей для общественнаго богослуженія, люднаго и продолжительнаго. Онѣ рассчитаны не на часы, а на минуты пребыванія въ нихъ. Въ самыхъ обширныхъ изъ нихъ могутъ помѣститься до ста человѣкъ. Немного, но и изъ того надо убавить, такъ какъ въ расчетъ принималась во вниманіе только вмѣстимость капеллъ, а впихнуть въ подземную каморку сто человѣкъ плечо къ плечу не значитъ помѣстить ихъ. 2-го декабря 1848 года, капитанъ парохода «Лондондерри», во время бури, распорядился запереть 200 пассажировъ въ каюту вмѣстимостью въ 48 кубическихъ метровъ; 72 изъ этихъ злополучныхъ узниковъ умерли. Еще болѣе знаменито трагическое происшествіе въ калькутской «Черной Ямѣ» (1756 г.), имѣющей

<sup>1)</sup> Marchi. Architettura della Roma sotteranea cristiana. R. 1844.

размѣры какъ разъ подземныхъ римскихъ капеллъ. Изъ 146 англичанъ, запертыхъ въ эту тюрьму, при одномъ окнѣ, спустя одиннадцать часовъ осталось въ живыхъ 23 <sup>1)</sup>. А въ катакомбахъ воздухъ былъ еще отравленъ миазмами близко гниющихъ труповъ. Зловоніе иногда усиливалось до того, что фоссоры (могильщики) принуждены были засыпать землю цѣлыя галлерей, черезчуръ полныя могилами. А. Майковъ хотѣлъ, чтобы въ этой ужасной атмосферѣ христіанская толпа слушала заутреню съ возженными свѣчами, и больше того: чтобы въ катакомбахъ устроены были христіанскіе госпитали!

Значеніе тайнаго убѣжища гонимой вѣры катакомбы, если и принимали иногда, то развѣ лишь въ позднемъ послѣдствіи, при гоненіяхъ третьяго вѣка и ортодоксально-христіанскихъ распряхъ съ сектантами четвертаго и пятаго, притомъ, никакъ не надолго и не для массъ, а развѣ для десятковъ укрывающихся. Сейчасъ въ катакомбахъ св. Каллиста, наиболѣе посѣщаемыхъ туристами, достаточно трехъ-четырехъ партій посѣтителей, чтобы въ какойнибудь галлерей уже трудно было разойтись. Папа Сикстъ былъ выслѣженъ и схваченъ въ катакомбахъ, имѣя при себѣ спутниками всего четверыхъ дьяконовъ. Въ первомъ же христіанскомъ вѣкѣ катакомбы были только кладбищемъ, притомъ очень маленькимъ. Собственно говоря, родового понятія «катакомбы», столь многозначительнаго впоследствии, не существовало вовсе. Катакомбами, то есть мѣстностью *Ad Catacumbas*, «у грота», называлось въ Римѣ только одно кладбищенское урочище, у дороги Аппіевой, нынѣ известное подъ именемъ катакомбъ св. Себастіана. Отъ этого урочища, очень священнаго для первыхъ христіанъ (еще въ третьемъ вѣкѣ оно слыветъ, какъ «кладбище», *cimiterium*, по преимуществу), его частное названіе разошлось и на другіе однородные гипогей,— имя собственное превратилось въ нарицательное, и не только для Рима, но и для всего міра <sup>2)</sup>).

Сѣтъ римскихъ катакомбъ, далеко еще не вся изслѣдованная, грандіозна протяженіемъ. Если бы ходы ея вытянуть въ прямую линію, она оказалась бы длиннѣе Италіи, равняясь 580 километрамъ. Отецъ Марки считалъ протяженіе всѣхъ подземныхъ галлерей на предполагаемыхъ 72 кладбищахъ въ 1.200 километровъ. Старинное предположеніе, будто катакомбы вырублены въ почвѣ не христіанскими руками, и послѣднія только приспособили къ нуждамъ своей общины старыя ломки пупполано и песочныя выемки, разрушено критикою братьевъ Де-Росси <sup>3)</sup>. Такъ называемыя «песочницы» (*arenariae*) позволяли христіанамъ нѣсколько облегчить свои са-

<sup>1)</sup> Льюисъ. Физиологія обыденной жизни. Т. I, 285.

<sup>2)</sup> Катакомбы неаполитанскія, карагенскія и т. д.

<sup>3)</sup> De Rossi. Roma sotterranea.—Boissier. Promenades archéologiques. 134—202.

перныя предпріятія не болѣе, какъ въ пяти кладбищахъ изъ тридцати, Де-Росси изслѣдованныхъ. Катакомбы—трудъ, въ огромномъ большинствѣ своемъ, христіанской эпохи и близко предхристіанской, такъ какъ раскопки открыли въ сѣти ихъ изолированныя кладбища іудайтовъ, миѳраитовъ, поклонниковъ Сабанія—культовъ, хронологически параллельныхъ христіанству. Восточный способъ погребенія, черезъ задѣлываніе трупа въ стѣну, столь характерный для катакомбъ и принятый въ настоящее время огромнымъ большинствомъ благоустроенныхъ южныхъ кладбищъ, широко примѣнялся въ Римѣ спиритуалистическими религіями и сектами, избѣгавшими кремации труповъ. А ихъ, въ послѣдніе два вѣка республики и въ первые года имперіи, много нашло въ столицу міра изъ Азіи и Африки, когда, по выраженію поэта, «сирійскій Оронтъ сталъ изливаться въ Тибръ». Впрочемъ, и въ государственной религіи самого Рима кремация труповъ была лишь господствующимъ обычаемъ, но вовсе не догматомъ. Еще законами двѣнадцати таблицъ римлянину предоставлено право выбора, какъ хоронитъ своихъ мертвецовъ,—черезъ сожженіе или зарытіе въ землю. Не принято было сжигать грудныхъ дѣтей, если они умирали до прорѣзыванія зубовъ. Не расходовались на погребальный костеръ для своихъ покойниковъ бѣдняки. Въ самомъ обрядѣ кремационныхъ похоронъ остались слѣды всеобщаго погребенія въ землю. Трупъ на кострѣ посыпался землею (*glebam in os iniicere*), существовалъ обычай отрѣзать частицу сжигаемаго тѣла и хоронитъ ее отдѣльно въ землю; искупительный обрядъ для убійцъ требовалъ, чтобы кающійся бросилъ на трупъ жертвы горсть земли—въ символъ земного погребенія<sup>1)</sup>. При республикѣ, сожженія труповъ чуждались многія аристократическія фамиліи: въ кланѣ Корнеліевъ первымъ покойникомъ, вознесеннымъ на костеръ, былъ диктаторъ Сулла. Кремационный способъ погребенія—по преимуществу императорскаго времени, первыхъ четырехъ вѣковъ нашей эры; но и въ теченіе ихъ законъ (*lex Tudertina*) оказывалъ равное покровительство погребенію въ землю, объявляя священными (*pius et religione solutus*) какъ мѣсто сожженія трупа, такъ и могилу. Кремационный обрядъ, какъ особенно удобный и эффектный для церемоніи апофеоза, строго соблюдался для мертвецовъ императорскаго дома, однако бывали исключенія и изъ этого правила. Похороны Пoppеи Сабинны, вдавшейся въ іудаизмъ, обошлись безъ сожженія тѣла: покойницу бальзамировали и отнесли въ мавзолей Августа на Марсовомъ полѣ, въ фамильный склепъ Цезарей. Для христіанъ, принявшихъ іудейскій способъ погребенія, онъ освящался благочестивымъ подраженіемъ Гробу Господню, который Іосифъ Аримаѳейскій «высѣкъ въ скалѣ». И, подобно тому, какъ

<sup>1)</sup> Marquardt. Das Privatleben der Römer. 373 ff.

гробъ Иисуса былъ «новый», такъ и первобытные христіане заботились, чтобы каждый вѣрный получилъ особое мѣсто вѣчнаго успокоенія (*loculi*), не хранившее ранѣе другого мертвеца <sup>1)</sup>).

Итакъ, мертвое населеніе подземнаго Рима довольно пестро по вѣроисповѣдному составу, и христіане въ немъ—наслоеніе, хотя господствующее численно, но верхнее, послѣднее. Правда, слѣдуетъ отмѣтить, что въ подземныхъ кладбищахъ галереи христіанскихъ могилъ никогда не проникаютъ въ площади усыпальницъ иновѣрныхъ. Приближаясь къ районамъ послѣднихъ, христіанскіе гробкопатели часто дѣлали очень крутые и неудобные повороты, съ единственною цѣлью избѣжать неприятнаго близкаго сосѣдства. Единственное рѣзкое отступленіе отъ этого правила, помѣстившее подъ знаменитою церковью *Domine, quo vadis*, среди Христовыхъ мучениковъ и первообращенныхъ, склепъ жреца Сабанія, объясняется ошибкою фоссора, неумѣло открывшаго галерею въ чужой языческій могильникъ. Любопытно, что до сихъ поръ не найдено въ катакомбахъ слѣдовъ кладбищъ еретическихъ, хотя церковные писатели упоминаютъ объ ихъ отдѣльномъ существованіи, упрекая сектантовъ, что они воровали для себя съ кладбищъ апостольской церкви тѣла знаменитыхъ мучениковъ.

Уже одна пестрота мертваго народонаселенія отнимаетъ у могильнаго царства возможность таиться отъ государства. Количество христіанскихъ могилъ въ римскихъ катакомбахъ определяется въ огромную сумму до шести милліоновъ погребенныхъ. Если считать начало катакомбъ въ серединѣ перваго вѣка, а послѣднія похороны въ нихъ относятся къ вѣку пятому, то выходитъ, что кладбища работали въ теченіе четырехсотъ лѣтъ, принимая, такимъ образомъ, въ нѣдра свои, среднимъ числомъ, по 15.000 труповъ въ годъ, по 41 трупу въ день. Немыслимо допустить, чтобы не только въ императорскомъ Римѣ, съ его бдительнымъ полицейскимъ надзоромъ, но въ какомъ бы то ни было обществѣ, обладающемъ хоть тѣнью цивилизаціи и благоустройства, исчезало безъ вѣсти по сорока покойниковъ ежедневно, и это не недѣлю, не мѣсяць, а изъ года въ годъ и даже изъ вѣка въ вѣкъ. Въ настоящее время слѣдуетъ считать научно установленнымъ взглядъ, что въ первомъ и второмъ вѣкахъ христіанскія кладбища не подвергались преслѣдованіямъ и были не только подземными, но и надземными: надъ гипогеями возвышались «монументы», «трофеи» и тому подобныя обозначенія, что мѣсто свято и неприкосновенно (*locus religiosus*). Погребали своихъ мертвецовъ и навѣщали могилы ихъ вѣрующіе, не таясь, съ полною откровенностью,—если не въ качествѣ «христіанъ», то въ качествѣ членовъ одной и той же

<sup>1)</sup> Boissier, op. cit.—Pressensé. Hist. des trois prem. siècles de l'église chretienne. II série. I. 108—133.

погребальной ассоціаціи (*collegia funeraticia*). Послѣднихъ въ Римѣ было очень много, учрежденіе ихъ было разрѣшено сенатскимъ постановленіемъ весьма либерально и широко, императоры имъ покровительствовали. Государственный контроль, наблюдая за функціями этихъ демократическихъ обществъ, конечно, не имѣлъ возможности входить въ разбирательство религіозныхъ ученій и различій, въ богословско-полицейское «чтеніе въ сердцахъ», до котораго Римъ въ вопросахъ религіозныхъ вообще былъ не охотникъ, а особенно въ данномъ случаѣ: для римскаго чиновника умиралъ не «христіанинъ», но членъ такой-то похоронной ассоціаціи, за котораго аккуратно внесены въ общественную кассу всѣ пожизненные взносы, а, слѣдовательно, и нѣтъ никакихъ препятствій быть ему погребеннымъ на кладбищѣ ассоціаціи по такому-то и такому-то разряду. Составъ правленія похоронныхъ ассоціацій,—ихъ предсѣдатели, то-есть папы, и старосты-распорядители (*actor, syndicus*), то-есть дьяконы, были извѣстны римской администраціи. Де-Росси открылъ документы, обличающіе, что между римскимъ епископатомъ второго и третьяго вѣка и римскою городскою префектурою существовали официальные сношенія, хотя, казалось бы по здравому смыслу и обычному представленію о гонительствѣ, поименная извѣстность главъ недозволенной религіи (*religio illicita*) полиціи не позволяющаго государства должна была равняться для этихъ архіереевъ смертному приговору. Но, въ глазахъ римскаго чиновника, христіанскій епископъ до тѣхъ поръ, пока онъ не обвиненъ въ запретномъ вѣроучительствѣ официально, оставался не епископомъ, не духовнымъ вождемъ религіозной общины, но просто президентомъ похороннаго клуба, отвѣтственнымъ за денежные и уставные порядки учрежденія предъ административнымъ блюстительствомъ.

Подъ эгидою похоронныхъ обществъ катакомбы очутились во второмъ и третьемъ вѣкахъ, съ расширеніемъ христіанской общины. Это—золотой вѣкъ развитія катакомбъ. Что касается вѣка перваго, то въ немъ еще лучше, чѣмъ привилегіями ассоціацій, подземнымъ кладбища ограждались отъ полицейскихъ придирокъ строгими правами частной земельной собственности. Кладбища ютились на земляхъ и подъ землями частныхъ владѣльцевъ (Цецилии, Флавіи и т. д.). Каждый римскій усадьбовладѣлецъ былъ воленъ устроить свою фамиліную усыпальницу въ границахъ своей земли, какъ ему было угодно, и допустить въ нее для погребенія, кого угодно, въ томъ числѣ, конечно, и просто своихъ единовѣрцевъ, *qui sint ad religionem meam pertinentes*. Дать мертвецу честное погребеніе—по римскимъ понятіямъ, самое почтенное и святое дѣло, обязательное для порядочнаго человѣка. Поэтому гостепримство чужимъ трупамъ со стороны кладбищевладѣльца никогда не удивляло, скорѣе удивилъ бы отказъ въ мѣстѣ для погребенія.

Частнымъ кладбищевладѣльчествомъ перваго и втораго вѣка объясняются многія особенности въ построеніи катакомбъ, начиная съ ихъ, казалось бы, совершенно излишнихъ извилинъ и многоярусности. Гипогейи Рима опускаются вглубь иногда до пяти этажей, при чемъ верхній отстоитъ на семь-восемь метровъ отъ поверхности, а нижній уходитъ—до двадцати пяти метровъ. Де-Росси высчиталъ, что при трехъ этажахъ подъ площадью въ 125 кв. футовъ умѣщается семьсотъ метровъ галлерей, дающихъ приютъ, по смѣтѣ отца Марки, 3,500 мертвецамъ. Думали когда-то, что, превращая кладбища въ многоэтажные лабиринты, христіане искали самозащиты отъ вторженія въ подземное царство надземной полиціи. Но дѣло объясняется гораздо проще. Изслѣдуя планы различныхъ гипогеевъ, Де-Росси открылъ, что, если зачеркнуть въ нихъ позднѣйшія обростанія могилами, то первоначальныя основныя кладбища оказываются ограниченными въ очень малыхъ площадяхъ совершенно правильныхъ геометрическихъ фигуръ. Это—подземное отраженіе земельной размежки первыхъ вѣковъ. При дороговизнѣ земли въ окрестностяхъ Рима кладбищевладѣлецъ не имѣлъ возможности отдать мертвецамъ большого куска изъ своего теггено, зато вглубь кладбище могло опускаться, сколько угодно, соблюдая лишь одно условіе—не прорываться въ смежное владѣніе, въ теггено сосѣда. Такимъ образомъ, къ услугамъ христіанъ предоставлялись огромныя выемки почвы, съ строго опредѣленными границами, въспрещающими кладбищу расширяться въ площади,—отсюда и геометричность,—но углубляться оно имѣло право, насколько возможно. Но слишкомъ удаляться отъ земной поверхности человѣку физически невымыслимо, тѣмъ болѣе, для склада труповъ, которые предполагалось посѣщать. Поэтому, съ теченіемъ времени, когда верхній слой кладбища заполнялся мертвецами, что особенно быстро наступало въ каморкахъ (*arcosolia*) и галлерейхъ у могилъ знаменитыхъ мучениковъ, ибо каждому хотѣлось быть погребеннымъ поближе къ этимъ чтимымъ святымъ, въ ихъ *subicula*, тогда христіане, принужденные прорывать дальнѣйшіе ярусы склеповъ, въ усиленныхъ заботахъ объ экономіи мѣста, старались пробуравить какъ можно меньшее пространство какъ можно большимъ количествомъ узкихъ галлерей. Обычная ширина ихъ 80 сантиметровъ. Гробовыя ниши (*loculi*) въ этихъ коридорахъ поднимаются въ три, четыре—до шести рядовъ. Но есть галлерей, гдѣ ихъ отъ девяти до тринадцати. Необходимое среднее—на шесть милліоновъ могилъ—пять рядовъ. Такимъ накопленіемъ труповъ создавались кладбищенскія подземныя урочища, острова могилъ, извѣстные сейчасъ подъ шестьюдесятью или даже семьдесятью-двумя именами и находящіеся въ разныхъ концахъ Рима. По мѣрѣ распространенія христіанства между римскими землевладѣльцами, кладбища разныхъ именъ рано или поздно становились болѣе или менѣе близ-

кими сосѣдями. Какъ скоро, счастливымъ ли случаемъ обращенія къ Христу хозяевъ или просто скупкою промежуточныхъ земель, христіане или христіанскія похоронныя общества получали свободу дѣйствія на смежныхъ терренахъ, они проводили отъ кладбища къ кладбищу соединительные коридоры. Нѣкоторые изслѣдователи предполагаютъ, что всѣ подземныя кладбища Рима были въ древности соединены между собою, хотя теперь и между изслѣдованными тридцатью множество ходовъ потеряно, засыпано или разрушено. Практически такое полное объединеніе римскихъ гипогеевъ врядъ ли было возможно: всѣ островки кладбищъ расположены по скатамъ холмовъ, и между ними, слѣдовательно, лежатъ глубокіе доли, овраги, болотистые стоки дождевой воды, почва которыхъ совершенно непригодна для подземныхъ галлерей<sup>1)</sup>. Но работъ съ цѣлью возможно болѣе широкаго обобщенія кладбищъ, несомнѣнно, было произведено много. Извѣстенъ трагическій случай, что двѣ англичанки-художницы, опустившіяся въ катакомбы св. Каллиста безъ проводника, вышли, послѣ трехдневныхъ блужданій, изъ сточной ямы на Монте Пинчіо<sup>2)</sup>. Благочестивое стремленіе объединить своихъ мертвецовъ кладбищемъ, какъ живые объединяются церковью, вполне въ духѣ четвертаго и пятаго вѣка, когда катакомбы пользовались особенно благочестивымъ вниманіемъ и почетомъ. Въ эту пору посѣтилъ ихъ, какъ паломникъ, блаженный Иеронимъ и вынесъ изъ нихъ столь грозныя впечатлѣнія, что не сумѣлъ ихъ выразить иначе, какъ эффектною цитатою изъ язычника Вергилія. Показателями произведенныхъ объединительныхъ работъ остались входы въ катакомбы—слишкомъ многочисленные для потребностей даже столь огромнаго кладбища: они обличаютъ, что первоначально каждая частная крипта имѣла свой собственный отдѣльный входъ, когда же крипты слились въ одно цѣлое кладбище, сохранились, хотя и ненужные, ихъ старинные, частные лазы. Катакомбы развивались до пятаго вѣка, оставались излюбленнымъ мѣстомъ благочестивыхъ восторговъ и праздничнаго пономничества до вѣка седьмого. Потомъ онѣ стали гложуть, какъ старыя, оставленные и упраздненныя кладбища, откуда выбраны всѣ святыя мертвецы, перемѣщенные въ раки католическихъ церквей. Литературныя извѣстія о катакомбахъ имѣются отъ девятаго и даже отъ двѣнадцатаго вѣка<sup>3)</sup>. Затѣмъ память о нихъ исчезаетъ изъ міра до 1578 года, когда случай возвратилъ ихъ Риму, а знаменитый Бозіо принялся за ихъ научное изслѣдованіе. Впрочемъ, знатоки пробирались въ нихъ и раньше. Приступивъ къ работамъ въ катакомбахъ, Бозіо нашелъ граффити ученаго археолога пятнадцатаго

<sup>1)</sup> Boissier, *op. cit.*

<sup>2)</sup> Амфитеатровъ. Святоточная книжка. «Катакомбы». (1902 г.).

<sup>3)</sup> Pressensé, *op. cit.*

вѣка Помпонія Лето. Этотъ дѣятель Возрожденія, вмѣстѣ съ нѣкоторыми гуманистами, былъ заподозрѣнъ инквизиціей въ вѣроотступничествѣ, будто бы возвратился къ служенію старымъ языческимъ богамъ. Чтобы обезопасить свои собранія, компанія язычествующихъ археологовъ перенесла ихъ въ позабытый тайникъ катакомбъ<sup>1)</sup>.

Отъ эпохи Нерона катакомбы не сохранили ни знака, ни буквы. Ничто не намекаетъ, чтобы онѣ существовали при Неронѣ. Ни слѣда ни отъ его эпохи, ни отъ его гоненія. Древнѣйшая надпись, которую катакомбы сберегли, относится къ 71 году, къ третьему консульству императора Веспасіана, если только плита съ надписью не занесена въ подземелье случайно, взятая, какъ матеріаль, для могилы новой откуда нибудь съ могилы старой<sup>2)</sup>. Подобные случаи очень часты въ катакомбахъ. Такого происхожденія, напримѣръ, плиты, помѣченныя языческою погребальною формулою «D. M.» (Diis Manibus, подземнымъ богамъ) или имѣющія на обратной сторонѣ чертежъ доски для игры въ кости и т. п. Много обломковъ попало въ глубину еще болѣе случайнымъ путемъ: падалъ съ поверхности земли чрезъ отверстія люминаріевъ, отдушникъ для свѣта и воздуха, которыхъ множество велѣлъ нарубить Константинъ Великій, а раньше онѣ то продѣлывались, то задѣлывались въ соотвѣтствіи, терпѣла ли церковь гоненіе, или пользовалась временнымъ миромъ. (Слѣды изящной отдѣлки, просторныя свободныя входы и выходы древнѣйшихъ кладбищъ, откровенно примыкающіе къ самымъ шумнымъ пригороднымъ дорогамъ, убѣждаютъ изслѣдователя, что въ первомъ вѣкѣ христіанинъ кладбища своихъ отъ государства не пряталъ и за цѣлость ихъ не опасался: наоборотъ тѣмъ позднѣе время, тѣмъ яснѣе выражаютъ катакомбы идею страха предъ возможнымъ насиліемъ, если не со стороны власти, то со стороны распушенной черни, которая, превратясь изъ италійской въ варварски-международную, утратила вмѣстѣ съ тѣмъ и суевѣрное благоговѣніе къ каждой могилѣ, столь свойственное латинской расѣ. Оскверненіе могилъ—способъ враждебной манифестаціи совершенно не римскаго характера. Христіанскіе источники, свидѣтельствующіе о подобныхъ безобразіяхъ,—африканскаго или азіатскаго происхожденія<sup>3)</sup>). Итакъ, во второмъ и третьемъ вѣкѣ широкіе входы засыпаются, прорываются фальшивыя галереи, прокладываются тайныя лазейки, многіе коридоры искусственно разрушены, чтобы отрѣзать свитотатцамъ путь къ особо почитаемымъ гробамъ, устраиваются потаенныя церковки, выводятся подземныя обходы къ заброшеннымъ «песочницамъ». Сравнивая кладбища

<sup>1)</sup> Boissier, op. cit.

<sup>2)</sup> Фрикентъ, «Катакомбы», II.

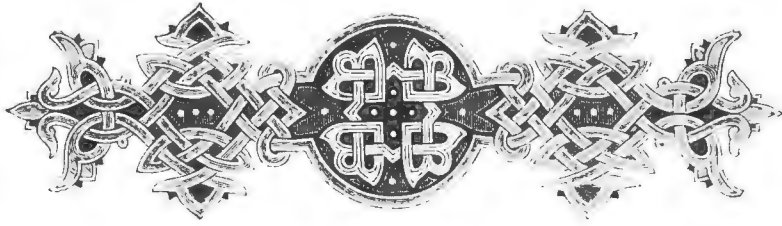
<sup>3)</sup> Тертуллианъ, св. Кипріанъ.



разныхъ вѣковъ, древнія сразу можно выгодно отличить по богатству и красотѣ фресокъ и скульптурныхъ украшеній: видно, что христіанинъ-художникъ имѣлъ свободу работать для своего кладбища, а христіанинъ-пріобрѣтатель свободу перемѣщать надгробные мраморы изъ художественныхъ мастерскихъ въ кладбищенскія подземелья, и оба не боялись, что одинъ напрасно трудится, а другой — что напрасно платитъ за трудъ, который завтра можетъ быть разрушенъ. Отличительною чертою древнѣйшаго искусства въ катакомбахъ является его близкое родство съ ремесленнымъ художествомъ языческимъ, наримѣръ, помпейскимъ. Де-Росси доказалъ, что нѣкоторые саркофаги и плиты вышли изъ языческихъ мастерскихъ и только приспособлены на христіанскій вкусъ и къ требованіямъ христіанской символики.

Крупная цифра протяженія на 580 километровъ становится менѣе внушительною, если ее раздѣлить на 400 лѣтъ работы. 1,45 километра въ годъ, по четыре метра въ день, при средней высотѣ ходовъ въ два метра (на самомъ дѣлѣ меньше) и ширинѣ, допустимъ даже, въ метръ, то-есть всего по восьми кубическихъ метровъ въ сутки, это при легкомъ грунтѣ вулканическаго туфа, работа на постоянную смѣну не болѣе, какъ шести рукъ, совѣмъ съ уборкою земли и щебня. Относительно уборочныхъ средствъ, пока царилъ теорія таинственности катакомбъ, ученые напрасно ломали головы надъ загадкою, какъ и куда дѣвали христіане груды вырытой земли, такъ какъ онѣ необходимо должны были выдать ихъ язычникамъ. Гипотеза о христіанскихъ похоронныхъ ассоціаціяхъ второго вѣка и частныхъ кладбищахъ перваго совершенно упраздняетъ этотъ вопросъ: христіане и могилы рыли, и землю убирали, какъ имъ надо было, никѣмъ не препятствуемые. Въ эпоху Нерона, если христіане уже имѣли кладбища, отдѣльныя отъ іудеевъ, то ихъ подземныя галереи были еще только въ зачаткѣ и, разбросанныя въ разныхъ концахъ за городскою чертою, должны были представлять собою, каждое въ отдѣльности, маленькій частный склепъ въ нѣсколько метровъ длины, скорѣе ловушку въ случаѣ обыска, чѣмъ убѣжище. Такимъ образомъ, одну изъ самыхъ главныхъ и эффектныхъ декорацій, привычно искажающихъ представленіе о древней христіанско-языческой распрѣ, декорацію катакомбъ, надо, — по крайней мѣрѣ, что касается неронической эпохи «Двухъ міровъ», — признать совершенно несостоятельною. Какъ бы красиво ни изображалъ Майковъ въ своей поэмѣ заутреню будущихъ «живыхъ факеловъ Нерона», этой заутрени никакъ нельзя было смѣть въ катакомбахъ по множеству причинъ, изъ коихъ первая и самая существенная: еще не было катакомбъ.

**Сандро.**



## МУЖИКИ-ДВОРЯНЕ.

(Бытовой этюдъ).



**М**Ы ВОЗВРАЩАЛИСЬ рысцою проселкомъ. Въ этотъ день сдѣлали верстъ шестьдесятъ, объѣхавъ съ десятокъ деревень,—мой спутникъ въ качествѣ должностного земскаго лица, а я—въ качествѣ любознательнаго наблюдателя.

Уже вечерѣло. По обѣимъ сторонамъ дороги ровной скатертью лежали хлѣбныя поля. Взоръ тщетно искалъ деревца. Заводы порядкомъ обезлѣсили мѣстность. Тутъ, на грани, гдѣ сходятся уѣзды: Сумскій, Харьковскій и Рылскій съ Путивльскимъ—Курской губерніи, все заводы да заводы, винокуренные, а чаще сахарные; тутъ—все крупныя собственники, сжимающіе кольцомъ мелкое землевладѣніе помѣщичье и крестьянское. Тутъ гигантскія печи давно уже проглотили лѣса.

Но вотъ справа, въ верстѣ отъ дороги, вырисовалась щетинка мелколѣся, за которой мелькнули бѣленькія хатки.

Я за мѣсяцъ перевидалъ уже столько бѣлыхъ хатокъ, что на этотъ разъ не обратилъ на нихъ вниманія, и сидѣлъ, закрывъ уставшіе за день глаза.

— Нѣтъ, вы посмотрите,—сказалъ мнѣ спутникъ:—это интересный хуторъ.

— Чѣмъ же онъ интересенъ?—спросилъ я, не открывая глазъ.— Развѣ, можетъ быть, тѣмъ, что хаты построены не изъ «вербы», какъ въ прочихъ здѣшнихъ хуторахъ, за неимѣніемъ другого строительнаго матеріала?

— Нѣтъ, положимъ, хаты и тутъ изъ вербоваго дерева, но... тутъ живутъ дворяне.

— Я думаю—не большая рѣдкость встрѣтить даже и теперь въ деревнѣ землевладѣльца-дворянина!—все еще не открывалъ я глазъ.

— Э, нѣтъ. Вѣдь это—«Кіенскій» хуторъ!

— Ну, такъ что же?

— Тутъ всѣ дворяне. Понимаете? Все населеніе хутора—дворянское. Подъ каждой соломенной крышей потомственный дворянинъ сидитъ. Стараемся мы, какъ вы знаете, въ уѣздѣ желѣзные крыши вводить, но пока не очень успѣваемъ.

— Какъ вы сказали? всѣ дворяне? почему?

Я уже открылъ глаза: они немного отдохнули.

— Вы, кажется, заинтересовались. А вотъ погодите, какънибудь надняхъ, можетъ быть, побываемъ тамъ. Кстати тамъ нужно произвести кое-какую переоцѣнку, по страховой части. (По этой именно части мой спутникъ и служилъ). Сами и увидите. Это лучше, чѣмъ я вамъ буду рассказывать.

Я согласился. Прошло нѣсколько дней.

Земецъ мой сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, принимая страхователей; я находился тутъ же, «изучая типы», вслушиваясь въ мѣстный говоръ: къ малороссійской рѣчи примѣшивалось немало великорусскихъ словъ сосѣдней Курской губерніи.

Отъ стола только что отошелъ купецъ въ длиннополомъ сѣромъ сюртукѣ, и подошелъ мужикъ. Въ рукѣ у него была бумага-заявленіе, изъ котораго видно было, что онъ желаетъ быть застрахованнымъ по добровольному страхованію и проситъ «его высокородіе» выѣхать на мѣсто нахождения имущества.

— Но раньше же ты, вѣроятно, страховался по обязательному крестьянскому страхованію? А теперь что же, хочешь, значить, по возвышенной оцѣнкѣ? Тогда вѣдь и платить тебѣ дороже.

Но клиентъ отвѣтилъ, что до сихъ поръ онъ вовсе не былъ застрахованъ.

— Какъ? не можетъ бытъ! Съ тебя страховку вѣдали вмѣстѣ съ прочими повинностями, какъ и съ прочихъ.

— Такъ я же... видите, господинъ, я къ волости не принадлежу. Э! кабы-то такъ!.. Ужъ я бы изъ послѣдняго внесъ... обязательную! Легко ли такъ-то? Лѣто, сушь,—не дай Богъ, что случится!.. Дрожи... А только что отъ меня не берутъ, какъ я, значить, не принадлежу къ обществу... Съ меня вотъ вы дороже возьмете, «повольному»... мнѣ ужъ говорили... И тяжело, да ужъ очень страхъ большой: а ну, какъ не дай Богъ!..

— Постой!—перебилъ земецъ:—да ты... да вы не изъ Кіенскаго ли хутора?

— Изъ него самаго.

Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на стоящаго предъ нами чело-  
вѣка. Письмоводитель земца, подумавъ немного, указаль ему на  
стулъ, сказавъ:

— Присядьте. Что же вы стоите?

Но посѣтитель не спѣшилъ воспользоваться этой любезностью  
и продолжалъ стоять. Я могъ осмотрѣть его во весь ростъ.

Худощавое загорѣлое лицо, черная борода съ легкой рыжиной  
и уже съ просѣдью; на плечахъ нанковый кафтанъ въ заплаткахъ—  
костюмъ, въ какой обыкновенно одѣваются «хохлы» въ будни.  
Сколько я ни присматривался, ничѣмъ не отличался онъ отъ про-  
стыхъ мужиковъ, и объяснялся онъ на малороссійскомъ нарѣчїи,  
смѣшанномъ съ великорусскими словами, какъ и многіе здѣшніе.  
Развѣ что онъ показался мнѣ нѣсколько нервнымъ для мужика-  
землепашца. Вотъ и все отличіе. Не было въ немъ, казалось, му-  
жицкаго спокойствія, мужицкой уравновѣшенности.

Мнѣ хотѣлось разспросить его.

— Да вѣдь мы у нихъ будемъ тамъ, на мѣстѣ.

И, обращаясь къ посѣтителю, земець пояснилъ:

— Завтра я выѣду и осмотрю вашу усадьбу. А заявленіе это  
лично вами подписано?

— Нѣтъ, я не грамотный...

— «Дворянинъ!»—усмѣхнулся письменоводитель изъ крестьянъ,  
обладавшій хорощимъ почеркомъ.

А меня, признаюсь, точно что ущемило. «Онъ даже неграмотенъ!».

Засаленный и заплатанный нанковый мужицкій кафтанъ, при-  
крывавшій «дворянское» тѣло, повернулся и исчезъ въ дверяхъ.  
Я сидѣлъ въ раздумьѣ.

Видалъ я «опростившихся» по своей волѣ господъ дворянъ,—  
идейно, такъ сказать, опростившихся,—но такихъ, невольно  
опростившихся, въ силу чисто естественныхъ причинъ, я не встрѣ-  
чалъ еще. Типъ для меня былъ новый.

На другой день я съ любопытствомъ подъѣзжалъ къ хутору  
Кіенскому.

Знакомый «нанковый кафтанъ» встрѣтилъ насъ, издали еще  
увидавъ, съ палкой въ рукахъ отъ собакъ.

Мы прошли рядъ хатъ, рядъ гуменъ, хлѣвушковъ.

— Тутъ у васъ, кажется, всѣ Кіенскіе?—спросилъ земець,  
указывая на кучки дальнѣйшихъ хатъ.

— Кіенскіе мы всѣ. Когда-то, должно быть, между собою ро-  
дичи были,—высказаль тотъ догадку.—Но то было давно,—мо-  
жетъ, дѣды еще наши или прадѣды, а мы такъ, чужіе уже, только  
что прозвище у насъ одно. Да вотъ еще доля у насъ одна. По  
ней мы, пожалуй, что и братья... Милости просимъ, господа, зайдите.

Хата была маленькая, но по обычаю малороссійскому чистенько  
вымазана мѣломъ, за исключеніемъ печки, вымазанной желтой глиной.

Земець тотчасъ же принялся за осмотръ строеній, спросилъ, во сколько самъ хозяинъ ихъ цѣнить. Тому не хотѣлось бы цѣнить очень дешево, но съ другой стороны—премія... И въ немъ боролись—страхъ въ случаѣ пожара не получить достаточнаго вознагражденія, чтобы вновь отстроиться, и жажда съэкономить какой нибудь рубль.

Наконецъ окончили и снова вошли въ хату. Сѣли. Присѣлъ на лавку и хозяинъ.

— Гдѣ же ваша семья?

— Жинка—на буракахъ, у Терещенки, поденно, а сынокъ товаръ (скотъ) пасеть. Жинка тамъ на плантаціяхъ и заночуетъ: не близко ходить. А товаръ теперь уже скоро пригонять.

Онъ глянулъ въ окошко на солнце, замѣнявшее ему часы. Солнце уже низко стояло.

— Да только у насъ кормы для скота, вотъ горе наше. Луговъ нѣту, толоки мало,—на стерпахъ пасемъ.

— А сколько лично у васъ пахотной земли?

— Три десятины. И выгона нѣту. У мандрыкинскихъ мужиковъ—у тѣхъ есть выгонъ. Да только какъ ступить на него наша корова или овца,—они ее сейчасъ «занимаютъ» (загоняютъ, арестовываютъ). Ходи и выкупай!

— Значитъ, общественнымъ мандрыкинскимъ выгономъ вы не имѣете права пользоваться?

— А извѣстно,—какъ мы не принадлежимъ къ ихнему крестьянскому обществу. Вотъ и говорю вамъ: есть крѣпостной земли три десятины, только и всего. А у сосѣда—у того и двухъ съ половиною не наберется батьковщины (отцовской, отъ отца доставшейся).

— А лѣсъ у васъ есть?

— Нѣтъ, гдѣ же! То, что вы видѣли,—то мандрыковцевъ, общественный. Дѣлили они его,—ну, мнѣ, конечно, ничего! Купилъ у нихъ за деньги для топки. А то мы больше навозъ сушимъ, кизилъ. Развѣ я пошелъ на ихнюю сходку просить: какъ нибудь нельзя ли, чтобы и меня въ долю, лѣску мнѣ? «Нѣтъ! ты, говорятъ, не нашъ». Можно сказать, господинъ, что тяжело намъ очень крестьянствовать, потому какъ лишены мы всего крестьянскаго!.. Въ родѣ насмѣшки какой этотъ тебѣ титулъ данъ... Большая черезъ него помѣха въ нашемъ дѣлѣ, въ деревенскомъ положеніи, то-есть... бѣдномъ такомъ.

— Но вѣдь и привилегіи у васъ, господа кіенскіе, есть? Я думаю?

— То-есть, это вы...

Онъ подумалъ и усмѣхнулся.

— Это вы, можетъ, насчетъ, скажемъ, тѣлеснаго наказанія? Дескать, давно ли всѣхъ наказывали, а васъ нѣтъ? Да! развѣ что такъ, развѣ что вотъ это. Спина дворянская... точно! А такъ, помимо, кто насъ вообще признаетъ?.. Чужіе мы всѣмъ.

— Почему же? Попробовали бы къ предводителю дворянства.

— Былъ я, былъ! какъ же, былъ! Въ Николаевкѣ. Отличное какое имѣніе!... А зала у него! ого-го! Изъ передней я видалъ. Дверь была открыта—хорошо все видно. Люстра эта виситъ, по стѣнкамъ—рамки золотыя съ картинами... Такъ все ловко! Да-а! господинъ богатый...

— Принялъ васъ?

— Доложили. Вышелъ въ переднюю. «Что тебѣ нужно?».. Такъ и такъ, окажите, дескать, милость, укажите, къ какому мнѣ берегу, то-есть, приткнуться, гдѣ свою точку мнѣ найти? А такъ мнѣ житье совсѣмъ выходитъ томительное,—не знаю, кто я и что.

— Ну, и что же?

— Выгнать не выгналъ,—нѣтъ, этого не скажу, не выгналъ, но на стулъ не посадилъ. Дочка тутъ его, должно быть, жинка въ дверь заглядываютъ... на меня.

— Что же онъ вамъ сказалъ?

— Какія, спрашиваетъ, у васъ доказательства есть на потомственное дворянское происхождение? Предоставьте мнѣ, и я чтонибудь для васъ сдѣлаю. Сына отдадимъ вашего грамотѣ учиться. «Доказательства»... Гм!.. То-то кабы были бумаги!.. можетъ, онѣ и есть какія, только не дома, а дома и на цыгарку иногда ищешь-ищешь... Порыться гдѣ ежели... можетъ, тамъ у нихъ, въ «губерніи», что ли?.. А, можетъ, и погорѣли когда...

— А съ цыгаркой вы не выкурили?

— Нѣтъ, всё же замѣтно бы: орель тамъ, или что... Нѣтъ, просто порыться, похлопотать бы. Да кому?.. Некогда намъ этимъ дѣломъ и заниматься, не знаемъ мы ходовъ. «Доказательства предоставь». Да... знаемъ, что дворяне, вишь—и только всего! И потому больше знаемъ,—не безъ горечи усмѣхнулся Кіенскій,—что крестьяне говорятъ: «ты не крестьянинъ», мѣщане: «ты не мѣщанинъ», цеховые: «ты не цеховой»... Ну, что же остается? Стало быть, дворянинъ! Больше ничего и не остается... Э, да это что тамъ! Не нужно! Съ землею мы ворокаемся, съ сохою,—вотъ бы и отлично! только бы мнѣ добыть всѣ крестьянскія полныя права! Да, вотъ это бы только! Главная причина—выгона нѣту, въ лѣсѣ—не участникъ, на сходѣ ты—нѣмой, голоса тебѣ не дано. А вотъ теперь и страховка эта, лишнее платить приходится. Заурядъ, какъ всѣхъ, тебя не берутъ... Вотъ теперь я знаю: погорѣлъ тутъ одинъ знакомый мужичокъ, настоящій, а не такой вотъ, какъ я,—погорѣлъ, и даже два года онъ страховыхъ не вносилъ. Такъ что же? Выдали ему! Хоть немного, а выдали, «пособіе». Еще бы это не пособіе—построиться человѣку! Да онъ хоть срубъ на эти деньги, вербъ купить. А ты вонъ попробуй!.. Опять же не уродило въ прошломъ году—выдали настоящимъ крестьянамъ изъ запаснаго магазина, а мы облизнулись...

— А отецъ вашъ, скажите, какъ онъ жилъ? Вы помните?

— Отецъ... У отца хоть все-таки больше земли было. А какъ раздѣлили онъ на трое (три было насъ сына), то что же вышло?.. А у дѣда вонъ, можетъ, еще больше было. И пчелы были, гурты гонялъ, богатый былъ. Десятинъ, можетъ, съ тридцать было, а то и всѣ сорокъ, Ну, грамотѣ и онъ не зналъ. Да тогда это было ничего... А прадеды наши, можетъ, и вовсе роскошно хозяйничали. Ну, а мы ужъ вотъ... дроблёные!.. Служить бы нужно. Да только неграмотному какъ же? А такъ если на сторону на промыслы итти,— куда пойдешь? Да и званіе мѣшаетъ. А вы думаете, нѣтъ? Племянница моя въ городѣ поступила (въ самомъ Харьковѣ) въ горничныя. Съ хлѣбовъ долой! Отлично. Служить, угождаетъ. Только и прознай хозяйева, что, значитъ, не изъ простыхъ она. Призвали. «Правда, сказываютъ вонъ, что дворянка ты?»..—Должно быть, говорить, правда... «Нѣтъ, говорятъ, это намъ неудобно». И дали Метрѣ (Матренѣ) расчетъ. Теперь она на буракахъ съ моею. Тамъ за дворянство съ нея не взыскиваютъ. Только развѣ пошутятъ, посмѣются: «дворянка, вишь». Ну, да это что...

Помолчавъ онъ спросилъ:

— А что вы не слышали, господа, говорятъ, гдѣ-то тамъ въ Рязанской губерніи Сапожковскій есть какой-то уѣздъ,—такъ будто много тамъ такихъ, совсѣмъ какъ есть мужиковъ... изъ дворянъ: пашутъ они, въ лаптяхъ ходятъ? Вотъ мы хоть въ сапогахъ: у насъ нѣтъ такого заведенія—чтобы въ лаптяхъ. Не слышали? А есть, есть, мы слышали. Какъ же! въ Сапожковскомъ уѣздѣ. «Я дворянинъ!»—кричитъ. Это, когда выпьетъ. А такъ, трезвый,—его и не замѣтно... Потѣха, скажу вамъ, была тутъ. Заѣхалъ разъ сюда—годовъ... забылъ ужъ сколько будетъ,—дворянинъ одинъ. И откуда—даже не знаемъ. Съ краснымъ околышемъ, какъ же! Но только выпивши. «Нарочно, говоритъ, пріѣхалъ къ вамъ, господа, какъ прослышалъ, кто вы». Мы думаемъ: что такое? Уши развѣсили. Можетъ, въ самомъ дѣлѣ что скажетъ, посланъ къ намъ, что ли. А онъ... Ты, говоритъ, дворянинъ—и... Какъ это онъ?.. «Строго, говоритъ, содержи свое дворянское званіе и достоинство! Крѣпись!»... А самъ себя въ грудь колотитъ. Нашумѣлъ, да только и всего. А посудите: могу ли я его строго содержать... званіе-то свое?..

И онъ безпомощно развелъ руками.

— Или, напримѣръ, другой Кіенскій, мой сосѣдъ, можетъ?.. Вы у него не были? Хотите? Хата тѣснѣе еще моея!.. Э-э, да солнце уже сѣло... Ага, вонъ и сынокъ ужъ мой пригналъ овецъ... Васюкъ, входи, входи сюда, они—ничего. Вишь стыдится. Увидѣлъ господъ—сробѣлъ. Входи!..

Васюкъ вошелъ.

Это былъ типичный малороссійскій пастушокъ: штанишки изъ набойки засучены, ноги голыя, въ рукѣ—«кіекъ».

Мальчуганъ казался здоровымъ и бодрымъ.

Глядя на него, думалось:

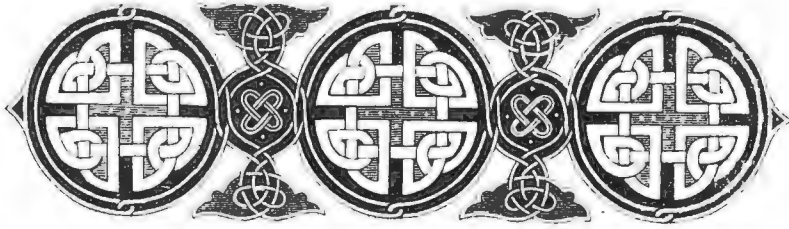
— Тебѣ лучше будетъ. Можетъ, «бумага» какая выищется на твою долю, а то, можетъ быть, крестьянское общество приметъ тебя, переставъ смотрѣть на тебя, какъ на чужака. Тутъ, можетъ, и «всесословная волость» подоспѣетъ, и для тебя это кстати будетъ. И у тебя явится и надѣлъ и выгонъ, и никакихъ ужъ не будетъ слѣдовъ горечи и раздвоенности въ душѣ, никакой психологической путаницы, да и хату твою, кстати, застрахуютъ по такѣ обязательныхъ страхованій.

Черезъ десять минутъ мы уѣхали изъ Кіенскаго хутора.

**Н. А. Хлоповъ.**







## ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПРЕОСВЯЩЕННОМЪ ВАРЛААМЪ, ЕПИСКОПЪ ПЕНЗЕНСКОМЪ.



О СМЕРТИ преосвященнаго Амвросія (Морева), послѣдовавшей 20 октября 1854 года, на пензенскую кафедру, въ концѣ декабря того же года, прибылъ изъ Архангельска преосвященный Варлаамъ. Онъ управлялъ Пензенской епархіей въ теченіе девяти лѣтъ (въ 1863 году перемѣщенъ на тобольскую кафедру) и былъ извѣстенъ за человѣка строгаго и взыскательнаго. Въ мѣстныхъ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» мнѣ пришлось прочитать немало примѣровъ строгаго отношенія владыки къ подвѣдомственному духовенству. Въ свою очередь, и я считаю нелишнимъ для характеристики досточтимаго архипастыря рассказать изъ своихъ воспоминаній случай, который произошелъ въ одну изъ поѣздокъ владыки по обозрѣнію церквей Саранскаго уѣзда. Какъ извѣстно, преосвященный Варлаамъ въ бытность свою на пензенской кафедрѣ не одинъ разъ обозрѣвалъ свою епархію и обозрѣвалъ не кое-какъ для формы, а самымъ тщательнымъ образомъ. Онъ побывалъ во всѣхъ уголкахъ епархіи, гдѣ до него никогда не видѣли архіереевъ. Онъ не любилъ посѣщать дома помѣщиковъ, потому что посѣщенія эти сопровождались часто просьбами касательно причта, чего владыка не могъ выносить. Приѣхавъ въ село, онъ прямо направлялся въ церковь, а по осмотрѣ ея навѣщалъ и домъ мѣстнаго священника. Но на этотъ разъ дѣло было нѣсколько иначе. По осмотрѣ церкви прихода N. преосвященному предстоялъ путь въ сосѣднее село. Не доѣзжая до послѣдняго 2—3 верстъ, съ преосвященнымъ случилось маленькое несчастье—поломка экипажа.

Тогда Варлаамъ рѣшилъ пройтись пѣшкомъ, благо, и время было хорошее: теплое, ясное. Вошедши въ село, преосвященный спросилъ поповагося ему мужичка о мѣстѣ жительства приходскаго священника, и, когда тотъ указалъ, владыка направился прямо въ его домъ. День склонялся къ вечеру. Священникъ въ это время отсутствовалъ, матушка, извиняясь за свой костюмъ, провела посѣтителя въ комнату.

Скоро явился и самъ священникъ, еще на огородѣ извѣщенный о приходѣ «монаха». Архіерея онъ не ждалъ; вотъ уже сколько лѣтъ живетъ онъ въ этомъ приходѣ, и теперь вполне убѣдился, что это такое завидное мѣсто, куда и архіерейскій глазъ, вѣроятно, не заглянетъ никогда. Поэтому и случайнаго посѣтителя онъ могъ принять или за вновь назначеннаго священника къ сосѣдней церкви, или просто за монаха (архіерей былъ въ монашеской рясѣ и простой священнической шляпѣ).

— Здравствуй, отецъ! — привѣтствовалъ хозяинъ гостя, — что такъ поздно, или дѣло есть какое?... И, не дожидаясь отвѣта, священникъ обратился къ своей матушкѣ:

— Ты бы, мать, принесла намъ самоварчикъ, и гость-то бы угостился, да и я бы съ нимъ попилъ.

Въ то время, какъ матушка возилась въ кухнѣ съ самоваромъ, разговоръ перешелъ на современную тему.

— Пахалъ я свой огородъ, — сообщилъ гостю священникъ, — теперь уже покончилъ... усталъ... утомился... Слышалъ я какую новость: вѣдь владыка-то нашъ разѣзжаетъ, будто бы, по нашему уѣзду. Не знаешь ли, отецъ, гдѣ онъ обрѣтается?... Во всю свою службу здѣсь я не видѣлъ архіерея, да и сейчасъ, признаться, не желалъ бы его видѣть... Грѣха-то сколько съ нимъ!... Вѣдь вотъ далъ Богъ дождя, самый, то-есть, сѣвъ, а его несетъ нелегкая...

Появилась матушка съ кипящимъ самоваромъ и поставила его на столъ. Тѣмъ временемъ батюшка тихонько растворилъ шкафъ, гдѣ обнаружился, между прочимъ, довольно почтенныхъ размѣровъ графинъ. Матушка покрыла столъ бѣлой скатертью, а чрезъ минуту на немъ появился и графинъ съ виномъ и закускою. Батюшка снялъ даже кафтанъ и остался въ широкихъ клѣтчатыхъ штанахъ и ситцевой рубашкѣ, поверхъ которой болталась тоненькая косичка. Не медля онъ налилъ рюмку водки и поднесъ ее гостю. Последній замѣтилъ, что не можетъ въ этомъ составить ему компанію. Тогда священникъ выпилъ одинъ; напитокъ очевидно понравился ему, и онъ не дожидаясь налилъ другую рюмку, за ней последовала третья и четвертая, послѣ которой онъ сталъ уже необыкновенно разговорчивъ. Бесѣда, между прочимъ, вернулись опять на ту же тему.

— И куда только его несетъ нелегкая? Грѣха-то сколько съ нимъ! — печаловался священникъ гостю. — Ну, чтобы поранѣе, ну,

наконецъ, позднѣе, а то вѣдь знаетъ и самъ, что пора спѣшная, рабочая... Ты, отецъ, не куришь?

Гость отказался.

— А я грѣшнымъ дѣломъ балую понемногу, да и то подумываю бросить какъ нибудь.

Въ это время экипажъ архіерейскій подвигался къ селу, а за нимъ и «свита» владыки.

Вѣроятно, батюшка не одинъ разъ толковалъ своему сторожу, какъ ѣздить архіерей, и что нужно дѣлать, когда послѣдній покажется на ближайшей отъ села горкѣ. Это предостереженіе было сдѣлано ему по поводу тревожныхъ слуховъ. Въ данную минуту показавшійся поѣздъ, надо полагать, совпалъ съ описываемымъ, почему сторожъ и не замедлилъ зазвонить «во вся».

— Мать!... старуха!... попадья!... Ахъ, чтобы его тутъ совсѣмъ, вѣдь это архіерей!—почти внѣ себя закричалъ священникъ.—Гдѣ ряса-то, ряса-то гдѣ?!... Да не эта... новая...—и, кинувъ на полъ поданное ему матушкой, онъ бросился отыскивать новую рясу.

Наконецъ новая ряса нашлась, и необходимое переоблаченіе совершилось.

— Ты ужъ, отецъ, извини,—обратился онъ къ гостю,—кабы не этотъ случай... Эхъ, несеть его нелегкая... И съ этими словами священникъ вышелъ изъ комнаты.

Но и гостю не сидѣлось: по уходѣ батюшки онъ всталъ, помолился и, поблагодаривъ хозяйку, направился въ церковь. Священникъ въ облаченіи стоялъ уже на церковной паперти, держа на блюдѣ св. крестъ. Каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ своего гостя-монаха?.. Послѣдній медленною поступью поднимался на церковную паперть въ то время, какъ архіерейскіе пѣвчіе пѣли Достойно «входное».

Приложившись ко кресту, владыка послѣдовалъ въ алтарь; здѣсь онъ сталъ не узнаваемъ. Осмотрѣвъ церковные документы, антиминсъ, св. дары и весь храмъ, преосвященный обратился къ священнику съ такимъ вопросомъ:

— Скажи-ка мнѣ, отецъ, ты окончилъ курсъ или нѣтъ?

— Окончилъ, ваше преосвященство.

— А въ какомъ году?

— Въ 18\*\*, ваше преосвященство.

— А вотъ сейчасъ дѣло покажетъ.

И владыка приступилъ къ экзамену.

Когда же послѣдній окончился, преосвященный сказалъ:

— А ждалъ ли ты меня?

Священникъ сознался, что онъ не ждалъ архіерея.

Владыка съ минуту посмотрѣлъ на священника, какъ бы желая проникнуть въ его голову. Послѣдній стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— Ну, это ничего,—сказалъ преосвященный:—я тобою доволенъ, у тебя вездѣ порядокъ и чистота. Мнѣ хотѣлось бы побольше

поговорить съ тобой, да время не дозволяетъ. А ты лучше вотъ что сдѣлай: чрезъ недѣлю, когда я вернусь въ Пензу, прїѣзжай и ты, и приходи ко мнѣ.

Благословивъ священника, владыка вышелъ изъ церкви и направился далѣе по епархіи...

Проѣзжая селомъ, преосвященный разспрашивалъ провожавшую его толпу прихожанъ о священникѣ, на что тѣ, какъ бы стоворившись, отвѣчали, что батюшка у нихъ хорошій, что лучшаго у нихъ и не было...

Вернувшись домой, священникъ не замедлилъ, разумѣется, передать о всемъ случившемся своей матушкѣ, и оба долгое время не могли успокоиться.

— Нѣтъ, ты представь только,—уже въ сотый разъ повторялъ священникъ:—какъ я къ нему поѣду!... Что я буду говорить съ нимъ?... какъ оправдываться?...

Среди такихъ волненій незамѣтно прошла недѣля. Наступалъ роковой день личнаго свиданія съ владыкой въ его покояхъ. Что пережилъ за это время священникъ, не трудно предположить, если припомнимъ характеръ преосвященнаго, его строгія и крутыя мѣры.

Но вотъ уже священникъ и въ Пензѣ. Явившись въ архіерейскій домъ, онъ попросилъ служку доложить о немъ владыкѣ.

— Подождите здѣсь... я сію минуту.

Прошло не болѣе трехъ минутъ, показавшихся ему долгимъ часомъ. Наконецъ, двери открылись, и въ нихъ предсталъ владыка.

— А, явился,—привѣтствовалъ онъ гостя и увелъ его въ дальніи комнаты. Здѣсь онъ пригласилъ священника сѣсть, а самъ сдѣлалъ распоряженіе... насчетъ самовара. Потчуя священника, владыка, между прочимъ, сказалъ:

— Трубки и табаку, отецъ, у меня не полагается; я не курю, да и тебѣ не совѣтую,—бросить, оставить надобно эту вредную для здоровья привычку. Водки рюмку еще ничего, это я допускаю, особенно послѣ трудовъ, къ тому же ты самъ занимаешься хлѣбопашествомъ; но пей умѣренно, пьянъ не напивайся; священнику болѣе, чѣмъ кому либо, слѣдуетъ быть трезвеннымъ, «не піяницѣ, не бійцѣ, не сварливому»... Я очень обрадованъ былъ, когда услышалъ, что и прихожане о тебѣ хорошаго мнѣнія. Признаться, для меня нѣтъ ничего лучше, какъ мнѣніе народа о подвѣдомственномъ мнѣ духовенствѣ. Вѣдь почему, думаешь, называютъ священника отцомъ? Потому что онъ близко стоитъ къ народу, видитъ его горе и радость, и самъ вмѣстѣ съ нимъ скорбитъ и радуется; священникъ—это такое лицо, къ которому народъ долженъ питать довѣріе въ десять разъ большее, чѣмъ къ учителю, начальнику, врачу и т. д. А между тѣмъ, говорилъ владыка,—что представляетъ собою нашъ сельскій священникъ? Онъ и кулакъ, часто держащій въ сѣтяхъ всю округу; онъ и торгашъ, вымогающій подчасъ по-

слѣднія крохи изъ мужика за исполненіе требъ; онъ и кабаки содержитъ, онъ подъ проценты деньги даетъ... И вотъ, когда попадется между ними свѣжій, неиспорченный священникъ, я радуюсь, я душевно радуюсь и за себя и за него...

Много и долго говорилъ владыка все на ту же тему. Священникъ все время слушалъ, не смѣя возразить, изрѣдка лишь поддакивалъ, а подъ конецъ и совсѣмъ замолчалъ. Пресвященный сдѣлалъ длинную паузу, очевидно утомленный своей рѣчью. Затѣмъ онъ неожиданно всталъ и, отпуская отъ себя священника, сказалъ:

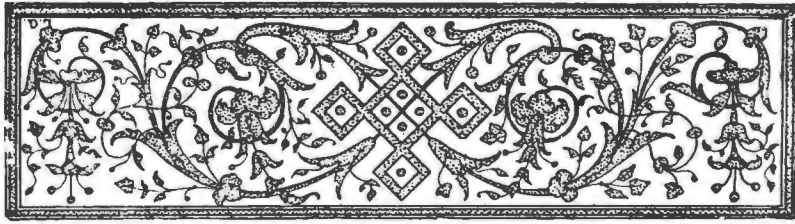
— Вотъ говорятъ про меня, что я владыка строгій. Къ неаккуратнымъ и неисправнымъ я строгій—это правда, но если священникъ заслуживаетъ мое довѣріе, если онъ является собою истиннаго пастыря для своихъ прихожанъ, я всегда готовъ окружить его своимъ вниманіемъ и провести съ нимъ два—три часа за радушной бесѣдой... А теперь съ Богомъ, отправляйся домой и служи во славу Божію.

Провожая священника, владыка не могъ не замѣтить, какое сильное впечатлѣніе произвелъ онъ на него.

И дѣйствительно, въ теченіе всего пути, отъ губернскаго города до своего села, послѣдній не переставалъ думать о томъ, что бы все это могло означать. Ужъ не сонъ ли это? не грезы ли ночныя? Развѣ наяву можетъ быть такое счастье деревенскому попу отъ такого строгаго и суроваго владыки?!.. Но счастье было еще впереди. Черезъ три недѣли, по приѣздѣ изъ губернскаго города, онъ получилъ набедренникъ (ранѣе не имѣлъ никакихъ наградъ), а, спустя четыре мѣсяца, былъ переведенъ въ одинъ изъ лучшихъ приходовъ епархіи.

И. М. Добронравовъ.





## КАКЪ ГИБНУТЬ ОСТАТКИ РУССКОЙ СТАРИНЫ.

### I.



**П**РИЛАГАЕМЫЙ къ этой статьѣ рисунокъ найденъ въ бумагахъ моего дѣда, Петра Алексѣевича Оленина, сына извѣстнаго президента академіи художествъ, А. Н. Оленина.

Мой дѣдъ самъ былъ художникъ-диллетантъ и дружилъ съ различными тогдашними корифеями живописи. Карлъ Павловичъ Брюлловъ былъ своимъ человѣкомъ въ его домѣ, или, вѣрнѣе, вообще въ домѣ Олениныхъ. Также и многіе современные моему дѣду литераторы, въ особенности Крыловъ, Гнѣдичъ и Пушкинъ. Этотъ шуточный рисунокъ, какъ говорятъ семейныя преданія, принадлежитъ карандашу моего дѣда и Брюллова. Онъ не оконченъ: тушью отдѣлана только часть его. Сюжетомъ его послужило ухаживаніе нѣкоторыхъ нашихъ писателей за тогдашней извѣстной танцовщицей, Истоминой, которою бредилъ тогда Петербургъ. На рисунокѣ можно узнать Пушкина, Гнѣдича, Крылова, Булгарина.

Мнѣ кажется, что онъ представляетъ интересъ особенно теперь, когда мы принялись за сбереженіе того, что осталось отъ нашей старины. Помѣщаемыя ниже замѣтки составляютъ правдивую повѣсть о томъ, какъ мы берегли до сихъ поръ драгоценныя остатки этой старины.

Часто, проѣзжая мимо полуразвалившихся старинныхъ барскихъ усадебъ, разбросанныхъ по Русской землѣ, я невольно за-

думывался: мнѣ становилось грустно при видѣ этихъ «развалинъ минувшаго». Жуткое чувство онѣ вызываютъ. Я отнюдь не нахожу, чтобы жизнь нашего барства въ эпоху крѣпостничества, беззаконія и всяческаго надругательства надъ личностью была красива, но нельзя отнять того, что въ ней была извѣстная широта—широта ухарства, безшабашности, распущенности, но зато чисто русская, самобытная.

Невольно, видя жалкія, но вмѣстѣ съ тѣмъ грандіозныя развалины русскихъ палаццо, переносишься въ далекое прошлое. Здѣсь, на этомъ лугу, гдѣ бродитъ сытая скотина теперешнихъ «ландлордовъ», нѣкогда возвышался вѣковой липовый паркъ, мирно шумѣвшій своей темной листвою... отъ него не остались даже тѣ лыки, на которыя онѣ былъ ради «коммерческаго расчета» ободранъ. Съ этой груды плитъ, составлявшихъ нѣкогда крыльцо или балкѣнъ, гремѣлъ охотничій рогъ, будя широкую окрестность и сзывая сотню псовъ, жившихъ въ лучшей обеспеченности, чѣмъ люди. На этомъ, затянутаго зеленою тиной, пруду «въ оны дни» возвышался на устроенномъ искусственно островкѣ храмъ уединеннаго размышленія... Въ этихъ развалинахъ когда-то гремѣли пиры, крѣпостные артисты и артистки услаждали своихъ господъ разнообразными талантами, шла самобытная, безпечальная жизнь, съ мамками, няньками, «дураками», приживальщиками, съ массою ненужныхъ людей, съ опекунскимъ совѣтомъ, съ заботами о поддержаніи отпрысковъ рода въ полкахъ, съ объяденіемъ, пустословіемъ, деспотизмомъ—словомъ, со всѣми онерами тогдашняго барскаго существованія, безпечальнаго и сытаго на чужой счетъ, и все это прошло и «быльемъ поросло»! И слава Богу, что прошло.

Пусть то, что смѣнило нашъ строй жизни, мельче, меркантильнѣе и обыденнѣе! пусть русская деревня теперь бросается въ глаза своей оброшенностью и убожествомъ!—зато теперь солнце одинаково свѣтитъ для всѣхъ, для всѣхъ шумитъ лѣсъ и поетъ соловей: каждому дано право стремиться жить, какъ лучше. Пусть это право только теоретическое, однако все же оно существуетъ, и, хотя дѣйствительность часто старается свести его въ нулю, тѣмъ не менѣе впереди предвидятся и предчувствуются лучшія времена...

## II.

И, однако, мнѣ жаль эти старыя, заброшенныя развалины: такое же чувство объемлетъ душу при видѣ кладбища—тамъ мирно спятъ добрые и злые, честные и безчестные, но посѣтителю нѣтъ до этого дѣла. Его тяготитъ сознаніе, что все «суета суеть и всяческая суета», и что удѣлъ человѣческій—разрушеніе и забвеніе.

Эти жалкія руины являются памятниками старины; онѣ доживаютъ свои дни, и недалеко время, когда отъ нихъ останутся

простыя груды камней. Охранять ихъ отъ конечнаго и полнаго разрушенія некому, да, по совѣсти говоря, и не зачѣмъ: художественнаго и историческаго значенія онѣ по большей части не имѣютъ. Наши дѣды за этимъ не гнались... Я думаю, что теперь онѣ гораздо живописнѣе, чѣмъ въ тѣ времена, когда гордо стояли въ видѣ солидныхъ, крѣпко построенныхъ зданій шаблоннаго, антихудожественнаго типа.

Другое дѣло тѣ остатки старины, которые въ нихъ такъ еще недавно находились, а мѣстами и теперь находятся.

Нечего говорить о томъ захватывающемъ интересѣ, который представляютъ для насъ отошедшія въ вѣчность эпохи, и вотъ съ грустью приходится свидѣтельствовать, что мы не захотѣли или не сумѣли сохранить и спасти отъ гибели много сокровищъ, разбросанныхъ по Русской землѣ, много драгоценныхъ остатковъ прошлаго времени. Не надо забывать, что тѣ далекія эпохи дали родинѣ едва ли не самыхъ талантливыхъ ся людей. Наше время не можетъ похвастаться ни однимъ Пушкинымъ, ни однимъ Гоголемъ, Лермонтовымъ... Величайшіе наши гении, даже современные—за рѣдкими исключеніями — родились и выросли въ дореформенный періодъ нашей исторіи. Это обстоятельство дѣлаетъ еще болѣе драгоценными тѣ остатки прошлаго, которые могли имѣть отношеніе къ великимъ людямъ земли Русской. Существовали цѣлыя семьи, въ преданіяхъ которыхъ звучатъ родныя, громкія имена,—эти семьи исчезли вмѣстѣ со старымъ строемъ русской жизни, и вмѣстѣ съ ними погибли и многіе, не имѣющіе цѣны, матеріалы, свято хранившіеся дѣдами и отцами и равнодушно заброшенные дѣтми.

### III.

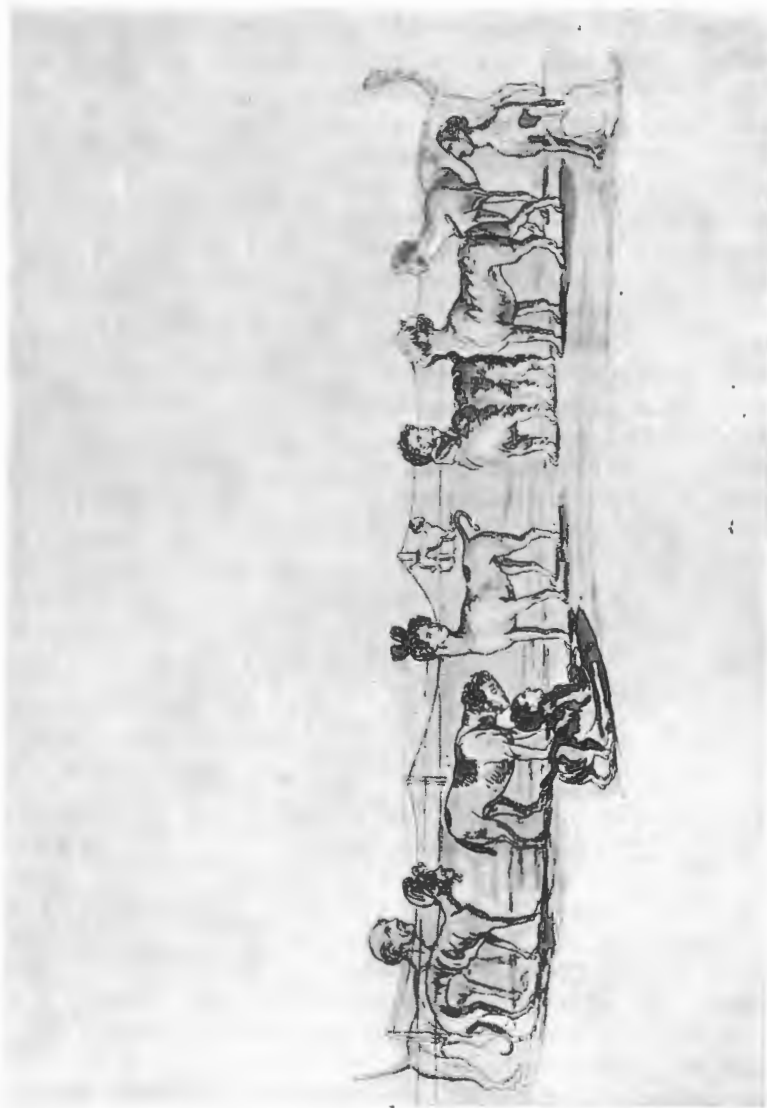
Ребенкомъ меня возили въ старыи барскій домъ, гдѣ доживали свой вѣкъ двѣ старухи, бывшія свидѣтельницами нашего дореформеннаго періода. Эти двѣ сестры принадлежали по происхожденію къ семьѣ, родоначальникъ которой былъ въ тѣсной дружбѣ съ замѣчательной исторической личностью, съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ.

Сестры много лѣтъ были во враждѣ и, хотя жили въ одномъ домѣ (въ разныхъ этажахъ), но не видались между собой десятки лѣтъ. Образъ жизни и обстановка дома у каждой были своеобразные, но на нихъ одинаково лежала печать старины.

Какъ теперь, помню уютную, тихую обстановку одной сестры, дѣвicy, съ золоченой арфой, съ птичками въ клеткахъ, съ собачками, съ расшитыми подушками на «канapé» и массой бездѣлушекъ на этажеркахъ. Помню великана Лаврентія, выѣздного лакея семьи, доживавшаго до глубокой древности свой «рабскій» вѣкъ при своей «барышнѣ», оканчивавшей свой «седьмой десятокъ».



Тишина, «бонтоность», скука, шушуканіе наперницъ и приживалокъ—это было «наверху». Внизу жила сестра-вдова, полная жизни, несмотря на старость, вѣчно оживленная, вѣчно судящаяся



съ сосѣдями. Безпорядокъ въ комнатахъ... Дорогой рояль рядомъ съ санями, втащенными на лѣто въ залъ вмѣсто сарая; старинныя картины въ облупленныхъ рамахъ и рваная матерія на креслахъ... Драгоценныя рукописи и книги, сваленныя въ одинъ ящикъ съ

книгами законовъ, съ разной современной макулатурой и рѣшеніями судовъ по безконечнымъ тяжбамъ хозяйки... Собаченки, куры въ гнѣздахъ подъ роялемъ и,—трудно повѣрить!—любимая старая лошадь въ сѣняхъ, рядомъ съ жилыми комнатами... Тѣмъ не менѣе и внизу, и вверху прежде всего была патріархальность... Помню: я самъ видалъ у обѣихъ сестеръ документы и вещи, которыхъ значенія я тогда еще не могъ понять. Такъ, между прочимъ, я видѣлъ собственноручныя письма покойнаго цесаревича. Гдѣ все это? Куда это дѣлось? А вотъ гдѣ.

Сестры дожили свой вѣкъ: мелкое имущество первой дѣвицы растащили приживалки и, конечно, не придали никакой цѣны тому, что въ глазахъ интеллигентныхъ людей имѣло бы особую цѣнность. Послѣ второй осталась дочь — старая дѣва, странное, болѣзненное существо, которая воспользовалась своей свободой, чтобы поскорѣе выйти замужъ. Она не могла даже сдѣлать удачный выборъ, и печальна была ея семейная жизнь. Началась въ старомъ домѣ настоящая оргія — не прежняя, барская, широкая, а самая обыкновенная, трактирная. Домъ стоялъ коромысломъ! Новый хозяинъ, человѣкъ совсѣмъ не культурный, раздавалъ на «цыгарки» старыя бумаги, употреблялъ ихъ вмѣсто пыжей, а послѣ его смерти, приключившейся отъ традиціонной русской болѣзни — бѣлой горячки, и само имѣніе со всѣмъ, что въ немъ осталось, было куплено какимъ-то татаринимъ... И теперь самый кропотливый археологъ врядъ ли что нибудь найдетъ бы отъ стараго архива!... Я привелъ эту исторію, потому что она до извѣстной степени стала шаблонной... Такъ или почти такъ гибнуть сокровища старины, цѣны которыхъ не знаютъ часто даже ихъ владѣльцы.

#### IV.

Теперь почти въ каждой губерніи завелись архивныя комиссіи, занимающіяся отыскиваніемъ русской старины. Дѣятельность ихъ во многихъ случаяхъ плодотворна, но часто она является уже запоздалой: спасать иногда уже нечего... Эти комиссіи обращаютъ вниманіе и на гибель нашей церковной старины, неизбежную при реставраціи храмовъ. Къ сожалѣнію, и тутъ имъ приходится считаться съ различными затрудненіями, часто канцелярскаго свойства, и очень рѣдко, когда эта реставрація происходитъ съ ихъ вѣдома и подъ ихъ наблюденіемъ.

Архивныя комиссіи предпринимаютъ раскопки кургановъ, могильниковъ и обогащаютъ свои музеи и коллекціи многочисленными остатками каменнаго вѣка, костями мамонтовъ, кремневыми стрѣлами. Между тѣмъ, болѣе близкая къ намъ старина, болѣе интересная, ускользаетъ отъ ихъ вниманія. Конечно, сбереженіе этой старины представляетъ болѣе трудностей, чѣмъ раскопки кургановъ,

гдѣ сама земля хранить драгоценные остатки, но, тѣмъ не менѣе, нельзя достаточно пожелать архивнымъ комиссіямъ усилить ихъ дѣятельность, именно въ этомъ направленіи. Еще многое можно спасти. Въ нашихъ захолустьяхъ находятся люди, интересующіеся той или другой отраслю старины. Одни собираютъ памятники письменные, другіе — художественные, третьи — монеты, нѣкоторые «просто собираютъ», не специализируясь. Къ сожалѣнію, большинство этихъ любителей не имѣютъ возможности сдѣлать свои коллекціи общимъ достояніемъ: снимки и изданія не по средствамъ, а разстаться съ плодами многолѣтнихъ трудовъ для музеевъ, гдѣ очень часто собранныя вещи затериваются въ мзсѣ другихъ, многіе не желаютъ и предпочитаютъ хранить свои коллекціи у себя «подъ спудомъ».

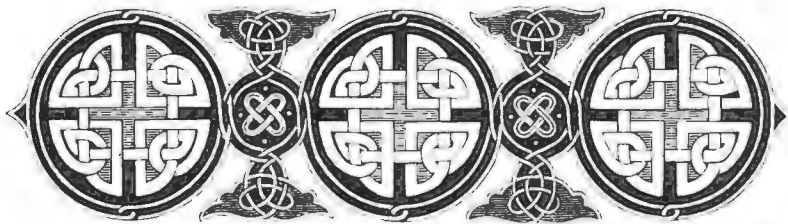
За примѣромъ ходить далеко мнѣ нечего: мой братъ за много лѣтъ собралъ цѣлую коллекцію остатковъ художественной старины: складни, пананіи, кресты, разныя украшенія, вышивки, старыя гравюры — вотъ изъ чего состоитъ его коллекція, хранящаяся у него въ ящикахъ. Однажды зашла рѣчь объ устройствѣ маленькаго музея въ нашемъ городѣ при среднемъ учебномъ заведеніи, но дальше предположеній это дѣло не пошло.

## V.

На Руси есть еще много семей, хранящихъ въ своихъ «архивахъ» массы драгоценныхъ для историка, писателя, археолога документовъ. Не пользуясь ими сами, члены этихъ семей не желаютъ или еще не собрались подѣлиться своими сокровищами съ публикой, издать ихъ, помѣстить въ журналахъ и т. д. Иногда это объясняется интимностью документовъ, близостью къ намъ того времени, къ которому они относятся. Но иногда просто никому въ голову не приходитъ оградить эти остатки старины, столь важные для характеристики различныхъ эпохъ русской жизни, отъ всегда возможной гибели путемъ изданія ихъ.

За примѣромъ опять таки далеко не пойду: домъ моего прадѣда былъ «своимъ» домомъ многихъ нашихъ писателей, художниковъ, музыкантовъ и другихъ выдающихся людей. Пушкинъ былъ влюбленъ въ его дочь, Крыловъ училъ грамотѣ его внучать... Несомнѣнно, что отъ этого времени въ семьѣ должны были остаться драгоценные матеріалы... Но гдѣ они? У меня и моего отца, старшихъ въ родѣ, почти ничего нѣтъ, и семейный архивъ хранится въ женской линіи. Я буду счастливъ, когда онъ сдѣлается общимъ достояніемъ, когда онъ послужитъ родной литературѣ вмѣсто того, чтобы мирно покоиться «подъ спудомъ».

**Петръ Оленинъ.**



## РУССКІЙ МОНАСТЫРЬ ВЪ БОЛГАРИИ.



ВЪ СЕНТЯБРЬСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1900 годъ подъ заглавіемъ «Въ военноположномъ госпиталѣ» были помѣщены отрывки изъ писемъ нѣкоего іеромонаха П., заключающіе его впечатлѣнія, вынесенныя имъ за время службы въ качествѣ священника одного изъ военноположныхъ госпиталей во время турецкой войны 1877—1878 годовъ. Последнее письмо помѣчено: «г. Ямболъ, 1-го августа 1878 года», и сообщаетъ о постройкѣ при содѣйствіи автора въ этомъ городѣ церкви во имя св. Николая Чудотворца и о предстоящемъ ея освященіи.

Сообщившему «Историческому Вѣстнику» эти письма г. Н. Н. О., должно быть, не была извѣстна дальнѣйшая судьба упомянутого іеромонаха П., а также и то, что, по странному стеченію обстоятельствъ, послѣдній скончался за нѣсколько дней до появленія въ печати его писемъ, и при томъ въ томъ самомъ городѣ Ямболѣ, откуда было послано послѣднее его письмо.

Помимо упомянутой отцемъ П. церкви во имя св. Николая, которая, кстати сказать, въ томъ видѣ болѣе не существуетъ, на мѣстѣ ея построена новая церковь, но не вполне оконченная,—этотъ дѣятель въ Болгаріи построилъ на горѣ Вознесенія, на разстояніи около 12-ти верстъ къ югу отъ Ямбола еще другую церковь во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Эта послѣдняя церковь осталась русскою и очень недавно возобновлена и отремонтирована и продолжаетъ служить памятникомъ доблестныхъ подвиговъ нашихъ войскъ во время турецкой войны.

Въ виду недавно состоявшагося празднованія двадцатипятилѣтія со времени турецкой войны и освобожденія Болгаріи, я полагаю, что читателямъ «Историческаго Вѣстника» будетъ небезынтересно прочесть исторію этого памятника и узнать о дальнѣйшей судьбѣ автора вышеупомянутыхъ писемъ, имя котораго, въ виду кончины его, нѣтъ болѣе надобности скрывать. То былъ іеромонахъ Пароеній Гетманъ, бывшій провизоръ, а затѣмъ іеромонахъ кіевскаго Свято-Троицкаго монастыря, сдѣлавшій въ качествѣ священника при военномъ госпиталѣ весь походъ съ нашими войсками и посвятившій послѣдніе дни свои на служеніе идеѣ церковнаго сближенія между освободителями и освобожденными ими изъ-подъ турецкаго ига болгарамъ.

Послѣ окончанія военныхъ дѣйствій, во время оккупации Болгаріи, въ Сливенскомъ округѣ была расположена 30-я пѣхотная дивизія подъ начальствомъ генерала Шнитникова. Когда было получено извѣстіе о совершенномъ на жизнь императора Александра II 2-го апрѣля 1879 года покушеніи, то чины 30-ой дивизіи съ разрѣшенія императорскаго комиссара князя Дондукова-Корсакова рѣшили собрать нѣкоторую сумму денегъ для сооруженія, въ воспоминаніе спасенія императора отъ угрожавшей ему опасности, храма, который могъ бы служить и удовлетворенію христіанскихъ нуждъ окрестныхъ болгарскихъ деревень, церковь которыхъ во время войны была разрушена турками.

Для этой цѣли было избрано мѣсто на вершинѣ горы Бакаджикъ, на склонѣ Малаго Балкана, носящей въ народѣ названіе горы св. Спаса (такъ у болгаръ называется праздникъ Вознесенія). По незабытому среди мѣстнаго населенія преданію, на этой горѣ (высотой около 500 метровъ надъ уровнемъ моря) въ отдаленное время, еще до турецкаго владычества, стоялъ христіанскій храмъ. Мѣстомъ для постройки церкви была избрана поросшая лѣсомъ лощина, немного ниже самой вершины, — мѣстность, въ высшей степени живописная, орошаемая источникомъ; отсюда открывается видъ на всю долину рѣки Тунджи, опоясанную съ двухъ сторонъ горными хребтами. И сюда-то былъ командированъ іеромонахъ Пароеній Гетманъ, который въ маѣ 1879 года началъ здѣсь постройку храма. Большая часть собранныхъ денегъ ушла на заготовленіе матеріаловъ. Тѣмъ временемъ оккупация окончилась, и наши войска возвратились черезъ Бургасъ въ Россію. Отецъ же Пароеній, не торопясь, продолжалъ свое дѣло, — прибѣгалъ къ благотворительности мѣстнаго населенія, да и своихъ средствъ затратилъ немало. Но всего этого не хватило для окончанія скромной постройки, которая могла быть доведена до конца лишь послѣ полученія высочайшаго пособія въ количествѣ 1.200 рублей золотомъ, пожалованныхъ о. Пароенію на окончаніе храма, вслѣдствіе ходатайства бы-

вшаго вице-консула Н. Г. Гартвига <sup>1)</sup>). Такимъ образомъ постройка, состоявшая изъ небольшой церкви и примыкающаго къ ней дома, была окончена лишь въ 1882 году. Храмъ во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невского былъ освященъ нынѣ умершимъ митрополитомъ сливенскимъ Серафимомъ. Приходъ его составляли три расположенныя у подножія горы села: Чирганъ, Тарнава и Медериса, къ которымъ впоследствии было присоединено еще четвертое—Мансарли. Отецъ Парѳеній, такимъ образомъ, изъ бывшаго провизора, а затѣмъ священника при военномъ госпиталѣ, сталъ приходскимъ болгарскимъ священникомъ. Содержанія ему никакого ниоткуда не полагалось, средствъ для поддержанія храма тоже не было, и о. Парѳеній принужденъ былъ кормиться единственно добровольными скромными приношеніями крестьянъ. Лишь разъ въ году въ день св. Спаса (Вознесенія) устраивался по стародавнему обычаю праздникъ на вершинѣ горы, и къ этому дню крестьяне жертвовали на храмъ, кто что и сколько могъ, большею частью натурою. Приношенія эти тутъ же на мѣстѣ продавались съ аукціона и составляли главный доходъ храма за весь годъ.

Такъ дѣло шло до 1886 года, когда послѣ совершеннаго болгарскими государственнаго переворота, отношенія съ Россією прекратились, и русскіе консулы были отозваны. Наступилъ тяжелый стамбуловскій режимъ. Іеромонахъ Парѳеній не могъ рѣшиться покинуть созданный имъ монастырь, какъ слылъ въ народѣ русскій храмъ, — и остался, терпя униженія и обиды, а часто даже и голодъ, такъ какъ теперь, когда все русское было въ загонѣ, и усердіе паствы къ русской церкви уменьшилось, и на русскаго «батьюшку» стали смотрѣть недружелюбно. Однако, о. Парѳеній выдержалъ до 1891 года, и только тогда, потерявъ всякое терпѣніе и надежду на переменъ къ лучшему, возвратился въ Россію, въ Кіевскій монастырь. Чтобы добыть средства на дорогу, ему пришлось заложить въ Сливенской митрополіи нѣкоторые цѣнные церковные сосуды, между ними подаренную государынею императрицею Маріей Александровною золотую чашу и дорогое Евангеліе съ собственноручными подписями многихъ жертвователей, въ томъ числѣ и генерала М. Д. Скобелева.

Лишь въ концѣ 1895 года, послѣ смерти Стамбулова, прослышавъ про скорое примиреніе Болгаріи съ своею освободительницею, іеромонахъ Парѳеній, не могшій послѣ вольной, хотя подчасъ и трудной жизни въ горахъ, привыкнуть къ монашеской жизни въ Россіи, вновь возвратился въ Ямболь и съ трудомъ добился, чтобы ему разрѣшили опять поселиться въ построенномъ имъ монастырѣ, въ которомъ хозяйничали безъ него болгарскіе

---

<sup>1)</sup> Нынѣ гофмейстеръ, директоръ перваго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ.



Александрo-Невская церковь въ Ямболѣ въ 1896 году.

монахи. Храмъ и жилой домъ находились въ очень печальномъ видѣ, но, несмотря на то, о. Пареніи тамъ поселился, выжидая лучшихъ обстоятельствъ и влача довольно скудное существованіе. Къ этому времени онъ былъ уже старъ,—ему было за 70 лѣтъ, къ тому же, онъ сталъ хворать и, наконецъ, съ горя и лишенія при-страстился къ болгарской ракии (водкѣ). Поэтому церковную службу онъ справлять могъ очень рѣдко. Но заслуга его безспорно заключается въ томъ, что своимъ возвращеніемъ онъ сохранилъ отъ окончательной гибели этотъ русскій памятникъ въ Болгаріи, который безъ него совершенно бы разрушился, и о которомъ безъ него едва ли кто узналъ.

Въ началѣ 1896 года возобновились дипломатическія сношенія Россіи съ Болгаріей, и въ числѣ другихъ, въ приморскомъ городѣ Бургасѣ, было вновь открыто русское вице-консульство, округъ коего распространяется на Ямболь и Сливенъ.

Познакомившись съ состояніемъ вышеописаннаго храма и съ исторіей его возникновенія и находя, что возобновленіе храма можетъ сослужить немалую службу въ дѣлѣ сближенія болгарскаго народа съ Россіей,—вице-консульство стало ходатайствовать черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ объ ассигнованіи необходимыхъ суммъ на ремонтъ церкви и постройку другихъ зданій, а также о назначеніи къ ней причта съ отпускомъ ему соотвѣтствующаго содержанія.

Послѣ длинной переписки состоялось 19-го декабря 1898 года высочайшее повелѣніе, въ «видахъ поддержанія единенія между Россіей и Болгаріей на почвѣ религіозныхъ интересовъ», объ отпускѣ изъ средствъ министерства иностранныхъ дѣлъ 1.800 рублей ежегодно на содержаніе причта храма во имя св. Александра Невскаго близъ города Ямболя. вмѣстѣ съ тѣмъ святѣйшій синодъ назначилъ настоятелемъ этого храма іеромонаха Варсонофія и послушника Конокотина, которые прибыли къ мѣсту своего служенія лишь въ маѣ 1899 года. Іеромонахъ этотъ, привыкшій къ удобной жизни въ с.-петербургской Александро-Невской лаврѣ, сразу разочаровался и не могъ рѣшиться оставаться жить въ глуши, при столь неустроенномъ храмѣ, и самъ понявъ, что не подходитъ къ роли сельскаго священника среди болгарскихъ крестьянъ, возвратился въ Россію, пробывъ на мѣстѣ всего нѣсколько дней. Такимъ образомъ о. Пареніи опять остался при своемъ храмѣ, но, по крайней мѣрѣ, послѣдніе мѣсяцы своей жизни могъ жить не нуждаясь, такъ какъ назначенное настоятелю жалованье стало выдаваться ему. Вице-консульству вновь пришлось начать свои ходатайства, какъ о назначеніи новаго настоятеля, такъ и объ отпускѣ необходимыхъ на ремонтъ построекъ суммъ. Результатомъ этихъ ходатайствъ было, во-первыхъ, перечисленіе Александро-Невскаго храма изъ вѣдѣнія с.-петербургскаго митрополита, затруднившагося





Общий видъ русскаго монастыря въ Ямболѣ въ 1900 году.

найти среди подвѣдомственныхъ ему монаховъ подходящее лицо, въ вѣдѣніе архіепископа херсонскаго и одесскаго, а, во-вторыхъ, ассигнованіе на ремонтъ храма 5.000 рублей въ два приѣма. Первые 3.000 рублей были отпущены въ 1901 году святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ изъ свободныхъ остатковъ отъ пожертвованій, собранныхъ въ пользу грековъ Фессалии и Эпира, пострадавшихъ въ послѣднюю греко-турецкую войну, а вторые 2.000 рублей были даны военнымъ министерствомъ лишь въ 1902 году.

Вслѣдъ за перечисленіемъ Александро-Невскаго храма въ вѣдѣніе одесскаго архіепископа, — высокопреосвященнымъ Іустиномъ былъ назначенъ настоятелемъ храма іеромонахъ Ювеналій, прибывшій къ мѣсту своего служенія въ іюлѣ 1900 года, незадолго до кончины строителя храма, іеромонаха Пароенія. Выборъ настоятеля оказался очень удачнымъ. Отецъ Ювеналій уже не въ первый разъ отправлялся на службу за границу. Онъ прожилъ нѣкоторое время на Афонѣ и около двухъ лѣтъ служилъ въ Іерусалимѣ дьякономъ при нашей духовной миссіи.

Прибывъ къ мѣсту новаго служенія, іеромонахъ Ювеналій взялъ на себя руководство исполненіемъ работъ по ремонту и новымъ постройкамъ, къ которымъ могло быть приступлено лишь весною 1901 года. Планы для этихъ работъ и необходимыя практическія указанія были любезно и безвозмездно даны завѣдывавшимъ постройкою шипкинскаго храма архитекторомъ А. Н. Смирновымъ. Со слѣдующаго 1902 года дѣятельнымъ помощникомъ о. Ювеналія явился вновь назначенный псаломщикъ В. Подымскій, смѣнившій возвратившагося въ Россію Конокотина.

На отпущенныя деньги храмъ былъ вполне отремонтированъ, и приведены въ порядокъ жилища помѣщенія причта, выстроены новый двухъэтажный домъ для посѣтителей и взамѣнъ стоявшаго тамъ раньше полуразрушеннаго деревяннаго сарая построены новый параклисъ-часовня на вершинѣ горы св. Спаса, особо чтимой окрестнымъ населеніемъ, гдѣ ежегодно въ день Вознесенія собирается народъ для празднованія этого дня. Кромѣ того, произведено много земляныхъ работъ, расширена площадка вокругъ храма, устроена цистерна и стоки воды, прежде подмывавшей постройки. Не удалось только возвести колокольню, на которую не хватило денегъ, но можно надѣяться, что въ будущемъ на доходы храма или пожертвованія можно будетъ сдѣлать и это, чтобы придать всей постройкѣ болѣе красивый видъ. Пока же колокола повѣшены подъ временнымъ деревяннымъ наѣсомъ.

Такимъ образомъ этотъ русскій монастырь въ Болгаріи былъ приведенъ въ вполне приличный видъ, и приняты всѣ мѣры для сохраненія этого памятника имени Царя-Освободителя на будущее время.



Александрo-Невская церковь въ Ямболѣ въ 1900 году.

30-го августа 1902 года, въ день тезоименитства Царя-Освободителя и престольнаго праздника храма, состоялось освященіе новыхъ построекъ, которое совершилъ нарочно прибывшій для этого сливенскій митрополитъ Гервасій. На освященіи присутствовало болѣе 500 человѣкъ болгаръ, болъшею частію жители окрестныхъ селъ, но были и ямбольскіе жители. Послѣ литургіи была отслу-

жена панихида по въ Бозѣ почившемъ императорѣ Александрѣ II, а послѣ освященія на горѣ Вознесенія новой часовни—молебствіе о здравіи нынѣ благополучно царствующаго императора. Послѣ церковной службы присутствовавшимъ было предложено угощеніе, за которымъ нослѣдовало неизбежное и столь излюбленное у болгаръ «хоро», круговая пляска.

Помимо своего историческаго значенія, этотъ возобновленный храмъ долженъ имѣть немалое значеніе для единенія болгаръ съ русскою церковью и на ряду съ недавно освященнымъ шипкинскимъ храмомъ будетъ служить проводникомъ духовнаго просвѣщенія и уваженія къ церкви въ духѣ православія. Дѣятельность же настоятеля, помимо исполненія обязанностей приходскаго священника, получить въ нѣкоторомъ смыслѣ и миссіонерскій характеръ среди населенія, не привыкшаго относиться съ благоговѣніемъ къ церковной службѣ и мало уважающаго своихъ необразованныхъ и корыстолюбивыхъ поповъ.

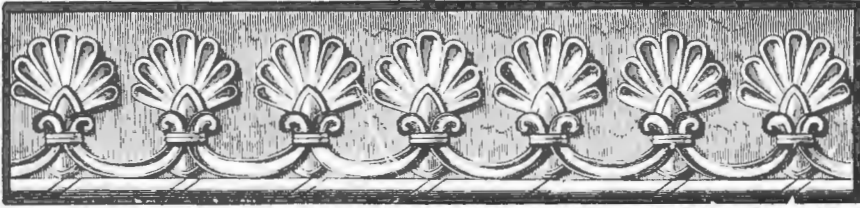
Въ заключеніе остается сказать еще нѣсколько словъ о покойномъ о. Парѣнии, опубликованіе писемъ котораго въ «Историческомъ Вѣстникѣ» дало поводъ къ настоящему очерку.

Одновременно съ назначеніемъ на мѣсто настоятеля храма іеромонаха Ювеналія, о. Парѣній получилъ предписаніе святѣйшаго синода возвратиться въ Россію на покой въ одинъ изъ кіевскихъ монастырей. Но онъ этого исполнить не могъ, будучи уже боленъ, да и не желая покинуть дорогой ему монастырь, для созданія коего онъ сгольшко потрудился. Можетъ быть, мысль, что онъ отставленъ и долженъ бросить свое насиженное мѣстечко, еще ускорила его кончину, и 15-го августа 1900 года онъ тихо скончался и былъ погребенъ около построенной имъ церкви. Хотя о. Парѣній никогда и не былъ выдающимся пастыремъ и ничего не могъ сдѣлать въ вышеупомянутомъ миссіонерскомъ отношеніи, но во всякомъ случаѣ за нимъ заслуга сохраненія этого храма-памятника отъ окончательнаго разоренія. Для этой цѣли онъ претерпѣлъ немало лишеній и даже гоненій.

Несмотря на то, что, можетъ быть, и бессознательно въ о. Парѣнии жила мысль о необходимости сохраненія храма на пользу болгарскаго населенія, все-таки должно отмѣтить, что до конца своей жизни онъ не переставалъ относиться съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ болгарамъ и всегда бранился съ «братушками», среди которыхъ прожилъ почти двадцать лѣтъ.

Г. Брандтъ.





## ПО МАРИНСКОЙ СИСТЕМѢ <sup>1)</sup>.

### X.

#### Въ «шлюзованной части».

Петрову мысль Марія совершила.

Надпись на памятникѣ Петру Великому у шлюза св. Петра.



**Т**А ЧАСТЬ Маринской системы, которую мы проѣхали отъ Петербурга до Вытегры, представляла собою естественный водный путь, какъ бы приготовленный заранѣе самою природою. Теперь начиналась новая часть, искусственная, гдѣ каждый шагъ впередъ добывался упорнымъ трудомъ человѣка, и эта часть представляетъ наибольшій интересъ по всей системѣ.

Выше, набрасывая исторію возникновенія Маринскаго воднаго пути, я говорилъ о сухопутномъ волокѣ между Вянгинскою пристанью на ручьѣ Вянгѣ, впадающемъ въ Вытегру, и селомъ Бадогами на рѣкѣ Ковжѣ. Мѣсто деревни Вянги занимаетъ теперь Вытегра, обращенная въ городъ при Екатеринѣ I, въ 1727 году, — и отъ нея вплоть до Ковжи тянется такъ называемая шлюзованная часть, заключающая въ себѣ, какъ верховья обѣихъ рѣкъ, такъ и соединяющій ихъ Маринскій каналъ. Въ сущности названіе шлюзованной части должно относить, главнымъ образомъ, къ верховьямъ Вытегры, гдѣ находятся такія сооруженія, которыми по праву могутъ гордиться русскіе инженеры.

<sup>1)</sup> Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІ, стр. 655.  
«истор. вѣстн.», мартъ, 1903 г., т. хсі.

Въ этой центральной и самой возвышенной части системы, на пространствѣ ста верстъ, устроено до тридцати восьми шлюзовъ, и въ настоящее время пропускная способность увеличена въ четыре раза. Благодаря разнымъ техническимъ работамъ и усовершенствованіямъ воднаго пути, суда, приходившія въ 1810 году изъ Рыбинска въ Петербургъ лишь черезъ 110 сутокъ, т.-е. зачастую только во вторую навигацію, теперь, если не встрѣтятся случайныхъ задержекъ, могутъ совершить этотъ путь въ одинъ мѣсяць, и, благодаря этому, фрахтъ съ пуда понизился съ 25 на 9 копеекъ.

Вначалѣ пропускная способность системы за навигацію равнялась 30 милліонамъ пудовъ, при чемъ суда пропускались емкостью до 10 тысячъ пудовъ, но съ развитіемъ торговли эти цифры оказались недостаточными. При императорѣ Александрѣ II на системѣ были произведенъ рядъ работъ, увеличившій ея пропускную способность до 60 милліоновъ пудовъ. Но ко времени царствованія императора Александра III, когда большинство грузовъ съ Тихвинской и Вышневолоцкой системъ перешло на Маріинскую, — шестидесяти-милліонная пропускная способность перестала удовлетворять требованіямъ. Въ виду этого было рѣшено настолько увеличить шлюзы и камеры, чтобы въ нихъ могли проходить суда съ грузомъ до 40.000 пудовъ на каждомъ, что развивало пропускную способность системы до 120 милліоновъ пудовъ въ навигацію. Работы были начаты въ октябрѣ 1890 года и производились около шести лѣтъ, при чемъ на нихъ затрачено двѣнадцать съ половиною милліоновъ рублей. Кромѣ шлюзованной части, онѣ производились и на Шекснѣ, всего на разстояніи 650 верстъ. Лѣтомъ 1896 года, т.-е. черезъ два года послѣ того, какъ мы посѣтили эти мѣста, обновленная и усовершенствованная система была торжественно открыта великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ.

Перехожу къ описанію нашей поѣздки на лошадяхъ вдоль шлюзованной части отъ Вытегры до шлюза св. Николая.

Нашъ вытегорскій ямщикъ, Илюха, оказался очень разговорчивымъ и сообщительнымъ человѣкомъ и почти всю дорогу занималъ насъ своими разсказами.

За городомъ почтовый трактъ потянулся вдоль праваго берега Вытегры, которая то скрывалась за прибрежными возвышеніями, то снова показывалась. Проѣхавъ версты три, мы миновали деревню Шестово и близъ нея, у самой рѣки, большую, красивую усадьбу въ русскомъ стилѣ.

— Это Лопаревъ, — пояснилъ Илюха.

— Подрядчикъ?

— Онъ самый, ишь какіе хоромы развелъ! Теперь онъ у насъ здѣсь все равно, что царь какой нибудь; до самой Шексны дѣла-

ми ворочаетъ. А былъ вѣдь человекъ совсѣмъ маленькій, мелкими подрядами занимался. Помаленьку да помаленьку, и пошелъ въ гору. Въ тѣ времена существовалъ у насъ большой подрядчикъ Пименовъ. Тотъ бы ему хода не далъ, да померь, а Лопаревъ-то женился на его дочери, лѣса Пименовскіе въ приданое взялъ, да съ тѣхъ поръ и пошелъ. Теперь у него въ домѣ и лестничество, и телефоны всякіе заведены, живетъ въ свое удовольствіе, потому— капиталъ огромный.

— А съ рабочими хорошо рассчитывается?

— Расчетъ у него не деньгами, а ярлыками, и ярлыки эти берутъ замѣсто денегъ и въ лавочкахъ и въ питейныхъ заведеніяхъ. А лавочки да заведенія держитъ его жена. Вотъ у нихъ кругъ и выходитъ. Обидно маленько народу-то, да ничего не подѣлаешь.

— Что же?

— Да вишь у нихъ цѣна-то противъ другихъ подороже. У другихъ, примѣромъ, стоитъ четвертакъ, а у нихъ тридцать, у людей полтинникъ, а у нихъ шесть гривенъ.

— Такъ отчего же нейдутъ къ другимъ? Или ярлыковъ тамъ не берутъ?

— Какъ не брать? Берутъ. Ярлыкъ вѣрный, а только народъ-то самъ опасается, какъ бы не прогнѣвать. Сгонитъ съ работы, тогда хуже будетъ.

Неподалеку отъ дома, въ лѣвой сторонѣ дороги стояла часовня.

— Это—тоже Лопаревская,—замѣтилъ Илюха.

Часовня въ богатомъ русскомъ стилѣ была обильно и красиво украшена порѣзками; особенно интересно былъ обработанъ карнизъ. Но, выстроивъ часовню, о ней очевидно забыли, какъ это у насъ постоянно водится, и черезъ нѣсколько лѣтъ, не поддерживаемая, не ремонтируемая, она, вѣроятно, придетъ въ полный упадокъ. Уже и теперь въ новомъ еще зданіи дверка успѣла уже покривиться и свиснуть съ петель.

Черезъ полверсты на высокомъ пригоркѣ, у самой дороги показалась другая часовня простой архитектуры.

— Это что?—спросилъ я Илюху.

— А это Бесѣдная гора называется. Тутъ государь Петръ Первый съ народомъ, говорятъ, бесѣдовалъ про канаву, гдѣ ее прорыть, по какимъ мѣстамъ, гдѣ удобнѣе. Тутъ у него и камзолъ украли.

— Кто?

— А наши вытегоры. Время-то было жаркое, онъ снялъ камзолъ и легъ отдохнуть, а камзолъ-то на плетень повѣсилъ. Просыпается,—нѣтъ камзола. Сталъ спрашивать: кто взялъ? Тутъ наши и повинились. Былъ такой Гришка. «Прости», говоритъ, «государь,—мы изъ твоего камзола хотѣли шапки подѣлать и себѣ, и дѣтямъ нашимъ, чтобы память о тебѣ надолго осталась».

Засмѣялся, отдалъ камзолъ, а самъ говоритъ: «Это я самъ виновать; надѣтъ бы мнѣ, вмѣсто камзола-то, азямъ, цѣлѣй былъ бы».

Мы остановились у часовни; она была заперта. Подлѣ на травѣ отдыхали нѣсколько путинныхъ, но они оказались не здѣшними и о названіи горы ничего не знали. Проходившій мимо мужичекъ сказалъ намъ, что часовня поставлена лѣтъ 30 назадъ. Онъ зналъ, что гора называется Бесѣдною, но причины объяснить не могъ.

— Бесѣдна да Бесѣдна, а кто тутъ бесѣдовалъ, и сами не знаемъ.

— Экъ ты!—крикнулъ ему съ козелъ Илюха:—и этого-то не знаетъ: деревня—такъ деревня и есть.

Въ сущности онъ былъ очень доволенъ превосходствомъ своихъ знаній.

Мы тронулись далѣе и черезъ полчаса увидѣли вдали двѣ церкви и подлѣ нихъ селеніе. Это былъ Вытегорскій погостъ, находящійся отъ Вытегры въ 11 верстахъ и извѣстный оригинальностью архитектуры своего лѣтняго храма. Церковь подобнаго типа имѣется еще только въ селеніи Кижяхъ на Онежскомъ озерѣ. Главный интересъ обѣихъ церквей составляетъ обиліе главъ на кровляхъ. Въ Кижской церкви ихъ 24, въ Вытегорскомъ погостѣ—21, но церковь передѣлывали, и мы теперь насчитали ихъ только 17. Обѣ церкви, Кижская и Вытегорская, построены въ XVIII столѣтіи почти въ одно время, хотя Вытегорская, кажется, на нѣсколько лѣтъ старше. При сравненіи ихъ архитектуры, заключающей въ себѣ очень много общаго, невольно возникаетъ предположеніе, не строены ли обѣ церкви однимъ и тѣмъ же лицомъ.

Остановившись и сдѣлавъ наброски, мы разыскали причетника. Онъ досталъ отъ священника ключи и отперъ церковь. Внутреннимъ расположеніемъ она также напоминаетъ церковь въ Кижяхъ. Средняя часть ея также покрыта многогранникомъ, сведеннымъ въ пологій шатеръ и сплошь покрытымъ изображеніями святыхъ. Такого рода шатровый, расписанный потолокъ называется здѣсь «небомъ». Церковь имѣетъ три престола: главный—во имя Покрова, правый—Іоанна Богослова, лѣвый—св. Георгія Побѣдоносца. Въ главномъ иконостасѣ подъ одною изъ иконъ у праваго клироса находится подпись, не лишенная интереса:

«При рѣкѣ Вытегрѣ церковь Покрова Богородицы освящена въ 1708 году во время преобразователя Россіи Петра Великаго, перваго императора<sup>1)</sup>. Перепоставлена на каменный фундаментъ и освящена 1 октября 1793 года во время мудрой законодательницы Екатерины II, императрицы всероссійской». Затѣмъ надпись дѣлится вертикальною чертою на двѣ стороны. На лѣвой: «Въ пар-

<sup>1)</sup> На «небѣ» Кижской церкви есть помѣта, что оно написано въ 1759 году, вѣроятно, вскорѣ послѣ построенія храма.



ствование Михаила Ѳеодоровича, всея Великія (продолженіе на правой), Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, въ лѣтописи: на Тагажмы рѣкѣ деревня Исаковская, а Зеленина тожъ, лѣта 1628 года, въ ней крестьяне»... далѣе идутъ двѣ родословныя, имена помѣщены въ кружкахъ. Около Поликарпа, олонецкаго посадскаго, и Марьи



Бесѣдная гора.

Ефремовой родословныя сходятся. На лѣвой сторонѣ, подъ именемъ царя Михаила Ѳеодоровича, другая подпись: «на Дмитровой горѣ деревня Гозина, Алевзорова тожъ, лѣта Господня 1682, въ ней крестьянинъ Петръ Невзоровъ». Имя Невзорова помѣщено въ кружки и ниже слѣдуетъ его родословная. Внизу иконы слѣва новая подпись: «Въ 3-е лѣто царствующаго надъ россійскими сердцами премилосерднаго государя Александра I, императора и самодержца всероссійскаго, поставленъ сей иконостасъ въ церкви Покрова Богородицы, въ честь чудотворной ея иконы въ Вытегорскомъ погостѣ». Справа внизу: «по обѣщанію и иждивеніемъ ко-

тораго... въ приходѣ прародителей, означенныхъ въ родословіи, Олонецкой губерніи Вытегорскаго уѣзда, 1803 года октября 1 дня». Въ родословной особыми вѣточками выдѣлены имена Василя и Аонасія. Не они ли строители иконостаса?

Войдя въ главный алтарь, мы замѣтили надъ жертвенникомъ интересную икону символическаго характера. На ней изображенъ антифонъ: «Единородный Сыне и Слове Божій, безсмертенъ сый»,— при чемъ на иконѣ еще прибавлены слова: «и безначаленъ и присносущенъ Отцу». Изображеніе на иконѣ слѣдующее: вверху, на небѣ, Богъ Саваоѣъ, ниже—Иисусъ Христосъ, въ образѣ отрока, по бокамъ—ангелы, еще ниже—изображеніе «не рыдай Мене, Мати». Слѣва—крестъ и сидящій на немъ Спаситель. Внизу ангелъ поражаетъ молоткомъ лежащую подъ крестомъ нагую фигуру, держа ее за бороду. Съ другой стороны—мертвецъ въ саванѣхъ и смерть, ѣдущая на львѣ. Сбоку надпись: «ненавистникъ добру, радуясь злomu, изнася смерть и низводя въ адъ погибели». Съ противоположной стороны, подлѣ Спасителя, сидящаго на крестѣ: «Смертію на смерть наступи, — единъ сый Святыя Троицы», и далѣе, до конца антифона. Подобная же икона, но только въ большихъ размѣрахъ, находится и въ главномъ иконостасѣ.

Въ придѣлѣ Іоанна Богослова Спаситель изображенъ опирающимся на крестъ, стоящій позади него; на иконѣ Богородицы изображенъ въ лицахъ ея акаѣистъ; на другой иконѣ представлены сюжеты изъ апокалипсиса. Вообще храмъ богатъ интересными иконами, хотя, какъ кажется, и не особенно древними, т.е. принадлежащими въ большинствѣ случаевъ къ XVIII и началу XIX столѣтія.

Изъ Покровской церкви мы прошли въ Спасскую, построенную, налѣво отъ первой, въ 1780 году. Спасская церковь имѣетъ также три престола, но ни по внутреннему, ни по внѣшнему виду не представляетъ особаго интереса. Замѣчательна въ ней только икона работы попа Климента Макарьева, 1729 года, написанная въ прославленіе дѣяній Петра Великаго.

Осмотрѣвъ церкви, мы вернулись къ тарантасу и тронулись далѣе. Гористая мѣстность становилась все выше и красивѣе. Вытегра тянулась направо вниз. На ней виднѣлись темные корпуса и высокія мачты судовъ. Суда то стояли въ шлюзахъ, то медленно двигались по серебристой поверхности рѣки. Мы миновали Казармицкую гору и деревню Горы. Дорога шла все выше и выше. Вдали показалась Никольская гора съ часовнею. Это самая высокая точка по дорогѣ. Съ вершины ея открылся прекрасный видъ на всю широко разстилающуюся кругомъ гористую окрестность, покрытую полями, рощами и лѣсами, и на синѣющія на горизонтѣ лѣсныя дали. А внизу попрежнему серебристою полоскою протекаетъ Вытегра съ движущимися по ней судами. Почва кругомъ—сплошной песокъ, поросшій густымъ соснякомъ.



Вытегорскій погостъ.

— Самая тяжелая станція,—ворчитъ Илюха:—тутъ если жаркѣе время, такъ просто упаси Господи!

За Никольскою горою дорога стала опускаться. Вдали направо, въ сторонѣ, показалась деревня Маркѣво, извѣстная своими когда-то грозными Собачьими пролазами.

Они тянутся вдоль глубокаго оврага, при чемъ слѣва на дорогу напираетъ отвѣсная стѣна.

— Прежде тутъ страсть узко было,—замѣтилъ Илюха:—двоимъ не разѣхаться, а зимой такъ прямо никакой возможности. Одинъ мужичекъ ужъ тамъ побываль,—указаль онъ на оврагъ:—и съ лошадыю и съ возомъ.

— Говорятъ, здѣсь въ старину разбои бывали?

— Бывали. Старики-то говорятъ, шибко здѣсь пошаливали. Да какъ и не пошаливать,—смотрите, какое удобство!

«Удобство» здѣсь дѣйствительно большое, такъ какъ отъ напавшихъ разбойниковъ въ этой тѣснотѣ не представлялось никакой возможности ни укрыться, ни уѣхать. Даже теперь въ расширенномъ видѣ дорога изъ предосторожности окаймлена столбами съ обѣихъ сторонъ.

Пролазы узки, но не длинны. Вскорѣ мы ихъ миновали. Затѣмъ проѣхали какую-то деревню и два шлюза, старый и новый. Дорога спустилась къ самой рѣкѣ, и передъ нами потянулся цѣлый рядъ шлюзовъ, слѣдовавшихъ почти безъ промежутка одинъ за другимъ. Суда спускались по нимъ, какъ по лѣстницѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рядомъ со старыми шлюзами устраивались новые. У одного изъ шлюзовъ мы на минуту приостановились. Въ нижнюю его камеру вводили маринку. Рядомъ по камнямъ съ шумомъ неслась излишняя вода, какъ бы радуясь своей свободѣ. Внизу у рѣки рабочіе возили въ тачкахъ песокъ для сооруженія искусственнаго мыска.

— Вотъ сюда бѣлозерскому пароходу не дойти,—замѣтилъ Илюха, трогаясь далѣе:—больно ужъ здѣсь каморовъ много. На каморахъ замается: изъ одной въ другую, изъ одной въ другую. А на пароходѣ-то все же вѣдь публика. Оно, тамъ дальше-то, тоже шлюза есть, ну, все-таки противъ здѣшняго-то совсѣмъ не то. Здѣсь круче.

Вдали бѣлою точкою видѣлась церковь села Десятинъ. Дорога опять пошла съ горы на гору и повернула отъ рѣки влѣво.

Солнце уже замѣтно начинало склоняться къ закату, когда мы приѣхали въ Десятинны и остановились у почтовой станціи. Противъ селенія находится одна изъ самыхъ интересныхъ работъ по улучшенію системы, знаменитый Десятинскій перекопъ, представляющій собою каменную выемку въ восемьдесятъ тысячъ кубическихъ сажень. Мы захотѣли поближе взглянуть на эту работу и рѣшили отправиться вдоль берега пѣшкомъ, распорядившись, чтобы

лошади выѣхали къ Андреевскому шлюзу, находящемуся верстахъ въ полоторыхъ выше Девятинъ.

Не теряя времени, мы стали спускаться съ горы къ шлюзу св. Павла. По дорогѣ намъ встрѣтился старикъ рабочій, который разсказалъ, что вблизи Девятинъ находится около восьми шлюзовъ, а именно: нѣсколько ниже по теченію Вытегры—шлюзы св. Оомы



Шлюзъ св. Василя.

и св. Владимира, противъ Девятинъ—шлюзы св. Павла, первый и второй, а выше селенія—шлюзы св. Михаила, верхній и нижній, св. Сампсонія и св. Андрея. Старикъ указалъ намъ и дорогу по бечевнику, вдоль праваго берега Вытегры. Полюбовавшись грандіознымъ сооруженіемъ перваго Павловскаго шлюза, мы вышли на бечевникъ.

Впереди на томъ берегу возвышалась стѣбною громадная известковая гора къ красноватыми жилами. Между нею и рѣкою, какъ

передовая крѣпость, высилась другая гора. Одна сторона ея, спускавшаяся къ водѣ, была сравнительно отлога и покрыта мелкимъ кустарникомъ, другая же, обращенная къ большой горѣ, представляла собою вертикальную стѣну. Нѣсколько лѣтъ назадъ обѣ эти горы составляли одно цѣлое, теперь же человѣческими усиліями навсегда отдѣлены другъ отъ друга, и черезъ годъ или два на мѣстѣ, гдѣ была массивная толща горы, потечетъ рѣка, и будутъ двигаться караваны судовъ, это и есть знаменитый Девятинскій перекопъ.

Причина, вызвавшая эту колоссальную работу, заключается въ томъ, что Вытегра, подходя къ Девятинамъ и пробивая себѣ путь среди окружающихъ ихъ горъ, становится крайне извилистою. Бросаясь изъ стороны въ сторону, она образуетъ прихотливые изгибы, крайне неудобные для судовъ большого размѣра. Въ этой части на ней устроено три шлюза: св. Самсонія и св. Михаила, верхній и нижній. Шлюзы эти для судовъ новаго типа пришлось бы всѣ передѣлать заново, между тѣмъ какъ неудобства, представляемая теченіемъ Вытегры, остались бы тѣ же самыя. Въ виду этого и рѣшено обойти всю эту часть прямымъ перекопомъ на протяженіи полуторыхъ верстъ.

Предпріятіе было смѣлое: приходилось сдѣлать земляную выемку около восьмидесяти тысячъ кубическихъ сажень, то-есть такую выемку, которая въ шесть разъ превосходитъ всѣ извѣстныя до толѣ работы подобнаго рода. Но наши инженеры безъ страха приступили къ такому богатырскому подвигу. Работы поручены были г. Канегиссеру, и онъ, вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ г. Вагнеромъ, творить здѣсь настоящія чудеса.

Опишу вкратцѣ самый способъ производства этой громадной работы. Внутри горы по направленію дна будущей выемки былъ проведенъ длинный тоннель-штольня, и въ немъ проложена линія желѣзной дороги, предназначавшейся для отвоза камня. Съ поверхности горы въ штольню продѣлано пятнадцать шахтъ, расположенныхъ вдоль линіи желѣзнаго пути. Въ штольню вводился поѣздъ изъ 45 вагоновъ платформъ. Камень сверху рвали динамитомъ и порохомъ и спускали разорванныя части въ отверстія шахтъ, по которымъ, какъ по колодцамъ, камень летѣлъ въ штольню и падалъ прямо въ вагоны, которыхъ на каждую шахту полагалось по три. Когда первые вагоны бывали наполнены, локомотивъ, продвинувшись впередъ, подводилъ подъ шахты вторые вагоны, затѣмъ третьи и, нагруженный полнымъ грузомъ, отправлялся на мѣсто свалки, находящееся неподалеку отъ производства работъ. Нагрузка каждаго вагона-платформы равнялась 500 пудамъ, и слѣдовательно каждый разъ поѣздъ отвозилъ въ сторону до 22.500 пудовъ. Мѣстомъ для свалки было назначено обширное поле, по которому проведена для поѣзда деревянная эстокада въ

340 сажень длины и шесть сажень вышины. Сбросивъ грузъ съ эстакады на землю, поѣздъ возвращался въ штольню. Такимъ образомъ работало нѣсколько поѣздовъ.

На работахъ содержались среднимъ числомъ до 1.200 человѣкъ рабочихъ и до 500 лошадей. Вышина прорѣза въ горѣ составляетъ 12 сажень, и вся работа произведена въ пять съ половиною лѣтъ, при чемъ на нее употреблено около 1.500.000 рабочихъ дней.

Когда мы проходили эту мѣстностью, перекопъ еще далеко не былъ готовъ, и на немъ кипѣла усиленная дѣятельность. По всему берегу въ разныхъ мѣстахъ, точно муравьи, копошились люди, по рельсовому пути то и дѣло сновали поѣзда, нагруженные и пустые, то исчезая въ отверстіи туннеля, то снова появляясь изъ него. Въ горѣ по временамъ раздавались удары взрывовъ, похожіе на глухіе выстрѣлы. Все это происходило на лѣвомъ берегу, за рѣкою, а на нашей сторонѣ узкою тропкою, по краю отвѣсной известковой скалы, тянулся бечевникъ. Мы подвигались по нему медленно, все время смотря подъ ноги, чтобы не сорваться внизъ, и по временамъ останавливались полюбоваться окружающею мѣстностью, которая около Десятинъ отличается особенною красотою. Порою надъ бечевникомъ нависали большія каменные глыбы, порою черезъ него протекали спускавшіеся съ горъ ручейки, и намъ приходилось перепрыгивать съ камня на камень. Но вотъ бечевникъ спустился къ рѣкѣ и оборвался противъ стараго шлюза св. Михаила. Шлюзъ хотя еще находится въ дѣйствиі, но видимо уже мало поддерживается, такъ какъ съ окончаніемъ перекопа потеряетъ свое значеніе.

Кое-какъ по бревешкамъ и камешкамъ добрались мы до шлюза и перешли на другую сторону, гдѣ и нашли пропавшій въ водѣ бечевникъ.

Благодаря крутымъ извилинамъ Вытегры, окруженной высокими горами, пейзажъ быстро измѣнялся, и на каждомъ поворотѣ появлялись все новые и новые картинные мотивы. Время отъ времени намъ встрѣчались путинные, тянувшіе бечевникомъ суда отъ шлюза до шлюза.

Вскорѣ мы подошли къ шлюзу св. Сампсонія, который, подобно Михайловскому, находится у лѣваго берега. Ближе къ той сторонѣ тянулась его деревянная плотина съ восемью окнами и однимъ быкомъ. Въ шлюзъ пропускали судно.

За Сампсоніевскимъ шлюзомъ намъ опять встрѣтились путинные. Налегая грудью на лямку и слегка раскачиваясь, они медленно подвигались по бечевнику, опустивъ головы; на лицахъ ихъ выражалась какая-то понурая сосредоточенность. Между ними были и крестьяне и лица, принадлежавшія когда-то къ интеллигентному кругу. Нѣкоторыя головы попадались такія, что прямо просились на холстъ. Всѣ эти люди молча, точно тѣни, двигались мимо и исче-

зали за поворотомъ известковыхъ скалъ, края которыхъ на углахъ были въ нѣсколько рядовъ протерты ихъ бечевами.

Дойдя до Андреевскаго шлюза, мы перешли на правый берегъ рѣки и поднялись на гору, гдѣ ожидали насъ почтовые лошади. Съ горы намъ открылся роскошный видъ на обрывы береговъ и Вытегру, протекающую красивымъ Андреевскимъ шлюзомъ. Мы были очень довольны своею небольшою прогулкою. Трудно встрѣтить въ другомъ мѣстѣ на разстояніи какихъ нибудь полоторыхъ верстъ такое разнообразіе художественныхъ мотивовъ и по рисунку, и по краскамъ, и по освѣщенію. Пейзажистъ нашель бы здѣсь богатый матеріалъ для своей кисти.

На горѣ надъ шлюзомъ находится небольшая деревня, въ которой помѣщается «Контора работъ по улучшенію рѣки Вытегры, Ковжи и Новомаринскаго канала».

Успѣвшись въ тарантасъ, мы тронулись задворками деревни, проѣхали проселкомъ молодой, низкорослый лѣсокъ и снова выбрались на большую дорогу. Кругомъ потянулся песокъ и сосны. Лошади бѣжали мелкою, но ровною рысцою. Подъ однообразный звонъ ихъ бубенчиковъ мы разговорились съ ямщикомъ. Рѣчь зашла о путинныхъ.

Они ходятъ съ барками только до Бѣлозерска, откуда уже начинается конная тяга, но главный районъ ихъ дѣятельности составляетъ тридцативерстное разстояніе между шлюзомъ св. Николая, къ которому мы приближались, и г. Вытегрою. Обиліе шлюзовъ дѣлаеть здѣсь конную тягу крайне неудобною, и проводкою судовъ по этому шлюзовскому участку завѣдуютъ исключительно путинные. Прежде они ходили отъ Аннинскаго моста верстъ на 50 дальше шлюза св. Николая, но теперь путь выпрямленъ, и въ томъ участкѣ ихъ замѣнили лошади, хотя, какъ я уже сказалъ выше, нѣкоторые судохозяева и посейчасъ еще нанимають ихъ тянуть суда до самаго Бѣлозерска.

Разстояніе между шлюзомъ св. Николая и Вытегрою они проходятъ въ шесть дней. На барку съ грузомъ полагается 13 человекъ, на полулодокъ—14. Обыкновенная плата по 4 рубля на человекъ, харчи хозяйскіе. За лѣто они успѣвають обернуться отъ шести до десяти разъ.

— Прежде у нихъ не то было,—разсказывалъ нашъ новый ямщикъ Егоръ:—прежде бывало, кто впередъ подвернется, раньше другихъ забѣжитъ да подешевле возьметъ, того и брали. Которые побойчѣе, тѣ бывало одни и работаютъ, а кто помирнѣе, все лѣто безъ дѣла сидитъ. И цѣной тоже купцы прижимали. А тѣ, одинъ передъ другимъ, одинъ передъ другимъ, и спустили цѣну-то до рубля съ четвертакомъ, потомъ ужъ за девять гривенъ ходили, а нѣкоторые и восемь гривенъ брали: это за всю-то путину до Вытегры.



— Да вѣдь это хуже нищихъ.

— Вѣстимо, хуже. Совсѣмъ имъ крышка приходила. Только вотъ, года четыре назадъ, проявился между ними одинъ такой,— Александровъ звали,—отъ дворянъ. Онъ имъ распорядокъ настоящій далъ. И цѣну подходящую назначилъ и очередь установилъ.



Плотина св. Павла.

Теперь путину сдѣлаетъ и сидитъ на мѣстѣ, ждетъ своего череду. Теперь у нихъ старосты заведены, которые имъ очередь пишутъ и вызываютъ на работу, кому время пришло.

Впереди показалась чья-то усадьба съ высокимъ зданіемъ мукомольнаго завода.

— Это Короваевская,—замѣтилъ Егоръ,—да теперь все въ запустѣніи.

И дѣйствительно громадное зданіе, когда мы подъѣхали къ нему, находилось въ такомъ художественномъ безпорядкѣ, что пейзажистъ ахнулъ бы отъ востора—темная масса бывшего завода точно покачнулася на своемъ основаніи, все покосилось, покривилось, раздѣхалось. Стекла въ оконныхъ рамахъ разбиты въ стѣнахъ зіяютъ темныя щели. Пусто, уныло кругомъ, и только высокіе травы кустарникъ, заповнившіе нижнюю часть постройки, восело зеленѣютъ на солнышкѣ.

Проѣхавъ шагомъ по бывшей, теперь уже размытой, плотинѣ, мы поднялись на противоположный берегъ и миновали запущенную усадьбу. Въ усадьбѣ залаяли двѣ собаки, кто-то выглянулъ за ворота посмотреть на проѣзжающихъ, и вскорѣ все осталось позади, а передъ нами опять потянулася та же однообразная печальная мѣстность.

Мы снова заговорили съ Егоромъ. На этотъ разъ разговоръ зашелъ о мѣстномъ пароходствѣ.

— Прежде-то,—разсказывалъ Егоръ:—и пароходы отъ Бѣлозерска только до Аннинскаго моста ходили, а теперь дорогу-то спрямили, такъ они до Николая продвинулись.

— Можетъ быть, со временемъ и до самой Вытегры ходить будутъ?

— Можетъ быть, а только наврядъ. Ужъ больно тутъ каморѣвъ много, какъ бы судамъ задержки не вышло,—ну, да это, какъ начальство.

— А чей же пароходъ ходить?

— Да тутъ ихъ у насъ не одинъ, а цѣлыхъ два парохода: одинъ—Балдина, а другой—Капаруля.

— Какъ?

— Капаруля, купецъ такой въ Бѣлозерскѣ есть. Фамилія-то его по-настоящему Капарулинъ, ну, а у насъ все Капаруля да Капаруля. И Балдинъ тоже купецъ, бѣлозерскій же.

— И работы хватаетъ на обоихъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что не хватаетъ. Ужъ они на всякія штуки подымались, чтобы переманить народъ-отъ. Теперь отъ Николая до Бѣлозерска 127 верстъ считаютъ, такъ они до того цѣну сбили, что стали возить по пятачку. Убытки обонмъ, а оба держатся. Вотъ Балдинъ думалъ, думалъ, да и давай по три копейки возить, а Капаруля цѣну оставилъ прежнюю, пятачекъ, зато какъ только пассажиръ на пароходъ, сейчасъ ему трехкопеечную булку. Долго такъ-то тягались, пробовали и по очереди ходить и всякое, да все-таки другъ дружку не одолѣли. Теперь опять ходятъ вмѣстѣ, и цѣна прежняя—пятачекъ, а накинуть боятся.

— А много народу ѣздитъ?

— Нѣтъ, не много. Вотъ весной да осенью дѣйствительно публики набирается, а теперь только такой букивротъ ѣдетъ. Ну, у



Шлюзъ св Самсонія.

Балдина-то все-таки почище, у него и купцы садятся, а у Капарули все больше путинные.

Мы миновали шлюзъ св. Георгія, деревню Ольхину пустошь и Вольковой мостъ, по которому дорога перешла на правую сторону. Пейзажъ тянулся довольно однообразною лентой, окаймленною соснами, какъ извѣстно, любящими песчаную почву.

Шлюзъ св. Николая, конечный пунктъ нашего сухопутнаго странствія, былъ уже недалеко. Вскорѣ показались поля, расчищенные подъ пашню, потянулись плетни, а впереди, на возвышеніи, мелькнули крыши двухъ бараконъ для путинныхъ, по-

строенныхъ на берегу, по ту сторону шлюза. Изъ-за кустовъ впереди насъ появились кровли селенія, и черезъ нѣсколько минутъ ямщикъ подвезъ насъ къ «Марьѣ Ивановнѣ», т.-е. къ содержимому ею трактиру съ комнатами для прїѣзжающихъ. Впрочемъ, лицезрѣть саму Марью Ивановну мы не удостоились, такъ какъ было уже поздно, и она почивала, а слуга при трактирѣ отвелъ намъ комнату съ небольшимъ оконцемъ, настолько подозрительную въ смыслѣ чистоты, что мы рѣшили спать на стульяхъ, не раздѣваясь. Прозрачныя лѣтнія сумерки скоро смѣнились сѣвременною бѣлою ночью, и мы, спросивъ себѣ самоваръ и яицъ (такъ какъ до чего нибудь другого боялись прикоснуться), долго еще бесѣдовали, поглядывая на огородъ Марьи Ивановны, ибо перспектива дреманья на стулѣ не заключала въ себѣ ничего привлекательнаго.

## ХІ.

### До Бѣлозерска.

«Пойдоша изъ Нѣмецъ три брата со всѣмъ родомъ своимъ, Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ; и бысть Рюрикъ старѣйшина въ Новгородѣ, а Синеусъ старѣйшина бысть на Бѣлозерѣ, а Труворъ въ Изборѣ».

Никоновская лѣтопись.

На слѣдующее утро я проснулся въ 5 часовъ и вышелъ на улицу. На заведеніи Марьи Ивановны красовалась громкая надпись: «Коммерческая гостиница». Трактиръ, помѣщающійся въ нижнемъ этажѣ, уже оглашался говоромъ и восклицаніями разношерстныхъ посѣтителей. Тутъ были и судовщики, и мелкіе приказчики, и путинные, и мѣстные крестьяне, телѣги которыхъ стояли подъ окнами трактира.

Дорога къ шлюзу и прибрежнымъ домикамъ тянулась вправо. Я пошелъ по ней и минутъ черезъ пять былъ уже на берегу. Парохода еще не было. Въ шлюзъ плавно и медленно входили суда. На дорожкѣ вдоль берега сновалъ народъ, главнымъ образомъ путинные. Нѣкоторые спали, растянувшись на травѣ, другіе, сидя на корточкахъ, безъ шапокъ, завтракали, держа въ одной рукѣ ломоть чернаго хлѣба, а въ другой какую-то копченую рыбу. У камня близъ дороги, тяжело дыша и уставясь впередъ мутными глазами, сидѣлъ старикъ.

— Ты что, дѣдко, не работаешь?—кликнулъ его проходившій мимо путинный:—и къ дѣлу нейдешь, и къ расчету тоже.

— Боленъ,—вполголоса отвѣтилъ старикъ.

— Заражать насъ хочешь?—кинулъ ему на лету собесѣдникъ и прошелъ далѣе.

Старикъ молчалъ, и только высоко и порывисто вздымавшаяся грудь да нервное вздрагиванье спины показывали, какъ ему тяжело.

Подлѣ камеры шлюза стояла небольшая будка сторожа, и близъ нея на столбѣ было вывѣшено объявленіе о томъ, что на системѣ производятся работы съ цѣлью приспособленія пути для плаванія судовъ значительно бѣльшаго размѣра, что работы эти предполо-



Шлюзъ св. Андрея.

жено окончить къ навигаціи 1896 года. Ниже было помѣщено описаніе предѣльныхъ размѣровъ будущихъ судовъ для свѣдѣнія судовладельцевъ.

— Дубины лѣшевы!—раздался неподалеку отъ меня голосъ сторожа, кричавшаго на рабочихъ, выходившихъ изъ шлюза судна:—не научены еще, такъ въ другомъ каморѣ научатъ. Свиньи!

Съ судна ничего не отвѣчали, и оно медленно выползло изъ камеры.

Между тѣмъ къ Балдинской пристани, т.-е. простой сходнѣ, перекинутой съ берега, подошелъ пароходъ «Бѣлозерскъ», называемый здѣсь попросту «Бѣлозеромъ».

Я вернулся въ гостиницу, и мы съ товарищемъ, воспользовавшись услугами одного изъ путинныхъ, перенесли наши вещи на пароходъ. «Бѣлозерскъ», хотя и меньше «Николая», на которомъ мы ѣхали отъ Вознесенья до Вытегры, но принадлежитъ къ тому же типу канальныхъ пароходовъ, съ тою лишь разницею, что здѣсь надъ каютами имѣется къ услугамъ пассажировъ третьяго класса верхняя палуба.

Съ прибытіемъ парохода набережная оживилась. Изъ нижняго этажа нашей гостиницы, отъ Марьи Ивановны, потянулась на берегъ публика. Кто тащилъ на спинѣ пожитки, очевидно направляясь на пароходъ, кто шелъ къ пристани отъ нечего дѣлать, потолкаться и поглазѣть. Къ пристани, лихо звеня бубенцами, подкатывали тарангасы съ приказчиками и разными торговыми дѣльцами. На пароходъ грузили ящики, корзины и котомки. Разговоры, возгласы, крики, брань несмолкающимъ гуломъ стояли въ воздухѣ. Пассажиры третьяго класса, зная мѣстные порядки, покорно ожидали на берегу. Одинъ изъ новоприбывшихъ сгоряча сунулся было на сходню, но его тотчасъ же окликнули: «Погоди, погоди: видишь, еще палубу пашутъ (метутъ)».

Впрочемъ, запретъ касался только одной третьеклассной публики. На берегу появился приказчикъ съ удивительно громкимъ голосомъ.

— Что, аль еще не пускаютъ?—обратился онъ къ толпѣ.

— Нѣтъ.

Приказчикъ покосился на пароходъ и прибавилъ вполголоса: насъ-то пустятъ.

— Леша!—окликнулъ онъ кого-то на пароходѣ:—Божья помощь!—и пошелъ по сходнѣ здороваться.

Черезъ нѣсколько мгновений съ парохода раздался его зычный голосъ: неси вещи!

А толпа на берегу продолжала стоять, переминаясь съ ноги на ногу.

Наконецъ палуба была «выпахана», и пароходъ, стоявшій носомъ къ шлюзу, сталъ поворачиваться, держась на кормовомъ канатѣ, въ обратную сторону.

— Держи, держи крѣпче!—раздались совѣты съ берега.

— А что, развѣ не держу, что ли?—отвѣчалъ голосъ съ парохода.

— Гляди, какъ обьякорилъ!

— Толкуй еще.

«Бѣлозерскъ» сталъ опять на мѣсто. Раздался первый свистокъ. Публика, запасшись желтыми билетиками,—которые, за неимѣніемъ помѣщенія для кассы, продавались прямо на берегу,—бросилась на сходню. Но всѣмъ, желавшимъ ѣхать, не хватило мѣста, и оставшіеся покорно побрели къ Капарулинской пристани, которая находилась въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ ниже Балдинской. Ждать имъ пришлось недолго, такъ какъ черезъ нѣсколько ми-



У шлюза св. Николая.

нутъ подошелъ и капарулинскій пароходъ «Красотка», ведя за собою особый трешкотъ для публики. Впрочемъ, нѣкоторыхъ пассажировъ не пустили почему-то и на «Красотку». Ихъ толкали и гнали прочь, но уже не вслѣдствіе недостатка мѣста, а по другимъ причинамъ, главною изъ которыхъ было, повидимому, ихъ продолжительное пребываніе въ трактирѣ Марьи Ивановны.

Нашъ «Бѣлозерскъ» далъ еще два свистка и отчалилъ отъ пристани. Лишь только онъ тронулся, на верху прозвучалъ звонокъ капитана—на молитву. Матросы, оставивъ на минуту свои дѣла, сняли шапки и начали креститься.

Не успѣлъ нашъ пароходъ разойтись, какъ принужденъ былъ остановиться: у берега стояло большое судно, а другое его обходило и заняло собою всю ширину фарватера. Впрочемъ, такія задержки уже не были для насъ новостью, такъ какъ представляютъ собою обычное неудобство всѣхъ каналовъ вообще. Переждавъ, пока судно вышло на середину фарватера, мы тронулись далѣе.

Навстрѣчу намъ то и дѣло попадались полулодки и другія суда, влекомыя съ помощью привязанной къ мачтѣ «бечевы» путинными.

— Давайте брандука! брандука-то давайте!—кричали на судно съ парохода.

Брандукъ—это веревка, протянутая съ носа судна и цѣпляющаяся за бечеву, которая, вслѣдствіе этого перехвата, тянется горизонтально надъ водою. Когда брандукъ ослабятъ, бечева поднимается, и пароходъ свободно проходитъ подъ нею.

Въ нашей миниатюрной, полукруглой каюткѣ перваго класса помѣстился еще одинъ пассажиръ, оказавшійся сыномъ владѣльца нашего парохода. Въ качествѣ бѣлозерскаго уроженца, онъ былъ прекрасно знакомъ не только съ воднымъ путемъ до Бѣлозерска, но и со всею окружающею мѣстностью.

Отъ него мы узнали, что подлѣ шлюза св. Петра, къ которому мы приближались, находится селеніе Рубежъ, и что, по мѣстному преданію, вытегоры украли камзолъ Петра Великаго именно здѣсь, а не на Бесѣдной горѣ, какъ рассказывалъ Илюха. Очевидно, что преданіе о камзолѣ приурочено какъ къ той, такъ и къ другой мѣстности, и приурочено съ одинаковыми шансами на достовѣрность, такъ какъ Петръ одинаково посѣтилъ и Вытегру съ ея окрестностями, и эту мѣстность, гдѣ устроенъ шлюзъ во имя его ангела, и гдѣ находится памятникъ въ честь великаго преобразователя, поставленный императоромъ Александромъ I, по поводу открытія Новомаринскаго канала, соединяющаго верховья Ковжи съ верховьями Вытегры.

Шлюзъ св. Петра находится въ 38 верстахъ отъ г. Вытегры. Отъ него до шлюза св. Александра, на протяженіи шести верстъ, тянется Новомаринскій каналъ, проложенный въ обходъ Маткоозера и прежняго Маринскаго шлюзованнаго канала. Мѣстность эта лежитъ на высотѣ 429 футовъ надъ уровнемъ моря и представляетъ собою наивысшій пунктъ всей системы.

Вдали, и нѣсколько въ сторонѣ отъ нашего пути, показался старый Петровскій шлюзъ съ пятью камерами и вышеупомянутымъ памятникомъ на берегу, но пароходъ, обойдя старый шлюзъ, вошелъ въ новый, который находится гораздо дальше стараго и имѣетъ всего одну камеру.

Выйдя изъ шлюза, мы очутились на Новомаринскомъ каналѣ, между двумя низкими стѣнками. Подъемъ въ Петровскомъ шлюзѣ былъ послѣднимъ, и, начиная отъ шлюза св. Александра, мы уже стали спускаться къ Волгѣ, или, говоря высокимъ слогомъ, къ рѣкамъ Каспійскаго бассейна, и первую изъ этихъ рѣкъ была для насъ Ковжа, впадающая въ Бѣлоозеро, изъ котораго по направленію къ Волгѣ вытекаетъ Шексна.

Ковжа беретъ начало въ Ковжинскомъ озерѣ и протекаетъ по уѣздамъ Кирилловскому и Бѣлозерскому, на протяженіи ста верстъ. Несмотря на то, что Ковжа особенно въ нижнемъ теченіи протекаетъ между низменныхъ береговъ, глубина ея нерѣдко достигаетъ



3 сажень, и это обстоятельство дѣлаетъ ее удобною для плаванія большихъ судовъ, и они, слѣдуя по Маринской системѣ, пользуются ея водами на разстояніи около 70 верстъ, отъ шлюза св. Александра до устья Бѣлозерскаго канала.

Войдя въ Ковжу, нашъ «Бѣлозерскъ» прибавилъ ходу. Слѣдуя по каналу, пароходы не имѣютъ права развить быстроту хода бо-



Шлюзъ св. Александра.

лѣе 6-ти верстъ въ часъ, а на Ковжѣ разрѣшается доводить ее до 9-ти верстъ.

Навстрѣчу намъ плавно двигались четырнадцать нарядныхъ коломенокъ съ длинными разноцвѣтными вымпелами и рѣзными флюгерами. Особенно была разукрашена та изъ нихъ, на которой помѣщался завѣдующій караваномъ приказчикъ. Коломенки здѣсь—сравнительно рѣдкія гости; онѣ строятся главнымъ образомъ на рѣкѣ Чусовой, притокѣ Камы, и перевозятъ въ столицу желѣзо уральскихъ заводовъ, на нихъ же частію везутъ и постное

масло. Но этихъ и подобныхъ имъ продуктовъ по системѣ идетъ очень немного, главный же грузъ составляютъ хлѣбъ и лѣсные матеріалы.

Первымъ шлюзомъ, который мы миновали на Ковжѣ, былъ Аннинскій, съ подвижнымъ мостомъ, поворачивающимся на оси для пропуска судовъ. Аннинскій мостъ, чрезъ который проходитъ трактъ на Архангельскъ, находится въ 22-хъ верстахъ отъ шлюза св. Николая. Здѣсь для пропуска пароходовъ черезъ шлюзъ назначено по расписанію извѣстное время, и пароходъ, пришедшій ранѣе срока, задерживается безъ всякой церемоніи.

По пути навстрѣчу намъ почти непрерывною линіей тянулись маринки, тихвинки, полулодки и разныя неполномѣрные суда, называемыя здѣсь межеумками.

Мы разговорились съ г. Балдинымъ о наиболѣе употребительныхъ на системѣ маринкахъ. На мѣстѣ онѣ стоятъ рублей 400—450, такелажъ обходится около 100 рублей. Для хлѣбнаго товара на палубѣ маринки строится особая двускатная крыша, и цѣна соответственно поднимается до пятисотъ рублей и болѣе. По дорожке 700 или 750 рублей маринокъ не бываетъ. Въ Петербургѣ онѣ продаются по цѣнамъ отъ полтора до трехсотъ рублей.

— Прежде бывало ихъ покупали только на дрова,—прибавилъ нашъ собесѣдникъ:—и тогда цѣна была всего около пятидесяти рублей, а теперь онѣ идутъ и на Волховъ, и на Свирь, и на другія сосѣднія рѣки. Впрочемъ даже и съ продажей въ Петербургѣ расходы на покупку и проводъ маринки по системѣ настолько значительны, что въ результатѣ является потеря въ 800—900 рублей, которая и раскладывается на товаръ. Купцы предпочитаютъ пользоваться наемными судами и свои держатъ рѣдко.

— Почему же обходится доставка хлѣба съ пуда?

— Цѣна бываетъ разная. Отъ Рыбинска до Петербурга берутъ обыкновенно отъ 10 до 12 коп. Въ неурожайные года, когда хлѣба идетъ меньше, цѣна опускается копеекъ до семи, но среднюю нормою можно считать 10 копеекъ. Кромѣ того, съ объявленной цѣнности товара въ пользу казны взимается  $\frac{1}{4}\%$ . Цѣнность товара, конечно, стараются по возможности показать ниже, но при всемъ томъ за судно съ лѣсными матеріалами приходится платить рублей 25, а за судно съ хлѣбомъ около 100 рублей<sup>1)</sup>.

— А сколько времени суда идутъ отъ Рыбинска до Петербурга?

— Какъ случится. Самое скорое—недѣль пять, а то идутъ шесть, семь и до восьми.

— Сколько пудовъ хлѣба несетъ обыкновенно маринка?

— Тысячъ восемнадцать, но бываетъ и нѣсколько больше и нѣсколько меньше. Въ полулодокъ грузится до 22 и 23 тысячъ.

<sup>1)</sup> Въ іюль 1896 этотъ налогъ отмѣненъ.

— Вѣроятно, онъ и дороже маринки?

— Значительно. За хорошій полулодокъ надо заплатить тысячи двѣ рублей, да такелажа на немъ рублей на двѣсти. Но зато одинъ и тотъ же полулодокъ выдерживаетъ до пяти и до шести навигацій.

— Гдѣ же строятся эти суда?

— Въ разныхъ мѣстахъ. Полулодки строятъ на Шекснѣ, на Судѣ, на Ковжѣ, въ Череповскомъ уѣздѣ, маринки—на Бѣлозерскомъ каналѣ и преимущественно въ верховьяхъ рѣки Кеми, устье которой мы увидимъ ниже, у села Конева.

— Сколько же полагается путинныхъ на такія суда?

— Человѣкъ отъ одиннадцати до четырнадцати, смотря по размѣру судна и грузу. Людьями тянутъ только отъ Бѣлозерска до Вытегры.

— Почему они берутъ на человѣка?

— Рублей по девяти, на хозяйскихъ харчахъ. Весною цѣна за этотъ же конецъ опускается до четырехъ рублей.

— Почему же?

— А видите ли, зимою они безъ работы живутъ впроголодь и являюся сюда сильно отощавшими, такъ что на первыхъ путинахъ стараются наѣсться вволю и ѣдятъ вдвое и втрое. Тутъ уже хозяйскимъ харчамъ приходится туго, и вслѣдствіе этого денежная плата сбавляется.

— Чѣмъ же ихъ кормятъ?

— Въ пищу имъ дается хлѣбъ, пшено, ершова сушь, изъ которой варится уха, и нѣкоторые другіе продукты, глядя по времени года.

Послѣ Аннинскаго моста мы миновали Симановскій лѣсопильный заводъ. Теперь онъ принадлежитъ уже не Симанову, а г-жѣ Матвѣевой, богадѣльню которой мы видѣли въ Вытегрѣ.

— Здѣсь вообще, во всей мѣстности, очень много лѣсопильныхъ заводовъ,—замѣтилъ г. Балдинъ:—въ Курдюкѣ Громова—паровой, въ Константиновскихъ порогахъ его же—водяной, на Удашкѣ, по Ковжѣ, заводъ Неворотина, въ Коневѣ опять Громова, въ сторону на рѣкѣ Шолѣ—заводъ Полежаева и другіе.

Погода была прекрасная. Солнышко ярко свѣтило въ голубомъ небѣ. Вокругъ зеленѣли низменные берега Ковжи. Вдали кое-гдѣ сѣрыми силуэтами выдѣлялись деревни. Въ прибрежныхъ кустахъ съ веселымъ щебетаньемъ порхали птички. Навстрѣчу намъ медленно тянулись суда, блестя на солнцѣ своею свѣтложелтою тесовою грудью. По бечевнику то двигались, раскачиваясь на каждомъ шагу, путинные, то впряженные въ бечеву лошади, расположенныя одна за другою по діагонали.

Видъ этихъ четвероногихъ труженицъ не представлялъ ничего утѣшительнаго. Худыя, заморенныя, онѣ тихо плелись вдоль берега, уныло потряхивая головами, подъ свистъ идущаго сбоку по-

гонщика. Мнѣ говорили, что цѣна самыхъ дорогихъ лошадей на системѣ не превышаетъ 35-ти рублей. Это уже, что называется,— аристократы, а есть и такія, которыя куплены за пять и даже за три рубля. Особенно жестокаго обращенія съ ними со стороны погонщиковъ я не замѣчалъ, непомѣрные же ихъ худоба и жалкій видъ происходятъ отъ тяжелой, неустанной работы и плохого питанія. Дряхлыя, истомленные, порою еле волочація ноги, онѣ представляютъ богатую пищу для такой гостыи, какъ сибирская язва, которая почти ежегодно посѣщаетъ эти мѣстности и, можно даже сказать, совсѣмъ не переводится въ нихъ. Такъ, напримѣръ, и въ этомъ году на пространствѣ между Шексною и шлюзомъ св. Николая отъ язвы уже успѣло пасть до полутора ста лошадей. По берегамъ кое-гдѣ устроены карантинныя будки, но онѣ приносятъ мало пользы, такъ какъ осмотръ ведется крайне поверхностно, а между тѣмъ на бечевникѣ творятся вещи прямо таки непонятныя. Намъ рассказывали одинъ недавній случай, происшедшій за нѣсколько дней: на бечевникѣ отъ язвы пала лошадь, и ее, вмѣсто того, чтобы поглубже закопать на мѣстѣ, волокомъ тащили двѣ съ половиною версты до карантина, заражая весь бечевникъ на этомъ разстояніи.

Но, несмотря на подобныя безобразія, совершающіяся и въ наши дни, все-таки, благодаря принимаемымъ мѣрамъ, эпидемія уже не доходитъ до такихъ страшныхъ размѣровъ, какъ лѣтъ тридцать назадъ, когда изъ двадцати тысячъ лошадей, отправлявшихъ конную тягу по системѣ, въ продолженіе одного лѣта погибло около половины, при чемъ трупы павшихъ даже не зарывались, а просто закидывались сверху землю. Во время сибирской язвы 1867 года паника на бечевникѣ дошла до того, что многіе владѣльцы лошадей разбѣгались съ ними въ разныя стороны, оставляя суда на произволъ судьбы. Теперь о такихъ бѣдствіяхъ давно уже не слышно, но, вѣроятно, долго еще придется ждать того времени, когда, благодаря санитарнымъ мѣрамъ, сибирская язва отойдетъ въ область преданій.

Миновавъ устье рѣки Тумбы, пароходъ нашъ приблизился къ Константиновскимъ порогамъ. Мы вышли на палубу.

— Не видать нонѣ пороговъ-то, — замѣтилъ одинъ изъ пассажировъ:— вода высока. Во порогахъ-то по всей Ковжѣ ни одного камешка не встрѣтишь, а тутъ ихъ порядочно накоплено.

Пароходъ вошелъ въ Константиновскій шлюзъ.

— Гляди-ко, насколько опускаться-то придется! — воскликнулъ молодой парень.

— Это еще что!—отвѣчалъ ему сосѣдъ, какъ, видимо, челоуѣкъ бывалый:—тутъ другой разъ безъ аршина на двѣ сажени спускъ бываетъ, вотъ какая кручь, а то другой разъ и на полтора аршина всего; все отъ воды зависитъ, какая вода.

Подлѣ шлюза находится лѣсопильный заводъ Громова, принадлежащій Ратькову-Рожнову. За шлюзомъ бечевникъ перешелъ на лѣвую сторону. Берега Ковжи становились все ниже, и сама она значительно расширилась.

На палубѣ шелъ разговоръ о лѣсахъ.

— Да, подбираются нонѣ лѣса-то, — замѣтилъ одинъ изъ мужичковъ.

— Не подбираются, а ты скажи, что вовсе подобрался, — поправилъ его другой. — Вѣдь теперь лѣсъ-то, почитай, только въ ка-



Анинскій мостъ.

зенныхъ дачахъ и остался, а у частныхъ владѣльцевъ только мелочь да дрова. Еще лѣтъ пятнадцать назадъ дрова-то бывали до 16 вершковъ въ вершинѣ, а длинный тройникъ и тройникъ съ аршиномъ. Меньше, какъ въ 5 вершковъ, и не брали. А теперь и пятивершковые въ честь вошли; уже если пять-то вершковъ, такъ это хорошее дерево считается.

— Лѣсъ хуже, а цѣна дороже.

— А вотъ какъ я тебѣ скажу: въ двадцать лѣтъ въ двадцать разъ и подорожалъ, — вѣрно. Въ Вѣлозерскомъ одинъ мужичекъ, — теперь ужъ онъ въ мѣщане приписался, — купилъ двадцать лѣтъ назадъ лѣсъ за четыре, за пять тысячъ, а теперь взялъ за него сто, — такъ вотъ и считай.

Утомленные бессонною ночью у Марьи Ивановны, мы спустились въ каюту и прилегли отдохнуть. Въ это время пароходъ успѣлъ миновать селенія Курдюкъ, Удожь и Титло.

Мы проснулись подъ Коневымъ (въ 74 верстахъ отъ плюза св. Николая).

На берегу мелькнула одинокая труба оставленнаго лѣсопильнаго завода, точно обелскъ, воздвигнутый среди лѣсной просѣки, и вскорѣ показалось Коневу, расположенное на лѣвомъ берегу, но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки. Въ Коневѣ помѣщается волостное правленіе, и мѣсто здѣсь вообще довольно бойкое.

Надъ устьемъ впадающей въ Ковжу рѣки Кемы виднѣлось большое зауценное и обветшавшее зданіе, похожее на сарай. Когда-то здѣсь были трактиръ и питейное заведеніе, любимое мѣсто собраній здѣшнихъ судовщиковъ и рабочихъ, но, угощая другихъ, хозяинъ не могъ противостать искушенію угоститься и самому, и кончилъ тѣмъ, что окончательно спился съ кругу. Заведеніе закрылось. Публика попробовала было перекочевать къ сторожу, который жилъ неподалеку у перевоза. Но черезъ нѣсколько времени и сторожъ не устоялъ и началъ спиваться. Такъ и закрылось Коневское пристанище.

У пристани на берегу толпилось много народа: мужчинъ, бабъ и дѣвушекъ. Послѣднія впрочемъ не столько интересовались парходомъ, сколько стоявшею у берега лодкою, въ которую садился молодой, веселый парень, Киря, повидимому, общій ихъ любимецъ. «Киря! Киря!» — голько и слышатся ихъ чистые, звонкіе голоса. Смѣхъ и шутки подлѣ лодки не прекращались. Наконецъ Киря уѣхалъ, и дѣвушки поуспокоились.

Неподалеку отъ Конева въ Ковжу впадаетъ рѣка Шола, на берегахъ которой проживаетъ одинъ крупный лѣсовладѣлецъ. Съ нимъ, по словамъ мѣстныхъ жителей, случилось то же, что и съ вышеупомянутымъ бѣлозерскимъ мужичкомъ. Въ прежнія времена онъ накупилъ нѣсколько лѣсныхъ дачъ по прежнимъ дешевымъ цѣнамъ, а теперь цѣнность ихъ возросла до полутора милліона. Вообще, говорятъ здѣшніе обыватели, и теперь еще на лѣсѣ можно нажить очень хорошія деньги, но для этого надо затратить капиталъ и, не рассчитывая на доходъ съ него, терпѣливо выжидать время. Лѣсъ и теперь продается здѣсь на вырубку отъ 5 до 100 рублей за десятину. Разница въ цѣнѣ зависитъ отъ качества лѣса и стѣ близости его къ сплавной рѣкѣ. Дровяной же лѣсъ по Ковжѣ продается по 10, 15 рублей за десятину, но, купивъ его, надо вооружиться большимъ терпѣніемъ, такъ какъ лѣсъ растетъ здѣсь очень долго (вслѣдствіе чего цѣна его на срубъ или въ вѣчное владѣніе съ землею, почти одна и та же, такъ какъ земля здѣсь почти не цѣнится). Если купить лѣсъ по 10 рублей, срубить его и начать продавать, то польза будетъ пока очень небольшая; весь секретъ наживы заключается въ выдержкѣ. Слушая эти рассказы, мнѣ невольно припомнился пушкинскій скупой рыцарь. Вотъ въ какой сундукъ слѣдовало бы вложить ему свои богатства. Много бы де-

негъ нажилъ современемъ старикъ, если бы только не одолѣли его платежи земскихъ повинностей, а сборы эти поднимаются годъ отъ года. Бюджетъ бѣлозерскаго земства выражался прежде цифрою 30.000 рублей, а теперь онъ возросъ до 120 тысячъ.

Солнце начинало спускаться къ западу, и небо покрылось вечернимъ золотистымъ отблескомъ. Навстрѣчу намъ тянулась партія барокъ, очевидно, знакомыхъ нѣкоторымъ изъ палубныхъ пассажировъ. Наверху слышались возня и топотня; пароходъ сильно накренился въ сторону барокъ, это значило, что публика прихлы-



Шлюзъ Польза. (Начало Бѣлозерскаго канала).

нула къ одному борту. Слышались громкіе спѣшные переговоры, оклики, вопросы, переспросы, отвѣты и т. п. Барки давно уже остались позади, а съ парохода все еще неслись зычные крики:

— Гдѣ? Въ Чѣлекѣ, говоришь?—А?—Что?..

Наконецъ барки удалились, и публика мало-по-малу успокоилась.

Прошелъ громовскій буксиръ «Михаилъ» со своими судами. Буксиры здѣсь составляютъ исключеніе, всѣ они собственные и могутъ работать только на своихъ владѣльцевъ; наемная буксирная тяга, во избѣжаніе подрыва конной и людской тягѣ, здѣсь не допускается.

Ковжа, что дальше, то становилась шире. Впереди налѣво обрисовалась широкая низина Бѣлаго озера, къ которому вдали сворачивало теченіе Ковжи, а направо показались ворота шлюза «Польза», по которому суда входятъ въ обходной Бѣлозерскій каналъ.

Каналь этотъ, оконченный въ 1846 году, является настоящимъ благодѣяніемъ для судоходства по системѣ. До конца сороковыхъ и начала пятидесятихъ годовъ, пока не были устроены каналы Онежскій и Бѣлозерскій, плаваніе по системѣ далеко нельзя было считать безопаснымъ, такъ какъ на обоихъ озерахъ въ каждую навигацію погибалъ не одинъ десятокъ судовъ. Особенно много аварій бывало на Бѣломъ озерѣ, во время сорокаверстнаго перехода отъ истока Шексны до устья Ковжи.

Занимая пространство въ 986 квадратныхъ верстѣ, озеро настолько мелко, что средняя глубина его не превосходитъ двухъ съ половиною аршинъ, а при устьѣ Ковжи имѣетъ всего три фута. Благодаря своимъ низменнымъ берегамъ, оно открыто для всѣхъ вѣтровъ, которые производятъ на немъ такія опасныя волненія, что встарину дно его было усыяно обломками всевозможныхъ судовъ, разбитыхъ объ его песчаное, хрящеватое дно.

Въ виду мелководности озера всѣ суда, шедшія по Шекснѣ, перегружались въ болѣе мелкія лодки-бѣлозерки. Перегрузка эта происходила въ посадѣ Крохинѣ, расположенномъ близъ выхода Шексны изъ озера.

По мѣстному преданію, Крохинскій посадъ возникъ на мѣстѣ древней столицы Синейса, которая будто бы была расположена надъ Шексною. Достоверно извѣстно, что, начиная съ XIII столѣтія, здѣсь существовалъ Троицкій Устьшехонскій монастырь, упраздненный въ 1764 году. Само Крохино сначала подъ именемъ села упоминается въ грамотѣ 1673 года, какъ составляющее владѣніе Оерапонтова монастыря, а почти черезъ сто лѣтъ, именно въ 1777 году, оно переименовано въ посадъ. Крохинцы искони занимались рыбною ловлею и работою на судахъ, шедшихъ изъ Шексны въ Бѣлоозеро, но главный ихъ доходъ составляли аваріи, и чѣмъ несчастнѣе былъ годъ для судоходства, тѣмъ болѣе наживались крохинскіе жители. Разсказываютъ, что въ Крохинѣ на берегу озера была устроена особая вышка, съ которой купцы и ихъ приказчики съ трепетомъ слѣдили въ подозрныя трубы за переправою своихъ каравановъ по озеру, и если суда благополучно достигали устья Ковжи, съ вышки раздавалось громкое «ура», въ противномъ же случаѣ съ нея неслись отчаянные крики, вопли и ругательства. Съ устройствомъ Бѣлозерскаго канала все это разомъ прекратилось; товаровладѣльцы вздохнули свободнѣе, но Крохинскій посадъ съ того времени началъ бѣднѣть и опускаться.

Каналь прорытъ на разстояніи 63 верстѣ. Начинаясь отъ шлюза «Польза», онъ оканчивается шлюзомъ «Безопасность» на Шекснѣ, противъ мѣстечка Чайка, отъ котораго и начинается шекснинское пароходство до Рыбинска. Посредствомъ рѣки Куности каналъ обильно питается водою изъ трехъ небольшихъ озеръ, и уровень его выше, чѣмъ въ Ковжѣ, что же касается до Шексны,



то въ нее суда спускаются даже двумя уступами на шлюзахъ: Удобство и Безопасность. Къ этимъ двумъ шлюзамъ относится острога, приписываемая графу Клейнмихелю. Черезъ нѣсколько времени послѣ открытія канала случилось, что по какимъ-то причинамъ неподалеку отъ шлюзовъ затонуло судно. На донесеніи объ этомъ случаѣ графъ Петръ Андреевичъ, бывший тогда главноуправляющимъ путями сообщеній и публичными зданіями, положилъ



Памятникъ на Бѣлозерскомъ каналѣ на берегу Бѣлоозера.

будто бы резолюцію: «За такую неудобную безопасность посадить начальника дистанціи на гауптвахту, на двѣ недѣли».

Впрочемъ аварии съ судами случаются и въ наше время. Во время пути по Ковжѣ мы не одинъ разъ видѣли затонувшія, прилупнутыя къ берегу барки. У одной маринки былъ расколотъ правый бортъ близъ носа. Хлѣбъ уже былъ сложенъ на берегу. На водѣ сновали крестьянскіе трешкотики, подобно воронамъ, почуявшіе добычу. Нѣкоторые изъ мужичковъ торговали сложенный хлѣбъ у агента страхового общества. Всѣ были веселы.

— Нынче судовъ съ весны много перетонуло, — замѣтилъ пароходный офиціантъ.

— Отчего бы имъ тонуть? Вѣдь камней здѣсь, кажется, нѣтъ?

— А тонуть оттого, что хлѣбъ-то купленъ дорого, а цѣны упали; застраховано по высокой цѣнѣ, — вотъ и тонуть.

Деньги страховыя общества выдаютъ, по слухамъ, безъ споровъ и безъ суда. Страхуется только товаръ, самыя же суда въ страховку не принимаются. Товаръ, отправляемый въ полулодкѣ, какъ въ суднѣ болѣе крѣпкомъ, облагается меньшею страховою преміей, чѣмъ товаръ въ маринкѣ. Затонувшій хлѣбъ вытаскивается на берегъ, сушится и продается обществомъ съ убыткомъ рубля по два и по три на куль.

На каждое судно, идущее по системѣ, полагается трое людей: шкиперъ, завѣдующій рулемъ, и два коренныхъ, которые исправляютъ остальные службы: выливаютъ воду, слѣдятъ за бечевой, отпускаютъ брандукъ, помогаютъ въ трудныхъ мѣстахъ рулевому и т. п. Рули здѣсь настолько массивны и длинны, что управляютъ ими, сплошь и рядомъ, не прямо рукою, а съ помощью длиннаго багра, особливо при крутыхъ поворотахъ, когда приходится класть руль «на бортъ».

Мы давно миновали деревню Круглую, расположенную при вхождѣ въ Вѣлозерскій каналъ. Вдали налѣво долгое время виднѣлась церковь Николая Чудотворца на устьѣ рѣки Ковжи, въ четырехъ верстахъ отъ канала. Навстрѣчу намъ попрежнему, то и дѣло, попадались суда, большею частію съ хлѣбомъ. Встрѣтились на бечевникѣ и бабы въ разноцвѣтныхъ костюмахъ, тащившія громовскіе плоты до шлюза, откуда ихъ долженъ буксировать уже пароходъ. Наши палубные кавалеры не преминули отпустить имъ нѣсколько шуточныхъ комплиментовъ. Далѣе опять плоты, опять бабы. Эта партія, вѣроятно, помоложе; онѣ веселѣе и тянутъ плоты даже съ пѣсней. Издали точно куча разноцвѣтнаго тряпья раскачивается во всѣ стороны на бечевѣ. Впрочемъ женщины въ роли путинныхъ попадаютъ здѣсь очень рѣдко.

Пока палубная публика, вверху надъ нами, развлекалась лице-зрѣніемъ прекраснаго пола, на носу подъ окнами нашей каюты матросы собрались въ кружокъ и пили чай. Одинъ изъ нихъ молодой, симпатичный парень, Кузя, рассказывалъ товарищамъ о какомъ-то коноводѣ, который уже свелъ въ карантинъ двухъ лошадей: «чаленьку да другу ощо».

— А тутъ,— продолжалъ онъ:— судно, на грѣхъ, посадили, не пускаютъ его. Ходитъ въ растрепанныхъ чувствахъ.— «Сходи», говоритъ, «Кузя, къ нашимъ; писать я не могу, а ты передай ужъ имъ самъ». Да коли бы не судно, ушелъ бы ходомъ, а теперь не знаетъ, что и будетъ.

У берега стоялъ крестьянскій трешкотъ съ койками для лошадей. Перегонъ на тягѣ назначается имъ отъ 10 до 20 верстъ, затѣмъ въ судно впрягаются другія лошади, а прежнія ставятся въ трешкотъ и везутся обратно по каналу за новыми судами.

— Кузя, а Кузя!— окликнулъ матроса мужичекъ, стоявшій на берегу подлѣ трешкота:— будь другъ, сбѣгай къ намъ домой да захвати пилу.

— Есть мнѣ время ходить!—усмѣхнулся Кузя, но тутъ же и успокоилъ мужичка:—ладно ужъ схожу, такъ и быть. Добуду, такъ привезу.

— Какая это деревня налѣво?—спросилъ я.

— Это Мегрѣ,—отвѣчалъ онъ,—и рѣчка тоже Мегрѣ же, а вонъ еще лѣвѣе-то церковь, это будетъ Кустово.

— А что это за каменные два домика по берегу, противъ Мегрѣ?



— А тутъ въ прежнія времена начальство проживало. Теперь начальства въ нихъ нѣтъ, а есть земское училище.

Въ Мегрѣ мы миновали плотину и построенные недалеко отъ берега рыболовные амбарчики. Налѣво въ полуверстѣ виднѣлось озеро, по которому, какъ бѣлые зайчики, пробѣгали волны, хотя вѣтеръ былъ и не особенно сильный. Поля кругомъ затоплены разливомъ. Мѣстность ровная, низменная. Крестьяне занимаются здѣсь и хлѣбопашествомъ и рыбной ловлей.

По поводу рыбной ловли нашъ сосѣдъ по каютѣ сообщилъ намъ нѣкоторые свѣдѣнія объ извѣстныхъ на всю Россію бѣлозерскихъ сниткахъ. Они ловятся зимою отъ Филиппова заговѣнья

(14 ноября) до масленицы неводами подо льдомъ и въ сыромъ видѣ продаются отъ двухъ до четырехъ рублей за пудъ. Хотя при сушеніи снитокъ убываетъ приблизительно только на четверть своего вѣса, такъ что изъ пуда свѣжаго снитка получается 30 фунтовъ сушеннаго, тѣмъ не менѣе сушеный цѣнится гораздо выше, и цѣна его доходитъ до 8 рублей за пудъ, хотя въ дешевое время этотъ же пудъ можно получить и за 3 р. 50 коп. Въ хорошій годъ снитки на Бѣломъ озерѣ вылавливается до 2.000 пудовъ. Кромѣ снитка, здѣсь водятся: лещи, судаки, окуни, щуки, налимы, язи, ерши, стерлядь и другая рыба. Стерлядь ловится главнымъ образомъ весною, какъ только сойдетъ ледъ,—«со льдомъ», какъ говорятъ здѣсь,—такой ловъ называется погоней. Въ это время стерлядь держится въ одномъ мѣстѣ, кучами, и ловъ ея бываетъ очень прибыленъ. Лучшею изъ всѣхъ русскихъ стерлядей признается шекснинская, или, какъ здѣсь произносятъ: шехонская, а на самой Шекснѣ лучшею считается та, которая водится въ ея верховьяхъ.

Солнце уже скрылось за горизонтомъ, когда мы миновали деревню Чалексу, расположенную одной своей частью на каналѣ, а другою—на озерѣ. Вскорѣ и совсѣмъ стемнѣло. Наши верхніе пассажиры очевидно успѣли достаточно подкрѣпиться на сонъ грядущій, такъ какъ говоръ и шумъ, доносившіеся къ намъ въ открытыя окна, становились все громче и громче.

— Это что жъ такое? Раза два сгрубилъ и сейчасъ драться?— протестовалъ чей-то голосъ.

— Я не дрался, не ври, Алексѣй,—оправдывался другой:—я только махнулъ рукой вотъ и все, а ты не ври.

— Уведите эту кокарду,—кричалъ третій:—а то всѣ зубы вышибу... Ты Кирилловскаго уѣзда, а мы сами бѣлозерскіе, ты привязывайся-то въ лѣсу, а не здѣсь.

— Вѣдь на пароходѣ будетъ, ну, и значитъ—правило!—резонерствовалъ кто-то.—Мы вѣдь не путинные; тѣ дѣйствительно ничего не смыслятъ, а мы правило во-какъ знаемъ,—буфетъ, ну, и значитъ—правило!

За Чалексой пароходъ присталъ къ берегу заpastись дровами. Пользуясь случаемъ, нѣкоторые изъ спорившихъ вышли на берегъ освѣжиться, но споры ихъ продолжались и на пристани. Дѣло кончилось тѣмъ, что одинъ изъ нихъ, схвативъ въ руки по полѣну, вдумалъ угощать ими своихъ собесѣдниковъ, заявляя, что смѣяться надъ собою онъ никому не позволитъ.

Наконецъ дрова были взяты, воитель обезоруженъ и отведенъ опять на пароходъ, и мы тронулись далѣе.

Разговоры на верхней палубѣ стали затихать. Кругомъ, въ сумеркахъ лѣтней ночи, простиралась та же ровная, скучная низина. Смотрѣть было нечего, и оставалось только послѣдовать при-



Городъ Бѣлзержскъ.

мѣру нашихъ верхнихъ сосѣдей, которые окончательно затихли и, повидимому, улеглись на покой.

Насъ разбудили шумъ и движеніе, снова поднявшіеся на верхней палубѣ, но на этотъ разъ причина шума была совершенно мирнаго характера: было пять часовъ утра, и пароходъ подходилъ къ Бѣлозерской пристани. Наскоро одѣвшись, мы простились съ нашимъ любезнымъ спутникомъ по каютѣ и вышли на берегъ поискать попутчика въ г. Кирилловъ, такъ какъ хотѣли посѣтить находящуюся тамъ извѣстную обитель св. Кирилла Бѣлозерскаго. Попутчикъ въ толпѣ нашелся, но онъ былъ одинъ и, пользуясь отсутствіемъ конкуренціи, заломилъ съ насъ такую цѣну, что мы рѣшили взять почтовыхъ.

Оставивъ вещи на пристани, мы пошли посмотрѣть городъ. На берегу неподалеку находилось зданіе съ надписью: «канцелярія завѣдующаго бѣлозерскимъ судоходствомъ», и почти противъ нея, по ту сторону канала возвышался въ видѣ обелиска памятникъ въ честь открытія этой спасительной для судовъ обходной линіи вокругъ Бѣлоозера, широкая гладь котораго начиналась тотчасъ же позади памятника, покрытая бѣгавшими по ней бѣлогривыми волнами. Общій цвѣтъ озера, благодаря песку, покрывающему его мелкое дно,—изкрасна сизоватый, а бѣлымъ оно названо чуть ли не по бѣлымъ цѣнистымъ волнамъ, почти постоянно покрывающимъ его поверхность.

Мы повернули отъ берега въ улицу, обрамленную двумя рядами невысокихъ деревянныхъ домиковъ. Городъ еще спалъ, и по нему только разносилось мычаніе вернувшихся изъ ночного коровъ. Впереди въ концѣ улицы виднѣлась большая земляная насыпь. Это былъ древній городской валъ, составляющій чуть ли не главную историческую достопримѣчательность Бѣлозерска.

Валъ этотъ насыпанъ въ половинѣ XIV вѣка, когда городъ былъ перенесенъ сюда послѣ мороваго повѣтрія, извѣстнаго въ лѣтописяхъ подъ именемъ «черной смерти». До того времени Бѣлозерскъ находился въ 15 верстахъ далѣе при истокѣ Шексны изъ озера и былъ расположенъ главнымъ образомъ на правомъ берегу ея, гдѣ въ названіяхъ ручьевъ—Васильевскій, Андреевскій, Николаевскій,—сохранилась память о стоявшихъ надъ ними церквахъ. Въ древности Бѣлозерскъ, — или, какъ его называли, Бѣлоозеро,—былъ главнымъ городомъ племени «весь», которое участвовало въ призваніи князей и было настолько значительно и многочисленно, что править имъ Рюрикъ послалъ своего родного брата. Въ удѣльный періодъ Бѣлозерскъ долгое время составлялъ часть ростовскихъ владѣній, пока въ 1238 году не выдѣлился въ самостоятельное княжество. Въ него, кромѣ самого Бѣлоозера, входили города Устюгъ и Вологда и много селъ, напримѣръ: Вадбола, Ухтома, Бѣлое село, давшихъ впоследствии свои названія

княжескимъ родамъ Вадбольскихъ, Ухтомскихъ, Бѣлосельскихъ, происходившихъ отъ князей Бѣлозерскихъ, родоначальникомъ которыхъ можно считать перваго самостоятельнаго бѣлозерскаго князя Глѣба Васильковича. Во время Мамаева нашествія четверо изъ здѣшнихъ князей пошли на помощь Дмитрію Донскому и сложили головы на Куликовомъ полѣ. Черезъ девять лѣтъ послѣ того Дмитрій Донской отказалъ въ завѣщаніи Бѣлозерскую область сыну своему Андрею Можайскому, послѣ котораго княжилъ здѣсь Михаилъ Берейскій, завѣщавшій свое княжество



Шексна. Никитскій монастырь. Городокъ.

Іоанну III и такимъ образомъ закрѣпившій его за Москвою. Вступивъ во владѣніе Бѣлозерскою областью, великій князь Иванъ Васильевичъ велѣлъ обнести валъ города,—уже болѣе ста лѣтъ находившагося на новомъ мѣстѣ,—деревянными стѣнами, и этотъ рубленый городъ существовалъ на валу около-трехсотъ лѣтъ, т.-е. до половины XVIII столѣтія. Вотъ въ какомъ видѣ застала его опись 1718 года: «по валу стѣна рублена была въ углѣ, въ клѣткѣ, погнила и развалилась, только стоитъ шесть башенъ, и тѣ погнили, и тесь бурей поломало». Въ 1758 году укрѣпленіе было разобрано.

Мы поднялись на пустынный, уныло возвышающійся посреди города валъ. На немъ все было тихо и мертво. Кругомъ ни души, ни звука; даже птицъ не слышно. Только легкій вѣтерокъ покачивалъ стебли растущей на вершинѣ вала травы, да солнышко, под-

нимаясь въ небѣ, обливало своимъ теплымъ свѣтомъ молчаливую, дремлющую твердыню.

Валь имѣетъ форму прямоугольника, въ которомъ сѣверная и южная стороны нѣсколько длиннѣе восточной и западной. Впрочемъ форма его довольно неправильна, и углы, благодаря закругленіямъ, мало замѣтны. Мы смѣрили длину его шагами и получили длину около 540 сажень. Съ востока, сѣвера и запада въ насыпи есть прорывы. Должно быть, здѣсь въ старину были ворота и проѣзды внутрь вала, середина котораго, вѣроятно, была заселена. Теперь въ ней одиноко стоятъ двѣ церкви, два-три домика священнослужителей и нѣсколько въ сторонѣ острогъ. Остальное занято частію огородами, частію небольшими прудами, но въ главныххъ своихъ частяхъ представляетъ огромный, унылый пустырь.

Видъ съ вала на раскинутый внизу городъ и служащее ему фономъ Бѣлоозеро красивъ и поэтиченъ. Обиліе церквей, скопившихся преимущественно въ восточной сторонѣ отъ вала, придаетъ ему чисто русскій, типичный характеръ. Городокъ впрочемъ не великъ и насчитываетъ въ себѣ не болѣе 6.000 жителей обою пола.

На колокольнѣ одной изъ церквей внутри вала ударили къ заутренѣ; звуковыя волны плавно полились въ утреннемъ воздухѣ, будя окрестное населеніе. Вскорѣ заблаговѣстили и въ другихъ церквахъ. Городъ началъ просыпаться. Внизу стали показываться люди, направлявшіеся изъ одной части города въ другую. Очевидно дорожка внутри вала, упирающаяся концами въ свободные проходы, продѣланные въ насыпи, служить средствомъ сообщенія восточной стороны города съ западною. Мы спустились на эту дорожку и дошли по ней до церкви, гдѣ начался благовѣсть. Церковь оказалась Преображенскимъ соборомъ, а другая, смежная съ нею, имѣетъ два престола: Василя Великаго и Николая чудотворца. Соборъ имѣетъ древній, почтенный видъ и, судя по внѣшности, построенъ никакъ не позднѣе конца XVII столѣтія, но очень легко можетъ быть, что онъ и древнѣе.

Войдя въ городъ, мы еще побродили по улицамъ, полюбовались внѣшнею отдѣлкой карнизовъ въ церкви Спаса, находящейся ближе къ озеру и представляющей интереснѣйшій матеріалъ для любителя старой русской архитектуры, и отправились на почтовую станцію. Тамъ намъ дали лихую тройку коней, и мы, заѣхавъ на пароходную пристань за вещами, тронулись по дорогѣ въ Кирилловъ.

Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь уже была описана мною ранѣе на страницахъ «Историческаго Вѣстника»<sup>1)</sup> и потому повторять ее не стану, а прямо перейду къ описанію нашего дальнѣйшаго путешествія по Маринской системѣ.

<sup>1)</sup> «Пятистолѣтіе Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря», см. «Историческій Вѣстникъ», 1897 г., июль и августъ, т. LXIX.





Горлицкий женский монастырь.

## XII.

## На Шекенѣ.

«Княжню иноку Евдокію (оудѣлаа),  
иноку Марію, иноку Александру. По-  
топлены въ горахъ въ Шекенѣ рѣкѣ  
повелѣніемъ царя Іванна».

Синодикъ Грознаго.

Простившись съ сѣвѣрною лаврою преподобнаго Кирилла, мы повернули къ Шекенѣ, протекающей въ семи верстахъ отъ обители. Ближайшею цѣлью нашей былъ женскій Горицкій монастырь, расположенный надъ самою Шексною, верстахъ въ тридцати пяти ниже Чайки и устья Бѣлозерскаго канала.

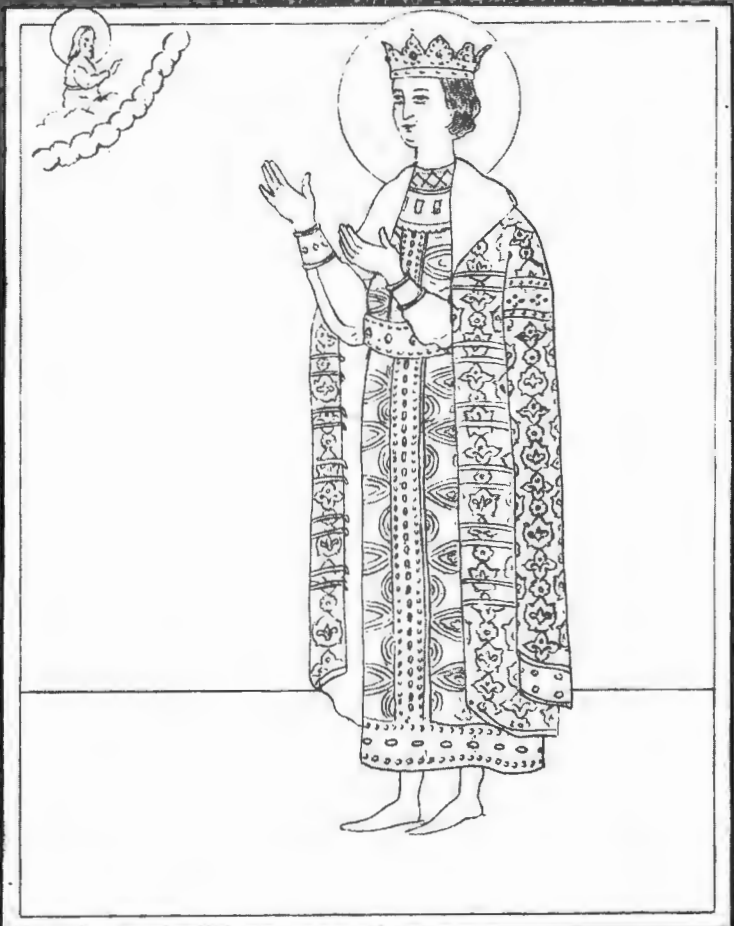
Не успѣли мы проѣхать и получаса, какъ впереди красивымъ изгибомъ свернула передъ нами Шексна, протекавшая между двумя высокими холмами. Вершины холмовъ были увѣнчаны двумя церквями. На холмѣ нашего, лѣваго берега стоялъ погостъ, носящій названіе Городка, а на правомъ—погостъ Никитскій. Въ началѣ XVII вѣка здѣсь находился мужской монастырь, игумень и братія котораго были перерѣзаны поляками въ смутную годину междуцарствія. Дорога свернула вдоль Шексны, и черезъ нѣсколько минутъ мы спустились къ Горицамъ, расположеннымъ, какъ я уже сказалъ, надъ самою рѣкою.

Проѣхавъ подъ бѣлою каменною стѣною женскаго монастыря, возница повернулъ направо къ пристаня и, лихо осадивъ передъ нею коней, занялся переноскою нашихъ вещей, а мы, узнавъ, что пароходъ изъ Чайки приходитъ сюда часовъ въ шесть, въ семь, отправились на осмотръ монастыря: было еще только четыре часа дня, и времени до прихода парохода оставалось довольно.

Воскресенскій Горицкій монастырь основанъ дядею Іоанна Грознаго, княземъ Андреемъ Ивановичемъ Старицкимъ, при чемъ дѣятельное участіе въ устройствѣ обители принимала и супруга князя, Евфросинія Андреевна. Когда Иванъ Васильевичъ сталъ косо поглядывать на сына ихъ и своего двоюроднаго брата Владимира Андреевича, княгиня Евфросинія пришлось оставить Москву (мужа ея, князя Андрея, уже не было въ живыхъ), уединиться въ свою Горицкую обитель и здѣсь постричься съ именемъ Евдокіи. Но племянникъ и здѣсь не забылъ своей тетки. Расправившись съ ея сыномъ Владимиромъ Андреевичемъ, онъ послалъ въ Горицы распоряженіе утопить въ Шекенѣ инокиню Евдокію, да кстати и свою невѣстку Гуліанію (въ мѣрѣ Александру, вдову его брата Юрія Ивановича),—царское распоряженіе было исполнено въ точ-

ИСТОРИЯ СВЯТЫХ ЦАРЕВЪ И ЦАРИЦЪ

МОНАХЪ И С. ШКОЛЪ.



ности, и двѣ беззащитныя женщины окончили жизнь мученическимъ образомъ. Здѣсь же, въ 1606 году, пострижена и несчастная дочь царя Бориса, Ксенія Годунова, переведенная впослѣдствіи Шуйскимъ во Владимиръ. Немало женскихъ слезъ пролилось въ Горицахъ. Сюда же любила прѣзжать и еще одна страдальца того тяжелаго времени, отвергнутая мужемъ, лишенная сына, насильно постриженная царица Марія Ѳеодоровна Нагая. Она часто и подолгу гостила здѣсь и на память о себѣ пожертвовала въ монастырь образъ своего мученика сына, Дмитрія царевича.

Въ настоящее время, благодаря помощи благотворителей, древняя обитель возобновлена, обстроена, украшена и оставляетъ по себѣ очень пріятное впечатлѣніе.

Мы вошли въ святыя ворота и направились къ главному Воскресенскому храму, современному основанію самаго монастыря и построенному въ 1544 году. Въ монастырѣ благовѣстили къ вечернѣ, и двери храма были отперты. Внутренность собора, вѣроятно, съ теченіемъ времени, подвергалась неоднократнымъ переделкамъ и перестройкамъ, такъ что отъ древнихъ временъ въ немъ осталось лишь очень немногое. Въ храмѣ въ ожиданіи службы уже сидѣло нѣсколько монахинь, которыя любезно предложили намъ свои услуги при осмотрѣ достопримѣчательностей. Онѣ провели насъ въ пристройку, примыкающую къ сѣверной сторонѣ храма, въ которой устроенъ придѣлъ во имя св. Дмитрія царевича. Это небольшое зданіе возведено царицею Маріею Нагою. По словамъ монахинь, здѣсь же рядомъ будто бы были и ея кельи. Образъ царевича въ иконостасѣ писанъ по ея заказу. Въ алтарѣ за престоломъ намъ показали образъ Тихвинской Божіей Матери, перенесенный въ Горицы изъ разрушеннаго поляками Никитскаго монастыря. Кромѣ придѣла въ память своего сына, царица Марія, по словамъ матушекъ, устроила на свои средства еще два придѣла: Одигитріи смоленской и преподобнаго Кирилла; она же построила и монастырскую колокольню. Въ придѣлѣ Одигитріи намъ указали мѣстную икону Божіей Матери, которая, будто бы, сама приплыла по Шекснѣ, поднимаясь противъ теченія.

Осмотрѣвъ придѣлы, мы вошли въ главный храмъ, очень небольшой по размѣрамъ. На стѣнѣ у лѣваго клироса, довольно высоко отъ пола, находится образъ Николая чудотворца.

— Вотъ,—замѣтила старушка монахиня:—хотѣли угодничка-то со стѣнки снять, а онъ и не пошелъ со стѣнки.

— Отчего же?

— Да такъ ужъ—захотѣлъ на стѣнкѣ остаться, ну, и не пошелъ.

За правымъ клиросомъ у окна торчалъ изъ стѣнки конецъ какого-то бруса.

— А тутъ, говорятъ, паны коней привязывали, — объяснила старушка.

Мы вернулись въ западную часть, пристроенную къ храму впоследствии. Старушка подвела насъ къ копнѣ съ Ахтырской иконы Божіей Матери.

— Это вотъ тоже икона примѣчательная,—заговорила она:— въ Харьковской губерніи вышелъ священникъ покосить и только размахнулъ косой, глядитъ и чиркнулъ по доскѣ, а изъ доски-то



Шексна подь Горицами.

кровь. Доска расколота, а на ней икона. А какъ сложилъ вмѣстѣ, икона-то опять, какъ срослась.

Здѣсь же въ западной части сопровождавшія насъ матушки показали намъ роскошно вышитую плащаницу. Она работана греческими мастерицами, сестрами Либеріосъ, и поднесена императору Александру I, который пожертвовалъ ее въ Горицкую обитель. Плащаница была прислана сюда при письмѣ князя Голицына на имя игуменіи Маврикіи, помѣченномъ 6-мъ мая 1823 года.

Поблагодаривъ матушекъ за любезныя указанія, мы прошли въ зимнюю Троицкую церковь. Здѣсь мы застали только прибирающую церковь послушницу и получили отъ нея нѣкоторыя свѣдѣнія относительно храма. Кромѣ главнаго престола во имя св. Троицы, здѣсь устроено еще два небольшихъ придѣла: Владимирской

Божіей Матери и Всѣхъ Святыхъ, оба на хорахъ. Въ лѣвой сторонѣ храма у стѣн помѣщается деревянная гробница съ надписью: «Здѣсь покоятся великія княгини: 1-я во иночествѣ Евдокія, 2-я Тульїїя, бывшая Александра. 1569 года октября 15 дня сін инокини, по волѣ царя Іоанна Васильевича Грознаго, утоплены въ рѣкѣ Шекснѣ, которая протекаетъ близъ Горницкаго монастыря. Именитыя утопленницы плыли противъ воды и были взяты и погребены съ подобающею честью, какъ царскія особы».

На правой сторонѣ церкви послушница указала намъ могилу мѣстно чтимой схигуменїи, Марїи Ходневои, скончавшейся въ 1861 году, 84 лѣтъ отъ роду.

Служба въ обители управляется священниками приходской церкви Введенія, находящейся почти у самыхъ монастырскихъ воротъ на берегу Шексны. Относительно службъ на первой недѣлѣ великаго поста здѣсь соблюдается слѣдующее правило: съ наступленіемъ понедѣльника монастырскія ворота запираются; всякое сообщеніе съ міромъ прекращается, и матушки отправляютъ всѣ богослуженія сами, безъ священника. Онъ приходитъ только въ среду—отслужить преждеосвященную обѣдню, къ которой допускаются и молящїеся міряне. Затѣмъ ворота снова запираются и остаются закрытыми до пятницы, когда служится вторая обѣдня, и сообщеніе снова прекращается до субботы.

Въ монастырѣ устроено общежитіе. Каждая иночествующая получаетъ отъ обители келью, столъ въ общей трапезѣ, отопленіе, освѣщеніе, мыло и «обутки» (обувь) по одной парѣ въ годъ, одежда же и чай должны прїобрѣтаться на собственныя средства.

Къ обители приписано въ окрестности нѣсколько пустынекъ и угодій, наиримѣръ, въ деревнѣ Никулнѣ, въ Фетиньнѣ, на острову Ворбозомскаго озера и другія. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются небольшія церкви. Всего придѣловъ въ монастырѣ и пустыняхъ считается 23, и въ крестныхъ ходахъ каждый разъ участвуютъ 23 иконы.

Въ числѣ благотворителей обители особенно выдѣляется родъ Клементьевыхъ, построившихъ каменную ограду и жилые корпусы. Къ этому роду принадлежала скончавшаяся недавно монахиня Асинефа, память которой пользуется здѣсь большимъ уваженіемъ. По словамъ послушницы, она обладала даромъ прозорливости, и бѣсноватые въ корчахъ нерѣдко выкликали ея имя.

Изъ церкви послушница провела насъ въ трапезную, помѣщающуюся подъ Воскресенской церковью. Изъ трапезницы мы прошли въ монастырскую кухню и тамъ познакомились съ поварами, которыя угостили насъ монастырскою родниковою водою. Онѣ рассказали намъ, что воду изъ Шексны не берутъ, что всю обитель питаетъ свѣтлый родникъ, вода котораго проведена теперь по чугуннымъ трубамъ, пожертвованнымъ одною благодѣ-



Череповецъ. Соборъ съ моста.

тельницею, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ. Показали намъ и самый родникъ.

Вообще, къ чести нашихъ монастырей, надо замѣтить, что обращеніе въ нихъ съ посторонними заѣзжими людьми, по большей части, отличается вѣжливостью и любезностью, а въ женскихъ обителяхъ оно принимаетъ какой-то особый отбѣнокъ ласковости, простоты и задушевности.

Матушки познакомили насъ со многими подробностями своего хозяйства. Въ кухнѣ помѣщаются шесть большихъ котловъ, предназначенныхъ для ежедневнаго трапезнаго «варева». Въ хлѣбной еженедѣльно выходитъ по 12 кулей ржи, и въ каждой квашнѣ ежедневно замѣшивается по два куля.

Неподалеку отъ родника бѣгали и играли молодыя послушницы, и пріятно было смотрѣть на ихъ веселыя, раскраснѣвшіяся отъ бѣготни лица. Какъ видно, молодость беретъ свое даже и въ стѣнахъ строгой обители. Увидавъ насъ, дѣвушки притихнули, но

мы, чтобы не мѣшать ихъ веселью, поспѣшили проститься съ провожавшими насъ кухонными сестрами и направились къ св. воротамъ.

Парохода еще не было видно, и мы, сѣвъ на бревнышкѣ неподалеку отъ пристани, принялись дѣлать наброски внѣшняго вида монастыря и раскинутого вдоль берега селенія. Во время работы къ намъ подошла дѣвочка, торгующая на пристани монастырскими рукодѣліями; за это она получаетъ съ каждой проданной вещи нѣсколько копеекъ комисіонныхъ. У нея въ рукахъ было два вышитыхъ полотенца. Когда мы въ шутку замѣтили, что выборъ очень малъ, она, не говоря ни слова, мигомъ слетала въ монастырь и принесла ихъ около десятка. Зная, что вырученные за работу деньги пойдутъ на покупку чая и одежды труженицамъ, мы купили нѣсколько полотенцевъ. Дѣвочка исчезла и минутъ черезъ пять возвратилась съ другимъ товаромъ; это были бумажныя коробочки разнаго формата, оклеенныя крупкою, раковинками и скорлупками, также работы мѣстныхъ сестеръ.

Окончивъ работу, мы перешли на пристань; парохода все еще не было.

— Должно быть, что нибуть задержало,—спокойно замѣтилъ сторожъ:—это у насъ бываетъ.

Солнце, окутанное сѣрватою мглою, спускалось къ горизонту между Городкомъ и Никитскимъ погостомъ, силуэты которыхъ отчетливо выдѣлялись на прибрежныхъ возвышенностяхъ въ правой сторонѣ. Шексна тихо протекала мимо Гориць. На ея гладкой зеркальной поверхности, то тамъ, то сямъ, всплескивали играющія рыбы, кругомъ все дышало миромъ и тишиною, и мы долго любовались картиною тихаго, лѣтняго вечера.

Пароходъ пришелъ только около 9 часовъ. Онъ назывался «Удобный» и дѣйствительно соответствовалъ своему названію, а для насъ, проѣхавшихъ не одну сотню верстъ на маленькихъ, тѣсныхъ канальныхъ пароходикахъ, крупный рѣчной пароходъ представился даже роскошью. Простоявъ у пристани минутъ десять, «Удобный» тронулся.

Подъ Горицами Шексна дѣлаетъ крутые изгибы, извиваясь то вправо, то влево, вслѣдствіе чего бѣлыя стѣны монастыря и доминирующая надъ Горицами темнозеленая Маура долгое время виднѣются позади, и этотъ видъ, слегка окутанный вечернею дымкою, былъ настолько поэтиченъ, что просто не хотѣлось съ нимъ разстаться. Вообще берега Шексны особенно въ верхнемъ ея теченіи очень красивы и живописны.

Шексна отъ истока изъ Бѣлоозера до впаденія въ Волгу подъ Рыбинскомъ имѣетъ 406 верстъ длины и, хотя не считается опасною рѣкою, заключаетъ въ себѣ нѣсколько каменныхъ грядъ и пороговъ, изъ которыхъ самыми главными считаются Ниловицкіе.





Часовня монастиря св. Филиппа Иранскаго и часовня  
«Источница» въ Череповиѣ.

Нашъ капитанъ назвалъ ихъ «строгими», но, тѣмъ не менѣе, обычая брать на каждые пороги своего лодмана здѣсь мы не встрѣтили, и нашъ «Удобный» во весь путь управлялся однимъ парходнымъ шкиперомъ. Впрочемъ о всей Шекснѣ вообще капитанъ замѣтилъ, что она рѣка довольно капризная, и ходить по ней надо съ осторожностью. Какъ бы въ подтвержденіе его словъ, мы въ тотъ же вечеръ встрѣтили барку, стоящую поперекъ рѣки. Ея вѣтромъ вытащило за бакены, опредѣляющіе границу фарватера, и бросило на камни. Покинутая, одинокая, съ вывернутымъ рулемъ, торчала она черною массою надъ потемнѣвшею рѣкою. На ней горѣли два фонаря, и кучка рабочихъ, столпясь на носу, отъ нечего дѣлать смотрѣла на проходящій парходъ.

Верхнее теченіе Шексны очень извилисто и каменисто. Всѣ главные пороги: Топорня, Ниловицы, Черная Гряда, Островки, Кузнецы, Болтунъ и другіе, находятся въ верхнемъ плесѣ. Далѣе, за Череповцомъ, рѣка становится шире и глубже, и уже не представляетъ особыхъ затрудненій для судоходства.

Мы долго сидѣли на палубѣ, любуясь вечерними картинами, которыя, благодаря извилистому теченію рѣки, мѣнялись, какъ въ калейдоскопѣ. Все это мало-по-малу затягивалось тонкимъ флеромъ сумерекъ; Шексна какъ бы засыпала, движеніе по ней затихало. Барки мирно дремали у береговъ, и подлѣ нихъ на пескѣ были разложены костры: рабочіе варили себѣ ужинъ. Нѣкоторыя суда еще двигались, мигая огоньками на вершинахъ мачтъ. Бакены, разставленные вдоль фарватера на мелкихъ мѣстахъ, всѣ были освѣщены. Ихъ огни горѣли, какъ ночныя лампы, зажженные надъ самою водою. Намъ, пріѣхавшимъ сюда съ побережьевъ Онежскаго озера, здѣшняя ночь показалась значительно темнѣ сѣверныхъ ночей, къ которымъ мы такъ привыкли на берегахъ Невы.

Впереди показался цѣлый рядъ яркихъ огней. Это былъ шлюзъ Топорня, переименованный послѣ своего обновленія въ шлюзъ императора Александра III.

Всего на Шекснѣ, при послѣднемъ переустройствѣ системы, возведено четыре новыхъ шлюза, названныхъ именами: императора Николая II, императрицы Александры Ѳеодоровны, императора Александра III и императрицы Маріи Ѳеодоровны. Всѣ они расположены въ верховьяхъ Шексны. Первый изъ нихъ находится у порога Черная Гряда, а послѣдній при истокѣ Шексны изъ Бѣлоозера. Длина шлюзовыхъ камеръ простирается теперь до 166 сажень, то-есть до одной трети версты и является чуть ли не наибольшею на всемъ земномъ шарѣ.

«Удобный» вошелъ въ шлюзъ. Вдоль бортовъ длинной камеры тянулся рядъ фонарей, напоминавшій по освѣщенію платформу желѣзнодорожной станціи. Сходство это еще больше увеличилось,



Устье Шексны подъ Рыбинскомъ.

когда впереди раздался рожокъ сторожа, удивительно похожій на сигналъ стрѣлочника. Кругомъ царила темная ночь, и мы, дождавшись, когда пароходъ прошелъ шлюзные ворота и тронулся далѣе, отправились въ каюту. Тамъ слуга предложилъ намъ на ужинъ «стерлядку».

— А развѣ есть?

— Помилуйте-съ! какъ не быть? — усмѣхнулся онъ: — здѣсь на Шекснѣ стерлядь для буфетчика обязательна. Есть ли она, нѣтъ ли, гдѣ хочешь бери, а подать долженъ.

Стерлядь оказалась превосходною.

Во время нашего ужина пароходъ прошелъ шлюзъ въ Ниловицахъ, а шлюза въ Черной Грядѣ мы не видѣли, такъ какъ уже легли спать.

На слѣдующее утро мы проснулись, когда «Удобный» подходилъ къ Череповцу. Городъ расположенъ въ полуверстѣ отъ Шексны, на лѣвомъ ея берегу, и видъ его не представляетъ издали ни особой красоты, ни какихъ либо отличительныхъ особенностей.

Онъ возникъ изъ монастырской слободы, разросшейся подлѣ бывшаго здѣсь въ древности Воскресенскаго монастыря, мѣсто котораго занято нынѣшнимъ соборомъ. Городъ раскинутъ на не-

большомъ возвышеніи, и низина, отдѣляющая его отъ Шексны, весною, вѣроятно, сплошь покрывается водами рѣки, вотъ почему на ней почти нѣтъ никакихъ построекъ.

Мы взяли извозчика и поѣхали осматривать городъ. Проѣхавъ низину, возница нашъ выбрался на пригорокъ и остановился передъ соборомъ, возвышающимся подъ самымъ вѣздомъ въ городъ. Воскресенскій соборъ принадлежавшій прежде монастырю, въ настоящее время настолько передѣланъ и подновленъ, что производитъ впечатлѣніе почти новой постройки, и древностей въ немъ мы никакихъ не нашли; то же приходится сказать и о Троицкой церкви, находящейся въ одной оградѣ съ соборомъ и, по рассказамъ, также принадлежавшей къ монастырю.

Отъ собора начинается главная улица города, упирающаяся другимъ концомъ въ церковь Благовѣщенія, построенную на довольно обширной площади.

— Какъ у васъ главная-то улица называется? — спросилъ я возницу.

— Улица-то? — замаялся онъ: — какъ ее? постой! сейчасъ вспомню — какъ она? Вѣдь вотъ помнилъ, все время помнилъ, а теперь поди-жь ты...

— Забылъ?

— Забылъ и то. Знаю только, что «пришпехтъ», а вотъ какъ названіе-то, и забылъ.

На главной улицѣ мы проѣхали мимо часовни и подворья монастыря св. Филиппа Иранскаго, находящагося въ верстахъ въ 50 отъ Череповца.

Мы заѣхали спросить видъ и описаніе обители, но оказалось, что и тотъ и другое, неизвѣстно въ силу какихъ соображеній, продаются только въ самомъ монастырѣ.

— Нѣтъ ли у васъ въ городѣ старинной церкви какой, или часовни? — обратился я къ извозчику.

— Есть Источница, старая.

— Вези къ Источницѣ.

Онъ свернулъ направо, проѣхалъ въ конецъ города и привезъ насъ на берегъ рѣчки (кажется, носящей названіе Ягорьбы). Тамъ стояли двѣ часовни, одна новая, каменная, и другая деревянная, очень ветхая. Окна въ ней были забиты досками. Сквозь щели мы могли разсмотрѣть въ полу часовни четырехугольный обручъ колодца; полъ весь въ дыркахъ и сильно перекошенъ; на стѣнѣ большая икона: положеніе во гробъ.

— Это и есть Источница?

— Это и есть.

-- А по какому случаю она тутъ поставлена?

— Не знаю.

-- Можетъ быть, что нибудь про нее рассказываютъ, старину какую нибудь?

— Нѣтъ ничего не слышать.

Мы заѣзжали къ фотографу, купили у него нѣсколько видовъ города и спрашивали его объ Источницѣ, но и онъ ничего о ней положительнаго сказать не могъ.

Тѣмъ наши археологическія изслѣдованія въ Череповцѣ и окончились.

Но, проѣзжая по улицамъ города, мы видѣли въ немъ нѣчто другое, совершенно необычное въ нашихъ маленькихъ уѣздныхъ городкахъ, то, что дало ему прозвище «Уѣверныхъ Аѳинъ». Это обиліе различныхъ учебныхъ заведеній, прекрасно построенныхъ и, судя по внѣшности, содержимыхъ въ большомъ порядкѣ. На улицахъ то и дѣло попадались ученики въ черныхъ блузахъ, съ металлическими пряжками на кушакахъ. По справкамъ оказалось, что въ маленькомъ городкѣ, не насчитывающемъ и 7.000 жителей, имѣются учительская семинарія, реальное училище, техническое училище, женская гимназія, женское же профессиональное училище и сельско-хозяйственная школа, не считая городского училища и нѣсколькихъ приготовительныхъ школъ. Всѣмъ этимъ городъ обязанъ стараніямъ и несокрушимой энергіи одного человѣка, Ивана Андреевича Милютина, пробывшаго безсмѣнно городскимъ головою въ теченіе сорока лѣтъ.

Личность этого умнаго и энергичнаго общественнаго дѣятеля настолько интересна, а дѣятельность его настолько плодотворна и поучительна, что я позволю себѣ привести о немъ нѣкоторыя болѣе подробныя данныя.

Родившись въ началѣ Николаевского царствованія, именно въ 1829 году, Иванъ Андреевичъ никакого образованія, кромѣ окончанія курса въ уѣздномъ училищѣ, не получилъ, но, обладая пытливостью и богатыми умственными способностями, дававшими ему возможность легко схватывать и глубоко проникать въ суть каждаго дѣла, онъ, при помощи чтенія и разговоровъ съ знающими и опытными людьми, съ лихвою пополнилъ недостатки своего образованія и настолько заслужилъ довѣріе и уваженіе своихъ согражданъ, что 27 лѣтъ отъ роду былъ избранъ членомъ череповецкой городской управы, а черезъ пять лѣтъ сталъ городскимъ головою, и съ той поры началась его кипучая дѣятельность на пользу родного города. Въ помощь мѣстной торговлѣ и промышленности онъ учредилъ банкъ съ основнымъ капиталомъ въ 10.000 рублей, завелъ двуклассное женское училище и выстроилъ, большею частью, на свои средства сухой докъ для постройки и ремонта судовъ и пароходовъ. Въ 1866 году, при своемъ механическомъ заводѣ онъ устроилъ техническое училище на 60 человѣкъ учащихся. Черезъ два—три года число учениковъ возросло болѣе чѣмъ вдвое противъ предполагаемаго вначалѣ, и правительство, видя приносимую училищемъ пользу, назначало ему еже-

годную субсидію въ 7.000 рублей, которая съ развитіемъ дѣла увеличилась до 40.000. Въ настоящее время училище состоитъ уже въ вѣдѣніи министерства финансовъ, и въ немъ обучается около 320 учениковъ, съѣхавшихся сюда изъ 22 разныхъ губерній.

Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ въ Череповцѣ открылось реальное училище и женская прогимназія, которая давно уже преобразована въ гимназію и имѣетъ особый педагогическій классъ. Почти въ то же время возникла и учительская семинарія. Но устройствомъ женской гимназіи Иванъ Андреевичъ не ограничился. Онъ далъ женскому образованію и другое направленіе, заведя въ городѣ профессиональную школу съ практическими курсами стряпни, огородничества, разныхъ рукодѣлій и пр. Теперь въ гимназіи обучается 235, а въ профессиональной школѣ 240 дѣвочекъ.

Для развитія земледѣлія на болѣе рациональныхъ основаніяхъ въ имѣніи Милютиныхъ была устроена сельско-хозяйственная школа, а для поднятія земледѣшества Иванъ Андреевичъ изготовлялъ на заводѣ дешевые крестьянскіе плуги по 5 рублей за штуку. Его же стараніями въ городѣ учреждено общество для взаимнаго страхованія, улучшена пожарная часть, устроенъ домъ трудолюбія, библиотека, залъ для народныхъ чтеній и археологическій музей, въ которомъ имѣются отдѣлы: научный, естественный и экономическій. Словомъ, дѣятельность Ивана Андреевича не только для города, но и для всей окружающей мѣстности была настолько полезна и плодотворна, что заслуживаетъ полной признательности не только его согражданъ, но и каждаго русскаго человѣка, который понимаетъ, насколько важно просвѣщеніе въ дѣлѣ развитія и процвѣтанія родной земли.

Часу въ третьемъ нашъ «Удобный» тронулся въ дальнѣйшій путь. Отъ Череповца до Рыбинска считается около 230 верстъ.

Почти все время до вечера мы проводили на верхней палубѣ, дѣлая замѣтки и наброски. Навстрѣчу намъ безпрестанно попадались буксирные пароходы, тянувшіе вверхъ по четыре судна и болѣе, порою встрѣчались грузные туэры, медленно тянушіеся по цѣпи, проложенной вдоль всего теченія Шексны. Такіе туэры буксировали по семи и восьми барокъ разомъ. На берегахъ попадались деревни и села съ бѣлѣвшими издали церковными колокольнями, тянулся кустарникъ, перемежавшійся, время отъ времени, съ невысокимъ молодымъ лѣскомъ. Но въ общемъ пейзажъ средняго теченія былъ далеко не такъ красивъ и разнообразенъ, какъ въ верховьяхъ.

Въ верстахъ 10 отъ Череповца мы миновали два большихъ селенія, расположенныхъ на противоположныхъ берегахъ рѣки: Успенскую слободу на правомъ и Луковецъ на лѣвомъ. Подлѣ Успенской слободы находится лѣсопильный заводъ Брандта, распиливающей досокъ на полтора ста тысячъ рублей ежегодно.

Селеніе Луковецъ, по всей вѣроятности, получило свое названіе отъ большой луки, или изгиба, который здѣсь описываетъ Шексна.

Пройдя оба селенія, мы вступили въ эту луку и увидѣли у берега непривычное для глазъ въ этихъ мѣстахъ большое морское судно съ надписью: «Биби-Эйбетъ». На массивной трубѣ его виднѣлись изображенія звѣзды и полумѣсяца. На суднѣ шла оживленная работа; его приподнимали изъ воды рычагами на канатахъ. Намъ объяснили, что это морская паровая шкуна, идущая въ Астрахань и предназначенная для плаванія по Каспійскому морю. Теперь ее вывѣшиваютъ, такъ какъ она сидитъ въ водѣ на 12 четвертей, а въ этомъ мѣстѣ осадка не можетъ быть глубже восьми.

Раздался свистокъ капитана, и одинъ изъ матросовъ помѣстился на носу съ наметкою: мы проходили мель у Николаевского острова.

Вѣтеръ, сначала дувшій справа, теперь какъ будто бы переѣхнулъ и задулъ съ лѣвой стороны. Это шутила съ нами Шексна, повернувшая своимъ изгибомъ нашъ пароходъ въ обратную сторону. Никольская мель была пройдена, и казалось, что мы уже порядочно ушли впередъ, какъ вдругъ впереди опять показались Успенская слобода и Луковецъ, а направо, между кустами, снова выросли труба и мачта «Биби-Эйбета». Луковецкая извилина настолько велика, что сдѣланный здѣсь въ послѣднее время перекопъ сократилъ длину пути на цѣлыхъ семь верстъ.

Подойдя снова къ Луковцу, рѣчка видимо опомнилась и крутымъ поворотомъ вышла снова на настоящій прямой путь.

Далѣе мы останавливались у пристани большого села Любца, ниже котораго находится еще болѣе многолюдное село Ольхово.

Въ пяти верстахъ отъ этого Ольхова въ древности существовала Выксинская Азарьева женская пустынь. Въ нее-то и была послѣ смерти Димитрія-царевича заточена постриженная въ монашество съ именемъ Марѣи царица Марія Θεодоровна, и сюда явились къ ней послы отъ названнаго царя Димитрія, препроводившіе ее съ почетомъ въ Москву. Впослѣдствіи женская Выксинская пустынь была обращена въ мужскую и наконецъ упразднена въ 1764 году. Теперь на ея мѣстѣ находится погостъ.

Подъ вечеръ мы приблизились къ пристани другого женскаго монастыря, Леушинскаго, основаннаго въ сравнительно недавнее время и находящагося въ 10 — 12 верстахъ отъ берега. По слухамъ, новый этотъ монастырь процвѣтаетъ и увеличивается, благодаря стараніямъ своей игуменьи, очень уважаемой за свою энергію и распорядительность. Дѣятельность обители посвящена главнымъ образомъ цѣлямъ образованія и воспитанія мѣстныхъ дѣвушекъ, дочерей купцовъ и помѣщиковъ, а также и сосѣднихъ съ обителью крестьянъ.

Лишь только пароходъ подошелъ къ пристани, на ней показался священникъ въ полномъ облаченіи съ крестомъ въ рукахъ и трижды осѣнилъ бывшую на пароходѣ публику. Тотчасъ же на пристани раздался стройный хоръ женскихъ голосовъ, и начался молебенъ въ устроенной тутъ же часовнѣ. Такіе молебны служатся при каждомъ прибытіи парохода.

Солнце опускалось все ниже и ниже. Въ воздухѣ надъ нами величественно проползла съ одного края неба на другой свинцовая грозовая туча, затмившая солнце и покрывшая всю окрестность зловѣщимъ сизовато-бурымъ оттѣнкомъ. Впрочемъ гроза разразилась далеко въ сторонѣ, и зарницы ея долго еще сверкали на горизонтѣ.

Наконецъ солнце закатилось, и мы уже затемно прибыли къ пристани Грачево. Здѣсь начали запасаться дровами и простояли почему-то очень долго. Вообще, на Шекснѣ пароходы спѣшить не любятъ. Долго, долго сидѣли мы въ каютѣ, прислушиваясь къ стуку бросаемыхъ въ трюмъ дровъ, и наконецъ это намъ надоѣло. Мы вышли на палубу, но кругомъ было темно и пусто.

— Скоро ли пойдетъ пароходъ?—спросили мы матроса.

— Не знаю. Все еще грузять. Должно быть, не скоро. Да вы бы ложились спать, — посоветовалъ онъ:— оно куда веселѣе будетъ.

И мы рѣшили послѣдовать его совѣту, такъ какъ въ нашемъ положеніи спать было дѣйствительно «веселѣе».

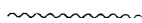
Къ утру погода испортилась, и когда мы вышли на палубу, все небо было покрыто тучами, и моросилъ мелкій дождь. Кругомъ тѣ же однообразные берега, частію покрытые жиденькими кустами, частію голые. Почва песчаная. На крышахъ прибрежныхъ избышекъ начала встрѣчаться солома, признакъ недостатка въ лѣсѣ. До Рыбинска оставалось не болѣе 15 верстъ. Мы миновали нефтяную пристань. У береговъ въ большомъ количествѣ стояли темные, почти покрытые водою плоты. Между прочимъ встрѣтились намъ и крупныя волжскія баржи, которыя по своимъ размѣрамъ и осадкѣ могутъ заходить только въ устье Шексны, не далѣе.

Впереди вырисовался сѣрый силуэтъ Рыбинской соборной колокольни. Мы миновали механической и канатный заводъ Журавлева и вскорѣ приблизились къ самому устью Шексны, окаймленному по обоимъ берегамъ селами: Никольскимъ, Петровскимъ и Васильевскимъ.

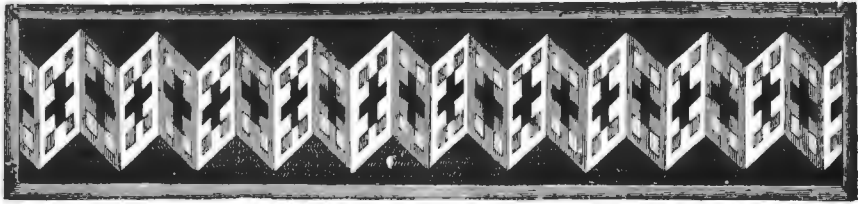
Передъ нами замелькали мачты судовъ низового каравана. Черезъ нѣсколько минутъ «Удобный» уже зашнуровалъ своими колесами воды матушки Волги, и передъ нами во всю ширь развернулась красивая панорама Рыбинска, съ его соборами, церквами, прибрежными зданіями и сотнями судовъ, стоявшихъ рядами вдоль берега.

Путь по Маріинской системѣ былъ оконченъ.

**И. Ф. Тюменевъ.**







## ЗАПИСКИ НѢМЦЕВИЧА.



ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной библиотекѣ въ Петербургѣ имѣется польская рукопись, за № 272, озаглавленная: «Записки неизвѣстнаго автора, временъ Варшавскаго княжества».

Почеркъ и еще болѣе текстъ этой рукописи удостоверяють съ несомнѣнностью, что это записки знаменитаго польскаго историка, Юліана Урсына Нѣмцевича, которыя онъ самъ послѣ того, какъ въ 1831 г. уѣхалъ за границу, считалъ потерянными навсегда.

Нынѣ обнаруженная рукопись составляетъ лишь часть записокъ Нѣмцевича. Начинаясь вѣздомъ короля саксонскаго, Фридриха-Августа, въ Варшаву, въ ноябрѣ 1807 г., она заканчивается открытіемъ сейма въ мартѣ 1809 года.

Въ 1871 году Крашевскій издалъ въ Познани другую, ранѣе найденную часть этихъ записокъ, излагающую событія австрійской кампаніи 1809 года и послѣдующихъ годовъ.

Въ петербургской рукописи, по всему вѣроятію, не хватаетъ начальныхъ страницъ или, быть можетъ, даже тетрадей.

На-дняхъ она опубликована въ Варшавѣ извѣстнымъ историкомъ Александромъ Краустаромъ и занимаетъ почти 200 страницъ убористой печати.

Это несомнѣнно цѣнный матеріалъ для исторіи Варшавскаго княжества. Авторъ въ яркихъ краскахъ изображаетъ ужасное экономическое положеніе края и эксплуатацію его французами, мѣткими штрихами набрасываетъ силуэты саксонской королевской семьи и всѣхъ тогдашнихъ выдающихся дѣятелей, раскрываетъ

много доселѣ неизвѣстныхъ закулисныхъ подробностей. Относительное историческое значеніе имѣютъ и изліянія передъ Нѣмцевичемъ князя Адама Чарторыйскаго объ отношеніяхъ его къ императору Александру.

Передаемъ въ послѣдовательномъ порядкѣ болѣе новыя или любопытныя подробности этого во всякомъ случаѣ незауряднаго историческаго источника. Замѣтимъ, что корректура варшавскаго изданія такъ безтолкова или небрежна, какъ трудно встрѣтить. Въ виду этого не лишне сдѣлать слѣдующую оговорку.

Ниже мы отмѣчаемъ слухъ, будто мать саксонскаго короля пыталась его отравить въ дѣтствѣ. Но возможно, что это просто корректурная ошибка, и что пыталась его отравить не мать (matka), а кормилица (mamma).

## I.

Король саксонскій, съ женой и дочерью, прибылъ къ Уяздовской заставѣ, утромъ 21-го ноября, имѣя въ своей свитѣ французскаго маршала Даву (Davoust), князя Иосифа Понятовскаго и другихъ. Когда начальникъ города передалъ ему ключи Варшавы, онъ любезно отвѣтилъ на польскомъ языкѣ. Затѣмъ привѣтствовали короля ремесленныя корпораціи и евреи. Вдоль улицъ стояли шпалерами войска, польскія и саксонскія. Въѣздъ въ замокъ послѣдовалъ при громѣ пушекъ и перезвонѣ колоколовъ.

Король—роста выше средняго, держится прямо и съ достоинствомъ; лицо смуглое, глаза голубые, нѣсколько на выкатѣ. Не много прихрамываетъ на лѣвую ногу; по временамъ замѣчается въ лицѣ нервная судорога. Это, какъ говорятъ, послѣдствія того, что въ дѣтствѣ преступная мать (!) пыталась его отравить. Трудолюбивый, даже слишкомъ, такъ какъ, входя во всякую мелочь, упускаетъ изъ виду, за неимѣніемъ времени, дѣла болѣе важныя.

Въ начинаніяхъ медлительный и осторожный, въ болѣе отвѣтственныхъ даже трусливый; богобоязненный и строго придерживающійся правилъ чести. Словомъ безупречный и достойный глава страны, но только во времена безмятежнаго мира и внутренняго благоденствія. Какъ извѣстно, ни на то, ни на другое Варшавское княжество рассчитывать не могло. Королева—высокая, полная, еще довольно красивая, голубоглазая блондинка, любезная и желающая всѣмъ понравиться.

Королевна, согласно конституціи, наслѣдница престола Варшавскаго княжества, добра, жизнерадостна и остроумна. Излишняя полнота портитъ ея миловидное и свѣжее лицо. Одно время Наполеонъ прочилъ ее въ жены своему брату Иерониму, вестфальскому королю.

Королева очень довольна своимъ будущимъ положеніемъ владѣтельной варшавской княгини; говорятъ, что когда при отъѣздѣ изъ Дрездена ея родители проявили печаль, она имъ сказала съ улыбкой: «pourquoi vous attristez vous? Vous allez chez moi» (Чего печалитесь? Вѣдь вы ѣдете ко мнѣ).

Король съ первыхъ же дней началъ дѣлать приемы. Но являющееся въ замокъ разнокалиберное польское общество обнаружило прискорбное незнаніе правилъ этикета. Одна, напримѣръ, изъ провинціальныхъ дамъ, взявъ стулъ, придвинула его рядомъ съ королевой и удобно усѣлась на немъ. Шумъ отъ общаго разговора обыкновенно стоялъ въ залахъ. Король пытался не замѣчать неумѣстныхъ выходокъ, но все-таки сказалъ какъ-то статсъ-секретарю Брезѣ: «вижу, что у васъ много еще остается республиканскихъ формъ».

## II.

Экономическое положеніе Варшавскаго княжества было отчаянное. Проходы войскъ, двойныя подати деньгами и въ натурѣ на военныя нужды, полное содержаніе 86 тысячъ освободителей, т.-е. французскихъ солдатъ, паче чаянія продолжавшееся и послѣ созданія независимаго княжества, — все это совершенно истощило средства страны. Всюду недостатокъ силы рабочей въ полѣ, такъ что мѣстами сами крестьяне впрягаютъ себя, вмѣсто воловъ, въ плуги; мѣстами же оставляютъ поля совершенно невоздѣланными. Большинство частныхъ домовъ, даже школъ, превращены въ квартиры для войска и госпитали. Евреи, взявъ въ аренду у французовъ берлинскій монетный дворъ, наполняютъ страну малоцѣнной монетой. Казна всѣ свои доходы обращаетъ на содержаніе французскаго войска, которое обходится въ семь тысячъ червонцевъ (дукатовъ) ежедневно. Французы требуютъ постоянно и беззастѣнчиво денегъ. Напримѣръ, во время перваго же визита, который министръ иностранныхъ дѣлъ сдѣлалъ маршалу Даву, послѣдній сталъ настаивать, чтобы саксонскій король лично одолжилъ денегъ княжеству на покупку воловъ, кроватей, одѣялъ и пр. для войска. Военный министръ и все польское войско въ фактической власти маршала Даву, представителя въ Варшавѣ императора Наполеона. Даже гражданскія власти въ сущности лишь исполняютъ волю того же Даву. Такъ, напримѣръ, статсъ-секретарю Брезѣ за какое-то замедленіе въ доставкѣ продовольствія онъ заявилъ: «не смотря на ваше министерское званіе, въ другой разъ велю васъ разстрѣлять». «Нечего скрывать, — съ грустью замѣчаетъ Нѣмцевичъ, — того, что мы стали лишь созданной на сѣверѣ французской провинціей; обращаются съ нами, какъ съ подданными, относятся къ намъ и опекаютъ, точно народъ покоренный».

Поляки, воодушевленные осуществленіемъ миража независимости, преисполненные надеждъ на лучшее будущее, тянутся изъ всѣхъ силъ, готовы на всякія жертвы, лишь бы удовлетворить французовъ, лишь бы имѣть право на благоволеніе Наполеона.

Многимъ изъ своихъ генераловъ Наполеонъ раздавалъ королевскія и церковныя имѣнія въ княжествѣ. И что же? Вотъ слова Нѣмцевича: «Правительство, не замѣчая, что имѣеть дѣло съ тѣми, которые, полагаясь на свое могущество, издѣвались не только надъ справедливостью, но и ставили ни во что само приличіе,—правительство все-таки полагало, что, передавая эти имѣнія, слѣдовало держаться прежнихъ законовъ и обычаевъ, что, на примѣръ, новые владѣльцы уплатятъ «штемпель», что наравнѣ съ жителями края участвовать будутъ въ податяхъ, продовольствіи войскъ и проч., что нѣкоторую ничтожную сумму выплачивать будутъ прежнимъ владѣльцамъ этихъ имѣній, какъ это было во времена прусскія». Между тѣмъ эти требованія показались французамъ дерзкими, они обратились съ жалобами къ Наполеону, и тотъ издалъ декретъ, въ силу котораго земли, данныя французамъ, имѣли зависѣть исключительно отъ Французской имперіи, власти Варшавскаго княжества не подлежа, никакихъ податей и повинностей не зная. Этого мало. «Претензіямъ французовъ не было предѣла». Маршалъ Даву заявляетъ претензіи на разныя сосѣднія съ его землями имѣнія, а также на «примасовскій» (архіепископскій) дворецъ въ Варшавѣ. Маршалъ Сультъ врѣзывается въ лѣса, принадлежащія княжеству, и вымогаетъ у короля монополію на какія-то фабрики. Генераль Удино (Oudinot) требуетъ города Иновроцлава и деревни, принадлежащія частному лицу. Даву, получая въ годъ 400.000 злотыхъ польскихъ дохода съ имѣній, требуетъ въ долгъ на свои приемы серебра, фарфора, зеркалъ, даже занавѣсей на окна. Французскіе купцы, платя налоговъ вдвое и четверо менѣ польскихъ купцовъ, не перестаютъ жаловаться передъ своимъ правительствомъ на притѣсненія. Впрочемъ эти жалобы были слишкомъ не основательны, чтобы возымѣть какое либо дѣйствіе. Но долгое терпѣніе поляковъ лопнуло, и они, представивъ императору настоящее положеніе вещей, достигли того, что въ началѣ февраля 1808 года Наполеонъ издалъ новый декретъ, по которому награжденные имѣніями французы имѣли нести всѣ повинности, наравнѣ съ мѣстными жителями. Любопытно, что примѣнить на дѣлѣ декретъ Наполеона польское правительство не рѣшилось. Саксонскій король пробылъ въ Варшавѣ немногимъ болѣе мѣсяца и, уѣзжая въ Дрезденъ, подарилъ французамъ свой трехмѣсячный доходъ съ княжества «на покунку воловъ для войска». Пожертвовалъ также 10.000 талеровъ на больницы и монастыри.

## III.

Нижеслѣдующій отрывокъ, какъ касающійся непосредственно Россіи, переводимъ почти дословно. Изъ него очевидно, что Нѣмцевичъ, прекрасно освѣдомленный и свѣдущій въ польскихъ дѣлахъ, коль скоро рассказываетъ о Россіи, основывается не только на фактахъ, но и на сплетняхъ и слухахъ. Съ этой лишь оговоркой цитируемая ниже строка его записокъ имѣютъ извѣстное значеніе. «Около мясопуста прибылъ изъ Петербурга въ Варшаву генералъ Савари, адъютантъ и довѣренный Наполеона, человекъ смѣлый, хитрый и оборотистый. Послѣ заключенія мира въ Тильзитѣ, Наполеонъ, зная упорное предубѣжденіе русскихъ къ себѣ и своему народу и не желая официально уполномоченнаго своего подвергать неприятностямъ, отправилъ туда Савари, безо всякаго дипломатическаго характера. Русскіе до такой степени были озлоблены и возстановлены противъ французовъ, что генералъ, прибывъ въ столицу, нашель для себя двери всѣхъ гостиницъ закрытыми, такъ что въ одной насильно вышибъ двери, чтобы остановиться въ ней.

«На слѣдующій день, когда прибылъ на военный парадъ, всѣ сторонились отъ него, какъ отъ зачумленнаго. Несмотря на любезный пріемъ монарха, то же самое встрѣтило его и у двора. Смѣлый и находчивый, онъ самъ приближался къ придворнымъ и съ каждымъ отдѣльно болталъ заурядный вздоръ. Сомнѣвающихся, что Александръ искренно помирился съ Наполеономъ, убѣдилъ въ этомъ слѣдующій поступокъ Савари въ царскихъ пріемныхъ покояхъ. Собранные здѣсь министры, дипломаты и сановники, каждый на своемъ мѣстѣ, ожидали появленія императора. Не имѣющій никакого дипломатическаго характера Савари, предвидя, что случится, но желая убѣдить всѣхъ публично въ своемъ вліяніи, остановился одиноко въ углу зала, у камина. Императоръ, вошедши, окинулъ всѣхъ глазами, какъ будто искалъ кого-то. Замѣтивъ наконецъ Савари, миновалъ всѣхъ придворныхъ и направился къ нему. Савари, не сдѣлавъ ни шага впередъ, храбро ожидалъ монарха, который, остановившись около него поодаль отъ другихъ, долго бесѣдовалъ съ нимъ.

«И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ отчужденіе отъ него придворныхъ стало постепенно уменьшаться. Его допустили въ общество, гдѣ, однако, ему неоднократно приходилось выслушивать рѣзкія колкости и намеки. Онъ благодушно противостоялъ всему. Когда однажды зашелъ разговоръ о вновь назначенномъ въ Россію посланникѣ, Коленкурѣ (Caulincourt), кто-то произнесъ:

«— Вѣдь это тотъ же господинъ Коленкуръ, который князя d'Enghien поймалъ и умертвилъ.

«Савари отвѣтилъ:

«— Господинъ Коленкуръ ничего общаго съ этимъ не имѣеть... все это сдѣлалъ я.

«Эти подробности рассказывалъ самъ Савари во время кратковременнаго своего пребыванія въ Варшавѣ.

«Особенно недолюбливалъ онъ молодого князя Адама Чарторыйскаго, выражая это въ словахъ слишкомъ непристойныхъ, чтобы возможно было ихъ повторять.

«Положеніе князя Адама въ Россіи, вѣроятно, наиболѣе тяготило его же самого. Ненавидимый французами за свою якобы склонность къ англичанамъ, обвиняемый поляками въ индифферентизмъ, ненавидимый даже русскими, какъ чужой имъ, онъ дѣйствительно достоинъ сожалѣнія. Конфискованныя въ 1794 году отповскія имѣнія съ тѣмъ лишь условіемъ возвращены были, чтобы оба молодые Чарторыйскіе поступили въ Петербургъ ко двору. Не избавили ихъ отъ этого смерть Екатерины и восшествіе на престолъ Павла.

«Опасеніе передъ суровой вспыльчивостью императора, возрастъ, воспитаніе, почти одинаковыя склонности—все это сблизило Александра, не какъ наслѣдника престола, а какъ человѣка, съ Чарторыйскимъ и соединило ихъ узами тѣснѣйшей дружбы.

«И въ самомъ дѣлѣ среди русскихъ онъ являлся рѣдкимъ (и таковымъ, вѣроятно, показался Александру) образцомъ безкорыстія. Не требовалъ никакихъ почестей, отклонялъ дары, ни о чемъ не просилъ ни для себя, ни для другихъ. Раньше, чѣмъ занять должность, долгое время былъ лишь другомъ и лицомъ довѣреннымъ. Приставленный къ старому Воронцову, какъ помощникъ, въ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ, послѣ его ухода сдѣланъ былъ министромъ. Это было во времена важныя и трудныя, когда Вѣнскій дворъ объявилъ войну Франціи, и Россія шла къ нему на помощь, когда въ то же время она хотѣла склонить и Берлинъ дѣйствовать заодно. Лукавая нерѣшительность пруссаковъ, какъ говорятъ, раздражила Александра. Въ теченіе этихъ переговоровъ онъ три недѣли жилъ въ Пулавахъ. Недовольный пруссаками, а можетъ быть, и вслѣдствіе нашихъ стараній, онъ задумалъ отнять прусскую часть Польши и провозгласить себя польскимъ королемъ. Имѣлись уже безчисленныя подписи на это поляковъ, когда вдругъ Долгорукій въ Берлинѣ довѣрился обманнымъ обѣщаніямъ двора. Послѣдовалъ союзъ между обоими монархами. Добросовѣстность пруссаковъ обнаружилась хорошо во время краткой и несчастной войны и погрома подъ Аустерлицемъ. Долженъ ли былъ за ошибки военачальниковъ соединенныхъ силъ отвѣчать министръ иностранныхъ дѣлъ?—не знаю.

«При посредствѣ русскаго резидента Убри заключенъ былъ Чарторыйскимъ съ Франціей миръ, въ силу котораго Россія при-

обрѣтала семь острововъ на Адриатическомъ морѣ и часть Далмаціи. Противная партія въ Петербургѣ заодно съ англичанами не допустила утверженія этого договора. Князь Чарторыйскій подалъ въ отставку.

«Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ онъ достоинъ скорѣе сожалѣнія, чѣмъ упрековъ. Нынѣ болѣе всего онъ желалъ бы удалиться отъ двора, гдѣ ничего не нашель, кромѣ зависти и непріятностей. Но Александръ, несмотря на перемѣну направленія политики, не пересталъ уважать своего друга; не отпускаетъ его и потому, что долгое время ему довѣрялись всѣ государственныя тайны.

«Изъ всѣхъ, обвиняющихъ князя, русскіе менѣе всего должны бы его упрекать. Не обращая вниманія на неудовольствіе и укору своихъ соотечественниковъ, онъ служилъ Александру вѣрою и правдою. Безкорыстіе его простиралось даже слишкомъ далеко, такъ какъ на чрезмѣрные расходы во время своего управленія министерствомъ онъ черпалъ средства не изъ казны, а отъ отца, которому стоилъ ежегодно около 800.000 злотыхъ польскихъ. Что память родины и возстановленіе ея имѣлъ онъ всегда въ сердцѣ и на виду, для этого есть несомнѣнныя доказательства. Быть можетъ, ошибался въ томъ лишь, что посредствомъ Россіи, а не посредствомъ Франціи, пытался этого достигнуть».

#### IV.

Во исполненіе воли Наполеона, польское правительство дѣятельно занялось осуществленіемъ того параграфа конституціи, который говорилъ объ освобожденіи крестьянъ. Освобожденіе обнародовано было въ началѣ 1808 года, но ожидаемаго впечатлѣнія на крестьянъ не произвело. «Быть можетъ,—пишетъ Нѣмцевичъ,— это оттого, что при падежѣ скота, пожарахъ и т. п. они находили убѣжище и помощь у помѣщиковъ, теперъ же оказались предоставленными собственной судьбѣ».

Между тѣмъ варшавскіе купцы получили свѣдѣнія изъ Берлина, что мелкая прусская монета, именуемая «дытки», теряла тамъ 30 на 100, въ Вестфаліи же, Саксоніи и сосѣднихъ странахъ совершенно была запрещена. Это повергло всѣхъ въ ужасъ. Французы и евреи выкупали систематически золото и наводнили Варшавское княжество «дытками». Правительство постановило: считать впредь эту монету, при взносѣ ея въ казенныя кассы, за 4 мѣдныхъ гроша, а не за 6, какъ было до сихъ поръ. Слухъ объ этомъ вызвалъ скопища на улицахъ, общій ропотъ. Купцы подняли цѣны на всѣ товары. Нѣкоторые пекаря и мясники устроили забастовку. Встревоженные власти рѣшили отступить и издали указъ считать «дытки» по 5 грошей. Когда пекаря все-таки стали печь хлѣба поменьше, Даву потребовалъ министровъ Лучецкаго

и Потоцкаго и вице-президента города, Венгржецкаго, и всплывъ сталъ площадно ругаться. Венгржецкому заявилъ прямо:

— Головой отвѣтишь, если хлѣбъ не будетъ дешевле и больше.

— Моя смерть,—замѣтилъ Венгржецкій,—не убѣдитъ пекарей разоряться ради выгодъ публики. Этого рода хозяйничанье французовъ кончилось такъ, какъ кончиться неизбѣжно должно было. Въ великій четвергъ, 14-го марта, завѣдующій продовольствіемъ войскъ Кохановскій заявилъ, что зерна и фуража получаютъ болѣе неоткуда, такъ какъ разоренные крестьяне во многихъ мѣстахъ даже полей своихъ не обсѣяли, что въ казнѣ окончательно истощились и средства и кредитъ.

Встревоженный Даву ночью созываетъ министровъ на совѣтъ. Рѣшено: продать на 4.500.000 государственныхъ имуществъ, но такъ какъ эта продажа волей-неволей затянется, то немедленно сдѣлать на ту же сумму заемъ, шестипроцентный, подъ залогъ тѣхъ же имуществъ. Кромѣ того, дабы въ кредиторахъ возбудить полное довѣріе, наиболѣе состоятельные дворяне, каждый на извѣстную сумму, пусть дадутъ свое ручательство. Самъ Даву, владѣющій Ловичскимъ княжествомъ, подписался на полъ-милліона, на столько же Иосифъ Понятовскій, жена Станислава Потоцкаго на сто тысячъ и т. д. Несмотря на все это, услѣхъ займа былъ далеко не обезпеченъ, такъ какъ страна была почти дочиства обобрана. Наполеонъ, узнавъ про это критическое положеніе, вошелъ съ королемъ саксонскимъ, княземъ варшавскимъ, въ соглашеніе.

Параграфъ первый соглашенія гласилъ, что имѣютъ быть удовлетворены обоюдныя претензіи: императора къ полякамъ и поляковъ къ французамъ. Претензіи императора были слѣдующія: взятый у него въ долгъ, во время войны, милліонъ франковъ; стоимость добытыхъ въ сраженіяхъ и подаренныхъ(!) полякамъ пушекъ; стоимость дерева и соли, конфискованныхъ у пруссаковъ и отданныхъ на нужды войскъ; возвратъ суммъ, которыя помѣщики должны были прусскому королю. Поляки могли требовать: за провіантъ, фуражъ и т. п., доставленный на содержаніе французскаго войска.

Параграфъ второй обѣщалъ, что впредь французское войско содержаться будетъ на средства французовъ.

Параграфъ третій гласилъ, что для облегченія польской казны десять тысячъ польскаго войска содержать будутъ французы.

Извѣстіе объ этомъ соглашеніи наполнило сердца поляковъ благодарностью къ Наполеону но, увы, какъ оказалось, преждевременной.

Поляки тянулись изъ послѣднихъ силъ, лишь бы дотянуть до благодатнаго дня, когда конвенція станетъ фактомъ. Между тѣмъ шли мѣсяцы, прошелъ срокъ, опубликованный въ газетахъ, 1-е юля, а все оставалось постарому. Также попрежнему французы



податей не платили, имѣнія отдавали въ аренду и деньги вывозили во Францію.

Не лучше поступали съ поляками при наборѣ ихъ въ войска.

Вотъ, на примѣръ, сценка:

Созваны были польскіе воины, находящіеся въ Вестфалии, чтобы заявить имъ:

— Пусть тѣ, кто хочетъ оставаться, выйдетъ впередъ; кто хочетъ вернуться въ Польшу, пусть стоитъ въ шеренгѣ.

Исключая полковника Гробинскаго, остались стоять всѣ. Недовольный французскій генералъ трижды повторилъ вопросъ и трижды получилъ тотъ же отвѣтъ. И, несмотря на это, не отпустили на родину никого. Дезертировала масса, но въ замѣнъ въ Варшавскомъ княжествѣ постоянно набирались свѣжія, лучшія силы.

Нѣмцевичъ, глубоко скорбя объ ужасномъ положеніи своей родины, не щадитъ французовъ и также Наполеона, намѣренно даже называетъ его не императоромъ, а цезаремъ, вѣроятно, подразумевая подъ этимъ деспота.

## V.

Заключаемъ обзоръ записокъ Нѣмцевича точнымъ пересказомъ его разговора съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, вскорѣ послѣ возвращенія князя изъ Петербурга.

«Со времени моего освобожденія изъ русской тюрьмы,—говоритъ авторъ,—т.-е. съ 1796 года, мы не встрѣчались, хотя въ ранней юности были близки другъ къ другу.

«Князь Адамъ, отбросивъ свою дипломатическую скорлупу, разговаривалъ со мною съ прежней интимностью. Говорилъ, что до Аустерлицкаго сраженія, когда Россія и Австрія склонить хотѣли берлинскій дворъ къ общимъ противъ Франціи дѣйствіямъ, и когда прусскій король противился этому, Александръ намѣревался превозгласить себя польскимъ королемъ и занять часть Польши, захваченную Пруссіей. Долгорукій, врагъ Чарторыйскаго, прибывъ изъ Берлина, нашелъ средства разстроить это. Привезъ лукавыя обѣщанія, и имъ дали вѣру. Послѣ разгрома прусскихъ войскъ, когда французы приближались къ границамъ Польши, встревоженный Александръ уговаривалъ Чарторыйскаго, дабы тотъ предпринялъ путешествіе въ Польшу и увѣщевалъ своихъ согражданъ не довѣрять французскимъ обѣщаніямъ. Увѣрялъ, что Россія заботится о судьбѣ Польши.

«— Если ваше величество дадите мнѣ письменный приказъ, чтобы я вашимъ именемъ могъ завѣрить, что вы желаете возстановить Польское королевство,—если дадите мнѣ въ этомъ смыслѣ декларацію, охотно поспѣшу исполнить ваши приказанія. Пустымъ словеснымъ обѣщаніямъ мои соотечественники не повѣрятъ; да и

я, распространяя ихъ, не желалъ бы стыдиться впоследствии этого.

«Императоръ обидѣлся и упрекалъ князя въ нежеланіи оказать ему эту услугу. Но послѣ начала кровавой борьбы императоръ и прусскій король опять сочли нужнымъ склонять на свою сторону поляковъ. Князь Антонъ Радзивиллъ, несмотря на родство свое съ домомъ Бранденбургскимъ, любящій родину и благомыслящій, задумалъ примирить интересы своей страны съ интересами государствъ, ее расчленившихъ, и именно посредствомъ восстановленія не единой, а тройной Польши подъ тремя скипетрами Россіи, Австріи и Пруссіи. Несмотря на то, что этотъ замыселъ былъ дикъ и неосуществимъ, ухватился за него императоръ Александръ и опять сталъ требовать отъ Чарторыйскаго, чтобы склонялъ своихъ соотечественниковъ возстать противъ французовъ.

«Или лишь бы отвязаться (!), или, быть можетъ, въ надеждѣ, что эти столь незрѣлые замыслы силою обстоятельствъ могутъ имѣть благоприятныя послѣдствія,—писалъ князь Чарторыйскій Вавржецкому въ Литвѣ и генералу Князевичу на Воляни, требуя, чтобы по важному для прежней своей родины дѣлу пожаловали переговорить съ императоромъ. Явились немедля, но, слыша лишь пустяка, не клонящіяся къ дѣйствительному восстановленію родины обѣщанія, отвѣтили, что увѣщанія ихъ, основанныя на столь зыбкомъ фундаментѣ, не убѣдятъ поляковъ бороться противъ французовъ, что наконецъ средство это задумано поздно: сформированные польскіе полки уже сражаются, и никто изъ честныхъ людей не станетъ драться противъ своихъ же.

«Такимъ образомъ палъ этотъ замыселъ. Заготовленные уже воззванія, склоняющія поляковъ къ оружію и борьбѣ противъ французовъ, были уничтожены.

«Изъ дальнѣйшей моей бесѣды съ княземъ Чарторыйскимъ о Россіи я вынесъ о ея монархѣ слѣдующее понятіе.

«Желающій, но не умѣющій властвовать; достаточно просвѣщенный, чтобы знать, что полезно; лишенный постоянства и энергіи, чтобы наиболѣе благое дѣло довести до конца; опасливый, слабый, скрытный, не довѣряющій никому. Если нынѣ, отъ союза своего съ Наполеономъ, несмотря на неудовольствіе всего народа, не отстываетъ, то это оттого, что боится Наполеона и убѣжденъ, что бороться съ нимъ не сможетъ; наконецъ, благодаря тому превосходству и власти, которыя гибкій и необыкновенный гений Наполеонъ приобрѣлъ надъ его слабымъ характеромъ.

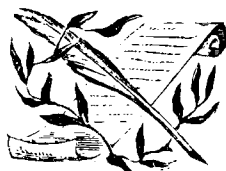
«Что касается русскаго народа, высшіе его круги окончательно испорчены; на честнаго указываютъ пальцами. Наоборотъ—простой народъ, одаренный врожденнымъ разсудкомъ, храбръ, выносливъ, трудолюбивъ, смѣтливъ. Общія всемъ—гордость, высокое о себѣ мнѣніе, презрѣніе къ чужеземцамъ, привязанность къ рус-

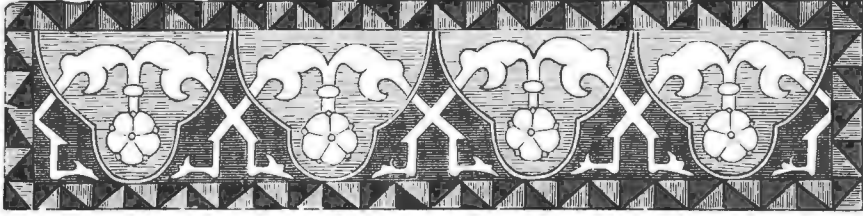
скому имени, ненасытная жажда добычи и завоеваній. Обладая такими достоинствами, такимъ пространствомъ, такими силами, народъ русскій—исключая польскія провинці—не разноплеменный, но однородный, не только можетъ не опасаться потерь, но напротивъ, не перестанетъ быть грознымъ для Европы. Александръ, несмотря на свою слабость, благодаря окружающему его просвѣщенному юношеству, сдѣлалъ много хорошаго для своего народа.

«Разсѣялъ по всей странѣ школы, щедро одарилъ университеты, не щадя средствъ, приглашалъ ученыхъ мужей, насаждалъ просвѣщеніе. Онъ первый отправилъ эскадру въ кругосвѣтное плаваніе. Подъ русскимъ флагомъ поощрялъ мореходство и торговлю. Бросилъ первое сѣмя освобожденія крестьянъ, разрѣшая имъ за деньги откупаться у господъ и становиться землевладѣльцами.

«Этотъ шагъ много способствовалъ подъему земледѣлія, промышленности и торговли. Въ наукахъ и литературѣ русскіе также сдѣлали значительные успѣхи. Драматическая школа, которой Станиславъ-Августъ, столько растративъ милліоновъ, не смогъ основать, въ Петербургѣ существуетъ. Многія театральныя пьесы, привлекая многочисленныхъ зрителей, развиваютъ ихъ вкусы и просвѣщаютъ умы. Всѣ хорошія и полезныя иностранныя сочиненія, переводимыя на русскій языкъ, распространяютъ въ этомъ обширномъ государствѣ науку и просвѣщеніе. Вотъ все хорошее и нехоршее, что сдѣлалъ Александръ».

## I. Кучинскій.





## КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

**Альбомъ Мейерберга.** Виды и бытовыя картины Россіи XVII вѣка. Объяснительныя примѣчанія къ рисункамъ составлены Ѳ. Аделунгомъ, вновь просмотрѣны и дополнены А. М. Ловягинымъ. Спб. 1903.

**Альбомъ Мейерберга.** Рисунки дрезденскаго альбома, воспроизведенные съ подлинника въ натуральную величину, съ приложеніемъ карты пути цесарскаго посольства 1661—1662 гг. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1903.



**И** РАВДИВЫЙ и подробный рассказъ наблюдательнаго путешественника по Россіи XVII вѣка даетъ такой богатый и разнообразный матеріалъ, что едва ли найдется книга или статья о старинномъ русскомъ бытѣ, гдѣ не было бы ссылокъ на Мейерберга. Начиная капитальными монографіями И. Е. Забѣлина и кончая любымъ учебникомъ русской исторіи, мы всюду найдемъ указанія на Мейерберга.

Въ то самое время, когда во главѣ цесарскаго посольства Мейербергъ пріѣзжалъ въ Россію съ запада, — черезъ «земли казаковъ» направлялся въ Москву съ дальняго Востока другой путешественникъ, не менѣе перваго популярный Навель Аленискій, сынъ антиохійскаго патріарха Макарія. Оба они оставили интересныя записки о своихъ путешествіяхъ, оба они сохранили цѣнныя наблюденія надъ русской частной и общественной жизнью половины XVII вѣка. Но характеръ ихъ описаній совершенно разный. Въ Мейербергѣ мы видимъ типъ путешественника ученаго; прежде всего, самъ онъ видный государственный дѣятель, и интересы его наблюденій опредѣляются характеромъ отвѣтственной миссіи. Архидіаконъ Навель — типичный туристъ-диллетантъ, и мы

напрасно стали бы искать у него серьезных суждений, точных цифр. Мейерберг прошел систематическую школу западного образца: наблюдения его глубокомысленны и серьезны, сообщения точны и вполне надежны. На описание Павла полагаться нельзя; воспитанник полусказочного Востока, он поражается главным образом внешней стороной невиданной Московии; он интересуется больше церковными и придворными обрядами, подробно описывает пышное и пестрое убранство церквей и дворцов, не скуится на яркие краски. У него не было критеріума въ опредѣленіи самобытности и оригинальности русских нравовъ и обычаевъ; онъ нѣсколько даже легкомысленъ, и не задумываясь сыплется тысячами и десятками тысячъ. Мейербергъ — прозаикъ въ полномъ смыслѣ слова: цифры у него самыя точныя, часто провѣренныя; географическія названія и собственныя имена бояръ, духовныхъ лицъ и другихъ дѣятелей Москвы переданы у него настолько близко къ великорусскому произношенію, что провѣрять ихъ не приходится. Правда, и онъ не чуждъ поэтической жилки. Онъ не могъ оставаться равнодушнымъ предъ памятниками московской архитектуры, и нагроможденные другъ на друга въ хаотическомъ безпорядкѣ главы и купола пестраго и крикливаго Василия Блаженнаго произвели на него такое же впечатлѣніе, какъ на каждаго европейца вершины Бенаресскихъ пагодъ. Своеобразные обычаи варварской мало изслѣдованной страны онъ описываетъ такъ же подробно, какъ и Павелъ; но въ своихъ описаніяхъ онъ является цѣльнымъ этнографомъ и безпристрастнымъ наблюдателемъ западнаго покроя. А Павелъ — поэтъ въ душѣ и въ описаніи; онъ наивенъ, словно ребенокъ, первый разъ увидавшій разряженную процессію, и эта черта проглядываетъ на каждой страницѣ его путевыхъ записокъ.

Характерно также и то, что нѣмецкій путешественникъ приложилъ къ своей книгѣ альбомъ; онъ понималъ, что даже заурядный рисунокъ можетъ сказать читателю гораздо больше, чѣмъ самое подробное описаніе, чѣмъ самый точный протоколъ стенографа. Холодный и нѣсколько сухой, онъ даетъ въ своемъ путешествіи и альбомѣ матеріалъ для западныхъ ученыхъ, не претендуя на популярность, и его рисунки дошли до насъ въ единственномъ экземплярѣ. Павелъ имѣлъ въ виду занимательное чтеніе, и его полуфантастическое, полубеллетристическое путешествіе дѣятельно переписывалось арабскими книжниками въ теченіе трехъ вѣковъ. Таковъ характеръ обоихъ путешественниковъ, одинаково интересныхъ и одинаково незамѣнимыхъ: они какъ бы дополняютъ другъ друга.

До сихъ поръ мы имѣли только одно, уже устарѣвшее изданіе альбома, воспроизведенное въ 1827 году Аделунгомъ. Въ то время фотографія еще не примѣнялась къ графическому искусству, и рисунки Мейерберга подверглись искаженію при трехкратной перерисовкѣ ихъ отъ руки. Кромѣ того, нѣмецкія названія были выпущены или же замѣнены русскими, пять рисунковъ («Древній исковскій гербъ», «Видъ Красной», «Вариантъ новгородскаго герба», «Таблица князей и царей» и «Русскій алфавитъ») совсѣмъ выпущены, а изъ сорока слишкомъ видовъ Жмуди, Лифляндіи и Курляндіи первый издатель нашелъ нужнымъ помѣстить почему-то только шестнадцать. Кромѣ того, у Аделунга совсѣмъ не находимъ видовъ польскихъ и прусскихъ городовъ. Вотъ

главные недочеты прежняго изданія, восполненные новымъ роскошно напечатаннымъ и систематически подобраннымъ альбомомъ.

Нечего и говорить, что значеніе большинства рисунковъ для археологіи и этнографіи увеличивается еще тѣмъ, что самые предметы, самые оригиналы многихъ рисунковъ до насъ не дошли. Предъ нами проходитъ галлерей зданій, видовъ, портретовъ, группъ, костюмовъ и предметовъ обихода, отъ которыхъ не осталось и слѣдовъ. Особенно интересна «прошлая» Москва съ ея стариннымъ планомъ (таблица XLV) и несуществующими въ настоящее время памятниками русскаго гражданскаго зодчества. («Посольскій дворъ», таблица XXVI). Не будь альбома Мейерберга, мы не имѣли бы, пожалуй, серіи великолѣпныхъ полотенъ А. Васнецова, изображающихъ «старую Москву». Мейербергъ рисовалъ не самъ, въ его свитѣ были заправскіе рисовальщики, имена которыхъ сохранились на картинахъ и могутъ быть прочитаны: одинъ изъ нихъ носилъ имя Іоаннъ-Рудольфъ Стернь, другой Пюманъ. Ихъ смѣлая манера, размашистые штрихи и правдивая перспектива воспроизводятъ дѣйствительность настолько правдоподобно, что положиться на нихъ можно безъ всякихъ колебаній даже самому строгому археологу. Они не прикрашивали натуру, а сѣренкіе виды жалкихъ придорожныхъ селъ и городковъ, съ бревенчатыми хижинами и окружающими ихъ огородами, рисуютъ предъ нами будничную жизнь старой русской провинціи. Стоитъ только сравнить съ фотографіями любой рисунокъ, изображающій зданія или предметы, сохранившіеся до нашего времени, и мы убѣдимся, что главная цѣль художника была точность, пожалуй, равносильная фотографіи; напримѣръ, «Кремль съ восточной стороны» (XIX), «Кремль съ западной стороны» (XXI), «Большой колоколь» (XXVII), «Росписи и своды грановитыхъ палатъ» (XVIII) и другія древности, въ извѣстной степени пощаженыя временемъ.

При всеѣ наивности старыхъ художественныхъ традицій, во всѣхъ сценахъ есть движеніе, въ рисункахъ нѣкоторая пластичность. Таковы большія композиціи: «Посольскій въѣздъ», цѣлое поле, усаженное всадниками и войсками (XVII), «Аудіенція цесарскихъ пословъ» въ пріемномъ залѣ царскихъ палатъ (XVIII), «Шествіе на ослы» чрезъ Красную площадь въ вербное воскресенье (XXXIII) и др. Придворный церемоніаль съ его византійскою торжественностью представленъ у Мейерберга очень хорошо. Мы имѣемъ возокъ знатной боярыни, царицы, архимандрита (XXX—XXXI), въѣздъ царя въ саняхъ (XXXI), угощеніе императорскихъ пословъ въ царскомъ «кабинетѣ», куда до Мейерберга будто бы не проникалъ ни одинъ иностранецъ (XXXIX), аудіенцію тѣхъ же пословъ (XVIII), выходъ царицы съ царевичемъ въ придворную церковь (XLI), характерную сцену подачи челобитной (XLIV). Всѣми этими рисунками воспользовались уже многіе историческіе живописцы и рисовальщики, начиная Шварцемъ и Сверчковымъ и кончая Дмитріевымъ-Оренбургскимъ и Земцовымъ. Интересны также портреты царя Алексѣя Михайловича и царицы Марьи Ильиничны (XLII), митрополита Питирима (XXX), патріарха Никона въ полномъ облаченіи и въ обыденной монашеской рясѣ (XLIII).

Археологическій и этнографическій вкусъ нѣмецкаго путешественника виденъ въ цѣломъ рядѣ рисунковъ; по его приказанію въ альбомѣ зарисованы

московскія монеты неискусной чеканки, четверти и перечеканный талеръ (XXV), икона Богородицы на тровѣ, византійскаго письма (XXVIII), изображение князя Владимира, взятое съ какой нибудь миниатюры или фрески (XXIX). Для старой русской этнографіи очень важны мужскіе и женскіе костюмы московскихъ бояръ, воиновъ, монаховъ, мірянъ и пнородцевъ (XXIII—XXIV), цѣлая сцена погребенія (XLIV) и т. д. Интересна также таблица великихъ князей и царей отъ Юрика до Алексѣя Михайловича (XXIX), скопированная съ какой нибудь родословной XVII вѣка, и большіе суточные часы съ фроловской башни надъ Спасскими воротами «Orologium moscovitum» (XLVI), съ объясненіями Мейерберга относительно 24-хъ часового счета времени у русскихъ.

Приложенныя къ альбому «Объяснительныя примѣчанія» заново переработаны А. М. Ловягинимъ и прибавляютъ кое-что новое къ комментаріямъ Аделунга. Кое-что изъ стараго изданія въ нихъ выпущено, потому что многія объясненія и справки Аделунга составляли въ началѣ XIX вѣка цѣлое открытіе, а теперь, послѣ разысканій Снегирева, Мартынова, Забѣлина, стали фактами общеизвѣстными. Интересно было бы разрѣшить вопросъ относительно писца азбуки, внесенной въ альбомъ (XLVI), сдѣлана ли она «художникомъ или самимъ Мейербергомъ» (стр. 163), въ 1661 году. Мы имѣемъ автографы Мейерберга, и сравненіе ихъ съ кирилловскими буквами заправской приказной скорописи какого нибудь дьяка не позволяетъ думать, что русскія буквы сдѣланы самимъ авторомъ путешествія. Мы знаемъ, напримѣръ, русскій алфавитъ съ такими же латинскими названіями буквъ, списанный для «Томаса Иванова сына, англійскія земли гостя», въ 1588 году русскимъ книжникомъ (рукопись Бодлеянской бібліотеки, № 946). Поэтому трудно думать, чтобы самъ Мейербергъ такъ удачно копировалъ кудрявый канцелярскій почеркъ XVII вѣка.

А. И. Яцимирскій.

**Сборникъ біографій кавалергардовъ 1724—1762 г. По случаю столѣтняго юбилея Кавалергардскаго Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка. Составленъ подъ редакціей С. Панчулидзева. Спб. 1903.**

Въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1899 г. г. Шумигорскій прекрасно обрисовалъ значеніе превосходнаго труда г. Панчулидзева «Исторія кавалергардовъ». Къ этой исторіи «Сборникъ біографій» является прямымъ и необходимымъ дополненіемъ, въ которомъ сохранены всѣ достоинства главнаго труда.

Г. Панчулидзевъ далекъ отъ того, чтобы въ своей исторіи русскаго придворнаго войска только имѣть днѣирамбы «мужеству и беззавѣтной храбрости» однополчанъ. Стремясь къ тому, чтобы исторія роднаго полка отвѣчала общими требованіямъ исторической литературы, редакторъ вмѣстѣ съ сотрудниками соединилъ живость и изящество изложенія съ научной обстоятельностью пользования фактическимъ матеріаломъ. Какъ и при составленіи «Исторіи», при написаніи «Сборника біографій» авторы этого цѣннаго труда пользовались го-

сударственными архивами, обширными литературными данными, учеными работами, специальными изслѣдованіями, записками и воспоминаніями современниковъ, собраніями рукописей частныхъ архивовъ. Особенно дѣнные матеріалы извлечены г. Панчулидзевымъ изъ Собственныхъ Его Величества библиотекъ и изъ архивовъ—Московского министерства юстиціи, Лефортовскаго, Государственнаго и Петербургскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Непосредственное и постоянное участіе въ работахъ редакціи «Сборника» приняли: Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Михайловичъ, В. А. Бильбасовъ, А. А. Голомбевскій, П. Я. Дашковъ, Д. Я. Дашковъ и А. Н. Дубенскій.

«Сборникъ біографій кавалергардовъ» долженъ составить четыре книги по слѣдующей программѣ: I книга—«Кавалергарды съ 1724 по 1762 г.», II книга—«Кавалергарды съ 1762 по 1801 г.», III книга—«Кавалергарды съ 1801 по 1825 г.» и IV книга — «Кавалергарды съ 1825 г. по настоящее время». Біографическіе очерки обнимаютъ всю жизнь каждаго кавалергарда, а не только время ихъ кавалергардской службы. Въ первую книгу вошли біографіи лицъ: 1) избранныхъ въ «Кавалергардію» (въ «драбанты») въ 1724 г. по случаю коронованія императрицы Екатерины Алексѣевны и послѣ коронаціи обращенныхъ назадъ въ свои полки; 2) избранныхъ въ «Кавалергардскій корпусъ» въ 1726 г., а также служившихъ въ немъ съ этого года до расформированія корпуса императрицей Анной Іоанновной въ 1730 г., и 3) тѣхъ лейбъ-кампанцевъ, которые состояли въ кавалергардскомъ капралствѣ лейбъ-кампаніи и, какъ таковыя, несли кавалергардскую службу и имѣли кавалергардское обмундированіе.

Біографіи расположены по старшинству поступленія лицъ въ кавалергарды; исключеніе составляютъ лишь кавалергарды 1726—1731 гг., такъ какъ за это время не сохранилось общихъ списковъ.

Роль, которую играли кавалергарды въ качествѣ придворнаго почетнаго войска, заставила стать въ ихъ ряды многихъ лицъ, отличившихся и вообще обратившихъ на себя вниманіе не только въ смыслѣ военномъ. По этому поводу исторія кавалергардовъ въ особенности въ жизнеописаніяхъ отдѣльных ихъ представителей оказывается тѣсно связанной съ исторіей многихъ государственныхъ учреждений и общественныхъ явленій. Такъ въ кавалергардахъ служилъ капитанъ-поручикомъ графъ Павелъ Ивановичъ Ягужинскій, знаменитый сподвижникъ Петра, стяжавшій себѣ особенную славу, какъ генераль-прокуроръ сената. Поэтому составитель біографіи Ягужинскаго г. Голомбевскій съ полнымъ основаніемъ и знаніемъ дѣла коснулся исторіи петровскаго сената и на генераль-прокурорской дѣятельности обрисовалъ веселый, открытый, смѣлый и дѣятельный характеръ Павла Ивановича. Въ біографіи Варее-ломея Валентиновича Якоби обрисовывается складъ пограничныхъ нашихъ отношеній къ Китаю и тяжесть губернской службы въ Сибири, изъ исторіи извѣстнаго любимца Елисаветы Петровны Бутурлина явствуетъ придворная обстановка того времени, въ жизнеописаніи «полудержавнаго властелина» Меншикова проходитъ вся эпоха петровскаго царствованія, въ которомъ Александръ Данилычъ былъ послѣ царя едва ли не второй центральной фигурой.



Преслѣдуя историческую точность, желая изобразить прошлую жизнь такъ, какъ она была и на самомъ дѣлѣ, «Сборникъ біографій» не скрываетъ ея темныхъ сторонъ. Онъ не находитъ нужнымъ прикрашивать грустную правду о поведеніи большинства кавалергардскаго капральства лейбъ-кампаніи. Кавалергарды лейбъ-кампацы, возведенные въ офицерское званіе изъ простыхъ нижнихъ чиновъ и потому упоенные своимъ исключительнымъ положеніемъ, безчинствовали, буйствовали, насильничали. Любопытно, что офицерство въ строю не освобождало ихъ отъ жестокаго обращенія начальства, но зато внѣ строя лейбъ-кампацы старались себя вознаградить на счетъ совершенно беззащитнаго обывателя. Какъ примѣръ жестокаго обращенія съ лейбъ-кампацами, можно привести сержанта Охлестышева въ отношеніи гренадера-кавалергарда Першуткина. Першуткинъ, смѣнившійся съ двухнедѣльнаго капральства, получилъ приказаніе отъ Охлестышева въ «кавалергардскомъ уборѣ» выйти въ строй и отправляться въ Петергофъ. Гренадеръ обратился къ сержанту съ просьбой уволить его отъ этой командировки. Охлестышевъ закричалъ въ отвѣтъ:

— Выходи же поскорѣе, а не то я, какъ каналью, палкою...

— Мы не каналин, и бить насъ не годится,—отвѣчалъ Першуткинъ.

Тогда Охлестышевъ ткнулъ подчиненнаго палкой въ грудь, на что Першуткинъ сказалъ:

— Вы бы лучше изволили арестовать, а не палкой бить!

Сержантъ арестовалъ гренадера и приказалъ дежурному капралу Васькову отвести его въ караульную. Когда же Васьковъ, взявъ за руку Першуткина, повелъ его, то Охлестышевъ сзади ударилъ его три раза по плечамъ. И вся эта дикая сцена произошло передъ фронтомъ отправляемой въ Петергофъ кавалергардской команды. Изъ строя раздались голоса, что офицера бить не годится, на что въ свою очередь Охлестышевъ, обращаясь къ кавалергардамъ, закричалъ:

— Я изъ васъ офицерство выбью!

Першуткинъ жаловался; при разслѣдованіи обнаружилось, что Охлестышевъ вообще любилъ скверно обращаться и драться, при чемъ однажды находившемуся на дежурствѣ гренадеру Дубову нанесъ палкою около пятидесяти ударовъ. Все это не помѣшало Охлестышеву продолжать службу и выйти въ отставку генераль-майоромъ. Таковъ былъ вѣкъ суровый. Примѣръ такого обращенія съ офицерами-солдатами подавилъ, между прочимъ, фактической главный начальникъ кавалергардскаго капральства лейбъ-кампаціи, извѣстный проходимецъ, Гринштейнъ. Это капральство доставляло много хлопотъ Гринштейну: злоупотребляя дарованными монаршими милостями «лейбъ-кампаціи гренадеры и отъ арміи господа поручики» посѣщали кабаки, напивались допьяна, ссорились другъ съ другомъ, валялись въ грязи, ванадали на обывателей. Гринштейнъ не скупился на наказанія и для водворенія порядка штрафовалъ «поручиковъ и лейбъ-кампаціи гренадеръ» палкою, но это мало помогало. Привычка вообще къ ручной расправѣ наконецъ погубила Гринштейна. Какъ-то разъ Гринштейнъ съ командою лейбъ-кампацевъ сопровождалъ императрицу Елисавету въ Кіевъ. По обыкновенію весь путь лейбъ-кампацевъ сопровож-

ждался безчинствами разнаго рода: «въ пьянствѣ» кричали «слово и дѣло», тащили у встрѣчныхъ прочь кафтаны, кушаки, лошадей, били гарвизонныхъ солдатъ. Гринштейнъ по обыкновенію палкой водворялъ «порядокъ», но въ концѣ концовъ палка его такъ разгулялась, что однажды въ Нѣжинѣ на большой дорогѣ избила зятя могущественнаго Разумовскаго, бунчуковаго товарища Климовича, а одинъ изъ сопровождавшихъ Гринштейна лейбъ-кампанцевъ сбилъ съ ногъ и женку Климовича. Гринштейна притянули къ отвѣту, причли ему за его дерзкій и пронырливый характеръ разныя другія вины и сослали въ Великій Устюгъ.

«Сборникъ біографій» очень дорожитъ правдой, что и придаетъ ему особую цѣнность. Поэтому въ трудѣ г. Панчулидзева имѣется прекрасный бытовою очеркъ, составленный г. Шереметевскимъ и касающійся личности князя Н. Ю. Трубецкаго. Въ этомъ очеркѣ ясно показано, чего могъ добиться въ елисаветинскую эпоху человѣкъ знатнаго происхожденія безъ талантовъ, безъ особаго ума, но хитрый, пронырливый, беззащитный, вѣроломный. Таковъ былъ второй генераль-прокуроръ изъ кавалергардовъ князь Трубецкой, только передъ смертью сознавшій весь ужасъ его преисполненной зломъ жизни.

Очень удачна также отрицательная характеристика, данная г. Чулковымъ, П. П. Шувалову, извѣстному прожектору своего времени, изобрѣтателю «шуваловскихъ гаубицъ» и всевозможныхъ финансовыхъ мѣръ, отъ которыхъ польза оказалась только одному лицу, самому Шувалову. Любопытна составленная тѣмъ же г. Чулковымъ характеристика принца Людвиг-Груно-Вильгельма Гессенгомбургскаго. Жаль только, что въ біографію принца закралось недоразумѣніе. Въ одномъ мѣстѣ полковникомъ Нарвскаго полка названъ принцъ Карлъ Гессенгомбургскій (стр. 220), а въ другомъ — принцъ Людвигъ-Груно (221), но это, конечно, мелочь, которая не портитъ общаго впечатлѣнія и значенія какъ характеристики, такъ и всей книги, столь богатой бытовыми подробностями эпохи.

«Сборникъ» снабженъ цѣлымъ рядомъ портретовъ кавалергардовъ, снимковъ съ картинъ, изображающихъ различныя мѣста и города, гдѣ приходилось жить и дѣйствовать кавалергардамъ, имѣются также изображенія нѣкоторыхъ историческихъ событій, какъ, напримѣръ, пребываніе Елисаветы Петровны въ свѣтлицахъ Преображенскаго полка. Жаль только, что многіе снимки очень малы и потому мелки. Книга еще бы выиграла болѣе, если бы снимки эти можно было представить въ увеличенномъ видѣ. В. Грябовскій.

---

**Столѣтіе военнаго министерства. Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній. Историческій очеркъ. Составилъ П. В. Петровъ. Спб. 1902.**

Настоящій очеркъ обязанъ своимъ появленіемъ въ свѣтъ исполнившемуся столѣтію со дня учрежденія министерствъ и составляетъ одну часть обширной исторіи военнаго министерства. Вслѣдствіе того, что военно-учебныя заведенія вошли въ составъ центральнаго военнаго управленія лишь въ 1863 г., соста-

вителю историческаго очерка въ первомъ выпускѣ своего труда пришлось коснуться главнымъ образомъ исторіи возникновенія и развитія военно-учебныхъ заведеній (вплоть до кончины императора Александра I-го), какъ учреждений, независимыхъ отъ военнаго министерства.

Очеркъ раздѣляется на двѣ части: введеніе, которое представляетъ собою краткій очеркъ развитія военно-учебныхъ заведеній въ теченіе XVIII ст., и эпоху XIX ст. (первую его четверть). Двухвѣковое существованіе военныхъ школъ успѣло создать обширную историческую литературу, въ большинствѣ случаевъ монографическаго характера, а потому совершенно естественно считать трудъ г. Петрова вполне добросовѣстною компиляціею. Онъ въ сжатой формѣ повторилъ многое, что было уже извѣстно изъ печатныхъ трудовъ, и, кромѣ того, дополнилъ послѣдніе новыми данными, почерпнутыми изъ архивовъ (преимущественно изъ богатаго архива главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній). Въ виду этого особенный интересъ представляютъ собою свѣдѣнія, касающіяся проекта князя Зубова о губернскихъ военныхъ училищахъ, о дѣятельности временной комиссіи 1803 года, собранной подъ предсѣдательствомъ цесаревича Константина Павловича, о Калишскомъ кадетскомъ корпусѣ, о частныхъ дворянскихъ школахъ, о преданіи суду директора Смоленскаго кадетскаго корпуса Кетлера, о выдающихся проступкахъ воспитаниковъ Дворянскаго полка и др.; немаловажнымъ значеніемъ для характеристики военно-учебной и воспитательной дѣятельности того времени можетъ служить учебный планъ кадетскаго корпуса 1784 г. и записка цесаревича Константина Павловича о «штрафованіи розгами» съ резолюціей по этому вопросу императора Александра I.

Весьма крупнымъ недостаткомъ настоящаго труда является крайнее несоотвѣтствие частей: гдѣ авторъ пользуется печатнымъ матеріаломъ, тамъ онъ не выходитъ изъ предѣловъ необходимаго; наоборотъ—какъ только въ его распоряженіе попадаетъ архивный документъ, имѣющій большую или меньшую цѣнность, такъ соотвѣтствие частей нарушается вслѣдствіе того, что новому документу—часто не по заслугамъ—удѣляется особенное вниманіе (таковъ, напримѣръ, проектъ доклада о губернскихъ военныхъ училищахъ). Съ другой стороны, г. Петровъ совершенно не останавливается на характеристикѣ «просвѣтительной горячки», охватившей русскую армію въ царствованіе Александра I; эта горячка выразилась очень рельефно въ цѣломъ рядѣ проектовъ, относящихся къ 1809—1821 гг., когда правительство, на опытѣ убѣдившись въ неудовлетворительности общаго и спеціальнаго образованія офицеровъ, пошло по пути реформъ. Къ такого рода проектамъ относится предложеніе генерала Маркова «объ учрежденіи училища для высшаго образованія молодыхъ людей, готовящихся поступить въ военную службу», проектъ «о пользѣ заведенія при каждомъ корпусѣ войскъ военно-учебнаго института для офицеровъ» и наконецъ проектъ извѣстнаго гуманиста въ арміи генераль-адъютанта Киселева объ учрежденіи «военнаго лица»; не меньшій интересъ возбуждаетъ и предложеніе офицера французской службы Жюльена объ учрежденіи «легіона молодыхъ россіянъ», съ примѣчаніями Лагарпа. Само собою разумѣется, эти данныя въ достаточной степени могли бы характеризовать состояніе военно-

учебнаго дѣла въ Россіи въ первую четверть XIX ст. Однако, авторъ, пользуясь печатными указаніями на существованіе такихъ проектовъ, ограничился голымъ перечисленіемъ ихъ, не давая себѣ труда представить ихъ, хотя бы въ извлеченіи, и даже не сдѣлалъ ссылки, чтобы установить мѣсто храненія этихъ документовъ. Въ виду особенной ихъ цѣнности, мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что всѣ перечисленные проекты съ интересною перепискою по поводу ихъ хранятся въ С.-Петербургѣ, въ военно-учебномъ архивѣ главнаго штаба (по каталогу часть IV).

Помимо того, представляется часто невозможнымъ согласиться съ выводами и обобщеніями г. Петрова. Такъ, напримѣръ, говоря о проступкахъ воспитанниковъ Дворянскаго полка, авторъ замѣчаетъ, что «при большомъ стеченіи молодыхъ людей съ различнымъ воспитаніемъ, наклонностями и образомъ мыслей (?) надзоръ за ними не могъ быть достаточно бдительнѣе»; но едва ли отсутствіемъ надзора (что вовсе не подтверждается) можно объяснять обиліе проступковъ воспитанниковъ, съ чѣмъ согласится и самъ авторъ, если посмотреть, какіе факты приводятся имъ въ доказательство поставленнаго положенія: кража у родственника, насилія противъ офицера, отказъ ѣсть объѣдъ и т. п. Здѣсь дѣло обстояло нѣсколько иначе, и всѣ эти проступки единичные и коллективные (последніе авторъ по недоразумѣнію называетъ «буйственныя») являлись непосредственнымъ результатомъ отсутствія нравственнаго воспитанія, произвола и дурныхъ примѣровъ самихъ воспитателей. Замѣтимъ, между прочимъ, для устраненія недоразумѣній, что случай съ дворяниномъ, приговореннымъ къ смертной казни за нанесеніе удара офицеру, окончившійся разжалованіемъ, нельзя считать исключительнымъ явленіемъ, такъ какъ военный судъ всегда назначалъ строжайшее взысканіе по закону, каковое наказаніе и смягчалось конфирмаціями военнаго начальства.

Въ приложеніи къ очерку помѣщена «впервые появляющаяся въ печати таблица, показывающая общее число произведенныхъ въ офицеры» воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній за время 1801—1825 г. Понятно, появленіе подобной таблицы оставалось бы лишь привѣтствовать, если бы самъ авторъ не заявилъ, что въ эту таблицу не вошли свѣдѣнія изъ длиннаго ряда военно-учебныхъ заведеній, и что вообще «за безусловную вѣрность этихъ цифръ ручаться нельзя, такъ какъ выпуски бывали въ разное время; часть представленныхъ къ производству производилась, а другая нѣтъ; много было дополнительныхъ представленій единичныхъ воспитанниковъ» и т. д., — вереница оговорокъ и оправданій, которыя убѣждаютъ въ совершенной непригодности «впервые появившейся» таблицы.

Въ заключеніе необходимо отмѣтить, что на всемъ трудѣ лежитъ отпечатокъ поспѣшности, помѣшавшей автору останавливаться на изученіи интересныхъ данныхъ. Въ общемъ, обиліе новаго матеріала дѣлаетъ книгу крайне интересной, а легкій языкъ, какимъ она написана, выгодно ее отличаетъ. Къ книгѣ приложены: портретъ цесаревича Константина Павловича, какъ предсѣдателя непремѣннаго совѣта о военныхъ училищахъ, графа Коновницына и графа П. В. Голеницева-Кутузова (главныхъ директоровъ корпусовъ), а также

снимки съ гравюръ изъ книги «Историческое описаніе одежды и вооруженія» Висковатова, изображающіе формы обмундированія кадетъ.

Изъ вышнихъ недостатковъ отмѣтимъ, что подстрочныя ссылки значатся то подъ цифрами, то подъ звѣздочками, что крайне затрудняетъ чтеніе.

Н. Ф.

**Е. Е. Голубинскій. Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Изданіе второе. М. 1903.**

Указанная книга профессора Московской духовной академіи Е. Е. Голубинскаго представляетъ второе дополненное и исправленное изданіе его книги о томъ же предметѣ, вышедшей въ свѣтъ въ 1894 году. Новое изданіе значительно превосходитъ первое по количеству и разнообразію ученаго матеріала, въ немъ обслѣдуемаго, и справедливо должно быть признано весьма цѣннымъ приобрѣтеніемъ русской исторической литературы. Книга состоитъ изъ введенія, обширнаго изслѣдованія, распадающагося на двѣ части, въ первой изъ коихъ рѣчь идетъ о канонизаціи святыхъ въ церкви греческой, а во второй о канонизаціи въ церкви русской, приложеній греческихъ и русскихъ.

Во введеніи (стр. 3—10) указывается новѣйшая литература предмета, состоящая изъ изслѣдованій о житіяхъ русскихъ святыхъ и позднѣйшихъ жизнеописаній святыхъ, составленныхъ на основаніи древнихъ житій и ихъ источниковъ. Въ частности, здѣсь отмѣчаются книги и статьи о святыхъ отдѣльных мѣстностей, а именно: архангельскихъ, владимирскихъ, вологодскихъ, волынскихъ, кіевскихъ, костромскихъ, новгородскихъ, олонекскихъ, псковскихъ, сибирскихъ, соловецкихъ, смоленскихъ и ярославскихъ.

Затѣмъ, почтенный авторъ излагаетъ исторію канонизаціи святыхъ въ греческой церкви (стр. 11—39). Канонизація, говоритъ онъ въ началѣ первой части своего изслѣдованія, есть причисленіе церковью какого либо усопшаго подвижника благочестія къ лику ея святыхъ. Слово «канонизація»—латинское (canonizatio), но произведено отъ заимствованнаго въ латинскій языкъ греческаго слова *κανών*—списокъ, каталогъ; у грековъ нѣтъ спеціального слова, соответствующаго латинскому canonizatio, и о причтеніи къ лику святыхъ у нихъ говорится: вмѣщеніе, вчиненіе въ ликъ святыхъ, причитать къ лику святыхъ (*κατάταξις, κατάτασσειν εἰς τὸν χορὸν τῶν ἁγίων*).

Исторія канонизаціи святыхъ въ греческой церкви обобщается въ такомъ порядкѣ: сначала говорится о канонизаціи въ древней греческой церкви, а потомъ—въ позднѣйшей. О канонизаціи святыхъ въ древней греческой церкви имѣются скудныя положительныя данныя. Въ отношеніи къ основаніямъ, которыми древняя греческая церковь руководилась въ признаніи усопшихъ людей святыми, эти послѣдніе должны быть раздѣлены на три класса. Къ первому должно отнести ветхозавѣтныхъ патріарховъ и пророковъ и новозавѣтныхъ апостоловъ, относительно которыхъ церковь вѣровала, что они потому и сподобились быть патріархами, пророками и апостолами, что были люди святые. Ко второму классу относятся мученики, которые, по вѣрованію церкви, во страданіи своемъ вѣнцы нетлѣнныя стяжали, т. е. совершили такой подвижъ,

который одинъ и самъ по себѣ доставлялъ янцу, его подъявшему, вѣнецъ святости. Третій разрядъ составляли святые изъ подвижниковъ или аскетовъ, коихъ церковь считала достойными ихъ признанія за личныя ихъ заслуги; къ этому разряду были потомъ причислены святые изъ іерарховъ или святителей, которые въ XI вѣкѣ были превращены изъ мѣстныхъ святыхъ въ общихъ. Наконецъ, есть еще классъ святыхъ изъ среды царей и царицъ, которые были причислены къ лику святыхъ или за свои заслуги предъ церковью, или за свою личную добродѣтельную жизнь.

Обстоятельно раскрывъ основанія, въ силу коихъ церковь признавала святыми тѣхъ или иныхъ угодниковъ божіихъ, профессоръ Голубинскій далѣе пишетъ, что историческихъ свѣдѣній о совершеніи канонизаціи святыхъ въ древней греческой церкви не осталось почти никакихъ, ни въ видѣ подлинныхъ актовъ, ни въ формѣ старинныхъ записей. Неизвѣстно также, какимъ чиномъ совершалось торжество канонизаціи святыхъ въ греческой церкви, если только существовали опредѣленные чины канонизаціи. Самая же канонизаціи по отношенію къ каждому новоприсознаваемому святому состояла въ томъ, что назначалось ежегодное празднованіе его памяти въ день его кончины, съ каковой цѣлью имя его вносилось въ мѣсяцесловъ или календарь, и что имя его присоединялось къ именамъ прочихъ святыхъ для ежедневнаго возгласенія на литургіи по совершеніи таинства причащенія, для каковой цѣли вписывалось въ такъ называемый диптихъ (помяникъ) церковный.

Въ позднѣйшей греческой церкви (послѣ завоеванія Константинополя турками въ 1453 году) были два класса святыхъ: мученики и подвижники. Подъ властью турокъ у грековъ являлось немало мучениковъ изъ числа людей, одушевленныхъ исключительною ревностью къ своей христіанской вѣрѣ, которые дерзновенно выступали на публичное обличеніе и посяганіе магометанства и за это подвергались турецкимъ правительствомъ той или иной смертной казни. На своихъ новыхъ мучениковъ позднѣйшая церковь смотрѣла и смотритъ совершенно такъ же, какъ древняя греческая церковь смотрѣла на своихъ первоначальныхъ мучениковъ, т.-е. признавала и признаетъ ихъ святыми за самую мученическую кончину, не считая необходимымъ условіемъ прославленія даръ чудотвореній. Что касается подвижниковъ изъ святителей и изъ монашествующихъ, то необходимымъ условіемъ для причтенія кого нибудь изъ нихъ въ лику святыхъ признавалось и признается прославленіе ими Бога даромъ чудотвореній.

Съ почитаніемъ святыхъ у грековъ соединено почитаніе ихъ тѣлесныхъ останковъ или мощей, но наличность мощей не признавалась необходимымъ условіемъ для причтенія усопшихъ къ лику святыхъ. Отъ нѣкоторыхъ святыхъ и не сохранилось мощей, но тѣла ихъ подвергались тѣлнѣю подобно тѣламъ обыкновенныхъ людей. Вообще, по несповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, тѣлесныя останки однихъ святыхъ прославлены нетлѣніемъ въ видѣ мощей, другихъ же—нѣтъ. Что касается мощей древнихъ греческихъ святыхъ, а равно и подвижниковъ, то нѣкоторыя изъ нихъ представляли цѣлыя тѣла или кости съ плотію, другія же—обнаженныя отъ тѣла кости. Многія

мощи святыхъ источали миро. Мощи у грековъ въ большомъ почитаніи и находятся не только въ церквахъ, но и у частныхъ лицъ.

Во второй части книги профессора Голубинскаго излагается исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Въ этой части шесть главъ. Въ главѣ первой (стр. 40—92) рѣчь идетъ о канонизаціи святыхъ въ русской церкви отъ начала христіанства въ Россіи до Макарьевскихъ соборовъ 1547—1549 годовъ. Русская церковь заимствовала канонизацію святыхъ изъ церкви греческой. Общія правила и порядки, коими она руководилась при отдѣльныхъ случаяхъ канонизаціи святыхъ, были слѣдующіе: основаніемъ для причисленія усопшихъ подвижниковъ благочестія къ лику святыхъ служило прославленіе подвижниковъ даромъ чудотвореній или еще при жизни, или по смерти. Въ отношеніи къ обширности территоріи чествованія, причитавшіеся къ лику святыхъ подвижники раздѣлялись на три класса: на мѣстныхъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, которымъ празднованіе назначалось только въ самомъ мѣстѣ ихъ погребенія (въ монастырѣ или у приходскаго храма), на мѣстныхъ въ обширномъ смыслѣ слова, которымъ празднованіе назначалось въ одной своей епархіи, и на общецерковныхъ, коимъ празднованіе назначалось во всей церкви. Право мѣстной канонизаціи въ смыслѣ тѣсномъ и обширномъ принадлежало епархіальному архіерею, а право общецерковной канонизаціи было въ вѣдѣніи главы русской церкви—митрополита или патріарха. Предварительно производился особый канонизаціонный процессъ, удостовѣрявшій справедливость совершавшихся при гробѣ того или иного подвижника благочестія чудесъ. Самое причтеніе къ лику святыхъ состояло въ ежегодномъ церковномъ празднованіи памяти подвижника благочестія, для чего составлялась въ честь его служба церковная, а также писалось житіе. Самый чинъ канонизаціи состоялъ въ томъ, что въ назначенный день въ храмѣ, близъ котораго находились мощи усопшаго подвижника, совершалось торжественное богослуженіе соборомъ духовенства въ присутствіи властей и окрестнаго мѣстнаго населенія. Тѣлесные останки или мощи почившихъ угодниковъ открывались и выносились изъ земли или прежде причтенія ихъ къ лику святыхъ, или одновременно, или даже послѣ. Кромѣ причтенія къ лику святыхъ, на Руси было еще «почитаніе» усопшихъ подвижниковъ добродѣтели, состоявшее въ томъ, что надъ могилой, если она была въ церкви, ставилась гробница или рака (кенотавъ—*κενοτάφιον*—пустой, не заключающій въ себѣ тѣла, гробъ), а также строилась малая часовня съ гробницею, если подвижникъ былъ погребенъ ваѣ церкви, и при гробницѣ пѣлись панихиды по усопшемъ, а иногда, по злоупотребленію, даже молебны ему. Далѣе профессоръ Голубинскій представляетъ списокъ русскихъ святыхъ за указанный періодъ времени, сообщая сохранившіяся о канонизаціи ихъ историческія свѣдѣнія. Всѣхъ святыхъ указывается 67.

Во второй главѣ (стр. 92—109) говорится о канонизаціи святыхъ въ Макарьевскихъ соборахъ 1547 и 1549 годовъ, созванныхъ именно съ этой цѣлью. Профессоръ Голубинскій говоритъ о дѣятельности этихъ соборовъ и о результатахъ ея въ отношеніи къ разсматриваемому вопросу.

Въ третьей главѣ (стр. 109—169) обозрѣвается канонизація русскихъ святыхъ отъ собора 1549 года до учрежденія святѣйшаго синода. Здѣсь предло-

жены два списка святыхъ, время канонизаціи которыхъ извѣстно точнымъ или приблизительнымъ образомъ и время конхъ остается неизвѣстнымъ, указываются также святые, которымъ прекращено или умалено празднованіе.

Въ главѣ четвертой (стр. 169 — 223) разсматривается время отъ учрежденія святѣйшаго синода до нашихъ дней, при чемъ указываются святые, канонизованные къ общему или мѣстному празднованію, святые, которымъ прекращено празднованіе, и святые кievскіе.

Въ пятой главѣ (стр. 223—261) говорится о русскихъ святыхъ, упоминаемыхъ въ святцахъ печатныхъ богослужбныхъ книгъ, преимущественно уставовъ и службениковъ, а также въ печатныхъ святцахъ, отдѣльно изданныхъ, и разсматриваются соединенные съ этимъ вопросы о почитаніи святыхъ и о раздѣленіи ихъ на общихъ и мѣстныхъ.

Наконецъ въ шестой главѣ (стр. 261—370) содержится общее обзорѣіе канонизаціи святыхъ въ русской церкви, представляющее синтезъ того, о чемъ говорилось въ предыдущихъ главахъ. Здѣсь же даются предварительныя свѣдѣнія о каталогахъ святыхъ, въ которыхъ записаны усопшіе, а также помѣщены списки усопшихъ, на самомъ дѣлѣ почитаемыхъ, и усопшихъ, на самомъ дѣлѣ не почитаемыхъ, но имена которыхъ внесены въ каталоги святыхъ.

Въ отдѣлѣ приложеній сначала помѣщены греческіе документы, въ числѣ восьми (стр. 373—407), относящіеся къ исторіи канонизаціи святыхъ въ греческой церкви, а потомъ русскіе, въ числѣ двадцати, касающіеся того же вопроса въ русской церкви (стр. 410—527); въ послѣднемъ отдѣлѣ находится и отвѣтъ на возраженія противъ слова «канонизація», дополненія и поправки и указатель именъ (стр. 526—594). Таково, въ общемъ, содержаніе книги профессора Голубинскаго.

Разсмотрѣнное сочиненіе русскаго ученаго представляетъ весьма цѣнный вкладъ въ историческую литературу. Здѣсь весьма тщательно изложена вся исторія канонизаціи святыхъ не только въ русской церкви, но и въ греческой, на основаніи подлинныхъ документовъ, обследованныхъ и освѣщенныхъ почтеннымъ ученымъ съ рѣдкою компетентностью и искусствомъ. Въ русской литературѣ нѣтъ по вопросу о канонизаціи святыхъ труда, равнаго по своимъ достоинствамъ книгѣ маститаго московскаго профессора. Намъ особенно нравится то, что авторъ находитъ корни русской канонизаціи въ практикѣ церкви греческой и разъясняетъ историческіе факты изъ русской жизни по аналогіи съ фактами изъ исторіи церкви греческой. Такъ и должно быть по существу дѣла. Методъ автора свидѣтельствуетъ о рѣдкой его компетентности въ области изслѣдуемаго вопроса. Методологическая сторона разсматриваемой книги должна быть признана образцовой. Рекомендуемъ методъ профессора Голубинскаго тѣмъ молодымъ русскимъ авторамъ, которые частью по неопытности, часто по свойственной молодости самонадѣянности спѣшатъ по основаніямъ весьма шаткимъ, а иногда и безъ важныхъ основаній, порвать генетическую связь многихъ сторонъ русской церковно-общественной и политической жизни съ аналогичными явленіями изъ исторіи византійско-восточной.

Σ.



**Библиотека Московской синодальной типографіи. Часть первая. Рукописи. Выпускъ 4-й. Матеріалы и оригиналы Вѣдомостей 1702—1727 гг. Описаль В. Погорѣловъ. М. 1903.**

**Вѣдомости времени Петра Великаго. Вып. первый. 1703—1707 гг. Въ память двухсотлѣтія первой русской газеты. Изданіе Московской синодальной типографіи. М. 1903.**

Литература, вызванная двухсотлѣтнимъ юбилеемъ русской періодической печати, скудна и незначительна. Нѣсколько журнальныхъ статей, повторяющихъ давно извѣстные эпизоды по исторіи печати, да послѣдняя книжка «Литературнаго Вѣстника», цѣликомъ посвященная статьямъ по исторіи журналистики, вотъ все, что дали намъ юбилей печати. Но на этотъ юбилей отозвалась Московская синодальная типографія, устроившая выставку и выпустившая въ январѣ 1903 года двѣ книги, заглавіе которыхъ выше выписано. Эти изданія нужно признавать самымъ цѣннымъ приобрѣтеніемъ юбилейной литературы: они даютъ очень много матеріаловъ для исторіи первой русской газеты и самый текстъ ея за пять лѣтъ.

Сначала о текстѣ. Нельзя сказать, чтобы Петровскія «Вѣдомости» были доступны до сихъ поръ и публикѣ, а специалистамъ. Въ 1855 году Императорская Публичная библиотика перепечатала по имѣвшимся въ ней экземплярамъ «Вѣдомости Московскаго государства» за первый годъ изданія — 1703-й; только эта незначительная часть текста первой газеты, вышедшей въ 1703—1727 гг., стала доступной, но и перепечатка библиотекіи давно уже вышла изъ обращенія. Въ настоящее время Московская синодальная библиотека рѣшила переиздать «Вѣдомости» за все время ихъ существованія; пока вышелъ только первый выпускъ, заключающій перепечатку «Вѣдомостей» за первые пять лѣтъ (1703 — 1709). Изданіе сдѣлано по экземпляру, имѣющемуся въ библиотекѣ типографіи; недостающее выполнено по экземплярамъ другихъ библиотекъ. Приложены фотографическіе снимки съ нѣсколькихъ листовъ газеты. Самая перепечатка сохранила указанія на первоначальныя «Вѣдомости». Такимъ образомъ, это изданіе дѣлаетъ возможнымъ научный анализъ содержанія газеты, который можетъ принести немаловажные выводы для нашей исторіи и культуры. Какъ это ни странно, но всѣ писавшіе до сихъ поръ о первой газетѣ, всѣ даже специалисты, для которыхъ знакомство съ экземплярами «Вѣдомостей», хранящимися въ библиотекахъ, можно считать необходимымъ, совершенно не дѣлали анализа содержанія газеты. Въ большинствѣ статей, трактовавшихъ о первыхъ «Вѣдомостяхъ», знакомство авторовъ съ газетой не идетъ дальше перваго номера. Бѣглый просмотръ «Вѣдомостей» за 1703 — 1727 гг. показываетъ, что основная цѣль изданія — оправданіе военной политики, и что война, диктовавшая Петру планъ дѣйствій, отражается въ газетѣ, опредѣляя ея содержаніе и направленіе. Несомнѣнно, подробный анализъ содержанія раскроетъ въ деталяхъ тѣ задачи, которыя ставилъ Петръ газетѣ.

Но помимо этого анализа, до сихъ поръ не сдѣланнаго, не была произведена еще одна ученая работа: не выяснена исторія изданія, процессъ составленія номеровъ, сущность редакторскихъ приемовъ. Въ библиотекѣ Московской сино-

дальной типографіи сохранились рукописи номеров газеты и другіе матеріалы редакціи. Издавая ихъ описаніе, синодальная типографія обращаетъ вниманіе изслѣдователей на эти рукописи и даетъ возможность возстановить въ общихъ чертахъ исторію газеты, картину составленія номера. Извлеченія изъ иностранныхъ газетъ и донесеній пословъ дѣлалось въ посольскомъ приказѣ, потомъ пересылались на печатный дворъ; здѣсь ихъ просматривалъ, выбрасывалъ неподходящее и редактировалъ чиновникъ печатнаго двора, чаще всего Федоръ Пономаревъ, но на этомъ редакція номера не кончалась. Многие изъ рукописнаго матеріала не попадало въ печать; противъ многихъ статей встрѣчается въ рукописи: быть ли сему, доложить о семъ, сей статьи въ скобкахъ въ народъ не пускать. Очевидно, съ печатнаго двора корректура шла на просмотръ царю или ближайшимъ къ нему лицамъ. «Для насъ открывается,— пишетъ г. Погорѣловъ,— то, что велось это изданіе вполне въ духѣ и направленіи Петра Великаго по постояннымъ его указаніямъ. Такимъ образомъ истиннымъ редакторомъ газеты за все время ея существованія былъ самъ царь». Любопытно, что не пускались въ народъ все извѣстія о неудачахъ русскихъ, сообщенія, компрометирующія отдѣльныхъ вельможъ, и т. д. Оригиналы «Вѣдомостей», хранящіеся въ Московской библиотекѣ, относятся ко всему періоду изданія 1703 — 1727 гг. Можно судить, какой цѣнный источникъ для ихъ исторіи даетъ описаніе этихъ рукописей, сдѣланное г. Погорѣловымъ. Къ его описанію приложено шесть фототипическихъ снимковъ съ рукописей въ натуральную величину, между прочимъ, данъ снимокъ съ рукописи, въ которой находится собственноручная поправка Петра Великаго.

Остается пожелать скорѣйшаго окончанія изданія «Вѣдомостей» за остальной періодъ изъ существованія. Можно думать, что появленіе всего текста вызоветъ столь необходимое изслѣдованіе ихъ содержанія и значенія.

## П. Щ.

**Каллашъ, В. В. Puschkiniana. I. Библиографическіе труды о Пушкинѣ, ихъ общій характеръ и научное значеніе. II. Стихотворенія о Пушкинѣ (1817—1849). Кіевъ. 1902.**

**Сиповскій, В. Пушкинская юбилейная литература 1899—1900 гг. Критико-библиографическій обзоръ. Изданіе Пушкинскаго лицейскаго общества. Спб. 1902.**

Книжка г. Каллаша представляетъ оттискъ изъ «Ежегодника коллегіи Павла Галагана» за 1902 г. и распадается на двѣ части. Въ первой г. Каллашъ перечисляетъ библиографическіе труды о Пушкинѣ, большая часть которыхъ приходится на годъ юбилея, дѣлаетъ общую характеристику ихъ и произноситъ свой судъ надъ ними. Г. Каллашъ—судья строгій, но съ большимъ его отѣнокъ можно согласиться. Особенно рѣзкой и заслуженной критикѣ подвергаются труды г. Драганова, но г. Каллашъ не только строгъ, но и не милостивъ. Самый тяжелый приговоръ вынесенъ имъ покойному В. П. Межову за его огромный трудъ «Puschkiniana», Межову, «этому пресловутому автору» безконечнаго количества библиографическихъ пособій, не разъ «подни-

мавшему руку» на Пушкина. Мы думаемъ, что г. Каллашъ черезчуръ строго: Межовъ виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія. Въ его указателяхъ много недостатковъ, онъ самъ не обладалъ образованіемъ, безъ котораго въ наше время немислимы занятія библиографіей, но Межовъ потратилъ массу труда на составленіе своихъ библиографическихъ пособій, труда чисто физическаго, Межовъ по многимъ вопросамъ, въ томъ числѣ и по Пушкиніанѣ, далъ основной библиографической сводъ. Самое трудное и громоздкое—это составленіе перваго основного свода, пусть онъ онъ не будетъ полонъ, пусть будетъ изобиловать недостатками—все же легче его дополнить и исправить, чѣмъ сдѣлать заново. И мы увѣрены, что и г. Каллашу Пушкиніана Межова принесла пользу, явившись отпавнымъ пунктомъ для его библиографическихъ изысканій. Мы согласны съ г. Каллашемъ, Межовъ виновенъ, но безусловно онъ заслуживаетъ снисхожденія.

Во второй части своей книжки г. Каллашъ: продолжаетъ свою Сизифову работу—собраніе всѣхъ стихотвореній, такъ или иначе относящихся къ Пушкину, посвященныхъ ему или содержащихъ указаніе на него, обращеніе и т. п. Г. Каллашъ еще въ 1899 году издалъ сборникъ «Русскіе поэты о Пушкинѣ», въ который вошло 226 стихотвореній; теперь къ этому сборнику онъ прибавляетъ еще добрую сотню стихотвореній да обѣщаетъ еще слѣдующія части собранія. Мы безусловно несогласны придавать подобнымъ матеріаламъ такую цѣнность, какую имъ придаетъ г. Каллашъ: стихотворенія о Пушкинѣ могутъ имѣть значеніе историческихъ свидѣтельствъ о немъ, но такихъ стиховъ немного. По мнѣнію г. Каллаша, подобное собраніе можетъ дать матеріалы для исторіи поэтического сознанія значенія Пушкина, но вѣдь такое положеніе остается на словахъ: по сотнѣ стихотвореній, громадное большинство которыхъ написано не настоящими поэтами, не по вдохновенію, а по случаю, по заказу, никоимъ образомъ нельзя писать исторіи усвоенія Пушкина его собратьями. «Развѣ не важно опредѣлить, какія стороны его личности и творчества выдвигались поэтами, отражавшими общественное настроеніе или влиявшими на него, какъ бы ни были слабы произведенія этихъ поэтовъ?»—пишетъ г. Каллашъ. Но вѣдь, просматривая сотни этихъ стихотвореній, находишь столько хламу, никому и ни для чего не нужнаго; находишь десятки именъ, принадлежащихъ поэтамъ, не имѣвшимъ абсолютно никакого значенія. Но, помимо всѣхъ этихъ соображеній, мы боимся, что г. Каллашу просто не придется довести до конца свое предпріятіе. Издавая сборникъ съ 226 стихотвореніями, г. Каллашъ надѣялся, что пропусковъ будетъ не такъ ужъ много. Появленіе настоящаго сборника и обѣщаніе выпускать въ свѣтъ и дальнѣйшія части собранія доказываетъ, какъ слабы были надежды. По мѣрѣ того, какъ будутъ появляться слѣдующіе выпуски, будутъ указывать пропуски: работа становится безконечною, Сизифой. Въ книжечкѣ, лежащей передъ нами, напечатаны стихи о Пушкинѣ въ періодъ 1817—1849 гг. Не производя библиографическихъ поисковъ, можемъ указать г. Каллашу два не замѣченныхъ имъ отрывка, относящихся къ Пушкину. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ кишиневскому другу Пушкина, майору В. Ѳ. Раевскому, и по своему интересу стодитъ цѣлыхъ десятковъ, напечатанныхъ въ книгахъ г. Каллаша. Раевскій

совѣтовалъ Пушкину «оставить другимъ пѣвцамъ любовь: любовь ли пѣть, гдѣ льется кровь» и т. д. Стихи Раевского напечатаны въ «Русской Старинѣ» (т. LVI, стр. 132—133; т. LXVI, стр. 365—386). Другой отрывокъ находится въ стихотвореніи дяди Гоголя, Пвана Косяровскаго, «Нива» (Сиб., 1826, стр. 7). Пожалуй, онъ довольно любопытенъ: «ей (героинѣ стихотворенія) нравился и Пушкинъ смѣлый, нескромный другъ мечты своей; его умъ, пылкостью созрѣлый, и живость вѣтренныхъ идей».

Критико-библиографическій обзоръ пушкинской юбилейной литературы, составленный г. Синовскимъ, выходитъ во второмъ изданіи, на этотъ разъ Пушкинскаго лицейскаго общества. Оцѣнку перваго изданія этой книги мы сдѣлали на страницахъ февральской книжки «Историческаго Вѣстника» за прошлый годъ. По отношенію къ настоящему изданію мы должны умѣрить рѣзкость нашего сужденія, потому что въ новомъ изданіи многія изъ мѣстъ, вызвавшихъ наши замѣтки, устранены или исправлены. Но самое важное добавленіе, дающее возможность пользоваться книгой, это—указатели, которыхъ не было въ первомъ изданіи; ихъ два—алфавитный и библиографическій.

П. Щ.

**Царская и императорская охота на Руси. Конецъ XVII и XVIII вѣка. Историческій очеркъ Николая Кутепова. Томъ III. Спб. 1903. Цѣна 50 рублей.**

Третій томъ обширнаго труда Н. Н. Кутепова обнимаетъ время съ воцаренія царя Феодора Алексѣевича до императора Павла. Послѣ страстнаго охотника, царя Алексѣя Михайловича, царская охота пришла въ совершенный упадокъ, потому что ни Феодоръ, ни Петръ Великій не были охотниками. Можно сказать, что Петръ совсѣмъ уничтожилъ охоту, зачисливъ изъ 300 человекъ, ее составлявшихъ, 270 въ потѣшныя войска. Она возникаетъ снова при Петрѣ II, который былъ прирожденный охотникъ и провелъ почти все свое трехлѣтнее царствованіе въ лѣсахъ и поляхъ, гоняясь за звѣрями. Императрицы Анна Ивановна, Елисавета Петровна и Екатерина также любили охотиться, и при нихъ царская охота, развиваясь и умножаясь, была, наконецъ, возведена на степень, равную съ высшими государственными учрежденіями. Г. Кутеповъ подробно описываетъ охоты каждой изъ императриць, способы и порядки, практиковавшіеся при этомъ, составъ «яхтъ-штата», денежныя суммы, отнускавшіяся на его содержаніе, лицъ, управлявшихъ охотой, ихъ распоряженія и т. д. Кромѣ того, отдѣльныя главы посвящены свѣдѣніямъ объ охотахъ частныхъ людей, тогдашней охотничьей литературѣ, звѣринцамъ, охотничьимъ дворамъ, быту сокольниковъ, законоположеніямъ объ охотѣ и т. д. Въ книгѣ, отличающейся живымъ изложеніемъ, разсѣяно множество любопытныхъ подробностей, ярко рисующихъ бытъ двора и русскаго общества въ XVIII столѣтіи. Въ обширныхъ приложеніяхъ приведена масса документовъ, отысканныхъ въ разныхъ архивахъ. Съ внѣшней стороны третій томъ «Императорской охоты» можетъ быть названъ, безъ преувеличенія, выдающимся въ художественномъ отношеніи; въ немъ 200 иллюстрацій, и среди нихъ особенно выдѣляются кар-

тины, писанныя специально для этого изданія такими художниками, какъ Рѣпинъ, Васнецовъ, Сѣровъ, Лебедевъ, Суриковъ, Самокишъ, Пастернакъ, Лансере, Рябушкинъ и др. Всѣ онѣ воспроизведены съ необычайной вѣрностью и изяществомъ хромолитографіей въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Вообще, помимо своихъ литературныхъ достоинствъ, это изданіе является образцовымъ въ художественномъ и типографскомъ отношеніяхъ.

О. Ш.

**П. Н. Красновъ. По Ази. Путевые очерки Манчжуріи, Дальняго Востока, Японіи и Индіи. Спб. 1903.**

Совершивъ зимою 1902—1903 года, по порученію военного министра, поѣздку для изученія быта иностранныхъ и нашихъ азіатскихъ войскъ, г. Красновъ нынѣ собралъ воедино наброски путевого дневника. Частями печатавшіеся въ «Русскомъ Инвалидѣ» за прошедшій годъ, они появились отдѣльнымъ роскошнымъ изданіемъ. Книга г. Краснова обладаетъ всеми достоинствами и недостатками, присущими трудамъ подобнаго рода. Впрочемъ авторъ и самъ хорошо сознаетъ свои промахи и въ предисловіи предупреждаетъ о нихъ читателей. «Если вы хотите по моей книгѣ изучить новыя страны,— пишетъ онъ,— то не открывайте ея! У меня все легко, поверхностно и неучено, и самъ я неученый человѣкъ... Если вы хотите услышать отвѣтъ на общій вопросъ: что такое Манчжурія? Или: страшна ли намъ Японія?— бросьте, закройте и не читайте блѣдныхъ очерковъ моихъ, кроки быстрой развѣдки.... Но если вы хотите посмотрѣть изъ своей квартиры въ суровыя казармы манчжурскихъ гарнизоновъ, проѣхать по крутымъ и лѣсистымъ горамъ Хингана, и Джанъ-Гуанъ-Уай-Лина, поохотиться въ Уссурийскомъ краю, пообѣдать у китайцевъ, ужаснуться смертной казни....—откройте книгу и слѣдуйте за мною... Меня будутъ критиковать (и критиковали уже) — прошу снисхожденія: писалъ, что видѣлъ, а видѣлъ мало, писалъ, какъ умѣлъ»...

Впрочемъ *à la lettre* самобичеваній г. Краснова принимать не слѣдуетъ: безиритязательные очерки его отнюдь не блѣдны, видѣлъ онъ достаточно и сумѣлъ съ большою художественностью передать читателю впечатлѣнія, пестрой и длинной вереницей пронесившіяся передъ нимъ за время долгаго пути.

Добравшись до Иркутска, путешественникъ понялъ, что только здѣсь начинается Азія — таинственная колыбель народовъ, страшная своею непонятностью, полная самыхъ странныхъ философскихъ вѣрованій и религій (стр. 20).

Триста лѣтъ назадъ, помимо воли московскаго царя,—пишетъ г. Красновъ по прибытіи въ Хабаровскъ,—палъ Искеръ, столица Сибирскаго царства, но лишь теперь судьбы Россіи привели ее къ новой грани—не замѣтной, но естественной.

Произведя развѣдку Сахалина, Г. И. Невельскій въ 1849 году на свой личный страхъ захватилъ устье Амура и самовольно водрузилъ на мысъ нынѣшняго Николаевска русскій военный флагъ. Этотъ отважный шагъ показался тогдашнимъ дипломатамъ дикимъ поступкомъ, и гр. Нессельроде высказался,

что «отдаленная Сибирь была до сего времени глубокимъ мѣшкомъ, въ который спускались наши соціальныя грѣшки и подонки въ видѣ ссыльныхъ и каторжныхъ; съ присоединеніемъ Амура дно этого мѣшка должно оказаться распоротымъ, и нашимъ каторжникамъ представится широкое поле для бѣгства въ Великій океанъ». Потребовалась страстная и живая защита гр. Муравьева для того, чтобы Невельскій, разжалованный въ рядовые, былъ вновь назначенъ начальникомъ военной Амурской экспедиціи, при чемъ императоръ Николай Павловичъ произнесъ знаменательныя слова: «разъ гдѣ поднять русскій флагъ, онъ опускаться не долженъ» (стр. 139).

Такъ и теперь мы не хотимъ Монголіи, много у насъ земель и безъ нея, но Монголія хочетъ насъ.

Не защита Китайской восточной дороги вызвала присутствіе Россіи въ Монголіи, а незримыя историческія судьбы, двигающія ее на востокъ. Безъ миссіонеровъ, безъ кровавыхъ экспедицій, сама того не желая, она заняла Хайларъ и двинулась дальше.

Г. Краснову пришлось весь путь совершить по неоткрытымъ еще участкамъ Русско-Китайской желѣзной дороги, останавливаясь въ пунктахъ размѣщенія русскихъ войскъ и отрядовъ охранной стражи; на страницахъ своей книги онъ подтверждаетъ жалобы, не разъ проникавшія въ печать, о хозяйничаньи инженеровъ, ихъ личномъ привольномъ житьѣ-бытьѣ и малой заботливости объ интересахъ второстепенныхъ своихъ сотрудниковъ.

Впрочемъ, несмотря на обличеніе желѣзнодорожныхъ распорядковъ, г. Красновъ далеко здѣсь отъ односторонняго пристрастія.

Когда глядишь,—замѣчаетъ онъ,—на восьмипролетный Сунгарійскій мостъ, охватываешь мыслью надводные бараки, въ которыхъ возводятся быки на р. Нонни, вспоминаешь тунки и тоннель въ Хинганъ, то невольно удивляешься гению человѣческому и начинаешь проникаться уваженіемъ къ зеленымъ кантамъ и серебрянымъ топору и якорю. Да, они не ужились съ офицерами охранной стражи, у нихъ были счеты съ рабочими, можетъ быть, они отчасти создали боксеровъ въ Манчжуріи, но все-таки работа ихъ велика. По этимъ хитро проложеннымъ черезъ горныя дебри зигзагамъ рельсовъ и по тонкимъ, какъ паутина, мостамъ русская цивилизація тихо и незамѣтно вливается въ Манчжурію (стр. 124).

Не разъ возвращается г. Красновъ къ незавидному и фальшивому положенію, въ какомъ оказались офицеры охранной стражи. Несмотря на тягостную боевую службу, они и въ матеріальномъ и въ служебномъ отношеніи, завися тогда отъ вѣдомства министерства путей сообщенія, были обставлены весьма неблагопріятно (стр. 89). Точно также печальную, но геройскую роль сыграли во время постройки желѣзной дороги и европеиско-китайской войны кадры охранной стражи, составленные изъ казаковъ. «Я вынесъ съ ними весь «выгонъ» (мятежниковъ)», — говоритъ пріятель г. Краснова, — я выдалъ, какъ вдвоемъ, втроемъ они врывались въ деревни, полныя боксеровъ, и рубили ихъ десятками. Они ходили безъ дорогъ, по звѣровымъ тропамъ»....

Когда ѣдешь по Сунгари, то почти всюду видишь бѣлые намогильные кресты. Это—вѣхи того тяжелаго пути, который прошла охранная стража, занима-

ясь промѣрами, устанавливая сигналы, учреждая и оберегая навигацію... Имена покойниковъ забыты, кости ихъ истлѣли, но, когда Россія въ своемъ медленномъ, но мощномъ поступательномъ движеніи дойдетъ до Сунгари и осядетъ на ней, какъ осѣла на Волгѣ, Иртышѣ, Оби, Енисеѣ и Амурѣ, пусть вспомнятъ тогда жители новаго края, чѣмъ обязаны охранной стражѣ, русскому стрѣлку и казаку,—словомъ военному сословію и безкорыстному военному дѣлу (стр. 129).

Но пока Манчжурія еще не наша, «Небесная имперія» изъ своего сердца плететъ сюда начальниковъ, устанавливаетъ законы, дѣлаетъ «кантами» (отсѣченіе головы), кому считаетъ нужнымъ,—и здѣсь же мощными аккордами гремитъ донская пѣсня. Казаки показали китайцамъ новую жизнь, жизнь бодрую и веселую. Оставьте ихъ здѣсь, поселите казачьи хутора и станицы вдоль по Ялу, Нонни и Сунгари... пусть за казачьею пашкою идетъ казачье умѣние приспособляться ко всякой жизни, всюду устраиваться. Эта миссія надежнѣе, чѣмъ миссіонеры Англій, Франціи и Германіи,—вольетъ въ монголовъ идею гуманности и любви къ жизни, она позволитъ за казаками пойти впередъ и величавой Россіи,—Россіи мирной, ласковой и доброй (стр. 92).

Весьма любопытные факты сообщаетъ г. Красновъ о грандіозномъ хозяйствѣ, заведенномъ г. Янковскимъ въ Уссурійскомъ краѣ: слишкомъ четверть вѣка назадъ онъ явился въ Приморскую область бѣднякомъ—переселенцемъ, а теперь у него обширная ферма, успѣшно развивающая всѣ отрасли сельской промышленности.

Янковский, какъ и другіе пноземцы, осѣвшіе въ Приморской области (Якобсъ, Бринеръ, Гекъ, Кепике и т. п.), велики широтою взглядовъ и тѣмъ, что примѣнились и поняли природу края, а она за то и вознаграждаетъ щедро ихъ труды. Тѣмъ временемъ русскіе колонисты,—хохлы, донцы и великоруссы,—получивъ на выборъ надѣлъ въ 30 десятинъ и пособіе отъ правительства, и въ новомъ краю упорно сѣютъ знакомые хлѣба, ведутъ трехпольное хозяйство, не желаютъ выкорчевывать лѣса, ни удобрять земли и звать не хотятъ, что овецъ надо замѣнить дикими козами и оленями, куръ—фазанами, пшеницу—чумизой и гаолянномъ (китайской кукурузой). Потому-то при всемъ богатствѣ края русскіе поселки жалки и бѣдны. Кто ихъ научить? (стр. 172).

Впрочемъ на вопросъ, кому у кого учиться, г. Красновъ и самъ даетъ дальше отвѣтъ. Терифливая земледѣльческая культура китайцевъ, говоритъ онъ, несомнѣнно достойна подражанія.

Съ другой стороны китайцу русскіе нравятся. Войди сюда гарнизонами нѣмцы, французы, англичане—началась бы ломка, презрѣніе къ чужой расѣ, а вошли русскіе, и идетъ сравненіе одной культуры съ другою молчаливою и не навязчивою... Да и вообще нѣтъ для китайскаго «манзы»—крестьянина земледѣльца, русскій солдатъ защита, а не утѣшеніе (стр. 209).

Обращаясь къ китайскому вопросу, г. Красновъ замѣчаетъ: наши синологи прилежно изучаютъ Китай, но сознаютъ, что его не знаютъ. Намъ, гордымъ европейцамъ, нескоро удастся понять, въ чемъ состоятъ горе и радости этихъ узкоглазыхъ и желтолицыхъ людей. Если они видятъ, что ихъ товарищъ то-

нетъ, они смѣются и кричатъ «панго». Это же одобрительное «панго» говорить палачу жертва, ожидающая своей очереди, при видѣ ловко срубленной головы.

Послѣднее время много пишутъ о желтой опасности. Манчжурскіе солдаты и хунгузы дѣйствительно составляютъ порядочный матеріалъ для войска и, если бы желтымъ людямъ было дано правильное военное воспитаніе, если бы возможно было научить ихъ воинскому искусству, а народъ китайскій заставить уважать званіе солдата и въ войскѣ видѣть онору страны,—о, тогда дорого пришлось бы заплатить европейцамъ за ихъ дерзкія выходки, за ихъ презрительное отношеніе къ Китаю! (стр. 190). Но эти «если бы» въ значительной степени парализуются природною трусостью, вошедшею въ плоть и кровь современнаго китайца, полнымъ непротивленіемъ злу и пелюбовью къ активной войнѣ.

Поэтому-то г. Красновъ полагаетъ, что «желтая опасность» сведется въ концѣ концовъ къ избіенію китайцевъ, горамъ трусовъ и страшнымъ походнымъ тягостямъ для войскъ (стр. 278).

Таковы основныя воззрѣнія г. Краснова въ китайскомъ вопросѣ... О значеніи и цѣнности его книги читатель можетъ теперь и самъ судить по сдѣланнымъ нами извлеченіямъ.

Сергѣй Фонъ-Штейнъ.

### Сказочныя были. А. Амфитеатровъ. Изданіе И. В. Райской. Спб. 1903.

Книга не большая, но помѣщенные въ ней рассказы и статьи представляютъ собою живой интересъ: на всѣхъ этихъ, даже самыхъ маленькихъ рассказахъ, лежитъ печать того несомнѣннаго и довольно оригинальнаго таланта, какимъ обладаетъ А. В. Амфитеатровъ, знакомый отчасти читателямъ «Историческаго Вѣстника» по нѣсколькимъ статьямъ, напечатаннымъ въ нашемъ журналѣ. Одна изъ этихъ статей — «Землетрясеніе» — вошла въ настоящій сборникъ.

Особымъ интересомъ отличаются въ книгѣ статьи: «Исторія одного сумасшествія», «Морская сказка», солдатская легенда «Нанолондеръ», «Сибирская былина» (въ стихахъ) и «Фламандская легенда» о чортѣ. Очень сожалѣемъ, что размѣры журнальной рецензій не позволяютъ намъ остановиться на новой книгѣ г. Амфитеатрова болѣе подробно; тѣмъ не менѣе, рѣшаемся ознакомить читателей съ содержаніемъ хотя бы только одного рассказа, перваго изъ названныхъ нами.

«Исторія одного сумасшествія» — это цѣлая трагедія, рассказанная просто и увлекательно, всего на двадцати страницахъ, трагедія человѣческихъ ошибокъ, увлеченій, страданій и въ концѣ — безумія. Начинается рассказъ съ того, что въ маленькій, красивый театръ города Корфу, во время открытія сезона, въ первый рядъ креселъ вошли и сѣли два молодыхъ господина, изъ числа такъ называемыхъ русскихъ туристовъ. Одинъ изъ нихъ, «огромный, широкоплечій блондинъ, съ пышными волнами волосъ, зачесанныхъ назадъ надъ добродушнымъ открытымъ лицомъ, съ котораго засгѣнчиво и близоруко смот-



рѣли добрые пазѣра-голубые глаза», по имени Алексѣй Леонидович Добрянскій, «странствовалъ не советѣмъ по доброй волѣ,—врачи предписали ему про-вести, по крайней мѣрѣ, годъ подѣ южнымъ солнцемъ, не смѣя даже думать о возвращеніи въ сѣверные туманы. Въ томъ, что онъ боленъ, Добрянскій, по выѣздѣ изъ Москвы, никому не признавался и самъ желалъ о томъ позабыть, выдавая себя просто за туриста и ведя соотвѣтственно праздный образъ жизни. Нервная болѣзнь, выгнавшая его съ родины, была очень страннаго характера и развилась на весьма необыкновенной почвѣ»... Затѣмъ, авторъ рассказываетъ о причинахъ, вызвавшихъ эту «нервную болѣзнь» у Добрянскаго, этого «гиганта» по вѣшности. «Незадолго передъ тѣмъ, какъ Добрянскому заболѣть, сошелъ съ ума короткій пріятель его, присяжный повѣренный Петровъ, веселый малый, одинъ изъ самыхъ безпардонныхъ прожигателей жизни, какими столь безконечно богата наша первопрестольная. Психозъ Петрова, возникнувъ на поэтической подготовкѣ, выросталъ медленно и незамѣтно. Рѣшительнымъ толчкомъ къ сумасшествію явился трагическій случай, страшно потрясшій распатанные нервы больного. У него завязался любовный романъ съ одною опереточною пѣвицею, настолько серьезный, что въ Москвѣ стали говорить о близкой женитьбѣ Петрова. Развеселый адвокатъ не опровергалъ слуховъ... И вотъ, однажды, возвратясь домой изъ суда, онъ не могъ дозвониться у своего подъѣзда, чтобы ему отворили. Черный ходъ оказался тоже запертъ, а куда встревоженный Петровъ стучалъ и ломился,—подоспѣли съ улицы кухарка и лакей его. Они тоже очень изумились, что квартира закупорена наглухо, и рассказали, что уже съ часъ тому назадъ молоденькая домоуправительница Петрова, Анна Перфильевна, услала ихъ изъ дома за разными покупками по хозяйству, а сама осталась одна въ квартирѣ. Тогда сломали двери, и въ рабочемъ кабинетѣ Петрова, на коврѣ, нашли Анну мертвою, съ раздробленнымъ черепомъ; она застрѣлилась изъ револьвера, который вынула изъ письменнаго стола своего хозяина, сломавъ для того замокъ. Найдена была обычная записка: «прошу въ моей смерти никого не винить, умираю по своимъ непріятностямъ»... Петровъ былъ пораженъ страшно. Еще года не прошло, какъ во время одной блестящей своей защиты въ провинціи онъ сманилъ эту несчастную — просто перемышльскую мѣщанку. Что самоубійство Анны было вызвано слухами о его женитьбѣ, Петровъ не могъ сомнѣваться: въ корзинѣ для бумагъ подѣ письменнымъ столомъ, у котораго подняли мертвую Анну, онъ нашелъ скомканную записку ся къ нему, начатую было, какъ видно, передъ смертью, но не конченную. «Что жъ? женитесь, женитесь... а я васъ не оставлю»... — писала покойная и больше ничего, только перо, споткнувшись, разбросало кляксы.

Вотъ завязка трагедіи «Исторіи одного сумасшествія». Далѣе, талантливый авторъ рассказываетъ слѣдующую, очень правдоподобную и, повидимому, случившуюся въ дѣйствительности исторію. Петрову вначалѣ не хотѣлось разставаться съ квартирою, хотя и омраченною самоубійствомъ Анны: его связывалъ долгосрочный контрактъ, съ крупною неустойкою. Однако, онъ выдержалъ характеръ лишь двѣ недѣли, а затѣмъ все-таки бросилъ деньги и переѣхалъ: жутко стало въ комнатахъ, и прислуга не хотѣла жить... Затѣмъ, въ тотъ же

день, какъ похоронили Анну, Петровъ, измученный всѣми пережитыми впечатлѣнiями, задремалъ у себя въ кабинетѣ и увидѣлъ во снѣ, какъ вошла Анна, живая и здоровая, — только блѣдная очень и холодная, какъ ледъ, — сѣла къ нему на колѣни, какъ бывало при жизни, и говорить своимъ тихимъ, спокойнымъ голосомъ:

— Вы, Василій Яковлевичъ, женитесь, женитесь... только я васъ не оставлю, не оставлю...

И стала она его цѣловать такъ, что у него духъ занялся, и онъ съ удовольствiемъ отвѣчалъ на ея ласки, какъ вдругъ вспомнилъ, что вѣдь она мертвая... Охваченный ужасомъ, онъ закричалъ и проснулся — весь въ поту, съ головою тяжелою, какъ свинець, и въ мрачномъ настроенiи духа.

На новой квартирѣ онъ зажилъ такъ, что по всей Москвѣ молва прошла... даже пересталъ принимать свою предполагаемую невѣсту, опереточную пѣвицу, а потомъ вдругъ сталъ торопить ее свадьбой. А пѣвица, блудя московскiй обычай извѣстной среды, поѣхала въ Грузины, къ цыганкѣ, полюбопытствовать о судьбѣ своего будущаго брака. А та отвѣчала ей, что свадьбѣ не бывать; а если де и станется, то на горе: женихъ де нетвой: «промежду васъ мертвымъ духомъ тянетъ»... Пѣвица вернулась отъ цыганки въ слезахъ и о результатахъ гаданья сообщила жениху... Тотъ выслушалъ молча, страшно поблѣднѣлъ и опустилъ голову. Потомъ, поднялъ на невѣсту глаза, полные холодной, язвительной ненависти, дико улыбнулся и тихимъ, шипящимъ голосомъ произнесъ: «Пронюхали»... и прибавилъ какую-то непечатную фразу... Пѣвица въ ужасѣ отъ него шарахнулась—и никогда уже больше его не видала. А Петровъ, понавъ въ скорости въ дворянское собранiе на студенческiй вечеръ, когда артистка Ермолова читала «Коринѣскую невѣсту» Гете въ переводѣ Алексѣя Толстого, мгновенно сошелъ съ ума, какъ только чтница отчеканила роковое завѣщанiе мертвой невѣсты-вампира:

И покончивъ съ нимъ,  
И пойду къ другимъ,  
И должна итти за жизнью вновь!...

У Петрова вырвался вопль ужаса, и онъ, сбивая съ ногъ встрѣчныхъ, бросился бѣжать изъ зала, среди общихъ криковъ и смятенiя... Его связали и отправили въ участокъ, а оттуда въ лѣчебницу для душевнобольныхъ. Врачи опредѣлили параличъ въ опасномъ, буйномъ периодѣ бреда преслѣдованiя: ему все чудилось, что покойная Анна, его любовница-самоубийца, навѣщаетъ его изъ-за гроба, и между ними продолжаютъ тѣ же отношенiя, что при жизни, и онъ не въ силахъ сбросить съ себя иго страшной посмертной любви... Кончилось тѣмъ, что онъ сталъ умирать медленно и животнo, какъ умираютъ вообще прогрессивные паралитики...

Добрянскiй, старый университетскiй товарищъ Петрова, былъ свидѣтелемъ всего процесса его помѣшательства, часто его навѣщалъ въ квартирѣ, а затѣмъ и въ лѣчебницѣ. Петровъ его любилъ, легко узнавалъ и охотно разговаривалъ. Подъ влиянiемъ этихъ свиданiй, а также и подъ обаянiемъ возникшаго въ то время въ Москвѣ мистическаго кружка оккультистовъ, Добрянскiй сталъ

мало-по-малу интересоваться вопросом, насколько допустимо предположеніе о возможности посѣщенія умершими близкихъ къ нимъ лицъ, живыхъ... Затѣмъ, однажды, идя изъ палаты, гдѣ лежалъ больной его другъ, ожидавшій къ себѣ въ этотъ вечеръ Анну, онъ въ полуосвѣщенномъ больничномъ коридорѣ встрѣтилъ какъ разъ даму въ черномъ платьѣ, небольшого роста, худенькую, блѣдную, съ лицомъ, закрытымъ вуалемъ,—очень схожую, по описаніямъ, съ Анною...

Наконецъ, Петровъ умеръ, завѣщавъ ему, Добрянскому, свою Анну... И «наслѣдство друга», въ одинъ прекрасный вечеръ, преподарила въ его кабинетъ, сѣла на ручкѣ кресла и «вернула къ нему свое лицо—блѣдное, съ огромными глазами, бездонными, какъ омуть, темными, какъ ночь... И блѣдныя губки ея дрогнули, и странно сверкнули въ полумракѣ ровные, бѣлые, какъ кипень, зубы... и раздался голосъ тихій, ровный и низкій, точно изъ-за глухой стѣны: «Анною звать-то меня... Аннушка я... мы перемышьскіе будемъ»...

Добрянскій обратился къ врачамъ, и его отправили на югъ, на годъ — «верочки подтянуть»... По прочтеніи разсказа, однако, становится ясно, что никакой югъ и Корфу не въ силахъ уже остановить «начало сумасшествія» этого человѣка...

По одному этому этюду, написанному съ такимъ неподражаемымъ мастерствомъ и знаніемъ души человѣческой, когда она начинаетъ дѣлаться больною,—читатели, надѣмся, могутъ составить себѣ достаточное представленіе о талантливости разсказовъ А. В. Амфитеатрова, заключающихся въ его интересной книгѣ «Сказочныя были». Не сомнѣваемся, что эта его новая книга будетъ имѣть тотъ же крупный успѣхъ, какъ и всѣ его другія книги, появившіяся на книжныхъ рынкахъ ранѣе.

И. Н. З.

**В. Я. Стоюнинъ. Педагогическія сочиненія. Второе изданіе. Спб. 1903.**

Съ именемъ В. Я. Стоюнина невольно связывается представленіе о педагогѣ-идеалистѣ, отдавшемъ свои силы высокой цѣли «пробуждать лучшую сторону человѣка, внушать ему высшія стремленія, отрывать его отъ жизненнаго праха». Этотъ идеализмъ былъ выраженіемъ героической эпохи 1860-хъ годовъ, которая вызвала на свѣтъ цѣлый рядъ талантливыхъ, беззаветно преданныхъ своему дѣлу работниковъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ. Оживленіе коснулось и педагогической среды, которая выдвинула такихъ людей, какъ Широковъ, Ушинскій, баронъ Корфъ, Водовозовъ, г. Бунаковъ, признавшихъ, что трудъ учителя не есть механическое прохожденіе извѣстной программы, что въ этомъ трудѣ на первомъ планѣ стоитъ творчество, что учитель есть прежде всего воспитатель, а воспитаніе не можетъ подчиняться тѣмъ мертвымъ шаблонамъ, что созданы были прежнею официальною рутинной. Среди этихъ-то новыхъ дѣятелей далеко не послѣднее мѣсто принадлежитъ В. Я. Стоюнину. Замѣчательный педагогъ-практикъ, оказывавшій могущественное воспитатель-

ное воздѣйствіе на своихъ учениковъ, внушавшій имъ ясное сознаніе, что «каждый человѣкъ обязанъ по силамъ служить человѣчеству», давшій прекрасныя руководства для преподавателей русскаго языка и словесности, Стоюнинъ оставилъ цѣнное наслѣдіе въ рядѣ статей по общимъ педагогическимъ вопросамъ. Частію эти статьи посвящены исторіи русскаго просвѣщенія, частію вызваны потребностями того момента, когда дѣйствовалъ самъ авторъ. Если исторія школы имѣетъ вообще немалую цѣнность для педагогической практики, указывая какъ ошибки отцовъ, такъ и достоинства ихъ работы, и этимъ направляя на путь истинный дѣятелей грядущихъ поколѣній, то въ этомъ отношеніи труды Стоюнина, несомнѣнно, никогда не утратятъ своего значенія; но въ нихъ есть и другія стороны: это истинно-научныя работы, и для историка русскаго языка нельзя не видѣть большого подспорья, хотя бы въ такихъ статьяхъ, какъ «Наша семья и ея историческія судьбы», «Развитіе педагогическихъ идей въ Россіи въ XVIII вѣкѣ», «Къ исторіи воспитанія въ Россіи въ началѣ XIX столѣтія». Въ этихъ статьяхъ передъ нами серьезный историкъ, работающій надъ источниками и умѣющій объединять анализъ съ синтезомъ. То же историческое значеніе получаютъ въ будущемъ и другія педагогическія статьи Стоюнина, но пока онѣ имѣютъ живой интересъ, такъ какъ весьма многіе вопросы, основательно разбираемые въ нихъ авторомъ, и до сихъ поръ остаются не разрѣшенными на практикѣ. Таковы вопросы объ экзаменахъ, о цѣляхъ школы, о частной предпримчивости въ школахъ, о ненормальномъ строѣ нашихъ гимназій и пр. Читая эти строки, написанныя много лѣтъ тому назадъ, какъ бы видишь то же самое, что приходится переживать теперь. Поэтому-то вышедшее вторымъ изданіемъ собраніе педагогическихъ статей Стоюнина, возобновляющее въ памяти свѣтлый образъ этого замѣчательнаго работника на пользу русскаго просвѣщенія, нельзя не привѣтствовать, какъ цѣнное пособие для современныхъ педагогическихъ дѣятелей. А. В.

### Григорій де-Волланъ. Въ странѣ Восходящаго Солнца. Очерки и замѣтки о Японіи. Спб. 1903.

Такъ какъ интересы нашего отечества въ послѣднее время все тѣснѣе соприкасаются съ Дальнимъ Востокомъ, то книга г. де-Воллана вполне своевременна и даетъ отчетливое представленіе о краѣ, въ которомъ одни хотятъ видѣть будущаго конкурента и чуть ли не преемника Англии въ господствѣ надъ морями, другіе же признаютъ лишь варвара, скрывающаго за внѣшнимъ лоскомъ чудовищную жестокость, свойственную монгольской расѣ, и отсутствіе коренныхъ качествъ ума и сердца, способствующихъ къ воспріятію истинной культурности.

Если смотрѣть съ европейской точки зрѣнія, въ Японіи дѣйствительно много необычайнаго. Начать съ жилищъ: лучшія комнаты не на улицу, а спрятаны на заднемъ дворѣ; книги начинаются съ послѣдней страницы, сладкое подаютъ до обѣда, вино тоже, ванны принимаютъ въ 112° (по Фр.) и не морзуются, минеральными источниками японцы пользуются, не совѣтуясь съ докто-

рами на томъ основаніи, что если источникъ цѣлебень, то вреда отъ него не воспослѣдуетъ, и чѣмъ болѣе имъ пользоваться, тѣмъ лучше; также усердно и по собственному произволенію прибѣгаютъ они къ «акупунктурѣ», накалыванію кожи серебряными и золотыми иглами, и къ «моксамъ», пли прижигаію (стр. 363).

Что касается языка, то въ военномъ вѣдомствѣ, благодаря тому, что еще при тайкунѣ въ качествѣ войсковыхъ инструкторовъ преобладали французы, въ особомъ ходу оказывается французскій діалектъ, тогда какъ въ средѣ японскаго медицинскаго міра общеніе и преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ, а между тѣмъ въ иныхъ областяхъ знанія японцы настойчиво стараются отдѣлаться отъ всякаго иноземнаго вліянія, и преподавателей, которыхъ прежде привлекали на службу крупными окладами, нынче постарались вовсе выжить изъ предѣловъ своей родины (стр. 143—144).

Впрочемъ всѣ судьбы «страны Восходящаго Солнца», начиная съ самаго ея возникновенія, представляютъ немало своеобразнаго... Начать съ того, что во времена доисторическія Японія составляла одно цѣлое съ азіатскимъ материкомъ, но подѣйствіемъ многочисленныхъ вулканическихъ переворотовъ отъ материка отрывались частицы, которыя образовали цѣлый архипелагъ; эти 3.800 острововъ, начинаясь у Сахалина, вытягиваются параллельно матеріку къ югу за предѣлы Манчжуріи и Кореи. Также оригинально шло заселеніе Японіи: автохтонами ея были племена, населяющія Курильскіе острова и Амурскій край; на смѣну имъ явились загадочные айны, а затѣмъ на міровой сценѣ появляются уже японскіе завоеватели; судя по стариннымъ хроникамъ, подтверждаемымъ филологическими и этнографическими изысканіями, японцы выселились изъ Кореи и вначалѣ представляли смѣлыхъ морскихъ разбойниковъ, въ родѣ тѣхъ, что понынѣ еще чинятъ въ китайскихъ моряхъ всякія неистовства.

Постепенно въ Японіи слагается такой же строй, какъ во Франкской монархіи въ эпоху Меровинговъ и господства палатныхъ мэровъ: здѣсь роль энергичныхъ полководцевъ и государственнымъ дѣятелей играли сѣгуны (тайкуны) изъ династіи Токугава, пребывавшіе въ Токио (Еддо), номинально же державная власть усваивается за императоромъ (Микадо), жившимъ въ Кіотто. Параллельно съ этимъ въ странѣ возникаетъ неподвижный феодальный строй, и тутъ дайміо (владѣтельные удѣльные князья, сюзерены) раздаютъ своимъ дружинникамъ-тамураямъ помѣстья, а тѣ за пользованіе землею несутъ военную службу.

Національная религія, заимствованная изъ Китая и образовавшаяся изъ смѣшенія синтоизма, и буддизма, свелась главнымъ образомъ къ культу предковъ и предписаніямъ этическаго характера, не внося никакихъ категорическихъ императивовъ въ народное самосознаніе.

Послѣ переворота 1868 г., перемѣтившаго власть изъ рукъ тайкуна въ руки микадо-императора, постепенно, путемъ мирныхъ завоеваній, въ Японіи водворилась европейская культура. Тамъ, гдѣ существовали только крутыя горныя тропинки, возникли желѣзныя и шоссейныя дороги (стр. 99). Съ учрежденіемъ въ 1871 году департамента народнаго образованія и введеніемъ законо-

положеній, заимствованныхъ у Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, японское правительство провозгласило принципъ обязательнаго и повсемѣстнаго образования. Въ результатъ уже въ 1894 году число обучающихся достигло солидной цифры 4.518.000 душъ (всѣхъ дѣтей школьнаго возраста считалось 7.320.000 душъ). При широкомъ распространеніи грамотности явился широкій сбытъ и для японскихъ газетъ, исчисляемый сотнями тысячъ экземпляровъ, и теперь нѣтъ деревушки, гдѣ бы не было своего мѣстнаго органа.

Впрочемъ, правительство дѣятельно заботится не объ одномъ только образованіи. Также неотомимы его попеченія о торговлѣ и промышленности. Предметы производства, назначенные въ продажу за границу, испытываются экспертами, которые строго слѣдятъ за ихъ доброкачественностью (стр. 342). Столь же энергичны попечительныя мѣры, направленные къ эксплуатаціи отечественныхъ горныхъ богатствъ и развитію промышленности и торговли.

Поощряемые правительственною властью, японцы постарались использовать новѣйшія изобрѣтенія Европы и Америки, при чемъ въ нѣкоторыхъ производствахъ достигли разительныхъ результатовъ. Обладая угольными кошами и дешевыми рабочими руками, японская промышленность можетъ въ будущемъ угрожать серьезнымъ соперничествомъ ивонезнымъ рынкамъ (стр. 130). Многочисленныя данныя, приводимыя въ подтвержденіе этого г. де-Валланомъ (стр. 131), представляютъ значительный интересъ, равно какъ и свѣдѣнія, имъ сообщаемыя о развитіи торговли частнаго морского судоходства.

Политика «открытыхъ дверей», которой Японія придерживалась въ періодъ самообразованія, т. е. въ 1870-хъ и началѣ 1880-хъ гг., ввела Европу въ заблужденіе, и многіе въ ту пору полагали, что, воспринимая европейскую культуру, вся Японія сдѣлается христіанскою, но прошли года, а христіанство преуспѣваетъ мало.

Объясняется это тѣмъ, что англійскіе и американскіе миссіонеры трактуютъ благовѣстіе Слова Божьяго, какъ выгодную для себя профессію, и обставлены прекрасно, тогда какъ католическіе проповѣдники, фанатично привязанные и превосходно подготовленные къ священнической дѣятельности, мирятся съ величайшими лишеніями и часто питаются по примѣру японцевъ-простолодиновъ однимъ рисомъ. Что касается пропаганды православія, то она медленно, но непрестанно поднимается впередъ и тѣмъ прочнѣе, что православная церковь по духу чужда интригъ и вмѣшательства въ политическія дѣла. Въ Токио есть, напримѣръ, зданіе, пріятно поражающее и господствующее надо всѣмъ городомъ своими грандіозными размѣрами: это — православный соборъ, построенный въ Суругаоаѣ на частныя и казенныя пожертвованія. Это сооруженіе, равно какъ и водвореніе православія, — плодъ усилій епископа Николая; онъ же по близости отъ собора устроилъ прекрасную школу для мальчиковъ и дѣвочекъ (стр. 157).

Такое же отрадное впечатлѣніе производятъ и захолустныя православныя приходы, посѣщенные г. де-Волланомъ, хотя русскаго человѣка, конечно, нѣсколько поражаетъ то, что родная ему церковная служба отиравляется на японскомъ языкѣ, при чемъ ни пастыри ни паства о языкѣ славянскомъ не имѣютъ даже представленія.

Относятся вообще съ симпатіей къ японцамъ, воспитаннымъ въ старинныхъ традиціяхъ, г. де-Волланъ находитъ, что простой японскій народъ выдается своею скромностью и трудоспособностью. Выносливый въ трудѣ, японецъ довольствуется очень малымъ (стр. 295). Заработная плата здѣсь отъ 15 до 25 центовъ, и на эти деньги еодержится порою цѣлое семейство, а вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря простотѣ, жизнь богатаго японца мало чѣмъ отличается отъ прозябанія бѣднаго (стр. 303).

Какъ буддистъ, японецъ твердо помнитъ, что все на свѣтѣ преходяще, и не гонится за созданіемъ прочныхъ памятниковъ и устоевъ собственнаго благополучія, поэтому японцы, какъ и китайцы, невозмутимо спокойно относятся ко всякимъ стихійнымъ бѣдствіямъ отъ землетрясенія и мора до пожаровъ и войнъ включительно (стр. 500).

Народно-хозяйственная политика Японіи въ теченіе всего послѣдняго времени вплоть до недавней войны съ Китаемъ была удивительно осторожна, бережлива и успѣшна. Но ратные успѣхи вскружили японцамъ голову, и, получивъ контрибуцію въ 350 милл. іенъ, вмѣсто того, чтобы обратить ее на погашеніе сдѣланныхъ расходовъ, они затратили ее на усиленіе арміи и флота. Вслѣдствіе милитарныхъ увлеченій Японіи военныя издержки ея стали поглощать до 55% бюджета<sup>1)</sup>. Хотя для восполненія дефицитовъ японское правительство и прибѣгаетъ ко всевозможнымъ финансовымъ экспериментамъ, тѣмъ не менѣе положеніе ея очень не блестящее, и японскіе публицисты не скрываютъ стѣсненности денежнаго рынка и вздорожанія предметовъ первой необходимости, да и въ населеніи слышатся голоса, что въ прежнее время было гораздо лучше.

Недовольство въ странѣ растетъ, бранятъ министерства и бюрократію, осуждаютъ государственныя траты. Тревожнымъ симптомомъ является развитіе въ странѣ тайныхъ обществъ и дѣятельность странствующихъ политическихъ агитаторовъ, добивающихся расширенія народнаго представительства и попутно затрогивающихъ идею «панмонголизма». Еще недавно одинъ японецъ проповѣдывалъ, что у cadaго народа должны быть честолюбивыя замыслы, а честолюбіе Японіи должно заключаться въ томъ, чтобы сдѣлаться свѣточемъ Азіи и распространить свое вліяніе на весь крайній Востокъ; вообще въ культурныхъ слояхъ «страны Восходящаго Солнца» сильно распространено мнѣніе, что будущее міра принадлежитъ желтой расѣ.

Подъ вліяніемъ честолюбивыхъ мыслей о провиденціальной своей миссіи Японія обнаруживаетъ страшную подозрительность: Россіи она боится, и постоянно обвиняетъ ее въ коварныхъ замыслахъ. Въ своихъ опасеніяхъ японцы пошли такъ далеко, что вообразили, будто мы готовимся захватить у нихъ островъ Иессо, и для вѣщаго огражденія отъ этой мнимой бѣды завели тамъ военныя поселенія по образцу нашего казачества.

Однако, несмотря на постоянные страхи, русское вліяніе въ Японіи равно нулю: никто не считаетъ нужнымъ хлопотать объ изученіи русскаго языка, и

<sup>1)</sup> Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты ассигнуютъ на этотъ предметъ 17%, Россія — 21%, Франція — 24%, Великобританія — 39% и Германія — 43%.

кафедра по этой специальности въ Токиоскомъ университетѣ упразднена за бесполезность, тогда какъ англійское влияние и языкъ съ каждымъ годомъ приобрѣтаютъ въ Японіи все большія права гражданства.

Изъ приведенныхъ нами подробныхъ извлеченій видно, насколько разнообразно и существенно содержаніе книги г. де-Воллана, которой мы искренно желаемъ широкаго распространенія. Въ ней читатель найдетъ для себя много интереснаго и цѣннаго, съ какою бы цѣлью онъ ни принялся за чтеніе. Можно пожалѣть лишь о томъ, что почтенный авторъ не далъ связнаго очерка дипломатическихъ отношеній нашихъ къ «странѣ Восходящаго Солнца», помѣщеніе котораго въ книгѣ было бы вполне цѣлесообразно. Напрасно также къ книгѣ, изданной вообще тщательно, не приложена карта японскихъ владѣній, которая оказалась бы кстати при частыхъ ссылкахъ автора на географическіе факты и его путешествія.

Сергѣй фонъ-Штейнъ.

**Сборникъ законовъ объ устройствѣ крестьянъ и инородцевъ Сибири и Степного края, составилъ Г. Г. Савичъ. Изданіе неофициальное. Спб. 1903.**

Въ январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» мы говорили о составленномъ г. Савичемъ «Сборникѣ законовъ объ устройствѣ крестьянъ и поселенъ внутреннихъ губерній Россіи». Въ настоящее время изданъ новый трудъ того же лица, обнимающій законодательство о крестьянахъ и инородцахъ Сибири и Степного края.

Представляя, насколько намъ извѣстно, первую попытку дать законченное и самостоятельное собраніе частью вошедшаго въ сводъ законовъ, частью же разбросаннаго въ собраніи узаконеній и распоряженій законодательства въ примѣненіи къ крестьянамъ и инородцамъ Сибири и Степного края, названный трудъ г. Савича отличается исчерпывающей полнотою, какъ это видно изъ слѣдующаго краткаго перечня содержанія четырехъ его отдѣловъ.

Первый отдѣлъ обнимаетъ постановленія о правахъ, общественномъ управленіи, судѣ и повинностяхъ крестьянъ и инородцевъ, помѣщенные въ общемъ положеніи о крестьянахъ, учрежденіи сибирскомъ, положеніи объ инородцахъ, положеніи объ общественномъ управленіи и судѣ Забайкальской области и въ положеніи степномъ. Содержаніемъ второго отдѣла служатъ правила о земельномъ устройствѣ крестьянъ и инородцевъ, а въ третьемъ отдѣлѣ сосредоточены: временное положеніе о крестьянскихъ начальникахъ и постановленія П т. св. зак. о мѣстномъ, губернскомъ и уѣзномъ, управленіи Сибири и Степныхъ областей, дополненыя позднѣйшими узаконеніями и правительственными распоряженіями. Четвертый, какъ бы дополнительный, отдѣлъ представляетъ рядъ извлеченій изъ отдѣльныхъ частей свода законовъ, а равно рядъ указаній, правилъ, инструкцій и циркуляровъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ этой области законодательства. Содержаніе сборника дополняется включенными въ текстъ его рѣшеніями правительствующаго сената и разъясненіями министерствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ при сборникѣ помѣщено три указа-



теля: 1) предметный, 2) сравнительный—статей общаго положенія о крестьянахъ изд. 1876 года и положенія сельск. сост. изд. 1902 года, и 3) сравнительный же помѣщенныхъ въ сборникѣ статей пол. сельск. сост. 1902 года и тѣхъ указаній, на коихъ онѣ основаны, а во вступленіи составителемъ данъ краткій очеркъ присоединенія къ Россіи Сибири и Степного края и насажденія и развитія въ нихъ русскаго законодательства.

Въ заключеніе нельзя не сказать, что если первый сборникъ г. Савича представляетъ большое подспорье для лицъ, служащихъ крестьянскому дѣлу внутреннихъ губерній Россіи, главнымъ образомъ благодаря наличности въ немъ комментаріевъ въ формѣ министерскихъ разъясненій и циркуляровъ и рѣшеній правительствующаго сената, то настоящій вновь выпущенный имъ трудъ необходимо явится принадлежностью каждаго крестьянскаго дѣятеля далекихъ русскихъ областей не только въ виду присущихъ ему въ этомъ отношеніи достоинствъ, но и въ виду того удобства и практическаго значенія, которое имѣетъ изданіе въ одной книгѣ разбросаннаго законодательства.

Кн. Ник. Об.

**Сборникъ въ память князя Павла Петровича Вяземскаго. Печатано по распоряженію комитета императорскаго общества любителей древней письменности. Спб. 1902.**

Настоящій сборникъ посвященъ памяти князя П. П. Вяземскаго, вызвавшаго къ жизни императорское общество любителей древней письменности въ 1877 году въ самый разгаръ «вишней бури»; такимъ образомъ, сборникъ обязанъ своимъ появленіемъ въ свѣтъ двадцатипятилѣтію названнаго общества.

Онъ состоитъ изъ девяти статей: первая и послѣдняя принадлежатъ графу С. Д. Шереметеву; въ нихъ онъ, съ одной стороны, даетъ краткую характеристику дѣятельности общества, а съ другой—рисуетъ его основателя. Статьи написаны тепло, задушевно и искренно. Изъ другихъ статей обращаютъ на себя вниманіе: «Мои первые шаги въ обществѣ» Х. Лопарева, гдѣ авторъ сообщаетъ нѣсколько цѣнныхъ указаній изъ исторіи общества; статья П. Н. Тиханова, въ которой интереснымъ является описаніе поѣздки въ Макарьевъ для обзоренія древностей Макаріево-Унженскаго монастыря; статья П. А. Шляпкина, важная для характеристики князя П. П. Вяземскаго и его научныхъ взглядовъ, въ которыхъ отражается русскій патриотъ и старый рюриковичъ съ европейскимъ образованіемъ; статья Н. В. Тимоѣева рисуетъ князя въ домашней обстановкѣ, при чемъ воспоминанія относятся главнымъ образомъ къ послѣднимъ годамъ его жизни.

Кромѣ этихъ статей, въ сборникѣ помѣщены: письмо И. В. Помяловскаго и Штендемана и «Страничка біографіи князя П. П. Вяземскаго» Н. П. Барсукова.

Этимъ скромнымъ сборникомъ ознаменовался праздникъ 25-ти-лѣтія общества, чуждаго всякихъ рекламъ и скромнаго въ своихъ цѣнныхъ трудахъ и изысканіяхъ въ области русскои исторіографіи. Остается пожелать интересному сборнику возможно большаго круга читателей.

Н. Ф.

**Малый Энциклопедический Словарь. Издатели Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1899—1902. Томъ I: А—Гебгардъ; томъ II: Гебдонъ—Лангеландъ; томъ III: Лангенбекъ—Уссопъ.**

Давнымъ давно назрѣвшій въ Россіи словарный вопросъ за послѣдніе годы мало-по-малу началъ разрѣшаться—и удачно. Не такъ давно у насъ совершенно не было словарей: ранѣе выпущенныя энциклопедіи (Березина, Старчевскаго, Плюшара и др.) успѣли устарѣть, а вновь выходящія не удовлетворяли предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ.

Замѣтное оживленіе въ энциклопедическо-справочную литературу вносятъ девяностые годы. Вызвано оно было солиднымъ предпріятіемъ издательской фирмы Брокгаузъ-Ефронъ, приступившей въ началѣ этого десятилѣтія къ составленію своего многотомнаго «Энциклопедическаго Словаря». Встрѣченный первоначально довольно ѣдкими, правда, партійными нападками, словарь этотъ въ послѣдующіе годы зарекомендовываетъ себя лестными авторитетными отзывами и, сравнительно, быстро пріобрѣтаетъ массу подписчиковъ. Въ настоящее же время вышедшими томами онъ охватилъ уже буквы А—Ф, и благополучно приходить къ концу. Тщательно и добросовѣстно редактируемый извѣстными учеными и литераторами, онъ вполне отвѣчаетъ своему назначенію—служить серіозною энциклопедіею по всѣмъ отраслямъ науки, и потому говорить о немъ въ короткой рецензіи не приходится.

Успѣхъ изданія Ефрона не замедлил вызвать подражанія. Такъ, вскорѣ появился московскій «Словарь Граната-Гарбеля»—словарь, нѣсколко составленный, съ большими пропусками и важными недочетами въ содержаніи и лубочно-грязноватый по внѣшности.

Затѣмъ начинаетъ выходить подъ общей редакціей С. Н. Южакова «Большая энциклопедія». По программѣ своей она рѣзко отличается отъ Ефронскаго Словаря: полнота словъ и точность датъ въ ней такая же, самый же объемъ статей гораздо короче. Благодаря содержательности своей и внѣшнему чистооплотному облику, она завоевала уже достаточную популярность, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи.

Еще позднѣе печатаются мелкіе словари: Аскарханова, Павленкова, Сойкина и другихъ. Изъ нихъ вниманія заслуживаетъ только однотомный словарь покойнаго Павленкова. Онъ компактенъ, кратокъ, чистъ и дешевъ. Остальные — не что иное, какъ макулатурный хламъ, выпущенный въ свѣтъ ради наживы.

Конечно, къ послѣднему разряду изданій мы не относимъ словарей, специальныхъ, вышедшихъ въ этотъ же періодъ: «Юридическаго» — подъ редакціей Филипова, «Богословскаго» — подъ редакціей Лопухина, «Сельско-хозяйственнаго» — Девріена и др. Это — изданія безусловно полезныя и серіозныя, но не о нихъ идетъ рѣчь въ нашей замѣткѣ.

Изъ приведенной справки видно, что вполне порядочныхъ, удовлетворяющихъ своему назначенію словарей — у насъ только два: Ефронскій и Южаковскій.

Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ, они далеко не общедоступны, это — изданія серіозныя, пригодныя скорѣе для людей науки; для средняго же класса они слишкомъ солидны и, кромѣ того, дороги.

Редакція Словаря Брокгауза-Ефрона это, конечно, понимала, а потому выпустила второй словарь, но общедоступный, «Малый». О немъ мы и скажемъ нѣсколько словъ.

Весь «Малый» словарь вмѣщенъ въ три большихъ тома, набранныхъ четкимъ убористымъ шрифтомъ. Статьи прировнены, главнымъ образомъ, для справокъ; онѣ сжаты, но вполне ясны. Включенныя въ нихъ спеціальныя свѣдѣнія — точны, статистическія данныя достаточно свѣжи, хронологическія, а также біо-библиографическія даты — вѣрны. Пропусковъ въ словахъ не замѣтно. Такая рѣдкая для необширнаго, сравнительно, справочника полнота содержанія объясняется исключительно тѣмъ, что при составленіи его редакція могла пользоваться всѣми матеріалами и средствами «большого» словаря. Всѣ статьи его, несомнѣнно, составлены заново, но на основаніи этого богатѣйшаго матеріала.

Цѣнной особенностью «Малого Словаря» служатъ особыя приложенія. Это — рядъ краткихъ руководствъ-обзоровъ по различнымъ отраслямъ знаній и словарей наиболѣе употребительныхъ иностранныхъ языковъ. Опечатанныя съ отдѣльной нумераціей страниць и приложенныя къ словарному тексту въ видѣ самостоятельныхъ брошюръ, они составляютъ цѣлую бібліотеку, пригодную для самообразованія.

Съ внѣшней стороны «Малый Словарь» изданъ очень тщательно и нарядно: бумага — глазированная, шрифтъ — чистый, карты и чертежи исполнены хорошей хромолитографіей и цинкографіей. Цѣна изданія весьма скромная — три тома съ 29 отдѣльными приложеніями стоятъ 18 рублей.

Вор. Городецкій.

**Людвигъ Крживицкій. Психическія расы. (Опытъ психологіи народовъ). Переводъ съ польскаго Р. В. Крживицкой подъ редакціей автора. Спб. 1902.**

Родъ человѣческій мельчаетъ. Быть можетъ, растеть безостановочно совокупная сила его представителей, но особи все болѣе и болѣе теряютъ черты личной силы, физическаго здоровья, инициативы, настойчивости въ осуществленіи намѣченныхъ плановъ. Эти мысли являются какъ бы основнымъ положеніемъ книги г. Крживицкаго.

Ходъ разсужденій почтеннаго антрополога таковъ. Человѣкъ состоитъ изъ двухъ сторонъ — физической и психической. Вначалѣ человѣческая физика, складывающаяся подъ вліяніемъ окружающихъ внѣшнихъ условій, обуславливаетъ собою и психику. Первобытная замкнутость вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатываетъ въ общественныхъ группахъ психическое и физическое единство, вслѣдствіе чего получаютъ цѣлостныя типы представителей отдѣльныхъ племенъ и народовъ. На свѣтѣ является курчавый, чернокожій и легкомысленный негръ, воинственно-стойкій краснокожій индѣецъ, медлительный, но вмѣстѣ съ тѣмъ

предпринимчивый, изобрѣтательный и энергичный бѣлолицый европеецъ. Постепенно, однако, при столкновеніи племенъ и народовъ прежнее племенное единство и цѣлостность нарушаются въ физическомъ отношеніи. На ряду съ этимъ новыя общественныя соединенія начинаютъ не только дробить прежнее физическое и духовное единство представителей различныхъ племенъ, но создавать условія новой общественной психики. Постепенно человекъ все болѣе и болѣе освобождается отъ зависимости въ смыслѣ подчиненія вышнимъ естественнымъ условіямъ, но зато теперь онъ становится въ большую зависимость отъ окружающей общественной среды.

Въ общественной средѣ человекъ принужденъ быть таковымъ, каковымъ въ духовномъ смыслѣ желаютъ его видѣть установившіеся порядки. Личность, неподчиняющаяся этимъ требованіямъ, преслѣдуется и даже уничтожается, такой цѣлью задается право, нравственность, религія. Подъ давленіемъ указанныхъ условій психическая личность человека преобразовывается въ томъ направленіи, которое указываетъ ему общественный строй. Въ результатѣ получаются новыя цѣлостныя группы, но цѣлостныя въ психическомъ смыслѣ — нѣкоторыя психическія расы.

Крживицкій, однако, въ образованіи такихъ новыхъ общественныхъ соединеній видитъ рядъ нежелательныхъ отрицательныхъ качествъ. Съ одной стороны онъ признаетъ благотворное вліяніе общественной среды надъ индивидуомъ, новый общественный порядокъ укрощаетъ страсти первобытнаго человека, даетъ возможность существовать не только сильному, но и слабому, защищаетъ проявленія лучшихъ сторонъ человеческой природы, обезпечиваетъ дифференціацію труда и возможность научной работы. Но на ряду съ этими явленіями получаютъ другія иного характера. Старый подборъ въ пользу сильнѣйшаго физически уступитъ мѣсто подбору болѣе одаренныхъ психически, но эта психика новыхъ общественныхъ группъ не всегда высока по своимъ внутреннимъ качествамъ. Когда возникаетъ городская жизнь, природа человеческая прямо подвергается вырожденію. Въ городъ изъ внѣгородскихъ поселеній стремятся обыкновенно наиболѣе энергичные элементы, но въ городѣ они надрываются и истощаются въ непосильной борьбѣ и соревнованіи. Страшное напряженіе городской жизни отражается на нервныхъ силахъ горожанина. Наступаетъ «нервный вѣкъ» со всѣми его извращеніями, душевными заболѣваніями, самоубійствами, употребленіемъ всякаго рода наркотики и возбудительныхъ средствъ. вмѣстѣ съ тѣмъ понижается плодovitость горожанина и уменьшается его ростъ, вѣсъ тѣла; самая наружность его измѣняется: онъ становится женоподобенъ, теряетъ бороду, усы, неестественно округляется въ тѣлѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ вырождаются прежнія положительныя свойства человеческого характера, и понижаются способности индивида.

Современная городская жизнь неразрывно связана съ промышленнымъ фазисомъ культуры, а эта культура въ свою очередь гибельно вліяетъ на горожанина. Она въ ковецъ истребляетъ прежній воинственный характеръ представителей сильныхъ племенъ, уничтожаетъ непосредственность натуры. Орудіемъ благосостоянія въ наши дни господства фабрики, лавки и завода вмѣсто меча сдѣлался аршинъ. Храбрость и благородство уступили мѣсто тор-

гашеской изворотливости и расчету. Прославление героических подвигов въ-щими поэтами замѣнилось наглою, прямой и роскошной замаскированной рекламой «того же производителя» и «коммерческаго посредника». Сильной личности стало трудно уживаться среди неподходящихъ условий новаго существованія, но зато получили возможность процвѣтѣть хилые физически и убогіе духовно всякаго рода «ласковые телята» общественной нивеллировки, для которыхъ богатство молодыхъ народовъ: личная доблесть, оригинальность, правдивость, неукротимая энергія, свободолюбіе, является лишней обузой.

По мнѣнію Крживицкаго, мельчаетъ и умъ человѣческій. Прежнимъ титанамъ мысли отводится все меньше и меньше мѣста. Нашъ прогрессъ, въ особенности въ области техническихъ изобрѣтеній и усовершенствованій, несомнѣненъ, но это прогрессъ, такъ сказать, массовый и стихійный. Нынѣшняя наука и прикладныя знанія, говоритъ авторъ, такъ богаты опытомъ прошлаго, что занятіе ими плодотворно при самыхъ незначительныхъ средствахъ личной одаренности. Поэтому нынѣшній ученый изобрѣтатель по большей части только трудолюбивый работникъ, между тѣмъ какъ еще недавно для творчества въ области мысли и для изобрѣтательства требовались исключительныя данныя. Таковы существеннѣйшія мысли книги г. Крживицкаго.

Автору нельзя отказать въ остроуміи и умѣлой критикѣ основъ нашего промышленнаго, общественнаго строя, но дѣло въ томъ, что антропологъ не только скзался, но и остался въ Крживицкомъ въ тотъ моментъ, когда авторъ разсуждаетъ о психическихъ расахъ. Всѣ его доводы касаются несовершенствъ нынѣшнихъ условий соціальной жизни и ихъ послѣдствій, но не выясняютъ по существу того, въ чемъ же сущность психики современныхъ «психическихъ расъ». Этой сущности нельзя характеризовать однимъ словомъ «упадокъ», такъ какъ самое явленіе ново и требуетъ самостоятельнаго изученія. Падать и вырождаться должно что нибудь, по существу предполагающее возможность паденія. На этотъ вопросъ г. Крживицкій не даетъ отвѣта. Давая исходъ читателю въ своемъ пессимистическомъ направленіи, авторъ предполагаетъ, что народится новая психическая раса, которая приспособится къ городской жизни, остановитъ вырожденіе горожанина, но такое утѣшеніе не разрѣшаетъ самой задачи.

Психическая раса безъ приспособленія можетъ устранить вредныя условія или содѣйствовать парализованію ихъ опасныхъ послѣдствій.

В. Грибовскій.

**Monografie w zakresie dziejów nowożytnych. Wydawca Szymon Askenazy. Tom I. Rządy tymczasowe w Królestwie Polskiem. Maj-Grudzien 1815. Przez Józefa Bojasińskiego. Warszawa. 1902.**

Кружокъ молодыхъ польскихъ ученыхъ предпринялъ систематическую разработку новѣйшей польской исторіи въ цѣломъ рядѣ монографій, которыя будутъ выходить подъ общей редакціей г. Аскенази. Настоящая книга, помимо непосредственнаго значенія, какъ первый опытъ разработки почти нетронутаго изслѣдователями кусочка польской исторіи, представляетъ интересъ еще и въ

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1903 г., т. хсі.

20

томъ отношеніи, что знакомитъ насъ съ планомъ и методомъ всей цѣпи послѣдующихъ монографій. Во «вступительномъ словѣ» редакторъ заявляетъ, что въ отношеніи разработки новѣйшей эпохи польская историографія отстала далеко отъ европейской—нѣмецкой, англійской, французской и русской» (!). Мы, признаться, не безъ изумленія прочитали этотъ комплиментъ по адресу нашей исторической науки: всякій согласится, что въ устахъ польскаго ученаго такой комплиментъ—вещь довольно рѣдкая. Не только для того, чтобы отвѣтить любезностью г. Аскенази и его «родакамъ», а въ интересахъ простой справедливости необходимо признать, что польская наука по данной части не такъ ужъ нища, какъ ее представляетъ редакторъ предпринимаемыхъ «монографій». Даже не заглядывая въ справочныя библиографическія пособия, можно было бы нѣсколько страницъ исписать заглавіями капитальнѣйшихъ польскихъ изслѣдованій по новой исторіи, удовлетворяющихъ самымъ строгимъ требованіямъ, а ужъ о компиляціяхъ и бѣглыхъ брошюрахъ и говорить нечего: ихъ—море великое и пространное, въ которомъ и профессиональный библиографъ утонуть можетъ. Впрочемъ, въ сѣтованіяхъ г. Аскенази есть «умыселъ другой»: онъ желаетъ, чтобы разработка новѣйшей исторіи была не плодомъ случайныхъ единичныхъ усилій того или другого лица, а получила характеръ живого и могучаго общаго научнаго движенія, привлекающаго все новыя силы... Что жъ, давай Богъ.

Переходя къ частнѣйшей обрисовкѣ плана «монографій», г. Аскенази заявляетъ, что онъ намѣревается сразу бить по два зайца, т.-е. давать не только изслѣдованіе эпохи, но и издавать неизвѣстные еще источники, которые будутъ помѣщаемы въ видѣ приложений. Главнѣйше редакторъ будетъ имѣть въ виду XVIII и XIX вѣка; повѣствованіе общается объективное, безъ общихъ мѣстъ и фразъ.

Выборъ темы для первой монографіи («Временное управленіе въ царствѣ Польскомъ») мотивированъ тѣмъ, что этотъ періодъ, доселѣ не затронутый историками, составляетъ весьма важную эпоху перелома въ новѣйшихъ судьбахъ польскаго народа, такъ какъ царство Польское съ Варшавой тогда-то именно и закрѣпилось за Россійской державой. Издатель не скрываетъ, что настоящая работа далеко не имѣетъ исчерпывающаго значенія. Такъ, онъ не могъ эксплуатировать для своего изслѣдованія цѣлаго ряда важнѣйшихъ документовъ по данной эпохѣ, хранящихся въ архивѣ государственнаго совѣта, въ бумагахъ кн. Чарторыйскаго, которыя недавно перевезены изъ Парижа въ Краковъ и еще не разобраны, наконецъ въ тайномъ берлинскомъ архивѣ. Не располагая полнотою матеріаловъ, авторъ оставилъ открытымъ цѣлый рядъ вопросовъ, наиримѣръ, разномысліе великаго князя Константина Павловича и императора Александра I по вопросу о способѣ присоединенія Польши къ Россіи (первый вслѣдъ за генералъ-губернаторомъ Ланскимъ стоялъ за сліяніе, второй склонялся на сторону государственно-династической уніи), постоянный антагонизмъ между кн. Адамомъ Чарторыйскимъ и Станиславомъ Потоцкимъ въ вопросахъ законодательныхъ, гражданскаго управленія, границъ автономіи и т. д. Словомъ, авторъ держался строго-фактической почвы, воспользовавшись для своей работы какъ ранѣе напечатанными матеріалами, такъ и вновь добытыми изъ варшавскихъ правительственныхъ и частныхъ архивовъ.

Весь этот материалъ использованъ авторомъ въ 8 главахъ. Въ главѣ I, послѣ общаго очерка тогдашняго положенія царства Польскаго, г. Боясинскій излагаетъ исторію установленія временнаго управленія, описываетъ личный составъ его, сферу вѣдѣнія, границы власти и проч. Глава II посвящена характеристикѣ лицъ, стоявшихъ у власти, описанію порядка засѣданій, условій работы. Тутъ находимъ нѣсколько интересныхъ штриховъ, обрисовывающихъ личность великаго князя Константина Павловича, столкновенія его съ княземъ Чарторыйскимъ и Новосильцовымъ, внѣшній характеръ дневныхъ засѣданій управленія и проч. Въ III главѣ находимъ довольно дѣльный очеркъ экономическаго положенія царства Польскаго и описаніе организациі министерской системы управленія, устроенной временнымъ управленіемъ. Въ главѣ IV авторъ описываетъ систему городского управленія, причины упраздненія счетной палаты, мотивы неосуществившагося упраздненія народной гвардіи, упорядоченіе ея содержанія и продовольствія и проч. Въ V главѣ данъ очеркъ казеннаго хозяйства царства Польскаго и характеристика двухъ его распорядителей—нѣмца Коломба и поляка Матушевича. Въ VI главѣ содержится подробный разсказъ о томъ, какъ приводились управленіемъ въ исполненіе постановленія вѣнскаго конгресса, касающіяся царства Польскаго, какъ-то: работы по установленію пограничной линіи съ великимъ княжествомъ Познанскимъ, отошедшимъ къ Пруссіи, по выработкѣ правилъ для торговли, по ликвидаціи долговъ и обязательствъ бывшаго княжества Варшавскаго и проч. Въ главѣ VII кратко указанъ составъ комиссіи, избранной для выработки основныхъ законовъ для царства Польскаго. Въ послѣдней наконецъ главѣ содержится описаніе посѣщенія Варшавы императоромъ Александромъ I въ октябрѣ мѣсяцѣ 1815 г. и прекращеніе полномочій временнаго управленія.

На семь протяженіи книги авторъ ведетъ рѣчь сухимъ, дѣловымъ тономъ, придерживаясь строго фактической почвы и избѣгая дѣлать какіе бы то ни было выводы и обобщенія. Послѣднюю особенность монографіи нужно считать скорѣе недостаткомъ, чѣмъ достоинствомъ. Къ чему такая боязнь сказать свое слово? Небольшая бѣда, если въ немъ будетъ увлеченіе или преувеличеніе, пусть даже ошибка: отъ этого свободенъ бываетъ только тотъ, кто или не умѣетъ думать, или не способенъ работать. Авторъ способенъ къ хорошей разработкѣ деталей; еще маленькая доля вдумчивости—и его монографія много выиграла бы въ цѣнѣ.

Добрую треть книги составляютъ приложенія, цѣнность которыхъ далеко неодинакова. Выписки изъ мемуаровъ Нѣмцевича, представляющихъ доступный материалъ, пожалуй, составляютъ излишній балластъ. Но зато съ другой стороны мы встрѣчаемъ здѣсь такой, напримѣръ, цѣнный материалъ, какъ выписки изъ постановленій временнаго управленія и докладовъ ему разныхъ лицъ, извлеченія изъ тогдашнихъ газетъ, «Генеральный бюджетъ доходовъ и расходовъ княжества Варшавскаго на 1814—1815 годъ», личную и официальную переписку тогдашнихъ дѣятелей и мн. др. Все это весьма пригодится будущимъ изслѣдователямъ.

В. Х.

**Радзивилловская или Кенигсбергская лѣтопись. I. Фото-механическое воспроизведеніе рукописи. II. Статьи о текстѣ и миниатюрахъ рукописи. Спб. 1902.**

Императорское общество любителей древней письменности, только что отпраздновавшее первую четверть вѣка своей дѣятельности, обогатило русскую науку новымъ великолѣпнымъ изданіемъ нашего знаменитаго лѣтописнаго памятника, который пытались издать уже около 150 лѣтъ тому назадъ.

Судьба изданной обществомъ рукописи весьма любопытна. Сначала, судя по припискамъ на поляхъ, сдѣланнымъ около 1528 г., рукопись вращалась еще въ той области, гдѣ она была первоначально написана, т.-е. въ предѣлахъ нынѣшнихъ Московской и Владимирской губерній. Нѣсколько позже мы застаемъ ее въ Западной Россіи въ рукахъ какого-то Senobuga, отъ котораго она попадаетъ еще дальше на западъ въ Польшу, къ князю Янушу Радзивилу. Въ 1671 г. сынъ этого Радзивила, князь Богуславъ Радзивилъ, подарилъ ее кенигсбергской библиотекѣ. Черезъ 90 лѣтъ, во время занятія этого города русскими войсками, лѣтопись эта по просьбѣ тогдашняго библиотекаря нашей академіи наукъ Тауберта была взята изъ Кенигсберга, привезена въ Петербургъ, гдѣ и хранится съ 1761 г. въ библиотекѣ академіи наукъ.

Важность этого списка для русской исторической науки чувствовалась уже почти при самомъ ея возникновеніи. Еще въ 1716 году, когда рукопись хранилась въ Кенигсбергѣ, съ нея, по повелѣнію Петра Великаго, была снята тщательно исполненная копія. Этой именно копіей и пользовались въ своихъ историческихъ работахъ Ломоносовъ и Татищевъ. Въ первый же годъ возвращенія рукописи въ Россію Таубертъ рѣшилъ издать ее и черезъ 6 лѣтъ закончилъ печатаніе текста. Къ сожалѣнію, дѣло это попало въ руки Тауберта, а не такого специалиста историка, какимъ былъ въ то время Шлецеръ. Таубертъ позволялъ себѣ произвольно исправлять древнія надписанія, вставлялъ въ текстъ свои догадки и даже выпускалъ цѣлыя мѣста, казавшіяся ему непорочными и ненужными. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такихъ приемахъ изданіе это страдало отсутствіемъ критики и научнаго значенія не имѣть. Въ началѣ XIX вѣка почувствовалась настоятельная необходимость въ болѣе исправномъ и провѣренномъ опубликованіи кенигсбергскаго текста. За дѣло горячо взялся извѣстный нашъ археологъ Оленинъ, который даже хлопоталъ для этой цѣли особую субсидію. Но по неизвѣстнымъ причинамъ предпріятіе это разстроилось, и такимъ образомъ до послѣдняго времени изданіе Тауберта было единственнымъ, которое успѣло уже стать библиографическою рѣдкостью.

Что касается частичнаго пользованія кенигсбергскимъ спискомъ, то уже Шлецеръ въ своемъ капитальномъ трудѣ: «Hestor—Russische Annalen», положилъ его въ основаніе своего своднаго изданія русскихъ лѣтописей. Съ тѣхъ поръ кенигсбергской лѣтописью пользовались всѣ издатели другихъ лѣтописей. Чеботаревъ и Черепановъ, а засимъ профессоръ Тимковскій, издавая Лаврентьевскую лѣтопись, подводили изъ нея варианты къ своему изданію. Дѣлалъ изъ нея выписки и Карамзинъ. Въ позднѣйшее время усердно поль-



зовались Радзивилловскимъ спискомъ редакторы I тома «Полнаго собранія русскихъ лѣтописей» и, наконецъ, покойный академикъ Бычковъ при изданіи имъ Лаврентьевской лѣтописи.

Выясненію историческаго и художественнаго значенія Кенигсбергской лѣтописи посвящены въ настоящемъ изданіи статьи академикомъ Шахматовъ и Кондакова.

Подробно изслѣдуя запутанный вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ нашихъ древнѣйшихъ списковъ лѣтописей, академикъ Шахматовъ приходитъ въ концѣ концовъ къ выводу, что уже въ XII вѣкѣ подъ влияніемъ лѣтописей кievскихъ и южно-русскихъ стала развиваться лѣтописная дѣятельность и во Владимірѣ, который въ это время игралъ важную политическую роль въ тогдашней Руси. Первая лѣтопись была составлена во Владимірѣ, по предположенію г. Шахматова, около 1185 г. Въ 1192 г. явилась вторая редакція, а въ 1216 г. — третья. Последняя редакція и легла въ основу общерусскаго лѣтописнаго свода, сдѣланнаго при митрополитѣ Петрѣ, а вторая владимирская редакція послужила протографомъ для лѣтописи сосѣдняго Переяславля Суздальскаго, позднѣйшій списокъ которой и представляетъ наша Кенигсбергская лѣтопись. По вѣскому мнѣнію изслѣдователя, Радзивилловская лѣтопись имѣетъ исключительную важность для изученія нашего историческаго прошлаго. «Не только событія XII и начала XIII вв., — говоритъ академикъ Шахматовъ, — представлены здѣсь въ томъ самомъ видѣ, какъ ихъ записали современники, но и древнѣйшія русскія историческія данныя сохранили въ ней ту первоначальную редакцію, за которой слышится голосъ русскаго человѣка первой четверти XII вѣка».

Научная важность изданнаго обществомъ памятника еще болѣе увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что Кенигсбергская лѣтопись изобилуетъ рисунками. Очевидно, тотъ экземпляръ Переяславской лѣтописи, который въ началѣ XIV вѣка сталъ извѣстенъ митрополиту Петру, въ 1377 — монаху Лаврентію, а въ XV — составителю Радзивилловской, былъ иллюстрированъ. Переносывая свой первоисточникъ, составитель Радзивилловскаго списка скопировалъ и его рисунки, скопировалъ грубо, но-дѣтски, но за то внесъ въ нихъ множество мелкихъ подробностей современнаго ему быта. По изслѣдованію академика Кондакова, всѣ рисунки сдѣланы одной рукой и по своей техникѣ и композиціи указываютъ на основной типъ греческихъ лицевыхъ хроникъ XIII—XIV вв. Но греческій типъ здѣсь сильно искаженъ: фигуры сдѣланы гораздо крупнѣе, начерчены вольно, съ большей свободой, часто многими штрихами, поправляющими другъ друга. Множество деталей указываютъ прямо на древне-русскій обиходъ. Таковы разныя части одежды, коробовыя покрытія церквей, цѣлыя бытовые сцены, въ родѣ русскаго погребенія въ курганахъ. Особенно интересны изображенія той церемоніальной позы, что въ древности называли «спустя рукава»: жены, спустя рукава, въ буквальный смыслъ этого выраженія, пляшутъ, но также, «спустя рукава», и стоятъ при похоровахъ.

Въ концѣ своей статьи академикъ Кондаковъ заявляетъ, что данный имъ краткій перечень реальныхъ подробностей назначенъ исключительно для того,

чтобы вызвать вниманіе специалистовъ къ этой замѣчательной рукописи. Такимъ образомъ Кенигсбергская рукопись со стороны историко-художественной ждетъ еще своего изслѣдователя.

Въ заключеніе нашей замѣтки считаемъ долгомъ сообщить, что капитальное изданіе императорскаго общества любителей древней письменности только и могло осуществиться, благодаря матеріальной поддержкѣ его предсѣдателя, графа С. Д. Шереметева, и одного изъ членовъ общества, Г. В. Юдина.

М.

**Н. В. Бѣлозерскій. Справочная книга для коллекціонеровъ памятниковъ старины въ Россіи (преимущественно монетъ). Спб. 1903.**

Существуетъ мнѣніе, что успѣхъ археологій и развитіе коллекціонерства слѣдуютъ обыкновенно за увлеченіемъ стариной, какъ одной изъ типичныхъ чертъ романтизма. Это справедливо: поэзія предшествуетъ прозѣ. Еще въ 30-хъ и 40-хъ годахъ у насъ смотрѣли на исторію, какъ пріятное занятіе, если хотите, тонкое и изящное развлеченіе. Серьезныя разысканія начались значительно позднѣе. Ученые убѣдились, что нельзя знать и изучать старину безъ детальнаго изученія ея памятниковъ. Поэтому мы видимъ, что только въ 50-хъ и 60-хъ годахъ у насъ появляются первые капитальные труды по русской археологій и одновременно съ ними — систематическія коллекціи. Казенныхъ музеевъ у насъ сравнительно немного. Гораздо больше предметовъ старины находится пока въ частныхъ рукахъ, и надо отдать справедливость нашимъ коллекціонерамъ, — они относятся къ своему дѣлу страстно, съ увлеченіемъ, не жалѣютъ ни силъ, ни затратъ. Можно указать немало примѣровъ, когда изъ типичнаго «коллекціонера-спортсмена» впоследствии выходили убѣжденные и серьезные любители и знатоки старины. У каждаго изъ нихъ есть свой отдѣлъ, узко-ограниченный кругъ собираемыхъ предметовъ. Это показываетъ, что наше коллекціонерство перестало быть забавой, и мы должны относиться къ нему внимательно.

Единственный недостатокъ нашего коллекціонерства — это отсутствіе объединенія, боязнь гласности. О существованіи цѣнной коллекціи можно узнать только случайно, и очень многія собранія до сихъ поръ остаются совершенно неизвѣстными для присяжныхъ ученыхъ. Въ этомъ отношеніи книжка г. Бѣлозерскаго необыкновенно полезна. Изъ нея коллекціонеры узнаютъ другъ о другѣ, войдутъ въ сношенія, ихъ коллекціи станутъ доступны ученымъ и т. д. «Прежде всего такія книги способствуютъ объединенію коллекціонеровъ между собою и образованію кружковъ и обществъ среди тѣхъ изъ нихъ, которые ставятъ себѣ цѣлью разумное и научное коллекціонированіе», — говоритъ авторъ, оправдывая практическое значеніе всякаго рода справочныхъ книгъ въ области коллекціонированія памятниковъ старины (стр. IV). Книжка г. Бѣлозерскаго состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Въ первомъ собраны адреса частныхъ собраній съ указаніемъ специальности коллекціонера, приблизительнаго характера собранія. Второй отдѣлъ посвященъ адресамъ торговцевъ стариной, главнымъ образомъ, антикваріевъ и нумизматовъ. Оба отдѣла какъ бы восполняютъ

другъ друга. Въ особенности полезны они для начинающаго коллекціонера. Онъ узнаеть, во-первыхъ, своихъ товарищей по дѣятельности; во-вторыхъ, всегда можетъ справиться о существующихъ цѣнахъ на извѣстную вещь; можетъ узнать, не поддѣльна ли она, насколько рѣдка, заслуживаетъ ли покупки, — и этимъ облегчить въ высшей степени нелегкій трудъ коллекціонирования, въ особенности въ провинціи.

Къ сожалѣнію, г. Вѣлозерскому остались неизвѣстными очень многія частныя собранія. Такъ, онъ не знаетъ ни одной коллекціи въ Архангельской и Бессарабской губерніяхъ, и начинаетъ свои списки прямо съ Владимирской (списокъ распределенъ въ алфавитномъ порядкѣ). Для одной только Бессарабіи мы могли бы указать на великолѣпную коллекцію предметовъ и надписей изъ греческихъ и римскихъ черноморскихъ колоній Ивана Кассіановича Суручана въ Кишиневѣ, по Семинарской ул., въ собственномъ домѣ; интересное собраніе помѣщицы де-Сигардъ въ селѣ Вадулуйводи на Днѣстрѣ; небольшую коллекцію классическихъ и татарскихъ древностей помѣщика Глотова въ мѣстечкѣ Каушанахъ Бендерскаго уѣзда; собраніе древностей бывшаго инспектора духовной семинаріи Льва Мацѣвича, живущаго теперь въ Одессѣ, и т. д. Насколько не полонъ списокъ частныхъ коллекцій у г. Вѣлозерскаго, показываетъ хотя бы отдѣлъ Московскій (стр. 6 — 9). Здѣсь пропущены: его императорское высочество великій князь Сергій Александровичъ — греческая керамика, монеты и терракотовыя статуэтки изъ Танагры, описанныя профессоромъ Цвѣтаевымъ; Дмитрій Ивановичъ Щукинъ — картины старыхъ мастеровъ, монеты, гравюры и т. д.; графъ Шереметевъ — старинное оружіе и предметы домашняго обихода; Шабельская — русское шитье; полковникъ Гессе, начальникъ кремлевскаго гарнизона — русскія вещи XVI и XVII вѣковъ, ковши, братины, посуда, рѣзные металлическія украшенія; собранія иконъ у князя А. А. Ширинскаго-Шихматова, П. П. Горюнова, М. П. Вострякова, Н. И. Гучкова, И. И. Шестова, К. Т. Солдатенкова, П. И. Силина, П. и С. Третьяковыхъ и др.; В. В. Верещагинъ — коллекція женскихъ украшеній, шитье, иконы, столбцы, рѣзба изъ дерева и т. п. (въ селѣ Ильинскомъ; были выставлены въ Историческомъ музеѣ вмѣстѣ съ картинами 1812 года); П. А. Овчинниковъ — иконы, старинныя подѣлки изъ золота и серебра, лицевыя рукописи; А. П. Егоровъ — русскія и византійскія иконы, рукописи, кресты (Салтыковский пер., собственный домъ); профессоръ М. П. Соколовъ — славянскія и русскія рукописи, старопечатныя книги (Полянка, В. Успенскій пер., д. Персицъ); Г. М. Казаковъ — великолѣпное собраніе рукописей и старопечатныхъ книгъ; А. Старицынъ — гравюры, автографы, картины (Никитскій бульваръ у Никитскихъ воротъ); В. М. Лавровъ, редакторъ «Русской Мысли», — монеты, медали, картины (село Шелковка по Московско-Брестской желѣзной дорогѣ), и много другихъ. Не мѣшало бы также указать, что недурныя коллекціи вещей и рукописей находятся въ Харьковѣ у профессора М. С. Дринова, проф. Е. К. Рѣдина, вдовы профессора Безсонова, Михайловскаго и др., а также на богатыя коллекціи, бывшія на выставкѣ при XII археологическомъ съѣздѣ. Всѣ перечисленные собранія уже отмѣчены въ ученой литературѣ, и незнаніе ихъ можно поставить въ упрекъ составителю «Справочной книги». М. О. Ск — вичъ.

**Эразмъ Роттердамскій. Похвала глупости. Переводъ съ предисловіемъ, введеніемъ и примѣчаніями П. Н. Ардашева, профессора Юрьевского университета. Юрьевъ. 1902.**

«Читая сатиру Эразма,—говоритъ переводчикъ,—иногда невольно забываешь, что она написана четыреста лѣтъ тому назадъ: до такой степени свѣжо, живо, жизненно и современно подчасъ то, что встрѣчаешь на каждомъ шагу въ этомъ произведеніи, отдѣленномъ отъ насъ четырьмя вѣками». Съ этими словами нельзя не согласиться. Секретъ этой нестарѣющей свѣжести и молодости поистинѣ безсмертной шутки-сатиры Эразма заключается не только въ талантъ автора, этого «остроумнѣйшаго изъ ученыхъ и ученѣйшаго изъ остроумныхъ людей, какихъ только знаетъ исторія европейской литературы», но также и въ самой цѣли и характерѣ произведенія. «Если бы взглянуть,—пишетъ Эразмъ,—на всѣ безчисленные тревоженія смертныхъ съ луны, какъ это сдѣлалъ когда-то Мениппъ, то родъ людской представился бы въ видѣ роя мошекъ или комаровъ, ссорящихся и воюющихъ между собою, строящихъ другъ другу козни, грабящихъ, играющихъ, дурачащихся, родящихся, падающихъ, умирающихъ»... Подобную попытку и представляетъ собою, въ сущности, гениальная шутка-сатира Эразма; «оракулъ Европы» (какъ называли Эразма при его жизни) рисуетъ здѣсь сатирико-юмористическій портретъ именно всего человѣчества, рисуетъ психику и жизнь человѣка, какъ такового, внѣ узкихъ рамокъ національности и времени. Но особенно интересна точка зрѣнія, съ которой озираетъ талантливый гуманистъ жизнь человѣчества; это — точка зрѣнія глупости. Глупость произноситъ панегирикъ самой себѣ. Прослѣживая шагъ за шагомъ различныя формы человѣческой жизни: разные возрасты, занятія, характеры и общественныя положенія, глупость весьма умно и остроумно доказываетъ, что она необходимый и рѣшительно всюду присутствующій элементъ жизни; мало того, она — источникъ всѣхъ радостей жизни и благодѣтельница человѣческаго рода...

Похвала глупости (*Stultitiae laus*) — это народія и шутка отъ начала до конца, но остроумнѣйшая народія и гениальная шутка. Она нигдѣ не переходитъ въ шаржъ, напротивъ, поражаетъ читателя тонкою психологіей и мѣткою наблюдательностью. Не признавая никакихъ авторитетовъ, остроумно высмѣивая все, надъ чѣмъ только можно посмѣяться, сатира Эразма блещетъ въ то же время тѣмъ жизнерадостнымъ оптимизмомъ, тою вѣрою въ человѣчество, чѣмъ проникнуты почти всѣ произведенія гуманистовъ; за всеразрушающею сатирою ясно чувствуется твердое и устойчивое міросозерцаніе гуманизма, смѣло идущее на смѣну разрушаемыхъ формъ средневѣковой жизни.

«Похвала глупости», напечатанная впервые въ 1509 году въ Парижѣ, имѣла въ свое время громадныя успѣхи. И теперь—это далеко не забытое произведеніе; оно переведено на всѣ европейскіе языки и выдержало, со времени своего появленія въ свѣтъ, болѣе двухсотъ отдѣльныхъ изданій. Существовалъ и русскій переводъ, проф. А. П. Кирпичникова (давно вышедшій изъ продажи). Новый переводъ проф. П. Ардашева лучше и полнѣе прежняго, въ которомъ были значительныя пропуски; впрочемъ, совершенно полнаго перевода

сатиры и не может появиться, въ виду довольно рѣзкой разницы въ литературныхъ нравахъ современной эпохи и эпохи Эразма (въ переводѣ г. Ардашева пропуски составляютъ, въ общей сложности, не болѣе одной страницы). Переводъ читается легко, почти какъ современное произведение.

Въ введеніи переводчикъ говоритъ о происхожденіи и сущности гуманизма, а также сообщаетъ историко-литературныя и біографическія свѣдѣнія о Эразмѣ Роттердамскомъ. Къ переводу присоединенъ «алфавитный указатель именъ и предметовъ».

Д. З—винъ.

**И. Ф. Павловскій. Полтава въ началѣ XIX вѣка. (Очерки по архивнымъ даннымъ, съ рисунками). Вып. I. Генераль-губернаторство князя А. Б. Куракина (1802—1808 г.). Кіевъ. 1902.**

**В. Г. Краснянскій. Минскій департаментъ великаго княжества Литовскаго. (Этюдъ изъ исторіи войны 1812 г.). Спб. 1902.**

Эти двѣ брошюры представляютъ не одинаковый интересъ. Очеркъ г. Павловскаго, помѣщенный первоначально въ «Кіевской Старинѣ», вызванъ къ жизни столѣтнимъ юбилеемъ города (9-го марта 1902 г.) и въ первомъ выпускѣ обнимаетъ собою генераль-губернаторство кн. А. Б. Куракина (1802—1808), когда Полтава «пзъ скромнаго полкового городка» въ короткое время обратилась въ губернской городъ. Фактическая дѣятельность князя, въ дѣлѣ устройства Полтавы, очерчена очень подробно, но данныхъ, характерныхъ болѣе для общаго строя той эпохи, чѣмъ для личности самого генераль-губернатора, мы не нашли. Само собой разумѣется, однако, что это обстоятельство нисколько не умаляетъ значенія очерка, какъ основаннаго на никѣмъ еще (до автора) не использованныхъ матеріалахъ мѣстныхъ архивовъ (полт. губ. правленія, городской думы, губернскаго земства, приказа общественнаго призрѣнія и др.), и каждый изслѣдователь малорусской старины найдетъ, навѣрно, въ трудѣ автора немало для себя любопытнаго. Надо надѣяться, что послѣдующіе выпуски будутъ носить и болѣе общій интересъ.

Болѣе общій характеръ имѣетъ брошюра г. Краснянскаго: «Минскій департаментъ великаго княжества Литовскаго» (отд. оттискъ изъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія»). Въ живомъ, картинномъ разсказѣ авторъ описываетъ неожиданное (въ концѣ іюня 1812 г.) приближеніе арміи Даву къ Минску, торопливое бѣгство русскаго населенія и, наоборотъ, явное сочувствіе и содѣйствіе французамъ поляковъ, устроившихъ Даву восторженную встрѣчу. Тотчасъ же основался въ Минскѣ листокъ: «*Tuńszasowa Gazeta Mińska*» (восемь сохранившихся номеровъ котораго являются теперь библиографической рѣдкостью), и было приступлено къ организаціи польской жандармеріи и войска. Далѣе авторъ переходитъ къ устройству французами Минскаго департамента, вся администрація котораго состояла изъ поляковъ, но въ сущности была лишь игрушкой въ рукахъ «освободителей», игнорировавшихъ польскія нужды. Это обстоятельство повело скоро ко взаимному разладу, но данный разъ толчекъ продолжался, торжественно праздновали въ Минскѣ именины Наполеона, присоединились къ Варшавской конфедераціи, воспріянуло ду-

хомъ и римско-католическое и униатское духовенство. Въ нѣсколькихъ главахъ затѣмъ описываются заботы новаго правительства объ учебномъ дѣлѣ, объ упорядоченіи финансовъ, находившихся въ весьма жалкомъ положеніи, объ устройствѣ судопроизводства, къ чему, между прочимъ, побуждало и обнаружившееся «въ самыхъ широкихъ размѣрахъ» возмущеніе крестьянъ противъ помѣщиковъ. Но все это продолжалось недолго; въ началѣ ноября голодная и дезорганизованная армія Наполеона уже приближалась къ границамъ Минской губерніи, а съ юго-запада наступалъ Чичаговъ, передовые отряды котораго послѣ нѣсколькихъ стычекъ заняли Минскъ такъ же неожиданно, какъ въ свое время занялъ его Даву. Наконецъ, двѣ послѣднія главы авторъ посвящаетъ перемѣнамъ, которыя произошли въ Минской губерніи вслѣдствіе занятія ея русскими войсками, рисуетъ картину ея экономического разоренія и поведение бѣжавшихъ польскихъ чиновниковъ и помѣщиковъ, поступки которыхъ, какъ извѣстно, Александръ I скоро предать «полному прощенію и забвенію». Передавая лишь въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе брошюры г. Красянского, мы опустили, конечно, много любопытныхъ частности, хорошо характеризующихъ отношенія трехъ, дѣйствовавшихъ въ краѣ силъ: французовъ, поляковъ и русскихъ; таковы, на примѣръ, исторія разграбленія архіерейскаго дома, злоключенія Минской гимназій, во главѣ съ ея директоромъ Цейсомъ, и т. д. Вообще, не претендующую на полное изображеніе описываемой эпохи, небольшую книжку эту прочтеть съ большимъ интересомъ не одинъ читатель.

А. Никитинскій.

**Вопросы психологіи творчества. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, профессоръ Харьковскаго университета. Спб. 1902.**

Вопросъ психологіи творчества принадлежитъ къ самымъ труднымъ и къ совершенно почти неразработаннымъ вопросамъ этой области знанія, и авторъ настоящей книги не стремится разрѣшить эти вопросы и не думаетъ излагать на страницахъ своего сочиненія современные научные принципы и методы изслѣдованія въ этой области. Творческая дѣятельность поэта можетъ разсматриваться съ историко-литературной точки зрѣнія, со стороны значенія его произведеній, какъ національныхъ, и, наконецъ, какъ имѣющихъ общечеловѣчскій интересъ. Но есть и еще одна точка зрѣнія, съ которой могутъ быть разсматриваемы творческія произведенія, которая опредѣляется авторомъ, какъ понятіе «о задачахъ психологіи художественнаго творчества, какъ особаго вида работы мысли». Это изученіе психологіи творчества направляется главнымъ образомъ на «личность самого поэта» и старается выяснить, «какими путями, какими движеніями мысли поэтъ создалъ то, что создалъ; какія задачи онъ ставилъ себѣ, и какъ рѣшилъ ихъ для самого себя».

Съ этой точки зрѣнія авторъ и разбираетъ произведенія Пушкина, Гейне, Гёте и Чехова въ четырехъ этюдахъ, посвященныхъ каждому писателю въ отдѣльности. Наибольше удавшимся нужно считать этюдъ «Поэзія Генриха Гейне», гдѣ авторъ удачно подмѣтилъ интимный процессъ лирическаго творчества, его причины и характерно освѣтилъ его цитатами, историческими и біографи-

ческими данными. Что же касается этюда о произведеніяхъ Пушкина, то авторъ, преслѣдуя заранѣе намѣченную имъ цѣль доказать «геніальность» Пушкина, не вездѣ вѣрно выдержалъ тонъ и мѣстами терется въ непомѣрныхъ похвалахъ геніальному поэту, хотя прекрасный языкъ и остроумныя сопоставленія сглаживаютъ этотъ недостатокъ и невольно заставляютъ подчиниться мнѣнію профессора.

Вторая часть книги, озаглавленная «Къ психологіи мысли и творчества», есть, видимо, только введеніе къ тѣмъ изысканіямъ, которыя предпринялъ въ этой области авторъ, и которыя, вѣроятно, въ непродолжительномъ времени будутъ извѣстны и читающей публикѣ. Этотъ отдѣлъ своего произведенія авторъ посвящаетъ разсмотрѣнію понятій о мысли, ея возникновеніи и проявленіи. Неразрывно съ этимъ вопросомъ связано понятіе о личности и о чувствахъ. Этимъ двумъ вопросамъ онъ удѣляетъ довольно много мѣста и, разсматривая чувства, предлагаетъ классификацію ихъ, основанную на эволюціонномъ критеріи: 1) чувства органическія (біологическія), 2) надорганическія (важнѣйшимъ изъ нихъ считается любовь между разными полами), 3) социальныя (семейныя, общественныя, правовыя и политическія), 4) надсоциальныя (религіозное и элементарно-нравственное). Къ сожалѣнію, мы должны указать на то, что скатость и схематичность изложенія этой довольно оригинальной части труда г. Овсяннико-Куликовскаго дѣлаетъ ее мѣстами очень затруднительной для чтенія и лишаетъ возможности болѣе точно разобраться читателю въ предлагаемыхъ теоріяхъ.

В. И.

---

**Указатель латышской переводной беллетристики. Составилъ М. Аронсъ. Изданіе научной комиссіи при Рижскомъ латышскомъ обществѣ. Рига. 1902.**

До сихъ поръ все наше знакомство съ литературой латышей ограничивалось только сказками, пѣснями и другими видами народной поэзіи, да еще нѣсколькими статьями о латышской литературѣ, и вдругъ оказывается, что этотъ народъ, мало кого у насъ интересовавшій, мало кому знакомый, имѣетъ не только собственную довольно обширную (хотя и бѣдную по содержанию) литературу, но также интересуется и твореніями другихъ народовъ и даже знакомъ съ выдающимися произведеніями литературъ всего міра. Вышедшій недавно на латышскомъ языкѣ «Указатель латышской переводной беллетристики», составленный М. Аронсомъ (который и самъ извѣстенъ своими многочисленными переводами съ разныхъ языковъ на латышскій), вводитъ насъ, такимъ образомъ, въ совершенно новую для насъ область и является положительно необходимымъ пособіемъ при изученіи латышской литературы. Указатель г. Аронса на 248 страницахъ перечисляетъ переводъ беллетристическихъ произведеній 1.467 писателей, именно: 759 нѣмецкихъ, 241 русскихъ, 97 французскихъ, 57 англійскихъ, 34 польскихъ, 29 итальянскихъ, 24 шведскихъ, 22 датскихъ, 18 американскихъ, 17 венгерскихъ, 13 норвежскихъ, 13 финскихъ, 13 греческихъ, 11 голландскихъ, 10 испанскихъ, 9 эстонскихъ

и т. д. Изъ этого перечня видно, что на первомъ мѣстѣ стоятъ нѣмецкіе авторы; извѣстно, что латышская литература долго находилась подъ нѣмецкимъ давленіемъ, что отразилось и на количествѣ переводовъ: изъ Гейне переведено около 180 произведеній, изъ Гофмана — около 75, изъ Шиллера — около 45, изъ Гёте — около 40 и т. д., и только во второй половинѣ XIX вѣка нѣмецкое вліяніе ослабѣло, уступивъ русскому; наконецъ въ послѣднее время рѣшительный перевѣсъ уже на сторонѣ русскихъ писателей. Знакомство латышей съ русской литературой началась въ 1850-хъ годахъ прошлаго вѣка, именно, въ 1854 году въ журналъ «Latweeschu Awizes» появились переводы трехъ басенъ И. Крылова. Мало-по-малу знакомство это все расширяется, благодаря то переводамъ, то историко-литературнымъ статьямъ: въ 1863 году появляются переводы изъ Козлова, въ 1865 году — изъ Дмитріева, въ 1869 году — изъ Гоголя и Кольцова и т. д., а въ настоящее время не только свѣтила нашей поэзіи, но и второстепенные писатели извѣстны латышамъ по болѣе или менѣе многочисленнымъ переводамъ. Изъ Крылова переведено около 120 произведеній, изъ Чехова — около 90, изъ Тургенева — около 85 (въ томъ числѣ около 20 стихотвореній въ прозѣ), изъ Пушкина — около 60, изъ Лермонтова — около 55, изъ Кольцова — около 40, изъ Горькаго — около 35. Изъ иностранныхъ писателей «Указатель» перечисляетъ переводы лучшихъ произведеній почти всѣхъ литературъ древняго и новаго времени. Располагая авторовъ въ алфавитномъ порядкѣ, г. Аронсъ приводитъ краткое названіе произведенія (на латышскомъ языкѣ), перечисляетъ всѣ извѣстные ему переводы, имена переводчиковъ, годъ и названіе изданія, гдѣ помѣщенъ переводъ, и, наконецъ, главнѣйшія критическія и біографическія статьи. Въ концѣ помѣщенъ указатель переводчиковъ.

Такимъ образомъ, сборникъ г. Аронса, кромѣ богатаго матеріала по исторіи развитія латышской переводной беллетристики, интересенъ и для исследователей чужихъ литературъ, какъ показатель сферы вліянія ихъ на латышскую литературу.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сознается самъ авторъ, его трудъ, несмотря на десятилѣтнюю работу, не вышелъ полнымъ, прежде всего, потому, что гг. латышскіе переводчики (особенно въ прежніе годы) очень часто, украшая переводъ своимъ именовемъ, забывали упоминать объ авторѣ.

Подробнѣе всего обработана, конечно, новѣйшая литература, заканчивающаяся текущимъ годомъ.

Нѣкоторые пропуски замѣтили мы при сравненіи «Указателя» г. Аронса съ извѣстной книжкой П. Драганова «Пятидесятиязычный Пушкинъ» (1899), такъ, напримѣръ, у перваго не указанъ переводъ «Дубровскаго», — К. К. (Рига, 1878), «Полтава», — А. С. Тельгавы (1889), второе изданіе перевода «Капитанская дочка» Лаувы (1895) и т. д. Сравненіе съ періодическими списками «Пра-вительственнаго Вѣстника» новыхъ книгъ навѣрное тоже пополнило бы многимъ «Указатель» г. Аронса. Очень жаль также, что г. Аронсъ, за рѣдкими исключеніями, не приводитъ рядомъ съ латышскимъ переводомъ и подлинное заглавіе оригинала, это сдѣлало бы его сборникъ доступнымъ не для однихъ латышей. Кромѣ того, напрасно авторъ избѣгаетъ обычныхъ библиографическихъ указавій на форматъ и число страницъ изданій. Но простимъ г. Аронсу



эти небольшие недостатки, не умаляющие значенія его почтеннаго труда—перваго опыта—и присоединимся къ пожеланію автора, чтобы каждый, замѣтившій пропуски и ошибки, указалъ ихъ ему, дабы при слѣдующемъ, дополненномъ изданіи эти недостатки были, по возможности, устранены.

А. Мальмгренъ.

**Исторія русской живописи въ XIX вѣкѣ, Александра Бенуа.  
Изданіе товарищества «Знаніе». Спб. 1902.**

Въ «Исторіи живописи XIX вѣка» Мутера русскій отдѣлъ разработанъ слабо и кратко. Ему посвящена всего одна глава. При переводѣ на русскій языкъ цѣлой монографіи нѣмецкаго историка искусствъ, было поручено вершать судьбы русской живописи г. Бенуа, художественному критику «Міра искусства». Уже это одно предрѣшаетъ вопросъ о томъ, что мы можемъ ожидать отъ книги Бенуа по тѣмъ его взглядамъ на прошлое нашей живописи. И дѣйствительно, туманный девизъ «искусство для искусства» чувствуется на каждой страницѣ, въ каждой фразѣ критика, даже въ выборѣ иллюстрацій. Правда, достоинство книги г. Бенуа состоитъ прежде всего въ томъ, что авторъ и не скрываетъ своей принадлежности къ «декадентствующимъ». Для него не существуетъ, на примѣръ, ни «содержанія» въ живописи, ни идейности. Въмѣсто этого онъ проповѣдуетъ «живописную содержательность», чуждую всякихъ утилитарно-нравственныхъ цѣлей. По его мнѣнію, величайшимъ зломъ для всякой живописи были ея «литературныя тенденціи», а потому все направленіе нашихъ передвижниковъ онъ готовъ свести на ничто. Стоявшій въ главѣ этого замѣчательнаго движенія Крамской кажется г. Бенуа художникомъ болѣе на словахъ и въ теоріи, чѣмъ на дѣлѣ и въ творествѣ. Если критикъ готовъ признать, что Крамской первый послѣ Иванова серьезно вникъ въ глубины искусства, что для него было ясно философское значеніе его, что онъ выказалъ большое пониманіе въ этой области,—то все это касалось искусства только съ формальной стороны (стр. 170). Но Крамской никогда не былъ артистомъ въ душѣ и остался мертвымъ, неяснымъ, какимъ-то «ненужнымъ» художникомъ. Крамского-живописца какъ будто не существовало,—замѣчаетъ г. Бенуа.—Былъ Крамской-проповѣдникъ, политикъ, большой знатокъ людей и современнаго ему общества. Все это вѣрно, но не вполне. Самъ г. Бенуа какъ бы чувствуетъ уже свою ошибку и не можетъ отказать Крамскому въ отсутствіи у него «свѣтлой мысли и пониманія поэзіи» (стр. 173). Конечно, это противорѣчіе является неизбѣжнымъ. Оно вызвано категорическимъ заявленіемъ критика, будто Крамской въ душѣ не былъ художникомъ. Бенуа готовъ на компромиссъ, но онъ формулированъ у него слишкомъ оригинально: какъ человѣкъ умный, вдумчивый, Крамской «чувствовалъ, что не насталъ еще день, чтобы привить русскому художественному міру святую (sic) святыхъ своихъ идей» (стр. 171). Теперь г. Бенуа можетъ успокоиться. Наше художественное развитіе дождалось «святыхъ идей», и всѣ выставки заполнены большими и малыми полотнами «декадентствующихъ» и неистово кувыркающихся другъ передъ другомъ и предъ публикой «новыхъ» гениевъ. О нихъ г. Бенуа говоритъ съ восторгомъ.

Не безъ фельетонной игривости и потугъ на чисто французскій шикъ въ изложеніи онъ производитъ въ «Геркулесы русской живописи» — Врубеля, Мавянина, Сомова, Бакста, Рериха и всѣхъ тѣхъ, кто дошелъ до этой самой «святой святыхъ» п..... выставляетъ свои картины подъ вывѣской «Міра искусства». Имена многихъ передвижниковъ г. Бенуа готовъ совѣтъ вычеркнуть изъ исторіи живописи; они провинились въ глазахъ новаго критика именно тѣмъ, что осмѣлились проводить въ своихъ произведеніяхъ гуманныя мысли, что хотѣли помочь братьямъ-литераторамъ. Всякое «проповѣдничество» въ искусствѣ, по мнѣнію г. Бенуа, представляетъ минусъ въ живописи. Для художника должна существовать одна красота образовъ, формъ, красокъ и линий. Желаніе поучать, воспитывать общество погубило многихъ художниковъ. Таковы выводы г. Бенуа.

Критикъ былъ бы правъ, но только въ томъ случаѣ, если бы все «тенденціозное» движеніе въ русской живописи не совпало съ прогрессивными идеями лучшаго общества 1860-хъ годовъ, когда стыдно было «въ годину горя красу долинь, небесъ и моря и ласку милой восиѣвать». Ошибка г. Бенуа заключается прежде всего въ томъ, что онъ примѣняетъ ко всѣмъ рѣшительно эпохамъ русской живописи одинъ методъ — методъ эстетическій. Всѣ теоріи метода сравнительнаго, историческаго и психологическаго для него какъ бы не существуютъ. Такая критика негодна; она слишкомъ одностороння. Художникъ немислимъ внѣ времени, пространства, внѣ личныхъ убѣжденій и завѣтныхъ думъ своего общества, выдвинувшаго, создавшаго его. Бенуа забываетъ, что и онъ самъ принадлежатъ не только своему времени, но и своей партіи. А разсматривать судьбы художественнаго развитія за цѣлое столѣтіе съ точки зрѣнія исключительно современной — это ошибка прежде всего методологическая. Будетъ время, когда и «новое» направленіе станетъ «старымъ», и тогда снова произойдетъ переоцѣнка существующихъ цѣнностей въ искусствѣ, и неизвѣстно, кто выйдетъ изъ нея побѣдителемъ: предвозвѣстники ли «русскаго ренессанса» и индивидуалисты «новѣйшей формациі» или тѣ же самые передвижники, которымъ, — долженъ признаться и самъ критикъ, — «удалось установить цѣною художественности (?) мостъ между русскимъ искусствомъ и русскимъ обществомъ» (стр. 223). Уже это одно, намъ кажется, можетъ «искупить» всю литературность и тенденціозность ихъ направленія.

Не правъ критикъ и во многихъ мелочахъ, напримѣръ, тогда, когда говоритъ, будто, за исключеніемъ Ге и В. Васнецова, все русское искусство «почти вплоть до нашего времени шло по стопамъ Федотова» (стр. 143), будто вся «странная» (!) эпоха 1860-хъ годовъ была «свободомыслящей только въ принципѣ и деспотической на дѣлѣ» (стр. 44), будто Перовъ «взялся за анекдотецъ съ намѣреніемъ служить чистому искусству» (стр. 162), а «Неравный бракъ» Пукирева — тоже тенденціозная иллюстрація жизни высшихъ сословій (стр. 165); далѣе, архіерей на «антиклерикальной» (?) картинѣ Савицкаго «Встрѣча иконы» нисколько, по нашему мнѣнію, не производитъ впечатлѣнія «нѣкоего чудища, стараго, ужаснаго, очевидно (!) въ развратѣ и пьянствѣ обрюзглаго» (стр. 186); едва ли также Вл. Маковскій «всегда очень остроумно пользовался техническими завоеваніями своихъ современниковъ»: Рѣпина, Се-

мирадскаго (?), К. Маковского, позже Кузнецова и Сѣрова (?) (стр. 191), а пейзажи Куинджи—«довольно слабый отголосокъ французскаго импрессионистскаго теченія» (стр. 208). Неизвѣстно, откуда г. Бенуа узналъ, что именно «древне-русскіе люди», а не иностранные мастера, создали мощныя стѣны кремля, дивныя соборы Ярославля и Владимира (стр. 253); и слѣшкомъ смѣло заявленіе, что «Демонъ» Врубеля—«одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній послѣдней четверти вѣка» (стр. 267). Очевидно, авторъ писалъ безъ системы, и его книга плохо редактирована. Рѣзкія и незаслуженныя нападки на все «наивное и грубоватое» общество 1860-хъ годовъ, на такихъ художниковъ, какъ Рѣпинъ, Перовъ, В. Маковский, Полѣновъ, Дубовскій, Айвазовскій и другихъ, развязная манера въ похвалахъ художникамъ своего лагеря—все это лишаетъ «Исторію русской живописи XIX вѣка» права быть исторіей русской живописи.

А. И. Яцмирскій.

## II. Милюковъ. Изъ исторіи русской интеллигенціи. Сборникъ статей и этюдовъ. Спб. 1902.

Въ этой книгѣ П. Н. Милюковъ собралъ свои статьи, появившіяся на страницахъ журналовъ. Онѣ не нуждаются въ рекомендаціи, но до сихъ поръ онѣ были извѣстны, главнымъ образомъ, специалистамъ, которые уже привыкли ссылаться на нихъ; въ отдѣльномъ изданіи онѣ найдутъ доступъ въ читательскую массу. До нѣкоторой степени настоящій сборникъ является дополненіемъ къ хорошо извѣстному «Очеркамъ по исторіи русской культуры». Въ выходящемъ теперь 3-мъ томѣ ихъ П. Н. Милюковъ, сосредоточивъ вниманіе на развитіи общественныхъ силъ и созданіи общественнаго мнѣнія, вступаетъ въ XIX-й вѣкъ. За исключеніемъ перваго, всѣ остальные очерки посвящены различнымъ представителямъ русской интеллигенціи въ XIX-мъ вѣкѣ. Вслѣдъ за очеркомъ о С. Т. Аксаковѣ идетъ большая и чрезвычайно любопытная статья, останавливающаяся на одномъ моментѣ въ исторіи идеалистовъ 30-хъ годовъ: П. Н. Милюковъ разсматриваетъ отношенія къ любви у Станкевича, Бѣлинскаго и Герцена. Герцену посвящена еще статья, написанная по поводу тридцатилѣтніи со дня смерти; Бѣлинскому—двѣ: одна написана по поводу переписки Бѣлинскаго съ невѣстой, другая касается вопроса о вліяніи Надеждина на Бѣлинскаго и вноситъ поправку къ мнѣнію г. Венгерова, склоннаго отрицать всякое вліяніе. Грановскій также является сюжетомъ статьи, содержащей анализъ его университетскаго курса. Послѣдняя статья книги—лекція о разложеніи славянофильства въ теоріяхъ Данилевскаго, Леонтьева и Вл. Соловьева. Въ нѣсколько болѣе отдаленной связи съ названіемъ и темой сборника стоитъ первая его статья, очень цѣнная для историковъ: «Верховники и шляхетство».

Книга снабжена любопытными иллюстраціями. Къ первой статьѣ приложенъ снимокъ съ «кондичіи» императрицы Анны, сначала ею подписанныхъ, потомъ разорванныхъ; къ остальнымъ—портреты Н. В. Станкевича, В. Г. Бѣлинскаго, Н. А. Герцена и А. И. Герцена. Самый интересный и неизвѣстный портретъ—Н. А. Герценъ.

Щ.

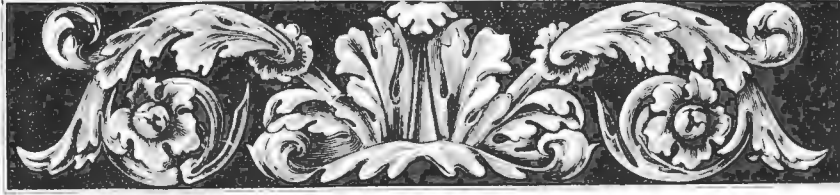
**Записки общества исторіи, филологіи и права при императорскомъ Варшавскомъ университетѣ. Выпускъ I. Варшава. 1902.**

Число ученыхъ изданій историко-филологическаго и юридическаго содержанія недавно увеличилось еще однимъ. Вышелъ первый выпускъ «Записокъ», издающихся обществомъ исторіи, филологіи и права при Варшавскомъ университетѣ. Это общество, начавшее свою дѣятельность въ концѣ 1901 года, было учреждено съ цѣлью содѣйствія совмѣстной разработкѣ какъ общихъ, такъ и специальныхъ вопросовъ, входящихъ въ область каждой изъ перечисленныхъ дисциплинъ, а также для занятія «научными вопросами по мѣстной исторіи, археологіи, этнологіи и праву». Въ виду такихъ широко поставленныхъ задачъ и самое содержаніе «Записокъ», состоящихъ изъ двухъ отдѣловъ, отличается большимъ разнообразіемъ. Въ первомъ отдѣлѣ мы, между прочимъ, находимъ сокращенные протоколы засѣданій общества и приложения къ нимъ. Въ этихъ протоколахъ интересно отмѣтить краткое содержаніе докладовъ: В. Н. Александренка, сдѣлавшаго обзоръ происхожденія и развитія юридическихъ обществъ въ Европѣ и въ Россіи, А. В. Михайлова—«Русскій языкъ въ средней школѣ» (рефератъ, вызвавшій оживленныя пренія), П. П. Филевича—«Пробужденіе народнаго сознанія въ Галицкой Руси въ концѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX-го» и А. Г. Гусакова—«Современныя задачи правовѣдѣнія».

Во второмъ отдѣлѣ мы находимъ рядъ работъ, посвященныхъ Гоголю; это статьи: И. И. Замотина («Три романтическихъ мотива въ произведеніяхъ Гоголя»), П. А. Заболотскаго («Гоголь въ эпоху творчества I тома Мертвыхъ Душъ») и П. Д. Малиновскаго («Знакомство Гоголя съ моимъ отцомъ»). Къ этимъ работамъ слѣдуетъ также отнести напечатанный въ сокращеніи (въ отдѣлѣ протоколовъ) рефератъ Заболотскаго—«Нынѣшнее состояніе Запорожской сѣчи (природа, населеніе и его преданія)», представляющій матеріалъ для объясненія повѣсти «Тарасъ Бульба». Статьи юридическаго содержанія принадлежатъ Ѳ. В. Тарановскому («Сравнительное правовѣдѣніе въ концѣ XIX вѣка»), Д. В. Туткевичу («О введеніи нынѣ дѣйствующихъ судебныхъ установленій въ Варшавскомъ судебномъ округѣ») и В. В. Есинова («О преподаваніи права»).

Л. М.





## ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.



**В**ИТЬ испанскихъ студентовъ XV и XVI вѣковъ. Интересный<sup>1)</sup> очеркъ старинной студенческой жизни въ Испаніи напечаталъ въ Парижѣ Гюставъ Рейнье. Съ 1472 г. по 1572 г. въ Испаніи основалось двадцать университетовъ, но въ своей книгѣ авторъ касается главнымъ образомъ Саламанкского, Алькальскаго и Вальядолидскаго. Въ концѣ XVI вѣка Саламанка, благодаря своимъ двадцати пяти приходамъ и столькимъ же мужскимъ и женскимъ монастырямъ, привлекала къ себѣ молодежь, способную на серьезные думы и пропитанную католичествомъ. Въ городѣ находилось восемнадцать тысячъ кунцовъ и рабочихъ, пятьдесятъ двѣ типографіи и восемьдесятъ четыре книжныхъ торговли, процвѣтавшихъ подъ сѣнью университета. Само мѣстоположеніе и городъ представлялись очаровательнымъ уголкомъ, одинаково какъ для молодежи, серьезно предавшейся ученію, такъ и для ищущей удовольствій. Окруженная холмами, на которыхъ были расположены монастыри, соборы и колокольни, Саламанка возвышалась со своими церквями, дворцами, коллегіями, больницами, различными зданіями съ ихъ порталами, мадоннами въ нишахъ, рѣшетками и гербами, и, благодаря зданіямъ, окрашеннымъ въ нѣжные тона, отъ блѣдно-розоваго до золотисто-желтаго, при солнечномъ освѣщеніи городъ походилъ на «распускавшійся цвѣтокъ». Студентовъ въ Саламанкскомъ университетѣ было семь тысячъ. Авторъ раздѣлилъ ихъ на двѣ группы: на аристократическую и бѣдный классъ; средняго сословія въ то время не было. Первые—сыновья богатыхъ аристократовъ, являлись туда, съ помпой, въ сопровожденіи наставника, воспитателя, восьми нажей, трехъ комнатныхъ лакеевъ, трехъ выѣздныхъ, главнаго повара, не считая служанокъ и

<sup>1)</sup> La vie universitaire dans l'ancienne Espagne, par Gustave Reynier. Paris. 1902.

конкоховъ. Рядомъ съ этой роскошью еще болѣе бросалась въ глаза воиющая бѣдность второй группы. Благодаря тяжелымъ матеріальнымъ условіямъ университетской жизни, студенты второй группы становились самыми главными, изобрѣтательными и неразборчивыми на средства членами горемычной корпорации *ricagos* (плутовъ). Если выкинуть студентовъ изъ такъ называемыхъ «плутовскихъ» романовъ, какъ, наиримѣръ, Діего де Мендозы, Матео Алемано и др., то испанская литература потеряетъ свою оригинальность и соль. Такая бѣдность обыкновенно помѣщалась у «бакалавровъ», если только студентъ этой группы не былъ стипендіатомъ какой нибудь коллегіи или не имѣлъ богатыхъ родственниковъ. Такого рода промышленники за дешевую плату давали студентамъ помѣщеніе, кормили ихъ и слѣдили за ними, подъ контролемъ университета. Эта бѣдность привозила изъ родительскаго дома очень жиденькій съѣдобный запасъ, какъ, наиримѣръ, сосиски и копченый жиръ. Рано утромъ въ ихъ комнаты являлся «бакалавръ», чтобы убѣдиться, старательно ли они работали, отбиралъ отъ нихъ игральныя кости и карты, собиралъ свѣдѣнія объ ихъ беззаконныхъ или непристойныхъ поступкахъ. Зимой онъ запиралъ на замокъ студентовъ въ ихъ комнатахъ съ шести часовъ, а лѣтомъ съ девяти. Онъ докладывалъ университетскому начальству о тѣхъ изъ нихъ, которые не ночевали въ своихъ темницахъ, и такимъ образомъ имъ невозможно было кутить. Болѣе двадцати нахлѣбниковъ не допускалось въ одномъ помѣщеніи. Но въ концѣ концовъ самыя строгія правила, даже педагогическія, со временемъ ослабѣваютъ и мало по-малу исчезаютъ. Хитрые бакалавры, съ цѣлью привлеченія большаго количества нахлѣбниковъ, стали смотрѣть на ихъ поведеніе сквозь пальцы и даже оставляли въ дверяхъ ключи. Такимъ образомъ Саламанкскій университетъ, даже въ самое свое цвѣтущее время, уже не былъ болѣе «разсадникомъ всевозможныхъ добродѣтелей». Дурная трава пустила свои корни, и для авторовъ «плутовскихъ» романовъ народилась цѣлая толпа героевъ. Въ девять часовъ утра всѣ спѣшили въ университетъ; и какихъ только типовъ тамъ не было, начиная отъ великолѣпно разодѣтыхъ до продыравленнаго отрепья всевозможныхъ оттѣнковъ. За всей этой ватагой наблюдалъ университетскій недельникъ. Лекціи проходили не всегда, какъ желать бы профессоръ; такъ во время занятій студенты шумно входили и выходили, притопывали въ тактъ ногами, а иногда производили шумныя манифестаціи, при чемъ на помощь къ бунтовщикамъ являлись другіе студенты изъ сосѣднихъ залъ. Иногда между профессорами и студентами вспыхивали буйныя сцены. «Однажды вечеромъ», — пишетъ Торресъ, который ежегодно при открытіи лекцій стращалъ грубіяновъ тѣмъ, что проломить имъ черепъ: — «одно грубое животное, лѣтъ тридцати, студентъ богословія и грубости, провылъ мнѣ какія-то скверныя слова. Тогда я взялъ съ кафедры громадный бронзовый циркуль, вѣсившій, по меньшей мѣрѣ, четыре фунта, и бросилъ его въ морду грубіяна. По счастью для меня и для него, онъ увернулся отъ удара, иначе я навѣрно выпустилъ бы ему мозгъ... Съ этого дня онъ велъ себя спокойно». Вступающему студенту приходилось перенести немало испытаній, прежде чѣмъ его допускали до товарищества. Герой Кведо, донъ Набло де Сеговіа, рассказываетъ о своихъ злоключеніяхъ при вступленіи въ университетъ слѣдующее: «Во

кругъ меня собралось ихъ болѣе сотни. Они начали фыркать, кашлять, и по движенію ихъ губъ я замѣтилъ, что они приготовляются плевать. Дѣйствительно, это было отвратительно. Я походилъ на плевательницу старика, страдающаго астмой». Это тяжелое испытаніе называлось «gargaео», т.-е. плеваніемъ, и сопровождалось всякаго рода выходками сомнительнаго вкуса. Несчастный новичекъ могъ отъ этого избавиться, лишь уготивъ хорошимъ обѣдомъ своихъ палачей. Для подобнаго угощенія служили неизмѣнно однѣ и тѣ же кушанья: баранина, куропатка и половина курицы на каждого изъ палачей. За десертомъ новичку выдавалась жалованная грамота на степень товарища студента. Насколько сладко протекала жизнь богатаго студента, окруженнаго лакеями и учеными репетиторами, настолько было горько житіе бѣдняковъ студентовъ. Тѣснясь въ маленькихъ, дурно провѣтриваемыхъ канурахъ, эти несчастные вдобавокъ еще страшно голодали. Вотъ какой, по словамъ Пабло, давали имъ обѣдъ: «Послѣ молитвы подавали въ деревянныхъ чашкахъ очень жиденькое варево... Исхудалые пальцы обѣдающихъ ловили вылавъ сиротливыя, одинокія горошины... «Нѣтъ ничего лучше этого суша», восклицалъ хозяинъ квартиры: «остальное все не что иное, какъ порокъ и обжорство!» Тогда входилъ молодой слуга, похожій на призракъ, настолько онъ былъ исхудалымъ, можно было подумать, что у него съ костей сняли мясо, которое онъ подавалъ. Единственная рѣпа плавала на удачу въ чашкѣ. «Какъ», — сказала хозяйка, — «вотъ и рѣпа! По мнѣ нѣтъ такой куропатки, которая стоила бы хорошей рѣпы!» Онъ разрѣзалъ баранину на такіе маленькіе кусочки, что они сразу исчезали между ногтями и голодными зубами. «Кушайте! Кушайте!» — повторялъ онъ: — «вы молоды, и вашъ аппетитъ пріятно видѣть!» Вскорѣ на блюдѣ оставалось немного костей и кожи. «Это для слугъ», — говорилъ намъ хозяинъ: — «вѣдь надо имъ тоже поѣсть, да мы и не можемъ всего поглотить. Ну, уступимъ имъ мѣсто, а вашъ братъ пусть отправляется поупражняться до двухъ часовъ, если хотите, чтобы завтракъ не причинилъ вамъ болѣзни». Другой очевидецъ, Гусманъ Альварашъ, жилъ не въ лучшихъ условіяхъ. Кушанье состояло изъ одной сардинки, яицъ, купленныхъ по дешевой цѣнѣ во время сезона и сохраняемыхъ пять или шесть мѣсяцевъ въ золѣ и соли; зимою же давали кусочекъ сыру толщиной съ «столярную стружку». Лѣтомъ — четыре вишни или три сливы — ни одной болѣе, потому что, по словамъ «бакалавра», фрукты могли причинить лихорадку. Поэтому не удивительно, что студенты были всегда голодны, вслѣдствіе чего образовалась даже поговорка «la hambre veterana y estudiantina» и пѣсни въ томъ же родѣ. Онѣ были не тѣ, что у нѣмецкихъ и итальянскихъ студентовъ XII вѣка, воспѣвавшихъ вино и любовь. Испанскіе студенты въ своихъ пѣсняхъ рассказывали о столахъ, полныхъ бѣдняками, и отжимавшихъ обѣими руками свой тощій желудокъ, въ которомъ кишки пѣли о голодѣ, а на столахъ лежали такія порціи хлѣба, которыя при малѣйшимъ вѣтрѣ улетали къ потолку, и наперстки вина, настолько «окрепченнаго водою, что тамъ оставалась лишь одна святая вода». Но пришелъ день, и студенты вырвались на свободу, уничтоживъ привилегію университетскихъ бакалавровъ. Они разбрелись по городу и поселились маленькими группами. При этомъ они взяли къ себѣ служанокъ

сомнительной нравственности и чистоты. Старья служанки, какъ, напримѣръ, была у дона Пабло, молились Богу надъ кастрюлями за свои грѣшныя кражи, изъ молодыхъ же каждая старалась отрѣзать лучший кусокъ жаркого своему любовнику. Но однажды молитвы стряпухъ не помогли, и воровство обнаружилось:—«Черный горохъ,—воскликнулъ одинъ изъ студентовъ:—безъ сомнѣнія, онъ явился изъ Эіоніи!»—«Горохъ въ траурѣ!—воскликнулъ другой:—какихъ родителей онъ потерялъ?» Поставщики были не лучше служанокъ: мясники продавали гнилую говядину, и въ 1642 г. студенты едва не отравились жаркимъ; за этотъ поступокъ они наказали стряпуху, привязавъ ее къ ослу, и зимою возили по городу, бросая въ нее комки снѣга. Что же касается до интеллектуальной пици молодежи, то для испанскихъ студентовъ это была золотая пора, когда университеты нашли себѣ покровителей въ лицѣ Изабеллы Кастильской и кардинала Хименеса. Изабелла была самой образованной и начитанной женщиной своего времени. Она читала въ подлинникѣ Цицерона и Сенеку, присутствовала на ученыхъ диспутахъ саламанкскихъ профессоровъ. Хименесь же, толедскій архіепископъ, задумалъ создать противника демократическому университету въ Саламанкѣ и съ этою цѣлью основалъ новый—въ Алькаль де-Хенаресѣ для аристократической молодежи. Изабелла поручила этотъ университетъ знаменитому итальянскому гуманисту, Пьеру Мартину, которому удалось увлечь молодежь къ изученію классиковъ. Это была не легкая задача, такъ какъ въ то время «презиралось все, что не соприкасалось съ военнымъ ремесломъ». Увлечение наукой охватило даже стариковъ и дамъ; такъ, нѣкій маркизь Деніа, шестидесятилѣтній старикъ, принялся за изученіе латинскаго языка, другіе стали переводить классическія сочиненія; въ свою очередь дамы не хотѣли отставать, и вокругъ королевы образовалась эволюція цивилизаціи, кака была въ лучшія времена Рима. Алькальскій университетъ былъ выстроенъ наскоро изъ глины, смѣшанной съ соломой, и по этому поводу Хименесь сказалъ: «Я оставляю этому университету достаточно золота, чтобы его сыны могли выстроить зданіе изъ мрамора». 26 іюля 1508 г. онъ открылся съ большей церемоніей лекціей объ Аристотельской «Этикѣ». Въ 1509 г. Хименесь вооружилъ на собственные средства флотъ и отправился отвоевывать Оранъ у берберовъ и возвратясь вложилъ въ сокровищницу университета золотыя и серебряныя вазы, драгоценныя камни и арабскія рукописи, отобранныя въ мечетяхъ. Все это было доставлено на верблюдахъ вмѣстѣ съ африканскими рабами. Въ 1513 г., уже восьмидесятилѣтнимъ старикомъ Хименесь занялся организаціей этого аристократическаго учрежденія и выработалъ для него уставъ и программу. «Весь университетъ,—цѣплетъ Рейнье:—тяготѣлъ къ одному центру: большой коллегіи св. Ильдефонса, которая управлялась единственнымъ человекомъ, называемымъ архіепископомъ Толеды, прямымъ представителемъ королей Кастиліи. Въ нее собирались свободные студенты слушать профессоровъ. Саламанкскій университетъ сохранилъ привилегію и свободу среднихъ вѣковъ. Алькальскій—былъ устроенъ по образу безусловной неограниченной монархіи, деспотической, централизационной, которая была нѣкоторое время величіемъ Испаніи, но кончила тѣмъ, что погубила ее. Что касается до программъ, то



Хименесъ заимствовалъ ихъ въ Парижскомъ университетѣ, интеллектуальной метрополиі христианства». Профессорами назначались самые образованные люди въ Испаніи, и даже были вызваны ученые изъ всѣхъ странъ Европы. Всѣхъ профессоровъ было сорокъ два: по богословію—шесть, по каноническому праву—шесть, по медицинѣ—четыре, по анатоміи и хирургіи—два, по изящной словесности—восемь, по нравственной философіи—одинъ, по математикѣ—одинъ, по языкамъ, грамматикѣ и риторикѣ—четырнадцать. Тамъ издавалась библія на латинскомъ, греческомъ, еврейскомъ и халдейскомъ языкахъ, согласно плану, начертанному когда-то Оригеномъ. Для громаднаго труда Хименесъ снялъ копію съ важныхъ рукописей въ Ватиканѣ, Парижѣ и Германіи, а также накупилъ таковыя за громадныя деньги у различныхъ лицъ. Онъ разыскалъ у испанскихъ евреевъ древнія толкованія на Ветхій Заветъ и вызвалъ изъ Германіи словолитчиковъ восточныхъ шрифтовъ. Работа шла неутомимо и какъ только появились изъ печати шесть толстыхъ томовъ этого труда, онъ тотчасъ же принялся печатать громадное собраніе произведеній Аристотеля. Когда Францискъ I увидѣлъ этотъ университетъ, то сказалъ: «Вашъ Хименесъ одинъ столько сдѣлалъ для него, сколько цѣлая серія королей не могла сдѣлать во Франціи». Однако, несмотря на усилія монархіи, государственныхъ людей и кардиналовъ, Испанія не увидѣла у себя народженія литературнаго общества, и старанія Хименеса дали тощія плоды: Испанія въ этомъ отношеніи далеко отстала отъ Франціи, Италіи и Германіи XVI вѣка. По словамъ Рейнье, причинами этой неудачи, уже замѣтной во время Карла V, въ особенности были схоластическая рутинна и ветеринарность инквизиціи. Въ то время, какъ феодальная Европа предавалась наукѣ, средневѣковая Испанія вела крестовыя походы. Въ то время, когда пала послѣдняя крѣпость ислама, Франція и Германія вошли въ тѣсныя сношенія съ цивилизаціей Италіи, уже слѣдовавшей въ продолженіе пятисотъ лѣтъ по новой дорогѣ гуманизма. Платонъ замѣнилъ съ этого времени Аристотеля, тогда какъ въ Испаніи владычествовалъ надъ всѣмъ послѣдній. Въ древнихъ статутахъ говорилось: «Каждый профессоръ обязанъ истолковывать въ своемъ курсѣ духъ автора, имени котораго посвящается кафедра: профессоръ Аристотеля—духъ Аристотеля, профессоръ св. Фомы—духъ св. Фомы и т. д. О свободѣ критики ни слова. А въ статутахъ Алькальскаго университета даже говорится, что подъ угрозой штрафа, профессора должны были приносить на кафедру подлинники и «читать слово въ слово даже Аристотеля, ни быстро, ни медленно». Въ четыре года испанскіе студенты изучали сначала малую логику, затѣмъ логику по Порфирію и Аристотелю, естественныя науки—по «Физикѣ», «Трактату о душѣ» и «Метеорамъ» того же Аристотеля, а въ послѣдній годъ «Метафизику» его же.

Медицину преподавали по Гиппократу, Гальену и Авиценнѣ. Уже то обстоятельство, что допустили арабскаго доктора, считалось смѣлостью. Въ 1568 г. отважились открыть въ Саламанкскомъ университетѣ залъ для анатомическаго разсѣченія, но, восемь лѣтъ спустя, его предусмотрительно закрыли, какъ разъ, во времена появленія во Франціи знаменитаго анатома Парэ. Надъ учеными традиціями властвовала инквизиція; она останавливала на границѣ книги, посылаемыя изъ Франціи и Германіи, и грозила смертною казнью всѣмъ, кто

будеть читать, покупать или продавать такія книги. Она заключила въ Вальядолидскую тюрьму славу Саламанкского университета—преподавателя еврейскаго и греческаго языковъ—Фрея-Люиса Леона—за то, что онъ комментировалъ реально «Псалмы Соломона». Пять лѣтъ его допрашивали, затѣмъ предали пытки и только, не добывъ окончательныхъ уликъ, отпустили на свободу, и онъ снова спокойно занялъ свою кафедрѣ. Замѣчательно, что чрезъ столько времени Леонъ началъ свою лекцію словами: «Такимъ образомъ, какъ я сказалъ вчера». Подобныя правила убивали духъ, а варварскій обычай экзаменовъ того времени окончательно привелъ въ отчаяніе студентовъ. Чтобы сдѣлаться лиценціатомъ богословія требовалось пройти десятилѣтній курсъ, сверхъ экзамена на бакалавра. Наконецъ, въ продолженіе цѣлаго дня, а иногда подъ рядъ двухъ дней, кандидатъ долженъ былъ отвѣчать предъ массою профессоровъ и докторовъ на сто двадцать вопросовъ по богословію, сражаться по-латыни и въ силлогизмахъ противъ всѣхъ присутствующихъ. Докторской степени было еще труднѣе добиться. Не желая утруждать свой аристократическій мозгъ, знатные студенты предпочли предаваться развлеченіямъ, а святая католическая церковь благословила ихъ на это, давъ пятьдесятъ отпусковъ въ годъ. Всевозможные праздники, какъ, напримѣръ: въ честь святыхъ Испаніи и святыхъ, помогавшихъ въ крестовыхъ походахъ, служили предлогомъ для университетскихъ увеселеній. За процессіями слѣдовали завтраки на травѣ, балы на перекресткахъ (14 іюля въ Саламанкѣ и Алькалѣ), турниры, игры въ палки и пляски съ мечами. Въ день св Марка студенты брали съ собою въ соборъ быка, гдѣ онъ слушалъ мессу, затѣмъ они водили его по городу и зажигали между рогами ракету, а затѣмъ всего въ пламени, разъяреннаго, пускали на свободу, и онъ бросался на прохожихъ. Такимъ образомъ мечта Изабеллы Кастильской и кардинала Хименеса не сбылась. Политическія соображенія убили умственный и нравственный прогрессъ. Жажда военной славы и богатства овладѣла большою частью общества, и университеты опустѣли. Лекціи стали читаться однимъ днемъ меньше въ недѣлю, чтобы студенты могли въ этотъ день бриться, другіе же дни залы были тоже пусты.

Многіе студенты не умѣли еще ни читать ни писать. Греческій языкъ забросили. Медицину стали изучать по афоризмамъ и рецептамъ знахарокъ. Въ теченіе ста пятидесяти лѣтъ тщетно Саламанкскій университетъ искалъ профессора математики. Наконецъ, для преподаванія этой науки, которую арабы изъ Толедо и Кордовы такъ прекрасно постигали, былъ взятъ «piscagos» (шарлатанъ), научившійся магіи, заклинатель духовъ, сообщникъ монаха контрабандиста, изгнаннаго два раза за посягательства на жизнь священника. Онъ написалъ четырнадцать томовъ о философскомъ камнѣ, о землетрясеніяхъ, объ анатоміи невидимаго міра, вышивалъ ковры и посѣщалъ усердно бои быковъ. Съ этого времени Саламанкскій университетъ окончательно упалъ. Въ срединѣ XVIII вѣка въ Алькальскомъ амфитеатрѣ и на могилѣ основателя университета стригли барановъ.

— Историческое преслѣдованіе свободы совѣсти. Въ Парижѣ вышелъ новый трудъ французскаго историка Эрнеста Дени о политической и

религіозной исторіи чеховъ<sup>1)</sup>). Въ двухъ томахъ онъ представляетъ превратность судьбы этого народа, начиная отъ времени бѣдствій, перенесенныхъ партизанами національной независимости при Бѣлой Горѣ, 8-го ноября 1620 года, до усилій настоящаго времени, съ цѣлью добиться полуавтономіи и федерализма. Авторъ живо описываетъ, къ какимъ жестокимъ мѣрамъ прибѣгалъ Фердинандъ для подавленія гуситовъ, лютеранъ, кальвинистовъ, братьевъ моравовъ и проч. На этомъ-то интересномъ эпизодѣ мы и остановимся. Эшафотъ и конфискація были главными орудіями царствованія Фердинанда, и, по словамъ автора, этотъ императоръ былъ «великимъ преступникомъ» относительно челоуѣчества. Поддерживаемый инквизиторами, судьями и палачами, онъ рассчитывалъ купить свое спасеніе цѣною «паденія королевства и уничтоженія своего народа». Отъ природы онъ не былъ жестокъ, но пропитанъ до фанатизма средневѣковыми традиціями безусловнаго религіознаго и политическаго единенія христіанства. Чехія же, связанная съ имперіей уже цѣлый вѣкъ и переносившая различными сектами—начиная съ умѣреннаго вѣроотступничества, терпимаго Римомъ, до доктринъ крайняго кальвинизма—была особенно благопріятна для сенаратистовъ. Ея аристократія сожалѣла объ Ягеллонахъ, а также о присвоеніи королевства имперіей; чешская нація, охваченная желаніемъ независимости, была предназначена на жестокія столкновенія съ своими завоевателями. «Несмотря на это, — говоритъ Дени, — большинство умовъ, въ особенности буржуазія, а за нею безмолвная, невѣдомая толпа никогда не допустили бы мысли о возстаніи, если бы не сознавали, что угрожаютъ ихъ совѣсти. Они чувствовали, что ихъ великій Янъ Гусъ присоединилъ ихъ къ свободной, воинствующей и страдающей церкви цѣною своего мученичества. Такимъ образомъ, возмущеніе Чехіи отъ дефенестраціи въ Прагѣ (23-го мая 1618 года) до бѣдствій при Бѣлой Горѣ было настолько же религіозное, какъ и протестъ противъ тираніи чужеземнаго короля. Но разъ революція была подавлена, Фердинандъ, вмѣсто того, чтобы обнародовать нантскій эдиктъ, только и думалъ, чтобы посредствомъ преслѣдованій возстановить католическую вѣру. Очень возможно, что первое время послѣ побѣды жестокія преслѣдованія были ему противны, такъ какъ, по словамъ Дени, «умъ его былъ слишкомъ лѣнивъ, чтобы онъ скрывалъ въ себѣ задатки апостола». Къ несчастію Фердинанда, его іезуитскіе руководители довели императора до подчиненія богобоязненнымъ сомнѣніямъ и вѣчному душевному смятенію. Часто, среди удовольствій охоты, онъ забывалъ обо всемъ и обращался съ запросами къ своей душѣ, послѣ чего бросался къ исповѣднику. Въ его слабой головѣ проскользнула несчастная мысль, что государь отвѣтственъ предъ Богомъ за душу его подданныхъ. Съ этого момента стали воздвигать висѣлицы и зажигать костры. Тайная политическая партія монаховъ, окружавшая Фердинанда, инквизиторы и казуисты разжигали его религіозными ужасами. Жадные до спиритуальныхъ побѣдъ, они повиновались папскому нунцію, Карафѣ, племяннику ужаснаго и неумолимаго папы Павла IV, реформатора XVI вѣка. Къ довершенію несчастія побѣжденныхъ чеховъ, Фердинандъ, предложивъ управленіе государствомъ Максимилиану ба-

<sup>1)</sup> La Bohême depuis la Montagne Blanche, par Ernest Denis. 2 vol. Paris. 1903

варскому, яркому католику, но осторожному политику и врагу рѣзкихъ мѣръ, назначилъ принца Лихтенштейна, также политика, притомъ скептика, озабоченнаго, главнымъ образомъ, матеріальнымъ величіемъ своего дома, къ тому же приверженца римско-католическаго духовенства. По происхожденію протестантъ, обращенный въ католичество кардиналомъ Дитрихштейномъ, онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ страстныхъ агентовъ ультрамонтантской партіи. Не удивительно, что подобный человѣкъ, забравъ въ руки власть, рѣшилъ уничтожить чеховъ. Онъ началъ съ жестокихъ военныхъ оккупаций. Одинъ современникъ пишетъ: «Генералы распространились по странѣ и принялись разорять, воровать и грабить; они искали въ всѣхъ углахъ, кому снести бы голову, заставляя жителей оружіемъ или другими угрозами открывать ихъ тайники и вынимать деньги. Въ одной Прагѣ солдаты собрали добычу до двухъ милліоновъ золотыхъ только въ первые дни. Тогда въ странѣ сдѣлалась анархія. Разбойники занимали дороги, даже дворецъ самого Лихтенштейна былъ ограбленъ солдатами, назначенными для караула; они грабили одинаково, какъ у еретиковъ, такъ и у католиковъ. Такое варварство длилось тридцать лѣтъ, почти безъ передышки. Треть вѣка эти безпорядочныя шайки солдатъ безчинствовали въ несчастномъ королевствѣ, вырубая лѣсъ, увозя скотъ и отнимая у крестьянъ послѣдній кусокъ хлѣба. Но это показалось Лихтенштейну не достаточнымъ наказаніемъ чеховъ, и съ 6-го февраля 1621 года онъ задержалъ до пятидесяти главнѣйшихъ изъ ихъ предводителей, и назначилъ надъ ними исключительный трибуналъ. Сначала были приговорены къ смерти и конфискаціи двадцать девять ослушниковъ, передана позору память другихъ десяти, уже умершихъ, произнесенъ смертный приговоръ семнадцати начальникамъ и пятнадцати другимъ скомпрометированнымъ въ дѣлѣ мятежа. Нѣкоторые изъ нихъ были старѣе восьмидесяти лѣтъ, и между ними былъ одинъ просто идіотъ. Другіе слѣдовали за знаменемъ возстанія подъ угрозой быть выброшенными изъ окна. Многіе изъ нихъ были извѣстные юристы и знаменитые писатели. Передавая въ Вѣнѣ приговоръ на утвержденіе императора, Лихтенштейнъ предложилъ ему помиловать нѣкоторыхъ. Только одинъ имперскій совѣтникъ Штралендорфъ отважился отстаивать амнистію. Но Фердинандъ, послѣ тревожно проведенной ночи, подписалъ смертную казнь двадцати семи лицамъ. Онъ разрѣшилъ гуситамъ отправиться на эшафотъ въ сопровожденіи ихъ священниковъ; кальвинистамъ же и моравскимъ братьямъ было отказано въ этомъ снисхожденіи. Приговоренные провели ночь съ 21-го іюня 1621 г. въ пражской ратушѣ, молясь и распѣвая псалмы. Въ церквахъ народъ молился за нихъ, а на улицахъ плакала толпа. При первомъ проблескѣ зари, пражскій муниципальный совѣтникъ Кутнауэръ подошелъ къ окну и сказалъ: «Да поддержишь насъ въ несчастіи, Господи, Ты, который можешь обратить самую тяжелую цѣпь въ паутину. Я знаю, сегодня Ты дашь твоему народу знакъ, что ты съ нами». Тогда на горизонтѣ показалась радуга послѣ небольшого дождя. Всѣ упали на колѣни. Въ это время грянула пушка, увѣдомлявшая о приближеніи казни. На другой день палачи высѣкли кнутами тѣхъ, кого трибуналъ не смѣлъ приговорить къ смерти, но отравилъ въ пожизненную каторгу. Головы казненныхъ много лѣтъ были выставлены у пражскихъ заставъ. Въ Чехіи

установился порядокъ. Тогда Фердинандъ II подѣлителемъ своего политическаго гения рѣшилъ: лишить владѣній старинную чешскую аристократію, изъ которой девять десятыхъ перешли въ ересь, ниспровергнуть разомъ феодальныя владѣнія и социальный порядокъ страны. 3-го февраля императоръ подписалъ общую амнистію, но условную, т.-е. кто не намѣревался ходатайствовать объ императорскомъ прощеніи и не появился чрезъ шесть недѣль предъ комиссіей, былъ преслѣдованъ со всею строгостію закона. Неявившихся приказано было казнить, а тѣхъ, которые согласились подчиниться, кривоаривали къ конфискаціи ихъ имущества или къ крупному штрафу, равнявшемуся ихъ имуществу. Это былъ настоящій грабежъ. Вокругъ Лихтенштейна собрался синдикатъ воровъ, чиновниковъ или полковниковъ, которымъ помогали различные мошенники и любители ловить рыбу въ мутной водѣ. Генералы представляли фантастическіе счета, для покрытія которыхъ продавались за безцѣнокъ чешскія обширныя имѣнія. За ихъ спяною дѣлили остатки добычи монахи всѣхъ отѣнковъ, каноники и епископы. «Это была,—говоритъ Дени:—какъ бы оглушительная катастрофа, среди которой терялись проклятія и рыданія вдовъ и сиротъ, брошенныхъ въ нищету и въ изгнаніе и старцевъ, выгнанныхъ умирать на дорогѣ вдаль отъ могилъ ихъ предковъ». Одинъ еврей, Бассеви, и чужеземный торговецъ Витъ предложили Лихтенштейну войти въ товарищество фальшивыхъ монетчиковъ. Онъ согласился; императоръ уступилъ имъ привилегію скупать старыя монеты и переливать ихъ снова. Изъ 32-хъ флориновъ они извлекали 79. Но мошенники, въ свою очередь, обворовали императора, уронивъ еще болѣе цѣнность новой монеты. Такими-то монетами государство платило чешской аристократіи за сдѣланный долгъ. Экономическая революція, происшедшая отъ этого преступленія, была сильная и продолжительная. Восемьдесятъ лѣтъ тянулась эта финансовая неурядица, какъ общественная, такъ и частныхъ лицъ. Еще въ половинѣ XVII вѣка нѣкоторые аристократическія семьи требовали уплаты долга. Болѣе двухъ третей земли было отнято у прежнихъ вельможныхъ владѣльцевъ. Такъ какъ, привыкнувъ къ вѣковой автономіи, буржуазныя общины отказались перейти въ католичество, то у нихъ все отобрали, оставивъ лишь долги. Охваченные отчаяніемъ, жители покинули городъ и удалились въ чужія страны. Когда Германія увидѣла, къ какому крайнему рѣшенію пришли чехи, то взволновалась и вознегодовала, а на Ратисбонскомъ сеймѣ католики сдѣлали императору предостереженіе.

— Кеплеръ, какъ астрологъ. Берлинскій профессоръ Ферстеръ написалъ не лишнюю интереса книгу объ астрономахъ и дарѣ предвидѣнія, въ которой, между прочимъ рассказываетъ о знаменитомъ Кеплерѣ и о сдѣланномъ имъ гороскопѣ Валленштейна<sup>1)</sup>. Кеплеръ родился близъ Вейля (въ Юртембергѣ) въ 1571 г. и былъ сыномъ содержателя харчевни. Сначала онъ помогалъ родителямъ въ харчевнѣ и въ полевыхъ работахъ, а затѣмъ, когда ему было 13 лѣтъ, онъ былъ принятъ бесплатно въ Адельбергскую семинарію, а потомъ въ школы Мольбрюна и Тюбингена. Выключенный изъ послѣдней школы за антикатолическія идеи, онъ поступилъ въ университетъ на математическій

<sup>1)</sup> Prof. W. Förster: Himmelskunde und Weissagung. Berlin. 1902.

факультетъ и двадцати двухъ лѣтъ сдѣлался профессоромъ математики въ Грацѣ. Въ 1599 г. онъ долженъ былъ покинуть Грацъ вѣлѣдствіе, оиять таки, религиозныхъ преслѣдованій. Тогда его пригласилъ къ себѣ въ Прагу датскій астрономъ Тихо-Браге, для составленія Рудольфовыхъ таблицъ, а по смерти послѣдняго онъ остался на службѣ у императора Рудольфа II. Семейная жизнь Кеплера была полна несчастій и горечи. Женатый на женщицѣ крайне не-пріятнаго брюзгливаго характера, сдѣлавшейся энлиегичкой, а затѣмъ сумасшедшей, онъ былъ не счастливѣе и во второмъ бракѣ, такъ какъ, обремененный множествомъ дѣтей, онъ страшно нуждался матеріально. Къ довершенію несчастій его мать хотѣли сжечь, какъ колдунью, и онъ долженъ былъ въ 1611 г. ходатайствовать у баварскаго герцога объ ея спасеніи. Однако, несмотря на крупныя и мелкія невзгоды, гений Кеплера не умалился. Кромѣ астрономіи, онъ изучалъ теологію, а также, какъ это было принято въ XVII вѣкѣ, увлекался астрологіей. Находясь на службѣ у императора Рудольфа II, онъ занимался предска́зываніемъ по звѣздамъ, не безъ упрековъ совѣсти, какъ честный человекъ, а иногда даже проклиная астрологію, по его словамъ, «уродливую дочь астрономіи, правда питающую свою мать, но которая платитъ за эти услуги дурнымъ обращеніемъ». Принужденный пророчествовать императору, платившему своему математику въ особенности за подобнаго рода услуги, онъ однако писалъ письма различнымъ вліятельнымъ лицамъ при вѣнскомъ дворѣ, предупреждая ихъ относительно слабой вѣроятности предсказаній по звѣздамъ. Онъ признавался даже, что различно предсказываетъ королямъ, родственникамъ и своимъ противникамъ, подбодряя первыхъ, обуздывая вторыхъ и страдая третьихъ. Впрочемъ онъ не отклонялся отъ выгоднаго заработка и продолжалъ заниматься кабалистикой. Въ особенности замѣчательны его отношенія къ Валленштейну. Ихъ переписка обнаруживаетъ упорное легковѣріе одного и неосторожное снисхожденіе другого. Въ ту эпоху легковѣрный, желавшій сдѣлать гороскопъ, принималъ, по его мнѣнію, предосторожность, чтобы провѣрить талантъ предсказателя, и не шель самъ, а посылалъ къ астрологу довѣренное лицо. Посланный сообщалъ ему годъ и день рожденія и прочія подробности, необходимыя для пророчества. По этимъ даннымъ астрологъ долженъ былъ описать прошедшую и будущую жизнь. Если посланный былъ человекъ сдержанный, то астрологъ могъ всегда узнать подробности отъ друзей перваго. Конечно, астрологи прибѣгали къ туманнымъ предсказаніямъ, которыя дѣйствительно почти сбывались, но время событій опредѣлялось не вѣрно. Обыкновенно они оправдывали эту неточность тѣмъ, что, сообщая о днѣ рожденія, они вѣроятно, ошибочно опредѣляли минуты. Въ 1608 году, Валленштейнъ, которому было въ то время 25 лѣтъ, обратился за гороскопомъ къ Кеплеру, также при посредствѣ другаго лица. Астрономъ представилъ ему такія достовѣрныя подробности о прошедшей жизни будущаго полководца, что, повидимому, онъ пользовался услугами кого нибудь изъ посвященныхъ въ событія жизни Валленштейна. Но, вѣроятно, еще замѣчательнѣе было его описаніе будущей жизни Валленштейна, такъ какъ, семнадцать лѣтъ спустя, когда онъ сдѣлался знаменитымъ, то возвратилъ Кеплеру гороскопъ съ помѣтками объ удачномъ и неудачномъ предсказаніяхъ, прося у него новое предска-

заніе будущаго, при чемъ исправилъ часть рожденія. Кеплеръ предсказалъ, что Валленштейнъ будетъ серьезно боленъ на двадцать первомъ году и на тридцать девятомъ, тогда какъ онъ заболѣлъ на двадцать второмъ и тридцать седьмомъ. Затѣмъ гороскопъ предсказывалъ бракъ на тридцать третьемъ году съ очень богатой вдовою, но не красивой. Въ своемъ письмѣ къ Кеплеру будущій герцогъ фридрихландскій писалъ откровенно о послѣднемъ предсказаніи, что оно исполнилось удивительно точно, только не вѣренъ годъ, когда совершился бракъ. Въ Кеплерѣ заговорила совѣсть, когда онъ хотѣлъ сдѣлать новый гороскопъ Валленштейна. Авторитетъ и традиціи, которыя онъ восалъ вмѣстѣ съ молокомъ науки, стали бороться въ его душѣ съ освобожденнымъ разсудкомъ. Предъ его глазами возстала ужасная драма, случившаяся въ Швабій нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ его матерью, обвиняемой въ сношеніяхъ съ адомъ. Однако онъ сдался, но въ видѣ комментарія приизнесъ приговоръ надъ подобнымъ абсурдомъ. Чтобы извлечь судьбу изъ послѣдняго ретраншаментъ, онъ совѣтовалъ обратиться къ молодымъ астрологамъ, такъ какъ въ послѣднихъ болѣе священнаго огня ихъ искусства. «Всякій, кто требуетъ точныхъ отвѣтовъ о политическихъ и военныхъ событіяхъ въ будущемъ, — говоритъ онъ, — недостаточно еще снялъ нагара со свѣточа разума, даннаго Богомъ». И въ то время, какъ новый гороскопъ предсказывалъ на мартъ мѣсяць 1634 г. положеніе Марса и Сатурна, возвѣщавшее ужасныя безпорядки въ странѣ, Кеплеръ прибавлялъ изъ осторожности, что предсказаніе на такой долгій срокъ не заслуживаетъ того, чтобы волновать умъ. Новый гороскопъ Валленштейна исполнился, хотя попрежнему въ туманномъ видѣ. Великій Валленштейнъ явился самъ глашатаямъ тѣхъ безпорядковъ, которые предсказалъ Кеплеръ, не дожившій до окончательнаго исполненія своего пророчества.

— Марія-Антуанета на общественныхъ маскарадахъ. Уже много говорилось о легкомысленномъ поведеніи Маріи-Антуанеты и о нравственномъ растлѣніи королевскаго дома и придворныхъ той эпохи, но статья Фернанда Кальметта въ «Revue hebdomadaire»<sup>1)</sup> представляетъ новыя подробности, взятая не изъ мнѣнія противнаго политическаго лагеря, а изъ источника, истекающаго непосредственно изъ придворной жизни. Авторъ воспользовался для своей статьи между прочимъ письмомъ маркизы Понъ — одной изъ придворныхъ дамъ графини Прованской, невѣстки Людовика XVI, — написаннымъ ею къ мужу, тогда французскому посланнику въ Берлинѣ. Въ этомъ письмѣ Людовикъ XVI представляется не такимъ равнодушнымъ къ женскому полу, какимъ его рисуютъ. «Я была въ прошедшее воскресенье на балу въ оперѣ, вмѣстѣ съ моей принцессой и всей королевской семьей, — пишетъ маркиза, — и замѣняла заболѣвшую придворную даму. Я думаю, что это мнѣ помѣшало веселиться, такъ я боялась потерять изъ виду принцессу и ходила все время по ея пятамъ. Дофинъ предложилъ ей руку; онъ былъ очарователевъ и добродушно шутилъ; онъ веселился тамъ два часа; его никто не узналъ. Королевская семья при входѣ на балъ разошлась въ равныя стороны, что дѣлало не-

<sup>1)</sup> Marie-Antoinette et le bal de l'opéra, par Fernand «Calmette. Revue hebdomadaire». 24 janvier 1903.

возможнымъ ихъ разыскать. Дофина много веселилась, равно и графъ Прованскій. Моя принцесса довольно много говорила съ дофиномъ, но этотъ родъ удовольствія не въ ея вкусѣ. Если бы я хотѣла себѣ польстить, то сказала бы вамъ, что отъ Новой Площади до Оперы я сидѣла на колѣняхъ дофина, который заставлялъ меня подпрыгивать, какъ вы дѣлаете съ Амели, и крѣпко меня прижималъ къ себѣ. Я думаю, что въ этомъ нѣтъ ничего дурного, и съ тѣхъ поръ онъ былъ очень занятъ мною и безпрестанно со мною говорилъ. Надѣюсь, вы этимъ будете достаточно польщены, вмѣстѣ съ тѣмъ не обезпокоены». Это коротенькое письмо служитъ прелестной характеристикой придворныхъ нравовъ и растлѣнія при дворѣ той эпохи. Правда, авторъ называетъ эту игру дофина съ маркизой невинной, такъ какъ дофинъ былъ настолько нечувствителенъ къ женскимъ прелестямъ, что когда сталъ обращать вниманіе на красивыхъ женщинъ, будучи уже четыре года королемъ, дворъ неслыханно удивился. Сейчасъ же его заподозрили въ увлеченіи одной актрисой версальской труппы, потому что ему нравилось видѣть ее на сценѣ. Но это въ сущности все, что до сихъ поръ извѣстно о походеженіяхъ Людовика XVI. Самъ онъ, несмотря на свою флегматичную природу, довольно энергично, хотя неумѣло дѣйствовалъ, съ цѣлью образумить Марію-Антуанету и нѣсколько сдержать ея расхолодившуюся молодость, но тщетно. Хотя дофинъ былъ, по словамъ автора, здравомыслящимъ человѣкомъ, но, къ сожалѣнію, не культурнымъ, съ тяжеловѣснымъ умомъ, совершенно лишенный талантовъ придворнаго кавалера и вѣшняго лоска—необходимыхъ качествъ для привлеченія женщины, подобной Маріи-Антуанетѣ. Застѣнчивый, истинный сынъ Маріи Лещинской, любящій спокойную семейную, правильную жизнь, постоянныя, надежныя отношенія и уваженіе къ традиціямъ этикета, онъ былъ совершенной прѣтвopoложностью своей жены. Юная австрійская принцесса съ врожденной жилкой нравиться и кокетничать, попавъ къ французскому двору, оказалась безъ руководителей, или еще хуже—съ дурными, какъ, напримѣръ, герцогиня Полиньякъ и баронъ Безанваль, швейцарскій офицеръ на службѣ Франціи, лишенный военныхъ талантовъ, но ловкій куртизанъ. Онъ велъ распущенную жизнь и былъ извѣстенъ своими эниграммами и вольными куплетами, вмѣстѣ съ тѣмъ отличался репутаціей ловкаго увеселителя, чѣмъ, будто бы, привлекъ Марію-Антуанету и сильно на нее вліялъ. Впослѣдствіи онъ, благодаря своему вліянію, вмѣшивался въ государственныя дѣла, мѣнялъ и ставилъ министровъ, и всѣ его совѣты, такъ же, какъ герцогини Полиньякъ, были роковыми для юной королевы. Герцогиня въ продолженіе четырехъ лѣтъ своего фавора получила не менѣе пятисотъ тысячъ ливровъ рентъ. Вторая партія руководителей королевы, умѣвшихъ забрать ее въ руки посредствомъ удовольствій, состояла изъ принцессы Гэмэнэ и кавалера Люксембурга. Послѣдній, впрочемъ, хотя былъ не глупъ, однако не сумѣлъ удержаться долго и былъ замѣненъ герцогомъ Куаны, другомъ г-жи Гэмэнэ. Послѣдній сумѣлъ устроить такъ свой домъ и пріемы, что Маріи-Антуанетѣ не приходилось скучать. Флиртъ, игра въ фараонъ и проч. удовольствія настолько процвѣтали тамъ, что возмущенный Іосифъ II, посѣтивъ однажды ее, назвалъ ея домъ «comme un tripot» (какъ въ игорномъ притонѣ), а Мерси, австрійскій



посланникъ, далъ ему еще болѣе мѣткое названіе: «*maison-commode*». Последнее названіе было кстати, такъ какъ тамъ Марія-Антуанета встрѣчалась съ молодежью въ родѣ Лозѣна. Переходную ступень между Полиньякъ и Гэмэнэ представляла принцесса Ламбаль, «заполнявшая интервалы». Обѣ партіи относились другъ къ другу враждебно, но когда была необходимость, то онѣ ехидлись, съ цѣлью подставлять Ламбаль ножку. Не обладая умомъ и необходимымъ талантомъ, чтобы избѣжать ловушки, тихая, добрая и любящая Ламбаль часто подвергалась немилости. Сдѣлавшись королевой, Марія-Антуанета вѣсколько улучшила положеніе своей фаворитки, назначивъ ее главной надзирательницей съ окладомъ въ пятьдесятъ тысячъ экю. Эта весьма нетрудная служба, но въ то же время полезная для интимныхъ удовольствій королевы, состояла въ томъ, что въ помѣщеніи Ламбаль, такимъ образомъ занимавшей при Маріи-Антуанетѣ положеніе, тождественное съ Лебелемъ при Людовикѣ XV, устраивались балы, комедіи, собранія молодежи, и безумное веселье длилось до утра. Воспитанная простѣ при австрійскомъ дворѣ, Марія-Антуанета была слишкомъ откровенна и не умѣла прикрываться маской версальскаго лицемѣрія въ этой «странѣ переряживанья», и ей было трудно передѣлать себя, а потому она вела себя такъ же, будучи королевой, какъ прежде дофиной. Установленный Людовикомъ XIV этикетъ съ цѣлью замаскировать слабости и пороки двора, къ которому народъ относился все съ меньшимъ уваженіемъ, имѣлъ какъ бы религіозный характеръ. Позже при Людовикѣ XV развратъ требовалъ прикрытія торжественной и высокомѣрной внѣшностью. Людовикъ XVI ясно понималъ, что это были единственныя звенья, которыми держится королевскій престижъ. Однако, какъ король ни старался, онъ никакъ не могъ внушить Маріи-Антуанетѣ всю важность значенія этикета. Такъ, присутствуя у обѣдни, она очень дурно вела себя и все время болтала. На официальныхъ обѣдахъ и проч. собраніяхъ она также беззаботно смѣялась, вполне отдаваясь своей молодости. Подъ самыми пустяжными предлогами она отказывалась принимать представителей государственныхъ учреждений. Слѣдя за модой, она все-таки появлялась то въ парадномъ платьѣ, то въ измятой юбкѣ. Не уважая и не любя мужа, котораго она называла «*le pauvre homme*», она не жертвовала своими капризами, ради его репутаціи. Не довольствуясь тѣмъ, что цѣлое утро проводила, завершись съ г-жею Полиньякъ, при чемъ говорила ей: «Я болѣе не королева, а я — сама», она принимала у себя стараго развратника Безанваля. Она допускала къ себѣ Лозѣна въ тѣсномъ кружкѣ вмѣсто того, чтобы гнать его, такъ какъ безъ того видѣлась съ нимъ каждый вечеръ у г-жи Гэмэнэ и ѣздила ежедневно вдвоемъ верхомъ. Лозѣну она предпочла вѣжнаго, вѣрнаго Ферзена, а за нимъ маркиза Водревилля и герцога Куаньи. Она не стѣснялась показываться въ самой интимной обстановкѣ съ шуринами, графомъ Прованскимъ, и въ особенности съ графомъ Артуа, который обращался съ нею болѣе чѣмъ свободно. Чтобы избавиться поскорѣе отъ присутствія короля, ложившагося спать въ 11 часовъ, она не стѣснялась переставлять часовыя стрѣлки, такъ какъ послѣ его удаленія начиналось бѣшеное веселье, тайныя поѣздки изъ Версаля, ночныя прогулки по парку, посѣщенія версальскихъ и парижскихъ театровъ, а также публичныхъ баловъ. Подобныя похождения не обходились безъ непріятныхъ

приключений. Такъ однажды, во время карнавала, когда она подъѣзжала уже къ Оперѣ въ экипажѣ принцессы Эненъ, близкой пріятельницы кавалера Куаны, брата герцога, ея карета неожиданно сломалась. Она рисковала быть узнанной толпою, и ей оставалось одно — удалиться въ наемномъ экипажѣ. Другой разъ ей пришлось въ два часа ночи вмѣстѣ съ Артуа возвратиться во дворецъ чернымъ ходомъ, такъ какъ Людовикъ XVI, желая ее проучить и тѣмъ прекратить слишкомъ частыя ночныя походы, приказалъ не впускать экипажи въ парадный дворъ послѣ 11 часовъ. Подобныя приключенія были не единичными и переносились враждебной партіей изъ дворца въ народъ, порождая различныя клеветы. Легкомысленное поведеніе королевы и его послѣдствія вызывали со стороны короля увѣщанія и даже гнѣбныя сцены; которыя оканчивались болѣзью королевы, и она дулась на мужа въ продолженіе нѣсколькихъ дней, а затѣмъ опять принималась за прежнее. Въ особенности она любила маскарады въ Оперѣ. Эти балы были изобрѣтены въ 1715 году кавалеромъ Бульономъ, за что онъ получилъ пенсію въ шесть тысячъ ливровъ. Они устраивались нѣсколько разъ въ недѣлю со дня св. Крещенія до конца масленицы. Танцы были преданы изгнанію, и все веселье основывалось на любовныхъ интригахъ, двусмысленныхъ словечкахъ, легкомысленномъ поведеніи и вообще на эротическихъ забавахъ. Здѣсь все смѣшивалось вмѣстѣ; женщины легкаго поведенія, принцессы, королевы, скромные буржуа, кутилы, принцы и проч. предавались самому непринужденному веселью и допускали даже неприличныя выходки. Начиная съ королевы и кончая куртизанкой, всѣ позволяли себѣ нахально набрасываться на мужчинъ, а интриги обращались въ непристойности. Впервые Марія-Антуанета посѣтила маскарадъ въ Оперѣ, въ 1773 году, будучи дофиной и добившись разрѣшенія Людовика XV. Отправилась она туда съ дофиномъ, графомъ и графиней Прованскими; несмотря на всѣ старанія, часъ спустя, они были узнаны. Лично дофинъ питалъ отвращеніе къ этого рода удовольствіямъ, хотя чрезъ годъ отправился снова, ради Маріи-Антуанеты. Велъ онъ себя тамъ просто, но съ достоинствомъ, тогда какъ дофина, разсчитывая не быть узнанной, въ особенности приставала къ иностранцамъ. На другой день она разсказывала все, что говорила, и какіе получала отвѣты. Когда Людовикъ XVI вступилъ на престолъ, то прекратилъ посѣщеніе маскарадовъ Оперы. Напротивъ королева часто исчезала изъ Версаля, предаваясь своему любимому удовольствію толкаться въ толпѣ, признавая, что «балъ тогда хорошъ, когда тамъ другъ друга давятъ». Очень часто ее преслѣдовали нѣсколько нахаловъ, узнавъ въ ней королеву, что вовсе не заставляло ее покидать бала. Это вызвало вмѣшательство Юсіфа II, узнаваго объ ея походахъ, благодаря шпионству Мерси. «Это мѣсто, — писалъ онъ дочери, — само по себѣ пользуется дурной репутаціей. Для чего эти походы и шалости? Вы среди столькихъ развратниковъ, публичныхъ женщинъ, иностранцевъ и выслушиваете ихъ разговоры, а, можетъ быть, поддерживаете ихъ съ такими же нахалами; какое неприличіе! Я долженъ вамъ признаться, что этимъ всего болѣе скандализированы всѣ тѣ, кто васъ любитъ и думаетъ честно: король покинутъ на всю ночь въ Версалѣ, а вы, занимая первое мѣсто въ обществѣ, смѣшиваетесь со всякой сволочью Парижа». Эта «сволочь», какъ ихъ на-

звать Иосифъ II, и безъ мѣнѣя австрійскаго императора оцѣнила ся попустки правильно, оставивъ королеву за ея поведеніе въ Оперѣ, и ночью преслѣдовала оскорбленіями карету, которую она принимали за королевскую. Всѣ эти выходы Марии-Антуанеты, изъ которыхъ первое мѣсто занимали посѣщенія оперныхъ маскарадовъ, послужили одной изъ причинъ роковой катастрофы, преждевременно окончившей жизнь ея и Людовика XVI, ни въ чемъ неповиннаго, кромѣ своего ничтожества.

— Мать Гёте. Исчерпавъ всѣ свѣдѣнія, касающіяся Гёте, писатели перенесли вниманіе на его родителей, въ особенности на его мать. Такъ Бастье, лекторъ французскаго языка въ Кенигсбергскомъ университетѣ, только что напечаталъ ея біографію <sup>1)</sup> на основаніи ея переписки съ сыномъ, невѣсткой и герцогиней Веймарской. Отецъ Гёте, имперскій совѣтникъ, нѣсколько напыщенный, скучный, скупой, но богатый и уважаемый обществомъ человекъ, тридцати семи лѣтъ женился на семнадцатилѣтней Елизаветѣ Тексторъ. Жизнерадостная, практичная дѣвушка, несмотря на то, что представляла полную противоположность мужу, сумѣла, однако, сохранить до восьмидесяти четырехъ лѣтъ свое веселое настроеніе. Образованіе она получила поверхностное, судя по слѣдующему письму. «Ахъ, ваши познанія, ваши таланты!— писала она.— Вотъ проклетіе! Это или ни къ чему не служитъ или приноситъ несчастье... Мы не знаемъ перваго слова этихъ пустяковъ. Мы бряцнимъ мило наши романсы на клавиринахъ, а потомъ поемъ и танцуемъ»... По прочтеніи этого письма невольно возникаетъ вопросъ: играетъ ли роль наследственность генія? Гёте, родившійся отъ зауряднаго отца и отъ матери, выражавшей такіе взгляды, очевидно былъ истиннымъ самороднымъ гениемъ. Г-жа Гёте была женщина не только физически здоровая, но полная здраваго смысла. Она не была ослѣвлена материнскою любовью и даже критически относилась къ произведеніямъ сына. Такъ, напримѣръ, она заявила, что въ «Вильгельмѣ Мейстерѣ» теряется нить дѣйствія. Впрочемъ, чтобъ отыскать эту «нить», она предлагаетъ себѣ перечитать книгу, такъ какъ, по ея словамъ, это гостинецъ, который она приберегала на праздничные дни. Она понимала, что мать Гёте не должна оставаться невѣждой, а потому усидчиво читала не только нѣмецкихъ авторовъ, но даже французскихъ, и два раза въ недѣлю у нея происходили чтенія переводовъ Мариво и Бомарше. Г-жа Гёте сознавала материнскимъ инстинктомъ, что неловко оставаться невѣждою, когда вокругъ нея собирался цвѣтъ мысли. Она была настолько умна, что не признавала, по крайней мѣрѣ, въ слухъ, своего сына единственнымъ свѣтиломъ своего времени, а говорила: «Ты и Шиллеръ причиняете мнѣ необъяснимую радость... ваши произведенія будутъ вѣчно жить». Овдовѣвъ очень молодой, она предалась вся сыну, заботясь о немъ во всѣхъ отношеніяхъ. «Правда, что тебѣ лучше,— писала она,— теперь твое здоровье меня болѣе не беспокоитъ. Ахъ, когда ты боленъ, я не толстѣю. Твоя мать не героиня: она думаетъ вмѣстѣ съ арлекиномъ, что жизнь прекрасная вещь». Посѣщеніе сына доставляло ей истинное счастье, что видно изъ слѣдующихъ строкъ: «Твое пребываніе здѣсь

<sup>1)</sup> La mère de Goethe d'après sa correspondance, par Paul Bastier.

будетъ настоящимъ отдыхомъ для твоихъ легкихъ, такъ какъ мама Аяя (какъ ее называли) такъ расположена къ болтовнѣ, что тебѣ будетъ невозможно вставить, гдѣ надо, да или нѣтъ. Но скажи мнѣ серьезно, что мнѣ не придется поступать, какъ я дѣлала въ воскресенья: весь день я караулила у окна, такъ что почти ослѣбла; при видѣ каждой почтовой кареты я думала, что это ты». Она вмѣшивалась во всѣ дѣла Гете, и когда онъ задумалъ сдѣлаться землевладельцемъ, то она разсудительно написала ему: «Ты не созданъ для землепашества и ничего не жди отъ него: что изъ этого выйдетъ? Тебя будутъ эксплуатировать. Ты никогда не будешь деревенскимъ жителемъ»... Она посылала сыну въ опредѣленное время различные съѣдобные припасы. Иногда она удивляла сына такого рода посылкою: «Посылаю тебѣ кусокъ вайки на жилетъ и панталоны,—писала ему мать,—она прекраснаго качества, какой ты не найдешь на аршины. Только я должна тебѣ сказать, что это моя юбка, не обижайся на это, когда все будетъ сдѣлано, никто не замѣтитъ, чѣмъ это было раньше». Вопреки обычаю большинства матерей относиться недоброжелательно къ любовницамъ сыновей, г-жа Гете была очень прिवѣтлива съ Христиной Вульшюсъ. Положимъ, это было, много времени спустя послѣ начала ихъ связи, когда она узнала о преданной вѣрности Христины къ Гете. Можетъ быть, причиной ея снисхожденія была приближавшаяся старость и одиночество, а также чувство бабушки, такъ какъ во всѣхъ ея поступкахъ первое мѣсто занималъ практической здравый смыслъ. Главная черта матери Гете была постоянная веселость. Она была способна смѣяться, какъ при радостномъ, такъ и при печальномъ извѣстии. Это обстоятельство, вѣроятно, способствовало ея долгой жизни. Радостное настроеніе дѣлало ее доброй, прिवѣтливой и несколько не измѣнилось отъ сожителства съ скучнымъ, чопорнымъ мужемъ. Можетъ быть, оно было выработано силой воли, такъ какъ мать Гёте строго слѣдила за своимъ здоровьемъ и находила, что веселье—лучшая моральная гигиена. Въ этомъ есть доля эгоизма, и, конечно, лицамъ съ иными взглядами въ концѣ концовъ мать Гете становится слишкомъ однообразной. Она съ одинаковой улыбкой узнаетъ о несчастіяхъ страны, о смерти мужа и проч. Конечно, чужое сердце потемки, но ея послѣднія слова предъ смертью служатъ доказательствомъ, что смѣхъ былъ ея природнымъ качествомъ, какъ черта исключительно здоровой, жизнерадостной натуры. Умирая, она должна была отказаться отъ одного приглашенія и въ извиненіе написала: «что очень сожалѣетъ, но она принуждена умереть чрезъ минуту». Слѣдовательно, она или была искренна или обладала громадной силой воли, чтобы рисоваться своей веселостью. Ея манера относиться къ впечатлѣніямъ отчасти перешла къ Гёте, что замѣтно въ его «Разговорахъ съ Эрмманомъ».

— Госпожа Сталь и Наполеонъ. Появившаяся въ Парижѣ книга Поля Готье о г-жѣ Сталь и Наполеонѣ представляетъ много интересныхъ и еще неизвѣстныхъ подробностей и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасно рисуетъ различіе между писательницей и Наполеономъ <sup>1)</sup>. Г-жа Сталь выдѣляется, какъ живая съ ея неизлѣчимой скукой, отъ которой она страдала и предавалась всякаго

<sup>1)</sup> M-me de Staël et Napoléon, par Paul Gautier. 1 vol. Paris. 1903.

рода волненіямъ,— съ ея гордостью, чрезмѣрнымъ себялюбіемъ, потребностью относить все къ себѣ, энергіей, истинной любовью къ идеямъ, благородствомъ души, желаніемъ непрерывнаго усовершенствованія и стремленіемъ къ высшему идеалу. По словамъ самой г-жи Сталь, она была врагомъ Бонапарта съ перваго дня, угадавъ его честолюбіе и предвидя его деспотизмъ. Она будто бы сразу замѣтила, какое онъ долженъ занять положеніе, и выбрала роль, какую ей предстояло играть относительно него. Казалось бы, что такая борьба была болѣе, чѣмъ неравная, и г-жа Сталь, вооруженная только своимъ краснорѣчіемъ, не могла бы бороться съ государемъ, котораго обожала Франція и боялась Европа, который окруженъ полиціей и преданными агентами. Но Поль Готье приводитъ любопытные факты. По его мнѣнію, не питай г-жа Сталь къ Наполеону ненависти, ею овладѣло бы противоположное чувство, и онъ сдѣлался бы ея кумиромъ. «Повидимому, — говоритъ Готье, — она перестушила предѣлы обыкновеннаго восторга. Бонапартъ былъ очень влюбленъ въ Жозефину, и она написала ему, что «бракъ генія съ ничтожной креолкой чудовищенъ, и недостойно его цѣнить или на него соглашаться». Внѣстѣдствіи Іосифъ говорилъ своему брату: «Если вы выкажете ей хотя немного благоволенія, она будетъ васъ обожать». Ея сравненія Наполеона съ Сципіономъ или Танкредомъ, конечно, еще не выражаютъ любви, но нѣтъ сомнѣнія, что такая романтическая натура, любившая славу, не могла оставаться равнодушной къ такому герою, какъ былъ Наполеонъ. Ее прельщала его загадочная странная фигура; она восторгалась имъ послѣ похода въ Италію, а по возвращеніи изъ египетской кампаніи она совершенно потеряла голову, и онъ сдѣлался въ ея глазахъ сказочнымъ героемъ. Насколько г-жа Сталь любила славу, настолько и свободу, а какъ было не вѣрить, что Наполеонъ—главный ея поборникъ. На него возлагалась вся надежда покончить съ революціей, т.-е. положить конецъ произволу и насилию, окончательно обезпечивъ республиканскія учрежденія. Г-жа Сталь была въ первомъ ряду партіи института, привѣтствовавшей 18 брюмеръ. Освѣдомленная о событіяхъ, она бросилась изъ Коніа. Возвратившись 18 брюмера, она встрѣтилась на улицѣ съ Барра, котораго сопровождалъ эскортъ солдатъ въ его имѣніе Гросбуа. 19-го Бенжамень-Констанъ, торопившійся въ Севъ-Клу, посылалъ къ ней ежечасно посланныхъ. Она узнала, что гренадеры подъ начальствомъ Мюрата вторгнулись въ оранжереи, и присутствовавшіе всѣ бѣжали чрезъ окна. «Тогда,—сказала она,—я плакала не о свободѣ, такъ какъ ея не существовало во Франціи, но отъ радости, что есть на нее надежда, безъ которой для страны остается только позоръ и несчастіе». Она плакала отъ радости: свобода торжествовала! Бонапартъ—первый консуль, а Бенжамень-Констанъ трибунъ. Съ этого времени г-жа Сталь начала преслѣдовать Бонапарта своимъ ухаживаніемъ. Она стала вести себя вызывающе, забѣгала ему въ глаза, приглашала къ себѣ и старалась бывать вездѣ, гдѣ находился онъ. Ея мечта играть видную роль была слишкомъ очевидна; она выбрала Бонапарта, чтобы управлять Франціей по своему вдохновенію, она была бы головою, онъ—руками. На ея несчастіе Наполеонъ тотчасъ же угадалъ ея мысли и не думалъ ихъ реализовать. Помимо того, что онъ не любилъ такого рода женщинъ, онъ страшился такой союзницы, кото-

рая может только его скомпрометировать. Продолжая наружно ладить съ нею, онъ тѣмъ болѣе старался ея избѣгать, тѣмъ усерднѣе она за нимъ ухаживала. Видя неуспѣхъ въ ея намѣреніи понравиться, она попробовала заставить опасаться себя. Съ этою цѣью г-жа Сталь вошла въ заговоръ съ Бенжаменъ-Констаномъ, который произнесъ въ трибунатѣ рѣчь противъ Бонапарта. Это дало немедленные результаты, но не тѣ, какіе ожидали оба сообщника. Въ тотъ же вечеръ г-жа Сталь устроила обѣдъ въ честь Констанана. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ она получила десять писемъ съ извиненіемъ и узнала о гнѣвѣ Бонапарта. Она остолбѣла, увидя вокругъ себя пустоту. Застрасчиваніе удалось не болѣе кокетства, а неудовольствіе Наполеона увеличивалось. Между тѣмъ судьба Бонапарта рѣшалась; онъ стремился къ личной власти. Главное ее сердило, что онъ подписалъ конкордаты. Она допускала, чтобы Наполеонъ признавалъ государственную религію, но не ожидала, что онъ изберетъ католическую. За четыре года до того она написала книгу, которую событія брюмера помѣшали напечатать. Въ ней она, «какъ добрая кальвинистка», предлагала возстановить въ государствѣ религіозную идею, но государственной религіей она выставляла протестантскую. Слѣдовательно пораженіе было полное, и ей оставалось лишь изливать свою ненависть на врага, который недавно еще былъ ей такъ дорогъ. Каждый разъ, какъ Наполеонъ узнавалъ ея работу въ ударахъ, наносимыхъ его власти, она испытывала удовольствованіе, предпочитала ненависть равнодушію. Каждая изъ ея книгъ того періода—не что иное, какъ эпизодъ ея борьбы противъ Бонапарта. «Каждый разъ,—говоритъ Готье,—когда провѣряешь какое нибудь изъ ея произведеній, невольно проникаешься этой мыслью; всѣ книги г-жа Сталь—враждебное дѣйствіе. Она пишетъ не для разговора, но чтобы думать и дѣйствовать. Эта формула подходит даже къ ея романамъ: «Дельфину» и «Кориннѣ», она еще болѣе примѣняется къ ея книгѣ «() литературѣ». Это—болѣе чѣмъ дѣйствіе, это—настоящая манифестація». Г-жа Сталь поддерживала тезисъ усовершенствованія, къ которому философы XVIII вѣка относились сочувственно; въ немъ она призываетъ философію и краснорѣчіе къ управленію государствомъ. Она унижаетъ престижъ военнаго генія предъ блескомъ умственнаго свѣта. Она противопоставляла католическимъ заблужденіямъ протестантскія добродѣтели, восхваляла благо свободы и наконецъ хвалила англичанъ. Въ Кориннѣ она пѣла панегирикъ Англіи, выставивъ типъ достойнаго Освальда, какъ противоположность легкомысленному французу, графу Эрфейлю. Это былъ какъ разъ моментъ, когда борьба Наполеона съ Англіей обострилась. Тамъ же г-жа Сталь вывела, что безъ свободы и учрежденій нѣтъ ничего, что возбуждало бы къ восторгу сердце, что нація зачухнетъ, а пружина энергіи отъ этого обезсилитъ, и т. д. Это было время, когда Фихте первый назвалъ себя «гражданиномъ свѣта» и въ своихъ лекціяхъ указывалъ, что лучшее средство любить человѣчество—это служить своей родинѣ и любить ее. Поэты, философы и пасторы всѣ работали, чтобы зажечь пламя любви къ родинѣ. Поэтому не удивительно, что Наполеонъ не пропустилъ ея книгу, подливавшую масло въ воспламенившуюся Европу. Г-жа Сталь даже не скрывала своего огорченія, когда слышала о французскихъ побѣдахъ. Маренго привело ее въ ужасъ: «Я хотѣла бы, чтобы Наполеонъ потерялъ

пораженіе!» — писала она, такъ какъ была убѣждена, что благоденствіе Франціи требовало несчастій. Когда въ Лондонѣ подписывали предварительный миръ, она нарочно замедлила возвратиться въ Парижъ, чтобы «не быть свидѣтельницей празднествъ въ честь мира». Въ Вѣнѣ она сближалась съ русскими, австрійцами и нѣмцами, не любившими Францію, и поддерживала дѣятельную переписку съ Генцемъ, политическимъ агентомъ Англій, бывшимъ совѣтникомъ Пруссіи, который перешелъ на службу къ Австріи. Въ Россіи побѣжденные при Цюрихѣ, Аустерлицѣ, Іенѣ, Эйлау и Фридландѣ принимали ее съ почетомъ. Ея слушался Александръ, которому она представила доводы о выгодахъ, какія возможно извлечь изъ помощи Бернадота. Въ Швеціи она добралась до Бернадота, и очень возможно, что она вселила ему мысль вызвать Моро изъ Америки. Наконецъ, она отправилась въ Лондонъ и была принята тамъ съ восторгомъ. Впрочемъ, вреда такимъ образомъ Наполеону, она считала, что интересы Франціи ничего не имѣютъ общаго съ интересами корсиканскаго авантюриста. Это объясняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что г-жа Сталь не была чистокровною француженкой, и въ этомъ—ея извиненіе. Ея отецъ былъ швейцарецъ изъ Женевы, а мать ватландка, сама же она вышла замужъ за шведа. Жила она въ Коппэ, недалеко отъ Женевы—центра сборища всевозможныхъ европейскихъ знаменитостей, и космополитизмъ былъ отличительной чертой великой писательницы. Что касается Наполеона, то, несмотря на кажущуюся слабость силъ противника, онъ не оставался равнодушнымъ: ненависть г-жи Сталь его тревожила, благодаря причинѣ, вызвавшей ее. Во время его пребыванія въ Булонскомъ лагерѣ и въ моментъ, когда онъ рѣшилъ планъ кампаніи 1805 года, Фушэ получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ давалъ приказаніе воспретить пребываніе г-жи Сталь въ Парижѣ. 31-го декабря 1806 года Наполеонъ писалъ ему въ томъ же родѣ, а 15-го марта 1807 года Фушэ получилъ письмо слѣдующаго содержанія: «Вы должны позаботиться привести въ исполненіе мои приказанія и не позволять г-жѣ Сталь приближаться къ Парижу ближе сорока миль». Въ теченіе пяти мѣсяцевъ онъ послалъ Фушэ десять писемъ, касавшихся того же самаго вопроса. Насколько онъ опасался г-жи Сталь, видно изъ того, что на другой день Эйлау, находясь въ пятистахъ миляхъ отъ Парижа, онъ думалъ объ этой женщинѣ, безпокоился о томъ, кого она принимаетъ, и тѣ, кто приближался къ ней, были по его приказанію преслѣдуемы. Его опасенія и принимаемыя противъ нея мѣры подымали кредитъ г-жи Сталь въ Европѣ, и ея вліяніе усиливалось, хотя онъ не сомнѣвался, что, во всякомъ случаѣ, ея вліяніе не было велико. Она была въ сношеніяхъ со всѣми знаменитостями Европы, начиная отъ писателей до дипломатовъ и великосвѣтскихъ дамъ до государей. Такимъ образомъ, она составила противъ него коалицію, тѣмъ болѣе опасную, что сама она была неприкосновенна. Г-жа Сталь представляла само могущество, и это могущество было общественное мнѣніе. Поэтому въ интересахъ Наполеона было не допускать жить въ Парижѣ эту «двигательную машину», тѣмъ болѣе, что общественное мнѣніе уже было противъ него. Невниманіе Наполеона къ г-жѣ Сталь, какъ къ женщинѣ, вызвало болѣе серіозныя послѣдствія, чѣмъ можно было ожидать. Эта «интриганка», какъ называлъ ее Бенжаменъ-Константъ, или

«кляузница», какъ далъ ей названіе Наполеонъ, не останавливалась въ своемъ гнѣвѣ даже предъ несчастіемъ неповинной Франціи. Однако, пришелъ день, когда г-жа Сталь очнулась и поняла, что, мстя Наполеону, она наноситъ роковой ударъ Франціи, и, видя ужасное положеніе послѣдней, она перешла на ея сторону. Въ то время, какъ Бенжаменъ-Констанъ писалъ въ своемъ дневникѣ: «Французы всегда одинаково сумасшедшіе и злые! Мы увидимъ, будутъ ли они придерживаться этого бѣшеннаго, котораго зовутъ императоромъ», и просилъ ее напечатать въ Англіи брошюру, лестную для бывшихъ побѣдителей, г-жа Сталь отвѣтила: «Развѣ вы не видите опасности, грозящей Франціи?.. Я, какъ Густавъ Ваза, атакующій Кристьерна, нападаю, но на валъ поставили мою мать. Развѣ теперь время говорить дурно о французахъ, когда московскій пожаръ угрожаетъ Парижу? Пусть лучше Богъ изгонитъ меня изъ Франціи, чѣмъ допустить войти въ нее съ помощью иностранцевъ». За четыре дня до вступленія союзниковъ въ Парижъ Бенжаменъ-Констанъ послалъ ей въ такомъ же родѣ записку для того, чтобы она передала ее англійскимъ министрамъ. На это г-жа Сталь отвѣчала: «Я читала вашу записку; избави меня Богъ показать ее! Я ничего не буду дѣлать противъ Франціи. Я не направлю противъ нея, въ такомъ несчастіи, ни моей репутаціи, которою я обязана ей, ни имени моего отца, котораго она любила. Французскія селенія горятъ, и женщины просятъ пощады на колѣняхъ. Вы—не французъ, Бенжаменъ!» Даже въ своей ненависти г-жа Сталь была неспособна на низости, а великодушіе было отличительной чертой ея характера. Къ Наполеону также ослабла ея ненависть, когда онъ былъ въ несчастіи, и г-жа Сталь даже оказала ему услугу. Было ли это вслѣдствіе того, что «лежачихъ не бьютъ», или она пробовала завоевать его добрымъ сердцемъ, только Готье рассказываетъ слѣдующее: «Въ одинъ прекрасный день она была предупреждена друзьями, что два наемные убійца отправляются на Эльбу съ цѣлью убить Наполеона. Воображеніе Коринны воспламенилось; сердце взволновалось, и она бросилась въ Пранжинъ, гдѣ жилъ братъ Наполеона, Иосифъ. Въ этотъ день у него обѣдалъ Тальма. Г-жа Сталь сообщила имъ о проектѣ убійства и со свойственной ея характеру стремительностью предложила тотчасъ же отправиться на островъ Эльбу. Тальма сталъ оспаривать у нея эту честь, и потребовалась осторожность Иосифа, чтобы примирить ихъ, избравъ въ посланные незначительное лицо, менѣе способное привлечь вниманіе, чѣмъ блестящій трагикъ и знаменитая писательница». Такимъ образомъ Наполеонъ, возвратившись во Францію, сказалъ г-жѣ Сталь, что знаетъ, насколько ей обязанъ—и ледъ растаялъ. Иосифъ Бонапартъ послужилъ для нихъ посредникомъ. Съ этихъ поръ г-жа Сталь перешла на сторону Наполеона, но, увы, неуспѣшно. Неудачное ухаживанье за «корсиканскимъ выскочкой» доказало ей, что не всегда можно добиться любви однимъ умомъ и интригами. Вѣроятно, она сама пришла къ тому заключенію, потому что часто говорила: «Я отдала бы всѣ мои познанія за красоту!»

— Людовикъ XVIII въ частной жизни. Во второй январской книжкѣ «La Revue» помѣщена статья <sup>1)</sup> о Людовикѣ XVIII барона Андрѣ де-Марикуръ,

<sup>1)</sup> Dans l'intimité de Louis XVIII, par A. baron de Maricourt. «La Revue», 15 janvier 1902.



воспользованагося для нея различными, еще неизвѣстными, документами, какъ, напримѣръ, письмомъ Людовика XVIII къ своему главному камердинеру, барону Гюэ, мемуарами жены послѣдвго и многими другими источниками. Въ своей статьѣ Марикуръ представляетъ читателю Людовика XVIII не съ официальной, парадной стороны, а со всѣми его мелочными, будничными расчетами обыкновеннаго смертнаго. Баронъ Франсуа Гюэ занималъ мѣсто перваго камердинера дофина и личной просьбѣ быть вмѣстѣ съ Людовикомъ XVI заключенъ въ Тамплъ. Въ своей духовной король упомянулъ также о немъ, и, добившись разрѣшенія Директоріи, Гюэ въ 1794 году сопровождалъ Марію-Терезу изъ Франціи въ Вѣну. Затѣмъ онъ сдѣлался старшимъ камердинеромъ графа Прованскаго и привязался къ нему совершенно безкорыстно. Ихъ первое сближеніе началось въ Веронѣ. 29-го декабря 1795 года будущій король написалъ ему въ Вѣну, благодаря его за привязанность къ Маріи-Терезѣ. Спустя нѣкоторое время, баронъ Гюэ послѣдовалъ за будущимъ Людовикомъ XVIII въ Митаву. Послѣдній обладалъ умѣніемъ очаровывать лицъ, которыя могли оказать ему какія либо услуги. Во время своего пребыванія въ Митавѣ Гюэ въ день новаго года вошелъ за приказаніями къ королю, разыгрывавшему при своемъ ничтожномъ дворѣ настоящаго государя. Людовикъ встрѣтилъ его возбужденный и объявилъ, что ему: «надоѣло сегодня давать всѣмъ подарки, и онъ хочетъ подарить себѣ что нибудь, а потому создалъ новую должность главнаго комиссара для управленія дворомъ». Лучшаго выбора, какъ баронъ Гюэ, онъ сдѣлать не можетъ и назначаетъ его на этотъ постъ. Ясно, что это положеніе не было отвѣтственнымъ въ виду скудныхъ средствъ короля, и для двора не было тайной, что на 600.000 ливровъ приходилось жить 40 человѣкамъ. Во всякомъ случаѣ баронъ Гюэ былъ польщенъ этимъ назначеніемъ, благодаря искусной лести Людовика, съ которой онъ предложилъ ему новый постъ. Бывшій камердинеръ, какъ нельзя болѣе, подходилъ къ этой должности, исполняя свои обязанности аккуратно, тщательно провѣряя расходы и подавая отчетъ Людовику въ каждой потраченной, даже ничтожной суммѣ, который изгнанный и страдающій подагрой Людовикъ провѣрялъ. Вниманіе его къ барону вызвало со стороны придворныхъ зависть, и барона стали обвинять въ перепискѣ съ его пріятельницей Жозефиной Бонапартъ. Гюэ ради избѣжанія недовольства со стороны Людовика, рѣшился сообщить ему объ этомъ обстоятельстве. Услыша его признаніе, король замѣтилъ: «Ну, такъ что же, когда имѣешь такихъ друзей, то бережешь ихъ!» А когда баронъ спросилъ, не долженъ ли онъ прекратить переписку, то Людовикъ отвѣтилъ: «Ихъ сохраняютъ и пишутъ имъ, господинъ Гюэ». — Этотъ разговоръ происходилъ въ 1800 году, и съ этого времени началась тонкая дипломатія Людовика XVIII, завязавшая любопытную интригу. Суть ея состояла въ томъ, что когда Жозефина была покинута своимъ легкомысленнымъ первымъ мужемъ, Виконтомъ Богарне, то она отправилась, до революціи, на короткое время въ Фонтенбло, гдѣ находилась мать барона Гюэ, вдова секретаря, состоявшаго при начальникѣ охоты. Она была съ нею близка и у нея познакомилась съ женою Франсуа Гюэ, съ которой настолько подружилась, что даже говорила ихъ сыну, Андрѣ, «ты». Съ этихъ поръ и до имперіи Жозефина сохранила слегка роялистскія мнѣнія, и графъ Прованскій

это знать. Завязать сношенія лично съ нею, ради цѣли вывѣдать отъ нея тайные помыслы ея мужа, было бы неудобно для королевскаго достоинства, потому ему оставалось прибѣгнуть къ помощи своего камердинера. Въ эту эпоху жилъ въ Парижѣ адвокатъ королевскаго парламента, Реньо, защитникъ Людовика XVI. Онъ былъ сыномъ стряпчаго, занимавшагося съ 1720 года дѣлами маркиза Богарне, свекра Жозефины, и завѣдывалъ дѣлами ея перваго мужа, а вносѣдствіи и ея личными.

Такимъ образомъ, онъ былъ настолько стариннымъ ея другомъ, что въ декабрѣ 1800 года, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ Наполеонъ сдѣлался консуломъ, она просила Реньо «изложить на бумагѣ опредѣленные взгляды относительно возстановленія дома Бурбоновъ». Названный документъ находился въ бумагахъ Франсуа Гюэ, и Людовикъ не только это зналъ, а даже не былъ чуждъ относительно отвѣта, который ей далъ Реньо, такъ какъ послѣдній и Гюэ повиновались его высшему приказанію. Жозефина требовала, чтобы въ отвѣтъ Реньо не упоминалось ни о графѣ Прованскомъ, ни объ Артуа. Только сыновья графа Артуа могли претендовать на королевскую власть. Такимъ образомъ идеи Реньо допускались лишь подъ этими двумя условіями. Это служитъ доказательствомъ, какъ наивно думали роялисты той эпохи, что Бонапартъ удовольствуется положеніемъ конетабля Франціи. Въ этомъ документѣ между прочимъ говорилось: «Для Франціи счастье, что она встрѣтила генія. По его поведенію замѣтно, что съ тѣхъ поръ, какъ власть въ его рукахъ, имъ руководить столько же благоразуміе, сколько твердость, и это заставляетъ надѣяться, что онъ совсѣмъ не хочетъ быть узурпаторомъ. Если бы онъ этого добивался, то почти навѣрно достигъ бы своей гибели». Кромѣ того, изъ бумаги было видно, что боялись двухъ законныхъ принцевъ, и тогда выборъ оставался на герцога Ангулемскаго и его женѣ. Онъ заинтересовалъ націю, какъ своей личностью, такъ и брачнымъ союзомъ. Все вмѣстѣ взятое служило залогомъ примиренія, и если бы вручили корону герцогу Ангулемскому — все пошло бы своимъ порядкомъ. Опасались послѣдствій этихъ событій, но были неправы, такъ какъ революція все разрушила, но счастливый геній Франціи возстановитъ все. Первымъ его дѣломъ будетъ назначеніе регента въ лицѣ самого себя, возстановленіе аристократіи, такъ какъ она необходима въ монархіи, затѣмъ возобновленіе религіи. Три дня спустя, послѣ того какъ Реньо вручилъ эти бумаги, наступилъ третій день нивога. Такъ какъ въ заговорѣ участвовали роялисты, то Жозефина ограничилась лишь благодарностью, сказавъ, что этому дѣлу не дадутъ болѣе никакихъ послѣдствій. Впрочемъ это были не первые переговоры Людовика XVIII съ Бонапартомъ, такъ какъ извѣстенъ еще отвѣтъ Наполеона графу Прованскому. «Если вы хотите, — писалъ онъ, — возвратиться во Францію, то вамъ придется пройти чрезъ 10.000 труповъ». Этотъ отвѣтъ крайне не понравился Людовику, который возразилъ на него мало извѣстнымъ манифестомъ отъ 2-го декабря 1804 года. Въ немъ Людовикъ XVIII выказалъ себя коварнымъ и осторожнымъ, разразясь цѣлымъ потокомъ словъ и туманныхъ обѣщаній, которыя не могли серьезно обезпечить будущее. Несмотря на всѣ эти переговоры, онъ продолжалъ жить въ изгнаніи и страдать безденежьемъ. Испанскій король выдалъ кой-какую субсидію: «своему, двоюродному брату,

графу Лиллю», какъ онъ называлъ графа Прованскаго въ угоду Наполеону. Этотъ титулъ роялисты не признавали, а Людовикъ, очень этимъ обиженный, долженъ былъ, однако, выносить оскорбленіе, нуждаясь въ деньгахъ. Однако онъ не достигали Митавы: для полученія ихъ необходимо было ѣздить въ Гамбургъ къ банкиру испанскаго короля, что Людовикъ довѣрялъ исполнять Гюэ. Послѣдній, разстроивъ свое здоровье, благодаря королевскому дѣлу, добивался, чтобы его замѣнили другимъ. Но воля короля была упорна, и «подъ бархатной перчаткой скрывалась желѣзная рука», а потому Гюэ продолжалъ исполнять королевскія порученія. Чрезмѣрно истомленный, онъ хотѣлъ, исполнивъ порученіе, возвратиться во Францію, но Людовикъ лестнымъ письмомъ опять его удержалъ. Такимъ образомъ до послѣдняго дня изгнанія Людовикъ не отпустилъ Гюэ. «Его величество, — писалъ послѣдній, — умѣетъ отблагодарить такими любезными словами, секретомъ которыхъ онъ одинъ обладаетъ, что привлекаетъ всѣ сердца». Наконецъ въ 1814 году Людовикъ возвратился во Францію, но его первое пребываніе тамъ было короткое. Въ мартѣ 1815 году онъ отправился въ Гентъ. «Его величество, — писалъ Гюэ: — былъ замѣчательно хладнокровенъ и спокоенъ. Въ Бовэ, гдѣ король остановился впервые, онъ обращался къ каждому съ любезнымъ словомъ, и никто не могъ заподозрѣть, что онъ ѣдетъ въ изгнаніе». Помня о перенесенномъ имъ матеріальномъ недостаткѣ во время изгнанія, онъ поручилъ Гюэ вывезти за-границу королевскіе брилліанты и собрать въ Тюильри всѣ деньги, какія было возможно. Всего оказалось денегъ, кромѣ брилліантовъ, 7.434,060 фр. Порученіе было тяжелое; вывезти кассу изъ Франціи было трудно, и Гюэ рассказывалъ жителю Бовэ, что въ его экипажѣ находятся останки Людовика XVI. Послѣ этой поѣздки Гюэ оставался при Людовикѣ XVIII сначала старшимъ камердинеромъ; затѣмъ назначенъ личной королевской кассы, которую онъ увеличилъ по слухамъ до 6 милліоновъ. Извѣщая короля объ этомъ, онъ думалъ его удивить, и дѣйствительно король былъ внѣ себя отъ радости. «Какъ, — воскликнулъ онъ, — я такъ богатъ... Вы меня удивляете, г-нъ Гюэ. Такъ вручите эту сумму г-ну \*\*\*», онъ болѣе меня нуждается въ деньгахъ». Дѣло шло объ одномъ вельможѣ, преданномъ королевскому дому и совершенно разоренномъ въ первую революцію. Существуетъ въ семьѣ Гюэ еще анекдотъ, съ болѣзненнымъ безпамятствѣмъ короля. Однажды, въ концѣ года, баронъ Гюэ принесъ ему около ста тысячъ экю. Великодушный, какъ всегда, король былъ тронутъ порядкомъ, установленнымъ его казначеямъ и въ знакъ признательности просилъ его удержать для себя эти деньги. Но послѣ этого разговора Людовикъ сѣлъ за карточный столъ и много проигралъ. «Гюэ, — закричалъ онъ: — верните мнѣ сумму, которую я вамъ пожаловалъ, я возвращу ее вамъ позже». Но «позже» никогда не случилось. Впрочемъ это не уменьшило привязанности Гюэ къ Людовику, и онъ жилъ въ Тюильри до самой смерти. Незадолго до своей кончины онъ былъ свидѣтелемъ одного инцидента, который его сильно поразилъ. Король неожиданно далъ аудіенцію вѣлкому земледѣльцу Мартэну изъ Галлардона, будто бы посланному къ нему архангеломъ, чтобы предупредить о событіяхъ, которыя должны быть извѣстны только Людовику XVIII и его семьѣ. Съ трудомъ добившись свиданія съ королемъ, онъ наконецъ былъ проведенъ къ нему виконтомъ

Ропфуко, адъютантомъ Артуа и другомъ барона Гюэ. Что онъ сообщилъ Людовику, неизвѣстно; Ропфуко говорилъ, будто бы онъ сказалъ королю, что тотъ незаконно занимаетъ тронъ. Насколько это вѣрно, осталось неизвѣстнымъ, — только, когда Людовикъ возвращался съ данной Мартэну аудіенціи, то былъ сильно взволнованъ. Первый кого онъ встрѣтилъ, былъ канцлеръ Дамбрэ. «Что же, государь, — спросилъ послѣдній шутливымъ тономъ: — визитъ Мартэна разсѣялъ ваше величество?» Но король сурово отвѣтилъ: — «Не слѣдуетъ, г-нъ Дамбрэ, надъ этимъ шутить. Мартэнъ сообщилъ мнѣ о такихъ вещахъ, которыя знаютъ Богъ да я!..». По словамъ Ропфуко, Мартэнъ спокойно возвратился въ Галлардонъ, но въ прошедшемъ вѣкѣ нѣкоторыя лица версальскаго времени помнятъ, какъ Мартэнъ собиралъ по городу деньги для короля Людовика XVIII, и вопросъ объ его существованіи, вспыхнувшій послѣ 1830 г., и тогда тайно волновалъ многихъ. Впрочемъ, уже во время эмиграціи онъ былъ поднятъ. Одинъ придворный изъ королевскаго дома, другъ Гюэ, слышалъ, какъ русскій императоръ Александръ вполголоса спрашивалъ у графа Артуа, «гдѣ находился въ это время его племянникъ, дофинъ». На это графъ Артуа отвѣтилъ съ самымъ невозмутимымъ спокойствіемъ: «Онъ — въ Америкѣ». Миѣніе Гюэ по этому поводу не лишено интереса. Находясь при Людовикѣ XVIII въ Тамплѣ и освобожденный ранѣе смерти Людовика XVI, онъ дѣлалъ все возможное, чтобы имѣть извѣстія о немъ и способствовать его бѣгству. Правдоподобная или вымышленная смерть дофина его тяжело потрясла, и онъ никогда не могъ окончательно оправиться. Онъ все время оставался въ тѣсной дружбѣ съ Ланномъ, Тюрго и Гомэномъ. Наконецъ, Жозефина была его нятымъ другомъ и, говорятъ, способствовала плану освобожденія Людовика XVIII; Гюэ всегда отрицалъ, что дофинъ живъ. Такою же тайною покрыты отношенія Людовика XVIII къ графинѣ Кейля. Сынъ барона Гюэ, Андрэ, занявшій послѣ смерти отца его мѣсто при королѣ, рассказываетъ слѣдующій анекдотъ. Когда король былъ свободенъ, то часто говорилъ придворнымъ: «Я пойду сыграть партію съ г-жею Кейля». Тогда въ маленькомъ залѣ приготавливали карты. Гюэ долженъ былъ слѣдить за этими приготвленіями, и, заинтересованный намѣреніями короля, онъ такъ раскладывалъ ихъ, что тотчасъ же можно было замѣтить, брали карты въ руки, или нѣтъ. Наконецъ, Людовикъ съ своей партнершей входили въ залъ и очень долго тамъ оставались. Когда дверь растворялась, и они выходили, то Гюэ отпирался приводить въ порядокъ карты и убѣждался, что къ нимъ даже не прикасались. Жена барона Андрэ Гюэ разсказывала, что Людовикъ XVIII при малѣйшемъ противорѣчій возвышалъ голосъ, и тембръ его становился высокимъ и суровымъ, что онъ называлъ въ шутку, когда возбужденіе проходило, «*sa grosse cloche*». Но если ему приходилось сталкиваться съ человѣкомъ, откровенно съ нимъ говорящимъ, то онъ сразу понижалъ тонъ. «Завѣдую секретной милостыней короля, Андрэ Гюэ однажды давалъ ему отчетъ, — разсказывала г-жа Гюэ: — оба не были согласны относительно цифры расходовъ. Людовикъ мало-по-малу переходилъ къ своему «*grosse cloche*» и былъ очень возбужденъ. Потерявъ терпѣніе, Гюэ подалъ ему отчетъ и воскликнулъ: «Пусть король самъ считаетъ, или я не буду болѣе вмѣшиваться въ это». Людовикъ XVIII началъ считать и съ откровеннымъ

смѣхомъ воскликнуть: «Андрэ, вы правы, а это я глупъ!» Вообще онъ цѣнилъ откровенность и независимость характера. Когда въ Тюильри пришло извѣстіе о смерти Наполеона, Гюэ былъ тамъ и присутствовалъ при слѣдующей сценѣ. Въ залѣ, гдѣ ожидали короля, находились придворные, и у всѣхъ были вытянутыя лица. Многие изъ вельможъ, которые перешли съ удовольствіемъ изъ службы имперіи въ королевскую, были разстроены. Одинъ только Рапигъ, не заботясь о приличіи, откровенно плакалъ, стоя въ амбразурѣ окна. Въ это время вошелъ Людовикъ XVIII, замаскированный своимъ обычнымъ безстрастнымъ видомъ волновавшія его чувства, и, прямо подойдя къ Рапигу, пожалъ ему съ чувствомъ руку. Статья оканчивается другимъ рассказомъ, характеризующимъ отношенія Людовика XVIII и его двора къ будущему Луи-Филиппу. Во время одной прогулки въ паркѣ Сентъ-Клу поднялась буря, и герцогъ Орлеанскій, слѣдовавшій издали за королемъ, былъ безъ зонтика и спрятался подъ деревомъ. Людовикъ XVIII смотрѣлъ на него насмѣшливо, и никто изъ придворныхъ не рѣшался помочь несчастному принцу. Тогда Андрэ Гюэ храбро подошелъ къ нему и предложилъ свой плащъ; а король, увидя это, поздравилъ его съ такимъ поступкомъ. Людовикъ умеръ отъ ужасной гангрены. За нѣсколько дней до смерти его тѣло отставало лоскутками отъ костей, и большой палецъ ноги остался въ чулкѣ, который снялъ камердинеръ. Запахъ отъ разлагавшагося тѣла былъ такъ невыносимъ, что никто изъ придворныхъ не въ состояніи былъ присутствовать при положеніи тѣла въ гробъ. Одинъ только Андрэ Гюэ, поборовъ отвращеніе, остался вѣрнымъ долгу службы. Много времени спустя послѣ этого событія, была въ ходу шуточная поговорка: «Это заражаетъ, какъ въ день смерти Людовика XVIII».

— Венеціанскіе и майоркскіе влюбленные. Въ послѣдніе годы вошла въ моду исторія любовныхъ отношеній Жоржъ-Зандъ и Альфреда Мюссэ. Хотя при жизни они сами и окружающія ихъ лица всячески исчерпали эту тему въ стихахъ, романѣ, критикѣ и т. д., но все же нашлись авторы, какъ Поль Марьетонъ и Шарль Мора, которые отыскали новый матеріалъ для изслѣдованія этого романическаго эпизода. Первый, еще въ прошедшемъ году, напечаталъ второе изданіе своей извѣстной книги: «Исторія любви; венеціанскіе влюбленные: Жоржъ-Зандъ и Альфредъ де-Мюссэ»<sup>1)</sup>, а второй только что выпустилъ книгу подъ тѣмъ же заглавіемъ: «Венеціанскіе влюбленные»<sup>2)</sup>. Марьетонъ собралъ новые документы объ извѣстной литературной драмѣ и составилъ подробный рассказъ о ней, съ глубокимъ сочувствіемъ относясь къ историческимъ влюбленнымъ. Напротивъ, Мора въ своей книгѣ играетъ роль суроваго судьи, произноситъ надъ Жоржъ-Зандомъ неумолимый приговоръ, считаетъ Альфреда де-Мюссэ заслуживающимъ заточенія въ домъ умалишенныхъ и оправдываетъ одного Паджелло, какъ дѣйствовавшаго безсознательно. По мнѣнію Мора, она, т. е. Жоржъ-Зандъ, слишкомъ предавалась физической любви, была пылкого, неудержимаго темперамента, прикрытого, однако,

<sup>1)</sup> Une histoire d'amour. Les amants de Venise: George Sand et Alfred de Musset, par Paul Marieton. 2 ed. Paris. 1902.

<sup>2)</sup> Les amants de Venise, George Sand et Musset, par Charles Maurras. Paris 1903.

буржуазной, какъ будто спокойной внѣшностью. Эта лицемѣрная личина придавала ей настоящій характеръ прекраснаго чудовища, какъ выражается Мора. Напротивъ онъ, т.-е. Мюссэ, отличался болѣзненно разстроенными нервами, экзальтированнымъ воображеніемъ и необходимостью страдать отъ любви, вмѣсто того, чтобы награждать любимую женщину здоровой, спокойной любовью. Онъ и она встрѣтились и полюбили другъ друга. Естественно между ними должно было произойти столкновение. Во время ихъ знаменитой поѣздки въ Венецію Мюссэ опасно занемогъ, и тогда на сцену явилось третье лицо: докторъ Пьетро Паджелло. Онъ былъ вполнѣ здоровой и уравновѣшенной натурой и отличался мужской красотой. Жоржъ-Зандъ, игравшая въ то время роль сестры милосердія, полюбила его. Рядомъ съ комнатою больного она написала «этому прекрасному животному» самое лирическое и чувственное признаніе. До сихъ поръ остается спорнымъ вопросомъ между заидистами и мюссэтистами, дѣйствительно ли она предавалась этой новой любви предъ глазами умирающаго. По мнѣнію Мора, нельзя сомнѣваться въ томъ, что Зандъ и Паджелло цѣловались и пили изъ одной чашки въ присутствіи больного. Жоржъ-Зандъ, пользуясь его тифозной горячкой, припадками забытья и неумѣреннымъ употребленіемъ кипрскаго вина, легко увѣрила его, что все это былъ бредъ. При этомъ она убѣждала его въ своей безпредѣльной любви и, наконецъ, онъ совершенно ей повѣрилъ и оправившись уѣхалъ изъ Венеціи одинъ, оставивъ ее на попеченіи честнаго молодого человѣка. Послѣ отъѣзда Мюссэ, она неудержимо предалась своей новой любви, но вскорѣ Паджелло потерялъ для нея всякую прелесть и поэзію. Тогда Жоржъ-Зандъ вернулась въ Парижъ и съ такимъ жаромъ увѣрила Мюссэ въ искренности своей любви, что наконецъ и сама повѣрила. Венеціанскіе влюбленные продолжали канитель своей бурной любви, но теперь уже Жоржъ-Зандъ подвергалась мученичеству ихъ любовныхъ отношеній. Наконецъ, въ 1835 г. Мюссэ окончательно порвалъ ихъ страстную связь.

Ровно чрезъ два года Жоржъ-Зандъ начала новый романъ съ Шопеномъ. До сихъ поръ эпизодъ съ Шопеномъ не былъ подробно извѣстенъ, и только во второй январской книжкѣ «La Revue» профессоръ Сорбонны, Альбертъ Леруа, помѣстивъ отрывокъ изъ своей книги: «Жоржъ-Зандъ и ея друзья»<sup>1)</sup>, которая выйдетъ въ скоромъ времени. Въ этомъ отрывкѣ подробно и на основаніи новыхъ документовъ выяснены отношенія Жоржъ-Зандъ къ Листу и Шопену. Съ первымъ она находилась только въ тѣсной дружбѣ и никогда не обогатила имъ галерею своихъ любовниковъ. «Любить Листа,—говорила она,—мнѣ также было бы невозможно, какъ любить шпинать». Очень мало кушаній было ей не по вкусу,—прибавляетъ Ле-Руа:—въ сущности у нея апетитъ былъ такъ хорошъ, что она почти ничѣмъ не брезгала. Что касается до Шопена, то онъ входилъ въ число ея избранныхъ любовниковъ. Она встрѣтила гениальнаго художника—въ то время двадцати восьми лѣтъ, т.-е. на шесть лѣтъ моложе ея—у графини Марліани. Графъ Водзинскій въ своей книгѣ: «Три романа Шопена», необыкновенно драматически описалъ это событіе: «Весь день Шопену казалось,

<sup>1)</sup> George Sand, Liszt et Chopin, par Albert Le Roy. «La Revue», 15 janvier 1903.

что онъ слышитъ таинственные голоса, которые когда-то, во время его юности, часто заставляли его возвращаться среди прогулки или его мечтаній, и которые онъ называлъ «ангелами предупредителями». Вечеромъ, подойдя къ дверямъ дома Марліани, Шопенъ почувствовалъ нервную дрожь; одну минуту онъ думалъ возвратиться, затѣмъ переступилъ порогъ гостиной. Такимъ образомъ судьба была рѣшена». Вскорѣ онъ сѣлъ за фортепиано, сталъ импровизировать, а когда онъ окончилъ, то очутился лицомъ къ лицу съ поздравлявшей его Жоржъ-Зандъ. Шопенъ былъ не такой блестящій красавецъ, какъ Листъ, но обладалъ гениемъ, и Жоржъ-Зандъ сейчасъ же въ него влюбилась; что же касается до него, то онъ терпѣть не могъ ученыхъ женщинъ. Листъ и ея приятельница графиня д'Агу, писавшая подъ псевдонимомъ Штернъ и находившаяся въ любовной связи съ Листомъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ сблизили ихъ, о чемъ скорѣ пожалѣли. 28-го марта 1837 г. Жоржъ-Зандъ писала Листу: «Скажите Шопену, что я прошу его сопровождать васъ, и что Мари не можетъ жить безъ него, а я его обожаю». 5-го апрѣля она повторила то же графинѣ Агу: «Скажите Шопену, что я его страстно обожаю». Красавица графиня сдѣлалась вдругъ ревнивой, ѣдкой, рѣзкой и отвѣтила: «Шопенъ кашляетъ съ безконечной прелестью. Это не рѣшительный человекъ; у него продолжительный кашель». На это Жоржъ-Зандъ отвѣтила 10-го апрѣля 1837 г., вѣроятно, чтобы отвлечь подозрѣнія: «Я хочу васъ, хочу какъ можно скорѣе и на долгій срокъ. Я хочу васъ до смерти. Я также хочу Шопена, и всѣхъ Мицкевичей и Гжимайло на свѣтѣ. Я даже хочу Сю, если вы этого пожелаете... всѣхъ, исключая любовника»... Но именно послѣднее-то, конечно, она и желала, и достигла своей цѣли. Искренно или нѣтъ, но она увѣряла, что избрала Шопена своимъ любовникомъ съ цѣлью предохранить себя отъ случайностей другой любви, которая могла бы отвлечь ее отъ дѣтей. Она видѣла въ Шопенѣ «предохранительное средство» противъ волненій, которыхъ она не хотѣла болѣе знать. Въ продолженіе восьми лѣтъ Шопенъ былъ ея спутникомъ тираническимъ и всепоглощающимъ. Каждый годъ онъ желалъ возвращенія въ Ноанъ, и каждый разъ онъ тамъ томился. Какъ свѣтскій человекъ, Шопенъ скучалъ въ деревнѣ, а будучи утонченнымъ аристократомъ, онъ возмущался непринужденностью Ипполита Шатирона, незаконнаго брата Жоржъ-Зандъ, подъ хмелькомъ изливавшего предъ нимъ свое сердце. Экзальтированный католикъ, Шопенъ не могъ слѣдовать гуманитарной религіи Ламеннэ и Леру, которую раздѣляла она. Но очарованный, околдованный восторгомъ, лестью и ласками Жоржъ-Зандъ, онъ все-таки оставался тамъ. Отдаваясь ей только виоловину, онъ требовалъ, чтобы она принадлежала ему безраздѣльно. Въ «Исторіи моей жизни» она говоритъ: «Онъ не былъ рожденъ исключительно для чувствъ, онъ былъ такимъ лишь относительно тѣхъ, кого онъ добивался. Въ одинъ вечеръ онъ страстно любилъ трехъ женщинъ, но уходилъ одинъ, не думая болѣе о нихъ, оставивъ каждую въ убѣжденіи, что онъ очарованъ исключительно ею. Его болѣзненное тщеславіе и эгоизмъ доходили до того, что онъ порвалъ отношенія къ одной молодой дѣвушкѣ, которой уже сдѣлалъ предложеніе, за то, что, принимая его въ одно время съ другимъ музыкантомъ, она просила садиться сначала того, а затѣмъ его». Въ Парижѣ Жоржъ-Зандъ и Шопенъ жили

тоже вмѣстѣ, и она продолжала быть неутомимой сидѣлкой чахоточнаго артиста. Охлажденіе послѣдовало, когда онъ заподозрѣлъ, что она вывела его подъ личиною принца-Короля, неуравновѣшеннаго мечтателя, слѣдовательно, она сама была Лукреціей-Флоріані, страсть которой была одинаково искренна, будь то на часъ или на недѣлю. Она была мать четырехъ дѣтей отъ различныхъ отцевъ. Взявъ со стола Жоржъ-Зандъ этотъ романъ, Шопенъ прочиталъ его, но не тревожился, пока онъ не появился въ началѣ 1847 года, въ фельетонахъ «*Presse*». Онъ оканчивался побѣдой любви къ дѣтямъ надъ страстью къ любовнику. Шопенъ покинулъ ее въ іюль 1847 года, и Жоржъ-Зандъ меланхолично прошептала: «Онъ не перенесъ законнаго и необходимаго вмѣшательства любви къ дѣтямъ. Онъ поникъ головою и произнесъ, что я его болѣе не люблю. Какое богохульство послѣ восьмилѣтней материнской преданности! Но бѣдное оскорбленное сердце не сознавало своего бреда». Она написала поэту Шарлю Понсэ: «Мнѣ отплатили веблагодарностью, и къ несчастію, она овладѣла душою, которую я хотѣла сдѣлать святилищемъ и очагомъ прекраснаго и добраго... Да поможетъ мнѣ Богъ, я вѣрю въ него и надѣюсь»... За нѣсколько времени до смерти Шопена, 17-го октября 1849 года, они встрѣтились въ салонѣ у общихъ друзей. Жоржъ-Зандъ, нравственно страдая, подошла къ нему и прошептала: «Фредерикъ». Онъ поймалъ ея молящій взглядъ, поблѣднѣлъ, ничего не отвѣтилъ и удалился. Что между ними произошло, осталось тайной. Въ концѣ «*Исторіи моей жизни*» Жоржъ-Зандъ восклицаетъ: «Священныя обѣщанія небесъ, гдѣ встрѣчаются и узнаютъ другъ друга, вы—не тщетная мечта... О часъ высшей радости неизреченнаго волненія, когда мать снова находитъ свое дитя, а друзья достойный предметъ ихъ любви!» Относительно себя она говоритъ: «Мое сердце кладбище!» Дѣйствительно, она видѣла въ своемъ сердцѣ цѣлый рядъ тѣней прошедшей любви. «Я обладала нѣжностью,—говорила она,—и чувствовала повелительную необходимость примѣнять ее. Мнѣ необходимо любить или умереть!» Жоржъ-Зандъ могла прекрасно развить эту способность, такъ какъ имѣла на это достаточный срокъ—она жила до семидесяти лѣтъ.

— Процессъ Велепольскаго. Фельетонистъ львовскаго «*Слова Польскаго*», Казимиръ Бартошевичъ, сынъ покойнаго историка Юлія Бартошевича, рассказываетъ любопытную исторію, послужившую будто главнымъ поводомъ неопулярности маркиза Александра Велепольскаго въ польскомъ обществѣ. Исторія эта русской публикѣ неизвѣстна, и поэтому передаемъ здѣсь вкратцѣ суть дѣла. Константинъ Свидзинскій, бывшій посолъ на сеймѣ царства Польскаго, владѣлецъ обширныхъ помѣстій, въ продолженіе своей долгой и трудолюбивой жизни собралъ богатѣйшія коллекціи рѣдкихъ книгъ, рукописей, предметовъ археологій и т. п. Желая оставить свой музей и бібліотеку въ даръ польскому народу и опасаясь, какъ бы во время политическихъ переворотовъ все это не было забрано и увезено въ Петербургъ, онъ остановился на мысли подарить свои собранія одной изъ существующихъ въ краѣ ординацій. Включая въ составъ имуществва ординаціи свою бібліотеку и коллекціи, онъ этимъ думалъ обезпечить ихъ отъ расхищенія или разъединенія въ будущемъ. Сперва Свидзинскій имѣлъ въ виду ординацію Замойскихъ. Но во время болѣзни его



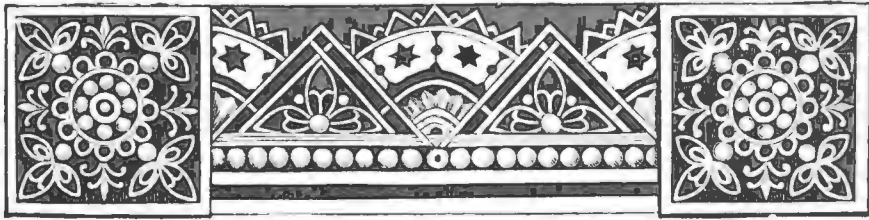
посѣтилъ Сигизмундъ Велепольскій, сынъ его близкаго знакомаго, маркиза Александра, и убѣдилъ сдѣлать даръ именно ихъ ординаціи. Согласно письменнымъ указаніямъ маркиза, была совершена формальная дарственная запись. Свидзинскій при этомъ изъявилъ письменно пожеланіе, чтобы «въ устройствѣ и наблюденіи за бібліотекой принимали дѣятельное участіе Александръ, графъ Пржездзецкій и Юлій Бартошевичъ, чтобы бібліотекаремъ оставался Эдуардъ Новиковскій (впослѣдствіи монахъ-аскетъ, надняхъ скончавшійся въ Краковѣ, личность крайне любопытная и далеко не заурядная), и, наконецъ, чтобы изданіемъ историческихъ матеріаловъ руководилъ Эдуардъ Роликовскій». Они же имѣли право избирать себѣ преемниковъ. «Все, что для меня наиболѣе дорого, — писалъ Свидзинскій маркизу, — въ чемъ я искалъ для себя заслуги передъ Богомъ и людьми, въ жертву чему принесъ все свое достояніе, способности и жизнь, все это въ твои руки и на твое попеченіе оставляю. Вѣрю, что съ уваженіемъ отнесешься къ трудамъ моимъ». Для помѣщенія бібліотеки и музея просилъ пріобрѣсти домъ въ Варшавѣ. На содержаніе всего этого оставлялъ капиталъ и имѣніе въ 8.000 слишкомъ десятинъ. Вскорѣ, 11 декабря 1855 г., Свидзинскій скончался. Маркизъ въ письмѣ къ Бартошевичу заявилъ, что «послѣдняя воля моего достойнаго друга будетъ для меня священной». Вскорѣ обнаружилось, какъ онъ это понималъ. Считая даръ Свидзинскаго «полной своей собственностью», онъ не только не устроилъ музея въ Варшавѣ, но всѣ книги и коллекціи перевезъ въ частное свое имѣніе Хробижъ, гдѣ естественно они становились даже для ученыхъ изслѣдователей недоступными. Общественное мнѣніе заволновалось, такъ какъ стало очевидно, что то, что Свидзинскій желалъ сдѣлать доступнымъ для публики учрежденіемъ, становилось частной собственностью маркиза. Въ прессѣ появились протесты, въ томъ числѣ наиболѣе громкій протестъ Крашевскаго. Маркизъ не обращалъ на все это вниманія. Въ числѣ протестующихъ были попечители и бібліотекаръ, назначенные Свидзинскимъ, и Велепольскій не задумался удалить и ихъ. Тогда сводные братья Свидзинскаго обратились въ судъ, требуя уничтоженія дарственной записи и объщая отъ себя распорядиться достояніемъ Свидзинскаго, согласно его послѣдней, нарушенной маркизомъ, волѣ. Это былъ процессъ, громкій на всю Польшу. Велепольскій явился лично и произнесъ блестящую, въ юридическомъ смыслѣ, рѣчь. Онъ выигралъ дѣло, такъ какъ проиграть не могъ. Онъ самъ вѣдъ руководилъ текстомъ завѣщанія, и въ юридическомъ смыслѣ выполнѣ себя обезпечилъ. Письменныхъ пожеланій завѣщателя судъ понятнo принимать во вниманіе не могъ. Съ момента этого процесса Велепольскій сдѣлался въ польскомъ обществѣ личностью крайне непопулярною. Противъ него были не только шляхта и буржуазія, но и аристократія. Рѣзкое доказательство этого онъ получилъ, когда не прошелъ, по баллотировкѣ, въ число членовъ сельско-хозяйственнаго общества, наиболѣе авторитетнаго въ краѣ учрежденія, которымъ руководилъ графъ Андрей Замойскій. Въ концѣ концовъ общественное мнѣніе все-таки побѣдило. Маркизъ отказался отъ дарственной записи и передалъ бібліотеку и музей Свидзинскаго ординаціи графовъ Красинскихъ. Здѣсь собранія Свидзинскаго находятся и понынѣ, составляя существенную часть бібліотеки Красинскихъ, помѣщающейся въ Варшавѣ, и доступной каждому. Библио-

текаремъ нынѣ состоитъ Іосифъ Калленбахъ, питомецъ краковскаго и бывшій профессоръ фрибургскаго университета. Въ заключеніе Бартошевичъ заявляетъ, что процессъ Велепольскаго непосредственно повліялъ на событія 1863 года. (становясь во главѣ гражданскаго управленія царствомъ Польскимъ, въ три года послѣ процесса, маркизь, способный, умный, исполненный лучшихъ намѣреній, тѣмъ не менѣе «былъ всегда одинокъ». Общество, отказавъ ему въ своемъ довѣрїи, всякій разъ, со стихійной силой, отшатывалось отъ него. Благодаря этому, всѣ его начинанія рушились.

— Смерть кардинала Парокки и Петко Каравелова. Лючидо Парокки, сынъ мельника, родился въ Мантуѣ 1833 г. и началъ учиться въ семинаріи своего родного города, богословскія же степени получилъ въ римской коллегіи. Вернувшись изъ Рима на родину патеромъ, онъ занялъ кафедру нравственнаго богословія и духовной исторіи. Вскорѣ онъ приобрѣлъ извѣстность краснорѣчиваго проповѣдника и прославился проповѣдями о рационализмѣ. Въ это время онъ былъ яркимъ либераломъ и нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Ментонскаго сраженія произнесъ хвалебную рѣчь въ честь Виктора-Эмануила, взывая къ Богу о благословеніи челоуѣка, стремившагося къ благу своей родины и счастью своего народа. Естественно Ватиканъ счелъ его за противника свѣтской власти папы, и Парокки, отличавшійся болѣе всего самолюбіемъ, повялъ, что онъ пошелъ по ложному пути. Поэтому онъ публично отрекся отъ либерализма и сталъ пламеннымъ сторонникомъ Пія IX, основавъ журналъ «Schola Cattolica». Въ вознагражденіе за его ревность, папа назначилъ его епископомъ Павин, но въ виду его враждебности къ итальянскому правительству министръ духовныхъ дѣлъ отказалъ ему въ утвержденіи епископомъ, что лишало его не только великолѣпнаго дворца, но и содержанія. Ему пришлось довольствоваться вспоможеніемъ изъ Ватикана и доходомъ съ своего журнала. Въ 1877 г. онъ былъ переведенъ въ Болонію архіепископомъ и пожалованъ въ кардиналы, но также не могъ добиться утвержденія правительства. Послѣ смерти Пія IX онъ участвовалъ въ конклавѣ, избравшемъ его преемникомъ и подалъ голосъ противъ кардинала Пекки, сдѣлавшагося Львомъ XIII. Призванный въ Римъ новымъ папой, въ качествѣ кардинала куріи, Парокки окружилъ себя высшими прелатами, враждебными Льву XIII, и не жалѣлъ противъ него острыхъ эпиграммъ. Для того, чтобы его обезоружить, папа назначилъ Парокки викарнымъ кардиналомъ, т. е. епископомъ римскимъ. Исполняя свои новыя сложныя обязанности, Парокки сдѣлался очень популяренъ особенно среди иностранцевъ, и всѣ считали его вѣроятнымъ преемникомъ Льва XIII. «Онъ, по словамъ одного писателя, старался угодить всякому. Его прїемныя были полны съ утра до вечера; онъ легко соглашался съ каждымъ собесѣдникомъ, перемѣняя свое мнѣніе согласно съ характеромъ личности, говорившей съ нимъ. Съ теченіемъ времени всѣ замѣтили его игру, и каждый ссылался на викарнаго кардинала въ самыхъ противоположныхъ вопросахъ. Онъ любилъ блестять вездѣ; его встрѣчали одинаково въ церквахъ, въ концертахъ и въ академіи. Онъ говорилъ краснорѣчиво о всякихъ предметахъ, о послѣдней оперѣ, также какъ о вопросахъ богословія; объ исторіи одинаково, какъ о политикѣ. Онъ приводилъ всѣхъ въ восторгъ легкостью и блескомъ своего крас-

норѣчія». Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, во время которыхъ онъ занималъ постъ викарнаго, кардиналь Парокки подвергался многимъ критикамъ съ финансовой точки зрѣнія. «Онъ,—какъ глава разбойничьей шайки,— говоритъ Боннефонъ; продавалъ фантастическіе ордена и былъ вмѣшанъ въ различныя мошенническія сдѣлки. Онъ учинялъ столько зла, что Левъ XIII принужденъ былъ удалить его съ поста викарнаго кардинала въ 1899 г.». Съ тѣхъ поръ онъ занималъ далеко не вліятельное мѣсто въ куріи; здоровье его разстроилось, и уже никто не считалъ его будущимъ преемникомъ папы.

— Болгарія потеряла на-дняхъ тяжелую утрату въ лицѣ одного изъ выдающихся своихъ дѣятелей—Петко Каравелова. Онъ родился въ 1840 году и былъ сыномъ зажиточнаго крестьянина южной Болгаріи. Первоначальнымъ образованіемъ мальчика занимался его старшій братъ, Любенъ Каравеловъ, извѣстный болгарскій писатель и поэтъ. Онъ посоветовалъ Петко отправиться въ Москву въ университетъ, гдѣ по окончаніи курса послѣдній поступилъ преподавателемъ въ различныя учебныя заведенія. Тѣсно сблизившись съ Иваномъ Аксаковымъ и другими московскими литературными дѣятелями, онъ женился на русской и, вѣроятно, навсегда остался бы въ Россіи, если бы не случилась восточная война. Съ русскими войсками онъ явился въ Болгарію и въ Тырновскомъ собраніи сдѣлался вождемъ либеральной партіи. Когда наше правительство выработало болгарскую конституцію, то Каравеловъ ей противо-дѣйствовалъ, какъ защитникъ всеобщей подачи голосовъ и системы одной палаты. Въ 1879 г., при образованіи княземъ Александромъ Батенбергскимъ перваго консервативнаго министерства, Каравеловъ составилъ сильную оппозицію съ Цанковымъ и Стамбуловымъ, но ровно черезъ годъ онъ занялъ постъ министра финансовъ въ либеральномъ комитетѣ Цанкова. Въ томъ же году онъ сдѣлавъ былъ министромъ президентомъ. Въ 1881 г. онъ, однако, былъ лишенъ власти, благодаря государственному перевороту Батенберга и удалился въ Восточную Румелію, гдѣ былъ сначала учителемъ, а потомъ городскимъ судьей. Послѣ возстановленія конституціи Каравеловъ сдѣлался министромъ финансовъ и много содѣйствовалъ присоединенію Восточной Румеліи къ Болгаріи, а также низверженію князя Александра Батенбергскаго. Въ первое время правленія князя Фердинанда онъ боролся съ управлявшимъ стра-ною Стамбуловымъ. Однако его газета «Тырновская конституція» была вос-прещена, и въ 1892 году онъ былъ преданъ военному суду за участіе въ убійствѣ министра финансовъ Бельчева, и хотя это обвиненіе ничѣмъ не доказано, но Каравеловъ былъ приговоренъ къ пятилѣтнему тюремному заключенію. Въ 1894 г. Стамбуловъ лишился власти, и Каравеловъ былъ выпущенъ на свободу. Съ тѣхъ поръ онъ издавалъ газету «Знамя», поддерживавшую единеніе съ Россіей. Назначенный министромъ президентомъ, онъ сохранилъ власть недолго и передалъ ее Даневу, который продолжалъ его русскую политику. Въ послѣднее время Каравеловъ сильно занимался македонскими дѣлами, и болгары прочили его въ македонскіе генераль-губернаторы. Но, не доживъ до такого торжества, онъ неожиданно скончался, оплакиваемый всѣмъ народомъ.



## С М Ъ С Ъ.



**ЮБИЛЕЙНАЯ ВЫСТАВКА.** 2-го января въ древнихъ палатахъ Государева Печатнаго двора съ большою торжественностью состоялось открытіе выставки въ память 200-лѣтія первыхъ «Вѣдомостей», которыя были отпечатаны на Государевомъ Печатномъ дворѣ, что нынѣ Московская синодальная типографія. Сознавая всю важность празднуемаго юбилея, московская синодальная типографія, съ разрѣшенія святѣйшаго синода, постановила ознаменовать это событіе юбилейными изданіями и устройствомъ выставки, посвященной обзорнѣю памятниконъ, важныхъ въ исторіи «Вѣдомостей» и вообще печатнаго дѣла. По поводу юбилея древнія палаты Печатнаго двора, помѣщающіяся во дворѣ синодальной типографіи, были съ утра украшены національными флагами. Въ главной палатѣ, напоминающей древніе терема, портреты государя императора Николая Александровича и императора Петра Великаго, создателя и перваго редактора русской газеты, были украшены живыми цвѣтами; оба портрета представляютъ собой превосходныя гравюры въ изящныхъ рамахъ. Палата была устлана великолѣпнымъ ковромъ, сдѣланнымъ по рисункамъ въ древнемъ стилѣ къ настоящему торжеству. Въ одиннадцатомъ часу утра въ палатахъ собрались: высокопреосвященный Владимиръ, митрополитъ московскій и коломенскій, преосвященный Трифонъ, епископъ дмитровскій, ректоръ Московской духовной семинаріи архимандритъ Анастасій, казначей Троице-Сергіевой лавры архимандритъ Никонъ, товарищъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода, сенаторъ В. К. Саблеръ, помощникъ августѣйшаго московскаго генераль-губернатора А. Г. Булыгинъ, московскій губернаторъ Г. И. Кристи, ректоръ Московскаго университета профессоръ А. А. Тихомировъ, деканъ историко-филологическаго факультета профессоръ М. И.

Соколовъ, московскій губернский предводитель дворянства князь П. Н. Трубецкой, прокуроръ московской синодальной конторы князь А. А. Ширинскій-Шихматовъ, председательствующій въ московскомъ цензурномъ комитетѣ В. В. Назаревскій, московскій оберъ-полицеймейстеръ генераль-майоръ Д. Θ. Треповъ, секретарь императорскаго общества исторіи и древностей російскихъ Е. В. Барсовъ и немногія другія приглашенныя лица. Въ одиннадцать часовъ прибыли ихъ императорскія высочества московскій генераль-губернаторъ и командующій войсками округа великій князь Сергій Александровичъ и великая княгиня Елисавета Теодоровна, великій князь Димитрій Павловичъ и великая княжна Марія Павловна, въ сопровожденіи лицъ свиты, среди которыхъ находились: гофмейстерина великой княгини графиня А. А. Олсуфьева, фрейлины Е. Θ. Джунковская и княжна С. Л. Шаховская, завѣдующій дворомъ его высочества флигель-адъютантъ графъ Г. Г. Менгденъ и графъ Л. Н. Игнатьевъ. Августѣйшія особы были встрѣчены управляющимъ синодальною типографіей С. Д. Войтомъ, который имѣлъ счастье поднести роскошные букеты изъ живыхъ цвѣтовъ великой княгини Елисаветы Теодоровны и великой княжны Маріи Павловны. Ихъ высочества вступили въ главную Палату, гдѣ устроена выставка, послѣ чего началось благодарственное молебствіе, которое совершали высокопреосвященный Владимиръ, въ сослуженіи архимандритовъ Анастасія и Никона, при стройномъ пѣніи типографскаго хора. Послѣ молебствія, закончившагося провозглашеніемъ многолѣтя, состоялось торжественное засѣданіе въ присутствіи ихъ высочествъ. Товарищъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода В. К. Саблеръ объявилъ, что по представленію святѣйшаго синода Государю Императрру благоугодно было къ настоящему дню высочайше пожаловать подарки: управляющему Московскою синодальною типографіей С. Д. Войту, его помощнику А. С. Орлову, справщику А. Н. Соловьеву, завѣдующему типографскими работами А. Н. Михайлову, бывшему завѣдующему типографскою бібліотекою В. А. Ногорѣлову и нынѣ завѣдующему ею А. А. Покровскому. Подарки состояли изъ золотыхъ часовъ съ такими же цѣпочками (для гг. Войта и Орлова, украшенные драгоценными камнями) и были вручены каждому великимъ княземъ Сергіемъ Александровичемъ. Затѣмъ справщикъ А. Н. Соловьевъ прочиталъ краткое извлеченіе изъ составленной имъ къ нынѣшнему событію книги, подъ заглавіемъ: «Государевъ Печатный дворъ и синодальная типографія въ Москвѣ». Московская синодальная типографія есть прямая наследница Государева Печатнаго двора. Являясь, такимъ образомъ, старѣйшею русскою типографіею, она ведетъ свою исторію съ основанія московскаго книгопечатанія; отсюда начинается составленный г. Соловьевымъ очеркъ прошлаго и настоящаго московской типографіи, въ основаніе котораго, кромѣ печатныхъ изслѣдованій, легли также документы типографскаго архива XVII и XVIII столѣтій. Первая русская типографія была основана въ 1563 году. Для помѣщенія типографіи царь Іоаннъ Васильевичъ повелѣлъ выстроить особый домъ, принявшій вслѣдъ затѣмъ наименованіе Печатнаго двора. 19-го апрѣля 1563 года Иванъ Теодоровъ и Петръ Мстиславцевъ начали типографскія работы, а 1-го марта 1564 года изъ-подъ печатнаго станка вышла первая книга «Апостоль», напечатанная на плотной клееной бумагѣ красивымъ шрифтомъ, взя-

тымъ съ крупнаго полууставнаго письма XVI вѣка. Наборъ въ книгѣ сверстанъ чрезвычайно тщательно; страницы и строки представляютъ вездѣ безукоризненно прямыя линіи. Изданія Федорова и Мстиславцева служили предметомъ подражанія для послѣдующихъ изданій. Такъ какъ Печатный дворъ былъ устроенъ и содержался на средства царской казны, то онъ во всемъ былъ подчиненъ сначала приказу Большаго дворца. Въ 1653 году Печатный дворъ царскимъ указомъ былъ переданъ въ завѣдываніе патріарха Никона. При императорѣ Петрѣ Великомъ, видѣвшемъ въ книгопечатаніи одно изъ главныхъ орудій въ своихъ преобразовательныхъ трудахъ, Печатный дворъ съ 1702 года былъ подчиненъ Монастырскому приказу. Выдающимися событіями въ исторіи Печатнаго двора при Петрѣ Великомъ было основаніе первой русской газеты и введеніе гражданскаго шрифта. Въ 1721 году вышелъ царскій указъ, которымъ Печатный дворъ былъ переданъ въ вѣдѣніе святѣйшаго синода. Московская типографія во времена императрицы Елисаветы Петровны сдѣлала новую эпоху своими изданіями, которыя и до сихъ поръ извѣстны подъ именемъ Елисаветинскихъ; среди нихъ особенно замѣчательны Миней-Четыи св. Димитрія Ростовскаго. До половины XIX столѣтія печатаніе книгъ въ Московской типографіи производилось на станкахъ. Съ этого же времени въ типографіи появляются скорочечатныя машины, которыхъ въ 1837 году было 4, а въ 1861 году число ихъ возрастаетъ до 12. Машины, однако, приводимы были въ движеніе особенными рабочими, которые назывались вертельщиками. Въ 1861 году типографія впервые завела у себя паровую машину. Въ настоящее время Московская синодальная типографія отличается необыкновенно широкою производительностью и энергичною дѣятельностью. Печатное отдѣленіе въ теченіе года изготовляетъ до 30.000.000 книжныхъ листовъ. Для того, чтобы составить себѣ ясное представленіе о производительности этого отдѣленія, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ Московской синодальной типографіи въ настоящее время печатаются всѣ богослужебныя книги. Въ литографіи ежегодно изготовляется теперь до 4.000.000 оттисковъ къ изданію цѣлой серіи картинъ изъ священной исторіи, житій святыхъ и проч. Въ переплетномъ отдѣленіи готовится до 1.500.000 брошюръ и переплетовъ. Въ теченіе года въ склады типографіи поступаетъ до 14.000.000 экземпляровъ книгъ, брошюръ и листовъ, а изъ двухъ книжныхъ лавокъ типографіи продается книгъ на сумму до 1.000.000 рублей. Всего въ типографіи 347 мастеровыхъ, въ томъ числѣ 70 учениковъ. Для обученія малолѣтнихъ рабочихъ учреждена при типографіи съ 1896 года двухклассная церковно-приходская школа. По выслушаніи очерка, ихъ императорскія высочества расписались въ книгѣ почетныхъ почитателей, въ которую потомъ внесли свои имена владыка-митрополитъ и почетныя лица. Затѣмъ началось обозрѣніе юбилейной выставки. Помощникъ управляющаго типографіей А. С. Орловъ имѣлъ счастье давать объясненія великой княгинѣ Елисаветѣ Федоровнѣ, а бібліотекарь А. А. Покровский—великому князю Сергѣю Александровичу. Прежде всего вниманіе ихъ высочествъ было обращено на именной указъ Петра Великаго о печатаніи газеты, помѣщенный въ изящной рамкѣ. Въ одной витринѣ размѣщены первые рукописные и печатные нумера первой русской газеты, извѣстной подъ назва-

ніемъ «Вѣдомости Московскаго государства». Еще до появленія перваго печатнаго нумера было нѣсколько нумеровъ рукописныхъ. Выставленный нумеръ принадлежитъ къ числу такихъ пробныхъ рукописныхъ газетъ. Въ немъ всего шесть тетрадокъ; на одной встрѣчаются собственноручныя поправки Петра Великаго. Тутъ же можно видѣть рукописные оригиналы «Вѣдомостей», печатанныхъ въ 1703 г., и первый печатный нумеръ газеты, отпечатанный на Печатномъ дворѣ въ 1703 г., 2-го января, на двухъ осьмушкахъ. Въ слѣдующихъ витринахъ собраны оригиналы для «Вѣдомостей», печатавшихся съ 1704—1727 г., а также образцы печатныхъ экземпляровъ газеты. Въ «Вѣдомостяхъ» рукописныхъ 1713, 1715 и 1717 годовъ, главнымъ образомъ, заключаются извѣстія о войнѣ со шведами, съ нѣкоторыми отличіями отъ печатныхъ нумеровъ. Въ оригиналъ для «Вѣдомостей» 1707 г. встрѣчается много извѣстій, не напечатанныхъ при Петрѣ Великомъ, и оригиналы такихъ нумеровъ, которые были напечатаны, но до насъ не сохранились. «Вѣдомости» печатныя 1711 г. интересны тѣмъ, что въ нихъ въ первый разъ при печатаніи газеты употребленъ рядомъ со славянскимъ шрифтомъ и русскій. Нѣкоторые нумера «Вѣдомостей», печатанные въ Петербургѣ въ 1713 году, озаглавлены: «Россійскія Вѣдомости»; нѣкоторые нумера сохранились съ многочисленными корректурными поправками, даже съ пропусками и вставками. На нѣкоторыхъ нумерахъ заглавныя виньетки сдѣланы съ изображеніемъ Петропавловской крѣпости, на другихъ—изображена Нева съ кораблями, а наверху летящій Меркурій. Рукописныя «Вѣдомости» сохранились очень хорошо. Въ типографской бібліотекѣ имѣются почти всѣ нумера за все время ихъ печатанія (1703—1727 г.), за исключеніемъ нѣкоторыхъ годовъ. На основаніи отѣтокъ въ рукописяхъ, на корректурныхъ экземплярахъ и въ дѣлахъ архива, можно видѣть, что «Вѣдомости» печатались въ количествѣ отъ одной до двухъ тысячъ экземпляровъ. Цѣна имъ была обыкновенно по 8 денегъ за листъ. Въ «Вѣдомостяхъ», напечатанныхъ въ 1725 году, появляется въ заголовкахъ гравюра—изображеніе Москвы. Высокій интересъ представляютъ рукописи съ собственноручными редакторскими поправками Петра Великаго. Таковы рукописи, содержащія въ себѣ реляцію о финляндскомъ дѣйствиіи и реляцію о сраженіи при Каллишѣ. Всѣ рукописи и печатные экземпляры «Вѣдомостей» разсматривались ихъ высочествами съ большимъ вниманіемъ и интересомъ. Въ этой же палатѣ затѣмъ обозрѣвалось августѣйшими посѣтителями собраніе старопечатныхъ книгъ, наглядно рисующее ходъ типографскаго дѣла. Здѣсь были выставлены Трїодъ постная и Часословъ, печатанные въ Краковѣ въ 1491 году, «Апостоль» — первая книга, печатанная въ Москвѣ Иваномъ Федоровымъ и П. Т. Мстиславцевымъ въ 1564 году, и многія другія рѣдкія изданія. Съ особымъ интересомъ ихъ высочества осмотрѣли модель первопечатнаго станка, на которой тутъ же были напечатаны оттиски со слѣдующею фразою: «Старый Государевъ Печатный дворъ радуется посѣщенію вашихъ императорскихъ высочествъ». Отъ этой модели августѣйшія особы перешли къ замѣчательному памятнику—печатному походному станку основателя первой русской газеты, императора Петра Великаго. На этомъ станкѣ въ присутствіи ихъ высочествъ была отпечатана копія съ перваго листа «Вѣдомостей». Ихъ высочест-  
23\*

ства съ интересомъ разсматривали печатный станокъ и изволили милостиво принять оттискп. Затѣмъ ихъ высочества перешли въ другую палату, гдѣ, кромѣ выставленныхъ изданій, особое вниманіе обратилъ на себя снимокъ съ надгробной плиты перваго русскаго печатника Ивана Ѳедорова, погребеннаго во Львовѣ, пожертвованный въ типографскую бібліотеку графомъ А. С. Уваровымъ. Управляющій синодальной типографіи С. Д. Войтъ удостоился поднести ихъ высочествамъ превосходныя юбилейныя изданія типографіи: 1) «Вѣдомости» времени Петра Великаго. Выпускъ первый 1703—1707 гг. Въ память двухсотлѣтія первой русской газеты, 406 стр.; 2) Матеріалы и оригиналы «Вѣдомостей» 1702—1727 гг. Описалъ Валерій Погорѣловъ. Съ приложеніемъ шести фототипическихкихъ таблицъ; 3) Государевъ Печатный дворъ и синодальная типографія. Историческая справка; 4) Каталогъ выставки въ память 200-лѣтія первыхъ русскихъ «Вѣдомостей», и 5) листъ, на одной сторонѣ котораго помѣщены вѣншіи и внутренній виды древнихъ палатъ Стараго Печатнаго двора и снимокъ съ печатнаго походнаго станка Петра Великаго, въ изящной художественной виньеткѣ, а на другой сторонѣ воспроизведены фототипически печатныя страницы изъ «Вѣдомостей» за разные годы. Ихъ императорскія высочества оставались въ палатахъ Печатнаго двора до половины перваго часа дня и при отъѣздѣ выразили свое полное удовольствіе сенатору В. К. Саблеру и управляющему типографіей С. Д. Войту по поводу устроенной юбилейной выставки. Для публики юбилейная выставка открыта съ 3-го января.

**Двадцатипятилѣтіе общества любителей древней письменности.** 31-го декабря 1902 года императорское общество любителей древней письменности праздновало въ торжественномъ засѣданіи двадцатипятилѣтіе своего существованія. Въ домѣ графа С. Д. Шереметева, собрались многочисленные члены общества. Прибыли также управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія Г. Э. Зенгеръ, его, товарищъ С. М. Лукьяновъ и другія почетныя лица, и дамы—гр. Шереметева, княгиня Святополкъ-Мирская и др., и депутаты отъ разныхъ учреждений. Было совершено благодарственное молебствіе. Предсѣдатель графъ С. Д. Шереметевъ, открывъ засѣданіе, прочиталъ извѣщенія управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія: 1) о томъ, что по его всеподданнѣйшему докладу Государь Императоръ 19-го августа, въ виду исполняющагося двадцатипятилѣтія, соизволилъ принять общество подъ высочайшее Его Величества покровительство, и 2) что по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ 27-го декабря высочайше пожаловано пособіе обществу 2.000 рублей на изданіе его трудовъ, съ тѣмъ, чтобы о дальнѣйшей субсидіи въ этомъ размѣрѣ министерство народнаго просвѣщенія внесло представленіе въ государственный совѣтъ въ установленномъ порядкѣ, и 3) о высочайше пожалованныхъ наградахъ нѣкоторымъ лицамъ изъ администраціи общества. Затѣмъ прочитана телеграмма почетнаго члена общества, его императорскаго высочества государя наследника: «Искренно сожалѣя о невозможности лично присутствовать на засѣданіи, душевно привѣтствую васъ, многоуважаемый графъ, и гг. члены съ первою четвертьвѣковой полезною дѣятельностью императорскаго общества любителей древней письменности



Михаилъ». Графъ С. Д. Шереметевъ произнесъ затѣмъ рѣчь, въ которой высказалъ, что когда война въ 1877 г. была въ полномъ разгарѣ, князь П. П. Вяземскій произнесъ слова: «Общество любителей древней письменности», и его «объяснительная записка» легла въ основу устава, задуманнаго широко и предусмотрительно. Многие откликнулись на призывъ князя Вяземскаго и въ общество вступили и сановники, и духовные (митрополиты Макарій, Платонъ), и старообрядцы (Т. С. Морозовъ, безоповецъ Егоровъ) Всего дороже было для общества сочувствіе императрицы Маріи Александровны, взявшей общество подъ свое покровительство. Императоръ Александръ III оказывалъ затѣмъ обществу свое благоволеніе; общество имѣло счастье видѣть въ своихъ стѣнахъ цесаревича Николая Александровича, нынѣ Государя Императора. По стопамъ великаго отца своего Державный вождь земли Русской неуклонно ограждаетъ всякій трудъ, направляемый къ вѣдшему познанію и къ определенному признанію вѣковыхъ заслугъ Россіи, какъ государства міроваго, стоящаго на знаменательной грани между Европою и Азіею. За рѣчью предсѣдателя секретарь г. Шефферъ прочиталъ краткій историческій очеркъ. Общество основалось по инициативѣ князя П. П. Вяземскаго для воспроизведенія наиболѣе замѣчательныхъ рукописей, такъ, чтобы изданіе замѣняло оригиналь, насколько допускаютъ техника и средства. За 25 лѣтъ общество издало много памятниконъ, изъ нихъ замѣчательны Святославова лѣтопись 1073 года, житіе св. Николая Чудотворца, Лицевая псалтырь XV вѣка; кругъ знаменнаго пѣнія и повременныя изданія общества, 148 выпусковъ. Общество имѣетъ свое богатое собраніе рукописей (1.700 нумеровъ), свой музей и обширную бібліотеку и неприкосновеннаго капитала 57,750 рублей; въ обществѣ состоитъ 10 почетныхъ членовъ, 35 дѣйствительныхъ, 120 корреспондентовъ. Ко дню юбилея общество выпустило изданіе «Развилловская или Кенигсбергская лѣтопись», фотомеханически воспроизведенное съ рукописи, миниатюры нѣкоторыхъ лѣтописей византійскихъ, болгарскихъ, русскихъ, джугатайскихъ и персидскихъ, описаніе рукописей князя П. П. Вяземскаго и сборникъ въ память князя Вяземскаго. Изданія были переданы графомъ С. Д. Шереметевымъ министру. Послѣдовало чтеніе адресовъ отъ императорской академіи наукъ (академикъ Н. Ф. Дубровинъ), С.-Петербургскаго университета, духовной академіи, археографической комиссіи, императорскихъ русскаго историческаго общества, археологическаго (графъ П. Н. Толстой) археологическаго института, общества ревнителей русскаго просвѣщенія въ память императора Александра III, русскаго бібліологическаго общества, русскаго собранія (предсѣдатель князь Голицынъ-Муравлинъ и гг. Комаровъ, Паиковъ, Величко). Членъ-корреспондентъ Величко прочиталъ свое стихотвореніе; прочитаны телеграммы и привѣтствія отъ университетовъ: Московскаго, Харьковскаго, Юрьевскаго, Московскаго музея церковныхъ древностей и др., въ томъ числѣ и при вѣтствія изъ-за границы.

**Диспутъ Е. Н. Щенкина.** 20-го января въ большой словесной аудиторіи новаго зданія Московскаго университета псравляющій должность экстраординарнаго профессора Новороссійскаго университета Е. Н. Щенкинъ защищалъ написанную имъ для полученія степени магистра всеобщей исторіи дис-

сертацию на тему: русско-австрийскій союз во время Семилѣтней войны. Диссертантъ внукъ извѣстнаго артиста императорскихъ театровъ, М. С. Щепкина, родился 13-го мая 1860 года въ Москвѣ, среднее образованіе получилъ въ лютеранской школѣ при церкви св. Петра и Павла и по выдержаніи экзамена въ качествѣ экстерна при 5-ой Московской классической гимназій и удостоенъ аттестата зрѣлости, въ 1879 году поступилъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета, гдѣ и окончилъ высшее образованіе въ 1883 году по историческому отдѣленію. Официальными оппонентами были заслуженный профессоръ В. И. Герье и приватъ-доцентъ М. М. Богословскій. Постановленіемъ историко-филологическаго факультета диссертантъ при единодушныхъ аплодисментахъ публики былъ удостоенъ степени магистра всеобщей исторіи.

**Сочиненія Ѳ. П. Буслаева.** Отдѣленіе русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ приступаетъ къ непродолжительному времени къ изданію сочиненій покойнаго академика и профессора Ѳ. П. Буслаева, согласно предоставленному отдѣленію вдовой и сыномъ покойнаго праву на изданіе всѣхъ его сочиненій ученаго, педагогическаго и литературнаго характера, за исключеніемъ учебниковъ грамматики и хрестоматій. При изданіи сочиненій рѣшено сохранить въ неизмѣнновѣ видѣ «Историческіе очерки»; остальные сочиненія будутъ расположены сообразно характеру ихъ содержанія и изложенія. Редактированіе изданія поручено академикамъ Н. П. Кондакову и А. П. Соболевскому съ предоставленіемъ имъ права снабдить изданіе комментаріями и приложеніями по ихъ усмотрѣнію.

**Памятникъ П. К. Айвазовскому.** 22-го декабря 1902 года въ Феодосіи состоялся пріемъ памятника, сооруженнаго на могилѣ художника, въ оградѣ армяно-григоріанской св. Стефанія церкви. Памятникъ сооруженъ по проекту итальянскаго скульптора Бюджолиодесской мастерской Галлера и представляетъ собой саркофагъ изъ цѣльнаго мрамора, поставленный на мраморномъ же основаніи; отъ основанія къ саркофагу со всѣхъ четырехъ сторонъ идутъ широкія мраморныя ступени. Высота памятника отъ основанія два аршина, а самый саркофагъ имѣетъ въ длину 3½ арш., а въ вышину аршинъ. На одной сторонѣ саркофага высѣчена эпитафія, заимствованная у армянскаго писателя V вѣка Егише: «Родившись смертнымъ, оставилъ безсмертную память», затѣмъ слѣдуетъ по-русски: «П. К. Айвазовскій 1817 — 1900 гг.». На другой сторонѣ саркофага по-армянски: «П. К. Айвазовскій родился 1817 года 17-го іюля, скончался въ 1900 году 19-го апрѣля». Вокругъ памятника сооружена желѣзная ограда. Такая же желѣзная ограда сооружена вмѣсто прежняго полуразвалившагося каменнаго забора по фасаду церковнаго двора. Въ части ограды, примыкающей къ мѣсту вѣчнаго упокоенія П. К. Айвазовскаго, сооружена довольно высокая каменная стѣна въ византійскомъ стилѣ; на этой стѣнѣ съ внутренней стороны по-армянски, а съ внешней — по-русски значится: «Здѣсь покойтся прахъ П. К. Айвазовскаго. 1817—1900 гг.». Памятникъ сооруженъ на средства наследниковъ П. К. Айвазовскаго и обошелся въ суммѣ 6.000 рублей. Освященіе памятника состоится, вѣроятно, въ день рожденія покойнаго.

**Московское археологическое общество.** Въ засѣданіи 7-го января, В. А. Городцевъ сообщилъ отчетъ о произведенныхъ имъ 12-го мая 1902 года раскопкахъ Михайловскаго могильника. Въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ къ западу отъ церкви села Михайловскаго, расположеннаго на Даниловскомъ трактѣ, въ 7 верстахъ къ сѣверу отъ города Ярославля и верстахъ въ 3—4-хъ отъ ближайшаго лѣваго берега Волги, растетъ небольшой березовый лѣсъ, занявшій какъ разъ ту площадь, гдѣ древнѣйшій обитатель села Михайловскаго, усадьба котораго принадлежитъ въ настоящее время помѣщику А. А. Мирковичу, оставилъ могильникъ, содержащій въ себѣ не менѣе 400 кургановъ, расположенныхъ въ одной тѣсной группѣ. Курганы имѣютъ полушаровидную форму и сравнительно небольшіе размѣры. Докладчикомъ раскопаны 2 кургана. Въ центрѣ насыпи перваго кургана обнаружены признаки кострища. Во второмъ курганѣ, на глубинѣ 1 арш., обнаружены остатки труносожженія. При разборѣ перваго кургана въ срединѣ его найдена большая глиняная урна, сверху которой лежалъ плашмя верхній конецъ сломаннаго на 2 части меча, а у основанія—другая часть того же меча, принадлежащаго къ скандинавскому или франкскому типу и представляющаго высшій сортъ этого рода оружія. Рукоятка его, обложенная слоемъ бересты, имѣла два массивныя желѣзныя перекрестья, обложенныя бронзовыми, красиво орнаментированными, литыми накладками, покрытыми чрезвычайно тонкою золотою насѣчкой, мѣстами осыпавшеюся вслѣдствіе сильной окиси бронзы. Мечъ, по обряду погребенія, былъ согнутъ и сломанъ на двѣ приблизительно равныя части. Клинокъ меча обоюдоострый, по срединѣ желобчатый, широкій, постепенно суживающійся къ острому сталированному или хорошо закаленному и слегка закругленному концу. Внутри урны лежали зола, мелкіе угли, пережженные кости, металлическія и другія вещи. Выше всего найдены глиняный ложковидный тигль и двѣ растрескавшіяся формы для отливки украшеній изъ пластичной огнеупорной глины, прекрасно воспринимающей рѣзбу. Кости, заключенныя въ урнѣ, принадлежали, повидимому, сожженнымъ людямъ и одна изъ нихъ — птицѣ. Въ числѣ вещей оказались: призматическія мраморныя и овално-граненыя бусины изъ горнаго хрустала, сильно обожженныя бронзовая круглая привѣска съ жукомъ, такіе же бубенчики и желѣзный небольшой ножъ. Изъ крупныхъ вещей въ юго-восточномъ холмикѣ найдены: желѣзная шпора и предметъ стрѣловидной формы, бронзовый, скандинавскаго стиля, наконечникъ пояса съ отломаннымъ частью крючкомъ, покрытымъ великолѣпнымъ орнаментомъ изъ рельефныхъ головокъ звѣрей, прихотливо перевитыхъ плетеными линиями. Въ сѣверо-западномъ зольномъ холмикѣ, съ обломками костей и зубовъ лошадей или коровъ, отысканъ почти полный, скандинавскаго стиля, наборъ ременнаго пояса съ рельефными головками звѣрей и людей, серебряная сердцевидная позолоченная бляшка и нѣсколько бронзовыхъ; мраморныя и овално-граненыя горнохрустальныя бусины, бронзовый перстень, такая же лировидная пряжка, обугленные орѣхи и пр. Всего въ урнѣ и кострищѣ собрано болѣе 100 предметовъ. Аналогичныя вещи найдены и во второмъ курганѣ. Судя по характеру вещей, онѣ должны принадлежать мужчигѣ и женщинѣ, сожженнымъ на одномъ кострищѣ съ домашними животными,

птицами и плодами. Время могильниковъ, судя по 2-мъ моветнымъ находкамъ, чеканеннымъ въ городѣ Васитѣ, въ 712 году по Р. Х., можно съ достовѣрностью отнести къ VIII вѣку; нѣкоторые же погребенія, судя по найденнымъ привознымъ западно-европейскимъ вещамъ, отчасти и скандинавскаго происхожденія, относятся къ X в. Что касается обитавшихъ въ районѣ современной Ярославской губ. въ VIII — X вв. народностей — точныхъ историческихъ указаній не имѣется; на основаніи же археологическихъ данныхъ, можно опредѣлить ихъ чисто славянскій характеръ, схожіи съ курганными вещами Смоленской губ., заселенной въ древности Кривичами. Найденные же при раскопкахъ предметы восточнаго происхожденія (арабскія монеты, металлическіе вѣсы и проч.), очевидно, занесены были съ Кавказа и Прикаспійской области.

**Общество археологій, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ.** Въ общемъ собраніи общества 31 января текущаго года было сдѣлано три научныхъ сообщенія, изъ которыхъ два принадлежало г. предсѣдателю общества, проф. Н. Ѡ. Катанову. Одно изъ нихъ, подъ названіемъ: «Нѣсколько словъ о кабалистическихъ знакахъ на татарскомъ перстнѣ, принадлежащемъ А. А. Сухареву», содержало краткія свѣдѣнія о талисманахъ, къ разряду которыхъ принадлежатъ и перстни съ таинственными знаками; въ большинствѣ случаевъ надписи состоятъ изъ нѣсколькихъ буквъ, при чемъ каждая должна обозначать какое либо слово; соотношеніе между подразумеваемымъ словомъ и изображенной буквой составляетъ тайну вырѣзавшаго надпись мастера. Подобные талисманы весьма распространены среди мусульманъ всевозможныхъ мѣстностей; не составляетъ въ данномъ случаѣ исключенія и Казанскій край, какъ показываетъ перстень, принадлежащій А. А. Сухареву. Второй докладъ г. Катанова: «О прибытіи въ XIV вѣкѣ въ Западную Сибирь бухарскихъ проповѣдниковъ ислама (по рукописи тобольскаго губернскаго музея)», состоялъ изъ буквального перевода небольшого рукописнаго извѣстія о проповѣди магометанства въ Западной Сибири и комментарія къ этому извѣстію, составленному, можетъ быть, какимъ либо тобольскимъ татаринномъ. Третій докладъ былъ сдѣланъ о. К. П. Прокопьевымъ и носилъ названіе: «Прохожденіе въ земляныя ворота (изъ быта чувашъ)». Авторъ въ живомъ очеркѣ ознакомилъ присутствующихъ съ весьма интереснымъ обрядомъ, прежде совершавшимся у чувашъ довольно часто, но въ послѣднее время совершенно исчезающимъ и, по словамъ референта, въ этнографической литературѣ неизвѣстнымъ. Въ послѣдній разъ докладчику пришлось наблюдать этотъ обычай въ 1892 году, во время холеры. Вообще прохожденіе въ земляныя ворота практиковалось у чувашъ, какъ средство предотвратить какое либо угрожающее бѣдствіе. Кромѣ самого устройства земляныхъ воротъ и прохожденія въ нихъ, обрядъ заключаетъ въ себѣ одну интересную подробность: передъ началомъ его въ деревнѣ, жители которой намѣрены исполнить этотъ обычай, тушатся всѣ огни, а возлѣ земляныхъ воротъ разводятся костеръ, огонь для котораго вытирается изъ дерева; отъ этого огня потомъ зажигаются очаги въ избахъ. О томъ, умплосердились ли высшія силы надъ народомъ, чуваши судятъ по судьбѣ проходящей въ земляныя ворота черной курицы: если она вернется въ деревню,

бѣдствіе не минуетъ послѣдней, тогда какъ пропажа этой курицы предвѣщаетъ избавленіе отъ грозившаго бѣдствія.

**Общество любителей древней письменности.** 17-го января состоялось общее собраніе подъ предсѣдательствомъ Н. П. Кондакова. Въ этомъ засѣданіи первое сообщеніе: «Хрущовскій списокъ степенной книги и извѣстіе о земскомъ соборѣ 1550 года», было прочитано П. Г. Васенко. Списокъ степенной книги, принадлежавшій нѣкогда «конфиденту» Артемія Волынскаго Хрущову, обратилъ на себя вниманіе Карамзина извѣстіемъ о земскомъ соборѣ 1550 года. Извѣстіе это было напечатано въ 182-мъ и 184-мъ примѣчаніяхъ къ VIII тому «Исторіи государства Россійскаго», а также и въ первомъ томѣ «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ». Важность сообщаемыхъ въ этомъ извѣстіи обстоятельствъ признавалась всѣми изслѣдователями земскихъ соборовъ, хотя иногда (особенно В. О. Ключевскимъ) и отмѣчались разныя неточности его показаній. С. Θ. Платонову удалось подмѣтить, что извѣстіе о земскомъ соборѣ 1550 года и «рѣчахъ», произнесенныхъ на немъ Грознымъ,—позднѣйшая вставка, сочиненная въ исходѣ XVII вѣка. Изученіе всей Хрущовской степенной книги даетъ возможность указать на другія вставки, сдѣланныя въ рукописи тѣмъ же лицомъ и одновременно съ упомянутой. Разборъ показаній вставокъ позволяетъ утверждать, что онѣ сдѣланы въ интересахъ фамиліи Колтовскихъ и, вѣроятно, однимъ изъ прежнихъ владѣльцевъ рукописи, окольниковъ Семеномъ Семеновичемъ Колтовскимъ, жившимъ въ исходѣ XVII вѣка. Самостоятельныя показанія вставокъ фантастичны и значенія историческихъ свидѣтельствъ не имѣютъ. Заимствованныя показанія вставки о земскомъ соборѣ 1550 года и возвышеніи Ал. Адашева основываются на свидѣтельствахъ Стоглава, перваго письма Іоанна IV къ Курбскому и, пожалуй, «Исторіи» этого послѣдняго. Можно предпологать на основаніи перечисленныхъ источниковъ о сѣздѣ въ 1550 году въ Москву верхнихъ слоевъ служилаго класса и видѣть въ этомъ сѣздѣ одинъ изъ земскихъ соборовъ въ первичной стадіи ихъ развитія. Затѣмъ секретаремъ общества было прочитано, присланное Н. И. Серебрянскимъ, сообщеніе: «О редакціяхъ житія св. Саввы Крыпецкаго».

**Засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XIII археологическаго сѣзда въ г. Екатеринославѣ.** 4-го, 5-го и 6-го сего января въ домѣ императорскаго московскаго археологическаго общества происходили подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой засѣданія предварительнаго комитета по устройству лѣтомъ 1905 года въ г. Екатеринославѣ XIII-го археологическаго сѣзда. Въ засѣданіяхъ участвовало около 60 депутатовъ отъ университетовъ, духовныхъ академій и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, археологическихъ и иныхъ ученыхъ обществъ, въ томъ числѣ и екатеринославскаго научнаго общества, правительственныхъ архивовъ, музеевъ, губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, губернскихъ статистическихъ комитетовъ, екатеринославскаго городского общественнаго управленія и екатеринославскаго комитета по устройству XIII археологическаго сѣзда. Въ результатъ совѣщаній было принято, что XIII сѣздъ долженъ состояться въ г. Екатеринославѣ съ 15-го по 27-е августа 1905 г., что занятія его будутъ распредѣ-

лены по тѣмъ же 9-ти отдѣленіямъ или секціямъ, что и на XII-мъ, харьковскомъ съѣздѣ, съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что IV секція должна получить названіе «Древности юридическія; бытъ хозяйственный, домашній и военный», а IX-я—«Археографія и архивовѣдѣніе». Правила съѣзда приняты вообще тѣ же, что и для предшествовавшихъ съѣздовъ, съ небольшими лишь измѣненіями въ редакціи нѣкоторыхъ параграфовъ. Екатеринославскіе депутаты Я. Г. Гололобовъ, В. В. Куриловъ, А. С. Синявскій и Д. П. Эварницкій заявили, что по инициативѣ екатеринославскаго губернатора гр. Келлера образованъ мѣстный предварительный комитетъ по устройству съѣзда подъ предсѣдательствомъ екатеринославскаго губернскаго предводителя дворянства М. П. Миклашевскаго, при чемъ уже въ настоящее время выяснилось, что для XIII съѣзда могутъ быть отведены вполне достаточныя и подходящія помѣщенія въ зданіяхъ Потемкинскаго дворца, Высшаго Горнаго училища и Екатеринославскаго музея, который будетъ отстроенъ ко времени съѣзда; что екатеринославскій комитетъ и всѣ мѣстные дѣятели готовы работать по указаніямъ московскаго археологическаго общества; что есть возможность произвести археологическія раскопки въ нѣсколькихъ мѣстахъ при содѣйствіи землевладѣльцевъ гр. Канкринъ, Миклашевскаго, Струкова, Левшина, Гана, Шишкина и др.; что возможно будетъ устроить археологическую и этнографическую выставку и организовать экскурсіи для ознакомленія съ древностями края; что богатый матеріалъ для изслѣдованій представляютъ курганы близъ самаго гор. Екатеринослава, и вообще берега Днѣпра, особенно близъ пороговъ и мѣст. Никополя, но желательно было бы произвести раскопки кургановъ и въ Бахмутскомъ уѣздѣ, что служило бы продолженіемъ изслѣдованій, производившихся для XII, харьковскаго съѣзда, а также въ другихъ мѣстностяхъ Херсонской и Бессарабской губерній. Собраніе благодарило гг. екатеринославскихъ депутатовъ за ихъ сообщенія и за любезную готовность представляемыхъ ими учреждений послужить интересамъ XIII археологическаго съѣзда. Депутатъ Харьковского университета проф. Д. И. Багалъй выразилъ мнѣніе, что при опредѣленіи работъ предстоящаго съѣзда необходимо имѣть въ виду: 1) продолженіе работъ предшествовавшаго харьковскаго съѣзда и 2) спеціальныя задачи екатеринославскаго съѣзда. Къ прежнему району изслѣдованій Слободской и Лѣвобережной украины слѣдуетъ прибавить Екатеринославскую и Херсонскую губерніи, въ частности—продолжить нѣкоторыя раскопки въ Харьковской губ. (въ Салтовѣ), по рѣкѣ Донцу и проч., и произвести изслѣдованія по Днѣпру, Орели, Кальміусу, сѣверному побережью Азовскаго моря, составить археологическую карту Екатеринославской губерніи, собрать свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ въ этой, Херсонской, Таврической губ. и Донской области, озаботиться собираніемъ памятниковъ запорожской старины, сдѣлать обзоры документовъ, находящихся въ различныхъ архивахъ и касающихся исторіи Запорожья и Новороссійскаго края, собрать коллекціи старинныхъ картъ района и составить карту заселенія Новороссіи въ XVII—XVIII ст., наконецъ, собрать памятники мѣстной церковной старины. Д. Я. Самоквасовъ указалъ на желательность изысканія печенѣжскихъ кургановъ и «готскихъ» могилъ, а проф. Н. П. Веселовскій (депутатъ императорскаго русскаго археологическаго общества)—

на предпочтительность обстоятельной раскопки одного большого кургана, типа, сходнаго съ извѣстнымъ чертомлыцкимъ, каковой имѣется, повидимому, на землѣ г. Нечаева-Мальцева; на это г. Синявскій замѣтилъ, что подобный же курганъ находится по близости, на землѣ г. Шишквина, при чемъ отъ владѣльца получено разрѣшеніе на раскопку этого кургана. Проф. М. Н. Ясинскій (депутатъ Киевскаго университета) сообщилъ по порученію Общества Нестора-лѣтописца программу подготовительныхъ работъ по сѣзду, предложенную проф. В. З. Завитневичемъ. Въ программу эту входятъ: организація археологической выставки при сѣздѣ, составленіе археологической карты Екатеринославской губ. или собраніе матеріаловъ для нея. производство лѣтомъ 1903, 1904 и 1905 гг. археологическихъ раскопокъ, избѣгая по возможности кургановъ такъ называемаго скифскаго періода, организація экскурсій для осмотра днѣпровскихъ пороговъ и Запорожской Сѣчи. Проф. А. А. Кочубинскій (депутатъ Новороссійскаго университета) указалъ на желательность отысканія слѣдовъ культурнаго вліянія итальянскихъ факторій, бывшихъ въ Южной Россіи въ XIV в., а проф. А. Н. Красновъ (депутатъ Харьковскаго университета) выразилъ желаніе, чтобы былъ изученъ вопросъ о томъ, какія черты собственной культуры удержали тѣ народности, которыя заселили территорию нынѣшней Екатеринославской губ. По предложенію граф. Уваровой рѣшено обратиться въ ближайшіе къ Екатеринославу университетскіе города Киевъ, Одессу и Харьковъ, а также въ другіе важнѣйшіе центры южной Россіи съ цѣлью привлечь къ участию въ подготовительныхъ работахъ къ сѣзду мѣстные силы и организовать, гдѣ возможно, мѣстные предварительные комитеты, при чемъ намѣчены были и тѣ ученые общества, къ которымъ необходимо обратиться по этому поводу. Доложено было письмо проф. А. П. Маркевича, въ которомъ онъ указываетъ, что большое значеніе для сѣзда могли бы имѣть популярныя лекціи по археологіи въ различныхъ мѣстностяхъ Новороссіи; по этому поводу было указано, что такія лекціи уже читались въ разныхъ городахъ Екатеринославской губерніи Д. П. Эварницкимъ, и постановлено было просить способствовать осуществленію этой идеи и проф. Маркевича. Севастопольскій городской голова Максимовъ просилъ комитетъ телеграммой «включить Севастополь въ число мѣстъ, которыя члены сѣзда предполагаютъ посѣтить въ августѣ 1905 г.»; комитетъ постановилъ благодарить севастопольское городское общественное управленіе и по окончаніи сѣзда предпринять экскурсію въ Севастополь, гдѣ особенно интереснымъ является посѣщеніе развалинъ Херсонеса. Императорское уральское общество любителей естествознанія сообщило, что оно проситъ имѣть въ виду г. Екатеринбургъ въ качествѣ мѣста для собранія XIV археологическаго сѣзда; аналогичныя заявленія получены также изъ Чернигова и Тифлиса. Постановлено обратиться въ черниговскую губернскую земскую управу съ просьбой о выставкѣ въ Екатеринославѣ ко времени сѣзда наиболѣе интересныхъ предметовъ изъ мѣстнаго археологическаго музея Тарновскаго. В. А. Городцовъ указалъ на важность: а) опредѣленія юго-восточной границы домонгольской Руси XIII в. и б) выясненія типовъ погребенія печенѣговъ, тюрокъ, половцевъ и татаръ XIV в. Проф. Кочубинскій замѣтилъ, что для разработки послѣдняго вопроса желательно бы привлечь также

мадьярскихъ археологовъ. Въ заключеніе постановлено обратиться къ гг. министрамъ народнаго просвѣщенія и финансовъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи членамъ будущаго съѣзда, занимающимся преподаваніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ означенныхъ министерствъ, отпуска не только на время съѣзда, но и на время имѣющихъ состояться по окончаніи съѣзда научныхъ экскурсій. На тѣхъ же засѣданіяхъ обсуждался, между прочимъ, вызвавшій продолжительныя пренія, весьма важный принципиальный вопросъ о правахъ юридической собственности на тѣ цѣнные въ археологическомъ отношеніи предметы, будь они, безразлично, дорогими вещами, какъ, напримѣръ, находимыя иногда при раскопкахъ древнія золотыя монеты, или исключительно имѣющими археологическій интересъ—памятниками каменнаго или бронзоваго вѣковъ, которые могутъ быть обнаружены при подготовительныхъ къ съѣзду раскопкахъ. Мнѣнія по этому вопросу раздѣлились: одна, меньшая, часть изъ принимавшихъ участіе въ преніяхъ лицъ высказалась за право принадлежности археологическихъ находокъ музеямъ тѣхъ губерній, въ районѣ которыхъ онѣ были обнаружены; большинство же склонялось къ принятому въ заключеніе единогласно мнѣнію, высказанному по этому поводу графиней П. С. Уваровой. Сущность этого послѣдняго мнѣнія заключалась въ слѣдующемъ: принимая во вниманіе, во-первыхъ, что созывъ съѣзда, съ назначеніемъ, по высочайшему соизволенію, денежной субсидіи разрѣшенъ Императорскому Московскому археологическому обществу, съ условіемъ, чтобы тѣ изъ найденныхъ при раскопкахъ вещей, которыя будутъ признаны археологическою рѣдкостью, поступали бы по желанію и надобности въ императорскій Россійскій историческій музей, и, во-вторыхъ, что организація съѣзда разрѣшена археологическому обществу, которое и производитъ всѣ раскопки по строго обоснованнымъ научнымъ соображеніямъ и плану своихъ сочленовъ, на свой страхъ и рискъ, иногда при матеріальномъ содѣйствіи частныхъ лицъ,—слѣдовательно, и право назначенія въ музей тѣхъ или другихъ губерній оставшихся не назначенными въ императорскій Россійскій историческій музей, найденныхъ при раскопкахъ археологическихъ рѣдкостей всецѣло принадлежитъ императорскому Московскому археологическому обществу. Въ заключеніе преній было постановлено: найденные интересные въ археологическомъ отношеніи предметы, за исключеніемъ взятыхъ въ императорскій Историческій музей, считать собственностью съѣзда, какъ вещи, найденныя при произведенныхъ на счетъ средствъ съѣзда раскопкахъ, а по закрытіи съѣзда распределять ихъ по усмотрѣнію Московскаго археологическаго общества, какъ устроителя съѣзда, которому онѣ по праву и принадлежатъ.

**Преобразование кievскаго центрального архива.** Состоящій при университетѣ св. Владимира центральный архивъ для древнихъ актовъ трехъ губерній Юго-Западнаго края—Кіевской, Подольской и Волынской—съ января 1903 года получаетъ новую организацію, въ которой уже давно ощущается настоятельная потребность. Вводимыя новыя штаты значительно увеличиваютъ служебный персоналъ архива, что дастъ возможность болѣе плодотворно работать надъ изученіемъ цѣннаго матеріала, хранящагося въ архивѣ. Центральный архивъ въ Кіевѣ учрежденъ былъ на основаніи указа правительствующему сенату 2-го апрѣля 1852 года, когда одновременно были учре-



ждены центральные архивы для губерній Сѣверо-Западнаго края въ Вильнѣ и Витебскѣ. Въ архивы эти повелѣно было сосредоточить всѣ древнія актовыя книги различныхъ судебныхъ и другихъ присутственныхъ мѣстъ до 1799 года включительно. Предполагалось также передать въ учрежденный архивъ разнаго рода документы, принадлежащіе частнымъ лицамъ. Кіевскому центральному архиву было придано значеніе учебно-вспомогательнаго учрежденія при университетѣ, въ зданіи котораго для него было отведено обширное помѣщеніе, занимаемое архивомъ и по настоящее время. Завѣдываніе архивомъ было поручено бібліотекарю университета; учреждены были должности: одна помощника завѣдующаго штатнаго и двухъ помощниковъ по вольному найму, и, кромѣ того, одного штатнаго писаря. Конечно, при столь ограниченномъ штатѣ нельзя было рассчитывать на сколько нибудь скорое изданіе подробныхъ описей всего хранящагося въ архивѣ. Въ архивѣ хранится 6.000 актовыхъ книгъ, изъ которыхъ нѣкоторыя содержатъ болѣе тысячи документовъ. Кромѣ того, имѣется около 500.000 разнаго рода документовъ и актовъ въ связкахъ, около 100.000 дѣлъ и др. документовъ. Въ общемъ въ центральномъ архивѣ хранится около 4.000.000 документовъ. Матеріалъ этотъ является весьма цѣннымъ для исторіи Юго-Западнаго края. Документы относятся къ XVI, XVII, XVIII и отчасти XIX вѣкамъ. Большинство актовыхъ книгъ содержитъ документы, написанные на польскомъ языкѣ, затѣмъ слѣдуютъ документы на латинскомъ, русскомъ, французскомъ, греческомъ, еврейскомъ языкахъ. Изученіемъ этого цѣннаго матеріала занимались многіе выдающіеся ученые, впоследствии написавшіе изслѣдованія на основаніи изученныхъ актовъ. Многіе труды такихъ крупныхъ ученыхъ, какъ проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, В. Б. Антоновичъ, М. Н. Ясинскій, И. М. Каманичъ и др., написаны главнымъ образомъ на основаніи матеріаловъ, хранящихся въ кіевскомъ архивѣ. Въ исторіи кіевского архива есть одна темная страница, которая на много лѣтъ затормозила одну изъ функций архива—выдачу посвидѣтельствованныхъ копій документовъ. Дѣло въ томъ, что послѣ польскаго мятежа 1831 года много польской шляхты было выключено изъ дворянскаго сословія. Впоследствии многіе такъ называемые шляхтичи, не признанные дворяне, старались доказать свое происхожденіе. Это послужило источникомъ крупныхъ злоупотребленій. Когда возникъ центральный архивъ въ Кіевѣ, выписи выдавались изъ архива. До 1863 года, т. е. до послѣдняго польскаго мятежа, такихъ выписей было выдано около 1.000. Въ 1866 году обнаружилось, что многія выписи, выданныя изъ кіевского архива, составляютъ выписи изъ поддѣльныхъ документовъ. Началось слѣдствіе, были обнаружены виновные. Наличие обнаруженныхъ подлоговъ потребовала особенной бдительности и осторожности при оцѣнкѣ подлинности каждаго документа, изъ котораго дѣлались выписи. Вскорѣ послѣдовало особое повелѣніе о приостановленіи дѣятельности департамента герольдіи по утвержденію документовъ, выданныхъ изъ кіевского архива. Такое положеніе продолжается и по настоящее время. Впоследствии выяснилось, что въ актовыхъ книгахъ цѣнные подложные документы болѣе раняго происхожденія. Все это требовало основательныхъ свѣдѣній отъ лицъ, служащихъ въ архивѣ.

**Древній храмъ въ Гаграхъ и мѣстныя древности.** Реставрированный его величествомъ принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ и освященный 9-го января древній храмъ въ Гаграхъ, по предположеніямъ археологовъ, построенъ въ VI вѣкѣ по Р. Х. и носитъ названіе болгарской церкви. Церковь, по словамъ «Черноморскаго Вѣстника», расположена между рѣками Гагрибшемъ и Жуэкварою и построена изъ рваного камня, добытаго въ горныхъ формаціяхъ въ самыхъ Гаграхъ; изъ того же матеріала сдѣлана и кровля ея. До реставраціи отъ этого храма оставался корнусъ, пмѣющій одинъ полузакрытые полукруглые хоры въ восточной части, сѣни съ западной части и два портика извнѣ. Грубыя стѣны ея были обвиты гирляндами лозъ и ползучихъ растений, а на самой вершинѣ свода росло старое фиговое дерево. Нѣкоторые изслѣдователи считаютъ св. Платія епископомъ гагрскимъ, и имя его высоко чтится какъ абхазцами, такъ и русскими. Имя Платія сохранилось въ одномъ изъ абхазскихъ родовъ (Замбаіа-Платьевы), который считаетъ его своимъ предкомъ, но если и былъ епископомъ гагрскимъ Платій, то это не Платій Гагрскій, съ которымъ его смѣшиваютъ. Св. Платій былъ епископомъ въ Гаграхъ, городѣ, расположенномъ въ Малой Азіи, и участвовалъ на Никейскомъ вселенскомъ соборѣ, слѣдовательно жилъ въ IV вѣкѣ. Извѣстный естествоиспытатель и археологъ, живущій постоянно въ Сухумѣ, В. П. Чернявскій, обращаетъ вниманіе на громадное подземелье, существующее подъ древнимъ укрѣпленіемъ Боггра (абхазскія Гагры). Со словъ очевидца г. Чернявскій передаетъ, что по обѣимъ сторонамъ подземелья замѣчаются запертыя двери, и что существуютъ легенды о богатствахъ, зарытыхъ въ недоступныхъ комнатахъ. Кромѣ того, близъ Гагръ есть пещера въ отвѣсной скалѣ на высотѣ двухъ саженъ, овальная дверь которой завалена плитой изъ громаднаго приспособленнаго камня.

**Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ.** Въ газетахъ появилось нижеслѣдующее письмо директора института, академика Успенскаго: «При открытіи русскаго археологическаго института въ 1894 году предстояло изыскать средства на покупку для института необходимой мебели: книжныхъ шкафовъ и полокъ, витринъ, столовъ и стульевъ, такъ какъ казенныхъ суммъ на этотъ предметъ не было отпущено. Тогдашній государственный контролеръ Т. И. Филишовъ, принимая живое участіе въ судьбахъ возникавшаго, частью при его содѣйствіи, новаго ученаго учрежденія, посвѣщеннаго византійскимъ занятіямъ, обратился съ письмами къ нѣкоторымъ лично его знакомымъ греческимъ капиталистамъ, прося оказать матеріальную помощь институту. Вслѣдствіе этихъ писемъ были сдѣланы нѣкоторыя пожертвованія, давшія возможность произвести сверхмѣтные расходы по снабженію необходимой мебелью нанятаго подъ институтъ зданія. Этимъ, однако, не ограничилось участіе общественной благотворительности въ организаціи института и въ его дѣятельности. Скоро обнаружилось, что положенныя по штату на содержаніе его средства далеко не могутъ удовлетворять его потребностей, какъ ученаго учрежденія, на обязанности котораго лежитъ по уставу: производство археологическихъ изслѣдованій, непосредственное ознакомленіе съ памятниками чрезъ снаряженіе экскурсій, раскопки, изданіе ученыхъ трудовъ и составленіе библіо-

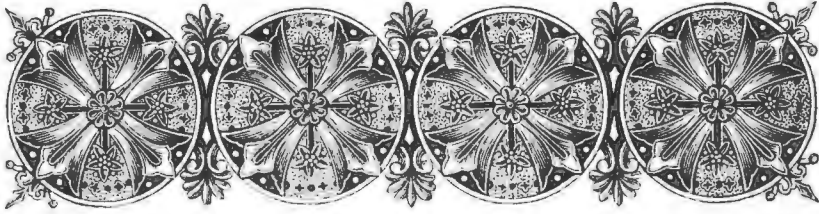
теки и музея. Путемъ выясненія своихъ нуждъ и потребностей гѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя сочувствуютъ его дѣятельности, институтъ не разъ имѣлъ случай пополнять свой бюджетъ щедрыми пожертвованіями, которыми и пользовался для исполненія дорого стоившихъ научныхъ предпріятій, превышавшихъ его средства, и для покупки особенно цѣнныхъ изданій и археологическихъ предметовъ. Въ виду вышеизложеннаго и съ цѣлью публично выразить жертвователямъ глубокую благодарность, нижеподписавшійся долгомъ считаетъ сообщить посредствомъ печати о способѣ употребленія поступившихъ въ его распоряженіе экстренныхъ суммъ. Эти суммы, поступающія въ спеціальныя средства института, расходовались, согласно желанію жертвователей, на какія либо спеціальныя потребности: на обзаведеніе мебелью, на раскопки, на ученыхъ предпріятія и т. п. Подробный отчетъ вмѣстѣ съ оправдательными документами (числомъ 112) хранится при дѣлахъ института. Всего поступило пожертвованій съ 1895 по декабрь 1902 года—5.700 рублей, а вмѣстѣ съ пожертвованіемъ Палестинскаго общества—10.700 рублей. Въ заключеніе институтъ приноситъ глубокую благодарность императорскому православному палестинскому обществу, члену института Зигфриду Евгеніевичу Ашкенази и негоціанту Ѳ. П. Петроковно».

**Географическое общество.** I. 10-го января въ засѣданіи отдѣленія географіи математической и физической Р. Н. Савельевъ сдѣлалъ небольшое сообщеніе «Пѣзъ третей поѣздки на Уралъ». Р. Н. Савельевъ, состоя начальникомъ желѣзнодорожныхъ изысканій на Уралѣ, производилъ попутно послѣднимъ нѣкоторыя географическія научныя изслѣдованія, направленные главнымъ образомъ къ исправленію существующихъ крайне неточныхъ 10-верстныхъ картъ Урала. По провѣркѣ этихъ картъ Р. Н. Савельевымъ въ прежнія и послѣднюю поѣздки (въ 1902 г. изысканія происходили въ юго-восточной части Пермской губ. и западной Тобольской), оказывалась не только разница въ протяженіи рѣкъ на 200 — 300 верстъ, но совершенно неточное нанесеніе на карты нѣкоторыхъ большихъ селеній и даже неправильное указаніе направленія желѣзныхъ дорогъ; такъ, на примѣръ, на картѣ желѣзная дорога пересѣкаетъ Тоболь около Кургана съ юга: на самомъ же дѣлѣ это происходитъ съ сѣвера. Точныхъ опорныхъ пунктовъ не существуетъ для цѣлыхъ сотенъ верстъ. Докладчикъ за время своихъ поѣздокъ опредѣлялъ 14 астрономическихъ пунктовъ (исходнымъ пунктомъ была Екатеринбургская магнитная обсерваторія) и связалъ ихъ линіей съемки, нанесенной на карту пространствомъ около 2.000 верстъ. II въ нынѣшнюю поѣздку докладчикомъ констатировано любопытное явленіе, замѣченное имъ и при предыдущихъ изысканіяхъ, именно относительно аномалій магнитныхъ склоненій, которыя рѣзко проявляются, но на разстояніи отъ ливій, проходящихъ вилотную съ рудниками магнитнаго желѣзняка. Въ заключеніе Р. Н. Савельевъ совершенно правильно указалъ на то, что всѣ его научныя географическія изслѣдованія, производимыя имъ попутно съ его прямыми работами, не стоили большихъ затратъ ни денежныхъ, ни времени, и что если бы такія занятія практиковались другими экспедиціями, то наши научныя свѣдѣнія о географіи нашего отечества могли бы быстро обогащаться. Для правильнаго же направленія

этихъ научныхъ работъ крайне необходимо созданіе центрального геодезическаго совѣта. II. 14-го января, въ засѣданіи отдѣленія статистики князь В. И. Масальскій сдѣлалъ сообщеніе о своей поѣздкѣ въ сентябрѣ 1902 года въ Сербію, куда онъ былъ командированъ министерствомъ земледѣлія въ виду официальной просьбы сербскаго правительства о присылкѣ изъ Россіи опытнаго лица, которое осмотрѣло бы и дало указанія относительно сдѣланныхъ въ Сербіи посѣвовъ хлопка. На возможность культивированія хлопка и выгоднаго его сбыта въ ту же Россію Сербія возлагала большія надежды, которымъ, по мнѣнію докладчика, едва ли суждено сбыться. Докладчикъ провелъ въ Сербіи 14 дней и сдѣлалъ 1.600 верстъ преимущественно на лошадахъ, по линіи посѣвовъ хлопка; осмотрѣнные имъ всходы хлопка привели его къ заключенію, что, хотя 1902 г. и былъ особенно неблагопріятенъ по своей погодѣ, но въ общемъ климатъ Сербіи не подходящъ для разведенія хлопка. Возможность появленія заморозковъ въ началѣ сентября, короткость вообще безморознаго періода (больше 165 дней), положеніе всей страны съ наклономъ къ сѣверу — все это отнюдь не можетъ способствовать успѣшному произрастанію такого вѣжнаго растенія, какъ хлопокъ, разводимый и въ Азіи не далѣе 41° сѣв. широты. III. 17-го января въ засѣданіи отдѣленія этнографіи былъ прочитанъ секретаремъ отдѣленія присланный въ послѣднее докладъ: «Существуетъ ли народъ манчжуръ». Авторъ сообщенія старается доказать, что ни манчжуръ, какъ отдѣльнаго народа, ни страны Манчжуріи не существуетъ. Манчжурія не представляетъ собою ничего національнаго, самобытнаго; ни во вѣншихъ чертахъ ея жителей, ни въ ихъ языкѣ нѣтъ никакой разницы съ жителями сѣвернаго Китая. Манчжурскій языкъ является въ Китаѣ архаизмомъ, употребляется онъ только при дворѣ по требованію этикета. Его долженъ знать богдыханъ (на самомъ дѣлѣ онъ его знаетъ очень плохо), которому всѣ доклады пишутся по-манчжурски. Манчжурскій языкъ живетъ еще въ архивахъ, но въ общемъ онъ языкъ мертвый. Въ Пекинскомъ университетѣ онъ преподается, какъ иностранный. Въ Китаѣ не существуетъ даже самаго названія Манчжурія. Въ административномъ отношеніи Манчжурія представляетъ одно цѣлое съ Среднимъ Китаемъ. Въ томъ же засѣданіи Я. И. Яцимирскій сдѣлалъ сообщеніе: «Славянскій элементъ въ румынскомъ языкѣ и его значеніе для вопроса о роднѣ румынскаго народа». Продолжительное сосѣдство со славянами оказало сильное вліяніе на языкъ румынъ, образовавшійся изъ вульгарной латыни на почвѣ малоислѣдованныхъ пока «ракійскихъ нарѣчій». Первое знакомство романскихъ племенъ со славянами, по мнѣнію референта, могло произойти въ Карнатахъ въ концѣ III вѣка по Р. Хр., когда населеніе Траяновой Дакии оставило придунайскую долину и ушло въ горы, спасаясь отъ нашествія готовъ. Такимъ образомъ, докладчикъ придерживается «карпатской» теоріи по вопросу о происхожденіи румынской націи и приводитъ нѣкоторыя соображенія и факты, выставленные въ свое время румынскимъ историкомъ А. Д. Ксенополомъ противъ «балканской» теоріи Рёсслера и его послѣдователей. Недавно появилась третья теорія, принадлежащая профессору Букурештскаго университета Овидію Десунтяну. По его мнѣнію, романизация пустила глубокіе корни на всемъ балканскомъ полуостровѣ, а потому болѣе естественно

искать родину румынъ гдѣ нибудь болѣе къ западу отъ Карпатъ и Балканъ, такъ какъ романизація тѣхъ мѣстностей, близкихъ къ Италиі, началась гораздо раньше, и результаты ея къ концу II вѣка были значительнѣе, чѣмъ въ обѣихъ Дакіяхъ. Эти соображенія даютъ г. Денсунтяну выставить новую теорію: образованіе румынской націи могло имѣть мѣсто на всемъ пространствѣ между Тиссой и Адриатикой. Референтъ указалъ на то, что славянскія заимствованія въ языкѣ современныхъ румынъ говорятъ о болгарскомъ, очень древнемъ влияніи, примѣромъ чему могутъ служить сохранившіяся носовые звуки, постпозитивный членъ, нотери въ склоненіи, отсутствіе инфинитива, цѣлый рядъ очень древнихъ образованій. Въ заключеніе г. Яцимирскій привелъ нѣкоторые изъ наиболѣе характерныхъ примѣровъ: многія слова въ румынскомъ языкѣ сохранили тѣ значенія, которыя утрачены живыми славянскими языками, и немало словъ латинскаго происхожденія расширило свои понятія подъ влияніемъ славянскихъ синонимовъ.





## НЕКРОЛОГИ.



**АХШАРУМОВЪ, И. Д.** 8-го февраля, скончался одинъ изъ членовъ талантливой литературной семьи, тайный совѣтникъ Иванъ Дмитриевичъ Ахшарумовъ, небезызвѣстный белетристъ. Младшій изъ этой семьи, онъ родился 3-го июня 1831 года, высшее образование получилъ на физико-математическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета, курсъ котораго окончилъ въ 1853 г. со степенью кандидата естественныхъ наукъ. Вскорѣ онъ поступилъ на службу въ военное министерство и въ 1864 г. издалъ интересный очеркъ «О дисциплинарныхъ взысканіяхъ, налагаемыхъ на нижнихъ чиновъ», выдержавшій нѣсколько изданій. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ былъ военнымъ прокуроромъ петербургскаго военно-окружнаго суда, а во время войны 1877—1878 гг. состоялъ при главнокомандующемъ дѣйствующей арміей въ должности завѣдывающаго военно-судною частью арміи. Затѣмъ онъ вышелъ въ отставку и въ 80-хъ годахъ выступилъ въ литературѣ, какъ беллетристъ. Въ «Дѣлѣ», «Наблюдателѣ», «Всемирной Иллюстраціи» и друг. изданіяхъ онъ напечаталъ романы «Потомокъ рода Ветрищевыхъ», «Къ чему?», повѣсти и рассказы: «Приша», «Семейство Брызгаловыхъ», «Бабушка», «Прачка», «Майоръ Безсоновъ», «Сюриризь», «Дача въ усадьбѣ», комедію въ 3 д. «Фантазеръ» и друг. Онъ недурно изображалъ бытъ столичныхъ жителей разныхъ классовъ, типы прожигателей жизни, кокотокъ, финансовыхъ дѣльцовъ и бралъ сюжеты почти исключительно изъ судебныхъ дѣлъ, старыхъ и новыхъ. Такимъ образомъ въ его романахъ и повѣстяхъ фигурировали живыя лица, прикрытыя псевдонимами. Это придавало его сочиненія въ своеобразный интересъ и пикантность. Но независимо отъ этого они были интересны и по выполненію, написаны вполне литературнымъ языкомъ съ хорошими приемами писателей стараго времени. Сочиненія его изданы книгопродавцемъ Н. Г. Мар-

тыновымъ въ 3 частяхъ (1893 — 1899 г.). Перу его также принадлежить рядъ юридическихъ статей въ газетахъ и специальныхъ журналахъ. (Некрологъ его: «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 74).

† **Германъ**, епископъ. 6-го февраля, скончался въ Петербургѣ, въ клиническомъ институтѣ великой княгини Елены Павловны преосвященныи Германъ, настоятель Яблочинскаго св. Онуфрія монастыря, варшавской епархіи, бывшій епископъ люблинскій, викарій холмско-варшавской епархіи. Покойный уроженецъ Петербурга, сынъ діакона, въ мѣрѣ именовался Яковъ Ѳеодоровичъ Ивановъ, родился въ 1862 году. Богословское образованіе получилъ въ с.-петербургской духовной академіи; здѣсь же, на IV курсѣ, постриженъ былъ, 30-го января 1890 года въ монашество. По окончаніи курса со степенью кандидата богословія опредѣленъ былъ въ июнѣ смотрителемъ звенигородскаго духовнаго училища, затѣмъ послѣдовательно былъ инспекторомъ виванской и могилевской семинарій и преподавателемъ воронежской семинаріи. Въ 1897 году возведенъ былъ въ сана архимандрита и назначенъ настоятелемъ Яблочинскаго монастыря. Въ 1898 году хиротонисанъ во епископа люблинскаго. Покойный владыко былъ полезнымъ дѣятелемъ на пользу церкви въ воссоединенномъ отъ уніи краѣ и центрѣ католицизма. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9675).

† **Головачевъ, А. А.** 12-го февраля скончался въ родовомъ имѣніи Покровскомъ, Корчевскаго уѣзда, Тверской губерніи, Алексѣй Адриановичъ Головачевъ. Покойный родился въ этомъ имѣніи 7-го марта 1819 года. 20 лѣтъ отъ роду онъ окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ и съ того же времени началъ принимать горячее участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Твердость убѣжденій была основной чертой характера покойнаго за всю его продолжительную и многополезную дѣятельность. Избранный въ 1856 году на постъ предводителя дворянства Корчевскаго уѣзда (отецъ и дѣдъ его также занимали этотъ постъ), А. А. принималъ дѣятельное участіе въ работахъ тверскаго комитета по освобожденію крестьянъ, а также въ составленіи извѣстнаго проекта учрежденія банка для выкупа крестьянскихъ надѣловъ. Составителей этого проекта, инициатива котораго принадлежала А. М. Унковскому, постигла административная высылка. А. А. избѣгъ этой участи, только благодаря тому, что былъ привлеченъ къ дѣлу объ оскорбленіи исправляющаго должность губернскаго предводителя дворянства Клокачева и оставленъ въ Твери до окончанія разбора этого дѣла. Дѣло это затянулось и было прекращено, послѣ долгихъ переходовъ по инстанціямъ, лишь тогда, когда товарищи А. А. были уже возвращены изъ ссылки. Позже А. А. управлялъ контрольными палатами: псковскою и саратовскою, а затѣмъ состоялъ директоромъ отъ правительства въ правленіи донецкой желѣзной дороги. Въ качествѣ публициста А. А. выступилъ въ 1858 году со статьей по крестьянскому вопросу, напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Вслѣдъ затѣмъ онъ помѣстилъ рядъ статей въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Словѣ», «Русской Рѣчи», «Русской Мысли», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (времени В. Ѳ. Корша), «Новостяхъ» и «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Самыми крупными публицистическими трудомъ его являются статьи, печатавшіяся въ «Вѣстникѣ

Европы» за 1870—1874 годы и вышедшія въ видѣ отдѣльной книжки подъ заглавіемъ «Десять лѣтъ реформъ». Книжка эта, всесторонне отражающая въ себѣ великую эпоху шестидесятыхъ годовъ, имѣла громадный успѣхъ и самое широкое распространеніе. А. А. является въ этой книгѣ блестящимъ истолкователемъ преобразованій, предпринятыхъ послѣ 19-го февраля 1861 года. Основная мысль его та, что всѣ послѣдующія реформы не были связаны между собой органически. «Многіе думали,—говоритъ А. А.,—что крестьянская реформа есть только шагъ къ уничтоженію не только однѣхъ грубыхъ формъ крѣпостного права, но и самыхъ его принциповъ, которыми прониклись всѣ сферы нашей жизни, и что за этимъ шагомъ послѣдуютъ другіе въ томъ же направленіи, но этого не случилось». Оказалось, что «новыя сѣмена свободы, труда, самоуправленія, независимаго суда и нѣкоторой свободы печати брошены были не на расчищенное поле, а среди старыхъ плевелъ крѣпостныхъ порядковъ». Рядъ статей А. А., касавшихся желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи—между прочимъ, главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ,—открылъ глаза обществу на рядъ поразительныхъ расхищеній государственной собственности, облеченныхъ въ легальную форму. Съ большимъ знаніемъ дѣла написаны были также покойнымъ статьи о государственномъ бюджетѣ. А. А. до послѣднихъ дней жизни сохранилъ живой интересъ къ общественнымъ дѣламъ и принималъ самое горячее участіе въ дѣятельности сельскохозяйственнаго комитета, куда представлялъ свои докладныя записки по разнымъ вопросамъ. (Некрологъ его: «Новости», 1903 г., № 45).

† **Ивановскій, А. О.** 25-го января въ психіатрической лѣчебницѣ д-ра Бари скончался бывший ординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета Алексѣй Осиповичъ Ивановскій. А. О. родился въ 1863 году въ городѣ Гдовѣ и образованіе получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ на факультетѣ восточныхъ языковъ. Еще будучи въ университетѣ, онъ явился однимъ изъ выдающихся учениковъ покойнаго китаиста и тибетолога, профессора В. П. Васильева. Познанія покойнаго въ языкахъ китайскомъ, манчжурскомъ и тибетскомъ обратили на него вниманіе факультета восточныхъ языковъ, и по окончаніи университетскаго курса въ 1885 году онъ былъ оставленъ при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію. Въ 1887 году А. О. защитилъ диссертацию: «Инородцы Юго-Западнаго Китая» на степень магистра китайской словесности, въ 1889 году докторскую диссертацию: «Юнь-наньскіе инородцы». Тогда же былъ командированъ въ Китай и Манчжурію для практическаго ознакомленія съ народами Дальняго Востока. Два года посвятилъ покойный изученію Китая и Манчжуріи, будучи уже ранѣе хорошо освѣдомленнымъ съ краемъ по литературнымъ матеріаламъ и источникамъ. Вернувшись въ Петербургъ, А. О. сталъ читать въ С.-Петербургскомъ университетѣ лекціи въ качествѣ приватъ-доцента и явился однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ помощниковъ профессора В. П. Васильева по кафедрѣ китайскаго языка и словесности. Смерть профессора Васильева—его друга и учителя—сильно потрясла нервы покойнаго, и уже тогда стали замѣчать у А. О. признаки умственнаго разстройства. Перу покойнаго принадлежитъ множество цѣнныхъ спеціальныхъ работъ, изъ которыхъ назовемъ: тибетскій переводъ «Посланія къ



ученику», «О китайскомъ переводѣ буддѣйскаго сборника Jatakamala», «Мѣдная монета въ Манчжуріи», «Легенда о статуѣ Будды», «Манчжурская хрестоматія», образцы языковъ Манчжуріи и другихъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9662).

† **Клопотовскій, Болеславъ.** 11 февраля скончался митрополитъ всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи, Болеславъ Клопотовскій. Скончался онъ сравнительно не старымъ человѣкомъ—ему не было еще и 55-ти лѣтъ; уроженецъ Подольской губерніи, родомъ изъ старинной, но не богатой дворянской семьи. Онъ юношей поступилъ въ житомирскую духовную семинарію, въ которой окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ; съ разрѣшенія своего епископа онъ отправился продолжать богословское образованіе въ петербургскую академію, которую также блестяще окончилъ, со степенью магистра богословскихъ наукъ, и немедленно же былъ назначенъ профессоромъ въ той самой житомирской семинаріи, гдѣ 5 лѣтъ тому назадъ состоялъ еще клерикомъ. Выдающіяся способности молодого профессора быстро выдвинули его впередъ, а своей гуманностью и безпристрастіемъ онъ сумѣлъ снискать себѣ любовь своихъ учениковъ. Когда въ 1877 году въ Петербургѣ въ духовной академіи освободилась кафедра каноническаго права и церковной исторіи,—ее занялъ Б. К., а пять лѣтъ спустя, уже въ санѣ каноника, онъ назначается инспекторомъ академіи. Родной ему академіи и дѣлу воспитанія будущихъ духовныхъ отцовъ, посвятилъ лучшіе годы своей жизни; здѣсь же въ академіи имъ написанъ выдающійся богословскій трудъ на латинскомъ языкѣ, за который онъ былъ удостоенъ званія доктора каноническаго права. Въ 1896 году освободилась кафедра викарнаго епископа лудско-житомирской епархіи, и на нее въ слѣдующемъ году былъ возведенъ; здѣсь на долю молодого епископа-суффрагана выпала тяжелая задача выказать свои административныя способности, чтобы, ѣсколько лѣтъ спустя, занять епископскую кафедру. 24-мая 1901 г. состоялся высочайшій указъ о назначеніи епископа на высокой постъ архіепископа могилевскаго, митрополита римско-католическихъ церквей въ Россіи, а 10 іюня состоялось врученіе палліума и присяга вновь назначеннаго митрополита. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 года, № 9678; «Виржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 77).

† **Лешъ, О. А.** 29 января скончался въ Кіевѣ сверштатный ординарный профессоръ университета св. Владимира Ѳедоръ Александровичъ Лешъ. О. А. родился въ Петербургѣ въ 1840 году, высшее образованіе получилъ въ военно-медицинской академіи, окончилъ ее въ 1863 году лѣкаремъ съ отличіемъ и былъ оставленъ при академіи на три года. Въ 1866 году О. А. удостоенъ былъ степени доктора медицины, а затѣмъ командированъ за границу съ ученою цѣлью. Въ 1871 году былъ избранъ доцентомъ военно-медицинской академіи по кафедрѣ частной патологіи и терапіи. Въ то же время онъ читалъ лекціи на женскихъ врачебныхъ курсахъ по діагностикѣ и велъ терапевтическую клинику. Въ 1885 году О. А. назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ университета, а въ 1890 г. ординарнымъ. О. А. въ теченіе почти 20 лѣтъ руководилъ занятіями кіевскихъ студентовъ въ клиническомъ отдѣлѣ Александровской городской больницы по врачебной діагностикѣ съ преподавательской

клиникой. Выслуживъ 30 лѣтъ, Ф. А. остался запятнымъ ординарнымъ профессоромъ. Ф. А. извѣстенъ такъ же, какъ авторъ 30 ученыхъ работъ, напечатанныхъ въ разныхъ русскихъ и иностранныхъ изданіяхъ. (Некрологи его: «Кіевлянинъ», 1903 г., № 30; «Кіевское Слово», 1903 г., № 5414).

† **Лисовскій, М. І.** 30-го января, скончался состоящій въ распоряженіи главнаго инженернаго управленія генераль-майоръ Михаилъ Іордановичъ Лисовскій. М. І. происходилъ изъ дворянъ Кіевской губерніи, родился 7-го августа 1841 года и былъ экстерномъ Владимирскаго-Кіевскаго кадетскаго корпуса, откуда въ 1859 году былъ выпущенъ прапорщикомъ въ 5-й саперный баталіонъ. Въ 1861 году онъ былъ командированъ въ техническо-гальваническое заведеніе, гдѣ подъ руководствомъ генерала Вансовича изучалъ минное и подрывное дѣло. Въ 1863 году М. І. былъ переведенъ въ гвардейскій Саперный баталіонъ, гдѣ постепенно занималъ должности: завѣдывающаго гальванической командою (1864 г.), казначея (1866 г.), командира школы солдатскихъ дѣтей (1870 г.) и члена суда общества офицеровъ (1874 г.). Въ 1875 году М. І. былъ назначенъ командиромъ гальванической учебной роты (нынѣ военно-электротехническая). Въ 1879 году онъ былъ произведенъ въ полковники, а затѣмъ въ 1883 году назначенъ командиромъ гренадерскаго сапернаго баталіона. Въ этой послѣдней должности онъ состоялъ 3 года, послѣ чего былъ переведенъ на должность помощника завѣдывающаго гальваническою частью инженернаго корпуса. Въ 1889 году онъ былъ произведенъ въ генераль-майоры. Послѣднюю свою должность Михаилъ Іордановичъ занималъ до преобразованія управленія гальваническою частью инженернаго корпуса въ управленіе электротехническою частью инженернаго вѣдомства. При этомъ преобразованіи въ 1895 году его должность была упразднена, но онъ въ виду выдающейся опытности по минной части и по заготовкѣ инженернаго имущества, съ особаго высочайшаго соизволенія 19-го марта 1895 года, былъ назначенъ въ распоряженіе главнаго инженернаго управленія, гдѣ до конца своей жизни исполнялъ обязанности предѣдателя коммисіи по выработкѣ образцовъ и техническихъ условій для заготовки инженернаго имущества и, кромѣ того, занимался разсмотрѣніемъ отчетовъ по нѣкоторымъ отдѣламъ спеціальнаго образованія инженерныхъ войскъ.

Но дѣятельность М. І. не ограничивалась спеціально служебною сферою. Его литературныя произведенія помѣщались на страницахъ «Инженернаго Журнала», «Интендантскаго Журнала», «Нивы», «Развѣдчика» и др. Первый учебникъ для гальваническаго класса инженерныхъ войскъ, касающійся подрывныхъ работъ, былъ имъ составленъ въ 1885 году. Его статья, помѣщенная на страницахъ «Инженернаго Журнала» въ 1900 году (№№ 1—3): «Приморскія крѣпости и флотъ», удостоилась 2-й преміи по рѣшенію инженернаго комитета, а статьи, касающіяся миннаго дѣла: «Дрейфующія мины» (1885 года), «Значеніе фугасовъ и контръ-минъ при оборонѣ крѣпостей» (1889 года), «Подводныя лодки и ихъ современное значеніе» (1901 гл.) и др., и до сихъ поръ служатъ весьма цѣнными справками по минной части. М. І. вообще отличался выдающеюся добротою и скромностью, и потому естественно онъ всегда и весь отдавался желанію прийти на помощь страждущимъ. Въ послѣднее время онъ состоялъ

товарищемъ предѣдателя петербургскаго отдѣла общества покровительства животнымъ. Его статья— «Нѣмые страдальцы», помѣщенная въ литературныхъ приложенияхъ къ «Нивѣ» за 1901 годъ и вышедшая въ 1902 году отдѣльною брошюрою, лучше всего характеризуетъ его доброе сердце и его жалость къ животнымъ, которыхъ, по выраженію автора, часто именуютъ друзьями человѣка, но отъ которыхъ люди еще чаще требуютъ или непосильной работы, или же подвергаютъ ихъ ужаснѣйшимъ пыткамъ (вивисекціи) во имя науки и на пользу человѣчества. Товарищи, сослуживцы и всѣ, кто только зналъ М. І., со смертію его потеряли рѣдкаго по своимъ душевнымъ качествамъ человѣка, а потому память объ немъ, конечно, навсегда у нихъ сохранится. (Некрологъ его «Русскій Певальдъ», 1903 г., № 27).

† **Лохвицкій, М. Д.** 16-го января скончался дѣйствительный тайный совѣтникъ Михаилъ Дмитріевичъ Лохвицкій, состоявшій въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ юрисконсультомъ военнаго министерства. Покойный родился въ 1829 году, образованіе получилъ въ Кіевскомъ университетѣ, который окончилъ по филологическому факультету въ 1853 году со знаніемъ кандидата правъ. Службу М. Д. началъ въ канцеляріи владимирскаго губернатора, при вятскомъ губернаторѣ чиновникомъ особыхъ порученій, а съ 1858 года перешелъ на службу въ военно-интендантское вѣдомство по провіантскому департаменту. Во время подготовленія судебной реформы М. Д. участвовалъ въ обсужденіи предположеній о примѣненіи новыхъ судебныхъ уставовъ. Съ 1867 года покойный назначенъ былъ юрисконсультомъ военнаго министерства, при чемъ состоялъ въ этой должности вплоть до 1898 года. По должности юрисконсульта М. Д. немало потрудился во всевозможныхъ комиссіяхъ и совѣщаніяхъ, такъ въ 1870 году онъ, въ качествѣ представителя военнаго министерства, принималъ участіе въ комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ; затѣмъ участвовалъ въ особомъ совѣщаніи для окончанія расчетовъ за войну съ Румыніей и балканскими княжествами. Особенно много М. Д. пришлось потрудиться при раскрытіи злоупотребленій по интендантскому вѣдомству въ русско-турецкую войну 1877—1878 годовъ, когда образована была извѣстная комиссія для разбора претензій подрядчиковъ Горвица, Грегера и Когана. Помино никогда неослабѣвавшей энергіи, покойный М. Д. отличался рѣдкою честностью и твердостью характера. (Некрологъ его: «Новое Время» 1903 года, № 9653).

† **Мингрельскій, Н. Д., свѣтлѣйшій князь.** 24-го января скончался послѣдній представитель владѣтельныхъ князей Мингреліи, свѣтлѣйшій князь Николай Давидовичъ Мингрельскій. Н. Д. сынъ покойнаго владѣтеля Мингреліи князя Давида Левановича Дадіани и княгини Екатерины Александровны, рожденной Чавчавадзе, родился 4-го января 1847 года. По смерти отца своего, въ 1853 году, онъ вступилъ во владѣніе Мингреліей, управленіе которой до совершеннолѣтія его было ввѣрено русскимъ правительствомъ особому совѣту. Въ день коронаціи императора Александра II, въ 1856 году, будучи 9 лѣтъ отъ роду. Н. Д., съ рожденія имѣвшій офицерскій чинъ, былъ назначенъ флигель-адъютантомъ его императорскаго величества. По достиженіи въ 1867 году 20-ти-лѣтняго возраста, Н. Д. отрекся отъ своихъ владѣльческихъ правъ въ

пользу Россійской державы и получилъ титулъ свѣтлѣйшаго князя Мингрельскаго. Н. Д. участвовалъ въ войнѣ 1877 и 1878 годовъ, и во время перваго перехода черезъ Балканы былъ въ отрядѣ генераль-адъютанта Гурко. По отъѣздѣ князя Александра Баттенбергскаго изъ Болгаріи, Н. Д. былъ официальнымъ кандидатомъ Россіи для занятія болгарскаго княжескаго престола, но противодѣйствіе европейскихъ державъ помѣшало выполнению этого плана. (Некрологъ его: «Биржевыя Вѣдомости», 1903 года, № 47).

† **Песковскій, М. Л.** 29-го января скончался въ домѣ призрѣнія душевнобольныхъ имени императора Александра III на Удѣльной небезызвѣстный публицистъ-журналистъ Матвѣй Леонтьевичъ Песковскій. Покойный родился въ 1843 году. По окончаніи курса на естественномъ факультетѣ Петербургскаго университета началъ свою дѣятельность на педагогическомъ поприщѣ и былъ преподавателемъ въ вятскомъ земскомъ училищѣ для распространенія сельскохозяйственныхъ, техническихъ и ремесленныхъ знаній и для приготовленія учителей. Поселившись въ Петербургѣ, онъ сталъ сотрудничать въ «Голосѣ», преимущественно по земскому отдѣлу, затѣмъ работалъ въ «Русскомъ Обозрѣніи», «Молвѣ», «Порядкѣ», «Новостяхъ»; писалъ статьи въ «Вѣстникъ Европы», «Русской Мысли», «Русской Старинѣ», принималъ близкое участіе въ изданіяхъ г. Вольфа и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Отдѣльно имъ изданы «Роковое недоразумѣніе; еврейскій вопросъ, его міровая исторія и путь къ разрѣшенію», біографіи К. Д. Ушинскаго и Н. А. Корфа и очерки «Въ глуши». (Некрологи его: «Новое Время», 1903 года, № 9665; «Новости», 1903 года, № 30).

† **Повало-Швыиковскій, А. Н.** Надняхъ скончался въ Москвѣ на 69-мъ году жизни одинъ изъ участниковъ русско-турецкой войны, бывшій военный губернаторъ и командующій войсками Ферганской области, отставной генераль-лейтенантъ Александръ Николаевичъ Повало-Швыиковскій. Покойный родился въ Смоленской губерніи и воспитывался въ московскомъ дворянскомъ пансіонѣ. Службу началъ въ Сумскомъ гусарскомъ полку, затѣмъ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, курсъ которой окончилъ по 1 разряду. Послѣ ряда служебныхъ перемѣщеній, участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ въ должности начальника штаба 2 кавалерійской дивизіи, причѣмъ за храбрость имъ получены золотое оружіе и орденъ Владимира 3 степени. Покойный былъ командиромъ пѣхотныхъ полковъ: Онежскаго, Тарутинскаго и Камскаго. Въ 1886 году назначенъ командиромъ 1-ой бригады 13-ой пѣхотной дивизіи, въ 1887 году командиромъ 2-ой бригады 28-ой пѣхотной дивизіи. Состоя въ послѣдней должности, А. Н., въ качествѣ председателя войсковой комиссіи, выполнилъ крупныя работы по сооруженію въ Ковно казармъ для Волжскаго и Уральскаго полковъ и 28-ой пѣхотной артиллерійской бригады. Затѣмъ председательствовалъ въ комиссіи по устройству стратегическаго шоссе отъ мѣстечка Олты до Оранъ. Въ 1891 году былъ назначенъ начальникомъ штаба гренадерскаго корпуса, въ 1892 году начальникомъ штаба Туркестанскаго военнаго округа, 1893 года военнымъ губернаторомъ и командующимъ войсками Ферганской области. Въ 1895 году А. Н. явился императорскимъ комиссаромъ по разграниченію Памировъ, при чемъ пробылъ въ этой отдаленной горной

страиѣ около 4-хъ мѣсяцевъ. Въ 1898 году, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, А. Н. уволенъ, по прошенію, въ отставку съ мундиромъ и пенсіей, послѣ чего проживать постоянно въ Москвѣ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 года, № 9679).

† **Розингъ, И. И.** 20-го января скончался членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, д. т. сов. Іліодоръ Івановичъ Розингъ. Покойный былъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, по своему дѣятельному участию, въ началѣ шестидесятихъ годовъ минувшаго столѣтія, въ трудахъ по преобразованію судебной части. Онъ родился въ 1830 году; образованіе получилъ въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, по окончаніи курса въ которомъ поступилъ 18-го мая 1849 года на службу въ министерство юстиціи. Произведенный въ 1864 году въ дѣйствительные статскіе совѣтники, И. И. былъ назначенъ на слѣдующій годъ оберъ-прокуроромъ 2-го отдѣленія 5-го департамента правительствующаго сената, а въ 1868 году—предсѣдателемъ департамента с.-петербургской судебной палаты. Въ 1870 году послѣдовало назначеніе покойнаго сенаторомъ, и съ тѣхъ поръ онъ принялъ плодотворное участіе въ руководящей дѣятельности уголовного кассационнаго департамента и общаго собранія кассационныхъ департаментовъ. Въ 1880 году И. И. былъ назначенъ предсѣдателемъ высочайше учрежденной при министерствѣ юстиціи комиссіи для обсужденія проекта общаго наказа о внутреннемъ распорядкѣ въ судебныхъ учрежденіяхъ, образованныхъ по уставу 20-го ноября 1864 года; въ 1881 году—первоприсутствующимъ въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ сената и затѣмъ членомъ комитета для начертанія проекта новаго уложенія о наказаніяхъ. 14-го мая 1896 года, въ день священнаго коронованія ихъ императорскихъ величествъ, И. И. былъ призванъ на высокій постъ члена государственнаго совѣта. 18-го мая 1899 года, въ день исполнившагося пятидесятилѣтія службы, покойному всемилоstinѣйше пожалованы были брилліантовые знаки ордена св. Александра Невскаго, при высочайшемъ рескриптѣ, въ которомъ выражена ему высочайшая благодарность за просвѣщенныя труды по департаменту гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и за долготѣтную, отмѣченную неуклоннымъ прямодушіемъ, судейскую службу. (Некрологъ его: «Правительственный Вѣстникъ», 1903 г. № 17).

† **Сеславинъ, Д. Н.** 1-го февраля послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался Дмитрій Николаевичъ Сеславинъ. Покойный напечаталъ цѣлый рядъ своихъ разсказовъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Кромѣ того, занимался составленіемъ словарей и самоучителей по англійскому, нѣмецкому, французскому и др. языкамъ. Д. Н. родился въ 1863 году, образованіе получилъ въ Константиновскомъ военномъ училищѣ. Службу началъ въ 10-мъ резервномъ баталіонѣ. Въ 1896 году вышелъ въ отставку и съ того времени занялся литературнымъ трудомъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 года, № 9670).

† **Смирновъ, Н. И.** 16-го января скончался въ Петербургѣ редакторъ картъ военно-топографическаго отдѣла при главномъ штабѣ генералъ-майоръ Николай Павловичъ Смирновъ. Покойный происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи Месковской губ., родился въ 1840 году. (Спеціальное образованіе

получилъ въ военно-топографическомъ дѣло въ Петербургѣ, переименованномъ впоследствии въ топографическое училище. Первый офицерскій чинъ Н. П. получилъ въ 1862 году. Съ этого же времени началась служба покойнаго; въ продолженіе почти 20 лѣтъ онъ участвовалъ въ геодезическихъ работахъ въ Финляндіи. Во время послѣдней русско-турецкой войны въ 1877—1878 годахъ покойный работалъ по съемкѣ Болгаріи. Съ 1881 г. по 1886 годъ Н. П. состоялъ помощникомъ начальника с.-петербургскаго топографическаго училища, гдѣ среди воспитанниковъ и сослуживцевъ пользовался большой популярностью и симпатіями, какъ опытный, умѣлый преподаватель и гуманный снисходительный начальникъ. Далѣе покойный нѣкоторое время былъ помощникомъ начальника по съемкѣ Финляндіи и наконецъ до послѣдняго времени состоялъ редакторомъ картъ въ военно-топографическомъ отдѣлѣ при главномъ штабѣ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 года № 9653).

† **Терещенко, Н. А.** 19-го января скончался въ Кіевѣ извѣстный багачъ и благотворитель Николай Артемьевичъ Терещенко. Н. А. родился въ 1819 г. въ Глуховѣ, образованіе получилъ въ мѣстномъ городскомъ училищѣ и занялся торговлей. Съ 1851 года въ теченіе шести трехлѣтій состоялъ сначала бургомистромъ, а затѣмъ городскимъ головою г. Глухова. Основаніе большому состоянію положено пріобрѣтеніемъ крупнаго Теткинскаго имѣнія въ Курской губ., но особенно разбогатѣлъ Н. А., когда переселился въ Кіевъ и пріобрѣлъ земли въ Юго-Западномъ краѣ. Н. А. умѣлъ использовать земельныя богатства края и понялъ выгоды свеклосахарной промышленности. Земельныя владѣнія Н. А. простираются до 80.000 десятинъ, при нихъ нѣсколько сахарныхъ заводовъ и разныхъ промышленныхъ предпріятій. На благотворительныя дѣла Н. А. пожертвовалъ до 5 милліоновъ рублей изъ нихъ, около 2 милліоновъ приходится на Кіевъ. За свои благотворительныя дѣла Н. А. получилъ чинъ тайнаго совѣтника и орденъ Вѣлаго Орла. (Некрологи его: «Кіевлянинъ», 1903 г., № 20; «Кіевское Слово», 1903 г., № 5403).

† **Шрейберъ, П. П.** Въ Италіи скончался извѣстный русскій архитекторъ, академикъ П. П. Шрейберъ. Послѣднія пятнадцать лѣтъ жизни почившій провелъ на островѣ Капри, куда заставило его уѣхать изъ Россіи разстроившееся здоровье. П. П., уроженецъ Петербургской губерніи, родился въ 1841 году. Успѣшно окончивъ съ золотой медалью Аннинское лютеранское училище, П. П. поступилъ въ академію на архитектурное отдѣленіе. Въ 1876 году П. П. получилъ уже званіе архитектора. Покойный участвовалъ во всѣхъ грандіозныхъ премированныхъ конкурсахъ своего времени. Особенно онъ пользовался успѣхомъ, какъ авторъ многихъ историческихъ памятниковъ. Его работѣ принадлежатъ памятники князя Васильчикова, графа Строганова, поэта Некрасова и многихъ другихъ. Изъ большихъ построекъ, воздвигнутыхъ покойнымъ, выдѣляются шлисельбургскіе пороховые заводы. Покойный состоялъ долгое время на службѣ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ принималъ дѣятельное участіе въ техническомъ комитетѣ. Въ послѣдніе годы своей дѣятельности въ Россіи П. П. выстроилъ всѣ лучшіе аристократическіе дома столицы. (Некрологъ его: «Виржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 57).

† **Феогностъ.** 22 января въ Петербургѣ скончался присутствовавшій въ святѣйшемъ синодѣ высокопреосвященный Феогностъ, митрополитъ кievскій и галицкій. Высокопреосвященный Феогностъ былъ однимъ изъ старѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ архипастырей российской церкви. Уроженецъ тверской епархiи, сынъ священника, въ мiрѣ Георгій Ивановичъ Лебедевъ, онъ родился въ 1830 году; образование получилъ—среднее въ Тверской духовной семинари, а высшее въ с.-петербургской духовной академiи. Передъ самымъ окончанiемъ академическаго курса, 14-го марта 1853 года, онъ принялъ иночество и былъ посвященъ въ iеродиакона, а вскорѣ по окончанiи курса, 6-го сентября того же года, возведенъ въ санъ iеромонаха. Первые годы своей службы о. iеромонахъ Феогностъ посвятилъ духовно-педагогической дѣятельности. Въ октябрь 1853 года онъ былъ назначенъ смотрителемъ Кирилловскаго духовнаго училища, новгородской епархiи, а по утверждени въ степенн магистра продолжалъ службу въ должностяхъ: профессора с.-петербургской и инспектора новгородской семинарiи. 24-го октября 1858 года iеромонахъ Ф. былъ возведенъ въ санъ архимандрита, въ 1861 году—назначенъ ректоромъ Орловской духовной семинари и черезъ три года перемѣщенъ на такую же должность въ подольскую семинарию. 13-го декабря 1866 года послѣдовало высочайшее повелѣнiе о бытiи покойному епископомъ балтскимъ, викарiемъ подольской епархiи. 22-го января 1867 года онъ былъ посвященъ въ епископскiй санъ, и съ того времени началось его долготѣнее, плодотворное святительское служенiе. 27-го iюня 1870 года преосвященный Ф. получилъ въ самостоятельное управленiе епархiю астраханскую, съ 7-го декабря 1874 года состоялъ епископомъ подольскимъ и брацлавскимъ, съ 9-го декабря 1878 года—епископомъ владимирскимъ и суздальскимъ. 15-го мая 1883 года преосвященный участвовалъ въ священномъ коронованiи въ Бозѣ почивающаго императора Александра III и возведенъ въ санъ архiепископа. 21-го ноября 1892 года послѣдовало его назначенiе на святительскую кафедру Великаго Новгорода, съ наименованiемъ архиепископомъ новгородскимъ и старорусскимъ, а 6-го мая 1895 года высокопреосвященный Ф. былъ возведенъ въ званiе члена святѣйшаго синода.

Неугомимый въ отпращенiи богослуженiй и ревностный къ проповѣданiю слова Божiя, высокопреосвященный Ф. дѣйствовалъ на насомыхъ въ духѣ и ревности древнихъ святителей православной церкви. Съ назначенiемъ на каменецъ-подольскую кафедру дѣятельность его носила уже самостоятельный характеръ. Онъ явился ревностнымъ борцомъ за идеи русской народности и принялъ на себя заботу церковно-историческаго описанiя края съ цѣлью показать, что Подолье было издревле православнымъ и русскимъ. По его иниціативѣ возникъ церковно-историческiй комитетъ подольской епархiи. Католическая пропаганда въ краѣ встрѣтила въ немъ горячаго поборника православiя. Чтобы укрѣпить сомнѣвающихся въ истинной вѣрѣ, онъ призывалъ къ жизни церковныя братства и открывалъ церковно-приходскiя школы для просвѣщенiя народа. При немъ были возстановлены многiя древнѣйшiя русскiя святыни.

Въ бытность его епископомъ владимирскимъ онъ много содѣйствовалъ прусiянiю духовно-учебныхъ заведенiй, которыя при немъ обновились съ ваѣшней и внутренней стороны, получили собственныя церкви, общекитiя, боль-

ницы, а иныя—образцовыя піколы и общества вспомошествованія. Основанное при немъ во Владимирѣ братство святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго, подъ непосредственнымъ руководствомъ преосвященнаго, учредило проповѣдническіе комитеты, открыло сотни церковно-приходскихъ школъ, завело внѣбогослужебныя бесѣды и религіозно-нравственныя чтенія, основало и составило братскую библиотеку и книжныя склады въ разныхъ мѣстахъ епархіи. Владыка руководилъ также братствомъ въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ. Много трудовъ и заботъ съ апостольскою ревностью положилъ онъ на увеличеніе храмовъ Божіихъ, учрежденіе должностей миссіонеровъ и устройство при братствѣ церковно-историческаго древлетохранилища для нагляднаго обличенія неправоты раскола. Прибытіе преосвященнаго  $\Theta$ . въ Новгородъ сразу отразилось на оживленіи епархіальной жизни. Прежде всего онъ обратилъ здѣсь вниманіе на дѣятельность братства святой Софіи, на усиленіе миссіонерскаго дѣла, на дѣятельность церковно-приходскихъ попечительствъ, съѣздовъ духовенства, епархіальнаго свѣчнаго завода и пр. Далѣе, благодаря особому попеченію высокопреосвященнаго, увеличилось число церковно-приходскихъ школъ, развилась учебно-просвѣтительная дѣятельность духовенства.

Особенно великую славу почившій святитель стяжалъ себѣ возобновленіемъ древнихъ историческихъ храмовъ. Владимирскій кафедральный соборъ, этотъ драгоценный семивѣковый памятникъ благочестивыхъ русскихъ князей, разрушавшійся и приходившій въ ветхость, стараніями владыки былъ обновленъ въ его первоначальномъ видѣ и благолѣпнѣ, и въ настоящее время является предметомъ восхищенія всѣхъ современниковъ и лучшимъ украшеніемъ города. По прибытіи въ Новгородъ высокопреосвященный  $\Theta$ . ревностно и энергически принялъ на себя заботы по возстановленію еще болѣе древняго великаго памятника родной старины—собора святой Софіи. Осуществленіе этого дѣла являлось весьма труднымъ; легче было бы воздвигнуть новый великолѣпный храмъ, но все превозмогли, при помощи Божіей, забота и терпѣніе, трудъ и любовь усопшаго святителя. 13-го августа 1900 года высокопреосвященный  $\Theta$ . былъ призванъ высочайшею волею на митрополичью кафедру въ Кіевъ.

Митрополитъ  $\Theta$ . велъ строгую монашескую, почти аскетическую жизнь. Ничто не заставило бы его, развѣ смертельная болѣзнь, какъ въ послѣдніе три дня, не присутствовать на ежедневномъ богослуженіи въ своей митрополичьей церкви или отказаться отъ совершенія литургіи въ торжественные праздники. Такъ же до конца своей жизни онъ безъ перерыва исполнялъ служебныя обязанности, а, находясь въ въ Петербургѣ, куда часто былъ вызываемъ для присутствія въ святѣйшемъ синодѣ, не пропускалъ ни одного засѣданія. Къ краткому очерку дѣятельности митрополита Феогноста прибавимъ еще то, что, занявъ послѣднюю должность кіевского митрополита, онъ явился усерднымъ поборникомъ распространенія миссіонерства въ Россіи и боролся съ пропагандой штундистовъ. Почившій владыка имѣлъ всѣ русскіе ордена до св. Александра Невскаго, украшеннаго брилліантами, включительно и брилліантовый крестъ на клобукѣ. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1903 г., № 18, «Новое Время», 1903 г. № 9658; «Новости» 1903 г. № 23; «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1903 г., № 22; «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г. № 40).



## ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

## I.

## Къ статьѣ г. Иноземцева о народномъ театрѣ.

Въ февральской книгѣ «Историческаго Вѣстника» г. Иноземцевъ, говоря о народномъ театрѣ въ Москвѣ въ 1872 году, дѣлаетъ, въ то же время, «поправку» къ моей статьѣ «Артистическая жизнь Москвы въ 70-хъ годахъ», напечатанной въ ноябрьской книгѣ того же журнала за минувшій годъ. Въ этой поправкѣ говорится о томъ, что г-жа Стрелетова, Никитинъ и Новиковъ не состояли въ труппѣ «Народнаго» театра (а играли въ слѣдующемъ году въ «Общедоступномъ»), а Рыбаковъ и Линовская «не играли въ Общедоступномъ театрѣ, и выступили въ Народномъ». На эту поправку объясняю слѣдующее. Не важно, какъ назывался театръ, въ которомъ играли названные артисты, тѣмъ болѣе, что это былъ одинъ и тотъ же театръ, выстроенный въ Москвѣ, на Солянкѣ, въ 1872 году, въ виду бывшей въ то время политехнической выставки: въ 1872 году онъ назывался Народнымъ, а въ 1873 году—Общедоступнымъ. Важно тутъ одно: это былъ первый частный театръ, допущенный въ столицѣ, гдѣ могли существовать лишь казенные театры, императорскіе.

Эти незначительная поправка въ 4 строки, сдѣланная г. Иноземцевымъ къ моей статьѣ, заключающей въ себѣ три печатныхъ листа, дала, однако, ему предлогъ высказать довольно смѣлую—чтобы не сказать болѣе—мысль, что я «пользовался очевидно (?) плохими источниками». Вотъ эта, собственно, нѣсколько рискованная фраза г. Иноземцева и обязываетъ меня высказать слѣдующее. Я писалъ свою статью не по газетамъ и афишамъ того времени, а по своимъ «запискамъ и воспоминаніямъ». Очень можетъ быть, что онѣ кажутся г. Иноземцеву «плохими» источниками, но онѣ представляютъ собою не сухой перечень театральной повседневной жизни того времени, а живой рассказъ о живомъ дѣлѣ и событіяхъ, коихъ я былъ очевидцемъ. При этомъ, смѣю увѣрить г. Иноземцева, что въ каждомъ человѣческомъ дѣлѣ возможны ошибки и неточности, и даже иногда болѣе замѣтныя и крупныя, чѣмъ тѣ, которыя онъ разыскалъ въ моей статьѣ. Лучшимъ доказательствомъ этой истины можетъ служить, напримѣръ, тотъ же г. Иноземцевъ и какъ разъ въ той же своей статейкѣ, о которой идетъ рѣчь Въ одномъ мѣстѣ (стр. 697) онъ утверждаетъ слѣдующую, якобы несомнѣнную, истину: «Федотовъ также сумѣлъ составить и труппу, въ которую входили такія силы, какъ Рыбаковъ, Бергъ, Макшеевъ, Писаревъ и др. кромѣ того, былъ достигнутъ такой ансамбль, какого не было въ то время на императорской сценѣ». И это говорить г. Иноземцевъ о труппѣ народнаго театра въ Москвѣ въ 1872 году, когда въ той же Москвѣ, въ то же самое время, существовала знаменитая, именно по своему ансамблю и крупнымъ дарованіямъ, труппа Малаго театра, въ кото-

рой были въ то время: Садовскій (отецъ), Шумскій, Самаринъ, Живокини, Никифоровъ (отецъ), Ръшимовъ, г-жи: Фодотова, Никулина, Ермолова, Висильева (Е. Н.), Акимова и др.! Очевидно, что г. Иноземцевъ, превознося труппу Народнаго театра, сформированную наскоро актеромъ Фодотовымъ, совсѣмъ позабылъ о знаменитой труппѣ Малаго театра, формировавшейся въ теченіе многихъ десятилѣтій и уже имѣвшей тогда, въ 1872 году, свою исторію и свои незабываемыя традиціи, а газеты и афиши того времени не смогли ему напомнить объ этой классической труппѣ московскаго императорскаго театра...

Ив. Захарьянъ (Якунинъ).

## II.

### Отвѣтъ г-жамъ Тиранъ и Скобельциной.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (№ 1, 1903 г.), въ отдѣлѣ «Замѣтки и поправки» помѣщена «поправка» (?) моего разсказа «Н. И. Бухаровъ и его дворецкій Данилычъ», въ которой дочери покойнаго Н. И. утверждаютъ, что разсказъ мой «отъ начала и до конца расходится съ истиной» — на томъ основаніи, что отецъ ихъ умеръ не въ 1861 году, а въ 1859 г., т.-е. до освобожденія крестьянъ. Дѣйствительно, если бы Н. И. Бухаровъ скончался въ 1859 году, то весь разсказанный мною эпизодъ знаменательнаго лѣта 1861 года не имѣлъ бы мѣста въ жизни Н. И. и былъ бы сплошною ложью. Но дѣло въ томъ, что Н. И. Бухаровъ скончался именно осенью 1861 года, въ чемъ приглашаю убѣдиться и дочерей покойнаго изъ прилагаемаго при семъ документа:

«Причта погоста Вышгорода Порховскаго уѣзда Псковской губ. Февраля 5 дня 1903 г. № 24.

«Г. земскому начальнику 3 уч. Опочецкаго уѣзда.

«На ваше отношеніе отъ 30 января 1903 г. за № 275-мъ сообщаемъ вамъ, что въ метрическихъ книгахъ нашей церкви записи о смерти Николая Ивановича Бухарова не имѣется; надпись же на надгробномъ монументѣ слѣдующая: Господь! Упокой души ихъ. Здѣсь покоится прахъ рабовъ Божіихъ отставнаго генераль-майора Николая Ивановича Бухарова, родивш.: 1800 г., сконч. 1861 года октября 19-го, и сына его Петра, родивш.: 1852 и сконч. 1855 года декабря 22-го.

«Священникъ Дмитрій Корзовъ.

«Діаконъ Василій Троицкій».

Охотно признаю, что въ моемъ правдивомъ описаніи эпизода, происшедшаго полъ-столѣтія тому назадъ, могли вкрасться неточности, напримѣръ, имя дворецкаго, бывшаго капельмейстера, «Данилычъ» могло быть и «вымышленнымъ». Мужъ мой, со словъ, котораго я написала это воспоминаніе о посѣщеніи его отцомъ и имъ, тогда 12-лѣтнимъ мальчикомъ, генерала Бухарова въ его селѣ Михалево, въ первое лѣто по освобожденіи крестьянъ, отчетливо запомнивъ всѣ характерныя особенности этого посѣщенія, могъ запомнить точное имя дворецкаго; онъ сказалъ мнѣ: «кажется, его звали Данилычемъ».

Но я и теперь полагаю, что для сущности рассказаннаго эпизода совершенно безразлично, называли ли стараго дворецкаго Данилычемъ, или Кондратиемъ, во всякомъ случаѣ—это лицо не вымышленное. Возможно, что въ семьѣ Бухаровыхъ его не называли дворецкимъ, а просто лакеемъ, но ужъ никакъ не «служителемъ», ибо такого и термина не было для обозначенія должностей крѣпостныхъ дворовыхъ. «Служители» въ казенныхъ мѣстахъ только были. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ допустить, что и по отношенію къ обстоятельствамъ смерти этого двороваго человѣка память такъ же могла измѣнить авторамъ «поправки», какъ и по отношенію смерти ихъ родителя.

Далѣе, нисколько не нарушая почтенія къ дочерямъ и доброй памяти объ отцѣ ихъ, Н. И. Бухаровѣ, я позволю себѣ объяснить, что эпитетъ «дядька» такого-то полка не только не представляетъ унизительнаго прозвища, которымъ могли бы огорчиться дочери или друзья покойнаго, но напротивъ, это, какъ извѣстно, почетный эпитетъ, прилагавшійся къ старымъ, заслуженнымъ и популярнѣйшимъ въ полку офицерамъ, каковымъ и былъ Н. И. Бухаровъ, одинъ изъ такихъ «предсѣдателей бесѣдъ», какіе упоминаются и партизаномъ Денисомъ Давыдовымъ:

«Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ?

«Гдѣ гусары коренные,

«Предсѣдатели бесѣдъ?»...

Касаясь другихъ «неточностей», указанныхъ въ моемъ повѣствованіи, какъ, напримѣръ, «о безпорядкѣ въ домѣ помѣщика и о стиркѣ, будто бы, его дочерями воротничковъ»,—позволю себѣ напомнить и разъяснить г-жамъ Тиранъ и Скобельциной, что въ этихъ исторически точныхъ деталяхъ тоже нѣтъ ничего оскорбительнаго, какъ для дочерей покойнаго, такъ и для ихъ почтенной матери, всѣми уважаемой Жозефины Захаровны, а совершенно напротивъ: эти подробности характеризуютъ лишь, какъ въ такой дѣйствительно фатальный въ жизни многихъ русскихъ помѣщиковъ моментъ г-жа Бухарова, именно, какъ умная, энергичная и «привыкшая къ опрятности иностранка», не растерялась и не сложила безпомощно рукъ своихъ... Если же дочери покойнаго не были свидѣтельницами сцены на балконѣ Михалевскаго дома и того именно необычнаго безпорядка, какой застали мой свекоръ и мой мужъ во время описаннаго мною посѣщенія, то это объясняется именно отсутствіемъ въ домѣ хозяйки и ея дочерей: Жозефина Захаровна была тогда въ Порховѣ съ цѣлью приискать необходимую прислугу взаимѣвъ разбѣжавшихся въ ту пору дворовыхъ.

Но, тѣмъ не менѣе, допуская, что г-жамъ Тиранъ и Скобельциной, по непредвидѣннымъ мною ихъ личнымъ особенностямъ, показалось обиднымъ упоминаніе въ печати о томъ почтенномъ моментѣ самопомощи, къ какому столько же въ силу историческаго событія, сколько и «привычкой къ опрятности» были призваны въ упомянутую минуту многія русскія барыни,—я совершенно искренно прошу извиненія за неумышленно причиненное имъ огорченіе.

А. Ю. Вязюкина.

## III.

## Письмо въ редакцію.

Очень благодаренъ г. Тагѣву за сочувственную рецензію моей книги «На окраинахъ», но и наугаль же меня!..

Онъ упрекнулъ въ томъ <sup>1)</sup>, что я напрасно родню евреевъ съ мусульманами. Я развернулъ стр. 69-ю своей книги и понялъ причину недоразумѣнія. Я говорю сначала о группѣ мусульманъ, а потомъ о двухъ евреяхъ. Мусульманъ сблизила религія, и спайкой для евреевъ служила тоже религія. Одинъ мусульманинъ родился, быть можетъ, въ Анатолиі, а другой въ Крыму, и все-таки у нихъ были общіе интересы. Одинъ еврей—изъ Минска, а другой изъ Стамбула, и они также дружно бесѣдуютъ и раздѣляютъ хлѣбъ-соль. Въ заключеніе я сдѣлалъ слѣдующій выводъ: «И мусульманъ и іудеевъ религія соединяла, сблизжала и роднила».

Я подразумѣвалъ это сближеніе отдѣльно для мусульманъ и отдѣльно для евреевъ. Однако г. Тагѣвъ истолковалъ иначе. Слѣдовательно, выразился я не достаточно точно. Моя вина. Вѣкъ живи—вѣкъ учись. Тѣмъ не менѣе мнѣ не хочется, чтобы читатели «Историческаго Вѣстника» остались при убѣжденіи о моемъ незнаніи истинныхъ отношеній, существующихъ между мусульманами и евреями.

Въ разъясненіи этого недоразумѣнія и заключается цѣль моего письма.

В. С. Кривенко.



<sup>1)</sup> «Историческій Вѣстникъ», 1903 г. февраль, стр. 770.

чтобы стянуть сѣтку, которую онъ сдѣлалъ на своей рукѣ, обматывая тетиву лука вокругъ своихъ пальцевъ и ладони, какъ обыкновенно дѣлалось до изобрѣтенія отбойника. Вдругъ онъ полуобернулся и всталъ предъ Жильбертомъ съ раздвинутыми ногами, сложивъ руки на груди. Онѣ были обнажены до локтя, такъ какъ онъ снялъ свою суконную куртку и остался въ вышитой рубашкѣ, засучивъ рукава. Его рубашка была стянута на тальфъ кожанымъ поясомъ, а ея воротникъ была совершенно свободенъ и полуоткрытъ. Голова мальчика была обнажена, и онъ былъ очень красенъ и разгоряченъ.

— Отвѣтите ли вы, мистеръ Жильбертъ, откровенно на одинъ вопросъ?—спросилъ онъ, смотря въ глаза своего друга.

Жильбертъ привыкъ обращаться съ нимъ, какъ съ взрослымъ мужчиной, что дѣлали всѣ окружавшія его лица, исключая королевы, и отвѣтилъ утвердительно кивкомъ головы.

— Не находите ли вы,—спросилъ мальчикъ,—что французская королева самая красивая женщина въ свѣтѣ?

— Да,—отвѣтилъ Жильбертъ не улыбаясь и безъ малѣйшаго колебанія.

Очень сближенные глаза молодого принца заблестѣли все усиливавшимся гнѣвомъ, въ то время какъ багровѣла его шея, и кровь поднималась къ щекамъ, а отъ лица ко лбу.

— Такъ вы любите ее?—гнѣвно спросилъ онъ Жильберта.

И слова съ трудомъ сходили у него съ языка.

Хотя Жильберта не такъ-то легко было застать врасплохъ, но это заключеніе было такъ внезапно и неожиданно, что прежде чѣмъ улыбнуться, онъ вытаращилъ глаза отъ удивленія.

— Я?...—спросилъ онъ:—я люблю королеву?... Столько же, какъ мечтаю добиться королевской короны.

Генрихъ пристально посмотрѣлъ на него еще съ минуту, затѣмъ кровь медленно исчезла съ его лица, сдѣлавшагося спокойнымъ.

— Я вижу, что вы серьезны,—сказалъ онъ, поднимая мячъ, закатившійся къ его ногамъ,—хотя не понимаю, почему не овладѣть бы короной короля, какъ и его женой?

При этихъ словахъ онъ ударилъ по мячу.

— Вы слишкомъ молоды, чтобы нарушить разомъ всѣ десять заповѣдей,—замѣтилъ Жильбертъ.

— Молодъ!—воскликнулъ мальчикъ, держа мячъ на воздухѣ:—такими же были: Давидъ, когда убилъ великана, Геркулесъ, когда задушилъ змѣя, какъ вы рассказывали на-дняхъ. Молодъ!—повторилъ онъ во второй разъ, силясь сдержать презрѣніе.—Вы должны знать, мистеръ Жильбертъ, что тринадцатилѣтній Пантагенетъ равняется какому бы то ни было двадцатилѣтнему мужику. Какъ я могъ побѣдить васъ, играя въ мячъ, хотя вы старше меня шестью годами, такъ я могу побить васъ

другимъ образомъ и относительно королевы, хотя она на половину влюблена въ васъ, какъ говоритъ весь дворъ. Въ одинъ прекрасный день она будетъ моею, если даже ради этого я долженъ буду убить этого короля молитвослова съ круглымъ, какъ блюдо, лицомъ.

Жильбертъ не былъ застѣнчивъ, какъ не отличался и физической трусливостью, но все-таки онъ посмотрѣлъ вокругъ себя съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, когда мальчикъ произнесъ эти хвастливыя угрозы.

Мѣсто, избранное ими для игры въ мячъ, представляло глубокій тѣнистый уголь, гдѣ церковь образовала правое крыло замка. Каждое утро, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, дюжины барановъ и ягнятъ выщипывали тамъ траву, послѣ чего ихъ запирали въ стойла, находившіяся на другомъ концѣ двора замка. Трава, быстро выроставшая тамъ, сохранялась свѣжею даже въ самые жаркіе дни, благодаря глубокой тѣни. Стѣна церкви, выстроенная изъ каменныхъ плитъ, была плоская и гладкая. Она поддерживалась чрезъ правильные промежутки откосными устоями, стремившимися въ вышину, прямо съ каменныхъ скатовъ около аршина вышины. Промежутокъ между послѣднимъ устоемъ и стѣною замка служилъ прекраснымъ мѣстомъ для игры, и поистинѣ образцомъ площадокъ для современной игры въ мячъ, повидимому, взявъ подобный уголокъ архитектуры старыхъ церквей. Стѣна замка была съ этой стороны также гладкая, почти безъ оконъ. Только въ нижнемъ этажѣ, на большомъ разстояніи отъ угла, было одно окно; другое же было, по меньшей мѣрѣ, въ четырехъ или пяти футахъ отъ земли, какъ разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ играли Жильбертъ и Генрихъ. Оно было сдѣлано на нормандскій образецъ съ двумя круглыми арками, тянувшимися къ капители грубо вытесанной маленькой каменной колонны, раздѣлявшей ихъ. Играя въ мячъ, Жильбертъ часто замѣчалъ это окно; хотя оно было иногда не предъ его глазами, однако даже тогда онъ инстинктивно оборачивался назадъ по направленію къ нему.

Нѣжный, тихій смѣхъ раздался въ лѣтнемъ воздухѣ надъ его головою. Онъ поднялъ глаза, чтобы узнать, откуда неслись эти серебристые звуки. Юный Генрихъ тоже повернулъ глаза по тому же направленію и промахнулся поймать мячъ.

Его дѣтское пухлое лицо сдѣлалось алымъ; Жильбертъ же медленно поблѣднѣлъ, подался шагъ назадъ и, снявъ свою круглую заостренную шляпу съ бѣлокурыхъ волосъ, привѣтствовалъ королеву.

— Вы слышали насъ, сударыня,—воскликнулъ мальчикъ, красный отъ гнѣва:—но я этому радъ, потому что вы услышали правду.

Королева опять засмѣялась и обернула голову, какъ будто съ цѣлью убѣдиться, не находится ли ктонибудь позади ея въ ком-

натѣ. Ея бѣлая рука была положена на каменный подоконникъ; это означало, что она намѣрена уйти. Жильберту даже казалось, что ея тонкіе пальцы ударили по камню успокоительно. Затѣмъ она снова склонилась. Нѣсколько запоздавшихъ цвѣтовъ и душистыхъ травъ росли въ вазѣ, стоявшей въ нишѣ окна. Это были душистый базиликъ, розмаринъ и вѣточка плюща, который попробовалъ зацѣпиться за тонкую колонну и, успѣвъ въ этомъ лишь на половину, висѣлъ надъ краемъ окна. Единственная мѣсячная роза вносила живость оттѣнка въ красивый зеленый тонъ.

Королева еще улыбалась, когда клала на край подоконника свои локти, а на скрещенныя руки свой подбородокъ.

Она была довольно близко отъ игроковъ въ мячъ, чтобы они могли слышать ее, даже если бы она говорила вполголоса.

— Вы сердитесь на то, что мистеръ Жильбертъ испугался? — спросила она, глядя на Генриха:—или вы боитесь потому, что его высочество, графъ Анжуйскій, въ гнѣвъ?—прибавила она, поворачивая глаза къ Жильберту.

Онъ улыбнулся ея манерѣ, съ какой она начала разговоръ. Генрихъ же подумалъ, не насмѣхается ли она надъ нимъ, и покраснѣлъ еще болѣе.

Не удостоивая ея отвѣтомъ, онъ поднялъ мячъ и подбросилъ его довольно ловко надъ навѣсомъ, играя одинъ. Королева опять засмѣялась уже надъ тѣмъ, что онъ такъ рѣшительно отвернулъ отъ нея свое лицо.

— Хотите ли вы поучить меня играть въ мячъ, тогда я сойду къ вамъ?—спросила она Генриха.

— Это не женская игра,—отвѣтилъ онъ рѣзкимъ тономъ, продолжая подбрасывать мячъ.

— А вы, мистеръ Жильбертъ, не дадите ли мнѣ урока?

Когда королева обернулась къ молодому человѣку, то смѣявшіеся глаза королевы сразу сдѣлались серьезными, улыбавшіеся губы выражали нѣжность, а голосъ дышалъ лаской.

Не смотря на нее, Генрихъ чувствовалъ эту перемѣну и видѣлъ, что она наблюдаетъ за его другомъ. Онъ подбросилъ мячъ, какъ попало, закинувъ его слишкомъ высоко, чтобы имѣть возможность поймать. Не безпокоясь о томъ, куда онъ укатился, разгнѣванный принцъ удалился; поднявъ свой кафтанъ, положенный на траву. Накинувъ его на руку, онъ надѣлъ на голову другою рукою свою остроконечную шапку и удалился съ видомъ оскорбленнаго достоинства. Королева слѣдила за нимъ улыбающимися глазами, но болѣе не смѣялась.

— Не выучите ли вы меня игрѣ въ мячъ?—спросила она Жильберта, колебавшагося, что ему предпринять.—Вы еще не отвѣтили мнѣ.

— Я буду всегда готовъ къ услугамъ вашего величества,—отвѣтилъ молодой человѣкъ, склоняя немного голову и дѣлая жестъ

рукою, въ которой была его шляпа, какъ бы отдаваясь въ ея распоряженіе.

— Во всякое время?—спросила она спокойно.

Жильбертъ поднялъ глаза, опасаясь дать обѣщаніе, важности котораго онъ не понималъ,—и не отвѣтилъ сразу. Но она не повтори-  
ла своего вопроса.

— Подождите, — сказала она, прежде чѣмъ онъ заговорилъ:— я сойду къ вамъ.

Она сдѣлала жестъ, почти неуловимый, какъ бы посылая ему привѣтъ, и исчезла. Жильбертъ сталъ прогуливаться, заложивъ руки за спину и устремивъ глаза въ землю; онъ замѣтилъ заброшенный Генрихомъ мячъ лишь тогда, какъ едва не наступилъ на него. Слова мальчика пробудили въ его умѣ вереницу совершенно новыхъ мыслей. Ни одинъ мужчина не лишенъ настолько тщеславія, чтобъ не быть польщеннымъ, даже противъ своего желанія, при мысли, что самая красивая женщина и, болѣе того, королева влюбилась въ него. Но какое удовлетвореніе ни испытывалъ бы Жильбертъ, королева была смущена его равнодушіемъ и его личной холодностью. Впрочемъ, это былъ вѣкъ безхитростный, когда грѣхи назывались ихъ именемъ и разматривались самыми честными джентльменами съ нѣкотораго рода ужасомъ, на половину религіознымъ, но главное съ почтительнымъ отвращеніемъ. Все, что было общимъ, выраженіемъ узкой, но возвышенной морали, въ послѣдніе мѣсяцы запечатлѣлось въ душѣ Жильберта пылающими буквами, которыя были ранами, все еще существующими и нанесенными воспоминаніемъ о стыдѣ своей собственной матери.

Смущеніе отъ этихъ размышленій улеглось при появленіи королевы Элеоноры. Она вышла изъ нижняго этажа чрезъ окно, открывавшееся на землю; бросила взглядъ кругомъ пустыннаго двора и приблизилась къ Жильберту. Онъ уже достаточно долго пробылъ въ Парижѣ и понималъ, что королева Элеонора не обращала ни малѣйшаго вниманія на установленныя правила, официальные предразсудки и суровыя традиции при дворѣ ея мужа. И когда однажды Людовикъ серьезно запротестовалъ противъ ея мысли одѣваться по-мужски въ кольчугу и ѣздить верхомъ по-мужски на своемъ любимомъ скакунѣ, она съ большей или меньшей милостью, согласно своему настроенію, внушала ему, что ея владѣнія значительнѣе французскаго королевства, и чему научилъ ее Вильгельмъ Аквитанскій, было безусловно хорошо и выше всякой критики Людовика Капета, происходившаго отъ парижскаго мясника. Тѣмъ не менѣе англичанинъ испытывалъ нѣкоторый благоразумный страхъ при мысли, что онъ, скромный оруженосецъ, находится въ этомъ уединенномъ уголкѣ съ самой красивой и самой могущественнѣйшей изъ царствовавшихъ королевъ. Но, обладая почти сверхъестественнымъ даромъ быстро угадывать, Элеонора знала о



чемъ онъ думалъ, прежде чѣмъ подошелъ къ ней. Она заговорила очень просто, какъ будто подобное свиданіе было изъ числа обыкновенныхъ случайностей.

— Вы не знали, что это мое окно? — сказала она очень спокойно. — Я видѣла ваше удивленіе, когда вы замѣтили, что я на васъ смотрю. Это окно маленькаго зала, находящагося позади моей комнаты, а внизъ ведетъ лѣстница. Я часто прохожу здѣсь, но я мало безпокоюсь о томъ, что дѣлается въ замка. Сегодня, проходя, я услышала голосъ этого глупаго разгнѣваннаго ребенка, и когда я увидѣла его лицо и услышала его слова, то не могла удержаться отъ смѣха.

— Молодой принцъ прямодушень, — сказалъ спокойно Жильбертъ, такъ какъ ему казалось вѣроломнымъ присоединяться къ смѣху королевы.

— Прямодушень, — возразила королева: — дѣти всегда прямодушны.

— Тѣмъ болѣе они заслуживаютъ уваженія, — сказалъ Жильбертъ.

— Меня никогда не учили уважать дѣтей, — отвѣтила королева со смѣхомъ.

— Такъ вы никогда не читали Ювенала? — спросилъ Жильбертъ.

— Вы часто рассказываете мнѣ о предметахъ, о которыхъ я раньше не слыхала, — отвѣчала королева. — Можетъ, быть это причина, почему вы нравитесь мнѣ.

Королева остановилась и оперлась на стѣну, такъ какъ они дошли до угла двора. Она задумчиво закусила зубами побѣгъ розмарина, который, проходя, сорвала на своемъ окнѣ. Жильбертъ не могъ удержаться, чтобы не восхититься маленькими бѣлыми зубами, рѣзавшими, какъ ножами слоновой кости, тонкіе зеленые листочки. Но королева отвернула отъ него свои задумчивые глаза.

Жильбертъ считалъ необходимымъ прекратить молчаніе.

— Ваше величество очень добры, — сказалъ онъ, почтительно склоняясь.

— Что сдѣлало васъ такимъ печальнымъ? — спросила она внезапно, послѣ короткой паузы и смотря ему прямо въ лицо. — Развѣ Парижъ такъ скученъ? Нашъ дворъ суровъ? Развѣ вино моей Гасконны такъ кисло, что вы не хотите быть веселымъ, какъ другіе, или... — она слегка засмѣялась — или съ вами обращаются не съ достаточнымъ почтеніемъ и вниманіемъ, какое должно бы оказывать человѣку вашего класса? Жильбертъ выпрямился, нѣсколько оскорбленный этой шуткой.

— Вы хорошо знаете, государыня, что я не принадлежу ни къ какому привилегированному классу, — сказалъ онъ: — и если вамъ угодно было бы предложить мнѣ достойное испытаніе, дающее право

заслужить рыцарство, я однако принялъ бы его лишь отъ моей законной государыни.

— Какъ, напримѣръ, выучить меня игрѣ въ мячъ? — спросила она, дѣлая видъ, что не слышала окончанія его фразы. — Вы можете сдѣлаться рыцаремъ одинаково, какъ за это, такъ и совсѣмъ за другое.

— Ваше величество никогда не бываете серьезны, — замѣтил Жильбертъ.

— Нѣтъ, иногда, — отвѣчала королева и опустила глаза:—вы находите, что я недостаточно часто бываю серьезна? А вы... бываете такимъ... слишкомъ часто, всегда такой?

— Будь я королевой Франціи, то навѣрно имѣлъ бы такое же легкомысленное сердце, — сказалъ Жильбертъ: — но если бы ваше величество сдѣлались Жильбертомъ Вардомъ, то, можетъ быть, вы были бы еще печальнѣе меня. — И онъ съ горечью засмѣялся. Элеонора подняла брови и спросила съ отгѣнкомъ ироніи:

— Вы такъ молоды и уже имѣли столько огорченій?

Но въ то время-какъ она смотрѣла ему въ глаза, на его лицѣ появилось выраженіе истиннаго, жестокаго страданія, которое невозможно скрыть.

Онъ оперся на стѣну, устремивъ неопредѣленно глаза передъ собою. Тогда королева, видя, что неосторожно коснулась незалѣченной раны, бросила на него взглядъ состраданія и снова закусила розмариновый побѣгъ; понуривъ голову, она медленно пошла къ слѣдующему устою. Тамъ она повернула назадъ и, направившись обратно, подошла къ нему. Прикоснувшись пальцемъ до его скрещенныхъ рукъ, она посмотрѣла ему въ глаза, устремленные далеко чрезъ ея голову.

— Я не хотѣла ни за что на свѣтѣ причинить вамъ нравственную боль, — сказала она очень серьезно:—я хочу быть вашимъ другомъ, лучшимъ другомъ... Понимаете вы это?

Жильбертъ пришелъ въ себя и, опустивъ глаза, увидѣлъ приближенное къ нему лицо Элеоноры. Это положеніе должно было бы его взволновать, но сходство королевы съ его матерью поставило такую между ними ледяную преграду, о которой онъ даже не помышлялъ.

— Вы очень добры, государыня, — сказалъ онъ:—бѣдный оруженосецъ безъ пристанища и состоянія не можетъ быть другомъ королевы Франціи.

Она слегка отодвинулась, но ея рука продолжала опираться на руку Жильберта.

— При чемъ же земли и состояніе въ вопросѣ дружбы... любви? — спросила она: — очагъ дружбы въ сердцѣ тѣхъ, кто ее испытываетъ, благоденствіе дружбы—вѣра въ нее.

— Да, государыня, это должно быть такъ, — отвѣтилъ Жильбертъ.

Ея голосъ разгорячился и задрожалъ.

— Тогда будьте моимъ другомъ,—продолжала она.

Ея рука протянула ему руку въ ожиданіи, что Жильбертъ положить въ нея свою.

Онъ взялъ ее и поднесъ къ губамъ, дѣлая жестъ, что преклоняетъ колѣно.

— Поберегите это для двора,—сказала она.—Когда мы одни, воспользуемся нашей свободой и будемъ простыми человѣческими существами, мужчиной и женщиной, другомъ и подругой.

Жильбертъ все еще держалъ ея руку и видѣлъ только настоящую истину подъ маской дружбы, которой она скрывала разрастающуюся любви. Онъ былъ молодъ и считалъ себя одинокимъ, почти безъ друзей. Его сердце внезапно наполнилось благотворной теплотой, смѣшанной съ дѣйствительной признательностью въ настоящемъ и самой рыцарской преданностью въ будущемъ.

Элеонора чувствовала, что отчасти одержала побѣду и сразу потребовала привилегію дружбы.

— Такъ какъ мы друзья,—сказала она, не оставляя его руки,— не окажете ли вы мнѣ довѣріе и не расскажете ли, что разбило вамъ сердце? Можетъ быть, я помогу вамъ? Скажите мнѣ все,—повторила она:—скажите о себѣ все.

Жильбертъ колебался, а королева, прочитавъ на его лицѣ нерѣшительность, нѣжно пожала ему руку, поощряя его на откровенность. Убѣдительно-нѣжный голосъ Элеоноры производилъ на него еще большее впечатлѣніе, чѣмъ ея красота. Прежде чѣмъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ, Жильбертъ шелъ медленно слѣва отъ королевы въ тѣни церкви и рассказывалъ ей свою исторію. Заинтересованная королева молча слушала его, слегка повернувъ къ нему свою голову; ихъ глаза встрѣчались съ обоюдной симпатіей. Разумѣется, онъ не рассказавъ бы своей исторіи мужчинѣ, не рассказавъ бы ея и женщинѣ, которую любилъ. Элеонора же представлялась ему новой, невѣдомой связью, и его сердце освѣтилось тихимъ свѣтомъ дружбы, и въ немъ зародилось неожиданное довѣріе.

Онъ рассказавъ все, что случилось съ нимъ, отъ начала до конца; но звуки его собственныхъ словъ казались ему странными. Онъ рассказывалъ ей о томъ, что видѣлъ два, три года назадъ, какъ будто это были совсѣмъ недавнія событія. Неразъ онъ неожиданно прерывалъ рассказъ, будучи охваченъ ужасомъ отъ того, что рассказывалъ, почти сомнѣваясь даже въ своемъ собственномъ свидѣтельствѣ. Впрочемъ кое о чемъ онъ умолчалъ... онъ не сказалъ о Беатрисѣ и не намекнулъ о любви, наполнявшей его грудь и занявшей мѣсто въ его жизни.

Сдѣлавъ множество поворотовъ, онъ едва сознавалъ, что королева взяла его подъ руку и отъ времени до времени нѣжно пожимала ее въ знакъ симпатіи.

Когда онъ окончилъ дрожавшимъ голосомъ свой рассказъ о томъ, какъ отправился въ свѣтъ искать счастья, королева остановила его, и оба стояли неподвижно.

— Бѣдный мальчикъ,—прошептала она тихимъ голосомъ:—бѣдный Жильбертъ!

Она сдѣлала съ умысломъ удареніе на его имени.

— Свѣтъ сильно задолжалъ вамъ... не онъ заплатитъ этотъ долгъ.

Она улыбнулась, произнося послѣднія слова, и еще неожиданнѣе и крѣпче пожала ему руку. Жильбертъ тоже улыбнулся, но съ видомъ недоувѣрія. Затѣмъ она посмотрѣла на свою руку, лежащую на его рукавъ, и задумчиво сказала:

— Но это не все, развѣ не было женщины въ вашей жизни... не было любви... особы, которая была для васъ дороже всего, что вы потеряли?

Легкій румянецъ покрылъ щеки Жильберта и тотчасъ же исчезъ.

— Ее у меня тоже отняли,—сказалъ онъ тихимъ, но твердымъ голосомъ.—Это была дочь Арнольда Курбойля... Женясь на моей мамари, онъ сдѣлалъ изъ своей дочери мою сестру. Вы знаете законъ церкви?

Элеонора раскрыла ротъ, чтобы отвѣчать, и тотчасъ закрыла его, не произнеся ни слова; ея вѣки полузакрылись, заволакивая ея загадочный взглядъ. Если Жильбертъ Вардъ не зналъ, что церковь въ подобныхъ случаяхъ соглашается на разрѣшеніе, зачѣмъ ему объ этомъ говорить?

— Впрочемъ,—прибавилъ онъ:—я не могу теперь на ней жениться иначе, какъ силою похитивъ ее у отца.

— Безъ сомнѣнія,—отвѣтила, все еще раздумывая, королева:—она бѣлокурая?

— Нѣтъ, у нея черные волосы,—отвѣтилъ Жильбертъ.

— Я хочу сказать, красива ли она?—возразила королева.

— Для меня, да, — сказалъ Жильбертъ:—она самая красивая женщина въ свѣтѣ. Но иначе и быть не можетъ. Я никогда не слышалъ, чтобы кто нибудь говорилъ мнѣ о ней. Она не такъ прекрасна, какъ ваше величество... ея красота не лучезарна, не великолѣпна и не совершенна... Но на мои глаза она очаровательна...

— Я очень хотѣла бы ее видѣть,—прибавила королева.

Послѣдовало молчаніе, и они снова начали ходить попрежнему рядомъ, но рука Элеоноры уже не была въ рукѣ Жильберта. Она угадала, что глаза ея спутника сосредоточились на далекомъ лицѣ, что его рука жаждала пожатія не ея руки, и легкая дрожь почти болѣзненнаго разочарованія охватила все ея существо; королева не привыкла встрѣчать сопротивленіе, какъ въ мелкихъ, такъ и въ крупныхъ вопросахъ.

Красивый англичанинъ страшно притягивалъ ее не одними только своими виѣшними качествами; какая-то тайна витала надъ

нимъ, и со дня его прїѣзда въ Парижъ она испытывала необъяснимое, обаятельное любопытство, которое обѣщала себѣ рано или поздно удовлетворить. Теперь, узнавъ его жизнь, она еще болѣе полюбила Жильберта и почувствовала непреодолимое желаніе видѣть молодую дѣвушку, занявшую первое мѣсто въ его существованіи. Она старалась вызвать въ своемъ воображеніи смуглое молодое лицо, о которомъ онъ говорилъ, но ея мозгъ порождалъ лишь зловѣщее видѣніе. Когда Жильбертъ вновь заговорилъ, она настолько была взволнована, что замѣтно вздрогнула.

— Ваше величество, вы ничего мнѣ не прикажете? — спросилъ онъ:—развѣ ничѣмъ не могу доказать мою благодарность?

— Ничего, я ничего отъ васъ не потребую,—отвѣтила она:—будьте лишь истиннымъ моимъ другомъ... другомъ, которому я могла бы довѣриться, съ которымъ я могла бы говорить совсѣмъ искренно, какъ съ собственной душой, и которому я могла бы сказать, какъ сердечно я ненавижу свой образъ жизни.

Она произнесла послѣднія слова порывисто, съ увлеченіемъ и дикимъ недовольствомъ, такими же искренними, какъ ея доводы.

— Какимъ образомъ ваша жизнь можетъ быть вамъ ненавистна? — спросилъ Жильбертъ, глубоко удивленный и далеко не узнавшій ея такъ же хорошо, какъ знала королева его.

— Какъ же жизни не быть для меня ненавистной, — сказала она:—когда всѣ природныя желанія, заслуживающія труда существовать, заглушены, прежде чѣмъ пробудятся? О! какъ часто желаю я быть мужчиной!

— Мужчины объ этомъ пожалѣли бы, — возразилъ улыбаясь Жильбертъ.

Внезпно, во время ихъ разговора, въ воздухѣ раздался хоръ, пѣвшій латинскую молитву. Инстинктивно королева увлекла Жильберта подъ сѣнь одного изъ устоевъ.

Онъ повиновался этому движенію, съ трудомъ понимая, что дѣлаетъ. Пѣніе разлилось въ воздухѣ, и минуту спустя, показалась процессія, свернувшая на дворъ церкви. Всѣ шли попарно, предводительствуемые лицомъ, несшимъ крестъ; первыми шли дѣти-пѣвчіе, одѣтые въ бѣлыя и красныя одежды, потомъ монахи-бенедиктинцы въ черныхъ одеждахъ, за ними слѣдовали соборные патеры въ фіолетовыхъ суконныхъ рясахъ и въ стихаряхъ изъ тонкаго бѣлаго полотна. Всѣ пѣли громко, съ усердіемъ, вкладывая въ каждую ноту святого гимна жизнь и душу. Тогда королева и Жильбертъ увидѣли изъ своего убѣжища приближавшійся балдахинъ изъ золотой парчи, который несли юноши въ бѣлыхъ одеждахъ на шести золотыхъ палкахъ. Подъ балдахиномъ шелъ почтенный епископъ, на половину скрытый просторной вышитой мантией, изъ-подъ нея виднѣлась дароносица, которую онъ несъ съ благоговѣніемъ. Его выдвѣтшіе глаза были набожно устремлены на Святые Дары въ то время, какъ губы шептали глухую молитву.

Когда балдахинъ поровнялся съ мѣстомъ, гдѣ стояла королева, процессія приостановилась.

Элеонора въ своемъ убѣжищѣ опустила на колѣни, съ глазами, устремленными на Святые Дары. Жильберъ также всталъ на колѣно возлѣ нея, преклоняя почтительно голову.

Королева смотрѣла предъ собой скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ религіознымъ чувствомъ. Въ ея ухѣ раздался голосъ Жильберта, пѣвшаго тихимъ голосомъ, вмѣстѣ съ монахами, псалмы, которые они исполняли такъ часто въ Шпирингскомъ аббатствѣ. Она съ удивленіемъ повернула голову и съ минуту старалась наблюдать, чтобы разглядѣть серьезное лицо юноши. Очевидно, послѣдствія осмотра ей не понравились, такъ какъ ея брови слегка нахмурились, глаза опустились, а блескъ ихъ потемнѣлъ. Въ этотъ моментъ балдахинъ заколебался, старый епископъ сдѣлалъ движеніе плечами подѣ тяжестью мантии, и процессія опять двинулась.

За епископомъ показался король: онъ шелъ, какъ монахъ, скрестивъ руки на груди, опустивъ глаза и дѣлая движеніе губами. Длинное вышитое одѣяніе почти закрывало его ноги, а пунцовая мантия, подбитая голубой матеріей и окаймленная горностаемъ, ниспадала прямо съ его плечъ и зацѣпляла за траву. Онъ шелъ съ обнаженной головою, и при видѣ этого смиренія губы Элеоноры выразили презрѣніе.

Въ то время, какъ королева разсматривала холодныя и блѣдныя черты лица своего мужа, она снова услышала голосъ Жильберта, раздавшійся совсѣмъ близко отъ нея. Онъ пѣлъ гармоничнымъ, музыкальнымъ голосомъ латинскія слова, и она почти съ гнѣвомъ обернулась, чтобы разсмотрѣть молодое, смѣлое лицо, только что опечаленное, но теперь смягченное глубокой вѣрой.

— Вѣрно я рождена любить монаховъ, — сказала она почти въ слухъ, со вздохомъ.

Но вдругъ королева вздрогнула и тихо вскрикнула.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего мужа она замѣтила, при поворотѣ процессіи, прямую и худощавую фигуру, одѣтую въ бѣлую, монашескую рясу, но менѣе ослѣпительную, чѣмъ чудное лицо, поднятое къ небу. При восклицаніи Элеоноры Жильбертъ тоже взглянулъ, и его глаза устремились на обаятельныя черты величайшаго человѣка того времени. Въ то же время его голосъ забылъ святое пѣніе, а губы остались полуоткрытыми отъ удивленія. По яркой зеленой травѣ, выдѣляясь на каменной стѣнѣ, благодаря осеннему солнцу, приближался, какъ небесное видѣніе, Бернардъ Клервоскій. Его голова была закинута назадъ, а тонкая серебристая борода едва оставляла тѣнь на умныхъ чертахъ его лица, почти небесной красоты. Голубые глаза, устремленные къ небу, и полные небеснаго свѣта, прозрачный лобъ и похудѣвшія, блѣдныя щеки— все это, казалось, принадлежало сверхъестественному существу.

Но трудно было сказать, что въ матеріальной формѣ этого удивительнаго человѣка выдѣляло его среди другихъ людей. Ни сходство съ челомъ Христа, ни благородныя черты, унаслѣдованныя отъ цѣлаго ряда героевъ, ни видъ аскета, ни выраженіе физическихъ страданій, ни горе, такъ тонко очерченное на его лицѣ,—не это дѣлало его особеннымъ. Было нѣчто большее, чѣмъ все это, чего нельзя ни опредѣлить, ни объяснить, и чему человѣческій языкъ не могъ дать имени. Это былъ ореолъ святости, слава генія и вѣнецъ героизма. Глаза наполнялись этимъ чуднымъ видѣніемъ, и можно было сказать себѣ: «Пусть онъ не говорилъ бы! Суровый тонъ, грубое слово уничтожили бы очарованіе, какъ рѣзкій звукъ внезапно кладетъ конецъ сладкому сновидѣнію». Это былъ человѣкъ, который однимъ жестомъ велъ, какъ дѣтей, тысячи людей, и его губы произносили слова, какъ никто не произносилъ ихъ до него—слова свѣта и правды. Это былъ человѣкъ, который, берясь за перо, чтобы написать владыкамъ міра, обращался къ нимъ безъ боязни, какъ будто Богъ диктовалъ ему слова. Но онъ умѣлъ также писать посланія, полныя самой нѣжной любви, и давать самыя теплыя совѣты.

Глаза Жильберта слѣдили за спокойнымъ и бѣлымъ силуетомъ монаха, пока процессія не исчезла за крыломъ замка, но онъ все еще оставался, преклонивъ колѣно, съ устремленными глазами. Королева встала, но ожидала его. Презрѣніе исчезло съ ея губъ; его замѣнило нѣжное состраданіе.

— Кто этотъ монахъ?—спросилъ онъ поспѣшно.

— Бернадъ, аббатъ изъ Клерво,—отвѣтила королева, поворачивая голову:—Я почти обожала его нѣкогда, будучи ребенкомъ... Небо желаетъ, чтобы я теряла свое сердце ради монаховъ.

И она засмѣялась, какъ смѣялась у окна.

— Ради монаховъ?

Жильбертъ повторилъ ея выраженіе съ любопытствомъ.

— Развѣ вашъ умъ одинъ изъ тѣхъ, которымъ надо пояснять?—спросила Элеонора, все еще улыбаясь и внимательно разсматривая его:—я думаю, что и вы наполовину монахъ, я слышала, какъ вы пѣли псалмы съ такимъ благоговѣніемъ, какъ монахи.

— Если бы я былъ даже не на половину, а совсѣмъ монахъ,—отвѣтилъ онъ:—я совершенно не понялъ бы словъ вашего величества.

Жильбертъ также улыбнулся, будучи совсѣмъ далекъ отъ разгадки ея мысли.

— Это именно я и думала съ тѣхъ поръ, какъ васъ знаю,—возразила королева.

Ея глаза потемнѣли.

— Понимаете ли вы это?—спросила она.

И она положила свои руки ему на плечи.

— Что?—спросилъ онъ удивленный.

— Вотъ что, — отвѣтила она очень нѣжно, приближаясь все болѣе къ нему.

Тогда онъ понялъ все и попробовалъ быть твердымъ, но она соединила свои обѣ руки вокругъ его шеи, и ихъ лица почти прикоснулись.

Тогда видѣніе его виновной матери предстало ему въ глазахъ Элеоноры въ то время, какъ она приблизила къ нему свои глаза.

Королева обняла его и три раза страстно поцѣловала.

## VIII.

Жильбертъ пріѣхалъ въ Парижъ въ свитѣ Готфрида Плантагенета въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Когда же онъ замѣтилъ впервые стѣны и башни Рима, то звонили рождественскіе колокола. Онъ остановилъ свою лошадь на вершинѣ низкаго холма, позади котораго обширная, унылая, побурѣвшая пустыня Кампаніи тянулась нѣсколько верстъ на сѣверъ къ непроходимымъ лѣсамъ Витербы. Наконецъ его глазамъ представился Римъ. Предъ нимъ поднимались громадныя крѣпости Авреліаны, на половину разрушенныя готами, сарацинами и греками. Могила Адріана стояла предъ нимъ обширная, недоступная и дикая. Здѣсь и тамъ, надъ сломанными зубцами городского вала поднимались темныя и тонкія квадратныя или круглыя башни, указывавшія мѣста, гдѣ дерзкіе разбойники укрѣплялись въ городѣ. Но съ того мѣста, гдѣ остановился Жильбертъ, Римъ походилъ на громадную черноватую развалину. Уцѣлѣвшія зданія были такія же черныя, какъ и все остальное подъ блестящей глубиной небснаго синяго свода, безъ малѣйшаго клочка облака, въ неподдающейся сравненію прозрачности зимняго утра.

Глубокое разочарованіе охватило его при видѣ развалинъ. Не имѣя личныхъ познаній и едва получивъ неполныя справки отъ людей, ѣздившихъ прежде его въ Римъ, онъ нарисовалъ въ своемъ воображеніи городъ неописанной красоты. Ему представлялось, что тамъ возвышались прелестныя церкви на залитыхъ солнцемъ улицахъ и прекрасныя площади, усѣянныя величественными аллеями и посаженныя деревьями. Въ его мысляхъ тамъ проходили люди съ лицами, похожими на лицо великаго Бернарда, чудно невинные, сіявшіе надеждой божественной жизни. Въ его воображеніи тамъ собирались со всего свѣта истинные рыцари, очищенные отъ грѣховъ своими бдѣніями въ святыхъ мѣстахъ востока, съ цѣлю возобновить свои обѣты цѣломудрія, благотворительности и вѣры. Въ мечтаніяхъ его сердца тамъ жилъ отецъ епископовъ, викарій Христа, преемникъ Петра, почтенный и непогрѣшимый глава святой католической, апостольской, римской церкви. Изъ Рима



Жильбертъ сдѣлалъ въ своемъ сердцѣ символъ всего праваго, справедливаго и совершеннаго въ небѣ, чистаго и прекраснаго на землѣ. Это былъ городъ Бога, душа котораго была его строителемъ. Жильберту предстояло обитать въ этомъ городѣ въ покой и мирѣ, превосходящемъ всѣ понятія.

Онъ оставилъ позади себя въ Парижѣ видѣніе, которое могло его ослѣпить... благосклонность, выпадающая на долю немногихъ, надежды, доступныя немногимъ избраннымъ, а осуществленіе которыхъ достижимо еще меньшему числу людей,—любовь, о какой немногіе могутъ даже мечтать, любовь, красавицы королевы.

Когда онъ покинулъ замокъ на островѣ, постарѣвъ на нѣсколько мѣсяцевъ и обогащенный подарками герцога Готфрида и юнаго Генриха, которые онъ не стѣснялся принять, ему казалось, что онъ поумнѣлъ отъ жизненнаго опыта болѣе, чѣмъ на половину своего существованія.

Жильбертъ вѣрилъ въ свои собственные силы, благоразуміе и стойкость. Онъ воображалъ, что боролся противъ великаго искушенія, тогда какъ въ дѣйствительности онъ заледенѣлъ отъ ужаса при воспоминаніи о другомъ проступкѣ. Онъ воображалъ, что легкое сожалѣніе, хотя и живое, встревожившее его сердце, и желаніе сладкаго грѣха, чуть было не совершеннаго, были преступными остатками не совсѣмъ еще затухшей страсти. На самомъ же дѣлѣ это было лишь стремленіе природнаго тщеславія, хотя слишкомъ слабаго, чтобы устоять предъ его смутнымъ отвращеніемъ. Ему казалось, что онъ принесъ въ жертву свое свѣтское будущее ради любви къ своему рыцарскому идеалу; на самомъ же дѣлѣ это отреченіе было для него легко, такъ какъ онъ не былъ честолюбивъ и покорялся скорѣе сердечнымъ желаніямъ, чѣмъ сопротивлялся увлеченію.

Теперь Жильбертъ разсматривалъ городъ, на который возложилъ всѣ свои надежды, но онъ обратился въ пыльную развалины. Молодой человѣкъ стоялъ на землѣ, уважать которую учила его исторія, и освященную христіанской кровью, но эта земля обратилась въ громадную пустыню, средоточіемъ которой былъ онъ самъ. Сердце Жильберта вдругъ замерло: его пальцы судорожно прижались къ тому мѣсту, гдѣ находилось сердце. Долго онъ оставался въ этомъ положеніи, молча, неподвижно, склонившись на своемъ сѣдлѣ, какъ бы изнемогая отъ усталости, хотя онъ ѣхалъ верхомъ только три часа до восхода солнца.

— Сударь,—прервалъ его размышленіе слуга Дунстанъ:—вотъ гостиница, мы можемъ въ ней достать воды для нашихъ лошадей.

Жильбертъ равнодушно поднялъ голову и, не видя близко никакихъ зданій, бросилъ вопросительный взглядъ на слугу.

Хитрая улыбка оживила худое и смуглое лицо Дунстана, и онъ указалъ Жильберту на то, что первый принялъ за три стога сѣна.

И, правда, это было не что иное, какъ соломенные шалаши конической формы, расположенные въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги и въ тридцати футахъ отъ подножія горы. Входъ въ нихъ былъ низкій и темный. Изъ одного шалаша медленно поднимался въ спокойномъ, холодномъ воздухѣ цѣлый столбъ голубоватаго дыма. Красовавшаяся надъ нимъ засохшая виноградная лоза извѣщала, что здѣсь можно достать вино. По другую сторону самого отдаленнаго шалаша находился ровъ, полный воды, а на нѣкоторомъ разстояніи отъ этого рва былъ воздвигнутъ навѣсъ изъ прутьевъ для лошадей путешественниковъ, какъ убѣжище отъ зимняго дождя или лѣтняго солнца.

Пока Жильбертъ равнодушно разсматривалъ эти подробности, предъ нимъ появился человекъ, согнувшійся почти въ три погибели, когда проходилъ чрезъ низкое отверстіе двери шалаша. На немъ были длинные штаны изъ козьей кожи и одежда до колѣнъ изъ грубой коричневой матеріи, похожая на монастырскую рясу и стянутая на тальѣ свитой веревкой. Черные взъерошенные волосы покрывали его квадратную голову, а черная жидкая борода обрамляла желтое лицо, на взглядъ лихорадочное, чѣмъ отличаются жители Кампаніи.

Хотя это была первая остановка и первая гостиница въ такомъ родѣ, встрѣтившаяся Жильберту въ долину Рима, но онъ не такъ-то легко удивился и даже не улыбнулся, когда остановился и сошелъ съ сѣдла.

Кромѣ слугъ, съ нимъ былъ еще погонщикъ муловъ, служившій ему проводникомъ и переводчикомъ, безъ котораго было бы трудно иностранцу путешествовать въ Италиі. Крестьянинъ поклонился до земли и проводилъ Жильберта до входа шалаша, гдѣ обыкновенно онъ подавалъ ѣсть и пить своимъ гостямъ. Въ темнотѣ шалаша Жильбертъ увидѣлъ грубо вытесанный столъ и двѣ скамьи, поставленныя прямо на землю, хорошо утопанную и выметенную. Но англичанинъ сдѣлалъ знакъ, что хочетъ остаться на воздухѣ, и скудная обстановка была вынесена для него изъ шалаша. Второй шалашъ служилъ убѣжищемъ для путешественниковъ, застигнутыхъ на пути въ городъ ночнымъ временемъ.

— Монахъ спитъ, — сказалъ хозяинъ, приложивъ палецъ къ губамъ, когда слуги Жильберта очень громко заговорили у двери третьяго шалаша.

Жильбертъ понялъ эти слова безъ помощи переводчика, такъ какъ въ эту эпоху всѣ хорошо воспитанныя лица понимали провансальскій языкъ, имѣвшій общее съ нѣкоторыми итальянскими нарѣчіями.

— Монахъ? — повторилъ Жильбертъ равнодушно.

— Онъ такъ называетъ себя, и на немъ сѣрая ряса, — отвѣтилъ хозяинъ: — но мы довольны, что онъ пришелъ, такъ какъ съ нимъ

пришло счастье, и вы служите доказательствомъ, что я говорю правду: онъ пришелъ ночью, и ваша милость были первымъ по-сѣтителемъ сегодня утромъ.

— Такъ вы знаете его хорошо?—спросилъ Жильбертъ.

— Всѣ знаютъ его,—отвѣтилъ хозяинъ.

Онъ удалился, и Жильбертъ увидѣлъ, какъ онъ приподнялъ рѣшетку изъ прутьевъ и исчезъ въ подземельѣ. Его погребъ былъ глубокъ и прохладенъ; это была одна изъ множества пещеръ, которыя соединяются съ катакомбами и бороздятъ Кампанію отъ Рима до холмовъ.

Жильбертъ сѣлъ на самую маленькую скамью, у стола трое слугъ заняли другія скамьи и сняли свои шляпы изъ почтенія къ своему господину. Лошади были привязаны подъ навѣсомъ, съ цѣлью дать имъ достаточно отдохнуть, прежде чѣмъ напоить. Южная сторона шалаша была солнечная и жаркая, и воздухъ былъ насыщенъ запахомъ сухой травы, чистой соломы и гари.

Едва Жильбертъ успѣлъ задуматься, скрестивъ руки на рукояткѣ своей длинной шпаги и разсматривая волнистую пустыню, какъ въ тотъ же моментъ изъ третьяго шалаша вышелъ мужчина. Вставъ противъ солнца, онъ протеръ себѣ глаза, прежде чѣмъ взглянуть въ сторону сидѣвшихъ у стола. Увидѣвъ путешественниковъ, онъ колебался съ минуту, затѣмъ приблизился къ Жильберту съ видимымъ желаніемъ заговорить.

Выше средняго роста, онъ казался несоразмѣрно высокимъ, благодаря своей худобѣ и тяжелымъ складкамъ его шерстяной одежды, которая, казалось, прикрывала призракъ.

Длинные костлявыя руки, состоявшія, повидимому, изъ нервовъ и кожи, но не лишеныя нервнаго изящества, были прикрѣплены къ загорѣлымъ кистямъ съ гибкими суставами, которыя обнажались изъ-подъ слишкомъ короткихъ рукавовъ.

Грубо угловатая голова была покрыта густою массою черныхъ волосъ, развѣвавшихся на плечахъ. Смуглыя изборожденные щеки, блестящіе впалые глаза, длинная линія рта аскета, солидная челюсть, едва прикрытая жидкой черной бородой,—все напоминало фанатика. Предъ Жильбертомъ было лицо и силуэтъ, который могъ бы принадлежать «египетскому отшельнику, аскету сирійскихъ пустынь, Іоанну Крестителю или Антонію Оиванскому». На этомъ чловѣкѣ былъ надѣтъ широкой кожаный поясъ, а почернѣвшія четки изъ крупныхъ, какъ орѣхи, зеренъ висѣли у него сбоку и оканчивались желѣзнымъ крестомъ, грубой работы.

Жильбертъ приподнялся на своей скамьѣ, отодвинулся и пригласилъ незнакомца сѣсть возлѣ него. Монахъ склонилъ слегка голову, но ни одна черта его лица не измѣнилась, когда онъ молча сѣлся на предложенное мѣсто. Онъ скрестилъ свои большія руки на грубо вытесанномъ столѣ и устремилъ глаза на югъ, къ разрушенному городу.

— Вы иностранецъ?—спросилъ онъ странно-гармоничнымъ голосомъ Жильберта по-провансальски, послѣ длинной паузы и не поворачивая къ нему глазъ.

— Я еще никогда не видѣлъ Рима,—отвѣтилъ Жильбертъ.

— Рима!—странствующій монахъ произнесъ это слово съ состраданіемъ.—Вы никогда не видали Рима! Такъ вотъ что отъ него осталось... Голый остовъ самаго великолѣпнаго, прекраснаго и могущественнѣйшаго города въ свѣтѣ, умерщвленнаго насильно, приговореннаго къ смерти папами и императорами, префектами и баронами, оторваннаго отъ жизни злотворной язвой имперіи и брошеннаго тамъ, какъ околѣлая кампанская собака, на добычу звѣрей и ужасъ живого человѣка.

Исхудалый незнакомецъ положилъ локти на столъ и гнѣвно сталъ кусать ногти, устремивъ свои горящіе глаза на отдаленныя башни Рима. Тогда Жильбертъ понялъ, что это не былъ обыкновенный странствующій монахъ, выпрашивающій себя завтракъ ради своей рясы, но человѣкъ мыслящій, для котораго думать означало страдать.

— Это правда, Римъ не такъ прекрасенъ, какъ я предполагалъ,—сказалъ Жильбертъ.

— Вы разочарованы въ вашихъ надеждахъ, прежде чѣмъ переступили его ворота,—сказалъ монахъ:—Развѣ вы первый? Развѣ вы послѣдній? Развѣ Римъ кончилъ обманывать и нашелъ предѣлъ разочарованію? Римъ лишилъ весь свѣтъ богатства, пожралъ его и оголилъ его до костей. Римъ похитилъ у людей ихъ тѣла и жизни и разорвалъ ихъ по частямъ, какъ соколъ разрываетъ фазана, разсѣивая по вѣтру блестяція перья. Римъ похитилъ у людей души, чтобы питать ими адъ, пока онъ не насытится. Теперь его хищныя руки изсохли до кистей, его ненасытныя губы растрескались надъ его обнаженными зубами, и владычица всего свѣта сдѣлалась игрушкой евреевъ и ростовщиковъ.

— Съ какой горечью говорите вы!—замѣтилъ Жильбертъ, смотря съ любопытствомъ на новаго знакомаго.

Монахъ вздохнулъ, и его глаза странно смягчились, когда онъ повернулъ голову къ молодому человѣку. Онъ говорилъ возвышеннымъ тономъ, становившимся пронзительнымъ, какъ крикъ физическаго страданія. Но, когда онъ снова заговорилъ, его голосъ сдѣлался тише и нѣжнѣе.

— Да, я говорю съ горечью, ради его, но не ради меня. Если бы я отдалъ за него свою жизнь, онъ не далъ бы мнѣ своей. Принеси я къ его ногамъ все, что имѣю, онъ ничего не положилъ бы мнѣ въ руку, онъ ничего не далъ бы мнѣ, кромѣ могилы и горсти земли для моихъ костей, если только который нибудь императоръ или папа не оставилъ бы ихъ на висѣлицѣ. Но я просилъ его для него же самого, ради его собственной выгоды, дѣйствовать

благородно и освободить свою шею изъ-подъ ярма и сбросить тяжесть, подъ которой онъ сгибался и изнемогалъ. Я просилъ его встать на ноги, отказаться отъ даровъ, данныхъ рукою, нанесшей ему рану, и не слушать голоса жестокости и проклятiя. Я просилъ у Рима отослать чужеземнаго императора и сбросить папу съ королевскаго престола, сорвавъ съ него его королевскую маску. Я просилъ, чтобы Римъ напалъ на благородныхъ грабителей, которыхъ онъ называлъ баронами; чтобы его развратъ и его тайная слабость, какъ храбрый человекъ, встали лицомъ къ лицу съ его грѣхами, неповѣдали ихъ и твердо рѣшились не оскорблять болѣе Бога. Все это я просилъ у Рима, и меня отчасти послушались, но я заплатилъ за мою смѣлость изгнанiемъ изъ многихъ государствъ и отлученiемъ отъ церкви.

Когда онъ произносилъ послѣднiя слова, на его губахъ сложилась улыбка на половину нѣжная, на половину сострадательная.

Въ то время такія слова не были пустыми, и невольно Жильбертъ нѣсколько отодвинулся отъ своего собесѣдника.

— Я вижу, что вы набожный человекъ,—сказалъ спокойно монахъ.—Чтобы мое присутствiе васъ не стѣсняло во время вашего завтрака, я буду продолжать мой путь.

И онъ всталъ. Но рука Жильберта протянулась, и его пальцы захватили подъ сѣрымъ рукавомъ руку скелета.

— Оставайтесь, мой братъ,—сказалъ онъ,—и раздѣлите завтракъ съ нами. Я не такой, какъ вы думаете.

— Я внушаю вамъ ужасъ?—сказалъ незнакомецъ, снова садясь.

— Но я не имѣлъ никакого неучтиваго намѣренiя,—отвѣтилъ Жильбертъ.—Садитесь, сударь! Вы говорите, что вы изгнанникъ; но я тоже не болѣе, какъ отверженный, лишенный имущества.

— И вы прiѣхали сюда искать справедливости у папы?—спросилъ монахъ презрительнымъ тономъ.— Въ Римѣ нѣтъ папы. Послѣднiй убитъ въ прошедшемъ году въ Капитолiи, а тотъ, что теперь называется папой, такой же странствующiй, какъ вы и я. У насъ въ Римѣ республика, сенатъ и нѣчто, похожее на правосудiе, существующее лишь для римлянъ, не требующихъ болѣе господства надъ всѣмъ человечествомъ. То, что называется здѣсь свободной жизнью,—въ сущности не жизнь и не свобода.

— Я увижу, на что похожа ваша свобода,—сказалъ задумчиво Жильбертъ:—Что касается меня, я не привыкъ къ подобнымъ мыслямъ, и хотя я читалъ исторiю Рима, но никогда не могъ понять римской республики. Согласно закону природы у насъ господствуютъ сильнѣйшіе. Зачѣмъ же сильнымъ дѣлиться съ слабыми тѣмъ, что они могутъ оставить себѣ? Или зачѣмъ, согласно вашему идеалу, сильная нація будетъ раздѣлять свою силу и богатство съ своимъ слабымъ сосѣдомъ? Не довольно ли того, что сильный не губитъ слабого безъ всякой причины и не дѣйствуетъ относительно

его нечестно? Норманны не видятъ зла и несправедливости, сохраняя свое добро и беря то, что могутъ взять; такимъ образомъ мы никогда не поймемъ вальей республики.

— Вы норманнъ, сударь? — спросилъ монахъ. — Не родственникъ ли вы Гюискара, или тѣхъ, кто недавно сжегъ Римъ? Тогда меня не удивляетъ, что цивилизація республики вамъ кажется странной.

Жильбертъ, слушая его, неожиданно перевелъ глаза съ лица монаха на пыльную дорогу, которая вела въ Римъ, такъ какъ его тонкій слухъ уловилъ звукъ лошадиныхъ подковъ. Когда монахъ пересталъ говорить, на поворотѣ дороги показалась кавалькада изъ семи всадниковъ. Это были люди, грубые съ виду, одѣтые въ длинные коричневые плащи, обившіеся на подолѣ. На головахъ у нихъ надѣты шлемы, придерживавшіеся подъ подбородкомъ широкими ремнями. Лица ихъ были загорѣлыя, а черныя бороды нечесанныя; они ѣхали на маленькихъ косматыхъ лошадяхъ, такихъ же неопрятныхъ, какъ они сами.

Увидѣвъ ихъ, Жильбертъ тотчасъ же всталъ. Онъ зналъ, что это не путешественники и не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ разбойниками. Его слуги встали одновременно съ нимъ. Въ то же время проводникъ муловъ быстро и безшумно исчезъ позади шалаша, какъ мышь отъ кошки. Жильбертъ направился къ своимъ лошадямъ, сопровождаемый Дунстаномъ и конюхомъ, но прежде чѣмъ они достигли до нихъ, двое изъ всадниковъ перескочили ровъ, отдѣлявшій дорогу, и преградили имъ дорогу. Въ то время другіе разбойники направились къ навѣсу, намѣреваясь увести лошадей. Мигомъ Жильбертъ вытащилъ свою шпагу; возлѣ него стояли его слуги съ оружіемъ въ рукахъ. Тогда роковые всадники тоже вытащили свое оружіе, и въ прозрачномъ воздухѣ пронеслась какъ бы стальная молнія. Длинное лезвие шпаги Жильберта просвистало, описывая полукругъ надъ его головою: его ударъ долженъ былъ выбить шпагу изъ рукъ всадника и убить его.

Но монахъ всталъ между Жильбертомъ и его противникомъ и схватилъ своими нервными пальцами руку молодого человѣка, другая протянутая рука остановила остальныхъ разбойниковъ. Широкій рукавъ его рясы приподнялся до локтя и обнажилъ загорѣлую исхудалую руку, на которой вздутыя вѣны, казалось, обвились, какъ виноградная лоза безъ листьевъ вокругъ сухого дерева. Его губы побѣлѣли, въ глазахъ засверкало пламя, а его голосъ внезапно сдѣлался суровымъ и повелительнымъ.

— Назадъ! — воскликнулъ онъ почти съ яростью.

Къ великому удивленію Жильберта это слово моментально произвело обаятельное впечатлѣніе на разбойниковъ.

Всадники опустили свое оружіе, переглянулись и положили его въ ножны; другіе, отвязывавшіе лошадей и муловъ Жильберта, внезапно остановились по приказанію монаха.

Всадникъ, стоявшій около Жильберта съ фазаньимъ хвостомъ на шлемѣ и менѣе отвратительный, чѣмъ другіе, упалъ на колѣни и, наклонившись очень низко подъ своимъ коричневымъ плащомъ въ лохмотьяхъ, взявъ правой рукой край рясы монаха и съ жаромъ поцѣловалъ его. Жильбертъ стоялъ возлѣ нихъ, опершись на свою обнаженную шпагу, все болѣе и болѣе удивляясь происходившему.

— Просимъ вашего прощенія, братъ Арнольдъ, — воскликнулъ глава разбойниковъ, продолжая стоять на колѣняхъ:— какъ могли мы угадать, что вы завтракаете сегодня здѣсь? Мы думали, что вы уже далеко на сѣверѣ.

— И вы слѣдовательно считали себя свободными грабить чужеземцевъ, воровать скотъ и рѣзаться другъ съ другомъ?

— Это, должно быть, слѣдствіе республиканской цивилизаціи, — замѣтилъ Жильбертъ улыбаясь.

Тогда разбойники всѣ сошли съ лошадей и встали на колѣни предъ Арнольдомъ Бресціанскимъ, если не въ продолжительномъ, то глубокомъ раскаяніи и прося благословенія у отлученнаго отъ церкви монаха.

## IX.

Въ Римѣ Жильбертъ поселился въ гостиницѣ подъ вывѣской «Льва», расположенной у подножія Нонской башни, близъ моста св. Ангела. Она существовала со времени Карла Великаго и получила свое названіе въ честь папы Льва, вѣнчавшаго его императорской короной. Этотъ кварталъ находился тогда въ рукахъ великой еврейской расы Пьерлеони, къ которой принадлежалъ первый антипапа Анаклетъ, умершій за нѣсколько лѣтъ до того. Хотя замокъ и многочисленныя крѣпости Рима были въ ихъ владѣніи, но Пьерлеонамъ не удалось насильно навязать римскому народу антипапу Виктора. Воля Бернарда Клервосскаго одержала верхъ.

Въ тѣ дни Римъ былъ расположенъ вдоль рѣки, какъ выброшенный обломокъ на берегу зимняго моря. Двадцать тысячъ человѣческихъ существъ были скучены въ дымныхъ хижинахъ, на стѣнахъ во вѣшнихъ башняхъ крѣпостей аристократовъ. Въ то время, какъ аристократы безъ устали сражались, несчастный народъ жилъ грязно, умирая съ голода. Иногда онъ поднимался среди звуковъ шпагъ, какъ призракъ голода, алча захватить себѣ право существованія, отнятое у него силою.

Жильбертъ бродилъ по тѣснымъ улицамъ, входилъ на мрачные двory, пробѣгалъ покинутыя мѣстности и обширныя площади, переполненныя голодными собаками и бродячими кошками, питающимися городскими отбросками и всякой дрянью.

Онъ выходилъ всегда вооруженный и въ сопровожденіи своихъ слугъ, какъ дѣлали лица его класса. Когда онъ вставалъ на колѣни въ церкви во время обѣдни, или просто молясь, то заботился помѣститься такъ, чтобы облокотиться спиною на стѣну или колонну, изъ опасенія попасться въ руки какого нибудь ловкаго вора-богомольца, срѣзывающаго бритвой шнурки коншельковъ и пояса.

Даже въ гостиницѣ онъ былъ всегда вооруженъ противъ гостей и даже самого хозяина. Ежедневный расчетъ былъ настоящимъ сраженіемъ между Дунстаномъ, платившимъ по счетамъ своего господина, хозяиномъ гостиницы, Клементомъ, и тосканскимъ переводчикомъ.

Тосканцу выпала трудная роль служить буферомъ между честнымъ человѣкомъ и воровъ и получать удары съ обѣихъ сторонъ.

Римъ былъ бѣденъ, неопрятенъ и служилъ притономъ воровъ, убійцамъ и всякаго рода злоумышленникамъ. Надъ нимъ господствовали то семья евреевъ, на половину обращенная въ христіанство, тиранившая городъ, пользуясь своимъ могущественнымъ положеніемъ, то народъ слѣдовалъ за Арнольдомъ Бресчанскимъ, когда онъ показывался въ городѣ. При звукѣ его голоса толпа была готова разрушить собственными руками каменные стѣны, какъ она встрѣчала съ обнаженной грудью шпаги бароновъ. Тогда мужчины покидали свою работу: сапожники—колодки, кузнецы—наковальни, сгорбленные портные—свой верстаки, и всѣ слѣдовали за сѣвернымъ монахомъ въ Канитолій или въ церковь, гдѣ онъ говорилъ проповѣди. За мужчинами слѣдовали женщины, а за ними дѣти; всѣхъ притягивала непонятная для нихъ, таинственная сила, которой сопротивляться они были не въ силахъ. Топотъ тысячи шаговъ сопровождался восклицаніями: «Арнольдъ, сенатъ, республика», или звуками излюбленнаго въ тѣ дни гимна съ оглушительнымъ, какъ побѣдные звуки трубы, припѣвомъ. Это любимое римлянами пѣніе во время революцій, казалось, было предупрежденіемъ судьбы о паденіи одного королевства.

Въ тѣ дни, когда народъ слѣдовалъ за своимъ кумиромъ въ Капитолій или даже въ отдаленный Латеранъ, гдѣ Маркъ Аврелій съ высоты своего бронзоваго коня смотрѣлъ, какъ проходили вѣка,—Жильбертъ блуждалъ по противоположной сторонѣ города. Онъ переходилъ мостъ къ замку св. Ангела, гдѣ тѣнь злой Феодоры бродила въ осеннія ночи, когда дулъ южный вѣтеръ. Затѣмъ онъ шелъ вдоль развалинъ красиваго портика, тянувагося нѣкогда отъ моста до базилики, пока не приходилъ къ громадной лѣстницѣ, ведущей въ садъ, окруженный стѣнами древняго собора св. Петра. Тамъ онъ любилъ сидѣть среди кипарисовъ, восторгаясь громадными сосновыми шишками изъ бронзы и большими бронзовыми павлинами, привезенными Симахомъ изъ развалинъ бань Агриппы, въ которыхъ страшные Crescenzi укрѣпились въ продолженіе цѣлыхъ ста лѣтъ.



Въ то время, какъ Денстанъ, пользуясь своимъ довольно смутнымъ знаніемъ, изучалъ надписи, а конюхъ Альрикъ удачно металъ свой кинжалъ въ кипарисы, почти всегда попадая, Жильбертъ сидѣлъ одинъ среди молчанія природы. Онъ чувствовалъ, что любилъ, что душа Рима сливалась съ его душею, что въ Римѣ хорошо жить, ради удовольствія мечтать, а мечтаніе было жизнью. Прошедшее, проступокъ матери, личныя невзгоды—все отступало на задній планъ и почти исчезало. Будущее, когда-то бывшее для него магическимъ зеркаломъ, въ которомъ онъ хотѣлъ видѣть свои предстоящіе рыцарскіе подвиги,—исчезло, какъ призракъ, въ синемъ небѣ Рима. Осталось одно настоящее, полное безопасности и мечтаній, съ его неопредѣленнымъ, смутнымъ очарованіемъ, деньги же доставляли въ Римѣ мало удобствъ. Зато, наоборотъ, тамъ легко было схватить лихорадку и подвергать ежедневно опасности свою жизнь, какъ ни въ одномъ городѣ, гдѣ проѣзжалъ молодой человѣкъ во время своего путешествія. Несмотря на это, онъ привязался къ Риму и любилъ въ немъ больше то, въ чемъ Римъ ему отказывалъ, чѣмъ то, что онъ давалъ. Онъ любилъ Римъ скорѣе за думы, вызываемыя имъ, чѣмъ за его зрѣлище, за все, что было въ немъ неизвѣстнаго, привлекавшаго къ нему, чѣмъ за печаль и зло, общее у всѣхъ людей.

Но помимо того, что онъ испытывалъ и видѣлъ, зондируя и соединяя различныя мелочи вмѣстѣ, было еще безмолвное рвеніе того неопредѣлимаго чувства, которое онъ узналъ въ Ширингскомъ аббатствѣ.

Набожность тогда была полезнѣе хлѣба, для интересовъ его души выгоднѣе было бороться противъ невѣрующихъ, чѣмъ натруждать колѣна на ступеняхъ алтаря или отречься отъ своего имени, характера и всего существа, ради вступленія въ религіозный орденъ.

Сначала необъятное разочарованіе Римомъ опечалило и ранило его сердце: онъ вообразилъ себѣ, что домъ не можетъ существовать безъ хозяина, и армія безъ начальника должна разсѣяться или быть разбита на голову. Но по мѣрѣ того, какъ Жильбертъ жилъ тамъ, и время протекало недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, онъ измѣнилъ свое мнѣніе. Онъ научился понимать, что церковь никогда не была живѣе, могущественнѣе и воинственнѣе, какъ въ этотъ самый моментъ, когда настоящіе и законные первосвященники бѣжали одинъ послѣ другого, а ихъ имущество, земныя и небесныя титулы послужили для раздора партій. Церковь представляла весь свѣтъ, тогда какъ Римъ состоялъ изъ семи или восьми тысячъ неугомонныхъ, полуголодныхъ бандитовъ, жадныхъ до перемѣнъ, такъ какъ никакая перемѣна не была бы для нихъ хуже настоящаго.

Но въ древнемъ соборѣ св. Петра царилъ миръ. Сѣдоволосые патеры торжественно справляли тамъ церковныя службы, утромъ,

въ полдень и вечеромъ; болѣе сотни дѣтскихъ и мужскихъ головъ пѣли псалмы и вечерни. Тамъ юноши въ фіолетовыхъ и бѣлыхъ одеждахъ кадили изъ серебряныхъ кадильницъ предъ большимъ алтаремъ, и ладанъ расплывался благовонными облаками въ солнечныхъ лучахъ, освѣщавшихъ вкось древнія плиты средняго пространства церкви. Тамъ, какъ въ большинствѣ монастырей и обитателей, церковь оставалась церковью, какъ она была, есть и будетъ всегда. Жильбертъ ходилъ въ старинный соборъ преклонить колѣна предъ Богомъ, тихо подпѣвалъ хору и вдыхалъ воздухъ, насыщенный ладаномъ, который былъ для него также сладокъ, какъ лѣтній вѣтерокъ, благоухающій запахомъ сѣна, и его тѣло и душа отъ этого освѣжались. Позже, ночью, оставшись одинъ въ своей комнатѣ гостиницы «Лѣва», Жильбертъ мысленно молился по прекрасной копіи съ рукописи Бозція, данной ему ширингскимъ аббатомъ. Часто, раскрывъ деревянные ставни своего окна, онъ смотрѣлъ на замокъ и рѣку, блестящіе въ лунномъ сіяніи. Тогда предъ нимъ поднималась жизнь, какъ тайна, которую надо проникнуть, и задача для разрѣшенія посредствомъ подвиговъ. Онъ сознавалъ, что не слѣдуетъ проводить время въ мечтаніяхъ, и сильный, старинный инстинктъ его расы приказывалъ ему итти впередъ и приготовить себѣ положеніе въ свѣтѣ.

Тогда кровь подступала у него къ горлу, руки сжимались въ то время, какъ онъ опирался на подоконникъ, вдыхая сквозь стиснутые зубы ночной воздухъ; онъ рѣшался покинуть Римъ и отправиться въ чужеземныя страны въ поискахъ отважныхъ подвиговъ. Въ эти весеннія ночи, когда вѣтеръ дулъ съ рѣки, его воображеніе приносило ему арміи духовъ, призраки рыцарей, прекрасныхъ молодыхъ дѣвушекъ и пронизательныя тѣни того, что должно случиться. Тогда появлялось нѣчто трагическое; направо отъ него возвышалась темная Нонская крѣпость, и отъ самой ея высокой башни, какъ онъ ясно видѣлъ при лунномъ свѣтѣ, раскачивалась вѣтеркомъ длинная веревка, смоченная дождемъ, а придѣланный къ ея концу желѣзный крюкъ ударялъ по стѣнѣ башни. Часто, смотря туда на нее ночью, Жильбертъ видѣлъ на крюкѣ висѣвшее за шею окоченѣвшее тѣло съ широко раскрытыми глазами и орошенное ночной росой.

Но когда появлялась заря, предъ его окномъ зашѣвали птвички, а онъ, высунувшись изъ окна, чувствовалъ теплый, южный вѣтерокъ и видѣлъ снова проснувшійся Римъ, тогда его рѣшеніе разсѣивалось. Въмѣсто приказа Дунстану укладывать оружіе и прекрасную одежду онъ давалъ распоряженіе своимъ людямъ сѣдлать лошадей и отправлялся съ ними въ отдаленныя части города. Часто онъ оставался все дообѣденное время въ пустынныхъ окрестностяхъ Авентинскаго холма, медленно переходя изъ одной уединенной церкви въ другую, или чаще, бесѣдуя съ какимъ ни-

будь одинокимъ патеромъ, который, живя постоянно среди старинныхъ изваяній и надписей, собралъ кое-какія свѣдѣнія, не доставшія невѣжественнымъ римлянамъ.

Приключеній съ Жильбертомъ тамъ не случилось, такъ какъ, если большія дороги были переполнены разбойниками, то въ предѣлахъ города, какъ ни былъ слабъ авторитетъ сената и префекта, они не смѣли показываться шайками или подвое, потрое. Они остерегались вступать въ схватку съ Жильбертомъ и его слугами.

Тѣмъ менѣе у него было въ Римѣ друзей. Сначала онъ намѣревался представиться главному барону, назвавшись путешественникомъ знатнаго происхожденія, и воспользоваться преимуществами его дружбы и покровительства. Въ каждомъ другомъ европейскомъ городѣ онъ поступилъ бы такъ, но онъ вскорѣ узналъ, что Римъ былъ очень отсталымъ въ социальныхъ отношеніяхъ рыцарства, и попасть подъ протекцію римскаго барона значило поступить къ нему на службу, вмѣсто того, чтобы пользоваться гостепріимствомъ. Можетъ быть, Жильбертъ принялъ бы подобное положеніе изъ любви къ приключеніямъ, но онъ не могъ рѣшить выборъ между полувреемъ Пьерлеони и грубымъ Франжипани. Онъ не хотѣлъ отправиться къ Кресчензи, руки котораго были забрызганы кровью, Колонны же того времени устроились на высотахъ Тускулума, а друзья папы, Орсини, отступили далеко въ Галеру на сѣверъ отъ Рима, въ болота, гдѣ кипѣла лихорадка.

Но здѣсь и тамъ онъ знакомился съ патерами и монахами; ихъ ученые разговоры гармонировали съ его думами и служили подспорьемъ его серіозной мечтѣ, въ которой, можетъ быть, изъ чистой праздности ему нравилось видѣть себя мысленно въ англійскомъ аббатствѣ. Такимъ образомъ онъ велъ жизнь, совершенно различную отъ существованія тѣхъ, кто его окружалъ. Многие изъ жителей того квартала научились узнавать Жильберта съ виду и называли его и слугъ «англичанами». Такъ какъ большинство римлянъ было занято собственными дѣлами, то Жильберту предоставили жить, какъ ему угодно. Если бы его кошелекъ не истощился со временемъ, несмотря на то, что былъ хорошо наполненъ, молодой человѣкъ могъ бы провести остальную жизнь въ гостиницѣ «Льва», сладко мечтая и довольствуясь зауряднымъ счастьемъ. Но еще другія силы работали, руководя его жизнью, и онъ обманулся, считая любовь Элеоноры простымъ приключеніемъ безъ послѣдствій, такъ же скоро забытымъ, какъ прошлогодній цвѣтокъ.

Нѣсколько разъ зимою и слѣдовавшей за нею весною братъ Арнольдъ приходилъ повидать его въ гостиницу. Онъ разговаривалъ съ Жильбертомъ о предстоящихъ великихъ событіяхъ, объ освобожденіи человѣка чрезъ упадокъ государственной власти. Папы или императоры, короли или принцы должны исчезнуть и дать мѣсто всемірной республикѣ. При этомъ жгучіе глаза фана-

тика сверкали, его длинныя руки дѣлали какія-то быстрыя дикія движенія, темныя, мягкіе волосы вставали дыбомъ, словно поднимаемые случайнымъ вѣтромъ, краснорѣчіе, полное энтузіазма, совершенно преобразовывало его существо. Когда онъ обращался къ римлянамъ, проповѣдуя такимъ голосомъ и съ такимъ выраженіемъ, то они тотчасъ же поднимались съ волненіемъ, какъ море во время бури, и онъ могъ по своему произволу пользоваться, сколько хотѣлъ, ихъ жестокостью и гнѣвомъ съ цѣлью истребленія и террора.

Но въ венахъ Жильберта не было и капли южной крови и ничего такого, что могло отозваться на краснорѣчіе страстнаго итальянца. вмѣсто того, чтобы воспламяняться, онъ рассуждалъ; вмѣсто того, чтобы присоединиться къ Арнольду въ его попыткѣ превратить весь міръ въ республику, онъ болѣе и болѣе убѣждался въ превосходствѣ всего оставленнаго имъ на сѣверѣ. Жильбертъ воплощалъ въ себѣ аристократическій темпераментъ, который съ тѣхъ поръ, какъ герцогъ Вильгельмъ переправился чрезъ море, во всякое время проникалъ въ массу англо-саксонскихъ характеровъ. Онъ уравнивалъ ихъ грубую демократическую силу тонкостью болѣе возвышенной физической организаціи и благородствомъ болѣе безкорыстной отваги. Сколько разъ англійская раса просыпалась къ жизни и побѣдѣ, когда ее считали уже глубоко зараженной гангреной наживы денегъ. Слѣдовательно, когда Арнольдъ говорилъ о законахъ и учрежденіяхъ, которые должны сдѣлать изъ Рима владыку міра, Жильбертъ въ отвѣтъ ссылался на людей достаточно сильныхъ, чтобы захватить міръ и сдѣлаться его повелителями, заставляя его повиноваться тѣмъ законамъ, которые они считали необходимыми. Между ними была вѣковая разница, какая существуетъ между теоріей и практикой. Хотя въ данный моментъ Арнольдъ-мечтатель былъ сторонникомъ революціи, а Жильбертъ, противникъ его мнѣнія, проводилъ безопасно свое время въ мечтахъ, однако дѣло было одинаково. Жильбертъ Вардъ, норманнъ, мужественно сильный, былъ ближе къ человѣку, сдѣлавшему Римъ императорскимъ, чѣмъ краснорѣчивый итальянецъ, строившій городъ своихъ мечтаній на идеяхъ и теоріяхъ, выкованныхъ страшными орудіями его ума и слова. Основа ихъ различія заключалась въ томъ, что норманнъ искалъ централизацію всего свѣта въ самомъ себѣ, а итальянецъ былъ готовъ пожертвовать собою для идеальнаго міра.

— Поговариваютъ о второмъ крестовомъ походѣ, — сказалъ однажды Арнольдъ, встрѣтивъ Жильберта въ саду св. Петра.

Жильбертъ, прислонившись къ одному изъ кипарисовъ, наблюдалъ мечтательными глазами за пылкимъ монахомъ.

— Поговариваютъ о крестовомъ походѣ, — повторилъ Арнольдъ, останавливаясь предъ Жильбергомъ. — Поговариваютъ о томъ,

чтобы послать христіанъ сотнями тысячъ умереть тысячею смертей подъ Божьимъ солнцемъ въ Палестинѣ. Зачѣмъ? Спасти людей? Чтобы возвысить расу и насадить добро, если только хорошее можетъ расти? Нѣтъ, они отправляются на войну не ради этихъ великихъ вопросовъ. Знакъ, носимый ими на груди,—крестъ, слово на ихъ губахъ — имя Христа, а сокровенная мысль ихъ сердца—та, которую имѣетъ вся ваша жестокая нація... отнять у другихъ и прибавить къ тому, чѣмъ обладаютъ; взять землю, богатство, человѣчество, жизнь — все, что возможно отнять у чловѣка и что оставляетъ ему право умереть нагимъ.

Жильбертъ не улыбнулся, такъ какъ мысленно спросилъ себя: нѣтъ ли въ словахъ монаха нѣкоторой истины?

— Не говорите ли вы это потому, что норманны владѣютъ частью вашей Италіи?—спросилъ онъ суровымъ тономъ.—Хорошо или дурно поступаютъ они здѣсь?

— Дурно!—отвѣтилъ Арнольдъ, устремивъ свои строгіе глаза на Жильберта.—Но дѣло идетъ не объ этомъ; нѣкоторые изъ нихъ мнѣ даже помогали; есть дурные и хорошіе люди среди норманцевъ такъ же, какъ и среди сараципъ.

— Благодарю васъ,—поблагодарилъ его Жильбертъ, невольно улыбаясь.

— Бѣсы также вѣрятъ и трясутся,—возразилъ Арнольдъ угрюмымъ тономъ.—Взятіе юга служить доказательствомъ. Только не это мое намѣреніе. Люди берутъ крестъ и отдаютъ жизнь за имя, за традицію, за священныя воспоминанія святого мѣста. Они не дадутъ одной недѣли своей жизни, ни капли крови для себѣ подобныхъ или ради вѣры, которая единственная можетъ спасти міръ.

— Что это за вѣра?—спросилъ Жильбертъ.

— Вѣра, надежда, милосердіе,—отвѣтилъ Арнольдъ.

Его голова поникла съ внезапнымъ выраженіемъ безнадежности; затѣмъ онъ направился медленнымъ шагомъ къ воротамъ.

Жильбертъ не измѣнилъ позиціи и слѣдовалъ за нимъ взглядомъ, нѣсколько опечаленный. Совершенная простота этого чловѣка, его стремленія къ самымъ возвышеннымъ идеямъ, безупречная чистота его жизни—все возбуждало искренній восторгъ Жильберта. Однако для норманна Арнольдъ Бресціанскій былъ только мечтателемъ, духовидцемъ и безумцемъ. Жильбертъ могъ слушать его нѣкоторое время, но потомъ страшная напряженность мысли и слова брата монаха его утомляли. Въ эту минуту онъ былъ почти доволенъ, что его собесѣдникъ такъ внезапно удалился. Но пока Жильбертъ за нимъ наблюдалъ, онъ увидѣлъ, какъ Арнольдъ остановился, какъ будто онъ что забылъ; онъ обернулся, роаясь въ передней полѣ рясы.

— Я запамятовалъ сообщить вамъ, что меня сюда привело,—сказалъ монахъ, протягивая маленькій свертокъ пергамента, скру-

ченнаго и связаннаго тонкимъ ремешкомъ и шелковымъ шнуркомъ пурпуроваго цвѣта, на которомъ висѣла свинцовая печать:—вамъ есть письмо.

— Письмо!

И Жильбертъ выразилъ довольно естественное удивленіе. Онъ никогда въ жизни не получалъ писемъ, и въ то время лица обыкновеннаго положенія посылали и получали порученія только на словахъ.

— Я отправился къ вамъ на квартиру,—перебилъ монахъ, передавая пергаментъ Жильберту:—думалъ, что, можетъ быть, васъ найду здѣсь, гдѣ мы съ вами уже встрѣчались.

— Благодарю васъ,—сказалъ Жильбертъ, переворачивая свертокъ въ своихъ рукахъ, какъ бы не зная, что съ нимъ дѣлать.—Какъ вы его получили?

— Вчера изъ Франціи пріѣхали посланные съ письмами въ сенатъ и ко мнѣ,—отвѣтилъ Арнольдъ,—они привезли и это письмо. По ихъ словамъ, его вручила имъ сама королева Франціи съ приказаніемъ разыскать адресата, обѣщая за это награду въ случаѣ успѣха. Я обѣщаль имъ вручить письмо вамъ.

Жильбертъ взглянулъ на печать. Тяжелый свинцовый кругъ, сквозь который проходилъ шелковый шнурокъ, былъ такъ же широкъ, какъ кубокъ, и украшенъ девизомъ Аквитаніи, безъ сомнѣнія, герцога Вильгельма, такъ какъ на немъ были изображенія святого Георгія и дракона. Позже Элеонора должна была передать эту эмблему англійскимъ королямъ, сохранившимся до настоящаго времени. Жильбертъ безуспѣшно пробовалъ вытянуть шнурокъ сквозь печать.

— Отрѣжьте ее,—сказалъ монахъ.

Жильбертъ вынулъ свой кинжалъ съ длиннымъ въ поларшина лезвиемъ и широкимъ, какъ три пальца человѣка, у самой рукоятки и острымъ съ обѣихъ сторонъ, какъ бритва, такъ какъ Дунстанъ былъ мастеромъ въ дѣлѣ точенія. Жильбертъ отрѣзалъ шнурокъ, затѣмъ ремешекъ, спряталъ печать въ свой кошелекъ и сталъ разворачивать жесткій листъ до тѣхъ поръ, пока не нашель коротенькую записку въ шесть или восемь строчекъ, не занявшихъ и полъ-страницы и подписанныхъ «Eleonora R.».

Открывъ письмо, онъ увидѣлъ, что его не трудно прочитати. Однако его глазъ встрѣтилъ почти тотчасъ же имя «Беатрисы», которое встрѣтити здѣсь онъ совсѣмъ не ожидалъ. Онъ не могъ ошибиться, и смыслъ сдѣлался для него ясенъ.

«Если до васъ это дойдетъ,—было тамъ написано на недурномъ латинскомъ языкѣ,—привѣтствую васъ! Я желаю, чтобы вы поспѣшили возвратиться въ нашъ парижскій замокъ, потому что вы будете во всякое время желаннымъ гостемъ, въ особенности теперь, и немедленно, такъ какъ при нашемъ дворѣ, среди моихъ при-

дворныхъ дамъ находится благородная дѣвица Беатриса Курбойль. Она въ ожиданіи видѣть васъ, такъ какъ покинула отца и отдала себя подъ мое покровительство. Кромѣ того, аббатъ Бернаръ прологѣдуетъ крестовый походъ въ Шартръ и въ другихъ мѣстахъ и прибудетъ чрезъ нѣкоторое время сюда въ Везелей. Беатриса привѣтствуетъ васъ».

— Не можете ли вы мнѣ сказать, гдѣ отыскать посланныхъ, принесшихъ вамъ пакетъ?—спросилъ Жильбертъ, поднимая глаза, послѣ того какъ разобралъ каждое слово письма.

Но Арнольдъ удалился. Мысль, что человѣкъ, котораго онъ думалъ обратить къ республиканскимъ идеямъ, находится въ перепискѣ съ однимъ изъ государей, противъ которыхъ онъ такъ желчно возставалъ, оскорбляла его, и онъ удалился съ нѣкоторымъ негодованіемъ на молодого человѣка. Увидя, что онъ одинъ, Жильбертъ равнодушно пожалъ плечамя и сталъ прохаживаться взадъ и впередъ, перечитывая письмо по нѣскольку разъ. Оно было очень короткое, но заключало въ себѣ достаточно свѣдѣній, чтобы дать ему трудъ приучить мысль къ положенію, которое не удалось бы выяснить при самомъ глубокомъ размышленіи. Было бы слишкомъ просто предположить, что Элеонора призвала Беатрису къ своему двору съ единственной цѣлью вернуть его въ Парижъ. Жильбертъ воображалъ себѣ самыя сложныя и абсурдныя причины для оправданія письма Элеоноры.

Онъ говорилъ себѣ, что, должно быть, ошибся съ начала до конца, и королева никогда ничего не испытывала къ нему, кромѣ дружбы, но дружбы болѣе глубокой и болѣе искренней, о которой онъ сначала и не думалъ. Онъ испытывалъ неизмѣримую благодарность къ королевѣ за ея страстное желаніе способствовать его счастью. Съ другой стороны она знала такъ же хорошо, какъ и онъ, или какъ онъ это предполагалъ, что церковь не легко согласится на его бракъ съ Беатрисой. Когда же онъ закрывалъ глаза и вспоминалъ сцены, о которыхъ сохранилъ рѣзкое воспоминаніе, то тѣнь, леденившая ему сердце въ Парижѣ, снова возставала между нимъ и лицомъ Элеоноры, и ея поцѣлуи, письмо и намѣренія становились подозрительными. Затѣмъ ему казалось очень страннымъ, что Беатриса покинула домъ отца. Арнольдъ Курбойль всегда ее любилъ, и Жильберту пришла въ голову мысль, что его собственная мать сдѣлала ея жизнь дома нестерпимой.

Позже онъ долженъ былъ это узнать, что причинило ему окончательное и самое горькое испытаніе. Тѣмъ не менѣе онъ не могъ разумно сомнѣваться въ словахъ королевы; очевидно было, что онъ долженъ найти Беатрису при французскомъ дворѣ, и онъ не колеблясь рѣшилъ отправить ее тотчасъ же. Это казалось ему единственнымъ возможнымъ шагомъ, хотя діаметрально противоположнымъ всѣмъ добрымъ рѣшеніямъ, которыя еще недавно порхали, какъ лѣтнія бабочки, въ его мечтаніяхъ.

Черезъ день раннимъ, прекраснымъ весеннимъ утромъ, Жильбертъ и его слуги медленно слѣдовали по пустынной *via lata*, потомъ проѣхали подъ Авреліанской аркой, затѣмъ мимо мрачной могилы Августа, владѣній графа Тускулумскаго и наконецъ по старинной Фламиніевой дорогѣ они вѣхали въ волнистую Кампанію.

## X.

Іюнь разстилался надъ Италію, какъ газовый вуаль и гирлянда на головѣ невѣсты. Душистое сѣно сушилось въ долинахъ Тосканіи, листья смоковницъ покрывали своей тѣнью водянистые плоды, вырастающіе на вьющихся вѣткахъ раньше самихъ листьевъ и которые народъ называетъ «смоковнымъ цвѣтомъ», такъ какъ настоящія фиги появляются позже. Молодые серебристые побѣги оливковаго дерева рассыпали снѣжные цвѣты, состоящіе изъ маленькихъ бѣлыхъ звѣздочекъ; желтый колючій тернъ еще цвѣлъ въ гористой мѣстности, а красивая смѣсь дикихъ цвѣтовъ ослѣпительныхъ оттѣнковъ, похожихъ на румянецъ молодой дѣвушки, расцвѣтала на горячемъ лонѣ земли.

Рано утромъ Жильбертъ ѣхалъ по вершинѣ низкаго холма, покрытаго травою и защищеннаго съ востока отъ солнца высокими горами. Онъ дышалъ свѣжій ароматный воздухъ, какъ будто это была райская вода—чудный напитокъ, возвращающій отъ смерти къ жизни. Онъ чувствовалъ въ своемъ сердцѣ глубокое спокойствіе: съ тѣхъ поръ, какъ онъ не видѣлъ болѣе своего отца, онъ никогда не испытывалъ такого мирнаго настроенія. Онъ не понималъ, какъ это случилось, но былъ увѣренъ, что Беатриса его любитъ и убѣждала къ французскому двору въ надеждѣ найти его тамъ и со дня на день ожидала его пріѣзда. Онъ также былъ убѣжденъ, что церковь не пожелала бы окончательно разлучить его съ Беатрисой. Развѣ не другъ ему королева Франціи? Она похлопочетъ объ его дѣлѣ передъ папой, который пойметъ все, отстранитъ препятствія. Онъ думалъ обо всѣхъ этихъ вопросахъ и чувствовалъ, что всѣ его блестящія надежды, какъ солнце, поднимаются на горизонтѣ.

Достигнувъ конца хребта, Жильбертъ остановился, прежде чѣмъ спуститься, затѣмъ онъ посмотрѣлъ на широкую долину и змѣившуюся между деревьями рѣку, сверкавшую, какъ серебро на солнцѣ, затѣмъ переходившую въ темносиній цвѣтъ, а мѣстами въ черный, какъ чернила. Бѣлая, широкая и пыльная дорога вела во Флоренцію, слѣдуя извилинамъ рѣки. Жильбертъ снялъ шляпу, чтобы чувствовать свѣжесть утра на своемъ челѣ и нѣжное дуновение лѣта на бѣлокурыхъ волосахъ. Сидя на сѣдлѣ въ глубокомъ молчаніи, ему казалось, что онъ находится въ священномъ мѣстѣ Божьяго собора.



— Божій миръ, превосходящій все разумѣнїе,—повторилъ онъ совсѣмъ тихо и почти невольно.

— Теперь, да будетъ миръ Божій со всѣми вами. Аминь,—отвѣтилъ Дунстанъ.

Но въ его голосѣ было нѣчто, заставившее Жильберта повернуть голову; онъ видѣлъ на лицѣ этого человѣка странную улыбку, какъ будто его что-то развеселило, но въ то же время его черные глаза были устремлены на какое-то отдаленное зрѣлище. Дунстанъ указалъ на то, что замѣтилъ, и Жильбертъ тоже сталъ смотрѣть туда. Онъ увидѣлъ отдаленное сверканіе, медленно приближавшееся къ нимъ и блѣвущееся по дорогѣ, которая тянулась вдоль бле-стѣвшей рѣки.

— Приближающіеся люди приготовились сегодня къ сраженію,—сказалъ Жильбертъ, — такъ какъ они всѣ въ кольчугахъ, и ихъ навьюченные мулы идутъ позади.

— Не вернуться ли намъ и не взобраться ли на гору, чтобы дать имъ проѣхать?—спросилъ Дунстанъ, умѣвшій сражаться, какъ дикая кошка, но обладавшій одинако инстинктивной осторожностью этого животнаго.

— Досадно не видать сраженія,—отвѣтилъ Жильбертъ.

И онъ сталъ спускаться.

Тропинка была прорыта въ вышину человѣческаго роста копытами животныхъ, сновавшихъ тамъ вѣками. Мѣстами она была очень узка, и два вьючныхъ мула съ трудомъ могли тамъ встрѣтиться. Молодые побѣги трехъ или четырехлѣтняго каштана поднимались зеленой, плотной массой съ обѣихъ сторонъ тропинки, и, время отъ времени, орѣховыя вѣтви, почти соединяя свои широкіе листья надъ дорогой, образовали глубокую, прохладную сѣнь, пропитанную пріятнымъ запахомъ земли и зелени. У подножья горы свѣтлый ручеекъ стекалъ, капля по каплѣ, въ маленькій водоемъ, вырытый путешественниками. Разлившаяся вода образовала изъ земли и старыхъ сухихъ листьевъ черную, густую грязь.

Жильбертъ далъ лошади остановиться и напиться; его слуги ждали своей очереди.

— Пить!..

Особенный свить, какой испускаютъ итальянцы съ цѣлью привлечь вниманіе, быстро и ясно раздался изъ-подъ низкихъ вѣтвей орѣховаго кустарника.

Жильбертъ быстро повернулъ голову по направленію звука. Показалось смуглое лицо, окаймленное узкимъ кожанымъ шлемомъ, неправильно усѣяннымъ ржавыми желѣзными кружками. Затѣмъ длинная рука, покрытая такого же рода кольчугой, отодвинула въ сторону самую низкія вѣтви и сдѣлала по направленію, откуда ѣхалъ Жильбертъ, жестъ рукою, положенной плоско поперегъ груди съ спрятаннымъ большимъ пальцемъ, только слегка двигая его.

— Зачѣмъ мнѣ возвращаться?— спросилъ Жильбертъ спокойнымъ голосомъ.

— Потому что да, — вполголоса отвѣтилъ челоуѣкъ съ загорѣлымъ лицомъ, на грубомъ итальянскомъ нарѣчїи:— потому что мы, пистойцы, ожидаемъ флорентинцевъ и не хотимъ, чтобы здѣсь были всадники. И затѣмъ... если вы не хотите...

Внезапно появилась правая рука, державшая копье, и одинъ этотъ жестъ угрожалъ проколоть Жильберта насквозь.

Онъ былъ безъ кольчуги и находился, какъ разъ, у ногъ своего противника. Но въ тотъ моментъ, какъ Жильбертъ положилъ руку на свой мечъ, пристально глядя на противника, онъ внезапно увидѣлъ странное зрѣлище. Длинная стрѣла пронизала голову пистойца, и съ минуту онъ продолжалъ смотрѣть на Жильберта широко раскрытыми глазами. Затѣмъ, все еще продолжая стоять, его тѣло стало медленно склоняться къ самому себѣ, какъ будто онъ цѣплялся за себя, и потомъ, бряцая сталью, покатилося изъ чащи кустовъ въ лужу, гдѣ копье сломилось подъ нимъ.

Дѣло въ томъ, что маленькій Альрикъ, саксонскій конюхъ, подозрѣвая грозившую Жильберту опасность, спокойно спустился на землю и направилъ свой лукъ на врага. Глазъ юноши былъ очень вѣренъ, хотя онъ впервые стрѣлялъ въ челоуѣка.

— Прекрасно сдѣлано, мальчикъ! — воскликнулъ Жильбертъ.

Когда трупъ съ шумомъ упалъ, лошадь Альрика попятилась; онъ спокойно ослабилъ натянутый лукъ и вскочилъ на сѣдло, готовясь въ путь.

Тогда Жильбертъ хотѣлъ продолжать путь, но Дунстанъ помѣшалъ ему.

— Этотъ челоуѣкъ былъ лишь часовымъ,— сказалъ онъ.— Немного далѣе вы найдете весь лѣсъ, переполненный вооруженными людьми, поджидавшими всадниковъ, которыхъ мы видѣли тамъ. Навѣрно я умру съ вами; но зачѣмъ умирать, какъ крысъ въ ящикѣ съ хлѣбомъ. Поѣдемте еще немного впередъ, а затѣмъ обогнемъ лѣсъ и выѣдемъ на дорогу въ томъ мѣстѣ, гдѣ она достигаетъ Тибра, внизу, на долину.

— Но мы предупредимъ флорентинцевъ, что они попадутъ въ засаду,—сказалъ Жильбертъ.

Они снова поднялись по склону горы. Только, что они скрылись изъ виду, какъ очень старая женщина и маленькій мальчикъ, одѣтые въ тряпье, и оба вооруженные двумя ножами, принялись срывать съ мертвеца его ржавую кольчугу и бѣдную одежду.

Жильбертъ, достигнувъ дороги, пустил свою лошадь галопомъ навстрѣчу всадникамъ. Онъ вдругъ остановился за двѣнадцать шаговъ передъ ними, поднявъ свою правую руку раскрытой. Рыцари и оруженосцы медленно подвигались, всѣ одѣтые въ кольчуги; нѣкоторые изъ нихъ были въ кафтанахъ съ вышитыми де-

визами и большинство съ обнаженными головами; ихъ стальные шлемы и забрала висѣли на сѣдельной пуговицѣ.

— Сударь,—закричалъ Жильбертъ громкимъ и яснымъ голосомъ:— вы направляетесь въ засаду: каштановый лѣсъ наполненъ пистойцами.

Всадникъ, ѣхавшій впереди, какъ глава надъ всѣми, подѣхалъ совсѣмъ близко къ Жильберту. Это былъ уже не молодой человекъ съ смуглымъ, гладкимъ лицомъ, тонко выточеннымъ, какъ барельефъ на раковинѣ, а его волосы были сѣро-желѣзнаго цвѣта и коротко подстрижены.

Жильбертъ рассказалъ ему, что съ нимъ случилось въ лѣсу. Слушая его, всадникъ молча и съ задумчивымъ видомъ разсматривалъ лицо Жильберта почти съ наглымъ упорствомъ.

— Если вы хотите, я провожу васъ по дорогѣ, гдѣ проѣхалъ самъ,—сказалъ молодой человекъ:—и вы можете вѣхаться въ чащу, откуда будете сражаться съ большой выгодой.

Но флорентинецъ улыбнулся такой простой тактикѣ.

Чтобы испробовать направленіе вѣтра, онъ протянулъ правую руку, высунувъ ее въ отверстіе, сдѣланное у запястья рукава кольчуги, такъ что желѣзная перчатка кольчуги оставалась вислицею. Почувствовавъ, что вѣтеръ дулъ къ лѣсу, онъ подождалъ къ себѣ оруженосца.

— Возьмите десять человекъ, зажгите факелы и подожгите эти молодыя деревца.

Мужчины взяли жаровню, поддерживаемую углемъ весь день во время пути, изъ боязни, чтобы не остаться безъ огня ночью въ лагерѣ. Они зажгли факелы, сдѣланные изъ смоленой пакли. Векорѣ поднялся густой дымъ, и раздался трескъ горящихъ зеленыхъ вѣточекъ. Глава флорентинцевъ надѣлъ стальной шлемъ и надвинулъ забрало. Всѣ, кто былъ съ обнаженными головами, послѣдовали его примѣру.

— Сударь,—сказалъ рыцарь Жильберту:— теперь, когда вы оказали намъ большую услугу, вамъ надо встать позади насъ, такъ какъ скоро здѣсь начнется сраженіе, а на васъ нѣтъ кольчуги.

— Время очень жаркое, чтобы надѣвать желѣзную одежду,—отвѣтилъ смѣясь Жильбертъ, — но если я не наслую рыцарскихъ обычаевъ вашей страны, предлагая вамъ мое общество, я встану съ вашей лѣвой стороны, чтобы вы могли увѣрениѣ наносить удары вашей правой рукой.

— Сударь,—отвѣтилъ глава,---вы слишкомъ любезны. Изъ какой вы страны?

— Я англичанинъ, сударь, и нормандской крови, — отвѣтилъ Жильбертъ.

И онъ сказалъ свое имя.

— Жино Буонъ дель-Монте, къ вашимъ услугамъ, — сказалъ всадникъ, называя себя.

— Нѣтъ, сударь, — отвѣтилъ смѣясь Жильбертъ: — рыцарь не можетъ служить простому оруженосцу.

— Никогда не стыдно для благороднаго человѣка служить другому благородному человѣку, — возразилъ флорентинецъ.

Дымъ изгналъ пистойцевъ изъ лѣса, и оба склона горы, откуда спустился Жильбертъ, были покрыты всадниками въ кольчугахъ и пѣшими слугами, одѣтыми въ кожу, и съ такимъ же бѣднымъ вооруженіемъ, какъ мертвый часовой.

Буонъ дель-Монте вложилъ свои ноги въ широкія стремена, укрѣпился на сѣдлѣ, натянулъ уздечку, все время слѣдя за движеніями непріятеля.

Жильбертъ спокойно наблюдалъ за ними. До сихъ поръ онъ никогда не встрѣчался съ непріателемъ верхомъ, хотя уже сражался пѣшимъ. Онъ улыбался отъ предстоящаго удовольствія, выбирая человѣка, который долженъ пасть отъ его ударовъ. Въ Англіи или во Франціи онъ, разумѣется, надѣлъ бы кольчугу, уложенную на спинѣ вьючнаго мула, но здѣсь, во время мягкой итальянской весны, при утреннемъ вѣтеркѣ, наполненномъ запахомъ дикихъ цвѣтовъ, жужжаніемъ пчелъ и щебетаніемъ птичекъ, сраженіе имѣло видъ безобидной игры. Онъ чувствовалъ себя совершенно въ безопасности, одѣтый въ суконную куртку, какъ будто она была изъ стали.

Положеніе флорентинцевъ было лучшее, такъ какъ въ случаѣ неудачи позади была широкая дорога ихъ страны; пистойцы же, изгнанные изъ лѣса густымъ дымомъ и пожаромъ чащи, вынуждены были взобраться на такой крутой склонъ горы, что многіе изъ нихъ должны были сойти съ лошадей. Такимъ образомъ они оказались скученными въ узкой неровной долинкѣ между дорогою и подножьемъ скалистой горы. Буонъ дель-Монте видѣлъ свое преимущество, онъ поднялъ мечъ надъ головою и своимъ яснымъ голосомъ отдалъ команду, такъ что было слышно каждое слово.

Мгновенно покой природы былъ нарушенъ возгласомъ войны. Галопъ лошадей былъ задержанъ, сверкнули мечи, раздался вой людей, и стрѣлы пронизали густыя облака пыли, внезапно поднявшейся, какъ дымъ отъ взрыва. Во главѣ атаки скакали другъ возлѣ друга итальянецъ и норманнъ, непроницаемые черные глаза и спокойныя черты оливковаго оттѣнка находились рядомъ съ юной, неустрашимой фигурой молодого норманна, съ блѣднымъ, сіяющимъ лицомъ, бѣлокурыми, развѣвающимися по вѣтру волосами, съ большими глубокими синими, какъ сталь, глазами, съ раздувающимися ноздрями человѣка, созданнаго для сраженій.

Борьба была короткая и оживленная, такъ какъ флорентинцы распространялись отъ своего главы направо и налево и загнали непріятеля въ узкую равнину противъ утесистой горы. Буонъ дель-Монте наносилъ удары твердо и увѣренно, согласно итальян-

# КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Ниженоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1903 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 2-й.

## I. Богословіе.

Гусевъ, П. Л. Новгородская икона св. Іоанна (Нѣин), архіепископа, въ дѣяніяхъ и чудесахъ. Съ 40 рис. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Краснонень, М., проф. Иновѣрцы на Руси. Томъ I. Положеніе неправославныхъ христіанъ въ Россіи. Изд. 3-е, испр. и дополн. Юрьевъ. 1903. Ц. 2 р.

Лисицынъ, М., свящ. Церкви и музыка. По поводу новыхъ теченій въ музыкальномъ искусствѣ. Спб. 1902. Ц. 25 к.

Несмѣловъ, В. Наука о человѣкѣ. Томъ II. Метафизика жизни и христіанское откровеніе. Казань. 1903. Ц. 2 р. 50 к.

Панновъ, А. Необходимость обновленія православнаго церковно-приходскаго строя. (Съ проектомъ «приходскаго управленія»). Изд. 2-е, доп. Спб. 1903. Ц. 50 к.

Пахарнаевъ, А. Изслѣдованіе о подлинности изображеній лица и тѣла Христа Спасителя на Туринской плащаницѣ. Спб. 1903. Ц. 40 к.

Соколовъ, А. Невозможность религіи безъ представленія о личномъ Богѣ. Астрахань. 1902. Ц. 35 к.

Филевскій, Іоаннъ, свящ. Ученіе православной церкви о священномъ преданіи. Апологетическое изслѣдованіе. Харьковъ. 1902. Ц. 3 р.

Шилтовъ, А. (проф., д-ръ мед.). Мысли о Богочеловѣкѣ. Съ философской и естественно-научной точекъ зрѣнія. Естественно-научная апологія христіанства. Изд. второе. Харьковъ. Ц. 50 к.

## II. Философія, психологія, логика.

Брандесъ, Георгъ. Натурализмъ въ Англіи. Перев. съ датскаго. Въ 2-хъ частяхъ. Кіевъ. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Лацарусъ, М. Этика юдаизма. Перев. съ нѣм. Одесса. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Паленно, Н. И. Нормативный характеръ права и его отличительные признаки. Къ вопросу о позитивизмѣ въ правѣ. Ярославль. 1902. Ц. 40 к.

Чинскій, Чеславъ. Графологія. Краткое руководство для опредѣленія по почерку

духовнаго міра человѣка, нравственныхъ его качествъ, наклонностей и умственнаго склада. Обработалъ и дополнилъ прѣмънт. къ русскому изданію, Н. Д.-Г. (Краткая энциклопедія тайныхъ наукъ). Спб. 1903. Ц. 50 к.

Шестовъ, Л. Достоевскій и Нитше. (Философія трагедіи). Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Щуцкій, М. М. Общедоступное изложеніе вопросовъ о нравственности. М. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1903 г., т. хсі.

1/26

### III. Ботаника, зоологія, мінералогія и геологія.

Бунге, Г., проф. Учебникъ фізіологій чело-  
вѣка. Томъ I. Органы ощущеній, нервы,  
мышцы, размноженіе, въ 28 лекціяхъ. Спб.  
1903. Ц. 2 р. 50 к.

Бухгольцъ, Ф. В. Матеріалы къ морфоло-  
гій и систематикѣ подземныхъ грибовъ. Съ  
прилож. описанія видовъ, найденныхъ до  
сихъ поръ въ предѣлахъ Россіи. Рига. 1902.  
Ц. 3 р. 50 к.

Van'thoff, I. H. Зависимости между фи-  
зическими и химическими свойствами и со-  
ставомъ. Изъ лекціи по теоретической и  
фізической химіи. Перев. съ нѣм. Спб.  
1903. Ц. 1 р. 20 к.

Ежегодникъ по геологій и мінералогій  
Россіи, издаваемый подъ редакц. Н. Кри-  
штафовича. Томъ V, вып. 8. Новая Але-  
ксандрія. 1902. Ц. 1 р.

Извѣстія Императорскаго С.-Петербург-  
скаго ботаническаго сада. Томъ. III, вып. I.  
Съ 2 рис. въ текстѣ. Спб. 1903. Цѣна  
60 к.

\*Найгородовъ, Дм. Одиннадцатый стѣнной  
календарь Петербургской весны. Спб. 1903.  
Ц. 30 к.

Туркинъ, Н., и Сашунинъ, К. Звѣри Рос-  
сіи. М. 1902. Ц. въ переплетѣ 5 р. 50 к.

### IV. Физика, химія, математика, астрономія и метеорологія.

Земля. Физико-географическіе очерки  
планеты. Перев. съ французск. Одесса.  
1903. Ц. 75 к.

Маракчевъ, Н. Н. Элементарная алгебра.  
Курсъ систематическій, въ 2-хъ томахъ.

Томъ I. Теоріи. Изд. 2-е, испр. и дополн.  
М. 1903. Ц. 6 р.

Пославскій, М. Низшая геодезія. Популя-  
рное руководство къ съемкѣ и нивеллиро-  
вкѣ. Изд. 3-е, дополн. М. 1903. Ц. 2 р. 60 к.

### V. Словесность.

Аниенновъ, Георгій. Выгодный жилецъ.  
Картинка съ натуры въ I дѣйствіи. Спб.  
1903. Ц. 50 к.

Басаргинъ, А. Поезія Н. А. Некрасова. М.  
1902. Ц. 30 к.

Боборынинъ, П. Д. Вѣчный городъ. (Ито-  
ги пережитаго). М. 1903. Ц. 1 р.

Бодлеръ, Шарль. Маленькія поэмы въ про-  
зѣ. Переводъ и вступительная статья «Поэ-  
зія Бодлера» А. Александровича. М. 1902.  
Ц. 80 к.

Брейтманъ, Г. Н. Митька Корявый. Елка для  
мертвыхъ и др. рассказы. Кіевъ. 1903. Ц. 1 р.  
Булгаковский, Д. Г. Близнецы. Романъ въ  
2-хъ частяхъ. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Бутковский, Я. Рѣвнече-Лисъ. Заимствова-  
но изъ поэмы Гете. Спб. 1902. Ц. въ пер.  
1 р. 50 к.

Вирши дѣда Микола (Н. П.). Елисавет-  
градъ. 1901. Ц. 50 к.

Гауптманъ, Г. Вѣдныи Генрихъ. Перев.  
В. П. Лачинова и А. А. Мюссаръ-Викентье-  
ва. Спб. 1903. Ц. 1 р.

— Вѣдныи Генрихъ. Германское сказа-  
ніе, въ 5 дѣйств. Перев. въ прозѣ Э. Мат-  
терна и А. Ворогнникова. М. 1903. Ц. 50 к.  
Гейермансъ, Германъ. Гибель «Надежды».  
Драма въ 4 дѣйств. М. 1902. Ц. 60 к.

Головинъ, К. (К. Орловскій). Полное собра-  
ніе сочиненій. Томъ VIII. Спб. 1903. Ц. 1 р.  
25 к.

Горькій, М. На дѣѣ. Картины. 4 акта. Изд.  
6-е. Спб. 1903. Ц. 60 к.

Грушецкій, А. Саранча. Романъ. Перев.  
съ польскаго. Спб. 1903. Ц. 80 к.

Дарвинъ, Чарльзъ. Путешествіе на кораб-  
лѣ «Бигль». Перев. съ англ. Спб. 1902.  
Ц. 1 р.

Демольдеръ, Э. Сердце больныхъ. Раз-  
сказы. Съ рис. Перев. съ франц. М. 1903.  
Ц. 60 к., въ панкѣ 80 к.

Д'Ивуа, Поль. Докторъ Безыменный. Пе-  
реводъ А. А. Энквиствъ. Съ 106 рис. Спб.  
1902. Ц. 2 р.

Джеромъ, К. Джеромъ. Павель Кельверъ.  
Исторія одного семейства. Перев. съ англ.  
Спб. 1903. Ц. 1 р. 75 к.

Эрастовъ, Г. Искусство чтенія. Практиче-  
скій курсъ логическаго и выразительнаго  
чтенія для преподаванія и изученія. Спб.  
1903. Ц. 1 р.

Ибсенъ, Генрикъ. Росмерсхольмъ. Драма  
въ 4 дѣйств. М. 1902. Ц. 50 к.

Измайловъ, А. А. (Смоленскій). Рыбье сло-  
во. Повѣсти и рассказы. Спб. 1903. Ц. 1 р.

Каранъ д'Ашъ. 60 каррикатуръ. Спб.  
1902. Ц. 20 к.

Нарауловъ, М. Ф. Итоги жизни. Повѣсти  
и рассказы. Спб. 1903. Ц. 75 к.

Киплингъ, Рэдیارдъ. Смѣлые мореплава-  
тели. Повѣсть. Перев. съ англ. Съ 38 ил-  
люстраціями. М. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Конанъ-Дойль. Мемуары Шерлока Холмса,  
извѣстнаго сыщика. Перев. съ англ. Спб.  
1903. Ц. 85 к.

Коробна, Н. Очерки литературныхъ на-  
строеній. Спб. 1903. Ц. 1 р.

\*Кунольникъ, Н. В. Историческія новости.  
Книга VI. Изд. 4-е (Деш. библ. Суворина.  
№ 33). Спб. 1902. Ц. 15 к.

Купринъ, А. Рассказы. Томъ I. Спб. 1903.  
Ц. 1 р.

Лонгфелло. Пѣсни о Гапаватѣ. Роскошно-  
иллюстр. изд. 399 рис. Спб. 1903. Ц. 2 р.

- Лукаковский, В. А. Русские писатели в польской литературѣ. Вып. 1. Гоголь. Спб. 1903. Ц. 40 к.
- Мачетъ, Г. А. На зарѣ. Романъ. 2 томъ. Кіевъ. 1902. Ц. кажд. 75 к.
- Михайловскій, М. Стихотворенія. Казань. 1903. Ц. 20 к.
- Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. Новь и старь. Разказы. Спб. Изд. 3-е. 1902. Ц. 1 р. 50 к.
- У океана. Жизнь на крайнемъ сѣвргѣ. Въ 2-хъ томахъ. Изд. 5-е. Спб. 1903. Ц. 2 р. 50 к.
- Никитинъ, А. «Прощенный Демонъ», поэма и другиі стихотворенія. М. 1903. Ц. 50 к.
- Николюскій, И. Ближайшія задачи изученія древне-русской книжности. Спб. 1902. Ц. 30 к.
- Нитцше, Фр. Происхождение трагедіи. Переводъ съ нѣм. Изд. 2-е. Спб. 1903. Ц. 1 р.
- Опоновъ, З. Русскій орфографическій словарь. Кіевъ. 1903. Ц. 1 р.
- Парвеевнко, М. Пособіе къ изученію исторіи русской словесности. Для старшихъ классовъ средн. учебн. заведеній. Древній періодъ и новыі до Карамзина. Спб. 1903. Ц. 40 к.
- Передтцъ, В. И. Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго. Спб. 1903. Ц. 3 р. 50 к.
- Рома egregium sive de Fausto. Fabula. Книга для немногихъ. Спб. 1902. Ц. 1 р. 20 к.
- Пыпинъ, А. Исторія русской литературы. Томъ IV. Времена императрицы Екатерины II. Деятнадцатый вѣкъ. Пушкинъ и Гоголь. Утвержденіе національнаго значенія литературы. Изд. 2-е, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1903. Ц. за 4 тома 10 р.
- Рафгаловъ, Ф. На скрижаляхъ памяти (съ натуры безъ оглядки). Николаевъ. 1902. Ц. 10 к.
- Религиозно-нравственныя стихотворенія, относящіяся преимущественно къ земной жизни Господа Иисуса Христа. Божіей Матери и Святыхъ. Спб. 1903. Ц. 1 р.
- Розеггеръ, П. Среди народа. Романъ. Перев. съ нѣм. М. Чепинской. Спб. 1903. Ц. 40 к.
- Рынинъ, И. Ледорѣзы. Спб. 1903. Ц. 2 р.
- Сальновъ, В. П. Смерть тещи и кончина жены. Орывокъ изъ дневника Н. Маргеланъ. 1902.
- Превратность судьбы или двѣ смерти. Н. Маргеланъ. 1902. Ц. 20 к.
- Самарская, Д. Л. Тринадцать. (Изъ женскихъ писемъ и драматическихъ этюды). М. 1903. Ц. 75 к.
- Сандръ. Разказы. Спб. 1903. Ц. 1 р.
- Серафимовичъ, А. Разказы. Томъ первый. Спб. 1903. Ц. 1 р.
- Строшевскій, Вацлавъ. Въ сѣтяхъ. Повѣсть. Изд. 2-е. М. 1903. Ц. 80 к.
- Сиповскій, В. Пушкинская юбилейная литература 1899—1900 гг. Критико-библиографическій обзоръ. Спб. 1902. Ц. 2 р. 25 к.
- Слѣпцовъ, В. А. Полное собраніе сочиненій. Изд. 3-е. дополн. Спб. 1903. Ц. 2 р. 25 к.
- Случевскій, К. И. Повѣсти и разказы. Городской голова. Треть. Она случала. Костры. Спб. 1903. Ц. 1 р.
- Соловцовъ, Е. Е. «Куплетистъ». Сборникъ юмористическо-комическихъ куплетовъ и т. д. Изд. 2-е. М. 1902. Ц. 60 к.
- Сочиненія и планы-конспекты на темы по русскому языку (П. Л.). Вып. II. Изд. 2-е, перераб. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.
- \*Суворинъ, А. С. Вопросъ. Комедія. Спб. 1903. Ц. 2 р.
- Телешовъ, И. Разказы. Т. I. Спб. 1903. Ц. 1 р.
- Тиховъ, А. Очерки по греческой литературѣ. Вып. I. Изданіе 2-е. Кіевъ. 1903. Ц. 75 к.
- Тютчевъ, е. ѳ. Бѣглець. Романъ изъ пограничной жизни. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.
- Фаресовъ, А. Въ одиночномъ заключеніи. Второе изданіе. Спб. 1903. Ц. 1 р.
- Федоровъ, А. М. Обыкновенная женщина, пьеса въ 4 дѣйств. Стихія. Старый домъ. Вуреломъ. Спб. 1903. Ц. 2 р.
- Чарская, Л. А. Проблемы любви. Разказы о женскомъ сердцѣ. Спб. 1903. Ц. 1 р.
- Чириковъ, Евгений. Пьесы: На дворѣ во флигель. За славой. Спб. 1903. Ц. 60 к.
- Шиль (полковникъ). Двадцать три года подъ солнцемъ и среди бурь Южной Африки. Вып. I. Съ рис. Ц. 1 р.
- Шнитцлеръ, Артуръ. Полное собраніе сочиненій. Томъ I. М. 1903. Ц. 1 р.
- \*Щегловъ, Ив. Юмористическіе очерки. Въ приятной компаніи. Минеральный анекдотъ. Сонъ холостяка. Порченный. Одолженіе. Нашъ высокодаровитый. Барыня и Шекспиръ. Вурмазей. Предосудительный случай. Гремячая змѣя. Мыльный пузырь. Загадочная личность. Картина съ натуры. Карандашъ. Человѣкъ безъ двадцатаго числа. Изд. 2-е. Спб. 1903. Ц. 1 р.
- Юшневичъ, Семенъ. Разказы. Томъ I. Спб. 1903. Ц. 1.

## VI. Исторія.

- Бантышъ-Каменскій. Д. Исторія Малой Россіи отъ водворенія славянъ въ сей странѣ до уничтоженія гетманства. Изд. 4-е. Кіевъ. 1903. Ц. 2 р. 50 к.
- Безобразовъ, Н. ѳ. За тринадцать лѣтъ 1888—1901. Пенза. 1903. Ц. 1 р. 25 к.
- Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей императорскаго Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго университета за сто лѣтъ его существованія (1802—1902). Томъ I. Юрьевъ. 1902. Ц. 1 р.
- Вайнштейнъ, Софья. Госпожа Сталь, мыслитель переходной эпохи. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.
- Ваховичъ, Б. А. Западно-русская лѣтопись по списку Рузинецкаго музеи. Одесса. 1903. Ц. 75 к.

1/226\*

**Вѣдомости** времени Петра Великаго. Вып. I. 1703—1707 гг. Въ память двухсотлѣтїя первой русской газеты. М. 1903. Ц. 2 р. 50 к.

**Гензель, П.**, проф. Т. Карлейль. Перев. съ нѣм. Спб. 1903. Ц. 75 к.

**Грегоровіусъ, Фердинандъ.** Исторія города Рима въ средніе вѣка (отъ V до XVI столѣтїя). Перев. съ нѣм. Томъ I. Спб. 1903. Ц. 2 р. 50 к.

**Извѣстія** русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. VIII, вып. 1—2. Софія, 1902. Ц. 4 р.

**Каръевъ, Н.** Главныя обобщенія всемірной исторїи. Учебное пособие для средняго образованія. Съ истор. картами. Спб. 1903. Ц. 80 к.

**Мезіеръ, А. В.** На поворотѣ. Алексѣевская и Петровская Русь. Историческая хрестоматія. Съ 55 рис. въ текстѣ. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

**Носковъ, Н. Д.** Завоеватель міра (Александръ Македонскій). Историческій очеркъ. Съ 29-ю рис. въ текстѣ. Спб. 1902. Ц. 1 р.

**Описание рукописей** князя Павла Петровича Вяземскаго. Спб. 1902. Ц. 5 р.

**Отчеты о засяданіяхъ** императорскаго общества любителей древней письменности въ 1900—1901 году. Съ приложениями. Спб. 1902. Ц. 60 к. То же въ 1901—1902 г. Ц. 30 к.

**Павловскій, И. Ф.** Подтава въ началѣ XIX вѣка. Очерки по архивнымъ даннымъ, съ рис. Вып. I. Генералъ-губернаторство князя А. Б. Куракина (1802—1808 г.). Кіевъ. 1902. Ц. 75 к.

**Портреты, гербы и печати** большой государственной книги 1672 г. Изданіе Спб. археологическаго института въ память 25-лѣтїя Спб. археологическаго института. Спб. 1903. Ц. въ переплетѣ 35 р.

**Радзивилловская или Кенигсбергская летопись.** Фотомеханическое воспроизведеніе рукописи, съ прилож. статей о текстѣ и миниатюрахъ рукописи. Спб. 1902. Ц. 40 р.

**Ренанъ, Эрнестъ.** Историческія статьи: Происхожденіе языка. Что такое нація. Участіе семитовъ въ цивилизаціи и др. Переводъ съ франц. Кіевъ. 1902. Ц. 75 к.

— Философскія драмы и статьи. Кіевъ. 1902. Ц. 1 р.

— Рѣчи. Кіевъ. 1902. Ц. 75 к.

**Rostovzew, M.** Tesserae urbis Romae et sub urbi plumbeorum Sulloque Tabulae I—XII. Спб. 1903. Ц. 10 р.

**Рубанинъ, Н.** Значительныя русскіе работницы. Разсказы о русскихъ людяхъ. Симферополь. 1903. Ц. 18 к.

**Сборникъ** въ память князя Павла Петровича Вяземскаго. Спб. 1902. Ц. 1 р.

**Стасовъ, В. В.** Миниатюры нѣкоторыхъ рукописей византийскихъ болгарскихъ, русскихъ, джагатайскихъ и персидскихъ. Спб. 1902. Ц. 10 р.

**Тарасовъ, Н. и Моравскій, С.** Культурно-историческія картины изъ жизни Западной Европы IV—XVIII вѣковъ. Съ 12 иллюстраціями. М. 1903. Ц. 1 к. 25 к.

**Чайковский, М.** Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Вып. 23—25. Томъ III. М. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

**Ячевскій, Дм.** У стѣвъ недвижнаго Китая. Со многими рис. Спб. 1903. Ц. 8 р.

## VII. Географія.

**Гербертсонъ, А. и Ф.** Человѣкъ и его трудъ. Введеніе въ географію человѣка. Перев. съ англ. Съ 97 рис. въ текстѣ. Спб. 1901. Ц. 1 р.

**Павловъ, С.** Вулканы и землетрясенія Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

**Ратцель, Ф.**, проф. Земля и жизнь. Сравнительное землѣдѣніе. Томъ I, вып. 1-й. Спб. 1903. Ц. 50 к.

## VIII. Сельское хозяйство.

**Арцыбашевъ, Д. Д.** Сельско-хозяйственныя машины и орудія. Пособіе при выборѣ и уходѣ за сельско-хозяйственными машинами и орудіями. Съ 663 рис. Спб. 1903. Ц. 2 р. 50 к.

**Въ помощь хозяйнамъ.** Рецепты разныхъ блюдъ и заготовокъ. Изд. 2-е, дополн. Кіевъ. 1903. Ц. 2 р.

**Эбергардтъ, Г.** Краткія наставленія къ культурѣ въ комнатахъ декоративныхъ пальмовыхъ растений, луковницъ и розъ. Харьковъ. 1902. Ц. 30 к.

**Эйсвейнъ, С. I.**, д-ръ. Руководство къ кормленію и уходу за рогатымъ скотомъ. Изд. 2-е. Перев. съ нѣм. Спб. 1903. Ц. 40 к.

**Крижталовичъ, Н.** Соля, необходимая ежедневная прибавка къ корму скота. Новгородъ. 1902. Ц. 6 к.

**Лигицкій, Э. Н.** Наша сельско-хозяйственная техника. Сохраненіе и прирѣненіе скотскаго навоза. Кіевъ. 1902. Ц. 35 к.

**Мокреницкій, С. А.** Яблочная плодозорка. Естественная исторія плодозорки, значеніе ея.

**Налимовъ, Б. П.** Бесѣды по вопросамъ гигиены въ плодовомъ саду. Изъ замѣтокъ по поѣздкѣ въ заграничныя «Станціи для защиты растений». Астрахань. 1903. Ц. 85 к.

**Нейштубе, С. Т.** Животноводство. Книга I. Разведеніе и выращиваніе молодняка—телятъ на племя и на мясо. Съ 5 рис. въ текстѣ. Спб. 1903. Ц. 50 к.

**Промышленность и техника.** Энциклопедія промышленныхъ знаний. Томъ IV, вып. I. Сельское хозяйство и обработка важнѣйшихъ его продуктовъ. Спб. 1903. Ц. 50 к.



## IX. Технологія.

- Акимовъ, Б. Н.** Желѣзо бетонныя конструкции, ихъ расчетъ и примѣненія. Съ 85 рис. въ текстѣ. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.
- Ануловъ, К. А.** Матеріалы для проектированія французскихъ водоподъемныхъ плотинъ системъ Поаре, Шаноана и Дефовтена. Съ рис. въ текстѣ. Кіевъ. 1902. Ц. 2 р.
- Буслей, Карлъ.** Судовые водотрубные котлы. Перев. и дополн. Д. Годовъ. Изд. 2-е, просм. и допол. Съ 350 рис. въ текстѣ. Спб. 1903. Ц. 2 р. 20 к.
- Гамовъ, К.** Гидро-техническія изысканія Липецкихъ минеральн. водъ. Харьковъ. 1902. Ц. 90 к.
- Гельферъ, А.** Защита мостовыхъ быковъ отъ подмына. Настольная книжка гт. начальникамъ желѣзнодорожныхъ и шоссеиныхъ дистанцій и участковъ. Съ 33 черт. въ текстѣ. Спб. 1903. Ц. 70 к.
- Георгиевичъ (фонъ), Георгъ.** Химія красокъ. Перев. съ нѣм. подъ редакц. В. В. Шарвина. М. 1903. Ц. 2 р. 75 к.
- Дрейеръ, Л., инж.** Проектированіе динамо-машинъ постоянного тока малой и средней мощности. Часть I.—Расчетъ. М. 1903. Ц. 1 р.
- Эвальдъ, В.** Стрелочные матеріалы. Съ 119 рис. Изд. 3-е. Спб. 1903. Ц. 1 р. 85 к.
- Кирпичевъ, В. Л.** Линіи неизвѣстныхъ въ строительной механикѣ. Расчетъ статистически-неопредѣлимыхъ системъ. Съ атласомъ чертежей. Кіевъ. 1903. Ц. 1 р. 50 к.
- Кристофъ, Поль.** Желѣзо-бетонъ и его примѣненія. Перев. съ франц. изд. подъ редакц. Г. П. Передерія. М. 1903. Ц. 8 р.
- Матушневичъ, Л. И.** Правила и программы испытаній по строительной части и права техниковъ разныхъ вѣдомствъ. Спб. 1903. Ц. 1 р.
- Настольная книга для архитекторовъ на 1903 г.** Спб. 1902. Ц. 80 к.
- О'Руркъ, графъ.** Таблицы для разбивки желѣзнодорожныхъ кривыхъ (по дугъ круга). Сост. по Hecht, Jaquet, Chauvac de la Place, Sauvracin и др. Спб. 1903. Ц. въ пер. 3 р. 50 к.
- Правила и постановленія для постройки и классификаціи стальныхъ судовъ.** Отъ 1-го июля 1901 г. до 30-го июня 1902 г. Съ исправленіями по 30-е июня 1903 г. и добавленіемъ чертежей Рида типовъ пароходовъ. Спб. 1902. Ц. 3 р.
- Ребберъ, В.** Ученіе о сопротивленіи матеріаловъ и его примѣненіи къ машиностроенію. Пер. съ нѣмецк. Съ 322 рис. въ текстѣ. Спб. 1903. Ц. 6 р.
- Страховъ, П. С.** Простой способъ нагляднаго изображенія сложныхъ строительныхъ деталей. Съ 19 чертежами. М. 1903 г. Ц. 20 к.
- Федоровъ, П. А.** Производство ваксы, сапожной и колесной мази, лака для кожи и т. п. Спб. 1903. Ц. 25 к.
- Фестеръ, М., проф.** Металлическія строппы. Руководство для инженеровъ, архитекторовъ и студентовъ. Перев. съ нѣм. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

## X. Правовѣдѣніе.

- Абаевъ, М. Н.** Новый уставъ о векселяхъ. Спб. 1903.
- Адлеръ, Г., проф.** О безработицѣ. Спб. 1902. Ц. 60 к.
- Анофриевъ, В. И.** Основные вопросы дѣятельности потребительныхъ обществъ. М. 1902. Ц. 40 к.
- Арнольднн, А. К.** Иссл. Опытъ практическаго руководства къ устройству дѣтскихъ исслей. Спб. 1902. Ц. 50 к.
- Ахелисъ, проф.** Соціологія. Перев. съ нѣм. Кіевъ. 1902. Ц. въ пер. 50 к.
- Ашикъ, В. А.** Сборникъ распорихеній, относящихся до агентоъ казенныхъ жел. дорогъ по 31-е декабря 1902 г. Вып. I. Спб. 1903. Ц. 3 р.
- Баръ, Ф.** Главныя причины упадка и задолженности крупнаго и средняго землевладѣнія, крестьянскихъ общинныхъ хозяйствъ въ Россіи и мѣры къ коренному преобразованію. Спб. 1903. Ц. 50 к.
- Безобразова, П. В.** О среднемъ и высшемъ образованіи. М. 1903. Ц. 40 к.
- Бартаньяцъ, В. Гл.** Успенскій и Н. В. Гоголь и ихъ отношеніе къ крѣпостному строю. Критическій этюдъ. Тифлисъ. 1902. Ц. 20 к.
- Всеобщее образованіе въ Россіи.** Сборникъ статей: Л. Н. Влинова, Н. П. Богольцова, Н. Ф. Бунакова, Н. М. Вычкова и друг. Вып. I. М. 1902. Ц. 1 р.
- Георгиевскій, П. И.** Краткій учебникъ политической экономіи. Изд. 2-е, испр. и дополн. Спб. 1903. Ц. 1 р.
- Голллевскій, В. I.** Какъ использовать излишекъ сахара и сахарной свекловицы, чтобы ослабить невыгоды перепроизводства сахара въ Россіи. Кіевъ. 1902. Ц. 45 к.
- Движеніе грузовъ на Владивостокскомъ рейдѣ съ 1890 по 1899 г.** включительно. Владивостокъ. 1900. Ц. 1 р.
- Энспортъ, Уильямъ Джонъ Ло.** Перев. съ англійскаго П. И. Люблинскаго. Подъ ред. съ введеніемъ и примѣчаніями проф. Трачевскаго. Спб. 1903. Ц. 1 р. 25 к.
- Истоминъ, В.** Очередные вопросы въ царствѣ Польскомъ. Спб. 1902. Ц. 50 к.
- Колеръ, I., проф.** Введеніе въ науку права. Краткій курсъ правовѣденія. Перев. съ нѣм. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.
- Корнуновъ, Н. М.** Исторія философіи права. Пособіе къ лекціямъ. Изд. 3-е. Спб. 1903. Ц. 2 р.

**Лебединскій, Д.** Формы и образцы къ новому вексельному уставу, высоч. утвержденному 27-го мая 1902 года. Свенцьяны. 1903. Ц. 2 р. 25 к.

**Манарій, еписк. томекій и барнаульскій.** Образование, права и обязанности женщины. Спб. 1903. Ц. 10 к.

**Мичуринъ, Ф.** Практическое руководство при оплатѣ гербовымъ сборомъ бумагъ, актовъ и документовъ по торговымъ сдѣлкамъ о куплѣ - продажѣ. М. 1903. Ц. 70 к.

**Мишель, Анри.** Идея государства. Критическій очеркъ истории социальныхъ и политическихъ теорій во Франціи со времени революціи. Перев. съ франц. Спб. 1903. Ц. 2 р. 50 к.

**Новомбергскій, Н.** По Сибири. Сборникъ статей по крестьянскому праву, народному образованию, экономикѣ и сельскому. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

**О бракахъ офицеровъ.** Дѣйствующія статьи кн. VII Св. В. П. 1869 г. съ послѣдн. дополненіями, объявленными въ приказахъ по военн. вѣд. и цирку. Гл. Штаба. Сост. И. Д. К. Спб. 1903. Ц. 30 к.

**Образцы и формы векселей, обязательствъ, договоровъ, завѣщаній и разныхъ судопроизводственныхъ бумагъ.** Изд. 4-е, испр. и дополн. Рига. 1903. Ц. 80 к.

**Общій таможенный тарифъ по европейской торговлѣ высочайше утвержденный 13-го января 1903 года.** Спб. 1903. Ц. 50 к.

**Панитновъ, К.** Къ аграрному вопросу. Законъ убывающаго плодородія почвы и его значеніе въ политической экономіи. (По поводу книги Булгакова «Капитализмъ и земледѣліе»). М. 1903. Ц. 75 к.

**Практическое руководство къ примѣненію новаго гербового устава 1900 года со всеми послѣдовавшими дополненіями и измѣненіями.** Алфавитный перечень бумагъ и документовъ, подлежащихъ гербовому сбору и изъятыхъ отъ него. М. 1903. Ц. 75 к.

**Приневальскій, Р.** Долой отжившіе девизы! (Мысли поляка-славянофила). Вѣна. 1902. Ц. 25 к.

**Савичъ, Г.** Сборникъ законовъ объ устройствѣ крестьянъ и инородцевъ Сибири и Степного края. По новому 1902 года изданію. Спб. 1903. Ц. 4 р. 50 к.

**Скобельцынъ, В. П.** Защита матери и ребенка. Тула. 1902. Ц. 25 к.

**Словарь юридическихъ и государственныхъ наукъ** подъ редакціей А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филипова. Томъ I. Вып. V-й. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

**Теряновъ, И.** Рынки найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ на Югѣ Россіи въ санитарномъ отношеніи и врачѣбно-продовольственные пункты В. Г. Врачебно-продовольственные пункты для пришлыхъ рабочихъ въ Херсонской, Екзтеринославской, Самарской, Симбирской и другихъ губерніяхъ. Спб. 1902. Ц. 50 к.

## XI. Медицина.

**Азанчевскій, В.** Опытъ рѣшенія проблемы о произвольномъ вліяніи на полъ потомства. Практ. синтезъ эволюціонной и эпигенетической теорій образования пола и эмбриона. Популяри. излож. новой гипотезы. Спб. 1903. Ц. 50 к.

**Брейтманъ, М. Я., д-ръ-мед.** О клинической картинѣ дѣтскаго головномозгового паралича. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

**Клинге, А. Г.** сборникъ избранныхъ прописей (рецептовъ) по фармацевтическимъ и техническимъ производкамъ. Изд. 3-е, дополн. Вып. I, Спб. 1903. Ц. 70 к.

— **Новыя и новѣйшія лѣкарственные средства въ алфавитномъ порядкѣ, ихъ химическія и физическія свойства и терапевтическое примѣненіе.** Справочная книга для фармацевтовъ, врачей, дрогистовъ и др. Изд. 3-е, дополн. и испр. Спб. 1903. Ц. 1 р. 80 к.

**Ковалевскій, П. И.** Половое безсиліе и другія половыя извращенія и ихъ лѣченіе. Спб. 1903. Ц. 2 р.

**Кондратьевъ, А. И., д-ръ.** Краткій курсъ военной гигиены со включеніемъ правилъ подачи первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ и на полѣ сраженія. Спб. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

**Кравновъ, Н. П., проф.** Современные проблемы фармакологіи и матеріализмъ. Спб. 1903. Ц. 50 к.

**Срогер, dr.** Терапія университетскихъ берлинскихъ клиникъ. Спб. 1903. Ц. 3 р.

**Лейденъ, фонъ, Э., д-ръ.** Какъ предохранить себя отъ чахотки. Перев. съ нѣм. Одесса. 1903. Ц. 15 к.

**Литинскій, Г. А.** «Бодѣзнь вѣка» — неврастенія. Спб. 1903. Ц. 30 к.

— **Малокровіе и блѣдная немочь.** Спб. 1903. Ц. 25 к.

— **Современная «чума» — чахотка.** Спб. 1903. Ц. 40 к.

**Павловская, Р.** Первая международная конференція для борьбы съ бугорчаткой. Спб. 1903. Ц. 25 к.

**Rabow, S. prof.** Способы прописыванія лѣкарственныхъ веществъ для врачей и студентовъ. Переводъ съ 32-го нѣмецкаго изданія съ прибавленіями д-ра А. С. Арнавакаго. Харьковъ. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

**Сегенъ, Э.** Воспитаніе, гигиена и нравственное лѣченіе умственно-неврологическихъ дѣтей. Перев. съ фр. М. П. Лебедевой, подъ ред. В. А. Енько. Спб. 1903. Ц. 2 р.

**Троицкій, И.** Клиническое значеніе діазореакціи въ связи съ бактериологическими изслѣдованіями. Съ 5 хроматографированными таблелями. (Труды факультетской терапевтической клиники Императорскаго Казанскаго университета подъ ред. пр. С. В. Левашова. Вып. II). Казань. 1900. Ц. 50 к.

## ХII. Военное и морское дѣло.

Гейсманъ, п. А. Генеральный штабъ. Кр. истор. очеркъ его возникновенія и развитія. Часть I. Генеральный штабъ до Наполеона I. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

## ХIII. Искусство.

Легать, н. и с. бр. Русскій балетъ въ карикатурахъ. Вып. II. Спб. 1902. Ц. по поди. на все сочин. 25 р.  
 Маауринъ, м. Методологін пѣнія. Томъ II. Основы старо-итальянской школы пѣнія. Руководство для учителей и пособие для учащихся. Преподаваніе. Вып. I. М. 1903. Ц. 1 р. 50 к.  
 Шлезингеръ, ст. Ученіе объ ударѣ. (Піанистъ-методологъ). Вып. 5-й. Спб. 1903. Ц. 40 к.

## ХIV. Воспитаніе и обученіе. Дѣтскія книги.

Григорьевъ, н. г. Сотрудникъ гимназиста. Пособіе при изученіи русской словесности во всѣхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Сбчненія и планы литературнаго характера, разборы литературныхъ образцовъ, для письменныхъ и устныхъ отвѣтовъ. Спб. 1903. Ц. 1 р.  
 Соловьевъ-Несмѣловъ, н. Незамѣтные люди. Очерки и рассказы. Спб. 1903. Ц. 1 р.  
 — Среди людей. Очерки и рассказы. Съ портретомъ Н. А. Соловьева-Несмѣлова и его біографіей. Спб. 1903. Ц. 1 р.  
 Стоюнинъ, в. я. Педагогическія сочиненія. Изд. 2-е. Спб. 1903. Ц. 2 р. 75 к.  
 Фелдоровъ, п. Дѣтская гимнастика и школа плаванія. Практ. руководство для родителей, учителей и самихъ учащихся. Съ 30 рис. Спб. 1903. Ц. 30 к.  
 Морецкій, н. Дѣтскій домашній театръ. 25 пьесъ для дѣтскихъ домашнихъ спектаклей. Томъ II. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

## ХV. Справочный отдѣлъ.

Весь Міевъ—адресная и справочная книга на 1903 годъ. Кіевъ. 1903. Ц. 1 р.  
 Гуляевъ, а. Инструкціи для организаціи и веденія счетоводства въ большихъ предпріятіяхъ. Пособіе для лицъ, изучающихъ счетоводство. М. 1903.  
 Энциклопедическій словарь Бронгауза и Ефрона—подутомъ 73. Хакимъ—Ходоровъ. Спб. 1902. Ц. въ пер. 3 р.  
 Календарь «Синяго Креста» на 1903 годъ. Спб. 1902. Ц. 1 р.  
 Народный университетъ. Собраніе общедоступныхъ статей, лекцій и руководствъ для самообразованія. Силы природы и польованіе ими. Спб. 1902. Ц. 1 р.  
 Путеводитель по окрестностямъ С.-Петербурга. Образовательныя дѣтскія прогулки. Спб. 1902. Ц. въ папкѣ 75 к.  
 Русскій астрономическій календарь на 1903 г. Нижегородскаго кружка любителей физики и астрономіи. Н.-Новгородъ. 1902. Ц. 50 к.  
 Уральскій торгово-промышленный адресъ-календарь на 1903. Пермь. 1903. Ц. 1 р.  
 Шкабельниковъ, г., и Петровъ, п. Знаки благотворительныхъ обществъ. Съ рисунками. Спб. 1903. Ц. 1 р.  
 \*) Изданія А. С. Суворина.

Дозволено цензурою 24 февраля 1903 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 13.



**НОВОЕ ИЗДАНИЕ  
КАРТОГРАФИЧЕСКАГО ЗАВЕДЕНІЯ  
А. ИЛЬИНА:**

**Второй рядъ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ**

Подъ ред. съ научн. введен. и примѣч. проф. А. Трачевскаго, куда войдутъ также истор. пов., разск., зап., воспом., драмы. Эти романы состав. 12 кн., кот. будутъ выход. ежемѣс., въ теч. 1903 г. Цѣна за 12 кн. по подпискѣ 10 р., съ перес. 12 р. 60 к. Перепл. съ кн. по 40 к. Допуск. разсрочка. Въ отд. прод. цѣна кажд. кн.— 1 р. 25 к. Вышли изъ печати: Д. Л. Мордовцева въ 2-хъ ч. (2 кн.).

**„ВЕЛЬМОЖНАЯ ПАННА“.**

Уильямъ Энсвортъ: „ДЖОНЪ-ЛО“.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

**АУЭРБАХЪ: СПИНОЗА.**

Новые подписч. могутъ получ. первый рядъ Истор. ром. (11 кн.) по подписн. цѣна за 10 р., съ перес. 11 р. 25 к.

Маркъ Твенъ: „Жанна Д'Аркъ“.	Шперль: „Сыновья Вудивоя“.
Бальзакъ: „Темное Дѣло“.	Мор. Юлетъ: „Ричардъ Львиное Сердце“.
Энсвортъ: „Уатъ Тайлеръ“.	Абелиръ: „Исторія моихъ бѣдствій“.
Жоржъ Зандъ: „Янъ Жижка“.	Шпиддлеръ: „Царь Сіона“.
Эженъ Сю: „Жанъ Кавалье“.	
Готье: „Завоеваніе Рая“.	
Крауфордъ: „Донъ-Жуанъ“.	

Въ отд. прод. цѣна книжки 1 р. 25 к., за исключ. „Янъ Жижка“ 75 к. и „Исторія моихъ бѣдствій“ 50 к.

Подписка принимается въ Картографич. завед. А. Ильина, Спб., Пяржа, 5, Екатерининская, 3, Москва, Петровскій лин., 17 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ТАМЪ ЖЕ:

вышла изъ печати и поступила въ продажу изъ ряда историко-соціологическихъ книжекъ:

**Софіи Вайнштейнъ: „ГОСПОЖА СТАЛЬ“,  
МЫСЛИТЕЛЬ ПЕРЕХОДНОЙ ЭПОХИ.**

Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к., съ наложени. платежомъ 1 р. 60 к. Книгопрод. обычн. уступка.

Желающимъ ознакомиться болѣе подробно съ изданіемъ вышлагаются проспекты безплатно.

Желающимъ ознакомиться болѣе подробно съ изданіемъ вышлагаются проспекты безплатно.



# ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

## „ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.



Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.



ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

